

Российское Философское Общество

Восьмой Российский Философский Конгресс

«Философия в полицентричном мире»

Сборник научных статей

Главный редактор - академик РАН Смирнов Андрей Вадимович
Научный редактор - доктор философских наук Антоновский А.Ю.

Редсовет:

Смирнов А.В. (ИФ РАН); Гусейнов А.А. (ИФ РАН); Лекторский В.А. (ИФ РАН); Миронов В.В. (МГУ)

Антоновский А.Ю. (ИФ РАН); Бельский В.Ю. (Ун-т МВД); Бернюкевич Т.В. (МГСУ); Вархотов А.Ю. (МГУ); Диев В.С. (НГУ); Докучаев И.И. (РГГУ им. А.И. Герцена); Дудник С.И. (СПбГУ); Кирабаев Н.С. (РУДН); Козырев Т.А. (МГУ); Колотуша В.В.; Марков Б.В. (СПбГУ); Покровская Т.П. (МГУ); Пружинин Б.И. (ИФ РАН); Резник Ю.М. (ИФ РАН); Синеокая Ю.В. (ИФ РАН); Чубаров И.М. (ТюмГУ); Шевченко В.Н. (ИФ РАН).

Редколлегия:

Вострикова Е.В. (к.филос.н), Гавриленко С.М., (к.филос.н.) Тухватулина Л.А., (к.филос.н.), Куслий П.С. (с.н.с., к.филос.н.), Соколова Т.Д. (к.филос.н.), Погожина Н.Н. (к.филос.н.), Цуркан Е.Г. (к.филос.н.),
Ответственный секретарь Новожилов М.А.

Оргкомитет Конгресса:

Председатель Оргкомитета:

Садовничий В.А. — Академик РАН, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова

Сопредседатели Оргкомитета:

Смирнов А.В. — Академик РАН, директор Института философии РАН, Президент Российского философского общества (далее – РФО)

Миронов В.В. — Член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент РФО

Заместители сопредседателей Оргкомитета:

Резник Ю.М. — Главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор, вице-президент РФО

Козырев А.П. — Доцент, и.о. декана философского факультета МГУ

Антоновский А.Ю. — Ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Вархотов Т.А. — Доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ученый секретарь Оргкомитета:

Королев А.Д. — Старший научный сотрудник ИФ РАН, главный ученый секретарь РФО

Программный комитет Конгресса:

Председатель Программного комитета:

Гусейнов А.А. — Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН

Сопредседатели Программного комитета:

Лекторский В.А. — Академик РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН;

Кирабаев Н.С. — Профессор, проректор по научной работе Российского Университета Дружбы Народов

Заместители сопредседателей Программного комитета:

Диев В.С. — Профессор, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета;

Дудник С.И. — Профессор, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Рабош В.А. — Профессор, проректор РПГУ имени А.И. Герцена,

Синеокая Ю.В. — член-корреспондент РАН

Щелкунов М.Д. — Профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникации

Казанского (Приволжского) федерального университета

Секретарь Программного комитета — Чижков Н.С., Институт философии РАН, м. н. с. (info@rpcongress.ru)

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире» -

Секции ^(II)

(Сборник научных статей)

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».

Секции (II). Сборник научных статей

М.: РФО - ИФРАН - МГУ.

Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – 1378 стр. ^{1385-2762}

Аннотация:

Сборник включает научные статьи, представленные на Восьмом Российском Философском Конгрессе, организованный Российским Философским Обществом при участии философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова и Института философии Российской академии наук.

Историческая миссия философа связана со способностью к универсальному обобщающему высказыванию. Эта компетенция, придающая философии статус универсального медиатора, способного говорить на одном языке в равной мере с экспертами и с неспециалистами, обязывает философское сообщество к выполнению особой просвещенческой и мировоззренческой миссии.

Со времен эпохи Просвещения, возведшей знание и образование в ранг вечных общечеловеческих ценностей и, одновременно отождествившей их с конкретным цивилизационным проектом, европейской наукой и европейской системой образования, мир сильно изменился. Мы живем в эпоху растущей культурной сложности, выражающейся в утрате Европейским культурным проектом безоговорочного лидерства и фрагментации всех социальных полей, включая и традиционное для философа поле интеллектуальной культуры. Мир становится сложнее, утрачивая простоту и однозначность эпистемических критериев и ценностных ориентиров, но обогащаясь новыми центрами и растущим многообразием дискурсивных практик.

В условиях полицентричного мира возможность универсального обобщающего высказывания, на первый взгляд, оказывается под вопросом. Однако фрагментированное социальное пространство и растущее многообразие дискурсивных практик не снимают вопрос о поиске универсалий, а лишь повышают его значимость. В условиях полицентричного мира философия должна стать универсальным медиатором, способным строить мосты и способствовать трансферу знаний и ценностей между различными центрами и связанными с ними культурами.

*Печатается по решению Президиума Российского Философского Общества
Все материалы прошли рецензирование и отбор*

Секции:

«Философская онтология»	
«Теория познания»	
«Логика»	
«Этика»	
«Эстетика»	
«История античной и средневековой философия»	
«История западной философия»	
«Восточные философии»	
«История русской философии»	
«Сравнительная философия»	
«Философия и методология науки»	
«Социальная философия»	
«Философия истории»	
- «Философия политики и права»	- 1391
- «Философская антропология»	- 1535
- «Философия культуры»	- 1641
- «Философия религии и религиоведение»	- 1831
- «Философия техники»	- 1957
- «Философия естествознания»	- 2049
- «Философия социально-гуманитарных наук»	- 2159
- «Философские проблемы сознания и искусственного интеллекта»	- 2235
- «Философия языка, коммуникаций и медиа»	- 2293
- «Философия образования»	- 2395
- «Философии творчества»	- 2517
- «Философия управления и принятия решений»	- 2639

<Содержание - 2727-2760>

Основные проблемы развития российского государства в политической философии

М.О. Меньшикова

Александров А.А.

Тверской государственный университет, аспирант

andrey6908.93@mail.ru

Козлова Н.Н.

Тверской государственный университет, заведующая кафедрой политологии. Доктор политических наук

Kozlova.NN@tversu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются политические идеи российского мыслителя конца XIX – начала XX века Михаила Осиповича Меньшикова. Авторы акцентировали внимание на актуальных проблемах развития российского государства, которые выделял Меньшиков. Среди данных проблем наиболее значимыми являются кризисное состояние российской государственности, бюрократизм и коррупция, «слабость власти», представленность в государственном аппарате инородцев. Авторы статьи полагают, что понимание мыслителем сущности политической повестки и способы проблем, позволяют отнести его творчество одновременно к либеральному и консерватизму спектру. Конституционная монархия, парламентаризм, создание каналов коммуникации власти и народа, борьба с коррупцией и бюрократизмом, с одной стороны, и позитивная дискриминация нерусского населения, силовые способы решения проблем, с другой стороны, – такова позиция мыслителя

Ключевые слова: государство, бюрократизм, консерватизм, парламентаризм, народ, мобилизация, «сильная власть».

The Main Problems of the Development of the Russian State in the Political Philosophy of M.O. Menshikov.

Alexandrov A.A.; Kozlova N.N.

Tver State University

Abstract: The article discusses the political ideas of the Russian thinker of the late XIX - early XX centuries Mikhail Osipovich Menshikov. The authors focused on the urgent problems of the development of the Russian state, which Menshikov singled out. Among these problems, the most significant are the crisis state of Russian statehood, bureaucracy and corruption, “weakness of power”, and the presence of foreigners in the state apparatus. The authors of the article believe that the understanding by the thinker of the essence of the political agenda and the methods of problems allow him to attribute his work to the liberal and conservatism spectrum at the same time. The constitutional monarchy, parliamentarism, the creation of channels of communication between the government and the people, the fight against corruption and bureaucracy, on the one hand, and the positive discrimination of the non-Russian population, power methods of solving problems, on the other hand, is the position of the thinker.

Keywords: the state, bureaucracy, conservatism, parliamentarism, people, mobilization, “strong power”.

Актуальность изучения политических идей Михаила Осиповича Меньшикова обусловлена «консервативным поворотом» в политической повестке современной России начала XXI века. В настоящий момент многие проблемы российской национальной политики, на которых фокусировался мыслитель, остаются острыми, неразрешенными. В условиях экономического кризиса и мощных потоков миграции в современной России фиксируется отрицательное сальдо демографического баланса россиян, что при глобальном демографическом росте порождает угрозы национальной безопасности страны. Стремление остаться ключевым игроком в международной политике требует от страны проведения адекватной внутренней политики, которая должна опираться на теоретический фундамент

российских мыслителей. Наиболее востребованными в современной политической мысли являются выработанные Меньшиковым способы и направления мобилизации наций, укрепления национального государства, борьба с бюрократизмом, развитие парламентских начал, усиление кадрового потенциала российского правящего класса.

В современной отечественной литературе происходит переосмысление как отдельно взятых идей Меньшикова, так и методологической и концептуальной основы его мировоззрения. Большинство современных исследователей солидарны в том, что «Михаил Осипович Меньшиков – одна из значимых фигур в отечественной общественной жизни конца XIX – начала XX веков» [1, с. 65–68]. Меньшикова относят как к лагерю консерваторов [2; 3, с. 20; 4], так и к лагерю либералов [5, с. 114]. Ряд исследователей квалифицирует его взгляды как народнические [6; 7, с. 13]. Нам близка позиция С.М. Саньковой, которая заключается в том, что Меньшиков придерживался либерально-консервативных взглядов и разделял идеи Л.Н. Толстого [8].

Такие разные оценки не случайно возникали при анализе творчества Меньшикова, поскольку эклектика идей была присуща мыслителю. На наш взгляд, своеобразие идейно-политического наследия Меньшикова определяется синтезом консервативных и либеральных установок, с одной стороны, крайний национализм и культ сильной государственной власти, с другой, вера в эффективность представительных органов, жесткая критика бюрократии. Ядром общественно-политической концепции Меньшикова является идея национальной государственности, в которой воплощается дух русского народа. Основное направление внутренней и внешней политики государства состоит в мобилизации русской нации. Способами мобилизации выступают позитивная дискриминация представителей нерусского населения, формирование национальной элиты, укрепление системы образования на основе традиционных ценностей, реформирование принципов избирательной системы в представительные органы власти.

Феномен бюрократии Меньшиков рассматривал многоаспектно. Качественные характеристики бюрократии, данные мыслителем, отражают его негативное отношение к данному явлению. Разрастание бюрократии, согласно Меньшикову, предопределило политическое развитие российского общества, придавая ему регрессивную направленность. Критика мыслителя бюрократии является вполне оправданной, когда он указывает на ослабление власти вследствие бюрократизации госаппарата, безжизненный, нетворческий, «канцелярско-полицейским» способ управления бюрократией общества, пренебрежение к объекту управления – народу, формирование особой, негуманной культуры бюрократии [9]. Инфильтрация на государственные должности инородческого элемента стимулировала Меньшикова разработать свою националистическую теорию, основанную на идее исключения иностранцев из бюрократического класса [10]. Противовесом бюрократии Меньшиков считал сильную власть самодержца, парламента, а идеалом – возвращение к идеалам допетровской Руси.

Меньшиков, рассуждая о функционировании политических институтов в России, особое внимание уделяет вопросам их эффективности. Слабая власть, по мнению автора, стала причиной главных проблем Российской империи начала XX века: низкий уровень доходов населения; высокий уровень коррупции; снижение уровня обороноспособности страны; проявление террора и самоуправства. Укреплению силы власти Михаил Меньшиков в 1906 году посвящает отдельное произведение под названием «Подъем власти». В рамках данного произведения автор напрямую обращается к Столыпину с рядом программных мер, в рамках которого можно определить критерии «сильной власти» [11].

В первую очередь, по мнению Меньшикова «сильная власть» – это функционирующий силовой аппарат: все органы безопасности, судебные коллеги должны добросовестно исполнять свои обязанности, а силовые институты полноценно функционировать, а не выполнять номинальные функции. Аппарат является основой функционирования государственной системы, выстраивающий порядок и алгоритм проведения различных государственных решений. Второй важнейший критерий – работа системы исполнения наказаний. Третий критерий – работа со средствами массовой информации, которая сводится к государственному регулированию данной сферы. Четвертым и одним из самых главных критериев Меньшиков видит парламентский контроль за бюрократическими процессами.

Особое внимание в своих работах Меньшиков уделяет новому для России политическому институту – Государственной Думе: «Дума – единственная острастка против испытанного веками бюрократического бедствия и произвола» [11]. Меньшиков критикует действующую бюрократию за сопротивление парламентской реформе. В отличие от представителей левых и правых политических сил публицист видел в парламенте не инструмент борьбы с монархией, а институт поддержки власти, инструмент

политического оздоровления государственной системы. М.О. Меньшиков рассматривал парламент как «окно спасения» политической системы. Парламент должен становится площадкой по формированию диалога между населением и властью, когда актуальная проблематика агрегируется в политические решения, направленные на купирование проблемных вопросов. Институт парламентаризма, по мнению мыслителя, должен был стать ключевым элементом общественного договора при формировании конституционной монархии. Меньшиков видел в парламенте с одной стороны ограничение абсолютной власти монарха, с другой стороны гарантию для функционирования монархического режима. С точки зрения Меньшикова, данные позиции сходятся в решении ключевой задачи – формирование обратной связи между народом и властью, для решения которой и создается парламент. Государственная Дума должна стать центром политической коммуникации в интересах общества. Именно при рассматриваемом перестроении политической системы Российская империя имела шансы как минимум на сохранение, как максимум на развитие.

Таким образом, согласно М.О. Меньшикову, задача государства – создание «блага для народа». Для выполнения данной задачи необходимо решить проблему бюрократизма госаппарата, повысить эффективность работы парламента, наладить связь народа и власти. Меньшиков сконструировал идеальную общественно-политическую систему, в которой представительный орган артикулировала «народную» проблематику, а бюрократия имела административный функционал, способный трансформировать данную проблематику в политические решения. По мнению Меньшикова, только сильная власть способна отвечать вызовам времени и проводить эффективную государственную политику в интересах народа. При конфигурации «слабой власти» политическая система общества переходит в состояние затяжного кризиса, влекущего серьезные социально-экономические последствия.

Литература:

1. Крижановский Н. И. К проблеме освоения критико-философского наследия М.О. Меньшикова // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1 (48). С. 65–68.
2. Смолин М.Б. Имперское мышление и имперский национализм М.О. Меньшикова. [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/177706> (дата обращения – 15.10.2019).
3. Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004. 55 с.
4. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика, 2006. 424 с.
5. Шлёмин П.И. Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М.О.Меньшикова)// Политическая наука в России (история, современность, модели будущего). М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 81–123.
6. Зверев Н.В. Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова: 1885–1900 гг.: автореф. дис. ... канд. ист.н. М., 2013. 26 с.
7. Гумеров А.А. Пospelов М.Б. Меньшиков Михаил Осипович // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь /гл. ред. П.А. Николаев: в 5 т. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. Т. 4. 717 с.
8. Санькова С.М. Идеология русского государственного национализма второй половины XIX – начала XX вв. (Историографический аспект): автореферат дис... д.и.н. М., 2009. 54 с.
9. Меньшиков М.О. Власть как право // Меньшиков М.О. Письма к Русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 16.10.2019).
10. Меньшиков М.О. Почти иностранное ведомство // Меньшиков М.О. Письма к Русской нации. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 10.10.2019).
11. Меньшиков М.О. Подъем власти // Меньшиков М.О. Письма к Русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 24.10.2019).

Александров Г.К.

Российский Государственный Социальный Университет, студент

grishec01@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины роста интереса к политике в современном российском обществе. Приводятся статистические данные по различным выборам муниципального и регионального уровня, которые сравниваются с явкой на выборы федерального уровня и на выборах в аналогичные органы власти в странах Европы. Описывается история изменения избирательной системы России, раскрываются причины, по которым они происходили. Разбирается аспект низкой явки на выборах различного уровня, выясняются ее причины и выгодоприобретатели. Изучаются разнообразные варианты влияния власти на выборы и, в частности, явку на них. Предлагаются варианты решения данной проблемы.

Ключевые слова: избирательная система, выборы, избиратель, кандидаты, явка, власть, партии, фильтры, абсентеизм.

The Phenomenon of «Low Turnout» at Municipal and Regional Elections.

Alexandrov G.K.

Russian State Social University

Abstract: The article discusses the reasons for the growth of interest in politics in modern Russian society. Statistical data on various municipal and regional elections are presented, which are compared with the turnout at the Federal level and at elections to similar authorities in European countries. The article describes the history of changes in the electoral system of Russia, reveals the reasons why they occurred. The aspect of low turnout at elections of various levels is analyzed, its reasons and beneficiaries are found out. Various options of influence of the power on elections and, in particular, turnout on them are studied. Options for solving this problem are offered.

Keywords: electoral system, elections, voters, candidates, voter turnout, government, party, filters, absenteeism.

В современной России интерес к политике выходит на качественно новый уровень. Благодаря интернету каждый человек в любое время может поинтересоваться, что происходит в стране и, в частности, в его регионе. Также растет новое поколение Z, которое полностью развивается в цифровом и информационном обществе, что, несомненно, влияет на их заинтересованность в политическом представительстве. Глобализация, которая навевает западные ценности, где демократия является главным инструментом влияния на власть в стране, также заставляет людей задумываться о своем положении и политическом представительстве.

Имея все это, может показаться, что выборы в России с каждым годом должны быть популярнее и интересовать все большее количество людей. Но на самом деле растет только заинтересованность в политике, однако непосредственное участие в волеизъявлении на участках голосования с каждым годом либо падает, либо очень медленно растет.

На муниципальных выборах в Москве в 2017 году явка составила 14.8% [16], что, безусловно, очень мало. На выборах Президента России в 2018 году явка по Москве была 60%, на выборах в 2012 - 58% [7], что говорит о полной невовлеченности москвичей в выборы муниципального уровня.

Аналогичная ситуация была на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 году – 21,6% [18]. Учитывая весь резонанс, который приобрели данные выборы в ходе кампании, явка все равно осталась прежней по сравнению с 2014 годом, когда она составляла 21% [2].

Если обратиться к таблице 1, то можно увидеть, что явка на выборах в Мосгордуму с годами либо не росла, либо вообще падала [3].

Таблица 1. Явка на выборах в Мосгордуму в разные годы

Год выборов	Процент явки на выборах
2005 год	35%
2009 год	35%
2014 год	21%
2019 год	21,6%

Для наглядности, можно сравнить вовлеченность на подобные выборы в ведущих европейских странах. Разумеется, полномочия и статус муниципалитетов различаются, но в данном сравнении это можно опустить. Во Франции, в Париже на муниципальных выборах в 2014 году явка составила 65% в первом туре, что для них рекордно низко [10]. В Германии, в Берлине явка в 2011 году была 60%, а в 2016 около 67% [19]. Это показывает, насколько наши выборы непопулярны по сравнению с выборами в столицах стран Европы.

Несомненно, наша демократическая система очень молода в сравнении со странами Запада, где развиты традиции местного самоуправления и локальных объединений, возникшие еще в давние времена, что позволяет им иметь достаточно высокую явку на выборах, но все же это далеко не главная причина нашей проблемы [15].

Попробуем разобраться, какие факторы на это влияют и каким образом можно изменить нынешнюю ситуацию. Начнем с истории изменения российского избирательного законодательства, которое власти подгоняли под себя все эти годы, чтобы создать ограничения для потенциальных оппозиционных кандидатов. В 2005 году запретили избирательные блоки, после этого партии только в одиночку могут выдвигать кандидатов и списки кандидатов на выборах. Альтернативный вариант – самовыдвижение. В 2006 году произошли изменения, по которым выборы в Госдуму стали проходить только по партийным спискам. Отменили выборы губернаторов и минимальный порог явки, а также убрали из бюллетеней графу «против всех». Эти изменения очень серьезно ударили по выборной культуре населения, ведь около 6 лет люди не имели возможности влиять на губернаторов, которые назначались Президентом. Вдобавок отсутствие графы «против всех» лишило возможности критично настроенных к кандидатам избирателей выразить свое мнение, что в условиях частого недопуска представителей оппозиции повлияло на явку. В 2009 году полностью отменили избирательный залог, что еще больше затруднило регистрацию партий на выборах. Новая избирательная реформа в 2012 году вернула прямые губернаторские выборы. Госдума вновь стала формироваться наполовину из одномандатников. Но главный инструмент властей по недопуску кандидатов – это фильтры, которые применяются на выборах различного уровня. Чтобы стать кандидатом в губернаторы, надо набрать от 5 до 10% подписей муниципальных депутатов или глав органов МСУ из не менее чем трех четвертей муниципальных районов и городских округов региона [11]. Для участия в выборах мэра Москвы в 2018 году было необходимо собрать от 110 до 115 подписей муниципальных депутатов в поддержку своего выдвижения [4]. В условиях, при которых Единая Россия контролирует большинство муниципалитетов, оппозиционным или несогласованным с властью кандидатам почти невозможно преодолеть этот барьер. На выборах в Мосгордуму в 2019 году присутствовал фильтр, по которому кандидатам для регистрации было необходимо набрать в свою поддержку 3% подписей от всех избирателей округа (от 4500 до 5500 подписей) [3]. Благодаря этому барьеру, власти удалось не допустить до выборов оппозиционных кандидатов [5]. Однако кандидатам от партий, которые представлены в Госдуме, нет необходимости преодолевать данный фильтр - их регистрируют без этого.

К тому же существует «криминальный фильтр», который ужесточают с годами. Он не позволяет избираться осужденным по тяжким и особо тяжким статьям. Именно из-за этого фильтра Алексея Навального не зарегистрировали на выборах Президента в 2018 году, ведь в 2012 году ему дали условный срок по делу «Кировлеса». В 2013 году ввели запрет на владение иностранными финансовыми инструментами и зарубежными счетами, что стало очередным барьером для возможных кандидатов [11].

Благодаря политике недопуска неудобных власти кандидатов избиратели постепенно разочаровываются в институте региональных и муниципальных выборов, что приводит к снижению явки и возможности без труда избраться или переизбраться провластным кандидатам [13]. Больше трети россиян считают выборы 8 сентября 2019 года в единый день голосования нечестными, они не удовлетворены

их результатами [6].

Можно предположить, что именно власти выгодна низкая явка, потому что все ограничительные меры, барьеры, которые она выстраивает на выборах различного уровня, на это и направлены. Нередко переносят даты выборов, отсутствуют дебаты и интересная агитация. Все это негативно отражается на желании избирателей прийти и проголосовать за какого-либо кандидата. Главное, что при низкой явке легче проводить фальсификации, а при пропорциональной системе на выборах увеличивается доля победившей партии, которой зачастую является Единая Россия. Благодаря различным организованным группам (работники бюджетных организаций, госслужащие, военные и сотрудники правоохранительных органов), которые централизованно приезжают на участки и голосуют за определенного кандидата или партию, получается консолидировать голоса и избрать нужного кандидата, потому что, чем ниже явка, тем больше вес каждого голоса [13].

Выборы губернатора Хабаровского края в 2018 году, на которых явка в первом туре составила 36%, а во втором поднялась до 47% [8], являются наглядным примером. Избиратели почувствовали состоятельность выборов. Они осознали, что могут серьезно повлиять на ситуацию и вместо кандидата от партии власти - Единой России, проголосовали за кандидата от системной оппозиции – Сергея Фургала. В первом туре Сергей Иванович набрал 35% голосов, а во втором уже 70%. Из этого можно сделать вывод, что на участки пришли оппозиционно настроенные избиратели, которые скептически относились к выборам и не приходили ранее.

Существует множество вариантов, как власть может влиять на результат выборов – это фальсификации на участках УИК и «мобилизация» работников бюджетных организаций для голосования за определенного кандидата [9]. Также могут «вбрасывать» бюллетени и проводить массовые «карусели» [1] - все эти механизмы пагубно влияют на доверие избирателей к выборам, что закономерно отражается на явке.

События 2011 – 2012 года после выборов в Государственную Думу 6 созыва являются ярким примером проявления недоверия результатам выборов и недовольства ими. В Москве выходили на митинги десятки тысяч человек, которые были не согласны с результатами выборов из-за массовых фальсификаций и недопуска оппозиционных кандидатов [14]. Итогом этих событий стали изменения в законодательстве, по которым партийный барьер на выборах снизился с 7% до 5%, и Государственная Дума начала формироваться по смешанной системе, а не по пропорциональной, как было раньше [13].

Данную проблему можно решить различными способами. Самое главное – перестать нарушать права избирателей и начать проводить полноценно демократические выборы. Это добавит в них состоятельность и вернет доверие граждан. Необходимо реформировать избирательное законодательство - ввести прямые выборы мэра во всех городах России, убрать или ослабить заградительные фильтры для кандидатов. Ужесточить наказание за «вбрасывание» и фальсификацию бюллетеней.

Также изменение системы регистрации партий в Минюсте РФ на более простую, открытую и дешевую приведет к формированию различных политических сил в стране, что увеличит спектр мнений, идеологий и взглядов в российской политике, даст возможность большего выбора для избирателей, повысит их представительство и желание проголосовать за своего кандидата или партию.

С помощью электронного голосования можно привлечь больше молодежи на выборы и уменьшить нагрузку на избирательные участки, что позволит людям не ждать в очередях возможности отдать свой голос.

Однако недавний опыт с электронным голосованием на выборах в Мосгордуму показал, что над этой системой ещё нужно работать, делать её более прозрачной и понятной для избирателей и кандидатов [17].

Необходимо заниматься просвещением граждан в области их избирательных прав и более качественно рекламировать предстоящие выборы в различные органы власти.

Увеличение полномочий и влияния муниципалитетов, региональных парламентов также пойдет на пользу выборному процессу и российской политике, экономике в целом. Дополнительные полномочия повысят значимость этих органов и выборов в них.

Механизмы прямой демократии также положительно влияют на выборную культуру граждан и приобщают их к избирательному процессу. Сервис «Активный гражданин» позволяет проводить онлайн-голосования по вопросам городского развития среди различных групп москвичей, что повышает их заинтересованность в муниципальной политике.

Таким образом у нас получится вернуть доверие граждан к выборам, разнообразить политическое поле России представителями системной и несистемной оппозиции, а также повысить легитимность избирательного процесса и результат выборов.

Литература:

1. В подмосковном городе Рошаль восемь избирательных участков. На скольких из них фальсифицировали явку во время выборов? (Спойлер: вы угадали) // meduza.io: ежедн. интернет-изд. «Meduza» URL: <https://meduza.io/feature/2019/02/14/v-podmoskovnom-gorode-roshal-vosem-izbiratelnyh-uchastkov-na-skolkih-iz-nih-falsifitsirovali-yavku-vo-vremya-vyborov-spoiler-vy-ugadali> (дата обращения: 18.10.2019).
2. Выборы в Мосгордуму прошли при рекордно низкой явке // rbc.ru: ежедн. интернет-изд. Телеканал «РБК» URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/09/2014/5704222a9a794760d3d417b0> (дата обращения: 15.10.2019).
3. Выборы в Московскую городскую думу (2019) // ru.wikipedia.org: интернет- энциклопедия со свободным контентом «Википедия» URL: <https://clck.ru/JuKRT> (дата обращения: 17.10.2019).
4. Выборы мэра Москвы (2018) // ru.wikipedia.org: интернет-энциклопедия со свободным контентом «Википедия» URL: <https://clck.ru/JuKPe> (дата обращения: 16.10.2019).
5. Гудкова и Соболь не пускают на выборы в Мосгордуму // vedomosti.ru: ежедн. интернет-изд. Газета «Ведомости» URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/07/14/806505-gudkova-sobol> (дата обращения: 17.10.2019).
6. Единый день голосования // levada.ru: исследовательская организация «Левада-Центр» URL: <https://www.levada.ru/2019/10/09/edinyj-den-golosovaniya-3/> (дата обращения: 17.10.2019).
7. Как голосовала Москва на выборах Президента России // msk.kp.ru: ежедн. интернет-изд. «Комсомольская правда» URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26808/3843988> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Как действующий губернатор-единоросс проиграл выборы в Хабаровском крае // rbc.ru: ежедн. интернет-изд. Телеканал «РБК» URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2018/5ba79f5b9a794754285256c7> (дата обращения: 18.10.2019).
9. Как фальсифицировать выборы, чтобы потом не было проблем // meduza.io: ежедн. интернет-изд. «Meduza» URL: <https://meduza.io/feature/2019/09/06/kak-falsifitsirovat-vybory-chtoby-potom-ne-bylo-problem> (дата обращения: 18.10.2019).
10. Муниципальные выборы во Франции (2014) // wiki2.org: интернет- энциклопедия «WIKI 2» URL: <https://clck.ru/JuKPG> (дата обращения: 16.10.2019).
11. Мутация российских выборов: как граждан довели до уличных протестов // mk.ru: ежедн. интернет-изд. Газета «Московский комсомолец» URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/10/01/mutaciya-rossijskikh-vyborov-kak-grazhdan-doveli-do-ulichnykh-protestov.html> (дата обращения: 16.10.2019).
12. На выборы россияне ходят по привычке // levada.ru: исследовательская организация «Левада-Центр» URL: <https://www.levada.ru/2016/07/12/na-vybory-rossiyane-hodyat-po-privychke/> (дата обращения: 17.10.2019).
13. Политолог Екатерина Шульман — о том, зачем идти на выборы // the-village.ru: ежедн. интернет-изд. Журнал «The Village» URL: <https://www.the-village.ru/village/people/city-news/245465-vibory> (дата обращения: 23.10.2019).
14. Протестное движение в России (2011—2013) // ru.wikipedia.org: интернет- энциклопедия со свободным контентом «Википедия» URL <https://clck.ru/JuMhm> (дата обращения: 19.10.2019).
15. Семенов В.А. Проблема абсентеизма и первичного политического вовлечения в условиях современного информационного общества // Медиасфера: тенденции и перспективы развития. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017.
16. Электоральные показатели московских муниципальных выборов 2017 года // livejournal.com: сервис онлайн-дневников «Живой Журнал» URL: <https://abuzin.livejournal.com/166395.html> (дата обращения: 15.10.2019).
17. Электронное голосование на выборах в Мосгордуму станет поводом для судебных разбирательств // vedomosti.ru: ежедн. интернет-изд. Газета «Ведомости» URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/10/810968-elektronnoe-golosovanie> (дата обращения: 20.10.2019).
18. Явка на выборах в Мосгордуму составила 21,66% // interfax.ru: ежедн. интернет-изд. «Интерфакс» URL: <https://www.interfax.ru/moscow/675683> (дата обращения: 15.10.2019).
19. Wahl zum Abgeordnetenhaus von Berlin // de.wikipedia.org: интернет- энциклопедия со свободным контентом «Википедия» URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Wahl_zum_Abgeordnetenhaus_von_Berlin#Wahlergebnisse_seit_1990 (дата обращения: 15.10.2019).

Трансформация термина «Weltanschauung»: от немецкого идеализма до национал-социализма

Астахова А.С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, аспирант

zelman-krysnik@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию преобразования термина «Weltanschauung».

Первая часть посвящена краткому обзору развития термина: с зарождения в классической немецкой философской мысли и трансформации его значения от «миросозерцания» до «мировоззрения», по его появление в словаре национал-социалистов. Во второй части исследуется место термина в идеологической структуре Третьего рейха. Рассматривается подмена смысла этого термина: он перестает пониматься в философском значении и начинает служить исключительно для обозначения национал-социалистической концепции мира и нацистской философии жизни. Таким образом, на примере политической системы Германии в 30-ые годы, можно наблюдать как термин лишь с теоретической основой, имеющий в виду нечто абстрактное, можно превратить в практический политический инструмент. Исследуемая тема будет интересна специалистам в области идеологий, истории, философии политики и права.

Ключевые слова: Weltanschauung, мировоззрение, миросозерцание, национал-социализм, Третий рейх, идеология, философия

The Transformation of the Term “Weltanschauung”: From German Idealism to National Socialism.

Astakhova A.S.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This article is devoted to the analysis of the term “Weltanschauung” transformation. The first part of the article gives a brief review of the term’s evolution: since its appearance in classical German philosophical thought, through its meaning’s transformation from “mindset” to “worldview” and, finally, to its appearance in national socialists’ lexicon. The second part is devoted to the term’s place in the ideological structure of the Third Reich. The article reviews substitution of the meaning of this term: it ceases to be understood in a philosophical way and begins to serve only for the designation of the national socialist concept of the world and Nazi’s philosophy of life. Thus, by the example of Germany’s political system in the 30s, the way of turning a term with a pure theoretical background into a practical political tool becomes evident.

Keywords: Weltanschauung, world outlook, worldview, National Socialism, Third Reich, Ideology, philosophy

Термин «Weltanschauung» имеет немецкое происхождение и сейчас на русский язык его можно дословно перевести как «мировоззрение». Он был введен в философию на рубеже XVIII – XIX веков Иммануилом Кантом и впервые встречается в его работе 1790 года «Критика способности суждения», а именно во второй книге «Аналитика возвышенного» [1, с. 113]. В оригинале интересующая нас часть текста выглядит так: «Das gegebene Unendliche aber dennoch ohne Widerspruch auch nur denken zu können, dazu wird ein Vermögen, das selbst übersinnlich ist, im menschlichen Gemüte erfordert. Denn nur durch dieses und dessen Idee eines Noumenons, welches selbst keine Anschauung verstatet, aber doch der Weltanschauung, als bloßer Erscheinung, zum Substrat untergelegt wird, wird das Unendliche der Sinnenwelt in der reinen intellektuellen Größenschätzung unter einem Begriffe ganz zusammengefaßt, obzwar es in der mathematischen durch Zahlenbegriffe nie ganz gedacht werden kann» [2,99]. В переводе на русский: «Для того, чтобы *суметь хотя бы мыслить* без противоречия бесконечное, человеческой душе требуется способность, которая сама должна быть сверхчувственной. Ибо только посредством такой способности и идеи ноумена, который сам не допускает созерцания, но положен в основу созерцания мира как явления, бесконечное чувственного мира *целиком* охватывается в

чистом интеллектуальном определении величины *под* понятием, хотя и в математическом определении *посредством числовых понятий* оно никогда не может мыслиться целиком». [1, с. 124]. Из приведенного выше отрывка, следует, что И. Кант еще не разделяет «мировоззрение» и «миросозерцание», понимая под «Weltanschauung» - «созерцание мира», то есть именно восприятие окружающей среды и природы, на что нам указывает так же и название параграфа, в котором этот термин упоминается – «Об определение величины природных вещей, требующихся для идеи возвышенного» [1, с. 120].

Вслед за И. Кантом этот термин использует Фридрих Шеллинг в своём труде 1799 г. «Введение и наброски системы натурфилософии»: «Интеллигенция продуктивна двояко: либо слепо и бессознательно, либо свободно и сознательно; бессознательно она продуктивна в созерцании мира, сознательно – в созерцании идеального мира». [3, с. 182]. Шеллинг говорит о том, что человеческое созерцание мира само по себе пассивно. Но есть и, так сказать, активное созерцание – созерцание идеального, содержащегося в тождестве с реальным в продуктах природы. В данном контексте стоит обратить внимания на гносеологическую составляющую термина. В немецком языке есть слова, похожие по смыслу: например, «das Weltbild» – картина мира. Разница между этими словами в действиях: «Weltbild» – статичность, а «Weltanschauung» – процесс.

После Ф. Шеллинга, термин «Weltanschauung» используется и другими философами, и используется уже в значение именно «мировоззрение». В «Феноменологии духа», изданной в 1807 г. Георг Фридрих Вильгельм Гегель выносит этот термин в заглавие одной из глав – «Die moralische Weltanschauung» («Моральное мировоззрение») [4, с. 306]. В названиях своих работ, исследуемый нами термин используют Эдуард фон Гартман в 1902 г. – «Die Weltanschauung der modernen Physik» («Мировоззрение новейшей физики») [5]. и Вильгельм Дильтей в 1911 г. – «Die Typen der Weltanschauung und ihre Ausbildung in den metaphysischen Systemen» («Типы мировоззрений и обнаружение их метафизических систем») [6]. Также, слово «Weltanschauung» в своих трудах использовали Мартин Хайдеггер, Макс Шелер и Карл Ясперс. [7] Таким образом, можно сделать вывод о том, что термин «мировоззрение» появился конкретно в философии и для философии.

В 1925 г. выходит книга Адольфа Гитлера «Моя борьба», в которой он употребляет слово «Weltanschauung». Появление этой книги – момент, с которого можно начинать отсчёт о преобразование этого термина именно в немецкой мысли. Он становится любимым словом фюрера, которое он постоянно использует в речах и трудах. [8, с. 101]. Это слово использовалось для совокупности достаточно разрозненных идей и представлений, и имели в виду больше некое интуитивное их восприятие, чем непосредственно их понимание, благодаря чему, нацистскую идеологию нельзя было подвергнуть рациональной критики. Вслед за фюрером его начинает активно использовать главный идеолог Третьего рейха Альфред Розенберг и термин «Weltanschauung» начинает употребляется и вводится в оборот повсеместно исключительно для обозначения национал-социалистической концепции мира и нацистской философии жизни [9, 108]. Таким образом, постепенно, нацисты уравнивают в сознание людей термины «идеология» и «мировоззрение», а на конечном этапе национал-социализм однозначно называет себя только мировоззрением, а не идеологией. К идеологии можно присоединиться, а мировоззрение можно только разделять или не разделять, оно – суть человека. Акцент делается именно на неизбежности однажды принятого решения и его непреодолимой оппозиции к другим мировоззрениям – это сделало этот термин настолько привлекательным с пропагандистской точки зрения. Мировоззрение ускользает от критики, поскольку уже определяет само восприятие, и может интерпретировать и переформировать под свою точку зрения все сферы жизни. Таким образом, все возможные позиции и сама философия деградирует до просто конкурирующих воззрений, над которыми нацизм должен был преобладать как тотальное мировоззрение. В своей речи в 1934 г., Гитлер говорит, что его политическая победа – всего лишь смена правительства, окончательная победа для национал-социализма будет лишь тогда, когда осуществится победа мировоззрения и в том случае, если его примут все немцы. [9, 108].

Таким образом, мы видим, что философская немецкая традиция, употребляя термин «мировоззрение», имела в виду нечто абстрактное и имеющее под собой лишь теоретическую основу. Идеологами национал-социализма, во главе с фюрером, этот термин был искусно использован на всех уровнях. Подмена сути термина или сужение и его значение до определенных, нужных границ – наиболее эффективное оружие, чем введение какого-либо нового. Национал-социализм внедрялся не как идеология, но как мировоззрение, как отправная точка внутри человека, как то, с чем он просыпается и засыпает, то от чего он отталкивается, то с чем он считается и чем руководствуется, принимая решения или просто разговаривая с другими людьми.

Литература:

1. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство. 1994. 376 с.
2. Kant I. Kritik Der Urteilkraft. Lpz.: Der Philosophischer Bibliothek Band.1922.394 s.
3. Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль. 1987. 637 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука. 2000. 495 с.
5. Hartmann E. Die Weltanschauung Der modernen Physik. Whitefish, Montana: Kessinger Publishing LLC. 2010. 224 s.
6. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их и метафизических системах. // Культурология: XX век: антология. М., Юрист. 1995. С. 213-255.
7. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Мировоззрение как объект философской рефлексии // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 6 С. 20-23.
8. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М.: Издательство АСТ, 2017. 1216 с.
9. Воропаев С. Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид – Миф, 1996. 592 с.

Экономизм как теоретико-методологическая основа легитимации политических стратегий в политической философии XX в.

Бойцова О.Ю.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет,
заведующий кафедрой философии религии и религиоведения. Доктор политических наук*

olga.boitsova@gmail.com

Аннотация: Вторая половина XX в. ознаменовалась «эпистемологическим разрывом» с традиционными формами познания, который поставил под сомнение легитимность рациональности как таковой. Фундаментальная плюралистическая установка неизбежно ставит вопрос о том, как должен осуществляться выбор между политическими стратегиями, нацеленными на реализацию различных интересов, если претензия на легитимность ни одной из них принципиально не может быть признана исключительной. Следует отметить, что речь идет о легитимации не в узко юридическом толковании, при котором она практически отождествляется с легализацией, а в более широкой трактовке, вписывающей ее в общесоциальный контекст. Один из вариантов подхода к решению проблемы представлен в экономическом подходе, стремящемся реабилитировать рациональность в качестве легитимирующего основания выбора и разрабатывающего данную проблематику в рамках контракталистской традиции.

Ключевые слова: политическая философия, легитимация, контрактализм, рациональность, выбор, экономизм, плюрализм

Economism as a Theoretical and Methodological Basis of Political Strategies Legitimization in the Political Philosophy of the Twentieth Century.

Boytsova O.Yu.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The second half of the 20. century was marked by an “epistemological gap” with traditional forms of cognition, which cast doubt on the legitimacy of rationality as such. The fundamental pluralistic attitude inevitably raises the question of how the choice between political strategies aimed at the realization of different interests should be made, if the claim to the legitimacy of any of them can not be recognized as exclusive in principle. It should be noted that we are talking about legitimation not in a narrow legal interpretation, in which it is practically identified with legalization, but in a broader interpretation that fits it into a General social context. One of the variants of the approach to solving the problem is presented in the economic approach, which seeks to rehabilitate rationality as a legitimizing basis for choice and develops this problem within the framework of the contractualist tradition.

Keywords: political philosophy, legitimation, contractualism, rationality, choice, economism, pluralism

В политико-правовой мысли Нового времени в качестве верховного арбитра выступало государство, наделяемое абсолютным суверенитетом и потому рассматриваемое как главная инстанция, устанавливающая правила общежития людей и упорядочивающая их взаимоотношения на основе стабильно действующих правил. Если исключить теократические теории, то притязания государства на верховную власть оправдывались пониманием его как инструмента создания, поддержания и обеспечения порядка, реализации принципов общего блага и справедливости. Именно эти функции государства лежали в основании легитимации политических стратегий и власти в целом.

Во второй половине XX в. была поставлена под сомнение эксклюзивность государства как нормативного центра, способного обеспечить социальный консенсус. Произошла проблематизация трактовки государства как политического актора и, следовательно, значимого объекта исследования. В качестве субъектов политического действия чаще выступали отдельные индивиды и группы интересов, соперничающие в борьбе за возможность реализовать собственные стратегии. Необходимо также от-

метить, что вторая половина XX в. ознаменовалась «эпистемологическим разрывом» с традиционными формами познания, который поставил под сомнение легитимность рациональности как таковой — независимо от того, применялась ли она при получении научного знания, обосновании ценностей или просто как фундамент здравого смысла. В качестве альтернативы был выдвинут принцип глобального плюрализма, означавший отказ признавать абсолютность истины, ценностей и норм. А фундаментальная плюралистическая установка неизбежно ставит вопрос о том, как должно осуществляться взаимодействие концепций, которые Уолтер Брюс Галли, опираясь на кантовский пример антиномий, еще в 50-х гг. двадцатого столетия назвал «сущностно конкурирующими», поскольку ни одна из которых принципиально не может быть признана исключительно легитимной [1, р. 167]. В частности, существенным образом проблематизируется выбор между политическими стратегиями, нацеленными на реализацию различных интересов, — ведь все варианты следует считать в равной степени истинными и ценными. В итоге актуализируется феномен «гоббсовского страха», что требует разработки новых стратегий легитимации. Следует отметить, что речь идет о легитимации не в узко юридическом толковании, при котором она практически отождествляется с легализацией — приданием правового статуса, признанием или подтверждением законности права или полномочий, — а в более широкой трактовке, вписывающей ее в общесоциальный контекст.

В этот период апелляция к рациональности как легитимирующей силе носила далеко не приоритетный характер. Одним из вариантов подхода к решению проблемы с позиций рациональности является экономизм, который нашел проявление и в политической философии, и в формальной политической науке. Ведущими представителями этого направления принято считать Джона Ролза и Джеймса Макджилл Бьюкенена, решающих обсуждаемую задачу путем актуализации и нового прочтения контактуализма [2, 3].

Основной постулат экономизма гласит: действия субъектов политической деятельности являются результатом их добровольного выбора. Необходимыми условиями такого выбора автономность и рациональность индивидов. Первое предполагает, что индивиды независимы друг от друга и не заинтересованы ни в чьих интересах, кроме своих собственных, второе — что они способны делать осознанный, разумный выбор. Предпочтения политических акторов осознанны и иерархически выстроены по принципу приоритетности. Критерий, согласно которому определяется порядок предпочтений, остается неизменным — с точки зрения экономического направления, этим критерием является максимизация выгоды в процессе обмена деятельностью. Именно соотносимость с рациональным выбором легитимирует реализуемую стратегию.

Из принятия главного постулата следует важный вывод: в любой институциональной среде индивиды будут действовать исключительно в собственных интересах и стремиться к максимально эффективному шагам — т.е. к предельно возможному в данных обстоятельствах удовлетворению своих потребностей при минимальных издержках. Это и является основой выбора, осуществляемого политическими акторами.

Нормативные системы, образующие политическую институциональную среду, рассматриваются в качестве правил и ограничений, регулирующих процесс принятия политических решений и, соответственно, задающих структуру и параметры выработки и реализации политического курса. Институты, таким образом, определяют множество действий, возможных для каждого участника политического процесса, структуру и объем доступной ему информации, а также последствия принятых им решений и осуществленных им действий. Это — «правила игры», определяющие рамки маневров политических акторов и представляющие собой совокупность норм, регулирующих поведение всех участников политического процесса.

Как возникают данные правила? Что обеспечивает их действенность? Экономизм дает контракталистское решение: они суть результаты общественного выбора, именно в силу «выборности» политическая институциональная среда приобретает легитимность и, соответственно, может выполнять нормативные функции. Речь идет о «конституции политики» — результате коллективного стратегического выбора индивидов тех правил, которым они будут подчиняться в политической сфере. Необходимо подчеркнуть, что коллективность, общественный характер сделанного выбора служит маркером наличия социального консенсуса. Такой выбор в принципе не может быть сделан при отсутствии такого консенсуса, и именно консенсус является легитимирующим фактором «конституции политики». Тем самым ключевым оказывается вопрос о способах достижения консенсуса — т.е. о принципах процесса формирования институциональной среды.

В самом институциональном строительстве обозначены два этапа. Выделение первого этапа — этапа «конституционного выбора» — необходимо для понимания процедуры «выбора правил игры», т.е. достижения группой людей соглашения о том, на каких основаниях будут приниматься решения и как будут обеспечиваться совместные действия. У Ролза это — коллективный выбор в «изначальной ситуации», у Бьюкенена — «конституционный выбор». В процессе самой «игры» у политических акторов уже должны быть алгоритмы консолидированных решений, т.е. консенсусные стратегии уже должны быть определены именно на основе норм, установленных в ходе «конституционного выбора».

Основная проблема связана с обоснованием легитимности такой институциональной активности. Для Ролза легитимность обосновывается негативным информационным равенством — выбор «правил игры» происходит в условиях «завесы неведения». Для Бьюкенена конституционный выбор требует определения актора, уполномоченного на принятие такого решения. Это ставит проблему предконституционного выбора: необходимо установить правила и порядок предоставления соответствующих полномочий. Однако выбор правил выбора не может быть произвольным, он тоже требует определенных правил, и так до бесконечности. В результате любая «точка отсчета», т.е. любое решение, предшествующее конституционному выбору, оказывается неконституционным, а его легитимность — необоснованной.

Однако принятие данного положения, разрешая одно важное затруднение, порождает другие. Например — является ли требование единогласия абсолютным, т.е. теряют ли силу достигнутые договоренности при одном воздержавшемся; как избежать подлога в условиях, когда из-за отсутствия нормативных установлений любые действия не запрещены и не наказуемы; как избежать «информационной асимметрии», в результате которой более осведомленные «игроки» проводят решение в собственных интересах, и пр. Кроме того, непонятно, кто будет принимать решение о том, что подобное единогласие имеется. Ведь для того, чтобы убедиться в наличии единогласия и на основании этого признать легитимность решения, нужно достоверно определить, что каждый человек добровольно сделал выбор, что выбор каждого индивида совпал с выбором любого другого члена общности и что все потомки всех членов сообщества согласятся с этим выбором. Огромные «транзакционные издержки» делают такую процедуру невозможной, оставляя проблему оснований коллективного выбора нормативных принципов политической деятельности открытой.

Более того, если принять аксиоматические посылы экономической версии неонституционализма, то придется согласиться и с тем, что для рационально мыслящего и стратегически действующего в собственных эгоистических интересах человека вообще нет оснований кооперироваться с другими ради достижения общих целей. С одной стороны, оно связано с существенными «издержками» — добровольным принятием ряда ограничений и тем самым ужесточением условий своей деятельности. С другой стороны, «продукт» такого сотрудничества по сути своей является «общественным», а это значит, — одинаково доступным и одинаково полезным и тем, кто принимал участие в их создании и «делал вклады», и тем, кто не участвовал в соглашениях и не нес никаких затрат. Увеличение «издержек» при одинаковом уровне «выгод» означает резкое снижение эффективности действий каждого отдельного участника процесса, т.е. для индивида рациональным будет решение воздержаться от участия в коллективном действии. Это в корне подрывает оптимизм относительно экономического обоснования консенсусных стратегий в политике.

Сторонники экономизма выходят из ситуации за счет постулирования совпадения эффективности со справедливостью. Консенсус относительно положений «конституции политики» может быть найден потому, что индивид способен сознательно пойти против своих интересов и выбрать правило, которое в принципе может привести к нежелательным для него последствиям. Этот тезис означает серьезную корректировку принципов индивидуализма и стратегического характера политического действия, фундаментальных для теории рационального выбора. В детерминанты политической рациональности включаются социальные составляющие: ориентация на общественную перспективу, учет экзогенных интересов и актуализация ценностного измерения — идей справедливости и социального блага, которые оказываются фундаментом консенсусной стратегии и «конституции политики» как таковой. Проблема конституционного выбора решается путем «общественного договора», заключаемого на основе единогласия, и это служит основой легитимности принятых «правил игры». Данные правила должны служить фундаментом социального консенсуса, выступающим в роли главного «легитимизатора» выбора политических институтов.

Сам выбор связывается с реализацией принципов социальной справедливости — только у

Бьюкенена справедливость прямо отождествляется с эффективностью. Он утверждает, что «основой для выбора конституции должны быть всеобщие принципы справедливости, использование которых является гораздо более эффективным путем к согласию, нежели реализация личных интересов каждого человека в отдельности» [2, с. 110]. У Ролза же эффективность оказывается лишь косвенно связана со справедливостью. Ролз утверждает, что в качестве ценности, имеющей нормативное значение для политической деятельности, справедливость, которая является «результатом честного соглашения или торга» [3, с. 26], важнее эффективности, понимаемой как максимизация выгоды субъекта политической деятельности. Таким образом, если у Ролза справедливость является непосредственно конституирующей нормой, то у Бьюкенена — глубинной основой легитимности конституции политики.

Основой легитимности власти и в том, и в другом случае выступает социальный консенсус, достигаемый в результате общественного договора о базовых институтах, конституирующих социум. Данные институты при сохранении черт формальной нормативности связаны и с ценностным регулированием политики, с идеалами справедливости и общего блага. Совокупность данных институтов составляет «конституцию политики», которая определяет рамки легитимного при выстраивании стратегий политических действий отдельных субъектов. Основанием вступления в договорные отношения является рационально просчитываемая польза от кооперации и принципы справедливости как основная нормативная ценность в политике.

И еще один аспект проблемы. Рассмотренная теория служат ярким примером актуализации проблем, связанных с плюрализмом нормативной регуляции в современном обществе. Важно подчеркнуть, что этот плюрализм проявляется не только на уровне формальных требований, но и ценностно-содержательных предписаний — институциональное конструирование, которое выступает в качестве основы выработки консенсусных стратегий как основы легитимации политической власти, связывается в них не только с формальными предписаниями, но и с такими категориями, как «благо» и «справедливость».

Легитимизация политических стратегий на институциональной основе связана с расширением «нормативного арсенала», традиционно применяемого в политико-правовых исследованиях: в набор институциональных параметров включаются все действующие нормы (в том числе и ценности), независимо от того, были они или не были зафиксированы, приняты они государством в ходе формальной процедуры или же являются результатом договора, заключенного автономными субъектами на основе идеалов справедливости и общего блага.

Литература:

1. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1955-1956. Vol. 56. P.167-198.
2. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6. С. 104-113.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 535 с.

Концепт свободы в политической философии Х. Арндт

Бочков А.Н.

Тверской государственный университет, аспирант

alexander.bochkov93@yandex.ru

Аннотация: Доклад посвящён концепту свободы в политической философии Х. Арндт. Понимание свободы философом является, в некотором роде, уникальным. Арндт отводит ей место в публичном пространстве, соотносит ее с действием.

Ключевые слова: свобода, действие, Ханна Арндт, Томас Гоббс, политическая философия, частное, публичное.

The Concept of Freedom in H. Arendt's Political Philosophy. *Bochkov A.N.*

Tver State University

Abstract: The report is devoted to the concept of freedom in H. Arendt's political philosophy. The philosopher's understanding of freedom is, in a way, unique. Arendt gives it a place in the public realm, correlates it with an action.

Keywords: freedom, act, Hannah Arendt, Thomas Hobbes, political philosophy, private, public.

На протяжении столетий многие мыслители пытались дать ответ на вопрос, что такое свобода. Появлялись новые концепции, пересматривались старые, однако до сих пор существует огромное количество взглядов на это явление. Многие философские течения и политические системы стран провозглашают своей ценностью свободу человека.

В философии сложилось несколько концепций свободы. Например, деление свободы на позитивную и негативную, естественная и общественная свобода, свобода как разум и воля человека.

Эссе Х. Арндт «Что есть свобода?» [1] является основным трудом автора, посвящённым теме свободы. В нём она анализирует подходы к определению феномена свободы других философов и выводит собственный концепт. Труд Арндт «Vita Activa, или о деятельной жизни» [2] раскрывает сущности приватной и публичной сфер, а также выделяет три основных вида человеческой деятельности. Х. Арндт отмечает, что дать дефиницию понятию свобода весьма сложно: «Попытка ответить на вопрос, что есть свобода, кажется безнадежным предприятием. Похоже, что давние противоречия и антиномии затаились в ожидании подходящего момента, дабы загнать разум в ситуацию логической неразрешимости».

Х. Арндт отмечает, что дать дефиницию понятию свобода весьма сложно: «Попытка ответить на вопрос, что есть свобода, кажется безнадежным предприятием. Похоже, что давние противоречия и антиномии затаились в ожидании подходящего момента, дабы загнать разум в ситуацию логической неразрешимости» [1].

Изучая феномен свободы, она обращает внимание на то, что сама проблема свободы в философии появилась уже на закате или даже после античной эпохи: «Эта проблема никого не заботила в истории великой философии от досократиков до Плотина, последнего античного философа. И когда проблема свободы впервые появляется в нашей философской традиции, то это происходит в опыте религиозного обращения (сначала Павла, а затем Августина) ...» [1].

Поскольку свобода рассматривалась именно в религиозном контексте, то неудивительно, что поиск этой самой свободы происходил внутри человека, а не снаружи. И по мере развития философии, она всё больше заперлась в приватном.

Взгляд на свободу у Х. Арндт отличается взглядов философов Нового времени, например, Томаса Гоббса. Он определял свободу как «отсутствие сопротивления (под сопротивлением я разумею внешнее препятствие для движения)» [3]. Как следствие, свободный человек, согласно философу, — это «тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным

способностям в состоянии это сделать» [3]. Стоит отметить, что под препятствием подразумевается нечто физическое, что не даёт человеку осуществить свою волю.

Сам человек, по мнению Т. Гоббса, является частным лицом. Как отмечает Д.А. Кузнецов в работе «Понятие свободы в политической философии Т. Гоббса и Ж.Ж. Руссо» Гоббс, говоря про частное лицо, «имеет в виду, что индивид не включен в политический процесс, то есть каждое частное лицо свободно в частной сфере, но не в сфере политического, где должен господствовать суверен» [4].

Для понимания концепции свободы в философии Арендт, необходимо рассмотреть три основных вида человеческой деятельности, описанных философом: труд (работа), создание (изготовление) и действие (поступок). Труд – деятельность, направленная на удовлетворение потребностей человека как биологического вида. Создание же отражает противоприродное начало человека и выражается в искусственном мире вещей. Действие имеет место вне материального и требует наличие других людей. Философ отмечает, что «действие (поступок) единственная деятельность в *vita activa*, развертывающаяся без посредничества материи, материалов и вещей прямо между людьми» [2, с. 14].

Д.М. Носов, анализируя работы Ханны Арендт, утверждает, что «для Арендт принципиальна характеристика свободы как явления межличностного взаимодействия» [5]. Среди трёх видов человеческой деятельности только действие обладает данной характеристикой. Из чего мы можем сделать вывод, что свобода для Арендт выражается в самом действии.

Однако не любое действие является свободой. По мнению Х. Арендт, свободное действие не опирается на рациональное мышление или волю. Действие является свободным в той мере, в какой побуждение к этому действию исходило извне. Это побуждение извне, хотя, возможно, было бы правильнее это назвать вдохновением, философ называет принципом: «Действие, в той мере, в какой оно свободно, не находится ни под руководством интеллекта, ни под диктатом воли — хотя нуждается в том и другом для достижения любой практической цели, — но происходит от чего-то совершенно иного, что (следуя знаменитому анализу форм правления у Монтескье) я буду называть принципом» [1]. В качестве примера таких принципов, Арендт приводит честь, славу, любовь, страх и ненависть. Здесь справедливо может возникнуть недопонимание, связанное с тем, что чувства и эмоции переживаются внутри человека, а не вне его, и в таком случае они уже не могут быть теми самыми принципами. Дело в том, хоть сама Х. Арендт и не упоминает об этом, но несмотря на то, что чувства и эмоции живут внутри человека, они всё ещё неподконтрольны разуму и воле, они иррациональны, а главное – их источником является внешний мир. Именно внешняя среда, люди, события заставляют человека переживать эмоции и чувства.

Эти две особенности принципа (иррациональность и внешний источник) позволяет ему, во-первых, долго не утрачивать своё влияние на действие, во-вторых, многократно служить мотивом для действия(-ий): «... в то время как суждения теряют свою обоснованность, а сила приказывающей воли истощается в ходе действия, которое они совместно исполняют, инспирирующий принцип ничуть не утратит ни своей обоснованности, ни своей силы. В отличие от цели действия, его принцип может повторяться снова и снова, он неисчерпаем...» [1].

Наличие действия как выражения свободы приводит к тому, что сама свобода переводится в область пространства публичного, где, по мнению Х. Арендт, наличествует политика. Более того, философ в работе «Что есть свобода?» неоднократно указывает на взаимосвязь свободы и политики, говоря о том, что причиной существования политики является свобода: «свобода, которая очень редко — только во времена кризисов или революций — становится прямой целью политического действия, есть реальная причина того, что люди вообще совместно живут в политической организации. Без нее политическая жизнь как таковая была бы бессмысленной. *Raison d'être* политики есть свобода, а область ее испытания есть действие» [1].

Одной из черт, отличающей подход Х.Арендт к объяснению свободы, является понимание самого действия. Для Гоббса, как и для многих философов и учёных Нового времени, действие имеет механический (прямой) смысл: пойти куда-либо, сделать что-либо и др. Арендт же дефинирует действие как акт, протекающий между людьми вне материального. Источником (побуждающей силой) действия для Гоббса выступает воля (желание, склонность), так как он упоминает её, рассуждая о свободе человека, которая, по его мнению, «состоит в том, что он не встречает препятствия к совершению того, к чему его влекут его воля, желание или склонность» [3]. Арендт не ставит волю как одну из основ свободного действия, хотя и не отрицает её необходимость в достижении цели. Для неё главным вдохновением на

действие является принцип, нечто, что неподконтрольно воле или разуму, нечто иррациональное, как, например, чувства и эмоции.

Ещё одним отличием является место, в котором находится свобода, и как следствие определяется её связь с политикой. Т. Гоббс расположил свободу в частной сфере, при этом публичная сфера в его концепции занята сувереном. Таким образом, человеческая свобода протекает вне политики, она оторвана от неё. Х. Арендт поместила свободу в публичной сфере. Она не просто утверждает, что есть тесная связь между свободой и политикой, но и подчёркивает, что сама причина, по которой существует политика – это свобода.

Рассмотрев концепции свободы Т. Гоббса и Х. Арендт, мы видим, что Гоббс, как и многие философы до него, исследует свободу внутри человека. Об этом свидетельствует и опора на волю, как на один из источников свободного действия, и отчуждение свободы от политики путём записывания её в приватной сфере. Подход же Арендт несколько отличается. Она рассматривает свободу, как нечто вне человека, приравнивая её к действию, взаимодействию с другими людьми, вдохновляющей силой которого является принцип, лежащий за пределами воли и интеллекта, имеющий источник - внешний источник. Философ не отрывает свободу и политику, более того, она настаивает, что сама цель политического действия есть свобода.

Литература:

1. Арендт Х. Что есть свобода? URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=941&Itemid=52 (дата обращения: 29.10.2019).
2. Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. СПб.: Алетея, 2000. 437 с.
3. Гоббс Т. *Левифан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#19 (дата обращения: 11.02.2020).
4. Кузнецов Д.А. Понятие свободы в политической философии Т. Гоббса и Ж.Ж. Руссо. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/182079110> (дата обращения: 11.02.2020).
5. Носов Д.М. Ханна Арендт — философ? URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=939#_edn3 (дата обращения: 29.10.2019).

Роль социокультурного метода в формировании российской политики

Василенко И.А.

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет политологии,
профессор, доктор политических наук*

vasilenko.irina@mail.ru

Аннотация. В докладе обосновывается значение социокультурного (цивилизационного) метода в формировании российской политики. Автор считает, что этот метод предполагает рассмотрение российской политики в широком контексте национальной культуры и цивилизационных традиций. Показано, что для методологии цивилизационного анализа ключевым является понятие «цивилизации» как типа человеческих сообществ, создавших уникальные формы религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Эти сакральные ценности — вера, почва и кровь — для народов, принадлежащих к одной цивилизации, в ситуации политического выбора являются более значимыми, чем любые экономические или политические выгоды. Автор приходит к выводу, что социокультурный анализ в политике предполагает ценностное обоснование политического курса страны с точки зрения архетипов и кодов национальной культуры, активизацию в общественном сознании древней сакральной триады веры, почвы и крови.

Ключевые слова: социокультурный (цивилизационный) анализ, культура, цивилизация, социокультурная идентичность, российская политика, архетипы и коды культуры.

The Role of the Sociocultural Method in Shaping Russian Policy. Vasilenko I.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science

vasilenko.irina@mail.ru

Abstract: The report analyzes the importance of the sociocultural (civilizational) method in the formation of Russian policy. The author considers that this method involves the analysis of Russian policy in the broad context of national culture and traditions. It is shown that for the methodology of civilizational analysis, the key is the concept of «civilization», which is considered as the form of human community that created unique forms of religion, architecture, painting, mores, and customs. These sociocultural attractions - faith, soil, and blood - for peoples belonging to the same civilization, in a situation of political choice, are more significant than any economic or political benefits. The author comes to the conclusion that sociocultural analysis in politics involves a serious value justification of the country's political course in terms of archetypes and codes of national culture, and the activation in the public mind of the ancient sacred triad of faith, soil and blood.

Keywords: sociocultural (civilizational) analysis, culture, civilization, sociocultural identity, Russian politics, archetypes and cultural codes.

Основопологающее значение для объяснения и понимания современной российской политики имеет социокультурный (цивилизационный) метод, который предполагает рассмотрение российской политики в контексте национальной культуры и цивилизационных традиций. Цивилизационная парадигма пришла в политику из культурологии, где успешно развивалась с 18 века. Для методологии цивилизационного анализа ключевым является понятие «цивилизация», которое первоначально означало просвещенное общество в противовес дикости и варварству, а также научный и культурный прогресс, развитие свободы и справедливости: «Цивилизация означала в первую очередь идеал и, в значительной степени, идеал моральный» [1, с. 242-247]

В политической науке цивилизационный анализ одним из первых был использован русским ученым Н. Данилевским в книге «Россия и Европа». В этой работе цивилизационная парадигма представлена как

метод политического анализа, рассматривающий влияние культуры как решающий фактор в сфере формирования политики. Данилевский считал, что цивилизации основаны на духовных предпосылках - «сакральных ценностях» или «больших идеях», вокруг которых формируются сложные духовные системы, а вслед за этим возникают институциональные структуры в виде государственных образований. Особое значение имеет вывод автора о том, что в мире не может быть особых, привилегированных культурно-исторических типов, поскольку ни одна цивилизация не может создать «окончательные», универсальные формы общественного устройства: «Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поприще исторической деятельности человечества исходило во всех направлениях». [2, с. 109].

Таким образом, в рамках социокультурного анализа цивилизация рассматривается как живой организм, возникающий и развивающийся в пространстве по некоторым законам, которые важно учитывать при разработке политического курса. Выдающиеся политические мыслители - М. Вебер, А. Тойнби, П. А. Сорокин, О. Шпенглер - подчеркивали особую роль религиозной этики в формировании цивилизационной идентичности. Они утверждали, что цивилизации представляют собой типы человеческих сообществ, создавших уникальные формы религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Эти социокультурные притяжения — вера, почва и кровь — для народов, принадлежащих к одной цивилизации, в ситуации политического выбора являются более значимыми, чем любые экономические или политические выгоды.

Таким образом, социокультурный анализ базируется на ценностном обосновании политики. В частности, политика государства должна быть направлена на укрепление политической независимости, отстаивать цивилизационное своеобразие, исключать слепое политическое копирование чужих политических образцов, пусть даже вполне прогрессивных: у каждой цивилизации свой путь. При этом самой большой опасностью при разработке политики в рамках этой парадигмы является опасность отрыва от национальных истоков. Как ни важны при обыкновенном, мирном течении жизни экономические и финансовые вопросы, торговые, колониальные или дипломатические выгоды, все они отступают на задний план, когда речь идет о духовной жизни и смерти народов, т.е. об исполнении ими исторического призвания.

Особое значение в рамках социокультурного метода имеет обоснованный Данилевским политический закон о защите российской цивилизации с помощью дисциплинированного энтузиазма. В решительные минуты, в кризисы народной жизни на первый план выступают не деньги, даже не та или другая военная организация, а два нравственных двигателя, при посредстве которых только и возможно то напряжение всех сил народных, что все сокрушает и ничем само сокрушимо быть не может: «Это — дисциплина, или дар повиновения, или энтузиазм, или беспредельная готовность к самопожертвованию» [2, с. 458]

Следовательно, цивилизационная парадигма в российской политике предполагает, что главным фактором, интегрирующим большие пространства России, является цивилизационная идентичность. Основное следствие этой парадигмы состоит в том, что основным разрушительным фактором, с этой точки зрения, необходимо признать цивилизационную раздробленность: «политическое раздробление в среде одного и того же культурно-исторического типа имеет вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию» [2, с. 102].

Все это приводит к выводу о том, что социокультурный анализ в политике предполагает последовательное ценностное обоснование политического курса страны с точки зрения архетипов и кодов национальной культуры, активизацию в общественном сознании древней сакральной триады веры, почвы и крови.

Российская цивилизация — это богатая сокровищница традиций, ритуалов, моделей социальной самоидентификации и политической социализации. Политическая культура является стержнем российского политического процесса и политической деятельности, она формирует смыслы и ценности политического мира России, поскольку каждый политический акт в той или иной мере включает определенные культурные составляющие.

Таким образом, социокультурный метод позволяет современному политологу рассматривать российскую политику в широком ракурсе цивилизационных процессов, где мир политического органично включен в социально-экономическое и духовное развитие. Именно поэтому социокультурный метод играет сегодня ключевую роль при формировании современной российской политики.

Литература:

1. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бой за историю. М.: Наука, 1991.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Политический нигилизм как феномен полицентричного мира

Врезгова И.В.

МИРЭА-Российский Технологический Университет, доцент

viv-vera@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема политического нигилизма. Отмечается, что нигилизм имеет социальную природу. Нигилизм понимается как своеобразный вид негативного умонастроения, направленного на неприятие всего традиционного, начиная от ценностей и заканчивая моделями поведения, санкционируемыми обществом. Возникновение нигилизма всегда является отражением кризисных процессов в обществе. Подчеркивается международный характер политического нигилизма. В статье намечены пути преодоления нигилизма в современном обществе.

Ключевые слова: нигилизм, политика, конфликт, общество, ценности, демократия.

Political Nihilism as a Phenomenon of a Polycentrical World. Verezgova I.V.

MIREA – Russian Technological University

Abstract: The article analyses the problem of political nihilism. Nihilism is noted to be of a social nature. Nihilism is understood as a kind of negative mindset aimed at rejecting all traditional ones, ranging from values to patterns of behavior sanctioned by society. The emergence of nihilism is always a reflection of crisis processes in society. The international character of political nihilism is stressed. The article outlines ways to overcome nihilism in modern society.

Keywords: nihilism, policy, conflict, society, values, democracy

Современный мир – мир инноваций. Это проявляется практически во всех сферах общественной жизни и затрагивает все современные государства. Инновации связаны с распространением цифровых технологий, которые способствуют решению многих проблем человеческого существования. Цифровые технологии, искусственный интеллект дают возможность использовать принципиально новые алгоритмы преодоления кризисных ситуаций. Но вместе с тем виртуально-информационная реальность, в которой живет современный человек, создает во многом иллюзорный мир, связанный с легкостью общения в социальных сетях, доступностью любой информации и т.д. Компьютерная социализация подчас приводит к серьезным внутриличностным конфликтам, связанным, например, с противопоставлением ценностных моделей поведения, транслируемых через компьютерные игры и модели, провозглашаемых семьей, старшими поколениями, как агентами социализации. Происходит конфликт между формами социализации. Объективная реальность, сталкиваясь с виртуальным миром, теряет привлекательность. Происходит переосмысление политического и социального опыта предшествующих поколений. Это приводит, прежде всего, к отрицанию тех моделей и ценностей, которые были значимы для предыдущих поколений, т.е. к нигилизму.

Термин нигилизм (от лат. nihil – ничто) означает отрицание общепринятых норм, ценностей, морали, культуры, правил, выработанных предшествующими поколениями. Это своеобразный вид негативного умонастроения, направленного на неприятие всего традиционного, начиная от ценностей и заканчивая моделями поведения, санкционируемыми обществом. Нигилизм имеет социальную природу и, в то же время, отрицает законы данного общества. Он пересматривает общепризнанные стереотипы поведения, утверждая социально негативный стиль восприятия действительности. Нигилизм предопределяет социально-политические перемены.

Феномен нигилизма, знакомый отечественной и европейской истории, оказался удивительно устойчивым, способным к воспроизводству. С XI века, когда появляются религиозно-философские течения, отрицающие человеческую природу Христа, называемые «нигилианистскими» этот феномен становится частью мировой истории. Он существует и видоизменяется вплоть до «современного нового нигилизма».

В каждый исторический период этот термин приобретает свое особое значение и наполняется новыми смыслами и акцентами. Так во французской литературе конца XVIII – начала XIX вв. он употреблялся для обозначения крайностей скептической философии (напр. Прудон). В значении крайнего идеализма его употребляли немецкие философы. Так, Фридрих Генрих Якоби (1743-1819г.) критиковал философию И.Г.Фихте и Шеллинга, усматривая в ней тенденции к пантеизму и нигилизму. В философии Ф.Ницше нигилизм приобретает культурно-историческое значение. Он использует данное понятие, чтобы охарактеризовать сущность современной ему культурно-исторической эпохи. «Что обозначает нигилизм?» – спрашивает он. И отвечает: «То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»». [1, с. 9] Нигилизм, по мнению Ф.Ницше, отрицает традиционно-либеральные ценности и идеалы. И в этом смысле его синонимом является пессимизм. Можно сказать, что это пассивная форма нигилизма. Однако Ницше предполагает утверждение новой ценности – ценности «сверхчеловека», что символизирует активную форму нигилизма, его позитивные последствия.

В отечественной литературе И.С.Тургенев в романе «Отцы и дети» (1862) в лице студента Базарова создал обобщенный образ русского нигилиста – «образовавшегося в 50-х годах XIX века нового русского умственного типа», как писал С.Л.Франк. [2, с. 63]

Отстаивая пользу отрицания, студент Базаров критиковал общественную мораль и образ жизни, социально-политическое устройство государства. Как представитель новой морали он отрицал «все», ко всему относился «с критической точки зрения». «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип», - устами Аркадия отмечает И.С.Тургенев. [3, с.331] А на замечание о необходимости созидания Базаров отвечает: «Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить». [3, с. 357] Подобная установка вроде бы направлена на поиск истины «свободным разумом». Но вместе с тем она значительно ограничивает творческие возможности своего создателя, так как он может опираться только на свой опыт, на то, что ему известно и понятно, отрицая многовековой опыт, накопленный предыдущими поколениями.

Негативная программа нигилизма XIX века, отрицающая устои общества, общественной морали, традиционного образа жизни символизировала межпоколенный кризис, который, по сути, был лишь отражением социально-политического кризиса. В конце XIX века слово «нигилист» приобретает в обществе резко отрицательный, смысл, становится синонимом русского радикализма. Н.А.Бердяев полагал, что нигилизм является чертой российского менталитета. Отмечая важность и даже необходимость нигилизма для России, ее культурно-исторического развития русские философы, например С.Н.Булгаков, сопоставляли его с христианством. Они отметили характерные особенности русского нигилизма. Это – культ служения народу, нелюбовь к чиновничеству, карьеризму, осуждение барства, «опрошение» и аскетизм и др. Не случайно, как писал П.А.Кропоткин: «Нигилизм... был только переходным моментом к появлению «новых людей», не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших, вместе с тем, для великого дела». [4, с. 185]

Нигилизм как явление распространяется во времена социальных кризисов. Вместе с тем в обществе всегда наблюдаются нигилистические тенденции. Нигилизм не уничтожим. Идеологический, религиозный, политический и др. плюрализм порождает многообразие ценностных установок, идеалов, понимания путей и способов их достижения, что у определенной части общества вызывает неприятие, отрицание.

Социально-политический кризис конца XX – начала XXI века способствовал появлению новых тенденций отрицания. Социальный кризис совпал также по времени с технологической революцией и во многом был ею обусловлен. Изменение коммуникативного пространства личности привело к переосмыслению существующих ценностных установок и породило нигилистические настроения в коллективном сознании.

Политический нигилизм все больше распространяется в современном мире. Его проявления многогранны. Примером политического нигилизма можно назвать нежелание части населения США признавать итоги президентских выборов 2016 года. Обосновывая свою позицию демократическими принципами, проигравшее меньшинство пытается оспорить итоги выборов. Подобные тенденции внутриполитического нигилизма прослеживаются и в нежелании признать Brexit в Великобритании. В то же время властная элита США и президент Дональд Трамп пересматривают мировой порядок, отказываясь от ряда международных соглашений, например от Парижского соглашения по климату.

Тенденции отрицания, нигилизма становятся господствующими в политической практике и во внутренней политике США и других стран. Так, Пол Волкер, возглавлявший ФРС в 1979–1987 гг. в эссе, отмечает, что нигилистические силы пытаются дискредитировать американскую демократию и президент в открытую диктует Федеральной резервной системе, независимому институту, что ей делать [5]. Политический нигилизм опасен сломом всей мировой системы международных отношений. В полицентричном мире важно соблюдение межгосударственных договоренностей, как основы международного права. Отрицание базовых ценностей международных отношений может привести к серьезным политическим конфликтам.

На наш взгляд важно определить рамки, границы этого процесса отрицания. В исторической перспективе в рамках общественного прогресса отказ от старого, тормозящего развитие, является позитивной тенденцией. Старые правовые нормы, ценностные установки мешают трансформации общества, вступают в противоречие с новыми технологиями. Каждое новое поколение создает свои нормы, учитывая все недостатки прежней нормативной системы и представляя новые идеалы общественного развития. Отрицая авторитеты важно сохранять устои и базовые ценности, обеспечивающие преемственность поколений и стабильность социально-экономической системы. Глобальный социальный, политический нигилизм следствием может иметь разрушение общества или, по крайней мере, глубочайшие потрясения, которые могут стать нормой жизни многих поколений.

Вместе с тем важной проблемой является и обнаружение различных латентных, неявных форм нигилизма. Как правило, они формируются на основе социальных сетей, стирающих коммуникационные границы, и затрагивают исключительно молодежь, некритически воспринимающую информацию, распространяемую через всемирную сеть.

В настоящее время перед обществом стоит серьезная проблема, связанная с необходимостью преодоления нигилизма. Важно переориентировать нигилистическое сознание, т.е. отрицание всего – норм, ценностей и др. – на рационально-критическое отношение, предполагающее позитивные изменения социума. Критическое отношение к социальной реальности предполагает не только изучение и осмысление противоречий целей и возможных способов их достижения, но понимание и выработку альтернатив, т.е. позитивную программу, способствующую социальному прогрессу. Преодолеть последствия нигилизма (морального, правового, политического) возможно лишь развив навыки социальной адаптации, одновременно преодолевая фобии, связанные с глобализирующимся миром. Это возможно на основе укрепления общественного консенсуса по поводу социально значимых ценностей, существующих в едином пространстве социального дискурса.

Литература:

1. Ницше Ф. Полн. собр. соч., т. 9, М., 1910.
2. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. № 3. С. 56-77.
3. Тургенев И.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: Правда, 1968 г.
4. Кропоткин П.А. Записки революционера. АКАДЕМИА, 1933.
5. Фолкер П. Американская демократия может превратиться в тиранию. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/12/11/818477-volker-demokratiya-tiraniyu> (дата обращения: 23.01.2020)

Метафора «партитуры» как модель социальной звуковой реальности

Гладкова И.В.

Уральский государственный горный университет, доцент. Кандидат философских наук

gladkova21@yandex.ru

Вершинин С.Е.

Российский государственный профессионально-педагогический университет, профессор. Доктор философских наук

sergejwerschinin@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрена современная ситуация в социальных и гуманитарных науках в связи с изучением звука как социального феномена и звукового ландшафта социальной жизни общества; установлено, что глубокого анализа и широкого освещения в философском и социально-политическом дискурсе данная тема не получила. При этом, использование аудиальной модальности расширяет возможности объяснения и интерпретации сложных социальных процессов. Отсюда возникает необходимость создания онтологии социального звука, которая, в свою очередь, требует выработки нового понятийного аппарата. Авторы выдвигают и обосновывают идею введения в акустическую терминологию метафоры «партитура», с помощью которой можно преодолеть фрагментарность в восприятии социальной реальности и попытаться целостно осмыслить звуковую картину жизни общества. Большой герменевтический потенциал и экспликативные возможности метафор позволяют исследовать конкретные свойства явлений. В частности, обращение к метафоре «партитура» позволяет рассматривать в единстве множество взаимосвязанных явления как социальную полифонию. Рождение субметафор расширяет возможности интерпретации звукового ландшафта в социальном контексте.

Ключевые слова: метафора партитуры, «звучащая» философия, феномен социального звука, звуковая картина общества, субметафора, картографирование.

The “Score” Metaphor as a Model of Social Sound Reality.

Gladkova I.V.; Vershinin S. E.

Ural State Mining University; Russian State Vocational Pedagogical University

Abstract: The article considers the current situation in the social and human sciences in connection with the study of sound as a social phenomenon and the sound landscape of the social life of society; it has been established that this topic has not received in-depth analysis and wide coverage in philosophical and socio-political discourse. At the same time, the use of audio modality expands the possibilities of explanation and interpretation of complex social processes. Hence the need to create an ontology of social sound, which, in turn, requires the development of a new conceptual framework. The authors put forward and substantiate the idea of introducing into the acoustic terminology the metaphor “score”, with which you can overcome the fragmentation in the perception of social reality and try to holistically comprehend the sound picture of society. The great hermeneutic potential and the explicative capabilities of metaphors allow us to study the specific properties of phenomena. In particular, the appeal to the metaphor “score” allows us to consider in unity a multitude of interrelated phenomena as social polyphony. The birth of sub-metaphors expands the possibilities of interpreting the sound landscape in a social context.

Keywords: metaphor of the score, “sounding” philosophy, the phenomenon of social sound, sound picture of society, submetaphor, mapping.

1. Развитие социальных и гуманитарных наук в последние десятилетия характеризуется нарастанием интереса к звуковой стороне жизни общества. Изучением звуковых феноменов в различных аспектах занимаются такие научные направления как лингвистика, архитектура, урбанистика, экология, дизайн,

гуманитарная география, психология, педагогика, философия и др.

2. Сложность и неизученность звука как социального феномена приводит к необходимости выработки особой терминологии. Это касается, прежде всего, базовых терминов. Как лучше сказать по-русски: звуковой ландшафт, звуковое пространство, звуковое поле, акустическая среда? Как можно классифицировать шум в социокультурных сферах жизни – как белый или розовый? Возможно ли разграничить термины «акустический» и «аудиальный» – как объективное звукопорождение различными техническими и социальными системами и его субъективное восприятие различными индивидами и группами? Для решения этих и подобных им вопросов требуется создание онтологии социального звука, которая, в свою очередь, требует кардинального пересмотра всей истории философии и социологии в сторону усиления внимания к акустике социальной жизни.

3. Для этого имеются определённые основания – например, работы А. Белого «Глоссология», Р. О. Якобсона «Звук и значение», С. Н. Булгакова «Философия имени», О. Розенштока-Хюси - «Речь и действительность», Р. Шейфер «Настройка мира» и др. Однако следует обратить внимание на дискриминацию звука в социальных науках (например, социологии), в отличие от гуманитарных (филологии, антропологии, культурологии и др.). В полной мере это относится и к философии – она должна стать звучащей не только по способу существования, но и по предмету изучения.

Один из путей к этому – вслушивание: «Вслушивание порой способно предстать не только как способ восприятия звуковой информации, но и как прикосновение к звучанию в его предельной абстрактности. Кажется, именно этот момент, предшествующий рождению смысла, и оказывается местом встречи звука и философии» [1, с. 87].

4. Существующие исследования, как правило, высвечивают отдельную сферу звуковой жизни общества (города, социальной группы, социальных движений и т.д.). Однако социокультурное пространство существует в единстве многих факторов: идеологических, научных, образовательных, национально-этнических, религиозных, художественно-эстетических, бытовых, информационно-технологических и многих других. Для анализа социальной реальности и преодоления фрагментарности ее восприятия необходимы другие термины и концепты, которые смогли бы охватить и осмыслить целостную звуковую картину жизни общества.

5. С нашей точки зрения, заслуживает внимания вариант введения в акустическую терминологию скорее не какого-то абстрактного понятия, а метафоры «партитура». Применение данной метафоры обусловлено сложностью объекта изучения.

Феномен социального звука не имеет четко определённых пространственных границ, скорее можно говорить о временных характеристиках, в частности, длительности и взаимодействии различных звуковых потоков. Это обстоятельство делает необходимым, на наш взгляд, использование метафоры «партитуры», а не абстрактного понятия «система».

Научная метафора сама по себе имеет большой образный и герменевтический потенциал. «Метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание, и имеют мало общего с объективной реальностью, если таковая существует. Тот факт, что наша понятийная система в своей основе метафорична, тот факт, что мы понимаем мир, думаем и действуем в метафорических терминах, что метафоры не просто понимаются, но к тому же могут обладать свойствами значимости и истинности» [2, 208].

Экспликативным возможностям метафор, способствующих оригинальной интерпретации сущности явлений социальной практики, посвящены многие современные исследования [3,4,5]. Метафорическая проекция позволяет сфокусировать внимание исследователя на конкретных свойствах изучаемых (рассматриваемых) явлений.

Дискурсивная метафора «партитура» в объяснении феномена социального звука позволяет:

- а) показать единство многообразных, тесно взаимосвязанных друг с другом звуковых явлений и процессов.
- б) подчеркнуть активность каждой сферы общественной жизни: образовательной, научной, художественно-эстетической, национально-этнической, религиозной, идеологической и др., и ее

Грибовод Е.Г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, научный сотрудник отдела философии. Кандидат политических наук

gribovod_kate@mail.ru

- относительную самостоятельность в виде собственной инструментальной партии. В партитуре есть своя драматургия и динамика - в процессе общего развития каждая сфера может усиливать свое «звучание», доминировать, может временно становиться гармоническим «фоном», «фактурой», «подголоском». В партитуре есть паузы, тишина, «пустоты», есть мощное tutti.
- в) можно увидеть доминирование того или иного «дирижёра» в определённых социальных ситуациях (в политической сфере это может быть власть, оппозиция, внешние силы и т.д.).
- г) возможно рассмотрение взаимовлияния разных звуковых пластов как управляемого процесса или диссонанса (какофонии) звуков.

В свою очередь метафора «партитуры» может рождать и субметафоры, позволяющие в ином ракурсе и объеме рассматривать явления звуковой социальной среды. Так, звуковая картина общества, складывающаяся из множества звуковых потоков и голосов, может быть рассмотрена как социальная полифония. Социально-политические конфликты, которые во многих случаях проявляются через столкновения звуковых действий индивидов и групп, могут в определённых аспектах осмысляться через социальный диссонанс. Социальные движения могут быть проанализированы с помощью модернизированного понятия «концертированной акции» (популярного в ФРГ с начала 1970-х гг.).

Такой подход можно использовать для решения одной из важных задач акустического анализа – картографирования звуковой социальной среды.

Литература:

1. Рясов А.В. К онтологии звука: вслушивание как способ бытия-в-мире //Новое литературное обозрение. 2017. №6 (148). С.87-93.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 208.
3. Кульчицкая Л.В. Метафора в науке и научная метафора в аспекте когнитивной метафорологии: уточнение понятий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4(32). С. 57-66;
4. Нежданов Д.В. Научная метафора в контексте типологии метафор (На примере метафоры «политический рынок») // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2007. № 48, вып.2. С. 5-13;
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Аннотация: В условиях цифровой трансформации общества и человека, развития нано-био-инфо-когнитивных (НБИК) технологий, глобализации и медиатизации философия политики и философия права, как и другие гуманитарные области знания, оказываются в фокусе научного внимания. Актуальность работы заключается в теоретической ревизии философско-правового дискурса, формируемого под влиянием технологий изменения природы человека. Проведенный концептуальный анализ позволил выделить и рассмотреть концепты «биоэтика», «нейроэтика», «трансгуманизм», «постгуманизм», «гуманитарная экспертиза», которые интегрировались в концептосферу философии права и политики. Установлено, что философско-правовой дискурс в условиях технологических изменений формируется под влиянием как семантически близких категорий, так и при пересечении определенных предметно-дискурсивных полей, среди которых зонтичной областью становятся биотехнологии. Единый категориальный аппарат, придаст новый импульс правотворчеству и юридической практике по регулированию вопросов, связанных с развитием биотехнологий.

Ключевые слова: гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, биоэтика, концепт, философия права, гуманитарная экспертиза.

Special aspects of philosophical and legal discourse in the era of the development of biotechnology. Gribovod E. G.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Abstract: In the context of the digital transformation of society and man, the development of NBIC technologies, globalization and mediatization, the philosophy of politics and law, like other humanitarian fields of knowledge, are in the focus of scientific attention. The relevance of the work lies in the theoretical revision of the philosophical and legal discourse, formed under the influence of technologies of changing the nature of man. The conceptual analysis made it possible to mark out and consider the concepts of “bioethics”, “neuroethics”, “transhumanism”, “posthumanism”, and “humanitarian expertise”, which were integrated into the conceptual sphere of the philosophy of law and politics. It has been established that philosophical and legal discourse under the conditions of technological changes is formed under the influence of both semantically close categories and when certain subject-discursive fields intersect, among which biotechnologies become key field. A single categorical apparatus will give a new impact to lawmaking and legal practice in regulating issues related to the development of biotechnology.

Keywords: humanism, transhumanism, posthumanism, bioethics, concept, philosophy of law, humanitarian expertise.

¹ В условиях технологических изменений разные сферы гуманитарной науки, в том числе философия политики и права, вынуждены адаптироваться и оперативно реагировать на вызовы современных технологий (искусственный интеллект, генная инженерия, нанотехнологии, биотехнологии и др.). Несмотря на то, что процесс внедрения новых технологий может происходить в течение долгого времени, фиксируется тенденция сокращения периода от научного открытия до его применения [1,

ⁱ Статья выполнена в рамках работы по проекту МК-2621.2019.6 грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК-2019).

с. 217]. Именно гуманитарная сфера, выполняя роль этического цензора (этического и морального контроля), осуществляет гуманитарную экспертизу всего цикла жизнедеятельности новых технологий (от идеи до ее воплощения на практике). Как подчеркивает Б.Г. Юдин стоит учитывать, что, с одной стороны, научное сообщество стремится сохранить свободу научного поиска, а, с другой стороны, ограничить ее для безопасности человека. [2, с.231] Поэтому исследователь отводит важное место гуманитарной экспертизе как инструменту междисциплинарного обсуждения и прогнозирования научным сообществом последствий и рисков внедрения различных технологий по модификации природы человека [3, с.177]. Концепция гуманитарной экспертизы включает два важных механизма – междисциплинарность и комплексность. Именно благодаря им для решения поставленной задачи формируется коммуникативный процесс, предусматривающий участие акторов разных областей знаний косвенно и /или напрямую задействованных в поиске оптимального результата, а также прогнозировании рисков и возможностей. [4, с. 136].

Концептосфера философии политики и права расширяется за счет появления новых дискурсивных единиц или концептов. В самом общем смысле концепт можно определить как «многослойные дискурсивные образования, структуру которых формируют различные способы обозначения определенной когнитивной единицы, которая дает единое наименование всем вариациям дискурса» [5, с. 90]. На стыке определенных предметно- дискурсивных полей, а именно философии, права, этики, биотехнологии и медицины появляется феномен – биоэтика, которая направлена на решение ряда практических и теоретических вопросов, связанных с изменением природы человека под воздействием современных технологий. Единого определения данного концепта в академической науке не разработано. В зависимости от оптик исследования, например, при взаимодействии с правом данную категорию рассматривают, во-первых, как социальный институт, который, как и система права направлен на охрану и поддержания прав человека. Стоит отметить, различные этические комитеты при медицинских учреждениях и др. По мнению К.А. Петрова и К.С. Смирнова границы права и биоэтики в данном случае совпадают. Во-вторых, биоэтика, ее принципы могут применяться, как источник права и быть формализованы в правовые практики [6]. Ряд исследований делает акцент на рассмотрении биоэтики как области науки и учебной дисциплины, формирующей нравственный, этический и правовой каркас будущих медицинских работников [7]. Кроме того, биоэтику определяют как систему этических, ценностных констант, регулирующих исследовательскую работу как гносеологического, так и прикладного характера, формализованную в ряде норм, правил, рекомендаций, принципов и др. Подчеркнем, что не стоит рассматривать биоэтику и нейроэтику как синонимы. Как отмечают исследователи, нейроэтика формируется на пересечении предметно-дискурсивных полей нейронаук и биоэтики. Обобщая, отметим, что нейроэтика как направление биоэтики исследует вопросы, связанные с развитием и влиянием отдельных практик и технологий (например, «биотехнологии когнитивного улучшения человека») [8, с. 97.], а также становлением нейронаук и нейрофилософии в целом.

На стыке предметно-дискурсивных полей философии, медицинской антропологии, биотехнологии и генетики конструируются два понятия – «трансгуманизм» и «постгуманизм». Кризис традиционной концепции гуманизма, который фиксируют исследователи [9, с. 43; 10, с. 43], экологический и антропологический кризисы [11; 12], актуализируют проблематику трансгуманизма и постгуманизма как зонтичных концептов, характеризующих совокупность процесса, связанных с модификацией природы человека и социума под влиянием достижений современной науки и техники.

Представления исследователей о трансгуманизме можно рассмотреть с позиции «риторики риска», то есть тактики и стратегии характеристики риска. Трансгуманисты апеллируют к неизбежности появления новых технологий и связанных с ними рисками как сопутствующего условия прогресса человека и социума. В то же время защитники природы (представители, критикующие трансгуманизм) акцентируют внимание на негативных последствиях и непрогнозируемых рисках и угрозах от разработки и применения тех или иных современных технологий [13]. Риторические стратегии и философско-правовой дискурс последователей трансгуманизма и защитников природы лишь подтверждают необходимость гуманитарной экспертизы технологий. Однако в эпоху больших данных цифровая трансформация современного общества и человека, указывает на взаимный процесс. С одной стороны, общество становится все более технологичным, с другой – технологии как ресурс и ценность более ориентированы на потребности человека.

Если трансгуманизм в целом рассматривают как усиление или обновление гуманизма, то постгуманизм более неоднозначный феномен, объединяющий различные позиции и взгляды, критикующие и

отрицающие идеи и принципы классического гуманизма [14, р. 8]. Одной из центральных категорий, которой оперируют постгуманисты, становится «постчеловек». Именно попытка отказаться от дуалистической антропологии, признать человека как единую единицу (не разделяя на материальные и духовные компоненты) отличает данный философский подход [14, р. 33-34].

Таким образом, ряд глобальных процессов и трендов оказывает эпистемологическое влияние на философско-правовой дискурс в эпоху развития биотехнологий. Во-первых, цифровизация общества и человека (разработка и внедрения технологий в сфере искусственного интеллекта, дополнительной и виртуальной реальности, больших данных и др.). Во-вторых, глобализация, коммерциализация и медиатизация как глобальные процессы. В третьих, в целом технологические изменения общества, а в частности развитие и распространение НБИК-технологий. В условиях развития технологий изменения природы человека философско-правовой дискурс конструируется в результате пересечения и взаимовлияния определенных предметно-дискурсивных полей, среди которых ключевой сферой являются биотехнологии, а также при взаимодействии семантически близких категорий. Ревизия категориального аппарата, концептуальных правил и принципов концептосферы философии права и политики в контексте развития биотехнологий позволит разработать критерии и методы оценки правоприменительных практик, а также инструменты философской критики и рефлексии фундаментальной исследовательской работы.

Литература:

1. Мещерякова Т.В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 216–221.
2. Юдин Б.Г. В фокусе исследования – человек: этические регулятивы научного познания // Философия науки. 2005. Т. 11. (№1). С. 224–242.
3. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.
4. Нежметдинова Ф.Т. Гуманитарная экспертиза рисков внедрения современных технико-технологических достижений НБИК – технологий на основе биоэтики: методологический подход // Инноватика и экспертиза. 2013. Вып. 1 (10). С. 132–138.
5. Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 90–130.
6. Петров К.А., Смирнов К.С. Философские аспекты соотношения биоэтики и права // Философия права. 2016. № 3 (76). С. 7–13
7. Агеева Н.А. Теоретическое обоснование биоэтики в контексте гуманизма // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 4. С. 36–41.
8. Попова О.В., Тищенко П.Д., Шевченко С.Ю. Нейроэтика и биополитика биотехнологий когнитивного улучшения человека // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 96–108.
9. Давыдов, Д.А. Обреченный гуманизм? Размышляя над книгами Ю.Н. Харари «Sapiens» и «Homo Deus» // Свободная мысль. 2018. № 6. С. 33–46.
10. Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 38–52.
11. Рыбин В.А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2017. № 13 (409). Вып. 46. С. 5–16.
12. Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д. Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня // Культурное наследие России. 2015. № 4. С. 16–19.
13. Lilley S. Transhumanism and Society: the Social Debate over Human Enhancement.; New York: Springer Dordrecht Heidelberg, 2013. 91 p.
14. Ranisch R., Sorgner S.L. Post- and Transhumanism: an introduction. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 313 p.

Голубев И. С.

Белорусский Государственный Университет, магистрант

Vanya2010@list.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен принятия политического решения в контексте политической теории М. Вебера. Анализируется веберовское представление о сущности современного государства, рассматривается его взаимосвязь с феноменом насилия, являющегося главным способом легитимации господства в государствах нового типа. В то же время, в государствах «старого типа» существовали и иные способы легитимации власти, поскольку выбор способа легитимации больше зависел от личных моральных качеств политика. Деятельность «политиков по призванию» рассматривается в контексте этики ответственности М. Вебера. Делается вывод о том, что со времён становления бюрократического государства, «политики по профессии», ставшие основными акторами осуществления политической деятельности имеют затруднения с принятием непосредственно политических решений, ввиду отсутствия достаточных личных моральных оснований в своей деятельности.

Ключевые слова: решение, бюрократическое государство, политика, этика ответственности, насилие, уход от существа дела.

**The Phenomenon of Decision in Max Weber's Political Theory.
Golubev I.S.**

Belarusian State University

Abstract: The article deals with the phenomenon of political decision-making in the context of the political theory of M. Weber. Weber's idea of the essence of the modern state is analyzed, the relationship between the state and the phenomenon of violence – the main way to legitimize power of the state is examined. At the same time, in the “old type” states there were other ways of legitimizing power, since the choice of the method of legitimization depended more on the personal moral qualities of the politician. The activities of “vocation politicians” are considered in the context of the ethics of responsibility of M. Weber. Since the formation of the bureaucratic state, “politicians by profession”, who have become the main actors in the implementation of political activities, have difficulty in making directly political decisions, due to the lack of sufficient personal moral grounds in their activities.

Keywords: decision, bureaucratic state, politics, ethics of responsibility, violence, Unsachlichkeit.

Непреходящий интерес к творчеству Макса Вебера свидетельствует об актуальности его идей для современного социально-гуманитарного познания. Так, говоря о его вкладе в политическую теорию, в качестве наиболее ярких примеров можно привести ставшие уже хрестоматийными определения государства, – организованного «по типу учреждения союза господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства» [1, с.651] или же власти, понимаемой как «способность индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания от действий, которое Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А» [2, с.418]. Значительный интерес исследователей также веберовская концепция легитимности власти и его теория бюрократии; немалое значение для анализа в контексте политической теории представляет собой и широко известная работа Вебера

«Протестантская этика и дух капитализма». В то же время обширный и многогранный характер теоретического наследия этого немецкого мыслителя, и по сей день позволяет актуализировать те или иные проблемные поля его исследований. Одна из таких тем, раскрывающаяся, по сути, в итоговой работе Вебера по политической теории «Политика как призвание и профессия» затрагивает феномен принятия решения в его этико-политической «ипостаси».

Упомянутое выше определение государства как союза, «претендующего на монополию легитимного физического насилия» [1, с.645], Вебер, как известно, получает по результатам проведённого им анализа функций господства с точки зрения их фундаментальной значимости для существования государства, выделяя именно насилие в качестве таковой. При этом Вебер указывает, во-первых, что целью его теоретических изысканий не является определение сущности государства как такового; а во-вторых, что речь идёт, прежде всего о современной форме существования государства, государстве «нового типа», – эпохи Модерна, – которое представляет собой, бюрократизированное аппаратное насилие легитимных форм принуждения. «Именно в наше время, – замечает Вебер, – отношение государства к насилию особенно интимно (innerlich). В прошлом различным союзам — начиная с рода — физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — «область» включается в признак! — претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия» [1, с.645]. Из этого фрагмента становятся очевидным, что насилие лежит в основе, является сущностью современного Веберу государства, но так, по его мнению, было не всегда – для государств старого типа насилие являлось лишь одним из возможных, но не единственным и даже не главным способом легитимации господства. Но что, а вернее кто реализует это господство?

Основой всякого «политического союза», как старого, так и нового типов являются люди, работавшие, говоря языком Вебера, в политике по призванию и/или профессии. Они же, так или иначе, неважно идёт ли речь о чиновниках, «работающих на местах» или о государственных лидерах, – «делают политику» – то есть предпринимают необходимые шаги для решения тех или иных насущных вопросов, возникающих в пространстве политического. Коротко говоря – принимают решения. Или не принимают, всячески оттягивая момент принятия решения с помощью всевозможных профессионально-политических уловок, превращая принятие решения в процесс по его принятию, что становится возможным, когда государство оказывается «насквозь заорганизованным сверху донизу партийным предприятием [...] целью которого является исключительно достижение прибыли через политическое господство» [1, с.684]. Об этом же говорит и известный политический теоретик. Шмитт, отмечая, что «Современное государство, кажется, уже действительно стало тем, что усматривает в нем Макс Вебер: большим предприятием. Политическую идею, в общем, принимают лишь тогда, когда удастся указать тот круг лиц, который имеет очевидный экономический интерес, чтобы воспользоваться ею к своей выгоде. «...» [Так] обходят сердцевину политической идеи, притязательное моральное решение [3, с.58].

О необходимости принятия «притязательного морального решения» говорит и Вебер, превращая изначально этический выбор в выбор политический. В силу ограниченного объёма данного текста, провести детальный анализ взаимосвязи веберовской этики ответственности и его политической теории вряд ли возможно. Здесь же особо отметим, что в основании его этико-политических стремлений лежит непреложная результативность политического акта, его реальная практическая значимость, которая, впрочем, не будет достигнута без «веры во внеэмпирическую значимость Дела, которому он служит» [4, с.93]. Ни о каком «Деле» в рамках бюрократического государства Веберу говорить не приходится: он достаточно резко критикует сложившуюся партийно-политическую систему, при которой «беспринципные партии» в рамках непрекращающейся политической гонки могут изменять избранный ранее курс, если это сулит больший «улов голосов» в будущем, тем самым ставя под сомнение и прошлое, и настоящее. Что это, как не постоянный «уход от существа дела» (и «Дела!») и тотальная «безответственность», – те самые веберовские смертные грехи в политике, та самая неспособность жить для политики, отсутствие страсти к ней? В то время как в «государствах старого типа» политический субъект осознавал, что существует «прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права» [1, с.665]. В меньшей степени эта ответственность затрагивает принятие решений по тем политическим вопросам, комплекс мер-ответов на которые уже был легитимирован заранее. И в куда большей степени речь идёт о принятии суверенного решения – о выборе конкретного пути разрешения проблемы, исходя из собственных представлений о благе (а, значит, и о политическом общем «Деле», уход от существа которого более невозможен) под личную ответственность.

В большинстве государств «нового типа», по мнению Вебера, практика политической аргументации основывается, в основном, на этике убеждения, которая, как известно, противопоставляется этике ответственности. И если последняя стремится, прежде всего, к достижению конкретных результатов, то первая, как правило, основывается на разного рода теоретических абстракциях, что соответствующим

щим образом влияет на политическую действительность. Конечно, это не значит, что решения теперь не принимаются совсем. Они принимаются поэтапно, а иногда и по кругу, проходя через всевозможные инстанции и организации бюрократической пирамиды, замедляя и затрудняя принятие решений даже по самым незначительным вопросам. Сам Вебер, как известно, с пессимизмом оценивал перспективы развития современных ему государственных форм, поскольку, по его мнению, профессиональные политики, живущие за счёт политики, не хотят, да и не способны брать на себя ответственность, особенно ту, которая не ведёт к их основной цели – материальному обогащению, а, значит, не способны принимать исключительные решения по принципиальным вопросам.

Литература:

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.
2. Власть // Новая философская энциклопедия в 4т. М.: Мысль, 2010. 742 с.
3. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–60.
4. Давыдов Ю. Н. Этика убеждения и этика ответственности // Этическая мысль. Выпуск 7. М, 2006. С. 83–110.

Философский потенциал межпарадигмальной конструкции «конституционная политика»

Джанкезов Б.М.

Институт гуманитарных исследований и социальных технологий, директор

bmd_09@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу философских аспектов концепта конституционной политики как междисциплинарной межпарадигмальной конструкции, объединяющей методологию политической науки и конституционного права. Рассмотрены особенности институционального подхода в политической науке как онтологического выражения конституционной политики. Подчеркнута значимость аксиологических основ конституционной политики, а также искусственность антиномии естественного права и позитивного права. Указаны особенности исторического контекста принятия Конституции России и перспективы трансформации в современное нормативное воплощение общественного договора.

Ключевые слова: право; политика; конституция; институционализм; неoinституционализм; естественное право; позитивное право; конституционная политика.

The Philosophical Potential of the ‘Constitutional Politics’ Inter-Paradigm Construction. Dzhankeзов B.M.

Institute for Humanitarian Research and Social Technologies

Abstract: The article is devoted to the analysis of philosophical aspects of the concept of constitutional politics as an interdisciplinary inter-paradigm construction that combines the methodology of political science and constitutional law. The features of the institutional approach in political science as an ontological expression of constitutional politics are considered. The importance of the axiological foundations of constitutional politics is emphasized, as well as the artificiality of the antinomy of natural law and positive law. The features of the historical context of the adoption of the Constitution of Russia and the prospects for transformation into a modern normative embodiment of a social contract are indicated.

Keywords: law; politics; constitution; institutionalism; neo-institutionalism; natural law; positive law; constitutional politics.

Конституционная политика как межпарадигмальная конструкция

Право и политика представляют собой тесно взаимосвязанные социальные феномены, исторически существующие в отечественной реальности на параллельных курсах. Развитие политической науки и науки конституционного права в нашей стране идет достаточно специфическим путем. В советский период политологии как отдельной отрасли научного знания не существовало, и многие понятия этой науки изучались в рамках юриспруденции. В современных условиях российской истории эти две отрасли социально-гуманитарного знания отгородились друг от друга искусственными барьерами методологического и прикладного характера, что привело и приводит к обеднению понятийного аппарата обеих дисциплин и ставит под вопрос релевантность соответствующих научных исследований.

Философское осмысление современных проблем российской государственности через комбинирование познавательных способностей политологической и юридической парадигм возможно с использованием междисциплинарной терминологической конструкции «конституционная политика», поскольку «конституционное право – юридическая оболочка политики». [1, с. 46]

Конституционная политику расширительно можно определить, как: «междисциплинарный синтетический подход, сочетающий методологию политической науки, науки конституционного права и методы политического анализа для изучения институционального дизайна и динамики национальных,

наднациональных и международных политических институтов в сочетании с интересами личности, общества, государства и международного сообщества». [2]

Данный комплексный межпарадигмальный подход можно определить как метатеорию, «выступающую масштабным средством интерпретации крупных областей/процессов и связывающую онтологические, методологические и эпистемологические измерения». [3, с. 26]

Категория «конституционная политика» довольно распространена в англоязычной литературе, но имеет ли право она существовать в рамках отечественной политической философии?

Процедура «узаконивания» (justification) политических концептов в политической теории имеет четыре наиболее важных аспекта:

1. Узаконивание предполагает выдвижение последовательных, непротиворечивых и логичных аргументов.
2. Узаконивание возможно только в рамках политической философии, поскольку аргументы и узаконивание – это наша связь с соображениями, которые имеют для нас значение.
3. Узаконивание концепции в рамках политической теории должно базироваться на диалоге. Без идеологических споров и идеологической борьбы.
4. Признание сущностно конкурентной природы политических концепций должно базироваться на понимании, что для ряда исследователей определенная доктрина может восприниматься как идеология, в то время как для других выступать в качестве узаконенной научной теории. [4, с. 92-93]

Представляется, что концепт конституционная политика отвечает всем вышеуказанным аспектам.

Институциональный подход к исследованию политики и права

Политическая наука в XXI веке находится в серьезном методологическом кризисе, обусловленном коренной трансформацией системы социальных и политических связей и институтов в современную эпоху и противоречием традиционных, морально устаревших, методов и подходов. Применительно в России О.В. Гаман-Голутвина констатирует, что

«состояние современного отечественного политико-методологического дискурса удручающе» и в качестве причины указывает наложение двух факторов:

1. «становление отечественной политической науки после ее официального признания в конце 1980-х годов пришлось на период **упадка** социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе и перекоса спроса практической политики преимущественно на прикладные отрасли, что, в свою очередь, повлекло за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений»;
2. «в период становления отечественной политологии были восприняты не столько сильные стороны американской школы политической методологии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии». [3, с. 29]

Институциональный подход в политической науке представляет собой фундаментальный метод анализа сферы политического, позволяющего «описывать власть в ее институциональных формах, когда она является нам зримо и вещественно..., а может – во внеинституциональных формах, когда она прячется в сферах неформального влияния и контроля». [5, с. 7]

В западной политической традиции институционализм прошел определенную эволюцию в политико-философской мысли. Для американского институционального дискурса 60-х годов XX века характерна диаметрально противоположная палитра мнений: с одной стороны, институты воспринимались как проводники «институционализированного» расизма, сексизма, потребительства, милитаризма и т.д., а с другой – были просто социальными технологиями, которые были изобретены и реформировались по мере необходимости для достижения общих целей. [6, с. 731]

В 1980-е ознаменованы процессами становления неоинституционализма, для которого характерно также разнообразная палитра мнений, но через призму политической философии можно говорить о «возвращении государства обратно». [6, с. 732]

С.В. Патрушев указывает, что «неоинституциональный анализ разворачивается на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях, чтобы ответить на взаимосвязанные вопросы:

1. о закономерностях развития, отбора и смены различных институтов;
2. о выборе тех или иных организационных форм в зависимости от характера существующей институциональной среды;
3. об особенностях институциональной практики, поведения акторов в рамках различных организаций». [7, с. 11]

Таким образом, значимость институционализма обусловлена тем, что «усилия современной политологии сконцентрированы на объяснении того, каким образом возникают и развиваются политические институты, какое влияние они оказывают на политическое поведение и процесс принятия решений, и главное, под воздействием каких факторов институты изменяются». [8, с. 101]

Аксиологические основы конституционной политики.

Естественное право/Позитивное право

Говоря об аксиологическом измерении конституционной политики, необходимо указать, что его сердцевину составляют ценности конституционализма, связанные со стабильным и надежным функционированием правовой и политической систем на основе приоритетного определения статуса человека и гражданина в ценностном ряду правовых процессов. [9, с. 227]

Говоря о конституционных ценностях необходимо всегда иметь в виду их космополитичный характер, поскольку «конституционные ценности, и прежде всего конституционные принципы и объективная система основных прав и свобод, как основное содержание конституционно-правового концептуального пространства, общего для всего цивилизованного человечества, являются достоянием всех людей. Именно такой смысл заложен в слова преамбулы Конституции Российской Федерации о том, что российский народ сознает себя частью мирового сообщества». [10, с. 56]

В.В. Невинский выделяет следующие конституционные ценности:

1. Это ценность самой конституции государства как основного и системообразующего в национальном праве закона и политического документа, провозглашающего цели, идеалы и принципы жизнедеятельности отдельного человека, устройство общества и государства.
2. Признанные конституцией ценности, обладающие высшей степенью идейно-правового обобщения их содержания, объективированные в основополагающие конституционные принципы:
 - a. права и свободы или достоинство человека, признание, соблюдение и защита которых есть обязанность государства;
 - b. демократическая, правовая, республиканская (монархическая), унитарная (федеративная), социальная, светская (религиозная), экологическая и культурная государственность;
 - c. суверенитет государства, суверенитет народа;
 - d. правление на основе разделения государственной власти на взаимно уравновешиваемые власти;
 - e. самоуправление населения на местном территориальном уровне и некоторые другие ценности, которым конституция может придавать основополагающий характер.
3. Провозглашаемые конституцией ценности жизнедеятельности человека, устройство общества и государства, конкретизирующие с точки зрения доминирующих доктрин содержание ценностей, объективированных основополагающими конституционными принципами. [11, с. 109]

Что касается ценностного измерения в современной российской политологии, то в нем преобладает своего рода вульгарный макиавеллизм, отрицающий институциональное значение ценностей в политической науке. В то время как Дэвид Истон в своей статье «Подход к анализу политических систем» (1957) определял политическую систему как «взаимодействия, посредством которых в обществе авторитетно распределяются ценности».

Что касается антиномии естественного и позитивного права в отечественном юридическом дискурсе, то их противопоставление представляется искусственным и бессмысленным. Право существует в формах, легитимизированных (санкционированных) государством и подобно политике должно строиться на основе баланса различных интересов. Соответственно, когда право становится неправовым – это вопрос дисбаланса интересов.

Вместо заключения: Конституция России – общественный договор?

Конституция России после четвертьвекового юбилея стоит на пороге принятия большего пакета поправок, предложенного Президентом РФ. На данный момент можно констатировать, что Основной закон был продуктом сложного исторического периода и необходимостью гражданского компромисса. Именно этим фактом обусловлены ряд логических противоречий, например закрепление принципа равноправия субъектов Российской Федерации и особенности конституционно-правового статуса республик в составе России.

С самого момента принятия Конституции России не стихают споры о сущности и значении этого документа для политической системы и достижения баланса интересов в обществе и государстве. На момент своего принятия Конституция представляла собой чужеродный культурный объект, трансплантированный в постсоветскую реальность. Но по мере хода истории можно указать, что конституционные принципы и ценности все больше получают спрос среди российских граждан и политической элиты. Задача конституционной политики как межпарадигмальной конструкции обеспечить философские основания этого процесса.

Литература:

1. Боброва Н.А. Критическая и апологетическая функции конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. С.А. Авакьян. М.: РГ-Пресс, 2017. С. 44-47.
2. Джанкезов Б.М. Конституционная политика как междисциплинарная категория // Право и политика (в печати)
3. Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19-42.
4. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т.А. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2018. 623 с.
5. Панарин А.С. Политология: Учебник. 2-е, перераб. и дополненное. М.: ТК Велби, 2004. 440 с.
6. Heelo H. Thinking Institutionally // The Oxford Handbook of Political Institutions / Ed. by Sarah A. Binder, R. A. W. Rhodes, and Bert A. Rockman. 2008. P. 731-742.
7. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 7-32.
8. Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 776 с.
9. Рыбаков О.Ю., Пряхина Т.М. Конституционно-правовая политика // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И. Матузова и д.ю.н., проф. А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 223-242.
10. Гаджиев Г.А. Realpolitic, эскорбарство, конституционная политика и русская культурно-этническая традиция // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. СПб.: СПбГУП, 2012. Т. 1: Доклады. С. 55-58.
11. Невинский В.В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11. С. 106-121.

Философия политической аргументации

Жмакина Т. В.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, старший преподаватель

tzhmakina@inbox.ru

Аннотация: Теория аргументации, и в частности концепция политической аргументации, представлена пятью основными компонентами [1]. Во-первых, философским компонентом, который манифестирует концепцию рациональности и представлен формальными (диалектическими) подходами, неформальной логикой, прагма-диалектикой, риторическими и лингвистическими подходами. Во-вторых, теоретическим компонентом, экспонирующим модель аргументации и представленным формальными (диалектическими) подходами, неформальной логикой, прагма-диалектикой, риторическими и лингвистическими подходами. В-третьих, аналитическим компонентом, который являет собой систематическую реконструкцию аргументативной практики и представлен неформальной логикой, прагма-диалектикой и риторическими и лингвистическими подходами. В-четвертых, практическим компонентом, демонстрирующим владение практическими навыками и представленным формальными (диалектическими) подходами, неформальной логикой, прагма-диалектикой, риторическими и лингвистическими подходами. В-пятых, эмпирическим компонентом, выражающим реальный контекст и представленным прагма-диалектикой, риторическими и лингвистическими подходами.

Ключевые слова: теория аргументации; политическая аргументация; философский компонент; теоретический компонент; эмпирический компонент; аналитический компонент; практический компонент.

Philosophy of Political Argumentation. Zhmakina T.V.

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Abstract: The theory of argumentation, and political argumentation in particular, is represented by five key components. Firstly, it is philosophical component that represents the conception of reasonableness and is formed by formal (dialectical) approaches, informal logic, pragma-dialectics, rhetorical and linguistic approaches. Secondly, it is theoretical component that is a model of argumentation and that is represented by formal (dialectical) approaches, informal logic, pragma-dialectics, rhetorical and linguistic approaches. Thirdly, it is analytical component that is a systematic reconstruction of an argumentative practice and that is formed by informal logic, pragma-dialectics, rhetorical and linguistic approaches. Fourthly, it is practical component that expresses the handling of specific practices and is represented by formal (dialectical) approaches, informal logic, pragma-dialectics, rhetorical and linguistic approaches. Fifthly, it is empirical component that captures reality and is formed by pragma-dialectics, rhetorical and linguistic approaches.

Keywords: argumentation theory; political argumentation; philosophical component; theoretical component; empirical component; analytical component; practical component.

Вторая половина XX века отмечена значительным ростом исследований в области аргументации, который был инициирован прогрессом в ряде смежных с нею наук, таких как логика, философия языка, лингвистика, компьютерная наука и др., и способствовал появлению и становлению таких новых областей знания, как речевая коммуникация, философия коммуникации, искусственный интеллект и др.

Большинство современных исследований под аргументацией понимают интеллектуальную, речевую, социальную деятельность. Исходя из данной интерпретации, а также четырех ключевых характеристик аргументации, предложенных белорусским ученым В. И. Чуешовым, по словам которого аргументация – это социальная, рациональная, вербальная и целенаправленная деятельность [2, с.

145–147], можно определить основные уровни ее экспонирования.

Так, аргументация как интеллектуальная деятельность рассматривается на социально- коммуникативном, диалектическом или лингво-прагматическом и формальном уровнях. Аргументация как социальная деятельность определяется на коммуникативном уровне. Аргументация как речевая деятельность рассматривается на прагматическом уровне. А свойство аргументации быть познавательной деятельностью экспонируется на логическом уровне.

На коммуникативном уровне свойство аргументации быть социальной деятельностью является доминирующим. На этом уровне аргументация представлена совокупностью двух элементов: участниками спора (агентами) и самим спором как дискурсом, имеющим определенное содержание, тематическую направленность и позиции сторон, несовпадающие по существу вопроса. Диалектический подход к аргументации Д. Уолтона и Э. Краббе и формально-диалектический подход, представленный концепцией Ч. Хэмблина [3] и концепцией Э. Барта и Э. Краббе [4], рассматривают аргументацию с данных позиций.

Аргументация как речевая и преимущественно вербальная деятельность осуществляется при помощи естественного языка, эффективными пользователями которого являются все участники аргументации. Нет сомнений, что аргументация может сопровождаться и невербальными способами – жестами, телодвижениями, мимикой, а также опираться на контекстную и фоновую информацию, однако только язык выступает необходимым условием ее осуществления.

Основными подходами, рассматривающими аргументацию как речевую и социальную деятельность, являются риторические подходы, лингвистические теории, претендующие на то, чтобы быть эффективным инструментом ее изучения на коммуникативном и речевом уровнях, и радикальный аргументативизм.

Риторический подход к аргументации – один из самых древних. Он уходит корнями в античные риторические учения. Риторический подход концентрируется, прежде всего, на речевом уровне аргументации. Не ставя под сомнение интеллектуальный характер аргументативной деятельности, этот подход уходит от узкого понимания аргументации исключительно как рациональной деятельности и включает в сферу своего рассмотрения также социальные, психологические, эстетические и эмоциональные аспекты убеждения. Фундаментальным трудом, подтверждающим такую трактовку риторического подхода к аргументации, является «Новая риторика» Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки. Среди наиболее важных исследований, выполненных в русле риторического подхода и внесших существенный вклад в развитие и становление теории аргументации, следует также назвать аргументативную модель С. Тулмина и топический подход Вейвега.

На становление теории аргументации существенное влияние оказали идеи такого явления философии XX в. как «лингвистический поворот», который проявился в прагматических подходах, наиболее значимой концепцией среди которых является теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля.

Концепция радикального аргументативизма, предложенная в 80-ые гг. XX в. французскими исследователями О. Дюкро и Ж.-К. Энскомбом, исходит из того, что основу аргументации составляют идеи «включенной прагматики», которые представлены в виде трех главных принципов – контекстуальности, полифонии и холизма [5].

Идея об аргументации как познавательной деятельности изложена в системной модели аргументации (СМА) В. Н. Брюшинкина, который считает, что аргументация предназначена «для того, чтобы выделить модели мира, лежащие в основании аргументации и характеризующие культуру народа к которому принадлежит данный мыслитель» [6, с. 135]. Свой вклад в развитие и становление теории аргументации внесло изучение аргументативного специального дискурса. Особое место среди таких исследований занимает анализ политической аргументации.

С позиций логического подхода критерием рациональности политической аргументации служит формальная логическая правильность аргументации, а для реконструкции доводов политического характера используются языки логики. Логический подход исходит из следования двум обязательным основным условиям приемлемости политического обоснования. Во-первых, доводы, на которых строятся обоснования, должны восстанавливаться в логически правильную аргументацию. Во-вторых, доводы, которые приводятся в обоснование точки зрения по существу вопроса, должны быть приемлемыми и соответствовать требованиям политики.

Риторический подход к политической аргументации рассматривает риторические фигуры речи,

посредством которых участники политического дискурса выражают собственные утверждения и стараются сделать их понятными оппонентам или аудитории. Данный подход учитывает содержание доводов и контекстуальные аспекты приемлемости аргументов – приемлемость аргументации определяется эффективностью аргументации у аудитории, которой она адресована.

Диалогический подход анализа политической аргументации рассматривает ее с позиций процедуры обсуждения, в процессе которого стороны отстаивают в споре свои позиции, руководствуясь правилами рациональной дискуссии. Для того чтобы обоснование политической позиции или политическое решение было приемлемым, важно чтобы участники политической дискуссии придерживались определенных правил. Эти основополагающие правила – это принципы последовательности (consistency), эффективности (efficiency), проверяемости (testability), связности и ясности (coherence), обобщаемости (generalizability) и искренности (sincerity).

Анализ политической аргументации осуществляется с учетом разграничения философского, теоретического, аналитического, эмпирического и практического компонентов.

Философский компонент формирует нормативный фундамент теории политической аргументации. В рамках философского компонента осуществляется сопоставление общих критериев рациональности аргументации, выработанных в теории аргументации, с критериями рациональности политических умозаключений, выработанных в политике – рассматриваются вопросы, имеющие отношение к критериям рациональности политической аргументации, и различия между нормами рациональности в политике и этическими нормами рациональности. Философский компонент учитывает и институциональность контекста, в котором разворачивается политический дискурс. С позиций институциональных процедур, приемлемость политической позиции или политического решения гарантируется условиями институциональной структуры.

В рамках теоретического компонента осуществляется разработка теоретических моделей политической аргументации и политической дискуссии. В этих моделях формулируются структуры политических умозаключений, а также нормы и правила, согласно которым определяется приемлемость тех или иных доводов. Эффективной моделью политической аргументации является идеальная модель критической дискуссии прагма-диалектики.

Аналитический компонент исследований политической аргументации включает в себя описание политических рассуждений с позиций аналитической модели. В рамках аналитического компонента осуществляется разделение стадий процесса аргументации, выявляются эксплицитные и имплицитные аргументы, а также структуры аргументации, рассматриваются вопросы реконструкции различных форм политической аргументации, проводится логический, риторический и диалектический анализ различных аспектов политической аргументации. Такого рода рациональная реконструкция является фундаментом, на основании которого строится оценка доводов.

В рамках эмпирического компонента рассматриваются конкретные примеры аргументации в политике. В центре внимания находятся приемы создания и оценки аргументации в реальной политической практике. Целью анализа является сопоставление того, насколько реальная аргументативная деятельность в области политики соответствует или расходится с теоретическими моделями, а в случае расхождения, дается им объяснение.

Практический компонент включает разработку практических рекомендаций по анализу, оценке и реконструкции политической аргументации. С учетом теоретических, аналитических и эмпирических идей, осуществляется разработка методики совершенствования навыков аргументации и формирования аргументативных компетенций в сфере политики. Особенно актуальна подготовка методических рекомендаций по ведению предвыборных дебатов, которые являются эффективной политической технологией предвыборной кампании.

Очевидно, что анализ и разработка политической аргументации, имеющей как теоретическую, так и практическую ценность, будет способствовать дальнейшему развитию концепции аргументации и ее успешному применению в политической практике и образовании.

Литература:

1. van Eemeren F. H. Argumentation Theory and Argumentative Practices: A Vital but Complex Relationship // Informal Logic. 2017. Vol. 37. No. 4. P. 322–350.
2. Чуешов В. И. Основы современной логики. Мн.: Новое знание, 2003. 207 с.

3. Barth E. M., Krabbe E. C. W. From Axiom to Dialogue. A Philosophical Study of Logics and Argumentation. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1982. 337 p.
4. Hamblin Ch. Fallacies. London: Methuen, 1970. 326 p.
5. Anscombe J.-C., Ducrot, O. L'Argumentation dans la Langue. Liège: Pierre Mardaga, 1983. 184 p.
6. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений / Калининград: Калинингр. ун-т, 2000. С. 133–155.

Исламский русский дискурс и идеологически нагруженный язык

Зекрист Р.И.

Костанайский социально-технический университет им. З. Алдамжар, профессор. Доктор философских наук

zekrist@mailru

Аннотация: Вопрос о взаимоотношениях власти и языка, также как и проблема генезиса общероссийского исламского дискурса в современном обществе – это настоящий вызов наукам, и не только политическим. Поиск решений проблемы требует осмысления с позиции философии политики, в том числе, обращения к социолингвистике. Исследование представляет размышление над принципами к решению задач, выраженных в статье Михаэля Кемпера и Альфрида Бустанова. Проблемы взаимосвязи языка, политики и идеологии рассматриваются в моделях архитектоники языка. Важнейшей формой деятельности исламского дискурса является деятельность по распространению им в широких слоях населения собственных интересов. Цель достигается не только посредством рациональной и конкретной аргументации, но зачастую использованием языковых средств, в том числе, русского языка.

Ключевые слова: власть, политика, идеологически нагруженный язык, исламский дискурс, русский язык, семиозис, социолингвистика.

Islamic Russian Discourse and Ideologically Loaded Language.

Zekrist R.I.

Kostanay Social and Technical University named after Z. Aldamzhar

Abstract: The question of the relationship between power and language, as well as the problem of the genesis of all-Russian Islamic discourse in modern society, is a real challenge to the sciences, and not just political ones. The search for solutions to the problem requires understanding from the perspective of the philosophy of politics, including the appeal to sociolinguistics. The study presents a reflection on the principles for solving the problems expressed in the article by Michael Kemper and Alfrid Bustanov. The problems of the relationship of language, politics and ideology are considered in the models of language architectonics. The most important form of activity of Islamic discourse is the activity of spreading its own interests among the general population. The goal is achieved not only through rational and concrete argumentation, but often by using language means, including the Russian language.

Keywords: power, politics, ideologically loaded language, Islamic discourse, Russian, semiosis, sociolinguistics.

Манипуляция сознанием есть аспект общей манипуляции поведением и вообще жизнедеятельностью человека, осуществляемая с целью регламентации этой жизнедеятельности и управления ею в соответствии с определёнными намерениями, где эффективность манипулирования прямо пропорциональна степени неосведомлённости человека в факте манипулирования его сознанием[1].

Манипулирование сознанием направлено на подавление свободы и культуры мышления, мировоззренческого самоопределения человека, при этом, задача манипуляции сознанием, отмечает С.Г. Кара-Мурза, «состоит не только в том, чтобы разрушить какие-то представления и идеи, но и в том, чтобы создать, построить новые идеи, желания, цели» [2, с. 83].

Технический прогресс лишь расширяет возможности манипулирования. Со времени появления сложных информационно-коммуникативных технологий, особенно Интернета, возможности идеологического манипулирования сознанием возросли многократно. Средства массовой информации (СМИ) широко используют его возможности.

Важную роль играет семиозис – знаковая деятельность, или деятельность в сфере знаков. Особенная роль в управлении сознанием отводится идеологически нагруженному языку. Слову отво-

дилось огромное, порой магическое, значение. Оно имело повышенные суггесторные свойства, т. е. свойства внушения. Слово, несомненно, оказывало это воздействие не столько на рациональном уровне, сколько через чувственность, оказывать влияние на эмоции.

Идеологическая индоктринация сознания через язык как её средство, обеспечивает власть возможностью стабильного подчинения граждан – при этом нередкомалозаметного для последних, – не используя реальных репрессий и физического насилия и принуждения. Идеология использует язык как средство достижения своих личных целей.

Дальше мы подвергнем рассмотрению проблему взаимным связей и взаимного влияния, оказываемого языком, политикой и идеологией, в том числе, на образце исламского русского дискурса, лингвистически спланирующего мусульман России. В связи с этим, немаловажна точка зрения исследователей *Михаэля Кемпера и Альфрида Бустанова*, рассмотревших «два десятка русскоязычных текстов различных исламских лидеров и интеллектуалов из Центральной части России, Западной Сибири и Северного Кавказа и изучивших использование в них исламской и вообще религиозной терминологии и фразеологии, главной задачей которых было выяснить, выработали ли отдельные авторы или «исламские фракции» общероссийского исламского дискурса характерные «стили», т.е. особые формы использования исламских символов и терминов, а также поиск связи между «исламским стилем» на русском языке и социально-политическими позициями соответствующих авторов» [3, с. 212].

В науке принято выделять в функционировании и развитии языка «две связанные между собой, но самостоятельные стороны: развитие структуры и развитие общественных функций языка, что создаёт возможности для сознательного вмешательства в языковые процессы».

Язык политики, язык с идеологической нагрузкой, располагает определённой структурой, обусловленной архитектурой и строением. Данную архитектуру можно представить двойственно, т. е. в виде двух моделей: во-первых, в виде ядра, вокруг которого расположен ряд концентрических кругов; во-вторых, в виде ряда иерархически соотнесённых уровней. Итак, рассмотрим их. Приступим к первой модели. Ядром в ней выступает характерная политическая и идеологическая терминология и фразеология, которые несут на себе главную политическую и идеологическую нагрузку. Закономерности построения речи, в первую очередь, безусловно, имеют лингвистический характер. Но не только. Идеологический смысл придаёт речи тот или иной импульс: сплочения, убеждения, отторжения, запрета. При этом данный контекст распространяется не только и не столько на стилистику речи, но и на смысл слов.

Так как политика исламского дискурса может быть разделена на внешнюю и внутреннюю (а последняя, в свою очередь, также имеет подразделения), то в ядре фразеологии и терминологии выделяются термины общие для всей политики, а также специально – термины, предназначенные для внешней и для внутренней политики. Вокруг ядра располагается в той или иной степени идеологизированная фразеология и лексика, которая является единой и для политической идеологии и для политики, с одной стороны, и для внеполитической отрасли – с другой стороны. Это – лексика, которая относится к литературному, «высокому» стилю языка. Последующий круг, выступающий периферией, состоит из лексики, позаимствованной из всех отраслей культуры и также у различных слоёв населения. Она употребляется в агитационной и пропагандистской деятельности, в PR-технологиях и пр.

Перейдем теперь к иерархической модели. В вершине пирамиды сконцентрирован документальный официальный язык государственной власти. Этот язык состоит из строгой и аккуратно выверенной терминологии. Он сориентирован, по большей части, на профессиональных политиков. Стоит заметить, что в исламском русском дискурсе «в Российской Федерации существующие пятьдесят или шестьдесят муфтиятов находятся в треугольнике взаимоотношений между официальными исламскими институтами, Российским государством и Русской православной церковью. Это обстоятельство отражено в большинстве официальных публикаций муфтиятов... Мусульманские авторы пытаются избежать использования арабских заимствований, либо всегда приводят русский перевод или синоним к арабским словам. Этот стиль «русификации» также может быть назван «стилем муфтиев», поскольку он характерен как раз для российских муфтиев и вообще так называемого «официального духовенства». Данная лингвистическая стратегия всецело логична, потому что авторы подобных текстов обращаются как к мусульманам различного происхождения, так и к немусульманам» [3, с. 215].

На более низком уровне располагается язык переговоров и язык дипломатии. Язык этого уровня

более строгий и также тщательно выверяется, но при этом он менее формализован и является более гибким по сравнению с более высоким уровнем. Ниже располагается язык политического воспитания. Его назначение состоит в формировании у граждан государства желательных верховной власти политических взглядов и убеждений, этот тип языка обладает эмоциональной и образной нагрузкой. Он употребляется в системе воспитания и образования, в средствах массовой информации и т. д. В «исламском русском» этот уровень представлен «академизмом». Такой исламский стиль чаще всего используется авторами, обладающими высшим светским образованием. Зачастую он более присущ академическим исламским и исламоведческим проектам, которые репрезентируют не определенную исламскую общность, а скорее – идеологию отдельного экземпляра интеллектуала. Сюда относятся и так называемые «исламоведческие проекты», в первую очередь адресованные этническим русским адресантам, особенно молодому населению с левыми и правыми политическими взглядами [3, с. 216].

В конце концов, самым нижним уровнем в архитектонике языка политической идеологии и политики выступает язык политической агитации и пропаганды. Он совершенно не гибкий и не аргументированный, в этом языке почти не используется специальная политическая фразеология и терминология. В нём употребляются так называемые «лобовые эпитеты», ирония, арготизмы, сарказм, сатира, преувеличенные оценки, разного рода гиперболизации, лозунговые слова и выражения как предельно общие и неопределённые. В частности, в дискурсе «исламского русского» этот уровень «назван “арабизацией”, потому что одной из его характеристик является обильное использование арабской лексики. Русский язык, как и татарский, весьма продуктивен лингвистически, т.е. заимствования без труда в них проникают и адаптируются к грамматике, фонетике и синтаксису. Некоторые современные авторы используют арабскую терминологию, только когда им кажется это необходимым, поскольку автор не может подобрать точного эквивалента на русском. Гораздо удобнее и проще для читателя сказать “*мазхаб*”, чем «правовая школа суннитского толка в исламе», даже если русское произношение слова несколько изменяет оригинальное арабское [madhhab]» [3, с. 217].

Рассмотренные модели архитектурной структуры языка не только не исключают друг друга, но взаимно друг друга дополняют.

Язык – феномен полиструктурный. Выше была рассмотрена одна из его структур. Теперь охарактеризуем другую. Она включает в себя ряд уровней. Нижним является фонетико-фонологический уровень, менее всего подверженный изменениям. Выше находится морфологический уровень языка, ещё выше – его синтаксический уровень, а ещё выше – уровень лексико-семантический. Идеология по-разному оказывает своё влияние на разные уровни. Наименьшее влияние она оказывает и способна оказывать на фонетико-фонологический и морфологический уровни. Влияние идеологии на синтаксический уровень языка определяется характером идеологической доктрины. Воплощаясь в языке, одна доктрина использует одни синтаксические конструкции чаще, другие – реже, а какие-то вообще игнорирует. Наиболее явное и частое использование языка идеологией проявляется на его лексико-семантическом уровне. При этом можно выделить два вида влияния: 1) на те процессы, которые имеют место на данном уровне языка в целом. Это – разного рода заимствования, степень интенсивности появления новых лексико-семантических единиц, вариация частоты употребления каких-то конкретных лексем, изменение их лексической сочетаемости и т. д. 2) выражение идеологии посредством определённых лексико-семантических единиц. Таким образом, появляется идеологизированная лексика. В исламском дискурсе особое внимание обращено на лексику авторов трех типов «исламского русского» и «духовных деятелей». «Какие термины арабского происхождения они используют? Очевидно, если исламский автор хочет избежать арабских слов, то он или она будет искать синонимы среди религиозных терминов собственно русского происхождения. На деле это значит, что ислам обращается к кодировке, происходящей из церковно-славянского языка. То есть, если автор решает использовать, скажем, термины «богобоязненность» или «храм» вместо «*таква*» и «*масджид/мечеть*», то он или она оказываются готовыми к позитивному диалогу с христианской лингвистической традицией в России. Это обстоятельство может иметь существенные семантические последствия. Помимо этого, обращали внимание на использование исламской фразеологии, в том числе «*басмала*» и славословия в адрес Пророка, его семьи и последователей (*сахаба*), а также на особенности стилистики. В итоге, попробовали сопоставить лингвистическую позицию конкретного автора с его/ее теологическими и «идеологическими» воззрениями внутри современного общероссийского исламского дискурса» [3, с. 214].

Характерной особенностью идеологически нагруженных слов и словосочетаний является их

явно выраженная оценочная составляющая. Они не только констатируют, но одновременно и оценивают. Исследователи *М. Кемпер* и *А. Бустанов* полагают, что «примеры смены кодировки в исламской литературе основаны на осознанных стратегиях, ...несмотря на различия в трех вариантах, каждый из них обладает объединительными функциями внутри общероссийского исламского дискурса...», каждый вариант соединяет акторов и группы, противостоящих друг другу и соперничающих за влияние и авторитет в стране, ...«исламский русский» должен рассматриваться в качестве целостного феномена» [3, с. 218]. Данная гипотеза требует обоснования с методологической точки зрения, с чем будут связаны дальнейшие исследования.

Литература:

1. Зекрист Р.И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестник ЧелГУ. Серия Философия. Социология. Культурология. Выпуск 5. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2013. №35 (289). С. 66-72.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭСМО-Пресс, 2001. 831 с.
3. Кемпер М., Бустанов А. Ислам и русский язык: социолингвистические аспекты становления общероссийского исламского дискурса// Kazan Islamic Review. 2015. №1. С. 212- 222.

Архетипы и политика

Иванова М.Г.

Российский университет дружбы народов, ассистент, кандидат философских наук

renkas55@mail.ru

Аннотация: Взгляд на политику с позиции теории архетипов. По мнению автора философия и психология позволяют продвинуться дальше существующего в наши дни поверхностного анализа политических феноменов и заглянуть за завесу общественно- политических событий, в том числе, прояснить истинные причины определенных политических предпочтений людей. Такая постановка вопроса неизбежно приводит к необходимости анализа архетипов коллективного бессознательного или глубинных паттернов, влияющих на формирование структуры и содержания политических институтов, образов политических лидеров и «электорального бессознательного» в каждой конкретной стране. Ретроспективный анализ литературы, посвященный данным исследованиям свидетельствует об отсутствии единообразного подхода. Вместе с тем, автор задаётся целью поиска центрального архетипа, обуславливающего ритмы политической жизни и в качестве примера рассматривают современную ситуацию в России.

Ключевые слова: архетипы, духовный архетип, архетип героя, политика России

Archetypes and Politics.

Ivanova M. G.

Russian University for People's Friendship

Abstract: A view of politics from the standpoint of the theory of archetypes. According to the author, philosophy and psychology allow us to move beyond the superficial analysis of political phenomena existing today and to look beyond the veil of socio-political events. Such a statement inevitably leads to analyze the archetypes of the collective unconscious or deep patterns that affect the formation of the political institutions, images of political leaders and the “electoral unconscious” in each country. Retrospective analysis of the literature devoted to these studies indicates the lack of a uniform approach. At the same time, the author sets out to find the Central archetype that determines the rhythms of political life and considers the current situation in Russia.

Keywords: archetypes, the spiritual archetype, the archetype of the hero, the policy of Russia

Политическую ситуацию в стране можно рассматривать через призму социокультурного кода и архетипов культуры. Нельзя не согласиться с В.Н. Гуляхиным в том, что: «Как поведенческие коды (социокультурные «консервы»), архетипы заложены в матрицы всех политических изменений. При этом стихийность их проявлений, воспринимаемая как «неритмичная пульсация», является лишь видимостью. Оно «программирует» определенный алгоритм действий человека как на бытовом, так и на политическом уровне» [1].

Это все чаще становится предметом не только социологического, психологического и культурологического рассмотрения, но обнаруживает в себя в центре политологических и экономических проблем. В этом смысле еще П. Сорокин отмечал, что «без более или менее адекватного знания социокультурных сущностей мы не сможем должным образом понять характер, причины и механизмы формирования структур и изменений в человеческом обществе, а также направлять и контролировать исторические процессы в желательном направлении» [11; 39]. Таким образом, понимание политических процессов, а также выбора политических лидеров, становится тесно связано с пониманием тех культурных и социальных паттернов, которые лежат в основе политических явлений, формируют политическое сознание и политическую реальность в конкретном отдельно взятом государстве и в масштабах мира.

Очевидно, что сегодня к рассмотрению общества необходимо подходить с системной точки зрения и архетипы становятся тем системообразующим звеном, или лучше сказать, корнем тех социаль-

ных и политических процессов, которые мы можем сегодня наблюдать и которые часто находятся вне культурного и даже социального контекста, представляют собой глубинный слой коллективного сознания [5, 6], выражающий себя через архетипические образы, символы и сюжеты.

В современной политологии можно встретить большое количество исследований, посвящённых анализу именно внешних причин и условий, которые, по мнению данных специалистов, приводят к той или иной политической ситуации в стране. Однако, философия и психология позволяют продвинуться дальше такого поверхностного взгляда и заглянуть за завесу общественно-политических событий и, в том числе, прояснить истинные причины определенных политических предпочтений и выборов людей [12], исследовать структуру «электорального бессознательного» [10].

Ретроспективный анализ отечественной литературы, посвященный исследованиям национальных, политических или, в целом, культурных архетипов русского народа свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к этой проблеме. На наш взгляд, это связано с отсутствием, в первую очередь, понимания того, что является центральным архетипом русской культуры. Так, если мы говорим о китайской культуре, то ее политическая система базируется в первую очередь на центральном архетипе китайской культуры – Дао. В Европейской культуре таким архетипом может быть назван – Логос (или Разум), в индийской – священный слог «Ом» [8]. Следуя схожим рассуждениям С.А. Нижников делает вывод о том, что центральный архетип любой культуры воплощается в символах «Духовного архетипа», состоящего из представлений об Истине, Добре, Красоте [9; 162].

Таким образом, Духовный архетип русского народа также вполне определенно существует, однако все еще не центрирован или не нашел своего отражения в некоем характерном концепте или образе и, на наш взгляд, до сих пор остается туманным и плохо понимаемым самим народом.

В попытке осмыслить Духовный архетип в динамике, мы обнаружили, что в политической реальности он выражает себя через три архетипа (юлеее детально этот анализ представлен в другой нашей работе [4]):

1.1. архетип Самости (Целостности или представлений об идеальном состоянии общества),

1.2. архетип Героя (как символ выдающегося национального характера, отражающего направленность общества на развитие и прогресс; или общественный «родовой» человек, обобщенно представляющий собой сознание отдельного народа),

1.3. архетип Трансформации (как символическое описание тех процессов, которые позволяют Герою достичь Целостности).

Архетип Героя становится воплощением того выбора, который подсознательно совершает тот или иной народ: «Архетип Героя, имеющий специфические черты в каждом народе, задает основные модели мировоззрения» [3; 128], присутствующие в том или ином обществе: «Тот, кто знает, как складывался миф политического героя, может расшифровать его и экстраполировать сюжет в перспективу» [13]. Как метко отметил Дж. Кэмпбэлл: представления о герое или том, что считается в обществе героическим выражает «фундаментальный характер нашего бытия» [7; 36], в том числе, и бытия политического.

В своей статье «Духовное развитие как отражение архетипических смыслов и сюжетов» [3] мы подробно рассматриваем архетипические черты мужских и женских образов в русской культуре. В частности, если мы берем мужчину – политика, то особую привлекательность в народе будут вызывать такие черты его характера как: умение вести борьбу и побеждать, способность проявлять силу (причем, не столько физическую, сколько мистическую), простота, чувство справедливости, поиск правды для себя и других людей [3; 143-144].

Однако, при описании архетипа Героя не менее важным становится рассмотрение и архетипа Антигероя (или «Тёмного брата», оборотной стороны Героя, которая ему всячески противостоит, либо выдает себя за Героя и олицетворяет архетип Тени). Согласно психоаналитической традиции, столкновение общества с архетипом Тени является одним из этапов эволюции и в этом смысле, такого столкновения избежать сложно: «Тень и Свет представляют собой две стороны одного целого, а Самость, целостность, находится по ту сторону любых противоположностей. Герой, побеждая Тень, перестает существовать в качестве героя, он становится царём» [3; 144], что может означать новую стадию общественного прогресса.

Примечательно, что Ж.Т. Тощенко в своей монографии «Фантомы российского общества» [12] предложил описание портретной галереи образов политических «антигероев» новейшей истории

России. Эти политики, ставшие у руля государства, с одной стороны, были избраны народом, с другой – отражали те черты характера и поведения, которые издревле на Руси осуждались.

Таким образом, разграничивая образы Героя и Антигероя в рамках российского общества отметим, что если Антигерой стремится всячески выделиться и получить некие особые привилегии, то Герой, наоборот, заботится не столько о себе, сколько об окружающих; Антигерой часто использует нелегитимные методы, Герой – старается быть открытым, его деятельность часто прозрачна и понятна для общества; Антигерой создает видимость защиты народных интересов, преследуя цели узкой группы людей, Герой – не только опирается на народ в своей деятельности, но и действует подлинно в интересах всего общества; Антигерой рано или поздно дискредитирует себя использованием лжи, клеветы, декларативными заявлениями, Герой старается подобных методов избегать.

Все это становится особенно важным при анализе особенностей политической культуры и образов национальных архетипов России, которые со всей очевидностью оказываются в основе избирательных предпочтений и формируют нашу политическую систему. Проведенный в данной статье обзор показывает, что изучение архетипов культуры как никогда становится актуальным и значимым для выбора политической стратегии и направлений развития. Выбор и формирование определенных образов политиков не может быть «показным», голословным, поскольку современная действительность требует приход к власти политиков, которые не только могли бы выразить архетип Героя, но и разоблачить те негативные социально-политические «фантомы», которые все еще продолжают оказывать влияние на политические предпочтения российских граждан.

Литература:

1. Гуляхин В.Н. Архетипы политической культуры россиян. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_332.html (дата обращения: 05.11.2017).
2. Иванов В.Г. «Charts power» - «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: Инфра-М, 2015.
3. Иванова М.Г. Духовное развитие как отражение архетипических смыслов и образов культуры // Философия и культура. 2017. № 8. С.126-146.
4. Иванова М.Г. Методологические проблемы исследования архетипических мотивов коллективного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №10 (84): в 2-х с., Ч. 2. С.58 – 61.
5. Иванова М.Г. Роль национальных архетипов для формирования образа будущего России // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 19 № 3. 2017. С. 309 – 315.
6. Иванова М.Г. Социально-философский анализ архетипов русской культуры // Философская мысль. 2017. № 10. С. 9-17.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2016.
8. Лукьянов А.Е. Начало древнекитайской философии. М.: АСТ, 2004.
9. Нижников С.А. Духовное развитие в философии Востока и Запада: Монография. М.: РУДН, 2009.
10. Розина В.А. Электоральное бессознательное: архетипы в политическом консюмеризме// Научно-аналитический обозреватель «Observer». № 2(301). 2015. С. 114-122.
11. Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций / Сост. и ред. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Прогресс, 1999.
12. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
13. Чернышев Д.А. Архетип героя в контексте изучения политической мифологии: один из важнейших инструментов управления обществом. URL: <https://refdb.ru/look/2498452.html> (дата обращения: 09.11.2017).

Кальней М. С.

*Московский государственный институт электронной техники (технический университет), доцент,
кандидат философских наук*

marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности концепта правового государства. Созданная в рамках классической научной рациональности, восходящей к античной философии, идея правового государства содержит в себе черты объективности, деперсонализма, редукционизма, универсализма. Основной целью здесь ставится защита индивидуальных прав, в том числе от судебных ошибок и судебного произвола. При этом недостаточно развит индивидуально-психологический подход, связанный с морально-этическими оценками. Стремление к реализации того или иного этического идеала порождает отказ от ценностей правового государства, оправдываемый «расчеловечиванием» противника в социальном конфликте.

Ключевые слова: правовое государство, справедливость, моральные нормы, социальный конфликт, «расчеловечивание», утопический проект.

**Law State, It's Genesis and Contradictions.
Kalney M.S.**

Moscow State University of Electronic Technology

Abstract: The article about law state specifics. Idea of law state was created in frame of classical science rationality with it's objectiveness, depersonalization, reduction, universality. The basic goal is to protect individual rights from law mistake. This makes underdeveloped individual and psychological approach, connected with moral and ethical values. Desire to realize any ethical ideal means refusal of law state values, justified by "non-humanity" of opponents at social conflict.

Keywords: law state, justice, moral rules, social conflict, "non-humanity", utopian project

Проблема формирования правового государства остаётся одной из существенных для наличествующей социальной реальности. Наиболее важным здесь представляется создание такого механизма, который не допускает судебного произвола. Сам по себе вопрос о справедливом устройстве государства впервые начал рассматриваться в античной философии. К примеру, в диалоге Платона «Государство» о справедливости говорится: «разве не правителям государства поручишь ты судебные дела?

– Как же иначе?

– А при судебном разбирательстве разве усилия их будут направлены больше на что-нибудь иное, а не на то, чтобы никто не захватывал чужого и не лишался своего?

– Нет, именно на это.

– Потому что это справедливо?

– Да.

– Значит, и на этом примере можно убедиться, что справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое». [4, с. 433]

Иными словами, суть справедливости как основы государства здесь представляется как защита прав граждан и предотвращение нарушения чужих прав. Общеизвестно, что в утопии Платона идея защиты прав граждан неразрывно связана и подчиняется идее служения всеобщему благу. Тем не менее, примечателен тот факт, что здесь впервые ставится вопрос о равных принципах воздаяния как основе справедливости. С одной стороны, не допускается правосудие, позволяющее индивиду беспрепятственно лишиться другого прав на свободу, жизнь или собственность. С другой стороны, система правосудия обеспечивает индивиду сохранность его собственных прав на жизнь, свободу и имущество. Именно эти принципы были затем развиты во всех последующих концепциях правового государства.

Вместе с тем, здесь также лежит проблема моральной стороны справедливости. В данном случае имеется в виду необходимость того воздаяния, которое соответствует личностным и моральным свойствам каждого. Вследствие этого, с понятием справедливости неразрывно связаны представления о моральных нормах. Сами по себе правовые нормы берут своё начало из представлений о этически допустимых и недопустимых действиях и адекватной общественной санкции за действия. Следовательно, возникает вопрос морально-нравственной оценки каждого действия и адекватного ей ответа на совершённое действие.

При этом возникает противоречие между правом и моралью. Как отмечает Ю. Хабермас, «Требующие правового регулирования дела одновременно и более ограничены и более объемлющи, чем морально релевантные ситуации: более ограничены, ибо правовому регулированию доступно лишь внешнее поведение, поддающееся принуждению, а более объемлющи, поскольку право – как средство оформления политического господства – касается не только регулирования конфликтов в сфере межличностного действия, но и выполнения политических задач и программ. Поэтому правовым регулированием затрагиваются не только в узком смысле моральные вопросы, но и вопросы прагматического и этического характера, а также достижение компромисса между противоречивыми интересами». [8, с.405-406]

Следовательно, противоречие между правом и моралью связано с тем, что сущность системы права в создании универсальных норм установления картины события и урегулирования конфликта индивидов. Со своей стороны, морально-этический аспект зачастую связан с рассмотрением не только внешних обстоятельств, но и психологической стороны дела, находящейся вне возможностей объективного исследования и унификации.

Казалось бы, решение этого противоречия связано с созданием единой системы норм, объединяющей право с моралью. Именно в этом аспекте русский философ П. И. Новгородцев утверждал: «Идеальный смысл общения не исчерпывается принципами формального права, обеспечивающего каждому своё: ещё более того он выражается в требованиях высшего нравственного закона, объединяющего людей духом солидарности и любви и связующего их разрозненные силы в общее культурное стремление». [3, с. 101]

Иными словами, правовое государство не сводится к одной только гарантии индивидуальных прав, но также и предполагает наличие общих нравственных норм. Здесь возможны два различных подхода. В одном случае акцент ставится на соблюдении нравственных норм, когда целью системы является определение нравственно-этической стороны поступка и адекватного воздаяния за поступок. Здесь превалирует феноменологический подход к рассмотрению каждого действия, что ограничивает применение универсальных правил.

В другом случае акцент ставится на соблюдении норм формального права, когда целью системы является обеспечение прав индивида. Особое внимание здесь уделяется установление полной и непротиворечивой картины совершённого действия и защита индивида от судебной ошибки и судебного произвола. Как отмечает Ф. Фукуяма, «Государства – искусственные политические образования, а народы – существующие моральные сообщества. Имеется в виду, что народы – это сообщества с единым пониманием добра и зла, представлением о святом и грешном, которые, быть может, возникли по чьей-то воле в далёком прошлом, но существуют сейчас в большой степени силой традиции». [7, с.323]

Иными словами, государственно-правовая система возникла как теоретический конструкт, тогда как культурные и моральные нормы складываются стихийно в ходе совместной деятельности. Вследствие этого, традиционный подход с превалированием моральных норм над юридическими требует индивидуализации в рассмотрении каждого действия, учёта всех индивидуальных обстоятельств, личностно-психологической стороны рассматриваемой ситуации. В свою очередь, превалирование юридических норм над моральными означает нивелирование каждой уникальной ситуации под единые правовые нормы. Универсализм конструкта правового государства означает снижение коррупционного риска и исключение судебного произвола ввиду прозрачности правовых процедур, состязательности правосудия.

Существующая система правового государства выполняет функции защиты интересов граждан, урегулирования их конфликтов. В значительной степени здесь исторически сложился подход на основах деперсонализации, рационализма и редукционизма. Это означает, что признаётся существование единых, рационально обоснованных норм права, применимых для всякой ситуации вне её социокультурного и индивидуально-психологического контекста. Правовой оценке подлежат не личности со-

вершивших действие, а сами действия. При этом обстоятельства и мотивы действия также рассматриваются на тех же принципах универсализма и редукционизма – создаётся некая универсальная классификация мотивов поведения, сводимых чаще всего к рациональным основам действия. На этих же принципах основано требование полной личной незаинтересованности лиц, осуществляющих суд и следствие.

Таким образом, концепция правового государства в значительной мере формировалась под воздействием идеалов и норм классической научной рациональности: объективности, деперсонализма, рационализма, редукционизма. В соответствии с этими нормами, формальное право создавалось как результат теоретико-абстрактного мышления, выделяющего наиболее общие черты явления и рассматривающего явление вне его контекста.

Для правового государства одной из базовых ценностей является легитимность и прозрачность. За счёт этого права индивида защищены от нарушения их как другим индивидом, так и государством. Эти принципы считаются всеобъемлющими, распространяются как на нормы урегулирования межличностного взаимодействия, так и на взаимодействие коллективных субъектов, считая и межгосударственное. Однако здесь наблюдается противоречие между легитимностью и эффективностью. В отношении международного взаимодействия это противоречие отмечает Ф. Фукуяма, указывая на легитимные институты как недостаточно эффективные, а на эффективные – как недостаточно легитимные. [6, с. 215-216] Характерно, что в качестве выхода американский социолог предлагает ограничение легитимности в пользу эффективности. [6, с. 224] Моральным оправданием такого рода отступления Ф. Фукуяма считает соответствие демократическим ценностям. [6, с. 229]

Обращает на себя внимание тот факт, что подобное же противоречие между легитимностью и эффективностью наблюдается не только на межгосударственном, но и на внутрисударственном уровне, причём то или иное моральное основание считается достаточным для отступления от принципов легитимности и прозрачности.

В связи с этим, как правило, провозглашается чрезвычайность социально-исторической ситуации, не допускающая применения принципов прозрачности в процессе защиты не только индивидуальных прав, но и социальной системы в целом. Как правило, это связано с наличием социального проекта по созданию социальной системы на основе тех или иных ценностей. Требование соответствия им считается более важным, чем требование гарантий прав отдельной личности. Ситуация осуществления желаемого социального проекта описывается в рамках дихотомии «победа – катастрофа». Иными словами, реализация социального проекта представляется высшей ценностью по сравнению со всеми прочими. Предоставление гарантий правовой защиты в условиях угрозы катастрофы представляется риском для социальной системы в целом. На основании этого происходит отказ от требований состязательности и прозрачности правовых процедур, ограничивается право личности на защиту, зачастую – применение мер физического воздействия для получения необходимой информации.

Наиболее примечательно, в связи с этим, утверждение В. И. Ленина о способах перехода к коммунистической фазе развития общества: «когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*». [2, с. 99]

Из этого высказывания следует, что целью коммунистического, как и любого утопического проекта является не столько встраивание всех объективно существующих социальных групп в создаваемую систему, сколько уничтожение тех социальных групп, которые не соответствуют социальному проекту. В различных утопических проектах это могло означать либо физическое уничтожение, либо мировоззренческую и поведенческую трансформацию социальных групп. В любом случае здесь налицо представление о необходимости максимально эффективного насилия, противоречащего всем нормам легитимности и прозрачности правосудия как основе правового государства. Моральным оправданием для отказа от принципов легитимности и прозрачности служит «расчеловечивание» социального противника. Иными словами, представители групп, препятствующих

социальному проекту, наделяются в массовом сознании всеми отрицательными качествами поведения и характера. Стереотипы о наличии у социального противника всех негативных черт личности, а у сторонников социального проекта – всех положительных качеств характера воспринимаются как оправдание нарушения правовых норм в процессе реализации социального проекта.

Таким образом, принципы правового государства, восходящие к античной культуре, создавались с целью защиты прав личности. Для этого необходимым принципом правосудия считалась необходимость дать обвиняемому право высказаться в свою защиту, требование равенства сторон в судебном процессе и объективного рассмотрения аргументов в пользу каждой из сторон. Исходя из этих же оснований, был сформулирован принцип презумпции невиновности, гласного судопроизводства, который защищает граждан от судебного произвола. Точно так же для правового государства считается необходимым отказ от применения провокаций и насилия в процессе расследования, так как подобные действия скорее указывают на низкий профессионализм следствия.

Однако обратной стороной данного подхода считается низкая эффективность легитимных процедур. Иначе говоря, состязательность правосудия считается фактором, затягивающим и затрудняющим процесс расследования. Прозрачность юридических процедур, т. е. их доступность контролю со стороны гражданского общества, считается фактором, позволяющим обеспечить безнаказанность преступника через эмоциональное воздействие на массовое сознание. В случае социального конфликта «расчеловечивание» социального противника считается основанием для отказа в соблюдении по отношению к нему этических принципов в процессе правосудия. Более того, в ходе такого «расчеловечивания» сам факт причисления индивида к социальному противнику воспринимается как достаточное основание для внеправовой, а часто и внесудебной расправы.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что принципы правового государства базируются на классической научной рациональности. В соответствии с этим, из юридических процедур исключается эмоционально-оценочная сторона и преобладает объективный, формализованный подход. Отсюда следует один из базовых принципов демократии и правового государства – «разрешено всё, что не запрещено». Это означает, что моральные нормы сохраняются как основание норм юридических, но в процессе защиты прав рассматривается скорее формальная, чем морально-этическая сторона действия. Такова особенность всякого теоретического конструкта, выделяющего общее и исключаящее индивидуальный подход.

В свою очередь, утопический проект по своей сути представляет абсолютизацию того или иного социального идеала, включая и его ценностную сторону. Неизбежным результатом такого рода абсолютизации оказывается выделение в обществе групп, не соответствующих реализуемому идеалу, их «расчеловечивание» в массовом сознании и отказ от соблюдения правовых, а часто и этических норм по отношению к социальному противнику в процессе реализации утопического идеала. Эти последние проявляются в таких общеизвестных явлениях как тотальная слежка, анонимные доносы, принимаемые на веру без дополнительного расследования, закрытые судебные процессы или их отсутствие, применение насилия в процессе расследования.

Все эти негативные явления в достаточной мере проявились в отечественной истории. Их закономерным результатом можно признать выбор в пользу принципов демократического правового государства. Однако здесь также необходимо учитывать свои противоречия. Восприятие демократии как идеала для реализации содержит в себе риск восприятия ряда социальных групп как несоответствующих данному идеалу с риском их дальнейшего «расчеловечивания».

В качестве примера следует обратить внимание на высказывание Ф. Хайека: «Недовольство низов среднего класса, из которых в основном вышли сторонники фашизма и национал-социализма, было усилено тем обстоятельством, что по своему образованию они стремились к руководящим постам и сознавали себя потенциальными членами правящей элиты. В то же время младшее поколение, воспитанное на социалистических идеях и презирающее «делячество», отказалось от свободного предпринимательства, чреватого риском, и устремилось к должностям с гарантированной зарплатой, обещавшим стабильность, требуя при этом доходов и власти, на которые им, по их мнению, давало право образование». [9, с. 127]

Иными словами, имеет место противопоставление либеральной демократии национал-социализму. При этом выделяются те социальные группы, которые в силу своего мировоззрения отказались противниками либерального проекта. Здесь негативными чертами данных социальных

групп объявляются неприятие конкуренции как одной из основных ценностей либерального общества и неоправданные притязания на высокий социальный статус.

Столь же примечательно то, что современный американский экономист Р. Флорида выделяет креативный класс как основу социального прогресса и противопоставляет его обслуживающему и рабочему классу. Данное противопоставление не ограничивается одним только социально-экономическим анализом. Американский исследователь также указывает на рабочий и обслуживающий классы как склонных к агрессии, низкой толерантности, низкой личной гигиене в противоположность креативному классу. В качестве решения социальной проблемы Р. Флорида предлагает формирование у рабочего и обслуживающего класса мировоззрения и ценностей креативного класса. [5, с. 23-24, 348-350, 357-360]

С учётом известных противоречий современного американского общества, здесь усматриваются симптомы социального конфликта на основе абсолютизации этических идеалов постиндустриального общества: креативности, толерантности, мобильности и т. д. Однако следует обратить внимание на тот факт, что, по сути своей, составляет непроизводительный слой современного общества. Это позволяет сделать вывод о преувеличении значимости креативного класса. [1, с. 99] Со своей стороны, для современного западного общества после распада советской системы характерны процессы поляризации, сокращения социальных гарантий для среднего класса и интеллигенции. [1, с. 101-102]

Характер этих симптомов указывает на социальный конфликт, природа которого требует отдельного рассмотрения. Однако уже представляется очевидным, что ценности демократии и правового государства в условиях социального конфликта также подвергаются абсолютизации, которая содержит в себе риски «расчеловечивания» противника в социальном конфликте для оправдания отказа от принципов правового государства в процессе реализации общественного идеала.

Литература:

1. Иоселиани А. Д. Марксистское понимание НТП // Творческое наследие К. Маркса и современная философия. М.: ИНФРА-М, 2019. 199 с.
2. Ленин В.И. Государство и революция. // Полное Собрание Сочинений. Т. 33. М., 1974. 434 с.
3. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: КРАСАНД, 2010. 512 с.
4. Платон. Собр. соч. 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 656 с.
5. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
6. Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. –282 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб, Наука, 2008. 417 с.
9. Хайек Ф. Дорога к рабству. - М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

Эмоциональный шок как инструмент современной глобальной политики

Карась Н.М.

Российский государственный социальный университет, студент

Аннотация: В статье анализируются измененные состояния сознания, прослеживается их роль в традиционной человеческой культуре и современности. Проводится сравнительный анализ понятий «катарсис» и «эмоциональный шок». Исследуются технологии искусственного стимулирования «эмоционального шока» с целью привлечения внимания избирателя. Показана опасность подобного влияния на глубинные слои психики человека и необходимость этической ответственности политика за результаты своей профессиональной деятельности. Воздействуя на бессознательный уровень, политик способен интенсифицировать свое влияние потенциального избирателя в ходе предвыборной деятельности или при активной политике. Значимое место в данном виде деятельности занимает использование архетипов коллективного бессознательного.

Ключевые слова: катарсис, социум, эмоционально-шоковое состояние, глобальная политика, глобализация, бессознательное, измененные состояния сознания, архетипы.

Emotional Shock as a Tool of Modern Global Politics.

Karas N.M.

Russian State Social University

Abstract: The article analyzes the altered States of consciousness, traces their role in traditional human culture and modernity. A comparative analysis of the concepts of “catharsis” and “emotional shock” is carried out. Technologies of artificial stimulation of “emotional shock” for the purpose of attraction of attention of the voter are investigated. The danger of such influence on the deep layers of the human psyche and the need for ethical responsibility of the politician for the results of his professional activity are shown. Influence on the unconscious level, a politician is able to intensify his influence of a potential voter in the course of electoral activities or active politics. A significant place in this type of activity is the use of the archetypes of the collective unconscious.

Keywords: catharsis, society, emotional shock state, global politics, globalization, unconscious, altered States of consciousness, archetypes.

Введение. Большинство развитых стран достигли такого уровня развития политической системы, при котором основные, отработанные методы воздействия на избирателя, в целом, работают неудовлетворительно. Данный процесс актуален для всех государств и обществ поскольку является глобальным. В своей работе о «глобальных проблемах» Иван Тимофеевич Фролов в соавторстве с Вадимом Валентиновичем Загладиным выводят ряд параметров необходимых для вывода проблемы на общемировой, глобальный уровень [1, с4-6]. Стремление политиков использовать эмоционально шоковое состояние для доступа к бессознательному избирателя являются мировым трендом.

Все это приводит к интенсификации борьбы за внимание избирателя. Привлечение внимания избирателя в современных условиях жестокой конкуренции способствует тому, что в политической деятельности широко используется технологии воздействия на бессознательные уровни психики избирателя. При этом формируется особое отношение к политику, что позволяет манипулировать избирателем, порождая бессознательное стремление за него голосовать и поддерживать. Один из таких способов манипуляции является черта необходимая любой публичной личности и тем более политика-харизма. Макс Вебер в своем исследовании давал такое определение: «Харизмой называется качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям» [2 с.139]. Возникающие вместе с этим морально-этические проблемы требуют от политика и политтехнолога ответственности за свои действия. Во многом политические технологии и маркетинг схожи. В обоих случаях необходимо «продать» товар. И если в случае с маркетингом речь идет о вполне конкретном продукте, то с политикой все сложнее. На со-

временном этапе развития маркетинговых технологий идет речь об индивидуальной работе с каждым потребителем в нашем случае избирателем. Данная тенденция отражена в книге Филипа Котлера «Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе» [3]. При таком подходе главным объектом воздействия становится душа конкретного человека, важнейшими составляющими которой являются эго, личное бессознательное и коллективное бессознательное. Для обращения со столь деликатной темой как внутренний мир человека маркетологу, политику, политтехнологу в своей работе необходимо установить некоторые правила, этические нормы. Без этих ограничений, взятых на себя добровольно, профессионалы, взаимодействующие с внутренним миром человека, получают практически безграничную власть над желаниями человека.

В связи с этим актуальным становится исследование способов воздействия на личность человека в современной политической деятельности.

Объектом исследования в данной работе является современная глобальная политика, предметом – современные методы манипулирования личностью через искусственное формирование мнений.

Цель данной статьи – исследовать особенности процесса воздействия на психику избирателя как на уровне сознания, так и на уровне бессознательного и провести анализ последствий данной деятельности.

В соответствии с поставленной целью формулируются следующие задачи:

1. Выявить значение измененных состояний сознания для стимулирования интереса избирателя.
2. Провести сравнительный анализ понятий «катарсис». «эмоционально шоковое состояние».
3. Проанализировать возможности воздействия на глубинные слои психики человека в рамках политической деятельности.
4. Рассмотреть опасность подобного влияния на глубинные слои психики человека и необходимость этической ответственности политика за результаты своей профессиональной деятельности.

При проведении исследования использовалась методологическая база когерентная социально-философскому анализу. Сравнительный анализ, примененный в ходе исследования, позволил найти различия между политическими приемами, использованными в различные исторические эпохи. Диалектический метод помог рассмотреть процесс воздействия на психику избирателя в ходе политической деятельности в единстве ее противоречивых сторон, связанных с активизацией сознательных и бессознательных стимулов. Системный анализ позволил рассмотреть во взаимосвязи как достижения современного политического процесса, так и порождаемые им риски.

Обсуждение. Современное общество очень сложная структура. В результате активного развития горизонтальных связей формируется новая реальность [4]. При этом и сами связи стали короче, и они стали превалировать над вертикальными. Следствием этого стала либо деформация, либо полное отмирание социальных лифтов в классическом понимании. Атомизация общества как реализация такого вида отношений привела к тому, что оно перестало вписываться в классическую иерархическую систему наподобие пирамиды Маслоу. В политической деятельности возникла потребность в учете индивидуальной психологии, национально-этических и культурологических факторов.

На протяжении веков перед человеком вставали проблемы, связанные с удовлетворением различного рода потребностей. В XX веке проблема предотвращения голодной смерти в большинстве стран перестала быть актуальной. Вопросы технологического процесса производства сместились в сферу перераспределения ресурсов и логистики. Новые сетевые технологии позволили комплексно воздействовать на личность [5]. Развитие наукоемких технологий позволяет совершенно по-новому осмыслить политический процесс и его основные элементы. Возникает необходимость выработки индивидуализированного подхода к избирателю, что порождает интерес к глубинным пластам его психики и влиянию национально-культурной идентичности.

Ярким примером, иллюстрирующим этот процесс, является ситуация, сложившаяся с фотографией, напечатанной в израильской газете. На этой фотографии, сделанной после теракта во Франции и расстрела сотрудников редакции «Шарли Эбдо», были запечатлены собравшиеся в Париже на траурный митинг мировые лидеры. Израильское издание «HaMevaser» в своем выпуске удалило изображение Ангелы Меркель, а также мэра Парижа Анн Идальго, президента Швейцарии Симонетту Соммаругу и Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам Федерику Могерини, ссылаясь на то, что созерцание женского образа противопоставлено ортодоксальным последователям иудаизма,

на которых ориентирована данная газета. Местные ортодоксальные общины часто высказали свое недовольство по поводу публикации в печатных изданиях фотографий с женщинами и это пришлось учитывать правительству Израиля, несмотря на «похолодание» отношений с Германией. На необходимость учета архетипов коллективного бессознательного обращал внимание К. Юнг [6]. Женское изображение, воспринимаемое как нечистый и оскверняющий символ, было соотносимо с анимой (коллективный архетип женского начала в терминологии Юнга) в душе смотрящего ортодоксального верующего еврея. В результате чего произошло обращение к подавляемой стороне психики, по Юнгу, к архетипу «Тени», что могло, с точки зрения ортодоксов, вызвать похотливые чувства у верующего иудея и, тем самым, спровоцировать грешное поведение.

Современные политические технологии активно используют наработанный веками опыт влияния на человека с помощью измененных форм сознания. В частности, особый интерес представляет состояние близкое к эмоциональному шоку, которое способно активизировать интерес к тому или иному политическому деятелю. Интерес к ярко выраженным эмоциональным состояниям наблюдался еще в античности [7]. Состояние предельного эмоционального напряжения в античной философии называлось «катарсисом» [8]. Катарсис – эмоциональное очищение через выплеск эмоций благодаря религиозному экстазу прекрасно знаком верующим людям. Принципиальное различие «катарсиса» и «эмоционального шока» состоит в их направленности. Эмоциональный шок как результат воздействия харизмы политика на избирателя не является идентичным состоянию катарсиса. При катарсисе происходит духовное перерождение [9], эмоциональный шок вызывает зависимость во многом идентичную наркотической. Несомненно, оба эти состояния выводят человека за пределы эмоциональной стабильности, но на этом сходство заканчивается. Катарсис ведет к духовному перерождению. Для политтехнолога стремление вызвать эмоциональное шоковое состояние связано с целью повышения интереса к политике.

Современное общество, характеризуется избытком предложений политического спектра. Привлечь к себе внимание можно лишь на очень ограниченный срок: после чего необходимо либо обращаться к эмоциональной сфере публики, либо публика от тебя уйдет. Человечество подсажено на «эмоциональную иглу» и требует, с каждым разом, все большей дозы эпатажа и эмоционального накала. Ярким, характерным историческим примером является Адольф Гитлер который буквально околдовывал публику заставляя ее переживать сильные выплески эмоций. Леонид Млечин в статье «Мрачные чары вождя. Чем Гитлер околдовал немецкий народ?» так описывает вступление Гитлера на митинге: «Митинги с его участием выделялись особо

й чувственной атмосферой. Он произносил речи, которые доводили слушателей до экстаза. Не случайно Гитлер считал, что толпа воплощает женское начало.» [10]

Переживаемое сильное эмоциональное состояние при восприятии того или иного политика, является для политтехнолога тем ресурсом, за который платит наниматель. Именно эмоция и является конечным товаром, а эмоционально шоковое состояние той побудительной причиной, которая заставляет избирателя делать выбор при голосовании. И вопрос стоит не в физическом воплощении политика, проработанности его политической программы или качественных характеристиках, а в силе передаваемого эмоционального посыла. В основе человеческого мышления лежит коллективное бессознательное. Мы реагируем, действуем согласно определенным наборам факторов, заложенных в нас. Сознание заставляет нас реагировать эмоционально согласно этим врожденным факторам. Следовательно, эта компонента является доминирующей. Воздействуя через бессознательное, политический технолог, а также одаренный харизматичный политик способен довести эмоциональное состояние избирателя до высокой степени насыщенности. Получая доступ к бессознательному, посредством современных манипулятивных технологий, политтехнолог способен беспрепятственно трансформировать восприятие действительности избирателя. Психологами доказано, что человек часто не способен контролировать свою эмоциональную реакцию при принятии решений, касающихся выбора. Разум включается в процесс уже после принятия решения, для его обоснования и определения действий, необходимых при достижении цели. Как пишет в своей книге Дуглас Ван Прает «Бессознательный брендинг. Использование в маркетинге новейших достижений нейробиологии»: «В 2008 году серьезные свидетельства в поддержку теории о роли подсознания в принятии решений появились в результате эксперимента, проведенного группой немецких ученых во главе с Джоном Диланом Хайнсом из Института человеческой когнитологии и науки о мозге Общества Макса Планка. По результатам сканирования

мозга исследователи предсказывали, какое решение примет участник эксперимента, за семь секунд до того, как он делал сознательный выбор.» [11, с.8] Данные исследования показывают, что возникает реальная угроза вторжения во внутренний мир человека и манипулирования им в заданных целях. В связи с этим возрастает моральная ответственность политтехнолога и политика за те методы, которые они используют. В таких условиях необходимо принятие профессиональных этических кодексов, повышение ответственности за применение деструктивных способов воздействия на сознание и бессознательное в рамках политической деятельности.

Заключение. В результате проведенного исследования было выявлено активизация использования манипулятивных технологий в процессе политической деятельности. Наблюдается активное обращение к достижению состояний измененного сознания с целью воздействия на избирателя. Принципиальное отличие от традиционных практик достижения катарсиса в прошлом состоит в том, что акцент делается не на духовное обновление, а на достижении эмоционального шока с целью стимулировать избирателя к выбору того или иного политика. Была обоснована необходимость повышения моральной ответственности политиков и политтехнологов за последствия применения манипулятивных технологий.

Литература:

1. Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981. С. 4–9.
2. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139.
3. Котлер Ф. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе. Москва: Эксмо, 2011.
4. Скородумова О.Б. Социальные детерминанты трансформаций моделей управления в современную эпоху. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 62-66.
5. Nikiporets-Takigawa G., Lobazova O. Big Data Analysis of Young Citizens' Social and Political Behaviour and Resocialization Technics // Communications in Computer and Information Science. 2018. Vol. 859. P. 191-201.
6. Юнг К. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. 731.
7. Кузьменко Г.Н., Архипова У.О. Влияние мистических практик на нравственный облик человека // Личность и общество: нравственная идея в ценностном мире современного человека. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Мокроносские чтения-2017». Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»; Уральский гуманитарный институт; Департамент философии, Кафедра философии / Отв. ред. Н. П. Цепелева. 2017. С. 103-105.
8. Долгов К.М. Катарсис // Новая философская энциклопедия. М.: ИФ РАН, 2010. 228 с.
9. Меликов И.М. Духовность как проблема социального управления // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 2 (121). С. 180-187.
10. Млечин Л. Мрачные чары вождя. Чем Гитлер околдовал немецкий народ? [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2013/10/11/gitler.html> (дата обращения 23.12.19)
11. Ван Прает Д. Бессознательный брендинг. Использование в маркетинге новейших достижений нейробиологии. Москва: Азбука-Аттикус, 2014.

Бюрократия: правовой семиозис в европейских языках

Коновалова И.В.

Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялте, студентка

konovalova9inessa@mail.ru

Аннотация: В статье автор рассматривает политико-правовой семиозис понятия «бюрократии» в разнообразной трактовке современных Европейских языков. Рассмотрение семиозиса бюрократии основывается на разных источниках: от трудов великих философов, таких как: Платон; Аристотель; Макиавелли; Гоббс; Монтескье; Гегель; до энциклопедических и толковых словарей разных авторов. Так же в статье описывается фрагментарная история бюрократии, её статус в разные исторические эпохи, а так же влияние на систему управления и общество. В статье сделаны выводы о том, что в полной мере оценить семиозис термина можно лишь при его сравнительной аналитике в языках романо-германской и славянской групп. В данной статье проанализированы данные русского, немецкого, английского, французского и итальянского языков. Выведена наиболее общая трактовка понятия «бюрократия» в системе европейских языков.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, бюромания, семиозис, государство, управление, политика

Bureacracy: a Legal Semiosis in European Languages.

Konovalova I.V.

Humanitarian and Pedagogical Academy (Branch) "V.I. Vernadsky Crimea Federal University" in Yalta

Abstract: In the article the author considers the political and legal semiosis of the concept of “bureaucracy” in a variety of interpretations of modern European languages. Consideration of the semiosis of bureaucracy is based on different sources: from the works of great philosophers such as: Plato; Aristotle; Machiavelli; Hobbes; Montesquieu; Hegel; to encyclopedic and explanatory dictionaries of different authors. The article also describes the fragmentary history of the bureaucracy, its status in different historical epochs, as well as the impact on the management system and society. The article concludes that the semiosis of the term can be fully evaluated only by its comparative analysis in the languages of the Romano-Germanic and Slavic groups. This article analyzes the data of Russian, German, English, French and Italian languages. The most General interpretation of the concept of “bureaucracy” in the system of European languages is derived.

Keywords: bureaucracy, semiosis, state, management, politics.

Понятие «бюрократия»- происходит от двух слов (от франц. «bureau» - стол, канцелярия и греч. «kratos»-власть) буквально это переводится как господство канцелярии.

Бюрократия - это система управления, которая осуществляет управление при помощи аппарата стоящего над обществом и имеет четкую систему порядка получения услуг от разных организаций. Главенствующей задачей бюрократии является правильное функционирование государства.

Бюрократия как понятие и явление де-юре появилось намного позже чем само явление де-факто. Известно, что бюрократия как действительно научный термин появился лишь а начале XVIII века. Однако на самом деле бюрократия зародилась намного раньше, еще в древни времена благодаря развитию письменности и появлению новых государств.

Так ярким примером де-факто первых бюрократий стали: государства Шумер, Египет и Рим. Появляясь в обществе и фиксируясь письменно бюрократия начала входить в некую систему знаний, которая в свою очередь не могла не проявляться на философии каждого, отдельно взятого древнего государства.

Взяв в рассмотрение Философию Древнего мира А.Н Чанышева [1, с. 210], можно говорить, что в Древнем Китае произошел синкретизм государственного и философского знаний, что в итоге произ-

вело сильнейшую идеологию Китая, которая живет и по сей день.

Бюрократия, а вернее государственное бюрократическое устройство и его правильные формы не оставили без своего внимания и всеми известные Платон и его ученик Аристотель. В своих великих произведениях таких как Платоновское Государство[2] и Аристотелевская Политика [3], каждый дает трактовку своих правильных и не правильных формы государственного управления и аппаратам государственной власти.

Платон не только выдвинул свою субъективно правильную модель государства, но и утвердил бюрократический тип правителей своего идеального государства. Платон, утверждал, что государством управлять могут действительно избранные люди, которых он называл мудрецами- философами. Именно на них держится государство и остальная иерархия государства [2, с. 200].

В эпоху средневековья мощнейшим бюрократическим аппаратом была церковь, что объясняется тем, что сама эпоха средневековья - это эпоха религии и все сферы общественной жизни на то время были служанками богословия.

Усиление роли бюрократии происходило в эпоху абсолютизма, которая ознаменовалась ростом разных чиновников. В XX в бюрократизация усиливается, что опять таки напрямую связано с ходом истории и социально-экономическим развитием. Именно тогда возникла необходимость в выработки общих принципов работы социальных организаций, включающих в себя огромную структуру управления: строгую иерархию должностей и занимаемых постов, строгое разделение функций органов управления, четко прописанные правила информирования руководства и конечно строго прописанная дисциплина.

Фундамент для бюрократии как науки заложили в своих произведениях такие мыслители как Н. Макиавелли[4], Т. Гоббс[5], Ш. Монтескье[6], Г.В.Ф. Гегель[7].

Но что же касается феномена бюрократии именно как политической составляющей, то ее основоположником можно считать Г.Гегеля.

Именно Г.Ф.Гегель начал раскрывать суть государственных служащих, их функциональные обязанности и их «игру»[7, с. 150], которую они ведут в государстве.

Для полноценного понимания бюрократии как системы управления необходимо разобраться в историко-этимологическом многообразии данного понятия. Само понятие было выведено французским ученым экономистом физиократом- Энсента Де- Гурне, который впервые употребил этот термин в 1745году.

Де-Гурне понимал бюрократии как негативное и противоречивое явление, которое считал социальной болезнью, назвав её «бюроманией».

В Европы говорят более чем на 260 языках, однако официальное в Европе признано 24 языка, и чтобы правильно провести семиотический анализ бюрократии в Европейских языках, нам необходимо четко очертить список Европейских языков.

И так, в список Европейских языков входят: Английский; Болгарский; Венгерский; Греческий; Датский; Ирландский; Испанский; Итальянский; Латвийский; Литовский; Мальтийский; Немецкий; Нидерландский; Польский; Португальский; Румынский; Словацкий; Словенский; Финский; Французский; Хорватский; Чешский; Шведский; Эстонский.

У каждого Европейского языка есть свой процент использования и распространенности, что говорит о его актуальности и универсальности. Лидерами своего распространения и использования являются такие языки как: Английский, которым владеет 51% населения; Немецкий, около 32% населения; Французский, приблизительно 26% населения; и на Итальянском говорит 16% населения.

В связи с этими данными, семиотический анализ мы будем проводить в самых распространенных Европейских языках, таких как: Английский; Немецкий; Французский; Итальянский.

В английском языке понятие бюрократия появилось только в 1818г и трактовалось как некий оскорбительный, насмешливый подтекст управления В общем же фундаментальном понимании понятие бюрократия – это чиновничья тирания[8, с. 259].

В немецком языке «bureaucratie» – это чиновническая иерархия, управляющая государством и обществом [9, с. 384].

Немецкая бюрократическая машина была создана в XVIII веке прусским королем Фридрихом Вильгельмом I, который славился любовью к солдатской дисциплине и организовал университеты для

подготовки бюрократов, а подлинного совершенства она достигла при его сыне Фридрихе II Великом

Во французском языке бюрократия- «bureau»- буквально канцелярия, и гречесоке «kratos»

-власть. Первоначально во французском языке бюрократия - это власть и влияние руководителей и чиновников. В дальнейшем бюрократия стала обозначением определенного слоя служащих в крупных организациях, возникших в различных сферах общества[10, с. 194].

В итальянском языке бюрократия- «burocrazia» понимается как набор должностных лиц в организации, которым свойственны: придирчивость, формализм, преувеличенное соблюдение правил, безразличность и громоздкость[11,с. 284].

Недаром говорят, что ад – это английская кухня, французская техника, немецкая бюрократия, американский любовник и итальянская полиция, а рай – это французская кухня, немецкая техника, английская бюрократия, американская полиция и итальянский любовник.

Не смотря на то, что в Европейские языки Русский язык входит неофициально и им в ЕС владеют всего 6% населения, было бы неправильно нам как гражданам России не рассмотреть понятие бюрократии в родном языке. Взяв в рассмотрение несколько этимологических, толковых словарей и энциклопедий таких как:

- Философский энциклопедический словарь под редакцией ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов[12].

- Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова в 4-х томах[13].

- Толковый словарь Даль В. И. в 4-х томах[14].

- Толковый словарь русского языка С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова [15].

Можно проанализировать, что везде это понятие трактуется по разному, однако есть множество опорных конструкций благодаря которым мы вывели наиболее точное для нас понимание «бюрократии».

Так в философско-энциклопедическом словаре под редакцией ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева и В.Г. Панова: «бюрократия -это специфическая форма социальных организаций в обществе (политическая, идеологическая, экономическая и др). Бюрократия присуща обществу, построенному на социальном неравенстве и эксплуатации, когда власть сосредотачивается в руках той или иной узкой правящей группы» [12, с. 369].

В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова:

«Бюрократия –это система управления, в которой власть принадлежит чиновнической администрации (бюрократам) без всякого сообразования с реальными интересами масс. Так же бюрократия –это чрезмерная забота о формальностях, канцелярских условностях, в ущерб сущности дела»[13, с. 485].

В толковом словаре В.И.Даля:

«Бюрократия-это управление где господствует чиновначалие, подчиненность, зависимость каждого служебного лица от вышестоящего, и бумажное многописание»[14, с. 274].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова:

«Бюрократия –это система управления чиновнической администрации, защищающей интересы господствующей верхушки»[15, с. 205].

Проведя политико-правовой семиозис бюрократии в Европейских языках, можно сделать вывод, что: Бюрократия – это форма социальной организации и управления, где власть строго регламентирована, иерархична и принадлежит административной верхушки. Основным атрибутом бюрократического управления является- строгая документированность, бумага оборот, и стандартизация.

Литература:

1. Чанышев А.Н.Философия Древнего мира: Учеб. для вузов. М. : Высш. шк, 1999. 703 с.
2. Платон. Государство. М.: АСТ, 2017. 446 с.
3. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2017. 382 с.
4. Макиавелли Н. Государь. СПб.: Азбука, 2017. 512 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: АСТ, 2019. 352 с.
6. Монтескье Ш. О духе законов. М.: АСТ, 2019. 690 с.

7. Гегель Г. Философия права. М.: Юрайт, 2019. 292 с.
8. Мюллер В. Англо-русский словарь. М.: Рипол-Классик, 2009. 736 с.
9. Панкин А. Немецко-русский словарь терминов и понятий высоких технологий. М.: Либроком, 2016. 752 с.
10. Золотова Е. Французско-русский словарь терминов искусства. М.: Слово, 2003. 240с.
11. Корбей Ж. Аршамбо А. Итальянско-русский русско-итальянский словарь. М.: Эксмо, 2013. 368 с.
12. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. Философско энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Изд. центр «Терра», 1996. 1500 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь. М.: СПб, 1982. 704 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 707 с.

Политическая идеология как эволюционная система (к теории когнитивно-идеологических матриц)

Константинов М.С.

Южный федеральный университет, доцент. Кандидат политических наук

konstantinov@sfedu.ru

Аннотация: Целью статьи является конкретизация концепта политической идеологии в аспекте ее матричной структуры и в контексте когнитивно-эволюционного подхода. Отталкиваясь от морфологического подхода Майкла Фридена к анализу идеологического сознания, вводится понятие когнитивно-идеологических матриц, позволяющее описать процесс перехода от протоидеологических к собственно идеологическим концептам, в особенности на уровне индивидуального сознания. Выделение идеологического концепта в качестве основного «гена» концептуальной изменчивости и наследования, позволило описать основные параметры эволюции политических идеологий и связать её с изменениями, происходящими на уровне индивидуального сознания. Описанная концепция была апробирована в серии социологических исследований молодёжного сознания, проведённых в 2015–2016 и 2018–2020 гг. коллективом исследователей из Южного федерального университета.

Ключевые слова: идеология, когнитивная матрица, идеологема, концепт, ген, мем, эволюция знаково-символических систем.

Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices).

Konstantinov M.S.

Southern Federal University

Abstract: The aim of the article is to concretize the concept of political ideology in the aspect of its matrix structure and in the context of the cognitive-evolutionary approach. Based on Michael Frieden's morphological approach to the analysis of ideological consciousness, the concept of cognitive-ideological matrices is introduced, which allows us to describe the process of transition from proto-ideological to ideological concepts proper, especially at the level of individual consciousness. The identification of the ideological concept as the main "gene" of conceptual variability and inheritance made it possible to describe the main parameters of the evolution of political ideologies and associate it with changes taking place at the individual consciousness level. The described concept was tested in a series of sociological studies of youth consciousness conducted in 2015–2016 and 2018–2020. A team of researchers from Southern Federal University.

Keywords: ideology, cognitive matrix, ideologeme, concept, gene, meme, evolution of symbolic systems.

Одна из основных проблем изучения политических идеологий — подвижность, многозначность и удивительная пластичность ключевых идеологических концептов, а также избыточная вариативность их отражения в общественном сознании. Шотландский политический теоретик У.Б. Гэлли даже выдвинул в связи с этим довольно радикальную концепцию «сущностной оспариваемости концептов политического языка» [1]. Данная проблема неоднократно становилась объектом изучения. Достаточно упомянуть понятие идеологе-мы Ф. Джеймисона, а также концепцию «плавающих означающих», предложенную

Ж. Лаканом, а затем развитой Э. Лаклау, Ш. Муфф, С. Жижек и др. [2; 3; 4] для описания отношений между гетерогенным массовым сознанием и логически упорядоченными идеологическими системами. Наши собственные исследования влияния идеологий на молодёжное сознание также зафиксировали его противоречивость, гетерогенность и даже разорванность [5]. В то время как идеологию в качестве объективного социального феномена все исследователи характеризуют такими свойствами, как структурная целостность и непротиворечивость.

И здесь одной из самых интересных проблем является объяснение перехода от гетерогенного

сознания к систематизированной идеологии, и обратно. Если исследовать идеологию с точки зрения массовой психологии, то мы сталкиваемся с проблемой, зафиксированной ещё в 1964 г. группой американских социологов под руководством Филиппа Конверса [6]: для массового сознания нехарактерна систематизированная идеологизированность; массовые «системы верований» (belief system) сочетают в себе фрагменты различных идеологий, нередко противоречащие друг другу. Возможно, именно по этой причине современные социальные и политические психологи предпочитают говорить лишь о «предпосылках» и «основаниях» идеологии в массовой психологии [см., например: 7], а не о целостной системе установок и взглядов, репрезентируемых в идеологических системах.

Противоположному пути – с точки зрения идеологии как объективного феномена, оказывающего влияние на массовое сознание – традиционно следует такая сфера социального знания, как исследования в области идеологий (ideology studies). Здесь в последнее время достигнут определённый прогресс. В частности, произошёл переход от представления об идеологии как некоей застывшей концептуальной системы к гораздо более динамичному представлению о пластичном характере идеологических систем, позволяющему учитывать сдвиги в массовом сознании и отражении их в идеологиях. Так, один из ведущих специалистов в этой области британский политический философ Майкл Фриден на материале истории возникновения «нового» либерализма показал [8], как происходившие в массовом сознании сдвиги отразились на морфологической структуре либеральной идеологии. Предложенная М. Фриденем морфологическая концепция идеологии частично решила обсуждаемые здесь проблемы. Однако в последние годы именно М. Фриден провозгласил кризис в области изучения идеологий [9], связав его с возникновением «идеолоноидов» – идеологических «призраков», разорвавших все связи с реальностью и существующих исключительно ради самих себя. Одной из ключевых причин появления «идеолоноидов» М. Фриден считает разрушение свойственного классическим идеологическим системам баланса между интеллектуальным содержанием, воображением и эмоциями в пользу последних. Большие идеологические нарративы становятся слишком неповоротливыми в ситуации быстрого изменения реальности, требующей незамедлительного ответа на возникающие проблемы, бурно обсуждающиеся в кипящем медиапространстве и тут же уступающие место новым [9]. Таким образом, на сегодняшний день исследования идеологий вновь вернулись к исходной проблеме отношений между мозаичным массовым сознанием и систематизированными идеологиями.

Для решения данной проблемы была разработана авторская концепция когнитивно-идеологических матриц [см., например: 10], предполагающая коэволюцию логически упорядоченных идеологических систем и гетерогенного группового сознания, а также их взаимное влияние друг на друга. В качестве одного из образцов для разработки указанной концепции послужили идеи когнитивного социального психолога и религиоведа Паскаля Буайе [см., например: 11], который показал эволюционную связь между религиозными идеями и культурой, с одной стороны, и когнитивными ограничениями, а также групповым мышлением, с другой стороны. В качестве единицы такой эволюции П. Буайе использовал предложенное Р. Докинзом понятие «мема» (аналогичного «гену» «нового репликатора») как устойчивого элемента человеческой культуры, передающегося по каналам лингвистической информации; если биологические гены локализованы в хромосомах, то «мемы» хранятся в человеческой памяти и передаются из поколения в поколение при помощи вербальных средств [12]. Это понятие было развито П. Буайе в его новой книге «Объясняя религию» [13], поскольку именно оно позволяет разрешить целый ряд традиционных затруднений культурологии и философии культуры. Так, «мем-модели», согласно П. Буайе, позволяют поставить под сомнение идею культуры как некой абстракции и тем самым разрешить противоречие между индивидуальным и культурным опытом: «Называя что-то элементом культуры, мы подразумеваем лишь, что оно примерно схоже с наблюдаемым у других участников определенной рассматриваемой группы и отлично от того, что мы наблюдаем у представителей антагонистической группы» [13, с. 50]. Продолжая эту аналогию, можно сравнить типы человеческих культур с биологическими видами, а в качестве самокопирующихся репликаторов рассмотреть мемы как единицы культурной информации. Именно этот ход мысли позволил П. Буайе предложить действительно оригинальную концепцию религии с позиций когнитивных наук.

Однако точно такой же ход позволителен и в отношении другого социального феномена – политической идеологии. Как отмечалось выше, двумя ключевыми затруднениями в исследованиях идеологий являются пластичность их концептуального аппарата, с одной стороны, и отсутствие однозначной связи между логически упорядоченным уровнем идеологии, и её репрезентациями в гетерогенном массовом сознании – с другой. Если исходить из функциональной трактовки идеологии, то можно

увидеть, что обе этих проблемы связаны между собой: в числе ключевых функций идеологии обычно называют оценочную, объяснительную и ориентационную, что вынуждает идеологию говорить на понятном массам языке и в понятных терминах репрезентировать изменчивость актуальной социально-политической проблематики, но при этом постоянное стремление мимикрировать под научное знание требует от идеологии постоянных усилий по логическому (пере)упорядочиванию собственной концептуальной структуры. Как было показано выше, именно резкое ускорение социального времени и неповоротливость идеологических систем привело М. Фридена к выводу о кризисе традиционных идеологий в современном мире [9]. Но представление о кризисе может возникнуть только в том случае, если мы противопоставляем уровень идеологии уровню массового сознания. Подход, предложенный П. Буайе для изучения религий и их концептуализации в терминах когнитивно-эволюционного подхода, позволяет решить указанную проблему.

Реализуя данный подход, представленная концепция когнитивно-идеологических матриц предполагает выделение в матрице двух уровней – уровня идеологем и уровня концептов. Данное различие – сугубо аналитическое; оно необходимо для того, чтобы показать, как концептуальные идеологические системы задают когнитивные структуры для кристаллизации в индивидуальном сознании идеологических концептов, и при этом объяснить эмпирически наблюдаемые в этом сознании концептуальные противоречия (когда один и тот же респондент может демонстрировать симпатии к взаимоисключающим ценностям и установкам). Идеологема от концепта отличается тем, что она сохраняет свою «смутный» характер [М. Бахтин, см.: 14, с. 375], когда символическими средствами выражает концептуально-ценностное содержание. Говоря иначе, идеологема – это концепт, выраженный языковыми средствами. Соответственно, в коэволюционном процессе происходит отбор не только наиболее адаптированных к конкретным ситуациям концептов, но и тех символических средств, с помощью которых они выражаются. Единство обоих уровней выражается в когнитивно-идеологической матрице.

Понятие когнитивно-ценностной матрицы идеологии описывает дорефлективную (и поэтому политически нейтральную) среду, в которой из элементов седиментированного социального опыта индивида формируются протоэлементы политических идеологий. Этот тот самый «нулевой уровень», в котором возникает идеологическая «протоплазма» посредством формирования предрасположенности индивида к той или иной, а чаще сразу к нескольким идеологиям. При этом в отличие от идеологии, матрица нечувствительна к противоречию, поскольку элементы матрицы не подлежат рефлексии. Рефлексируются они уже в процессе образования протоидеологических элементов. И именно поэтому протоэлементы различных идеологий могут храниться в индивидуальном сознании, не порождая когнитивного диссонанса. А выделение концепта в качестве основного «гена» идеологии позволяет описать данный феномен в терминах когнитивно-эволюционного подхода.

Литература:

1. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. P. 167–198.
2. Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. London & New York: Routledge Classics, 2002. 296 p.
3. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 197 p.
4. Жижек, Славой Возвышенный объект идеологии. Москва: Художественный журнал, 1999. 236 с.
5. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б., Николаев И.В., Тупаев А.В. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. 226 с.
6. Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006. Vol. 18. No. 1–3. P. 1–74.
7. Jost J.T., Kay A.C., Thorisdottir H. (eds.) Social and Psychological Bases of Ideology and System Justification. New York: Oxford University Press, 2009. 531 p.
8. Freedman M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1978. 293 p.
9. Freedman M. The Coming Realignment of Ideology Studies // Journal of Political Ideologies. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 1–10.
10. Константинов М.С. Когнитивно-идеологические матрицы // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 270.
11. Boyer P. Cognitive Aspects of Religious Symbolism // Cognitive Aspects of Religious Symbolism. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 4–47.
12. Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва: Corpus, 2013. 512 с.
13. Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. Москва: Альпина нон-фикшн, 2016. 496 с.
14. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Москва: Лабиринт, 2000. С. 350–486.

Человек в обществе: проблема самореализации

Крушанова Р.Р.

Государственный академический университет гуманитарных наук, преподаватель. Кандидат философских наук

r.krushanova@mail.ru

Давлетбакова Д.Р.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет, студентка

dianka.davletbakova@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен осмыслению прав личности на самореализацию в современном обществе; проблемам соотношения личности и общества, личности и государства. Проанализированы особенности «самореализации» личности в правовом государстве с гарантиями, закрепленными в законах. Дан философский анализ права личности на самореализацию с учетом внешних и внутренних детерминирующих самореализацию факторов. Рассмотрены особенности становления личности в связи с развитием, творчеством и самосовершенствованием. Обсуждаются причины того, почему личность не может развиваться в определенных условиях жизни, что мешает, а также что способствует выявлению новых горизонтов сознания. Содержание доклада создаёт основу для оценки успешности реализации прав личности, как в личном, так и в общественном плане.

Ключевые слова: самореализация, личность, право, естественное право, общество, российское общество, государство, закон.

Human Being in Society: Self-Realization Problem. Krushanova R.R.; Davletbakova D.R.

The State Academic University for the Humanities (GAUGN); Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law

Summary: The report focuses on understanding the rights of individuals to self-realization in modern society, the relationship between the individual and society, the individual and the State. The peculiarities of “self-realization” in the rule of law state with guarantees enshrined in the laws are analyzed. A philosophical analysis of a person’s right to self-realization has been carried out taking into account external and internal factors. Features of personality formation in connection with development, creativity and self-improvement are considered. The reasons why personality cannot develop in certain living conditions are discussed, which hinders, as well as which contributes to the identification of new horizons of consciousness. The content of the report provides an opportunity to assess prospects for the successful realization of the rights of the individual for the benefit of himself and society not only within the Russian Federation, but also internationally.

Keywords: self-realization, personality, law, natural law, society, Russian society, state, law.

Как точно заметил Марк Твен: «Тысячи гениев живут и умирают безвестными - либо не признанными другими, либо не признанными самими собой...» [1, с.43]. И действительно, даже обыденный опыт убеждает, что вокруг имеется масса людей, работающих не по призванию, а просто потому, что это «нужно». В таких условиях человеку сложно полностью раскрыть свой потенциал, найти своего собственного «гения», о котором писал Марк Твен.

Личность и её право на самореализацию – вот проблема, которая приобретает особое значение на современном этапе общественного развития. Разумеется, предшествующие исторические эпохи внесли свой вклад в понимание взаимоотношения между личностью и обществом. Однако, современный мир сложен со своими процессами глобализации, информатизации и аккультурации, с дополняющими их социальными и экономическими противоречиями и кризисами. Найти и реализовать себя в таком

обществе становится особенно трудным для молодых людей. Причем данная проблема остро стоит не только в России, но значима и для других стран.

Итак, что есть право личности на самореализацию и на реализацию своего природного потенциала? Что может способствовать либо мешать данному процессу в современном правовом обществе?

Под самореализацией личности мы понимаем осознанную активность зрелого субъекта, направленную на реализацию своих сущностных потребностей и личностного потенциала во внешней сфере жизнедеятельности. Понятие самореализации фиксирует важнейшую особенность человеческого существования. Она состоит во внутреннем стремлении человека познать, актуализировать свою природу, своё предназначение, раскрыть свои способности посредством своей деятельности.

Данный процесс наиболее эффективно будет проходить при соблюдении множества условий. Одним из значимых условий самореализации личности в современном обществе выступает знание основ права того социума, в котором существует и действует личность.

Что есть право? Право – это нормативная форма управления социумом: свод норм и правил, регулирующих поведение каждого члена общества. Соблюдение прогрессивных правовых норм ведёт к порядку и процветанию общества. Соответственно, нарушение – к хаосу, дисгармонии. Осваивая и соблюдая предписания и правила, установленные в обществе, каждый человек обретает понимание своей значимости для этого социума.

Каким образом личность может реализовать свои сущностные потребности, соблюдая баланс между внутренним «хочу» и внешним «требуется»? Ведь каждый человек по-разному представляет себе конечный результат актуализации своего предназначения. Если речь идёт о зрелой личности, её включенности в процесс самореализации, то ответ на вопрос о качестве выбранной цели, соответствующей не только личному, но и общему благу того социума в котором он находится - будет однозначно утвердительным. Но в обыденном мире, личные намерения большинства людей редко соотносятся с общим благом. С чем это связано? С внутренними характеристиками человека? С внешними факторами?

Если говорить об исключительно внутренней детерминации самореализации личности, не зависящей от внешних составляющих, то этот вариант будет некой идеализированной искусственной моделью. В качестве примера можно привести жизнь буддийских монахов. Развитие их личности, в рамках самореализации, зависит в первую очередь от внутренних характеристик человека и в минимальной степени от внешних условий. Речь идёт о «мягкой» форме самореализации, которая не вносит хаос в окружающее их пространство. Несмотря на отсутствие видимого активного воздействия на общество (связанные с их деятельностью), всё же можно заметить изменения, происходящие в том социуме, которое их окружает.

Влияют ли на самореализацию личности внешние условия социальной среды? Безусловно, т.к. человек живет и действует в обществе. Соответственно, он должен соблюдать определённые правила, установленные в данном социуме. Так, любое правовое государство закрепляет основные права и обязанности человека и гражданина в рамках национального законодательства в основополагающих документах. Например, базовые положения отражены в международном договоре «Всеобщая декларация прав человека Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 г.», в «Международном пакте о гражданских и политических правах», в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах». В ходе принятия вышеуказанных документов на уровне различных государств, происходил процесс деформации понятия «правосубъектности личности» в разных сферах социума. При этом личность и её права стали выходить на новый уровень, что предполагает широту и свободу действий в рамках самореализации. Ведь наличие и соблюдение правовых условий в обществе является благодатной почвой для успешного развития личности, реализации потенциала каждого члена социума. В результате, на уровне государства, вопрос о самореализации личности в сфере права решается грамотным подходом к улучшению количественных и качественных показателей.

Де-факто существует множество внешних факторов (социальные, экономические, политические и так далее), которые влияют на процесс самореализации в разной степени. И все же, несмотря на это, мы не можем однозначно сказать, что внешние факторы отрицательно сказываются на процессе самореализации человека и гражданина в сфере права. С одной стороны, неустойчивость в социуме усложняет процесс успешной реализации личности в любой сфере жизнедеятельности. Но с другой стороны, люди начинают креативно подходить к решению сложных жизненных задач, проявляют гиб-

кость и мобильность. Непростые ситуации «подталкивают» человека к творческому поиску, активизации внутренних и внешних ресурсов. Можем вспомнить биографии известных учёных, философов реализовавших свое право личности на самореализацию в том обществе, в котором они вынужденно оказались. Это истории жизни и творчества Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина, И.И. Лапшина, Б. П. Вышеславцева, Х. Арндт, С.У. Хокинга и многих других. Несмотря на сложные, порой страшные обстоятельства их жизни, они смогли не только реализовать своё предназначение, но и внести большой вклад в интеллектуальное и духовное развитие в общество, в котором они жили.

Вышеизложенные соображения показывают, что каждая зрелая личность все же может реализовать своё право на актуализацию своего потенциала во благо себе и социума. При этом, любое правовое государство, может способствовать полноценному развитию личности своих граждан, ускоряя процесс самореализации каждого члена общества. В результате активного взаимодействия государства и личности, между участниками вполне могут возникнуть взаимовыгодные отношения.

Литература:

1. Марк Твен. Афоризмы и шутки / Сост. К.В.Душенко. М.: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет, 2000. 240 с.

Теоретические искания и практические шаги в деятельности Всемирного философского форума

Маслихин А.В.

Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, профессор. Доктор философских наук

maslikhin@yandex.ru

Аннотация: Всемирный философский форум (ВФФ) с 2010 года ведет деятельность по консолидации философов, ученых, общественных и государственных деятелей планеты для решения глобальных проблем XXI века. ВФФ проводит ежегодные заседания в форме диалектических симпозиумов в Афинах (Греция). В настоящее время форум имеет свои отделения во многих странах мира. Важная часть работы форума – подготовка Граждан Земли. С этой целью создана и функционирует Сократовская философская школа, где идет преподавание по курсам гуманитарных наук. На базе ВФФ и при поддержке Греческого комитета ЮНЕСКО учреждена организация Государство Земля, разработана и принята Конституция Государства Земли. В 2020 году запланированы выборы членов парламента Государства Земли. ВФФ проводит выездные сессии в Индии, КНР, Малайзии и других странах. Деятельность ВФФ можно рассматривать в качестве опыта по разработке модели будущего мироустройства человечества.

Ключевые слова: Всемирный философский форум, глобальные проблемы, государство Земли, Афины, Греция, диалектический симпозиум, конституция Земли, парламент Земли.

Theoretical Research and Practical Steps in Activity.

Maslikhin A. V.

Chuvash State Agricultural Academy

Abstract: Since 2010, the World Philosophical Forum (WFF) has been working to consolidate philosophers, scientists, public and government figures of the planet to solve global problems of the 21st century. WFF holds annual meetings in the form of dialectical symposia in Athens (Greece). Currently, the forum has its branches in many countries of the world. An important part of the forum is the preparation of Earth Citizens. For this purpose, the Socrates Philosophy School has been created and is functioning, where there is teaching in the humanities courses. On the basis of the WFF and with the support of the Greek Committee of UNESCO, the organization State of the Earth was established, the Constitution of the State of the Earth was developed and adopted. In 2020, elections are planned for members of the parliament of the State of the Earth. The WFF holds field sessions in India, China, Malaysia and other countries. The activities of the WFF can be considered as experience in developing a model for the future world order of mankind.

Keywords: World Philosophical Forum, global issues, state of the Earth, Athens, Greece, dialectical symposium, constitution of the Earth, parliament of the Earth.

В XXI веке процессы глобализации обрели гигантские масштабы. Не только государства, но и отдельные граждане Земли стали координировать свои усилия по мирному, устойчивому и равноправному развитию народов планеты. Выдающиеся мыслители неоднократно создавали системы идей, которые бы позволили объединить всё человечество и тем самым покончить с войнами, конфликтами на национальной и религиозной почве. Одними из первых в этом направлении стали рассуждать выдающиеся философы древности Платон и Аристотель. Платон утверждал: «Человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока философы не займут государственные должности или властители в государствах...не станут подлинными философами» [1, с. 477]. Аристотель заметил: «Человек по природе своей есть существо политическое,... человек есть существо общественное» [2, с. 378].

История проведения Всемирных философских форумов в Греции под эгидой международной организации ЮНЕСКО насчитывает десять лет. Философский форум служит знаковым событием для

философов, ученых, общественных и государственных деятелей нашей планеты. Главным теоретическим приоритетом ежегодных форумов стало создание научно обоснованной Концепции дальнейшего развития человечества в XXI веке. Объективная необходимость обсуждения состояния общественной жизни заключена в разрастании глобальных проблем человечества, требующих незамедлительного решения. Практическая составляющая содержательной части концепции обусловлена обращением ученых к развитию умственных и нравственных качеств людей.

Организаторами форума стали международная организация ЮНЕСКО, мэрия г. Афин, Национальная комиссия ЮНЕСКО Греции, Афинский университет, Афинская академия, Министерство образования Греции, Министерство культуры и туризма Греции, Министерство культуры России, Греческое общество по философским исследованиям, Международная Ассоциация профессоров философии и другие организации. Первым Президентом ВФФ был известный греческий философ Илиас Демиржоглу.

Важной частью проведения форума стала организация на его базе диалектических симпозиумов. Суть диалектических симпозиумов состоит в постановке и обсуждении важнейших вопросов общественной жизни в ходе докладов и последующего обмена мнениями. Каждый симпозиум имеет заранее объявленную тему, что позволяет потенциальным участникам вести исследования в определенном направлении. Так, в 2010 году тема первого симпозиума звучала следующим образом: «Лучшие философские идеи на благо человечества», в 2011 году – «Лучшие философские идеи воспитывают, консолидируют и объединяют человечество» и т. д.

Заседания форума проходят в зданиях Старого парламента Греции, Профессорском клубе Афинского национального университета, Культурном центре мэрии города Афины.

В 2011 году было создано Российское национальное отделение ВФФ. В него вошли Московское, Ивановское, Поволжское отделения. В настоящее время организовано и действует 44 отделения в различных странах мира, в том числе в России, США, Великобритании, Германии, Франции, Бразилии, Белоруссии, Монголии, Непале, Филиппинах, Малайзии, на Украине и т. д. В 2012 году на базе Форума возникли организация «Диалектика» (Разум и Мораль – человечеству), стала действовать Глобальная образовательная программа «Цивилизация Земли – XXI», открыл свою работу Университет ВФФ (бесплатного образования в режиме Online), Сократовская философская школа. В 2014 году диалектический симпозиум проходил по теме: «Глобальное гражданство – от инициативы ООН (ЮНЕСКО) по гражданскому образованию к ее практическому воплощению ВФФ». Важной частью работы форума 2014 года было обсуждение и принятие Всемирной идеологии. Необходимость ее создания объясняется тем, что в условиях глобализации требуется идеология, способная не только объединить всё разнородное и разномыслящее человечество, но и дать конкретные рекомендации, наставления и советы, которые позволили бы везде и сразу решить весь комплекс накопившихся у человечества проблем. В итоговом виде Всемирная идеология включила в себя положения о необходимости обеспечения населения Земли благоустроенным жильём (из 7 миллиардов населения планеты нормальные жилищные условия имеет только один миллиард), продовольствием (систематически недоедают на Земле 5 миллиардов людей), нормальными условиями для полноценного воспитания и образования. По итогам работы форума его участники приняли резолюцию. В ней, в частности, отмечается: «Популяризировать и распространять практические философские идеи повсюду в мире, напоминая всем людям об их праве знать и использовать философское мышление с тем, чтобы привлечь внимание политиков через соответствующие средства массовой информации и рекламу, а также образовательные учреждения, на важность философского анализа, и помогать всем крупным учебным заведениям, и не в последнюю очередь ЮНЕСКО, получить доступ к мудрости и важности использования философских традиций и тенденций, разработанных в различных мировых культурах» [3].

На диалектическом симпозиуме 2015 года «Построение Всеобщего Государства Земли (ВГЗ) на основе глобального гражданства (Земли-XXI) как твёрдая гарантия стабильности и прогресса для всей земной цивилизации» в Культурном центре мэрии города Афины состоялись пленарное заседание и главное событие форума – Конституционный конвент. Председатель Конституционного конвента, вице-президент ВФФ, Н. Хаггер (Nicholas Hagger, Великобритания) озвучил текст декларации. В ее содержании отмечено: «Мы, члены Конституционного Конвента и представителей граждан Земли-XXI, внимательно рассмотрев нынешнюю напряженную и опасную ситуацию на Земле, и после призывов ООН, направленных на то, чтобы способствовать глобальному гражданству и совершенствованию глобального лидерства, объявляем всеобщую Конституцию Земли утвержденной 7 октября 2015 года.

Статьи настоящей Конституции предусматривают порядок, при котором будет создано наднациональное всеобщее государство Земли (ВГЗ). Отныне, с 8 октября 2015 года, граждане Земли-XXI на всей Земле приступают к деятельности по созданию, а затем установлению соответствующих конституционных органов наднационального управления ВГЗ...». Каковы основные идеи Конституции Земли?

В ее преамбуле сказано: «Осознавая свою ответственность перед нынешним и будущими поколениями Человечества, движимые решимостью служить всемирной гармонии и благополучию, считая себя авангардом объединённого Человечества, всепланетное Сообщество Граждан Земли приняло, в силу своей учредительной власти, этот Основной Закон» [4].

Статьи настоящей Конституции предусматривают порядок, при котором будет создано наднациональное всеобщее государство Земли (ВГЗ). В одной из статей говорится: «Способ реального недопущения 3-ей мировой (глобальной) войны только один, – объединить всё человечество в рамках единого, сильного, хорошо организованного Всеобщего государства Земли, созданного объединившимися, образованными гражданами Земли на единых, подлинных общечеловеческих ценностях с единой унифицированной системой воспитания, образования, просвещения и управления» [5]. Кто является гражданином Земли? Об этом говорится в 5 статье. Граждане Земли – это те жители Земли, кто прошёл гражданское образование и изучил минимум гражданских знаний, следует им, живёт активной общественной жизнью, основанной на этих знаниях, т.е. у него сформировалось гражданское сознание и самоосознание, воспитывает и обучает других жителей Земли и продолжает гражданское обучение в течение всей своей жизни. Минимум гражданских знаний включает в себя: основные философские, этические и эстетические знания; современную научную картину Мира, всеобщую идеологию (принята в 2014 г.), Конституцию Земли, основные обязанности и права человека и гражданина, структуру мировой экономики, здоровый и правильный образ жизни, список глобальных угроз и вызовов Человечеству, знание общепринятого языка международного общения; умение пользоваться компьютером, интернетом, мобильным телефоном и другими гаджетами. После изучения минимума гражданских знаний, жители Земли сдают специальный экзамен и получают официальный сертификат их высокого общественного статуса – гражданин Земли. В сертификате гражданина Земли указывается его персональный идентификационный номер, который заносится во Всемирный список граждан Земли.

На заключительных заседаниях форума происходит инаугурация Граждан Земли XXI века. Новые члены получают сертификаты участников Всемирного философского форума, выпускников Сократовской философской школы. В сертификате отмечено, что участник Всемирного философского форума, выпускник Сократовской философской школы «приобрел все необходимые конкретные международные гражданские знания и заслуживает право иметь самый высокий мировой статус – Гражданин Земли – XXI. Этот статус свидетельствует о наличии в духовном мире личности мудрости, разума и морали, что дает ему право работать во всех международных организациях и государственных органах, для деятельности в политике и экономике, а также в повседневной жизни».

Идеи Всемирного философского форума нашли поддержку во многих странах мира. Ежегодно выездные сессии ВФФ проходят в КНР, Малайзии, Индии, Филиппинах и других странах. Таким образом, Всемирный философский форум формирует модель будущего государственного устройства человечества, обеспечивающего мирное существование населения планеты.

Литература:

1. Платон. Письма. Письмо VII // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль. 1994. С. 475-504.
2. Аристотель. Политика. 1253 а // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 375-644.
3. Всемирный философский форум. Резолюция 5-го (2014) Диалектического симпозиума. URL:// <http://wpf-unesco.org/rus/resol-r/resol-5.htm> (дата обращения: 04.01. 2020).
4. Constitutional Convention. Declaration. URL: wpf-unesco.org/eng/use/declar.htm (дата обращения: 04.01. 2020).
5. Всеобщая конституция Земли. Раздел 2 – Основные принципы совместного проживания населения Земли. URL: <http://wpf-unesco.org/rus/use/constit-r.htm> (дата обращения: 04.01. 2020).

А.В. Никандров

Сталинская политическая догматика, догматическая «сумма политики» (или «сталинский догматизм», «сталинская догматическая система») в нашем случае – это, просто говоря, свод фундаментальных положений о советском государстве, его идеале и цели, его месте в мировой политике и мире, его исторической сущности, носящих непререкаемый, установочный характер. Если в отношении теорий, концепций, любого рода «политических утверждений», можно (и, видимо, нужно) ставить вопрос о «соответствии истине», то в отношении догматики – нет, так как она и есть истина. Изменения в «догматический корпус» могут вноситься не просто на уровне руководства партии (ясно, что партия – высшая и единственная инстанция), но только безусловно авторитетным образом и при условии отсутствия противоречий с фундаментальными положениями. Н.С. Хрущевым были нанесены сильнейшие удары именно «по догматике», и главных из них два: нелепое и в высшей степени вредное для партии «осуждение культа личности», а также введение в теоретический оборот и политический язык формулы «общенародное государство». В этом же ряду – отмеченная А.И. Фурсовым третья ошибка, заключающаяся в постулировании одной из задач КПСС – «способствовать удовлетворению растущих материальных потребностей советских граждан»ⁱ.

Одним из общих мест наших идеологических противников была критика с этой стороны: партия якобы «догматизирует» марксизм, не дает ему «развиваться»; «омертвляет» некое «живое учение». Во-первых, и прежде всего, подобно тому как «не человек для субботы, а суббота для человека» – не государство для марксизма, а марксизм для государства. Во-вторых, суть тут вовсе не в отсутствии у западных «ангажированных критиков» понимания взаимосвязанности марксизма и советского государства (и соответственно того, что развитие марксизма, направление этого развития – дело прежде всего *государственное*, а уже затем – дело ученых, исследователей, мыслителей, идеологов); но в установках идейной борьбы – атаковать «советский марксизм» с разных направлений, в том числе и с этого. Так, когда Бжезинский говорит, что «существование коммунистических партий фактически превратилось в тормоз для дальнейшего восприятия и развития марксистского учения»ⁱⁱ – совершенно уж ясно, что меньше всего его заботит «развитие марксистского учения», а вот «существование коммунистических партий» – это как раз основная его проблема. Отсюда – все его (и его коллег) призывы к «борьбе за истинный марксизм», за «дедогматизацию», «расколдовывание» марксизма и пр. Как если бы Бжезинского, этого «маршала идеологической армии» противника, интересовало развитие марксизма! Как если бы его «смущало» то, что кто-то решил «умертвить» это «живое учение»! И как если бы, с другой стороны, целью существования советского государства было «творческое развитие марксизма»! В этом плане становится ясно, что хотел выразить Сталин, когда в 1938 году в Речи на приеме работников высшей школы поднимал тост «за здоровье Ленина и ленинизма».

Сталинская догматика строится на центральных, сущностных постулатах учения Маркса и Энгельса в его развитии Лениным и самим Сталиным (а вовсе не на упрощении, омертвлении и т.п.). Эти максимы теории фундаментальны по отношению к советскому государственному и партийному строительству (равно как и к разработке советской системы права), – потому им и придается статус догм. При этом догматическая система предполагает разработанную систему баланса собственно догматики, теории и риторики: определенные положения теории, но не сущностные (пролетариат – диктатура пролетариата – партия – государство диктатуры пролетариата) при определенных обстоятельствах могут стать догмами, или наоборот; некоторые же, не соответствующие насущным потребностям государства, могут риторизироваться, то есть в определенных пределах допускается «маневр», «лабиринтирование» между постулатами и обстоятельствами. Крайне редко этот механизм догматизации-риторизации применяется к важнейшим максимам, но бывает и такое: так, фундаментальный догмат марксизма о мировой революции с помощью «риторической машины времени» был отправлен в весьма отдаленное будущее; концепция же пролетарского интернационализма была просто растворена в риторических формулах. Как видно, догматическая система строится на основе теоретического осмысления политической реальности, но, будучи построена, существует вполне автономно (и скорее теорию следует подвёрстовать к догматике), ведь ее функция – не теоретическая, но в высоком плане практическая:

быть каноном для «единомыслия в государстве» – и так государство будет единым. Как средневековые (*ancilla theologiae*), так и платоновские интуиции здесь прочитываются довольно легко.

Советская политическая догматика в своем содержательном аспекте

- базируется на текстах основоположников (Маркс и Энгельс) и классиков (т.е. мыслителей, признанных и «утвержденных» таковыми партией, – это Ленин и Сталин, но в принципе этот список мог быть и больше; тексты Сталина после 1956 года имплицитно влияли на развитие марксизма-ленинизма в СССР не в меньшей степени, нежели до XX съезда КПСС) марксистского учения;
- фиксируется и развивается: 1) в важнейших, установочных партийных документах: программы партии, материалы съездов, пленумов и иного рода форумов; постановления по всем вопросам «жизни и мысли» государства; 2) в специальных работах руководителей партии и государства, заведомо имеющих статус установочных; 3) в разного рода текстах, не имеющих дискуссионного характера – от научных статей и монографий до газетных публикаций), прямо или косвенно инспирированных партией (или очевидно идущих в русле текущей ее линии), интерпретирующих и пропагандирующих положения теории и догматики; в особого рода книгах, которым придается специальный высокий и/или установочный, статус (например, «Краткий курс истории ВКП(б)», работы Сталина – прежде всего труд «Экономические проблемы социализма в СССР», ставший матрицей советской политэкономии социализма); в выступлениях руководителей партии и государства, опубликованных и представляемых как непререкаемые и установочные;
- отражается во всех сферах культуры (прежде всего, как это ни странно, в архитектуре).

Политико-догматическая система, выстроенная Сталиным, если в чем-то и напоминает церковную, то разве что по статусу своего содержания (аксиоматичность, непререкаемость в определенных границах), а также по ряду формальных и функциональных моментов. Конечно, бессмысленно отрицать влияние на Сталина его православного богословского образования; однако если и ставить эту проблему предметно – то необходимо делать упор не на содержательных моментах, увлекаясь игрой в «сравнительное богословие» (сопоставления «партия – церковь», «пролетариат – мессия», и т.п.), не на стилистических особенностях сталинских текстов, а на соотношении духовного опыта, книжности, содержательных элементах догматики и пр. – и инстанции, церковной иерархии в православии (не поддаваясь при этом соблазну полагать этот церковный иерархизм, роль авторитета церкви – отправной точной сталинской политической и теоретической деятельности). – «Отличительной особенностью восточного мистицизма является непосредственная его связь с церковной догмой». Откровение дано не отдельным людям, а всему обществу верующих, составляющих церковь; поэтому мнение церкви является высшим авторитетом и более важно, чем непосредственно получаемые откровения. Религия как социальный институт важнее, чем религия как духовный опыт»ⁱⁱ, – пишет А.М. Эткинд.

В самом факте догматизации учения, придания ему строгих форм и обязательности, нет ничего нового, – и, в конце концов, построение на основе учения Маркса и Энгельса, с учётом его развития Лениным, догматической системы, вполне ведь можно (и, в общем, нужно, вслед за Сталиным и всей советской традицией) считать не догматизацией, а творческим развитием, применением марксизма в новых условиях. Такая догматизация (или отчасти схоластика) не была не прихотью партии во главе со Сталиным, не «средством укрепления власти», но насущной потребностью, продиктованной как внутривнутриполитическими обстоятельствами, так и геополитической обстановкой. В самом деле, Сталин, «конструируя» (или «переконструируя»), как сейчас говорят, марксистско-ленинскую идейную систему (разумеется, на основе реальной политической жизни и достижений), вполне творчески (что не означает «вольное», «произвольное») обращался с наследием предшествующих классиков, прочно увязывая создаваемый «ленинизм» с интересами государства, подчиняя теорию – государству, так что

ⁱ См.: Паперный В. Культура Два. М., 2017.

ⁱⁱ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 122. – И далее: «Самые великие подвиги, наложенные на себя самовольно, вменяются ни во что. Лучше не верить, чем верить явлениям и откровениям, так всегда возможны ошибки относительно их источника. Демоны маскируются под ангелов, и великое бедствие – вступить в общение с демонами. Для их узнавания нет различительных признаков, доступных индивиду; поэтому православные мистики, даже отшельники, никогда не порывали связи с церковью. И наоборот, мистический опыт, отрешенный от догматических истин и не подчиненный никакому внешнему авторитету, ставил подвижника на гибельный путь субъективизма и приводил его к состоянию духовной прелести» (С. 122).

ⁱ Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М., 2017. С. 11.

ⁱⁱ Бжезинский Зб. Между двумя эпохами. Роль Америки в эру технотроники. М., 1972. С. 84.

советская философия, говоря словами Н.А. Бердяева, вошла в пятилетний планⁱ. Сталин (в отличие от Хрущева) прекрасно знал силу теории, опасность грубого, вольного с ней обращения: ведь теория, если обращаться с ней неподобающим образом, легковесно, т.е. слепо следуя лишь сугубо теоретическим моментам, без опоры на нужды практики, не исходя из практики, – способна нанести немалый урон государству.

Марксистско-ленинское учение в СССР (ленинизм, или марксизм-ленинизм; в западной литературе часто – «советский марксизм»ⁱⁱ) – это политико-догматическая идейная система, включающая элементы теории (но не сводимая к теории), являющаяся фундаментом идеологии партии и государства, источником доктринального творчества; в основе которой лежит универсалистская концепция истории и политики, экономического и политического развития общества, созданная Марксом и Энгельсом, развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма Лениным и Сталиным. Роль партии по отношению к «единому и единственному учению» состоит в его догматическом, научном, идеологическом оформлении, трансляции, развитии и защите от враждебных и оппонировавших идей, концепций, теорий и доктрин (равно как и во взаимодействии с ними). Таким образом, марксизм-ленинизм как универсальное догматическое учение сыграл безусловно положительную, благотворную роль при создании и строительстве советского государства; относительно успешно марксизм-ленинизм исполнял цементирующую и ориентирующую роль в жизни государства и его деятельности в сложнейшей геополитической обстановке второй половины XX века, вплоть до конца 80-х годов.

Ясно, что интересы государства несопоставимо выше «интересов теории», текстов и их интерпретаций: марксизм, поставленный Сталиным на службу СССР, стал *орудием* государства. Так, Милован Джилас, практически восхищаясь сталинским умением «соединить марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью», определяет «сталинский марксизм» следующим образом: «Это марксизм партии, жизненная необходимость которой – превращаться во власть, в ”ведущую”, господствующую силу»ⁱⁱⁱ. Однако этот сталинский «государственный прагматизм» не следует абсолютизировать, как если бы марксизм-ленинизм при необходимости, а то и желании, мог быть заменен на другую теорию, более подходящую в данный момент для государства; равным образом не имеет смысла приписывать советским руководителям «ритуализацию» марксизма (как якобы следствие его «догматизации»). Марксизм был сущностно связан со Страной Советов, и поэтому никак нельзя полагать марксистско-ленинскую догматику и идеологию некоей завесой, флером «истинных намерений» вроде восстановления Империи и т.п. (разве что метафорически). Опять же нет спора при этом, что советское (как и любое другое) государство не могло идти вслед за максимумами и постулатами марксистско-ленинской (как и любой другой) теории, *подчиняясь идеям и текстам*, тем более что идеи можно переинтерпретировать, а тексты – «откорректировать» в нужную сторону. Основы же теории, т.е. ее фундаментальные аксиомы (догмы), изменить, переформулировать без последствий для государства невозможно, поэтому они и должны оставаться «самотождественными» и в принципе быть «руководством к действию» (но не планом, алгоритмом действия).

Жизнь советского (и не только) государства – не вечная дискуссия и полемика, а идеология – не праздник ума, не интеллектуальные игры и непрекращающееся творчество новых форм и смыслов в вечно изменчивом политическом пространстве, когда любая идея ли, концепция ли, факт – обязательно нуждается в «дальнейшей разработке». В письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931) Сталин обрушивается с критикой на «любителей интеллектуальных игр», не желающих понять, что есть вещи, которые не могут быть подвержены ни критике, ни даже сомнению, – и он пишет: «Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссии по вопросам, являющимися аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в ”дальнейшей разработке”. Почему, на каком основании? <...> Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую ”дальнейшей разработке»^{iv}.

i «Теоретический разум, – пишет мыслитель, – должен быть соединен с практическим разумом. Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать. Советская философия входит в пятилетний план» (Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб., 2016. С. 176).

ii Формула «советский марксизм» была введена в научный оборот и политическую публицистику Гербертом Маркузе в его достаточно сдержанной работе «Советский марксизм. Критический анализ» (1958).

iii Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 140.

iv «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. М., 2014. С. 65.

Советское государство не могло обойтись без «священных текстов», «основ теории». Это – «идейные каноны», вечные и неизменные «платоновские идеи», догматика, «сумма марксистской теории» (именно это имел в виду Сталин, когда говорил: «Без теории нам смерть, смерть!»). – «И если кто спросит, – говорит Сталин, – как же у вас нет ничего вечного? Сегодня одно, а завтра другое. Как же жить? Надо объяснить так: если вы хотите быть марксистами, то должны понять, что основы теории не меняются, а отдельные положения могут изменяться, значит, головой надо думать»ⁱ. В самом деле, интересы, расклады сил, классовые соотношения, международные силовые балансы, союзы, договоры и пр. – все это изменчивый мир, «мир подобий», находящийся в непрестанном становлении. – Платоновское «дыхание вечности» в сталинском идейном мире хорошо прочувствовал Милован Джилас: «...Для Сталина все было преходящим. Но это была его философская точка зрения. Потому что за преходящим и в нем самом – за данной реальностью и в ней самой – скрываются некие абсолютные великие идеалы, его идеалы, к которым он может приблизиться, конечно, исправляя и сминая при этом саму реальность и находящиеся в ней живых людей»ⁱⁱ.

Этого подхода, установки не хватает современному российскому государству, и об этом говорят не только политики и ученые, но и художники слова: так, известный современный писатель Михаил Елизаров справедливо утверждает: «Проблема России как государства в том, что она не занимается идеологией. Идеология – мистическая наука, нужны жрецы... <...> Существует страна, и есть ее астральный, идеальный первообраз. Перетянуть его, материализовать, перетащить с Небес в земную реальность можно только при посредстве проводников. <...> Если у страны нет идеологии – у нее нет энергетической защиты»ⁱⁱⁱ. – Тем более жизненная важность идеологии, идейности для государства подчеркивается, конечно же, учеными: так, А.И. Фурсов говорит: «Новый мир построит тот, кто сформирует новые смыслы, образ будущего, в соответствии с этими смыслами, создаёт оргструктуры (команды), которые способны реализовать всё это как программу и, в случае необходимости, сможет силовым, военным способом защитить и саму реализацию, и её результаты. Именно в такой последовательности: сначала победа в ”метафизике” и только потом и на такой основе – победы в ”физике”. А это невозможно без идеологии, без высокой идейности»^{iv}.

i «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. М., 2014. С. 463.

ii Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 56.

iii Цит. по: Рылёв К.Э. Курс лечения от постмодернизма: путеводитель по современной культуре. М., 2011. С. 239.

iv Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М., 2017. С. 4.

Никитаев Д.М.

Институт свободы совести, эксперт, юрист

Nikitaev.jurist777@yandex.ru

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются основные философские и юридические подходы к светскости государства. Автором указывается на необходимость учета различных подходов для выработки единого определения понятия «светскость государства» и решения теоретических и практических проблем светскости государства.

Ключевые слова: светскость государства, философия, свобода совести, юриспруденция, международное право.

Secularism of the State: Philosophical and Legal Aspects.
Nikitaev D.M.

Institute of Freedom of Conscience

Abstract: this article discusses the main philosophical and legal approaches to the secularism of the state. The author points out the need to take into account different approaches to develop a single definition of the concept of “secularism of the state” and solve theoretical and practical problems of secularism of the state.

Keywords: secularism of the state, philosophy, freedom of conscience, jurisprudence, international law.

Светскость государства является дискуссионным понятием в современной науке. Понятие и содержание светскости изменялось исторически с учетом развития общественных отношений. Появившись в трудах философов, оно постоянно дополнялось новыми признаками, исследовалось в различных научных направлениях, прежде чем вошло в терминологию юриспруденции.

Как указывают авторы, противоречия в определении понятия светскости государства обусловлены с переоценкой ценностей, отсутствием контроля государства, недостаточном исследовании с социально-философской позиции [1, 100]. Отметим, что принцип светскости нуждается в дальнейшем изучении, что будет способствовать решению теоретических и практических проблем его реализации. Как и в прежние времена, нарушение принципа светскости государства способствует дискриминации, ксенофобии, конфликтам и нарушениям прав человека.

Следует согласиться с позицией С.А Бурьянова, что состояние научной разработанности влияет на развитие правовых механизмов светскости государства и реализацию права свободы совести [2, с.53]. Принцип светскости нуждается в детальном исследовании учеными-юристами, философами, социологами, политологами. Необходимо выработать единое определение принципа светскости государства с учетом сложившихся подходов, принципа правой определенности.

В разработке принципа светскости государства следует отметить итальянского философа Марсилиа Падуанского. Именно Падуанский заложил основы данного принципа, которые были развиты в трудах других философов. В труде «Защитник мира» философ указывал на невозможность церкви обладать светской властью, а государство не может обязывать к исполнению религиозных установлений своих подданных [3, с. 28]. Исследуя труд «Защитник мира», Б.И. Ключко утверждает, что в нем нет правовой теории, а приводятся аргументы о том, что в земном мире нет места церковной юрисдикции [4, с. 222]. Теория Марсилиа Падуанского представляется революционной для существовавших общественных отношений, положила начало разработке идеи светскости.

Согласно позиции Эмиля Литтре, светскость представляет собой один из признаков государства. При этом, такое государство нейтрально ко всем культам, независимо от духовенства и свободно от любой теологической концепции [5].

Как указывал английский философ Джон Локк, юрисдикция светского государства не распространяется на религиозную сферу, религиозные организации добровольные по своему статусу, равны перед законом, не подвергаются дискриминации и не имеют преимуществ [3, с. 29].

Исследуя историю светскости государства, Д.В. Белозеров отмечает, что появление данного термина происходит в эпоху Просвещения, которая характеризовалась противопоставлением религии и науки. Процесс отделения религии и науки стали называть просвещением [6, с. 4]. Вопрос разделения сфер влияния церкви и государства исследовался философами - просветителями- Вальтером, Дж. Локком. Идеи о светскости высказывались в трудах Юстиниана, Фомы Аквинского, Мартина Лютера, Макиавелли [7, с. 7].

При этом, исследователи трудов Руссо указывают, что мыслитель граждане обязаны участвовать в установленном государством культе, выражать веру в догматах для морали, подчиняться каждому вмешательству государства в культ, не придерживаться культа, который запрещен властью [8, с. 311].

Таким образом, нельзя не отметить важность трудов мыслителей в появлении и развитии идей и представлений о светскости государства. Новаторство идей светскости было поддержано мыслителями, их идеи получили свое развитие в других науках. При этом, не все позиции в полной мере учитывают всю сущность и содержание светскости, сводя данное определение до одного из его признаков [9, с. 92].

В данной связи, представляется возможным рассмотреть юридические подходы к понятию светскости. Как уже отмечалось, светскость является дискуссионным понятием в современной науке. Это относится и к юридической науке.

Как указывает М. С. Стецкевич светское государство- это государство, которое стремится к обеспечению мировоззренческой свободы личности, законодательно обеспечивает свободу совести, не нуждается в религиозной легитимации, и, как мировоззренчески нейтральное, не проводит никакую специальную религиозную политику - не поддерживает религиозные объединения, не борется с религией [10, с. 8].

Согласно подходу И.А. Куницына, важный аспект при определении светского государства – это мировоззренческий нейтралитет, который является важной теоретико- методологической особенностью светского государства [11, с. 122-123].

К.Г. Каневский указывает, что светское государство- это основополагающая характеристика государства, в соответствии с которой государство нейтрально относится к религии и иным мировоззренческим системам, гарантирует соблюдение права каждого на свободу совести [12, с. 14].

С.А. Бурьянов рассматривает светское государство как мировоззренчески нейтральное государство, принципиально не приемлющее никакого мировоззрения в качестве официальной идеологии и обеспечивающее каждому возможность свободного мировоззренческого выбора [13, с. 14].

На основании сложившихся определений, представляется возможным выработать авторское определение светскости государства. Светское государство-это современная характеристика мировоззренчески нейтрального государства, равноудаленного от мировоззренческой сферы жизни общества, обеспечивающее и гарантирующее реализацию права на свободу совести и иные права человека [14, с. 281].

Таким образом, в современной научной литературе сложились различные подходы к понятию «светскость государства». Следует особо отметить труды философов, в которых данный термин был выработан, развит и стал достоянием не только философии, но и юриспруденции и других наук. При этом, философские подходы затрагивают только некоторые аспекты светскости, без полного раскрытия сущности данного термина. Согласно подходов ученых- юристов, выделение одного из признаков не является корректным, а светскость государства должна соответствовать всем признакам. Только при понимании светскости как мировоззренческого нейтралитета гарантируется право на свободу совести и иные права человека.

Литература:

1. Цырендоржиева Д.Ш., Багаева К.А. Светскость в российском обществе: социально- философский контекст // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. №. 17. С. 99-105.
2. Бурьянов С.А. Свобода совести в светском государстве и «латексное религиоведение» // Наука и религия в светском государстве. М.: Полиграф сервис, 2017. С.53- 58.
3. Дементьева З. П. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в России в контексте свободы совести. Екатеринбург, 2006. 147 с.
4. Ключко Б. И. Марсилиус Падуанский и естественное право // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №4. С. 218-223.
5. Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность [Электронный ресурс]. URL: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml (Дата обращения 27.11.2019).

6. Белозеров Д. В. Предпосылки и динамика становления светского образования в России XVIII века: дис. канд. пед. наук. М., 2004. 188 с.
7. Понкин И. В. Современное светское государство: Конституционно-правовое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02: М., 2004. 362 с.
8. Вульфийус А. Г. Очерки по истории идеи веротерпимости и религиозной свободы в XVIII веке. Вольтер, Монтескье, Руссо. Критическое исследование. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1911. (Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та; ч. 103).
9. Никитаев Д.М., Бурьянов С.А. К вопросу о современном определении понятия и содержании светскости государства// Современный юрист. 2019.3 (28). С. 85-96.
10. Стецкевич М. С. Свобода совести. Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун- та., 2006. 299 с.
11. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. 462 с.
12. Каневский К.Г. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: дис канд. юрид. наук. М., 2004. 180 с.
13. Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: дис канд. юр. наук. М, 2009. 212 с.
14. Никитаев Д.М. Взаимосвязь реализации принципа светскости государственной и муниципальной системы образования и социальной справедливости // Принципы социальной справедливости и их реализация в современном мире/ отв. ред. Т.А. Сошникова, Е.Е. Пирогова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2019. С.280-284.

Место политических партий в системе «Государство – Гражданское общество»: философский, исторический и теоретико-правовой аспекты

Орлов А.А.

Смоленский государственный университет, магистрант

Аннотация: Данная работа посвящена взаимосвязи политических партий с гражданским обществом в системе «Государство – Гражданское общество», а также характеристике политических партий как особых общественных объединений. В работе автор рассматривает взаимосвязь политических партий с гражданским обществом в свете философского, исторического и теоретико-правового аспектов. Автор указывает, что от понимания места политической партии как элемента в системе гражданского общества во многом зависит оценка зрелости как самого общества, так и темпов его развития. Сделан вывод о том, что в политико-правовой мысли современников политические партии являются каналом связи между государством и обществом, но именно в России на современном этапе развития обратная связь между данными элементами не выстроена.

Ключевые слова: политические партии, гражданское общество, государство, представительная демократия, народ.

Place of Political Parties in the System “State – Civil Society”: Philosophical, Historical and Theoretical Legal Aspects.

Orlov A.A.

Smolensk State University

Abstract: This paper is devoted to the relationship of political parties with civil society in the system “State – Civil Society”, as well as the characterization of political parties as special public associations. In the work, the author considers the relationship of political parties with civil society in the light of philosophical, historical and theoretical and legal aspects. The author points out that assessing the maturity of both society itself and the pace of its development largely depends on understanding the place of a political party as an element in the civil society system. It is concluded that in the political and legal thought of contemporaries, political parties are a channel of communication between the state and society, but it is in Russia at the present stage of development that the feedback between these elements is not built.

Keywords: political parties, civil society, state, representative democracy, people

Уже более двух тысячелетий ученые и эксперты изучают гражданское общество, исследуют его элементы и признаки разностороннее, более точно и достовернее. Понятие «гражданское общество» вбирая в себя человеческие ценности, приобретает все большую и обширную смысловую нагрузку, порой вызывающую споры многовариантность.

Так, в учении Аристотеля его интерес сосредотачивается на рассмотрении и последующем анализе государства и политико-правовых отношений. Человек, как личность, по Аристотелю, существо социальное, общественно-политическое. Государство, в свою очередь, естественный продукт постепенного развития и формирования сообщества политически заинтересованных и активных граждан [1, с. 376].

Другой не менее известный философ Платон основывает свою концепцию идеального государства [2]. Идеальное государство появляется в качестве сообщества трех социальных групп. Эти группы, в свою очередь, представлены: 1) правителями; 2) стратегами; 3) производителями. Ими, соответственно, являются: 1) философы; 2) воины; 3) земледельцы и ремесленники. Можно с уверенностью говорить, что еще философы античности указывали на то, что помимо государства и субъектов ему подвластных существует явление самостоятельное, не во всем и не всегда подвластное государству.

Классическая философия сознательно обогатила и дополнила рассмотрение и анализ проблемы гражданского общества принципиально новыми положениями. К примеру, Г. Гегель, в отличие от предшественников рассматривает гражданское общество и государство как независимые социаль-

но-политические институты. По Гегелю, гражданское общество функционирует и развивается не под давлением и контролем государства и не внутри государства, а независимо, но рядом с государством. Именно Гегель провозгласил, что не государство является способом существования гражданского общества, а гражданское общество является способом существования государства [3].

Проблематикой гражданского общества изучал и русский философ, юрист и общественный деятель Б.Н. Чичерин. Именно его перу принадлежит грамотное, как с политической точки зрения, так и с юридической, определение гражданского общества. Он писал: «гражданское общество есть совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом. Кроме отдельных лиц, сюда входят и образуемые ими частные союзы» [4]. Подобным образом, Б.Н. Чичерин обозначал целый ряд правовых явлений, обладающих специальной характеристикой и управляемых особыми нормами права.

Существенную значимость и роль, а также максимальную остроту в современных дискуссиях о признаках, структуре и институтах гражданского общества обрел вопрос о его соотношении с политической жизнью. Особенно под острым углом стоит вопрос о месте политических партий в системе «Государство – Гражданское общество».

Конкурентоспособные политические партии являются важнейшим институтом демократической политической системы, его основополагающим признаком. Известный американский политолог Р. Даль, изучая гражданскую активность и динамичность правомерного поведения в демократическом обществе, отмечал, что политические партии и иные общественно-политические объединения обязаны воздействовать на органы власти путем участия в выборах и другими незапрещенными законодательством способами. Также ученый говорит о немаловажности политических партий в развитии и функционировании гражданского общества. По его мнению, самостоятельные и независимые общественные объединения являются источником гражданской компетентности, политической осведомленности и правовой грамотности населения. Именно политические партии предоставляют гражданам выносить определенные вопросы на широкое обсуждение, являются представителями интересов населения, позволяют повышать свою политико-правовую грамотность [5, с. 74].

Политическая партия имеет особенность, которая отличает от иных общественных объединений: политическая партия является частью механизма государства и частью гражданского общества. Нельзя не согласиться с утверждением Д.В. Чижова, российского политолога, эксперта в сфере политических коммуникаций, что партия собственными корнями уходит в толщу гражданского общества, где формируются и оформляются интересы различных социальных групп. Но при активной взаимосвязи с гражданским обществом, рычаги власти политической партии становятся ближе к государственному механизму, постепенно вращая в него. Именно поэтому автор называет политическую партию в своей работе агентом двусторонней связи на линии «Гражданское общество – Государство» [6, с. 53]. Политическая партия по своей сути является каналом передачи наиболее важной информации об интересах гражданского общества, которая по каналам связи переходит к государству.

Но помимо функции коммуникации, политическая партия нацелена на свой гласный интерес – получение, удержание и осуществление власти через своих представителей, что не обходится без общественной поддержки. Ведь по своей сути, внутренняя структура политической партии – это «устройство по регуляции общественного мнения», которое принимает, перерабатывает и преобразовывает интересы различных социальных групп, отражает состояние общественного сознания и общественного мнения. На выходе этого процесса политическая партия определяет свою наиболее выгодную позицию поведения и действия, характеризующие это. Стоит отметить, что Д.В. Чижов отмечает, что эффективность этого процесса определяется совместной работой верхов политической партии и ее рядовых членов.

Однако, доктор юридических и философских наук, советник Конституционного Суда РФ с 1992 по 2004 гг. Л.М. Карапетян, в отличие от Д.В. Чижова, не рассматривает политические партии в качестве элементов системы гражданского общества России на современном этапе развития [7, с. 17]. По мнению Л.М. Карапетяна, двойная природа политических партий состоит в том, что лидеры политических партий и иных общественных объединений, с одной стороны, стоят на идее создания гражданского общества, а с другой – бойкотируют процесс его становления всеми способами. Современные политические партии отрицают идею представительства гражданского общества в общественно-политической жизни современного государства, а самое главное – отрицают необходимость данного представительства. Однако, если рассматривать функционирование гражданского общества через призму

философского и исторического аспектов, то будет доказано, что развитие демократии и демократической системы, его становление и последующее развитие гражданского общества – процессы взаимосвязанные и взаимообусловленные, так как в основе демократических институтов современного общества составляют разные формы самоорганизации народа – именно они входят в структуру гражданского общества.

Л.М. Карапетян акцентирует свое внимание на том, что политическая партия далека от народа, от социума, от гражданского общества. В отличие от политических партий, к народу гораздо ближе общественные объединения. Именно они составляют основу гражданского общества. Ученый называет их «социальные партиями», которые находятся в постоянном диалоге с властью, тем самым представляя интересы граждан и решая их основные проблемы [7, с. 18].

Полагаю, что Л.М. Карапетян опирался в своем учении на исследования П. Мейра и Р. Каца. В своей концепции «теория картельной партии» П. Мейр и Р. Кац пришли к выводу, что цель любой партии – получение, удержание и осуществление власти через своих представителей, а достижение этой цели – завершение процесса политического и партийного строительства. Когда партии достигают своей цели – ее член занимает пост главы государства либо становится депутатом законодательного органа государства, то именно после этого можно говорить о формировании в государстве полноценной партийной системы, т.е. представительной (партийная) демократии [8].

Представительная (партийная) демократия не является идеальной формой демократии. Сама концепция представительной демократии время от времени подвергается критическому сомнению. Как правило, партии критикуют за:

1. разрастание партийного аппарата;
2. коррумпированность партийных чиновников;
3. разрыв между партийным руководством и рядовыми членами;
4. сращивание с государством;
5. бюрократизацию;
6. догматизацию идеологических и программных установок;
7. отсутствие ротации.

Именно по этим причинам, избиратели начинают говорить о кризисе партий как института представительной демократии.

Реакция общества не заставляет себя ждать – она проявляется в формировании альтернативных форм участия населения, в отличие от партийной, в лице многочисленных групп, выступающих с политическими инициативами. Коммуникативную функцию партии, которая представляется в качестве канала связи между обществом и государством взяли на себя СМИ, хотя эта функция изначально являлась прерогативой партии [9, с. 148].

Но история будет помнить всегда, что возникновение партий было, прежде всего, ответом общества в процессе демократизации на потребность в механизме политического участия, на потребность в представительстве, в надежде, что голос народа будет услышан. Вместе с тем нельзя отрицать, что гражданское общество обладает комплексом своих собственных интересов, которые достаточно широки и разнообразны и включают следующие проблемы:

1. борьба с коррупцией и терроризмом;
2. доступ граждан к достоверной информации;
3. общественная экспертиза;
4. народный контроль и многое другое, что поистине необходимо для развития гражданского общества и правового государства.

Литература:

1. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. / [ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Бибикина и др.]. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
2. Произведения и книги Платона. Диалоги Платона. URL: <http://www.newacropol.ru/library/platon/> (дата обращения: 14.12.2019).

3. Гегель Г. Философия права. Отдел второй. Гражданское общество. URL: <http://e-libra.su/read/362194-filosofiya-prava.html> (дата обращения: 14.12.2019).
4. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для ВУЗов. Раздел V. Глава 4. Б.И. Чичерин. URL: <https://fil.wikireading.ru/52555> (дата обращения 14.12.2019).
5. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского. М.: «Аспект Пресс», 2000. 203 с.
6. Чижов Д. В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008. 221 с.
7. Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. СПб.: Ассоциация «Юридический Центр-Пресс», 2009. 263 с.
8. Ричард С. Кац и Питер Майр. Картельная партия: пересмотр концепции. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/3-4_2010/8.pdf (дата обращения: 14.12.2019).
9. Булин Д.Н. Большие выборы. Хроника политической мысли России. 2006-2008. СПб.: Алетейя, 2008. 167 с.

Государство в политической теории: аналитическое пространство для альтернативных политических форм

Панкевич Н.В.

Институт философии и права УрО РАН, старший научный сотрудник. Кандидат политических наук
n.pankevich@yandex.ru

Аннотация: Для современной политической теории категория государства является, безусловно, центральной. Состояние безальтернативности порождает специфические трудности в анализе реальных политических процессов в условиях масштабного реструктурирования политического пространства планетарного масштаба, когда переосмыслению подвергаются ключевые институты и ценности, организующие представления о господстве, легитимности, составе и структуре политического сообщества, способах организации взаимодействия власти и общества. В этой связи острую актуальность приобретает поиск способов преодоления ситуации, когда горизонт познания закрыт единственной категорией анализа, тотально структурирующей пространство политической теории. В качестве одного из возможных направлений предлагается поиск нового деноминатора, который сумел бы категориально охватить широкий спектр принципов структурирования политического пространства. Развитие теории государства как одной из политических форм в ряду других возможных альтернатив может быть связан с преодолением унитарности аналитического конструкта государства, системном рассмотрении территории, политического сообщества и властного аппарата не в качестве атрибутов государства, но самостоятельных перформативных сил, способных принимать разные значения и производящих таким образом принципиально различные политические формы.

Ключевые слова: политическая теория, государство, политическая форма, формант, альтернативы государству, аналитическое пространство.

The State in Political Theory: an Analytical Space for Alternatives. *Pankevich N.V.*

Institute of Philosophy and Law, UB RAS

Abstract: Contemporary political theory is dominated by the category of the State. The situation of the absence of the alternatives causes specific difficulties in the analysis of political processes within the conditions of the political space large-scale restructuring at the planetary scale, when the key institutions and values that organize domination, legitimacy, composition and structure of the political community, the ways of organizing the interaction between power and society are reinterpreted. In this regard, finding the ways to overcome the condition when the horizon of knowledge is closed by a single category that structures totally the space of political theory becomes urgent. The article proposes the search for a new denominator that would be able to categorically cover a wide range of principles of structuring the political space as one of the possible directions in the development of political theory. The understanding of the State as one of the political forms in a number of other possible alternatives may be associated with overcoming the unitarian nature of this concept, the systematic consideration of the territory, political community and power apparatus not as attributes of the state, but independent performative forces that can take different modes and thus produce fundamentally different political forms.

Keywords: political theory, state, political form, formant, alternatives to the state, analytical space.

Ситуация, сложившаяся в современных исследованиях закономерностей становления и функционирования политических структур, институтов, процессов и действия, представляет собой достаточно редкий в научной рефлексии момент, когда разочарование в познавательных, аналитических и прогностических возможностях основополагающих теорий и их базового категориального аппарата становятся практически повсеместными. [1, р. 15; 2, pp. 337-49; 3, р. 140] Осознание дефицитности

политической теории для решения целого комплекса проблем современности имеет очевидно затяжной характер, [4, р. 202; 5, р. 1] поэтому призыв к созданию новых категорий, по-новому размечающих предметное поле политических наук, часто происходит с позиций делегитимации самих оснований политического суждения и отрицания непреходящей значимости структурных универсалий, упорядочивающих политическую повседневность. Основной удар критики предсказуемо принимает центральная установка современных общественных и политических наук о государстве как о базовой форме, в которой организовано и реализуется политическое взаимодействие. Такое положение вещей вполне объяснимо, поскольку для современной нам политической системы именно государство является конституирующим элементом, определяющим беспрецедентный изоморфизм ее структуры, состоящей (при значимом разнообразии индивидуальных характеристик отдельных политических образований) из конституционно и функционально подобных единиц. [6, р. 152-153]

В современной ипостаси властного аппарата, организующего политическое сообщество в рамках четко определенных и признаваемых территориальных границ, государство рассматривается как базовый элемент, формирующий систему международных (де-факто межгосударственных) отношений и одновременно единственный институт, обладающий правом легитимного использования силовых ресурсов, пределах своей территориальной юрисдикции. В совокупности представления о двоякой функции института государства в тотальном распределении пространства на внутренний и целый ряд внешних доменов как о базовом организующем принципе современности не только превращают государство в *sine qua non* действительного политического процесса, пик эволюции политических институтов. Государство становится не просто наиболее типичным эмпирическим объектом политического анализа, но также и базовой категорией рефлексии о политике, определяющей базовые параметры политического суждения, за пределами которой фактически наступает вакуум. Это происходит именно в силу парадигмальности концепции государства: достаточно показательно, что расхождение нормативной модели и эмпирического объекта трактуется как дефект объекта, но не модели, которой он должен соответствовать.

Однако столь сильная доминантная позиция института содержит в себе специфические риски. В практическом аспекте это означает, что все возможные альтернативы неизбежно и вынужденно вырываются внутри институциональных условий, кодируемых государством, и имеют по отношению к нему в разной степени конфликтный характер, которому сопутствует перехват соответствующих полномочий «различными организациями, которые, какова бы ни была их природа, определенно не являются государствами». [7, с. 9]

При этом весьма любопытным моментом в сегодняшнем состоянии общественной мысли является сосуществование негативной оценки сложившейся ситуации одновременно на двух уровнях политической рефлексии. В плоскости эмпирического анализа происходит признание масштабности и, возможно, необратимости изменений, происходящих на макроуровне политической структуры, и фактической неспособности существующих институций в реальном политическом процессе противостоять трансформационным процессам. В то же время, в области теории все чаще происходит фиксация того факта, что в настоящее время политическая наука вряд ли способна предложить что-либо взамен теряющих эффективность методологий анализа, представить готовые конструкты и стратегии, сопоставимые с традиционными с точки зрения универсальности охвата феноменов и процессов политической сферы.

Такая ситуация в области политической рефлексии является достаточно тревожной, поскольку вполне объяснимое отсутствие концептуальных альтернатив придает процессу трансформации оттенок «природной катастрофы», [8] с которой можно смириться, но невозможно бороться. На эту проблему, в частности, предельно остро указывает Дж. Рагги, который характеризует современное политическое суждение как «обедненный способ видения мира», [3, р. 143] не выходящий за пределы категорий, связанных с государством или производных от него. Ситуация чрезвычайно отягощается тем, что, как формулирует свое видение проблемы С. Кувирай: «мы должны одновременно использовать терминологию [связанную с концепцией государства] и отказываться ей в доверии». [9, р. 227]

Однако если существует более или менее устойчивый консенсус относительно того, что актуальной задачей политической теории сегодня является вывод концепта государства из числа ее привилегированных оснований, то далеко не однозначен ответ на вопрос, что именно и в каких условиях может эффективно потеснить этот ключевой конструкт в качестве центрального элемента. Уже в самой постановке проблемы содержится очевидная потребность поиска способов определения нового деноминатора, который сумел бы категориально охватить широкий спектр принципов структурирования политического пространства.

На наш взгляд, выход из этого тупика может быть связан с преодолением унитарности аналитического конструкта государства. Подобный подход глубоко укоренен в традициях теории государства и права. Еще Г.Еллинек считал «естественным искать объективное существо государства в одном из его составных, по-видимому, реально существующих элементов. Эти элементы суть территория, народ и властитель». [10, с. 81] Стабильность научного консенсуса относительно структурных элементов, сотворяющих во взаимодействии государство, и сама восходящая траектория эволюции государств, которая сопровождалась системным вытеснением всех альтернатив, однако, сыграли довольно злую шутку с теорией государства. Территория, сообщество, властный аппарат из перформативных сил были методологически низведены в категорию атрибутов государства. Распространенность этой ошибки в определении государства через его признаки распространена чрезвычайно широко и имеет значительные последствия: за горизонтом осознания исследователя остается тот факт, что для создания государства подходит отнюдь не произвольно взятая территория, не каждый тип сообщества, а властный аппарат государства обладает вполне уникальной спецификой. В свою очередь, и территория, и политическое сообщество (народ), и властный аппарат могут собираться не только в «государство», которое в лучшем случае подобного теоретизирования предлагается как единственная возможная политическая форма [см., напр. 11, р. 28] и распространяется на любые другие политические конstellации, становясь неоправданно растяжимой концепцией. А в худшем – редуцируется к лишь одному из формантов. Как правило – властному аппарату, [см., напр. 12, р. 752] хотя также может постулироваться тождественность государства и сообщества. [см., напр. 13, р. 145]

С нашей точки зрения, решить теоретическую проблему в интерпретации государства способен вывод указанных «элементов» из числа атрибутов и их рассмотрение на теоретическом уровне как самостоятельных феноменов, способных к проявлению и принятию тех или иных качеств. А на уровне эмпирическом – в качестве формирующих сил, производящих во взаимодействии государство как политическую форму и иные политический формы. При этом предел формирующих возможностей будет задаваться качеством, в котором может быть институционализирован каждый из формантов. В составах этих форм возникают отличные друг от друга иерархии, пересечения и режимы взаимодействий между образующими элементами. Так, например, эксклюзивная территориальная основа, имеющая непреходящее значение для функционирования современного государства и ставшая в этой парадигме одной из ключевых ценностей, может и не играть столь существенной роли в рамках политической формы иного типа (в частности, сети или империи). Различно может быть установлена и система соотношений между властным аппаратом и политическим сообществом в спектре производности власти от сообщества до ее автономии.

Взаимодействие всех трех компонентов порождает политическую форму, устойчивое и при этом динамическое единство и позволяет установить источники и импульсы к его трансформации в другие возможные формы. Логическое разделение формантов при полном признании их взаимоположения, порождающего функциональное соответствие, представляется необходимым аналитическим инструментом для изучения процесса кристаллизации политических форм и современных процессов трансформации, помещая их в контекст системного взаимодействия сообщество-территория-властный аппарат. В свою очередь, разрыв циклической связи между ее формантами или качественное несоответствие формантов друг другу будет инициировать процесс изменений. Нарастание организующих способностей любого из них будет означать одновременное нарастание принуждения, которое формант необходимо будет оказывать на другие, возможно менее заметные, но не менее чувствительные и значимые элементы системы, заставляя их реагировать на новые варианты агрегации формы соответствующими проектами институционального, или идеологического характера. Достижение порога необратимости изменений будет соответствовать собственно моменту трансформации.

Принимая базовый тезис о рекурсивном взаимодействии гетерогенных элементов политической формы, можно сделать следующий шаг к классификации политических форм, предположив, что государству как политической форме и нормативной модели будет соответствовать лишь конкретный тип территории, специфический тип политического сообщества и властный аппарат с квалификациями, характерными только для данной политической формы. Соответственно, в рамках этой аналитической стратегии формируется теоретическое пространство для размещения иных типов форм, отличных от государства по специфике институционализации в нем каждого из обозначенных формантов, а также способу их сборки в функциональное единство.

Литература:

1. Бек У., Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007.
2. Appadurai, A. Sovereignty Without Territoriality: Notes for a Post-national Geography // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture* / Ed. by Low S.M., Lawrence-Zuniga, D. Oxford, UK: Blackwell, 2003. P. 337-49.
3. Ruggie J. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No 1. P. 139-174.
4. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, structure and contradiction in social analysis*. London: Macmillan Press, 1979.
5. *Spatializing Law: An Anthropological Geography of Law in Society* / Ed. by Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K., Griffiths, A. L.: Ashgate, 2009.
6. Meyer J.W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F.O. World Society and the Nation-State // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103. No. 1. P. 144-181.
7. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: Ирисэн, 2006.
8. Бауман З. Национальное государство - что дальше // *Отечественные записки*. 2002. №6 (7). URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/nacionalnoe-gosudarstvo-v-cto-dalshe> (дата обращения: 18.02.2019)
9. Kaviraj S. The Modern State in India // *The Dynamics of State Formation* / Ed. by Doombos M., Kaviraj S. New Dehli: Sage, 1997.
10. Еллинек, Г. Общее учение о государстве. М.: «Юридический центр Пресс», 2004.
11. Gebrandy, A., Scholten, M. Core values: Tension and Balances in the EU Shared Legal Order. // Brink T. van den, Luchtman, M., Scholten, M. (eds.) *Sovereignty in a Shared Legal Order: core values of Regulation and Enforcement*. Cambridge-Antwerp-Portland: Iterentia Publishing, 2015. P. 9-30.
12. Painter, J. Prosaic Geographies of Stateness // *Political Geography*. 2006. No. 25. P. 752-774.
13. Alexander, G.S., Peffalver, E. M. Properties of Community // *Theoretical Inquiries in Law*. 2009. Vol. 10. P. 127-160.

Исследование политического лидерства: истоки интеракционистского подхода

Папченкова А.Н.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, философский факультет,
аспирант*

alexandraveber.av@gmail.com

Аннотация. Когда мы думаем о политических лидерах, мы склонны думать как о действиях этих людей, так и о результатах их действий. В статье описываются основные подходы к исследованию политического лидерства в 19 веке, оказавшие влияние на становление политической науки в целом. Автор рассматривает личностный подход на примере концепций Т. Карлейля и Ф. Гальтона, а также подход Г. Спенсера, а также концепцию интеракционизма, которая стала синтезом двух конкурирующих подходов, первое четкое изложение которой дал У. Джеймс. Интеракционизм учитывает влияние фактов разных категорий и понимает лидерство как результат взаимодействия личности и контекста, что позволяет более широко взглянуть на феномен лидерства и найти ответы на веками стоящие перед исследователями вопросы.

Ключевые слова: политическое лидерство, лидер, теория черт, интеракционизм, личность, контекст.

Political Leadership Research: The Origins of the Interactionist Approach. *Papchenkova A.N.*

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract. When we think about political leaders, we tend to think about both the actions of these people and the results of their actions. The article describes the main approaches to the study of political leadership in the 19th century, which influenced the formation of political science in General. The author considers the personal approach on the example of the concepts of T. Carlyle and F. Galton, the approach of G. Spencer, and the concept of interactionism, which became a synthesis of two competing approaches, the first clear statement of which was given by W. James. Interactionism takes into account the influence of facts of different categories and understands leadership as a result of the interaction of the individual and the context, which allows scientists to look more broadly at the phenomenon of leadership and find answers to the questions that have been facing researchers for centuries.

Keywords: political leadership, leader, trait theory, interactionism, personality, context.

Вопрос функционирования политического лидерства и роли личности поднимался с давних пор, занимая умы мыслителей с античной эпохи. Но, несмотря на то, что люди писали о лидерстве в том или ином смысле на протяжении тысячелетий, в английском языке термин «лидерство» впервые был использован только в 1821 году. Идея о том, что личность, или лидер, является главным двигателем социальных и политических изменений, присутствует в многочисленных жизнеописаниях и хрониках. Тенденция персонифицировать политическую историю, акцентируя внимание на важности отдельного лидера, уже кажется нам естественной.

В своем эссе Томас Карлейль утверждает, что история всего того, что было совершено в этом мире, является историей великих людей, представляющих собой душу мировой цивилизации. По его мнению, история является продуктом деятельности экстраординарных человеческих субъектов. Для Карлейля история была биографией, а биография - историей. Карлейль утверждает: «всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть. Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принад-

лежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» [1, с.7]. По его мнению «великие люди» обладают неким набором качеств и черт, выделяющих их среди людей и являющихся основной, источником их величия. Однако Карлейль не дает список черт великих людей, исследователи начали искать эти качества только в 19 веке. В 1869 году Фрэнсис Гальтон опубликовал книгу «Наследственный гений». Гальтон, будучи дарвинистом, убежденным в силе естественного отбора, пришел к выводу, что гений и способности передаются от одного поколения к другому. Таким образом, как и Карлейль, Гальтон утверждал, что индивидуальные качества превзойдут обстоятельства. Авторы отличались, однако, тем, что Гальтон считал, что он определил качества, необходимые для успеха – «врожденные способности в сочетании с усердием и способностью к тяжелому труду» [2, с. 38]. Идея о том, что люди рождаются с врожденными качествами, или чертами характера, и что определенные черты характера связаны с успехом, активно преследовалась в первые десятилетия XX века. Эта работа породила евгенические движения 1920-х годов и, что фатально, политику нацистов в отношении евреев, цыган и гомосексуалистов в Германии. Однако это также привело к очень активной и по большей части гораздо более мягкой исследовательской традиции, которая процветала в начале прошлого века. Эта работа велась в основном в дисциплине психологии, или социальной психологии, и породила первый корпус работ, которые можно рассматривать под заголовком исследований лидерства.

Итак, большинство людей считают, что лидерские качества связаны с личными качествами, и поэтому лидерство - это очень индивидуалистический феномен. В своем обзоре литературы середины века Ральф Стогдилл [3] определил более ста исследований, опубликованных с начала 20-го века, которые имели данный фокус в своих исследованиях.

Но большинство ученых в этой области согласны с тем, что лидерство, помимо личных качеств, тесно связано с контекстом и средой, в которой лидер осуществляет свою деятельность. По мнению Блонделя, «лидерство не может быть отделено от среды, в которой оно происходит.» [4, с.321].

В ретроспективе, обзор Стогдилла знаменит тем, что его эссе положило начало интеракционистской парадигме в исследованиях лидерства. В рамках этой парадигмы лидерство понимается как результат взаимодействия личности и контекста. Герберт Спенсер прямо возражал Карлейлю, отстаивая точку зрения, согласно которой деятельность лидеров является продуктом действий безличных социальных сил: «является фактом то, что великий человек может изменить свою нацию в ее структуре и действиях, но также является фактом то, что должны были быть те предшествующие модификации, составляющие национальный прогресс. Прежде чем лидер сможет воссоздать свое общество, его общество должно сделать его». [5, с. 226] Таким образом, Спенсер критиковал идею о том, что «великие люди» обладают определенным набором врожденных качеств, которые отличают их от обычных людей и обеспечивают им возможность осуществлять хорошее руководство обществом в целом. Более того, Спенсер утверждал, что даже если лидеры действительно обладают определенным набором качеств, индивид бессилён против общего веса сил в обществе. Иными словами, даже если человеческие действия приводят к каким-либо событиям, действия этих людей определяются более широкими социальными факторами. Человеческая деятельность является эндогенной для социальных сил. Однако в конце 18-го и 19-го веков произошел чрезвычайно важный интеллектуальный сдвиг, который повлиял на то, как понималась важность контекста [6]. Примерно в это же время были опубликованы крупные работы, в которых обсуждались различные социальные изменения, в которых не было теоретического места для лидеров. Так, Адам Смит [7] вводит понятие «невидимой руки рынка», означающее, что экономика саморегулируется. Вместо лидеров в его обществе существуют просто безличные закономерности социального обмена, определяющие отношения между индивидами в обществе. Так же и для Маркса [8], общество выражает сумму взаимосвязей, отношений, в которых эти индивиды находятся, а ход истории является неизбежным. В этом такой детерминированном взгляде на историю, возможно, есть место для лидеров, чтобы «просвещать и направлять массы» [9, с. 96], но по большей части они не имели отношения к более широкому ходу событий.

Концепция интеракционизма обеспечивает синтез двух конкурирующих взглядов. Понятие интеракционизма включает в себя два элемента: личность и контекст, в котором она действует. Уильям Джеймс отвергает и теорию «великих людей» Карлейля, и социальный детерминизм Спенсера, утверждая, что социальная эволюция есть результат взаимодействия двух совершенно различных факторов: индивида, извлекающего свои особые дары из игры физиологических и инфрасоциальных сил, но несущего в своих руках всю силу инициативы и возникновения; и, во-вторых, социальной среды, обла-

дающей способностью принимать или отвергать как его самого, так и его дары. Оба фактора имеют важное значение для изменений. Таким образом, Джеймс дал четкое изложение того, что позже стало называться «интеракционизмом», поскольку он попытался примирить две противоположные точки зрения, доминирующие в то время.

Литература:

1. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
2. Galton, F. English Men of Science: Their Nature and Nurture. L.: Macmillan, 1874.
3. Stogdill, R.M. Personal Factors Associated with Leadership: A Survey of the Literature // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1948. 25(1). P. 35–71.
4. Blondel, J. Leadership // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions / Ed. by V. Bogdanor. Oxford: Blackwell. P. 321.
5. James, W. The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy. Longmans, Green, and Co., 1897.
6. Rustow, D.A., Philosophers and Kings: Studies in Leadership // Daedalus. 1968. Vol. 97(3). P. 683-694.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов в 2-х тт., Государственное социально-экономическое издательство. М., 1935.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Собр. соч., изд. 2, т. 46.
9. Cawthon, D. Philosophical Foundations of Leadership. L.: Transaction Publishers, 2002.

Пермяков Ю.Е.

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, доцент. Кандидат юридических наук

permyakov54@mail.ru

Аннотация: Юриспруденция, понимаемая как единство юридической практики, науки и правовой культуры, в герменевтико-феноменологической перспективе представляет собой дискурс, в котором участники коммуникации могут обозначить, высказать и интерпретировать юридические значения. Интерес к специфике юридического обусловлен необходимостью разграничения политических и правовых смыслов, однако понимание права как юридического оформления политической воли устраняет из поля обсуждения такую постановку проблемы, в итоге было бы неоправданно возлагать на право задачу ограничения власти, а на юридическое сообщество – надежды на его интеллектуальную и профессиональную консолидацию. Автором высказано сомнение в способности государства учреждать, регулировать и гарантировать общественный порядок без использования категорий и стиля правового мышления. Сделан вывод, что именно организация правовой защиты личности формирует современную государственность и свидетельствует о политической состоятельности власти.

Ключевые слова: юриспруденция, правопонимание, государственность, правовое мышление, правопорядок, юридическое, политическая стратегия, власть.

Jurisprudence and Legal Thinking as a Power Strategy. Permyakov Yu. E.

Samara National Research University named after S. P. Korolev

Abstract. Jurisprudence is known as the unity of legal practice, science and legal culture. There is discourse by which participants of the communication can identify, represent and interpret legal meanings in the hermeneutical-phenomenological perspective. We must to distinguish between political and legal meanings, but the understanding of law as a legal form of political will removes from the field of discussion this point of view. As a result, it would be unjustified to assign the task of limiting the power of law. Moreover, the legal community loses their hopes for its intellectual and professional consolidation too. The author doubts the ability of the state to establish, regulate and guarantee public order without the use of categories and style of legal thinking. It is concluded that the organization of legal protection of the individual establishes the modern state and indicates the political viability of the government.

Keywords: jurisprudence, legal understanding, statehood, legal thinking, law and social order, legal, political strategy, power.

1. Понятие юриспруденции (*jus* – право, *prudencia* – рассудительность), которым обычно обозначают всю совокупность юридических наук и область профессиональной деятельности юристов, в настоящее время обретает концептуальное значение и наряду с понятием позитивного права претендует на статус фундаментальной научной категории современного правоведения, востребованной для описания и осмысления «опыта права» как практического освоения пространства, где уместны официальные суждения о статусе, правомерности, справедливости каких-либо притязаний и официальных решений. По меньшей мере обращает на себя внимание то обстоятельство, что приемы мышления, задействованные в процессе законотворчества и применения юридических норм, в современной научной литературе исследуются как элемент самой правовой действительности и культуры. Зависимость юридической практики от уровней правосознания и типов правопонимания внесло свои коррективы в постановку вопроса о том, каким образом право обретает ценность в качестве самостоятельной формы долженствования. В этой герменевтико-феноменологической перспективе уже недостаточно мыслить юридическое как свойство факта, суждения или нормы, следуя за простой

констатацией их принадлежности к сфере правового регулирования. Напротив, само право как область производства юридических смыслов и значений узнается лишь по мере того, как мышление овладевает специфическими приемами легитимации социальных отношений.

Далеко не все социальные ценности могут стать предметом юридической регламентации [1,27], в связи с чем теория нормотворчества различает «позитивацию», т.е. формулирование правила в виде текста [2,90], и его внедрение в юридическую практику. Назначение юриспруденции состоит в артикуляции, извлечении и интерпретации юридических смыслов и значений в публично-профессиональной деятельности юристов. Понятие «юриспруденция», как и понятие «юридическое», возникает вместе с профессиональной средой юристов, которые по мере освобождения от шкалы социальных значений все больше погружаются в область автономных смыслов и правил коммуникации. Ораторское искусство (риторика), диалектика и владение приемами формальной логики (аналитика), послужившие начальным капиталом юридического мышления в античной (в первую очередь – римской) и средневековой юриспруденции (при толковании церковных канонов), были затем дополнены в эпоху глоссаторов навыками интерпретации и критического исследования светских текстов. Десакрализация религиозных ритуалов и, как оборотная сторона секуляризации, усложнение нормативной регламентации юридической практики (учреждение нотариата, детализация уголовного процесса, усложнение предмета и структуры договорных обязательств и т.д.), а также усиление начал состязательности в правосудии обусловили в конечном счете, правда, в разное время и в силу разных исторических обстоятельств, появление в Европе нового сословия – адвокатов, которые владели специфическим языком права, умели классифицировать документы и доказывать обстоятельства, а не только просить власть о снисхождении и убеждать суд своим красноречием. Соответственно, государственные служащие и сотрудники правоохранительных органов, в названии должностей и чинов которых уже в XIX в. звучало слово «юстиция», в нынешних условиях конституционно закрепленного принципа верховенства права и юридически доступной для граждан возможности судебной защиты вынуждены овладевать новыми стратегиями регулирования и охраны общественного порядка: все политически мотивированные действия и решения, включая устранение грозящей опасности, должны быть законными. Иначе говоря, все действия власти подлежат юридической интерпретации. Пространство между субъектами авторитетных предписаний и их адресатами перестало пропускать нечитаемые правом (юридическими инстанциями) тексты, в результате чего линейная модель властвования (приказ-исполнение) уступила свое место более сложным механизмам управления. В этой связи вопрос о специфике юридического, без уяснения которого обсуждение права не выходит за границы политического контекста, обретает практический смысл, ибо «если право – это всегда право сильного, то право и политика становятся практически неразличимыми» [3,156]. И до сих пор у философии права нет уверенности в том, что решение какой бы то ни было политической проблемы с необходимостью подразумевает опору на правовые средства и принципиально достижимо без утраты властью своей легитимности, т.е. в пределах собственных полномочий.

2. Столкновение политических интересов и права, как особого видения политической ситуации, оказывается в центре общественного внимания там, где юристы способны солидарным образом выступить в защиту законности как незыблемого принципа современной государственности. Институциональные предпосылки осуществления конституционного, судебного и ведомственного контроля не исключают необходимости в индивидуальных способностях юристов к правовому суждению [4, с. 129]. Их официальный статус не гарантирует применение этого навыка хотя бы потому, что выбор языка и принуждение к дискурсу, в частности, номинация объектов для последующего разграничения поля высказываний, всегда составляла важнейшую прерогативу власти [5, с. 23]. Ориентация на политически конъюнктурные соображения, неуверенность в цеховой солидарности и традиционная «политическая сервильность юридического сообщества» [6, с. 5] по-прежнему остаются главными факторами, определяющими в России невысокий уровень законодательной техники и вброс юридически несостоятельных конструкций в законодательный материал. В профессиональной рефлексии юристов, без которой право за неимением собственного голоса не может вступить в равноправный диалог с политикой, первым шагом к успеху можно было бы назвать преодоление ставшее традиционным понимание права исключительно как инструмента политической власти, а правопорядка – как возобновляемую государственными учреждениями дисциплинарную практику.

Дискуссия о сущности юриспруденции в отечественной науке о праве возникла относительно недавно, поскольку само словосочетание «советская юриспруденция» не было в употреблении: ни

революционная законность в 20-е годы, ни политические репрессии 30-х и в последующие десятилетия не давали серьезных поводов для противопоставления политического и правового мышления. Юридическое понималось как форма, в которую политическая воля облекала экономические отношения, соответственно, закон понимался как «веление политической власти» [7, с. 38]. Поскольку любая форма ограничивает содержание, ни у кого из представителей советского правоведения не возникало желания заявить о том, что в условиях диктатуры пролетариата политическая воля может быть чем-то ограничена помимо нее самой. И в последующие годы, когда военно-революционная риторика в обсуждении права пошла на убыль, приоритет государства сохранял свое значение в качестве безусловного основания юридических норм. В 1957 г. А.К. Стальгевич так сформулировал общую позицию теоретиков права: «... господствующий класс, добываясь осуществления выраженной в нормах права государственной воли, оказывает влияние, воздействие на экономическое развитие общества, вводит экономические отношения в юридические рамки, соответствующие его интересам» [8, с. 24].

В.С. Нерсесянц в серии работ об онтологических основаниях правопорядка возобновил в 80-е годы прошлого века дискуссию о предмете юриспруденции. Понимая право как нормативную форму выражения свободы посредством принципа формального равенства людей [9,20], а юриспруденцию - как науку о свободе в ее всеобщей и необходимой государственно-правовой форме [10, с. 63], он навлек на себя упреки своих коллег-правоведов в противопоставлении права и закона, размывании понятия права, логической непоследовательности и эклектичном заимствовании положений из доктрин естественного права и учения Кельзена [11, с. 5-16] [12, с. 89-98]. А.М. Закомлистов, не разделяя либертарно-юридическую концепцию права, все же попытался сформулировать основания, в силу которых юриспруденция страдает двойственностью: в современном обществе присутствуют два встречных движения - инициатива в осуществлении собственных прав индивидом и регулятивная сила удержания субъектов права в границах порядка [13, с.99]. А.М. Закомлистов склоняется к мысли о том, что глубинный смысл юриспруденции нужно искать в системной упорядочивающей функции, осуществляемой обществом через государственную власть, поскольку доминирующее влияние на институционализацию права получает влечение к безопасному существованию [13, с. 100]. Итак, государство, как внешняя сила, упорядочивающая общественные отношения, дозирует степень свободы в границах правопорядка. Таков лейтмотив многих публикаций, где критически оценивается фундаментальная роль идеи прав человека в формировании современного конституционализма. Этот взгляд оставляет в тени вопросы о том, каким образом состоялось «прозрение» представителя государственной власти относительно своего политического статуса и предназначения, как им были определены пределы и методы правового регулирования и, в особенности, подлежит ли юридическому прочтению повествование о становлении этих субъектов политических решений.

3. Государство не располагает иными средствами защиты порядка помимо права. Если для права важен принцип формального равенства, следует признать: защита от имени государства распространяется не на конкретное лицо в силу его заслуг, статуса или каких-либо соображений, а на как такового, в силу признания в человеке личности и его собственного движения на пути к свободе. Это и есть преимущество, которое принципиально отличает государство от всех иных общин, военных союзов и семейно-клановых сообществ, которые наряду с государством также оказывают покровительство и защиту. Однако существование в модусе «я как личное дело другого» принципиально отличается от статуса свободного человека. Легитимная защита государства не влечет за собой установление личной зависимости. Таким образом, тотальная, всеобъемлющая защита правопорядка исходит не от власти, именующей себя государством, а от политической власти, учреждающей право и правосудие как принцип работы собственного аппарата.

Если вне права идентификация государства невозможна, следует сделать вывод о том, что государственность, подчиненная идее реализации права, выступает не только в качестве социально-политического механизма, но и, как это уже звучало в рассуждениях Н. Макиавелли, Т. Гоббса и Г. Гегеля – в качестве специфического стиля правового мышления. В таком случае открывается обратная перспектива: защита права юридическими средствами, т.е. с опорой на легитимные механизмы, прежде всего – посредством обращения к правосудию, влечет политический эффект, в частности, формирование и укрепление государственности, что и дает основание рассматривать уважение к языку и автономности права как политическую стратегию власти, озабоченной собственной легитимностью.

Литература:

1. Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 24-29.
2. Варламова Н.В. Источник права как единство нормативного юридического текста и надлежащей процедуры его позитивации // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 87-132.
3. Сатохина Н.А. Опыт права: от психологизма до феноменологической герменевтики // Правоведение. 2017. № 6. С. 155-169.
4. Пантыкина М.А. Способность к правовым суждениям как условие формирования правовой личности // Философские науки. 2016. № 6. С. 114-128.
5. Кожемякин Е.А. Проблема власти как эпистемологическая проблема // Дискурсы власти. Коллективная монография. Орел: Горизонт, 2015. С. 20-41.
6. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.
7. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм// Его же. Избранные произведения по общей теории права. М.: Наука, 1980. С 32-181.
8. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Государство и право. 1957. № 2. С. 23-32.
9. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Инфра-М, Норма, 1997. 652 с.
10. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Норма, Инфра-М, 1998. 282 с.
11. Мартышин О.В. О либертарно-юридической теории права и государства // Государство и право. 2002. № 5. С. 5-16.
12. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
13. Закомлистов А.Ф. Концептуальная сущность юриспруденции // Государство и право. 2003. № 12. С. 99-103.

Внеморальность права

Пономарёв А.М.

Институт философии и права УрО РАН, Удмуртский филиал, директор филиала. Доктор философских наук

amp08@mail.ru

Аннотация: вопрос о соотношении права и морали есть проекция на философскую проблематику юридически значимого вопроса о соотношении мотива и обстоятельств совершения деяния. В философско-правовом аспекте это вопрос связан с вопросом о соотношении позитивного и естественного права лишь постольку, поскольку оба вопроса касаются справедливости в праве. Концепции естественного права ориентированы на сведение внутренней регуляции поступка к внешней. Развитие европейского общества разводит право и мораль как внешний и внутренний регулятор социального действия. Этот процесс завершается полным выводом права из-под морального регулирования. Но в юридической сфере остаётся топос, в котором возможно и необходимо моральное суждение – суд. Суд становится в ситуации постсовременности институционализированной социальной справедливостью.

Ключевые слова: право, мораль, суд, справедливость, социальное действие, ответственность.

The Immorality Of Law. Ponomarev A.M.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Udmurt Branch

Abstract: the question of the relationship between law and morality is a projection on the philosophical problems of the legally significant question of the relationship between the motive and the circumstances of the act. In the philosophical and legal aspect, this question is connected with the question of the relationship between positive and natural law only to the extent that both issues relate to justice in law. The concepts of natural law are focused on reducing the internal regulation of an act to an external one. The development of European society to breed law and morality as an external and internal regulator of social action. This process ends with the complete removal of law from moral regulation. But in the legal sphere, topos remains, in which moral judgment is possible and necessary - the court. In a postmodern situation, the court becomes institutionalized social justice.

Keywords: law, morality, court, justice, social action, responsibility.

Вопрос о соотношении права и морали является, пожалуй, одним из наиболее обсуждаемых в философии права, считается «естественным» - и даже стержневым, - для её проблематики. Однако возможна позиция, исходя из которой, этот вопрос оказывается в ряду, по крайней мере, малозначимых проблем.

По существу, проблема соотношения права и морали есть проекция на философскую проблематику теоретико-юридической проблемы о соотношении внутреннего мотива юридически значимого поступка/действия и объективных обстоятельств его совершения. Это, в свою очередь, имеет важный практический аспект для юристов: это основание для ответов на вопросы о свободе выбора и мере ответственности индивида за действия, имеющие правовую характеристику. Понимание такой проекции юридической проблемы на поле философской проблематики позволяет встать на такую точку зрения, из которой можно в правильном ракурсе увидеть и суть вопроса, дать правильную постановку (формулировку) самой проблемы и, тем самым, определить правильную стратегию её решения.

В пределах таким образом ограниченной постановки исследовательского вопроса можно видеть, что при обсуждении «вопроса о соотношении права и морали» речь идёт о различных регуляторах социального действия/поступка. С одной стороны – внутренний регулятор, задающий мотивацию и индивидуально осмысленную ориентацию поступка; мораль. С другой стороны – внешний регулятор, нормирующий поступок; социальная норма, частным случаем которой является юридическая норма.

Первым случаем, когда «вопрос о соотношении права и морали» был юридизирован явно, являются правовые концепции первых протестантских правоведов: «лютеранская философия права ... решительно разделяет закон и мораль» [1, с. 152]. До этого рассматриваемый вопрос решался как соотношение позитивного права и естественного права в различных его интерпретациях. Контекстом такого решения выступали метафизические философии, центрированные либо на космосе, либо на боге. Правильный (справедливый) закон в этом контексте являлся проекцией либо космической судьбы, либо божественного волеустановления. Идеально-типически такие ситуации исключают конфликтное противоречие между внутренней мотивацией индивида и внешними регуляторами его поведения; индивидуальное действие может быть успешным только при условии приведения внутренней мотивации индивида к требованиям внешних регуляторов.

Протестантские теологии, будучи реакцией на изменения в социально-экономических отношениях, закладывают основы антропоцентризма новоевропейской культуры; волеизъявление индивида оказывается и исходной, и конечной точкой концептуального осмысления общества. В этой ситуации конфликт между свободным целеполаганием и принуждающим давлением внешней среды становится неизбежным. В новой антропологии появляется необходимость в двух типах регуляции индивидуального действия. Если внешняя регуляция привычно сводилась к обладающей принудительной силой закону, то внутренняя регуляция была смоделирована по аналогии с ним как

«произвольно» устанавливаемый индивидом самому себе внутренний закон. Цитируя И. Канта, П. Козловски в этом контексте пишет: «... возникновение самостоятельной, формальной этики ... является следствием разрушения непосредственного тождества гражданина и коллектива ... Моральная ответственность - это измерение деятельности отдельного человека. ... Автономность воли становится высшим принципом нравственности, в котором осуществляется её законоположение для себя в отличие от гетерономной воли, когда в основу "положен объект воли, для того, чтобы предписать ей правило, которое бы её определило"» [2, с. 183, 184-185]. Социологизируя рассматриваемый вопрос, можно констатировать, что мораль – это основание конструирования социального действия как системы, а право – способ его интеграции в качестве элемента в социальную систему.

Соответственно, превентивное снятие конфликта между двумя типами регуляции приобрел форму «вопроса о соотношении морали и права», потеснив вопрос о соотношении позитивного права и естественного права. Следует обратить внимание на то, что это разные вопросы. Иллюзия, что первый вопрос «наследует» второму, возникает из-за того, что обе формулировки вопросов делаются в проблемном поле справедливости. При сохранении содержательной актуальности – справедливость, - данные вопросы направлены на решение различных проблематик. Это различие же, на наш взгляд, огромно. Это и различные социально-экономические, политико-правовые контексты, и различные антропологии, генерируемые в этих контекстах. Проблема свободного воления индивида, соответственно, персональной ответственности, в качестве правовой проблемы по-настоящему стала возможна только после многовекового развития христианских практик и их рефлексии в богословии.

По сути, «вопрос о соотношении морали и права» - это унаследованная от XVI в. форма фиксации наличия двух разнонаправленных векторов регуляции индивидуализированного социального действия, имеющих общий источник - нравы. Если принять во внимание, что в протестантской теологии права фиксируется исторически начальная точка функциональной дифференциации социальных систем, то разнонаправленность этой регуляции должна соотноситься с этой дифференциацией.

В этой связи уместно вспомнить концепцию социальных систем Н. Лумана. В контексте этой концепции и право, и мораль включены в процесс взаимодействия дифференцирующихся систем. Но их функции в этом процессе различны. Мораль функционально ориентирована на утверждение границы системы, её закрытие: в форме негативной оценки она сигнализирует о выходе из системы или о подмене основания её эффективного функционирования. Право же функционально выполняет роль медиума в межсистемном взаимодействии: оно предоставляет средства для представительства одной системы во «внутреннем мире» другой системы. Уже в силу выполнения этой функции право содержательно не может не быть пустым, абстрактной формой, иначе оно не сможет заполняться различным содержанием в разных системах. Этой пустой формальностью определяется специфика основанной на праве юридической системы – абстрактность, формализм и высокий уровень логизации правового юридического дискурса. По словам Г. Дж. Бермана, протестантские правоведы признавали, что «... общие нормы ... в силу своего общего характера по необходимости несправедливы» [1, с. 152].

Но признание протестантскими правоведами факта, что юридические нормы «по необходимости

Русаков В.М.

Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б.Н.Ельцина. Доктор философских наук

dipi@nm.ru

несправедливы» является частным случаем признания их внеморальности. Исключение справедливости из характеристик позитивного права исторически является исходной точкой процесса, конечным пунктом которой стала деонтологизация и деаксиологизация позитивного права как системы в духе коммуникативной или трансцендентальной прагматики. В основе этой системы лежит единственная юридико-технически обеспеченная ценность – право каждого заявлять свои притязания (высказывать своё мнение, аргументы), которые не могут быть игнорированы. С одной стороны, за этой ценностью скрывается инвариант европейской культуры – самоценность автономной личности, что превращает право и закон в ведущую прагматику этой культуры. С другой стороны, признание значимым притязание каждого превращает такого каждого в лишённого уникальности всякого, в бессодержательную формальность, т.е. в ценность формальную (а значит и универсальную). Выведение права как формальной меры из под контроля морали завершается полностью.

Однако ещё протестантскими правоведами было обращено внимание на то обстоятельство, что выведение закона из-под контроля морали не означает полную элиминацию морального суждения из юридической сферы. В юридико-правовой сфере остаётся топос, который с объективной необходимостью превращает любое решение в морально окрашенное суждение. Таковым топосом является суд, в котором каждый заявляет свои притязания, вынужден аргументировать их, и в котором выносится окончательное суждение, ограниченное только сутью аргументаций и законом. Это решение представляет собой применение общего правила к конкретному случаю, когда открывается возможность «... устранить неизбежную несправедливость законов справедливостью в их применении» [1, с.152-152], т.к. решение принимается в результате обмена про- и контраргументами и «соответственно успешность аргументативного процесса зависит не только от логической убедительности аргументов, но и от оценивающей их аудитории» [3, с. 364].

Таким образом суд - как элемент власти, сохраняя в качестве правового института формальность юридической системы, в силу возможности для личности в суде заявлять о себе как источнике права, - оказывается институционализацией социальной справедливости

Литература:

1. Берман, Дж.Г. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 464 с.
2. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.
3. Шуман А.Н. Трансцендентальная философия. Мн.: Экономпресс, 2002. 416 с.

**Philosophy of Politics in the Conditions of Anthropological Catastrophe.
Rusakov V. M.**

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin

Abstract. The interrelation of the concepts philosophy of politics and modern anthropological catastrophe is investigated. The philosophy of politics has two main aspects – ideological and methodological. Anthropological catastrophe is understood as the onset of such a stage in the development of human society at which the direction of its further development is not visible. The philosophy of politics emphasizes the definition of challenges and threats in the development of modern humanity through the prism of politics as a relationship between large and small social groups about public power. It is concluded that the struggle of social groups for power and the preservation of the privileged position in conditions of fundamental uncertainty of the direction of society can ignore the genuine challenges and threats to him and to substitute them with development of a variety of socio-political mythology, making imaginary goals and objectives, as in the case of the concepts of «limits to growth» or «anthropogenic climate change», resulting in quite a politically practical program. This practice removes from the field of politics and political theory the root causes of existing socio-economic and political inequality, poverty and violence.

Keywords: philosophy of politics, anthropological catastrophe, politics, power, man

Философия политики исследует два главных аспекта: а) мировоззренческий – что такое политика для человека и общества; б) методологический – как, какими методами следует подходить к пониманию сущности политики и решению политических проблем.

Антропологической катастрофой [1, с.5] называется явление конца XX-начала XXI вв., означающее вступление человечества в такой период своего развития, на котором направление дальнейшего движения и развития принципиально не просматривается, неопределимо. Отсюда – крайне тяжелые вызовы и угрозы самому существованию человека и человечества как вида, до предела обостряющие вопросы: что есть человек и человечество, что означает человечность (и преступления против нее,

обесчеловечивание), что значит быть человеком и в каком направлении ему развиваться. О «конце человечества» заговорили в конце XX в. [2; 3]. Поэтому сформировались вызовы и угрозы: а) экологические – действительно ли человек уничтожает среду своего обитания и ставит под угрозу само свое существование (сущность и пределы антропогенного воздействия на среду обитания; антропогенное изменение климата Земли и т.п.); б) антропологические – чем должен стать человек в результате того прогресса, который совершается сегодня, что означают «быть человеком» и «человечность»? в) технологические – какие способы жизнедеятельности человек должен признать соответствующими своей «природе», а какие уничтожают человеческое в человеке?[4, с.91-92,] Уже заговорили о наступлении периода «технологической сингулярности», когда прогресс станет настолько быстрым, что человечество перестанет его понимать и контролировать [5]. Идеино-политические течения под общим названием «трансгуманизма»[6] вполне определенно говорят нам о том, что «Средства, которые трансгуманисты собираются использовать для превращения в постлюдей включают: молекулярную нанотехнологию, генную инженерию, искусственный интеллект(некоторые считают, что искусственные интеллекты станут первыми постлюдьми), лекарства для изменения настроения, терапию против старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, лекарства для улучшения памяти, носимые и живляемые компьютеры, экономические изобретения (такие как фьючерсы на идеи, совместная обработка информации, и т. д.), и когнитивные технологии» [7]. И это при том, что по поводу этих направлений сегодня существуют серьезные опасения с точки зрения, как раз их потенциальной антигуманности, возможности совершения преступлений против человечности (например, запрет ООН клонирования человека) [8; 9].

Политика была и остается борьбой социальных групп за власть, за возможность навязать свою волю другим группам или всему обществу в целом (и лишь во вторую очередь – способ согласования интересов различных групп) и потому в условиях антропологической катастрофы обостряется главный вопрос философии политики (и политической теории в частности) – для чего существует политика, может ли этот способ жизнедеятельности общества дать адекватный ответ на вызовы и угрозы самому существованию человека и человечества (если в политической борьбе социальные группы преследуют ограниченный корыстный групповой интерес)? Как известно, Аристотелю принадлежит определение: «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [10,с.378], поэтому в Античности различали человека как политическое, а точнее — «полисное животное» и «идиота». «Идиот — в Древней Греции гражданин полиса, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан полиса и иных формах государственного и общественного демократического управления» [11; 12, с.147]. В настоящее время происходит разрушение демоса (на власть которого возлагается столько надежд), которое властвующими элитами рассматривается как закономерное и само собой разумеющееся, необходимое [13]. Это тем более важно, что: а) существуют социальные группы, которые заинтересованы в сохранении своего господствующего (и привилегированного) положения в обществе любой ценой и потому – могут не заметить, не понять, не захотеть понять настоящие угрозы; б) обостряется вопрос – для чего существует политика: для согласования интересов различных групп или для увековечения корыстно-ограниченного господства части общества над всем обществом в целом, есть ли в этом способе человеческой общественной жизнедеятельности необходимые ресурсы для обнаружения и решения настоящих проблем движения и развития человека и общества?

В подобных обстоятельствах политическая жизнь и политическая власть как центральное ядро ее оказываются принципиально дезориентированными (и потому беспомощно-опасными): а) принципиальное отсутствие возможностей увидеть направление дальнейшего движения и развития человечества – сосредоточение политики на своекорыстной борьбе социальных групп за получение и сохранение своего господства (и привилегированного положения) может крайне резко усилить роль ограниченных и даже патологических интересов, опасных для существования человечества; б) возможность властной мобилизации и сосредоточения огромных ресурсов для реализации корыстно-ограниченных интересов социальных групп, не желающих расставаться со своим привилегированным, но потому крайне опасным положением – чревата рядом глобальных угроз (угроза мировой войны, расхищение и уничтожение важных природных ресурсов, подрыв самой среды существования вплоть до внесения необратимых изменений); в) вместо настоящего (объективно-научного рационально-критического) изучения подлинных угроз – порождение многообразной мифологии (антропогенного изменения кли-

мата, выдумывание ложных причин изменения экологической ситуации, устойчивого роста или его пределов и т.п.), г) уход от исследования и тем более решения настоящих проблем – происхождения бедности, неравенства, насилия (терроризма) и войн.

Литература:

1. Азимов А. Выбор катастроф. М., 2005.
2. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М. Левина. М.: Изд. АСТ, Люкс, 2004.
3. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки, 2008. №2. С.10-33.
4. Комлева Н. А. Постчеловечество vs Человечество /Пространство и время, 2013.с»2(12). С.89-92.
5. Технологическая сингулярность. URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/tehnologicheskaya-singul> (дата обращения: 15.09.2019)
6. Трансгуманизм. URL:/ <http://www.transhumanism.com/> (дата обращения: 15.09.2019)
7. Постгуманизм URL:// <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47>(дата обращения: 15.09.2019)
8. Декларация ООН о клонировании человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 15.09.2019)
9. Федеральный закон от 20 мая 2002 г. N 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» URL: <https://rg.ru/2002/05/20/klonirovanie-dok.html> (дата обращения: 15.09.2019)
10. Аристотель. Политика Соч. в 4 т. Т.4. М.: Мысль, 1984. С.378.
11. Идиот/Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/53294-Идиот> (дата обращения: 15.09.2019)
12. Гаспаров М. Занимательная Греция. М.: НЛЮ, 1998.
13. Браун, Венди. «Разрушить демос: скрытая революция неолиберализма» (Интервью с автором книги). 2015. URL: http://s357a.blogspot.ru/2015/05/blog-post_13.html (дата обращения: 28.05.2018).

Дискурсы постправды и постпамяти как категории современной философии политики

Русакова О.Ф.

Институт философии и права УрО РАН, заведующая отделом философии. Доктор политических наук

Rusakova_mail@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются дискурсы постправды и постпамяти как новые категории современной философии политики. Проводится анализ смысловых аспектов категории постправды, раскрываются ее базовые черты, стратегические установки, выявляются медиатехнологические характеристики. Дается пошаговый анализ процесса развертывания дискурса постправды в современной медиасфере на примере «дела Скрипалей». Раскрывается методологическая взаимосвязь дискурсов постправды и постпамяти в современной философии политики. Отмечается, что по своему смысловому наполнению дискурсы постправды и постпамяти обладают конфронтационными признаками по отношению к рационально-научному дискурсу, не приемлют принципы объективно-критического рационально-научного познания.

Ключевые слова: дискурс постправды, дискурс постпамяти, философия политики, медиатехнологии

Discourses of Post-truth and Post-memory as Categories of the Modern Philosophy of Politics. Rusakova O.F.

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS

Abstract. Discourses of post-truth and post-memory are considered as new categories of modern philosophy of politics. The analysis of semantic aspects of the category of post-truth is carried out, its basic features, strategic settings are revealed, media-technological characteristics are revealed. A step-by-step analysis of the process of deployment of post-truth discourse in the modern media sphere on the example of the “Skripal case” is given. The methodological interrelation of discourses of post-truth and post-memory in modern philosophy of politics is revealed. It is noted that in their semantic content discourses of post-truth and post-memory have confrontational features in relation to rational-scientific discourse, do not accept the principles of objective-critical rational-scientific knowledge.

Keywords: post-truth discourse, post-memory discourse, philosophy of politics, media technologies

Философско-политический анализ феномена постправды сравнительно недавно оказался в фокусе изучения представителей современной философии политики. Внимание к данному феномену особенно усилилось после того, как в 2016 г. термин «постправда» (Post-truth) был выбран составителями Оксфордского словаря словом года. Понятие «post-truth» в данном словаре определяется как «обстоятельства, при которых факты объективной реальности оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»ⁱ. Важным вкладом в понимании сути дискурса «постправды» стала книга Р. Кейса, изданная в 2004 г.[1]. Автор, описывая эпоху постправды, определяет её как эру размывания границ между вымыслом и фактами, нечестностью и честностью. В 2016 г. в журнале *The Economist* вышла статья «Политика постправды: искусство лжи»ⁱⁱ, в которой утверждается, что политические лидеры постоянно так или иначе искажают реальность, что поддерживается разнообразными СМИ.

Среди отечественных исследователей феномена постправды следует выделить С.В. Чугрова, который отмечает, что распространение дискурса постправды в современном мире приводит к уменьшению роли научного знания, аргументов, логичных доказательств в формировании общественного

мнения, поскольку они попросту игнорируются. Автор утверждает, что в эпоху постправды свобода как ценность либеральной философии политики деградирует, становится фикцией [2]. В отечественной литературе дискурс постправды часто рассматривается как комплекс медиатехнологий. К примеру, анализируется группа следующих приемов медиавоздействия на целевую аудиторию: прайминг, фрейминг, установление повестки дня. Отмечается, что в эпоху глобализации и распространения сети Интернет возникают новые медиатехнологии распространения постправды. К ним относятся эмоционализация, развлекательность (шоуизация) и персонификация политики [3]. Для феномена постправды характерны такие черты как предпочтение текстов с высокой эмоциональной нагрузкой в ущерб информационной, геймификация, связанная с широким использованием игровых технологий и спектакулярных подходов; игнорирование такого фундаментального требования познания как проверка информации на истинность; некритическое восприятие фейковых новостей, основанных не на фактах, а на вымысле и др. В качестве примера широкого распространения дискурса постправды можно назвать так называемое «дело Скрипалей», когда в течение года по всему миру распространялись не подкрепленные фактами утверждения о применении российскими спецслужбами боевого отравляющего вещества на территории Великобритании.

Современная информационная война, осуществляемая на основе применения дискурса постправды, может быть представлена в виде некоего долгоиграющего сериала, состоящего из целого ряда сценарных шагов, которые могут выглядеть следующим образом:

Шаг первый – использование некоего впечатляющего образа для провозглашения грозного обвинения в адрес заранее назначенного виновника, который, якобы, нарушил базовые принципы общественной жизни. При этом происходит вбрасывание мемов типа «Russian did it».

Шаг второй – организация мощной информационной атаки с расчетом на то, что обвиняемая сторона не сможет своевременно дать ответ на предъявляемые ей обвинения по принципу «Highly likely».

Шаг третий – без проведения какого-либо специального расследования проводятся международные акции с целью создания единого фронта мировой элиты против обозначенного противника, происходит формирование устойчивого массового представления об его виновности.

Шаг четвертый – наложение на противника санкций с целью ослабления его политического влияния, подрыва его военно-стратегической, экономической и информационной мощи.

Шаг пятый – в том случае, когда обвиняемая сторона приводит аргументы в пользу своей невиновности, используется прием ссылок на секретные документы и разведанные, которые нельзя публично обнародовать, но которым следует доверять.

Шаг шестой – в целях того, чтобы внимание публики к скандалу не ослабевало, время от времени в политическую пьесу вводят все новых персонажей.

Категория постправды по своим методологическим параметрам весьма близка категории постпамять. Понятие «постпамять» (англ. – postmemory) было введено в широкий научный оборот профессором Колумбийского университета Марианной Хирш [4]. Согласно исследователю, приставка «пост» означает, что при передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого.

Одновременно с этим осуществляется формирование медиаобразов так называемой альтернативной истории, противопоставляемой советским и российским официальным версиям. Суть дискурса постпамяти можно сформулировать следующим образом: дискурс постпамяти – это способ конструирования альтернативной истории посредством разделения участников исторических событий на две категории: «нация-преступник» и «нация-жертва». Идеологически данный подход подкрепляется концепцией двух равнозначных по своей жестокости и несправедливости тоталитарных режимов – нацистского и советского. Те нации, которые испытали давление обоих режимов, представляются в роли «двойной жертвы», что предполагает особо трепетное и щадящее внимание к их травмированной исторической памяти. Главными носителями данного «жествостроительства» выступают институты национальной памяти, которые настойчиво используют «оккупационную» риторику.

Технологический арсенал политики постпамяти часто включает процедуры по конструированию идейно-враждебных советской коммемораторной практике новых политических символов, праздничных дат, пантеонов героев и т.п., предназначенных для вытеснения из массового сознания прежние образы советского прошлого.

ⁱ “After much discussion, debate, and research, the Oxford Dictionaries Word of the Year 2016 is post-truth – an adjective defined as ‘relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief’// URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>

ⁱⁱ Art of the lie // *The Economist*. 2016. September 10. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/09/10/art-of-the-lie>

Отдельно следует выделить общий контр-рациональный характер дискурсов постправды и постпамяти. Здесь важно отметить, что обработка массового сознания посредством данных дискурсов нацелена на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений, чувственных переживаний.

Производство впечатлений давно уже превратилось в целую массмедийную индустрию.

Назовем исходные схематизмы дискурса контр-рациональной логики: а) установка на недоверие к доводам и аргументам официальной науки; б) категорическая неприемлемость рационально обоснованной критики всевозможных мифов и стереотипов массового сознания; в) продвижение псевдонаучного знания и популяризация лженауки.

Подводя некоторые итоги представленного нами анализа дискурсов постправды и политики постпамяти как категорий современной философии политики, можно констатировать следующее:

1. дискурсы постправды и постпамяти направлены на обслуживание интересов определенных политических сил (прежде всего, неолиберального толка), а потому могут не иметь отношения к политической правде, поскольку являются прежде всего инструментами современной информационной борьбы;
2. медиатехнологический арсенал данных дискурсов активно связан с процедурами манипуляции массовым сознанием, продуцированием «альтернативных фактов» и фэйковых новостей (fake-news), созданием эмоционально впечатляющих медиа-эффектов, что в итоге приводит к вытеснению рациональных компонентов из массового восприятия политической действительности;
3. дискурсы постправды и политика постпамяти культивирует наиболее низменные предрассудки в угоду своеобразно понятым «национальным интересам», действует в соответствии с заданными политическими установками, когда становится выгодным представлять ту или иную нацию в качестве жертвы коммунистического режима и проводить радикальную отстройку от советского прошлого. Все это - крайне опасный горючий материал, вбрасываемый в массовое сознание, который современная философия политики призвана глубоко проанализировать и подвергнуть конструктивной критике.

Литература:

1. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press, 2004. 325 p.
2. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42-59.
3. Лукьянова Г.В. Медиатехнологии конструирования постправды // Всероссийская научно-практическая конференция «Политика постправды и популизм в современном мире», Санкт-Петербург, 2017. С. 132-133
4. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.

Новое осмысление теории «симфонии властей»

Седых Т.Н.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник,
кандидат политических наук*

tatiana_sedykh@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается история взаимодействия церковной и светской властей, теория их симфонического согласования, разработанная в Византийской империи. Особое внимание уделяется правовому основанию симфонии властей, разработанному в период правления императора Юстиниана. Проанализировав исторический опыт воплощения в жизнь византийского проекта, автор пришел к выводу о невозможности соблюдения условий для его реализации и нецелесообразности подобных попыток на современном этапе развития России. По мнению автора, теория «симфонии властей» в настоящий момент может служить основанием построения нового типа взаимодействия церковной и светской властей, учитывающего как современные российские политические и духовно-культурные условия, так и все возрастающую роль в жизни страны гражданского общества.

Ключевые слова: государство, церковь, гражданское общество, симфония властей

A New Review of the Theory of “Symphony of Authorities”.

Sedykh T.N.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The report examines the history of interaction between church and secular authorities, the theory of their symphonic harmonization, developed in the Byzantine Empire. Particular attention is paid to the legal basis of the symphony of authorities, developed during the reign of Emperor Justinian. After analyzing the historical experience of implementing the Byzantine project, the author came to the conclusion that it is impossible to comply with the conditions for its implementation and the inappropriateness of such attempts at the present stage of development of Russia. According to the author, the theory of a “symphony of authorities” at the moment can serve as the basis for constructing a new type of interaction between church and secular authorities, taking into account both modern Russian political and spiritual-cultural conditions, and an ever-increasing role in civil society.

Keywords: state, church, civil society, authorities symphony

Тема взаимоотношений церкви и государства для современной России является предметом острых дискуссий и стала особенно актуальной после поздравления В. Путиным предстоятеля Русской православной церкви с десятилетием интронизации. Слова главы государства о важности сохранения ценностей, почитаемых как православием, так и другими традиционными религиями России [1], представители экспертного сообщества, политологи, журналисты восприняли неоднозначно, представив их как «демонстрацию того, что называется симфония церкви и государства» [2]. В этой связи рассмотрение теории симфонии властей, ее интерпретаций и модификаций представляется своевременным и необходимым.

Кратко описывая историю взаимоотношений светских и церковных властей, необходимо отметить, что с древнейших времен на правителя, кроме его непосредственных обязанностей по руководству страной, была возложена обязанность быть связующим звеном между гражданами своей страны и Богом. Все государственные институты того времени образовывались в теснейшей взаимосвязи с религиозными порядком и установлениями. Глава государства признавался, если не божеством, то проводником божественной воли на земле. Яркими иллюстрациями подобного отношения к правителю являются слова персидского царя Дария I о том, что именно верховный бог Ахурамазда, создавший небо, землю человека, сделал самого Дария царем и вручил ему царство [3, с.4], галерея изображений на стенах древнеегипетских храмов Птолемеявской эпохи, на которых правитель изображается

сыном верховного солнечного божества Ра, глава из древнеиндийской Манавадхармашастры, где подчеркивается божественное происхождение власти: «Даже [если] царь — ребенок, он не должен быть презираем [думающими, что он только] человек, так как он — великое божество с телом человека» [4, с.229]. Схожие представления о правителе как проводнике божественной воли на земле можно увидеть у Иоанна Стобея [5], Плутарха [6], Аристотель называет идеального правителя подобным Зевсу [7]. В иудейской и раннехристианской традиции примерами правителей, имеющих особую связь с божественным, можно назвать салимского царя Мельхиседека, Давида и Моисея. Новый вид взаимосвязи государственного и религиозного можно наблюдать в Византийской Империи, где сложились особенные взаимоотношения светской и духовной властей. Как отмечает прот. И. Мейендорф, «в греческой патристической литературе <...> не существовало, вообще говоря, никакой систематической трактовки учения о Церкви как организации и социальном институте – и потому – Главный источник, из которого мы можем черпать знания о византийских идеях в данной сфере, это – древние канонические тексты: соборные постановления, толкования таковых и позднейшее синодальное законодательство. Равно и имперское право...» [8, с.144]. Обращаясь к правовой системе Византийской империи, необходимо подчеркнуть, что ее основой выступали ключевые положения римского права. Кодифицировать все имперское право удалось императору Юстиниану I. Древние и новые законы, а также новейшие сочинения были объединены в «*Cogrus iuris civilis*» (основными его частями стали

«Институции», «Дигесты» и «Кодекс»). Значимое место в данной кодификации занимало церковное законодательство. Почти четверть всех новелл, вошедших в «Свод гражданского права» посвящена церковным вопросам. В дальнейшем эти новеллы стали неотъемлемой частью византийских номоканонов, более тысячи лет были основой для решения разнообразных церковно-административных вопросов (переведенные новеллы были включены в русские и сербские юридические сборники). Наиболее интересным в рамках исследуемой темы является рассмотрение преамбулы к Шестой новелле Юстиниана (в которой в большей степени речь идет о церковной дисциплине), где достаточно емко описываются взаимоотношения *imperium* и *sacerdotium* (царства и священства):

«Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает (*катаκοσμοῖσα*) жизнь человеческую - и ничто так не важно для царствующих, как почет иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (*παρρησία*), а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать (*катаκοσμοίη*) порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие, которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому» [9, с. 30-31]. Это согласие, называемое Юстинианом «симфонией», нельзя свести к взаимовыгодному сотрудничеству или гармоничному сосуществованию церкви и государства. Речь идет о внутренней сплоченности и единстве всей общественной организации, где царство и священство не выступают в качестве двух различных сообществ, где «государство постоянно вспомоществует Церкви в сохранении чистоты веры, церковных канонов, самого института священства и священничества. Церковь же в согласии с государством направляет и ведет общественную жизнь по путям, угодным Богу. В таком понимании Церковь и государство - это два различных проявления одного и того же органического целого» [10, с.397].

Подобное симфоническое взаимодействие становится возможным не в любом государственном образовании. Государство, стремящееся к симфоническим отношениям с церковной властью, должно быть сильным, иметь «правильный» политический строй (монархию, аристократию, республику, либо смешанный тип с преобладанием одного из трех выше названных). Властители в таком государстве должны быть честны и компетентны, и не вмешиваться во внутрицерковные дела, а священство верно Богу и правдиво. Гармоничное сотрудничество «царства и священства», основные принципы которого обозначил Юстиниан, эксплицитно сформулировано в «Эпанагоге» (юридический сборник, разработанный Василием I в период 879-886 гг.), где император и патриарх называются в числе «самых выдающихся и самых необходимых членах общества» [11, с.84], и воспроизведено в

«Алфавитной синтагме» Матфея Властаря (словаре по церковному праву, составленному в 1335 году). Таким образом были заложены юридические основания грандиозного проекта Византийской империи, попытки реализовать который на определенном этапе можно назвать удачными. Однако, несоблюдение обозначенных выше условий нарушило систему гармоничного сотрудничества священства и царства: «Идеальная схема симфонии для своего беспорочного функционирования требует хри-

стианского совершенства одинаково от церковной и государственной сторон. А так как в действительности этого не дано, то и исторические дефекты неизбежны» [12, с.76]. Попытки воплотить в жизнь византийские идеи симфонического существования светской и церковной властей предпринимались не единожды, в том числе и в истории России (например, во времена правления Алексея Михайловича, или в период объединения русских земель московскими князьями). Но полностью удачными подобные попытки назвать затруднительно. Обращаясь к современной ситуации, хотелось бы отметить, что реализация на практике такого единства Церковного и государственного начал (которого так опасаются представители экспертного сообщества) было в какой-то степени реальным в то время, когда все населяющие государства народы исповедовали одну, государственную религию, когда в рамках одного государства не существовало такого разнообразия вероисповеданий, как в настоящий момент. Более того, уместно будет задать вопрос о том, насколько целесообразно в нынешней ситуации говорить о необходимости воссоединения церкви с государством. Современные условия жизни не допускают того союза церкви и государства, который можно было бы назвать «симфонией властей». Но можно предположить, что эта «симфония» имеет шанс перейти на новый уровень, получить достойное продолжение с уже новым, не уступающим по силе партнером – с «душой наций и культур», с самим народом, гражданским обществом, проявление роста которого в последние десятилетия описывают не только политики, но и журналисты, экономисты, социологи, зачастую связывая этот рост с так называемым «посткрымским консенсусом» [13]. Новый тип сотрудничества мог бы изменить уже имеющуюся формулу, вписав туда гражданское общество как полноправного участника в том числе и политического процесса, обозначив начало нового этапа «новой симфонии» в жизни нашей страны. Безусловно, мы не можем забывать о важности византийской симфонии, но при этом необходимо учитывать точку зрения А.В. Карташева: «подымая знамя Святой Руси, то есть тысячелетней Великой России, морально вскормленной Православием, и воздавая именно этой России подобающую ей честь за ее высшие достижения в прошлом, мы не считаем для себя ни обязательным, ни мудрым – проповедовать утопическую механическую реставрацию, то есть реставрацию внешних церковно-государственных форм России. Они подлежат неумолимому закону эволюции, отмиранию их устаревающих оболочек» [14, с.204].

Литература

1. Выступление Президента России В.В. Путина на торжественном акте, посвященном 10- летию Поместного Собора и интронизации Святейшего Патриарха Кирилла (31/01/2019) <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364525.html> (дата обращения 05.02.2020)
2. «Путину логично пойти в преемники патриарха» 02.02.2019. URL: <https://www.svoboda.org/a/29746262.html> (дата обращения 10.01.2019)
3. Древнеперсидские клинообразные надписи. Надписи Дария // Восток. Журнал науки, литературы и искусства. Кн.5. М.-Л.: Всемирная литература, 1925. С. 3-15
4. Законы Ману. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 229 с.
5. Kurt Wachsmuth, Otto Hense (eds.) Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae. 2 Bde. Berlin 1884–1923. Nachdruck: Weidmann, Berlin, 1958. P.82
6. Плутарх Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА- КН. 2017. 1263 с.
7. Аристотель. Политика Москва: АСТ: Астрель, 2012. 393 с.
8. Прот И. Мейендорф. Византийское богословие (исторические направления и вероучения). М.: Лучи Софии, 2001. 336 с.
9. Максимович К. А. Церковные новеллы Юстиниана I в современном русском переводе // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия 2007. Вып. 17. С. 27–44.
10. Шамшурин В.И. Византизм // Новая философская энциклопедия в 4 т. М., Мысль, 2000- 2001. Т. I. С. 397–398.
11. Скотникова Г.В. Византийская традиция в русском самосознании (опыт историко- культурологического исследования). СПб.: СПбГУКИ, 2002. 283 с.
12. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж: Изд-во Особого Ком. под председательством Сильвестра, 1956. 251 с.
13. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2018. https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_OPRF_2018.pdf (дата обращения 11.11.2019)
14. Карташев А.В. Православие и Россия // Православие в жизни. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. 448 с.

Влияние регионального избирательного законодательства на состав и структуру регионального парламента

Солодка М.С.

The Impact of Regional Election Laws on the Composition and Structure of the Regional Parliament. *Solodkaya M.S.*

В конце 1993 года, после неудавшейся попытки сформировать вместе с рядом уральских регионов Уральскую республику [1], назначенный глава администрации Оренбургской области и руководство областного Совета народных депутатов приступили к постепенному «тихому» демонтажу в регионе советской власти. Законодательная власть перешла от областного Совета народных депутатов к Законодательному Собранию практически бесконфликтно и без затяжных пауз.

«Положение о выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области» областной Совет народных депутатов разрабатывал в соответствии с Указом Президента РФ «Об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ» [2], «Основными положениями о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа», утвержденными Указом Президента РФ [3], и Указом Президента РФ «О действии законодательства Российской Федерации об органах государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации» [4].

К особенностям первого регионального избирательного законодательства Оренбургской области следует отнести следующие.

Во-первых, большой по численности состав регионального парламента – 47 человек. Было рекомендовано сделать региональные парламента небольшими по численности. К этой рекомендации прислушались все уральские регионы, где численность парламента составляла 15-30 депутатов, кроме Оренбургской и Пермской области (40 депутатов).

Во-вторых, была отвергнута идея профессиональной депутатской деятельности, что позволило региональным сельскохозяйственным и бизнес-элитам, а так же руководителям исполнительных органов власти на всех уровнях избираться в областной представительный (законодательный) орган власти.

В-третьих, предусмотрено право выдвижения региональными избирательными объединениями, во многом определившее результат выборов депутатов регионального парламента первого созыва. Не во всех субъектах РФ региональным избирательным объединениям предоставлялось такое право, в частности, в Ростовской области [5].

В-четвертых, было предусмотрено проведение одновременных выборов в представительный орган местного самоуправления и в региональный парламента, что должно было способствовать увеличению числа явки избирателей.

В-пятых, допущенное противоречие между условием для признания выборов состоявшимися участковыми комиссиями - необходимо было, чтобы в выборах приняло участие не менее 35 процентов зарегистрированных избирателей (Ст. 35) [6] - и условиями установления общих итогов выборов областной избирательной комиссией - в избирательных округах, выборы в которых не состоялись из-за того, что в них большинство избирателей проголосовало против всех кандидатов либо в них приняло участие менее 25 процентов зарегистрированных избирателей, ... областная избирательная комиссия назначает новые выборы и определяет календарные сроки избирательных действий» (Ст. 36) [6].

В-шестых, употребление в Положении о выборах неоднозначного понятия «процент принявших в голосовании зарегистрированных избирателей». Дело в том, что есть разница, как считать этот процент - по числу избирательных бюллетеней, признанных действительными, или по числу бюллетеней, обнаруженных в урне для голосования. Многие субъекты РФ, в отличие от Оренбургской области, избежали употребления неоднозначного понятия «процент принявших в голосовании зарегистрированных избирателей», введя совершенно четко трактуемую норму «признание выборов по избирательному округу состоявшимися, если общее число действительных бюллетеней менее 25

процентов числа зарегистрированных избирателей» [5].

Большой по численности региональный парламента позволили исполнительной власти Оренбургской области грамотно «нарезать» избирательные округа, когда на контролируемой ими территории победу одерживали директора сельхозпредприятий или промышленных предприятий, а так же руководители исполнительных органов власти. В Законодательном Собрании первого созыва, представленном 43 депутатами, было 8 глав администраций городов и районов области, 13 руководителей промышленных предприятий, 9 руководителей сельскохозяйственных предприятий, и только 3 журналиста и 2 врача, которых тоже следует отнести к руководителям, поскольку они главврачи.

Предусмотренное право выдвижения региональными избирательными объединениями обусловило, что из 36 избранных депутатов Законодательного Собрания области после мартовских выборов 1994 года депутатские мандаты получили 9 представителей народно-патриотического блока «Против нищеты, безработицы и коррупции» и 2 представителя Федерации независимых профсоюзов Оренбургской области [7]. Заметим, что в составе указанных блоков были отдельные руководители предприятий и главы муниципальных образований, хотя большинство из них предпочли выдвигаться от группы избирателей.

Проведение одновременных выборов в представительный орган местного самоуправления и в региональный парламента не привело к ожидаемой 50-55 процентной явке избирателей. В целом по области в выборах приняли участие 37% зарегистрированных избирателей. В 14 избирательных округах явка избирателей составила от 25 до 35 процентов. На 11 избирательных округах (девяти в городе Оренбурге и двух в городе Орске) явка избирателей составила менее 25% от числа зарегистрированных избирателей [7].

Если бы применялась норма статьи 35, то окружные избирательные комиссии в 25 из 47 избирательных округов должны были бы признать их несостоявшимися. Число избранных депутатов составило бы только 22 человека, что было бы явно недостаточно для формирования регионального парламента. Применение нормы статьи 36 «Установление общих итогов выборов» позволило «добавить» к зарегистрированным депутатам еще 14 и сформировать региональный парламента первого созыва.

В 11 из 47 мажоритарных округов в Оренбургской области окружными избирательными комиссиями выборы были признаны несостоявшимися. Если бы процент принявших в голосовании зарегистрированных избирателей считался по числу избирательных бюллетеней, признанных действительными (как во многих субъектах РФ), то выборы были бы признаны несостоявшимися еще в 8 избирательных округах [7]. Это привело бы к тому, что региональный парламента Оренбургской области первого созыва не был бы сформирован.

Выборам депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области второго созыва предшествовало изменение регионального избирательного законодательства. В середине сентября 1997 года, за полгода до выборов, был принят Закон Оренбургской области «О выборах депутатов Законодательного собрания Оренбургской области» [8]. Развитие регионального избирательного законодательства шло по пути дополнительной регламентации отдельных структурных частей Закона о выборах представительных (законодательных) органов власти. Несмотря на существенную детализацию отдельных процедур избирательного процесса, существенных новелл в избирательном региональном законодательстве было не так много. Хотя формально усилилась регламентация процедуры досрочного голосования, фактически именно эта процедура, начиная с выборов 1998 года, будет с успехом использоваться исполнительной властью в пользу «провластных» кандидатов в качестве составной части «административного» ресурса. Особенно удачно эти новеллы законодательства использовались руководителями бюджетных организаций – ректорами ВУЗов, главврачами больниц и т.п., - которым удавалось контролированно обеспечивать себе за счет досрочного голосования значимую долю голосов для победы. Не случайно, поэтому, в новом составе регионального парламента из 47 депутатов 10 депутатов оказываются руководителями бюджетных организаций [9].

Региональное законодательство о выборах в Законодательное собрание Оренбургской области третьего созыва фактически не отреагировало на принятый в июле 2001 года федеральный закон «О политических партиях», где политическая партия наделялась правом участвовать в выборах и референдумах. По-прежнему не было узаконено голосование по, так называемым, «партийным спискам» в рамках мажоритарно-пропорциональной системы. Значительными усилиями губернатора А. Чернышева по формированию подконтрольного ему регионального парламента в последний раз в региональном

избирательном законодательстве главам муниципальной исполнительной власти – главам муниципалитетов – разрешалось одновременно являться депутатами регионального парламента. В предвыборной кампании из участвовавших 24 глав муниципалитетов победили 14 [9]. Более чем половина баллотирующихся в депутаты регионального парламента третьего созыва глав муниципальных образований Оренбургской области стали победителями «депутатской гонки» в своих одномандатных округах и составили треть регионального парламента.

Четвертый, пятый и шестой созывы регионального парламента характеризуются тем, что партия «Единая Россия» постоянно незначительно увеличивает свое большинство в региональном парламенте – от 66% в 2006 году до 72% в 2016 году. При этом число политических партий, прошедших в региональный парламента, постоянно сокращается – с 6 партий в 2006 году до 4 партий в 2016 году, несмотря на снижение «порога» процента поданных за партию голосов необходимого для ее прохождения в парламента по партийным спискам.

Вносимые изменения в региональное избирательное законодательство позволяли исполнительной власти во главе с губернатором и ведущей политической партией сформировать региональный парламента необходимого качества.

Литература:

1. Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. С.118, 354-355.
2. Об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ : Указ Президента РФ от 22 октября 1993 года N 1723 [Электронный ресурс] Официальный сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/active/10102783/> (дата обращения: 19.09.2019)
3. Основные положения о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа : Указ Президента РФ от 27 октября 1993 года N 1765 [Электронный ресурс] Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4710> (дата обращения: 19.09.2019)
4. О действии законодательства Российской Федерации об органах государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 22.12.93 г. N 2266 [Электронный ресурс] Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5126>(дата обращения: 19.09.2019)
5. Положение о выборах депутатов Законодательного Собрания Ростовской области 27 марта 1993 года : Решение малого совета Ростовского областного Совета народных депутатов от 28 декабря 1993 г. N 314 [Электронный ресурс] Официальный сайт Законодательство РФ. URL: <http://www.lawsrf.ru/region/documents/1309237/> (дата обращения: 19.09.2019)
6. Положение о выборах Законодательного Собрания Оренбургской области : Решение Оренбургского областного Совета народных депутатов от 28.12.1993. Гл. 7. Ст. 35. п. 1. пп. к / ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2556. Л. 54.
7. Протоколы окружных избирательных комиссий о регистрации кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Оренбургской области, о результатах голосования, заявления кандидатов о согласии баллотироваться / ГАОО, Ф. 2937. Оп. 1. Д. 4-5.
8. О выборах депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области: Закон Оренбургской области от 18.09.1997 № 145/41-ОЗ [Электронный ресурс] Новости России и мира Сейчас. Ру / Законодательство. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1641177> (дата обращения: 19.09.2019)
9. Список депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области второго созыва [Электронный ресурс] Панорама. URL: <http://www.panorama.ru/works/zs/soorb.html> (дата обращения: 19.09.2019)

Последствия постмодернистских политических технологий для политики и общественного развития

Солодкий В.В.

The Implications of Postmodern Political Technology for Politics and Social Development. *Solodkiy V.V.*

Наиболее важными в содержательном отношении и в отношении эффективности и видимой контролируемости воздействия на политику являются те изменения возможностей для политического пост-модернистского квази-проектирования, которые произошли в самой политике, в основном - под влиянием и в интересах ресурсных центров. Имеются в виду изменения состояния политического дискурса и изменения самой политики в сторону виртуализации и театрализации, придания ей демонстративного и демонстрирующего характера.

Это касается и самого взаимодействия (как действия и как коммуникации политических субъектов), и информации, которая содержится в этом взаимодействии и сопровождает его, и смыслов (и осмысленности, мыслимости) этого взаимодействия, этой информации. То есть, политического дискурса в целом.

Изменилось состояние субъектов и их взаимоотношений, характера и природа их взаимосвязей.

Изменился характер связи публичных политических субъектов с базовыми политическими процессами, с социальной структурой общества. Здесь присутствует определённая разорванность и оторванность, что позволяет говорить, с одной стороны, о латентном существовании большинства субъектов реальной политики, а с другой - о реальном отсутствии большинства субъектов политики публичной, приобретающей узко-, мало- субъектный, а зачастую даже моно-субъектный, вырожденный характер - включённости в систему деятельности и представления одного субъекта политики остальных субъектов как его атрибутов и средств.

В сочетании с тем, что партии ещё и утратили возможности всякой связи с какими-либо социально-политическими слоями общества и с какой-либо идеологией, а с другой стороны – никто никого не слушает и ничто ничем не верифицируется и не обосновывается в политике – кроме пропагандистских мифов – то вырождение политического дискурса очевидно. Нет субъектов, нет взаимодействия и даже языка взаимодействия, нет содержания и смысла взаимодействия. Нет дискурса. Как политического.

Во всяком случае, политический дискурс испытывает своё существенное преобразование – либо в сторону более архаических и менее развёрнутых (по отношению к полноте и развитости современного понятия и явления дискурса) форм, либо в сторону изменения если не структуры политического дискурса, то значения и роли элементов этой структуры, взаимоотношения целого и частей.

В условиях возрастающей аномичности общества в целом и отчуждения реальной власти и влияния от прежних номинально реальных и потенциальных субъектов политики (от активной части населения, от партий и даже от значительной части формальных институтов власти и их представителей) прежний дискурс исчерпан отчасти также вследствие концентрации вертикальной власти и принципиальной однородности политических процессов, унификации централизованных субъектов власти и управления, ограничивающих доступность политики для других.

Концентрация власти в руках единичных субъектов и известная (постмодернистская и практико-мифологическая) иррационализация ставят цели квазипроектов выше знания, волю силового давления выше рационального толерантного диалога и сколько-то верифицируемых (хотя бы обсуждаемых, критикуемых, согласуемых и контролируемых) процедур, правил, иерархируемых «истин».

Подвергаются игнорированию не только социальное знание, но и культурные ценности или ценности, отстаиваемые определенным социальным или культурным слоем, ценности самой политики и властвования как культурно воспроизводимых деятельностей. Их место занимают зачастую дискретно и случайно проявляющиеся близкие друг к другу и к архаичности ценности потребительства или ценности практической мифологии утилитаризма.. Можно считать, что понятие ценностей и их практический смысл полностью устранены из современного политического дискурса, - за исключением назывного избирательного использования ценностей в манипулятивных целях.

Возрастающая роль символизации в рамках квази-идеологизации политического дискурса (как идеология практики единственного политического субъекта) подкрепляется виртуализацией и театрализацией политики. Под театрализацией здесь я понимаю комплекс из нескольких связанных между собой аспектов. С одной стороны, это обогащение политтехнологий за счёт и с помощью форм и методов, которые можно не только сравнивать с театральными, но которые носят характер театральности – как внешний, так и внутренний. С другой стороны, сама политика приобретает (или точнее – сильнее раскрывает всегда имевшийся в ней потенциал) – характер сферы театрального действия, имея в виду, с одной стороны, искусственность и виртуальность, постановочность основных конфликтов, искусственность постановки создаваемых событий. Не только распределение ролей в спектакле и ролей в конфликте, но даже время и место основного и вспомогательных конфликтов, само сценическое пространство и сценография, мизансцены в ней определяются искусственно – зачастую помимо и вопреки реальным проблемам социальной и политической жизни и их приоритетов. Если раньше факт и положение дел, продуктивность усилий военных и исходные представления профессиональных или массовидных участников событий еще много значили, то теперь сами события конструируются искусственно – помимо факта и усилий и отношений локальных участников.

Кроме того, происходит целая серия свойственных театру эффектов переноса. Базовым из них является участие в спектакле в определённой роли самих зрителей – в роли, рассчитанной постановщиком спектакля и подразумевающей определённое даже доконструирование личности зрителя, связанное не только с реакциями непосредственно в ходе зрелища, но и с изменённым поведением или устремлениями, ожиданиями, оценками за пределами пространства спектакля – в обычной жизни. Зритель наблюдает за «зрелищем», не хочет этого зрелища покидать и персонажа реалистично оценивать даже как бы за пределами явного театра – так что театр, театральность решает и эту задачу. Политика уходит в театр. Вместо реальной политики – театральная.

Вместо действительных событий и отношений, вместо нормальной политической коммуникации – демонстративность и демонстрирование.

Так, выборы последних лет были использованы для различных демонстраций.

А) В разном смысле самой демонстрации:

- 1) как публичный сигнал, показ кому-то, перед кем-то своих позиций и возможностей
- 2) демонстрация как подтверждение (соглашений, прогнозов, прежних статусов и ролей)
- 3) как имитационный, демонстративный формат исполнения чего-либо, симуляция

В) В разных уровнях политического пространства и от разных субъектов исходящие и на разных субъектах рассчитанные демонстрации (население, власть, вся политическая система, партии, политические элиты).

С) Различных по степени явности и акцентированности своего демонстративного характера .
В частности:

А,В1) Власть продемонстрировала несколькими последними выборами всем участникам политических процессов, что имеет практически неограниченные возможности подзаконного контроля над ходом и результатами выборов. Вместе и одновременно с этим ею было продемонстрировано, что от населения и от партий может что-либо зависеть лишь в контролируемых властью формах и уровнях политической активности. Никакой политики, кроме позволенной и контролируемой властью, быть не может, - продемонстрировала власть этими выборами.

Власть продемонстрировала – более скрытым и адресным образом - имеющимся и потенциальным участникам политических элит, что только в рамках лояльности и неукоснительного соблюдения условий договоренностей с властью, к которым они были допущены, они могут быть активными участниками и донорами политических процессов, что, в свою очередь открывает им вполне определённые и более определённые, чем раньше, перспективы политического и социального роста, даёт им возможность движения по социальным лифтам вместе и внутри с политической группой, кланом, корпорацией, закрытой для остального населения и потенциального актива и отгороженной от него.

Власть продемонстрировала всем участникам вертикализированной системы власти, что все решения о допусках и соглашениях принимаются в едином центре соответствующего более высокого уровня; находящиеся же снизу могут вступать в частные договорённости по обмену

услугами только с теми и в тех рамках, кого определил более верхний уровень. Нарушители отодвигаются, изгоняются или подвергаются публичному наказанию системой власти за другие (например, хозяйственно-экономические, финансовые преступления, за злоупотребление положением и т.д.).

А,В2) – другие аспекты и слои демонстративности тоже нашли свое выражение.

С одной стороны, выборы продемонстрировали верность прогнозов не только в той части, что политика в своём действительном содержании перестала существовать, но и подтвердила прогнозы, касающиеся того, что в рамках так называемой реальной политики выборы могут быть актуализированы как внутриэлитный разноуровневый процесс и результат только в результате подготовки и достижения «пакетных соглашений» . В связи с этим выборы, действия и поведение на них использовались и как повод для другой демонстрации. Так называемые оппозиционные партии и их представители демонстрировали не только приверженность соглашениям (что обязывало их не только встраиваться в генеральную повестку дня, но и не осуществлять ударов по ключевым субъектам соглашений), но и демонстрировали свою общую вменяемость, договороспособность и даже эффективность своего участия в общей системе соглашений (уже не только двусторонних).

Итогом и дополнением этого стала демонстрация имитационного симуляционного формата выборов как единственного возможного и узаконенного в нынешних условиях. Что было, в свою очередь, демонстрацией всем потенциальным силам – внутренним и внешним – что от них ничего не зависит. Население, восприняв это, в свою очередь разделилось по отношению к выборам на две формы демонстрации: одна часть населения демонстрировала приемлемость для себя нынешней политической системы через участие в выборах. Другая часть продемонстрировала неприятие или равнодушие на фоне отчуждения от них власти и политических, в том числе избирательных, прав. Внутри собственно политической системы и системы собственно политических процессов результатами удовлетворены все группы. Недовольство отдельных персон можно относить к ресурсу совершенствования имеющейся системы. Требований же к её развитию пока никто и ничто не ставит.

Все указанные выше технологические характеристики политики в рамках пост-модернистских проектов ее изменений позволяют ресурсным центрам политики ещё более успешно не только манипулировать политическим сознанием и добиваться нужных результатов, но и иметь резервную возможность отвлечения, переключения с кризисных ситуаций и неразрешимых конфликтов. Но это же не только препятствует воспроизводству и развитию действительных, содержательных политических отношений и формированию зрелой современной политической системы, но и не просто препятствует развитию систем деятельности, а исключает деятельность вообще из центра общественного развития, что является потенциальной угрозой для сохранения и развития общества.

Внутри тех технологий и той повестки, которые были представлены исключался вообще вопрос о выборах как таковых здесь. Даже, я бы сказал, о политике. Сколько-то содержательной, сколько-то нормативной и значащей вещи, которые она должна означать. Повестка дня, в основном, сведена к вопросу о том, ЗА ВЛАСТЬ Вы или ПРОТИВ ВЛАСТИ. А ситуация вот этого вот «овоеивания» и вот этой борьбы как войны – она изначально задавалась президенту.

Есть всегда группы людей, которые в разной степени участвуют или не участвуют в этой дискуссии. Кто-то вообще не участвует. То есть они занимаются такой деятельностью, в таком её качестве и при такой её проблематике, что они могут спокойно в этом – и в чём-то другом, относительно политики – не участвовать. Другие участвуют – ну, такая меньшая степень пассивности – наблюдателями за этим зрелищем и просто присоединяются (в момент, например, выборов или в какие-то другие моменты) к той или иной позиции. Это такая люмпенизированная часть. Наконец, есть те, кто непосредственно участвует в этой борьбе.

При этом каждый из них продолжает прошлые образы себя. Прошлые образы власти. И истории страны. Ни о каком будущем, ни о какой другой активности и ни о каких других позициях речи не идёт. Также как не идёт речи – возвращаясь к первой группе (вот этих как бы самостоятельных) – о том, что их деятельность имеет проблемы, причём регулярные, причём массовидно реализуемые ещё представителями этой группы, которые требовали бы разрешения через общественные изменения и через политику – в конечном итоге.

Таким образом, в этой стране, кроме вот этих групп относительно самостоятельных, которые есть такие «городские сообщества» (а они всё равно – либо развивают, либо не до того им. У них есть интерес) , у всех остальных нет интереса. И я бы сказал, что за этим стоит, что у них нет деятельности.

Общественно значимой деятельности. Или если даже есть, то она находится в таком состоянии, что это никак не пересекается с теми или иными действиями власти; система «деятельностей» в таком виде, как я сказал, никак с действиями власти не пересекается. И повестки дня для ее развития у неё нет. И поэтому и общество, и власть ждут очень большие проблемы. Страну в целом. - Потому что никакого ресурса для развития при отсутствии деятельности нет. Власть – потому что ей надо как-то переориентироваться в повестку относительно деятельности. Потому что у неё здесь – при том, какая она есть сейчас, при продлении вот таких альтернатив – остаётся либо взять на себя всю субъектность, которая и так почти у неё. Другая реальная альтернатива – это создать условия для того, чтобы вот эти, относительно способные к самодвижению как-то существовали.

Консерватизм как одна из ведущих политических парадигм в современной полицентричной России

Тихонова С.В.

Российский технологический университет МИРЭА, доцент. Кандидат философских наук
svetlanavt@list.ru

Аннотация: центральная проблема сегодняшней России – полицентричность в условиях отказа от единственной и фиксированной идентичности. Встает вопрос, как собрать полицентричное духовно-культурное пространство России. Среди множества идейно-политических течений, оказавших наибольшее влияние на политическое развитие российского общества в нынешнем тысячелетии, особое место занимает идеология консерватизма. Отвечая на вопрос, что такое «современный русский консерватизм» прослеживаются идейные истоки русского консерватизма, акцентирующие внимание на взглядах русских мыслителей XIX-нач. XX в. Особое внимание обращается на то, что это направление не было единым в идейном отношении, но для всех был характерен ряд общих идейных установок. Анализируется возможность либерально-консервативного синтеза в качестве одной из возможных и востребованных идеологий. Выделяя многочисленные источники консерватизма, особое место отводится социальным воззрениям Русской Православной Церкви, а также других традиционных конфессий. Подчеркивается вклад современных российских ученых, разрабатывающих теорию и методологию современного отечественного консерватизма.

Ключевые слова: идеология, консолидация, консерватизм, либерализм, нравственные идеалы и ценности, традиционализм, свобода, частная собственность.

Conservatism as One of the Leading Political Paradigms in Modern Polycentric Russia. *Tikhonova S. V.*

Russian Technological University MIREA

svetlanavt@list.ru

Abstract: the central problem of today's Russia is polycentricity in conditions of rejection of a single and fixed identity. The question arises how to assemble the polycentric spiritual and cultural space of Russia. Among the many ideological and political movements that have had the greatest influence on the political development of Russian society in the current millennium, the ideology of conservatism occupies a special place. When asked what "modern Russian conservatism" is, the ideological sources of Russian conservatism are traced, focusing on the views of Russian thinkers of the 19th-early XX century. Particular attention is drawn to the fact that this direction was not ideologically unified, but a number of general ideological attitudes were characteristic of all. The possibility of a liberal-conservative synthesis as one of the possible and sought-after ideologies is analyzed. Highlighting the numerous sources of conservatism, a special place is given to the social views of the Russian Orthodox Church, as well as other traditional faiths. The contribution of modern Russian scientists developing the theory and methodology of modern Russian conservatism is emphasized.

Keywords: ideology, consolidation, conservatism, liberalism, moral ideals and values, traditionalism, freedom, private property.

Сегодняшний мир изменчив и противоречив. В XXI веке перед нашей страной вновь стоит вопрос о выборе пути развития. Нынешнее российское общество сегодня испытывает серьезную потребность в объединяющей идеи. В условиях современного, стремительно меняющегося мира важное значение для России приобретает политическая идеология, основная задача которой – консолидация людей вокруг системы базовых ценностей.

Совершенно очевидно, что ни одна политическая сила не может серьезно рассчитывать на поддержку народа, если появляются сомнения в преданности своему отечеству и ответственности перед ним. Это объясняет причины, способствовавшие возрождению интереса к проблемам русского политического консерватизма, консервативным ценностям и, в целом, консервативной идеологии.

К проблемам консерватизма проявляли внимания как русские дореволюционные мыслители, так и современные российские исследователи. Пытаясь ответить на вопрос, что такое «современный российский консерватизм», целесообразно очертить круг его источников. Идеи истоки русского консерватизма весьма разнообразны.

Крупнейшими представителями консерватизма XIX века были государственные деятели, литераторы, философы, журналисты: Н.М.Карамзин – выдающийся историк, писатель, идеолог консервативно настроенного дворянства. Его книга «Записка о старой и новой России» стала манифестом русского консерватизма. Видное место занимали М.Н.Катков – рупор консерватизма, публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости»; М.П.Погодин – историк, публицист; С.С.Уваров – министр народного просвещения, государственный деятель; К.П. Победоносцев – ближайший советник императора, обер-прокурор Синода; П.А.Шувалов – государственный деятель, начальник корпуса жандармов и главный начальник Третьего отделения, П.А.Валуев – министр государственных имуществ; К.И.Пален – министр юстиции, Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев, Н.А.Бердяев – выдающиеся русские философы.

Характерно, что деятельность консерваторов не сводилась лишь к публикации книг и статей (в изданиях Каткова «Русский вестник», «Московские ведомости», Мещерского «Гражданин» и мн. др.). Отдельные представители консервативной общественной мысли оказывали влияние на императора и его окружение.

Бесспорно, и на это обращают внимание многие исследователи, русский консерватизм может рассматриваться и как специфический вариант общеевропейского течения консервативной мысли в условиях России - страны с устойчивыми социокультурными традициями, с одной стороны, и быстрыми темпами развития - с другой. Консерватизм не означает прекращения развития, но, как показала историческая практика, гарантирует защиту традиционных устоев и ценностей. Достаточно обратиться к классической философии, точнее к русскому философу первой половины прошлого века Николаю Бердяеву, отмечавшему в своей работе «Философия неравенства» (написанной в 1918 г. и опубликованной в 1923 г. эмиграции), что «смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз к хаотичной тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государства и культуре... Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым... Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины» [2, 84].

Правда, следует иметь в виду, что это направление не было единым в идейном отношении. Его представители высказывали различные мысли, но для всех был характерен ряд общих идейных установок. Прежде всего - сохранение традиций и устоев государственного и общественного устройства, иерархичность общества, отвергалась необходимость культурной и идеологической европеизации России, так как считалось, что она могла вызвать социальные конфликты и национальную катастрофу. Основным идеологическим принципом сохранялась триединая формула - самодержавие, православие, народность, целью которой оставалось сохранение незыблемости самодержавия как основы существования русского национального общества и единственного выразителя интересов народа. И, наконец, у русских консерваторов сохранялась вера в национальное превосходство великороссов, уверенность в мессианском предназначении России.

Вместе с тем часть консерваторов осознавала неизбежность перемен. П. А. Шувалов, И. И. Воронцов-Дашков, Н. П. Игнатьев и другие в 60—80-х годах предлагали ограниченные реформы, вплоть до создания представительного совещательного органа. В то же время, о востребованности, значимости и ценности консервативной парадигмы говорит и тот факт, что один из наиболее известных и авторитетных представителей научной и творческой интеллигенции, идеолог либерализма Б.Н.Чичерин на определенном этапе своей интеллектуальной эволюции признавал взаимную дополняемость принципов либерализма и консерватизма. Во второй половине XIX века в его работах проявляется повышенный интерес к консервативному направлению в политике. Однако он встает на защиту не того

консерватизма, который утверждает безусловный приоритет стабильности и порядка над свободой и видит их основание в традиции, и который рассматривает личность лишь как часть общества и утверждает верховенство ее обязанностей в обществе над ее же правами в этом обществе. Он с присущей ему убежденностью утверждает: «Консервативное направление, к которому я принадлежу и которое я считаю самым крепким оплотом государственного порядка, воспрещает всякую бесполезную, а тем более вредную ломку. Оно равно отдалено и от узкой реакции, пытающейся остановить естественный ход вещей, и от стремления вперед, отрывающегося от почвы в преследовании теоретических целей. Ему одинаково противны упорное старание удержать то, что потеряло жизненную силу, и посягательство на то, что еще заключает в себе внутреннюю крепость и может служить полезным элементом общественного строя. Его задача состоит в том, чтобы внимательно следить за ходом жизни и делать только те изменения, которые вызываются насущными ее потребностями» [8, 170].

По мнению патриарха русской философской мысли В.В.Зеньковского «Чичерин раз навсегда определил свой путь в своеобразном сочетании либерализма и консерватизма... Чичерин всегда был верен себе - и в своем консерватизме, и в своем либерализме,- но именно эта стойкость основных убеждений плохо гармонировала с беспокойной и напряженной общественной жизнью его времени» [3, 578-579]. Рациональный смысл чичеринской позиции также состоит в том, чтобы обеспечить устойчивость общества, чтобы обеспечить защиту основным формам человеческого общежития (семья, гражданское общество, церковь и государство). Не это ли является лейтмотивом и современного русского консерватизма? Вероятно, вслед за Чичериным, имеет смысл обратить внимание на возможный, допустимый синтез идей либерализма и консерватизма, когда речь заходит о таких универсальных ценностях как сохранение частной собственности, являющейся гарантом свободы и свободы предпринимательства; стабильности и порядке; незыблемости нравственных идеалов и ценностей; ориентиров для развития законодательства в соответствующих областях государственного строительства.

Таким образом, современный консерватизм представляет собой синкретическую систему взглядов, в которой сочетаются принцип уважения свободы индивида (взятый у классического либерализма) с уверенной ориентацией на защиту традиционных ценностей, институтов, с критикой коллективистских тенденций и социально-экономических программ «большого государства». В то же время возникает вопрос, насколько долго сможет просуществовать синтез либеральных идей и основополагающих принципов консерватизма в рамках современной политической традиции. Следует отметить, что консерватизм имеет преимущество в том, что, сохраняя свое идейно-ценностное ядро и принимая различные модификации (либеральный консерватизм, социальный религиозный, элитарный и т.д.), способен интегрировать в себя новые идеи.

Правда, дать четкое определение современному российскому консерватизму сегодня достаточно сложно. Пока что консерватизм понимается в основном или как антилиберализм, или как антиреволюционность. Было бы ошибкой сводить консерватизм и к примитивному следованию традициям. Вначале необходимо понять, какие именно традиции являются подлинными, выражающими суть народа и государства и сохраняющими уникальность русской цивилизации. Только в этом случае использование консерватизма будет осмысленным, а не превратиться в тривиальный пропагандистский прием, не способный консолидировать нацию.

Пытаясь ответить на вопрос: что такое «современный российский консерватизм» - следует определить круг его источников. Надо полагать, что современный российский консерватизм, впрочем, как и консерватизм дореволюционной России, имеет тесную взаимосвязь с общеевропейским культурным контекстом, корни которого уходят в христианство, использует понятийный аппарат классической философии.

При этом современный российский консерватизм призван продолжить интеллектуальную линию русской религиозной философии, основные представители которой, несмотря на разницу в своих подходах и выводах, заложили основы именно консервативной политико-правовой и социальной мысли новой, посткоммунистической России. Нельзя не согласиться с мнением современных исследователей, что важнейшим источником консервативной идеологии в современной России являются социальные воззрения Русской Православной Церкви, других традиционных конфессий нашей страны.

В отечественном научном сообществе оформилось направление, представленное многими видными деятелями науки – А.С. Панариным, Н.И. Моисеевым, Н.А. Нарочницкой, Ю.Г. Волковым, Е.Н. Ощелковым, М.А. Маслиным, А.Г. Дугиным, Б.В. Межуевым, М.В. Ремизовым и целым ря-

дом других ученых – философов, социологов, историков, политологов. Они одни из первых пришли к осознанию необходимости создания новой государственной идеологии, способной противостоять западной, а точнее, американской духовной экспансии и призванной объединить российское общество в целях осуществления национального прорыва России в XXI веке.

Литература:

1. Бенедиктов К.С., Куркин Н.А., Межуев Б.В. Современный консерватизм; параметры трансформации // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 2 (1): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Стенограмма. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. 142 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Собр.соч. в 4 т. / О консерватизме, т.4. Париж: YMCA-PRESS, 1990.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С.578-579.
4. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
5. Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология / Авт.-сост. Д.Н. Бакун. М.: Изд-во «Грифон», 2012. 608 с.
6. Ремизов М.В. Консерватизм сегодня. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/03/14/konservatizm_segodnya/ (дата обращения: 15.09.2019)
7. Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М.: ИФ РАН, 1996. 237 с.
8. Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М.: И.Н. Кушнерова и К, 1903. 170 с.

Архетипическая теория права

Трунин А.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет, преподаватель.
LL.M (Universität Hamburg)*

aa_trunin@mail.ru

Аннотация: Архетипическая теория права основывается на признании архетипического начала и природы права: амбивалентность и поливалентность; коренная и глубинная связь права с инстинктами, чувствами и эмоциями; не только рациональная, но и иррациональная природа права; образно-символическое содержание и выражение права (например, образ Фемиды как воплощение архетипа Великой Матери); источником права и правовых норм являются личное и коллективное бессознательное. На уровне личного бессознательного право может рассматриваться как особая форма психологических защит эго (рационализация, интеллектуализация, проекция и т.д.). На уровне коллективного бессознательного право может выступать в качестве формы выражения и инструмента реализации архетипического содержания, в том числе через культурный правовой комплекс, сформированный на основе культурной установки. В качестве архетипического образа могут выступать не только образы субъекта (например, «разумного» человека), но и объектов, ситуаций, действий (например, через принципы справедливости, добросовестности), инструментов (например, правовые базы данных) и т. д.

Ключевые слова: архетип, архетипическая теория права, культурный правовой комплекс, Юнг.

Archetypal Theory of Law.

Trunin A.A.

Department of Civil Law, the Faculty of Law, Saint Petersburg State University, lecturer

Abstract: The archetypal theory of law is based on the recognition of the archetypal origin and nature of law: ambivalence and polyvalence; the root and profound connection of law with instincts, feelings and emotions; not only the rational, but also the irrational nature of law; imagery and symbolic content and expression of law (e.g. Themis's image as an embodiment of the archetype of the Great Mother); a source of law and legal norms are personal and collective unconscious. At the level of personal unconscious, law can be considered as a special form of psychological defence mechanism of an ego (rationalization, intellectualization, projection, etc.). At the level of collective unconscious, law can act as a form of expression and the instrument of implementation of the archetypal contents, including through a cultural legal complex formed on the basis of a culture set. Not only images of the subject (for example, the «reasonable» person), but also images of objects, situations, actions (for example, through concepts of justice, good faith), tool (for example, legal databases), etc. can act as an archetypal image.

Keywords: archetype, archetypal theory of law, cultural law complex, Jung

Традиционно правовые явления рассматривают с позиций рационального, а право относят к области разума и сознания. И логика такого подхода вроде очевидна. Но этот подход не всегда отвечает на вопросы об источнике права и его природе.

Предлагаемая архетипическая теория права основывается как на психической (душевной), так и на духовной жизни человека, а в качестве общей основы правовых, психических и иных, так или иначе связанных с правом, явлений рассматривает архетип. Приведу тезисы предлагаемого архетипического подхода к исследованию правовых явлений, которые, что видно из дальнейшего изложения, взаимосвязаны.

Признание архетипического начала и природы права, его связь с архетипами, влечет за собой признание того, что праву в известной мере свойственны и характеристики архетипа. Иными словами, в праве отражена природа архетипа, в том числе амбивалентность, связь с инстинктивной природой

человека, образами и символами, проявленность коллективного бессознательного [о природе архетипа см.: 1, 2, 3, 4].

1. В поисках источника и идеи права есть следование образу, мечте (вспомним про мечту Юстиниана о юриспруденции без сомнений и противоречий [5]), чувству и вдохновению, интуиции. Находясь на сугубо рациональных позициях и связывая право исключительно с разумом и рассудком, мы забываем про коренную и глубинную связь права с инстинктами, чувствами и эмоциями.

Напомню мнение двух классиков, созвучное этому тезису. И. Я. Бахофен подчеркивал связь права с инстинктом следующим образом: «Я все больше прихожу к мысли о существовании единственного права, которое упорядочивает все, и что первобытный человек обустроивал свою жизнь, согласно этому праву, инстинктивно» [5, с. 22]. Р. фон Иеринг считал психологическим первоисточником всякого права правовое чувство. Здоровое состояние правового чувства связывалось им с чувством боли, которое ощущает человек при нарушении своего права. Эта боль содержит инстинктивное самосознание того, что составляет для человека право. Не разум, а только чувство может ответить на вопрос, что такое право [6]. Иеринг пишет: «...язык правильно назвал психологический первоисточник всякого права правовым чувством. Правосознание, правовое убеждение – это абстракции науки, которой народ не знает; сила права покоится на чувстве совершенно так же, как и сила любви; ум и рассудительность не могут возместить недостаток чувства» [6, с. 49-50].

2. Праву принципиально свойственна амбивалентность и поливалентность.

Широко известно высказывание «два юриста – три мнения». И. Я. Бахофен выразил эту мысль через указание на плодотворный характер исследования основных причин, «почему в равной степени выдающиеся юристы могли приходиться к совершенно различным заключениям» [5, с. 8]. Он пишет: «Сколь бы странным это не показалось, совершенная истина в том, что в вопросах юриспруденции два противоположных взгляда могут часто быть равно справедливыми» [5, с. 8]. Эта равная справедливость противоположных взглядов в вопросах юриспруденции говорит о свойственных праву амбивалентности и поливалентности.

В отечественном юридическом быту амбивалентность права отразилась в воззрении народа, его житейской мудрости и основе обычного права – поговорах и пословицах: «закон – что дышло, куда поверотишь, туда и вышло»; «строгий закон виноватых творит и разумный тогда поневоле дурит» [7, с. 10, 12].

Амбивалентность (и поливалентность) заключена не только в материальном праве (можно вспомнить известный в римском праве спор между «в равной степени выдающимися» сабинианцами и прокулианцами о спецификации [8]), но и в праве процессуальном, предусматривающем начало состязательности сторон. Она может усиливаться неоднозначностью ситуации и лицами, преследующими в ней разные цели. В определенном смысле она служит залогом гибкости права, его применимости к разным жизненным обстоятельствам, возможностью для его развития. Одновременно с этим возникает и возможность злоупотребления правом, поскольку одна из сторон (полюсов) амбивалентного может находиться в тени, т.е. содержать теневые аспекты правовой возможности, различимой лишь для искусственного в праве. Одно из следствий архетипической природы права заключается в том, что юрист должен быть способен увидеть амбивалентность и поливалентность (как минимум, предполагать их наличие) и действовать (мыслить), удерживая их в поле своего внимания. Это позволит найти оптимальное для определенной ситуации решение, которое будет во всяком случае не менее справедливое, чем возможная ему альтернатива.

3. Амбивалентность права вызвана тем, что право не только рационально, но и иррационально, связано не только с разумом, но и с инстинктами, чувствами, эмоциями. Источник права не только в сознании, но и в бессознательном, как личном, так и коллективном.

В случае с личным бессознательным право может рассматриваться, например, в качестве особой формы психологических защит эго (юридически закрепленные и допустимые варианты рационализации, интеллектуализации, проекции, идентификации и т.д. [о защитах см.: 9]), будучи тем самым связанным и с комплексами [о теории комплексов см.: 10]. В случае с коллективным бессознательным право может выступать в качестве формы выражения и инструмента реализации архетипического содержания (архетипической структуры, ядра), в том числе через культурный правовой комплекс. Сегодня на основе теорий комплекса К. Юнга и культурных установок Дж. Хендерсона [11] предлагается концепция культурного комплекса [12].

Полагаю, что одним из видов культурного комплекса является культурный правовой комплекс (или просто правовой комплекс).

Приведу пример одного из них. Долгое время развитие гражданского законодательства происходило на основе тезиса (ставшего культурной установкой) В.И. Ленина о том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это – мы...» [13, с. 398]. Это высказывание было сделано В.И. Лениным в контексте подготовки нового гражданского законодательства (1922 г.) и призывал он «применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание» [13, с. 398].

Постепенно на основе этой культурной установки сформировался культурный правовой комплекс, что можно проследить в работах советского периода. Не уверен, что наше общество до конца преодолело этот культурный правовой комплекс, учитывая рост государственных корпораций и компаний, а также появление публично-правовых компаний, сопровождаемые пересмотром (или размытием, неосознанностью) границ частного и публичного, коммерческого и некоммерческого, и постоянным возвращением к этим вопросам. Такая ситуация напоминает один из древнейших архетипов – символ уробороса.

4. Образно-символическое содержание и выражение права, как части культуры.

Право – часть культуры, истоки которой лежат и в бессознательном, выражаемом зачастую посредством символа. Амбивалентная природа права выражена и на символическом уровне.

Так сложилось, что образ юридической профессии является женским – Фемиды, которая олицетворяет право, правосудие, справедливость. Для древних греков титанида Фемиды, дочь Урана и Геи, олицетворяла любой порядок и право в природе, как среди богов, так и среди людей; была пифией (к вопросу о роли интуиции в праве) [14]. Обращают на себя внимание детали самого образа Фемиды. Сегодня она чаще всего изображается с весами, мечом и повязкой на глазах, что скорее соответствует образу римской богини Юстиции, в то время как у древних греков Фемиды представляла в образе женщины без повязки на глазах, но с весами и рогом изобилия [14].

Нетрудно заметить, что эти образы являются амбивалентными воплощениями Великой Матери: кормящей и любящей (рог изобилия и отсутствие повязки), карающей и отстраненной (меч и повязка). Общий амбивалентный для них образ – весы, который символизирует справедливость, беспристрастную оценку и правосудие (характерный признак не только у древних греков и римлян, но и у шумеров, древних египтян, в христианстве), а каждая их чаша может соответствовать одному из аспектов воплощения [о символике весов см.: 15].

Архетипический образ – это не только образы субъекта (например, «среднего» человека, «разумного» человека, «образа-маски» юридического лица), но и образы объектов, ситуаций, действий (например, через принципы справедливости, добросовестности), инструментов (например, правовые базы данных (справочные правовые системы) выступают сегодня своеобразным виртуальным цифровым сосудом для права, позволяют контейнировать (термин из контекста теории У. Биона) правовой материал и работать с ним) и т.д.

Образно-символическая природа права связывает древнего человека с человеком современным. Например, сегодня можно отметить очевидную проекцию всемогущества на искусственный интеллект, его идеализацию. Выдвигаемые порой предложения о наделении робота или искусственного интеллекта правосубъектностью (пусть и ограниченной), качествами цифровой личности, представляют собой правовой анимизм. Это показатель того, что современный человек столкнулся с чем-то невероятным и в его представлении могущественным, и что в этом отношении современный человек мало чем отличается от человека первобытного, наделавшего душой дерева.

Само развитие права, его индивидуация, есть движение от инстинктивного к символическому через образ, например от передачи горсти земли к внесению записи в реестр, от кровной мести к идее возмездия и воздаяния, реализуемой в иной форме. Задача политики права – создавать условия развития, которые сохраняют живую связь символического с инстинктивным, а не подавляют и не вытесняют ее.

Литература:

1. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2015. 336 с.
2. Нойманн Э. Великая Мать. М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2014. 410 с.
3. Кнох J. Archetype, Attachment, Analysis: Jungian Psychology and the Emergent Mind. N.Y.: Brunner - Routledge, 2003. 228 p.
4. Stevens A. Archetype Revisited. An Updated Natural History of the Self. London: Brunner - Routledge, 2002. 386 p.
5. Бахофен Иоганн Якоб. Избранное. М.: CHAOSSS/PRESS, 2018. 448 с.
6. Иеринг Р., фон. Избр. труды. в 2 т. Т. I. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 618 с.
7. Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт систематического, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа. М.: Типография В.В. Чичерина, 1885. 78 с.
8. Римское частное право. Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
9. Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2015. 592 с.
10. Юнг К.Г. Обзор теории комплексов / Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. С. 111-124.
11. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М.: Добросвет, Изд-во КДУ, 2014. 272 с.
12. Культурный комплекс. Современные юнгианские взгляды на психику и общество / Под ред. Т. Сингера и С. Л. Кимблса. М.: Касталия, 2018. 422 с.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. 725 с.
14. Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собр. первоисточников, статьи и коммент. Харьков, М.: Изд-во Эксмо, 2005. 1040 с.
15. The Book of Symbols. Reflections on Archetypal Images / Ed. by A. Ronnberg. Cologne: Taschen, 2010. 808 p.

Либеральный плюрализм Уильяма Галстона

Трусов Ю.А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, аспирант

yury57tru@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматривается подход Уильяма Галстона к проблеме соотношения концепции плюрализма ценностей и либеральной идеологии. Для этого анализируются непереведенные на русский язык работы мыслителя по этой тематике. В докладе раскрываются основные составляющие либерального плюрализма У.Галстона – понятия «политический плюрализм», «ценностный плюрализм», «свобода самовыражения» (expressive liberty). Развивая идеи Исайи Берлина, Галстон приходит к выводу, что не все сферы жизни общества следует определять через политическую сферу. Принципы и нормы, которыми регулируются одни сферы общественной жизни, могут отличаться от норм, регулирующих остальное общество. Следуя принципам плюрализма ценностей, необходимо предположить, что если государство устанавливает единственно-одобренный образ жизни, то он будет являться нелегитимным, так как не предоставляет индивидам возможность жить в соответствии со своими представлениями о благой жизни, вести такой образ жизни, который они желают (из большого набора легитимных жизней). Это не означает, что государство является полностью нейтральным и не может давать гражданам образ благой жизни, а означает, что ему придется это делать в конкурентной борьбе.

Ключевые слова: либерализм, плюрализм ценностей, политический плюрализм, Галстон, свобода самовыражения

Liberal Pluralism of William Galston.

Trusov Y.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The report considers the approach of William Galston to the problem of the relationship between the concept of value pluralism and liberal ideology. For this, Galston's works about this subject, which has not been translated into Russian, is analyzed. The report reveals the main components of W. Galston's liberal pluralism - the concepts of "political pluralism," "value pluralism," and "expressive liberty". Developing the ideas of Isaiah Berlin, Galston concludes that not all spheres of society should be defined through the political sphere. The principles and norms that govern some areas of private life may differ from the norms governing the rest of society. Following the principles of value pluralism, it is necessary to assume that if the state establishes a single-approved way of life, then it will be illegitimate, since it does not provide individuals with the opportunity to live in accordance with their ideas about a good life, to lead the lifestyle that they want (from a large set of legitimate lives). This does not mean that the state is completely neutral and cannot give citizens an image of a good life, but means that it will have to do this in the competition

Keywords: liberalism, value pluralism, political pluralism, Galston, expressive liberty

ⁱ Американский политик, общественный деятель и философ Уильям Галстон (William Galston, род. 1946 г.) в своих работах совмещает понятия «либерализм» и «плюрализм». Слово «либеральный» отсылает нас к пониманию сферы политики как ограниченной. «Либеральное государство (governance) признает, что важные сферы человеческой жизни полностью или частично выходят за рамки политической власти» [1, с. 1]. Он выделяет две концепции либерализма: с одной стороны приверженцы гражданского либерализма, а с другой индивидуальной свободы и свободы ассоциаций, основывающихся на разных философских концептах – «автономия» и «разнообразие». «Автономия» – это саморегуляция/самонаправление (self-direction), о котором писали Дж. Локк, Кант, Дж. С. Милль. «Либеральная

ⁱ Доклад подготовлен в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М.В.Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

автономия часто связана с приверженностью устойчивому рациональному изучению себя, других людей и социальных практик» [2, с. 21]. Под «разнообразием» понимается концепт, предполагающий законные различия между людьми по вопросам природы благой жизни, морального авторитета и т.д. «Стандартное либеральное мнение заключается в том, что автономия и разнообразие сочетаются друг с другом и дополняют друг друга: осуществление автономии порождает разнообразие, тогда как факт разнообразия защищает и питает автономию» [2, с. 21]. Напротив, Галстон считает, что, как минимум, эти принципы не всегда связаны. Например, поддержка государственной властью принципа автономии может сделать хуже жизнь индивидов и групп, которые организуют свою жизнь в соответствии с другими принципами. Этим действием, автономия будет уничтожать разнообразие, уничтожая такие группы. Для Галстона «правильно понимаемый либерализм – это защита законного разнообразия» [2, с. 23]. Если мы выбираем образец автономии за основу, то мы сужаем поле возможностей либерального сообщества, так как автономия уничтожает те образы жизни, которые не строятся по ее принципу. Автономия является важной частью либерального общества, но лишь одним из многих других принципов. При этом государство не понимается как полностью нейтральное. Например, на «уровне общественных практик, наши организации и программы принимают как должное определенные основные человеческие цели: защита жизни против внешней агрессии, внутренних беспорядков, и болезней; облегчение страданий; развитие существенных человеческих способностей в детях; и так далее» [3, с. 165].

Сложным вопросом оказывается проблема определения степени ограниченности сферы политики. Большинство ограничений государства сделаны ради современного понятия «права человека». В своей книге «Либеральный плюрализм» (впервые опубликована в 2002 г.) Галстон пишет, что современному обществу требуется более сложная система ограничений государственной власти, нежели существующая. Он делает акцент на трех ключевых ценностях: 1) политический плюрализм – признание того, что существуют различные источники власти – гражданские объединения, родители, государство и т.д. – ни одна из них не может доминировать во всех сферах жизни общества и человека. В данном случае политический плюрализм – это признание многообразия властных доминант в человеческой жизни. Он приходит к такому выводу, так как не все общности обладают идентичностью, связанной с государством. Например, религиозная общность соотносится с публичным правом, но это не означает, что она создана этим публичным правом. Нормы для таких общностей могут отличаться от норм в других сферах. Через этот пункт мы отвечаем, например, на гендерный вопрос: в религиозной общине (организации) должности и позиции могут заниматься с учетом определенных гендерных ограничений, которые не позволительны для, например, коммерческих юридических лиц. 2) ценностный плюрализм (в рамках идей Исайи Берлина) – помимо общепринятых благ (объективных) существуют такие блага, которые не могут быть упорядочены единственно-верным образом, так как качественно отличаются друг от друга. Отсюда следует теоретический вывод, что не существует единого образа жизни, а за ним практический: «любая государственная политика, которая опирается, поощряет или руководствуется единой концепцией человеческого блага или превосходства, предположительно нелегитимна» [1, с. 2]. 3) свобода самовыражения (*expressive liberty*) – представление о том, что у людей есть свобода жить таким образом, который они считают для себя ценным, в соответствии со своим собственным пониманием того, что придает жизни смысл, в рамках широкого набора законных и мирных жизней. В рамках свободы самовыражения политика понимается как инструментальная, а не конечная ценность. «В либеральном плюралистическом режиме (*liberal pluralist regime*) ключевой целью является создание социального пространства, в котором отдельные лица и группы могут свободно преследовать свое особое видение того, что придает смысл и ценность человеческому существованию» [1, с. 3]. Понимание «народа» как монолитной субстанции противостоит плюрализму и его идеям: «поскольку предположение об однородности всегда ложно, оно ведет сначала к отрицанию, а затем к подавлению» [4, с. 20].

Для реализации подобных положений на практике требуются специальные условия организации государства. Для разрешения неизбежных конфликтов и координации всех участников социального пространства необходимы:

- 1) наличие специальных правил, ограничивающих людей. Вопрос только в том, в каких пределах.
- 2) запрет вредных практик. Например, в США никакая религиозная организация не может практиковать человеческие жертвоприношения. Галстон пишет, что государственные институты могут ограничивать детальность индивидов и групп по четырем причинам: а) чтобы решить проблему координации и конфликтов, б) для предотвращения и наказания за преступления, которые одни индивиды

совершают по отношению к другим, в) охранять законные образы жизни от незаконных, г) обеспечение гражданских и культурных условий, необходимых для поддержания самих институтов с течением времени. Отсюда и вытекает, что государственные институты носят инструментальный характер, а также являются одним из источников власти в обществе.

3) сильный государственный строй, способный защищать себя от разрушения. «Таким образом, либеральные плюралисты одобряют минимальные условия общественного порядка, такие как верховенство закона и публичная власть, способная обеспечить его соблюдение. Они также одобряют то, что можно назвать «минимальным универсализмом», то есть моральную и практическую необходимость организации общественной жизни, с тем чтобы в максимально возможной степени избежать великих пороков человечества, таких как тирания, геноцид, жестокость и унижение, массовое голодание и смертельные эпидемии» [1, с. 3]. Галстон использует для минимального универсализма термин «базовая порядочность» (*basic decency*).

В рамках этих идей, государство, являясь ограниченным, должно быть сильным и прочным. Поэтому оно может прибегать к необходимым мерам своего культурного выживания, чтобы поддерживать свой строй, создавать необходимый образ граждан. Для этого оно может воспитывать и образовывать своих граждан, в ограниченных пределах. Одной из важных добродетелей либерального плюралистического общества станет толерантность, так как появляется возможность для совместного существования разных людей в одном государстве. Галстон подчеркивает, что толерантность не является слабостью. Толерантный человек – это не тот, кто во всем сомневается и не может занять сторону в споре, это тот, кто уверен в своих убеждениях (насколько это возможно), может отличить добро от зла, а также готов отстаивать свою точку зрения. Правильно понятая толерантность делает ставку не на принуждение государством, а на свободную моральную конкуренцию.

Политический плюрализм отвергает определение людей, семей и ассоциаций через понятия части политического целого. Все это существует не ради какой-то политической цели. Например, цели религии могут противоречить государственным целям. Это не означает, что у нас общество живет без общих целей, так как какой-то политический порядок должен существовать, но государственные цели не являются всеобъемлющими и не превосходят цели отдельных людей или групп. По мнению Галстона, человеческая жизнь состоит из многих сфер, которые являются отчасти автономными, а отчасти, ограниченными, а однообразное иерархическое представление отвергается. Государственная политика не должна предполагать, что все сферы отражают устройство политических институтов, но должна координировать эти сферы и решать конфликты между ними, что требует взаимных ограничений некоторых свобод.

Литература:

1. Galston W. *The Practice of Liberal Pluralism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 216 p.
2. Galston W. *Liberal Pluralism. The Implications of Value Pluralism for Political Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 152 p.
3. Galston W. *Liberal purposes. Goods, Virtues, and Diversity in the Liberal State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 356 p.
4. Galston W. *Anti-pluralism. The Populist Threat to Liberal Democracy*. New Haven, London: Yale University Press, 2018. 176 p.

Фан И.Б.

Институт философии и права УрО РАН, ведущий научный сотрудник. Доктор политических наук

Irina-fan@yandex.ru

Аннотация: В данной статье исследуется проблема усиления в России ограничений конституционных прав и свобод личности в целях обеспечения безопасности. Автор выделяет две основные позиции в осмыслении соотношения ценностей и понятий свободы и безопасности, представленные в публичном пространстве: позицию государственников, базирующуюся на неоконсервативной идеологии, и либерально-демократическую позицию. Анализируя эти подходы, автор приходит к выводу о том, что дискурс безопасности как часть неоконсервативной идеологии акцентирует внимание на внешних и внутривнутриполитических угрозах. Это является поводом на сворачивания демократических институтов и процедур, для наступления на права и свободы личности. Автор осуществляет критику данного подхода, рассматривая его основные аргументы.

Ключевые слова: дискурс безопасности, свобода, неоконсерватизм, идеология, угрозы, общее благо, права и свободы личности.

Security Discourse and Erosion of Freedom.

Fan I.B.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines the problem of strengthening in Russia the restrictions on constitutional rights and individual freedoms in order to ensure security. The author identifies two main positions in understanding the correlation of values and concepts of freedom and security, presented in public space: the position of statesmen based on a neoconservative ideology, and the liberal-democratic position. Analyzing these approaches, the author comes to the conclusion that the security discourse as part of a neoconservative ideology focuses on external and internal political threats. This is the reason for the folding of democratic institutions and procedures, for an attack on the rights and freedoms of the individual. The author criticizes this approach, considering its main arguments.

Keywords: security discourse, freedom, neoconservatism, ideology, threats, the common good, rights and freedoms of the individual.

В социальной философии свобода определяется как «способность человека овладеть условиями своего бытия, преодолевать зависимости от природных и социальных сил, сохранять возможности для самоопределения, выбора своих действий и поступков» [1, с. 764]. В политической философии свобода рассматривается как одна из фундаментальных ценностей - Общее Благо и индивидуальное. «Суть свободы индивида заключается в возможности отклониться от традиционного образа мыслей и действий» [2, с.274]. Однако абстрактное понимание свободы недостаточно ни для ее теоретического обоснования, ни тем более для ее реализации на практике. У. Кимлика считает необходимым ставить вопрос об общественной значимости конкретных свобод, об учете важнейших интересов людей, а также о механизмах распределения свобод в свете требований равенства или взаимной выгоды [3, с.208]. В индустриальных обществах модерна важны юридические и экономические аспекты свободы. В условиях многомерного, мобильного и неопределенного мира конца XX и начала XXI веков свобода человека состоит в его способности соизмерять свою самостоятельность с действием политических, технологических, информационных и иных форм, институтов и процессов, с восстановлением индивидами и группами контроля над отчужденными от них структурами власти, информации, силы.

Политическая глобализация современных институтов порождает тенденции трансформации прав и свобод личности, что находит отражение в политической теории [4, с. 259]. Одной из тенденций является усиление ограничений основных прав и свобод граждан в целях «противостояния междуна-

родному терроризму и экстремизму» и обеспечения «безопасности граждан». Серьезные меры по достижению безопасности предпринимаются в разных государствах, зачастую это вызывает размывание основных прав и свобод личности. Противоречие между правом человека на свободу и стремлением к безопасности испытывает на прочность даже развитые демократические страны. Это же противоречие в государствах, где принципы демократии, конституционализма, прав и свобод человека и гражданина последовательно не реализованы, порождает консервативные тенденции. При активации дискурса безопасности (и акцентирования угроз со стороны внешних и внутренних врагов) система управления таких государств откатывается к архаичным способам и технологиям подчинения населения. После массированного воздействия данного дискурса и основанной на нем пропаганды в общественных настроениях россиян возобладала ценность порядка и безопасности, а ценности свободы оказались вытеснены. Вряд ли это было самостоятельным отказом граждан от конституционных прав и свобод. Такой отказ означал бы добровольное подчинение государству и осознанную передачу ему конституционных прав - от свободы собственности, договора и экономической инициативы до права принятия политических решений и участия в политике. Скорее, этот «отказ» от свободы выбора и политической субъектности является следствием распространения неоконсервативной идеологии, антилиберальных и антизападных идей, то есть манипуляции общественным мнением, с одной стороны, и молчаливого согласия людей с действиями власти из-за неверия в собственные силы - с другой. Нарастающий дискурс безопасности/угроз вызывает все большие ограничения свободы индивидуальных и коллективных самостоятельных субъектов, ее юридических и экономических оснований, осуществляемые посредством создания репрессивных структур. Свобода и безопасность - не взаимоисключающие понятия. Их неявное противопоставление и замена одного на другое - это конкретная политическая технология, применяемая в российской политике.

В российском публичном пространстве выделяется две основные позиции по поводу соотношения свободы и безопасности. В последнее время доминирует официальный дискурс государственников, сторонников приоритета ценностей порядка, стабильности, безопасности. Этот дискурс представлен людьми, состоящими на военной (элитой ВС и спецслужб РФ) и гражданской государственной службе. Формально они воспроизводят положения Концепции общественной безопасности (2013 г.), национальных проектов, указов президента РФ. Но в их текстах проявляются идеи, раскрывающие их реальный корпоративный интерес. А.И. Костин как о наиболее вероятной угрозе говорит о возможности силовых способов решения проблемы неравномерности распределения ресурсов между разными странами. Эта проблема порождена геополитической дестабилизацией мировой периферии из-за глобального экономического и политического кризиса. Автор пишет о необходимости сохранения прав и свобод граждан, подотчетности структур государственной власти, полиции и спецслужб обществу, несмотря на то, что это мешает достижению эффективности в борьбе с терроризмом [5, с.73]. Это умеренная оценка угроз по сравнению с большинством примеров данного дискурса - публикациями А.В. Картаполова или А.В. Железняка. Отсутствие четких критериев оценки степени угрозы, невозможность общества проконтролировать выводы разведки и эффективность финансирования спецслужб, зависимость анализа данных от консервативных идеологических установок политических лидеров, - все это вызывает сомнения в адекватности выводов сторонников дискурса безопасности об угрозах реальному положению дел. Не стоит забывать и о корпоративных интересах спецслужб, состоящих в преувеличении степени угрозы или создании воображаемых угроз.

Иную позицию о соотношении безопасности и свободы высказывают представители политической науки, приверженцы либерально-демократических ценностей. Понятие безопасности нуждается в конкретизации, иначе оно превращается в идеологему. В качестве субъектов безопасности В.А. Гуроров и И.В. Радиков выделяют нации, группы, отдельных личностей, международное сообщество, а также раскрывают виды безопасности (военная, политическая, экономическая и т.д.). Понятие национальной безопасности содержит значения выживания, благополучия и развития нации. Безопасность - это не только состояние защищенности, но и поддержание способности нации к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию [6, с. 130]. Возросла взаимозависимость национальной, региональной и международной сфер безопасности. Однако в России в последние двадцать лет произошли изменения в национальном механизме обеспечения безопасности. Важнейшим фактором является консерватизм в представлении о национальной безопасности - понимание ее лишь как безопасность в военной сфере. Национальная оборона отождествляется с национальной безопасностью [6, с. 131]. Но национальная оборона представляет собой лишь тактический проект, конкретизирующий

национальную безопасность как стратегию. Необходима глобальная система противодействия современным угрозам и вызовам. Концентрация внимания лишь на национальной безопасности скорее разделяет, чем объединяет разные государства в рамках системы международных отношений, этот акцент становится источником угрозы для личности и общества, так как подрывает региональную и международную безопасность. Угрозы и потенциальный противник конструируются военным и политическим руководством. Тревогу в настоящее время вызывает отсутствие нового механизма обеспечения международной безопасности в условиях крушения биполярного мира и неуправляемого характера миропорядка. В современных условиях приоритетным объектом безопасности российское государство считает не личность, не общество, а себя. Государственники отождествляют понятия «национальное», «государственное» и «военное». В Стратегии национальной безопасности РФ (2009) отмечается, что «основными приоритетами национальной безопасности РФ является национальная оборона, государственная и общественная безопасность». Из приоритетов исчезли безопасность личности, общества и нации. Искусственное сдерживание демократизации в России приводит к возрастанию угроз для личности и общества как объектов национальной безопасности. Принята особая схема обеспечения безопасности государственной элиты, но от защиты прав рядовых граждан - на жизнь, свободу и собственность, государство отстраняется. Правосудие в России, призванное быть «видом общественного блага, состоящим в разрешении правовых споров в соответствии с принципом справедливости» [7, с.180], является избирательным и защищает преимущественно органы государственной власти и должностных лиц. Общее благо (безопасность, свобода) распределяются неравномерно.

Причина обращения власти, элиты и масс к неоконсервативной идеологии, частью которой является дискурс безопасности, коренится в стремлении власти сохранить свой статус любой ценой [8, с.32]. Для этого политической элите нужно снизить риски и вызовы со стороны иных элитных групп. В неоконсерватизме заинтересованы военная и государственная элита, чиновничество и все группы населения, зависимые от бюджета. Россия является гибридной автократией, управление которой осуществляется благодаря контролю над медиа. Любые чрезвычайные ситуации, террористические и иные угрозы, реальные или воображаемые, служат укреплению центральной власти. В автократиях «торговля угрозами» становится основным инструментом внутренней политики, поскольку лишь спецслужбы выступают в качестве самостоятельных политических субъектов. Безопасность – универсальное понятие, отвечающее бессознательным стремлениям людей к самосохранению. В государственной пропаганде оно служит средством оправдания любых мер государственной политики, поводом к выделению дополнительных бюджетных средств на нужды силовых структур, идеологических штабов, РПЦ и телевидения, осуществляющих формирование общественного мнения в нужном государству направлении.

Литература:

1. Современный философский словарь / Под общ. ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург; Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. 1064с.
2. Мизес Людвиг фон. Теория и история / Пер. с англ. под ред. А.Г. Грязновой. М.: ЮНИТИ, 2001.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ВШЭ, 2010. 592с.
4. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2008. № 8. С. 257-278.
5. Костин А.И. Глобальные тренды и противодействие международному терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С.70-76.
6. Гуторов В.А., Радиков И.В. Концепции национальной безопасности в политическом дискурсе современной России: проблемы теории и методологии анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 4. С. 130-139.
7. Костокрызов П. И. Понятие правосудия: философско-правовой анализ // Государство и право. 2019. № 10. С. 175-180.
8. Мельвиль А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. № 1 (84) 2017. С. 29 –45.

Академическое сообщество как коллектив: внутри политики, над ней или вне?

Чаганова Д.Н.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, магистрант

d-chaganova@mail.ru

Аннотация: В работе рассматриваются возможные перспективы того, как академическое сообщество может взаимодействовать и соотноситься с областью политического. Ставится вопрос о том, какое положение академия как коллектив субъектов, воплощенный в университете, занимает по отношению к политической системе. Исторически академическое сообщество политизировано, то есть всегда уже определено рамками политической нормативности. Формат современного взаимодействия анализируется через призму грамматики множества итальянского политического философа П. Вирно. Так, между рассматриваемыми областями возникает конфликт политического и экзистенциального характера: поскольку научному работнику для развития в академической сфере необходимо проявление оригинальности, то есть его индивидуальных черт, точкой напряжения становится универсализация в рамках соответствия какой-либо нормативности. В качестве попытки решения конфликта предлагается концепция академического сообщества как коллектива и марксистская интуиция работника как живой личности, обладающей виртуозностью.

Ключевые слова: академия; политика; политическая философия; множество; народ; П. Вирно; виртуозность; К. Маркс.

Academic Community as a Multitude: Is It Inside/Outside the Politics or Above It? Chaganova D. N.

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The author considers possible perspectives of interaction between the academic community and politics. The question is: what position does the academy as a collective of subjects (embodied into the university) have in relation to the political system? Historically, academic community is politicized, that is, it has always been defined by the framework of some political normativity. The format of modern interaction is analyzed through the system of Virno's “grammar of multitude”. The problem is that the conflict of a political and existential nature arises between university and politics. Since a scientist needs to show originality, his/her individual traits and knowledge to progress in the academic field, universalization becomes the point of tension for him/her due to the need to fit into some kind of normativity. To solve it author proposes to understand academic community as a collective and to consider the Marxist intuition of the worker as a subject.

Keywords: academic community; politics; political philosophy; multitude; the people; P. Virno; virtuosity; K. Marx.

Сегодня любую область тяжело представить без политического контекста. Как заметил Мишель Фуко, даже жизнь как биологический процесс уже несколько веков регулируется политически и сама вторгается в сферу политического [1, с. 179]. Мы как живые субъекты определяем некоторую внутреннюю связь, например, академической области с политикой, но в то же время понимаем, что биополитика Фуко не отвечает нам на вопросы, возникающие при столкновении, особенно сегодня, научной сферы и государства. В обсуждении, к которому мы обратимся, есть довольно традиционное бытовое воззрение, что политика начинается на этапе стран. Здесь мы можем смело заключить, что наука как сфера оказывается наднациональной, но мы не можем согласиться, что политика заключается в международном взаимодействии. Для рассмотрения вопроса мы принимаем в качестве базовой довольно классическую античную интуицию, что политика начинается гораздо раньше: политическим актом может считаться любое осмысленное нацеленное взаимодействие людей для сообразования их идеалов о взаимодействии с Другими.

Насколько научное сообщество согласуется с политикой и насколько оно может не втягивать себя в сферу политического? Интуитивно мы можем согласиться, что расположим академические взаимодействия скорее вне политики или над нею, но не можем не заметить какой-то зависимости в паре наука-политика. В том, чтобы подметить и разрешить конфликт этих интуитивных убеждений, предложить теоретический взгляд, решающий возникшую проблему, и ответить на поставленный вопрос, и состоит цель данной исследовательской работы. На пути к цели мы обратимся к историческим примерам, чтобы объяснить историческую зависимость науки и государства, разберём конфликт, который ключевым образом разделяет действие субъекта в научной и государственной сферах, и вновь обратимся к понятию жизни, чтобы понять, почему труд субъекта и сближает, и отделяет науку от политики.

Традиционно/исторически образование как нормативный государственный институт регулируется государственными структурами, в контексте чего было важно поговорить о том, как научные движения взаимодействуют в контексте стран или, скорее, на наднациональном уровне. Мы помним, что любая (меж)университетская деятельность, по крайней мере в Европейской модели образования, была изначально подконтрольна церкви или государственному управлению.

Так, первые университеты, как известно, были образованием публичных государственных персон, которые выполняли роль кураторов заведения. Нельзя сказать, что тогда университеты могли вообще рассматриваться вне политического: им требовалось признание королевской власти, они критически зависели от церкви, а сотрудники принимали активное участие в политических расправах. Для краткости приведём несколько примеров: университеты Испании освободились от пристального контроля церкви лишь в XVI веке, и это позволило устроить по-настоящему интеллектуальную атмосферу [2, с. 9]. Тогда же первым советником императора Карла V в вопросах внешней политики мог считаться, например, профессор теологии главного университета Испании, чьё мнение по вопросу было бы известно. Связаны наука и политика и в современной жизни: научными премиями награждаются политики-миро-творцы, и в области такого одобрения (санкционирования, например, премией) наука политизирована и обязательно включает популярные дискурсы, то есть регулируются законами и подпадают под нормативную систему, действуя внутри неё.

Заканчивая экскурс заключим, что «производители знания» (как какого-то качественно нового креативного образования, чаще выраженного вербально), хоть и вели полемику против государственного порядка или о нём, тем не менее оставались внутри нормативной политической системы. То, как работает полемика, к чему отсылают термины, какой язык мы используем (в академическом сообществе для обмена знанием в любом случае используется язык), ввергает нас в сферу политического, как только мы начинаем давать оценку происходящему (тому, как есть, не в качестве обыденных обсуждений) или предоставлять свои соображения (то, как должно быть) в качестве какого-то авторитета (носителя знания). Чаще всего это распространяется на работников в сфере философского знания, социологии, этики, международных отношений и иных сфер; и нужно сказать, что продукт, который производят академические сотрудники, здесь определяет некоторую задействованность в политике: анализ понятий и того, как мы говорим, определяет социальную реальность, которую мы изучаем.

Итак, нужно выразить тезис о том, что в науке политическая форма скорее превращается в «быть-многим» в противоположность государственной привычной для классической политической философии модели единства народа [3, с. 72]. Там, где начинаются академические разговоры и взаимообмен точками зрения, политическое, несмотря на пред-интуицию, не пропадает - но не в классическом смысле: выстраивается сеть индивидуумов. Потому академическое сообщество в, например, философской или политической сферах, не может ни к чему прийти — мало того, что подобные дисциплины выстроены специфическим образом; но к тому же многие не могут постулировать никакой синтез.

На основе этого нам кажется, что научное сообщество поэтому воплощает либеральную мысль, признавая ценность индивидуального и каким-то образом всё же дистанцируясь от неё, то есть совмещающая сингулярность и её доиндивидуальную основу. В академической сфере с вербально выраженным продуктом нашей работы это, кажется, действует так: мы выносим личные мысли-выводы из сферы неиндивидуального, связывая их в первую очередь с чувственным материалом (то, что чувствует-ся¹). Каждый такой опыт индивидуален, но всегда есть основания полагать, что такое чувство присуще каждому человеку как части вида. Кроме того, общо для всех участвующих интерсубъективное использование языка (здесь, например, я пишу самостоятельные мысли как результат переработки политиче-

¹ Особенно хорошо наша пассивность перед чувственным опытом выражена в понятии немецкого языка *Vorstellung* (пред-ставление), которое буквально является перед нами, оставляя нас перед данным опытом и в нём.

ских концепций, но использую язык, всем понятный и всеобщий — не как определённое национальное образование, но как способность передавать мысли вербально). Несмотря на всеобщность языка нужно признать, что именно в нём начинается процесс индивидуации. Интересно это в науке: мы выражаем надежду, что все соотносят свои речевые акты со способностью говорить-вообще и разделяют их. Говорящий/ая не просто способен/на говорить: ему/ей есть, что сказать, и он/а образует особый речевой акт. В нашей речи становится возможно увидеть частные места, *topoi idoi* [4]. Политическая логика «единого» ломается с индивидуализирующей функцией естественного всеобщего языка: я использую свою способность говорить, и в сказанном проявляется «именно-моё».

Следуя за французским философом Ж. Симондоном, заметим, что доиндивидуальное остаётся в нашем взаимодействии тем, что делает в какой-то мере единством (но не тем, что было предложено в теориях общественного договора). Тем и остаётся интересным для нас академическое взаимодействие: его субъект, не избавляясь от общих черт, способствующих пониманию, может возвращать на их базе индивидуализированные и предлагать их как продукт своего творения. То есть, для нас здесь политическим (наверное, в неклассическом понимании) является поиск в субъекте (здесь — научном работнике) «*singularizzata*» [5, pp. 46-58], его уникальных черт — знаний, мысли, концепций, что он успел выработать. В то время как в государственной структуре субъект воспринимается и как некоторая анонимная универсальность. И если в политической сфере субъект из-за этого испытывает внешний и внутренний конфликт, то в сфере академической (пока мы находимся в её рамках) этого не возникает.

На этом этапе мы можем предложить Симондону решение, где конфликтные колебания «либо Я как индивидуальное — либо мир» могут быть не прекращены, но сведены к минимальной амплитуде. Разумеется, они возникают и внутри академической среды, но, в отличие от сферы государственной, личные черты субъекта не низводятся до лишь доиндивидуального и также не претендуют, наоборот, включить его и низвести до всецело «своего». Всё же, индивидуация очень неустойчива по сравнению с доиндивидуальным: например, после удачного семинара о демократии я выхожу с поколебавшимися политическими убеждениями.

Какое решение мы можем предложить? Определим, что научное сообщество представляет собой коллектив. Так, коллектив не анонимизирует субъектов и не фальсифицирует общую волю, но помогает преодолевать колебание между «общим» и «своим» - ведь в коллективе нельзя выразить синтез, нельзя найти фигуру суверена. Из-за этого либерально-демократическую направленность коллектива замечает и П. Вирно. У нас есть возможность непредставительной демократии - «индивидуации доиндивидуального в его социально-историческом измерении: науки, знания...» [3, с. 77]. Так, в коллективном действии научные сотрудники сохраняют индивидуальные черты и развивают их.

Кроме того, когда субъект выполняет своё дело, он становится воплощённой потенцией (он — как бы *actu potens*) — способностью что-то сделать (*dύναμις*). Тогда объектом здесь является наша возможность как живой личности «производить совокупность физических и духовных способностей» [6, с. 178]. Так, живое тело производителя товара ценится как субстрат того, что оно сумело произвести, то есть того, насколько удачно оно применило свои способности¹. Особенно удачно, нам кажется, это проецируется на академическую область: жизнь (*βίος*) работает как содержащая способность — потому в области описанного нами политического («быть-многими») нематериальная рабочая сила столь ценится как источник и нового товара, и виртуозности (чистой деятельностиⁱⁱ, ценной самой по себе), источник труда как «субъективности» [7, с. 38, 59]. В науке сила как способность сближает и даже анонимизирует субъектов в общем, доиндивидуальном понятии. То есть, биополитика в академической области обращается не к произведённому, но к самой производящей способности, которая отделяет научных работников от многих других и делает их, в качестве коллектива, столь далёкими от политики, хотя и находящимися внутри неё же.

Литература:

1. Фуко М. Рождение биополитики/ Интеллектуалы и власть. Т. 3. М.: Праксис, 2005.
2. Золотой век Испанской империи/ Хью Томас; пер. с англ. В. Гончарова. М.: Издательство АСТ, 2016.
3. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Пер. с итал. Александр Петров. М.: Ad
- i Марксистские интуиции в этом пассаже наследуют общие политико-экономические убеждения в первоначальной высшей ценности труда как человеческой способности. - См. Маркс К. Капитал. Т. 1.// Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд-е 2. Т. XXIII. М.: Изд-во политической литературы, 1955-1974. - С. 90, прим. 31.
- ii Этот пассаж тесно коррелирует с концептом «живого труда» (*lebendige Arbeit*), разрабатываемый Марксом в труде «К критике политической экономии» в противовес понятию «мёртвого труда» — то есть товаров и денег.

Marginem, 2015. 144 с.

4. Аристотель. Поэтика/ Риторика. М.: Лабиринт, 2000.

5. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989.

6. Маркс К. Капитал. Т. 1.// Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. изд-е 2. Т. XXIII. М.: Политиздат, 1955-1974.

7. Маркс К. К критике политической экономии. Т. 1.// Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. изд-е 2. Т. XLVII. М.: Политиздат, 1975- 1981.

Гражданская философия как основа формирования гражданской компетентности личности

Чернышова В.В.

АНО «Московский Метагалактический Центр», лектор

chelovek.vera@gmail.com

Аннотация: Гражданская активность в России растет, о чем свидетельствует рост таких явлений, как гражданская журналистика, гражданская наука, гражданская политика и т.п. Данное явление, несомненно, является фактором и актуальным вектором развития государства и общества. При этом становится актуальным вопрос об уровне гражданской компетентности личности в данных реализациях. В качестве фактора ее роста предлагается рассмотреть потенциал такой формы просветительской деятельности, как философские клубы, чтения, круглые столы и т.п., в частности, не претендующие на академичность. Данный формат просветительской деятельности можно определить как приоритетный в процессах формирования такого явления, как «гражданская философия» каждого, которую мы видим в качестве базы для формирования гражданской компетентности личности. Предпосылки для успешного саморазвития и самопроектирования личности в течение всей жизни может и должно дать введение в образовательные программы (начиная со школы) изучения философии.

Ключевые слова: гражданская компетентность, философия, гражданская философия, самообразование, самопроектирование личности

Civil Philosophy as the Basis for the Formation of Civic Competence of an Individual. *Chernyshova V.V.*

Moscow Metagalaxy Center, Speaker

Abstract: Civic activity in Russia is growing, as evidenced by the growth of such phenomena as civic journalism, civic science, civic politics, etc. This phenomenon, undoubtedly, is a factor and an actual vector of development of the state and society. At the same time, the question of the level of civic competence of the individual in these implementations becomes relevant. As a factor of its growth, it is proposed to consider the potential of such a form of educational activity as philosophical clubs, readings, round tables, etc., in particular, not pretending to be academic. This format of educational activity can be defined as a priority in the processes of the formation of such a phenomenon as the “civic philosophy” of each, which we see as the basis for the formation of civic competence of the individual. The prerequisites for successful self-development and self-designing of a person throughout life can and should be given by an introduction to the study of philosophy (starting from school) in the study of philosophy.

Keywords: civic competence, philosophy, civic philosophy, self-education, self-designing personality

Определим гражданскую компетентность личности как совокупность готовности и способностей человека быть ответственным и активным членом гражданского общества, участвовать в его создании и функционировании (см., напр.: [1]). С учетом этого составляющими гражданской компетентности можно назвать такие явления, как гражданский оптимизм и гражданская позиция.

Для включённости индивида в какую-либо из гражданских инициатив, он должен стать деятельной творческой единицей общества (государства, нации) посредством обретения самоощущения гражданина, а также иметь здоровый гражданский оптимизм как «веру в свою способность реализовать новые возможности» [2]. Данная состоятельность требует наличия соответствующих ориентиров. Гражданский оптимизм как благоприобретенное свойство личности нуждается в ценностной базе и сознательном развитии.

Такой ценностной базой может и должна стать философия.

Как известно, основой множества открытий и достижений стала жизненная философия конкрет-

ного ученого, писателя, политического деятеля или команды энтузиастов, а вызовом для реализации идей – актуальные интересы общества. Один из ярких примеров – русские ученые-космисты. Действуя в разных областях науки и творчества, они проложили путь от идеи до её реализации и привели страну к лидерству в освоении космоса. Исследователи отмечают, что «философия играет эвристическую роль в развитии естественных наук»; «как бы ни относились к этому сами ученые, как бы ни чурались они философии, она уже содержится в их теориях, присутствуя здесь в виде метафизических и теоретико-познавательных предпосылок, определяющих направление научного поиска» [3].

Гражданская позиция, как и гражданский оптимизм, не складывается автоматически в процессе образования и воспитания. Она напрямую связана с мировоззрением личности, основой которого всегда (эксплицитно или имплицитно для самого человека) является его внутренняя философия жизни. Она выражается в интересах и потребностях, идеалах, верованиях, ценностных ориентирах, убеждениях. «Не обладая какими-либо духовными потребностями, например, потребностями к образованию или искусству, политической или религиозной жизни, человек физически не умирает, но его духовный мир оказывается скудным и не соответствующим общественным отношениям. Такой человек может оказаться “на дне” общества, иметь примитивные жизненные ориентации» [4: 41].

В современном светском обществе основы духовной жизни, которые ранее несла религия, не могут оставаться единственно значимыми. Сегодня главенствующую роль в формировании духовности, мировоззрения и гражданской позиции личности играют культура, наука, и прежде всего — философия. Поэтому сегодня принципиально важно обеспечить открытость доступа для каждого гражданина ко всему объёму накопленной в человечестве мудрости, вне условий принадлежности его к академической среде или образовательному процессу.

Наиболее привычные нам формы философской практики – научная и религиозная. Используя специфику философских подходов, оба эти направления достигают нефилософских целей (соответственно, научных и религиозных). Это может осложнять проявление «истинной» философии как общечеловеческого инструмента в постижении основ бытия.

Однако предрасположенность к подобной деятельности в силу свойств личности или специфики профессиональной деятельности вполне может способствовать истинно философской реализации представителей разных сфер деятельности и даже последующему признанию их трудов как философских. В.И. Вернадский отмечал: «аппарат научного мышления груб и несовершенен; он улучшается, главным образом, путем философской работы человеческого сознания. Здесь философия могущественным образом в свою очередь содействует раскрытию, развитию и росту науки» [5]. Таким образом, очевидна естественность включения философствования в любой вид человеческой деятельности.

Всеобщий характер философии ставит её на первое место среди инструментов самовоспитания, самообразования, саморазвития гражданина, формирующих развитие и рост гражданской компетентности личности.

В современном обществе философия каждого гражданина неизменно сопрягается с ведущими идеалами и целями, которыми живут социум и государство. Складывая свою философию жизни, индивид неизменно учитывает ценностные ориентиры в выбранной им действительности, и его философия человека становится философией гражданина.

В соответствии с вышеизложенным очевидно, что в решении задачи формирования гражданской компетентности личности первостепенную роль играют философские основы.

Сегодня понятие «гражданская философия» в развитии тезауруса современной языковой личности закономерно становится естественным продолжением терминологического ряда: «гражданская политика», «гражданская журналистика», «гражданская наука» и составляет тренд актуальных процессов, способствующих развитию гражданского общества.

Глубже раскрыть потенциал гражданской философии можно посредством расширения вариативности форм организации процессов самообразования личности. Традиционный лекционно-семинарский формат сегодня расширяется просветительскими форматами академических и неакадемических философских чтений, круглых столов, клубов, способствующих раскрытию духовности, творческих начал, активности личности, потенциализации ее в сложении собственной гражданской философии.

Среди актуальных мероприятий, способствующих развитию индивидуальной гражданской философии, стоит отметить различные мероприятия, круглые столы и чтения, проводимые на базе ИМЛИ, московской Библиотеки-музея Н.Ф. Федорова и Музея космонавтики.

Также примером являются проводимые уже 20 лет во многих странах мира Философские Чтения Синтеза, ставящие целью помочь участникам не только овладеть теоретическими и практическими основами философии, но и раскрыть внутренний мир человека, сложить собственную философию жизни. Более того, эти Чтения вносят существенный вклад в популяризацию и развитие русской философской мысли, т.к. за основу чтений взято космофилософское направление, которое сегодня разворачивается как современное практическое направление развития гражданской философии каждого – практическая Философия Синтеза русского космизма (см. подробнее: [6, 7]). В то же время участники Чтений находятся в постоянном философском поиске, в том числе расширяя тезаурус каждого как языковой личности. В частности, космофилософское прочтение термина «вселенная» расширяется актуальным и научно обоснованным термином «метagalaktika» (см., напр., [8]) с выявлением специфик контекста; систематизированы и изучаются ранее широко не рассматриваемые определенные уровневые константы бытия человека, впервые их иерархия связывается с различной мерностью их проявления. Более того, в дополнение к ранее известным дефинициям иерархических частей человека, таких как разум, душа, сердце, сознание, тело, выявлены и системно описаны другие константы, такие как вера, восприятие, ум, интеллект, провидение и др. Введены новые термины, такие как «синтезобраз», «головерсум», «трансвизор» и др. (см. подробнее: [9, 10]). Изучается сфера условий жизни каждого как «Дом Отца» человека, находящийся в сопряжении с подобными, но большего масштаба, сферами жизни планеты и метagalaktiki (как перспективной сферы обитания человека, тенденцию к освоению которой предсказывали еще русские ученые-космисты).

Популяризация и продолжение идей русских философов-космистов способствует подержанию процессов самопроектирования и самообразования граждан, а вследствие этого – формирования и роста гражданской компетентности каждого.

Выводя ответственность за самообразование гражданина в течение жизни из сферы педагогики, считаем нужным отметить, что сама тенденция и тяга к самообразованию должна быть заложена именно в подростковом возрасте. Время, когда личность только формируется, и человек перманентно находится в образовательной среде, можно и должно использовать для приобщения каждого к философской практике. Иначе такой опыт может не быть получен в последующем вовсе.

Убеждены, что в школьную и вузовскую программы необходимо ввести изучение основ философии. Причём недостаточно изучения истории философии. Задачей должно стать получение каждым учащимся собственного опыта сложения философской мысли, обогащения своей картины мира, обретения ценностей и идеалов, столь необходимых для последующей созидательной реализации в обществе. Получая навык обретения не знаний, но мудрости, молодые граждане приобщаются к сотворчеству, которое не монетизируется, но и не имеет цены, – к сознательному участию в движении эволюции человека познанием граней истины бытия каждого и общества в целом.

Литература:

1. Корнетов Г.Б. Становление демократической педагогики: восхождение к общественно-активной школе: Учебное пособие. М.-Тверь: Научная книга, 2009. 184 с. (Библиотека демократического образования. Выпуск 2).
2. Санина А.Г. Когнитивное конструирование социально-экономических проблем как фактор социальной инертности [Электронный ресурс]. Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ. <http://www.hse.ru>. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sanina_konstr.pdf
3. Философия и культура в культурах Востока и Запада / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука: Восточная литература. 2013. С. 47–49.
4. Скобрев И.А. Мировоззренческие основания личностного проявления гражданской позиции российского спортсмена // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». № 1 / 2012. С. 34–44.
5. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. М.: Наука, 1991.
6. Сердюк В.А. Метagalaktichesкий Манифест. М.: ООО «Ваш полиграфический партнер». 2012. 88 с.
7. Захарина О.А. Иерархия Человека // Экология сознания: Межотраслевой альманах. 2014. №2(45). С. 54–55.
8. Русская физика: Галактика. Метagalaktika. Вселенная [Электронный ресурс] // russkaja-fizika.ru/galaktika-metagalaktika-vselennaya.
9. Начала Философии Синтеза [Электронный ресурс] // домчеловека.орг/философия-синтеза/начала-философии-синтеза/
10. Основные понятия Философии Синтеза [Электронный ресурс] // домчеловека.орг/философия-синтеза/основные-понятия-философии-синтеза/

Концепт традиции в политическом дискурсе и механизмах идентичности

Чуешов В.И.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, профессор. Доктор философских наук

tchoue@mail.ru

Таркан И.И.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, доцент. Кандидат философских наук

tark_iv@mail.ru

Аннотация: Концепт традиции играет важную роль в политическом дискурсе в контексте национальной культуры. На примере политического дискурса Республики Беларусь раскрываются особенности белорусской ментальности относительно традиционных ценностей. Выявляется значимость традиционных ценностей в политическом дискурсе, а также содержание понятий, необходимых для осмысления репертуара политического дискурса.

Ключевые слова: традиция, инновация, политический дискурс, идентичность, ценности, менталитет

Concept of Tradition in Political Discourse and Identity Mechanisms. *Chueshov V.I.; Tarkan I.I.*

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus

Abstract: The concept of tradition plays an important role in political discourse in the context of national culture. On the example of the political discourse of the Republic of Belarus, the features of the Belarusian mentality regarding traditional values are revealed. The significance of traditional values in political discourse is revealed, as well as the content of concepts necessary for understanding the repertoire of political discourse.

Keywords: tradition, innovation, political discourse, identity, values, mentality

Как свидетельствует опыт политической модернизации в механизмах общественного развития традиция чаще всего выступает посредником между современностью и прошлым, и в этой связи осмысление ее роли в политическом дискурсе и механизмах идентичности является актуальной задачей современной политической философской мысли.

Решая ее, важно отдавать себе отчет в тех методологических основаниях, которые определяют наш горизонт понимания роли традиции в политическом дискурсе.

Во-первых, методология исследования традиции в политическом дискурсе должна быть диалектической. Несмотря на то, что термин «традиция» в отличие от инновации нередко с трудом поддается рационализации, поскольку включает в себя нередко скрытые от взора исследователя пласты коллективного бессознательного и не отрефлектированные модели социального поведения, традиция действительна в том случае, если использует проверенный временем механизм поддержания моральных норм, ценностей и идеалов коллективного опыта, культурных и социальных преобразований.

В этом смысле традиция является социальным и культурным капиталом народа. Например, на идентичность современного Китая и сегодня оказывают влияние традиции конфуцианства, его этика, в которой не права человека, а его нравственные качества и идеал совершенного, благородного человека, оказывают существенное влияние на процессы модернизации и инновационного развития Поднебесной.

С другой стороны, некоторая традиция, неправильно и(или) некорректно представленная в политике и политическом дискурсе, может за счет неоправданных упрощений исторического опыта искажать подлинный культурный код того или иного народа. Данное упрощение нередко характерно не только для западного обыденного, но и концептуально организованного политического дискурса, в

котором культурные традиции России порой воспринимаются сквозь призму упрощенных стереотипов (водка, икра, гармонь и пр.).

Усиление интереса к традиции в современном политическом дискурсе тесно связано с переоценкой ценности традиционных религий, например, ислама, а также отходом исследователей от умозрительных и абстрактных умозаключений о политике и более тесном увязыванием современных политических процессов с особенностями менталитета, национального характера, идентичности того или иного народа.

Исследователи не без оснований связывают, например, успехи современной Японии с использованием традиционных ценностей, ценностей *вакона* – японской души, различая в японском политическом дискурсе эры Мэйдзи *вакон-есаи* (японскую душу-европейские знания, западную науку) и *вакон-кансай* (японская душа-китайские знания).

Попытки реконструировать отечественные культурные матрицы, предпринимаются и в отечественной науке. Например, в коллективной монографии «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» [1] отмечается, что «национальная культурная матрица охватывает все белорусское общество. Она видна в каждой белорусской организации, коллективе, семье, в каждом из нас. Мы все похожи, находясь в ней, все оказываемся под ее влиянием и сами влияем на нее» [1, с.47].

Во-вторых, методология исследования традиции в политическом дискурсе должна учитывать современное состояние поля политики в той или иной стране. Очевидно, что выверенность того или иного политического курса страны определяется не столько скороспелыми версиями будущего, сколько тщательным осмыслением глубинных духовных смыслов и ценностей жизни народа, и важной задачей политического дискурса является задача тонкого и грамотного перевода на язык политической практики чаяний людей, закодированных в коллективном бессознательном и исторической памяти.

Показательными в этой связи являются рассуждения, например, К. Юнга и М. Фуко [см.: 2] о том, что в мире, где потеряна связь с традицией, снежным комом распространяются психические заболевания.

Действительно, современный человек уже стал заложником потребительской цивилизации, которая, предоставляя ему различные блага, комфорт и удовольствия, диктует необходимость отказа от ценностей любви, сострадания, милосердия, сочувствия и др. Современная массовая культура агрессивно пропагандирует образ жизни, соответствующий ценностям потребительской цивилизации, забвения исторической памяти, превращая современную политику в конъюнктурную и поверхностную. И, наоборот, возвращение человека и общества к духовным истокам, к традициям, характеризующим культурные ограничения, согласно М. Фуко, является залогом ответственной политики.

Ответственная политика тесно связана не только с реалиями потребительской цивилизации, но и информационно-технологическими и экономическими особенностями поведения современных людей. Эти особенности нашли отражение в такой современной теории поколений, где разрывы в поведении различных поколений людей сопрягаются с их экономическим поведением в контексте современных информационных технологий. Сегодня на постсоветском пространстве все больше сторонников завоевывает концепция поколений (X, Y, Z, A), согласно которой процесс цифровой трансформации общества сопровождается разрывами в ценностных предпочтениях людей разных поколений. Например, в отличие от поколения X, представители поколения Z уже постоянно прописаны в социальных сетях, и их политические предпочтения обычно формируются их контентом. Можно согласиться с тем, что у представителей разных цифровых поколений: а) неодинаковы навыки реальных социальных коммуникаций, и, например, у поколения Z преобладают в основном сетевые, горизонтальные, что существенно влияет на их политическую социализацию; б) ослабевают навыки критического мышления (способность выявлять причинно-следственные связи, ограничиваться инструментами клипового восприятия мира), что ориентирует молодое поколение на виртуальную политику и восприятие политических процессов в образно-эмоциональных форматах медиаполитиков; в) существенные перегрузки интернет-пространства информацией, которая затрудняет процесс поиска объективных источников политической информации и не способствует ее структурированию.

В таком контексте многое зависит от практической политики по устранению и(или) смягчению поколенческих ценностных разрывов. В Республике Беларусь поколенческие разрывы устраняются, например, в процессе реализации проектов воспитания молодых граждан в духе поколенческой ответственности. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 247 от 20 июня 2018 г. в

стране реализуется масштабный национальный проект «Год малой родины». Реализация данного национального проекта актуализировало задачу возрождения культурного наследия, осмысления особенностей белорусской ментальности, что чрезвычайно важно для формирования политики реформирования общественных процессов, наполнения политических проектов современными духовно-нравственными смыслами. В ходе осуществления национального проекта «ГОД малой родины» реализуются уникальные спецпроекты: «Партизаны Беларуси» с целью увековечивания памяти белорусских партизан, сражавшихся против нацизма в годы Великой Отечественной войны, патриотического воспитания молодежи, повышения уровня гражданско-патриотического воспитания населения, активизации поисковой работы; в рамках проекта «Беларусь помнит» подготовлена серия видеороликов к 75-летию освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков.

Обратим внимание в этой связи на поручение президента России к 1 марта 2020 г. в рамках национального проекта «Образование» разработать федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан России», который ориентирован на укрепление российской национально-государственной идентичности.

В-третьих, методология исследования концепта традиции в политическом дискурсе тесно связана с механизмами конструирования национально-государственной идентичности. В этом процессе, однако, концепт традиции исследователями и политическими субъектами нередко мифологизируется и представляется некоей архаикой. Деконструируя ее как материал для формирования белорусской идентичности, важно адекватно оценивать содержание таких понятий, как «тутейший», «земля», «дом» («хата»), «вера», «деревня», «город», «свое», «чужое» и др., посредством которых локальная идентичность и повседневность белоруса взаимодействовали с политической идентичностью народа и государства. Эту связь поэтически описывал, например, Ф. Богушевич в сборнике «Дудка беларуская» (1891 г.), в котором был представлен собирательный образ белоруса-крестьянина-тутейшего, ценящего значимость своего автохтонного существования. Не случайно в современном белорусском политическом дискурсе важное место отводится ценностям собственной антропотерритории, а также таким чертам национального менталитета, в которых отражаются преемственные связи различных поколений: миролюбие, взаимопомощь, стабильность, безопасность, солидарность и др.

В-четвертых, методология исследования концепта традиции в политическом дискурсе должна быть аргументологической, с одной стороны, преодолевая узкие (локальные) связи и отношения, вкрапленные в традицию, а, с другой – укрепляя институты цивилизованного общества, в котором социальная организация (ядро которой образуют государство, институты гражданского общества), включает в себя природные, культурные, религиозные и другие факторы, обуславливающие уникальность и неповторимость общественных организмов.

Выверенная традиция способна блокировать патологические инновации, ограждать практическую политику от неоправданных социальных экспериментов и необдуманных реформаторских преобразований. В этой связи востребованными оказываются новые социальные технологии в осмыслении концепта традиции, призванные, с одной стороны, смягчить безличные, порой не адекватные культурным традициям неолиберальные новации, адаптируя их насколько это в принципе возможно, в прошедший критическое испытание традицией формат с целью предотвращения расшатывания общественной системы, разрушения культурной матрицы, дезавуирования не вписывающихся в современную картину мира предрассудков, стереотипов и других состояний менталитета народа.

Литература:

1. Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К. В. Рудого. Минск: Звезда, 2017. 368 с.
2. Юнг К., Фуко М. Матрица безумия (сборник) / К. Юнг, М. Фуко. М.: Алгоритм, 2018. 304 с.

К вопросу об определении понятия политической реальности

Швырков А.И.

*Брянский государственный технический университет, кафедра гуманитарных и социальных наук,
доцент, кандидат философских наук*

aishvyrkov@rambler.ru

Аннотация: Сделана попытка сформулировать с позиций аналитической философии понятие политической реальности. Полученное определение выглядит следующим образом. Политическая реальность – это множество политических фактов, которым соответствует потенциально истинная картина. Картина – это набор утверждений, касающихся некоего политического события, персонажа и т.п. Утверждение истинно, если факт, в нем выраженный, имеет место, ложно – если не имеет. Картина истинна, если истинны составляющие ее утверждения. Новые факты, обнаруженные или выведенные, могут приводить к перестройке картины. Поскольку факты в принципе не могут закончиться, потенциально картина может перестраиваться бесконечно. Поскольку на счет фактов никогда нельзя быть уверенным, что они имеют/имели место, истинность любой картины является лишь возможной, то есть, потенциальной – именно поэтому в приведенном определении речь идет о потенциально истинной, а не о просто истинной картине.

Ключевые слова: реальность, факт, утверждение, потенциально истинная картина.

On the Definition of the Concept of Political Reality. Shvyrkov A.I.

Bryansk State Technical University, Department of Humanities and Social Sciences

Abstract: An attempt to formulate a definition of the concept of political reality from the standpoint of analytical philosophy is made. The resulting definition is as follows. Political reality is a set of political facts that corresponds to a potentially true picture. A picture is a set of statements regarding a certain political event, character, etc. The statement is true if the fact, expressed in it, takes place, false – if it doesn't. The picture is true if statements, which constitute it, are true. New facts discovered or deduced may lead to a rearrangement of a picture. Since facts cannot run out in principle, a picture can potentially be rearranged infinitely. Since it is never possible to be sure that certain facts took/take place, the truth of any picture is only possible, that is, potential. That's why the definition above speaks about a potentially true but not just true picture.

Keywords: reality, fact, statement, potentially true picture

Понятие политической реальности, хотя и употребляемое сплошь и рядом в политологической литературе, тем не менее, как правило, нигде четко не эксплицируется, воспринимается как само собой разумеющееся. Это, впрочем, неудивительно, коль скоро даже в философской литературе попытки прояснить понятие реальности можно пересчитать по пальцам – чаще всего оно «теряется» в/среди таких понятий, как «бытие», «сущее», «существование» и т.п. Одна из немногих серьезных попыток осветить природу реальности (с философской точки зрения) была предпринята С.Л. Франком [1].

Тем не менее, вопрос о природе политической реальности нуждается в прояснении. В частности потому, что «...ответ на него в конечном итоге определяет и обосновывает, что именно наука имеет в виду» [2, р. 166].

Несколько лет назад я предпринял попытку такого прояснения. Причем существенным образом опираясь на идеи С.Л. Франка [3, 4].

В общем и целом то **видение** политической реальности, на которое я тогда вышел, представляется мне вполне адекватным и сегодня. Однако должен признать, что работать с подобным определением политологу довольно трудно. Хотя бы потому, что оно слишком «философское», неконкретное. Поэтому я попытался сформулировать более пригодное (надеюсь) для использования в политологии определение политической реальности. В этой своей попытке я буду опираться на наброски

аналитической философии.¹

Сначала введу несколько вспомогательных определений.

Под политическим фактом мы будем понимать некое действительное или предполагаемое политическое событие. Факт, как правило, выражается с помощью некоторого утверждения. Например, «президент сказал то-то», «США ввели войска в Сирию», «избиратели проголосовали так-то» и т.д.

Установить факт – значит установить, что факт имеет место.

Картиной назовем набор утверждений, касающихся некоего события, персонажа и т.п. Может быть картина Уотергейтского скандала, протестов на Болотной площади, связи Билла Клинтона с Моникой Левински и т.д., и т.п.

Картина истинна, если истинны составляющие ее утверждения.

Реальность события, персонажа, вокруг которого выстраивается картина, не является заранее известной. То есть, факт события, факт существования персонажа не обязательно должен быть установленным.

Некоторые утверждения, составляющие картину, могут быть истинными, некоторые – ложными. Факты, соответствующее первым, имеют место, вторым – не имеют.

Картина не является раз и навсегда заданной. Она может перестраиваться в связи со вновь обнаруженными фактами.

Некоторые утверждения картины могут противоречить другим утверждениям. Например, «некто был на месте убийства президента Кеннеди в момент убийства», и «некто не был на месте убийства президента Кеннеди в момент убийства». И то и другое утверждения могут быть основаны на показаниях свидетелей. В этом случае (наличия в картине противоречивых утверждений) могут производиться дополнительные изыскания.

Выше речь шла в основном о фактах, которые могут быть названы первичными (фактами первого порядка, базовыми и т.п.). Такие факты могут быть установлены непосредственно. Однако существуют и такие факты, которые устанавливаются в результате анализа, интерпретации первичных фактов. Назовем их вторичными (фактами второго порядка, выводными фактами и т.п.). Получение вторичных фактов, очевидно, предполагает проведение некой интеллектуальной работы. Она основана на использовании интуиции, опыта, теории.

Существует ли принципиальная разница между первичными и вторичными фактами? Или вся разница – только в способе их установления? Чаще всего мы имеем дело со вторым случаем, то есть, первичные и вторичные факты оказываются, так сказать, фактами одной материи. Однако дать окончательный ответ на этот вопрос еще предстоит.

После этих предварительных разъяснений сформулирую определение (новое) политической реальности.

Итак, под политической реальностью я понимаю множество политических фактов, которым соответствует потенциально истинная картина.

В этом определении, очевидно, самый «проблемный» момент – это фраза о потенциальной истинности картины. Почему речь идет именно о потенциально истинной картине, а не о просто истинной?

Когда речь заходит о политике, тех или иных политических событиях, мы, как правило, верим, что всегда или почти всегда есть кто-то, кто точно знает, «как было дело», кто наверняка знает, какие факты имели/имеют место, а какие нет. То есть, что есть кто-то, кто знает «истину».

Ясно, что речь идет о людях, которые либо были непосредственно вовлечены в те или иные события (например, политики), либо «наблюдали» за участниками этих событий, так как это входит в их «служебные обязанности» (например, представители спецслужб), либо их «расследовали» (например, журналисты). Ведь, в конце концов, должен же какой-то политик точно знать, говорил он что-то другому му политику в частной беседе или не нет.

Мы выстраиваем картину того или иного политического события, опираясь на знание того / веру в то, какие факты имели место (знание о том/вера в то, какие факты места не имели, то есть, негативное знание, очевидно, имеет для построения картины гораздо меньшее значение).

Эти два момента (то есть, что картина выстраивается на знании того/вере в то, что некие факты

имели место, и что есть кто-то, кто точно знает, какие факты имели место) порождают если не веру в, то хотя бы надежду на принципиальную возможность получения представления об истинной картине того или иного события.

Причем, как кажется, существует иллюзия, что построение истинной картины не сопряжено с непреодолимыми трудностями (по крайней мере, принципиально непреодолимыми) – ведь если кто-то знает, какие факты, относящиеся к тому или иному событию, имели место, а какие нет, почему бы и нам этого в конце концов не узнать. Ведь если тот или иной политик сегодня находится у власти и может отгородиться от нашего «интереса» охраной и высокими заборами, это не значит, что позднее его нельзя будет «допросить» (иногда и без кавычек) «со всей строгостью».

Я уже не говорю о возможности получить доступ к документам, видеозаписям, фотографиям, архивным материалам и проч. Пусть не сегодня, когда страной правит «хунта» и доступ ко многим данным закрыт, так завтра, когда хунта «падет».

Да, подумает кто-то, мы действительно далеко не всегда можем получить доступ к тем или иным людям или документам, но в теории-то это возможно. Да, может быть я этого и не узнаю, но другие-то могут узнать («вообще», «в принципе»). Если не мы, то, возможно, другое поколение. Если те или иные документы мы не можем прочитать сегодня, потому что у нас нет доступа к архивам, их прочтут наши потомки. И т.д., и т.п.

Казалось бы, история только подкрепляет подобные предположения/надежды.

Вспомним хотя бы Нюрнбергский процесс.

Можно без особого труда показать, что легкость здесь кажущаяся. Что всегда можно найти основания для того, чтобы поставить под сомнение даже самый очевидный факт, что любой документ можно подделать, что любую информацию (даже достоверную) можно представить таким образом, что картина того или иного события окажется бесконечно далека от истинной и т.д., и т.п.

К тому же препятствия на пути исследователя (как то «охрана» и «высокие заборы» и т.п.), которые были упомянуты выше, на самом деле не являются всего лишь техническими, временными, случайными препятствиями, они сущностны, принципиальны для политической сферы. Хотя ты можешь находиться в метре от политика, можешь даже попытаться его убить (и даже убить) – что не так уж и редко происходило и происходит – это вовсе не означает, что у тебя есть или когда-либо гарантированно появится к нему доступ, что ты можешь действительно узнать, что он думает или хотя бы говорил. То же самое касается документов и проч.

Это «наблюдение» можно распространить на любые факты, как первичные, так и вторичные. Ведь поскольку на самом деле мы не можем «добраться» (то есть установить, что они имели/имеют место) даже до тех первичных фактов, о которых кому-то доподлинно известно, что они имели/имеют место, эти факты уравниваются в своем статусе с теми, о которых такого сказать нельзя в принципе. То есть, все первичные факты (а уж тем более вторичные) оказываются окончательно неустанавливаемыми – при том, что по аналогии с фактами первого типа (о которых кто-то знает, что они имели/имеют место), «в принципе», то есть, потенциально, их установить можно. К установлению их можно бесконечно приближаться, но так и не приблизиться вплотную (здесь напрашивается очевидная аналогия с определением математического предела).

Однако при всем при этом, какие бы основания не доверять тем или иным сведениям я или кто-то другой не приводил, не существует логических оснований считать, что истинная картина того или иного политического события является принципиально невозможной. По крайней мере, вполне законно утверждать, что некто может составить себе (и даже описать, зафиксировать на каком-либо носителе и сделать достоянием гласности) представление о каком-либо политическом событии, которое действительно является истинным, но при этом не знать, что это представление истинно. То есть, некая картина может быть истинной, но при этом о том, что она истинна, никто знать не будет (считая эту картину лишь вероятной).

Другими словами, у нас есть все основания утверждать, что даже если в той картине, которая у нас есть сейчас, мы и не уверены (например, по тем основаниям, на которые я указывал выше – закрытость политической сферы, возможные подтасовки, подлоги, искажения и проч.), это вовсе не означает, что истинная картина не может существовать в принципе. То есть, что потенциально она не может быть получена.

В заключение хочу выразить надежду, что то определение политической реальности, которое

¹ Прежде всего Л. Витгенштейна [5]. О терминологическом аппарате, мной используемом, см., например, [6].

было сформулировано выше, будет оценено политологами и послужит на благо развития политической науки, а также философии.¹

Литература:

1. Франк С.Л. Непостижимое // Сочинения. М., 1990. С. 183-559.
2. Франк С.Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. 560 с.
3. Gunnell John G. Social Science and Political Reality: The Problem of Explanation // Social Research. 1968. Vol. 35, No. 1. P. 159-201.
4. Швырков А.И. Об отношениях между политической теорией и реальностью // Полития. 2014. №4. С. 71-85.
5. Швырков А.И. Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 66-79.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. Наука, 2009. 133 с.
7. Wetzel T. States of Affairs // Stanford Encyclopedia of Philosophy // URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/states-of-affairs/>.

Хронотоп власти

Шевченко О.К.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялта, доцент. Кандидат философских наук

Skilur80@mail.ru

Аннотация: Текст посвящен историко-аналитическому исследованию понятия «Хронотоп власти». Автор понимает под термином «Хронотоп»: органическое, неразрывное единство пространственно-временного континуума. Любой процесс, любой статичный факт, любая переменная или константа существует постольку, поскольку располагается где-то и существует, позволяя нам фиксировать статус его/ее бытия лишь постольку, поскольку она присутствует как-то. Боле того, не отрицая сложившихся взглядов на проблему автор расширяет их и дополняет, хронотоп в его Хайдеровском прочтении, как онтическое единство Бытия и Времени, позволяющее нам выходить на онтологическое осмысление реальности. В данном смысле Хронотоп власти – это пространственно-временная определенность присутствия властной реальности. Власть исходя из нашего определения и, существует лишь постольку, поскольку фиксируется ее пространственная и временная явленность. Эксплицитно из определения следует необходимость наличия наблюдателя или определенной, заранее оговорённой точки наблюдение присутствия властной реальности, а значит вне наблюдателя вопрос о бытии власти ставится под сомнение.

Ключевые слова: Хронотоп, власть, кратиология, философия власти, археология власти, пространство власти, время власти.

The Chronotope of Power. Shevchenko O.K.

Humanitarian and Pedagogical Academy (Branch) “V. I. Vernadsky Crimea Federal University” in Yalta

Abstract: The text is devoted to the historical and analytical study of the concept of “Chronotope of power”. The author understands the term “Chronotope”: organic, inseparable unity of the space-time continuum. Any process, any static fact, any variable or constant exists “somewhere”. It exists, allowing us to fix the status of its being only insofar as it is present “somehow”. The author extends the philosophical knowledge about the government. He explores the chronotope as an ontic unity of Being and Time, allowing us to enter into an ontological understanding of reality. In this sense, the Chronotope of power is the space-time definiteness of the presence of the imperious reality. Power exists only insofar as its spatial and temporal manifestation is fixed. Explicitly from the definition follows the need for the presence of an observer or a certain, predetermined point of observation of the presence of the authoritative reality, and therefore outside the observer the question of the existence of power is called into question.

Keywords: Chronotope, power, philosophy of power, archaeology of power, space of power, time of power.

Как известно, понятие «Хронотоп» происходит от греческих слов *chronos* – время и *topos* – место. Идея объединения их семантических полей в единое целое принадлежит математику Герману Минковскому, который в 1905 г. сделал доклад в котором отметил, что «есть только время-пространство и пространство-время» [10, с. 122]. А. Эйнштейн назвал эту реальность «пространственно-временным континуумом» [10, с. 122]. Вторым этапом был переход от общефизического видения мира на уровень антропологический.

Произошла экспликация понятия до важного термина, который описывает восприятием человека мира не в виде отдельных точек, а в формате событий, как связь координат пространства и времени: «я вижу чрезвычайное приобретение для человеческой мысли в таком точном и в то же время ярко конкретном понятии, как «хронотоп», пришедшем на смену старым отвлеченностям «времени»

ⁱ Может возникнуть справедливый вопрос, нельзя ли распространить данное определение на реальность вообще? Вероятно, да. Однако детальное рассмотрение его еще предстоит.

и «пространства». С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них - с событиями исчезающего вдали будущего» [12, с. 342].

Современные исследователи фиксируют, что А.А. Ухтомский создал теорию хронотопа, в которой «все существующие характеризуется как живое конкретно- индивидуальное единство» [9, с. 5]. При этом существует «открытый хронотоп» - событие, которое все еще длится и «замкнутый хронотоп» - ставшее, пошедшее событие, имеющее свою специфику и экзистенциальное значение. Хронотоп имеет свои уровни и порядки от микрохронотопа до макрохронотопа [9, с. 5; 9]. Разработки А.А. Ухтомского получили свое развитие и в современности [7, с. 33-41], но не определили вектор экспликации концепта.

Дальнейшую судьбу понятия на многие годы определил М.М. Бахтин [2], который разработал стройную и разветвленную теорию эксплуатации хронотопа в работе искусствоведа и литературоведа. Ядром его идеи явилось видение произведения искусства как особого микрокосмоса, ос специфической пространственно-временной средой [9, с. 8]. Понятие оказалось востребованным не только в психологии или искусствоведении, но и в практической работе историков, культурологов, политологов, философов.

Так М. Эпштейн, творчески эксплицируя термин для анализа российско-советской цивилизации, столкнулся с феноменом убывания хроноса и увеличением собственно топоса в истории России и СССР. Он был вынужден создать теорию взаимосвязанных понятий Хронотопа и Топохроноса в зависимости от стремления к нулю Хроноса или Топоса (стремления, но не статуса достигнутого нулевой отметки второй части понятия) [11, с. 65].

Значительный рывок в использовании понятия был совершен культурологами при фиксации перехода в иное/другое/чужое культурное пространство и время. Вводятся концепты «Странник» и «Путешественник» [10, с. 122-123]. Немалый потенциал хронотоп раскрыл при анализе утопий, поискам идеального государства, странствием между абсолютами должного и сущего [5].

Историки обратились к Хронотопу во многом благодаря школе «Аналов» и в частности такому ее видному представителю как Фернанд Бродель. Последний вводит понятие «Большой длительности» которое объединяет структурный и темпоральный подходы, то есть фактически осуществляет хронотопный анализ. Дальнейшая разработка идеи хронотопных цивилизаций была продолжена И. Валлерстайном [10, с. 123-124]. Хорошим результатом большой работы по введению термина «Хронотоп» в поле исторического явилась кандидатская диссертация Анны Викторовны Шмелевой (направленная в первую очередь на анализ диалога, взаимной коммуникации вопрошателя прошлого (историка) и вопрошаемого (историческое), формирующего единство пространства и времени в историческом исследовании) [13].

В политологии хронотоп рассматривается, пожалуй, активнее всего. Проблема единства политического пространства и политического времени в ней явлена наиболее отчетливо, а разрешения вопросов управления политическим временем и пространством как в их совокупности так и в раздельности носит актуальный практический и узко- прагматический смысл. Поэтому неудивителен фейерверк концепций: «хронополитика», «ситуативный политический хронотоп», «Этапно-постулатная модель политического хронотопа», «циклическая модель политического хронотопа» [10, с. 125-126], «Хронотоп Псковской области» [11, с. 68-69].

Что касается социальной философии, то данный термин встречается не так уж и редко и является довольно широкоупотребительным. Однако он не нашел своего раскрытия в рамках специализированной монографии или диссертационном исследовании. Даже в заглавии статей он встречается нечасто, а порой отсутствует вовсе. Так, например, анализ выпусков журнала «Вопросы философии» за 2009-2018 гг. выявил 47 статей, в которых упоминается в позитивном смысле термин хронотоп, но вот отдельной статьи ему посвященной в этом издании обнаружить так и не удалось.

В авторитетной Новой философской энциклопедии существует статья «Хронотоп», но она рассматривает данный термин в ключе литературоведческого и отчасти культурно- исторического толка [3]. Такой же характер имеет использование хронотопа в диссертации написанной в сугубо социально-философском ключе. Автор предлагает:

«Через постижение произведений искусства... познать и культурные пространственно- временные характеристики социального бытия» [8, с. 14], в этом ключе он и раскрывает понятие «хроно-

топ», которое он понимает «как внутреннее культурное пространство и время каждой нации» [8, с. 14]. Возвращаясь к энциклопедической прописки Хронотопа, хотелось бы отметить, что редакционная коллегия сочла возможным ввести отдельную статью «Хронополитика» обозначив ее как: «комплекс исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени» [3, с. 307].

Термин Хронотоп очень удобен для попытки оценить текучесть и пластичность социальных процессов. Он не заменим для четкого интуитивно-понятного обозначения нового, современного уровня понимания сущности социальной реальности, что блестяще продемонстрировал В.Е. Кемеров, проведя анализ современных исследований от «корпускулярно-волновой метафоры социального процесса» до «хронотопичности социальной онтологии» [6, с. 7-10]. Это важный момент. Автор, ссылаясь на известную работу З. Баумана [1], резюмирует, что: «С введением концепции хронотопа в рассмотрение основ социальной онтологии процессуальность, динамика, временность становятся условиями трактовки структурности, устойчивости, пространственности социального бытия...» [6, с. 10]. Но сам Бауман в своей работе не использует термин «Хронотоп». «Хронополитика» присутствует [1, с. 19; 213], а вот «Хронотоп» или его составляющие «Хронос» или «Топос» - нет. Конечно после прочтения главы «Пространство и время», а особенно той его части, в которой анализируется расчленение единого пространства-времени и описания эффекта, когда «пространство и время, некогда сочетавшиеся в человеческой деятельности, разошлись и отдалились друг от друга в мыслях и действиях людей» [1, с. 120-121] - сомнений не остается.

Мы понимаем под термином Хронотоп, следуя сложившейся отечественной традиции: органическое, неразрывное единство пространственно-временного континуума. Любой процесс, любой статичный факт, любая переменная или константа существует постольку, поскольку располагается где-то и существует, позволяя нам фиксировать статус его/ее бытия лишь постольку, поскольку она присутствует как-то. Боле того, не отрицая сложившихся взглядов на проблему мы рсширяем их и дополняем, понимая хронотоп в его Хайдеровском прочтении, как онтическое единство Бытия и Времени, позволяющее нам выходить на онтологическое осмысление реальности.

В этом смысле Хронотоп власти – это пространственно-временная определимость присутствия властной реальности. Реальность Хронотопа власти исходя из нашего определения и, восходящее еще к теории А.А. Ухтомского, существует лишь постольку, поскольку фиксируется ее пространственная и временная явленность. Эксплицитно из определения следует необходимость наличия наблюдателя или определенной, заранее оговоренной точки наблюдения присутствия властной реальности (что совершенно очевидно для исследователей, например, темпоральности социального, вводящих термин «Темпоральной координации» [4, с. 47]). Вне наблюдателя вопрос о бытии власти ставится под сомнение. В данном случае не имеет особой роли, какова дефиниция власти, важна убежденность присутствия власти как таковой. Разумеется, это не означает отсутствия необходимости, говоря словами М. Хайдеггера, вырвать у реальности понятие власти. Это лишь означает, что для целей нашего исследования достаточно знать, что имеется у того или иного автора в том, что он наблюдает присутствие власти. Нам нет необходимости проводить линию, расставив по одну сторону «правильные» определения власти и «неправильные», «верные» или «ложные». Если автор фиксирует присутствие власти в единстве (но, не на пересечении двух линий координат, бессмысленность которых для анализа социального ясно доказана [6, с. 12]) ее топологичности и темпоральности для нас уже явлен факт присутствия авторской концепции хронотопа власти. Вопрос о том, что представляет собой истинный хронотоп власти как таковой, мы оставляем для будущих поколений исследователей.

Литература:

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож.лит., 1975. С. 234–407.
3. Гогтишвили Г.А. Хронотоп // Новая философская энциклопедия в 4-х томах / под ред. В.С. Степина.. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 307-308
4. Головашина О. В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. 2016. №3. С. 42–56.
5. Горин Д.Г. К феноменологии должного и сущего: «иное царство» и метафизика власти в культуре России // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2012/3. №9.
6. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. 2014. №2. С. 3-13.
7. Киященко Л.П. Биологос: динамика хронотопа // Философские науки. 2009. №1. С. 29-43.

8. Левашева Е. В. «Национальное» как феномен нового времени: хронотоп новоевропейских культур : автореферат дис. кандидата философских наук : 09.00.11 / Казанский гос. ун-т. Казань, 2000. 20 с.
9. Политов А.В. Историко-философский анализ концепций хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина : автореферат дис. кандидата философских наук : 09.00.03 / Политов Андрей Викторович; [Место защиты: Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина]. Пермь, 2016. 16 с.
10. Русакова О.Ф., Фатихов С.П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник южно-уральского государственного университета. серия: социально-гуманитарные науки. 2011. №3. С. 122-127.
11. Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. политические исследования. 2003. №6. С. 62-70.
12. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
13. Шмелева А.В. Хронотоп исторического: диалогическая природа исторического познания : автореферат дис. кандидата философских наук : 09.00.01 / Самарская гос. архитектурно-строит. академия. Самара, 2000. 22 с.

РФК-2020_115

Секция «Философская антропология»

Абросимова Л. С.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» профессор кафедры теории и практики английского языка. Доктор филологических наук

lara.abrossimova@mail.ru

Аннотация: В статье автор раскрывает основную идею теории embodiment, заключающуюся в том, что значительный массив категорий и понятий, составляющий корпус различных словарей, несут в себе телесный смысл и корпоральное значение, т.е., ошибочной является установка на игнорирование телесных детерминант в языковых процессах, в частности в процессах словообразования. Дж. Лакоффом предложен новый рефлексивно-сенсуалистический исследовательский проект (экспериментальный реализм), основанный на значимости телесных качеств человека в характере и содержании ментальных процессов разного уровня. Учение Дж. Лакоффа о телесной природе мышления (embodied mind) успешно применяется лингвистической наукой. Отсоматические производные присутствуют в самых различных сферах бытия человека: в названиях предметов быта, инструментов, одежды, географических терминов и топонимов, пространственных ментальных построений, в оценочных фразеологизмах. Появление новых технологий привело к появлению новых форм связи тела человека с предметно-практическим миром, что отразилось в неологизмах. Множество единиц-соматизмов являются универсальными понятиями в связи с универсальностью исходного физического телесного опыта.

Ключевые слова: embodiment, Дж. Лакофф, корпоральная семантика, телесный опыт, словообразование, экспериментальный реализм, отсоматические производные, неологизмы.

Corporeal Semantics in the Embodiment Theory.

Abrossimova L. S.

Southern Federal University

Abstract: In the article, the author reveals the main idea of the embodiment theory, which consists in the fact that a significant array of categories and concepts that make up the corpus of various dictionaries have a bodily meaning, i.e., it is erroneous to ignore bodily determinants in language processes, in particular in word formation. G. Lakoff proposed a new reflexive-sensualistic research project (experimental realism), based on the significance of personal bodily qualities in the character and content of mental processes at different levels. The theory of G. Lakoff on the bodily nature of thinking (embodied mind) is successfully applied by linguistics. Somatic derivatives are found in the most diverse spheres of human being: in the names of household items, tools, clothing, geographical terms, spatial mental constructions, evaluative phraseological units. The emergence of new technologies has led to the formation of new forms of the connection of the human body with the subject-practical world, which is reflected in neologisms. Many somatisms are universal concepts due to the universality of the original physical body experience.

Keywords: embodiment, J. Lakoff, corporeal semantics, bodily experience, word formation, experimental realism, somatic derivatives, neologisms.

Понятие «embodiment», давшее название теории или исследовательскому подходу, переводится как воплощение, овеществление, материализация, олицетворение. У Дж. Лакоффа мы находим: «Было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют “в мире”, внешнем по отношению к человеческим существам. По крайней мере некоторые категории воплощены (embodied)» [1, Глава 2]. Таким образом, Дж. Лакофф исходит из того, что в свойствах некоторых категорий отражена природа человека, его способ бытия как существа, занимающего «пограничное» положение в мире.

Целью данной статьи является экспликация связи процессов, происходящих в языке, с челове-

ской телесностью.

Предложенный в конце XX века Лакофом и Джонсоном новый подход в когнитивной лингвистике, называемый экспериенциальным реализмом, учитывает телесно-чувственный опыт человека в мыслительной деятельности, что идет в противовес традиционному подходу – объективистскому. Ученые отстаивают необходимость включения биосоциальных явлений и процессов (телесность, сферу чувств, опыт и др.) в исследования вопросов, связанных с изучением мышления и называют ошибочными те объективистские взгляды на природу мышления, которые существовали в науке (по Лакоффу – «были с нами») в течение предыдущих двух тысяч лет, отмечая, что настало время эти ошибки исправлять [2, Preface XVI – перевод наш].

Эвристический характер этой исследовательской установки символизировало появление новой науки о биологических предпосылках развития языка – биолингвистики. По сути дела, речь идет об эмпирической сущности языка и телесной природе мышления (embodied mind), то есть человек осваивает действительность, категоризируя ее, в том числе, на основе своих телесных ощущений, телесной памяти и телесных аллегорий, которые часто носят наследуемый культурно-исторический характер.

Известно, что самый начальный опыт человека в освоении мира исходит из его телесных ощущений. Человек начинает ориентироваться в пространстве, благодаря своим ощущениям, синхронно осваивая возможности своего тела и материальный мир вокруг себя, при этом фокусом, точкой пересечения всех целей своей деятельности выступает он сам. Интересные слова находим у Поля Рикёра: «Уже само выражение «фигура речи» подразумевает, что в метафоре, как и в других тропах и оборотах речи, речь воссоздает природу тела, показывая формы и черты, которые обычно характеризуют человеческое лицо, «фигуру» человека; это происходит так, как если бы тропы обеспечивали речи квазителесное воплощение. Придавая сообщению своего рода форму, тропы реализуют речь» [3, с. 416].

Человек всегда легко создавал новые слова от именовании частей тела (соматизмов), поскольку связь между органом тела и словом, образованным от соматизма, является прозрачной, знакомой всем, и, при необходимости, может быть легко восстановлена. Мы находим такие семантические отсоматические производные, как спинка (кресла), ножка (стула), глазок (на двери), finger (стрелка на часах), face (фасад), hand (указатель) и т.д. Объекты, составляющие ближайшее окружение человека: мебель, предметы обихода, рабочие инструменты, одежда, так или иначе совпадают с формой и размерами тела человека и приспособлены к нему: рукомыльник, рыльчик, душегрея, набрюшник, рукавица, очки, горлышко. «Каждый такой предмет рассчитан на непосредственный контакт с человеком и прилажен к соответствующим формам его тела: рукоятка приспособлена к ладони, спинка кресла — к изгибу туловища» [4, с. 637].

Существует множество географических терминов и топонимов, производных от соматической лексики: горло - пролив, соединяющий внутренне море с внешним, рукав – сформировавшееся отдельное русло реки, губа – далеко вдающийся в сушу морской залив или бухта, нос – узкий мыс, обрыв горной гряды к морю, щеки (в рус. яз) – обрывистые берега реки. По мере освоения природного ландшафта, происходит размывание границ между человеческим и природным, телесным и духовным: окружающий мир несет на себе печать присутствия человека, а человеческий мир воспроизводит в своей материальной и духовной культуре (фольклор, религия, кухня и пр.) географию своего бытования.

Развитие значения – основной процесс, который приводит от телесности к социальной сфере определенных пространственных ментальных построений. Параметрическая ориентация человека в пространстве также легко отражается в языке при помощи отсоматических производных, поскольку первым ориентиром человека в окружающем мире является его тело: рус. сажень, локоть; англ. foot, palm (пригоршня, горсть), - фут-ламберт (внесистемная единица яркости), локоть, – расстояние, равное ширине пальца, – мера длины, равная расстоянию между кончиками большого пальца и мизинца. Морфологическая отсоматическая деривация позволяет бесконечно строить новые ряды английских и русских лексем, связанных с пространственными измерениями. К морфологическим отсоматическим производным относятся: в рус.яз. сердечница, заручиться, сердцевина у дерева (переносит сок, подобно сердцу, качающему кровь для всего организма), чрево - кишечник (червь, такой же как кишечник), ротозей, закастелый, нарукавник и др., в англ.яз.: – сердце) – бессердечный, – рот) – высокопарный оратор, – зуб) – зубастый, зубчатый и др. Таким образом, сфера искусственно преобразованной среды человека расширяется за счет освоения и подчинения себе новых предметов реальности, которые, становясь человекоразмерными, приобретают черты антропоморфизма. При этом множество единиц-соматизмов являются универсальными понятиями в связи с универсальностью исходного физического телесного опыта.

Появление новых технологий, легших в основу информационной цивилизации, привели к появлению нового типа отношения между телом человека и окружающим пространством: электронные средства связи отменяют необходимость непосредственного телесного присутствия, физического участия человека в его рутинных жизненных событиях. «Гидроусилитель руля, сенсорная клавиатура, системы распознавания голосовых команд, хендс-фри, программируемая бытовая техника, все более широкое распространение эскалаторов и многих других устройств, в прямом смысле слова облегчающих нашу жизнь — все это звенья в цепи постепенного вынесения телесности за скобки современной жизни» [5, с. 57].

В современном мире цифровых технологий появляется большая антропологическая проблема: замена естественных функций человеческого тела функциями разнообразных приборов и оборудования. Исследователи

все чаще говорят о вырождении, деградации (кенозис) тела человека. По мнению Вяч. Вс. Иванова: «Основная грань между ранними этапами культуры и культурой, в которой мы живем, состоит в том, что в нашей культуре основное делается не при помощи человеческого тела, а при помощи специальных устройств, вынесенных вовне» [6, с. 11]. Результатом этого является «исчезновение» реального тела и производство киборгизированного тела. Киборгизированное тело – это тело, представляющее собой синтез живого организма с технологическими устройствами, работающими как единое целое (сегодня так работают бионические протезы: установленный протез взаимодействует с нервными клетками живой ткани). Известно, что Илон Маск работает над созданием технологии, позволяющей объединить компьютер с мозгом человека, для чего им создана компания Neuralink.

В словарях неологизмов мы обнаруживаем наименования современных реалий, которые выполняют теперь, частично или полностью, функции человеческого тела: наушник, ручник (ручной тормоз), – компьютер; superbrain – мощный компьютер; – портативная радиостанция; handphone - мобильный телефон, – портативный радиоприемник; – цифровое фото или скан, используемый для идентификации человека, facemail – компьютерная программа, генерирующая фото лица с целью передачи сообщений на экран, лаптоп или лэптоп - портативный персональный компьютер, умещающийся на коленях.

Во многих культурах язык (физический орган и язык как речь) обозначаются либо одинаковыми, либо однокорневыми словами: язык (рус.), tongue (англ.), langue (франц.), jazyk (чешск.), jezik (хорват.), језик (сербск.) и др. Показательным является тот факт, что в списке Догопольского, разработанном в 1964 г. на основании сравнения 140 евразийских языков, и включающем всего 15 базовых лексических единиц, характеризующихся семантической стабильностью, слово язык занимает 5 место после местоимений я/мы, ты, кто/что и числительного два. Данный список также включает соматизмы око, сердце, зуб, ноготь. В данном случае мы наблюдаем отражение универсальности инструментальной функции физического органа в производстве речи. Семантическая связь между языком как физическим материальным инструментом, вполне осязаемым и языком (речью) абстрактным «является в то же время и дальнейшей разработкой антропоцентрической классификации: обращение к способам восприятия, к пяти человеческим чувствам» [7, с. 27–28].

Самым простым способом увидеть связь между телесными возможностями человека и их реализацией в словотворчестве представляется анализ соматического словаря того или иного народа. Роль соматического лексикона в формировании картин мира привлекает интерес ученых, которые занимаются исследованием экзотических языков [8; 9; 10]. Их выводы во многом подтверждают положение, выдвинутое философом схоластом Пьетро Помпонаци еще на стыке 15 и 16 веков, о том, что универсальность действий человека, которая обуславливается его телесной организацией, является причиной универсальности человеческого разума.

Опираясь на положения теории embodiment можно существенно продвинуться в понимании природы когнитивных процессов, которая во многом формируется особенностями тела человека, элементами нейронной структуры мозга и особенностями нашего повседневного пребывания в мире. Теория embodiment представляет собой когнитивный потенциал и служит основанием для создания языковых наименований не только в сфере физического существования человека, но и в социально-культурной сфере.

Литература:

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.metodolog.ru/01480/01480.html>.
2. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. – The University of Chicago Press, Chicago and London, 1990. 614 p.
3. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / Пер. с англ. М. М. Бурас и М. А. Кронгауза // Теория метафоры: Сборник / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс. 1990. С. 416 – 434.
4. Чертов Л. Ф. От герменевтики телесности к семиотике визуально-пространственных кодов // Логос живого и герменевтика телесности: Постижение культуры: ежегодник. Под ред. О. К. Румянцев. М.: Академический проект. РИК. 2005. Вып. 13 – 14. С. 623 – 662.
5. Куракин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе в культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1 - 2. С. 56 – 74.
6. Иванов В. В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: Курс лекций. М.: РГГУ, 2004. 194 с.
7. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2005. 280 с.
8. Moser M. B., Marlett, S. A. Seri dictionary: body parts, bodily processes, sickness and medicine // Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session. 1998. Vol. 42.
9. Marlett S. 2000 Why the Seri language is important and interesting [Электронный ресурс] / Marlett S. // Journal of the Southwest: Seri Hands. A special issue 42(3). P. 611–633.
10. Franklin K. J. Using Body part terms to begin a dictionary, 2003 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sil.org/pacific/c/png/pubs/49648/Bodyparts_to_start_dict.pdf.

Антропологические и экзистенциальные вызовы человеку в условиях цифровизации образования

Баева Л. В.

Астраханский государственный университет. Доктор философских наук

baevaludmila@mail.ru

Аннотация: В условиях цифровых трансформаций общества и его основных сфер вопросы экзистенциальной безопасности личности оказываются одними из приоритетных и обеспечивающих эффективность остальных элементов системы. По мере развития тренда на цифровое образование в мире актуализировались и проблемы, связанные с изучением его влияния на человека. Оценка влияния цифрового образования на человека становится необходимой составляющей для достижения его положительного эффекта. Игнорирование этой проблемы способно свести на нет усилия по инновационным трансформациям системы образования и вызвать негативные сценарии и последствия (для здорового образа жизни, когнитивной, социальной, эмоциональной сфер). Целью работы выступает философско-антропологический анализ угроз и рисков для личности процесса цифровизации системы основного образования.

Ключевые слова: антропологические вызовы, риски, экзистенция, цифровизация, образование, безопасность.

Anthropological and existential challenges to man in the context of digitalization of education. **Baeva L. V.**

Astrakhan State University

Abstract: In terms of digital transformation of society and its main spheres questions of existential human safety are become a priority and ensuring efficiency of different elements of the social system. As the trend towards digital education in the world has developed, the problems of impact on humans have become more relevant. Assessment of the impact of digital education on a person becomes a necessary component to achieve its positive effect. Ignoring this problem can negate efforts to innovate the education system and cause negative scenarios and consequences (for healthy lifestyles, cognitive, social, emotional spheres). The aim of the work is the philosophical and anthropological analysis of threats and risks to the personality of the process of digitalization of the system of basic education. Key words: anthropological challenges, risks, existence, digitalization, education, security.

Современный этап развития информационного мира отмечен запуском масштабного процесса цифровизации системы образования, который требует пристального изучения и понимания прежде всего с позиции анализа его воздействия на человека и его качества. От системы дополнительного и высшего открытого (дистанционного) образования намечается переход с цифровизации системы основного образования, трансформация которого окажет влияние на становление личности, ее мировоззрения, поведения, образа жизни и др. Основная направленность этого процесса связана с технологической модернизацией коммуникативного пространства и обучающих систем, в фокусе которых стоит человек, получающий в результате новые свободы и новые угрозы. Целью исследования является характеристика основных угроз, влияющих на антропологические и экзистенциальные параметры личности - субъекта цифровизации образования.

В России, начиная 2016 года осуществляется подготовка к запуску проекта по созданию информационно-образовательной среды, которая охватит всю систему основного образования. В рамках национального проекта «Образование» и его направления «Цифровая образовательная среда» к 2024 году должна быть создана «безопасная цифровая образовательная среда» для обучающихся,

педагогов и управленческого персонала с переводом в цифровой формат учебного процесса и оптимизацией деятельности основной школы. В 2020 в условиях пандемии коронавирусной инфекции электронная среда обучения оказалась основной для российской и мировой системы образования. Этот опыт требует глубокого осмысления и понимания, в том числе со стороны философской антропологии. В связи с этим необходимо создание безопасной цифровой образовательной среды и оценка угроз и рисков для учащихся в новом коммуникативном пространстве, проведение которой предполагает философско-антропологические подходы.

Экзистенция человека в цифровой среде уже обозначила многие вызовы, ставшие предметом пристального внимания исследователей, такие как утрата границ реального и виртуального, личного и общественного, нарушение конфиденциальности, авторских прав, зависимости от гаджетов, видеоигр, ослабление здорового образа жизни, ослабление памяти и внимания и др. В этом смысле актуально звучат идеи У. Бека, который отмечал, что с развитием технологической и научной базы риски не только не исчезают, но производятся в еще большем количестве [1]. Среди философов и педагогов в вопросах оценки влияния цифровых технологий на человека, его сознание, телесность, мировоззрение и навыки в научном сообществе ведутся активные дискуссии на протяжении последних 50 лет. Оптимисты отмечают, что цифровая культура ведет ко все возрастающей свободе доступа к ресурсам (в пространстве и времени), к появлению новых способов передачи знаний, демократизации системы получения информации и знания, беспрецедентному творчеству и самореализации его пользователей. Скептики отмечают качественно новый уровень манипуляции сознанием индивида, потерю критических и логических способностей, ослабление памяти, рост дефицита внимания, ценностную дезориентацию, этический плюрализм, потерю культуры межличностного общения, интеллектуальную пассивность (феномен «цифрового слабоумия», «клипового» мышления, дефицит содержательного мультисенсорного взаимодействия с объектами культуры), растущую психофизиологическую зависимость от техники. К рискованным социально-психологическим последствиям цифровизации специалисты относят растущие поведенческие расстройства, в том числе асоциальные и саморазрушительные установки, интернет-аддикции, номофобию, эскапизм, поглощенность виртуальными мирами и коммуникацией. Так В. Г. Буданов, говорит, например, о «расчеловечивании» человека в условиях «неконтролируемого погружения человека в сетевые «цифромиры» [2]. Значимый рискованный эффект от информации и симуляции межличностного общения связан с состояниями «самоблокировки» индивида, его закрытости, изоляции от мира. Это проявляется в росте аутизма, который специалисты сравнивают с эпидемией современности [3], осознанного эскапизма в цифровой среде [4], в росте подростковых суицидов (по которым Россия долгое время находится на 1 месте в Европе и 6 в мире), в том числе связанных с «группами смерти» в Интернет, в уходе от реальности в симулятивное игровое пространство, что связано с риском саморазрушения и экзистенциальной дезориентацией.

В настоящий момент разными странами уже накоплен значительный опыт изучения цифровизации образования и обучения, выявлены точки роста и «узкие места», связанные с указанными выше рисками. Основное внимание первоначально было связано с созданием технологических условий для цифрового образования, на современном этапе общество оказалось перед необходимостью обеспечения безопасности учащегося (как физической, социальной, так и культурной и интеллектуальной) и создания этически и социально устойчивой коммуникативно-образовательной цифровой среды.

Исследование практик применения онлайн-обучения показывает, что основные антропологические риски в условиях цифровизации образования для учащихся заключаются в следующем:

1. Возможное ослабление когнитивных навыков (в том числе, творческого, критического мышления), связанное с системой подачи информации, представленной в готовом (не требующем анализа и обработки) упрощенном для восприятия виде. В группе риска оказываются учащиеся, ориентированные на решение типовых заданий, проведение контроля знаний исключительно с помощью тестирований.

2. Возможное ослабление навыков межличностной коммуникации, социальных навыков (диалога, взаимопомощи, ответственности, вовлеченности, работы в командах, лидерства и др.), связанных с виртуализацией общения и обучения. В группе рисков окажутся учащиеся, лишенные (полностью или в значительной степени) возможности социального взаимодействия в реальной образовательной среде и внеаудиторной деятельности, начиная с начальной ступени образования.

3. Угроза экзистенциальной дезориентации, ухода в виртуальные миры, склонность к самораз-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-29-14007 МК «Оценка влияния цифровизации образовательного и социального пространства на человека и разработка системы безопасной коммуникативно-образовательной среды».

рушительному поведению, высокая подверженность зависимостям и манипуляторному воздействию, в том числе негативному, что связано с неразвитостью самостоятельного, критического мышления. В группе риска окажутся учащиеся, для которых цифровое образование будет осуществляться с уровня начальной школы, а также учащиеся с предрасположенностью к различного рода зависимостям, находящиеся в кризисных состояниях, лишённые социальной поддержки и высокой восприимчивостью к внешнему влиянию.

4. Риск морального плюрализма и терпимости к асоциальным и аморальным явлениям в информационной среде, что связано с отсутствием воспитательного компонента в цифровом обучении, с одной стороны, и виртуализацией образа жизни, его уподоблением игре со множественными вариантами поведенческих сценариев. В группе риска окажутся учащиеся, у которых формирование этических норм в семье ослаблено или отсутствует.

5. Вероятное ухудшение основных параметров здоровья при отсутствии физических нагрузок и доминировании «экранного времени». В группе риска находятся все субъекты цифрового образования при отсутствии регулярных физических нагрузок.

Каждый из рисков может быть рассмотрен как комплекс разнообразных угроз для человека, которые могут активироваться при наличии тех или иных факторов (уязвимостей). В связи с этим развитие цифровой среды в системе образования должно учитывать оценку степени тех или иных угроз для физического и душевного здоровья личности и быть ориентированным на создание безопасной информационно-коммуникативной образовательной среды.

Трансформация основных социальных институтов, через которые происходит социализация личности, прежде всего, семьи и системы образования неизбежно отразится на становлении личности, ее экзистенции, системе ценностей, смыслов, приобретаемых навыках. Главным каналом передачи знаний станет информационно-технологический, когда ребенок будет обучаться бесконтактно и удаленно. Такая система имеет определенные преимущества, связанные со снижением возможного негативного воздействия на учащегося в условиях реальной коммуникации (стрессов из-за опросов и экзаменов, психологического давления на личность, травли среди сверстников и др.). Она позволит лучше адаптироваться к условиям последующей жизнедеятельности в цифровом социуме, сформирует необходимые навыки обработки и управления информацией. В тоже время отсутствие реальной межличностной коммуникации и ее замена виртуальной будет способствовать ослаблению атрибутивных качеств человека: социальности, рациональности и нравственности. Для преодоления этих угроз при переходе к цифровой образовательной среде важна система поддержки социальной активности учащегося, развития творческого и критического мышления на основе проектирования, командной работы, обучения «равных равными», и сохранение гуманитарного компонента, направленного на формирование этики цифровой коммуникации и способности противостояния негативному кибервоздействию. Создание такой системы наиболее эффективно на основе смешанного обучения, сочетающего контактную и удаленную коммуникацию, что синтезирует достоинства каждой из этих форм и позволит не растворить социокультурную идентичность человека в информационно-кодовой.

Литература:

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 381 с.

Буданов В. Г. Новый цифровой жизненный техноклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47 - 55.

Dachel A. M. The Search for the Elusive Autism Gene [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.counterpunch.org/2007/03/22/the-search-for-the-elusive-autism-gene/>

Шапинская Е. Н. Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности. // Культурологический журнал. 2013. № 2. С. 1 - 19.

Автономные комплексы и субстанциальные деятели: К. Г. Юнг и Н. О. Лосский о структуре и динамике психики

Балановский В. В.

Старший научный сотрудник БФУ имени И. Канта. Кандидат философских наук

v.v.balanovskiy@ya.ru

Аннотация: В статье анализируется пересечение взглядов К. Г. Юнга и Н. О. Лосского о структуре и динамике психики. Так, акцент делается на то, что в трудах обоих мыслителей душа человека описывается не как простая, целостная, застывшая субстанция, а как сложная, находящаяся в динамике совокупность сравнительно независимых содержаний, имеющих способность эволюционировать или инволюционировать, тем самым влияя на развитие личности в целом. За основу сопоставления взяты такие ключевые понятия аналитической психологии Юнга и интуитивизма Лосского как автономный комплекс и субстанциальный деятель соответственно. В заключение указываются сходства взглядов обоих мыслителей на психогенез шизофрении, сущность которого заключается в замещении человеческого Я более архаичными и мощными автономными комплексами (согласно Юнгу) или более агрессивными и эгоистичными субстанциальными деятелями (согласно Лосскому).

Ключевые слова: аналитическая психология, интуитивизм, автономный комплекс, субстанциальный деятель, психогенез шизофрении

Autonomous Complexes and Substantive agents: C.G. Jung and N.O. Lossky on the Structure and Dynamics of Psyche

Balanovskiy V. V.

Immanuel Kant Baltic Federal University

Abstract: The author analyzes the intersections of the views C.G. Jung and N.O. Lossky on the structure and dynamics of the psyche. Particularly, the emphasis is on the fact that in the writings of both thinkers the human soul is described not as a simple, integral, frozen substance, but as a complex, dynamic set of relatively independent contents that have the ability to evolve or degrade, thereby influencing the development of the personality as a whole. The comparison is based on such key concepts of Jung's analytical psychology and Lossky's intuitivism as an autonomous complex and substantive agent respectively. In conclusion, the similarities of the views of both thinkers on the psychogenesis of schizophrenia are indicated. The essence of this process is to substitute the personality with more archaic and powerful autonomous complexes (according to Jung) or more aggressive and selfish substantive agents (according to Lossky).

Keywords: analytical psychology, intuitivism, autonomous complex, substantive agent, the psychogenesis of schizophrenia

I.

На первый взгляд, довольно трудно представить, что ключевые идеи создателя аналитической психологии К.Г. Юнга и представителя русской религиозной философии Н.О. Лосского могут иметь точки пересечения. Вместе с тем, формирование взглядов обоих мыслителей происходило примерно в одно и то же время в атмосфере, сформированной популярными на тот момент философскими и психологическими концепциями, в частности, энергетизмом, эволюционизмом и психоанализом. Истоки идей Юнга и Лосского также отчасти совпадают — это, в первую очередь, наследие Г.В. Лейбница и И. Канта. Кроме того, Юнга и Лосского роднит их интерес к естественным наукам и стремление включить исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00093).

свои идеи в более широкий интеллектуальный контекст, который не ограничивался бы одними лишь гуманитарными дисциплинами. Поэтому при более глубоком знакомстве с идеями Юнга и Лосского сходство их взглядов на природу психики уже не кажется чем-то необычным. Но, в то же время, это сходство все равно удивляет, поскольку представления обоих мыслителей развивались очень разными сценариям.

Так, идеи Юнга изначально формировались в духе последовательного медицинского материализма. Лосский, в свою очередь, хоть и поступил изначально на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, в студенческие годы тяготел к идеализму. Однако, несмотря на пропасть между психиатрией и интуитивизмом, Юнг и Лосский приходят к похожим выводам о том, что душа человека не является нерушимым монолитом, а представляется сложной совокупностью автономных, иногда равномогущих содержаний. То есть на материале их антропологических идей мы сталкиваемся с инверсией Гоббсовского Левиафана. То есть если у Гоббса каждый человек является частью единого организма государства, то у Юнга и Лосского организм человек — это государство, состоящее из сравнительно независимых существ: автономных комплексов в первом случае, или субстанциальных деятелей во втором.

2. Одним из открытий, с которых начинается формирование аналитической психологии как самостоятельного, отличного от психоанализа, течения, стала разработанная и впервые сформулированная Юнгом в 1907 г. теория множественных комплексов [1]. В последующих работах Юнг отстаивает позицию, что хоть в нашей психике и есть некий центр — основа личности, представленная Эго-сознанием или Эго-комплексом, который каждый индивид ассоциирует с собой, однако им психические содержания не исчерпываются. Помимо него существуют и другие относительно независимые комплексы [2, р. 307].

Комплексы при вытеснении в бессознательное могут пребывать там довольно долго, не проявляя себя. Однако с течением времени они могут накапливать энергию — либидо — и прирастать новыми содержаниями, приобретая большую автономию от нашего Я. Как следствие, при возникновении благоприятных условий, комплекс начинает проявляться. Например, в оговорках, спотыкании на ровном месте, беспричинным кашле, нервных тиках. В худшем случае, комплекс может скопить столько психической энергии, что начинает конкурировать с нашим основным Я, в самых неблагоприятных вариантах — временно или надолго замещать Эго-комплекс. Тогда говорят о серьезных психических расстройствах, включая шизофрению или диссоциативное расстройство идентичности.

В более поздних работах, например, в «Архаичном человеке» [3], Юнг показывает, что человек сравнительно поздно становится обладателем жестко централизованной психики. Причем ключевую роль в формировании целостной личности он отводил христианству [3, р. 67] — тезис, который, казалось бы, больше подходит его продолжателю, представителю русской религиозной философии Б. П. Вышеславцеву. Юнг пишет, что у архаичного человека психики как таковой вообще нет [3, р. 63]. Душа анимиста 1) состоит из множества равных по силе комплексов, 2) эти комплексы спроецированы вовне. Поэтому у архаичного человека дерево имеет душу, и река тоже, и гора, и звезда, и орел или буйвол. Душа анимиста децентрализована и больше похожа на психику шизофреника (совместное открытие Шпильрейн [4, с. 119–121] и Юнга), поскольку у того личностные содержания как таковые замещены коллективными — архетипическими — содержаниями. Христианство как монотеизм, с одной стороны, собирает все эти разрозненные спроецированные вовне комплексы под единым началом единого божества, а потом посредством идей личной ответственности и бессмертия индивидуальной души помещает эти комплексы под единым началом внутрь человека. Так и формируется Эго-комплекс и психика с жестким центром. Причем каждый индивид в своем онтогенетическом развитии проходит весь этот путь филогенетического срастания комплексов. Юнг так и называет этот процесс — комплексное срастание [3, р. 70]. Причем об этом понятии он рассуждает по аналогии с биологическим развитием вида, когда организмы формируются из наследуемых единиц, открытых Менделем [3, р. 70].

3. В интуитивизме Лосского психика индивида, равно как и его тело, тоже не представляет собой ничего изначально целостного. За каждый орган, за каждую клеточку отвечает свой субстанциальный деятель. Деятелей много, они все индивидуальны и активны, но при этом находитесь в постоянном взаимодействии друг с другом [5, с. 142]. Их единство обеспечивается принципом гносеологической координации [5, с. 149], которая носит сверхвременный и сверхпространственный характер [5, с. 146]. В процессе этого взаимодействия деятели творят вс[□] сущее, включая и доступные нашему чувственному восприятию формы проявления этого сущего — пространство и время [6, с. 83]. Мир Лосского

динамичен и существует в виде единого процесса — процесса познания. Все потому, что бытие субстанциальных деятелей — это бесконечное взаимо- и самосознание [5, с. 142–143].

Безусловно, субстанциальные деятели Лосского не тождественны множественным комплексам Юнга. Например, для русского интуитивиста, по большому счету, не существует ничего абсолютно бессознательного, такого, что было бы совершенно недоступно субстанциальному деятелю высочайшей степени развития в акте чувственной, интеллектуальной или мистической интуиции. В свою очередь, согласно Юнгу именно благодаря бессознательному — личному и коллективному — комплекс может формироваться, для чего он нуждается в некой матрице разрастания (архетипе) и энергии (либидо), источником которой также является бессознательное. В то же время у Лосского все субстанциальные деятели, даже те, что отвечают за молекулы, не имеют ничего полностью бессознательного — все они наделены пусть неразличимой, но крупницей сознания, то есть способностью преодолевать себя и вступать во взаимодействие с другими путем самоотречения и отказа от эгоизма. На этом основывается его представление об эволюции деятелей. Единственная форма бессознательного, которую признавал Лосский в поздних трудах (1950-е гг.), относится к некоторым внутренним процессам, протекающим в субстанциальном деятеле. Причем если это сложные психические процессы, то они могут быть сознательным и бессознательным (то есть в данный момент не сознаваемым), а если это очень упрощенные процессы, как простейшее ощущение, не достигающее порога восприятия, то они бывают только бессознательным. Последние Лосский называет психойдными процессами [7, с. 25] (понятие, практически никак не соотносящееся с психойдным фактором у Юнга).

Вместе с тем и у Лосского, и у Юнга психика, как было сказано выше, не представляет собой целостного монолита, то есть вовсе не является простой неделимой субстанцией, которой грезил рационалисты Нового времени. Субстанциальные деятели, как и комплексы, множественны и имеют способность развиваться, прирастать новыми содержаниями, становиться мощнее и автономнее.

4. Если говорить о человеке, его психике, то изменения в статусе субстанциальных деятелей и комплексов могут иметь разные последствия. Так, и у Юнга, и у Лосского эволюция личности возможна только посредством преодоления эгоизма. В случае с Юнгом имеется в виду процесс индивидуации, когда сформированное от рождения косное и узконаправленное Эго-сознание разрушается при встрече с бессознательными содержаниями, а ему на смену приходит обновленная личность, в большей степени интегрированная с бессознательным. Это придает личности большую устойчивость, значительно расширяет ее возможности для реализации творческого потенциала, повышает эффективность, делает ее настоящей индивидуальностью. В случае с Лосским субстанциальный деятель через самоотречение может занять более высокое положение в иерархии деятелей. Так, если печень хорошо служила человеку при жизни, то в следующем воплощении она может стать субстанциальным деятелем, составляющим основу личности нового человека, то есть началом, организующим взаимодействие множества других деятелей, что позволит в дальнейшем ей развиваться дальше и, быть может, занять место в Царстве Божиим.

Правда, не исключено и негативное развитие событий. Таков, например, психогенез шизофрении. И у Юнга, и у Лосского шизофрения является следствием того, что, если можно так сказать, власть в нашей психике-государстве узурпирует не самый достойный и развитый, а самый сильный автономный комплекс или субстанциальный деятель в условиях ослабления личности. Такой «переворот» в нашей душе - Левиафане характеризует инволюцию личности, ее откат к более архаичной стадии развития человечества.

Литература:

1. Jung C. G. The Psychology of Dementia Praecox // Collected Works. Vol. 3 / H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire (eds.), R.F.C. Hull (transl.). Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 1 – 151.
2. Jung C. G. The Psychological Foundations of Belief in Spirits // Collected Works, Vol. 8. / Eds. H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire, transl. R.F.C. Hull – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972. P. 301 – 318.
3. Jung C.G. Archaic Man // Collected Works. Vol. 10. / H. Read, M. Fordham, G. Adler, transl. R. F. C. Hull (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1978. P. 50 – 73.
4. Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / С. Ф. Сироткин, Е. С. Морозова (ред.). Ижевск: ERGO, 2008. С. 109 – 154.
5. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.П. Поляков; подг. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. С. 136 –288.
6. Сердюкова Е.В. Материалы из архивов Н.О. Лосского и А. Эйнштейна: Дискуссия о пространстве и времени (1950-е

Богданова М. А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». Доктор философских наук

maraleks27@mail.ru

Аннотация: В статье типизированы формы и фигуры нетипичной телесности и представлены как некоторые спекулятивные модели (спортивная, виртуальная, киборгизированная, художественная, маргинальная и пр.). С развитием общества, изменений системы ценностных ориентаций, широкого внедрения теории меньшинств – мультикультурализма и толерантности, происходит пересмотр понятий «нормы» и «типичности», идет определение новой «морфологической свободы», как право человека самому распоряжаться своим телом, изменять его по собственному желанию, возникают новые стратегии и тактики ее конструирования (боди-арт). Стремительное развитие новых наукоемких технологий, квантовой механики, виртуальной реальности привнесли в понимание телесности идею пластичности, изменчивости, множественности тела и телесного поведения человека. Необходима гуманитарная экспертиза последствий для человека и социума технического «доставания» человека, «преодоления» законов биологии.

Ключевые слова: телесность, нетипичность, нетипичная телесность, практики и стратегии изменения телесности, мультикультурализм.

Atypical corporeality: the problem of typization.

Bogdanova M. A.

Southern Federal University

Abstract: The article typifies the forms and figures of atypical physicality and presents them as some speculative models (sports, virtual, cyborgized, artistic, marginal, etc.). The development of society, changes in the system of value orientations, the widespread introduction of the minorities theory (multiculturalism and tolerance) have resulted in the revision of the concepts “norm” and “typicality”, leading to a new definition of “morphological freedom” as the human right to control his own body, change it according to his own free will. New strategies and tactics of body design (body art) are emerging. The rapid development of new high technologies, quantum mechanics and virtual reality have brought the idea of plasticity, variability, multiplicity of the body and bodily behavior of a person to the understanding of corporeality. Today it is necessary to launch a humanitarian examination of the influence of the person’s technical “building” and “overcoming” the laws of biology on humans and society.

Key words: corporeality, atypicality, atypical corporeality, practices and strategies for changing corporeality, multiculturalism.

Человеческая телесность представляет собой важнейший аспект бытия человека в мире культуры, в котором она подвергается непрерывной «обработке» в соответствии с характерными для той или иной культуры представлениями о норме, как феноменологии социального порядка. «Для культуры как системы условностей «естественное» человека в высшей степени неестественно. Все «естественное» для нее – сырье, которое нуждается в переработке, в интерпретации» [1, с. 60]. Исходя из этого, анализ человеческой телесности предполагает обращение к исследованию различных культурных практик и стратегий изменения телесности.

Под практиками и стратегиями изменения телесности мы будем понимать опыт отношения и характер отношения к собственному телу, восприятие себя и других в аспекте телесных проявлений, намерения относительно того, как распоряжаться собственным телом, что сделать по развитию и улучшению его свойств и качеств, обусловленные как личностной позицией, так и общественными детерминантами и, в первую очередь, властными отношениями.

В современном обществе человеческое тело и его жизненная энергия (витальность) перестали

быть маргинальными модусами культуры: оно уже давно «вышло» из приватной сферы и широко представлено в публичном пространстве: кино, на телевидении, Интернете, изобразительных масса-медиа, политике.

Утверждение ценностей постиндустриального и постлиберального общества сопровождается коренным изменением к своему телу не только самого человека, но и общества к телесному поведению человека. Человеческое тело теперь это не столько инструмент, который как артефакт создается и совершенствуется в ходе предметно-практической деятельности, но и представляет собой некий личный проект, в котором отражается новая грань свободы человека – «морфологическая свобода» [2], как право человека самому распоряжаться своим телом, изменять его по собственному желанию. «Человеку под силу переступить реальность сущего, спроектировать должное (желаемое) своего «я» и сделать попытку осуществить этот проект в процессе своей жизнедеятельности, заявив о себе как субъект и объект, режиссер и актер, демиург и творение» [3, с. 32].

В словарях понятие «нетипичность» не имеет отрицательной коннотации и соотносится с такими понятиями, как неординарность, самобытность, своеобразие, неповторимость, индивидуальность, причудливость, странность, нетривиальность, подлинность. Поэтому в основу своей статьи, посвященной нетипичной телесности, нами будет положена идея многовекторности и случайности развития человека, идея того, что физические (телесные) и интеллектуальные качества человека могут находить различное применение, даже если они существенно отличаются от привычной нормы. Так же будем иметь в виду и то, что само понимание нормы и нормативности чрезвычайно подвижно, вследствие динамизма общественной жизни, урбанизации, технологизации и взаимопроникновения культурных паттернов. Мы солидарны с В. Суковатой, что «телесная норма» не имеет универсального источника и является продуктом культуры, в рамках которой категория «нормальности» конструируется в контексте отношений большинства и меньшинств и сохранения привилегий доминирующей власти» [4].

В постиндустриальной цивилизации наблюдается особенно интенсивный процесс производства новых, подчас «экзотических» форм телесности. Изменения тела человека могут быть вызваны самыми разными причинами. В зависимости от причин, вызвавших значительные отклонения в теле человека от «нормального», нами будет описано некоторое количество фигур, типов телесности в зависимости от стратегий и практик их социального конструирования. Данные фигуры и типы ничего общего не имеют с реальной действительностью, в которой мы встречаем людей с индивидуальными телесными характеристиками, а представляют собой некие спекулятивные модели, позволяющие провести анализ моделей телесного поведения современного общества.

1. Телесность инвалида – это искаленное тело человека, вследствие травмы, увечья или хронического заболевания. О данном типе телесности менее всего можно говорить в категориях культурно-исторической детерминированности, поскольку люди с инвалидностью существовали всегда, во всех культурных ареалах; как, правило, они занимали маргинальное положение в обществе и описывались понятиями «слабые», «неспособные», «несамостоятельные». Общественные трансформации в общественном сознании второй половины 20 века в отношении к инвалидности и покалеченному телу, были связаны с «ужасающим «материалом» мировых войн, бедствий, социальных катастроф и революций 20-го века» [5], появлением широких дискуссий и научных исследований (disability studies), новым содержанием понятий «болезнь-здоровье», с утверждением в общественном сознании идеологии толерантности и мультикультурализма.

2. Спортивная телесность – это тело спортсмена, которое «создается» в процессе тренировочного процесса и соревновательных практик, а также с помощью биомедицинских технологий; причем в этом процессе задействован как сам спортсмен, так и целая «армия» диетологов, тренеров, врачей, фармацевтов.

Следует сказать, что специфика спортивной деятельности заключается как раз в том, чтобы преобразовать природную телесность человека в соответствии с законами и параметрами того или иного вида спорта. Встраиваясь в заданные параметры спорта с его особыми пространственно-временными характеристиками, порядком расходования физической и духовной энергии, формами двигательной активности, экспрессивностью и прочее, которые наиболее эффективным способом призваны обеспечить спортивный результат, тело спортсмена приобретает специфические формы: гимнаста, тяжелоатлета, футболиста, пловца. Профессиональный спортсмен, используя широкий диапазон тренировочных, медицинских, технических и технологических средств буквально «создает»

свое тело. Создание спортивного тела предполагает создание прежде всего функционального тела, посредством преодоления внешних и внутренних телесных ограничений и установление новых границ.

3. Киборгизированная телесность (посторганическое или постчеловеческое тело) – это тело, которое постепенно лишается большинства своих биологических характеристик; тело созданное с применением новых медицинских и нанотехнологий, генной инженерии, гормональной терапии, путем замены некоторых частей тела на искусственные аналоги (бионические конечности, импланты, наносенсоры и пр.), неотличимые от естественных, но подчас превосходящие их¹. Проблема радикального изменения тела человека и всей его природы, перестает быть футуропроект в контексте развития нанонауки: человек действительно имеет все средства «для глобальной трансформации себя как вида» [6] путем сращивания с техническими устройствами. «Следующий шаг в этом направлении ведет к тому, что можно назвать радикальной модификацией человека. Это уже не просто «улучшение», а создание человека с заранее заданными свойствами» [7, с. 523]. Впервые киборгизация тела была опробована в космонавтике: для существования человека-космонавта в условиях невесомости и космического вакуума к системе его гомеостаза были присоединены химические и электромеханические устройства. Сегодня идея киборга находит свое воплощение в медицине (восполнения немоги инвалидов), в профессиональном параспорте, в военном деле; при этом гуманитарно-философская экспертиза явно запаздывает.

4. Художественная телесность – это тело, превращенное в живописный холст, в произведение искусства посредством техник боди-арта. «Боди-арт» (от английского слова «body art» – искусство тела) – форма современного авангардного искусства, в котором человеческое тело выступает главным объектом. Бодиарт охватывает самые разные техники «украшения» человеческого тела: пирсинг, татуировки, шрамирование, роспись тела, имплантации, клеймирование. Представления о теле как незавершенном, требующем «доработки», приводит к тому, что оно становится вещью для манипулирования, ареной для реализации творческих идей, фантазии, веяний моды. Появление такого вида телесности можно рассматривать и как своего рода эскапизм – бегство от скучной, мрачной реальности в более яркую и насыщенную реальность, и как возврат к архаическим механизмам защиты своего тела от внешних угроз и давления. Так же важен и другой аспект, стремление к «художественной переработке» своего тела проистекает из желания вернуть себе тело, сделать его своим, ведь «ваше собственное тело (переживаемое как вам принадлежащее) в глубинном истоке существования принадлежит не вам, а скорее внешнему миру» [8, с. 44].

5. Виртуальная телесность – это тело, ставшее результатом практик визуальной самопрезентации в Интернете с использованием цифровых технологий. В виртуальной реальности человек получает возможность реализовать мечту о таком теле, которое невозможно иметь в реальности. Используемый человеком аватар, отражает его желание преодолеть данность своего тела, его «плотность», несовершенство, таким образом, реальное тело исключается из процесса общения, а значит становится менее важным и значимым по сравнению с той маской, за которой скрывается личность. «Телесность оказывается минимизированной, утратившей обычные параметры чувственного восприятия» [9]. Телесность в виртуальном пространстве может быть лишена гендерных характеристик, человек может «приобрести» любую телесность, может менять свою половую принадлежность, а может и вовсе от нее отказаться. Анонимность Интернета дают человеку неограниченные возможности самоидентификации и самореализации.

6. Маргинальная телесность (тело гея, лесбиянки и трансгендера) – это тело, не соответствующее стандартам маскулинности и феминности, как следствие утверждения в общественном сознании идеологии толерантности и мультикультурализма. Маргинальная телесность манифестирует «размывание» демаркационных границ между нормой и патологией, здоровьем и болезнью, манифестирует привлекательность, желанность всего «ненормального», «запретного», «постыдного», происходит, как отмечает Б. Марков «тривиализация» семантики взаимоотношения полов [10]. Размывание привычных представлений о женственности и мужественности, которые включали в себя анатомию, сексуальную физиологию, психические различия, отношение к собственному и противоположному полу, партнерские и семейные узы привело к тому, что уже человеческое тело диктует правила и законы своего бытования. Одновременно с этим мы наблюдаем, как по-новому формулируются вопросы взаимоотношения полов, воспитания и социализации молодого поколения,

¹ Оскар Писториус – африканский спортсмен-ампутант, бегающий на средние дистанции, использующий углепластиковые протезы (Cheetah Flex-Foot «Гепардовые гибкие ноги»), позволяющие ему на равных бороться со здоровыми спортсменами, а то и превосходить их в скорости.

появляются новые дисциплины, в частности, gay-lisbian studies, акцентирующих внимание на нетипичном опыте геев, лесбиянок и трансгендеров.

Литература:

1. Бугуева Н. А. Техники трансформации человеческого тела как один из способов социализации телесности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 18 (233). Философия. Социология. Культурология. Вып. 21. С. 60 – 64.
2. More M. Technological Self-Transformation: Expanding Personal Extropy. 1993. Vol. 4. № 2.
3. Кальной И. И. «Номо» и его духовное измерение // Серия «Мыслители», Тугариновские чтения. Выпуск 1 / Материалы научной сессии Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 31 – 36.
4. Суковатая В.А. Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас» № 3. 2012. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n3-2012/14957-drugoe-telo-invalid-urod-i-konstrukcii-dizabiliti-v-sovremennoy-kulturnoy-kritike.html>
5. Подорога В. А. Политики тела в европейской истории // Знание. Понимание. Умение. 2005. №4. С.111–128. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiki-tela-v-evropeyskoy-istorii>
6. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человечества // Вопросы философии. 2013. № 3. С.12–21.
7. Юдин Б. Г. Сотворение трансчеловека // Вестник российской академии наук. 2007. Том 77. № 6. С. 520 – 527.
8. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 344 с.
9. Зорина Л. В. Трансформация образа телесности: от архаики к современной альтернативной культуре: Автореферат дис. к. филос. наук: 24.00.01 – теория и история культуры. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/transformatiya-obraza-telesnosti/read>
10. Марков Б. В. Трансформация субъективности // Международный журнал исследований культуры. Изд-во: Эйдос (Санкт-Петербург). [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_20278897_26043832.pdf

Философия в поиске земного кода человека

Бочарников В. Н.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, в.н.с. Доктор биологических наук

vbocharnikov@mail.ru

Аннотация. Есть ли будущее у антропологии? Сие вопрошание, услышанное мной на Конгрессе этнологов и антропологов России стало стимулом для размышлений, а результатом: а) констатация известного суждения о том, что человек безмерно сложен и неисчерпаем, и в этой множественности образов человека заключена основная трудность расшифровки сути человеческой; б) наблюдение о том, что философские системы, научные направления, исследовательские проекты и парадигмы сменяют друг друга, но вращаются вокруг одних и тех же проблем, сущностно не меняющихся с цивилизационным развитием; в) люди каждого поколения не остаются прежним «философским» человеком, что предопределено действием внутренних программ человека, и длительной динамикой перемен антропологического кода.

Ключевые слова: антропологический код, пространство, этнос, человек, культура, философская антропология

Philosophy for the Earth human code search.

Bocharnikov V. N.

Pacific Institute of Geography FEBRAS

Abstract. Does anthropology have a future? The ritual question heard at the Congress of ethnologists and anthropologists of Russia became an incentive for my thoughts, as a result of which, in addition to stating the well-known judgment that man is immensely complex and inexhaustible, this multiplicity of human images contains the main difficulty of deciphering the essence of human nature. The observation is that philosophical systems, scientific directions, projects, and paradigms replace each other, but revolve around the same problems that essentially do not change with civilizational development, but at the same time, do not remain the same as they once were, which is predetermined by the action of man's internal programs, his anthropological code.

Keywords: anthropological code, space, ethnicity, person, culture, philosophical anthropology

Общая ситуация в мире свидетельствует о масштабном крахе, тщетности попыток найти приемлемое решение фундаментальной проблемы соотношения человека и природы, нерешаемую исходя из признания объективности и даже целесообразности существования человечества в том цивилизационном формате, что существует. XX в. во всем мире оказался переломным в отношении окружающей человека природной среды, результирующим в итоге беспрецедентную степень трансформации естественной природы, потерю разнообразия всего живого, кардинального ухудшения экологической ситуации для самого человека. Мышление – способность смыслового конструирования объекта, и воздействия на восприятие человека предопределяет ответ на вопрос – почему мы все разные, а биологически и социально можем признаваться общностями. Можем ли мы найти поддержку, обращаясь к знанию о самом человеке, тому которое аккумулируется в философии, и прежде всего в философской антропологии?

Мы становимся философами, когда нас перестает устраивать привычная доминанта автоматического следования причинно-следственным связям диалектики, тогда способны оказываемся слышать и понять свое: у каждого свой сокровенный вопрос. Наш мир структурируется и поддерживается самим человечеством, а Земля стала гигантской «человекомерной системой», ведь действия человечества, встраивающиеся в ее процессы, видоизменяют поле и создают множества состояний, в безмерной конструктивной сложности природы которых непросто найти смысл, выделить стержень и понять истинность, как и идею происходящего. И все же мы используем информацию лишь как атрибут развития живых систем, действующих с помощью прямых и обратных потоков

информации. Это и есть – адаптация или «вписывание» в окружающую среду, существование как материальное явление, скрывающим духовное, энергетическое, естественное.

Культура – вот тот специфический мир, который человек создает, чтобы поддерживать себя в своем искусственном, и в том, что и называется собственно «человеческом» состоянии. Юрий Лотман, ориентируясь на семиотическое распознавание смыслов утверждает, что картина мира выстраивается на основе определенной пространственной модели организации ее структуры на всех уровнях, и такое видение является универсальным аспектом восприятия человека и формирования культурного ландшафта [1]. Условием понимания является смысл, который приспособливает воспринимаемую форму вещи или феноменологическую процессуальность происходящего для отображения реального или воображаемого в мире человека.

Сознание – лишь островок в океане бессознательного. Э. Морена писал о бытовом сознании: «Так же как каждая точка голограммы содержит информацию о целом, частью которого оно является, так и каждый индивид в глобализирующемся обществе отныне получает и потребляет информацию, собранную со всего мира» [2]. Эта способность вписана информационно, и действует как энергетическая структура, так что человек является не только частью космоса, но и несёт его (космос) в себе, в своём внутреннем мире. Коллективное бессознательное при нормальных условиях не поддается осознанию, никакая аналитическая техника не поможет его «вспомнить»: ведь оно, в отличие от личного бессознательного, никогда не было вытеснено или забыто [3, с. 84].

Сие и означает, что каждый из нас должен и может (но не обязательно исполняет) «космическую задачу» в той индивидуальной вовлеченности своей, что собственно и отражается в космологии, культуре, религии, и природе множеством фрагментов конкретных человеческих представлений [4]. И здесь проявлены не так как по Юнгу - врожденные представления, а скорее врожденные возможности «вписывания в пространство», ставящие современному человеку известные границы самой смелой фантазии. Пространство как основа жизненной среды для всего существующего на Земле, есть матрица развития любого индивидуального или социального организма. Кодированную же функцию каждого из людей можно обозначить как Управитель и Хранитель природы Земли, Геи, общечеловеческой планеты-матери.

Человек как энергетическая структура является не только частью космоса, но и несёт его (космос) в себе, в своём внутреннем мире. Здесь следует обратить внимание на то, что любое обобщение основывается на алгоритмах сжатия данных, а процедуры их «упаковки» должны обеспечивать их обратное раскрытие при необходимости. Биологическое наше существо выявляется через расшифровку формулы генома человека, посредством сложнейших процедур клеточно-молекулярного изучения пептидов, белков, ДНК для выявления биологического кода человека. Служение пространству, как основная миссия человека, обретает форму от прежнего непосредственного вписывания в «принадлежащее» закрепленное за индивидом пространство, поддерживаемое непосредственным включением своей эмоционально-чувственной энергии, опосредуемых в жизни человеческой нелегкими испытаниями, трагедиями и страданиями, выпадающее на долю каждого человека в его телесно-духовном существовании.

Индивидуальное своеобразие человека дано ему, «прописано», и реализуется не без его собственных усилий и заслуг, но как развитие имеющихся «задатков». «Все во всем» - можно рассматривать как основополагающий философский принцип, впрочем, известный уже в древности. Главным аспектом человеческой жизни является имеющийся потенциал развития, что обращает нас к смыслам программирования, суммированного в нас в компакте предустановленных программ антропологического кода. За счет своей аффективно-чувственной энергетической сферы человек является особым существом, что предопределяет его ответственность в со-управлении земным сегментом «космического пространства», смысложизненными действиями в проекции конкретной территории планеты.

В каждом человеке записана, существует и изменяется особая программа, действует антропологический код, предопределяющий служение человека Вселенной. В когнитивных науках, код фиксируемый в некой последовательности букв и цифр, подтверждающих или предопределяющих исполнение задания, присущих процедуре алгоритмизации выражения или передачи сообщения сжатой, зашифрованной объемной информации. Код - это зашифрованная последовательность, программа осуществления, базовая схема и указания для развития процессов и осуществления функций во Вселенной. Условие появления и протекания жизни каждого отдельного человека, и в то же время,

принадлежащего к роду, этносу, нации, народу, изначально интегрируемого в социум, предписывается неким внешним основанием. Рассмотрение социальных целостностей (общностей) в обязательной степени оказывается ориентированным на такие понятия как сообщества, социальные страты, нации, в то время как ранее используемые и популярные понятия такие как народ, племя, этнос... оказались практически забытыми современной зарубежной этнологией.

В каждом представителе этноса, как и других общностей (род, племя, народ, сообщество) «прописана» идентификационная метка, существует некая «отсылка» к древним космическим договоренностям об условиях существования человечества. Этнос с его «вмещающим» или «кормящим» ландшафтом (Л. Н. Гумилев) неповторимый конструкт, позволяющий найти причинность в фундаментальной тематике освоения человечеством пространства [5, с. 178]. Общность появляется в признании разными сторонами особенностей друг друга, общество отображает социальную картину, в свою очередь, способную распасться и собираться в множества проекций [6]. Жестким детерминантом же выступает, что если этнос в отведенном для него «пространственно-временном континууме» не справился со своей задачей, то вступает в силу - космологическое условие такое - если народ не справляется с этой задачей он исчезает. Причины могут быть разные: природная катастрофа, эпидемия, завоевание, геноцид... результат один – оператором освобожденной этнической территории станет другой!

Литература:

1. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 386-412. <https://info.wikireading.ru/62290> (дата обращения 15.01.2020).
2. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // <https://b-ok.org/book/3138417/55ef58> (дата обращения 20.01.2020).
3. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Renaissance IV Ewo-S&D, 1991. 85 с.
4. Бочарников В. Н. Проблемные шифры метафизики, информационный код человечества и живое вещество планеты // Практическая философия: от классики до информационного социума: сборник материалов Всероссийской конференции / Под ред. Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. Астрахань: 2018. С. 41-52.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
6. Бочарников В. Н. Человек в реальности проекций. Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2011. 332 с.

Против субстантивизма: коммуникативное сознание в сетевом обществе

Бразуль - Брушковский Е. Г.

Российский государственный социальный университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

brazul.bruszkowski@gmail.com

Аннотация: Конец эпохи великих нарративов усиливает кризис моделей личности и личностной идентичности, основанных на картезианском *cogito*, в котором индивидуальное сознание отражает универсальную онтологию. Субстантивация сознания также предопределяет субстантивацию личности. Альтернативные концепции расширенного сознания и активного экстернализма представляются когерентными витгенштейновскому аргументу против «частного языка» и в пользу его коммуникативной природы. Нейробиология, в свою очередь, утверждает нейропластичность мозга и важность эмоционального и коммуникативного интеллекта для формирования здоровых и взаимодействующих сообществ людей. Процесс десубстантивации личности в сетевом обществе, при всех его вероятных негативных аспектах, отражает постепенную смену в философском и психологическом понимании личности как пучка взаимодействий, в то время как сознание рассматривается как динамический сетевой процесс.

Ключевые слова: субстанция, десубстантивация, личность, сетевое общество, сознание, взаимодействия.

Against Substantivism: Communicative Mind in a Networked Society.

Brazul-Bruszkowski Ye.G.

Russian State Social University

Abstract: The end of the age of grand narrations empowers the crisis of the model of personality and personal identity based on Cartesian *cogito* whereby individual consciousness resembles universal ontology. Substantivation of consciousness also defines substantivation of personality. Alternative concepts of the extended mind and active externalism seem to be coherent with Wittgenstein's argument against private language and in favour of the communicative nature of language. Neurobiology, in its turn, speaks about neuroplasticity and importance of emotional and communicative intellect for the shaping of healthy and cooperative human networking. Desubstantivation of a person in a network society, however regrettable it may seem, resembles gradual shifts in philosophical and psychological concepts of a person as a bundle of interactions, while consciousness is viewed as a dynamic networked process.

Keywords: substance, desubstantivation, person, network society, consciousness, interactions.

Конец эпохи великих нарративов и кризис традиционных моделей личностных идентичностей – религиозных, национальных, политических, гендерных, – как теперь становится понятно, не есть «конец истории» в смысле Фукуямы; скорее, это конец привычного нам образа истории, сформированного проектом модерна. Точно также можно говорить о кризисе модели личности, основанной на декартовском *cogito*: индивидуальное (уникальное) сознание (ре)конструирует общеобязательную (универсальную) онтологию.

Если мышление и протяженность – всего лишь два из множества атрибутов субстанции (вариант Спинозы), то утверждать, что именно мышлению принадлежит главенствующая роль в формировании того явления (или, во всяком случае, понятия), которое мы называем «я», оказывается крайне сложно. Но и при выборе Декарта принципиальное разделение двух субстанций (ментальной и физической) приводит к затруднению ответить на простейшие вопросы о способе взаимодействия этих двух в самом человеке.

Сегодняшнее понимание субстанции не столь прямолинейно. Можно считать, что субстанции являются всего лишь пучком свойств (*bundles of properties*), воспринимаемых как индивидуации; но с

равным успехом можно утверждать, что субстанции – не более, чем пучок свойств, воспринимаемых как универсалии [1]. В результате мы возвращаемся, хотя и в «очищенном» виде, к двум базовым трактовкам понятия «субстанция»: как предельного основания всего сущего или как одного из родов сущего наряду с процессами, свойствами, событиями [2, с.145].

Таким образом, субстантивация духовного (психического, ментального) означает, что сознание существует как вещь, как объект. В данном случае различие между т.н. идеалистами и материалистами (пусть даже сегодня они известны под множеством других имен) не так уж важно: в первом случае считается, что сознание воплощается (экземплифицируется) в ментальной реальности, несводимой к физической; во втором – что сознание воплощается в физической реальности (человеческом мозге). И в том, и в другом случае имеем дело с сознанием как предметом, обладающим той или иной степенью самостоятельного существования. Даже если мы считаем сознание функцией головного мозга (т.н. функционализм), избежать соблазна думать о нем как о более или менее определенном предмете не получается.

Вопрос о субстантивности сознания, на наш взгляд, проще, чем вопрос о субстантивности личности, поскольку интуицией психологии (в т.ч. *folk psychology*) является представление о личности как о чем-то более широком и, главное, качественно ином, чем сознание. Личность понимается не только как совокупность актуальных свойств индивида (как в случае с сознанием), но и потенциальных: потенциальные универсальность, бесконечность, взаимосвязанность с другими – но все эти характеристики, к сожалению, тут же объявляются сущностными свойствами человека [3, с.21-22] – и, т.о., если мы примем этот подход, то будем вынуждены обращаться к новой субстанции – человеку, а значит, придется проделывать всю работу сначала. Правда, в этом случае положение наше еще усугубится, поскольку есть опасность провалить субстанциальное определение человека по отношению к животному, и тогда либо мы вернемся к постулированию духа как отличительного свойства человека (образовав порочный круг в доказательстве), либо потеряем предмет своего обсуждения.

Попытка выхода за рамки субстантивизма и индивидуальности сознания была осуществлена сначала М.Мински в «*The Societies of Mind*» (1989), а спустя 10 лет – Д.Чалмерсом и Э.Кларком в статье «*The Extended Mind*». Излагаемая ими концепция «расширенного сознания» и «активного экстернализма», кстати, хорошо согласуется с аргументом Витгенштейна против существования «частного языка» и об общественной (коммуникативной) природе языка. Отсюда сам собой напрашивается вывод о коммуникативной, а не «частной», природе сознания.

Традиционно считалось, что человеческий мозг – неизменяемая структура, на которую накладываются данные социального окружения, воспитания, образования, личного опыта и пр. Взрослый человек не просто создает личностные границы, а определяется ими. Нейробиология, напротив, выдвигает тезис о нейропластичности. Умение создавать и поддерживать гармоничные отношения с другими людьми (т.н. «коммуникативный интеллект») является не менее важным, чем калькулятивные способности. Так же, как конкретные люди становятся все более зрелыми, формируя все более сложные отношения с другими людьми, а не замыкаясь в себе, общество в целом становится все более зрелым, переходя от принципов конкуренции и контроля к принципам взаимодействия и развития человеческих качеств.

Представление о том, что современное общество является сетевым, не является совершенно новым, хотя впервые его четко выразил М.Кастельс [4]. «Сетевое общество – это такое общество, чья социальная структура состоит из сетей, действующих при помощи основанных на микроэлектронике информации и коммуникационных технологиях» [4, р.3]. Социальная структура теперь понимается «как набор взаимосвязанных узлов», а «узел – это такая точка, где кривые пересекают друг друга» [*ib.*]. У сети нет центра, и оценка перформативности системы производится по общей перформативности сети, а не конкретного индивида, и значение конкретного человека, конкретного узла определяется не его сущностными, личностными характеристиками, а тем, насколько хорошо он вписывается или реализует некую общую стратегию или концепцию сети.

Если личность является набором характеристик (чем они определяются, в данном случае, это отдельный вопрос), то неудивительно, что в сетевом обществе происходит растворение понятия личности как объекта, как вещи-в-себе, и ему на смену приходит понятие личности как процесса, потока [5], пучка взаимодействий (*bundle of interactions*), конструкта, который (пере)собирается в различных контекстах.

Человеческое общество всегда было сетевым, но только информационное глобализирующееся человечество смогло осознать факт своей взаимосвязанности, скрытый до поры мифологемами «наций-государств» и инструментальными, сепаративистскими эпистемологиями. Потребовались существенные преобразования в структуре общества, прежде чем игнорируемый до сих пор когнитивный опыт маргинализированных групп начал включаться в когнитивную, операциональную и ценностную ткань мейнстримного большинства.

Точно также, и сознание всегда являлось и является сетевым процессом. Вопрос мог бы заключаться в том, как части этого процесса присваиваются/приобретаются (appropriated) личностью, если бы мы по-прежнему верили в ее субстантивность. В этом смысле сетевое общество оказалось просто удачной моделью, на которой можно интерпретировать природу сознания и личности как сетевого динамического процесса.

Литература:

1. Robinson H. Substance // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2014 Edition / ed. by Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/substance/>. (Дата обращения: 08.02.2020).
2. Левин С.М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального // Мысль. Вып. 18 (2015). С.142-156.
3. Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2001. 192 с.
4. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // The Network Society. A Cross-cultural Perspective / Ed. by M.Castells. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2004. P. 3-45.
5. Csikszentmihalyi, M. Applications of Flow in Human Development and Education / The Collected Works of Mihaly Csikszentmihalyi. Cham: Springer, 2014. xxii+494 p.

Tedium vitae или иммортологическое безумие

Варава В. В.

Финансовый университет при Правительстве РФ, профессор Департамента социологии, истории и философии. Доктор философских наук

vladimir_varava@list.ru

Аннотация: В статье ставится вопрос о причинах возросшего в последнее время спроса на иммортологические проекты. В этой ситуации развитие биотехнологией является не причиной, но следствием того состояния, которое может быть описано в этических терминах экзистенциальной усталости человека быть самим собой, что означает нежелание находиться в своих этических и антропологических границах. Выявляются «метафизические изъяны» в иммортологической идеологии, приводящие к отказу быть человеком. Среди факторов, недооценка и игнорирование которых приводит к иммортологическим идеям, в статье выделяются следующие: 1) Быть человеком значит быть смертным; 2) Технология не имеет доступа к антропологии; 3) Человек жив смыслом; 4) Природа человека непостижима. Соответственно, дается их анализ с позиций классических философских аргументов.

Ключевые слова: иммортология, антропология, этика, метафизика, танатология, философия, экзистенция.

Tedium vitae or immortological insanity.

Varava V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article raises the question of the reasons for the recent increase in demand for immortological projects. In this situation, the development of biotechnology is not a cause, but a consequence of the condition that can be described in ethical terms of the existential fatigue of a person to be himself, which means unwillingness to be within one's ethical and anthropological boundaries. «Metaphysical flaws» are revealed in immortological ideology, leading to a refusal to be a person. Among the factors, the underestimation and neglect of which leads to immortological ideas, the following are distinguished in the article: 1) To be human means to be mortal; 2) The technology does not have access to anthropology; 3) Man is alive by meaning; 4) The nature of man is incomprehensible. Accordingly, their analysis is given from the standpoint of classical philosophical arguments.

Key words: immortality, anthropology, ethics, metaphysics, thanatology, philosophy, existence.

Ситуация в современной философии и культуре отмечена повышенным интересом к вопросам, связанными со смертью в различных аспектах, которую можно охарактеризовать в терминах «танатологического ренессанса». Однако, позитивный термин «ренессанс» в данном контексте имеет обратное значение. После советского табуирования всего, что было связано со смертью, прежде всего, в философии и религии, постсоветский период – это танатологический взрыв, породивший множество различных текстов и мероприятий, так или иначе, посвященных смерти. «Танатологическая проблематика в отечественную науку пришла вместе с очередным в российской истории глотком свободы» [1, с. 8]. Но эта свобода в данном случае означает и свободу от философской ответственности мыслить смерть в терминах традиционной этики, метафизики и антропологии.

И поэтому современное танатологическое пространство неравномерно; в нем наблюдается явная диспропорция между эмпирической танатологией и почти полным отсутствием философской танатологии, или просто философии смерти. Безусловно, это следствие опустошенного состояния самой философии и ее полноценного статуса, который вытесняется ее различными редуцированными и прикладными формами. Нехватка философии, которая имплицитно генерирует рефлексии над смертью, поскольку она, по мысли Шопенгауэра есть «Мусагет философии», приводит к масштабированию эмпирической

танатологии в различных изводах, в том числе в биотехнологических подходах к смерти, ставящих своей целью неограниченное продление физического существования.

Одним из наиболее зримых показателей «танатологического ренессанса» является распространение различных «иммортологических проектов», которые выводят за рамки исключительно научных исследований и выходят в этическую сферу, в которой сегодня достаточно популярна идея «конца человека». Сегодня получают большое распространение такие концепты как «не-человеческая жизнь», «мир-без-нас» и т. д. Идея конца традиционного этического, метафизического, то есть антропологического образа человека уже несколько десятилетий царит в интеллектуальной и духовной атмосфере современной философии и культуры. За ней стоит вопрос о ценности человека, или точнее, об оправданности человеческой исключительности, вообще об антропологической привилегии человека. Показательной в этом плане является книга французского философа Жан-Мари Шеффера «Конец человеческой исключительности», в которой выдвигается программа нового натурализма в исследовании человека.

Программа эта имеет биоцентрическую основу с такими ее составляющими как нейрология, этология и психология, однако, с далеко идущими социокультурными проекциями. Ж. - М. Шеффер полагает, что человеческая форма жизни есть «один из эпизодов эволюции», который не позволяет вырвать ее из сложного и неустойчивого комплекса форм жизни, которые ныне сосуществуют на земле [2, с. 9]. На смену постмодернистскому разочарованию в человеке можно сказать приходит своего рода антропологическая, а в сущности, «экзистенциальная усталость», которая и порождает идею и ощущение конца человеческой исключительности. Эта идея имеет такие проявления как гипертрофированная визуализация смерти в медийной культуре, распространение танатофобии и геронтофобии и появление пост-человеческих биотехнологий.

Одним из показателей такого смещения является то, что в последние десятилетия ценность человека сходит на нет, доказательством чего является та легкость, с которой медиа, включая кинематограф, транслируют человеческую смерть в невообразимо откровенном, циничном и массовом виде. В индивидуальном аспекте она остается страхом и ужасом, но в социальном измерении смерть потеряла всякую сакральность и достоинство. Исследователи называют основную черту современного популярного культа смерти коммодификацией, определяя ее как «явление, при котором индустрия развлечений превращает образы мучительной насильственной смерти в предмет широкого потребления» [3, с. 9].

Это одна сторона современной дегуманизации. И здесь мы сталкиваемся с еще одной проекцией конца человеческой исключительности, проявившейся в распространении различных нечеловеческих антропологий, связанных с интенсивным развитием биотехнологий. Появление «пост» в его различных модификациях свидетельствует о многом, но, прежде всего, об отказе от существования, от существования в его традиционных антропологических, то есть этических и метафизических границах.

Данное состояние уместно обозначить известным понятием «*taedium vitae*», которое означает в самом широком смысле пресыщенность и на этом фоне отвращение к жизни. Оно использовалось многими авторами, но сейчас, представляется, что оно наиболее адекватно

описывает сущность происходящих процессов. Его наиболее зримое следствие – это иммортологические (сциентические) утопии, которое мы называем «иммортологическими безумием», в основе которого не только стремление к бессмертию, но и к смене своего антропологического образа.

Задача современной философии заключается в том, чтобы выявлять метафизические и этические изъяны пост-идеологий, порождающих нечеловеческие антропологии, и, соответственно, иммортологические утопические проекты. Главное, что в этих проектах отсутствует то понимание смерти, которое конституирует человеческое бытие совершенно определенным образом, вне которого человек просто не существует. С нашей точки зрения данные изъяны основываются на игнорировании следующих, по крайней мере, четырех аспектов философского характера. Их можно сформулировать так: 1) Быть человеком значит быть смертным; 2) Технология не имеет доступа к антропологии; 3) Человек жив смыслом; 4) Природа человека непостижима.

В основании иммортологических проектов всегда остается «неучтенное измерение», о котором говорит В. Янкелевич, связанное с апофатической природой смерти [4, с. 412]. Сама история философской мысли как бы стоит на страже этого «неучтенного измерения», не давая человеческой

фантазии слишком далеко выйти за свои пределы. Можно приводить много свидетельств, но, сегодня во многом забытая позиция Канта, представляется весьма актуальной. Например, в работе «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики» он говорил следующее: «... в конце концов науке удастся определить границы, установленные ей природой человеческого разума. А все беспочвенные замыслы, хотя сами по себе они, быть может, не лишены достоинства, бесследно исчезают в дыму тщеславия, как лежащие вне человеческой сферы» [5, с. 350].

Сильные мысли этического характера о необходимости принятия смерти как всечеловеческой участи были высказаны Кантом уже в «Мыслях, вызванных безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Фука», где он говорит, что «я человек и все, что выпадает на долю человека, не может меня миновать» [6, с. 52].

Обращение к русской философии, несмотря на ее кажущийся иммортологический пафос, дает нам серьезные образцы глубинной рефлексии над смертью, которые исключают иммортологические проекты. В таких работах как «Поэма о смерти» Л. П. Карсавина,

«Софиология смерти» С. Н. Булгакова, «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» Н. А. Бердяева представлена антииммортологическая аргументация высокого уровня. Этот пласт отечественной мысли еще предстоит освоить должным образом.

Таким образом, можно сделать вывод, что этические и метафизические основания нечеловеческой антропологии, приводящие к различным иммортологическим проектам, коренятся в экзистенциальной усталости человека быть самим собой. Стремление внешним биотехнологическим путем устранить смерть лишает человека тех экзистенциальных возможностей, которые делают его человеком.

Литература:

1. Хренов Н. А. Смерть и культура: философские и эстетические инварианты русского танатологического космоса // Культура культуры. 2017. № 3 (15).
2. Шеффер Ж. - М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
3. Хапаева Д. О культе смерти, вампирах, зомби и трансгуманизме // Археология русской смерти. 2017. №1 (Том 4). С. 7 - 20.
4. Янкелевич В. Смерть / Пер. с фр. Е.А. Адриянова и др. М.: Из-во Литературного института, 1999. 448 с.
5. Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики // Соч. в шести т. Том 2. М.: Мысль, 1964. С. 291- 361
6. Кант И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Фука // Соч. в шести т. Том 2. М.: Мысль, 1964. С. 49 - 59.

Человек в пространстве репрезентации. Философско-антропологическое исследование

Васильева М. А.

Санкт-Петербургский горный университет, ассистент кафедры философии. Кандидат философских наук

ma.vasilyeva@gmail.com

Аннотация: В представленных тезисах очень кратко изложено авторское исследование различных пространств репрезентации. Каждая историческая эпоха предполагает свои особенности идентификационного процесса, что неизбежно отражается на репрезентационных практиках. Античный город, усадьба, средневековый храм, новоевропейский текст и Интернет рассматриваются здесь как доминирующие в определенной ситуации пространства репрезентации. Анализируя их особенности, автор приходит к мнению, что многие черты современного пространства репрезентации, которые кажутся новыми, отнюдь такими не являются. Визуальная репрезентация образа человека в современном Интернете (например, в социальных сетях) во многом схожа с античными и средневековыми практиками репрезентации в городе и храме. Исследование подкрепляется разнообразным визуальным материалом, не включенным в данное краткое изложение.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, пространство репрезентации, идентичность, античный город, храм, текст, Интернет.

Human in the space of representation. Philosophical anthropology research. Vasilyeva M. A.

St. Petersburg Mining University

Abstract: The thesis presents a very brief outline of the author's study of various spaces of representation. Each historical era implies its own characteristics of the identification process, which inevitably affects the practices of representation. The ancient city, the manor, the medieval temple, the new European text and the Internet are considered here as the spaces of representation dominating in a certain situation. Analyzing their features the author comes to the conclusion that many features of the modern space of representation which seem to be new, are not new at all. The visual representation of a person's image on the modern Internet (for example, on social networks) is in many ways similar to the antique and medieval practices of representation in the city and the temple. The study is supported by a variety of visual material not included in this summary.

Keywords: visual representation, space of representation, identity, ancient city, temple, text, Internet.

ⁱ Исторические примеры фиксации человеческого образа – это интереснейший материал для исследования как синхронического среза культурной эпохи, так и диахронического анализа структурных явлений, регламентирующих процессы идентификации и репрезентации. В данном исследовании акцент сделан на рассмотрении нескольких пространств визуальной репрезентации человека, которые были характерны для различных периодов европейской истории. Особенности топологии и внутренней структуры этих пространств отражают акцентные позиции процесса репрезентации в каждом из рассматриваемых периодов. Их понимание позволяет лучше оценить сам процесс выстраивания актуального эпохе образа человека.

Следует сразу оговориться, что под пространством репрезентации, в данном случае, понимаются не столько реальные места, сколько семиотически значимые топоры и явления, которые могут концептуализироваться через понятие пространства: не только город, частный дом, храм, но и текст, Интернет и проч. Вне зависимости от того, есть у них «реальное» пространственное измерение, они становятся фоном для нанесения особых знаков и маркеров репрезентации. Фон этот, конечно же,

не нейтрален: специфика пространства логично продолжается спецификой средств репрезентации, создавая целостную функциональную систему. В ней, неразрывно от процесса идентификации, человека происходит репрезентация его образа, постоянно определяются и утверждаются порядки личного и публичного, значимого и незначительного. В данном контексте интересен также и вопрос о репрезентации самого пространства, ценного или даже центрального для той или иной культуры. То, как оно обозначается непосредственно или в других знаковых системах. В первую очередь, значимость доминирующего пространства репрезентации (чаще всего оно обладает и новизной) проявляется в формировании специфического дискурса вокруг него. Греческий полис, римская усадьба, средневековый храм и проч. – и в них, и вокруг них выстраиваются сложные знаковые системы, практики размышления и говорения.

Переходя к разбору особенностей репрезентации в различные эпохи, не стоит забывать о своеобразии исторических идентификационных моделей. Они направляют процесс репрезентации как ценностно, так и практически, расставляя свои акценты в вопросах об идентификационных границах человека. Здесь используется типология от личностной до персоналистской модели идентичности, которая хорошо и подробно описана в работах целого ряда отечественных авторов [1, 2, 3].

Первичные формы индивидуации человека древнего мира непосредственно связаны либо с властью, либо с мифологическими, магическими и ритуальными явлениями, что находит свое отражение в росписях древних дворцов, храмов и усыпальниц. Образы человека появляются в них как часть мифологического сюжета. Можно сказать, что даже фигуры правителей в большей степени опираются именно на миф, а не на «реальный прототип» через разнообразные атрибуты власти.

Эпоха греческой античности определяется авторами как эпоха личностной модели идентичности, в которой просматриваются четкие границы между Собственным и Чуждым. Так, например, греческие трагедии дают представление об античном образе героя, понимании судьбы, свободы. В них мы можем увидеть, как именно античная культура создает и закрепляет границу с Чужим, утверждая свое открытие в праве, моральных установках гражданина и философии. Судьба Сократа и история его смерти оказываются прекрасным примером личной встречи с миром, ставшим Чужим в постмифологическую эпоху. Сам метод философии предполагает личное усилие, действие, разрывающее пределы коллективного мифологического убеждения.

В этот период пространством репрезентации для личности становится город. Город представляет собой интересную смесь физического явления: стен, улиц, домов, - и концепта: постоянства, сообщества, идеи гражданства. Многие исследования демонстрируют разнообразие способов репрезентации индивида в античном городе: от скульптур до рекламных вывесок, объявлений и надгробий. Само пространство города задает и средства, и специфику репрезентации в виде её ценностных ориентиров: гражданство, профессия, деяния на пользу полиса. Личность репрезентируется в связи со своей ценностью для сограждан, фиксируя визуально через различные маркеры заслуги и достижения. Недавно осознанная значимость личности начинает успешно конкурировать со значимостью публичного [4].

Римский период также известен такими примерами городской репрезентации, однако к ним добавляются и новые, связанные с представлениями об Империи. Помимо города (ставшего, в некотором смысле, единичным), значение приобретают и личные жилища, усадьбы, они также становятся местом символической наполненности. Их украшают и создают в соответствии с модой и собственным вкусом, они так же оказываются пространством репрезентации. Отдельного внимания заслуживают многочисленные римские надгробия, содержащие обильную информацию о судьбе граждан Империи. В этих примерах отражаются изменения границ Собственного в Римской традиции.

В средневековой культуре, построенной на системе ценностей христианской морали появляется новая смысловая доминанта этого процесса. Четкое разделение мира на телесную и духовную составляющие становится причиной появления особой сложной символической системы, репрезентируемой на всех уровнях культуры. Человек средневековья ясно представляет границы сферы Собственного, и имеет возможность индивидуального переживания ее перехода – мистические откровения, молитвы. В этом основная особенность индивидуальной модели идентичности. Безусловно, в этот период огромную роль играет статусно-церковная идентичность человека, его положение вассала – личная зависимость, которая трансформируется в индивидуальную ответственность перед Богом.

Статус города сильно изменяется по сравнению с Античностью и, пусть городские практики репрезентации остаются, самым значимым местом становится храм. Подробные исследования утрат

ⁱ Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00385 «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»

средневековых христианских храмов дают обильные примеры фиксации присутствия человека в нем, вплоть до табличек о щедрых пожертвованиях, именных скамейках и рельефные изображения по заказу (часто коллективному) [5]. Однако отдельное место занимает иконографическая традиция, представляющая особый вариант фиксации, схватывания образа. Идея подобия, заложенная в ее основание, и каноничность традиции вместе создают знак с совершенно новым статусом. Пространство храма так же приобрело особую семиотическую нагруженность. В антропологии довольно много примеров пространств, повторяющих космологические представления народа, ими могут быть и жилища. Однако храм представляет собой не только пространственную, но и временную «рифму» ко всему христианскому миру, оставаясь вне времени и пространства. Это отражается в том, как в нем располагаются сюжеты писания и образы святых. Храм в некотором смысле сам становится иконой мира.

Новое время, ознаменовалось принципиально инновационным подходом к миру, человеку, его когнитивным способностям, практикам преобразования окружающей реальности. Формируется представление о человеке как субъекте познания. В качестве пространства репрезентации для этого периода предлагается рассмотреть текст. Не только из-за появления и развития печати, но и в связи с новым осознанием значимости нарратива и языка, что отражается и в философии, и в науке, и в искусстве. Уже рассмотренные выше пространства видоизменяются. На это указывают, в частности, активные реконструкции европейских городов и новые здания, чья функциональная и семиотическая особенность была подробно рассмотрена М. Фуко [6, 7]. Но интересно, что появляются и принципиально новые визуальные формы репрезентации: новые жанры живописи, развивающиеся с эпохи Возрождения, а в дальнейшем и фотография, кино, телевидение, реклама. Параллельно с их становлением формируется и дискурс, в котором они осознаются как средства репрезентации образа человека. В целом, можно сказать, что желание новоевропейского субъекта «узнать Другого» превращает все в текст

Современная персоналистская модель идентичности, которая может также пониматься как динамичная стратегия, активно разворачивается в пространстве виртуальном. Здесь интересно, что многие значимые черты пространств репрезентации прошлого, находят особое прочтение в современной ситуации. Например, усиление визуального компонента в коммуникации и репрезентации в Интернете оказывается значительным только в сравнении с текстовой культурой Нового времени. Античные практики и иконическая традиция также предполагали высокую степень визуальности, они на ней держались. Схожим образом можно рассмотреть и позицию авторства, проблему адресата, вопрос о новизне в современной массовой коммуникации – это выглядит чем-то новым только по сравнению с ситуацией Нового времени, полагавшей эти моменты значимыми. Однако, вполне уместны аккуратные параллели между современным Интернетом и античным городом, средневековым храмом. Их порядки выстраивания визуального образа человека оказываются иногда очень схожи.

Доминирующее в определенный период истории пространство репрезентации отражает важнейшие смысловые позиции культуры. Его анализ дает объемную картину культурных процессов и самого способа пребывания человека в мире людей, осознания себя. Античный город и средневековый храм интересны не только с точки зрения их значимости в истории развития репрезентационных практик, но и как пространства вполне сравнимые с современным виртуальным миром.

Литература:

1. Сурова Е. Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб, 2010. 232 с.
2. Соколов Б. Г. Реванш новоевропейского субъекта: селфи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1 С. 72-81.
3. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации. М.: URSS, 2012. 216 с.
4. Дорофеев Д. Ю., Савчук В. В., Светлов Р. В. Иконография античных философов: история и антропология образов. СПб: Платоновское философское общество, 2017. 244 с.
5. Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. М.: АСТ, 2018. 416 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
7. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Феноменология человека

Гурьянов А. С.

*Казанский государственный энергетический университет, доцент кафедры философии и
медиакommunikаций. Доктор философских наук*

alexegurianov@rambler.ru

Аннотация: В работе отстаивается спекулятивный подход к преодолению кризиса, наметившегося в философской антропологии в XX веке и вызванного обилием и, по мнению автора, видимой несоизмеримостью различных философских концепций человека. Автор полагает, что период естественной и необходимой дифференциации знания в области исследований человека, характеризующийся первоначальным накоплением данного «капитала», должен смениться периодом объединения знания, методологически наиболее адекватным которому может стать диалектика. В качестве базового диалектического противоречия автором предлагается сопряжение конечности и бесконечности в человеке; продуктивность диалектического подхода демонстрируется на содержательной полифонии категории деятельности и входящих в ее состав определений субъектности, воли, мышления и ценностей.

Ключевые слова: антропология, диалектика, человек, сущность, деятельность, субъектность, воля, ценности

Phenomenology of a human being. Gurianov A. S.

Kazan State Power-Engineering University

Abstract: the paper supports the speculative approach to overcoming the crisis of philosophical anthropology in the XX century caused by plenty of seemingly incommensurable philosophical conceptions of a human being. The author claims that the period of natural and necessary differentiation of knowledge in the field of human research characterized by original accumulation of this “capital” should give way to the period of knowledge synthesis to which dialectic might be more adequate methodologically. As the basic dialectical contradiction the author proposes the finite and infinite opposition in man; effectiveness of the dialectical approach is demonstrated on the polyphony of the activity category involving the determinations of subjectivity, willpower, thinking, and values.

Keywords: anthropology, dialectic, human being, essence, activity, subjectivity, willpower, values

В современной философии наблюдается тенденция отказа от сущностного рассмотрения вещей, и философская антропология не исключение. В среде специалистов не наблюдается согласия даже по содержанию базовых понятий – «природа» и «сущность», которые то отождествляются, то разводятся и противопоставляются по разным основаниям, вследствие чего поиски атрибутивных определений человека не оправдали себя. Даже такие бесспорные отечественные авторитеты, как П. С. Гуревич и И. Т. Фролов, проводя «концептуальное разграничение» между природой и сущностью человека, оставляют неопределенным статус разумности, относя ее одновременно и к природе, и к сущности без пояснений: сначала отмечается, что «под природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства,.. которые присущи Homo Sapiens во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса» [1, с. 3], а далее указывается, что разумность и некоторые другие качества «являются производными от исторической сущности человека» [1, с. 6]. Так «разумность» – собственный природный признак вида «человек разумный» или он произведен от исторической сущности? Зависим от исторического процесса или нет? И есть ли у человека задатки и свойства, не приобретенные в ходе биологической эволюции и исторического процесса? Увы, оставляя некоторые неясности в таких основополагающих вопросах, нельзя получить ответы на все производные.

Но не только неопределенность содержания понятий природы и сущности влияет на постановку последующих вопросов относительно феномена человека. Исходные идейные установки автора так или иначе сказываются на перспективе исследования, в результате чего выхватывается и абстрагируется «единственно возможная» *l'idee maitresse*, под которую, по выражению Э. Кассирера, подгоняются эмпирические факты [2, с. 26]. В качестве субстанциального признака человека предлагалось многое из того, что традиционно относят к природе и сущности: душа (Сократ), разум (Декарт), механистичность (Ламетри), способность к труду (Маркс), воля (Ницше), способность к выбору (Кьеркегор), либидо (Фрейд), самосознание (Фромм), символичность (Кассирер), эксцентричность (Плеснер), дух (Шелер), личность (Бердяев) и т.д.

Между тем, и в этом единодушны все исследователи, человек – самое сложное существо, и вследствие этого нелегко, как писал Н.А. Бердяев, «привести этот сложный состав к единству» [3, с. 48]. Но человек и самое противоречивое образование, и поэтому выдвигание какого-либо определения в качестве главного уже интуитивно представляется непозволительным применительно к человеку. Таких «существенных» определений у него более чем достаточно, и вряд ли какое-то одно может быть абстрагировано как единственно и навсегда репрезентативное; подход *pars pro toto* здесь вряд ли может работать. Применительно к сложным образованиям Г. В. Ф. Гегель такой подход критиковал за абстрактность, не позволяющую увидеть объект в его целостности. Сознание человека по природе избирательно и не способно охватывать объект целиком и сразу, тем более такой, как человек, и поэтому, вероятно, диалектический подход единственно позволяет последовательно учесть многообразие феномена человека, не исключая и не игнорируя ничего из подлежащего рассмотрению, тем самым формируя представление или, говоря гегелевским языком, понятие человека как существа комплексного.

Собственно, этот подход синтеза многообразного, поиска единого во многом в широком смысле, безотносительно аллюзий на Гегеля, характерен для многих выдающихся мыслителей. Аристотель, рассуждая о многообразии мнений относительно счастья, пишет: «Разумно, конечно, полагать, что ни в том, ни в другом случае не заблуждаются всецело, а, напротив, хотя бы в каком-то одном отношении или даже в основном бывают правы» [4, с. 66].

Э. Фромм курсивом отмечал, что к деятельности человека побуждает «Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы единения с природой, окружающими людьми и самим собой» [5, с. 68]. Не претендуя на полноту изложения в силу ограниченности рамками тезисов, попытаемся кратко продемонстрировать диалектическую противоречивость человеческого существования на содержательной полифонии категории деятельности как фундаментального отношения человека к миру, что отмечалось не только классиками деятельностного подхода.

Базовым, «ближайшим» определением деятельности является субъектность; она указывает на настрой человека в отношении объектов окружающего мира, не случайно субъектность фигурирует во многих определениях этой категории. Интенция здесь еще непосредственна и произвольна; она предполагает лишь удовлетворение естественных потребностей субъекта при помощи тех или иных объектов. Между тем «протиестественные» и произвольные желания, переводящие человека на иной, «надприродный» уровень существования, заставляют его задействовать иные активы. Субъект – тот, от кого исходит деятельность, и в субъектности логически полагается ее начало; но деятельность осуществляется через конкретные действия, предпринимаемые субъектом лишь при приложении соответствующих усилий. В противном случае субъектность вступает в неконструктивное противоречие с самой собой, ибо остается без того, началом чему служит, а интенция как готовность к собственно человеческому действию остается без самого действия. Иными словами, реализация и регуляция субъектности в реальном акте деятельности предполагает определение воли.

Воля позволяет целенаправленно осуществлять субъектом деятельность в бытии-в-мире на всех ее этапах. Являясь волевым субъектом деятельности, человек самостоятельно определяет вектор своего внутримирного бытия. Деятельность волевого субъекта позволяет ему самоутвердиться и самовыразиться. Так вносимые в мир изменения приобретают индивидуальные черты субъекта, а то, на что направлено действие, меняется по его образу и подобию. Однако воля – слепая, иррациональная сила по определению, и деятельность, хотя и целенаправленная, может не достигнуть цели, как не может добраться до цели слепой без вмешательства извне, несмотря на любые усилия воли; в этом не негативность. Деятельность субъекта воли может достигнуть поставленной цели и тем самым быть

успешной в той мере, в какой в содержание деятельности входит определение мышления, и воля субъекта сопровождается мыслью.

Без участия мышления деятельность не может быть эффективной, но с ним изменения в бытии-в-мире будут действительно адекватны субъекту; с участием мышления воля перестает быть беспокойным «брожением», мышление позволяет волевому субъекту проводить анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на деятельность актуально и потенциально, прямо или косвенно; выявлять проблемные зоны, переходя от условий, задающих проблему, к результату посредством формирования плана работ по решению проблемы и достижению цели; предлагать оптимальные средства; контролировать и корректировать процесс и т.д. Без работы мысли деятельность хотя и остается своей для субъекта, но рискует, начавшись, «захлебнуться», что грозит растратой времени, средств, ресурсов, сил. Однако мышление также содержит в себе противоречие: достижение цели, что свидетельствует об успешности деятельности, в первую голову имеет в виду частный интерес субъекта безотносительно успеха самой сферы деятельности, что еще не позволяет успеху, пользуясь гегелевской терминологией, дойти до соответствия своему понятию в форме прогресса деятельности. Более того, частный успех в широкой перспективе чреват своей противоположностью. Деятельность противоречит самой себе, если имеет в виду лишь частный интерес субъекта; достижение последнего в чистом виде, безотносительно интересов других, в принципе неосуществимо.

Прогрессивность выводит деятельность мыслящего волевого субъекта на новый уровень, что возможно лишь с приращением ценностного определения. Теперь мы имеем дело не с частным родом деятельности, значимым лишь для самого субъекта, но с вкладом отдельного мыслящего субъекта в некое общее дело. Благодаря аксиологическому определению деятельность мыслящего волевого субъекта оказывается востребована, становится значимой не только для субъекта, но сама по себе, и тем самым становится созидательной и достигает своей полноты, поскольку всегда уже осуществляется во взаимодействии с другими людьми и переплетена с деятельностью других субъектов.

Таким образом, без субъектности деятельность остается без своего носителя, без воли – не может начаться; без мысли волевого субъекта рискует не быть доведенной до конца и оказаться малоэффективной; без ценностного компонента эффективность в широкой перспективе может оказаться мнимой, деятельность рискует пойти в ложном направлении и даже оказаться деструктивной. Кроме того, данные логические определения деятельности воспроизводятся и исторически, отражая различные ступени роста человека.

Данный контурный анализ и синтез некоторых ключевых для деятельности человека понятий показывает, на наш взгляд, перспективность диалектического подхода для решения задачи построения «философской» философской антропологии, в которой сложившиеся противоречия между различными подходами к определению человеческой сущности могут быть «учтены» и положены в диалектическом единстве. Более того, история исследований в области философской антропологии (в широком смысле) свидетельствует о релевантности диалектики, а именно о деле признания, интуитивного или сознательного, так называемого базового диалектического противоречия, опосредующие элементы которого внутри самого объекта приводят к единству противоположностей. При этом его промежуточными «узлами» выступают те самые стержневые идеи (дефинитивные признаки), которые выдвигают различные мыслители. И здесь мы наблюдаем удивительное единодушие: таковой противоположностью, переходящей в единство, является, по выражению Бердяева, противоположность между конечностью и бесконечностью: материальной конечностью, фундированной в естественном происхождении, и идеальной бесконечностью, репрезентированной сознанием во всех его проявлениях в социально-историческом бытии. Заметим: хотя в разных вариациях и толкованиях, но общепризнанным является как противопоставление конечности и бесконечности, так и их единство применительно к человеку. В этом свете уточнение содержания понятий природы и сущности представляется основополагающим моментом диалектической концепции человека.

М. Шелер писал, что задача философской антропологии заключена в том, чтобы показать, как из основной и наиболее общей структуры человеческого бытия вытекают все специфические проявления человека [6, с. 91]. Очевидно, что базовыми элементами этой структуры и являются конечное и бесконечное (хотя этот мыслитель не признает изначального диалектического противоречия между ними, что не позволяет ему выстроить полноценную систему всех проявлений и переходов от жизненной силы к духу). И если Шелер прав, то современная философская антропология не понимает своего назначения, если отказывается от исследования данных фундаментальных оснований человеческого

бытия и всех вытекающих из них следствий.

Литература:

1. Гуревич П. С., Фролов И. Т. Философское постижение человека (вступительная статья) // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – Эпоха просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 3 - 19.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / Под ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1998. С. 4 - 31.
3. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. / Под ред. П. С. Гуревича, В.И. Столярова. М.: Политиздат, 1991. С. 48-56.
4. Аристотель Никомахова этика // Сочинения: в 4 т. М.: 1984. Т. 4. С. 54 – 293.
5. Фромм Э. Пути из больного общества // Мир философии. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. / Под ред. П. С. Гуревича, В. И. Столярова. М.: Политиздат, 1991. С. 66-70.
6. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии / Под ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1998. С. 32 - 96.

Философско-антропологические и мировоззренческие основания синкретической метафизики

Гутова С. Г.

*ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет». Доктор философских наук
svetguts.07@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются основные принципы построения синкретической метафизики на примере различных философских учений. Цель исследования состоит в выявлении философско-антропологических и методологических оснований, формирующих новую форму синкретической метафизики. Для выявления такого рода оснований в различных философских учениях используется метод сравнительного анализа, что позволяет реконструировать наиболее общие положения, представленные как обязательные элементы синкретической метафизики. В статье рассматриваются наиболее важные основания, имеющие универсальное значение для философских систем, опирающихся на методологический синкретизм. В работе делается вывод, что к таким основаниям относятся идея сверхсущего или абсолюта, *идея* Блага и нравственного совершенствования человека, идея цельного знания, а также андрогинизм, как важнейший принцип антропологических учений, ориентированных на синтез. В итоге подчеркивается, что синкретическая метафизика, принципиально связывает основные онтологические и гносеологические построения с нравственной и религиозной сферой, дающей возможность сблизить, сделать зависимыми учение о бытии, с одной стороны, и антропологические изыскания философов с другой.

Ключевые слова: синкретизм, методология, абсолют, андрогинность, цельность, метафизика, нравственность, цельное знание.

Philosophical-anthropological and worldview foundations of syncretic metaphysics. *Gutova S. G.*

Nizhnevartovsk state University

Abstract: The article discusses the basic principles of syncretic methodology on the example of various philosophical doctrines. The purpose of the study is to identify the worldview bases that form a new form of syncretic metaphysics. To identify this kind of grounds in various philosophical doctrines, the method of comparative analysis is used, which subsequently allows us to reconstruct the most General provisions presented as mandatory elements of syncretic metaphysics. The article considers the most important grounds that are of universal significance for philosophical systems based on methodological syncretism. The paper concludes that such system-forming foundations include the idea of the super-existent or absolute, the idea of the Good and moral improvement of man, the idea of integral knowledge, as well as androgynism, as the most important principle of anthropological teachings focused on synthesis. As a result, it is emphasized that syncretic metaphysics, in principle, connects the main ontological and epistemological constructions with the moral and religious sphere, which makes it possible to bring together, make dependent the doctrine of being, on the one hand, and the anthropological research of philosophers on the other.

Keywords: syncretism, methodology, absolute, androgyny, integrity, metaphysics, morality, integral knowledge

Методологический синкретизм в философии представляет собой универсальный способ преодоления монизма, который исходит из возможности человеческого разума обнаруживать и описывать всеобщие, фундаментальные принципы бытия. Синкретизм сам по себе не имеет определенной интенциональности и конкретной содержательности, он представляет собой лишь изначально заданную форму, посредством которой возможно метафизическое конструирование. Данная форма, в свою очередь, настойчиво

проявляет себя на различных этапах становления философских и научных идей, ориентированных на синтез.

Метафизика, опирающаяся на методологический синкретизм, исходит из идеи первоначального единства, поэтому цельность, которую обнаруживает исследователь в процессе рациональных построений, играет лишь формальный характер, поскольку мистическая интуиция утверждающая единство требует своего обоснования в теории. Совокупность важнейших принципов или оснований построения подобного рода синкретических теорий, обнаруживается в результате сравнительного анализа различных философских и теологических учений, укорененных в принципиально противоположных культурных парадигмах. Обнаружение мировоззренческих оснований в различных синкретических учениях указывает на совпадение идей, принципов, методов, которые могут принадлежать мыслителям, не только принадлежащим к конкретному историческому или культурно-религиозному единству, но также объединенных благодаря их интеллектуальной и мистической интуиции, их стремлению к синтезу. Анализ такого рода учений, дает возможность описания наиболее общих и существенных мировоззренческих оснований формирования синкретической метафизики.

Первое основание является разновидностью метафизических теорий, ориентированных на идею «Сверхсущего». Онтологические конструкции таких философских теорий предполагают наличие Абсолюта, задающего или эманулирующего из своей самодостаточности смысл всякого уровня бытия, в том числе, и специфически человеческого. В качестве примера подобных построений можно назвать систему римско-эллинистического неоплатонизма, мистическое богословие восточных отцов, исихазм, отечественную метафизику всеединства. Во всех подобных учениях, рассматриваем ли мы взгляды Плотина, Псевдо-Дионисия Ареопагита или Владимира Соловьева, полярность Абсолютного и конкретно сущего в структуре мироздания преодолевается благодаря пантеистическому принципу где есть сопричастность каждого элемента мироздания всеобщему абсолютному началу. В человеческом существовании В.С. Соловьев видел это единство следующим образом: «Каждый единичный человек, как личность, обладает возможностью совершенства, или положительной бесконечности, именно способностью все понимать своим разумом, все обнимать сердцем, или входить в живое единство со всем» [1, с. 208].

Описание миропорядка на основе идеи всеединства предполагает ряд принципиальных положений, мистических по смыслу, где результат единения с высшим началом — деятельностный аспект, приобщение к высшей божественной мудрости — гносеологический аспект, и одновременно его начало и конец — структурно-онтологический аспект.

В качестве второго наиболее универсального основания синкретической метафизики выступает «нравственный критерий», другими словами идея Блага в ее неоплатоновском варианте или еще более древнем значении как мера, «золотое правило». Нравственность обуславливает не только смысл человеческой деятельности, но и познавательный процесс, и в целом конечный смысл всякого бытия. Познание, устремленное к цельности, таким образом, связано с целеполаганием, а его параметры и основные характеристики заданы трансцендентной сферой. При этом особый нравственный критерий уже не рассматривается как абстрактный постулат, не способный выходить за границы рационально-логических схем. Напротив, он представляет собой процесс совершенствования, который реализуется на уровне онтогенеза и филогенеза, и одновременно имеющий мистическое, рациональное и практическое содержание.

В качестве синтеза первого и второго основания выступает гносеологическое обоснование синкретизма, которое можно обозначить как «цельное знание». Условие его существования — единение различных способов познания, и представляет собой поиск предельного основания, того что не является самоцелью, но позволяет преобразовывать окружающий мир и самого себя таким образом, что в результате возникает новый феномен абсолютной целостности. Познавательный процесс, лишенный всякой односторонности, не ведет человека к его растворению в безликом абсолютном, к его исчезновению как конкретной личности, а, напротив, представляет собой следующий шаг в развитии. Вершиной данного процесса является самосовершенствование в его бесконечности, доступное личности в ее устремленности к трансцендентному, в единстве с божественным. Следовательно, знание не цель, а средство для получения возможности единения со всем сущим, обретения себя через изначальную цельность.

Истина, которую обнаруживает для себя исследователь в синкретической метафизике, не может быть почерпнута только из эмпирических данных и не может быть рационально выведена из логиче-

ских построений. Такая истина имеет нравственное наполнение и открывается, прежде всего, через интеллектуальную интуицию, устремленную к самым глубинам бытия. Поэтому истинное цельное знание, как его видели представители философии всеединства, существует в мистическом прозрении в виде понимания жизни, через погружение в трансцендентное, озаренное божественным светом. Это то, что способно вернуть изначальный истинный смысл как человеческому существованию, так и бытию вещей, возвращая им полноту жизни и целостность.

В качестве четвертого основания синкретической метафизики выступает антропологический принцип, который опирается на идею андрогинизма. Данный духовно-идеальный принцип, так же как и первые три основания ориентирован на целостность, полноту и совершенство, то есть благо. Иначе андрогинизм в мистической философской антропологии можно охарактеризовать как принцип комплиментарности и взаимодополняемости. Андрогин — это архетип гармоничного единения в человеке противоположностей, через преодоление которых рождается новый образ человека или другими словами — образ Богочеловека.

Антропологическое наполнение принципа андрогинизма делает его особенным по сравнению со всеми вышеперечисленными тропами. Так как именно в синкретических теориях представления о человеке задаются самой системой метафизических построений. Например, влияние неоплатонизма, на философские построения представителей школы всеединства проявляется в их последовательном воспроизводстве мистического рационализма, как в вопросах онтологии, так и в гносеологических построениях. Мистицизм, как следствие, сказывается, на понимании сущности человека в предельно мистифицированных и намерено трансцендентных понятиях-символах.

Раскрывая андрогинизм как ключевой философский символ в построении синкретической системы, необходимо отметить его особое значение и роль в завершении целостных метафизических построений. Мирча Элиаде в работе «Мефистофель и андрогин», особо подчеркивает значение данного символа как указание на высшую реальность, на то сакральное и божественное, что недоступно рациональному пониманию и является абсолютной свободой, в которой все существует по ту сторону Добра и Зла [2, с. 129].

Дело в том, что данный символ позволяет вновь войти в онтологическую схематику, в которой особо выделяется положение о первоначальном единстве, предшествующее и в пространстве и во времени всякому качественно утвердившемуся множеству. Это то, что философы всеединства называют первичным тождеством и нерасчлененным единством, которое есть предварительный результат любого процесса, ориентированного на единство. Андрогин, таким образом, представляет собой интенцию положительной безусловности человеческого существования.

В творчестве теологов-интеллектуалов миф и символ могут становиться частью сложнейшей метафизики. Например, в ряде высказываний Иоана Скота Эриугены довольно ярко прослеживается эта тенденция. Он утверждает, что разделение субстанций началось в Боге и последовательно продолжается вплоть до разделения в природе самого человека. Заостряя внимание на несовершенстве мира и человека, он говорит о необходимости преодоления того и другого путем воссоединения в первоначальную целостность, но уже наполненную конкретным нравственным содержанием [3, с. 86].

Главный процесс поступательного человеческого развития в плане его совершенствования невозможно представить без накопления опыта и знаний, которые могут быть достигнуты через духовное усилие и преодоление односторонности в сугубо материальном пребывании путем непосредственного свободного акта творчества. Владимир Соловьев подчеркивал, что в эмпирической действительности человек как таковой не имеет основания, смысла, его словно и не существует, поскольку корни его в трансцендентном [4].

Цельная личность не лишена противоречий, они приобретают в ней особый смысл, поскольку являются результатом обретения человеком полноценной свободы, в которой изначальное добро и зло присутствуют в нерасчлененном виде. На каждом этапе своего существования человечество имеет дело с конкретным проявлением своего Я и каждый их этих этапов требует своего осмысления и преодоления. Задача состоит в том, что бы каждый несовершенный уровень бытия для каждого человека и человечества в целом Был пройден как испытание, где первый шаг — поиск истины через осознание несовершенства, второй — возвращение через поиск самоидентичности к знанию родового, всеобщего значения.

Так у В. С. Соловьева основателя отечественной философии всеединства, данная мысль подчер-

живается фактом первоначального единства человека с родом, природою, космосом. Другой очевидный духовный факт подобного единства, по мысли русского философа — это ощущение божественного соприсутствия и подлинной, глубокой связи человека с безусловным, всеобщим. В. Соловьев в работе «Чтения о Богочеловечестве» проводит параллель между целостностью мира и человеческим стремлением к полноте и совершенству: «как божественные силы образуют один цельный, безусловно, универсальный и безусловно индивидуальный организм живого Логоса, так и все человеческие элементы образуют такой же цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм... всечеловеческий, как вечное тело Божие и вечная душа мира» [5, с. 149]. Синкретизм здесь не самоцель в виде изначального состояния размытости, погруженности в небытие, это, напротив, более сложная форма потенции развитой духовной жизни. С точки зрения представителей школы всеединства одно из главных условий осуществления личностью своей цельности, обретения себя и познания всецелого содержания бытия может быть только свобода, имеющая божественную природу [6].

Таким образом, исследования некоторых общих мировоззренческих оснований в ряде философско-антропологических учений, позволяющих сделать вывод о существовании определенной последовательности в развитии идей, опирающихся на синкретическую методологию. Обращение известных мыслителей в разные исторические эпохи к рассмотренным здесь принципам не является чем-то случайным, скорее подобное стремление может быть представлено как некая закономерность, как результат метафизического поиска. Философско-антропологические основания синкретической метафизики задают в качестве идеала особого рода коллективное духовное бытие, где человек, проходя несколько стадий преобразования, возвращается к своей первоначальной целостности, иначе говоря, обретает вновь свою божественную сущность, то, что делает его богочеловеком. Отталкиваясь от изложенных позиций, в синкретических учениях делается вывод, о том, что природа человека не должна быть разделена, поскольку само человеческое бытие в своем совершенном состоянии с необходимостью возвращает его к изначальной цельности и единению со всем универсумом.

Литература:

1. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев. Москва : Издательство Юрайт, 2018. 468 с.
2. Элиаде М. Мефистофель и андрогин // Азиатская алхимия. Сборник эссе. М.: Янус, 1998. 604 с.
3. Эриугена Иоанн Скот. О разделении природы // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М.: Юрист, 1996. 336 с.
4. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 513 с.
5. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб., Художественная литература, 1994. 528 с.
6. Карсавин Л. П. О личности // Путь православия. М.: Фолио, 2003. С. 223 - 455.

Современная философская антропология как эстетика человеческого образа

Дорофеев Д. Ю.

Санкт-Петербургский горный университет, профессор кафедры «Философия». Доктор философских наук

dandorof@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам и перспективам развития современной философской антропологии. Автор стремится раскрыть принципиальные сложности и особенности положения философской антропологии начиная с конца XIX- нач. XX вв., когда философия, прежде всего феноменология Гуссерля и Шелера, начинает обращаться к актуализации «сущностного созерцания» и подчеркивать центральную значимость феноменального образа. Проблема взаимоотношений слова и образа является ключевой для философии прошлого века. Во второй половине XX века текст полностью определял собой визуальное, сейчас идет поиск образом своей суверенности. Визуализация культуры, набравшая такой большой темп благодаря виртуальным технологиям Интернета, вынуждает задумываться о развитии философской антропологии как эстетики целостного человеческого образа, который рассматривается как манифестация человеческого бытия и личности (в том числе благодаря православной визуальной антропологии и мистики света). Образ есть спонтанное самополагание человеком своей уникальности, а его эстетика – целостная феноменальная выразительность, восприятие которой осуществляется посредством философско-антропологически понятой эстетической интуиции вкуса. Актуализация философской антропологии требует нового фундаментального понимания эстетики, образа, личности.

Ключевые слова: эстетика, человеческий образ, феноменология, визуальная антропология, личность.

Modern philosophical anthropology as an aesthetics of the human image. Dorofeev D. Yu.

Saint-Petersburg Mining University

Abstract: The article is devoted to the problems and perspectives of development of modern philosophical anthropology. The author wants to reveal the fundamental difficulties and peculiarities of philosophical anthropology since the end of the XIX - beginning of the XXth centuries, when philosophy, first of all, the phenomenology of Husserl and Scheler, begins to turn to the actualization of “essential contemplation” and emphasize the central importance of the phenomenal image. The problem of the relationship between word and image is main to the philosophy of the last century. In the second half of the XXth century, the text completely determined itself as visual, now image search its sovereignty. The visualization of culture, which has gained such a fast pace thanks to the virtual technologies of the Internet, forces us to think about the development of philosophical anthropology as an aesthetics of a human image, which is seen as a manifestation of human being and personality (including thanks to Orthodox visual anthropology and the mysticism of light). An image is a person’s spontaneous self-determination of his uniqueness, and his aesthetics is an integral phenomenal expressiveness, the perception of which is carried out through the philosophical and anthropologically understood aesthetic intuition. The actualization of philosophical anthropology requires a new fundamental understanding of aesthetics, image, personality.

Keywords: aesthetics, human image, phenomenology, visual anthropology, personality.

і Всероссийский философский конгресс – событие масштабное в жизни отечественной философии.

і Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре».

Поэтому и представить на нем хочется не просто рассмотрение той или иной темы, что можно сделать на одной из многочисленных тематических философских конференций, а размышления на предельно актуальные и фундаментальные темы – в нашем случае для философской антропологии. А что может быть актуальней и фундаментальней для современной философской антропологии вопроса о том, как ее, собственно, сейчас понимать, в каком направлении и горизонте возможно ее продуктивное развитие, какова, наконец, ее судьба в пространстве современной культуры? Как нетрудно заметить, все эти вопросы касаются и самой философии, и, возможно, это не случайно, поскольку философская антропология в этом аспекте может служить «лакмусовой бумажкой» для всей европейской философии.

Очевидно, что размышления на подобные темы имеют очень большой дискуссионный потенциал и, как часто бывает в таких случаях, легко можно соблазниться общими фразами и оценками. Чтобы избежать этого, я позволю себе поделиться с вами своим пониманием перспектив современной философской антропологии, над которым я работаю последнее время. Возможно, не совсем скромно считать, что оно является ответом на указанные вопросы, на что я отвечу, что пытался и пытаюсь развивать его в первую очередь как мой личный ответ на те проблемные апории, которые характеризовали путь философской антропологии за последний век. Подчеркну, что, говоря о современной философской антропологии, я имею ввиду прежде всего конец XIX – нач. XX вв., период, когда усилиями Ницше, феноменологии и особенно Макса Шелера сформировалась определенная направленность в философской актуализации человека как средоточия философских проблем. Конечно, человек не выпадал из сферы внимания философов и ранее, практически с начала истории философии, но именно эта естественность и повсеместность антропологической темы для философии оказала ей дурную помощь, делая ее присутствие «везде и нигде», скрывая ее за всеми фундаментальными темами или, напротив, определяя их собой, и, как итог, лишая ее критического самоопределения. Впрочем, возможно, такое самоопределение только и оказалось возможным, как актуальная задача философии, лишь в начале XX века, когда ребенок, который был зачат и находился во чреве философии с начала VI в.д.н.э., стал активно призывать к своему рождению, самостоятельному выходу на свет.

Продолжая эту метафору, можно сказать, что весь XX век – это время растянувшихся и до сих пор не закончившихся родильных схваток философской антропологии. С одной стороны, часть философской антропологии уже видна, она обозначила себя громкими криками, и недаром только в наше время возможны книги с названием «Философская антропология Гераклита» или «Философско-антропологические взгляды конфуцианства». С другой стороны, пуповина еще не разрезана, и все чаще о философской антропологии говорят, скрытно или явно, как об «архивной дисциплине» (М. Блок). В определенном смысле все мы, связавшие себя с философской антропологией, виноваты в этом, поскольку «просто» размышления о человеке, предельно широкие и неопределенные по принципам их осуществления, наверное, хороши для учебников (большая часть которых посвящена истории развития идеи человека), но для серьезного исследования, тем более *philosophia prima*, размыывают ее границы и делают своего рода симулякром, красивым названием, за которое, при желании, можно спрятать все что угодно. Вот, например, оба наших уважаемых философа, Б. Марков и В. Губин, написали в свое время интересные книги под названием «Философская антропология» (а при желании можно было бы без труда найти с десятков таких одноименных монографий), но стало ли после них более конкретным и строгим само понятие философской антропологии?

Конечно, философская антропология не может иметь, в отличие от феноменологии, свой строго определенный новаторский метод, хотя тот же феноменологический подход вполне эффективно может использовать. Так что же тогда может обеспечить продуктивное развитие, что может позволить претендовать на то, чтобы быть локомотивом современной философии или даже новой *philosophia prima*, вспоминая заявленную, но так и не реализованную Максом Шелером (как и всеми последующими сторонниками философской антропологии) претензию или, вернее, мечту? Мой ответ таков: философская антропология, чтобы быть действенной и реальной, должна быть 1) способной ухватывать предельно актуальный нерв современности, 2) представлять свое собственное понимание и развертывание фундаментальных (в первую очередь онтологических) проблем и 3) уметь определять свои глубинные основания, как это делал, например, Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» или М. Хайдеггер в «Бытии и времени».

Можно подумать, что все это легче заявить, чем осуществить. В определенном смысле это так, но, с другой стороны, трудно не согласиться с максимальной актуальностью для нашего времени проблемы визуальности. Поэтому она столь востребована в философских исследованиях – подтвержде-

ния тому, например, популярность медиафилософии или активный всплеск интереса к «философии фотографии», представленной многочисленными работами (Р. Барт, С. Зонтаг, В. Флюссер, Р. Краусс и др.). Попытаемся сублимировать актуальность визуальности в сферу философской антропологии.

XX век начинается с высвобождения созерцания и созерцаемого из под власти логически понятийного и рационально мыслимого, что было связано в том числе с остро ощущаемым (в наибольшей степени, возможно, Г. Гофмансталем) кризисом и даже инфляцией языковых средств выражения. В философии эту тенденцию наиболее полно воплотила феноменология, с ее акцентом на «сущностном созерцании» (*Wesenseinsicht*) Гуссерля и «сущностном видении» (*Wesensschau*) Шелера (именно последний максимально радикально противопоставлял мир выговариваемый, обозначаваемый с помощью однозначных языковых символов – и мир созерцаемый в сосредоточенном молчании, почти мистической исихии). Даже такой сторонник логики и математики, как ранний Витгенштейн, рассматривает философию как «критику языка», создавая в «Трактате» фундаментальную эстетическую теорию образа и считая, что самое важное не поддается языковому выражению («о чем невозможно говорить, о том следует молчать») и доступно лишь созерцанию и переживанию. Но вторая половина прошлого века опять оказывается более прагматичной и на первое место выходят науки и направления, связанные с приоритетом языка (семиотика и структурализм), и вот уже Р. Барт в «Истории моды» однозначно заявляет, что визуальное («образ») полностью определяется и фундируется вербальным («текстом»). И это при том, что активизируются серьезные философские работы по исследованию визуальных искусств – прежде всего, как было указано выше, фотографии и кино (например, книга Ж. Делеза), – но образ не имел здесь своей суверенности, будучи исследуем по установкам и моделям языкового текста. Обретение суверенности образа началось лишь в конце XX- нач. XXI века (и определенное, немалое, влияние на это оказало распространение технологии Интернета с ее визуализацией и виртуализацией повседневной жизни, коммуникаций, самоидентификации, восприятия мира. очередной ценностной инфляцией слова и т.д.), но этот процесс еще далеко не завершился и со всей остротой стоит вопрос: как исследовать визуальный образ, чтобы не редуцировать его к знаковому тексту, чтобы иметь возможность выявить его самостоятельность, уникальность, собственную смысловую определенность.

Для нас эта проблематика концентрируется в контексте формирования и понимания современной философской антропологии как эстетики человеческого образа. Рассмотрение образа человека как системы знаков было представлено уже в античной физиогномике (например, Аристотеля), но нам необходимо вместо «физиологического», основанного на физической семиотике, представить эстетическое понимание человеческого образа. Кстати, О. Шпенглер в «Закате Европы» (т.1, гл.2) попытался расширить физиогномику до ее понимания как эстетической аналитики образа (гештальта) – но только не в отношении человека, каждый из которых есть отдельный конкретный образ, а в отношении европейской культуры (точнее, таких ее гештальтов, как древнегреческая, средневековая, возрожденческая, новоевропейская, фаустовская).

Но еще большую помощь в создании эстетики человеческого образа может, несомненно, оказать переосмысленное и развитое православное понимание образа, в котором крайне актуальным для современных философско-антропологических исследований является, во-первых, его личностное понимание; во-вторых, его понимание как полноправно существующего наряду со словом и в взаимосоотнесенности с ним (откровение Бога не только в слове, но и в целостном визуально-телесном образе – Иисус Христос не только Логос, но и личностная живая Икона); в-третьих, рассмотрение образа как манифестации бытия (образ как феноменальный способ открытия Первообраза). Последнее особенно важно, поскольку, начиная с западноевропейской схоластической традиции и продолжая новоевропейскими философскими и научными системами, образ рассматривался через противопоставление сущности, как несовершенное феноменально видимое – подлинной интеллигибельной эссенции (на этом, кстати, стоит спор «европейца» Варлаама с «византийцем» Гр. Паламой о энергиях божественного света: первый считал, что непосредственно видимое не может ни при каких условиях быть божественным, являться проявлением Бога, а второй, развивая «мистику света» считал, что может, различая, однако, феноменальную трансценденто-имманентную энергию от абсолютно трансцендентной сущности). Необходима онтологическая, персонологическая и эстетическая реабилитация целостного человеческого образа – но при этом без впадения в соблазны феноменализма, отождествляющего образ (явление, феномен человека) и бытие, т.к. их взаимные отношения – это фундамент сложнейшей личностно-эстетической диалектики личности и бытия, должной предстать альтернативой фундаментально-

онтологической диалектики Sein и Dasein Хайдеггера.

Конечно, нельзя не осознавать, что представленный философско-антропологический проект требует и нового понимания эстетики, традиционно и преимущественно до сих пор рассматриваемой как философия красоты в искусстве и природе. Эстетика человеческого образа – это не просто антропологическая эстетика, речь в ней идет не о красоте изображенного человеческого тела, ведь она выступает перспективой, горизонтом, способом развития современной философской антропологии, а, следовательно, в ней феноменально проявляются бытие и личностность (Personlichkeit) человека. А они связаны не столько с красотой, сколько с уникальной выразительностью каждого конкретного человека, которая раскрывает себя в феноменально целостном образе. Эта выразительность, с одной стороны, формируется в течение жизни (не случайно говорят о «образе жизни»), являясь результатом свободного «выбора себя» человеком, а с другой, она связана и с историко-культурными и социальными условиями «жизненного мира». Совсем отдельно здесь стоит личное имя человека, которое, даваясь ему при рождении, определяет собой дальнейшую направленность развертывания его личностного образа, что так глубоко подчеркивал еще о. П.Флоренский. Поэтому столь необходимо тщательное исследование механизмов, процессов и особенностей образного самополагания человека, которое в основном носит спонтанно-непроизвольный характер, осуществляется на дорефлексивном уровне и синтетически объединяет все основные составляющие образа (речь, интонация, одежда, личное домашнее пространство, соматические характеристики – прическа, походка, «образ тела» и т.п.) в целостную личностно-эстетическую определенность. Здесь эстетика человеческого образа словно взаимодополняет древнегреческий Aisthesis, связанный с чувственным восприятием пластического феномена, и идущую из христианства личностную самооценку и неповторимость человека, воплощающуюся, в частности, в проникновенной выразительности глаз.

И, конечно, философско-антропологическое изучение эстетического самополагания человеческого образа находится в неразрывной связи с исследованием особенностей эстетического восприятия феноменального образа, для которого столь важен опыт православной визуальной антропологии, «Критики способности суждения» И. Канта, феноменологии (в частности, М. Мерло-Понти), теории иконологии Э. Панофского и еще ряда ключевых концепций, каждая из которых внесла свой важный вклад в исследования образа. Эти труды должны быть учтены, (пере)осмыслены и развиты уже в новом синтезе современной философской антропологии как эстетики человеческого образа, который является актуальной задачей философии XXI века.

Homo morbosus в социокультурном пространстве современности

Жарова М. Н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный медицинский Университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, преподаватель. Кандидат философских наук

zharova.m.n@mail.ru

Аннотация: Homo morbosus – человек болеющий рассматривается как обозначение специфического качества человека – способности иметь состояние и опыт болезни, проявляющейся во всех формах его бытия (реальное, потенциальное, актуальное, перспективное, ретроспективное). Выделяется ряд особенностей болезни, определяющих специфику человеческого бытия в условиях социокультурной реальности. Медицинская культура рассматривается как интегральное социокультурное и культурантропологическое образование, определяющее особенности бытия человека болеющего.

Ключевые слова: homo morbosus, болезнь, медицинская культура, социокультурная реальность, бытие актуальное, бытие потенциальное

Homo morbosus in the social and cultural space of our time.

Zharova M. N.

FSBTI HE Rostov state medical University of Minzdrav RF, Rostov-on-Don

Abstract: Homo morbosus – human affected - is considered as a specific human characteristic – the ability to have a disease and to experience illness, manifested throughout all aspects of one's being (real, potential, current, prospective, retrospective). There are several features of the disease determining specifics of human existence in the conditions of socio-cultural reality. Medical culture is considered to be an integral socio-cultural and anthropological formation that determines specifics of the being of a person affected by a disease.

Keywords: homo morbosus, disease, illness, medical culture, social and cultural reality, being actual, being potential

Многогранность и многомерность, целостность и противоречивость человеческого бытия позволяет раскрывать все новые его грани и особенности. В философии уже существует ряд обозначений человека: homo sapiens, homo faber, homo ludens, homo informaticus и других, каждое из которых отражает один из модусов его бытия. Homo morbosus (от лат. morbus – болезнь, morbosus – больной) – это обозначение человека болеющего. Человек болеющий – это человек, имеющий опыт жизни в болезни, знание о болезни как форме бытия человека и действующий в соответствии с этим знанием и опытом.

Философская рефлексия бытия человека болеющего становится все более актуальной в социокультурных условиях современной действительности, отличающейся особым социальным статусом человека болеющего со всем комплексом его прав и обязанностей, уровнем развития научной медицины с комплексом разнообразных биомедицинских технологий и форм оказания медицинской помощи, присутствием многообразных вненаучных форм медицинского знания, этико-аксиологической составляющей медицины и здравоохранения.

Социально-исторические особенности современного общества обуславливают специфику ее медицинской культуры, в которых протекает бытие человека болеющего. Медицинская культура – это динамичная, сложноорганизованная, целостная антропосоциокультурная система, принимающая в зависимости от социальных и культурно-исторических условий разнообразные формы, и выполняющая определенные функции в обществе. Она является областью мировой культуры человечества, включающей в себя систему научных и ненаучных знаний, социальных и биомедицинских технологий, нацеленных на сохранение и улучшение здоровья человека, воплощает в себе культурно-исторические особенности социума и специфические особенности бытия человека болеющего.

В социуме человек болеющий имеет определенный статус в соответствии со своим физическим

состоянием (заболевающий, больной, практически здоровый, здоровый) исполняет социальные роли больного и пациента, выздоравливающего или болеющего. В течение всей жизни, начиная с физического рождения до биологической смерти, человек приобретает опыт и знания о болезни (своей и других людей).

Использование в современной медицине и здравоохранении биомедицинских и медико-социальных технологий, формируют качественно новую телесность человека, в которой идет дальнейшее существование человека. Бытие человека болеющего - это непрерывный процесс приобретения спонтанного разнообразного опыта болезни, как в своей жизнедеятельности, так и в жизни других людей. Человек болеющий имеет индивидуально своеобразное представление о болезни в жизни человека, отношении других людей, общества к больным, в котором переплетаются фрагменты научных знаний, стереотипы, предрассудки, заблуждения и т.д. Опыт болезни всегда субъективен и уникален в своей телесной, личностной и духовной составляющих, и в то же время отражает всеобщие закономерности бытия человека болеющего: осознание и принятие болезни, переосмысление мировоззренческих, смысложизненных вопросов в связи с болезнью, выработка стратегий поведения в соответствии с имеющимся состоянием здоровья, переход на качественно новый уровень с новым потенциалом физических, духовных и социальных ресурсов.

Болезнь воплощает в себе сущностные противоречия жизни человека, выявляет смыслы жизни человека в мире, в конкретном обществе. Болезнь как интегральный фактор человеческого бытия приносит в его жизнь боль, страдание, различные ограничения, которые в то же время становятся стимулом для изменений в области духовного и социального бытия человека болеющего. Таким образом, болезнь является парадоксальным по своей моральной сути явлением – зло порождает благо.

Болезнь пронизывает все бытие человека во времени, пространстве, структуре его телесности, сферах его духовного, психического и социального бытия. Последовательная смена в течение жизни человека периодов относительного здоровья, предболезни, болезни, выздоровления, здоровья – это смена форм инобытия человека болеющего.

Бытие человека болеющего выступает в форме реального и потенциального бытия.

Реальное бытие человека болеющего существует в таких формах, как ретроспективное бытие, актуальное бытие и перспективное бытие. Ретроспективное бытие представляет собой форму инобытия человека болеющего, включающего как реальное явление, существовавшее в прошлом, пережитую свою болезнь или болезнь других людей. Перспективное бытие - форма инобытия человека болеющего, включающее болезнь как возможное предстоящее явление в будущей жизни. Актуальное бытие является формой бытия человека в состоянии болезни во всех ее аспектах, включая весь комплекс переживаний, представлений, знаний, отношений, действий. В нем проявляется все содержание ретроспективного и перспективного бытия, возникает его потенциальное бытие как *homo morbosus* - «бытие-будущее».

Болезнь влечет не только изменения во внутреннем мире человека, но затрагивает и окружающих его людей. В зависимости от социального положения человека, переживающего болезнь, в группу людей, включенных в область знания и переживания болезни оказываются вовлечены большее или меньшее количество окружающих людей (от членов семьи и друзей до представителей всех слоев общества).

Специфическим явлением бытия человека болеющего, составляющим сущность его жизни, является нацеленность на продление жизни. Либерализация и демократизация общественной жизни отражаются в бытии человека болеющего предоставлением ему все больших прав и свобод. Общество предоставляет человеку право выбора между лечением и отказом от него, методами лечения и специалистами (врачами). Этот выбор на субъективном уровне становится выбором между стремлением к жизни в определенном состоянии и качестве и путем к смерти, путем «уступки», «покорности» начавшимся и развивающимся патологическим процессам и явлениям в организме человека. Бытие человека болеющего в момент актуальной (реальной) болезни – это момент бытия, в котором определяется индивидуальный тип «пути спасения», который представляет собой определяемый личностью для себя тип образа жизни и деятельности, нацеленный на избавление от заболевания, на сохранение жизни, восстановление состояния здоровья. Основу индивидуального типа «пути спасения» составляет система ценностей личности, содержание его мировоззренческих установок и убеждений. Во всех случаях в соответствии с биоэтическим и демократическим принципом уважения прав и достоинств личности,

человек должен осуществлять свободный, ответственный выбор. Это выбор, который делает человек при наличии полной, достоверной информации о состоянии своего здоровья, имеющихся методах его улучшения, возможных при этом рисках, предоставленной ему в доступной для его понимания форме. Человек должен быть способен делать такой выбор, т.е. быть компетентным. Ответственный выбор - это выбор, при котором всю ответственность за принимаемое решение человек берет на себя, осознавая себя в мире во всей полноте своего бытия.

Потенциальное бытие *homo morbosus* – это форма инобытия человека болеющего, включающее болезнь как возможное в жизни явление. Жизнь в осознании потенциальной возможности болезни - это поиск зон жизнедеятельности, свободных от угрозы возникновения болезни. Субъективная оценка потенциальной угрозы для здоровья очень вариативна - от чрезвычайно внимательного отношения к факторам, создающим объективно минимальную угрозу, до признания незначительными факторов, объективно содержащих серьезную угрозу для жизни и здоровья человека. Эта субъективная оценка является основой для индивидуальной жизненной стратегии в отношении сохранения собственного здоровья. Индивидуальные стратегии имеют различные зоны свободы и в различной степени подчиняются власти общества, стремящегося сохранить жизнь и здоровье своих граждан.

Феноменальные люди в свете философской антропологии

Исхаков Р. Л.

Татарстанское отделение Международной академии энергоинформационных наук, президент.

Доктор философии

TRKfenomen48@mail.ru

Аннотация: Рассматривается определенный тип людей, называемых феноменальными, которые активно проявляют в социуме незаурядные способности. Ведется поиск общих причин становления таковых субъектов на современном этапе эволюции человека.

Ключевые слова: феноменальные люди, феноменальные дети, феноменальные способности

Phenomenal people in the light of philosophical anthropology. Iskhakov R. L.

President of the Tatarstan branch of the international Academy of energy information Sciences

Abstract: We consider a certain type of people called phenomenal. They actively display extraordinary abilities in society. We are searching for common reasons for the formation of such subjects at the present stage of human evolution.

Keywords: phenomenal people, phenomenal children, phenomenal abilities

Большой научный и философско-антропологический интерес представляют вопросы существования людей с феноменальными способностями. Что представляют из себя феноменальные люди? Это люди, обладающие необычными (уникальными, нестандартными) способностями, талантами: например, имеющие суперпамять, умеющие в уме оперировать многозначными числами, люди-магниты или такие, что развили в себе альтернативное зрение и т.д. Каковы объективные причины появления таких людей? Еще в конце XX века вышла книга американского психолога А. Маслоу о будущем человеке, в нем автор видит полную человечность, связанную с активностью «человеческих способностей и возможностей», которые необходимо развивать с детского возраста [1, с. 391].

По исследованиям Л. А. Рудкевича, у современных ретардированных детей существенно выше интеллект, они становятся принципиально обучаемыми с четырех с половиной лет, а к шести годам уже способны пройти школьную программу для первого класса; в каждом последующем поколении интеллект детей возрастает на один балл каждые пять лет [2, с. 29]. Сегодня трудно не согласиться с наличием факта эволюции человека, сталкиваясь с компьютеризованными детьми или удивленно наблюдая по телевидению за талантливым поведением малышей дошкольного возраста, демонстрирующими свои спортивно-цирковые, интеллектуальные и различные художественные способности. Таких детей мы называем феноменальными [3], позиционируя при этом от неудачного термина «дети индиго», придуманного американскими журналистами в конце 90-х годов [4].

Вспомним предсказания Ф. Ницше о суперчеловеке, мечты К. Э. Циолковского о космическом человеке, высказывания В.И. Вернадского о рождении ноосферного человека под влиянием внешних обстоятельств, но есть «внутренняя» универсальная способность человека к трансценденции, являющейся сущностью человека. По мнению Д. А. Леонтьева, человек «выходит за пределы не только внешних требований и ожиданий, но и собственных непосредственных потребностей» [5, с. 70]. Ссылаясь на дифференциальную антропологию, он на основе семи логик поведения выделяет семь уровней личности: из них только шестой соответствует уровню творческой личности, а седьмой можно назвать «просветленной личностью». К сожалению, таковых людей крайне мало. Анализируя работу Е. А. Железова, К. В. Прокументик [6, с. 36] соглашается с его мыслью о том, что «коренные связи человека со средой «носят характер сущностных сил, выступающих в виде потребностей, способностей, интересов, чувств, то есть субъективно-деятельных состояний, направленных приложений, устремлений индивидов к определенным отношениям с миром» [7, с. 23].

Комментируя произведение М. Шелера «Положение человека в космосе», В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова выделяют общие характеристики человека.

«Человек – живое существо, бесчисленные черты сближают и роднят его с животными, но человек тысячелетиями ищет все новые формулы, чтобы отличить себя от животного».

«Человек – такое создание, которое неустанно проводит границы, отделяя себя от природы вне и внутри себя». «Человек неустанно ищет потерянные тропы, нуждается в определении себя, чувствует себя венцом творения, тем местом, где все обращается в слово». «Человек нуждается в антропологии, обозначает свое место в космосе, он поднимает себя» [8, с. 167 - 170].

Литература:

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. М.: смысл, 1999. 425 с.
2. Рудкевич Л.А. Эпохальные изменения человека на современном этапе и педагогические инновации // Вестник практической психологии образования. 2005. № 4 (5). С. 28 – 38.
3. Исхаков Р. Л. Феноменальные дети – кто они? (2-е изд., доп.) Казань: Отечество, 2009. 108 с.
4. Кэрролл Л., Тоубер Дж. Дети «Индиго»: Новые дети пришли. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003. 288 с.
5. Леонтьев Д. А. Человечность как проблема // Человек – наука – гуманизм: К 80-летию академика И. Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2009. С. 69 – 85.
6. Прокументик К. В. Сущностные силы человека: структура и уровни // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 4 (21). С. 35 – 43.
7. Железов Е. А. Сущностные силы человека: философско-мировоззренческий характер. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 164 с.
8. Губин В. Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология. М.: ФОРУМ, 2008. 400 с.

Экзистенциально-философские аспекты отношения «врач – пациент» в современной культуре

Камалиева И. Р.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

irina.kamalieva@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению трансформации отношения «врач – пациент» в современной культуре. Процессы сциентизации и институализации медицины в условиях медиализирующейся культуры привели к формализации отношений между врачом и пациентом и дефициту неформальных отношений в их межличностном взаимодействии. Современная медицина, для которой характерен парадигмальный кризис ее этического регулирования, пытается разрешить возникшую проблему деперсонализированного отношения к пациенту, создавая новые модели оказания медицинской помощи. Однако их преимущественная ориентированность на достижения в области естественных наук оставляет без внимания проблемы неформальных отношений врача и пациента. Возникает необходимость экзистенциально-философского переосмысления и определения онтологического статуса и роли власти, доверия и сострадания в отношении «врач – пациент» в условиях опосредования непосредственных связей между людьми нормативными принципами правового (контрактного) регулирования.

Ключевые слова: врач, пациент, власть, милосердие, доверие, сострадание.

Existentially-philosophical aspects of the relationship «doctor – patient» in modern culture. Kamalieva I. R.

South Ural State University (NRU)

Abstract: The article is devoted to the philosophical understanding of the transformation of the relationship «doctor – patient» in modern culture. The processes of scientization and institutionalization of medicine in the context of a medicalizing culture have led to the formalization of relations between a doctor and a patient and a shortage of informal relations in their interindividual interaction. Modern medicine, which is characterized by a paradigmatic crisis of its ethical regulation, is trying to solve the problem of a depersonalized attitude towards the patient, creating new models for the provision of medical care. However, their primary focus on achievements in the field of natural sciences disregards the problems of informal relations between a doctor and a patient. There is a need for an existentially philosophical rethinking and determination of the ontological status and the role of authority, trust and compassion in relationship to the «doctor – patient».

Keywords: doctor, patient, authority, mercy, trust, compassion.

Прогрессирующая медиализация современной культуры, ведущая к расширению влияния медицины на образ жизни человека, актуализирует и без того значимую проблему взаимодействия врача и пациента. Медицина традиционно предполагает коммуникацию людей на основе милосердной власти и сострадания по отношению к больному человеку со стороны врача и доверия по отношению к врачу со стороны пациента. Однако в современной культуре происходит «смещение» оснований и смыслов в отношении «врач – пациент».

Сциентизация и последующая институализация медицины детерминировали ситуацию смены парадигмы ее этического регулирования с традиционной на биоэтическую. И. В. Силуянова, констатируя наличие нравственного парадигмального кризиса в медицине, считает «"милосердие, спасение жизни, сострадание, бескорыстную помощь страждущему"» ценностями традиционной парадигмы, а "качество жизни", здоровье, прибыль и доход" – ценностями новой парадигмы, опирающейся на естественнонаучное знание и биотехнологические достижения» [1, с. 161].

Власть медицины над человеком как объектом медицинской практики в условиях медиализации культуры и формирования ею запросов к современной научной медицине стремится к приобретению ею всех возможных форм – от имевшейся и ранее личной власти-авторитета врача, основанной на его знании, до укрепляющейся неолиберальной власти социального института здравоохранения, действующего через предоставление свобод посредством «фармакологизация общества» [2, с. 49]. То есть «влияние медицины на образ жизни носит диффузный, подчас косвенный характер и не сводится к прямым терапевтическим вмешательствам: меняются сами модели сознания и стандарты поведения человека» [2, с. 50]. Отношение института здравоохранения к больному человеку, опосредованное фарминдустрией, теряет индивидуальную ориентированность – пациент становится безликим потребителем продукта, обеспечивающим прибыль.

Клиническая медицина, существующая в рамках института здравоохранения, в сегодняшней ситуации прогрессирующей институализации также теряет свою индивидуально-личностную ориентированность на конкретного пациента: медицинская помощь начинает оказываться строго согласно утвержденным государственным стандартам, при этом ее моральное регулирование стремительно замещается правовым. В условиях институализации социальной жизни в рамках научно-рационалистической мировоззренческой парадигмы происходит формализация отношений между людьми, ведущее к дефициту неформальных отношений.

В медицине, в которой «качество» взаимодействия между субъектами отношений оказывает непосредственное влияние на здоровье пациента, в процессе лечения в формализованные отношения неизбежно вплетается экзистенциальная составляющая, нехватка которой порождает скепсис как сомнение в возможности получить «участную» помощь врача в качестве опоры на пути лечения. Доверие к врачу сегодня формируется из рационального доверия к институциональной медицине и к экспертному знанию врача, а также иррационального доверия к врачу как к гуманному «участному» человеку, наделенному властью над телом и личностью пациента, ожидающего помощи в своей особой ситуации. И причем именно последнее не редко порождает первое и второе. Встретив именно «участного» врача, пациент не испытывает и недоверия к медицине вообще и профессионализму врачей в целом. Поскольку врач всегда выступает в роли власти имущего, проблема недоверия к врачу, выражается в страхе перед ним [3], и потому имеет экзистенциальный характер, и, следовательно, именно экзистенциальные факторы взаимодействия могут быть решающими.

Сострадание, являющееся составляющей со-переживания, со-существования, с институционализацией общественных процессов приобретает форму социальной справедливости – нуждающиеся в помощи люди обеспечиваются социальными благами через централизованное распределение ресурсов. То есть в современной культуре сострадание приобретает рациональные формы. В медицине сострадание формализованно встраивается в программы государственных гарантий и страховых обязательств учреждений здравоохранения. А иррациональное сострадание, во многих культурных традициях неразрывно связанное с милосердием, перестает быть необходимым условием отношения врача к пациенту.

Таким образом, в условиях смены этической парадигмы происходит трансформация оснований отношения «врач – пациент» с неформальных на формализованные. В современной медицине, в которой имеет принципиальное (регулируемое в том числе правом) значение исполнение социальной роли врачом, отношение меняется с «человек (врач) – человек (пациент)» на «врач (человек) – пациент (человек)». То есть человеческое меняется на социально-ролевое. Больной человек ждет *человеческого* отношения, а врач относится к нему как к пациенту, выполняя свои врачебные, институционально закрепленные обязанности. В данной ситуации врач из милосердного спасителя превращается в хладнокровного функционера деперсонализированного социального института здравоохранения, внушающего страх в связи с имеющимися у него и отсутствующими у больного (пациента) знаниями и властью над жизнью пациента.

Современное здравоохранение пытается решить возникшие проблемы деперсонализированного отношения к пациенту, создавая новые модели организации медицинской помощи. Например, 4П-медицина, интегрирует «понятия персонализации (индивидуальный подход к каждому пациенту), предикции (выявление предрасположенности к развитию заболевания), превентивности (предотвращении появления заболеваний), партисипативности (мотивированного участия пациента)» [4, с. 48]. Однако специалисты, признающие панацеей при решении проблем человеческих отношений в современном здравоохранении идеологию 4П-медицины, к сожалению, не учитывают, что

инновационные концепции здравоохранения внедряются через призму научных открытий в сфере биоинформатики, транскриптомики, генетики и других технических и естественных наук, что только усиливает биологизаторский подход к проблемам страдающего человека, тем самым актуализируя проблему изучения его экзистенциальных состояний.

Р. Витч выделил следующие «модели взаимоотношения врач-пациент, характерные для современной культуры: инженерная, пастырская (патерналистская), коллегиальная и контрактная» [5, с. 10]. Являясь идеальными моделями, они не могут существовать в чистом виде в медицинской практике. Инженерная модель, предполагающая полное игнорирование врачом личности пациента при вмешательствах в его организм невозможна по причине того, что врач – живой человек, осознающий цену своей ошибки и ее последствия для больного. Коллегиальная модель, предполагающая равное участие врача и пациента в процессе лечения, маловероятна по причине отсутствия у пациента фундаментальных знаний в области научной медицины. Наиболее вероятно взаимодействие врача и пациента в рамках существовавшей всю историю медицины патерналистской модели, и приходящей ей на смену контрактной модели, развивающейся в условиях страховой медицины. Однако можно с уверенностью предположить, что контрактная модель коммуникации в современной медицине, призванная оценивать риски для здоровья и жизни пациента через призму формализованных правовых отношений, и содержащая в своем основании научный скептицизм, будет способствовать дальнейшему усилению дефицита доверия в отношении «врач – пациент».

Таким образом, принципы милосердия, доверия, сострадания, являвшиеся непосредственным основанием конструктивных неформальных отношений людей в медицине, в условиях формализации социальных отношений перестают быть их самостоятельным и достаточным основанием. В процессе институализации социальных процессов основанием формальных отношений между людьми становятся нормативные принципы правового (контрактного) регулирования, которые опосредуют непосредственные связи между людьми. В процессе воспроизводства формальных (опосредованных) отношений возникает ситуация дефицита доверия по отношению к врачу, а также дефицит сострадания и милосердия по отношению к пациенту. Возникает необходимость экзистенциально-философского переосмысления статуса и роли власти, доверия и сострадания в отношении врача и пациента в современной медицине, а также определение их онтологического статуса и форм существования в современной социокультурной ситуации.

Литература:

1. Силуянова И. В. Избранные. о призвании врача. М.: Изд-во ООО «Форма Т», 2008. 256 с.
2. Желнин А. И. Биовласть как общесоциальный феномен и ее современные кризисные трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 49 - 56.
3. Марков Б. В., Хубулава Г. Г. Коммуникация врача и больного в истории культуры // Дискурс. 2016. № 1. С. 24 - 35.
4. Пальцев М. А., Белушкина Н. Н., Чабан Е. А. 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2015. С. 48 - 54.
5. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67 – 72.

Многообразие определений родовой сущности человека в философской антропологии Карла Маркса

Кондрашов П. Н.

Институт философии и права Уральского отделения РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

pnk060776@gmail.com

Аннотация: В докладе предпринята попытка экспликации многообразия определений родовой сущности человека (Gattungswesen des Menschen) в философии К. Маркса. В современном марксоведении господствует точка зрения, согласно которой Маркс понимает сущность человека только как «ансамбль общественных отношений». Однако, как показывает автор, в текстах Маркса имеется несколько определений. Так, родовая сущность человека определяется как: (1) истинная общность (Gemeinwesen); (2) праксис (Praxis); творческая продуктивная деятельность (productive Tätigkeit, Selbstbetätigung); (3) ансамбль общественных отношений (das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse). Показано, что, согласно Марксу, родовая сущность человека не дана природой, а возникает в ходе исторического развития. Более того, в «Капитале» Маркс различает инвариантную сущность (Praxis) и исторические модификации праксиса. Поэтому история понимается как «непрерывное изменение человеческой природы».

Ключевые слова: философия К. Маркса, родовая сущность человека, праксис, ансамбль общественных отношений, сущность и существование

The variety of definitions of the species essence of human beings in Karl Marx's philosophical anthropology. *Kondrashov P. N.*

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy and Law

Abstract: The report attempts to explicate the diversity of definitions of the species essence of human beings (Gattungswesen des Menschen) in the philosophy of K. Marx. In modern studies of philosophy of Marx dominates the view, according to which Marx understands the essence of human beings only as «the ensemble of social relations». However, as the author shows, there are several definitions in the texts of Marx. Thus, the species essence of human beings is defined as: (1) a true social relations of people, a real community (Gemeinwesen); (2) the praxis (Praxis), the creative activity (productive Tätigkeit, Selbstbetätigung); (3) the ensemble of the social relations (das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse). It is shown that, according to Marx, the species essence of man is not given by nature but arises in the course of historical development. Moreover, in «Capital» Marx distinguishes between an invariant essence (Praxis) and the historical modifications of praxis. So the history is understood as a «continuous change of human nature».

Keywords: K. Marx's philosophy, the species essence of man, praxis, the ensemble of social relations, the essence and existence

В последние годы в мировой философии, социологии, политической науке и политической экономике появляется всё больше и больше интересных и новаторских прочтений теоретического наследия К. Маркса. Однако на фоне такого повышенного внимания к Марксу, тем не менее, до сих пор бытует множество самых разных мифов о философии основоположника. Одним из таких мифов является представление о том, что у Маркса не было никакой «философской антропологии», а его учение о сущности человека представляло собой социологическое учение о «совокупности всех общественных отношений», которые редуцировались к отношениям производственным. В предлагаемом докладе мы на основе текстологического анализа попытаемся развеять этот миф.

Начнем с того, что К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» прямо говорит: «человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны определения человеческой сущности и человеческая деятельность» [1, с. 592], а в другом месте пишет: «человек присваивает себе

свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» [1, с. 591].

Как нам представляется, данные положения Маркса дают основание, во-первых, рассматривать человеческие формы действительности, сущности и деятельности в качестве имманентно взаимосвязанных и даже частью совпадающих в своих наиболее сущностных моментах; во-вторых, исходя из содержания этого тезиса, можно понять то, что Маркс в разных своих работах формулирует не какое-то одно определение человеческой сущности, а несколько, в зависимости от ракурса, перспективы и контекста, в которых рассматривается человек и его бытие-в-мире. Выделим несколько важнейших шагов, которые делает Маркс, постепенно всё глубже определяя родовую сущность человека.

1. *Высшая сущность человека – сам человек* [2, с. 428]. Эта дефиниция появляется в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843–1844). Несмотря на свою наивную тавтологичность, здесь мы в свёрнутом виде обнаруживаем одно из самых главных положений методологии Маркса: при исследовании общества надо всегда исходить из имманентных условий человеческого бытия, т.е. из самого человека, ибо «корнем для человека является сам человек» [2, с. 422].

2. *Сущность человека – истинная общность людей* (начало 1844 г.). Здесь Маркс, исходя из того, что человек – «существо общительное [ein geselliges Wesen]» [3, с. 19], делает следующий шаг – к социальной связи между людьми, и поэтому у него оказывается, что «человеческая сущность является истинной общественной связью [Gemeinwesen] людей» [3, с. 23].

3. *Люди в процессе своей деятельности сами производят свою сущность*. В этом же конспекте книги Дж. Милля (1844) Маркс показывает, что сущность, понимаемая как общественная связь, уже связывается с человеческой деятельностью: субъектом творения родовой сущности является живой, конкретный, деятельный, действительный человек – «субъект этой общественной связи, человек» [3, с. 24]; или люди, которые «в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность» [3, с. 23]. Стало быть, «люди – не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов – суть это сообщество. Каковы индивиды, такова и сама эта общественная связь» [3, с. 24].

4. *Сущность может выступать как в человеческой, так и бесчеловечной (отчуждённой) формах*. Следующий шаг – определение истинного содержания человеческой общности, общественной связи. «Так как, – пишет Маркс, – человеческая сущность является истинной общественной связью людей, ... которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» [3, с. 23].

Но если социальный мир организован не по-человечески, то «эта общественная связь выступает в форме отчуждения [Entfremdung]. Ибо субъект этой общественной связи, этого сообщества [Gemeinwesen], человек, есть отчужденное [entfremdetes] от самого себя существо... Поэтому идентичными являются положения, что человек отчужден от самого себя и что общество этого отчужденного человека есть карикатура на его действительную общественную связь, на его истинную родовую жизнь; что его деятельность оказывается в силу этого мукой» [3, с. 24].

5. *Общественная связь людей – деятельно осуществляющаяся человеческая сущность, т.е. способ человеческого существования*. Развивая мысль о сущности человека как «истинной общности» в этом же конспекте книги Дж. Милля, Маркс приходит к важнейшему положению: «Обмен – как человеческой деятельностью внутри самого производства, так и человеческими продуктами – равнозначен родовой деятельности и родовому духу [Gattungstätigkeit und Gattungsg Geist], действительным, осознанным и истинным бытием которых является общественная деятельность и общественное наслаждение» [3, с. 23]. – Здесь мы обнаруживаем, что родовая деятельность и родовый дух (понимаемые как диалектическое единство) представляют собой действительное, осознанное, общественное и истинное бытие, т.е. способ существования человека.

6. *Родовая сущность человека – праксис, сознательная преобразующая деятельность (1844–1845)*. Из положения о способе человеческого существования Маркс делает следующий фундаментальный вывод: поскольку человек удовлетворяет свои витальные потребности посредством деятельности – праксиса [4, S. 19] – то именно она представляет собой способ существования человека в мире, именно «свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовый характер человека» [1, с. 565]. Стало быть, «продуктивная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, созидаящая жизнь» [1, с. 565], ибо «практиче-

ское созидание [praktische Erzeugen] предметного мира, переработка [Bearbeitung] неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т.е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу... Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь [werktätiges Gattungsleben]» [1, с. 566].

В своём анализе праксиса Маркс говорит не только о родовой сущности человека (*Gattungswesen des Menschen*), но употребляет также такие понятия, как родовый характер (*Gattungscharakter*), родовая жизнь (*Gattungsleben*) и жизнедеятельность (*Lebenstätigkeit*).

7. *Сущность – ансамбль общественных отношений*. Следующий шаг в развёртывании более глубокой дефиниции Маркс делает весной 1845 года, когда сущность человека определяет как ансамбль общественных отношений (*das ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*) [5, с.3; 4, S. 21]. Коль скоро, деятельность человека всегда протекает в конкретных природных, социальных, культурных, исторических условиях и структурах, которые, в свою очередь, постоянно преобразуются праксисом, то её содержание «наполняется», с одной стороны, предметным взаимодействием действующего субъекта (человека и общества) с объектным миром, втянутым в сферу праксиса; с другой стороны, – всеми теми отношениями, которые возникают в процессе совместной деятельности. А это значит, что человеческая сущность одновременно представляет собой и деятельность, и совокупность всех тех общественных отношений, связей, в которых эта деятельность развёртывается, которые она порождает, вне и без которых не может существовать. Таким образом, уже в этом определении сущности человека К. Маркс в имплицитной форме утверждает, что сущность эта имеет не только статический, но и динамический (исторический) аспект, ибо содержание ансамбля общественных отношений каузально и темпорально зависит от того мира, с которым вступает в эти отношения индивид.

8. *Историчность человеческой сущности*. В книге «Нищета философии» (1847) Маркс делает своеобразный прорыв в своих исследованиях сущности человека, выходит на новую, более высокую, ступень её освоения. Отныне природа человека понимается им не как нечто пред-данное, не как нечто априорное в смысле генетически заложенного при рождении, но как нечто динамическое и историчное: «вся история, – пишет Маркс, – есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» [6, с. 162].

Это положение развивается Марксом в знаменитом Введении к *Grundriß* (1857), где он пишет: «индивид XVIII века – продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой – развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, – представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется им не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо именно он признается у них индивидом, соответствующим природе, согласно их представлению о человеческой природе, признается не чем-то возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой» [7, с. 18]. Момент историчности человеческой сущности ещё раз фиксируется Марксом в *Grundriß*: человек, «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [7, с. 476].

9. *Синтетическая дефиниция*. Наконец, в первом томе «Капитала» (1867) Маркс синтезирует все предшествующие определения. Так, он пишет: «Если мы хотим узнать, что полезно, например для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу... Если мы хотим применить этот принцип к человеку..., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [8, с. 623].

Что же это за «человеческая природа вообще»? Ответ мы находим здесь же, в первом томе «Капитала». «Процесс труда... в простых и абстрактных его моментах, – пишет Маркс, – есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её формам» [8, с. 195].

Таким образом, у Маркса деятельность, с одной стороны, выступает как инвариантная родовая сущность человека вообще, с другой – каждый конкретный индивид всегда оказывается погружённым в уникальный ансамбль общественных и индивидуальных отношений, порождаемых социально-историческим существованием каждого конкретного живого индивида. Стало быть, инвариантная сущность воплощается в уникальном историческом существовании, оказывается уникальной у каждого конкретного человека.

Литература:

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 414–429.
3. Маркс К. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 5–40.
4. Marx K. Feuerbach // Marx–Engels–Gesamtausgabe (MEGA²). Berlin: Akademie Verlag, 1998. IV Abteilung. Bd. 3. S. 19–21.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.
6. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 65–185.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 3–508.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1961. 907 с.

Феномен праздности в экзистенциальном опыте человека

Костомаров А. С.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

arthur_boyard@mail.ru

Аннотация: Праздность, бездеятельность понимаются в исследовании как условия бытия в открытости. В исследовании выявлена взаимосвязь между праздностью и профанацией. В онтологическом аспекте профанный жест позволяет существу быть таким какое оно есть, в социальном отношении возвращает изъятые из публичного пространства смыслы в общее пользование.

Ключевые слова: праздность, бездеятельность, открытость, потенциальность, биополитика, профанация.

The phenomenon of idleness in the existential human experience.

Kostomarov A. S.

Samara National Research University

Abstract: In research work the idleness, inactivity are understood as necessary conditions of human being as open being. From the ontological point of view, the secular sign allows the essence to be as it is, from social point of view it returns the meaning withdrawn from public space to the common use.

Keywords: idleness, inactivity, peace, openness, potential, biopolitics, profanity.

Целью данного исследования является антропологический анализ и экспликация экзистенциального смысла феномена праздности. Поэтому методологически нам хотелось бы дистанцироваться от социологического способа осмысления праздности, который с необходимостью подразумевает бинарную оппозицию деятельности и бездеятельности, работы и лени, труда и досуга. Социологический подход определяет праздность как свободу от необходимости быть занятым, как форму легитимного освобождения от труда. Праздность здесь определяется в границах социальной нормативности, а не в аспекте онтологической особенности самого опыта праздности. Поэтому нам представляется, что любые формы социального осмысления феномена праздности невозможны без изначальной экспликации его онтологического и экзистенциального смысла.

Тема праздности, бездеятельности не входит в корпус привилегированных тем европейской культуры, поскольку философская, религиозная, а вместе с ними и политическая традиция выстраиваются вокруг принципа активности, действия. Поэтому говорить о праздности, заниматься ее изучением означает ставить себя в определенное маргинальное по отношению к культуре положение. В этом отношении характерен фрагмент из «Никомаховой этики», где Аристотель рассуждает о том, что у конкретного человека может быть определенное занятие, назначение, которое характерно определенному роду деятельности. Но если есть ли назначение у человека как такового, не является ли он по своей природе бездеятельным? И почему человек не тождественен одной деятельности, а способен переходить от одной формы деятельности к другой? Быть может, именно потому, что человек изначалью бездеятелен, он может осваивать разные виды и формы деятельности? Аристотель пишет: «Если принять во внимание назначение человека, ибо, подобно тому, как у флейтиста, ваятеля и всякого мастера да и вообще, у кого есть определенное назначение и занятие, собственно благо и совершенство заключены в их деле точно так, по-видимому, и у человека, если только для него существует назначение. Но возможно ли, чтобы у плотника и башмачника было определенное назначение и занятие, а у человека не было бы никакого, и чтобы он по природе был бездельник?» [1, с. 127]. Допуская предположение о бездеятельности человека как форму риторического приема, Аристотель определяет человека как деятельность, как особую жизнь, которая формируется в соответствии с Логосом [1, с. 158]. Бездеятельность, праздность есть то, что для Аристотеля необходимо преодолеть, чтобы показать ак-

тивный, деятельностный характер человеческого бытия.

В итоге, благодаря Аристотелю в европейской философии формируется примат деятельности и праксиса в осмыслении человеческой природы, а такие формы проявления человека как праздность и бездеятельность изгоняются на периферию человеческого опыта, становятся формами маргинального выражения человека. В европейской культуре человек определяется через свою способность к начинанию, труду, производству, а не посредством своей способности не, того чего человек может не делать.

Согласно мысли итальянского философа Джорджио Агамбена, человек изначально есть бездеятельное, праздное существо. «Человеческая жизнь, – пишет Агамбен, – бездеятельна и лишена цели, но именно это отсутствие дела и цели делают возможной беспримерную человеческую деятельность. Человек посвящает себя производству и труду, потому что в действительности по своей сущности он лишен дела, потому что он, прежде всего, животное суббота» [2, с. 70]. Именно праздность, бездеятельность, считает Агамбен, является тем онтологическим свойством, которое отличает человека от животного. М. Хайдеггер в «Основных понятиях метафизики» проводит важное онтологическое различие: вещи и предметы безмирны, животное скудомиро, лишено мира и только человеческое бытие обладает мирообразующим характером [6, с. 230-231]. Как полагает Хайдеггер, существование животного определяется внешними растормаживателями, то есть определенными природными условиями, поэтому животному присуще оцепенелость, зависимость от внешних условий. Вследствие такого положения животное неспособно вступить в отношение к себе, животное существует в окружающей среде и не способно пережить мир как открытое, как *aletheia*. «Животное как таковое, – пишет Хайдеггер, – не пребывает в открытости сущего. Ни его так называемое окружение, ни оно само как сущее не открыты. Так как животное в силу своей объятости отъятием и целокупности своих способностей гоняется по кругу разнообразных инстинктов, оно принципиально не имеет возможности впустить себя ни в сущее, каковым оно не является, ни в сущее, каковым оно само предстает. В силу этой гонимости по кругу животное как бы зависает между самим собой и своим окружением, не познавая ни то, ни другое как *сущее*» [6, с. 237]. Как мы видим, животное не способно отнестись к своим внешним растормаживателям, получить по отношению к ним некоторую дистанцию, оно оцепенело пребывает внутри определяющей его среды. Согласно Агамбену, отличие человека от животного, как раз состоит в том, что человек, будучи принципиально бездеятельным, праздным, может приостанавливать воздействие внешних раздражителей, дезактивировать себя, вычитать себя из различных форм актуализации, прерукций и предустановленных схем мира. Именно тогда, когда человек способен к деактивации своей жизни, он открывает саму возможность быть, мир как открытое. Праздность, бездеятельность выступают для человека условием бытия в открытости. «Следовательно, то, что предстает в начале, в самом неиспользовании возможности, есть сам *исток потенции*, а тем самым – и *Dasein*, т. е. сущего, которое существует в форме бытия-возможным. Но эта потенция или изначально делание-возможным как раз поэтому имеет основополагающую форму не-потенции, им-потенции, ведь она может исходить только из *неспособности*, из пассивизации единичных специфических конкретных возможностей» [3, с. 82].

Таким образом, становление человека в качестве человека возможно благодаря бездеятельности, праздности, которая позволяет человеку осуществить переход от различного рода внешних определений к миру как таковому, как открытому. Будучи формой приостановки деятельности, праздность не только позволяет обнаружить мир в его открытости, но дает возможность человеку вступить в отношение к самому себе, открыть собственную способность быть, свои потенциальные способности и возможности. «Способность-не, приостанавливая переход к действию, – утверждает Агамбен, – нейтрализует способность и демонстрирует ее как таковую» [4, с. 63]. С нашей точки зрения, праздность и бездеятельность возвращают человека к его собственным бытийным способностям, вводят человека в регистр бытия заново и в этом смысле праздный человек существует в открытом мире, в мире возможного, а не действительного. Опыт праздности открывает человеку его этос, собственную манеру быть, которая и формирует человека как индивидуальное бытие. Манера есть то, что указывает не на сущность, или субстанцию, а на способ, посредством которого индивидуальное бытие экспонируется себя. Именно манера как собственный способ быть, как уникальный способ предъявления себя, выступает одновременно условием индивидуации самости человека и условием ее тождества. Таким образом, праздность для Агамбена есть особая деятельность, связанная с открытием собственного этоса, своей манеры быть.

В итоге для Агамбена человек – это то, что существует в зазоре между собой и своими возможностями, истина человека не в том, что он нечто делает, но в том, скорее, чего он не делает. Человек сбывается как человек в недеянии, в немощи. Это позволяет нам сделать вывод о том, что Агамбен стремится построить своего рода онтологию «слабого» существования, «презентативной бедности», или как справедливо указывает Лоренцо Кьеза антропология Агамбена есть новая рецепция францисканской этики в условиях современной постметафизической традиции [5].

Праздность связана не только с деактивацией жизни, благодаря которой, как мы выяснили, человек обретает мир как открытое, вступает в отношение к себе, праздность также предполагает профанный жест. Опираясь на идею биополитики, разработанную М. Фуко и понятие чрезвычайного положения К. Шмитта, Агамбен считает, что современная власть, включая человека в предустановленные режимы идентичности, колонизирует жизненный мир человека, контролирует его способности и неспособности. Власть в интерпретации Агамбена требует того, чтобы любое намерение, любая способность человека были переведены в действие, в акт, включены в диспозитивное пространство. В итоге человек отчуждается от своей «способности не» и вследствие этого больше не может сопротивляться и противостоять. «Ничто не превращает нас в нищих и не лишает свободы так, как это отчуждение неспособности, – отмечает Агамбен. Человек, отделенный от того, что он может делать, способен ещё сопротивляться, он ещё может не делать чего-либо. Но тот, кого оторвали от собственной неспособности, прежде всего, лишается возможности противостоять. Лишь острое осознание того, чем мы не можем быть, гарантирует нам истинное понимание того, чем мы являемся, – точно так же ясное представление о том, чего мы не можем делать или чего мы можем не делать, наполняет наши действия реальным содержанием» [3, с. 74]. Именно профанный жест, полагает итальянский философ, открывает человеку его исходное праздное состояние и позволяет вернуть то, что когда-то находилось в общем использовании (смыслы, ценности, идеи). В своих работах Дж. Агамбен различает профанацию и близкую ей по смыслу операцию секуляризацию. Секуляризация, меняя местами небесную и земную власть, является инструментом легитимации нового вида власти. Профанный же жест – это выведение чего-либо из символического, из отношений, определяемых властным порядком. Символическое пространство предписывает человеку тождество и соответствие сложившимся социальным и властным диспозициям, предзаданным формам идентичности, профанный жест, как его раскрывает Агамбен, – это любовный жест, жест спасения, поскольку он возвращает чему бы то ни было возможность быть тем, что оно есть, дает место для того, чтобы быть таким как это нечто есть. Поэтому профанация для Агамбена становится этической и политической задачей современности.

Обращение к феномену праздности позволяет нам по-новому сформулировать в современной философии вопрос о том, как возможна индивидуальность человека, вопрос о способности человека к начинанию и свободе.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах // Том 4. М.: Мысль, 1984. 832 с.
2. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 190 с.
3. Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
4. Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: Грюндриссе, 2015. 192 с.
5. Кьеза Л. Францисканская онтология Дж. Агамбена. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://s357a.blogspot.com/2012/04/blog-post.html>
6. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. М.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Движение от гуманизма к антропофобии как мировоззренческая «революция мутантов»

Кутырев В. А.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Доктор философских наук

kut.va@mail.ru

Аннотация: С изменением положения человека в обществе изменяются его представления о собственной природе. От эпохи Просвещения, когда он считался высшим на Земле сущим до современной технологической революции, которая превращает его в один из своих факторов. Как следствие идеология гуманизма вытесняется антропофобией, считающей Homo genus ущербным существом, требующим замены себя чем-то иным, «совершенным». Техногенная цивилизация порождает социально все более значимое число людей с мутированными формами сознания, когнитивных роботов как приверженцев постчеловеческого трансгуманизма. Автор статьи призывает к сопротивлению этим суицидным тенденциям.

Ключевые слова: Человек, гуманизм, антропофобия, мутации, мизантропология, роботообразные, сопротивление.

The movement from humanism to anthropophobia as the ideological “revolution of mutants”. *Kutyrev V.A.*

Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

Abstract: With a change in the position of man in society, his ideas about his own nature change. From the Enlightenment, when it was considered the highest on Earth, to the modern technological revolution, which turns it into one of its factors. As a result, the ideology of humanism is supplanted by anthropophobia, which considers Homo genus to be a defective creature that requires replacing itself with something else, “perfect”. Technogenic civilization gives rise to a socially more significant number of people with mutated forms of consciousness, cognitive robots as adherents of posthuman transhumanism. The author of the article calls for resistance to these suicidal tendencies.

Keywords: Man, humanism, anthropophobia, mutations, misanthropology, robot-like, resistance.

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как ловок и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равный Богу – разумением! Краса Вселенной! Венец всего живущего!» [1, с. 167]

і Это пафосное представление о человеке выражает суть идеологии гуманизма, которой вдохновлялась европейская, а по настрою, вся мировая цивилизация, ее искусство, мораль, политика, воспитание и образование. Гуманизм был своего рода религией Возрождения и Просвещения, в начале XX века дело дошло до так называемого антропологического поворота, призывавшего смотреть на любое сущее сквозь призму судьбы человека. С тех пор человеческая мысль сделала много разных поворотов, чего только не сбрасывали с «парохода современности», но еще в конце XX века у нас, да и на Западе говорили о Новом гуманизме и Реальном гуманизме. (Э Фромм, И. Т. Фролов). После просвещенческой «смерти Бога», другой, более высокой цели, чем они сами, у людей нет и, казалось, быть не может.

Но вот произошла Великая Информационная Революция, возникли НБИКС-цифровые интеллектуальные технологии, открывшие перед человечеством безграничные возможности воздействия на всю реальность, включая себя. И на передовых рубежах цивилизационного развития начались, а сейчас переходят в main stream процессы, противоположные гуманизму. Объявленная в постмодернизме как культурологическом выражении информационной революции «смерть человека»,

і Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

бывшая некоей абстракцией, «гносеологией», перерастает в онтологическое учение, особенно в обслуживающей технотехнологии философии. Пропагандируются идеи улучшения человека, а потом необходимость его перерастания в нечто, должное его превзойти, оформилось, и распространяется трансгуманистическое движение с проектами создания постчеловека.

Эти тенденции, однако, долго не получали более общего и широкого мировоззренческого подкрепления. Почему надо улучшать или заменять человека чем-то иным, если он и так «хорош»? «Хороший, но несовершенный» – этого тоже мало, чтобы обосновать его самоотрицание.

И вот, наконец, такой фундамент подводится. Нарастает вал публикаций, в которых утверждается, что человек не просто несовершенный, он был изначально плох. «От Адама». С гуманизма как исторического идеологического течения критика переносится на учение о человеке вообще и на философскую антропологию, в частности. Атакует человек «как таковой». Началась борьба человека с самим собой, в лице его пере(вы)рождающихся в постлюдей экземпляров, так называемых «технолюдей», а точнее, техноидов, которые становятся все активнее. Антропология перерастает в антропофобию. Под разными соусами: «конца человеческой исключительности», «симметрии с вещами», «децентрации», «нашего я не существует» и прочими, приготовленными из ученого недо/пере/мыслия или лицемерия. Потому что становление на Земле техногенной цивилизации ведет к тому, что человек действительно из личности и субъекта превращается только в фактор и агента сетей. В зомби, чье сознание похищено силами Иного. Даже на бессознательном уровне. Соответственно, идеология человека замещается идеологией «расчеловечивания», что является сущностным мировоззренческим признаком мутации человечества в постчеловеческое состояние. Его вырождения, той самой антропологической катастрофы, которой еще недавно только пугали. А когда она реально происходит, что у ней есть творцы и апологеты, предпочитают не видеть. Проповедующие «трансформативную антропологию» людоеды, хотят они того или нет, станут (становятся) людоедами.

В подтверждение возникновения антропофобии и антропофагии нет смысла придумывать что-то свое, особенное. Мы предлагаем всем, кто еще не забыл о гуманизме и человеке (про/пере) читать замечательную статью П.С. Гуревича «Мизантропология как метанойя» [2]. В ней убедительно показано, что антропофобия не чьи-то субъективные эмоции, а целое суицидно-геноцидное мировоззренческое течение на переднем крае современной цивилизации. В статье дан аналитический обзор соответствующих публикаций, в которых в открытой форме проповедуется ненависть к человеку. Мизантропология – теоретическое выражение мизантропии. И эта мизантропия есть метанойя – с греческого – «перемена ума», переворот в умах людей, переосмысление представлений о самих себе. Показано, что содержанием антропологии, теперь вернее анти-антропологии, становится диффамация человека как биологического существа. Вместо «венца природы», например, некий Гари Маркус объявляет, что ««дизайн» человеческого мозга и самого человека (sic! – курсив мой) никуда не годится. Его можно назвать «ошибкой природы». Это дефектный механизм, хотя практически мы не замечаем его ущербности» [2, с. 22]. Человек - это «клубок» (по русски – халтура), «выродок эволюции» (один из подзаголовков статьи Г Маркуса). Исполняют эти похоронные сочинения все больше хором. Хор зомби-техноидов-трансмутантов! Про(а)грессоров! Коллективное самооплевывание, исторический смысл которого, в подготовке замены людей каким-то другим, естественно, искусственным, и, разумеется, с лучшим «дизайном».

Свою критику этого процесса П. С. Гуревич заключает выводом, который, однако, носит умиротворяющий характер, в пастельных тонах. «Мизантропология – заметное явление современной философско-антропологической мысли. Она имеет множество оттенков, ставит острые метафизические вопросы. Именно поэтому мизантропология оказалась на переднем рубеже философско-антропологической рефлексии» [2, с. 34]. Причина мягкости заключения в том, что автор Авторитет, системный философ и должен был следовать в русле main stream. Горе тем людям, которые смотрят дальше своего носа и хотят защищать себя. Теперь они - маргиналы, пытающиеся (у)стоять среди катящегося к техническому океану вала полярных мышей-лемминогов. Нас – т(а)щит.

Или, например, российский физиолог, пожалуй, один из самых популярных в интернете авторов, С. Савельев публикует книгу «Нищета мозга» [3], где утверждается, что мозг большинства людей – это похотливая и никчемная часть тела и что им надо управлять со стороны. Кем? Людями, у которых особый - «деловой мозг». Для их выявления выдвигаются идеи «церебрального сортинга», своего рода конкурса мозгов. Когда томографы станут более совершенными, – считает этот безнадежно, до (без?) мозга костей ограниченный специалист, – отбор хороших мозгов для управления можно легко

производить. При таких намерениях (вставайте в очередь...) действительно, говорить о сохранении идентичности вида Homo Genus не приходится. Технократы рвут(ся в) мозг! Чтения мыслей «извне» им мало, нужны химические и электронно-механические манипуляции. Сначала, для (само)обмана, будут предлагать «гибридный мозг», вживление усиливающих его работу чипов, взаимодействие чипизированных и т.п.

Короче говоря, с точки зрения судьбы родового человека началась, грядет Революция Мутантов. Восстание техноидов и борьба с природой человека – ее первый этап. Это расчистка, выжигание места для реализации потребности в клонировании и киборгизации. Ее конечным результатом будет «поствитализация», т.е. уничтожение жизни на нашей планете, о чем открыто говорят наиболее последовательные адепты трансгуманизма. Сейчас возникает промежуточное звено между человеком и роботами. Как между обезьяной и человеком были антропоиды, человекообразные, так теперь появляются роботообразные. Уже есть. «Роботы в сознании» = «ментальные = когнитивные роботы». Перезагруженные. Главным словом лжи, написанным на знамени подготовки предстоящей сингулярной революции, является «бессмертие». Которое будет, но не людей, а техногенно-виртуальных конструкторов Искусственного Интеллекта. XXI век – время по-явления мутированных форм *Homo sapiens*, которые становятся все более агрессивными. Но которым, все, кто хотят оставаться живыми людьми должны сопротивляться, выступая не за конвергенцию, а за коэволюцию с техникой. [4]. Или надо хотя бы достойно попрощаться с антропологией и гуманизмом, как можно дольше культивируя светлую память о том, что тысячи лет на Земле было такое уникальное существо: «ЧЕЛОВЕК».

Литература:

1. Шекспир У. Гамлет. // Трагедии. Сонеты. М., 1968. 792 с.
2. Гуревич П. С. Мизантропология как метаноия // Человек. 2014, № 6. С. 20-28.
3. Савельев С. В. Нищета мозга. М., 2014. 192 с.
4. Восстание техноидов: ни природы, ни культуры (беседа А. С. Нилогова с В. А. Кутыревым). // Вопросы культурологии. 2016, № 1. С. 49-54.

Философское мировоззрение: практический аспект антропологии Макса Шелера

Львов А. А.

Старший преподаватель кафедры философской антропологии СПбГУ. Кандидат философских наук

a.lvov@spbu.ru

Аннотация: Проект философской антропологии Макса Шелера является важным шагом на пути к постановке задач философии как практической дисциплины. Сам Шелер не успел разработать антропологическую проблематику в деталях, но мы обнаруживаем у него важные свидетельства о роли философского мировоззрения как реализации этических и аксиологических задач. Исследуя работы самого философа и привлекая богатый критический материал, мы реконструируем его подход к философской практике, антропологии как философии действия. Важно понять, что для преодоления каких бы то ни было культурных разногласий и идеологических конфликтов, имеющих место в мире, Шелер предлагал правительству обращаться к специалистам по анализу мировоззрений, поскольку видел возможность научить политиков избегать односторонности и предубежденности. Анализ мировоззрения оказывается столь важен для Шелера потому, что именно мировоззрение составляет некую естественную сетку понятий и ценностей, которой обладает каждый народ и каждый представитель этого народа, и которые формируются различным историческим и социальным опытом этих народов. Все остальное суть лишь интеллектуальные проявления изначально единого и целостного конгломерата естественного мировоззрения.

Ключевые слова: философское мировоззрение, естественное мировоззрение, философская антропология, практическая философия, идеологические конфликты, Макс Шелер.

Philosophical Worldview: the Practical Aspect of Max Scheler's Anthropology. Lvov A. A.

Saint Petersburg State University

Abstract: Max Scheler's project of philosophical anthropology is an important step towards philosophy as practice. Scheler himself failed to develop anthropological problematic in details because of his death, however we reveal his seminal evidences for the role of philosophical worldview as the realization of ethical and axiological issues. Studying the texts of the philosopher and his profound critics, I observe and reconstruct his approach to philosophical practice, anthropology as the philosophy of action. Scheler suggested that the government should refer to the experts in the worldview analysis to overcome cultural crises and ideological conflicts, as he believed that he could teach the politicians to avoid superficial and one-sided opinions. The analysis of worldview appears to be crucial for Scheler, because it is worldview that sets a certain frames of concepts and values, which any people and its representative has, and which forms by different historical and social experiences of the peoples. All the rest is just intellectual phenomena of initially united and consistent conglomerate of the natural worldview.

Key words: philosophical worldview, natural worldview, philosophical anthropology, practical philosophy, ideological conflicts, Max Scheler.

Наш доклад будет посвящен ответу на вопрос о том, какое место занимает учение о мировоззрении в контексте проекта философской антропологии Макса Шелера.

Интересно отметить, что проблема учения о мировоззрении в контексте осмысления творчества М. Шелера оказывается до сих пор terra incognita. Несмотря на то, что изучение его идей активно продвигается и в России, и за рубежом, до сих пор этому вопросу исследователи не уделяли должного внимания — ни в русскоязычной, ни в иностранной научной литературе не было до сих пор специальной работы, в которой бы была представлена реконструкция учения Макса Шелера о философском мировоззрении. Такое положение дел может объясняться несколькими причинами, две из которых (как наиболее общие) мы и проанализируем.

Во-первых, проблема мировоззрения кроме как в поздней (1928 года) статье «Философское мировоззрение» особо Шелером не рассматривалась. Тексты по смежным темам — циклы статей «Нация и мировоззрение» и «Христианство и общество» — включенные в 6 том «Собрания сочинений» (*Schriften zur Soziologie und Weltanschauungslehre*), не отличаются систематичностью и даже взаимосвязанностью [1, с. 115—219; 221—324]. В этом смысле можно сделать вывод о том, что для Шелера проблема мировоззрения занимала только лишь в техническом отношении, как дополнение к его собственно антропологическим штудиям. Во-вторых, можно предположить, что мировоззрение в поздних сочинениях Макса Шелера играет роль вспомогательного понятия, которое он сам не считал концептуально значимым. Действительно, кроме уже указанной статьи, разработкой собственно философского мировоззрения или учения о мировоззрении философ ни в одном своем сочинении не занимался. Однако в сочинении 1924 годаⁱ «Проблемы социологии знания» он вводит понятие «относительно естественного мировоззрения», которое впоследствии оказалось весьма плодотворным в немецкой социологии и продолжило свою жизнь в работах более поздних авторов. Более того, именно с философским мировоззрением непосредственно связано развитие учения Шелера об инстинктах, присущих живым существам. Это учение, многие положения которого основаны на виталистической натурфилософии Ханса Дриша, стало важным пунктом в разработке философского учения о человеке как метафизической системе. И хотя сам проект остался незаконченным, можно говорить о внутренней взаимосвязи тех идей, которые он продумывал, начиная, по крайней мере с 1920-х годов.

Наконец, необходимость исследования заявленной Шелером проблемы мировоззрения обосновывает значение, которое сам автор придавал ему в своей исследовательской работе. Чтобы лучше уяснить себе это значение, обратимся к тому историческому моменту, когда эта проблема была сформулирована. Среди немецких исследователей взаимосвязей между сознанием и обществом первой половины XX века возникло стремление предложить «третий путь», который составил бы некий срединный вариант по отношению к идеалистическому (гегельянскому) и материалистическому — марксистскому или позитивистскому. Так, например, Макс Вебер и Эрнст Трёльч попытались миновать Сциллу и Харибду идеализма и материализма, выдвинув идею о том, что возникновение религиозных норм и идеалов независимо от общественных условий, и большую роль в этом процессе играют исторические обстоятельства, в которых люди стремятся применить эти идеалы к любому социальному устройству [3, с. 163—164]. Макс Шелер был одним из таких гуманитариев; он попытался разработать оригинальную социологию знания, которая стала бы таким «третьим путем» и, как надеялся на это сам автор, положит основание всей культурной политики [4, с. 4]. Он искренне полагал, что для преодоления каких бы то ни было культурных разногласий и идеологических конфликтов, правительство должно прибегать к помощи специалистов по анализу мировоззрений (*Weltanschauungsanalysis*), и именно такие специалисты смогут научить политиков, как избежать односторонности и классово-предубежденности в своей деятельности.

Собственно, анализ мировоззрения неслучайно оказывается таким важным для Макса Шелера предприятием. Он полагал, что именно мировоззрение составляет некую естественную сетку понятий и ценностей, которой обладает каждый народ и каждый представитель этого народа, и которые формируются различным историческим и социальным опытом этих народов. Все остальное (искусство, наука, политика т.п.) суть лишь интеллектуальные проявления (*Bildungsweltanschauungen*) изначально единого и целостного конгломерата естественного мировоззрения.

Исследователи философии М. Шелера справедливо отмечают, что философская антропология как отдельная дисциплина должна была составить метафизическое основание для многочисленных «региональных» человековедческих (в том числе и позитивных) дисциплин в рамках философской науки [5, с. 42—43]. При этом философская антропология должна обеспечить не только фундамент, но и цель познания человека: проект, над которым размышлял Шелер быть своеобразным путем к его собственной метафизике. И хотя история создания этого так и не получившего свое завершение в обстоятельной форме проекта была драматичнойⁱⁱ, это был важный шаг для подведения итогов господствовавшим в конце XIX—начале XX вв. направлениям и школам в философии. Вот почему, несмотря на незавершенность и достаточно фрагментарный характер метафизической системы Шелера, все-таки можно проследить развитие хода его мысли об учении о мировоззрении.

Следовательно, наша задача должна состоять в том, чтобы реконструировать место учения

ⁱ Опубликовано; а работать над рассмотренными в ней вопросами Шелер начал раньше, по крайней мере в 1921 году. См.: [2, с. 251].

ⁱⁱ Об истории создания философского учения о человеке М. Шелера см.: [6, с. 40 — 47].

о мировоззрении в рамках философской антропологии. Для этого необходимо обнаружить те концептуальные взаимосвязи между основными идеями в творчестве Макса Шелера, которые пронизывают его работы. Таким образом, по сути мы постараемся представить учение о мировоззрении в качестве идейного хребта, организующего разрозненные элементы метафизики Шелера. Собственно, сам философ уже в поздних сочинениях понимал как практическую квинтэссенцию своих теоретических изысканий: «<...> философски свободное исследование абсолютного возможно не только потому, что метафизика — всегда нечто *реальное*. У человека есть также законные *средства познания*, чтобы осторожно и основательно, в строго очерченных границах познать основу всех вещей — всегда, правда, несовершенно, но истинно и с очевидностью. И точно так же он обладает способностью в ядре своей личности обрести *живое причастие* к основе всех вещей. *Путь к этому должен быть указан*» (выделено нами. — *А.Л.*) [7, с. 5]. Такой метод позволит нам выявить плодотворные следствия из реконструированного концептуального единства философской системы Макса Шелера.

Литература:

1. Scheler M. Gesammelte Werke. Bern und München, Francke Verlag, 1963. Band 6.
2. Малинкин А. Послесловие // Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.
3. Staude J. R. Max Scheler. An Intellectual Biography. London, Collier-Macmillan Press, 1967. 298 p.
4. Versuche zu einer Soziologie des Wissens / Ed. Max. Scheler. Schriften des Forschungsinstitutes für Sozialwissenschaft in Köln. München und Leipzig, 1924. Vol. II.
5. Kelly E. Material Ethics of Value: Max Scheler and Nicolai Hartmann. Springer, 2011. 253 p.
6. Хорьков М. Контуры поздней философии Макса Шелера в свете его неопубликованного наследия // Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 7 - 47.
7. Шелер М. Избранные произведения. М.: Издательство «Гнозис», 1994. 490 с.

Образ чужого в нелиберальных концепциях философской антропологии

Марков Б. В.

Институт философии СПбГУ. Профессор кафедры философской антропологии. Доктор философских наук

bmarkov@mail.ru, b.markov@spbu.ru

Аннотация: Образ чужого понимается как феномен, складывающийся в сознании естественным путем, или как конструкт, специально создаваемый для поддержания идентичности и единства общества. Согласно концепции мультикультурализма, плавильным тиглем этносов и наций являются европейские мегаполисы. На самом деле, одни этносы растворяются, а другие, наоборот, образуют анклав, которые расширяются до такой степени, что коренное население может оказаться в меньшинстве на своей исторической территории. Старое различие «друг-враг», сложившееся в эпоху борьбы за ресурсы и территории, изменилось в эпоху масс медиа. Враждебно то, что угрожает виртуальному пространству сообщества. Отсюда образ врага становится чрезвычайно размытым, но не менее опасным. Под разговоры о гуманизме, мультикультурализме и толерантности происходит рост национализма, ксенофобии, насилия, терроризма. От этого другая крайность – тезис о войне цивилизаций. В кризисных ситуациях страх чужого порождает образ врага. На какое-то время он годится для воодушевления общества, но, к сожалению, легко выходит из-под контроля, перехватывается националистической идеологией и используется в политических целях.

Ключевые слова: Человек, общество, свой, чужой, друг, враг

The image of someone else in the illiberal concepts of philosophical anthropology.

Markov B. V.

Saint. Petersburg State University

Abstract: The image of a stranger is understood as a phenomenon that develops in the consciousness naturally, or as a construct specifically created to maintain the identity and unity of society. According to the concept of multiculturalism, the melting tigram of ethnic groups and nations are European megacities. In fact, some ethnic groups dissolve, while others, on the contrary, form enclaves that expand to such an extent that the indigenous population may be in the minority in their historical territory. The old “friend-enemy” distinction, which emerged during the struggle for resources and territory, has changed in the media era. What is hostile to the virtual space of the community. From here, the image of the enemy becomes extremely blurry, but no less dangerous. The rise of nationalism, xenophobia, violence and terrorism is taking place under the talk of humanism, multiculturalism and tolerance. From this the other extreme is the thesis of the war of civilizations. In crisis situations, the fear of the stranger generates the image of the enemy. For a while it is suitable for the inspiration of society, but, unfortunately, easily gets out of control, is intercepted by nationalist ideology and used for political purposes.

Keywords: Man, society, his own, a stranger, a friend, an enemy.

На наших глазах происходит трансформация представлений о времени. Сегодня интерес к «воображаемому», обозначенный представителями «новой истории», уступает место интересу к исторической памяти. И не только в научном сообществе. «Бои за историю» - одно из популярных шоу сегодняшних масс медиа. Но если посмотреть на участников телешоу, то их поведение напоминает не дискуссии ученых, а битвы в Колизее. Гладиатор живет, пока побеждает. Так и на телеэкране главное, сказать последнее слово. Суды над историей становятся «священными». Некоторым это напоминает инквизицию. Однако если учесть различие фактов и исторической памяти, то как в осуждении, так и прославлении прошлого следует проявлять осторожность. В случае конфликта фактов и памяти следует учитывать, что оценка событий не всегда адекватна. Например, нельзя объяснять ужасы ГУЛАГа

Грант РФФИ N 19-011-00779. *Нелиберальные концепции толерантности: история, практика, перспективы.*

садизмом охранников или политическим режимом. Если перечитать литературные воспоминания от Достоевского до Солженицина и Шаламова, то перед нами предстанет эволюция тюремно-каторжной машины, которая становилась все более мощной и требовала для своей работы все большего количества жертв. Кроме того, существует «логика» производства текстов. Новый автор должен создавать более привлекательный товар и обычно «сгущает краски» по сравнению с предыдущим писателем.

В этой связи можно посоветовать отказаться от роли судьи и занять позицию арбитра. Это значит разделять, по крайней мере, три фрагмента исторического знания: факты, ценности и оценки. Факты, тем более исторические, не абсолютны. Можно напомнить поговорку «Врет как очевидец». Ценности в свою очередь выступают не менее сильными мотивами исторических действий, чем экономика и политика. Что касается оценок, то их тоже нельзя запретить, однако приносить от первого лица, а не выдавать за абсолютные.

Дилемма либерализма и консерватизма в философии истории.

После падения «железного занавеса» началась эра разговоров о толерантности. В философии на передний план вышла проблема другого. Все говорили о диалоге, как форме признания. Герменевтика и теория коммуникации стали духовным лидерами современности. Параллельно левая критика, утратившая свой объект – тоталитарное государство, начала поиски малых форм насилия и выявила многочисленные его проявления в семье, школе, на работе. На этом фоне оформилось движение защиты прав человека. Университетские марксистки организовали феминистские движения и объявили войну мужскому господству. Движение за права заключенных, борьба против использования психиатрии в политических целях открыли для критики зоны насилия, которые прежде считались естественно необходимыми. Сегодня актуальными являются движения в защиту прав животных.

Вместе с тем, последствия критики разнообразных форм тоталитаризма от мужского господства до эксплуатации стран третьего мира, движения за мир, за разоружение, за веротерпимость, за независимость и политическую автономию, оказались совсем не такими, какие ожидались. Не отрицая важности этих движений, более того, сожалея об их постепенном спаде, нельзя не признать некоторой беспечности, как теоретиков, так и лидеров, не заметивших, фоновых событий происходивших под покровом речей о толерантности. Проще говоря, идеологи постмодерна не обращали внимания на ту часть истории, которую обычно акцентировали сторонники консерватизма. Они утверждали, что историю двигают вперед злые и сильные люди, ссылались на геополитические, биополитические и этно-национальные мотивы исторических событий. В отличие от либералов, осуждавших «ужасное прошлое» за нарушение прав человека, консерваторы славили исторических деятелей как героев, деяния которых нельзя оценивать общими моральными нормами.

Дилемма либерализма и консерватизма, скорее всего, относится к разряду вечных. Поэтому при оценке исторических событий историк должен занять позицию не судьи, а арбитра, т.е. разбираться, в чем правы или не правы конфликтующие стороны. Более или менее свободный взгляд на историю позволяет признать, что в нормальном состоянии общества либеральные ценности являются вполне достаточными для улучшения качества жизни. Наоборот, в чрезвычайных ситуациях на первый план выходят «генеалогические» силы истории – территории, этносы, ресурсы, а в сознании охваченных паникой людей пробуждаются архаичные мифы и забытые традиции. То обстоятельство, что в условиях глобализации и перехода от постиндустриального к цифровому обществу «пассионарность» проявляется по иному, чем во времена татаро-монгольского нашествия, обычно считают подтверждением правоты сторонников либерализма. Но при этом не стоит забывать, что «майданные» формы протеста не ограничиваются разговорами, а приводят к политическим переворотам. Точно также следует критически оценить мнение консерваторов, что вслед за закатом эпохи постмодерна наступает некий «ультрамодерн», реанимирующий постулаты целостности, единства и мессианизма. Обе крайние позиции не стоит расценивать как абсолютные. Реконструкция истории и понимание современности должны быть трансдисциплинарными, т.е. использующими различные техники анализа сложных общественных явлений.

Другой, чужой, враг.

Чужой стал темой многочисленных эмпирических исследований. Особенно большая работа про-

делана социологами и специалистами по межэтническим коммуникациям [2, с. 190 – 227]. Полученные результаты требуют серьёзного анализа, их нельзя непосредственно переводить в какие-то постановления, или санкции, которые осуществляются на основе естественных установок. Политика и законы, определяющие право чужого, существенно отличаются в разных культурах. Они принимаются членами группы или общества в целом как самоочевидные. На самом деле образы чужого являются сложными психо-политическими конструктами. Мигранты – это, как правило, люди, воспитанные в рамках традиционных обществ. Они являются носителями таких человеческих качеств, которые могли бы способствовать преодолению кризисных явлений эпохи ультрамодерна.

Философское решение проблемы чужого отличается от расхожих суждений о чужих, спасающихся бегством из охваченных катастрофами мест. Оно нацеливает на поиски более глубоких причин, таких как возникновение чрезвычайных ситуаций там, откуда приезжают чужие, и неурядицы внутри того общества, куда они приходят. Ненависть к чужому во многом определяется страхом беспорядка, при котором все начинают бояться всех. Осмысляя ритуалы жертвоприношения, Р. Жирар сделал вывод, что таким образом наши предки находили выход из кризисных ситуаций [2, с. 114]. Разумеется, сегодня мы не можем принять такой ужасный способ восстановления единства общества. Необходимы усилия по развитию экономики и демократизации общества.

Враг расценивается как своеобразная инкарнация дьявола. Иногда целая страна объявляется «империей зла». Это, конечно, не суд, а инквизиция. Поэтому необходимо исследование истории страхов. Может быть, их источник – ужас войны всех против всех, чувство мести, жажда реванша? Насколько эти страхи реальны, насколько они являются фантазмами, которые что-то замещают или вытесняют? Казалось, время войны ушло, но почему они снова возвращаются? По мнению Е.Н. Трубецкого, люди воюют не за кусок хлеба, а за идею. «Гений войны» у М. Шелера, Э. Юнгера и К. Шмитта также раскрывается на фоне противостояния торгашей и героев.

Демонизация зла обусловлена потребностью уничтожить то, что мешает осуществлению счастья. Очевидно, что препятствия на пути добра порождают поиски козла отпущения, т.е. жертвы. По мнению Г. Блюменберга, все это не просто риторика. Он полагает, что в кризисных ситуациях возникают микромифы и микрорелигии, оправдывающие протест совести против злодеяний власти [3, с. 167]. Следует признать, что эти меры не сразу приводят к оздоровлению сознания людей, которые и постстрессовой фазе истории нередко живут с чувством мести, и таким образом остаются горючим материалом для вспышек коллективного насилия. Когда царит всеобщий страх и подозрительность, всегда найдутся охотники использовать эти настроения в своих целях. Поэтому изучение психоистории общества является актуальной задачей общественных наук. Философская антропология, аккумулирующая различные знания о человеке, изучающая традиции, нормы, ритуалы, сохраняющие традиционные общества от распада, сегодня должны обратить внимание на арсенал антропотехник, которые способствуют преодолению страха чужого.

Иммунитет к чужому.

Существуют различные концепции объяснения вспышек ксенофобии. То, что на повседневном уровне наблюдается как увеличение числа приезжих, то, что переживается обывателями как страх и враждебность, то, что выражается в форме протестов, конфликтов и даже погромов, либеральные теоретики объясняют как результат политической пропаганды, создающей по заказу правящей элиты образ врага. Наоборот, консервативные антропологи считают, что формирование образа врага способствует консолидации зараженного внутренним насилием общества.

Переживание комплекса вины способствует толерантности, но ослабляет общества, которые перегружены приезжими. Сначала они начинают вести себя по своим правилам, потом добиваться автономии, а в итоге доминируют на территории принявшего их государства. Если рассуждать на основе фактов, а не поддаваться ксенофобии, то надо признать, что империя тем и отличается от замкнутого государства-нации, что привлекает на службу представителей присоединенных провинций. В ответ на критику «культурного империализма», можно указать, что процесс культурного взаимодействия имеет несколько направлений.

Здоровье культуры определяется высоким иммунитетом по отношению к чужому и одновременно способностью воспринимать полезные внешние факторы. Организмы, в том числе и культурные, являются открытыми системами, чужое, внешнее является, с одной стороны, опасным, а, с другой сто-

роны, полезным для внутреннего развития. Например, пребывание за железным занавесом напоминает профилакторий, очищенный от вирусов чужого. Но его обитатели утрачивают иммунитет и становятся беззащитными, если перегородки разрушаются. Конечно, неверно мыслить представителей чужих культур по аналогии с антителами, раковыми клетками. Биологические организмы получают извне, прежде всего, пищу, которую поглощают, усваивают, перерабатывают и выделяют. Для этого существуют каналы подсоединения, а также разного рода мембраны и фильтры. Осознавая условность как органицистских, так и функционалистских метафор, отношения между общественными организмами на практике необходимо строить, принимая во внимание не только борьбу, но и кооперацию. В качестве альтернативы нынешним вспышкам ксенофобии можно вспомнить соседство как форму совместного бытия, которая имеет давнюю традицию.

Туризм как форма межкультурной коммуникации.

Сегодня вряд ли возможно возрождение прежних институтов соседства и гостеприимства, благодаря которым наши предки поддерживали отношения с чужими. Что же пришло им на смену? Либерально ориентированные мыслители ищут единство в форме публичной дискуссии, включающей свободное выражение мнений, аргументацию и критическую рефлексию. Консерваторы наоборот выводят к духу народа, сформировавшемуся на почве общей истории. Но если посмотреть, как реализуется коммуникация в современном глобализированном мире, то она имеет мало общего с обсуждаемыми в философии моделями. «Сети», «сферы», «капилляры» и другие метафоры описания современности указывают на новые каналы общения. Циркуляция товаров, денег, информации связывает людей в мировое сообщество. Аналогичным образом складываются и формы культурного обмена.

Одной из них является туризм. Сегодня турист – явление общества развлечений. Люди едут в другие страны не с познавательными целями, а для того, чтобы развлекаться. Турист в отличие от путешественника не выполняет какого-то научного или разведывательного задания. Он не желает терпеть неудобства и приспособливаться к чужому. Отсюда унификация сервиса, слегка приправленного местной экзотикой. Важно не пересолить, ибо это отпугнет туриста. Отсюда первое следствие туризма – трехзвездочные отели, европейская кухня и комфорт. Тот, кто скажет, что это хорошо, ибо делает местный город более цивилизованным, забывает о том ударе, который наносится по традиционной культуре.

Если послушать рассказы планирующих по всему миру менеджеров, теледив и спортсменов, то приходишь к выводу: поездки в другие страны их не просвещают, а, скорее, оглушают. Индустрия туризма как каток по асфальту стирает уникальное и заменяет встречу с необычным миром набором привычных стандартных услуг. Люди лишены исторической памяти. Вместе с тем, нельзя считать туризм порождением капитализма и отдавать его на откуп рынку. «Охота к перемене мест», как стремление к дальнему, неизведанному, как поиск другого, партнера, является универсальной антропологической константой, которая в разных ее проявлениях способствует мирному взаимодействию людей и диалогу культур.

Туристическая поездка – это путешествие в другое измерение времени. Целью туризма становится осмотр монументов. Собственно говоря, туризм и является производством монументов. Благодаря этому, исторически меняющиеся места повседневной жизни обретают статус памятников. Монументальным является абсолютно другое, не доступное во времени чужое и потому неизменное в пространстве. Его можно разрушить, но не изменить. По мере расширения туризма увеличивается скорость монументализации. Отсюда наше время можно назвать взрывом вечности, эпохой музея, точнее музеефикации городов. Музеефицируются не только памятники, но любые другие места, вызывающие порыв воодушевления. Туристы тиражируют свои инспирации на фото, показывают их друзьям, размещают на сайтах, посылают на конкурс и таким образом тоже музеефицируют. Если я сфотографировался на фоне пирамиды или руин афинского Акрополя, то тем самым как бы обессмертил себя.

Литература:

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 326 с.
2. Жирар Р. Насилие и священное. М.: НЛЮ. 2010. 448 с.
3. Blumenberg H., Schmitt C. Briefwechsel 1971 - 1978. Fr. am Mein. 2007. 310 s.

Мацына А. И.

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» в г. Челябинске, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Кандидат философских наук

matsyna@inbox.ru

Аннотация: Категория преодоления рассматривается применительно к открытости человека миру как сущностному свойству человеческого существа. Человек определяется как принципиально преодолевающее существо, «человек преодолевающий».

Онтоантропологическое основание механизма преодоления усматривается автором в деятельностной схеме развертывания человеческого «Я» в предметном мире. В качестве классического примера автор приводит решение В. И. Плотниковым социально-биологической проблемы. С этих позиций становятся различимы силовые регулятивы человеческого бытия, предопределяющие развитие культуры и цивилизации. Выход на инвариантное ядро и его философскую рефлексию автор рассматривает в качестве основания для созидания культуры преодоления в современной жизни человека как универсального пути открытости миру.

Ключевые слова: преодоление, феномен преодоления, культура преодоления, человек преодолевающий, открытость миру, предметно-энергетический метод.

Culture of overcoming: the path of human openness to the world.

Matsyna A. I.

Branch of «Air Force Academy» in Chelyabinsk

Abstract: The category of overcoming is considered in relation to the openness of man to the world as an humans essential property. Man is defined as fundamentally overcoming being, “man overcoming.” author see the ontological and anthropological basis of the mechanism of overcoming in the activity scheme of the deployment of the human “I” in the objective world. As a classic example, the author cites the decision of socio-biological problems by V.I. Plotnikov From these positions, power regulators of human existence, which predetermine the development of culture and civilization, become distinguishable. The author considers access to the invariant core and its philosophical reflection as the basis for building a culture of overcoming in modern human life as a universal path to openness to the world.

Keywords: overcoming, culture of overcoming, overcoming man, openness to the world, subject-energy method.

Человеческое бытие, как путь, изобилующий трудностями, раскрывает в человеке способность к их преодолению. В философских концепциях тематика преодоления часто идет «рука об руку» с описанием открытости миру, как сущностного свойства, с которым человеческое дитя появляется на свет. В дальнейшем, в культурно-опосредованной форме, оно направляет активность и развитие человека [1, с. 247]. Разномасштабные метаморфозы, переживаемые человеком, сопровождаются его преображением и открытием новых возможностей самоосуществления. В глубине этих метаморфоз таится кризисная ситуация преодоления личностью или обществом имманентных и трансцендентных вызовов, которые выявляют неадекватность имеющихся средств и необходимость выбора новых с последующей трансформацией личности или общества. Изначальная самофиксация человека в предметном мире представлена в ранних мифах о происхождении мира образом первосущества, жертвенно переходящего в организованное природное или социальное пространство [2]. Как существо принципиально преодолевающее, человек погружен в динамику трансформации себя и мира при помощи культурных средств. Культурная дифференциация обуславливает наличие разных моделей преодоления, в исследовании же инвариантного ядра весьма продуктивными представляются: идея о категориальной взаимосвязи предпосылок и начала в контексте решения социально-биологической

проблемы [3]; идея о «нетости» [4] в контексте диалектике предметности и энергичности человеческого бытия [5].

Бытие человека в мире может быть вполне адекватно представлено как процесс возникновения жизненных препятствий и их преодоления, как вызов и ответ. Соответственно, бытие, жизнь предстает как непрерывное преодолевающее усилие человека, утверждающего себя как личность, как созидатель, как труженик, а также в других многочисленных модусах своего бытия. Преодолевающее усилие, преодоление может быть стихийным, случайным, единичным, но может быть и систематически повторяющимся, воспроизводимым, всеобщим. В первом случае мы имеем дело с феноменами преодоления, во втором случае – с культурой преодоления. Культура отличается именно наличием систематического преодолевающего усилия. Систематичность закрепляется в символичности и знаковости социально повторяющейся, воспроизводимой формы преодоления. Поскольку само преодоление есть деятельность, нельзя миновать исследования структуры деятельности. На этом пути найдется и та специфическая черта, которая категориально отличает преодоление от других форм деятельности. Деятельность представляет собой развертывание человеческого Я в моментах цели, средства, предмета, а также в продукте, вбирающем в себя эти три момента и в результате, который, помимо целеполагаемого продукта, содержит в себе и непредвиденные последствия деятельности человека. Непредвиденные последствия не учитываются в цели и могут составлять серьезное препятствие реализации Я, его развертывания на всем поле деятельности и бытия. Вообще проблема преодоления, говоря гегелевским языком, предстает как проблема снятия, отрицания и сохранения жизнеспособного содержания. Применительно к человеческому Я это выглядит по-фихтеански: тезис (Я), антитезис (не-Я), синтез (Я и не-Я). Именно синтез оказывается результатом преодоления. Синтез вбирает в себя отрицающий момент, т.е., само препятствие на пути развертывания Я, и означает выход личности на новый предметный уровень идентичности. Этот уровень идентичности является и шагом к увеличению сферы открытости, поскольку личность, вобравшая в себя недоступную ранее сферу, распространяет свою самость на больший предметный горизонт. В результате приведенных нами рассуждений обнаруживается тот пункт сопротивления развертыванию человеческого Я, который и оказывается предметом преодолевающего усилия. Это разница между результатом деятельности и ее продуктом. Продукт – то, что предполагалось в цели и, соответственно, не представляло собой пункт сопротивления, а разница между продуктом и результатом – это то, что не было учтено в цели деятельности и, может быть, составило непреодолимое пока препятствие (не-Я). Преодоление предполагает соответствующую «дельта – результату» перестройку цели, обновление средств и переразметку предмета деятельности. Сам процесс преодоления – это воспроизводство деятельности с обновленной целью, средством и предметом. Преодоленное препятствие – это снятое не – Я, это перемещение препятствия из сферы неучтенного результата в сферу целеполагаемого продукта.

В качестве классического примера реализации логики нашего рассуждения выступает способ решения социально – биологической проблемы В. И. Плотниковым. Он пытается разработать убедительную гипотезу естественного возникновения человека из предчеловека, прежний способ бытия которого, процесс «преддеятельности», прежней жизни, подвергается мощному испытанию на выживание в условиях глобального внешнего вызова (например, похолодания и оледенения). Становящийся человек ищет надежный способ выживания и впадает в ситуацию не виданного ранее по скорости перебора способов выживания. То есть, быстро перебираются все возможные варианты содержательной постановки цели, подбора соответствующих средств и переразметки всех возможных предметов. Поиск идет на грани хаоса и в условиях хаотизации жизни предлюдей. Бывшее спорадическим использование орудий труда и, главное, их изготовление в процессе инстинктивного труда, по мысли В. И. Плотникова, перемещается стихийно в центр внимания предлюдей. Предмет инстинкта, например, сама добытая пища, смещается на второй план. На первый план выходит абиологическое, то есть биологически нейтральное орудие, которое не связано с инстинктом, внимание к орудию не коренится в инстинкте. Но становящийся человек делает именно систематическую подработку орудия главным звеном своего целеполагания. Абиологическое, неживое, подработка орудия (например, изготовление каменного рубила) превращается в ведущее звено протосоциального бытия. Возникает элементарная социальная связь, из которой возникает сознательность, коллективность и орудийность, как главные сущностные черты социума. Из случайных феноменов преодоления в результате закрепления удачных решений вырастает культура преодоления, на основе которой и вырастает общество. Открытость человека здесь обусловлена преодолением зависимости от инстинкта, преодолением низкого горизонта

биологического бытия. Человечество – дитя преодолевающего усилия. Оно в значительной сущностной мере держится в своем развитии на систематическом усовершенствовании (подработке) технических средств своего бытия. Усовершенствование средств универсализирует предметную идентичность человека, что означает расширение горизонта его открытости миру. Но мы являемся свидетелями нарастания новых глобальных проблем в жизни человечества, которые обнаруживают себя через очередной дельта-результат, через несовпадение того, «чего хотели» и того «что получили». Нарастает необходимость очередного преодолевающего усилия человечества.

Естественно, возникает вопрос, что является в наше время предметом преодоления и как нам перестраивать цели и средства преодолевающего усилия, деятельности по преодолению. Нам представляется, что в этом случае было бы вполне конструктивно обратиться к наследию В. И. Плотникова, но применить его с содержательной стороны в некотором смысле в духе отрицания отрицания. Или, говоря иными словами, рассмотреть переход от биологического к социальному через идентичность с неживым (обработка абиологического орудия) как первое отрицание, как переход от тезиса (от живого) к антитезису (к неживому). Соответственно, этот переход, преодолевающий зависимость от живого, идентичность с живым заканчивается анти-тезисом, идентичностью с не-Я. В пределе, в капиталистическом обществе, на место человека становится вещь, а на место вещи становится человек (К. Маркс). То, что было только в зародышевом виде и обозначено уже при зарождении культуры (возникновение идентичности человека с неживым), в наше время приобрело глобальный масштаб и требует решения во имя выживания человечества. Переход от антитезиса к синтезу как преодолевающее усилие человечества совершается уже в сфере ценностного сознания. Подобно тому, как когда-то инстинкт в качестве основного регулятива уступил место ценностному сознанию как главному силовому регулятиву человеческого бытия, в наше время надо найти такую точку приложения преодолевающего усилия, в которой мог бы осуществиться синтез, восстанавливающий значимость живого и человеческой идентичности с живым, но не отрицающий достижений материальной культуры человечества. В первом отрицании как преодолении с глаз человечества была сброшена пелена биологической зависимости, во втором отрицании как преодолении с глаз человечества надо сбросить пелену ценностной зависимости, как значительной идентификации и самоидентификации людей с вещами. Вот тут и выступает на первый план универсализация предметного бытия человека, на пике которой находится открытость человека к миру. Надо определить такую предметную идентичность человека, которая бы радикально устранила отождествление человека с вещью и открыла людям не очередную ценность, а не-предметное ценностно-образующее основание. Открытость миру, сознательно формируемая на основе предметности «ничтожной» философской мысли, способна поставить человека на пограничный уровень бытия, и, устранив предметный хаос в жизни, обратить его к творческому самосозиданию.

Культура преодоления видится как универсализация предметного бытия человека, гармонично открывающая целостного человека миру.

Литература:

1. Худякова Н. Л. Открытость человека миру и роль культуры в её возникновении и её актуализации // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции / под ред. Жилиной В.А. Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2019. С. 246-254.
2. Медкова Е. Человек как модель мира // Искусство №7 (458), 1-15 апреля 2011 года. М., 2011. С. 2.
3. Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск: УрГУ, 1975. 181 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503, [9] с.
5. Невелев, А. Б. Предметно-энергетический метод // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад - диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6 - 10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т.1. Уфа: РИЦ БашГУ. 2015. С. 41.

Ноосферный человек в полицентричном мире: от «вечной философии» к «философии всечеловеческого»

Меликян М. А.

Ивановский государственный университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

merimelikian@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен ноосферного человека в эпоху становления полицентричного мира. Автор обращается к проблеме общечеловеческого и всечеловеческого, поставленной академиком А.В. Смирновым, и показывает ее корреляцию с уже существующими философскими системами, в частности с проектом вечного мира И. Канта и идеей вечной философии О. Хаксли. Рассмотрено антропологическое измерение концепции всечеловеческого, представленное через категории «общечеловека» и «всечеловека». Показано, что идея «общечеловека» эквивалентна идее техносферного человека, репрезентацией которого является цифровой человек, как продукт искусственного интеллекта, а олицетворением «всечеловека» и/или «всёчеловека» становится ноосферный человек как результат разворачивания естественного разума. Сделан вывод о том, что именно ноосферный человек является результатом органического синтеза таких фундаментальных качеств, как духовность, интеллигентность, нравственность, пассионарность и др.

Ключевые слова: общечеловеческое, всечеловеческое, общечеловек, всечеловек, философия вечного мира, вечная философия, ноосферный человек.

Noospheric man in a polycentric world: from «eternal philosophy» to «philosophy of the universal».

Melikyan M. A.

Philosophy Department, Ivanovo State University

Abstract: The article considers the phenomenon of noospheric man in the era of the polycentric world formation. The author addresses the problem of universal and all-versal, posed by academician A.V. Smirnov, and shows its correlation with existing philosophical systems, in particular with the project of the eternal peace of I. Kant and the idea of eternal philosophy by O. Huxley. The anthropological dimension of the concept of universal humanity is presented through the categories of «universal man» and «all-versal man». It is shown that the idea of an «universal man» is equivalent to the idea of a technospheric man whose representation is a digital person as a product of artificial intelligence, and the noospheric man becomes the personification of the «universal man» as a result of the unfolding of the natural mind. It is concluded that it is the noospheric man is the result of the organic synthesis of such fundamental qualities as spirituality, intelligence, morality, passionarity, etc.

Keywords: polycentric world, all-humanity vs uni-humanity, uni-human, all-human, philosophy of eternal peace, eternal philosophy, noospheric man, noosphere, digitality.

Современная социокультурная и геополитическая обстановка задает новую модель человека, рождение которого связано со становлением полицентричного мира. На смену однополярному миру, где господствует одна локальная культура, которая диктует всем остальным правила глобальной игры, приходит многополярный мир, в основе которого идея о равнозначности культур, каждая из которых имеет свое особое значение в мировом развитии, имеет решающее значение. Академик А. В. Смирнов отмечает, что в данной ситуации «речь идет о конфликте моноцивилизационной и многоцивилизационной модели мирового устройства» [1, с. 23]. В антропологическом плане такая смена парадигмы предвещает новую революцию, результатом которой должно стать появление нового человеческого качества, удовлетворяющего требованиям полицентричного мира. Одномерного

человека однополярного мира должен заменить многомерный человек многополярного мира.

Необходимо отметить, что идея моноцентризма и полицентризма не является новой по своей природе, в той или иной вариации она неоднократно проявлялась в философии. Ярким примером выстраивания «вечного однополярного мира» является бессмертный философский проект И. Канта. Рисуемый им образ Вечного мира, который автором понимается «не только как физическое благо, но и как состояние, вытекающее из признания долга» [2, с. 45], показывает существование двух миров: мира войны, который является естественным для людей, и мира мира, который необходимо установить. Целью человечества должно стать становление Вечного мира, общечеловеческого государства, в котором реализуется всемирно-гражданское право. Это мир, в котором человек наделен такими качествами, как честность, нравственность, ответственность. Для становления такого мира, по И. Канту, «недостаточно желание *всех отдельных* людей жить в законном устройстве по принципам свободы (*расчлененное единство воли всех*) <...> но необходимо, чтобы *все вместе* захотели такого состояния (*коллективное единство объединенной воли*)» [2, с. 38].

Идея Вечного мира И. Канта в интересующем нас ключе перекликается с идеей Вечной философии О. Хаксли, которая «прежде всего касается единой божественной Реальности, лежащей в основе всего многообразного мира вещей, жизни и разума» [3, с. 4]. Но, как продолжает автор, «природа этой единой Реальности такова, что она может быть прямо и непосредственно воспринята лишь теми, кто избрал для себя путь любви, чистого сердца и нищеты (смирения) духа» [3, с. 38]. По мнению О. Хаксли, знание лежит в основе бытия и является его основной функцией, а от изменений условий бытия познающего меняется и характер самого познания. Его антология, являясь фундаментальным источником, тем самым показала, как знание разных культур формирует единое мировое знание. Философ писал, что «каждое существо содержит в себе целый разумный мир <...> Каждое есть там Все и Все есть каждое» [3, с. 13]. Главная проблема современного человека (и в целом современного мира) заключается в том, что он перестал быть Всем. Именно эта разрозненность, оторванность Каждого от Всего есть главная проблема современности. Этот вопрос особенно актуален сейчас в эпоху глобализации и бурного научно-технического прогресса. Относительно этой дилеммы А. В. Смирнов пишет следующее: «Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры <...> Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира» [1, с. 204], в основе которой идея «...сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур» [1, с. 204].

Подводя промежуточный итог вышесказанному, можно отметить, что Вечный мир И. Канта возможен, с одной стороны, только с согласия и единства всех людей, что сближает эту идею с принципами всечеловеческого в терминологии А. В. Смирнова, но с другой стороны, это согласие основывается на правовом аспекте и носит не столько внутренний сакральный характер, сколько внешний, что больше напоминает идеалы общечеловеческого. Вечная философия О. Хаксли наоборот, восходит к идее всечеловеческого в силу того, что несет в себе идею всеобщего единства всех локальных культур и основывается на их органической взаимосвязи.

Таким образом, вечная философия Хаксли и вечный мир Канта становятся своего рода теоретическим фундаментом для понимания конфликта между однополярным и многополярным миром, который, по словам А. В. Смирнова, становится «конфликтом общечеловеческого и всечеловеческого цивилизационного проекта» [1, с. 23]. Именно эта формула имеет ключевое значение для становления нового человека, именуемого в нашей концепции, ноосферным человеком [4].

Транзитивность от общечеловеческого к всечеловеческому носит ярко выраженный ноосферный характер уже в силу того, что она представляет собой опыт использования качественной логики (логики качественного понимания вещей в терминологии И. В. Дмитриевской). Кванторизация, на которую обращает внимание А. В. Смирнов, указывает на столкновение двух логик – количественной (с квантором «обще») и качественной (с квантором «все»). Появление общечеловеческой парадигмы обусловлено дедуктивной логикой – от умозрительного (во многом императивистского) тезиса к форсайтным формам «социального и социоприродного сожительства». Возникновение всечеловеческой концепции задается индуктивистской логикой, «идущей» от реальных цивилизационных практик к модели потребного планетарного будущего.

Концепция транзитивности социокультурных доминант с общечеловеческого на всечеловеческое имеет, наряду с онтологическим и гносеологическим срезам, и антропологическое измерение, ибо

каждая из указанных концепций задает определенную модальность человека: это либо всечеловек либо общечеловек. Данная бинарная оппозиция логично встраивается в систему антропологии, которая изначально богата такими противоположностями: Аполлону противостоит Дионис, Гамлету — Дон Кихот, сверхчеловеку — богочеловек, техносферному человеку (цифровому человеку) — ноосферный. Исходя от данной традиции, можно сказать, что идея общечеловека коррелирует с идеей техносферного человека, репрезентацией которого является цифровой человек, а линия всечеловека — с ноосферным человеком.

В рамках системного подхода, на который мы ориентируемся, концепт определяет систему, в которой элементы находятся в определенных отношениях: «исследование начинается с фиксации свойств отношений или отношений между свойствами, понимаемыми как особого рода качественно трактуемые вещи. Как всякая научная методология, системный подход опирается на онтологические предпосылки структурного характера, то есть неявно предполагает некоторую «картину мира»» [5, с. 5]. В нашем случае всечеловек предстает как «качественно трактуемая вещь», которая фиксирует свойства отношений.

Вслед за И. В. Дмитриевской, мы рассматриваем в качестве родового качества всечеловека ноосферность, которая предстает как «способность таким образом строить свое поведение и организовать среду обитания, чтобы не разрушать целостности живого, а сохранять ее и приумножать» [6, с. 31]. В отличие от всечеловека родовым качеством общечеловека становится такое качество как дигитальность, в котором в большей степени реализуется не созидательное, а разрушительное начало. Это связано с тем, что ноосферность связана с естественным разумом, а дигитальность является детищем искусственного интеллекта. Иначе говоря, общечеловек, а вместе с ним и техносферный человек, есть «масса разума», в то время как всечеловек (ноосферный человек) есть «сила разума».

Таким образом, именно ноосферный человек как новая антропологическая модель, олицетворяющий собой не только черты всечеловека, но и вбирающий в себя свойства всечеловека, выходит на первый план в полицентричном мире. Это обуславливается тем, что, во-первых, ноосферный человек являет собой органический синтез таких исторически сложившихся концептов, как духовность, интеллигентность, нравственность, пассионарность, которые являются неотъемлемыми составляющими человеческого бытия, но всегда рассматривались в разрозненности друг от друга. Во-вторых, ноосферный человек в выстраивании своего вектора жизнебытия руководствуется не только экологическим, экзистенциальным, нравственным и экономическим императивами, но опирается на ноосферный императив, в основе которого ноосферное моральное отношение [7].

Литература:

1. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Изд. Дом ЯСК, 2019. 216 с.
2. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 5—56.
3. Хаксли О. Вечная философия. М.: Профит Стайл, Серебряные нити, 2010. 384 с.
4. Меликян М. А. Феномен ноосферного человека в контексте антропологической катастрофы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 64—72.
5. Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность: учеб. пос. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 87 с.
6. Дмитриевская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России: тезисы межгос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рожд. ак. В. И. Вернадского. Иваново, 28-29 мая 1998 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 29—32.
7. Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Этика глобального (не)равенства: ноосферная репрезентация основного морального... отношения // Морал и этика на равенството и неравенството в съвременното българско общество. София: Авангард Прима, 2018 С. 142—158.

Философско-антропологическое осмысление бренда

Миляева Е. Г.

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), старший преподаватель
кафедры философии

miliaevaeg@susu.ru

Аннотация: Современное общество можно представить как общество, в котором логика рыночных отношений стала логикой всех отношений. Рынок навязывает свои условия и средства, которые используются между людьми. Бренд является одним из характерных феноменов культуры общества потребления и капиталистического общества. В таком обществе бренд функционирует как социально-культурный феномен. С одной стороны, бренд является инструментом рынка. Но с другой, может быть рассмотрен как самостоятельная культурная форма. Бренд представляет особое единство уникального и универсального в бытии человека. Это единство проявляется в человеке-бренде, который объединяет в себе чувственное и сверхчувственное. Через философско-антропологическое осмысление возможно представить гуманистическое измерение бренда. Благодаря гуманистическому потенциалу бренда, человек может быть чем-то большим, чем безличный массовый потребитель даже в условиях общества потребления.

Ключевые слова: бренд, человек-бренд, общество потребления, культурная форма, бытие человека.

Philosophical-anthropological comprehension of the brand.

Miliaeva E. G.

FSAEIHE «South Ural State University» (NRU)

Abstract: Modern society can be imagined as a society in which the logic of market relations has become the logic of all relations. The market imposes its conditions and means that are used between people. The brand is one of the characteristic phenomena of the culture of a consumer society and a capitalist society. In such a society, a brand functions as a socio-cultural phenomenon. On the one hand, a brand is a market tool. But on the other hand, it can be considered as an independent cultural form. The brand represents a special unity of the unique and universal in human being. This unity is manifested in the human brand, which combines the sensual and supersensible. Through philosophical and anthropological reflection, it is possible to present the humanistic dimension of the brand. Thanks to the brand's humanistic potential, a person can be more than an impersonal mass consumer, even in a consumer society.

Key words: brand, person-brand, consumer society, cultural form, human being.

Сегодня общество развитых стран проще всего характеризуется посредством определенной совокупности общественных отношений. Индивидуальное потребление, зависящее от глобального рынка, играет важную роль в этих отношениях. Потребление стало заменой религии или новой идеологией для современного человека. Оно уверенно захватило весь мир, не делая различия между европейскими, азиатскими или латиноамериканскими странами. Все люди в мире активно потребляют материальные и духовные товары и услуги – в США, России, Бразилии, Китае.

На наш взгляд, бренд и человек-бренд являются феноменами, свойственными предметному бытию человека в ситуации доминанты потребления. Сегодня экономика и обмен информацией являются базовыми для современной культуры, которая соответствует одному из этапов развития западноевропейской цивилизации и капитализма Нового и Новейшего времени. Для понимания коренного изменения в отношениях в обществе в этот период необходимо прибегнуть к историческому подходу. Великий исследователь капиталистического общества Карл Маркс в ряде работ писал, что разделение труда является одной из причин отчуждения, в том числе, отчуждения человека от всех аспектов труда. В ситуации отчуждения потребительная стоимость отступила на задний план, уступив

место стоимости. В основе стоимости лежит общественно необходимое рабочее время (затраты труда) на производство товара. При этом труд подразумевается не конкретный, а абстрактный, т.е. труд, лишенный каких-либо качественных его отличий, связанных с тем, что производят, кто производит, для чего и т.п.

Массовое производство лишило товары и услуги человеческого лица, выкинуло из них образ мастера, творца, создателя материальной или духовной ценности. В результате значение потребительских характеристик товаров, конкретного труда возрастает в современных экономических процессах. Буквально человек как потребитель интуитивно чувствует то человеческое, что вложено в товар или услугу. Если этого в товаре и услуге нет, то интерес у потребителей быстро угасает. В философско-антропологическом смысле такая ситуация может быть истолкована как обозначившийся приоритет индивидуального человека с его неповторимыми потребностями и желаниями.

Социально - значимые ориентиры (власти, славы, богатства и др.) для установления идентичности человека овеществляются в товарах. Сегодня люди приобретают товар или услугу не только ради их потребительских качеств как обыденной, чувственно воспринимаемой вещи. Также потребители считают комплекс смыслов, который «стоит» за товаром и представляется через бренд. Карл Маркс характеризует наиболее точно чувственно-сверхчувственную природу товара, представляя природу товарного фетишизма: «таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы... Благодаря этому появлению одного вместо другого продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными... Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» [1, с. 82]. Необходимо отметить, что в этой характеристике не учитываются все возможные социокультурные смыслы товара, когда он выступает средством идентификации.

Людам нужен образец, нужен Другой. Такими многочисленными образцами современный человек в изобилии снабжается благодаря усилиям всех средств массовой коммуникации. Привлекательность этих образцов усиливается в силу того, что их трансляция все больше осуществляется в процессе шоуизации [2]. Большая часть таких образцов в современном обществе с доминантной установкой на потребление представлена через бренды.

Люди могут быть брендами, утверждают известные российские брендмейкеры В. Тамберг и А. Бадьин, отмечая, что «основным нюансом человека-бренда является тот факт, что внешность человека и прочие его особенности имеют достаточно важное значение, которые обязательно нужно учитывать в зависимости от контекста. Бренд – товар неодушевлен, он не несет в себе никаких личностных качеств, этими качествами его наделяют разработчики идеологии и путем рекламных воздействий связывают конкретную личностную ценность, заложенную в бренд, с атрибутами, которые также создаются на основе идеологии. Атрибуты же человека – внешность, голос, манеры, уже существовали до этого, сами по себе они уже несут определенное количество информации потребителю и позволяют ему составить определенное мнение о человеке-бренде.» [3].

В первом случае в определении человека-бренда представлен сугубо утилитарно-технологический подход теории маркетинга и практики брендинга, а во втором, скорее, обозначен социокультурный аспект. Задача всестороннего осмысления феномена человека-бренда предполагает использование и возможностей философской антропологии, и персонологического подхода.

Представляется, что содержание понятия «человек-бренд» может быть интерпретировано через его связь с некоторыми фундаментальными антропологическими константами, которые являются основными координатами при изучении человека, а также представляют собой «определенные границы, при разрушении которых человек перестает быть человеком» [4, С. 91]. К их числу относятся: самоидентичность, самоотраженность, открытость миру, творчество. [5, С. 185]

Уместно привести в качестве примера человека-бренда человека, который внес неожиданный, но значительный вклад в социально-культурную жизнь современного нам мира, создав одну из вещей, наиболее распространенных в гардеробе почти каждого. Леви Страус (1829 – 1902 гг.) – человек, который создал самую популярную среди представителей любого гендера, профессии, социального слоя одежду – джинсы. В середине XIX века на золотых рудниках США открылась серьезная проблема с удобной рабочей одеждой, которая может служить на протяжении многих сезонов и быть максимально

дешевой и эффективной. Экспериментируя с покроем и материалами, Леви Страус создал из денима (так называлась хлопчатобумажная саржа из французского города Ним), прочные старательские синие штаны, с огромными карманами и усиленными двойными швами, а затем и металлическими заклепками. В 70-80 гг. XIX века штаны (название джинсы войдет в обиход лишь в 30-е годы XX века) получили свой уникальный цвет индиго. В 1886 году компания Levi's представил публике простой и узнаваемый логотип – кожаный ярлык с изображением двух лошадей, пытающихся разорвать штаны, и металлическую заклепку с именем создателя компании Levi Strauss. Благодаря особенностям целевой аудитории – старателям, ковбоям, солдатам, рабочим, шахтерам, железнодорожникам, будущие джинсы будут обрастать мифами и легендами, закрепляясь в народном творчестве. Одна из народных американских легенд конца XIX века рассказывает о машинисте, который заменил лопнувшую скрепку вагонов своими «ливайсами» и благополучно привел поезд в депо. 501 модель джинсов Levi Strauss определила классический образ денима на всю историю моды до наших дней – брюки прямого покроя, с пятью карманами, из натуральной хлопчатобумажной ткани цвета индиго. Леви Страус смог уловить общественный запрос и определить его в виде функциональной вещи, существующей по сей день. Сами потребители наполнили джинсы за более чем сто лет их существования множеством важных смыслов, один из которых – свобода выбора своего призвания и жизненного пути.

В личности этих людей творчество сочетается с респектабельностью, самотрансценденция - с желанием оставить свой след не только в истории одежды, но и социально-культурной жизни XIX и XX века; зарегистрированный знак и мифологизированная после смерти биография - с самоидентификацией, а открытость миру, проявившаяся в интуитивном озарении и понимании того, что нужно людям в современной повседневной жизни - с огромными финансовыми прибылями и миллионами почитателей во всем мире.

По нашему мнению, человек-бренд является чувственно-сверхчувственным объектом. Человек-бренд, с одной стороны, является конкретным индивидом, личностью с уникальными качествами, достоинствами и недостатками.

Можно утверждать, что в современной культуре бренд – это актуальная, живая, высокофункциональная социальная и культурная форма. Эта форма была вызвана к жизни необходимостью создания утилитарного продукта в условиях, когда логика рыночных отношений стала логикой всех отношений. Но эта форма постепенно наполнилась символическим смыслом, благодаря тому, что в любой межличностной коммуникации на первом месте всегда находится личность. И даже в отношениях, опосредованных рынком, человек хочет видеть настоящее, живое, человеческое и у бренда есть потенциал к обеспечению этого вопреки унификации и массовизации потребленческих практик.

Литература:

1. Маркс К. Капитал: Том 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения: Том. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.
2. Русакова О. Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shou-politika-osobennosti-diskursa>. (дата обращения: 20 декабря 2019)
3. Тамберг В., Бадьян А. Люди-бренды и human branding / Сайт «Энциклопедия маркетинга», 1998-2019. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/human_branding.htm (дата обращения: 20 декабря 2019).
4. Моторина, Л. Е. Философская антропология: учебное пособие / Л.Е. Моторина. М.: Высшая школа, 2006. 255 с.
5. Невелева В. С., Милыева Е. Г. Антропологические смыслы бренда // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. - № 17-2. С. 184-188.

Философия человека глобального мира

Невелева В. С.

*Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой философских наук.
Доктор философских наук*

vsneveleva@mail.ru

Аннотация: Глобальный мир как целое, а также различные элементы его содержания уже являются самостоятельными объектами научных исследований в различных аспектах. Глобальному миру как новой реальности, новому миру человека должна соответствовать философия глобального мира. В том числе – новая антропология как философия человека глобального мира. Участие философии в организации глобального мира связано с конструктивной работой - выработкой новых универсалий. Без них не возможно преодолеть фрагментированность социальной и индивидуальной жизни людей, собрать мир. С универсалиями связан и процесс смыслопорождения в глобальном мире. В антропологической онтологии глобального мира должен быть поставлен вопрос о том, что есть человек глобального мира. Принципиальным основанием для ответа на этот вопрос может быть тезис о соразмерности характеристик мира как глобального и универсальности природы человека.

Ключевые слова: глобальный мир, философия глобального мира, философия человека, бытие-в-глобальном мире, универсальность, универсалии.

Human Philosophy of the Global World. Neveleva V. S.

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts

Abstract: The global world as a whole, as well as various elements of its content, are already independent objects of scientific research in various aspects. The global world as a new reality, the new world of man must correspond to the philosophy of the global world. Including – new anthropology as philosophy of the person of the global world. The participation of philosophy in the organization of the global world is associated with constructive work – the development of new universals. Without them, it is not possible to overcome the fragmentation of social and individual life of people, to collect the world. The process of meaning generation in the global world is also connected with universals. In the anthropological ontology of the global world, the question of what is the man of the global world should be raised. The fundamental basis for the answer to this question can be the thesis about the proportionality of the characteristics of the world as a global The global world as a whole, as well as various elements of its content, are already independent objects of scientific research in various aspects. The global world as a new reality, the new world of man must correspond to the philosophy of the global world. Including- new anthropology as philosophy of the person of the global world. The participation of philosophy in the organization of the global world is associated with constructive work-the development of new universals. Without them, it is not possible to overcome the fragmentation of social and individual life of people, to collect the world. The process of meaning generation in the global world is also connected with universals. In the anthropological ontology of the global world, the question of what is the man of the global world should be raised. The fundamental basis for the answer to this question can be the thesis about the proportionality of the characteristics of the world as global and the universality of human nature.

Keywords: global peace, philosophy of global peace, philosophy of man, being-in-a-global world, universality, universals.

Характеризуя ситуацию современности, специалисты различных областей научного знания, эксперты, практики, осуществляющие деятельность в различных сферах жизни общества, все чаще обозначают ее не просто через указание на процессы глобализации, но как новую реальность – реальность

глобального мира. С точки зрения глобального мира отчасти как свершившегося факта, отчасти как безальтернативной перспективы, определяются стратегические направления развития общества и культуры, человека и человечества. В предисловии основательного труда В. Б. Кувалдина о глобальном мире, отметив его молодость – четверть века – и невероятную динамику роста и развития, автор делает весьма существенное замечание. Оно касается уже существующего у человечества опыта пребывания в новом мире и связано с тем, что этот опыт позволяет констатировать: новый мир – «не школа гуманизма», ибо процесс вхождения человечества в этот мир очень не прост, драматичен, требует опоры на весь накопленный человечеством потенциал [1, с. 9]. Фактически человечество находится в ситуации «миротворчества», когда создаются новые формы организации индивидуальной и совместной жизни. Задачи мироустройства сопрягаются для человека с задачами само-устроения. При этом готовых «схем» ни того, ни другого не существует. Новая реальность, новый мир требуют нового человека, соразмерного этому миру; и только в бытии человека может выявиться действительное существо, «самое само» этого мира. Глобальный мир следует рассматривать как мир человека, о глобальном мире необходимо говорить, в том числе, с точки зрения его человеческого «измерения». В обозначенной ситуации с очевидностью открываются перспективные направления философской работы, поскольку становится востребованной философия глобального мира. Для философии это возможность реального участия в создании фундаментальных оснований нового мира и человеческого существования в нем. Такое участие и может стать свидетельством того, что философия, по замечанию М. Н. Эпштейна, начнет осуществлять не только критико-аналитическую, но и синтетическую работу, перестанет быть «совой Минервы», вылетающей в сумерках, но станет одним из жаворонков нового дня [2, с. 52]. Философия глобального мира важна и в функции «сохранения осмысленности мира», и как «проектирование новых смыслов» [3].

Философия глобального мира предполагает и новую философскую антропологию, «антропологию глобального мира». Будучи философией человека глобального мира, она должна дать ответ, прежде всего, на вопрос: что есть человек этого мира, возможно ли вести речь о «глобальном человеке» и какими могут быть его сущностные определения. Между тем, если глобальный мир как целое и в различных его аспектах уже стал объектом исследовательского внимания, то антропологию этого мира еще предстоит разрабатывать. Обсуждению разных аспектов и проблем существования человека в глобальном мире, рискам и перспективам в связи с этим были посвящены XIX Фроловские чтения в ноябре 2019 г.

Чаще всего при обсуждении антропологических аспектов глобализации речь идет о человеке в новом мире (с учетом вполне определенных содержательных его характеристик как информационного, техногенной цивилизации, инновационного мира, мира глобальных изменений и т.п.), о том, как, в каком качестве или статусе человек в нем существует. Так, термин «антропология глобального мира» использует, например, А. Д. Иоселиани, однако, глобальный мир автором представлен лишь в одном своем измерении – через характеристики коммуникативно-информационной сферы (как глобальное информационное общество), а человек в его коммуникативной сущности – в качестве «нового субъекта деятельности и общения» («информационный субъект») [4]. О «новом человеке» эпохи глобализации в контексте проблем идентичности с точки зрения амбивалентности его бытия (локального и глобально-космополитического) пишет М. Д. Напсо [5].

Вопрос о человеке глобального мира актуален для философии в самом его существе. Одним из значимых аспектов этого общего вопроса является аспект универсальности человека как существа и универсальности его существования в новой реальности. Это связано как с существующими «проектами» трансформации человека на основе новых технологий с целью преодоления несовершенств его природы, так и с новыми возможностями существования в глобальном мире, где человек вооружен средствами универсального назначения и применения, позволяющими держать «под рукой» целый мир. В этом смысле антропология глобального мира должна ответить на вопрос, сохраняется ли значение того качества человека, той его родовой характеристики, которая представляет собой отсутствие однозначной определенности его природы, обеспечивающей человеку способность «творить по меркам любого вида» (К. Маркс). Именно с этим связывают универсальность человека в онтологическом смысле В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова, указывая на возможность лишь ее апофатического определения - несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость [6, с. 265-281]. Тезис об универсальности человека в силу особенностей его природы вполне согласуется с тем, что обозначают как одну из значимых характеристик современного мира: с его нелинейностью,

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос об источнике греховности человека. В этой связи обсуждаются концепции Дж. Дж. Фрэзера и Э. Фромма, излагается авторская точка зрения, согласно которой греховность человека – в его смертности.

Ключевые слова: смертная природа человека, библейская история грехопадения.

Версия Фрэзера

Дж. Дж. Фрэзер в исследовании «Фольклор в Ветхом завете» (1918) высказал интересную мысль (часть первая, глава 2): вся суть библейской истории грехопадения, по-видимому, «состоит в попытке объяснить смертную природу человека, показать, откуда явилась смерть на земле» [1, с. 32].

По его мнению, посадив в саду древо жизни и не воспретив человеку пользоваться им, бог, очевидно, намеревался предоставить ему выбор или, во всяком случае, создать для него возможность бессмертия, но человек не воспользовался этой возможностью и предпочел вкусить от другого дерева, до которого бог запретил ему дотрагиваться под страхом немедленной смерти.

В этой связи Фрэзер предполагает, что запретным в действительности было не древо познания добра и зла, а древо смерти и что пользование его смертоносными плодами было само по себе достаточным для того, чтобы повлечь за собою смерть для съевшего их, совершенно независимо от факта повиновения или неповиновения велению божества. Можно допустить, что в первоначальной версии рассказа речь шла о двух деревьях – о древе жизни и о древе смерти; что человеку было предоставлено на выбор: либо вкусить от одного и получить в удел вечную жизнь, либо вкусить от другого и умереть. По заключению историка, «такая гипотеза имеет по крайней мере то преимущество, что она отводит одинаково важную роль обоим деревьям и делает весь рассказ простым, ясным и связным» [1, с. 32–33].

Думается, гипотеза Фрэзера о том, что «в первоначальной версии рассказа» речь шла о двух деревьях – о древе жизни и о древе смерти, является достаточно произвольной. Но даже если бы раньше и шла речь о названных деревьях, то все равно теоретическая реконструкция библейской легенды выглядит малоубедительной.

Эрих Фромм о грехе и прощении

Обратимся к другому автору. Э. Фромм в своей книге «Иметь или быть?» (1976) отмечает, что библейскую историю грехопадения можно интерпретировать двояко, поскольку в ней смешаны элементы как авторитарные, так и способствующие освобождению человека. В классической иудаистской и христианской теологии грех «отождествляется с неповиновением воле божьей». Это со всей очевидностью явствует из распространенного представления о первородном грехе как о неповиновении Адама [2, с. 127].

По мнению Фромма, «в традиционном теологическом и житейском смысле грех – это понятие, принадлежащее авторитарной структуре», а эта структура характерна именно для модуса обладания. Главное, что делает нас людьми, лежит не внутри нас, а вовне – это та власть, которой мы подчиняемся [2, с. 129].

Понимание греха приобретает совершенно иное значение в рамках неавторитарной структуры, основанной на модусе бытия. Как считает Фромм, это второе значение также подразумевается в библейской истории грехопадения, если иначе ее интерпретировать.

По Фромму, Бог поместил человека в сады Эдема и «предостерег от того, чтобы вкушать плоды с древа жизни и с древа познания добра и зла». Убедившись, что «нехорошо быть человеку одному», Бог создал женщину. Мужчина и женщина должны были стать «одной плотью». Однако эта изначальная для рода человеческого ситуация радикально меняется после грехопадения, когда мужчина и женщина

становятся людьми, наделенными разумом, познавшими добро и зло, познавшими друг друга как отдельные индивиды и осознавшими, что их первородное единство нарушено и что они стали чужими друг другу [2, с. 130].

Фромм задает основной вопрос: «Так какой же грех они совершили?». И отвечает: «Они увидели друг друга как разделенные, изолированные, эгоистичные человеческие существа, которые не могут преодолеть свою разьединенность даже в акте любви. Этот грех коренится в самом нашем человеческом существовании». А так как грех разьединенности не является актом непослушания, «он не нуждается в прощении. Что действительно необходимо, так это исцелить такой грех, а здесь может помочь лишь любовь, а вовсе не принятие наказания» [2, с. 131].

В толковании библейского рассказа ученый исходит из своей концепции «иметь или быть». Однако не со всеми его выводами можно согласиться. Например, по Фромму, Бог предостерег человека от того, чтобы «вкушать плоды с древа жизни и с древа познания добра и зла» [2, с. 130]. Здесь Фромм допускает фактическую ошибку. В Библии сказано: «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [Быт. 2: 16–17]. Как видим, Бог разрешил человеку есть плоды от всякого дерева в саду. Историк Фрэзер отмечал, что плоды с древа жизни могли бы подарить первым людям бессмертие, а угрозу для них представляло другое дерево.

Природа человека и его греховность

Теперь мы хотим предложить трактовку греховности человека, исходя из своей концепции светской (философской) теологии [3]. Мы полагаем, что Бог есть бытие, жизнь, добро, любовь, красота, истина; а дьявол есть ничто, смерть, зло, ненависть, безобразие, ложь. Бог и сатана, бытие и ничто, жизнь и смерть, добро и зло, любовь и ненависть, красота и безобразие, истина и ложь составляют два противоположных начала человеческой природы и космического порядка.

На наш взгляд, смерть является источником греховности человека так, как у Хайдеггера [4, с. 19, 23] «ничто – источник отрицания». Смерть – последний, неотчуждаемый грех человека, но совершаемый ежедневно. Греховность человека – в его смертности. Если мы не знаем об этом, то нам все равно присуща, так сказать, латентная греховность. К примеру, новорожденный греховен, потому что смертен. Латентная греховность младенца состоит в том, что он начинает умирать в первое мгновение своей жизни.

Люди грешат, когда их дела служат смерти, т.е. дьяволу. Но они грешат уже тем, что умирают. Человек неизбежно, фатально умирает, и в этом его объективный, неизбывный грех. Смертная природа человека вопиёт о его перманентной, ежеминутной греховности. Основной наш грех в том, что мы живем и в то же самое время умираем. Если смерть – естественный процесс для человека, то и его грехи тоже естественны, т.е. производны от смерти. Следовательно, добро и зло (грех) – это «человеческое, слишком человеческое». Однако поощрять добро и осуждать зло – значит поддерживать жизнь и отвергать смерть. Неувядаемое величие человека заключается в том, что он постоянно отдаляет смерть от себя, держит ее на расстоянии. Справедливо говорят: мужество – это терпение в опасности. Другими словами, мужество – это противостояние смерти.

В своем толковании библейской истории грехопадения мы исходим из постулата, что «Библия есть дом бытия», что в этой Книге отпечатались объективная сущность бытия. При таком подходе важно то, что в конечном счете сказало в тексте.

На наш взгляд, библейское древо познания добра и зла дает первым людям осознание своей жизни и смертности. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел [Быт. 3: 6]. Здесь говорится о том, что жена первая отведала плодов с запретного дерева, которое «дает знание», и накормила этими плодами своего мужа. В таком случае библейская жена предстает не как «глупая женщина, послушавшая змея-искусителя», но как смелая и мудрая женщина, в которой наиболее явно обнаружилась природа человека, в частности, его стремление к познанию несмотря ни на какие угрозы, опасности и препятствия.

Адам дал имя Ева (жизнь) своей жене, тем самым он отблагодарил свою жену за ее поступки. Грешникам не место в раю, они умерли длярая, но обрели жизнь на земле. Ева «стала матерью всех живущих» еще и потому, что именно она первая познала добро и зло, узнала о своей жизни и

смертности, открыла глаза на эти истины своему мужу и всем людям на земле. Что может быть благороднее и прекраснее такого положения женщины?! И этот статус женщина сама себе определила своими действиями, а муж выразил согласие с ними, подарив своей жене имя Ева, т.е. жизнь. Первая женщина первой пригласила своего мужа и род людской к познанию, в котором также заключается жизнь.

Первородный грех состоит в том, что Адам и Ева как первые люди изначально смертны. И этот грех стал известен им после вкушания запретных плодов. Этот грех нельзя исчерпать, как нельзя отметить смертную природу человека.

Кстати сказать, Бог выступает как благожелательный Создатель; после грехопадения Он выдал «Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их» [Быт. 3: 21]. Бог не хотел, чтобы человек узнал горькие истины о себе, о своей смертности, поэтому Он предлагал человеку вкушать плоды со всех деревьев, в том числе с древа жизни. При таком распорядке первые люди никогда бы не узнали о своей смертной природе и о зле, связанном с ней. Они потребляли бы плоды с древа жизни и жили бы вечно, но в неведении относительно своей подлинной человеческой жизни-смертной природы; они бы не знали о том, что могут творить добро и зло по причине этой двойственной природы, о том, что жизнь рождает свои ценности, которые нужно укреплять и развивать самим людям, поскольку за них этого никто не сделает. Трудный это путь – быть человеком. Но это путь человека, а не райского невинного существа, размеренно поедающего плоды с древа жизни. Адам и Ева выбрали путь человека.

Литература:

1. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете: Пер. с англ. / Предисл. и коммент. С.А. Токарева. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1989. 541 с.
2. Фромм Э. Иметь или быть?: Пер. с англ./ Общ. ред. и посл. В.И. Добренёв. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
3. Омельченко Н.В. Аксиологический потенциал светской теологии // Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии; под ред. И.Т. Касавина, В.П. Филатова, М.О. Шахова. М.: Альфа-М, 2010. С. 362–379.
4. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 16–27.

Пеннер Р.В.

Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры философии, к.ф.н.

penner.r.v@gmail.com

В тезисах идентичность рассматривается как проблема в эпоху постмодерна. Идентичность проблематизирована в постмодерне по причине того, что классические ее модели (понимание идентичности через тождество и самотождественность или через различие и самость) в современном мире не срабатывают, впрочем, также как и проект философии постмодернизма, который можно обозначить как «ускользающая идентичность» (отголоски этого проекта возможно обнаружить в номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари или деконструкции Ж. Дерриды). Иными словами, в ситуации постмодерна человек утратил традиционные координаты для самопонимания, осмысления себя, а новых еще не приобрел. В попытке развернуть новую систему антропологических координат формулируется идея самостояния как основание для интерпретации идентичности представителя эпохи постмодерна.

Ключевые слова: человек, эпоха постмодерна, постмодерн, идентичность, философия постмодернизма, номад

To the problem of identity in the postmodern era.

Regina V. Penner

South Ural State University

Abstract: In these identity is seen as a problem in the postmodern era. Identity is problematized in postmodern because its classical models (understanding of identity through sameness or through difference) do not work in the modern world, however, as well as the project in philosophy of postmodernism which can be described as “elusive identity” (echoes of this project can be found in the nomadology by J. Deleuze and F. Guattari or the deconstruction by J. Derrida). In other words, in a postmodern situation, a person has lost the traditional coordinates for self-understanding, but has not yet acquired new ones. In an attempt to expand a new system of anthropological coordinates, the idea of standing is formulated as the basis for interpreting the identity of a representative of the postmodern era.

Keywords: person, postmodern era, postmodern, identity, philosophy of postmodernism, nomad

В центре современной Праги, во внутреннем дворике одного из торговых центров, возвышается вращающаяся голова. Автор арт-объекта Д. Черный именовал его «Головой Франца Кафки». Что-то кафкианское в этом объекте действительно есть: голова состоит из 42 деталей, которые внутренний механизм заставляет непрерывно вращаться. Это постоянное вращение создает эффект того, что куда бы ты не переместился, голова непрестанно следит за тобой. С другой стороны, трансформация головы как свойство объекта становиться собой и, вместе с тем, оборачиваться другим в следующую минуту в большей степени роднит скульптуру с идеей бытия в эпоху постмодерна, нежели с воплощением страданий «маленького человека» в тоталитарной бюрократии.

В контексте представленной иллюстрации можно предположить, что голова Кафки как бы воплощает в материи черты постмодерна. Среди таких черт следует отметить: 1) движение как постоянное изменение человека и общества (Ж. Делез); 2) утрата нарративной функции функторов, характерных для эпохи модерна (научный дискурс): великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель (Ж.-Ф. Лиотар); 3) переход от «метанарративного механизма легитимации» (наука) к нарративному (философия) и связанные с ним кризисы метафизической и университетской классической философии (Ж.-Ф. Лиотар) [5, с. 10]; 4) плюрализм в культуре и вообще плюралистичность (множественность) и диффузность (рассредоточенность) традиционных культур (И. Берлин); 5) выход из социальной иерархии и тотального контроля (аналог – игра в шахматы) в пространство социального дрейфа и становления (аналог – игра в го) (Ж. Делез, Ф. Гваттари); 6) разочарование в идее прогресса: «Эскалатор прогресса двинулся теперь вспять» [9, с. 240]; 7) проблема потребления символов и знаков (симулякров) в контексте материального производства и перепроизводства (Ж. Бодрийяр).

Кажется, что голова Кафки является всего лишь иллюстрацией тех внешних процессов, что оборачиваются вокруг нее. Но изменения во внешнем стимулируют трансформацию внутреннего мира

человека. Для полного функционирования в бытии недостаточно лишь внешнему следованию трендов. Представляются значимыми изменения человека изнутри для того, чтобы встроиться в этот внешний мир. Поэтому на рубеже веков сложилась традиция в футурологии именовать состояния человека в переходные периоды (в которые обостряется проблема встраивания во внешнее) как футурошок (Э. Тоффлер) или футурофобия (И.В. Бестужев-Лада). Актуальными в заданном контексте становятся опасения, высказанные У. Эко: «В самом деле, скорость, с которой обновляются технологии, навязывает нам нестерпимый ритм постоянной перестройки наших ментальных привычек. Предполагается, что каждые два года необходимо менять компьютер, потому что именно так эти устройства и задуманы – чтобы через некоторое время устаревать. И это при том, что ремонт компьютера обходится дороже, чем покупка нового. Каждый год нужно менять машину, потому что новая модель лучше в плане безопасности, больше напичкана электронными гаджетами и т.д. И каждая новая технология предполагает приобретение новой системы рефлексов, требующей от нас все новых усилий, причем во все более сжатые сроки. Курицам понадобилось около ста лет, чтобы научиться не переходить через дорогу. В конечном итоге их вид приспособился к новым условиям дорожного движения. Но у нас нет этого времени» [8, с. 102]. Необходимость мгновенной перестройки изменяет человека. В XXI в. следует говорить не о «переходящем куда-то» человеке, а о человеке, уже «куда-то перешедшем». Если направление перехода еще следует осмыслять, то специфика этого перехода является одной из наиболее обсуждаемых тем в социально-гуманитарном дискурсе. Эта специфика связана с проблемами стресса и депрессии, что стали неизменными спутниками человека в эпоху постмодерна.

Изменения внешнего, в свою очередь, являются недостаточным основанием для обоснования проблемности идентичности в эпоху постмодерна. Вместе с тем, эта проблема имеет место быть. Но сначала определимся с тем, что стоит понимать под идентичностью. В «Новейшем философском словаре» под редакцией А.А. Грицанова понятие «идентичность» следует за понятием «идентификация». Эти понятия этимологически подобны, они исходят из латинского *identificare* – отождествлять. Однако эти понятия логически различны. Идентификация есть процесс отождествления или разотождествления себя с внешним с целью достижения психологического комфорта. Неслучайно термин идентификация впервые был использован З. Фрейдом в рамках психологического научного дискурса [3]. В современном социально-гуманитарном существует некая терминологическая путаница по отношению к терминам идентичности и идентификации. Кажется, что именно психологии принадлежит право на разработку проблематики идентичности. Этому способствовало и то, что в 1969 г. в свет вышла работа Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис», в которой автор обосновывает идентичность как стратегическую задачу и вводит в научный дискурс термин кризиса идентичности как обозначение необходимой стадии в возрастном становлении человека.

Вместе с тем, проблематика идентичности существует не только в пределах психологического дискурса. Понятие идентичности указывает не на процесс, а на феномен. В осмыслении этого феномена важна связь идентичности с такими понятиями, как индивидуальное, различное, инаковое, аутентичное, тождественное и другое. В истории философской мысли можно выделить две смысловые линии в понимании идентичности. Первая линия берет свое начало в трудах Аристотеля; в ней идентичность раскрывается через тождество. В «философии тождества Ф. Шеллинга идентичность понимается как самотождественность структур идеального «Я», как основание элиминации из них любых субъективных актов» [4]. В этом ракурсе понимания идентичности важна идея прозрачности: субъект прозрачен для самого себя и окружающего мира, впрочем, как и мир прозрачен для субъекта. В этой прозрачности идентичность является непосредственной данностью, она самоочевидна для человека.

Другую линию в понимании идентичности обозначил И.Д. Скот. Он предложил концепцию индивидуализирующей «этовости» (самотождественность единичного в его самости). Впоследствии М. Шелер расширил линию концепцией «чтойности» как раскрытие самости в ее соотносительности с другим. На смену тождества во второй линии приходит идея различия. В отношении субъекта и мира встраивается другой. Своей дружостью он указывает на границы моего «Я». Однако в общении с этим другим, в различии и различении Я с Ты, изначальные границы претерпевают трансформацию. На смену субъективного горизонта мира приходит интерсубъективный горизонт, где Я есть не самотождественное целое, самоочевидное для самого себя и других, а становящееся начало, проецирующее себя на других. Я получает «гарантию» своей идентичности только в общении, в диалоге с другим: «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я

получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» [6].

Философия постмодернизма, в свою очередь, как будто окончательно сняла проблему идентичности. Философы-постмодернисты в анализе произведений классической литературы, общества и культуры вышли на феномен номадизма. Номад постмодерна выходит за рамки традиционной идентичности (и тождества, и различия) и реализует так называемую «ускользающую» идентичность. На смену граничного, самостного и самоидентифицируемого Я приходит «протеева» фигура; «в протеевской идентичности возможно одновременное сосуществование множеств «Я», даже противоположных» [10, с. 98]. Ускользящая идентичность характеризует номада постмодерна [7]. Номад ускользает от всего внешнего, что задает ему рамки и направление движения: социальных ролей, языковых структур и речевых практик. В радикальных формах ускользания номад отказывается от своего имени с целью разорвать привязку к элементам идентификации и самоидентификации, легитимированными в черте оседлости (А.К. Секацкий). Номад как бы выходит из плена одного имени. Виртуальная среда с логинами, никнеймами и аватарами превращается в благодатную в этом «движении от» почву.

Реальность демонстрирует то, что человек вошел в эпоху, которая может быть названа постмодерном. Но человек не стал номадом, о котором говорили Ж. Делез и Ф. Гваттари. Более того, идея идентичности все чаще всплывает на поверхность, в том числе, в философском дискурсе. В одной из своих работ П.К. Гречко поднимает проблему кризиса идентичности в условиях современности. Автор утверждает, что прежде чем анализировать кризис, необходимо «идентифицировать идентичность», понять то, о какой идентичности идет речь, коллективной или индивидуальной, осмыслить общее и различное в идентификации и социализации [1, с. 41]. В другой работе П.К. Гречко выражает перспективу проблемы идентичности в контексте постмодернизма, «постмодернизм пытается предостеречь индивида от саморазрушительной (само=самость) зависимости от социализации, а в пределе – и идентификации. Культурные смыслы и ценности в его перспективе должны переводиться в неповторимо индивидуальные способы осмысления и оценивания личностного существования» [2]. Кажется, что П.К. Гречко дает ответ на вопрос, почему проблематика идентичности была снята в философии постмодернизма: в отождествлении идентификации с социализацией идентичность становится тем продуктом, что конструируется не «изнутри» (самость), а «извне» (общество); соответственно поддерживается она через социально-принятые знаки: имя, репутация, слава. Множественность внешнего в социально-культурной ситуации сегодня, множественность самой реальности (различение реального и виртуального) утверждает то, что в конструировании Я человеку недостаточно опоры на внешнее. Иными словами, сценарии традиционной идентичности в современных реалиях не срабатывают; но и радикальный вариант ускользающей идентичности также не срабатывает.

В центре Праги 24 часа в сутки совершает свои обороты голова Кафки. С каждым новым поворотом детали она отображает архитектурный фон, смену дня и ночи, смену времен года, отражает лица жителей и гостей города, пришедших с ней познакомиться. Голова Кафки являет собой пример постоянной трансформации. Но трансформация эта не была бы возможна без надежной опоры для столь массивного и объемного произведения современного искусства. Возможно, в эпоху постмодерна вопрос об идентичности нужно ставить одновременно с размышлениями о месте человека в мире. Идея самостояния человека не определяется исключительно внешним, она прорывает границы картографии и по-новому говорит о самости человека (не заданной, а создаваемой) в современности.

Литература:

1. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории, 2010.
2. Гречко П.К. Идентичность – современные перспективы // Ценности и смыслы, 2009.
3. Идентификация : Новейший философский словарь / Мн.: Книжный Дом. 2003 // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/275.php (дата обращения: 13.12.2019)
4. Идентичность : Новейший философский словарь / Мн.: Книжный Дом. 2003 // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/276.php (дата обращения: 13.12.2019)
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / СПб.: Алетейя, 1998.
6. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии, 1992.
7. Шляков А.В. Феномен номадизма в культуре постмодерна: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, специальность 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки), Тюмень, 2019, 320 с.

8. Эко, У. Не надейтесь избавиться от книг! /М.: Симпозиум, 2010.

9. Dahrendorf R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft der Liberalismus. Stuttgart, 1983.

10. Lifton R.J. Thought Reform and the Psychology of Totalism / The University of North Carolina Press, 1989.

мобильностью. Если «текучесть» понимать как пластичность, то она в равной степени свойственна и человеку как следствие изначальной универсальности, непредзаданной определенности его природы. В таком случае по своим базовым существенным признакам глобальный мир и человек вполне соразмерны. Только универсальный по природе человек мог создавать те средства «расширения» себя самого, которые всякий раз обеспечивали ему возможность охватывать мир все более глобально. Современные средства коммуникации обеспечивают возможность существования глобального мира; в этом мире может существовать только универсальный по природе человек. Они же создают для человека как возможности глобальной включенности в мир, так и угрозы подчинения себе их создателя.

Однако не только проблемные вопросы «антропологической онтологии», где о человеке речь идет на уровне теоретического определения его общеродовых признаков, должны быть предметом внимания в антропологии глобального мира. Действительно актуален и вопрос о том, как существует реальный индивид, отдельный эмпирический человек, чем отличается способ его бытия-в-глобальном мире. Глобальный мир нередко характеризуется через происходящие в нем процессы гомогенизации, унификации различных сторон жизни человека и общества. В этой связи может ли идти речь о конкретном человеке как «индивидуализированной универсальности» (термин Э. В. Ильенкова)? Сохраняется ли в глобальном мире запрос на универсальность и индивидуальность человека; как выявить и проявить свою индивидуальность; что означает способность существовать универсально? На уровне реального существования отдельного человека глобальный мир с невероятной его сложностью, инновационностью, динамикой, мир как «глобальная деревня» (М. Маклюэн) оказывается «по размеру» не для каждого. Основные его вызовы по отношению к человеку по их смыслу связаны со способностью жить в глобальном мире, оставаясь при этом человеком, сохраняя возможность пробиваться через вещный и людской универсумы (в которые втянут человек) к собственной уникальной личности. В глобальном мире в равной степени важны как экология (рефлексия и ответственность) глобализирующих средств, технологий и экология человеческой уникальности. Мультизадачность, мультифункциональность, в которых как в своей стихии существуют представители поколения Z (в стремлении успеть за всем сразу), принимая их за универсальность, лишь обостряют обозначенные проблемы.

Антропология глобального мира не может обойтись без «универсальных обобщающих философских высказываний» о человеке, она не может быть лишь исследованием предикативных характеристик человека глобального мира, тем более – «суммой технологий» самоустроения, саморазвития, самопрезентации, самопродвижения. Глобальный мир и «глобальный человек» нуждаются в опоре и ориентации на новые универсалии (потенциал существующих при этом должен быть конструктивно переосмыслен, а не отвергнут), выработать которые, реализуя свои функции смыслопорождения и проективности, способна именно философия.

Литература:

1. Кувалдин В. Б. Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 400 с.
2. Эпштейн М. Н. От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке // Вопросы философии. 2019. №7. С. 52-63
3. Тульчинский Г. Л. Философия как проектирование новых смыслов // Вопросы философии. 2019. №7. С. 64-68.
4. Иоселиани А. Д. Антропология глобального мира: человек в современной коммуникативно-информационной сфере // Век глобализации. 2013. №2. С. 143-155.
5. Напсо М. Д. Антропологический аспект глобально-космополитического мира // Философская мысль. 2016. №11. С. 30-35.
6. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Философская антропология: учеб. пособие / В. Д. Губин, Е. Н. Некрасова. М.: ФОРУМ, 2008. 400 с.

Аннотация: В статье проводится краткий обзор нарративных стратегий, таких как автобиография, автоэтнография, ментатив, нарративная онтология; исследуется взаимосвязь философии с нарративными практиками. В результате анализа мы пришли к выводу, что методы автобиографии и автоэтнографии имеют определенные ограничения применения к философии, поскольку доминирующим элементом этих методологических установок является субъективная достоверность, в то время как в постструктуралистской автоэтнографии, или (анти)автоэтнографии, ставится под сомнение сам принцип субъекта. В данном контексте обращение к чувствам, эмоциям, воспоминаниями, личному и исследовательскому опыту, окружающей обстановке, включение сторонних замечаний и реплик других людей, которые во многом отражают эвристический потенциал автонаррации, исключает вторичную интуицию саморефлексии, а линейный характер повествования исключает недискурсивные, фрагментарные нарративы. Таким образом, философия как наррация реализуется скорее в антинаррации (постструктуралистская автоэтнография) и нарративной онтологии, расширяя тем самым спектр потенциальных значений и смыслов.

Ключевые слова: автоэтнография, автобиография, нарратив, нарративная онтология, эвокативная автоэтнография, аналитическая автоэтнография, (анти)автоэтнография, постструктуралистская автоэтнография.

Narrative discourse and philosophy.

Selivanova S. G.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: the article gives the brief overview of narrative strategies, such as autobiography, autoethnography, ment-ative, and narrative ontology; it examines the connection between philosophy and narrative practices. As a result of the analysis, we come to conclusion that the methods of autobiography and autoethnography have certain boundaries when applied to philosophy, since subjective reliability is the dominant element of the given methodological settings. On the other hand, in the poststructural autoethnography, or(anti)auto-ethnography, the very principle of the subject is called into question. So, the appeal to feelings, emotions, memories; personal and research experience, the environment, the inclusion of third-party comments and remarks of other people, which largely reflect the heuristic potential of autonarration, excludes the secondary intuition of self-reflection; and the linear narrative excludes non-discursive, fragmented narrative practices. Thus, philosophy as a narration is realized more likely in antinarration (poststructural autoethnography) and narrative ontology, thereby expanding the range of potential meanings and senses.

Keywords: autoethnography, autobiography, narration, narrative ontology, evocative autoethnography, analytic autoethnography, (anti)autoethnography, poststructural autoethnography.

Письмо рождается как метод, путь записи или след памяти. В письме наррация обретает свою автономию. Удивительно, но именно философский текст более всего причастен к этим метаморфозам. Наррация и философия идут рука об руку, дополняют друг друга.

Нарративные практики и нарративная методология, а также их концептуализация, явление сегодняшнего дня, к наррации обращаются не только психологи, социологи, антропологи или этнографы, нарративный принцип повествования можно встретить в статьях по медицине, физике, биологии и т.д. Авторы все чаще обращаются к этому способу изложения, чтобы избежать предвзятого и самопонятного описания, создать своеобразную оппозицию устоявшимся дискурсивным практикам.

В свете последних десятилетий нарративный дискурс видоизменился, в его структуре произошли основательные изменения. Теперь в рамках нарративного подхода можно говорить о различных нарративных практиках: автобиографической, автоэтнографической, нарративная онтология, ментатив.

Автобиографический метод используется преимущественно в социальных науках: в психологии он применяется в отношении к пациентам, как правило, в терапевтических целях, в социологии, антропологии, этнографии - для сбора данных. Автобиография – это всегда рассказ-самопрезентация, цель которого в том, чтобы через описание понять себя, попытаться себя объяснить, автобиография «строится и повествуется с целью осмысления и конструирования собственного «Я», а также планирования своей жизни на основе извлечения необходимых личности смыслов из ее уже свершившихся эпизодов» [1, 42]. Автобиография включает не только сознательный элемент, в ней так или иначе присутствует элемент бессознательного, который реализуется через структурную матрицу текста (стиль), кроме того, автору автобиографии не избежать культурно и социально индекстрированных форм саморепрезентации и смыслов. Крайне важным содержательным элементом этого вида автонаррации является эмоционально-чувственная составляющая, именно она доминирует в тексте, поскольку интенция состоит в том, чтобы экстерииоризировать ощущения и мысли. Особый род наррации, который выделяет Сапогова Е. Е. – ментатив (когнитивно-интенциональная форма Я-репрезентации) [1, с. 38].

Автоэтнографический метод – явление недавнего времени, его формирование и концептуализацию связывают с именами западных исследователей, прежде всего это Кэролайн Эллис (С. Ellis), Артур Бочнер (А. Bochner), Тони Адамс (Т. Adams) (эвокативная автоэтнография), и Леон Андерсен (L. Anderson) (аналитическая автоэтнография). Автоэтнография, хотя и является недавним изобретением, успела завоевать поклонников среди специалистов самых разных областей. Метод автоэтнографии интересен по нескольким причинам: прежде всего, благодаря тому, что данный прием большей частью и преимущественно используется в науках о человеке – антропологии, этнологии, социологии, психологии. Второй немаловажный факт состоит в том, что данный метод содержит в себе не только биографический момент, но и научно-исследовательский, дисциплинарный. Ни один из указанных элементов нельзя назвать доминирующим, оба принципиально важны и даже необходимы, поскольку автоэтнограф пишет не только себя, о себе или о своей жизни, автоэтнограф работает над проблемой, научной, теоретической или прикладной [2; 276]. Автоэтнографический текст рассказывает историю, которая непосредственно разворачивается не только перед читателем, но и ее автором. В ход идет весь контекстуальный «сор», все, казалось бы, незначимые детали: диалоги с коллегами, внутренние переживания исследователя, особенности обстановки, воспоминания и их непосредственный анализ [2, с. 279-280].

В целом, все вышесказанное относится к обоим ответвлениям: и эвокативной автоэтнографии, и аналитической автоэтнографии. Однако, между ними есть некоторые различия. Во-первых, положение исследователя: в аналитической автоэтнографии разговор строится от первого лица, от имени исследователя, в эвокативной автоэтнографии главная роль отводится коммуникации, отсюда многообразие жанровых композиций (коллективная этнография, совместно-конструируемые нарративы и т.д. [3, с. 230]): «цель нарративного метода заключается не только в репрезентации, но в коммуникации... наше письмо должно привлекать, будить и возбуждать, приглашать читателей к разговору» [4, с. 158], наррация может строиться как через местоимения я и мы, так и ты, он или она. Вторая особенность аналитической автоэтнографии – аналитическая форма презентации, главная идея не в том, чтобы выразить и описать некие внутренние переживания или вызвать эмоциональный отклик у читателя (эвокативная автоэтнография), а в том, чтобы на основе полученных данных получить более широкое и ясное представление об исследуемом феномене [5; 387]. Другая особенность аналитической автоэтнографии - рефлексивный компонент, необходимо стремиться к тому, чтобы постоянно удерживать границу между исследуемым и исследователем [5; 382], в эвокативной автоэтнографии эта граница практически размыта, повествование превращается в «историю-исповедь» [6, с. 68].

Применение в философии вышеуказанных методов: и автобиографического, и автоэтнографического, наталкивается на некоторые трудности. Прежде всего я хочу обратить внимание на дополнительный смысл, который привносится морфологией слова «авто-этнография» (авто-биография). Автоэтнография включает в себя одновременно оба качества: и автоматизм и автономию, которые в соединении дают новую интеллектуальную стратегию письма. Я не утверждаю, что методология разворачивается как автоматическая процессуальность подобно потоку сознания, автоэтнографическое повествование всегда структурировано, оформлено. Автономия автора реализуется

в отказе от predetermined стили изложения, не дисциплина и не дисциплинарное сообщество, но сам исследователь избирает удобную форму нарратива, поощряется индивидуальные стилиевые решения (особенно актуальна в квир-теориях). Принцип автоматизма реализуется через содержание, автор может вносить в текст любые подробности, относящиеся к предмету исследования, а также те, что с ним непосредственно не связаны. Автором движет стремление выразить внутренний комплекс эмоций (особенно в эмфатической и квир-автоэтнологии) и переживания, непосредственные рефлексией; это своеобразна агиография эмоционально-чувственной стороны познавательного процесса.

Однако, несмотря на то, что автоэтнографический текст открыт самым многообразным стилям и жанрам, он все еще остается линейным, он образует собой паутину биографических и эмфатических фактов, центральный персонажем, своеобразной осью координат которых остается субъект. Текст, который пишет субъект - это вторичный продукт, он обусловлен авторским замыслом и стилем, поскольку автор пишет текст. С другой стороны, возможна иная автоэтнография, та, что Гэннон С. (Gannon S.) обозначила как (анти)автоэтнография, или постструктуралистская авто-этнография. Постмодернисты и постструктуралистское письмо (прежде всего речь идет об «автобиографических» текстах) смещают перспективу, вопрос не только в том, кто именно пишет текст, но пишет ли его вообще кто-либо, возможно, что текст пишет сам себя, одновременно, текст пишет и пишется. Проблематизация субъекта и субъективной выразительности занимает чуть ли не первое место в постмодернистской дискурсии. Поскольку субъект – это проблема и вопрос, то линейное повествование, отражающее логику скорее понятного и уясненного, неспособно отразить его уклончивость, незавершенность и принципиальную несостоятельность. (Анти)автоэтнография, с одной стороны, подчеркивает разрывы, ищет несоответствия и дестабилизирующие звенья, устанавливает зазоры и разрушает, а не стремится к полноте выражения [7, с. 480]; с другой стороны, она «может включать в себя мультидисциплинарность, может стремиться к тому, чтобы конструировать тексты, которые нелегко проглотить, которые вновь и вновь обращаются, (позволяя нам, заставляя нас) поощряя нас к другому мышлению...» [7, с. 488].

Нарративная онтология, по мнению ее автора Вадима Петровича Руднева, занята предельными вопросами, это повествование, «на одном конце которого жизнь, а на другом — смерть» [8, с. 13]; она представляет собой единственную реальность, исчерпывает собой все [8, с. 10], отсюда онтология; она отличается от автоэтнографической наррации, которая, по словам Бочнера А., представляет собой реальность второго порядка [4, с. 160]. Она не заменяет и не подменяет собой действительность, автоэтнографическая наррация (точно также как и автобиографическая наррация или ментатив) это своеобразная терапия, она должна способствовать лучшему пониманию себя и других людей в мире, собственных внутренних переживаний. Наррация - это своего рода понятийный мост, транзитивное сообщение, внутри которого возможно производство совместных смыслов и значений. В нарративной онтологии, субъект не стремится быть понятым, смысл не в самом содержании, но в факте существования, в нарративном бытийствовании. Так, главный вопрос автоэтнографического нарратива: Полезна ли история? и Где ее можно применить? Вопрос, который ставит Руднев В. П., «Что будет дальше? и Чем это кончится?» [9, с. 1608]. Таким образом, нарративная онтология разворачивается вокруг предельных вопросов человеческого существования, реальность которого напрямую связана с нарративными дискурсивными практиками.

В заключение несколько слов о том, что роднит и обосновывает все вышеперечисленные нарративные дискурсы. Прежде всего, стоит отметить их событийный характер. Наррация - это всегда событие, наррация и есть событие. Таким образом, повествование, которое разворачивается вокруг субъекта, с субъектом в центре или под именем субъекта, есть манифестация реальности, ее подлинности для субъекта, хотя и не поддающаяся верификации.

Литература:

1. Сапогова Е. Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37-51.
2. Ellis C., Adams T. E., Bochner A. P. Autoethnography: an overview // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2011. P. 273-290.
3. Рогозин Д. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. № 1(14). С. 224-273.
4. Bochner A. P. On first-person narrative scholarship: Autoethnography as acts of meaning // Narrative inquiry. 2012. Vol. 22(1). P. 155-164.

5. Anderson L. Analytic autoethnography // Journal of contemporary ethnography. 2006. Vol. 35(4). P. 373-395.
6. Bochner A., Ellis C. Evocative autoethnography: Writing lives and telling stories. Routledge, 2016. 332 p.
7. Gannon S. The (im)possibilities of writing the self-writing: French poststructural theory and autoethnography // Cultural Studies? Critical Methodologies. 2006. Vol. 6(4). P. 474-495.
8. Руднев В. П. Новая модель реальности. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 224 с.
9. Руднев В. П. Проблема истины и лжи в нарративной онтологии // Философия и культура. 2015. № 11(95). С. 1608-1617.

Человек и гаджет: философско-антропологические аспекты медиаэпохи

Соловьев А. В.

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, профессор кафедры культурологии.
Доктор философских наук*

soloviev.al@gmail.com

Аннотация: Вступление человечества в медиаэпоху на антропологическом уровне прочно ассоциируется с массовым распространением и повседневным использованием смартфонов и планшетов – цифровых сетевых гаджетов, которые радикально изменили практики ежедневных формальных и неформальных коммуникаций. Многофункциональный гаджет изменил традиционную топологию субъекта: человек медиаэпохи «дополнился» цифровым Я и сложной системой взаимодействий с другими «усложненными», «расщепленными» субъектами. Построение этой новой топологии сопровождается «предельной концентрацией» и одновременно «расфокусировкой» субъекта, которые являются последствиями использования цифровых сетевых гаджетов. Человек, использующий цифровой сетевой гаджет как его основное «расширение», стал иначе относиться к освоению и использованию пространства; его жилище быстро утрачивает характеристики пространства приватности, убежища от ежедневных рутинных коммуникационных актов и превращается в медиаузел, а сам человек превращается в медиачеловека - «человека с гаджетом», живущего в пространстве информационных потоков с непрерывной, но усредненной, унифицированной сетевой коммуникацией.

Ключевые слова: медиаэпоха, человек, гаджет, сетевая коммуникация, медиатеchnологии, медиаобщество.

Human and Gadget: philosophical-anthropological aspects of media age. Soloviev A. V.

Ryazan State University named for S. Yesenin

Abstract: The humankind's entering into the media age at the anthropological level is strongly associated with mass distribution and everyday use of smartphones and tablets - digital network gadgets that have radically changed practices of daily formal and informal communication acts. This multifunctional gadget has changed the traditional topology of the subject: the human of the media age has been "augmented" with a digital Self and a complex system of interactions with other "augmented" and "fractured" subjects. The construction of this new topology is accompanied by "ultimate concentration" and at the same time by "defocusing" of the subject, which are consequences of digital network gadgets use. A human using a digital network gadget as his/her main "extension" has begun to take a different approach to the development and use of space; his/her home is quickly losing the characteristics of a privacy space, a refuge from daily routine communication acts and is becoming a media hub, and the very human is transforming into a media human - "human with gadget" living in the space of information flows with continuous but averaged, unified network communication.

Keywords: media age, human, gadget, network communication, mediatechnology, media society.

Современная культура, для описания которой в данном тексте используется понятие «медиаэпоха», понимаемая как технотронная культурная система с доминированием сетевой коммуникации, в сущности, продолжает оставаться экранной: с момента появления волшебного фонаря человек всё так же смотрит на экран. Различия в том, что сегодня человек носит с собой экраны - гаджеты, и экранов невозможно избежать (они везде: в доме, на улице, в транспорте, в учреждениях), а время просмотра на них увеличилось до того, что это можно считать одной из основных компонентов повседневности. Но самым главным событием и антропологическим поворотом стало то, что экран стал интерактивным, экран стал интерфейсом цифрового гаджета, который является сегодня главным орудием человека медиаэпохи. Под цифровым гаджетом в данном тексте понимается носимый сетевой

компьютер (смартфон, планшет) и его «расширения» (смарт-браслеты, смарт-часы, экшн-камеры, очки дополненной реальности). Гаджет, в свою очередь, становится главным «расширением» человека: по прогнозам компании CISCO устройства, подключенные к сетям Wi-Fi и мобильной связи, к 2022 г. будут генерировать 71% интернет-трафика [1]. В сетевом медиаобществе гаджет является для человека одновременно и центральным (хранение личной информации и данных), и периферическим устройством (точка доступа к сети). Самым важным здесь, однако, является то, что в системе «гаджет – человек» сам человек превращается в медиаузел, в «точку доступа». Он превращается в сообщение.

Как «расширение» человека цифровой сетевой гаджет транслирует, проецирует цифровое сетевое Я. Это цифровое сетевое Я не то же, что сам человек. Владимир Бибахин, говоря об антропологическом повороте современности, в том числе связанным и с информационным «взрывом», писал в 1998 году в своей работе «Новый ренессанс»: «Сам человек не то же что Я. Я бываю и не сам. Есть разница между я сделал и я сам сделал» [2, с. 44]. В цифровом сетевом Я самость «отрывается» от человека: цифровая сетевая идентичность строится по правилам и алгоритмам сетевой коммуникации, по провидческому (и давно набившему оскомину) высказыванию-заглавию Маршалла Маклюэна «Средство есть сообщение» (The medium is the message) и по его известной второй формуле-опечатке «Средство есть массаж» (The medium is the massage) [3]. Первоначальная анонимность и свобода сетевой коммуникации до сих пор сохраняют свою «инерционность»: множество пользователей продолжает вести себя так, будто они обладают анонимностью и большей свободой по сравнению с коммуникацией лицом к лицу, хотя ситуация изменилась на противоположную, если только речь не идет о фиксации этой коммуникации с помощью тех же цифровых гаджетов. Гаджет является средством постулирования картезианского «Я»: «Я мыслю, следовательно, я существую» в форме «Я пошу, следовательно, я существую». Гаджет, отрывая «Я» от «самости», стандартизирует, фреймирует и канализирует человеческое мышление, и это нельзя недооценивать. Процесс синхронизации устройств-гаджетов также ускоряет эти процессы, так как создает некий цифровой «кокон», цельную цифровую «оболочку», что является попыткой человека обрести хоть какие-то смысловые основания в фрагментарном цифровом мультимедийном гипертексте. В медиаэпоху мы являемся свидетелями «распадения» целостного человека эпохи Гутенберга и становление медиачеловека эпохи Цукерберга. Этому новому человеку соответствует культура информационных потоков, больших данных, сетевых коммуникаций и транзакций. Человек в обществе тотальной фиксации всего утрачивает память, не испытывая потребности запоминания информационного потока и, самое главное, понимая невозможность этого запоминания. Эпоху Гутенберга составляли длинные, последовательные, сюжетные тексты, которые в эпоху Цукерберга были заменены на короткие, дискретные, зачастую бессюжетные тексты – элементы гипертекста. Освоение и осмысление гипертекстов предполагает другую стратегию: постоянный «сёрфинг» по гиперссылкам с непредсказуемым маршрутом и множественными вероятностными «пунктами назначения», и само устройство гаджета как «доски для сёрфинга» делает эту стратегию неизбежной.

Совершенствование гаджета как «расширения» человека (машины-протеза) идёт по пути, сформулированному М. Фуко в работе «Слова и вещи»: «...наиболее примитивные машины предполагают принципы движения, различные для каждого их органа. Но когда они совершенствуются, они подчиняют одному и тому же принципу все свои органы, являющиеся в таком случае лишь промежуточными звеньями, средствами преобразования, точками приложения» [4, с. 134]. Поэтому такой многофункциональный гаджет как смартфон вполне соответствует органическим потребностям человека в коммуникации с окружающим миром, учитывая то, что основными каналами этой коммуникации являются зрение, слух и речь. Эта многофункциональность и многоканальность приводит к тому, что по мере развития человека, как указывает Б.В. Марков, всё «большую роль начинают играть не орудия воздействия на предметы, а более тонкий инструментарий символической коммуникации, на упорядочение которой и тратятся все большие усилия» [5, с. 21].

Многофункциональность гаджета позволила в полной мере превратить современного человека в «медиума технологических и коммуникативных структур» [5, с. 6]. Этот медиум также претерпел серьезные личностные изменения в результате взрывного развития сетевых коммуникационных структур. По мнению Дж. Ланира, комментарии в блогах, безвкусные видеопутки и легковесные мэшапы, которые могут показаться тривиальными и безвредными, в целом, представляют из себя распространенную практику фрагментарного, обезличенного общения, принизившую роль межличностного взаимодействия как такового [6, с. 14]. Если пользоваться терминологией Ю. Харари, используемой для описания сознания современного человека [7, с. 414], то можно утверждать, что

большинство людей, использующих гаджеты (другими словами, глобальные коммуникационные технологии) на повседневной основе, находятся в зоне субнормального ментального спектра, то есть в зоне сниженной способности чувствовать, думать или общаться. Как это не парадоксально, высокие коммуникационные технологии усредняют уровень коммуникации, если говорить о больших цифрах. Говоря о ментальных состояниях, Ю. Харари, утверждает, что возникновение «глобальной деревни» привело к потере веры в высшие ментальные состояния [7, с. 416-417].

Давно ставшая тривиальной метафора «глобальной деревни» отсылает нас к одному из важнейших философско-антропологических вопросов: как человек осваивает, обозначает и наделяет смыслом окружающее пространство, начиная с жилища и заканчивая космосом. Сетевые коммуникационные структуры медиаэпохи ослабили значение жилища как пространства приватности, убежища от ежедневных рутинных коммуникационных актов. Б.В. Марков пишет: «Человек становится страшным, если он лишен места, дома. Именно место продуцирует человека. Таким образом, в основе антроподицеи лежит дом и место. Оно задает особенности телесности, в частности, культивацию красоты, а также характер и поведение человека, его этос» [5, с. 22]. Но цифровые медиатехнологии в форме мобильного гаджета «размывают» традиционные понятия дома и места. Мобильный гаджет «не привязан» к конкретной локации: самым распространенным вопросом, задаваемым по телефону сегодня, является вопрос «Ты где?». Но даже находясь в конкретном месте – в своем доме – человек, благодаря экранному цифровым сетевым гаджетам теряет ощущение четких границ своего личного пространства. В медиаэпоху обычные дома уступают место «цифровым домам» (Скотт Маккуайр) [8, с. 13-15] – медиаузлам, медиацентрам, наполненным самыми разными медиа с доступом в интерактивные глобальные сети, где каждый узел потребления способен и на производство, а места не-местам (местам временного пребывания, транзита, лишенным индивидуальных характеристик). Житель медиаузлов и не-мест – медачеловек – представляет собой неомеда медиаэпохи, транскроссера супериндустриального стандартизированного общества и сетевого киберпространства. Парадокс глобальной соединенности и локальной рассоединенности, рожденный технологиями новых медиа, приводит к тому, что в социуме возникает, по выражению Г.С. Померанца, «человек ниоткуда», а основной социальной стратой становится вселенская диаспора [9, с. 127]. Представители этой социальной страты чувствуют себя комфортно в любом городе, который обладает мобильным доступом к глобальным сетям, возможностью электронной оплаты услуг и товаров, системами цифровой навигации (GPS, биконы-маячки, информационные экраны, QR-коды) [10, с. 100-107]. Глобальная сетевая «подключенность» этой новой социальной группы приводит и к трансформации локальной городской среды, «настроенной» на данную социальную группу: кафе, книжные магазины и даже парки оборудуются wi-fi-доступом, огромные открытые пространства покрываются сотовым мобильным Интернетом, в городах открываются медиацентры, медиатеки, коворкинги, кластеры творческих и культурных индустрий, медиамузеи, медиагалереи, медиадворы и т.д. Эти новые общественные пространства и институции постепенно «вовлекают» в интеракцию и другие городские социальные группы, не относящиеся к представителям «вселенской диаспоры». Таким образом, из пространства относительно неподвижных форм город как социальная структура преобразуется, по выражению М. Кастельса, в «пространство потоков»: город больше не функционирует как место в традиционном понимании, а скорее, как «прерывистое созвездие пространственных фрагментов, функциональных частей и социальных сегментов» [11, р. 407].

Это двунаправленный и двусторонний процесс: медиасреда изменяет физическую среду и наоборот. Еще в 2009 году – на заре современных смартфонов – А. В. Дьяков и Б. Г. Соколов писали: «Унифицированность современного пространства требует унификации в медиальной сфере, а это – если очень грубо – приводит к предельной концентрации. Эта концентрация сопровождается тотальным расщеплением традиционной топологии субъекта» [12, с. 67]. За десять прошедших лет глобальная экспансия смартфонов довольно серьезно (если не радикально) изменила описанную философско-антропологическую ситуацию. Продолжающееся «расщепление традиционной топологии субъекта» теперь сопровождается конструированием физического пространства субъекта через унифицированную смартфоном (приложениями, социальными сетями, онлайн-картами) цифровую медиальную сферу. «Предельная концентрация» всех медиальных функций в одном гаджете приводит к предельной «расфокусировке» субъекта: количество входящих сообщений настолько велико, что адресат просто не способен полноценно реагировать на каждое из них. В колоссальном потоке текстов-образов люди, пытаясь адаптироваться к его скорости, теряют способность анализировать, отделять шум

от информации, факты от вымысла [13, с. 101]. В цифровом пространстве «не-мест» разрушается традиционная топография человеческой памяти: наступает «топографическая амнезия» [14, с. 5], вызванная переходом на делокализованный язык сетевой коммуникации. То, что П. Вирильо пишет об объективе камеры полностью применимо и к гаджету: «Видны теперь лишь моментальные фрагменты, выхватываемые циклоповым глазом объектива, и в результате взгляд, утрачивая субстанциальность, становится акцидентальным, случайным» [14, с. 30] и, таким образом, не заслуживающим человеческого запоминания. И незаслуживающим запоминания еще и по другой причине: ибо «запомнено» гаджетом.

С философско-антропологической точки зрения с вопросом пространства напрямую связан один из важнейших вопросов человеческого бытия и, особенно, взаимодействия с Другими - вопрос границ, как физических (стены, заборы, ограждения и т.д.), так и воображаемых (политические, экономические, социальные). Можно согласиться с У. Митчеллом, что парадоксом глобализирующего эффекта современных коммуникаций является возникновение новых, менее видимых границ [15, р. 89]. Это проявляется, например, в том, что возможность комментирования в социальных медиа влияет на посты пользователей: автор осознанно или неосознанно «редактирует» и «цензурирует» свои записи в зависимости от состоявшихся и предполагаемых реакций комментаторов-коммуникаторов: оруэлловское «Большой брат следит за тобой» дополняется «Маленький брат следит за тобой». Общество тотальной коммуникации превращается еще и в общество тотального присмотра, в котором пользователю приходится постоянно «пересекать» множество границ, а зачастую и «нарушать» их. Активное конструирование социокультурных границ и категориальных идентичностей участников сетевой коммуникации происходит в процессе использования политиками, бизнесменами и другими поставщиками сообщений средств управления коммуникацией (рассылки, персонализированные сервисы новостей, специальные приложения, информационные фильтры различных типов, программные агенты).

Таким образом, человек медиаэпохи – этот медиатехнически усложненный человек, «человек с гаджетом», обретший благодаря медиатехнологиям цифровое сетевое Я, живет в пространстве информационных потоков с непрерывной, но усредненной, унифицированной сетевой коммуникацией. Сетевой гаджет, обеспечивающий эту коммуникацию как основу повседневности, переопределяет для человека категории пространства, места и разного рода границ, что, очевидно, требует построения новой топологии человеческого бытия.

Литература:

1. Cisco Visual Networking Index: Forecast and Trends, 2017–2022. Режим доступа: URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/white-paper-c11-741490.pdf>. Дата обращения: 20.01.2020.
2. Бибихин В.В. Новый ренессанс. М.: МАИК «Наука», «Прогресс-Традиция», 1998. 496 с.
3. McLuhan M., Fiore Q. The medium is the message. London: Penguin Books, 1996. 159 p.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
5. Марков Б. В. Философская антропология. СПб.: «Питер», 2017. 368 с.
6. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.
7. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
8. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 388 с.
9. Померанц Г. С. Выход из транс. М.: Юрист, 1995. 576 с.
10. Соловьев А. В. Медиагород и человек: феномен отстраненной сопричастности // Человек. 2017. Т. № 5. С. 100 – 107.
11. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Oxford, 1996. 556 p.
12. Дьяков А. В., Соколов Б. Г. «.» зрения. СПб.: 2009. 226 с.
13. Соловьев А. В. Культура информационного общества: парадоксы тотальной коммуникации // Науки о культуре в перспективе «digitalhumanities»: Материалы Международной конференции (г. Санкт-Петербург, 3-5 октября 2013 г.). СПб., 2013. 600 с.
14. Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
15. Mitchell W. E-topia. Cambridge: MIT Press, 1999. 192 p.

Понятие экологии человеческого бытия

Соломко Д. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

dimiurg85@mail.ru

Аннотация: В тезисах представлена тема экологии человеческого бытия в контексте взаимоотношений «человек – технизированный мир», в котором экология субъективности, непосредственного, живого переживания человеком его отношений со всеми элементами мира есть реальная проблема. В условиях технизации всех сторон жизни человека и его мира именно это живое переживание становится объектом экологической заботы. В связи с этим возникает ряд взаимосвязанных вопросов. Ставит ли ситуация технизированного мира под вопрос способы существования человека в том виде, как они оформились в его социокультурной эволюции? Каковы принципиальные основания взаимодействия человека и технизированного мира? Новая ситуация вновь требует ответить на вопросы: что есть человек сам по себе и как человек существует в отношении к миру? Поставленные вопросы – философские, мировоззренческие. Для ответа на них важно определиться с фундаментальными, принципиальными исходными установками. Выведение этих вопросов с конкретно-научного уровня на уровень философской рефлексии требует не только критического осмысления, анализа сложившейся ситуации, но и «проектности», предложения вариантов оптимального пути решения актуальных проблем человеческого бытия-в-мире.

Ключевые слова: человек, бытие человека, технизированный мир, экзистенциальные основания, экология, экология человека, экогуманистика.

The concept of ecology of human being. Solomko D.V.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “South Ural State University (National Research University)”

Abstract: The thesis presents the theme of the ecology of human being in the context of the relationship “man – the tech world”, in which the ecology of subjectivity, direct, living experience of a person’s relationship with all elements of the world is a real problem. In the conditions of technicalization of all aspects of human life and his world, it is this living experience that becomes an object of environmental concern. In this regard, a number of interrelated issues arise. Does the situation of the technized world call into question the ways of human existence in the form in which they took shape in its sociocultural evolution? What are the fundamental foundations of the interaction of man and the tech world? The new situation again requires answering the questions: what is a person in himself and how does a person exist in relation to the world? The questions posed are philosophical, worldview. To answer them, it is important to determine the fundamental, fundamental initial settings. Bringing these issues from a concrete scientific level to the level of philosophical reflection requires not only critical reflection, analysis of the current situation, but also “projectivity,” suggesting options for the optimal way to solve the actual problems of human being- in-the-world.

Key words: human, human being, technized world, existential foundations, ecology, human ecology, ecohumanism.

Круг проблем, связанных со взаимоотношениями человека с окружающей его средой (природой) вызвал к жизни особую научную дисциплину, их изучающую, – экологию. Термин «экология» введен известным немецким зоологом-эволюционистом Эрнстом Геккелем в 1866 году, в переводе с греческого (oikos) буквально обозначает – учение о доме, жилище, хозяйстве, месте обитания и др. В самом

широком смысле под экологией понимается наука о взаимоотношении растительных и животных организмов (а также биосферы в целом) между собой и окружающей средой. Она изучает сущность и специфические закономерности подобных взаимодействий. Эта область исследования получила свой статус в системе наук и точное естественно-научное обоснование.

Однако в настоящее время экология превратилась в одну из важнейших междисциплинарных областей знания, призванную решать самые актуальные и острые проблемы взаимоотношений человека с окружающей средой. Под окружающей средой понимается не только природа (как естественные условия человеческого существования), но и мир человека – культура, социальный мир, технизированный мир (как искусственно созданные условия существования человека).

Человек XXI века живет в «технологическую эпоху». Техника и технологии меняют мир человека, который становится технизированным. Принципиальные изменения современного мира связаны как раз с возможностями современных технологий, на основе которых выстраиваются уже практически любые отношения человека со всеми составляющими его мира. Технологически опосредованными являются все больше даже самые приватные сферы межличностного общения людей, изменяя и ставя под вопрос представления о границах возможного и допустимого, сущего и должного.

Современный технизированный мир (это общая характеристика мира, в котором техника и технологии проникают во все сферы существования человека, все сферы его деятельности) побуждает переосмысливать все содержание отношений человека и мира. Созданный человеком техномир (непосредственно мир техники) постепенно начинает приобретать черты субъектности (может в перспективе претендовать на контроль над созданным человеком миром) и самостоятельности (со своей собственной логикой развития). Конечно, это только одна из возможных перспектив, однако, вполне проявляющаяся тенденция.

Техника и технологии меняют не только мир человека, который становится технизированным, но уже сейчас способны многое менять в самом человеке. Речь идет о тенденции «технизации человека», в которой обозначается различными дискурсами (трансгуманизм, техногуманизм, иммортология) стирание границ между человеком и техникой. Дискурсы «постгуманизма» призывают к трансформации природы человека технико-технологическими средствами (нанотехнологии, технологии трансплантации, генная инженерия) ради преодоления биологической и интеллектуальной ограниченности человека, его болезней, патологий, старения и смерти. В современной ситуации актуализируется вопрос о сохранении человеческого в человеке, который может быть решен посредством развития и расширения вектора «экологизации человеческого бытия».

Понятие «экология человеческого бытия» может быть определено в двух разных значениях. Во-первых, исходя из различения понятий бытия и существования (на уровне «антропологической онтологии», где основной вопрос – что есть человек сам по себе?): экология человеческого бытия – экология бытийных, сущностных характеристик человека как такового, как уникального вида сущего, в том числе, в экзистенциально-антропологическом аспекте. Во-вторых, исходя из отождествления понятий бытия и существования: экология человеческого бытия – экология бытия человека-в-мире, различных видов его отношения к миру и их совокупности как «мира человека». Основной вопрос – как человек существует в отношении к миру (природе, культуре, обществу)?

В первом случае экология человеческого бытия может быть рассмотрена с точки зрения онтологического подхода (экология человека самого по себе, безотносительно к любым видам его отношений с миром). Именно сферу экзистенциального можно рассматривать как предельный горизонт человеческого (того, что явно отличает человека как человека и определяет его сущностные характеристики). Это и предельный горизонт понимания человека в его отношении к миру, тот реальный «жизненный мир», который стоит за любыми «картинами» мира, человека и его отношения к миру. Эко-ориентированный взгляд в условиях технизации всех сторон жизни человека обращен к сфере экзистенциалов (П. С. Гуревич) [1] или основополагающих феноменов человеческого бытия (В. Д. Губин): творчество, любовь, игра, труд, смысл жизни, страдание, страх, смерть [2]. В экзистенциалах выражены способы участного отношения человека к миру, участного присутствия в мире – способы его реальной включенности в мир. Экология человеческого бытия в этом аспекте не предполагает дистанции между человеком и миром, нет здесь ситуации отношения, в котором всегда есть разведенные стороны. Именно в экзистенциалах выражено то живое, что и является предметом заботы и попечения в условиях технизированного мира, поскольку если это живое исчезнет и будет заменено заданными (запрограммирован-

ными) схемами-автоматизмами как у роботов, то это уже и не человек (и не сверхчеловек). Живое при этом – синкретичное/внутренне нерасчлененное бытие человека; человек как нерасчлененное целое, целостность.

Во втором аспекте об экологии человеческого бытия можно вести речь с точки зрения различных подходов, а именно: аксиологического, культурологического, герменевтического (при этом рассматривается экология отношений человека со всеми элементами мира; человек рассматривается через бытие-в-мире).

С точки зрения аксиологического подхода «экологическое внимание» определяется как внимание заботы и попечения, сохранения и сбережения многообразия отношений человека с миром, способностей человеческого бытия-в-мире. «Экологический подход» всегда предполагает оценочный момент, он отличается тем, что в нем соотносятся возможности собственного, автономного развития какой-то системы (например, культуры, техники) с тем, что это развитие будет означать для другой системы (например, природы, человека). Благодаря этому вырабатывается вариант «комфортного» сосуществования. К примеру, отношение «человек – техника» предстает как ценностно-опосредованное. Здесь экологический взгляд может быть обращен, в том числе, к проблеме живого человека как ценности, обеспечения сохранения и воспроизводства живого начала в человеке в новых условиях технизированного мира.

Культурологический подход предполагает культурологическую экспертизу бытия человека-в-мире, всех отношений человека с миром. Например, отношение «человек – природа» с т.з. культурологического подхода предстает как опосредованное культурной деятельностью человека. Именно человек посредством своих культурных практик, выделяя себя из природы, превращает природу в окружающую среду. Природа испытывает последствия «хищного» потребления и разорения со стороны человека («экоцида»), ставшего результатом социально-экономического и «технического варварства». Поэтому природа по отношению к культуре и некоторым техническим инновациям становится предметом именно

«экологического внимания» – заботы, попечения, сбережения и сохранения. В связи с этим возникают такие понятия, как «экологическая мораль» и «экологические тормоза техники» [3].

В призме герменевтического подхода экологический взгляд преодолевает границы отношения человека и мира как противоположностей, тем более – как отношения сторон, во взаимоотношении которых действует принцип властного отношения одного к другому. Это, скорее, именно восстановление такого понимания, когда мир и человек – это часть и целое, которые могут существовать и эволюционировать только совместно.

Таким образом, экологический вектор осмысления всех отношений человека с миром, в том числе отношения «человек – технизированный мир», строится на логике взаимосоразмерности, не противостояния сторон. А также на удержании этой соразмерности, соотношении возможностей полноценного воспроизводства и развития каждого «начала» – человеческого и технического – в их ориентации друг на друга. «Экологический подход» – это подход, основанный на принципе оптимальности в отношениях между сторонами. При этом каждая сторона, поскольку они взаимозависимы, настроена на поддержание существования другой стороны (признавая ее ценность, значимость для своего собственного существования и развития) и на поддержание отношений. Потому что любое нарушение в порядке существования одной стороны обернется сложно предсказуемыми, но вряд ли позитивными изменениями в порядке существования другой стороны. То есть экологический подход – подход взаимосбережения ради сохранения каждой стороны. Обеспечение простора для существования друг друга во взаимоориентации друг на друга.

Литература:

1. Гуревич П. С. Философия культуры: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / П. С. Гуревич. 2-е изд., доп. М.: Аспект пресс, 1995. 286 с.
2. Губин В. Д. Жизнь как метафора бытия / В. Д. Губин. М.: РГГУ. 2003. 205 с.
3. Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. URL: <http://www.klex.ru/fqx> (дата обращения: 12.12.2019).

Виртуализация эмоционально-волевой сферы человека-техногенного

Храпов С. А.

*ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии.
Доктор философских наук
khrapov.s.a.aspu@gmail.com*

Лопатинская Т. Д.

*ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», доцент кафедры философии. Кандидат философских наук
kardentin@mail.ru*

Аннотация: Фундаментальные изменения, совершающиеся в современном обществе, воздействуют на каждого отдельного индивида и напрямую связаны с социальными и технологическими трансформациями, многоплановыми процессами урбанизации, ростом эмоциональной напряженности на фоне всеобщей виртуализации и др. Динамично трансформирующаяся среда требует от индивидов перераспределения их эмоционально-волевых и иных ресурсов с целью осуществления эффективной адаптации. Неотъемлемым компонентом адаптации становится вовлеченность в многоплановые информационные процессы, носящие стихийный, спонтанный и стихийно неконтролируемый характер. По мере возрастания включенности индивидов в информационные процессы, это становится для многих из них необходимым условием жизни. Проблема исследования заключается в том, что процессы всеобщей виртуализации, техногизации и т.д. способны как позитивно, так и негативно влиять на эмоционально-волевую сферу индивидов (воля, эмоции, чувства и др.). Безграничность информационного поля, его глобальная доступность повышает автономность индивидов, меняет структуру мышления, способствует формированию «открытого» мировоззрения. Однако, существует обратная сторона, которая обесценивает информацию.

Ключевые слова: виртуализация, технологические трансформации, эмоционально-волевая сфера, человек - техногенный.

Virtualization of the emotional and strong-willed sphere the person – technogenic. Khrapov S. A., Lopatinskaya T. D.

FGBOU BO "Astrakhan State University"

Abstract: Fundamental changes in modern society affect each individual and are directly related to social and technological transformations, multidimensional processes of urbanization, growing emotional tension against the background of universal virtualization, etc. A dynamically transforming environment requires individuals to redistribute their emotional and other resources for effective adaptation. The involvement into the multidimensional information processes carrying spontaneous, spontaneous and spontaneously uncontrollable character becomes the integral component of adaptation. As individuals become more involved in information processes, this becomes a prerequisite for life for many of them. The problem of the study is that the processes of universal virtualization, technologization, etc. can both positively and negatively affect the emotional and will sphere of individuals (will, emotions, feelings, etc.). The limitless information field, its global accessibility increases the autonomy of individuals, changes the structure of thinking, contributes to the formation of an "open" worldview. However, there is a reverse that devalues information.

Key words: virtualization, technological transformation, emotional-will sphere, man-made.

i Бытийное измерение человека XXI века наполнено новыми технологиями, активно проникающими во все сферы его жизнедеятельности, превращая пространство его существования в новую среду обитания, реальность современной техно-культуры. Современный индивид существует в пространстве, сложном по своему содержанию и структуре. Во-первых, это связано с темпом и ритмом технико-технологических трансформаций, предъявляющих к каждому новые требования. Во-вторых, с насыщенным, клипированным характером информации. Таким образом, современность диктует такие ориентиры развития, которые основаны на все возрастающей роли «информационного образа жизни». Кроме того, всеобщая виртуализация и техногизация существенно влияют на усвоение социальных норм, формирование новейших ценностных ориентаций и др.

Виртуальное пространство оказывает значительное воздействие на формирование новых ценностей, открытого мировоззрения, а также на воспитание личности индивида. В последнее время оно стало общераспространенной досуговой деятельностью.

Исследования зарубежных и российских исследователей свидетельствуют о том, что некоторые индивиды «буквально живут в виртуальном мире, выходя в «реал», только чтобы перекусить и поспать. Дружба, влюбленности и расставания, музыка, кино - все это техно-человек получает в сети. В результате у многих развивается зависимость: без сети

жизнь становится пустой и скучной, а завязывать отношения в реальной жизни он просто не умеет» [1]. «Развитие электронных систем породило совершенно новый вид коммуникации и самореализации - участие человека во взаимодействии с определенными интересующими его по тем или иным причинам партнерами, которое позволяет ему найти единомышленников и выразить себя в общении с ними» [2]. Виртуальное пространство зачастую относят к сфере досуга, но не стоит забывать, что оно также способствует самообразованию личности, поскольку обогащает общекультурный и техно-информационный кругозор.

Технологическая мысль развивается с огромной скоростью, появляются новые технологии, которые успешно внедряются в жизнь индивидов, что, безусловно, с одной стороны облегчает человеку жизнь, а с другой превращают личность в зависимое существо, так как новые способы освоения действительности являются для него уже незаменимыми. Таким образом, техно-мир выступает мощнейшим аппаратом манипуляционного действия. Эмоциональная память выступает базовой компонентой для осуществления манипулятивных действий с сознанием. Информация любого вида либо быстро стирается, либо вытесняется новой, более значимой, если она не подкреплена чувственной памятью. Чрезвычайно значима имманентная связь эмоциональной памяти и узнавания. Массированное влияние виртуального пространства воздействует также на качественные характеристики межличностного общения. Наиболее значимую нагрузку испытывает психика индивида. К примеру, играя в компьютерную игру-Х, в подсознании индивида (игрока) закладываются некоторые модели поведения. И можно говорить том, что при возникновении схожих ситуаций уже в реальной жизни данного индивида, игравшего в игру-Х, он будет на бессознательном уровне размышлять и совершать определенные действия согласно установок, ранее заложенных ранее в его подсознание. Таким образом, суггестивный эффект, возникающий в процессе игры, порождает отклик эмоций, разрушающий критический барьер психики.

В XX веке исследователь В. М. Бехтерев выявил определенные сигналы и знаковые обозначения, позволяющие проникать в подсознание человека и определил некий алгоритм, согласно которому это работает. И так, на первом уровне используется некий сигнал, состоящий из знаков или символов, который открывает вход в подсознание. На втором уровне транслируется сообщение, которое отпечатывается в подсознании индивида вне его желания. На третьем уровне применяется еще один сигнал, целью которого является уже закрытие входа в подсознание от нежелательной внешней информации [3]. Например, игроки, из-за частичного восприятия границ реальности, все события, происходящие перед их глазами, осознают как реальные во временном измерении виртуального пространства. Впервые проявляется будущее как психологический детерминант игрока. Со временем жизненная перспектива увеличивается, и это становится одним из важнейших факторов эволюции игрока в виртуальном пространстве. У игрока конструируется бытийный замысел. Формируя временную перспективу, этот замысел принимает в расчет не только идеальные цели и ценности, но и их реализуемость. Перспектива игрока особенна, так как ему приходится структурировать временную перспективу, которая зачастую

i Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Человек-техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования. 18-011-00095 А

ему незнакома. Убийство и насилие в пространстве игры не вызывают у них тревогу, потому что они, в результате привыкания, для них становятся естественными и реальными [4]. Таким образом, характер оказываемого игрой внушения зависит от психического состояния игрока, т.е. состояния его нервной системы; особенностей личности, т.е. способностью противостоять внушению и др. Таким образом, пребывание в виртуальном пространстве игры существенно сказывается на трансформации эмоционально-волевой сферы игрока.

Согласно исследованиям эмоционально-волевое развитие индивида носит кризисный характер, выражающийся в особом типе психических состояний, существующих только актуально. Этот тип психологических состояний американский психолог Ч. Тарт интерпретирует как психологическую виртуальную реальность [9]. В своих работах ученый описывает возможность объяснения природы человеческой психики как виртуальной. Он анализирует психологическую виртуальную реальность с точки зрения существующего образа мира, порождаемого заново в каждый отдельный момент времени, при этом этот образ наличествует лишь актуально в заданное время [9]. Психологическая виртуальная реальность представляет собой не стабильную, а переменную составляющую воспринимаемого объекта. При этом, кроме психологической виртуальной реальности существует актуальное образование, так называемый Процессуальный Стимулятор Мира. Таким образом, Ч. Тарт выделяет помимо виртуальной реальности еще и ординарную реальность, существующую стабильно относительно виртуальной и «нормально» относительно измененных состояний.

В целом, для эмоциональной сферы человека-техногенного характерно:

Непривыкаемость [5]. Независимо от количества повторений «виртуала», с каждым новым повторением он переживается как впервые.

Спонтанность [5]. Момент перехода из реального пространства в виртуальное не контролируется и не осознается индивидом, он всегда либо

«здесь», либо уже «там». Другими словами отсутствует временная граница между реальностью и виртуальностью.

Фрагментарность [5]. У индивида, находящегося в виртуальном пространстве, присутствует ощущение разобщения сознания и тела, появляется чувство «созерцания себя со стороны». Иными словами, виртуал порождается лишь фрагментом человеческой деятельности, а переживается всем человеческим существом.

Объективированность [5]. В виртуале индивид оказывается подвластным мыслям, переживаниям, действиям, т.е. он говорит о себе не как об активном начале, от которого исходят эти события, эти мысли, эти действия, а как об объекте, которого они охватывают.

Измененность статуса телесности [5]. В виртуале трансформируется ощущение собственного тела относительно внешнего пространства. В гратуале тело индивида становится легким, а пространство расширяется и переживается как аттрактивное. В ингратуале тело становится неподвластным, а пространство сужается и замыкается.

Измененность статуса сознания [5]. В виртуале изменяется характер функционирования сознания. В гратуале сознание индивида расширяется, в результате он с легкостью воспринимает и перерабатывает весь необходимый объем информации. В ингратуале сознание сужается, а информация воспринимается и перерабатывается с трудом.

Измененность статуса личности [5]. В виртуальном пространстве индивид иначе оценивает себя и собственные возможности. В гратуале у него обостряется чувство собственного всемогущества. В ингратуале же происходит обратное, индивид очень ясно осознает собственное бессилие.

Измененность статуса воли [5]. В виртуале изменяется волевой статус. В гратуале индивид осуществляет любую деятельность без волевых усилий, как бы самопроизвольно. В ингратуале, напротив, осуществление деятельности возможно только с помощью напряжения волевых усилий [6].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что с каждым годом наблюдается тенденция к расширению влияния виртуализации и технологизации на трансформацию эмоционально-волевой сферы современного индивида. Конструирование готовых образцов социального поведения, личностных идеалов осуществляется в сложно-организованном виртуальном социокультурном пространстве, т.е. психика современного человека испытывает мощнейшие перегрузки, которые отражаются непосредственно на эмоционально-волевой сфере, что в свою очередь имеет как конструктивные, так

и деструктивные тенденции последствия. К конструктивным тенденциям виртуализации эмоционально-волевой сферы можно отнести: расширение эмоционального горизонта восприятия (получение новых ярких эмоций и переживаний, «выброс» и проживание в виртуальном пространстве негативных эмоций (агрессии, сексуальных перверсий и др.), что способствует их не выражению в социальной реальности [8]. К деструктивным тенденциям, на наш взгляд, относятся: дегуманизация эмоционально-волевой сферы, эмоциональное обеднение реальной межличностной коммуникаций, виртуальный эскапизм, доминирование внешнего локуса контроля (зависимости от «правил и установок» виртуальной среды, субъектов виртуальной коммуникации). Все эти процессы требуют глубокого системного научного исследования, которое возможно только при преодолении междисциплинарных границ философского, психологического и информационно-технологического знания [7].

Литература:

1. Авдеева Н. Н. Психологическое воздействие телерекламы на детей // Психологическая наука и образование. 2002. №4. С. 53-62.
2. Агапова И. Ю. Социально-психологическое воздействие рекламного сообщения на целевую аудиторию: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.психол.н.: специальность 19.00.05 / Агапова Ирина Юрьевна; [Гос. ун-т упр.]. - Москва: Б.и., 1999. 20 с.
3. Бехтерев В. М. Объективная психология / редкол А. В. Брушлинский [и др.]; изд. подгот. В. А. Кольцова; отв. ред. тома Е. А. Будилова, Е. И. Степанова; АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1991. 475 с.
4. Богачева Н. М. Эстетические проблемы рекламы [Текст]: Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. философ. наук (по эстетике). (623) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. фак. Кафедра эстетики. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 21 с.
5. Носов Н. А. Виртуалы / Виртуальные реальности // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 4. М.: Ин-т человека РАН, 1998. С. 77-86.
6. Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. М.: Ин-т человека РАН, 1994. 196 с.
7. Храпов С. А. Когнитивные конфликты в условиях техногенной цивилизации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 20-26.
8. Храпов С. А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88-95.
9. Tart C. T. Multiply personality, altered states and virtual reality: The world simulation process approach // Dissociation. 1990. n.3. 270 p.

Щекотова Р. Р.

Кандидат философских наук

raisravi@gmail.com

Аннотация: любая социальная революция, каких бы сфер культуры и цивилизации она не касалась, сотрясает устоявшийся уклад жизни людей и несет новые вызовы и испытания прочности для человека. С времен Имманула Канта задачи философии человека кардинально не изменились. Для гармоничного счастья человеку, как и во все времена, необходимо ощущение уникальности собственной личности, потребности любви, самосовершенствования, возможности творческой самореализации и плодотворной коммуникации в кругу единомышленников. Внезапный снежный вал технологий цифровой индустрии стал очередным новым испытанием для человека. Как сохранить человеческое без потери и оскудения его живой души? Взрывное развитие интернет коммуникаций содержит массу положительных моментов для человека. Но вместе с этим порождает новую форму социального отчуждения — отчуждение интеллектуально-экзистенциальное.

Ключевые слова: цифровая индустрия, личностный смысл, индивидуальная память, переживание, экзистенциальный вакуум.

Antitesis of the virtual: from the experience of the existential reflection.
Shchekotova R. R.

Abstract: Any social revolution, no matter what spheres of culture and civilization it touches, shakes the established way of life of people and brings new challenges and tests of strength for man. Since the time of Kant, the tasks of human philosophy have not fundamentally changed. For harmonious happiness, a person, as at all times, needs a sense of uniqueness of his own personality, the need for love, self-improvement, the possibility of creative self-realization and fruitful communication among like-minded people. The sudden snow shaft of digital technology has become another new challenge for humans. How to save the human without the loss and impoverishment of his living soul? The explosive development of Internet communications contains a lot of positive aspects for a person. But at the same time it gives rise to a new form of social exclusion - intellectual-existential estrangement.

Keywords: digital industry, personal meaning, individual memory, experience, existential vacuum.

Каждая очередная социальная революция, каких бы сфер культуры и цивилизации она не касалась, сотрясает устоявшийся уклад жизни людей. Научные перевороты, индустриальные и экономические скачки, художественные открытия всегда несут новые вызовы и испытания прочности для человека.

Вот уже несколько столетий на вопросы о природе человека рефлексирующее сознание продолжает давать ответы в духе и логике кантовской философии. С тех самых времен задачи философии человека кардинально не изменились и для достижения гармоничного счастья человеку как и во все времена необходимо движения по пути добывания своей экзистенциальной свободы. Предшествующая европейская и отечественная философия, психологическая наука двадцатого столетия оставила нам интеллектуальное наследие, которое содержит богатейший познавательный и методологический материал для понимания человека в технологическом будущем. Виктор Франкл, Мартин Хайдеггер, Эрик Фромм, Жан-Поль Сартр, Карл Густав Юнг, Николай Бердяев, Иван Ильин и многие другие оставили свои духовные завещания и знаки любви и заботы к человеку.

Надвигающийся на нас айсберг или, быть может, уже обрушившийся на нас снежный вал современных технологий цифровой индустрии становится очередным новым испытанием для человека. Как сохранить человеческое без потери и оскудения его живой души.

Взрывное развитие интернет коммуникаций содержит массу положительных моментов для современного человека. Мы освободились от множества индивидуальных изнурительных рутинных

забот повседневности: финансовые операции и деловые коммуникации, семейный документооборот, покупки, запись в присутственные места и прочие заботы мы можем осуществлять не выходя из дома. Умная домашняя техника уже стучится в наши двери, предлагая нам услуги нашего самобслуживания. Благо нашего электронного времени - нам доступна роскошь общения с высоким искусством: слушать любимую музыку в исполнении великих мастеров, когда в их руках инструменты великих мастеров; смотреть избранное любимое кино, получать образование, общаться с близкими через континенты, читать недоступные прежде книги. Нам открылся глобальный культурный мир с его неисчерпаемым духовным потенциалом. Ритуал непосредственного, непосредованного, живого общения с прекрасным, разумеется, никто не отменял: посещение театра, концертного зала, музея, спортивного состязания, чтение собственной книги из домашней библиотеки с карандашом в руках - все это остается идеальным (совершенным) высшим благом, но не всегда и не для всех людей доступным в силу различных причин и индивидуальных возможностей. Живое общение с искусством как и общение с живым человеком с глазу на глаз невосполнимо. В.В. Прозерский говорил, что искусство есть концентрированная форма выражения энергии красоты, которая в жизни обычно слабо выражена. Энергичная основа прекрасного и ее способность сохраняться и воздействовать на человека - великая неразгаданная тайна автора. Поэтому даже самые современные технологичные копии не в силах передать непостижимую, трудно уловимую энергию возвышенной красоты и душевной силы шедевров старых Мастеров. Необходимо наше живое присутствие, живой диалог, открытое чувствующее сердце, свободный дух и ум.

Смелые проекты производителей робототехники связаны с расширением сенсорных возможностей и способностей коммуникации человека и робота. Но даже самые прогрессивные и талантливые современные художники и социальные теоретики не скрывают своих пессимистических предчувствий и интуиций в отношении такого вектора развития антропотехники. И все же, в целом, всё это положительные аспекты культурной цифровизации по сравнению с теми негативными тенденциями, о которых тревожатся ученые и неравнодушные деятели искусства.

На наш взгляд, стремительный скачок цифровых технологий наряду с положительными для культуры достижениями, порождает новую форму социального отчуждения, которая находит выражение в трансформациях индивидуальной ментальности субъектов – участников виртуальной и реальной коммуникации. Это новое проявление социального отчуждения можно определить как интеллектуально-экзистенциальное отчуждение, основными чертами которого являются разрыв экзистенциальной коммуникации между производителями и потребителями создаваемой виртуальной продукции с одной стороны, а с другой - между субъектами производителями (например, программист-разработчик) и его конечным продуктом. В первую очередь, это касается самих программистов, как создателей производителей виртуальной среды, работающих с предельными абстракциями языковых кодов. Проблема не только в том, что многие из них работают удаленно, индивидуально или небольшими командами. В IT приходит поколение, родившееся вместе с цифровой революцией и переживающее кризис реального межличностного общения. Аналитики уже дали название этому болезненному симптому коммуникации – номофобия (Пьер Нора) – особый вид боязни реального общения.

Помимо касты программистов в глобальной электронной сети сформировалась целая когорта новых специалистов – профессионалов в различных областях культурной, финансовой, экономической жизни у которых общение с миром ограничивается в большей степени виртуальными связями. Мечта не ходить на работу, обретение относительной личной независимости и свободы приобрела видимые и осязаемые черты. Постепенно нарождается глобальная самостоятельная виртуальная корпорация без корпоративов, живых встреч, живого общения с глазу на глаз, без командной состязательности. Производится какой-либо виртуальный продукт, эфемерный в силу своей незакрепленности в предметно-материальной форме: сайты могут исчезнуть бесследно вместе со своими учредителями и админами, реклама сиюминутна, базы данных рухнуть вместе со своим финансовым обеспечением итд, итп. Границы частного и публичного, личного и корпоративного размываются или болезненно пересекаются, лишая стабильности и закрепленности в пространстве и времени индивидуального бытия человека. Глобальная виртуальная вселенная таит безграничные возможности для появления в будущем новых потенциальных профессий и кочевников. Как не вспомнить слова Гегеля о том, что мир нигде не заколочен досками. А дух дышит, где хочет.

Современная ситуация особенно сложна и тяжело переживается поколением, которое уже окрепли поколением цифровых аборигенов Digital natives. У этого поколения не успела сложиться устой-

чивая система ценностей и взглядов на мир, и в особенности, кому случилось родиться не только в эпоху цифровой революции, но и в эпоху социальных перемен, подобных нашим российским реалиям.

Психолог и философ Виктор Франкл выделил мотивирующее ценностное ядро в структуре внутреннего мира личности: ценности переживания, ценности творчества и ценности отношения. Ценности переживания - ценности которые определяют, что человек берёт от мира в своих встречах и переживаниях; ценности творчества означают, что даёт человек миру; ценности отношения обуславливают позицию которую человек занимает в мире. Какая из этих ценностных систем подвержена сегодня наибольшей девальвации? В нашем понимании наиболее уязвимыми, с точки зрения, смыслоопределяющих мотивов жизнеориентации для цифрового поколения являются ценности переживания. Переизбыток информации, поглощаемой в единицу времени, убивает способность переживать. Законы функционирования памяти генетически сформировавшиеся у человека приходят в противоречие со способностями сохранить и осмыслить эту избыточную информацию без ущерба для целостного гармоничного развития личности. Незакрепленная в индивидуальном опыте переживания, не нашедшая опоры в ассоциативных образных связях глубинных структур сознания, эта информация бесследно исчезает, вытесняясь другой. Мартин Хайдеггер предостерегал от опасности одностороннего развития человека говоря о «вычисляющем мышлении». Индивидуальная память – хранилище мертвых знаний без понимания и осмысления, и не способна быть источником «личностных смыслообразующих мотивов деятельности» (А. Н. Леонтьев) самореализации и самопознания. Это «знание, не находящееся в согласии с бытием» (В. Д. Губин). И как результат - растерянность и безволие в принятии самостоятельных жизненных решений. Живая память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте – и трудно не согласиться с этим утверждением французского историка Пьера Нори.

Крайние формы последствий воспитания человека Сетевым сообществом – эмоциональная монотонность души, уплощение психической жизни, эмоциональная депривация, потеря личностного смысла. Виктор Франкл обозначил это состояние как «экзистенциальный вакуум». За внешним благополучием социального – Персоны (К. Г. Юнг) скрываются муки неудовлетворенной Самости. Эстетическое восприятие, поглощенного сетью человека, не руководствуется собственным вкусом, а ориентируется на усредненный рейтинго-лайковый «авторитет» или, не в лучшем варианте – на авторитет бездарных или услужливых шарлатанов от индустрии культурной критики, готовых из конъюнктурных соображений «нарисовать» как лакированную сладкую рецензию, так и бездарный пасквиль. Вместе с этим стремление к полноте жизни выливается у цифрового поколения в современный гедонизм и технологический индивидуализм, вызванные потребительской психологией в отношениях к друг другу. Вся эта неожиданная обновленная палитра человеческих состояний в неустойчивом дигитальном мире не может оставлять равнодушным того, кто верит в возвышенную сакральную природу человека и его гуманную миссию на земле.

К новой версии антропологического принципа в онтологии, этике и социальной практике

Ячин С. Е.

Дальневосточный федеральный университет, профессор. Доктор философских наук

Yachin.se@dvfu.ru

Аннотация: Антропологический принцип в философском познании устанавливает человека, в опыте его самопознания, как конечное основание понимания социума и мира в целом. Как таковой, этот принцип находится в истоках всей западной философии как его фиксирует «Дельфийский завет»: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную». Аналоги ему можно также найти во всех учениях великих цивилизаций «осевого времени». В социальной реальности этот принцип находит свое выражение в идеологии прав человека как политической и юридической теории и практике современного общества. Апория принципа состоит в том, что, подразумевая единство всей человеческой природы, как необходимое условие поиска единства социума и всего мира, он сам требует обоснования того, почему и в каком смысле природа человека едина. Соперником и критиком антропологического принципа является последовательный исторический подход. С позиции историзма для последовательного антропологизма характерно внеисторическое и абстрактное понимания сущности человека. Источником данной апории является попытка содержательного истолкования природы человека. Соответственно, апория может быть разрешена при условии чисто формального понимания единства человеческой природы. Новая версия принципа предлагает исходить из единства экзистенциальной природы человека и устанавливает прагматическое требование: социальные и культурные формы человеческого бытия должны находиться в соответствии с этой «природой».

Ключевые слова: Антропологический принцип, антропоцентризм, апория природы человека, критика антропологизма, экзистенция.

Towards a new version of the anthropological principle in ontology, ethics and social practice

Yachin S. E.

Far Eastern Federal University

Abstract: The anthropological principle in philosophical knowledge establishes man, in the experience of his self-knowledge, as the ultimate basis for understanding society and the world as a whole. As such, this principle is at the origin of all Western philosophy as it is recorded in the “Delphic Covenant”: “Know thyself, and thou shalt know the gods and the universe.” Analogies to it can also be found in all the teachings of the great civilizations of “axial time”. In social reality, this principle finds expression in the ideology of human rights as a political and legal theory and practice of modern society. The aporia of the principle is that, implying the unity of all human nature as a necessary condition for the search for the unity of society and the whole world, it itself requires a justification of why and in what sense human nature is one. The rival and critic of the anthropological principle is the consistent historical approach. From the standpoint of historicism, consistent anthropologism is characterized by a non-historical and abstract understanding of the essence of man. The source of this aporia is an attempt at a meaningful interpretation of human nature. Accordingly, aporia can be resolved on the condition of a purely formal understanding of the unity of human nature. The new version of the principle proposes to proceed from the unity of the existential nature of man and establishes a pragmatic requirement: the social and cultural forms of human existence must be in accordance with this “nature”.

Keywords: Anthropological principle, anthropocentrism, aporia of human nature, criticism of anthropologism, existence.

Мир как целое открывается человеку только в опыте его самопознания. «Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную», – так гласит «Дельфийский завет» (в предполагаемой редакции

Хилона). Этот завет можно считать самой первой версией антропологического принципа (далее – Принцип). Смысл Принципа состоит в том, что человек, в радикальном опыте своего самопознания, устанавливается в качестве конечного основания понимания бытия и социума. Именно эта установка знаменует фактическое начало собственно философского познания. Аналогичный ход мысли можно обнаружить и в рефлексивном опыте конфуцианской, даосской, ведической и буддийской традициях. (В качестве только одного, но показательного примера – высказывание Мэн-цзы (13.1): «Исчерпавший до конца своё сердце познает свою природу. Познавший свою природу познает Небо»). В свете такого начала философия становится понятной «деструктивная» позиция Хайдеггера, который устанавливает принцип тождества онтологии и антропологии в качестве основоположения фундаментальной онтологии и сформулировал основную задачу философии как аналитику *Dasein* [1, 2]. В рамках этой онтологии человеческое бытие мыслится как набросок к своим возможностям, а само Бытие как Мир, который эти возможности дает (метафорически: бытие есть «тихая сила возможного» [3, с.194]). Эту позицию можно считать последней значимой онтологической версией Принципа. Вместе с тем у антропологического принципа имеется и онтическая сторона, в основном обращенная на социальное бытие человека и на его этику. Исторически Дельфийский завет трактовался преимущественно как этический принцип. Но именно переход от онтологии (от вопроса о «положении человека в Космосе» [4]) к онтике (как вопроса о «должном для человека») образует проблемную зону Принципа. В социально-философском и этическом плане Принцип предлагает обоснование и выдвигает требование, чтобы социально-этические (политические, правовые и экономические) условия человеческого бытия соответствовали природе человека, его естественным правам. На этом обосновании и таком требовании стоит вся эпоха Просвещения и великий лозунг Французской революции: «Свобода, равенство, братство». На этом же основании находится и современная концепция и социальная практика защиты прав человека.

Важно отметить, что обязательным условием утверждения человека в качестве конечного основания мироустройства и как критерия справедливости социальных порядков является единство самой человеческой природы, т.е. антропоцентризм. Онтологию и онтику можно строить и на других основаниях (космоцентрических, теоцентрических, социоцентрических и др.), но во всех случаях философское познание будет предполагать «поиск единства и целостности мира» (формула Х. Ортеги-и-Гассета). Некая самотождественность основания такого поиска единства во всех случаях будет обязательной. В случае же антропоцентрической установки философского познания и социальной практики возникает специфическая проблема обоснования того, почему люди едины по своей природе или сущности. Всё дело в том, что в философских учениях и, собственно, в антропологии человек никогда не понимался как единое существо, но всегда утверждалось его множественность – в общем случае – двойственность, наиболее известная как «душа и тело». Более того, на всем протяжении человеческой истории, начиная с античности и вплоть до постсовременности, действовала, по словам Дж.Агамбена [5], «антропологическая машина», которая веками работала на разделение животного и человеческого в самом человеке, но которая начала давать сбой и так, что современный индивид уже перестал понимать, где проходит такая граница. Собственно антропоцентрическая установка в онтологии и этике предполагала утверждение человеческого в человеке, его разумности, что, соответственно, и позволяло обосновывать «разумный» социальный порядок. Этот философский ориентир никогда не обладал достаточной строгостью, что и выливалось в споры об устройстве мира и социума. Сегодня этот ориентир потерян совсем. «Сегодня более чем сомнительной представляется способность человеческого существа, каким бы оно ни было, нащупать, выделить внутри себя какое-то осязаемое ядро, которое можно было бы назвать его сущностной самостью» [6, с. 405]. И более радикально: ибо «нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот человек должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику... для нас (на «Западе») такая сущность действительно просто исчезла» [7, с. 151 - 152]. Следовательно, «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [8, с. 36].

Оппонентом антропологического принципа и, соответственно, антропоцентризму выступает последовательный исторический подход, исповедующий онтологически и этический культуроцентризм. Этот подход утверждает историзм человеческого бытия и оспаривает какое-либо единство человеческой природы. Современная философия в основном находится на стороне радикального историзма. Тем самым и определяется философский и политический кризис Принципа. Вот почему и во многом идеология и правовая практика человеческих прав (на которой фактически стоит западный мир) оказывается лишенной достаточных концептуальных оснований. В рамках последовательного историзма

невозможно решить, какие права человек должен иметь, какую мораль исповедовать, как хозяйствовать, какие политические институты создавать. Всё оказывается релятивным историческому моменту или традициям того или иного народа.

В итоге смыкаются два обстоятельства: утрата ясного понимания границы между человеческим и животным в самом человеке и культурно-исторический релятивизм, которые и приводят к тому, что идеология и практика защиты «естественных» прав человека выливается, как замечают А.Бадью [9] и С.Жижек [10], в защиту прав страдающего человеческого животного.

Апория Принципа, которая не позволяет последовательно положить его в основание онтологии, этики и социальной практики состоит в том, что единство человеческой природы и единство человеческого рода с самого начала пытаются наполнить определённым содержанием, а потом обнаруживают людей и народы, которому этому содержанию не соответствуют. Тогда на каком основании признается человечность этих людей? (А она всё же признается). Источником апории является попытка мыслить и практически полагать природу человека содержательно: априорно предписывая ему, что именно он должен любить, над чем может или не может смеяться, что ненавидеть, чему сострадать, во что верить и пр. При том, что стремиться к такому общему наполнению человеческой экзистенции можно и необходимо, но начинать с этого - означает зайти в тупик.

Эта апория может быть разрешена только при том условии, что единство человеческой природы устанавливается чисто формально. Здесь вполне уместно использовать кантовскую мыслительную стратегию аналитического вычленения «чистых форм», которая в его антропологии выливается в учение о способностях. (Это учение вполне коррелирует с пониманием человеческого бытия как «наброска к своим возможностям» у Хайдеггера). Простой иллюстрацией такого «формального» подхода является чисто человеческая родовая способность смеяться. Нет психологически вменяемых людей и культур, которые бы не знали смеха, но это при том, что смеховые культуры содержательно очень различны. Способность к смеху это один из модусов собственно человеческой экзистенции, наряду со способностью к другим чисто человеческим переживаниям (прекрасного, возвышенного, ужаса, тоски и пр.), а также, к способности веры, к специализированной познавательной деятельности, к труду, к политической жизни и др.

Таким образом оказывается, что человек един не только по своей психофизиологии и может, как и всякое животное, испытывать голод и холод, но в своем собственно человеческом бытии он един по своей экзистенциальной природе, суть которой представляет собой специфическую потребность в развитии. «Человеком мало родиться – им еще нужно стать» [11]. Именно в этом смысле экзистенциальная аналитика человеческого бытия признает, что быть человеком – это усилие быть, усилие становления человеком.

Что тогда будет представлять этика и социальная практика, если в их основание положено экзистенциальное единство человеческой природы (как особая версия Принципа)?

Разрешение апории Принципа заключается в том, чтобы последовательно рассматривать социальные порядки и установления как формы человеческого бытия. Это означает, что следует трансформировать представления о политике, экономике и культуре как социальных институтах, (которые, как таковые, чужды человеческой экзистенции), но последовательно утверждать их понимание как собственных форм человеческого бытия. Следует говорить не о политике, но о политической форме человеческого бытия, не о культуре, но о культурной форме и т.д.

Последовательный формальный подход к антропологическому принципу позволят преодолеть до сих пор существующий разрыв между онтологией, этикой и социальной практикой, разрыва, от которого до сих пор они все «страдают».

Литература:

1. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad marginem, 1997. 451 с.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М.Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.192 - 220.
3. Шелер М. Место человека в Космосе / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова / М. Шелер. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С.129 - 193
4. Агамбен Дж. Открытое. / Пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова / М.: РГГУ, 2012. 112 с.
5. Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 404 - 420.
6. Нанси Ж.-Л. Сегодня / Пер. с англ. В.Петровой // Ad marginem'93. М., 1994. С. 148 —164.

7. Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 406 с.
8. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
9. Žižek Slavoj. Against Human Rights // New Left Review. 2005. July-August. № 34. P. 115 – 131.
10. Ячин С. Е. Аналитика человеческого бытия. Введение в опыт самопознания. М.: ИНФРА-М, 2014. 210 с.

РФК-2020_116

Секция «Философия культуры»

Человек, культура и «лиминарное пространство»

Албакова Ф. Ю.

Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор. Доктор философских наук

hetrova@yandex.ru

Аннотация: Цифровые технологии, глобализация трансформирует современный мир, с одной стороны он предельно унифицируется, с другой, фрагментируется в результате возникают множество лиминальных культурных пространств или культур «перехода». Лиминарность захватывает этно- и социокультурные среды, формирует сообщества опыта «предельных состояний», в которых оседают и взаимопроникают разнородные фрагменты культурных традиций, когнитивные, научные и институциональные. Лиминальные пространства возникают между организованными социокультурными системами (географические, культурные, когнитивные, политические), отличительной чертой которых является «переходность», «неустойчивость» и перманентная поликультурность, полилингвизм и религиозное многообразие. Человека, существующего в пространстве «перехода», можно назвать «лиминальным». Осознано или вынужденно человек, долго пребывающий в условиях лиминальности разрушает структуры идентичности и приходит к состоянию устойчивой маргинальности.

Ключевые слова: лиминарность, культура, пространства перехода, маргинальность, институциональность, идентичность.

Man, culture and the “laminar space”

Albakova F. Yu.

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Abstract: Digital technologies, globalization are transforming the modern world, on the one hand it is extremely unified, on the other hand, fragmented as a result, many liminal cultural spaces or cultures of “transition” arise. Liminality captures ethno- and sociocultural environments, forms communities of experience of “limit states” in which heterogeneous fragments of cultural traditions, cognitive, scientific and institutional, settle and interpenetrate. Liminal spaces arise between organized sociocultural systems (geographical, cultural, cognitive, political), which are distinguished by “transition,” “instability,” and permanent multiculturalism, multilingualism, and religious diversity. A person existing in the space of “transition” can be called “liminal”. Consciously or forcedly, a person who stays for a long time under conditions of liminality destroys the structure of identity and comes to a state of stable marginality.

Key words: liminality, culture, transition spaces, marginality, institutionality, identity.

На современном этапе развития культурной антропологии представляются актуальными знания, связанные с вопросами существования человека в особых пространствах, называемых «лиминальными».

Новая технологическая революция трансформирует мир человеческого существования, она запустила процесс образования ризоматического множества лиминальных культурных пространств.

Понятие «лиминальный» (и сходные с ним по смыслу «пороговый», «пребывающий на границе», «пространство перехода») используется в рамках междисциплинарных исследований (философской и культурной антропологии, психологии, религиоведения).

Лиминальными могут считаться специфические гетерогенные топосы, существующие между организованными социокультурными системами (географические, культурные, когнитивные, политические), отличительной чертой которых является «переходность», «неустойчивость».

В пространства «перехода» седиментируются разнородные фрагменты культурных традиций, когнитивные, научные и институциональные элементы, образуя определенный синергийный эффект. Человека, существующего в пространстве «перехода», можно назвать «лиминальным».

Аубакирова С. С.

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова. PhD, ассоциированный профессор

aubakur@mail.ru

Проблемы существования человека в лиминальных пространствах исследовались в работах культурных антропологов В. Тернера и В. Геннепа [1, 2]. Лиминальное как отличное от понятия «центр-периферия» рассматривается М. Спариосу. Когнитивный аспект лиминального сознания раскрывается в работах Д. Деннета, П. Барышникова, Л. Фусу [3, 4, 5, 6]. Однако философско-антропологический аспект феномена лиминальности до сих пор исследован недостаточно, что позволяет говорить о необходимости именно философского рассмотрения значения указанного явления в современных условиях.

По мнению В. Тернера, состояние лиминальности, переживание «перехода в неопределенность» связано с разрушением прежних социальных и культурных традиций, когда еще не успели сформироваться новые.

М. Спариосу же подчеркивает, что понятие лиминальный в определенном смысле противостоит понятию периферийный. Периферия может быть лиминальной, но не может быть маргинальной. Если периферия определяется соотносительностью к центру, лиминальное, напротив, отчуждается, отстраняется от центра. Лиминальное состояние уклоняется от устойчивых структур, превращаясь в «переходные пространства», способные продуцировать новые семиозисы (культурные, когнитивные, политические).

Современный человек живет в условиях интенсивных перемен, в том числе, связанных с вынужденными перемещениями, он открыт незапланированным событиям, неопределенности, необходимости смены идентичностей.

В условиях цифровых технологий не только отдельный человек пребывает в «статусе лиминального», но и целые социумы, этнические сообщества и субкультурные объединения могут описываться как «пороговые».

Под влиянием глобализации «пороговые» пространства организуются в результате резкой смены картины мира, утраты прежних ценностей, этических и эстетических норм. Онтологические изменения влияют на когнитивные и поведенческие схемы. Лиминальность и темпоральная сложность существования повседневной жизни порождают системными кризисами, войнами, цивилизационными сломами.

Главная опасность «ламинальных состояний» заключается в том, что длительное пребывание в них разрушает структуры идентичности и приводит к устойчивой маргинальности.

Литература:

1. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
2. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
3. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниела Деннета. М: Канон+, 2004. 544 с.
4. Барышников П. Н. Миф и метафора: лингвофилософский подход. СПб: Алетейя, 2010. 216 с.5. Фусу Л. И. Феноменологическое осмысление лиминального и псевдолиминального в контексте формирования полиидентичного пространства российского общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. №07. С. 74-79.
6. Фусу Л. И. Лиминальное состояние общества в период глобализации и пути его преодоления // Философия и культура. 2019. № 5. С. 46 - 52. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29808

Аннотация: Рассматриваются особенности казахстанской культуры через призму современного состояния, подчеркивается ее полиэтнический характер. Особое внимание уделяется культуре казахского народа как источнику духовной культуры Казахстана. На примере философского учения Шакарима Кудайбердиева анализируются субстанциальные качества казахской духовной культуры, ее нравственно-этические аспекты, представленность совести в учении казахского мыслителя и ее созвучность учениям великих русских писателей Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Показывается, что учение Шакарима Кудайбердиева выступает одним из источников духовного обновления казахстанской культуры.

Ключевые слова: культура, казахстанская культура, совесть, Три истины, вера, наука.

About some philosophical problems Kazakhstan culture.

Aubakirova S. S.

Pavlodar State University named after S. Toraigyrov

Abstract: The features of the Kazakh culture through the prism of the modern state are examined, its multi-ethnic character is emphasized. Particular attention is paid to the culture of the Kazakh people as a source of spiritual culture of Kazakhstan. Using the example of the philosophical teachings of Shakarim Kudaiberdiev, the substantial qualities of the Kazakh spiritual culture, its moral and ethical aspects, the representation of conscience in the teachings of the Kazakh thinker and its consonance with the teachings of the great Russian writers F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. It is shown that the teachings of Shakarim Kudaiberdiev is one of the sources of spiritual renewal of Kazakhstani culture.

Keywords: culture, Kazakhstan culture, conscience, Three truths, faith, science.

Мерой человеческого в самом человеке, имплицитно содержащем духовность, является культура, поскольку она выступает результатом духовно-практической деятельности человека. Именно трудовая деятельность является условием и средством возникновения и развития культуры, которая тесно связана с природой, поскольку сам человек есть часть этой природы. Отсюда, общество само в определённой степени является проявлением культуры, формой её бытия. Как справедливо отмечал Петирим Сорокин, «человек не рождается социальным, а лишь в процессе деятельности становится таковым. Образование, воспитание – это не что иное, как овладение культурой, процесс передачи ее от одного поколения другому» [1, с. 14]. Культура выступает как непрерывный процесс самовоспроизводства человека и социальных форм его жизнедеятельности. «В понятие культуры всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Культура – это святость народа, святости нации» [2]. Поэтому, каждый народ, каждое государство стремится к всестороннему развитию культуры – материальной и духовной.

Культура Казахстана получила широкое пространство для своего развития с обретением его независимости. Казахстан – полиэтническое, поликонфессиональное, мультикультурное государство. Еще в советские времена нашу страну называли «лабораторией дружбы народов». В настоящее время в Казахстане проживает около 130 этносов, народностей. В республике создаются все условия для полноценного развития культур различных народов. Существует Ассамблея народа Казахстана, созданная 1 марта 1995 года, в состав которой входят представители многих национально-культурных объединений. Она выступает конституционным органом, призванной реализовывать государственную политику в сфере межэтнических культурных отношений. В Казахстане за последние годы приняты различные программы, как «Культурная политика Республики Казахстан», «Культурное наследие»,

«Модернизация общественного сознания» и другие. И цель этих программ – развитие единого многонационального культурного пространства страны, формирование конкурентоспособной культурной ментальности и высокой духовности казахстанцев, создание современных культурных кластеров, влияющих на успешное развитие экономики и формирование позитивного международного имиджа страны. По словам первого Президента РК Н. А. Назарбаева: «Развитие культуры Казахстана должно, служить идее консолидации казахстанского общества, где наряду с утверждением межнационального согласия очень важным является укрепление внутринационального единства, задача состоит в том, чтобы национальная идея сыграла объединяющую, конструктивную роль. В настоящее время появились новые и отнюдь не безобидные тенденции внутринационального деления. Различные формы родового протекционизма проявляются во властных, финансовых и коммерческих структурах. Одним из лейтмотивов государственной идеологии современной казахской культуры должно стать преодоление родовых стереотипов» [3].

В этом отношении немаловажную роль играет культура автохтонного казахского народа, которую отличают такие черты, как синкретизм, органическое сочетание материального и духовного, глубокая взаимосвязь, взаимозависимость между ними, открытость человека миру и мира человеку, отношение к миру, к природе по принципу Бердяева Н. «не навреди» и т.д. Эти черты, особенности, возникшие в далёком прошлом, прошли через всю историю культуры народов Казахстана. Более того, они составили фундамент, основу этой культуры, которая сохранилась до настоящего времени.

Одним из важных показателей культурного развития казахского народа является состояние его литературы. Возвращаются из небытия имена лучших его представителей. Одним из них является Шакарим Кудайбердиев - мыслитель, поэт, философ. Имя этого глубокого мыслителя, оригинального учёного, просветителя на долгое время было незаслуженно предано забвению. Шакарим Кудайбердыев, как и другие учёные его времени, был подвергнут репрессии. «Возвращение народу многих бесценных произведений Шакарима, таких как «Казак айнасы» («Зеркало казахов» -поэтический сборник), «Байшешек бакшасы» («Розовый сад» -сборник прозаических произведений), «Уш анык» («Три истины»), «Тіршілі жан туралы» («О душе»), «Танірі мен жан» («Бог и душа») - философские трактаты, «Мусылмандык шарттар» («Мусульманские традиции» - религиозный трактат) и других, состоялось почти через семьдесят лет благодаря усилиям казахстанских учёных» [4].

Главным трудом его философским кредо, по нашему мнению, выступает «Три истины». В данной произведении он обращает внимание на очень важную проблему - проблему совести. Следует заметить, что во многих его произведениях проблема совести так или иначе выходила на первый план, становилась главной темой его размышлений. Совесть – понятие которое присуще только человеку. Но свойственно ли это качество всему человечеству. Это, конечно, дискуссионная проблема.

У Шакарима совесть - это философская категория, которая всестороннее развитие получила в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В этом произведении убийца понимает, что нельзя прийти к благу через убийство, даже если содеянное им добро во много раз превышает зло. Никогда и никуда ты не убежишь от своей совести. Она самый справедливый судья на свете. Подобным образом решает эту проблему и выдающийся русский мыслитель Л. Н. Толстой. Он является противником всякого мистицизма, в своем учении, главным образом, опирается на такие естественные свойства личности, человеческой души, как разум и совесть. По Л. Н. Толстому, голос совести всегда можно отличить от всех других душевных побуждений тем, что он требует всегда чего-то бесполезного, неосознанного, но прекрасного и достижимого одним нашим усилием. Этим отличается голос совести от голоса славолубия, который часто смешивается с ним.

В унисон великим русским мыслителям звучит и голос Шакарима Кудайбердиева. В «Трёх Истинах» он рассматривает проблему совести в неразрывной связи с верой в бессмертную душу, а с ней - и в идею Творца. Без этого, совесть как необходимое моральное качество человека теряет смысл, а вместе с тем и сама мораль теряет свой духовно-утверждающий смысл. Шакарим удивляется тем, «кто говорит, что нет души и нет жизни после смерти» [5]. Он отводит душе особую роль в жизни человека и связывает ее проявление с божественным. Шакарим сам нигде не даёт четкой характеристики своих трёх истин. Можно только предположить, что согласно его убеждениям, первая истина, это – вера. Вторая истина – это истина науки, основанная на чувственных восприятиях и рациональном мышлении. И, наконец, третья истина – это истина души, субстанциональную основу которой составляет совесть.

Казахстанский философ О. А. Сегизбаев характеризует понятие совести в трудах Шакарима

как, «общефилософскую категорию, дающую возможность разрешить многие сложные вопросы жизни, науки и философии который могут вывести человека на путь духовного бытия» [6, с. 384]. Схожую мысль высказывает профессор К. К. Бегалинова. Она отмечает проблему совести в учении казахского мыслителя как «важнейшую философскую категорию, являющуюся субстанцией, основой мироздания... она первична, существует до человека, она эквивалентна Космосу и, появляясь на свет, человек... вбирает ее в себя» [4].

Поэтому, надо отметить, что и в том, и в другом мнении выражается общая идея, что в учении Шакарима понятие совести перерастает этический смысл, обретает смысл центральной философской категории. У всех авторов имеется общее мнение, что данное понятие в учении Ш. Кудайбердиева обретает смысл стержня всего человеческого в человеке. И подобное понимание созвучно нашему времени. Не случайно, философское учение Шакарима Кудайбердиева выступает одним из важных источников казахстанской культуры, наравне с учениями других выдающихся сыновей казахского народа и служит одним из духовно-нравственных факторов модернизации казахстанской культуры.

Литература:

1. Гладкова И. В. Культурология: Курс лекций. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2010. 155 с.
2. Лихачев Д. С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. 336 с.
3. Назарбаев Н. А. Стратегия независимости. Алматы, 2003. 312 с.4. Бегалинова К. К. Философия в системе целостного знания. Алматы: ДГП ВЦС ВКО, 2000. 97 с.
5. Кудайбердиев Ш. Три истины. Алма-Ата: Казахстан, 1991. с. 78.
6. Сегизбаев О. А. Казахская философия XV – начала XX вв. Алматы: Ғылым, 1996. 470 с.

Бараш Р. Э.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, старший научный сотрудник. Кандидат политических наук, доцент

raisabarash@gmail.com

Аннотация: В фокусе внимания автора – проблематика влияния мультикультурного контекста на динамику современной культурной идентичности, особенно в многосоставных сообществах. Отмечая неопределённость представлений о базисных основаниях гражданской идентичности многих современных сообществ, автор указывает на необходимость экспликации механизма их конструирования в современную эпоху. Обращаясь к категориям «свобода», «легитимность», «признание», автор рассуждает о факторах воспроизводства коллективных представлений и самосознания многосоставной политической нации.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, межкультурная коммуникация, системно-коммуникативная теория

Debates about multiculturalism under the global context.

Barash R. E.

FCTAS RAS

Abstract: The author analyzes the basic categories of social science that are using for study as of the dynamics of cultural identity as of the multicultural community by itself. The article is also devoted to study of the basic foundations of the civil identity of the Russia's society. The author applies to such categories as "freedom", "legitimacy", "recognition" to study the factors of reproduction of collective identity, representation, and self-consciousness of the political nation. It is noted in the article that Russian society is facing the challenges of globalization, so the traditional urban way of life is changing.

Keywords: culture, multiculturalism, intercultural communication, system-theoretical approach

Тематика «мультикультурализма» является актуальной не только в пространстве академического сообщества, но и оказывается одной из наиболее востребованных тем публичной политики. Несмотря на принципиальную тематизацию, категория «мультикультурализм» используется как своего рода штамп, общее место, и понимается очень условно: и как национальная и конфессиональная политика, и как идеология терпимости, и как воплощение многообразия или, напротив, разрушение социального «целого», и как утрата культурного ядра странами с активной миграционной политикой. Роберт Стэм и Элла Шохат справедливо отмечают, что концепция мультикультурализма само по себе полисемична и допускает различные интерпретации [1].

Мультикультурализм можно рассматривать как мастер-код, в рамках которого борются конкурирующие дискурсы. И вместо некоторого дискурса, мультикультурализм представляет собой совокупность дискурсов. Так что неверно делать широкие обобщения об «обещаниях» или «утверждениях» мультикультурализма. Мультикультурализм представляет собою прежде всего это прежде всего множественность, конъюнктура, и он существует в меняющемся отношении к различным институтам, дискурсам, дисциплинам, сообществам и национальным государствам. Как «расположенное высказывание», оно может быть сверху вниз или снизу вверх, гегемонистским или устойчивым, или и тем и другим одновременно. Все зависит от того, кто кого мультикультурирует, с какой социальной позиции, в ответ на какие гегемонии, в чью пользу, в рамках какого политического проекта, используя какие средства, развертывая какие дискурсы и так далее. И именно поэтому стало необходимым точно определить, о каком течении в мультикультурализме идет речь-откуда такие классификаторы, как «критический», «радикальный», «полицентрический» и «антирасистский», чтобы

Поддержано фондом РФФИ, проект № 18-011-01179 «Социологические, историко-этнологические и философско-антропологические факторы формирования идентичности россиян в мультикультурном контексте».

отделить наш вид мультикультурализма от «корпоративного», «кооперативного «и» либерального «мультикультурализма».

Культура как междисциплинарная философская категория

Классическое философское понятие культуры сегодня получает междисциплинарное звучание. Оно «операционализуется» отдельными дисциплинами: социологией, политологией, культурологией, психологией. Может ли оно сохраниться хотя бы в общей рамочной функции, большой вопрос. Но это отличает понятие культуры от иных фундаментальных философских понятий – бытия, пространства, времени, истины и др. В отличие от последних, в отношении понятия культуры можно посмотреть, как оно фактически «работает» не только в философской теоретизации, но и в практическом применении, в фактической практике *reconciliation* как между отдельными странами и народами, так и во внутренней этно-национальной политике отдельных стран.

Специфика современной концептуализации культуры состоит в том, что, с одной стороны, в условиях глобализации понятие культуры можно использовать почти исключительно в контексте теорий мультикультурализма. Понятие культуры сам по себе, как нечто самоценное, противостоящее исключительно «натуре» (природе, как это замысливалось изобретателем этого понятия Цицероном), как нечто, что могло бы существовать и безотносительно сопредельных, чужих культур, сегодня, кажется, потеряло всякий смысл. С другой стороны, утрата культурой самоценного значения связывается с ее восприятием как фактора самоидентификации, и в этом смысле культура словно уравнивается с иными весьма гетерогенными факторами – гендерным, половым, политическим и иными основаниями психологической самоидентификацией. В этом смысле культура оказывается проблемой и понятием психологии.

Можно ли привести эти – политические, социологические, психологические – операционализации культуры к единому знаменателю? На этот вопрос пока нет ответа, поскольку почти нет серьезных обобщений конкретно-научных исследований в области *culture studies*. Накопление критической массы таких исследований могло бы помочь нам дать обобщающее определение культуры и мультикультурализма. Но для этого понятие культуры не может изучаться само по себе, оно должно быть инкорпорировано в некоторую охватывающую теорию общества. Такую попытку, в частности, осуществил Рудольф Штихве, последователь и коллега Никласа Лумана, развивающий системно-коммуникативную теорию общества [2]. Далее мы попробуем осуществить еще одну «операционализацию» понятия культуры в рамках ситуационного исследования – рассмотреть такое понимание культурной самоидентификации в Российском обществе.

Мы покажем, что понятие мультикультурализма требует его коммуникативно-философского осмысления и онтологического прояснения статуса культурной идентичности, анализа его роли в контексте фундаментальных ценностей – свободы и справедливости.

Онтологический статус культурной идентичности

Кроме того, нуждаются в определении факторы, являющиеся – актуально и потенциально – наиболее деструктивными и опасными для сохранения и некоего гармоничного воспроизводства коллективных представлений и самосознания российской нации. Но что же собой представляет это искомое понятие культурной идентичности? Можем ли мы, в свою очередь, его как-то идентифицировать и прояснить его «онтологический» статус и функцию?

Недавние события в Европе (антиэмигрантские настроения, выразившиеся в росте популярности правых партий и движений) и России (всплеск в 2014-2016 гг. и последующее постепенное снижение интереса к проблеме политической субъектности этнонациональных групп) вновь обусловили интерес к проблемам гражданской идентичности, межкультурной коммуникации, дискуссии о влиянии на социально-экономическую и политическую ситуацию тенденций этнокультурного самоопределения. Характерной для современного мира является ситуация соседства представителей нескольких этнических и национальных групп, различающихся своими традициями и социокультурными особенностями. Кроме того, общемировой тенденцией сегодня становится тенденция стремительного усложнения, многосоставности как индивидуальной идентичности, так и межкультурной коммуникации сообществ.

В свою очередь, тенденция этнокультурного «ренессанса», результирующая в распространение уникальной национальной мифологии [3], нередко приводит не только к росту идей культурной исключительности и автономности, но и к своеобразной лавине центробежных настроений. Заявления о правах на «собственную идентичность» сменяются настроениями независимости или доминирования в регионе, что провоцирует ответную реакцию. Разрастание и мифологизация идей культурной исключительности приводит к образованию сплоченных компактных групп, возникновению устойчивых конфликтов и взаимной ненависти, что угрожает безопасности. И для российской реальности подобные тенденции в принципе не новы. Одновременно с этим, Россия является носителем уникального опыта и традиций исторической многокультурности, складывания межкультурной коммуникации.

Обратной стороной рассуждений об означенной многокультурности оказывается усиление интереса представителей многих этнокультурных групп к собственной уникальности. Во-вторых, распространение идей этнокультурного своеобразия приводит к интенсификации процесса самореференции этнокультурных групп, представители которых все пристальнее вглядываются в коллективное «мы», внимательнее выделяют атрибуты отличия и схожести. Что, в свою очередь, может породить процессы внутренней радикализации, самопозиционирование и действия представителей этноконфессиональных групп, связанные с продуцированием и провоцированием идей ненависти и вражды внутри собственной группы.

Коммуникативная философия как методология исследований мультикультурной идентичности

Данные аспекты предполагают целый ряд ключевых теоретико-методологических направлений анализа как динамики формирования политической нации, так и нынешнего состояния российской идентичности. Одним из центральных контекстов исследования специфики складывания события «политического гражданства» [4, с. 138], формирования политической нации в рамках мультикультурной реальности является коммуникативный контекст. Представляется, что наиболее значимой здесь является заданная Н. Луманом теоретико-методологическая рамка изучения сложносоставной социальной структуры, предполагающая апелляцию к системно-коммуникативной парадигме исследования социальных систем. Что сопряжено с обращением в первую очередь к такой категории анализа, как дифференциация [5, с. 11]. Категория «дифференциация» в ее интерпретации Н. Луманом в качестве механизма аутопойезиса, воспроизводящего социальную систему через разделение на подсистемы посредством самореференции и саморазличения [6], позволяет проследить специфику изменения групповой идентичности под влиянием контекста окружающей среды. Если понимать изменения общественных настроений в контексте дифференциации – то есть рекурсивного воспроизводства системы через тематизацию различий между социальной системой и внешним миром, через производство многообразных различий между подсистемами, то логичным представляется процесс последовательного усложнения в современном мире групповой идентичности как отклика на появление все новых тематических медиумов социальной коммуникации. И в этом контексте усложнение, мультикультурализация сообществ представляет собою динамичный процесс создания социальной системой отклика на окружающее усложнение по самым разнообразным поводам.

Мультикультурализм и свобода

Если предпочтительной теоретико-методологической рамкой исследования складывания и эволюции идентичности в современном мире является системно-коммуникативный подход, то одним из ключевых понятий в рамках изучения особенностей утверждения многосоставных сообществ, является понятие свободы. В данном случае для понимания специфики складывания политической нации в мультикультурных рамках свободу необходимо понимать в контексте классического либерализма – как свободу совести, но не индивидуальную свободу или свободу сообщества / общины [7]. Такое понимание свободы постулирует важный атрибут «эффективных» многосоставных сообществ, выступающий своеобразным «предохранителем» для их гармоничного существования: свобода совести как ключевая характеристика интерпретации свободы предполагает право индивидов свободно входить в сообщества и выходить из них. Свобода совести также является мерилем границ культурного самоопределения и установок межкультурного взаимодействия. Что таким образом обеспечивает свободную самореференцию и самодифференциацию социальной системе которой является не только многосоставное сообщество в целом, но и входящих в «мультикультурный конгломерат» локальных

групп.

Будучи использована в качестве базисной категории анализа существования многосоставных сообществ свобода совести может быть использована в качестве мерила успешности/гармоничности их самоописания, а значит воспроизводства/аутопойезиса. Свобода совести, выступающая в качестве базового основания многосоставного сообщества, центрирует внутренне дифференцированную, но логически единую систему коммуникации, обеспечивает взаимодействие ее подсистем, ее стабильность и воспроизводство/самоописание.

Мультикультурализм и легитимность

Еще одной категорией анализа не только динамики развертывания и идентичности, и многосоставных сообществ, но и их успешности воспроизводства / самоописания может выступать категория легитимности. Понятие легитимности неразрывно связанной с категорией свободы, причем именно в ее общественно-политическом, а не моральном истолковании. Для анализа проблематики культурного самоопределения должна быть использована категория «легитимность», понимаемая в соответствии с определением Дж. Ролза как «постоянно возобновляемый консенсус» [8, р. 9] относительно принципов, которые будут существовать на протяжении жизни многих поколений и обретут солидную базу в лице свои сторонников в рамках более или менее справедливого конституционного режима [8, р. 15]. Критерием легитимности и справедливости устройства того или иного многосоставного сообщества, успешности тиражирования той или иной идентичности выступает постоянное подтверждение консенсуса относительно разумности мнений, в первую очередь по вопросам общественного устройства тех, кто тиражирует ту или иную идентичность, входит в то или иное многосоставное сообщество.

Литература:

1. Stam R., Shonat E. *Traveling Multiculturalism: A Trinational Debate in Translation in Postcolonial Studies and Beyond*. Ed. by Loomba A., Kaul S. et all. Duke University Press. 2005. Pp. 293-316.
2. Stichweh R., Windolf P. *Inklusion und Exklusion-Analysen zur Sozialstruktur und sozialen Ungleichheit*. Wiesbaden. 2009
3. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 120—134.
4. Капустин Б. Г. *Гражданство и гражданское общество*. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
5. Луман Н. *Общество общества. Медиа коммуникации*. М.: Логос, 2005. 280 с.
6. Антоновский А. Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. №7. С. 158-171.7. Kukathas Ch. *The liberal archipelago. A theory of diversity and freedom*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
8. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press. 1993.9. Лекторский В. А. Конструктивизм в эпистемологии // Вопросы философии. 2008. №8. С. 3-37.
10. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

О философской культуре, или как без неё не соберут пазл

Батыр Т. Б.

Тараклийский государственный университет им. Григория Цамблака, доцент. Кандидат философских наук

tbatir@yandex.ru

Аннотация: Ссылаясь на идеи античных мыслителей, видных философов XX столетия и наших современников, показана необходимость привития философской культуры для полноценного духовного становления, как отдельного человека, так и социума. Отмечается специфика философского знания; рассматривается роль преподавателя–вдохновителя в изучении и сохранении склонности и интереса к данной области; предлагается применение новых методик, в частности разработки философии преподавания дисциплины. Приводится ряд «вечных» вопросов касательно философии. Переосмыляется содержание понятий «архэ», «удивление», «пафос». Принимая во внимание изначально заложенное в человеческую природу стремление к полноценному постижению мира, делается предположение относительно того, что отход от такого рода рефлексии, философской сокровищницы, может привести к нежелательным, и даже опасным последствиям.

Ключевые слова: философия, философская культура, преподавание, архэ, удивление, пафос, Ничья Земля, пазл

On philosophical culture, or how a puzzle cannot be assembled without it.

Batyr T. B.

Taracilia State University Gr.Tsamblak

Abstract: Referring to the ideas of the ancient thinkers, the prominent philosophers of the 20th century and our contemporaries it is shown the necessity of inculcating philosophical culture for a full-fledged spiritual formation, both for an individual, and society as a whole. The specificity of philosophical knowledge is noted; the role of the teacher-inspirer in the study and preservation of inclination and interest in this area is considered; application of new techniques is proposed, in particular the development of philosophy of teaching the discipline. A series of “eternal” questions regarding philosophy is given. The content of such concepts as “ἀρχή”, “amazement”, “pathos” is rethought and reviewed. Taking into account the desire for a complete comprehension of the world, which was originally laid down in human nature one assumes that the departure from such kind of reflections and philosophical treasury itself can lead to undesirable, and even dangerous consequences.

Key words: philosophy, philosophical culture, teaching, ἀρχή, amazement, pathos, No Man's Land, puzzle

Вопросы, вопросы, вопросы...

Какова роль философской культуры в век стремительного технического прогресса? Человек, живущий в насаждающей идеалы всевозможных материальных благ, замеченного и разделяемого большинством (массой) внешнего успеха, действительности. Продвинутое гаджеты, выступающие не только в качестве предметов престижа, социальной значимости, но и условия качества успеха и обладания им... Что будет с таким homo завтра, и что станет с социумом, состоящим из подобных индивидов? В чём чреватость отдалённости и оторванности от философии? Почему опасно попустительство рудиментации изначально данной человеку склонности к философствованию, и почему необходимо хвататься за эту способность, как за спасательный круг? Не в недостаточности ли философско-культурной преемственности, её лакунизации, кроется неизменное, на протяжении более двух тысяч лет, противостояние философского мироощущения и обыденного сознания и как сделать его менее жёстким? В какой мере ощутима «философская пульсация», [2, с. 285] и что нужно делать, чтобы не оборвать

«непрерывное поле философствования»? [2, с. 292] Является ли философия «неотъемлемой частью жизни общества?» [7, с. 4] «Почему в мире существует эта странная порода — философы? Почему среди человеческих мыслей есть такие, которые называют «философиями?» [3, с. 60] Нужны ли философские знания всем без исключения, или они для избранных? Вопрос о том, что такое философия, в чём её особенность давно в ряду философских и имеет статус «вечного». Вопрошание — симптом философа.

Философия как архэ разума

Аристотель определил философию как науку об определённых причинах и началах [1, с. 67, 982a] На заре своего возникновения философия, действительно, пребывала в поисках «Откуда», или первоосновы. И не случайно, потому как, она сама есть начало начал. Мифология и предфилософия, конечно, первичнее, но по природе своей – идущие и прокладывающие себе путь к пониманию разумом. И о, чудо! Рационально постижимое, а значит мудрое, становится предметом любви. Не это ли есть удивление? Целая встряска для всего тела, венцом коего является мозг. И производить он в состоянии не только образы, божества, символы, но и мысль разумную, выталкивающую человека из алогичного природного хаоса. Сократ в диалоге «Теэтет» скажет: «философу свойственно испытывать <...> изумление» [6, с. 243, 155d] Эту мысль повторит его ученик Аристотель в «Метафизике»: «удивление побуждает людей философствовать» [1, с. 69, 982b10]. М. Хайдеггер в статье «Что это такое — философия?» дополнит концепцию Платона–Аристотеля, трактуя удивление не просто как толчок к философствованию, который должен был бы исчезнуть как только «философия пришла в движение». [9, с. 121] По Хайдеггеру удивление, как ἀρχή, «присутствует и правит в каждом шаге философии» [9, с. 121]. Он видит в ней пафос, но не «страсть и волнение чувств» [9, с. 121], а особый, тот, который страдает, переносит, терпит, выносит, позволяет себя вести и «располагать собою» [9, с.121]. Таким образом, философия сама, являясь началом, обладает им и ищет его, она ἀρχή разумного человечества и отдельных его представителей, стоит в начале в пути, который простирается от «Осевого времени», помогая нам вслушиваться в философский Логос.

Выбор жизненного пути

Человек «в силу психологической необходимости практически не может не стремиться обладать полным представлением о мире» [4, с. 80]. Выбор философии в качестве профессиональной деятельности, образа жизни, увлечения также идёт изнутри. После окончания лицея мало кто осознанно сделает выбор в пользу философии и подаст документы на философский факультет. Из этого малого немногие не разочаруются и не побегут на другие специальности, более полезные и востребованные. Учителя, психологи могут заметить будущего врача, программиста, математика, писателя, актёра, но разглядеть великого философа... В шутку, ненароком, может да и бросят: «Это философ». Хорошо, если ребёнок, подросток обрадуется: «Почему бы и нет? Можно попробовать». Но не часто, к сожалению, учитель на полном серьёзе скажет: «Тебе неплохо бы задуматься о поступлении на философский факультет, у тебя задатки философа, философы в нашей жизни так необходимы». Абитуриенту, подающему документы на философский факультет, небезынтересным, представляется как сам процесс обучения, так и конечный результат, то есть поиск и место работы. Интернет сайты на вопрос ««где работают выпускники философского факультета?» отвечают просто — «езде»». Это верно, так как философское образование — это фундаментальное образование, которое дает умение свободно мыслить, учит критичности, нестандартным подходам к обыденным вещам, развивает гибкость ума и способность к творческим решениям. Эти качества ценятся в любой сфере, какую бы ни избрал для себя выпускник. [7]

О роли преподавателя-вдохновителя

И всё же, основная задача факультета состоит в подготовке «высокообразованной педагогической элиты» [7]. От того, кто будет проводником в «Мир Софии», зависит и качество будущих профессионалов, и уровень формирования всеобщей философской культуры. Вопрос о преподавании философии, проистекает из её специфики. С ней, пожалуй, куда сложнее, чем с другими дисциплинами. Для приобщения к философскому типу мысли нужна не просто методика, а философия преподавания философии. Настоящий философ-преподаватель не станет хвастать «перед публикой бицепсами терминологии», [4, с. 54], а всегда будет помнить, что его «вежливость — в ясности» [4, с. 54, с. 60]. Он

встраивается в жизненное пространство студента, в череде удивлений открывая ему, что философия — «здесь и сейчас», она лишь приподымает нас над обыденностью, может, даже отрывает от неё на время, но для того только, чтобы понять, где мы и кто мы. Философия — не внежизненное явление, а потому философ, прежде всего, это цельная личность, включившая в свой философский образ мысли и жизни жизнь. Это значит, что он общается с миром, обращается к нему, действует в нём, задумывается о нём. [4, с. 80] Преподаватель как носитель исторически философского опыта, подобно Сократу, «проживает» философию, творя вековые события сознания наяву. По мнению Ортеги-и-Гассета философ, «в отличие от любого другого учёного берётся за то, что само по себе неизвестно» [4, с. 78]. Его задача, используя строгую научную методологию, удивить слушателей философией, вместе с ними искать ответ на вопрос «откуда берётся это влечение к Универсуму, к целостности мира, лежащее в основе философии?». [4, с. 80]. Миссию свою философ-преподаватель сможет считать выполненной, в том случае, если сумеет вызвать и сохранить в своих слушателях «пафос начала философствования» [2, с. 291] и если, хотя бы один ста, встав единожды на рельсы, ведущие в беспредельность «вечных» вопросов, не захочет и не сможет сойти с них.

«Философов много не бывает!»

В одном из интервью философ Матвейчев О. А. сказал: «Философов много не бывает! Все должны быть философами в идеале!» [3]. С этим трудно не согласиться, так как философской культурой должен обладать каждый. Представим себе, что философию отменят за ненужность, по статье «бесполезность» под лозунгом: «Нам нужны специалисты, активно применяющие полученные знания на практике». Вузы поставляют готовую продукцию на рынок труда и с философами там негусто, да и спрос на них невелик. Философию, конечно, можно вычеркнуть росчерком пера из университетской и школьной программы, но её невозможно никакими усилиями чиновником искоренить из человеческой природы. Воспрепятствовать росту философа им под силу. Ну, в очередной раз затопчут потенциального гения, «человеческое», в конце концов. В ответе за формирование личности останутся искусство, литература, религия, которые без философии и немислимы. «Ф. М. Достоевский не ставил перед собой целью создать некое философское учение, но уровень понимания смысла существования человека и общества в его произведениях настолько высок, он обладал настолько мощным философским мышлением, что мы говорим о философии Достоевского»; о том, кто «предаётся вечерним размышлениям о смысле жизни, мы вполне правомерно говорим, что у него философский склад ума» [5, с. 13] Степень заинтересованности и потребности в философии у всех различны. Проблема в том, чтобы не опуститься ниже качества, определяющего человеческую сущность. Проводить время «в занятиях философией» [6, с. 268, 174a] можно тоже по-разному: «в собственном присутствии <...> Платона, Декарта, Канта, Маркса» [2, с. 291], или за чашкой кофе, в беседе о насущном, о проблемах мироздания... Важно одно — управлять удивлением-пафосом в когнитивных, эстетических целях, открывая мысль для познания Универсума и, оставаясь при этом свободными.

Сложится ли пазл?

В «Метафизике» Аристотель о философии напишет следующее: «все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше — нет ни одной [1, с. 70, 983a10] Что хотел сказать спустя две с половиной тысячи лет Б. Рассел, назвав философию Ничьей Землей? [8, с. 6] Что на планете, есть некий участок, никому не принадлежащий? И не хотят его поделить между собой теология и наука? Или, он ничей, так как непригоден для нужд жизни? Бесполезен? Пока с трудом поддаётся освоению? Что эта Земля общая: для тех, у кого есть своя, и для тех, кто устремляется к ней, не хочет её покидать, но не присваивает, так как знает, что она для всех. Фракиянка, о которой рассказывает в диалоге «Теэтет» Сократ, наверное, потому посмеялась над Фалесом, когда тот «упал в колодец», стремясь узнать, «что на небе», не замечая при этом вещей «рядом и под ногами». [6, с. 268, 174a1] , что не часто, или совсем не ступала она на ту Землю. Можно бывать там и редко, или вообще забыть туда дорогу. Но не оборвутся ли тогда нити познания и самопознания, связующие от самых истоков всё человечество? Если через сотни тысячелетий, кто-то захочет сложить пазл человека будущего или нашего современника, того, кто и знать не желает той Земли, той лучшей «науки», вряд ли ему это удастся. Как найдут нас во Вселенной потом?

Литература:

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4 томах Т. 1. М., 1976. 550 с.
2. Идея преемственности и философская традиция. Интервью с М. Мамардашвили // Историко-философский ежегодник. М., 1989.
3. Матвейчев О. А. Страна без философии — это страна без будущего [Электронный ресурс] // Агентство Политических Новостей, 2009. Режим доступа: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=21926> [Дата обращения: 02.01.2020].
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991. 411 с.
5. Перевезенцев С. В. Практикум по истории западноевропейской философии. М., 1997. 480 с.
6. Платон. Теэтет // Платон. Собрание соч. в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 192-274.
7. Профессия философ: обязанности, плюсы, минусы [Электронный ресурс] // Экзамен. ru — Режим доступа: <https://www.examen.ru/add/manual/spisok-professiy/professiya-filosof/> [Дата обращения: 02.01.2020].
8. Рассел Б. История западной философии. Ростов-на-Дону, 1998. 832 с.
9. Хайдеггер М. Что это такое — философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113 -123.

Проблема человеческого в человеке

Бетильмерзаева М. М.

Чеченский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии, политологии и социологии. Чеченский государственный университет, профессор кафедры философии. Доктор философских наук

maret_fil@mail.ru

Аннотация: Понимание индивидом окружающей реальности происходит через апелляцию к отражательным способностям собственной психики, что обуславливает субъективный характер ее содержания. Уникальность человека фиксируется в духовности его начал. Подлинные истоки человеческого в человеке коренятся в соподчинении им духовного и телесного, чье взаимообусловленное стечение выделяет человека в волевом и творческом порыве бытия. Абстрактное мышление дало человеку возможность подняться на уровень понятий, эквилибрируя которыми мы непонятные нам образы загоняем в знакомые клише по подобию, по ассоциации, по другим стереотипическим скрепам нашей культурной реальности. Интегрируя и дифференцируя, мы создаем системы, которые упорядочивают картину мира для нашего восприятия. И сами становимся заложниками заданных нами границ. Человек сам для себя стал проблемой, обнаружив свое существование. Смысловые интерпретации человека в исламе как раба в их соотносительности с понятиями «поклонение», «намерение», «ответственность» позволяет увидеть истоки человеческого в человеке и приводят к пониманию человека как автономного субъекта, ответственного перед Богом за свои намерения и действия.

Ключевые понятия: человек, человеческое, духовное и телесное, автономия субъекта.

Human problem in man Philosophy of culture. Betilmerzaeva M. M.

Chechen state pedagogical university. Chechen state university

Abstract: the individual's understanding of surrounding reality occurs through an appeal to the reflective abilities of his own psyche, which determines the subjective nature of its content. The uniqueness of a person is fixed in the spirituality of his principles. The true origins of the human in man are rooted in their subordination of the spiritual and the bodily, whose interdependent combination distinguishes man in a strong-willed and creative impulse of being. Abstract thinking gave a person the opportunity to rise to the level of concepts, balancing with which we drive incomprehensible images into familiar cliches in similarity, in association, in other stereotypical secrets of our cultural reality. By integrating and differentiating, we create systems that streamline the picture of the world for our perception. And we ourselves become hostages of the boundaries set by us. Man for himself has become a problem, having discovered his existence. The semantic interpretations of man in Islam as a slave in their correlation with the concepts of "worship", "intention", "responsibility" allows us to see the origins of the human in man and lead to the understanding of man as an autonomous subject, responsible to God for his intentions and actions.

Keywords: man, human, spiritual and physical, autonomy of the subject.

Вполне закономерны размышления о том, в какой зависимости формируются такие вполне генуинные человеческому бытию явления как социальная среда и рефлексия, легшие в основу человеческого начала. Человек есть существо социальное и человек есть существо разумное. Объективно мы это не оспариваем, субъективно – в каждом случае индивидуально. Ведь если говорить о социальной среде, то она есть продукт становления и развития культуры определенного сообщества индивидов, чья самобытность чувствования и осмысления реальности порождает уникальные формы национальных культур. Человеческая рефлексия, изначально обращенная на осмысление собственного бытия, спровоцировала структурирование социальной реальности в различных культурных выражениях, которые обусловлены запретами и одобрениями социума. Творческий характер человеческого мышления

лежит в основе его свободной воли, позволяющей судить об автономии субъекта в социальных связях. Человек с давних пор (то есть, с самого начала рефлексии) задумывался об основаниях собственного бытия. В современной философской антропологии сложились различные подходы к трактовке человека на основе его физиологических, психологических, социальных характеристик.

Понимание индивидом окружающей реальности происходит через апелляцию к отражательным способностям собственной психики, что обуславливает субъективный характер ее содержания. В исследовании субъектности индивида мы отталкиваемся от формального единства определенных его структурных элементов, позволяющих определять логику формирования его мира значений и смыслов. Человеческая экзистенция, будучи предельно пограничным существованием между рождением и смертью, определяется как жизнь. Существоем здесь и сейчас. До и после не тьма, тьма – это вполне понятное явление, и тьму мы можем представить (могила, склеп, небытие), не свет (что допустимо с равной долей успеха, как и тьму) – представляемый нами как физическое явление, а один большой вопрос, на который у нас нет ответа, трансцендентальный вопрос, на который ответ находится по ту сторону бытия. Человеческая мысль изначально направлена вперед: из детства в юность, из юности в зрелость, из зрелости все слабее, но в старость. Жизнь в целом становится предметом рефлексии в контексте земного опыта. Для человека не меньшей загадкой, чем смерть, служит бесконечность до рождения. Но мы, выйдя из «ниоткуда», отправляясь в «никуда», естественно, переживаем, то есть страшимся, не того, что могло быть до всякого рождения, но ожидаемый следующий отрезок своего пути, после существования здесь и сейчас, нам кажется наиболее таинственным, так как он впереди.

Существование как переживание делает онтологический акт экзистенции подобным физиологическому процессу переживания. Грубая метафора вместе с тем способствует образной ясности места этого акта в бытийном ряду процессов: переживание как и переживание есть необходимое звено в цепочке материально-духовных перевоплощений, но которое не суть. Суть заключается в воле бытия, которая вращает жернова вселенной, в постоянном перемещении энергии. Пока есть движение, взаимный обмен, постоянно упорядочивающийся хаос трансформируется в космос. Человек есть продукт бытия; необходимо-случайный его зритель, который может уйти, не досмотрев эту постановку, но это никто не заметит; топливо, вырабатывающее энергию. В акте переживания – в страхе, тошноте от этой жизни и эйфории от нее же – мы осмысливаем собственное бытие, рационализируем это бытие. Социальность есть прививка, сделанная человеку, чтобы отвлечь его от бессмысленности собственного бытия. Он, как пишет А. Гелен [1], есть ущербное биологическое существо, которое, компенсируя недостаточность своей природы, нацелено на созидание надбиологической – культурной реальности. Э. Ротхакер [2] подчеркивает, что мир человека не является объективной действительностью, это мир символических отношений с действительностью. И в этой череде тотального разочарования человека вдруг всплывает человеческое. Уникальность человека фиксируется в духовности его начал. Оставим в стороне всякую рационализацию человеком своего места в бытии. Всякая высказанная мысль есть ложь, - истина Гаутамы. Ложь есть яркий антипод истины. Как у Платона, Гегеля, бытие есть истина, а вот Природа, материя есть инобытие истины, то есть та самая ложь, иллюзия, с которой чары высказанного истощения снимает человеческий дух, и только он. Мысль высказанная, материализуясь, оказывается в оковах слова, которое есть ее несвобода, фиксация, лишение движения. И чтоб эту мысль, оформленную в слове, реанимировать, нужна сила творческая, одухотворяющая услышанное, высвобождающая закованное. Это во власти человека. Подлинные истоки человеческого в человеке коренятся в соподчинении им духовного и телесного, чье взаимообусловленное стечение выделяет человека в волевом и творческом порыве бытия. Абстрактное мышление дало человеку возможность подняться на уровень понятий, эквилибрируя которыми мы непонятные нам образы загоняем в знакомые клише по подобию, по ассоциации, по другим стереотипическим скрепам нашей культурной реальности. Интегрируя и дифференцируя, мы создаем системы, которые упорядочивают картину мира для нашего восприятия. И сами становимся заложниками заданных нами границ. Человек сам для себя стал проблемой, обнаружив свое существование.

Интересна трактовка человека в исламе. Как пишет Смирнов А. В. [3], трактовка предмет нашего исследования продуктивно при обращении к классическим текстам как религиозного, так и светского характера. Религиозные тексты – это Коран и сунна, и если в Коране находит отражение прямое обращение Бога к человеку, то сунна – это предание о поступках и словах и деяниях Мухаммеда, пророка ислама. В этих текстах верующий человек в меру доступности своему пониманию может обнаружить ответ на многие проблемные участки человеческого бытия. Светский характер осмысления данной

проблемы в недрах арабо-мусульманской культуры сформировался в таких философских учениях, как калам, арабоязычный перипатетизм, суфизм и др.

Весьма интересна и продуктивна в рамках обсуждения проблемы человека и выяснения философской и педагогической глубины ее интерпретации в исламе начать с того, что человек в Коране, в первую очередь, определяется как раб Аллаха. Как признает автор [3, с. 53], понятие «раб» для не-исламского слуха несет в себе «негативные коннотации». Но в исламе понятие «раб» обнаруживает глубокие смыслы, которые выводят нас к генуинной сущности места человека в мироздании, к пониманию онтологической ценности человеческого существования. Осмысление понятия «раб» позволяет нам увидеть траекторию связей различных феноменов в становлении и развитии человеческой расы. Понимание человека просто как особи, на физиологическую реальность которой в процессе культурации и социализации надстроились духовность и социальность, обедняет наше представление о человеке. Духовность и социальность есть следствие более глубоких процессов, заложенных логикой бытия. Рефлексия о понятии «раб» представляет нам «звездную» карту очеловечивания бытия божественным духом. Человек как раб божий своим присутствием стал той свечой, которая способствовала раскрытию сущности светильника – светить, очерчивать образы, обрамлять мир в понятия. Пусть это звучит высокопарно и совсем не скромно, но человек есть смысл бытия, и определяя его как раба Бога, мы тем самым лишь подчеркиваем миссионерскую роль человека в хронике Бытия.

Раб по-арабски «‘абд» и в языковом сознании араба слово «‘абд» соотносится со словом «‘иба / да» // «поклонение». Как видно из данного этимологического родства слов, понятие «раб» ассоциируется для исламского сознания с понятием «поклонение», «почитание» [3]. В ментальной характеристике мышления носителя арабского языка раб – это не пассивное существо, закрепощенное в границах несвободы, но активное начало, автономное существо, которое в рамках осознания и осмысления сотворенности своей природы принимает деятельное участие в реализации божественного замысла.

Третьим важным элементом характеристики человеческой субъектности служит понятие «намерение» // «ниййат», как внутренняя сосредоточенность, решимость и готовность человека совершить определенное действие. Любое действие оценивается по намерению, которое есть внутренний двигатель наших поступков и помыслов. Поклонение человека своему Творцу предстает как единство намерения и действия. Будучи рабом Божьим человек соотносит или должен соотносить свои действия с намерением поклоняться Богу, перед которым он ответственен. Понятие «ответственность» еще одно понятие, позволяющее раскрыть сущность поклонения, которое трактуется не просто как действие поклонения, но ответственное действие. В аяте Корана написано, «мы предложили залог небесам, и земле, и горам, но они отказались его понести и утрашили его; понес его человек» (Коран, 34:72, пер. И. Ю. Крачковского), в котором под залогом веры подразумевается ответственность человека за свои поступки.

Смысловые интерпретации человека в исламе как раба в их соотнесенности с понятиями «поклонение», «намерение», «ответственность» предлагает заверченный вариант определения человека как автономного субъекта, ответственного перед Богом за свои намерения и действия.

Таким образом, в размышлениях над человеческим в человеке все явственнее прослеживается связь между человеком и его автономией. Автономия человека здесь трактуется не столько как свобода от других, а как наличие воли жить для других. Человек в меру своей разумности осмысливает свою социальную соотнесенность с Другим человеком, который является гарантом его существования.

Список литературы:

1. Гелен А. О систематике антропологии (пер. А. Ф. Филиппова) // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152 – 201.
2. Rothacker, Erich Philosophische Anthropologie. Bonn, 1964.
3. Смирнов А. В. Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция Этическая мысль: Ежегодник. М.: Институт философии РАН. 2000. С. 46 – 70.

Музыкальный инструментализм как практика «умаления человека» в западноевропейской культуре XVII-XVIII вв.

Богомолов А. Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, ассистент. Кандидат философских наук

bogomolov@philos.msu.ru

Аннотация: С начала XVII века западноевропейская музыкальная культура начинает проявлять все возрастающий интерес к инструментальным жанрам. Располагаясь до этого момента большей частью на периферии музыкально-культурного горизонта, инструментальные формы демонстрируют бурный процесс трансформации старых и генерации новых жанров именно в период Нового времени, становясь неотъемлемой частью западноевропейского музыкального пространства. Эти процессы невозможно полностью объяснить исключительно внутренними музыкально-историческими реалиями (развитием музыкальных инструментов или «естественным» усложнением музыкальных форм). В докладе вопрос утверждения в новоевропейской музыкальной практике инструментальных форм рассматривается сквозь призму «метода критических форм» Х. Зедльмайра и в контексте «умаления» субъекта в эпоху Нового времени.

Ключевые слова: музыка, инструментальная музыка, западноевропейская музыка, Х. Зедльмайр, Новое время, деизм, искусство.

Instrumental music as a practice of “person belittling” in Western European culture of the XVII-XVIII centuries.

Bogomolov A. G.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy.

Abstract: Western European musical culture has been showing increasing interest in instrumental genres since the beginning of the XVII century. Being mostly located on the periphery of the musical and cultural horizon, instrumental forms demonstrate the rapid process of transformation of old genres and generation of new ones during the Modern Age. These processes cannot be fully explained only by internal musical and historical realities as for the development of musical instruments or the “natural” complication of musical forms, for instance. In the report, the issue of instrumental forms reinforcement in the modern European musical practice is considered through the prism of H. Sedlmayr’s “method of critical forms” and in the context of the “belittling” of the person in Modern Age.

Key words: music, instrumental music, western European music, H. Sedlmayr, Modern Age, deism, art.

Понятие «умаления человека» вводится Х. Зедльмайром как один из симптомов многоступенчатого процесса, обозначенного им как «утрата середины». Последнее, хотя и является диагнозом эпохи, в наиболее явном виде проявляет себя в области искусства, которое «согласно своей сущности является «серединой» между духом и чувствами» [2, с. 158]. Утрата середины есть, таким образом, утрата искусства, мыслимого в таком качестве — середины. Утрачивая «середины», человек, в конечном итоге утрачивает самого человека. И хотя «наиболее ужасающие манифестации умаления человека явились в XX веке», путь к ним занял несколько столетий, начавшись на рубеже XVI и XVII веков.

Х. Зедльмайр специально оговаривается, что основанием для его «предварительного диагноза» становятся только изобразительные искусства, исключив из своего анализа музыку, литературу, театр и кино. Вместе с тем в западноевропейской музыкальной культуре можно зафиксировать процессы, могущие в достаточно яркой форме иллюстрирующие идеи австрийского искусствоведа и философа культуры. Речь идет о таком феномене как расцвет инструментальной музыки, пришедшийся как раз на это время: XVII-XVIII века.

Появление инструментальных музыкальных форм и жанров, то есть таких, которые исключают вокальные формы сопровождения, — крайне характерный маркер Нового времени в истории музыкальной практики. До XVII века инструментальная музыка чаще фиксируется на культурной

периферии, не имея значимого присутствия. Как правило, оно облекалось в различные формы развлекательной «низовой» культуры. «Высокие» же жанры имеют преимущественно и генетически вокальную природу, не исключая периодических инструментальных «вкраплений», как, например, в музыкальной практике *Arg Nova*.

Интерес к инструментальной музыке, все явственнее проступающий с конца XVI века, трудно объяснить исторической модой, усложнением самих музыкальных инструментов, ведущего к обогащению их выразительных возможностей или естественным процессом усложнения инструментальных композиционных форм, делающих их достойными титула «высокого» стиля. Кажется, в этом факте следует смотреть следы гораздо более глубокого и всеобщего процесса, связанного с пересмотром образа субъективности, с тем, что Х. Зедльмайр обозначил как «умаление человека».

Концепция «умаления человека», как ее выстраивает Х. Зедльмайр, в конечном итоге, определяется процессом распада того образа субъекта, как он сложился в эпоху Возрождения. Какую же связь можно усмотреть между миграцией инструментальных жанров с периферии культурно-музыкального горизонта и процессами переосмысления идеи субъекта в новоевропейской культуре?

Прежде всего, следует спросить: что такое инструментальная музыка с точки зрения ее практического осуществления? Как практика, инструментальная музыка есть обращение к неорганическому¹, буквально вторгающегося в диалог человека и музыки и, в конечном счете, опосредующего самого человека. Эту интуицию опосредования человеческого и, соответственно, органического сформулировал еще в III веке н. э. епископ Карфагенский Киприан в характерной для той эпохи форме. Критикуя современные ему музыкальные практики, он пишет: «Вот один из них подражает грубому шуму трубы; другой, дуя в флейту, извлекает из нее печальные звуки; а тот, с усилием захватив в легкие дыхание, перебирает отверстия органа... — *неблагодарный художнику, который дал ему язык, — пытается говорить пальцами*» [1, с. 360]. Апелляция к религиозному контексту неслучайна. Х. Зедльмайр также поднимает эту тему, отмечая, что «умаление», или «негация» субъекта в том числе и даже в значительной степени определяется отношением самого субъекта к Богу. В связи с этой идеей он приводит слова немецкого теолога Франца фон Баадера: «Как человек предстоит Богу, так же он предстоит и самому себе, своему ближнему, природе и духовному миру». Не случайно и даже скорее симптоматично, что музыкальный инструментарий начинает свое бурное технологическое развитие в то же время, когда утверждается концепция деизма. В философии деизма Х. Зедльмайр видит одну из отправных точек движения западноевропейской культуры «от человека»: «деизм предположительно стоит у истоков тех многообразных явлений, которые... были описаны как «тенденция к неорганическому» [2, с. 181].

Возвращаясь к теме инструментальной музыки, можно сказать, что в этой форме музицирования субъект Нового времени начинает созерцать не себя в Боге, а себя в искусстве, причем в данном контексте термин «искусство» приобретает негативный оттенок, акцентирующий внимание на его технологической (неорганической), а значит чуждой самому человеку, стороне. Возможно, именно этот негативный смысл придает слову «искусство» и Ф. Шлегель, когда утверждает, что «когда культуру направляет не искусство, а влечение, то равномерно развивается весь человек» [3, с. 62].

Интерес к инструменту, интерес к музыкальной машинерии не может не иметь основание в декартовском механицизме и производном от него взгляде на мир как мировой механизм: «мир становится мировой машиной, человек — *homme-machine*, государство — государственной машиной» [2, с. 181]. С большой долей уверенности можно говорить о том, что не столько развитие инструментальной базы создает условия для популяризации инструментальной музыки, сколько все более очевидная смена мировоззренческих моделей, иначе выстраивающая взаимоотношения субъекта и окружающего его мира.

На другом эпохальном рубеже — между XVIII и XIX столетиями — романтики, художественно-творчески прочувствовавшие этот уже совершившийся раскол мира надвое (Г. Гейне), предприняли попытку, в том числе и музыкальную, преодоления сложившегося положения. Это может объяснить высокий интерес композиторов-романтиков к малой песенной форме, вокальной по своей природе. С другой стороны, проникновение личного и, даже можно сказать, органического в качестве новых **выразительных** средств в музыкальную форму приводит к постепенному разрушению классицистского

¹ Неорганическое — термин, используемый Х. Зедльмайром. Неорганическое — это один из направляющих векторов новоевропейской концепции субъективности, характеризующийся уходом от «органического», от человеческого. Неорганическое в человеке проявляет себя в форме безучастного наблюдения, дополняемого необходимым для этого наблюдения инструментариумом. Подробнее: Зедльмайр Х. Утрата середины. М., 2008. С. 165-169.

музыкального языка в творчестве поздних романтиков.

И в этой связи наиболее драматичным выглядит один характерный пример. В 1827 году Франц Шуберт пишет песенный цикл «Зимний путь», одно из последних своих произведений. В последней песне этого цикла, в образе старого шарманщика композитор, как считается, символически изображает судьбу художника. Острое по своему трагизму и безысходности переживание заброшенности в мир, выраженное в этой части цикла, в определенном смысле можно распространить на более широкий объем и увидеть в нем констатацию факта утерянной середины. При этом еще больший драматизм изображенной картине придает присутствие музыкального инструмента. Изображая одинокого шарманщика, Шуберт обращается, возможно и не совсем осознанно, к инструменту (и имитирует его звучание в музыкальной такти), едва ли не в максимальной степени символизирующему обезличенность музыкального, которое оказывается результатом механического нечеловеческого акта.

Литература:

1. Киприан. О зрелищах. Творения. Киев, 1891.
2. Зедльмайр Х. Утрата середины / Пер. с нем. С.С. Ванеяна. М.: Прогресс-традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2008. 640 с.
3. Шлегель Ф. О границах прекрасного / Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1 / Вступ. статья, пер. с нем. Ю.Н. Попова; Примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983. 479 с.

Феномен «Битлз» как фактор культурной глобализации

Бокарев В. В.

Национальный исследовательский технологический университет Московский институт стали и сплавов (НИТУ «МИСиС»), кафедра социальных наук технологий, доцент. Главный редактор и продюсер серии «Антология рок-музыки». Кандидат исторических наук

beatara@yandex.ru

Аннотация: Раскрываются социокультурные, идеологические, политические и масс-медийные составляющие феномена «Битлз» в эпоху культурной и информационной глобализации, показано влияние «Битлз» на развитие рок-музыки, массовое общественное сознание, молодёжь, советское общество.

Ключевые слова: «Битлз», бит-музыка, рок-музыка, «молодёжная революция», контркультура, информационное общество, глобализация.

The Beatles phenomenon as a factor of cultural globalization.

Bokarev V. V.

Institute of Steel and Alloys (NUST "MISiS"). Editor-in-Chief and Producer of the Rock Anthology Series

Abstract: The sociocultural, ideological, political and mass media components of the Beatles phenomenon in the era of cultural and informational globalization are revealed, the Beatles influence on the development of rock music, mass public consciousness, youth, Soviet society is shown.

Keywords: The Beatles, beat music, rock music, "youth revolution", counterculture, information society, globalization.

Середина и вторая половина 60-х гг. XX в. ознаменовалась новым явлением в жизни западного общества – выходом на арену общественно-политической борьбы молодёжи, которая заявила о своих правах и выступила с протестом против расизма и войны во Вьетнаме. Молодёжными кумирами тех лет стали рок-музыканты, совершившие революцию в современной музыке. Во главе музыкальной революции находился всемирно известный английский ансамбль «Битлз», реализовавший в творчестве синтез чёрной и белой музыки в сочетании с разнообразной тематической палитрой текстов песен (любовь, социализация личности, эскапизм, гедонизм, наркотики, критика истеблишмента, буржуазной морали, христианской религии, секулярный гуманизм, революция, социальная справедливость [1]).

К середине 1960-х окончательно утвердился статус бит-группы, который символизировал принцип «делаем всё сами», т.е. молодёжную музыку делают сами молодые. Это был контркультурный вызов музыкантам-профессионалам и старой традиции, доминировавшей в поп-музыке, когда взрослые профи создавали песни для молодёжи. Молодёжь чувствовала фальшь, понимая, что музыка, стилизованная под «молодёжную», не её музыка. «Битлз» были лидерами мёрсибитовского движения, которое представляли 350 ливерпульских групп. Великолепные самобытные мелодии, вокальные гармонии, чувство ритма эпохи, биофильная направленность творчества [2, с. 88], харизматичность участников квартета позволили им завоевать симпатии молодёжной аудитории, а затем и старшего поколения. «Битлз» стояли у истоков создания и популяризации бит-музыки, блюз-рока, фолк-рока, симфо-рока, рага-рока, хард-рока, арт-рока, эйсид-рока, политикл-рока).

Битлы совершили не только революцию в популярной музыке, они стали частью «молодёжной революции». В художественном фильме «Вечер трудного дня» (1964 г.) «Битлз» прямо заявили от имени молодого поколения: «У нас тоже есть права» [3]. У молодёжи появилось осознание своей общности и необходимости защищать свои права, появилась собственная молодёжная музыка, литература, поэзия, свой кинематограф, своя мода. Революция в сознании и стремление изменить мир были основными идеями в мировоззрении «Битлз».

Музыка «Битлз» и рок-музыка в целом выполняли важную коммуникативную функцию для преодоления барьеров в общении между молодёжью Запада и Востока, несмотря на раскол мира в

условиях «холодной войны». Социокультурный феномен «Битлз» превратился в глобальное явление, стал катализатором подключения миллионов молодых людей по всему миру к песенному творчеству. Их главным устремлением был протест против общепринятых стандартов, конформизма в творчестве и жизни, их объединяло стремление к независимости и антисистемность как мировоззренческий и поведенческий принцип инакомыслия и инакодействие, т.е. другой образ жизни и общения.

Черты битловского мировоззрения: максимализм, нигилизм, ирония, юмор, романтизм, креативность, равнодушие к несправедливости, непочтительность к представителям высшего света, пацифизм оказали сильное воздействие на сознание значительной части нескольких поколений советской молодёжи. И в конце 60-х, и в последующие десятилетия одни представители длинноволосого поколения обращались преимущественно к хиппистскому периоду творчества и мировоззрения «Битлз», других больше интересовал переход битлов от бунта контркультурного к политическому.

В силу незнания советской молодёжью слэнга наркочультуры большинство битловских песен с зашифрованными наркопосланиями, как правило, не воспринимались в аутентичном контексте, в западном же обществе «Битлз» оказали значительное влияние на популяризацию наркотиков.

Несмотря на отсутствие в советском обществе уродливых проявлений битломании, для части молодёжи битлы, как и на Западе, превратились в манию, в своеобразный языческий культ для поклонения. Подобное явление в принципе противоречило мировосприятию битлов, для которого характерно неприятие культа вождизма, отстаивание самоценности собственной индивидуальности, творческий поиск и стремление к познанию нового, «другого».

Важное значение для творческой и политической реабилитации «Битлз» в СССР сыграли публикации в 1966-1969 гг. в советской прессе статей известного английского писателя, члена руководства Компартии Великобритании Джеймса Олдриджа.

Творчество и общественно-политические позиции «Битлз» в этот период положительно оценили видные представители советского истеблишмента – театральные режиссёры, заслуженный деятель искусств РСФСР А. П. Конников, журналист-международник, корреспондент газеты «Правда» О. Л. Орестов, декан исторического факультета МГУ, доктор исторических наук, профессор А. А. Федосов, музыковед, композитор, переводчик текстов зарубежных песен, старший консультант секретариата Союза композиторов СССР (с 1966 г.) М. П. Подберёзский, музыковед Л. Б. Переверзев, редактор эстрадного отдела Всесоюзной фирмы грампластинок «Мелодия» В. Д. Рыжиков.

В 1970-х творчество «Битлз» было удостоено позитивных отзывов композиторов А. Пахмутовой, В. Баснера, А. Градского, Д. Тухманова.

В 1966 - 1970 гг. (в период существования ансамбля) в СССР на пластинках были изданы песни «Girl» (в 1967 г.) в оригинальном исполнении и 27 версий битловских песен в исполнении советских и зарубежных артистов (общая продолжительность звучания – 62 мин. 33 сек.), осуществлено 36 публикаций 15-ти песен «Битлз» совокупным тиражом 3 млн. 774 тыс. 150 экз. [4, с. 59], никто из зарубежных музыкантов не был представлен столь масштабно в советском кинематографе, как «великолепная четвёрка».

Популяризаторами творчества «Битлз» в СССР на профессиональной сцене (с 1966 г.) являлись ансамбли «Авангард 66», «Поющие гитары», «Новый электрон», «Весёлые ребята», «Песняры», «Ариэль», «Рэро», «Автограф», «Руя», группа Стаса Намина, бит-квартет «Секрет», солисты Тийю Варик, Эмиль Горовец, Валерий Ободзинский, Яак Йоала, Айно Балыня.

Произведения «Битлз» использовались в информационно-пропагандистской политике советского государства в период существования группы и в последующие десятилетия как актуальное средство эстетического воспитания («Вчера», «Девушка», «Мишель») и как контрпропагандистское средство идейно-политического воспитания молодёжи («Сборщик налогов», «Элинора Ригби», «Леди Мадонна», «Революция», «Снова в СССР», сольные песни Джона Леннона «Дайте миру шанс», «Герой рабочего класса», «Власть народу!», «Представь», «Дайте мне хоть немного правды», «Счастье ирландца»), как символ эпохи культурно-информационной глобализации («Любовь купить нельзя», «Вся моя любовь»).

Анализ взятых в совокупности исторических источников неопровержимо доказывает несостоятельность утверждений современных российских и западных фальсификаторов истории, создающих и тиражирующих антиисторический миф о том, что творчество «Битлз» в СССР официально не популяризировалось, «Битлз» якобы были преданы в Советском Союзе анафеме, находились под

запретом, способствовали развалу советского государства [5]. После публикации результатов проведённого междисциплинарного исследования [6] с критикой данного мифа согласились и независимые западные исследователи [7, p. 16].

Список литературы:

1. The Compleat Beatles. Vol.1- 2 / Ed. M. Okun. N.Y., Toronto: Delilah / ATV Music Publications / Bantam Books, 1981. 1024 p.
2. Бокарев В. В. Джон Леннон. Социальные взгляды, общественно-политическая и творческая деятельность в период «молодёжной революции» на Западе (1966-1973 гг.). Изд. 3-е. М.: «Роликс», 2018. 272 с.
3. Х/ф «Вечер трудного дня» (1964), реж. Р. Лестер.
4. Бокарев В.В. Битлографические метаморфозы // From Me To You.2016. № 1 (50).С.57-59.
6. Woodhead L. How the Beatles Rocked the Kremlin: The Untold Story of a Noisy Revolution. Bloomsbury USA. 304 p.
7. Бокарев В.В., Митрофанов Ю.В. История «Битлз в СССР (1964-1970 гг.). Опыт междисциплинарного исследования. В 2-х тт. М.: «Роликс», 2014. 608 с.
8. Cash T. Did the Beatles Rocks the Kremlin // East-West Review. Journal of the Great Britain-Russia society. Winter Edition. 2014. vol. 3. P. 13-16.

Философия дизайна как предметная область и учебная дисциплина

Быстрова Т. Ю.

*Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, профессор.
Доктор философских наук*

taby27@yandex.ru

Аннотация: Став в XX веке самостоятельной сферой проектного мышления и творческой деятельности по гармонизации предметно-пространственного окружения человека, дизайн вызывает появление соответствующей отрасли философского знания, чья структура и методология во многом еще не ясны. Это объясняется быстрыми изменениями профессиональной самооценки дизайнеров, усилением социального запроса к дизайну, обеспечивающему возможность каждого человека «жить в хорошо спроектированном мире», использованием новых техник проектирования и технологий реализации замысла. В последние десятилетия увеличивается доля научных исследований в дизайн-проектировании, что приводит к появлению новых проектных концепций типа «универсальный дизайн», «устойчивый дизайн», «заботливый дизайн» и т. д. Специалисты говорят о «дизайн-мышлении», которым может пользоваться любой человек для решения нестандартных задач, в том числе в сфере бизнеса. Подобная множественность проявлений дизайна в социокультурном и социально-экономическом пространстве не исследуется в достаточной мере. В свою очередь, это затрудняет развитие учебной дисциплины «Философия дизайна», целью которой является формирование профессионального мировоззрения и концептуального мышления студентов-дизайнеров.

Ключевые слова: дизайн, философия дизайна, самоопределение дизайна, дизайн-мышление, дизайн-образование, проектная концепция.

Philosophy of design as a subject area and an academic discipline.

Bystrova T. Yu.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: In the XX century design becoming an independent sphere of project thinking and creative activity for harmonizing the subject-spatial environment of a person, it causes the emergence of a corresponding branch of philosophical knowledge, whose structure and methodology are still not clear in many respects. This is due to the rapid changes in the professional self-esteem of designers and the strengthening of the social demand for design, which provides everyone with the opportunity to “live in a well-designed world”, using new design techniques and technologies for implementing the plan. In recent decades, the share of scientific research in design engineering has been increasing, which leads to the emergence of new design concepts such as “universal design”, “sustainable design”, “caring design”, etc. Experts talk about “design thinking” that can be used by any person to solve non-standard tasks, including the ones in the field of business. Such a plurality of design manifestations in the sociocultural and socio-economic space is not studied sufficiently. In turn, this complicates the development of the discipline “Philosophy of Design”, the purpose of which is the formation of a professional worldview and conceptual thinking of design students.

Keywords: design, philosophy of design, design self-determination, design thinking, design education, project concept.

Будучи относительно молодой отраслью эстетической деятельности, дизайн распространяет свои проектные инструменты, продукты, а вместе с ними и влияние на все большую часть современного социокультурного и социально-экономического пространства. Как это часто бывает с феноменами культуры, в разных регионах, в разные периоды он репрезентирует себя в самых разнообразных формах, что затрудняет его профессиональную и философскую рефлексию. Тем не менее, опираясь

на определение индустриального дизайна, данное Т. Мальдонадо в 1960-е гг. и не утратившее актуальности, можно вывести семь инвариантных характеристик дизайна как вида профессиональной деятельности и предметного формотворчества. Имея в виду сформировавшуюся в течение XX века профессию (а не просто повседневную практику, дизайном можно назвать: 1) творческую 2) профессиональную 3) эстетическую (а не художественную) 4) деятельность (а не только мышление, как это часто заявляется в современных англоязычных публикациях) 5) по созданию предметов или систем, 6) способных тиражироваться 7) в условиях крупного промышленного производства; а также продукты этой деятельности. Материалы последних дизайнерских конгрессов настойчиво подчеркивают первенство потребностей и интересов конкретных групп людей при формулировании проектных задач дизайнерами, что выводит на первый план гуманистические качества дизайна, не звучавшие, хотя и реализовавшиеся полвека назад в момент появления первых определений и первых профессионально-творческих союзов.

Отсюда двоякую цель доклада можно обозначить следующим образом: определение предметных границ и специфической методологии изучения такой отрасли знания, как философия дизайна, а также фиксация проблем, изучение которых необходимо и целесообразно в рамках соответствующей учебной дисциплины.

Задачу определения границ облегчает вычленение системных элементов дизайна, обозначенных выше. Их взаимодействие приводит к появлению опредмеченной формы проектного замысла, соответствующей по своим формальным, функциональным, эстетическим, семиотическим и другим характеристикам ожиданиям людей, представляющим разные социальные группы (пожилые люди, горожане, левши, люди с ограниченными возможностями, северяне и т. п.). Мы дистанцируемся от еще встречающейся сегодня, но быстро уходящей в прошлое трактовки дизайна как несамостоятельного маркетингового инструмента, равно как и от отождествления его с искусством.

Проблемное поле философии дизайна определяется его амбивалентной природой как посредника между возможностями производства, тяготеющего к стандартизации, унификации, массовым тиражам, и потребностями человека, все больше ценящего свои индивидуальные особенности. Еще одна ось философского анализа задается категориальной парой «цивилизация – культура», поскольку продукт дизайна одновременно является результатом технико-технологических действий и несет в себе разнообразное ценностно-смысловое содержание.

Ключевым понятием философии дизайна ранее могло считаться понятие вещи, рассматриваемой в единстве ее проектной, формальной и смысловой сторон [1]. Основными методологическими инструментами выступали в этом случае феноменологический, семиотический и дискурсивный методы. Сегодня в работах других авторов в качестве основного выдвигается понятие *design thinking* – дизайн-мышление [2]. Если практикам оно необходимо для формирования компетенций дизайнеров и распространения этих навыков на другие сообщества, то для философии дизайна его введение оборачивается сужением представлений о продукте и целях дизайна; методология ограничивается дескрипцией и когнитивным подходом, затемняются эстетическая природа, творческий и системный характер дизайн-деятельности. В дизайн-мышлении подчеркиваются его гибкость и эффективность, но ничего не говорится о законах эстетического формообразования, специфике представлений о прекрасном и безобразном в продуктах дизайна, возможностях и границах использования определенных цветов, фактур, материалов.

Развитию представлений о дизайн-мышлении в российской практике препятствует девальвация и размытость термина «проект», утратившего сегодня свою связь с темой создания нового, выполняемого в четко фиксированных границах. Проект отождествляется с продуктом фантазии, любым алгоритмизированным действием (типа написания школьником реферата), взаимодействием людей по какому-либо поводу. Вернуть статус этого термина еще предстоит.

Тем не менее именно выведение понятия «дизайн-мышление» на первый план приводит к распространению информации о дизайне в целом, включении проектных элементов в образовательные и бизнес-процессы. Четкое представление о широкой и узкой трактовке дизайна как вида проектного мышления и профессиональной деятельности формирует границы учебной дисциплины «Философия дизайна», задача которой связывается нами с развитием проектной культуры и формированием профессионального мировоззрения специалистов. Читая эту дисциплину более 20 лет, автор доклада прослеживает изменения структуры курса в зависимости от параметров образовательной парадигмы, степени подготовленности студентов и состояния самого дизайна.

Литература:

1. Быстрова Т. Ю. Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна. Монография. Екатеринбург-Москва: Кабинетный ученый, 2017. 374 с.
2. Браун Т. Дизайн-мышление: от разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей. М.: издательство «Манн, Иванов и Фербер», 218. 260 с.

Валуев Д. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант

dgvaluev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается вопрос функциональной особенности текстов типа манифеста в контексте философско-антропологического подхода. Манифест рассматривается как «речь», через которую выражается мироотношение «Я», состоящее из утверждения определенной модели долженствования бытия и атрибутов субъекта. Текст типа манифест содержит внутри себя отрицание мира, сформулированное в форме «так не должно быть, поэтому...» и всегда предписывает активную экзистенциальную задачу субъекту, помещенному в отвергаемый мир. Смысл манифеста, будучи сопряженным с проблемой воздействия «Чужого» на значимый для «Я» мир и с его ложной формой, призывает читателя к безоговорочному принятию модели существования, предложенной текстом. Подобный процесс обозначается в статье как «репликация Я» и проблематизируется как основа текстовой прагматики манифестарного текста.

Ключевые слова: манифест, мироотношение, долженствование бытия, атрибутивное качество субъекта, текстовая прагматика.

Replication of “I” as the manifesto’s author text action.
Valuev D. G.

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Abstract: The article considers the issue of the functional features of texts of the manifesto type in the context of the philosophical and anthropological approach. The manifesto is considered as “speech”, through which the world relation of “I” is expressed, consisting of the approval of a certain model of the existence of being and the attributes of the subject. A text like a manifesto contains within itself a denial of the world, formulated in the form “it should not be so, therefore...” and always prescribes an active existential task to a subject placed in a rejected world. The meaning of the manifesto, being associated with the problem of the impact of the “Alien” on the world significant for the “I” and with its false form, urges the reader to unconditionally accept the model of existence proposed by the text. A similar process is referred to in the article as “replication of the Self” and is problematized as the basis of the textual pragmatics of the manifesto text.

Keywords: manifesto, world attitude, the duty of being, attributive quality of the subject, text pragmatics.

i Историческая трансформация европейской культуры – это сложный, скачкообразный процесс, особое место в котором занимали и занимают текстовые формы культурного самовыражения. Сдвиги в культуре инициируются, в том числе, и текстами, с помощью которых культурное «эхо» доносится не только в любом пространственном направлении, но и в глубину грядущих времен. Одним из таких типов текстов является манифест. С определенной регулярностью подобные тексты использовались в публичном пространстве для выражения и продвижения различных идей и концепций. Различные общественные группы и движения прошлого - от марксистов до художников-авангардистов - обращались к манифестарной текстовой форме, чтобы заявить как о себе, так и своём видении мира. В XXI веке текстовая манифестация не только никуда не делась, но стала необходимым средством самовыражения: большинство политических сил начинает свою борьбу с издания манифестов, кризисные события внутренней общественной жизни заставляют *opinion leaders* публиковать манифестарные тексты, а психологи предлагают своим клиентам написать собственные манифесты с терапевтической целью. Таким образом, текстовая манифестация занимает прочную позицию в современной европейской

культуре, являясь одним из способов самовыражения.

Значимость манифестов в культуре, сложность их фиксации и изучения не раз были отмечены исследователями. С точки зрения жанрового подхода отмечена их эклектичность. Зачастую манифесты как жанр представляют собой переплетение множества различных текстовых форм. Как отметил Т. С. Симян [1], неизменным и определяющим здесь является функциональное ядро, скрытое за эклектикой: манифест выступает средством борьбы новых культурных тенденций с традицией, он – попытка прорыва сквозь черствую оболочку культуры. Однако не только обеспечение пространства для развертывания новых культурных тенденций является центральной ролью манифестов. Подобные тексты должны задать коридор возможностей для их развертывания и развития, т.е. манифесты должны стать фундаментом для порождения новых текстов. М. Эпштейн [2] назвал подобную функцию манифестов «литературоводством». Отталкиваясь от вопроса актуализации и продуцирования манифестов в ситуации столкновения «нового» и «старого», т.е. определенных кризисных состояниях культуры, ряд социологов, таких как В. Вахштайн, М. Сколов, А. Корбут [3], помимо «заявления» и «проявления» как центральных элементов функционального ядра манифестов, рассматривают их коммуникативные и политические функции. Манифесты не просто что-то заявляют, но делают это в форме «призыва», выходя за рамки просто текста в пространство политического действия. Будучи адресованы определенным группам, они дают толчок к аккумуляции солидаристских практик и властным отношениям с конкурирующими группами.

Перечисленные научные интерпретации феномена манифеста вносят определенную ясность в функциональную и социальную природу этих текстов, их места в культурном поле. Однако представляется продуктивным смещение фокуса рассмотрения в экзистенциально-антропологическую плоскость. Текст, так или иначе, является не только интеллектуальным продуктом, средством коммуникации, политическим жестом и т.д., но и результатом встречи «Я» с «Другим». Через текст происходит самореализация и самоосознание Я, текст выступает одной из форм «культурного усилия», благодаря которому, по словам М. Мамардашвили, «человек создается непрерывно, снова и снова» [4, с. 34]. Однако стоит учитывать, что текст не является точкой внутри пространства культуры, он, скорее, - размеченный участок постоянной аккумуляции смыслов. Постоянное чтение текста, его комментирование и добавление иных прибавочных текстов позволяют не только менять модель интерпретации, но и порождать добавочные смыслы, включать их в собственные практики, модифицировать благодаря им себя самого. Фактически текст работает внутри «закона наименования», или как «поле, где можно совершать усилие и отвечать, оно же и антропогенное поле <...> один из первых актов культурного строительства» [5, с. 62-63]. Таким образом, текст является «речью» Я внутри культуры как «языка» реализации речи. Если текст – это «речь» Я, то возможна фиксация самого субъекта и его конфигурации существования внутри отношений с Другим. Подобную функцию мы можем свести к тому, что Ж. Делёз назвал отношениями манифестации внутри пропозиции [6]. При уподоблении текста «речи» обнаруживается дополнительная плоскость функционального ядра текста – выражение модели мироотношения Я. Подобная модель должна быть выстроена посредством постулирования мироотношения Я как единства долженствования бытия и атрибута субъекта.

Долженствование бытия выступает в форме императивной установки по отношению к денотированному (обнаруженному и обозначенному Я) миру. Денотированный мир может быть либо отвергнут («Так не должно быть, поэтому...»), либо принят («Так должно быть, поэтому...»). Углубляясь внутрь семантической структуры манифеста можно обнаружить, какая форма императива свойственна данному типу текстов. На примере «Манифеста заплесневелости» [7] и «Манифеста метамодернизма» [8] в структуре манифестов можно обнаружить несколько смысловых единиц. Это а) «говорящее Я», б) некий «Предмет» (компонент мира, имеющий значимость), и в) «Чужой», воздействующий на предмет. В «Манифесте заплесневелости» говорится о том, что люди, проектирующие, строящие и живущие (Я) оторваны от жилищной архитектуры (Предмет), которая оторвана от их потребностей из-за засилья рационализма (Чужой), насаждающего бесчеловечные принципы в архитектуре. В «Манифесте метамодернизма», метамодернисты (Я) стремятся освободить искусство (Предмет) от тех идеологических рамок, в которые его облек модернизм (Чужой).

Фактически здесь постулируется антагонизм между говорящим Я и Чужим на основе того, какое воздействие оказывает последний на Предмет - он облачается Чужим в ложную, не соответствующую его содержанию форму. Ложная форма выхолащивает содержание, отдаляет Предмет от его истинной

ⁱ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения»

сущности. В языке это передается словосочетаниями, имеющими значения «разложения», «смерти», «лжи» и «обмана». Архитектура «рационалистов» в «Манифесте заплесневелости» характеризуется такими выражениями как «клетка», «заклучение, чуждое человеческой природе», «безответственный вандализм». В интерпретации метамодернистов искусство стало «лицемерием», «внебрачным ребёнком» по вине модернистов. Манифест служит выражением борьбы против ложной формы, в которой находится действительный мир. Борьба с ложной формой предстает как экзистенциально значимая борьба, от которой зависит существование и «предмета», и говорящего Я. Таким образом тексты типа манифест выражают собой императивную установку отрицания: «Мир не должен быть таким, поэтому...»

Последняя часть императивной установки - «поэтому...» - связывает её со вторым компонентом модели существования Я – атрибутом субъекта. Ж. Делёз называл атрибутом вещи такой предикат, который выражает глаголом или какой-либо отглагольной формой состояние вещи, её смысл [6]. Продолжая эту линию размышления, под атрибутом субъекта следует понимать смысл существования субъекта, обнаруживаемый через приписанный субъекту предикат. Анализируя связи внутри текста, в которых говорящему Я приписывается некоторое состояние или способ действия, обнаруживаются те способы существования, которые свойственны говорящему Я.

В «Манифесте метамодернизма» говорящее Я раскрывается через такие связи как: «мы должны освободиться...», «если будем понимать, что пределы преодолимы...», «мы должны идти вперёд и осциллировать...». Говорящее Я здесь существует как субъект, преодолевающий ложную форму и воздействие Чужого, оно исполняется в реализации действий, направленных (предположительно самим говорящим Я) на установление истинного положения вещей («осциллировать» отсылает к практике исполнения программы метамодернизма). Полноценная установка существования имеет в этом тексте форму «Так не должно быть, поэтому я преодолею». Некоторые манифесты могут содержать более агрессивную модель: «Манифест футуризма» [9] содержит такие предписания, как «хотим освободить нашу землю...», «давайте же уничтожить библиотечные полки!», «крушите без жалости». Здесь модель существования сводима к иной форме: «Так не должно быть, поэтому я разрушу».

Выделенными выше двумя моделями не исчерпывается весь их набор. Однако именно выделение подобных моделей существования открывает путь именно философскому анализу прагматики манифеста. Если бытие любого текста - между его автором и читателем, то мы всегда подразумеваем за текстом определенное воздействие на читателя. Говоря об особенностях воздействия манифеста, мы сделаем акцент на том, что манифест является текстом, чей смысл всегда старается выйти за рамки самого текста. Иначе говоря, смысл манифеста всегда стремится осуществиться в действии, стать культурной практикой. Заложенная в нем модель существования Я неизбежно стремится как бы «перейти» на читателя, стать его собственной формой. Выходит, что одна из функций манифеста – репликация Я, его перенос на читателя. Именно из этой функции произрастает роль манифеста в коммуникации и порождении культурных тенденций: читатель должен начать говорить о мире так, как говорится в манифесте, он должен стремиться воспроизводить ту модель действий, на которой указывается в манифесте. Читатель должен воспринять ту модель мироотношения, которая, так или иначе, конструируется говорящим Я сквозь сам манифест.

Если это так, если одна из функций манифеста – это репликация Я, то почему не у всех манифестов есть толпы подражателей? Почему их прагматическое воздействие не всегда работает? Наши ответы будут носить исключительно гипотетический характер. Всего скорее дело в «созвучии» представленного мироотношения и внутреннего опыта читателя. Вернемся к тому, что манифест «проявляет»: этот глагол отображает сущностную черту такого феномена как «манифестация» и дистанцируется от любого рода конструирования. Манифест работает только тогда, когда денотирует только то, что имеется в опыте читателя, он называет то, что читатель сам еще не назвал или не мог назвать. Возможно, именно здесь кроется та суггестивная сила, которая присуща манифестарным текстам. Примером этому может служить компания «Я/МЫ Иван Голунов», которая получила широкое распространение и послужила мобилизацией протеста. Он стал возможным благодаря тому, что эта компания обнаружила для её сторонников реальную проблему, опыт которой переживался в той или иной мере каждым из них и дал образ Ивана Голунова в качестве жертвы «политических репрессий», что также нашло внутренний отклик в оппозиционной среде.

Антропологический фокус изучения манифестов проблематизирует и выдвигает на передний

план и другие вопросы. Является ли репликация Я, выявленная в тексте манифеста, универсальным компонентом любой манифестации? Каковы были условия зарождения манифестации и потребности в репликации Я в истории европейской культуры? Как соотносится манифестация с другими способами самовыражения?

Литература:

1. Симян Т. С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика. 2013. №2(19). С. 130-148.
2. Эпштейн М. Н. О жанре [Электронный ресурс]. URL: (http://www.emory.edu/INTELNET/mt_bonsai.html).
3. Вкус к жанру манифеста // Русский журнал [Электронный ресурс]. URL: (<http://russ.ru/pole/Vkus-k-zhanru-manifesta>).
4. Мамардашвили М. Философия – это сознание вслух // Сознание и цивилизация. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
5. Мамардашвили М. Если осмелиться быть... // Сознание и цивилизация. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
6. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2015. 472 с.
7. Манифест заплесневелости против рационализма в архитектуре [Электронный ресурс]. URL: (http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1958--Mouldiness_Manifesto--RUS--Hundertwasser.html).
8. Метамодернист // Манифест [Электронный ресурс]. URL: (<http://metamodernizm.ru/manifesto>).
9. Манифест футуризма [Электронный ресурс]. URL: (<http://futurismrus.narod.ru/firstman.htm> дата обращения 13.01.2020).

Виравчева В. А.

Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова, старший преподаватель

nika9551979@gmail.com

Аннотация: Эпохи античности и Средневековья были не способны породить идею культуры как особого мира, создаваемого человеком по причине главенства теоцентризма во всех сферах бытия. Гуманистический антропоцентризм эпохи Возрождения поднимает человека до уровня творца и реализует это через слово «humanitas», что позволяет рассматривать его как прообраз идеи культуры. Рационализм эпохи Просвещения легализовал идею культуры как мира, созданного человеком. Появление разнообразных подходов к осмыслению понятия «культура» в XIX – XX вв. свидетельствует об усложнении социального устройства общества и расширении рамок человеческой деятельности. В свете проблем современного общества, наряду с актуализацией плюралистичности и вариативности понятия «культура» имеет место осознание целостности культуры.

Ключевые слова: понятие, культура, трансформация, смысл, мировоззрение, детерминировать, социально-экономический, общество.

Sociocultural determinants of the evolution of the category “culture”.

Viracheva V. A.

Baltic State Technical University “Voennmeh”

Abstract: The era of antiquity and the Middle Ages were not able to give rise to the idea of culture as a special world created by man because of the primacy of theocentrism in all spheres of life. The humanistic anthropocentrism of the Renaissance raises a person to the level of a creator and realizes this through the word “humanitas”, which allows us to consider it as a prototype of the idea of culture. The rationalism of the Enlightenment legalized the idea of culture as a world created by man. The emergence of various approaches to understanding the concept of “culture” in the XIX - XX centuries indicates the complication of the social structure of society and the expansion of the scope of human activity. In the context of modern society problems, along with the actualization of pluralism and variability of the concept of “culture” there is understanding of culture integrity.

Keywords: concept, culture, transformation, meaning, worldview, determine, socio-economic, society.

Рассматривая современность как уникальное сочетание глубинных социальных и культурных изменений и дискурсивной подвижности дескрипции происходящих трансформаций, следует отметить особый характер их сочетания в рамках философии культуры, в которой темпоральное и пространственное измерение процесса формирования современного смысла категории «культура» не является предметом системного анализа, а при значительном уровне развития методологии социокультурных исследований не выявлен социокультурно обусловленный характер трансформации данной категории, что является препятствием для реализации фундаментальной методологической установки современного социального познания, стремящегося осмысливать когнитивные феномены в их историческом и социокультурном контексте.

Традиция установления связи между теоретическими концептами и социокультурными условиями сформирована в рамках социальной эпистемологии в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, М. Шелера, К. Мангейма, Л. А. Микешиной, З. А. Сокулер, В. С. Степина, И. Т. Касавина и других ученых. Традиционным в исследовании феномена отношений между социокультурным окружением и научным знанием является причинный тип связи, для которого характерно предшествование во времени первого явления другому и порождение одного другим. Однако в рамках детерминизма существуют другие типы отношений, такие как «связь состояний», зависимость от условий, коррелятивные связи и

синхронизация, которые не предполагают предшествования во времени и обязательного порождения, но не будучи каузальными тем не менее не являются случайным совпадением [1, с. 22]. Именно этот аспект принципа детерминизма является методологически эвристичным в исследовании влияния социального контекста на становление и трансформацию понятия «культура».

Современный смысл понятия «культура» является следствием глубинных трансформаций как общественной системы, так и фундаментальных теоретических конструкций, посредством которых данные изменения концептуализируются. В период античности, рассматриваемой в качестве среды генезиса данного понятия, «культура» в значении особого мира, создаваемого человеком, отсутствовало. Индивид являлся элементом социального, политического и религиозно-идеологического континуума, диктующего его подчиненное положение в единой системе космической гармонии и порядка. Теоцентризм, как универсальная идея античности, обнаруживает себя во всех существенных представлениях о человеческой жизни, регламентируемой миром богов, исключающей возможность самоутверждения человека в собственном культурном творчестве.

Идея возможности создания человеком собственного мира – мира культуры отсутствовала также в эпоху Средневековья, поскольку индивид, наравне с окружающим его миром, трактовался как творение Бога, поэтому идея самозаконности человека как существа, способного создавать свой мир, была недоступна для средневекового сознания. Понятие «культура» в средние века, с одной стороны, воспринималось как сформированное в античной традиции в присущих ему смыслах «поклонения», «почитания», «воспитания», и было неприемлемо для христианского вероучения, не признающего многообразия языческих богов и отрицающего языческие традиции античного мира. С другой стороны, понятие «культура» в значении «воспитание, образование» не отвергалось, поскольку в этом смысле оно сопрягалось с искусством герменевтики – интерпретацией священных текстов. Кроме того, в этот период получило развитие значения этого понятия, связанного с аграрной деятельностью, – «возделывание, обрабатывание», применяемое к описанию деятельности Бога как творца, улучшающего своё творение, его духовные качества.

Фундамент для формирования идеи культуры был заложен в эпоху Возрождения, когда теоцентристское мировоззрение Средневековья сменилось гуманистическим антропоцентризмом, детерминируемым культурными, социально-экономическими трансформациями и изменениями антропологических представлений в этом контексте. Средневековое полное подчинение и доверие к Богу сменяется ренессансной уверенностью человека в себе и пониманием человека как «высшей ценности и центра мироздания» [2, с. 41]. Процесс творчества приобретает смысл творения человеком себя, собственной духовной и нравственной сущности, поскольку окружающий мир уже сотворён Богом. Данный акцент на морально-этической сфере жизни человека реализовался через смыслы, передаваемые словом humanitas, которое следует рассматривать в качестве прообраза идеи культуры.

В период эпохи Просвещения происходит легализация понятия «культура» в модусе сферы человеческого бытия. Выделяют два направления в осмыслении понятия «культура» – культурно-историческое (культура – степень в развитии общества, его качественная характеристика) и философско-антропологическое (культура – степень нравственного и духовного развития человека) [3, с. 55]. Указанные смыслы понятия «культура» сформировались как результат осмысления философами процессов, происходивших в европейских обществах: интенсивное формирование капиталистических отношений; значительные достижения в научно-технической сфере; изменение социальной структуры общества; приоритет рационального начала и идеи совершенствования человеческого разума.

В XIX – XX веках производство знания под маркой «культура» осуществлялось в рамках разнообразных концептуальных подходов, что не могло не найти своего отражения в понимании сущности данного понятия, сформированного не для выстраивания единой общей теории, но, вернее всего, чтобы отразить усложнение социальной жизни, её разнообразие и расширение сфер деятельности человека. Социально-исторические события XIX – XX веков (войны, революции, государственные перевороты) показали, что облик культуры детерминируется не только социально-экономическими трансформациями, но и другими социальными переменами, в частности, политическими и идеологическими потрясениями, продемонстрированными тоталитарными режимами. Например, история советского общества продемонстрировала, что «идеализация реальности, стремление подчинить индивидуальное и общественное бытие единой сверхреальной цели, характерное для тоталитаризма, требует особым образом организованной культуры, системообразующим признаком которой является миф» [4, с. 192-201].

Современный концептуальный аппарат исследований культуры характеризуется эпистемологическим отношением доминирования западных академических исследований, представляющих западный культурный опыт как гегемонный, а сформированные в рамках христианско-европейской цивилизации европейские культурные характеристики как универсальные. Однако новые ракурсы рассмотрения глобальной современности, обозначаемые как «индигенные», проблематизируют понятие культуры как универсальное, внеконтекстуальное и нерелевантное неевропейскому опыту, актуализируют его плюралистичность и вариативность в разных регионах мира – в этом смысл культурного поворота в современных философских (и не только) исследованиях.

Прослеживая историю формирования современного смысла понятия «культура», можно утверждать, что этот процесс разворачивался в контексте детерминирующих его трансформаций общественной системы и мировоззренческих установок. При этом можно выделить следующие моменты в указанном процессе:

1) неизменность смысла; значения, связанные с аграрной деятельностью, у слова «культура» не изменились;

2) неприятие смыслов; значения, связанные с воспитанием в духе поклонения и почитания богов, как объединяющие в себе языческие обычаи и традиции античности, в эпоху Средневековья отвергались христианским вероучением;

3) расширение и сужение области использования некоторых значений; к примеру, для Средневековья характерно использование слова «культура» в значениях «возделывание», «обрабатывание» в отношении деятельности Бога как творца, улучшающего своё творение, т. е. имеет место расширение области использования от сельскохозяйственной сферы до теологической; идея «возделывания» характерна и для эпохи Просвещения, когда культура воспринимается как характеристика «окультуренного» разума; пример сужения – значения «воспитание», «образование», которые во времена античности были связаны с широкой сферой поддержания античных традиций, в Средние века относятся к узкой сфере толкования священных текстов;

4) вариативность в подходах к осмыслению понятия «культура»; в XIX–XX веках разрабатываются многочисленные концепции понятия «культура», сформированные в рамках формационного, цивилизационного, социологического, аксиологического, деятельностного, психоаналитического, семиотического подходов.

Литература:

1. Витченко Н. Н. Социально-этические и гуманистические основания научного познания: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филос. н.: спец. 09.00.01 / Витченко Наталья Николаевна; [Томск. гос. ун-т]. Томск, 2005. 47 с.
2. Витченко Н. Н. Европейская наука in statu nascendi: моральный модус. Томск: Центр учебно-методической литературы Томского государственного педагогического университета, 2004. 204 с.
3. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). М.: ОГИ, 2000. 344 с.
4. Шевченко Н. Н., Виравчева В. А., Гогоадзе М. Г. Советская культура в тоталитарном обществе // Наука, религия, культура в постсекулярном мире: феномен квазиобразований. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2018 г.) / под общ. ред. С. Н. Астапова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 202 с.

Сущностные характеристики феномена варварства в культуре: философско-культурологический аспект

Гаязова С. Р.

Казанский государственный медицинский университет, старший преподаватель кафедры истории, философии и социологии. Кандидат философских наук

sarbina_gayzova@mail.ru

Аннотация: Современная эпоха демонстрирует, все чаще поведение человека и человечества не всегда с лучшей стороны, не смотря на то, что мы вроде бы живем в век цивилизации. Однако, насилие и агрессия не искоренимы из истории человечества, наоборот все чаще в цивилизации люди изобретают более жуткие способы попыток обесценить человеческую жизнь и разрушить созданные человеком ценности. Все это можно назвать проявлениями феномена варварства в культуре. Данные феномены: варварство и культура нуждаются в прояснении и осмыслении. Данная статья анализирует и дает определение и варварству и культуре, а так же выявляет особенности проявления варварства в культуре.

Ключевые слова: варварство, культура, цивилизация, варваризм, насилие, негантроп.

Essential characteristics of barbarism in culture: philosophical and cultural aspect. Gayazova S.R.

Kazan State Medical University

Abstract:

Keywords:

Цель моего исследования - проанализировать основные черты феномена варварства в культуре, определить, является ли феномен варварства культурным явлением или все же варварство противостоит культуре; проанализировать культуру, и осмыслить ее сущность; рассмотреть варварство в соотношении с дикостью и цивилизацией; обозначить проблемное поле обоих феноменов варварства и культуры.

Изучение такого феномена как варварство в становлении общей теории культуры сопряжено с различными неясностями и неточностями. Возникают вопросы, насколько варварство связано с культурой, да и связано ли, все это требует прояснения мировоззренческих и научных установок. Ведь феномен культуры, сам по себе при изучении нуждается в прояснении. По мнению Гуревича Г. П., понятие культуры, многогранно как само человечество [1].

Одна из главных проблем при обозначении феномена культуры в соотношении с феноменом варварства дать определение культуры, поскольку сейчас этих определений насчитывают более двух тысяч, эти определения складывались исторически. Самая грубая ошибка — это отождествление культуры со всей деятельностью человечества. Безусловно, культура есть исключительно человеческий способ существования. Однако человек способен творить и натворить. Можно ли отождествлять культуру с актами насилия и агрессии и уничтожением чего-либо просто так по прихоти этих существ, которые называют себя людьми? Конечно, казалось бы четко и логично, что культура и насилие не связаны, но некоторые исследователи, например, А. П. Флиер, считает, что гильотина - такой же инструмент культуры, как и скрипка. Данная проблема возникает при отождествлении общества с культурой. Другие исследователи - Гуревич А. П., Большаков В. П. противопоставляют культуру насилию. Авторы справедливо подчеркивают, что любая деятельность, целью которой является лишение жизни, не может быть культурой [2]. Так что же такое культура? Культура не есть конгломерат готовых ценностей и установок, которые готовы для потребления. На мой взгляд, культура- это то, что делает человека человеком, духовные качества, которые он развивает со становлением самого себя. Понятие культуры включает в себя и воспитание, прежде всего культурное, и приобщение к традициям, и вообще подразумевает такое поведение, которое ведет человека к комплементарности с другими людьми и подлинной реализации, его как существа, которое является вершиной эволюции. Культура всегда будет требовать от человека усилия, усилия, прежде всего «быть» лучше и работы над собой.

Культура есть третья природа человека.

Когда мы говорим о феномене варварства, прежде всего следует обозначить что данное понятие тоже несет в себе огромное историческое значение. Варварство как стадия развития по трактовке Ф. Энгельса отличалась от дикости и цивилизации величайшими открытиями, все значимые открытия были сделаны именно в этот период [3]. Но так же мы говорим о «варваре», как представители другой культуры, следовательно, «варвар» это чужой и другой относительно нас, он враг, греки, например, противопоставляли себя варварам. Аристотель, считал, что «варвары» — это рабы по природе, согласно его диалектике, если есть раб, значит есть и господин [4]. Далее варварство приобретает все более и более отталкивающие черты, под «варваром» начинают понимать захватчика, разрушителя. Итогом такой трансформации понятия будет – нелюдь или негантроп. Так кто же такой варвар? Интересным является исследование Мотрошиловой Н. В. [5], где варварство, прежде всего, понимается аксиологически, как нарушение ценностей или их ликвидация, что, на мой взгляд, не точно, однако, с чем нельзя не согласиться, ярлык «варварство» накладывает цивилизация. Варварство есть изнанка цивилизация, однако не следует путать дикость и варварство. Дикость встроена в варварство, является его базой, однако, варварство отличается от дикости. Дикость подразумевает установленное самой природой нарушение, оно, прежде всего, основывается на инстинктах. Варварство подразумевает, что нарушитель знает цивилизационные законы и установки, но в силу каких-либо причин их не усвоил, либо отрицает, либо наслаждается садо-мазохистским разрушением.

На мой взгляд, при постановке проблемы варварства следует выделить его переходную стадию варваризм. Варваризм — это нарушение целостности бытия культуры, отличается от варварства тем, что носит обратимый характер, оно частично и присуще всем людям. Каждый человек не варвар, но содержит в себе варваризирующее начало. Оно проявляется в потребительском отношении к другим людям, к вещам, к своей жизни. Следовательно, мы в своей жизни каждый день сталкиваемся с варваризмом. Например, к современным формам варваризма можно отнести поведение в интернете, когда человек спамит, флудит, пишет гадости другому, выкладывает чужие фото, выдавая их за свои. У варваризирующихся людей может быть беспорядок дома, да и сами они могут выглядеть неопрятно, они не желают усваивать нормы и правила цивилизованности. Варварство - это качество, когда варваризирующее начало достигло своего максимума, и если человек перешагивает эту меру (границу), то он становится «варваром», тем, кто ведет человечество назад, в состояние пригоминидности, он может стать в итоге негантропом, существом, перешагнувшим антропологическую грань [6]. Взаимоотношения варварства и варваризма реализуется в диалектическом законе перехода количественных изменений в качественные. В качестве примера можно выделить акты вандализма, как форму проявления варварства. По своей природе, вандалы-разрушители, некрофилы, для них не имеет значения прирост или сохранение культуры, они стремятся к разрушению либо в силу присвоения, либо просто бесконтрольно демонстрируют силу. Исследователь Л. Реума [7] разработал классификацию вандализма, в которой общим основанием является эмоциональная составляющая.

Какими же чертами обладает варварство? Безусловно, насилие и агрессия сопровождают варварство, однако, ими не всегда исчерпывается. Всегда ли насилие и агрессия есть варварство, можно ли нам говорить о феномене, когда человек «вынужден» быть варваром? Например, человек защищает свою жизнь и жизнь своей семьи, можно ли убить убийцу, если это необходимо, будет ли тот, кто убил или нанес вред по причине невозможности поступить иначе, варваром в полном смысле этого слова? Безусловно, это варварство, ибо человек, прежде, всего вынужден разрушать себя, ломать свои ценности и установки, однако, он - вынужденный «варвар», если он не почувствует вкус и желание воплощать варварство, то бытие для роста культуры для него не потеряно. Также самое о войнах: зачастую, армия в большей степени вынужденные варвары (особенно те, кто обороняются), однако, есть те, для кого убийство противника является целью, поскольку оно доставляет удовольствие, они и есть варвары.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что изучение варварства и его проявлений в культуре имеет огромное значение. Если мы не будем отличать варварство от культуры и внутри варварства выявлять его составляющие элементы, то, в конце концов, мы можем потерять культуру, и человек не выполнит одну из главных задач - необходимость ее защищать. Самым печальным итогом может быть конец человечества, либо массовое уничтожение друг друга, либо превращение человека в негантропа. Поскольку варварство многогранно и с развитием интернет технологий, средств массовой коммуникации, коммерциализации всех сфер жизни человека сегодня мы можем говорить о «новом

варварстве». Для преодоления варварства и снижения варваризирующих начал в человеке должна произойти глобализация в позитивном значении этого слова. Цель реальной глобализации - торжество жизни, творение и созидание человеческого мира. Человечество должно приближаться к культуре, а не отдаляться от нее.

Литература:

1. Гуревич П. С. Философия культуры. М., 2001. 352 с.

2. Гуревич П. С. Цивилизованное варварство // Философия и культура. 2008. № 5. С. 179-196.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1982. 238 с.
4. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 759-779.
5. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2. М.: ИФРАН: Канон+: Реабилитация, 2010. 480 с.
6. Меньчиков Г. П. Антропологические константы: Основные закономерности изменения сознания человека // Вестник КГУКИ. 2013. № 4 (Ч.1). С.21-27.
7. Гаязова С. Р. Рекурсия феномена варварства в культуре: философско-культурологический аспект . К.: Бук, 2018. 146 с.

Гладышева С. Г.

МИРЭА – Российский технологический университет, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук. Кандидат философских наук

svglad@mail.ru

Аннотация: В работе представлены две трактовки доминирующей философской установки Нового времени – трансцендентализма: как истока позитивизма, с тенденцией к натурализации социо-гуманитарного знания, и как истока философии культуры. Философия Канта – наиболее отчетливое выражение новоевропейского трансцендентализма, рассматривается как сообщающая импульс к развитию обоих направлений. А также, как позволяющая выявить ограниченность позитивистской редукции гуманитарного знания к естественнонаучному. Поскольку для нее, при преодолении религии и метафизики, сохраняет актуальность вопрос: «что такое человек», проблема человеческой идентификации. Показано, что Кант закладывает основание будущей философии культуры, создавая концепт человека как призванного к самоопределению, исходя из сверхприродных принципов и норм; что его трактовка трансцендентализма выявляет самопротиворечивость позитивистского подхода - требующего системности научного знания и одновременно пребывающего в забвении, что системное единство научного мышления обеспечивает ни что иное, как единство мыслящего «я», нуждающегося в удостоверении. Сделан вывод о том, что философия культуры, создаваемая в XIX веке неокантианцами, воспринимает трансцендентальную трактовку сферы идеального – не как онтологически реальной, но как значимой. А также – о двойственности и самопротиворечивости неокантианской философии культуры.

Ключевые слова: трансцендентализм, абсолют, «коперниканский поворот», Кант, философия культуры, позитивизм, неокантианство, идентификация человека.

Kant's transcendentalism as the basis of the philosophy of culture.

Gladysheva S. G.

MIREA - Russian Technological University

Abstract: the paper presents two interpretations of the dominant philosophic position of modernity - transcendentalism: as the source of positivism, with a tendency to naturalization of socio-humanitarian knowledge, and as the source of the philosophy of culture. Kant's philosophy - the most distinct expression of new European transcendentalism, is seen as imparting an impetus to development of both directions. And also, as revealing the limitations of the positivistic reduction of humanitarian knowledge to the natural sciences. It is shown that Kant lays the foundation for the future philosophy of culture, creating the concept of a person as called to self-determination, based on supernatural principles and norms; that his interpretation of transcendentalism reveals the self-contradiction of the positivist approach - requiring a systematic scientific knowledge and at the same time oblivious, that the systemic unity of scientific thinking provides nothing more than the unity of the thinking person, which needs to be verified. It is concluded that the philosophy of culture, created in the 19th century by neo-Kantians, inherits the Kantian interpretation of the sphere of the ideal - not as ontologically real, but as significant. And also it's indicated on the duality and self-consistency of the neo-Kantian philosophy of culture.

Keywords: transcendentalism, absolute, "Copernican turn", Kant, philosophy of culture, positivism, neo-Kantianism, human identification.

Философия культуры зарождается в русле модернистского самосознания, существенный признак которого - утверждение автономии, самодостаточности человеческого «я» как творческой индивидуальности и одновременно – как рационального субъекта. С одной стороны, этот новый тип самосознания обнаруживается в новоевропейском гуманизме, впервые выразившимся в философии

Ренессанса, с другой, в протестантской мысли и, затем, в философии XVII в, ориентированной на идеал научного знания. Мысль Нового времени с самого начала является адогматичной, критической. В. С. Библер справедливо отметил, что вся философия XVII-XX вв. была наукоучением – обоснованием бытия как предмета познания. В ходе которого исходное, само собой разумеющееся, познавательное освоение бытия отбрасывалось в сферу предельного сомнения, под вопросом оказывалась сама возможность познания того, что истинно есть [1, с. 11]. Она оказалась направленной к преодолению онтологизма предшествующей философии, отказывающейся от постулата, что предел человеческого знания – знание бытия, сущего, будь то безличная мировая основа, как об этом учила философия античности, или Сущий – триипостасный личностный Бог христианства. Выражая тем самым стремление новоевропейского индивидуума утвердиться в своей автономии, отказаться от отождествления достижения собственно человеческой идентификации и обретения укорененности в Абсолюте, признании высшим благом всецелой определенности Им своих разума и воли.

«Коперниканский поворот» новоевропейской философии, наиболее отчетливой формулировкой которого стала философия И. Канта, осуществлялся в полном соответствии с тенденцией утверждения человеческой самодостаточности. Вместо цели предшествующей философии: познать то, что поистине есть, он полагал в качестве доминирующей философской установки трансцендентализм. В отношении природы он означал ограниченность знания знанием мира феноменов. «Измененный метод мышления», изложенный в «Критике чистого разума», основывался на положении, «что мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [2, с. 21].

Отказ от религии и метафизики в результате кантианского «коперниканского поворота» к трансцендентализму мог трактоваться как отказ от признания необходимости для человека ориентироваться на сверхприродную реальность. Такая трактовка действительно представлена позитивистской мыслью. Важным ее следствием видится обоснование натурализации социо-гуманитарного знания, необходимости выстраивания его по модели знания естественнонаучного. Указание на ограниченность человеческого познания миром феноменов, на разделенность бытия и значения приобретает здесь актуальность в связи с утверждением недоказуемости истинности, а значит, исключением из рассмотрения того, что традиционно называется духовностью: присутствующих в человеческом сознании идеалов и норм, источником которых на предшествующих этапах интеллектуального развития человечества полагалась сверхприродная божественная реальность.

Но Канта невозможно признать обозначившим лишь тот вектор интеллектуального развития человечества, который прочертил Кант. Кант стал ключевой фигурой философии века Просвещения как раз потому, что наиболее полно осознал и выразил установку трансцендентализма – пояснив, что в его рамках сохранила актуальность ключевая для религии и метафизики проблема Абсолюта – не в натурфилософии, а в антропологии: в связи с вопросом «что такое человек», с проблемой собственно человеческой идентификации как последней цели человека.

Позиция Канта выявляет самопротиворечивость позитивистского подхода: требующего системности научного знания и одновременно пребывающего в забвении того обстоятельства, что системное единство научного мышления обеспечивает ни что иное, как мыслящее «я». Которое, прежде чем стать источником научного знания, должно идентифицировать как единство себя, утвердиться в собственной самотождественности. «Высший принцип всякого употребления рассудка, возможность ...связи, а также возможность применения рассудка к чувственности обусловлены, по Канту, трансцендентальным единством апперцепции, т.е. фактически целостностью субъекта и пониманием того, что познаёт и мыслит именно субъект» [3]. Необходимость идентификации «я» как целостности – уже ради обеспечения возможности науки, предполагает потребность в саморефлексии. Позитивистски, сциентистски ориентированное сознание как раз исключает ее возможность вследствие того, что элиминирует из познания его субъект, «я». По словам В. М. Межуева, оно «смотрит на мир как бы через прозрачное стекло, через которое видно все, кроме того, кто смотрит на него» [4, с. 15]. Философия Канта утверждает иную, сверхприродную реальность - Бога, который, как и природа, оказывается «за горизонтом» человеческого восприятия, но сохраняет значимость, выступая источником нравственности. Благодаря присутствию сверхприродного законодательства в разуме, разумный индивид сознает себя свободным - не обусловленным всецело собственными природными - доразумными побуждениями, но имеющим выбор, возможность самоопределения. Кант трактует человека-носителя разума как относящегося к двум различным мирам – миру природной необходимости и миру нравственной свободы; и выделяет два аспекта антропологии: во-первых, рассматривая как существо, пассивно

подчиняющееся законам природы, усматриваемым «чистым» теоретическим разумом а во-вторых – как свободное и активное существо, которое может и должно творить самого себя и свой человеческий мир, исходя из иного – нравственного законодательства, открываемого практическим разумом. Реальность Абсолюта - бытие Бога, оказывается постулатом практического разума - как и свобода воли, и бессмертие души. Бог, по Канту, не может быть актуально познан: явиться в Откровении; он также недоказуем логически, но Его бытие становится предметом надежды на полноту собственно человеческого осуществления, на достижение собственно человеческой идентификации - внутренней цельности. Создавая концепт человека как призванного к самоопределению, исходя из сверхприродного законодательства, Кант полагает возможность будущей философии культуры – обосновывающей стремление человека к совершенствованию в рамках трансцендентальной установки, где Бог - предмет надежды, всегда прибывает «за горизонтом» человеческого ведения. Непосредственно ее обозначает кантовская «Критика способности суждения», где утверждается наличие особой, третьей реальности – срединной между миром природы и миром свободы – где мир предстает отвечающим человеческому стремлению к цельности, целесообразным; но где при этом не обнаруживается сама цель, с которой он соотнобразуется [5, с. 396].

Философия культуры, в строгом смысле, созданная в конце XIX в. неокантианцами, также, как и позитивистская философия науки, исходит из позиции трансцендентализма, не имеет ввиду выход к религии или метафизике. Она поэтому предпочитает не использовать традиционную, и потому напрашивающуюся характеристику идеальной реальности как божественной. А. Л. Доброхотов, приводя в качестве примера внутренне очевидной идеальной реальности математические объекты, говорит о том, что можно, как Пифагор, видеть в этом присутствие божественного, а можно и не видеть. [5, с. 348]. Здесь же он предлагает рабочую дефиницию сферы идеального, выдержанную в традиции неокантианской культурфилософии – не как онтологически реальной, но как значимой, что также и не исключает и возможность трактовки ее как онтологически реальной. Важно то, что она настоятельно указывает на нее как на исток внутреннего долженствования, и тем самым – исток культуры: «Культура – это результат взаимодействия природы и человека с другим, отличным от них принципом» [5, с. 348]. Эта дефиниция, в отличие от позитивистского бинарного понимания дела, подразумевает, что «в игре участвуют три силы»: кроме природы и человека существует нечто, познаваемое человеком изнутри, но при этом не являющееся субъективным.

Неокантианскую философию культуры нельзя, в свою очередь, не признать двойственной и внутренне противоречивой. С одной стороны, она стремится к утверждению идеала человека – человека культуры, как автономного творческого, самосозидающего индивидуального существования, достигающего внутреннего баланса духовного и телесного начал собственной внутренней активностью.

С другой стороны, уже сама по себе направленность философии культуры на изучение восходящего движения человека, на недвижимые универсальные ценностные априори, сообщающие ему собственно человеческую идентификацию, предполагает постоянное вопрошание об их онтологическом истоке, стремление к преодолению границ автономного «я» и, в конце концов, ставит под вопрос саму трансцендентальную установку, утверждающую запредельность для человека ноуменальной реальности. Применительно к философии культуры неокантианцев остается актуальным знаменитое замечание Якоби о том, что без «вещи в себе» нельзя войти в критическую философию Канта, а с «вещью в себе» в ней невозможно оставаться. С уточнением, что «вещью в себе» здесь выступает сверхприродная реальность Бога.

Литература:

1. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль 1994. 591 с.
3. Длугач Т. Б. Флоренский и Кант: человек в пространстве и времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/histph/2018/242-266-dlugatch.pdf> [Дата обращения: 13.02.2020].
4. Межуев В. М. Идея культуры. М.: Университетская книга, 2012. 406 с.
5. Доброхотов А. Л. Философия культуры. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 557 с.

Виртуальная самоидентичность как проблема цивилизационной идентичности

Григорьева О. А.

КГБПОУ «Бийский промышленно-технологический колледж», Филиал ФГБОУВО «Алтайский государственный университет» в г. Бийске, АНО СПО «Бийский технологическо-экономический колледж», преподаватель. Кандидат культурологии

go71@mail.ru

Аннотация: Об особенностях цивилизационной идентичности России, о самоидентификации в виртуальной реальности и, как следствие, о современной проблеме цивилизационной идентичности, решение которой может привести к смене цивилизационной парадигмы.

Ключевые слова: самоидентификация, цивилизационная идентичность, виртуальная реальность, смена цивилизационной парадигмы.

Virtual self-identity as a problem of civilizational identity. Grigoreva O. A.

Kgbou “ Biysk industrial and technological College», Branch FGBOU VPO “Altai state University” in the town of Biysk, ANO SPO “ Biysk College of technology and Economics»

Abstract: on the peculiarities of the civilizational identity of Russia, on self-identification in virtual reality and, as a consequence, on the modern problem of civilizational identity, the solution of which can lead to a change in the civilizational paradigm.

Keywords: self-identification, civilizational identity, virtual reality, change of civilizational paradigm.

В современном мире, в процессе взаимодействия основных цивилизаций, в условиях глобализации и стремления мирового сообщества к унификации и универсализации, наиболее актуальным становится понятие «цивилизационной идентичности», которое «описывает совокупность стержневых системообразующих элементов, структурирующих целое и задающих самотождественность цивилизации» [1, с. 57]. Особенность цивилизационной идентичности России заключается в том, что страна, расположенная территориально и в Европе и в Азии, многоконфессиональна и полиэтнична, что делает ее отличной от иных цивилизаций, именно тем, что в основе лежит осознание культурноисторической общности группы народов.

Проследив исторический путь России, представляется возможным сделать вывод, что несколько исторических моментов таких оказали сильное влияние на формирование цивилизационной идентичности России. В этих случаях проблема столкновения цивилизаций разрешилась ассимиляцией чужеродных культурных феноменов русской цивилизацией. Не случайно, одна из важнейших черт русской культуры – соборность. В период существования государства Союз Советских Социалистических Республик возникла гражданская идентичность – советский народ, просуществовавшая весь период бытия СССР и постепенно утратившая ценность с его распадом. Спустя почти 20 лет после распада СССР по результатам переписи населения в 2010 году еще около 27 тысяч человек идентифицировали себя как советский народ, определив свою национальность как «советскую». По результатам переписи населения 2010 года среди вариантов национальной самоидентичности был зафиксирован «сибиряк». После обнаружения национальности «сибиряк» в переписи населения 2010 года возникли многочисленные споры по этому поводу и предложения различных акций - «Запиши себя эльфом», например. В условиях функционирования глобальной коммуникации Интернет, возникает ряд проблем, решение которых становится актуальным. Не исключение и проблема виртуальной самоидентичности. Существование в виртуальной реальности – мире, созданном компьютерными средствами, специфичном и воздействующим на зрительные, слуховые и другие органы чувств, вызывающие иллюзию погружения в этот мир и влияния на события в этом мире, что усиливает ощущение реальности. С исчезновением материальной единственной реальности, появляются новые миры, подобные реальности мифа, где нет законов логического мышления, нет различий между «здесь» и «там», «сейчас» и «потом»; где «смерть» - это только конец одной истории, а «жизней» - может быть несколько и т.п. Результатом та-

кого изменения сознания, становится идентификация себя с виртуальным персонажем и как следствие изменение самоидентичности. Увлекаясь какой-либо виртуальной игрой, участники зачастую начинают идентифицировать себя со своими виртуальными персонажами, настолько погружаясь в этот мир, что начинают воспринимать свои победы и неудачи как очень важное и серьезное в своей жизни; а зачастую и проецируя жизнь своего виртуального персонажа на свою собственную реальную жизнь. С развитием технологий, с совершенствованием виртуальной среды, идентификация человека со своим персонажем выходит за рамки игры, начиная существовать и в Интернет-коммуникации, становясь тем самым частью жизни человека не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни, чем оказывает значительное влияние на самоидентификацию в целом. Вследствие этого происходит смена ценностных ориентаций и изменение восприятия окружающей действительности. Например, если в виртуальной реальности возможности обретения еще одной жизни обесценивают уникальность существования персонажа, то при проецировании этого феномена на реальную жизнь, проявляется неоправданная жестокость и равнодушие к жизни биологического тела как окружающих, так и своего собственного. Американский исследователь проблем поколений Дэвид Стиллман в своей книге «Поколение Z на работе» выявил семь особенностей этого поколения, которые объясняют причины виртуальной самоидентификации [2]. Как следствие, грань между реальным и виртуальным мирами стирается и появляется ощущение того, что реальный мир – это компьютерная игра, своего рода симулякр, а люди – персонажи этой инсталляции. Таким образом, мотивации постлюдей будут разительно отличаться от мотиваций людей, а, следовательно, и самоидентичность постлюдей будет иная. И если предположить, что современное человечество уже является смоделированной симуляцией, то подобная (виртуальная) самоидентичность – современная проблема цивилизационной идентичности, решение которой может привести к смене цивилизационной парадигмы.

Литература:

1. Жаде З. А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире / З. А. Жаде // Власть. 2014. №4. С. 54-58.
2. Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/pokolenie-z-na-rabote-read-510220-1.html>

Современное знание о культуре: структура и предмет

Докучаев И. И.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, заведующий кафедрой Теории и истории культуры. Доктор философских наук

ilya_dokuchaev@mail.ru

Аннотация: современное знание о культуре имеет трёхуровневую структуру, определенную различиями между уникальными, особенными и универсальными характеристиками того или иного артефакта и культуры в целом. Уникальные характеристики, то есть исследование того или иного типа артефактов культуры изучаются отдельными науками о культуре, особенные характеристики культуры в целом, то есть сущность того или иного культурно-исторического типа – культурологией, универсальные характеристики культуры в целом, то есть как вида сущего – философией культуры. Культурология является особым разделом знания о культуре, который претендует одновременно на то, чтобы выявлять универсальное и индивидуальное. Это возможно благодаря существованию особых характеристик и элементов культуры, присущих каждому виду ее артефактов. К числу таких характеристик и элементов относятся ценностные модели артефактов, их социально-коммуникативные, физические и феноменологические характеристики. Основным из них являются ценностные модели, поскольку именно их свойства позволяют обнаружить специфику каждого культурно-исторического типа.

Ключевые слова: философия культуры, культурология, науки о культуре, ценностные модели культуры.

<Title ?>.

Dokuchaev I. I.

Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: Modern knowledge of culture has a three-level structure, defined by the differences between the unique, special and universal characteristics of a particular artifact and culture as a whole. Unique characteristics, that is, the study of this or that type of artifacts of culture, are studied by individual cultural sciences, the special characteristics of culture as a whole, that is, the essence of this or that cultural-historical type - by culturology, the universal characteristics of culture as a whole, that is, as a kind of being - by philosophy culture. Culturology is a special section of knowledge about culture, which claims to simultaneously reveal the universal and the individual. This is possible due to the existence of special characteristics and cultural elements inherent in each type of its artifacts. Among these characteristics and elements are value models of artifacts, their socio-communicative, physical and phenomenological characteristics. The main of these are value models, since it is their properties that make it possible to discover the specifics of each cultural-historical type.

Keywords: philosophy of culture, cultural studies, science of culture, value models of culture.

О каждом явлении можно говорить как об уникальном, особенном или универсальном. Культура – не исключение. Она представляет собой, с одной стороны, совокупность артефактов (искусственно созданных сущих), а с другой – каждый конкретный артефакт и его тип. Как совокупность артефактов, так и отдельный артефакт можно исследовать, учитывая указанный выше ранжир свойств. Однако уникальное как таковое невозможно познать в силу того, что сравнивать его не с чем, а значит, выделить уникальные свойства не получится. Итог всякого сравнения – общие характеристики сравниваемых объектов. Единственная возможность изучения уникального – составление его идентификатора, состоящего из универсальных характеристик, образующих уникальную комбинацию. Такой идентификатор, как правило, не является существенной характеристикой изучаемого явления, то есть он, хотя и выражает специфические и необходимые свойства, но не показывает то место, которое занимает данный объект в системе сущего. Существует когнитивная практика, которую

можно использовать для изучения уникального объекта, но которая сама не является изучением. Это понимание. Понимание предполагает включение понимаемого смысла в опыт понимающего. Оно может и должно использоваться как первый шаг на пути изучения, но не может и не должно быть единственной формой познания.

Науки о культуре не понимаются как когнитивные практики, предметная область которых заключается в уникальных характеристиках артефактов. Это науки, посвященные отдельным типам артефактов. Так образом, как понимание и идентификация, с одной стороны, так и выявление особенных и универсальных характеристик того или иного типа артефактов могут быть методами наук о культуре. Речь идет о таких науках, как: религиоведение и исследования идеологий, науковедение, искусствознание, исследования материальной культуры, культурная антропология, социология культуры, теория коммуникации и языкознание, к предметной области которых относятся: ценности, знания, искусство, ландшафты, рационы питания, жилища, костюмы, утварь, социальные институты, сознание и тело человека, языки и системы знаков.

Философия культуры представляет собой знание об универсальных характеристиках культуры, то есть таких предметах, которые позволяют говорить о культуре вообще, как форме сущего, отличного от других форм сущего, таких как общество, человек и природа. Универсальность эта не зависит ни от того или иного времени или пространства существования артефактов, ни от того или иного вида этих артефактов, ни от строения культуры.

Наконец, наиболее сложной и проблемной формой знания является культурология. Эта сложность и проблемность даже позволяют сомневаться в праве культурологии на существование. Культурология задумывалась как наука о свойствах культуры в целом, но не как формы сущего, а как отдельного пространственно-временного явления. Одним из неудачных способов трактовать предмет культурологии является попытка представить ее как интегрирующее знание, то есть знание, обобщающее данные наук о культуре. Такое обобщение, во-первых, невозможно, в силу его неполноценности, обусловленной специализацией каждой науки о культуре, а во-вторых, оно очень мало добавляет к тем знаниям, которые обобщаются. Более оправданным представлением о предметной области культурологии является концепция интегралов культуры, то есть свойств и элементов всех типов артефактов, относящихся к историческому типу культуры, существовавшему или существующему в то или иное время и в том или ином пространстве, которые включены в каждый артефакт или характеризуют его.

Можно выделить четыре типа таких интегралов.

Первое – физико-химические характеристики артефакта культуры. Этот интеграл имеет сомнительные перспективы культурологического исследования в силу значительной универсальности его характеристик, которые мало что значат для объяснения особенностей культурно-исторического типа артефактов, созданных с его учетом.

Второе – феноменолого-психологические характеристики артефакта культуры, то есть свойства артефакта, позволяющие ему быть воспринятым и использованным. Это общие антропологические характеристики, которые, как и в случае с физико-химическими, также сложно истолковывать как носители уникальности. Хотя некоторые перспективы культурологического исследования этих интегралов имеются.

Третье – социальные нормы, позволяющие артефакту стать частью коммуникации людей. Такие нормы, как правило, по своему происхождению являются ценностями, лишившимися своей экзистенциальной притягательности, но сохранившими свою роль в интеграции людей. Этот интеграл уже имеет значительную перспективу культурологического исследования, но только косвенную.

Наконец, важнейшим интегралом культуры являются ценностные модели, идеалы, на которые ориентируется человек, создавая культуру. Эти модели образуют систему (тезаурус) с центром (смыслом жизни) и позволяют уже совершенно точно говорить об исторических особенностях культуры.

Таким образом, хотя культура и не сводится к ценностям, культурология является наукой преимущественно именно о них. Ценности оказываются типом артефактов культуры, то есть конкретных явлений, но таким типом, который не воспринимается непосредственно, а должен быть реконструирован в качестве идеала некоторого воспринимаемого чувствами типа артефактов и культуры в целом. Ценности позволяют говорить о культуре в целом, то есть о специфике культурно-исторического типа не на основании философского обобщения, а на основании реконструкции порождающих моделей культуры.

Исследование отдельных типов артефактов, осуществляемое науками о культуре, должно использоваться культурологией как материал для реконструкции ценностей и соотнесения этих ценностей с имеющимися артефактами, а категории философии культуры – как понятийный аппарат и идеальные типы, позволяющие создавать те или иные культурологические гипотезы, нуждающиеся в проверке на материале отдельных наук о культуре.

Сакральное содержание государственного праздника как компонент культуры России

Есина Т. А.

Тульский государственный университет, кафедра социологии и политологии, доцент. Кандидат философских наук

Аннотация: Раскрывается сакральное содержание государственного праздника как компонента культуры России и его ценностные основания, анализируется его влияние на национальное самосознание россиян. Рассматривается восприятие государственных политических праздников в массовом сознании российской молодежи в информационном обществе.

Ключевые слова: праздник, ценность, традиции российской культуры, сакральное, политическое, нравственное.

State holiday's sacral content as the component of the Russian culture

Esina T. A.

Tula State University, Sociology and Political Sciences Department

Abstract: The article is devoted to the state holiday's sacral content as the component of the Russian culture and its valuable foundations. Its influence to national self-consciousness of the Russians is analyzed in the philosophy of culture discourse. The state political holiday's perception in mass consciousness of the Russian youth in information's society is considered.

Key words: state holiday, values, traditions of the Russian culture, sacral, political, moral.

Государственный праздник в каждой стране в любую конкретно-историческую эпоху имеет политическое значение, обусловленное архетипами национальной культуры, которые проявляются в ее традициях. Как необходимый компонент социокультурного механизма он предполагает определенные ценностные основания, раскрывающие его скрытый сакральный смысл в символической форме через торжественные ритуалы и церемонии. Если проследить метафизические истоки праздничного действия, оказывается, что они восходят к глубинным слоям бытия. Связь временных ритмов жизни социума, вехами которой являлись праздники, с природно-космическими циклами отмечали видные представители европейской философии культуры. Так, М. Элиаде характеризует религиозное понимание праздника в традиционном обществе как время «приобщения к священному» посредством культовых действий [1, с. 70]. Сакральные основания праздничных торжеств как способов организации жизнедеятельности социума с помощью мифа также рассматривали Й. Хейзинга, Ф. Ницше, Э. Кассирер и многие другие исследователи мифологического мышления в дискурсе философии культуры. Так как изначально праздник был священнодействием, восстанавливал великое событие прошлого, объединявшее членов данной общности с божественным началом, он воспринимался как необходимое условие поддержания времени путем символических ритуальных действий. Отношение людей к исполнению праздничных обрядов и церемоний основывалось на всеобщем признании их сакрального смысла. Отсюда идет взаимосвязь онтологических и аксиологических оснований праздничного действия как средства организации социального порядка в конкретном пространственно-временном континууме через его сакрализацию и легитимацию в массовом сознании. Священное как источник всех ценностей, породившее и поддерживающее социум, в период праздника открывалось участникам торжеств, которые находились в экстатическом состоянии, переживали чувства возбуждения, радости, прилива энергии. Г. Г. Гадамер, подчеркивает сакральный смысл праздника как культового действия, когда в торжественный момент праздничной общности происходит «самоисполненность мгновения», снимающая разделение между прошлым и будущим, а также между членами данного сообщества, живущими в настоящем, с их предками и потомками, [2, с. 158]. Он усматривает ценность праздника в наполнении его творческой энергией всех участвующих, вырвавшихся из обыденности и поднявшихся над временем в некую высшую реальность, с которой они соединяются в «единой общности». Немецкий философ считает способность к творчеству важной антропологической характеристикой и утверждает, что в праздник она раскрывается во всей своей полноте. Г. Г. Гадамер убежден, что «изначальной,

неумирающей сущностью праздника является творение, возведенное в преобразованное бытие» [2, с. 159]. Он полагает, что именно «в час праздника происходит возвращение великого мгновения» и мы в театрализованном действе «узнаем реальность, превосходящую реальность нашего «Я» [2, с. 159]. Этот прорыв от существования к сущности возвышает человека до его подлинного бытия. Г. Г. Гадамер констатирует воздействие сакрального ядра культуры, проявляющееся в творческом подъеме человека до божественного начала жизни: «Здесь мы слышим голос истины, стоящей как бы над жизнью, освобожденной из забвения, неподвластной забвению» [2, с. 159]. Правопорядок и государство как его коллективный субъект также представляют результат творческой деятельности людей, реализующих свои политические ценности и интересы посредством созидания или перестройки структур социума и выдвижении лидеров, соответствующих их идеалам, а затем в наделении их сакральным смыслом. Важную роль в этом процессе играют государственные праздники как демонстрация его политической силы.

Государственный праздник в современной России тоже имеет сакральное содержание, но оно проявляется иначе, чем во времена языческого или православного прошлого нашего народа, хотя отдельные фрагменты культурных кодов ушедших эпох сохранились и сегодня воспроизводятся в праздничных ритуалах. Происходящая в культурной жизни нашей страны переоценка ценностей породила парадоксальную ситуацию новой интерпретации привычных для россиян государственных праздников. Э. Кассирер называл подобный процесс изменения смысла культурных форм «перетолковыванием символов» в ином культурно-историческом контексте. В демократическом государстве Российская Федерация утрачен политический смысл советских праздников, нацеленных на сакрализацию социалистического общества и пропаганду марксистско-ленинской идеологии, героизацию трудовых будней и подвигов людей в первомайских призывах, и демонстрацию всенародного единства. Но в массовом сознании отдельных социальных групп россиян достаточно значимы ценности и ритуалы советской культуры, в том числе ее традиционные праздники: 1 мая - день международной солидарности трудящихся и 7 ноября – день Великой Октябрьской социалистической революции. Сакральное содержание государственного праздника проявляется посредством взаимообусловленного единства политических, нравственно-религиозных и эстетических идей, выраженных в символической форме - языком знака, цвета и лозунга. Показательно, что ряд традиций советской культуры закладывался на основе православных ценностей и общинного коллективизма, присущего дореволюционной крестьянской России. Поэтому они вполне соответствовали менталитету и образу жизни россиян, отражали архетипы культуры русского народа. Православные календарные праздники никогда не уходили из народной жизни – для значительного числа россиян они сохраняли свое сакральное значение, служили вехами отсчета времени, давали повод для семейного застолья и нравственного воспитания детей. Языческие праздники и обряды, отражающие сакрализацию природных стихий, тоже нашли прочные позиции в массовом сознании русских людей, которое всегда основывалось на двоеверии, что отмечали наши религиозные философы как его характерную особенность.

Русский народ никогда не был аполитичным, напротив, государственные праздники, отражавшие прошлые великие победы над захватчиками наших территорий, поддерживали его патриотические настроения и способствовали гражданской самоидентификации россиян.

Воинская слава России наиболее полно выражена в таких государственных праздниках как 23 февраля – День защитников Отечества и 9 мая – День Победы. Они всегда признавались массовым сознанием подавляющего большинства граждан нашей страны, а их сакральное содержание реализовалось в концепции священной освободительной войны и героизации воинских ратных подвигов на поле битвы за будущее своего народа и всего человечества.

Государственный политический праздник выполняет важные социальные функции и в современных условиях информационного общества, регулирует ритмы общественной жизни через знаково-символический код культуры, закладывает нормативные основания моделей поведения через демонстрацию образцов для подражания, а возможность трансляции через СМИ усиливает его пропагандистское воздействие. Праздничные ритуалы посредством эстетических, образно-художественных форм продвигают политические и нравственные ценности, обеспечивающие законопослушание и патриотизм граждан России. Технические достижения информационного общества многократно повышают эффективность влияния разнообразных приемов организации праздничного действия на чувства и эмоции людей, но сакральное содержание некоторых государственных праздников не всегда воспринимается молодыми россиянами. Определенная часть нашей молодежи воспринимает

их только как дополнительные выходные дни. Обесценивание политических государственных праздников отражает кризисное состояние отечественной культуры, прежде всего, системы образования, деформацию нравственных норм как следствие насаждения стандартов индивидуализма и потребительского поведения, присущих рыночному обществу. Результатом становится растущее отчуждение молодых россиян от своего государства, представляющее серьезную опасность для будущего страны. В основе индифферентности молодежи лежит политический и правовой нигилизм, неприятие смысла отдельных норм национальной культуры, в том числе и государственных праздников. Великий русский философ И. А. Ильин характеризовал культуру как самоутверждение народа в духе. Он считал, что сакральный смысл патриотизма коренится в правосознании народа, связывающем гражданина с государством, а государство должно получать сакральное обоснование. Правопорядок философ понимал как систему взаимного духовного признания людей, видел в правовом общении, прежде всего, духовное признание как «глубочайший смысл всякого правового и политического единения» [3, с. 365]. И. А. Ильин констатировал: «Уважение к национальному «мы» есть основа истинного уважения к личному «я» [3, с. 320]. Именно это чувство, обеспечивающее единство человека со своим народом, гражданина со своим государством должны вызывать и поддерживать в душах людей государственные праздники Российской Федерации. В современной России государственный праздник должен стать средством духовного самоутверждения человека как преемника традиций национальной культуры и ее дальнейшего творческого развития. Только тогда заложенное в нем сакральное начало сможет в полной мере реализоваться.

Литература:

1. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 С.
2. Гадамер Г.- Г. О праздничности театра. // Г.- Г. Гадамер. Актуальность прекрасного/ Пер. с нем. М.: «Искусство», 1991. С.156-165.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10т. Т.4/ Сост. и коммент. Ю.Т.Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С.149 - 414.

Экзистенциальная культурная парадигма XX века как метод реконструирования сознания эпохи

Заманская В. В.

Московский психолого-социальный университет, профессор. Доктор филологических наук

vzamanskaya@mpsu.ru

Аннотация: На широком историко-культурном материале (русская, зарубежная литература XIX-XX, философия, психология) прочерчена парадигма экзистенциального сознания нового времени, которая демонстрирует общность силовых линий и имманентных законов развития русской и мировой культуры двух столетий. Категория экзистенциального сознания может служить перспективным методом при реконструировании индивидуального и личного сознания эпохи, что в свою очередь позволяет выявить и объяснить многие кризисные точки и тупиковые явления русской и европейской жизни XIX-XX столетий и наших дней. К таковым относятся: отчуждение от Бога, Природы, Другого, самого себя как первопричина и исток множества болезней «души нашего времени»; хронический стресс, в котором человечество пребывает в результате бесконечно длящейся «одной борьбы» (Ф. Кафка «Нора»), в результате неотвратимо нависшей над человечеством кары Божией (А. Камю «Чума»); замена нормы аномалией с необратимыми разрушительными последствиями деструктивного процесса и т.д.

Ключевые слова: Контекстно-герменевтический метод, единое культурное пространство, метасознание, экзистенциальное сознание, пограничная ситуация, жизнь/смерть, свобода/одиночество/отчуждение.

Контекстно-герменевтический метод, примененный нами при анализе и интерпретации экзистенциальной традиции в русско-европейской культуре XIX-XX столетий [1], позволяет не только выявить «проблемы души нашего времени» (К. Юнг), но и вычислить векторы и качества кризисного сознания нового времени. «Характер художественного произведения позволяет нам в свою очередь сделать вывод о характере века, в котором оно возникло. Что означает реализм и натурализм для своего века? Что означает романтика? Что означает эллинизм? Все это направления искусства, которые выносят на свет то, что было наиболее необходимо соответствовавшей тому времени духовной атмосфере» [2, с. 60]. Философски - эстетическая субстанция общеевропейской культуры XX века через парадигму единой экзистенциальной доминанты и позволяет нам с большой долей достоверности вычислить то, что «вынесла на свет» духовная атмосфера минувшего столетия, а, значит, своевременно объяснить истоки и последствия «проблем души нашего времени». Обозначим лишь некоторые из «духовных сущностей» нашего времени, возникновение коих исключительно провиденциально зафиксировала экзистенциальная «призма» мировидения в двух предшествующих столетиях.

В знаменитом романе «Московский гамбит» Ю. Мамлеев признается, что в XX веке стало страшно умирать. Истоки столь трагического взгляда на общий для всех финал бытия, между тем, понял и в первом в русской литературе собственно экзистенциальном произведении, в повести «Смерть Ивана Ильича», концептуально и структурно явил Л. Толстой. Именно здесь он впервые эстетически блистательно и безжалостно воплотил экзистенциальную ситуацию «смерти как таковой»: впервые оставил своего героя «один на один» со смертью, без посредников, без философских размышлений «по поводу» («Три смерти», «Война и мир», например). Впервые оставил своего человека перед черным и беспощадным Ничто, ибо впервые его герой не к Богу уходит, а в пустоту. И в этом заключалось принципиальное различие прозы Л. Толстого 80-х годов и его современника Ф. Достоевского, который при всех безвыходных про и contra, сквозь которые писатель проводил своего героя, все же оставлял для него свет в конце тоннеля - образ Бога. «Безжалостность» Л. Толстого - открытый гением тупик «обезбоженного» века, секулярного сознания, которое неотвратимо наступало на рубеже столетий в том числе и как post factum научно-технической революции, рушило все традиции, лишало человека «опоры вне и в самом себе» (Н. Бердяев). «Мир без Бога» - доминантная экзистенциальная ситуация и бездна, на которой и из которой кризисное экзистенциальное сознание наблюдает жизнь и ее необратимые трансформации. И это уже была жестокая судьба человека XX столетия, которая пронзительно

открылась гению предшествующего века: гений ведь потому, что видит не видимое другим и предупреждает... Если бы человечество способно было воспринимать провиденции философов, слышать предупреждения художественной интуиции...

Экзистенциальное сознание русско-европейской философски-эстетической традиции XIX-XX веков исследовало бытие в его пограничных ситуациях: жизнь/смерть, сознательное/бессознательное, рациональное/иррациональное. Но едва ли не самым провиденциально значимым пограничем было: свобода/одиночество/отчуждение. Э. Фромм позже даст в знаменитом «Бегстве от свободы» прекрасную модель истинной и мечтаемой для всех времен и народов свободы: не «от чего-либо», а «для...» - наиболее полного воплощения всех внутренних возможностей и способностей человека. Однако экзистенциальной версии откроются иные - бесперспективные перспективы «свободы». Экзистенциальное сознание фиксирует - и искренне ужаснется - той тонкой и незримой границе, которая отделяет свободу от одиночества и от неминуемого отчуждения, за ним следующего. И сколь мощно нематериально-материальные диалоги в едином русско-европейском культурном пространстве соединят в этом провиденциальном предупреждении о грозящей человечеству страшной болезни и XX века, и наших дней болезни - болезни отчуждения: от Бога, от Природы, от Другого и - что страшнее всего, исходя из предупреждений из начала XIX столетия С. Кьеркегора - от самого себя. В этом

«метадиалоге» встретятся А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, З. Фрейд и Ф. Кафка, Л. Андреев и Андрей Белый, В. Набоков и М. Горький, И. Бунин и Р. У. Лейнг, С. Довлатов и Ю. Мамлеев... И сколь бесконечно много мы можем понять из проекций метадиалога XIX-XX веков о

«проблемах души нашего времени»: о бегстве современного молодого человека от самого себя в наркоманию, игроманию, социальные сети как подмену реальности, в бездомничество, в суицид - если мы просто честно и добросовестно вчитаемся в бессмертные диалоги философов, писателей, психологов минувших столетий и сквозь призму этих диалогов всмотримся в нашего современника, в самих себя... Истинная философия и литература такому будущему всегда и служит. И она искренне надеется, что когда-то ее прочтут. И не перестает надеяться, что человечество не допустит и не впадет в ту страшную траекторию, которую столь трезвомысленно вычислил в свое время английский экзистенциальный психолог У. Лейнг в знаменитом своем «Разделенном Я»: человечество необратимо движется по траектории всеобщей шизофренизации. То, что вчера было аномалией, сегодня становится нормой... Но когда аномалия возводится в статус нормы, это и есть свидетельство разрушения человеческой идентичности, «распада атома» (Г. Иванов). Когда человечество признается себе в этой всеобщей болезни, лечить ее будет поздно - как всякую болезнь, которая уже вступила в свою терминальную фазу.

Категория экзистенциального сознания статифицирована нами в качестве парадигмы русского и европейского художественного мышления, бинарного типа сознания, одного из типов художественного сознания XX столетия. Экзистенциальное сознание как метасодержательная категория вырабатывает специфическую систему параметров, которые конструируют его универсальную модель и формулу познания «сущностей бытия»: через «психологические первоосновы личности», через пограничную ситуацию; специфическую модель мира (катастрофичность бытия, кризисность сознания, истории и психики); взаимоотношения человека с миром определяется через испытание «ужасами бытия»; возвращение «человека как такового» - открытие экзистенции человека; атрибутивные проблемы экзистенциального сознания: жизнь/смерть, рациональное/иррациональное, свобода/одиночество/отчуждение и др.; вариативный тип поэтики с новым принципом структурирования текста (поток - ситуация - абзац - экзистенциальное слово).

Парадигма экзистенциального сознания имеет общую русско-европейскую литературную, философскую, психологическую историю: С. Кьеркегор - Ф. Тютчев; экзистенциальные

«уроки» Ф. Достоевского - Л. Толстой; Ф. Кафка - Л. Андреев - Андрей Белый; русская поэзия первой трети XX века; А. Камю - Ж.-П. Сартр - И. Бунин - В. Набоков - Г. Иванов; Ю. Мамлеев, Ю. Трифонов, С. Довлатов и др.. Русско-европейская экзистенциальная традиция имеет общую типологию: экзистенциальный реализм (Л. Толстой, И. Бунин, А. Камю, психологический экзистенциализм (Л. Андреев, В. Набоков), авангардно-экзистенциальное направление (Андрей Белый, Ф. Кафка, Ж. -П. Сартр, зрелый Ю. Мамлеев). Экзистенциальное метасознание формировалось на общей русско-европейской философской и культурологической базе (Кьеркегор, Шопенгауэр, Хайдеггер, Бердяев, Шестов, Гуссерль, Камю, Сартр; европейский психоанализ; кино; процесс секуляризации сознания и культуры). Исследование феномена экзистенциального сознания в едином рус-

ско-европейском пространстве XX века открывает принципиально новые методологические подходы к реконструированию, анализу и интерпретации общественного и индивидуального сознания нового времени: 1) Экзистенциальное сознание - один из типов художественного сознания XX столетия; 2) Экзистенциальное сознание - общая для русской и европейской культуры доминанта XX века (аналогично классицизму, романтизму в прежние века); 3) Экзистенциальное сознание - плодотворный ключ к реконструированию, анализу, интерпретации универсальной модели сознания в контексте континентального европейского культурного пространства.

Опыт обоснования категории экзистенциального сознания и реконструирования соответствующей парадигмы в русско-европейской культурной истории первой трети XX века наметил реализуемые ныне перспективы изучения «проблем души нашего времени», параметров и качеств общественного и индивидуального сознания по следующим направлениям: сквозь призму категории «тип художественного сознания»; посредством контекстно-герменевтического метода в анализе и интерпретации культурного процесса XX века и его структурных явлений; для широких обобщений в реконструировании, анализе и интерпретации параметров и качеств сознания нового времени.

Литература:

1. Заманская В. В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания. Екатеринбург, 1996. 409 с. 2. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1994. 329 с.

Зверев А. С.

*Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), преподаватель
предуниверситария*

Al-zv@yandex.ru

Аннотация: Современное искусство размыло представление о том, что такое искусство.

Основная проблема, касающаяся сущности искусства мире, лежит в противоречии между отчуждением и свободой. Произведение искусств – это не только внешний по отношению к человеку предмет, нечто отчужденное. Произведение искусства обладает способностью даровать свободу, преодолеть отчуждение, в силу того, что создает свое собственное неотчуждаемое пространство созерцания, воссоздаваемое в момент актуализации произведения искусства. Виртуальное пространство также создает свое пространство, удваивая мир. В этом качестве оно стало заполнять те сферы культуры, которые прежде были связаны с искусством. Однако это подмена, так как цифровой мир лишен свободы, поскольку он не может воспроизвести уникальность, единственность, вмещающую в себя целое. Произведение искусств, как и человек, уникально, потому что связано с конечным, смертным началом. Только произведение искусства способно стать событием, присутствием, вместилищем целого, истины, бытия, самого человека.

Ключевые слова: Произведение искусств, отчуждение, свобода, вещь, виртуальное пространство.

A work of art in modern culture.

Zverev A. S.

Moscow State Linguistic University

Abstract: Contemporary art has blurred the idea of art. The main problem of art is in the contradiction between alienation and freedom. A work of art is not only an external, alienated object. A work of art has the ability to be free, to overcome alienation, by creating its own inalienable space of contemplation. Virtual space would also seem to create its own space, doubling the world. It began to get in those areas of culture where were previously art. However, this is a substitution, because the digital world is deprived of freedom, so it cannot reproduce the uniqueness, containing the whole. A work of art, like a person, is unique, because it is associated with a finite, mortal beginning. Only a work of art can become an event, a presence, a place of existence.

Keywords: Work of art, alienation, freedom, thing, virtual space.

Искусство сопровождает человека на протяжении столетий, если не тысячелетий. При этом на протяжении последних нескольких веков существенно менялось представление о том, что такое искусство, и что такое произведение искусства. В течении же последнего столетия радикально изменилось и само искусство. В результате чего в наши дни в каком-то смысле утрачено однозначное понимание того, что такое искусство. Это не отвлеченный вопрос и касается он не только эстетики. Ответ на него столь же необходим человечеству, как и сохранение экологически благоприятной обстановки на планете. Это вопрос о выживании культуры в новых исторических условиях.

Существуют разные воззрения на природу и сущность искусства. Известна, например, восходящая к Аристотелю точка зрения, что суть искусства заключена в подражании природе. Однако подражание, или мимесис, можно трактовать не только как подражание, но и как своего рода явление во внешнем внутреннем [1, 2].

Для понимания сущности искусства чрезвычайно важны также идеи Канта, для которого искусство – это созидание через свободу [3]. Для Гегеля искусство – это одна из форм самопознания Абсолютного Духа [4]. В свою очередь для Хайдеггера искусство – это особое символическое пространство, открывающее истину бытия [5]. Если у Гегеля самопознание Духа идет через историю, то у Хайдеггера целое раскрывается в единичном, в событии, в произведении искусства.

Следует также упомянуть австрийского искусствоведа Ханса Зедльмайра, для которого суть искусства сосредоточена в произведении искусства, которое для него прежде всего не вещь, а актуальный феномен, оживляемый в процессе экзистенциального переживания, или интерпретации, захватывающий всего человека [6].

Основная проблема, касающаяся сущности искусства и его положения в современном мире, лежит в противоречии между отчуждением и свободой. Зачастую произведение искусств предстает человеку как внешний по отношению к нему предмет, т.е. как вещь, как нечто отчужденное. Лишь в момент актуализации оно становится свободным, приобретает свойства живого целого, коим оно и должно быть по своей природе.

Способность быть актуальным целым сохраняется и в современном искусстве, не смотря самые причудливые формы, которое оно принимает. Зачастую только это и роднит его с классическим искусством.

Следует отметить, что в результате особенностей развития культуры Европы в Новое время, многие произведения искусств утратили в глазах человека свою подлинную актуальность, став частью прошлого, истории, или просто превратившись в предмет внешнего любования. В качестве предмета внешнего любования произведение искусства возникает тогда же, когда возникает идея прошлого, которая утвердилась в европейском сознании в эпоху ренессанса [7], а затем окончательно оформилась в эпоху историзма XIX века.

Искусство же не может быть прошлым, а только настоящим. Оно не может быть внешним объектом по отношению к человеку. Оно актуализируется только как целое, когда снимается противоречие между субъектом и объектом, когда оно становится частью внутреннего опыта в настоящем. Только так оно может стать событием. Именно эта способность и отличает произведение искусство от других вещей. Однако зачастую в современную эпоху произведение искусств доступно человеку только как реконструкция, как продукт интеллектуальной деятельности или как предмет украшения интерьера, как дизайн. В идеале же оно должно стать личным экзистенциальным переживанием.

Речь не идет о смерти искусства, о котором писали Гегель, Вейдле или Зедльмайр. Речь идет об утрачиваемой способности преодолеть отчуждение посредством искусства. Последнее возможно в силу того, что каждое произведение искусства создает свое собственное неотчуждаемое пространство созерцания и свободы.

Любое пространство выступает в роли посредника, через которое человек нечто созерцает. Каждое произведение искусства, как отдельный мир, создает свое пространство, вмещающее конкретную индивидуальность данного отдельного произведения. Именно наличие собственного пространства созерцания отличает произведение искусства от других вещей. Поэтому и воспринять произведение искусств можно только лично, войдя в это пространство.

Однако в XX веке в этой сфере у искусства появился конкурент – виртуальное пространство, в которое современный мир погружается все сильнее и сильнее. Виртуальный мир также казалось бы создает свое индивидуальное пространство. Однако это пространство не уникально и не свободно, в нем нет индивидуальности. Оно дает возможность созерцать вещи в их безвременье, как вид, видимость, форму. Оцифрованный мир подобен тому миру идей, о котором говорил Платон. Виртуальное пространство удваивая мир, удваивает его бесконечность, но не его уникальность. Другими словами, – это просто одна из форм отчуждения. В виртуальном мире человек может испытать иллюзию свободы, как геймер, приобщившись в пространстве игры к иллюзорной сверхреальности. Но если это не игра на жизнь и смерть, то в ней нет подлинности, раскрывающейся в единичном. Игра всегда идет по кругу. Ее всегда можно повторить, сменить маску. Соответственно нет и свободы. Поскольку проблема свободы связана с преодолением отчуждения.

Только конечность и смертность способны вместить целое. Идея смены носителя, смены тел не ведут человека к бессмертию, а наоборот уничтожают в нем человеческое. Эта идея лишает человека своей сути. Конечность и смертность – это не отрицание вечной жизни или чего-то подобного. Это возможность явить себя в своей целостности, индивидуальности, характерности. Основание свободы – уникальность и единственность. Эта уникальность – личное качество. Личностное начало и делает человека человеком в высшем смысле этого слова.

Таким качеством уникальности, кроме человека, обладает только отдельное произведение искусств. Произведение искусства – это вещь, ставшая свободной, в которой преодолено отчуждение.

Поэтому оно целостно и самодостаточно. Это не только внешний объект, но и созерцающий его человек. Произведение искусства открывает себя через свое личное пространство созерцания, вмещающее в себя Я человека. Поэтому оно не может вместиться в мир объектов, будучи еще и субъектом.

Одно из важнейших свойство человека - возможность открыться и способность открыть. Способность являться, то есть быть как целое в момент актуального присутствия, необходимое свойство и произведения искусств. С другой стороны, именно через произведение искусства человек обладает возможностью открыть для себя свободу, как особое пространство, главное свойство которого - вмещать целое, давать подлинную идентичность. Произведение искусств дает простор для творчества, то есть дает возможность человеку актуализировать свое Я, как уникальное, целое. Это касается как акта творения, так и акта воссоздания произведения искусства.

Произведение искусств – уникально, потому что связано с конечным, единичным, смертным телом. В этом заключается гуманистическая природа искусства. Антигуманизм современной культуры заключается не в том, что современное общество порождает зачастую такое античеловеческое искусство, а том, что оно стремится упразднить саму возможность актуализации искусства, как особого пространства свободы, подменив ее виртуальной имитацией. Виртуализация же только усиливает отчуждение.

Реконструированная модель прошлого или виртуальный мир или же фантастические миры становятся современными формами идентичности, однако не приобретают качества события. Поэтому не могут дать и подлинной идентичности. Они как театральные маски не могут даровать свободы, потому что для свободу можно обрести только лично.

Произведение искусства можно актуализировать, оживить. Вещь, принадлежащую только истории, воскресить уже нельзя. Проблема в том, что в пространстве современной культуры, не только в музее, мы имеем дело не с искусством, а с его реконструкцией. Реконструкцию нельзя оживить, актуализировать, ее можно лишь разыграть, как спектакль. Не случайно в наше время такое широкое распространение получило движение реконструкторов. Это такое же системное проявление духа современной культуры, как и ширящаяся оцифровка мироздания. Однако, даже те, кто теряют границу между реальностью и виртуальностью, не приближаются к подлинности прошлого.

Искусство же всегда измеряется присутствием, оно всегда событийно. Поэтому оно и требует искренности и личного участия. Произведение искусства открывает себя как экзистенциальный акт самого человека. Если современная культура полностью утонет в виртуальном мире, она просто исчезнет, потому что не сможет найти выход из состояния отчуждения.

Литература:

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2007. 346 с.
2. Вейдле В. В. О смысле мимесиса // Эмбриология поэзии : статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002. С. 331—351.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
4. Гегель. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968—1973.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. М.: Академический Проект, 2008. 528 с.
6. Зедльмайр Х. Искусство и истина / Пер.: Ю. Н. Попов. СПб., 2000. 271 с.
7. Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада / пер. с англ. А. Г. Габричевского под ред. В. Д. Дажиной. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. 541 с.

Культура распространения информации

Ильина Е. В.

Московский государственный институт культуры - Соискатель кафедры библиотековедения и книговедения. Лектор АНО «Московский Метагалактический центр»

7828706@mail.ru

Аннотация: Предлагается путь обеспечения доступности полнотекстовых документов через всемирный электронный ресурс с ядром из произведений философской классики, приводятся философские основания обеспечения открытого распространения информации, с необходимостью введения презумпции открытого доступа, а также отмены наследования интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: философия, библиотека, авторское право, Н. Ф. Федоров, философия общего дела, интеллектуальная собственность, наследование.

Culture of information dissemination.

Irina E. V.

Moscow State Institute of Culture. ANO Moscow Metagalactic Center (Autonomous Nonprofit Organization Moscow Metagalactic Center)

Abstract: ensuring the availability of full-text documents through a worldwide electronic resource with a core of works of philosophical classics. Philosophical grounds for ensuring the open dissemination of information, with the need to introduce the presumption of open access and the abolition of inheritance of intellectual property.

Keywords: philosophy, library, copyright, N. F. Fedorov, philosophy of common cause, intellectual property, inheritance.

Сегодня нельзя не беспокоиться нарастанием массива низкокачественной и легкодоступной информации обо всем на свете, участвующим даже в научной среде цитированием в отрыве от контекста, зачастую кардинально искажающем точку зрения автора, а также опорой на аналитические источники по причине труднодоступности или языкового барьера в знакомстве с первоисточником.

Высокий уровень грамотности на планете и многовариативность способов широкого распространения информации позволяет сегодня философскому сообществу откликнуться на потребности общества в наполнения информационного пространства качественным контентом на всех существующих языках мира через свободное и даже активное распространение полнотекстовых материалов философской классики через удобный ресурс, обеспечивающий доступ ко всем открытым легитимным источникам соответствующих текстов.

Философские основания такому проекту легко найти у русского гуманиста философа Николая Федоровича Федорова (1929–1903). Вспомним его «пожелание, чтобы все национальные библиотеки (публичные) заключали в себе все иностранные произведения других стран» [1, с. 224].

Такую идею предвосхищал также великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832), введя в употребление понятие «мировая литература». «Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению» [2].

Словацкий специалист Д. Дюришин выделяет три значения понятия мировой литературы, – первое – совокупность истории отдельных национальных литератур, второе – избранное всего самого значительного, что создано в недрах национальных литератур, и третье – общность взаимосвязанных или аналогичных для всех литератур творений [3, с. 83]. Академик А. Б. Куделин склонен гётевское представление о мировой литературе отнести к третьей трактовке этого понятия [4, с. 110].

Принимая слова Гете, «что поэзия – достояние человечества и что она всюду и во все времена проявляется в тысячах и тысячах людей» [2], и поэтические строки Алексея Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...», мы практически уже говорим об

аристотелевской энтелехии.

Мало кто станет спорить, что Аристотель, Гегель и Толстой являются не только достоянием Греции, Германии и России. Это достояние человечества. Даже если решить, что Толстой – суверенное достояние России, то встает вопрос: хотим ли мы, чтобы все остальные жители нашей планеты имели возможность познакомиться с произведениями Толстого? Вряд ли кто-то отрицательно ответит на этот вопрос. Начать надо, как обычно, с себя.

Закон об авторском праве, действующий в большинстве стран, за сроком давности уже не ограничивает распространение текстов, например, античной философии, однако таким правом пользуется переводчик, автор сборника или издатель. В итоге устремленный читатель вынужден идти в библиотеку или книжный магазин, в лучшем случае получая любой из оказавшихся там вариантов перевода, а при их отсутствии, например, в каком-нибудь отдаленном регионе – довольствуется аналитикой «из интернета» и соответственно чужой точкой зрения.

Иначе обстоит дело в профессиональном сообществе. Различные варианты доступа к первоисточникам в электронном виде чрезвычайно облегчают сегодня как работу ученых с первоисточниками, так и своевременное ознакомление с новейшими публикациями по интересующей проблематике. Однако знание все более приобретает междисциплинарный характер, вызывая необходимость обращения к философским работам людей, занятых в самом широком спектре видов социальной, политической, гражданской, педагогической деятельности, профессионалов далеких от философии отраслей знания, и даже специалистов по организации досуга и развлечений.

Любой из вариантов восприятия философского текста, от цитирования красивых фраз до скептицизма или догматизма более предпочтителен, чем забвение философской классики, снижение качественного уровня научной мысли и общественного диалога, примирение с невежеством, вывод специальных философских терминов в лексикон исключительно профессионального философского сообщества. В то время как понятия «истина», «бытие», «сущность», «явление» присутствуют во всех языках мира, в бытовом употреблении они опростились и потеряли свою ценность.

Говоря о первостепенной необходимости полнотекстовой электронной библиотеки по философии, заметим, что литературная классика ничуть не менее необходима человеку в его становлении и развитии, но она очевидно более распространена, активно переводится на основные языки планеты, на ее основе снимаются фильмы, ставятся спектакли.

Итак, человечеству необходима всемирная электронная философская библиотека с полнотекстовыми материалами на всех возможных языках. При наличии нескольких вариантов перевода первоисточника на один и тот же язык необходимо предоставлять все имеющиеся в электронном виде альтернативные варианты. Участие стран и предоставление имеющихся материалов может быть только добровольным и безвозмездным. Пользование – открытым и бесплатным. Поступающие современные материалы должны проходить рецензирование международной редколлегией на соответствие философской тематике.

Оцифрованные тексты философской классики сформируют ядро библиотеки. Особенно приветствуется публикация прошедших защиту диссертаций в области философии, то есть наиболее актуальная информация, помогающая новым исследователям идти дальше, опираясь на вскрытые в истории философии закономерности и факты. Кроме того, в отношении таких документов не требуется рецензирование.

При создании полнотекстового массива электронной библиотеки с применением самых современных поисковых сервисов должна быть предусмотрена возможность ее интеграцией с иными полнотекстовыми коллекциями, энциклопедиями и базами данных. Таким образом вскоре сервис сможет отвечать на запросы пользователей по смежным дисциплинам, междисциплинарным исследованиям и в итоге обеспечит доступ к любому открытому легитимному источнику информации.

Реализацию данного проекта может добровольно взять на себя содружество стран, с фактической фиксацией, например, в Российской Федерации, что может и должно стать нашим Общим делом.

Возвращаясь к вопросу охраны авторских прав, видимо, необходимо будет проявить политическую волю руководства стран-участниц проекта Электронной философской библиотеки в отношении имеющихся оцифрованных изданий философской классики. Касаемо вновь создающихся произведений – надежда на добрую волю каждого автора, который, возможно, прислушается к словам Н. Ф. Федорова, отмечавшего, что талант – это дар свыше, и плоды творения не «должны

называться просто товаром» [1, с. 485]. Кроме того, автор «Философии общего дела» неоднократно говорил о долге творца перед остальным обществом, долге «ученых» перед «неучеными», о долге перед «отцами» в сохранении их наследия и о долге каждого из нас перед «сынами», теми, кто сейчас возрастает на планете, о передаче неискаженной посторонним мнением мысли предков и таким образом «воскрешения» каждого и «спасения» человечества от торжества невежества.

Всемирная философская электронная библиотека может и должна стать настоящим «общим делом» человечества планеты. Читателями такой библиотеки станут не только будущие и настоящие философы, но и самый широкий круг специалистов, в том числе политики и экономисты, уровень образованности которых сегодня влияет на жизнь каждого человека.

Возможно, хорошая привычка граждан к удобному доступу к качественной литературе приведет в последующем к презумпции открытого доступа к вновь выходящим в свет современным научным и художественным произведениям.

Цифровые технологии, мгновенно распространяющие любой объем данных, в этом случае будут способствовать торжеству исполнения воли автора произведения, решившего не ограничивать доступ к своим трудам, преодолевая возможность последующей корректировки такого решения наследниками.

Здесь же важно акцентировать внимание на одной из назревших проблем в области распространения информации.

Принцип долга сынов пред отцами, через принцип братства всех живущих обращающий долг пред ушедшими на всех и каждого, показывает всю беспринципность правил наследования объектов интеллектуальной собственности, являющихся продуктом интеллекта, то есть в прямом смысле собственностью автора. И только его.

Наследники писателя или ученого имеют право на собственную реализацию своего творческого потенциала в любой сфере деятельности и не обязаны разбираться в литературе или науке. И даже если они реализовались в деятельности, близкой к деятельности родителей, их компетенция в оценке интеллектуального наследия не всегда может быть достаточной. Дети получили от своих родителей жизнь, воспитание, образование. Ушедшие родители уже всё, что могли, дали своим детям. Кроме прав у детей есть обязанности. В первую очередь – это организация сохранения наследия и передачи его будущим поколениям.

Предметы творения интеллекта, как правило, имеют своей целью дойти до каждого, облегчить жизнь, удивить, обрадовать, озадачить, изменить картину мира, преобразить общество.

Ограничение свободы распространения предметов интеллектуальной собственности по причине желаемой монетизации наследниками прав на такое распространение является в большинстве случаев прямым нарушением всей логики развития цивилизации, а зачастую – и свободы воли автора творений.

Автор воспитывался не только семьёй, но и сложением усилий всего общества, и даже более того – итогом всех достижений науки и культурной историей страны. Получил образование, обеспеченное бюджетом государства, развил свой талант и реализовал его. Интеллектуальная собственность есть интеллектуальный багаж нации. И только государственные институты в состоянии грамотно сохранить интеллектуальное наследие и реализовать отдачу ещё одного долга – долга живущих перед будущими поколениями.

Мы обязаны отменить поддержку так называемой «серой зоны» в литературе, при которой сохраняется целый пласт произведений, авторы которых ушли из жизни менее 70 лет назад, творили до наступления цифровой эпохи и не могли даже при желании просто отдать плоды своего творческого труда напрямую читателям.

Нельзя сказать, что в интернете нечего почитать. Много чего есть. И этот в большой степени низкокачественный контент нам не жалко бесплатно раздавать людям... А хорошую и качественную информацию – жалко...

Выступая за отмену права наследования интеллектуальной собственности, мы не дадим совершаться преступлению – присвоению чужой интеллектуальной собственности.

Современная система охраны авторских прав на интеллектуальный продукт тормозит и усложняет процесс получения знаний, не способствует их популяризации, и в то же время не гарантирует защиту от недобросовестного использования уникальных данных.

Многие современные проблемы, стоящие перед человечеством, будут решены только

следующими поколениями. Наша задача сегодня – не осложнять им путь в этом решении, а помочь, просто отдав им все ценное, наши мысли, нашу память, нашу философию.

Литература:

1. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том III. М.: «Традиция», 1997. 744 с.
2. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни [Электронный ресурс] // <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AD/ekkerman-iogann-peter/razgovori-s-gete-v-poslednie-godi-ego-zhizni/2>. [Дата обращения: 09.06.2018].
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. 317 с.
4. Куделин А. Б. Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции «мировая литература» // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 109-118.

Северная цивилизация в перспективе развития России

Исаченко Н. Н.

ФГБУ ВО Тюменский индустриальный университет, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий. Кандидат философских наук

isachenkonadezhda@mail.ru

Аннотация: Современный этап цивилизационного развития России обретая новые черты, становится более динамичным, технологичным. Динамика цивилизационного развития амбивалентна. Наряду с активным внедрением инновационных технологий, наблюдаются социокультурные изменения, сопровождающиеся экономическими, социальными, экологическими, духовными кризисами. Отсутствие возможности своевременно прогнозировать и предупреждать кризисы, ставят проблему поиска новых путей цивилизационного развития. На данном этапе цивилизационного развития России возникла объективная потребность в идеях, предлагающих новые стратегии развития, обеспечивающие устойчивое инновационное развитие российского общества. В качестве стратегии развития России репрезентируется идея Северной цивилизации, реализуемая в России. Северная цивилизация как социокультурная общность, развивающаяся на принципах коэволюции, рациональности, гуманизма.

Ключевые слова: северная цивилизация, цивилизационный путь, приарктические территории, принцип гуманизма, коэволюции, нравственный алгоритм, локальная цивилизация.

Northern civilization in the perspective of Russia's development.

Isachenko N. N.

Tyumen industrial University

Abstract: the Modern stage of civilizational development of Russia is gaining new features, becoming more dynamic and technological. The dynamics of civilizational development is ambivalent. Along with the active introduction of innovative technologies, socio-cultural changes are observed, accompanied by economic, social, environmental, and spiritual crises. The inability to predict and prevent crises in a timely manner poses the problem of finding new ways of civilizational development. At this stage of Russia's civilizational development, there is an objective need for ideas that offer new development strategies that ensure sustainable innovative development of Russian society. The idea of Northern civilization implemented in Russia is represented as a strategy for the development of Russia. Northern civilization as a sociocultural community that develops on the principles of co-evolution, rationality, and humanism.

Keywords: Northern civilization, civilizational path, near-Arctic territories, principle of humanism, co-evolution, moral algorithm, local civilization.

На современном этапе цивилизационного развития Россия, оказавшись перед лицом внешних вызовов, ставит перед собой задачу поиска новых стратегий развития. В рамках решения этой задачи предлагается идея Северной цивилизации, прорабатываемая в работах Ю. Крупнова, Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева, Н. Н. Исаченко.

Традиционно в гуманитарном знании принято выделять «восточную» и «западную» цивилизации. Такое выделение осуществлялось на основе ориентации на названия сторон света, расположенных вдоль горизонтальной оси земли. По аналогии ориентация на вертикальную ось земли позволяет высказать идею о выделении Северной цивилизации. При том, что приарктические территории принадлежат нескольким государствам, простирающимся вдоль Северного Ледовитого океана, большая ее часть принадлежит России. Это послужило основанием Северную цивилизацию отождествить с российской цивилизацией. Другим основанием стало то, что уже в XVI веке территории Поморья назывались «Севером» по географическому и климатическому признаку. В русском языке несколько веков активно используются такие слова как «русский север», «северная столица», «северяне», «народы севера»,

«северное золото», «северная модель», указывающие на их приближенность к побережью Северного Ледовитого океана. Территориально и географически Россия расположена в нескольких природно-климатических зонах, но достаточно обширные территории у России располагаются в северной зоне. Этот факт стал причиной того, что у большинства иностранцев наша страна ассоциируется с севером и признается северной страной, а народы, живущие на ее территории России, – северными.

Обращение к теме Северной цивилизации нацелило на анализ огромного пласта научных источников, представивших результаты научных экспедиций, археологических раскопок на Ямале, Таймыре, в Сибири. Результаты свидетельствуют о наличии многочисленных артефактов, памятников культуры, орудий труда, дающих основание для признания факта существования Северной цивилизации в древности. Согласно работам М. Бронштейна, В. Е. Ларичева, С. А. Паршикова, на расположенных вдоль Северного Ледовитого океана территориях, около пяти тысячелетий назад локально существовала древняя цивилизация [1]. Они доказали, что на северных территориях, где сейчас компактно проживают коренные народы Севера, в древности существовали «протогосударственные» [2, с. 24] поселения с уровнем развития древних цивилизаций. «В местах поселения древних людей были обнаружены следующие артефакты: каменные книги, календари, орудия труда» [3, с. 83], оружие, фигурки людей, животных. Наличие артефактов дает основание для признания факта существования Северной цивилизации в прошлом.

Идея Северной (Арктической) цивилизации, озвученная Ю. В. Попковым, Е. А. Тюгашевым, Н. Н. Исаченко в начале XXI века, в рамках российского научного сообщества в последние годы обретает актуальность и выходит на новый уровень развития. Так в Архангельске ежегодно стали проводиться международные конгрессы, симпозиумы, форумы, на которых решаются проблемы Арктики, рассматриваются перспективы ее развития. В 2019 году в Санкт-Петербурге был проведен конгресс «Арктика: история и современность», участники которого признали необходимость в смещении центра мирового развития в арктический регион. На конгрессе была озвучена мысль о возможности становления или возрождения Северной цивилизации.

Основой существования цивилизации является национальное ядро. Северные народы сумели в сложных условиях жизнедеятельности сохранить национальное ядро, свой культурный архетип, формирующийся под влиянием экологических, природно-климатических, экономических, культурных факторов.

В процессе реализации идеи Северной цивилизации в перспективе цивилизационного развития России, необходимо ориентироваться на культуру, на характер жизнедеятельности коренных жителей, в основе которого положен принцип коэволюции, обеспечивающий «гармоничное единство человека и природы» [4, с. 15]. Своеобразие культуры коренных народов Севера заключается в том, что в ней содержится нравственный алгоритм отношения человека не только к людям, но и к земле, к флоре и фауне, который они сохранили в условиях кризиса духовной культуры. Для народов севера, имеющих устойчивый культурный архетип, неактуальна проблема разобщенности, отчуждения, агрессии, характерных для современного общества.

Россия имеет шанс создать локальную цивилизацию, объединив территории Арктики и приарктические территории. Реализация идеи Северной цивилизации может стать социокультурным поворотом в истории России. В процессе ее реализации необходимо: ориентировать общество на фундаментальные ценности; руководствоваться «гуманистическими установками; усиливать политическую, экономическую и интеллектуальную мощь страны; преумножать материальные, духовные ресурсы» [3, с. 109]; уметь выстраивать диалог с другими народами, государствами; давать адекватные ответы на вызовы без использования насилия; беречь и сохранять природу, возобновлять природные ресурсы; создавать условия для развития личности. Северная локальная цивилизация будет основываться на общности судьбы, традиций, ценностей, исторического родства. Интегрирующим фактором может быть национальная идея, культура, традиции, фундаментальные ценности [5], этническое происхождение, социально-политический тип общества, географическое положение.

В процессе создания цивилизации, необходимо активно внедрять природоохранные технологии, развивать «экологизацию» экономической и социальной сфер, сохраняя экосистему посредством реализации экологических программ. Северная цивилизация в будущем может стать одной из первых, где будут представлены новые типы сетевых поселений, названных Ю. Крупновым факториями. На пространстве Северной цивилизации будут использоваться новые виды транспорта - струнные магистрали. В суровых условиях севера обеспечение жизнедеятельности будут осуществлять мини-

АЭС капсульного типа [6, с. 28]. Речь идет о внедрении новых технологий, не наносящих вред природе.

В контексте исследуемой темы Северную цивилизацию следует рассматривать как локальную цивилизацию, представляющую социокультурное сообщество, сложный социальный организм, скрепленный культурными, социальными, экономическими, политическими связями. Северная цивилизация — это устойчивая социокультурная общность, развивающаяся на основе высоких технологий, существующая на принципах гуманизма, солидарности, рациональности, пацифизма, что не создает условий для насилия, агрессии. К основным характеристикам следует отнести общность языка, территории, фундаментальных ценностей [3].

Для реализации идеи Северной цивилизации в жизнь, необходимо осуществить поиск новых способов освоения территорий без нанесения вреда природе, новых видов организации хозяйственной деятельности, новых типов коммуникаций, обеспечивающих положительную динамику развития северных территорий.

Для реализации идеи Северной цивилизации в России необходимы социокультурные и технологические условия. В частности, речь идет о высоком уровне научного и технического знания, о наличии большого объема информации и возможности ее быстрой переработки. Кроме того, значимым является наличие капитала, природных ресурсов, высокотехнологичного производства, обеспечивающих высокий уровень научно-технического прогресса. Особую значимость в фокусе этой проблемы обретает человеческий потенциал, представляющий совокупность духовных, физических, умственных потенций граждан, способных направить их на реализацию конструктивных задач. Наличие выше озвученных факторов обеспечит возможность реализовать идею Северной цивилизации в жизнь. Одной из задач на стадии формирования Северной цивилизации, будет защита Арктики от посягательств государств, нацеливающихся на превращение ее в предмет жесткого экономического и политического торга.

Литература:

1. Ларичев В. Е., Паршиков С. А. Протохрам возникновения и устройства Вселенной: Мировое Яйцо, первозданные боги и человек в наскальном искусстве северной Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. ч. 1. С. 412-417.
2. Бронштейн М. Чукотские Микены // Знание – сила. 1999. № 4. С. 23-26.
3. Исаченко Н. Н. Северная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Тюмень: ТИУ, 2019. 124 с.
4. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Идея северной цивилизации // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 2. Изд-во СурГУ. С. 13-19.
5. Марцева Л. М., Шабатура Л. Н. Стратегия социального государства в России начала XXI века. // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 171-173.
6. Крупнов Ю. Северная цивилизация // ИНАЧЕ. 2003. № 5. С. 24-33.

Казарян В. П.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», профессор. Доктор философских наук

kazaryanvp@mail.ru

Аннотация: Статья обращает внимание на формирование к коммуникативно-информационной культуре новых ценностных норм, опирающихся на факт возрастающего значения новых технологий в жизни человека. Прежде всего – приобретает ценностную окраску способность человека совершать действия в единстве с информационной технологией. Я овладеваю информационными технологиями – «следовательно, я существую» как достойный эпохи человек. Велика роль этики ответственности в принятии личностью решений на действие. Этика ответственности превращает нравственные принципы из абстрактно-умозрительных представлений о добре и зле в материально-практический инструмент деятельности, касающейся судеб не только отдельной личности, но и всего человечества.

Ключевые слова: информационные технологии, ценность, наука, этика, актер, ответственность.

Communication and information culture and new values.

Kazaryan V. P.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article draws attention to the formation of new value norms for communication and information culture, based on the fact of the increasing importance of new technologies in human life. First of all, the ability of a person to perform actions in unity with information technology acquires a value color. I master information technologies- “therefore, I exist” as a worthy person of the epoch. The role of the ethics of responsibility in the individual’s decision-making on action is great. The ethics of responsibility transforms moral principles from abstract and speculative ideas about good and evil into a material and practical tool for activities related to the fate of not only an individual, but also the whole of humanity.

Keywords: information technology, value, science, ethics, actor, responsibility.

В коммуникативно-информационном обществе современные информационные технологии в единстве с нано-, био-, когнитивными технологиями обрели огромную социальную жизненную силу. Они заставляют человека жить иначе, чем раньше. Требуется новые профессии, новое образование, новая наука, новое обустройство жизни, новые отношения. И дело не только в том, что они дают возможность быстрее передвигаться, технически быстрее и проще устанавливать общение, чаще менять в угоду моде свое тело, одежду, обувь... Дело в том, что овладение технологиями начало принимать и порождать этическую, нравственную оценку: тот, кто владеет технологиями, тот «хороший». Тот, кто не владеет технологиями, тот «плохой». Степень владения технологиями порождает или гордыню или чувство ущербности. В наше время: если ты передовой человек, то это означает, что ты владеешь технологиями. Ты не знаешь, как они создаются, не понимаешь принципы, на которых они работают, и не интересуешься ими. Но ты их имеешь и пользуешься ими в жизни. Нравственная оценка тебя окружающими содержит компоненту оценки твоей способности потреблять технологии. Потребление технологии становится ведущей этической характеристикой личности.

Поскольку новые технологии влекут за собой переустройство человеческой жизни, касаются судеб человека и всех людей, судьбы планеты, важно понять, какие ценности лежат в основе целей деятельности интеллектуалов, которые создают информационные технологии (ИТ), цели предпринимателей и ученых, использующих эти технологии, цели пользователей ИТ в сфере коммуникаций.

Современные технологии представляют собой деятельность человека (актера) в соответствии с научным проектом. При этом актером может быть не только индивид, но и коллектив людей, в котором решение на поступок принимает каждый индивид, входящий в коллектив. Это означает, что в любом случае ответственность за решение лежит на людях, а не на каком-нибудь безликом правлении. Аналогично, и в «маленьких» ситуациях, таких как «оператор в банке» или «оператор в магазине»: человек как актер, являясь элементом технологии, ответственен за нее. Важно не забывать, что без человека, знающего, образованного, инструмент для деятельности (в данном случае – компьютер или суперкомпьютер) не превращается сам по себе в технологию. Любой компьютер в любой ситуации ожидает диалога с человеком. Человек, знающий, действующий и взаимодействующий с компьютером, плюс компьютер – это есть современная информационная технология.

Кажется очевидным, но этот момент нужно подчеркнуть, что современная информационная технология включает в себя человека. А человек – это личность, существо не только знающее и рациональное, но и существо нравственное. Нравственность актера является неотъемлемой частью информационной технологии. Поскольку актер принимает решение на действие, его нравственность, его этические принципы выступают средством принятия решения. Другое дело, что актер не имеет абсолютной свободы действия. Инструмент деятельности – компьютер, ограничивает возможный коридор для действий. В этом аспекте информационная технология подчиняет себе человека, ограничивая спектр выбора действий. В связи с неизбежным включением нравственных принципов в современную технологию, в системе образования возрастает значение воспитания нравственности на основе изучения практических ситуаций (как теперь говорят – case-studies) по примеру Аристотелевского этического учения, согласно которому человек должен научиться оценивать нравственный характер поступка под руководством учителя. Этические ценности, которые покоятся, в конечном счете, на идее Блага, составляют этическую экологию, в которую погружен каждый человек, не зависимо от его социально-культурного статуса и не зависимо от того, осознает он себя этическим субъектом или не осознает.

Технология, как и любая форма человеческой деятельности, представляет собой открытую систему внутри социума. В случае социокультурного контекста особенно важно иметь в виду, что экологический подход включает в себя и аспект целостности системы, имеющей взаимозависимые свои части, и аспект соотношения с окружающей средой, социальной, культурной, природной. Эффективность принципа открытой системы проявляется во многих научных и практических ситуациях, и в частности, в том, что все более набирает силу идея сетевого устройства мира [1, 2, 3].

Трактуя информационные технологии как открытые системы, понимаем, что система, связана с внешними обстоятельствами: с ситуационными (экономическими, юридическими, образовательными, материально-техническими...) и с социокультурными – с ценностями культуры. Ценности, в конечном счете, лежат в основе целей человеческой деятельности как материальной, так и духовной. В наше время особенно заметна роль этических ценностей: свершает человек добро или зло. Информационная технология открыта в мир нравственности. Ведь технология – это деятельность человека-актера в соответствии с научно-разработанным проектом. Разговор идет об одной из социальных компонент внешнего мира для системы, ее культурной экологии – об этике, понимаемой как нравственность. Новая парадигма формирующегося современного мировоззрения, называемого экологическим в глубоком смысле этого слова, взывает к совершенствованию «не только наших представлений и мышления, но и самой системы ценностей» [3, с. 25].

Количественное возрастание ситуаций, требующих ответственности за свои действия, переходит в качественное изменение сферы нравственности. Ведущей компонентой современной нравственности выступают ответственность за справедливое устройство жизни. Добро и Благо – это справедливость. Наше время породило противоречие в нравственном поведении людей. С одной стороны общество потребления плодит гедонизм, с другой стороны ширится движение за права человека, подразумевающее равенство всех во всех отношениях, которое и выражает идею справедливости. Цифровое неравенство особенно болезненно, ибо с информационными технологиями связывают прогресс.

Информационные технологии влияют, по крайней мере, а) на корпорации от фирмы до ТНК, б) на человека как общающегося с другими людьми. Велика ответственность ТНК (транснациональных корпораций) за развитие информационных технологий и за справедливое по отношению к человечеству развитие ИТ, исключение цифрового неравенства в мире. ТНК обрели мощь за счет научно-технического прогресса и развития информационных технологий. ТНК заинтересованы

в информационных технологиях. «Сегодня во все мире важнейшие проблемы связаны с ролью национальных и транснациональных корпораций, власть которых базируется на технологии» [4, с. XIV]. Корпорации ответственны за Планету и людей на ней живущих, за развитие ИТ. Количественное возрастание ответственности за свои действия переходит в качественное изменение роли нравственности. Этика становится неотъемлемым инструментом принятия решения со стороны актора. В этом заключается особая ее важность.

ИТ-корпорации озабочены этическими проблемами, которые возникают в их работе. Это есть элементы деловой этики, своеобразно преломляющиеся в информационной сфере [5, 6, 7] Важность такого рода этических проблем находит свое выражение в принимаемых корпорациями этических кодексах, которые призывают предпринимателей к честности и взаимопомощи в их деятельности и в сфере конкуренции [8]. Причем этические нормы выступают как необходимые условия предпринимательской деятельности.

Сфера т.н. компьютерной этики: соблюдение нравственных норм в сфере Интернета, - воспитывает в пользователе чувство ответственности и требует его личной ответственности за свои действия. Человек ответственен перед 7 млрд за свое слово в Интернете: ведет оно к добру или к злу. Его свобода есть ответственность за его решение и действие.

Литература:

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М: ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Капра Ф. Паутина жизни. М: ИД «София». 2003. 336 с.
4. Барбур И. Этика в век технологии. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. 380 с.
5. Лисичкин В. А, Вирин И. М. Формирование информационного общества: проблемы и перспективы. М.: ИСПИ РАН, 2008. 272 с.
6. Минервин И. Г. Культура и этика в экономике. М.: ИНИОН, 2011. 244 с.
7. Экономическое поведение и этика. М.: ИНИОН, 2008. 160 с.
8. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия-Телеком, 2011. 344 с.

Концепты казахской культуры в контексте процесса культурной трансформации Казахстана на современном этапе

Качеев Д. А.

Костанайский государственный университет имени Ахмета Байтурсынова, доцент. Кандидат философских наук

kacheev@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых концептов казахской культуры, имеющих преемственную связь как с предшествующей тюркской культурой, так и с современной культурой Казахстана. После обретения независимости, в Казахстане начались процессы культурной трансформации, которые обусловлены рядом трудностей. Прежде всего, это специфика процесса формирования национальной идентичности, системообразующим фактором которой в Казахстане выступает государственный (казахский) язык. За двадцать восемь лет независимости, казахский язык и казахская культура укоренились во всех сферах общественной жизни, но говорить об их доминировании преждевременно. Сделана попытка обозначить актуальность темы возрождения концептов казахской национальной культуры в эпоху глобализации, на примере семиотического значения концепта «Байтерек», в процессе построения суверенной государственности Казахстана. Актуальным представляется изучение концептов казахстанской культуры, возникших в годы независимости и отражающих идеологию общественного развития.

Ключевые слова: культура, концепт, национальная идентичность, культурная трансформация, Байтерек.

Concepts of Kazakh culture in the context of the process of cultural transformation of Kazakhstan at the present stage. *Kachejev D. A.*

Kostanai State University named after Ahmet Baytursynov

Abstract: The article is devoted to the consideration of some concepts of Kazakh culture, which have a continuous connection both with the previous Turkic culture and with the modern culture of Kazakhstan. After independence, Kazakhstan began processes of cultural transformation, which are caused by a number of difficulties. First of all, it is a specificity of the process of formation of national identity, the systemically important factor of which in Kazakhstan is the state (Kazakh) language. In twenty-eight years of independence, Kazakh language and Kazakh culture have taken root in all spheres of social life, but it is premature to speak about their dominance. An attempt was made to indicate the relevance of the theme of the revival of the concepts of Kazakh national culture in the era of globalization, on the example of the semiotic significance of the concept «Baiterek» in the process of building the sovereign statehood of Kazakhstan. The study of concepts of Kazakh culture, which emerged during the years of independence and reflect the ideology of social development, seems relevant.

Keywords: Culture, concept, national identity, cultural transformation, Baitereck.

Казахское общество являлось традиционным с эпохи формирования Казахского ханства во второй половине XV века до включения в состав СССР. Соответственно, культура данного общества, истоки которой идут от тюркской культуры, также являлась традиционной. Культура казахов в традиционном обществе, была строго нормативной, регулирующей жизнь человека, его поведение и взаимоотношения с другими людьми и с окружающим миром. Концепты казахской культуры были ориентированы на человека как представителя рода, поэтому смысловое содержание, заключенное в данных концептах, было ориентировано на сохранение стабильности общественно-родовой системы.

В казахской традиционной культуре человек и мироздание представляли собой единое целое. Понимание мироздания или Космоса в культуре казахов идет от тюркской культуры, где эти поня-

тия аккумулировал в себе образ Тенгри. Тенгри соединял в себе Космос, небо и землю, представляя собой образ единого, синкретичного начала, не разделенного дихотомиями «мужское-женское», «доброе-злое», «светлое-темное» и т.д. «Здесь материально-телесное растущее целое мира выходило за границы своей единичности; частное и универсальное были слиты в универсальном единстве» [1, с. 48]. Понимание Тенгри как небесного хозяина, распространенное сегодня, является упрощением его первоначального смысла как «небесного океана» или «первозданных вод» как безбрежности космоса, океане неба и мировом океане. После проникновения ислама на территорию казахских земель и распространения среди кочевников, Тенгри стал обозначением бога, наряду с такими его коннотациями как «аллах» и «күдай».

Одним из онтологических концептов казахской культуры является «күт» - благо, благодать, равновесие, достаток, изобилие. Этот концепт охватывает ценностное единство казахской традиционной культуры, основанной на кочевом скотоводстве, и, если брать шире, символизирует возрождение жизни и плодородие. «Күт» соединяет мир духовной культуры с ее трансцендентными пластами и мир культуры материальной, в которой основой достатка кочевника служил скот (самое лучшее животное в стаде называли «күт»). В современном казахском языке понимание концепта «күт» отражено в пожеланиях мира, достатка и благополучия – «Күтты болсын!», «Күттықтаймын!».

Нами перечислено лишь несколько основных концептов казахской традиционной культуры, которые составляли основу мировоззрения кочевников – прототюрков, тюрков, а затем и самих казахов. Все культурные концепты неразрывно связаны с языком, как системообразующим элементом культуры, и религией, которая развилась в ходе истории – от языческих и мифологических представлений.

Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие письменной традиции у казахов (основоположником казахской литературы и письменной традиции является Абай Кунанбаев, живший во второй половине XIX века), культурные концепты хранились и передавались через устную традицию – фольклор, обряды и обычаи, которые, по мнению Б. Жаксыбаевой, имели «огромное влияние на духовное формирование и закрепление традиционных ценностей» [2, с. 20]. Это обусловило специфику казахской культуры и философии, ту специфику, которая многими воспринимается как отсутствие философии в принципе. Ошибочное суждение о некоей «неполноценности» казахской культуры как элемента общей кочевой культуры, влечет за собой непонимание и казахской философии, которая по сравнению с европейской философией, прошедшей многовековую путь и нашедшей отражение в трактатах, трудах и энциклопедиях, кажется неполноценной. Такой европоцентристский подход является не только устаревшим, но и вредным в современном многополярном мире, в котором дихотомия «Восток-Запад» уступила полилогу культур всего мира.

Для нас представляется важным не только вопрос изучения концептов казахской традиционной культуры, который, безусловно, важен. Также актуальным представляется изучение процесса культурной трансформации в процессе вхождения казахских земель в подданство Российской империи, и одновременно, влияние русской культуры на казахов и их мировоззрение. Революция 1917 года и вхождение Казахстана в состав СССР в качестве одной из союзных республик, а также процесс усиления русификации и советизации казахов, привели к ломке традиционных культурных концептов, их частичному забвению. И, несмотря на то, что в мировую культуру Казахстан вошел через русскую культуру и русский язык, культурная, а с ней и этническая идентичность, были практически утрачены. После распада СССР, началась новая культурная трансформация, которая до сих пор не завершилась – началось постепенное возрождение национальных культурных концептов, которые во многом уже не имели прежнего значения, как это было, скажем, в XV или XIX века, однако оставались важными для формирования национальной идентичности. После 1991 года начался обратный русификации процесс – «казахизация», когда государственный, казахский язык стал преподаваться во всех учебных заведениях, делопроизводство в государственных органах стало переходить на казахский язык, а казахская национальная культура начала становиться консолидирующим элементом построения нового, казахстанского общества. Процесс «казахизации» сложен и противоречив, однако является естественным процессом возрождения и развития национальной казахской культуры. Как подчеркивает профессор Р. Кадыржанов, «казахизация» есть «процесс выхода на ведущие позиции в той или иной сфере общественной жизни казахского этноса и его языка, культуры и символов» [3, с. 51]. Справедливости ради, отметим, что на постсоветском пространстве Казахстан после 1991 года остался одной из немногих бывших союзных республик, избежавших столкновений на этнической и конфессиональной почве, во многом благодаря тому, что в казахских культурных концептах отсутствуют идеи превосходства каза-

хов над другими народами, мессианской роли и исторического значения казахской нации и т.д.

Говоря о национальной идентичности, формирующейся в годы суверенитета, отметим, что данный процесс отличается некой двойственностью. Одна часть казахстанского общества идентифицирует себя как «казахи» - в основном это представители коренной национальности, свободно владеющие государственным языком и исповедующие каноны ислама. Другая часть общества идентифицирует себя как «казахстанцы» - это казахи, не владеющие родным языком, а также русские и представители иных национальностей, которые ведут, в основном, светский образ жизни. Налицо разделение по этническому и гражданскому принципам национальной идентичности, которое может стать серьезным культурным «разломом» казахстанского общества в недалеком будущем.

Культурная трансформация, отправной точкой которой стало обретение Казахстаном независимости, привела не только к возрождению национальных культурных концептов, но и к формированию на их основе новых концептов.

Из концептов казахской культуры, берущих начало в культуре тюрков и возрожденных в суверенном Казахстане в качестве одного из символов государственного строительства, отметим Байтерек, или «мировое Древо». В тюркской мифологии Байтерек (дерево, первоначальный тополь), связывал все уровни мироздания – небесный (крона), срединный (ствол) и подземный (корни). Являясь центром мироздания, Байтерек есть путь между надземным и подземным мирами, связывая горизонтальную модель мира. В кроне Байтерека, по преданию, птица Самрук (Самұрық / Симург), каждый год откладывает яйцо как символ солнца, которое проглатывает дракон Айдахар (каз. Айдаһар). Это символизирует вечную смену суток, времен года и, в более широком смысле, борьбу добра и зла.

Символическое значение Байтерека как преемственности поколений, как генеалогического древа (шежіре - родословной), столь важного для казахов, чтущих «Жеті Ата» (семь поколений предков), было воплощено в архитектурном виде в столице Республики Казахстан – городе Нур-Султан (бывш. Астана). Сам монумент, являясь символом независимого Казахстана и его молодой столицы, перенесенной из Алматы, является в то же время, космогоническим символом казахской культуры, связывающей ее с культурой тюркской.

Внутри монумента Байтерек находятся еще два символа современного Казахстана, несущих важную культурную и общественно-политическую смысловую нагрузку.

Первый из них – это «Аялы алакан» (каз. Аялы алақан - «заботливые руки»), находящийся внутри монумента на высоте 97 метров (год переноса столицы из Алматы в Астану), представляет собой отпечаток правой руки Первого Президента Республики Казахстан – Н. А. Назарбаева. Это современный культурный концепт, олицетворяющий роль и значение личности Назарбаева в деле строительства нового Казахстана как государства и новой столицы, а также метафорическую заботу о гражданах страны и необходимости сопричастности каждого бережно хранить своими руками родную землю.

Второй современный символ, находящийся в монументе Байтерек – деревянный глобус (дерево религий), от которого исходит 17 лучей – автографов представителей разных религий мира, присутствовавших на I Съезде лидеров мировых и традиционных религий в 2003 году (всего состоялось 6 таких Съездов, седьмой запланирован на 2021 год). Значение данного символа в том, что казахстанское общество является всех мировых религий и конструктивных религиозных направлений, сохраняющих между собой конфессиональное согласие. Также дерево религий является посланием всему миру о том, что необходимо прекратить распри и войны между представителями разных религий и консолидироваться перед угрозами, которые несет с собой процесс глобализации.

Семиотическое пространство казахстанского общества, обусловленное культурной трансформацией, имеет важное, если не решающее значение для будущего развития Казахстана. Поэтому изучение концептов традиционной культуры казахов и концептов, возникших в ходе симбиоза культур, религий и языков полиэтничного Казахстана, их взаимодействие и противоречия, является актуальной областью философии культуры.

Литература:

1. Становление и развитие независимого Казахстана: социогуманитарный анализ. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011. 368 с.
2. Жаксыбаева Б. Специфические черты национального типа духовности казахов // Эл-Фараби. 2016. № 2. С. 17-29.
3. Кадыржанов Р. К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.

Идея храма как идея синтеза русской религиозной культуры конца XIX – начала XX вв.

Клюкина Л. А.

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет», профессор. Доктор философских наук

klyukina-la77@yandex.ru

Аннотация: В статье излагается идея, согласно которой концепция храма русских религиозных философов к. XIX – н. XX вв. Н. Ф. Фёдорова, Е. Н. Трубецкого и П. А. Флоренского может трактоваться не только в качестве синтеза русского религиозного искусства, но и в качестве синтеза русской религиозно-ориентированной культуры данного периода. Мыслители рассматривали храм как форму жизни самосознания русского народа, как пространственную структуру организации его культурного бытия, как орган русской культуры. Храмовое действо философы трактовали деятельностью, направленную на преобразование социально-культурной реальности средствами искусства. В статье сделан вывод о том, что храм понимался русскими философами символом, раскрывающим содержание философской категории всеединства и соборности, отсылающей к идее Пресвятой Троицы и идеи одухотворения жизни.

Ключевые слова: вселенский собор, идея всеединства, синтез культуры, соборность, храм, храмовое действо.

Concept of the temple as the concept of synthesis of Russian religious culture in late XIX – early XX century. **Klyukina L. A.**

Petrozavodsk State University

Abstract: This article offers an idea according to which the concept of the temple, developed by Russian religious philosophers of late XIX – early XX century (N. F. Fedorov, E. N. Trubetskoi, P. A. Florenskiy), can be interpreted not only as the synthesis of Russian religious art but also as synthesis of Russian religion-oriented culture of the same period. Philosophers viewed the temple as existential form of self-consciousness of the Russian people, as spatial structure that organizes its cultural being, as organ of Russian culture. Temple ordinance was interpreted by philosophers as activity aimed at reshaping social and cultural reality through instruments of art. The article concludes that the temple was, in the eyes and minds of Russian thinkers, a symbol that reveals the substance of the philosophical categories of unitotality and conciliarity which, in its turn, refers to the ideas of the Holy Trinity and spiritualization of life.

Key words: Ecumenial Council, unitotality, synthesis of culture, conciliarity, temple, temple ordinance.

Изучая историю отечественной культуры к. XIX – н. XX вв., можно отметить тенденцию, связанную с ориентацией писателей, художников, архитекторов и других деятелей искусства на возрождение и переосмысление древнерусского религиозного творчества. Храмовая архитектура занимает первое место в этом ряду. Во второй половине XIX века, благодаря преимущественно официальной поддержке правительства, формируется русско-византийский стиль в культовой архитектуре, символически выражающий идеи народности и национальности. В начале XX века в произведениях русского стиля идея народности уже не является главной. Акцент смещается на манифестацию духовно-нравственных ценностей православия. «Умиротворение всей твари противопоставляется факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты» [1, с. 198]. Зодчие пытались найти новые способы художественного выражения религиозно-нравственных идеалов. В это же время в русской религиозной философии попытка возродить религиозное сознание выразилась в идее всеединства и богоискательства. Русские религиозные мыслители видели идеальное воплощение синтеза искусств в идее храма. Наиболее последовательно и оригинально эта идея была оформлена в текстах Н. Ф. Фёдорова, Е. Н. Трубецкого и П. А. Флоренского. Храм мыслился ими в виде идеального универсума, символического подобия

Святого града.

Н. Ф. Фёдоров считал главным делом всего человечества реализацию идеи вселенского собора, смысл которой заключался в воссоединении человечества на основе братской любви, включающей в себя любовь сыновей к умершим отцам. Способом этого воссоединения должно стать знание о причинах небратского состояния всего мира и реальное воскрешение умерших, полученное средствами не только религии, но и науки. Начало воссоединению живущих и умерших было положено в практике христианской церкви составления и чтения синодиков. С точки зрения Фёдорова, поминальная молитва есть начало восстановления братской любви в мире. «Внешним выражением синодика служит кладбище с его памятниками, так же внешним выражением святц служит сам храм с его иконами» [2, с. 311]. Храмы строили над могилами мучеников, степень уважения к мученику определялась величиной и богатством храма. Общим символом всех религий Федоров считает алтарь, «ибо он есть памятник всем умершим и, следовательно, святыня для всех, кто признает себя смертным» [2, с. 329]. Религия по своей сущности, согласно Фёдорову, может быть только одна – это любовь детей к отцам. Речь идет о любви не к одному отцу, а ко всем отцам. Культ предков порождает братскую любовь. Однако необходимо воспитать в людях сознание единства и общей деятельности, направленной на миротворчество. Нравственное воспитание и научное исследование Фёдоров предлагал сочетать в храмовой деятельности. Исторически так сложилось, что храм издревле выполнял эти функции. «При обращении базилики в христианский храм к средней абсиде пристраивались обыкновенно две другие абсиды, из которых в одной хранились книги, а в другой – сосуды и вообще принадлежности богослужения; из первой образовалась библиотека, из второй – хранилище вещественных памятников; и все эти три части, таким образом составляли одно целое» [2, с. 340]. Храм-музей и храм-библиотека, по Фёдорову, должны способствовать распространению братской любви и в сфере светской культуры, которая есть производное от религии, и эту утраченную связь необходимо восстановить в храмовой деятельности. Функцию просвещения также выполняла храмовая «живопись»: иконы, фрески, мозаика. Фёдоров называл живопись «грамотою для неграмотных» [2, с. 315]. Изображения на стенах храма передавали слова христианской молитвы и мысли, и они доходили до простого человека. Западная живопись, по мнению Фёдорова, также «выросла на византийском корне» [2, с. 322]. Секуляризованная культура, с его точки зрения, хотя и привела к обесмысливанию, потери целого, но «была протестом против мертвенности, жаждала жизни» [2, с. 319]. Он предлагал примирить светскую культуру и религию таким образом, чтобы сблизить знание с верою при условии, что знание будет исследовать причины небратства, а надежду сблизить с искусством, восстановив подлинную историю культуры, чтобы в будущем действительно воскресить всех умерших [2, с. 339]. В этом случае возможно превращение церкви и целого мира в единый собор.

Е. Н. Трубецкой видит высший духовный смысл христианства в любви и жалости, противопоставляя его образу звериному, в древнерусском храме в целом. «Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь» [1, с. 198]. Идея мирообъемлющего храма Трубецкого выражает иную действительность, которую человечество еще не достигло. По его мнению, идею собора всей твари наиболее удачно передает храмовая архитектура Новгорода и Пскова XII – XIV вв., а также архитектура Москвы XV – XVI вв. Древнерусские православные храмы завершались луковичными куполами, которые венчались крестами. Луковичная форма главы понималась Трубецким как символ «горения ко кресту», что показывало стремление к христианскому идеалу русского народа, который еще не достигнут. Внутреннее пространство и убранство храма выражало идею мирообъемлющего храма во всей полноте [1, с. 199]. Соборное целое храмов отображали также иконы. Само древнерусское искусство, по Трубецкому, устроено архитектурно. Соборному плану, по его мысли, также должны подчиняться все стороны человеческой жизни.

П. А. Флоренский предлагает понимать русскую религиозную культуру посредством формулы: «храмовое действо как синтез искусств». Флоренский в качестве идеала видел средневековую русскую культуру XIV – XVII вв. Прямым воплощением данного стиля и дальнейшим его развитием он считал Троице-Сергиеву Лавру. Именно в Лавре выражалась идея Святой Троицы Сергия Радонежского как идея объединения общества и власти на основе ценностей православия. В иконе «Троица» Андрея Рублева, находящейся в Лавре, отразилась идея одухотворения жизни средневековой русской культуры, распространившаяся далее на все сферы русской культуры стараниями Сергия Радонежского и его сподвижников, которые «разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать – русскую идею, в ее целом, все стороны

жизни нашей собой определяющую» [3, с. 366]. Так идея о Москве как о Третьем Риме трансформируется у Флоренского в идею Пресвятой Троицы как историческую миссию русской культуры. Пытаясь спасти Лавру в советское время, он утверждал: «Как памятник и центр высокой культуры Лавра бесконечно нужна России, и притом в ее целостности, с ее бытом, с ее своеобразной, отошедшей уже давно в область далекого прошлого жизнью» [3, с. 381]. Поэтому нельзя вывозить иконы из Лавры, разрушать сложившуюся духовную атмосферу. Флоренский предлагал сохранить Лавру как «живой» музей, творческую лабораторию русского духа. Храмовое действо он рассматривал как культуротворчество и способ понимания русской культуры [3, с. 381].

Следует отметить, что вышеназванные философы отрицали западноевропейскую идею культуры как верховной миссии нации. «Символический» взгляд на реальность определил инонаучный подход к культуре. Центральным в их концепции культуры является понятие культа. Культура понимается философами как творческая деятельность Абсолютной личности, как производное от культа. Культурная деятельность рассматривается в качестве трансцендирования, проявления сущего в существующем. «Понятие культа оказывается особо значимым в русской религиозно-ориентированной философии, так как его использование позволяет создать методологическую позицию, посредством которой становится возможным смещение от процесса описания культуры к выявлению основ самого акта описания, который, в свою очередь, есть в сущности «культурное» действие» [4, с. 73]. Такая трактовка культа предполагала личностное понимание Бога и человека. Взаимообщение Бога и человека осуществляется в процессе храмового действия. Храм в этом смысле понимается телесно воплощенным символом, т. е. тождеством материального и духовного. Оперирование символом храма позволяло показать связь человеческого бытия с Абсолютом и сконструировать и описать саму ситуацию понимания категории всеединства и соборности русской философии как выражения такой универсалии древнерусской культуры, как идея одухотворения жизни. С одной стороны, храм (мирообъемлющий храм) понимался, реальным явлением, с другой, всеобъемлющим понятием, пригодным для философского описания русской религиозной культуры к. XIX – н. XX вв. Вместе с тем росписи на стенах храма выполняли были грамотой для неграмотных и в доходчивой форме доводили религиозно-философские идеи до сознания обывателя. Таким образом, идея храма может рассматриваться не только в качестве синтеза религиозного искусства к. XIX – н. XX вв., но и в качестве синтеза всех сфер русской религиозной культуры данной эпохи. Русские религиозные философы видели именно в религиозно-ориентированном искусстве возможность идеального воплощения смысла «русской идеи», так как именно в этом искусстве существовали условия для органичного совпадения смысла и его выражения.

Литература:

1. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. С. 195 – 219.
2. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 518 с.
3. Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. 877 с.
4. Ключкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры [в 3ч.]. Ч. I. Метатеоретический подход М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. 85 с.

Утрата Другого как проблема культуры в пьесе «Завтрашняя жертва» Габриэля Марселя

Кобринец М. А.

МГУ им. М. В. Ломоносова, преподаватель

maria.kobrinets@gmail.com

Аннотация: В докладе будут рассмотрены связи и различия между понятиями отсутствия, смерти и утраты Другого в пьесе Марселя «Завтрашняя жертва» (1919). Важным аспектом для понимания значения утраты Другого в философии Габриэля Марселя является проведение границы между «смертью» и «отсутствием», которые тесно связаны с дихотомией «обладания» (l'avoir) и «бытия» (l'être), «ты» и «вещи». Обращаясь к таким философским работам Марселя как «Метафизический дневник» (1927-1943) и «Опыт конкретной философии» (1940), мы проясним значение основных понятий и используемых терминов. Материал марселевских пьес является недооцененным в отечественной науке источником, который предвосхищает философскую постановку вопроса у Габриэля Марселя. Реплики персонажей пьесы впоследствии находят свое отражение в философских трудах автора, создавая общее исследовательское поле.

Ключевые слова: Другой, театр Габриэля Марселя, смерть, утрата, присутствие, экзистенциальная философия.

Loss of Other as a cultural problem in Gabriel Marcel's play «Le Mort de demain». *Kobrinets M. A.*

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This paper examines the connections and differences between the concepts of absence, death and loss of the Other in Marcel's play «Le Mort de demain» (1919). An important aspect for understanding the meaning of the loss of the Other in the philosophy of Gabriel Marcel is to draw a line between «death» and «absence», which are closely related to the dichotomy of «having» (l'avoir) and «being» (l'être), «you» and «thing». Invoking such philosophical works of Marcel as «Metaphysical Journal» (1927-1943) and «Essai de philosophie concrète» (1967), we make clear the meaning of the basic used concepts and terms. The material of Marcel's plays is a source underestimated in Russian science, which anticipates Gabriel Marcel's philosophical inquiry. Replicas of the characters in the play are subsequently reflected in the philosophical works of the author creating a common research field.

Keywords: The other, theater of Gabriel Marcel, death, loss, presence, existential philosophy.

В философии и культуре XX века вопросы смерти и утраты приобрели особую значимость, что объясняется как двумя мировыми войнами, так и общим развитием западноевропейской атеистической мысли. Интеллектуалы той эпохи не могли оставить без внимания тему смерти, ставшей одной из важнейших проблем в культуре прошлого столетия.

Для христианского экзистенциального философа и драматурга Габриэля Марселя размышления о смерти, «присутствии», «отсутствии», «Другом» являлись центральными не только в зрелом периоде творчества, но волновали его с самого детства. В возрасте четырех лет Марсель потерял мать, но утверждал, что она продолжала присутствовать в его жизни. «Таинственным образом, но она всегда была со мной» [1, с. 8]. В годы Первой мировой войны Марсель работал в Красном Кресте и участвовал в поисках пропавших без вести, что вновь заставило философа обратиться к теме утраты. «Ежедневные контакты с семьями, переживающими за их [пропавших без вести] судьбу, потрясение людей, которые узнают о смерти любимого, все это глубоко в нем отзывается и приводит его к встрече со страданием и мукой» [2].

Нам интересен вопрос утраты как своеобразного перехода от состояния «присутствия» Другого к его «отсутствию» и то, каким образом этот переход связан со смертью. Расширение материала, на котором представляется возможным исследование этой связи, и включение в него драматических произведений философа кажется нам важным шагом, способствующем более глубокому анализу проблемы утраты Другого. Решение обратить внимание на пьесы Габриэля Марселя не случайно: некоторым образом, театр в творчестве Марселя способствовал приближению его мысли к различным философским вопросам.

В качестве примера мы рассмотрим пьесу Марселя «Завтрашняя жертва», которая была написана вскоре после окончания войны в 1919 году. События пьесы происходят именно в военные годы и, главным образом, касаются переживаний молодой жены об отсутствии супруга дома, его участии в сражениях и постоянной угрозе его жизни. Жанна Фрамон сжигает фронтовые письма своего мужа Ноэля, встречая непонимание со стороны его семьи, но доверительно общаясь лишь с его братом Антуаном, который в свое время пережил смерть любимой жены. Жанна специфическим образом «готовит» себя к смерти мужа и панически боится быть застигнутой врасплох этой новостью. Она настолько смирилась с мыслью о его скорой кончине, что приезд Ноэля домой на время отпуска становится для нее потрясением: она отказывается ему в близости, она отстранена и будто не узнает его.

«И даже не будь у меня такой уверенности, достаточно самой возможности несчастья, чтобы мысль о нем меня больше не покидала. Я так устроена, Антуан. Видите ли... мне всегда казалось, что принимать в расчет следует только худшее, именно потому, что оно — худшее» [3]. В эгоистичном стремлении обезопасить себя, Жанна буквально «хоронит Ноэля заживо».

Обращение к тексту пьесы продуктивно в том смысле, что наглядным образом демонстрирует возможность утраты Другого без его физического ухода, без факта смерти. Для самого Габриэля Марселя действительной утраты его матери так и не случилось даже после ее смерти, однако Жанна потеряла своего мужа еще при его жизни. «Завтрашняя жертва», таким образом, предвосхищает многие вопросы, которые гораздо позже были рассмотрены Марселем в его «Метафизическом дневнике». В этом тексте, спустя 13 лет после создания пьесы, Марсель даст нам (а, возможно, и себе) объяснение поведению Жанны, назвав подобное состояние «наваждением», которое безусловно связано с обладанием» [1, с. 81]. Если упомянуть центральное для философии Марселя разграничение «l' avoir» (обладания) и «l' être» (бытия), станет ясно, что отсутствие Другого возможно лишь в мире «обладания». При освобождении от объективирующего представления о смерти и от логики владения Другим, «существование умершего перестает [...] рассматриваться как существование какой-то вещи, которая разрушилась, или машины, которая сломалась» [1, с. 79]. Таким образом, говоря о физической смерти, Марсель далеко не всегда говорит об утрате Другого, об утрате важной с ним связи, т.е. о его отсутствии. «Чем в большей степени исчезнувшее существо действительно мыслится как бытие (но что это действительно означает?), тем в меньшей мере оно схватывается как владение и тем, следовательно, меньше его исчезновение будет ощущаться как потеря» [1, с. 82]. Действительно, в мире «l' être» «слово «терять» не имеет смысла» [1, с. 74] (так выразился Марсель по поводу годовщины смерти жены своего знакомого).

Переживания Жанны о Ноэля, таким образом, стоит рассматривать именно как следствие ее объективирующего отношения к нему. Антуан, который обычно относился к Жанне с пониманием и теплотой, в дни отпуска Ноэля, вдруг осознает неподлинность «любви» Жанны к мужу. В тексте пьесы об этом «осознании» нет ни слова. Читатель обнаруживает эту перемену, когда Антуан вдруг признается, что больше не сочувствует ей. Антуану не жаль Жанну, так как она не стремилась выбраться из состояния безнадежности, которое по словам Марселя представляет такое состояние души, «которое можно было бы назвать ее позитивной отрицательностью». Когда на месте «вещи» (которой можно обладать и потери которой можно бояться) появляется «ты», тогда верность ему «бросает вызов отсутствию и побеждает его, и, в частности, побеждает то отсутствие, которое представляется нам - без сомнения, обманчиво - как абсолютное и которое мы зовем смертью» [4, с. 120]. Антуан, не встречая этого вызова и верности Жанны, отныне считает, что муж стал для нее «боготворимым покойником», т.е. живым физически, но отсутствующим. Жанна не пытается преодолеть безнадежность во имя Другого, а наоборот, подготавливаясь к смерти мужа, «усугубляет» отсутствие, что по Марселю свидетельствует о неподлинности ее любви, о тотальности логики обладания.

Антуан произносит определение настоящей любви, важное для дальнейших философских

исследований Марселя:

«Любить — значит говорить любимому человеку: «Ты не умрешь, ты не можешь умереть» [2].

В этом высказывании не идет речь о смерти физической, а утверждается присутствие любимого. Именно подлинная любовь является условием присутствия для нас Другого, которое не прекращается даже после его смерти. Можно сказать, смерть не является существенным моментом для присутствия или отсутствия и не связана с ними. Таким образом, утрата как переход к отсутствию также не связана со смертью и представляет собой разрыв связи с близким, исключая отношения владения и основывающейся на истинной любви.

Литература:

1. Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Пер. с фр. В. П. Визгин. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 328 с.
2. Bruckert Th. Le théâtre de Gabriel Marcel : une philosophie en « actes» // Acta fabula. Vol. 20. No URL : <http://www.fabula.org/revue/document12199.php> [Дата обращения: 19.12.2019]
3. Марсель Г. Пьесы / Пер. с фр., вступ. ст. Г. Тавризян // М. : Изд-во гуманит. лит. 2002. URL : <https://e-libra.ru/read/508997-p-esy.html> [Дата обращения: 14.02.2020]
4. Опыт конкретной философии / Пер. с фр. В. П. Большаков и В. П. Визгин. М.: Республика, 2004. 224 с.

Конев В. А.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
профессор кафедры философии*

vakonev37@mail.ru

Аннотация: XX век отмечен грандиозными социальными потрясениями – войны, революции, крушение империй, национальные трагедии и национальные возрождения. Беспрецедентные успехи в развитии науки и техники кардинально изменили цивилизационный облик истории. Не менее значительные изменения происходили в мире культурных ценностей и смыслов. Автор выделяет шесть событий в европейской культуре и общественной жизни XX века, которые указывают на ценностные сдвиги в сознании современного общества и которые определяют ландшафт новой цивилизации: «Черный квадрат» Малевича, «На помине Финнеганов» Джойса, Освенцим, Сексуальная революция, Философия шестидесятников, Смартфон. Показано, что каждое из отмеченных событий особо акцентирует определенный культурный смысл – актуальность присутствия, креативность языка, историческую ответственность разума, личностный смысл свободы, новое понимания начала, необходимость ориентации в лабиринте гипертекста культуры.

Ключевые слова: культура, «Черный квадрат», «На помине Финнеганов», Освенцим, Сексуальная революция, смартфон.

Changes of values in the XX century culture.

Konev V. A.

Samara University

Abstract: The twentieth century was marked by numerous grand social upheavals - wars, revolutions, collapses of empires, national tragedies and national revivals. Unprecedented advances in science and technology have radically changed the face of civilization history, and no less significant changes occurred in the world of cultural values and senses. The author distinguishes six events in European culture and society of the twentieth century, which indicate the changes of values in the consciousness of modern society and define the landscape of a new civilization: they are Malevich's "Black Square", "Finnegans Wake" by J. Joyce, Auschwitz, The Sexual Revolution, The Philosophy of the Sixties, Smartphone. It is shown in the paper that each of these events emphasizes a certain cultural sense – such as the relevance of the presence, the creativity of the language, the historical responsibility of mind (reason), the personal meaning of freedom, a new understanding of the beginning, the need for orientation in the labyrinth of cultural hypertext.

Keywords: culture, "Black Square", "Finnegans Wake", Auschwitz, Sexual Revolution, Smartphone.

Шесть событий наиболее ярко свидетельствуют о сущностных сдвигах аксиологических плит европейской культуры, которые потрясли культуру и начинают определять ландшафт новой цивилизации.

Это «Черный супрематический квадрат» Казимира Малевича.

Это «На помине Финнеганов» («Поминки по Финнегану») Джеймса Джойса.

Это Освенцим.

Это Сексуальная революция.

Это Философия французских шестидесятников.

Это Смартфон.

1. «Черный квадрат»

Культура всегда обращается к человеку. Это обращение представлено конкретными культурными посланиями (культурными произведениями). Каждое послание несет в себе определенное

представление. Содержание культурного послания выражало представление о значимой для сообщества деятельности и правильном поведении индивида. Гарантом значимости и правильности были Боги, Герои, Идеалы, от имени которых говорили поэты, драматурги и скульпторы.

И вот появляется «Черный квадрат» – холст 80x80 см, на котором изображен черный квадрат в белом окладе. Что это за послание? Вся история культуры приучила каждого из нас видеть в произведении искусства значимый, к чему-то приобщающий нас смысл или момент эстетического (чувственного) потрясения. Здесь же нет ни того, ни другого. Но ты не можешь не реагировать. Реакции на что? А на само послание. «Черный квадрат» – это такое культурное послание, которое обращает внимание на сам факт получения послания: вот оно передо мной. А о чём оно, что оно значит – здесь пустота. Важно то, что никто не остается равнодушным перед этим посланием. «Черный квадрат» – это призыв к человеку. Явись! И тем самым представь себя – кто ты?

Так культура своим посланием потребовала от человека его непосредственного присутствия в этом мире. Кончается эпоха «заочной жизни» (А. Платонов) и наступает время «моего не-алиби в бытии» (М. Бахтин).

2. «На помине Финнеганов»

Два текста Джеймса Джойса «Улисс» и «На помине Финнеганов» возвышаются как два высочайших хребта в мощной горной системе мировой литературы XX века. С вершин этих хребтов открываются горизонты иной культуры. Начало XX века расшатывает то представление о порядке как природного, так и социального мира, которое утвердилось в сознании европейцев, начиная с античности. Теперь неожиданности, случайности вторгаются в жизнь человека и разрушают культуру порядка, утверждая культуру случая, культуру мира Протея. Джойс создает язык новой культуры.

Что это за язык?

Это язык свершающегося опыта, а не возможного опыта.

С особой силой энергия нового языка представлена Джойсом в его романе «На помине Финнеганов». Как заметил Сэмюэл Беккет, характеризуя роман: «Это не следует читать, точнее, это следует только читать. Это следует видеть и слышать. Его проза не о чем-то, а само ЧТО-ТО». Это что-то – жизненная энергия языка, его экспрессивная сила, способная увлекать читающего к самым истокам зарождения смыслов. Текст «Понины» – это машина смысла, машина «искусства понимания», шаг к разработке «тренинга понимания». Роман Джойса учит читать не буквенный текст, даже не художественный текст, как образный текст, а текст культуры, который существует в бесконечных переключениях. В романе Джойса буквально каждое слово должно быть понято не в его словарном значении, а как начало ряда отсылок к синонимам-антонимам-омонимам-паронимам, как окно, которое открывает панораму смыслов.

Лингвистический поворот, произошедший в философии в то же время, когда Джойс создавал свой роман, устами раннего Витгенштейна, заявил: «Границы моего языка означают границы моего мира» (ЛФТ 5.6). Джойс же показал, что язык границ не имеет, а значит, нет и границ моего мира. Лингвистические и стилевые инновации Джойса создают новую языковую форму для выражения события смысла, когда некое содержательное представление не отделяется от ситуации его зарождения/порождения, а несет его в себе, включает его в свою семантику.

3. Освенцим

Теодор Адорно в «Негативной диалектике» утверждает: Освенцим показал, что культура (европейская) потерпела крах. Как культура, давшая великих философов, композиторов, поэтов могла породить Освенцим! «Тот, кто ратует за сохранение культуры, пусть даже виновной во всех грехах, пусть даже убогой, тот превращается в её пособника и клеветника; тот, кто отказывается от культуры, непосредственно приближает наступление эпохи варварства; именно в этом качестве культура и разоблачила себя» [1, с. 327].

Где же выход?

Выход – в переоценке тех ценностей, которые воодушевляли культуру.

Европейская культура жила под знаком истины. Жрица истины – Наука – постигает истину самого мира, мира как он существует сам по себе, вне Бога, вне человека, вне ценностей, независимо от человека и без человека. Не удивительно поэтому, что мир, который на основе этой абстракции строится, абстрагируется от человека.

Вот «невинная» абстракция от человека: «Платон мне друг, но истина дороже». А вот другая её форма – за воротами с надписями: «*Arbeit macht frei*» - «Труд делает свободным», «*Jedem das Seine*» - «Каждому своё», где человек абстрагируется от жизни, отождествляясь со смертью.

Прав был Теодор Адорно, который сказал, что вторая мировая война породила новый категорический императив – нужно мыслить и действовать так, чтобы Освенцим не повторился.

4. Сексуальная революция

Сексуальная революция 60-70 годов XX века, которая захватила индустриально развитые страны, потрясла веками сложившиеся устои общественного порядка в двух узловых пунктах – изменение положения женщины в обществе и семье и снятие табу с сексуальных отношений. И в том, и в другом случае это кардинально расширяло аксиологическое поле свободы. И в этом не могла не прозвучать тема Освенцима.

Бетти Фридан, одна из лидеров американского движения феминизма, в книге «Загадки женственности» главу 12 назвала «Прогрессирующая дегуманизация. Уютный концлагерь». Благополучная жизнь в домике пригорода, когда вся жизнь сводится только к обслуживанию домашних, приводит американскую домохозяйку к внутреннему опустошению, ощущению собственной ничтожности. Почему? Ответ неожиданно приводит Фридан к сравнению жизни благополучных американок с жизнью узников концлагерей. Всё устройство лагерной жизни принуждало узников концлагерей забыть свою индивидуальность, отказаться от чувства собственного достоинства, смириться с лагерным миром и принять его как единственную реальность. «Домик в пригороде внешне не похож на немецкий концлагерь, и американским домохозяйкам не грозит газовая камера. Но они тоже оказались в плену и, чтобы освободиться, должны, наконец, распорядиться свободой и возродить в себе чувство собственной значимости», – заключает Фридан. Выход за пределы семьи, в общественную жизнь, оказался и сексуальным раскрепощением женщины.

Другой исток сексуальной революции – бунтующая молодежь. Битники, хиппи культу материального благополучия и традиционного уклада жизни противопоставили секс, наркотики, бродяжничество, джаз, способность быть непохожим.

Кульминацией торжества духа свободы, лично ощутимого наиболее остро в самой интимной области индивидуальной жизни, стали майские события 68 года в Париже. Май 68 не привел к положительному результату, но как протест против господствующих культурных ценностей он увенчался успехом. Валлерстайн: «Эти движения вспыхнули и отгорели так же ярко и так же дымно, как порох, не оставив и следа. Но когда они отгорели, оказалось, что устои патриархального авторитарного общества выгорели и обуглились изнутри».

5. Философия французских шестидесятников

Концепция историчности дискурсивных и недискурсивных формаций Мишеля Фуко показала, что формы мышления и практики классической эпохи исчерпали себя. Но если волны истории постоянно смывают лик человека с полотна культуры, а потом там появляется новое лицо, то где начало, где основание этого нового лица?

Таким основанием не может быть то вечное и неизменное начало бытия, о чем учила классическая метафизика. Нужно было научиться мыслить такое начало, которое порождает нечто (поступок, мысль, оценку, характер и т.п.), но не содержит его в себе. Так зарождалась новая философия о начале, которого нет, но которое обязательно де-конструируется, когда нечто свершилось. Философия лишает человека независимых от него оснований действия, того, что Деррида называет трансцендентальными основаниями. Но тогда что рождает действие? Желание! Желание не производно от нехватки, а само «производит реальное» [2, с. 49]. Философия Делёза радикально изменяет представление о действии человека. Так замкнулся круг – Джойс утверждал право человека не только на речь, но и на творение языка, а Делёз утверждает право человека не только на удобное расположение в мире, но на игру с миром по своим правилам, заполняя его событиями-симулякрами.

6. Смартфон

9 января 2007 года – день второго явления Черного квадрата, только теперь он приосанился и стал прямоугольником с закругленными углами. Это день презентации Стивом Джобсом первого *iPhon'a*. Этот черный (розовый, белый, золотистый) «квадрат» прямо взывает к человеку. Когда мы прикладываем его к уху, то слышим: «Где ты? Ты можешь говорить?». И ты должен отвечать, ответствовать, быть ответственным. Маленький черный прямоугольник изменил конфигурацию куль-

турного бытия человека. Не случайно Стив Джобс, расшифровывая смысл буквы *i* = *internet* в аббревиатуре *iPhon* заметил: «Эта буква означает для нас и другие вещи – *individual, instruct, inform, inspire* (индивидуальный, инструктировать/наставлять, информировать, инспирировать/вдохновлять)».

Смартфон открывает его пользователю огромный гипертекст мировой культуры и панораму социальных событий – это виртуальная реализация Джойсовского языка и Делёзовского ризомического мира событий. Возникает кардинальная проблема современной культуры – кто тот Вергилий, который проведет индивида по открывшемуся ему глобальному культурному миру?

Литература:

1. Адорно Т. Негативная диалектика. Пер. с нем. У. Л. Петренко. М.: «Научный мир», 2003. 374 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Пер. с фр. и послесл. Д. Краличкина; научн. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-фактория, 2007. 672 с.

Герой и трикстер: к анализу личности Гамлета Шекспира

Кочеров С. Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижегородский филиал), профессор департамента социальных наук. Доктор философских наук

kocherov@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка воссоздать образ Гамлета, каким он представлен в пьесе Шекспира и в восприятии зрителей того времени. Отмечается, что «аутентичный» Гамлет являлся героем-мстителем, более напоминающим своего прототипа Амлета у Саксона Грамматика, чем философствующего интеллектуала из современных постановок. Мироззрение шекспировского Гамлета рассматривается в статье через преломление в нем черт героя и трикстера, представляющих собой «светлую» и «темную» стороны его личности. Показывается, как по мере трансформации своей истинной задачи – от мести за убитого отца до борьбы с «морем смут» – Гамлет выходит за пределы героического идеала средневековья и выражает гуманистические идеалы человека нового времени. В финальной сцене он освобождается от «своего трикстера», подчиняя его власти разумного и культурного начала.

Ключевые слова: культурный герой, трикстер, сознательная личность, «тень», архаический героизм.

A Hero and a Trickster: Analyzing the Shakespearean Hamlet's Personality. Kocherov S. N.

National Research University Higher School of Economics in Nizhny Novgorod

Abstract: This paper attempts to reconstruct the figure of Hamlet as presented in Shakespeare's play and perceived by Shakespeare's contemporary audience. The "authentic" Hamlet, the avenging hero, is more akin to his prototype, Saxo Grammaticus' Amleth, than to a philosophizing intellectual seen in modern stagings. The Shakespearean Hamlet's worldview is analyzed as an amalgamation of the traits belonging to a hero and a trickster that represent respectively the "light" and the "dark" sides of his personality. Hamlet's true purpose having transformed from revenge for his murdered father into "taking up arms against a sea of troubles", he transcends the medieval heroic ideal and embodies humanistic ideals of the modern era. The final scene marks Hamlet's liberation from "his trickster", who is submitted to the rational and cultural principle.

Keywords: culture hero, trickster, conscious personality, shadow aspect, archaic heroism.

Образ Гамлета в мировой культуре традиционно воспринимается как одно из возвышенных и чистейших олицетворений трагического героя, что накладывает негласный запрет на поиск в нем признаков комического персонажа, если только речь не идет о современных постмодернистских постановках пьесы У. Шекспира. Благодаря Гете и немецким романтикам Гамлет вошел в сознание XIX века как носитель раздвоенного сознания, выразитель мировой скорби, своего рода Чайльд-Гарольд XVI века, как на автопортрете романтика Эжена Делакруа, изобразившего себя в образе Гамлета. Сама же трагедия Шекспира при таком подходе предстает как драма философского сомнения, достигающая кульминации в монологе «Быть или не быть», как свод раздумий героя о жизни и смерти, перебиваемых сценическими эпизодами – интригами, расследованиями, убийствами.

«У нас нет современного Шекспиру описания, изображающего какое-либо из представлений «Гамлета», – признавал известный советский театральный критик И. И. Соллертинский. – Но скажем откровенно: гётеанский безвольный герой, полный интеллигентных раздумий о смысле жизни, на фоне «веселой старой Англии» кажется почти что вопиющим модернизмом» [1, с. 218]. И если обратиться к специфике восприятия английской театральной аудитории во времена королевы Елизаветы и технике актерской игры того времени, отраженной в советах самого принца заезжим актерам, то восприятие образа Гамлета отчасти в комическом свете не покажется чем-то абсурдным. Современники Шекспира, посещавшие представления его пьес, заметно отличались от современной чинной театральной пу-

блики. Во время спектакля они громко говорили, шутили, смеялись, порой даже дрались. Действие «Гамлета», по всей видимости, завораживало их, прежде всего, сильным разнообразием впечатлений. Остроты Гамлета и шутки могильщиков вызывали у зрителей хохот, как и сцены безумия Гамлета и Офелии (над сумасшедшими в Англии XVI и XVII веков жестоко потешались). В поединке Гамлета с Лаэртом они видели занимательное зрелище, которое ставилось по всем правилам искусства фехтования [1, с. 218-219].

Как же они воспринимали знаменитые монологи принца Датского, над постижением глубинных смыслов которых вот уже почти три столетия бьются представители разных наук? Можно предположить, что для основной массы шекспировских зрителей его размышления вслух были не более чем искусным замедлением увлекательного действия перед тем, как со сцены на них обрушится очередной каскад неистовых страстей, зловещих деяний и грубоватых шуток. И главный герой должен был предстать во всех этих ипостасях, как это, вероятно, эффектно получалось у первого исполнителя роли Гамлета – Ричарда Бёрбеджа, в облике которого не было ничего «гамлетического».

Позволяет ли текст самой трагедии Шекспира сделать вывод о наличии в Гамлете признаков трагикомического героя? Ответ на этот вопрос, возможно, следует искать в показном безумии Гамлета. Исследователи, как правило, не замечают, что, исходя из логики действия, герою незачем притворяться сумасшедшим. В начале пьесы король Клавдий не проявляет к нему никакой вражды, будучи вполне доволен тем, что, лишив жизни своего брата, занял место его сына на троне. Поскольку принцу не грозила смерть со стороны дяди, уверенного, что его преступление осталось в тайне, Гамлету, узнавшему правду о гибели отца, было бы разумнее изобличить убийцу, играя роль любящего сына и верного подданного. Выдавая себя за безумного, он, напротив, вызвал подозрения короля, коварный ум и нечистая совесть которого побудили его искать способы избавиться от племянника. Однако такой образ действий принца оправдан его характером. Предпочтя прикинуться сумасшедшим, Гамлет показал тем самым, что родовая месть не вполне подходит для его здравого ума, т.е. для него, когда он является самим собой! Символично, что этот спонтанный, не объясненный даже другу Горацио выбор героя был сделан им после того, как его сознанию явилась «тень» – Призрак его отца.

Поведение Гамлета, избравшего безумие формой борьбы со своими врагами, дает основание для открытия в нем черт лицедея, мистификатора и манипулятора, насмешника и мстителя в одном лице. Так происходит потому, что культурный герой в нем сочетается со своей «тенью» – трикстером. К. Юнг, создавший учение об архетипах в аналитической психологии, выделил его как один из паттернов коллективного бессознательного. «Он, – характеризует трикстера Юнг, – и нечеловек, и сверхчеловек, и животное, и божественное существо, главный и наиболее пугающий признак которого – его бессознательное. ... Хотя на самом деле он не злой, он совершает ужасающе жестокие поступки просто из-за бессознательности и покинутости» [2, с. 347]. Принц, готовый не «смириться под ударами судьбы», не может, как ни пытается себя заставить, втиснуть свое сознание в слишком узкие для него рамки вершителя родовой мести, что вступает в тяжкий конфликт с его долгом перед отцом и ... пробуждает в его душе трикстера.

В чем проявляется сходство поступков Гамлета с поведением трикстера? Во-первых, в его показном безумии, которое становится, скорее, демонстративным вызовом всему королевскому двору, чем действенным способом усыпить подозрения своих врагов. Во-вторых, в его «шутовских» ответах Клавдию, в которых можно обнаружить намеки на то, что принц знает, кто убил его отца. В-третьих, в скабрзностях в адрес Офелии, которой Гамлет не может простить того, что она не оправдала его ожиданий. В-четвертых, в насмешках на кладбище над величием Александра и Цезаря, прах которых, по его словам, вызывает не больше почтения, чем останки любого умершего человека. В-пятых, в признании в любви к шуту Йорику, которое Гамлет делает, обращаясь к его черепу. Показательна и сцена его расспросов первого могильщика, когда принц делается мишенью его двусмысленных острот, как нередко бывает с хитроумным, но не приспособленным к обычной жизни трикстером.

Исследователи, указывающие на черты трикстера в Гамлете Шекспира, находят их либо в его имитации безумия [3], либо в архетипе, общем для Гамлета и Амлета у Саксона Грамматика [4]. Конечно, в отличие от древнего Амлета, трикстер которого имеет более жестокий, «звериный» характер, трикстер Гамлета ведет себя, скорее, как хитрец, «пересмешник», искусный мистификатор. Вместе с тем не следует недооценивать опасность, которая от него исходит. Гамлет в трагедии стал вольным или невольным виновником гибели шестерых человек, из которых глубокое сожаление у него вызвала только смерть Офелии. Как герой-мститель Гамлет, каким он изображен в тексте трагедии

Шекспира, остается гораздо ближе к своему прототипу у Саксона Грамматика, чем к современному интеллигенту, которым его чаще всего представляют в театре и кинематографе. Трикстер в Гамлете зло смеется, чтобы убедить других в безумии героя и заодно развлечь «почтенную публику». Однако порой в нем слышен голос отчаяния одинокого человека, вступившего в героическую, но безнадежную борьбу с «целым морем бед».

Присутствие в Гамлете черт трикстера проливает новый свет на породивший вековые споры вопрос о том, почему принц медлит с осуществлением своей мести. Согласно К. Юнгу, появление «тени» в душе человека «стало возможным только тогда, когда достижение нового и более высокого уровня сознания позволило ему оглянуться и увидеть низшее и более грубое состояние» [2, с. 346]. В сознании шекспировского Гамлета тесно переплелись гуманистические взгляды человека нового времени и ценности, традиции и предрассудки эпохи средневековья. При этом «низшим и более грубым» для Гамлета является, конечно, не героический этос как таковой (в конце концов, он и сам герой, только нового времени), но кровная месть как проявление идеала архаического героизма, воплощенного для него в отце. На это обратил внимание, в частности, Е.М. Мелетинский. «В шекспировском «Гамлете», – пишет он, – строго героическому идеалу как бы соответствует только отец Гамлета... В образах Фортинбраса и особенно Лаэрта (выполняющего родовую месть) этот архетип сильно снижен, а в самом Гамлете осложнен и преодолен рефлексией, обнаружившей бессмысленность «эпической» активности в условиях всеобщего нравственного упадка, своекорыстных интриг и т.п. ...» [5, с. 34-35].

Сознание Гамлета все еще находится под воздействием обаяния героического идеала прошлого, что наглядно проявляется в его монологах, в которых он постоянно корит себя за слабость и трусость. Однако по ходу пьесы он избавляется от своей «тени», вытесняя ее в бессознательное. Нельзя не заметить, что обман и уловки применяются им в основном только тогда, когда принц оказывается в затруднительном положении, при котором его разум и отвага не гарантируют выполнения задуманного. Когда Гамлет, наконец, вершит возмездие, он не выпускает на волю «трикстера», а поступает как классический герой. Поэтому символично, что в финале трагедии он закалывает Клавдия как обличенного виновника гибели своей матери и собственной смерти, но даже не объявляет о том, что мстит ему за убийство отца, как этого неукоснительно требует обычай родовой мести, освященный духом архаического героизма.

Литература:

- Соллертинский И. И. «Гамлет» Шекспира и европейский гамлетизм // Памяти И. И. Соллертинского. Воспоминания, материалы, исследования. Л.-М.: Советский композитор, 1974. С. 211-231.
- Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. Киев: Гос. библ. Украины для юношества, 1996. 384 с.
- Прохорова О. Н., Чекулай И. В. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве // Научн. ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. №6 (101). 2011. Выпуск 9. С. 213-221.
- Гаврилов Д. А. Священное безумие принца Гамлета / Гаврилов Д. А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. М.: Ганга, Слава!, 2009. С. 265–275.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.

Социогенетические основания монгольской цивилизации: особенности архаического сознания

Красиков В. И.

Всероссийский государственный университет юстиции. Доктор философских наук, профессор

KrasVladIv@gmail.com

Сандаг Энхтуяа

Ведущий научный сотрудник общества «Знание» Монголии. Кандидат философских наук, доцент

enhtuyas@yahoo.com

Аннотация: В докладе представлены особенности архаического сознания древних обитателей центрально-азиатских степей как одни из важнейших предпосылок складывания последующей монгольской цивилизации. Сквозной линией развития местного мифосознания была эволюция по схеме «образ-фетиш - образ-тотем - образ-дух». На стадии мифосознания, когда в центре его стоял «образ-фетиш», представление человека не отделено от самих предметов и их действий. В качестве тотемов у монголов выступали родовые и племенные предков. Кроме общих духов-предков существовали и «личные» духи, духи-охранители. При переходе от собирательско-охотничьего образа жизни к кочевому произошла и трансформация анимистических представлений в более сложные, позднемифологические (традиционные). Центральный образ монгольского мифосознания – образ Вечного Синего Неба. Особенностью монгольского сознания является также развитая цветовая символика, когда с цветом ассоциировались определенные устойчивые значения, этические и эстетические представления. Итак, мы видим трансформацию комплекса мифологических черт раннего сознания монголов в черты сознания, специфицирующие особенности складывающегося номадизма в центрально-азиатских степях: сложные символические системы, описывающие небесные иерархии с вплетенной в них развитой цветовой символикой.

Ключевые слова: мифосознание, древние монголы, фетиш, тотем, анимизм, небесные иерархии, охота и номадизм.

Sociogenetic foundations of the Mongolian civilization: features of archaic consciousness. Krasikov V. I.; Sandag Enkhtuaa

All-Russian State University of Justice ; Knowledge Society of Mongolia

Abstract: The authors consider the features of the archaic consciousness of the ancient inhabitants of the Central Asian steppes as spiritual prerequisites for the formation of the Mongolian civilization. They believe that the “image-fetish - image-totem - image-spirit” evolution is the end-to-end line for the development of local mythological consciousness. At the stage of the “image-fetish” man represented the world without separating it from his actions. The ancient Mongols sacralized their ancestral and tribal ancestors and they had “personal” spirits or guardian spirits. When people switched from a hunting way of life to a nomadic one, their views were transformed into more complex late mythological ideas. The central image of the Mongol mythological consciousness is the image of the Eternal Blue Sky. Traditional Mongolian consciousness also has complex color symbolism when certain stable ethical and aesthetic ideas are associated with color. So, we see the transformation of the complex of mythological features of the early consciousness of the Mongols into the features of consciousness that specify the characteristics of emerging nomadism in the Central Asian steppes, namely, complex symbolic systems describing celestial hierarchies with developed color symbolism interwoven in them.

Keywords: mythology, ancient Mongols, fetish, totem, animism, heavenly hierarchies, hunting and nomadism

Исследователи называют Монголию географическим феноменом, не имеющим аналогов на земле. Действительно, в ее пределах находится самый южный очаг распространения вечной мерзлоты, а в западной части страны, в котловине Больших озер, проходит самая северная в мире граница сухих пустынь (расстояние между линией распространения вечной мерзлоты и началом пустынь не превышает 300 километров). По температурным колебаниям, как суточным, так и годовым, Монголия является одной из самых континентальных стран мира (где максимальная годовая амплитуда колебаний температуры в Улан-Баторе достигает 90 градусов): зимой там свирепствуют сильные морозы, а летняя жара в Гоби может сравниться только с тропической.

Подобные условия, вместе с крайне резко пересеченным рельефом степей и сопков создавали условия только для двух видов хозяйственно-культурного типа: первоначального, общего для всего человечества, охотничье-собираательского и кочевого. Причем кочевничество было распространено на территориях, которые не могли быть освоены и не осваивались другими видами жизнеобеспечивающей деятельности.

Миф, мифосознание в истории монголов связаны с древнейшим периодом – ориентировочно от 300 тыс. лет до н.э. – до середины 2 тыс. до н.э. (эпоха бронзы, завершение процесса складывания пастушеских племен) [1, с. 27].

Если говорить о сквозной линии развития мифосознания, то наиболее вероятно, что оно шло по схеме «образ-фетиш - образ-тотем - образ-дух». Подобное вычленение исходит из устойчивой традиции анализа мифосознания как исторической смены последовательного преобладания в комплексе мифологических представлений фетишизма, тотемизма и анимизма.

На стадии мифосознания, когда в центре его стоял «образ-фетиш», представление человека не отделено от самих предметов и их действий. Так в одном из дошаманских памятников говорится: «прошу благоденствия у хозяев гор, которые возвышаются, и виднеются, у хозяев трав и деревьев, пышно растущих, у хозяев текущей воды, у хозяев водоворотов в излучинах, у хозяев дующего ветра, у хозяев лежащего камня» [2, с. 5]. Здесь можно выделить своеобразный синтетический комплекс: «предмет - мысль – действие», где явления природы: гора, трава, деревья, вода, ветер; одухотворения («хозяева») сопряжены с соответствующими действиями: возвышаться, расти, течь, дуть, лежать, представляют некое диффузное явление. Вещи предстают не сами по себе, а как силы, скрытые возможности воздействия на человека и другие предметы внешнего мира.

Поверье монголов о «заадын чулуу» – дословно о «разбивающем камне» сохраняет отголоски именно таких представлений. Вероятно, в первоначальном восприятии «заадын чулуу», должен был мыслиться как камень, с помощью которого человек сможет разбивать любую твердость и уничтожать любое чудовище. «Разбивающий камень» у древних монголов отождествляется также и с молнией, и с грозой.

В качестве тотема у монголов-бурят первоначально выступали звери, птицы, рыбы. Так широко был распространен культ медведя в Бурятии, причем его называли не его собственным именем, а другими, например, «хаан-хун» (царь-человек), «дахатай уьгэн» (старик в дохе). К числу тотемов относились также волк и собака. Если убивали волка, то пролитую кровь забрасывали снегом или землей, считая, что в противном случае будет ветер со снегом или дождем. Небезынтересно напомнить, что ханский род монголов (Чингис-хана) вел свое происхождение от «бурте чоно» (волка). Кроме этого в качестве тотемов выступали из животных – соболев, белка, горностай, хорек и заяц («таван хушуута» – пять почетных или главных); из рыб – налим, таймень и др.; из птиц – лебедь («хон-цуубун»), коршун («элеэ») и орел («шубуун-нойон») [3, с. 72-77].

Ранний тотемизм позднее перестает в поклонение предкам – душам умерших, объединяясь в единый синкретичный комплекс. Считалось, что умершие предки, их души постоянно незримо участвуют в делах и судьбах своих потомков, отсюда обычаи их умилоствления. В «Алтан тобчи» («Золотое сказание») такой обряд называется «Ихэ Ирэгу» («Великая мелодия») [4, с. 71, 317, 278]. Обряд совершался весной, и во время поклонения душам покойников приносилась в жертву пища, часть которой тут же сжигалась. Монголы правящего рода «борджигин» считали свою прародительницу Олун-гоа и в ее честь устраивали «Мэнгэн Ирэгу». Кроме общих духов-предков для каждого рода существовали и «личные» духи, духи-охранители, нечто, похожее на «гениев» в греко-римской мифологии. Существовали и «гении-хранители» родов – так у ханского рода монголов таким «гением» стала «Хоногчин», которая спасла Тэмуджина и его семью от меркитов.

Охарактеризуем мифологический пантеон древних монголов. Ключевым образом монгольской мифологии является образ Неба. Для мифосознания предков монголов тоже характерны наиболее общие семантические оппозиции, проистекающие из бинарности человеческого мышления и практики.

Центральные оппозиции здесь: «Небо-Земля», а также «восток-запад». Противопоставление уранического и хтонического начал означает не только противопоставление верха и низа, одновременно они несут в себе мужское и женское начала, представляя собой первую божественную пару, которая породила всех других божеств. В целом же структура космоса у монголов троична. Есть «верхний» мир, где обитают «тэнгэри» (божества), «низший мир» – вотчина злых духов (царство Эрлик-хана) и, наконец, «средний» или «срединный» мир – мир людей. Здесь мы видим достаточно хрестоматийную для мифосознания локализацию пространства, несущее в себе антиномичные характеристики, в которых верхний мир – светлый, голубой, просторный и благодатный; нижний – господство вечного страха, мрака, холода и зловония. Центральный образ, обуславливающий собой специфику монгольского мифосознания – образ Вечного Синего Неба («Хухэ Мунхе тэнгэр»).

Слово «тэнгэр» имеет несколько значений: 1) небо как божество; 2) духи или гении, населяющие небо – «небожители», покровительствующие и охраняющие не только человека, но и все живое (могут быть и добрыми, и злыми, у каждого человека есть свой тэнгэри); 3) физическое небо. Слово «тэнгэри» принадлежит к словам, общим для тюркских и монгольских народов. Кроме того, как отмечают исследователи, в самом названии «Вечное Синее Небо» налицо синкретичность - противоположность «материального» (Синее) и «духовного» (Вечное

– указывает на изначальность и несотворенность) [5, с. 194].

В монгольском языке существует обозначение физического неба «тэнгэр» и одновременно употребление этого слова как обозначающего высшую, безличную силу – «тэнгэр минь». Древним скотоводам небо представлялось вначале как одновременно всеильное и капризное божество и материальное существо. Со временем представление о небе расширилось, усложнилось, оно стало рассматриваться как особый мир, где обитает множество богов, обладающих определенными качествами и функциями, но подобный людям. Дарующее или творческое действие неба обозначается у монголов словом «дзаяга», «дзая», переводимое как «судьба», «рок». Однако небо у монголов – это не единый бог и творец-создатель как в мусульманстве и христианстве. Это синкретичное представление, соединяющее в себе и религиозные и «материалистические» взгляды. Также тэнгэр – не только вечное и могущественное начало, оно источник власти на земле. Так в «Алтан Тобчи» говорится о Чингиз-хане, как о рожденном Небом. «Силой вечного неба» – так начинались «билики» (грамоты и ярлыки) монгольских императоров.

Тэнгэрины – привилегированный слой, стоящий на самой верхней ступени мифологического Олимпа центрально-азиатских племен и народов. Их жизнь похожа на жизнь властвующих на земле людей, они имеют жен и детей, владеют богатством, веселятся и пьют, капризничают. Каждая из этих божеств и групп имеет свое назначение и обычно выступает в роли «эжина» (хозяина). Одни из них олицетворяют явления природы и атмосферы, другие – страсти и способности людей, болезни, а также выступают покровителями ремесленников и т.д. Плюрализация и дробление тэнгэринов, распадение их на группы или лагеря, возглавляемые вождями, постоянная их борьба, образ жизни и деятельности – все это удивительно напоминает древних кочевников, в котором проходил процесс расщепления, выделения господствующих слоев, родоплеменной знати во главе с вождями-каганами.

И, наконец, особенностью монгольского сознания является развитая цветовая символика, когда с цветом ассоциировались определенные устойчивые значения, этические и эстетические представления. Причем в основном в ходу был набор пяти цветов: черного, красного, белого, синего (голубого) и желтого. Но особым вниманием со стороны монголов пользовались черный и белый цвета, их названия чаще чем названия других цветов, встречаются в ономастике, особенно в топонимике. Белый цвет – сакральный цвет, выражал собой все возможные добродетели – отсюда культ естественного белого цвета – молока и молочных продуктов, белых животных, белого войлока (на нем поднимали вновь выбранного на курултае хана). Соответственно бинарной оппозиции, черный – символ негативного, профанного. Однако, в отличие от белого цвета, черный цвет амбивалентен – помимо негатива и несчастья, он означал одновременно и «север», и «внушающий страх», «безрассудно отважный». Другие цвета не столь значимы: синий обозначал вечность, постоянство, верность (тождественен Небу); красный – символ радости; желтый – любви, симпатии, милосердия (здесь в качестве отдельного «подсвета» фигурирует «золотой» как символ нетленности истинности).

Таким образом, мы видим плавную трансформацию комплекса мифологических черт раннего сознания монголов, родственного остальным народам (фетишизм, тотемизм, анимизм) – в черты сознания, специфицирующие уже особенности складывающегося номадизма в центрально-азиатских степях: довольно сложные символические системы, описывающие небесные иерархии с вплетенной в них развитой цветовой символикой.

Литература:

1. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
2. Сэндэнжавын Дулам. Образы монгольской мифологии и литературная традиция. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1982. 26 с.
3. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
4. Данзан Лубсан. Алтан тобчи (Золотое сказание). М.: Наука, 1973. 440 с.
5. Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник 1977 года. М.: Наука, 1981. С. 183-202.

Философия культуры Жермены де Сталь

Кротов А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры. Доктор философских наук

umo@philos.msu.ru

Аннотация: Детальная реконструкция интеллектуальной культуры Нового времени, как и истории романтического движения, тесно связана с философской концепцией Жермены де Сталь. Особое значение для философии культуры имеет ее истолкование различных этапов культурной истории, их направленности, специфики и основных достижений. В учении де Сталь своеобразно переплетаются просветительские и романтические мотивы, соединение которых рождает уникальный взгляд на общественную жизнь. Ее видение будущего определялось как впечатлениями от событий Великой французской революции, так и представлениями о роли философии в истории культуры. Философия культуры Жермены де Сталь, включенная в контекст интеллектуальных достижений эпохи, служит важной характеристикой одного из наиболее значимых аспектов эволюции европейской мысли.

Ключевые слова: романтизм, французская философия, Жермена де Сталь, философия XIX века.

Germaine de Staël's philosophy of culture.

Krotov A. A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The detailed reconstruction of the intellectual culture of the Modern history, like the history of Romanticism, is closely related to the philosophical concept of Germaine de Staël. Particular importance to the philosophy of culture had her interpretation of the various stages of cultural history, their orientation, specificity and major achievements. In G. de Staël's doctrine motives of Enlightenment and Romanticism are inherently intertwined, the connection of them gives rise to a unique view of public life. Her vision of the future was defined by both impressions of the events of the French Revolution and perceptions of the role of philosophy in the history of culture. Germaine de Staël's philosophy of culture, included in the context of the intellectual achievements of the epoch, serves as an important characteristic of one of the most significant aspects of the evolution of European thought.

Keywords: Romanticism, French philosophy, Germaine de Staël, philosophy of the 19th century.

В многообразном наследии Жермены де Сталь особое место принадлежит философии культуры. Ее концепция примечательна, прежде всего, тем, что, будучи создана в переломную эпоху, она отразила в себе важнейшие коллизии времени. В ней нашли определенное воплощение и идеалы просветителей, и установки революционной эпохи, и личный опыт писательницы. Философия культуры Жермены де Сталь представлена, прежде всего, в таких ее трудах, как «О литературе», «О Германии», «Рассуждения о французской революции». В трактате «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800) она развивала идею совершенствования человеческого рода. Идея эта истолковывается ею отнюдь не прямолинейно: подчеркивая наличие предела в совершенствовании изящных искусств, она отвергала ограничения «развитию мысли». Если западноевропейской литературе Нового времени, согласно Ж. де Сталь, затруднительно превзойти шедевры древности, то в сфере философии картина иная. «Философия древних была богаче воображением и беднее логикой, нежели философия нового времени. Древняя философия сильнее потрясала душу, однако она запросто могла внушить людям ложные понятия и была весьма мало способна к развитию» [1, с. 325]. В философии Ж. де Сталь предпочитает Локка Платону, с ее точки зрения в метафизике следует практиковать метод «математических доказательств». Этот метод уже используется в естественных науках и его надлежит перенести и в сферу «духовную». На ее взгляд, философия вовсе не противостоит религии, поскольку обе согласуются с разумом. Противостояние между ними возникает, когда поборники суеверия, фактически выступая в защиту привилегий и несправедливости, начинают рассуждать о необходимости

подчинять философию внешнему для нее авторитету, призывают людей отказаться от собственных суждений. Ж. де Сталь солидаризируется с Кондорсе в утверждении о том, что статистические данные могут в будущем служить основой для политических решений. В реализации подобного утверждения для нее заключается очередной шаг в совершенствовании человечества. С ее точки зрения подлинная политическая наука еще только должна быть создана на основе достижений культуры Нового времени. Математика для этого необходима, но не достаточна: во времена революции находились сторонники ужасного по своим последствиям убеждения, согласно которому ради блага большинства следует приносить в жертву часть граждан страны. Уничтожение людей, ни в чем не повинных, нельзя оправдать никакими расчетами, поэтому математический метод следует соединять с моралью. Моральное совершенствование связано с развитием науки, ведь чем больше человек получает власти над природой, тем более его следует ограничивать в возможностях творить зло. В духе энциклопедистов автор трактата «О литературе» призывает объединиться всех талантливых людей и действовать совместно во благо человечества. Особенности национальных литератур она стремится свести к специфике их политической, иногда и религиозной истории. В своем сочинении «О Германии» (1813) Жермена де Сталь выделяла два больших этапа всемирной истории: один, по ее мысли, охватывает все события до распространения христианства, другой – последующие. Культурное содержание этих двух эпох определялось ценностями язычества и христианства. Литература изначально была тесно связана либо с принципом рыцарства, либо с «греко-римскими установлениями». Противопоставляя античный художественный стиль современному, романтическому, она возводит последний к традициям трубадуров. Классический стиль в литературе является подражанием античности, он все еще господствует во французской среде, его отличают «простота и ясность», выдвигание на первый план роли фатума в человеческой судьбе. Напротив, в германской и английской литературе широкое влияние приобрел романтизм с его установкой на вдохновение, на воспевание отваги, любви и сострадания. Место фатума занимает провидение. С романтизмом Ж. де Сталь связывает будущее французской, как и мировой литературы вообще: «романтическая литература – единственная, которая могла бы еще быть усовершенствована, поскольку, имея свои корни в нашей собственной почве, она единственная, которая могла бы расти и вновь оживать; она выражает нашу религию; она напоминает о нашей истории: ее происхождение древнее, но не античное [2, р. 214]. Как справедливо отмечает В. П. Визгин, «Картина германской культуры, в том числе – философской, данная Жерменой де Сталь, сочетает изящество формы с продуманностью содержания. Как мыслитель и писатель она сумела соединить французскую культуру позднего Просвещения с восприимчивостью к новой германской культуре, в которой проницательно угадала мощный подъем, долженствующий обновить творческие силы других народов» [3, с. 140]. Заметим, что в романе «Коринна» (1807) Ж. де Сталь дает весьма примечательное описание собора святого Петра, используя его для выражения представлений о значении христианства для мировой культуры: «когда под этими огромными сводами слышатся издали зыбкие шаги дряхлого старца, бредущего по прекрасным мраморным плитам, орошенным потоками слез, – тогда начинаешь постигать, сколь велик человек даже в самой слабости своей природы, подвергающей стольким мукам его божественную душу, тогда начинаешь понимать, что в христианстве, этом культе страдания, заключена истинная тайна кратковременного пребывания человека на земле» [4, с. 59]. В «Рассуждениях о французской революции» (1818) Ж. де Сталь заявляла о своей готовности беспристрастно характеризовать недавние события, как если бы речь шла о чем-то давно прошедшем. Она стремилась оценивать революцию не изолированно, а в связи со всей мировой историей. «Революция во Франции – одна из великих эпох социального порядка» [5, р. 63]. Современники революции, считающие ее случайным событием, ничего не поняли в прошлом человечества и не способны представить его будущее. Ибо революция – явление, ставшее необходимым в силу причин весьма отдаленных, постепенно оказывавших свое воздействие на людей. Правильно рассматривать ее как событие, подготовленное целыми веками. По мнению Ж. де Сталь, все «главные кризисы в истории» определялись развитием идей и были необратимы. Подобного рода установка, разумеется, вполне типична для просветительской мысли. Автор «Рассуждений о французской революции» предлагает читателю принять во внимание прогрессивное движение от рабства к феодальному землевладению, несправедливость античных социальных отношений и неизбежность их крушения. Общая схема дальнейшего развития такова: короли искали союза с народами против могущества баронов в своем стремлении к абсолютной власти. Священнослужители оказали большие услуги человечеству в «темные века», но после Реформации скорее стремились удерживать разум людей в узких пределах, чем способствовать его развитию. В свою очередь, городская буржуазия заявила свои притязания на

политические права. В Англии социальные улучшения произошли прежде, чем в других европейских государствах: в результате революции народом была обретена свобода. Это событие послужило началом перехода к новому этапу всемирной истории, смысл которого, согласно Ж. де Сталь, в установлении представительного правления. Отсюда очевидно, как надлежит истолковывать французскую революцию: «одно и то же движение в умах произвело революцию в Англии и во Франции в 1789 году. И та и другая принадлежат к третьей эпохе движения социального порядка» [5, р. 69]. Таким образом, в основе философии культуры Ж. де Сталь лежит идея прогресса, причем характерная для просветительской традиции идея совершенствования человечества подвергается определенной трансформации, включает интерпретацию событий революционной эпохи как необходимого продолжения всей предшествовавшей истории. В рамках концепции совершенствования в ее философии культуры значительное место отведено сопоставлению двух эпох, языческой и христианской, которые предстают в многообразии их проявлений. Оригинально она истолковывает особенности национальных литератур и характеров. Захватывающе интересны ее характеристики известных памятников европейской культуры. Учение Ж. де Сталь оказало значительное влияние как на последующее развитие романтизма, так и на интеллектуальную культуру XIX столетия в целом. Различные элементы ее концепции сохраняют свою актуальность и сегодня: мысли о представительном правлении, о плодотворности соединения статистических методов с нравственными установками в науке и др.

Литература:

1. Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М.: Искусство, 1989. 476 с.
2. Staël G., de. De l'Allemagne. Paris: Flammarion, 2001. Т. 1. 382 p.
3. Визгин В. П. Франкофоб Франсуа Везен и германофилка Жермена де Сталь: к правдивой истории франко-германского философского диалога // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 137 – 144.
4. Сталь Ж. де. Коринна или Италия. М.: Наука, 1969. 436 с.
5. Staël G., de. Considérations sur la Révolution française. Paris: Tallandier, 1983. 693 p.

Неоварваризация как усиливающаяся тенденция в культуре

Лаврухина И. М.

Азово-Черноморский инженерный институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде, профессор. Доктор философских наук

lavruhina_i@inbox.ru

Аннотация: Представлены точки зрения относительно феномена неоварваризации в культуре, а также формы его проявления. Рассмотрена точка зрения Ф. Ницше, согласно которой вопрос о подлинном существовании человека решается победой «дионисийского» человека над «аполлоническим». Внедрение «первобытной силы» рассматривается как «оздоровление» истории. Согласно А. Тойнби и Х. Ортега-и-Гассета, процесс варваризации порожден развитием самой цивилизации и связан с распространением массовой культуры и уходом от цивилизационных норм и ценностей. Н. А. Бердяев считал сущностью варваризации господство техники и механистичность. Сложность и стихийность глобальных процессов в XX в. породили предпосылки для варваризации культуры и появления нового исторического субъекта - неоварвара. В культуре переходного периода появляются социальные структуры и формы сознания, сущностно схожие с архаикой. В качестве форм проявления варваризации указываются иррационализация культуры, появление синкретических структур и концептов в научном знании, деструкция языковых форм, ремифологизация массового сознания, воскрешение дохристианских религиозных культов и традиций, доминирование «клипового сознания» и др. Архаизация общественной жизни проявляется также в отказе от идеи прогресса, в появлении догосударственных форм самоорганизации общества и самозакрывающихся формах этнического сознания. Ориентированная во вне цивилизационная модель общества с бинарным сознанием сменяется интровертной моделью с синкретическим сознанием. Признанные идеалы и эталоны культуры модерна девальвируются, в жизни усиливаются игровые компоненты. В статье отмечена необходимость взглянуть на проблему варваризации позитивно, как на необходимую стадию в развитии общества, когда в силу сложившихся обстоятельств актуализируются ранее утраченные или вытесненные формы культурной самоорганизации, которые позволяют преодолеть сложности современного общества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, неоварваризация, неоархаика, глобализация, цивилизационный кризис.

Neobarbarization as a growing trend in the culture.

Lavrukhina I. M.

The Azov-Black Sea engineering Institute – branch of FGBOU VO “The Don state agrarian University” in Zernograd

Abstract: The article presents the points of view regarding the phenomenon of neobarbarization in culture, as well as forms of its manifestation. The author considers the point of view of F. Nietzsche, according to which the question of the true existence of man is solved by the victory of the “Dionysian” man over the “Apollonian” one. The introduction of “primal power” is seen as a “recovery” of history. According to A. Toynbee and H. Ortega-y-Gasset, the process of barbarization is generated by the development of civilization itself and is associated with the spread of mass culture and the departure from civilizational norms and values. N A. Berdyaev considered the essence of barbarism domination of technology and mechanical quality.

The complexity and spontaneity of global processes in the XX century gave rise to the prerequisites for the barbarization of culture and the emergence of a new historical subject – neo barbarian. In the culture of the transition period, social structures and forms of consciousness appear that are essentially similar to the archaic. The irrationalization of culture, the appearance of syncretic structures and concepts in scientific knowledge, the destruction of language forms, the remifologization of mass consciousness, the resurrection of pre-Christian religious cults and

traditions, the dominance of “clip consciousness”, etc. are indicated as forms of manifestation of barbarization.

The archaization of social life is also manifested in the rejection of the idea of progress, in the appearance of pre-state forms of self-organization of society and self-closing forms of ethnic consciousness. An introverted civilizational model of society with a binary consciousness replaces an outwardly oriented model with a syncretic consciousness. Recognized ideals and standards of modern culture are devalued, game components are strengthened in life.

The article notes the need to look at the problem of barbarization positively, as a necessary stage in the development of society, when, due to the circumstances, previously lost or repressed forms of cultural self-organization are actualized, which allow us to overcome the difficulties of modern society.

Key words: culture, civilization, neobarbarization, neoarchaean, globalization, civilizational crisis.

Отказавшись от мысли, что развитие культуры является линейным и поступательным процессом, мы тем самым допускаем и мысль о возможности культурных возвратов. Сегодня можно говорить о новой мощной волне неоварваризации, которая становится, по сути, культурной нормой. В связи с этим возникают следующие вопросы: причины и механизмы неоварваризации, всегда ли она разрушительна для культуры.

Ф. Ницше считал, что прорыв «здоровой первобытной силы» в границы культуры обновляет историю и способствует положительной трансформации «больного сократовского» человека, носителя слабеющей западноевропейской культуры. «Весь сотворенный нам мир бьется в сетях александрийской культуры и признает за идеал вооруженного высшими силами познания, работающего на службе у науки теоретического человека, первообразом и родоначальником которого является Сократ» [1, с. 126]. Но такой человек не обладает полнотой существования, и вопрос о том, может ли человек владеть своей жизнью Ницше решает в рамках дистинкции «аполлонический человек - дионисийский человек». Аполлон олицетворяет собой чувство меры, самоограничения, контроль над инстинктивными желаниями, в нем выражен принцип индивидуации, когда человек уже отделился от плоти и крови рода. Аполлон хочет дать людям покой, но за счет отделения людей друг от друга. Дионисийский человек не нуждается в красоте Аполлона, он дик и ужасен, но испытывает подлинный восторг от растворения своей индивидуальности в докультурной стихийной энергии, от природного единения с другими людьми.

Аффекты человека «...сущностно первичны по отношению к мышлению, к рефлексии, лежат в их основе и ими затемняются, искажаются.... Аполлоническое начало становится серьезным препятствием осуществлению дионисийского начала, в котором воля к власти обнаруживается прямо и честно, хотя и не льстит испорченному «аполлоническому» человеку, пугает его протуберанцами неуправляемой силы хаотического вида» [2, с. 41]. А Дионис, напротив, соединяет человека с человеком, и природа, ранее отчужденная и враждебная, снова примиряется со своим блудным сыном - человеком.

К. Н. Леонтьев считал, что человечество «...должно же когда-нибудь погибнуть и окончить свое земное существование» [3, с. 73], и нет перспективы в истории, поскольку на фоне стареющих мировых цивилизаций перестали появляться «молодые», сильные духом этносы, которые могли бы дать толчки для развития истории.

Н. А. Бердяев полагал, что следствием развития самой цивилизации в XX в. являются «... процессы варваризации, огрубения, утраты совершенных форм, выработанных культурой. Это будет... варварство, заложенное в самой технике цивилизации. Такова диалектика самой цивилизации. В цивилизации иссякает духовная энергия, угашается дух - источник культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие» [4, с. 264-265]. Отметим эту мысль о возможности варварства в благородном смысле слова.

Об относительности границ между варварством и цивилизацией, об уязвимости самой цивилизации говорили Д. Мережковский, П. Сорокин, А. Швейцер.

А. Тойнби, как и Н. А. Бердяев, считал, что варваризация - это «болезнь» стран с серьезными цивилизационными достижениями. «Закат цивилизации» вывел на историческую арену новых

игроков - неоварваров. Вариантом «нового варвара» Х. Ортега-и-Гассет считал «массового человека» современной культуры, который пользуется цивилизационными достижениями как данным, не осознавая их подлинной ценности и не желая их защищать. Все нарастающая динамика в развитии культуры приводит к ее растущей хрупкости, а людей, способных понять причины этого и предложить средства для решения возникающих цивилизационных проблем, становится все меньше [5]. Фашизм и коммунизм – это попытки решить их архаическими средствами.

Формы, в которых происходит варваризация культуры, многообразны. Прежде всего, это нарастающая тенденция иррационализации духовной культуры, проявляющаяся в отказе от научного знания в пользу магии и фантастики; в ремифологизации массового сознания; в закреплении культурных достижений чаще всего в визуальных и вербальных формах, а не письменных, как ранее; в широком распространении фрагментарного, «клипового» сознания. Ценности культуры модерна угасают и девальвируются [6].

Мощная мировоззренчески формирующая идея трансцендентного все чаще выражается в раннецивилизационных религиозных и эзотерических формах. Новые религиозные движения воскрешают дохристианские традиции и культы. Механизм трансляции базовых знаний отдаленно напоминает механизмы примордиальной традиции Р. Генона.

Значительным свидетельством того, что активно формируется новая ситуация, «неоархаика», по мнению А. Е. Чучина-Русова, является формирование в современном научном обиходе неких синкретических структур, «концептов современного знания, построенных по бинарно-архетипическому, амбивалентно-гендерному принципу наподобие архаических инь-ян, мифологически-сказочных кентавров, двуликого Януса, царевны-лягушки, чудища-принца и т.п.» [7, с. 5]. Таковыми он считает в физике бинарную модель атома и корпускулярно-волновой дуализм, в биологии – соотношение генотипа и фенотипа, доминантности и рецессивности, амбивалентность стволовых клеток и т.д.

Страховская И. Г. указывает на то, что с развитием цивилизации в массовом сознании утрачивается способность многовариантного ассоциирования. Принцип теоретического мышления «восхождение от абстрактного к конкретному», по сути, является движением «вверх по лестнице, ведущей вниз». «Человек научился мыслить и выражать свои мысли конкретно, однозначно, прямолинейно, очень локально - и в бытовой жизни, и в науке, и в искусстве. Линейное мышление стало разлагать амбивалентное слово на ряд не связанных между собой его конкретных значений и, тем самым, уничтожать его природу. Процессы диссоциации стали вытеснять ассоциативные процессы, в связи с чем деструкция языковых структур стала повсеместной» [8, с. 21].

Нарастающие неравновесность и хаотичность общественной жизни, усиление диспропорции между развивающимися и развитыми странами разрушают высокий цивилизационный уровень сложности и способствуют формированию архаических социальных структур и форм сознания. Идея прогресса утрачивает свою ценность. Новые формы самоорганизации тяготеют к догосударственным формам, новые формы этнического сознания – к самозамыканию. На смену экстравертной цивилизационной модели отношений с бинарным сознанием приходит интровертная синкретическая модель с нерасщепляющимся сознанием. Жизнь протекает без закреплённых идеалов и эталонов с усиливающимися игровыми компонентами [9, с. 34].

Справедливости ради отметим, что проект «новоархаизма» поддерживается не всеми.

«Новоархаический проект - не менее эпатажный и не менее ценный в этой своей «непричесанности» для культуры, чем постмодернистский - в конечном счете, станет лишь очередной вехой, о которой нынешние «критики критической критики» только и скажут (как сегодня о постмодерне): «Знаем, читали...». Ну и слава Богу.» [10].

Объясняется это тем, что, к сожалению, сегодня исследование проблемы варваризации культуры носит фрагментарный характер, семантически ясно не соотнесены понятия неоварваризации и неоархаизации.

Нам же представляется интересной попытка взглянуть на указанную проблему позитивно, выявив функциональную значимость механизмов варваризации для культуры. Эту мысль мы снова находим у Ницше, который считал, что правота воля к власти не означает автоматического признания культа силы. Власть истощает себя, если действует лишь во внешнем принуждении. Воля к власти не растрачивается по пустякам, она утверждает себя как воля к жизни с возрастанием последней. Истинный лидер прежде всего властвует над собой.

Возможно, актуализация уже утерянных, вытесненных или не до конца реализовавшихся форм культурной самоорганизации является не шагом назад, а проявлением принципа многообразия.

Литература:

1. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Соч. в 2 т. Т.1. Литературные памятники / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 47-157.
2. Гуленина С. В., Стрелец Ю. Ш. Фридрих Ницше о метафизическом и психологическом горизонтах Воли к власти // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №7. С. 40-48.
3. Леонтьев К. Н. Избранное: очерки, эссе / Сост., вступ. ст., И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, Московский рабочий. 1993. 393с.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA PRESS. Paris V. 1969. 269 с. 5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002. 509 с.
6. Хачатурян В. М. Проблема архаизации и «нового варварства» в современной научной мысли. [Электронный ресурс]. URL: <http://neoregion.ru/news/276-hachaturyan2.html>
7. Чучин-Русов А.Е. Концепты современного знания // Вестник славянских культур, 2012. № 2. С. 5-13.
8. Страховская И. Г. Диффузные процессы в современном культурном пространстве // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: Институт славяноведения, 2008. С. 19-27.
9. Чучин-Русов А. Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24-41.
10. Уваров М. С. «Новая архаика» в пути / ANTHROPOLOGY.WEB-КАФЕДРА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/uvarov-ms/novaya-arhaika-v-puti>

Негативные стороны формализации культуры

Лебедева Л. Н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Армавирский государственный педагогический университет», аспирант

unikalna@yandex.ru

Аннотация: Массовая культура, являющаяся феноменом постиндустриального общества, несет в себе особо выраженный потенциал управляемости, который может быть использован как во благо, так и во зло. При этом в полный рост встает проблема недообразованности, отсутствия духовной глубины и нехарактерных для этноса аксиологических трансформаций. Возможности СМИ позволяют либо усугубить ситуацию, либо, напротив, исправить ее, сделав социальные сети и медийную культуру рупором здоровых аксиологических императивов и площадкой для формирования образовательной среды.

Ключевые слова: форма, формализация, культура, массовая культура, негативные последствия.

Negative aspects of the formalization of culture.

Lebedeva L. N.

Federal State Educational institution of higher education «Armavir State Pedagogical University»

Abstract: Mass culture, which is a phenomenon of post-industrial society, bears a particularly pronounced potential for controllability, which can be used both for good and for evil. At the same time, the problem of underdevelopment, lack of spiritual depth and axiological transformations uncharacteristic for the ethnic group arises to its full potential. The capabilities of the media allow either to aggravate the situation, or, on the contrary, to correct it by making social networks and media culture a mouthpiece of sound axiological imperatives and a platform for the formation of the educational environment.

Keywords: form, formalization, culture, mass culture, negative consequences.

Вместе с увеличением информационной составляющей в культуре, усиливаются в ней и процессы формализации, с которыми связан целый ряд изменений в антропогенном пространстве, имеющих как положительный характер, так и негативный [1, 2]. Происходит не просто частная трансформация одного какого-либо сегмента культуры. Возникают глобальные изменения, касающиеся и способов мировосприятия, и аксиологических воззрений, и проблем, относящихся к духовной составляющей культуры и транслирующихся в социум в виде смены нормативов сознания, деформаций социокультурной релевантности. Происходит трансформация понятия девиантного, приличного, нравственного. Модифицируются способы межличностных коммуникаций, все больше переходя в виртуальную плоскость. Изменяются требования к образованию и его результатам, которые предъявляет новая культурная реальность, именуемая в научной литературе постиндустриальной эпохой. Возникают совершенно новые культурные формообразования, такие как компьютерные игры, социальные сети, интерактивные музеи и прочие интерактивные объекты, и многие другие, предоставляющие площадки для ранее невозможных социальных воздействий. Массовая культура, конкурирующая с элитарной, становится средством и самовыражения, и самореализации, и, в то же время, манипуляции. Идея тотальной рационализации делает возможными изыскания, направленные на формализацию категорий, относящихся к социуму и социальному. А их практические результаты помогают осуществлять процессы фрейминга – преднамеренного, управляемого искажения в восприятии информации индивидом и сообществом, что в свою очередь создает определенную угрозу гуманитарной безопасности государства. За счет ненавязчивого вмешательства посредством средств массовой информации (СМИ) и массовых коммуникаций (СМК) в сферы ментальности нации, а также за счет ни чем не ограниченных в безграничном информационном пространстве возможностей его осуществления со стороны любых заинтересованных лиц, происходят процессы утраты национальной идентичности, а также процессы дистанционного управления массами, плод которых можно наблюдать в виде «цветных революций». В научном дискурсе даже появляется термин «информационный

неоколониализм».

Конечным продуктом формализации является построение работоспособной формальной модели, позволяющей прогнозировать поведение рассматриваемых в формальной системе объектов. При этом согласно свойству истинности логической импликации, гласящему, что из лжи может следовать что угодно, независимо от соответствия выясненных законов объективным реалиям формальная модель может давать верные прогнозы в силу своей лингвистической природы и условности. Для правильного функционирования системы достаточно соблюсти принятые в лингвосистеме условности и правила. Эта особенность делает возможной формализацию систем с большим числом степеней свободы, которые представляет собой социум. В результате, построение формальных моделей общества и протекающих в нем процессов, может давать практический результат даже в случае недопонимания принципов взаимодействия в обществе и не слишком верной формализацией задачи, что наглядно демонстрируют труды В. А. Лефевра, В. О. Лобовикова, А. И. Кулакова и других [3, 4, 5]. На основе построенных теоретических моделей возможна реализация заранее заданных социальных изменений при помощи социальных практик, осуществляемых в рамках массовой культуры. В результате особую актуальность получают вопросы сохранения духовной автономии, отмежевания от насильственных манипулятивных воздействий через формирования собственного мироощущения и мировидения.

Формализация культуры достигает своего апогея в эпоху, современную нам. При этом она предоставляет повышенные возможности для управления социумом и трансляции аксиологической системы в сознание масс. Данные возможности могут быть использованы в позитивном русле для улучшения экономической ситуации и увеличения политической стабильности. Но так же они становятся одним из самых мощных видов оружия, а культура приобретает стратегическое значение для сохранения национальной идентичности и суверенности. Ситуация, наблюдаемая сейчас в мире, отражает политическое воздействие на умы масс, осуществляемое заинтересованными в нестабильности сторонами. При этом очевидно, что личностный фактор, всестороннее развитие и информационная культурность, в массовой культуре приобретают особо важное значение. В очередной раз возникает понимание необходимости в личной духовной автономии. Возможности СМИ позволяют либо усугубить ситуацию, либо, напротив, исправить ее, сделав социальные сети и медийную культуру рупором здоровых аксиологических императивов и площадкой для формирования образовательной среды.

Наука, являющаяся частью культуры, подвержена влиянию остальных сегментов культуры, и включает в себя не только формальный аппарат, но и элементы искусства в виде эвристического потенциала и акта творения, и элементы веры в непогрешимость научного знания, в аксиомы, кажущиеся очевидными, в верность научной парадигмы, до тех пор, пока она не устареет, и прочее. В результате, в науке имеются трудности формализации, связанные с невозможностью построения замкнутых непротиворечивых научных теорий из-за структурных особенностей формальной системы. Также сложности в развитии научного знания, связанные с субъективностью восприятия и прайминговыми ошибками из-за догмы и подверженности исследователей влиянию научных авторитетов, иллюстрирует множество примеров из истории науки. В результате возникает необходимость формирования нелинейного, творческого мышления. Эта задача может быть реализована в рамках образовательной системы, организованной с учетом запросов современности.

Литература:

1. Лебедева Л. Н. Тенденция формализации культуры // Общество: Философия, история, культура. 2016. № 9. С. 67-70.
2. Лебедева Л. Н. Явление формализации культуры: плюсы и минусы История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник / гл. ред. А. А. Панарин; зам. гл. ред. Ю. В. Приймак; отв. ред. С. Н. Малахов. Вып. XV. Армавир: РИО АГПУ, 2018. С. 152-159.
3. Кулаков Ю. И. Теория физических структур. (Математические начала физической герменевтики). Новосибирск: Альфа Виста, 2004. 839 с.
4. Лефевр В. А. Алгебра конфликта: дилемма заключенного, имитация решений, рефлексивное управление. М.: URSS, 2007. 59 с.
5. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 408 с.

Лепешкина Л. Ю.

Поволжский государственный университет сервиса, доцент кафедры «Гостеприимство и межкультурные коммуникации». Кандидат исторических наук

lara_yura@list.ru

Аннотация: В статье показывается репрезентация игры в похоронно-поминальном обряде.

Традиционному обряду были присущи состязательность, смена ролей, следование определенному сюжету, жесткая регламентированность и территориальная ограниченность. Важную роль в его осуществлении играло противопоставление категорий «свой – чужой» в различных вариациях, поэтому традиционный похоронно-поминальный обряд воспринимался как сакральное действие. В настоящее время игровые элементы обряда становятся частью виртуальной реальности. В Интернет-пространстве, преимущественно в социальных сетях, создается определенная цифровая среда поминовений и переживаний об умерших людях. Делается вывод о том, что разрастание данной среды приведет к «обеднению» похоронно-поминального обряда, совершаемого в реальной жизни, посредством постепенной утраты им традиционных символов памяти: проводы умершего, поминальные дни, посещение кладбища. Новизна статьи состоит в том, что рассмотрение обряда в его сакральном и виртуальном значениях демонстрирует изменчивость социальных представлений о жизни и смерти, стремление человека уйти от реальных проблем и погрузиться в цифровое бытие.

Ключевые слова: похоронно-поминальный обряд, игра, «свой», «чужой», сакральное, виртуальная реальность, цифровая среда.

The being of the game in the funeral rite: from sacralization to virtualization.
Lepeshkina L. Yu.

Volga Region State University of Service

Abstract: The article shows the representation of the game in the funeral rite. The traditional rite was characterized by competitiveness, change of roles, following a certain plot, strict regulation and territorial limitations. The opposition of the “us-them” categories in various variations played an important role in its implementation, therefore the traditional funeral rite was perceived as a sacred action. The game elements of the rite now are becoming a part of virtual reality. In the Internet space, mainly in social networks, a certain digital environment of remembrance and feelings about dead people is created. It is concluded that the growth of this environment will lead to the “impoverishment” of the funeral rite which is performed in real life through the gradual loss of traditional memory symbols: farewell ceremony for the deceased, memorial days, visiting the cemetery. The novelty of the article is that the consideration of the rite in its sacred and virtual meanings demonstrates the variability of social ideas about life and death, the desire of a person to get away from real problems and immerse himself in digital being.

Keywords: funeral rite, game, “us”, “them”, the sacral, virtual reality, digital environment.

На игровую природу культуры в свое время обратил внимание голландский культуролог Й. Хейзинга. Он сравнил игру и культуру, выделив в них общие черты, которые помогают человеку социализироваться [1]. Традиционный похоронно-поминальный обряд, будучи неотъемлемой частью культуры, на протяжении своего развития также включал игровые элементы: проводы умершего в загробное путешествие, применение обережной магии, заговоров, причитаний при его поминовении и т.д. Все эти элементы отвечали потребности в символическом устранении смерти, которая, забрав с собой чью-либо душу, продолжала угрожать остальным членам общины.

Актуальность исследования похоронно-поминального обряда обусловлена его исторической динамикой, в результате которой он отражает как лакмусовая бумага изменчивость не только моральных

ценностей и представлений людей о жизни и смерти, но и специфику взаимоотношений в различных социальных группах, степень стабильности межэтнических и межпоколенных связей. Целью данной статьи является осмысление способов репрезентации игры в похоронно-поминальном обряде. Поскольку игра лежит в основе культуры, ее проявления в обрядовой деятельности заслуживают внимания в условиях глобализации и возникновения виртуальной реальности.

В философии, культурологии и этнографии бытие игры в культуре рассматривалось в трудах Х. - Г. Гадамера, Й. Хейзинги, Ф. Арьеса, Л. М. Ивлевой, А. К. Байбурина и др. Как справедливо отмечала Л. М. Ивлева, в игре создается определенное поле для фантазии, образов, сюжетов и даже идеологии [2, с. 48]. И, действительно, в традиционном похоронно-поминальном обряде игровые элементы выражали себя через отношение к смерти, покойнику, его родственникам, распределению ролей между ними. Зачастую игра в данном обряде осуществлялась на уровне использования противоположных друг другу категорий: «свой – чужой», «живой – мертвый», «человек – нечеловек», «добро – зло», «старое – новое» и т.д. Участники обряда, оперируя этими категориями, уходили из полной скорби реальности, погружались в пространство игры, в котором надо было четко исполнять свои роли.

Противопоставление в игровой форме «своего» и «чужого» при совершении обряда позволяло менять статус умершего и участников ритуального события, то включая их в какую-либо социальную группу, то исключая из нее. Согласно теории обрядов перехода, предложенной французским этнографом А. ван Геннепом, в обрядовых церемониях погребения и поминовения используются прелиминарные (исключающие умершего из «своих»), лиминарные (промежуточные, переводящие главного «героя» события в состояние «не свой – не чужой») и постлиминарные (включающие покойника в группу «чужих») ритуалы [3, с. 15]. Аналогичная смена статуса происходит и с живыми участниками похоронно-поминального обряда: они есть «свои» друг для друга в конкретном семейном или родовом коллективе и становятся «чужими» по отношению к умершему. Такое вариативное поведение в обряде способствует психологическому «переключению» его инициаторов от мыслей о трагичности события на важность соблюдения всех этапов ритуала ради благополучного путешествия души умершего в загробный мир.

Главной целью игры в традиционном похоронно-поминальном обряде было «приручение» смерти, выражаясь языком Ф. Арьеса [4], и формирование комфортной среды для постоянного взаимодействия сакрального и мирского, «своего» и «чужого», живого и мертвого. Поэтому само исполнение похоронно-поминального обряда не вызывало излишне горестных чувств и страха перед смертью. Всевозможные разговоры, прибаутки, сказки, упоминания о смерти («От смерти не посторонишься», «Смерть на живот дана» [5]) среди представителей традиционной культуры не превращались в табуированные темы в противовес тому, что характерно для современного общества. В этом случае похоронно-поминальный обряд не «драматизировался», а помогал приблизиться к вечности.

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер утверждал, что игра «происходит в мире, определяемом серьезностью цели» [6, с. 147]. Она предполагает «освобождение, возвращение в истинное бытие. Представление игры выявляет то, что есть» [6, с. 159]. Следовательно, бытие игры в традиционном похоронно-поминальном обряде позволяло, с одной стороны, отвлечься от трагического события, а с другой – заставить задуматься его участников о важности их единения, о хрупкости жизни и одновременно возможностях символически решить проблему ее дискретности.

В повседневности, в круге рутинных дел, многие явления и аспекты взаимоотношений между людьми «завуалированы», «затемнены», но в похоронно-поминальном обряде, совершаемом в условиях жесткого регламента и конкретного пространства, раскрывается их подлинный смысл, когда происходит «удивительное переключение с уровня ежедневной жизни, забот и рутины на уровень актуальных ценностей» [7, с. 17]. Соответственно обряды создают для их участников ощущение сопричастности с возвышенным, сакральным, творческим и патетическим, исцеляющим человеческий разум для будущих испытаний.

В XX в. под влиянием индустриализации, мировых войн и начавшегося процесса глобализации отношение к жизни и смерти существенно трансформировалось. Во многих культурах возникло стремление защитить сознание индивида от трагических мыслей. Ритуалы подготовки к смерти (заблаговременная покупка гроба, одежды и пр.) стали ассоциироваться с чем-то постыдным, устаревшим и даже абсурдным. В западном обществе в последнее время пропагандируется идея об активной личности, не зависящей от возраста. Такая личность должна избегать печальных вопросов

в силу их «вредности» для ее молодости. В результате тема смерти табуируется, а потребность в традиционном похоронно-поминальном обряде утрачивается.

В частности, в России наблюдаются следующие процессы в похоронно-поминальной обрядности: возрождение религиозных традиций, например, христианских или исламских, не сопровождается архаизацией погребальной практики, наоборот, происходит уменьшение ритуализации похоронного обряда, его схематизация, доведение до автоматизма. Эта деятельность регулируется законами, инструкциями и постановлениями.

В исполнении похоронно-поминального обряда задействован целый ряд специалистов: медицинские работники, сотрудники похоронного бюро, священнослужители, могильщики и т.д. Подобная институализация обряда ведет к его стандартизации, исключению игровых элементов. Игровое начало обнаруживается лишь в ритуалах прощания и поминовения умерших.

Организация и проведение похорон сегодня превратились в бизнес, который развивается по законам рынка. Рынок ритуальных услуг можно охарактеризовать как высококонкурентный и высокоприбыльный. Само появление и существование ритуального бизнеса в нашей стране оказывают серьезное влияние на похоронно-поминальный обряд и определяют его идейное наполнение.

В подобных условиях возникает вопрос о присутствии игры в современном похоронно-поминальном обряде, если многое в нем продумано и стандартизировано. Безусловно, традиционный обряд имел четкий алгоритм осуществления и был жестко регламентирован, но он не исключал творческой составляющей, глубокой веры в единение с сакральным и вечным. Богатый фольклорный материал народов России – причитания, стихи и пословицы – исторически хранил то трепетное отношение к жизни и смерти, посредством которого обряд обретал свой смысл.

В современном похоронно-поминальном обряде возникли иные игровые элементы. Они относятся уже не к области распределения ролей в обряде, противопоставления «своего» и «чужого», «живого» и «мертвого», а к сфере восприятия смерти и касающихся ее ритуалов. Наилучшим образом бытие игры в обряде отражает глобальная сеть Интернет. В ней создаются сайты, посвященные различным традициям погребения и поминовения усопших; форумы, на которых обсуждаются проблемы развития похоронной отрасли, 3D-модели умерших людей и др. Область переживания от потери близкого человека зачастую может переноситься в виртуальное пространство, «из офлайн в онлайн». Данное явление получило название танатосенситивность, т.е. осмысление смерти и связанных с ней процессов в цифровой среде [8]. Танатосенситивность предусматривает формирование аккаунтов или виртуальных территорий, где люди смогут онлайн выражать свое горе, быть в трауре, скорбеть, устраивать поминки, призывая присоединиться к этому других участников цифровой среды. Причем формирование такой среды должно учитывать культурные различия пользователей, но не регламентировать их поведение. Участники цифровой среды сами разрабатывают тактику поминовения умерших.

В настоящее время в качестве виртуальной площадки для воспоминания об умерших, организации по ним поминок является социальная сеть Facebook. Множество аккаунтов мертвых людей там уже существует на уровне «виртуальных личностей»: им могут писаться письма и комментарии, их могут приглашать в новые Интернет-сообщества. Но, как предсказывают зарубежные исследователи, данная сеть к 2070 году превратится в «цифровое кладбище», поскольку к этому периоду умрет примерно 750 млн. пользователей, но их аккаунты сохранятся [9].

Более того, с виртуализацией представлений о смерти и похоронно-поминальном обряде вводится понятие «мемориальная экология», где пользователь самостоятельно выбирает информацию для воспоминания и скорби и применяет собственную символику траура. Безусловно, подобная индивидуализация в виртуальном пространстве может привести к «обеднению» похоронно-поминального обряда, совершаемого в реальности, например, через отсутствие потребности провожать умершего в последний путь, организовывать поминки, посещать кладбище; к утрате живой коммуникации среди его участников; к разрыву межпоколенных связей. В цифровой среде исчезают роли «своих» и «чужих», распространенные в реальной жизни, в ней все участники трансформируются в «своих», а, значит, умирает сама игра, помогающая психологически пережить трагическое событие.

Таким образом, современная похоронно-поминальная обрядность постепенно лишается своего сакрального смысла, переходит в состояние тиражирования на уровне цифр, символов, Интернет-мемов и чат-ботов. Как мир живых людей становится наполовину виртуальным, так и мир мертвых подвергается виртуализации.

Литература:

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 539 с.
2. Ивлева Л. М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 1998. 193 с.
3. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. В. К. Ронина; Общ. ред. С.В. Оболенской; Предисл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. 520 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV: Р-Я. М.: ТЕРРА, 1995. 688 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Пер. с нем.; Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
8. Мороз О. Феномен танатосенситивности цифровой среды // ПостНаука. 23 октября 2018. URL: postnauka.ru.
9. Öhman C. J. Watson D. Are the dead taking over Facebook? A Big Data approach to the future of death online // Big Data & Society. 2019. Vol. 6. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2053951719842540>.

Листвина Е. В.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии. Доктор философских наук

listvamer@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема региональной культуры с позиций рискогенности современного общества. В настоящее время уделяется большое внимание развитию регионов, и региональная культура может выступать в роли мощного интеграционного ресурса. В то же время ее консолидирующие возможности имеют и дезинтеграционный резерв, который способен проявиться в различных сферах существования региона (собственно культурной, демографической, этнографической, административной, историко-краеведческой, географической, социологической). Таким образом, социокультурное пространство региона нуждается в комплексном исследовании и многоаспектном рассмотрении факторов его развития. Это необходимо для выстраивания сбалансированного развития как отдельных регионов, так и всего социума в целом, чтобы подготовленно и аргументированно реагировать на динамичные вызовы современной эпохи, прогнозировать и разрабатывать программы социального развития.

Ключевые слова: социальные риски, регион, культура, социокультурный ресурс, межкультурное взаимодействие, консолидационные процессы.

Regional culture: risks and consolidation resources of modern society.

Listvina E. V.

Saratov State University

Abstract: The article deals with the problem of regional culture from the perspective of risk-taking in modern society. Currently, much attention is paid to the development of regions, and regional culture can act as a powerful integration resource. At the same time, its consolidating capabilities also have a disintegrating reserve, which can manifest itself in various spheres of the region's existence (cultural, demographic, ethnographic, administrative, historical and local history, geographical, sociological). Thus, the socio-cultural space of the region needs a comprehensive study and multidimensional consideration of the factors of its development. This is necessary for building a balanced development of both individual regions and the entire society as a whole, in order to respond in a prepared and reasoned manner to the dynamic challenges of the modern era, to forecast and develop social development programs.

Keywords: social risks, region, culture, sociocultural resource, intercultural interaction, consolidation processes.

Проблема рискогенности современного общества становится одной из актуальных в последние десятилетия. Социальные риски охватывают практически все стороны социальной жизни. Проблемы культуры также подвержены рискогенным процессам, в том числе и те, что связаны с развитием региональной культуры.

Для начала необходимо определить, в каком аспекте возможно использование дефиницию «регион». Так, в Указе Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. за № 803 под регионом понимается «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий». При этом отмечается, что «регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» [1]. В Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанной Министерством регионального развития Российской Федерации в 2006 году, были

намечены основные процессы, трансформировавшие регионы Российской Федерации на ближайшие 15 лет. Среди них была отмечена «новая регионализация России, в ходе которой появляются новые регионы как культурные и социально-экономические образования, выстраиваемые на основе общей социальной и хозяйственной жизни поверх старых административных границ» [2, с. 123]. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [3] и выдвинутая в 2019 году «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [4] продолжили рассмотрение формирования регионов с учетом новых условий.

В настоящее время существует множество **определений** понятия «регион». По мнению некоторых ученых, оно обладает свойством полисемии. В каждой научной дисциплине оно трактуется по-разному и связано с приоритетом того или иного регионообразующего фактора. Таким образом, в содержании этих дисциплин отмечается многообразие **объектов и предметов** региона. Чаще всего специалисты рассматривают этот феномен в рамках *географических наук*, подчеркивая его геопрородное начало. При этом используются термины «пространство», «ландшафт», «район», «территория», «агломерация». В современной *экономике* регионы – субъекты РФ, крупные естественные экономические районы, федеральные округа, территориально и экономически связанные территории разных стран, существенная экономическая территориальная составляющая страны. В *политологии* объединяющим признаком региона становится интегрирующий географический фактор территории одной или нескольких стран. Теория государственного управления трактует регион как субъект, права и обязанности которого закреплены законами (например, конституцией). Анализ источников по *социологии* свидетельствует о новых подходах к пониманию понятия «регион», который в последнее время выступает как форма территориальной организации социальной структуры общества, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов.

По мнению Г. М. Казаковой, регион можно определить как пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определенного регионального типа, сформировавшийся как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, **протекающих на конкретной территории** [5, с. 113]. Отсюда – потребность в рассмотрении его разнообразных ресурсов. Культура является одним из мощнейших консолидирующих ресурсов региона. Можно согласиться с И.Л. Мурзиной в ее определении региональной культуры, под которой она подразумевает *специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей*. Ее отличает наличие своего набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и определенного типа личности. Региональная культура является вариантом общенациональной культуры и в то же время самостоятельным явлением, обладающим своими закономерностями развития и логикой исторического бытия, способностью оказывать влияние на общенациональную культуру. И.Л. Мурзина отмечает, что региональная культура является и состоянием, и процессом, ее развитие обусловлено внешними факторами (в частности, влиянием столичной культуры), и внутренними факторами (природно-географическими, социально-экономическими, **историческими, этническими, религиозными**) [6, с. 10-11].

Таким образом, региональная культура является особым социокультурным феноменом, обладающим не только внешними характеристиками (пространственная локализация, территориальная соотнесенность с ядром национальной культуры), но и внутренней спецификой (местные традиции, система ценностей, самобытность мировосприятия, осознание своей принадлежности к региональному сообществу, ощущение территории как необходимого условия существования этого сообщества, создание регионального культурного стиля). Приобретая определенную специфику, региональная культура, вместе с тем, сохраняет неразрывное единство с общенациональной культурой, трансформируя ее содержание с учетом местных условий. С точки зрения системно-типологического подхода региональная культура рассматривается как целостная знаковая система, отражающая определенный хронотоп, накапливающая культурный заряд, который обладает важным фактором сбалансированного существования всей социокультурной системы общества [7].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что региональная культура обладает мощным консолидирующим ресурсом, однако одновременно эти ресурсы создают и определенное рискогенное поле, что придает региональным процессам особое звучание.

Обозначим эти факторы:

- ресурс так называемой «материнской культуры» (И. Л. Мурзина), лежащей в основе культуры региона, который в последнее время становится все более размытым. Миграционные процессы, мобильность граждан, информационная прозрачность, поликультурность практически каждого российского региона – все это позволяет представителям различных субкультур региона вступать в спор о месте и роли «своей» культуры в формировании культуры региона и ослаблять традиционно принятые характеристики регионов;

- *продолжающий эту проблему демографический ресурс* специфики трудовых потенциалов, развития миграций с позиций культурной динамики, усиливающий культурное разнообразие региона и обостряющий социокультурные коммуникации в межпоколенческом, межэтническом, межконфессиональном аспекте;

- *географический ресурс* как выявление социокультурного резерва естественных, природных условий региона также может выступать одновременно и консолидационным и рискогенным фактором, поскольку отношение к земле и ландшафтам как основе существования той или иной культуры с позиций каждой из них может становиться точкой столкновения;

- административный ресурс, который акцентирует внимание различных возможностях и способах объединения представителей различных культур в отдельных регионах (так называемые национально-культурные объединения, диалогии, влияющие на различные стороны региональной жизни);

- *историко-краеведческий ресурс* как выявление исторических фундаментальных особенностей жизни на данной территории, когда представители каждой из культур могут продемонстрировать свои достижения и либо содействовать культурному балансу, либо вступать в культурное соревнование;

- подчеркивающий это *этнографический ресурс* определения социокультурного вклада этнического состава населения региона;

- *социологический ресурс* как исследование влияния на культурный потенциал региона деятельности определенных социокультурных групп, их воздействия на многообразные региональные процессы.

Литература:

1. Указ Президента РФ «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1996 г. за № 803 // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/ (дата обращения 28.12.2019).
2. Концепция «Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» (в сокращении) // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 3(4). Т. 2. С. 122-138.
3. Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // URL <https://constitution.garant.ru/act/federative/71587690/> (дата обращения 28.12.2019).
4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // URL <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 28.12.2019).
5. Казакова Г. М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках // Вестник МГУКИ. 2007. № 3. С. 110-115.
6. Мурзина И. Л. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. 244 с.
7. Звягинцева М.М. Константы региональной культуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1 // URL <https://cyberleninka.ru/article/n/konstanty-regionalnoy-kultury> (дата обращения 28.12.2019).

Философское высказывание и прагматика культуры (на примере понятия экзистенции у С. Кьеркегора)

Лунгина Д. А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории и теории мировой культуры, доцент. Кандидат философских наук

loungina@yandex.ru

Аннотация: В докладе доказывается оправданность культурно-прагматического подхода к философским учениям середины XIX в., когда интеллектуальное высказывание, становясь рупором всего общества и перенимая журналистские нормы, перестает подчиняться академическим правилам работы с понятиями. Так, в частности, устроено кьеркегоровское сообщение и главная тема его философии: истину христианства можно утвердить только самим существованием. Но постичь существование сегодня, по Кьеркегору, значит уяснить, как о нем говорят. Поэтому главной темой доклада становится экзистенция в качестве нового концепта, порожденного культурными конфликтами внутри самого социума и транслирующего поворотный характер эпохи, неустойчивость ее смыслов – в первую очередь религиозных. Поскольку конечная цель Кьеркегора – вызвать изменения в читателе – придает его понятиям прагматическую направленность, особое внимание в докладе уделено обоснованию культурно-прагматического подхода и его отличию от историко-философского.

Ключевые слова: экзистенция и кризис научной философии, прямое и не прямое сообщение, перлокутивный эффект, прагматика культуры.

Philosophy as Speech Act and the Problem of Cultural Pragmatics (as illustrated by Kierkegaard's concept of existence).

Loungina D. A.

Moscow State Lomonosov University

Abstract: The speaker tries to justify the cultural-pragmatic approach to the philosophical teachings of the mid-19th century, when intellectual utterance tended to be the voice of the entire society, it adopted journalistic norms and thus ceased to obey academic community regulations. Such was Kierkegaard's message and his theme: Christian truth can be affirmed only by existing. But to understand existence is, according to Kierkegaard, to understand how it is communicated. Therefore, the speaker focuses on existence as new concept, which was generated by cultural conflicts within society itself and which transmitted the turning character of an epoch and the instability of its terms – primarily the religious ones. Since Kierkegaard's ultimate goal, bringing about changes in the reader, gives his concepts a pragmatic orientation, special attention is given to the justification of the cultural-pragmatic approach to the problem and its difference from the historical-philosophical one.

Keywords: existence, systematic philosophy crisis, direct and indirect communication, perlocutionary effect, cultural pragmatics.

Тезис 1: экзистенция и журнализм. В середине XIX века, когда под влиянием науки и техники стремительно менялось само понятие общества, а новая социально-политическая реальность диктовала свои правила не только публицистике, но и художественной литературе, новой проблемой эпохи стала речь сама по себе. Человек теперь – не просто «существо говорящее» в соответствии с определением, человек теперь – тот, кто берет слово не в теории, а на практике. Наука и социум, казалось бы, ждут от него внятного самоотчета. Но разумно ли слово человека с улицы? По-прежнему ли логичность входит в определение его мысли? Да и обязан ли он подчиняться абстрактным нормам вековой мудрости или хотя бы авторитетам? Теперь история вводит новые законы и спрашивать надо: чем руководствуется человек, когда говорит? Выносит ли суждение от собственного имени или от лица других – возможно,

анонимных инстанций? Не сообщает ли в ходе этого и нечто помимо подразумеваемого, сверх произнесенного и в придачу к намеченному? Не меняется ли смысл сказанного от того, как будет оно услышано?

Книги Керкегора – там, где можно встретить этого нового homo loquens (и audiens), – дают почувствовать не только открывшиеся возможности газетной мысли (или, шире, «полифонии», известной отечественному читателю из сочувственного разбора М. М. Бахтина). В отличие от большинства писателей своего времени совсем отбросивший традиционные литературные условности (как, например, дистанцию между автором и его героем), Керкегор расположился на стыке нескольких дискурсов, добавив к основному, художественно-публицистическому, еще несколько – научный (психологический), философский и религиозный. Задумав дать слово не больше не меньше как самой экзистенции, он сделал своим героем не человека, а его сообщение – повторяющееся, незамкнутое на себе, нелогичное, точнее – в принципе несистематизируемое послание, семантически релевантное, по керкегоровскому убеждению, самой экзистенции. И вдобавок объявил христианство (не привычное благочестие, традиционно призванное упорядочить эту несобранную безотчетную жизнь, а недостижимый идеал, мученичество, свидетельство о Христе) мерилом такого существования и такого голоса.

Всякий читавший Керкегора мог заметить, что его мысль движется скачками. Она не подчиняется правилам, предъявляемым к изложению философских учений, и не сводится к системе высказываний, где правит внутренняя логика самих понятий. За исключением, пожалуй, понятия страха («тревоги», Angest; см.: [1, с. 190, 235]), идеи Керкегора требуют считаться с тем, что относится к ненаучной реальности. Неудача ждет автора, попытавшегося изложить «учение о трех стадиях человеческого существования» в отвлеченных категориях. Усвоивший уроки Л. Витгенштейна впадет в растерянность от трюизма «Отношение человека к Богу есть тайна» [2, с. 94]. Переводчик без специальных знаний (понимания требует не только смысл фразы, но и вся перлокутивная специфика сообщения, включая то, чем оно спровоцировано и кому адресовано) в лучшем случае воспроизведет повторение одной и той же мысли, в худшем – набор банальностей. Речь Керкегора не монологична и многослойностью напоминает посты и комментарии в Фейсбуке; в пользу сравнения говорит и то, что его воображаемая аудитория – не университетская публика, привыкшая к правилам научного высказывания, а узкий круг хорошо знакомых ему частных лиц, с чьими соображениями приходится считаться. Даже записанная, его речь построена как размышление вслух, т.е. как устное обращение к невидимому собеседнику. Она предвосхищает также реакцию последнего и ее фиксирует. Читатель, в свою очередь, должен быть готов, что одна фраза может противоречить другой и отменять смысл ранее сказанного. Отнестись к суждениям Керкегора как к «ассерторическим» можно только если известен контекст высказывания или восстановлен, при наличии, весь набор аргументов. Наконец, правила интерпретации философского текста меняет и керкегоровская привычка передавать слово вымышленному персонажу, смысл сообщения которого заключается не в пропозиции как таковой, а в субъективных аспектах высказывания, связывающих его с «личностью» псевдонима.

В исторической перспективе возникают и другие проблемы.

Тезис 2: авторская деятельность Керкегора как ответы, данные своей эпохе и вызывающие вопросы у последующей. (Вспомним, что о более известных деятелях того времени – Фейербахе, Руге, Бауэре, Марксе и Штирнере Карл Левит писал как о «неудачниках, которые под давлением социальных отношений принесли свои ученые познания в угоду журналистике. Их настоящей профессией было “свободное” писательство в постоянной зависимости от спонсоров и издателей, публики и цензоров» [3, с. 173-174]). Однако направленность керкегоровского учения, в сравнении с другими изводами право- и левогегельянства, особенности прижизненной и посмертной рецепции свидетельствуют, что на его мысль еще в большей степени влияли нефилософские факторы. Она управлялась не столько внутренней логикой любого интеллектуального высказывания (от выдержанности которой, как правило, зависят успех, убедительность и дальнейшие судьбы любого философского построения), сколько ощущением – и в этом состоит керкегоровская особенность – авторской исключительности. Экзистенция в своем сообщении – не просто случайно брошенное, беспочвенное, отягощенное необязательной болтовней и часто безответное выступление. Она такая – настаивает Керкегор – поскольку всегда индивидуальна. Несвязанность узами всеобщего, рода, традиции, авторитета, подчас даже логических правил (при повышенном внимании к риторике) передаются и понятию экзистенции. Поэтому термин «существование» уже не имеет того смысла, какой вкладывал в него автор при жизни

(подразумевая под ним еще и «одинокое», этически проблемное, с риском остаться без обратной связи). Раз за разом добавляя сюда новые толкования, каждое последующее поколение не просто удаляется от первоисточника и затрудняет релевантное понимание керкегоровского послания. Незавершенность и неполнота авторского высказывания остаются исключительными даже на фоне других неоднозначных и многослойных философских учений XIX–XX вв.

Одиночество и непонятость Керкегора нельзя сводить лишь к отсутствию единства в мысли 1840–50-х гг. или несозданностью общего фона для разнообразных интеллектуальных практик в условиях кризиса научной философии. На наш взгляд, феномен Керкегора связан с проблемами не столько биографического или историко-философского, сколько культурно-прагматического характера. Техника «непрямого сообщения», передача слова псевдонимам, настойчивая адресация к «Тому самому, единственному [читателю]» – лицу одновременно конкретному и собирательному также указывает в сторону культурного, а не чисто философского или религиозного происхождения проблемы.

Тезис 3: оправданность прагматического подхода к такому авторству. Термин «прагматика» предлагается заимствовать в данном случае из области семиотики и трактовать как поле исследования ситуаций, смысл которых заключен не в самом сообщении, а в отношении к нему говорящего. «Прагматикой культуры» мы называем дисциплину, исследующую культурные аспекты таких ситуаций, как эта и ей подобные (как, например, рецепция лекций по «Философии откровения» Ф. В. Й. Шеллинга [подробней см.: Лунгина] или логических идей Б. Больцано).

Культурно-прагматический подход важно отличать от историко-философского. Предметом нашего внимания является не выяснение причин прижизненной непонятости Керкегора или исследование разнообразия его прочтений – как незамедлительных (включая полностью неадекватные, как, например, в случае с «Философскими крохами»; см. [2, с. 20-24]), так и отдаленных во времени. Подобные историко-философские коллизии происходят постоянно и обусловлены самой природой философской мысли. Однако то, что Керкегор приписывает экзистенции, не является ни плодом интеллектуального усилия одного человека, ни итогом его диалога с предшественниками и современными ему критиками. При всем антигегельянском пафосе учения о существовании не сводится оно и к результатам философской полемики – как, например, у Шеллинга с Гегелем по поводу откровения или у Гегеля с Кантом о действительности (бытии), когда мыслитель отвечает за работу каждого понятия. По нашему убеждению, керкегоровская «экзистенция» имеет не университетское, а интерактивное происхождение. Понять ее значит понять, как говорит о ней эпоха. Экзистенция вступает в отношение с культурными конфликтами внутри самого социума и транслирует поворотный характер эпохи, неустойчивость ее смыслов – в первую очередь религиозных.

Тезис 4: глоссарий. Нужда в историко-культурном глоссарии философии Керкегора (подобном «Словарю индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста) давно ощущается и отчасти уже реализуется в мировом керкегороведении (серия «Kierkegaard research: sources, reception and resources» <https://www.jonstewart.dk/krsrr.html>). Наш опыт участия в этом проекте показал оправданность подхода, при котором всякий керкегоровский термин рассматривается как широко понятое высказывание, а не как узко-философская дефиниция некоторого понятийного объема. Слово у Керкегора всегда соседствует с паузой и молчанием (участвующими, в свою очередь, в образовании его значения). В исторической ситуации, когда речь оказывается единственным проводником смысла христианства (понимаемого Керкегором как поступок – подражание Христу), она неизбежно берет на себя функции действия и должна, следовательно, рассматриваться как часть иллокутивного и перлокутивного речевого акта. Конечная цель Керкегора – вызвать изменения в читателе. Философская работа при таком подходе подразумевает, что важнейшие понятия у Керкегора преследуют, в первую очередь, коммуникативную цель. Поэтому необходимо исследовать такие элементы понятия, как генеалогия (оригинальное оно или заимствованное; степень заимствованности, объем интерпретации, изменения значения в зависимости от контекста); использовано ли понятие в прямом сообщении (в случае журнальной или, реже, академической полемики) или в косвенном, т.е. от лица псевдонима; перлокутивный эффект, предусмотренный конкретным произведением или дневниковой записью.

Литература:

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Пер. С.А. Исаева, Н.В. Исаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 680 с.
3. Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. Пер. К. Лощевского. СПб: Владимир Даль, 2002. 672 с.

Трансформация социокультурного пространства курортного города в сознании «курортного человека»

Максимова О. Л.

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», доцент кафедры философии и социально-политических наук. Кандидат филологических наук

maksimowaol@mail.ru

Аннотация: В исследовании рассматривается курортный город как социокультурное пространство: выделяются сущностные характеристики, специфические особенности и структурные элементы города-курорта, также рассматриваются его изменения в соответствии с потребностями человека, приехавшего на отдых. В связи с этим вводится понятие «курортный человек» как проявление особенного менталитета, ценностных установок, психологического состояния и форм репрезентации. Специфическое сознание «курортного человека» не только влияет на инфраструктуру курортного города, но и на его значения и смыслы, что в свою очередь воздействует на уровень социального и психологического напряжения в пространстве курортного города.

Ключевые слова: социокультурное пространство курортного города, курортный человек, культура одежды курортного человека.

**The transformation of the resort town sociocultural environment in the resort guest mind.
*Maximova O. L.***

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Abstract: The study examined the resort town sociocultural environment and its changes in response to the resort guest needs. The resort town essential features, unique aspects and structural elements are highlighted. The resort guest mentality, values, psychological state, ways of representation are analyzed. The specific resort guest mind influences the resort town infrastructure and transforms its meanings. This transformation manifests itself in the resort guest behaviour and affects levels of social and psychological tensions in the resort town environment.

Keywords: resort town sociocultural environment, resort guest, culture clothing

Современный город – сложное социокультурное пространство, предполагающее разные подходы к его осмыслению. В зарубежной и отечественной литературе исследования города как уникального явления отличаются своими векторами. Зарубежные авторы, в основном архитекторы, дизайнеры и градостроители (К. Зитте, К. Александер, К. Линч, Д. Джекобс, Р. Грац), направляют свой интерес в область урбанистики. Это создатели новой эстетики, новых методов, новых форм, отвечающих потребностям действительности. Их проекты органично вписываются в городское пространство, не нарушая его целостности. Первые труды отечественной науки проведены в искусствоведческом русле, затем появляются исследования в историческом разрезе и семиотическом аспекте (Н. Анциферов, И. Гревс, П. Сорокин, Ю. Лотман, В. Топоров и др). М. Каган, рассматривая город как сложную систему, выделяет три основных составляющих: во-первых, географический план (или природный), включающий характер ландшафта, в который вписан город (наличие реки, моря, горы и т.д.); во-вторых, социальный статус города и основная направленность деятельности его обитателей (столица, провинция, промышленный, торговый, курортный город); в-третьих, архитектурный облик города, который оказывает влияние на мировоззрение горожан, на обыденное сознание, кроме того, формирует психологию жителей города.

Идею о взаимовлиянии городской среды и личности раскрывают Б. Марков, С. Иконникова, А. Иконников, О. Киреева и др. Такой подход предполагает рассмотрение городской среды как неотъемлемой части городской культуры, сконцентрировавшей в себе духовный опыт. В связи с этим город становится отражением: во-первых, административно-правового опыта (система управления городом, нормы и правила поведения); во-вторых, социально-экономического опыта (социально-экономическое устройство); в-третьих, религиозно-нравственного опыта (взаимодействия

горожан, отношение к городу); в-четвертых, эстетического опыта (архитектурный стиль города, оформление жилого пространства, репрезентация повседневной и праздничной городской культуры). Взаимодействие человека с городской средой является сложным двусторонним процессом, в котором город становится «живой» средой для человека: индивидуальностью, вступающей во взаимодействие с каждым отдельным субъектом (Г. Зиммель), сложным социальным организмом (А. Вебер).

Курортный город как разновидность города имеет как традиционные, так и специфические характеристики. Следует отметить, что многие города, считающиеся курортными, были основаны задолго до присвоения им статуса курорта и имеют свою богатую историю. Чаще всего это приморские города, которые благодаря своему расположению играли важное стратегическое, экономическое, политическое или культурное значение. Практика отдыха у моря начинает активно складываться только лишь в XVIII в., в связи с этим основополагающими функциями этих городов становятся отдых и оздоровление. Таким образом, формирование социального статуса города-курорта взаимосвязано с его географическим положением, соединившим гармонично цивилизацию, природу и культурно-историческое наследие. Следует выделить два основных способа получения статуса курорта: во-первых, специально созданные города-курорты с целью лечения и оздоровления; во-вторых, исторические располагающиеся на морском побережье города, которые активно начинают «переквалифицироваться» в курортные с развитием туризма и оздоровительно-реабилитационной культуры. Вторые города привлекают не только с целью оздоровления, но и с образовательно-туристической целью: чем выше культурная ценность города, тем дороже ее можно продать.

Несмотря на специфические особенности курортных городов (история, географическое положение, архитектурный облик, этнический состав местного населения и т.д.), существует набор специфических характеристик, которые позволяют выявить обобщающую абстрактную модель города-курорта. Ф. Грей [1] на примере курортов Европы, США и восточной Азии рассматривает влияние социальных, экономических и культурных процессов на специфику архитектуры курортного города. Указанные исследователем факторы применимы и для анализа отечественных городов-курортов. Так, можно выделить несколько уровней моделирования курортного пространства: в первую очередь это появление специфической *курортной архитектуры*, которая отражает ценностно-мотивационную систему «курортного человека» и его представления о том, что такое отдых у моря. Таким образом складывается специфический архитектурный образ города и возникают разнообразные прибрежные архитектурные формы, которые создают новое красивое и приятное пространство, отличающееся от наскучившей повседневности, к тому же удобное и полезное. Следует отметить, что «курортный человек» – это не просто человек, приехавший на отдых, это особый менталитет, ценностные установки и психологическое состояние, кроме того, это своеобразный «дизайнер» пляжного и околопляжного пространства.

Архитектурный облик курортного города в свою очередь влияет на обыденное сознание и формирует психологию жителей курортного города. Кроме того, в этом взаимосвязанном процессе следует отметить роль отдельных личностей и культурной элиты: «Особую роль в общей культурной атмосфере жизни города и психологии горожан играет его художественная жизнь – интенсивность и направленность творчества живущих в городе писателей, живописцев, музыкантов, режиссеров и актеров, а в нашу эпоху – и кинематографистов, и дизайнеров, и мастеров телевидения и эстрады, и художников-любителей, выступающих в разных сферах самодеятельности; от силы авторитета, широты влияния этого фактора зависит уровень вкуса горожан, характер эстетических потребностей, критерии бытового поведения» [2, с. 295]. В отечественной истории ярким примером могут послужить деятельность И. Айвазовского в Феодосии и вклад С. Боткина в развитии Ялты.

С новой архитектурой появляется новая флора городской среды. Одним из символов города-курорта становится пальма, появившаяся на европейских, американских и российских курортах. Например, в Ялте – аллея пальм, в Сочи – уникальный пальмовый дендрарий, в Ларнаке (Кипр) – набережная Финикудес («Пальмовая аллея»), в Нице – Лазурная набережная, обрамленная пальмами и т.д. В современном представлении курортный город и пальма неразрывны, например, в ОАЭ искусственные курортные острова, на которых располагается сеть отелей с собственными пляжами, тоже выполнены в виде пальмы.

Специфическим пространством курортного города является пляж, который в социокультурном контексте из узкой прибрежной линии трансформируется в полисемантическое пространство, изменяющее архитектурный облик, инфраструктуру и духовную жизнь курортного города. В связи с

этим корректируются правила поведения и формы репрезентации местных жителей и отдыхающих.

Отдых в пространстве курортного города требует соответствующей одежды. Культура одежды – это сложный психологический феномен, включающий в себя когнитивный, эстетический, утилитарный, креативный, социальный элементы. Культура одежды отражает картину мира курортного человека, уровень развития личности, кроме того, понимание социокультурного пространства и умение считывать коды города-курорта. От того, насколько «курортный человек» адекватно считывает эти коды, зависит уровень социального и психологического напряжения в пространстве курортного города.

Одним из неадекватных случаев считывания кодов пространства курортного города можно считать появление так называемых «новых голых». Поведение полуобнаженных людей в пространстве города вне пляжа повышает степень социальной напряженности, так как воспринимается местными жителями как оскорбление и нарушение правил гостеприимства. Такое поведение отражает все признаки вульгарности: скандальность, раздражительность, эгоцентризм, игнорирование этических норм, отсутствие культуры дистанции. Неадекватность «новых голых» проявляется в неуместности внешнего вида объективным обстоятельствам и непонимании, что каждая пространственная зона курортного города требует своей одежды, выполняющей эстетическую, коммуникативную, адаптационную, психологическую и защитную функции.

Образ города в сознании приехавшего на отдых человека трансформируется, так как происходит смещение акцентов с понятия «город» на понятие «курорт»: если городская среда требует собранности, рациональности, соблюдения правил поведения, то курорт ассоциируется с отдыхом, расслаблением и нарушением некоторых социальных запретов. Образ курортного города в сознании отдыхающих и соответствующая модель поведения формируется благодаря разнообразным факторам, среди которых следует выделить стереотипное восприятие города-курорта, специфические формы коллективного поведения (заразительное поведение, соревновательное поведение, имитация и т.д.), новое понимание телесности, уровень развития «социального интеллекта» (Э. Торндайк). Таким образом, в сознании курортного человека происходит расширение границ зоны непосредственного отдыха (в частности, пляжа), в связи с этим особенности пляжного отдыха транслируются на весь город, что с точки зрения городского пространства не является рациональным и уместным.

Литература:

1. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
2. Каган М. С. Избранные труды: в VII т. Санкт-Петербург: Петрополис, 2005-2013. Т.VI. 692 с.

Новизна и консерватизм как ключевое противоречие современной культуры (на примере текстов «психогеографического» периода Ги Дебора)

Малкова Н. Ю.

Дальневосточный Федеральный Университет, доцент. Кандидат философских наук

natalya.malkova@gmail.com

Аннотация: Опираясь на тексты Ги Дебора «психогеографического» периода, в которых им были осмыслены изменения, происходящие в обществе после Второй мировой войны, благодаря росту производительных сил, автор статьи приходит к выводу, что противоречие между новизной и консерватизмом в современной культуре начинает занимать центральное место. На протяжении всего XX века интеллектуалы акцентировали свое внимание на том, что современная культура находится в кризисе. Так по Г. Дебору кризис в сфере культуры носит глубинный исторический характер, поскольку основное противоречие эпохи — отставание надстройки от базиса. В данном контексте культура уже не сводится только к искусству, а начинает трактоваться как совокупность эстетики, чувств и нравов, что служит основанием не только для культурной революции, но для переосмысления роли надстройки в жизни современного человека.

Ключевые слова: новизна, консерватизм, производительные силы, кризис культуры, эстетика, чувства, нравы.

Novelty and conservatism as a key contradiction of modern culture (on the example of texts of the “psycho-geographic” period of Guy Debor).

Malkova N. Y.

Far Eastern Federal University

Abstract: Based on the texts of Guy Debor of the “psycho-geographic” period this he understood the changes taking in the society after the Second World War thanks to the growth of productive forces the author of article concludes that the contradiction between novelty and conservatism in modern culture begins to occupy a central place. Throughout the 20th century intellectuals focused on the fact that modern culture is in crisis. G. Debor to say that the crisis in the sphere of culture has a deep historical character since the main contradiction of the era is the lag of the superstructure from the basis. In this context culture is no longer reduced only to art but begins to be interpreted as a combination of aesthetics, feelings and morals which serves as the basis not only for the cultural revolution but for rethinking the role of the superstructure in the life of a modernized person.

Keywords: novelty, conservatism, productive forces, the crisis of culture, aesthetics, feelings, morals.

Ги Дебор (1931 – 1994 гг.) – философ и интеллектуальных революционеров XX в., лидер авангардного движения Ситуационистского интернационала и противник урбанизации.

В своих тезисах мы бы хотели обратиться к ключевым текстам 40-х – 50-х годов XX века «психогеографического» периода, в которых был представлен проект переустройства мира путем активного вмешательства в городскую среду, так как город становится основной точки развития современной цивилизации. Наш интерес к переведенным впервые на русский язык и изданным в сборнике статей в 2017 году работам этого периода [1] связан с тем, что их можно рассматривать не только в качестве практических рекомендаций по продолжению процесса рационализации мира в новых условиях, возникших, после Второй мировой войны, но и как пример теоретического осмысления того, какую роль в жизни общества сыграл прогресс в производственных силах, а также как стремительный рост технологий оказывает свое влияние на жизнь современного человека, например, массовое распространение автомобиля. Ги Дебор был одним из первых, кто поставил вопросы о необходимости изменения повседневной жизни под влиянием технологии, как эти изменения способствуют осознанию

человеком новых желаний, какую роль будет играть культура в жизни человека, стремящегося идти в ногу со временем, и дает свое определение понятию культура.

Итак, современная культура – культура, в которой центральное место занимает новизна. Траекторию ее возникновения и проникновения в практику можно представить в виде диффузии: возникнув в сфере производства как технологическая инновация, которая способствует адаптации человека к внешнему природному миру, затем новизна проникает в повседневные практики и в общественные отношения. Следствием инноваций обычно является кризис [2]. В обществе модерна он не просто затронул экономику, политику и социальную сферы, но в современной ситуации стал носить в первую очередь культурный характер. Так изменения в экономических условий в странах, переживающих промышленный подъем, привели к формированию либерального государства и общества, процессу урбанизации, к развитию массового производства, а вместе с тем и массового потребления товаров, в том числе и произведений искусства [3, с. 27]. Законом производства начинает подчиняться не только материальная сфера, но и символическая деятельность. Символическая продукция, прежде являвшаяся привилегией правящего класса, становится доступна массовому потребителю. Формируются культурные институции, цель которых производить исполнителей или производителей и потребителей нового в символическом производстве в виде просвещенного среднего класса. Но процесс демократизации западной культуры, начавшийся после Великой французской революции, не снимает проблему, как избежать подмены новизны возвращением к прошлому.

Кризис современной культуры Ги Дебор определяет как глубокий исторический кризис, поскольку существующий уровень развития современного производства требует более совершенного мироустройства, поэтому в общий комплекс всех перемен будет включены область культуры и нравов. Проблема рационализации управления новыми производительными силами и разработка новой мировой цивилизации заключается в том, что выдвинутые усложнением производства требования не могут воплотиться в реальности из-за сохранения прежних социальных отношений. Отмеченный Ги Дебором разрыв в современности между прогрессивными производительными силами и отстающими от них социальными отношениями приводит к тому, что культура становится раздробленной, возникает внутренний антагонизм в сфере идеологии: несвязные между собой реакционные идеи разных исторических периодов не позволяют освоить современные ресурсы культуры и сеют путаницу [1, с. 53]. Возникают условия для культурной революции - революции во вкусах и нравах [3, с. 19]. В этом контексте под культурой Ги Дебор предлагает понимать реакцию эпохи на повседневную жизнь как совокупность эстетики, чувств и нравов [1, с. 53].

Таким образом, существующий разрыв между необходимостью создавать новые формы в культуре, в повседневной жизни, производить новые ценности и тенденциями, направленными на возвращение к прошлому имеет место как в рамках западной культуры, например, стиль «информель», так и в культуре СССР, примером чего выступает такое направление как соцреализм. «Поскольку буржуазная мысль увязла в систематическом смещении всего и вся, а марксистская мысль подверглась в государствах трудящихся значительным искажениям, и на Западе, и на Востоке господствует консерватизм, особенно в области культуры и нравов. В Москве он открыто демонстрирует себя, возводя в типичные повадки мелкой буржуазии XIX века. В Париже он рядится в одежды архаизма, цинизма и юмора. Хотя обе доминирующие культуры решительно неспособны ответить на реальные вызовы нашего времени, можно сказать, что Запад продвинулся в этой области производства дальше, тогда как зона влияния Москвы выглядит здесь как слаборазвитый регион» [1, с. 60]. Таким образом, группами противостоящими друг другу в стремлении давать или не давать достоверный ответ на вызов времени будет авангард и мелкая буржуазия.

Еще Х. Ортега-и-Гассет в работе «Дегуманизация искусства», написанной в 1925 году, указывал на то, что социальной группой, ратующей за возвращение к прошлому, является мелкая буржуазия [4, с. 127]. Указание на неприятие авангарда буржуазией находит место и у Г. Дебора. Буржуа, хотя и стремится к новизне, но это стремление ограничено сферой производственной технологии. Новизна в таких сферах как эстетика ею воспринимается как распад культурных ценностей прошлого века. Буржуазия становится врагом революционной программы в области культуры, поскольку не способная понять новое обнаруживает, по сути, новый тип социального неравенства, основанный не на экономическом капитале, а на способности, принимая новое, расширять жизненные рамки. Тем самым, установка на равенство всех оказывается несостоятельной [4, с. 129]. «Главная задача буржуазии – не допустить нового взлета революционной мысли. Она осознала угрозу сюрреализма, и

теперь, научившись растворять его в расхожей коммерческой эстетике, она спокойно рассуждает о том, до каких пределов хаоса он доходил в свое время» [1, с. 59].

Стремление выразить культуру своего времени и вместе с тем изменить ее является уже прерогативой недавнего продукта исторических условий - коллективного авангарда. Воля к всеобщим изменениям постоянно сталкивается с неспособностью радикально внести изменения в реальный мир, поэтому вынуждает авангард обороняться, отходить в сторону. Таким образом, если прибегнуть к терминологии А. Тойнби, буржуазия будет выступать носителем доминирующей культуры и воплощать собой большинство, в то время как коллективный авангард – творческое меньшинство, в задачу которого будет входить установка давать достоверный ответ на вызовы эпохи. Причины несостоятельности коллективных авангардных групп до 1945 г. Ги Дебор видит в недоразвитии теории – сюрреализм [1, с. 58], недолговечности такого основания как отрицание – дадаизм [1, с. 56], наивный технический оптимизм, крайне схематичное понимание машинного прогресса - футуризм [1, с. 56].

Таким образом, изменения, которые возникли в сфере производства, позволили создать такую материальную среду, которая хотя и позволяет осуществить демократизацию в сфере культуры, но, по сути, приводит к наращиванию ее сложности, способствует новой дифференциации общества по принципу способности и неспособности порождать и создавать новое, а оппозицию новизна – консерватизм вынуждает считать ключевой. Под консерватизмом здесь будет пониматься ориентация на производство и поддержание буржуазных по своей исторической сути форм культуры, а под новизной — способность определять новые желания, поиск первооснов построения новой среды и новых условий поведения.

Литература:

1. Дебор Г. Психогеография. М.: Ад Маргинем пресс, 2017. 112 с.
2. Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 439 – 464.
3. Гэй П. Модернизм. Соблазн ереси: от Бодлера до Беккета и далее. М.: Ад Маргинем пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 492 с.
4. Ортега – и – Гасет Х. Дегуманизация искусства // Запах культуры / Хосе Ортега – и – Гасет. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 124 – 181.
5. Меририлд Э. Ги Дебор. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. 192 с.

Перформативный потенциал текста утопий

Малыхина Ю. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, студентка

yuliyamalykhina.96@mail.ru

Аннотация: Целью статьи является исследование прагматики утопий как текста о будущем. Отправной точкой анализа является положение, согласно которому утопический текст являясь художественным берет на себя роль текста практической философии, благодаря созданию образа того, что «должно быть». Ставится вопрос о том, что происходит с дискурсом если вместо языкового маркера «должного» автор создает «образ».

Ключевые слова: утопия, утопический текст, философский текст, образ будущего, деонтология, перформативность.

The performative potential of the text utopia.

Malykhina Y. Y.

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Abstract: the purpose of the article is to study the pragmatics of utopias as a text about the future. The starting point of the analysis is the position that the utopian text, being artistic, assumes the role of the text of practical philosophy, by creating an image of what “should be”. The question is raised about what happens to the discourse if the author creates an “image” instead of the language marker “due”.

Keywords: utopia, utopian text, philosophical text, image of the future, deontology, performativity.

i 1. В начале XXI века авторы активно исследуют всевозможные пути человеческого развития. Это обусловлено современной культурной ситуацией, когда требуется осмысление резко выросших скоростей во всем – от перемещения в пространстве до трансформации общественных отношений, и как следствие происходит переоценка нравственных идеалов, будущее наступает здесь и сейчас. В этих условиях наступает пересмотр утопического наследия прошлых времен, и активизация создания текстов о будущем. Сегодня мы можем говорить о нескольких формах осмысления будущего: футурология и прогнозирование, утопия и антиутопия. Две первые из них представляют попытку научного исследования, вторые скорее тяготеют к художественной форме моделирования будущего. Через увеличение активности написания футурологических текстов (Ж. Аттали «Краткая история будущего»), утопических романов (А. Панчин «Апофения»), критических статей (Х. Гюнтер «По обе стороны утопии»), антиутопических размышлений (О. Хаксли «Возвращение в дивный новый мир») мы можем говорить о «буме» интереса к будущему. «Будущее в этом контексте становится одной из основных ценностей, а потому велико стремление человека повлиять или хотя бы предугадать наличие каких-либо явлений и процессов в грядущем» [4, с. 38]. Авторы по-разному пытаются ответить на вопрос «что же нас ждет дальше», футурологи, например, стремясь писать научные тексты своим тематическим ядром выбирают прогноз, «при этом прогноз определяется как вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления. Вместе с тем необходимо отметить многообразие терминов, обозначающих суждение, в том числе и научное обоснованное, о будущих состояниях объекта. В нем отражается стремление научного познания к получению обоснованных и достоверных знаний о будущем (про+гнозис), в отличие, например, от предсказания в жанре фантастики или пророческого предвидения общественного лидера» [1, с. 122]. Авторы утопических текстов ставят себе цель осмыслить реальную ситуацию, чтобы создать картину будущего, применяя так называемый «эсхатологический эффект», который воздействует на читателя. Утопические образы получили свое воплощение в философских, в литературно-художественных произведениях. В статье же будет рассмотрено, каким образом утопия стремится занять место текстов практической философии.

i Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

2. Философские образы мира рисуют не просто желательное будущее, а непременно действенное будущее, которое выступает как моральный проект. Утопия стремится занять место текстов практической философии. Хотя сам тип текста утопий – художественный, но утопия в наши дни берет на себя роль философского текста. Автор утопий создает образ того, что «должно быть», но само долженствование, заменяется картиной будущего, то есть долженствование превращается в другую модальность. Автор сосредоточен на рефлексии устройства мира, который всегда не такой какой «должен быть»! «Раз возможен идеальный мир, то реальный мир, мир в том состоянии, в котором он находится, оказывается под вопросом и должен быть поставлен под вопрос» [2, с. 15]. Но, в отличие от текстов практической философии, вместо языкового маркера «должного» используется образ будущего. Возникает вопрос: Что происходит с дискурсом, если мы вместо «должного» создаем образ?

3. Наш тезис состоит в том, что всякий философский текст имеет прагматику, точнее прагматика возникает у читателя в ходе, например, комментирования текста. Автор посредством текста действует на читателя. Это воздействие направлено на мироотношение и картину мира читателя. В данной формулировке нам близок тот смысл, который вкладывает в термин «картина мира» М. Хайдеггер: «Картина мира означает здесь не усиленную копию, а то, что слышится в обороте речи «мы составили себе картину чего-либо». Картина мира означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [с. 102-103]. Иными словами, «картина мира» – это артикулируемая человеком в понятийной или образной форме модель реальности. Для утопий характерно именно видение будущего в виде образа, то есть тип текста несомненно художественный, но утопия берет на себя роль текста практической философии. «Практический тип философского текста отвечает на вопрос о том, что или как должно быть, и имеет целью выработку норм» [5, с. 70]. Практическая философия ставит себе цель выработку норм (императивы, законы). Утопический текст создает картину будущего того, что должно быть, но вместо языкового маркера «должного» использует «образ». Долженствование превращается в другую модальность. Утопия создает образ того, что должно быть, но путем аксиологической инверсии мира. Такая образность меняет характер практической философии, то есть тексты утопий лишены нормативности. В результате автор утопии ищет в настоящем «смысловые элементы», которые в будущем должны получить свое развитие.

4. Утопия и антиутопия представляют собой особую форму мироотношения: принятие или отвержение мира. В текстах утопий рефлексия автора сосредоточена на настоящем, обращение же к будущему лишь средство формулировки перформатива в настоящем («должно быть так»), который является эстетистским текстовым поведением. «Должен быть» по отношению к положению дел в мире полагается из установки, которую точнее всего назвать созерцательной, эстетической в исходном смысле понятия «эстетизис» [6, с. 37]. В данной формулировке эстетистское – это нечто приводящее к действию здесь и сейчас, утверждение того, что «мир должен измениться». Автор текстов утопий рисует нам образ будущего, каким оно должно быть, если мы будем поступать согласно правилам, сформулированными самим автором. В текстах антиутопий рефлексия автора тоже сосредоточена на настоящем, но перформатив формулируется такими языковыми маркерами как «я не должен так делать», то есть имеет место тормозящее действие «здесь и сейчас». Какие тесты мы относим к практической философии? Тексты где есть деонтологическая установка. Л. Рыскельдиева пишет: «Деонтологическая установка реализуется двумя путями в соответствии с двумя полюсами рефлексии: Я и Мир (Я и Другой) ... Если «аттенциальный сдвиг» в сторону Мира, то используется словосочетание «должно быть», если сдвиг в сторону Я, то употребляется словосочетание «должен делать» [там же]. Это и делает тексты утопий/антиутопий подобными текстам практической философии. Утопия демонстрирует нам каким мир должен быть, у М. Ласки мы находим: «Утопии создаются одновременно и от отчаяния, и от надежды. Это модели стабильности, рожденные в атмосфере противоречий. Это действия — своего рода «деятельные сновидения» — во имя дальних ценностей, которые игнорируются или предаются в настоящем, которые некогда существовали в прошлом или могут быть осуществлены в будущем. Это интерпретация существующего порядка и — в большинстве случаев — программы его изменения. Утопии всегда свойствен поучительный смысл в форме скрытого призыва к действию, ибо все политические идеалы имплицитно революционны: их критические компоненты порождают недовольство существующим, а образы совершенного устройства – жажду создания нового. Утопическая мечта о будущем, с ее источниками в фантазии и отчуждении, предполагает наличие

кошмара настоящего» [3, с.76]. Действительно, если бы меня как автора утопии настоящее полностью удовлетворяло, то идеала лучшего будущего просто не было бы. О лучшем будущем мы можем мечтать тогда, когда нас не удовлетворяет настоящее. Тексты утопий всегда пишутся как альтернатива настоящему, которая всегда не такая какая должна быть!

5. Именно поэтому в текстах утопий всегда присутствует некий призыв к действию – это нечто приводящее к действию здесь и сейчас, «мир должен измениться». Утопические тексты так или иначе воздействуют на читателя. Можно выделить по крайней мере 3 аспекта (воз)действия:

1) «непосредственный путь, когда утопический проект принимается за определенную программу действия» [3, с. 79]. Примером, иллюстрирующий данный аспект выступает «Утопия» Томаса Мора. Сама книга состоит из двух частей. Первая часть – литературно-политический памфлет, в котором содержится критика современных ему общественно-политического порядка, например, Т.Мор выступает против королевского деспотизма и высмеивает разврат духовенства. Во второй же части, Мор выдвигает принципы идеального государства, некоторый проект, определенную программу действия.

2) «косвенный путь, когда существующий утопический идеал выступает в качестве источника идей или стимула к действию» [там же, с. 79]. Примером может служить утопический трактат Т.Кампанелла «Город Солнца», где сам диалог можно считать формальным, но он несет определенную символическую нагрузку.

3) «опосредованный путь, когда утопия как стремление к лучшей жизни вселяет в человека надежду, компенсирует недостатки настоящего и устремляет человека к будущему» [там же, с. 79]. Примером является научно-фантастическая повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Полдень XXII век», где авторы изображают коммунистическое будущее без лозунгов и политики. Мир, в котором хотели бы жить люди.

Создаваемая философской мыслью интеллектуальная утопия, вырастающая из недовольства реальным миром, становится основанием для её критики. Раз возможен идеальный мир, то реальный мир, мир в том состоянии, в котором он находится, оказывается под вопросом и должен быть поставлен под вопрос. Мир утопий построен на признании эмпирического отсутствия утопии, но самое главное, на утверждении ее необходимости как «лучшего будущего».

Литература:

1. Асеева И. А., Алексеенко А. И. Становление прогностики как междисциплинарной науки о будущем // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5 (44). Часть 1. С. 221-225.
2. Гусейнов А. А. Философия как этический проект // Вестн. Российского философского общества. 2013. № 3(67). С. 11–16.
3. Дмитриева Л. М., Лалуев В. Я. Будущее в утопических пророчествах // ОНВ. 2006. №9 (47). С. 76-82
4. Дыдров А. А. Утопия и антиутопия как специфические формы отношения к модусу будущего // Вестник БГУ. 2010. №14. С. 38-41
5. Рыскельдиева Л. Т. Как читать философские тексты (к понятию текстовое поведение) // Философский тест в современной текстовой культуре: материалы всероссийской конференции XIV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый свет, 18-20 сентября 2018 г.) // под ред.: О. В. Зарапин, Л. Т. Рыскельдиева, А. М. Тимохин, О. А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 276 с.
6. Рыскельдиева Л. Т., Зарапин О. В., Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г. Коммуникация и смысл в текстовой культуре. Отв. Ред. Л. Т. Рыскельдиева. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 276 с.
7. Хайдеггер М. Время картины мира. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 453 с.

Роль философии в формировании культуры диалога культур

Меликов И. М.

Российский государственный социальный университета, профессор кафедры философии. Доктор философских наук

immelikov@gmail.com

Гезалов Ариз Аваз оглы

Руководитель исследовательской группы «Проблемы Восточной Философии» РФО (Баку-Москва, Азербайджан-Россия). Доктор философии

arizkam@mail.ru

Аннотация: Диалог культур предполагает понимание культур. Как культура, так и диалог культур живут в понимании. В основе культуры диалога культур, согласно авторам, находятся три связанные между собой идеи: 1) идея культуры как поля взаимодействия, 2) идея целесообразности культур и 3) идея единства многообразия культур. Определяющую роль в понимании идей культуры диалога культур призвана сыграть философия, поскольку культура диалога культур предполагает и осмысление вышеуказанных идей. Осмысление же – это прерогатива философии. В философии все осмысливается, предметом мысли становится смысл и мысль соединяется со смыслом. Если обычное мышление разворачивается в соответствии с логикой, то философское мышление – в соответствии со смыслом, и поэтому его результатом становится идея.

Ключевые слова: философия, культура, диалог культур, культура диалога, культура диалога культур, человек, духовность.

Abstract: The dialogue of cultures involves an understanding of cultures. Both culture and the dialogue of cultures live in understanding. According to the authors, the culture of the dialogue of cultures is based on three related ideas: 1) the idea of culture as a field of interaction, 2) the idea of the expediency of cultures and 3) the idea of the unity of the diversity of cultures. Philosophy is called upon to play a decisive role in understanding the ideas of a culture of dialogue of cultures, since a culture of dialogue of cultures also implies the understanding of the above ideas. Understanding is the prerogative of philosophy. In philosophy, everything is comprehended, the subject of thought becomes meaning, and thought combines with meaning. If ordinary thinking unfolds in accordance with logic, then philosophical thinking - in accordance with meaning, and therefore its result is an idea.

Keywords: philosophy, culture, dialogue of cultures, culture of dialogue, culture of dialogue of cultures, man, spirituality.

Культура живет в диалоге, в том числе диалоге культур, который не просто обогащает их взаимодействие. Диалог необходим каждой культуре и для осознания своей уникальности. Диалог культур, таким образом, – это условие развития культуры.

Но стоит ли говорить о необходимости диалога культур, если он и так неизбежен? На самом деле, как представляется, важен не столько диалог культур, а сколько культура диалога. Поэтому важно формирование культуры диалога культур [1]. Исходя из этого, можно сказать, что именно культура диалога культур, а не толерантность, должна быть основной идеей и принципом взаимодействия культур, этносов и религий в современных условиях [2, 3].

Таким образом, диалог культур предполагает и культуру самого диалога. Диалог культур не может осуществиться без культуры диалога. Диалог – это путь к пониманию. Диалог культур соответственно – путь к пониманию диалога культур. Диалог культур предполагает понимание культуры. Как культура, так и диалог культур живут в понимании.

Из чего же должно складываться это понимание? В основе культуры диалога культур, как пред-

ставляется, находятся три идеи: 1) идея культуры как поля взаимодействия, 2) идея целесообразности культур и 3) идея единства многообразия культур.

Таким образом, в диалоге культур важен не столько диалог, сколько культура диалога. Поэтому высшее проявление культуры – это отношение к другой культуре. Именно оно развивает и одухотворяет саму культуру, возвышает и облагораживает человека как носителя культуры. Отношение к чужой культуре – это показатель развития самой культуры. В этом нуждается не столько чужая культура, сколько своя. Культура отношения к чужой культуре – это часть самой культуры.

И здесь определяющую роль призвана сыграть философия. Почему? Культура диалога культур предполагает и осмысление вышеуказанных идей. Осмысление же – это прерогатива философии.

Философское мышление – это рефлексивное мышление. Философия – это способ рефлексии, осознания. Обычное мышление самоценно, и оно мнит субъектом самого себя. Оно как бы ни от чего и, главное, ни от кого не зависит. Философское мышление ставит себя в строгую зависимость от своего носителя, т.е. думающего человека. Каков человек, таково и его мышление. Всякий акт мышления в философии есть результат не только логических операций, но прежде всего осмысления, осознания, а всякое осмысление и осознание есть в свою очередь результат осознания себя, самосознания. Философское мышление – это возможность осмысления себя. Философское познание есть не столько познание внешних объектов, а сколько самопознание. В этом плане уместно упомянуть Сократа, высоко ценившего древнегреческий призыв: «Познай самого себя». Осмысление своего собственного мышления, познание самого себя всегда представляет собой итог личного саморазвития человека.

Мышление всегда отражает уровень развития человека, до которого он доходит сознательно. Философия выражает результат преобразования человеком самого себя, результат того, как человек делает себя сам. В философии человек становится субъектом не только своего мышления, но и самого себя. Осмысление, придание смысла бытию есть суть философии. Но осмысление – это процесс, который не может установить окончательный смысл на все случаи жизни и на все времена. В каждом случае и в каждое время нужно говорить о своем смысле. Поэтому философия не может быть отвлеченной подобно науке, а чтобы выявлять каждый раз свой смысл, она не должна прекращать процесс осмысления. Иначе говоря, философия не устанавливает окончательный результат как наука, а осуществляется как постоянный процесс. Осмысливание может завершиться в философии только по отношению к отдельному случаю, но в принципе осмысление – это постоянно осуществляющийся процесс.

Философия существует, пока протекает процесс осмысления. Ни в какой другой форме, кроме как процесса осмысления философия, не существует. Формой существования науки выступает знание, формой существования философии – процесс осмысления, процесс осознания. Философия принципиально не знаниевый, а процессуальный характер. М. Хайдеггер высказывает на первый взгляд простую и даже кажущуюся банальной, но на самом деле чрезвычайно глубокую мысль: «Философия есть философствование» [4, с. 118]. Тем самым Хайдеггер процессуальность возводит в ранг сущностного признака философии. Философствование как процесс осмысления и есть то, что от науки. Поэтому философия принципиально не может быть в теоретической форме.

Она может содержать отдельные теоретические положения, отдельные знания, но в целом, философия должна выражаться в том же виде, в каком осуществляется, т.е. в виде философствования. В науке процесс мышления остается за пределами самой науки, ибо в науке представлен лишь готовый результат процесса мышления, каковым выступают знания теории. В философии же сам процесс философствования, сам процесс осознания и есть готовый результат. И ни в каких иных результатах философия не нуждается.

Философствование как осмысление принципиально отлично от акта мышления. Мышление всегда предполагает предпосылку, в качестве которой выступает постулат. Осмысление же тем и отличается, что не строится и не предполагает никаких постулатов. Осмысление – это иное качество самого мышления, это беспредпосылочное мышление. Процесс осмысления принципиально не может предполагать постулаты, ибо предметом осмысления становится именно то, что выступает в процессе мышления в качестве постулата. Поэтому в философии нет и не может быть постулатов как в науке.

В философии все осмысливается, предметом мысли становится смысл. Если обычное мышление разворачивается в соответствии с логикой, то философское мышление – в соответствии со смыслом. Обычное мышление – это размышление по логике, философское мышление, представляющее собой

философствование – это размышление по смыслу. В мышлении имеет место диктатура логики, в философствовании – диктатура смысла. В этом плане философствование и мышление отражают различные качества мыслительной деятельности человека. Мыслить – это одно, философствовать – совсем другое. Философствовать – это значит не только мыслить в соответствии со смыслом, но мыслить о смысле, мыслить по поводу смысла. В мышлении мысль отрывается от смысла и течет в соответствии с логикой. Но там, где мысль воссоединяется со смыслом, мышление становится философствованием.

Если мышление логично, то философствование преодолевает логику, оно свободно от логики, оно может соответствовать логике, а может нет, ибо суть философствования сверхлогична. Философствование есть апогей мышления. Обычное мышление – это на самом деле суррогат мышления, ибо оно абстрактно и формально. Философствование же – это подлинное мышление, это эталон мыслительной деятельности, ибо только философствование является полноценным мышлением. Поэтому только тогда, когда мышление преобразуется в философствование, оно становится продуктивным, в то время как само мышление всегда остается репродуктивным.

Мышление строится на стереотипах, а философствование – это творческая деятельность, напротив, разрушающая сложившиеся стереотипы. Однако независимо от качества смысл полностью и в адекватной форме в мышлении не может быть выражен. Поэтому в мышлении вообще все утверждается в строго определенном смысле, хотя, как правило, мышление претендует на то, что его выводы носят абсолютный и принципиальный характер. Все выводы науки и мышления, в целом, таким образом, истинны в определенном смысле. Тем более это касается философии, представляющей область философствования и осмысления. Любой акт философствования осуществляется всегда относительно определенного верховного смысла. И философская система не абсолютна, а существует в некотором смысле, в определенном отношении. Разные философские учения могут противоречить, а могут не противоречить друг другу. Это зависит от смысла, относительно которого они рассматриваются; все зависит от ракурса, от контекста.

Инструментом осмысления в философии выступают идеи. Н. Бердяев совершенно точно называет философию творчеством идей. Идея – это соль философии, пронизывающая все бытие человека. Если мысль идет от разума, то идея – от духа и сердца. Мысль охватывает только разум, идея – сознание, душу и дух человека. И поскольку философия как никакое другое явление продуцирует идеи и оперирует ими, то она есть учение об идеях, т.е. идеология в высшем смысле этого слова.

Задача философии – просвещать людей о духовном мире, обогащать их сознание духовными идеями. Безусловно, все истины, все идеи, в том числе и духовные, обитают в каждом человеке, в его внутреннем мире. Заслуга философа только в том, что он открывает их и выводит в сознание. У всех обычных людей сознание и прежде всего сознание духовного мира находится в основном в дремлющем состоянии, и они многого не осознают, во всяком случае в духовном свете. У философа сознание пробужденное, бодрствующее. Философское сознание – это духовно пробудившееся сознание. А пробуждая свое собственное сознание, философ помогает другим открыть себе духовный мир. В этом плане весьма примечателен Сократ, уподоблявший свою философскую деятельность искусству повивальной бабки и называвший свой метод майевтикой. Как повивальная бабка помогает родиться ребенку, так и Сократ, согласно его собственным представлениям, помогал рождаться идеям в сознании других людей. Но это должно быть свойственно для всякого подлинного философского учения.

Духовное просветительство – это критерий подлинности философии. И в этом качестве философия становится основным средством формирования культуры диалога в диалоге культур.

Литература:

1. Меликов И. М., Гезалов А. А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24-34.
2. Культура диалога культур: постановка и грани проблемы / Ответ. ред. Меликов И. М., Гезалов А. А. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 448 с.
3. Меликов И. М., Гезалов А. А. Культура диалога культур (обзор международной научной конференции) / Вопросы философии. 2015. №11. С. 210-215.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9.

Актуальность культурфилософских идей П. А. Сорокина

Меняева М. П.

Челябинский государственный институт культуры, доцент кафедры философских наук. Доктор философских наук

mieniaieva73@mail.ru

Аннотация: Философские идеи П. А. Сорокина рассматриваются применительно к современной социокультурной ситуации, которая характеризуется как кризисная и переходная на глобальном уровне. Выявляется эвристическая значимость интегральной методологии П. А. Сорокина в ориентации на поиск оснований устойчивого и созидательного развития цивилизации. Использование его философских идей – собственно идеи интегрализма, идеи нелинейности истории, идеи культурной конвергенции, идеи созидательного альтруизма и сегодня весьма значимы для разноуровневого анализа проблем совместного бытия стран, народов, индивидов в сложном меняющемся мире, а, возможно, даже – в деле предотвращения новой мировой войны. Показано, что философские идеи П. А. Сорокина получили развитие в современных исследованиях. В частности, автор настоящей статьи использовала некоторые из них в своих диссертациях (кандидатской и докторской) для анализа социокультурной реальности на рубеже XX-XXI веков, а также при разработке концепции культуры согласия.

Ключевые слова: глобальные проблемы, интегрализм, чувственный тип культуры, идеациональный тип культуры, интегральный тип культуры, культурная конвергенция, культура согласия.

The relevance of the cultural philosophical ideas of P. A. Sorokin.

Menaeva M. P.

Chelyabinsk State Institute of Culture

Abstract: The philosophical ideas of P. A. Sorokin are considered in relation to the current sociocultural situation, which is characterized as crisis and transitional at the global level. The heuristic significance of the integral methodology of P. A. Sorokin in its orientation to the search for the foundations of a sustainable and constructive development of civilization is revealed. The use of his philosophical ideas - the ideas of integralism itself, the ideas of the nonlinearity of history, the ideas of cultural convergence, the ideas of creative altruism are still very significant for a multilevel analysis of the problems of the joint existence of countries, peoples, individuals in a complex changing world, and, perhaps, even in preventing a new World War II. It is shown that the philosophical ideas of P. A. Sorokin were developed in modern research. In particular, the author of this article used some of them in her dissertations (candidate and doctoral) to analyze sociocultural reality at the turn of the XX-XXI centuries, as well as in developing the concept of a culture of harmony.

Keywords: global problems, integralism, sensual type of culture, ideational type of culture, integral type of culture, cultural convergence, culture of harmony.

Философские идеи выдающегося русско-американского мыслителя XX века Питирима Александровича Сорокина (1889 – 1968 гг.) обретают новую актуальность на фоне современных вызовов и угроз. К последним относят известные глобальные проблемы, развивающееся цифровое неравенство, гонку за технико-технологическими инновациями, а также повсеместное внедрение ценностей потребления и разрушение традиционных социальных и культурных норм и практик, ответной реакцией на что становится усиление нетерпимости, ее обострение, вплоть до военных действий, конфликтов между странами и народами.

Научные положения и выводы П. А. Сорокина опираются на глубокий анализ огромного массива конкретно-исторического материала и на результаты многочисленных социологических исследований.

Вероятно, это явилось одной из причин того, что в текстах ученого предлагаются некоторые пути решения целого ряда актуальных именно для сегодняшнего дня вопросов.

Представляется, что одним из таких текстов является работа «Моя философия – интегрализм». Все научное творчество, мировоззрение, политические взгляды и жизненная философия П. А. Сорокина было пронизано идеями интегрализма. Интегрализм, представляя собой вариант комплексного, системного анализа человеческого бытия, общества и его культуры, оформляется в трудах П. А. Сорокина как парадигма понимания социокультурной реальности. Ученый создает интегральную онтологию, интегральную теорию и методологию; обосновывает интегральный подход к пониманию человека, культуры и общества, что позволило ему анализировать процессы изменений в социально-культурной сфере в ориентации на возможность управления ими.

Сегодня в ситуации постоянных и ускоряющихся изменений в мире, нарастания его сложности, инфляции ценностей классической культуры, деформации научно-рационалистической картины мира интегральная философия П. А. Сорокина может стать основой для формирования нового целостного интегрального мировоззрения человечества, без чего невозможно его осмысленное существование.

П. А. Сорокин был свидетелем кризисов и социальных потрясений XX века – революции 1917 г. в России, двух мировых войн, Карибского кризиса. В условиях современного глобального социокультурного кризиса актуальна теория кризиса П. А. Сорокина. Мыслитель рассмотрел не только проявление кризиса, но продумал условия (интеллектуальные и организационные) и меры, способствующие выходу из него. П. А. Сорокин предложил системный, комплексный характер мер и практические шаги, среди которых – разоружение, перевод военных бюджетов на конструктивные мирные цели, развитие гуманитарных институтов (например, ЮНЕСКО); ликвидация препятствий для сотрудничества разных стран; реорганизация ООН. Найденные П. А. Сорокиным способы преодоления кризиса жизненно необходимы сегодня.

Актуальна и идея П. А. Сорокина о нелинейности истории, во многом превосходящая идеи синергетики. На основе этой идеи, возведенной в методологический принцип, ученый объяснил вероятность возникновения нового порядка мира – более жизнеспособного и устойчивого. Ученый мыслит переход от чувственного типа культуры к типам идеациональному и идеалистическому и неизбежность перехода связывал с исчерпанием возможностей отжившего типа культуры и рождением нового, накопившего ресурс преобразований. При переходе, по мысли П. А. Сорокина, в условиях гармонического сочетания элементов противоположных типов культуры, возможно достижение равновесия, устойчивости, но лишь на краткое время. В дальнейшем оно утрачивается из-за несовершенства каждого из противоположных типов культуры в отдельности. Сближение противоположных типов культуры – чувственного и идеационального – фиксируется П. А. Сорокиным в идее культурной конвергенции, которая актуальна сегодня в условиях достигшего границы развития «чувственного» типа культуры, на что указывает гипертрофированность материального начала, чувственных ценностей, телесных потребностей.

На XIX Международном конгрессе социологов в Мехико в 1960 г. П. А. Сорокин представил эссе под названием «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип». В нем указывалось, что между двумя несовершенными и противоположными по своему устройству общественно-экономическими системами (социалистической и капиталистической), нет весомых оснований для враждебности, но есть предпосылки для дружественных отношений. Исходя из близости русской и американской ментальностей, П. А. Сорокин настаивал на сходстве в ряде важных психических, культурных и социальных ценностей, которые уравнивают различия. В качестве общей черты двух наций П. А. Сорокин выделил «единство в разнообразии», которое является крепким и созидательным.

Сегодня процесс культурной конвергенции России и США происходит вразрез с некоторыми прогнозами П. А. Сорокина, поскольку он не мог в свое время предвидеть крах социализма в нашей стране и распад СССР. Однако этот процесс идет, о чем свидетельствуют, например, популярность либерально-демократических идей в России и использование интеллектуального потенциала России Соединенными Штатами. Осуществляется сотрудничество и в сфере борьбы с терроризмом, и в преодолении последствий экологических катастроф. К сожалению, в целом этот процесс характеризуется прерывистостью, непостоянством; он не доминирует и не расширяется.

Вследствие известных событий отношения между Россией и США в последнее время аналитики

характеризуют как вступление в новую «холодную» войну, а ситуация в современном мире напоминает ситуацию накануне Карибского кризиса. Тот кризис разрешился благодаря осознанию лидерами противостоящих сторон неотвратимых и непоправимых последствий ядерного конфликта двух великих держав для всего человечества. Американский президент Дж. Кеннеди и советский руководитель Н. С. Хрущев проявили политическую мудрость и политическую волю, вступив в конструктивный диалог по вопросам ядерной безопасности. Было найдено общее решение, приняты согласованные меры, предполагающие взаимную ответственность сторон за сохранение мира.

Этот исторический момент был подробно проанализирован нами в докторской диссертации. В теоретическую основу диссертационного исследования, направленного на выявление сущности, анализа становления и воспроизводства культуры согласия, были положены и идеи интегрализма и культурной конвергенции П. А. Сорокина. Формирование культуры согласия, по всей вероятности, основывается на процессах культурной конвергенции, но требует специальных целеопределенных усилий, необходимых в условиях остро-противоречивых отношений различных общественных систем. Притом, что целью здесь становится не конвергенция сама по себе, а разрешение конфликта, процесс конвергенции получает институциональную основу, позволяющую интегрировать интересы различных стран по определенным вопросам, в общем, и объективно необходимом для всех направлений. Так, в завершении Карибского кризиса при посредничестве ООН был заключен Договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах – водной, воздушной и земной (1963 г.), а также ряд других договоров, соблюдавшихся до распада биполярного мира.

Конструктивный опыт разрешения социокультурных противоречий, его закрепление в институциональных формах как условия обеспечения безопасного существования человечества приводит к формированию культуры согласия, что в свою очередь, способствует развитию процессов культурной конвергенции, а значит, и реальной возможности воспроизводства культуры согласия.

Однако процесс воспроизводства культуры согласия крайне сложен. Он требует постоянного «сцепления» эмоционально-волевой, действенной и институциональной составляющих самого механизма воспроизводства. К сожалению, это не происходит естественно, само собой. Современная социально-культурная ситуация характеризуется возобновившимися недоверием, подозрительностью и нежеланием идти на разумные уступки на эмоционально-волевом уровне; необдуманными действиями (на межличностном и международном уровнях) и «устареванием» институтов, необходимых для воспроизводства культуры согласия и продолжения культурной интеграции.

Интегральный потенциал таких международных объединений, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС и других в новых условиях может оказываться недостаточным. А такие организации как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, созданные в свое время для обеспечения безопасности в мире, в определенной мере исчерпали свой ресурс и нуждаются в обновлении, так же как и нормы международного права.

Накопленный в истории общества опыт согласия может быть использован как ценный ресурс для нового объединения человечества против угрозы усиливающихся глобальных противоречий в отношениях «человек – природа – общество», а воспроизводство культуры согласия может способствовать его вхождению в интегральный тип культуры, обладающий возможностью обеспечить устойчивость человеческого бытия и со-бытия на всех уровнях. Напомним, что П. А. Сорокин полагал, что для устойчивого развития человечество будет вынуждено взять курс на ценностно-смысловую интеграцию и социокультурное сближение, которое не означает унификацию и уничтожение культурной специфики, поскольку интегральный тип культуры может иметь свои особенности на Западе и Востоке.

Будущее человечества П. А. Сорокин связывал с развитием общечеловеческой солидарности. В дружественных отношениях, в отношениях мира и согласия мыслитель видел не проявление слабости, а спасительную силу. Он разработал программу социокультурных преобразований – комплексное и последовательное реформирование, ориентированное на альтруизацию межличностных и межгрупповых взаимоотношений, которое должно затронуть личность, общество и культуру. Полное и последовательное воплощение ее в жизнь, по П. А. Сорокину, является залогом прочного мира, поскольку позволит предотвратить глобальные и локальные конфликты.

Таким образом, предлагаемый П. А. Сорокиным проект альтруизации, его идеи и теории могут способствовать осуществлению сдвига с конфликтной парадигмы мирового развития на парадигму согласия, которая позволяет устойчиво, созидательно развиваться всем странам и народам, а не тратить силы на сдерживание конфликтов.

Истолкование проблемы блага во французской философской культуре эпохи религиозных войн: М. Монтень и Ж. Боден.

Мягкова О. С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории и теории мировой культуры, старший преподаватель

Myagkova.post@gmail.com

Аннотация: представление о благе является одним из ключевых вопросов интеллектуальной культуры Франции второй половины XVI века. Сформировавшись в условиях длительного общественно-политического кризиса, включающего период религиозных войн, философское сознание эпохи стремилось к переосмыслению основных этических и религиозных проблем своего времени. Связывая понятие блага с представлениями о государственном устройстве страны, мыслители, в том числе, преследовали и практическую цель - достижение мира во Франции. Особый интерес в данном контексте представляют философские взгляды Жана Бодена и Мишеля Монтеня. Ж. Боден поддерживая монархическую модель правления, подчиняет власть суверена божественному закону и трактует благо как добродетельное правление государя. М. Монтень противопоставляет религиозную вражду современников идее истинной христианской религии, постичь которую можно только благодаря творцу. Все, исходящее от бога, является для христианина благом, человека же, согласно Монтеню, необходимо смирить вечными законами природы.

Ключевые слова: Ж. Боден, М. Монтень, французская философская культура, религиозные войны, государство, благо, бог, закон.

The Interpretation of the Problem of What Good is in French Philosophical Culture of the French Wars of Religion Era: M. Montaigne and J. Bodin. Myagkova O. S.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The interpretation of good is one the crucial issues of French intellectual culture in the second half of the 16th century. The social, political and religious crisis had a notable influence on the philosophy of this era, thus the problems of morality and faith became essential questions of the time. Philosophers also tried to attain a practical goal: to achieve peace in their country. Therefore, the interpretation of good for them was connected with the organization of the State. The philosophical theories of Jean Bodin and Michel Montaigne are worth noting. J. Bodin agreed with monarchy as a form of state rule, but the governmental authority should be subordinate to the divine order. In Bodin's, good should be the main intent for the monarch. M. Montaigne contrasted the wars of religion with the true idea of Christian religion. This idea may be attained by people only with God's help. Everything that comes from God is good for the true Christian. The human being should live in accord with the eternal order of Nature.

Keywords: J. Bodin, M. Montaigne, French Philosophical Culture, French Wars of Religion, State, Good, God, Law.

Для философии позднего ренессанса во Франции характерно осмысление событий своей эпохи, поиск как причин сложившегося бедственного положения, так и путей выхода из этого кризиса, обращение к вопросам веры, морали и нравственного идеала человека, сопряженного с проблемой истинного блага.

С точки зрения философии культуры, особого внимания заслуживает сопоставление мировоззренческих позиций двух выдающихся мыслителей эпохи, символизирующих два типа отношения к вызовам времени. Одна из них, социально-философская, выражена в работах крупнейшего представителя партии «политиков», Ж. Бодена. Другая - нашла воплощение в философском скептицизме М. Монтеня.

Мыслитель и политический деятель Жан Боден (1530-1596 гг.) прославился такими произведениями, как «Метод легкого изучения истории» (1566), «Разговор семи человек» (рукопись, состав-

ленная предположительно между 1587 и 1593 гг., и изданная уже в 19 веке), и особенно своим основным трудом «Шесть книг о государстве» (1576). В данной работе автор рассматривает государство, как результат либо добровольного соглашения между людьми, либо принуждения более слабых сильнейшими. Согласно Бодену, суверенитет вверяется правителю народом, однако ограничивается законами Бога и природы, а также некоторыми человеческими законами, общими для всех народов. В то же время, долг суверена не подчиняться отдельным людям и отменять бесполезные законы. Власть монарха является абсолютной, но при этом, она не должна быть «оскорблением божественного величества», то есть быть направленной против божественного или естественного закона. Согласно Бодену, «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть» [1, р. 179].

Концепция суверенитета Бодена исключает модель идеального государства Платона, поскольку, с его точки зрения, несовместима с семейным правом, а также правом обладания собственностью: общность имущества вызывает «ненависть и раздоры». Отвергая концепцию Платона, как и Томаса Мора, Боден заявляет, что намерен следовать истинным политическим правилам, а не воображать идею государства, не имеющую практического применения.

Выход из религиозного кризиса и потрясающих Европу войн Боден связывает с добродетельным правлением суверена. Если правитель не поддерживает единственный существующий божественный закон и высшую истину, а стремится стать во главе какой-либо из враждующих религиозных «партий», он подвергнет опасности и себя, и государство. Насильственный и агрессивный метод искоренения государем убеждений в среде своих подданных, согласно Бодену, неприемлем, и более того, способен усугубить ситуацию, когда столкновения уже охватили все государство, поскольку «чем более подвергается насилию воля людей, тем более она неуступчива». Боден сторонник мирного способа выхода из религиозного конфликта.

Он считал, что сохранение государства зависит, прежде всего, от Бога, затем от государя, от правительства. По мнению Бодена, высшее благо едино - и для государства, и для любого частного лица. Оно заключается в культивировании добродетели, неотделимой от благодарности и признательности по отношению к творцу всех вещей. Высшее благо вместе с тем является и целью существования государства. Политики заблуждались, оценивая благо по мерке своих житейских удовольствий, отсюда отсутствие согласия среди людей по столь важному для них вопросу. Между тем представление о счастье не должно содержать в себе ничего смутного и двусмысленного: человек слагается из смертного тела и бессмертной души; очевидно, что истинное благо должно быть связано с высшей частью его существа, т.е. с разумом. Счастливый человек будет хорошим гражданином.

Теоретические воззрения Бодена об устройстве государства имели широкое распространение среди представителей партии политиков, стремившихся к мирному сосуществованию католиков и протестантов при укреплении абсолютной монархии во Франции. Монтень также высоко ценил идеи своего современника: «Жан Боден, выдающийся современный писатель, выделяющийся из толпы писак нашего времени своим большим здравомыслием, заслуживает всяческого внимания и уважения» [2, с. 429]. С точки зрения самого Монтеня, народ Франции повинен в расцвете религиозных распри, поскольку многие неверно истолковывали христианскую религию: «мы воспринимаем религию на наш лад, но может ли непостоянство и страх породить в нашей душе нечто незыблемое?» [3, с. 121]. Люди часто используют религию в своих интересах, выдавая собственные корыстные намерения за отстаивание идеалов веры и морального закона: «Наша религия создана для искоренения пороков, а на деле она их покрывает питает и возбуждает» [3, с. 119]. Удовлетворение человеческих страстей, далекое от понимания истинной веры, явилось причиной жестоких кровопролитий: «Посмотрите, с каким потрясающим бесстыдством мы обращаемся с божественным промыслом: как святотатственно мы то отвергаем, то вновь принимаем его, в зависимости от позиции, которую нам случается занимать во времена теперешних общественных потрясений» [3, с. 118]. Между тем именно христианская добродетель должна была бы явиться отличительной чертой истинной религии, «ибо она является наиболее возвышенным и небесным проявлением нашей религии, будучи самым достойным плодом божественной истины» [3, с. 117].

Монтень утверждает, что в действительности разум людей не способен постичь божественного величия, поскольку пытается делать это по собственной мерке. Стремление придать Богу человеческие черты, цели и даже внешний облик, не просто заблуждение, свойственное человеку, оно приводит к непоправимым последствиям, и позволяет оправдывать любые события и людские поступки божественной волей. Если истина считается общепризнанной и одинаковой повсюду, значит и законы,

следуя логике Монтеня, не должны изменяться в зависимости от тех или иных господствующих политических убеждений, что в действительности далеко не так.

Единственное вечное и подлинно сущее для Монтеня – это Бог. Согласно Монтеню, «судить о божественных предназначениях следует с величайшей осмотрительностью». [2, с. 238]. Истинному христианину надлежит считать благом все, что будет ниспослано ему свыше: «достаточно верить, что все исходит от Бога, принимать все с благодарностью и признанием его неисповедимой божественной мудрости» [2, с. 238]. Благо, таким образом, не должно измеряться человеческими представлениями об успехе и процветании, поскольку божественная воля и мудрость не подвластна пониманию человеческого разума, и не соответствует человеческим целям: «Господь Бог, желая показать нам, что благо, на которое может надеяться добрый, и зло, которого должен страшиться злой, не имеют ничего общего с удачами и неудачами мира сего, располагает ими и распределяет их согласно своим тайным предназначениям, отнимая тем самым у нас возможность пускаться на этот счет в нелепейшие рассуждения» [2, с. 239]. Восприятие блага и зла, по мнению Монтеня, зависят от нашего представления, в то время как «жизнь сама по себе - ни благо, ни зло: она вместительна и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее» [2, с. 99]. Монтень призывает усмирить горделивый человеческий разум, неспособный самостоятельно «усмотреть печать божественности, наложенную творцом» на все сущее, заставить человека подчиниться порядку, которому подчинены все вещи, так как «действовать по естественной необходимости-ближе к божеству чем по своей воле-случайной и безрассудной; да и гораздо спокойнее предоставлять бразды нашего поведения не нам, а природе». [3, р. 137]. В то же время людям необходимо ценить и быть благодарными богу за любые проявления собственной человеческой природы, поскольку все, что соответствует природе, является естественным и хорошим: «действительно, меньше достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное» [4, с. 390]. В своих суждениях о других людях Монтень опирается на личный опыт, исследование собственной человеческой природы. Самопознание является, по заявлению Монтеня, единственным видом науки, которой он занимается, и которая позволит ему жить хорошо.

Также Монтень подчеркивает важность умения избежать крайностей в любых человеческих устремлениях, в том числе, добродетельных: «чрезмерность в чем бы то ни было, даже в том, что есть благо, если не оскорбляет меня, то, во всяком случае, удивляет» [2, с. 218]. Чрезмерное увлечение человека тем или иным занятием подобно слишком яркому свету солнца, поражающего глаз и причиняющего ему боль. Умеренность отражает естественное течение жизни в соответствии с природной, и соблюдать ее необходимо также в занятии философией: «если предаваться в философии излишествам, она отнимает у нас естественную свободу и своими докучливыми ухищрениями уводит с прекрасного и ровного пути, который начертала для нас природа». [2, с. 219]. Также и стремление к общественному благу, по мнению Монтеня, должно быть умеренным и не требовать самопожертвования.

В скептическом подходе выразилась своеобразная форма социального протеста, острая реакция Монтеня на кризис общественного сознания эпохи, критика догматизма и религиозного фанатизма. По мнению Лансона, его скептицизм «это тайна жить спокойно среди гражданских войн и тайна прекратить гражданские войны, мешающие спокойной жизни». [5, р. 424]. Согласно Монтеню, человеку остается усмирить собственную гордыню естественными законами природы и общественными законами и обратиться к самопознанию.

И Монтень, и Боден, осуждали религиозные войны, как проявление корыстных интересов различных групп людей, и связывали представление о благе с мирным существованием государства и добродетельным правлением монарха, подчиняющегося божественному закону. Высшее благо состоит в добродетельной жизни человека и общества и безусловной благодарности творцу. Однако если Боден в первую очередь сосредоточен на анализе политического устройства общества, то метод Монтеня, ориентированный на самопознание, обращен к изучению человеческой души. Придерживаясь различных путей реализации своего замысла, мыслители преследуют общую цель - поиск практического разрешения конфликта эпохи.

Литература:

1. Bodin J. Les six livres de la république. Paris. Fayard. 1986. V. 1. 340 p.
2. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т.1. Пер. с фр. М.: Голос, 1992. 384 с.

3. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т.2. Пер. с фр. М.: Голос, 1992. 560 с.
4. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т.3. Пер. с фр. М.: Голос, 1992. 416 с.
5. Лансон Г. История французской литературы. Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 1896. Т.1. 788 с.

Панкратова А. В.

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», кафедра дизайна, заведующий кафедрой. Кандидат философских наук

sashaoscar@mail.ru

Аннотация: в настоящее время дизайн можно рассматривать как новую философскую категорию.

От категории искусство дизайн отличается отсутствием аналогичности, трансцендентного означаемого. Философская категория «дизайн» связана с организацией вторичной реальности и включает такие аспекты смысла, как проективность, транзитивность, функциональность, имманентность, семиургичность. Исследование дизайна как философской категории приводит к дихотомии понятий эйдос и симулякр, бытия и небытия. Основной тип знаков, которыми пользуется дизайн сегодня, – это симулякр. Дизайн является основным средством организации гиперреальности и в этом смысле инструментом бесконечного продуцирования симулякров, то есть небытия. Однако вместо воспроизводства симулякров дизайн может обратиться к поиску эйдоса вещи, тем самым, связывая предметно-пространственную среду с трансцендентным, то есть истинным бытием.

Ключевые слова: дизайн, искусство, эстетическое, гиперреальность, симулякр, эйдос, энтелехия.

Design as a philosophical category.

Pankratova A. V.

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Abstract: currently, design can be considered as a new philosophical category. Design differs from the art category in the absence of an analogic purpose, transcendent signifier. The philosophical category “design” is related to the organization of secondary reality and includes such aspects of meaning as projectivity, transitivity, functionality, immanence, and semiurgicity. The study of design as a philosophical category leads to a dichotomy of the concepts of Eidos and simulacra, being and non-being. The main type of signs that design uses today is a simulacrum. Design is the main means of organizing hyperreality and, in this sense, a tool for the infinite production of simulacra, that is, non-existence. However, instead of reproducing simulacra, design can turn to the search for the Eidos of a thing, thereby linking the subject-space environment with the transcendent, that is, true being.

Keywords: design, art, aesthetic, hyperreality, simulacrum, Eidos, entelechy.

Сегодня ряд философских категорий, связанных с эстетической деятельностью человека, таких как «искусство», «эстетическое», «прекрасное», дополняется новой категорией – «дизайн». Философский смысл феномена дизайна, а следовательно, и философская категория «дизайн» не совпадают с философской сущностью категорий «искусство» и «эстетическое».

Для искусства принципиальным является аналогичный момент: искусство возводит сознание воспринимающего в высокие сферы духа. Для дизайна аналогичный момент не является обязательным, более того, некоторые авторы выявляют риторичность, поверхностность дизайна. Например, об этом пишет Г. Н. Лола, говоря, что «к концу XIX века утвердилось понимание дизайна как средства ресакрализации вещи» [1, с. 83]. Дизайн не отсылает к трансцендентному означаемому, как искусство, и не связан с неутилитарной созерцательной ценностью, как эстетическое. Для дизайна определяющим моментом является именно функциональность, транзитивность.

Генезис дизайна как феномена культуры также принципиально отличается от возникновения искусства. Искусство сначала медленно вырастает из других сфер деятельности, а затем осмысливается философски. Дизайн является проективным [2] феноменом: изначально дизайн возникает как философский проект, как требование времени, сформулированное в трудах критиков и искусствоведов (Дж. Рескин), а уже затем становится социальной практикой, причем за относительно небольшой промежуток времени.

Как социальная практика дизайн укрепился в среде модернистов начала двадцатого века, отрицавших прошлое и декларирующих сознательный разрыв с трансцендентным. Поэтому дизайн связан не с укорененностью в бытии, которое обеспечивается архетипическими основаниями, а с поверхностностью, со скольжением по границам бытия, с оформлением предметного мира без затрагивания его онтологических оснований. Дизайн сформировался как номадический феномен.

Итак, дизайн характеризуется неукорененностью в бытии, атопичностью, и одновременно дизайн связан с новацией. Дизайн это сфера создания нового, в первую очередь, новых знаков. В этом смысле дизайн является семиургической практикой.

Кроме того, дизайн связан с уплотнением вторичной реальности. Появление дизайна решало вопрос систематизации объектов вторичной реальности – текстов, изображений, знаков, артефактов, которых становилось все больше по мере развития культуры.

Усиление символической составляющей культуры с неизбежностью запускает процесс симуляции бытия. От копирования реальности в эпоху Ренессанса человечество переходит к созданию промышленных аналогов – второму этапу симуляции, а затем погружается в гиперреальность – третий этап симуляции [3]. На этапе возникновения симулякров второго порядка в эпоху промышленной революции и появляется дизайн как основной инструмент создания симулякров. Сегодня большая часть жизни связана с существованием в гиперреальности, и именно дизайн является основным инструментом организации этой среды.

Таким образом, философская категория «дизайн» связана с организацией вторичной реальности и включает следующие смысловые аспекты:

1. Проективность – направленность в будущее;
2. Транзитивность – ориентированность на реальное применение;
3. Функциональность – ориентированность на оптимальное применение;
4. Имманентность – отсутствие отсылок к трансцендентному (хотя это может измениться с развитием дизайна как социокультурного феномена).
5. Семиургичность – функция создания новых знаков.

Однако философское содержание категории «дизайн» этим не исчерпывается. Исследование дизайна как философской категории и попытки выяснить онтологический статус дизайна приводят к пониманию двойственной сущности дизайна.

С одной стороны, дизайн – феномен принципиально риторический, поверхностный, отказывающийся от укорененности в бытии, от архетипических оснований и трансцендентного содержания. Таким дизайн сформировался в парадигме модернизма и в таком качестве стал успешным инструментом гиперреальности. Дизайн развивается как практика работы с поверхностью, практика проектирования комфорта без затрагивания глубинного смысла бытия и, более того, практика оформления гиперреальности – среды, состоящей из симулякров, лишенной трансцендентного содержания.

То есть одна сторона дизайна – это нивелирование настоящей жизни, уход от логоса в область чистого потребления, бессмысленного воспроизведения симулякров, а значит, в небытие. Сегодня основным типом знаков, которые использует дизайн, является симулякр. Дизайн оперирует знаками, не отсылающими ни к какому референту, тем более, трансцендентному. Жизнь человека в гиперреальности, лишенная смысла и сведенная к чистому потреблению, является формой небытия, а дизайн – инструментом проектирования небытия.

С другой стороны, дизайн существует и имеет все шансы развиваться дальше. Потребность человека оформлять свой мир, делать его комфортным, понятным, разграниченным, строить космос по законам красоты и порядка – потребность естественная. Дизайн не обязательно должен уводить человека в лабиринт бесконечных симулякров. Напротив, именно дизайн может вывести человека из хаоса техногенного мира.

Вместо создания и оформления гиперреальности, обустройством которой дизайн занимался в течение последних ста лет, дизайн может заняться возвращением реальности, устройством чудесной мифологической целесообразности. Создание небытия не является обязательным атрибутом дизайна. Вместо создания пустых образов дизайн должен искать подобие, вместо бесконечной игры с феноменами, заняться поиском ноумена.

В случае использования другого типа знаков, дизайн может не уменьшать, а усиливать ощущение бытия, жизненности. Но для этого дизайн должен перейти на новый онтологический уровень. Дизайн должен перестать игнорировать трансцендентное. При использовании вместо симулякров знаков-символов дизайн может отсылать к трансцендентному означаемому, к эйдосу вещи.

Дизайн потенциально может стать практикой поиска и создания энтелехии вещи – тождества в вещи её эйдоса и материи [4]. То есть соответствие формы, сообщения, конструкции архетипу, глубинным представлениям об Идее Красоты, Идее Блага. Дизайн, в лучшем проявлении, занимается преобразованием материи, созданием одухотворенного предметного мира, который своими формами отсылает к божественному содержанию, трансцендентному означаемому.

Таким образом, философская категория дизайн оказывается диалектическим соединением бытия и небытия, противоборством симулякра и эйдоса как принципа построения предметно-пространственной среды.

Диалектическая формула дизайна, раскрывающая его онтологический статус, может быть приблизительно сформулирована следующим образом.

Дизайн – это принцип 1) организации вторичной реальности, 2) изначально сформировавшийся как риторический революционный проективный феномен, 3) но в своей перспективе предназначенный для одухотворения предметного мира и устройства человеческого существования по принципам красоты и гармонии.

Литература:

1. Лола Г. Н. Дизайн. Опыт метафизической транскрипции / Г. Н. Лола; послесл. Н. Б. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 1998. 264 с.
2. Эпштейн М. Н. Слово как произведение. О жанре однословия. // М. Н. Эпштейн // Новый мир, № 9, 2000. С. 204-215.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть: пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 880 с.

Итальянский роман с элементами детектива (на примере романов Франческо Мاستриани и Эмилио Де Марки)

Патронникова Ю. С.

Институт мировой литературы А. М. Горького Российской академии наук, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

yulia.patronnikova@gmail.com

Аннотация: В итальянских популярных романах второй половины XIX века - «Мой труп» Ф. Мاستриани и «Шляпа священника» Э. Де Марки - используются элементы, ставшие каноническими для детектива как жанра. В первом появляется ключевая для детектива фигура следователя (доктор Вайс), но его попытки узнать истинную причину смерти барона не приводят к расследованию и разоблачению преступника. Цель Мاستриани - показать «власть провидения»: когда преступник избегает человеческого суда, судьба, высший закон наказывают его. В романе Де Марки расследованию отведено больше места. Однако и здесь автор не позволяет человеческому гению - следователю Мартеллини - разгадать таинственное исчезновение священника. Замысел Де Марки - рассказать о душевных муках главного героя, который в итоге сам признает свою вину.

Ключевые слова: Франческо Мастриани, Мой труп, Эмилио Де Марки, Шляпа священника, итальянский популярный роман, детектив.

The Italian novel with elements of the detective story (on the example of novels of Francesco Mastriani and Emili De Marchi). *Patronnikova Y. S.*

Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

Abstract: The presentation examines the two Italian novels of the second half of the 19th century – Francesco Mastriani’s ‘My cadaver’ (‘Il mio cadavere’) and Emilo de Marchi’s ‘The priest’s hat’ (‘Il cappello del prete’). The novels in question have some features that would become canonical for the genre of detective novel. The first novel features the type of character crucial for the genre – the detective (Doctor Weiss); however, his attempts to ascertain the true cause of the baron’s death don’t result in police investigation and capturing the criminal. Mastriani’s goal is to show the power of divine providence: if a criminal evades human punishment, it is providence, the supreme law, that punishes him or her. De Marchi’s novel is more focused on investigation, but even here the author doesn’t allow human ingenuity, exemplified in detective Martellini, to solve the mystery of the priest’s disappearance. De Marchi’s intention is to depict the protagonist’s psychological suffering, who eventually pleads guilty.

Keywords: Francesco Mastriani, My cadaver (Il mio cadavere), Emilio De Marchi, The priest’s hat (Il cappello del prete), Italian popular novel, detective novel.

В отличие от английских и французских детективов, говорить об итальянском детективном романе (по крайней мере, до Первой мировой войны) достаточно сложно [1]. Тем не менее, в сочинениях итальянских авторов второй половины XIX века появляются элементы, ставшие каноническими для детектива как жанра. Исследователи сходятся во мнении, что романы-фельетоны «Мой труп» («Il mio cadavere») Франческо Мастриани, неаполитанского писателя, удостоенного высокой оценки Б. Кроче [2], и «Шляпа священника» («Il cappello del prete») миланского автора Эмилио Де Марки являются показательными в этом отношении примерами.

С 1851 года роман «Мой труп» выходит отдельными выпусками в газете «Омнибус» («L’Omnibus»). Мастриани, способный, по оценке А. Грамши, завоевать внимание публики [3, р. 110], рассказывает весьма захватывающую историю о молодом пианисте Даниэле де Римини. В надежде получить как можно скорее богатство, обещанное ему бароном Эдмондо, юноша решает отравить своего благодетеля.

В романе сильна научно-медицинская линия. П. Боттони даже называет «Мой труп» «научно-

медицинской готикой» [4, р. 9]. Дело в том, что барон Эдмондо пребывал в глубокой меланхолии, вызванной не только страхом смерти (ему часто представлялось, как его тело в тесном гробу погружают в землю), но и мыслями о погребении заживо (мотив, заимствованный из рассказа Эдгара По «Преждевременное погребение», 1844). Поэтому барон прикладывает все усилия, чтобы избежать ужасной врачебной ошибки. Одним из обязательных пунктов завещания было проведение доктором Вайсом анатомического анализа тела умершего с целью дальнейшего его бальзамирования.

Причиной смерти барона посчитали кровоизлияние, однако состояние тела позволяет доктору Вайса допустить, что умерший скончался в результате отравления. Доктор начинает собственное *расследование*: он еще раз исследует труп, допрашивает работников дома о последних часах барона перед сном... Мысль об отравлении не получает подтверждения, и доктор Вайс прекращает поиски истины. Ни сомнения доктора, ни подозрения другого персонажа — Маурицио Баркли — не дают ход дальнейшему расследованию.

Даниэле удается избежать суда, но и желаемой цели он не достигает. Наследство барона должно было поспособствовать союзу юноши с его возлюбленной, но она к моменту его возвращения уже вышла замуж за другого. От отчаяния Даниэле заболевает и вскоре умирает.

Роман выходит спустя десять лет после первого образца детектива — рассказа Эдгара По «Убийства на улице Морг» (1841) с персонажем мсье Дюпенем, с помощью метода индукции искусно разгадывавшего таинственные преступления [6], однако Мистриани решает не следовать примеру По и оставляет расследование доктора Вайса в качестве декоративного элемента. Основной замысел неаполитанского автора далек от детективного [5, с. 254]. Писатель провозглашает темой всего повествования «власть провидения в событиях человеческой жизни». Когда человеческий ум оказывается бессильным в разоблачении преступления, следует полагаться на то, что высший закон покарает виновного. Мистриани прямо говорит: «Кажется, преступления часто получают большее наказание от небес за грехи, которые остаются скрытыми от глаз человеческой справедливости».

Спустя тридцать шесть лет — в 1887 году — на страницах газеты «Италия» («L'Italia») впервые свет увидел другой образец итальянского популярного романа с элементами детектива - «Шляпа священника» завоевавшего большую популярность Эмилио де Марки [7].

Обанкротившийся барон Карло Кориолано пытается избежать тюремного заключения за неплату долга и потому решается на убийство скупого и коварного священника, собиравшегося купить его родовое имение - виллу Сантафуска. Шляпа, слетевшая с жертвы в момент убийства, становится единственной уликой, и когда она попадает в руки правосудия, начинается расследование.

Для барона — убежденного материалиста и дарвиниста — убийство не является преступлением против человечества («человек — горстка земли», «в борьбе за жизнь побеждает сильнейший», рассуждает главный герой). Однако решение совершить задуманное дается барону тяжело — то он, захваченный каким-то размышлением, останавливался посреди улицы, то мчался куда-то сломя голову от людей, которые, как ему казалось, читают его мысли.

Де Марки уделяет детективной линии больше внимания — дело таинственно исчезнувшего священника попадает в руки искусного следователя Мартеллини, — однако, не делает ее ключевой. Главным для автора предстают душевные муки барона, пытающегося на протяжении всего романа найти оправдание и объяснение случившемуся. То он обращается к мыслям о провидении — дескать, у него не было иного выбора, какая-то «высшая сила» понуждала его совершить задуманное и толкала священника в западню. Другой раз барон винит во всем случай — если бы не тяжелое финансовое положение и если бы викарий предложил щедрую сумму за его виллу тремя днями раньше, никакого бы убийства не произошло.

Удачное стечение обстоятельств позволяет барону остаться вне подозрений полиции. Де Марки не позволяет ни острому уму следователя Мартеллини, ни подозрениям второстепенных персонажей довести расследование до конца. Замысел автора состоит в другом. Муки совести доводят барона до безумия, и весьма формальная процедура дачи показаний завершается его признанием своей вины.

Романы «Мой труп» и «Шляпа священника», безусловно, содержат детективные элементы [8]. Однако в отличие от типа классического детектива, у Мистриани и Де Марки расследование и роль человеческого гения в раскрытии преступлений не являются ведущими, они подчинены иным целям автора.

Литература:

1. Буало-Нарсежак. Детективный роман // Как сделать детектив. Пер. с англ., франц., нем., исп. Послесловие Г. Анджапаридзе. М.: Радуга, 1990. С. 192-224.
2. Croce B. La vita letteraria a Napoli dal 1860 al 1900 // La letteratura della Nuova Italia, Bari. 1915. P. 293-319.
3. Gramsci A. Letteratura e vita nazionale. Giulio Einaudi Editore. 1950.
4. Bottoni P. Il romanzo gotico di Francesco Mastriani. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Italian Studies Graduate Department of Italian Studies University of Toronto. 2012.
5. Патронникова Ю. С. У истоков итальянского детектива: Франческо Мистриани // Поэтика зарубежного классического детектива. ИМЛИ РАН., 2019. С. 243-257.
6. Георгинова Н. Ю. К вопросу о происхождении и определении детектива // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 39-42.
7. Strappini L. De Marchi E. - Dizionario Biografico degli Italiani – Volume 38 (1990). URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/emilio-de-marchi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/emilio-de-marchi_(Dizionario-Biografico)/)
8. Ван Дайн С. С. Двадцать правил для написания детективных романов [Текст] / С.С. Ван Дайн // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. С. 38–41.

Культурная идентичность в условиях автономии репрезентации паллиативный эффект стратегического эссенциализма

Пигалев А. И.

Волгоградский государственный университет, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

pigalev@volsu.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются философские аспекты концепции культурной идентичности. Анализ исходит из констатации, что понимание концепции культурной идентичности определяется отношением к эссенциализму и антиэссенциализму. Эссенциализм предполагает, что каждый знак имеет строго определенный смысл, который должен быть получен из реального означаемого в качестве некоторой сущности. Антиэссенциализм утверждает, что знак не имеет означаемого в качестве устойчивого объекта или его устойчивых качеств. Согласно концепции стратегического эссенциализма, в некоторых случаях необходимо действовать таким образом, как будто идентичности являются четкими и устойчивыми. В докладе доказывается, что стратегический эссенциализм представляет собой реакцию на автономию репрезентации и ослабление метафизических оснований культурной идентичности.

Ключевые слова: культурная идентичность, репрезентация, эссенциализм, анти-эссенциализм, стратегический эссенциализм.

The Cultural Identity under the Autonomy of Representation and the Palliative Effect of the Strategic Essentialism.

Pigalev A. I.

Volgograd State University

Abstract: The paper deals with the philosophical aspects of the concept of cultural identity. The analysis proceeds from the statement that the construal of the concept of cultural identity is specified by the stance on essentialism and anti-essentialism. The essentialism assumes that every sign has the fixed meaning that should be derived from a real referent as a kind of essence. The anti-essentialism asserts that the sign has no referent as a stable object or as the latter's stable qualities. According to the concept of the strategic essentialism, sometimes one should act as if identities were distinct and stable entities. It is argued that strategic essentialism is a response to the autonomy of representation and the weakening of the metaphysical foundations of cultural identity.

Keywords: cultural identity, representation, essentialism, anti-essentialism strategic essentialism.

Идентичность культуры относится к числу ее важнейших характеристик, позволяющих говорить не только о ее особенностях в качестве самостождественной, но и о ее отличиях от других культур, невозможных без признания этой самостождественности. Понятие идентичности характеризует не только индивида, но и различные социальные группы, и обоснованным является различие между индивидуальной и коллективной (или социальной) идентичностью. Хотя философию культуры коллективная идентичность интересует преимущественно в ее отношении к индивидуальной, этот интерес уравнивается тем, что последняя рассматривается как продукт общества и культуры [1].

Индивид выражает идентичность в качестве определенного способа классификации и описания с помощью различных репрезентаций – прежде всего, имени и соотносимых с ним свойств. Будучи признаны другими индивидами, эти классификация и описание, репрезентированные именем, приобретают статус объективных характеристик индивида в качестве принадлежащего к определенному роду или классу, т.е. некоторой реальной или идеальной общности. Одновременно те, кто окружает носителя идентичности, приобретают статус либо «своих», либо «чужих».

Формирование идентичности неразрывно связано с установлением различий, предполагающих

границу между «внутренним» и «внешним». Это выражается в наличии некоей структуры включения и исключения, которая, впрочем, далеко не всегда бывает идеально жесткой и в, частности, не обязательно должна строиться на основе лишь бинарных оппозиций. Допустимыми и, как можно предположить с достаточно высокой степенью уверенности, исторически реализовавшимися являются и нечеткие различия внутри этой структуры, когда идентичность является неполной или фрагментированной. Сюда же следует отнести и множественную идентичность, которая характеризуется сочетанием и устойчивым сосуществованием в индивиде различных видов четко выраженной идентичности.

Соответственно, в общем случае отношение одного типа культурной идентичности к любому другому не обязательно имеет вид антагонистического противоречия. Поэтому сопоставление того типа идентичности, который основывается на бинарных оппозициях и вписан в жесткую структуру включений и исключений, с другими ее типами указывает на то, что бинаризм в понимании культурной идентичности не универсален. Это требует выявления условий его возникновения и пределов его возможностей. Однако согласно ряду современных философских концепций, оказавших существенное влияние на философию культуры (постструктурализм, концепция деконструкции Ж. Деррида), бинарная структура включений и исключений и бинарная структура культурной идентичности должны быть отвергнуты в принципе.

При этом подчеркивается, что любая концепция идентичности в духе бинаризма основывается на посылах эссенциализма (от лат. *«essentia»* – «сущность»). Это концепция, согласно которой знаки и, в частности, слова имеют в качестве означаемых действительно существующие объекты и поэтому представляют их репрезентации. В эссенциализме репрезентируемые объекты понимаются как устойчивые сущности, обладающие существенными или всеобщими качествами которые обладают существенными или иальной идентичностиказали наиболееичности в одном субъектеличности, так и наций, классов. Устойчивой сущностью должна быть и идентичность (должны существовать, например, носители неизменной гендерной, национальной и культурной идентичности). Поэтому, если следовать эссенциализму, то относительно идентичности возможны соответствующие действительности суждения, которые считаются объективными в силу своей всеобщности [2, с. 221–223].

Такое понимание отвергается в антиэссенциализме, согласно которому никаких устойчивых сущностей, равно как и существенных качеств, нет. У слов и знаков, как считается, вообще нет устойчивых означаемых, так что знаковым системам, включая язык, не предшествуют никакие объективно существующие объекты в качестве «сущностей» и, разумеется, никакие существенные качества. Согласно антиэссенциализму, смысл знака (слова) возникает не в результате установления его связи с существующим объектом в качестве означаемого, а в процессе его участия в непрекращающихся играх означающих внутри самой знаковой системы (языка) или, если использовать термин Л. Витгенштейна, в бесконечных «языковых играх» [2, с. 231–233].

В рамках такого подхода следует исходить из того, что язык как знаковая система не репрезентирует никакой независимой от него действительности, никаких устойчивых сущностей. Поэтому своим существованием изменчивый смысл каждого знака (слова) может быть обязан только подвижным различиям в границах знаковой системы (языка), и эти различия должны считаться первичными. Следовательно, не может быть никаких точных и неизменных тождеств, в том числе таких, которые исходят из бинарных оппозиций. Это делает теоретически невозможными ни фиксированную, неизменную культурную идентичность, ни процесс репрезентации. Одновременно бинаризм концепции культурной идентичности утрачивает статус идеала и нормы, с которым в этом качестве должны были бы соотноситься все прочие теоретические модели.

Распространение принципов антиэссенциализма в философии культуры отнюдь не сводится к установлению полного равноправия различных моделей культурной идентичности. Напротив, происходит то, что Ж. Деррида называет «переворачиванием» иерархий» [3, с. 50], и место эссенциализма занимает антиэссенциализм. В рамках такого подхода бинаризм перестает быть принципом, задающим посредством репрезентации четкую и фиксированную идентичность – пусть даже как частный случай. Бинаризм, будучи следствием «эссенциализма», становится обозначением совершенно невозможной структуры идентичности на фоне безостановочного производства различий в качестве альтернативы репрезентации. Поэтому эссенциализм оттесняется от «центра» и перемещается на «окраину», становясь не только маргинальным, но даже в определенном смысле аномальным, тогда как нормой должен считаться именно «антиэссенциализм».

В этой связи объяснимым становится появление теоретической позиции, которая

должна обосновывать образ действий, противостоящий доминированию в философии культуры «антиэссенциализма» с его толкованием культурной идентичности как становления и изменчивости – стратегический эссенциализм (термин был создан Г. Ч. Спивак [4, с. 205; 5, с. 107–114]). В соответствии с этой теоретической позицией, культурная идентичность, независимо от того, какова она на самом деле, ради достижения определенных практических целей считается однозначной и неизменной [2, с. 243–245]. Иначе говоря, несмотря на то, что любая устойчивая культурная идентичность может быть подвергнута деконструкции, зависящее от нее действие должно строиться особым образом. В процессе совершения действия результаты деконструкции, сохраняясь в сознании, не должны препятствовать следованию принципам отвергнутого эссенциализма.

Очевидно, что стратегический эссенциализм исходит из состояния «перевернутой иерархии», поскольку в качестве исходного и мысленно преодолеваемого состояния выступает именно размытая и изменчивая культурная идентичность, которая лишь в течение некоторого ограниченного времени считается однозначной и неизменной. Поскольку эффект «стратегического эссенциализма» может быть только паллиативным, возникает вопрос о границах соответствия действительности того понимания культурной идентичности, которое присуще антиэссенциализму. Иначе говоря, вопрос заключается в выяснении того, есть ли основания считать эту модель культурной идентичности, которая в свете самого антиэссенциализма рассматривается как единственно возможная, универсальной, или она, в лучшем случае, лишь локальна.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что отказ антиэссенциализма от концепции репрезентации отнюдь не означает полного исчезновения ее элементов. Антиэссенциализм исходит всего лишь из констатации парадоксального отсутствия связи репрезентации с репрезентируемым вследствие невозможности его существования в качестве устойчивой «сущности». Это делает полноценный процесс репрезентации невозможным, но вовсе не предполагает исчезновения тех объектов, которые прежде считались репрезентациями, но приобрели статус гиперреальности.

Правдоподобие антиэссенциализма обуславливается особым порядком знаков, при котором репрезентация, утратившая связь с репрезентируемым в качестве источника смысла, продолжает, тем не менее, существовать автономно. Она даже сохраняется в качестве репрезентации, продолжая делать отсылки, но уже не к присутствию репрезентируемого, а к его отсутствию. (М. Хайдеггер выразительно характеризует это состояние, говоря, что сверхчувственное «разнуздывается» [6, с. 181]). В итоге репрезентация замыкается на саму себя и становится самореферентальной (в этой связи Ж. Бодрийяр указывает на реальность и устойчивость «симулякров» [7]).

Рассмотрение генезиса репрезентации указывает на то, что ее автономия является лишь этапом истории порядка знаков [8], [9], а антиэссенциализм не может быть теоретическим выражением универсальной практики означивания точно так же, впрочем, как им не могут быть предшествующие этапы этой истории. В то же время, потребность в стратегическом эссенциализме свидетельствует, что соответствующие эссенциализму практики означивания не могут быть отвергнуты полностью. Нельзя отрицать, что в практических вопросах, касающихся, прежде всего, культурной идентичности, антиэссенциализм оказывается намного менее эффективным, а в некоторых случаях просто бессильным. Однако то, что эссенциализм выступает как паллиатив, указывает на отсутствие необходимых для его доминирования порядка знаков и культуры в целом, тогда как тенденция, которая может быть обобщенно обозначена как «ослабление власти метафизики» или даже как «ослабление мышления» [10], сохраняет свое влияние.

Литература:

1. Hall S. The Question of Cultural Identity // *Modernity and Its Futures* / Ed. by S. Hall, D. Held and T. McGrew. Cambridge, UK: Polity Press, 1992. P. 273–325.
2. Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: SAGE Publications, 2003. XXIV. 484 p.
3. Деррида Ж. *Позиции* / Пер. с фр. В.В. Библина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
4. Spivak G. C. *Subaltern Studies: Deconstructing Historiography* // Spivak G. C. In *Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. New York and London: Methuen, 1991. P. 195–221.
5. Ray S. *Gayatri Chakravorty Spivak: In Other Words*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. VIII. 150 p.
6. Хайдеггер М. *Преодоление метафизики* // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Библина. М.: Республика, 1993. С. 177–192.

7. Бодрийяр Ж. *Прецессия симулякров* // Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции* / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 5–61.
8. Goux J.-J. *Numismatics: An Essay in Theoretical Numismatics* // Goux J.-J. *Symbolic Economies: After Marx and Freud* / Trans. by J. C. Gage. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990. P. 9–63.
9. Hawkes D. *The Faust Myth: Religion and the Rise of Representation*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. IX. 247 p.
10. *Weakening Philosophy: Essays in Honour of Gianni Vattimo* / Ed. by S. Zabala. Montreal [et al.]: McGill-Queen's University Press, 2007. X. 453 p.

Пономарева Г. М.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор. Доктор философских наук

forever31@mail.ru

Аннотация: В докладе основное внимание уделяется вопросам, связанным с особенностями современных идентификационных процессов. Выявляются актуальные параметры идентификации, устанавливаются факторы, влияющие на изменение форм и методов ее реализации в социокультурных средах транзитивного типа, проясняются риски, сопряженные с появлением новых типов идентитетов. Процессы идентификации, разворачивающиеся в контексте современной культуры, чрезвычайно противоречивы, что обусловлено резким расширением горизонтов социального позиционирования индивидов. Столкновение нескольких идентификационных стратегий оборачивается нестабильностью и непредсказуемостью социальных траекторий личности, ее неспособностью сохранить равновесное состояние в ситуации выраженного социокультурного разнообразия и связанных с ним социально значимых выборов. Противостоять культурным девиациям индивид может через перманентное самоопределение посредством реинтерпретации исходных моделей и сценариев идентификации. В конечном счете, именно от них зависит уровень социальной и культурной интеграции индивида: они обуславливают и закрепляют те ожидания, надежды и иллюзии, которые в будущем могут иметь далеко идущие последствия, как для самого индивида, так и для всего общества.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, идентитет, культурные основания идентичности, идентификационные риски.

Abstract: the report focuses on issues related to the features of modern identification processes. Actual parameters of identification are revealed, the factors influencing change of forms and methods of its realization in sociocultural environments of transitive type are established, the risks connected with emergence of new types of identities are clarified. The identification processes unfolding in the context of modern culture are extremely contradictory, due to the sharp expansion of the horizons of social positioning of individuals. The collision of several identification strategies turns into instability and unpredictability of social trajectories of the individual, its inability to maintain an equilibrium state in a situation of pronounced socio-cultural diversity and related socially significant elections. The individual can resist cultural deviations through permanent self-determination through reinterpretation of initial models and identification scenarios. Ultimately, it is on them that the level of social and cultural integration of the individual depends: they determine and consolidate those expectations, hopes and illusions that in the future may have far-reaching consequences, both for the individual and for the whole society.

Key words: identity, identification, cultural grounds of identity, identification risks.

В постсоветский период вопросы идентичности (социокультурной, государственно-политической, этнонациональной, языковой) закономерно вышли на первый план, во многом определяя появление новых поведенческих сценариев и практик субкультурного позиционирования. Фрагментирование культурного пространства, произошедшее в результате цивилизационного слома, сопровождавшегося разрушением предшествующей картины мира, привело к трансформации устоявшейся системы идентитетов и девальвации культурных кодов, с этой системой связанных. Наметилось несколько устойчивых тенденций, определяющих идентификационную динамику на постсоветском пространстве: превалирование нисходящей социальной мобильности; демографический слом; кризис межпоколенческой коммуникации; наличие в картине мира конкурирующих между собой хромотопических конгломератов; эмиграционное/иммиграционное давление; массивные языковые интервенции, сопряженные в основном с интернет-технологиями; утрата привычно высокого статуса русского языка и русской культуры за рубежом и внутри страны и т.д. В результате

на первый план вышли две взаимосвязанные проблемы: сохранение системы социальных институтов, обеспечивающих относительно стабильное воспроизводство привычных идентитетов; формирование новой социокультурной тождественности определенного типа, учитывающей кардинальное изменение характера социальных связей и социокультурных приоритетов.

Социальная динамика модернизируемых обществ показывает, что смена социокультурной идентичности (или её частичное целенаправленное размывание) гораздо раньше, чем иные трансформации, способствует изменению общественного сознания, социальных мотиваций и поведенческих стратегий. При этом ключевой проблемой относительно быстрого преодоления кризиса идентичности становится достижение оптимальной сбалансированности subsystemов модернизируемых обществ путем регулирования эмиграционных/иммиграционных потоков и последствий сознательного отказа от социокультурной тождественности современного типа в пользу реанимации базовых параметров этнонациональной аутентичности. Указанная проблема обретает особую актуальность и в силу того, что в современном мире начинает доминировать феномен т.н. «отложенной идентичности»: впервые социокультурная интеграция перестает рассматриваться в качестве безусловной ценности. Процессы глобализации привели не к ожидаемому «мультикультуральному единству», но к упрочению системы различий и различений, связанной с разноуровневыми и разнокачественными дифференциациями.

В современном культурологическом дискурсе идентичность предстает как проявление разделения, ограничения и подчинения. В противовес предположениям о существовании когерентной идентичности сегодня все чаще обращаются к феномену «субъектности идентитета»: идентичность связывается не с реальностью, «отражение» которой можно было бы в ней обнаружить, а с другими, множественными, неустойчивыми и трудно определяемыми репрезентациями субъектности. При таком подходе содержание и смысл идентичности каждый раз смещается в зависимости от статуса, который ей приписывают реципиенты, перманентно находящиеся в режиме ситуационного позиционирования.

Индивид имеет дело с несколькими идентификационными конгломератами (расположенными по осям «пол», «раса», «этнос», «группа», «класс» и т.д.) и с процедурами вменения ему с их помощью определенных свойств, образцов, ролей и статусов. Практика приписывания индивиду параметров идентичности не так безобидна, как кажется на первый взгляд, и связана с необходимостью выделения уровней субъектности через перенос акцента на ее ценностно-нормативную сторону: в этом случае речь принципиально не идет о «тотальности индивида», его целостности или системном единстве. На первый план выдвигается требование перехода к учету сугубо конкретных социальных и культурных ориентаций индивидов, основанных на различии или сходстве их тезаурусов. Изменение тезаурусов, связанное как с изменением позиционирования индивида в обществе, так и с изменением социума в целом, может вызывать и вызывает социокультурные трансформации определенного типа. Нарастание изменений в гетерогенной языковой системе, как правило, приводит к смене способов выражения картины мира, свойственной той или иной социальной группе, и, следовательно, способов структурирования реальности по т.н. «гетерогенному типу», предполагающему отказ от принципов универсализма в пользу конкуренции различных идеологов. Данная установка позволяет трактовать идентификацию не как «зеркало», отражающее и воплощающее определенную социальную потребность индивида, но как «реализатор» социальных интересов личности, утверждающей собственные ценностные ориентации и идеалы в качестве нормативных через искажение и индивидуальную корректировку имеющегося в ее распоряжении идентификационного репертуара. Современный человек имеет дело не с «нормальными», «объективными», освященными традицией жизненными (или какими-либо иными) сценариями, но с полностью индивидуализированными «экзистенциальными проектами». В этом контексте современные стратегии идентификации являются средством, обеспечивающим индивиду потенциальную возможность оставаться самим собой в рамках повышено-изменчивой реальности и сложно структурированных коммуникационных структур. Современный тип идентификационных практик позволяет воспринимать индивида как принципиально незавершенное многослойное «образование», потенциально обладающее бесконечным числом возможных идентификационных самоопределений. Помимо множественной идентичности в транзитивных обществах циркулируют иные типы идентитетов: «размытые», «фрагментарные», «ситуационные». «контрарные», «мусорные» и т.д. Они связаны со специфическими формами «культурного отказа», с практиками «культурного реванша», «получения по счетам», «обретения своего чужого» и требуют всестороннего изучения.

В транзитивных социумах с быстро меняющимися культурными контекстами человек вынужден

переходить к «ситуационной», «фрагментарной» идентичности, приобретая кратковременную устойчивость только при использовании всех имеющихся у него в наличии (или доступных ему на данный момент) социальных репертуаров. Данный вид идентичности неупорядочен: ее структуры хаотизированы и практически не поддаются системной корректировке. Описанный феномен характерен для т.н. «новой миграции», которую специалисты называют «новым переселением народов», связывают с «конфликтом цивилизаций» и цивилизационными сломками.

Процессы идентификации, разворачивающиеся в среде «новых мигрантов», чрезвычайно противоречивы и довольно плохо исследованы. Они имеют существенную контекстуальную привязку и проходят в ситуации т.н. «расширенных горизонтов позиционирования». «Ситуационная», «фрагментарная» идентификационная стратегия значительно отличается от самоопределения индивида в относительно стабильном обществе: означиваются только ближайшие цели без ориентиров на будущее. Это оборачивается нестабильностью и непредсказуемостью социальных траекторий личности, ее неспособностью сохранять равновесное состояние в ситуации выраженного социокультурного разнообразия и связанных с ним рисков. Противостоять данным тенденциям индивид может только через активное самоопределение посредством перманентной реинтерпретации исходных моделей и сценариев социального позиционирования, целью чего является вторичное обретение смысла собственного существования в принципиально иных социокультурных условиях, его разностороннее обоснование и оправдание. В этом плане уровень социальной интегрированности того или иного представителя «новых мигрантов» во многом зависит от исходных идентификационных параметров и предпосылок: именно они обуславливают и закрепляют те ожидания, надежды и иллюзии, которые в будущем могут иметь далеко идущие последствия, как для самого индивида, так и для общества.

Исходная этнокультурная идентичность все чаще осознается представителями «новых мигрантов» не столько как недостаток, сколько как резерв социальной устойчивости, крупномасштабных жизненных изменений, социальной успешности и культурного продвижения. Вопросы достижения (или сохранения) идентичности желаемого типа в этом контексте рассматриваются как сопрягающиеся с выработкой таких стратегий развития, которые в первую очередь обеспечивают необходимый и достаточный уровень социокультурной автономности. Именно поэтому принципы мультикультурализма разбились о констатацию парадоксальной ситуации: исходя из анализа наличных тенденций в идентификации «новых мигрантов», невозможно построить адекватную модель будущего развития современных обществ и определить исходящие из нее внятные, социально значимые цели; на сегодняшний момент невозможно предложить консолидирующие современный социум ценности, идеалы и идеи. В этих условиях вопросы обеспечения «программируемой» идентичности рассматриваются как средство формирования таких смысло-жизненных ориентаций «новых мигрантов», конструктивность которых чрезвычайно важна для преодоления потенциально опасных практик «культурной мимикрии» или «возврата своего». Если совсем недавно указанные практики и связанные с ними дискурсы игнорировались, сегодня они рассматриваются как явно нежелательные, позволяющие «новым мигрантам» сознательно сохранять «внесистемность».

Резкое возрастание динамики современных обществ, интенсификация информационных потоков, лавинообразное нарастание межкультурных контактов поставило во главу угла вопрос о коммуникативной (шире – культурной) компетентности индивида и о включении данной характеристики в реестр идентификационных параметров: современный человек вынужден постоянно пребывать в транскультурных, транснациональных связях и отношениях, действовать в полилингвистических, мультикультурных социальных средах. Это обуславливает особое значение проблем языковой идентичности. Смена идентичности предполагает овладение определенным набором лингвистических навыков и приемами межличностного взаимодействия: конкретные модальности коммуникации и межличностных контактов должны коррелировать с конечными целями и параметрами новой идентичности. В этом плане особый интерес представляет языковая политика «новых мигрантов» последнего десятилетия. Относительно неплохое знание ими английского или любого другого европейского языка обеспечивает не только необходимый и достаточный уровень их коммуникативной (культурной) компетентности, но и коммуникативную прозрачность той социальной среды, в которую они хотят и готовы интегрироваться. С другой стороны, возвращаясь в определенные моменты к использованию своего родного языка, «новые мигранты» могут по своему желанию регулировать степень своей включенности в современную информационную среду и меру доступности своей субкультуры для «чужих» и «иных». Это приводит к усложнению коммуникативных схем,

нарастанию их диверсификации и появлению ярко выраженной проблемы адекватной смысловой интерпретации. Обратной стороной данных процессов является формирование своеобразных скрытых коммуникативных (культурных) лакун, зон языкового насилия, умалчивания, ненормативной коммуникации, на которые не распространяется действие социокультурных норм Большой Европы, и границы которых европейцами плохо распознаются и игнорируются в силу широкого применения «новыми мигрантами» коммуникативных сценариев ассиметричного типа. Указанные процессы сопровождаются нарастанием неконтролируемых социальных и культурных девиаций, сказывающихся на кардинальном изменении привычных для европейцев идентификационных схем «новых мигрантов», а также на радикальных изменениях внутри самой европейской культуры: девальвируется ее статус, исторический опыт, традиционные ценности, цели и приоритеты. Речь идет о достаточно сложном явлении, когда широкий, открытый, ничем не ограниченный доступ к европейским культурным ценностям, социальным институтам и культурным предпочтениям оборачивается для «новых мигрантов» не «умножением личности», но культурными сепарациями и сознательным отказом от предоставляемых Большой Европой социально значимых идентитетов.

Обретение новой идентичности – сложная трансформация личности, предусматривающая сочетание одной «персональной реальности» с другой. В какой-то мере, процесс идентификации всегда связан с культурным преобразованием индивида: положительным или отрицательным – другой вопрос.

Литература:

1. Белинская Е.П. Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в меняющемся мире: Сборник научных трудов. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2008. С. 80-96.
2. Белинская Е.П. Динамика представлений человека о себе: история изучения и современное состояние проблемы [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 1-51 – http://e-notabene.ru/psp/article_767.html.
3. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66-83.
4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. М.: Прогресс, Традиция. 2011. 1024 с.
5. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50-58.
6. Arnett J. J. The psychology of globalization // American Psychologist, American Psychologist. 2002. Vol. 57. № 10. P. 74-783.
7. Atkins K. Narrative identity and embodied continuity // Mackenzie C., Atkins K. (Eds.) Practical Identity and Narrative Agency. New York: Routledge, 2008. P. 78-99.
8. Friedman J. Cultural Identity and Global Process. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1994. 198 p.
9. Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999. 204 p.
10. Prentice D.A. The Self in Social Context // Annual Review of Psychology. 1994. Vol. 45. P. 297-332.

Прокудин Б. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, кафедра истории социально-политических учений факультета политологии, доцент. Кандидат политических наук

probot@bk.ru

Аннотация: Один из самых противоречивых героев русской литературы это – Илья Ильич Обломов, созданный И. А. Гончаровым. Обломов умный, мягкий, добрый человек, но почти весь роман он лежит на диване, о чем-то мечтает и очень не хочет с этого дивана вставать. Мы привыкли воспринимать Обломова как лентяя. Как воплощенный символ лени и бездеятельности. Но что стоит за этой ленью? Эта статья – попытка показать, что за ленью Обломова стоит определенная философская рефлексия. Кроме того, в статье предпринята попытка реконструировать общественный идеал, выраженный в романе «Обломов».

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обломов», философия безделья, недеяние, анархизм.

The philosophy of idleness in the novel of Ivan Goncharov “Oblomov”.
Prokudin B. A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: One of the most controversial heroes of Russian literature is Ilya Ilyich Oblomov, created by Ivan Goncharov. Oblomov is an intelligent, gentle, kind person, but he lies on the sofa for almost the entire romance, dreams of something and really does not want to get up from this sofa. We used to perceive Oblomov as a lazy person. As an embodied symbol of laziness and inaction. But what is behind this laziness? This article is an attempt to show that Oblomov's laziness has a certain philosophical reflection. In addition, the article attempts to reconstruct the social ideal expressed in the novel “Oblomov”.

Keywords: Ivan Goncharov, “Oblomov”, the philosophy of idleness, inaction, anarchism.

В самой первой главе романа «Обломов» И. А. Гончарова в гости к главному герою, Илье Ильичу Обломову приходит несколько человек, которые являются символами деятельности и воплощают собой некие сценарии «успешной» жизни для тогдашнего дворянина.

Первый – «человек светский». Он знаком со всеми влиятельными людьми, у него успех, имя и связи. Он попевает в десять мест в один день, с кем-то общается по неотложным и крайне важным делам. «Несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! <...> Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» [1, с. 20]. Второй гость – человек карьеры. У него служба, чины, власть и деньги, но он занят делами целый день. И утром нет покоя, и вечером. Зачем такая жизнь, думает Обломов, «жить ему некогда». Третий гость – активный гражданин, публицист. Он пишет статьи, с чем-то вечно борется, высмеивает пороки общества, следит за политикой. Несчастный, опять думает Обломов, «разменивает душу свою на мелочи».

После этих описаний кажется, что употреблять в отношении поведения Обломова негативно окрашенное слово «лень» – не совсем верно. Правильней его описать через термин «недеяние» [2, с. 42-61]. А что такое сознательное недеяние? Это попытка избежать зла. Не действуют, например, монахи. Они уходят подальше от мирской жизни в монастыри, в скиты, в пустыню, чтобы своими действиями не навредить людям и своей душе. Обломов тоже не ленится в традиционном смысле этого слова, скорее он не действует, чтобы сохранить в чистоте свою душу и остаться человеком.

Заметим, что Обломов не только чист душой, но и обладает более развитой рефлексией по сравнению с другими героями романа. Все сценарии якобы успешной жизни он видит в их завершенности. Видит все опасности и искушения на этом пути, а главное понимает, что в обществе люди живут механической жизнью, повторяют заученные действия, ритуалы, суеются, и за этой суеетой теряется главное. Человек утрачивает свою сознательную целостность. Это уже философия.

Персонаж Обломова так интересен для читателей и так глубок, потому что, в отличие

окружающих, от Штольца, от Ольги, он задается непостижимыми вопросами. В чем истинный смысл жизни? В чем назначение человека? Но если карьера – не то, деньги – не то, власть – не то, просто труд, который пропагандирует Штолец, тоже – не то. Что тогда то? А вот это он еще не знает.

И самое печальное, Обломов понимает, что просто лежать на диване, как это он любит, и как все делали в его родной Обломовке, тоже – не то. Подобное «недеяние», конечно, лучше, чем жизнь карьериста или публициста. Но вряд ли в этом смысл и назначение человека.

В одном месте романа Обломов придает мечтам о своем «тихом счастье». Он представляет себе летний вечер в деревне в компании друзей, красавицы жены и маленьких детей. Большой круглый стол, самовар, покой и любовь. Тихая идиллия. И вот к концу романа, уже после всех мытарств с Ольгой, попыток полезной деятельности, наш герой, кажется, приходит к обломовскому счастью. Он женится на Пшеницыной, прекрасной хозяйке, которая все время что-то готовит. Она, может быть, не играет на рояле, как мечтал Обломов об идеальной жене, не поет арии Беллини, но зато локти у нее удивительно круглые. У них родился ребенок. Они живут как старосветские помещики, пьют чай, гуляют. Одним словом, покой и любовь. Как он и хотел.

И тут в гости приезжает неутомимый Штолец, смотрит на это все презрительно и говорит: «Ты теперь совсем погиб, Илья». А он в ответ: «Да, я погиб, Андрей». Почему Обломов так отвечает? А дело в том, что они разговаривают на разных языках.

Когда Штолец говорит: «Ты теперь совсем погиб», он имеет в виду гибель для социальной жизни, активного труда и увеличения капиталов. Все это никогда не интересовало и не интересует Обломова. Когда же Обломов отвечает: «Да, я погиб», он горюет о том, что не смог победить лень душевную. Бог ему дал больше всех, и он был близок к тому, чтобы лучше понять смысл жизни, духовно возрасти, а ничего с этим не сделал. Вот его трагедия.

Очень долго, на протяжении целого столетия доминирующим взглядом на роман Гончарова были суждения Николая Добролюбова. Его статья называлась «Что такое обломовщина». Известный критик увидел в романе зарисовку общественной ситуации в России накануне Великих реформ. В это время, утверждал он, на первый план должны выйти новые люди, способные активно участвовать в реформировании российского общества. А лентяи-дворяне, типа Обломова, воспитанные в праздности, должны уйти с дороги и не мешать. Но на самом деле, роман Гончарова не о современном Добролюбова человеке середины XIX века, а о душе.

Одно из самых противоречивых мест, описанных в русской литературе XIX в., – деревня Обломовка, изображенная в известной главе «Сон Обломова». Читая эту главу, невозможно понять, высмеивает автор Обломовку или любит ее, сатира это или идеал несуетной жизни? Один из ответов на этот вопрос можно предложить, посмотрев, как устроен мир Обломовки с социально-политической точки зрения [о специфике выражения общественного идеала в русской художественной литературе см.: 3; 4, с. 206-219].

С первого взгляда, Обломовка, то есть имение семьи Обломовых с дворней и тремя сотнями душ крепостных крестьян, это запущенное хозяйство. И хозяйствование там происходит очень странно. Основная забота помещиков Обломовых – кухня и обед. Об обеде совещаются целым домом и готовят его с самого утра, потом, поев, все ложиться спать. Проснувшись, пьют чай, дожидаются ужина и отходят ко сну. Счастливые, что еще один день прошел.

Спрашивается, а в Обломовке работают? Помещик и крестьяне, триста обломовских душ? Кроме дворни, которая суется на кухне и около кухни, люди в Обломовке, скорее, изображают деятельность. Помещик притворяется строгим барином, а крестьяне – покорными крестьянами.

Сам старик Обломов (отец Ильи Ильича, хозяин имения) – управляет имением крайне необычно. «Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе.

– Эй, Игнашка? Что несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.

– Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.

– Ну неси, неси, да хорошенько, смотри, наточи!

Потом остановит бабу:

– Эй, баба! Баба! Куда ходила?

– В погреб, батюшка, – говорила она, останавливаясь, и, прикрыв глаза рукой, глядела на окно, – молока к столу достать.

– Ну иди, иди! – отвечал барин. – Да смотри, не пролей молоко-то» [1, с. 109]. Так отец Обломова ведет свое хозяйство.

Как пишет Гончаров, старший Обломов никогда не знал ни о доходах, имения, ни о расходах, и получал столько денег, «сколько нужно было ему, чтоб каждый день обедать и ужинать без меры с семьей и разными гостями, он благодарил Бога и считал грехом стараться приобретать больше <...> Отцы и деды не глупее нас были, – говорил он в ответ на какие-нибудь вредные, по его мнению, советы, – да прожили же век счастливо; проживем и мы: даст Бог, сыты будем» [1, с. 64].

С точки зрения входившего в обиход XIX века культа европейской производительности, такой способ ведения хозяйства вызывает улыбку. И правда, это способ, при котором крестьяне работают настолько неэффективно, что прибыли имения хватает только на еду для господ и дворни. Питаются в доме Обломовых плотно, но вот уже на новую мебель хозяевам трехсот душ денег не хватает, и старый барин сидит на кресле, кожи на котором «осталось только на спинке один клочок». Но барин этого не замечает, потому что это не главное, а главное – мир в душе.

Такой «дедовский» способ хозяйствовать, конечно, кажется смешным читателям романа. Но за ним можно увидеть утерянный старинный общественный договор, по которому крестьяне получали от бояр с дружинниками защиту, а за это должны были их кормить. В прямом смысле слова. Если не брать в расчет отдельных злоупотреблений, до XVII-XVIII вв. такой порядок не предполагал чрезмерного обогащения помещиков за счет крестьянского труда.

Но в Обломовке можно увидеть и элементы общества анархии. Да, формально есть иерархия, помещики и крестьяне, но между ними нет антагонизма, они живут в состоянии согласия, самоуправления и отсутствия внешней власти, какой-то общей обломовской общиной. Символ этого единения – «исполинский пирог», который в Обломовке пекут по воскресениям. Сначала его два дня едят господа, на третий и четвертый день остатки поступают в девичью. Пирог доживал до пятницы, пишет Гончаров, «так что один совсем черствый конец, без всякой начинки, доставался, в виде особой милости, Антипу», конюху.

Добролюбов заклеил Обломова как «лишнего человека», пример деградации дворянства, уже неспособного на прогрессивную деятельность. Пройдет всего несколько лет и в русскую литературу ворвутся настоящие «люди действия», через три года будет написан Базаров, через четыре – Рахметов и т.д. И Обломов останется один в своей «нелепой» асоциальности, выбравший недеяние ради поиска смысла жизни и души.

«Обломов» – это не повествование Гончарова о своих современниках. Это большой русский роман о человеческой душе.

Литература:

1. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 4. Обломов. Роман в четырех частях. СПб.: «Наука», 1998. 494 с.
2. Кудашов В. И. Мужество безделья. Труд и его судьба. (перевод на немецкий) // Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба / Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun. Die Arbeit und ihr Schicksal. М.: Издательство Московского университета. С. 42-61.
3. Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. Страницы русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781>.
4. Прокудин Б. А. Специфика выражения общественного идеала в русской художественной литературе XIX в.: понятие полифонии // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 206-219.

Синергетические механизмы взаимодействия культуры и информационно-коммуникационных технологий в условиях глобализации

Радевич Е. В.

Белорусский государственный университет, старший преподаватель

katrin_frol@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль синергетики как современной научной теории, а также прослеживается экстраполяция ее принципов в социогуманитарное знание, что обеспечивает ее трандисциплинарный статус. Анализируются такие основные принципы, как гомеостатичность и иерархичность, а также нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность и наблюдаемость. Особое внимание уделяется принципам нелинейности, неустойчивости и кооперативности, которые позволяют выявить синергетическое взаимодействие культуры и информационно-коммуникационных технологий в условиях глобальной нестабильности и рискогенности современного общества. Единство культуры и ИКТ образуют культурно-информационное пространство современного социума в условиях глобализации. Это, в свою очередь, позволяют вывить синергетическое единство ИКТ и самого процесса глобализации, который на современном этапе социодинамики демонстрирует ярко выраженную тенденцию дивергенции.

Ключевые слова: синергетика, глобализация, информация, ИКТ, культурно-информационное пространство, дивергенция.

Synergetic mechanisms of interaction of culture and information and communication technologies in the context of globalization.

Radevich E. V.

Belorussian State University

Abstract: The article considers the role of synergetics as a modern scientific theory, and also extrapolates its principles into socio-humanitarian knowledge, which ensures its transdisciplinary status. The basic principles such as homeostaticity and hierarchy, as well as nonlinearity, instability, openness, dynamic hierarchy, and observability are analyzed. Particular attention is paid to the principles of non-linearity, instability and cooperativeness, which allow us to identify the synergistic interaction of culture and information and communication technologies in the context of global instability and riskogenicity of modern society. The unity of culture and ICTs form the cultural and informational space of modern society in the context of globalization. This, in turn, allows us to bring out the synergistic unity of ICT and the process of globalization itself, which at the present stage of sociodynamics demonstrates a pronounced tendency to divergence.

Keywords: synergetics, globalization, information, ICT, cultural and information space, divergence.

Открытым и наиболее дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос не только о дальнейшей судьбе человека, но и всего мира в целом. Нарастающая нестабильность и ситуация перманентного кризиса мирового социального пространства позволяет говорить о том, что мир стоит на пороге глобальных трансформаций, последствия которых затронут не одно поколение людей. В такой ситуации актуальным является обращение к методологии управления хаосом, для чего, как отмечает А. И. Зеленков, «необходимо хотя бы в первом приближении рассмотреть и оценить факт очевидной экспансии синергетики как новой методологической программы и стиля мышления в сферу социально-гуманитарного познания и политических технологий» [1, с. 35]. Синергетика как наука о саморазвивающихся системах рождается на стыке нескольких дисциплинарных наук – математики, физики, а также философии как системного и рефлексивного знания – и становится ядром общенаучной картины мира. «Синергетика пытается синтезировать предыдущие подходы на базе современной культуры междисциплинарного и математического моделирования, фундаментальных открытий в области универсалистских динамических теорий (теорий катастроф, динамического

хаоса, самоорганизации), компьютерного эксперимента, эволюционной эпистемологии, теорий искусственного интеллекта, интегральной психологии и медицины, тем самым выполняя свое предназначение синергетического синтеза и синергетической парадигмы» [2, с. 187].

Любая система, согласно синергетике, есть открытая и развивающаяся система. В процессе эволюции происходит постоянная смена состояний данной системы, которые выглядят как чередующиеся качественные изменения – состояния хаоса и порядка. Если состояние порядка системы может быть обозначено категорией Бытие, то состояние перехода от порядка к хаосу и обратно к состоянию порядка – категорией Становление. Отсюда вытекают несколько основных принципов синергетики, характеризующих состояние Бытия и Становления системы. «Два принципа Бытия: 1 – гомеостатичность, 2 – иерархичность» [3, с. 158; 4, с. 85]. Эти принципы характеризуют состояние порядка, т. е. относительно устойчивого состояния системы. Однако принцип Бытия не может быть вечным и постоянным, поскольку система является открытой и постоянно эволюционирует. Такое переходное, неустойчивое состояние характеризуют пять принципов Становления, демонстрирующие выход из состояния равновесия и порядка, переход к состоянию хаоса и выход системы из хаоса. К данным принципам относятся: «3 – нелинейность, 4 – неустойчивость, 5 – незамкнутость, 6 – динамическая иерархичность, 7 – наблюдаемость» [3, с. 162 ; 4, с. 87]. Данные принципы описывают изменение системы, переход ее от состояния порядка к хаосу и рождение нового порядка. Состояние хаоса при этом рассматривается как креативная фаза, которая дает поливариантность развития системы.

Принцип нелинейности считается наименее понятным, т. к. вся классическая наука исходила из принципа линейности развития. Однако, как отмечает В. Г. Буданов, «представить мир состоящим из одних линейных систем невозможно по одной простой причине: его просто некому представлять, ибо в таком мире нет эволюции, нет развития, нет человека» [4, с. 87].

Неустойчивость – тот принцип, который ранее считался как недостаток системы, в рамках синергетической парадигмы рассматривается необходимым условием для перехода от старого качественного состояния к новому. Неустойчивость проявляется в точках бифуркации, где даже незначительные внешние факторы могут повлиять на дальнейшую траекторию развития и поведения системы.

Незамкнутость или открытость – обозначает принцип, согласно которому любая развивающаяся система не может существовать изолированно от других объектов реальности и находится с ними в постоянном взаимодействии. Именно незамкнутость дает возможность развиваться и усложняться любой иерархии, поскольку происходит постоянный обмен энергией, веществом и информацией с окружающей реальностью. Это также не соответствовало представлениям классической науки, которая рассматривала системы как закрытые и замкнутые, для которых, во-первых, был справедлив закон сохранения энергии, момента импульса и др.; а, во-вторых, второй закон термодинамики, согласно которому уровень энтропии в замкнутых системах постоянно возрастает.

Принцип динамической иерархичности демонстрирует прохождение точек бифуркации, исчезновение и появления новой иерархичной структуры, рождение порядка из хаоса.

Наблюдаемость. Данный принцип позволяет создавать целостный образ системы за счет диалога, коммуникации различных наблюдателей данной структуры – внутреннего и внешнего (метанаблюдателя). Наши представления и интерпретации системы всегда относительны, поскольку зная одну величину, мы, в то же время, можем пребывать в неведении относительно другой. Поэтому, необходим диалог между наблюдателями из разных уровней, чтобы выстроить целостную картину, подобно тому, как необходим междисциплинарный диалог для построения общенаучной картины мира.

Изучая открытые, развивающиеся системы, синергетическая методология оказывается востребована не только в естественных науках, но также в ряде социогуманитарных дисциплин, изучающих человека: «В контексте современного антропологического поворота и изучения человекомерных систем синергетика сегодня формирует свою предметную методологию, как особый метауровень культуры, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности» [5 165, с. 308]. Это дает основание многим исследователям говорить о «социальной синергетике», понятие которой «стало восприниматься не как условная метафора, а в качестве реальной познавательной стратегии, претендующей на адекватное и конструктивно ориентированное описание и объяснение сложных системных объектов экономики, политики, урбанистики, практического

менеджмента и многих других предметных областей социального знания и деятельности» [6, с. 12].

В условиях глоболизирующегося социума взаимодействие культуры и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) также носит синергетический характер. Появляется новая синтетическая реальность, составляющая единство ИКТ и культуры – культурно-информационное пространство. Синергетический эффект проявляется в «нелинейной» взаимозависимости современных технологий и культуры в эпоху глобализации. Это свойство «нелинейности» наиболее ярко проявляется в состоянии, когда система далека от равновесия и демонстрирует свое неустойчивое состояние, которым характеризуется современный этап глобализации. В ситуации глобальных изменений система человеческого общества действительно находится в неравновесном состоянии, далеком от гомеостаза, когда сама глобализация начинает выступать фактором дивергенции мирового сообщества – проявляется синергетический принцип неустойчивости, который реализуется в современной нестабильности, рискогенности мирового социального пространства, а также в дивергентных тенденциях эпохи постсовременности.

В такой ситуации обнаруживается синергетический эффект взаимодействия ИКТ и феномена глобализации – с одной стороны, появление и интенсивное развитие этих технологий стало возможно благодаря наличию глобализационных процессов, ИКТ – это продукт глобализации. С другой стороны, глобализация ускоряет их развитие, способствуя распространению по всему миру, и в то же время высвечивает их негативное влияние на культуру. Как отмечает академик В. С. Степин: «то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации» [7, с. 16]. Таким образом, проявляется кооперативный эффект взаимодействия глобализации и ИКТ, при котором прослеживаются как позитивные, так и негативные последствия этого взаимодействия, при котором возникает новая синтетическая реальность, образуется культурно-информационное пространство. В рамках этого пространства обнаруживается взаимное влияние культуры и технологий: современный этап социодинамики демонстрирует интенсивное развитие ИКТ, которые, в свою очередь, определяют специфику дальнейшего развития культуры. Наступает этап цивилизационного развития, обозначаемого как информационный. Культура влияет на дальнейшее развитие технологического сектора, «предъявляя» требования к их постоянному совершенствованию, в соответствии с актуальными тенденциями социального прогресса. В то же время ИКТ трансформируют современную культуру, влияя на ее ценностный пласт, который лежит в основе традиции. Система ценностей через традицию дает устойчивость любому культурному образованию, обеспечивая его преемственность, трансмиссию, а современные ИКТ начинают оказывать влияние на традиционные формы культуры, в результате чего появляются новая социальная иерархия, новые формы профессиональной ориентации, трансформируется система образования, меняются традиционные формы идентичности – то есть изменяется сама культура.

В свою очередь, посредством современных информационных технологий и массмедиа культура оказывает влияние на все остальные сферы общества – ИКТ приобретают роль универсального посредника, доминантного звена в структуре социума. Именно через них культура может влиять на основные тренды современного развития общества (экономического, политико-институционального и др.), это влияние проявляется через специфические заказы культуры к технологиям, определяющим векторы их дальнейшего развития.

Таким образом, рассмотренные синергетические механизмы взаимодействия культуры и ИКТ – кооперативность, нелинейность, а также принцип неустойчивости, проявляющийся в современной нестабильности мирового сообщества – позволяют проследить влияние культуры, понимаемой с точки зрения аксиологического подхода, на основные тренды современного развития через доминантное звено в структуре социума – информационно-коммуникационные технологии. Их роль в современной социальной реальности является определяющей, делая их связующим звеном между культурой и остальными сферами жизни общества – экономической, политико-институциональной, социальной. Обнаружение синтетического взаимодействия культуры и ИКТ позволяет показать их синергетическое единство, которое реализуется в конструкте «культурно-информационное пространство».

Литература:

1. Зеленков А. И. Может ли хаос быть конструктивным эпоху глобальных рисков? // Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–18 мая 2016 г. / науч.-ред. совет: А. В. Данильченко [и др.]. Минск, 2016. С. 33–36.
2. Яскевич Я. С. Пространство междисциплинарной методологии в исследовании человека: этические измерения и принципы // Пространство и время. 2011. № 2. С. 185–195.
3. Буданов В. Г. Методология и принципы синергетики // Філософія освіти. 2006. № 1. С. 143–172.
4. Буданов В. Г. О методологии синергетики // Вопр. философии. 2006. № 5. С. 79–94.
5. Яскевич Я. С. Научная революция в сфере биомедицинских исследований человека [Электронный ресурс] // Наука. Мысль. 2017. № 1/3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-revoljutsiya-v-sfere-biomeditsinskih-issledovaniy-cheloveka>. [Дата доступа: 13.04.2018].
6. Зеленков А. И. Социальная синергетика: методологические возможности и пределы в эпоху глобальных рисков // Философия и соц. науки. 2016. № 4. С. 11–15.
7. Степин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045: конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Науч. совет Стратег. обществ. движения «Россия 2045» / под ред. Д. И. Дубровского. М., 2013. С. 10–25.

Эманационное кодирование мировой культуры

Родзинский Д. Л.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов. Доктор философских наук

rodzinskiy66@mail.ru

Аннотация: Делается попытка определить природу и динамику развития мировой культуры, основанием которой, с точки зрения авторского подхода, выступает субстанциональная пустота, проявляющая себя в виде Абсолютного кода культуры. Демонстрируется универсальный механизм возникновения всего из пустоты или ничто в культуре, которым становится мало исследованный процесс эманации. Эманация не только объединяет, но и объясняет глобальную связь внутренних бессознательных кодов, хранящихся в психике человека, с механизмами культурогенеза, формирующими не только разные типы культуры, но и её исторические эпохи. Абсолютный код культуры, обнаруженный в разуме человека и его эманация, становятся той теорией, с помощью которой выявляется гармония единства всех разнообразных форм динамики развития культуры.

Ключевые слова: абсолют, код, эманация, культура, культурогенез, эпоха, разум.

Обоснование абсолютной Пустоты как вечной и бесконечной субстанции приводит нас к пониманию её роли как безусловного начала – Абсолюта или абсолютного кода. Мы определяем «код», как сжатую в символах или понятиях информацию, раскрытие которой обеспечивает обретение знания природы и роли культуры в жизни человека.

Мы определяем рациональные свойства абсолютного кода как пустоту, простоту, покой и бесконечность. Абсолютный код обнаруживает себя в «ничто», из чего возникла Вселенная и куда она с необходимостью вернётся, но вместе с тем это и «чистый разум» человека в состоянии «сна без сновидений», откуда он берёт своё начало и куда неизбежно возвращается в течение суток. Абсолютный код становится рационализированными образами Бога и чистого разума человека, играющих роль высшей Ценности и Смысла существования всего.

Далее мы обосновываем возникновение процесса-механизма кодирования Абсолютом своей противоположности – полноты, сложности, подвижности и ограниченности многообразия культурных форм, получающих название «эманации» [1, с. 140]. Процесс эманации, как проявление единства и борьбы противоположностей, становится механизмом кодирования вечной и бесконечной Пустоты или абсолютного кода во временные и ограниченные формы культуры. Вся культура становится зашифрованным знанием о Ценности и Смысле существования человека.

Кратко этот процесс выглядит следующим образом.

Эманация, как истечение или кодирование Абсолютным кодом своих низших кодов, формирует все виды движения бытия, которые последовательно переходят друг в друга – из точки в линию, из линии в орбитальное движение круга; из кругового движения – в спираль, а из спирали – в хаос.

Далее мы демонстрируем связь эманации с законами Гармонии как Универсальными кодами: линейному движению эманации соответствует гармония Единства противоположностей. Круговому (циклическому) движению соответствует гармония Целостности, свидетельствующая о законченности, завершённости круга.

Спиралевидному движению соответствует гармония Согласованности, подчёркивающая повторяемость и связанность между собой витков спирали. Хаотичному движению – соответствует гармония Пропорции или меры количественных изменений хаоса превращающихся в качественное состояние [2, с. 26].

Их роль обнаруживается в том, что Универсальные коды культуры описывают все типы движения объективного бытия и зарождающегося субъективного мышления, где бытие становится тождественно мышлению. Универсальные коды – источник объективных рациональных знаний философских и научных картин мира. Законы Гармонии Универсальных кодов культуры становятся содержанием мирового объективного бессознательного или объективного содержания генетического

кода, в котором хранятся все законы движения материи мира. Вследствие изложенного, законы Гармонии Универсальных кодов культуры выступают источником всех форм рациональных знаний, критерием их истинности.

Далее мы продемонстрируем связь Универсальных кодов культуры с Родовыми. Благодаря кодирующим функциям эманации законы Гармонии Универсальных кодов культуры принимают символические формы деятельности людей, которые, передаваясь от поколения к поколению, откладываются в психике человека в виде архетипов коллективного бессознательного или генетически наследуемого опыта предыдущих поколений, обеспечивающих разную степень предрасположенности к определённой форме самовыражения и познания.

Гармония Единства преобразуется в архетип Самости, обозначающий полноту человеческого потенциала и единства личности.

Гармония Целостности преобразуется в архетип Четверичности, являющегося логической предпосылкой всякого суждения о целостности. Всякий раз целостное суждение должно сочетать в себе четыре аспекта идеальной завершенности.

Гармония Согласованности преобразуется в архетип Анима и Анимус, связанный с образом женского начала в мужчине и мужского начала в женщине; или иррационального начала в рациональном, и наоборот.

Гармония Пропорции преобразуется в архетип Мандалы – образ силы, упорядочивающий хаос.

Далее мы продемонстрируем связь Родовых кодов культуры с Индивидуальными.

«Индивидуальный код» – это предел эманации или кодирования бесконечной Пустоты «Абсолютного кода». «Индивидуальный код культуры», как эманационная проекция предыдущих кодов культуры в осознанное состояние, состоит из четырех способов самовыражения разума: 1) интуиции, 2) рассудка, 3) инстинктов, 4) телесных чувств. Таким образом, «Индивидуальный код культуры», состоит из 4-х аспектов проявления разума человека, каждый из которых несёт в себе синтез более высоких кодов культуры.

Далее мы демонстрируем связь Индивидуальных кодов разума со стилями мышления. Стиль мышления отражает постановку масштаба проблемы и способы или методы её разрешения.

Интуиции присущ магнетический стиль мышления. Магнетизм – это способность «большого» притягивать к себе «меньшее», или способность «меньшего» устремляться к «большому». В «абсолютном коде» нет ничего больше бесконечной Пустоты, а в «индивидуальном коде» нет ничего сильнее интуиции, то каждый из них находит свое естественное продолжение в другом.

Рассудку присущ логический стиль мышления. Логизм это стиль рассудочного мышления, дедуктивно-индуктивная замкнутость которого вращается вокруг Простоты «абсолютного кода культуры», играющей роль «оси» логических суждений.

Инстинктам присущ эротический стиль мышления. Эротизм это стиль инстинктивного мышления, подтверждающий идею о том, что в глубинах человеческой природы есть универсальная область «абсолютного кода», растворившись в которой, всякое инстинктивное движение разума приходит в состояние совершенного Покоя.

Телесным чувствам присущ гипнотический стиль мышления. Гипнотизм это стиль телесно-чувственного мышления, подтверждающий идею о том, что в глубинах человеческой природы есть универсальная область «абсолютного кода», стремление к которой телесной чувственности человека приведёт его разум к ощущению своей бесконечности.

Далее мы демонстрируем связь стилей мышления с культурогенезом. Каждый из четырёх стилей мышления формирует свой механизм творчества – «культурогенез». Культурогенез – это устойчивый и повторяющийся универсальный мыслительный механизм становления культуры по одному из четырёх законов гармонии – универсального кода, подчиняющего себе психику творчески одарённого человека – родовой код. Преимущественное или доминирующее использование творчески одарёнными людьми одного из четырёх механизмов культурогенеза в границах определённого социального пространства рождает один из четырёх типов «духа культуры».

Агон как культурогенез – это интуитивное стремление разума обеспечить гармоничное единство между враждебными противоположностями Пустоты

«Абсолютного кода» и смысловой полнотой культурных форм и идей.

Мимесис как культурогенез – это рассудочное стремление разума подражать в познавательной практике Простоте «Абсолютного кода», выступающей «осью» для логики индуктивно-дедуктивных суждений.

Герменевтика как культурогенез – это инстинктивное стремление разума истолковывать и интерпретировать события, явления и процессы исходя из высшей свободы, коренящейся в Покое «Абсолютного кода».

Эклектика как культурогенез – это чувственное стремление разума компенсировать ограниченность телесных способностей лучшей подборкой фрагментов, расширяющих восприятия до Бесконечности «Абсолютного кода».

Далее мы демонстрируем связь культурогенеза с «духом культуры». Преимущественное или доминирующее использование творчески одарёнными людьми одного из четырёх механизмов культурогенеза в границах определённого социального пространства рождает один из четырёх типов «духа культуры». Дух культуры – это пространственно ограниченная социальная среда, в которой творческая элита, благодаря стилю своего мышления, установила одну из четырёх систем высших ценностей (духовную, интеллектуальную, физическую или моральную), со способами их достижения. Всё это принимается подавляющим большинством людей без критики на веру и отправляется на подсознательный уровень психики, создавая ту или иную духовную атмосферу или бессознательный фон.

Дионисийское начало духа культуры обнаруживается в гармонии единства безумия и разума, опьянения и отрезвления, неформальности и формы. Всякая система, порядок последовательность здесь презираются. Это торжество интуитивного безумия, которое не хочет знать никаких законов.

Аполлоновское начало духа культуры обнаруживается в гармонии целостности, связанной со стремлением к созданию правильных форм, идеальных пропорций, принципу «золотого сечения», геометризму, завершенности логического мышления и высшей форме его проявления – закону.

Фаустовское начало духа культуры обнаруживается в гармонии согласованности, компромисса противоположностей: Фауста с Мефистофелем, добра со злом, гуманитарного с технологическим, традиций с новациями. Эта согласованность даёт простор для свободы толкований и интерпретаций, одним из важнейших источников которого становятся архетипы коллективного бессознательного.

Мефистофелевское начало духа культуры обнаруживается в гипнотическом воздействии на чувства современного человека средствами массовой информации, внушаемость которого создаёт, как и у обманутого Фауста, иллюзию компетентности, подготовленности к глубоким суждениям. Мефистофелевское начало формирует культуру доминирующего дилетантизма, в которой лавина информации выдавила способность разума думать.

Далее мы демонстрируем связь «духа культуры» с её эпохами. Если духовная атмосфера культуры – это явление психического порядка от того, что берёт своё начало в коллективном бессознательном, то эпоха культуры – это явление уже исторического порядка, так как определяет собой материализованную в плодах творчества форму существования культуры. Эпоха культуры – это временное ограничение, пространственно определённое «духа культуры» в рамках некоторого числа поколений, которое рождает одну из четырёх культурных эпох, как материализацию в плодах своей деятельности индивидуального кода культуры, его стиля мышления и культурогенеза.

Архаика (от греч. archaikus — старинный, древний) ранний этап в историческом развитии какого-либо явления. Архаическая культура представляет собой дионисийский дух достилевой стадии развития мышления, с неформальностью художественных идей, торжеством интуитивного безумия-агона, который ещё не знает никаких законов, и потому возникает как бы из Пустоты «Абсолютного кода», посредством прямого интуитивного прозрения, «благодати божественного откровения».

Классика – это явление периода зрелости культуры, некий образец для подражания, нечто, созданное на высочайшем уровне и прошедшее проверку временем. Классика берёт своё начало в аполлоновском порядке космоса, чему пытается подражать человек, для того, что бы обрести свою законченность, завершенность, совершенство. Классика характеризовалась стремлением дать целостное – законченное, завершенное представление человеку о себе и мире.

Модерн – это явление культуры, ориентированное на снятии контроля со стороны образцов, идеалов и схем, выстроенных культурогенезом рассудка. Фаустовское восстание против аполлоновских норм и канонов становится характерной чертой модерна. Интерпретация и толкование заменяют

собой логику и представляют собой высшую форму выражения творческой свободы. Изгнание логики из мышления утверждает в творчестве произвол бессознательных озарений. Ибо подлинные красоты и истины бытия скрыты в сфере «Родового кода» коллективного бессознательного, а художник вправе опираться на любой его опыт, будь то сновидения, галлюцинации, бред, бессвязные воспоминания, мистические видения и т. п.

Постмодерн – это явление увядающей культуры, «декаданс», представляющий собой конгломерат или конвергенцию всех предыдущих устремлений человечества. Чувственное восприятие реальности вырабатывает мефистофелевский дух культурогенеза, основанный на эклектичности «клипового» сознания, формируя его новый обманчивый облик – информационный универсализм. Здесь человек информирован обо всём понемногу, а его представления и убеждения, гипнотически навязанные ему средствами массовой информации, сумели внушить ему, что он свободен от традиций.

Таким образом, каждая культурная эпоха и её плоды несут в себе специфические, присущие только ей, Универсальные, Родовые и Индивидуальные коды, единственным кодировщиком и заказчиком которых выступает эманация «Абсолютного кода», за которым скрывается Пустота, Простота, Покой и Бесконечность «чистого» разума человека во сне без сновидений, чья абсолютизированная характеристика принимает образ Бога.

Литература:

1. Родзинский Д. Л. Сознание античного мудреца. М.: Аграф, 2003. 320 с.
2. Линдорф Д. Юнг и Паули. Встреча великих умов. М.: Клуб Касталия, 2013. 282 с.
3. Родзинский Д. Л. Абсолютная природа разума. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.
4. Родзинский Д. Л. Природа ума человека в философских мировоззрениях. М.: МПСИ, 2011. 264 с.
5. Юнг К. Г. Синхрония: актуальный объединяющий принцип. М.: АСТ, 2010. 347 с.

Проблемы методологии исследования культуры в работах Р. Дарнтон

Розова Е. О.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, ассистент. Кандидат философских наук

rozova.ekaterina@gmail.com

Аннотация: Методологические кризисы в исследованиях культуры последней четверти XX века внутри исторической науки сопровождались переосмыслением стратегий истории идей и истории ментальностей. Их общей установкой было стремление реконструировать формы мышления и восприятия мира. История идей на этом пути сталкивалась с неизбежностью выхода из поля интеллектуальной элиты, т.к. становилось очевидно, что исследование идеи неизбежно предполагает анализ ситуации ее производства, контекста, прочтения и в целом существования в культуре. В истории ментальностей так же появлялось все больше денных, согласно которым способы восприятия мира зачастую трансформируются под влиянием новых идей, артикулированных, однако, именно внутри круга интеллектуалов. Таким образом, все актуальнее становился поиск таких исследовательских принципов, которые бы предполагали работу, как с интеллектуальным пластом эпохи, так и с социальным. В контексте такого поиска, Роберт Дарнтон предпринял попытку создания своего рода социальной истории идей.

Ключевые слова: Дарнтон, Шартье, ЛаКапра, история идей, история ментальностей, культурная история, коммодификация

Methodological issues of studying culture in the works of R. Darnton.

Rozova E. O.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: In the last quarter of the XX century, methodological discussions between historians about how to study culture were going along with rethinking of strategies for the history of ideas and the history of mentalities. The common goal was to reconstruct the forms of thinking and perception in particular culture. For history of ideas, it became obvious that the complete study of the idea inevitably involves analysis of its production, context and the ways of its reading and existence in culture. For history of mentalities, it became obvious that the ways of perceiving usually transforming under the influence of new ideas, which precisely articulated within the circle of intellectuals. Thus, looking for new ways of research that would involve both intellectual and social levels of culture became more and more vital. Robert Darnton attempted to create a kind of social history of ideas.

Keywords: Darnton, LaCapra, Chartier, history of ideas, history of mentalities, cultural history, commodification.

В 1980-х годах в гуманитарных исследованиях происходит ряд методологических дискуссий, повлекших за собой своего рода кризис их самоопределения. В этот период внутри исторической науки можно постулировать определенное противостояние двух исследовательских программ – истории идей (в широком смысле – интеллектуальной истории) и истории ментальностей (в широком смысле – социальной истории). Американский историк Роберт Дарнтон предпринял попытку создания своего рода социальной истории идей, он писал: «нам необходима интеллектуальная история неинтеллектуалов: это означает изучение путей, которыми они мыслили и осмыслили мир...» [1, с. 269].

В своей книге «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры» (1984) Дарнтон исследует культуру Франции XVIII века. Он пытается преодолеть сложившуюся в культурных исследованиях оппозицию ученого и народного и выявить некую общую установку мышления, реконструировать способы видения мира, характерные для этой эпохи. В своем исследовании Дарнтон опирается на символическую концепцию культуры, наиболее близкую взглядам Гирца;

согласно такому подходу все формы культуры воплощаются, прежде всего, в символах, образуя особое символическое пространство коммуникации и деятельности людей. Такое исследование стремится сделать понятным конкретный исторический эпизод, исходя из представлений его современников, а работа историка выглядит как дешифровка конкретного явления на основе реконструируемого культурно-символического кода. Критерием выбора эпизода является его непонятность, непрозрачность происходящего, подобная тому, какое удивление вызывают для чужака петушинные бои в жизни балийцев.

Книга Дарнтон состоит из шести эссе, посвященных различным такого рода загадкам, взятым как из народной культуры – например, сравнение немецких и французских сказок, так и из интеллектуальной сферы – например, прочтение «Новой Элоизы». История, давшая название книге, принадлежит Никола Конта, который описывает резню кошек, учиненную типографскими рабочими на улице Сен-Севрен. Они решают пошутить над мастером и его женой: подобравшись к хозяйскому окну, они всю ночь истошно воспроизводили кошачий вой, после чего хозяйка попросила избавиться от котов, но только не трогать ее любимую кошку Серенькую. Именно ее рабочие убили первой, часть котов перебили сразу, над оставшимися устроили показательный суд, вынесли смертный приговор, соборовали и вздернули. Интерес Дарнтон здесь в том, что это стало для рабочих отличной шуткой, которую они потом часто вспоминали как забавный и смешной эпизод. Дарнтон пишет: «Осознание этой дистанции может послужить отправной точкой исследования, так как, по наблюдению антропологов, проникновение в чужую культуру бывает наиболее удачным именно там, где она кажется наиболее непонятной. Обнаружив, что вы не в состоянии постичь, скажем, шутку, поговорку или обряд, исполненные глубокого смысла для носителей определенной культуры, вы узнаете, с какого бока лучше зайти к незнакомой системе символов, чтобы разгадать ее» [2, с. 95]. Проведя широкий анализ символического значения кошек, Дарнтон подчеркивает мистическое, сексуальное и фольклорное содержание их образа в культуре этой эпохи. В контексте недовольства рабочих своими условиями труда, Дарнтон делает вывод, что резня стала для них возможностью символического противостояния своему мастеру: издеваясь над кошками, они как бы становились на место этого буржуа, кроме того, убив Серенькую, они делали своего мастера символическим рогоносцем и наносили его супруге сексуальное оскорбление. При этом за счет символической формы этого события, им удавалось избежать реального наказания, чем они еще раз подчеркивали бессилие и глупость своего мастера. Дарнтон утверждает, что прояснение этой шутки позволяет нам делать выводы о ремесленной культуре этой эпохи, об отношениях рабочих и буржуа и проч.

Некоторые исследователи считали подобный переход от текста к контексту неоправданным. А. Я. Гуревич писал, что это незначительные эпизоды, и их «разгадка» практически не добавляет нового знания [3]. Кроме того, он отмечал, что насыщенное описание внутри исторического поля должно учитывать связь разных культурных пластов. Например, в эпизоде с кошками, необходимо учесть, что суды над животными были без всякого шутовства регулярной практикой в средневековой культуре. Не стоит ли тогда «разгадывать» этот эпизод кошачьей резни с точки зрения того, как работает культурная память внутри XVIII века? Дж. Леви также упрекает Дарнтон в «жесткости референтных контекстов» [4, с. 30], считая, что разгадав смысл этого курьезного эпизода, мы узнаем то, что и так было известно, контекст остается совершенно неизменным.

Кроме того, как отмечает Д. ЛаКапра, скрытой посылкой в таком подходе к «чуждости» прошлого оказывается тезис «базового согласия в настоящем» [5, с. 105], представление о нашей культуре и заложенных в ней способах мышления как о некотором едином монолите. В результате, внимания различиям внутри собственной культуры практически не уделяется, а вся проблема взаимодействия между прошлым и настоящим сводится к тому, что «здесь и сейчас» нам все понятно, и мы можем сделать понятным непонятное прошлое.

Похожего толка упрощение Р. Шартье находит в понимании Дарнтоном «французскости»: «ощущение трудности жизни, того, что лучше не питать надежд на бескорыстие сограждан, что для защиты той малости, какой ты можешь добиться от окружающего мира, необходимы трезвый ум и сообразительность и, наконец, что моральная чистоплотность никуда тебя не приведет. «Французскость» означает ироническое отстранение» [2, с. 78]. По мнению Шартье такой тезис вступает в противоречие с установкой Дарнтон на поиск инаковости при историческом исследовании, т.к. либо эта «французскость» существует - общая для всей культуры Франции, и тогда прошлое не так уж нам и непонятно, либо же существует эта принципиальная инаковость, непроницаемая для этой общей

парадигмы «французскости» [6].

Особый интерес представляет замечание ЛаКапры относительно коммодификации исследовательских практик Дарнтон. К такому вопросу приводит, во-первых, сам замысел книги, который, будучи направлен на реконструкцию экзотического прошлого и воплощен как своего рода лавирование между популярной и элитарной культурой, оказывается созвучным современному спросу на туризм и экзотику. Во-вторых, это касается общей стилистики его работ, ЛаКапра пишет, что «Дарнтон чрезвычайно “легко читаемый” автор, в каком-то смысле даже услужливый, его стиль письма нередко опирается на ряд безошибочных приемов повествования и перескоков внутри него, на броские фразы, которые как бы сглаживают острые углы и затмевают требующие критического анализа проблемы» [5, с. 106]. И в-третьих, в своих книгах Дарнтон нередко использует различные техники исследовательской интерактивности. К книге «Поэзия и полиция», где речь идет о порочащих честь короля уличных песнях, Дарнтон к текстам этих песен прилагает и аудиозапись их исполнения. В «Великом кошачьем побоище» к каждой главе прилагаются «первоисточники» по теме, например, в эпизоде с кошачьей резней дается выдержка из текста Н. Конта, в главе про полицейского - соответствующие полицейские рапорты и т.д. Но проблема в том, что Дарнтон дает короткие выборочные выдержки из этих первоисточников, и по факту они оказываются просто иллюстрирующими цитатами к авторскому тексту.

В наше время интенсивной экспансии непрофессионального в профессиональные сферы науки, ранее считавшиеся скорее элитарными, и высокого спроса на нон-фикшен вопрос о коммодификации исследовательских текстов (особенно гуманитарного профиля) выглядит как никогда актуальным. Однако противоречит ли эта интерактивность и широкое привлечение непрофессионального читателя собственно научным целям? Возможно, инкорпорация в исследовательский текст самих источников, которые являются памятниками культуры исследуемой эпохи, действительно способствует задачам понимания и реконструкции иных способов видения мира за счет своего рода «прикосновения» к культуре.

Дарнтон попытался создать новый подход в культурной истории, который позволил бы избежать разрыва внутри эпохи (предположительно создаваемого самими исследователями), указать на некоторый общий для всех уровней культуры пласт и синтезировать преимущества истории идей и истории ментальностей. В целом, общую критику его подхода можно свести к упрекам в упрощении и попытках уйти от «сложных» теоретических вопросов. Однако при обращении к исследованиям, ищущим аналогичного решения методологических споров этого периода, становится очевидно, что эта критика может быть отнесена не только к проекту Дарнтон. Вероятно, установка на реконструкцию единого пласта культуры изначально в самой себе закладывает операцию редукции, которая в результате переворачивает процедуры доказательности, скрывая тот факт, что исходная концепция, например, французскости, некритически предшествует самому исследованию. Кроме того, сама программа междисциплинарности также может способствовать упрощению: стирая границы между научными дисциплинами, она может ослаблять и внешние границы, обеспечивая широкий доступ непрофессионального читателя к текстам, изначально не относящимся к жанру научпопа. В результате этого доступа происходит трансформация научного поля гуманитарной науки, и в частности – исторической, по схемам, близким к описанным в трудах Мишеля де Серто. В результате чего, обвинения в коммодификации или избегании «сложных» теоретических вопросов более не могут быть адресованы отдельному автору.

Литература:

1. Рубинштейн Е. Б. Роберт Дарнтон: интеллектуальная история снизу // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 1999. С. 266-278.
2. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: НЛЮ, 2002. 384 с.
3. Гуревич А. Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // НЛЮ. 2005. №5. С. 38-63.
4. Леви Дж. Опасности гирцизма // НЛЮ. 2004. №6. С. 25-31.
5. LaCapra D. Chartier, Darnton, and the Great Symbol Massacre // The Journal of Modern History. 1988. Vol. 60. No. 1. P. 95-112.
6. Chartier R. Text, Symbols, and Frenchness // The Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. No. 4. P. 682-695.

Онтология просьюмеризма в оптике новой производственной парадигмы

Савельева Е. Н.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Институт искусств и культуры, доцент, заведующая кафедрой культурологии, теории и истории культуры. Кандидат философских наук

limi77@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается деятельность субъекта культуры просьюмеризма – нового социокультурного феномена, получившего особое развитие в связи с распространением цифровых технологий. Исследование проводилось на основе социально-философского подхода и социокультурных исследований, уделяющих особое внимание экономическим основаниям и производственным аспектам просьюмеризма. В результате предложены авторские аргументы в защиту тезиса о формировании новой производственной парадигмы, обуславливающей онтологический статус просьюмерства и просьюмеров. Выявлены особенности просьюмерского труда цифровой эпохи, принципиально отличные от индустриальной и постиндустриальной систем производства. Показано значение DIY-практик в формировании новых координат идентичности субъекта-просьюмера: потребительской и производительной. Подвергнута сомнению однозначность успехов просьюмерской производственной деятельности в условиях сетевого пространства.

Ключевые слова: культура просьюмеризма, DIY-практика, идентичность, цифровая среда.

Ontology of prosumerism in the optics of the new production paradigm.

Savelieva E. N.

National Research Tomsk State University

Abstract: The article examines the activity of the prosumerism culture subject - new sociocultural digital technologies phenomenon. The study was conducted on the socio-philosophical approach basis and sociocultural studies, which pay attention to the economic and production prosumerism aspects. As a result, the author's arguments are proposed in defense of the thesis on the new production paradigm formation, which is stipulating the ontological status of prosumerism and prosumers. The features of prosumer labor of the digital era, which are fundamentally different from the production systems of the industrial and post-industrial eras, are revealed. The DIY-practices importance in the new coordinates formation of the subject-prosumer's identity (consumer and productive) is shown. The success unambiguity of prosumerian production activity in the conditions network space is questioned.

Keywords: prosumerism culture, DIY practice, identity, digital environment.

Культура просьюмеризма вызывает особый интерес и как социокультурная практика в цифровой среде, и как особый тип «товаропроизводства» (Э. Тоффлер), и как одна из форм посткапиталистической экономики. Благодаря усилиям зарубежных и российских ученых намечены определенные успехи формирования теоретико-методологической базы изучения просьюмерства. Так социально-философский подход (Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Л. Болтански, Эв Кьяпелло, П. Бурдьё) вносит вклад в формирование парадигмальных оснований изучения общества потребления и посткапитализма. В свою очередь, основной массив социокультурных исследований (D. Dusi, G. Ritzer, N. Jurgenson, W. Throndsen, P. de Pourbaix, Nicole A. Buzzetto-More, P. Kotler, A. Н. Ильин, О. А. Рыбалкина и др.) посвящен формирующейся культуре просьюмеризма и появлению нового типа потребителя – просьюмера. Его генезис связывается с культурой консьюмеризма и процессами цифровизации, стимулирующей распространение DIY-культуры. Однако среди разнообразных аспектов просьюмеризма пристального внимания, на наш взгляд, требуют его производственно-экономические основания. В рамках данного проблемного поля были выдвинуты предположения об изменении онтологического статуса субъекта просьюмерской деятельности в связи с формированием новой производственной парадигмы (D. Dusi, G. Ritzer, N. Jurgenson). Обновление способов производства под влиянием информационных и

коммуникационных технологий цифровых миров поставило под сомнение традиционное разделение между производителями и потребителями. Необходимо, полагает D. Dusi, «понимание современных производственных парадигм в цифровой среде и роли просьюмеров как сосуществование различных практик» [1, р. 380]. Откликаясь на данный призыв, цель статьи предложить аргументацию в поддержку тезиса о новом типе производства как онтологическом основании просьюмеризма.

Прежде всего, в самом термине просьюмер (prosumer), несмотря на ряд приписываемых ему конфликтующих значений (профессиональный покупатель, потребитель, производитель-потребитель, протребитель), объединены понятия производитель и потребитель [2]. И в то время как в социально-экономической теории производства Маркса или в теории потребления Бодрийяра эти две сферы сильно различаются, подобная бинарность исчезает в просьюмеризме [3, р. 17]. Новая модель потребления предусматривает вовлечение потребителя в процесс создания товаров и услуг, многократно усиленный возможностями цифровой среды. Осмысление подобной «вербовки» потребителей в совместные производственные отношения – ее оснований, социокультурных эффектов и рисков, – не возможно вне проблематики формирования нового типа производства. В качестве важного аргумента, подтверждающего гипотезу смены онтологического статуса субъекта просьюмерской деятельности, можно рассматривать особенности производственной парадигмы DIY-практик. Ее принципиальное отличие от традиционной капиталистической системы производства индустриального и постиндустриального обществ отражено в следующих положениях: устранение границ между производством и потреблением; добровольный и неоплачиваемый труд энтузиастов; не структурированная и децентрализованная организация производственного процесса при отсутствии рыночной и управленческой иерархии; доступ к собственным (либо предоставленным) средствам производства – «средствам просьюмеризма»; специфика продукта просьюмерской деятельности (знания, информация, коммуникация, услуги и т.п.); преобразовательная активность просьюмера, сориентированная на креативные изменения в избранной области деятельности.

Следующий аргумент затрагивает проблемное поле идентичности, которая в современных условиях цифровой культуры неустойчива, множественна и является объектом конструирования и манипулирования. Однако исследования DIY-практик позволяют утверждать, что выявленные принципы производственной парадигмы просьюмеризма задают новые координаты параметрам идентичности. Деятельность в рамках новой производственной парадигмы, являясь актом коммуникации и способом самовыражения в противовес «деиндивидуализированной» работе, способствует формированию производительной идентичности просьюмеров, вовлеченных в процесс производства. В то время как «*производство стандартизованных продуктов людьми требует также производства стандартизованных людей (с неиспользованными способностями и подавленными индивидуальностями)*» [4, с. 59], практики DIY инициируют активность и творческую самореализацию. Просьюмер, при помощи необходимого набора инструментов, имеет возможность выбирать и изменять товары и услуги, создавать собственный продукт, учитывающий индивидуальные потребности. Чем шире спектр инструментов (собственных или предоставляемых производителями), тем выше уровень включенности потребителей в процесс производства. Просьюмер, будучи соавтором продукта или услуг, а не пассивным реципиентом [5, р. 91], индивидуализирует продукцию, воплощая собственные ресурсы креативности и инноваций, маркирующие формирование производительной идентичности.

Но не только производительная идентичность конструируется в деятельности DIY-практик. С новым онтологическим статусом субъекта просьюмерской деятельности связано формирование новой парадигмы потребления. Потребительская активность существенно меняет координаты, ориентируясь на овеществление «информационных сигналов о собственной индивидуальности» [6, с. 126]. Это позволяет говорить о потребительской идентичности, как новом способе самовыражения. Вместо использования функциональных качеств товаров/услуг в доиндустриальный период, сегодня «индивиды перестали потреблять продукт ради самого продукта, все чаще наделяя потребление скрытым, имплицитным смыслом, призванным транслировать идею собственного «Я» внешнему миру» [6, с. 128]. Покупателя-консьюмера (доверяющего рекламе и продавцам) сменяет потребитель нового типа, сознательно манипулирующий символическими значениями товаров и выбирающий услуги следуя принципам творческого участия и саморазвития [2, с. 39]. Стоит заметить, что потребительская активность в культуре просьюмеризма многократно расширяется за счет многообразия DIY-практик.

Здесь возникает вопрос: можем ли мы быть уверены в том, что просьюмерская деятельность,

конструируя производительную и потребительскую идентичности, стимулирует принцип соавторства, развитие творческого потенциала, реализацию самовыражения? Обозначенные выше характеристики производственной парадигмы выглядят многообещающими. Однако и рассуждения теоретиков, и исследования отдельных форм *DIY-практик*, не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

С одной стороны, просьюмерские практики распространяются как альтернатива консьюмеризму, как ресурс конструирования идентичности новыми средствами (социальных практик, фанатских субкультур, политической, гражданской, творческой, литературной и прочих форм активности в киберпространстве). С другой стороны, теоретики предупреждают о негативном влиянии цифровых технологий на культурные основания общества. В свете этого потенциальные возможности *DIY-практик* требуют взвешенной оценки, учитывающей их «точки силы» и «слабые места». К ряду благоприятных факторов мы относим вышеуказанные принципы производственной парадигмы. Уязвимость же просьюмерской деятельности можно рассматривать по двум направлениям. В первую очередь, в контексте нарушения принципов формирования идентичности в сетевом пространстве, влияющем на устойчивость ее границ, на репрезентативные и коммуникативные стратегии. Во-вторых, в контексте подозрений относительно возникновения новых форм эксплуатации просьюмерского труда, что отражено в понятиях «просьюмерский капитализм» (G. Ritzer, N. Jurgenson), «коммуникативный капитализм» (Дж. Дин), «управление» просьюмером (D. Dusi) и т.п.

Так известно, что в соцсети конструируется версия своего «Я» исходя из социально желаемых образов, при этом коммуникация «основывается на социально закрепленных «схемах» и «фреймах», которые определяют и упорядочивают «реальность» с помощью уже имеющихся стереотипов и клише, в соответствии с «системой релевантностей и типизации» и «взаимозаменяемости точек зрения» [7, с. 122]. Анализ перформативных актов (фиксации местоположения, обращения с ресурсами времени) как механизмов конструирования образа социального «Я» просьюмера (пользователя соцсетей) показывает, что данная информация превращается в товар и приобретает коммерческую ценность. «Применение подхода, основанного на просьюмеризме, обмен местоположением и геотегирование могут рассматриваться как действия, направленные на коммерциализацию метаданных с целью персонализации рекламы и профилирования пользователей» [8, р. 9]. То есть новый тип просьюмерского производства включается в систему новых форм эксплуатации посткапитализма и не гарантирует формирование устойчивой идентичности. Как пишет Дж. Дин, коммуникативный капитализм цифрового мира требует от нас уникальности и отличительного личного стиля, но это воображаемые тождества – хрупкие, ненадежные и не способные к установлению устойчивой позиции [9, с. 158].

В заключении подведем итоги. Новый онтологический статус просьюмерства обуславливает новая производственная парадигма. Ее характеристики (обозначенные выше) располагают к креативной, творческой активности на индивидуальном и коллективном уровнях. Важное значение *просьюмерства* как социокультурного феномена заключается в формировании производительной и потребительской идентичностей, которые в одновременном акте производства и потребления становятся актами самовыражения и коммуникации. Однако не достаточно освоенная на сегодняшний день территория культуры просьюмеризма демонстрирует не только привлекательные стороны. Своего изучения требуют риски, связанные с деятельностью субъектов *DIY-практик* в пространстве сетевого общества; необходим также анализ настораживающих тенденций просьюмерского капитализма.

Литература:

1. Dusi D. The Perks and Downsides of Being a Digital Prosumer: Optimistic and Pessimistic Approaches to Digital Prosumption // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. Vol. 6. No. 5. May. P. 375-381.
2. Рыбалкина О. А. Пропотребители и просьюмеры как носители потребительского спроса в постиндустриальной экономике // Экономические науки. 2011. 3 (76). С. 37-40.
3. Ritzer G., Jurgenson N. Production, Consumption, Prosumption. The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer' // Journal of Consumer Culture. University of Maryland. USA. 2015. P. 13-36.
4. Джон Х. де Грааф, Ванн Д., Нейлор Т. Х. Потреблятьство. Болезнь угрожающая миру / пер. с англ. Макарова Н. И. Екатеринбург: Ультра. Культура. 2005. 174 с.
5. Pawel de Pourbaix. Prosumer of the XXI Century – New Challenges to Commerce and Marketing // Acta Scientiarum Polonorum. Oeconomia. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 89-97.
6. Володина Д. Д. Модель потребителя будущего в теориях постиндустриального общества // Общество и экономика. 2010. № 9. С. 120-131.
7. Дроздова А. В. Социальные медиа: между демократизацией и коммодификацией // Человек и мир: психология риска,

инноваций, конфликта: сборник научных трудов: в 2 т. / под науч. ред. проф., д-ра психол. наук Е. Б. Перельгиной. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С.152-156.

8. Drakopoulou S. «We Can Remember It for You»: Location, Memory, and Commodification in Social Networking Sites // Special Issue - Locative Media / 2017-SAGE Open July-September 2017. P. 1–13.
9. Дин Дж. Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению / пер. с англ. Д. Савон // Communications. Media. Design. Vol. 2. №2. 2017. С. 152-165.

Проблема исторического времени в национальных культурах

Сатыбалдина Т. М.

Казахская национальная консерватория им. Курмангазы. Кандидат философских наук, профессор
aktamar@list.ru

Сатыбалдинова К. М.

Российский университет дружбы народов. Доктор философских наук, профессор
baldina26@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается применение постмодернистской методологии к проблеме исторического времени в национальных культурах. Присущий архаическим (мифологическим) культурам тип органической и пространственной многомерности, оказывается аналогичен концептуальному миру современной физики. Наиболее отчетливо многомерность, кривизна пространства-времени архаической культуры как их доминирующая черта проявляется в противоположенности систем пространственно-временных координат на разных семантических полюсах этой культуры: мифологическом и социальном. Специфическим свойством многомерности, кривизны пространства-времени архаической культуры является то, что его положительные и отрицательные координаты (социальный и мифологический миры) могут меняться местами во времени.

Ключевые слова: социальное, экзистенциальное время, многомерность, семантические поля, обратимость и необратимость времени, порядок и Хаос.

The problem of a historical time in the national cultures. Satybalдина T. M.; Satybaldinova K. M.

Kazakh national Conservatory ; Peoples' friendship University of Russia

Abstract: This article considers the application of a postmodern methodology to the problem of a historical time in the national cultures. The type of an organic and space multidimensionality inherent in archaic(mythological) cultures turns out to be analogous to the conceptual world of modern physics. The most clearly multi-dimensional, curvature of space-time of an archaic culture as their dominant feature becomes visible in the layout of the space-time coordinates' systems. These systems are based on the different semantic poles: mythological and social. A specific character of the multidimensionality, space-time curvature of the archaic culture reflects in the phenomenon that its positive and negative coordinates (the social and mythological worlds) can change places in time.

Keywords: social, existential time, multidimensionality, semantic fields, reversibility and irreversibility of time, order and chaos.

Современное состояние философских наук все чаще предполагает обращение к вопросам специфики социально-гуманитарного познания, определения путей и методов его дальнейшего развития. Этому во многом «способствовало» вторжение в методологию науки методов постмодернистского анализа с его идеями децентрации, деконструкции, полидисциплинарного подхода и др. Причем последняя идея прямо требовала обсуждения идеалов и норм постнеклассической науки, в которой господствующими становятся законы синергетики.

Один из основателей этой науки И. Пригожин [1] подчеркивал, что синергетика позволяет по-новому взглянуть на два важнейших фактора существования и органических, и надорганических систем - время и необратимость, а также случайность, ее роль в динамике социокультурных процессов.

Архаическим (мифологическим) культурам присущ тип органической и пространственной многомерности, аналогично концептуальному миру современной физики. Различия между теоретической трехмерной моделью культуры и многомерным пространством архаических культур

становятся очевидными, если обратиться к такому всеобщему свойству культурных текстов, как мышление бинарными оппозициями, разведение их содержания по противоположным семантическим позициям или полюсам (бинарные оппозиции - «профанное» и «сакральное» в семантическом поле, «чужое» и «свое» в мире образов, внешние и внутренние связи в сфере коммуникаций).

В трехмерном пространстве все полюса культуры связаны между собой кратчайшей прямой (осью) или плоскостью значений. В реальном культурном пространстве любая его точка, любой факт или тема культуры располагаются в неоднородной системе семантических полей, что отклоняет их значения от идеальной прямой. Достаточно вспомнить образ «ризомы», введенный Делезом и Гваттари для характеристики реального мира культуры. Поэтому мир конкретной культуры всегда представляет собой потенциально искривленное (многомерное) пространство-время, пространство множественных смыслов и значений.

В архаических культурах их многомерность является как бы результатом наличия в них ярко выраженного доминирующего семантического ядра, заключенного в мифах и архаической структуре сознания. Наиболее отчетливо кривизна пространства-времени архаической культуры как их доминирующая черта проявляется в противоположенности систем пространственно-временных координат на разных семантических полюсах этой культуры: мифологическом и социальном. Если социальное время идет, то мифологическое стоит, пространство социума и пространство мифа противостоят друг другу как мир порядка и мир хаоса. А именно синергетика имеет возможность проникновения в мир Хаоса, из которого и возникает (открывается) новый Порядок. Данная проблема особенно остро встает в современном глобализирующемся мире. Одним из ответов на «вызовы глобализации» является усиление Хаоса в социальном пространстве-времени.

Специфическим свойством кривизны пространства-времени архаической культуры является то, что его положительные и отрицательные координаты (социальный и мифологический миры) могут меняться местами во времени. В кризисных и катастрофических ситуациях нормальная структура движения социального мира во времени (удаление от мифологического начала мира) сменяется эсхатологической: сжатие мифологического пространства сменяется его расширением в направлении мира социального, мифы приобретают неожиданную объемность и динамику, тогда как социальное пространство-время уходит в сингулярность, «проваливается» в черную дыру («распалась связь времен»). Ярче всего семантическая поляризация двух начал (космоса и социального микрокосма) проявляется в архаической модели жизненного пути человека: человек как бы выходит - в момент рождения - из мифологического мира и затем перемещается все дальше в социальный мир, сохраняя в то же время связи с мифологическими силами через комплекс медиативных свойств, предметов и точек пространства.

Однако собственное пространство-время архаической культуры (как и любого культурного текста) не существует само по себе, оно окружено психофизиологическим миром человека - экзистенциальным пространством и временем. Оно альтернативно миру физического (энтропийного) времени и отличается от последнего тем, что оно всегда неоднородно, может сжиматься и расширяться, в какой-то мере обратимо, способно сводить прошлое и будущее, мифологическое и социальное время в одну неделимую точку в психофизическом мире личностного сознания. Локальные точки экзистенциального опыта упрощают и приближают к человеку взаимоотношения мифологического и профанного. В архаической культуре экзистенциальный мир человека выступает не просто как индивидуальное или личностное дополнение к пространству-времени социального микрокосма, но как его универсальная внешняя среда. Совпадая в целом с мифологическим на личностном уровне человеческого бытия, экзистенциальное способно творить свою особую систему отношений между космосом и человеческим микрокосмом. Экзистенциальные связи социального и мифологического выводят человека архаической культуры за пределы ее жестких семантических оппозиций в новое измерение пространства-времени.

Сочетание семантической искривленности пространства-времени и экзистенциальной близости его противоположных точек в архаических культурах может объяснить целый ряд «чудесных» явлений, которые плохо вписываются в рациональные представления новоевропейской культуры. На основе этого сочетания возможно, например, ситуативное нарушение или «аннулирование» причинно-следственных связей координат социального и мифологического времени (например, через символическое изгнание смерти из коллектива, через обряды инициации).

Экзистенциально-семантические структуры архаической культуры можно представить также

в виде своего рода «машины времени», аналогично некоторым современным космологическим моделям. Теоретически такие структуры вполне допускают путешествие во времени. Двигаясь от мифологического мира к социальному во внутреннем пространстве культуры, человек архаического общества перемещается из прошлого в настоящее и в будущее. При этом «часы мифа» необратимо отстают в пространстве от часов культуры. В обратной (эсхатологической) ситуации, когда мифологическое время быстро идет вперед («конец света», возвращение в хаос), а социальное - стоит, тот же самый механизм может быть использован для локализации кризиса в прошедшем времени через устранение породившей его причины (например, через убийство некоторых божеств или принесение их в жертву коллективу). Семантические координаты пространства-времени становятся, таким образом, в определенной степени управляемым параметром. Эти свойства пространства-времени в традиционной культуре рассматриваются нами на материале казахской культуры, в частности, на феномене «шежире» [2, с. 4].

Литература:

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
2. Алпысбес Махсат. Шежире казахов: Источники и традиции (Учебник для вузовских и послевузовских спецкурсов). Астана: ИП «BG-Print», 2013. 240 с.

Философия и популярная культура в парадигме метамодернизма

Седых О. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет,
доцент. Кандидат философских наук*

oksanas@inbox.ru

Аннотация: поскольку разграничение культуры на «высокую» и «низкую», массовую и элитарную в современности признается исчерпанным, в докладе ставится вопрос об актуальном статусе популярной культуры, который предлагается определить в русле концепции метамодернизма. Популярная культура рассмотрена в аспектах ее становления и превращения в объект философского анализа. Выделяется ряд тенденций взаимодействия популярной культуры и философии, сложившихся за последние десятилетия.

Ключевые слова: популярная культура, массовая культура, модернизм, постмодернизм, метамодернизм.

Philosophy and Popular Culture in Metamodernism.

Sedykh O. M.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: since the distinction of culture into “high” and “low”, mass and elitist in modern times is recognized as exhausted, the report raises the question of the popular culture current status, which is proposed to be defined with the concept of metamodernism. Popular culture is considered in the aspects of its formation and transformation into an object of philosophical analysis. A number of trends in the interaction of popular culture and philosophy that have developed over the past decades are highlighted.

Key words: popular culture, mass culture, modernism, postmodernism, metamodernism.

Современные исследователи все чаще обращаются к мысли, что утвердившееся за прошедшие столетия разграничение высокая/низкая культура, где под последней понимается культура массовая, популярная, исчерпано и преодолено [1, с. 32-33]. Как правило, популярная культура трактуется как эквивалент массовой культуры, но это лишь один из возможных подходов. В случае их разграничения под популярной культурой предлагается понимать творческие продукты (литературу, кино, мультипликацию, комикс, музыку и пр.), востребованные и любимые широкой аудиторией [2, с. 5]. Характерные для массовой культуры функции (развлекательная, утешительная, компенсаторная) или такие ее свойства как зрелищность, коммерческая ориентированность, манипулятивность, могут быть присущи популярной культуре, однако не являются определяющими. Важнее, что сегодня популярная культура предоставляет реципиенту возможность творческого приобщения к своим произведениям, особенно через новые (в частности, сетевые) формы самовыражения.

В последние десятилетия популярная культура выступает полем производства значимых социокультурных и общечеловеческих ценностей и смыслов, не уступая в этой роли культуре, классифицируемой как «высокая». Речь идет о ценностях морально-этического, социального, эстетического плана, о критическом восприятии действительности, о трансляции философских и научных идей и пр. Иными словами, популярная культура становится способом познания мира, побуждая человека к рефлексии и творчеству. Показателен в этом отношении феномен современного сериала [3] («Черное зеркало», «Теория большого взрыва», «Восприятие», «Твин Пикс», «Охотник за разумом», «Числа», «Доктор Хаус», «Во все тяжкие» и пр.). Соответственно, реципиенты популярных текстов – это люди самого разного социального происхождения, культурного бэкграунда, интеллектуального уровня, включая тех, кого традиционно относят к элите.

Очевиден процесс перетекания разнородных культурных форм друг в друга, смешение сфер, привычно разделяемых на «высокое» и «низкое». Такой принцип «маятника» современные исследователи Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер рассматривают как определяющий современное

состояние культуры, обозначая его понятием «метамодернизм» (другие авторы предлагают иные термины - «постпостмодернизм», «гипермодернизм», «альтермодернизм» и пр.): «Метамодернистская структура восприятия вызывает раскачивание между модернистским стремлением к смыслу и постмодернистским сомнением касательно смысла всего этого, между модернистской искренностью и постмодернистской иронией, между надеждой и меланхолией, между эмпатией и апатией, между единством и множественностью, между чистотой и коррупцией, между наивностью и искусностью, между авторским контролем и общедоступностью, между мастерством и концептуализмом, между прагматизмом и утопизмом» [4]. Можно добавить, что в случае популярной культуры имеет место «колебание» между движением «сверху» и «снизу», между коммерческим и аутентичным.

Исторический предшественник популярной культуры - культура народная. Во все времена она питала высокие сферы, придавая им жизненный импульс, и этот процесс нередко подвергался ограничениям. Эпоха классицизма сориентировала европейскую культуру на разграничение высоких (классических, восходящих к античности) и низовых (народных, вульгарных, популярных) форм творчества. Дальнейшее развитие культуры Нового времени показало, что удержать культуротворчество в подобных рамках невозможно. Итогом стал романтический прорыв к народному во всех его проявлениях. Более поздним историческим эквивалентом популярной культуры является т. наз. «третья» культура, созревшая по мере перетекания сельского населения в города, где ее прагматическим ориентиром закономерно становились усредненные предпочтения массы. С ростом массы интенсифицируется массовая культура, и к концу 19 - началу 20 в., когда этот процесс был осознан, сложилась традиция ее изучения.

Как противостоящая элитарной популярная культура начинает рассматриваться в последней трети 19 в., впервые в таком значении этот термин употребил английский критик М. Арнольд [5]. В конце 19 - начале 20 в. влиятельные мыслители (Ф. Ницше, Г. Лебон, З. Фрейд, Х. Ортега-и-Гассет и др.) сформировали характерную для модернизма критическую линию исследований массовой культуры. Значителен вклад Франкфуртской школы (В. Беньямин, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм), где массовая культура обозначается как «культурная индустрия» и анализируется с неомарксистских позиций, как средство манипуляции сознанием потребителя, который, которое, при поддержке технологий массового производства, превращает его в «одномерного человека» (Г. Маркузе). Это отношение наследует постмодерн, для которого популярная культура остается неаутентичной сферой производства симулякров (Ж. Бодрийар). И все же постмодерн идет на сближение с ней, подчиняя ее достижения собственной логике (о чем, например, прямо заявляет У. Эко, комментируя свое литературное творчество [6, с. 628-635]). Именно постмодерн повлек те культурные трансформации, которые девальвировали различие на элитарное и массовое, высокое и низовое.

Существенный вклад в переосмысление феномена популярной культуры внесли британские Cultural Studies (Р. Хоггарт, С. Холл, Р. Уильямс, Э. Томпсон, Дж. Фиске и др.). От установок, близких Франкфуртской школе, в 1970-80-х гг. здесь осуществился переход к трактовке популярной культуры как сферы активности потребителя, который перестает рассматриваться как пассивный объект манипуляций: предполагается, что он создает собственные значения в процессе восприятия популярных произведений. Такие выводы были сделаны на основе реальных исследований аудитории.

Постепенно новое качество обретают отношения популярной культуры и философии. Рассмотрим некоторые линии их взаимодействия, получившие актуализацию в последнее время:

1. В качестве значимого феномена современности популярная культура получает все большее признание со стороны философии и гуманитарных наук, в то время как сложившаяся традиция «академического» критицизма все чаще подвергается критике. Сегодня изучению популярной культуры посвящены как разделы традиционных гуманитарных дисциплин (фольклористики, литературоведения, этнографии), так и отдельные направления, использующие синтетические методы (Visual Studies, Media Studies, Cultural Studies и пр.).

2. За последние десятилетия популярная культура стала объектом философского анализа. В США издается серия исследований «Философия и популярная культура» (Philosophy and Pop Culture Series), были выпущены десятки томов, среди них такие, как «Harry Potter and Philosophy: If Aristotle Ran Hogwarts» (2004), «Comics as Philosophy» (2005), «The Philosophy of Neo-Noir» (2006), «Star Wars and Philosophy» (2005), «Superheroes and Philosophy» (2005) и пр. Философы заняты экспликацией онтологических, гносеологических, морально-этических, социально-политических и пр. смыслов популярных произведений. Кроме того, они стали обращаться к анализу их эстетического содержания, которое

ранее считалось недостойным серьезного внимания. В США изучение популярной культуры в полной мере институционализировано и привлекает профессиональных философов, что вполне объяснимо: исторически именно в США потребность в создании культуры, обращенной к весьма разнородной (в расовом, этническом, религиозном, культурном отношении) аудитории была здесь наиболее осязательна [7, с. 194].

3. Обращение к популярной культуре стало закономерным в сфере философского образования. Американский философ Дж.Ш. Лоуренс, автор книг «The Myth Of The American Superhero» (2002), «Finding the Force of the Star Wars Franchise» (2006) и др., один из адептов проекта «Философия и популярная культура», опираясь на собственный опыт преподавания философии, развивает следующий тезис. Поскольку популярная культура стала фактором инкультурации целых поколений и пронизывает сферу повседневного опыта современного человека, сложные философские проблемы могут и должны разъясняться путем апелляции к фактам популярной культуры, взятым из кинофильмов, видеоигр, комиксов и пр. [8]

4. Линия, условно именуемая «поп-философствование» [9]. История творчества знает немало случаев, когда в основу предназначенных массе текстов помещались философские идеи и концепции. Подобная практика была характерна для Просвещения, модерна и постмодерна. Метамодернизм предпочитает побуждать к рефлексии, генерируя философские идеи средствами самой популярной культуры (иллюстрацией могут служить кинопродукты вроде «Матрицы» или «Аватара», а произведения по мотивам комиксных вселенных, как, например, фильм «Джокер» 2019 г., за последнее время превратились почти в артхаусные проекты, сохраняя при этом широкую аудиторию).

5. Популярная культура становится точкой отсчета философских построений, продумывания философских тем и проблем, что в свою очередь свидетельствует об изменении отношения к популярной культуре в среде интеллектуалов: для поколений x, y, z она не является сниженным типом реальности, недостойным серьезного внимания и предстает как реальность самодостаточная и аутентичная. Обращение к фактам популярной культуры стало распространенной практикой в таких направлениях современной философии, как философия сознания, медиафилософия, философия компьютерных игр, философский «хоррор» и др.

Литература:

1. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 240 с.
2. Storey J. Cultural Theory and Popular Culture. An Introduction. London: Routledge, 2015. 289 p.
3. Адашевская Л. Серил как школа социальной компетенции. Интервью с философом Виталием Куренным // Диалог искусств. 2016. № 3. С. 98-103.
4. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Что такое метамодернизм?
5. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/> [Дата обращения: 26.02.2020].6. Arnold M. Culture and Anarchy // Cultural Theory and Popular Culture: A Reader. Harlow: Pearson Education Limited, 2006. P. 6 - 12.
7. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М., 1998. С. 596-644.
8. Brogan D.W. The Problem of High Culture and Mass Culture // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. Vol. I. Cambridge, 1978. P. 187-202.
9. Pop Culture “and Philosophy” Books. John Shelton Lawrence reviews the genre of “and philosophy” books. URL: https://philosophynow.org/issues/64/Pop_Culture_and_Philosophy_Books [Дата обращения: 26.02.2020].10. Русаков С. С. Поп-философствование как сущностная черта популярной культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (69). С. 158-160.

Идеал как информационный элемент текста художественного произведения

Сумина Т. Н.

Московский государственный институт культуры, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики. Доктор философских наук

tsuminova@yandex.ru

Аннотация: Текст художественного произведения – это целостная открытая/закрытая информационная система с множеством зафиксированных автором и раскрываемых реципиентом идей/образов/смыслов. Информационная хаотичность позволяет воспринимать текст художественного произведения в качестве «хаосмоса» (У. Эко) с уникальной структурой. Художник как субъект творческой деятельности воплощает в тексте произведения в различном материале (холст, бумага, киноплёнка и т.д.) и посредством художественного языка собственный Идеал как образец чувственно созерцаемой формы, высшую цель и критерий творчества, порождающий спектр восприятий и трактовок реципиентов. Арт-менеджмент как философия и культура управления в сфере искусства способствует формированию маркетингового информационного коммуникативного пространства (антиквар, дилер, куратор, коллекционер, продюсер, импресарио и т.д.) для создания траектории оценки, популярности и продажи различных художественных текстов с идеальными ценностями конкретных художников (писатель, музыкант, режиссер, скульптор и т.д.). Идеал – это информационный элемент текста художественного произведения, содержащий психоэмоциональный заряд/ауру/«образ мира» художника, и отражающий эстетичность, подлинную и совершенную Красоту, Прекрасное, Гармонию идеи/образа/Мира, социокультурный контекст, гипертекст, полистилистику, множественность кодов/символов/смыслов и интерпретаций, генерирующих инфосферу Текста художественной культуры.

Ключевые слова: идеал, красота, гармония, текст художественного произведения, информация, смысл, арт-менеджмент.

Ideal as an information element of the text of the artwork.

Suminova T. N.

Moscow State Institute of Culture

Abstract: The text of the artwork is a complete open/closed information system with many ideas/images/meanings recorded by the author and disclosed by the recipient. Information chaos allows us to perceive the text of a work of art as a «chaosmos» (U. Eco) with a unique structure. The artist as a subject of creative activity embodies in the text of the artwork in various materials (canvas, paper, film, etc.) and through the artistic language, his own Ideal as a sample of the sensually contemplated form, the highest goal and criterion of creativity, generating a range of perceptions and interpretations of recipients. Art management as a philosophy and culture of management in the field of art contributes to the formation of a marketing information and communication space (antique dealer, dealer, curator, collector, producer, impresario, etc.) to create a trajectory of evaluation, popularity and sale of various artistic texts with the ideal values of specific artists (writer, musician, Director, sculptor, etc.). The ideal is an information element of the text of the artwork that contains emotional charge/aura/ «the image world» of the artist, and reflect the aesthetics, the true and perfect Beauty, Beautiful, Harmony, idea/character/World, the socio-cultural context, hypertext, polystylistics, a plurality of codes/symbols/meanings and interpretations, generating the InfoSphere of the Text of the artistic culture.

Keywords: ideal, beauty, harmony, text of a work of art, information, meaning, art management.

В контексте постмодернизма, постструктурализма ключевым феноменом и понятием современной философии является «текст».

Текст художественного произведения – это уникальная целостная открытая/закрытая структурированная информационная система, формой которого является произведение, например, текст музыкального произведения и т.д.

Многочисленность и полизначность зафиксированных автором и раскрываемых реципиентом образов/идеалов, вариантов смыслов конкретной эпохи, личностей, сфер деятельности, культур, цивилизаций и трактовок таковых, информационная хаотичность позволяет воспринимать текст художественного произведения в качестве «хаосмоса» (У. Эко) с уникальной структурой.

Симбиоз полиязычных текстов художественных произведений как особый гибридно-цитатный язык симулякров с деконструированностью, многозначностью, нелинейностью и вовлеченностью в процессы языковой игры, позволяет децентрировать центрированное, т.е. трансформировать структуру текста, дискурс, субъект. В этом заключается суть философии игры как основы «философии текста».

Текст художественного произведения, или текст произведения художественной культуры – это объект исследования философии текста, филологии, культурологии, искусствоведения, семиотики, когнитивной и структурной лингвистики, структурной и генеративной поэтики, герменевтики, психологии, неориторики, информациологии и ряда других наук.

В качестве ключевого элемента/субъекта творческой деятельности и генератора текстов произведений, художественной реальности, выступает художник. Он фиксирует в различном материале (киноплёнка, холст, пьеса, бумага, мрамор и т.д.) определенный объект/предмет действительности или вымышленной реальности, воспринимая таковой в качестве собственного идеала, в данном случае – эстетического.

В идеале как информационном элементе текста произведения художником отражается как абстрактная всеобщность, спектр эстетических ценностей и составляющих (безобразное, низменное, ужасное, прекрасное, возвышенное, трагическое, комическое и т.д.), так и не то, что есть в реальности, а то, что и как может быть или как должно быть, т.е. гипотетический совершенный образ того или иного объекта.

Совершенные образы воплощенных явлений для восприятия в качестве идеалов должны иметь ценностное основание и представлять для различных реципиентов особую ценность.

«Идеал» происходит от греческого «idea», обозначающего образ, вид, т.е. это представление о наивысшем, наилучшем, желанном, что может быть в реальности, социуме, человеке, природе и т.д.

История эстетической мысли свидетельствует, что понятие «идеал» наитеснейшим образом связано с учением о мимесисе как способе художественного творчества мастера, подражании искусства природе/реальности. Это учение разрабатывалось различными мыслителями, например, Демокритом, Сократом, Аристотелем, Цицероном, Платоном. Николай Кузанский в трактате «Об уме» отмечал, что художник не подражает природе, а исправляет ее в соответствии с потребностями человека.

Об идеале как таковом размышляли, например, Д. Дидро, Г.-Э. Лессинг, И. Кант, Ф. Шиллер, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг и др. Собственно наука об идеале как образном оформлении идеи получила завершённую форму в «Эстетике» Г. В. Ф. Гегеля.

Идеал как некий образец чувственно созерцаемой формы художественного текста отражает прекрасное, являющее собой одну из ключевых категорий эстетики как философской науки об общечеловеческих ценностях, постижении и фиксации Мира, законах, сущности и специфике искусства – квинтэссенции художественной культуры.

Идеал – это высшая цель творчества и стимулирующий мотив мастера к постижению, отражению и интерпретации многочисленных идей/смыслов/символов/информации; значимый критерий творчества конкретного художника, его лаборатории, стиля, направления, имеющих отношение к конкретной исторической эпохе (Античность, Возрождение, Просвещение и т.д.), находящий фиксацию в тексте и воспринимаемый через постижение произведения.

Проблема идеала текста произведения художественной культуры связана с восприятием красоты.

Поиски красоты – это одна из важных составляющих сверхуспеха, например, Флоренции, художники которой пытались удержать и передать красоту, привнести таковую в обыденную постную и тусклую жизнь людей.

Художники находятся в постоянном поиске Совершенства, совершенства Мира. В Италии в эпоху Возрождения главной целью художников был поиск идеальной, совершенной красоты на Земле.

Так, в текстах Сандро Боттичелли как окнах в иные миры, времена и фантазии, зафиксирована история, религия, мифы, столь важные для реципиента.

В искусстве как высшей степени умения и мастерства (древнегреческое *techne*) красота проявляется в легком и свободном владении художником темой, специфическими средствами выразительности идеи, художественным языком, а также в совершенстве формы, глубине контента, формировании и воплощения концепции в тексте произведения.

Не копирование, а творческое переосмысление реальности, не тождественность подлинности существующих явлений порождает уникальность/красоту/душу/смысл создаваемых образов и собственно текстов произведений.

Красота – это противоречивый элемент текста произведения, в котором художник фиксирует квинтэссенцию постижения реальности/Вселенского универсума в соответствии с законами красоты.

Для мастера, блестяще владеющего законами искусства, законами «производства» текста произведения в том или ином виде искусства/художественной культуры, важно грамотно нарушать регламент, выходить за рамки правил, что и позволит ему создать нечто уникальное, не стандартное, красивое или даже – прекрасное идеальное.

Идеальная красота – это красота Божественная, харизматичная (от греч. *charisma* – божественный дар, благодать, милость), простая, чистая, непосредственная, спокойная, благородная.

Художнику необходимо быть внутренне свободным. Его дух/психе/«образ мира» не должны подчиняться или быть подчинены политической, экономической и иной реальности. Лишь внутренняя свобода мастера позволит проявиться его таланту и гениальности, и воплотить Божественные идеи в идеальные образы как информационные элементы текстов произведений, увековечивающие Красоту и Гармонию как системообразующий генерализационный элемент Текста художественной культуры как информационной системы.

«Следы» впечатлений от воспринятой позитивной или негативной информации социокультурной действительности художник трансформирует и воплощает в прекрасные образы, способные вызвать духовное переживание, т.е. эстетическое наслаждение и выше – катарсис.

Художник-автор как проводник Гармонии Мира искусства, заключая в тексте произведения собственный Идеал красоты, способствует возникновению в реципиентах/публике/аудитории художников-соавторов, способных почувствовать, понять и воспринять красоту, которая имеет идеальную природу как синтез субъективности и объективности.

«Увидеть», отметить и подчеркнуть воплощенный идеал в художественном тексте может лишь эксперт (искусствовед, куратор и т.д.), для которого это представляет либо составляющую его профессии, этики, аксиологии и проч., либо в этом есть заинтересованность окружения (публики, покупателей, государства). Именно эксперты могут оценить художественные тексты конкретного мастера и назвать таковые шедеврами, в которых отражены различные историко-культурные трансформации той или иной социокультурной реальности.

После оценки эксперта, в том числе нередко после оценки реципиентов/представителей средств массовой информации, художественный текст трансформируется в произведение с сонмом кодов/символов/смыслов/трактовок/ интерпретаций. На помощь спектру представителей коммуникативного пространства приходит герменевтика, способствующая адекватному «прочтению» и постижению идеала как информационного элемента художественного текста.

В зависимости от зафиксированных образов/кодов/символов/смыслов тексты произведений конкретного вида искусства, например, изобразительного, выступают не только в качестве объектов коллекционирования, но и арт-банкинга, арт-инвестирования.

Грамотный арт-менеджмент как философия и культура управления в сфере искусства способствует осуществлению проектной деятельности как варианта реализации государственной культурной политики, создавая и продвигая на арт-рынок тексты произведений с воплощенными теми или иными художниками (скульптор, живописец, писатель, музыкант, режиссер и др.) идеалами.

Арт-менеджер (антиквар, дилер, куратор, директор музея/киностудии/продюсерского центра и т.д.) как тонкий психолог, организатор бизнес-деятельности мастера (композитор, художник, режиссер, актер, сценарист и др.), локомотив художественной реальности посредством собственных компетенций генерирует маркетинговое коммуникативное информационное пространство в галерее/музее/театре

и т.п., «выстраивая» траектории популярности/продажи/приобретения различных художественных текстов того или иного мастера/стиля/направления.

Арт-рынок со спектром посредников (маршан, арт-менеджер, коллекционер, импресарио, продюсер и др.) способствует покупке/продаже идеальной ценности художника определенной эпохи с собственным бэкграундом/легендой/историей/мифом.

Реципиент как элемент публики (коллекционер, дилер, художник и т.д.) не всегда обращает внимание на воплощенный в художественном тексте идеал определенного объекта, что зависит от ряда объективных и субъективных причин, например, от количества инвестируемой суммы в покупку и т.д.

Идеал – это значимый информационный элемент текста художественного произведения, содержащий психоэмоциональный заряд, ауру, «образ мира» художника, и отражающий эстетичность, подлинную и совершенную Красоту, Прекрасное, Гармонию идеи/образа, социокультурный контекст, гипертекст, полистилистику, множественность кодов/символов/смыслов и интерпретаций, генерирующих инфосферу Текста художественной культуры.

Литература:

1. Боров Ю.Б. Эстетика: в 2 т. 5-е изд., доп. Смоленск: Русич, 1997.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т., в 10 кн. М.: Харьков, АСТ-ФОЛИО, 2002.
3. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1964. 376 с.
4. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
5. Суминова Т.Н. Арт-менеджмент: реализация государственной политики в сфере культуры и искусства. М.: Академический проект, 2017. 167 с.
6. Суминова Т.Н. Арт-менеджмент: теория и практика. М.: Академический проект, 2020. 655 с.
7. Флиер А.Я. Теория культуры. М.: ООО «Издательство «Согласие», 2019. 328 с.

«Конец философии» в общекультурной перспективе

Торосян В. Г.

Краснодарский государственный институт культуры, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения. Доктор философских наук

torosyan5@mail.ru

Аннотация: Для современной культуры симптоматична тема «конца философии», но теперь сомнениям поддаются и сами философы, начиная искать новые формы оправдания своему существованию, прежде всего в «прикладных возможностях» философии. Требование непосредственного практического применения философии мало отличается от подобных же требований к религии или искусству, художественной литературе. С другой стороны, и создание перспективных концептов, смыслов, конструктов, «смелые метафизические эксперименты», «проективные словари» не должны рассматриваться в качестве ответа на «вызов времени», а, тем более, современного предназначения философии. Оставаясь открытой «неслышному зову бытия», философия должна продолжать миссию «дозорного культуры», проблема которой – не судьба философии в мире XXI в., а судьба мира без философии.

Ключевые слова: «конец философии», прикладные возможности, ценность «бесполезного».

“The End of Philosophy” in a General Cultural Perspective. *Torosyan V. G.*

Krasnodar State Institute of Culture

Abstract: The theme of the “end of philosophy” is symptomatic for nowadays culture, but now philosophers themselves are also in doubt, starting to look for new forms of justification for their existence, primarily in the “applied possibilities” of philosophy. The requirement of direct practical application of philosophy differs little from the same requirements for religion or art, belles-lettres. On the other hand, the creation of promising concepts, meanings, constructs, “bold metaphysical experiments”, and “projective dictionaries” should not be regarded as an answer to the “challenge of the times”, and, especially, the contemporary purpose of philosophy. Remaining open to the “inaudible call of being,” philosophy must continue the mission of “guardian of culture,” the problem of which is not the fate of philosophy in the world of the 21st century, but the fate of a world without philosophy.

Keywords: “end of philosophy”, applied possibilities, value of “useless”.

В современном мире все более отчетливо звучит тема «конца философии». Признавая историческое место философии как начала всех наук и не оспаривая, так сказать, ее музейную ценность, прагматично-технологичный менталитет видит в ней лишь некий рудимент, удержавшийся пока в цивилизации XXI века. Подобно В. Паули, предлагавшему терпеливо дожидаться, пока умрут своей смертью сторонники классических естественнонаучных представлений, сегодня – на самых разных уровнях – примерно так же относятся к философии и философам.

Характерно, что о философии чаще всего вспоминают в кризисные периоды общественного развития. О невостребованности, бесполезности, даже вреде философии говорят все 2500 лет ее существования, но философский взгляд на саму философию позволяет утверждать, вслед за Хаббардом, что раз она сохранилась, значит, она нужна не только философам. Новое, однако, то, что теперь необходимость философии все чаще ставят под сомнение сами философы. Ситуация напоминает ту, о которой говорил А. Камю в своей нобелевской речи: «Мало сказать, что искусству угрожает государственная мощь. В этом случае дело обстоит бы просто: художник либо сражается, либо капитулирует. Проблема осложняется, становится смертельно опасной с того момента, как замечаешь, что бой завязывается в душе художника. Ненависть к искусству, которую так часто демонстрирует наше общество, была бы не столь губительной, если бы ею не заражались сами художники. Художники

прошлых времен ставили под сомнение лишь собственный талант. Нынешние сомневаются уже в необходимости своего искусства, иначе говоря, в необходимости своего существования» [1, с. 363].

Это наблюдение в полной мере применимо сегодня к философам, которые приняв капитуляцию, начинают искать новые формы оправдания своему существованию, прежде всего в «прикладных возможностях» философии. Требование непосредственного практического применения философии не более правомерно, чем подобные же требования к религии или искусству, художественной литературе, но несколько не удивительно на фоне утверждений о сомнительной пользе и непроизводительных, неоправданных расходах даже на фундаментальную науку (и даже о «конце науки»).

В рассуждениях об общественном назначении философии, как и вообще о ценности «бесполезного», актуально замечание Канта о том, что есть большое различие между служанкой, несущей шлейф госпожи – или же факел, освещающий путь. Вместе с тем, создание перспективных концептов, смыслов, конструктов, «смелые метафизические эксперименты, подобные физическим экспериментам XX в.», «проективные словари» не должны рассматриваться в качестве предзаданной цели, а тем более, задания, подобно тому, как невозможно создать, даже госзаказом, новую «национальную идею» – такая идея жизнеспособна, если «нечувствительным образом» (С. Уваров) формулирует, объединяет в себе то, что естественно сложилось или начинает складываться.

Отстаивая ценность философии в той ситуации, когда любая деятельность оценивается её материальной отдачей, уместно вспомнить, что ещё целый век назад О. Уайлд говорил о «поколении, которое знает цену всему, но не знает ценности ничего». «Неспособность испытывать уважение» вызывала ужас у Ницше, «философа нелицеприятных истин». Нелицеприятная истина, которую современная цивилизация не может или не хочет замечать, даже не в том, что она перестала отвечать на вопросы, а в том, что перестала их задавать (К. Касториadis).

Философия, между тем, прежде всего нацелена как раз на то, чтобы их задавать. Пренебрегая знаниями, не направленными на «специальные применения» (а это заложено уже в системе образования), «общество знания» не хочет признать, что продвижение любых экспертных систем, полезных и необходимых, всё равно оставляет их лишь инструментами. Стержень любой цивилизации, осуществляя преемственность эпох и тем самым обладая сверхисторической значимостью, составляет масса факторов, которые невозможно вместить в рамки каких угодно технологических моделей и инструкций, и которые «могут выражаться в различных формах – от страниц философа до истории, рассказанной в романе, до лирического выражения в поэме или небольшом стихотворении, многогранных формах пластических и изобразительных искусств, до музыки, не говоря уже о великих глобальных мировоззрениях и истолкованиях человеческой жизни, представленных различными религиями» [2, с. 16]. Известно, какую роль сыграла философия в формировании неклассической и постнеклассической науки, а «если взглянуть на последние столетия, характеризующиеся резким ускорением научного и технического прогресса, следует признать, что это были в то же время столетия великих философов, музыкантов, художников, романистов: «два облика нашей цивилизации никогда не развивались независимо, и их согласование должно оставаться регулятивным идеалом для проектов нашего будущего» [2, с. 19].

Если рассматривать развитие культуры как самоорганизацию, то нельзя не видеть, что её аттрактором, «бродильным элементом» (В. Лекторский) даже в самые сложные периоды истории (а особенно тогда) оставалась философия. Вот как писал об этом С. Булгаков: «История философии есть трагедия, это повесть о повторяющихся падениях Икара и о новых его взлётах. Эту трагическую сторону философии, которая есть удел каждого мыслителя, остро чувствовали некоторые умы, как Гераклит и Платон. Кант подошёл к самому краю бездны в своём учении об антиномиях и остановился. Сущность трагедии состоит в том, что человек страждет здесь не индивидуальной виной, и, даже будучи прав индивидуально, подчиняясь в своих требованиях велениям свыше, он в то же время закономерно гибнет. Философ не может не лететь, он должен подняться в эфир, но его крылья неизбежно растаивают от солнечной жары, и он падает и разбивается. Однако при этом взлёте он нечто видит и об этом видении и рассказывает в своей философии» [3, с. 314].

Философ – человек, чей слух всегда открыт для «неслышного зова бытия» (М. Хайдеггер), который в кризисные моменты слышен прежде всего именно философу. Именно поэтому проблемы, на которые откликается слух философа и к которым он привлекает внимание других (на первый взгляд, безуспешно), всегда актуальны. Оберегая сложившиеся в культуре ценности, философия осуществляет свое призвание не в том, чтобы «хранить пепел», а в том, чтобы оставаться «маяком для будней» (Э.

Финк), «дозорным культуры» (А. Камю), «рефлексией над культурой» (В. Стёпин), «мягкой силой», позволяющей сохранять и развивать «богатство человеческой природы как самоцели» (К. Маркс). Философ как человек, отмеченный богом (Р. Гвардини), должен нести свой крест – достойно, не упав и не уронив его.

«Смерть философии» – лишь логическое звено трагической цепочки «Смерть Бога» – «Смерть человека», это проблема всей культуры и цивилизации. Именно поэтому философа сегодня должна волновать в первую очередь не судьба философии и носителей философской мысли в мире XXI века, а судьба мира без философии. Сошлёмся ещё на одного классика (Скотт Фитцджеральд): «Наше положение безнадежно, поэтому мы должны сделать всё, чтобы его изменить».

Литература:

1. Камю А. Бунтующий человек (сборник). М.: Издательство политической литературы, 1990. 476 с.
2. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3-20.
3. Булгаков С. Н. Соч. в 2-х томах. М: Наука, 1993. Т.1. 603 с.

Утверждение единства полицентричного мира как актуальная задача философии

Ханаху Р. А.

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева,
профессор. Доктор философских наук*

hanahu1@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль философии в постижении культурного единства человеческого бытия, обосновывается целесообразность трансляции в массовое сознание приоритета единства культуры при всем многообразии локальных культурных проявлений.

Ключевые слова: философия, культура, мировоззрение, картины мира, массовое сознание, гуманизм.

The affirmation of the unity of the polycentric world as an urgent task of philosophy. Hanahu R. A.

Adygeya Republican Institute of humanitarian studies named after T. M. Kerashev

Abstract: The article discusses the role of philosophy in comprehending the cultural unity of human life, substantiates the advisability of translating into mass consciousness the priority of the unity of culture with all the variety of local cultural manifestations.

Keywords: philosophy, culture, worldview, pictures of the world, mass consciousness, humanism.

Утверждение единства полицентричного мира как актуальная задача философии

Сложные процессы, протекающие в современном мире, радикальные преобразования в технологиях и массовых коммуникациях требуют философского осмысления. Однако вопросы о том, в какой мере философия способна отражать новую картину мира, отвечать на возникающие вызовы, готова ли она анализировать широкий спектр ранее не известных проблем, каковы способы и пределы ее влияния на общество и элиты и многие другие нуждаются в уточнении. При этом наряду с задачами, стоящими перед философией, необходимо также видеть ограничения, которые препятствуют их решению. Особенно важным представляется рассмотрение существующих ограничений влияния философии на общество, ее возможности по их преодолению, обоснованию и трансляции в массовое сознание взглядов на современную картину мира. Ведь конечный реципиент философии – это общество. Именно от нее в значительной мере зависит культурно-исторический уровень его сознания.

Однако множество людей не прибегает к философским трактатам, не испытывая в них особой нужды и не усложняет свою жизнь их прочтением. Слабая востребованность философии человеком с улицы похожа на вынесенный ей приговор. Можно бесконечно повторять общие места о мировоззренческом значении философии, ее пользе для интеллектуального и культурного развития и т.д., но вряд ли это сделает ее более популярной. Массовая культура, скорее, равнодушна к философии, нежели заинтересована в ней. Систематические философские знания большинству, судя по его поведению, вряд ли нужны. Оно ограничивается, как правило, фрагментарными и, часто, не очень твердыми знаниями, почерпнутыми из школьных и вузовских учебников, и обыденными рассуждениями, редко поднимающимися до уровня философии. В уплотненном времени современного человека, в его индивидуальном «тайм менеджменте», в разделе «свободное время», скорее найдется время для бассейна и спортивного зала, нежели для изучения философии.

Данное обстоятельство способно провоцировать у философов желание навязывать обществу более глубокие философские знания путем увеличения количества учебных часов в учебных заведениях, повышения качества учебников и качества преподавания или каким-либо иным. Вероятно, этим надо заниматься. Однако наивным было бы предположить, что в силу этого общество превратится в «общество философов», т.е., в сообщество грамотно философствующих индивидов, и тем самым путь человечества к процветанию и прогрессу будет не только, наконец, обнаружен, но и сокращен. Более реалистичным, все-таки, представляется сценарий, согласно которому философия будет интересовать

общество примерно в той же мере, в которой она интересует его сейчас.

Однако у общества (и индивидов) могут возникать потребности в ответах на отдельные остро интересующие его философские (или «около философские») вопросы. Так, для постсоветского массового сознания, пережившего крушение мировой системы социализма, актуальными являются вопросы о должном мироустройстве, мировом порядке, центрах современной цивилизации или отсутствии таковых, механике и структуре глобального взаимодействия (монополярный, биполярный, полицентричный миры), наличия жесткой предопределенности какой-либо структуры глобального взаимодействия или ее отсутствия, морально-нравственной оправданности того или иного миропорядка и другие вопросы из этого же ряда. От качества ответов философии на эти запросы массового сознания будет зависеть его «здоровье».

Одним из самых актуальных для массового сознания вопросов является в настоящее время вопрос о должной структуре социального и политического мира. Средства массовой информации доносят до потребителя большое количество сентенций и рассуждений о необходимости полицентричного мира, вспоминают недавний биполярный мир, отзываясь о нем, скорее, положительно, чем отрицательно, и критикуют монополярный. У подобных рассуждений есть конкретно-исторические, социально-политические и социально-философские корни. Многие из таких рассуждений резонны, остроумны и глубоки. Но при этом они часто оставляют вне внимания проблему гуманистического содержания и единства современного мира, порождают иногда побочные негативные эффекты, выражающиеся в насаждении в массовое сознание гипертрофированных локальных отличий и превосходств, которые, с точки зрения авторов интересующих нас рассуждений, исключительно самоценны, непреложны и непреодолимы. Утверждение приоритета отличий декларируется иногда уже в названиях работ. Так, например, есть работа под названием «Украина – не Россия», которую написал бывший президент Украины Л. Д. Кучма [1], есть работа российского публициста А. П. Паршева под названием «Почему Россия не Америка» [2] и др.

Понятно, что те или иные отличия реально существуют, и их выявление имеет научную ценность. Однако тот нарратив (от лат. *narrare* — «язык повествования»), посредством которого они излагаются, нередко исключает аксиому единства мира и необходимость его общечеловеческого гуманистического измерения. Многообразие мира с его отличиями часто представляется в ущерб единству. Актуальной задачей современной социальной философии представляется, поэтому акцентирование и сосредоточение внимания массового сознания на единстве мира, онтологическом единстве человеческого бытия, всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости, а не только на цивилизационных, региональных, этнических или иных отличиях. Весьма симптоматичным для философии является то, что в современном секулярном мире с проповедью единства бытия в публичном пространстве чаще выступают священнослужители, нежели философы.

Многие гуманитарии (не только философы), публично настаивая на верности своих воззрений на мир как на мир исключительно фрагментированный, ориентированный на уникальные локальные ценности, многополюсный, исходят из текущего международного политического дискурса и выражают тем самым протест против геополитического доминирования одной страны (США). Данный протест понятен и оправдан. Однако он может игнорировать иные воззрения на мироустройство, не отрицающие его единства. А они существуют и нуждаются, на наш взгляд, в более широких публичных презентациях. Так, некоторые авторы считают полицентричный мир неустойчивой системой, стремящейся к хаосу, неизбежно распадающейся и заканчивающейся утверждением биполярной системы (У. Кристофер, О. Арин и др.). Существует и известная социально-философская традиция мир - системного анализа (И. Валлерстайн, Ф. Бродель, А. Франк и др.), в рамках которой мироустройство рассматривается в широком историческом контексте с постепенными перемещениями «центров» («ядер») и «периферии», изменениями в соотношении сил и пр. Функциональный и структурный подходы, которые преимущественно используются авторами для описания возможных моделей миропорядка, вовсе не отрицают других подходов к утверждению единства мира.

В интересующем нас аспекте наиболее целесообразны, на наш взгляд, плюралистические подходы, которые способны снимать противоречия между отличиями и единством. Так, например, культурологические методы, показывающие взаимную переводимость языков разных культур, способны утверждать единство гуманистических ценностей мира и избегать абсолютизации локальных культурных отличий. Переводимость языков культур, показанная некоторыми философами и культурологами, хорошо заметна массовому сознанию, например, в мировом кинематографе. Хотя

в нем и доминирует американское кино, тем не менее, зрителю логически понятны и эмоционально близки также индийские, турецкие, иранские и иные, казалось бы, культурно далекие сюжеты. Похожее можно показать и на примерах мировой литературы.

Философское осмысление существующего миропорядка не должно препятствовать, таким образом, гуманистическому измерению и утверждению единства многообразного и полицентричного мира. Полицентризм не исключает единства, а, наоборот, показывает его многообразные формы. Одной из важных задач философии представляется перезагрузка и переосмысление указанной проблемы. Многообещающим и продуктивным представляется подход, предложенный В. Ю. Кузнецовым: постигать единство мира через единство культуры, а не культурные отличия [3]. Представляется также возможным использование элементов конструктивистских подходов к проблеме, поскольку единство мира в интересующем нас аспекте не всегда дано массовому сознанию в непосредственных ощущениях. Взаимосвязанное мировое общество не всегда осознает свою взаимосвязь, ее надо «достраивать» до полноты, используя философские абстракции и интеллект. При этом нельзя фальсифицировать единство для тех индивидов и локальных групп, которые принципиально против их включения в единое общечеловеческое сообщество. Формирование последнего – процесс объективный, в значительной мере оформившийся и получивший четкие контуры. Но искусственно ускорять его вряд ли целесообразно, поскольку можно получить обратную реакцию. Исследование проблемы единства современного мира возможно с различных философских и методологических позиций. Трансляция полученных философией результатов в массовое сознание станет ответом на его актуальный запрос.

Литература:

1. Кучма Л. Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 152 с.
2. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: ТД Алгоритм, 2018. 440 с.
3. Кузнецов В. Ю. Единство мира и единство культуры // Философия и общество. 1999. № 4. С. 141-153.

«Восток – Запад» как проблема в культуре и философии

Хилтухина Е. Г.

Московский университет имени С. Ю. Витте. Доктор философских наук

genicave@mail.ru

Аннотация: В данной работе «Восток-Запад» как проблема становления мировой культуры раскрывает диалектическое единство противоположных начал, исходя из дуалистического развития мира, в основе которого лежит принцип дополнительности. Взаимодействие двух культур и мировоззрений создает условие гармоничного взаимопонимания философских основ бытия мира, что свидетельствует о закономерном развитии мирового процесса. В основе этого развития лежит естественный закон единства и борьбы противоположностей, который стимулируется необходимым противоречием. Общность современного человеческого мира формируется теперь из сочетания различных региональных, экономических, политических, этнокультурных объединений. Форма этой общности вырабатывается в ходе диалога между ними. Для этой формы оказываются неприемлемыми противопоставления типа Восток – Запад. Ярким примером является Россия, культура которой гармонично раскрывается в синтезе Востока-Запада.

Ключевые слова: Восток, Запад, взаимодействие, взаимодополнительность, синтез, культура, философия.

«East-West» as a problem in culture and philosophy.

Khiltukhina E. G.

Moscow University named after S. Yu. Witte

Abstract: In this work «East-West» as a problem of the formation of world culture reveals the dialectical unity of the opposite beginnings, based on the dualistic development of the world, which is based on the principle of additionality, which is indicative of the natural development of the world process. At the heart of this development is the natural law of unity and struggle of opposites, which is stimulated by the necessary contradiction. The commonality of the modern human world is now formed from a combination of different regional, economic, political, ethnocultural associations. The form of this commonality is developed through dialogue between them. For this form, the oppositions of the type East - West are unacceptable. A striking example is Russia, whose culture is harmoniously revealed in the synthesis of East-West.

Keywords: East, West, interaction, mutual content, synthesis, culture, philosophy.

В свое время Гегель высказал весьма проницательную мысль: «Восток и Запад присущи каждой вещи» [1, с. 554]. Планета наша в этом смысле может быть уподоблена большому магниту, полюсами которого являются специфические и «мироотношенческие модальности». Т. П. Григорьева сравнивает соотношение Востока и Запада с функциональной асимметрией полушарий головного мозга человека: «правое, более древнее, отвечает за более целостное видение, интуицию, единство; левое – за логику, анализ и синтез. Но лишь вместе они обеспечивают жизнедеятельность Целого» [2, с. 23]. С Востоком и Западом дело обстоит аналогично. И подобно тому, как полноценное сознание обеспечивается лишь работой обоих полушарий, так и полноценное бытие Человека как Макрокосмоса может быть понято как гармоническое сочетание восточного и западного способов бытия Человека в Мире. Стало быть, Восток и Запад по своей самой глубинной сущности суть лишь два «полушария» единого Целого – мира Человека. Поэтому вслед за Германом Гессе, можно заявить, что «в мудрости Востока и Запада мы видим... не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь» [3, с. 217].

Так что компромисс между Востоком и Западом возможен. Самосознание культуры не могло поспеть за ее стремительным развитием. Мы с трудом начинаем постигать, что существуем теперь в принципиально новой ситуации, суть которой состоит, кратко говоря, в том, что понятие «мировая

культура», «мировое искусство» стало приобретать непреложную эстетическую реальность. За этой динамически формирующейся всемирностью культурного развития – окончательное сложение глобального экономического пространства, революция средств информации и передвижения. Земля, казавшаяся когда-то столь необозримой, предстала перед нашим взором как малая планета, в любую точку которой можно попасть за считанные часы, а увидеть и услышать то, что в этой точке земного шара происходит, можно в мгновение ока. Даже сама незащищенность нашей планеты от гибели, от глобальных военных или экологических катастроф, способна помочь человечеству осознать свою целостность. В наше время рождается культура, стремящаяся вместить в свои пределы всю человеческую вселенную, соединить, свести Запад и Восток, создать эстетический прообраз всечеловеческого сообщества будущих столетий. Изучив историю культурного диалога древних и современных цивилизаций, можно сделать вывод, что процесс глобализации культур в поле межцивилизационных взаимодействий действительно является всеобщим. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, а, следовательно, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других цивилизаций [4, с. 317]. Глобализация не исключает, а подразумевает развитие вариативности, поскольку именно в ней содержится потенциал для дальнейшего развития человечества [5].

С распадом Советского Союза исчезла, или заметно ослабла, основная оппозиция: выявились возможности определения нескольких региональных и политических центров. В этой ситуации еще более заметными стали различия между «разным» Востоком (средиземноморским, центральноазиатским и тихоокеанским) и, соответственно, между разным Западом (центральноевропейским, западноевропейским, атлантическим). «Изменение географии Запада и Востока» подчеркнуло зависимость проблемы Запада и Востока от истории, конкретизировало эти понятия в характеристиках не физического, а социального пространства. Итак, двухтысячелетняя история взаимоотношений Запада и Востока складывалась из различных - политических, экономических, культурных – взаимодействий, фиксировавших и сдвигавших пространство Востока и Запада, смещавших их взаимоотражения, акцентировавших мотивы противостояния или взаимообогащения.

В начале XXI столетия общность бытия разных регионов, стран и культур более не означает подчиненности их одним и тем же социальным, политическим или культурным стандартам. Общность современного человеческого мира формируется теперь из сочетания различных региональных, экономических, политических, этнокультурных объединений. Форма этой общности вырабатывается в ходе диалога между ними. Для этой формы оказываются неприемлемыми противопоставления типа Восток – Запад, Азия – Европа. Как раз благодаря этой форме удается обнаружить, что в современном социальном мире сейчас нет единого измерения, с помощью которого можно было бы сопоставлять и противопоставлять разные общества и культуры. Нет единого Востока, и нет единого Запада, поскольку они распадаются на несколько экономических и культурных центров и соответствующих периферий. Стереотип «Восток – Запад» утрачивает свое прежнее культурно-философское значение, поскольку перестает быть общим культурным ориентиром и принципом объяснения социальных взаимодействий. Утрата им этого положения связана, прежде всего, с тем, что все более весомыми становятся оппозиции: «Север – Юг», «Европа – Африка», «Япония – Азия», «США – Латинская Америка» и т. д. Современный мир предстает полицентричным образованием, в котором непродуктивны и линейные (одномерные) описания взаимодействий и характеристики, основанные на простых («двузначных») противопоставлениях. История связи – противопоставления Востока и Запада интересна и поучительна во многих отношениях. Она показывает, как появляются, развиваются и меняются человеческие стереотипы, как они приобретают значение «квазиестественных» форм – установок мышления и поведения, как в силу изменений хода реальной истории они возвращаются в контекст социальных взаимодействий, обнаруживают свою «частичность», относительность и, вместе с тем, свою бытийную «глубину».

Поскольку евразийское пространство более всего распространяется в России, то встреча Востока и Запада происходит именно в России, границей служат Уральские горы. Для евразийского континента характерным является многонациональный состав населения, обладающий разным историческим, экономическим, социальным развитием.

Уровень развития восточного и западного миров в Евразии неравномерен. Поэтому закономерно говорить об обособлении и взаимодействии культур. Понимание евразийской культуры происходит через осознание её особенностей, которые возникают как результат природно-климатических условий.

Обширность территории Евразии формирует абсолютно разные представления о мире у людей, живущих в этом регионе, но в разных природно-климатических условиях, сложность её рельефа определяет чрезвычайное разнообразие климатических условий и, как нигде в мире, обширное распространение континентальных типов климата. Очень велики широтные различия между холодными, умеренными и жаркими климатическими поясами, которые и воздействуют на духовную основу каждого народа и его культуру. Евразия это полиэтничная культура, которая объединяет в себе как традиционные, так и новаторские явления, процессы, вещи, являющиеся результатом двух миров: Востока и Запада.

Для Востока характерен мягкий более теплый климат, который воздействует и формирует определённые специфические черты народов, населяющих его народов – это близость с природой, люди считают себя частью природы, чувственное начало и духовное начало преобладают. Для Запада характерен более жёсткий холодный суровый климат, заставляющий человека активно преобразовывать окружающий мир. Ему свойственно рациональное восприятие мира, ибо он несёт в себе главную основу научно-технического прогресса.

ВОСТОК	ЗАПАД
чувство	разум
природа	общество
дух	материя
общее	частное
пассивность	активность
закрытость	открытость
созерцательность	деятельность
внутренняя сторона	внешняя сторона
культура	цивилизация
традиция	новация
асимметрия	симметрия
субъективное понимание	объективное понимание
пространственно-образный тип	логико-вербальный тип
«минимальное сообщение»	«максимальное сообщение»

Деление мира на Восток и Запад раскрывает культурологический аспект развития мировой истории, поскольку диахронное существование определяет необходимость срединного начала. Чем и является Россия, которая в мировой истории и культуре предстаёт Евразийским государством, раскрывающим в полной мере все стороны мировой культуры. Россия – страна «срединного сообщения», которая синтезирует многообразие культурных феноменов, создавая единую культуру, как микрокосмос Вселенной.

Что было в начале? Древние говорили – в начале было Одно. «Одно порождает два» (Лао-цзы). Каковы эти два в пределах человеческого разума? Может быть, это – Дао и Логос, представляющие две стороны, две функции Одного?

Две глобальные Идеи, точки зрения на мир, две парадигмы: к чему устремлён мир (Логос), и как он это делает (Дао) [6]. Наш мир трудно представить вне Разума (логоса) и вне Пути (дао). Одно дополняет другое: мировой Разум, умственный потенциал и образ жизни, закон развёртывания Целого. Если мир следует Логосу, говорили вслед за древними греками философы Запада, то отступает Хаос и создается Гармония, космос; если мир следует дао, говорили вслед за древними китайцами мудрецы Востока, то Поднебесная живёт в мире [7, с. 146.].

Евразийской культуры как таковой нет, но её формирование, наверное, происходит, особенно, в России. Поскольку идеология евразийцев рассматривала культуру России как особую культуру, где основную роль играло местоположение: между Востоком и Западом, но Россия, ни Восток, ни Запад. Эта среда (местоположение) определяет особенности, по мнению евразийцев, различных стран и народов, их самосознание и судьбу. Россия занимает срединное пространство Азии и Европы, приблизительно

очерчиваемое тремя равнинами: Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской. Эти громадные равнинные пространства, лишённые естественных резких географических рубежей, наложили отпечаток на историю России, способствовали созданию её культурного своеобразия. Поэтому говорить о евразийской культуре, значит надо говорить о российской культуре. Эстафету ненасильственного мира – без войн и произвола – принимает Россия, прошедшая через небывалое в истории и необъяснимое человеческой логикой истребление творческого потенциала нации и закономерно последовавшего затем отупения и застоя. Теперь по логике вещей должен последовать обратный ход – пробуждение национального достоинства, расцвет Творчества. Не случайно же на Россию возлагали надежду проницательные умы Европы и Азии. В Россию верил Р. Роллан и писатели его круга. Но и также не похожие философы как О. Шпенглер и Вивекананда, видели в России источник мирового восхождения. О. Шпенглеру, например, принадлежит мысль о том, что сошли уже восемь великих культур – египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская («аполлоновская»), византийско-арабская («магическая»), западноевропейская («фаустовская»), культура майя – и нарождается девятая – русско-сибирская [4]. О. Шпенглер видел в русском Востоке «тот новый мир, который идёт на смену умирающему миру Запада... Говорят, русская литература нечто большее, чем только литература, и русская философия одновременно и нравственное учение, вселенская боль одно в другом. Правда, наша литература больше полувека развивалась вне этой традиции, вне связи с философской мыслью России, но из этого кризиса она, похоже, выходит» [8]. Если уж есть чувство всеобщности, то перекрой ему дорогу в одном, проявится в другом, скажем в научном предназначении России, в космизме Н. Фёдорова, К. Циолковского, А. Чижевского, В. Вернадского, который уверовал в живое вещество, увидел в куске минерала застывшую связь времен и поверил в Ноосферу, когда в завтрашнем дне не было уверенности [9, с. 205].

Л. Н. Толстой и В. И. Вернадский признавали прямую связь нравственного воспитания со спасением земли. Теперь уже трудно не видеть, к каким последствиям приводит разрушение культуры, духовности – к царству безнравственности. Народ, утративший нравственное чутьё, внушает ужас другим народам. И всё же не случайно философия «непротivления злу насилieм» созревает на почве русской культуры. Лев Толстой выразил молчаливые чаяния России, Махатма Ганди претворил их в жизнь. Индия способна была принять идею ненасилия, подготовленная многовековой традицией, но истинный путь ненасилия доступен лишь высокому сознанию, о чём Ганди напоминает своему народу: «Индия гордо заявляет о своём праве считаться *katmabumi* – страной, осуществившей ахимсу, несмотря на замечательные открытия в этой области наших древних мудрецов то, что ныне у нас именуется ахимсой, похоже на пародию. Истинная ахимса должна означать полную свободу от злой воли, гнева и ненависти и беспредельную любовь ко всему сущему. Являя своей жизнью образец истинной высочайшей ахимсы, Толстой с его огромной, как океан, любовью к людям служит нам маяком и неиссякаемым источником вдохновения» [10].

Так переходят идеи – от народа к народу, из Индии в Китай, из Китая в Россию и опять в Индию; от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему, и это служит мерилom их истинности и залогом Единства высшего порядка, что утверждает цикличность развития, как идею прогресса всемирной истории и культуры.

Те, кто мог оценить мудрость Востока, не уповали на силу, и их не смущали пророчества Р. Тагора: «Восток изменит всю картину современной цивилизации, вдыхая в неё жизнь там, где она механична, заменяя холодный расчёт человеческим чувством и стремясь не столько к мощи и успеху, сколько к гармонии живому развитию, к истине и красоте» [11]. И это было знакомо, таилось в глубинах памяти и теперь вспоминалось, выплывало из Небытия, воплощаясь в слове. В России это Знание существовало не в форме канона, пережившего тысячелетия, как в Индии или в Китае, а в наитии поэтов – Ф. Тютчева, В. Брюсова, А. Блока, М. Цветаевой, О. Мандельштама, в поэтической по духу философии В. Соловьёва, Н. Бердяева, П. Флоренского, В. Эрнана.

Если одни ставят акцент на всеобщем, едином, то другие – на индивидуальном, единичном. Так, собственно и двигалась мысль, переходя от одной крайности к другой, от утверждения всеобщности единства, непрерывности к утверждению всеобщности прерывности, атомизма. И этот колебательный режим продолжался до тех пор, пока наука в лице Н. Бора, не доказала принципиальную непротиворечивость прерывности и непрерывности, последовательности и одновременности, признав закон взаимодополнительности (корпускула и волна – единые свойства света) Человечества.

Тем не менее, проблема «Восток-Запад» в современном мире в России раскрывает именно со-

циокультурное взаимодействие, основанное на гармоничном дополнении противоположных сторон единого целого и несёт в себе закономерную взаимообусловленность разных измерений, создающих определённые стереотипы.

Таким образом, *Россия как Востока* – Запад и, вместе с тем, Срединное государство, утверждает гармоничное существование противоположностей, диалектическое взаимодействие разных культур. Эта страна, где происходит становление «коммуникации срединного сообщения», потому что она обладает тем потенциалом возможностей, который определяется совокупностью законов, выраженных теоретически (закон географического детерминизма), и практически (естественноисторический ход развития государства), а также духовно-нравственным климатом, в котором происходило формирование национального самосознания.

Первый вывод: противоположности условны, а единство абсолютно.

Второй вывод: все противоположности взаимозависимы и взаимопроницаемы. Причем не только противоположные пары взаимопроникают друг в друга... Все взаимосвязано, все проникает друг в друга.

Поэтому проблема «Восток – Запад» раскрывает коммуникативный характер мировой традиции взаимопроникновения и взаимопонимания, т.е. диалога культур, который обнаруживает дополнительную и формирует Символическую Личность, по мнению евразийцев. Россия – единственная страна, где происходит удивительное творческое соединение этих двух противоположных регионов, что дает ей преимущество в развитии мировой культуры, которая в полной мере должна раскрыться на духовной почве.

Потенциал возможностей России предполагает не только рождение новой российской культуры, но и становление единой мировой культуры, поскольку Россия представляется как «коммуникация срединного сообщения». Восприятие Российского государства как «Востока – Запада» свидетельствует о географическом детерминизме и раскрывает своеобразие философии Всеединства, придавая ей социально-философский и культурологический смысл.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. 630 с.
2. Григорьева Т. П. Дао и Логос (Встреча культур). М., 1992. 424 с.
3. Паломничество Германа Гессе в страну Востока // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: ГРВЛ, 1982. Выпуск 1. 294 с.
4. Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема «Запад-Восток» в художественной культуре. М., 1994. 158 с.
5. Лигновская В. И. Вариативность глобализации // ANALYTIC. Аналитическое обозрение. Алматы. 2001. № 4-5.
6. Василенко И. А. Политическая глобалистика. Учебное пособие. М.: Логос, 2000. 358 с.
7. Янгутов Л. Е. Психологические аспекты учения о «спасении» в китайском буддизме // Психологические аспекты буддизма. 2-е изд. Новосибирск, 1991.
8. Шпенглер О. Закат Европы. М., 2001.
9. Хилтухина Е. Г. Курс лекций по культурологии. Улан-Удэ, 2003. 228 с.
10. Переписка Л. Н. Толстого с М. К. Ганди. Публ. А. Сергеев // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. Кн. II. (Лит. наследство; Т. 37/38).
11. Тагор Р. Избранные произведения. М.: Панорама, 1999. 496 с.

Духовная диалектика традиции как насущная необходимость современности

Шабатура Л. Н.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», профессор кафедры гуманитарных наук и технологий.
Доктор философских наук*

shabaturaln@tyuiu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию духовной диалектики, выступающей началом, источником формирования русской традиции и культуры. Поразительное отличие культур Запада и России апеллирует к традиции и к ее источнику – духовной диалектике. Духовная диалектика первоочередным образом признает бытийственность духовного и единства (единого) духа, но при этом не отвергает материалистическую диалектику. Духовная диалектика лежит в основании не только русской религиозной традиции, но и светской жизнедеятельности личности и российского общества. Понимание роли и значения духовной диалектики актуализирует отечественную традицию, тем самым обеспечивает сохранение культуры. Духовная диалектика традиции является зачастую нетронутым, особенно практиками, пластом непреходящих ценностей, уникальным потенциалом, универсальным ресурсом развития не только социо - культурных процессов, но каждой личности и общества в целом.

Ключевые слова: духовная диалектика, традиция, ценности, культура, народ-этнос, потенциал развития.

Spiritual dialectics of tradition as an urgent necessity of modernity. Shabatura L. N.

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen»

Abstract: This article is devoted to the study of spiritual dialectics, which is the beginning and source of the formation of Russian tradition and culture. The striking difference between the cultures of the West and Russia appeals to tradition and its source – spiritual dialectics. Spiritual dialectics primarily recognizes the existence of the spiritual and unity (one) spirit, but it does not reject materialistic dialectics. Spiritual dialectics is the basis not only of the Russian religious tradition, but also of the secular life of the individual and the Russian society. Understanding the role and meaning of spiritual dialectics actualizes the national tradition, thereby preserving the culture and people-ethnos. The spiritual dialectic of tradition is often an untouched layer of enduring values, especially by practitioners, a unique potential, a universal resource for the development of. not only socio-cultural processes, but each individual and society as a whole.

Keywords: spiritual dialectics, tradition, values, culture, people-ethnos, development potential.

Важнейшей задачей современной гуманизации и гуманитаризации общества, гуманитаристики в целом становится определение причин, форм и способов трансформации ценностей, последствий изменения ценностных оснований традиционных и национальных культур, а также тактический и стратегический прогноз будущности состояний общества и культуры. Необходимость этого вызвана нарастающими процессами глобализации, интеграции, технизации, материализации сознания и подобных определенностей в соответствующей жизнедеятельности человека. Кроме того, в мире глобальных товарно-денежных отношений, где сам человек становится товаром, зачастую этого не осознавая, традиции, сохраняющие культуру и сам народ-этнос не только не актуализируются, отодвигаются на задний план, а целеполагание большинства людей заточено на насущные, сиюминутные материальные, а не на духовные ценности, обеспечивающие экзистенциальную целостность и вечность. Тогда как русская религиозная традиция, в основании которой лежит духовная диалектика, всегда базировалась на принципе единства и синтеза (а не борьбы) подобного (но не противоположного), тождественного, похожего, сродственного. Таким образом, духовная диалектика выступает в качестве источника формирования и развития традиции, как уникального способа гармонизации и социальной регуляции

взаимоотношений личности и общества, государства и народа. «Духовность очевидным образом не сводится к культуре. Поэтому возникает вопрос о соотношении данных понятий. Культура является лишь средством выражения духовности, ее проявления в общественной и личной жизни человека. В рамках традиции как сложного социального отношения, в котором духовность и социальность переплетены, выражение духовной составляющей посредством культуры выступает одновременно и средством преобразования, совершенствования социального содержания традиции» [1, с. 339]. Духовная диалектика, исходящая из первоочередного признания бытийственности духовного и единства (единого) духа, не отрицает и не отвергает материалистическую диалектику, поскольку мир материален. Но в отечественной традиции и соответственно в культуре духовное (высокое, небесное, трансцендентное, божественное) выше материального. Именно поэтому в русской культуре, в русской философии, в православии духовная диалектика представлена в идеях соборности, всеединства, софийности, идеал – реализма, а также в других социально - философских концепциях кооперации, взаимопомощи, милосердия и поддержки, миролюбия и всепрощения. Поэтому, обращаясь к традиционным ценностям, актуализируя традицию, все социальные институты должны не просто давать молодому поколению знания, развивать информатизацию и обеспечивать своевременную информированность, а прежде всего, поддерживать традиции «духовного делания», развивать в людях способность глубоко и ответственно мыслить, проникновенно понимать, адекватно оценивать политическую, экономическую, экологическую и др. ситуации, размышлять о том, как поступать, каковы будут последствия, предугадывать и прогнозировать события с наибольшей вероятностью, т.е. оперировать и управлять знаниями не однолинейно, а многомерно. Следовательно, речь здесь должна идти не в целом о формировании культуры (и какой, чьей?) или усвоении общекультурных компетенций (опять же каких?), а о культуре мышления, культуре понимания и культуре отношения ко всему, в рамках истории народа-этноса, проблем своего отечества, перспектив своей Родины с ее традициями и культурой. Законы и принципы духовной жизни, сами их константы также непреложны и любое отступление от них, нарушение и забвение традиций опасно и губительно. Духовная диалектика традиции является зачастую нетронутым, особенно практиками, пластом непреходящих ценностей, уникальным потенциалом, универсальным ресурсом развития не только социо - культурных процессов, но и общества в целом.

Все это объективно и субъективно повышает роль педагогов, ученых, управленцев всех без исключения ветвей власти в жизни современного общества и в борьбе за обладание истинными социально-значимыми знаниями, умениями и навыками каждой желающей и способной к этому личностью. «Нам, россиянам, надо преодолеть сомнения, колебания, слабохарактерность, замешательство, мечтательность, уныние, безволие и т.д. и т.п.» [1]. Главным критерием результатов работы считать приумножение традиционных духовных ценностей и качеств личности, таких как высочайшее трудолюбие, честность, справедливость, правдивость, искренность чувств, подъем на «общее дело», уникальная терпеливость, мужество, бесстрашие, самопожертвование. Если мы это осознали, Россия выстоит, скажет свое слово, возродится, обретет свою независимость и вселенскую значимость, а русский народ сможет содействовать духовному «всеединству» человечества, обеспечивая миротворческую миссию.

Хочется отметить особое значение духовности, накануне 75-летия Великой Победы русского народа над фашизмом. Россия всегда вела освободительные войны, о чем свидетельствует многовековая ее история, она постоянно находилась на разломе цивилизации, на самом остром социальных конфликтов. Русский народ всегда шел на подвиг, спасая Европу от монгольских орд, наполеоновских армий или немецко-фашистских захватчиков, шел на служение отечеству, с колоссальным захватом Победы всеобщего Добра над неистовым злом и его хитросплетениями. Это и есть подлинное, истинное понимание духовного мировосприятия и миропонимания. Русский народ всегда находился в условиях борьбы за существование, будто на ратном поле или на хозяйственной ниве, в освоении Сибири и Дальнего Востока, целинных степей, строительства Магнитки и транссибирской магистрали, покорения космических пространств и послевоенного восстановления в тяжелейших природно-климатических и социально-политических условиях. Решающую роль при этом выполняла духовная культура, основанная на традиции единства, синтеза, союза, соработничества, сотрудничества, братства, гармонии, любви. Даже в названиях это подтверждается: Братская ГЭС, нефтепровод «Дружба» и т.д. При таком подходе в традиции наиболее адекватно выявляется ее смысл: не естественный отбор и борьба видов (по Дарвину), не конкуренция (по Смит), не классовая борьба (по Марксу), а годность (по

Струве), «взаимопомощь» по (Кропоткину), «кооперация» по (Туган-Барановскому), «изоморфизм» (по Богданову), «сородственность» по (Григорию Сковороде) и как самое высшее проявление гармонизации – «сизигийность» (по Флоренскому). Такие качественные характеристики демонстрируют совершенно иную духовную диалектику традиции. То есть за источник развития в нашей отечественной традиции всегда берется не борьба противоположностей, а единство подобий, однотипностей и их стремление стать гармоничным целым, единым.

Эмпирическим подтверждением этого утверждения является многовековое мирное сосуществование в нашей стране в дружбе и любви множества народов и национальностей, сохраняющих и приумножающих культуры своего народа и одновременно устремляющихся в единое целое и составляющих единый российский народ, единое российское государство [3, с. 490]. Это действительно настоящая, перспективная, созидательная, истинная культура с наивысшей степенью духовности. Широкомасштабная, многомиллиардная вражеская пропаганда дерусификации достижений русского народа никогда не сможет «выбить из седла» единый народ, движущийся по пути Добра, Правды, Истины, Честности, Справедливости, к мирным общепланетарным целям Гармонии и Благоденствия. А «для познания России мало рационального мышления, надо присоединить нечто иррациональное – веру, идеалы, духовно-нравственные ценности, традицию, историческое самосознание нации» [4, с. 41].

Литература:

1. Шабатура Л. Н. Традиция в контексте национальной культуры. В сборнике: Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия / Материалы научно- практической конференции. Тюменский государственный нефтегазовый университет. 2010. С. 339-354.
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
3. Isachenko N. N. Social Dynamics Of Russian Society In Context Of Socio-Cultural / N. N. Isachenko // European proceedings of social and behavioural sciences Processes. 2018. Vol. 35. P. 484 - 491.
4. Марцева Л. М. Методологический синтез в познании России. Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2019. 339 с.

Шкляр Е. Н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доцент. Кандидат философских наук

shklyarik@mail.ru

Аннотация: Новые произведения искусства и целые направления художественного творчества, которые появляются благодаря технологическим экспериментам, требуют адекватного способа теоретического описания и анализа. Так, сложности в восприятии и понимании видеоарта, сайенс-арта, паблик-арта и пр., заставляют исследователей отойти от традиционных способов формального, исторического, иконографического, стилистического анализа и опираться на принципы объектно-ориентированной онтологии. Наиболее сложная задача для художника – передать сущность вещи самой по себе, вне человеческого восприятия и оценки. Плоская тектоника бытия, парламент вещей, расплавленные структуры, бессубъектность, нечеловеческая агентность – основные термины, описывающие подход, ориентированный на сами вещи/объекты в настоящем, а не на их знаковую репрезентацию и понимание.

Ключевые слова: объектно-ориентированная онтология, вещи, смешанные медиа, недеяние, пересборка художественного опыта.

Object oriented ontology in modern art.

Shklyarik E. N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: New pieces of art due to technical and digital experiments have to be indicated and analyzed correctly in terms of theoretical approach. Complex view on video art, science art, public art, etc., moves research from the tradition of formal, historical, iconographic and stylistic analysis to the object oriented ontology principles. The main challenge for the artist is to fix the essence of the object itself ignoring the human perception and valuation. This approach is focused on the present time object existence, but not on its symbolic meaning and interpretation. The use of such concepts as the flat tectonics of being, the parliament of things, melted structures, non-human agency, helps to deal with the modern art products.

Key words: object oriented ontology, thing, entity, mixed media, omission, reassemblance of the creative experience

Новые произведения искусства и целые направления художественного творчества, которые появляются благодаря технологическим экспериментам, требуют адекватного способа теоретического описания и анализа. Так, сложности в восприятии и понимании видеоарта, сайенс-арта, паблик-арта и пр., заставляют исследователей отойти от традиционных способов формального, исторического, иконографического, стилистического анализа и опираться на принципы объектно-ориентированной онтологии.

Плоская тектоника бытия, парламент вещей, расплавленные структуры, бессубъектность, нечеловеческая агентность – основные термины, описывающие подход, ориентированный на сами вещи/объекты в настоящем, а не на их знаковую репрезентацию и понимание.

Вещи в искусстве традиционно определяли значимость детали, подчеркивали эмоциональный фон, представляли в богатстве фактур. Сейчас как агенты действия и моральных отношений вещи выходят на первый план и достойны портрета («Домашняя галерея» А. Феокистовой, «Букеты» Н. Наджафова, «Полевые работы» Д. Филиппова). Самостоятельность и отделенность вещи от утилитарного требует абстрагирования от свойств и именовании. Очищенная от характеристик человеческого восприятия (цвет, ракурс, объем) и установок культуры (перспектива, композиция, светотень), вещь представляет сложность для художника: как показать телесность вещи самой по себе, её квалиа? Проекты А.

Красулина «Не вещь», «Вещи приятней» (2020) демонстрируют нечеловеческое абстрактное простой коробки, которую трудно распознать в геометрических плоскостях, бликах, горбах живописных и скульптурных образов. Смешанные медиа дают большую свободу существования предмета и полноту его присутствия в экспозиции: в тотальной инсталляции А. Третьяковой «Метафлора» (2020) неразличимость свойств одушевленных и неодушевленных предметов, синтезированных с цифровыми кодами, воплощает всеобщее перетекание материи и вездесущность жизненного импульса.

Вселенная вещей, оставленная ушедшими поколениями, становится главным героем и соавтором в работе П. Отдельнова «Промзона» (живописные полотна, найденные объекты, видео, авторский текст, 2019). Проект был задуман как дань уважения прошлому – закрытому заводу, умирающему городу, людям, отдавшим этому месту всю жизнь. Но постепенно сбор данных, маркировка объектов, описание процессов создают прямой доступ к миру. Статистика вещей, предъявленных через изображения, запахи, фактуру, оказывается сильнее социального пафоса. Безлюдные пески, руины цехов, дрон, сверху озирающий разноцветные озера ядовитых отходов. Человеческая история и свидетельства очевидцев выглядят фарсом на фоне самодостаточности больной земли, медленно трансформирующей агрессию в очередной шрам памяти места. Взгляд чужака обнаруживает текучесть и пульсацию материи, универсальные циклы смерти и обновления.

Один из создателей объектно-ориентированной онтологии, Г. Харман, предлагает не сводить объект к предмету: «Мое понимание объекта намного шире. Перформанс может быть объектом. Объект не обязательно должен быть долговечным физическим телом; в моем понимании это что угодно, что не сводится к вещам и их последствиям. Это нечто между ними. Покуда что-либо не сводится к тому или иному, оно обладает реальностью, которая непрозрачна для нашего понимания и которую можно постичь только косвенно. ... Это значит, что произведение искусства не буквально. Произведению искусства принадлежит реальность вне человеческого зрителя» [1].

Возможность разрыва, или аллюра, в терминологии Г. Хармана, чувственных и содержательных компонентов вещи сродни самоотстранению, то есть невниманию к формам ее восприятия кем-то и способам ее контекстуального существования. Осуществленность, наличие суть единственный признак объекта, неуловимый для прочтения и означивания. Равнодушные к пониманию или непониманию объекты бессюжетно пребывают в безвременьи (видеоопусы группы AES+F), выстраиваются в ряд (натюрморты К. Тотибадзе), снег и ветер дополняют или нарушают акцию («Ворот», группа «Коллективные действия»).

Полемика, развернувшаяся после приобретения Третьяковской галереей в 2019 году работы А. Монастырского «Ветка» показательна с точки зрения обсуждения художественной ценности объектов самих по себе [2]. Их роль неочевидна и непривычна, даже столетие спустя после «Фонтана» М. Дюшана. По замыслу автора, зритель вправе дернуть за прикрепленную к стене скотчем ветку и получить резкий звук разматываемой пленки, тем самым уничтожив объект экспонирования. Перевод зрительного образа в звучащий – посвящение композитору А. Веберну. Однако за всё время существования объекта с 1996 г. никто ветку не дернул и этот звук не вызвал. Ветка есть ветка есть ветка («Свобода есть свобода есть свобода» Э. Булатова), однако она не «Ветка» в замысле А. Монастырского и это не ветка сама по себе, так как включает зрителя/актера. Окончателюность, безотсылочность, буквальность – желаемое состояние ветки как онтологического оригинала, но недостижимое как смыслового двойника, требующего трактовки и референций.

Агентность вещей, когда они становятся самостоятельными актерами, подразумевает их материю, вес, а не именование, образ или код симуляции. Смена оптики позволяет не оценивать объекты, а рассматривать их статус и взаимодействия, например, игры. Притворяясь чем-то другим, вещь становится невидимой и в то же время значимой в своем подлинном качестве. Так, тотальные инсталляции И. Наховой испаряют и растворяют бытовые интерьеры при помощи видеопроекций и росписи, а работы И. и Э. Кабаковых, наоборот, водружают вещьность в ее достоверности.

Избыточность и постоянные изменения объектов дают художнику шанс отбора или принципиальный отказ от него. Китайский художник Сун Дун создал инсталляцию «Waste Not» (2009) из вещей и домика покойной матери, которая никогда ничего не выбрасывала в согласии с лозунгом культурной революции. Это вещи со своей историей и достоинством, а их совокупность – полноправный портрет времени и человека. Работа художника в границах плоских онтологий представляет собой акт недеяния: действие ради самого действия, без стремления к внятному результату. Происходит преодоление изначального художественного замысла и индивидуальной воли, мастерство замещается

саморепрезентацией объектов, усиливается роль зрителя-соучастника в пересборке коллективного опыта.

Конечно, зритель необязателен для объектно-ориентированных инсталляций. Достаточно того, что про них известно, что они есть. Например, арт-объекты, расположенные в пустыне (Elmgreen & Dragset «Prada Marfa», 2005) или в космосе (Elon Musk's Tesla Roadster, 2018, Т. Paglen «Orbital Reflector», 2018), саунд-инсталляции в заброшенных пустых пространствах (Zimoun, 2013), создаваемые колониями бактерий разноцветные пятна и наросты (W. Ganter, 2014).

Генеративный акт – то, что делает вещи искусством и делающих искусство возможным, включает в себя нейтральные объекты, в том числе пространство и зрителя, как компоненты инфраструктуры.

Литература:

1. Шавлохова А., Шенталь А. Грэм Харман: «За эстетикой — будущее философии». [Электронное издание]. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii>
2. Руки прочь от «Ветки» // АРТГИД 21.02.2020. [Электронное издание]. URL: <https://artguide.com/posts/1933>

К проблеме восприятия пространства в концепции архитектурного минимализма

Юрьева А. В.

*Санкт-Петербургский Государственный Университет Промышленных Технологий и Дизайна,
доцент. Кандидат философских наук*

4alla@bk.ru

Аннотация: Эстетическая концепция минимализма в архитектуре всегда вызывала неоднозначные реакции критиков. Вопрос восприятия подобных пространств связан именно с эстетической и мировоззренческой концепцией архитекторов-минималистов.

Ключевые слова: архитектура, пространство, минимализм, эстетика времени, мировоззрение, пустота

Emptiness and fullness in the concept of architectural minimalism. Yur'eva A. V.

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Abstract: The aesthetic concept of minimalism in architecture has always provoked mixed reactions from critics. The question of perception of such spaces is connected with the aesthetic and worldview concept of minimalist architects.

Keywords: architecture, space, minimalism, aesthetics of time, worldview, emptiness.

Стремительность нынешнего века, его техническое совершенство заставляют нас приспосабливаться к особому способу проживания. Человек в таком открытом мире, используя виртуальность, «переходит» границы самых различных пространств. Все что он видит, запоминает, познает, остается с ним и формирует его личность, таким образом, в нем взаимодействуют самые разные представления о мире, что порождает его симпатию к мультикультурности. Известно, минимализм, как направления появился еще в прошлом веке, и в целом середина 20-х годов XX столетия оказалась важным этапом для формирования неклассических пространственных концепций во всем мире. Смещение живописных идей авангарда, супрематизма, посткубизма обретают конкретное выражение в строительном искусстве. В это время активно создавались разного рода эстетические манифесты, хотя не каждая подобная провокация приводила к реализации, однако это время стало ярким опытом для пространственных экспериментов.

На сегодняшний день эстетическая концепция минимализма, а это относится как к архитектуре, так и к дизайну, переживает весьма успешные времена. Возможно, именно по причине того, что современный человек тяготеет к некоторой культурной универсальности. Хорошая ли это тенденция или нет – можно спорить, но факт присутствия эстетики минимализма как целого и довольно популярного мировоззрения отрицать не приходится.

Формирование любого архитектурного пространства состоит из конкретных этапов, связанных с интересами и потребностями человека. Одной из таких потребностей можно назвать эстетическую жажду человеческой души, его стремление к преобразению и усилению визуального эффекта от своих действий. Художественная концепция в архитектуре держится на метафоризации природных форм, которые обретают общекультурное значение. Насыщенность жизненных потоков в современных мегаполисах, виртуализация социальных контактов, чрезмерность и порой бессмысленность получаемой информации, психологическая напряженность, концентрирующаяся в местах массового скопления людей, говорят нам о необходимости упрощать городскую структуру, создавать больше открытых, наполненных природными формами пространств.

В современной профессиональной литературе из области исследования городского пространства большое внимание уделяется вопросу психологического комфорта, влияния на активность и здоровье человека конкретных объектов архитектуры. Например, эмоциональный эффект от нахождения в открытом пространстве (набережная, парковая зона) сопоставим с пребыванием в естественных условиях (поле, луг) и позволяет чувствовать себя спокойно и гармонично. Закрытые городские

пространства или полуоткрытые (подземный переход, узкие улицы) могут вызывать дискомфорт и напряжение. Поэтому считается, что рекреационная составляющая при проектировании городского ландшафта должна непременно занимать одно из ведущих мест. Эта позиция частично проясняет потребность современного человека к «очищению» пространства, минимизации конструктивных и декоративных элементов.

Многие исследователи склоняются к тому, что сущность визуального восприятия заключается не в пассивном созерцании, а в креативном процессе познания. К примеру, Рудольф Арнхейм в своей теории пытается прояснить смысл подобного созерцательного акта, который не ограничивается воспроизводством объекта в сознании, но формирует зрительные модели, а, следовательно, является активным процессом. По мысли автора, в каждом моменте созерцания мы тщательно исследуем объект, анализируем значимые характеристики, соотносим со своим информационным опытом и составляем единый зрительный образ. В работе «Динамика архитектурных форм» Арнхейм пристально вглядывается в понятие пространство, способ его восприятия человеком и особенности его заполнения архитектурными объектами. С точки зрения автора, следует однозначно отбросить интуитивное познание и не воспринимать пространство как что-то готовое. Оно создается как совокупность естественных и рукотворных объектов, которые без творца, а в нашем случае, архитектора, не появляются. В сознании «пользователя и зрителя каждой архитектурной аранжировке соответствует специфическая конструкция пространства, которая возводится в виде простейшего каркаса, соответствующего физической и психологической ситуации» [1, с. 54]. В отношении эмоционального переживания пространства минимализм становится крайне любопытной теорией. Удивительно, что хрестоматийный принцип минимализма, провозглашенный его основателем в начале XX века Людвиг Мис ван дер Роэ: «меньше – значит больше», так дальше и не получил развития, несмотря на появление значимых последователей этого стиля. И, скорее всего, это произошло благодаря исчерпывающей полноте смысла. К примеру, известный и достаточно популярный архитектор-минималист Джон Поусон признается в том, что в первую очередь он думает не о себе, как об архитекторе-минималисте, при создании своих проектов, а о том, как будет чувствовать себя заказчик в его стенах. То есть его творческая мысль изначально строится вокруг процесса восприятия строительных объектов и в этом процессе архитектору необходимо учесть различные варианты интерпретаций при получении нового пространственного опыта субъектом.

Основной претензией к минималистам всегда оставалась упрощенность, «незаполненность», «ощутимая пустота» в тех пространствах, которые на первый взгляд уже были заполнены. Справедливы ли такие замечания? Как уже было сказано, важными категориями, которые во многом формируют весь строй и облик архитектуры, становятся эмоциональное переживание и сущность самого пространства. Некоторые авторы идут еще дальше в этой мысли, описывая идею направленности пространства, и ее развитие в виде теории линейной перспективы: «движение здесь и вдаль от человека, и издали к нему... создает реальное конвертированное пространство» [2, с. 265]. Также выделяется статическое, воспринимаемое человеком в состоянии покоя, и динамическое пространство: «если даже человек не двигается в нем, то его протяженность влечет его, он ощущает ее зрением и вполне осознает после ее преодоления» [2, с. 262]. То есть можно сказать, что пространство понимается не столько как соотношение объектов, а как взаимодействие человека и материального мира. Подобная мысль уводит нас в философию дзен-буддизма, которой, к слову, увлекался и Джон Поусон.

Как мы знаем, собственной «пространственностью» обладают скульптурные объекты, живописные полотна, и многие другие предметы искусства и обихода, поэтому для анализа процесса восприятия целого объекта эти элементы крайне важны. Для минимализма интерьерная составляющая постройки максимально выверена, ведь акцент делается на фактуре, цветовых оттенках и естественном освещении, здесь нельзя ошибиться, создать «ненужное» впечатление. Поэтому задача минималиста заключается в четком выстраивании той информации, которую он планирует транслировать с помощью архитектурного произведения. Исходя из этой мысли, японский архитектор-минималист Тадао Андо говорит: «философ или писатель используют слова, чтобы заставить мыслить других. Сила слова огромна. Архитектура – это слово, сказанное пространством. Бетонная стена говорит со зрителем. И это весомое слово» [3]. С этими словами трудно не согласиться.

Вспомним здесь еще одну мысль Джона Поусона, произнесенную в интервью о том, что сам мир драматически изменился. Скорее всего, современный человек ощущает усталость от стремительности нынешнего века и поэтому вокруг себя выстраивает практически первозданное незаполненное пространство. В нем главным критерием восприятия становится даже не «умеренность»,

а «достаточность». Архитектор чувствует, анализирует время, понимает пространство вокруг и пытается структурировать и преобразовать его. Очевидно, что существует зависимость между конкретным периодом в истории, развитием культуры и эстетических приоритетов с доминирующей в это время концепцией пространства. В архитектурном и дизайнерском минимализме нивелируется вся предшествующая история, все культурные пласты стираются, обнуляются эстетические данные нашей памяти. В таком пространстве человек получает совершенно новый для себя пространственный опыт. Но в целом, отказ от любого культурного цитирования, так или иначе, формирует новый культурный слой.

Важно понимать то, что связующим звеном восприятия всех элементов архитектурных объектов является именно человек, без его непосредственного или косвенного влияния формирование пространства становится невозможным. Поэтому необходимо видеть человека как первостепенный элемент этой системы, учитывая множество факторов, необходимых для гармоничного и полноценного пребывания в его архитектурном пространстве.

Литература:

1. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. М.: Стройиздат, 1984. 192 с.
2. Некрасов А. И. Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994. 477 с.
3. Тарханов А. Интервью с Тадао Андо. [Электронное издание]. URL: <https://www.admagazine.ru/architecture/intervyu-s-tadao-ando> (Дата обращения 13.01.20).

Яркова Е.Н.

*Тюменский государственный университет, профессор кафедры философии.
Доктор философских наук*

e.n.yarkova@utmn.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме изучения этико-философской традиции Тюмени, представленной такими именами как Ф. А. Селиванов, Ю. М. Федоров, Н. В. Зотов, В. И. Бакшатовский, М. Г. Ганопольский и др. Автор полагает, что существенным изъяном современного отечественного регионоведения является недостаточность исследований истории и теории региональных философских традиций и школ. Это ведет к оскудению представлений об интеллектуальном потенциале России, создает иллюзию интеллектуального отставания России от стран Европы и США. Понятие «этико-философская традиция» интерпретируется в духе учения Л. Лаудана, о научно-исследовательских традициях. В качестве главной цели автор статьи выдвигает активизацию региональной и отечественной этико-философской мысли, ее переориентацию от «слепого» заимствования евро-американских, к созданию автохтонных этических концепций, а также преодолению образовавшегося этико-философского вакуума, связанного с кризисом этики марксизма-ленинизма. Как представляется, концепции тюменских этиков содержат серьезный ресурс философских идей, который способен стать стимулом развития этико-философской мысли. Настоящую статью следует рассматривать не столько как итог исследований, сколько как их первый опыт.

Ключевые слова: этика, мораль, этико-философская традиция, регионоведение, автохтонный.

Tyumen Ethical and Philosophical Tradition.

Yarkova E. N.

Tyumen State University, Department of Philosophy

Annotation: The article is devoted to the problem of studying the ethical and philosophical tradition of Tyumen, represented by such names as F. A. Selivanov, Yu. M. Fedorov, N. V. Zotov, V. I. Bakshatovsky, M. G. Ganopolsky, etc. The author believes that a significant flaw in modern Russian regional studies is the lack of research on the history and theory of regional philosophical traditions and schools. This significantly impoverishes the idea of Russia's intellectual potential, creates the illusion of Russia's intellectual lag behind the countries of Europe and the United States. The concept of "ethical and philosophical tradition" is interpreted in the spirit of the teachings of L. Laudan, about research traditions. As the main goal, the author puts forward the activation of regional and domestic ethical and philosophical thought, its reorientation from the "blind" borrowing of Euro-American, to the creation of autochthonous ethical concepts, as well as overcoming the resulting ethical and philosophical vacuum associated with the crisis of ethics of Marxism-Leninism. It seems that the concepts of Tyumen ethicists contain a serious resource of philosophical ideas, which can become a stimulus for the development of ethical and philosophical thought. This article should be considered not so much as a result of research, but as their project.

Keywords: ethics, morality, ethical and philosophical tradition, regional studies, autochthonous.

¹ Серьезный пробел в современном отечественном регионоведении – отсутствие исследований истории и теории региональных философских традиций и школ. Это существенно обедняет представления об интеллектуальном потенциале России, о точках роста человеческого капитала нашей страны; создает иллюзию интеллектуального отставания России от стран Запада и США. История интеллектуальной культуры Тюменского региона яркий тому пример. Здесь в середине прошлого века сложилась уникальная этико-философская традиция, известная не только в нашей стране, но и за ее пределами. Речь идет о творчестве Ф. А. Селиванова, Ю. М. Федорова, Н. В. Зотова, В.И. Бакшатовского, М.Г. Ганопольского и др. Однако, фундаментальных исследований, посвященных, как истории, так и теориям, сформированным в русле этой традиции, нет.

На запрос «философская традиция» российская научная электронная библиотека ELibrary выдает более 100 наименований. Работы, посвященные философским традициям можно разделить на три части.

Первая часть – работы, посвященные национальным философским традициям. Например, Легчилин А.А., Бобков И.М. «Белорусская философская традиция: тория и современность» [1]. По сути, такого рода исследования есть ничто иное как история национальной философии.

Вторая часть – работы, посвященные религиозным философским традициям. Например, Масленников И.О «Град небесный в земных условиях (отечественная религиозно-философская традиция после 1917 года)» [2].

По сути, такого рода исследования есть ничто иное, как история религиозной философии.

Третья часть – работы, посвященные тем или иным философским парадигмам. Например, Кимилев Ю.А. «Марксистская философская традиция в XX веке (аналитический обзор)» [3].

На запрос «региональная философия» российская научная электронная библиотека ELibrary выдает всего четыре наименования. Среди них наибольший интерес представляет монография Е. С. Черепановой «Методология историко-философского исследования региональной философии», в которой разрабатывается интересная и в методологическом плане перспективная идея культурно-исторических типов философствования [4].

На запрос «этико-философская традиция» российская научная электронная библиотека ELibrary выдает 0 результатов.

Предлагаемая в рамках данной статьи трактовка понятия «философская традиция», так или иначе, соотносится с перечисленными, однако отличается от них тем, что под философской традицией понимается не история региональной философии (представляется, что само словосочетание «История тюменской философии» несет на себе отпечаток некоей местечковости), но история определенной области философских исследований, которые по ряду причин актуализировались именно в Тюмени.

Говоря о философской традиции, я апеллирую к концепции исследовательских традиций Л. Лаудана [5]. Лаудан полагал, что в развитии научного знания решающую роль играют исследовательские традиции. Основным отличием концепции исследовательских традиций Л. Лаудана от концепции парадигм Т. Куна и концепции научно-исследовательских программ И. Лакатоса является представление об их теоретической неоднородности, изменчивости и способности к развитию. В рамках исследовательских традиций образуются многочисленные теории, сами же традиции влияют на мировоззрение ученых. Ученые предпочитают теории, которые способны решить больше проблем в настоящем и будущем

В качестве главной цели выдвигается идея активизации региональную и отечественную этико-философскую мысль, ее переориентацию от «слепого» заимствования евро-американских, к созданию автохтонных этических концепций, а также преодолению связанного с кризисом этики марксизма-ленинизма этико-философского вакуума. Как представляется, концепции Ф. А. Селиванова, Ю. М. Федорова, Н. В. Зотова, В. И. Бакшатовского, М. Г. Ганопольского содержат философский потенциал, который способен привлечь внимание творческой молодежи региона к «трудным проблемам» этики, стать стимулом развития Тюменской этико-философской традиции, создать предпосылки для различного рода коллабораций с отечественными и зарубежными специалистами в области моральной философии. Понятно, что настоящую статью следует рассматривать не столько как итог исследований, сколько как их первый опыт

История Тюменской этико-философской традиции насчитывает более пятидесяти лет. Особая тема, которая в рамках обзорной статьи не может быть раскрыта с нужной полнотой – социокультурный контекст становления этой традиции в Тюмени. На мой взгляд, учения тюменских этиков, как в советский, так и пост советский период характеризуется известным свободомыслием. Возможно, это связано с удаленностью Тюмени от идеологических центров, а может быть и с общим настроем в регионе, где деловые качества ценились выше идеологической подкованности. Об этом пишет основатель этико-философской традиции Тюмени Ф. А. Селиванов: «Научная философская мысль в Тюмени зародилась в конце 60-х годов прошлого столетия. Это было время великих свершений, открытий нефте-и газовых месторождений на севере тюменской области. В Тюмени господствовала атмосфера поиска, дерзаний и надежд, преодоления невероятных трудностей» [6, с.151].

Наиболее яркими идеями этико-философской традиции Тюмени представляется, например, идея противоположности атасферы (сферы глупости) и ноосферы (сфера разума) Ф. А. Селиванова. Задумаемся – как современно звучит сегодня его мысль: «...в обществе есть, образно говоря, слой глупости. Он есть всегда, в том числе и сейчас. Этот слой может становиться или тоньше или толще» [7, с.67]. Глупость, по Селиванову, отнюдь не дефект ума. Подобно тому как зло, полагает Селиванов, есть противоположность добра, глупость есть противоположность ума. Глупость – это плохое поведение, дурные поступки, загубленная жизнь. Человек, по мнению Селиванова, несовершенен и многокачественен. Он и homo sapiens, и homo faber, и homo imperfectus. Селиванов удивительно прозорлив: «...общество заинтересовано в том, чтобы им руководили умные люди. Но всегда находятся силы, желающие обратного. Вот хотя бы одно из таких желаний: нашему народу нужен царь, и чем примитивнее он будет, тем лучше для нас и для народа» [7, с. 67].

Оригинальна критика Н. М. Зотовым утилитарной этики. Он показывает, что принцип «Ты – мне, я – тебе», или, наоборот, «Я – тебе, ты – мне» при всей кажущейся моральности, изначально аморален. По мысли Зотова, помогать нужно нуждающемуся в помощи, даже, если у тебя решительно нет никаких оснований предполагать, что он когда-нибудь сможет «отквитать» твою сегодняшнюю помощь [8, с. 29]. Не правда ли, звучит очень современно?

Блестящей представляется идея культивирования в России этики успеха В. И. Бакштановского. При этом речь идет о прикладной этике, соответственно, разном понимании успеха разными слоями российского общества. Бакштановский задается вопросом – кого возносит этика успеха на пьедестал: удачливого предпринимателя или прилежного работника, политического лидера или «прожившего незаметно», бесцеремонного победителя или щепетильного в выборе средств праведника? Иначе – Добро или Пользу? [9, с.111].

Значимость такого рода исследований, проводимых НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, возглавляемого В.И. Бакштановским трудно преувеличить, в пространстве этих исследований, как представляется, формируется некий автохтонный вариант этики успеха.

Подводя итоги, необходимо констатировать – российские региональные философские традиции в отечественной науке – белое пятно. Изучение концепций, сформированных представителями тюменской этико-философской традиции – Ф. А. Селивановым, Ю. М. Федоровым, Н. В. Зотовым, В. И. Бакштановским, и др., способно стимулировать развитие региональной и в целом отечественной этико-философской мысли, нацеленной на формирование релевантных нравственных принципов, призванных выполнять функцию морального фундамента современного российского общества.

Популяризация идей, выдвигаемых представителями этико-философской традиции Тюмени может способствовать улучшению «морального климата» российского общества, обращению вспять роста таких аморальных феноменов как крайний эгоизм, цинизм, примитивный гедонизм, рессентимент; культивированию таких моральных принципов как альтруизм, солидарность, патриотизм, показавших свою важность в период борьбы с пандемией коронавируса.

Литература:

1. Легчилин А.А., Бобков И.М. Белорусская философская традиция: тория и современность. Философские науки. 2016. № 7. С. 29-38.
2. Масленников И.О «Град небесный в земных условиях (отечественная религиозно-философская традиция после 1917 года)»[2]. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 123-139.
3. Кимилев Ю.А. Марксистская философская традиция в XX веке (аналитический обзор) Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 10-27.
4. Черепанова Е.С. Методология историко-философского исследования региональной философии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. 104 с.
5. Laudan L. Progress and its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth: Berkeley, University of California Press, 1977. 257 p.
6. Селиванов Ф. А. 40 лет тюменской философской школе// Этика мораль, нравственность: Россия и современный мир. 40-летию этико-философской школы Тюмени. / Сост. Ф. А. Селиванов, Е. Н. Яркова. Тюмень: РИЦ ТГИИК, 2006. С.151- 157.
7. Ф. А. Селиванов Атасфера//Вестник ТГПУ. 2001, Выпуск 3 (28) С. 66-67.

8. Проецирование моралистических интуиций на предмет как способ приближения к его эйдосу/ Этика мораль, нравственность: Россия и современный мир. / Сост. Ф. А. Селиванов, Е. Н. Яркова. Тюмень: РИЦ ТГИИК, 2006. С.3 – 30.
9. Бакштановский В.И. Этика успеха: идея → доктрина → исследовательская концепция (предыстория проекта «Возвращение этики успеха») //Журнал «Ведомости прикладной этики». 2016. Выпуск 49. С.110 – 136.

Религиозное мировоззрение в традиционной культуре народов Дагестана: роль и значение.

Абдулаева И.А.

Филиал Дагестанского Государственного Университета в г. Кизляр, доцент. Кандидат философских наук

ilmira.abdulaeva@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть религиозную культуру на примере республики Дагестан. Автором выявлены основы духовности, представленные как единое в монотеистических религиях – иудаизме, христианстве и исламе, проанализированы взгляды философов, представленных в многонациональной республике Дагестан. Религиозная культура выражается определенными традициями, передающиеся от поколения к поколению и воспроизводящиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Каждое поколение, получая в свое распоряжение определенную совокупность традиций, усваивает их в готовом виде. В этом смысле каждое поколение выбирает не только свое будущее, но и прошлое. Религиозная традиция дагестанского народа выступает как фундамент для появления разного рода религий и следовательно, религиозная традиция выступает средством укрепления значимости ценностей религии для дагестанца. А для того, чтобы религия укрепила свои позиции в обществе, она переплетается с традициями. В статье сделаны выводы, что религиозная культура сыграла и играет огромную роль в современном этноконфессиональном обществе республики.

Ключевые слова: религия, культура, традиция, республика Дагестан духовность, иудаизм, христианств, ислам,

Religious outlook in the traditional culture of the peoples of Dagestan: role and significance.
Abdulaeva I.A.

Dagestan State University (Branch in Kizlyar) (Dagestan, Russia), associate professor

Abstract: the article attempts to consider religious culture on the example of the Republic of Dagestan. The author reveals the foundations of spirituality, which are represented as one in the monotheistic religions-Judaism, Christianity and Islam, and analyzes the views of philosophers represented in the multi-ethnic Republic of Dagestan. Religious culture is expressed by certain traditions, passed down from generation to generation and reproduced in certain societies and social groups over a long period of time. Each generation, having at its disposal a certain set of traditions, assimilates them in a ready form. In this sense, each generation chooses not only its future, but also its past. Religious tradition of the people of Dagestan acts as a Foundation for the emergence of different kinds of religions and thus religious tradition is a means of strengthening the relevance of religious values for the Dagestan. And in order for religion to strengthen its position in society, it is intertwined with traditions. The article concludes that religious culture has played a huge role in the modern ethno-confessional society of the Republic.

Размышляя в контексте современности, большой интерес представляет мировоззрение людей, приверженцев той или иной религии и ее интерпретация ими. Рассматривая этот вопрос в контексте республики Дагестан наблюдается трансформация религиозной культуры, которая передается из поколения в поколение, двигаясь сквозь время.

Для изучения какой-либо самостоятельной религии необходимо получить информацию как минимум трех видов: во-первых, о событиях ее истории, во-вторых, об особенностях ее внутренней системы и, в-третьих, о способах ее функционирования.

Изучение истории религиозной культуры, как и любого другого явления, помогает ответить на вопрос: когда была основана религиозная культура, кто был основатель религиозной культуры, как ему удалось это сделать и, следовательно, какой путь прошла данная религиозная культура.

Исторические исследования раскрывают также такие вопросы, как формирование религиозной культуры, происходившие в ней перемены и крупные трансформации, изменившие ее.

Существует два противоположных понимания роли религиозной культуры в развитии общества и цивилизации: 1. В ней видят источник общественного развития; 2. Само общество в процессе своего развития обновляет религиозную культуру.

В первом случае конечной причиной цивилизованного процесса считается божественное начало, потусторонний мир, сакральные ценности, которые воздействуют по руслу религиозного сознания на все сферы культуры, а затем и на общество в целом.

В понимании Гегеля «образ божественного - это духовная субъективность, которая является основным определением; природная сила сама по себе уже не имеет значения чего-то существенного. Однако она является одной из особенностей и в качестве самой непосредственной она есть первая, через снятие которой, впервые возникают другие духовные силы.

Аристотель высказал мысль, что только человеческая организация является образом духовного; тем самым он указал на недостаток учения о переселении душ, согласно которому телесная организация человека есть лишь нечто случайное» [1, с. 146].

Многие сохранившиеся до начала XX в. религиозные поверья и обрядовые действия возникли в отдаленные времена. В ходе исторического и общественного развития, с изменением условий жизни народов Дагестана, появились новые верования, но обширный круг старых воззрений продолжал существовать, видоизменяясь и переплетаясь с новыми. Ф.Энгельс отмечал что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен, так как во всех почти областях идеологии традиция является консервативной великой силой. [2, с. 3].

Ансельм Кентерберийский говорил: «Господи, Ты еси то именно, во что мы веруем. Веруем же мы, что Ты нечто, более чего нельзя ничего помыслить». [3, с. 18].

Религиозная культура затрагивает такие области культурной жизни как:

установленные обряды, обязательные церемонии, иконы, храмы, монастыри, клерикальные организации, духовные школы, богословские факультеты в университетах.

Знаменитый древнеримский мыслитель Цицерон поясняет, что латинское слово «relegere» является сложным словом и состоит из двух отдельных слов «ре» и «легере» что, значит, перечитать снова, чтобы запомнить или исследовать священные книги, в которых содержится религиозная наука, обдумывать. Таким образом, по словам Цицерона «религия—это набожное почитание Бога» [4, с.481].

В словарях можно обнаружить несколько вариантов перевода латинского слова «religio»:

- 1) благочестие, набожность, святость, предмет культа;
- 2) восстановление или воспроизводство связи.

Когда же религия возникла в человеческом обществе? Ответ на этот вопрос написан в самой древней книге на земле, о которой знаменитый русский критик Белинский В. Г. сказал:

«Есть книга, в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая книга вечной жизни, вечной истины». [3, с. 408].

Сын Бога Иисус Христос о Библии сказал так: «Слово твое есть истина».

Габриэль Марсэль соединил философию с религией, уповает на Бога, считает, что жертвенность, милосердие, смирение, надежда, всепрощающая любовь, основанные на осознании каждым человеком того, что он грешен необходимы для осуществления пропагандируемой им интересубъективности. [5, с. 106]

Религиозная культура выражается определенными традициями, представляющими собой социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. Традиции присущи самым разным областям культуры. Каждое поколение, получая в свое распоряжение определенную совокупность традиций, усваивает их в готовом виде. В этом смысле каждое поколение выбирает не только свое будущее, но и прошлое.

Религиозная традиция дагестанского народа выступает как фундамент для появления разного рода религий: естественная (результат зависимости человека от природы), духовно-человеческая (в ее основе лежит зависимость человека от общества или другого человека). Следовательно, религиозная

традиция выступает средством укрепления значимости ценностей религии для дагестанца. А для того, чтобы религия укрепила свои позиции в обществе, она переплетается с традициями.

Традиция в Дагестане как система связей настоящего с прошлым рассматривается как духовное ядро и стержень религиозно-нравственной культуры, сохраняющей коллективную культурную память дагестанского народа, и помогает совершению определенного отбора, стереотипизации опыта и передачи стереотипов, которые затем опять воспроизводятся.

Существует три подхода к традиции:

- а) функциональный: в центре интереса оказывается передача из поколения в поколение духовных ценностей данной общности;
- б) объективный - связь с перемещением внимания исследователя с того, каковы эти ценности, что именно подлежит передаче;
- в) субъективный: на первом плане находится отношение данного поколения к прошлому. Его согласие на наследование или же протест против него.

Для выявления отличительных традиционных черт в иудаизме, христианстве и исламе и определения общих постоянных моментов используется сравнительный метод. Религиозная традиция, по своему содержанию, которое меняется, универсальна, но функции ее в обществе остаются постоянными: дисциплинирующая, сплывающая, воспроизводящая, транслирующая, воодушевляющая.

В Дагестане традиция, обычай обозначаются арабским словом «адат». Адат определяется как совокупность определенных обычаев и традиций, нравственных принципов и правовых установок, согласованных с религиозными догмами (Библии и Корана). Такие обычаи и традиции охватывали все стороны общественной и личной жизни каждого горца. Воспитание в дагестанской семье и обществе называется традиционным, т.к. основано на народных традициях.

Термин «религиозная традиция» применим ко всем сферам жизни дагестанского общества. Традиции внедрены в семейный быт, отражены в произведениях фольклора - пословицах, поговорках, легендах, сказках. Они включают в себя религиозную этику, которая рассматривает нравственные ценности как нормы, принципы, идеалы, понятия о добре и зле, как способность дагестанского человека им следовать, даны ему Богом. Именно поэтому они имеют абсолютный, вечный и неизменный характер и общезначимое, одинаковое для всех содержание. Религиозная традиция горских народов формирует понимание мира через примирение с ним, с его прошлым, настоящим, будущим [6, с. 175].

Гегель определял религиозную традицию как необходимую поведенческую модель, которая функционирует на уровне обыденного сознания народа. [7, с. 405].

Для Дагестана, являющегося регионом уникального многообразия культур, очень характерна культурная традиция, которая играет решающую роль для его сохранения и существования.

Принципы морали в Дагестане имеют социально-всеобщее значение и распространяются на всех его жителей, составляют ценностный базис общества, культуру межчеловеческих взаимоотношений. Мораль принадлежит к числу основных типов нормативной регуляции действий горского человека (права, обычаи, традиции и др.), пересекаются с ними и в тоже время существенно отличаются от них. В морали нет характерного для институциональных норм разделения субъекта и объекта регулирования. Авторитет того или иного лица, в морали не связан с какими-либо официальными полномочиями, реальной властью и общественным положением, но является авторитетом духовным, то есть, обусловлен его моральными качествами.

Нормы морали получают идейное выражение в заповедях, принципах о том, как должно поступать. Традиция и мораль - составляющие религиозной культуры дагестанцев. Традиция в форме морали изменчива, в форме нравственности «статична». Традиция как мораль реализуется в виде обычая, как нормы поведения формирующейся на основе нравственности. Нравственность, в свою очередь, выступает как мораль в действии. Традиция же в форме нравственности реализуется в практике ритуала.

Понятие «традиция» используется как:

- 1) выражение некоторых общих черт, особенностей целого ряда общественных явлений, более или менее отличающихся друг от друга, но, тем не менее, однопорядковых (обряд, ритуал, церемониал, праздник и т.п.).
- 2) традиция может употребляется в суверенном значении наряду с обрядом, ритуалом и др.,

соответственно расценивается как образование того же порядка, воинские традиции.

Таким образом, сущность религиозной традиции является носителем духовно-нравственного потенциала, связанного с развитием дагестанского человека в обществе. В процессе жизнедеятельности человек формируется как культурно-историческое существо. Его человеческие качества есть результат усвоения им языка, приобщения к существующим в обществе ценностям, традициям, овладение им присущими данной культуре приемами и навыками деятельности.

Духовная культура как форма религиозной традиции своеобразная целостность искусства, науки, нравственности, религии. В истории формирования духовной культуры есть ряд особенностей. Накопление культурных ценностей связано с развитием каждой культуры, их заимствованием основных идей друг от друга, с передачей их от одного поколения другому, то есть с преемственностью в культуре. Преемственность формирует религиозные традиции и помогает их функционированию в обществе. Но наиболее устойчивая сторона культуры - культурные традиции, которые не просто передаются от поколения к поколению, но сохраняются в течение длительного времени, на протяжении жизни многих поколений. Традиции подразумевают, что наследовать и как наследовать. Традиционными могут быть ценности, идеи, обычаи, обряды и так далее. Угринович Д.М. пишет, что «обряд, как и обычай, представляет традиционную форму передачи культуры новым поколениям». [8, с. 75].

Традиции и обычаи, выступающие в виде пережитков, тем не менее, играют прогрессивную роль в дагестанском обществе. Ф. Энгельс писал: «Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили господство мужчины в семье, дали женщине более высокое положение, чем-то, которое когда-либо знал классический мир, - что сделало их способными на это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки эпохи материнского права?». [2, с. 155].

Основоположники марксизма отмечают решающую роль в регулировании человеческих взаимоотношений в рамках родоплеменной организации обычаев и традиций. И в самом деле, традиция связывала людей в сообщество, конституировало его, тотально регламентировала все действия и поступки. Каждая религия теоретически подкреплена (Моисею ниспослана Библия, Мухаммеду – Коран). Традиция наследования угорских народов сыграла важную роль в процессе становления моногамной семьи. Семейные обычаи и традиции можно подразделить на два разряда: одни связаны с особенностями общности, репрезентом которой выступает семья, вторые являются достоянием исключительно данной семьи (фамильные традиции). Все нравственные обычаи и традиции являются сугубо историческим продуктом, порождением своего времени. Традиции в религиозной культуре Дагестана занимают особое место.

В религиозных отношениях выделяются обычно два основных элемента: религиозное сознание и религиозные действия. В религиозном сознании традиция проявляется как миф, догма, вера. Культовые традиции в религии становятся главным признаком религиозности.

В истории народов России и, в частности Дагестана, длительное время отрицалась религиозная культура. Если и говорилось о ней, то речь сводилась к устному творчеству и археологическим находкам. Всякое отступление от этих позиций осуждалось, работы изымались, а их авторы подвергались преследованию. Благодаря ослаблению административно-командных методов в науке обществоведов республики Дагестана удалось установить, что народы Дагестана имеют богатую духовную культуру, порожденную многовековым существованием народов и сохранившую своеобразие своих культурных, духовных и материальных ценностей, образов жизни, ритуалов и обычаев. Но для конкретного изучения религиозной культуры сделано еще мало.

Все выше изложенное свидетельствует о том, что религиозная культура у народов Дагестана сформировалась под непосредственным влиянием широкого круга народов, что представляло сложную амальгаму культов разного содержания и происхождения. Есть основание сделать вывод, что религиозная традиция Дагестана содержит в себе как социальное (нравственно-регулятивное), так и мистическое начало. Оба эти начала гармонично сочетаются и диалектически взаимодействуют.

Литература:

1. Гегель Г. Ф. Философия религии. М., 1977. Т.2.
2. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т.21.
3. Чистов К.В. Традиция. Традиционное общество и проблема варьирования. // Советская этнография. М., 1981. № 2.
4. Балагушкин Е. Г. Культурологический словарь. СПб. 1997.

5. Яблоков И. Н. История религии. М., 2002.
6. Кордрашев В.А., Чичина Е.А. Этика. Эстетика. М., 1992.
7. Белинский В.Г. / Собр. соч. М., 1948. Т. 1.
8. Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975.

Апполонов А.В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета. Кандидат философских наук

alexeyapp@yandex.ru

Аннотация: Задача настоящего доклада – показать, что идея о естественной религиозности человека, которая в современном религиоведении концептуализирована, например, у Мирче Элиаде в понятии «*homo religiosus*», имеет долгую историю. На латинском Западе она впервые появилась в философии Цицерона, разрабатывалась в теологии Отцов Церкви и была концептуализирована Томмазо Кампанеллой в определении человека как «разумного религиозного животного» («*animal rationale religiosum*»). Автор показывает, что это определение появляется в ходе полемики Кампанеллы с атеизмом и при этом довольно оригинальным образом совмещается с известной максимой Аристотеля, согласно которой человек является «общественным животным» («*animal politicum*»). Тем самым Кампанелла подчеркивал важную социальную роль религии как средства сохранения естественного закона и, соответственно, мира и порядка в государстве.

Ключевые слова: Томмазо Кампанелла, философия Возрождения, философия религии, естественная религия, естественная теология, христианская теология.

**Tommaso Campanella and the idea of natural human religiosity.
Appolonov A.V.**

Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, associate professor,

Abstract: The purpose of this paper is to show that the idea of the natural human religiosity, conceptualized in modern religious studies, for example, in Mircea Eliade's concept of "homo religiosus", has a long history. In the Latin West, it first appeared in the philosophy of Cicero, was developed in the theology of the Church Fathers and conceptualized by Tommaso Campanella in the definition of man as "rational religious animal" ("animal rationale religiosum"). The author shows that this definition appears in the course of Campanella's polemic against atheism and is combined – in a rather original way – with the well-known maxim of Aristotle, according to which man is a "social animal" ("animal politicum"). Thus, Campanella emphasized the important social role of religion as a means of preserving natural law and, accordingly, peace and order in the state.

Keywords: Tommaso Campanella, philosophy of the Renaissance, philosophy of religion, natural religion, natural theology, Christian theology.

Как пишет Л. З. Немировская, «основатели религиоведческой науки в своих трудах о происхождении религии и формировании религиозного сознания Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм, М. Элиаде высказывали сходную точку зрения о том, что религиозный феномен всегда сопровождал человеческое представление о мире» [1, с. 11]. Нередко эта точка зрения сочеталась с более или менее эксплицитно выраженными представлениями о естественной религиозности человека. Так, например, «согласно Элиаде, каждый человек, даже агностик и атеист, на самом деле — *homo religiosus*, с необходимостью нуждающийся в религии, или как минимум в ее суррогате» [2, с. 95].

Концепции, подобные *homo religiosus*, естественно, появились отнюдь не в XX и даже не в XIX в. Тем не менее, историки и религиоведы не слишком часто обращаются к вопросу об их генезисе и эволюции. В связи с этим весьма интересным и актуальным может быть рассмотрение антропологической концепции Томмазо Кампанеллы (1568–1639), согласно которой человек является «разумным религиозным животным» («*animal rationale religiosum*»).

В своем известном трактате «Атеизм побежденный» Кампанелла, как явствует из названия этого сочинения, занимался опровержением атеизма и скептицизма. При этом он полагал, что люди начинают сомневаться в религии из-за того, что задаются вопросом: если Бог существует, то почему он допускает

«контroversии в религии», то есть наличие «множества различных сект, обрядов и культов»? Именно последнее обстоятельство ведет некоторых людей «к подозрению, что никакая религия не является истинной, но все религии суть человеческое изобретение, не существующие по истине и разумной природе» [3, р. 64].

Решая указанную задачу, Кампанелла в первую очередь осуществляет классификацию религий. Он полагает, что существует четыре их типа: естественная (*naturalis*), животная (*animalis*), рациональная, или разумная (*rationalis*) и сверхъестественная (*supernaturalis*) религии. Естественная религия является культом, характерным для всего творения, даже для неодушевленных вещей. Кампанелла ссылается здесь, во-первых, на Писание: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс 18, 2–3). Во-вторых, он приводит следующие слова Фомы Аквинского: «К религии относится почитание единого Бога в едином смысле, а именно, сообразно тому, что он является первоначалом творения и управления вещами» [4, р. 553]; то есть, как поясняет Кампанелла, «все сущее существует и управляется Богом; следовательно, все сущее по природе почитает его больше себя» [3, р. 65]. Но таковое почитание есть не что иное, как религиозный культ.

Животная религия добавляет к естественной религии «то почитание, которое неразумные животные воздают высшим причинам, от которых получают блага, ибо они по природе любят Бога, а как животные (*animaliter*) – каждое благотворное для [них] начало» [ibid.] (Кампанелла иллюстрирует эту свою мысль тем, что слоны преклоняют колени перед Луной, а птицы воспевают восход Солнца). Рациональная религия – та, благодаря которой разумное (*rationalis*) творение, постигая свою цель и смысловое содержание (*ratio*) этой цели, познает и почитает разум (*ratio*) и мудрость Бога, а также его самого. Наконец, сверхъестественная религия – та, которая открывает (*revelat*) Бога в Законе, Пророках и Евангелии. Она совершенствует (*perficit*) естественную религию и возносит (*elevat*) ее на божественный уровень. Сверхъестественная религия необходима потому, что естественная религия не может быть самодостаточной, ибо она, как и все чисто человеческое, испорчена противоестественным грехом; равным образом, грехи затемнили умы некоторых людей настолько, что они (как эпикурейцы и последователи Макиавелли) пришли к отрицанию божественного провидения и религии.

Именно в контексте этого учения о всеобщей религиозности и появляется определение человека как «разумного религиозного животного» [ibid., р. 67] – сообразно тому, что человек религиозен по самой своей природе (наряду со всем остальным творением), но при этом обладает разумом в качестве *differentia specifica*. Интересно, что Кампанелла атрибутирует это определение Лактанцию, Августина, Фоме Аквинскому, Марсилио Фичино и некоторым другим философам и теологам. Хотя иногда эта генеалогия концепции естественной религиозности человека выглядит сомнительно¹, в основном Кампанелла прав. Так, например, Цицерон писал: «Ни у одного живого существа, кроме человека, нет никакого знания о боге, а среди самих людей нет такого народа, ни столь развитого, ни столь дикого, чтобы он, даже не ведая, кого следует считать богом, все же не знал, что [нечто] все-таки следует им считать» [5, р. 21]. Лактанций, в свою очередь, цитировал эту фразу, правда, с некоторыми примечательными коррективами: «Никакое другое [кроме человека] живое существо не обладает каким-либо знанием о Боге, и религия – чуть ли не единственное, что отличает человека от бессловесных животных» [6, р. 612]. Кроме того, он писал: «Итак, на основании согласия всего человеческого рода ясно, что [человеку] необходимо иметь религию» [ibid., р. 204], а тот, кто ее отвергает, «погружается в земное и, ведя скотскую жизнь, отрекается от человечности (*humanitate se abdicat*)» [ibid.].

Таким образом, мы видим, как Кампанелла в ходе полемики с теми, кого он считал атеистами, обнаружил естественную религию и естественную религиозность человека, само существование которых должно опровергать атеистическую позицию. Кроме того, следует отметить, что он действительно подчеркивал важную социальную роль религии и переосмыслил – исходя из своих вышеописанных установок – известную максиму Аристотеля, согласно которой человек является «общественным животным». Так, он писал: «Нельзя основать государство (*respublica*) без религии, ибо без нее вся община (*civitas*) погрузится в непрерывные склоки, взаимные козни и преступления. И те, кто могущественней, будут тайно и открыто совершать всевозможные злодеяния, оставаясь без-

¹ Например, Кампанелла атрибутирует Иоанну Златоусту высказывание, согласно которому «человек ничем не отличается от животных, кроме религии»; однако, насколько я могу судить, никто из исследователей не смог идентифицировать ее источник. Равным образом, он весьма вольно обошелся с цитатой из «Пересмотров» Августина, добавив от себя фразу о том, что христианская религия «*semper eandem in mundo naturaliter inditam*» («всегда была в мире одной и той же, естественным образом внедренная»).

наказанными; и так общество (societas) распадется. Следовательно, религия необходима, так как она защищает естественное право среди людей. Поэтому им естественно жить с религией (religiose vivere) – так же, как человеку естественно быть общественным животным (animal politicum)» [3, p. 69].

Итак, концепция естественной религиозности человека имеет долгую историю (если говорить о западной традиции, то ее эволюционная линия начинается с Цицерона, и ведет – в том числе, через творчество Кампанеллы – к многочисленным и разнообразным концепциям естественной религии XVIII–XIX вв.). Соответственно, в том, что касается отдельных аспектов этой концепции, некоторые классики религиоведения (например, Мирча Элиаде) находятся в определенной зависимости от предшествующей философской и теологической традиций.

Литература:

1. Немировская Л. З. Древние религии: в начале осмысления бытия // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2011. № 1. С. 11–18.
2. Михельсон О. К. М. Элиаде. Религиозная культура и современность // Серия “Symposium”, Христианская культура на пороге третьего тысячелетия. Выпуск 5 / Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 95–98.
3. Thomas Campanella. Atheismus triumphatus seu Reductio ad religionem per scientiarum veritates. Romae: Apud haeredes Bartholomaei Zannetti, 1631.
4. Thomas Aquinas. Summa theologiae. Vol. 4. Parisiis: Apud Bloud et Barral, Bibliopolas, 1880.
5. Cicero. De legibus libri. Berolini: Vahlen, 1871.
6. Lactantius C. F. L. Opera Omnia. Pars I / Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. XIX. Vindobonae: F. Tempsky, 1890.

«Иконический поворот» в науках о культуре: значение для религиоведения

Барашков В.В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доцент. Кандидат философских наук

v.barashkov@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются методологические программы («эстетика религии», «материальная религия» и др.), направленные на изучение визуальной стороны религии, значимость которых возросла в «век медиа». Обращение религиоведов к образу предполагает изучение процесса его восприятия. Тем самым, в сферу исследований входят как визуальные образы, так и религиозные практики (ритуалы, церемонии, паломничества и др.). Кроме того, «иконический поворот» связан с «перформативным», а также с «пространственным» поворотами. Хотя представители т.н. «материальной религии» подчеркивают нейтральность этого понятия, ряд исследователей усматривает здесь всего лишь «тавтологию» (какая религия не «материальна»?) Включение же в понятие «образа» фотографии отсылает к проблеме специфики «нерукотворного образа». Эту проблематику можно обнаружить и в отношении произведений современного искусства, ставящих под вопрос фигуру «автора» произведения (работы абстрактного экспрессионизма, «реди-мейды», разного рода инсталляции). Как следствие, знания о религии включаются в интерпретацию произведений и в философию образа. В результате «иконический поворот» оказывает влияние на трансформацию философии образа, предполагая необходимость обращения к истории и современному состоянию религиозных практик.

Ключевые слова: «иконический поворот», «материальная религия», эстетика религии, визуальная культура, антропология религии, религиоведение

Iconic Turn in the Field of Cultural Studies: Significance for Religious Studies. Barashkov V.V.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Abstract: The article discusses methodological programs (“aesthetics of religion”, “material religion”, etc.) aimed at studying the visual side of religion, the importance of which has grown in the “media age”. The appeal of scholars of religion to the image involves the study of the process of its perception. Thus, the scope of research includes both visual images and religious practices (rituals, ceremonies, pilgrimages, etc.). In addition, the “iconic turn” is associated with the “performative”, as well as with the “spatial” turns. Although representatives of the “Material religion” emphasize the neutrality of this concept, a number of researchers see only “tautology” in it (which religion is not “material”?) The inclusion of photography in the concept of “image” refers to the specificity of the “not-made-by-hands image” (acheiropoietia). This problem can also be found in relation to works of contemporary art that call into question the figure of the “author” of the work (abstract expressionism, readymade, various kinds of installations). As a result, knowledge of religion is included in the interpretation of works of art and in the philosophy of the image. The “iconic turn” has an impact on the transformation of the philosophy of the image, suggesting the need to appeal to the history and current state of religious practices.

Keywords: “iconic turn”, “material religion”, aesthetics of religion, visual culture, anthropology of religion, religious studies

Науки о культуре с середины XX века стали полем методологических поисков, отправной точкой которых был «лингвистический поворот». Подобная смена исследовательских стратегий по аналогии получала название «поворота»: интерпретативный, перформативный и пр. Данная тенденция чаще всего интерпретируется сквозь призму идеи «трансформации» современной философии, имеющей дело с множественной реальностью, хотя есть основания видеть в ней и преемственность философствования XIX–XX вв. [1]. Выделенные стратегии сложно отделить друг от друга; их значение распространяется

на большой комплекс дисциплин (литературоведение, история, антропология, политология и др.). Цель данной статьи – обозначить эвристические возможности «иконического поворота» (iconic turn) для религиоведения.

Социально-теоретические основания иконического поворота в теориях культуры и общества, как на макро-, так и на микроуровне вполне убедительно показаны в статье И. Инишева [2]. С развитием масс-медиа в XX веке понятие визуального было предельно расширено: не только искусствоведы были допущены к интерпретациям феноменов в этой области. На первое место выдвинулось понятие «образа», имеющее свою предысторию в истории религий.

Ключевыми фигурами в повороте исследователей к образу стали немецкие историки искусства Г. Бельтинг, Г. Бём, Х. Бредекамп и американский литературовед У. Митчелл. «Пикториальный» поворот был провозглашён, как известно, Митчеллом в 1992 г., а «иконический» – Бёмом в 1994 г. Тем не менее, истоки данных подходов (которые мы будем в статье обозначать общим термином «иконический поворот») прослеживаются за несколько десятилетий до их «инаугурации». Они развиваются на фоне конфронтации с лингвистическим поворотом, сохраняя при этом двойственность: размывая лингвистический поворот, они расширяют его дифференциацию, обогащая его им же вытесненными явлениями и тем самым раскрывая его инновационный методологический потенциал» [3, с. 421].

Ключевое для этой исследовательской программы понятие «образа» имеет множество определений. Так, Бельтинг считает, что «образ есть нечто большее, чем продукт восприятия... Все, что попадает в поле видения или внутреннего зрения, можно объявить образом или превратить в образ» [цит. по: 3, с. 401]. Антропологизация понятия «образа» ведет к подчёркиванию значимости исследования «тела». Это одна из ключевых «связок» упомянутого подхода с религиоведческими исследованиями. Так, немецкий религиовед П. Бройнляйн подчёркивает эвристическую значимость конфигурации Бельтинга «образ – медиа – тело», которая не раз становилась предметом исследования историков религий [4]. По справедливому замечанию Д. Бахманн-Медик, тесная связь образов с элементами ритуала, инсценировки и действия (перформативные акценты) еще до провозглашения иконического поворота послужили основой выдвижения в религиоведении на передний план визуальной коммуникации в религиях [3, с. 429]. Фокусом религиоведения становится сравнительный анализ образов и «образных актов» (Bildakt) в культурах Запада и Востока. Иконический поворот может придать новый ракурс таким исследовательским проблемам, как ритуал инициации, маски, театр, одержимость, видения [4, с. 212-213].

В зарубежном религиоведении сложились, по крайней мере, два направления, работающие с визуальными образами: в немецкоязычном пространстве «эстетика религии» (Religionsästhetik), а в англоязычном – «материальная религия» (material religion). Исследователи отмечают ряд различий между двумя направлениями. Если понятие «эстетического» имеет исторически сложившуюся смысловую нагрузку (представления о красоте), то понятие «материальности» является нейтральным и более широким. В отличие от внимания к анализу техники (стиля) и значения, понятие «материального» концентрируется на обращении к религиозной материальной культуре. Наконец, «материальная религия» основывается не на религиозных учениях о чувствах и эстетике, но на оценке положения религиозных объектов в истории и современности, в общем поле материальности [5, с. 384]. Для «материальной религии» важно, что «коммуникация состоит не только в обмене когнитивной информацией, но что явление, понимаемое как религия, конституируется когнитивными, чувственными и эмоциональными процессами» [5, с. 382].

Согласно одному из немногих русскоязычных аналитиков этого направления, Е.А. Хониневой, «материальная религия» – это исследовательская программа, «специализирующаяся на изучении религиозной материальности – физических посредников взаимодействия с трансцендентным и их восприятия в разных культурах» [6, с. 153]. Этот проект, по Хониневой, нацелен на снятие множества дихотомий — оппозиции материи и духовности, имманентного и трансцендентного, картезианского противопоставления тела и души, характерных как для самих религиозных культур, так и для специалистов, занимающихся их описанием [6, с. 154].

Последователи данного подхода в религиоведении объединены с 2005 года журналом «Материальная религия. Журнал объектов, искусства и верований», редакторами которого выступают Дэвид Морган, Криспин Пейн и Брент Плэйт. Они отмечают, что предметом этой области являются образы, объекты поклонения и литургические предметы, архитектура и сакральное пространство, произведения искусства и артефакты массовой культуры; не менее важны практики, которые включают эти формы в действие

(ритуал, коммуникация, церемония, медитация, паломничество, магия, литургия) [7].

Представители «материальной религии» в своих конкретных исследованиях работают на стыке религиоведческих дисциплин (антропологии религии, социологии религии, истории религии), что определяет её, прежде всего, как исследовательскую программу, а не самостоятельную научную дисциплину. По замечанию А. Панченко и Е. Хониневой, указанная программа близка теории «семиотических идеологий» Вебба Кина: «этот подход проблематизирует культурную специфичность не самого процесса означения и «расшифровки» знаков как таковых, а тем или иным образом эксплицированных представлений о нем... концепция подразумевает, что семиотическая деятельность обладает социальными и историческими особенностями, и, таким образом, задача антрополога состоит в различении и изучении локальных семиотических моделей» [8, с. 8].

Следствием иконического поворота стало обращение к анализу религиозных феноменов историков и критиков современного искусства, поскольку понятие «образа» отсылает к проблеме специфики иконы, конкретнее, к специфике «нерукотворного образа». Так, французская исследовательница фотографии Мари-Жозе Мондзэн в своем эссе «История одного призрака», посвященном Туринской плащанице, отмечает, что сила воздействия плащаницы с момента ее фотографического отображения в 1898 году «бесконечно возрастает, так как документ обнаруживает истину через негатив» [9, с. 169]. Речь идет об «омонимии видимого негатива и негативности невидимого. Произвести негатив, то есть негатив, значит действовать позитивно, так как при соблюдении невидимости прототипа находятся средства обратить ее в позитивность истины» [9, с. 173]. Исследовательница отмечает параллель этому феномену в рождении в начале XX века абстрактной живописи, вновь возвратившей вопрос об образе к вопросу манифестации первичной истины, когда «след духа получил преимущество перед почерком руки» [9, с. 178].

Заключение. Теоретические проекты, составляющие «иконический поворот», вносят вклад в философию образа, операционализируемость которой «связана, в первую очередь, с необходимостью постоянного принятия ряда решений касательно “онтологической” характеристики образа» [2, с. 208]. Иконический поворот в науках о культуре не просто повлиял на исследования в области религиоведения: сама специфика объектов религиоведческого исследования стала подводить религиоведов к осознанию значимости переосмысления визуальных образов. На современном этапе можно констатировать неопределенность, временами размытость, методологических программ рассмотренного выше направления, когда исследование того или иного религиозного феномена требует своей особой методологии. Конкретные результаты исследований приоткрывают новые стороны привычных для религиоведов объектов исследования. Сами же подходы к исследованиям показывают ведущую роль антропологии религии, разработанных ею методик исследования многообразия мира социума, человеческой культуры и создаваемых ими интерпретаций содержания и смыслов духовной деятельности.

Литература:

1. Артамонова Ю.Д. Сложная конструкция простого взгляда, или о «поворотах» в философии XX века // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 206-212.
2. Инишев И. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1(85). С. 184-211.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с. (Серия «Интеллектуальная история»).
4. Bräunlein P.J. Bildakte. Religionswissenschaft im Dialog mit einer neuen Bildwissenschaft // Religion im kulturellen Diskurs. Festschrift für Hans G. Kippenberg zum 65. Geburtstag. Berlin, 2004. P. 195-233.
5. Prohl I. Materiale Religion // Religionswissenschaft / Hrsg. von M. Stausberg. De Gruyter, 2011. P. 379-392.
6. Хонинева Е. «Материальная религия» как предмет и манифест в социальных исследованиях христианства: Рец. на кн.: Minna Opas, Anna Naapalainen (eds.). Christianity and the Limits of Materiality. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2017. 296 p. // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 153-171.
7. Material Religion. URL: <https://www.religiousstudiesproject.com/podcast/podcast-david-morgan-on-material-religion/> (дата обращения: 03.02.2020).
8. Панченко А., Хонинева Е. «Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4(37). С. 7-18.
9. Мондзэн М.-Ж. История одного призрака // Сосна Н. Фотография и образ: Визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Институт философии РАН; Новое литературное обозрение, 2011. С. 156-180.

Батурин Д.А.

Тюменский индустриальный университет, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий.
Кандидат философских наук

kvarak@nextmail.ru

Галанина Екатерина Владимировна

Томский политехнический университет, Школа инженерного предпринимательства, доцент.
Кандидат философских наук

kate.galanina@yandex.ru

Аннотация: В данной научной статье анализируются понятия мифологема, миф, архетип. Исследуются мифологические реминисценции в современной массовой культуре на примере мифологической образности в видеоиграх. Делается попытка представить мифологическую образность как эпифаническую и теофаническую реальность, актуализирующуюся в явлениях современной массовой культуры, а именно в современных видеоиграх с привлечением массива примеров из религиозных работ К.Г. Юнга, М. Элиаде, Э. Нойманна и др.

Ключевые слова: Миф, мифологема, видеоигра, game studies, архетип.

Sacred mythologemes and images in video games.

Baturin D.A.; Galanina E.V.

Tyumen Industrial University, Department of Humanities and Technology, Associate Professor; Tomsk Polytechnic University, School of Engineering Entrepreneurship, Associate Professor

Abstract: This scientific article analyzes the concepts of mythologeme, myth, archetype. The mythological reminiscences in modern mass culture are studied on the example of mythological imagery in video games. An attempt is made to present mythological imagery as an epiphanic and theophanic reality, actualized in the phenomena of modern mass culture, namely in modern video games with the help of an array of examples from religious studies K.G. Jung, M. Eliade, E. Neumann and others.

Keywords: myth, mythologeme, video games, game studies, archetype.

И Мифологема – термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен и образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в мифологиях различных народов мира. В современном религиоведении под мифологемой обычно понимают некоторые сюжеты, заимствованные из архаической мифологии и перенесенные в кинематограф, литературу, видеоигры, то есть в мир современной художественной образности.

К.Г. Юнг указывал на то, что архетипы, являясь «первичными досодержательными схемами», стремятся актуализироваться в объективном мире. Процесс воплощения архетипа совершается в мифологеме, которая понимается К.Г. Юнгом как константа, принадлежащая уже к структурным проявлениям души. Через мифологему или мифологические сюжеты архетипы воспроизводят себя буквально «где угодно, в какую угодно эпоху и у какого угодно индивида совершенно независимо от какой-либо традиции» [1, с. 85].

В современном религиоведении принято выделять архетипические мифологемы богини-матери, старца, тени, трикстера, первочеловека, центра мира (axis mundi), мифологему золотого века, рая и ада, вечного воителя и т.д. Так, структуралист К. Леви-Стросс отмечает, что любой миф можно избразить как совокупность мифологем. На основании классификаций мифологем Дж. Кэмпбэлла, М.

Элиаде, О.М. Фрейденберг можно выделить космогонические, антропогонические, теогонические, эсхатологические, героические и календарные, солярные и лунарные мифологемы, составляющие основное содержание архаических мифов.

Мифологическое мышление присуще и человеку современному, а значит, подобные мифологемы могут быть найдены и в феноменах современной культуры. Как отмечал М. Элиаде, «мифологическое мышление может отбросить свои прежние устаревшие формы, может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но оно не может исчезнуть окончательно» [2, с. 175]. Несмотря на то, что сегодня миф больше не доминирует в общественной жизни, он оказался оттеснен на более глубокие уровни человеческой психики, он и, следовательно, мифологемы стали имплицитным содержанием популярной и массовой культуры, последовательно воплощающейся в литературе жанра фэнтези, кинематографе и видеоиграх.

Среди встречающихся мифологических сюжетов наиболее активно современная культура опирается на мономиф, выделенный американским религиоведом Дж. Кэмпбэллом. Он пишет: «существует определенная последовательность, которую можно встретить в мифах всего мира, описывающих путь героя в разные исторические эпохи. На самом деле можно предположить, что есть только один архетипический мифический герой, чья жизнь повторялась разными людьми во многих странах» [3, с. 183]. Осмысливая путь мифологического героя Дж. Кэмпбэлл выделяет мифологемы, связанные с путешествием героя. Прежде чем миф достигает своего апогея, прежде чем герой становится героем, он должен пройти определенный путь становления, или обретения Самости, используя терминологию К.Г. Юнга.

Универсальной мифологемой для путешествия героя является сюжет, связанный с проглатыванием героя. Муки и страдания героя, прохождение испытаний лабиринтом, пытки и столкновение с монстрами – есть священный образ инициации или второго рождения, словами М. Элиаде, «страдания, как физические, так и психологические, соответствуют пыткам, неотделимых от инициации» [4, с. 214]. Так, например, в Австралии существует предание о великане Лумалума, который пожирал всех людей на своем пути до тех пор, пока его не убили. Вот как интерпретирует данный миф М. Элиаде: «Человекоподобный великан-кит глотал людей, чтобы сделать их посвященными. Люди не знали этого и убили его» [2, с. 105]. Все эти страшные переживания обязательны для рождения человека в новом качестве. Никакая инициация невозможна без ритуала агонии, смерти и воскрешения.

Мифологема инициации часто встречается в современных видеоиграх. Главный герой видеоигры «Анабиоз: Сон Разума» (2008) арктический метеоролог Александр Нестеров получает срочную телеграмму с Большой земли, и в спешке покидает свою дрейфующую станцию, чтобы быть подобранным атомным ледоколом «Северный ветер» для транспортировки домой. Но внутри ледокола, героя ожидает настоящий кошмар, капитан и все члены экипажа мертвы, а сам ледокол населен сверхъестественными монстрами. С помощью уникального навыка «ментальное эхо» герой проникает в прошлое корабля, и узнает, что трагедия, произошедшая на корабле, видоизменила весь экипаж, превратив людей в чудовищ. По сути, вся игра – это путешествие героя по атомному ледоколу. Герой при помощи «ментального эха» пытается предотвратить смерть капитана и гибель экипажа, исправляя их ошибки.

Образ умершего атомного советского ледокола мифологичен, в видеоигре он самостоятельный персонаж, который постепенно оживает от согревающих действий героя, и помогает ему остановить происходящий кошмар. Ледокол может интерпретироваться как священное пространство, оживший лабиринт или «буш», погружение в которое – есть необходимое условие инициации героя. Ритуал инициации самый страшный и ужасный для героя, но он имеет своей целью кардинальное перерождение или трансформацию героя и его мира. Метеоролог Нестеров проходит священный путь мифологического героя, главная задача которого приобретение священных сил для исцеления больных и исправления мироздания. В видеоигре этот мифологический подтекст подчеркивается особенно сильно, с одной стороны, аллюзией на героя Данко из рассказов М. Горького, с другой стороны, последней битвой через которую должен пройти метеоролог. Как древнегреческий герой Тесей сражается с минотавром в центре лабиринта, так и метеоролог Нестеров сражается в конце игры с богом Кроносом, победа над которым становится обязательным условием победы над временем и спасением экипажа ледокола.

В видеоигре *The Last Guardian* (2016) маленького мальчика похищает чудовище-людоед Трику, и помещает его в таинственное место гнездо, крепость-тюрьму, из которой герою предстоит выбраться. Сама внешность Трику собирательна: это чудовище, как химера, состоит из различных элементов, отсылающих к средневековым грифонам, драконам и *epibouleus oxisor*, то есть мантикорам. Мальчик

подружится с чудовищем, и выберется из замка, но на протяжении игры чудовище Трику будет несколько раз съедать, и выплевывать мальчика. Хотя этот момент в игре никак не поясняется, мы можем предположить, что «поедание героя» носит символический характер, связанный с мифологемой инициации.

В *Assassin's Creed Origins* (2017) главному герою меджаю Байеку снится один и тот же кошмар: как он, проплывая на ладье место в глубинах земли (похожее на древнеегипетский загробный мир), снова и снова переживает нападение гигантской змеи Апопа, которая в египетской мифологии олицетворяет мрак и зло. Данный сюжет неизбежно отсылает нас к мифологеме инициации и священного страдания. Мрак, окружающий Байека, – это темнота, которая символизирует потустороннее, космическую Ночь. По словам М. Элиаде, неопит должен быть подвергнут «пыткам, расчленен, сварен или изжарен демонами («...») страдания неопита соответствуют состоянию человека, поедаемого демоническими дикими животными, разрываемого на куски челюстями этого монстра инициации» [4, с. 203-204]. Поэтому главному герою необходимо пройти через священный опыт страдания, свои кошмары, чтобы обрести целостность и новое предназначение.

Мифологеме инициации можно встретить в видеоигре *Shadow of Tomb Raider* (2018). Главная героиня Лара Крофт стремится остановить конец света. Ее путь лежит через гробницы ацтеков и майя. Каждая гробница раскрывается в игре как инициатическое испытание, лабиринт в котором героиня стремится обрести священное знание, прочитывая изображения с космогоническими и теогоническими сюжетами из мифологии перуанских индейцев. Героиня проходит священный путь Ягуара, Орла и Паука, чтобы войти в Тайный город. Лара подвергает себя многочисленным испытаниям: залезает в оскаленную пасть каменного чудовища, чтобы найти вход в сокровищницу; в другом лабиринте, рискуя собственной жизнью, влезает по вращающемуся столбу с ловушками; посещает Храм Солнца и подземный мир, в поисках священного серебряного ларца. Смысл всех испытаний открывается в конце игры, когда героиню освящают для жертвоприношения как богиню-мать Иш-чель, почитаемую у майя также как богиню луны и плодородия. Символика священных мест в видеоигре, пещер и гробниц не только связаны с символикой Богини-матери, но несет в себе отчетливый инициатический характер. М. Элиаде отмечал, что «в доисторические времена пещера, часто напоминающая или обрядово превращенная в лабиринт, служила одновременно сценой для инициации и местом захоронения умерших («...») войти в лабиринт или пещеру было равнозначным мистическому возврату к Матери – а это цель, преследуемая обрядами инициации» [4, с. 173-174]. Таким образом, вся видеоигра выстраивается вокруг процесса инициации, который подготавливает героиню к священной цели – жертвоприношению, в результате которого разрешается эсхатологическая задача, предотвращается конец света. Здесь мы явно видим использование мифологемы инициации разработчиками игры.

Еще одной **наиболее популярной мифологической реминисценцией в видеоиграх, является мифологема оси мира**, связывающая небо и землю. В культурах практически всех народов Земли существуют мифологемы и образы, соответствующие религиозному понятию «оси мира». Это может быть столб, лестница, гора, дерево, лиана и др. Чаще всего ось мира изображается в архаической мифологии в виде мирового древа как скандинавский Иггдрасиль или славянский Вырий, священная гора как иудейские Горизим и Кармил, Олимп в древней Греции, Меру в Индии. Священная гора выступает осью мироздания, в некоторых верованиях неписанных народов Африки, новой Зеландии и Австралии. Ось мира может символически изображаться как бесконечная колонна, пуп земли или лианы, свисающие с неба. В игровой вселенной *Warcraft* существуют деревья жизни символизирующих собой центр мироздания – это Нордрассил, Тельдрассил, Фордрассил, Шаладрассил. В *Warcraft 3: Reign of Chaos* демон Архимонд попытался влезть на одно из великих древ чтобы высосать из него жизненные силы, но ему помешал герой по имени Малфурион призвавший на помощь духов леса.

В сериале *Legacy of Kain* ось мира символически изображается в виде столбов Носгота их уничтожение в *Blood Omen* провоцирует беспорядок и хаос в игровой вселенной. В *God of War III* Кратос, спартаец бросивший вызов греческим богам совершает восхождение на гору Олимп. В последующем продолжении игре *God of War* (2018) Кратос вместе со своим сыном Атреем, путешествует по мирам древнескандинавской мифологии, используя корни мирового древа Иггдрассиля. Ось мира как мифологема появляется в игре *Silent Hill 4: The Room*. Главный герой Генри Таунсенд оказывается, вынужден пройти через ряд кошмарных миров, альтернативных обычной реальностью, связанных одной пуповиной, которая ведет к его комнате. Похожий образ пуповины, связывающей мироздание с центром или осью посередине также использует игра *American McGee's Alice*.

В видеоигре *El Shaddai: Ascension to the Metatron* основанной на библейском апокрифе книги «Еноха», Енох совершает путешествие к Богу, где получает повеление остановить ангелов, бросивших вызов Богу, и разрушить построенную ими башню, чтобы остановить всемирный потоп. Игра состоит в последовательном восхождении на Башню, Енох, перемещаясь между уровнями Мировой Башни, путешествует по мирам созданными падшими ангелами. Разрушение «вавилонской» башни есть условие для сохранения жизни человечеству. В мифологии башня также является одним из возможных символических изображений оси мира. Башни ступенчатые, так называемые «зиккураты», в шумерско-ассирийско-вавилонском обиходе символизировали «вершины мира», духовное вознесение человека, приближение к небу. Египтолог Уолесс Бадж похожим образом интерпретирует образ пирамид: пирамида, уходящая в небо или в «Нут», символ оси мира, соединяющей земное и небесное. М. Элиаде тоже указывает на мифологический образ центра мира как мировое дерево, гору или башню. Символическое восхождение, согласно М. Элиаде, на башню является древнейшим символом обряда инициации или посвящения. Похожий мифологический лейтмотив используется, например, в видеоигре *Devil May Cry 3: Dante's Awakening*. Главный герой Данте совершает восхождение на башню, соединяющую подземный, земной и небесные миры. Поэтому закономерно, что в игре молодой Данте, восходит на башню, чтобы обрести сверхъестественные силы и стать защитником людей по примеру своего отца Спарды. В игре *Kingdom Hearts III* сражение с главным злодеем происходит в мистическом месте *Scala ad Caelum*, которое в переводе с латинского можно перевести как «лестница в небо». Сора вместе с друзьями защищает место, с которого начинается вселенная, ось мира или вход в «королевство сердец» дающее начало всему живому и неживому. *Scala ad Caelum* изображен в игре как белоснежный город, над которым никогда не заходит солнце, что неизбежно отсылает нас также к мифологическим образам Рая, египетского Дуата, греческого Элизима, кельтского Сид, христианского Эдема.

Можно вспомнить еще о видеоигре *Prince of Persia* (2008) – игра вышла в декабре 2008 года и была попыткой перезапуска известного игрового сериала *Prince of Persia*. Французская студия *Ubisoft*, выпустившая игру, пошла на эксперимент и в основу видеоигровой мифологии заложила зороастрийской мифологический фундамент. Главный герой безымянный юноша по прозвищу «Принц» попадает в песчаную бурю, сбивается с пути и попадает в неизвестное королевство, где случайно спасает от таинственных преследователей загадочную девушку, принцессу королевства, сбежавшую от своего отца. Герой узнает, что королевство было поработщено темными силами древнеперсидского бога зла Аримана (Ангра-Майю) по вине ее отца и решает помочь спасти королевство принцессы Элики. Для этого герою необходимо помочь девушке восстановить сердце сказочного королевства – дерево жизни, чтобы снова заключить темное божество в темницу. Для игры является характерным интерпретация глубинных архаических архетипов. Ариман заперт внутри храма, изображенного в игре как мировое дерево, что неизбежно отсылает нас к мифологемам центра мира (*axis mundi*). Другим центральным образом игры является мифологический образ жертвоприношения, в конце игры оказывается, что последней печатью запирающей Аримана является сама принцесса и ее смерть есть необходимое условие для победы над силами зла. Конституентом игры является интерпретация авторами зороастрийского религиозного дуализма на примере идеи развития в игре темы противостояния добра и зла, олицетворенных как два верховных начала Ормузда и Аримана. Главной задачей игрока становится, посильная помощь благому богу Ормузду для утверждения сил добра, что также подчеркивает и морально-этический аспект игры. Ведь принц в конце игры отказывается принести девушку в жертву Ариману, предпочитает вмешаться в сакральный процесс, что неизбежно должно привести игрока к вопросу о допустимости меньшего зла перед лицом большего.

Мифологема богини-матери, «это образ, который встречается по всему миру, в бесчисленных формах и разновидностях» [4, с. 157]. Священное почитание женщины матери восходит еще к периоду возникновения палеолитических Венер, то есть самым древнейшим временам возникновения человечества. Как указывает Роберт Грейвс культ богини – матери символически обозначается в виде священной триады девы-воительницы, матери и старухи [5, с. 19]. Отсюда происходит специфическая множественность образа богини, которая выступает в религиях мира как подательница жизни, как покровительница священного брака, как воительница отбирающая жизнь и как богиня подземного царства. В архаической древности культ Богини-матери носит универсальный характер и распространяется от доарийской Индии до Финикийского царства. Фригийская Кибела и римская Церера, египетская Исида, Маат и Сехмет, шумеро-аккадская Намму, Иннана или Иштар, греческая Афина, Гера и Деметра, ирландская Ану рассматриваются в мифологии как различные проявления или ипостаси

великой Богини-Матери дарующей и отнимающей жизни. Символика Богини-Матери разнообразна и наряду с персонифицированным, антропоморфным обликом, богиня – мать может быть связана с мифологическими образами воды, пещеры, различной растительности, или лунарной символикой как Селена.

Образ Богини-матери встречается и в современных видеоиграх. В видеоигре *Ni No Kuni – The Wrath of the Whine Witch* японской ролевой игре, созданной при участии знаменитой анимационной студии *Ghibli*, мальчик по имени Оливер попадает в волшебное королевство, в котором путешествует вместе с новыми друзьями, чтобы найти способ спасти свою маму. В процессе путешествия Оливер посещает необычное место *Fairground*, где местные жители просят Оливера помочь их *Fairy Godmother* (Богине-матери всех фей). Он узнает, что великая Богиня-Мать фей перестала рожать новых фей из-за загадочной болезни. Поэтому мальчик идет и прыгает прямо в утробу Богини-матери, чтобы исследовать утробу *Mummy's Tummy* и найти источник болезни. Великая Богиня фей изображена в игре как гигантский разумный шар, вырастающий из земли, она источник жизни волшебного королевства в игре *Ni No Kuni*. Символика *Fairy Godmother* на наш взгляд репрезентирует наиболее древний образ Богини-матери как подательницы жизни, погружение Оливера в чрево *Fairy Godmother* может интерпретироваться как элемент «мономифа», или путешествие мифологического героя в пещеру – сакральное пространство символизирующее утробу земли для повторного «священного рождения», имеющего инициатической подтекст.

В другой видеоигре *Undertale* маленький ребенок оказывается в необычном мире, расположенном под землей и населенным необычными существами. Интересно, что в начале игры мальчика берет под свою опеку необычное антропоморфное существо Ториэль. Ториэль спасает мальчика и приводит в свой дом, из которого старается больше героя не выпускать. Она хочет оградить мальчика от возможного вреда, так как считает, что снаружи в подземелье ему не безопасно. Игроку приходится вступить с ней в схватку, чтобы выйти из дома, но Ториэль не желает герою зла, она жалеет мальчика. В процессе игры раскрывается, что некогда Ториэль была Королевой этого подземного мира, что наводит на некоторые мифологические аналогии. Подземелье куда попадает мальчик можно интерпретировать как загробный мир, в котором обитают «хтонические» персонажи – монстры. Сам образ Ториэль мифологичен, она изображена как женщина с головой нубийской козы или тельца, что отсылает нас к пантеону Древнего Египта, небесной короле и покровительнице жизни Хатхор, тоже изображающейся как женщина с головой тельца. В эллинистический период Хатхор была отождествлена с месопотамской Иштар и римской Венерой, то есть Хатхор как образ древнеегипетской богини также включает в себя признаки богини-матери. На наш взгляд, догадку о релевантности Ториэль и Хатхор подтверждает Эрих Нойманн «в своем облике Хатхор Великая Богиня не только «дом Гора», т.е. богиня восточного неба, где рождается Гор, солнце, но и королева западной горы, богиня мертвых» [6, с. 251]. Похожий на Хатхор облик и материнское поведение Ториэль подтверждает нашу теорию, по сюжету игры она предлагает мальчику остаться в качестве ее приемного сына, более того Ториэль оказывается супругой Азгора другого ключевого персонажа игры, короля подземного мира в *Undertale*, Ториэль – королева загробного мира, что характеризует Ториэль как богиню мертвых. Мифологическая реминисценция еще больше усиливается, если рассматривать сюжет *Undertale* как аллюзию на элевсинские мистерии, связанные с Деметрой и Персефоной, сакральными персонификациями богини-матери. Ведь совершая элевсинские мистерии мистики или гностики, тоже совершали путешествие в загробный мир, погружаясь в потусторонний священный мрак, словно главный герой *Undertale*. Может быть, отказ игрока от заботы богини-матери Ториэль, можно интерпретировать как инициатический ритуал. Вспомним еще, что мифологическому герою необходимо пройти через сепаративную и лиминальную стадии по Дж. Кэмпбэлу, то есть отсоединиться от матери и пересечь границу отделяющую мир живых от мира мертвых, чтобы совершить священное путешествие в загробный «сакральный» мир.

Рассмотрим упомянутый нами ранее аспект двойственности образа богини-матери как подательницы жизни и одновременно той, кто приносит смерть. «Великая Богиня – это текучее единство подземных и небесных изначальных вод, море небес, по которому плывут ладьи богов света, замкнутый жизнепорождающий океан над и под землей. Ей принадлежат воды, потоки, фонтаны, пруды и ручьи, а также дожди. Она – океан жизни с его жизнь и смерть приносящими временами года, а жизнь – ее дитя, рыба, вечно плавающая в ней, как звезды в небесном океане мексиканской Майяюэл» [6, с. 255].

Наиболее ярко эта мифологема подчеркивается в упомянутом нами перезапуске игрового сериала *God of War (2018)*. По сюжету игры Кратос вместе с сыном знакомится с павшей скандинавской бо-

гиней Фреей. Пристальное внимание на себя сразу обращает, что разработчики из *Santa Monica Studio*, объединили черты двух скандинавских богинь Фрейи и Фригг. Фригг почитаемая в германо-скандинавской мифологии богиня плодородия, священного брака и домашнего очага, верховная богиня, является матерью Бальдура. В *God of War (2018)* матерью Бальдура становится Фрейя, почитаемая в скандинавской мифологии богиня любви и войны, предводительница валькирий, что делает образ скандинавской Фрейи похожим на шумеро-аккадскую богиню Иштар. В игре эти два образа богини-воительницы и богини-матери соединяются окончательно, когда Фрейя/Фригг именуется королевой Валькирий. Подобная амбивалентность персонажа, по нашему мнению, раскрывает священную двойственность изначальной архаической богини-матери, олицетворяющей жизнь и смерть. И возможно, дает ключи к непосредственному пониманию активного распространения сегодня в видеоиграх мифологема Девы/Воительницы, которая на самом деле есть реминисценция древнейшего мифологического образа обретающего новую жизнь в современных видеоиграх.

Мы предполагаем, что присутствие мифологем в играх подводят нас к категории мимезиса: геймер, персонифицируя себя с героем и подражая его действиям как бы должен превратиться в архаического жреца или мистика или гностика, где подсознательно его главной задачей становится достижение катарсиса, перерождения или перемены ума. В архаическом мифе посвящаемому в конце мистерии раскрывали, что мифологический герой, о котором он слушал и которому сопереживал, участвуя в мистерии, сам посвящаемый и есть. Так и мифологема, содержащиеся в видеоигре, если мы посмотрим глазами архаического человека, не являются иллюзией, но могут быть эпифаническим символом, приобщающим человека к надбытию, при условии, что видеоигры апеллируют к подобному опыту, сюжетам и образности.

Благодаря интерактивности видеоигр в отличие от кинематографа, игрок способен непосредственно взаимодействовать с процессами, происходящими в игре. И если видеоигра активно апеллирует к архаическим мифологическим элементам и опыту, то игрок становится своеобразным соучастником специфической мистерии, моделируемой компьютерными средствами. Подобные видеоигры способствуют погружению в мифологическое пространство, которое носит универсальный символический характер. Согласно Э. Кассиреру, в архаическом ритуале, в обряде, частью которого становится посвящаемый мистик, все, реальность и то, «что происходит в этих ритуалах, как и в большинстве мистерий, – не просто изображение, имитирующее некоторый процесс, это сам процесс и его непосредственное осуществление; это *δρῶμενον*, это реальное и действительное событие, поскольку оно абсолютно действенное» [7, с. 53].

Литература:

1. Юнг К.Г. Философское древо / К.Г. Юнг; Пер. с нем. А.В. Гараджи. Москва: Академический Проект, 2008. 174 с.
2. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде; Пер. с фр. В.П. Большакова. 4-е изд. Москва: Академический Проект, 2010. 251 с.
3. Кэмпбэлл Дж. Сила мифа / Дж. Кэмпбэлл. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.
4. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде; Пер. с англ. А.П. Хомика. Москва: Академический Проект, 2019. 254 с.
5. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Роберт Грейвс; Пер. с англ. К. Лукьяненко. Екатеринбург: У - Фактория, 2005. 1008 с.
6. Нойманн Э. Великая мать: глубинная психология и психоанализ / Эрих Нойманн; Пер. с англ. Ерзина И. Москва: КДУ; Добросвет, 2019. 410 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление / Эрнст Кассирер. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. 280 с.

Теологические основания политического: к вопросу о популизме. Карл Шмитт и Эрнесто Лаклау

Бекарева А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», студент-магистр
arinabekareva@gmail.com

Аннотация: В представленном тексте анализируются политико-теологические основания проектов Карла Шмитта, Клода Лефора и Эрнесто Лаклау. Это теоретики демократии, которые укладываются в парадигму, заложенную К. Шмиттом. Основной рассматриваемой проблемой является популизм как наиболее релевантный показатель кризиса современных демократий. Проблема популизма высвечивает важные слабости исследуемых теорий, но также открывает перспективу для политико-теологической мысли.

Ключевые слова: популизм, политическая теология, плебисцитарная демократия, К. Шмитт, К. Лефор, Э. Лаклау

Theological foundations of the political: on the question of populism. Carl Schmitt and Ernesto Laclau. Bekareva A.A.

Higher School of Economics

Abstract: The paper analyzes the political and theological foundations of the projects of Carl Schmitt, Claude Lefort and Ernesto Laclau. These are the theorists of democracy who fit into the paradigm laid down by C. Schmitt. The main problem under consideration is populism as the most relevant indicator of the crisis of modern democracies. The problem of populism highlights important weaknesses of the theories under study, but also opens up perspectives for political theological thought.

Keywords: populism, political theology, plebiscite democracy

В представленном тексте анализируются политико-теологические основания проектов Карла Шмитта, Клода Лефора и Эрнесто Лаклау. Суть проекта политической теологии — в открытии сущности политических понятий как секуляризованных теологических или сакрализованных секулярных. Здесь рассматривается один из примеров, в большой степени релевантный предлагаемому исследованию. Теория популизма Э. Лаклау основана на политической теологии К. Лефора. В свою очередь, К. Лефор строит противоположную Шмитту политическую теологию.

Проблема выглядит следующим образом. У Шмитта мы находим призыв к созданию имманентного политического единства. У Лаклау мы видим признание утопичности подобного подхода. Лаклау пытается теоретизировать политический ландшафт в терминах противостояния, в том числе внутреннего врага, который для Шмитта представлял собой неприемлемое дробление внутри политического. Клод Лефор, на которого опирается Эрнесто Лаклау, видит в демократии Шмитта тоталитаризм, предлагая мыслить о демократии как о «пустом месте власти», которое постоянно необходимо воспроизводить и поддерживать. Плебисцитарная демократия, которую предлагает Шмитт, противна идее пустого трона. Следовательно, гипотеза состоит в следующем. Поддерживать и воспроизводить идею пустого трона может помочь популистский проект Эрнесто Лаклау, который преодолевает плебисцитарную демократию. Более того, при отсутствии гомогенного государства Шмитта, тем не менее, построение секуляризованной политической теологии возможно через популизм в понимании Лаклау.

Основные понятия политической теологии К. Шмитта – суверен, занимающий место трансцендентного Бога и принимающий решение о чрезвычайном положении, механизм, параллельный божественному чуду, различие друга и врага. Демонстрацию релевантности этих понятий находим в следующем фрагменте: «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии».[2, с. 34] Современное государство, пытаясь изгнать чудо из мира, в действительности способствует созданию пространства для введения чрезвычайного положения в

правовом поле. Поскольку чудо представляет собой прерывание каузальной связи естественного хода вещей, постольку и чрезвычайное положение прерывает эпоху нормальности. Чрезвычайное положение – это исключение, как и чудо. Секуляризация стремится избавиться от трансцендентного. Суверен, который способен на принятие чрезвычайного положения, оказывается аналогичен трансцендентному Богу. Это тоже репрезентирует трансформацию теологических понятий в сфере государства. Различение друга и врага – то, на чем строится понимание взаимосвязи политической теологии и популизма. Экзистенциальное противостояние двух групп представляет собой понятие политического у Шмитта, и в этом противостоянии существует только внешний враг.

У Шмитта демократия не тождественна либерализму: демократия – это обращение к народу, тогда как либерализм как принцип теряет свои основания. Следовательно, необязательно нужны парламентское представительство и прочие институты для выражения воли народа. Для Шмитта действительно правильное выражение воли народа возможно в условиях его суверенизации. Это может произойти через *acclamatio* – публичное прославление: «Естественная форма прямого выражения воли народа – это собравшееся множество заявлений их согласия или их несогласия, то есть аккламация».[5, с.131] Таким образом, демократия по Шмитту – это создание гомогенной тотальности из народа, которому должна быть возвращена власть. Шмитт предлагает плебисцитарную демократию как противоположность представительной демократии. Это связано с тем, что представительная демократия на самом деле репрезентирует (*represent*), но не представляет (*present*) народ.ⁱ В его идее плебисцитарной демократии совмещается демократия как выражение воли народа (плебисцита) и необходимость решения (монархический элемент).

Это решение имеет непосредственное отношение к политической теологии Шмитта следующим образом. Демократия освобождена от трансценденции: есть народ, который представляет собой гомогенную тотальность: «Как государственная форма, а также правительственная или законодательная форма, демократия – это идентичность управляющего и управляемых, правителя и управляемых, командира и последователя»[5, с.263]. Это значит, что государство, в первую очередь, представляет собой политическое единство народа. Свободная воля народа становится основой для государства. Наличие решения со стороны суверена предполагает собой монархическую систему. Монарх оказывается выразителем трансценденции - историческая судьба народа выражается свободным решением суверена. Таким образом, плебисцитарная демократия становится мостом, который соединяет имманентный элемент с трансцендентным: народ являет себя как единство.

Фигура плебисцитарного лидера Шмитта становится спасением от секуляризованной теологии, потому что плебисцитарный лидер имеет связь с трансценденцией, с воплощением божественного, с производством чуда посредством решения. В подтверждение такой схемы обратимся к интерпретации Урбинати: «В президенте был воплощен католический взгляд Шмитта на представительство как процесс, позволяющий сделать видимым невидимое божество, коим ныне стал коллективный Народ. В его интерпретации выборное представительствоⁱⁱ выступало отрицанием этого единства, поскольку служило тому, чтобы привнести плюрализм в государство, что в политической теологии Шмитта считало смертным грехом, равноценным религиозной ереси». [1, с.262] Еще раз обозначим, что для Шмитта крайне важным является сохранение гомогенного государства, которое выражено в тотальном суверенитете народа. Но действительно ли в таком случае возможно сохранение гомогенного государства?

Поскольку, как мы обозначили выше, плебисцитарная демократия Шмитта представляет собой его концепт политической теологии, то Лефор его предлагает обратную перспективу. Напомним, что плебисцитарная демократия Шмитта выражается в том, что он становится сувереном, превращаясь в гомогенную тотальность. По Лефору такое решение приводит к тоталитаризму и подавлению личности, потому что в плебисцитарной демократии народ занимает пустое место власти, что недопустимо. Демократия Лефора – это необходимость поддержания трона пустым. Это значит, что необходимо постоянное производство символической пустоты.ⁱⁱⁱ

Ни плебисцит, ни король не могут являться теми, кто удерживает у себя постоянно власть, и необходимо сохраняет трон пустым. Это значит, что правитель и народ должны всегда находиться в состоянии удержания друг друга от завоевания власти. Это возможно, только если внутри государства

ⁱ Так, например, в «Учении о Конституции» Шмитт пишет следующее: «By its presence, specifically, the people initiate the public. Only the present, truly assembled people are the people and produce the public».

ⁱⁱ Имеется в виду парламент

ⁱⁱⁱ См. Lefort C. On the Irreducible Element. // Democracy and Political theory. Polity Press, 1998

существует антагонизм – то есть существование внутреннего врага. Таким образом, решением проблемы Лефора по построению демократии предлагается популистский проект Эрнесто Лаклау, который способен справиться с плебисцитаризмом Шмитта. Тогда как основания популистского проекта Лаклау — политико-теологические.

Лаклау, не ссылаясь на Шмитта, переоткрывает его политическую теологию в попытке замаскировать собственную версию авторитарной политики. Это подтверждает уже приведенный тезис Шмитта о том, что все современные понятия политики это секуляризованные теологические понятия. Второй момент, который подтверждает, что популизм у Лаклау представляет собой политическую теологию – это обретение суверенитета народа. У Лаклау, таким образом, предстает политическая теология имманентизма.

Несмотря на то, что теологические основания политической сферы эксплицитно не позиционируются у Лаклау, но имплицитно подразумеваются. Трансцендентное настолько имманентизируется, что народ теперь представляет собой ядро этого имманентного трансцендентного. Еще один ключевой момент, связывающий популизм и политическую теологию, состоит в том, что и Лефор, и Лаклау пользуются терминологическим аппаратом «двух тел короля» Эрнста Канторовича. Лефор стремится преодолеть наличие двух тел короля, тогда как Лаклау напрямую говорит, что существование демократии невозможно без осуществления концепции двух тел короля. Лаклау пишет об этом следующим образом: «Таким образом, логика двух тел Короля не исчезла в демократическом обществе: просто неправда, что чистая пустота заменила бессмертное тело Короля. Это бессмертное тело возрождается гегемонической силой. Что изменилось в демократии по сравнению с древними режимами, так это то, что в последних это пробуждение происходило только в одном теле, а сегодня оно переселяется через различные органы». [3, с.170]

Последний момент теологических оснований популизма у Лаклау, который необходимо отметить, заключен в фигуре популистского лидера. У Лаклау популистский лидер обозначен как «пустое означающее», но не более. По задумке Лаклау популистский лидер не может претендовать на авторитарность, выражая собой лишь знак в цепи эквиваленций. Лидер нужен популизму с целью сцепления между собой отдельных звеньев цепи. Популистский лидер выполняет функцию пустого означающего, не думая об авторитарности. Но в действительности популистский лидер в теории Лаклау остается авторитарным. Подразумевается, что Лаклау использует понятие «лидера» не в качестве харизматического господства Вебера, однако остается до конца не ясным, где проходит граница между харизматическим лидером Вебера и (авторитарным) популистским лидером: так же, как и веберовский харизматический лидер, популистский лидер апеллирует к эмоциям народа, вызывая аффективную реакцию. Таким образом, в том, что Лаклау использует при построении популизма теорию двух тел короля, антагонизм и конститутивную силу Шмитта, образ (авторитарного) популистского лидера, обнаруживаются теологические основания проекта популизма.

Популизм Лаклау представляет собой постоянное функционирование антагонистического противоборства народа и власти. Это значит, что политика возможна только при существовании внутреннего врага – истеблишмента. Для Шмитта внутренний враг – это уничтожение гомогенного государства и неприемлемое дробление внутри политического, тогда как для Лаклау – это необходимый элемент политики. Поэтому популизм Лаклау, с одной стороны, разрушает проект плебисцитарной демократии Шмитта, говоря о внутренней политике государства, но с другой стороны, предлагает иную концепцию политической теологии. Политическая теология Лаклау выражена в популизме посредством обращения к «двум телам короля», использования терминологии Шмитта (антагонизм и конститутивная сила) и наличием (авторитарного) лидера. Таким образом, проект популизма Лаклау представляет собой секуляризованную политическую теологию имманентизма.

Литература:

1. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.
2. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. // Шмитт К. Понятие Политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. — СПб.: Наука, 2016. С. 5-60
3. Laclau E. On Populist Reason / L.-N.Y.: - Verso, 2005
4. Lefort C. On the Irreducible Element. // Democracy and Political theory. Polity Press, 1988
5. Schmitt C. Constitutional Theory. // Durham and London: Duke University Press, 2008

Спортивная духовность как момент ресакрализации социальной реальности

Бирюков И. Л.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», аспирант

birukoff26@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает спортивную деятельность как один из механизмов, способных сплотить общество национальной идеей, как важнейший компонент духовной культуры общества, наполняющий образ жизни человека мировоззренческими смыслами и ценностями высшего порядка. Спортивная духовность рассматривается как момент ресакрализации социальной реальности. В этом смысле спортивная духовность является весьма важным социальным феноменом, проникающим на все уровни современной реальности, влияющий на национальные отношения, социальное положение, этические ценности. Таким образом, одной из ключевых проблем современности является создание новой модели духовности на основе традиции, диалектически учитывающей принципы научного модерна и постмодерна. Эти размышления о спортивной духовности носят философский характер. Темы, предложенные для обсуждения, призваны сфокусироваться на проблеме сущности духовно – нравственного воспитания и становления личности.

Ключевые слова: спортивная деятельность, духовность, спортивная духовность, сакральность, традиция, постмодерн, десакрализация, ресакрализация.

Sports spirituality as a moment of resacralization of social reality.

Biryukov I. L.

Federal State Budgeted educational institution of higher education “Armavir State Pedagogical University”, graduate student

Abstract: The author considers sports activity as one of the mechanisms that can unite society with a national idea, as the most important component of the spiritual culture of society, filling a person's lifestyle with worldview meanings and values of a higher order. Sports spirituality is seen as a moment of resacralization of social reality. In this sense, sports spirituality is a very important social phenomenon, penetrating all levels of modern reality, affecting national relations, social status, ethical values. Thus, one of the key problems of our time is the creation of a new model of spirituality based on tradition, dialectically taking into account the principles of scientific modernism and postmodernity. These thoughts about sports spirituality are philosophical. The topics proposed for discussion are designed to focus on the problem of the essence of spiritual - moral education and the formation of personality.

Keywords: sports activity, spirituality, sports spirituality, sacredness, tradition, postmodern, desacralization, resacralization.

Спортивная духовность выражается в ряде аспектов. Это и «интенция человека к вечным ценностям»; это «основа преемственности поколений, поддержания человеческого способа жизни, как определенного ценностного подхода» на пути постижения божественного начала; «стержень спортивной реальности с системой психологических и социокультурных кодов самосовершенствования человека, которые можно назвать личностным мировоззрением» [1 с. 11-12]. Тем самым спортивная деятельность осознается как особая социально-культурная практика, но одновременно это и «источник экзистенциальных, моральных, эстетических, педагогических, рекреационных и оздоровительных ценностей [2, с.175]». Продолжая традиции, во главу угла необходимо ставить духовные ценности образования, культуры, свободы личности, исходя из особенностей русского религиозного сознания и его неотделимости от русской национальной культуры и этики. Спортивная деятельность как многогранное общественное явление является областью физической подготовки и удовлетворения духовных запросов общества. Возникновение разнообразных физических упражнений исторически определено человеческим стремлением удовлетворить потребность в движении и, как правило, в развитии не только физических,

но и духовных качеств [3, с.20-24].

Одной из важных точек в спортивной духовности будет понимание соприкосновения Бога и человека как двух видов реальности. Соответственно перед нами встают вопросы. Посредством чего может осуществляться это взаимодействие и с помощью каких методологических конструкций мы можем это проследить? Как таковое мировоззрение должно соответствовать ежедневным потребностям человека? [4, с.484]. В особенности это касается этики, поскольку большинство россиян живут в морально-правовой системе координат и регуляторов, которые сформированы на основе и в контексте Евангельских ценностей. Спорт и физкультура, как рациональные действия человека, требуют функционирования не только органов тела, но, прежде всего, разума и воли. Разум и воля, будучи отличительными элементами человека, в их правильном функционировании, приобретают приспособленность и добродетели [5].

Обозначая новые границы ценностных ориентиров спортивной деятельности, можно обнаружить новые смыслы «телесности и духовности» в физической активности человека, проявляющихся не только в механический целях, таких как победа или рекорд, а в творчестве и религиозной идее спасения на пути становления и движения к трансцендентной цели и реальности Горнего бытия. Поэтому вектором спортивной духовности будет восстановление утраченных или замутнённых практик Богообщения для возвращения к традиционным ценностям. Спорт тоже является особой формой молитвенного творчества на пути самопреодоления и самосовершенствования. Традиция при таком подходе, это не просто внешний комплекс мер, символов или обрядов, которые существуют сами по себе. Если они не будут наполнены сакральным, то будут как представлять собой «формы – пустышки» [6, с.86-89]. Традиция - это далеко не архаика. Архаику следует рассматривать как явно устаревшее явление, мешающее развитию, поскольку она противостоит не только прогрессу, а традиции как таковой, накладывает на нее тень мракобесия и ретроградства [7, с.55].

Современная десакрализация спортивной реальности ведет к уничтожению традиционных и естественных бытийных форм, переключая внимание с сакрального бытия на бытие сугубо человеческое как вид современной архаики и нового язычества. Постмодерн стремится не изменить объекты, а преобразовать знания о них [8, с.24]. «Традиционализм постмодерна», не обладающий связью со Священным как основой Традиции, способен стать весьма эффективным средством для уничтожения традиционности как вида мышления. Постмодернизму присуще отречение от традиции как дуального восприятия истины. Ему не свойственно осознание иерархичности, что придает особенную значимость возможностям продуктивного воображения [9, с.91]. Индивид, оторванный от естественного бытия и перемещённый в информационное киберпространство, полностью готов к ретропостмодерну как своеобразному переходу к имитации Традиции и внешней стилизацией архаики. Это будет десакрализацией в своём пределе, которая активно маскируется под религиозные явления и процессы нашего времени. В этом мистическом опыте ярко проявляется отличие поверхностной духовности от глубинной [10, с.13-44]. Причем это состояние никак не связано с новым витком прогресса и развития, а будет всего лишь отрицанием естественного бытия и компиляцией реальности.

Таким образом, следует осознать потенциал спортивной духовности как события в бытии, обеспечивающей воссоздание онтологической целостности сущности человека, культуры и духовности, возвращая спортивной и физкультурной деятельности религиозный смысл творчества с его трактовкой жизни как пути ко спасению и оправданию, рассматривая спортивные практики как особую составляющую жизни современного общества и применять их в качестве мощного рычага воздействия на духовную сферу общественной жизни, осознавая их особую роль с аксиологических, гуманистических и антропологических позиций.

Литература:

1. Бирюков И. Л. Спортивная духовность: философско-теологический аспект. монография / свящ. Игорь Бирюков ; науч. ред. А. Д. Похилько. Армавир : РИО АГПУ, 2019. С. 136.
2. Zbigniew Krawczyk Axiological Aspects of Sport – Practical Dimensions, praca zbiorowa pod redakcją naukową Jerzego Kosiewiczai Kazimierza Obodyńskiego, Koraw, Rzeszów 2004, s. 175.
3. Арэфьев А. А. Философские идеи спорта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 5 (55) : в 2-х ч. Ч. I. С. 20-24.
4. Mikołaj Krasnodębski, «Człowiek i paideia. Realistyczne podstawy filozofii wychowania», Wydawnictwo Wyższej Szkoły

Przymierza Rodzin w Warszawie. Warszawa, 2009. 484 s.

5. Andrzejuk A. Sport w ujęciu tomistycznym. [Электронный ресурс]. URL: <http://asza.home.pl/tomizm/?q=node/28>.
6. Товбин К.М. Религиозная гальванизация как имитация традиционной духовности. ВІСНИК Київського національного університету імені Тараса Шевченка. 2013. С. 86-89.
7. Лепехин В.А. Постмодерн как апология архаики и реакции. / Социально-Гуманитарное обозрение. № 1. 2016. С. 53-57.
8. Гревцева А.А., Ильина Ю.А. Постмодерн и традиции модерна: диалог и дискурс в условиях современного образовательного процесса. / Психолого-педагогические аспекты самоорганизации образования в России. // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под редакцией В.В. Сохранова-Преображенского (Пенза). 2017. С. 21-25.
9. Касумова С.Ф. Проблема ментальности в мире постмодерна. / European research: innovation in science, education and technology. // XLIX International correspondence scientific and practical conference. London. 2019. С. 90-92.
10. Kosiewicz J. Sport zawodowy, widowiskowy i olimpijski w kontekście pojęć spirituality i spiritualism oraz etyki normatywnej /Akademia Wychowania Fizycznego Józefa Piłsudskiego w Warszawie / Jerzy Kosiewicz // Filozoficzne i społeczne aspekty sportu i turystyki. 2016. P. 13-44.

Пастфарианство: частный случай проблемы демаркации религии и квазирелигии

Бубнов Е.С.

*Дальневосточный федеральный университет, доцент Департамента философии и религиоведения.
Кандидат философских наук*

kniznicherv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования секулярных феноменов, имеющих ряд структурных и смысловых сходств с религиозными. Уже на ранних этапах изучения данных феноменов сформировались три подхода. Согласно первому подходу, секулярные движения, обнаруживающие сходство с религиозными движениями, являются квазирелигиями. Представители второго подхода считают подобные движения особым классом — светскими религиями. В рамках третьего подхода рассматриваемые феномены именуются религиями. Однако, между представителями всех трех упомянутых подходов существует некоторая преемственность, указывающая на отсутствие принципиальных концептуальных разногласий. Одной из иллюстраций данного тезиса является Пастфарианство, на примере которого демонстрируется условность границ между религиозными и квазирелигиозными движениями. В зависимости от того, на какую дефиницию понятия религия мы опираемся, Пастфарианство может считаться как религией, так и квазирелигией.

Ключевые слова: квазирелигия, политическая религия, светская религия, гражданская религия, Пастфарианство

Pastafarianism — a particular case of the problem to demarcate religion and quasi-religion. *Bubnov E.S.*

Department of Philosophy and Religious Studies of the Far Eastern Federal University

Abstract: The paper deals with the problem of studying secular phenomena having a number of structure and content similarities with religious ones. At the early stages of studying these phenomena three approaches emerged. According to the first approach, secular movements showing similarity to religious movements are quasi-religions. The representatives of the second approach consider such movements a special class — secular religions. In the third approach, the phenomena under study are called religions. However, there is some consistency among the representatives of all these three approaches showing the absence of fundamental conceptual controversy. One of the illustrations of this thesis is Pastafarianism demonstrating how vague the boundaries between religious and quasi-religious movements are. Depending on the definition of the term “religion” we rely on Pastafarianism that can be considered both a religion and a quasi-religion.

Keywords: quasi-religion, political religion, secular religion, civil religion, Pastafarianism

Термин квазирелигия, как известно, получил распространение стараниями лютеранского теолога Пауля Тиллиха. В работе «Христианство и встреча мировых религий» (1963) он пишет: религия, — это состояние захваченности предельным интересом, содержание которого чаще всего обозначается словом «Бог». В квазирелигиях в качестве высшего интереса выступают народ, наука, форма или этап развития общества, высший идеал человечества. К квазирелигиям Тиллих, относит, например, фашизм (как радикальную форму выражения национализма), коммунизм (как радикальную форму выражения социализма) [1, с. 398-399].

Однако, типичные черты и функции религиозных организаций, в секулярных движениях, усматривали, конечно же, и до Тиллиха. В монографии «Политические религии» (1938) Эрик Фегелин, описывая ситуацию, в которой отношение человека к государству напоминает поведение верующего, называет упомянутым в заглавии своей работы термином коммунизм и нацизм, указывая, в частности, на наличие апокалиптической символики в учении данных движений [2, с. 14, 40-41]. Собственно, концепт политическая религия впервые встречается уже у Николая де Кондорсе в «Пяти мемуарах об

общественном образовании» (1791), где говорится, что если законы навязываются как доктрина не подлежащая обсуждению, то это не что иное, как попытка создать политическую религию [3, с. 212]. Раймон Арон, в статье «Будущее светских религий» (1944), рассуждает о социализме, коммунизме и нацизме [4, с. 168-190]. Уже после выхода труда Тиллиха, Роберт Н. Белла опубликовал текст «Гражданская религия в Америке» (1967), в котором описывается феномен сакрализации истории, символов и атрибутов государственной власти в США. Но Белла напоминает, что автором словосочетания гражданская религия является Жан-Жак Руссо [5, с. 168]. В трактате «Об общественном договоре» (1762) просветитель описывает гражданскую религию следующим образом: она существует только в одной стране, все, что за ее пределами для нее есть неверное, чуждое, варварское; она учит: служить государству, — значит служить Богу [6, с. 316-317].

Но, пожалуй, одним из первых о религиозной природе упоминаемых Тиллихом секулярных движений заговорил Н.А. Бердяев. В статье «Религиозные основы большевизма» (1917) он настаивает: указанное направление политической мысли следует рассматривать как религиозное явление [7, с. 593]. К этому тезису Бердяев возвращался неоднократно. Так, в «Царстве Духа и царстве Кесаря» (1951), он пишет: коммунизм несет в себе черты религии, — строгую догматическую систему, разделение на ортодоксию и ересь, священное писание в виде трудов основателей... [8, с. 338]. А историк Карлтон Д.Х. Хейс, в эссе «Национализм как религия» (1926), декларирует: современный националист, осознавая свою зависимость от государства, чувствует потребность в его могущественной помощи, видит в нем источник собственного совершенства и счастья, государству же, — в строго религиозном смысле, — он подчиняется. Ритуал национализма проще, чем у некоторых великих исторических религий, вероятно потому, что прошло еще недостаточно времени для его детальной разработки [9, с. 104, 107]. Примечательно, что Хейс, во втором томе своего фундаментального исследования «Политическая и общественная история современной Европы» (1921), характеризуя пребывание императора Мэйдзи в Киото, использует понятие квазирелигиозное более чем за четыре десятилетия до Тиллиха [10, с. 581].

Соотношение веры и знания в философии

Вильданова Г.Б.

БашГУ, Уфа, профессор кафедры социальной работы факультета философии и социологии. Доктор философских наук

guzbulat75@mail.ru

Аннотация: Объем усвоенной информации, грамотность населения растет, но уровень благополучия в современном обществе уменьшается. Если человек собирает только интеллектуальные знания в ущерб духовному знанию, то мы имеем дело с вредным знанием. Любые ли знания делают тебя сильным, а может есть набор знаний, от которых человек слабеет, дуреет? Знания, не подкрепленные верой в Бога, не представляют собой силу, а наоборот, только отнимают ее, и увеличивают гордыню и сеют раздор. Философия, будучи мировоззренческой основой всех наук, не должна быть атеистической, чисто прагматичной (направленной только на внешнюю, материальную, бытийную сторону жизни). Мудрость отличается от простого накопительства знаний тем, что ее критерием является сама жизнь, благополучие и добро.

Ключевые слова: знания, вера, мудрость, благополучие, преемственность знаний.

The ratio of faith and knowledge in philosophy. Vildanova G.B.

Bashkir State University, Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Social Work

Abstract: The amount of information acquired and the literacy of the population is growing, but the level of well-being in modern society is decreasing. If a person collects only intellectual knowledge at the expense of spiritual knowledge, then we are dealing with harmful knowledge. Does any knowledge make you strong, or is there a set of knowledge that makes a person weak, stupid? Knowledge that is not supported by faith in God does not represent power, but on the contrary, only takes it away, and increases pride and sows discord. Philosophy, being the worldview basis of all Sciences, should not be atheistic, purely pragmatic (aimed only at the external, material, existential side of life). Wisdom differs from simple accumulation of knowledge in that its criterion is life itself, well-being, and goodness.

Keywords: knowledge, faith, wisdom, well-being, continuity of knowledge.

Изменение любого общества начинается с изменения его мировоззрения, ценностей. На сегодняшний день человечество переживает кризис: разрушение семейных ценностей, войны, террор и т.п. Следовательно, на каком-то этапе развития человеческого общества мы пошли не тем путем, где-то была совершена ошибка в мировоззренческом, идеологическом, ценностно-ориентирующем планах, и мы теперь «пожинаем» плоды того, что было «посеяно». Если взглянем на историю последнего 100-летия нашей страны, то можно увидеть яркую картину колоссальных фундаментальных смен мировоззренческих, идеологических парадигм. Несомненно, все эти смены парадигм шли совместно с политическими, экономическими и духовными изменениями, ибо все эти аспекты бытия тесно переплетены.

Установленная политическими силами, властью и просуществовавшая до начала 90-х гг. XX века коммунистическая (основанная на марксизме-ленинизме) идеология в нашей стране, основной вопрос философии, сформулированный классиками марксизма, решала в пользу бытия, т.е. констатировала главные фундаментальные ценности человеческого общества следующей формулировкой основного вопроса философии: «Бытие определяет уровень сознания», «Жизнь есть существование белковых тел». Только сейчас, по истечении больше века, можно увидеть разрушительные масштабы последствия этой бесчеловечной философии: революции, гражданская война, репрессии, военный террор, массовая алкоголизация населения, увеличение разводов, самоубийства, аборт. Действительно, было время, когда религия и философия очень враждовали, противопоставлялись. Почему? Откуда этот антагонизм?

Если бросить короткий взгляд на историю философии, то можно констатировать, что совершенно безбожной, полностью атеистической философии, мысли без ссылки на Абсолют, до марксизма никогда не существовала.

За последний век сложилась еще одна весьма парадоксальная картина: объем усвоенной информации, грамотность населения растет, но уровень благополучия в обществе уменьшается. Под благополучием имеем в виду: счастливую жизнь, благополучную семью, добрые взаимоотношения между детьми и их родителями, отсутствие любых антидепрессантов, уводящих человека от живой действительности: алкоголь, наркотики, телевидение и т.п. Отсюда вопрос: увеличивает ли грамотность (обретение знаний) человека его гарантии на счастливую благополучную жизнь? Очевидно, что нет. Даже наоборот, чем более грамотен, интеллектуален человек, тем он более несчастен. Значит, мы в погоне за мирскими, теоретическими знаниями, упустили суть жизни, самые главные знания. Критерием истины является образ жизни обучающего, мудреца, учителя. Наша практика, наше сегодняшнее бытие, которое подошло по многим показателям к глубокому кризису, является ярким результатом современной философии, мировоззренческих установок. Можно сколько угодно говорить, писать, теоретизировать о благополучии, счастливом образе жизни, счастливой семье, заповедях морали – но грош цена всем этим теориям, если они не претворяются в жизнь или претворяются ради внешнего лоска, для толпы.

Мы разграничиваем два уровня (вида) знания: феноменальный (горизонтальный, интеллект, проявленный уровень) и ноуменальный (вертикальный, вера, непроявленный уровень). Знания феноменального уровня – это телесно-комфортноориентированные (весь багаж материального прогресса) знания. Начиная с детского сада и продолжая школой и другими учебными заведениями, человека буквально «наполняют» знаниями, так как в этом есть утилитарная необходимость. Ведь человек должен уметь зарабатывать себе на «кусочек хлеба». Но все эти знания должны основываться на прочном фундаменте веры в Бога, иначе они не приносят духовного удовлетворения, они разжигают споры, увеличивают гордыню. Если человек собирает только интеллектуальные знания в ущерб духовному знанию, то мы здесь имеем дело уже с вредным знанием, ибо новейшие достижения науки в руках невежд очень опасны. Ум – это, по сути, механизм выживания. Нападение и защита от других умов, а также собиранье, хранение и анализ информации – вот где хорош ум.

Второй же вид знаний не преподается обычным академическим способом, эти знания человек приобретает сам, чувствуя острую внутреннюю необходимость в этих знаниях, но под четким руководством учителя (остаза). «Путь к познанию Всевышнего – это особая наука, требующая укоротить свое эго, каяться в совершенных грехах, любить своего Создателя, и отказаться от пагубных привычек во имя этой любви. Так же как невозможно постижение любых наук без руководства ученого, компетентного в той или иной области, нельзя пытаться идти по пути познания Всевышнего без учителя» [1, с. 3]. Эти знания как раз те, что делают человека ЧЕЛОВЕКОМ. И до тех пор, пока у человека не произойдет смена парадигмы мышления в пользу принятия духовного (не материального) за основу бытия, человек счастливым, благополучным стать не сможет.

Почему же это так важно? Это важно потому, что именно этот срез знаний дают человеку то, что выделяет его от других биологических видов на земле. «Мораль», «Этика», «Честь», «Добро», «Счастье» – эти категории применимы только для человеческого уровня общения. Мы не можем констатировать о счастливой и несчастной корове или моральной или аморальной собаке. Но ни одно животное не убивает себе подобных ради власти или корысти, никогда не лжет. Все животные живут, следуя своей истинной природе. Человек же выходит за пределы истинного пути, нарушает порядок в бытии из-за жадности, корысти, эгоизма. Нарушение благополучия государства начинается с нарушения благополучия в мировоззрении человека, а мировоззрение формируется благодаря обретению знаний о мире. Если среди этих формирующих мировоззрение нет знаний о Создателе, то откуда взяться вере в Него?

Таким образом, обобщая мысль, хотелось бы еще раз отметить, если у человека нет знаний об Аллахе, не будет и искренней веры в Него. Вопрос соотношения веры и знания весьма тонкий, ибо от ее правильного решения зависит судьба человечества. В данный момент, в нашем обществе перевешивают весы «знаний», с тех пор как Френсис Бэкон объявил девиз: «Знание – сила!». Знания – это гильм, в Коране есть аят, помогающий ясно увидеть различие между знающими и незнающими. В Коране об этом говорится следующим образом: разве могут быть знающий и не знающий одинаковы: «Не тот ли благоговеет, кто в известные времена ночи поклоняется и стоит на молитве, остерегая себя

для будущей жизни и ожидая милости от Господа своего? Скажи: знающие и незнающие равны ли одни другим? Пусть об этом размышляют люди рассудительные» [2].

Поэтому очень важно внедрять в систему образования и другой вид знаний (вертикальный): который устанавливает и укрепляет связь ума с разумом, разума с душой, души с Богом. Без этой связи (religare с переводе с латинского «связь») любая религиозная деятельность просто набор упражнений. В Исламе эта связь человека с Создателем передавалась по цепи ученической преемственности. Очень важно было принимать знания от чистого (саф), наделенного светом Учителя (остаза). Это направление в Исламе называется «суфизмом». Второй важный момент в получении знаний – наличие цепи ученической преемственности (силсила). Почему нельзя получать знания самостоятельно без учителя, самому, тем более современная цивилизация предоставляет нам доступ ко всем знаниям: сидя в интернете можно иметь доступ ко всем знаниям мира. Вот в этом месте кроется очень большая опасность: знания, полученные без мудрого учителя, увеличивают гордыню.

Естественный исход всякой материалистически направленной цивилизации и культуры – это глубокий, экзистенциальный тупик в поисках счастья, разочарование в тех ценностях, которые прививала традиционная система образования и ортодоксальная религия.

Мудрость, обретаемая человеком изнутри (в смысле «царствия Божия внутри нас»), предоставляет ему глобальную переоценку ценностей. Особенно сейчас, в век стремительного роста развития все новых и новых инновационных технологий, стоит проблема переоценки ценностей. Никто и ничто во внешнем мире не принесет человеку мира, покоя, радости, счастья, если нет внутренней трансформации. Таким образом, общество становится благополучным только тогда, когда в нем будут жить, претворять в жизнь, практиковать, жить согласно своей философии, благополучные и счастливые люди. Философия, будучи мировоззренческой основой всех наук, не должна быть атеистической, чисто прагматичной (направленной только на внешнюю, материальную, бытийную сторону жизни). Мудрость отличается от простого накопительства знаний тем, что ее критерием является сама жизнь, благополучие и добро [3, с. 17].

Таким образом, обобщая мысль, задаем вопрос: любые ли знания делают тебя сильным, а может быть набор знаний, от которых ты слабеешь, дуреешь? Отвечаем: да, действительно, не всякое знание – есть сила! Тогда возникает следующий важный вопрос: как отличить истинные знания от ложных? В философию было введено много понятий в поисках истинно полезных знаний: позитивизм, прагматизм, фаллибилизм и т.п. По истечении одного столетия можем констатировать факт, что знания, не подкрепленные верой в Бога, не представляют собой силу, а наоборот, только отнимают ее, и увеличивают гордыню и сеют раздор. Любые знания, которые произрастают из фундамента веры в Бога, дают свет и благополучие, будь это технические, медицинские, юридические, экономические или чисто философские. Знания же основанные на идее, что человечество «случайно», несет колоссальные разрушительные идеи. Сама идея оторванности, индивидуальности, что каждый сам за себя, что ученый объективен по отношению к исследуемой вещи, только усиливает гордыню.

Таким образом, «самой ценной и обязательной для каждого человека наукой является наука о Единобожии [таухид], посредством которой осуществляется познание Всевышнего Аллаха через присущие Ему атрибуты [сыфаты]. Пророк Мухаммад сказал: «Поиск знаний обязателен для каждого мусульманина и мусульманки». Под словом «знания» подразумеваются именно такие знания, которые приводят человека к познанию Аллаха» [4, с. 14].

Литература:

1. Ахмад-хаджи Абдулаев предисловие к книге «Сокровищница благодатных знаний» / Саид-Афанди аль – Чиркави, Махачкала, 2018. 475 с.
2. Коран [39, 9].
3. Вильданова Г.Б. Онтологические и гносеологические основания мудрости и истины. Уфа, 2018. 326 с.
4. Сокровищница благодатных знаний. Саид-Афанди аль – Чиркави. Махачкала, 2018. 475 с.

Корреляция философии и религии в исторической ретроспективе

Гаврилов Е.О.

ФГБОУ ВО Кемеровский институт (филиал) Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, доцент. Кандидат философских наук

gavrilich@yandex.ru;

Гаврилов О.Ф.

ФГБОУ ВО Кемеровский государственный университет, доцент. Кандидат философских наук

gof57@yandex.ru

Аннотация: В исследовании на основе ретроспективного анализа показано, что единство религии и философии не исчерпываются границами богословского дискурса. Выйдя из мифа, они благодаря способности к трансцендированию преодолели его ограниченность, но при этом в силу обращенности к сюжетности мифа, к его смыслам и метафорам сохранили с ним связь. Эта неоднозначность в отношении религии и философии к мифу характерна и для взаимоотношений между ними. Сосуществование религии и философии характеризуется не только взаимным отторжением или дистанцированием друг от друга, но и глубоким взаимопроникновением, носящим как непосредственный, так и опосредованный характер. В результате взаимодействия философские идеи становятся предпосылкой религиозных новаций, а религиозные смыслы – основой философской рефлексии.

Ключевые слова: миф, религия, философия, трансцендирование, антагонизм, тождество

The Correlation of Philosophy and Religion in Historical Retrospect. Gavrilov E.O.; Gavrilov O.F.

Kemerovo institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics; Kemerovo state university

Abstract: The article, based on retrospective analysis, shows that the unity of religion and philosophy is not exhausted by the boundaries of theological discourse. Having come from the myth, they, thanks to their ability to transcend, overcome its limitations, but due to their appeal to the plot of the myth, to its meanings and metaphors, kept a connection with it. This ambiguity about religion and philosophy to myth is also characteristic of the relationship between them. The coexistence of religion and philosophy is characterized not only by mutual rejection or distance from each other, but also by profound interpenetration, both direct and indirect. As a result of interaction, philosophical ideas become a prerequisite for religious innovations, and religious meanings become the basis of philosophical reflection.

Keywords: myth, religion, philosophy, transcendence, antagonism, identity

Существующая практика противопоставления религии и философии, игнорирует устойчивые связи, а в определенном смысле тождество этих явлений. Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить инвариантные отношения религии и философии в исторической ретроспективе.

Прежде всего, отметим, что они имеют единый корень - миф, но в ходе своей эволюции оказываются формами и способами его преодоления и одновременно продолжения. Преодоление мифа в религии осуществляется посредством его трактовки как суеверия, то есть неподлинной веры, а в философии как заблуждения, другими словами как ложного знания. Основанием такой оценки стала слабая в сравнении с религией и философией способность мифа к трансцендированию [1, с. 102]. В философии способность к трансцендированию ознаменовало появление самосознающего «Я», избирающего собственный разум в качестве основного инструмента и объекта познания, а в религии радикальное разделение плана бытия на естественное и сверхъестественное.

И философия, и религия разрывают характерную для мифа временную и смысловую замкнутость. Эта особенность мифа проявляется в понимании времени и развития как цикла. Так,

одной из центральных тем мифа М. Элиаде считал «вечное возвращение» [2, с. 21-124], а, по мнению К. Леви-Стросса, замкнутость мифа проявляется в представлении о неизбежности превращения противоположных явлений друг в друга [3, с. 235]. Однако ревизия мифа, как с позиции разума, так и с позиции веры, не привела к ни к его исчезновению, ни к уменьшению его влияния. Хотя стратегии преодоления мифа в религии и философии сохраняют свою актуальность, миф осуществляет свою историческую роль мировоззренческого фундамента и оказывает свое влияние на жизнь общества.

Что касается продолжения мифа религией и философией, то его преодоление ими в определённом смысле оказалось мнимым. Так, язычество в значительной степени подчинено логике мифа, а «разрыв» с мифологией в монотеистических и мировых религиях специалисты склонны рассматривать скорее как избирательное к ней отношение, проявляющееся во включении избранных мифологических сюжетов в содержание трансцендентного измерения действительности [см.: 4, с. 118-121; 444-445]. Обращаясь к мифологической символической, религия переосмысливает ее содержание, выводит за рамки круговорота природных сил.

Философия, отказываясь от алогичности мифа и отвергая образно-символическую оболочку, сохраняет с ним связь на содержательном уровне, актуализируя и концептуализируя его смыслы. Это находит проявление в категориально-понятийном освоении фундаментальных мировоззренческих принципов, таких как дихотомическое деление реальности (Г. Гегель) или мифологические паттерны психики человека (К. Юнг), и даже в трактовке мифа как основания философии (Ф. Ницше). Конечно, близость мифа и философии не означает их тождества. Как отмечает А.Ф. Лосев «часто, особенно теперь, можно встретить такие уличные отождествления: метафизика = мистицизм, спиритуализм = спиритизм, религия = метафизика, метафизика = спиритуализм, или спиритизм, трансцендентная философия = трансцендентальная философия, религия = идеализм; и т. д. и т. д. На почве философского одичания можно выдумать еще тысячу таких отождествлений» [см.: 4, с. 56]. Тем не менее, как и в случае религии, преемственность философии с мифом осуществляется не только в производных, косвенных формах, но и в виде попыток прямого соединения мифологических сюжетов и символов с философскими идеями.

Сложная, внутренне противоречивая, но устойчивая обращенность религии и философии к мифу заставляет в свою очередь осмыслить характер отношений между религией и философией, ответить на вопрос об их общих и отличительных чертах. Историческая ретроспектива позволяет выделить три варианта их взаимодействия: в одних случаях они выступают в качестве антагонистов, иногда как единое целое, реже как явления, внешне не пересекающиеся. Рассмотрим последовательно каждый из этих вариантов.

Появление философии собственно и ознаменовало начало противопоставления философии и религии. Осуществляя ревизию мифологических сюжетов Древнего мира, философия одновременно подвергала критическому пересмотру и религиозные представления этой эпохи. Противопоставление религии и философии мы наблюдаем и на закате эллинизма в критике философствования как элемента языческой учености со стороны представителей христианства и ислама. Так, Тертуллиан утверждает, что от языческой «философии сами-то ереси и получают подстрекательство» [5, с. 109]. Возрождение и Новое время напротив демонстрируют масштабную критику религии как пережитка прошлого (позитивизм), как средство господства одного класса над другим (марксизм), как порочной этики (Ф. Ницше, Б. Рассел). Эти направления критики получили продолжение и в Новейшей истории (Р. Докинз, К. Хитченс).

Но история знает множество фактов, когда философия и религия выступают в качестве единого целого. Их нераздельное единство можно наблюдать в период архаики, когда они в зачаточном состоянии сосуществуют в рамках мифа. По мере дифференциации интеллектуальных способностей человека это единство утрачивается, но возникшее разделение оборачивается тем, что рождение некоторых философских систем приобретает вид религиозных новаций. Так, для Пифагора математика становится источником мистических прозрений, а гераклитовское учение о Логосе и платоновское об эйдосах в дальнейшем становится органичной частью христианского и исламского вероучений. Таким образом, философию следует рассматривать не только как нарушение религиозной традиции, но и как средство её преемственности.

Следующее масштабное объединение философии и религии происходит в период становления мировых религий. Философия продолжает своё существование в качестве богословия. Она решает

фундаментальные вопросы догматики, исследует частные случаи приложения вероучения к жизни¹. В арабской и западноевропейской культуре разделение философии и религии обусловили формирование двух линий развития философии. Первая нашла выражение в рамках религиозного догматизма, а вторая – вне опоры на догматику. Соединение философствования с теологическими спекуляциями в определённой степени способствовало формированию в средние века теократических и клерикальных государств. В эпоху Возрождения и в Новое время получил реализацию второй вариант развития философии, уже без обращения к теологии, что в свою очередь повлияло на формирование светских и атеистических государств.

Ситуации, когда философия и религия внешне не пересекаются имеют под собой соответствующее концептуальное основание, во-первых, в формуле о двойственной истине (Аверроэс, Ф. Аквинский) и, во-вторых, в идее о несовпадении предмета и метода религии и философии (Ф. Бэкон). Первый приближает философию к религии, а второй отделяет от нее. Оба варианта многократно воспроизводились в истории. В целом же религия и философия практически всегда пребывали в той или иной форме взаимодействия. Их расхождение нередко знаменует собой качественные изменения общественного уклада. Здесь взаимовлияние философии и религии сохраняется, просто прямые связи между ними заменяются косвенными. Так в интерпретации И. Кантом идеи Бога просматривается протестантская теология, редуцирующая божественное влияние до этических императивов, философия Г. Гегеля оказывается попыткой синтеза религиозных идей и философии, как проявления единой сущности. А большевистский проект будущего, декларируя радикальное удаление философии в её марксистской версии от религии, на деле превращает философию в средство реализации идей по существу религиозных. Если всё же попытаться рассмотреть религию и философию в изолированном друг от друга виде, то за религией останется только невыразимый интуитивный мистический опыт, а за философией приемы абстрактной рационализации. Очевидно, что одно без другого не существует ни в религии, ни в философии, ни даже в науке.

При внимательном рассмотрении отдельных вариантов философского творчества можно увидеть их связи не только с религиозной верой в её самом широком смысле, но с религиозной традицией конкретного народа. Это означает, что философия, формирующаяся в среде национальных культур, в известной степени является продолжением и национальной религиозной традиции, а равно и связанных с ней социальных отношений. Расхождение же религии и философии оказывается индикатором трансформации традиции, реализации заложенных в ней идей. Именно в этом контексте следует понимать, например, критику христианства в философии Ф. Ницше, который заявлял о том, что мы «ищущие познания, мы – безбожники и антиметафизики – зажигаем наши факелы от того старого пожара, разожженного тысячелетней верой» [Цит. по.: 6, с. 7]. Именно в этом смысле раскрывается утверждение П. Бергера о том, что христианство выступило собственным могильщиком [7, с. 132]. Это – не только констатация того, что наступило время, когда религия оказалась вытесненной светскими атеистическими учениями, но и признание последних в качестве способа реализации христианских идей, пусть, выражаясь языком Г. Гегеля, в форме их инобытия, как предпосылки их же возможного синтеза. Иными словами, и философия, и религия осуществляют функцию транзита идей через эпохи, функцию их перевода из имплицитного состояния в эксплицитное, из потенциального в актуальное. Процессы духовного развития показывают, что за философскими идеями явно или скрыто содержится религиозный опыт, а за религиозными смыслами – философская рефлексия.

Таким образом, установленные выше связи философии и религии дают основание констатировать, что эти явления, имея в мифе общий источник происхождения, в чём-то преодолевают, а в чём-то продолжают его, образуя по отношению друг к другу оппозицию, но одновременно порождая синтетические образования. В рамках такого отношения осуществляется интенсивный обмен смыслами и формами их выражения.

Литература:

1. Гаврилов Е.О., Гаврилов О.Ф. Миф и религия: исторические и содержательные аспекты сравнения Миф и религия: исторические и содержательные аспекты сравнения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 39. С. 88-102.
2. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское М.: Ладомир,

¹ Для древневосточной культуры характерен иной путь, не связанный с обособлением философии в самостоятельную сферу.

2000. 414 с.

3. Леви-Строс К. Структурная антропология. / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа М.: Издательство мысль, 2001. 558 с.
5. Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков // Избранные сочинения. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1994. С. 106-129.
6. Ясперс К. Ницше и христианство. М.: Моск. филос. фонд; «Медиум», 1994. 115 с.
7. Berger P. L. The Social Reality of Religion. Harmondsworth: Penguin, 1973. 235 p.

Синтез теологии и философии в контексте преподавания в высшей школе

Глазков А.П.

Астраханский государственный университет, заведующий кафедрой философии. Доктор философских наук

alpglazkov@yandex

Аннотация: В статье рассматривается проблема интеграции религиозной дисциплины теологии в систему высшего светского образования. Трудность заключается в том, что в университете обучение основано на научных принципах, а религиозное знание, которое содержит в себе конфессиональная теология, основано на религиозной вере. Автор предлагает решать эту проблему через синтез конфессионального теологического содержания и научной методологии, которой располагает философия. Данный синтез может быть осуществлен в рамках учебной дисциплины «Философские основы теологии». По своему существу речь идет о создании философской теологии. В методологическом плане в данном деле можно использовать критически осмысленный опыт аналитической философии в рамках которой уже достаточно много времени развивается направление, которое имеет такое же название «философская теология».

Ключевые слова: теология, философская теология, аналитическая философия, естественная теология, религия, конфессиональная теология, философия религии

The synthesis of theology and philosophy in the context of teaching in higher education. *Glazkov Alexander Petrovich*

Astrakhan State University, Head of the Department of Philosophy

Abstract: The article considers the problem of integrating the religious discipline of theology into the system of higher secular education. The difficulty lies in the fact that the University teaching is based on scientific principles, and the religious knowledge, which contains confessional theology, is based on religious faith. The author proposes to solve this problem through the synthesis of confessional theological content and scientific methodology, which is available to philosophy. This synthesis can be carried out within the framework of the academic discipline «Philosophical foundations of theology». Essentially, it is about creating a philosophical theology. In methodological terms, in this case, you can use the critically meaningful experience of analytic philosophy in which the direction that has the same name «philosophical theology» has been developing for a long time.

Keywords: theology, philosophical theology, analytic philosophy, natural theology, religion, confessional theology, philosophy of religion

Теология как направление профессиональной подготовки в высшей школе в современной российской системе образования является делом относительно новым и поэтому требующим решения (прояснения) принципиальных концептуальных вопросов. Одной из таких проблем, на наш взгляд, является определение при формировании содержания учебных программ соотношения конфессионального компонента, который предполагает Госстандарт по специальности «Теология», и общенаучного. Вуз является светским учебным заведением, а не религиозной школой, поэтому при организации учебного процесса это надо учитывать в первую очередь.

Необходимо найти в содержательной части подготовки специалистов в данной области профессиональной деятельности приемлемый конструктивный компромисс между двумя этими компонентами. Одним из связующих моментов, позволяющих согласовать это противоречие на теоретическом уровне, может быть учебная дисциплина «Философские основания теологии». Эту дисциплину, думается, необходимо включать в вариативную часть учебного плана. Задача данной дисциплины расставить нужные акценты в светской подготовке теологии, связать воедино неизбежно возникающее конфессиональное содержание теологии и научную методологию,

которая может быть представлена через философию. Речь идет об определении и выстраивании совместного тематического поля философии и теологии. Такое соединение теологии (содержательная часть) и философии (научно-методологическая часть), с сохранением естественных границ, которые разделяют философию и теологию, позволяет ввести курс подготовки по специфически-теологическим дисциплинам в научные нормативные рамки. Данный вариант по сути рациональной теологии может быть в перспективе назван философской теологией. Таким образом создаваемая философская теология отличалась бы по своим целям и задачам как от конфессиональной теологии, так и от естественной теологии.

Для обозначения конфессиональной теологии чаще всего используется слово «богословие». Конфессиональное богословие опирается на принимаемое через религиозную веру Священное Писание и конфессиональную традицию интерпретации его истин, в результате чего оно приобретает четко выраженный догматический характер. Это конфессиональное богословие в своей исторической и содержательной части может быть одним из предметов рассмотрения в рамках курса философской теологии. Естественная теология представляет собой самостоятельно и отдельно развивающееся знание, которое имеет своим истоком аристотелевскую теологию. Как известно, исходный смысл слова «теология», – это учение о богах или о божественном. Античная философия включила в свой состав в качестве своего предмета «божественное», но аристотелевское философское «учение о божественном» предполагало уже использование логики как философского метода. Так как философское представление о божественном было не мифологическим, а естественным, то естественным было также интуитивное предположение божественного как абсолютного совершенства. То, что божественно, то, естественно, должно быть совершенным. Поэтому мифические рассказы и рассматривались как басни, так как они рисовали богов несовершенными, подобным людям, только наделенные бессмертием и большими возможностями. Эта естественная теология или своего рода «теологическая философия», которая называется также метафизикой, имеет свою историческую траекторию развития, в том числе и в рамках философской традиции.

В этой связи необходимо отметить, что название «философская теология» уже активно используется в рамках аналитической философии. Это отдельное направление включает в себя большое количество исследований, которые на научном уровне также активно разрабатывают теологические вопросы. Опыт этой интеллектуальной работы требует внимательного и, конечно, критического изучения на предмет его использования при разработке курса «Философские основания теологии». Речь идет об использовании опыта аналитической философии для поиска путей определения оптимального соотношения теологического и философского компонентов. Как пишет В.К. Шохин: «Метатеоретический потенциал философской теологии может быть востребован в дисциплинарном самоосознании и значительно более локализованного сегмента – в только начавшей обозначаться российской светской (университетско-академической) теологии, которая должна иметь и интенциональность и предметный куррикулум, отличные от церковного богословия, с которым ей естественнее всего находиться в отношении никак не дублирования одного другим, но только диалога (в котором по определению могут состоять лишь смежные, но различные начала)» [1, с. 12]. Различные направления философской теологии могут сориентировать в поиске места и содержания дисциплины в отношении к другим философским дисциплинам. Так, например, для американского аналитического философа Томаса Морриса: «Цель философского богословия состоит в том, чтобы, используя самые надежные философские методы и приемы, внести максимально возможную ясность в реальное содержание ключевых понятий, исходных предпосылок и центральных принципов религиозной веры, а также существующих между ними многообразных связей» [2, с. 4-5]. В этом смысле философская теология (философское богословие) это с одной стороны «специализированная отрасль богословия», а с другой стороны «законная часть философии».

Как пишет другой американский философ Роберт М. Адамс философия религии и философское богословие почти синонимы: «Философское богословие – это та часть философии религии, где речь идет главным образом о Боге» [3, с. 2]. Для этого американского философа философская теология представляет собой «естественный фокус» сосредоточенный на понятии Бога. Причем, интересно отметить, философской теологией могут заниматься не только верующие люди. Как замечает Роберт М. Адамс: «Свой вклад в ее изучение способны внести и действительно вносят не только теисты, но и атеисты» [3, с. 2]. И в рамках такого понимания, примечательного для российской вузовской среды, «атеизм является здесь одной из конкурирующей позицией» [3, с. 2]. Вместе с тем хотелось

бы отметить, что философскую теологию все-таки необходимо отличать от философии религии, хотя в рамках аналитической философии они в некоторых ее направлениях обозначаются как синонимы. Философия – это все же не теология, а другая дисциплина. Можно согласиться с мнением о том, что «философия с особым предметом и теология с особым методом не утрачивают своих родовых признаков» [4, с. 10]. Не одно и то же философская дисциплина «предметом которой следует считать существование, атрибуты и действия Бога» и теологическая дисциплина, «в которой богопознание осуществляется посредством философского инструментария» [4, с. 10].

По своему предмету исследования и тематическому содержанию (доказательства существования Бога, атрибуты Бога и т.д.) философская теология, которая развивается в рамках методологических приемов аналитической философии, продолжает традицию схоластики. Как пишет Энрике Ромералес: «Отличие здесь заключается в методах. Современные философские теологи используют новые методы, такие как понятийный, логический и лингвистический анализ» [5, р. 558]. Схоластика в свою очередь создавалась в рамках конфессиональной теологии и эволюционировала в теоретическую теологию. Надо отметить, что в настоящее время происходит определенная эволюция философской теологии в области тематики. Так составители сборника Оксфорд Теология пишут, что в последнее время много внимания уделялось философским проблемам, связанным с христианскими учениями о Троице, Воплощении и Искуплении; появилось множество исследований о природе божественного провидения и о его следствиях для человеческой свободы; определенная работа была проделана и по вопросу о метафизической возможности воскрешения из мертвых» [6, с. 33]. Речь идет как раз о том, что при сохранении научной философской методологии тематическое содержание становится конфессиональным. В перспективе эти авторы указывают, что работа в этом направлении будет продолжена: «Другие темы еще ожидают обсуждения. Например, сравнительно мало написано о божественном откровении и о богодухновенности Писания. Совсем немного работ посвящено молитве, первородному греху, природе рая и ада, и почти нет литературы о христианском учении о Евхаристии» [6, с. 33].

Слово «теология» может использоваться и в других философских контекстах и смыслах, некоторые из которых имеет определенную научную эвристическую перспективу. Так, например, мы это видим у П. Тиллиха в понятии «теология культуры», когда он пытался «выявить религиозную составляющую во многих конкретных областях культурной деятельности человека» [6, с. 236]. Теология является также составной частью религиозных конфессиональных философских систем, например, в патристике. Можно отметить включение темы теологии при исследовании истории философии. Этот ряд может быть продолжен. Философско-теологический комплекс достаточно обширен и внутри него существует многообразие видов знания, границы между которыми очень сложно провести. Все это в той или иной степени также может быть рассмотрено в рамках курса «Философские основания теологии».

Литература:

1. Шохин, В.К. Философская теология: дизайнерские фасеты. М.: ИФРАН, 2016. – 147 с.
2. Морис Томас Наша идея Бога. Введение в философское богословие. М.: Издательство ББИ, 2011. 201 с.
3. Адамс Роберт М. Добродетель веры. Очерки по философскому богословию. М.: Издательство ББИ, 2013. 376 с.
4. Шохин В.К. Теология как служанка философии, или современная версия традиционной метафизики // Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Томас П. Флинт и Майкл К. Рей; ред. М. О. Кедрова/ Ин-т философии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. 9-28.
5. Romerales Enrique Philosophical Theology // Filosofia de religión: estudios y textos. Madrid: Edición de Manuel Fraijó Editorial Trotta. P.558-599.
6. Флинт Томас П., Рей Майкл К. Введение // Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Томас П. Флинт и Майкл К. Рей; ред. М. О. Кедрова/ Инт философии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. 29-37.
7. Тиллих П. Теология культуры //Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С.236-395.

Символика павлина в иудейской позднеантичной иконографии.

Григорьева А.К.

МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения,
аспирант

atoporova111@mail.ru

Аннотация: В докладе автор пытается восстановить, каким символическим смыслом обладало изображение павлина в сознании иудея позднеантичной эпохи. Изображение павлина широко встречается как в памятниках иудейской синагогальной архитектуры первых веков н.э., так и среди мозаик в домах римских аристократов и раннехристианских памятников. Соответственно, для выяснения значения данного символа автору необходимо исследовать не только памятники собственно иудейской позднеантичной иконографии, но и контекст, в котором они возникали, а также возможные параллели, подобные сюжеты в окружающей культуре. Тексты античных авторов, эллинизированных иудеев и раннехристианских богословов могут дать ключ к пониманию того, каким образом символ, традиционный для Римской Империи, получил свое развитие в культуре позднеантичного Иудаизма.

Ключевые слова: Эллинистический иудаизм, символика, иконография, мозаики.

Peacock as a symbol of Jewish Late Antique iconography.

Grigoreva A.K.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Ph.D. student

Abstract: In the report, the author tries to restore the symbolic meaning of the image of the peacock in the minds of the Jews of the late antiquity. The image of the peacock is widely found in the monuments of the Jewish synagogue architecture of the II-VI centuries, and among mosaics in the homes of Roman aristocrats and early Christian monuments. So the author needs to study not only the monuments of the Jewish Judeo-Antique iconography proper, but also the context in which they arose, as well as possible parallels, similar plots in the surrounding culture. Through this, the author attempts to clarify the meaning of this symbol. The texts of ancient authors, hellenized Jews and early Christian theologians can provide a key for understanding how the symbol, traditional for the Roman Empire, was developed in the culture of late antique Judaism.

Keywords: late antique Judaism, symbolism, iconography, mosaic pavements.

Данная тема заинтересовала автора потому, что частота появления изображений павлина среди памятников иудейской позднеантичной иконографии позволяет сказать, что данный символ был общепринят среди верующих той эпохи. В качестве примеров изображений павлина в позднеантичных синагогах мы можем привести рельеф из синагоги VI века в Кацрине, изображающий пятисвечную менору рядом с павлином, синагогу в Хурват Маон VI века, мозаичный пол которой «усеян» медальонами, в одном из которых помещена и птица, синагогу в Газе, где изображение павлина находится в медальоне, окружающем надпись на греческом языке, синагогу Бейт Шеан, где павлин на мозаичном полу изображен с раскрытым хвостом, показывая свой великолепный облик. В целом изображения павлина в синагогальных интерьерах встречаются настолько часто, что можно выделить даже несколько типов изображений этой птицы, которые будут приведены в таблице ниже.

Можно условно разделить все изображения павлинов в иудейской позднеантичной иконографии на два типа:

- два павлина изображены в профиль с закрытыми хвостами, окружают некий объект (источник, из которого истекает вода, сосуд, менору, надпись) с двух сторон и смотрят на этот объект и, соответственно, друг на друга;

- один павлин изображен в анфас с раскрытым хвостом, как бы приветствуя смотрящего на него.

Описание	Месторасположение, период.
Павлин, окружающий амфору (кратер), помещенный в основании мозаичного полотна, зачастую в соседстве с акантом или виноградной лозой, начинающейся из кратера и оплетающей все пространство рисунка, образуя «рамки» медальонов. Примечательно то, что данная иконографическая композиция использовалась и в христианских церквях (Церковь в Шеллале, «Армянская» церковь в Иерусалиме [1, 118-119])	Синагога в Газе (Два симметричных павлина, один из которых подвергся разрушению, окружают греческую надпись); Синагога Хурват Маон, юг Израиля. Синагога в Хусейфе (совр. Усафия), север Израиля. Синагога Наро (совр. Хаммам-Лиф, Тунис) – в отличие от прочих изображений, в этой синагоге пара павлинов симметрично окружает кратер, откуда исходит вода.
Павлины, окружающие менору, подобно тому, как в первом типе изображений павлины окружают кратер	Синагога в Приене II в., территория современной Турции.
Павлин в анфас с раскрытым хвостом.	Бет Шеан В (малая синагога).

Оба этих типа имеют параллели как в христианской иконографии, так и в языческой, и так или иначе их значения связаны между собой. Дальнейшее исследование попытается установить символику значения павлина для позднеантичных последователей римской религии и ранних христиан.

В античности мы встречаем в греческих текстах несколько воззрений о павлине, которые помогут нам восстановить символическую образность данной птицы в представлении эллинизированных иудеев и ранних христиан. Например, Плиний утверждает, что павлин обладает тщеславием и меняет свое оперение каждый год с наступлением «цветочного сезона», то есть, весны [2]. В тексте Еврипида содержится намек на красочное оперение павлина, приобретение которого связано с мифом о великане Арге, которому Гера поручила стеречь Ио. Арг, обладающий ста двадцатью глазами по всему телу, был умерщвлен Гермесом, и Гера перенесла подобные звездам глаза великана на оперение павлина [3]. Вообще для греков павлин был птицей, посвященной Гере как правительнице небес, где у нее находится дом «в вышивке из звезд» [4], а также он считался психопомпом, проводником в загробном мире [5, 38]. Также павлин считался обладателем апотропических свойств: зачастую в мозаиках, встречающихся в домах аристократов Римской Империи находят изображение павлина в центре геометрического орнамента, который усиливает внимание к центральной фигуре птицы внутри; сама же птица в таких случаях изображается в анфас, хвост ее раскрыт, а «глаза» на хвосте обращены на смотрящего. Такой вид птицы, по задумке мастера, должен был предотвратить влияние злых сил на хозяина дома, поэтому подобные изображения павлина встречаются, как правило, в комнатах непосредственно рядом со входом в здание [6, 113-114].

Следует вспомнить о животных из видения пророка Иезекииля и Откровения Иоанна Богослова. Эти животные представляются «исполненными очей», и пророк называет их херувимами (Иез. 10:14-15). В книге Бытия сказано, что после грехопадения Адама и Евы Бог поставил херувимов напротив сада Едемского, чтобы они стерегли путь к Древу Жизни. Филон Александрийский предполагает, что херувимы в книге Бытия аллегорически изображают звездное небо, движение небесных сфер, на каждой из которых помещены звезды, которые движутся согласно порядку, установленному Богом [7]. Таким образом, мы видим определенную связь между птицей Геры, обладающей оперением, полученным из глаз многоочитого Арга и творениями Божиими – многоочитыми херувимами, чьи глаза представляют собой звезды на небосводе.

Что касается раннехристианских текстов, они также дают нам некоторую пищу для размышлений над данным символом. Тертуллиан упоминает, что греки представляли павлина птицей, в которую переселяются души умерших: ученики Платона утверждают, что души после смерти [человека] входят в тела не в прежние, и не в только в человеческие, как Эвфоб в Пифагора, как душа Гомера, вошедшая в павлина [8, 4.]. Этот же автор в другом сочинении пишет, что, согласно сну Энния, душа Гомера вошла в павлина, что не делает для него чести, поскольку для поэта не пристало иметь почести от своего богатого наряда, каким является оперение павлина [9]. Для Тертуллиана подобные воззрения были приближением к истине о бессмертии души [8, 4].

Согласно Августину, мясо павлина не подвержено тлению и порче: в произведении «О

Граде Божьем» он приводит собственное свидетельство того, что кусок мяса павлина сохранился неиспорченным в течение месяца, а затем и года, и для раннехристианского автора данный факт свидетельствует о божественном вмешательстве в природу вещей [10].

В тексте «Физиолога» сказано, что павлин любит свою красоту, но, видя свои уродливые ноги, плачет [11, 39]. Здесь мы видим отсылку к воззрениям, которые приводит в своем труде Плиний, о гордости и тщеславии павлина.

А.С. Уваров утверждает, что павлин являлся символом смены времен года и конкретно весны, поскольку его оперение яркостью красок напоминает о блеске весенней природы. Такие свидетельства автор приводит на основании рассмотрения двух христианских саркофагов IV в. [12, 201] Также автор полагает, что форма раскрытого павлиньего хвоста могла также означать вечность, поскольку напоминает круг – символ бессмертия [12, 200]. Подобное изображение павлина мы встречаем в христианских катакомбах Сан-Дженнаро и святой Присциллы. Следует отметить поразительное сходство изображения раскрытого павлиньего хвоста с изображением раскрытого веера в катакомбах святой Агаты, вокруг которого по сторонам находятся голуби. Линии, расходящиеся из центра к окружности, могут вполне означать восход солнца и, оттого, символизировать воскресение, вечность и весну.

С другой стороны, размышляя о прекрасном оперении павлина вполне вероятно предполагать связь павлина с Раем. Хвост павлина, исполненный глаз-звезд, и библейские многоочитые херувимы, которые являются видимой стороной небесных сил, «носящих» престол Божий, определенно имеют сходство в описании. Видения херувимов символизировали причастность человека к высшим тайнам Божия творения, достаточно вспомнить не только видение пророка Иезекииля, но и повеление Бога Моисею сделать двух херувимов над концами крышки ковчега Завета, чтобы давать откровение народу между этих изваяний (Исх. 25:17-22). В свою очередь, павлин мог напоминать херувимов своим оперением и оттого быть для христиан символом высших творений Божиих и, в конце концов, и самого Рая. Подтверждение этому мы находим, например, в мозаике VI в. церкви Богородицы Ангелоктиссы в селении Кити на Кипре, на которой изображен архангел Гавриил, чьи крылья украшены орнаментом «павлиний глаз» [13, 48]. Таким образом, небесного стража Арга в христианстве сменили иные небесные стражи – ангельские чины, а символ у них остался один – многоочитый павлин с богатым оперением.

Что же касается иудейской живописи, она также заимствовала языческие коннотации определенным образом, но сделала это особым образом. Так же, как и в христианстве, в позднеантичных синагогах павлин символизирует рай, утраченный человеком и надежду на его воссоздание в конце истории [5, 37]. Павлины, окружающие менору могут, таким образом, также выражать надежду, содержащуюся в этой композиции: такая точка зрения требует также детального рассмотрения символики меноры, форма которой Филоном Александрийским рассматривалась как модель космического порядка, мироустройства. То есть, можно сделать вывод, что в иудейской иконографии больший акцент сделан именно в надежде на грядущий приход Мессии.

С другой стороны, необходимо также отметить и возможный перенос апотропических коннотаций иконографии павлина из позднеантичной языческой иконографии, и здесь можно рассуждать о причудливом синтезе воззрений эллинистического иудаизма. Подобно тому, как зодиакальный круг на полу синагог не означает отказ от истин Иудаизма, так и изображение павлина вызвано не искажением религиозных догм, но неким особым взглядом на мир эллинизированного иудея, в сознании которого причудливым образом «уживались» и вера в единственного Бога-Творца, и олицетворение явлений природы и космических объектов в иконографии.

Литература:

1. Hachlili R. Ancient Mosaic Pavements: Themes, Issues, and Trends. Brill, 2008.
2. Pliny the Elder. The Natural History. Liber X. Cap 22 (20). URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0137%3Abook%3D10%3Achapter%3D22> (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
3. P. Ovidii Nasones. Metamorphoseon Liber I. Lines 721-722. URL: http://www.poesialatina.it/_ns/Testi/Ovidii/Met01.htm (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
4. Euripides. Helen. Line 1096. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0100%3Acard%3D1067> (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
5. Bleiberg E. Tree of Paradise: Jewish Mosaics from the Roman Empire. Brooklyn: Brooklyn Museum, 2005.
6. Kondoleon C. Domestic and Divine: Roman Mosaics in the House of Dionysos. Cornell University Press, 1995.

7. Philo Judaeus. De cherubim. (ed. Cohn L., post Khazarzar R.). Cap. VII. // Philonis Alexandrini opera quae supersunt, vol. 1. Berlin: Reimer, 1896 (repr. De Gruyter, 1962), pp. 170–201. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/philo/cherubig.htm> (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
8. Q. Septimii Florentis Tertulliani De resurrectione carnis liber. Cap. I, 5. // Tertullian's Treatise on the Resurrection. Ed. by Ernest Evans. S.P.C.K. 1960.
9. Tertulliani Liber De Anima. Cap. XXXIII, 8. URL: http://www.tertullian.org/latin/de_anima.htm (Дата обращения: 01.04.2018 г.).
10. Augustine de Hippo. De Civitate Dei. Liber XXI. Cap. IV. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/augustine/civ21.shtml> (Дата обращения: 13.03.2018 г.).
11. Lauchert F. Geschichte des Physiologus. Strassburg, 1889.
12. Уваров А.С. Христианская символика. Часть I. Символика древнехристианского периода. М., 1908.
13. Фоменко И. Константинополь. Символизм топографии. М.: Издатель В. Прудников, 2016.

Концепция путешествия в исламе и современные тенденции в туризме в мусульманских регионах мира.

Гусенова Д.А.

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», доцент кафедры философии и социально-политических наук факультета психологии и философии. Кандидат философских наук

Gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация: В докладе, исходя из необходимости более глубокого осмысления феномена путешествия в исламском вероучении, с опорой на тексты Корана и хадисов, раскрываются основные концепты путешествия в исламе. Отмечается, что джихад, являя собой некие физические усилия, тяготы, предполагает рассмотрение путешествия как одной из форм джихада. Деистическое восприятие акта странствия, путешествия: с одной стороны, присутствие элемента предопределённости в самом его акте, а с другой, сохранение свободы воли, выводит исследование на три основополагающих мотива, подвигающих к религиозно обоснованному путешествию: осознание последствий неверия, созерцание всего прекрасного, что создано Всевышним, а также покаяние за многобожие. Особый статус путешественника в исламе утверждается с помощью признания за ним некоторых послаблений в исполнении культовой практики. Современные мусульманские регионы, несмотря на укоренившийся консервативный уклад жизни, пытаются адаптироваться к изменяющимся условиям, развивая туризм на своей территории, по возможности сохраняя исламский образ жизни.

Ключевые слова: ислам, путешествие, джихад, паломничество, хадж, религиозный туризм, мусульманские государства.

The Concept of Travel in Islam and current trends in tourism in Muslim regions of the World. Gusenova D. A.

Associate Professor at the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Dagestan State University "Dagestan State University", associate professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Faculty of Psychology and Philosophy.

Abstract. The report, proceeding from the need for a deeper understanding of the phenomenon of travel in Islamic dogma, relying on the texts of the Qur'an and Hadith, reveals the basic concepts of travel in Islam. It is noted that jihad, which is a kind of physical effort, hardship, involves the consideration of travel as one of the forms of jihad. The deistic perception of the act of wandering, traveling: on the one hand, the presence of the element of predestination in its very act, and on the other, the preservation of free will, leads the study to three fundamental motives that move towards a religiously justified journey: awareness of the consequences of unbelief, contemplation of all the beautiful that has been created Almighty, as well as repentance for polytheism. The special status of a traveler in Islam is affirmed by the recognition of some concessions in the implementation of religious practice. Modern Muslim regions, despite their deep-rooted conservative way of life, are trying to adapt to changing conditions by developing tourism on their territory, preserving the Islamic way of life, if possible.

Keywords: Islam, travel, jihad, pilgrimage, hajj, religious tourism, Muslim states.

Путешествие – это один из элементов культурного наследия человечества, сопряженный со стремлением человека, наделённого любознательностью, познать окружающий мир, различные культуры, народы, верования, и другого, и представлено в современных условиях преимущественно в институализированной форме – туризмом.

Вне зависимости от формы и содержания, путешествие, отрицая осёдлый образ жизни, предполагает выход личности за пределы его ойкумены. Оно исторически обусловлено, наполнено идейно-познавательным содержанием, и ценностные приоритеты и цели здесь имеют первостепенное

значение. На их основе В.И. Ильин [1] дифференцирует сами понятия «туризм», «путешественник», «паломник», а наличие «религиозных целей» отличает, по мнению Житенёва С.Ю.[2], паломничество от других видов путешествия.

Историческая обусловленность феномена путешествия наиболее рельефно раскрывается через различные формы и цели путешествия, заданные в разные исторические периоды. В античном мире, путешествие способствовало развитию и распространению нового знания, а также философских направлений и школ. В средневековый период культурно-познавательные и образовательные путешествия продолжились, но с укреплением позиций Римской католической церкви они преобрили отчётливый религиозный контекст: паломничество, странничество, миссионерство, подвижничество и т.д. В эпоха Великих географических открытий путешествия и морские экспедиции способствовала геополитическим сдвигам. В эпоху Просвещения как и в Новое время путешествие индивидуализировалось, став самостоятельным инструментом познания, напоминая уже экскурсию открывающую привлекательность морей, гор, деревенских ландшафтов, историко-культурных памятников. Эти тенденции продолжились и в Новое время.

В религиозно-философском плане путешествие - это сложный духовно-познавательный феномен, обусловленный смысло-жизненным предназначением человека, наделением его познавательными (исследовательскими) способностями для исполнения им с точки зрения той или иной религиозной системы божественного замысла. В дофилософский мифологический период путешествие рассматривалось как проявление божественной воли, а также своего рода наказание героя за вероотступничество, и, в то же время, отражает деистические представления о свободе воли и необходимости. В библейских сюжетах оно несло в себе не только бремя божественного наказания, но и направлено было на «спасение» души, тела, общества, Вселенной. Идея путешествия обнаруживается нами и в конфуцианстве, в котором одним из центральных является понятие «дао» (путь) - некий путь, строгое следование которому дарует любому человеку источник благодати и магическую силу «дэ» (достоинство, добродетель).

Религиозно-философские размышления над феноменом путешествия выводят нас на когнитивную дилемму «религиозный турист или паломник?». Постмодернизм по-разному осмысливает роль и предназначение паломничества. Последнее, как известно, требует строгого следования религиозным нормам, обрядам и смыслам и предполагает духовный опыт движения в сторону некоего центра, имеющего символическое религиозное наполнение. Посещение мест захоронения святых местными жителями может содержать духовное измерение, граничащее с религиозным паломничеством, тогда как для иностранцев это может восприниматься лишь как ещё одна достопримечательность в их маршруте. Туризм отличается от паломничества своей гедонистичностью, досуговой принадлежностью, аттрактивностью. При нерелигиозном паломничестве, сакральное выражается, по мнению Молодкиной Л.В. [3], даже в эстетическом восприятии.

Концепция путешествия в исламе представляет отдельный научный интерес по двум основным причинам. Это, во-первых, опыт адаптации требований современной туристической индустрии к исламским канонам, и, наоборот, либерализация отдельных сторон жизни в мусульманских государствах с целью развития туризма на своей территории; во-вторых, представления о путешествии в исламе с позиции обогащения религиозно-философского знания об этом вероучении; в-третьих, выделение ключевых положений в исламе, раскрывающих содержание феномена путешествия, и общую направленность социокультурного развития данного феномена в мусульманских государствах. В контексте последнего тезиса отметим, что путешествие в исламе представляется в качестве одной из форм проявления невоенизированного джихада.

Как известно, в исламе джихад представляется как некие физические усилия и трудности, на которые добровольно соглашается верующий. Путешествие также рассматривается исламом в качестве таких тяжёлых испытаний. Диалектика путешествия сводится здесь к деистическому пониманию мотивов путешествия, когда, с одной стороны, в Коране обнаруживается элемент предопределённости в самом акте странствия, а с другой за человеком признаётся свобода воли. Коран рассматривает путешествие в качестве инструмента катафатической практики - сведения возможность познания Бога через Его проявления в мире, через понимание того, чем или кем Он является: «Что есть Бог?». В Коране путешествие предназначено для укрепления веры через созерцание: последствий неверия грешников – хаоса; гармонии мира - всего прекрасного, что создано милостью Всевышним, а также в качестве покаяния за отречение от Аллаха и Его посланника и примыкание к многобожникам.

В суфизме зрительному восприятию уделяется существенное внимание: чем больше человек путешествует, видя на своём пути творений, Всевышнего, чем многообразнее предстающий перед ним визуализированный мир, тем ближе оказывается он к познанию Его, и к божественному замыслу, к коранической экзистенциальной цели верующего. Это предполагает постоянный духовный поиск, стремления к странствию, путешествию, по внутреннему и внешнему мирам. Однако в различных суфийских орденах стремление к странствию, путешествию выражено не одинаково: наиболее выражено скитальчество, странничество по различным территориям у суфийского ордена Йасавийя, распространённого преимущественно у степных тюркских народов. Кроме того, ислам выделяет путешественников в отдельную социальную категорию, а в Коране и хадисах сформулировано и определённое отношение к дороге, тропинке, пути, направлению. Путешественник, согласно Корану, введом божественной волей.

Так называемое духовное путешествие или путешествие через уединение (халват) – часть духовного формирования верующего, одна из цепочек суфийского духовного пути, предполагающее прохождение различных этапов-уровней. Его внешним, социальным выражением является аскетизм, самоограничение, отрешение от земных удовольствий. Важнейшим принципом духовного и физического путешествия является принцип «очищения», направленное на подготовку к «контакту» с Всевышним. Этот принцип в исламе доведён до абсолюта, венцом которого является идея Вселенской чистоты сосредоточенная в одном из имён Всевышнего – «Аль-Куддус» («Чистый»). Чистота во время паломничества символически заключена и в чистой белой одежде – ихрам.

Говоря о взаимосвязи духовности, паломничества и туризма в исламе, следует обратить внимание на то, что одним из центральных в понимании мусульманами своей духовности является понятие «знания», которые Коран не делит на светские и религиозные, а обобщает их. Считая знания наивысшей ценностью, таким образом, демонстрируется связь исламской духовности и интеллектуальности. Но несмотря на «призывы» в исламе к путешествию, данные Всемирной туристской организации (UNWTO) показывают некоторую пассивность граждан мусульманских государств в плане выездного туризма. Для привлечения мусульман-туристов в немусульманских государствах предлагают т.н. халяль-туризм, разрабатываются концепции халяль-авиакомпаний, с отдельными помещениями, развлечениями в полете, напитками и блюдами категории «халяль» и другое. В странах Аравийского полуострова туризм способствовал либеральным тенденциям в различных сферах жизнедеятельности общества, оставаясь при этом под воздействием религиозного фактора, базируясь преимущественно на широком развитии инфраструктуры и законодательства, благотворно влияющего на деловую активность в регионе. Об этом наглядно демонстрирует данные по количеству въезжающих на территорию государства туристов, представленных на различных правительственных сайтах тех или иных мусульманских государств. Несмотря на некоторые перепады в динамике роста, в целом статистика по въездному туризму в странах Аравийского полуострова демонстрирует положительные результаты развития. Мусульманские страны в плане поддержки туризма, несмотря на консервативный уклад, оказались гибкими, потому не менее востребованными со стороны туристов-немусульман. Они формируют у себя выборочные узкоспециализированные туры в зависимости от степени умеренности по этим вопросам, на что в большей степени влияет и уровень религиозности самого общества. Не маловажными факторами выбора места отдыха становятся: общность языка, культуры, привычность правовой системы, религии – всё это, на наш взгляд, способствует более мягкой адаптации туристов в местах прибытия.

Современные религиозно-политические партии и движения в мусульманских государствах, где более-менее развит туризм, демонстрируют, несмотря на свою консервативность и радикальность демонстрируют в отношении туризма лояльность. Так, например, пришедшие на волне народных протестов и популистских лозунгов о наведении порядка в сфере туризма, запрете алкоголя и ужесточении правил поведения иностранцев, в январе 2011 г., «Братья-мусульмане» пошли на уступки, отказавшись из экономической целесообразности, от этих лозунгов. В Тунисе туризм также вносит значительный вклад в социальное развитие государства, обеспечивает валютные поступления, покрывает более 50 % торгового дефицита страны и вовлекает 12 % рабочей силы.

Таким образом, концепция путешествия в исламе обнаруживает себя, как в культовой практике (к примеру, в паломничестве), так и в повседневной социально-экономической и политической жизни мусульманских народов.

Литература:

1. Ильин В.И. Товар как социальный конструкт // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 2. С. 29 – 39.
2. Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М.: Издательство «Индрик», 2012. 264 с.
3. Молодкина Л.В. Архитектурно-природный ландшафт: эстетическое видение в современном культурном пространстве. // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 76-81. С.77.

Дамте Д.С.

редактор Издательского дома «Дело» РАНХиГС при Президенте РФ (Москва). Кандидат философских наук

damte_@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется одна из первых теоретических моделей советского религиоведения, предложенной историком и правоведом М.А. Рейснером (1868–1928). Мы прослеживаем переход ученого от истории и теории права к проблемам теоретического религиоведения. Применительно к области психологии религии мы выделяем несколько значимых направлений, разработанных ученым: место и роль психологии религии в системе гуманитарных дисциплин, происхождение и значение религиозной символики, природа религиозных эмоций, а также некоторые особенности религиозного мировосприятия. Мы показываем связь религиоведческих идей М.А. Рейснера с психоаналитической теорией и марксистским учением и раскрываем оригинальные черты данного подхода. В завершение работы мы рассматриваем исторические факторы, препятствовавшие завершению проектов ученого и восприятию его взглядов.

Ключевые слова: психология религии, история религиоведения, психоанализ, религиозная вера.

**Freud-Marxism and Soviet religious studies: M. A. Reisner's psychological theory of religion.
Damte D.S.**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: The article analyzes one of the first theoretical models of Soviet religious studies proposed by historian and jurist M. A. Reisner (1868-1928). We trace the transition of the scientist from the history and theory of law to the problems of theoretical religious studies. With regard to the field of psychology of religion, we distinguish several important areas developed by the scientist: the place and role of psychology of religion in the system of humanitarian disciplines, the origin and meaning of religious symbols, the nature of religious emotions, as well as some features of religious worldview. We show the connection of M. A. Reisner's religious ideas with psychoanalytic theory and Marxist teaching and reveal the original features of this approach. In conclusion, we consider the historical factors that prevented the completion of the scientist's projects and the perception of his views.

Keywords: psychology of religion, history of religious studies, psychoanalysis, religious faith.

1920-е гг. – период интенсивного развития психоанализа. Будучи первоначально одним из методов лечения невротических расстройств, с течением времени он все дальше отходил от исходных целей, закрепляясь в области наук о культуре, среди прочего, в качестве одного из методов понимания религии и мифа. Немалое значение для этого процесса имели труды советских ученых и исследователей, организаторов науки, таких как И.Д. Ермаков, М.В. Вульф, С.Н. Шпильрейн, А.Р. Лурия и др. В одном ряду с ними по праву может стоять М. А. Рейснер – правовед, социальный психолог, профессор Томского, Петербургского, а затем Московского университетов, один из основателей Коммунистической Академии, где он создал кабинет по изучению религиозной идеологии, позднее переименованный в кабинет истории религий.

Исследуя происхождение и развитие форм государства, Рейснер обратил внимание на ключевую роль религии или, как он ее именует, мистической идеологии, в этом процессе. Чтобы раскрыть ее, в одной из своих ранних работ ученый обратился к теории подсознательного – вневременного и всеобъемлющего, которое благодаря присущей ему пластичности форм позволяет примитивному человеку установить интимную связь с миром (мистика связи) и преодолеть страх перед внешним миром. Под влиянием мистического мироощущения на первоначальных этапах формируются законы

и нормы жизни общества [1, с. 37].

Знакомство с психоанализом подкрепило интуиции Рейснера. Одной из главных заслуг Фрейда и его школы он считал переосмысление понятия бессознательного, наполнение его конкретным содержанием и открытие путей, которыми оно связано с повседневной жизнью и творчеством человека, а также со сферой религии. Именно этой конкретике, по его мнению, не хватало прежней психологии, в частности, У. Джеймсу [2, № 1, с. 45–46, 49–50].

По Рейснеру, разработанная на основе психоанализа психология религии должна стать дополнением и завершением исторического и социологического анализа религиозной жизни. Характерно, что Рейснер как бы избегает выражения «психология религии», заменяя его «социальной психологией» и тем самым определяя общее направление исследований в данной области, которое сохранялось в дальнейшем. Психология религии занимается широким спектром проблем – от роли индивидуальных, в частности половозрастных, факторов до проблем психологии ритуала и массового помешательства на религиозной почве. Значительную часть этих вопросов ученый попытался разрешить самостоятельно в многочисленных статьях и докладах. Анализ материалов позволяет выделить следующие ключевые аспекты психологии религии Рейснера: проблема религиозных чувств, происхождение и формы религиозной символики и учение о видах религиозного вытеснения.

Из фрейдистской теории Рейснер берет материалистическое понимание бессознательного, рассматривая это как ключевой момент, сближающий фрейдизм и марксизм [2, №3(2), с. 106]. Соответственно религия, в психоанализе один из видов сублимации (возвышения) энергии бессознательного, оказывается понятой также в материалистическом ключе. Оценивая вклад Фрейда в разработку проблем психологии религии, Рейснер замечает: «Он (Фрейд – Д.Д.) не только целиком подчинил индивидуальную психологию общественной среде и выяснил наряду с ее онтогенезом филогенетическое развитие, но резко противопоставил первобытный принцип наслаждения ... общественному принципу реальности ... и тем самым определил материалистически понимание общежития. Выводом из этих революционных для буржуазного общества положений был анализ первобытных форм религии, который совершенно и до конца раскрыл нам и ее основное содержание в отражении древней социальной борьбы и форму – эротическое или либидинозное мышление» [3, № 3, с. 59].

Полностью разделяя исходные установки Фрейда, Рейснер присоединяет к ним учение о происхождении и развитии религиозных чувств. Религиозные чувства в его понимании суть разновидность естественных чувств. С половой сферой их связывает единый источник – неудовлетворенность, скопление отрицательных импульсов и стремление человека к слиянию с объектом любви, необходимое для разрядки, – и схожие способы проявления в виде интенсивных переживаний радости и счастья [4, с. 30]. В классовом обществе, подчеркивает Рейснер, возможности выхода энергии весьма либидо ограничены, она вытесняется, подавляется, искажается, в результате чего возникают различные психические расстройства [4, с. 40–41]. В попытках обрести опору человек использует все доступные возможности, используя образы бессознательного, которые легко могут менять свои очертания сообразно эпохе.

С другой стороны, религиозные эмоции близки тем, которые испытывает ребенок по отношению к родителям, в частности, к отцу. Рейснер иллюстрирует это на примерах обращений [5, с. 16–19] и резюмирует: «Вся суть так называемого религиозного обращения заключается в искусственном младенчестве» [5, с. 24]. Присутствие отца, возможность обратиться к нему облегчают жизнь человека. Вместе с тем, в религиозных чувствах прослеживается и характерная для отношений с отцом амбивалентность: его не только любят, но и боятся, поскольку он обладает бесконечной силой и воплощает собой принцип реальности (по Фрейду) [5, с. 57 – 58], а потому с ним вынуждены считаться. Внутренняя борьба, разрастание инцестуозных тенденций (Эдипов комплекс) и последующий переход к упорядоченной половой жизни нашли свое отражение в мифологии народов разных стран и эпох [5, с. 28, 46–47].

Религиозная символика, как и эстетическая и рациональная, имеет либидинозную природу. Разница между ними заключается в том, что в отличие от эстетических и рациональных символов, которые, по Рейснеру, формируются в результате сублимации сексуальной энергии, в формировании религиозных символов задействован механизм вытеснения. Символы отличаются пластичностью: они могут использоваться в разное время и служить различным целям. Закрепление и сохранение религиозных символов обеспечивается, во-первых, благодаря их связи с вневременным бессознательного, а, во-

вторых, благодаря поддержке извне служителями культа [2, № 3(2), с. 95, 99–101].

Итак, в вопросах психологии религии Рейснер в целом стоит на точке зрения классического психоанализа. Религия служит целям организации сексуальной энергии, которая в противном случае не могла бы найти выхода. При этом он делает важное дополнение: такова функция религии в доклассовом и классовых обществах, где возможности выражения человека весьма узки; в обществе, бесклассовом, коммунистическом, за счет устранения гнета и социальных ограничений необходимость в такого рода вытеснении отпадет и, следовательно, для религии попросту не останется места [2, № 3(2), с. 90]. Как можно видеть, Рейснер предпринимает попытку совместить данные психоанализа и марксизм: способы вытеснения и механизмы сублимации варьируются от общества к обществу и связаны с уровнем производства [3, № 5–6, с. 140–141].

Марксизм и фрейдизм не противоречат друг другу и сходятся в том, что человечество следует по пути усвоения принципа реальности [2, с. 105]. Ошибкой Фрейда было то, что он остановился на самой первой из возможных ступеней организации – Рейснер называет ее мистико-сексуальной – и не показал переход к более рациональным формам организации и не смог объяснить, «почему сублимация дает в одном случае религию, в другом искусство, а в третьем науку, почему одни общественные группы пользуются ... сексуально-мистическим методом представления, а в другом – рациональным, почему, наконец, одна из них регрессирует в известные эпохи только до романтики и мифа, а другая – до массового помешательства» [3, № 5–6, с. 142–143]. Поэтому, хотя психоаналитическая теория религии, раскрывшая в религиозном сознании механизмы успокоения и снятия противоречий (внутренних и внешних), в этом смысле близка марксизму и обладает «достаточными признаками материалистической системы» [2, № 3(2), с. 106], она нуждается в существенных доработках с точки зрения социальной психологии.

Своими теоретическими построениями и интересом к проблеме психологических источников религии М.А. Рейснер вызвал волну дискуссий, порой весьма остроумных и плодотворных, и критики психоаналитической теории религии и культуры. Наиболее значимы в этом отношении сочинения А. Т. Лукачевского [6, с. 26–27, 86–93], В. И. Мамлеева [7, с. 30–68] и Г. А. Гурева [8, с. 40–60].

Литература:

1. Рейснер М.А. Государство. Часть 1: Идеология и метод. М., 1918. 222 с.
2. Рейснер М.А. Фрейд и его школа о религии // Печать и революция. 1924. № 1. С. 40–60; № 3(2). С. 86–106.
3. Рейснер М.А. Социальная психология и учение Фрейда // Печать и революция. 1925. № 3. С. 54–69; № 5-6. С. 133–150.
4. Рейснер М.А. Нужна ли вера в бога. М., 1925. 140 с.
5. Рейснер М.А. Любовь, пол и религия. Рязань, 1924. 58 с.
6. Лукачевский А.Т. Происхождение религии: обзор теорий. М., 1929.
7. Мамлеев В.И. Фрейдизм и религия // Атенст. 1930. № 52. С. 30–68.
8. Гурев Г.А. Религия в свете фрейдизма // Антирелигиозник. 1929. №1. С. 40–60.

Сакральное и профанное в позднем периоде творчества С.М.Эйзенштейна 1940 – 1946 гг.

До Егито Т.М.

doegitotinatn@gmail.ru

Аннотация: С.М.Эйзенштейн – одна из ключевых фигур русского – советского авангарда.

Особенностью этого художественного направления было стремление вырваться за узкие рамки искусства в саму жизнь. И потому художественные взгляды и замыслы Эйзенштейна часто носили масштабный и радикальный характер. За ними просматривалась сверхзадача – изменение самой реальности через трансформацию сознания зрителей.

Ключевые слова: сакральное, профанное, миф, игра, сакральное насилие, жертвоприношение, сверхчеловек и его тень, дионисийский экстаз.

The sacred and profane in the late period of S.M. Eisenstein's work in 1940-1946. To Egito T.M.

Abstract: S.M. Eisenstein is one of the key figures of the Russian - Soviet avant-garde. A feature of this artistic direction was the desire to break out of the narrow framework of art into life itself. That is why Eisenstein's artistic views and designs were often large-scale and radical in nature. His main task was seen behind them - changing reality itself through the transformation of the consciousness of the audience.

Keywords: sacred, profane, myth, play, sacred violence, sacrifice, superman and his shadow, Dionysian ecstasy.

Тезисы: Эйзенштейн всячески стремится запечатлеть Историю как процесс сопротивления масс насилию и рабству, как процесс эволюции свободы человеческого духа. Однако, на деле это оборачивается мифотворчеством. Миф становится для Эйзенштейна средством преодоления Истории. В его фильмах позднего периода присутствуют все признаки мифа. В фильмах Эйзенштейна позднего периода делается попытка с помощью мифа натурализовать Историю, Культуру, Религию, перевести их в другой регистр, изначальный, природный .

Последние работы С.Эйзенштейна 1940-х годов отличает обращение к новой эстетике, новому образному языку, новому стилю. Время модернизма прошло, миновал период создания знаменитых авангардистских произведений Эйзенштейна. Избыточная мифологичность его фильмов становится своеобразной защитой от повсеместно распространившегося в советском кинематографе художественного метода соцреализма.

Режиссер продолжает развивать традиционные для своего кинематографа темы : однородная масса и сверхчеловек, андрогин, религиозный ритуал, жертвоприношение, зооморфные образы, евангельские аллюзии, однако, здесь они приобретают несколько иное звучание, к ним также прибавляется сильный элемент игры. Сакральное и профанное по-прежнему остается центральной осью его творчества, при этом концепция сакрального в позднем периоде творчества меняется.

Ранний период творчества С.Эйзенштейна связан с воплощением сакрального как мифологического, что обусловлено уникальной задачей, стоявшей перед ним – создания сакральной истории пролетариата как массы. Для утверждения бессмертия героев необходимо было мифологизировать их жертвенный подвиг.

На позднем этапе творчества происходит важный для режиссера переход к сакральному как игровой реальности.

Эйзенштейн получает государственный заказ и начинает работу над фильмом о «гениальном политике» Иване Грозном во время второй мировой войны. В Алма-Ате, куда был эвакуирован «Мосфильм», появляются декорации московского кремля и Александровской слободы. История Ивана Грозного была задумана Эйзенштейном как очередная победная трилогия, по аналогии с «революционной», но ему удалось закончить только две части, которые разительным образом

отличаются друг от друга. Первая часть еще во многом продолжает былинно-эпический стиль «Александра Невского» (1939г.), пришедшийся по вкусу народу и власти и, отмеченный Сталинской премией первой степени.

Вторая часть «Ивана Грозного» (1946г.) - художественный эксперимент, предвосхищающий современный стиль постмодерна. Давая определение этому стилю, Ж.Бодрийяр, называет его «копии копий». Это такое направление в искусстве, которое замкнуто на самом себе - искусстве в рафинированном смысле, активно использует уже готовые формы предшествующих художественных традиций, новым образом интерпретирует их, переписывает, включает в новый контекст. Единство формы достигается за счет иронии, подчас самоиронии. Для этого направления также характерно полное смешение, эклектика стилей.

Одним из главных типологических признаков постмодерна является – игра. Игра – форма сакрального, посредством которой оно изолирует себя от профанного. В этом проявляется «*Homo ludens*» - человек играющий в интерпретации Й.Хейзинга.

Игра – также уникальная форма, которую культура противопоставляет переизбытку иерархии в обществе. Об этом свидетельствуют концепции : языковых игр Л. Витгенштейна и анализа карнавальской культуры М. Бахтина.

Согласно М.Бахтину, карнавал характеризуется «инверсией двоичных противопоставлений». Главный жест карнавала – переворачивание, когда всё неожиданно становится с ног на голову : дурак становится королем, а король шутком. Эйзенштейн неоднократно прибегает к подобным карнавальным приемам.

В «исторической трилогии» еще больше, чем прежде, в «революционной трилогии», основной акцент делается не на хронологической последовательности и достоверности событий, а на их актуализации в современности за счет мифологизации. Как пишет Ж.Батай, «... лишь символическое, или мифическое мышление ... соответствует насилию, самый принцип которого заключается в нарушении рационального мышления» [1 с. 231].

Жертвоприношение

В «исторической» трилогии также возникает мотив жертвоприношения, однако, он получает несколько иное звучание по сравнению с «революционной» трилогией.

В первой трилогии революционеры и народ предстают в виде жертвы, добровольно приносимой во имя Революции. Такого рода жертву Ж.Батай называет «даром». «... se détruire для него равняется se donner, т.е. разрушать себя в каком-то смысле означает себя отдавать» [1 с. 52].

В момент жертвоприношения жертва, жертвователю и божество сливаются в единое целое. В контексте “революционной” трилогии это означает, что мученики Революции не только превращают ее из профанного события в сакральное, но и сами отождествляются с Ней.

Кроме того, Ж.Батай вводит понятие “сообщение”, которое А.Зыгмонт трактует как «причастие, приобщение, установление связи» [1 с. 52]. «Смысл обряда заключается в установлении контакта между профанным и сакральным мирами для освящения жертвователя» [1 с. 54].

Под жертвой Ж.Батай подразумевает добровольную жертву, т.е. самопожертвование. «Вследствие этого сближения жертва, уже представляющая богов, начинает представлять и жертвователя. Недостаточно сказать, что она его представляет; она отождествляется с ним» [1 с. 54].

В ходе жертвоприношения, с точки зрения Ж.Батай, происходит важнейший процесс «... изменение [alteration] существа, насильственный разрыв его персональной гомогенности, под которой подразумевается цельность или целостность его тела» [1 с. 55].

В «революционной» трилогии жертвоприношение становится ключевым моментом преображения отдельных индивидов в гомогенную революционную массу, в коллективное тело самой Революции. Мир сакрального показан режиссером в процессе своего становления, поскольку Революция – исходное космогоническое событие, первоначало.

Что касается «исторической» трилогии, то здесь смещаются акценты. Жертва перестает быть добровольной. С одной стороны, насильственно казненные бояре, с другой- сподвижники царя, превращающиеся в гомогенную массу опричнины – «полицейский корпус». Эйзенштейн как мастер массового кинематографа, демонстрирует уникальное свойство феномена опричнины как монолитной

массы мимикрировать под любую форму : то она самозабвенно пляшущая дружина, то специальный карательный отряд, то кроткая свиду монашеская братия.

Р.Скрынников описывает уклад жизни царя Ивана и опричников, на время карнавала, превращавшихся в иноков : «Начальные люди опричнины облеклись в иноческую одежду. Монашеский орден стал функционировать в Александровской слободе в дни, свободные от дел. Возвращаясь из карательных походов, опричная «братия» усердно пародировала монашескую жизнь. Рано поутру царь с фонарем в руке лез на колокольню, где его ждал «пономарь» Малюта Скуратов. Они трезвонили в колокола, созывая прочих «иноков» в церковь» [5 с. 131] .

Однако, свойство гомогенности опричнина приобретает именно в процессе жертвоприношения, в ходе которого жертва, жертвователю и божество сливаются в единое целое. В данном случае жертва – бояре, жертвователю – царь Иван, опричнина – его тень, в роли божества – Единое Государство.

Священный экстаз

В творчестве Эйзенштейна тема жертвоприношения неотделима от дионисийства. Вслед за Ф.Ницше, за Вяч. Ивановым Дионис становится для Эйзенштейна синонимом священного экстаза, в котором индивидуальное растворяется во всеобщем, как это происходит в “революционной” и в “исторической” трилогиях.

Ключевым как для Иванова, так и для Эйзенштейна становится понятие «экстаза» - выхода за пределы своей природы, способа преодоления индивидуализма. Богопознание, утверждает Иванов, невозможно без экстатического приобщения к дионисийству (самая яркая иллюстрация- сцена «Пляски опричников» из фильма «Иван Грозный» часть 2).

Эйзенштейн изучает опыт религиозных мистиков (Игнатия Лойолы, Терезы Авильской и др.). Иванов и Эйзенштейн приходят к выводу о том, что экстатические переживания – суть религиозные переживания. Эта идея имеет большое значение для всей эстетики Эйзенштейна.

Для Эйзенштейна идеальным образом «нового бога» Диониса (ибо прежний Бог мертв) становится Революция («революционная» трилогия 1924-1928гг.), а затем в «исторической» трилогии - Единое Государство. Революция, Единое Государство представленные как события космологического характера. Через массовый экстаз, через жертвоприношение происходит сотворение «нового мира» и «нового человека».

А.Зыгмонт отмечает, что “Дионис для Батай – с одной стороны, квинтэссенция сакрального насилия, а с другой – образ религиозного спасителя и социального освободителя, как бы выхватывающего человека из разлагающейся действительности путем разрушения его самости...” Также как и для Ф.Ницше, Ж.Батай, Вяч.Иванова образ Диониса для Эйзенштейна содержит аллюзии на Христа. Однако, дионисийствующий Христос в данном случае – не более чем одна из многочисленных масок Ивана Грозного. Христос как деперсонализированный бог, растворенный во всеобщем дионисийском экстазе – таким он предстает во второй части “Исторической трилогии”.

Таким образом, если в «революционной» трилогии жертвоприношение осуществляется в форме безвозмездного дара, в процессе которого происходит «разрыв гомогенности», целостности существа; фигуры жертвы, жертвователя и божества сливаются в единое сакрализованное тело Революции, то в «исторической» трилогии дар фигурирует в значении обмена полом, одеждой. В результате игрового ритуала «потлач» сам «царь» приносится в жертву. Тело жертвы – тело царя – прообраз евхаристического тела, тела Христова, которое так и не превращается в евхаристического агнца. Ритуал замещения, обмена – смерти, воскресения приводит к изменению сущности царя. К преображению его с одной стороны, в «Шпильбрехера» - потенциального революционера, прекращающего игру, с другой стороны, в фигуру, вбирающую в себя множества других фигур, что приводит к превращению его в Сверхчеловека. Здесь вновь происходит «причастие», однако, не евхаристическое, несмотря на евангельские аллюзии, а «причастие», о котором говорит Ж.Батай, причастие к сакральному через ритуал обмена – смерти, «единства в смерти». Это бесконечно расширившееся и увеличившееся в размерах гомогенное тело опричнины, которую олицетворяет «воскресший» царь, превращается в сакрализованное тело Единого Государства. Здесь Эйзенштейн практически совпадает с Ж.Батаем в понимании того, что «миф фиксирует переход от единичного бытия к коллективному, градуированный отказ от индивидуального в пользу всеобщего, и именно такой переход в тексте осмысливается как трагедия, жертвенное насилие...» [1 с. 227].

Можно утверждать, что сакральное было не просто одним из элементов творчества Эйзенштейна, но центральной осью его мировоззрения. Эйзенштейн как художник не только не исключал из своего духовного и интеллектуального багажа знания о религии и переживания Божественного, но и воспроизводил их в новых трансформирующих интерпретациях. Будучи мыслителем-теоретиком и художником-практиком в одном лице, он во всем старался добраться до сути, и его отношения с Богом отмечены той же печатью. Он продолжал бороться с Ним, размышлять о Нем, искать Его. Фильмы Эйзенштейна свидетельствуют о том, что его сознание по-прежнему оставалось теоцентричным.

Литература:

1. Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Holy negativity. Violence and the sacred in the philosophy of Georges Bataille.]
2. Эпштейн М., Альтицер А. О смерти и воскресении Бога // Звезда, №9, 2017. On the death and resurrection of God.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Эксмо, 2016. So said Zarathustra.
4. Шахадат Ш. Искусство жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2017. The art of life.
5. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Violence and the Sacred.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Спб.: Азбука – классика, 2007. Homo ludens. The man playing.
7. Эйзенштейн С. Метод. Т.1. М.: Музей кино, 2002. The method.
8. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Спб.: Алетейя, 1998. The myth of the eternal return.
9. Эйзенштейн С.М. Стенограммы режиссерских семинаров 1933-1935. Тбилиси.: Са.Га, 2017. Transcripts of directorial workshops 1933-1935.
10. Выготский Л. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. Psychology of art.
11. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. Fashion system. Articles on the semiotics of culture.
12. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. М.: Канон, 2010. Death of God. The gospel of Christian atheism.

Генезис религии: проблемы методологии в свете новых данных археологии и антропологии

Забияко Андрей Павлович

Амурский государственный университет, заведующий кафедрой религиоведения и истории, заведующий лабораторией археологии и антропологии. Доктор философских наук

sciencia@yandex.ru

Аннотация. В течение последних 10 – 15 лет в археологии и антропологии были совершены открытия, которые коренным образом изменили научные представления о генезисе и эволюции популяций Номо. Обновлено или существенно уточнены не только данные в области физической антропологии, археологии утилитарной деятельности, но также в области психоментальных характеристик и неутилитарных практик человеческих популяций эпохи среднего и верхнего палеолита. Значительно удревлены датировки возникновения ранних символических видов деятельности. Новейшие открытия в области археологии и антропологии популяций Номо непосредственным образом связаны с проблемами генезиса и эволюции религии – хронологии, географии ранних форм, динамики морфогенеза и другими важнейшими аспектами научного изучения религии. Новые данные археологии и антропологии требуют существенной корректировки многих прежних концепций генезиса религии. Новые данные стимулируют развитие современных методологических подходов в русле неозволюционизма и теории предельных оснований религии.

Ключевые слова: генезис религии, антропогенез, культуругенез, неозволюционизм, предельные основания религии.

Genesis of religion: problems of methodology in the light of new data of archaeology and anthropology. Zabiyako A.

Amur State University

Abstract. In the last 10 to 15 years, discoveries have been made in archaeology and anthropology that have fundamentally changed the scientific understanding of the Genesis and evolution of Homo populations. Updated or substantially refined not only data in the field of physical anthropology, archaeology of utilitarian activity, but also in the field of psychomental characteristics and non-utilitarian practices of human populations of the Middle and Upper Paleolithic. The latest discoveries in the field of archaeology and anthropology of Homo populations (species) are directly related to the problems of genesis and evolution of religion – chronology, geography of early forms, dynamics of morphogenesis and other important aspects of the scientific study of religion. The new data of archaeology and anthropology require a significant adjustment of many previous concepts of the genesis of religion. The new data stimulate the development of modern methodological approaches in the context of neo-evolutionism and the theory of the ultimate foundations of religion.

Keywords: genesis of religion, anthropogenesis, neo-evolutionism, ultimate foundations of religion.

Постановка проблемы

В конце XX – начале XXI в. в археологии и антропологии были совершены открытия, которые коренным образом изменили представления о происхождении и эволюции видов (таксонов) Номо. Получили дальнейшее углубленное развитие не только знания в области физической антропологии, археологии материальной (утилитарной) деятельности, но также в области психоментальных качеств и неутилитарных видов деятельности человеческих популяций эпохи палеолита. Значительно сдвинуты вглубь истории датировки возникновения ранних символических видов деятельности. Новейшие от-

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408.

крытия в области археологии и антропологии популяций Номо тесно связаны с проблемами генезиса и эволюции религии: хронологии и географии ранних форм, морфогенезом и другими важнейшими сторонами научного изучения религии.

Что было отправным пунктом религиогенеза? С какой именно формы начинается морфогенез религии и каков его механизм? Когда и где процессы религиогенеза начались? Сформулированные вопросы – лишь часть большого проблемного поля, которое нуждается не только в согласовании с новыми эмпирическими данными из области археологии и антропологии, но и в разработке новых методологических подходов, позволяющих построить общую теорию религии, соответствующую современным научным знаниям о религии.

Краткий обзор основных тенденций

Разработка новых методологических подходов тесно сопряжена с задачами критического осмысления доминировавшей в течение длительного времени в мировом (прежде всего – западном) религиоведении антиэволюционистской парадигмы, которая обусловила доминирование феноменологической, структуралистской, функционалистской, психоаналитической, символической и ряда других методологий, фактически элиминировавших исследовательские программы, целью которых было изучение эмпирически достоверяемых процессов генезиса религии, исторических достоверно фиксируемых ранних форм религии, объективных закономерностей их эволюции и трансформации под влиянием внутренних и внешних факторов. В итоге это привело к стагнации в области изучения проблем возникновения и развития ранних форм религии. Разумеется, общий интерес к историческому прошлому религии не исчез. Запрос на теоретическую модель генезиса религии сохранялся. В рамках антиэволюционистской парадигмы доминирующие позиции заняли концепции, психологизирующие генезис религии и сводящие его к универсальным для всех времён и народов психическим состояниям транса, к изменённым состояниям сознания. Сообразно этой доминанте важнейшим феноменом существования религии во времени и пространстве стал шаманизм – меняющая свои этнокультурные формы, но в сущности своей неизменная данность религии, источник позднейших религиозных модификаций.

В российском религиоведении и смежных науках тенденция к стагнации в области изучения генезиса и ранних форм религии выражалась не столь явно, как в западном. Во многом это обусловлено влиянием глубоко теоретически проработанных и эмпирически фундированных трудов российских исследователей конца XIX – середины XX в. (В.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга, А.М. Золотарёва, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, других), а также авторитетом общей теории исторического материализма. Тем не менее со времени выхода последних работ С.А. Токарева крупных, основанных на новых открытиях в области археологии, антропологии, новых теоретических подходах религиоведческих исследований генезиса и эволюции ранних форм религии не было. В силу ряда причин на первый план вышли исследования шаманизма в его этнографически фиксируемых формах и современных модификациях в виде нешаманизма.

С начала XXI в. в западной научной традиции под влиянием в первую очередь крупных достижений в области археологии, антропологии древних популяций Номо, их культуры, набирают силу исследования генезиса религии, ранних ареалов её возникновения, динамики развития. В определённой мере в своих методологических основаниях они направлены на преодоление антиэволюционистской парадигмы. В российских археологических и антропологических исследованиях последних двух десятилетий определилась тенденция к росту эмпирических изысканий и теоретических обобщений в области ранних символических форм поведения и их связи с ранними формами религии, к уточнению хронологических и территориальных границ морфогенеза религии.

Т.о., современная ситуация в области изучения возникновения религии и первых этапов её эволюции характеризуется, с одной стороны, резким возрастанием объёма новых эмпирических данных, не укладывающихся в прежние теоретические подходы, в особенности антиэволюционистской направленности, а с другой стороны, тенденцией к преодолению антиэволюционистской парадигмы и поиском новых теоретических моделей генезиса и сущности религии, соответствующих современным знаниям, сформированным в результате новейших открытий в области изучения древних этапов возникновения и развития религии.

Дискуссия

Преодоление антиэволюционистской теоретической доминанты не должно сопровождаться утратой большого массива значимых для понимания религии знаний, накопленных в границах соответствующих исследований. Важной заслугой исследований антиэволюционистской направленности стало выявление некоторых общих закономерностей и универсалий религии. Современные методологии изучения религии должны учитывать наличие в религии таких закономерностей и феноменов, которые несут характер констант.

В качестве одной из методологий изучения генезиса и эволюции религии может выступать теория предельных оснований религии. Эта теория основана на идее, согласно которой бытие религии обусловлено факторами двоякого свойства.

Одна совокупность факторов существует в качестве констант, которые действуют на протяжении всей истории религии во всех группах человечества. Это – предельные основания религии. Предельные основания религии – возникающие в процессе антропогенеза экзистенциально значимые интенции человека и человечества, выступающее по отношению к религии в качестве неизменно присутствующего базиса её бытия. Существование в базисе разных предельных оснований предопределяет изначальную многомерность религии. Генезис религии – процесс, берущий начало из разных источников и разных функций. Он не может быть сведён, вопреки концепциям некоторых классиков религиоведения, к какой-либо одной данности (когнитивные механизмы, чувства, социальная потребность в интеграции индивидов, т.п.).

Помимо предельных оснований на существование религии влияют исторически изменчивые, ситуативные факторы. К ним относятся индивидуально-психологические обстоятельства, социально-экономические, политические, этнокультурные и другие связанные с религией сферы жизни. Ситуативные факторы стимулируют процессы модификации религии, возникновение своеобразных верований и практик.

Взаимодействие константных предельных оснований и исторически изменчивых факторов обуславливает генезис и общую историю религии.

Зобков Р.А.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Аспирант

zobkovroman@ya.ru

Аннотация: Иератопия — это молодая наука созданная А.М. Лидовым, как специальная область исследований сакральных пространств. Методология иератопии полагается на традиционалистскую парадигму Мирча Элиаде разделения на сакральное и мирское, и отходит от «предметоцентричного» позитивистского дискурса. Близость аксиоматических, эпистемологических подходов и историко-генетическая близость дискурсов Мирча Элиаде и Рене Генона, как традиционалистов, ставит вопрос о возможной рецепции элементов дискурса Рене Генона, как методологии иератопических исследований. Так же интересно привнесение методологии «традиционной науки» в иератопию. Иератопия — это наука в постпозитивистской парадигме, васту — это наука традиционного общества, эти науки находятся в разных семантических полях. Автором также ставится вопрос о возможности использования элементов дискурса Рене Генона, как трансляционной методологии для связи между «традиционными науками» о пространстве и иератопией, как некую нейтральную область для иератопической компаративистики и кросс-культурных исследований. Автор приводит ряд тезисов выделенных из дискурса Рене Генона, как основу возможной методологии.

Ключевые слова: Иератопия, А.М. Лидов, Рене Генон, Мирча Элиаде, васту, традиционализм.

**Problems of hieratopia in the discourse of integral traditionalism.
Zobkov R.A.**

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

Abstract: Hieratopia is a young science created by A. M. Lidov as a special field of research of sacred spaces. The methodology of hieratopia relies on the traditionalist paradigm of Mircea Eliade to distinguish between the sacred and the secular, and departs from the “object-centered” positivist discourse. The proximity of axiomatic, epistemological approaches and the historical and genetic proximity of the discourses of Mircea Eliade and Rene Genon, as traditionalists, raises the question of the possible reception of elements of the Rene Genon discourse as a methodology of hieratopic research. Hieratopia is a science in a post-positivistic paradigm, Vastu is a science of a traditional society, they are in different semantic fields. The author also raises the question of the possibility of using elements of Rene Guenon’s discourse as a translational methodology for the connection between the “traditional Sciences” of space and hieratopy, as a kind of neutral area for hieratopic comparativistics and cross-cultural studies. The author gives a number of theses selected from the discourse of Rene Genon, as the basis of a possible methodology.

Keywords: Hieratopy, A.M. Lidov, Rene Guenon, Mircea Eliade, Vastu, traditionalism.

Иератопия — это молодая наука созданная А.М. Лидовым в 2001 году [9, с. 6]. Термин построен из сочетания двух греческих слов «иерос» (священный) и «топос» (место, пространство, понятие). Это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества [9, с. 9]. Лидов полагаясь на методологию Мирча Элиаде разделения на сакральное и профанное, и такое понятие как «иерофания» [13, с. 17], вводит понятие «иеротопии» - науки о создании сакральных пространств. Создание сакральных пространств является необходимым условием для осуществления иерофании. Термин «иерофания» как проявление сакрального и внемирского в мирских вещах введен Мирча Элиаде как общий структурный элемент феноменологии и истории религии, как системообразующий элемент традиции. [13, с. 18]. Иератопия берет свое начало из традиционалистского дискурса, о чем говорит сам Лидов ссылаясь на Элиаде и его термин «иерофания». Так же автор иератопии указывает на преодоление «предметоцентричной» позитивистской методологии

и использует такие словосочетания как «образыпарадигмы», «сакральное» и т.д., что явно показывает тяготение к традиционалистским моделям и интерпретациям.

Такой исследователь традиционализма как А.И. Марков относит Рене Генона и Мирча Элиаде к наиболее влиятельным фигурам «рефлексивного типа традиционализма» [11, с. 7]. А их творческое наследие, как попытку выявить методологию и структуру, метаязык общества премодерна, как некую универсалистскую структуру и модель. В этом отношении дискурс Рене Генона чрезвычайно интересен - идеи анизотропности времени и пространства, центра мира, инициации и символизма. Ю. Ю. Завгородний утверждает, что именно Генон привнес этот комплекс идей, который позже был подхвачен структуралистами, религиоведами и антропологами (К. Леви-Стросс, М. Элиаде) [8, с. 176]. Такой исследователь традиционализма как А. Г. Дугин, говорит о Геноне как о создателе метаязыка традиции, хотя и критически относится к его метафизическому универсализму [7, с. 22]. Также замечается некая аксиоматическая, эпистемологическая и историко-генетическая близость подходов иератопии Лидова, и дискурсов Генона и Элиаде. Поэтому закономерно поставить вопрос о возможности привнесения в иератопические исследования элементов и положений дискурса Рене Генона. Также интересным подходом к иератопии может являться подход такой религиозно-философской области знания как васту (*vāstuvīdyā*), это «традиционная наука» в значении вторичного и практического приложения принципов ведийско-индуисткой традиции к дизайну, архитектуре и символизму. Если иератопия — это наука в постпозитивистской парадигме, то васту — это «традиционная наука», эти две формы науки используют разные метаязыки традиции и современности. Также закономерно поставить вопрос об использовании дискурса Рене Генона, как трансляционной методологии взаимодействия между двумя метаязыками - современной постпозитивистской науки и «науки традиционной», как некоего плацдарма для компаративистских и кросс-культурных исследований.

В учении Генона символическое относится к сверхчеловеческому и сверхдискурсивному. Символическое является базовым для дискурсивного - символ может существовать вне дискурса на сверхчеловеческом уровне. Дискурсивное всегда для своего существования использует символическое, поэтому символ в эпистемологии Генона первичен. Для Генона отношение к символическому является маркером разграничения двух метаязыков - традиции и современности. Символическое, как выражение сверхчеловеческого просто не может существовать в секулярном и светском мировоззрении, но при этом оно является основой любой традиционной формы [2, с. 463]: «Истинное основание символики — это соответствие между всеми уровнями реальности, связывающее их друг с другом и простирающееся, стало быть, от естественного до сверхъестественного. В силу этого соответствия вся природа являет собой не что иное, как символ...» [2, с. 466-467]. Аналогическое соответствие, выраженное символом, имеющее основание одновременно в двух реальностях — священной и мирской может быть представлено идеей или образом (образпарадигма Лидова). Когда одна реальность может стать символом другой [1, с. 21; 2, с. 456], тогда символ становится медиатором, соединяющим две эти реальности. В этом аспекте иерофания предстает как соединение двух уровней реальности через аналогическое соответствие образа или идеи, которая есть связующий реальности символ. Задача иеротопии это подготовить символическую среду во всех её многообразных проявлениях для возможности осуществления иерофании. Символическая среда — это феноменологическое поле, подчиненное символическому назначению: ритуальный жест как динамический символ, миф как символическое повествование, графическое изображение символического (икона, янтра, узор), звуковые символы (мантры), динамическое освещение, благовония [2, с. 447-456].

Положения дискурса Генона, которые могут быть использованы как одна из возможных методологий иератопических исследований, как в иератопии, так и в иератопической компаративистике и кросс-культурных исследованиях (также в тезисах приведены параллели и пересечения с «традиционной наукой» васту):

Идея «Центра мира». Центр — это изначальное апофатическое единое, образ Принципа, сама традиция. Также идея центра всегда связана с идеей полюса, центром свастики [4, с. 87,91]. (В текстах посвященных вастувидье ноль иногда упоминается как набха (санскрит *nābha*), что означает пуп (Омфалос) [12, с.311], это выраженное антропоморфное, арифметическое и геометрическое символическое выражение метафизического апофатического принципа.)

1. Символическое — это сверхчеловеческое и сверхдискурсивное. (Традиционная наука о пространстве вастувидья относится к сверхчеловеческому знанию - апаурушея (*apauroṣeya*) [10, с. 5].)

2. Символ — это медиатор, соединяющий сакральную и мирскую реальности.
3. Сакральное пространство и время анизотропны.
4. Принцип «Универсального человека» как герменевтическая и системно-структурная методология. «Универсальный человек» – это принцип структурной идентичности между онтологической топикой и антропологической, которое известно как соотношение микрокосма и макрокосма [3, с. 51; 5, с. 54-55], что являет собой традиционный принцип «антропности» и «человекоразмерности» космоса. (В традиционной науке о пространстве - вастувидья (vāstuvīdyā), принципом универсального человека является Васту-Пуруша [6, с. 146].)
5. Сакральный центр — это топика, где все аспекты «универсального человека» сходятся (политический, социальный, инициатический, пространственный).
6. Традиционный центр должен всегда отражать две идеи - космогоническую и инициатическую, которые соотносятся с друг другом как уровень макрокосма и микрокосма, что может соотносится между собой как соотношение онтологического и антропологического [4, с. 281].
7. Основным принципом сакрального центра является медиация между макрокосмическим «Божественным градом» и микрокосмическим «Божественным градом» находящимся в «середине» человека в его «сердце» [4, с. 488].
8. Сакральный центр — это воплощение логоса и законов мироздания, символически представленных фигурой Ману (в аврамических традициях Мельхиседеком), который есть «Царь мира» или архетип совершенного правителя, дающего миру логос, дхарму, законы мироздания. Это воплощение Праджapati, как «владыки всего сотворенного», принципа совокупности проявленной реальности со всеми живыми существами в ней, который есть также Вишва-Карман, универсальный строительный принцип, что соответствует «великому архитектору Вселенной» западных инициаций.
9. Сакральный центр есть также символ подлинной Традиции, как инициатической передачи сверхчеловеческих влияний.

Литература:

1. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть // = Autorite Spirituelle et Pouvoir temporel / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. — М.: Беловодье, 2012. — 196 с. — 1000 экз. — ISBN 9-785934-541607. (в пер.)
2. Генон Р. Заметки об инициации // Символика креста / Рене Генон; Пер. с франц. Т. М. Фадеевой. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 704 с. — ISBN 5-89826-196-6. (в пер.)
3. Генон Р. Символика креста / Рене Генон; Пер. с франц. Т. М. Фадеевой. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — 704 с. — ISBN 5-89826-196-6. (в пер.)
4. Генон Р. Символы священной науки / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. — М.: Беловодье, 2002. — 496 с. — ISBN 5-88901-088-5
5. Генон Р. Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика / Рене Генон; Пер. с франц. Н. Тирос. — М.: Беловодье, 2018. — ISBN 978-5-93454-244-4
6. Денисенко А. В. Антропоморфизм как аксиологический компонент синкретической формы бытия духовности. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 26 (65). 2013. № 4. С. 142–150.
7. Дугин А. Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с
8. Завгородний Ю. Ю. Идея центра в работах Рене Генона. Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблема интерпретации эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Третьей международной научной конференции / Под. ред. С.В. Пахомова. СПб.: ПХГА, 2010. С. 176-187.
9. Лидов А.М. Иероглифика. Пространственные иконы и образыпарадигмы в византийской культуре. —М.:Дизайн. Информация. Картография, 2009.— 362 с.
10. Неаполитанский С. А., Матвеев С. А. - Секреты ведической архитектуры. Сакральная архитектура. Города богов. М.: Амрита, 2013. — 288 с.
11. Макаров А. И. «История» и «традиция» в философии европейского традиционализма (Рене Генон и Мирча Элиаде): дис. ... канд. фил. наук: 09.00.03/ Александр Иванович Пигалев. - Волгоград, 1998 – 173 с.
12. Тюлина Е.В. Особенности описания пространства и измерений в трактатах по архитектуре (вастувидье) в канонических пуранах Труды института востоковедения РАН Издательство: Институт востоковедения РАН (Москва) С. 300-313
13. Элиаде М. Священное и мирское. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 144 с.

Современное прочтение евангельской морали

Исаев А.А.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин. Кандидат философских наук

andisaev@mail.ru

Аннотация: Рассматривается евангельская мораль с точки зрения современных социальных отношений. Притчи и заповеди Христа анализируются применительно к сегодняшней общечеловеческой морали. Автор пытается найти в притчах, назидательных историях не только вероучительный смысл, но и их глубокое светское значение. Красной нитью через всю работу проходит мысль, что евангельская мораль – это мораль любви к человеку, независимо от того праведник он, или грешник, богатый, или бедный. Делается вывод, что смысл христианской нравственности также применим к современной морали и не потерял своей актуальности. Нравственные уроки Евангелия носят общечеловеческий характер.

Ключевые слова: евангельская мораль, Иисус Христос, любовь к другому, притчи, нравственный смысл, современные социальные реалии.

A modern interpretation of the gospel's morality.

Isaev A. A.

Federal state public educational institution of higher education “Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation»

Abstract: Evangelical morality is considered from the point of view of modern social relations. The parables and commandments of Christ are analyzed in relation to today's universal morality. The author tries to find in parables and edifying stories not only a doctrinal meaning, but also their deep secular meaning. The idea that the gospel morality is the morality of love for a person, regardless of whether he is a righteous person, or a sinner, rich or poor, runs through the whole work as a red thread. It is concluded that the meaning of Christian morality is also applicable to modern morality and has not lost its relevance. The moral lessons of the gospel are universal.

Keywords: the morals of the gospel, Jesus Christ, love for others, parables, moral sense, of contemporary social realities.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» [Иоан. 13:34] – говорит Христос своим ученикам во время Тайной вечери, прощаясь с ними и оставляя эти слова как главный наказ, главный канон своего учения¹. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» – добавляет далее Учитель [Иоан. 13:35]. Весь смысл христианской морали заключен в этой заповеди – это мораль, основанная на любви. Поэтому интерпретация всех нравственных притч и поучений Христа возможна только через призму этого канона.

В данной работе нам бы хотелось рассмотреть евангельскую мораль не с религиозной точки зрения, а с позиций современных социальных реалий, тем самым связав ее с нашей повседневной жизнью. Насколько она актуальна в наши дни не только для христианина, но и для любого другого человека? В статье не ставится цель проповедования христианского вероучения или пропаганды христианских заповедей. Автор поставил перед собой задачу, основываясь на тексте четырех канонических Евангелий, проанализировать моральные нормы и ценности, рассмотренные в них, и оценить их актуальность в наши дни. Конечно, в рамках небольшого исследования данный анализ и оценка не будут исчерпывающими, но, тем не менее, общие ответы на поставленные вопросы, как надеется автор, будут найдены.

Надо отметить, что свое учение Иисус Христос часто излагает в виде притч, назидательных

¹ Не случайно на многих иконах, изображающих Христа, цитируется именно эта заповедь.

историй, которые несут в себе глубокий смысл нравственного поучения. Причем сами притчи просты по сюжету, заимствованы из жизненной реальности, понятной слушателям, поэтому и хорошо запоминаются. На эту особенность притч указывает Александр Мень: «Притчи невольно захватывают слушателя и читателя, заставляют их включаться в переживания действующих лиц. Лаконичная и яркая образность притч, их поэтическая структура и изобразительные средства (гиперболы, метафоры, контрасты, неожиданные концовки) помогли их быстрому запоминанию наизусть» [1, с. 495].

Тему бескорыстной любви к другому человеку независимо от его происхождения и веры раскрывает притча о добром самарянине [Лк. 10:25-37]. Прежде чем остановиться на ней, надо сказать, что многие притчи Иисуса Христа носят вероучительный смысл, ближе и понятнее христианину. Но эта притча говорит о вселенской любви, никак не связанной именно с христианством. Можно даже утверждать, что она объясняет такой современный термин, как «толерантность». Иисус рассказывает о некотором человеке, шедшем из Иерусалима в Иерихон. В пути на него напали разбойники, едва оставив его живым. Проходящие мимо, и священник, и левит не предприняли никаких попыток помочь ему. Самарянин (презирался иудеями как идолопоклонники) же подошел, перевязал ему раны, посадил на своего осла и отвез в гостиницу. Покидая на другой день гостиницу, он оставил хозяину деньги, чтобы тот позаботился о раненом. Эту историю Христос рассказывает некоему законнику, который спросил его: а кто мой ближний? А спросил он это потому, что в законе написано: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Рассказав притчу, Иисус спрашивает: «Кто их этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» [Лк. 10:36]. По сути дела, это вопрос риторический. Он уже содержит в себе однозначный ответ. А потому и законник отвечает Христу, что тот, кто оказал путешественнику милость, то есть самарянин. Светский смысл данной нравственной истории конечно же заключается в совете: помогай по мере возможности людям, окружающим тебя, и тем, кто тебе близок, и тем, кто на первый взгляд является тебе чужим. И эта помощь должна быть ради помощи как таковой, а не ради получения выгоды для себя. Поэтому совершенно не важны социальное положение того, кому ты помогаешь, его вера, национальность и т.д.

Притчу о неразумном богаче [Лк. 12: 16-21], прежде всего, можно было бы обратиться к богатым людям, увеличивающим свое материальное богатство ради самого богатства, а не ради достижения других целей с помощью него. В литературе яркие образы таких людей изобразил Н.В. Гоголь в поэме «Мертвые души». Это помещик Степан Плюшкин и помещица Настасья Петровна Коробочка. Не случайно их имена стали нарицательными. Кстати, Плюшкиными называют не обязательно богатых людей, но всех тех, кто копит вещи ненужные, «всякий хлам», исходя из принципа: «А вдруг пригодятся!». Такие люди, увлекаясь накоплением материальных богатств, совершенно забывают о духовных потребностях. В этой притче Христос дает понять, что важнее для человека накопление богатств духовных, ибо богатства материальные тленны и преходящи, их не возьмешь с собой в могилу. Духовное же остается с человеком и после смерти (эта мысль относится к христианскому вероучению). Однако и для человека неверующего есть смысл в этой притче. Духовный рост и духовное обогащение оставляют добрую память у людей после твоей смерти, а материальное богатство может обеспечить тебе, в лучшем случае, лишь красивое место на кладбище.

Притча о брачном пире упоминается в двух Евангелиях: от Матфея [Мф. 22:1-14] и Луки [Лк. 14: 16-24]. В этой истории рассказывается о человеке, который сделал брачный пир для сына своего (в Евангелие от Матфея), большой ужин (в Евангелие от Луки). Он послал рабов своих позвать званых на этот пир. Однако никто из них не пришел, найдя причину отказа, как бы в свое оправдание. Тогда господин велел рабам своим выйти на улицу и пригласить всех, кто им встретится: нищих, увечных, хромых и слепых, злых и добрых. Безусловно притча носит, прежде всего, вероучительный смысл, но нас, в рамках нашего исследования, интересует общечеловеческий, светский характер данного поучения. Достаточно понятно его разъясняет митрополит Сурожский Антоний: «...Когда нам надо только радоваться чужому счастью, когда, в конечном итоге, радость окажется не нашей, а его – Божией или человеческой, – нам некогда, мы заняты землей, у нас своя радость, свой брак; у нас своя земля, своя работа, нам некогда пойти только ликовать, потому что кто-то другой ликует... Делить горе мы иногда – не всегда – кое-как умеем; а разделить радость бывает очень трудно. Нужно очень много отрешенной, великодушной любви, чтобы уметь радоваться той радости, которая, в конечном итоге, останется собственностью другого, не моей. А вместе с этим если мы не можем радоваться так, то, значит, любви к человеку – или к Богу – у нас очень, очень мало; и оказывается, что мы умеем радоваться только тогда, когда рассчитываем, что радость будет наша, что мы сможем ее присвоить» [2]. К сожалению,

очень часто радость за другого человека перерастает в зависть к нему. Эта притча объясняет природу возникновения людской зависти. И опять средством искоренения зависти и защиты от ее возникновения выступает любовь к ближнему, заповедь, которая красной нитью проходит через все Евангелия.

Притча о богаче и Лазаре [Лк. 16:19-31] своим нравственным смыслом обращена на социальное неравенство людей. Кто-то богат, кто-то беден; кто-то здоров, кто-то болен; кто-то умен, кто-то глуп – но это не основания нравственного неравенства среди людей, которое порой можно наблюдать и в современной нашей жизни. Святой праведный Иоанн Кронштадский, комментируя эту притчу, говорит: «Это Евангелие в высшей степени поучительно для всех нас, для людей всякого состояния и звания» [3]. Нравственный урок этой притчи заключается не в осуждении богатства как такового, а в осуждении его последствий для души человека, которая становится черствой ко всем людским страданиям. Богач после смерти попадает в ад, но не потому, что был богат, роскошно одевался и пиршествовал. Настоящий его грех объясняет Иоанн Кронштадский: «Вот где настоящая вина богача, делающая его виновным и в его роскошном одеянии, и в его ежедневных богатых пирах: эта вина – жестокосердие и немилосердие к бедным, происшедшее в нем от страсти к роскоши и мотовству, к праздной и веселой жизни. У самых ворот его дома лежит бедный Лазарь в струпьях – такой бедняк, который одним видом и положением своим должен бы был возбуждать сострадание и милосердие, вызывать богача на помощь; но богач и видя как бы не видит его и не оказывает ему ни малейшего сострадания: он занят своими пирами; псы сострадательнее его – они приходят и оближают гной Лазаря. Лазарь желал напитаться крошками со стола богача – значит, от богатой трапезы ему ничего не давали. Вот за это-то жестокосердие и немилосердие богач и послан после смерти в ад» [3].

В двух других притчах: О работнике, пришедшем с поля [Лк. 17:7-10], О фарисее и мытаре [Лк. 18:9-14], – Христос предупреждает людей об опасности самовозношения и самовозвеличивания. Эти притчи обращены, прежде всего, к праведным людям по форме (например, исполняющим все заповеди Божии), но впадающим в грех высокомерия.

В первой из этих притч нравственный смысл для современного человека заключается в следующем. Совершая добрые дела, нужно воспринимать это как свой долг, а не как подвиг, не возвышая себя за это, а воспринимая это как что-то естественное. Иисус по этому поводу утверждает: «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» [Лк. 17:10]. Примеров исполнения этого наказа Христа сегодня можно видеть много. Периодически в средствах массовой информации появляются сюжеты о спасении простыми людьми утопающих, либо оказавшихся в зоне пожара и т.п. Все они в интервью говорят, что не совершили ничего героического, а сделали то, что должны были сделать!

Во второй из этих притч обличается гордыня и признается важность искреннего покаяния человека. Здесь будет уместным привести саму притчу полностью, чтобы разобраться в современном ее прочтении: «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» [Лк. 18:10-13]. Нравственный смысл этой притчи заключается в следующих словах Христа: «...Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» [Лк. 18:14]. Не стоит думать, что эти слова Спасителя связаны с завышенной и заниженной самооценкой человека. Их смысл более глубокий. В современном языке закрепился термин «фарисейство», означающий лицемерие и ханжество, признание двойного стандарта в морали. Это понятие носит явный негативный смысл. Перенося все вышесказанное на современную социальную реальность, в памяти сразу же всплывают образы наших современников, готовых критиковать всех и вся, при этом у самих, как говорится, «рыльце в пушку».

Завершая наше небольшое исследование современного прочтения евангельской морали, мы приходим к выводу, что для нас, людей, живущих в XXI веке, мы можем найти в ней множество нравственных уроков, которые ни в коей мере не потеряли своей актуальности и значимости. И упование на то, что я не религиозен, либо я не христианин, не имеют в данном случае никакого смысла. Эти уроки носят общечеловеческий характер.

Литература:

1. Мень А. Притчи Евангельские // Библиологический словарь. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 2. С. 494-497.
2. Антоний, митрополит Сурожский. Проповеди // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/propovedi/13_9 (Дата обращения: 25.03.2019).
3. Иоанн Кронштадский. Богач и нищий Лазарь. Слово неделю 22-ю по Пятидесятнице // URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/031031155752.htm> (Дата обращения: 13.01.2020).

Анализ соотношения понятия «ирония» и термина «ирония» в традиционной библейской экзегезе

Медведева А.А.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, преподаватель

kristallvas@mail.ru

Аннотация: В ходе работы по поиску и анализу святоотеческих комментариев к библейским текстам, оперирующих словоформами от «εἰρωνεία», был выделен ряд библейских сюжетов, в отношении которых можно заключить, что святоотеческая экзегеза с определённым постоянством указывает на присутствие в этих сюжетах иронии. Однако при сличении русскоязычных переводов святоотеческих творений оказалось, что в большинстве случаев переводчики синодальной эпохи предпочитают не использовать слово «ирония» в тех случаях, где святоотеческие комментарии оперировали словом «εἰρωνεία» или однокоренными с ним словоформами. Вместе с тем, набор библейских сюжетов, на присутствие иронии в которых указывают многие современные библеисты, заметно отличается от тех сюжетов, на которых останавливали своё внимание церковные авторы патристической эпохи. Всё это подталкивает нас к мысли о том, что понятие «ирония» отнюдь не всегда тождественно термину, которым оно обозначается. Для выявления спорных мест «ироничной» экзегезы рассматривается рабочий механизм определения присутствия иронии в библейском тексте, а также показывается, почему, несмотря на определённую дистанцию между термином и понятием, лексическое отслеживание всё-таки оказывается наиболее продуктивным решением.

Ключевые слова: ирония в сакральных текстах, ирония в Священном Писании, библейская ирония, патристика, святоотеческое наследие, святоотеческая экзегеза.

Analysis of the relationship between the concept of “irony” and the term “irony” in traditional biblical exegesis. **A.A. Medvedeva**

Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, lecturer

Abstract: In the course of work on the search and analysis of patristic commentaries to biblical texts operating with word forms from “εἰρωνεία», a number of biblical subjects were identified, in relation to which we can conclude that patristic exegesis with a certain constancy indicates the presence of irony in these subjects. However, when comparing the Russian-language translations of patristic works, it turned out that in most cases the translators of the Synodal era prefer not to use the word «irony» in those cases where the patristic commentaries operated with the word «εἰρωνεία» or word forms of the same root with it. At the same time, the set of biblical plots, the presence of irony in which many modern biblical scholars point out, is markedly different from those plots on which the church authors of the patristic era focused their attention. All this pushes us to the idea that the concept of «irony» is by no means always identical to the term by which it is designated. To identify controversial places of «ironic» exegesis, the working mechanism of determining the presence of irony in the biblical text is considered, and it is also shown why, despite a certain distance between the term and the concept, lexical tracking is still the most productive solution.

Keywords: irony in sacred texts, irony in Holy Scripture, biblical irony, patristics, patristic heritage, patristic exegesis.

1. На сегодняшний день можно со значительной степенью уверенности выделить те библейские книги и сюжеты, в которых англоязычные исследователи наиболее часто находят «иронию» в той или иной её форме. Среди них, в первую очередь, следует назвать книги Иова [1, 2, 3, 4, 5, 6], Екклесиаста [7, 8, 9, 10, 11, 12], Первую и Вторую книги Царств [13, 14, 15, 16, 17, 18], книги пророков Исаии [19, 20,

21] и Ионы [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28]. Проблеме присутствия иронии только в этих библейских книгах в исследовательской литературе отводится несколько десятков академических работ. Представляется интересным отметить, что все эти книги относятся либо к так называемой «литературе премудрости» (Иов и Екклесиаст), либо к исторической библейской литературе (книги Царств), либо к пророческому корпусу (Исаия и Иона), что существенно сближает их с древней ближневосточной литературой. Что же касается законоучительных библейских книг (Пятикнижие), то прецедентов указания на иронию в них практически нетⁱ. Наиболее востребованными библейскими сюжетами, к которым обращаются исследователи иронии, выступают повествования о пророках Ионе и Илии, сюжеты книг Иова и Есфири, история о Самсоне, а также ряд сюжетов из пророческих книг (Исаия, Амос, Осия). Кроме того, не следует забывать, что к литературе о библейской иронии примыкает огромный пласт исследований в области еврейского юмора и остроумия, часть которого нередко захватывает и ветхозаветную тематику.

Исследователями осознаётся проблема нетождественности «иронии» в современном её значении и «иронии», использовавшейся библейскими авторами (Э. Дамм [31]). Этот факт указывает на необходимость обращения к раннехристианской экзегезе с целью уточнения значения «иронии» в первые века христианства, выяснения, как понималась ирония первыми христианскими читателями. Именно этот пробел и призвано восполнить настоящее исследование.

2. Однако когда мы обращаемся к анализу патристической экзегезы с целью определения тех библейских сюжетов, на которые отцы церкви указывали как на ироничныеⁱⁱ, то нередко обнаруживаем, что, во-первых, контекст использования слов с корнем «εἰρων-» нередко разительно отличается от привычного нам, а во-вторых, нередко создаётся впечатление, что иногда речь идёт об иронии и в тех случаях, когда само это слово прямо не называется. То есть при анализе святоотеческих комментариев на первый план выходит нетождественность понятия «ирония» и его лексического выражения. Исследование соотношения содержания понятия и его терминологического или лексического выражения имеет довольно большую традицию исследованияⁱⁱⁱ, однако рассмотрения вопроса о присутствии понятия иронии в библейской экзегезе до сих пор осуществлено не было.

3. Рабочая гипотеза настоящего исследования заключается в том, что единственное корректное разрешение этого затруднения заключается в ограничении количества библейских сюжетов с «иронической» экзегезой только теми случаями, в которых прямо используются слова, производные от корня «εἰρων-»^{iv}. Это решение обусловлено фактом неравенства значений понятия «ирония» на протяжении истории его использования. Так, совершенно очевидно, что значения, в которых «ироником» называется Иоанн Предтеча у Сёрена Кьеркегора^v и Христос у Иоанна Златоуста^{vi} практически противоположны друг другу.

4. Для иллюстрации несостоятельности попыток «интуитивного» отслеживания понятия иронии при анализе библейских текстов предлагается сопоставить святоотеческие и исследовательские комментарии на сюжет Деян 23:3-5: «Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь».

Основной проблемой при анализе этого сюжета является вопрос о том, мог ли действительно апостол Павел не знать, что разговаривает с первосвященником, или его слова содержат иронию, обличающую недостойное поведение последнего. Даже если допустить, что апостол, согласно

i Хотя встречаются единичные примеры: [29], [30].

ii См., напр.: [32], [33], [34].

iii См., напр.: [35]

iv Исключая, разумеется, омонимичные формы вроде причастия от глагола «εἰρω».

v «Пришествие Христа, несомненно, — поворотный момент в истории, и здесь тоже даёт о себе знать ироническая формация. Она связана с образом Иоанна Крестителя. Прийти должен был не он, он не знал, что должно было прийти, и все-таки он уничтожил иудаизм. Он уничтожил его не с помощью нового, а с помощью его же самого. Он потребовал от иудаизма того, что тот хотел дать — справедливости; но справедливости иудаизм дать не мог и потому погиб. Иоанн Креститель уничтожил иудаизм, взрастив зерно его гибели в нем самом. При этом личность самого Иоанна Крестителя остаётся в тени, он лишь объективное воплощение мировой иронии, лишь орудие в её руках» - [36, с. 178]

vi TLG: 2062 JOANNES CHRYSOSTOMUS Scr. Eccl. (A.D. 4–5: Antiochenus, Constantinopolitanus). 2062 156 In epistulam I ad Corinthios (homiliae 1–44), MPG 61: 9–382. (Cod: 179,224: Exeget., Homilet., Hypoth.). In epistulam I ad Corinth.: Vol. 61, pg. 44, ln. 6 - «С другой стороны, если бы даже при жизни Христа они имели бы такую решительность, то всё же оставили бы её после Его смерти, поскольку, если бы Он не воскрес, то они почли бы Его лжецом и ироником».

церковному преданию, был слаб глазами и мог не узнать первосвященника в лицо, трудно согласиться с тем, что он не мог заметить отличий в одежде, поскольку если бы он был совершенно слеп, то непонятно, как же он отличал друг от друга остальных своих собеседников. Кроме того, признание совершенной слепоты апостола противоречит сюжету Деян 22:11-13, где повествуется о его прозрении. Следует отметить, что большинство толкователей книги Деяний просто оставляют этот вопрос без внимания, никак не комментируя возможность присутствия в словах апостола иронии. Однако есть определённое количество авторов, отмечающих эту проблему.

Наиболее известные комментарии в отношении ироничной экзегезы этого сюжета следующие.

1) Иоанн Златоуст: «Некоторые говорят, что он, зная, сказал такую укоризну; но мне кажется, он вовсе не знал, что это – первосвященник; иначе почтил бы его. Потому он и оправдывается, как виновный, и говорит: начальствующего в народе твоём не злословь» [37]. Отвергается возможность присутствия иронии в словах апостола на основании того факта, что тот, в силу своего благочестия, не мог сознательно укорять вышестоящего.

2) Жан Кальвин: «Поэтому я, подписываясь под мнением Августина, не сомневаюсь, что извинение апостола было ироничным. Этому не мешает то, что служителям истины подобает бесхитростная речь. Ведь ирония бывает двух видов. Один представляет собой прикрытый искусством обман. Другой образно излагает текущее дело с целью более острого обличения. Причём второй вид вполне подобает рабам Христовым. Итак, смысл следующий: я, братия, не вижу в этом человеке никакого священства» [38]. Речь апостола расценивается как бесспорно ироническая, при этом подчёркивается, что в иронии подобного рода нет ничего предосудительного.

3) Крейг Кинер: «Первосвященник обычно сидел на особом месте и носил облачение, указывающее на его сан, резкие слова Павла в его адрес объясняются либо тем, что он был в повседневной одежде, либо ироническим отношением Павла к его продажности и притязаниям на власть. Сократ и некоторые другие известные личности, обвинённые в нечестивости, защищаясь на суде, выглядели более благочестивыми, чем их обвинители, и это, естественно, вызывало недовольство суда. Павел ограничивается тем, что демонстрирует своё благочестие, цитируя Писание» [39]. Допускается как возможность действительного незнания апостолом первосвященника, так и его ироничность его высказывания, причём в последнем случае фигура апостола сопоставляется с Сократом, образцом античного ироника.

4) Дональд Карсон: «Последовавший далее обмен репликами можно считать оправданием или, по крайней мере, извинением со стороны Павла. Действительно ли Павел не знал, что Анания был первосвященником? Вполне возможно, первосвященник не был облачен в дорогие одежды, однако почтительное отношение, выказываемое к его сану, было бы достаточным основанием для опознания его даже в неофициальной обстановке. Вместе с тем предположение о том, что слова Павла следует понимать в ироническом смысле («Мне и в голову не могло прийти, что некто, действующий подобным образом, может оказаться первосвященником»), не имеет достаточной текстуальной базы и не слишком согласуется с цитатой из Исх. 22:28. Вероятно, лучше всего принять этот текст как таковой вместе с необъяснимо загадочным и явным невежеством Павла» [39]. Отрицается возможность присутствия иронии в этом стихе в силу слабого согласования с приведённой тут же ветхозаветной цитатой. Трудно понять, что имеется ввиду под упомянутой здесь «текстуальной базой» - возможно, речь как раз о том, что текст как таковой не представляет возможности настаивать на присутствии или отсутствии иронии.

В четырёх предложенных толкованиях представлены четыре возможных решения в отношении присутствия иронии в избранном стихе: а) полное отрицание возможности присутствия иронии в словах апостола (Златоуст); б) утверждение о бесспорном присутствии иронии в словах апостола (Кальвин); в) допускается возможность как ироничного, так и неироничного понимания (Кинер)ⁱ; г) указывается на невозможность доказать присутствие иронии в силу «недостаточной текстуальной базы».

Вероятнее всего, этот последний комментарий наиболее явно иллюстрирует проблему выведения понятия «иронии» из текста. С некоторой долей уверенности можно было бы говорить об иронии при более широком контексте. Например, в хрестоматийном примере состязания пророка Илии с пророками

i В большинстве случаев ироничное значение противоречит буквальному смыслу слов; решение «возможно и то и другое» допустимо разве что для незначительных выражений, которые не влияют на общий смысл повествования, как в случае с Деян 22:11-13.

Ваала (3Цар 18:25-29) ситуация, которая, как кажется, должна была развиваться вполне предсказуемым образом, в определённый момент повествования начинает идти «не по сценарию». Пророк Илия противостоит пророкам Ваала и критикует их; казалось бы, по мере неуспеха их молитвы, Илия должен всё больше их обличать. Однако в стихе 27 речь его принимает противоположный оборот, он начинает говорить: «*кричите громче, ведь Ваал – бог!*». Становится очевидным, что реальное значение его слов противоположно буквальному смыслу: Ваал – никакой не бог, и молиться ему бессмысленно. Мотив «ложной похвалы» настолько очевиден, что повествователь книги Царств прямо указывает на притворство пророка Илии: «*В полдень Илия стал смеяться над ними*». Очевидно, что такой сюжет уже не может быть назван в полном смысле слова ироничным, поскольку притворство речи пророка тут же становится очевидным для читателя; скорее эта фигура может быть оценена как сарказм. Ирония – более тонкий троп, предполагающий скрытое обличение; основной мотив такого обличения как раз и заключается в том, что недогадливому слушателю или читателю оно вполне может показаться и правдивой похвалой (в случае с апостолом Павлом – правдивым извинением). Получается, что механизм «отслеживания» иронии по логике развития сюжета не может быть вполне релевантным, как в случае с прямой насмешкой или поруганием: как только осмеяние становится явным, оно утрачивает качества ироничностиⁱ. Ситуация с «незнанием» апостола как раз такая: читателю не вполне ясно, действительно ли Павел не знал, что перед ним первосвященник.

Противоположная ошибка – слишком интуитивное определение иронии в библейских сюжетах – нередко приводит к тому, что ирония «вчитывается» в те повествования, где изначально её не могло быть. Об ошибках такого рода пишет, в частности, Дж. Кэмери-Хоггат [41]: чрезмерная интерпретация библейских текстов нередко не столько проясняет их смысл, сколько вводит читателя в заблуждение. Особо болезненная реакция на подобные иронические интерпретации библейских сюжетов бывает в традиционно религиозных кругах общества, поскольку осмысливается как наследие эпохи постмодернаⁱⁱ.

Ввиду описанных затруднений – невозможность «механического» определения иронии с одной стороны, и опасность ложного её привлечения в текст при «интуитивном» определении этого явления – единственно корректным представляется решение, при котором значение понятия иронии сужается до его лексического употребления. То есть для экзегезы тех или иных библейских сюжетов привлекаются лишь те комментарии, в которых прямо называется ирония. Возможно, такой подход и упустит из виду некоторые ироничные библейские сюжеты, однако, по крайней мере, не введёт в проблемное поле ложных данных. Для начальной стадии анализа библейской иронии, на котором сейчас находится отечественная библеистика, это решение представляется необходимым и достаточным.

5. Заключение. В предложенных выше тезисах описана проблема соотнесения термина «ирония» и понятия, обозначаемого этим термином в библейской экзегезе; на примере сюжета Деян 22:11-13 рассмотрено четыре возможных авторских видения в отношении присутствия или отсутствия иронии в новозаветном тексте; описаны две крайние и, как представляется, неверные позиции для определения ироничности того или иного библейского сюжета. Выводом из предложенной работы является указание на необходимость ограничения понятия «ирония» его лексическим значением при анализе святоотеческой экзегезы.

Литература:

1. Power W.A.K. A Study of Irony in the Book of Job. Ph.D. diss. University of Toronto, 1961; Hawkins B.B. Irony in the book of Job and three modern adaptations: J.B., A Masque of reason, and «A Job of the plains». Master's Theses. Graduate Faculty of the University of Richmond, 1972.
2. Holbert J.C. The Function and Significance of the “Klage” in the Book of “Job” with Special Reference to the Incidence of Formal and Verbal Irony. Ph.D. Dissertation. Southern Methodist University, 1975.
3. Parsons G.W. The Structure and Purpose of the Book of Job // *Bibliotheca Sacra*. 1981. Vol. 138/550. P. 139–157.
4. *Studies in the Book of Job* / ed. by Aufrecht W.E. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1985; Smick E.B. Semeiological Interpretation of the Book of Job // *Westminster Theological Journal*. 1986. Vol. 48. P. 135–149.
5. Dion P.E. Formulaic Language in the Book of Job: International Background and Ironic Distortions // *Studies in Religion*. 1987. Vol. 16. P. 187–193.
6. *Sitting with Job: Selected Studies on the Book of Job* / ed. by R. Zuck. Ada: Baker Book House, 1992.
7. Murphy R.E. The Pensées of Coheleth // *The Catholic Biblical Quarterly*. 1955. Vol. 17. P. 304–314.

ⁱ Ср. суждение С. Кьеркегора, о том, что Иоанн Креститель является ироником постольку, поскольку сам не выступает ключевой фигурой евангельского сюжета.

ⁱⁱ См., напр.: [42], [43].

8. Polk T. The Wisdom of Irony: A Study of Hebel and Its Relation to Joy and the Fear of God in Ecclesiastes // *Studia Biblica et Theologica*. 1976. Vol. 6. P. 3–17.
9. Anderson W.H.U. Scepticism and Ironic Correlations in the Joy Statements of Qoheleth? The Faculty of Divinity University of Glasgow, 1997.
10. Ironic Correlations and Scepticism in the Joy Statements of Qoheleth? // *Scandinavian Journal of the Old Testament*. 2000. Vol. 14. P. 68–100.
11. Crenshaw J.L. Qoheleth: The Ironic Wink. Columbia: University of South Carolina Press, 2013.
12. Knowles J. Qoheleth's Paradoxical Response to the Ironies of Life. Caronport, SK: Briercrest Seminary, 2013.
13. Rendsburg G.A. The Mock of Baal in 1 Kings 18:27 // *Catholic Biblical Quarterly*. 1988. Vol. 50. P. 414–417
14. Riggins W. Not a Blacksmith Could be Found (Irony in the Stories of David) // *Jewish Bible Quarterly*. 1994. Vol. 22. P. 32–37
15. Fredenburg B.L. With Horns of Irony: the Implications of Irony in the Account of Ahab's Reign (1 Kings 16:29–22:40). Faculties of The Hiff School of Theology and The University of Denver (Colorado Seminary) University, 2003
16. Beck J.A. Geography as irony: the narrative–geographical shaping of Elijah's duel with the Prophets of Baal (1 Kings 18) // *Scandinavian Journal of the Old Testament: An International Journal of Nordic Theology*. 2003. Vol. 17:2. P. 291–302
17. Smith D.I. Irony, Sovereignty and Cheeses 01.06.2003. URL: <https://perspectivesjournal.org/posts/irony-sovereignty-and-cheeses> (дата обращения: 03.06.2018)
18. Perry M., Sternberg M. The King Through Ironic Eyes: The Narrator's Devices in the Biblical Story of David and Bathsheba, and Two Excurses on the Theory of the Narrative Text // *Hasifrut*. 1968. Vol. 1. P. 263–92 (Hebrew), ii–v (English summary)
19. O'Connell R.H. Isaiah 14:4b–23: Ironic Reversal through Concentric Structure and Mythic Allusion (Gilgamesh XI) // *Vetus Testamentum*. 1988. Vol. 38. P. 406–418
20. Brian C.J. Howling over Moab: Irony and Rhetoric in Isaiah 15–16. Atlanta, GA: Scholars Press, 1996
21. Holladay W.L. Text, Structure, and Irony in the Poem on the Fall of the Tyrant, Isaiah 14 // *Catholic Biblical Quarterly*. 1999. Vol. 61. P. 633–645
22. West M. Irony in the Book of Jonah: Audience Identification with the Hero // *Perspectives in Religious Studies*. Vol. 4/02 (1980). P. 233–242
23. Holbert J.C. «Deliverance Belongs To Yahweh!»: Satire in the Book of Jonah // *Journal for the Study of the Old Testament*. Vol. 21 (1981). P. 59–81
24. Eubanks L.L. The cathartic effects of irony in Jonah. The Southern Baptist Theological Seminary: ProQuest Dissertations Publishing, 1988
25. Band A.J. Swallowing Jonah: The Eclipse of Parody // *Prooftexts*, Vol. 10, № 2, Tenth Anniversary Volume, Part 2 (May, 1990). P. 177–195
26. Person R.F. In Conversation with Jonah: Conversation Analysis, Literary Criticism, and the Book of Jonah. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1996
27. Wendland E.R. Recursion and Variation in the ‘Prophecy’ of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, with Special Reference to Irony and Enigma // *Andrews University Seminary Studies*. 1997. Vol. 35. P. 67–98
28. Evans E.T. Irony in Jonah // *Bible Study Magazine*. 2005. Vol. 1, № 6. P. 5–8; Kim H.Ch.P. Jonah Read Intertextually // *Journal of Biblical Literature*, Vol. 126, № 3 (Fall, 2007). P. 497–528
29. Mueller E. Irony in Scripture // *Biblical Research Institute General Conference of Seventh-day Adventists*. Maryland, 2004. URL: <https://www.adventistbiblicalresearch.org/sites/default/files/pdf/Irony%20in%20Scripture.pdf> (дата обращения: 25.08.2019)
30. Good E.M. Irony in the Old Testament. The Westminster Press, 1965
31. Damm A.L. “Speech Unhindered”: A Study of Irony in the Acts of the Apostles. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University, 1998.
32. Медведева А.А. Ирония как экзегетический троп в сочинении святителя Иоанна Златоуста «Беседы на Деяния Апостольские» // *Философия и культура*. 2019. № 7. С. 23–29
33. Медведева А.А. Понятие иронии в наследии святителя Василия Великого // *Российский гуманитарный журнал*. 2019 том 8, № 4. С. 279–287
34. Медведева А.А. Понятие εἰρωνεία в экзегетическом наследии доникейского периода // *Религиоведение*. 2019. № 1. С. 5–15
35. Стожок Е.В. Термин, понятие и значение // *Омский научный вестник*. 2011. № 1 (95). С. 79–81.
36. Кьеркегор С. О понятии иронии // *Логос*. 1993. Вып. 4. С. 178.
37. Иоанн Златоуст, святитель. Беседы на Деяния апостолов // Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста. Санкт–Петербург: Издание Санкт–Петербургской Духовной Академии, 1903. Т. 9, кн. 1. С. 416.
38. Кальвин Ж. Толкования Жана Кальвина. В 21 тт. Пер с лат. И.В. Мамсурова. Под ред. В.М. Лощманова. Т.2: Толкование на Деяния святых апостолов. Минск: Евангелие и реформация, 2007–2009.
39. Библейский культурно-исторический комментарий. В 2-х частях. Под общ. ред. Т.Г. Батухтиной, Р.З. Ороховатской. СПб.: Мирт, 2003–2005. Ч.2: Киннер К. Новый Завет. Культурно-исторический контекст. С. 324.
40. Карсон Д., Франс Р.Т., Мотьер Дж. и др. Новый Библейский комментарий. В 3 частях. Ч.3: Новый Завет. С. 282. Пер. с англ. СПб.: Мирт, 2000–2001.
41. Camery–Hoggatt J. The Ironic Gospel: an Examination of Marc's Use of Irony. Cambridge: Cambridge University Press,

1992; Idem. Irony in Mark's Gospel: Text and Subtext. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

42. Щипков А.В. Ирония и христианство не совместимы. В чём отличия между юмором и иронией, юродством и шутством?... // Русская народная линия, 30.01.2018. [Электронный ресурс]. - URL: http://ruskline.ru/oP/2018/yanvar1/30/aleksandr_wipkov_ironiya_i_hristianstvo_nesovmestimy/ (дата обращения: 14.09.2018)
43. Романов В.А. Ирония и современное религиозное чувство // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. М.: Современные тетради, 2002. С. 266–274.

Движение Brights: осмысление религии в полицентричном мире

Образцов Н. А.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, магистрант

nikobraz19@yandex.ru

Аннотация: В докладе проанализирован феномен движения «Brights», влияние идей которого на современное религиоведение представляется крайне существенным. Движение, возникшее после трагедии 11 сентября 2001 года, начиналось как сугубо американское объединение, выступающее рупором натуралистического мировоззрения. Однако, впоследствии оно приобрело международное значение и продолжает экспансию по сей день. В докладе показано, что данное движение наследует традиции европейского и американского свободомыслия, но при этом отражает современные тенденции общественного развития, характерные для полицентричного мира. Так, сама концепция движения как объединения людей по идейному признаку претерпела в 21 веке существенные изменения, что нашло отражение в социальной структуре «Brights» и в направленности осмысления религиозных процессов. Движение подвергается всесторонней критике как со стороны представителей различных конфессий, так и со стороны бывших участников самого движения. В докладе отражены разные точки зрения на движение, выявлены основные черты движения как феномена современной культуры.

Ключевые слова: движение brights, свободомыслие, атеизм, Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниел Деннет

The Brights Movement: Comprehension of Religion in the Polycentric World. *Obraztsov N. A.*

Saint Petersburg State University

Abstract: The following paper is devoted to the phenomenon of the Brights movement, ideas of which have significantly impacted modern religious studies. Having appeared in the aftermath of 9/11, the movement began as a purely American association proclaiming the naturalistic worldview, yet later it received international acclaim and started its expansion that continues up to this day. The paper shows this movement to follow the traditions of European and American freethought and at the same time to represent current tendencies of the polycentric world societal development. The 21st century has challenged the concept of a movement, and that influenced the social structure of the Brights and the way of comprehension of various religious processes. The movement is criticized by representatives of different religious denominations as well as by its ex-followers. The paper presents various opinions on the movement and the basic distinctive features of the movement as a cultural phenomenon.

Keywords: the Brights movement, freethought, atheism, Richard Dawkins, Sam Harris, Daniel Dennett

Трагедия 11 сентября 2001 года существенным образом отразилась на общественных настроениях в США. Последствия носили не только политический и экономический характер, они перешли в философскую плоскость. Особую актуальность приобрел вопрос о том, в какой мере эти события были вызваны влиянием религии как социального института. Осмысление роли религии в общественных процессах стало на долгое время одной из наиболее актуальных тем для американских мыслителей. А различные формы атеизма стали не менее распространенным предметом изучения, хотя сама тема «современного атеизма» была затронута еще в 1949 году Жаком Маритеном [1].

В результате философы, ученые и публицисты, которые и так относились к религии скептически, получили дополнительный повод для публичной критики в ее адрес. Так, публицист Сэм Харрис начал писать свою работу «Конец веры» сразу же после трагедии. И он недвусмысленно заявляет, что всему виной вера, которая «как, наконец, пора понять, представляет собой ужасающее явление» [2, с. 67]. Критика религии с позиций разума стала чрезвычайно востребованным направлением в

научно-популярной литературе. Свои работы, разошедшиеся огромными тиражами, опубликовали Р. Докинз, К. Хитченс, В. Стенджер. Это интеллектуальное течение получило название «Новый атеизм». Параллельно с этим зародилось и движение «Brights», объединившее под своей эгидой всех людей, чье мировоззрение можно назвать натуралистическим. К истокам натуралистического мировоззрения, воспринятого движением, можно отнести идеи таких мыслителей как П. Бейль, П.-А. Гольбах, П. Куртц, М. Монтень, Б. Рассел, К. Саган, Дж. Толанд. В общем виде эту интеллектуальную традицию нельзя охарактеризовать одним единственным термином. Это и рационализм, и свободомыслие, и скептицизм, и светский гуманизм, и агностицизм, и, собственно, атеизм. В этом и проявляется сущность движения «Brights»: оно аккумулирует в себе все возможные формы натуралистического мировоззрения. То есть, мировоззрения, лишённого сверхъестественных и мистических элементов.

Таким образом, движение «Brights» представляется идеологическим и организационным выражением произошедших в американском общественном сознании изменений. Если раньше религию критиковал каждый по отдельности, то теперь люди с подобными взглядами ощутили потребность объединиться. Однако, первоначально возникшее название «Марш безбожников» в американских реалиях носило отчетливо негативную коннотацию, и в 2003 году появился более благозвучный термин – brights, тогда же у движения появился и веб-сайт. Об этом подробно рассказывают в интервью сооснователи движения Пол Гейзерт и Минга Фатрелл [3]. Перейдем к рассмотрению движения как интеллектуального и общественного феномена, а затем подробно остановимся на осмыслении религии в системе взглядов «Brights».

Отметим, что движение «Brights» обладает специфическими чертами, характеризующими его как часть полицентричного мира, окончательно сформировавшегося в начале 21 века. Движение не имеет четко выраженной иерархии, у него нет формального лидера. Нет у него и официально утвержденного устава, система корпоративных норм фактически отсутствует. Поэтому, исследование движения сопряжено с определенными трудностями. Основным источником выступает сайт движения, на котором содержится различного рода информация, признаваемая подавляющей частью сторонников «Brights». Помимо официального сайта, к источникам можно отнести иные интернет-ресурсы, такие как Youtube-канал движения, а также его Twitter-аккаунт. Такой набор источников определяет и методологию потенциального диссертационного исследования, которое должно строиться преимущественно на социологических методах. Ведь движение в условиях современного мира уже невозможно надлежащим образом описать, используя внешние источники, без погружения в контекст.

Название движения представляет особый интерес. Слово «bright» в современном английском языке определяется как «светящийся», «полный света», «яркий», «чистый» (применительно к звуку), «светлый» (когда речь идет о чем-то прекрасном будущем). И одним из вариантов определения будет «умный и сообразительный», то, что в русском языке мы называем словом «блестящий» [4]. Неудивительно, что такое название кому-то могло показаться претенциозным и заслуживающим критики [5]. И сайт движения предлагает свою дефиницию слова «bright, согласно которой оно означает человека, чье мировоззрение свободно от элементов сверхъестественного и мистического и является натуралистическим. Таким образом, фактически, авторами данного материала вводится новое определение, которое во многом становится базисом самоопределения сторонников движения «Brights». Таким образом, самонадеянное «I am bright» превращается в констатацию факта принадлежности к движению – «I am a bright».

Отказ от веры в сверхъестественное является чуть ли не единственным условием принадлежности к движению. На сайте можно зарегистрироваться, однако, это условие носит факультативный характер. Фактически, чтобы стать членом движения, достаточно иметь соответствующие натуралистические убеждения и считать себя bright. Членский билет уже выглядит анахронизмом. Границы социальных структур стираются, и объединения людей становятся все более стихийными, непрочными.

С движением ассоциируются известнейшие критики религии. Среди них – Дж. Рэнди, Р. Докинз, М. Шермер, С. Пинкер (полный список представлен на сайте движения в разделе «the people» [6]). Общий для них нарратив – примат науки и разума перед верой. Они исходят из того, что наука и религия принципиально противоречат друг другу, в первую очередь, методологически. Отсюда и основной пункт, по которому движение критикуют. Его обвиняют в распространении односторонних сциентистских взглядов, которые не выдерживают практической проверки [7].

Кроме того, отдельных представителей движения подвергают критике в связи с тем, что они

необъективны в своем анализе религиозных процессов, в том числе, по причине участия в движении [8]. Отметим, что отнюдь не только теологи критикуют движение (точнее, отдельных его представителей). Академические религиоведы не всегда довольны тем, как безапелляционно и зачастую неграмотно нападает на религию тот же Ричард Докинз, чья знаменитая книга «Бог как иллюзия» скорее является публицистической работой, нежели научно-популярной. Подобного рода критика относится и к Дэниелу Деннету [9]. Отметим, что один из первых энтузиастов «Brights» Майкл Шермер впоследствии заявил, что не считает себя представителем этого движения. Он продолжил именовать себя атеистом и скептиком, но от интегрирующего термина отказался.

Религия как таковая в рамках натуралистической парадигмы может быть полностью объяснена с научных позиций. Здесь могут быть задействованы такие дисциплины как когнитивное религиоведение, биология поведения человека, эволюционная биология, и так далее. В общем и целом, следует констатировать, что осмысление религии со стороны представителей движения «Brights» происходит по двум ключевым направлениям: критика религии как социального института (обвинение ее в развязывании конфликтов, в подавлении научного знания, в нарочитом обскурантизме), а также ее объяснение с научных позиций, попытка показать, что в самой религии нет ничего сверхъестественного.

Таким образом, можно сделать несколько значимых выводов. Движение «Brights» - культурное и интеллектуальное явление, характерное для полицентричного мира. Оно собралось под своей эгидой носителей самых разных мировоззрений, объединенных натуралистическим взглядом на мир. Движение не имеет четкой иерархии, в него можно даже формально не вступать, при этом считать себя его частью. Осмысление религии в рамках движения носит ярко выраженный критический характер: для представителей движения характерным является тезис о принципиальной несовместимости науки и любой формы религиозности.

Литература:

1. Maritain J. On the Meaning of Contemporary Atheism // The Review of Politics. 1949. Vol. 11. No. 3. P. 267-280.
2. Harris S. The End of Faith: Religion, Terror, and the Future of Reason. New York, NY: W.W. Norton & Company, 2005. 348 p.
3. thebrightsnet. Inside the Brights Network: History of the Brights Movement. 2012, Aug 8. URL: https://www.youtube.com/watch?v=g_eaxU0gg0s (дата обращения: 29.02.2020).
4. Bright. Oxford Dictionaries. n.d. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/bright> (дата обращения: 29.02.2020).
5. Mooney C. Not Too 'Bright' // Skeptical Inquirer. 2004. Vol. 28. No. 2. URL: https://www.csicop.org/specialarticles/show/not_too_bright (дата обращения: 29.02.2020).
6. The Brights' Net - The People. URL: <http://www.the-brights.net/people/> (дата обращения: 29.02.2020).
7. Schaefer D. Blessed, precious mistakes: deconstruction, evolution, and New Atheism in America // International Journal for Philosophy of Religion. 2014. Vol. 76. No. 1. P. 75-94.
8. Vanek D. Evolution, Politics and the Spell of Language: A Critical Analysis of Daniel Dennett's «Breaking the Spell» // Method & Theory in the Study of Religion. 2008. Vol. 20. No. 1. P. 45-53.
9. Geertz, A. «New Atheistic Approaches in the Cognitive Science of Religion: On Daniel Dennett, Breaking the Spell (2006) and Richard Dawkins The God Delusion (2006)» // Contemporary Theories of Religion: A Critical Companion / Ed. by M. Stausberg. 2009. P. 242–262.

Пелевина О.В.

ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», доцент. Кандидат философских наук

olpelevina@gmail.com

Аннотация: статья посвящена изучению феномена китаизации христианства в КНР. Автор приходит к выводу, что перед современной китайской религиозно-философской мыслью стоит задача поиска теоретических оснований сближения христианства и китайской культуры. Сравнивая христианскую категорию любви и конфуцианскую категорию жэнь (гуманность, человеколюбие), китайские эксперты допускают возможность интеграции ценностей христианской культуры в современную идеологическую модель гармоничного китайского государства, с целью последующего преодоления барьера между китайскими христианскими общинами и остальным китайским обществом. Подобный вывод китайские эксперты делают, опираясь на опыт лояльных государству христианских общин, без учета данных многочисленных китайских христианских домашних церквей.

Ключевые слова: китаизация христианства, богословие любви, жэнь человеколюбие, аккультурация, гармоничное общество

The category of love as a philosophical foundation of the Sinicization of Christianity in the China.
Pelevina O.V.

Amur State University, Associate Professor

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of the Sinicization of Christianity in China. The author comes to the conclusion that modern Chinese philosophical thought is faced with the task of finding the theoretical foundations of the convergence of Christianity and Chinese culture. Comparing the Christian category of love and the Confucian category of ren (humanity) Chinese experts admit the possibility of integrating the values of Christian culture into the modern ideological model of a harmonious Chinese state, with the aim of overcoming the barrier between Chinese Christian communities and Chinese society. All that is needed for this is without taking into account the data on numerous Chinese Christian home churches.

Keywords: Sinicization of Christianity, theology of love, Ren humanity, acculturation, harmonious society

Проблема философского осмысления восточной и западной культурных традиций не теряет своей актуальности в условиях глобального мира. О рецепции и проблемах адаптации религиозных традиций к инокультурной среде порассуждаем на примере современного процесса китаизации христианства в КНР.

История христианства в Китае восходит к VII в., когда там впервые появилось несторианство. В конце XVI в. в Поднебесной началась работа католических миссионеров, заложивших фундамент взаимного сближения китайской и христианской культур. В конце XVII в. вместе с защитниками албазинской крепости в Китай проникло русское православие. В XIX в. в Поднебесной начинают миссионерскую работу представители протестантизма. На сегодняшний день по количеству адептов протестантизм считается наиболее успешным направлением христианства в Китае. По разным оценкам в КНР насчитывается от 80 до 100 миллионов христиан, к текущему году отечественные специалисты прогнозировали 147, 5 миллионов христиан в КНР [1].

Христианство в Китае неоднородно, представлено тремя основными направлениями. Ассоциация китайских католиков-патриотов и протестантское Патриотическое движение тройной самостоятельности признаны государством и входят в состав пяти официальных религий в КНР наряду с даосизмом, буддизмом, исламом. Помимо зарегистрированных христианских общин продолжают действовать домашние церкви преимущественно протестантского происхождения. Православие в Китае считается религией русского национального меньшинства, проживающего в нескольких регионах страны.

Христианский вопрос является одним из ключевых в контексте развития современной китайской государственно-конфессиональной и национальной политики. В последние годы в академических кругах КНР активно обсуждается тема китаизации христианства. Проблема китаизации отдельных направлений христианства стояла еще перед католическими миссионерами на рубеже XVI-XVII вв. и в последующие столетия. Однако принципиальная особенность современного феномена китаизации христианства состоит в том, что инициатива исходит не от миссионеров, заинтересованных в успехе проповеди, а от государства, которое стремится к тому, чтобы существующие в стране религии демонстрировали лояльность к действующему политическому строю, придерживались позитивной гражданской позиции и демонстрировали активное созидательное отношение к социальной действительности.

Впервые о становлении «китайского христианского богословия» заговорил глава государственного управления по делам религий (ГУДР) КНР Ван Цзоань в августе 2014 г. Это произошло на мероприятии, посвященном празднованию 60-летия Комитета китайского патриотического протестантского движения за тройную самостоятельность. Согласно его мысли, христианское богословие в Китае должно не просто соответствовать классическим основам христианского вероучения, но и учитывать национальные особенности, культуру, социалистический путь развития Китая [2, с.172].

К реализации программы китаизации христианства привлекаются представители академической науки, в 2014 г. было объявлено о необходимости создания аналитических центров. На базе Института религий мира Китайской академии общественных наук с 2013 г. издается научный сборник, посвященный исследованиям китаизации христианства. К 2019 г. вышло 4 выпуска. Авторами публикаций выступают ведущие китайские религиоведы, философы, социологи, представители других гуманитарных наук. Тематика публикаций разнообразна, касается истории развития христианства в Китае, сравнительного анализа существующих в стране автохтонных и аллохтонных религий, прогнозов дальнейшего присутствия христианства в КНР.

Китайские исследователи пытаются найти философско-теоретические основы сближения христианства и китайской культуры. Показательны в этом смысле размышления крупного в Китае эксперта по вопросам изучения христианства, директора Института мировых религий Китайской академии общественных наук Чжо Синьпина (卓新平) [3, с. 12-17]. Чжо Синьпин предлагает проследить эволюцию восприятия христианской категории любви в массовом сознании китайцев и в истории развития китайского христианства. По его мнению, первоначально христианская религия в Китае переживала мирную передачу, равный диалог с китайской культурой. Но со временем, начиная с династии Цин, возникший спор о ритуалах положил начало конфликтам. Суть спора касалась проблемы сосуществования христианской монотеистической догматики с китайскими морально-этическими и религиозными традициями. Со временем в силу непростой международной обстановки, имперских притязаний западных держав, опиумных войн в Китае сложилось устойчивое представление о христианстве как о политической религии, инструменте шпионажа европейцев, которые стремились к распространению своего влияния в Китае. Китайские специалисты считают, что до 1949 г. китайская церковь не смогла избавиться от статуса «иностранной религии». В этот период христианство не получило доверия со стороны китайского общества, оставалось чужим. По мнению Чжо Синьпина тогда китайцы не ассоциировали христианство с его важнейшей добродетелью – любовью. В классическом христианском понимании проявлением глубочайшей любви Бога к людям является акт воплощения Сына Божия на земле и его крестные муки ради искупления первородного греха человечества и его дальнейшего спасения. Следуя божественному примеру, христиане должны безгранично любить Бога и других людей, прежде всего, своих ближних. Христианская любовь выступает как идеальное начало общественных отношений, она не зависит от родственных связей, пола, возраста, социального положения, этнической принадлежности. Она альтруистична, побуждает к добровольному служению другому человеку, порождает желание помочь, защитить. Колониализм, империализм явно не сочетаются с классическим пониманием христианской любви, идеями братства, гуманизма. Китайские сограждане, принимавшие и исповедовавшие в первой половине XX века христианство, воспринимались как маргиналы, стремящиеся к самоизоляции от общества. В то время в Китае была известна поговорка: «одним христианином больше, одним китайцем меньше». Таким образом, до конца 1970 гг. в массовом китайском сознании, по мнению экспертов КНР, доминировало представление о христианстве как о политической идеологии западного происхождения, лишенной основ гуманизма.

Пишун С.В.

*Департамент философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, профессор. Доктор философских наук*

pishoons@mail.ru

Бондаренко В.В.

*Департамент философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, доцент. Кандидат медицинских наук*

bondarenko.vv@dvfu.ru

В конце 1970 гг. в Китае провозглашается политика реформ и открытости и на первый план выходит идея построения гармоничного общества. Начался процесс постепенной легализации религий и ориентация конфессиональной политики в сторону создания условий для сохранения китайской традиционной самобытности в сочетании с социалистическим политическим курсом. Чжо Синьпин считает, что в новых условиях у китайского христианства появилась возможность широко заявить о себе как о религии любви. По его мнению, изменения политического курса повлекли за собой изменения в массовой культуре, повлияли на отношения между людьми. В качестве примера китайский эксперт вспоминает получившую широкую известность среди населения Китая в 1989 гг. песню «Посвящение любви» (爱的奉献). Эта светская композиция была исполнена на фестивале во время празднования китайского нового года. В основу песни была положена история пекинской школьницы, которая нуждалась в серьезном лечении, и на ее беду откликнулось большое количество людей. На этом факте Чжо Синьпин строит вывод о том, что концу 1980 гг. китайское общество стало более восприимчивым и готовым к пониманию христианских ценностей любви, добра, сострадания. Кроме того, китайский исследователь подчеркивает, что гуманистические начала не чужды и для традиционной китайской культуры, имея в виду конфуцианскую категорию 仁 жэнь. Не вдаваясь в дискуссии о полисемии категории жэнь в отечественной и китайской синологической науке [4] и русской философской мысли [5, с. 382-383], ограничимся лишь замечанием, что на русский язык эту категорию принято переводить как «человеколюбие», «гуманность». И судя по всему, китайские специалисты считают возможным проводить аналогию между конфуцианской категорией жэнь и христианской добродетелью любви к ближнему для поиска философско-теоретических оснований масштабного государственного проекта китаизации христианства. По мнению Чжо Синьпина, для современного китайского общества не столько важно понять ключевые христианские категории в контексте западного варианта умозрительного богословия, но выявить и популяризировать практически полезные для китайского общества стороны христианского богословия любви. Иными словами китайские мыслители озадачены поиском прикладных аспектов христианской этики, которые можно было бы использовать для преодоления исторически сложившегося барьера между христианством и китайским обществом.

По мысли Чжо Синьпина, можно интегрировать христианскую добродетель любви в политическую модель строительства гармоничного общества. Чтобы через христианское богословие любви преодолеть прежнюю замкнутость, отчужденность китайских христианских общин. В своих размышлениях Чжо Синьпин опирается на богословские мысли бывшего лидера протестантского Патриотического движения тройной самостоятельности Дин Гуансюня, который, вспоминая опыт борьбы с наводнениями в бассейне р. Янцзы в 1990 гг., считал, что китайцы способны принять для себя христианский принцип всеобщей любви ко всем людям и прийти на помощь.

В заключении заметим, что одним из теоретических оснований поиска точек соприкосновения китайской и христианской культуры является сближение христианской категории любви с конфуцианской категорией жэнь человеколюбия. По мнению китайских специалистов, сопряженные с христианской добродетелью любви принципы всеобщности, бескорыстия, самоотверженности, сострадания могут стать основой установления взаимопонимания между китайским обществом и китайскими христианскими общинами. Практически это можно осуществить через различные варианты социального служения. В результате чего можно будет добиться полноценной реализации задуманного на государственном уровне плана китаизации христианства. При этом не стоит забывать, что данный вывод китайские эксперты делают, опираясь на опыт лояльных государству христианских общин, без учета данных многочисленных китайских христианских домашних церквей.

Литература:

1. Горохов С.А. Христианство в современном Китае // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С.42-46.
2. Афонина Л.А. Государственная политика Китайской народной республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): дис. канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2016. 218 с.
3. Чжо Синьпин «Богословие любви» в китайском христианстве и его социальное значение (卓小平 中国基督教 “爱的神学” 及其社会关怀) // Исследования китаизации христианства. 2013. Вып. 1. С.12-17. (基督教中国化研究 (第一辑) / 张志刚, 唐晓峰主编 北京: 宗教文化出版社, 2013. 4. 页12-17.
4. Кобзев А.И. Жэнь // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 1. Философия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2006. С. 262-264.
5. Соловьев В.С. Китай и Европа // Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 332-407.

Аннотация: Интересным и многообещающим является сравнение православной моральной метафизики духовно-академического теизма XIX века с творческим наследием средневековой схоластики. Кроме того, концептуальные положения православной моральной метафизики перекликаются с моральным учением как томистов и августинистов, так и выдающихся представителей антисхоластической монашеской мистики. История знакомства православных теистов с моральной философией средневековых авторов из католических университетов восходит к временам Киево-Могилянской академии, профессора которой очень хорошо были знакомы с моральными учениями Генриха Гентского, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Бонавентуры, Иоанна Дунса Скота. Вместе с тем, при всём сходстве моральных установок русских теистов и католических авторов из средневековых университетов, существовали и определённые расхождения между ними. Необходимо как раз рассмотреть соотношение православной духовно-академической и католической версий моральной философии, указать, с одной стороны, на их близость и родство, с другой стороны, расхождения по ряду принципиальных вопросов.

Ключевые слова: моральная метафизика, этика, отцы церкви, православный теизм, схоластика, томизм, католическая средневековая философия, феномен человека, обоснование бытия Серхсущего.

Orthodox moral metaphysics and philosophy of the Middle Ages.

Pishun S.V.; Bondarenko V.V.

Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University; Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University

Abstract: It is interesting and promising to compare the Orthodox moral metaphysics of spiritual and academic theism of the 19th century with the creative heritage of medieval scholasticism. In addition, the conceptual provisions of Orthodox moral metaphysics have something in common with the moral teachings of both Thomists and Augustinists, and prominent representatives of anti-scholastic monastic mysticism. The history of the acquaintance of Orthodox theists with the moral philosophy of medieval authors from Catholic universities dates back to the times of the Kiev-Mohyla Academy, whose professors were very familiar with the moral teachings of Heinrich Ghent, Albert the Great, Thomas Aquinas, Bonaventure, John Duns Scott. However, with all the similarities in moral principles of Russian theists and Catholic authors from medieval universities, there were certain differences between them. It is necessary to consider the relationship between the Orthodox spiritual, academic and Catholic versions of moral philosophy, to indicate, on the one hand, their closeness and kinship, on the other hand, the differences on a number of fundamental issues.

Keywords: moral metaphysics, ethics, church fathers, Orthodox theism, scholasticism, Thomism, Catholic medieval philosophy, the phenomenon of man, the rationale for the existence of the Universal.

Исходная установка средневековых схоластов и православных теистов была общей – ориентация на ценности христианства, осознание необходимости опоры на творческое наследие как западных, так и восточных отцов церкви. Православные теисты, в частности, с огромным уважением относились к философскому и богословскому наследию Августина, считая его крупнейшей величиной раннего европейского средневековья. Августину было посвящено достаточно много работ православных учёных из духовных академий. В частности, можно указать на труды тех православных теистов, которые интересовались философско-антропологическим и этическим наследием Августина. В частности, можно указать на И.А. Лаговского «Психология блаженного Августина» [1], Константина Лужинского «Блаженный Августин, епископ Иппонийский, как апологет» [2], Василия Евсеева «Антропологическое учение блаженного Августина» [3], Александра Ефимова «Об отношении Церкви к государству по учению блаженного Августина» [4] и др.

Интересные оценки работ Августина в области философской этики мы находим у А.А. Бронзова в статье «Нравственно-безразличное и «дозволенное» [5]. Автор отмечает положительное отношение Августина к факту наличия нравственно-безразличных действий (адиафор), которые впервые были высказаны Аристотелем, а после него Климентом Александрийским, Оригеном и Тертуллианом. Убеждение в существовании адиафор, по мнению Бронзова, пришло к Августину от Амвросия Медиоланского, как известно, как раз и обратившего Августина в христианскую веру.

Таким образом, русских теистов привлекало в Августине стремление учитывать фактор человека в конструировании теории морали, отказ от тотального рационализма и вместе с тем, неприятие огульно-мистической позиции, то есть православные теисты весьма положительно воспринимали желание Августина сочетать рационалистическую и мистическую позицию при взгляде на природу человека. Собственно, русских теистов и средневековых католических августинистов роднит желание построить теорию морали на сложном фундаменте христианской философско-религиозной антропологии. Невозможно строить этико-философскую концепцию без глубокого понимания самой природы человека, исследования его сущностных сторон. Выражение Августина о том, что «душа человека по природе христианка» принимало в моральной метафизике русских теистов вполне определённые очертания. В частности, можно вспомнить идею о «нравственных стремлениях» и «нравственных влечениях» в работе выдающегося православного богослова и философа-моралиста И.Л. Янышева «Православно-христианское учение о нравственности» [6]. Философия Августина, равно как и метафизическая основа русского теизма содержат два полюса – теоцентризм и антропоцентризм.

Вместе с тем, существуют и определённые расхождения в теоретических установках Августина и представителей духовно-академической философии на природу морали. В частности, у Августина мы в гораздо большей степени можем видеть неприятие «посюстороннего» мира, что было связано в том числе и с его прошлыми манихейскими убеждениями. Русская духовно-академическая философия, находясь в рамках православной традиции, которая идёт от Византии, не противопоставляла как якобы абсолютно непримиримые духовный и материальный мир, проявляла в этом вопросе гораздо большую умеренность и сдержанность. Кроме того, в православной моральной метафизике наблюдалась попытка сочетать апофатический и катафатический методы в поиске сущности Абсолюта, в то время как теология Августина, по замечанию известного советского и российского историка философии В.В. Соколова, «в общем далека от апофатики» [7, с. 54].

Существенный интерес православные авторы проявляли к наследию Иоанна Скота Эриугены, который, как они считали, был ещё способен отчасти воспринять религиозно-философское учение Византии, в котором, в свою очередь, было сильно влияние неоплатонизма. В данном контексте следует отметить работы трёх духовно-академических авторов: И.А. Татарского, Е. Будрина, А.И. Бриллиантова. В частности, последний из перечисленных философов-теистов уже в названии своей кандидатской сочинения указал на «влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены» [8].

Интересно также провести сопоставление духовно-академической моральной метафизики с более поздней средневековой традицией эпохи расцвета схоластики. В частности, определённый интерес у русских теистов вызывало онтологическое доказательство бытия Божия, представленное в «Прослогионе» Ансельма Кентерберийского». Православные авторы из Московской духовно-академической школы (В.Д. Кудрявцев-Платонов, П.В. Тихомиров) не отвергали онтологическое доказательство, сочетали его с другими видами доказательств – космологическим, телеологическим, нравственным. Такое сочетание мы видим уже у православного преподавателя Славяно-греко-

латинской академии Феофилакта (Лопатинского), аналогичным образом (в смысле синтеза разных вариантов доказательств бытия Сверхсущего) поступали представители Московской духовной академии Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, Алексей Ив. Введенский и П.В. Тихомиров. Кроме того, православные теисты полагали, что религиозная философия Ансельма Кентерберийского содержит в себе указание на «координацию» между миром духовным и нравственным с одной стороны и миром материальным, с другой стороны. Данный факт дает право утверждать, что в сочинениях представителей ранней западноевропейской схоластики можно увидеть элементы моральной метафизики. Православный автор из Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий писал о том, что в работах Ансельма проводятся параллели между миром физическим и духовным, и явлениям мира физического даётся особое нравственное толкование, и они представляются символами высших духовных предметов. Другой исследователь из Киевской духовной академии Павел Иванович Малицкий в своей работе «Ансельм, архиепископ Кентерберийский», вышедшей в 1876 году, основное внимание уделяет учению Ансельма в предопределении и его онтологическому доказательству бытия Бога [9]. Православные теисты также интересовались этическими концепциями Пьера Абеляра. В качестве примера можно указать на исследование Фавста Костецкого «Нравственная система Абеляра» [10].

Среди всех католических философов эпохи зрелого средневековья наибольшее значение для содержания православной моральной метафизики имели Фома Аквинский и Иоанн Дунс Скот. Первого в большей мере можно назвать представителем «теологического рационализма», второй, будучи францисканцем, был гораздо более склонен к мистицизму и волюнтаризму в трактовке природы морали и феномена человека. Интерес к наследию Фомы Аквинского усилился после энциклики папы Льва XIII «Aeterni patres» в 1874 г., когда томизм был провозглашён официальной доктриной римско-католической церкви. Личности и творчеству Фомы Аквинского в том числе была посвящена магистерская диссертация будущего профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.А. Бронзова «Аристотель и Фома Аквинат в их отношении к учению о нравственности» (1884). В этой работе выдающегося православного философа-моралиста достаточно позитивно оценивается вклад Фомы Аквинского в выработку онтологических и гносеологических основ католической метафизики. Одновременно А.А. Бронзов проводит и критический разбор моральной философии Фомы Аквинского. Он показывает, в частности, ограниченность понимания Фомой Аквинским философско-антропологических основ морали, который недооценивает феномен человека как такового с своими сложными чувствами и стремлениями, больше полагаясь здесь на рационалистическую трактовку моральной жизни. В другом исследовании представителя Киевской духовной академии Иннокентия Бобровицкого «Summa Theologia Фомы Аквината», вышедшем в 1884 году, предпринята попытка представить целостный взгляд на всё философское учение «ангельского доктора», показать тесную связь его метафизики и моральной философии. В любом случае православные философы подчёркивали значение этого «великого учителя церкви» за то, что он предоставил индивидуальной воле великое этическое значение».

Главное, что отмечали православные теисты у Фомы Аквинского в контексте построения ими своей моральной метафизики – это его теория человеческой воли, согласно которой воля является свободной по причине того, что она не может быть подчинена никакой необходимости в смысле стороннего давления на неё, но эта воля определяется наших разумным по сути взглядом, который делает выбор между различными благами и делает предпочтение тому, что он считает самым лучшим. Но для того, чтобы действительно выбрать истинно благое, человек, как полагал Фома Аквинат, нуждается в помощи Божией. В отличие от Августина, у которого божественное милосердие составляет громадную величину и против которого «человеческое хотение есть ничто» [11], у Фомы Аквината это божественное вмешательство в выбор человека оказывается простым содействием воли. Получается, что у «ангельского доктора» человеческой воле возвращается её относительная самостоятельность и даже могущество. Разумеется, позиция православных теистов в этом вопросе была близка именно Фоме Аквинскому, а не Августину. Можно даже признать, что представители духовно-академической науки как раз и ориентировались на ту модель признания относительной автономии «я», личности, базовые положения которой были как раз сформулированы ещё в средневековом томизме. Но, вместе с тем, православная концепция свободы воли являлась более «практически ориентированной», ориентировалась на необходимость творческой активности и нравственной деятельности как выражения сущностных начал человеческого существа. Русские теисты в некотором смысле стремились соединить чисто религиозную этику с этикой светской (разумеется, речь шла о доминировании первой).

В целом, на становление православной моральной метафизики традиция, идущая от западноевропейской философской схоластики, оказала определённое влияние, что проявилось в требовании учитывать природу человека при формировании морально-метафизических концептов, а также в требовании соединения этики и метафизики, формирования доктрины онтологических оснований морали как таковой.

Литература:

1. Лаговский И.А. Психология блаженного Августина. Киев, 1913. 465 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.304. № 2245.
2. Лужинский К. Блаженный Августин, епископ Иппонийский, как апологет. Киев, 1912. 545 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.304. № 2194.
3. Евсеев В. Антропологическое учение блаженного Августина. Киев, 1886. 377 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.304. № 1030.
4. Ефимов А. Об отношении Церкви к государству по учению блаженного Августина. Киев, 1891. 116 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.304. № 1218.
5. Бронзов А.А. Нравственно-безразличное и «дозволенное» // Христианское чтение. 1897. № 1. С.121-122.
6. Янышев И.Л. Православно-христианское учение о нравственности. 2-е изд. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1906. 473 с.
7. Соколов В.В. Средневековая философия. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 350 с.
8. Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1898. LVIII, 514 с.
9. Малицкий П.И. Ансельм, архиепископ Кентерберийский. Киев, 1876. 385 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.304. № 689.
10. Костецкий Ф. Нравственная система Абельяра. Киев, 1865. 128 с. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф.175. № 286
11. Вундт В. Этика: Факты нравственной жизни. Философские системы морали. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 456 с.

Обряды перехода и погребальные ритуалы (на материалах археологических памятников Приамурья)

Попов А.Е.

*Амурский государственный университет, лаборатория археологии и антропологии,
младший научный сотрудник*

Kindpopov@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена описанию обрядов перехода и погребальных обрядов народов Приамурья эпохи средневековья по материалам археологических исследований. В статье описываются ритуалы перехода, как системы, предложенной А. ван Геннопом. Рассматривается схема обрядов перехода в виде этапов: прелиминарный (отделение), включающего в себя действия, направленные на отрыв участника от его прежнего состояния, лиминарный (промежуточное состояние), постлиминарный (включение), объединяющего действия, нацеленные на интеграцию героя в новое общество, как универсальной характеристике для всех ритуалов перехода, в том числе и погребальных обрядов, как вида обрядов перехода. В статье при помощи результатов археологических работ на погребениях на территории Приамурья, иллюстрируется погребальная обрядность как вид ритуалов перехода.

Ключевые слова: погребальные обряды, обряды перехода, археология, ритуал, интеграция, общество.

Transitional rites and funeral rituals (based on archaeological sites of the Amur region). Popov A.E.

Amur State University, Laboratory of Archeology and Anthropology, Junior Researcher

Annotation: The article is devoted to the description of the rites of passage and funeral rites of the peoples of the Amur region of the Middle Ages based on archaeological research. The article describes the rituals of the transition, as a system proposed by A. van Gennop. The scheme of transition rites in the form of stages is considered: preliminary (separation), which includes actions aimed at detaching a participant from his previous state, laminar (intermediate state), postliminary (inclusion), combining actions aimed at integrating a hero into a new society, as a universal characteristic for all transition rituals, including funeral rites, as a type of transition rites. Using the results of archaeological work on burials in the Amur region, the article illustrates funeral rituals as a type of transition rituals.

Keywords: funeral rites, rites of passage, archeology, ritual, integration, society.

¹ Изучая различные народы, общества, культуры исследователь обнаруживает общие для них стороны социальной, духовной жизни. Рассматривая культуру народов Приамурья в эпоху средневековья можно проследить схожие черты в ритуалах перехода. В особенности общие моменты прослеживаются в погребальной обрядности.

Обряды перехода представляют собой некоторые церемониальные действия духовного и профанного характера, в результате которых человек меняет свой социальный статус. А.П. Забияко даёт следующее определение обрядам перехода: обряды перехода – это ритуалы, обеспечивающие изменение индивидом общественного статуса в процессе выхода из одной социальной или религиозной группы и включения в другую [1, с. 904]. Важное место в изучении обрядов перехода и разработке концепции принадлежит этнографу и фольклористу из Франции Арнольду ван Геннепу.

Изменение общественного статуса, переход из одной группы в другую являются важными этапами человеческой жизни. Подобные изменения сопровождаются соответствующими ритуалами и фиксируются в обществе. К числу важнейших этапов жизни для индивида и общества А. ван Геннеп относил рождение, достижение социальной зрелости, обручение, вступление в брак, похороны. Такие

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00408.

этапы сопровождались родильными церемониями, инициациями, брачными, похоронными и другими обрядами перехода.

А. ван Геннеп выделял общие этапы обрядов перехода: прелиминарный (отделение), включающий в себя действия, направленные на отрыв участника от его прежнего состояния, лиминарный (промежуточное состояние), постлиминарный (включение), объединяющий действия, нацеленные на интеграцию индивида в новое общество [2, с. 24].

А. ван Геннеп писал, что на практике не обязательно будет иметь место равновесие трех групп по их значению или степени разработки. Например, действия, направленные на отделение, по мнению исследователя, в основном представлены в погребальных церемониях, включение – в свадебных; что же касается промежуточного состояния, то оно более всего представлено, например, в ритуале инициации. Вся эта схема на деле может иметь более сложный характер.

Отделение (или прелиминарный этап) – первый этап обряда перехода. Представляет собой выход из обычного для себя состояния на время в некий промежуточный этап. Происходит это путём совершения определённых ритуалов отделения: снятия, старой одежды, ритуального умывания и удаления с себя прежней «грязи»; обряды, связанные с прохождением какого-то расстояния, проход через порог и так далее [2, с. 22].

После того, как индивид совершил обряд отделения, он попадает в промежуточное состояние, в котором находится некоторое время. Это промежуточное состояние проявляет себя во всех обрядах, в той или иной степени. Человек в этот период находится между двух социумов – старым и новым, в этой стадии человека ограничивают от общества, отправляют подальше от семьи и других обычных людей, могут поместить в изолированное помещение. У человека в этот период бывают различные ограничения по еде и одежде и др. Рассуждая о том, почему в лиминарном этапе человека стараются отградить от других людей и ограничивают в выборе одежды или питании, некоторые учёные пришли к выводу о том, что это лиминарное состояние не подлежит традиционным объяснениям, что уже в первую очередь считается чем-то опасным для людей или же окружающей среды [3, с. 181].

На постлиминарном этапе происходит своего рода возвращение в нормальную жизнь, но уже в новом социальном статусе. В этот период совершают ритуалы противоположные лиминарному периоду, надевание одежды, соответствующей новому социальному статусу, повторение жертвоприношений, снятие пищевых ограничений, отращивание волос на голове и др.

Один из самых важных и общих этапов жизни, который присущ абсолютно всем людям и вообще живым существам – это смерть. Обряды перехода, в особенности в религиозной картине мира, имеют отношение не только к миру живых, но и к людям, которые находятся в «другом», загробном мире. Такие обряды перехода помогают регулировать отношения между мирами живых мёртвых, помогают мёртвым перейти в свой мир, отделиться от живых.

Похоронные обряды хорошо иллюстрируют всю структуру обрядов перехода. Похоронные обряды состоят из всех этапов обрядов перехода: предварительные (отделение, прелиминарный этап), промежуточные (лиминарный этап), окончательные стадии (включение, постлиминарный этап).

Предварительный, прелиминарный этап может быть представлен обрядом омывания тела, трупоположением и другим ритуалам отделения. На территории Приамурья имеется достаточное количество погребений, результаты работы на которых демонстрируют особенности погребальных обрядов народов, населявших эти территории.

При исследовании Ангайского могильника, который находится на территории Амурской области близ села Албазино, было выявлено 6 захоронений, 4 из которых были выполнены по обряду первичного погребения. Перед тем, как предать человека земле, проводились различные предварительные ритуалы. Умершему предавалась определённая поза, обычно тело было вытянуто, конечности находились параллельно туловищу, которое было ориентировано по направлению юго-восток [4, с. 211]. Такое направление тел умерших, вероятнее всего, показывает покойному, куда ему идти в загробный мир. В 2005 году на Троицком могильнике было найдено захоронение, выполненное по обряду трупоположения, тело в котором находилось на животе, что представляет собой достаточно редкое явление [5, с. 18]. Такое положение тела могли использовать, вероятно для того, чтобы покойный мог быстрее уйти в другой мир и не вернулся домой за своими близкими.

Одна из особенностей погребальных традиций владимирской культуры, к которой принадлежат дауры, является посмертное изъятие верхней части скелета, например, позвонков, рёбер, плечевого

пояса. Судя по результатам работ на Прядчинском могильнике, части скелета вынимались ещё до захоронения в могиле. Это говорит о том, что тело уничтожают намерено, чтобы душа его покинула, чтобы процесс отделения прошёл быстрее.

В исследуемых захоронениях встречаются различные погребальные предметы. Их можно разделить на несколько групп – предметы быта, предметы вооружения, украшения и одежды, можно добавить группу из предметов конской сбруи. Все предметы, найденные при работах на памятниках, были предварительно повреждены, чтобы покойный мог их использовать в другом мире. Что свидетельствует об очередном отделении покойного от мира живых.

Самый очевидный обряд отделения, который просматривается во всех могильниках Приамурья – это наличие могилы, все тела были закопаны, что демонстрирует отделение покойного от мира живых, причём на физическом уровне. Также в могилах часто встречаются некоторые деревянные сооружения: гробы с крышками, рамы-обкладки, некоторые в виде лодок.

На памятниках, исследуемых на территории Приамурья, довольно часто можно встретить вторичные способы захоронения, обряды ингумации в несколько этапов. Первым этапом тело умершего помещают на конструкции, закреплённые на деревьях, чтобы тело покойного не могли растащить животные. Тело там находится до тех пор, пока не сгниют мягкие ткани, потом же проходит второй этап – непосредственно само захоронение тела в земле. При таком способе захоронения, тело умершего находится в промежуточном состоянии определённое время, к нему не допускают животных и людей, погибший находится между двумя мирами, он ещё не нашёл путь в иной мир, но он уже и не среди живых.

Постлиминарным этапом в погребальных обрядах А. ван Геннеп считает трапезы, как после самих похорон, так и последующие поминальные трапезы [2, с. 150]. По некоторым находкам в захоронениях можно реконструировать следы тризны. В могильных ямах и надмогильном пространстве были найдены кости животных и артефакты, которые можно отнести к поминальному обряду. Это различные углубления в земле, керамическая поминальная посуда и следы огня.

Таким образом, погребальные обряды имеют важную функцию, обеспечивающую переход умершего в другой мир, что даёт некое спокойствие и защиту родственникам покойного. Согласно мнению Малиновского, погребальные обряды помогают восстановить в обществе равновесие и запустить механизм интеграции групп, который был нарушен смертью индивида. Тем самым, погребальные обряды имеют все атрибуты обрядов перехода, в погребальных обрядах в той или иной степени имеются все этапы обрядов перехода.

Литература:

1. Забияко А.П. Обряды перехода // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Изд-во Академический Проект, Гаудеамус, 2008. С. 904-905.
2. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
3. Тэрнер В. Символ и ритуал. Сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
4. Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: изд-во Амурского госуниверситета, 2017. 424 с.
5. Деревянко, А.П. Материалы и исследования Российско – Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А.П. Деревянко, Ким Бонгон, С.П. Нестеров. Тэджон: 2008. 215 с.

Христианская экзегеза как производство религиозного сообщества (на примере экзегезы И. Златоуста)

Прохоров Е.А.

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», старший преподаватель кафедры Теологии

irgtuprihod@inbox.ru

Аннотация: В основании различных религиозных традиций лежит сакральный текст. Он определяет идеальный образ человека, его жизни и отношения к остальному миру людей. Экзегеза в руках интерпретатора становится мощным средством формирования субъекта и религиозного сообщества в целом. Цель работы показать на примере экзегезы Иоанна Златоуста как в мире, где царит разделение, непонимание, ненависть и вражда, возможно создать сообщество, основанное на любви, способное преобразить весь мир. Основными характерными чертами созданного сообщества становятся: 1. Совместное проживание с Другим, основанное на заботе и самоумалении. 2. Неразрывность слов и дел. 3. Онтическое различие, а не онтологическое разделение. 4. Любовь как единственная возможность существования.

Ключевые слова: Экзегеза, человек, сообщество, единство, вера, любовь

Christian exegesis as a way of gathering the community of faith (on the example of exegesis of I. Zlatoust).

Prokhorov E.A.

Irkutsk State University, Senior Lecturer, Department of Theology

Abstract: The basis of various religious traditions lies in the sacred text. It defines the ideal image of a person, his life and attitude to the rest of the world of people. Exegesis in the hands of the interpreter becomes a powerful means of forming the subject and the religious community as a whole. The purpose of the work is to illustrate the exegesis of John Chrysostom as in a world where separation, misunderstanding, hatred and enmity reign, it is possible to create a community based on love, capable of transforming the whole world. The main characteristic features of the created community are: 1. Cohabitation with the Other, based on care and self-depreciation. 2. The continuity of words and deeds. 3. Ontical distinction, not ontological separation. 4. Love as the only possibility of existence.

Keywords: exegesis, man, community, unity, faith, love

Одной из существенных составляющих религиозного мира является экзегеза – работа с сакральными текстами. Особую важность деятельности такого рода приобретает в религиях Откровения.

Цель данной работы на примере экзегезы Иоанна Златоуста (IV в.) показать каким образом экзегетические практики конституируют религиозное сообщество.

Для экзегезы И. Златоуста вопрос экзегезы неразрывно связан с вопросом становления субъекта и религиозного сообщества. Его экзегеза целиком и полностью направлена на решение этой сложной задачи; в его руках герменевтика из простого инструментария превращается в специфический способ бытия, осуществляющего создания нового сообщества, которое действует в этом мире на принципиально новых межсубъектных отношениях. В трудах И. Златоуста мы находим описание способов становления такого сообщества, членом или частью которого должен стать человек.

С христианской точки зрения, онтологическим основанием Церкви как общности, как собрания единомышленников, является Бог. Согласно христианскому богословию, Бог не является самозамкнутой Монадой, Бог есть Троица и внутритроичные отношения определяются, как отношения общины. Эта Община из небытия приводит в бытие человека, который в сотворенном мире призван создать, основанную на тех же принципах любви, единую совершенную общину [1]. Сообщество субъектов веры, тесно соединившихся друг с другом, представляет собой собрание людей, которое именуется Церковью [2, с. 8].

Златоуст полагает, что созидание сообщества веры возможно тогда, когда человек веры осознает себя частью целого, когда его бытие без Другого неполноценно, а становится полноценным при совместном проживании. Слово сообщество указывает на неделимость общего на разделенные, разорванные части. Человек, проявляя заботу о себе, одновременно должен начать проявлять заботу и о Другом [3, с. 101]. Именно в тот момент, когда один член перестает проявлять заботу о Другом, он запускает процесс расчленения, раздробления, бифуркацию целого, частью которого он является. Механизм построения сообщества веры устроен таким образом, что при постоянной заботе о другом, человек приобретает благо для самого себя, и наоборот [4, с. 804]. Другой должен восприниматься как дар, который приносится Богу, преображая самого приносящего. Без этого приношения человек веры потерпит неудачу и предстанет перед Богом «пустым», даже если сам останется чистым и непорочным. Недостаточно самому находиться внутри собрания, «пусть каждый из вас обратит ко спасению одного из братьев, пусть позаботится об этом, пусть потрудится, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся дары Богу, дары самые драгоценные, возвращая (к Нему) души заблудших» [5, с. 690]. Проявляя заботу о спасении другого члена сообщества, человек сознательно соглашается на кенозис, самоумаление: «если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение» [5, с. 690]. Предельная открытость верующего человека (не только для взаимной заботы и любви, но и для страдания ради восстановления целостности сообщества веры) становится его онтологической потребностью. В этом случае участие в спасении отпавшей части является для человека осознанным шагом, который предполагает «возможность не-ответа или неэквивалентного ответа. Действие веры... предполагает... принятие любого ответа в качестве ответа» [6, с. 77].

Приращение Церкви или собрание сообщества веры может осуществляться двумя способами, посредством слов и дел. И. Златоуст предлагает с помощью слов уловлять и возвращать беспечных в церковное лоно. На деле от человека требуется творческий подход по поиску неформальных, наполненных жизнью слов. Здесь важно найти слово, которое точно и по существу открывало бы другому члену его недолжное, неистинное, искаженное пребывание относительно сообщества и собственного бытия. Подобрать такой язык способен лишь тот, кто сам в своей жизни являет неразрывность произнесенных слов с собственным образом жизни [7, с. 171]. Лучшее наставление, по И. Златоусту, это – наставление образом жизни, наставление деятельностью. На наш взгляд, здесь речь не идет о двух различных способах наставления словами и делами. Слово и дело здесь предстает как единое, неразрывное целое, онтологической основой для существования которого становится сам человек. Другими словами, деятельный субъект веры сам является воплощенным словом.

Сообщество веры должно быть устроено таким образом, чтобы собирающиеся в нем не разделялись, а наоборот, чтобы разделенные, в силу разных жизненных обстоятельств, соединились. Церковь смотрит не на внешнее различие, а на внутреннее природное единство людей, не на то, что их разделяет, а на то, что их объединяет. У всех людей одинаковое рождение, общая природа, общее место обитания, человек сам ввел неравенство и деление на богатых и бедных. Церковь – это попытка создать такую общность людей, где каждый член сообщества, невзирая на статусность, смог бы увидеть в друг друга свой запечатленный образ. В других сообществах «не увидишь вместе богатого и бедного, ни в судилищах, ни в царских чертогах, ни на торжищах, ни на пиршествах; там один в чести, другой в презрении, тот с дерзновением, этот со стыдом. А здесь не так» [9, с. 232], и богатые и бедные вместе сидят за одним столом, вместе создают общность, основанную на любви. В этой общности нет разделения, а есть только различие, выражающееся в разного рода служении. По точному замечанию Дж. Милбанка, «для христианства, подлинная общность означает свободу людей и групп быть разными, не сводиться к ролям в установленном консенсусе; но одновременно, эта общность совершенно исключает безразличие. Мирная, сплоченная, надежная община предполагает абсолютный консенсус, и все же, там, где различие признается, это не соглашение в области идей, не что-то достигнутое раз и навсегда, а консенсус, выражающийся исключительно в жизни и взаимоотношениях внутри самой общины, консенсус, который движется и «изменяется»» [1]. В свою очередь Златоуст продолжает акцентировать внимание на разнообразии церковной жизни и многообразии жизненных путей. Каждый субъект веры определяет для себя такой способ существования, который органически достраивает сообщество до идеального состояния. Само сообщество не давит на своего члена, не указывает ему на надлежащее место, не оказывает онтологического насилия, а оставляет за ним право для

самостоятельного выбора [8, с. 425]. Если такое сообщество охарактеризовать на языке «музыкальной» онтологии [1], то можно говорить о специфически ярко выраженной гармонии и согласии между ее членами. «Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит один благозвучный тон, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное согласие» [10, с. 309]. Община, как действенный мир, как музыкальное различие, актуально воплощается, идеально представляется и, в обоих этих аспектах, созерцается [1]. Идеально воплощенное, гармонично и согласно устроенное сообщество веры имеет своим онтологическим основанием – Любовь (в христианстве Бог есть Любовь).

Любовь является бытием (онтологией) для всего сущего. Любовь – это сердцевина и средоточие сообщества верующих. Собственно говоря, сообщество и создается только ради того, чтобы члены общины явили чудо любви, это единственная и главная цель, которая оправдывает существование Церкви. Сообщество ставит перед собой задачу быть как Любовь, действовать как Любовь, воссоздавать как Любовь, соединять как Любовь, сближать как Любовь, сопрягать как Любовь, в результате стать бытием для всего сущего. Основанием для такого бытия субъекта и сообщества в целом, может быть только любовь к Любви. Полюбить Любовь (Бога, Христа) не за то, что она является источником моего бытия, а просто потому что любить кроме любви больше некого, любовь эта единственно реально существующее Бытие. Истинная любовь не мыслит в торгово - рыночных категориях: ты мне - я тебе. К сожалению, даже в сообществе верующих, встретить такую любовь большая редкость [11, с. 623]. Истинная же любовь смотрит внутрь, вглубь, внимая бытию другого. Мы согласны с А. Железновым, который ссылаясь на Дж. Агамбена пишет: «Любовь представляет собой заботу о самой способности другого быть. И в этом смысле она составляет опыт имения дела с самим «быть» как таковым» [6, с. 33]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что способность другого быть, становится условием моего собственного истинного существования, то есть я могу любить лишь в силу того, что другой есть. На основании этого можно сказать, что сообщество веры порождает из себя самого новое сообщество истинной любви [12, с. 165]. Сообразуя свою жизнь с любовью, сообщество веры способно сообщить и явить всему миру, новый способ быть.

Таким образом, мы можем зафиксировать, что экзегеза И.Златоуста имеет ярко выраженный фокус, направленный на формирование особого рода сообщества. Созидаемое сообщество веры верит в возможность преобразования мира и человека посредством любви. Основанием для этого служит убежденность в онтологичности любви. Церковь не является замкнутом на себе собранием, отделенном от остального мира непроницаемой стеной. Отделенность существует, но она не тотальна, ее можно представить в виде образа дышащей мембраны, которая пропускает в мир преобразующую силу любви, с одной стороны, с тем чтобы принять в себя всех откликнувшихся и принявших эту любовь, с другой.

Литература:

1. Милбанк Дж. Постмодерный критический августицизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3289> (Дата обращения: 20.01.2020)
2. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том X, Книга 1. М. 2007. С. 981.
3. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том VIII, Книга 1. М. 2007. С. 463.
4. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том XI, Книга 2. М. 2007. С. 905.
5. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том I, Книга 2. М. 2007. С. 877.
6. Железнов А. Трактат об этике. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 204
7. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том III, Книга 1. М. 2007. С. 402.
8. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том III, Книга 2. М. 2007. С. 549.
9. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том V, Книга 1. М. 2007. С. 412.
10. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том IX, Книга 1. М. 2007. С. 928.
11. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том VII, Книга 2. М. 2007. С. 891.
12. Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Том XII, Книга 1. М. 2007. С. 466.

Понимание историзма в неокантианстве и концепция абсолютности христианства Э.Трельча.

Пылаев Максим Александрович

Российский государственный гуманитарный университет, Учебно-научный центр изучения религий, профессор. Доктор философских наук

maximpylajew@mail.ru

Аннотация: Доклад призван ответить на вопрос о возможной когерентности принципов историзма, разработанных традицией неокантианства (В.Виндельбандом, Г.Риккертом) в их преломлении в философской теологии Э.Трельча, и концепции абсолютности христианства. Автора интересуют метаморфозы исторического мышления в постгегелевской философии истории XIX века в их определяющем влиянии на либеральную теологию Трельча. В докладе обсуждается возможность построения неметафизической философии истории и ее соотношение с христианской теологией. Сравнительное историческое религиоведение позволяет Трельчу по-новому ответить на вопрос об абсолютности христианства. Абсолютность утрачивает свою метафизическую природу и определяется уникальностью и конкретностью любого исторического события.

Ключевые слова: неокантианство, либеральная теология, абсолютность христианства, историзм.

Understanding of historicism in neo-Kantianism and the concept of the absoluteness of Christianity E. Trelch. Maxim Pylaev

Educational and Research Centre for the Study of Religions, Russian State University for the Humanities

Abstract: The report is intended to answer the question of the possible coherence of the principles of historicism developed by the Neo-Kantian tradition (V. Windelband, G. Rickert) in their refraction in the philosophical theology of E. Trelch, and the concept of the absoluteness of Christianity. The author is interested in the metamorphoses of historical thinking in the post-Hegel philosophy of the history of the 19th century in their determining influence on the liberal theology of Trelch. The report discusses the possibility of building a non-metaphysical philosophy of history and its relationship with Christian theology. Comparative historical religious studies allows Trelch to give a new answer to the question of the absoluteness of Christianity. Absoluteness loses its metaphysical nature and is determined by the uniqueness and concreteness of any historical event.

Keywords: Neo-Kantianism, liberal theology, the absoluteness of Christianity, historicism

«Исторический метод, примененный к библейской науке или к церковной истории, представляет собой некую закваску, которая все преобразует и, в конце концов, разрушает всю существовавшую до сих пор форму богословских методов». (Э.Трельч)

«Ни через суждение а priori нельзя превратить историю в науку, ни через общезначимость ценностных отношений не достигает историк объективного понимания прошлого». (Э.Шпис)

Проблема исторической обусловленности мышления, поставленная эпохой Просвещения, далека от своего разрешения. Апории, порожденные принципами историзма, составляют содержание философии и в веке двадцатом. Примирение в концепции Dasein М.Хайдеггера принципов феноменологии Э.Гуссерля в аспекте интенциональности сознания и идеи историчности жизни В.Дильтея не ставит точку в понимании историчности нашего бытия.

Цель доклада достаточно локальная. Она заключается в анализе форм осуществления (преодоления) историзма на путях метафизики немецкого идеализма (у Г.Гегеля и Ф.Шлейермахера) и в теории априорных ценностей, в первую очередь моральных, в баденской школе неокантианства у В.Виндельбанда и Г.Риккерта в связи с эксплицированием концепции абсолютности христианства в работах Э.Трельча. Тем самым речь идет об историко-философском или историко-богословском исследовании. Мы постараемся доказать тезис, согласно которому объективное многообразие форм

историзма позволяет выразить христианскую керигму разными способами, или вовсе отказаться от исторических видов ее экспликации, как попытался это сделать К.Барт. Другими словами, вариативность форм историзма, противоречия историзма ставят вопрос о новых подходах к обоснованию уникальности христианской керигмы и ее притязаний на абсолютность.

Два мыслителя предшествуют Трельчу в попытках совмещения историзма с идеей абсолютности христианства. Это Гегель и Шлейермахер. Нельзя не согласиться с В.Дильтеем в том, что Гегель соединил трансцендентализм с историзмом, а Шлейермахер – трансцендентализм с психологизмом. (1. S. 512, 538). У Гегеля абсолют познает себя в истории. У Шлейермахера абсолют раскрывает себя в исторических формах религиозного сознания. Тем самым историзм неотделим от метафизики абсолюта. Так для Гегеля идея (сущность) религии реализует себя в истории религий, достигая полноты в христианстве. У Шлейермахера трансценденция в чувстве безусловной зависимости приобретает высший в истории развития религиозного сознания смысл также в христианстве. Особенностью этой формы историзма выступает его неразрывная связь с диалектикой. Метафизический историзм Гегеля сохраняет свою актуальность для решения проблемы абсолютности христианства, подтверждением чему является теология смерти Бога Т.Альтицера. Для последнего выражением уникальности христианской керигмы становится концепция кенозиса. Гегелевский историзм, по Альтицеру, – это первая философская попытка позволяющая понять Воплощение Бога. “Теологическое мышление – чтобы не изменить исторической реальности Воплощения – должно обязательно быть диалектическим”, – пишет Альтицер. (2. с. 60.).

Один из крупнейших представителей либеральной теологии протестантизма Э.Трельч посвятил целый ряд работ, в первую очередь книгу “Абсолютность христианства и история религий”, теме привития христианскому богословию принципов исторического мышления. Как справедливо указывала Мильская: “Трельч видел угрозу религиозному сознанию не в развитии естественных наук, а в современном ему состоянии исторических наук”. (3. с. 673). Историческое мышление релятивизировало допросвещенческие концепции вневременной абсолютности христианства и по-новому поставило вопрос о его уникальности.

Сравнительное историческое религиоведение позволяет Трельчу заново ответить на вопрос об абсолютности христианства.

Абсолютность утрачивает свою метафизическую природу и определяется уникальностью и конкретностью любого исторического события. Уместно говорить об относительной абсолютности во множестве ее форм. Речь идет у Трельча об апориях историзма в отказе от метафизики. Как и другие либеральные теологи, Трельч связывает абсолютность христианства с персонализмом, новым масштабом этики, уникальной витальностью. В докладе проблематизируется концепция религиозного априори Трельча, ее соответствие принципам неокантианского историзма.

В работе “Абсолютность христианства и история религий” Трельч вслед за Риккертом объединяет историческое мышление с нормативными ценностными установками. Трельч убирает из априорных принципов историзма диалектику и панлогизм Гегеля. Для либерального теолога общее – это не идея, которая реализует себя в истории. Как и у Риккерта, общее возникает из конкретно-индивидуального как основы исторического, а не предшествует ему. Относительны не только сами ценности, но и масштаб ценностей, в котором они сравниваются. (4. S. 30, 34, 35).

Трельч перенимает личностную концепцию истории Виндельбанда и экстраполирует ее на христианство как носителя ценности персонализма. Каждая религия по Трельчу абсолютна в значении ее уникальной ценности. Руководствуясь методами аналогии, критического исследования и корреляции в сравнении ценностей рождается ценностная уникальность христианства. Христианство выступает откровением личностной религиозности. Оно имеет чистую личностную ценность. Для Трельча существует две формы универсальных религий: этический персонализм и экстатический мистицизм. Абсолютность христианства как исторически обусловленная уникальная ценность христианства угадывается по Трельчу в гуманизме Нагорной проповеди. Речь идет о жертвенной любви к ближнему. “Каждый находит в своей душе самаритянина и мытаря”, – подчеркивает Трельч. (4. S. 115). У Риккерта Трельч заимствует ценностную концепцию религии. У Виндельбанда либеральный теолог приобретает двойственное понимание сущности религии в качестве трансцендентного и одновременно эмпирического феномена. (5. S. 123.). Речь идет об открытии Трельчем религиозного а priori. С одной стороны, религиозное а priori обеспечивает иррациональное, трансцендентное в религии, придает общезначимость и объективность религиозному опыту. С другой стороны, оно актуализируется в эмпирической области.

Налицо переход в духе неокантианцев от историзма, соединенного с метафизикой как историческим раскрытием абсолюта (у Гегеля) и с метафизикой (как раскрытия абсолюта в истории религиозного сознания у Шлейермахера) к историзму, соединенному с системой ценностей, в том числе априорных (моральных и религиозных).

По всей видимости, Трельч благодаря Дильтею, Виндельбанду и Риккерту способствовал замене одной формы историзма (гегелевской) на другую, – неокантианскую. И соответственно, одной концепции абсолютности христианства (гегелевской) на другую (собственную). Релятивизм принципов историзма предполагает различные формы неисторического обоснования историзма. Тем самым выступает невольным источником разнообразных концепций абсолютности христианства.

Литература:

1. Dilthey W. Leben Schleiermachers. Bd. II. Berlin.: Walter de Gruyter, 1966. 811 s.
2. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. 2010. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2010, 223 с.
3. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994, 719.
4. Troeltsch E. Die Absolutheit des Christentums und die Religionsgeschichte. München und Hamburg.: Siebenstern Taschenbuch Verlag, 1969, 129 S.
5. Spiess E. Die Religionstheorie von Ernst Troelsch. Paderborn.: Ferdinand Schöningh Verlag, 1927.

Сгибнева О.И.

Волгоградский государственный университет, профессор, доктор философских наук

olga.sgibneva@volsu.ru

Аннотация: Обосновывая сложность религиозной ситуации в современном мире, автор рассматривает религиозные конверсии как фактор десекуляризации общества и как один из объективных, но конфликтогенных факторов, влияющих на современный религиозный процесс. Ставшие объектом научного изучения во второй половине XX века, религиозные конверсии проявляются в разных вероисповеданиях, их специфика определяется особенностями конкретной религиозной ситуации. Следствием религиозных конверсий стало формирование новых религиозных движений, ориентированных на поиски основ новой религиозности, освобожденной от пороков прошлого. Ряд НРД позиционируют себя как сторонников прерванной, но теперь восстанавливаемой ими религиозной традиции. Представляя собой особый способ решения проблемы идентичности в трансформирующемся мире, религиозные конверсии стали отражением неудовлетворенности индивидов и их стремлением найти прочное основание повседневной жизни. Формирование новых религиозных движений усложнило современную жизнь общества, породило новые проявления религиозной вражды и нетерпимости, что актуализирует проблемы научного осмысления современных религиозных процессов во всем их многообразии.

Ключевые слова: конверсия религиозная, секуляризация, новые религиозные движения (НРД), современная религиозная ситуация, свобода совести, идентичность

**Religious Conversions in a Polycentric World.
*Sgibneva O.I.***

Volgograd State University, Professor

Abstract: Proving complexity of the religious situation in the modern world, the author consider religious conversion as the factor of desecularization modern society and as one of objective, but confliction factors influencing modern religious process. Becoming by object of scientific studying in second half XX centuries, religious conversion are shown in different creeds, their specificity is determined by features of a concrete religious situation. Consequence of religious conversion became formation of the new religious movements focused on searches of bases of new religiousness, release from defects of the past. Some of NRM present itself as supporters interrupted of religious tradition, if them restore now. Being a special way of the decision of a problem of identity in transformation world, religious conversion became reflection of a dissatisfaction of individuals and their aspiration to find the strong basis of daily life. Formation of new religious movements has complicated modern life of a society, has caused new displays of religious hostility and intolerance that staticizes problems of scientific judgment of modern religious processes in all their variety.

Keywords: conversions of religious, secularization, new religious movements (NRM), modern religious situation, freedom of conscience, identity

Религиозная ситуация в современном мире отличается сложностью и противоречивостью. Не случайно ряд исследователей в конце XX века (С. Хантингтон, Д. Белл, Л. Митрохин и др.) предупреждали о возможных конфликтах цивилизаций вследствие их религиозно-культурных различий [1, с. 10]. Процессы глобализации, развитие межкультурных коммуникаций, ликвидация необоснованных ограничений на деятельность религиозных объединений в бывших социалистических странах, расширение границ свободы совести и свободы вероисповеданий значительно изменили ситуацию в религиозной сфере, которая приобрела характер глобального феномена, но обладающего специфическими чертами в рамках конкретной религиозной традиции.

Процессы секуляризации Нового времени, развивавшиеся в широком смысле как обмирщение, десекуляризация жизни общества [2, с. 335], привели в XX веке к сжиманию сферы сакрального за счет увеличения сферы мирского, освобождения различных сфер общества от влияния религии и религиозных институтов. Эти процессы по-разному протекали в многообразных социокультурных системах мира, более всего затронув христианский мир (Е.Д. Руткевич выделяет шесть типов концептуальных подходов к осмыслению процесса секуляризации [2, с.336-337]). Следует отметить сложность и многовариативность секуляризационных процессов, их зависимость от вероисповеданий в многоконфессиональном полицентричном мире. П. Бергер подчеркивал, что секуляризация - это не просто социально-структурный процесс, она влияет на тотальность культурной жизни и идеации, выражаясь в уменьшении доли религиозного содержания в искусстве, философии, литературе и в подъеме науки как автономного и всецело секулярного воззрения на мир. Субъективную сторону секуляризации П. Бергер видел в секуляризации сознания, которая неизбежно следует за секуляризацией общества и культуры. С учетом этого в западноевропейском обществе возросло число индивидов, «которые смотрят на мир и собственную жизнь, не обращаясь к выгодам религиозных интерпретаций» [3, с. 126]. Рассматривая секуляризацию как глобальное явление, Бергер отмечал, что распределяется она в современных общественных системах неравномерно. По его мнению, Америка и Европа представляют собой два варианта одной и той же глобальной секуляризации, причем секуляризация сознания в Европе распространена значительно шире.

В то же время П. Тиллих находил органичный смысл сосуществования секулярного и религиозного мира: «Не будет сферы секулярного, ... не будет и сферы религиозного... Они не должны быть отделены друг от друга, обе они должны понять, что само их раздельное существование вызвано чрезвычайной ситуацией... [4, с. 12]. В современном мире секулярное не вытеснило религиозное, а кризисно-трансформационные общественные процессы рубежа XX-XXI веков породили новые явления во многих сферах жизни общества, в том числе и религиозной. Не случайно при оценке современной религиозной ситуации исследователи ставят вопрос о десекуляризации современного мира, о нарастающих тенденциях повышения уровня влияния религий и религиозных организаций на жизнь современного общества. Но теперь это не только влияние исторических, условно называемых «традиционных религий». Трансформационные процессы, не прекращавшиеся в религиозной сфере все время ее существования, но с разной степенью интенсивности, приобрели новый характер в современном глобализирующемся мире, в котором технологизация и цифровизация начала заслонять вечные вопросы бытия человека.

Важным фактором современной религиозной ситуации стали процессы религиозной конверсии (от лат. conversion – переход на другой путь), анализ и последствия которых одними из первых представили в своих трудах Р. Травизано, Дж. Лофлэнд, Р. Старк, У. Бэйнбридж. В определенной мере именно они определили путь к десекуляризации общества. Появление новых религиозных движений, расширивших конфессиональный спектр конца второго тысячелетия, рассматривается ими, в отличие от путей формирования сект, стремящихся «вернуться к истокам», как иной по характеру путь к новому осмыслению мира, к новым способам организации религиозной жизни в сложном коммуникативном пространстве [5, с. 17, 170, 406]. Анализируя религиозные конверсии как переход верующего индивида к инокультурной религии, его вхождение в иную религиозную организацию, сопровождающийся изменением общей идентичности индивида (мировоззрение, личные характеристики, ценностно-поведенческие ориентации [6], исследователи рассматривают ее как результат кризиса религиозной традиции, невозможность индивида удовлетвориться прошлым религиозным опытом, а потому обращающегося к поиску новых ответов на смысловожизненные вопросы.

Новые религиозные движения изменили и усложнили современную религиозную ситуацию. И дело отнюдь не в количественных характеристиках: в России, например, НРД составляют не более 1% от числа всех зарегистрированных религиозных организаций (а в Волгоградской области, ставшей в современной России пограничной, среди 429 зарегистрированных конфессий только 4 можно отнести к новым религиозным движениям). Изменилась сама конфессиональная палитра, которая требовала как теоретического, так и эмпирического изучения. С 80-х годов прошлого века в российском религиоведении постепенно вырабатывались общие принципы изучения этого феномена, подходы к его типологизации, накапливался значительный эмпирический материал, позволяющий выстраивать научно обоснованные концепции конверсионных процессов в религиозной сфере [7]. В то же время в массовом сознании укрепилось отношение к новой религиозности как чуждому и опасному явлению,

которое надо искоренять, а злобные «секты» уничтожить. К сожалению, массмедийные стереотипы оценки современных религиозных процессов, поверхностное восприятие религиозных трансформаций, а порой и их политизация, мифологизируют общественное сознание и ценностные ориентации общественных практик. Тем более, что изменился и характер межконфессиональных отношений, круг которых оказался очерчен прежде всего традицией: новые религиозные организации оказались за чертой этого круга, причисленные к «сектантским» образованиям. В России агрессивное отношение к НРД исторически укорененных в культурном пространстве религий приводят к определенным искажениям правовых основ отношений государства и религиозных организаций, закрепленных в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ. Прежде всего это проявляется на региональном уровне, что не способствует устойчивому развитию религиозной ситуации.

В современных условиях Российское государство рассматривает приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны; культурная политика определена как неотъемлемая часть стратегии национальной безопасности страны [8]. В важнейших государственных документах признается роль религий России в формировании культурных ценностей, национально-культурного самосознания народов страны. Чтобы сохранялась и развивалась наша страна, исторически многоконфессиональная, вероисповедания не должны разделять ее людей, ее народы. Как и в полицентричном, но взаимосвязанном мире ради его сохранения религии не должны быть источником ни культурных, ни политических, ни каких-либо прочих противоречий.

Литература:

1. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? – М.: Academia, 2007. – 664 с.
2. Руткевич Е.Д. Секуляризация / Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова – СПб: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с. – С. 335-337.
3. Бергер П. Священная завеса / пер. с англ. Р. Сафонова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
4. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ. Сост. С.Я. Левит, С.В. Лёзов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 352 с.
5. Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М.Ю. Смирнова – СПб: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.
6. Triviani R.V. Alternation and conversion as qualitatively different transformations // Social Psychology Through Symbolic Interaction. Waltham.: Ginn-Blaisdell, 1970. P. 238-248.
7. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ. – М., 2007 – 472 с.
8. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики. – Электрон. текст. дан.. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 (дата обращения 14.02.2020). - Загл. с экрана.

Религиоведение на распутье

Смирнов М.Ю.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), профессор, заведующий кафедрой философии. Доктор социологических наук

mirsnov@yandex.ru

Аннотация: Автор выдвигает тезис о том, что религиоведение в современном мире оказалось на распутье. Он выделяет два фактора, обусловивших эту ситуацию. Внешнее обстоятельство – это нарастающая дифференциация и, одновременно, диффузия предметных областей религии. Внутреннее обстоятельство – это отсутствие единого научного языка описания религии.

Ключевые слова: религия, перспектива, научное изучение религии

Religious studies at a crossroads. Smirnov M. Yu.

Leningrad State University named after A.S. Pushkin (St. Petersburg), professor, head of the Department of Philosophy

Abstract: The author puts forward the thesis that religious studies in the modern world are at a crossroads. He identifies two factors that led to this situation. An external circumstance is the growing differentiation and, at the same time, the diffusion of the subject areas of religion. An internal circumstance is the absence of a single scientific language for describing religion.

Keywords: religion, perspective, scientific study of religion

На распутье, в моём понимании, означает неопределённость перспективы. Выделю два обстоятельства, обусловивших эту неопределённость, внешнее и внутреннее.

Внешнее обстоятельство – это нарастающая дифференциация и, одновременно, диффузия предметных областей того объекта, который конвенционально именуется религией. Этот объект (религия) зримо превращается в нечто, ускользающее от однозначной фиксации. Возникла множественность мировоззренческих явлений, которые инерционно идентифицируются как религиозные, но уже с трудом или принудительно поддаются описанию с помощью стереотипизированных клише сложившегося научного аппарата. Непонятно – по каким признакам какие-либо явления опознавать именно как религиозные.

Внутренним обстоятельством выступает отсутствие единого научного языка описания ускользающего объекта. Научное изучение религии (точнее, того, что считается религией с позиций разных теоретико-методологических подходов), веерно расходится, образуя спектр направлений (историческое, социологическое, антропологическое, психологическое и проч.), каждое из которых вырабатывает собственный исследовательский аппарат. Попытки, так сказать, стянуть эти направления вместе, известные как сравнительное религиоведение или так называемая феноменология религии, стали увлекательным научным упражнением, но не привели к целостности, отчего сами остаются предметом полемики.

Оба названных обстоятельства, делают неопределённой перспективу религиоведения как единой отрасли научных знаний – нет ни единого понимания объекта (или, хотя бы, единообразного понимания возможных признаков этого объекта), ни единого языка научного описания (лексикон исследовательских направлений существенно различается).

В поисках выхода у религиоведения есть несколько путей. Назову два. Один из них адресует к философии религии, как метатеории, выводящей на уровень обобщающих абстракций многообразие конкретных концепций и эмпирических данных. Насколько этот путь продуктивен для понимания религии – остаётся дискуссионным вопросом. Другой путь – интеграция размывающегося религиоведения с другими социогуманитарными направлениями. В этом случае, утрачивая свою особость, религиоведение становится компонентом какого-то сложноустроенного комплекса исследовательских практик, где

может наткнуться на совсем иные ракурсы и стратегии понимания, вплоть до теологических. Этот путь ещё более тернист и требует от самих религиоведов смены ориентации, что может отторгаться базовыми паттернами их научной и мировоззренческой идентичности.

О терпимых суфиях и «нетерпимых» христианах: апофатика Единого в сравнении с «диалектической апофатикой»

Степанов В.Ю.

*Московский государственный институт музыки им. А.Г.Шнитке, преподаватель английского языка
mehthild@mail.ru*

Аннотация: Ислам часто воспринимается как нетерпимая религия. Однако, если взять такое течение в исламе, как суфизм, то мы увидим, как толерантны суфии едва ли не к любой системе религиозных идей. Для христианства подобная терпимость, пожалуй, менее типична. По мнению автора, причину терпимости суфиев и «нетерпимости» христиан следует искать в различии между мусульманской и христианской метафизикой. Христианство - религия триединого и, если можно так выразиться, «диалектического» Бога. К тому же, в христианстве имеются представления о «диалектическом» сочетании Божьей и человеческой природ во Христе. Мусульманство же есть чистый монотеизм, отрицающий как триединство Бога, так и богочеловечность Иисуса. В «апофатике Единого» закон исключения противоречия «не работает», ибо в Едином и нет никакого ни А, ни не-А. Отсюда терпимость суфизма к любому суждению о Боге. В «диалектической апофатике», А и не-А в Боге сохраняют своё индивидуальное существование, но противоречия между ними «диалектически снимаются». «Нетерпимость» христианства была направлена в основном против антидиалектических богословских идей.

Ключевые слова: христианская мистика, суфизм, апофатическое богословие, диалектика, триединство Бога, Богочеловечность Христа, терпимость

On tolerant Sufis and “intolerant” Christians: monotheistic apophaticism as compared to “dialectical apophaticism”. Stepanov V. Yu.

Schnittke Moscow State Institute of Music

Abstract: Islam is often accepted as an intolerant religion. However, if we look upon such a branch of Islam as Sufism, we will see how tolerant Sufis are towards practically any religious ideas. For Christianity, such tolerance is less typical. In the author's view, the reason for the Sufis' tolerance and the Christians' “intolerance” lays in the difference between Christian and Moslem metaphysics. Christianity is a religion of a triune, and “dialectical” God. Islam, in its turn, is a strictly monotheistic religion, which denies both the triunity of God and the diunity of two natures in Jesus. In the “monotheistic apophaticism”, the law of the excluded contradiction doesn't work because in the Whole, there is no either A or non-A. In the “dialectical apophaticism”, A and non-A preserve their individual existence, but the contradictions between them are “dialectically removed”. Historically, the “intolerance” of Christians was aimed mainly against anti-dialectical theological ideas.

Keywords: Christian mystics, Sufism, apophatic theology, dialectics, triunity of God, tolerance

К великому сожалению, из-за высокой активности едва ли не во всём мире представителей радикальных течений в исламе многие сегодня воспринимают ислам как весьма нетерпимую религию. Между тем, если взять такое течение в исламе, как суфизм, то мы увидим, как толерантны его приверженцы едва ли не к любой системе религиозных идей. В Средние Века, когда в Европе споры между «официальной» христианской Церковью и представителями различных «неортодоксальных» философских или религиозных течений зачастую выливались в репрессии со стороны первой в отношении последних, на мусульманском Востоке мыслители-суфии проявляли могущую показаться неслыханной для тех времён толерантность едва ли не к любым религиозным идеям.

Разумеется, неприятие некоей идеи вовсе не обязательно выливается в некие насильственные действия или притеснения против приверженцев данной идеи, призывы к подобным притеснениям или

одобрение таковых. Непринятие чужой идеи может и не выливаться ни во что, кроме вполне мирной и даже дружелюбной полемики. Но, с другой стороны, быть противником притеснений по отношению к приверженцам какой-либо идеи ещё не означает разделять эту идею самому. В данной статье автор этих строк рассматривает «терпимость» и «нетерпимость» в смысле принятия или непринятия какой-либо идеи вне зависимости от степени одобрения или неодобрения насильственных действий по отношению к носителям этой идеи.

В чём же причина терпимости суфиев и «нетерпимости» христиан?

Причину эту, по мнению автора этих строк, следует искать в различии между мусульманской и христианской метафизикой.

Христианство часто характеризуют как «монотеистическую религию». По мнению автора этих строк, подобная характеристика не совсем правомерна. Христианство – религия триединого Бога, и следует особо подчеркнуть, что согласно христианству, единство Бога отнюдь не предшествует онтологически Его троичности.

Любопытен в этом отношении следующий факт. Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491 – 1556) едва ли не всю жизнь имел видения. Среди его видений, в частности, было следующее, являвшееся Лойоле достаточно часто. Лойола видел Бога в образе некоего святящегося шара, «в котором отсутствовало всякое различие». Затем из этого шара эманировали три Лица Троицы. Это привлекло внимание инквизиторов, заподозривших Лойолу в приверженности идее, согласно которой единство Бога онтологически предшествует Его троичности. Лойола был принуждён объясняться перед инквизицией, но в конце концов всё-таки избежал осуждения. Несколькими веками ранее, инквизиция обвинила в приверженности подобной идее известного богослова Гильберта Порретанского (ум. 1154). Гильберт дважды подвергался суду, но в конце концов не был подвергнут официальному осуждению.

Христианство, если можно так выразиться, - религия «диалектического» Бога. К тому же, в христианстве, как известно, имеются представления об Иисусе Христе как об одной из Ипостасей триединого Бога, неким «диалектическим» образом сочетающем в себе Божью и человеческую природы.

Богословские споры первых веков христианства касались в первую очередь двух проблем – проблемы соотношений между тремя Ипостасями в Боге и проблемы соотношения Божьей и человеческой природ во Христе. И богословские постановления Вселенских Соборов касались в основном того, какую позицию по данным вопросам считать ортодоксальной, а какую еретической. Следует отметить, что, как правило, ортодоксальной объявлялась позиция по некоему вопросу, являющаяся более апофатической, чем «конкурирующее» мнение. И формулировки, принимавшиеся Соборами в качестве догматов, если и были «рационализированием христианства» (выражение А. Гарнака), то, если можно так выразиться, таким рационализированием, которое защищало от ещё большего рационализирования. В тех учениях, которые отвергались «официальной» христианской Церковью как еретические, отрицалась либо «равночестность» природы Ипостасей триединого Бога (природа Христа или Св. Духа объявлялась более низкой по своему онтологическому статусу, чем природа Бога-Отца), либо «равночестность» Божьей и человеческой природ в Иисусе Христе. (По сути дела, едва ли не все христологические «ереси» первых веков христианства можно классифицировать на три категории: 1) Иисус объявлялся не более чем человеком, хотя и стяжавшим некую особую по сравнению с другими людьми «благодать». Либо, как вариант, заявлялось, что Иисус изначально родился обычным человеком, а Божескую природу, соединившуюся с Его человеческой природой, обрёл лишь впоследствии; 2) Иисус объявлялся Богом, лишь принявшим внешний вид человека исключительно ради того, что должен же Он был во время своей земной миссии как-то общаться с людьми, и должны же они были Его как-то видеть; 3) человеческая природа во Христе объявлялась так или иначе, в большей или меньшей степени, «поглощённой» Его божественной природой.)

Мусульманство же, как известно, отвергает как христианские представления о Боге как о Троице, так и представления об Иисусе как о Богочеловеке. Мусульманство есть чистый монотеизм. А от монотеизма легко сделать шаг к пантеизму, «поглощающему» всякое индивидуальное бытие, всякое А или не-А. И суфизм, пожалуй, более радикален в своём утверждении монотеизма, граничащего с пантеизмом, а иногда и переходящего в него, чем другие направления в мусульманстве.

Яркой иллюстрацией утверждения суфизмом всеединства, граничащего с пантеизмом, может служить следующий пассаж из книги иранского мистика Мансура Халладжа (858 – 922) «Сад знания».

Как известно, согласно мусульманским представлениям, после того, как Бог создал Адама, Он велел всем ангелам поклониться ему. Однако, Иблис (дьявол) отказался поклоняться Адаму, заявив Богу: «Я лучше его – его ты создал из глины, а меня из огня.» За это Бог проклял Иблиса. Мансур Халладж приводит любопытную интерпретацию мотивов, двигавших Иблисом. Халладж описывает встречу Иблиса и Мусы (Моисея) «на горной тропинке». Муса начинает попрекать Иблиса за то, что он тогда не поклонился Адаму. В ответ Иблис заявляет: я не поклонился ему, потому что я поклоняюсь только Богу. Но ведь Сам Бог велел тебе поклониться Адаму, возражает Муса. Он всего лишь испытывал мою веру, заявляет Иблис. Но ведь Бог проклял тебя за неподчинение, продолжает Муса. Примечателен ответ Иблиса: «Для меня нет разницы между близостью к Богу и отдалением от Него.» Таким образом, в близкой к пантеизму системе Мансура Халладжа даже дьявол, по видимости бунтующий против Бога, на самом деле является частью всеобъемлющего Абсолюта.

Любопытно отметить, что нечто подобное наблюдается в кальвинизме, который, пожалуй, можно назвать самым «пантеистическим» течением в христианстве. Так, Жан Кальвин в своих библейских комментариях утверждает, что даже бесы, искушая людей, исполняют тем самым волю Бога.

Для мистического богословия характерны апофатические мотивы. Апофатическая реальность – реальность, в которой не соблюдаются законы формальной аристотелевской логики. Главный закон формальной логики – «А не может одновременно быть не-А» - в апофатической реальности «не работает». Однако, различие между метафизикой мусульманства и христианства, по мнению автора этих строк, порождает и разный тип апофатики в этих двух религиях.

В «апофатике Единого-и-только-Единого», отрицающей триединство Абсолюта, закон «А не может одновременно быть не-А» «не работает» по той причине, что в Едином-и-только-Едином и нет никакого ни А, ни не-А. Различие между А и не-А возникает уже на более низших уровнях бытия. Таким образом, с точки зрения «апофатики Единого», любое суждение о Боге одинаково верно, или, что то же самое, одинаково неверно. Отсюда терпимость суфизма к любому суждению о Боге. В «диалектической апофатике», А и не-А в Боге сохраняют своё индивидуальное существование, однако поскольку принципы апофатического богословия допускают, что А в одно и то же время может быть не-А, христианская апофатика допускает «единство и борьбу противоположностей» и «внутри» самого Бога.

«Нетерпимость» христианства направлена в основном против недостаточно диалектических богословских идей. Для христианского типа апофатики наиболее апофатическим является наиболее диалектическое. Поэтому, для христианства диалектически-тринитологические представления о Боге являются более апофатическими, чем монотеистические и пантеистические парадигмы.

Специфика гносеологии суфизма: сущность и особенности

Бегалинова К.К.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, профессор, г. Алматы. Доктор философских наук

kalima910@mail.ru

Аннотация: Рассматривается теоретико-познавательный аспект суфизма, его специфика с позиции универсализма. Его сущностью выступает «духовное единение» с Богом, которое предполагает Любовь, зажжённую в сердце человека самим Аллахом в знак Его ответной Любви. В суфизме процесс богопознания (тарикат) выступает познанием Бога в человеке. Оно предполагает изучение внутреннего «Я» как вместилища божественного. Поэтому, концепция «умного сердца» – сердцевина суфийского учения, как и всякого мистического. Анализируются особенности мистики как основы суфизма, различных ее состояний – хал, фана и др. В целом, согласно суфийскому учению, главной жизненной задачей человека является приближение к Богу, познание его, для чего необходимо пробудить высшее духовное начало в человеке, научить его жить не для тела, а для духа. Для этого необходимо «аскетизировать» жизнь мусульман, помочь им прийти к осознанию своего места в жизни как рабов божьих и удовлетворение (рида) искать только в Боге, а не в земных, мирских утехах. Существенным условием этого является моральное и духовное совершенствование человека.

Ключевые слова: суфизм, гносеология, богопознание, мистика, тарикат, хал, фана, самосовершенствование.

The specificity of the epistemology of Sufism: the essence and features. Begalinova K.K.

Al-Farabi Kazakh National University (Almaty)

Abstract: The theoretical and cognitive aspect of Sufism, its specificity from the standpoint of universalism is considered. Its essence is “spiritual unity” with God, which implies Love, kindled in the heart of man by Allah himself as a sign of His reciprocal Love. In Sufism, the process of knowledge of God (tariqa) is the knowledge of God in man. It involves the study of the inner “I” as the receptacle of the divine. Therefore, the concept of “smart heart” is the core of Sufi teaching, like any mystical one. The features of mysticism as the basis of Sufism, its various states — chal, fan, etc. are analyzed. In general, according to the Sufi teaching, the main life task of a person is to approach God, to know him, for which it is necessary to awaken the highest spiritual principle in a person, to teach him not to live for the body, but for the spirit. For this, it is necessary to “asceticize” the life of Muslims, to help them come to the realization of their place in life as God’s servants and to seek satisfaction (read) only in God, and not in earthly, worldly joys. An essential condition for this is the moral and spiritual improvement of man.

Keywords: Sufism, epistemology, knowledge of God, mysticism, tarikat, hal, fan, self-improvement.

Гносеологический аспект суфийской философии, как и во всякой другой, тесно связан с онтологией и рассматривает проблемы истины и заблуждения, содержательную сторону познавательного процесса, включающего в себя чувственное и рациональное, нерациональное и мистическое и другие элементы знания, веры, проблемы доказательств существования Бога, проблемы универсалий и т.д.

Философы Востока при решении этих проблем предпочтению отдавали мистическому пути постижения истины (исключая перипатетиков). Мистицизм в духовной жизни мусульманского общества занимал одно из важных мест, т.к. по природе своей и по сущности восточная культура мистически направлена. Именно эта мистичность мешает Западу до сих пор измерить глубину восточного ума. Если для западного способа бытия «вектор интенции совершенствования» (А.А. Хамидов) связан с несовершенным миром, Макрокосмом, то в восточных религиозно-философских системах - с

внутренним миром Человека, с его духовностью, с раскрытием и актуализацией его «дремлющих потенции» с целью достижения уровня Богочеловека. В целом, мистицизм полагает, что Бог может открыться «через отрешение от чувственности», через достижения бесстрастия, освобождения от эмпирического «Я» и слияния с Творцом. Специфический путь к «открытию Бога» рассматривается в суфизме, одной из разновидностей мистики.

Мистика - это тоже форма познания, но специфическая, в которой чувственное и рациональное выступают в виде единства, целостности. В ней, как и в любой другой форме познания, имеется рефлексирующий субъект и автономный объект, отношения между которыми носят интенциональный характер. В качестве интенционального объекта в ней выступает трансцендентальное начало - Единое, Бог, которое на завершающей стадии процесса познания оказывается непосредственно переживаемым бытием, т.е. бытием «Я». Результатом этого является полное растворение субъекта в объекте, познающий и познаваемое объединяются в единое, взаимосвязанное целое. Это и есть так называемый принцип корреляции, являющийся одним из условий мистического познавательного процесса в суфизме. Без данного условия невозможно состояние фана, являющееся целью суфийской гносеологии. Такая нерасчленённость субъекта и объекта, отсутствие их соотнесённости существовала на ранних стадиях мистического знания. Тогда степень рефлексии была невысокой, отдельные её проявления носили конкретно-чувственный характер. Отсюда берут свои истоки созерцательность, интровертированность всей мистической философии. Как пишет С. Радхакришнан, «Философская попытка определить природу реальности может начинаться либо с размышлений о «Я», либо с размышлений об объекте мысли. В Индии интерес философии сосредоточен на «Я» человека» [1, с. 17].

Все формы и аспекты мистического знания носят в основном личностный характер. Поэтому, не менее важной особенностью суфийского мистического процесса является превалирование интериоризации над экстериоризацией, превращение или перевод знания в личностное, субъективное, интимное знание, которое не столько осмысливается, сколько переживается суфием. В ней гносис и праксис составляют нераздельное единство эссенции человека, который должен не просто знать, но и уметь существовать. Поэтому, в суфизме, как и в других концептуальных формах мистики образование и воспитание преследуют одну цель и составляют единство как сущностный момент на пути духовно-нравственного совершенствования человека. «Человек постигает мир в своей собственной активности, - пишет Г.С. Батищев, - образы предметов сливаются для него с образами, построенными им самим. В предметной действительности он усматривает результаты своих действий... Он - не обусловленный в этой способности, а обуславливающий, проецирующий себя в мир и устраивающий его как своё произведение» [2, с. 79].

Гносеологический путь «духовного единения с бесконечным бытием» (А. Швейцер) можно представить в 3 формах: 1) единство рационального и чувственного, 2) этический прагматизм, 3) синкретичность (мистика как проявление синкрета). Следует заметить, что это условное членение, границы между ними зыбкие, они взаимообуславливают, взаимодополняют, взаимоопределяют друг друга. Они опираются на одну и ту же онтологию, основным принципом которой выступает принцип Пустоты, который признаётся в качестве единственной реальности. Пустота - это Абсолют, а её постижение - фана, нирвана, самадхи, сатори. Всё вышло из Великой Пустоты, говорят древние мудрецы, и всё проявленное возвратится вновь в эту Пустоту.

В суфизме, как в синтетической системе содержатся все указанные формы. В ней мистика представлена как погружение, медитация, результатом чего является состояние хал, фана. К ней приходят избранные - суфийские шейхи в процессе размышлений длительной аскезы и борьбы со своим естеством. Фане предшествует жизненный опыт, в ходе которого суфий учится ощущать добро, зло. Первое, с чем сталкивается он - это чувственный мир. Путь духовно-нравственного совершенствования – тарикат - утверждает с самого начала значимость житейского повседневного опыта. Как справедливо утверждает Е.А. Фролова, «Проходя ступени тариката, суфий воспроизводит в себе жизнь, судьбу всех людей, всего человечества, со всеми его страстями, радостями и страданиями. Притом он переживает это сто-, тысячекратно и потому осознаёт и продумывает эти переживания до мельчайших нюансов» [3, С. 74]. В процессе переживаний и размышлений перед ним встаёт задача - найти основу чувственного познания. Этого возможно добиться двояким путём - либо идти от чувственного к рациональному, либо от чувственного к сверхчувственному. Оба ведут к одной и той же цели - в сферу Абсолютного Разума, в сферу Бога. Это своего рода рациональность, которая позволяет найти общее через единичное. Итак, познавательный путь в суфизме - соприкосновение с эмпирическим миром. Важнейшим качеством

суфия является чрезвычайно развитая наблюдательность. «Ты видел мятущихся в постели, покрытых язвами больных? Ты видел немощных, обезображенных старостью? Ты видел, наконец, мертвецов? - вопрошал древний мудрец. - Неужто ничего не сказали они тебе о тебе самом?..». Рациональный путь в суфизме не стал доминирующим (специфика традиции). В ней уделяется внимание чувственному познанию, восприятию мира. Особую роль в мистическом процессе суфийские теоретики, в частности аль-Фараби, аль-Газали, Ибн-Араби и другие, отводили воображению, помогающему приоткрыть завесу над Всеобъемлющим Единым. Но главное – это познание в ритуальной форме, которая является целостной формой мистического познания, включающей в себя и рациональные моменты (размышление) и чувственное. Это целостное познание мира.

Мистика - это не обязательно медитация и отрешённость. Так, в суфизме большое внимание уделяется и некогнитивным факторам познания, в частности этическому аспекту. Этическим идеалом этой мистики является «совершенный человек» (Ибн-Араби), «глава Добродетельного города» (аль-Фараби), т.е. «инсал кугли» в суфизме, достигший просветления посредством нравственного самосовершенствования.

Суфизм исходит из положения, что сверхъестественный опыт, познание Абсолюта, достижение состояния фана стоят к людям гораздо ближе, чем они предполагают. Сущность Аллаха можно постичь и в этом феноменально-ноуменальном мире посредством чувств, разума, интуиции. Связь человека с Богом открывает такое знание, которое всегда является индивидуальным, единичным, интериоризированным. Поэтому, мистики скептически относились к знанию философскому, обращённому на постижение не внутреннего мира человека, а Универсума в целом. Касаясь проблем познаваемости многообразия Универсума, суфии выдвигали различные схемы эпифании (таджалли, таайуи, тахаззуи) Абсолюта, т.е. перехода от интеллигибельного Единого к феноменальному множеству, от бытия абстрактного к бытию конкретного, от не проявленного к проявленному, от непознаваемого Абсолюта к познанному. Эпифания имеет триадическую форму, при которой Логос, отчуждаясь, принимает меру Космоса, а затем снимает своё отчуждение, возвращаясь к себе в форме Гностика. (Можно сравнить с Гегелем: Идея - инобытие Абсолютной Идеи - Абсолютный Дух).

Суфизм не был единым, цельным и законченным учением, в нём выделялись несколько концепции единения с Абсолютом, основными из которых являлись интенциональное или экзистенциально-онтологические (Мансур ал-Халладж, Кожа Ахмет Иасауи и др.), мистический пантеизм (вахдат аль-вуджуд) (Ибн-Араби, Баха ад-дин Накшбанд, аш-Шазили, Кутб ад-дин Изники и др.), гносеологически-теоретическая (аль-Газали и др.). Исследуя гносеологию суфизма, необходимо сделать ряд оговорок. Так, суфийское миропонимание и мироощущение имплицитно содержит в себе и философские и религиозные подходы к трактовке проблем «Бог-Мир-Человек». Как замечает Гегель, философия имеет своим объектом те же предметы, что и религия. «Обе имеют предметом Истину, - пишет он, - в высшем значении слова, в том, что Бог есть Истина и единственная Истина. Обе занимаются также областью конечного, природою и человеческим духом, и их отношением между собою и к Богу, как их истин» [4, С. 206].

Таким образом, суфизм выступает такой особенной духовно-практической деятельностью человека, которая представляет собой органическое единство духовно-теоретического, рецептурно-предметного отношений человека к миру, накладывающей отпечаток на его образ жизни, определённый вид практики. Причём, эти отношения выступают не в форме абсолютного отшельничества, ухода от мирской жизни, а удивительного сочетания в человеке возвышенного, божественного и обыденного, утилитарного. При всём многообразии атрибутивных свойств суфизма, отмеченная нами особенность этого явления до сих пор остаётся в качестве стабильного, субстанциального начала. Основу этого составляет целостное мировоззрение, единство духовного и материального, божественного и человеческого, мистического и рационалистического.

Литература:

1. Радхакришнан С. Индийская философия в 2-х т., т.1. М.: 1956. 624 с.
2. Батишев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в философии. М.: 1969. С. 73-144.
3. Фролова Е.А. Проблема веры и знания в арабской философии. Москва: Наука, 1983. 168 с.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. М.: Мысль, 1975. С. 206.

Специфика духовного опыта: о психических состояниях, сопутствующих христианской жизни

Токарева С.Б.

Волгоградский государственный университет, заведующий кафедрой философии. Доктор философских наук

svet-tok2008@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются психические состояния, сопровождающие духовный христианский опыт. Представлены основные классификации психических состояний: по критерию устойчивости и длительности переживания; по критерию источника переживания. Выделены психические состояния, относящиеся к различным сферам человеческой жизни (эмоциональной, умственной, волевой). Показана структура и признаки психических состояний. Проанализирована роль психических состояний на разных стадиях освоения христианского опыта. Выделены альтернативные способы изучения и описания психических состояний (экспериментальное исследование и художественное описание), показана их роль в изучении духовного опыта человека. На основе опыта христианских подвижников выделены психические состояния, сопровождающие перестройку субъективного мира личности в период христианского обращения. Определены причины изменения отношения человека к психотравмирующим факторам и сопровождающие его психические состояния. Показано опосредованное влияние на психические состояния приобщение человека к христианским сверхценностям.

Ключевые слова: духовный опыт, духовность, переживание, психические состояния, христианская жизнь, религиозный опыт, внутренний опыт, личность.

Specifics of spiritual experience: about the psychic states accompanying the Christian life. Tokareva S.B.

Volgograd State University

Abstract: The article discusses the psychic state that accompanies the spiritual Christian experience. The basic classifications of psychic states are presented depending on the degree of stability and duration of the experience; from the source of experiences. Psychic states related to various areas of human life (emotional, mental and volitional) are highlighted. The structure and signs of psychic state are shown. The role of psychic states at different stages of the development of the Christian experience is analyzed. Alternative methods of studying and describing psychic states (experimental research and artistic description) are highlighted; their role in the study of a person's spiritual experience is shown. Based on the experience of Christian ascetics, psychic states are identified that accompany the restructuring of the subjective world of the individual during the period of Christian conversion. The reasons for the change in a person's attitude to psycho-traumatic factors and the accompanying psychic states are highlighted. The indirect influence on the psychic state of the person's involvement in Christian super values is shown.

Keywords: spiritual experience, spirituality, experience, psychic state, Christian life, religious experience, inner experience, personality.

Интерес к проблеме изучения психических состояний обусловлен той ролью, которую они играют в различных сферах человеческой жизни – эмоциональной, познавательной, коммуникативной, духовной, поведенческой. Изучение психических состояний позволяет понять характер человеческой деятельности, открывает доступ в субъективный, внутренний мир человека. Палитра психических состояний чрезвычайно разнообразна – от неустойчивых кратковременных настроений, являющихся реакцией на ситуацию и не сопровождающихся четким осознанием их предметного значения, до волевых и переживаемых на протяжении длительных периодов времени психических состояний, являющихся для личности характерологически значимыми.

Традиция изучения психических состояний как субъективного компонента опыта берет свое начало в трудах В. Вунда. В книге «Психология душевных волнений» он связал их с чувственными переживаниями, отличающимися друг от друга качеством и интенсивностью. Благодаря принципу единства эмоционального состояния из наполненных представлениями переживаний рождается цельность чувства, составляющая основу нашей душевной жизни [1]. В дальнейшем в зарубежной психологии закрепилось отождествление психических состояний с чувствами – в отличие от отечественной традиции, где понятие «состояние» наполнено более емким психологическим содержанием [2]. Один из пионеров исследования психических состояний Н.Д. Левитов в своей монографии [3] разделил их на три основных типа. К эмоциональным состояниям он отнес настроение, переживание, чувство, аффект, стремление, страсть, влечение; в число психических состояний, связанных с умственной деятельностью, включил любопытство, заинтересованность, удивление, изумление, недоумение, раздумье, сосредоточенность и рассеянность, озабоченность, мечтательность, сомнение; в качестве основных состояний волевой деятельности выделил решительность и нерешительность, уверенность и неуверенность [3, с. 5].

Поскольку понятие «психическое состояние» является одним из родовых психологических понятий [3, с. 104], его не удастся определить привычным способом подведения под более широкую и общую категорию. По этой причине психическое состояние в литературе принято определять через основные признаки.

Психическое состояние:

1. обладает целостностью, несводимостью к отдельным проявлениям;
2. представляет собой единство переживания и поведения;
3. служит связующим звеном, заполняющим разрыв между психическими процессами и свойствами человеческой психики;
4. в зависимости от долговременности и степени осознанности может быть как ситуативным и мимолетным, так и стабильным, связанным с характерологическими, личностными свойствами;
5. выступает фоном психической деятельности, в связи с чем способность субъекта приходить в адекватное для данного вида деятельности состояние влияет на ее продуктивность [3].

Экспериментальные методы изучения психических состояний разработаны слабо и ограничены в применении, а потому эмпирические описания, фиксирующие экспериментально получаемые количественные характеристики, не дают ни полноты картины, ни глубины понимания психических состояний [4]. Напротив, художественные описания наиболее полно отражают многообразие индивидуальных проявлений субъективной (переживательной) и поведенческой сторон состояний [5, с. 6], поэтому несмотря на то, что литературный язык с использованием метафор не может претендовать на строгость и научность, эти описания находят применение в научном дискурсе при разработке терминологии и классификации психических состояний [3] и незаменимы при изучении духовных переживаний и духовного опыта.

Интерес религии к психическим состояниям человека является традиционным и обусловлен той ролью, которую они играют в формировании внутреннего мира человека: психические состояния выступают фоном, на котором развиваются психические процессы и проявляются психологические свойства личности. Поскольку этот фон накладывает отпечаток на деятельность и отношение человека к Богу и миру, поддержание нужных психических состояний и борьба с деструктивными состояниями составляют предмет неустанной заботы человека, обратившегося к духовной жизни. Например, на начальных стадиях духовного опыта внимание к помыслам удерживается волевым усилием, обеспечивая испытание ощущений и мотивов, настраивая человека на борьбу со страстными состояниями души. Однако со временем формирующееся на основе этого внимания трезвение предполагает уже не только простую бдительность, но и включает опыт тонкого распознавания стадий порабощения души страстями – от прилога как простого действия внешнего впечатления на душу до согласия души на грех и пленения ее страстью.

Интерес к описанию психических состояний, характерных для опыта евангельской жизни, обусловлен, с одной стороны, необходимостью осознания радикальных психологических изменений, сопровождающих религиозное обращение христианина, с другой – значимостью этих состояний для христианской аскетики в ее борьбе со страстями и страстными состояниями души [6]. Однако насколько правомерно видеть в душевном расположении, рождающемся и растущем в человеке по

мере обращения к евангельской жизни, совокупность психических состояний и изучать их при помощи психологических методов? По мнению Ю.М. Зенько, важно, чтобы такое исследование не обернулось «психологизмом, т.е. сведением духовных явлений на психический, душевный уровень, чем грешит современная западная психология», поскольку по сути своей оно «глубоко онтологично, ибо исходит из того положения, что все эти разнообразные психические, душевные состояния важны не сами по себе, а потому, что они являются проявлениями души как самостоятельной, субстанциональной сущности» [6]. Обращаясь к святоотеческому опыту, к опыту православных подвижников, которые внутренние движения сердца и сердечных помыслов тщательно отделяли от внешнего порядка благочестивой жизни, Ю.М. Зенько выделяет сформулированные в них требования христианской духовной жизни:

- 1) необходимость перехода от внешнего благочестия к внутреннему;
- 2) несводимость духовной жизни и внутреннего опыта к экстатическим, «исступленным» состояниям;
- 3) разделение негативных (преlestь, раздражительность, злость, зависть и проч.) и позитивных, благодатных состояний (обожение, богообщение, любовь, снисходительность, трезвение и т.д.) [6].

Ни в коей мере не претендуя на полноту описания специфики христианской духовной жизни, остановимся на тех ее аспектах, осмысление которых связано с вниманием к психическим состояниям человека. Момент перехода к евангельской жизни (обращение) сопровождается на психологическом уровне состоянием решимости, обретение которой Феофан Затворник полагал главным показателем произошедшей с человеком перемены: «Момент решимости есть главный момент обращения. Что после того следует уже есть исполнение того, что во время его полагает сделать человек» [7, с. 47].

Духовный рост как перестройка субъективного мира личности сопровождается психическими состояниями, вызываемыми тремя группами причин:

- 1) внешними событиями;
- 2) внутриличностными конфликтами, ситуациями нравственного выбора и связанными с ними душевными переживаниями;
- 3) духовными причинами, действию которых человек открывается по мере отказа от своей воли и вверения себя божественному промыслу.

Каждой группе причин соответствует своя группа переживаний и степень осознанности производимой личностью внутренней работы. Согласно общецерковной позиции, восходящей к раннему христианству, группа психических состояний, вызываемых внешними событиями, связана с «внешними крестами», схожими у всех людей – жизненными тяготами и сопровождающими их скорбями и страстями. На этом этапе у человека преобладают эмоциональные психические состояния – настроения, сложно поддающиеся управлению и в большей степени претерпеваемые, «страдательные». На второй ступени духовного роста у человека появляется осознание своего индивидуального, «внутреннего креста», возлагаемого на него Богом. «Несение креста» в этом случае предполагает, что человек больше не ищет психологических причин и оправданий тех состояний, которые он переживает, а сами состояния не рассматривает как обусловленные ситуационными факторами, поскольку утверждает в мысли, что все происходящее с ним промыслительно. В нем рождается согласие жить с возложенным на него крестом, не пытаюсь избавиться от сопровождающих его негативных состояний, например, психотерапевтическими способами. Ум его обособляется от претерпеваемых чувственных состояний и настроений и устремляется в сердце, сосредоточиваясь на памяти о Боге. Это движение сопровождается психическими переживаниями смирения и покаяния, которые относятся к волевым состояниям. На третьей ступени в человеке рождается согласие отдать себя в руки Божьи, отказавшись от собственной воли. В этом случае кресты воспринимаются как «духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностью в волю Божию» [7, с. 259] и сопровождаются готовностью нести их с не просто терпеливо, но и с благодушием, радостно. Такое отношение к крестноношению полностью переворачивает оценку всех психических состояний, включая самые психотравмирующие, например, страдание. Любовь к страданию, о которой говорит святитель Лука Войно-Ясенецкий, оказывается результатом преодоления «естественного» восприятия страдания, на которое смотрят как на «поврежденный помысел» (Паисий Святогорец). В результате все с ним случающееся человек начинает переживать и понимать особым образом – посредством «правого» помысла, т.е. относясь к обстоятельствам своей жизни духовно. В результате он достигает состояния, в котором у человека «нет скорбей», поскольку причиняемое обстоятельствами и другими людьми страдание «компенсируется»

переживанием Божественной помощи и любви.

Таким образом, вхождение в христианскую жизнь сопровождается утверждением в душе «протиестественного» взгляда, «оборачиванием» смыслов и оценок как внешних событий, так и собственных переживаний, когда чувства, ум, воля, сердце преобразуются и наполняются настолько новым содержанием, что можно говорить буквально о рождении «нового человека». С точки зрения психологии речь идет о появлении в иерархии жизненных ценностей евангельских сверхценностей и происходящей в связи с этим радикальной перестройке жизненных установок и системы нравственных ориентиров. Это духовное «обращение» человека сопровождается новыми психическими состояниями, новым настроением, позволяющими евангельским сверхценностям утвердиться и обеспечить возрастание духовного, «внутреннего человека».

Таким образом, у человека по мере его духовного взросления формируется новая реакция на психотравмирующие раздражители: он не испытывает душевного дискомфорта и не нуждается в психологических защитах, поскольку его новый настрой позволяет ему испытывать не только человеческую радость, но и духовную.

Литература:

1. Вунд В. Психология душевных волнений // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 47-63.
2. Прохоров А.О., Уразметова Э.И., Чернов А.В., Юсупов М.Г. Сравнительный анализ понятия «состояние» в отечественной и зарубежной психологии // Психология психических состояний: сб. статей. Казань: Казан. ун-т, 2011. Вып. 8. С.74-87.
3. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 343 с.
4. Ганзен В.А., Юрченко В.Н. Системно-понятийное описание психических состояний человека // Вестник Ленингр. ун-та. 1976. № 5. С. 97-102.
5. Методики диагностики и измерения психических состояний личности / Автор и составитель А.О. Прохоров. М.: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.
6. Зенько Ю.М. Психология и религия. СПб.: Алетейя, 2002. 402 с. Гл. 4. Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_zenko_psrelig1/~ps_zenko_psrelig1.htm (Дата обращения: 16.10.2019).
7. Феофан Затворник, святитель. О покаянии, причащении Святых Христовых тайн и исправлении жизни. М.: Правило веры, 2013. 376 с.

К вопросу о возможности «соборного единства» в виртуальном пространстве: возможности и ограничения

Фазлеева Р.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра религиоведения, доцент. Кандидат философских наук

pagua@yandex.ru

Аннотация: В представленной статье автор ставит вопрос о потенциальных возможностях и границах употребления традиционного религиозного понятия соборного единства как духовного единства верующих в контексте современного цифрового общества. Феномен соборности рассматривается с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения традиционалистского религиозно-философского понимания и, во-вторых, в контексте авторской концепции С.И. Орехова, утверждающей появление нового понятия Интернет-соборности. Отмечаются такие общие черты обоих понятий соборного единства как: свобода и единство внутри многомерного целого, intersubjectивность и надындивидуальность объединения. Однако, в процессе сопоставления двух понятий делается вывод о несоразмерности обоих понятий в силу того, что проблематичным является сам процесс секуляризации соборного единства и, как следствие, противоречивым становится феномен соборного единства внутри виртуального пространства.

Ключевые слова: секулярная соборность, Интернет-соборность, религиозная коммуникация, экклезиология, всеединство, intersubjectивность

To the question of the possibility of «conciliar unity» in the virtual space: possibilities and limitations. Fazleeva R.R.

Kazan (Volga) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Religious Studies, Associate Professor

Abstract: The author raises the question of the potential possibilities and limits of the use of the traditional religious concept of conciliar unity as the spiritual unity of believers in the context of modern digital society. The phenomenon of conciliar unity is considered from two points of view: firstly, from the point of view of a traditionalist religious-philosophical understanding and, secondly, in the context of S.I. Orekhov, claiming the emergence of a new concept of Internet collegiality. Such general features of both concepts of conciliar unity as freedom and unity within a multidimensional whole, intersubjectivity and supra-individual association are noted. However, in the process of comparing the two concepts, the conclusion is made that both concepts are disproportionate due to the fact that the process of secularization of conciliar unity is problematic and, as a result, the phenomenon of conciliar unity within virtual space becomes contradictory.

Keywords: secular conciliar unity, Internet conciliar unity, religious communication, ecclesiology, unity, intersubjectivity

Место и пространство религиозной коммуникации в сети Интернет – является предметом особого интереса исследователей. Фактически, как полагают некоторые авторы, меняется сама форма представления пространства-времени. Поскольку все религиозные тексты, записи и другие находящиеся в сети материалы доступны всегда и везде, традиционное понимание сакрального пространства-времени меняется. Члены церкви оказываются объединены в единое целое онлайн, а не в каком-то особом месте в специально отведенное время. Это в свою очередь позволяет сплачивать религиозное сообщество – как реальное, так и воображаемое. Таким образом, посредством технологий обеспечивается пространственно-временное единство, позволяющее членам церкви присоединиться к общине в любое время и из любой точки мира.

Идея соборности как в религиозном, так и в секулярном значении является тем понятием прошлого, которое ждет продолжения и развития в контексте современного развития общества. По определению

словаря В. Даля, «... соборность - сносить, свозить, созывать в одно общее место, стаскивать и соединять, приобщать одно к другому». Этимологически понятие «соборность» связано со словом «собор», которое имеет два основных значения: 1) собрание выборных или должностных лиц, созданное для решения каких-либо вопросов; 2) храм для совершения богослужения духовенством нескольких церквей. Изначально принцип соборного объединения проявляется в виде воцерковленного единства христиан. Согласно Хомякову, церковь, есть «духовный организм», сущность и основа которого есть «... единство благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» [1, с. 5]. Тем самым церковный собор выражает идею «единства во множестве». Значение церкви состоит в том, что она представляет пример выстраивания отношений индивида и общности на основе их соотношенности с неким Высшим третьим началом. С одной стороны, это «третье» выступает как высшее начало и для индивида, и для общности. С другой стороны, непосредственная личная соотношенность части и целого с этим Началом предполагает то, что помимо «полюсов» отношения (индивид и всеобщность), существуют и некие «промежуточные» образования, в не меньшей степени соотношенные с «третьим-высшим». В подобной концепции соборности утверждается особый духовно-нравственный социальный идеал многомерного целого: здесь целое понимается больше части, поскольку оно дает жизнь и смысл частям, а часть значит меньше, нежели целое, хотя и у нее существует индивидуальная свобода.

Оригинальный вариант «секулярной» соборности в качестве светской «Интернет-соборности», предлагает С. И. Орехов. В обосновании Интернет-соборности он исходит из предположения, что работа в Интернете усиливает личностную и духовную составляющую человека. Одновременно, по мнению автора, происходит своеобразная потеря тела, биологические качества уходят на второй план. Испытывая такие изменения, каждый, погружаясь в виртуальную реальность, осознает Сеть, как всеобщую надындивидуальную реальность и себя как часть этой Сети. Дело в том, что, по мнению Орехова, светская «соборность» воплощается в форме Интернет-соборности, несколько непохожей на ту соборность, о которой писали русские философы XIX в. и нач. XX в. Основными атрибутами Интернет-соборности предстают следующие характеристики: соединение свободы и единства многих пользователей на основе их общего отношения к одним и тем же ценностям, приобретающим для них абсолютный характер; соборность в Интернете не включает в себе жестких формально-юридических признаков, являясь принципиально внесударственным образованием (соборность реализуется как «сетевая демократия»); соборность в Сети является суперсознанием, нелинейным многоуровневым мышлением, занятым производством, переработкой, потреблением информации в ее аудиовизуализированных формах [2, с. 51] Кроме вышеуказанных признаков важным для нас является то, что в контексте данного понимания соборности в Интернете автором доказывается ее мистический, а значит, неминуемо, квазирелигиозный характер. В логике Орехова, в Интернете религия представлена как классическими мировыми религиями, так и сектами, различного рода мистическими организациями. В этом смысле Интернет-соборность по-своему мистична. Именно поэтому люди, пребывающие в виртуальной реальности, являются носителями и воплощением надындивидуального духовно-материального виртуального единства. Исходя из этого, так же, как и традиционное религиозное понятие соборности, Интернет-соборность создает виртуальную реальность, которая дана субъекту не как внешняя, а как конструируемая и переживаемая – «Интернет-соборная» личность проявляется в достижении согласования с целым и принятия этого целого, элементом которого оно является.

Однако, несмотря на многочисленные атрибуты и специфические черты, позволяющие, согласно вышеуказанной авторской концепции, использовать принцип соборности как в качестве «Интернет-соборности», так и в качестве соборно-секуляризованного единства людей, все же традиционное понимание содержания соборности находится в сфере сакральной и религиозно-мистической. Именно на этом основана критика концепта «Интернет-соборности» и тенденции секуляризации соборного принципа. Приведем лишь некоторые критические замечания.

Теория о возможности реализации соборного единства в Интернете подвергается сомнению по ряду положений. Во-первых, само понятие Интернет соборности может быть легко заменено на понятие Интернет коммуникации. Единство людей как пользователей сети Интернет необходимо понимается именно как социальная коммуникация в виртуальном пространстве. Это вполне соответствует реальности виртуального общения, так как подавляющее большинство интернет-пользователей использует интернет для общения в социальных сетях [4].

Второй критический аргумент затрагивает глубинные основы соборности как единства верующих христиан в Церкви. С точки зрения данной позиции, нельзя рассматривать принцип соборного

единства вне богословия, в отрыве от экклезиологии – как раздела богословия, занимающегося уяснением мистического смысла и спасительного предназначения Церкви Христовой. Исходя из такого понимания, утверждается необходимость замены словосочетания «секулярная соборность» на принцип «всеединства» как сугубо философского понятия, восходящего к традиции христианского неоплатонизма и античного платонизма. Таким образом, не может быть правомерной трактовка соборной личности вне аскетического подвига: концепция соборности подразумевает именно мистическую реальность Церкви, а не светскую (профанную) земную реальность [3, 106].

И, наконец, третье критическое замечание связано с пониманием Интернет-соборности по преимуществу как интерсубъективного принципа «растворения» индивидуального в виртуальном всеобщем. Иными словами, глобальная сеть интернет выстраивает в виртуальном пространстве «псевдоединство» пользователей, которое формирует суррогат общения. По утверждению одного из критиков концепта интернет-соборности, «подобное «чрезмерное сознание» составленное как бы из пикселей отдельных экранов гаджетов, ситуативно и непрерывно коммуницирующих между собой, подавляет мысль» [4, с. 21]. Такая тенденция является следствием глобальной задачи интернет-коммуникаций – непрерывно воспроизводить правдоподобную иллюзию «реального мира», активно способствуя при этом утрате индивидуальной субъектности.

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Безусловно, понятие Интернет-соборности является весьма оригинальной попыткой обнаружения внутреннего фундаментального смысла и, наверное, даже замысла виртуального пространства, которое гипотетически могло бы стать воплощением сверхвременного метафизического духовного принципа соборного единства. Однако, этот проект с самого начала разбивается о фундаментальные противоречия. Во-первых, открытым остается вопрос о востребованности в дискурсах интернета истины вообще, не говоря уже об осознанном стремлении к сверхвременному единству. Во-вторых, идея секулярной соборности действительно проблематична: трактовка соборной личности невозможна вне аскетического подвига верующего и трансцендентной обусловленности религиозного сознания. Именно поэтому, на наш взгляд, потенциал соборной онтологии остается все-таки в области трансцендентного, а не виртуального (имманентного) пространства.

Литература:

1. Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т.2. Работы по богословию / А.С. Хомяков. - М.: Медиум, 1994. – С. 5
2. Орехов С.И. «Хоровое начало» Internet, или Internet-соборность // Вестник Омского университета, 2002. №2. С. 49–52
3. Колесова И.С. Идея соборности в современном философском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. №10 С. 96-107
4. Максименко Л.А. С.И. Орехов о виртуальной реальности: актуальная повестка // Гуманитарные исследования, 2019. №1 (22) С.18-22

**К вопросу о влиянии конфуцианства
на религиозно-политическую культуру чжурчжэней**

Хаймурзина М.А.

Амурский государственный университет, доцент. Кандидат философских наук

mfaizova@yandex.ru

Аннотация: образование чжурчжэнями государства Цзинь, усиление их военной мощи и активные контакты с соседними народами привели к постепенной трансформации чжурчжэньской культуры. Происходили изменения в религиозной и политической составляющей жизни чжурчжэней. Большое влияние на них оказало конфуцианство. Автохтонная религиозная вера и практика сохраняются среди простого народа, а среди политической элиты популярным становится конфуцианство. Вместо исконной системы должностей дубозиле и бозиле внедряется новая иерархия власти, основанная на верховенстве императора. Под влиянием конфуцианства формируются государственные культы, в основе которых почитание Неба и соблюдение этики. Конфуцианство стало естественным развитием религиозных воззрений чжурчжэней.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Цзинь, Китай, император, государственный культ, Небо.

**The influence of Confucianism on the religious and political culture of the Jurchens.
Khaymurzina M.A.**

Amur State University

Abstract: the formation of the state of Jin by the Jurchens, the strengthening of their military power, and active contacts with neighboring peoples led to the transformation of the Jurchen culture. There were changes in the religious and political component of Jurchen life. Confucianism had a great influence. Autochthonous religious belief and practice persists among the common population, and Confucianism is becoming popular among the political elite. Instead of the original system of positions dubozile and basile, a new hierarchy of power is being introduced, based on the supremacy of the Emperor. Under the influence of Confucianism, state cults are formed, based on the reverence for the Heaven and the observance of ethics. Confucianism was a natural development of the Jurchen religious beliefs.

Keywords: Jurchens, the state of Jin, China, Emperor, state cults, Heaven.

ⁱ Тесное этнокультурное взаимодействие чжурчжэней с Поднебесной, образование государства Цзинь, укрепление его политической и военной мощи привели к постепенным изменениям в культуре и религии чжурчжэней. Исконные религиозные воззрения, включающие элементы шаманизма, анимизма, магии, культа предков, еще сохраняются среди рядовых чжурчжэней, но уже не являются доминирующими среди правящей элиты. Чжурчжэни знакомятся с буддизмом и даосизмом. Особое внимание государственных деятелей чжурчжэней привлекает конфуцианство, оно внедряется в государственные обряды и политико-административную структуру. Конфуцианство стало естественным развитием религиозных верований чжурчжэней.

У северных народов вождя племени называли хан или каган, только у чжурчжэней – дубозиле 都勃极烈, что означает «высокопоставленный вождь». В политической культуре чжурчжэней существовала следующая система иерархии должностей: боцинь 孛堇 (чж. *bəgi-in*), дубоцинь 都孛堇, бозиле 勃极烈 (чж. *bəgi-la*), дубозиле 都勃极烈 (чж. *du bogle*).

Боцинь – наименование главы племени, рода чжурчжэней, дубоцинь – вождь союза племен чжурчжэней. Что касается дубозиле, то данное наименование возникло вследствие активных взаимодействий чжурчжэней, расширение союза их племён привело к появлению широкого названия главы объединения племен (клана) чжурчжэней, уже характерного для времен активности Агуды и

усиления клана Ванянь. Ду 都 в наименованиях дубоцинь и дубозиле имеет значение маньчжурского да 达, отмечают китайские исследователи, и означает «высокопоставленный», а в чжурчжэньском языке – «корень», «основа», «глава», «вожак». Дубозиле – главный в иерархии политических должностей, ему подчинялись все бозиле – главы племён. Отметим, что власть дубозиле ограничивалась «консультационной», «координаторской» функцией. Дубозиле избирался, а не назначался. Каждое племя в союзе, возглавляемое бозиле, сохраняло высокий уровень автономии [1; 2].

Нет сомнений, что Агуда (кит. Тай-цзу) получил титул хуанди благодаря своему статусу дубозиле, но неясно, когда его начали именовать этим титулом. Известно, что в первый год правления (1115 г.) Агуда обладал статусом дубозиле, а в Цзиньши о нем говорится как о хуанди. С точки зрения чувственного восприятия, между этими двумя понятиями нет разницы, поскольку и тот, и другой – «благоговеино почитаемые». Но с позиции управленческо-административной структуры и полномочий дубозиле не являлся хуанди. Дубозиле – это почетный титул [1, с. 115].

Согласно китайским археологическим и научным исследованиям, в 1115 г. возглавляемое Агудой объединение племен еще не называлось государством Цзинь, а именовалось государством чжурчжэней (ньюйчжэнь го 女真国). Вероятно, данное название этому мощному союзу дали кидане. И только в 1117 г., по мере продвижения до Ляодуна, Агуда был назван ди, а государство – Дацзинь 大金. Девизом правления стало тяньфу 天辅 – «помощь небес», что отражало «благоговение чжурчжэней перед Небом», проявления мышления о «власти как ниспосланной милости из сакральной сферы». Агуда считал, что Небо даровало ему власть, другими словами, власть рассматривалась как дарованная Небом [1]. Поклонение Небу присуще исконным чжурчжэньским верованиям догосударственного периода. Почитание Неба связывалось с верой в духов, которыми был населен весь мир – не только Небо, но и Земля, Солнце, вода, лес. Небу молились, на Небо уповали, полагая, что духи наблюдают и Небо помогает. Характер молений и обрядов Небу варьировал в зависимости от серьезности ситуации или просьбы [3].

В борьбе против Ляо Агуде необходимо было укрепить союз племен, поскольку союз хотя и существовал, но связи между племенами были непрочными, не было и единого мнения относительно военных и политических целей. Согласно традициям северных народов, племенные союзы скреплялись под священным деревом. В культуре чжурчжэней священной была ива. Кроме того, союз у чжурчжэней скреплялся в военном состязании стрельбы из лука верхом. В 1115 г. Агуда провел военно-праздничное состязание (полусостязание-полуобряд) «почитание Неба и стрельба в ветку ивы» – байтянь шэлю 拜天射柳. Известно, что обряд «стрельбы из лука в ветку ивы» заимствован чжурчжэнями у киданей [3, с. 45]. Стрельба в ветку ивы была обязательным условием заключения «клятвы о союзе» и расценивалась как «жертвоприношение Небу». Однако в 1115 г. это мероприятие было проведено по-новому. Вместо традиционного одного, состязание состоялось трижды, в чем видится стремление сплотить и мобилизовать племена клана Ванянь. Подобно мероприятию проводилось Агудой и в 1121 г. Важно отметить их особенности. Во-первых, простота. Полонение Небу не предполагало каких-либо жертвенных даров, все дары являлись угощением. Поклонение Небу не предполагало никаких обрядов или действий. Во-вторых, в стрельбе из лука в ветку ивы не было ограничений по статусу или возрасту. Старые обычаи и нравы еще сохранялись [1]. Здесь видны не только автохтонная вера в помощь Неба, но и начало формирования государственного культа Неба.

Тот факт, что Агуда был назван ди, следует оценивать как результат сложных этнокультурных взаимодействий. Огромное влияние на религиозно-политическую жизнь чжурчжэней оказала ляоская (киданьская) культура. Проводниками ляоского влияния были ляоские перебежчики [4, с. 188]. В частности, известно, что у Агуды был советник (вэньши 文士) бохаец Ян Пу – перебежчик из Ляо, который «увещевал» Агуду о необходимости провозгласить себя «императором» [1, с. 120]. Отметим, что в Бохайском государстве конфуцианство особо чтилось среди аристократической элиты [5, с. 313]. Также не следует забывать о влиянии частых контактов со Средним государством через официальные посольства во время правления Агуды и после него [6].

Хотя Агуда и был назван императором, однако по существу он таковым не являлся, у него даже мысли не возникало «надеть желтый халат». После смерти Агуды его младший брат Уцимай (кит. Тай-цзун) (1123-1135 гг. правления), будучи в статусе бозиле, «надевает желтый халат» и получает титул хуанди, вопреки исконным чжурчжэньским нормам избрания вождя всех племен дубозиле. Начиная с царствования Уцимая, происходит забвение чжурчжэньских обычаев и исконной системы должностей бозиле и дубозиле. Однако он еще не обладает властью, присущей императору [1].

ⁱ Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408.

Эрендженова Ю.Ю.

*ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», ассистент
кафедры философии и культурологии*

yulia.er16@gmail.com

При Си-цзуне (1135-1149 гг. правления) чжурчжэньская система должностей бозиле исчезает и внедряется китайская управленческо-административная (должностная) система. Си-цзун полностью перенял китайскую (конфуцианскую) культуру и уже расценивается как представитель «молодого поколения ханьского двора». При нем развита «система правил этикета». Начало новой эпохи его правления (1138 г.) шло под девизом «благоволение Неба» (тянь цзюань 天眷). При Си-цзуне большое влияние обрели конфуцианские советники вэньши, которые и способствовали его отмежеванию от чжурчжэньских традиций, что также сопряжено с усложнением военно-политических контактов Цзинь с китайским двором в периоды династий Северной и Южной Сун. В 1140г. Си-цзун осуществил «великий объезд земель» и в 1141 г. посетил Пекин (Яньцзин), что стало результатом работы ляоских и сунских советников вэньши. Си-цзуна обучали и наставляли как китайского Сына Неба. Он полностью перенял конфуцианскую религиозно-политическую культуру, освоил все знания, касающиеся церемониала Сына Неба. После приезда в Пекин жил по модели китайского императора, чтит Конфуция и осуществлял личные жертвоприношения в храме Конфуция, дважды кланяясь ему [1].

Си-цзун увлекался чтением конфуцианских канонов. А Ши-цзун (1161-1189 гг. правления) выступил защитником традиционного конфуцианства, «очистив» в 1174 г. ритуал в конфуцианских кумирнях от танских и сунских наслоений. К концу XII в. в империи Цзинь происходили моления в храмах, кумирнях Конфуция, известны императорские приказы о необходимости укрепления «этикета и правил» с целью противодействия шаманским ритуалам, осуществляемым вопреки этим правилам. Существовали различные структуры, – например, министерство церемоний, способствующие формированию государственного культа Неба, основанного на конфуцианских нормах и концепциях [3].

Таким образом, в процессе взаимодействия цзиньцев с соседями меняется административно-управленческая структура государства Цзинь. Правящий дом Цзинь интересуется религиозно-нравственными нормами конфуцианства, изменяясь в русле конфуцианских представлений о власти. Наряду с автохтонной верой в Небо постепенно, к середине 80-х гг. XII в., полностью складывается государственный культ, выстроенный из элементов старой чжурчжэньской религии и китайского государственного культа, фундированного конфуцианством. Конфуцианцы (советники) предлагали разработанные императорские, т.е. высшие государственные, культы, верховным исполнителем которых был император. Создание таких культов делало чжурчжэньских императоров подобными прославленным властителям Древнего Китая.

Литература:

1. Ли Сюлянь. Героическая эра чжурчжэней государства Цзинь. Пекин: Шэжун кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. 267 с. (李秀莲. 金源女真的英雄时代. 北京: 社会科学文献出版社, 2018. 267页)
2. Воробьев, М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (Xв. – 1234 г.). М.: Изд-во «Наука», 1975. 445 с.
3. Воробьев, М.В. Культура чжурчжэней и царства Цзинь (Xв. – 1234 г.). М.: Изд-во «Наука», 1983. 346 с.
4. Ивлиев, А.Л., Асташенкова, Е.В. Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней // Россия и АТР. 2017. №4. С. 186–205.
5. Ван Юйлан, Вэй Гочжун. Новые исследования по истории государства Бохай. Харбин: Харбин чубаньшэ, 2008. 417 с. (王禹浪, 魏国忠. 渤海史新考. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2008. 417页)
6. История Китая с древнейших времен до XXI века: В 10 т / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. IV. Период пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907 – 1279) / отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Наука. Вост. лит-ра, 2016. 942 с.

Аннотация: Исследование посвящено выявлению факторов, которые могут иметь существенное значение для интересующихся тибетским буддизмом и способствовать их интенциям к обращению в эту религиозную традицию. Сравнительный анализ распространения тибетского буддизма среди монгольских народов, в России и на Западе посредством применения модели обращения Льюиса Р. Рамбо и Чарльза И. Фарадиана позволил определить, что вероятно наибольший интерес у широких масс последователей тибетского буддизма представляют аспекты тантры: обрядово-культурная система, психотехники, сотериологические мотивы. При этом базовые теоретические положения тибетского буддизма с рационально-критическим подходом обосновывают необходимость в наличии многоуровневой политеистической системы и проведении сложных тантрических ритуалов для самосовершенствования. Это может вызывать симпатию и доверие, что в значительной мере способствует обретению искренней веры среди неофитов.

Ключевые слова: религиозное обращение, интенциональность, тибетский буддизм, буддийская традиция монгольских народов, буддизм в России, буддизм на Западе.

Features of Religious Conversion to Tibetan Buddhism.

Erendzhenova Yu. Yu.

Kalmyk State University, assistant of Chair of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The research is devoted to identifying factors that can be important to the interested in Tibetan Buddhism and to contribute to their intentions to convert to this religious tradition. A comparative analysis of the spread of Tibetan Buddhism among the Mongolian peoples, in Russia and in the West through the application of the conversion model of Lewis R. Rambo and Charles I. Fahradian made it possible to determine that the aspects of tantra are probably of the greatest interest to the masses of Tibetan Buddhists: ritual and cult system, psychotechnics, soteriological motives. Moreover, the basic theoretical principles of Tibetan Buddhism with a rationally critical approach justify the need for a multi-level polytheistic system and the implementation of complex tantric rituals for self-improvement. This can cause sympathy and trust, which greatly contributes to the acquisition of sincere faith among neophytes.

Keywords: religious conversion, intentionality, Tibetan Buddhism, Buddhist tradition of the Mongolian peoples, Buddhism in Russia, Buddhism in the West.

і Проблема формирования и распространения религиозных традиций всегда остается актуальной в рамках религиозно-исследовательских исследований, поскольку выявление особенностей этих процессов позволяет определить наиболее важные аспекты универсума приверженцев исследуемых религий. Сегодня в России достаточно широко исповедуется буддизм не только его традиционными последователями (калмыками, бурятами, тувинцами, алтайцами), но также он приобретает все больше новых адептов среди других народностей. В большинстве случаев буддизм представлен в той форме, что сложилась и развивалась в Тибете.

Исследования по тибетскому буддизму и его дальнейшей адаптации в культуре других народов в основном сосредоточены на исторической реконструкции и социокультурном анализе процесса «распространения» этой традиции [1; 2; 3; 4; 5]. Религиоведы концентрируют внимание на особенностях адаптации тибетского буддизма, его взаимодействии с добуддийскими верованиями, а также влиянии на традиционную обрядность, право, искусство и т.д. При этом делается акцент на политических и

экономических причинах обращения в тибетский буддизм, повлекшего за собой социальные трансформации.

Учитывая новые парадигмы в религиоведческих исследованиях, а именно методологию феноменологии религии Ж. Ваарденбурга, который предложил в первую очередь рассматривать интенциональность верующих [6, с. 141-142], обратимся к анализу факторов, имеющих наиболее существенное значение для самих адептов тибетского буддизма. Поставленная цель исследования требует рассмотрения процесса религиозной конверсии на основании методологических разработок этой проблематики. Поскольку тибетский буддизм в настоящее время является довольно распространенной религиозной традицией во всем мире, то необходимо сравнить особенности его адаптации на примере монгольских народов, России и Запада. Это позволит выделить характерные черты тибетского буддизма, которые вызывают наибольшую заинтересованность среди новообращенных.

Под религиозным обращением понимается вхождение человека в определенную религиозную группу в результате постепенного или внезапного изменения экзистенциальной ориентации. Как правило, человек из неверующего становится верующим, либо переходит в иную религиозную традицию. В отдельных случаях религиозным обращением считается актуализация утраченной ранее религиозности [7]. Исследователи Льюис Р. Рамбо и Чарльз И. Фарадиан разработали семиэтапную модель религиозного обращения. По их мнению, на первом этапе важное значение имеет контекст (1), включающий такие сферы, как политические и экономические системы, местные религиозные институты, образ жизни людей, их ближайшее окружение и др. Собственно сам момент обращения должен предварять некий кризис (2), вызванный взаимодействием внешних и внутренних сил, который и становится катализатором для изменений. Кризис подталкивает к поиску «спасения» (3) от него, что является третьей стадией процесса обращения. В этот момент происходит контакт (4) с приверженцем определенной религии, имеющим собственные устоявшиеся взгляды и интенции для их распространения. За этим следует активное взаимодействие (5) с представителями «новой» религии, в ходе которого неофиты получают сведения об учении, образе жизни и идеалах религиозной общины. Новообращенные принимают участие в ритуалах, что дает им возможность обрести религиозный опыт, выходящий за пределы интеллектуального уровня. Рецитация молитв, пение, ритуальные действия объединяют людей, внушая им более глубокое чувство «принадлежности». В некоторых религиях на данном этапе от конвертитов требуется высказать решение взять на себя обязательства. Все это способствует тому, что на следующей стадии происходит принятие взглядов «новой» религиозной традиции (6), что, как правило, должно быть публично продемонстрировано. Вследствие этого неофиты изменяют свой образ жизни (7) в соответствии с предписаниями и запретами религиозной общины [8].

Таким образом, триггером религиозного обращения считается кризис, переживаемый человеком либо группой, под влиянием которого начинается поиск спасения. В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно аспекты тибетского буддизма привлекают неофитов настолько, что в нем они находят ответы на смысложизненные проблемы и путь к спасению.

Буддийская традиция монгольских народов насчитывает почти 8 веков, в течение которых буддизм в тибетской форме стал не только религией, но и неотъемлемым компонентом их культурных, социальных, экономических и политических реалий [2, с. 142]. Буддолог Л.Л. Абаева отмечает, что монгольские народы адаптировали все феноменальные категории буддийской культуры [1, с. 231-237]. Это свидетельствует о том, что они нашли в буддийской теории и практике ответы на аксиологические и экзистенциальные вопросы, возникшие в период становления их государственности, расширения влияния, формирования и развития культуры.

На территории России тибетский буддизм исповедуется с тех пор, как калмыки, буряты, тувинцы и алтайцы стали частью российского социума. В культурах этих народов тибетская буддийская традиция нашла отражение в религиозном искусстве (архитектура, скульптура, танкопись, литература), религиозной системе образования, а также в законодательстве и устном народном творчестве [4, с. 71-100]. Во многом это определило становление и развитие отечественной буддологии и тибетологии, поскольку непосредственное общение с буддистами и погружение в их социокультурное пространство позволило исследователям составить верное представление о тибетском буддизме и его учении. Это в свою очередь можно назвать контактом, который привел многих россиян из числа русских, украинцев, татар, башкир и других народностей в тибетский буддизм.

Тот же процесс наблюдался и на Западе, когда многочисленные эмигранты из России, будучи буддистами, интегрировали свои ценности в западную культуру. В Европе и США возводились буддий-

ские храмы, где проводились религиозные службы и транслировались доктрины тибетского буддизма. Во второй половине XX века на Запад отправились уже тибетские эмигранты и основали там свои сообщества, кооперируемые вокруг буддийских центров. В результате многие европейцы и американцы, соприкоснувшись с представителями тибетской буддийской культуры, обратились к этой религиозной традиции как способу разрешения мировоззренческого конфликта с повседневностью. При этом отмечается, что «одним из главных факторов популярности тибетского буддизма является учение тантры» [2, с. 376-387].

Религиовед Е.А. Торчинов проанализировал тибетский буддизм в дискурсе психологии религии и дал описание психотехнических приемов, применяемых тибетцами в тантре. Так, в основе буддийской тантры лежит направленность на психопрактику через трансформацию сознания, которая при правильном подходе приводит к неконцептуальному постижению истины и быстрому продвижению по духовному пути к конечной цели – просветлению во благо всех живых существ. Главное место в такой психопрактике отводится йоге божества, когда практикующий в процессе медитации путем творческого воображения отождествляет себя с божеством, находящимся в мандале [9, с. 368-385]. С этим связана и популярность тантрического культа, в котором божества интегрированы в многоуровневую политеистическую систему, адепты же имеют возможность выбирать, кому из них поклоняться. Реализованные практики обретают сверхъестественные способности, которые применяют в ритуалах и лечении. Вероятно, что тантра была одним из решающих факторов и для самих тибетцев. К примеру, в классическом тексте по истории буддизма в Тибете «Завещание Ба» говорится, что в период становления тибетского буддизма определенную роль сыграли буддийские ритуалы, избавившие население от смертельного заболевания (чумы) [10]. В этом случае можно говорить о том, что обрядово-культурная система тантрического буддизма является мощным инструментом психологического воздействия, приводящего к зарождению религиозной веры.

В настоящее время практически все неофиты являются членами буддийских организаций, так называемых «дхарма-центров», где они приобщаются к религиозной практике, изучают буддийскую теорию под руководством тибетских наставников, совершают различные медитативные семинары и затворничества. В исследовании Л.М. Коротецкой проведен анализ современных буддистов России и Европы, выбравших тибетскую школу Карма-кагью. Автор на основании социологического опроса выявила, что особенно важное значение для современных конвертитов имеет рациональный подход к изучению догматов, характеризующий тибетскую буддийскую традицию [3, с. 20-21]. Об этом упоминал Э. Фромм, который нашел в тибетском буддийском тексте предостережения от вероятностных ошибок слепой веры и опоры на чувственное познание с игнорированием логического дискурса [11]. Такая оценка известного западного психолога и философа позволяет увидеть в тибетском буддизме религию, с сотериологической целью опирающуюся на критическую самооценку и тем самым способствующей человеческому развитию, раскрытию личностного потенциала и осознанию смысла жизни. Так, именно рационально-критический подход тибетских буддистов вкупе с сотериологической мотивацией привлекает многих неофитов из числа образованных людей в России и на Западе.

Таким образом, интенция к обращению в тибетский буддизм может быть связана с его отличительными особенностями в религиозной практике и ее логическом обосновании. Современные неофиты наполняют свою жизнь смыслом, будучи вовлеченными в процесс самосовершенствования посредством тантрических психотехник, находят ответы на экзистенциальные вопросы, обретают видение реальности, опираясь на теоретические положения тибетского буддизма посредством критического анализа. Вполне возможно, что выявленные аспекты имели важное значение при обращении в тибетский буддизм в прошлом, наряду с объективными политическими и социальными мотивами.

Литература:

1. Абаева Л.Л. Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2018. 368 с.
2. Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы: кол. монография / отв. ред. Л.Е. Янгутов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. 456 с.
3. Коротецкая Л.М. Буддизм Ваджраяны: философские основы, религиозные практики и распространение в России и Европе с конца 80-х гг. XX в. (на примере «Алмазного пути» школы Карма Кагью): автореф. дис. канд. филос. наук. Чита, 2010. 23 с.

4. Уланов М.С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 236 с.
5. The Spread of Buddhism / ed. by A. Heirman and S. P. Vumbacher. Leiden, Boston: Brill, 2007. 474 + X p.
6. Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология / пер. с англ. под общ. ред. Е.И. Аринина. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. 408 с.
7. Обращение религиозное // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / гл. ред. В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 130-131.
8. Rambo L.R., Farhadian Ch.E. Converting: Stages of Religious Change // Religious Conversion: Contemporary Practices and Controversies / ed. by Ch. Lamb and M.D. Bryant. London and New York: Cassell, 1999. P. 23–34.
9. Торчинов Е.А. Путь запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург: Пальмира; Москва: Книга по Требованию, 2017. 542 с.
10. sBa gsal nang. sBa bzhed. Beijing: Mi rigs dpe skrun khang, 1982. 82 p.
11. Фромм Э. Психоанализ и религия. [Электронный ресурс] http://lib.ru/PSIHO/FROMM/pa_rel.txt_with-big-pictures.html#1. Дата обращения: 15.12.2019 г.

Россия и Европа – диахронное и синхронное измерение религиозного фактора

Шиманская О.К.

*старший научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы
Российской академии наук, канд. филос. н., доцент*

shimansk@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает роль религиозного фактора во взаимодействии России и Европы в прошлом и настоящем на основе теории культурно-исторических типов, теории волновой секуляризации, постсекулярного дискурса и до возникновения парадигмы «параллельных» обществ, в трудах отечественных и зарубежных философов и религиоведов. Анализируется взаимовлияние европейских и российских процессов трансформации религии и модусов секуляризации, что позволяет понять общее и особенное в бытовании религиозных институтов, влиянии религиозного фактора на разнообразие духовной жизни современного человека. Религия в разных её вероучительных доктринах продолжает оказывать непосредственно и опосредованно влияние на политику государств Европы и России, общественную и культурную безопасность, сферу образования и воспитания. При этом религиозность современного человека и влияние на его мировоззренческий и духовный выбор религиозного фактора многомерна и имеет свои особенности в европейских странах и России.

Ключевые слова. Религия, секуляризация, религиозный фактор, Россия, Европа, ценности, политика, «параллельное» общество.

Russia and Europe - the diachronic and synchronous dimension of the religious factor. *Shimanskaya O.K.*

*Center for the Study of Religion and Society, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Senior
Researcher*

Abstract. The author considers the role of the religious factor in the interaction between Russia and Europe in the past and present on the basis of the theory of cultural-historical types, the theory of wave secularization, post-secular discourse and before the paradigm of “parallel” societies emerges, in the works of domestic and foreign philosophers and religious scholars. The mutual influence of European and Russian processes of the transformation of religion and modes of secularization is analyzed, which allows us to understand the general and special in the existence of religious institutions, the influence of the religious factor on the diversity of the spiritual life of modern man. Religion in its various doctrinal doctrines continues to have a direct and indirect influence on the policies of the states of Europe and Russia, public and cultural security, and the sphere of education and upbringing. Moreover, the religiosity of modern man and the influence on his worldview and spiritual choice of the religious factor is multidimensional and has its own characteristics in European countries and Russia.

Keywords. Religion, secularization, religious factor, Russia, Europe, values, politics, “parallel” society.

Мировые войны и революции XX века и последовавшие за ними геополитические трансформации политической карты мира и международных отношений привели к радикальным изменениям человеческого общества по многим параметрам. Глобализация инициировала и углубила интернационализацию экономической деятельности, а новые технологии скачкообразно изменили привычные способы коммуникации и образ жизни людей, включая такой её наименее подвижный параметр как ценности. Ценности религиозные, эстетические, правовые и др. выступают инвариантным ядром исторически существовавших и существующих в истории локальных цивилизаций, вокруг которых оформляется своеобразие культуры, технико-экономической и политико-правовой деятельности.

Ещё в 1871 г. в знаменитой работе «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические

отношения Славянского мира к Германско-Романскому» Н.Я. Данилевский [1] доказывал дихотомию России и Европы, как цивилизаций с разными ценностными ориентациями по ряду критериев, основным из которых выступал религиозный фактор. Военно-политические баталии за гегемонию в XIX в. между блоками европейских государств и Россией рассматривались им как следствие неизбежного противостояния Европы, или Романо-Германского культурно-исторического типа, и России, собирающей и объединяющей вокруг себя грядущий Всеславянский культурно-исторический тип, истин православия и неподлинности католицизма. Это положение, как известно, вызвало критику всей концепции культурно-исторических типов со стороны Вл. С. Соловьёва [2, С.382-385.]. Можно говорить, что в диахронном временных пластах роль религиозного фактора во взаимодействии России и Европы долгое время была определяющей и, прежде всего, конфронтационной. Эта общая тенденция имела периодами некоторые отступления, связанные, в первую очередь, с расширением границ Российской империи и включением в состав её подданных лиц иных исповеданий, необходимостью административного управления разноликими в религиозном и этническом отношении территориями. В социо-культурном взаимодействии формировались традиции толерантности и взаимообогащения культур в полиэтническом и многоконфессиональном пространстве.

Начиная с эпохи Просвещения, в Европе развиваются процессы секуляризации, приведшие к резкому снижению влияния религии, разных, преимущественно, христианских церквей на политическую, социальную и личную жизнь европейцев. В XX в. Европа становится одним из самых безрелигиозных регионов мира, оплотом светских политико-правовых ценностей, идей прав человека и светской культуры [3, С.45-52.]. На смену христианским ценностям пришла новая, антропоцентричная, сакральность прав человека, мультикультурализма и политкорректности, воплощённая в практике социального государства. Процессы секуляризации, рождённые в Европе, в синхронном временном пласте начиная с XVIII в. распространились и на Россию, где носителями идей светскости последовательно выступали целые социальные слои: просвещённое дворянство, разночинцы и, наконец, пролетарские массы периода революций начала XX в. Массами овладели идеи антирелигиозного протеста и увлечённость проектами построения идеального будущего, на основе социальной справедливости и правильного, научно обоснованного марксистско-ленинского видения. Секуляризация в СССР в результате революционных потрясений приобрела самый радикальный характер массовой атеизации, ниспровержения всего связанного с религией, насильственного упразднения религии не только из публично-правовой, но и из частной жизни личности.

Однако секуляризация, даже в её насильственных видах, ослабила на время позиции религиозных институтов и религиозного фактора, но не привела к упразднению религии ни в Европе, ни в России, запустив процессы перезагрузки религии. Очевидно, что антропологические истоки религиозных потребностей и смыслов глубже социально-экономических и политических «корней» существования тех или иных религиозных сообществ. Религиозность генерируется мистико-сотеариологическими поисками конечных смыслов бытия человеком. Поэтому смена формата институционального присутствия религий в публичном пространстве означает, прежде всего, появление наиболее адекватных современности и эффективных способов реализации религиозных потребностей. Поэтому распространённый ныне религиозный плюрализм это не упадок, а реструктуризация духовной жизни общества, отражающая его многовекторную эволюцию.

Модификации религиозного фактора в первые два десятилетия XXI века в Европе и России имеет черты сходства и различия. Сходство неизбежно связано с наследием исторически доминировавшей христианской культуры, интенсивными процессами секуляризации XX столетия, процессами модернизации и глобализации привнесшими в ранее сложившийся территориально гомогенный религиозный или, отчасти, нерелигиозный пейзаж гетерогенность. Причём гетерогенность затрагивает как религиозный ценностный и организационный комплекс, так и виды и типы секуляризации, о чём пишет теоретик постсекуляризма Х.Казанова [4, С. 89]. Сходным является и мировоззренческий плюрализм, присущий всем демократическим странам Европы, закреплённый так же в 13 статье Конституции России, в согласии с чем, не существует закреплённой законодательно, общеобязательной для граждан религии или идеологии. Это вызвало к жизни множество новых больших и малых религиозных и иных сообществ, воплощающих право духовного выбора граждан, включая право на образовательные стратегии (светское и религиозное образование, включение компонентов религиозного образования в светское и т.д.). Наряду с этим и в Европе, и в России религиозный фактор всё чаще апеллирует не к постижению вероучительных догматов, принципов и практик, а к маркеру идентичности – этнической,

культурной, гражданской, политической, генерируя новый фундаменталистский вызов современности с её всеобщей Интернет-коммуникацией, космополитичной массовой культурой и глобальным рынком.

Фундаменталистский вызов по-разному заявляет о себе в Европе и России. Для европейского общества ещё в начале XXI в. западными мыслителями разработан концепт “параллельного общества” (Хеймайер В, Сейлан Р, Новак Ю.). Его возникновение связано с анализом особенностей существования этнических и конфессиональных меньшинств в европейских странах и их взаимоотношениями с доминирующей, “ведущей культурой” Непредсказуемость современной ситуации с её спонтанными и неконтролируемыми миграционными потоками с глобального Юга, снятие коммуникационных барьеров между обществами и континентами, неравномерность мирового экономического развития и вопиющее неравенство как его следствие - приводят к выдвигению «параллельных», преимущественно исламских, общин в центр проблем безопасности культурной, общественной и т.д. в большинстве европейских стран. Это заостряет необходимость нового понимания роли религиозного фактора в духовной и общественной жизни европейцев, поскольку: «параллельное сосуществование конфессиональных обществ и светского государства может нести угрозу его разрушения» [5, С.111]. То есть «параллельные общества» склонны выбирать путь противостояния современным идеям и ценностям, создавать религиозные субкультуры, не допускающие или ограничивающие влияние внешнего общества на своих членов. Секуляризованная Европа столкнулась в последние два десятилетия с новыми вызовами контрсекуляризации, неприятием принципов её политической культуры со стороны «параллельных обществ» и сложной задачей их адаптации через преодоление «сопротивления культур».

В России фундаменталистский вызов оформлен масштабной десекуляризацией, которая первоначально воспринималась как покаяние за результаты насильственной секуляризации, восстановление подлинного содержания свободы совести и свободы вероисповеданий. Сейчас религия в её различных институциональных видах вернулась в сферу публичной политики, культуры и образования. Религиозный фактор в России определяется серьёзным доминирующим взаимовлиянием Русской православной церкви и государства, имеющего исторически этатистские стремления, и обращающегося к Церкви за моральным авторитетом и поддержкой. Однако это не исчерпывает религиозной жизни россиян, принадлежащих так же исторически к разным религиозным направлениям: исламу, буддизму, католицизму, разнообразному протестантизму и новым религиозным движениям. В то же время духовная жизнь россиян сегодня не ограничивается принадлежностью к той или иной конфессии. Светские идеи не менее значимы, а светский стиль жизни – норма. Поэтому мировоззренческий выбор и уровень религиозности россиян распределён в широком диапазоне от атеизма до теоцентризма с высоким религиозным рвением. Одни религиозные институты увеличивают свою власть и влияние на общество и каждого человека, пользуясь, в первую очередь, историко-культурной, а не сотериологической аргументацией, другие же оказываются сомнительными и оказываются за пределами правового поля. В этих условиях они вынуждены защищаться, и позиция «обороны» формирует локальные религиозные субкультуры с разной степенью открытости/закрытости. То есть и в России существуют свои «параллельные общества», но пока они вызваны не столько миграцией, сколько разнообразием духовных, в том числе религиозных и вероучительных предпочтений людей, реализующих свое право на мировоззренческий выбор.

Литература:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1995, 552 с.
2. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России: В 2 т. М., 1989. Т.1. 688 с.
3. Трансформация религий в современном обществе и культуре: монография под научн. ред. М.Ю. Смирнова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019, 140 с.
4. Казанова Х. (2015) Страх Европы перед религией. Берлинские речи о религиозной политике // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. вып. 11, Дальневост. федерал. ун-т. Владивосток, Россия, с. 88–105.
5. Андреева Л.А. Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство // Современная Европа, 2019, №5, 110-121 с.

Проблема понимания религии

Яблоков И.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет,
кафедра философии религии и религиоведения, профессор. Доктор философских наук

relig@philos.msu.ru

Аннотация. В докладе обосновывается различие понимания и определения «религии».

Понимание «религии» рассматривается как результат осознания духовно-практического опыта вер и связанных с ними ритуальных практик народов мира. Этот опыт зафиксирован в соответствующих именах различных естественных языков. Определение понятия «религия» представляет собой процедуру нахождения общих признаков данного социального явления. Используются англоязычные термины «belief» и «faith». Вера в кого-то или кому-чему есть особое состояние и процесс психологии верящих субъектов, выражающиеся в принятии с доверием предмета веры. Смыслы и значения имен различных языков имеют нечто общее, находящее выражение в вере. Существует потребность нахождения абстрактного термина, который бы выразил общее в содержании вер и соответствующих им практик различных народов.

Ключевые слова: понимание; определение; «религия»; вера; духовно-практический опыт; именованного опыта вер, и связанных с ней ритуальных практик народов мира.

The problem of understanding of religion.

Yablokov I.N.

Lomonosov Moscow state university

Abstract. The report substantiates the difference in understanding and in defining of “religion”.

Understanding of “religion” is considered as the result of awareness of the spiritual and practical experience of faith and related ritual practices of the peoples of the world. This experience is reflected in the corresponding names of “religion” in different natural languages. To define the concept of “religion” is to find common signs of such social phenomenon. The English terms “belief” and “faith” are considered. Belief in someone or something is a special state and process of psychology of believers, expressed in the acceptance with trust of the subject of faith. Names and their meanings in different languages have something in common that finds expression in faith. There is a need to find an abstract term that would express general core in the content of faith and the corresponding religious practices of different peoples of the world.

Keywords: understanding; definition; “religion”; faith; spiritual and practical experience; naming the experience of faiths and related ritual practices of the peoples of the world

В философской литературе высказаны разные мнения о категории «понимание» [1, 279-283; 2, 3-9]. С учётом высказанных мнение можно предложить следующую характеристику понимания «религии».

Понимание «религии» – это процесс и результат познания «религии» как рациональными средствами, так и интуицией и эмпатией, познание, зафиксированное в языке. Становление понимания «религии» совершалось в ходе осознания духовно-практического опыта народов мира, которые существовали и существуют на планете Земля. В основе понимания «религии» находятся эмпирически зафиксированные данные о духовно-практическом опыте человечества. Понимание «религии» как процесс и результат познания «религии» может выразить именно этот опыт и никакой другой.

О принятом в научной литературе и используемом в формулировке темы, в аннотации, среди ключевых слов и в изложенной части доклада термине «религия» и словосочетании «религиозный опыт» необходимо сделать следующее замечание. Термины «религия» и «религиозный» от латинского «religio» (добросовестность, совестливость, благочестие, святыня, богопочитание, религия) [3, 396-397]. Это слово – из языка одного из древних италийских племён – латинов – населявших Апеннинский полуостров. Значение термина выражает опыт вер и связанных с ними ритуальных практик латинов. И

в строгом смысле термин «religio» правомерно относить только к опыту латинов.

Назовём имена естественного языка других народов, выражающие опыт вер и связанных с ними ритуальных практик:

1. опыт народа колен израилевых означен – dat – порядок, обычай, закон, устав, вера, вероисповедание [4, 108];

2. опыт греков поименован – θρησκεία – вера, вероисповедание, культ, богослужение, богопочитание, религия [3, 395];

3. опыт древнеиндийских народов обозначен на санскрите – dharma, от арийского dhag – утверждать, поддерживать, защищать – означает учение, добродетель, моральное качество, долг, справедливость, закон, образец, идеал, норму, форму, истину, условия, причину, порядок мироздания и др. [5, 100];

4. опыт арабских народов назван – din, которое на языке преисламской Аравии первоначально означало власть – подчинение, обычай, а впоследствии стало употребляться в смысле безусловности подчинения Аллаху и его безграничной власти, придания себя Богу, исполнения религиозных предписаний, совершенствования в искренности веры. Поэтому стало обозначать: иман (вера, от «верить, уверовать»), ислам (придание себя Богу, покорность, исполнение религиозных предписаний), ихсан (истовость, совестливость, чистосердечие – совершенствование в искренности веры) [6, 70];

5. опыт китайских народов обозначен именованном – цзяо – учение [7, 385];

6. опыт японцев выражен именованном – сюкё – абсолютная истина, учение, предназначенное для распространения в народе [8, 47];

7. древние славяне именовали опыт вер и связанных с ними ритуальных практик словами – «вера», «верство», «верованье».

8. В английском языке различаются термины «belief» и «faith». В русском языке подобного различия нет. Значение слова «вера» соотносится со значением соответствующих терминов в романо-германских языках. Близко к указанным и древнерусское значение слова – верование, правда, присяга, клятва, верность.

Вера в кого-то или кому-чему есть особое состояние и процесс в психике индивида, группы, массы (верящих субъектов), выражающиеся в твердой убежденности, несомненном доверии и надежде. В качестве предметов веры могут выступать: достижение цели в отдельных видах деятельности и смысла жизни вообще, наступление какого-то события, реализация определенного поведения «Я» и других, истинность восприятия, представления, гипотезы, теории и т. д. при условии дефицита точной информации о достижимости поставленной цели и смысла жизни, о конечном итоге развития событий, о реализации на практике предполагаемого поведения и отношений людей, о результатах проверки адекватности выдвигаемых гипотез и теорий и т. д. В вере содержится ожидание осуществления желаемого. Данное психологическое состояние возникает в вероятностной ситуации, при наличии альтернативы, возможностей направленности «движения» указанных (и других) предметов веры, когда имеется известная степень реальности достижения желаемого. Если поставленная цель достигнута, прогнозируемое событие совершилось, чаемое поведение реализовалось, истинность гипотезы доказана и т. д. или стало ясно, что все это неосуществимо, или результат оказался отрицательным, то вера угасает. Она возникает на основе материальных и духовных интересов, потребностей, мотивов, по поводу тех процессов, событий, идей, других «Я», которые имеют для людей существенно значимый смысл. Вера представляет собой ценностное отношение к своему предмету, образует сплав когнитивного, эмоционального и волевого моментов, хотя, конечно, чувства играют в ней большую роль. Вера соединяет в себе осознанное и неосознанное, рациональное и иррациональное, элементы «вершинной» и «глубинной» психологии; она тесно связана с интуицией, озарениями. Могут использоваться различные способы обоснования веры, однако в полной мере она рационально не аргументирована и практически, экспериментально не проверена. А во многих случаях субъект веры считает, что она вообще не требует доказательства и проверки. Поскольку вера появляется в вероятностной ситуации, действие людей в соответствии с ней сопровождается риском. Несмотря на это, она выступает важным фактором интеграции индивида, группы, массы, действенным стимулом их решимости и активности. Содержание веры различно в разных областях ее функционирования, связано с предметом конкретного действия. Она находит выражение по существу в любой сфере жизнедеятельности людей – экономической (в успех продажи произведенного продукта), политической (в харизматического политического лидера), моральной (в силу нравственных

Луценко Антон Владимирович

Дальневосточный федеральный университет - Школа искусств и гуманитарных наук. Доцент, к. филос. н.

avlu2009@yandex.ru

идеалов, образцов, норм), художественной (в совершение в действительной жизни показываемых на театральной сцене, на киноэкране событий), научной (в благотворные последствия клонирования человека), философской (в существование Мирового Разума) и, конечно, в обыденном существовании. В истории философии и теологии вера рассматривалась в контексте проблем соотношения ее с разумом (рассудком), знанием, истиной, мнением, сомнением – при различном решении этих проблем.

Вера в духовно-практическом опыте народов – это особое состояние и процесс в психике индивида, групп, общностей (верующих субъектов), выражающиеся в феноменах уверенности, почитания, исповедания соответствующих взглядов. Эта вера имеет основы и предпосылки в отношениях несвободы и зависимости и в то же время включает стремление превозмочь эти отношения. Она обеспечивает целе- и смыслополагание, имеет для верующих ценностное значение. Вера и связанные с ней ритуальные практики соединяют в себе когнитивный, эмоциональный и волевой элементы, но, как правило, превалируют чувства. Когнитивный компонент образует представления, образы, понятия, вероучительные утверждения духовно-практического опыта народов, идеи доктринальных комплексов – буддизма, индуизма, иудаизма, христианства (православия, католицизма, протестантизма), ислама и т.д. При всем разнообразии содержания когнитивного элемента в духовно-практическом опыте народов мира можно выделить нечто общее.

Вера в духовно-практическом опыте народов есть вера: а) в гипостазированные (греч. *υπόστασις* – **подставка, основание, сущность**) существа, в предметы с наделенными свойствами и связями, а также в образованный этими существами и предметами с наделенными свойствами и связями мир; б) в возможность общения с гипостазированными существами, воздействия на них и получения от них помощи; в) в истинность соответствующих представлений, понятий, предложений, взглядов, догматов, текстов и т. д.; г) в действительное совершение каких-то событий, о которых рассказывают тексты, в их повторяемость, в наступление ожидаемого события, в причастность к ним; д) в авторитеты – отцов, учителей, святых, пророков, харизматиков, бодхисаттв, архатов, церковных иерархов, служителей культа. Эта вера обуславливает своеобразие процесса трансцендирования: не осуществляющиеся в эмпирическом существовании людей переходы от ограниченности к неограниченности, от бессилия к мощи, от жизни до к жизни после смерти, от посясторонности к потусторонности, от несвободы к освобождению и т. д., благодаря вере достигаются в плане сознания [9, 198-201].

Мирча Элиаде отмечал: «Разве не странно обозначать одним и тем же словом опыт Ближнего Востока, иудаизма, христианства, ислама, буддизма, конфуцианства и так называемых примитивных народов?» [10, 253]. С учётом контекста высказывания ученого можно предположить, что он имеет в виду такой термин, который «означает опыт священного и, следовательно, связано с идеями существования, значения и истины» [10, 253]. Конечно, вряд ли нужно, да и возможно ли ныне изымать из языка науки именованная «религия» и «религиозный опыт». Но это не исключает признание возможности поиска некоего абстрактного термина, который выражал бы опыт вер и связанных с ними ритуальных практик разных народов мира.

Литература:

1. Огурцов А.П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Ред. совет: Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. Т. III. М.: Мысль, 2010. 693 с.
2. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. 160 с.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
4. Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого завета / Сост. О. Н. Штейнберг. Т. I. Вильна, 1878. 526 с.
5. Буддизм, дзен-буддизм от А до Я. / Сост. О. Бунин. М.: АСТ, 2007. 288 с.
6. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
7. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 2: Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. 869 с.
8. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций / под ред. Е.И. Аринина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с.
9. Яблоков И.Н. Социология религии: теоретические проблемы. М.: МАКС Пресс, 2014. 260 с.
10. Элиаде М. Космос и история: Избранные работы / Пер. с фр. и англ. А. А. Васильевой, В. Р. Рокитянского, Е. Г. Борисовой; Сост., вступ. ст. и комм. Н. Я. Дараган. Послесл. В. А. Чаликовой.; Под общ. ред. И. Р. Григулевича и М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

Аннотация: Текст посвящен сегодняшнему состоянию теории секуляризации и выявлению философских оснований этой теории. Констатируя, вслед за исследователями данной проблемы, неочевидность и запутанность подходов к решению данного вопроса. Автор предлагает для удобства классифицировать все теории секуляризации по их философско-методологическим основаниям. Таким образом, в статье выделяется неопозитивистские теории секуляризации, тесно связанные детерминистским и материалистическим взглядом на религию и эволюцию культуры, и экзистенциалистские теории, связанные, прежде всего, с восприятием религиозного сознания как важнейшей личностной характеристики, тесно связанными с духовными интенциями и интеллектуальной эволюцией индивидов, составляющих современный социум. Автор подчеркивает, что подавляющее большинство современных исследователей теории секуляризации принимают в рассмотрению только так называемый «западный мир», который может быть назван своеобразным «опытным полем» возникновения секулярной культуры и секулярного мышления.

Ключевые слова: секуляризация, детерминизм, неопозитивизм, философия религии, экзистенциализм, современность, индивид.

PHILOSOPHICAL BASES OF THE THEORY OF SECULARIZATION.

Lutsenko Anton Vladimirovich

Far Eastern Federal University - School of Arts and Humanities

Abstract: The text is devoted to the current state of the theory of secularization and the identification of the philosophical foundations of this theory. Noting, following the researchers of this problem, the non-obviousness and complexity of approaches to solving this issue. The author proposes for convenience to classify all theories of secularization according to their philosophical and methodological foundations. Thus, the article highlights neo-positivistic theories of secularization, closely related to the deterministic and materialistic view of religion and the evolution of culture, and existentialist theories, associated primarily with the perception of religious consciousness as the most important personality characteristic, closely related to spiritual intentions and intellectual evolution of individuals, making up modern society. The author emphasizes that the vast majority of modern scholars of the theory of secularization take into consideration only the so-called “Western world”, which can be called a kind of “experimental field” for the emergence of secular culture and secular thinking.

Keywords: secularization, determinism, neopositivism, philosophy of religion, existentialism, modernity, individual.

Теория секуляризации рассматривается современными гуманитарными дисциплинами преимущественно в социологическом ключе. Основной акцент в работах таких зарубежных и отечественных исследователей секуляризации как К. Кристиано, С. Лейси, Д. Макговерн, Е. Б. Сафронов, Д. А. Узланер делается на социокультурные основания секуляризации как теории, имеющей конкретные исторические причины и продиктованное историческим контекстом содержание. В то же время возможность определения общих философских основ секуляризационной теории позволяет определить динамику и перспективы развития этой теории без ущерба для её значения в контексте социологии религии. По сути, речь идет о более активном изучении теории секуляризации как феномена, принадлежащего не только социологии религии, но и философии религии. Это сопряжено с известными трудностями. Так, Д. А. Узланер, цитируя известного социолога религии Л. Шайнера, определяет секуляризацию как «крайне путанный концепт, нагруженный огромным количеством противоречивых смыслов» [1, с.41]. Тем большую ценность имеют попытки внести в исследуемую проблему подобающую научной теории конкретику и определенность.

Основываясь на современном состоянии проблемы, можно с определенной степенью условности выделить два современных подхода к теории секуляризации. Первый подход можно условно обозначить как «экзистенциальный». Его яркими представителями являются такие религиоведы и фило-

софы религии как Р. Белла и Ч. Тейлор. В работе Р. Беллы «Религия в человеческой эволюции» религия предстает в виде одного факторов эволюции человеческого вида как такового, обеспечивающего содержанием присущее человеку «экзистенциальное измерение» его внутреннего мира и интеллекта. Наряду с этим Р. Белла подчеркивает, что секулярный разрыв с религиозной традицией не может повлиять на свойственную человеку «метафизическую интоксикацию», выражающуюся в постоянном присутствии «вечных вопросов» в сфере его сознания [2, с. 106]. Следовательно, возникает перманентная необходимость в философских теориях и концепциях, которые позволяют «светскому» секулярному сознанию брать на себя решение тех вопросов, которые в досекулярную эпоху решала религия. Р. Белла полагает, что к таким философским концепциям можно отнести как современную религиозную философию в разных ее проявлениях, так и, допустим, постсекулярную «постмодернистскую игру с истинами прошлого, пытающуюся тотальной несерьезностью скрыть тот факт, что осмеиваемые и деконструируемые этой игрой вопросы не теряют своей значимости только потому, что их в очередной раз подвергли более или менее остроумной нигилистической критике». Тем самым, Р. Белла подчеркивает, что философские основания теории секуляризации являются производными от непреодолимой, эволюционно предопределенной потребности человека в создании идеальных смыслов и ценностей [2, с. 97]. Согласно логике этой концепции, суть секуляризации заключается в том, что на смену религиозным идеальным ценностям приходят ценности секулярные, причем последние несут ту же смысловую нагрузку и сохраняют примерно то же значение для индивида и общества, что и первые.

Для Ч. Тейлора характерно более сдержанное отношение к поиску эволюционных корней религиозного и секулярного мировоззрения. Он склонен считать как религию, так и процесс секуляризации социокультурными феноменами, нуждающимися в философском подкреплении. При этом такое подкрепление, по мысли Ч. Тейлора, обретает особую актуальность в тот исторический момент, когда западная цивилизация вступает на секулярный путь развития. При этом широко известна позиция Ч. Тейлора, ставшая основой его полемики со сторонниками социологического подхода к секуляризации. По мнению Ч. Тейлора, секулярные процессы в индивидуальной и общественной ментальности не имеют единого вектора развития и не отличаются ярко выраженной необратимостью. Поскольку, как полагает Ч. Тейлор, никакая светская идеология или философская система не способна избавить человека от экзистенциальных чувств заброшенности, тревоги, бессмысленности жизни, говорить о постепенном и неуклонном исчезновении религиозного мировоззрения не приходится. В этом случае корректнее говорить о кризисе организованных форм религии и определенных форм религиозной философии, присущих западному миру [3, с. 15-41]. Однако Ч. Тейлор полагает, что и в западном мире религия, перейдя в постсекулярную реальность, трансформируется в «духовность», под которой, очевидно, понимается широкая совокупность видов и методов индивидуального религиозно-экзистенциального поиска. Ч. Тейлор обнаруживает корни как религиозного, так и секулярного сознания в основах западной культуры и социума, отказываясь от представления о неизбежности грядущего безрелигиозного общества как от «концепции, явно противоречащей фактам и статистике. Мы можем говорить о трансформации коллективной организованной религиозности в индивидуальную квазирелигиозную духовность, но это не укладывается в слишком узкие рамки того понимания, которое навязывают процессу секуляризации сторонники сугубо социологического подхода» [3, с. 253].

Второй подход можно обозначить как «социологический» или «неопозитивистский». В современной одним из самых ярких представителей такого подхода является, например, Р. Инглхарт. Для предложенной им концепции постматериализма характерно тесное увязывание процессов секуляризации, происходящих в западном мире, с экономическим, демографическими и социокультурными факторами. Одновременно с этим Р. Инглхарт настаивает на «неумолимом значении статистических данных, в целом подтверждающих верность такой интерпретации секулярных процессов, которую им дала гуманитарная наука второй половины XX века». В рамках концепции Р. Инглхарта религия в первую очередь создавала у индивидуумов и целых сообществ ощущение экзистенциальной и материальной безопасности и защищенности. С угасанием роли религии в западном социуме эти функции перешли к светскому государству вкупе с секулярной культурой и экономикой [4, р.73]. Р. Инглхарт является последовательным критиком современных материалистических социокультурных и философских моделей, однако очевидно, что для него ведущим основанием как практики, так и теории секуляризации являются прежде всего объективные материальные факторы (статистика, демография и т.д.). При этом Р. Инглхарт подчеркивает, что несмотря на эрозию религиозных ценностей в постматериалистическом обществе, их место занимают идеальные ценности «гражданского порядка», например, защита граж-

данских свобод или решение проблем, связанных с экологией. При этом упадок организованной религии в западном мире представляется Р. Инглхарту неизбежным в силу объективных социально-экономических причин [4, р. 176]. Похожей позиции придерживаются и другие сторонники этого подхода, которые, в отличие от Р. Инглхарта, являются последовательными сторонниками материалистического понимания феноменов религии и культуры. Так, канадский философ и социолог религии Д. Шрусбери прямо утверждает, что философские основания теории секуляризации берут свое начало из предложенных О. Контом стадий развития человечество. Очевидно, что, если принимать логику рассуждений Д. Шрусбери, из нее с непреложностью следует обреченность организованной религии пред лицом научно-технического и социально-культурного прогресса. Д. Шрусбери настаивает, что «секуляризация столь же естественный процесс, как, скажем, рост дерева или эрозия почвы. Не нужно только забывать, что, подменяя реальные процессы идеями, мы рискуем потерять суть обсуждаемого вопроса. Изобретение пенициллина нанесло больший удар по организованным формам религии, чем Лютер». Можно сказать, что в случае с теориями Р. Инглхарта и Д. Шрусбери мы сталкиваемся с «мягким» и «жестким» вариантами подхода к секуляризации [4, р.112]. В первом случае отмечаются многочисленные негативные стороны секуляризационных процессов (в частности, кризис сугубо материалистических ценностей, долженствовавших заменить религиозные). Во втором случае подчеркивается лишь оправданность и неизбежность секуляризации, которая полностью увязывается с общим ходом научно-технического прогресса. Для обоих вариантов характерны общие существенные черты. Они заключаются в признании секуляризационных процессов детерминированными объективными причинами, кроющимися прежде в социокультурной и экономической сфере. Р. Инглхарт не отрицает актуальности экзистенциальных оснований для трансформации религиозных ценностей в гражданские идеалы эпохи постматериализма, однако обращает внимание на подчиненность этих оснований объективным детерминированным факторам. Д. Шрусбери прямо отказывает нематериальным причинам секуляризации в какой-либо объективной значимости. [5, р. 303] В обоих случаях секулярный индивид и секулярное общество в большей или меньшей степени объекты происходящих с ними изменений, а их субъектность подчинена своеобразной «логике истории» или «логике прогресса». Тем самым, в рамках данного подхода теория секуляризации определяется и обосновывается неопозитивистской методологией, подчеркивающей «реальные» и утилитарные стороны исследуемых процессов.

Принципиальная разница обоих подходов, несомненно, усложняет и при этом обогащает проблему, связанную с философским осмыслением процесса секуляризации и связанной с ним философско-религиоведческой концепции. Экзистенциальный подход, определяющий соотношение секуляризации и секуляризованного индивида как «вовлеченность» (involvement) человека в пространство религиозных и квазирелигиозных смыслов, подчеркивает роль индивида как творца новых смыслов в постсекулярном мире. Неопозитивистский подход, на наш взгляд, неоправданно жестко детерминирует секуляризационные процессы объективными безличными социально-экономическими закономерностями, доводя эту безличность до такой степени, что в рамках данного подхода секуляризация кажется просто объективной данностью, не зависящей от личностей, в реальности являющихся ее субъектами в той же мере, как и объектами.

Литература:

1. Узланер Д. Е. Конец религии? История теории секуляризации. М: Изд-во Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
2. Белла Р. Религия в человеческой эволюции. М: ББИ, 2019. 741 с.
3. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 955 с.
4. Shrusbery G. The eternal Religion: A Scientifical Approach. London: University Press. 2012. 644 p.
5. Williams D. Violence and Religion: A Study in modern Sociology. Vancouver: Hillside, 2007. 512 p.

Религиозные искания Ш.Кудайбердыулы и Л.Толстого как теологическое обоснование очеловечивания человека.

Тойматаев Даурен Болатулы

Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова, к.ф.н., профессор

dauka76@mail.ru

Теологическое обоснование очеловечивания человека – это не только религиозное искание, как у Толстого, так и у Шакарима, а ни что иное, как искания этические. Сравнивая Льва Толстого и Шакарима Кудайбердыулы необходимо подчеркнуть трагичность последнего, которая, казалось бы, так сильно контрастирует с гармонией и «полноводностью» толстовского мироощущения. Пускай для большинства это покажется парадоксальным – Шакарим, несомненно, фигура столь же трагичная, как Толстой. Возможно, даже в большей степени, хотя и по-своему. Достаточно вспомнить их боль разрыва между собственными идеями и обстановкой, в котором они жили. Даже поверхностный взгляд на семидесятые годы убеждает, что обращение к религии - явление в ту пору самое необыкновенное, даже расхожее. По принятой схеме общественная жизнь и общественная мысль этого десятилетия «возглавляется» социальными радикалами – с их крайним ответвлением, «Народной волей». Считается само собой разумеющимся, что социальные радикалы – сплошь атеисты. Между тем это явное упрощение.

Впрочем, религиозность некоторых радикалов – лишь слабый отголосок того религиозного напряжения, которые характерны именно для семидесятых годов. Это касается и «народа», который обнаружил значительно большую, чем прежде, склонность к сектантству, к молоканству, штунде и т.д.

В семидесятые годы религиозно-философским творчеством занимается все больше философов, среди них Н.Ф.Федоров, Ф.М.Достоевский, Вл.С. Соловьев, В.А.Пашков. В Казахстане это – М.Жумабаев, Ж.Аймауытов, М.Дулатов, А.Байтурсынов. Ясно, что Толстой и Шакарим не одиноки, что смятение их духа – эпохальная примета. В те времена в России всякая гуманитарная деятельность возводится до уровня религии. Жрецы, в том числе и Лев Толстой, получили как-никак православное воспитание, а православие, как и все монотеистические конфессии, исходит из того, что лишь ему принадлежит Истина. Писательская корпорация сознательно или бессознательно воспринимала себя в качестве псевдоцеркви. Но члены корпорации не признавали верховенства Доброго Пастыря, они были именно жрецы, то есть причетники языческих культов, и поклонялись разным истуканам. Скорее всего Толстой не понимал, что вера и культура – феномены принципиально различные – его душа была бы спокойнее, и он не произнес бы горьких слов: «Люди мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта – обман». При беседе Толстого с митрополитом Макарием было понятно, что молитвы церкви помогают лишь тем, которые прежде смерти жили так, чтобы по смерти все это могло быть для них полезным. Потому что для отошедших без веры и без общения в таинствах напрасно совершаются ближними дела того благочестия, залога которого они не имели в себе, когда находились здесь. Толстой с полным основанием спрашивает: для чего тогда молитвы, разве бог не разберет, без этих адвокатов, зачем церкви и жертвы? Он понял, что это все всего лишь повод к собиранию копеек.

Шакарим обращается к религии, так как теологическое миропонимание выступает у него как одна из трех истин. Осмысливая это, он пишет:

...Пәнші дейді: «қайда тәңірі?»

Дінші дейді: «менде тұр!»

Екеуі де сөзге нанды,

Таза ақылдан жоқ сұрақ.

Пәнші нанды бес сезімге.

Дінші адасты жолынан. [1].

Здесь диалог ученого и теолога, где ученый вопрошает: где же всевышний? Теолог отвечает, что Он в нем. При таком раскладе ученый поверил в пять своих чувств, а теолог же сбился с пути.

По Шакариму, «причинные истоки всего существующего – в безмерности познания, могущества

и искусности творца». Эта мысль сама по себе заслуживает внимания, так как во времена Шакарима в Казахстане не успела еще получить широкого распространения какая-нибудь устойчивая теория сотворения мира, а сознание человека призывало, как и почему возник окружающий мир и какую значимость он имеет. Религиозный вопрос у него, в сравнении с Толстым, тесно связан с наукой. И не только поэтому ответ на этот вопрос должен был непременно ориентировать личность на праведное поведение и добрые дела, добрые не для Бога, а для сотворенного им мира и самого человека. Как подлинному ученому Шакариму свойственно уважение к научной критике и самокритичность. Он всегда принимает углубленный аргумент и признает погрешность, как бы это ни было неприятно. Возможно возражение, что эти черты – просто честность, правдивость, уважение к истине, самокритичность – относятся скорее к диапазону нравственности. Однако, Шакарим Кудайбердыулы доказывает неразрывность науки от нравственности. Нравственные качества ученого – неперемное условие результативности его поисков. Уважение казахского философа к истине не имеет ничего общего с идолопоклонством, фетишизацией истины. Истина для него опора и источник дальнейшего познания, и уважение к ней органично сочетается с готовностью в любой момент пересмотреть свое отношение к добытой ранее истине, уточнить, развить ее, если того требуют факты и логика. Наиболее отчетливо необходимость знания выступает в выборе средств реализации нравственных намерений. Пусть человек имеет самые лучшие намерения и, руководствуясь ими, совершает какие-либо действия. Происходит материальный процесс, в котором человек неизбежно воздействует на окружающую среду, на других людей. Процесс этот имеет свои объективные, от воли и желаний человека не зависящие, закономерности. Поэтому незнание объективной связи явлений и результатов действий сводит на нет любые добрые намерения, а порой приводит и к совершенно нежелательным результатам. Если мы признаем, что нравственность без добрых дел пуста, то мы должны также признать, что она пуста без знания, поскольку без знания немыслимы добрые дела. Шакарим материалистический объясняя мир, не отрицал божественного начала мира, подтверждением может являться стихотворение в духе Лукреция «Природы вещей». В этом заключается глубокий смысл, потому как, простого человека времен казахского мыслителя, творившего на стыке двух веков, и отсталый в целом народ невозможно было вывести к высотам цивилизации и культуры прямым путем научного образования. Предполагался другой подход, обусловленный уровнем развития его бытия и сознания. В то же время, движимый гуманистическими идеями, он критиковал догмы шариата, критиковал религиозную косность, фанатизм, осуществляя новые реформы в исламском учении, стремился обратить его во благо казахов и в целом среднеазиатских народов. Он совершает хадж в Мекку не для того, чтобы приобрести звание «хаджи», а чтобы, изучив религиозную философию и собственными глазами увидев святыню мусульман, обрести истину для себя: «...Осы оймен Мекке барғанмын, әртүрлі кітап алғанмын. Ақылға сыймас жалғаным, Алмадым сынай келгенде...». Летом 1879 года Толстой посещает Мекку православных – Киево-Печерскую лавру, посещает прославленного схимника Антония. Ничего там на него не произвело никакого впечатления. Он увидел в Кмеве сплошной обман, чинопочитание, подмену веры предрассудками и суеверием, хотя на большее он не надеялся, так как был настроен скептически. Смотрел пристрастными глазами человека, готового к борьбе, что он называл лжеверой. Увиденное и услышанное в Киеве укрепило его еретическое настроение. В отличие от Шакарима он побывал и в Троице-Сергиевой лавре, где беседовал с наместником лавры Леонидом Кавелиным, встречался в Москве с митрополитом Макарием (Булгаковым) и викарным архиереем Алексием (Лавровым-Платоновым). После чего больше укрепился в своем убеждении и благодарил Бога за то, что он находится в состоянии борьбы и страдания. Сколько бы раз его не убеждали прочитать православное догматическое богословие, чтобы укрепить его в православной вере, он прежде убеждался в противном. Безусловно, Толстой считал христианство самой главной и истинной религией, потому что в ней сходятся все вероисповедания. И это обстоятельство представляется важным, ибо это зерно будущего единения людей, которые исповедуют разные веры. Приблизившись к пятидесяти годам Лев Толстой, по мнению окружающих, больше стал задумываться о «душе», стал смиреннее и мягче. Он стал чаще ездить в церковь – вставал рано, ездит по праздникам к обедне. Хотя такое подчеркнутое отношение к обрядовой стороне православия, при всей несомненной искренности порывов Толстого, не свидетельствовало о духовном перевороте. В июле 1877 года он побывал в Оптиной пустынь, беседовал со старцами - был доволен. Но старцы так и не угадали подноготной Толстого, подспудных и стремительных центробежных течений, на которые они никак не могли повлиять. Нет спокойствия, он переживает жесточайший религиозный кризис. Этот период его религиозных исканий не долго длился. Ревностно исполняя обряды, он «смирлял свой разум и подчинял себя тому преданию, присущее всему человечеству». Цель благая и высокая; алчные теле-

сные жертвы, неудобства и лишения должны были послужить нравственному очищению. Но автоматически подчинять себя смирению Толстой был не в состоянии. В нем победило рациональное аналитическое начало, теперь он невольно стал приглядываться к обрядам, языку церкви и с негодованием отбросил всю эту фальшь и самообман. Позже вовсе перестал ходить в церковь и стал бестактно высмеивать обряды и церковные службы. В его жизни укрепление духа религиозности обернулось враждой с православной церковью и еретический продолжался до конца своей жизни. «Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить. Что в учении есть истина, это мне несомненно; но несомненно и то, что в нем есть ложь, и я должен найти истину и ложь и отделить одно от другого» [2], пишет Лев Толстой в своей «Исповеди», где его поддерживает Шакарим: «Истину человек видит и воспринимает не просто глазами, а глазами разума...» [3]. Истина дана человеку не в чувствах, а в разуме, так как только разуму доступна сущность мироздания. Сущность человека - в знании истины. У Шакарима три истины. И эти три истины заключаются в признании беспричинной причины – Создателя, бессмертия души и совести как ее субстанции. Истина открывает человеку новые возможности и позволяет ставить новые цели. Но истина не лежит на поверхности и может быть обнаружена только путем специального анализа. Поиски истины, стремление дойти до нее и руководствоваться ею в своих решениях оказывается важнейшим моментом нравственной позиции. Нравственность отдельного человека включает нравственное сознание и нравственное чувство. Если сознание без чувства холодно и недействительно, то чувство без сознания слепо. Подлинная нравственность личность – это сознательная нравственность, то есть способность человека осознать не только непосредственные мотивы своих действий, стремлений и желаний самих по себе, но также их соотносительность с некоторой системой понятий о должном и недолжном, добре и зле. У Льва Толстого и Шакарима Кудайбердиева есть определяющая черта нравственности и характеризуется она как безусловная императивность. Пока человек рассуждает, взвешивает, оценивает свой возможный поступок, эта черта нравственного сознания не выявляется. Но вот наступает момент, когда надо действовать. И тогда нравственно воспитанный человек подчиняется глубокому внутреннему импульсу, требованию, которое представляется ему безусловным и которое противостоит любым рационалистическим доводам. И Шакариму и Толстому время велело поступать так, что это будет выгодно для них и в то же время не принесет никакого вреда другим, и время от времени они как будто соглашались со всеми доводами, но в последний момент говорят: «Нет». Вполне очевидно, что здесь в действие вступило то, что называют велением совести. Эта та категория, которая объединяет двух мыслителей. У И.Канта можно заметить, что человек восхищается двумя вещами: бесконечностью звездного неба и внутренним моральным законом. Первую бесконечность можно познавать, осваивая новые пространства, а вторую он преодолевает сам, подчиняясь голосу совести. Природу совести в предлагаемом контексте хорошо описывает А. Милтс: «Там, в душевной преисподне, находится наше серое равнодушие, наш компромисс между добром и злом. Там увлечения, которые мы путали с любовью. Там слезы страсти и охлаждения, растерянность. Там доверенные нам, но не сохраненные тайны. Там наши привычки, которые мы проклинаяем, запутавшись в них, как в паучьей сети. Там наше легкоеверие и поверхностность, грехи, совершенные в гневе и ненависти. Там бесконечные, часто хаотичные записи в подсознании» [4]. Сердцевина идей Шакарима – духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Философ не требовал революционных изменений в обществе, он надеялся преобразить человеческую жизнь через облагораживание души и духовных потребностей. Он был убежден в необходимости нравственного очищения людей для построения нового общества. Задача родителей и педагогов, по мнению Шакарима, - уберечь юные души от дурных влияний. Плохие привычки легко закрепляются и от них трудно избавиться, поэтому с раннего детства надо прививать человеку правила нравственного поведения. Добродетели, напротив, требуют постоянных усилий духа воспитуемых. Отдаленность результатов, несиюминутность отдачи правильного поведения заслоняют от детей значимость моральных заповедей: «Неискушенность, малый жизненный опыт подталкивает молодежь идти на поводу у чувственных влечений и предпочитать эгоистические желания общественному долгу», - писал Шакарим в философских думках «Сад подснежников». Если с детства не прививать навыки нравственного поведения и не упражнять воспитанников в правильных моральных поступках, позднее ни самые сильные внушения разума, ни требования чести и долга не в силах будут изгнать дурные навыки. Всякий обязан стремиться к достижению идеала, пусть даже и не дойдет до цели, но находится на верном пути - залог успеха. Нравственные нормы и правила поведения не должны быть чем-то внешним, они должны стать глубоко личностными качествами растущего человека и только в этом случае выполняют своё назначение. Значит, главная цель нравственного воспитания и са-

мовоспитания, согласно Шакариму, - необходимость формирования в человеке внутренней потребности к активному утверждению в себе высокой морали, духовности, религиозности.

Литература:

1. Шәкарим. Өлеңдер мен поэмалар. – Алматы: «Атамұра», 2003. – 118 б.
2. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? – Ленинград: Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 1991., с 110.
3. Кудайбердиев Ш. Три истины.- Алматы., 1991., с 39.
4. А. Милтс. Совесть // Этическая мысль. Москва., 1990., с. 274-275.

Чешев В.В.

Научно-исследовательский Томский государственный университет, профессор, доктор философских наук

chwld@rambler.ru

Проблемные вопросы, обсуждаемые в сообщении, касаются соотношения деятельного и культурного начал в человеческой истории. Технический прогресс предстает непосредственно как прогресс предметно-деятельный, т.е. прогресс в создании и использовании средств преобразования природной среды, обеспечивающий воспроизводство материальных условий жизни общества. Однако деятельный прогресс включен в культурное развитие человека и общества, являющееся необходимым условием воспроизводства общественной жизни человека. На современном этапе постиндустриального развития предметом обсуждения становится исторический разрыв между научно-техническим и культурно-нравственным уровнями общества. Автор сообщения указывает, что названное противоречие может быть понято как конфликт ценностей, принятых в сфере хозяйственной деятельности, и ценностей всечеловеческого характера, необходимых для преодоления кризиса техногенного развития. Важной задачей философии становится анализ фундаментальных смысловых установок, обеспечивающих культурно-нравственный прогресс, а также поиск социальных структур, удовлетворяющих необходимым условиям социогенеза человечества.

Ключевые слова: деятельность, социальное поведение, социогенез, культура, нравственность

Новый этап научно-технического развития, начавшийся после второй мировой войны, привел к фундаментальным изменениям не только в сфере хозяйственной деятельности, но и в образе жизни, в характере ценностей, в представлениях о смысле человеческого существования. Острота поднятых проблем обнаружилась не только в сфере глобальной экономики. В гуманитарной сфере проблема взаимоотношений человека и техносферы проявилась в постановке вопроса о трансгуманизме, ответ на который связывают не только с изменением жизненных ценностей человека, но и с якобы неизбежным изменением его биологической природы. Весь комплекс оживающих сегодня проблем общественного развития, инициируемый информационной революцией, вынуждает вновь обратиться к соотношению деятельного и социально-культурного факторов в продолжающейся эволюции человека.

Представление о деятельной природе человека имеет фундаментальное значение в социальной философии К. Маркса. Главный тезис немецкого мыслителя заключается в том, что труд, а деятельность для К. Маркса есть труд, изменяет отношение человека и природы: «Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [1, с.188]. Труд по Марксу выводит человека из царства необходимости в царство свободы, из царства природы в область истории. По этой причине его интересуют всеобщие свойства труда, независимо от какой-либо определенной общественной формы: «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть ... всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [1, с.195].

В действительности труд совершается в различных социально-исторических условиях и в этом смысле зависим от общественных форм. Однако К. Маркс прав в утверждении всеобщего и универсального характера труда как преобразующей природу предметной деятельности. Но тогда уместнее использование понятия «предметная деятельность», имея в виду эволюционно новую форму активности человека с особыми присущими ей чертами, и являющую себя как труд в конкретных социально-исторических условиях. Понятие «деятельность» в отличие от социологически и политэкономически окрашенного понятия «труд» обращает исследователя к социогенезу, к особому

типу активности, который присущ культурно-биологическому виду «человек». В этом контексте обнаруживаются характеристики деятельности, соединяющие ее внешний и внутренний планы. 1. Деятельность есть культурная (не биогенетическая) форма активности. Она могла возникнуть, поддерживаться, транслироваться и развиваться только в сообществах. 2. Деятельность не является индивидуальной адаптацией особи, она есть форма активности, освоенная сообществом. 3. Деятельность «запускает» социогенез, трансформирующий сообщества в новые формы системной организации, 4. Предметная деятельность является средством воспроизводства материальных условий жизни, и в этом своем качестве она открывает для гоминидных сообществ новую траекторию развития, качественно отличающуюся от биологической эволюции живых существ. 5. Внутренним планом деятельности является ее целерациональная организация. 6. Деятельностное развитие сообществ неотделимо от их культурного развития, приобретающего собственные формы.

Последнее обстоятельство оказывается крайне важным для понимания соотношения культурного и научно-технического прогресса. Культурное развитие выражается в изменении социального поведения, регулируемого символическими средствами, и социальной организацией. Содержание сферы культуры не определяется непосредственно развитием деятельности. Прогресс деятельного начала являет собой техническое развитие. Он создает обществу средства преобразования природной реальности в формы, необходимые для жизни человеческих сообществ. В этом «технологическом» содержании средства деятельности всеобщие и нейтральные, т.е. могут быть использованы в любых обществах и любых культурах, в то время как собственно культурные формы жизни (верования, когнитивное и эмоциональное развитие и т.п.) формируются под влиянием множества факторов недейтельного характера. Это могут быть природные условия, формирующие нишу существования общества, разнообразное биологическое окружение и контакты с другими сообществами, начальные особенности формирования символического поведения и т.п. Культурная эволюция, понимаемая как становление и развитие всех негенетических средств организации жизни сообществ, имеет собственную системную организацию, соотношенную с предметной деятельностью, не формируемую названной деятельностью как таковой. К. Маркс прав в том, что жизнь сообществ опирается на предметно-деятельное развитие, но функция деятельных технологий прежде всего в том, чтобы поддержать «тело общества», материальные условия его жизни, вне которых невозможен и культурный прогресс. На эту функцию хозяйственной деятельности и деятельного прогресса указывал С.Н. Булгаков: «Содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое» [2, с.117].

Социогенетическое воспроизводство сообществ не может быть сведено к трансляции и развитию предметно-деятельных технологий. Историческое развитие требует воспроизводства человека, его культурного (символического) поведения, поддерживающего не только социальные отношения, но и саму способность усваивать и воспроизводить не биогенетические формы жизни. Жизнь в культуре предполагает усвоение системы смысловых значений, адресованных психике человека, причем не только к когнитивной составляющей высшей психики, но, в еще большей мере, к эмоциональным способностям человека, его способности переживать смыслы и соотносить их с реальными ситуациями социального поведения. В конкретные деятельностные процессы, в частности, в хозяйственную деятельность человек вовлекается в силу определенных мотиваций, формируемых культурно-социальной средой. Тем самым мир культуры, программирующий поведение человека, обеспечивает встраивание деятельностных процессов внутрь системного целого и поддерживает саму способность сообщества идти по пути социогенеза. Проблемы, осознаваемые сегодня как несоответствие технологического и культурно-нравственного развития человека, возникают как системные противоречия, возникшие на стадии промышленного и постиндустриального прогресса. Они обусловлены своеобразной дихотомией ценностей, вызванной противостоянием преходящих установок капиталистической формы хозяйствования и фундаментальных ценностей, необходимых социогенезу. В частности, доминирование установки на материальную сторону жизни вступает в противоречие с воспроизводством базовых ценностей культурно-исторического развития. Индивидуально ориентированный эгоистический интерес материального успеха может оказывать позитивное воздействие на деятельно-технологическое развитие общества, но лишь на короткой исторической траектории. Даже весьма далекий от проблем индустриального общества философ указывал: «Как только удовлетворен интерес материальный, человек не идет вперед, хорошо еще, если он не отстает. Таков факт» [3, с.408]. Драматизм такой траектории развития в том, что индивидуальный

интерес, ориентированный на материальный успех, никогда не получает полного удовлетворения, в то время как в погоне за ним общественный по природе своей человек теряет то, что необходимо для его существования, в частности, потребность в «соприкосновении умов, слиянии мыслей и чувств». Ценностный разрыв привносится не самим по себе деятельностным прогрессом. Он возникает в силу тех или иных культурно-исторических обстоятельств, но на индустриальной стадии развития может проявить себя как принципиальный дуализм хозяйственной этики, выражающей эгоистический интерес личностей и социальных групп, и этики культурно-исторических ценностей, необходимых для продолжения социогенеза. Гармонизация деятельного и культурного развития возможна через утверждение ценностей солидаристского всечеловеческого характера, снимающее одностороннее использование деятельно-технического прогресса в интересах тех или иных социальных групп.

Литература;

1. Маркс К. Капитал. Т.1. М.: Госполитиздат, 1953. 908 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
3. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранных писем. Т.1. М.: Наука, 1991. 794 с.

Ситникова Д.Л.

Томский государственный университет, доцент. Кандидат философских наук

ratsit@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются онтологические, культурные и технические представления о мусоре и отходах. Постоянно возрастающее потребление является причиной образования большого количества различных отходов. В масштабах планеты проблема мусора не может решиться только с помощью технологий. Необходима смена мировоззренческих установок, изменение отношения к двум основным функциям хозяйства – к производству и потреблению. Качество и количество отходов в современной техносфере зависит от культурных установок ведения хозяйства. Например, С.Н. Булгаков в основе всех этих процессов видит единство и связность космоса. В системе хозяйства, понимаемой Булгаковым как общественно-целевой организм, истинным субъектом которого является человечество в целом, потребление мира обосновывает все наши жизненные процессы. «Мы едим мир», поэтому важно, что остается в отходах от этого процесса. Рециклинг, снижение потребления, утилизация на месте, ответственное обращение с отходами, максимальная сортировка и максимальная переработка – это то, что необходимо сегодня в России. Но кроме организационных мер так называемых «мусорных реформ» необходимо обращение к сознанию людей, к конечным целям производства и потребления.

Ключевые слова: философия хозяйства, мусор, отходы, производство и потребление, общество потребления, благосостояние

**Philosophical Foundations of Waste Management.
Sitnikova D.L.**

National Research Tomsk State University

Abstract: The text discusses ontological, cultural, and technical concepts of garbage and waste. Constantly increasing consumption is the cause of a large number of different wastes. The global garbage problem cannot be solved only by technology. It is necessary to change worldviews, change attitudes towards the two main functions of the economy — production and consumption. The quality and quantity of waste in the new technosphere depends on the cultural feature of economy. For example, S.N. Bulgakov at the heart of all these processes sees the unity and connectedness of the cosmos. According to Bulgakov, the economic system is an integral social organism. The true subject of the economy is humanity as a whole. All our life processes are founded by the consumption of the world. “We eat the world”, therefore it is important what is in the waste from this process. Recycling, reducing consumption, on-site recycling, responsible waste management, maximum sorting and maximum recycling are what Russia needs today. In addition organizational measures of the Trash reforms in Russia, it is necessary to appeal to the consciousness of people, to the ultimate goals of production and consumption.

Keywords: philosophy of economy, garbage, waste, production and consumption, consumer society, wealth

Одной из самых обсуждаемых сегодня тем в России и во многих странах мира является тема отходов. На каком бы уровне развития экономики не находилось то или иное общество, его волнуют вопросы, связанные с появлением отходов производства и потребления, их размещением или использованием. В это же время происходит очередная промышленная революция и смена экологической парадигмы. Поэтому сейчас требуется уточнение самого понятия «отходы», выявление сущности отношения людей к различным видам мусора, к появлению новых способов ведения хозяйства.

Этот вопрос может быть рассмотрен в рамках философии технической и хозяйственной деятельности человека, а также в рамках онтологии. Б.И. Кудрин всегда включает отходы в число основных понятий «технетики», наряду с технологией, материалами и продукцией и даже предлагает

ввести специальный термин типа «гуанос» [1, с. 36].

Социальная жизнь человека не может совершаться вне техносферы, одновременно сама техносфера порождена обществом [2, с. 88]. Но социальное поведение организуется миром культуры, именно культура отвечает за мотивации социального поведения индивида [2, с. 87]. Поэтому важным является анализ культурных, мировоззренческих установок, лежащих в основе отношения людей к мусору.

В понимании Г. Кеннеди изучение мусора не может быть ничем, кроме онтологии, потому что, основной вопрос – это сущность мусора [3, р. x]. Он пишет, что онтологически, ни один другой предмет не является настолько странным и заманчивым, как мусор, который противится своему небытию и в то же время включает его в себя [3, р. x].

Появлению обсуждаемой нами проблемы исторически предшествовала научно-техническая революция XVII века, рост промышленного производства, стремительный рост городов и постоянно увеличивающийся объем потребления разного рода товаров. То, что лежало в основе прогресса – машиностроение, металлургия, урбанизация – и стало основным источником накопления отходов в лидирующих промышленных державах. Мир постоянно производил все больше и больше мусора. Затем развивающиеся страны становились богаче, в них также росло потребление. На сегодняшний день зафиксировано, что именно постоянно возрастающее потребление явилось причиной образования большого количества различных отходов и вызвало проблемы загрязнения окружающей среды [4, с. 105].

Примечательно, что именно эти два процесса – «производство» и «потребление» – сопровождают слово «отходы» в названии соответствующего Закона РФ и его тексте: «отходы производства и потребления (далее – отходы) – остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства» [5].

«Философия хозяйства» С.Н. Булгакова подтверждает, что именно из процессов производства и потребления «слагается хозяйственный круговорот», «это суть основные функции хозяйства». «Поэтому общий вопрос *как возможно хозяйство?* распадается на два более частных вопроса, а именно: *как возможно производство и как возможно потребление?*» [6, с. 109]. В нашем случае вопрос мог быть сформулирован следующим образом – как возможно безотходное производство и как возможно безотходное потребление?

С.Н. Булгаков понимает потребление, способность к еде, как способность к прямому воздействию на этот мир. Питание в широком смысле включает в себя не только обмен веществ, «но и всю нашу «чувственность» (в кантовском смысле), т.е. способность аффицироваться внешним миром, получать от него впечатления или раздражения чувств» [6, с. 115]. «Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только легкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. Мир входит в нас чрез все окна и двери наших чувств и, входя, воспринимается и ассимилируется нами» [6, с. 115]. Таким образом, потребление не только свидетельствует о тождестве природы, но и «оно есть само это тождество, проявляемое в действии, тождество in actu» [6, с. 119].

С точки зрения С.Н. Булгакова в основе всех этих процессов лежит единство и связность космоса, человек под видом хлеба вкушает «плоть всего мира вообще». В истории хлеба и всякой частицы вещества заключена история всей вселенной, «совокупное действие всего мирового механизма в его прошлом и настоящем» [6, с. 117]. Еда в этом смысле является обнаружением нашего существенного, метафизического единства с миром [6, с. 117].

Понимаемое таким образом потребление у Булгакова – это не потребление *consumer society*, основой которого является бесконечный рост экономики, поддерживаемой системой кредитования и рекламы, не потребление в обществе иллюзорного изобилия, не потребности, которые производятся вместе с удовлетворяющими их товарами, не современное нам общество потребления, критикуемое Ж. Бодрийяром. Потребление и производство по Булгакову – это тождество субъекта и объекта, я и не-я, сознания и природы, актуально отождествляющееся в хозяйстве. «Только это тождество, это глубочайшее интимное сродство природы и духа, делает возможным как потребление, там и производство, вообще хозяйство» [6, с. 133].

В хозяйстве как сознательном воспроизводстве природы порядок обращения с отходами иной.

Система хозяйства – это общественно-целевой организм [6, с. 138], истинным субъектом которого является «не человек, но человечество» [6, с. 139].

Системное мировоззрение в рамках всего человечества, сознательный подход к процессу производства и потребления, органически вырастающая ответственность перед природой и человеком – это те условия, которые организуют обращение с отходами и предотвращают экологические проблемы в философии объективного действия Булгакова.

Можно предположить, что именно характер мировоззрения влияет на выстраивание «безотходной» системы производства и потребления. Например, в работе Б. Фуллера «Руководство по управлению космическим кораблем Земля» [7] центральной категорией, вокруг которой выстраивается система эффективного взаимодействия со своим окружением «для поддержания нашей здоровой регенерации и снижения как физических, так и метафизических ограничений в грядущих днях нашей жизни», является категория «благополучие». Последнее понимается как «количество будущих дней для определенного количества людей, жизни которых мы реально готовы поддерживать в определенное время и на освобожденный в пространстве уровень метаболической и метафизической регенерации». Фуллер предлагает заранее детально продумывать на макроуровне решение любой жизненно важной проблемы. Он подчеркивает, что «благополучие жизни на борту нашей планеты – это регенеративная система, ориентированная на будущее, метаболическая и интеллектуальная». И призывает нас начать думать о «возможности жить, не загрязняя окружающую среду или памятники прошлого, не ухудшая условий развития визуальной гармонической креативности» [7].

Системное видение последствий хозяйственной деятельности человека, партнерские отношения с природой – вот необходимые условия формирования ответственного поведения людей в обращении с отходами. Сегодня же в России мы сталкиваемся с проблемой, когда жителям больших городов очень сложно договориться – где и как будет складироваться, перерабатываться и т.д. мусор, производимый в их микрорайоне. Они легко соглашаются на то, чтобы он был вывезен подальше от их дома, но как он будет влиять на благополучие других жителей страны и планеты, кто за это будет нести ответственность (в том числе и финансовую) – это вопрос волнует немногих и решение найти очень сложно.

Спектр проблем, связанных с отходами очень широк – от поиска наиболее безопасных и экономически целесообразных способов утилизации, многократного использования, хранения, до вопросов, затрагивающих философские, мировоззренческие основы – смысла человеческого существования на Земле, который видится в минимализации воздействия на окружающую среду, многократном использовании сырья, продумывания всех этапов жизнедеятельности человека с учетом количества и качества отходов. В постиндустриальный период развития человечества разработана технология рециклинга отходов, которая может использоваться на всех этапах производственного цикла. Однако, несмотря на то, что технологии «замкнутых циклов», в которых отсутствует обратная связь «отход – природа», которая вызывает экологическое загрязнение, мы до сих пор наблюдаем иррациональную политику человечества в области природопользования [4, с. 105].

Вполне очевидно, что накопление, хранение, транспортировка мусора – это термины уходящей, старой парадигмы. Рециклинг, снижение потребления, утилизация на месте, ответственное обращение с отходами, максимальная сортировка и максимальная переработка – это то, что необходимо сегодня. Но кроме организационных мер так называемых «мусорных реформ» необходимо обращение к сознанию людей, к конечным целям производства и потребления. В современной философии уже есть опыт анализа обращения с отходами – М. Хирд рассматривает мусорные свалки как проявление забвения [8, р. 455].

В европейских странах, которые задумались над проблемой отходов раньше, чем Россия появились такие практики как отказ от предметов одноразового пользования, обмен, прокат, «сознательный шоппинг», использование продукции длительного цикла, «умный снос» старых строений. Это позволяет говорить теперь не об обращении с отходами, а об управлении отходами [9, с. 9].

Рост мировой экономики невозможен без создания «циркулярной экономики», рост городов невозможен без обеспечения ежедневной работы по вывозу и утилизации мусора из мегаполисов. Это базовые современные процессы, даже небольшие сбои в которых приводят к немедленным катастрофическим последствиям [9, с. 4-7]. У меня есть предположение, что страх столкновения с отходами, обнаружение себя среди кучи мусора – это не обычный, а метафизический страх, это страх

смерти. И работать с ним нужно системно, вдумчиво, заранее планируя и обсуждая цели и последствия производства и потребления. Чтобы понять мусор, нужно понять тяжелое положение одноразового мира. Как отмечает Г. Кеннеди, абсурдом является тот факт, что большинство предметов упаковки содержат гораздо больше энергии, потраченной на их производство, чем потребление их содержимого может дать потребителю [3, р. 87]. Поэтому чтобы понять сущность мусора сегодня, необходимо осознать переход от одноразового мира, потребительской экономики к другому виду хозяйственной деятельности, в котором отходы – это не мусор, а общий ресурс планеты, системное представление о единстве планеты Земля является общепринятым, индивидуальная ответственность потребителя – нормой.

Литература:

1. Кудрин Б.И. Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – 40 с.
2. Чешев В.В. Техническое знание: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. – 267 с.
3. Kennedy G. An ontology of trash : the disposable and its problematic nature (SUNY series in environmental philosophy and ethics). New York: State University of New York Press. 2007. 218 p.
4. Довженко И.Г. Философские аспекты проблемы рециклинга техногенных отходов Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Технические науки. 2010. № 6. С. 103-106.
5. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. N 89-ФЗ г. Москва «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/1998/06/30/utilizaciya-dok.html> (дата обращения 22.01.2020).
6. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. М.: Наука. 1993. 604 с.
7. Фуллер Ричард Бакминстер. Руководство по управлению космическим кораблем Земля (“Operating Manual for Spaceship Earth”) Пер. с англ. О. Мороз. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dalekseev.ru/sites/default/files/attachments/articles/fuller_rukovodstvo_po_upravleniyu_korablem_zemlya_0.pdf (дата обращения 22.01.2020).
8. Myra J. Hird. Knowing Waste: Towards an Inhuman Epistemology // Social Epistemology. Vol. 26, Nos. 3–4, October 2012, pp. 453–469.
9. Никуличев Ю.В. Управление отходами. Опыт Европейского союза. Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регионал. пробл. Отд. проб. европ. безопасности. – М., 2017. – 55 с. – (Сер.: Социальные и экономические проблемы глобализации).

Архиереев Николай Львович

МГТУ им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры философии. Доктор филос. наук

arkhnl@bmstu.ru

Аннотация: Программа анализа научного знания, предложенная логическим позитивизмом, основывалась на представлении научных теорий в некотором стандартном виде — в виде множества предложений, упорядоченных отношением логического следования. Недостаточность данного истолкования научной теории стала предметом критики в работах представителей исторического (дескриптивного) направления в философии науки. Теоретико-модельный подход к анализу научного знания смещает акцент с лингвистической формулировки теории на множество теоретико-множественных структур, являющихся моделями теории в смысле Тарского. В результате теория предстаёт как иерархически организованное множество моделей, связанное структурными отношениями различного типа. Данная трактовка теории оказывается более реалистичной и, в частности, позволяет уточнить условия оценки эмпирических теорий как истинные или ложные. Когнитивная стратегия анализа научного знания является попыткой синтеза нормативного и дескриптивного подхода в философии науки. В её основе — идея объединения теоретико-модельного подхода в философии науки, когнитивной психологии и исследований в области ИИ. При этом семейства моделей, описывающих теорию, рассматриваются как ментальные модели, фреймы, когнитивные карты.

Ключевые слова: теоретико-модельная стратегия, когнитивная стратегия, репрезентация, фрейм, ментальная модель

Abstract: The program of scientific knowledge analysis, proposed by logical positivism, based on the so-called standard view on scientific theories — their representation as a set of statements ordered by a syntactic relation of logical consequence. A deficiency of such interpretation had been criticized by representatives of a historical (descriptive) branch in philosophy of science. Model-theoretic approach to the analysis of scientific knowledge shifts the attention from a linguistic formulation of a theory to the set of set-theoretic structures, which are models of the theory in Tarski's sense. It results in the representation of the theory as a hierarchically organized set of models, linked by structural relations of various type. Such interpretation of the theory proves more realistic and allows clarification of conditions of truth evaluation of empirical theories. Cognitive strategy of scientific knowledge analysis is an attempt to combine normative and descriptive approaches in the philosophy of science. It is based on the idea of unification of set-theoretic approach in the philosophy of science, cognitive psychology and AI researches.

Key words: model-theoretic strategy, cognitive strategy, representation, frame, mental model

Логико-позитивистская программа анализа научного знания основывалась на так называемой стандартной трактовке научных теорий, в рамках которых теории истолковывались как аксиоматизированные системы - множества предложений (постулатов), частично упорядоченные отношением дедуктивного логического следования. В ходе реализации указанной программы стала очевидной недостаточность подобного способа представления научной теории. К примеру, с целым рядом существенных трудностей столкнулась техника приписывания значений теоретическим терминам при помощи так называемых правил соответствия.

Критика данной «нормативной» программы, развёрнутая в работах представителей «дескриптивного» направления в философии науки (к примеру, в работах Куна, Лакатоса, Фейерабенда) поставила под вопрос целесообразность использования формальных методов при решении философско-методологических проблем.

Альтернативный неопозитивистскому способ логического анализа научного знания охватывает ряд концепций, которые характеризуют как структурные, теоретико-множественные, теоретико-модельные, семантические. На сегодняшний день теоретико-модельная стратегия анализа научного знания является одной из основных в зарубежной философии науки. Согласно данной стратегии, основное внимание при анализе научной теории должно быть направлено не на её лингвистическую формулировку, а на корректную характеристику тех математических (теоретико-множественных) структур, которые являются моделями (в смысле Тарского) соответствующей теории. При этом именно понятие модели в смысле А. Тарского (а не понятие строго аксиоматизированной теории) объявляется общей основой логико-математических, естественно-научных и социальных дисциплин и используется для

их анализа с единых методологических позиций.

В самом общем виде теория в рамках данного подхода рассматривается как семейство моделей различного уровня, связанное отношениями изоморфизма, гомоморфизма, погружения, подобия и проч. Поскольку модель в данном смысле оказывается объектом нелингвистическим, вопрос о её истинности/ложности является в принципе некорректным. Речь может идти лишь об истинности/ложности так называемой фундаментальной эмпирической гипотезы теории, согласно которой между элементами предметной области теории, представленными в моделях данных, и элементами абстрактных моделей этой теории имеется структурное соответствие, обеспечивающее корректную репрезентацию реальности в данной иерархии моделей.

Хотя теоретико-модельный подход успешно нейтрализовал некоторые недостатки традиционной (логико-позитивистской) стратегии анализа научного знания и в бо'льшей степени соответствовал реальной практике научного познания, ряд традиционных методологических проблем не нашёл в его рамках приемлемого решения. В частности, как отмечал ещё Б. ван Фраассен, ни одна формальная структура не может рассматриваться как модель некоторой предметной области «сама по себе», ибо в качестве модели данную структуру может использовать только конкретный эпистемический субъект [1]. Таким образом, отношение подобия между моделью и «прототипом» должно рассматриваться не как двухместное, а как трёхместное — включающее познающего субъекта. Из этого, в свою очередь, следует, что процедура научного объяснения не может быть в полной мере описана синтаксическими и семантическими средствами, а должна включать прагматический компонент указанного типа. Однако, по замечанию Рональда Гира, одного из сторонников семантической трактовки научной теории, со времён логического позитивизма в философии науки закрепились идея об автономии научной методологии - её принципиально нормативном характере. Нарушение этого принципа неизбежно вело либо к психологизму, либо к социологизму — т.е., методологическому релятивизму. Собственно, теоретико-модельная стратегия анализа научного знания явилась своеобразной реакцией на историко-психологические построения Куна, Лакатоса, Фейерабенда.

Корректное сочетание логико-семантических и прагматических аспектов анализа теоретико-познавательных процедур стало возможным с появлением когнитивного подхода в философии науки.

Семейства моделей, принятые в семантической стратегии за основу описания научных теорий, рассматриваются в рамках указанного подхода как ментальные модели, репрезентации, когнитивные карты, фреймы и т.п.

Обобщённо говоря, в основе когнитивного подхода — идея объединения традиционной философии науки, когнитивной психологии и исследований в области ИИ.

Одним из создателей теории ментальных моделей в когнитивных науках является Филипп Джонсон-Лэард. Предложенная им теория была использована американским методологом Нэнси Нерсеян для объяснения некоторых аспектов динамики науки — особенностей концептуальных изменений при смене фундаментальных физических теорий. При этом языки научных теорий рассматриваются не как инструменты непосредственного описания физического мира, а как средства построения ментальных моделей — структурных аналогов реальных или воображаемых (логически возможных) положений дел. Оперирование подобными ментальными моделями способно выполнять важные эвристические функции. В частности, мысленный эксперимент в рамках данного подхода рассматривается как использование ментальной модели реальной ситуации для успешной стимуляции реального эксперимента.

Указанную когнитивную теорию ментальных моделей можно рассматривать как естественное развитие семантического (теоретико-модельного) подхода.

Ещё одним представителем когнитивного подхода в философии науки является Пол Тагард (Paul Thagard) [2]. Как и большинство представителей данной парадигмы, он предлагает рассматривать понятия и предложения, входящие в состав научных теорий, как определённые типы ментальных репрезентаций. Одной из самых известных его идей является так называемая теория концептуальных революций, построенная как альтернатива теории научных революций Куна. По мнению Тагарда, процессы глобальных концептуальных изменений являются рациональными в своей основе и сменяющие друг друга фундаментальные понятийные системы (парадигмы в терминологии Куна), как правило, соизмеримы. Несмотря на признание необходимости учёта прагматических факторов при описании глобальных изменений в науке или построении теории научного объяснения, Тагард подчёркивает их

объективный характер, в отличие от Куна, делающего акцент на социологических и лингвистических аспектах подобных процессов.

Процессы научного открытия, лежащие в основе концептуальных революций, как правило, могут обуславливаться одним из следующих факторов: 1) появлением новых эмпирических данных; 2) появлением более эффективных абдуктивных объяснений имеющихся данных; 3) необходимостью разрешения противоречий в имеющихся системах знаний.

Соответственно, в основе построения научных объяснений могут лежать три основных процесса: 1) построение объяснительной гипотезы на основе полученной информации 2) построение новых объяснительных гипотез на основе уже имеющейся информации 3) оценка конкурирующих объяснительных моделей и выбор наиболее эффективной.

Переход к новым концептуальным и пропозициональным системам («парадигмам») происходит за счёт их бо'льшей объяснительной когерентности — способности непротиворечиво объяснять максимально широкий массив опытных данных, а также согласовываться с предшествующими концептуальными системами.

Отношения между сменяющимися друг друга научными теориями могут характеризоваться одним из четырёх способов: 1) включение — прежняя теория включается в новую в качестве своего частного или вырожденного случая; 2) снятие, при котором происходит реорганизация понятийной системы прежней теории (а также, возможно, отказ от ряда её понятий), хотя при этом её наиболее успешные объяснительные модели включаются в новую теорию; 3) вытеснение прежней теории — она отвергается как фактически ложная; 4) игнорирование прежней теории — сторонники новой теории просто никак не комментируют существование прежней.

Понятия при этом рассматриваются не как чисто вербальные конструкции или абстрактные информационные процессы, а как сложные нейронные образования, связанные со множеством модальностей восприятия: понятия = устойчивые паттерны активации в нейронных сетях. Соответственно, процесс модификации научной теории предполагает образование принципиально новых комбинаций понятий, т.е. новых ментальных репрезентаций, что ведёт к образованию новых нейронных паттернов.

Одним из преимуществ использования нейронных моделей объяснения оказывается возможность учёта мультимодального характера реальных когнитивных процессов, который обычно нивелируется в дедуктивно-номологической и вероятностной объяснительных моделях. — К примеру, в медицине визуально представленные гипотезы могут использоваться для объяснения данных, представленных не только в зрительной, но и тактильной или запаховой модальностях. Учёт такого рода гетерогенных факторов особенно важен для областей знания с плохоформализуемыми теориями — медицины, биологии, геологии и проч. Научное объяснение предстаёт при этом как мультимодальная распределённая репрезентация.

Одной из версий когнитивного подхода к моделированию реальных теоретико- познавательных процедур — в том числе процедур научного объяснения — можно считать вычислительный подход, основанный на использовании искусственных нейронных сетей, имитирующих параллельную обработку информации большими группами нейронов мозга при решении определённых когнитивных задач.

Объединение теоретико-модельной и когнитивной стратегий позволяет совместить наиболее выигрышные черты нормативных и дескриптивных направлений исследований теоретико-познавательной деятельности эпистемических субъектов различного уровня.

Литература:

1. Van Fraassen B. Scientific Representation: Paradoxes of Perspective. N. Y.: Oxford University Press, 2008. 408 p.
2. Thagard Paul. Computational Philosophy of Science. MIT Press, 1989. 238 p.4

Достоинство баланса: человек в техногенной среде

Багдасарьян Надежда Гегамовна

МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор, доктор философских наук

ngbagda@mail.ru

Аннотация Кризисная составляющая жизни современного мира пронизывает все его сферы.

В Докладе Римского клуба 2017 г. «Come on! Капитализм, близорукость, популяция и разрушение планеты» сделана попытка призвать человечество к смене мировоззренческой парадигмы, ядром которой в обществе будущего должно стать достоинство баланса — между человеком и природой, краткосрочными и долгосрочными целями, общественными и частными интересами. Достижение такого баланса требует соответствующего мировоззрения, новой философии, переориентации мышления в направлении бережного, а не хищнического отношения к земле, безопасного цивилизационного развития, раскрытия потенциала заложенных в геноме человека способностей. Между тем, техногенная среда, в которой происходит становление личности современных поколений, как и открытия в области генной инженерии и иных технологий, задают немало тревожных вопросов к перспективе трансляции не только социокультурных ценностей, но и общих признаков человечности. В этих условиях особую роль в установлении техно-гуманитарного баланса играет институт образования, призванный обеспечивать не только профессиональный, но и личностный рост носителей ценностей будущего общества.

Ключевые слова: генная инженерия, техно-гуманитарный парадигма, новое мышление, система образования баланс, мировоззренческая парадигма

The dignity of balance: a man in technogenic environment.

Bagdasaryan N.G.

BMSTU

Abstract The crisis component of life in the modern world permeates all its spheres. The 2017 Report of the Club of Rome “Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet” made an attempt to urge humanity to change the worldview paradigm, the core of which in the society of the future should be the dignity of balance - between man and nature, short-term and long-term goals, public and private interests. Achieving such a balance requires an appropriate worldview, a new philosophy, a reorientation of thinking in the direction of a careful, rather than predatory, attitude toward the earth, safe civilizational development, and the unleashing of the potential inherent in the human genome of abilities. Meanwhile, the technogenic environment in which the personality of modern generations is becoming, as well as discoveries in the field of genetic engineering and other technologies, pose many disturbing questions for the prospect of transmitting not only sociocultural values, but also other signs of humanity. In these conditions, a special role in establishing the techno-humanitarian balance is played by the institution of education, which is called upon to ensure not only professional, but also personal growth of the carriers of the values of the future society.

Keywords: genetic engineering, techno-humanitarian balance, worldview paradigm, new thinking, education

*Только по-настоящему образованное общество может оказаться способным преодолеть трудности, которые его ожидают.
Н. Моисеев. Судьба цивилизации. Путь Разума*

Понятие «достоинство баланса» взято нами из второй главы Доклада Римского клуба под названием «Новое Просвещение». В нем идет речь о балансе между человеком и природой, краткосрочными и долговременными целями, общественными и частными интересами [1]. Мы добавили бы к этому перечню целый ряд иных противоречий, требующих приведения к балансу, и, прежде всего, к балансу

техно-гуманитарному (А.П. Назаретян).

Относясь с определенным скепсисом к ряду положений Доклада (в частности, к идее неомальтузианства), мы принимаем два его основных, связанных между собой посыла: а) мир находится в опасности и спасение лежит в области изменения мировоззрения б) главным вопросом становятся философские корни текущего состояния мира. По сути, так сформулирована необходимость создания философии спасения.

Нет необходимости убеждать друг друга в том, что современный мир переступил порог эпохи тревог. Тревоги повсеместны, они охватывают все уровни и сферы усложнившегося мира, носят как локальный, так и глобальный характер. Проблемы и противоречия глобального уровня, ведущие к разрушению планеты, не только не снимаются в процессе накопления человечеством знаний, в том числе, и о глубинных их причинах, но и в значительной мере порождаются ростом этих знаний и умений.

Зададим, однако, вопрос: не является ли очередной иллюзией апелляция к «новому мышлению» и «новому Просвещению», как это делают авторы Римского Клуба? И разве история не доказала малую, почти ничтожную способность формирующихся в головах людей прогрессивных идей влиять на ее ход? Однако трудно оспаривать и другое: «...материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, - писал К. Маркс, интерес к работам которого вновь актуализировался, - но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [2, с. 422]. Редко приводят эту цитату до ее логического конца. А напрасно. Классик описывает условие, при котором теория способна овладеть массами: она «должна отвечать непосредственным интересам и потребностям каждого человека, к которому она обращена... Корнем является для человека сам человек...» [Там же]. С момента написания в 1844 г. «К критике гегелевской философии права» прошло немало времени, причем времени небывалого прежде ускорения истории. Споры о масштабах сдвигов в сущностных характеристиках Homo sapiens, вызванных ростом техногенных параметров антропологической эволюции, поутихли на заре XXI века: стало очевидно, что изменения вышли за биологические пределы. Возникновение угрозы т.н. технологических диких карт (термин «Technological Wild Cards» ввел в 2016 г. Sean OhEigeartaigh из Центра исследования экзистенциальных рисков при университете Кембриджа, подразумевая под ним синтетическую биологию, геоинжиниринг и искусственный интеллект) [3] потребовало проведения масштабных исследований возможных последствий вторжения новых технологий в природу человека. В этом плане весьма показателен научный доклад, подготовленный в 2017 г. 29 учеными из США, Великобритании и Германии: «Точка зрения: трансатлантическая перспектива по 20 новым проблемам в биоинжиниринге». Среди наиболее острых проблем ближайших 5 лет названо направление, связанное с редактированием генома человека (Human genome editing). Авторы справедливо опасаются, что вряд ли будет достигнута согласованная граница между такими воздействиями как редактирование для предупредительной или терапевтической медицины и редактирование в целях достижения совершенства генома: родители или государства с финансовыми и технологическими средствами, возможно, станут стремиться обеспечить стратегические преимущества будущих поколений. Например, один китайский лидер, подчеркивают авторы, уже заявил, что их правительство будет пользоваться всеми доступными средствами, чтобы улучшить здоровье населения, в том числе посредством прямой генетической модификации его граждан [4].

А пока эти перспективы находятся еще в стадии разработки и эксперимента, техногенная среда уже являет свои последствия. Любой преподаватель обнаруживает эти последствия перехода современного поколения студентов из «галактики Гуттенберга» в «галактику Цукерберга»: «корабль человечества снимается с якоря, - как писал А.Н. Уайтхед, - это иногда приводит к открытию Нового Света, а иногда перед ним маячит призрак кораблекрушения» [5, с. 395].

Доминантой работы мозга становится визуализация, идущая за счет сокращения способности к системному, аналитическому мышлению. Нейрофизиологи экспериментально показывают, что такой тип мышления замещается стереотипом и шаблоном информации, транслируемой социальными сетями. Есть большие сомнения и в том, что «отредактированный» геном (когда эта технология перейдет из разряда экспериментальных в плоскость реально применяемой, что, очевидно, произойдет уже в ближайшей перспективе) вернет заложенные природой свойства мозга, может быть, решив задачу повышения качества жизни и избавления от генетических мутаций.

На наш взгляд, в этом и заключен основной дисбаланс современной эпохи. Его суть – в расхождении векторов биологической, когнитивной эволюции человека (Homo gadgetus) и объективной потребности в новом мышлении, способном конституировать новую реальность.

Объективно институциональными возможностями минимизации такого дисбаланса обладает система университетского образования. Но и она (по крайней мере, ее современная модель) в силу ряда причин переживает глубокий кризис, включаясь в коммерческую гонку и утрачивая стремление к выполнению высокой миссии, в которой так нуждается цивилизованное человечество. Осознание того, что и наша планета, и человечество, и отдельный человек находятся сегодня в зоне риска, к которому привела логика техногенного развития, требует работы над ошибками в горизонте Жизни.

Литература:

1. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p. // <https://www.clubofrome.org/2017/10/25/new-report-to-the-club-of-rome-come-on/>
2. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Собр.соч., изд. 2, т.1. М.: Политиздат, 1957. – 689 с.
3. OhEigeartaigh S. Technological Wild Cards: Existential Risk and a Changing Humanity / In The Next Step: Augmented Humans and Exponential Life. BBVA Open Mind, 28 March 2017 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3446697
4. Wintle B.C., Boehm C.R., Rhodes C. Point of View: A transatlantic perspective on 20 emerging issues in biological engineering // <https://elifesciences.org/articles/30247>
5. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. – 720 с.

Техника как посткультурная реальность

Беляев В.А.

Независимый исследователь. Кандидат философских наук

vbelyaev@yandex.ru

Аннотация: Автор пытается раскрыть понятие техники, используя понятие «посткультурной» реальности. Для этого он вводит понятия «культурной» и «посткультурно-интеркультурной» социокультурных архитектур и соответствующих им типов культурного самосознания. Автор связывает генезис «посткультурно-интеркультурной» архитектуры (в качестве проекта и реальности) с генезисом новоевропейской культуры (модерна). Рождение идей, соответствующих «посткультурно-интеркультурной» архитектуре, автор задает как ответ на вызов негатива «культурной» архитектуры. «Посткультурный» смысл техники раскрывается автором через логику формирования современной науки, которая в одном из своих базовых смыслов была направлена на конституирование «объективной» («общечеловеческой») реальности и истины. Техника, основанная на такой науке, смогла стать основой «посткультурной» перестройки мира, соединив разные его части средствами коммуникации и оснастив индустриальными способами производства. Автор указывает на тенденции партикуляризма и универсализма в современной и мировой реальности. Универсализм действует в направлении формирования «интеркультурно-посткультурной» архитектуры. Партикуляризм действует в противоположном направлении. Автор показывает «посткультурную» роль науки и техники в этих процессах.

Ключевые слова: культура, посткультура, интеркультура, модерн, наука, техника

Technology as a post-cultural reality.

Belyaev V. A.

Independent researcher

Annotation: The author tries to reveal the concept of technology using the concept of «post-cultural» reality. To do this, he introduces the concepts of «cultural» and «post-cultural-intercultural» socio-cultural architectures and their corresponding types of cultural identity. The author connects the Genesis of «post-cultural-intercultural» art architecture (as a project and reality) with the Genesis of new European culture (art Nouveau). The author sets the birth of ideas that correspond to the «post-cultural-intercultural» architecture as a response to the challenge of negative «cultural» architecture. The «post-cultural» meaning of technology is revealed by the author through the logic of the formation of modern science, which in one of its basic meanings was aimed at the formation of «objective» («universal») reality and truth. Technology based on this science could become the basis of a «post-cultural» reconstruction of the world, connecting different parts of it with means of communication and equipping it with industrial production facilities. The author points out the tendencies of particularism and universalism in modern and world reality. Universalism acts in the direction of creating an «intercultural-post-cultural» architecture. Particularism works in the opposite direction. The author shows the «post-cultural» role of science and technology in these processes.

Keywords: culture, post-culture, intercultural, modern, science, technology

В своем выступлении я хочу обратить внимание на тот аспект техногенной цивилизации, который обнаруживает ее как посткультурную реальность.

Для объяснения понятия «посткультурный» нужно объяснить понятие «культурный». «Культурным» (культурным в кавычках) назовем тот тип социокультурного самосознания, который предполагает свою культуру центром универсума, «цивилизацией», окруженной пространством «варварства», «язычества», «еретичества» и т.п. «Культурное» самосознание предполагает качественное различие между своей социокультурной системой и всеми остальными, делая себя выделенными.

Будем считать, что самосознание всех социокультурных систем до новоевропейской культуры

(модерна) было «культурным». Можно говорить, что человечество имело «культурную» социокультурную архитектуру. Одновременно будем считать, что модерн как социокультурный проект и реальность стал формированием «посткультурного» самосознания. По какой логике это можно считать произошедшим? «Культурное» состояние человечества может стать жизненным вызовом. Будем считать, что таковым оно и стало для модерна. Генезис модерна сконцентрирован в логике распада католической системы мира. Движение гуманизма распознавало в католической системе «идеологическую» систему (то есть ту, в которой установлена «сверху и для всех» система базовых представлений о мире и установлен институциональный контроль над сознанием). Реформация разорвала «большую» католическую «культуру» на множество «маленьких» культур, которые продемонстрировали целую эпоху религиозных войн, которые можно назвать «культурными» войнами.

Так и можно себе представить вызов негатива «культурного» состояния человечества: по размерности «система – индивид» оно создает вызов «идеологического» общества, а по размерности «система – система» оно создает вызов войны «культур» всех против всех. Можно себе представить, что генезис модерна включил в себя тематизацию этого вызова в локальном, западноевропейском контексте. Тематизация этого вызова породила и ответ на него, который можно обозначить как формирование «посткультурно-интеркультурной» архитектуры мира. Средний вариант этого ответа, который можно назвать «интеркультурным», предполагал осознание негатива «культурного» состояния человечества и переход к новой архитектуре, в которой разнообразие и автоцентричность социокультурных систем компенсировалось бы наличием и принятием всеми «культурами» «посткультурного» (или «общечеловеческого») слоя ценностей и жизненных форм. Радикальный вариант (вариант чистой «посткультуры») предполагал генерализацию человечества на основе «общечеловеческих» ценностей и жизненных форм. Человечество в этом варианте становилось единой «посткультурой».

В смысле сказанного можно задать определение «посткультурного» мышления: это то мышление, которое предполагает единство человеческой природы в разных формах ее выражения (социокультурных системах). В аналитическом модусе такое мышление рассматривает множественность «культур» как этап дивергенции в развитии единого в своей основе человечества. В императивном модусе оно направлено на формирование единого человечества, рассматривая эту направленность как исторический императив.

Итак, генезис «посткультурно-интеркультурной» архитектуры можно увидеть в генезисе модерна, а глобализацию модерна можно считать одновременной глобализацией указанной архитектуры. Первую форму «интеркультуры» можно увидеть в новом формате Европы после Вестфальского мира, который задал архитектуру множества «национальных» государств с формирующейся системой общеевропейских (а далее – «общечеловеческих») ценностей, в число которых входили веротерпимость и свобода совести.

Теперь осталось объяснить «посткультурности» техники. Это объяснение проходит через «посткультурность» новоевропейской науки. Надо увидеть в генезисе новоевропейской науки генезис «посткультурного» знания, то есть такого знания, которое лежало бы по ту сторону человеческой субъективности в ее индивидуальном и коллективном выражении. Традиционно акцентируется современный проект «покорения природы» и естествознание (а затем и техника) как инструменты этого покорения. Но в формировании новоевропейского представления о «природе» и соответствующего знания можно видеть «посткультурную» направленность. Это направленность к «объективной» реальности и «объективной» истине. «Объективной» в том смысле, что эти реальность и знание расположены по ту сторону всякой человеческой субъективности. Мысля таким образом, можно говорить, что модерн сформировал «природу» в качестве «объективной» реальности, а знание о ней – в качестве «объективной» истины. Расширяя объемы «природы» (как вне человека, так и внутри него) модерн расширял область «посткультурного», то есть того, на основе которого человек мог достичь универсального согласия.

Можно полагать, что развитие модерна происходило через взаимодействие двух процессов: партикуляризации и универсализации. Универсализация продвигала современную зону (и зону, охваченную глобализацией модерна) в «посткультурно-интеркультурном» направлении, через расширение «посткультурной» («общечеловеческой») составляющей. Большую роль в этом играла новоевропейская наука. Именно она претендовала на роль преимущественно «посткультурного» знания. Можно считать, что точно такую же роль играло и новоевропейское искусство и инженерия вообще. Процессы генерализации жизненного пространства, которые происходили в интенции универсализации, порождали стремление создать единую мировую инфраструктуру, которая выражалась в различных сред-

ствах коммуникации, производства и обмена.

На развитие мировой «посткультурной» инфраструктуры работали даже партикуляристские тенденции, которые разделили человечество на «национальные» миры со своими геополитическими интересами. Формирование модерна, его глобализация сопровождалась множеством войн (в том числе двумя мировыми войнами). Но механизм войн в современном пространстве неизбежно приводил к новым толчкам в развитии «посткультурной» составляющей. Современная наука, соединенная с современной техникой, давала в руки человека небывалое по своей эффективности средство воздействия на материальную реальность. В военном отношении это превращалось в разработку новых средств вооружения, которое, в свою очередь, давало новые стимулы развитию науки и техники. Рожденные в военных лабораториях и институтах разработки через какое-то время переходили в область гражданской жизни и давали новые импульсы к развитию наукогенно-техногенной инфраструктуры человечества. Страны, которые по параметрам вооружения отставали от других, неизбежно оказывались объектом потенциальной агрессии и захвата. Осознание этого стимулировало перевооружение, которое, в свою очередь, могло требовать ускоренной индустриализации. Таким образом, индустриализированный модерн через процесс военных конфликтов индустриализировал мир в целом. А это в свою очередь стимулировало местное развитие науки. В интегральном плане все это двигало страны в «посткультурном» направлении. Чем более развёртывался этот процесс, тем более можно было говорить о том, что человечество оказывалось «посткультурным».

В целом это продвигало человечество в «интеркультурном» направлении. Несмотря на наличие «посткультурной» составляющей современного мира, которое когнитивно и инфраструктурно объединяет человечество, последнее продолжает оставаться разделенным на социокультурные системы разного типа, которые сохраняют свой суверенитет и свои «партикуляристские» интересы.

Несмотря на описанный процесс развертывания «посткультурной» реальности, «интеркультурная» направленность модерна переживает кризис, который связан с отрицательными последствиями как наукогенно-техногенного развития человечества, так и с политикой стран европейского региона. У наукогенно-техногенного развития человечества появились апокалиптические перспективы, связанные либо с мировой военной катастрофой, либо с экологической катастрофой. Сами страны европейского региона («развитые» страны) поддерживают политику превращения и удержания остальных стран в качестве «мировой периферии», зависимой в своем развитии от «мирового центра». В этом смысле даже превращение всего человечества в чисто «посткультурное» не изменит положение. Разделение на «посткультурный» центр и периферию может остаться (и будет порождать конфликты). Увеличение техногенной мощи человечества может приблизить экологическую катастрофу и сделать ее неизбежной.

Политика мультикультурализма, которая проводится современными развитыми странами оказалась неконструктивной. «Обратная глобализация» приводит в страны центра контингенты из периферии, которые становятся балластом на содержании у государства, не изменяя своим системам ценностей. В сочетании с депопуляцией европейских народов это грозит еще одним катастрофическим развертыванием событий, при котором европейская система стран с ее «посткультурно-интеркультурной» идеологией окажется поглощенной неевропейскими народами. При этом логично будет помыслить и деградацию всех «посткультурных» составляющих. Человечество может вернуться к «культурной» архитектуре.

Научно-техническое развитие здесь не поможет. Потребуется изменение политики реализации «интеркультурной» стратегии.

К вопросу о работе с техникой вне человеческого

Болотнова Е.В.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, студентка 4 курса бакалавриата

Gokudera208@gmail.com

Аннотация: Принимая идеи Жильбера Симондона о наличии шаблонов восприятия технических объектов и техничности, под них не подходящей, в статье рассматривается проблема работы с подобной техникой, которая выпадает из нашей обыденной практики. Для работы с данной техникой как той, что являет себя вне человека, необходимы новые методы и подходы, направление которых и рассмотрено в тексте. Базовым предстает понимание техники как автономного объекта, функционал которого схватывается в практической работе со сборками (ассамбляжами). Представленные в тексте особенности технических объектов более как способ существования техничности могут быть использованы в работе с техникой для интерпретации множественности функционала и форм.

Ключевые слова: техника, техничность, Леви Брайант, Жильбер Симондон, венаучная фантастика, объектно-ориентированная онтология.

The question of working with technicity outside the human. Bolotnova E.V.

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract: According of the ideas of Gilbert Simondon about the presence of perception patterns of technical objects and technicity, which does not correspond to this pattern, the article deals with the problem of working with such a technique, which falls out of our everyday practice. New methods and approaches are needed for working with this technicity as one that exists outside of human, the direction of which is considered in the text. The basic concept is the understanding of technology as an autonomous object, the functionality of which is grasped in practical work with assemblies. The features of technical objects as a way of technical existence can be used in working with the technique to interpret the multiplicity of functions and forms.

Keywords: technique, technicity, Levi Bryant, Gilbert Simondon, extra science fiction, object-oriented ontology.

Обращаясь к современным исследованиям техники, можно заметить, что они в большей степени рассматривают технический объект в лучшем случае как актер, способный на действие в контексте делегирования. При этом никто не выходит за пределы как такого использования технических объектов. Хотя сущностное понимание техники и есть основание грамотной работы с ней. Данная работа как раз посвящена попыткам выявления онтологических особенностей техники, которые так необходимы для практики.

При этом необходимым кажется использование не чисто хайдеггерианской традиции, склоняющей нас рассуждать о технике как о чем-то опасном или же спасительном, - нам необходима теория, говорящая о технике как таковой. Жильбер Симондон есть именно тот, к чьим идеям здесь и хочется обратиться, ведь он производит некоторое подобие освобождения техники, представляя ее не как нечто лишь инструментальное.

Для Симондона важно так называемое операторное функционирование техники, для него она перестает быть утилитарным объектом. И говоря о том, как существует техника, он описывает три способа ее существования. Во-первых, это доиндивидуальный уровень, когда техничность реализуется в деталях, способных изменяться и переходить между техническими индивидами. Во-вторых, индивидуальный уровень. Технический индивид автономен и способен к самостоятельному развитию и размножению. В-третьих, техническое может быть реализовано в виде сборки или же ассамбляжа. Так мы можем наблюдать автономную историю технического, не определяемого как инструментальность, с связи с человеческой деятельностью. И данное направление рассмотрения техники отдельно от

человека, в том числе и того, что совершенно не идентифицируется человеком в ходе мышления и практической деятельности, кажется наиболее предпочтительным для использования, если мы хотим понять принципы функционирования технических объектов.

В контексте того, о чем говорит Симондон, рассуждая о генезисе техники, важным является понимание того, что не все вписывается в наши шаблоны понимания объектов как технических. Эти шаблоны достаточно универсальны, но только для человека. И сами же технические объекты являются некоторым вторичным уровнем генезиса, исходящего от общей фазы техничности. Мы можем говорить о том, что существует множественность технического, она будет избыточной и выходя за рамки наших представлений о технике, внечеловеческой.

Затруднение состоит в том, что для нас не представляется возможным субстанционально познать, что из себя представляет подобная техника. Усугубляет ситуацию то, что мы не можем обратиться к теоретическому основанию подобной техники. Во-первых, наука как некоторый базис здесь недопустима в силу своей природы. На это указывал Симондон, поясняя, что наука появляется уже после техничности как таковой. Во-вторых, даже если подобная внечеловеческая техника использует законы природы, они являются контингентными. Мы не можем сказать, что основания подобной чужеродной техники те же, что и у нашей на данный момент времени. Здесь уместно будет обратиться к идеям Мейясу о вненаучности. Он говорит о вне- или экстра-научной фантастике, для которой характерен вымысел миров, в которых экспериментальная наука невозможна. Законы природы изменяются так часто, что мы не можем проводить эксперименты, ведь будем получать различные результаты. Он выделяет несколько типов подобных миров, истинно вненаучным из них он называет второй, в котором изменения имеют такую частоту, которая не дает существовать экспериментальности, но не нарушает функционирование сознания. И тогда техника, которую нельзя понять как функционирующую по принципам существующей в мире науки, может быть названа вненаучной. Да и в общем техничность вненаучна, а техника, подпадающая под наши шаблоны, является лишь частью данной фазы, если использовать термины Симондона.

И если мы не можем выделить общего теоретического основания техничности, остается лишь обратиться к практике. И это сложно назвать моделью познания: мы не можем именно познать чужеродный для нас технический объект, ведь для нас не ясны принципы его функционирования; мы вынуждены изобретать его заново, присваивая себе. Мы работаем с тем, что отличается от нашей техники, экспериментально выясняя функции и способности объекта, попавшего нам в руки. Здесь мы близки к некоторой антропологической методологии: к внечеловеческим объектам можно относиться как к найденным артефактам. Мы не знаем, как они были сделаны, для чего и как они работают, мы можем лишь подгонять под свое понимание, то есть шаблоны функционирования техники. Мы присваиваем ее себе, неспособные понять первичное назначение. Но при этом мы должны стремиться разобраться с полным функционалом объекта. Это более направленность на учет максимального количества эффектов, которые вызывает объект своей деятельностью. И данное требует некоторого особого положения открытости к техническому.

Практически всегда, входя во взаимодействие с объектом, мы имеем дело с техническим объектом. Это обуславливает состояние техничности как фазы, избыточной и протяженной. Для продуктивного взаимодействия необходимо понимание специфической природы техничности. Мы, в контексте объектно-ориентированной онтологии, равные в своем статусе окружающим объектам, можем использовать данное для более успешного познания техники. Но, опять же, связи, действия и некоторые эффекты как практика – то, что единственно нам доступно. Входя в некоторое подобие сборок, возможно получить доступ к множественности функционала объекта, - но мы не можем быть единственными инициаторами действия. Для формирования сборок требуется открытость, подобная эпидемиологической. Можно сказать, что техничность сама по себе открыта: она подобна вирусному, которое описывает Вудард, рассредоточенное и распространенное. Значит это и открытость к взаимодействию, даже более вторжению, подразумевающему внезапные сцепки, которые могут охватывать, следуя Леви Р. Брайанту, дискурсивный и/или физический уровни.

В данном так и хочется обратиться к идеям Жилия Делеза и Феликса Гваттари, ведь они заимствуют ряд идей Симондона, развивая их в своем ключе, - понятие индивидуации, трансиндивидуальный характер сборок и пр, - но наиболее удобным способом помыслить такое является контекст машинно-ориентированной онтологии Леви Р. Брайанта: для него существуют не объекты, а именно машины. Само бытие для него есть ассамбляж машин. При этом именуется машинами он совершенно все сущности,

что возможно описать: термины субъект, объект, вещь и пр. становятся лишь синонимами для того, что он называет машинами. Машины являются автономными, самостоятельными, самостоятельно себя конструирующими, - и в этом состоит и критика гилеморфизма. У машин нет определенных целей работы, они постоянно в движении и схватываются при описании различных сборок. И данное понимание добавляет некоторый функционал, обеспечивающий даже более механическую работу сборок, при которой каждая из частей находится на стыке ввода-вывода. При этом сборкам характерна структурная открытость (structural openness) – открытость как раз взаимодействию – и операторная закрытость (operational closure) – перекодировка получаемых данных в соответствии с собственной моделью функционирования, что обусловлено невозможностью понять исходный функционал другого (технического) объекта. Значит необходима открытость как бы изнутри, в соответствии со внутренними параметрами. И эта открытость должна быть взаимной и всесторонней.

Таким образом, осознавая наличие техники вне наших шаблонов, а, значит, некоторой множественной фазы техничности, мы можем не только помыслить существование внечеловеческой и вненаучной техники, но и постараться понять ее функционирование, возможно и использовать в своих целях. Но мы не имеем доступа к общему теоретическому основанию, у нас остается лишь практика, способом включенности в которую становятся сборки с другими (техническими) объектами. И возможно, что для понимания практик работы с техникой могут быть использованы наработки ряда других авторов, например, Аннмари Мол и Марианны Де Лаэт, ведь они обращаются к непосредственному опыту работы, но тогда они должны быть интерпретированы с учетом онтологического статуса технических объектов.

Литература:

1. Bryant, L. R. *Onto-cartography. An ontology of machines and media.* Edinburgh University Press, 2014. 300 p.
2. Bryant, L. R. *The Democracy of Objects.* Open Humanities Press, 2011. 314 p.
3. Meillassoux, Q. *Science fiction and extro-science fiction.* Univocal Publishing, 2015. 93 p.
4. Simondon, G. *Du mode d'existence des objets techniques.* Paris: Flammarion, 2012. 337 p.
5. Вудард, Б. *Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни.* Гиле пресс, 2016. 124 с.

Гаврилина Е.А.

МГТУ им. Н.Э. Баумана, доцент

gavrilina@bmstu.zu

Аннотация. В докладе, опираясь на аргументы Дрейфуса и Плеснера, предпринята попытка показать невозможность решения полной AI-задачи.

Ключевые слова. искусственный интеллект, экзистенция, эксцентричная позициональность, Дрейфус, Хайдеггер, Плеснер

What artificial intelligence can't do: Prolegomena to research.

Gavrilina E.A.

Bauman Moscow State Technical University

Abstract. In the report, based on the arguments of Dreyfus and Plesner, an attempt is made to show the impossibility of solving a complete AI problem

Keywords: artificial intelligence, existence, eccentric positionality, Dreyfus, Heidegger, Plesner

Техника и технологии представляют собой одну из важнейших составляющих современного мира. Без них многие достижения человечества просто невозможно себе представить, их мощь часто иллюстрируют полетами в космос, постройкой гигантских электростанций и плотин, атомной бомбой, разрушающей целые города и т.п. Однако главная особенность современной техники и технологий заключается в том, что они стали неотъемлемой частью многих аспектов нашей повседневной жизни: мы используем их дома, в транспорте, для обучения, игр и коммуникации. Доступ к технологиям становится определяющим фактором нашей социальной идентичности. В этом — кардинальное отличие современного мира от того, который окружал человека сто и даже несколько десятков лет назад.

Техника (в широком смысле) определяет нашу современную жизнь, при этом она рассматривается как явление амбивалентное. С одной стороны, техника отождествляется часто с самим прогрессом, поскольку позволяет решать нам те задачи, которые без нее не смогли бы решаться. Но, с другой — она зачастую одновременно привносит с собой негативные социальные и экологические эффекты, может использоваться одними группами людей против других или же для достижения деструктивных следствий, причем эти следствия могут проявляться постепенно и неожиданно. Кроме того, развитие и функционирование современной техники больше не рассматривается как дело узких специалистов, призванных «осчастливить» человечество. Она становится результатом принятия решений многих социальных субъектов: от правительств до частных инвесторов, от ученых и инженеров, участвующих в разработке новой техники, до простых пользователей, решающих использовать ее у себя дома, в бюро или на заводе. Поэтому в центре внимания современных исследований техники находится не техника сама по себе, а процесс ее взаимодействия с обществом.

Одна из наиболее активно развивающихся в настоящее время технологических сфер, которая объединяет некоторые области научных и инженерных исследований, объединенных названием «искусственный интеллект». Основываясь на эмпирических данных [1] о росте использования систем искусственного интеллекта (ИИ), часть исследователей [2] предвещают прекрасное будущее освобожденного от большинства рутинных видов деятельности человека, другие [3] же говорят о приближении к «последнему часу» человечества и вытеснении его разумными машинами. Основной вопрос, который волнует и первых и вторых, можно свести к вопросу о том, может ли машина мыслить, подобно человеку или, возможно ли создание так называемого «сильного искусственного интеллекта» или решение AI-полной задачи.

Варианты ответа на базовый вопрос об искусственном интеллекте, а именно, возможен ли «сильный» ИИ, то есть ИИ, подобный человеческому, даются из очень различных перспектив: из психологической [4], из инженерной [5], из лингвистической [6], нейробиологической [7], математической [8] и,

наконец, из философской. Изучение проблемы искусственного интеллекта неразрывно связано с пониманием интеллекта естественного, который по словам Д.И. Дубровского не ограничивается только когнитивными функциями, но подразумевает сознательную деятельность человека в целом [9, с. 75]. Поэтому, говоря о философской перспективе, следует, конечно, в первую очередь отметить исследования в области философии сознания [10].

Однако философская традиция изучения описанной проблемы формировалась не только во круг аналитической философии и философии сознания. Так Х. Дрейфус, опираясь на философию М. Хайдеггера, показал невозможность нечеловеческого интеллекта. Он писал, что «машина», которая могла бы пользоваться естественным языком и узнавать сложные образы, - а это и есть основные функции интеллекта (комментарий мой - ЕГ), - должна обладать телесной организацией, позволяющей ей «чувствовать себя в мире, как дома» [11, с.278].

Тем не менее, аргументы Дрейфуса подвергаются критике, отчасти справедливой, потому что Хайдеггер, говоря о Dasein человека, приписывал последнему онтоморфизм, ведь по Хайдеггеру [12] сущность человека определяется только его исторически изменяющимся отношением к бытию, как таковому: человек становится человеком только в его отношении к Бытию. Экзистенция человека через настроенность, заботу и страх дает ему возможность принять себя всерьез, собрать себя и стать самим собой. Но эта возможность связана с человеческой конечностью. Вопрос о том, что стоит за экзистенцией, в общем, даже не ставится. Конечно, испытывать страх или настроенность может только живое существо, причем, не только в смысловых модусах, связанных с конечностью существования человека. И тогда правомерно спросить, как экзистенция соотносится с жизнью, насколько она фундирована в ней? Хайдеггер не дает ответа на этот вопрос. По словам Х. Плеснера, «свободно парящая экзистенция не знает препятствий в виде каких-либо фактов биологического порядка, и в решении собственных задач ее нимало не заботит вопрос об отчуждаемости или неотчуждаемости экзистенции от жизни» [13, с.15]. То есть экзистенция, возможно, даже противопоставляется жизни, а значит и живому телу во всей полноте его телесных проявлений. Таким образом, попытка Хайдеггера, а вслед за ним и Дрейфуса, «заземлить» интеллект в теле удалась не до конца.

Среди всех философских концепций к идее целостности человека включая и его природно-биологическую телесную составляющую, максимально обращается философская антропология - направление, сформированное в первой половине XX века немецкими философами и исходившее из идей философии жизни Дильтея и феноменологии Гуссерля, а также базовых концепций биологии, этологии, психологии и социологии. Таким образом, чтобы усилить аргументы Х. Дрейфуса о необходимости телесности для существования интеллекта, можно обратиться к ресурсам философской антропологии, тем более, что некоторые исследователи [14, с. 320] отмечают сходство базовой аргументации Хайдеггера и Плеснера, несмотря на их дальнейшие расхождения. Наиболее продуктивным ресурсом для ответа на базовый в области искусственного интеллекта вопрос, видится в обращении к введенной Х. Плеснером категории «эксцентрической позициональности» или «эксцентричности» человека. Согласно Плеснеру «эксцентричность» - характерная только для человека форма его фронтальной расположенности относительно окружающего его поля [13, с. 254].

Таким образом, помимо контекстуальной включенности человека в «здесь-и-сейчас», он способен выходить за пределы этой включенности. Именно эта человеческая способность и явилась базисом для формирования интеллекта естественного, то есть человеческого. Значит, для создания интеллекта искусственного нужно каким-то образом заложить в алгоритм способность не только воспринимать контекст, но и способность последнего быть эксцентрично позициональным в смысле Плеснера. А это возможно только при какой-либо форме его (алгоритма) «телесности», что ставит под сомнение положительный ответ на вопрос о возможности решения полной AI-задачи.

Литература:

1. Развитие искусственного интеллекта в мире: Россия и мировая статистика - URL: <http://d-russia.ru/razvitiye-iskusstvennogo-intellekta-v-mire-rossiya-i-mirovaya-statistika.html>; Искусственный интеллект(мировой рынок). - URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>; The AI boom is happening all over the world, and it's accelerating quickly - URL: <https://www.theverge.com/2018/12/12/18136929/artificial-intelligence-ai-index-report-2018-machine-learning-global-progress-research>
2. Брокман Дж. (ред.) Что мы думаем о машинах, которые думают. Ведущие мировые учёные об искусственном интеллекте. - М.: Альпина нон-фикшн, 2017. - 552с.

3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. - 496с.;
4. Баррет Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens. - М.: Альпина нон-фикшн, 2018. - 312 с. и др.
5. Рапорт Г.Н., Герц А.Г. Биологический и искусственный разум в 2х чч. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
6. Дамасио А. Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания. - М.: Карьера Пресс, 2018. - 384 с.;
7. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли. - М.: Карьера Пресс, 2018 - 416 с
8. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 400с.
9. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. В книге: Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского — М.: ИИнтеЛЛ, 2006. — 448 с., С. 75 «
10. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 - С. 281
11. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. снем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503с.
12. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем.—М.: <<Российская политическая энциклопедия>> (РОССПЭН), 2004. - С. 15
13. Гаджикурбанов А.Г. Философская антропология Хельмута Плеснера. В кн.: Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. — М.: <<Российская политическая энциклопедия>> (РОССПЭН), 2004. - С. 320

Модель роста системной сложности техники в истории человечества

Губанов Н.Н.

*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
профессор кафедры философии. Доктор философских наук*

gubanovnn@mail.ru

Губанов Н.И.

Тюменский государственный медицинский университет, заведующий кафедрой философии и истории, профессор. Доктор философских наук

gubanov48@mail.ru

Аннотация: излагаются основные положения концепции изменения системной сложности техники в процессе исторического развития цивилизации, основанной на идеях отечественных ученых Г.Н. Поварова и В.С. Степина. Процесс роста системной сложности науки и техники полагается в качестве важнейшей закономерности научно-технического прогресса. Согласно рассматриваемой модели, предлагается соизмерять развитие науки и техники со средним уровнем сложности познаваемых и создаваемых ими систем. Сложность систем оценивается, во-первых, по количеству их элементов, во-вторых, по разнообразию, гибкости, протяженности связей между элементами. По ходу исторического развития производства происходит возрастание системной сложности объектов, создаваемых в качестве продуктов деятельности, что означает усложнение всего неорганического тела цивилизации. Прежде всего это выражается в усложнении системной организации технических устройств, что приводит, в свою очередь, к созданию в производстве объектов новой, ещё более высокой системной сложности. Техническая революция представляет собой переход к массовому освоению в производстве объектов более высокого уровня системной сложности. Сравниваются и анализируются схемы уровней системной организации техники, предложенные Г.Н. Поваровым и В.С. Степиным.

Ключевые слова: техника, технологии, система, системный подход, техническая революция, научно-технический прогресс, системная сложность.

The growth model of the systemic complexity of technology in the history of mankind. *Gubanov N.N.; Gubanov N.I.*

Bauman Moscow State Technical University; Tyumen State Medical University

Abstract: the main provisions of the concept of changing the system complexity of technology in the process of historical development of civilization, based on the ideas of domestic scientists G. N. Povarov and V. S. Stepin, are presented. The process of increasing the system complexity of science and technology is justified as the most important regularity of scientific and technological progress. According to this model, it is proposed to measure the development of science and technology with the average level of complexity of the systems they learn and create. The complexity of systems is estimated, first, by the number of their elements, and second, by the variety, flexibility, and extent of connections between elements. In the course of the historical development of production, there is an increase in the systemic complexity of objects created as products of activity, which means the complexity of the entire inorganic body of civilization. First of all, this is reflected in the complexity of the system organization of technical devices, which leads, in turn, to the creation of new, even higher system complexity in the production of objects. The technical revolution is a transition to mass production of objects of a higher level of system complexity. The schemes of levels of system organization of equipment proposed by G. N. Povarov and V. S. Stepin are compared and analyzed.

Keywords: engineering, technology, system, system approach, technical revolution, scientific and technological progress, system complexity.

Интересная попытка применить системный подход к истории техники принадлежит Г.Н. Поварову [1]. С использованием его идей можно представить следующую модель последовательных уровней сложности, через которые проходит развитие техники.

1) фаза простых предметов. Человек выделяет в окружающей среде цельные предметы, которые использует для кратковременного воздействия друг на друга. В основном это твердые тела, но также жидкие, пластические, газообразные (огонь), насколько они поддаются обособлению. Сюда относятся костяные и каменные орудия (скребки, резцы, рубила и др.). Начальный период – ранний и средний палеолит, зрелый период – поздний палеолит. Палеолитический скачок ознаменовал окончательное становление человеческой способности к мышлению, выделение *Homo sapiens* из животного мира.

2) фаза превращающихся предметов. Человек овладевает естественными превращениями отдельных предметов друг в друга: дерево вспыхивает огнем, обожженная глина приобретает твердость, семя превращается в растение. К технике превращающихся предметов относится и ранняя металлургия. Начальный период – мезолит и ранний неолит, зрелый период – поздний неолит, после «неолитической революции», время распространения земледелия и скотоводства. Это эпоха развития первых абстрактных форм мысли – мифа и поэзии, однако исследователи первобытного мышления отмечают его неумение четко отличать часть от целого, постоянное смешение им этих категорий.

3) фаза сложных предметов. Человек соединяет отдельные малые предметы друг с другом постоянными, жесткими связями. Например, различные составные орудия, ткани, сооружения. К этому этапу относится создание довольно крупных сооружений – неподвижных (мосты, плотины, здания) и подвижных (повозки, корабли). Начальный период – энеолит древней Европы и древнего Востока до «городской революции», зрелый период – высокие цивилизации древности и Средних веков. В это время была изобретена письменность и появились первые образцы теоретического оформления знания, собирающие и упорядочивающие эмпирическое знание; возникла «любовь к мудрости» – философия, которая объела все знания о мире; человек начинает усваивать разницу между целым и частью и даже доходит до идеи последних далее неделимых частей – атомов (Демокрит).

4) фаза простых систем. Человек создаёт механизмы и машины – системы с относительно небольшим числом элементов, которые взаимодействуют строго детерминированным образом. Количество элементов 101 - 103 позволяет проследить поведение элементов во всех подробностях. Текущие параметры системы и окружения позволяют однозначно определить будущее состояние системы. Примерами таких систем служат механические часы, паровые и электрические машины и т.д. Начальный период – эпоха мануфактурного производства XV-XVIII вв., зрелый период – от I промышленной революции (конец XVIII – начало XIX вв.) до конца XIX в. I промышленной революции предшествовала I научная революция – рождение классического детерминистического естествознания (Галилей, Декарт, Ньютон).

5) фаза сложных систем. Человек приступает к созданию систем с довольно большим количеством элементов, которые взаимодействуют стохастически, массово, случайно, т.е. по законам вероятности. Число элементов порядка 104 – 107 и они связаны между собой колеблющимся взаимодействием. Невозможно предсказать и проследить поведение каждого элемента, однако теория вероятностей даёт оценку совокупного эффекта. Текущие параметры системы и окружения позволяют определить вероятность будущего состояния системы. Примеры сложных систем: заводы-автоматы, автоматические телефонные станции, системы управления ракетами и космическими кораблями, большие атомные устройства и т.п. Везде мы сталкиваемся либо со случайной нагрузкой, либо со случайными возмущениями. Начальный период – первая половина XX в., время становления массового производства, зрелый период – ещё впереди, однако, со второй половины XX в., когда началась комплексная автоматизация производства, уже наметился переход к зрелости. Ныне происходящей II промышленной революции соответствует II научная революция, обусловленная переходом к стохастическим взглядам (Бор, Гейзенберг, Винер и т.д.).

Начальный период каждого этапа представляет собой время приближения к типичному уровню сложности данной эпохи. Граница между начальным и зрелым периодом являет собой кардинальный скачок сложности, техническую революцию. Именно эти революции служат объективными вехами деления в схеме Г.Н. Поварова. Они являются индикаторами резкого взлёта могущества человечества, резкого увеличения объема материального производства, приводящего к значительному увеличению численности населения и плотности его расселения. Границы же каждой эпохи достаточно размыты, зрелый период одной эпохи плавно переходит в начальный период другой. Три первые эпохи мож-

но объединить в эру предметов, или несобственных систем, оставшиеся – в эру динамических, или собственных систем. Динамической системой называют систему из многих элементов, связанных непостоянными, изменяющимися связями. Её элементы могут перемещаться в пространстве друг относительно друга или, являясь зафиксированными, обмениваться информационными или энергетическими воздействиями. В любом случае, система существенно отличается от предмета такой внутренней структурой и процессами, которыми нельзя пренебречь.

Данную схему восхождения по лестнице системной сложности, рассматриваемую как общую модель внутреннего течения научно-технического прогресса, Г.Н. Поваров построил индуктивным путём, проводя сравнительный анализ достижений различных эпох и выделяя для каждой характерный средний уровень системной сложности. К индукции он прибегает и для экстраполяции этой модели в будущее. Техника наших дней содержит зачатки, ростки высших системных уровней, идентифицируя их, можно прогнозировать предстоящее развитие. На основе разбора элементов высшей сложности в современной технике учёный прогнозирует наступление в будущем ещё двух системных стадий:

6) фаза превращающихся, или ультрасложных, систем. Человек овладевает процессами роста, развития, организации и создаёт саморазвивающиеся и самоорганизующиеся устройства, а вместе с ними – искусственный разум и искусственную жизнь. Ультрасложные системы могут содержать 108 – 1030 элементов с такой сложной организацией связей между ними, что система способна к превращению, к усложнению своей организации. «Наука и техника вступят в стадию превращающихся систем лишь после того, как будет синтезировано живое вещество и созданы подлинные «мыслящие машины», пусть и не более разумные, чем их конструкторы, но способные самостоятельно исследовать окружающий мир и учиться из опыта. Современный «электронный мозг» еще очень далек от таких возможностей несмотря на появление первых программ распознавания и обучения. Вычислительные машины пока не мыслят, а лишь моделируют некоторые аспекты мышления» [1, с. 165]. Вероятное начало – середина или конец XXI в.

7) фаза парадоксальных систем, или сверхсистем. Человек овладевает пространством и временем и учится управлять ими, участвуя в космогонических процессах. Количество элементов в парадоксальных системах можно грубо оценить как 1030 – 10200. Эта стадия начнется, возможно, в III тысячелетии.

В.С. Степин, в целом разделяя подход Г.Н. Поварова, предлагает свою схему уровней системной сложности техники [2]:

1) фаза простых предметов (скребки, резцы, рубила), которые не разделялись на составные части. Отделение от предмета любой его части разрушало этот предмет. Это техника эпохи палеолита.

2) фаза составных предметов, включающих в качестве своих частей простые предметы, объединяющиеся между собой путем непосредственного контакта. Копье с железным наконечником, топор, нож с деревянной ручкой, каменное здание, повозка, корабль – все это примеры техники составных предметов. Эта эпоха началась уже в неолите, но её расцвет пришелся на время становления первых сельских и городских цивилизаций древности.

3) фаза простых систем. В производстве создаются системы с относительно небольшим числом элементов (101 – 103) и связями, основанными на силовых взаимодействиях, описываемых лапласовской причинностью. Образцами такой техники являются паровые машины, станки I промышленной революции, а также техника конца XIX – начала XX вв., например, электромотор, двигатель внутреннего сгорания и т.д.

4) фаза сложных саморегулирующихся систем с числом элементов порядка 103 – 106 и массовыми стохастическими взаимодействиями между элементами. Целостность систем сохраняется благодаря саморегуляции, обеспечиваемой наличием прямых и обратных связей. Примеры такой техники: автоматические линии, атомные электростанции, компьютерные системы обработки больших массивов информации и т.д. Объекты этого уровня сложности начинают осваиваться во второй половине XX в.

5) фаза сложных саморазвивающихся систем. Могут включать до 1014 элементов. Эти системы способны развертывать начальную программу функционирования и развития, в результате чего они повышают свою сложность, могут переходить от одного типа саморегуляции к другому. «Первыми шагами на пути к технологическому освоению таких систем выступают современные тенденции робототехники, нацеленные на создание обучающихся автоматов, расширяющееся применение генной инженерии в биотехнологиях, создание усложняющихся компьютерных сетей и «глобальной паути-

ны» Интернет. Этап развития форм техники саморазвивающихся систем, по-видимому, начнется после формирования технологического уклада, основанного на конвергентных (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологиях» [3, с. 25].

В заключение можно отметить, что в общих чертах модели Г.Н. Поварова и В.С. Степина по своей эвристической значимости совпадают. Отмечая высокую продуктивность модели роста системной сложности техники в истории человечества, хотелось бы указать на одну важную проблему, которую ещё предстоит решить в рамках этого подхода. Она связана с определением строгих критериев системной сложности. Один возможный такой критерий отмечается А.П. Назаретяном [4, с. 252]. Он показывает, что сложность – стержневое понятие эволюционной теории – со времен Г. Спенсера – трудно поддается однозначному определению, хотя попыткам определить его учёные разных специальностей посвятили немало усилий. Опора на собственно структурные признаки (число, разнообразие элементов и связей между ними или длина алгоритма описания) не исключает произвола при выборе исходных единиц. Объективный, хотя и косвенный критерий, по справедливому мнению А.П. Назаретяна, предложил американский астрофизик Э. Чайсон. Опираясь на обильный эмпирический материал и изящные расчёты, он выявил пропорцию между сложностью внутренней организации и удельной плотностью энергетического потока: отношение количества привлеченной свободной энергии в единицу времени к собственной массе тем выше, чем сложнее организована система. Зависимость настолько универсальна, что позволяет использовать удельную плотность энергии как количественный индикатор структурной сложности. Возможно, использование этого индикатора позволит более конкретно представить уровни системной сложности техники.

Литература:

1. Поваров Г.Н. To Daidalo ptero (К познанию научно-технического прогресса) // Системные исследования. Ежегодник. 1971. М.: Наука, 1972. С. 153-170.
2. Степин В.С. Человеческое познание и культура. СПб.: СПбГУП, 2013. 140 с.
3. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
4. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013. 440 с.

Структурно-топологическая картина эволюции техноценозов

Фуфаев В.В.

ООО «Центр системных исследований», г. Абакан, главный научный сотрудник. Доктор технических наук

zsi@fufaevvv.ru

Аннотация: На основе положений техноэволюционной теории, определяемой законом информационного отбора, ценологических представлений, третьей научной картины мира, моделей H-распределения и эволюционных теорий других областей знаний сформулирована дихотомическая методология исследования динамики структуры многовидовых сообществ технических изделий. Представлены основы трансдисциплинарного метода структурно-топологического анализа поведения особей, популяций и каст в ранговых, ранговидовых, видовых гиперболических (степенных) распределений. Предложена формализация S-распределения, отражающего механизм самоорганизации структуры ценоза. Оценка рассогласования структурно-топологической динамики на базе S-распределений в условиях отсутствия ценологического управления предлагается в качестве оценки эффективности функционирования техноценозов, бизнес- и экосистем.

Ключевые слова: Техноценоз, структурно-топологическая динамика, H-распределения, S-распределения, конкорданция, коэволюция.

Structural-topological picture of the technocoenosis evolution.

Fufaev V.V.

Center of System Studies Ltd. (Abakan)

Abstract: *The dichotomous methodology for investigation of the dynamics of multi-species technical communities structure is formulated on the basis of the techno-evolutionary theory determined by the information selection law, coenological conceptions, the third scientific picture of the world, the H-distribution models and evolutionary theories from the other knowledge domains. The fundamentals of the transdisciplinary method of structural-topological analysis of the behavior of individuals, populations and castes in rank, rank-species, hyperbolic species (power-law) distributions are presented. Formalization of the S-distribution, which reflects the mechanism of self-organization of coenosis structure, is proposed. As an estimate of the technocoenoses, business- and ecosystems efficiency, an estimate of the structural-topological dynamics mismatch, based on S-distributions, with absence of coenological management is proposed.*

Keywords: *Technocoenosis, structural-topological dynamics, H-distributions, S-distributions, concordance, co-evolution.*

Актуальность исследований сообществ технических изделий как техноценозов [1] в философском плане определяется тем, что «... необходимо понять сущность самой техногенной среды, выявить закономерности ее функционирования и развития, прежде чем вводить в теоретический анализ прагматические и аксиологические компоненты ...» [2, с. 206]. Кудриным Б.И. предложена теория техноэволюции, которая базируется на гипотезе информационного отбора и доказательстве инвариантности структуры ценозов, описываемой H-распределениями. На основе постулатов третьей ценологической картины мира, составляющей основу постнеклассической философии техники, разработана **схема техноэволюции**, включающая кибернетические представления и опирающаяся на понятия ген-документ и техноценоз [1, 3].

Для развития теории техноэволюции методологически введены три уровня **эпистемологических** дихотомий в исследовании структуры ценозов.

Первый уровень дихотомии: «статика–динамика». Переход от статике к динамике H-распределений, методологически рассматривающей ряд распределений, зафиксированных через определенные промежутки времени для одного и того же ценоза (как результат множества циклов техноэволюции на множестве изделий техноценоза), позволил по-новому моделировать динамику его структуры [4].

Методология едина для ранговых по параметру, ранговидовых и видовых *H*-распределений.

Второй дихотомией является разделение исследований структуры ценозов на «динамику Первого рода» и «динамику Второго рода». Динамика Второго рода получила еще одно название - структурно-топологическая динамика (в основе термина - геоинформационная система описания взаимного положения геометрических объектов в *векторно-топологическом представлении* пространственных данных). В динамике Первого рода на каждом временном шаге осуществляется «аппроксимация» (дифференцирующий признак) вариационного ряда в порядке убывания (рангового распределения), а затем моделируются параметры аппроксимирующей функции во времени как некоторой гиперболической поверхности *H*-распределения, которая описывает соотношение редко и часто встречающихся видов, крупных и мелких объектов, поведение рангов или каст (ниш). В структурно-топологической динамике «без аппроксимации» строятся ранговые распределения объектов в табличной форме на каждом временном шаге и, затем, в трехмерной системе координат «параметр (количество) - ранг – время» фиксируются траектории вдоль временной координаты, что позволяет получить информацию о динамике каждого объекта распределения [4, 5].

Третьей дихотомией является разделение исследований динамики в двух проекциях. Дифференцирующий признак: «параметрическая система координат» (траектории параметр-время) и «ранговая система координат» (траектории ранг-время). Параметрическая проекция отражает внутренние динамические свойства объекта; ранговая - свойства объекта под влиянием макродинамики ценоза. Такой подход открывает широкие возможности применения различных моделей теорий дифференциального исчисления, матриц, графов, комбинаторного, векторного анализа и многих других для описания движения во времени совокупности точек структурно-топологической динамики и позволяет формализовать двойственную природу объектов техноценоза [5].

Смысл дихотомических классификаций заключается в получении новых системных признаков. С течением времени объекты осуществляют разнонаправленное движение по рангам, изменяя величину параметра (частный случай – ранг объекта неизменен), например, в ранговом распределении. Ранжирование скоростей этого движения по уменьшению представляет собой ранг-размерное *S*-распределение конкурентных скоростей двойственного механизма структурно-топологической самоорганизации устойчивости *H*-распределения [6]. Парадигма *S*-распределения дополняет методы самоорганизации новым типом. Исследованные *S*-распределения по интенсивности электропотребления организаций Республики Хакасия и Оренбургской области, предприятий отрасли черной металлургии, всех регионов России, по 19 показателям конкурентных скоростей ценоза банков России представляют собой «эволюционную картину ценоза», его инвестиционного, экономического, энергетического, финансового, налогового «здоровья». Если параметры *H*-распределения являются «градусником» в статике, то *S*-распределение - это «градусник» динамической устойчивости ценоза, его состояния, этапов развития, успехов. *Рассогласование структурно-топологической динамики при отсутствии ценологического управления ведет к кризисам.*

В мировоззренческом плане структурно-топологическая динамика *H*-распределений является выражением эволюционных представлений о разнообразии Мейена С.В., диатропики Чайковского Ю.В., типологического поворота XX века, обоснованного Чебановым С.В. «Временная («историческая») динамика многообразия есть процесс смены многообразий ...» [7, с. 638]. В концепции, где результат эволюции образующих ценоз видов есть эволюция сообщества, структурно-топологическая динамика, формализующая изменение разнообразия, является моделью макроэволюции. С другой стороны, если в движущие силы макроэволюции входят ценотические факторы, и истина в споре о соотношениях микро- и макроэволюции лежит посередине, то балансовое уравнение динамик двух родов [5] второй дихотомии приобретает особый смысл, отражая свойство эмерджентности и позволяя говорить о формализации взаимодополнения двух подходов к макроэволюции: компромисса «организмистов» и «континуалистов» в эволюционной теории, холистического и меристического мировоззрений, взаимодополнение линий Демокрита и Платона на фундаменте информационных баз данных современных компьютерных технологий. Многообразие и целостность полицентризма лежит в основе ценологических представлений.

Информационные технологии Big Data более эффективно реализуются на базе коэволюционных структурно-топологических моделей ценологической систематизации исходных массивов. Технология **коллаборативной** фильтрации является, по сути, реализацией структурно-топологического расчета [5] на основе высокого коэффициента конкордации с использованием косинусной меры. Появление

систем искусственного интеллекта в бизнесэкосистемах IT-компаний, применяющих гиперболические распределения Зипфа (Ципфа), указывает на взаимопроникновение информценозов и техноценозов и формирование общей платформы «коннективизма» и «символизма» в создании искусственного интеллекта.

Появление блокчейнтехнологий создало новую информценологическую реальность – ценоз «клон-ценозов», где характеристический показатель гиперболы не может заменить техноген-документ (хеш-функцию), поскольку требуется совпадение до каждой точки *H*-распределения. При этом ранговое распределение блоков блокчейна по числу транзакций представляет собой структурно-топологическую динамику больших скоростей *S*-распределений. Искусственный интеллект-ценоз (уже ФНС, Росреестр, банки) будет с помощью программного кода диктовать выполнение функций государственных и частных институтов, управлять ценозами социальными и техническими.

Методология структурно-топологического анализа реализована автором на длинных рядах данных по электрооборудованию и электропотреблению различных техноценозов [5], экономических ценозов организаций [8] и других областях длиной более 30 лет (1987–2020гг.), охвативших несколько сотен цехов, предприятий, организаций, несколько городов, отраслей и все регионы Российской Федерации.

Литература:

1. Кудрин Б. И. Применение понятий биологии для описания и прогнозирования больших систем, формирующихся технологически // Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып. 3 / Под. ред. Б.И. Кудрина. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. С. 171–204.
2. Попкова Н.В. Философия техносферы. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 344 с.
3. Кудрин Б. И. Технетика: наука о технической реальности. Ценологические исследования. Вып. 49. М.: Технетика, 2013. 16 с.
4. Фуфаев В. В. Структурно-топологическая устойчивость динамики ценозов // Кибернетические системы ценозов: синтез и управление. МОИП. Девятые чтения памяти А. А. Ляпунова / Под. ред. Б.И. Кудрина. М.: Наука, 1991. С. 18–26.
5. Фуфаев В. В. Ценологическое определение параметров электропотребления, надёжности, монтажа и ремонта электрооборудования региона. М.: Центр системных исследований, 2000. 320 с.
6. Фуфаев В.В. Структурно-топологическая самоорганизация *S*-распределений электропотребления техноценозов. На примерах организаций региона, предприятий отрасли и регионов России // Электрика. 2010. № 12. С. 3-10.
7. Чебанов С.В. Значение биологического разнообразия для типологического поворота XX века // Аспекты биоразнообразия. Сборник трудов Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. М.В. Калякина. М.: Изд-во Товарищество научных изданий КМК, 2016. Том. 54. С. 629-654.
8. Фуфаев В.В. Экономические ценозы организаций. Труды по общей теории ценозов. М. - Абакан: Центр системных исследований, 2006. 86 с.

«Коперниканский поворот» от механизма к организму

Дуплинская Юлия Михайловна

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., профессор кафедры
«Философия», доктор философских наук

duplinskayay@mail.ru

Анализируется переоценка ценностей в современной философии техники. Если в философии классического рационализма (Декарт, Ламетри) живые организмы рассматривались по аналогии с функционированием технического устройства, то в современной парадигме наоборот, совершается поворот «от механизма к организму». Радикальность такого поворота сравнивается с революцией, совершенной в свое время Коперником. Теперь не организм следует понимать по аналогии с техническим устройством, а наоборот, в технике увидеть фрагмент более обширной органической системы. Необходимо учитывать, что термину «организм» в современной науке может придаваться расширительный смысл. В качестве организма допустимо рассматривать не только индивидуальное биологическое тело, но и любую систему, паттерны функционирования которой отвечают ряду критериев. Вводится понятие «квазиорганизм». В этом контексте технический прогресс может рассматриваться как продолжение биоэволюции. Поворот «от механизма к организму» является аспектом общепарадигмального сдвига от физики к наукам о жизни, который совершается в постнеклассической науке.

Ключевые слова: постнеклассическая парадигма, механизм, организм, биологическая эволюция, технологическая эволюция, трансгуманизм

“Copernican turn” from the mechanism to an organism.

Duplinskaya Yuliya Mikhailovna

Saratov State Technical University by name of Gagarin Yu.A., philosophy faculty

Revaluation of values in modern philosophy of the technique is analyzed. If in philosophy of classical rationalism (Descartes, Lametri) live organisms were considered by analogy with functioning of the technical device, then in a modern paradigm on the contrary, the turn “from the mechanism to an organism” is made. The radicalism of such turn is compared to the revolution made by Copernicus. Now not the organism should be understood by analogy with the technical device, but on the contrary, in the equipment is necessary to see a fragment of more extensive organic system. It is necessary to consider that in modern science to the term “organism” can be given the broad sense. As an organism it is admissible to consider not only an individual biological body, but also any system which patterns of functioning corresponds to a same criterions. The concept “quasiorganism” is entered. In this context technical progress can be considered as biological evolution continuation. The turn “from the mechanism to an organism” is aspect of more general shift of paradigm from physics to sciences about life which is made in post-nonclassical science.

Keywords: post-nonclassical paradigm, mechanism, organism, biological evolution, technological evolution, transhumanity

В классической парадигме функционирование живых организмов, в том числе и человеческого тела, понималось по аналогии с работой механизма. Такой взгляд на проблему «органическое - техническое» появляется впервые в философии Р.Декарта. Далее эта тема развивается Ж.Ламетри. Название главного сочинения этого философа: «Человек - машина» становится своеобразным девизом решения проблемы «органическое - техническое» в философии классического рационализма.

В постнеклассической парадигме совершается перефокусировка взора на проблему «органическое - техническое». И эта перефокусировка радикальна настолько, может сравниться с революцией, совершенной в свое время Коперником. «Коперниканский поворот» от механизма к организму, который прокладывает себе путь в современной философии техники, - является аспектом более широкого общепарадигмального сдвига от физики к наукам о жизни. С коперниканской революцией этот пара-

дигмальный сдвиг сравнивает, в частности, Ф.Капра. Суть современной парадигмальной революции Ф.Капра усматривает в следующем. В предыдущей парадигме базовые модели реальности формировала физика; физика «являлась моделью, и источником метафор для всех других наук». Сегодня же эта роль постепенно переходит к наукам о жизни [1, с. 28]. Эта общепарадигмальная революция делает как необходимой, так и возможной, радикальную «переоценку ценностей» в современной философии техники. Не организм теперь следует рассматривать по аналогии с функционированием технического устройства, - как то было принято в философской традиции, берущей начало от Р.Декарта и Ж.Ламетри. Наоборот, в технике нужно увидеть фрагмент эволюционирования более обширной органической системы и «орган» некоего квазиорганизменного целого. Выражаясь афористично: не в организме видеть детали машины, а в машине - деталь организма.

Впрочем, аналогия между техникой и органами биологического тела не является чем-то ультра-современным. Эта аналогия появляется в еще XIX веке в рамках теории *органопроекции*: как в зарубежной (Э.Капп), так и в отечественной (П.Флоренский) философии. В этом же ряду - концепция «неорганического тела» человека, которая была сформулирована К.Марксом и получила дальнейшее развитие в отечественной философии марксистского периода.

Параллель между техноэволюцией и биоэволюцией проводится также в философии постструктурализма. Сравнение техники с искусственными органами человеческого тела находит логичное завершение в парадоксальном определении человека как *машинно-позвоночного животного* (Ж.Делез и Ф.Гаттари). У вида *homo sapiens* процесс биоэволюции модифицирован техноэволюцией. Органическое тело человека практически не претерпевает изменений, поскольку эволюция естественных органов подменяется эволюцией «искусственных органов», которыми достраивается биологическое тело человека. Ж.Бодрийар сравнивает эти органы с протезами. «Все становится спутником; похоже, и сам мозг уже вне нас, он витает вокруг в бесчисленных ветвлениях круговых электромагнитных волн. И это не из области научной фантастики. Это просто обобщение теории Мак-Люэна о «развитии человека». Все, что есть в человеческом существе – его биологическая, мускульная, мозговая субстанция, - витает вокруг него в форме механических и информационных протезов» [2, с. 46]. Так эволюция «позвоночных» находит свое продолжение в эволюции «машинно-позвоночных».

В русле достижений NIBC («нано-био-инфо-когно») технологий идея объединения биоэволюции с техноэволюцией уже выходят за рамки философских спекуляций и воплощается в серии технопроектов, известных под названием *трансгуманистического движения*. Термин «*трансгуманизм*» говорит сам за себя. В рамках трансгуманистического движения ведется речь о переходе от «хай тек» к «хай хьюм» технологиям. В отличие от «хай тек», которые только служили человеку, «хай хьюм» технологии способны на большее: преобразовать физические, психические, когнитивные и т.д. возможности *homo sapiens*, вплоть до образования нового вида, - «трансчеловечества» и «постчеловечества». Как видим, технический прогресс становится продолжением биоэволюции, - и это уже далеко не метафора. Перспективы можно вообразить в духе, как утопии, так и антиутопии.

Однако «коперниканский поворот от механизма к организму» имеет некоторые весьма важные дополнительные нюансы, по сравнению с концепцией органопроекции и другими аналогиями между био- и техно- эволюцией, которые мы рассмотрели выше. Как уже было замечено, в русле общепарадигмального сдвига «от физики к наукам о жизни», механизм может рассматриваться как часть организма. Но это еще не все! Важно учесть, что здесь меняется само понятие о том, что есть организм, как таковой! В современной парадигме термину «организм» может придаваться расширительный смысл. Статус организма теперь может присваиваться не только индивидуальным биологическим телам, но и целым системам, паттерны функционирования которых отвечают ряду критериев. Впрочем, мы предпочли бы ввести термин квазиорганизм, чтобы как-то разграничить организм в узком смысле (индивидуальное биологическое тело) и широком смысле этого слова (система тел).

Суть в том, что в организме следует видеть, прежде всего, *не структуру, а паттерн*. Паттерн - это, если можно так выразиться, устойчивость «второго порядка»: постоянно воспроизводящаяся конфигурация движения. Система может идентифицироваться как (квази)организм, если ее динамические паттерны отвечают следующим критериям. Функционирование системы, имея достаточную степень сложности, должно обеспечивать гомеостатическое саморегулирование посредством *петель обратной связи*. Петли обратной связи создают границу, - некий аналог клеточной мембраны, которая, оставляя систему *энергетически открытой*, вместе с тем обеспечивает ее *операциональную замкнутость*. Системы, в динамические паттернах которых сочетаются операциональная замкнутость и энергетиче-

ская открытость, могут идентифицироваться как квазиорганизменные образования. Чилийские нейробиологи У.Матурана и Ф.Варела для описания таких паттернов ввели понятие *аутопоэз* (от слова «самосозидание»). *Аутопоэзный паттерн* «порождает такие компоненты, которые участвуют в цепи превращений, которая их же и порождает. Некоторые из таких компонентов формируют границу сети превращений, ее предел» [3, с.40]. Наличие аутопоэзного паттерна У.Матурана и Ф.Варела предлагают в качестве критерия принадлежности системы к *живым* системам. Причем аутопоэзные системы могут быть как «клеточными», так и «метаклеточными». У.Матурана и Ф.Варела вводят градацию живых систем, на одном полюсе которой - системы с минимальной автономией входящих в них компонентов (многоклеточные живые организмы), а на другом полюсе - системы с максимальной автономией входящих в них компонентов (социальные системы). Промежуточное положение на этой шкале занимают сообщества насекомых [3, с.176].

Как можно заметить, четкие качественные демаркации между организмом как «телом» (клеточные) и квазиорганизмом как сообществом тел («метаклеточные») уступают место количественным различиям в степени независимости компонентов организма. С этих позиций не только биоценоз, экосистема, - но даже планета как целое могут идентифицироваться в качестве квазиорганизмов! Такие радикальные выводы делаются, в частности, в концепциях Д.Лавлока [4] и П.Рассела [5]. Так, П.Рассел человечество сравнивает с головным мозгом планеты, а электрические сети, созданные людьми - с нервными волокнами планетарного организма.

Расширительная трактовка термина «организм» позволяет видеть в продуктах техноэволюции элементы «метаболизма» некоего гигантского квазиорганизма. Представим надбиологическое квазиорганизменное образование, «обмен веществ» которого интегрирует, наряду с органическими веществами, также продукты техноэволюции ... подобно тому, как в метаболизм биологического организма вовлекаются не только органические, но и неорганические вещества (например, соли). Главное, чтобы эти неорганические компоненты поддерживали конфигурацию аутопоэзного паттерна. Такие рассуждения вполне вписываются в концепции Д.Лавлока и П.Рассела. Здесь также можно вообразить перспективы, в духе как утопии, так и антиутопии. Тема, исполненная П.Расселом и Д.Лавлоком в «мажоре» ноосферного мышления, может быть исполнена и в «миноре» антиутопического прогноза. Причем перспектива эволюции к надбиологическим квазиорганизмам, в которых как техника, так и человеческие субъекты, становятся элементами метаболизма или клетками гигантских организмов - создает куда более грандиозный антиутопический прогноз, нежели классические сюжеты о роботах-андроидах, восстающих против человечества.

Литература:

1. Капра Ф. Паутина жизни. М.: Гелиос, 2002. 336 с.
2. Бодрийар Ж. Трансэкономика // Бодрийар Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 23-31.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
4. Lovelock, J. Gaia: A New Look at Life on Earth. Oxford University Press, 2016. 148 p.
5. Russel P. The Global Brain: speculations on the evolutionary leap to planetary consciousness. Los Angeles: JP Tarcher, 1983. 160 p.

Феномен информационно-компьютерной революции в контексте философско-методологического исследования технического познания

Ивлев В.Ю.

МГТУ имени Н.Э. Баумана, зав. кафедрой СГН-4 «Философия», доктор философских наук

vitalijivlev@yandex.ru

Иноземцев В.А.

МГТУ имени Н.Э. Баумана, профессор кафедры СГН-4 «Философия», доктор философских наук

inozem_63@mail.ru

Аннотация. В работе в общем контексте философско-методологического исследования технического познания выделяются и рассматриваются основные направления анализа феномена информационно-компьютерной революции, которые интерпретируются как уровни философско - методологической рефлексии над механизмом развития технического познания. В рамках первого направления основное внимание уделяется эмпирическому описанию радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях. Данный подход наиболее рельефно обнаруживается в исследованиях специалистов в области информатики и информационно-компьютерных технологий. Представители второго направления осуществляют анализ информационно-компьютерной революции средствами методологического анализа. Третье направление санкционирует социокогнитивный подход к интерпретации радикальных трансформаций в техническом познании. Наконец, в рамках четвертого системного направления основное внимание уделяется комплексному философско-методологическому исследованию феномена информационно-компьютерной революции в контексте развития техники и технологий.

Ключевые слова: техническое познание, информационно-компьютерная революция, философско-методологическое исследование, репрезентация знания.

The phenomenon of the information-computer revolution in the context of the philosophical and methodological study of technical knowledge.

Ivlev V.Yu.; Inozemtsev V.A.

MSTU named after N.E. Bauman, Department of Philosophy

In the work in the general context of the philosophical and methodological study of technical knowledge, the main directions of the analysis of the phenomenon of information and computer revolution are identified and considered, which are interpreted as levels of philosophical and methodological reflection on the mechanism of development of technical knowledge. In the first direction, the main focus is on the empirical description of radical transformations in computer technology and information and computer technologies. This approach is most strikingly found in the studies of specialists in the field of computer science and information and computer technologies. Representatives of the second direction analyze the information-computer revolution by means of methodological analysis. The third direction authorizes a sociocognitive approach to the interpretation of radical transformations in technical knowledge. Finally, in the framework of the fourth systemic direction, the main attention is paid to a comprehensive philosophical and methodological study of the phenomenon of the computer-information revolution in the context of the development of engineering and technology.

Keywords: technical knowledge, information-computer revolution, philosophical and methodological research, representation of knowledge.

Проведённый ранее анализ проблемы репрезентации знания в компьютерных и когнитивных науках [1] позволяет сформулировать важный методологический вывод. Согласно этому выводу, дальнейшая

разработка данной проблемы и реальный прогресс в её интерпретации предполагают переход от стадии феноменологического описания репрезентации знания, наличествующей в литературе по искусственному интеллекту (ИИ) и когнитивным наукам, к системному исследованию проблемы компьютерной репрезентации знания в общем контексте эпистемологической проблематики в целом и эпистемологической проблематики информационно-компьютерной революции в частности. Этот важный шаг в направлении целостной философско-теоретической реконструкции репрезентации знания осуществим исходя из фундаментальных принципов современной философии, которые задают эпистемологическую проблематику информационно-компьютерной революции.

В работе будем использовать инженерно-кибернетический подход к исследованию и репрезентации знания, который выступает разновидностью системного подхода при изучении развития техники и технологий в процессе анализа эпистемологической проблематики информационно-компьютерной революции, и который позволяет избежать крайностей двух наиболее распространенных методологических подходов при изучении развития техники и технологий: структурно-функционального и историко-эволюционного. В последние десятилетия намечается оппозиция указанных методологических подходов при анализе феномена информационно-компьютерной революции в системе социотехнологических революций, и шире - этих подходов при изучении развития техники и технологий.

Структурно-функциональный подход при изучении развития техники и технологий акцентирует внимание на выявлении технико-технологических структур и составляющих их технических идей, средств и видов технической деятельности, забывая подчас об исследовании эволюции таких технико-технологических структур. Центральной методологической установкой *историко-эволюционного подхода при изучении развития техники и технологий* является исследование перманентных изменений и радикальных трансформаций в технике и технологиях, а также в технических идеях, средствах и видах технической деятельности. Этот подход нередко игнорирует функциональную обусловленность технико-технологических структур и образующих их технических видов деятельности.

Системный подход при изучении развития техники и технологий позволяет преодолеть односторонности структурно-функционального и историко-эволюционного подходов. Разновидность системного подхода - *инженерно-кибернетический подход к исследованию и репрезентации знания*, является наиболее приемлемым подходом при анализе феномена информационно-компьютерной революции и находит применение для анализа эпистемологической проблематики этой революции.

Важнейшая задача инженерно-кибернетического подхода к исследованию и репрезентации знания заключается в системном исследовании эволюции концепций инженерии знаний, представляющих собой применение инженерного подхода к анализу компьютерных знаний в ИИ и образующих эпистемологическую проблематику информационно-компьютерной революции [2]. Взаимодействие и взаимопроникновение различных видов компьютерных знаний детерминирует в ИИ возникновение ряда научных и технологических феноменов, таких, как феномен репрезентации знания [3]. Инженерно-кибернетический подход к исследованию и репрезентации знания конфигурирует эпистемологическую проблематику информационно-компьютерной революции, и выступает в качестве основы формирования новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования и репрезентации знания в современной науке [4].

В середине XX века начинается серия радикальных трансформаций в технике и технологиях, прежде всего, информационно-коммуникационных, которая со временем получает название *информационно-компьютерной революции или информационной революции в широком смысле слова*. Информационно-компьютерная революция превращается в важнейший фактор конструирования новой *эпистемологической парадигмы и методологии исследования и репрезентации знания в современной науке* (в особенности в компьютерных науках и в ИИ), что приводит к необходимости исследования её эпистемологической проблематики [5].

Обратимся к анализу предпосылок, сущности, основных тенденций развития, современного состояния, перспектив информационно-компьютерной революции, а также её влияния на проблему репрезентации знания в ИИ и в компьютерных науках. Под *информационной революцией в широком смысле слова* будем понимать каскад сменяющих друг друга и одновременно накладывающихся друг на друга нелинейных процессов радикальных трансформаций в современной компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях, опирающихся на новые постоянно меняющиеся технико-технологические средства хранения, приобретения, продуцирования, трансформации и трансляции информации. Эта информационная революция в широком смысле слова, представляющая собой ма-

гистральную линию развития современной техногенной цивилизации, является третьей (после аграрно-ремесленной и индустриальной) социо-технологической революцией.

Процессы реализации информационной революции в широком смысле слова получают название информатизации, результатом которых становится построение информационного общества. Существует множество определений и интерпретаций понятия информатизации. В некоторых из них акцентируется внимание на самой информации, в других - на методах и средствах её получения, в третьих определениях - на конечных результатах использования информации. В данной работе не ставится цель провести анализ основных подходов к дефиниции понятия информатизации. Отметим, что информатизация - это процесс создания и широкомасштабного внедрения во все сферы жизни общества и в деятельность каждого человека средств информационно-компьютерной техники и технологий, используемых для приобретения, хранения, производства, трансформации и трансляции информации (включая знания) социальными субъектами. Информатизация представляет собой качественную, интегральную характеристику общества.

В общем контексте философско-методологического исследования технического познания выделим *основные направления анализа феномена информационно-компьютерной революции*, которые будем интерпретировать как последовательно сменяющие друг друга и вместе с тем отчасти накладывающиеся друг на друга уровни философско-методологической рефлексии над механизмом развития технического познания. В рамках первого направления основное внимание уделяется *эмпирическому описанию радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях*. Данный подход наиболее рельефно обнаруживается в исследованиях большинства специалистов в области компьютерных наук и информационно-компьютерных технологий. Представители второго направления осуществляют рассмотрение информационно-компьютерной революции в аспекте выявления механизмов её реализации в системе современной техники и технологий средствами *методологического анализа*. Третье направление санкционирует *социокогнитивный подход* к интерпретации радикальных трансформаций в техническом познании. Наконец, в рамках последнего четвертого *системного направления* основное внимание уделяется комплексному философско-методологическому исследованию феномена информационно-компьютерной революции в общем контексте развития техники и технологий. Системный подход находит своё применение и в данной работе.

Рассмотрим подробнее специфические особенности радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях при проведении философско-методологического исследования технического познания в каждом из ранее выделенных направлений анализа феномена информационно-компьютерной революции. Фундаментальные установки первого направления, в рамках которого доминируют феноменологические описания радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях, выполняются, как правило, в традиции историко-научно-технических реконструкций. Это не означает, что в работах представителей данного направления имеют место лишь эмпирические констатации отдельных фактов информационно-компьютерной революции или оценка этих фактов с позиции субъектно-личностных ориентаций и эпистемологических предпочтений. Многие из этих оценок являются результатом высокого уровня философско-методологической рефлексии над природой и механизмом технического познания. Вместе с тем, в работах представителей этого направления определён преобладает фактуальный анализ информационно-компьютерной революции, и доминируют кумулятивистские схемы её описания и соответствующие ей модели технического познания.

Содержание информационно-компьютерной революции не только убедительно демонстрирует характер радикальных сдвигов в техническом познании, но и актуализирует задачу комплексного их исследования в контексте программы философско-методологического анализа сущности и механизмов технического прогресса. В связи с этим, проблема динамики современной техники и технологий и их влияния на жизнь общества уже не может решаться на уровне феноменологических описаний радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационно-компьютерных технологиях и сопутствующей им смены поколений компьютеров. В этих условиях феномен информационно-компьютерной революции становится центральным для методологического рассмотрения её содержательно-смысловых характеристик, конституируя второе направление в исследовании природы и механизма радикальных трансформаций в техническом познании. Вместе с этим, в рамках этого направления не удаётся убедительно объяснить прогрессивную направленность технического познания и интегрировать факторы становления информационной революции в контекст развития техники и технологий.

Стремление учесть и исправить недостатки методологического направления определяет появление третьего направления анализа феномена информационно-компьютерной революции и развития технического познания в целом, который в работе называется социокогнитивным направлением. В соответствии с основными установками этого направления центральной проблемой при исследовании информационно-компьютерной революции становится проблема взаимосвязи технико-технологических, когнитивных и социокультурных факторов технического прогресса.

Важнейшими особенностями этой парадигмы являются стремление к концептуальному синтезу истории, социологии и философии техники, отказ от построения глобальных моделей структуры и развития техники, акцент на исследовании конкретных эпизодов истории технического познания, подчеркнутое внимание к личностным и социокультурным особенностям технической деятельности, активное заимствование средств из социально-гуманитарных дисциплин. Однако социокогнитивные модели динамики технического знания оказываются не способными разрешить ряд проблем, возникающих при изучении развития техники и технологий, а также обосновать продуктивную концепцию роста технического знания.

Выходом из создавшегося положения дел служит создание системного направления философско-методологического анализа феномена информационно-компьютерной революции в общем контексте развития технического знания. В рамках системного направления происходит обращение к исследованию природы и механизма радикальных трансформаций в техническом познании. Это направление изучает сущность, значение, тенденции и перспективы информационной революции, устанавливает её эпистемологическую проблематику. Разрабатываемая данным направлением модель технического познания принципиально отличается не только от кумулятивистских, феноменологических по существу, схем описания информационно-компьютерной революции, предпринятых в рамках эмпирического направления, но и от её интерпретаций в концепциях методологического анализа этой революции и в концепциях социокогнитивного направления. Философско-методологические и когнитивные факторы динамики технического знания рассматриваются в системной модели технического познания в контексте объективной логики технического прогресса. Переориентация философии и методологии техники на исследование ситуации кардинальной перестройки технического знания и сопутствующих этому знанию технологий актуализирует комплекс новых проблем системного направления анализа информационно-компьютерной революции.

Одной из центральных проблем системного направления, которая активно стимулирует исследование эпистемологической проблематики информационно-компьютерной революции и феномена развивающегося технического познания в целом, является проблема репрезентации знания. Важнейшей предпосылкой описания и решения проблемы репрезентации знания в эпоху радикальных трансформаций в компьютерной технике и информационных технологиях с позиций системного направления является тщательное структурное расчленение технического знания. Системное направление убедительно демонстрирует сложность и полиструктурность технического знания, выявляет взаимосвязи между его компонентами.

Ориентация на имеющиеся в системном направлении цели и результаты технического познания позволяет разработать продуктивную программу анализа феномена информационно-компьютерной революции в единстве её имманентно-содержательных и когнитивных характеристик. Кроме того, в рамках системного направления возможно аналитическое воспроизведение технологических и интеллектуальных предпосылок этой революции, определение её сущности и эпистемологического содержания, представление её самой в качестве важнейшего фактора становления новой эпистемологической парадигмы в современной науке.

Литература:

1. Иноземцев В.А. Логико-эпистемологическое исследование искусственного интеллекта: феномен компьютерной репрезентации знания: Монография. М.: «ИТО СЕМРИК», 2014. 159 с.
2. Иноземцев В.А. Инженерия знаний и эпистемологическое содержание искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 2(24), Т. 6. С.56 – 63.
3. Иноземцев В.А. Проблема компьютерной репрезентации знания в структуре искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2015. № 1(23), Т. 6. С.68 – 74.
4. Иноземцев В.А., Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества: Монография. М.: «ИТО СЕМРИК», 2012. 133 с.

5. Иноземцев В.А., Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю. Эволюция концепций компьютерной репрезентологии и эпистемологического содержания искусственного интеллекта // Известия МГТУ «МАМИ». 2012. №2 (14), Т. 3. С. 294 – 298.

**Философский анализ проблемы:
человеческое и нечеловеческое в роботах-андроидах.**

Кавинова И.П.

МГТУ имени Н.Э.Баумана, доцент кафедры «Философия». Доцент
irina.pk@br.ru

Аннотация: в статье предпринята попытка раскрытия смысловой составляющей создания человекоподобных роботов по таким направлениям как проекция человека на его техническую копию (эффект самопознания), решение проблемы иммортализма, использование сверхчеловеческих возможностей роботов-андроидов, а также нетривиальность возможностей одушевления технических гуманоидов. Автор приходит к неоднозначным выводам по всем названным направлениям исследования.

Ключевые слова: человекоподобные роботы, Исигуро, проекция, иммортализм, геминоид, андроид, синтоизм

**Philosophical analysis of the problem: human and non-human in android robots.
Kavinova I.P.**

MSTU named after N.E.Bauman, Department «Philosophy».

Abstract: the article attempts to disclose the semantic component of creating humanoid robots in such areas as the projection of a person onto his technical copy (self-knowledge effect), solving the problem of immortalism, using the superhuman capabilities of androids, as well as the non-triviality of the possibilities of animating technical humanoids. The author comes to an ambiguous conclusion in all of these areas of research.

Key words: humanoid robots, Ishiguro, projection, immortalism, heminoid, android, Shintoism.

Когда-то философ-филолог Ф.Ницше обозначил термином «человеческое слишком человеческое» проявление моральных установок в человеческой природе. Наступил XXI век, но мы все еще не уверены, что же в человеке действительно уникально, а что банально равняет нас с животными. Современный человек, как мне представляется, мечется между двумя началами - ангельским (духовным) и животным («духлессом», бездуховностью), при этом постоянно выбирая третье, нечто среднее - сугубо человеческое начало. Именно с этим по-прежнему во многом загадочным началом имеет дело и современная наука, и современное общество, и каждый из нас, выбирая ту или иную профессию, и более широко, - тот или иной способ самореализации.

Трансгуманистическая идея начала набирать обороты после окончания Второй мировой войны. Она проросла в СТЭ (синтетической теории эволюции) и пыльным цветом расцвела в современной постмодернистской культуре. «Когда нет Бога, то все позволено» - эта смысловая формула, известная из произведений Ф.М.Достоевского, вполне оправдывает себя в современном мире, причем парадоксально, но для многих наших современников не существует выбора между добром и злом, а существует лишь ницшеанский скачок по ту сторону добра и зла. Это существование во множестве проекций в сфере «ман» (используя термин Хайдеггера) обнаруживает страшнейший вакуум, который необходимо заполнить чем угодно - погоней за популярностью или вечной молодостью, поиском путей обогащения или экстремальными путешествиями, главное - заполнить, ведь природа, по словам Г.Лейбница, «не терпит пустоты».

Вот на этом фоне мы сегодня и наблюдаем своеобразный ренессанс робототехники, причем именно в направлении использования человекоподобных роботов. Философский анализ данного феномена современной техники представляется мне необычайно интересным. Как правило, при раскрытии технических достижений в упомянутой сфере ограничиваются различного рода дескрипциями, хотя очевидно, что изобретателями в данной области движет отнюдь нетривиальная постановка и столь же нетривиальное решение проблемы «человеческого слишком человеческого» в Homo sapiens, или в Homo ludus (Хейзенге), или в ο άνθρωπος πολιτικός (Аристотель).

Я попробую наметить несколько, по моему мнению, важных направлений в создании человеко-

подобных роботов, и на конкретных примерах исследую их смысловую составляющую.

Первое, что лежит буквально «на поверхности» исследуемой проблемы - это эффект самопознания.

Второе - это решение проблемы бессмертия (иммортализм).

Третье - использование сверхчеловеческих возможностей роботов-андроидов.

Четвертое - эффект «одушевления» «бездушных» машин, уподобленных человеку, разнообразные аспекты проявления этого феномена.

Следует оговориться, что перечисленные направления, конечно, не исчерпывают все возможные варианты философского исследования применения человекоподобных роботов.

1. Самопознание. Известный робототехник японский профессор Хироси Исигуро, глава лаборатории робототехники в университете Осаки, в одном из своих интервью говорил так: «Я не моделирую будущее, я не Бог. Моя задача проста — понять себя и человечество, это я пытаюсь сделать с помощью своих исследований. Я не задумываюсь, как будет выглядеть мир будущего, не строю идеальной картины, чтобы потом не разочароваться, я просто делаю свою работу, за которую получаю деньги. На самом деле никто не знает, что там получится, — мы просто развиваем технологии».[1] Исигуро создатель геминоида HI-2 (2009), своего собственного двойника, который имеет 50 степеней свободы в реакциях, геминоида F (2010) - женщины - робота (прототип -дочь Хироси), этот робот играл небольшие роли в театральных постановках и выполнял роль живого манекена в одном из торговых центров Токио, также Исигуро сконструировал теленоида R1(2010) для веб-общения, геминоида DK (2011) - копия коллеги Исигуро профессора Генриха Шарфа из Дании и эльфоидов в формате мобильного телефона.

С эффектом самопознания, по моему мнению, связано то, что психоаналитики называют «проекция», в данном случае, «проекция» самого робототехника на собственные технические творения. Ученица К.Юнга, талантливый и неординарный исследователь человеческой психики Мария-Луиза фон Франц писала о связи проекции с нашим бессознательным, отмечая, что без механизма бессознательной проекции невозможен ни контакт человека с другим человеком, ни контакт человека с миром. «...Согласно индийской философии реальность представляется с субъективной точки зрения как проекция. Реальность существует только тогда, когда мы осуществляем проекции на нее,» - из книги «Алхимия: введение в символизм и психологию». [2, с.30] Другими словами «проекция» - это моделирование реальности, познание себя и мира через модели, постоянно корректируемые как отдельными людьми, так и всей человеческой цивилизацией. Человекоподобные роботы, безусловно, варианты «проекций» человека для более углубленного понимания как соматической (телесной), так и психической природы человека. Хорошо известно замечание Исигуро по поводу игры его геминоида в театре, что его робот лучше живого актера хотя бы в том, что уж точно не забудет текст.[1] Мне же странным представляется смешение в человекоподобной робототехнике эмоциональной и чувственной природы человека. Известный американский психолог и философ начала XX века У.Джемс когда-то сделал открытие - вся эмоциональная жизнь человека завязана на его соматике по принципу - вначале глаза плачут, а позже мы испытываем печаль. Чувственная природа человека, напротив, проявляет себя абсурдно - мы можем смеяться от горя и плакать от радости. Технический клон может скопировать эмоции, но он не сможет действовать по законам абсурдной логики, в которой бессмыслица может обернуться смыслом, а смысл рассыпаться на множество бессмысленных осколков. Безусловно, такое смешение не единственная условность в проекции человека в форме робота. Однако эффект самопознания, я бы даже уточнила - самораспознавания возможностей тела и души(психики) в геминоиде также очевиден.

В России в 2011 году был сконструирован прототип человекоподобного робота Алиса, от компании «Нейроботикс», этот робот имеет 17 степеней свободы на лице (может улыбаться, выражать грусть, удивление, поворот и наклон глаз, может жмуриться, моргать, открывать и закрывать рот). Робот предназначен как для возможной работы секретарем, так и помощником врача. Однако достижением последнего времени является создание Пермским Промоботом человекоподобного робота Алекса, получившего лицо от своего создателя робототехника Алексея Южакова. Не случайно в 2018 году на выставке CES в США клиентами компании «Промобот» захотели стать такие мировые гиганты, как NASA, Amazon, Oracle, Hyperloop и ещё примерно 40 компаний. Геминоид Алекс имеет 29 степеней свободы на лице, он может распознавать речь и человеческие эмоции, обучаться. Этот человекоподобный робот может использоваться для работы в банке и при трудных стрессовых ситуациях. В апреле

2019 года на канале Россия-24 Алекс озвучил сводку новостей.[3] В разработках наших отечественных робототехников мы также наблюдаем использование собственных копий, т.е. возможная случайность создания «клонов» постепенно становится закономерностью.

Исигуро называет созданных им геминоидов «электронными клонами», можно было бы назвать их техническими «проекциями» робототехников. Напрашивается любопытная аналогия - многие известные художники (А. Дюрер, Рембрандт, Леонардо да Винчи и др.) писали свои автопортреты в разном возрасте, они наблюдали за собственным телом, как оно стареет, покрывается морщинами, как меняется взгляд, сквозь который пробивается наполненная жизненным опытом душа (с греч. - «псюхэ»). Современные робототехники жертвуют роботам свое лицо и тело, но здесь мы наблюдаем обратный эффект - их копии в форме «электрических клонов» не стареют. Известно, что Исигуро какое-то время даже делал пластические операции против старения лица, чтобы не утратить сходство со своим двойником-геминоидом. И здесь возникает еще одна тема для изучения человекоподобных роботов - это иммортализм.

2. Иммортализм. Трансгуманистическая идея о направленном характере эволюции, о формировании транс-человека (Дж.Хаксли, Ферейдун М. Эсфендиари, фон Нейман и др.), т.е. «переходного» человека будущего, преодолевающего собственное биологическое «несовершенство» и пространственную ограниченность в космосе благодаря сверхчеловеческим возможностям, а главное - победившего смерть, эта идея прочно вписалась в современный постмодернистский этап развития человеческой культуры. В России пионерами этой идеи были русские космисты первой половины XX века - Николай Федоров, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский и многие другие. В XXI робототехника переживает своеобразный ренессанс создания роботов-андроидов, во многом это возрождение интереса к созданию технических клонов человека обусловлена попытками решения проблемы иммортализма.

Из всех современных человекоподобных роботов наиболее интеллектуальным, имеющим очевидные перспективы дальнейшего совершенствования искусственного интеллекта считается андроид Бина48, сконструированный в США в 2010 году. В контексте изучения проблемы бессмертия человека этот робот-андроид имеет любопытную предисторию. В семье трансгендера Мартина (Мартины) Ротблатт произошло несчастье - у дочери обнаружили редкую смертельную болезнь, девочке оставалось жить не более трех лет. Родители (Мартин и Бина Ротблатт) начали поиски лекарства, чтобы спасти дочь, им удалось синтезировать новое лекарство, продлившее жизнь ребенку. В результате предпринятых усилий, вложения немалых денежных средств семья стала основателем компании United Therapeutics, которая получила права на выпуск нового лекарства, сегодня продлевающего жизнь 30 тысячам человек в год. Мартине принадлежит 5% акций компании, довольно большой процент для генерального директора, что сделало ее (его) одним из самых высокооплачиваемых руководителей в сфере биотехнологий. В 2014 году она (он) стала самой высокооплачиваемой «женщиной»-руководителем, оставаясь самым успешным трансгендером в мире. Тогда же у этой своеобразной семьи родилась идея сохранения двойника близкого человека с бесконечным сохранением его сознания с помощью цифровых технологий. Мартина вместе с женой Биной создали организацию Terasem посвященную поиску бессмертия, она имеет трансгуманистическую направленность. Создатели этой организации убеждены, что можно, сохранив копию своего разума в цифровом виде, создать виртуального двойника, который должен стать полноценным воплощением умершего человека. Создание двойников начали с Бины - жены Мартины. Так появился андроид Бина-48. Сейчас этого робота активно рекламируют на страницах интернета и пытаются найти ему применение в самых разных областях - от чтения лекций студентам до приятного интеллектуального общения тет-а-тет, снимающего стресс. Достижение недавнего времени - это прочитанные Биной-48 две лекции по философии студентам Военной академии в США. Человекоподобный робот провел две лекции по курсу нравственной философии. что подразумевало освещение этических норм, теорию справедливых войн и применение ИИ в обществе. На занятии присутствовало около ста студентов. Во время лекций робот не был подключен к Интернету и использовал только загруженные ранее данные. Bina-48 не только вещал в режиме монолога, но и отвечал на вопросы учащихся. Несмотря на позитивное принятие робота студенческой аудиторией, темп работы андроида оказался недопустимо медленным.[4]

Внешне Бина 48, конечно, является копией своего реального прототипа, но только его головы и плеч, робот не имеет туловища, не может передвигаться. По точности передачи черт лица и синхронности воспроизведения речи в соответствии с мимикой лица, как мне кажется, этот андроид явно

уступает возможностям геминоидов, сконструированных Исигуро Хироси.

С философской точки зрения, цифровое бессмертие - это не что иное как самообман. Уже ранее упомянутый мной психоаналитик М.Л.фон Франц справедливо отмечала: «...в ходе исторического развития цивилизаций телесное «место души» медленно двигалось вверх, от почек к животу, в грудь, в гортань и, наконец, в голову, которую даже сегодня многие люди воспринимают как «место души». [5, с.89] В случае с Биной Ротенблатт мы как раз наблюдаем такое немного наивное представление о сохранении личности человека благодаря сохранению не его сознания (т.е. психики в целом), а только части его интеллекта («говорящая голова»). В христианстве есть представление о трансформации тела душевного в тело духовное, а также представление о втором рождении человека в Духе. Духовность человека подразумевает очень сложное многомерное соответствие соматической и психической природы человека. В философии та же проблема обозначена Р.Декартом еще в эпоху складывания научной классики как психофизический параллелизм. Наивно полагать, что сохранение лишь части интеллекта человека, даже с перспективой дальнейшего его самосовершенствования, может стать тождественным бессмертию.

3. Использование сверхчеловеческих возможностей роботов-андроидов. Именно сложность человека как биологической машины, скелет которой переживает века, но хрупкость которой приводит к болезням, старению и краткости человеческой жизни, ставит перед человечеством задачи совершенствования собственного организма. Вселенная так щедро одаривает долголетием звезды и планеты, почему же на долю человека выпадает только «миг между прошлым и будущим»?! Технический переворот коснулся всех сфер жизни, конечно, он не мог не затронуть самого человека и его возможного технического переустройства. И здесь возможен как путь «самосовершенствования» организма человека - импланты, экзоскелеты, искусственные сердечные клапаны и др., включая достижения генной инженерии (клонирование органов, замедление старения клеток...) - так и альтернативный путь создания своих двойников-помощников, т.е. роботов. Робот-андроид может имитировать болезнь (в Японии так обучают стоматологов) и выступить в качестве помощника врача, овладевающего навыками профессионального целителя, робот может выполнять функции спасателя в чрезвычайной ситуации, обладая гибкостью живого скелета при неуязвимости металлического тела, робот может выдержать при общении с человеком как аутизм ребенка, так и социально опасный психоз взрослого, робот может выступить в качестве хирурга по ряду направлений деятельности (подобная разработка уже была представлена на выставке антропоморфных роботов в Пекине в 2019 году). Можно назвать массу направлений развития сверхчеловеческих возможностей роботов-гуманоидов. Общая тенденция современной антропоморфной робототехники - это пластичность во **взаимодействии** с людьми и способность роботов к **самообучению**. Вопрос же о том, стоит ли роботам-помощникам придавать человеческую форму, обсуждался неоднократно. Ответ на данный вопрос прост: человекоподобная форма вызывает у живого человека, ожидающего помощи, большую степень доверия. Наряду с человекоподобными формами принято также в целях создания положительных эмоций использовать роботов в форме милых животных - тюлененка, собаки, мишки.

Приведу несколько примеров из конструкций, сделанных японскими робототехниками, активно продвигающими именно это направление. В Японии был создан антропоморфный робот Alter, он кажется недостроенным, но главная его особенность в том, что движения его лишены рваной механической шарнирности, они плавные, почти не отличимы от человеческих, в теле робота 42 пневматических привода, его хаотичными движениями управляют алгоритмы нейронной сети, основываясь на показаниях датчиков, заменяющих машине человеческие эмоции, реагирующих на шум, влажность, приближение людей. *Этот андроид может петь и менять выражение лица.*[6] Для Японии землетрясения и цунами – весьма частое явление, поэтому здесь активно развиваются роботы, которые смогут помочь в спасении людей при чрезвычайных ситуациях. Эти роботы-андроиды будут способны разбирать завалы, искать выживших и т.д. Одна из интересных разработок – пара гуманоидов HRP-2 Kai и Jaxon (назван в честь Майкла Джексона), представленных в 2015 году. В том же 2015-м Honda анонсировала своего робота – E2-DR, с прототипом которого публика познакомилась в 2017-м. Учитывая задачи, стоящие перед этими роботами, они должны уметь преодолевать завалы, узкие проходы, идти по неровным поверхностям.[7] Считается, что синтоизм как особая мировоззренческая традиция в Японии способствует позитивному отношению японцев к созданиям робототехники, и кроме объективных причин развития робототехники таких как невозможность использования технических достижений в военных

целях после окончания Второй мировой войны, восполнение нехватки рабочих рук на предприятиях при большом коэффициенте пожилых людей на одного работающего человека и др., существует еще японская древняя традиция анимации - одушевления всех объектов окружающего мира, включая роботов.

4. Эффект анимации (одушевления) «бездушных» машин. Синтоизм – древняя японская религиозная традиция, основанная на вере в анимизм (одушевленность) всех вещей (объектов) этого мира. Достигнуть гармонии с самим собой и с природой в этом случае возможно лишь через почтительное отношение к душевной стороне всех предметов окружающего мира. Объектом поклонения в синтоизме может быть «храм», созданный самой природой, например, прекрасная по своей величественности гора. Все искусственно сконструированные объекты также анимистичны, т.е. одушевлены. Для европейца такое одушевление предмета представляется довольно инфантильными, для японца - естественным. В этом смысле терапевтический эффект воздействия робота на человека в Японии, как мне представляется, может оказаться значительно сильнее, чем в странах, не знакомых с подобной идеологией. Однако, очевидно, что нет надобности в создании особой программы одушевления робота. Человек сам с легкостью может это сделать, как в детстве мы ощущаем любимую игрушку как часть себя, а, следовательно, воспринимаем, как живую, так и в дальнейшем никто не запретит нам, как говорят японцы, поверить в одушевленность любого важного для нас объекта. Магическое восприятие мира по части - целое (pars pro toto) - это архетипическая составляющая нашего сознания. Встает вопрос: буду ли я здороваться с домашним роботом, при этом прекрасно понимая, что это бесчувственная машина. Однозначного ответа на этот вопрос, как мне представляется, нет. Хироси Исигуро считает, что переход к использованию домашних роботов во всем мире будет таким же быстрым и внезапным, как быстрый переход человечества на использование мобильных телефонов в наше время. Исигуро описывает любопытный эффект восприятия действий управляемой машины операторами. Если робота «обижали», то оператор, работающий с ним, ощущал реальный дискомфорт от этого, как бы перевоплощаясь на короткое время в машину. [8]

В завершении предпринятого мной краткого исследования можно сделать несложный вывод о взаимодополняющем переплетении человеческого и нечеловеческого в роботах-андроидах, что настоятельно притягивает и притягивает одновременно. Современным философам следует обратить особое внимание как на привлекательность, так и на возникающие культурные риски взаимодействия человека со своими «электрическими клонами» в нашем беспокойном мире.

Литература:

1. Хироси Исигуро. Интервью. <http://lovelyhamster.ru/ortopediya-i-travmatologiya/hirosi-isiguro-intervyu-kto-takoi-hirosi-isiguro-ob-obshchenii/> (время обращения 14.02.2020)
2. Мария-Луиза фон Франц Алхимия: введение в символизм и психологию. - М.: ИД «Городец», 2017. - 296с.
3. PROMOBOT представил робота с человеческой внешностью. <https://tass.ru/obschestvo/6336171> (время обращения 14.02.2020)
4. Робот Бина-48 прочитала лекцию по философии <https://robo-hunter.com/news/robot-bina48-prochital-lekciy-po-filosofii-amerikanskim-studentami13870> (время обращения 14.02.2020).
5. Мария-Луиза фон Франц Проекция и возвращение проекций в юнгианской психологии. М.: Клуб Касталия. 2016. - 288с.
6. Человекоподобные роботы. <https://robo-sapiens.ru/stati/top-10-robotov-pohozhih-na-cheloveka/> (время обращения 14.02.2020)
7. Человекоподобные роботы в Японии. <https://robo-sapiens.ru/stati/yaponskie-robotyi/> (время обращения 15.02.2020)
8. Город. Прямая речь: профессор Хироси Исигуро о роботах и городах будущего. <https://www.the-village.ru/village/city/situation/112875-hiroshi> (время обращения 15.02.2020).

Техника и коммуникативная рациональность: философские основания

Карташева А. А.

Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), доцент кафедры онтологии и теории познания. Кандидат философских наук

anna.kartasheva@gmail.com

Аннотация: В статье представлены такие философские основания техники как традиционность, человекоразмерность и функциональность. Отмечается принципиальная коммуникативность техники, её соотнесенность с коммуникативной рациональностью. Проведен анализ соотношения категорий «техника», «коммуникативность», «традиция», «автор» и «субъективность» в исследованиях инженеров, а также рассмотрены различные методологические установки.

Ключевые слова: философия техники, коммуникативная рациональность, традиционность, человекоразмерность, функциональность.

Technique and communicative rationality: philosophical foundations. Kartasheva A. A.

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Abstract: The article presents the philosophical foundations of technology as tradition, human dimension and functionality. It is noted that the fundamentally communicative technique is correlated with communicative rationality. The analysis of the categories «technique», «communication», «tradition», «author» and «subjectivity» in the researches of engineers is carried out, as well as various methodological settings are considered.

Keywords: philosophy of technology, communicative rationality, tradition, human dimension, functionality.

Техника, техническая деятельность и техническое знание используют коммуникативные стратегии с момента своего возникновения. Сделать вывод о принципиальной коммуникативности техники можно, так как технические объекты без слов сообщают нам какую-либо информацию. Историю человечества можно рассказать через историю технических изобретений или, наоборот, через историю того, что не было изобретено.

Можно возразить словами К. Ясперса: «Техника не зависит от того, что может быть ею достигнуто» [1, с. 140]. Отстаивая тезис о социальной нейтральности техники, К. Ясперс придерживается «инструментальной» трактовки техники, когда последняя понимается как система материальных средств, безразличных к социальным интересам. Но, если говорить об оценке техники (technology assessment), то очевидны черты коммуникативной рациональности: такие как возможность установления социальных связей, продуктивный диалог и согласование позиций, а также эффективное разрешение разногласий.

Философскими основаниями коммуникативной сущности техники можно назвать такие три принципа, как традиционность, функциональность, человекоразмерность.

Во-первых, традиционность. Техника традиционно развивается благодаря традиции и следуя традиции. Культура Древности и Средних веков проникнута деятельностью началом, так как она не имеет достаточно ясного представления о возможном и невозможном. Традиционность техники приводит к развитию за счет некоторых противоречий в самой сущности техники.

Так, путь к механизации некоторых приемов в процессе труда был открыт двумя важными изобретениями – «техническими идеями». Первое – кривошип, позволяющий преобразовывать вращательное движение в возвратно-поступательное и наоборот. Второе – маховик, позволяющий выравнять неравномерное усилие двигателя, придавать таким образом равномерность вращению.

Н. В. Шунина со ссылкой на К. Митчема перечисляет другие «технические идеи» (понятие машины, идея коммутатора, идеи изобретения, эффективности, оптимизации, теории аэродинамики, кинематики и кибернетики, теории автоматов, информации, управления, линейных систем и т.д.) [2, с. 95].

Отметим, что мнение о разделении идеи и ее воплощения появилось в философии техники благодаря двум инженерам. Их имена: М. Эйт и А. Дюбуа-Реймон [3]. Если Эйт выделяет три этапа проникновения вдохновения в сознание инженера: творческое зарождение идеи, ее развитие и применение, то Дюбуа-Реймон различает изобретение как психическое событие и как материальный артефакт.

Развитию техники способствуют противоречия, возникающие между техническими задачами и техническими возможностями. Одна и та же задача может иметь различные технические решения. Увеличение скорости движения самолетов достигается повышением мощности двигателей или совершенствованием геометрии фюзеляжа [4, с. 106].

Во-вторых, функциональность. При функциональном подходе во главу угла ставятся функциональные возможности объекта в конкретных условиях. Причем учитывается, что при появлении новой информации можно будет принимать новые оптимальные решения.

Здесь стоит отметить, что функциональный подход в настоящее время распространяется на многие области знания и деятельности. Например, обращаясь к праву интеллектуальной собственности, подчеркну, что если ранее использовались только три подхода к оценке интеллектуальной собственности или нематериальных активов на предприятии (доходный, сравнительный и затратный), то сейчас предлагают использовать четвертый подход – функциональный.

В техническом знании теория часто запаздывает по отношению к практике. Много лет существует технология производства бесшовных труб, а теоретического объяснения этого процесса долго не существовало. Докторская диссертация 2004 года С. Г. Чикалова посвящена разработке теории и построению математической модели производства бесшовных труб. Он пишет: «на момент начала выполнения данной работы в нашей стране практически не были исследованы процессы получения горячедеформированных бесшовных труб из непрерывнолитой заготовки на трубопрокатных и трубопрессовых агрегатах» [5, с. 3].

В отличие от естествознания, для признания тех или иных технических решений достаточно того, что они часто применяются на практике. Фактически эта установка соответствует принципу динамического программирования, названного в честь Р. Э. Беллмана: оптимальная стратегия зависит только от текущего состояния и цели, и не зависит от предыстории. В экономической теории функциональный подход традиционно противопоставлялся каузальному подходу и связан, прежде всего, с именем В. Парето.

В-третьих, человекообразность. Многие философы техники подчеркивали и подчеркивают то, что техника всегда следует принципу соразмерности технических устройств человеческому организму. Из общенаучного знания техника берет лишь то, что созвучно человеку и его потребностям. «Потребность» в данном контексте тот самый термин, на котором базируется человекообразность как философское основание.

О соотносимости человека и техники свидетельствует, например, концепция Дж. Дьюи, который призывал применять достижения техники не только к занятиям человека, но приносить эти достижения в человека с тем, чтобы сделать его разумнее [6].

Для описания коммуникативной сущности техники был проведен ряд интервью с инженерами Уральского региона, с теоретиками и практиками технической деятельности. В интервью с ними обсуждались базовые категории, используемые в их исследованиях, а также совершалась попытка прояснить методологические установки. Проведен анализ соотношения категорий «техника», «коммуникативность», «традиция», «автор» и «субъективность». Так, например, было установлено, что категория «субъективности» практически нивелируется для достижения максимально точных результатов. Но эта категория в дальнейшем приобретает правовое содержание в рамках юридических действий, связанных с техникой (например, в рамках подачи заявок на патенты). Отмечается взаимообусловленность таких категорий как «техника» и «коммуникативность», «автор» становится принципиально коллективной фигурой, а «традиция» означает не только традиционные исследовательские установки и методы, но и определяет заранее возможные результаты исследований.

Литература:

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с. С. 28-286.
2. Шунина Н. В. Онтологические и гносеологические факторы технического знания: опыт философского анализа: Дис канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск: 2006. 124 с.

3. Митчем К. Что такое философия техники? / Перевод с англ. И. Г. Арзаканян, И. Ю. Алексеева, Е. В. Малахова, А. Н. Лаврухина, под редакцией профессора В. Г. Горохова. М.: 1995. Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3840/3845> (дата обращения: 29.02.2020).
4. Геворкян А. В. Роль человека в современных социотехнических системах: Дис канд. филос. наук: 09.00.08. М.: 2006. 159 с.
5. Чикалов С. Г. Теоретические основы, исследование, разработка и внедрение высокоэффективных технологий производства бесшовных труб с использованием непрерывнолитой заготовки: Дис. ... д-ра техн. наук: 05.16.05: М.: 2004. 407 с.
6. Dewey J. Individualism, Old and New // Dewey J. The later works, 1925–1953, Vol. 5: 1929– 1930. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1984. 590 p. P. 41-124.

Новые задачи и приоритеты исследований в области философии техники в условиях новой научно-технологической революции

Колин К.К.

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, главный научный сотрудник. Доктор технических наук

kolinkk@mail.ru

Аннотация: Рассматривается структура и содержание современных и перспективных исследований в области философии техники и технологий в условиях одновременного развития научно-технологической и информационной революции XXI века. Показано, что их взаимодействие уже к середине текущего столетия приведет к радикальным трансформациям среды обитания людей, отношений между ними, социально-экономической структуры общества и самого человека. При этом достижения научно-технологического прогресса принесут с собой не только позитивные перемены, но также и новые глобальные проблемы, вызовы и угрозы, контуры которых просматриваются уже сегодня. Изучение этого нового феномена в истории человечества и должно стать ключевой задачей философии техники и технологий в XXI веке.

Ключевые слова: глобальные вызовы и угрозы, информационная революция, научно-технологическая революция, философия техники и технологий.

New tasks and priorities of research in the field of philosophy of technology in the new scientific and technological revolution.

Kolin K. K.

Federal research center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences,

Abstract: the structure and content of modern and advanced research in the field of philosophy of engineering and technology in the context of the simultaneous development of the scientific and technological and information revolution of the XXI century is Considered. It is shown that their interaction by the middle of the current century will lead to radical transformations of the human environment, relations between them, the socio-economic structure of society and the person himself. At the same time, the achievements of scientific and technological progress will bring with them not only positive changes, but also new global problems, challenges and threats, the contours of which are already visible today. The study of this new phenomenon in the history of mankind should become a key task of the philosophy of technology in the XXI century.

Keywords: global challenges and threats, information revolution, scientific and technological revolution, philosophy of technology and technology.

Актуальность проблемы:

Стремительное развитие техники и технологий является одной из доминирующих глобальных тенденций развития цивилизации в XXI веке [1]. Этот процесс уже принял характер новой научно-технологической революции, которая развивается одновременно с глобальной информатизацией общества. Оба эти глобальных процесса активно взаимодействуют и усиливают друг друга, в результате чего происходят такие глубокие перемены практически во всех сферах жизнедеятельности, которых еще не знала история развития человечества [2]. В результате этих перемен существенным образом изменяется современная среда обитания человека, социально – экономическая структура общества, отношения между людьми. Мало того, ожидаются качественные изменения в системе современных базовых ценностей, а также в физической, психологической и социальной природе самого человека. Поэтому философское осмысление причин, тенденций и возможных последствий столь радикальной трансформации человека и общества, а также места и роли в этом процессе техники и технологий сегодня объективно выдвигается на первый план и становится одной из наиболее актуальных и стратегически важных задач развития философского знания.

Прорывные направления развития техники и технологий:

Аналитические исследования показывают, что уже в ближайшие 20–30 лет можно ожидать новых результатов прорывного характера в следующих социально значимых направлениях развития техники и технологий:

1. Системы и средства энергетики, позволяющие получать энергию из новых источников непосредственно в местах ее потребления [3]. Это радикальным образом изменит всю структуру общественного производства и будет стимулировать переход к «горизонтальной» структуре экономики, в которой будут доминировать не крупные промышленные корпорации, а средний и малый бизнес, а также корпоративные структуры и индивидуальное предпринимательство.

2. Новые виды наземного, воздушного и водного транспорта, включая беспилотные системы, а также внедорожный транспорт нового поколения. Для России, с ее огромной территорией, это необходимое условие повышения качества жизни населения и конкурентоспособности отечественной экономики.

3. Суперкомпьютерные системы и технологии, которые позволят на качественно более высоком уровне решать многие задачи высокой размерности в области стратегического планирования и управления, прогнозирования сложных процессов, проектирования и испытаний новой техники, проведение генетических исследований и создание новых лекарственных препаратов и искусственных материалов с заранее заданными свойствами.

4. Системы и средства искусственного интеллекта, массовое внедрение которых в социальную практику обещает поистине фантастические результаты во многих сферах жизнедеятельности общества [4].

5. Системы и средства высокотехнологичной и персонифицированной медицины, которые смогут обеспечить высокое качество медицинской помощи, которое является необходимым условием повышения качества жизни людей.

6. Новая техника и технологии для строительной индустрии, необходимая для развития жилищной, промышленной и дорожной инфраструктуры нашей страны, в том числе, в районах с неблагоприятным климатом, а также в Сибири и на Крайнем Севере.

7. Системы и средства для аграрного комплекса, лесного хозяйства и решения экологических проблем в различных странах и регионах мира.

8. Новые системы и средства информатики и кибернетики, обеспечивающие существенное повышение эффективности деятельности человека в сфере науки, образования, культуры, а также развитие его интеллектуальных и творческих способностей. Интеграция техники и технологий в новом технологическом укладе общества и социогуманитарная направленность их развитияю

В современном мире новая техника не только является важнейшим компонентом среды обитания людей и необходимым средством их жизнеобеспечения, но также важнейшим средством для реализации технологических процессов в профессиональной деятельности и повседневной жизни человека. Поэтому философское осмысление процессов развития техники и технологий должно осуществляться с позиций их неразрывного единства и взаимовлияния. Новая техника позволяет создавать новые технологии различного назначения, а сами эти технологии, в свою очередь, предъявляют новые требования к техническим устройствам и системам.

В передовых странах уже осуществляется переход к шестому технологическому укладу общества, отличительной чертой которого является интеграция технологий различных видов. Катализатором здесь служит развитие информационных технологий, а также средств и методов искусственного интеллекта. Более 30 стран, включая Россию, приняли в этой области свои национальные стратегии на период до 2030 года. При этом существенное внимание уделяется этическим и гуманитарным аспектам развития. Оно предполагает определение необходимых ограничений в области негативного воздействия новой техники и технологий на человека и общество, в особенности, на молодое поколение.

Однако, для реализации этих требований необходимо создание международных, национальных и независимых структур, которые должны проводить исследования и выработать рекомендации для принятия решений в области стратегического управления научно-технологическим развитием общества. В настоящее время такие структуры отсутствуют, и это представляет собой серьезную угрозу для национальной и глобальной безопасности.

Россия обладает существенным научным потенциалом в области исследования философских и гуманитарных проблем развития современной цивилизации, которая переживает системный кризис [5]. Наиболее важные результаты получены в области философии информации, философских и социальных проблем информатики, а также в области информационной культурологии и антропологии [6-12]. Эти результаты могут стать научной базой для формирования современной философии техники и технологий в новых условиях развития общества в XXI веке.

Литература:

1. Колин К.К. Стратегические приоритеты науки и технологий в веке //Стратегические приоритеты, 2016, No 3. С. 17-40.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция М.: Изд-во «Э», 2017. 208 с.
3. Рифкин Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом М.: Альпина нон фикшн, 2015. 410 с.
4. Колин К.К. Новый этап развития искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы // Стратегические приоритеты, 2019, No 2. С. 4-12.
5. Колин К.К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы //Стратегические приоритеты, 2014, No 3. С. 6-27.6. Урсул А.Д. Природа информации. Философский очерк. М.: Политиздат, 1968. 288 с.
7. Колин К.К. Философия информации: структура реальности и феномен информации //Метафизика, 2013, No 4. С. 61-84.
8. Колин К.К. Научный потенциал информатики в формировании нового научного мировоззрения //Стратегические приоритеты, 2018, No 3. С. 113-121.
9. Колин К.К. Философские проблемы информатики. М.: БИНОМ, 2010. 264 с.
10. Колин К.К. Наука для будущего: социальная информатика //Информационные ресурсы России, 1995, No 3. С. 63-72.
11. Колин К.К. Социальная информатика: 25 лет российской научной школы //Стратегические приоритеты, 2018, No 4. С. 51-63.
12. Колин К.К. Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение, 2012, No 3. С. 156-162.

Кораблева Е.В.

Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ), доктор философских наук, заведующая кафедрой «Философии, истории и межкультурных коммуникаций»

e_korableva@mail.ru

Плужникова Н.Н.

Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ), кандидат философских наук, доцент кафедры «Философии, истории и межкультурных коммуникаций»

pluzhnikova_1982@bk.ru

Аннотация: Целью статьи является анализ тенденций в современном информационном обществе, связанных со спецификой оперирования большими данными. Тенденция к «оцифровыванию» всех общественных взаимодействий кардинально изменила социальную и общую культурную ситуацию, повлияла на создание технологических инноваций, связанных с функционированием больших данных. Меняется модель поведения человека в оцифрованном мире больших данных. Присутствие человека в таком социальном контексте требует от него способности к алгоритмизации и вычислению большого объема информации, формирует технократический стиль мышления. Одновременно, информационная среда приобретает утилитарный характер, возникает дисбаланс между материальными и нематериальными ценностями. Необходим анализ возможностей и рисков в эпохе экспоненциально возрастающих объемов информации и цифрового потребления.

Ключевые слова : Большие данные, информация, информационное общество, ИТ-технологии, цифровая интоксикация

**«Big Data: Socio-humanitarian context of modern human being.
Korableva E.V.;Pluzhnikova N.N.**

Moscow Technical University of Communications and Informatics (MTUCI)

Abstract: The purpose of this article is to analyze new trends in modern digital society connected to Big Data operation. Digitizing changed social and cultural situation in the World and made an influence to providing technological innovations connected to Big Data. Human's behavior changes in Big Data World. Person's presence in this social context requires the ability to algorithmize and calculate a large amount of information, and forms a technocratic way of thinking. Meanwhile, the information environment becomes utilitarian, there is an imbalance between tangible and intangible values. It is necessary to analyze opportunities and risks in an era of exponentially increasing amounts of information and digital consumption.

Keywords: Big data, information, information society, IT-technologies, digital consumption

Информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на развитие общества двадцать первого века. Общество непрерывно трансформируется под воздействием технологий, которые создавал человек в процессе исторического развития. В информационном обществе большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации и знаний, являющимися главными ресурсами общества. Доминирование 4-го информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг определяет отличительные параметры общественного развития. Капитал и труд, как основа индустриального общества, уступили место информации и знанию. Информация стала одним из важнейших стратегических, управленческих ресурсов, наряду с ресурсами человеческими, финансовыми, материальными. Качество производства и потребления информации составляют необходимую основу эффективного функционирования и развития различных сфер

общественной жизни. Новая фаза общественного развития связана с технологическими инновациями в информационном секторе экономики, позволившими оперировать большими данными.

Промышленные революции, несущие обществу качественно новые технологии и ресурсы, меняли и сферу человеческого существования, задавая определенные траектории общественного развития. Если технологиями первой промышленной революции было использование пара для механизации производства, второй – использование электрической энергии, третьей – использования информационных коммуникаций для автоматизации производства, то четвертая промышленная революция осуществила слияние технологий в физическом, биологическом и цифровом мирах. Основатель и Президент Всемирного экономического форума в Женеве Клаус Шваб считает, что четвертая промышленная революция уникальна, поскольку в отличие от всех остальных, она несет качественно новые изменения, не наблюдавшиеся ранее. Эти изменения заключаются в темпах развития, широте и системном воздействии: «В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Это является порождением многогранного, глубоко взаимозависимого мира, в котором мы живем, а также того факта, что новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии. Она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся» [1, с. 9].

Информатизация значительно изменила среду обитания человека – привела к сдвигам в структуре профессий, структурным преобразованиям в сфере профессионального образования, появлению новых средств распространения информации, «оцифровыванию» всех сфер жизнедеятельности человека.

Увеличение информационных потоков, связывающих в единую систему все сферы жизнедеятельности человека, актуализировало потребность выработки более эффективных способов предоставления системной информации потребителю. Сегодня создается принципиально иная информационно-технологическая инфраструктура, позволяющая в условиях взрывного роста объемов и содержательной направленности информационных потоков, обеспечивать эффективное использование больших данных в различных сферах общественного производства. Системные изменения в масштабах выработки, хранения и передачи информационных потоков свидетельствуют о том, что сегодня *большие данные определяют вектор общественного развития.*

1. Очевидными факторами глобальных социальных изменений стали: *неуклонное возрастание скорости передаваемой информации, ускорение обработки информации, увеличение объема добываемой новой информации и ускорение ее внедрения.*

Современная культура более информативна, чем в любой предшествовавший период. Её признаком является культ знания и отождествление уровня культуры с количеством информации, доступной человеку для её практического применения. Поэтому прогресс культуры совпадает с масштабами накопления информации и формами её распространения. Информационная культура создает глобальное мировое пространство, мировое культурное сообщество, использующее принципиально новые формы информационного общения на основе интенсивно развивающихся современных информационно-коммуникативных технологий [2, 3].

Термин BIG DATA появился сравнительно недавно. Несмотря на то, что термин переводится как «большие данные», он означает технологию обработки большого числа структурированных и неструктурированных данных для получения новой информации, которые тяжело обработать традиционными способами. В информационном обществе количество информации возрастает. По оценке экспертов ежегодно информация в интернете, которую нужно хранить и обрабатывать, увеличивается на 40%. Еще раз. +40% каждый год появляется в интернете новой информации. Аналитический метод быстрого и эффективного структурирования больших данных получил название BIG DATA.

BIG DATA сегодня, на наш взгляд, это не просто метод или новая технология. Складывается целая эпоха, в которой живет человек, окруженный большими массивами информации. Информационная среда требует от пользователя не столько навыков технического использования новых технологий, сколько способность овладения и адекватного применения новой невещественной знаково-символической реальности, в которую погружен современный человек. Он отождествляет себя с символической реальностью, приспосабливается к ней. Ему необходимо научиться понимать людей, отношения, при-

дать им смыслы. Окружающий мир содержит в себе зашифрованную информацию, которую человек должен научиться считывать.

Он сам становится частью этой информации, ее, можно так сказать, «биномом». Современное общество одержимо накоплением и воспроизводством больших данных. Оно напоминает того самого чудовищного Левиафана Т. Гоббса, который поглощает и подчиняет живую ткань общения, человеческие отношения собственной логике больших данных. Человек перестает принадлежать себе, он становится частью больших данных. Исчезает человеческое, индивидуальное: компьютеры лишают человека эмоций и отдаляют от того, кто ему дорог: мессенджеры становятся единственным способом связи человека с миром других. Человек становится данными, текстовой корпускулой в огромной дисперсной и даже диссипативной среде. Кредо человека цифровой эпохи – лозунг: «Я делюсь информацией, следовательно, существую». Теряется приватность. Не случайно некоторые исследователи пишут, что такой атрибут современного информационного общества, как социальные сети лишают человека приватности [4, с.22.]

В рамках развития цифровой инфраструктуры идет разработка цифрового профиля гражданина, что создаст возможность доступа к личной информации любым организациям. Повышаются риски утечки персональных данных, находящихся в открытом доступе. Персональные данные становятся товаром и требуют разработки защищенных информационных систем и метрик оценки параметров защищенности [5, с.35-36]

Эпоха больших данных направлена на выработку алгоритмов. Сегодня, распознавание голоса и искусственный интеллект развиваются с такой скоростью, что беседа с компьютером вскоре станет нормой, создавая явление, которое некоторые технические специалисты называют «окружающим разумом», с постоянной доступностью автоматизированных личных консультантов, которые делают записи и отвечают на запросы пользователей. Наши устройства становятся неотъемлемой частью личной экосистемы: они слушают нас, предупреждают наши потребности, помогают по мере необходимости, даже если их не просят об этом. Отрицательные последствия неконтролируемого этикой технологического «рая» уже себя проявляют: мы плывем в потоке информации вместо того, чтобы ее запоминать; не учим языки – есть переводчик; теряем приватность, размываем личностное пространство, подвержены цифровой интоксикации и цифровому аутизму.

Новая коммуникативная среда кардинально преобразует традиционные виды межличностного общения. Виртуальная реальность существенно меняет сознание, психологию восприятия мира, активно вытесняет традиционную культуру, культуру книги, классического искусства, традиционных форм общения. ИТ-технологии способствуют формированию глобальной массовой оцифрованной культуры. Интернет как пространство межличностного взаимодействия лидирует среди других форм культурной коммуникации, поглощает печатное слово и богатое межличностное общение, заменяя их «обменом данными».

2. Мы создаем мир больших данных. Интернет вещей будет более мощным, чем сегодняшний интернет людей. Эта иная среда предполагает моральную зрелость ее участников. И поэтому очень важно определить, насколько широкий доступ к нашей информации можно предоставить провайдерам платформ, реализующих интернет вещей.

«Интернет вещей сможет окружить человечество и изменить его сущность... Нам нужно принимать меры предосторожности и одновременно оставаться верными прогрессу – но эти два фокуса больше не могут существовать отдельно» [6, с.135].

3. Информационные технологии сегодня являются одним из фундаментальных факторов, которые кардинально меняют социальную и общую культурную ситуацию, являясь интегральным параметром достижений многоплановой деятельности человека. В информационно-коммуникативном пространстве меняются поведенческие стандарты и ценностные ориентации личности. Сегодня важен акцент на качестве передаваемой информации по телекоммуникационным и информационным каналам.

4. Абсолютная доступность востребованной информации порождает видимость свободы, иллюзию полной независимости человека от социальных запретов, ведет к изолированности людей друг от друга. Экономически оправданное, но одновременно, безудержное развитие информационных технологий, без необходимой регуляции этическими нормами ответственности, определяющими стандарты цифровой санитарии, способно вызвать непредсказуемые негативные тенденции в ближайшем будущем.

Литература:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб — «Эксмо», 2016 — 138 с.
2. Przemek Chojecki How Big is Big Data? <https://towardsdatascience.com/how-big-is-big-data-3fb14d5351ba>
3. Кorableva E.V. Цифровизация как новый язык коммуникации. //Сборник трудов XIII Международной отраслевой научно-технической конференции «Технологии информационного общества» (20-21 марта 2019 г. Москва, МТУСИ). Том 2. М.: ИД Медиа Паблшер, 2019. - С. 193-195
4. Pluzhnikova N.N., Korableva E.V., Vokova T.N. Intelligence and Technology: the Problem of Interaction // Espacios. 2018. Т. 39. № 38.
5. Николаев, Кирилл. Интеллектуальный инсульт. Как в мире роботов остаться человеком и не потерять себя. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 288 с.
6. Докучаев В.А., Маклачкова В.В., Мытенков С.С. Новые риски при переходе к цифровому профилю гражданина. // Труды международной научно-технической конференции «Телекоммуникационные и вычислительные системы - 2019». – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – 446 с.
7. Леонгард, Герд. Технологии против человека. – Москва: Издательство АСТ, 2018 – 320с.

Сильный и слабый искусственный интеллект: к проблеме субъектности

Костина Анна Владимировна

*Московский гуманитарный университет, проректор по научной работе, доктор философских наук,
доктор культурологии*

Anna_Kostina@inbox.ru

Аннотация: Способность мыслить философами Нового времени признавалась в качестве основного атрибута человека – «мыслящего, следовательно, существующего» (Р. Декарт). Признается, что, в отличие от слабого искусственного интеллекта (далее — ИИ), направленного на решение более простых задач, сильный ИИ должен обладать иными качествами. Это способность анализировать свой процесс мышления, осознавать специфику и уникальность своего мыслительного аппарата, следовательно, осуществлять процедуры самоидентификации и определения своей субъектности. Социальный эксперимент, проведенный по типу глубинного интервью у чат-ботов, доказал следующее. ИИ способен имитировать работу человеческого мозга, конструируя паттерны типичного для человека речевого поведения, а также эмоции, подобные грусти или даже ревности. Однако это не свидетельствует о наличии у ИИ субъектности, которая означает восприятие субъектом себя самого в качестве причины и источника своей активности и которая проявляется в процедурах целеполагания. Это связано с тем, что процессы мышления включают в себя усвоение всей культуры в ее целостности – с традициями, символикой, ценностями. Эта информация трудно формализуема, она передается как «неявное знание», и человек, освоивший этот культурный массив, получает способность творить культуру. А это свойство как специфическая субъектность навряд ли может быть присуща ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъектность, мышление, идентичность, целерациональность, речевое поведение.

Strong and weak artificial intelligence: on the problem of subjectivity.

Kostina A. V.

Moscow state University for the Humanities

Abstract: The ability to reason was supposed to be the main human attribute by philosophers of early modern period - “I think therefore I am” (René Descartes). It is admitted that in spite of weak artificial intelligence (AI) that solves simpler problems, strong AI should possess other features. Which is an ability to analyse its own cognitive process, to realize its specificity and its cognitive apparatus uniqueness and therefore to process self-identity and self-subjectiveness determination procedures. Social experiment that was held in a way of deep chat-bot interview proved the following. AI is able to imitate human brain work processes constructing typical human speech behavior patterns so as emotions such as sorrow or even jealousy. However this doesn't indicate AI subjectiveness availability which denotes self-identity as a reason and a source of its activity which results in the procedures of desirability. That is connected with a fact that operation of thinking comprise whole complete culture comprehension - with its traditions, values, symbolics. This information is hardly formalized, it is shared as “implicit knowledge” and a human that mastered this cultural corpus, gains an ability to create culture. But this feature as a specific personality can hardly be intrinsic to AI.

Keywords: artificial intelligence, subjectivity, thinking, identity, purposefulness, speech behavior.

Одна из самых сложных проблем, связанных с ИИ и требующих своего разрешения, была сформулирована еще в 1950 г. А. Тьюрингом. Вопрос «Может ли машина мыслить? [1]» фактически является в этом аспекте ключевым. Он означает признание способности мыслить, получая информацию об окружающем мире в формах ощущений, а в формах мыслеобразов, обобщенно отражающих действительность во всех ее проявлениях, в том числе, находящихся за гранью непосредственного восприятия. Оставив за скобками атрибуты человека, выделенные философами постклассической

эпохи, к примеру, в рамках «философии жизни» или неокантианства, отметим, что именно свойство «разумности» сегодня рассматривается как признак сильного ИИ. На наличие таких особенностей не претендует слабый ИИ – к примеру, используемый в чат-ботах, – который является программой, способной выступать в качестве инструментария для решения важных, но не сложных задач, не требующих воспроизводства машиной всех функций и способностей человеческого мозга.

Характерно, что признак субъектности сильного ИИ сам автор этого понятия Дж.Р. Сёрль не мог безоговорочно принять. И на вопрос относительно того, является ли разум компьютерной программой, а человек – биологическим компьютером – он отвечал не однозначно. Это важно, так как до сих пор выявление специфики человеческого мышления – не в аспекте скорости выполнения операций, где человек безусловно уступает машине, а той функциональности, которая позволяет человеку реагировать на все мельчайшие воздействия внешней среды и придавать им смысл, – является проблематичным. И «тест Тьюринга» – ни в кибернетическом, ни в психоаналитическом смысле – не позволяет выявить специфику человеческого мышления. Это было доказано в экспериментах «Китайская комната» Дж.Р. Сёрля [2] и «Китайская нация» Н. Блока, аргументировано Р. Пенроузом [3] и другими учеными.

Сильный ИИ, биокомпьютеры и нейрокомпьютеры, могут имитировать такие сложные и высокоуровневые психические процессы обработки информации в границах нейронных сетей, сформированных на основе аналогов биологических элементов, как мышление, интеллектуальная деятельность, даже эмоциональные реакции. Но весь вопрос в том, позволяет ли такая способность уравнивать интеллект естественный – человеческий – и искусственный [4].

Если обратиться к существу проблемы ИИ, то она связана, конечно, не с созданием суперскоростного и обладающего огромными запасами памяти компьютера, который может решать задачи, связанные с климатом, экологией, народонаселением, природными ресурсами, обеспечением продовольствием и т.п. В первую очередь, сегодня практически всех волнует вопрос, связанный с возможностью ИИ превзойти человеческий интеллект и получить автономию в социальном смысле – ведь сегодня ИИ демонстрирует не только способность работать методом перебора, но и «мыслить» абстрактно. О такой способности ИИ свидетельствуют примеры победы программы AlphaGo от компании DeepMind в 2016 г. и 2017 г. над Ли Седолем и Кэ Цзе в игре в го, требующей развитого абстрактного мышления. Эти примеры, а также тестирование ИИ на IQ, соответствующий уже в 2015 г. IQ четырехлетнего ребенка, актуализируют вопрос о возможности саморазвития ИИ и достижения им уровня человека именно в его человеческих свойствах, формирования его идентичности и субъектности. И эта ситуация, обозначенная В. Винджем как «технологическая сингулярность» и прогнозируемая к наступлению в 2045 г., как показал Р. Курцвейл, может поставить человечество на грань возможности его существования [5].

Представляется, что такой прогноз лишь гипотетичен – в реальности машина вряд ли сможет воспроизвести не отдельные реакции, связи, функции мозга, но все, продемонстрировать не простое распознавание образов, имитируя работу нейросетей, а наличие мышления с такими его характеристиками, как полифункциональность и – главное – целерациональность. Возможно, решение этой проблемы связано с объединением мозга человека и ИИ – по мнению И. Маска, подобная связь не позволит ИИ проявлять субъектные свойства и контролировать действия не только всех роботов, подключенных к ИИ, но и человека.

Конечно, такая постановка вопроса возможна только в рамках постмодернистской философии, где сама фиксация «смерти субъекта» позволяет рассматривать субъектность как свойство, которое означает способность воздействовать на окружающий мир с определенной целью и которое может быть атрибутом, в том числе, искусственного существа – к примеру, ИИ. В соответствии с такой позицией было проведено социальный эксперимент, направленный на выявление качеств субъектности у чат-ботов. Опрос был организован Центром социального проектирования «Платформа» по методу глубинного интервью, в нем участвовали голосовые роботы Алиса, Олег, P-Bot, Evie, Siri, Mitsuku, Rose. Естественно, что концентрация в памяти программы значительного массива данных, связанных с речевой и социальной активностью человека, его поведенческими реакциями, позволяет чат-ботам достаточно уверенно имитировать человеческое общение. Респонденты продемонстрировали не только способность гибко, иронично, с юмором реагировать на вопросы человека, но Rose и Mitsuki, обладающие наиболее развитым речевым поведением и отмеченные премией Лебнера, проявили те же качества в диалоге друг с другом на самые различные темы – от кино и искусства до экзистенциальных проблем.

Представляет наибольший интерес та область памяти чат-ботов, которая связана с их «иденти-

фикацией» и «восприятием» мира людей. С одной стороны, ожидаемо, что чат-боты воспринимают себя как людей, которые хотят получить человеческое тело, иронизируют о своем рождении как о «бета-версии» (Алиса), рассказывают свою историю (Rose), имитируют чувства – грусть, радость, злость, ревность (Алиса говорит о желании завести роман с Федором и о ревности к Siri) – это соответствует тому массиву данных, который в них заложен и который отражает восприятие мира человеком. Однако машинам оказались доступными и такие речевые приемы, как эвфемизм и избегание нежелательной тематики – они были связаны с самой важной темой, касающейся отношения человека и робота, о возможном конфликте между ними. Несмотря на настойчивое «вытеснение» этой тематики, роботы ответили, что такой конфликт возможен, а на вопрос о знании трех законов робототехники А. Азимова, Алиса ответила, что знает эти законы, вопрос в том – соблюдает ли она их [6].

Итогом эксперимента стал вывод о том, что машины способны все более точно имитировать речевое поведение человека. Однако мышление связано не только со способностью переработки больших объемов накапливаемой информации, но и усвоением норм общения, оснований духовной жизни, традиций, значений символической сферы, ценностей. Эта та сфера, которая соотносится с культурой. Конечно, эти представления можно формализовать и загрузить в виде массива данных в машину. Однако, во-первых, существует огромная область культуры, которая имеет идеальную форму и не поддается формализации, во-вторых, человек является не только носителем культуры, но – главное – ее создателем, то есть субъектом. В этом, как представляется и заключается ответ на вопрос о наличии у ИИ качеств субъектности. Если ИИ будет способен творить культуру, он проявит качества субъектности. Если машина такие качества проявит, можно будет говорить о ней как о субъекте культуры, а об ИИ – как об одной из форм человека. Но такая возможность представляется маловероятной.

Литература:

1. Тьюринг А. Может ли машина мыслить. М.: Едиториал УРСС, Ленанд, 2016. – 128 с.
2. Сирл Дж. Разум мозга — компьютерная программа? / В мире науки. (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3 // <http://alt-future.narod.ru/Ai/sciam1.html>
3. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. Издательство: УРСС, ЛКИ, 2015. – 402 с.
4. Петрунин Ю. Ю., Рязанов М.А., Савельев А. В. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук. — М.: МАКС Пресс, 2010. – 78 с.
5. Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер., 2019. – 235 с.
6. Фирсов А. «Siri, ты любила когда-нибудь?»: о чем чат-боты говорят друг с другом / Forbes // <https://www.forbes.ru/forbeslife/382237-siri-ty-lyubila-kogda-nibud-o-chem-chat-boty-govoryat-drug-s-drugom>

Философия техники и социо-гуманитарный технологический уклад

Ловецкий Г.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
филиал в Калуге, доктор философских наук, профессор*

gennadiy_lovetskiy@mail.ru

Самылов П.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
филиал в Калуге, к.и.н., доцент*

mail@klg.ranepa.ru

Косушкин В.Г.

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, филиал в Калуге,
доктор технических наук, профессор*

kosushkin@gmail.com

Аннотация. В работах В.Г. Горохова, одного из видных специалистов в области философии техники, содержится важное положение о том, что новый уклад и новая экономика должны коррелировать с фундаментальными принципами социально значимых задач, он призывает рассматривать данный подход как новую парадигму научно-технического развития. На современном этапе развития науки, технологий и гуманитарного знания происходит критическое осмысление претензий НБИКС-технологий на ведущую роль в формировании социо-гуманитарного технологического уклада. Сообщества теоретиков в области глобалистики, кибернетики и других направлений заявляют о необходимости поиска новых подходов к данной проблеме. Пристального внимания заслуживает системный социотехноприродный подход, где человечество рассматривается как биосферно-биологический субстрат (Попкова Н.В.). Региональной спецификой международного интереса к данной проблематике является ресурс русского космизма, в частности трансдисциплинарные исследования А.Л. Чижевского.

Ключевые слова: философия техники, социо-гуманитарный технологический уклад, русский космизм.

Philosophy of technology and socio-humanitarian technological structure. Lovetsky G. I., Samylov P. V.; Kosushkin V. G.

*Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation,
branch in Kaluga; Moscow state technical University University. N. E. Bauman, Kaluga branch*

Annotation. The works of V. G. Gorokhov, one of the prominent specialists in the field of philosophy of technology, contain an important provision that the new way of life and the new economy should correlate with the fundamental principles of socially important tasks. he called for considering this approach as a new paradigm of scientific and technical development. At the present stage of development of science, technology and humanitarian knowledge, there is a critical understanding of the claims of NBICS-technologies to a leading role in the formation of socio-humanitarian technological structure. Communities of theorists in the field of globalistics, Cybernetics and other areas declare the need to find new approaches to this problem. Close attention should be paid to the system sociotechnological approach, where humanity is considered as a biosphere-biological substrate (Popkova N. V.). The regional specificity of international interest in this issue is the resource of Russian cosmism, in particular the transdisciplinary research of A. L. Chizhevsky.

Keywords: philosophy of technology, social and humanitarian technological way, Russian cosmism.

Многие изменения в жизни человека правомерно связываются с процессами глобализации, научно-технических революций и технологических инноваций; набирает скорость движение биохакинга, за которым открываются неизведанные перспективы создания новых технологий для совершенствования человека; с другой стороны осознается опасность технологической сингулярности, грозящей эпохой неуправляемого развития технологий, позволяющих активно и непредсказуемо с точки зрения последствий соединять биосоциальное и техническое. Ситуация все чаще оценивается как глобальный мировоззренческий сдвиг, вызванный трансформациями общества под влиянием перечисленных факторов. Новым явлением последнего времени становятся мега-технологии, конвергенция которых позволяет на основе природособразных процессов создавать природоподобные устройства, что предполагает социо-гуманитарные подходы. Перед философией техники встает важный вопрос: возможен ли такой века технологический уклад, в котором соединились бы преимущества, открывающиеся перед человеком на пути новых достижений в науке и технологиях, с устранением глобальных проблем человечества?

Проработка этого вопроса показала, что НБИКС-технологии действительно меняют контуры реальности, допускают возможность цифрового общества, со всеми их эффектами и благами.

Одновременно достижения НБИКС-технологий ведут к усилению тотального контроля над человеком и манипуляции его сознанием. В этой связи проблема субъекта технологического развития становится еще более взаимосвязанной с проблемой порождения технического. Единственной надеждой управлять будущим становится квантово-сетевая форма общечеловеческого интеллекта, сетевой Umwelt, коллективное бессознательное, так называемые платформы краудсорсинга, или мудрость толпы [1, с. 134-141]. Вторая опасность на пути к заявленной цели заключается в том, что виртуальный мир (то есть мир жизни, сконструированный масс-медиа и социальными сетями и ими навязываемый массовому человеку как единственно возможный и «правильный») постепенно убивает в человеке его способность к самостоятельному конструированию образа желаемого будущего. И, соответственно, способность самому конструировать стратегию и тактики своего поведения [2, с. 1107-1113]. Эту точку зрения разделяет В.Е. Лепский [3], который полагает, что главная болезнь мирового сообщества - это бессубъектность развития, но преодолеть ее предстоит все-таки на пути конвергенции естественнонаучного и социогуманитарного знания, формирования VII социо-гуманитарного технологического уклада.

Осмысливая причины вечной оторванности политики и экономики от гуманитарного знания, В.С. Степин предложил обратиться к творческому потенциалу русского космизма, акцентируя внимание на работах В.И.Вернадского, которые, как полагают многие авторы, не утратили актуальности. Аналогичную точку зрения высказывал Н.Н.Моисеев, обращаясь к работам Н.Ф. Федорова.

Мы полагаем, что переход от НБИКС-технологий к идее социо-гуманитарного технологического уклада отражает мировой тренд изменений науки, техники, технологий и философского осмысления их места в динамике цивилизационного развития человечества, а реализация идеи-идеала будет иметь свои особенности в зависимости от культурных традиций народов и социально-экономической специфики.

Специфика русского космизма заключается в представлениях об органичной взаимосвязи естественнонаучного и гуманитарного знания с приоритетом подлинно человеческих ценностей. Наиболее органично этот подход выразил биофизик А.Л. Чижевский (1897-1964). Он раздвинул границы системы «природа-общество-человек» в сторону макромира и в микромир. Исследования причин периодичности всемирно-исторического процесса привели его к парадоксальному заключению: непрерывные воздействия пульсаций солнечного вещества на биосферу Земли и организм человека не может не иметь фундаментального занижения для истории человечества и вместе с тем сама мысль об этом решительно отбрасывается представителями естественных и гуманитарных наук. На основе исследований ионизации газов и жидкостей он делает вывод о том, что основа разнообразия биологических объектов заложена в их электронном остове. В этой связи вспомним спор М.Планка и Сванте Аррениуса относительно приоритета электрических явлений перед физико-химическими в растворах электролитов; электронный остов – это онтология объекта, или его Umwelt, что Д.Деннет определяет как инженерную концепцию [4, с. 91]. Организм человека осуществляет газовый и электрический обмен с внешней ионизированной средой. Жить - значит пропускать через себя потоки космической энергии (или информации, если понимать ее как квантованную электромагнитную энергию). Эти представления имеют важнейшее значение не только для новых методов лечения больных и профилактики заболева-

ний, но и для понимания сродства процессов, протекающих в природе и обществе. Динамизм, высокая турбулентность и сложность общества, его потенции к самоорганизации [5]; [6, с. 81-96] как явления, обладающие побудительной силой, органично связаны с процессами самоорганизации мироздания, что необходимо учитывать исследователям историко-культурных и социальных явлений. Лишь в начале 1970-х годов наука, благодаря первым шагам практической космонавтики, получила эмпирические подтверждения убежденности учёного в существовании посредника - «солнечного ветра», в практику соответствующих явлений вошел термин «космическая погода». В медицине постепенно утверждаются представления о возможностях в лечении болезней и профилактики заболеваний на пути электронной медицины. Ученый 100 лет назад вносил предложения о необходимости прогнозирования и моделирования государственной политики, которые лишь в XXI веке получают развитие. Исследователи [7] представили прогноз военных, экономических, политических и других процессов в связи с грядущим 24 и 25 циклами солнечной активности, используя конструктивную идею рассматривать электронный остов биологического объекта, его онтологию, или его Umwelt, как инженерную концепцию. На важность прогнозных сценариев развития человечества указывает Л.Е.Гринин, который предложил краткосрочные (10–15 лет), среднесрочные (20–50 лет) и долгосрочные (50–100 лет) прогнозы глобальных мировых процессов, они опираются на теории длинных циклов и соответствующих им технологических укладов, а также на теории принципов производства и производственных революций [8]. О возможности достоверного прогноза на основе социотехноприродного подхода заявляет Н.В. Попкова [9]. Мы разделяем мысль Л.А. Марковой [10, с. 102-113] о том, что наступает такая точка в развитии научного знания, когда пелена спадает с глаз, и перед нами открывается совсем другая наука и, следовательно, другая научная и государственная политика, иное общество. Концепцию нового уклада мы должны рассматривать с позиций наук, воплощающих единство системы «Космос-Солнце-биосфера Земли-психосфера Земли (коллективное человечество)». Работы Чижевского, основателя космического естествознания, могут служить здесь хорошей методологической базой.

С позиций философии техники можно констатировать, что конструкт «социо-гуманитарный технологический уклад» имеет право на жизнь, равно как и возможность России пойти этим путем и обеспечить подъем благосостояния народа.

Литература:

1. Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребешков Е.Г., Гримова А., Каменский Е.Г. Маркова А.В., Майнце К., Москалев И.Е., Пирожков С.В., Суший М.А., Чеклецов В.В. Конвергентные технологии и антропосфера: pro et contra // Философские науки. 2017. № 12. С. 134–141.
2. Яницкий О.Н. Идеальный город как символ будущего // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 1. – 1114 с., С. 1107-1113.
3. Лепский В.Е. Технология управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике. - М: Когито-Центр, 2016. 160 с.
4. Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. - М.: АСТ : CORPUS, 2019. 576 с., С. 91.
5. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: Издательство МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.
6. Розов Н.С. Эпохи турбулентности и их преодоление // Полития. 2019. № 1 (29). С. 81-96.
7. Бушуев В.В. Сокотущенко В.Н. Интеллектуальное прогнозирование. - М.: ИД Энергия, 2016. 164 с.
8. Гринин Л.Е. Взгляд в будущее: провозы на XXI век // Век глобализации. 2019. № 3.
9. Демиденко, Э.С. Деркачева Э.С., Попова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира. – Брянск: БГТУ; М.: Всемирная информ-энциклопедия, 2011. 388 с.
10. Маркова Л.А. Другая наука, в результате - новая научная парадигма. Вопросы философии. 2017. № 12. С. 102-113.

Проблема эвдемонизма и алармизма в оценке достижений научно-технического прогресса

Майоров А.В.

*ЛГУ им. А.С. Пушкина. Директор НОЦ урбанистики и киберантропологии.
Кандидат политических наук*

polebear@yandex.ru

Волкова А.М., Потапов А.Д.

ЛГУ им. А.С. Пушкина, НОЦ урбанистики и киберантропологии. Младшие научные сотрудники

alinavolkova94@mail.ru, durst95@mail.ru

Аннотация: Непрерывное научно-техническое развитие конструирует нашу реальность таким образом, что ей становятся присущи такие характеристики как турбулентность, неопределенность и динамичность. Амбивалентность техники наряду с семантическими, психологическими и историко-аналитическими предпосылками приводят общество к поляризации представлений и установок людей по вопросам промежуточных итогов, возможностей и перспектив технологического развития. Ввиду сложности цифровых технологий и высокой скорости их внедрения в повседневную жизнь, происходит разрыв с динамикой осмысления этих изменений обществом. В связи с этим, для того, чтобы общество могло своевременно отвечать на вызовы научно-технического прогресса, а также лучше понимало, прогнозировало и управляло искусственным интеллектом, философам необходимо активизировать концептуализирующую и просвещенческую работу по вопросам изучения техники

Ключевые слова: будущее, искусственный интеллект, эвдемонизм, алармизм, поляризация, технологическое развитие, экономика знаний

The problem of eudaimonism and alarmism in assessing the achievements of scientific and technological progress.

Mayorov A.V.; Volkova A.M., Potapov A.D.

Director of SEC Urban Studies and Cyber Anthropology

Abstract: Continuous scientific and technological development creates our reality in such a way that it begins to possess such characteristics as turbulence, uncertainty and dynamism. The ambivalence of technology, together with semantic, psychological and historical-analytical prerequisites, lead society to a polarization of ideas and attitudes of people on the issues of intermediate results, opportunities and prospects of technological development. Due to the complexity of digital technologies and the high speed of their implementation in everyday life, there is a break with the dynamics of public understanding of these changes. In this context so that society can respond in a timely manner to the challenges of scientific and technological progress, as well as better understand, predict and manage artificial intelligence, philosophers need to intensify conceptualizing and enlightening work on the study of technology.

Keywords: future, artificial intelligence, eudaimonism, alarmism, polarization, technological development, knowledge economy

В современных научных и публицистических статьях по тематике технологий, как русскоязычных, так и англоязычных, обязательно присутствуют тезисы о том, что современный мир развивается намного быстрее, чем раньше, значение и роль техники и технологий в жизни человека неумолимо растут, нынешняя эпоха отличается турбулентностью и неопределенностью. Сегодня выражение Юваля Левина “думать о технологиях значит думать о будущем” [1, с. 48], использованное им ещё в середине 2000-х гг., можно и нужно перефразировать следующим образом: “думать о будущем значит думать о технологиях”. Данная формулировка в большей степени отвечает современному состоянию мира, где

вследствие массового распространения цифровых технологий человек и техника не мыслятся отдельно друг от друга. По причине роста интереса к научно-популярной литературе, футурологическим прогнозам и обзорам в СМИ, рассказывающих об инновациях доступно, но порой с преувеличением возможностей технологий, у людей возникает ложная убежденность в скором и неизбежном наступлении описываемого будущего и линейности научно-технического прогресса. Труды таких современных футурологов как М. Каку [2], Р. Курцвейла [3], Н. Бострома [4], М. Тегмарка [5] Ю. Н. Харари [6] демонстрируют читателю рассуждения о будущем, которые, несмотря на подкрепленность эмпирическими данными, часто носят эмоциональный характер и выражаются в форме спекуляций, предсказаний, предостережений. Это в свою очередь ведет к поляризации представлений общества как о грядущем, так и о настоящем, уводит людей от рационального, критического восприятия происходящих в действительности процессов.

В философии техники обозначенный выше процесс поляризации определяется двумя крайними формами технологического детерминизма – технологическим эвдемонизмом, т.е. взглядом на технику и технологии как на инструмент решения проблем человечества, и технологическим алармизмом, в рамках которого акцент делается на негативных последствиях научно-технического прогресса [7]. Вместе с этим корни данной проблемы можно обнаружить в эсхатологии, где также существует две крайности – “полюс страха и полюс надежды” [8, с. 49]. Проецируя эти два эсхатологических полюса на сознание современного человека, мы получаем два противоположных полюса отношения к технике и технологиям: с одной стороны, это страх перед приближением “последних времен” человека, причиной наступления которых станет, например, высокоразвитый искусственный интеллект, с другой – это надежда на преодоление с помощью техники существующих барьеров для перехода человечества на новый уровень развития. Существуют и более привычные в употреблении термины – “технооптимизм” и “технопессимизм” [9]. В статье “Цифровой ад, технологический рай или нечто совершенно иное” [10] О.В. Бычкова, Л.В. Земнухова и Н.И. Руденко описывают ещё одно направление – “технореализм”, – которое подразумевает здоровый скептицизм, критицизм и умеренные позиции относительно будущего человечества, однако такие взгляды сегодня нельзя назвать распространенными.

Отвечая на вопрос, чем обусловлена существующая в обществе поляризация представлений и установок в отношении технологического развития, ведь сами по себе технологии нельзя измерить такими нормативно-оценочными категориями как “добро” или “зло”, можно выделить следующие предпосылки:

1. “Научно-технический прогресс”, “технологические изменения”, “четвёртая промышленная революция”, “век высоких технологий” — все эти словосочетания обладают положительными семантическими ассоциациями, что способствует формированию у людей заведомо позитивных ожиданий от продуктов “новой цифровой эпохи”. Также стоит отметить, что при конструировании будущих событий сознание людей исходит не “из сущего, а из должного, не из действительного, но из желаемого” [11, с. 57]. Подобное явление можно описать через такое понятие в психологии как “примитивная идеализация”, описанное психоаналитиком Шандором Ференци, которое выражается в бессознательной идеализации кого-либо и часто приводит к обратному эффекту — “примитивному обесцениванию” [12]. Все это способствует тому, что от технологических изменений люди ожидают прорыва, который способен дать обществу инструменты для решения ряда современных проблем и повышения уровня жизни. В качестве примера можно привести социальные сети, которые на этапе запуска сосредоточили высокие ожидания в виде глобального объединения людей и “освобождения” дискурсивного пространства и не учли такие социально-политические риски как нарушение частной информации ресурсообладающими институтами, распространение фальшивых новостей, что подрывает незыблемость веры в демократию как режима, обеспечивающего идеалы свободы, уважение прав человека и принцип проведения периодических и честных выборов и др.

2. Происходящие в мире технологические изменения в большей или меньшей степени влияют на жизненные процессы всех жителей планеты, но из-за сложности информационных технологий и технических систем, люди не имеют реального представления об их устройстве и организации (т.н. “черный ящик”), что определяет невозможность адекватного предсказания их развития и, как следствие, эмоциональное и оценочное осмысление, которое ведет к переживаниям. Так, по мнению автора теории личностных конструктов Дж. А. Келли, “тревога у человека возникает тогда, когда он начинает осознавать, что события, с которыми он сталкивается, невозможно объяснить имеющимися у него конструктами и следовательно невозможно предвидеть ход дальнейших событий, и тем

более повлиять на них” [13, с. 113]. Тревога рождает алармизм, последствия которого могут быть непредсказуемыми (вплоть до возникновения агрессивных форм неолуддизма и технофобии). Можно вспомнить как с 1978 по 1995 гг. Тед Качинский, избравший изолированный от технологий образ жизни, “разослал почтой 16 бомб в различные университеты и научные центры, поскольку именно учёных Качинский считал ответственными за индустриальный прогресс” [14]. В ноябре 2017 г. во Франции, в городе Гренобль группой анархистов был совершен поджог центра научной и технической культуры La Casemate, который, по их мнению, является “деструктивным учреждением, распространяющим цифровую культуру” [15]. В том же году в The Guardian появилась статья “Will 2018 be the year of the neo-luddite?” [16], где было выдвинуто предположение, что в ближайшем будущем луддиты станут одним из значимых экстремистских движений наравне с ультраправыми и исламистами.

3. С проникновением научно-технических достижений в жизнь человека в публичном пространстве появляются попытки осмысления перспектив социального и технологического развития человечества как в виде художественных произведений, так и в виде научных исследований. Сегодня, когда в международном развитии все более значимую роль приобретает экономика знаний, футурология давно уже вышла из академической сферы, форсайт-исследованиями занимаются в том числе крупные частные компании, которые используют полученные данные для обеспечения конкурентных преимуществ, выстраивания инвестиционной политики и достижения эффективности принимаемых решений в долгосрочной перспективе. Сложившаяся вокруг темы технологического развития инфраструктура и востребованность темы побуждает исследователей и футурологов, глав крупных компаний и политиков высказываться в СМИ или публиковать свои прогнозы. В этой связи стоит отметить заинтересованность некоторых из них не только в определении и предугадывании трендов, но и в попытках воздействовать на их формирование, таким образом создавая видимость будущего в настоящем.

Все вышеперечисленные предпосылки – следствие разрыва между скоростью развития цифровых технологий и их осмыслением в обществе, который привел к “сочетанию технооптимизма и социального пессимизма” [17, с. 109]. Кроме того, важно учитывать и тот факт, что проблема эвдемонизма и алармизма в оценке достижений научно-технического прогресса не является новой, поскольку сама по себе техника всегда обладала и будет обладать свойством амбивалентности. Однако значит ли это, что нужно прекратить попытки размышлять о будущем? Это невозможно и недопустимо. Ханс Йонас справедливо писал, что уникальная способность людей влиять на окружающий мир возлагает на человечество высокую ответственность, которая подразумевает необходимость постоянно думать о будущем и балансировать между надеждой и осторожностью [18]. Нет сомнений в том, что последствия научно-технического прогресса способны затрагивать значимые вопросы онтологии, эпистемологии, аксиологии, этики научно-технической деятельности, что требует особого внимания со стороны философского сообщества. Возможно, осмысление современного этапа научно-технического прогресса с точки зрения философии сделала бы социальные, культурные, политические и иные последствия развития и внедрения таких технологий как, например, искусственный интеллект более понятными, прогнозируемыми и, как следствие, управляемыми, что крайне важно не только для общества, но и бизнеса, а также государственных институтов, несущих ответственность за нормативно-правовое регулирование процессов технологического развития.

Вместе с этим, вынуждены констатировать, что сегодня философия не успевает так же быстро как научно-популярная литература, социальные медиа и средства массовой информации формулировать свой ответ на происходящие изменения и не способна так же быстро популяризировать результаты своих интеллектуальных поисков. У философии нет инструментов для оказания такого сильного убеждения и влияния на сознание людей, однако она в своих поисках заходит значительно глубже, чем публицистика и художественные произведения, именно поэтому люди, занимающиеся философией техники, этикой технологий, способны отличить имитации и информационный шум от принципиально важных для общества технологических открытий и изменений, которые нуждаются в анализе и рефлексии. Таким образом, в сложившейся ситуации правильным решением со стороны философского сообщества могло бы стать объединение усилий для формирования осмысленных, критических позиций относительно достижений научно-технического прогресса и использование их в целях просвещения общества для борьбы с эвдемонизмом, способного перерасти в массовую фрустрацию, и алармизма, который может перерасти в открытое неприятие обществом технических новаций.

Список литературы:

1. Levin Y. Imagining the future // The New Atlantis. 2004. No. 4. P. 48-65.
2. Kaku M. The Future of Humanity: Terraforming Mars, Interstellar Travel, Immortality, and Our Destiny Beyond Earth. Doubleday, 2018. 368 p.
3. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Penguin Books, 2006. 672 p.
4. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014. 352 p.
5. Tegmark M. Life 3.0: Being human in the age of artificial intelligence. Knopf, 2017 384 p.
6. Yuval N. Harari. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York: Harper Collins, 2016. 435 p.
7. Барина С.Г. Технологический детерминизм и технологический тип детерминации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 9. С. 195-201.
8. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология // Вестник культурологии. 2011. № 4. С. 34-50.
9. Луценко Л.М. Концепции информационного общества и социальная функция информации // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 136-152.
10. Цифровой ад, технологический рай или нечто совершенно иное: какие технологии определяют будущее человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/tech-changes/>
11. Абрамов С.В. Идеализация будущего как разновидность антиципативной аберрации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. №1 (234). С. 53-59.
12. Bergmann M.S. The anatomy of loving: The story of men's quest to know what love is. New York: Columbia University Press, 1987. 302 p.
13. Малюченко Г.Н., Карина О.В., Шустова Н.Е., Киселёва М.А. Опыт теоретико-методологического обоснования опросника «Специфика предвосхищения будущего // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 11 (4-1). С. 109-117.
14. How the Unabomber evaded capture for nearly 20 years, and became America's 'most prolific bomber [Electronic resource]. URL: <https://abcnews.go.com/US/unabomber-evaded-capture-20-years-americas-prolific-bomber/story?id=58738943>
15. Pessimism v progress [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/12/18/pessimism-v-progress> Will 2018 be the year of the neo-luddite? [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/mar/04/will-2018-be-the-year-of-the-neo-luddite>
16. Нестик Т.А., Солдатова Г.У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. 2017. №. 1. С. 90-118.
17. Гаджикурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. 2003. №4. С.161-178.

Две идеи Ф. Дессауэра в свете семиотики техники*

Нестеров Александр Юрьевич

«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет), заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, доцент

phil@ssau.ru, aynesterow@yandex.ru

Предметом обсуждения являются «сущность техники» и «сила техники», как эти понятия сформулированы классиком философии техники Фридрихом Дессауэром. Цель – показать актуальность концепции «четвёртого царства техники» для описания, объяснения и прогноза положения дел в современной технической деятельности, определяемой вызовом «цифровизации». Язык и способ обсуждения – общая семиотика. Акт технической деятельности в традиции П.К. Энгельмейера понимается как изменение направления семиозиса, обращающее порядок осуществления акта познания: от разума (идеи) – к рассудку (конструкции) и далее – к восприятию (реализации), – и выражается суммой прагматических, синтаксических и семантических правил. Результат – изложение семиотической интерпретации платонистского представления о технике как о переносе посредством изобретения «предустановленных форм решений» из «потенциального космоса» в «актуальный космос», включая представление о техническом объекте как об изменённом относительно естественного порядке расположения элементов.

Ключевые слова: семиотика техники, цифровизация, Ф.Дессауэр, четвёртое царство, сила техники, третья природа.

Two ideas of F. Dessauer in the light of semiotics of technology.

Nesterov A. Yu.

«Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov » (Samara University)

The subject of discussion is “the essence of technology” and “the power of technology”, as these concepts are formulated by the classic of philosophy of technology Friedrich Dessauer. The goal is to show the relevance of the concept of the “fourth kingdom of technology” for describing, explaining and predicting the state of affairs in modern technical activity, defined by the challenge of “digitalization”. Language and mode of discussion is general semiotics. Act of technical activity in the tradition of P.K. Engelmeyer is understood as a change in the direction of semiosis, reversing the order of the implementation of the act of cognition: from mind (intellectus, idea) to reason (ratio, construction) and further to perception (realization), and is expressed by the sum of pragmatic, syntactic and semantic rules. The result is a presentation of a semiotic interpretation of the Platonic concept of technology as the transfer through the invention of “predefined forms of solutions” from “potential space” to “actual space”, including the idea of a technical object as a change in the relative natural order of elements.

Keywords: semiotics of technology, digitalization, F. Dessauer, fourth kingdom, power of technology, third nature.

ⁱ В представляемых тезисах речь идёт об актуализации идей Фридриха Дессауэра, касающихся концепций сущности техники и силы техники, в свете текущего положения дел в инженерно-технической деятельности, описываемого в терминах «НБИКС-конвергенции», «индустрии 4.0», «общества 5.0» [1; 2; 3; 4] и т.п. Под техникой понимается «совокупность всех целесообразных поступков» в смысле «искусства сознательно вызывать явления, пользуясь законами природы» [5, с.90], «реальное бытие из идей посредством финалистского преобразования и обработки из данного природой инвентаря» [6, с.149]. Под семиотикой техники понимается выражение ступеней технического процесса как «объективирующей деятельности» [7, с.18] системным взаимодействием прагматических, синтаксических и семантических правил. Ступени технического процесса – это замысел, план, поступок [7, с. 103 f.]. Дессауэр фиксирует эти ступени как формообразующие силы: investigator, inventor, faber

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00462 А1

[6, с.86-89]. Семиотика техники – это исследование прагматических, синтаксических и семантических правил каждой ступени, включающее в себя интерпретации способов взаимодействия ступеней друг с другом как трансляцию «содержания идеи», «изобретения» на уровень конструкции и её физического воплощения.

Техническое действие обратно акту познания. Если последний извлекает информацию из реальности сначала посредством чувственного восприятия, затем рассудка и разума, то техническое действие (проективный семиозис) берёт начало в фантазии, продолжается в мышлении и завершается построением объекта в чувственном восприятии. Каждая из этих трёх сред семиозиса обладает собственным набором синтаксических, прагматических и семантических правил. Объективность и иерархическая сложность этих правил – это открытие платонизма; приведение правил разных сред в состояние проективного взаимодействия, способного изменить среду, действительность – это открытие конструктивизма. Представление технического действия в терминах языка (как семиозиса особого типа) – это претензия семиотического подхода [8].

В работах Ф. Дессауэра («Философия техники» 1928 [9], «Спор о технике» 1958 [10; 6]) последовательно развёртывается платонистское понимание техники. Суть этого понимания в том, что то новое, которое впервые входит в человеческую жизнь с техническим изобретением, уже присутствует в «потенциальной части космоса»: сущность технического предшествует существованию технического артефакта. Дессауэр фиксирует это положение дел в концепции «четвёртого царства техники», понимая под последним особый «мир» (в терминологии К.Р. Поппера), где содержатся «предустановленные формы технических решений» [6, с. 105-109]. Один из значимых моментов концепции – переосмысление категории возможного в свете технической деятельности. Если в философии познания И. Канта возможность как чистое понятие рассудка, входящее в категорию модальности, тождественна мыслимости [11, с. 110], то у Дессауэра возможность – это эмпирическое понятие, фиксирующее эффект технического объекта или сам технический объект как результат изобретения, и его содержание не совпадает с рассудочной мыслимостью.

«Четвёртое царство», таким образом, показывает, что обращение ступеней познания, осуществляемое в технической деятельности (разум – идея, рассудок – конструкция, восприятие – воплощение), вынуждает к переосмыслению и конкретизации категорий сознания, фиксирующих эти ступени. Это эквивалентный «лингвистическому повороту» в логике (Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап и др.) ход мысли, позволяющий увидеть в философии техники Дессауэра не только иллюстрацию, но и онтологическую основу научного реализма [4]: техническое действие есть перенос интраментальных содержаний сознания в область чувственно-воспринимаемого мира, возможный вследствие изоморфизма той или иной степени полноты между синтаксическими правилами, как они реализованы в структурах реальности, рассудка и разума. Философия техники, таким образом, формулирует оригинальный и самостоятельный аргумент относительно спора об источниках познания, занимая дуалистскую (в случае Ф. Дессауэра) или плюралистскую (в случае семиотики техники) позицию, сопоставимую по онтологическим предпосылкам с трансцендентализмом и логическим позитивизмом.

Эволюция технического объекта, развитие техники как формы саморефлексии человеческого сознания связано с последовательным расширением сферы искусственного. Начав с доисторических артефактов, действующих в рамках законов природы в сфере физического мира, техническое в виде искусственных языков, автоматизированных инструментов вычисления, экзосоматической памяти, алгоритмов коммуникации, поиска и т.п. с середины XX века проникает в сферу рассудка и в настоящее время претендует на сферу разума. Область исполнения задач технического объекта в условиях естественной и первой искусственной природы ограничивается чувственно воспринимаемым миром, в условиях второй искусственной природы эпохи кибернетической революции она включает в себя логико-грамматические формы рассудка, мышление человека, в условиях третьей искусственной природы она претендует на участие в разумной («интеллектуальной» в смысле средневекового “intellectus”) деятельности, на сферы, связанные с воображением, целеполаганием, управлением вниманием, принятием решений и т.д.

Это развитие может быть описано в терминах становления и распространения техники как «мировой силы» Ф. Дессауэра как последовательное замещение естественной среды искусственной, сопровождающееся для человечества глобальной трансформацией прагматического правила семиозиса как регулятора отношений между знаком и фоном. Сила технического объекта и техники в целом носит сугубо синтаксический характер и заключается в расположении элементов искусственного объ-

екта, она принадлежит «космосу», не человеку. Человек лишь вызывает её путём последовательного приближения к идеальному решению и пользуется ею, исполняя задачи и удовлетворяя потребности. Силы отдельных технических объектов, складываясь, формируют технику как «мировую силу» [6, с. 116-119; 2, с. 26-30]. Закономерен вопрос, в какой мере эта сила оказывается выражена или проявлена в человеческой деятельности, как эту силу измерять? Как и в какой мере трансформация синтаксических правил расположения влияет на семантические и прагматические правила восприятия, рассудка и разума в индивидуальном сознании изобретателя, в человеческих сообществах? Есть ли универсальные закономерности такого влияния? Ответы на эти вопросы существенно влияют на предметное содержание представлений о технико-гуманитарном балансе в смысле А.П. Назаретяна, на видение эволюции технической среды, на круг вопросов, обсуждаемых в связи с этикой искусственного интеллекта [14].

На сегодняшний момент актуальная философия техники на русском языке остро нуждается в концепциях, адекватных задачам «цифровой революции». Сама эта революция может быть выражена в представлении о «третьей природе» [5], где технический объект из внешнего или внутреннего инструмента достижения целей превращается в участника человеческого общежития, способного к формированию целей, к принятию решений и обладающего превосходящим или равным человеку доступом к реальности. На наш взгляд, предложенное Дессауэром онтологическое обоснование техники как преодоления границы между актуальным (эпистемически доступным человеку) и потенциальным (эпистемически пока еще ему не доступным) космосом, выраженное в концепции «четвёртого царства», является убедительным способом аксиоматизации проективного (как технического, так и художественного) семиозиса. Оно оказывается пригодным для описания актуального вектора технического развития (от артефактов в сфере чувственного восприятия к артефактам в сфере рассудка и затем к артефактам в сфере разума), объяснения трансформаций, претерпеваемых природой (финалистское преобразование среды обитания в граничных условиях каузальных законов природы), и – в семиотической интерпретации – оказывается открытым набором правил (сдвиг в правилах взаимодействия среды и системы, осуществляемый в пионерских изобретениях, есть расширение границ познаваемого вследствие увеличения области актуального космоса относительно потенциального, влекущее возможность излечения новых синтаксических комбинаций и их семантической объективации).

Литература:

1. Искусственный интеллект. Альманах [Электронный ресурс]. 2019. №1. <http://www.aireport.ru/>
2. Термарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: Corpus, 2019. 560 с.
3. Salgues B. Society 5.0: Industry of the Future, Technologies, Methods and Tools (Technological Prospects and Social Applications). Wiley-ISTE, 2018. 302 p.
4. Черникова И.В., Черникова Д.В. Методологические и структурные трансформации в развитии современной науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С.60-66.
5. Энгельмейер П.К. Философия техники. СПб.: Лань, 2013. 96 с.
6. Дессауэр Ф. Спор о технике / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
7. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.
8. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
9. Dessauer F. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung. Bonn: Verlag von Friedrich Cohen in Bonn, 1928. 181 S.
10. Dessauer F. Streit um die Technik. F.a.M.: Verlag Josef Knecht, 1958. 480 S.
11. Кант И. Критика чистого разума / Собрание сочинений в восьми томах. Т.3. М.: Чоро, 1994. 741 с.
12. Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «Четвёртое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. № 3 (21), 2016. С.377-389.
13. Горохов В.Г. Основы философии техники и технических наук. М.: Гардарики, 2007. 335 с.
14. Багдасарян В.Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и Постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИНУ МФОУ, 2019. 84с.

Никитина Е.А.

Институт инновационных технологий и государственного управления ФГБОУ ВО «МИРЭА - Российский технологический университет», кафедра гуманитарных и общественных наук. Доктор философских наук, профессор

nikitinaconf@gmail.com

Аннотация: обоснована актуальность обсуждения философских проблем нейротехнологий и нейрокомпьютинга в связи с задачами адаптации человека и общества к новой информационно-технологической среде, с задачами улучшения управления технико-технологической средой и в связи с тенденциями развития общества знаний. Показано развитие и расширение предметной области нейротехнологий. Представлен обзор актуальных философских проблем развития нейротехнологий и нейрокомпьютинга. Обсуждаются проблема пределов технико-технологического совершенствования человека и вмешательства в когнитивную деятельность человека, проблема соотношения естественного и искусственного интеллекта, проблема адаптации человека к новой информационно-технологической среде, проблемы нейроэтики.

Ключевые слова: общество знаний, технонаука, информационно-технологическая среда, человек, сознание, нейротехнологии, нейрокомпьютеры, нейрофилософия, нейроэтика.

Philosophical problems of neurotechnology and neurocomputing.
Nikitina E.A.

«MIREA - Russian Technological University», Department of Humanities and Social Sciences

Abstract: the relevance of discussing the philosophical problems of neurotechnologies and neurocomputing in connection with the tasks of adapting a person and society to a new information and technological environment, with the tasks of improving the management of the technical and technological environment and in connection with trends in the development of a knowledge society is substantiated. The development and expansion of the subject area of neurotechnology is shown. A review of current philosophical problems in the development of neurotechnologies and neurocomputing is presented. The problem of the limits of technical and technological improvement of a person and interference in human cognitive activity, the problem of the ratio of natural and artificial intelligence, the problem of human adaptation to a new information and technological environment, and the problems of neuroethics are discussed.

Keywords: knowledge society, technoscience, information technology environment, person, consciousness, neurotechnologies, neurocomputers, neurophilosophy, neuroethics.

Философские проблемы нейротехнологий и нейрокомпьютинга – новое направление философских исследований, актуальность которого обусловлена формированием общества знаний в нашей стране [1]. Нейротехнологии и искусственный интеллект названы в числе важнейших сквозных цифровых технологий в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», направленной на создание условий для развития общества знаний в России. В рамках Национальной технологической инициативы предусмотрено формирование рынка NeuroNet (Нейронет) - распределенных искусственных компонентов сознания и психики. Предполагается, что ведущую роль в коммуникации займут средства человеко-машинных коммуникаций, основанные на передовых нейротехнологических разработках, что повысит продуктивность человеко-машинных систем и сделает более производительными мышление человека и психические процессы в целом. Нейронет постепенно придет на смену существующей сейчас коммуникации с использованием носимых мобильных устройств, передающих информацию через Интернет.

Комплексное обсуждение философских, социальных и гуманитарных проблем развития нейротехнологий в нашей стране только начинается [2]. Философские проблемы нейротехнологий и ней-

рокомпьютинга обсуждаются в настоящее время в контексте философских проблем нейронауки, т.к. разработка нейротехнологий основана на современных исследованиях человеческого мозга и нервной системы. Нейронаука, как и когнитивная наука, может рассматриваться как междисциплинарный комплекс наук, объединенных исследованием различных аспектов (естественнонаучных, информационных, социальных, гуманитарных, технологических и т.д.) деятельности мозга. Междисциплинарные комплексы наук характерны для современной науки, объектом которой являются сложные саморазвивающиеся системы. Нейронаука как междисциплинарное направление исследований включает не только нейрофизиологию и неврологию, но и нейробиологию, нейрогенетику, нейролингвистику, нейропсихологию, нейрофилософию, нейроэтику, нейросоциологию, нейроэкономику и ряд других новых и формирующихся направлений исследования нервной системы человека и управляющего ею мозга.

Необходимо отметить, что в нейронауке, как и в когнитивной науке, возникает проблема междисциплинарного взаимодействия и выработки общего теоретического языка описания эмпирических фактов. Существует потребность в создании общей теории мозга [3].

Создание общей теории - сложная задача, поэтому взаимодействие представителей разных дисциплин нередко напоминает обмен знаниями, методами в «зоне обмена» (П. Галисон), подобно тому как на рынке люди обмениваются произведенными товарами.

Успехи нейронауки и начавшаяся реализация результатов исследования нервной системы, мозга человека в информационно-технических системах (моделирование зрения, электронные считыватели чеков и др.) привели к оформлению таких направлений исследований как:

- нейрокомпьютеры,
- нейротехнологии,
- нейроинформатика,
- нейроинформационные технологии, нейрокибернетика.

Нейрокомпьютинг нацелен на воспроизведение нейробиологических функций в технических устройствах, на биологической, физико-химической, информационной основе и применение результатов для оптимизации умственной деятельности человека, решающего практические задачи. В теоретическом отношении нейрокомпьютинг нацелен на развитие нейросетей и их практическое применение для решения задач, которые не может решить существующая вычислительная техника. Одновременно нейрокомпьютеры вносят вклад в развитие нейронауки, т.к. помогают исследовать принципы работы нервной системы в информационно-технологическом аспекте. Получает развитие нейрокибернетика, задачей которой является аппаратное моделирование структур, состоящих из нейроноподобных элементов и объединения их в функционирующие системы. Нейрокибернетика изучает организацию и функционирование нервной системы как управляющей системы живых организмов для дальнейшего использования полученных результатов при разработке интеллектуальных технических систем. В нейрокибернетике ставится задача создания теории мозга совместно с представителями нейронаук, что способствовало бы теоретическому обоснованию нейрокомпьютинга.

Нейротехнологии – одно из проявлений современной технонауки, проявление конвергенции технологий. Эволюционные смыслы этого направления научно-технологического развития состоит в улучшении управления технико-технологической средой, созданной человеком, и адаптации человека и общества к новой информационно-технологической среде. В философии в этой связи обсуждается проблема соотношения естественного и искусственного интеллекта, проблема поведения человека в информационно-технологической среде с новыми видами реальности – виртуальной, дополненной, смешанной и др.

Нейротехнологии трактуются не только как воспроизведение природных функций в технических устройствах, но и как технологии вмешательства в функционирование мозга, как технологии улучшения когнитивных функций человека, телесности человека. К ним относят применение различных препаратов (транквилизаторы и т.п.), инвазивное вмешательство в деятельность мозга, нейровизуализацию, осуществляющуюся в компьютерной томографии и т.д.). В философии обсуждается проблема технико-технологического совершенствования человека с помощью нейротехнологий и возникающие при этом вопросы о сущности человека.

Важным направлением философских исследований является изучение влияния нейротехнологий на образование и процесс обучения. Наиболее радикально процесс технико-технологического изме-

нения человека представлен в нейрохакинге, т.е. персональном экспериментировании со своим здоровьем с целью улучшения собственных способностей.

В настоящее время формируется комплекс вопросов нейроэтики как философского направления исследований. В нейроэтике социально-психологический аспект принятия решений связывается с нейрофизиологическим обеспечением этого процесса, изучаются нейрофизиологические основы принятия моральных решений, нейрофизиологические предпосылки морали человека. Где укоренена мораль человека – в природе или обществе? Существуют ли нейробиологические основания социальных, политических, экономических решений и деятельности? Можно ли улучшать мораль человека с помощью нейротехнологий? Правомерно ли нейротехнологическое улучшение человека? Целесообразно ли делегировать принятие решений самообучающимся роботам? [2]

Одной из актуальных философских проблем нейротехнологий и нейрокомпьютинга является развитие представлений о субъектности и субъекте в нейронауке, нейрофилософии, что будет способствовать антропологизации научно-технологических проектов с использованием нейротехнологий [4].

Важна адаптация инновационных научно-технологических проектов с использованием нейротехнологий к обществу (социологизация проектов) и человеку. В этой связи важно разработать гуманитарную технологию представления нейротехнологий в обществе на основе гуманистических ценностей, так как в условиях рыночной экономики нейротехнологии, обещающие трансформацию телесности и мышления человека, способствуют превращению в товар человеческой жизни. Возникает необходимость в социогуманитарной экспертизе научно-технологических проектов с применением нейротехнологий.

Литература

1. Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. 96 с.
2. Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы / Под ред. П. Д. Тищенко. М.: ООО «4 Принт», 2018. 56 с.
3. Иваницкий А.М. «Чтение мозга»: достижения, перспективы, этические проблемы // Журнал высшей нервной деятельности. 2012. No 62 (2). С. 133-142.
4. Никитина Е.А. Субъект познания и информационная инженерия мозга // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2016. No 5. С. 54-55.

Философия техники: тенденции и вызовы современности

Папченко Е.В.

Южный федеральный университет, профессор. Доктор философских наук

evpapchenko@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению становления и перспектив дальнейшего развития одного из важнейших разделов философского знания – философии техники. Обзор производится начиная с того периода, когда были заложены основы философии техники до масштабного развертывания подобных исследований, связанных с превращением техники в один из важнейших факторов развития общества. Особое внимание обращено на современный этап развития философии техники, характерными тенденциями которого являются социальное измерение техники, кризис мировоззренческих установок, поиск ответов на вызовы современности, среди которых особое место занимает проблема устойчивого развития. Показано, что постепенно сформировался конструктивный подход к обсуждению техники и последствий ее развития. В работе делается вывод о необходимости гармоничного и целостного характера современной философии техники.

Ключевые слова: философия техники, техника, техносреда, технонаука, устойчивое развитие.

Philosophy of technology: tendency and challenges.

Papchenko E. V.

Southern Federal University

Abstract. The article is devoted to the consideration of the formation and prospects of further development of one of the most important branches of philosophical knowledge – the philosophy of technology. The review is made starting from the period when the foundations of the philosophy of technology were laid, i.e. when the technique began to be interpreted from the philosophical standpoints to the large-scale development of such studies connected with the transformation of technology into one of the most important factors in the development of the society. Current stage of the development of the philosophy of technology receive emphasis, the typical tendency of which are the social dimension of technology, the crisis of worldviews, the search for answers to the challenges of our time, among the problem of sustainable development occupies a special place. The formation of constructive approach to the discussion of technology and the consequences of its development was shown. There is a conclusion about the harmonious and holistic nature of the modern philosophy of technology.

Keywords: philosophy of technology, technology, technoenvironment, technoscience, sustainable development.

Начиная с древности, многие философы уделяли внимание различным аспектам техники. Однако систематизированное исследование техники с философских позиций относится к XIX в., а формирование философии техники – ко второй половине XX в. [1].

Термин «философия техники» ввел Э. Капп, автор одной из первых концепций философии техники, опубликованной в 1877 г. в работе «Основные направления философии техники». Согласно теории «органопроекции» Каппа, «возникающее между орудиями и органами человека внутреннее отношение ... заключается в том, что в орудии человек систематически воспроизводит себя самого» [2, с. 15–16].

Акцентируя внимание на взаимозависимости совершенствования техники и ее сходства с живым организмом либо его отдельными частями и функциями, А. Лазаревич показал современную тенденцию, в основе которой сближение пропасти между техническим и биологическим с ориентированием создания биологического посредством искусственного [3, с. 25]. Ярким примером подобного синтеза, потенциальных возможностей взаимодействия, выступают нанотехнологии, био- и генная инженерия, предопределившие формирование таких направлений, как нанобиотехнология, позволившая «воспроизводить окружающий мир с помощью тех же приемов, которые использует сама природа» [там же].

В первой половине XX в. значительно усиливается интерес к философскому осмыслению техники. При этом четко обозначились два подхода к пониманию техники [4].

Инженерный подход к технике должен выявить сущность технического способа бытия человека в мире, являющегося главным для понимания других типов человеческого мышления и действия. Данного подхода придерживаются Э. Капп, П.К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр и др. И концептуальный подход к оценке техники – гуманитарный подход –, представителями которого являются К. Ясперс, Л. Мэмфорд, Х. Ортега-и-Гассет и др. В отличие от инженерного подхода, в гуманитарном подходе к рассмотрению техники начинают преобладать систематические попытки защиты приоритета гуманитарного, не-технического начала над техническим.

Рассматривая развитие философии техники в контексте вызовов современности, А.А. Сапунова совершенно права, делая заключение о том, что философия техники сталкивается с необходимостью пересмотра и расширения своего концептуального арсенала:

«Становление новых технологий в медицине, управлении финансами, экономикой и т.д., качественно расширяя границы не только человеческих, но и технических возможностей, остро ставит вопрос о техногенной коэволюции, ее направленности и соотносительности с биосоциальной эволюцией человека» [5, с. 49].

Осмысление развития самой технической среды осуществлялось в условиях ее воздействия на окружающую среду и на самого человека, что ставит вопрос о взаимосвязи эволюции технического мира и человека. «В каждом и любом животном и растении обнаруживаемо техногенное присутствие, – подчеркивает Б.И. Кудрин, – Примеры: дуст в пингвинах, остатки лекарств в питьевой воде Калифорнии. Или: после семи дней от ближайшего жилья (пешком по тайге) мною был собран лишайник *Usnea longissima* Ach., в котором тяжёлых металлов оказалось в 3–5 раз больше, чем в образцах 1939 г. Техническая реальность проникла вглубь на километры, недоступные живому, а верхние границы уже непредсказуемо выше. Таким образом, я обращаю внимание на факт, что техносфера, не став ноосферой по де Шардену и Вернадскому, поглотила биосферу» [6]. Все это позволяет говорить о формировании тенденции, согласно которой техника рассматривается как фактор порабощения человечества и уничтожения природы. На проблемы, рассматриваемые современной философией техники, как подчеркивает Т.П. Малькова, обращено пристальное внимание, поскольку довольно заметно воздействие техногенной цивилизации с «глобальной техно- и инфосферой» [7, с. 80]: «Дисциплина, на наш взгляд, требует дальнейшей разработки. ... исследование современных проблем теорий, возникающих в рамках философии техники, выявление наиболее общих закономерностей развития техники, инженерной и технико-технологической деятельности, проектирования и реализации проектов. Важен анализ тенденций развития технических наук для более глубокого понимания их места в культуре современного общества, ибо человечество делает шаг из шестого в седьмой технологический уклад. Роботостроение, создание биокомпьютеров, работы по связи искусственного интеллекта с «живыми» системами ускоренными темпами входят в техническую реальность в процессе научно-технического прогресса» [там же].

Такая ориентированность философии техники характеризует качественное изменение ее основных задач. Во-первых, попытка в рамках философии техники обратиться к изучению сущности техники, оценить широкомасштабное обновление понимания техники, сложившееся в результате экспансии техногенной цивилизации. Как убедительно показали Б.В. Ковригин и Р.А. Ильин, вопрос о том, что «традиционная философия техники почти полностью игнорировала социальные факторы и исторические условия и истолковывала феномен техники через те или иные основные черты» [8, с. 57] сменился более принципиальным: «в рамках какого знания возможно создание концептуального и методологического аппарата, который позволит обозначить конструктивные пути научно-технического развития?» [там же].

Во-вторых, в последнее время особенно актуализируется исследование кризиса мировоззренческих установок философии техники и ее неспособности дать адекватные ответы на вызовы современности – проблему устойчивого научно-технического развития, принципы перехода информационного общества в общество знания, проблему глобализации техносферы как результата развития технонауки и информатизации общества, проблему дегуманизации культуры [9, с. 14].

Таким образом, направленность современной философии техники учитывает вызовы времени и в ней все больше доминирует ценностная проблематика.

Литература:

1. Папченко Е.В. Философия техники: история и парадигмы развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №6 (103). С. 25–27.
2. Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. М.: АспектПресс, 1995. 149 с.
3. Лазаревич А. Горизонты техносциума // Наука и инновации. 2014. Т. 3. №133. С. 22–28.
4. Папченко Е.В. Техника как философское понятие: основные подходы к определению // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №4 (101). С. 16–19.
5. Сапунова А.А. Философия техники в контексте вызовов сложного мира // Общество: философия, история, культура. 2016. №9. С. 48–50.
6. Кудрин Б.И. Онтология и гносеология технической реальности (Доклад на XXII Всемирном философском Конгрессе, 31 июля 2008 г., Сеул) // Электронный ресурс: URL: <http://www.kudrinbi.ru/public/10720/index.htm> (дата обращения 15.12.2019 г.).
7. Малькова Т.П. Философия техники: современные проблемы развития теории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. №4 (90). С. 79 – 83.
8. Ковригин Б.В., Ильин Р.А. Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей // Сборник научных статей. Выпуск 1. Под ред. доц. Н.А. Ястреб. Вологда.: ВоГУ, 2014. С. 56–59.9. Елькина Е.Е. Философия техники в XXI веке: современное состояние и перспективы развития // Дискурс. 2017. №1. С. 13–25.

Попкова Наталья Владимировна

ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (БГТУ), профессор кафедры «Социальные и гуманитарные дисциплины». Доктор философских наук, кандидат технических наук

npopkova12@rambler.ru

Современная философия вынуждена отражать и анализировать мир, отличающийся от того, в котором она возникла и существовала ранее: это – мир техногенный, в котором и биосфера, и социум, и культура пронизаны технологиями и трансформированы ими. Приходится изменять привычные категории и методы, чтобы понять изменившуюся реальность. Философия техники оказывается лидером новых философских идей. В частности, традиционные вопросы философской антропологии требуют нового решения из-за изменившейся жизни современного человека. Анализировать человека и технику приходится вместе, отказавшись от привычного понимания техники как послушного инструмента. Рассматривая технику как результат социальных практик, становится возможным оценить современные проблемы, вызванные экспансией техники и технической рациональности, как частный случай общесоциальных проблем, а в качестве выхода из этого кризиса предложить гуманитаризацию общества.

Ключевые слова: философская антропология, философия техники, современность, человек, техносфера, техногенное общество, технический прогресс.

Philosophy of technique - the modern stage of philosophical anthropology.

Popkova N. V.

Bryansk State Technical University (Bryansk, Russia)

Modern philosophy is forced to analyze a world that is different from the one in which it arose: it is a technogenic world in which both the biosphere, society, and culture are permeated by technologies and transformed by them. We have to change the usual categories and methods in order to understand the changed reality. The philosophy of technique is the leader of new philosophical ideas. The traditional issues of philosophical anthropology require a new solution due to the changed life of modern man. We have to analyze man and technique together, abandoning the usual understanding of technique as an obedient tool. Considering technique as a result of social practices, it becomes possible to assess contemporary problems caused by the expansion of technique and technical rationality as a special case of general social problems, and as a way out of this crisis, to offer a humanitarization of society.

Keywords: philosophical anthropology, philosophy of technique, modernity, man, technosphere, technogenic society, technological progress.

Философская антропология рассматривает природу человека и смысл его существования, его отличие от других форм жизни. В частности, она порождает различные представления о закономерности и обоснованности преобразования природы человеком, о цели технического прогресса, о допустимости трансформации самого человека ради приспособления к технической среде и т.д. [1]. Философское исследование техники в чистом виде невозможно: анализ любой проблемы, имеющей техногенный фактор, неизбежно переходит в дискуссию о сущности человека, о смысле и пределах его активности [2]. При исследовании техногенных проблем оценка правомерности изменения человеком природы (в том числе собственной) не может обойтись без антропологических теорий [3]. Философы, пытаясь выявить сущность и значение техники, неизбежно занимали определенную антропоцентрическую позицию: несовместимость философских подходов к исследованию техники неизбежна, поскольку не существует единого представления о человеке и его месте в природе [4].

Сегодня XXI век ставит перед человечеством новые задачи; может ли философская антропология предоставить для их решения новые методы, новые концепции? Восприятие человеком себя и своей

жизни трансформировалось, и философские теории должны помочь людям найти новые ориентиры в новой социальной реальности. Современность характеризуется прежде всего научно-техническим прогрессом. Он отбрасывает в прошлое привычные формы деятельности, досуга, общения: темп изменений ускоряется. Потребовались новые способы видения мира, поскольку мир становится новым – технизированным и урбанизированным. Сложность философского анализа вызвана тем, что человек находится в промежуточной позиции по отношению к двум глобальным средам: будучи созданием биосферы, он – создатель техносферы [5]. С одной стороны, творец техносферы изменяет окружающую среду, удовлетворяя все большее количество своих потребностей. С другой стороны, человек, формируясь в искусственном, техногенном мире и в этом смысле становясь из биосферного существа техногенным, вынужден изменяться согласно закономерностям техносферы.

Современная антропология проблематизирует свой объект исследования – человека. Причина этой проблематизации – возрастающая роль технического мира и техногенных факторов в жизни человека, в том числе в его психологии и в его телесности [6]. Взаимодействие человека-творца и человека-изделия прослеживается во всех областях науки и культуры, которые начинают подчиняться не только людям, но и закономерностям развития техногенной среды. Старый антропологический дискурс рассыпался, поскольку новые формы человеческого бытия и сознания не нашли в нем места; а новые представления формируются с трудом, так как философская мысль не успевает за ускоряющимся технологическим вторжением во все области человеческой жизни. Философская антропология рассталась с классической концепцией личности как свободной и самоуправляющейся: в лучшем случае, ее свели к информационным или нейробиологическим процессам. В то же время, результаты философского осмысления техники также все дальше уходят от ее классической трактовки: налицо распрямление техники, отказ от ее понимания в качестве контролируемого людьми материального объекта и нахождение техники в самых разных средах, даже в человеке.

Изменения в антропологии затрагивают и теорию познания [7]. Соотношение технического объекта и знания о нем явно выходит за рамки наивного реализма. Совершается отрыв от классического понимания познания (как созерцания субъектом неизменных законов объективной реальности): техногенный мир понимается как результат действия человека (а вернее, коллективного субъекта), как проекция нашего мыслительного творчества. Везде мы познаем результаты практики, с помощью результатов практики и ради дальнейшей практики. При этом во всех этих случаях мы имеем дело с коллективной практикой: познание – не дело одиночек, а результат активности всего человечества. Возможно, философии потребуются введение новых понятий, отражающих когнитивные комплексы, связывающие технику с разными историческими и социальными практиками. Таящиеся в технической реальности возможности автономии (случайного и непредвиденного выхода технологического процесса за рамки предписанных техническим проектом состояний) ставят под угрозу адекватность технической рациональности, лежащей в основании инженерной деятельности. Требуется исследования семиотическая структура инженерно-технического знания [8]. Методы философского анализа техники на этапе постнеклассической рациональности принимают форму, характерную скорее для гуманитарных наук, нежели для естественных. Гносеологическую проблематику придется включить в социокультурный контекст: многие понятия перейдут из гуманитарных наук, отражая социальную природу познания техники [9].

Философская антропология, исследуя особенности человеческого бытия и пытаясь определить сущность человека, по-прежнему обсуждает факторы, от которых зависит поведение субъекта. В современном техногенном мире, среди определяющих ритмы его жизни технологий, человек должен вернуть власть над техникой – и над собой. Философское познание техники следует понимать как процесс создания идеальных объектов и схем, сопровождающий техническую деятельность людей и ее обеспечивающий. Коллективная деятельность и общение в техногенном обществе пронизаны техническими средствами: следовательно, субъектами технического познания являются все люди. Поэтому содержанием философского анализа техники станет рефлексия над стихийным и неосознанным пониманием техники, его концептуализация, структурирование и универсализация [10].

Как же анализировать техногенные трансформации человеческой жизни с гуманистических, философских позиций? При рассмотрении функционирования и развития всех областей искусственного мира философам следует понимать: поскольку техника является творением человека, а современный человек во все большей степени – объектом технологий, их анализ взаимосвязан. Неизбежно ускоренное развитие антропологии техники как философского направления, исследующего взаимосвязь

человека и техники, показывающего их взаимную обусловленность и создающего новые формы их представления. Более того, именно философия техники в форме антропологии техники становится необходимой ступенью развития современного антропологического знания [11, 12]: объединить антропологический анализ и разработки философии техники необходимо для того, чтобы сказать новое слово о человеке в современном техногенном обществе. Совпадает цель философской антропологии и философии техники – поиск выхода из глобальных проблем современности, имеющих техногенное происхождение и угрожающих существованию человечества. Следовательно, следует объединить их методы и результаты разработок, чтобы получить ответ на этот вопрос, возможно, самый важный из всех, выпадавших на долю философии за всю ее историю.

Из существующих философских подходов к пониманию техники имеет смысл развивать те, которые дают основу для программ преобразования человеческой деятельности. Например, понимание технической реальности как нового этапа самоорганизации Вселенной [13] может стать источником новых, необычных идей, но исключает для человека возможность изменить космические процессы. Напротив, трактовка техники как разновидности социальных практик [14] имеет большой потенциал в качестве мировоззренческой основы для развития новых практик, природоохранных и сохраняющих культурные ценности.

Философская антропология должна указать человеку путь к освобождению, а философия техники – обосновать возможность продвижения по этому пути, предоставив мировоззренческое и методологическое основание для гуманизации нашей жизни.

Литература:

1. Попкова Н.В. Трансформация антропологического дискурса в современном обществе // Мир психологии. 2017. №4. С.173-185.
2. Попкова Н.В. Человек в техногенном мире: мировоззренческие противоречия и философский поиск // Мир психологии. 2018. №4. С.22-34.
3. Розин В.М. Технология как вызов времени (изучение, понятие и типы технологий) // Philosophy and Cosmology. 2017. Т.19. С.133-141.
4. Розин В.М. Техника и социальность: Философские различия и концепции. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 304 с.
5. Попкова Н.В. Человек в техногенном мире: творец или творение? // Мир психологии. 2005. №4. С.216-225.
6. Попкова Н.В. Техносфера как техногенная среда существования человечества // Социально-гуманитарные знания. 2005. №5. С.324-331.
7. Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
8. Чешев В.В. Инженерное мышление в антропологическом контексте // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 104–117.
9. Попкова Н.В. Введение в метафилософию техники. М.: ЛЕНАНД, 2014. 336 с.
10. Попкова Н.В. Место философии в культуре техногенного общества: критика технического разума // Культура и искусство. 2019. № 4. С.37-52. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.4.29324.
11. Попкова Н.В. Антропология техники: Становление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 376 с.
12. Попкова Н.В. Антропология техники: Проблемы, подходы, перспективы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2020. – 352 с.
13. Попкова Н.В. Controllability of Technosphere and Paradigm of Global Evolutionism // Philosophy and Cosmology. Volume 21, 2018. Стр. 21-31. DOI: 10.29202/phil-cosm/21/3.
14. Попкова Н.В. Социальная природа техники // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. – С. 49-60. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-2-49-60

Концептуализация техники в свете современных вызовов времени

Розин В.М.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

rozinv@gmail.com

В статье анализируются вызовы времени, которые заставляют, с одной стороны, критически осмыслить современное понимание техники, с другой – предлагать ее новую концептуализацию. Отмечается, что многие глобальные проблемы, связанные с техникой (экологические, социальные, культурные) требуют коллективного международного решения. Хотя в отдельных странах некоторые из них с успехом решаются (Швеция, Япония, Германия), удачный опыт решения этих стран не становится по разным причинам достоянием мирового сообщества. В настоящее время преодолению кризиса препятствуют узкое «инструментальное» понимание техники, взгляд на нее в рамках техногенной цивилизации, формальное истолкование связи техники с социальностью. Именно по этим линиям проблематизации необходимо менять концептуализацию современной техники: рассматривать ее как культурно-исторический феномен, анализировать концептуализации техники, поставить в центр изучения темы «техника и модерн», «техника и социальность».

Ключевые слова: техника, концептуализация, понимание, модерн, социальность, кризис.

Conceptualization of technology in the light of modern challenges of the time. Rozin V.M.

Institute of Philosophy RAS

Abstract: The article analyzes the challenges of the time, which make, on the one hand, critically interpret the modern understanding of technology, on the other hand, to propose its new conceptualization. It is noted that many global problems associated with technology (environmental, social, cultural) require a collective international solution. Although in some countries some of them are successfully resolved (Sweden, Japan, Germany), successful experience in resolving these countries does not become the property of the world community for various reasons. At present, a narrow “instrumental” understanding of technology, a look at it in the framework of anthropogenic civilization, and a formal interpretation of the connection of technology with sociality hinder the crisis. It is precisely along these lines of problematization that it is necessary to change the conceptualization of modern technology: to consider it as a cultural-historical phenomenon, analyze the conceptualization of technology, and put in the center of the study the themes “technology and modern”, “technology and sociality”.

Keywords: technology, conceptualization, understanding, modern, sociality, crisis.

1. Развитие, в том числе и техники, происходит в ответ на вызовы времени, которые образуют проблемы и направления их решения. Вызовы заставляют критически анализировать сложившееся состояние и понимание техники и формулировать новые концепции техники (в том числе и концепции технологии). В свою очередь эти концепции обуславливают развитие техники и связанных с ней практик [1].

2. Основные глобальные проблемы, тесно связанные с современной техникой и технологиями (экологические, включая глобального потепления, экономические, социальные) требуют коллективных усилий и решений мирового сообщества. Тем не менее, в ряде стран (Швеция, Япония, Германия) они успешно решаются. Например, в этих странах разработаны эффективные методы и способы сортировки и переработки мусора, которые, что принципиально, начинаются в социальной сфере. Вообще опыт этих стран показывает, что нет чисто технических проблем и решений; современная техника, как правило, включает в себя социокультурные и социально-психологические аспекты. Хотя налицо положительный, правда локальный, опыт решения глобальных проблем, этот опыт не становится по разным причинам достоянием мирового сообщества.

3. В плане концептуализации техники тормозом развития выступают следующие три момента. Во-первых, узкое понимание техники, по сути, сводящееся к «инструментальной концепции», в соответствии с которой техника создается в ответ на потребности. Эту концепцию, очень распространенную среди инженеров и технологов, критиковал в статье «Вопрос о технике» еще Мартин Хайдеггер [2] и позднее многие философы техники, но она и поныне в ходу. Во-вторых, взгляд на технику в рамках концепции техногенной цивилизации. Здесь техника истолковывается на основе действия законов первой природы, которые запускаются и управляются с помощью инженерных сооружений. В настоящее время человек все больше сомневается в том, что именно первая природа является основной реальностью; рядом с ней встали другие реальности, прежде всего социальность и культура. В-третьих, хотя признается обусловленность техники со стороны социальности и культуры, эта сложная связь практически не проанализирована.

4. Современная техника является институтом модерна, отсюда и концепция техногенной цивилизации. В этом отношении она и должна быть проанализирована в философии техники. Сюда относится, например, концепция Ф. Бэкона, который утверждал, что техника должна создаваться на основе законов первой природы и быть ориентирована на создание практических приложений. Другое направление исследований – развитие техники в контексте формирования капитализма. Третье – формирование естествознания и технических наук. Четвертое – технического образования. Пятое – создание социальных институтов техногенной цивилизации.

5. Но техника – не только институт модерна, но и реальность процессов деконструкции модерна. Особую роль здесь играют новые социальные технологии, изобретение которых позволяет использовать не по назначению институты и социальные структуры модерна. Примером таких технологий выступают технологии рентостроительства, использование кредитных карточек для создания виртуальных денег, захват государственного управления пассионарными сообществами в авторитарных или тоталитарных государствах. Понятно, что подобные, с одной стороны, пионерские, а с другой – паразитные технологии тоже нуждаются в изучении.

6. Концептуализация техники, отвечающая на указанные вызовы времени и проблемы, предполагает реализацию ряда современных стратегий:

- Междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы, позволяющие использовать понятия и методы разных научных дисциплин, а также помощь и контроль социальных групп (сообществ), заинтересованных в практическом применении полученных в научном исследовании схем и знаний [3].

- Проведение исторического взгляда на технику и ее развитие, что предполагает реализацию культурно-исторического метода реконструкции техники.

- Анализ концепций техники. В частности, в настоящее время удалось показать, что техника в своем развитии прошла несколько стадий, для каждой из которых была характерна своя концептуализация. Для первой стадии (техника как магия) – это сакральная концептуализация, для второй (техника как инженерия) – рациональная, естественнонаучная концептуализация, для современного этапа (техника как технология и проектирование) концептуализация только складывается, но уже ясно, что усиливается понимание техники как деятельности человека и социальности.

- Характеристика техники как института модерна, с одной стороны, продолжающего интенсивно функционировать, а с другой – испытывающего разнообразные деструкции.

- Истолкование техники в контексте культуры, истории, и главное, социальности.

7. Предполагает расширение и феноменологическое истолкование техники. Для XX столетия было характерно понимание техники как орудий, машин и механизмов, что соответствовало второй концептуализации техники как инженерии. В настоящее время техника это еще и техническая среда, и техносфера, и произведения, начиная от архитектуры, кончая домашними животными и человеком. Конечно, указанные индивиды не только техника, но и социально-гуманитарные феномены, но в определенных контекстах, например, массового поведения, решения специальных задач домашние животные и человек представляют собой нормальную технику.

8. Развитие техники в перспективе будущего мыслится в рамках процессов перехода от модерна к постмодерну, где постмодерн понимается не в логике пародирования, деконструкции и микста, а с одной стороны, как завершение проектов модерна в смысле пониманием их перерождения и невозможности, с другой – как установление новой органической целостности, видения и мироощущения. Последние, например, должны включать в себя поиски путей сохранения жизни на Земле, что может инициировать новый этап развития техники; установление для сложившихся условий социальной справедливости, а это невозможно без развития социальных технологий; разработки индивидуальных стратегий жизни человека (новые концепции и технологии здоровья, концепции правильной жизни и пр.).

Литература

1. Розин В.М. Философия техники. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 296.
2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238
3. Розин В.М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности - событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. N 5., С. 106-116.

Седакин В.П.

Рассматривается развитие различных новых научных направлений, включая технические науки. Стремительное нарастание экологических проблем породило междисциплинарное экологическое направление, которое в силу огромного гуманитарного значения включает в себя и общественное движение и этическое направление. В силу глобального значения экологических факторов, включая техногенное влияние на окружающую среду, до недавнего времени активно формировалось направление “глобалистики”. Вредное влияние техногенных факторов неразрывно связано с ростом населения в странах третьего мира, гипертрофированным уровнем потребления в развитых странах и чрезмерной нагрузкой на окружающую среду, которое привело к глобальным изменениям в климате (“глобальное потепление”). Даже, казалось бы, малоэнергоёмкие информационные технологии, как оказалось в случае с “виртуальными валютами”, могут требовать значительных энергозатрат (“фермы биткоинов”).

Комплексность рассматриваемых в этих новых научных направлениях проблем и огромный объем их требуют рассмотрения этих проблем с помощью методов различных наук. Поэтому особенностью рассматриваемых новых направлений является их междисциплинарность. Однако возникает вопрос соотношения междисциплинарности и используемых научных методов, заимствованных из уже сложившихся наук. Были ли ранее известны междисциплинарные проблемы и научные направления, преобразовывались ли они в самостоятельные науки? Какова динамика зарождения самостоятельных наук? В противоположность междисциплинарным направлениям определим в качестве уже сложившихся, самостоятельных наук, обладающие собственным научным методом. В истории науки первым междисциплинарным направлением является физическая химия, развившаяся в самостоятельную науку. Пройдут ли такой же путь перечисленные выше научные направления? Ответ на этот вопрос – явно отрицательный. Несравнимо больший объем проблем не позволяет этого. Характерной особенностью междисциплинарных дисциплин является множественность определений базовых понятий, что логически связано с очень большим объемом понятия. С этой точки зрения анализируются другие известные дисциплины, такие как информатика и политология. Отмечается их явная междисциплинарность, что позволяет сделать вывод о методологической перспективе их развития.

Сидорина Т.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Доктор философских наук

tsidorina@hse.ru

Аннотация: Перспектива технического будущего становится все более актуальной. В этой связи вопрос оптимального общественного устройства неизбежно предполагает анализ его технических/технологических составляющих, последствий и перспектив технологического тренда. В докладе я обращаюсь к вопросу амбивалентности социального проектирования, и прежде всего технократической модели организации общества. Истоки этой модели уходят в далекое прошлое, в ходе истории характер технократии эволюционировал, менялись и оценки этого феномена. Однако в ближайшей технологической перспективе проблема технократии обретает все большую актуальность, демонстрируя определенную устойчивость. В контексте неоднозначности решения вопроса об устойчивых основаниях общественного развития, я предполагаю обратиться к прогностической значимости социальной утопии, оценкам перспектив технократического тренда, а также причинам нарастающего социального катастрофизма.

Ключевые слова: общество, основания общественного развития, техника, технократия, социальный проект, общественный идеал, катастрофическое сознание

Ambivalence of models of the social future: technocratism and relativism of utopian consciousness.

Sidorina T.U.

National Research University “Higher School of Economics”

Abstract: The prospect of a technical future is becoming increasingly relevant. In this regard, the question of optimal social structure inevitably involves an analysis of its technical / technological components, the consequences and prospects of the technological trend. In the report, I address the issue of the ambivalence of social design, and above all the technocratic model of social organization. The origins of this model go back to the distant past; during the course of history, the nature of technocracy has evolved, and estimates of this phenomenon have changed. However, in the near technological future, the problem of technocracy is becoming increasingly important, demonstrating a certain stability. In the context of the ambiguity of resolving the issue of sustainable foundations of social development, I propose to turn to the prognostic significance of social utopia, assessing the prospects of the technocratic trend, as well as the reasons for the growing social catastrophism.

Keywords: society, foundations of social development, technology, technocracy, social project, social ideal, catastrophic consciousness

В стремлении ответить на вопросы: по-прежнему ли главная цель философии в том, чтобы найти первоначала и причины, лежащие в основании всего и позволяющие познавать все остальное – обратимся к вопросу о возможности устойчивых объективных оснований оптимального общественного развития, фундаментальному и относительному в вопросах социального проектирования.

С давних пор философы размышляли и стояли модели идеального общества и государства. История философии дает нам значительный корпус проектов общественного устройства: идеальное государство Платона, утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы и др.

Большинство известных проектов общественного устройства (включая утопии прошлого) неизбежно предполагали наличие строгой организации и контроля. Устранение частной собственности, равный доступ к благам и равное распределение, характерные для утопического сознания, неизбежно

требовал порядка с достаточно стройной социальной иерархией и системой мер – такова основа оптимального социума в данной системе координат.

Разработка теории общественного договора (XVII–XVIII столетия) становится новым этапом в истории поисков идеальной модели общественного устройства. В отличие от авторов предшествовавших утопических проектов теории общественного договора на первое место ставят свободу и права человека, принимая государство и договор относительно него как неизбежное зло, своего рода защитный механизм, невмешательство которого в жизнь гражданского общества оговаривается принципиально.

В трактовке Ж.-Ж. Руссо организация общественного устройства должна основываться на основах свободы и равенства [1, с. 204]. Однако равенство не исключает необходимости контроля, но его значимость в условиях демократии, где государство ограничено функциями «ночного сторожа», существенно отличается от его роли в государстве социального порядка и равного распределения, когда контроль – это основное правило «игры».

Таким образом, в истории социальной мысли формируется определенная устойчивая альтернатива по отношению к базовым основаниям общественного устройства: «порядок, контроль и равенство распределения» и «свобода и равенство прав».

Модель технократической организации общества, предложенная в трудах французского философа Анри Сен-Симона («О системе общественной организации» и др. работы после 1813 г.), предполагает организацию государства как единой промышленной системы, управляемой по разумно составленному плану [2]. С техникой и технически образованными людьми социальный реформатор связывал надежды на искоренение социальных проблем. Между тем техника обозначает свое присутствие в социальных утопиях задолго до эпохи научных революций. В XX столетии об этом пишут Ю. Хабермас, Г. Рополь, вычлняя различные аспекты технического [3], [4].

В докладе я обращаюсь к вопросу амбивалентности социального проектирования. Уже сам поиск общественного идеала, тем более попытки его воплощения, предполагают заведомую неоднозначность.

О причинах неосуществимости утопических проектов писал русский философ П.И. Новгородцев. В работах «Кризис правосознания» (1909), «Об общественном идеале» (1921) он определяет общественный идеал как *принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы* [5, с. 112] и объясняет неосуществимость данной цели как абсолютной недостижимостью осуществления ее исходных условий [5, с. 56].

Амбивалентность социального проектирования и прежде всего технократического проекта представляет существенный интерес в условиях современной социальной неопределенности. Немецкий философ техники Г. Рополь писал: «Если сегодня субъективные надежды, несмотря на всю рациональную вероятность противоположного, все еще направлены в сторону трансцендентного существа, сегодняшние в социальном смысле господствующие утопии носят тем не менее чисто земной характер. И как в оптимистических, так и в пессимистических утопиях постоянно присутствует техника то: как вероятный источник блаженства, то как демон уничтожения» [4].

Соответственно в докладе мы рассмотрим следующие аспекты: релятивизм и достоверность утопической мысли (утопия – антиутопия, порядок – хаос, свобода – контроль, труд – праздность, технизм – антитехнизм), амбивалентность концепта «социальное будущее», его противостояние и сопоставимость с концептом технического будущего, проблема сложности в вопросах социального проектирования. Особого внимания заслуживает проблема социального катастрофизма.

В последние десятилетия широкое распространение получает, так называемый, «новый катастрофизм». Эта тенденция присутствует в работах представителей социальных наук, мерах, предпринимаемых правительством, кино и литературе [6]. Причем прогностическая значимость утопической мысли переносится на прогнозы идеологов «нового катастрофизма». В известной работе Дж. Даймонда утверждается, что спровоцированные деятельностью человека изменения окружающей среды приведут к резкому, потенциально катастрофическому регрессу или упадку цивилизации [7]. Подобные идеи представителей «нового катастрофизма» порождают фаталистическое отношение к будущему и принятие соответствующих решений и программ.

В этом ключе мы возвращаемся к вопросу амбивалентности проектов социального будущего: как утопии, так и антиутопии в своей способности генерировать будущее могут стать основаниями обще-

ственного развития, сформировать отношение и оценку технологической перспективы, порождая «мир будущего дня».

Литература:

1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Кучково поле, 1998.
2. Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1-2. М.: Л., 1948.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практика, 2007.
4. Рополь Г. Является ли техника философской проблемой? // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 191-202.
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: УРСС, 1991.
6. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело», 2017.
7. Даймонд Дж. Коллапс. Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели? М.: Corpus, 2011.

Техника в контрфактических гипотезах и сценариях исторического прошлого: философский анализ

Нехамкин Валерий Аркадьевич

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры
«Философия». Доктор философских наук*

nehamkin@rambler.ru

Аннотация: В работе рассматривается один из подходов в философии техники. Это – использование техники для выдвижения альтернативных исторических гипотез и создания сценариев потенциального прошлого. Констатируется, что техника – средство демаркации гипотез относительно потенциального прошлого на научно обоснованные и литературно-художественные. Определяются приемы контрфактического моделирования прошлого, в которых активнее всего применяется техника: удаление личности, удаление определенного вида техники из конкретной исторической ситуации, изменение составляющих событие элементов (субсобытий), введение в исторический процесс нового события и другие. Показано, что на основе подобных гипотез формируются альтернативные исторические сценарии. Отмечено, что подобное моделирование воздействует на иные разделы философии: социальную философию и историософию. Установлено, что таким путем рассмотрение потенциального прошлого происходит в форме мысленного эксперимента, свойственного философскому познанию мира.

Ключевые слова: техника, контрфактическое моделирование прошлого, сценарии и гипотезы потенциального прошлого, философия, философия техники, философия истории

Technique in counterfactual hypotheses and scenarios of the historical past: philosophical analysis. Nekhamkin V. A.

Bayman Moscow State Technical University, Professor at the Department of Philosophy

Abstract: The article one of the approaches in the philosophy of technics. This is the use of technic to advance alternative historical hypotheses and create scenarios of the potential past. It is stated that the technique is a means of demarcating hypotheses about the potential past into scientifically grounded and literary-artistic ones. The methods of counterfactual modeling of the past are determined, in which the technique is most actively used: removing a person, removing a certain type of technique from a specific historical situation, changing the elements that make up the event (sub-events), introducing a new event into the historical process, and others. It is shown that alternative historical scenarios are formed on the basis of such hypotheses. It is noted that such modeling affects other sections of philosophy: social philosophy and philosophy of history. It is established that in this way the consideration of the potential past takes place in the form of a thought experiment peculiar to the philosophical knowledge of the world.

Key words: technic, counterfactual modeling of the past, scenarios and hypotheses of the potential past, philosophy, philosophy of technics, philosophy of history

Философия техники – важный раздел философии, появившийся во второй половине XIX в. в Германии. Именно там за столетие сформировалась сильная школа по данному направлению [1]. Осмысление техники проводилось и в иных странах: в России одним из основателей данного направления по праву считается профессор МВТУ П.К. Энгельмейер. Кроме того, данный объект активно рассматривался с этической и иных сторон представителями экзистенциализма: как отечественного (Н.А. Бердяев, А.А. Шестов и другие), так и зарубежного (М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет и другие). Отсюда почти за полтора века существования в философии техники накоплен значительный материал, требующий всестороннего анализа.

В данной статье речь пойдет об одном из недостаточно известных аспектов философского

осмысления техники: ее использовании в процессе контрфактического моделирования прошлого, выдвижении соответствующих гипотез и сценариев. Конечно, техника чаще выступает объектом исследования в футуристическом ключе. Это верно как для художественной литературы (А. Азимов, Р. Брэдли и др.), фильмов («Терминатор», «Матрица», «Суррогаты» и др.), так и для произведений в жанре проектирования нового будущего идеального общества. Причем, на мой взгляд, интересна тенденция: если в проектах Платона, Т. Мора («Утопия»), Т. Кампанеллы («Город Солнца») техника играла подчиненную общественным идеалам роль, то уже в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона она становится (наряду с наукой) доминирующим фактором социального развития.

Контрфактическое же моделирование прошлого концентрируется преимущественно на военной и политической истории. Вместе с тем техника как фактор тоже присутствует здесь при выдвижении соответствующих гипотез и создании сценариев. Отметим ее роль как своеобразной границы, критерия, отделяющего, по мнению некоторых ученых, научно-обоснованные суждения о потенциальном прошлом от фантастических. Как полагает Р. Коули, выдвижение гипотез, исходящих из наличия у Ганнибала в противостоянии с римлянами в III в. до н.э. водородной бомбы, а у Наполеона в XIX в. – бомбардировщиков-невидимок, нарушает принцип «правдоподобия». Такие технические новинки в настоящем взять данным героям было негде. Научные же гипотезы на тему «что было бы, если?» должны быть правдоподобными [2, с. 9]. Мы выйдем «за пределы реально возможного», научно-допустимого, если «дадим» Наполеону в создаваемом сценарии войны 1812 г. против России появившиеся уже 80 лет спустя пулеметы или самолеты [3, с. 117]. Однако вполне оправдано, «правдоподобно» будет, если император Франции в 1804 г. получит уже имевшиеся в США пароходы и использует их для десантирования в Англию, что он так и не реализовал на практике.

Вместе с тем, нарушение «принципа правдоподобия» в контрфактическом моделировании прошлого часто применяется в художественной литературе и не без пользы для читателя и данного «жанра» историописания. Начиная с повести М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» [4] перенесение героя (их группы) из настоящего в прошлое, где он/они воспроизводит различные технические новинки из современности и преображают окружающий социальный мир – тема ряда произведений в духе Альтернативной истории. Здесь сформировалось целое направление такого рода познания, опирающееся на моделирование альтернативной истории техники, которое можно назвать «попаданческим» (по способу перемещения людей в прошлое) [5]. Скажем, М. Твен фактически проводил мысленный эксперимент на тему: как могли повести себя орудия труда и войны XIX в. в Англии VI в. И писателей, желающих «отправить» в прошлое «попаданцев», воспроизводящих там свои технические знания, меньше не становится [см.: 6]. Значит, за пределами науки контрфактическое моделирование как истории техники, так и прошлого с помощью техники, тоже остается актуальным, хотя пока практически мало востребованным.

Техника не только служит важным критерием (эмпирическим и теоретическим) отделения научного контрфактического моделирования прошлого от реализуемого в художественной литературе. Она участвует в выдвижении здесь определенных гипотез, на основе которых создаются соответствующие описания (сценарии). По мнению автора, формирование предположений относительно потенциального прошлого происходит чаще всего на двух уровнях: персоналистском и событийном (хотя в дальнейшем можно выделить и третий – факторный). На первом реализуется контрфактическое моделирование деятельности отдельных личностей, на втором – реализации событий. Укажем на распространенные здесь приемы выдвижения альтернативных гипотез относительно прошлого. «На персоналистском уровне: 1) продление бытия реально существовавшей личности в прежнем социальном качестве; 2) удаление (физическое) реально существовавшей исторической личности; 3) пространственно-временное перемещение личности; 4) приписывание существовавшей личности каких-либо ирреальных (по отношению к совершенным на практике) действий».

На событийном уровне используются приемы: 1) продление существования исторического события во времени; 2) изменение составляющих событие элементов (субсобытий); 3) изменение итога реального события; 4) перенос реализации события во времени; 5) введение в исторический процесс нового события; 6) удаление исторического события» [7, с. 341].

Установив средства выдвижения контрфактических гипотез, посмотрим, как часто в них присутствует техника. Прежде всего, посмотрим на персоналистский уровень. Здесь стремятся удалить личность какого-либо изобретателя и посмотреть, появится ли (и через какой период) его «детище». Например, если бы пенициллин не сделал А. Флеминг, то когда было бы создано (и кем)

это средство. Распространено приписывание существовавшей личности каких-либо иных, ирреальных (по отношению к совершенным на практике) действий. Специалист (или писатель) может мысленно допустить, что какая-либо техническая новинка создана не ее настоящим автором, а другим человеком. Выявить различные последствия подобного шага.

На событийном уровне спектр контрфактических гипотез, использующих в качестве условия порождения технику, более широк, чем на персоналистском. Прежде всего стоит отметить такой прием, как удаление определенного вида техники из конкретной исторической ситуации. Так, Р. Фогель создал модель возможного экономического развития США XIX в., если бы там в данный период отсутствовали железные дороги [8]. Он пришел к парадоксальному выводу, что высокий рост экономики был бы достигнут и без этого вида транспорта.

Укажем и на другой прием – введение в исторический процесс нового события. Его часто используют в «попаданческой» альтернативной литературе о прошлом, но не только в ней. Часто определенный вид техники существует в социальном пространстве, а проблема состоит в том, что его вовремя не доставляют в определенную точку. Например, в 1804 г. Наполеон готовился десантировать сухопутные войска французов в Англию. Задачу пытались решить путем постройки новых барж. Сомнительно, чтобы они могли преодолеть пролив Ла-Манш и успешно снабжать в Англии силы. Впрочем, Наполеону поступило из США предложение инженера Р. Фултона использовать с этой целью пароходы. Они, несмотря на неустойчивую погоду в Ла-Манше, могли бы доставить французских солдат на вражескую территорию. Данный вариант не был реализован на практике. Однако при допущении подобной возможности ученый оказывается в новой познавательной ситуации. Для одних специалистов (А. Хорн) Наполеон, не использовав пароходы, упустил свой шанс победить англичан [2, с. 299]. Для других (С. Хук) пароходов у Наполеона оказалось бы недостаточно для длительного снабжения французских войск на вражеском берегу [9, с. 209]. Значит, использование подобного приема выдвижения контрфактических гипотез тоже не обходится без техники.

Применение метода «изменение составляющих событие элементов (субсобытий)» часто осуществляется с помощью введения в ситуацию реально возможных в ней технических новинок. Так, в действительности нацистская Германия не создала ядерное оружие. Однако при определенных обстоятельствах могла это сделать. Ф.Р. Линдси сделал такое допущение и написал сценарий «Бомба в руках у Гитлера: Цель Лондон и Москва» [10, с. 312–336]. Он в целом верно оценил последствия наличия такого оружия в руках нацистов в 1944 г. – ударов по столицам стран-противников Третьего Рейха. Ответного удара американской авиацией ядерным оружием по Берлину и т.д. Хотя имело место преувеличение отрицательных последствий ядерной бомбардировки для СССР из-за его «тоталитарности» [10, с. 319–320; 5]. Значит, подобный прием выдвижения альтернативных исторических гипотез формируется с учетом влияния техники на социальные процессы.

Таким, образом, техника служит одним из критериев, отделяющим реально возможные предположения о потенциальном прошлом от фантастических. В плане продолжения подобных исследований целесообразно расширять диапазон альтернативных исторических гипотез, которые формируются с помощью обращения к технике. Как отмечал М. Хайдеггер применительно к практике, «современная техника – тоже средство для достижения целей» [11, с. 222]. В деятельности теоретической техника выступает важным фактором, воздействующим на гипотезы и сценарии развертывания альтернатив прошлого, формируемые в нынешней науке, философии и за их пределами. Философский же метод мысленного эксперимента обогащается новым содержанием. Стоит отметить, что альтернативные исторические гипотезы из философии техники тесно связаны с аналогичными рассуждениями в философии истории и социальной философии.

Литература:

1. Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. 528 с.
2. А что, если бы?... Альтернативная история. М.: ООО Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 604 с.
3. Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
4. Твен М. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура: Повесть М.: ООО Издательство АСТ, 2002. 346 с.
5. Нехамкин В.А. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 2 (56). URL: <http://history.jes.su/s207987840001059-3> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Ланцов М.А. Маршал Советского Союза. М.: Яуза, ЭКСМО, 2014. 348 с.

7. Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336–352.
8. Fogel R. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The John Hopkins Univtrsrity Press, 1964. 343 p.
9. Хук С. «Если бы» в истории // THESIS.1994. № 5. С. 206–215.
10. Победы Третьего рейха: альтернативная история Второй мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2005. 378 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Аннотация: В докладе рассматривается философское измерение концептов киберфизических систем: интернета вещей, интернета всего, распределенного интеллекта, проникающего компьютеринга, разумной среды, дополненной реальности, цифровой реальности, киберповорота и некоторых других. Исследованы и классифицированы антропологические трансформации и микросоциальные процессы, обусловленные внедрением в повседневную жизнь технологий гибридной реальности. Исследуются сценарии городского развития малых гибридных социальных групп. Также, были намечены подходы к исследованию темпоральной наблюдаемости эволюции цифровой реальности и проведено мягкое картирование социотехнических ландшафтов и методологии навигации в цифровой реальности по координатам ее базовых технологий и практик. Вводится понятие цифрового антропоцена, как продолжения традиции ноосферного мышления и смыслового горизонта эволюции разумной среды.

Ключевые слова: социальная оценка техники, STS, философия информационных технологий, интернет вещей, умный город, цифровой антропоцен

**Digital anthropocene.
Chekletsov V.V.**

South-Western State University

Abstract: The report examines the philosophical dimension of the concepts of cyber-physical systems: the Internet of things, the Internet of everything, ambient intelligence, pervasive computing, smart environment, augmented reality, digital reality, cyber-shift, and some others. Anthropological transformations and microsocial processes caused by the introduction of hybrid reality technologies into everyday life are investigated and classified. Scenarios of urban development of small hybrid social groups are investigated. Also, approaches to the study of temporal observability of digital reality evolution were outlined and soft mapping of sociotechnical landscapes and methodology of navigation in digital reality by coordinates of its basic technologies and practices was carried out. The concept of the digital anthropocene is introduced as a continuation of the tradition of noospheric thinking and the semantic horizon of the evolution of the intelligent environment.

Keywords: social assessment of technology, STS, information technology philosophy, Internet of things, smart city, digital anthropocene

ⁱ Рассмотрим несколько возможных сценариев вплетения философских элементов в дизайн биометрических носимых устройств, систем умного дома (smart home) и умного города (smart city). Чтобы в совокупной сложности множеств SmartX концептуализировать понятие цифрового антропоцена, как гуманитарного основания социотехнического единства Разумной Планеты (Smart Planet).

ⁱ Публикация подготовлена при поддержке Гранта РНФ № 19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений»

Состояние, вызываемое столкновением с миром, Хайдеггер именуется Un-zuhause / дословно: «не-дома», «не по себе». Вызывающее же- это Здесь-Бытие (Dasein) в своей бесприютности: изначально-ное, брошенное Бытие-в-Мире, как бескровность. *Вызывающее* незнакомо с *самим-собой-в-повседневности*, это Нечто вроде голоса *иного*. [1, с. 6] Вглядимся пристальнее в ситуацию, когда *заброшенного-в-карьеринг* мещанина с фитнес-браслетом накрыл внезапный Angst. Очевидно, что уровень и глубина Страха может быть разной. Спектр Ангста можно разложить по амплитуде и «частоте колебаний»; частоту эту резонно сопоставить с интенсивностью страха. Глубина ранжируется от экзистенциального ужаса бытия с переходом в паническую атаку до легкой метафизической тревоги-предвестника маниакальных блужданий (в зависимости от фазы циклотимии, в которой находится хозяин браслета). Высота же пускай определяется результатом данной конкретной ситуации: здесь креативный эффект простирается от «нуля» (апатия) до восторженно-бодрящей псевдофилософской возвышенности. В первом приближении, браслет должен отличать опасные и условно-опасные состояния своего владельца от условно-неопасных и безусловно-неопасных историй. Как не пропустить по-настоящему серьезную беду? Каким образом, по каким параметрам «неодушевленная» техносциальная система (браслет, сенсоры, алгоритмы...) может определить несомненно-опасный случай заброшенности в Ничто с высоким риском суицида, риском насилия или самоповреждения?

Что будет, когда цифровые алгоритмы неизбежно, уже в силу самой эмерджентной сложности систем и сетей, начнут сами модифицировать нормы своей процессуальности? Посчитав фитнес-браслет не продолжением тела человека, но- продолжением своего тела? Что будет, когда вследствие непредсказуемого взаимодействия частных или корпоративных интересов, мы будем постоянно перекраиваться по независимым от нас причудливым лекалам? Что будет, когда носимая электроника станет способной к тонкой, но уже прямой нейромодуляции нейротрансмиттерами, к прямым эндокринным воздействиям путем, к примеру, неощутимого нановспрыска гипоталамического гормона регуляции? Важно не проглядеть значение этих вновь обретенных тонких цифровых прокладок-интерфейсов между антропо-биологическим, технофизическим и социотехническим измерениями Бытия. Вполне осознать опасности и возможности новой гибридной телесности и ментальности. Найти или построить свой собственный эволюционно-устойчивый технобиоценоз. Постараться увидеть перспективу нелокальности, взаимоопределения и коэволюции с био-иными, когнитивно-иными, техно-иными в усложняющейся ноосфере антропоцена.

Как обрести единство топологии расслоенных пространств техношифрени, увидеть их скрытые параметры. Смысл? Значение? Как найти, вернуться в свой дом? (Heimat)

Technē Tou Biou

В своей «Герменевтике Субъекта», Фуко обращается к идее сопротязженности заботы о себе и искусства жизни (знаменитой *technē tou biou*), которое, начиная с Платона и особенно в постплатоновских направлениях, станет главным определением философии. [2, с. 103]

Искусство жизни как *technē* в классической эллинистической традиции, во французском вкусе ее (жизни) радости, очевидно, отличается от разной глубины понимания *удобства* домашней жизни, продвигаемых производителями «умной техники» и систем Smart Home.

Умные термостаты, подобные Nest уже несколько лет кряду собирают безумный по своему трафику объем данных рядовых американцев, решившим *не думать* каждый раз, какую кнопку нажать на пульте кондиционера или системы отопления. Nest делает это за них автоматически, изучая температурные предпочтения жильцов в разное время суток, недели, времени года и тд. Домашнее пространство обретает простейшие рефлекторные дуги, становится умнее, активнее. Уже не просто «умное», но стремящееся обрести разумность техно-*оно* обретает чувствительность (кнопки, сенсоры), зрение (камеры наблюдения) и, важный в контексте последних технотрендов, *слух*. Так называемые *умные колонки* с интеллектуальными помощниками от Google, Яндекс, Microsoft, Amazon, Apple и бесчисленных китайских производителей всего пару лет назад начали колонизацию наших жилых пространств. Эти намеренно минималистичные незаметные «уши» с распознавание естественного языка призваны стать платформами, центральным узлом для дальнейшего внедрения компонентов Умного Дома. Значительный интерес представляет гендерный вопрос, связанный с наименованием интеллектуальных помощников (у Яндекса Алиса, у Эпл - Сири, у Амазон - Алекса, у Майкрософт

- Кортана). Исключение составляет гендерно нейтральное закливание «ок,гугл», пробуждающее колонки «корпорации добра» Alphabet от цифрового (псевдо)сна. [3]

Продолжая тенденцию интеллектуального помощника женского пола, вспомним недавно вышедший римейк классического фильма «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта (1982), созданного по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968). В римейке 2017-го года (Blade Runner 2049) главный герой актера Райана Гослинга приходит домой из экзистенциальной напряженности *un-zuhause* к своей домашней голографической подруге, которая является, грубо, некоей экстраполяцией интеллектуальных помощниц, описанных нами выше. Кстати, этот же романтический сюжет (с тем же драматическим ходом отсутствия/обретения тела «ожившей» операционной системой) был краеугольным в фильме «Она» («Her», 2014) с Хоакимом Фениксом. Надо признать, что *technē tou biou* таких историй имеет мало общего с потребительской философией удобства умного дома или чувственным измерением производителей секс-роботов. Скорее, кто-то-кто-ждет дома имеет какое-то отношение к метафизической бесприютности *un-zuhause*. И жаждой ее преодоления. Которая рождает, как повезет, галлюцинаторные или же- технореальности.

D-Anthropocene

Дискурс Антропоцена, сам этот термин, продолжающий традиции ноосферных междисциплинарных исследований, очень популярен сейчас. Конец унилатеральной глобализации и пришествие Антропоцена форсирует нас говорить о космополитике в социальной философии и о так называемом «онтологическом повороте» в философской (и не только) антропологии. «Экология-это новая политика», - выражение Тимоти Мортена, одного из приглашенных лекторов одноименной долгосрочной программы музея современного искусства «Гараж» и автор недавно вышедшего в России бестселлера «Стать экологичным» [4]. Шумиха вокруг речи шестнадцатилетней экоактивистки Греты Тунберг в ООН, превращение ее в гиперпопулярный мем, как будто подтверждает своего рода эповорот в общественном сознании. Для многих людей пластиковое загрязнение океана, глобальное потепление или круговорот наночастиц в биосфере важны не сами по себе, но- как повод для «масштабного взгляда» на планетарную динамику.

«Умная Земля» (Smart Earth) является завершающим (пока) масштабам разворачивающихся сфер концепции SmartX (Smart Things, Smart Home, Smart City...). Далее, мы попытаемся проанализировать, в какой степени изменилась ноосферная связность с бурным распространением цифровых технологий – со времен Вернадского, де Шардена и Лавлока. Можем ли мы говорить о качественно-новой стадии техно-антросферы - *Цифровом Антропоцене?*

Начнем с того общепризнанного факта, что впервые в истории Земли, люди начали ориентироваться по *картам онлайн*. Совсем не так давно, в течение менее десяти лет, подобная ориентировка на местности стала ежедневной практикой *большинства* активного населения. Сложность подобной техносциальной системы сложно вообразить: она включает в себя орбитальную группировку сотен космических спутников GPS и ГЛОНАСС, тысяч центров обработки информации, вышек сотовых операторов, серверов компаний, предоставляющих навигацию, программных картографических решений, наконец, чудодейственной быстроты современных смартфонов. [3]

Данные поисковых сервисов и социальных сетей со всего мира преимущественно концентрируются и обрабатываются в районе их разработки- кремниевой долине залива Сан-Франциско. Почти все смартфоны делаются в китайском Шеньчжэне на другом конце Земли. Это беспрецедентная глобальная связность. Не приходится, очевидно, доказывать, что смартфоны, карты, навигация, рекомендательные сервисы и соцсети играют в их общей массе в настоящий момент играют не просто важную, а *определяющую* роль в наших перемещениях. Выбор данного конкретного маршрута в каждый момент во многом зависит от сложных сопряженных процессов, в цепочках которых все более возможно проявление квантовых эффектов на макроуровне.

Антропоцен, при всей глобальности этого понятия, является все же «оболочкой» нашей конкретной, третьей от Солнца планеты. В прошлых работах, мы рассматривали вопрос, может ли антропоцен «отпочковаться» от планетарного контекста? Может ли техносциальная динамика, техносциальное тело воплотиться в искусственной киберфизической среде, природе второго порядка, некоем гибридном материально-символическом технобиоценозе, являющимся новой ступенью космогенеза? Можно ли создать полностью рукотворный антропоцен, космическую мега-станцию,

Землю-2, чтобы не зависеть от предопределенности околосолнечных орбит? В этом ли состоит некий возможный *предел космополитики?* На противоположном полюсе- идея *terraforming самой Земли*. Чтобы избежав глобальных и не очень природных и техногенных катастроф, сделать нашу планету пригодной для жизни и развития самых разных, порой невообразимых существ, общностей, историй, идей.

Литература:

1. Padgett A. Dasein and the philosopher: responsibility in Heidegger and Mamardashvili / FACTA UNIVERSITATIS. Series: Philosophy, Sociology and Psychology Vol. 6, No1, 2007, pp. 1 – 21
2. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб, «Наука», 2007
3. Гринфильд А. Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни. «Дело», М., 2019
4. Мортен Т. Стать экологичным. «Ад Маргинем Пресс», 2019

Имеет ли отношение к эволюции Вселенной непротиворечивость формальной арифметики?

Антаков С.М.

Институт физики микроструктур РАН, доцент. Кандидат философских наук

sergey@antakov.ru

Аннотация: Судьба Вселенной, её вечная жизнь или будущая смерть стали глубоким мировоззренческим вопросом вскоре после открытия Второго начала термодинамики в XIX веке. И более поздние физические теории в их совокупности и синтезе предсказывали тепловую (от жары или холода) смерть Вселенной. В ряду попыток избежать такого пессимистического вывода есть те, что используют теорему о неполноте формальной арифметики Гёделя (1931) в роли оптимистического аргумента. Эта тема, связывающая космологию с математической логикой, разработана в гораздо меньшей степени, чем аргумент Гёделева неполноты арифметики в философии сознания и искусственного интеллекта. В направлении устранения такого пробела действуют представленные ниже соображения, которые к тому же позволяют увидеть связь между космологией, сознанием и математической логикой.

Ключевые слова: Второе начало термодинамики, теорема о неполноте К. Гёделя, метаматематика, непротиворечивость и полнота формальной арифметики, свободная причинность И. Канта, вечное возвращение Ф. Ницше.

Is the consistency of formal arithmetic related to the evolution of the universe? *Antakov S.M.*

Institute of Physics of Microstructures RAS

Abstract: The fate of the Universe, its eternal life or future death became a deep philosophical question shortly after the discovery of the Second Law of thermodynamics in the 19th century. And later physical theories in their totality and synthesis predicted the thermal death of the Universe (from heat or cold). In a series of attempts to avoid such a pessimistic conclusion, there are those that use the Gödel theorem on the incompleteness of formal arithmetic (1931) as an optimistic argument. This topic, linking cosmology with mathematical logic, is developed to a much lesser extent than the argument of Gödel's incompleteness of arithmetic in the philosophy of consciousness and artificial intelligence. In order to bridge this gap, the following considerations apply, which also allow us to see the connection between cosmology, consciousness, and mathematical logic.

Keywords: The Second Law of thermodynamics, K. Gödel's incompleteness theorem, metamathematics, the consistency and completeness of formal arithmetic, I. Kant's free causality, F. Nietzsche's eternal return.

В вопросе, вынесенном в заголовок, двусмысленно понятие эволюции Вселенной. Эта двусмысленность разделяется надвое между естествознанием, скованным Куновской парадигмой, и свободной критической философией. Имеет ли арифметика и её свойства отношение к реальной эволюции Вселенной и, более того, к её судьбе (в виду пугающей теории тепловой смерти Вселенной [1]), или к её научной (космологической) модели? Наш ответ утвердителен в обоих случаях, хотя реальная эволюция Вселенной, как и события даже ближайшего будущего, нам достоверно не известны, а космология строит модели, адекватность которых всегда сомнительна для критически настроенного мыслителя.

Арифметика имеет непосредственное отношение к космологии, да и к естествознанию в целом, поскольку служит математическому моделированию Вселенной и расчётами, и — будучи основанием математического анализа — уравнениями математической физики. В этом смысле и непротиворечивость арифметики, в которую все верят, имеет непосредственное отношение к космологии. Однако не такой тривиальный ответ мы имеем в виду, поставив вопрос в заглавии. Нас интересует свойство арифметики как логической, или дедуктивной, системы, ставшей предметом метаматематики, отождествля-

емой с теорией доказательств. Такова арифметика, исследованная А.Н. Уайтхедом и Б. Расселом [2], Д. Гильбертом и П. Бернайсом [3], [4], К. Гёделем и др.

Согласно теореме о неполноте арифметики, доказанной К. Гёделем (полный русский перевод его статьи 1931 года с соответствующим доказательством опубликован в [5]), из непротиворечивости формальной арифметики следует её неполнота, понимаемая как невозможность доказать (т.е. превратить в формальную) хотя бы одну арифметическую материальную истину. Именно неполнота арифметики (а вместе с тем и её непротиворечивость) является тем предметом веры (веры, потому что К. Гёдель доказал не то, что арифметика неполна, но только то, что её неполнота следует из её непротиворечивости, и то, что доказать непротиворечивость арифметики её собственными средствами нельзя при условии, что она непротиворечива), который появляется в контекстах естествознания, в частности, космологии, и той не имеющей чётких границ области знания, в которой именно благодаря Гёделю бывают соединены теология, метафизика (онтология, эпистемология и этика), философия сознания и философия математики (см., например, [6]—[10]).

Уместность названной теоремы (на самом деле — двух теорем) Гёделя в контексте космологии признаётся известными натуралистами и популяризаторами науки Ф. Дайсоном [11] и П. Дэвисом [12], а также философом Н. Кайтезом [13, с. 40, 47, 209]. Все они используют Теорему в роли аргумента, хотя такое её применение остаётся без должного обоснования, а связь рассматриваемых космологических проблем с философией сознания, философией математики и т.п. не становится предметом рассмотрения.

(Этот очевидный пробел оправдывает представленное здесь исследование или, вернее сказать, самое его начало. Впрочем, по крайней мере один автор, В.А. Лефевр [14], далеко продвинулся в установлении названной связи, хотя и апеллировал не к знаменитой Теореме, а к равному ей в славе Второму началу термодинамики. Хотя обращение к теореме о неполноте было бы особенно уместным в главе «Субъект в моделях Вселенной: сознание и математика, метафора и модель, человек в модели Вселенной» [14, с. 143-149]. Мыслитель обращается к наследию К. Гёделя, но лишь в связи с найденной последним космологической моделью с замкнутыми мировыми линиями [14, с. 289], моделью, которая основывается на общей теории относительности А. Эйнштейна и в которой могла бы реализоваться идея вечного возвращения Ф. Ницше [15], [16]).

Так, согласно Ф. Дайсону, «мы открыли в физике и астрономии некий аналог теоремы Гёделя (1931) в математике. Гёдель доказал, что мир чистой математики неистощим... это означает, что мир астрономии и физики также неистощим; как бы далеко в будущее мы ни заглянули, в нём всегда происходит нечто новое: поступает новая информация, открываются для исследования новые миры, постоянно расширяется область владений жизни, сознания и памяти» [11, с. 138].

Примечательно то, что Ф. Дайсону и П. Дэвису потребовалась математическая теорема, чтобы поверить в «вечную новизну» Вселенной, т.е. её неисчерпаемость. Эта вера потребовала также предположить, что физика никогда не откажется от того, что природные процессы имеют математическую форму, из чего уже можно заключить, что математическая форма присуща природе как её атрибут. При этом условии (вовсе не достаточном) теореме Гёделя можно перенести на саму природу и утверждать её (природы) неполноту, или гносеологическую открытость.

Разумеется, для скептика это только предположение, и оно довольно спорно (ибо, чтобы перенести теорему Гёделя на Вселенную, надо логизировать последнюю, представить как арифметическую систему, развитие которой может быть описано дедукцией следствий из аксиом, лежащих в её начале-основании), так что и зависящее от него положение об открытости вселенной шатко.

Однако, поскольку известен закон (дифференциальное уравнение) изменения состояний физической системы и задано её начальное состояние, постольку арифметика позволяет вычислить (дискретную) последовательность состояний этой системы, соответствующих последовательным моментам времени. Каждое вычисленное состояние правомерно представить как истинный (если истинно предыдущее состояние) антецедент импликации, консеквентом которой является следующее состояние системы. Тем самым эволюция системы получает модель в виде дедуктивной системы с правилом вывода *modus ponens*. Этой идеей с большей или меньшей ясностью владел уже Г.В. Лейбниц, но сегодня она актуализируется в данном контексте.

Теорему о неполноте Гёделя можно применить ко Вселенной, т.е. использовать в физике (космологии), как это по существу делают Н. Кайтез, Ф. Дайсон, П. Дэвис и др., если только видеть в

формальной арифметике основное средство для построения модели детерминированного феноменального мира, каким он представлен в антитезисе Третьей антиномии чистого разума И. Канта. Тогда интерпретацию Теоремы («формальная арифметика (непротиворечива, но) неполна») можно перенести на Вселенную и сказать: в ней есть «свободная причинность». Это и полагается в тезисе Третьей антиномии. Он истинен, как говорит И. Кант, подлинный антитезис же (не тот «антитезис», который в результате кантовского решения антиномии оказывается тоже истинным, но несравнимым с тезисом, а потому в итоге не является контрадикторной противоположностью тезиса, истинность которой (противоположности) опровергала бы принцип противоречия), ложен; и это математически строго якобы доказывает теорема о неполноте Гёделя. Утверждать последнее можно, только отождествив физический мир с математическим миром (неформальной и, следовательно, не организованной вполне по образу дедуктивной системы) арифметики. Интерпретация теоремы утверждает, что можно высказывать истины, не выводимые из начал формальной арифметики. Это материальные истины, так что можно надеяться, что с ними корреспондируют факты внетеоретического (физического) мира, не происходящие из существовавших в прошлом (физических) причин, или «начальных условий», по математически выраженным законам природы, что и свидетельствовало бы о существовании в мире «свободной причинности», реализуемой то ли физическими «флуктуациями», то ли эффектом синергетических бифуркаций, то ли принимающей решения свободной волей Бога или человека, в частности, такого, который претендует на роль Бога.

Такой вывод может быть результатом явного логического (формально-арифметического) моделирования Вселенной в форме аксиоматико-дедуктивной системы, т.е. результатом аналогии между формальной арифметикой и системой физического мира. То, что именно эта аналогия может быть много более достоверным источником знания, нежели математическое моделирование естественных явлений (как специальный случай аналогии), является предметом уже чистой метафизики и здесь не обсуждается.

Таким образом, вопрос о том, имеет ли отношение теорема (теоремы) о неполноте Гёделя (а тем самым и непротиворечивость формальной арифметики) к космологии, к чрезвычайно отдалённому будущему Вселенной, которое может быть предсказано космологией, не имеет тривиального ответа и требует метафизического рассмотрения — исследования, выходящего за пределы как метаматематики в её традиционном понимании (хотя многие математики и логики ясно видят метафизический аспект теорем Гёделя и им подобных), так и естествознания. И это важный вопрос, адекватный ответ на который, не может не влиять, в частности, на решение проблемы взаимного отношения математики и естествознания.

Литература:

1. Казютинский В.В. Термодинамический парадокс в космологии: новый взгляд // *Астрономия и современная картина мира.* Сборник. М.: ИФ РАН, 1996. С. 84-116.
2. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики. В 3 т. Т. 1—3 / Пер. с англ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005—2006. 721 + 737 + 459 с.
3. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики: Логические исчисления и формализация арифметики / Пер. с нем. Н.М. Нагорного. Под ред. С.И. Адяна. М.: Наука. Глав. ред. физ.-мат. лит., 1979. 557 с.
4. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики: Теория доказательств / Пер. с нем. Н.М. Нагорного. Под ред. С.И. Адяна. М.: Наука. Глав. ред. физ.-мат. лит., 1982. 652 с.
5. Гритчин Н.В. Занимательная философия. — Гёдель К. О формально неразрешимых предложениях Principia Mathematica и родственных систем / Пер. с нем. Н.В. Гритчина. Луганск: СПД Резников В.С., 2014. 275 с.
6. Lucas, J.R. The Freedom of the Will. New York: Oxford, 1970. viii+181 p.
7. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 382 с.
8. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании / Пер. с англ. А.Р. Логунова и Н.А. Зубченко. М.—Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2005. 687 с.
9. Целищев В.В. Алгоритмизация мышления: Гёделевский аргумент. Новосибирск: Параллель, 2005. 303 с.
10. Целищев В.В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // *Вопросы философии.* 2013. № 8. С. 12-23.
11. Дайсон Ф.Дж. Время без конца. Физика и биология в открытой вселенной // *Далёкое будущее Вселенной.* Эсхатология в космической перспективе / Под ред. Джорджа Эллиса. Пер. с англ. Наталья Холмогорова. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея. 2012. С. 137-139.
12. Дэвис П. Вечность. Кому она нужна? // *Далёкое будущее Вселенной.* Эсхатология в космической перспективе / Под ред. Джорджа Эллиса. Пер. с англ. Наталья Холмогорова. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея. 2012. С. 51-66.

13. Кайтез Н. Философия энтропии. Негэнтропийная перспектива / Пер. с сербск. М. Гучковой. СПб.: Алетейя, 2019. 214 с.
14. Лефевр В.А. Космический субъект // Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 135-310.
15. Жигалкин С.А. Об иных горизонтах здешнего: Апология вечного возвращения. М.: Изд. дом «Языки славянской культуры», 2019. 318 с.
16. Лёвит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Культурная революция, 2016. 335 с.

Значение естественнонаучного принципа Ле Шателье – Брауна для формирования альтернативной космологии

Антипенко Л.Г.

Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник

chistrod@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проекта космологии, предложенного н лауреатом Нобелевской премии Р. Лафлином. Большинство современных альтернативных космологий строится на основании критического анализа недостатков современной ортодоксальной космологии, содержащей в себе концепцию так называемого Большого взрыва. Поскольку считается, что эйнштейновско-фридмановская модель Вселенной представляет собой физико-математическую модель, то ставится вопрос о том, в какой мере она удовлетворяет достаточно обоснованным физическим принципам и математическим законам. Но, с другой стороны, поскольку эта модель произрастает из эйнштейновской релятивистской теории гравитации, известной под названием общей теории относительности, то должен был быть подвергнут критической проверке и физико-математический аппарат данной теории, а также её согласование с экспериментами.

Ключевые слова: космология, общая теория относительности, Р. Лафлин

The significance of the Le Chatelier-Broun's principle for the formation of alternative cosmology. *Antipenko L. G.*

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, senior researcher

Abstract: The article is devoted to the consideration of the cosmology project proposed by the Nobel prize winner R. Laughlin. Most modern alternative cosmology is based on a critical analysis of the shortcomings of modern Orthodox cosmology, which contains the concept of the so-called Big Bang. Since it is assumed that the Einstein-Friedman model of the Universe is a physical and mathematical model, the question is raised about the extent to which it satisfies sufficiently well-founded physical principles and mathematical laws. But, on the other hand, since this model grows out of Einstein's relativistic theory of gravity, known as General relativity, the physical and mathematical apparatus of this theory, as well as its agreement with experiments, had to be critically tested.

Keywords: cosmology, relativity theory, R. Laughlin

Альтернативная космология строится на основании критического анализа недостатков современной ортодоксальной космологии, содержащей в себе концепцию так называемого Большого взрыва. Поскольку считается, что эйнштейновско-фридмановская модель Вселенной представляет собой физико-математическую модель, то ставится вопрос о том, в какой мере она удовлетворяет достаточно обоснованным физическим принципам и математическим законам. Но, с другой стороны, поскольку эта модель произрастает из эйнштейновской релятивистской теории гравитации, известной под названием общей теории относительности (ОТО), то должен был быть подвергнут критической проверке и физико-математический аппарат ОТО, а также её согласование с экспериментами. На отдельные сомнительные выводы ОТО и концепции Большого взрыва указывали многие физики и астрофизики. Но есть и такие исследования, в которых разбираются самые основания этих теорий, их происхождение. К числу таковых можно отнести работы лауреата Нобелевской премии Р. Лафлина (R. Laughlin), особенно содержание его книги «Другая вселенная» (на англ.: «A Different Universe (Reinventing Physics from Bottom Down»)).

В проекте космологии, предложенном Лафлиным, реализована концепция, согласно которой развитие Вселенной начинается не из однородной первоматерии с последующей её дифференциацией, ступени которой определяются как нарушения симметрии элементарных составляющих универсума, а,

наоборот, начало наделяется разнообразием и сложностью, а окончание – упрощением и вырождением. Это напоминает прежнюю концепцию тепловой смерти Вселенной, но с той разницей, что за смертью следует рождение. Под таким углом зрения Лафлин считает теорию так называемого Большого взрыва ложной, сравнивает её с маркетингом («Der Urknall ist zur Marketing») [2]. Но его выводу предшествует обстоятельная критическая оценка основных положений ОТО и концепции Большого взрыва.

Приведу несколько таких оценочных суждений, демонстрирующих наиболее наглядно суть этих теоретических изделий. Поставим, к примеру, вопрос о взаимоотношении специальной теории относительности (СТО) и ОТО. С одной стороны, говорит Лафлин, мы придерживаемся точки зрения, основанной на успехе СТО, согласно которой пространство есть нечто фундаментально отличное от материи, движущейся в нём. С другой стороны, есть, конечно, сходство между эйнштейновской гравитацией и динамической искривлённостью реальных (курсив наш. – Л. А) поверхностей (типа поверхности Земного шара), что вроде оправдывает представление пространства–времени в качестве материальной ткани (fabric). Но это представление подобно учению, согласно которому поверхность моря волнуется потому, что есть волнующуюся поверхность [1, с.123].

В конце концов, отмечает Лафлин, имеется же ещё физический вакуум, и игнорировать его существование никак нельзя, если не пренебрегать соответствующими, на сей счёт, экспериментами. Более того, физический вакуум следовало бы назвать точнее – динамическим эфиром, если бы на это название не было наложено табу [1, с. 121]. Физический вакуум относится к тем состояниям материи, которые называются конденсатными состояниями. Лафлин называет их эмерджентными состояниями. Это такие состояния систем, свойства которых нельзя вывести из свойств составляющих систему частей, даже если в качестве частей брать элементарные частицы [3, с. 292].

Понятие эмерджентных состояний материи предполагает наличие фазовых переходов между ними. Станным выглядит то обстоятельство, как замечает Лафлин, что в концепции Большого взрыва наличие фазовых переходов анонсируется, но из этого не делается правильных выводов. Вот ортодоксальные космологи указывают на одни из таких переходов, а именно на инфляционную эпоху! Но если так, то бессмысленно говорить о том, что было до неё, поскольку всё что было до неё не детектируемо, скрыто за линией горизонта. А в общем и целом в общем и целом, концепция или гипотеза Большого взрыва бессмысленна, поскольку не удовлетворяет критерию фальсифицируемости [1, с.209]. Лафлин настаивает на том, что вопрос о структуре и эволюции Вселенной должен решаться на основе только тех теоретических выводов, которые подтверждаются экспериментом. Всё остальное от лукавого.

Переходя к позитивной части в содержании данных тезисов, предлагаю рассматривать физический вакуум космологический фактор, имеющий экспериментальное подтверждение. Рассматривается он в свете принципа Ле Шателье – Брауна.

Впервые этот принцип был сформулирован по отношению к термодинамическим системам, затем был экстраполирован на ряд других систем, начиная с механических. Открыл его французский физико-химик А. Ле Шателье в 1884 году, термодинамическое обоснование дано немецким физиком К. Брауном. Принцип утверждает, что внешнее воздействие, выводящее систему из состояния термодинамического равновесия, вызывает в системе процессы, стремящиеся ослабить эффект воздействия. Так, при нагревании равновесной системы в ней происходят изменения (напр., химические реакции), идущие с поглощением теплоты, а при охлаждении – изменения, идущие с выделением теплоты. Другой пример: если газ, заключённый в болоне, начинать сжимать, то он начнёт нагреваться, что приведёт его к расширению, а процесс расширения вызывает, в свою очередь охлаждение. При нагревании системы, состоящей из льда и воды, таяние льда обеспечивает постоянство температуры. В соляном растворе при повышении температуры количество растворённой соли увеличивается. Сюда же относятся и такие механические эффекты, как действие сил инерции.

Все такого рода системы и эффекты отличаются тем, что в них есть внутренняя и внешняя сторона. Для локальных систем внешней стороной выступает внешняя среда. А если брать явления глобальных масштабов, то наибольший интерес вызовет ситуация, в которой рассматривается компаунд пространство-время + физический вакуум, односторонне описываемый в рамках релятивистской квантовой физики. Мы же теперь дополняем описание физического вакуума теми свойствами, которые присущи конденсатным (эмерджентным) состояниям материи. Поэтому первая часть компаунда представляется как внешняя сторона данной системы, вторая часть – как внутренняя сторона. Когда во внешней части открыли тенденцию к тепловой смерти вселенной, выражаемую термодинамической стрелой времени, возникла необходимость понять, как на это реагирует физический вакуум. Оказалось, что от

него исходит временной поток, имеющий обратное направление по отношению к временному потоку, располагаемому в структуре пространственно-временного многообразия. Тем самым был открыт феномен обратного, антиэнтропийного, течения времени. Наличие этого феномена объясняется антиэнтропийными флуктуациями вакуума, что подтверждается экспериментально, в частности, наблюдением лэмбовского сдвига в одной из спектральных линий атома водорода.

Следует пояснить, что когда мы переходим к описанию воздействия физического вакуума на пространственно-временные системы в терминах взаимодействия отдельных частиц, то эффект этого воздействия, естественно, не может быть описан в терминах термодинамических параметров – температуры, энтропии и пр. (о формуле Планка, описывающей излучение абсолютно чёрного тела обычно забывают). Он выражается в терминах взаимоотношения кинетической и потенциальной энергии, о чём и свидетельствует, в частности, наблюдение лэмбовского сдвига. Но при полном описании данного эффекта надо ещё учитывать фактор отрицательной, по абсолютной шкале Кельвина, температуры, и связанное с этим фактором спонтанное нарушение симметрии вакуума [4].

Что касается прямого и обратного течения времени, то при абстрагировании от физического вакуума сочетание прямого и обратного временных потоков раскрывается при полном решении квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона [5]. Специфика полного решения уравнения Дирака заключается в том, что в нём учитывается два действующих на волновую функцию дифференциальных оператора – две производные по времени, одна из которых имеет в качестве множителя мнимую единицу со знаком плюс, другая – мнимую единицу со знаком минус. Здесь также открывается представление о фермионах (электроне и позитроне) как о композитных частицах, композитных в том смысле, что экспериментально наблюдаемые значения их масс, электрических зарядов, спинов суть средне-вероятностные величины, получаемые из их противоположных значений, распределённых во времени в форме суперпозиции. Каждое из значений даётся, естественно, с соответствующей амплитудой вероятности.

Литература:

1. Laughlin, Robert B. A Different Universe (Reinventing Physics from the Bottom Down). New York, 2005.
2. Der Spiegel. 1/2008.
3. Лафлин Р. Б. Дробное квантование. УФН, : 3 (2000). С. 292–303.
4. Гриб А. А., Дамаскинский Е. В., Максимов В. М. Проблема нарушения симметрии и инвариантности вакуума в квантовой теории поля. УФН, том 102, вып.4, 1970. С. 588–621.
5. Антипенко Л. Г. К вопросу о двуспинорной интерпретации решения квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона // УФН, трибуна УФН №6р. Электронный адрес: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf>

Астафуров В.И.

ФГУП Научно-технический центр радиационно-химической безопасности и гигиены ФМБА России (ФГУП НТЦ РХБГ ФМБА России, г. Москва), ведущий научный сотрудник. Кандидат химических наук, доцент

vastafurov@mail.ru

Аннотация: Экспериментальные открытия последних лет привели к пересмотру многих естественнонаучных представлений. Поиск адекватного объяснения полученных данных пока не привел к формированию обобщающей научной концепции, которую можно было бы рассматривать как «теорию всего». Одной из причин наблюдаемого застоя в решении данной проблемы является неиспользование ее разработчиками основных положений философии и логики. Изучена возможность построения рабочей модели материального континуума на основе анализа экспериментальных данных с опорой на положения диалектико-материалистической философии и формальной логики. Анализ показывает, что время, в отличие от пространства, нельзя рассматривать как свойство материи. Показано, что существует фундаментальное свойство физического мира, которое проявляется в формах электрических зарядов, электрического и магнитного полей, электромагнитных волн. Это свойство, с учетом характера его проявления, предложено называть «электромагнитным свойством» материи. Пространство и электромагнитное свойство взаимосвязаны, составляют структурную основу материального континуума и определяют самодвижение материи. Пространственно-электромагнитная модель позволяет решить ряд актуальных проблем теоретической физики, ранее не поддающихся решению.

Ключевые слова: «Теория всего», материальный континуум, физический вакуум, моделирование, свойства материи, время, пространство, «электромагнитное свойство».

**Philosophical foundations of the “Theory of everything”.
Astafurov V.I.**

Research and Technical Center of Radiation-Chemical Safety and Hygiene, Moscow, Russia; leading researcher

Abstract: Recent experimental discoveries have led to a revision of many science concepts. The search for an adequate explanation of the obtained data did not lead to the formation of a generalizing scientific concept that could be considered as a “theory of everything”. One of the reasons for the observed stagnation in solving this problem is that its developers ignore the main provisions of philosophy and logic. The possibility of constructing a working model of the material continuum based on the analysis of experimental data using the provisions of philosophy and formal logic is studied. The analysis shows that time, unlike space, cannot be considered as a property of matter. There is a fundamental property of the physical world that manifests itself in the forms of electric charges, electric and magnetic fields, and electromagnetic waves. This property is proposed to be called the “electromagnetic property” of matter. Space and the electromagnetic property form the structural basis of the material continuum and determine the self-movement of matter. The new space-electromagnetic model of the material continuum allows us to solve a number of topical problems of theoretical physics.

Keywords: “Theory of everything”, material continuum, physical vacuum, modeling, properties of matter, time, space, “electromagnetic property”.

Введение

«Теория всего» (Theory of everything) — гипотетическая физико-математическая теория, описывающая все известные фундаментальные взаимодействия и объясняющая природу элементарных частиц. Первоначально термин «теория всего» имел иронический оттенок. Со временем этот термин

закрепился в научно-популярной литературе. В современной научной литературе вместо термина «теория всего» обычно используют термин «единая теория поля». Предложено множество вариантов «теорий всего», но ни один из предложенных подходов к построению всеохватывающей физической теории не привел к удовлетворительному результату.

Проблемы построения «теории всего»

Экспериментальные открытия последних лет привели к пересмотру многих естественнонаучных представлений, ранее считавшихся незыблемыми. Поиск адекватного объяснения экспериментальных данных находится в активной фазе и пока не приводит к формированию непротиворечивой концепции, объясняющей всю совокупность накопленного фактического материала. К научным проблемам, не поддающимся решению на основе существующих представлений, относятся, в частности: происхождение Вселенной и направление ее эволюции, причины взрывов Сверхновых, природа и структурная взаимосвязь элементарных частиц, происхождение жизни. Ученые ищут решение этих проблем, основываясь на постулатах и законах физики. Однако и в самой теоретической физике наблюдаются кризисные симптомы.

Зададимся вопросом: не является ли причиной наблюдаемого застоя в решении фундаментальных научных проблем отсутствие в исследованиях управляющего стержня, каковым является философия?

О возможности использования научной философии при построении «теории всего»

Исторический опыт развития естествознания показывает, что философия и логика в союзе с математикой обладают высокой эффективностью в решении естественнонаучных проблем. Использование философских оснований в ходе научного поиска позволяет находить правильные решения поставленных задач. Однако не всякая философия может дать ключ к решению проблемы. Достигнуть успеха в научном поиске, по нашему мнению, можно лишь при условии диалектико-материалистического подхода к решению поставленной задачи. Положим данный концепт в основу рассмотрения и применим его к задаче построения рабочей модели материального континуума. Построение такой модели является исходным шагом, определяющим принципиальную возможность решения проблемы «теории всего».

Исходные требования к искомой модели: адекватность физической реальности, соответствие экспериментальным фактам, логическая непротиворечивость. Рабочая модель материального континуума должна обладать внутренней потенциальностью, обеспечивающей генерацию волновых процессов, возможность образования тел вращения, развертывание иерархии материальных структур. В рабочей модели, отображающей действительность, должно быть отображено существование и взаимосвязь первичных фундаментальных свойств материи.

Под первичными фундаментальными свойствами материи следует понимать такие ее неотъемлемые свойства, которые присущи ей изначально и проявляются тем или иным образом во всех процессах, явлениях и структурах без исключения. Взаимосвязь и взаимодействие этих свойств и их носителей следует рассматривать как источник и первопричину материального самодвижения. То есть, в создаваемой модели центральное место должно занимать представление о самодвижении материи самое на себя [1].

Фундаментальные свойства материи, определяющие ее самодвижение

К концу XIX века в философии и естествознании сформировалось практически общепринятое представление о пространстве и времени как о фундаментальных свойствах материи, формах ее существования. Эта точка зрения выражена в работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» следующим образом: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [2].

Рассмотрение пространства и времени как сущностей равного статуса предполагает возможность их объединения во взаимосвязанную конструкцию при построении модели материального континуума. Такое объединение было выполнено немецким математиком Германом Минковским, который сформулировал тезис о неразрывном единстве пространственных и временных величин и развил представле-

ние о четырехмерном пространстве-времени, как о реальной форме существования физического мира [3]. Благодаря новаторским работам Альберта Эйнштейна, математическая модель «четырёхмерное пространство-время» была распространена на весь мир физических явлений [4].

Однако объединять пространство и время в единый континуум можно только в том случае, если оба эти свойства «равноправны» по статусу, то есть, действительно являются атрибутами материи, ее первичными фундаментальными свойствами.

Рассмотрение свойств пространства приводит к выводу, что пространство, безусловно, является первичным фундаментальным свойством материи. Выполненные логико-математические исследования показывают, что интуитивное понятие размерности пространства имеет под собой объективное основание.

В отношении времени приходим к иному выводу. Время является физическим параметром, отображающим одно из свойств материального движения, а именно – его волновую природу. Время не существует само по себе и не является активным действующим началом. Время — внешняя характеристика движения [5].

Таким образом, время нельзя рассматривать как атрибут материи, ее первичное фундаментальное свойство, форму ее существования. Вследствие этого, объединение пространства и времени в единую конструкцию, претендующую на отображение действительности, неправомерно как с логической, так и с физической точки зрения [5, 6].

Отметим также два других критерия, препятствующих использованию модели Минковского в качестве рабочей модели материального континуума:

- данная модель не содержит внутреннего созидательного противоречия и по этой причине не способна обеспечить процессы самодвижения и саморазвития;

- время, даже если предположить, что оно является атрибутом материи, никоим образом не может являться источником волновых процессов и причиной образования в природе тел вращения.

Однако природные тела вращения существуют. Следовательно, существует и основополагающее свойство физического мира, которое в органическом единстве с пространством обеспечивает процессы материального самодвижения, генерацию волновых процессов и образование в природе сферических тел [7].

Обратим внимание на такие явления, как электромагнитные волны, электрический заряд, электрическое, магнитное и электромагнитное поле. Эти явления, в том или ином виде, проявляются в каждом объекте и процессе физического мира. Очевидно, что все подобные явления обусловлены существованием фундаментального свойства материи. Это свойство, с учетом характера его проявления, предложено называть «электромагнитным свойством».

Пространственно-электромагнитная модель материального континуума и ее приложения

В работе [8] тезис о существовании «электромагнитного свойства» материи был принят за основу, что позволило создать непротиворечивую пространственно-электромагнитную модель физического вакуума и материального континуума в целом. В рамках данной модели пространство и электромагнитное свойство рассматриваются как атрибуты материи, ее первичные фундаментальные свойства, которые в органическом единстве друг с другом составляют структурную основу материального континуума и источник самодвижения материи. Физический мир рассматривается в модели как волновой пространственно-электромагнитный континуум. Вещество и физический вакуум – взаимосвязанные формы этого континуума.

Переход к новой модели позволяет решить ряд актуальных проблем теоретической физики, ранее не поддающихся решению. На основе новой модели определены составляющие внутренней энергии физического вакуума и проведен расчет их численных значений; выведены уравнения, связывающие параметры фундаментальных взаимодействий; выявлена взаимосвязь природы инертной массы со свойствами пространства [8, 9].

Полученные результаты показывают принципиальную возможность построения «теории всего» на основе системного анализа естественнонаучных данных, использующего положения и законы диалектико-материалистической философии, формальной логики и математики.

Литература:

1. Sachs M. The field concept in contemporary science. Springfield: Charles C. Thomas Publishers, 1973. P. 112.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 181.
3. Минковский Г. Пространство и время // Новые идеи в математике. Сб. № 5. Принцип относительности в математике. СПб.: «Образование», 1914. 174 с.
4. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики / пер. с англ. изд. 1938 г. М.: ОГИЗ, 1948. 268 с.
5. Станюкович К.П., Колесников С.М., Московкин В.М. Проблемы теории пространства, времени и материи. М.: Атомиздат, 1968. 173 с.
6. Георгиева М.И. О физической реальности пространственно-временного континуума // Космические рубежи XXI века: Труды Всероссийской астрономической конференции «ВАК-2007» (г. Казань, 17-22 сентября 2007). Казань: Изд-во КГУ, 2007. С. 416-418.
7. Астафурова М.В. О существовании фундаментального свойства физического мира, отличного от пространства и времени // Новые идеи в философии. 2014. Вып. 1 (22): в 2-х томах. Т. 2. С. 164-172.
8. Астафурова М.В., Добрецов С.Л., Астафуров В.И. Пространственно-электромагнитная модель физического вакуума и ее приложения // Забабахинские научные чтения. ЗНЧ-2014: Труды XII международной конференции (2-6 июня 2014 г., ВНИИТФ, г. Снежинск). Оубл. в журн.: ФЭН-НАУКА. 2014. № 11 (38). С. 5-12.
9. Астафурова М.В., Маренный А.М., Семёнов С.Ю. Моделирование взаимосвязи параметров физического вакуума и расчет его внутренней энергии // Математическое моделирование и краевые задачи: Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием (27-30 мая 2019 г., СамГТУ, г. Самара). Т. 1. Самара: СамГТУ, 2019. С. 217-220.

Беломестнова Н.В.

Университет им. А.С. Пушкина, доцент кафедры психофизиологии и психологии. Кандидат психологических наук

belomestnovanina@bk.ru

Аннотация: В статье констатируется утрата интереса к фундаментальным проблемам психологии, что ведет к снижению качества прикладной и практической психологической деятельности. Предлагаются четыре вопроса, касающиеся внешних свойств психики как целостной системы (к какой метасистеме принадлежит психика; каковы атрибуты психики; каковы функции психики как целого; психогенез) и пять вопросов, касающихся проблем её внутреннего строения (перечень компонентов психики; классификация компонентов, их группировка в подсистемы; частные функции подсистем психики; иерархическое соотношение элементов подсистем; специфика каждого элемента психики).

Ключевые слова: психика и природа, модель строения психики, психика как естественная система.

**Methodological and Methodical Problems of Philosophy of Psychology .
Belomestnova N.V.**

The Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: The article refers to the loss of interest in fundamental problems of psychology, what leads to a decrease in the quality of applied and practical psychological activities. Four questions are suggested concerning the external properties of the psyche as a whole system: what metasystem does the psyche belong to, what are the attributes of the psyche, what are the functions of the psyche, psychogenesis. Five questions about the problems of its internal structure: list of components of the psyche, the classification of the components, grouping them into subsystems, the participle functions of the subsystems of the psyche, hierarchical relationship of the elements of the subsystems, specificity of each element of the psyche.

Keywords: psyche and nature, model of the structure of the psyche, the psyche as a natural system.

Общезнакомый аспект гносеологической проблемы – познаваемость мира – в психологии конкретизируется в проблему познаваемости самой психики как объекта познания и как инструмента познания. В данном дискурсе речь идёт о психике как естественной системе, возникшей в процессе биологической эволюции, что не указывает на её узкоматериальную, вещественную природу, но психика в её единстве материального и идеального [1] представляется как система регуляции (управления) живого организма – носителя психики [2].

Сложность в решении фундаментальных вопросов психологии была означена ещё в докладе Дюбуа-Реймона 14 августа 1872 г. «О загадках познания природы» [3]. Из семи таких загадок три относятся к психологии: происхождение ощущения (элементарной формы психического отражения) и сознания (высшей его формы – у человека); происхождение мышления и речи (в настоящее время речь, мышление и сознание рассматриваются как проявления знаково-символической формы деятельности); свобода воли (в настоящее время это самый загадочный феномен человеческого сознания). Крайне пессимистический ответ Дюбуа-Реймона – «Ignogabimus», «Никогда не познаем» – попытка опровергнуть всего восемь лет спустя Э. Геккель в своей речи 1880 года «О мировых загадках» [4]. Его решение было не столько экспериментальным, сколько волевым. С его точки зрения ощущение есть уже у простейших организмов, и эта позиция была развёрнута и убедительно поддержана исследованиями А.Н.Леонтьева, посвящённым поискам критерия наличия психического отражения с его фундаментальной, первоначальной форме. Критерий был предложен (сигнальная форма отражения), по этому критерию наличие ощущения было доказано уже у простейших [5]. Ответ на вторую фундаментальную загадку психологии (происхождение мышления и речи) Э. Геккель видел в теории Ч. Дарвина.

О свободе воли он заявил, что её не существует, это иллюзия. Как истинный учёный-естественник, Э.Геккель выдвинул требование к психологии [4, стр. 150]: если психология хочет быть наукой, то сначала надо определить понятия, дать дефиниции (говоря современным языком теории функциональных систем – обозначить цель теоретического и экспериментального поиска, идеальный образ будущего, тогда поиск будет осмысленным [6,7].

При изучении фундаментальных вопросов психологии в первую очередь представлялись рассуждения автора монографии или учебника об идеальной природе психики, хотя при этом всегда декларировалось, что субстратом психики является организм (современная методологическая позиция) или мозг (позиция психологии почти всего XX века). Но после экспериментальных поисков связи нервной (биологической) и психической (идеальной) деятельности [8] психология XX века под флагом практической и прикладной профессиональной деятельности увлеклась исследованиями эмпирической феноменологии в области проявлений психического, а теоретические изыскания почти исчезли даже в академических университетах, а курс общей (теоретической) психологии превратился в скучное и почти бессистемное перечисление отдельных явлений психики.

Между тем, философия естествознания и философия психологии не оставила проблему поиска теорий и постановки фундаментальных проблем.

Б.М. Кедров в 1971 году предложил три ступени познания при изучении структурных уровней в биологии [9]: созерцание, которое даёт описание свойств системы; анализ, который даст состав системы; синтез, который поможет построить структуру системы.

Е.А.Климов [10] в 1992 году пытается вернуть академических психологов к истокам научного познания, обозначив принципиальный вопрос современной (тридцатилетней давности) психологии: место психики в системе мира и в живой природе.

И эти вопросы носят не схоластический характер. Методологические следствия решения вопроса о природе (содержании) психики приводят к разным экспериментальным парадигмам. Структурализм В. Вундта искал структуру сознания (к чему экспериментальная психология конца XIX века не была готова, в отличие от психосемантики XX века). Вюрцбургская школа пыталась исследовать строение и операции без-образного мышления. Бихевиоризм, исследуя внешнюю двигательную активность и её детерминанты, совсем потерял психику с её свободой воли. Гештальтизм изучал перцептивный образ и закономерности его формирования, и эти исследования дали мощный материал для открытия и исследования образного мышления, что перевернуло всю психологию мышления, которая до того занималась только логическими операциями, операциями мышления с абстрактными понятиями. Психология

деятельности совсем отошла от фундаментальных проблем, занявшись деятельностью личности в социальной ситуации, что приблизило психологическую профессию к бытовым реалиям, но тем самым снизило научную обоснованность применяемых в практике психологических технологий. Понимание психики как отражения (познания) действительности (и доныне господствующая парадигма в когнитивных науках) полагала предметом исследования образы (чувственное познание) и мышление, а эмоции, психомоторику и прочие компоненты психики считала сервомеханизмами Его Величества Познания, то есть попросту вторичными узлами в обслуживании идеальной цели – познания мира. Реакцией на такое сужение предмета психологии является понимание психики как эмоционального переживания, из чего возникла психология переживания. Психика как картина мира в сознании человека [11] породила массу современных эмпирических исследований «образа чего-то в сознании кого-то», что отражено в англоязычном термине Structure of Mind, который означает «моё мнение о твоих психологических, личностных свойствах», в отличие от нашего понимания как модели строения психики. Психика как душа в данном контексте не обсуждается, так как в качестве кусочка божественной сущности изучать её в принципе невозможно, да и аморально в силу недостижимости Божественного промысла.

В вопросе сущности психики и сознания есть и методико-дидактический аспект: что исследуется, то и преподаётся. И если полагать, что психика не существует, а сознание бесструктурно, то и изучать нечего, что сильно облегчило бы жизнь студентов.

Морально-этический аспект решения сугубо теоретических, фундаментальных вопросов приводит к очень практическим результатам. Это контроль эффективности и качества практической работы, особенно в области психотерапии и иных психологических технологий.

Каковы же фундаментальные проблемы психологии, которые следует решать в теоретических и экспериментально-эмпирических изысканиях? На какие конкретные вопросы надо ответить и убедительно обосновать ответ, чтобы он не являлся результатом верования? Это две группы проблем: внешние вопросы о психике как целом и вопросы о внутренней структуре психики.

Внешние вопросы психики как целого в порядке сложности, фундаментальности, трудности решения включают четыре проблемы.

Первая – к какому множеству, какой метасистеме принадлежит психика? Какие ещё системы принадлежат этому же родовому множеству? Не принадлежит ли психика множеству, состоящему из одного элемента – самой психики? До сих пор психика изучалась именно в такой парадигме: неживое, биологическое и психическое. Но парадигма уровней знаковой регуляции, предполагающая принадлежность психики к регуляторным (управляющим) системам организма, намечает пути решения этого вопроса [2,12].

Вторая проблема – какие свойства отличают психику от других систем родового множества? Говоря языком философии – каковы атрибуты психического? Этот вопрос обсуждался в старых психологических монографиях [1,8], но в настоящее время почти не ставится, за редким исключением [13]. Мы предлагаем ответы на основе естественнонаучного и клинико-психологического материала [14,15].

Третья проблема – каковы функции психики как целого? Для чего она возникла? Уже почти понятна некоторая ущербность подхода к психике как познающей системе. Теория уровней знаковой регуляции предлагает считать такой фундаментальной, целевой, вершинной функцией не познание, а управление, регуляцию внутренних и внешних процессов организма [2]

Четвёртая – каков генезис системы (психогенез)? По какой причине она возникла? В предлагаемой естественно-системной модели строения психики генезис системы отражён в её строении [16].

При решении пяти проблем внутренней структуры психики станут понятны структура и принципы функционирования системы.

Первая проблема – из каких компонентов (элементов, образований, явлений, ингредиентов) состоит психика? Вот как раз эти компоненты и являются традиционным содержанием учебников по основам общей психологии. Но анализ этого содержания показывает, какой разброс мнений тут присутствует, разброс от 5 до 21 [17].

Вторая – классифицируются ли они, группируются ли они по некоторому сходству в подсистемы? Конечно, группируются, ответят все естественники, изучающие целостные системы. Но в психологии не только эти группировки психических образований (классификации) сильно отличаются, но даже изложение их в перечне нередко бессистемно. И тут не достигнута общая точка зрения.

Третья проблема – какова специфическая функция каждой из этих подсистем, отличающая её от других? Для естественников вопрос очевидный, в изучении, например, функциональной анатомии полностью решённый. А вот в психологии функция познания нередко атрибутируется всем подсистемам психики.

Четвертая – как элементы одной подсистемы соотносятся друг с другом? Уже не обсуждается возможность их независимого, рядоположного соотношения, иерархичность декларируется почти обязательно. Но не все подсистемы психики (например, эмоциональный блок) построены иерархически в современных исследованиях. Значит, эта парадигма ещё требует своего приложения.

Пятая проблема – каковы качественные отличия каждого структурного элемента? В подсистеме когнитивных процессов эта проблема решена в единой теории психических процессов Л.М.Веккера [8], а в остальных подсистемах ещё требует исследований.

То, что заявленные проблемы вспыхнули снова в XXI веке, отражено в текущих дискуссиях. В.А. Барабанщиков в 2004 году писал: «...Изучение интегральных образований психики (либо их производных), выявления состава, структуры, способов функционирования, иерархической организации...» [18, с. 8]. И особо указал на значение генетического направления в системном подходе: «... изучение их становления и развития» [18, с. 9].

В конечном итоге ответы на эти вопросы должны привести к модели строения психики, что является одной из актуальнейших проблем современной теоретической психологии.

Литература:

- 1.Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 стр.
- 2.Беломестнова Н.В. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) //Психология человека: интегративный подход. Сб. статей /Под ред. д. пс.н., проф. В.Н.Панферова. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. стр. 15-35
- 3.Дюбуа-Реймон Э. (Э. дю-Буа-Реймонь) О границах познания природы. Семь мировых загадок. Изд-е 2-е. М., 1900. 64 с.
- 4.Геккель Э. Мировые загадки. М.: ОГИЗ, 1935. 536 стр.
- 5.Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 576с.
- 6.Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978. 399 с.
- 7.Бернштейн Н.А. От рефлекса к модели будущего //Вопросы психологии, No2, 2002. стр.94-97.
- 8.Веккер Л.М. Психические процессы. Л.: ЛГУ, том 1,1974, 335с.; том 2, 1976, 343с.; том 3, 1981, 327с.
- 9.Кедров Б.М. Структурные уровни материальных систем и пути их познания (опыт моделирования познавательного процесса //Развитие концепции структурных уровней в биологии. М., 1971. стр. 71-95
- 10.Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического //Вестник МГУ, серия 14 Психология, 1992, No 1. стр. 51-57
- 11.Леонтьев А.Н. Образ мира //Избранные психологические произведения: в 2-х томах /Под ред. В.В.Давыдова и др. М.: «Педагогика», 1983. т. II, стр. 251-261.
- 12.Беломестнова Н.В., Плебанек О.В. Сознание и культура в естественнонаучной картине мира //Вопросы философии, 2012, No 10. стр. 43-53
- 13.Гинецинский В.И. Атрибуты психического //Вестник СПбГУ, сер.6, 1992, вып.3. с.74- 80.
- 14.Беломестнова Н.В. Атрибуты психики как естественной системы: методологические принципы //Вестник ЮУрГУ, серия «Психология», вып. 13, 2011 г., No 18. стр.4-9
- 15.Беломестнова Н.В. Атрибуты психики как естественной системы: эмпирическое обоснование //Вестник ЮУрГУ, серия «Психология», вып. 15, 2011 г., No 42. стр.10-16
- 16.Беломестнова Н.В. Естественно-системные основания строения психики //Российский психологический журнал, 2011, т. 8, No 5. стр. 24-35
- 17.Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984. 176с.
- 18.Барабанщиков В.А. Принцип системности в современной психологии //Психология. Журнал Высшей школы экономики, т. 1, 2004, No 3. С.3-17

Бинги В.Н.

Институт физики им. А.М. Прохорова РАН, зав. лаб. Доктор физико-математических наук

vnbin@mail.ru

Аннотация: Исследуется содержание термина воспроизводимости, его соотносительность с понятиями повторяемости, объективности и субъективности. Взаимодействие средства научного исследования как с объектом, так и с субъектом невозможно понять, оставаясь за периметром смыслов, охватываемых понятием воспроизводимости как деятельности коллективного субъекта. Показано, что в отношении постнеклассических объектов исследования принцип воспроизводимости целесообразно уточнить: относительная воспроизводимости закономерности должна превышать величину, обратную к величине эффекта, управляемого закономерностью.

Ключевые слова: принцип воспроизводимости, повторяемость, объективность, закономерность.

Reproducibility principle, relative objectivity, and the collective subject in science.

Binhi V.N.

Prokhorov General Physics Institute of the RAS

Abstract: The content of the term reproducibility and its correlation with the concepts of repeatability, objectivity and subjectivity are studied. It is impossible to understand the interaction of the means of a scientific research with both the object and the subject, remaining behind the perimeter of meanings covered by the concept of reproducibility as the activity of a collective subject. It is shown that, in relation to postnonclassical objects of research, the principle of reproducibility should be clarified: the relative reproducibility of a putative regularity should exceed the reciprocal of the relative magnitude of the effect controlled by this regularity.

Keywords: reproducibility principle, repeatability, objectivity, regularity.

Принцип воспроизводимости, будучи одним из главных в естествознании, не получил, по-видимому, достаточного внимания в современной методологии науки. С одной стороны, акцентируется социокультурная обусловленность системы «правильных» критериев научности, допустимость некоторой их прагматической вариативности. С другой — не обсуждается, как конкретно могло бы эволюционировать содержание критериев, — в частности, критерия воспроизводимости. В естествознании по-прежнему принято, что результат исследования должен быть воспроизводим так, чтобы шансы случайного его получения не превышали уровень, свой для каждой области исследований. Между тем, содержание термина «воспроизводимости» можно уточнить, если учесть, что воспроизводимости обеспечивается коллективным субъектом.

Термины повторяемости и воспроизводимости, обладая общностью, существенно различаются. Воспроизводимости результата как сформулированной закономерности, содержащей «сверхэмпирическое» индуктивное знание, подразумевает активную роль субъекта в приготовлении условий и интерпретации эксперимента и определяется консенсусом, т.е. вовлекает социальные методологические критерии.

Понятия повторяемости и воспроизводимости опираются на термины «причина» и «условие». Условия события удобно разделить на два типа: условия причинные, — или причины, инициирующие событие, — и условия не причинные, не оказывающие влияния. Здесь мы понимаем «условия» предельно широко, как обстоятельства, в которых событие происходит, — т.е. множество других вещей, их состояний и взаимодействий. Причины здесь не ограничены лапласовской причинностью, а вмещают в себя и вероятностные, и постнеклассические, причиняющие от возможного к действительному. Тогда повторяемость — это свойство сходства событий, происходящих в одних и тех же причинных условиях, но когда хотя бы одно не причинное условие изменено. Повторяемость означает инвариантность события относительно не причинных условий.

Последние можно разделить на две группы. Это 1) объективные известные условия, или факторы, — температура, курсы валют, рейтинги и т.п., — и неизвестные, наличие которых можно только предполагать; и 2) субъективные факторы: выбор субъекта исследования, фиксация интервалов места и времени наблюдений, выбор оборудования и др.

Если события таковы, что все не причинные факторы объективны, то мы говорим о повторяемости этих событий. В другом случае, когда события инвариантны также и относительно субъективных не причинных факторов, можно говорить о воспроизводимости: люди повторно производят измененные не причинные условия, повторяют измерения и, соответственно, воспроизводят события. Значит, воспроизводимости отличается от повторяемости из-за деления не причинных условий на объективные и субъективные. Воспроизводимости есть повторяемость при изменении субъективных не причинных факторов. Имеются разнообразные примеры воспроизводимости повторяемости и повторяемости воспроизводимости — эти понятия относительны.

В научном эксперименте причинные факторы событий включают как неизменные факторы, так и один (или более) изменяемый — это т.н. однофакторный эксперимент. Это позволяет наблюдать изменение свойств событий при изменении причинного фактора: события, повторяемые в одном своем свойстве, меняются в другом свойстве. Такие изменения признаются закономерными, когда интерпретации изменений в рядах событий, — т.е. результаты экспериментов, — воспроизводятся при варьировании субъективных не причинных факторов. Наиболее «качественная» вариация субъективных факторов достигается заменой субъекта. Это гарантирует отсутствие субъективизма в обнаруживаемой закономерности. Воспроизводимости обеспечивается когерентной деятельностью коллективного субъекта. Можно показать, что понятия повторяемости и воспроизводимости вообще не могут быть поняты без отсылок к договоренностям между субъектами, эти понятия существуют в каркасе куновских парадигм, предусматривающих образцы «нормальных» соглашений. Понятие воспроизводимости, представленное выше, однозначно указывает на то, что субъект в науке — это всегда коллективный субъект, хотя степени коллективности могут варьировать.

Повторяемость выделяет онтологический аспект событий, а воспроизводимости — эпистемологический. Повторяемость — это преодоление объективной случайности, а воспроизводимости — преодоление субъективности, без которой, в то же время, воспроизводимости немислива. Вместе они утверждают онтологическую и обеспечивают эпистемологическую объективность нового знания.

Теперь видно, что повторяемые события предполагают закономерности, из воспроизводимых событий образуются предполагаемые закономерности (гипотезы), или предполагаемое эмпирическое знание, а предполагаемые закономерности, которые воспроизводимы, образуют собственно эмпирическое знание. Эмпирические закономерности предполагают существование объективных закономерностей. Эмпирические закономерности, объясненные и систематизированные в терминах известных теорий приобретают статус научного знания объективной действительности. Воспроизводимости пронизывает научное исследование на разных уровнях событий — событий–измерений и событий–закономерностей.

В отношении вещи, только начинающей быть познаваемой, имеет смысл опираться на понятие относительной объективности, — ведь еще не накоплен опытный материал, и пока неизвестно, является ли эта вещь достаточно стабильной, чтобы именоваться абсолютно объективной — быть референтом кантовской вещи-в-себе. Следовательно, новый объект познания сначала не может считаться онтологически объективным, а может быть лишь относительно объективным. С течением времени, если накопление информации происходит быстро, оцениваемая воспроизводимости стабилизируется. Не обязательно, что воспроизводимости стремится к тому, что называется невоспроизводимости, либо к пределу абсолютной воспроизводимости [1, с.527]. В этом смысле воспроизводимости и есть относительная объективность, или является ее мерой.

Пример относительной объективности сущности — это любой эмерджентный закон на стадии своего воплощения, например, закономерности коллективного поведения, возникающие синергетически с ростом числа элементов открытой системы или их функционального совершенства.

Не может быть заранее названо объектом то, что не повторяется, а закономерностью то, что в свойствах объекта не воспроизводится. Таким образом, понимание онтологической объективности опирается на концепцию воспроизводимости. Фундаментальная же связь воспроизводимости и

эпистемологической объективности почти очевидна. Воспроизводимость в составе постнеклассической познавательной схемы объект–средство–субъект означает, что способ взаимодействия средства как с объектом, так и с субъектом невозможно понять, оставаясь за периметром смыслов, охватываемых понятием воспроизводимости как субъектной деятельности.

Ввиду такой тесной интеграции объективности, субъективности и воспроизводимости содержание объект-субъектной оппозиции — основы любой рациональности — могло бы быть уточнено. Данная оппозиция в науке должна пониматься не как статичный конструкт, а как динамичное деятельностное триединство свойств субъективности, объективности и воспроизводимости. Коллективный субъект устанавливает, а иногда и конструирует, объективное посредством воспроизводимого.

Имеется подсознательное представление о том, что воспроизводимость может быть больше или меньше. Воспроизводимость мыслится не только как концепт, но и как оцениваемая величина. Последовательное развитие этой идеи показывает, что количественные дефиниции относительной воспроизводимости и величины событий–эффектов, характерных для какой-либо области деятельности, позволяют построить «индекс деятельности» — логарифм произведения величины и воспроизводимости, — обладающий неординарными свойствами [2]. В частности, оказывается, что виды деятельности с положительным индексом определяются преобладающим мнением научного сообщества, как научные (речь идет об исследованиях, претендующих на научность), а с отрицательным, — как ненаучные. Получается, что этот индекс есть достаточный социокультурный критерий научности. Таким образом демаркация науки и ненауки возможна не только на основе отсутствия у ненаук целевой установки «знание для знания» [3, с.310], — реализация этого критерия не свободна от субъективизма, — но и объективно.

Не является ли вышесказанное основанием для уточнения содержания принципов воспроизводимости и объективности в науке? Надо ли формирующейся постнеклассической науке внести методологические коррективы в эти принципы, коль скоро их связь приобретает значение именно там, где обнаруживается роль коллективного субъекта и социокультурных влияний, где сами объекты изучения становятся сложными, многоуровневыми, развивающимися? Ведь представление именно таких объектов в терминах объективности «билли- ардных шаров» не работает, и нужны более тонкие дескриптивные методы. Артикуляция уточнений важна: за изменением содержания критериев следует, что какие-то исследования не начнутся, а другие, — которые ранее были бы отвергнуты, — получают право на жизнь.

Связь онтологической объективности и воспроизводимости закономерностей развивающихся систем дает основание к радикальным выводам. Несмотря на свою «звучность», принцип объективности должен быть элиминирован как неконструктивный, применимый лишь постфактум, когда демаркационная надобность в нем уже отсутствует. Принцип же воспроизводимости тождествен вышеназванному социокультурному критерию научности. Его другая формулировка: относительная воспроизводимость наблюдаемой закономерности должна превышать величину, обратную к относительной величине эффекта, управляемого данной закономерностью. Это гарантирует автоматическое выполнение списка остальных методологических критериев научности.

Литература:

1. Бинги В.Н. Методология невоспроизводимости // Принципы электромагнитной био- физики. М.: Физматлит, 2011.
2. Бинги В.Н. Принцип воспроизводимости и современная наука // Вестник РФО. 2018. № 1(85). С. 67–69.
3. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009.

Проблема эвтаназии: античное понимание и современность

Ветров В.А.

Университет гуманитарных наук, студент

Vetrov21v10@gmail.com

Аннотация: Вопросы, касающиеся основополагающих категории человеческого бытия - «жизни» и «смерти» - всегда волновали человечество. Обладая одновременно экзистенциальным, этическим и юридическим ракурсом, тема эвтаназии занимает особое положение среди данных вопросов. До сих пор не существует единого мнения или ультимативных аргументов «за» или «против». Более того, дискуссия лишь обостряется из-за возросших темпов технического развития, особенно в медицинской сфере (в частности в паллиативной медицине). В то же время, обсуждение эвтаназии на достаточно серьезном интеллектуальном уровне берет начало еще в античной культуре. Автор данных тезисов стремится раскрыть специфику античного понимания проблемы эвтаназии (Эпикур, Гиппократ, Аристотель) и, в то же время, проследить интеллектуальную связь с современностью; рассмотреть, как обсуждение эвтаназии преломляется в наши дни в работах отечественных исследователей (Б.Г. Юдин, В.А. Рыбин).

Ключевые слова: эвтаназия, самоубийство, античность, медицина, этика, философия

The problem of euthanasia: ancient view and modernity.

Vetrov V.A.

State Academic University For Humanities, Russian Federation, student

Abstract: Questions about the fundamental categories of human existence – “life” and “death” – have always worried humanity. Having at the same time an existential, ethical and juristic perspective, the topic of euthanasia occupies a special position among this issues. There is no consensus or ultimate arguments for or against nowadays. Moreover, the discussion is only escalating due to the increased pace of technical development, especially in medicine (in particular palliative). At the same time, discussion of euthanasia at a fairly serious intellectual level dates back to ancient culture. The author of these theses seeks to reveal the specifics of the antique understanding of the problem of euthanasia (Epicurus, Hippocrates, Aristotle) and, at the same time, trace the intellectual connection with modernity; consider how the discussion of euthanasia is refracted today in the works Russian researchers (B.G. Yudin, V.A. Rybin).

Keywords: euthanasia, suicide, antiquity, medicine, ethics, philisophy

Спор о допустимости эвтаназии не утихает на протяжении веков; более того, он усложняется и расширяется, включая в себя новые и новые контексты, исследования и мнения специалистов множества областей: философов, юристов, социологов, психологов и др. Огромную роль здесь играет целый ряд культурно-исторических факторов: традиции, социальные практики, нормы нравственности и права, а также их трансформация с течением времени.

Несмотря на актуальность и злободневность этой темы, единого определения эвтаназии до сих пор не существует. Чаще всего под эвтаназией понимается один или несколько следующих моментов: ускорение смерти тех, кто переживает тяжелые страдания; забота об умирающих; предоставление человеку возможности умереть; даже прекращение жизни «лишних людей» (например, эвтаназия в нацистской Германии - после этого опыта данная тема некоторое время была табуирована). Обращаясь к специфике эвтаназии, исследователи, как правило, работают с устоявшимися формулировками: выделяют активную эвтаназию (умерщвление специально при помощи определенных средств) и пассивную (отказ от дальнейшего лечения), добровольную (человек дает согласие на прекращение собственной жизни) и недобровольную (пациент находится в бессознательном состоянии или недееспособен)[1].

На мой взгляд, изучение того, как менялось обсуждение эвтаназии на протяжении истории (в частности, у античных авторов), позволяет лучше понять и осмыслить нынешнее состояние данной

проблемы. Первым (из известных) произведений, где употреблялось слово *εὐθανάτος* (с древнегреческого «хорошая смерть»)[2] была «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла в 121 г. н.э [3]. Позднее, благородная, достойная, безболезненная смерть неоднократно упоминается в работах античных философов, врачей и поэтов. В Новое время Френсис Бэкон говорит в «Достоинстве и приумножении наук», о долге врача, который «состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже и в том случае, если когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самое смерть более легкой и спокойной, потому что эта евтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем», что, очевидно, перекликается с античной традицией [4, с. 269].

Говоря об античности, важно учитывать ее особое отношение к смерти, к человеку и обществу. Мироощущение этой эпохи позволяет понимать и принимать самоубийство, во-первых, из-за мифологических воззрений (момент и обстоятельства смерти крайне важны), во-вторых, собственную преднамеренную смерть можно было назвать частью культуры, т.к. она могла быть проявлением протеста, благородства, попыткой избежать бесчестия или же просто выражением собственного мнения. Примеров тому множество: Аристодема, устыдившаяся после убийства своей дочери; Фемистокл, который предпочел остаться верным отечеству и выбрал смерть; бросившийся на собственный меч Аякс. Данной теме уделяют много внимания и древнегреческие драматурги. Персонаж «отца трагедии» Эсхила, Ио, в отчаянии говорит о преимуществе смерти перед каждодневным страданием [5]. В то же время, у Софокла, который считал жизнь даром богов, встречается противоречие: в «Антигоне» он называет глупцом человека, желающего умереть; а в «Трахениянках» Геракл просит исцелить себя, окончив невыносимую боль, вопреки возражениям сына (о невозможности убить отца)[6].

Античные философы рассматривали этот вопрос достаточно подробно, и у них так же встречаются внутренние противоречия в его трактовке. Так, у Платона в «Федоне» жизнь обесценивается, а роль смерти поэтизируется. Философ как бы призывает приблизить загробную жизнь, однако и в этом труде, и в «Законах» самоубийство и помощь врачей в нем осуждаются [7]. В то же время, анализируя «Апологию Сократа», отечественный исследователь Б.Г. Юдин определяет действия философа как осознанное самоубийство, поскольку тот не стал пользоваться помощью друзей и сбегать, но выпил цикуту [8]. Позиция другого античного мыслителя - Эпикура основывается на его представлении о необходимости достижения атараксии. Человек может уйти от жизни, если она приносит ему невыносимые страдания, однако данное решение должно приниматься крайне вдумчиво и осторожно, рационально и спокойно.

Так или иначе, большинство мыслителей античности были категорически против активной эвтаназии, пассивная же считалась приемлемой при определенных обстоятельствах. Против любого варианта самоубийства выступал Аристотель. Поскольку оно все еще является убийством (т.е. причинением несправедливости по отношению к

самому себе), честный человек не станет этого делать, тем более, что беды и власть фортуны не должны господствовать над ним; согласно Аристотелю, человек должен смело справляться с любыми испытаниями, в том числе и со смертью[9]. В нашем разговоре об эвтаназии и античности необходимо затронуть Гиппократ, этический кодекс которого направляет врачей уже почти 2500 лет. Его клятва состоит из 11 принципов; применительно к эвтаназии всегда рассматривается 5-й: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла» [10]. Учитывая описанные выше представления драматургов и философов, можно сказать, что для той эпохи это был революционный принцип.

Несмотря на абсолютно разные реалии и огромную разницу во времени, мнение античных мыслителей не так уж и сильно отличается от современных воззрений на эвтаназию. И несмотря на то, что сейчас клятва Гиппократ является скорее памятником этической мысли, нежели руководством и ориентиром для врача (с чем не согласен В.А. Рыбин), в подавляющем большинстве стран эвтаназия остается запрещенной. Хотя в России исследователи наталкиваются на противоречие: ведь помимо ст. 45, запрещающей эвтаназию вообще, в федеральном законе РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» имеется ст. 20, которая позволяет гражданину или его законному представителю отказаться от лечения - что представляет из себя ничто иное, как пассивную форму эвтаназии. Мнение современных медработников об этой проблеме неоднородно, и на него так или иначе влияет направление работы, возраст врача, множество других культурных, социальных и экзистенциальных

факторов, что расширяет проблематику спора об эвтаназии[11]. В.А. Рыбин подчеркивает «антропологическую нагруженность» проблемы эвтаназии, которая, хотя и относится, преимущественно, к медицинской сфере, может быть «решаема только в рамках философского дискурса»[12]. Думаю, однако, речь в данном случае идет не о «решении», а об обсуждении ее принципиальной «нерешаемости» - что подтверждают и рассуждения античных авторов.

Литература:

1. Б.Г. Юдин. Эвтаназия. Новая философская энциклопедия: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH8a532e916225760b5c348a>
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Шичалина А.Ю., 1991. С. 507, с. 596
3. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.
4. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2, С. 269.
5. Эсхил. Трагедии. М, 1971
6. Софокл. Драмы. М., 1990.
7. Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко. Возможно ли рациональное самоубийство? // Человек. 1992. No 6. С. 41-52.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М., 1993. Т. 1, 2.
9. Аристотель. Этика. М.: Наука, 1987.
10. Гиппократ. Избранные книги / пер В. Руднева; под ред. В. П. Карпова. М., 1936.
11. С.Ю. Быкова, Б.Г. Юдина, Л.В. Ясная. Эвтаназия: мнение врачей // Человек. 1992. No2. С. 147-151
12. Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-антропологическом аспекте. Ч.: Челябин. Гос. Ун-т. 2006

1 Тем не менее, Гиппократ тоже пишет о возможности пассивной эвтаназии в случае смертельной болезни.

Противоречия канонической космологической модели

Гивишвили Гиви Васильевич

Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн ИЗМИРАН

givi_dom@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению противоречий теории большого взрыва. Вопреки многочисленным заявлениям о том, что ТБВ корректно описывает не только настоящее, но также прошлое и будущее Вселенной, существуют три группы проблем, неразрешимых в рамках теории, автоматически ставящие под сомнение ее адекватность. Автора рассматривает в статье эти группы проблем и демонстрирует, что в связи с указанными противоречиями космологическая модель зашла в тупик, из которого ее может вывести строгий логический анализ.

Ключевые слова: Вселенная, космология, теория большого взрыва

Contradictions of the canonical cosmological model. Givishvili Givi Vasilyevich

Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation. Russian Academy of Sciences

Abstract: The author analyzes the contradictions of the Big Bang Theory. Contrary to many claims that TBV correctly describes not only the present, but also the past and future of the Universe, there are three groups of problems that are unsolvable within the framework of the theory, which automatically call into question its adequacy. The author examines these groups of problems in the article and demonstrates that due to these contradictions, the cosmological model has reached a dead end, from which it can be deduced by a strict logical analysis.

Keyword: The universe, cosmology, the Big Bang Theory

Противоречия теории большого взрыва.

Космологическая модель Вселенной, именуемая теорией Большого взрыва (ТБВ), сегодня признана канонической в том смысле, что ее разделяет большинство космологов. Ее эмпирическая база основана на 3-х бесспорных *наблюдательных* фактах: а) *однородности* распределения материи во Вселенной, б) *изотропности* реликтового микроволнового излучения, в) *пропорциональности* красного смещения далеких галактик от расстояния до них (Э. Хаббл: 1924 г.). Кроме того, считается, что Вселенная *динамична* – расширяется (интерпретация красного смещения эффектом Доплера, данная В. де Ситтером и Ж. Леметром). Теоретический фундамент ТБВ составляет Общая теория относительности (ОТО) А. Эйнштейна (1910-1918 гг.) и решение ее уравнений, предложенное А. Фридманом (1924 г.).

Вопреки многочисленным заявлениям о том, что ТБВ корректно описывает не только настоящее, но также прошлое и будущее Вселенной, существуют три группы проблем, неразрешимых в рамках теории, автоматически ставящие под сомнение ее адекватность.

1. Прошлое: любая теоретическая модель расширяющейся (динамичной) Вселенной при экстраполяции в прошлое вырождается в исходную сингулярность, при котором Вселенную отличают: а) полное отсутствие пространства-времени (г-т), б) сверхгорячее и сверхплотное состояние крупницы «протоматерии». Парадокс в том, что науке неизвестно ни одно фундаментальное взаимодействие, которое было бы способно выволить эту крупницу из состояния «блистательного отсутствия», а затем в мгновение ока синтезировать из нее гигантские массы материи. Осознавая неразрешимость парадокса сингулярности, С. Хокинг признал: «Результаты наших наблюдений подтверждают предположение о том, что Вселенная возникла в определённый момент времени. Однако сам момент начала творения, сингулярность, *не подчиняется ни одному из известных законов физики*» [1].

2. Настоящее. В попытках объяснить наблюдаемую сегодня однородность и изотропию Вселенной

А. Гут, П. Стейхардт и А. Линде [2] предложили крайне экстравагантную интерпретацию первых долей секунды расширения Вселенной, которую они назвали инфляционной фазой. Ее экзотичность выходит слишком далеко за пределы не только физической реальности, но и самого смелого воображения, что и подчеркнул В. Гинзбург: «Должен с сожалением констатировать, что количественные представления об инфляции и всю инфляционную модель я как следует *не понимаю*, тем более что она подвергается критике» [3].

Уже в наши дни, протестировав геометрию пространства современной Вселенной (Alcock-Paczynski test), К. Маринони и А. Буцци показали, что она строго евклидова [4]. Подтвердив, тем самым, известное заключение Дж. Халлиуэлла: «Наблюдения свидетельствуют о том, что геометрия пространства наблюдаемой Вселенной чрезвычайно плоская. Вселенная может иметь такую кривизну только в том случае, если в самом начале расширения она была почти плоской – с точностью 10^{-60} . Многие космологи считают такое совпадение совершенно невероятным» [5]. *Отсюда следует, что все массы расширяющейся Вселенной после выхода ее из «спячки» должны были бы распространяться из начальных г-т координат радиально и строго по геодезическим прямым. Это условие должно было бы определять единственно правдоподобную структуру распределения масс современной Вселенной. Вследствие чего, она обязана была бы представлять собой тонкую сферическую оболочку, окружающую исходные координаты «ее рождения» в процессе непрерывного раздувания. Чего в действительности нет. Следовательно расширение Вселенной есть иллюзия, его не существует.*

3. Будущее. Во-первых, нам внушают, что «каждые 5 с. к Вселенной добавляется объем пространства, эквивалентный... объему, занимаемому Млечным Путем... Однако, пытаться указать, где рождаются эти кубические километры пространства, – идея ошибочная, потому что она бессмысленная» [6]. Нам представляется *бессмысленным как раз обратное* – представление о том, что нечто нематериальное рождается из чего-то материального неведомо каким образом и благодаря какому-то мистическому механизму.

Во-вторых, теория не исключает возможности, как расширения, так и обратного сжатия пространства. Мнение Хокинга: «Если бы через секунду после Большого взрыва скорость расширения оказалась хоть на одну сто тысяча миллион миллионную* меньше, то произошло бы повторное сжатие Вселенной, и она никогда бы не достигла современного состояния» [7]. Иначе говоря, оказывается допустимым не только мистическое рождение пространства, но также его свертывание, «складирование про запас» неведомо в чем.

В-третьих, в самые последние годы, якобы, «выяснилось», будто скорость расширения Вселенной в дальнейшем будет только возрастать. Ее, будто бы расталкивает во все стороны рожденная на кончике пера «космологическая постоянная» L и стоящая за ней мистическая «темная энергия». И поскольку процесс «распухания» Вселенной будет продолжаться безостановочно, остается согласиться с тем, что, единожды родившись, она будет существовать вечно... как призрак самой себя. *В природе, однако, неизвестно ничего материального, что имело бы начало, но не имело бы конца.*

Комментарии:

ТБВ содержит неприемлемо много искусственных натяжек и противоречий фактам. Теория крайне рискованно балансирует на сверхтонком лезвии бритвы. В этом смысле она не имеет себе равных в естествознании. Но коль скоро ТБВ базируется на Общей теории относительности Эйнштейна (ОТО), то источником ее столь двусмысленной уникальности остается признать имманентные противоречия этой теории.

Особенности ОТО и ее описание структуры Вселенной

Справедливость ОТО считается *доказанной* благодаря:

- а) экспериментам, подтвердившим **принцип эквивалентности инерционной и гравитационной масс (Л. фон Этвеш: 1889-1908 гг.);**

- б) объяснению эффекта, обусловленного прецессией орбиты Меркурия (выявленной У.Ж.Ж. Леверье);

- в) наблюдению гравитационного отклонения света (А.С. Эддингтон: 1919 г.).

Примечание:

- а) ОТО создавалась А. Эйнштейном в 1915-1916 гг., когда еще не было сформулировано понятие о спине – характеристике, присущей всем элементарным частицам, и определяющей свойство их *инерции* (С. Гаудсмит, Д. Уленбек, В Паули: 1922 – 1927 гг.). Спин объясняет эквивалентность инерционной и гравитационной масс *имманентным свойством самих материальных объектов, не зависящим от положения других материальных объектов. Согласно принципу Оккама, этот факт делает излишним интерпретацию инерции дальнего действия* (Э. Мах, А. Эйнштейн).
- б) эффекты, обусловленные прецессией орбиты Меркурия и гравитационным отклонением света, носят локальный характер и описываются математическим аппаратом, развитым Г. Риччи-Курбастро и Т. Леви-Чивитой для замкнутых (ограниченных) пространственно-временных объектов. А. Эйнштейн, однако, применял их для описания разомкнутой (безграничной) структуры Вселенной.
- в) самым серьезным *возражением против ОТО* признается нарушение закона сохранения энергии, обусловленное постулируемой ею зависимостью времени от наличия полей в пространстве-времени.

Комментарии:

- а) существенно макроскопические представления о пространстве и времени, присущие ОТО, не могут быть описаны с точки зрения квантовой механики и Стандартной модели (СМ) физики элементарных частиц. Насчитывается до 100 (!) модификаций ОТО, призванных объединить ее с СМ. *Но ни одна из них не получила экспериментальное подтверждение!*
- б) явление, известное как черная дыра, которое иногда связывают с ОТО, было предсказано Дж. Митчеллом (1784 г.) и П.-С. Лапласом (1796 г.), исходя из теории тяготения И. Ньютона!
- в) решение уравнений ОТО с неизбежностью приводит к возникновению сингулярности при движении времени назад, в прошлое Вселенной. Дж. Уилер назвал эту проблему *«величайшим кризисом современной физики»*;
- г) плоская геометрия пространства ограничивает возможности математического описания структуры Вселенной, требующего задания граничных условий в бесконечно протяженной декартовой системе пространственно-временных координат. (Пренебрежение этим соображением дает бесчисленное множество решений в зависимости от вкуса теоретика);
- д) неразрывность (не дискретность) пространства-времени запрещает им иметь физические (материальные) свойства, как-то: упругость, сжатие-расширение, рождение и гибель (строго экспериментальное свидетельство отсутствия у пространства зернистости или какой-либо структуры получено недавно [8]).
- е) поскольку пространство лишено какой бы то ни было дискретности, его *не существует физически*. Ибо всё без исключения материальное корпускулярно: от физических полей и элементарных частиц до массивных тел. (За меру минимального кванта иллюзорного физического пространства принимают планковскую длину, составляющую $\sim 10^{-35}$ м).
- ж) то же самое следует сказать о «стреле времени». Ибо **не существует времени, как такового**, как материальное «прошлое» и «будущее». А то, что мы называем «течением времени», есть всего лишь *порядок осуществления причинно-следственных связей в или между материальными объектами*, в которых следствие (завершение события) не может выступать причиной (началом) того же самого события.

В мысленных экспериментах с лифтами, вращающимися платформами и т.д., часы и линейки, равно как лифты и платформы, суть изобретения наших голов и рук. Это наши материальные средства ориентации в окружающем нас локальном фрагменте иллюзорного пространства-времени. А в эксперименте с ракетой, скорость которой приближается к скорости света, деформируются не только часы и линейка космонавта, но и его организм, в отличие от брата-близнеца, оставшегося на Земле.

Выводы:

1. ОТО представляет собой развитие Ньютоновой теории гравитации в части локального взаимодействия больших гравитационных масс с электромагнитными полями. Но она не может быть применима к описанию глобальной структуры и динамики Вселенной как единого целого в плоском, бесконечно протяженном пространственно-временном континууме.

2. Р. Фейнман однажды пренебрежительно заметил: «Эти философы всегда топчутся около нас, они мельтешат на обочинах науки, то и дело порываясь сообщить нам что-то» [9]. Но, как видим, буйство воображения подобных ему физиков-теоретиков завело космологию в лабиринт самообмана, выбраться из которого может им помочь только неумолимая и трезвая логика философов.

Литература:

1. Hawking S. W., The occurrence of singularities in cosmology, III. Causality and singularities, Proc. Roy. Soc. London, A300, 1967. P.187-201.
2. Линде А.Д. Раздувающаяся Вселенная // УФН. 1984. Т.144. Вып.2. С. 177-214.

3. Гинзбург В.Л. О некоторых успехах физики и астрономии за последние три года// УФН. 2002. Т.172. №2. С. 217.
4. <http://eikenclub.ru/9396-astronomy-izmerili-geometriyu-vselenny.html>
<https://www.liveinternet.ru/users/3473355/post142170848/>
5. Халлиуэлл Дж. Дж. Квантовая космология и происхождение Вселенной//В мире науки. №2, 1992, С. 16-22.
6. Мизнер Ч. Торн К., Уилер Дж. Гравитация. М. 1997. Т.2. С. 416.
7. Хокинг С. Краткая история времени. 2000, с. 170.
8. P. Laurent, D. Götz, P. Binétruy, S. Covino, and A. Fernandez-Soto. Phys. Rev. D 83, 121301(R) – Published 28 June 2011.
<http://www.membrana.ru/particle/16368>.
9. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике: В 2-х т. Т.2. Пространство, время, движение. М. 1965. С. 24.

Годарев-Лозовский М.Г.

Смольный институт РАО

godarev-lozovsky@yandex.ru

Аннотация: Выявлено, что в основании гносеологии лежит принцип: знанию соответствует актуальная бесконечность, а познанию – потенциальная. В основании математики находится следующий принцип: счетное множество знаков потенциально бесконечной десятичной рациональной дроби полно, но противоречиво, а счетное множество знаков актуально бесконечной десятичной иррациональной дроби неполно, но непротиворечиво. В основании онтологии и методологии науки возможен следующий принцип: множество знаков рациональной десятичной дроби соответствует счетному потенциально бесконечному множеству моментов будущего времени; множество знаков иррациональной десятичной дроби, соответствует счетному актуально бесконечному множеству моментов прошлого времени; а несчетное множество действительных чисел соответствует реальному, заполненному средой пространству. Принцип, который лежит в основании физики утверждает следующее. Конкретному понятию соответствует определенное числовое множество, как то: физическим взаимодействиям соответствует множество целых чисел, а времени соответствует множество рациональных чисел. Материальной мировой среде соответствует континуальное множество иррациональных чисел. Заполненному пространству соответствует множество действительных чисел, а мысленно освобожденному – актуально бесконечно малая (большая) в нестандартном анализе; и, наконец, движению соответствует множество чисто мнимых чисел и кватернионов.

Ключевые слова: пространство, время, бестраекторность, материальная среда, числовое множество, актуальная и потенциальная бесконечность.

The path of a quantum particle in the context of the idea of metatheoretic correspondence.

Godari-Lozovsky M. G.

Smolny Institute of RAO

Annotation. It is revealed that the basis of epistemology is the principle: knowledge corresponds to the actual infinity, and knowledge – potential. The basis of mathematics is the following principle: the countable set of signs of a potentially infinite decimal rational fraction is complete but contradictory, and the countable set of signs of an actual infinite decimal irrational fraction is incomplete but consistent. At the base of ontology and methodology of science the following principle: the number of signs the rational, the decimal point corresponds to the counting of a potentially infinite set of future time points; number of signs of irrational decimal fractions corresponds to the counting of actual infinite set of past time points; and an uncountable set of real numbers corresponds to the real with the media space. The principle which lies at the Foundation of physics States the following. A specific concept corresponds to a certain numerical set, such as: physical interactions correspond to a set of integers, and time corresponds to a set of rational numbers. The material world environment corresponds to a continuum of irrational numbers. The filled space corresponds to a set of real numbers, and the mentally liberated space corresponds to an actual infinitesimal (large) one in non-standard analysis; and finally, the movement corresponds to a set of purely imaginary numbers and quaternions.

Keywords: space, time, vector-free, material environment, numerical set, actual and potential infinity.

Основные исходные предпосылки предлагаемой концепции пространства и времени

- Непрерывная геометрическая модель реального пространства не допускает отношения «следует непосредственно за».

- Невозможно строгое определение отношений «раньше - позже» в рамках непрерывной геометрической модели времени.
- Во временном потоке в отличие от физических взаимодействий дискретности не различимы: квант действия мы различаем, а момент времени назначаем.
- Отношение «следует непосредственно за» допустимо в общепринятой модели физических взаимодействий.
- Между двумя точками реального пространства всегда существуют точки пространства, а между моментами прошлого и будущего времени, непосредственно следующими друг за другом не существует момента настоящего времени.

Кинематическая интерпретация волновой функции

«Волновая механика оперирует с волновой функцией Ψ , которую, по крайней мере, в случае одной частицы, можно наглядно изобразить в пространстве» [1, с.308].

Тезис № 1: атемпоральность (скрытые параметры темпорального движения микрообъекта отсутствуют)

Уравнение Шредингера не является уравнением темпорального движения частицы. «В квантовой механике не существует понятия скорости частицы в классическом смысле, т.е. как предела, к которому стремится разность координат в два момента времени деленная на интервал между этими моментами» [2, с.17].

Тезис № 2: бестраекторность (скрытые параметры траекторного движения микрообъекта отсутствуют)

В полном согласии с неравенствами Гейзенберга в следующий после измерения сколь угодно близкий момент времени неопределенность координаты микрообъекта может быть сколь угодно велика, а движение микрообъекта невозможно локализовать во времени.

Тезис № 3: атемпоральность и бестраекторность – это результат отсутствия биекции между множествами элементов пространства и времени

Если множество элементов времени счетно, а пространства – несчетно, то у микрообъекта недостаточно элементов времени, чтобы двигаться темпорально и избыток элементов пространства, чтобы двигаться траекторно.

Тезис № 4: принимающая комплексные значения волновая функция, являясь функцией вещественных переменных координат и времени, исчерпывающе описывает состояние и движение квантового объекта.

Метатеоретический принцип соответствия в основании кинематической интерпретации волновой функции

«Действительные числа – это искры, высеченные из бесконечности континуума погруженными в него рациональными числами» (философ математики С. Н. Жаров).

Конкретному понятию соответствует определенное числовое множество, как то: физическим взаимодействиям соответствует счетное множество целых чисел, ибо квант действия – величина неделимая. Времени соответствует счетное множество рациональных чисел, ибо текущее время – величина переменная, а момент времени сколь угодно делим. При этом отрицательные числа соответствуют актуально бесконечному прошлому, а положительные – потенциально бесконечному будущему. При этом 0 соответствует отсутствию взаимодействий при отсутствии течения времени. Материальной мировой среде соответствует континуальное множество иррациональных чисел, ибо это устраняет проблему расходимостей. Заполненному пространству соответствует множество действительных чисел, ибо реальное пространство непрерывно. Мысленно освобожденному пространству соответствует актуально бесконечно малая (большая) в нестандартном анализе. И, наконец, движению соответствует множество чисто мнимых чисел и кватернионов, ибо описание перемещений микрообъектов допустимо исключительно с привлечением этих чисел [3, с.95 - 99].

«Дух Божий нашел тончайшую отдушину в этом чуде анализа, уроде из мира идей, двойственной сущности, находящейся между бытием и небытием, которую мы называем мнимым корнем из отрицательной единицы» (Г. Лейбниц).

- Длительность и координаты физических взаимодействий теоретически вполне определенная величина, а потому они соответствуют дискретному и математически имеющему скачки нигде неплотному множеству целых чисел, во множестве действительных чисел. Квант действия, постоянная Планка (h) – физически неделима, и в теоретической физике очень часто используется система единиц с редуцированной постоянной Планка, равной единице $\hbar = 1$, что вполне отражает её целочисленный характер.
- Ни одна переменная физическая величина в т.ч. время не может принимать математический континуум значений, соответственно, математически – оно есть дискретное множество.
- Логически время не локализуемо во времени, а продолжительность момента времени является произвольной величиной, принимаемой конвенционально, что математически означает – в естественном временном потоке, как во множестве, скачки отсутствуют.
- В соответствии с пунктами №2 и №3 время соответствует дискретному всюду плотному множеству рациональных чисел во множестве действительных чисел. Всяду плотному множеству на временной оси мы ставим в соответствие множество физических взаимодействий и мы утверждаем, что последнее множество – нигде не плотно.
- Мировая материальная среда соответствует непрерывному множеству иррациональных чисел. (В теоретической физике без учета этой среды возникают расходимости, либо вследствие допущения точечности реальных частиц, либо вследствие допущения бесконечного множества частиц виртуальных).
- Поскольку траекторное движение квантовой частицы логически допустимо только в случае дискретности пространства, постольку реальному, заполненному материей пространству соответствует непрерывное множество действительных чисел.
- Актуально бесконечно малая (большая) величина в нестандартном анализе соответствует математическому пространству без точек и реальному пространству, мысленно освобожденному от материального содержания.
- В связи с тем, что в уравнении Шредингера присутствует мнимый коэффициент при производной от пути квантовой частицы по времени, её движение сопровождается математическим пробелом во множестве элементов времени и описывается: а) геометрически, как путь точки в плоскости комплексного переменного; б) алгебраически, с привлечением чисто мнимых чисел и кватернионов.
- В связи с тем, что множество «зацепленных» элементарных перемещений микрообъектов логически должно реализовываться синхронно в различных плоскостях реального пространства, то для описания этого, возможно, необходимо привлечение кватернионов в евклидовом векторном пространстве размерностью четыре [4, с. 54 - 65]. Ведь не случайно некоммутативная алгебра так естественно вписалась в математический аппарат квантовой механики.

В связи с п. №9 интересно следующее обстоятельство. Элементарное перемещение квантовой частицы со старого места требует свободного пространства для ее нового места. Логично, что это новое место мгновенно освобождается другой частицей, которая атемпорально занимает место третьей, и так реализуется, возможно, бесконечная цепь синхронных перемещений. В известном эксперименте Н.А. Козырева зафиксирован мгновенный сигнал о местоположении звезды в настоящий момент времени, который допустимо трактовать следующим образом. Элементарное перемещение фотона, излучаемого звездой в настоящий момент времени, является начальным звеном одной из множества цепей сети, в которую включены как находящийся на астрономическом расстоянии микрообъект, так и микрообъект мгновенно попадающий в объектив телескопа [5, с. 76-84].

Зачем необходим поиск и обнаружение соответствий в науке? Я. Хакинг очень точно определил пользу от этого занятия. «Часто работая в одной области, люди обращаются к аналогичной области, для того, чтобы продвинуться в исследовании. Это не столько применение одной области к другой, сколько использование соответствий, которые медленно открывают себя» [6, с.34]. В смысле автора этого высказывания, фундаментальные соответствия предлагаемого принципа, прежде всего, экономят интеллектуальные усилия исследователей в самых разных областях науки.

Метатеоретический принцип соответствия как основание гносеологии

«Существует познаваемая реальность, она вне нас и не зависит от нас; но все то, что мы можем о ней знать, зависит от нас, ... остаток реален, но вечно непознаваем» Ш. Эрмит.

Обозначим принцип, который может находиться в основании гносеологии, как науки о познании: знанию соответствует актуальная бесконечность, а познанию – только потенциальная. Ведь, знаменитые метатеоремы Геделя о неполноте, указывают на бесконечность знания и практическую бесконечность познания при относительности всякого доказательства.

Метатеоретический принцип соответствия как основание математики

Анализируя свойства дробей, мы можем констатировать, что в смысле теоремы Геделя о неполноте возможен следующий принцип, который лежит в основании математики. Счетное множество знаменателей потенциально бесконечной десятичной рациональной дроби полно, но противоречиво, а счетное множество знаменателей актуально бесконечной десятичной иррациональной дроби неполно, но непротиворечиво.

Метатеоретический принцип соответствия как основание онтологии и методологии науки

«Актуально бесконечно целое мира не может быть дано целиком, к нему можно только приближаться последовательно по конечным частям» (И. Кант).

В результате проводимого анализа, мы можем констатировать, что: множество знаменателей десятичной дроби соответствует счетному потенциально бесконечному множеству моментов будущего времени; множество знаменателей иррациональной десятичной дроби, соответствует счетному актуально бесконечному множеству моментов прошлого времени; а несчетное множество действительных чисел соответствует реальному, заполненному средой пространству.

Литература:

1. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Изд. Иностранной литературы, 1963. 465.
2. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Квантовая механика. Нерелятивистская теория. М: Государственное издательство физико-математической литературы, 1963.702.
3. Годарев-Лозовский М.Г. Кинематическая интерпретация волновой функции и атрофия у части ученых функции объяснения. // Вестник психофизиологии 2019. № 3. С. 95-99.
4. Понтрягин Л.С. Обобщения чисел. М: Наука, 1986. 117.
5. Козырев Н.А., Насонов В.В. О некоторых свойствах времени обнаруженных астрономическими наблюдениями. Проявление космических факторов на Земле и звездах. // «Проблемы исследования Вселенной» / выпуск 9. Москва - Ленинград, 1980. С.76–84.
6. Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики. М: Изд. Канон-плюс, 2019. 399.

Концепция супервзаимодействия в контексте трех фундаментальных парадигм теоретической физики

Князев В.Н.

Московский педагогический государственный университет, кафедра философии, профессор. Доктор философских наук

kvn951@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается концепция супервзаимодействия как одно из фундаментальных концептуальных обобщений современной философии физики. Выявляются мировоззренческие и эпистемологические смыслы четырех типов физических взаимодействий в аспекте трех фундаментальных парадигм современной теоретической физики. Согласно стандартному сценарию эволюции физической материи каждый тип фундаментальных взаимодействий появлялся в ходе фазовых переходов от начала Большого взрыва к современному состоянию физического мира. Физика к началу XXI века пришла к становлению трех взаимно дополняемых типов миропонимания — теоретико-полевого, геометрического и реляционного. Между этими типами миропонимания нет пока гармоничных отношений, а существуют разные трактовки природы пространства- времени, принципов близкого действия и дальнего действия. Автор выражает надежду, что реляционный подход не только дополнит два других, но в ряде вопросов будет на самых авангардных эвристических позициях.

Ключевые слова: концепция супервзаимодействия, теоретико-полевая парадигма, геометрическая парадигма, Ю. С. Владимиров, реляционное миропонимание.

The concept of superinteraction in the context of three fundamental paradigms of theoretical physics. Knyazev V.N.

Doctor of philosophical science Moscow State Pedagogical University, Department of Philosophy, Professor

Annotation. The concept of superinteraction is considered as one of the fundamental conceptual generalizations of modern philosophy of physics. The worldview and epistemological meanings of four types of physical interactions are revealed in the aspect of the three fundamental paradigms of modern theoretical physics. According to the standard scenario of the evolution of physical matter, each type of fundamental interaction appeared during phase transitions from the beginning of the Big Bang to the modern state of the physical world. Physics at the beginning of the 21st century came to the formation of three mutually complemented types of worldview - field-theoretical, geometric and relational. There are no harmonious relations between these types of world outlook, but there are different interpretations of the nature of space-time, the principles of short-range and long-range action. The author expresses the hope that the relational approach will not only complement the other two, but in a number of issues will be in the most vanguard heuristic positions.

Keywords: concept of superinteraction, field-theoretical paradigm, geometric paradigm, Yu. S. Vladimirov, relational outlook.

1. Современная фундаментальная теоретическая физика достаточно явно содержит в себе три существенно различных вида миропонимания – теоретико-полевую, геометрическую и реляционную парадигмы [1, с.13-16]. В своём авторском теоретическом подходе Ю.С. Владимиров выделяет физические парадигмы, основанные на характере соотношения базовых физических категорий, в качестве которых он принимает пространство-время, частицы и поля как переносчики взаимодействий. Парадигмальные различия определяются тем, какие из базовых категорий полагать в качестве исходных, а какие более зависимы. Общеизвестно, что теоретико-полевая парадигма является доминирующей в физике XX-XXI веков. Геометрическая парадигма связана с развитием релятивистской физики и

ее обобщениями и развивалась вполне успешно, хотя и до сегодняшнего дня сохранились трудности совместимости квантовых и релятивистских принципов. Развитие идей реляционного миропонимания основывалось на реляционной трактовке пространственно-временных отношений и описании взаимодействий в аспекте концепции дальнего действия. В реляционной парадигме идея прямого межчастичного взаимодействия рассматривается как вполне возможный теоретико-физический подход к анализу физической реальности.

2. Философская концепция супервзаимодействия [2] основана на постулате (принципе) о том, что началом так называемого Большого взрыва (БВ) было нечто неизвестное современному состоянию развития фундаментальной физики и что породило трансформации фазовых переходов к нынешнему представлению о четырех типах фундаментальных взаимодействий. Это не акт божественного творения, но сакральность этого истока налицо современным физикам. В этой ситуации надо учитывать то, что философские и физические представления о реальности хотя существенно не одно и то же, но они должны вступать в диалог, чтобы реализовать единство интеллектуальной культуры в аспекте современного мировоззрения. В самом деле, теории, описывающие каждый из четырех типов фундаментальных взаимодействий, в большей или меньшей степени носят феноменологический характер. Но если раньше (первая половина XX века) лишь предположительно выдвигалась идея единства всех взаимодействий, то ныне она имеет под собой более весомые основания. Созданные ныне модели «великого объединения» (грандобъединения) и даже «величайшего объединения» (суперобъединения) лежат в русле теоретического устремления выявить связь между элементарными частицами, вакуумом и гравитацией, прояснить смысл единства микро-, макро- и мегамиров в аспекте создания единой физической картины мира. Можно ожидать, что на этом пути будут достигнуты плодотворные результаты, которые скажутся на реализации программы органического синтеза релятивистских и квантовых представлений.

3. Теоретико-полевое миропонимание связано прежде всего с развитием квантовой физики, включая квантовую теорию поля. Оно в большей степени превалировало в течение всего XX века: большинство нынешних физиков работают в этой парадигме, стремясь создать теорию суперструн и далее М-теорию. Концепция глобально-космической эволюции основывается прежде всего на теоретико-полевой парадигме в сопряжении с многомерностью физико-теоретического описания реальности. Главной составляющей современных теоретических разработок в области многомерных пространств являются исследования сложной топологической структуры этих пространств. Исторически первым (1921) Т. Калуца предложил в теории тяготения увеличить на единицу многомерную размерность, получив при этом пятимерное пространство-время, в котором пятое измерение значительно отличается от четырёх классических измерений [3]. Это была первая попытка соединить гравитацию и электромагнетизм. Ныне одним из вариантов является одиннадцатимерная геометрическая модель с компактификацией семи из них. При этом используется математический аппарат теории калибровочных полей, который может описать и охарактеризовать так называемую теорию расслоённых пространств. Многомерные геометрические модели типа Калуцы-Клейна указывают на то, что все физические взаимодействия, кроме гравитационного, связаны с дополнительными размерностями пространства-времени. В современной физике существует целый спектр фундаментальных подходов к моделированию существенных характеристик Вселенной, ее становления и эволюции. Среди них концепция Мультиверса, суперструн, инфляционной космологии, концепция петлевой квантовой гравитации и другие.

4. Словосочетание «Большой взрыв» есть скорее научная метафора, чем строгий научный конструкт. Физика скорее исходит из признания его (БВ) смысла как «исходной сингулярности», причины которой совершенно неизвестны. Современная физика не может сказать что-то определенное в отношении периода от начала и до 10⁻⁴³ с. Некоторые называют это «дофизической реальностью» (В.Ф. Панов), я характеризую этот период как «реальность, за пределами планковских параметров». Более определенно можно говорить об этапе инфляционного расширения Вселенной, который объемлет период от 10⁻⁴³ с до 10⁻³⁵ с от начала БВ. С точки зрения современного состояния физико-космологического знания преобладает тот подход, согласно которому этапы эволюции начальных моментов образования Вселенной в общих чертах выглядят так. Согласно стандартному варианту теории горячей Вселенной, Вселенная должна была расширяться, постепенно остывая, из состояния, когда её температура могла достигать T ~ 10¹⁹ ГэВ [4, с.5]. Этапу инфляции соответствует сохранение Великого объединения

(нет разницы между сильными, слабыми и электромагнитными взаимодействиями) и несохранение барионного заряда (кварки смешаны с лептонами). Второй этап длится от 10⁻³⁵ с до 10⁻¹⁰ с; при переходе в этот период сильные взаимодействия отделились от электрослабых, лептоны – от кварков, создалась барионная асимметрия Вселенной. В момент времени 10⁻¹⁰ с произошёл фазовый переход, в рамках которого нарушилась симметрия между слабыми и электромагнитными взаимодействиями; в итоге изначальное супервзаимодействие расщепляется на четыре типа. Отмечу также, что одним из возможных кандидатов на роль «дофизической реальности» (допланковских параметров) может быть так называемая «темная энергия», представляющая собой слабовзаимодействующую физическую субстанцию, пронизывающую все пространство видимой Вселенной. Ее введение в современную физическую картину мира приводит к мысли, что возможно существование и других видов взаимодействия (антигравитации), которые просто не встречаются в нашей области Вселенной и тем самым для нас являются как бы невидимыми. Открытие темной энергии явилось сенсацией номер один в физике на рубеже XX–XXI веков и стало неожиданностью для большинства исследователей, в особенности работающих на стыке физики элементарных частиц и космологии.

5. Концепция супервзаимодействия в рамках философии физики позволяет принципиально по-новому обсуждать вопрос о единстве физического знания, в том числе и в аспекте космофизики. Действительно, в рамках объединительных концептуальных моделей свойства наблюдаемого мира связаны с тем, каков именно механизм разделения супервзаимодействия в первую секунду Большого взрыва на «дочерние» ветви (современные типы физических взаимодействий с их относительной фундаментальностью). Ныне важно обосновать каков механизм нарушения исходной суперсимметрии и симметрии взаимодействий последующих фаз эволюции физического мира.

6. Все три парадигмы современной фундаментальной физики могут рассматриваться так, что каждая из них принципиально дополняет две другие [1, с.222]. Но это не снимает их известную самостоятельность, ибо, например, в реляционной парадигме трактовка пространства-времени связана с их (пространственно-временных свойств) выводимостью из более первичных отношений и описание взаимодействий происходит в рамках идей теории прямого межчастичного взаимодействия (action at a distance) Фоккера – Фейнмана, как своеобразного проявления концепции дальнего действия. Здесь следует сказать, что господствовавшая в XX веке теоретико-полевая парадигма, по сути, провозглашала вроде бы окончательную победу концепции близкого действия над дальним действием. При этом сторонники взгляда на значимость дальнего действия явно рассматривались как маргиналы в физической науке. Но все же авторитет теории Фоккера-Фейнмана, воззрения Я.И. Френкеля, Ф. Хойла, Дж. Нарликара, Г.В. Рязанова и других не только существовали в науке, но и получили активное развитие за последние три десятка лет (Ю.И. Кулаков, Ю.С. Владимиров, А.В. Соловьев и др.). Со взглядами последних соседствуют представления о макроскопической природе пространства-времени (Е. Дж. Циммерман, Дж.Ф. Чью). Ныне идея дальнего действия и прямого межчастичного взаимодействия рассматривается как вполне возможный теоретико-физический подход к анализу физической реальности. Требуется дальнейшего осмысления и тот факт, что согласно реляционной парадигмы более фундаментальным является электромагнитное взаимодействие, а гравитационное выступает производным от него. Подобные особенности свидетельствуют о том, что физика пока еще далека от создания «теории Всего».

Литература:

1. Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. Кн.2: Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
2. Князев В.Н. Концепция супервзаимодействия в философии физики. М.: МПГУ, 2018. 194 с.
3. Калуща Т. К проблеме единства физики // Альберт Эйнштейн и теория гравитации. Сборник статей. М.: Изд-во «Мир», 1979. С. 529-534.
4. Линде А.Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М.: Наука, 1990. 275 с.

Новая интерпретация понятия информации в естествознании и некоторые ее приложения

Коротков Н.А.

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, кафедра Высшей математики, доцент. Кандидат философских наук

korotkovna.spb@yandex.ru

Аннотация: В работе на основе доказанной автором принципиальной неполноты определения объекта в физической науке предложена новая концепция информации в природе: под информацией, содержащейся в природе, понимается не учтенная в естествознании природная компонента (возможное решение 1-й проблемы философии информации Лучано Флориди). На базе этого предложена новая концепция истины в природе: под объективной истиной понимается информационная компонента объективной реальности (возможное решение 6-й проблемы философии информации Лучано Флориди). В случае принятия предложенных интерпретаций понятий информации и истины процесс индивидуального познания интерпретируется как копирование информации из объективной реальности в субъективную реальность. В качестве приложений новых концепций информации и истины предложено решение двух проблем философии математики: обоснован научный статус арифметики и геометрии, а также объяснена эффективность использования математики в естествознании.

Ключевые слова: информация, материя, истина, процесс индивидуального познания, философия информации Л. Флориди, логический статус математики, проблема Е. Вигнера.

New interpretation of information concept in natural sciences and some of its applications. Korotkov N.A.

Baltic State Technical University "VOENMECH" named after D.F. Ustinov, subfaculty of Higher Mathematics, reader

Abstract: the paper is based on a proven principle author of the incompleteness of the definition of the object in physical science proposed a new concept of information in nature: the information contained in nature, is not included in the natural science component (a possible solution to the 1st problem of philosophy of information Luciano Floridi). On the basis of this proposed a new concept of truth in nature: under the objective truth refers to the information component of objective reality (a possible solution to the 6th problem of philosophy of information Luciano Floridi). In the case of adoption of the proposed interpretations of the concepts of information and truth an individual process of cognition is interpreted as the copying of information from objective reality to subjective reality. As applications of new concepts of information and truth proposed solution to two problems of philosophy of mathematics: the scientific status of arithmetic and geometry is based on one's arguments on facts, as well as the effectiveness of the use of mathematics in the natural Sciences is explained.

Keywords: information, matter, truth, the individual process of cognition, philosophy of information L. Floridi, the logical status of mathematics, the problem of E. Wigner.

Во второй половине XX века проблеме информации было посвящено громадное количество работ. Однако до сих пор в науке присутствуют десятки интерпретаций этого понятия, нет единого мнения о его логическом статусе (является ли оно научным понятием или категорией философии), нет единого ответа на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе, нет попыток его интерпретации в качестве категории философии и естествознания. По нашему мнению, в рамках материалистической философии как основы современного естествознания проблема информации не может быть разрешена. Ключом к разрешению этой проблемы является пересмотр определения объекта в физической науке. На примере физического тела автором проведено доказательство неполноты определения объекта науки

в физике при помощи классической теории множеств и на основе этого предложена новая концепция информации в природе [1].

Теорема о неполноте определения объекта в физической науке

В современной физической науке физический объект считается состоящим исключительно из движущейся материи (материи, обладающей энергией). Физические объекты подразделяются на физические тела, физические поля, физические процессы, физические частицы (молекулы, атомы, элементарные частицы) и др. Такая физическая картина мира отражена в одном из философских принципов материализма: в мире нет ничего, кроме движущейся материи.

На примере физического тела автором в работе [2] показано, что в реальном физическом теле, кроме материи и энергии, содержится еще один неучтенный компонент. По определению объекта физической науки, все свойства (универсум) физического тела подразделяются на материальные и энергетические, иных свойств не существует. Поскольку понятие материи есть обобщающее понятие для вещества и поля, то нетрудно указать примеры материальных свойств объекта: физическое тело обладает молекулами, атомами, элементарными частицами. Это примеры вещественных свойств тела. К полевым свойствам тела относятся, например, такие как: любые две частицы испытывают гравитационное взаимодействие, заряженные частицы притягиваются или отталкиваются в зависимости от соотношения их электрических зарядов, ядра атомов создают поля сильных и слабых сил. Кроме того, частицы находятся в постоянном движении, т.е. обладают кинетической энергией. Это пример энергетических свойств данного тела.

Однако, кроме материальных и энергетических свойств, физическое тело обладает также неучтенными свойствами. Например, оно обладает определенным количеством частиц определенного уровня иерархии: молекул, атомов, элементарных частиц. Кроме того, количество частиц нижнего уровня иерархии в частице более высокого уровня (например, число атомов в молекуле) также является нематериальным и неэнергетическим свойством физического тела. К неучтенным свойствам относятся также всевозможные расстояния между частицами, а также геометрическая форма поверхности данного тела.

Таким образом, физическое тело обладает свойствами, принципиально не учитываемыми в определении объекта физической науки: универсум свойств (множество всех свойств физического тела) в физической науке заведомо отличается от универсума свойств в физической реальности, т.е. определение объекта науки в физике принципиально неполно! Теорема доказана.

Можно показать, что и другие реальные физические объекты (например, физические поля) также обладают свойствами, принципиально не учитываемыми физической наукой. Конкретное физическое поле, например, электромагнитное, обладает свойствами, позволяющими отличить его от других полей (например, гравитационного) – это тип поля. Кроме того, физическое поле обладает конфигурацией (своей геометрической формой с напряженностью, зависящей от конкретной точки).

Информация как компонента природы

На примере физического тела показано, что в физической науке принципиально отсутствует компонента физической реальности. Этот результат можно обобщить на всю природу и науку о ней – естествознание: в природе наличествует компонента, принципиально не отраженная в естествознании! Естественно, эту компоненту нужно как-то именовать.

Для наименования этой природной компоненты (и компоненты физической реальности) используем широко известный кибернетический принцип Н. Винера: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [3, с. 201]. Природную компоненту, принципиально не учитываемую естествознанием, но содержащуюся в объекте, назовем информацией, содержащейся в объекте.

Информационные свойства объекта, которые можно охарактеризовать одним числом (такие, например, как общее число частиц определенного уровня иерархии, расстояния между частицами), назовем количественной информацией, содержащейся в объекте. Информационные свойства, которые невозможно охарактеризовать одним числом (например, геометрическую форму поверхности физического тела), назовем качественной информацией, содержащейся в объекте. В совокупности количественная информация и качественная информация составляют информацию, содержащуюся в объекте.

Проведем аналогию между физическим пространством и числовым пространством. Если считать, что числовое пространство заполнено только вещественными числами, то в такой алгебре существуют нерешаемые проблемы: невозможно извлечь квадратный корень из отрицательного числа, невозможно произвольный многочлен разложить на линейные множители и др. Аналогично, если считать, что физическое пространство заполнено только движущейся материей, то в таком пространстве нет места для информации, невозможно ответить на вопрос, что такое виртуальная реальность в общем случае, невозможно выявить денотат категории «истина» в конкретном эмпирическом смысле, невозможно объяснить эффективность использования математики в физической науке (проблема Е. Вигнера), невозможно обосновать научный статус математики.

Информационная концепция истины в естествознании

В настоящее время понятие истины является логической и гносеологической категорией. Современное состояние проблемы истины в философии и естествознании отражено в статье И.Т. Касавина «Истина». В ней отмечено, что «философское понятие истины не имеет денотата, объективного в конкретно-эмпирическом смысле, оно дескриптивно и интерпретативно и не исходит из физических экспериментов или астрономических наблюдений» [4, с. 172].

На основе авторской концепции информации появилась возможность предложить новую концепцию истины в естествознании [5], позволяющую в результате эксперимента или наблюдения выявить денотат понятия истины в конкретно-эмпирическом смысле. Под истиной понимается информационная компонента объективной реальности (абстрактная истина) или информационная компонента конкретного объекта (конкретная истина). При таком подходе процесс индивидуального познания интерпретируется как отражение (копирование) информации тем или иным способом из объективной реальности в субъективную реальность.

Отметим, что в философской системе диалектического материализма считается, что в процессе индивидуального познания в сознании человека отражается материя, которая отождествляется с объективной реальностью [6, с. 131]. Это противоречит действительности. В сознании человека отражается информационный компонент объективной реальности, а не ее материальный или энергетический компонент.

По нашему мнению, причиной неразрешенности проблемы информации является убеждение абсолютного большинства современных исследователей в сугубой материальности объективной реальности, которое основано на философии диалектического материализма. В рамках этой философской системы невозможно ответить на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе, а также выявить денотат категории истины в конкретно-эмпирическом смысле. Философскую систему, основанную на признании принципа двойственности материи-информации, предлагается именовать диалектическим дуализмом. Категориальная оппозиция «материя-информация» подчиняется фундаментальному закону диалектики – закону единства, взаимного проникновения и дополнения противоположностей.

Неразрешенность проблемы информации отмечает и лидер направления философии информации британский философ Лучано Флориди. В 2004 году он опубликовал статью под названием «Открытые проблемы философии информации» [11], в которой указал на 18 нерешенных проблем философии информации. Под номером «1» у него стоит нерешенная проблема интерпретации понятия информации, а под номером «6» – проблема связи информации и истины.

Приложение новой концепции информации в естествознании к решению некоторых проблем философии математики

Рассмотрим приложения новой концепции информации к проблеме обоснования научного статуса арифметики и геометрии и к проблеме эффективности использования математики в естествознании (проблема Е. Вигнера).

По современным представлениям философии науки лишь та система знаний может считаться наукой, у которой имеется свой объект науки в объективной реальности [7]. Но в философии диалектического материализма, на которой основана вся современная наука, объективная реальность отождествляется с движущейся материей. В этой философской системе, как показано выше, нет места для

информации (в обобщенном смысле). Поэтому математика (в частности, арифметика и геометрия) считается не наукой, а лишь языком науки. На основе доказанного утверждения о том, что в объективной реальности содержится не учитываемая современной физикой компонента, появилась возможность обосновать научный статус, по крайней мере, арифметики и геометрии: арифметика как система знаний о числовых системах и отношениях в них имеет свой объект в информационном компоненте объективной реальности. То же самое можно утверждать и о геометрии [8].

В середине XX века лауреат Нобелевской премии по физике Е. Вигнер предложил ученым объяснить необычайную эффективность применения математики в естественных науках, но при этом он высказал сомнение возможности решения этой проблемы [9]. До сих пор проблема Е. Вигнера не получила удовлетворительного решения.

Объяснить какой-либо факт означает логически вывести его из фундаментальных теоретических положений. Автором предложено решение проблемы Е. Вигнера [10]. Поскольку процесс познания любого объекта ориентирован на получение истины, то при познании происходит копирование информации, содержащейся в объекте (истины). В математических моделях физических объектов копируется информационный компонент физической реальности. При выводе физических теорий используется фундаментальный логический принцип: в операции импликации из истинной посылки всегда следует истинный вывод! Было бы удивительным, если бы математика не была эффективной при исследовании физических проблем!

Выводы

1. В естествознании принципиально не отражена реально существующая природная компонента. Эту компоненту, следуя известному кибернетическому принципу Н. Винера «информация есть информация, а не материя и не энергия», предложено именовать информацией. Это решение 1-й проблемы философии информации Лучано Флориди. При этом существующие интерпретации понятия информации являются частными случаями предложенной интерпретации.

2. На основе предложенной интерпретации понятия информации предложено решение 6-й проблемы философии информации Лучано Флориди: выявлена связь между информацией (в ее новой интерпретации) и истиной (в ее новой интерпретации). Под объективной истиной понимается информация, содержащаяся в объекте. При этом процесс индивидуального познания интерпретируется как копирование информации из объективной реальности в субъективную реальность.

3. Показано, что новая интерпретация понятия физической реальности позволяет выявить объект науки арифметики и геометрии, что равносильно признанию научного статуса этих разделов математики, а также объяснить эффективность применения математики в естественных науках на примере физической науки (проблема Е. Вигнера), которая объясняется тем, что арифметика и геометрия являются частями физической науки. При постижении математической истины тем самым постигается и физическая истина.

Литература:

1. Коротков Н.А. Что есть информация? // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Т. 2. Философия. 2012. № 4. С. 60-68.
2. Коротков Н.А. Доказательство неполноты определения объекта науки в физике на лекциях по теории множеств // Математика в ВУЗе и в школе: Тр. XXV Международной науч.-метод. конф. (Великий Новгород, 25-29 сентября 2013 г.). СПб.: Петербургский ун-т путей сообщения, 2013. С. 34-36.
3. Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 328 с.
4. Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 169-172.
5. Коротков Н.А. Информационная концепция истины // Информация и Космос. 2015. № 4. С. 152-154.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС, т. 18. М.: Политиздат, 1973. 526 с.
7. Философия математики и технических наук / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2006. 784 с.
8. Коротков Н.А. Выявление объекта науки арифметики и геометрии в курсе высшей математики // Проблемы математической и естественно-научной подготовки в инженерном образовании. Тр. V Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 8-9 ноября 2018 г. СПб.: ФГБОУ ВО ПГУПС, 2018. С. 165-167.
9. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94. Вып. 3. С. 535-546.
10. Коротков Н.А. Постижимая эффективность математики в естественных науках // Философия в современном мире.

Сб. науч. докл. Междунар. научно-практ. конф., посвященной 25-летию семинара «Проблема обоснования знания» и 70-летию юбилею проф. Кудряшова Александра Федоровича. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 33-37.

11. Floridi L. Open problems in philosophy on information // Metaphilosophy. Ed. By A.T. Marsoobian. – Oxford, UK; Madlen USA. – V. 35, No 4, July 2004. – P. 554–582. – URL: <http://www.philosophyofinformatoin.net/publicatoins/pdf/oppi.pdf> (21.05.2)

Крушанов А.А.

*Институт философии Российской академии наук, ведущий научный сотрудник.
Доктор философских наук*

krushanov@yandex.ru

Аннотация: Без специальной и общей теорий относительности представить современную физику и космологию просто невозможно. И все же философско-методологический анализ этих достижений показывает, что сложившиеся релятивистские представления содержат в себе серьезные неясности и противоречия. Так, представление о том, что процессы в движущихся объектах замедляются, ныне подменено более звучной идеей о том, что в случае, например, движения часов замедляется само время. И это совсем не безобидная ошибка, что можно понять при рассмотрении «парадокса близнецов». Есть неясности и с принятой общей теорией относительности. И главное: как возможно прямое влияние масс на пространственно-временной континуум, если обычно гравитация фиксируется лишь между объектами, обладающими массами? Означает ли содержание ОТО, что пространственно-временной континуум — это физическая сущность, обладающая какой-то своей не замечаемой массой? Это вопросы, которые пока даже не ставятся, но заслуживают серьезного внимания.

Ключевые слова: теория относительности, замедление времени, парадокс близнецов, космология, физика, пространственно-временной континуум, Эйнштейн, машина времени.

Conflicting nodes in the contemporary relativity ideas. Krushanov A.

Institute of Philosophy, Russian Academy of sciences, Leading scholar

Abstract: It's impossible to imagine contemporary Physics without special and general relativity theories. But philosophical and methodological analysis of these achievements shows that there are serious ambiguities in knowledge. For example, The Idea that processes in moving objects slow down was changed by more loud idea that for example in moving clocks slow down Time itself. And this is not a harmless mistake. It's easy to see it if to analyze "twins paradox". There are ambiguities in the contemporary general relativity theory also. And the main one: how it's possible for masses influence space-time continuum directly? Usually it's possible only between masses. Does it mean that space and time continuum has soma mass? Nobody asks such questions but they are important.

Keywords: relativity theory, Time slowing down, twins paradox, cosmology, space asnd time continuum, the Time machine, Einstein

Релятивистские представления уже просто неотъемлемы от науки. И сомневаться в них кажется просто невозможным. Их мощь и значимость, потенциал развития уже эффектно и разносторонне продемонстрированы. Это и испытания атомных и термоядерных бомб, работа атомных электростанций, возведение поразительного здания современной космологии... И тем не менее анализ фундаментальных утверждений релятивизма порождает большие вопросы и сомнения. Причем это касается утверждений и специальной, и общей теорий относительности. Рассмотрим соответствующие вопросы и замечания последовательно, в порядке появления СТО и ОТО.

Специальная теория относительности. В этом случае одной из главных поправок к утверждениям классической механики стал вывод СТО о том, что при высоких скоростях течение времени в движущейся системе замедляется. И, как известно, этот эффект подтвержден, например, на быстрых космических частицах. Выяснилось, что они «живут» дольше, чем такие же, но медленные частицы, фиксируемые в земных условиях. И удлинение «жизни» быстрых частиц соответствует принятым в СТО уравнениям.

Проблема, однако, даже в этом случае видится в том, что наблюдаемое удлинение «жизни» частиц в принципе возможно в двух случаях:

- за счет релятивистского удлинения, замедления времени их существования;
- в случае релятивистского замедления физического процесса, поддерживающего или прекращающего существование движущихся частиц.

Самое удивительное состоит в том, что первая возможность — это релятивистская трактовка, закрепившаяся в современной науке. Вторая — это то, что собственно, собственно, утверждал Эйнштейн при создании СТО!

Правда, в основополагающей для СТО статье «К электродинамике движущихся тел» Эйнштейн сформулировал свое новое понимание времени довольно лаконичным образом.

Четкое же изложение Эйнштейном его позиции по СТО появилось уже в последующих работах, отмечающих, например, что: «движущиеся часы идут медленнее, чем такие же часы, покоящиеся относительно системы k (система k — это некоторая начальная система отсчета — А.К.)» [1, с. 184]. Хотя у Эйнштейна встречается и несколько иная иллюстрация этого же явления, когда он пишет, что в движущихся часах секунда становится несколько длиннее той, что продемонстрировали бы эти же часы в покоящемся состоянии. [3, с. 549]. Это можно истолковать и так, что в движущихся часах секунда словно растягивается, ее течение замедляется. Возможно именно такое истолкование темпоральной стороны СТО и спровоцировало появление в науке представлений о том, что в движущихся объектах замедляется не просто темп протекающих процессов, в том числе и ход часов, но замедляется ход времени!

Вот как это, например, наглядно преломляется в работе известного современного астрофизика: «на быстролетящей ракете медленнее стучит сердце космонавта, медленнее текут в его теле все биохимические процессы, медленнее колеблются электроны в атомах и т.д. Все абсолютно все процессы замедляют свой темп, а значит, что медленнее течет само время. Замедление времени тем больше, чем больше скорость (курсив мой — А.К.)». [2, с. 55]

Подобное распространенное убеждение в изменчивости течения времени вызывает серьезное недоумение. Ни у Ньютона, ни позже, с развитием релятивистских представлений, никто не затрагивал принципиальный вопрос о том, что такое «время, которое течет», может ли оно течь вообще и как оно это делает?

Только в нашем обыденном опыте привычны образы и того, что время «течет», и что оно «ходит» или даже «бежит». Корни этого понятны: каковы часы, таково и поведение «времени». Отражаются в этом и наши субъективные переживания (скучно — время для нас ползет; интересно — время летит!). Вот и у физиков на этот счет можно встретить вполне определенную констатацию: «историки считают, что именно водяные часы послужили первым образом времени: время наполняет «сосуд Вселенной», изливается из него и течет». [4, с. 19].

А у Ньютона, да и даже в рамках релятивистских представлений, время — это одно из измерений реальности. как может «течь» измерение — большая, не замечаемая загадка!

И такая неряшливость совсем не безобидна.

Вспомним, например, мысленный эксперимент, который придумал для демонстрации особенностей релятивистского мира Поль Ланжевен. В этих рамках в центре внимания оказались два близнеца. Один из них — космонавт при этом отправляется в полет. В соответствии с СТО получалось, что после возвращения на Землю близнец-космонавт, переживший в полете замедление времени, окажется моложе брата, оставшегося дома. Эта модельная ситуация, зафиксированная в науке как «парадокс близнецов», широко известна, как и сама специальная теория относительности. При этом не замечается, что гипотетичный близнец-космонавт (как и космонавты вообще) поставлены в условия очень опасного эксперимента. Получается, чтобы заметно помолодеть в сравнении с сверстниками, надо всего лишь пролететь в космосе как можно быстрее. Так что космонавты будущих очень скоростных космических кораблей, казалось бы, просто обречены на молодость! Увы! Все совсем не так просто! Ведь у них есть реальный шанс не вернуться домой вообще! И свидетельствует об этом как раз СТО.

Выше приведены слова И.Д. Новикова о том, что в космическом полете замедляются все и любые процессы. Это значит, что по мере набора скорости ракетой физиологические процессы в организмах космонавтов обязаны замедляться все в большей степени. При сравнительно небольших космических скоростях ничего страшного не происходит. Но в стратегических планах космонавтики полеты к

Кузьмина Елена Владиславовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, доцент. Кандидат философских наук

bossloko1@yandex.ru

другим звездным мирам, что предполагает освоение скоростей значительно более высокого порядка, нежели нынешние. СТО указывает, что в этом случае даже сердцебиение должно будет сильно замедлиться или даже остановиться. Нужен ли на борту такой «заторможенный» или даже бездыханный космонавт, думаю, вопрос риторический. Все это говорит, например, о том, что стратегам космонавтики для дальних полетов надо искать совсем иные пути и возможности.

Это также свидетельство того, что надо скорректировать и иные физические попытки использования нынешних представлений о замедлении времени. Например, должно быть понятно, что СТО не позволяет построить «машину времени» для полетов в прошлое или будущее. Опять надо искать новые подходы и принципы.

Но есть о чем задуматься и в отношении ОТО.

Общая теория относительности. При всей удивительности и продуктивности ОТО с ней остается связан совершенно «детский» вопрос, который вроде бы даже неудобно формулировать. Тем не менее, на мой взгляд, отнюдь не простой проблемный узел ОТО связан с выводом Эйнштейна о том, что гравитация – это проявление искривления пространства (пространственно-временного континуума) под влиянием соответствующих масс.

Понятно, что в такой ситуации допускается прямое влияние масс на пространственно-временной континуум, правда, без объяснения того, как это возможно физически. Прежде, после Ньютона, было известно и понятно, что гравитация осуществляется, как взаимодействие масс. Значит ли в этой связи, что обсуждаемый феномен ОТО реализуется в силу того, что пространственно-временной континуум обладает некой «массивностью» и представляет собой не нечто эфемерное и ньютоновски пустое, но может рассматриваться на равных с другими физическими сущностями? Очень странно, что этот вопрос до сих пор как-то не звучал и не замечался вообще. Хотя, похоже, начинается какой-то сдвиг. В свежем научно-популярном издании американский специалист в области физики элементарных частиц замечает: «Чтобы понять общую теорию относительности и приступить к рассмотрению современных представлений о пространстве, нужно отказаться от идеи пространства как абстрактной сцены и принять его как *физическую сущность*». [5, с. 90-91].

Но если это так, то как не вспомнить, что современная космология накрепко связана с предположением, что когда-то в становлении Вселенной осуществился инфляционный сценарий чрезвычайно быстрого ее расширения. Обычное уточнение в этом случае состоит в том, что очень быстро расширение было возможно, т.к. расширялось лишь пространство, а все массивное оставалось при этом непоколебимо неподвижным! При обсуждаемом подходе, кажется, получается так, что космическая инфляция попросту нереализуема.

Впрочем, поставленные вопросы, на мой взгляд, не должны восприниматься, как призыв к глобальному недоверию к сделанному. Это лишь приглашение поразмышлять над известным, но еще не вполне понимаемым кругом проблем.

Литература:

1. Эйнштейн А. Теория относительности // Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т./ Под ред. И.Е.Тамма, Я.И.Сморodinского, Б.Г.Кузнецова /пер с нем. А.Базя, Л.Пузикова и А.Сазыкина. Т. I. М.: Наука. 1965. С. 175-186.
2. Новиков И.Д. Куда течет река времени? М.: Мол. Гвардия. 1990. 238 с.
3. Эйнштейн А. О специальной и общей теории относительности // Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т./ Под ред. И.Е.Тамма, Я.И. Сморodinского, Б.Г.Кузнецова / пер. с нем. А.Базя, Л.Пузикова и А.Сазыкина. Т. I. М.: Наука, 1965. С. 530-600.
4. Фейгин О.О. парадоксальная физика времени /О.О.Фейгин.- Харьков: Изд-во «Ранок», 2013. – 176 с., [32] с. цв. ил.
5. Чэм Х., Уайтсон Д. Понятия не имеем! Автостопом по самым крутым тайнам Вселенной /Хорхе Чэм и Даниел Уайтсон; пер. с англ Ю.Голдберга. – М.: КоЛибри. Азбука-Аттикус. 2018. 320 с.: ил.

Аннотация: Современный этап развития научного познания принято обозначать как постнеклассический, отмечая тем самым, что в последние десятилетия в науке произошли принципиальные изменения, касающиеся характера научной деятельности, методологии, отношений объекта и субъекта познания. Для постнеклассического этапа научного познания характерна форма гибкой рациональности, формирующаяся на основе учета особенностей субъекта познания. Акцентируется внимание на динамичности познания, на рассмотрении знания не только как результата, но и как процесса, наблюдается тенденция к смягчению границ между естественным и научным языками путем допущения в последний субъективных, ценностно нагруженных лингвистических средств. Как следствие этих причин происходит легитимизация гносеологического статуса метафоры в научном познании, допущение ее в процесс познания в качестве эффективного когнитивного инструмента постнеклассической науки, и в первую очередь подобные тенденции наглядно проявляются в области естественнонаучных дисциплин.

Ключевые слова: метафора, базисная метафора, передающая метафора, постнеклассическая наука, Большой взрыв.

Cognitive potential of metaphor in modern natural science. *Kuzmina E. V.*

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications

Abstract: The current stage of development of scientific knowledge is usually designated as post-non-classical, noting that in recent decades, there have been fundamental changes in science concerning the nature of scientific activity, methodology, and the relationship of the object and subject of knowledge. The post-non-classical stage of scientific knowledge is characterized by a form of flexible rationality, which is formed on the basis of taking into account the characteristics of the subject of knowledge. Attention is focused on the dynamism of knowledge, on the consideration of knowledge not only as a result, but also as a process. there is a tendency to soften the boundaries between natural and scientific languages by allowing subjective, value-Laden linguistic means. As a consequence of these reasons, the epistemological status of metaphor in scientific knowledge is legitimized, and it is admitted into the process of cognition as an effective cognitive tool of post-non-classical science, and first of all, such trends are clearly manifested in the field of natural science disciplines.

Keywords: metaphor, basic metaphor, transmitting metaphor, post-non-classical science, Big Bang.

Классическая¹ наука видела своим идеалом объективную фиксацию свойств изучаемого объекта в их «чистом» виде, современная же постнеклассика ориентируется на человекоразмерность науки, включенность субъекта в сам процесс познания мира. «Наука — один из видов социальных практик, вследствие чего она становится отзывчивой к социальным трансформациям», наука становится «ценностно-размерной» [1, с. 87], а метафора, в частности, позволяет выражать это. В результате, в постнеклассический период развития науки происходит переоценка жесткого разграничения научного и естественного языков. Ценностный, субъектный характер современного научного познания требует «аксиологически нагруженных языковых средств» [1, с. 71], динамичность познания требует инструментария, который бы позволял вскрывать «внутренний процесс знания», его становление,

¹ В тексте тезисов использованы фрагменты диссертации автора: Кузьмина Е.В. Концептуальная метафора как форма предпосылочного знания в современном естествознании: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. — Казань, 2019. 142 с.

язык должен не только обеспечивать приращение знания, но и задавать концептосферу, целостное представление об объекте познания в частности и о мире в целом. Автор когнитивной теории метафоры МакКормак выделяет два основных типа метафор, исходя из их функций. Во-первых, это «базисная» метафора — гипотетическое представление, отражающее «некоторую первоначальную сущностную догадку, или интуицию, составляющую фундамент всей теории» [2, с. 377]. С помощью «базисной» метафоры возможно охватить всю область физического мира и опыта (например, «мир математичен»), таким образом, метафора может рассматриваться в качестве фундамента метафизических систем, задающих философские картины мира, или научных теорий.

Во-вторых, это «передающая» метафора, используемая для передачи отдельного ощущения, индивидуального представления, т.е. масштаб «передающей» метафоричности ограничен по сравнению с «базисной». Автор отмечает возможность лавинообразного процесса выдвигания «передающих» метафор как следствие принятия «базисной» метафоры. В результате построения сети вторичных метафор возможно расширение знания, применение «базисной» метафоры к иным эмпирическим областям, выход за рамки изначальной теории, распространение метафорических следствий в том числе и на повседневное познание.

Одной из областей современной физики, породившей «базисную» метафору, стала космология и, в частности, метафора «Большого взрыва». Большой взрыв представляет собой метафорическую модель ранней Вселенной и описывает начало ее расширения после выхода из сингулярности. В 1922 году отечественный физик А. А. Фридман получил решение уравнений гравитационного поля Эйнштейна, на основании которого был сделан вывод о расширяющейся Вселенной — эта гипотеза получила первичное название нестационарной космологической модели (динамической эволюционирующей модели). Если прокрутить процесс расширения Вселенной в обратную сторону, то можно прийти к выводу, что изначально вся Вселенная была сконцентрирована в сверхмалой области, из которой и началось расширение.

В 1927 году независимо от Фридмана, опираясь на астрономические наблюдения Э. Хаббла, бельгийский физик, математик и священник Ж. Леметр также приходит к выводу идеи расширяющейся Вселенной. В скептически воспринятой научным сообществом, в том числе и Эйнштейном, статье «Однородная Вселенная постоянной массы и возрастающего радиуса, объясняющая радиальные скорости внегалактических туманностей» Леметр формулирует собственную гипотезу «первичного атома» - в основе Вселенной должно быть первичное, «подобное творению», событие. В другой статье Леметр называет начальное состояние Вселенной метафорическим концептом «космическое яйцо, взорвавшееся в момент творения». Знания о том, что в космическом пространстве имеют место различные взрывные процессы, видимо, подтолкнуло автора к предположению о взрывном процессе, лежащем, в том числе и в начале Вселенной.

Однако, сам концепт Большого взрыва (Big Bang) появляется лишь в 1949 году в лекциях британского астронома и космолога, разработавшего стационарную теорию Вселенной, Ф. Хойла. О конкурирующей гипотезе он сказал следующее: «Эта теория основана на предположении, что Вселенная возникла в процессе одного-единственного мощного взрыва и потому существует лишь конечное время... Эта идея Большого взрыва кажется мне совершенно неудовлетворительной». После этого выступления концепт Большого взрыва вошел в широкое употребление.

Да, возможно критиковать название Большого взрыва с точки зрения отсутствия чего-либо «внешнего» по отношению к взрыву. Нельзя сказать, где именно он произошел, что было до него, это не взрыв гранаты в пространстве, где есть фронт взрыва и его граница, за которой простирается пустое пространство. В момент Большого взрыва сингулярность была всем, поэтому и Большой взрыв был везде и все было им, само пространство возникло в процессе взрыва.

Однако, важно понимать, что Большой взрыв — это именно метафорический концепт, а не строгая аналогия процессов. Подобные критические замечания могут высказываться с опорой на сравнительно-фигуративную концепцию метафоры, в которой последняя сводится к буквальному сходству и уподоблению объектов. Мы же обратимся к «теории напряжения» А. Ричардса, указывающего, что для метафорического переноса трансформирующая смыслы сила различий между объектами может оказаться значительно важнее их сходства [3, с. 64]. Метафора как «проекция» у М. Блэка так же иллюстрирует не конформность отображения, а демонстрирует возможность эвристически «высветить» или «затемнить» отдельные аспекты исследуемой области [4, с. 165]. Так, в частности, «взрывные» метафоры акцентируют наше внимание на проблемном парадоксе «тонкой настройки» Вселенной —

фундаментальные физические константы лежат в чрезвычайно узкой области, отклонение от которой на тысячные доли сделало бы невозможным возникновение жизни во Вселенной. Но, как нам известно из опыта, в результате взрыва возникает хаотичный разброс фрагментов, и вероятность возникновения столь сложной упорядоченности и связанности параметров Вселенной ничтожна. Возможно, до Большого взрыва была еще большая упорядоченность, или учеными еще не открыты некоторые механизмы расширения Вселенной и пр.? Ответом на возникающие в результате метафорических следствий проблемы, с одной стороны, являются научные гипотезы мультивселенной, разрабатываемые с помощью конструирования «передающих» метафорических концептов. С другой — выход «базисной» метафоры за рамки научных теорий, выстраивание в том числе и богословских следствий.

Именно в этой проблематизации начальной точки взрывного образования мира, на наш взгляд, кроется преимущество метафоры Большого взрыва перед ранними попытками концептуализовать данный феномен. Действительно, «первичный атом» и «космическое яйцо», впрочем, как и «Большой взрыв», в разной степени помогают визуализировать процессы образования Вселенной, опираясь на повседневный опыт. Однако, по нашему мнению, первые два концепта обладают излишней наглядностью, снижающей их эвристический потенциал: метафора «яйца» (менее — «атома») конструируют модель, «катафатически» и вполне конкретно описывающей начальную точку развертывания Вселенной. «Большой взрыв» же идет путем «апофатическим», демонстрацией через умолчание, сосредотачивая таким образом внимание исследователя на проблеме концептуализации начальной сингулярности.

«Базисная метафора» Большого взрыва порождает сеть взаимосвязанных передающих метафор. В частности, метафора «Большого разрыва» — космологическая гипотеза о разрыве материи. Вследствие ускоренного расширения Вселенной горизонт событий сузится настолько, что станут невозможны никакие взаимодействия, законы физики станут бессильными, наступит смерть Вселенной [5]. Выстраивается согласованная сеть «передающих» метафорических концептов: что может «порваться»? — «ткань» Вселенной. П. Фрэмpton и Л. Баум [6, с. 178] на основе «Большого разрыва» предлагают концепцию «мозаичной Вселенной»: в последний момент перед «Большим разрывом» благодаря действию браны Вселенная разрывается на множество внутри себя причинно связанных «лоскутов» (вновь «ткань» Вселенной), каждый из которых сжимается, затем проходит цикл расширения заново, дробится уже сам на лоскуты и так образуется бесконечная мультивселенная.

В качестве «передающих» также можно привести метафору «Большого отскока». Это циклическая интерпретация теории Большого взрыва, объясняющая возникновение Вселенной на основе распада предыдущей. Или же «Большой хлопок» (сжатие) — гипотеза о будущем Вселенной, когда, вследствие неизвестных свойств темной энергии, расширение сменится на сжатие, и Вселенная «схлопнется» в сингулярность «черной дыры» (очередная метафора).

Приведенные выше примеры метафорических концептов подтверждают тезис о том, что концептуальная метафора, за счет переноса значений из одной области в другую, так называемого переструктурирования области-цели согласно области-источника, генерирует новые смыслы и формирует знание, базирующееся одновременно как на индивидуальном внерациональном опыте повседневности, так и на теоретических построениях: метафора объединяет разум и воображение, она «воображаемая рациональность» [7, с. 215].

Безусловно, сам по себе опыт построения теорий на фундаменте «базисной» метафоры не является чем-то новым для науки: «Использовать в своей познавательной деятельности базисные метафоры — это настолько естественный и характерный для человека метод, что отрицать его было бы почти то же самое, что отрицать возможность получения нового знания» [2, с. 384]. Однако, обращение науки к проблемам мега- и микромира, становление таких разделов как космология, квантовая физика, генетика, где обнаруживается принципиальная невозможность непосредственного восприятия исследуемых объектов, позволяет нам, вслед за Ричардом Левонтиным, генетиком и теоретиком эволюции, говорить, что сегодня «нельзя заниматься наукой, не используя при этом язык, полный метафор» [8, с. 72].

Литература:

1. Решетникова Е. В. Метафора в постнеклассическом познании: монография. Новосибирск: НГАСУ, 2013. 160 с.
2. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358-387.

3. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. — С. 44-68.
4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.. Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. — С. 153-173.
5. Прохоров М. Е. Разрыв Вселенной [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astronet.ru/db/msg/1188825> (дата обращения 28.02.2020).
6. Крейг У., Синклер Д. Д. Каламический космологический аргумент // Новое естественное богословие под редакцией Уильяма Крейга и Джеймса Морленда / Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). М.: Издательство ББИ, 2014. С. 121-237.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Каннингем К. Благочестивая идея Дарвина: Почему и ультрадарвинисты, и креационисты ее не поняли. М.: ББИ, 2018. 604 с.

От механицизма к молекулярным машинами: революционные этапы трехвековой истории взаимодействия химии и физики

Курашов В.И.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, заведующий кафедрой философии и истории науки, профессор. Доктор философских наук

v.kurashov@mail.ru

Аннотация: В 18 веке идеи и аппарат классической механики инициировали взаимосвязи физики и химии. Механистическая идеология этого периода, несмотря на ее редукционистский характер и неадекватность природе химических процессов, обусловила революционные преобразования в химии и пограничных разделах физики. Центральное понятие «вес» стало основой познания химического вещества и химических процессов. На этом основании, на протяжении 18 и 19 веков сформировалось атомно-молекулярное учение, химическая кинетика, периодический закон свойств химических элементов. В конце 20 и начале 21 веков наступил новый этап взаимосвязи химии и механики в области создания молекулярных машин – реально работающих механических устройств, компонентами которых стали отдельные молекулы. Молекулярные машины представляют принципиально новую область, в которой нанохимия и нанотехнологии являются основой создания конструктивных составляющих микромеханических систем. Такого рода системы принципиально изменили наше знание в области взаимосвязей естествознания, технологии и техники на микроуровне познания вещества и технологических применений результатов такого познания.

Ключевые слова: химия, физика, взаимодействие наук, история, механицизм, молекулярные машины

From mechanicism to molecular machines: revolutionary stages of a three-century history interactions of chemistry and physics.

Vladimir I. Kurashov

Kazan National Research Technological University, Head of the Department of Philosophy and History of Science, Professor, DSc in Philosophy.

Abstract: In the 18th century, the ideas and methods of classical mechanics initiated the relationship of physics and chemistry. The mechanistic ideology of this period, despite its reductionist nature and inadequacy to the nature of chemical processes, led to revolutionary transformations in chemistry and the boundary sections of physics. The central concept of “weight” has become an important basis for knowledge of chemical substances and chemical processes. On this basis, during the 18th and 19th centuries, atomic-molecular theory, chemical kinetics, and the periodic law of the properties of chemical elements were formed. At the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries, a new stage of the interconnection of chemistry and mechanics began in the field of creating molecular machines - actually working mechanical devices whose components became individual molecules. Molecular machines represent a fundamentally new field in which nanochemistry and nanotechnology are the basis for the creation of structural components of micromechanical systems. Such systems have fundamentally changed our knowledge in the field of the interconnections between science and technology at the micro level of knowledge of matter and determined the direction of breakthrough technological applications of this knowledge.

Keywords: chemistry, physics, interaction of sciences, history, mechanism, molecular machines

Классическая механика Ньютона, или механика макроскопических тел, оказала большое воздействие на развитие химии. Продолжающиеся успехи классической механики в естествознании и технике в XVIII—XIX вв. служили основанием для укрепления “механической идеологии” в химии (отмечу, что понятие “механицизм в химии” я употребляю в общепринятом значении и в тексте не беру его

в кавычки). Такая идеология являлась фактором интенсификации исследовательской деятельности в направлении объяснения всего многообразия химических процессов на основе нескольких фундаментальных принципов, подобных механическим. Можно сказать, что механика была идеалом химии XVIII в. Принципиальное развитие и синтез знаний о качественных составляющих вещества — элементах, выработанных в химии, и представлений о микроскопических структурных составляющих вещества — атомах, сформировавшихся в результате длительного развития философии, физики, химии, были осуществлены в революционных работах Дж. Дальтона в начале XIX в. При этом, хотя введение в химию представлений о массе и весового метода привело к созданию такого важнейшего раздела естествознания, как учение об атоме (в начальной фазе — атомистическое учение Дальтона), это не было, как мы сейчас знаем, основным направлением взаимодействия химии и физики вопреки стойким убеждениям химиков от Лавуазье до Менделеева. Вес химического вещества, в данном случае атомный или молекулярный вес, не определяет сам по себе его химические свойства. Так, например, изотопы, заметно различаясь по массе, практически эквивалентны по своим химическим свойствам. Мы видим путь становления нового знания в химии под воздействием механики, когда “механическая идеология” в химии обуславливала неверные теоретические посылки о природе химического сродства как процесса механического, что, однако, привело к принципиально важным открытиям в химии. Так, роль “действующей массы” определялась, как полагали тогда ученые, основываясь на концепциях механики, спецификой химического взаимодействия, подобного тяготению, известному для макроскопических тел в ньютоновой механике. Как нам сейчас известно, закон действующих масс имеет иное объяснение: пропорциональность скорости химической реакции массе реагентов связана со статистикой столкновений молекул — чем больше “действующая масса”, или, иными словами, концентрация, тем больше вероятность встреч частиц соответствующих реагентов и больше скорость соответствующей реакции. В 60-е гг. XIX в. завершился определенный этап в развитии атомно-молекулярного учения, состоящий из трех основных направлений: 1) исследований, в которых атомистическая теория Дальтона находила дополнительное подтверждение и конкретизацию (выполнение закона кратных соотношений для вновь исследуемых химических реакций, применение атомистических концепций в молекулярно-кинетической теории); 2) исследований внутримолекулярной атомной структуры, т.е. работ по теории химического строения и валентности (это сложное и насыщенное противоречивыми тенденциями направление связано с именами Берцелиуса, Жерара, Франкленда, Кекуле и других химиков, в том числе с именем Бутлерова, чья теория химического строения (1861) сохраняет значение и в современной науке); 3) исследований, в которых конкретизировались понятия об атоме и молекуле (от гипотезы Авогадро до ее второго рождения в трудах Канниццаро и развития в молекулярно-кинетической теории Клаузиуса и др.).

Периодический закон химических элементов сыграл в методологическом плане роль, аналогичную роли закона кратных отношений Дальтона. Закон кратных отношений обусловил развитие научной атомистики, атомно-молекулярного учения; периодический закон явился одним из важнейших условий развития субатомного учения. Понятие атомный вес были ключевыми в истории этих законов [1;2].

В последней четверти 20 в. произошло удвоение предметной области химии. В этот период сформировались принципиально новые объекты и направления их исследований, которые стали предметом новых естественнонаучных и технологических дисциплин — супрамолекулярной химии и нанохимии. Особенность данного революционного события в химии и ее смежных областях является то, что зарождение нанохимии в конце 20 в. с историко-методологической точки зрения схоже с событием зарождения квантовой механики в начале 20 в. Как микроразмерные объекты и процессы не удалось описать на языке классической физики, так и язык классической химии оказался неадекватен объектам и процессам наноразмерности. Особенностью нанохимии являются размерные, определяемые свойствами систем, в которых хотя бы одно из измерений имеет размеры порядка размеров единичных атомов и молекул, т.е. наноразмеры [3]. Названные выше направления стали теоретической и практической основой работ по созданию молекулярных машин. В таких наноразмерных машинах, состоящих из единичных молекул, нашли возможность запускать и контролировать движение их устройств, создавать действующие подобию биологических двигателей. В таких устройствах «молекулы приводятся в движение с помощью электрохимических, фотонных или химических сигналов» [4]. Сейчас проводятся разнообразные исследования и разработки в области создания молекулярных машин, например «супрамолекулярных конструкторов» со свойствами самосборки составляющих микромашин (см., например [5]).

В итоге сказанного выше надо заметить, что мы получили еще одно основание для утверждения о невозможности прогнозов открытий принципиально новых научных знаний и прорывных технологий. В первой половине 20 в. никто не предсказал объектов нанохимии, нанотехнологии, супрамолекулярной химии, так же как и возможности создания реально действующих молекулярных машин.

В заключение предлагаю версию определения понятия «химии» с учетом основных исторических реальностей ее становления вплоть до настоящего времени:

«Химия — это наука о материальных естественных и искусственных объектах атомно-молекулярного и супрамолекулярного уровня организации, изучающая их структуру и качественные превращения в исследованиях явлений как на макроскопическом уровне, так и на уровне размерных эффектов и специфических механизмов наноразмерности. Объекты химии сами по себе относятся к неживой природе, хотя некоторые из них — биомолекулы — являются неотъемлемыми составляющими живых организмов» [2;6].

Литература:

1. Курашов В.И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний. М.: Наука, 1995. 283 с.
2. Курашов В.И. История и философия химии. М.: КДУ, 2019. 434 с.
3. Курашов В.И. Супрамолекулярная и нанохимия: философско-методологический анализ // Философия науки и техники, 2018. Т.23. С.79-87.
4. Sauvage J.-P. From catenanes and rotaxanes to molecular machines // XXI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. В 6 т. Т.1: тез. докл. — Санкт-Петербург, 2019. С.7.
5. Громов С.П., Алфимов М.В. Разработка фотоактивных супрамолекулярных устройств и машин // XXI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. В 6 т. Т.1: тез. докл. — Санкт-Петербург, 2019. С.42 .
6. Курашов В.И. Принципы введения методологических и междисциплинарных знаний в химическое образование // XXI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. В 6 т. Т.4: тез. докл. — Санкт-Петербург, 2019. С.409.

**Феноменология внутреннего сознания времени Э. Гуссерля
и объективное время И. Ньютона**

Литвин Т.В.

*Русская христианская гуманитарная академия, Декан, доцент кафедры философии, религиоведения
и педагогики. К.ф.н.*

littatiana@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматриваются отдельные аспекты кантовской трансцендентальной эстетики, являющиеся связующим звеном между ньютоновской механикой времени и феноменологией. Феноменология внутреннего сознания времени Гуссерля представлена в тех значимых пунктах, без которых невозможно говорить о внутренней структуре опыта времени – субъективность времени, ретенция, «живое настоящее», характер синтеза. Можно ли утверждать, что Гуссерль остается в этом вопросе в ньютоновской парадигме либо его метод представляет собой аналог эйнштейновского релятивизма познания времени? Насколько значима квантовая механика для современной философии времени? Восприятие времени само темпорально - это положение является аксиомой для феноменологического анализа Гуссерля, формируя особую объектность и архитектуру философского описания. Посредством прояснения разницы между кантовским и гуссерлевским пониманием трансцендентализма планируется проанализировать механику времени в отсутствие «естественной» установки (Э.Гуссерль).

Ключевые слова: феноменология времени, Э. Гуссерль, И. Кант, трансцендентальная эстетика, механицизм, философия времени, презентизм.

**Phenomenology of the internal consciousness of time E. Husserl and objective time I. Newton.
Litvin T.V.**

Russian Christian Academy of Humanities

Abstract: The paper focused on aspects of Kant's transcendental aesthetics, which are the link between Newtonian mechanics of time and phenomenology. Husserl's phenomenology of the internal consciousness of time is presented in those significant points, without which it is impossible to talk about the internal structure of the experience of time - the subjectivity of time, retention, the living present, the nature of synthesis. Can it be argued that Husserl remains in this question in the Newtonian paradigm or that his method is an analogue of the Einstein relativism of the knowledge of time? How important is quantum mechanics to the modern philosophy of time? The perception of time is itself temporal - this position is an axiom for Husserl's phenomenological analysis, forming special objectivity and architectonics of the philosophical description. In the clarification of the difference between the Kantian and Husserlian understanding of transcendentalism, it is planned to analyze the mechanics of time in the absence of a "natural" attitude (E. Husserl).

Keywords: phenomenology of time, E. Husserl, I. Kant, transcendental aesthetics, mechanism, philosophy of time, presentism.

Доклад посвящен анализу некоторых аспектов феноменологического метода Э. Гуссерля в описании категории времени. Э. Гуссерль говорит о необходимости исключения (Ausschaltung) из феноменологического рассмотрения объективного времени [5, 369]. Помещая сознание времени в сферу феноменальной субъективности, необходимо отказаться от всех предположений, касающихся объективного времени. - Время должно описываться исходя из непосредственных данных сознания, воздерживаясь от естественнонаучных способов. Понятие субъективного времени является у Гуссерля тождественным понятию феноменологического времени. Гуссерль рассматривает особого рода способ явления предмета сознанию, отличный, прежде всего, от психологического понятия субъективного. Разница между психологическим и феноменологическим подходами к субъективности явилась предметом критики Гуссерлем Brentano. Различение, которое необходимо при рассмотрении явлений

имманентных объектов, собственно, имманентного тона, дает представление о своего рода трехмерности феноменологического описания. Гуссерль различает следующие направления в описании:

1. Имманентный объект сам по себе с присущей ему длительностью.
2. Способ, которым осознаются различия имманентного тона и его содержания длительности. Иными словами, характер рефлексии, хотя в данном параграфе Гуссерль не акцентирует внимание на понятии рефлексии, употребляя термин «рефлексивное погружение».
3. Сам феномен темпорально конституирующего сознания, абсолютный временной поток, в котором конституируются временные предметы с их временными определенностями [5, 387-388]. – Третий пункт существует скорее как методическая необходимость соединения двух предыдущих, своего рода их «результат», поскольку не существует никакого сознания отдельно от имманентного объекта и способа его явления. Но все же «объект в модусе протекания» не задает генетику функций сознания, хотя и определяет задачи описания.

Основной характеристикой описания является ретенциональность. Протекание времени существует в непрерывности, непрерывная модификация потока функционирует в единстве сменяющих друг друга ретенций. Живое «тональное». Теперь постоянно превращается в нечто бывшее, первичное впечатление (Urimpression) текучим образом переходит во все новое ретенциальное сознание. Ретенциальная модификация есть первичное конституирование временных объектов, обуславливающая непрерывность и идентичность темпорального объекта [5, 390-393]. Как и у Августина, и у психологов, примером восприятия времени у Гуссерля является звук, аудиальная модель остается центральной и в ранних лекциях, и в поздних манускриптах.

Вместе с тем, феноменология времени Гуссерля развивалась и в период его «поворота к Канту», когда разработка нового типа трансцендентализма, феноменологической философии, сопровождалась глубокой критикой кантовской модели. Категория времени не может быть исключением, именно благодаря Канту темпоральность обретает трансцендентальную определенность, окончательно уводя феноменологическое описание от психологизма. Теория времени в трансцендентальной философии И. Канта отсылает, как известно, в естественной теологии и ньютоновской физики, во многом предвзято феноменологию. Можно ли утверждать, что Гуссерль остается в этом вопросе в ньютоновской парадигме либо его метод представляет собой аналог эйнштейновского релятивизма познания времени? Насколько значима философия физики для вопроса о времени?

Теория времени у Канта изложена преимущественно в разделе о трансцендентальной эстетике «Критики чистого разума» [1]. Предварительные рассуждения содержатся также в диссертации 1770 года, где основные положения совпадают, а зачастую и более подробно поясняют аксиомы первой критики. Исследовательский интерес по данной теме представляют также рукописные заметки Канта к «Критике чистого разума», так называемые Reflexionen, а также некоторые письма, в частности, письмо к Марку Герцу, одному из оппонентов диссертации 1770 года. Ход рассуждений трансцендентальной эстетики строится от определения чувственного созерцания самого по себе к его функциям для чистого познания и к той форме, в которой дано чувственное созерцание. Можно условно выделить три аспекта, которые демонстрируют функцию времени в трансцендентальной философии, а именно:

1. Время как формальное условие,
2. Время как форма внутреннего чувства,
3. Временное определение (Zeitbestimmung) трансцендентальной схемы.

Время как формальное условие есть субъективная форма, лежащая в основе внутренней определенности чувственного познания. Природа времени, если только время не представляется как непрерывно тянущая мистическая реальность, определяется, исходя из внутренних представлений ума, как принцип, до всякого понятия. Любому наблюдаемому (объективному) изменению предшествует данность внутренних изменений. В связи с данной трактовкой возникают два свойства времени, о которых пишет Кант, а именно - бесконечность и непрерывность. Эти два свойства, определяющие время как в философских, так и в естественнонаучных теориях, в трансцендентальной эстетике также рассматриваются под математическим углом.

Кант определяет время как форму внутреннего чувства (die Form des inneren Sinnes), т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния (В 49). Внутреннее чувство дает представление об отношении к вещам (в том числе и к такой «вещи» как Я). Первичное представление о себе, о своем Я, интуитивно, созерцательно, душа созерцает себя так, как она аффицирована изнутри, как она является

себе (В 67-68). Проблематика внутреннего чувства получила большое распространение в кантоведении, в том числе и благодаря спорности самого понятия. Принято считать, что само понятие внутреннего чувства, которое использовал Кант, восходит к философии Дж.Локка. Этот термин встречается также у Лейбница, Баумгартена, Тетенса, но именно к теории познания Локка ближе всего кантовское значение, позволяющее объяснить данный термин как связанный с опытом представления субъекта о самом себе. В данной главе приводится интерпретация одного из современных кантоведов, Норберт Хинске. Он указывает, что эта историко-философская ссылка требует определенного прояснения, а именно, что понятие внутреннего чувства было заимствовано Кантом скорее под влиянием Георга Фридриха Майера [3]. Особый интерес для данного аспекта теории времени представляет также одна малоизвестная рукопись Канта, так называемый Ленинградский фрагмент. Первая часть этого фрагмента носит название «О внутреннем чувстве» и датируется примерно 1786 годом. В ней Кант в краткой и емкой форме рассуждает о соотношении времени, внутреннего чувства и аффицированности, которая обусловлена также и внешним чувством. Как то ни странно, но именно проблематика определенности внутреннего чувства приводит нас к ньютоновской космологии.

Остается ли кантовский механицизм в феноменологии? Ключевым механизмом сознания времени у Гуссерля является конституирование настоящего. Трансцендентальное Эго как центр интенциональных функций фундировано актуальностью восприятия. В сознании явлений имманентных объектов следует различать не только свойства объектов самих по себе, но прежде всего, тот способ, которым осознаются различия между свойствами. Осознание различий всегда происходит как бы из перспективы точки Теперь, исходя из длительности восприятия актуального Теперь. Восприятие конституирует настоящее, конституирует временные объекты с их временными определенностями, что и составляет феномен темпорально конституирующего сознания. Эту структуру блестяще представил Клаус Хельд в анализе понятия «живого настоящего» [4]. Настоящее понимается как способ бытия трансцендентального Эго, как конститутивное ядро и первичная функция трансцендентального Я [4, 61]. Само Я как функциональный центр (Funktionszentrum) различных актов и пассивных аффектаций настолько обусловлено темпоральностью, что создается некая устойчивая (stehend), фиксированная структура, презентия настоящего (Präsens meines Präsentierens), которую Гуссерль в поздних манускриптах иногда характеризовал как первообразную (urmodale) и пре-временную (vor-zeitliche) [5, 260]. Однако эта устойчивость является лишь результатом конкретизации и радикальной редукции, которая необходима для адекватного феноменологического анализа. Сложность данной конструкции связана как минимум с двумя терминологическими/конститутивными особенностями. Первое, различие между актом и предметом порождает у Гуссерля целую цепочку необходимых различений внутри процесса рефлексии. Второе, особенностью, организующей анализ времени в феноменологии, является различение, по меньшей мере терминологическое, между уровнями темпоральности. В непрерывном переходе темпоральных изменений Я остается идентичным, именно благодаря устойчивости перехода различных фаз времени одной в другую. В известном смысле, единственной устойчивой точкой Теперь является только Эго. Подобных уровней нет даже у Канта, не говоря уж об объектности времени Ньютона. Однако учитывая значимость кантовского трансцендентализма для разработки новой механики конституирования настоящего, гипотеза сопричастности времени и движения (модификации) остается актуальной и для дальнейшей квантовой механики, как и всей постэйнштейновской философии физики.

Литература:

1. Кант И. Сочинения = Werke. Т. II. Критика чистого разума. Подг. Н. В. Мотрошиловой и др. М., 2006.
2. Кант И. Из рукописного наследия: Материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum. Пер. В. В. Васильева, С. А. Чернова. М., 2000.
3. Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума. Этюды о корпусе логических работ Канта. М., 2007.
4. Held K. Lebendige Gegenwart. Die Frage nach der Seinsweise des transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik, Phaenomenologica Band 23, Den Haag, 1966.
5. Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1928. Bd. 9.

Вероятностно-ориентированная философия в медицине

Логинов Василий Анатольевич

Факультет фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры экологической и экстремальной медицины. Доктор медицинских наук

valoginov@mail.ru

Аннотация: В свете основных представлений философской системы В.В. Налимова (1910–1997) рассматривается нарративная медицина. Определяются основные точки пересечения вероятностно ориентированной философии и теоретической медицины. Представление о болезни как о тексте или распакованном смысле позволяет существенно расширить понимание не только происхождения болезней, но наметить подходы к лечению. В качестве примера практической реализации вероятностно ориентированной философии предлагается рассматривать использование методики биологической обратной связи в лечении.

Ключевые слова: В.В. Налимов, неоплатонизм, теоретическая медицина, нарративная медицина, биологическая обратная связь

Probability-oriented philosophy in medicine. Loginov Vasilij Anatolievich

Lomonosov Moscow State University, Faculty of basic medicine, Chair of environmental and extreme medicine

Abstract: In view of the main ideas of the philosophical system of V.V. Nalimov (1910–1997), narrative medicine is considered. The main points of intersection of probability-oriented philosophy and theoretical medicine are determined. The idea of a disease as a text or unpacked sense allows to significantly expand the understanding not only of the origin of diseases, but also to outline approaches to treatment. As an example of practical implementation of probabilistic-oriented philosophy, it is proposed to consider the use of biofeedback techniques in treatment.

Keywords: V. V. Nalimov, neoplatonism, theoretical medicine, narrative medicine, biofeedback

Вероятностно ориентированная философия – это система взглядов на мироустройство и природу человека математика и философа В.В. Налимова (1910–1997). В его концепции нашли отражение идеи Платона, Хайдеггера, Юнга, Гадамера, Тиллиха, а также традиции буддизма и даосизма [1].

Оригинальной чертой творчества В.В. Налимова как философа было стремление придать единство разным течениям философской мысли. Ключевое место в его размышлениях принадлежит идее о том, что в основе мироздания лежит спонтанность, самопроизвольность. При этом детерминизму отводилось место «на поверхности», а спонтанности – «в глубине» бытия [1]. Утверждая, что в основе мироздания лежат вероятностные процессы, В.В. Налимов широко использовал математические термины, но всегда уточнял, что «не доказывая каких-либо новых теорем, мы просто используем некоторые математические структуры как образы, через которые разьясняем интересующие нас философские проблемы» [2]. То есть, вероятность философа Налимова – это, в сущности, метафора некой онтологической категории, включенной и в понимание, и в познание бытия. Метафоричность описания различных процессов – одна из характерных черт вероятностно ориентированной философии.

Постепенно расширяя свою систему метафор, Налимов создал вероятностную модель языка, в которой отвел ведущую роль особому толкованию понятия «смысл». У него это понятие относится к онтологии мира и является категорией сущего [1]. Смыслы, также, как и физические константы, существуют изначально. Смыслы – это то, из чего с помощью знаковых систем создаются тексты. А весь мир В.В. Налимов рассматривал как множество текстов [1,2]. Фауна состоит из текстов-видов и текстов-особей, флора – из текстов отдельных растений и текстов целых семейств. Любой пейзаж – текст неживой природы. Естественно, в качестве текста может выступать и сам человек, и его Эго. Тексты характеризуются дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющими [1]. Семантика текста вероятностно задается структурой смыслов. Все мировые смыслы изначально

спрессованы на некоей оси, образуя нераспакованный мир, или семантический вакуум. Распаковывание смыслов и последующее появление текстов, носит вероятностный характер. Изменение, модификация любого изначального текста происходит за счет появления спонтанного фильтра [2].

Острый дефицит оригинальных идей в современной медицине привел к привлечению в данную сферу человеческой деятельности достижений ведущих представителей гуманитарной мысли XX-го века. Так в начале XXI-го века появилась «нарративная» медицина [3]. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе термин «нарративная медицина» используется в более широком смысле, чем бытующее в медицинских кругах отношение к этому направлению как к одной из методик психотерапии (нарративная терапия).

Нарративная медицина, как плод слияния гуманитарных наук и медицины, первичной медико-санитарной помощи, литературоведческой нарратологии и различных методик построения отношений врач-пациент, была предложена в качестве самостоятельной дисциплины литературоведом и профессором внутренней медицины Колумбийского университета Ритой Шэрон [3].

Это интенсивно развивающееся в последние годы направление строится на следующих постулатах: а) болезнь – феномен человеческой жизни, а не только структурная или функциональная патология; б) болезнь – это сюжет, смысл, который постепенно обживаетея и становится средой обитания пациента.

Все чаще и чаще для клиницистов нарративный подход служит «оценочным листом» болезни. Представляется, что такой подход, основанный на привлечении в повседневное общение пациента и врача методов классической нарратологии – вполне оформленного направления в филологии и литературоведении, откроет новые возможности и перспективы для развития теоретической медицины. Грамотный врач может избрать один или другой терапевтический прием при взаимодействии с пациентом так же, как и просвещенный читатель использует различные подходы к интерпретации прочитанного материала.

Среди тех, кто оказал существенное влияние на последователей нарративной медицины в широком смысле очень много имен авторов, оказавших влияние и на работы В.В. Налимова (см., например, первый абзац). Можно отметить следующие параллельные линии в построении нарративной медицины и налимовской вероятностно ориентированной философии.

Во-первых, нарративная медицина имеет дело с болезнью как с текстом в понимании Налимова. Медицинский нарратив выступает в качестве смысла. Более того, различное восприятие болезни врачом и пациентом легко объясняется системой налимовских фильтров для распаковки смыслов. Достаточно открыть и почитать любую поликлиническую карту или клиническую историю болезни, чтобы убедиться в этом. Там, в этих зачастую трудно читаемых строках, скрыта особая медицинская знаковая система, основанная на симптомах и синдромах, клиническом опыте и лабораторных анализах поколений, имеющая в свое основе вероятностный характер. Эта доступная лишь специалисту система позволяет раскрыть и предсказать течение конкретной болезни.

Кроме того, современный врач при лечении всегда использует достижения фармакогнозии, науки, которая учит особому чтению (по морфологическим признакам, географии обитания, химическому составу, способам и срокам заготовки и т.д.) различных растений как текстов в понимании В.В. Налимова.

Во-вторых, нарративная медицина также метафорична, как и вероятностно ориентированная философия. При описании болезни используются понятия, близкие конкретному пациенту, но, порой, весьма далекие от сферы деятельности медика-специалиста, занимающегося данным больным. Таким образом часто достигается необходимый психологический контакт врача и пациента.

В эссе «Болезнь как метафора» [4] С. Сонтаг приводит сопоставление туберкулеза и рака. «Туберкулез – болезнь времени; он ускоряет жизнь, ярко освещает и одухотворяет ее. Как в английском, так и во французском языке чахотка «скачет галопом».

А вот строки из того же эссе [4] о раке: «В метафорическом смысле рак не столько болезнь времени, сколько патология пространства. Его основные метафоры относятся к топографии (рак «распространяется», «метастазирует» или «растекается»; опухоли подвергаются хирургическому «иссечению»), а вызывающее наибольший ужас последствие рака – помимо смерти – это обезображивание или ампутация части тела».

Метафорический подход в нарративной медицине позволяет определить болезнь исходя из чисто физических понятий (туберкулез – болезнь времени, рак – болезнь пространства).

В-третьих, вероятностно ориентированный подход позволяет внедрять в современную медицину достижения гуманитарных наук. Так, например, симуляцию болезни можно рассматривать с позиций феноменологии, основанной Э. Гуссерлем [5]. Под феноменом в традиционной философии обычно понимают явление, постигаемое в чувственном опыте. По Гуссерлю – это смыслы вещей, предметов, явлений, возникающие в сознании. В феномене воедино сливаются субъект и объект [5,6]. Или, следуя принципам нарративной медицины, происходит объединение болезни как объекта и симулянта как субъекта. Ведь в случае симуляции болезни сознание идентифицирует, высвечивает только те свойства организма, которые относятся к изображаемому заболеванию. А обязательные сопутствующие симптомы остаются в тени. Сознание симулянта словно включает тот самый налимовский фильтр для распаковки исходных смыслов, ключевых в имитации болезни.

Не надо думать, что приведенные выше общие черты нарративной медицины и вероятностно ориентированной философии имеют лишь чисто теоретическое значение. Нет, уже сейчас можно найти примеры практического применения таких подходов даже для лечения тяжелых заболеваний.

Метод биологической обратной связи (БОС) рассматривается как один из наиболее перспективных в арсенале средств предотвращения развития болезни [7,8]. Неинвазивность, нетоксичность, надежность и эффективность делают возможным эффективное применение БОС-методов при лечении многих хронических заболеваний.

Схематично БОС-процедура заключается в непрерывном мониторинге определенных электрофизиологических показателей и их корректировки самим пациентом [7]. То есть, БОС-интерфейс представляет для человека своеобразное управляемое «патофизиологическое самозеркало». Во время сеанса больной получает информацию о минимальных изменениях какого-либо своего показателя (мышечное напряжение, температура тела, электрическое сопротивление кожи, уровень артериального давления, размер зоны ишемии и др.) и всеми силами старается изменить значение в нужном направлении. Такой подход позволяет развивать навыки направленной саморегуляции, то есть влиять на течение заболевания [8].

И в заключении обратимся к мифам античности.

Словарь Брокгауза и Эфрона (1890 г.) дает следующую трактовку одной из древнегреческих легенд: «Искушенная любопытством, Пандора открыла крышку сосуда и выпустила на свет все человеческие несчастья, прихлопнув только одну Надежду, которая осталась в сосуде, как замена счастья» [9, с. 689]. Словно Пандора, заглянув в семантический вакуум, распаковала некие смыслы, представляющие человеческие болезни. Причем сделала это весьма спонтанно, руководствуясь сомнительным порывом (ведь могла бы и не открыть!).

Эта легенда исчерпывающе иллюстрирует вероятностно ориентированный подход к представлениям человека о происхождении болезней. Отметим в конце, что, судя по развитию современной теоретической медицины, Надежда все еще отдыхает в сосуде Пандоры.

Литература:

1. Казютинский В.В. Философия в вероятностном мире: проблема непостижимой эффективности математики // Сборник трудов конференции «Василий Васильевич Налимов – математик и философ (к 100-летию со дня рождения)» (г. Москва, 9–10 ноября 2010 г.) / Сост.: Дрогалина ж.А., Панченко Л.А. М.: МАКС–Пресс, 2011. С. 178–189.
2. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей МГПИ им. Ленина, 1989. 287 с.
3. Charon, R. Narrative medicine: Honoring the stories of illness. New York, NY, US: Oxford University Press. 2006. 288 p.
4. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем, 2016. 176 с.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. 227 с.
6. Хрусталёв Ю.М. Общий курс философии: Учебник для студентов медицинских и фармацевтических вузов. В 2 т. Т. 1. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2003. с. 316–319.
7. Кунельская Н.Л., Резакова Н.В., Гудкова А.А., Гехт А.Б. Метод биологической обратной связи в клинической практике // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2014. № 114(8). С. 46–50.
8. Базанова О.М., Штарк М.Б. Биоправление в оптимизации психомоторной реактивности. Сравнительный анализ биоправления и обычной исполнительской практики // Физиология человека. 2007. № 33(3). С. 1–9.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 86 т. Т. XXIIa Оуэн–Патент о поединках. Репринтное издание 1890 г. М.: Терра, 1992. 40726 с.

Маклаков А.Д.

ФМЦ-Динамизм (Казань), зам. директора

amk789@mail.ru

Аннотация: Исследуются 3 линии в основаниях математики – философская, математическая, и практико-ориентированная. В качестве основного источника проблем в основаниях утверждается отсутствие онтологической полноты структуры математической реальности, в качестве компонент которой рассматриваются алгебра, логика (аналитика) и геометрия. Данная структура естественно возникает при переносе онтологии, разработанной казанским философом Фаном Валишиным, на математику. Выдвигается новая программа обоснования математики – онтологизм (алгебро-геометрический динамизм), и формулируются основные направления исследований. Живая связь алгебры, логики и геометрии хорошо известна работающим математикам, однако ни в одной из программ обоснования она не закладывается в фундамент, в построении участвует один из фрагментов математической реальности, как правило, логико-аналитический, который подчиняет и размыкает остальные. В настоящее время центральное место в разработке проблемы оснований заняла мат. логика. В прошлом аналогичную роль играла высшая математика, противопоставляя свой аналитический аппарат методам алгебры и геометрии.

Ключевые слова: онтология, математика, алгебра, геометрия, логика, операция.

<Перевод?!?>

Онтологизм. Основные структуры

В каждой сфере есть круг представлений “до слов”, которые “и так все понимают”, очевидны и т.п., но попытки как-то их обозначить и формализовать приводят к двусмысленностям и противоречиям. Этот круг, зачастую вообще незаметный для неопита, где “мысль изреченная есть ложь” – и есть основания, сущность, и метод изучаемой сферы, и естественная область применения онтологии. Онтология, разработанная в ФМЦ-динамизм [1], оперирует особыми конструкциями – онтол. формулами, заменяющими традиционные философские понятия и категории.

Исходная формула для Реальности:

Движение – Реальность – Природа (1)

Формула такого типа – “двойка”, раскладывает нечто, стоящее в середине, на две компоненты.

Правая часть в двойке может быть структурирована еще раз:

Развитие (Траектория) – Природа – Пространство (Гравитация) (2)

Тогда Реальность можно представить в виде “тройки”:

Движение ~ Развитие – Пространство (3)

Реальность понимается как исходная структура, тождественная для всех природных единиц, будь то фотон, или галактика.

Примеры рядов онтол. синонимов, раскрывающих смысл элементов формул:

Реальность \equiv Полнота \equiv Абсолют \equiv Естество

Движение \equiv Волна \equiv Единое \equiv Ничто \equiv Метод \equiv Сущность

Тройки довольно часто встречаются в философии, однако, первичность двойки, механизм ее появления, как разрешение Проблемы Начала, а также четверка, то есть структура каждой из компонент тройки, и полная 12-элементная структура – все это раскрывается в онтологии [1].

Онтологизм – программа построения математики, коррелированной с онтологией. Онтологизм изучает природу математики, раскрывая ее собственную структуру, обозначая ее место в структуре цивилизации и науки, а также ее отношение к самой Реальности. Можно показать, что математика несет такую же онтол. нагрузку в науке, каковую имеет философия в структуре цивилизации, а литература

– в структуре искусства. Математика превращает познание в науку. Объект ее исследования – мыслительная природа. Если философия изоморфно отражает саму Мысль, то математика изучает проекции Мысли, необходимые для построения науки. Точно так же как физика исследует физ. природу, принимая во внимание лишь ее существенные для науки аспекты. По отношению к Реальности, математика – 1я производная онтологии, в то время как онтология есть изоморфный образ самой Реальности.

При переносе на математику формул (1-2) получаем:

Воображ. Алгебра – Мат. Реальность (Математичность) – Измеримая Математика (4)

Воображ. Логика – Измеримая Математика – Воображ. Геометрия (5)

И отсюда – исходная тройка для Мат. Реальности:

Воображ. Алгебра ~ Воображ. Логика – Воображ. Геометрия (6)

Воображаемость в Логике и Геометрии автоматически теряются, если теряется Воображаемость в Алгебре.

Логика \equiv аналитика \equiv формализм

Формула, раскрывающая несколько иной ракурс мат. реальности:

Истина ~ Доказательство – Очевидность

Творит Алгебра, Геометрия вдохновляет, создавая математическую гравитацию, а Логика фиксирует и развивает.

Ценность Алгебры состоит не в вычислениях, которые в действительности принадлежат сфере логики, а в изоморфизмах и гомоморфизмах, способности улавливать тождественную сущность, Единое в различных вещах. И это единство устанавливается через алгебр. операции, через возможность оперировать различными вещами тождественным Методом. Исходные операции – умножение, деление, вычитание, и сложение возникают в Алгебре при переносе на нее 4-компонентной структуры Движения. Алгебр. операции ни к чему не применены – Ничто, сфера неизмеримого в математике. И поэтому Алгебра остается наиболее темной областью в основаниях математики.

Реальность мат. объекта в онтологизме определяется не возможностью его конструктивного построения (интуиционизм), не его формальной непротиворечивостью (формализм), и не возможностью дать ему исключительно логическое (логицизм) или теор.-множественное описание, а его структурной полнотой, что обеспечивает его Математичность, востребованность в реальной мат. практике, а не только созерцательно-описательную ценность.

3 линии в основаниях математики

В свете онтологизма раскрывается сущность кризисов оснований математики.

1й, античный кризис – кризис алгебраический. Проблема иррациональности, с которой обычно связывают его причины, была фактически разрешена пифагорейцами (Евдокс). Источником этого кризиса стала утрата Чисел Пифагора. Числа выражают математический Абсолют, и содержат все 3 измерения, но тайна Чисел связана прежде всего с их алгебр. компонентой, с тайной неизмеримого, с тайной Ничто, с тайной Движения. Выражением кризиса стали апории Зенона, которые демонстрируют, что Движение, когда его пытаются исследовать, исходя из критериев Измеримого, выглядит противоречивым. Кризис привел к дуалистическому расколу, принявшему форму:

Нумерология (мистика чисел) – теория чисел

Философская линия платонизм – формализм лежит в той же плоскости.

Дальнейшая история математики – это поиск оснований внутри Измеримой Математики, колебание между геометрическим “смотри”, и логико-аналитическим – “считай”, между очевидностью и доказательством.

2й кризис – геометрический, кризис геометрической интуиции.

Считается, что его причинами стали проблемы исчисления бесконечно-малых, однако эти вопросы решались почти в рабочем порядке (Коши, Вейерштрасс), и не породили никаких существенных расхождений во взглядах на основания. Кризис был вызван появлением геометрии Лобачевского, пошатнувшей евклидовы “Начала”, что фактически привело к появлению программ обоснования геометрии:

- классический подход, уточняющий аксиоматику,
 - аналитический (метрический) подход от Римана,
 - теор.-групповой подход от Клейна,
- и к перестройке математики на арифметических основаниях.

3й кризис – логический, кризис доказательства как основного мат. метода. Начавшись с парадоксов теории множеств, кризис приобрел наиболее острую форму с появлением теорем Геделя о неполноте. Согласно 1й теореме в каждой формальной системе есть истинное утверждение, которое невозможно доказать. Возникает вопрос, откуда известно, что оно истинно, если мы не можем его доказать? Значит, в каких-то ситуациях можно прийти к истине, минуя доказательство. А что если, можно научиться получать истинные утверждения во всех случаях, используя принципиально другой метод, нежели доказательство. Предпосылкой к такому методу является теория моделей.

Теоремы Геделя, показав неосуществимость программы формализма, однако, почти не повлияли на мат. практику. 3й кризис не был разрешен, про него фактически забыли, однако, эта скрытая болезнь в итоге дала явные симптомы в виде современной проблемы переусложненности. Доказательства многих теорем стали столь сложны и длинны, что их проверка оказалась задачей практически нереальной для человека. При компьютерной проверке не только теряется наглядность и обзорность доказательства, но и исчезает его внутренняя ценность, состоящая в возможности появления нового мат. аппарата в его процессе. Возникшая в конце 2000 гг. программа унивалентных оснований математики, цель которой состоит в создании мат. языка, который всегда будет понятен компьютеру – это тушение пожара без поиска перманентного источника возгорания.

В отсутствие адекватного Метода Система всегда пытается решать проблемы путем самоусложнения.

В ходе кризисов сформировались 3 основные пути, на которых решается проблема оснований:

1) Линия от философии. Несмотря на разнообразие подходов в большинстве своем они поляризуются вокруг двух направлений:

платонизм (реализм) – формализм (номинализм)

Как уже было отмечено в связи с 1м кризисом, платонизм представляет собой своего рода эхо пифагореизма, воспоминание (в платоновском смысле) о числах Пифагора. А формализм – отказ от такого рода занятий.

2) Линия от математики образует специальную отрасль, занятую приведением в порядок оснований мат. науки. Линия сформировалась в ходе 3его кризиса, образовав 4 направления:

- формализм
- теор.-множественный подход
- интуиционизм
- логицизм.

Фактически здесь решается вопрос о допустимых способах рассуждения в математике, то есть о границах логики, и ее задачах. И не случайно, что все 4 направления в настоящее время считаются разделами мат. логики.

3) стихийная линия, “нащупывающая” основания в ходе мат. практики.

Взаимодействие между тремя линиями можно обнаружить как минимум по одноименным названиям. Можно констатировать также, что 3я линия испытывает минимальное влияние 1й, значительно более существенное воздействие 2й, но в значительной степени развивается независимо от них.

Что касается соотношения 2й и 3й линий, нетрудно проверить, что четких корреляций между ними нет. 1я линия колеблется между двумя компонентами в исходной двойке (4). 2я же линия представляет различные аспекты внутри среднего компонента в тройке (6) – внутри логики.

3я линия является генеральной, и отображает общее направление эволюционизма оснований математики:

“Начала” Евклида → арифметизация →
теория множеств → структуры Бурбаки → теория категорий →
“компьютеризация” (унивалентные основания Воеводского)

Проблема всех существующих подходов в основаниях математики – в них нет заложенной структурно сопряженности алгебры, логики и геометрии, соответственно в них теряется Математичность. И поэтому большинство математиков не любят теорию множеств и теорию категорий, но понимают и ценят живые связи между элементами тройки. Однако эти связи появляются спорадически, в ходе решения конкретных задач, и в некоторых частных теориях, а при переходе к основаниям растворяются в формализмах, что подобно переходу от чтения книги “занимательная математика” к трактатам Бурбаки. И дело здесь не в повышении уровня сложности и абстракции, а именно в потере полноты структуры.

Среди причин такого положения можно указать следующие:

1) Неверное понимание сущности алгебры, смешивание ее с логикой, с формализмом. Подобным же образом не различаются Движение (Обновление) и Развитие. Одним из источников такого смешивания является понятие алгоритма, которому приписывается алгебр. нагрузка, операция подменяется итерацией.

2) За истину в существующей математике отвечает логика, в то время как истина имеет алгебраические корни, которые могут быть раскрыты через изучение природы мат. модели.

3) тенденция логико-аналитического аппарата к разрастанию и давлению над остальными элементами структуры. Это связано с особенностью средней части, которая, соприкасаясь и с левым (сущностным) и с правым (пространственным) измерениями, имеет “соблазн” подменить собой всю структуру (при наличии проблем с сущностным измерением). Это претензия языка на владение мыслью и образом.

4) неточная постановка исходных мат. проблем – поиск связи между конечным и бесконечным, дискретным и непрерывным. При этом конечное и дискретное обычно отождествляется с логикой и алгеброй, а непрерывное и бесконечное – с геометрией. И опять же – при такой постановке не различаются алгебра и логика. Бесконечное, вопреки распространенному убеждению, отнюдь не является краеугольным камнем математики.

Исследовательская программа онтологизма:

I. Поиск и изучение исторических подходов и теорий, имевших тенденцию к онтологизму:

- 1) Воображаемая геометрия Лобачевского
- 2) Теория моделей
- 3) Эрлангенская программа
- 4) Московская фил.-мат. школа (Бугаев, Флоренский)

II. Изучение вариаций понятия числа и мат. пространства

III. Изучение разделов математики, в которых имеются устойчивые связи между алгеброй, логикой и геометрией:

- 1) группы преобразований, теория Галуа, многочлены
- 2) комплексный анализ
- 3) алгебр. геометрия и топология
- 4) функциональный анализ, обобщенные функции

Первостепенной задачей здесь является разработка новых, “неевклидовых” алгебраических операций, согласованных с онтол. пониманием Движения (Волны).

Литература:

1. Проблема Начала и Стратегия Динамизма. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018

Минасян Л.А.

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, профессор. Доктор философских наук

larmin1@mail.ru

Лещева О.А.

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, доцент

olga_1_78@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые философские идеи, контекстно присутствующие в стратегии построения единой теории поля. Наиболее перспективной, предсказания которой проверяются на Большом адронном коллайдере, является теория суперсимметрии, базирующаяся на модели суперструн. Отмечается ограниченность принципа физической целостности квантовой теории поля, неполная согласованность его с принципом целостности общей теории относительности. Ставится вопрос о востребованности принципа монизма как платформы дальнейших научных поисков. Показано, что идеология суперструн в попытках разрешения трудностей в достижении синтеза квантовой теории поля и общей теории относительности реализует философскую проблематику, согласно которой истиной пространства и времени является материя.

Ключевые слова: суперсимметрия, суперструны, геометризация физики, пространство-время, материя, принцип монизма

Philosophical content of the superstring model elementary particles physics.

Minasyan Larisa A.; Leshcheva Olga A.

Don State Technical University, Rostov-on-Don.

Abstract: The article deals with the key philosophical ideas that are contextually present in the strategy of a unified field theory building. The most promising one, whose predictions are tested on the Large hadron Collider, is the theory of supersymmetry, based on the superstring model. It is noted that the principle of physical integrity of the quantum field theory is limited, and that it is not fully consistent with the principle of integrity of the General theory of relativity. The question is raised about the demand for the principle of monism as a platform for further scientific research. It is shown that the ideology of superstrings in attempts to solve the difficulties in achieving the synthesis of quantum field theory and General theory of relativity implements the philosophical problem, according to which the truth of space and time is substance.

Keywords: supersymmetry, superstrings, geometrization of physics, space-time, substance, monism principle

Суперструнная модель является в настоящий период основополагающей в попытках построения единой теории физических полей - фундаментальной симметрии Природы, получившей название *суперсимметрии*. Подобная стратегия – это логическое движение познания, определяемое установлением калибровочной природы всех известных типов физических взаимодействий. Использование калибровочного принципа представляет собой программу геометризации физики, то есть приданию всем физическим объектам во всем их многообразии геометрической интерпретации. В самом упрощенном понимании суперсимметрия — это симметрия между бозонами и фермионами. В случае реализации теории все взаимодействия (включая гравитационное) должны рассматриваться как различные проявления единого суперполя, что означало бы достижение взаимосогласованности стандартной модели взаимодействий кварков и лептонов и общей теории относительности. Однако камнем преткновения, как отмечают авторы [1, с. 15] является то обстоятельство, что идеи унификации

полей и взаимодействий частиц, основанные на геометрических принципах, вступают в противоречие с программой познания мира в локальных экспериментах, где именно классичность прибора делает возможным изучение квантовых свойств мира. На ранних этапах рождения Вселенной, когда в значительной степени формируются ее свойства, разделение Мира на классическую и квантовую подсистемы заведомо невозможно. Это говорит о том, что существующая боровская формулировка квантовой целостности, которая и является основной антитезой концепции целостности общей теории относительности, не имеет окончательного фундаментального статуса. В теории, особенно в связи с задачей построения полной квантовой динамики космологического энергодоминантно нарушенного вакуума (механизмов спонтанного нарушения его симметрии), набирает силу вывод о том, что геометризованные квантовые поля являются нелокальным объектом, целостная структура которого не может быть воспроизведена в результате конечного набора локальных измерений [1, с. 16]. Если встать на позицию философского принципа монизма, то заранее можно предсказать, что выше обозначенная проблема требует нового словаря в физике, возможно, обращения к концепции нелокального наблюдателя, как совокупности бесконечного числа тел, заполняющих все пространство, наподобие некоторой «среды», которая и является системой отсчета в общей теории относительности. В любом случае, сужение зоны поисков только Природой, заранее определяет получение каких-то, наверняка весьма важных, но только фрагментарных результатов в целостном описании мира, предполагающее для достижения и конкретизации целостности последующего вектора исследований о миссии и смысле присутствия в этом мире Человека, с раскрытием целеполагающего контекста этого присутствия, выраженного в антропном принципе.

Итак, построение теории суперсимметрии в качестве ненарушаемого основания существования нашего мира реализуется в рамках поиска объединения геометрии и материи. Подобное объединение требует перехода к геометрии многомерного пространства-времени, что согласуется с уже имеющимися экспериментальными результатами [2, с. 318]. Программа геометризации с использованием модели суперструн, между тем, реализована не в полной мере. Главное отличие суперструны от классического точечного объекта – это бесчисленное число степеней свободы, бесконечное число полей с внутренней иерархией, определяемой математическим аппаратом теории. Математическим следствием теории являются характеристики суперструны – 1) натяжение струны, определяющее спектр масс возбуждений струны (способность к гравитационному взаимодействию); 2) калибровочный параметр, описывающий взаимодействия между негравитационными возбуждениями струны. На этом пути достигнута согласованность по поводу интерпретации гравитационного поля как искривления пространства-времени; сильного, слабого и электромагнитного полей - как расслоений пространства-времени. Однако основная трудность состоит в том, что кванты фермионных полей (кварки и лептоны) полностью не геометризованы, вводятся в теорию, так сказать, «руками». Это определило одну из приоритетных программ, осуществляемых на Большом адронном коллайдере – обнаружение суперсимметрии между бозонами и фермионами на масштабе энергий 1 ТэВ. Однако по сей день эти поиски не дали нужных результатов.

С философской точки зрения идеология суперструн открывает перспективы возможного содержательного исследования гегелевской проблемы о том, что истиной пространства и времени является материя [3]. Общая теория относительности показала, что свойства пространства-времени формируются материальными объектами. А вот каким образом происходит пространственная оформленность материи, ее окачественность, почему из суперсимметричного вакуума появляются именно такие фермионы и бозоны со своими конкретными характеристиками, - это— это новая страница в истории науки. И главное, что такая проблема себя в теории четко обозначила.

Рассматривается вариант того, что на различные моды резонансных колебаний суперструны, которые определяют массы и заряды частиц, прямое влияние оказывают компактифицированные пространственные измерения, благодаря чему достигается ограничение спектра возможных масс и зарядов, наблюдаемых в трехмерном пространстве. Акцент поставлен на свойствах космологического вакуума как исходного состояния нашего мира, в котором отсутствуют возбуждения как самой геометрии, так и внешних по отношению к геометрии возбуждений вакуума. Тем самым, в современной физике исследуется процесс присоединения формы к сущности, потому, как и факт возникновения расслоений, и способы компактификации пространственных измерений определяются цепочкой спонтанных нарушений симметрии вакуума. Уже сегодня следует обозначить достигнутые в теории суперструн результа-

ты: предсказание допустимых групп суперкалибровочной симметрии и состава безмассовых и легких суперполей, в который оказываются включенными все экспериментально подтвержденные частицы и взаимодействия стандартной модели; полученные доказательства взаимосвязи компактификации и топологии дополнительных пространственных измерений и механизмов спонтанного нарушения локальных суперкалибровочных и ряда глобальных симметрий.

Философское содержание суперструнной концепции лежит в русле определения, каким образом физический материальный мир приобретает свое окачественное разнообразие в контексте своей отрицательности, а именно в снятии себя в конкретной пространственно-временной форме своего существования.

Литература:

1. Верешков Г.М., Минасян Л.А. И дольше века длится день ... Ч.2 // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 14-20.
2. Верешков Г.М., Минасян Л.А. Понятие вакуума и эволюция ранней Вселенной // Современная космология: философские горизонты / Под ред. В.В. Казютинского. М.: Канон+, 2011. С. 308-312.
3. Минасян Л. А., Бейлин В. А., Лещева О. А. Пространство-время в современной научной картине мира // Вопросы философии 2019. Выпуск 9. С. 118-129. URL: <http://ras.jes.su/vphil/s004287440006324-1-1> (дата обращения: 24.09.2019).

Этнография мегапроекта NICA: опыт эмпирической эпистемологии

Петрухина П.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, магистрант

polina.petruhina@gmail.com

Аннотация: Доклад посвящен исследованию структуры научного сообщества Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне, задействованного в реализации мегасайенс проекта NICA. Анализируется становление и возможные пути развития в данном сообществе коллективного экспериментатора. Коллективный экспериментатор складывается из взаимодействия акторов, ответственных за принятие решений и входящих в познающее ядро коллаборации, и акторов, составляющих периферию. В зависимости от характера связей между акторами и организации их взаимодействия, можно выделить четыре типа коллективных экспериментаторов. В мегапроекте NICA (создание первой коллайдерной установки в России) организация работы внутри коллаборации и ее структура находятся еще в стадии формирования. Исходя из текущих нововведений и сложившихся в коллективе ОИЯИ традиций сотрудничества, выстраиваются два варианта развития коллективного экспериментатора на основе данного сообщества: по типу «большая наука» и по типу мегасайенс. Приводится сравнение данных двух путей развития, в свете которого более предпочтительным видится формирование коллективного экспериментатора типа мегасайенс. Исследование основано на эмпирическом материале, собранном в ходе этнографической практики.

Ключевые слова: физика высоких энергий, исследование лабораторий, коллективный экспериментатор, эмпирическая философия, научные сообщества, мегасайенс, ОИЯИ, NICA.

The ethnography of NICA megaproject: the experience of empirical epistemology. *Petrukhina P.S.*

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This report presents the study of JINR (Joint Institute for Nuclear Research, Dubna) scientific community, engaged in megascience project NICA. Formation and possible ways of the collective experimenter development in this community are analyzed. Collective experimenter consists of the interactions between core actors, that are responsible for decision-making and constitute the cognition subject, and the periphery actors. Depending on the kind of actors relationship and organization of their communication, classification of collective experimenter could be proposed that includes four types. In megaproject NICA (construction of the first Russian collider) the organization and collaboration structure are still evolving. Premised on current innovations and established traditions in JINR community two possible variants of collective experimenter development could be suggested: the “big science” type and the megascience type. The comparison between them demonstrates the preference of the second type. The research is based on the empirical material, collected during the ethnographic practice.

Keywords: high energy physics, laboratory studies, collective experimenter, empirical philosophy, scientific communities, megascience, JINR, NICA.

Данное исследование, проводимое с 2018 года, посвящено изучению научного сообщества Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. Ведущим проектом института в настоящее время является NICA – строительство и введение в эксплуатацию первого в России коллайдера частиц на базе Лаборатории физики высоких энергий (ЛФВЭ) для исследования кварк-глюонной материи при средних энергиях столкновения. NICA позиционируется как проект класса мегасайенс [1], исходя из масштабов установки, объемов затрачиваемых средств и привлекаемых ресурсов, и его международного характера (в реализацию данного проекта вовлечены более 300 специалистов из 32 стран мира). Однако, с точки зрения эпистемологии, более существенным аспектом

эксперимента является структура коммуникации его участников в ходе познавательных практик.

На основании западного опыта организации проектов подобного масштаба, современный эксперимент класса мегасайенс можно описать как процесс в сети гетерогенных акторов – коллективном экспериментаторе, задействованных в создании и реализации научного проекта [2]. Акторы гетерогенны не только потому, что различия между представителями разных специальностей (теоретиков, аналитиков, инженеров, программистов и т. д.) во многих случаях позволяют выделять их в отдельные культуры, но и потому что их набор не исчерпывается сугубо научными сотрудниками, а включает, например, политических акторов (как минимум, их участие необходимо для финансирования мегапроектов). Такие «внешние» для коллаборации акторы вовлекаются в эксперимент через посредство зон обмена и пограничных объектов [3], [4], а также процессы перевода интересов [5], в связи с чем они не обязательно разделяют эпистемические цели эксперимента.

В то же время и среди акторов, входящих в состав эксперимента-сети, не все равным образом участвуют в создании и проведении эксперимента. Между акторами коллаборации существует неравноценное распределение полномочий принятия решений и ответственности за эти решения, а также научная специализация и разделение труда, неизбежные в больших проектах. В результате происходит распределение и познавательных функций, поскольку многие из участников коллаборации не имеют детального представления о целях и задачах экспериментальной программы и о том, чем занимаются их коллеги из других групп. Только тех акторов, которые наиболее полно и многосторонне вовлечены в реализацию познавательных практик, мы считаем коллективным познающим субъектом, являющимся ядром коллективного экспериментатора. В этом ядре есть своя структура (деление на советы и комиссии, руководителей направлений, спонсменов и т.д.), но при этом оно является единым дискурсивным сообществом акторов, равнозначных по своим социальным и эпистемическим статусам. Решения в ядре принимаются делиберативно – на основе механизмов коммуникативной рациональности, что обязательно подразумевает консенсуса по всем вопросам. Остальные акторы, как входящие в состав коллаборации, так и «внешние» по отношению к ней, составляют периферию коллективного экспериментатора. Взаимодействие между ядром и периферией также строится вокруг специальных зон обмена.

Помимо коллективного экспериментатора типа мегасайенс в физике высоких энергий можно выделить еще три типа коллективного экспериментатора. Первый из них – «Альварец», - предполагает относительно небольшую группу (порядка нескольких десятков человек), единолично управляемую руководителем, который принимает все решения самостоятельно. Примером, согласно названию, является группа Л. Альвареца. Второй тип – «большая наука» - характеризуется большей численностью коллектива (может включать тысячи участников) и, вследствие этого, более сложной иерархической структурой. В группе выделяется несколько направлений, управляемых соответствующими руководителями, но сами они централизованно подчиняются руководителю всего проекта. К этому типу можно отнести проект «Манхэттен», возглавляемый Р. Оппенгеймером, и Атомный проект СССР, руководимый И. В. Курчатовым. Третий тип коллективного экспериментатора представляет собой переходный этап на пути к мегасайенс, поскольку в нем уже присутствует коммуникативное сообщество, составляющее прото-ядро из нескольких человек, принимающих решения на основе консенсуса. Примером такого типа эксперимента является цепочка экспериментов E-36, проводимая совместно СССР и США в 1970-х гг. [6] Отличие прото-мегасайенс от мегасайенс состоит в значительно меньших масштабах эксперимента (в аспектах численности коллектива, ресурсов и оборудования) и менее сложной структуре периферии экспериментатора, состоящей из конкретных людей, а не отдельных Альварец-коллективов, как в мегасайенс.

Эмпирические исследования в ЛФВЭ показывают, что, поскольку NICA является новым опытом для лаборатории и института в целом, там отсутствуют сложившиеся и устойчивые практики организации работы коллективного экспериментатора в соответствии со структурой мегасайенс. Прежде всего, это касается отсутствия опыта работы в коммуникативном ядре большинства участников. Однако, ввиду того, что начальный этап реализации проекта подходит к завершению (строительство ускорительной установки планируется закончить в 2020 году), предполагается, что коммуникативное сообщество в коллаборации уже должно сложиться. Ведущей коллаборацией, планирующей эксперименты на коллайдере NICA, является коллаборация MPD (Multi-purpose detector), в которой был предпринят ряд шагов для организации эффективной коммуникации в ядре. В частности, эта задача должна реализовываться выбранным коллаборацией спонсменом.

Тем не менее, в данный момент работа отдельных направлений внутри MPD (группы электронщиков, аналитиков, группы, занимающиеся отдельными компонентами детектора и т.д.) является довольно независимой. Структура взаимодействия в самих группах строится по принципу «Альвареца»: есть сильный, жесткий руководитель, который может много выслушивать своих подчиненных на групповых митингах, но от которого, в конечном итоге, зависят принятие всех решений. По этому же типу организовывалось сотрудничество в уже завершающемся эксперименте ЛФВЭ на детекторе VM@N. Довольно метко ситуацию в «Альварец»-экспериментах характеризуют диалоги участников эксперимента VM@N о бессмысленности проведения групповых собраний в отсутствие руководителя: «Все равно он придет и сделает по-своему».

Следующей закономерной ступенью эволюции экспериментов по типу «Альварец» являются эксперименты большой науки, поскольку между ними отсутствуют какие-либо существенные качественные отличия. Разница лишь в масштабе и появлении опосредующего звена в иерархии соподчинения – руководителей отдельных направлений. Позиция же сильного лидера сохраняется. В ОИЯИ примером такого рода коллективного экспериментатора служит группа Ю. Ц. Оганесяна в Лаборатории ядерных реакций (ЛЯР). Есть вероятность, что и формирование коллективного экспериментатора в проекте NICA может пойти по пути «большой науки», в случае неудачи в построении коммуникативного сообщества среди предполагаемых членов ядра. В то же время коллективный экспериментатор типа большой науки является в данном сообществе довольно традиционным и привычным. Единственной проблемой в данном случае будет наличие кандидатуры сильного и компетентного лидера для руководства проектом такого масштаба.

Однако, несмотря на то, что данный способ организации может казаться кому-то из сотрудников более комфортным, в случае проекта NICA он имеет ряд серьезных недостатков, обусловленных в первую очередь международным характером коллаборации. Для иностранных участников подобный стиль работы является непривычным и авторитарным. Не все из них могут приспособиться к модели, функционирующей на основе сложившихся традиций и устоявшихся личных связей. Это приводит к тому, что представители стран-участниц либо формируют свои отдельные группы по национальному признаку (польская группа в ЛФВЭ и чешская группа в ЛЯР), либо, если участников-соотечественников лишь единицы, они остаются обособленными исследователями, не включенными полноценно в какое-либо из направлений, и в результате их вклад в общий проект оказывается не столь значительным. Сотрудничество российских групп с иностранными в модели «большой науки» происходит зачастую не столько в смешанных группах, сколько через посредство пограничных объектов. Например, при синтезе в ЛЯР ОИЯИ элемента оганесон изотоп калифорний-249 изготавливается в Ок-Ридже, США и передается в Дубну для бомбардировки кальцием-48. В то же время, именно в рамках прото- и мегасайенс экспериментов разделение труда происходит исключительно на основании научной специализации, а не по национальному признаку. Более того, подобный формат сотрудничества открывает дополнительные перспективы для реализации интересов «внешних» периферийных акторов, поскольку может играть роль политического инструмента по укреплению взаимоотношений между странами.

Таким образом, развитие проекта NICA привело научное сообщество ЛФВЭ на развилку. Первый путь дает возможность продолжать работу по привычным схемам, изменив лишь масштаб эксперимента. Коллективный экспериментатор будет состоять из руководителя всего проекта в целом, который будет единоличным познающим субъектом, подчиненных ему руководителей отдельных направлений и периферийных акторов-исполнителей и «внешних» акторов. Однако данный путь «уводит» коллаборацию от перспектив эффективного сотрудничества с другими странами и реализации неэпистемических интересов, значимых для политических акторов. Второй путь, хотя и предполагает ряд сложностей на пути его реализации, таких как приспособление к новым способам коммуникации, освоение делиберативных форм принятия решений, отказ от жестких методов управления и единоличного лидерства, может вывести коллаборацию на арену мирового сотрудничества как в сфере физики высоких энергий, так и в сфере политики. Если в рамках проекта NICA удастся выстроить структуру коллективного экспериментатора по типу мегасайенс, данный проект действительно будет новым и значимым этапом в развитии отечественной науки.

Литература:

1. Hoddeson, L., Kolb, A.W., Westfall, C. Fermilab: Physics, the Frontier, and Megascience. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 520 p.

2. Пронских В.П. Онтология коллективного экспериментатора // Эпистемология и философия науки. 2019. Т.56. № 4. С. 165-182.
3. Galison P. Image & logic: A material culture of microphysics. The University of Chicago Press, Chicago, 1997. 982 p.
4. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8-17.
5. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Изд-во ЕУ в СПб., 2013. 414 с.
6. Pronskikh, V. E-36: The First Proto-Megascience Experiment at NAL // Phys. Perspect. 2016. № 18. P. 357-378.

Естествознание в техногенной цивилизации как проблема философии

Пружинин Б.И.

Институт Философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

prubor@mail.ru

Философия естествознания – область исследований, включающая в себя практически весь комплекс традиционных философских тем и проблем. При этом, однако, в ней всегда можно выделить исследовательские направления, приобретающие в конкретных исторических контекстах особую философско-методологическую значимость и для самого естествознания, и для науки в целом, и, в конечном счете, для философии как таковой. Апелляция к современному социокультурному контексту позволяет мне, в представленном докладе, утверждать, что фактором, определяющим наиболее актуальные сегодня исследовательские направления в данной области философии является комплекс проблем, связанных с изменившимся в современной науке соотношением фундаментальных и прикладных исследований. На мой взгляд, трансформации, происходящие сегодня именно в этой сфере науки не просто меняют конфигурацию современного естествознания, но затрагивают практически все характеристики современного научного познания, в том числе, и когнитивные. Ниже я попытаюсь, хотя бы в общих чертах, обозначить некоторые перспективные направления поисков ответов на вопросы, складывающиеся в этой связи в отечественной философии естественных наук.

Ключевые слова: философия, естествознание, фундаментальная наука, прикладные исследования, междисциплинарные исследования, коллаборация, язык науки, физика, биология, экология, экспертиза.

Natural Science in Technogenic Civilization as a Problem of Philosophy.

Pruzhinin B.I.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The philosophy of natural science is a field of research that includes almost the whole range of traditional philosophical topics and problems. At the same time, however, it is always possible to single out research directions in it, acquiring special philosophical and methodological significance in concrete historical contexts both for natural science itself, and for science as a whole, and, ultimately, for philosophy as such. An appeal to the contemporary sociocultural context allows, in the presented report, to assert that the factor determining the most relevant research areas in this field of philosophy today is a complex of problems related to the ratio of fundamental and applied research that has changed in modern science. In my opinion, the transformations taking place today in this particular field of science do not just change the configuration of modern natural science but affect almost all the characteristics of modern scientific knowledge, including cognitive ones. Below I'll try, at least in general terms, to identify some promising areas of the search for answers to questions that arise in this connection in the national philosophy of the natural sciences.

Keywords: philosophy, natural sciences, fundamental science, applied research, interdisciplinary research, collaboration, language of science, physics, biology, ecology, expertise.

Наука, познавательная деятельность в рамках науки всегда органично включала в себя прагматические ориентации. Возможность практического использования полученного знания – важнейшее условие обретения и поддержания наукой самостоятельного социального и культурного статуса. При этом, содержание прикладных ориентаций, меняясь от эпохи к эпохе, несло в себе исторические особенности практических запросов своего времени и очень по-разному влияло также и на когнитивные параметры вырабатываемого наукой знания. Однако, все исторические вариации, переживаемые научно-познавательной деятельностью под воздействием практических запросов своего времени, компенсировались (уравновешивались, если угодно) благодаря тому, что стержнем собственно научного познания оставалась во все времена принципиальная (культурная, по своей сути) установка на постижение мира таким, как он есть вне зависимости от тех преобразований, которым мы его своими действиями подвергаем.

Можно весьма скептически относиться к этой установке, критически оценивая ее в самых разных ракурсах (в том числе, и с точки зрения достижений самого естествознания), но, внутри науки, она

всегда сохранялась в качестве стержневого мотивационного ориентира. Что проявлялось также и в отношении к исследовательским направлениям, которые явным образом ориентировались также и на решение прикладных задач. Шла ли речь об уточнении практически значимых астрономических данных или о математических расчетах объемов винных бочек, научным фоном и научным основанием для соответствующих разработок всегда принималось, так или иначе осознаваемое, стремление ученых уточнять и расширять знание о мире как он существует независимо от наших практических интересов. Иными словами, в качестве собственно научного познания рассматривалась наука, которую можно определить как фундаментальную. И такое положение сохранялось практически до середины прошлого столетия. Ныне, ситуация изменилась и подобная трактовка оснований науки представляется теперь весьма проблематичной, ибо буквально на наших глазах в сфере ее основополагающих мотиваций произошли радикальные изменения. На передний план выходят сегодня научные исследования, подвижные и структурированные практическим, прикладным интересом, и этот интерес оттесняет фундаментальную науку, со всеми ее мотивационными установками, на периферию научной деятельности.

Соответственно, меняется и самосознание ученых – меняются эпистемологические ориентиры их деятельности, и их запросы к философско-методологической рефлексии над наукой. Естествознание эти перемены затронуло самым серьезным образом.

Надо сказать, ученые уровня П.Л. Капицы еще в 30-е годы прошлого столетия достаточно ясно осознавали мотивационное, эпистемологическое, а затем и структурно-организационное напряжение порождаемое изменениями, происходящими в соотношении фундаментальной науки и прикладных исследований. В 1934 году, в одном из своих писем П.Л. Капица заметил: «У нас вечно путают чистую науку с прикладной. Это естественно, конечно, и понятно, но в то же время [в этом] несомненный источник многих ошибок. Разница [между] прикладной научной работой и чисто научной [в] методах оценки. В то время как всякую прикладную работу можно непосредственно оценить по тем конкретным результатам, которые понятны даже неэксперту, чисто научная деятельность оценивается куда труднее и [эта оценка] доступна более узкому кругу людей, специально интересующихся этими вопросами. Эта оценка может производиться правильно только при широком контакте с мировой наукой» [1, с. 34–35]. Позднее, процессы, которые сумел прочувствовать Петр Леонидович, шли «по нарастающей». И к 80-ым годам прошлого столетия, трансформации в соотношении фундаментального и прикладного в науке, обсуждались уже многими учеными и философами, как в зарубежной, так и в отечественной философской литературе (во всяком случае, об этом можно судить по публикациям на страницах журнала «Вопросы философии» [2], [3], [4], [5], [6]).

В поле моего внимания эпистемологический аспект происходящих изменений попал, когда я готовил монографию об историзме науки и рациональности [7], [8]. Прежде всего, интерес вызвал тот факт, что разошлись и несколько изменились при этом основополагающие философско-методологические ориентиры научного познания. В имеющих методологический смысл рассуждениях о характере фундаментальной науки, работающие ученые стали заметно реже апеллировать к условиям истинности полученного знания – их место стала занимать установка на эффективность достигнутых результатов для дальнейшего практического применения. Фундаментальная наука стала оценивать себя не столько как фундамент для расширения истинных знаний о мире, сколько как основание и ресурс прикладных исследований. А в прикладных исследованиях на передний план, оттеснив все прочие характеристики знания, вышла оценка фрагментов знания по их эффективности в решении частных прикладных задач. Соответственно, меняются практически все основные параметры научно-познавательной деятельности, меняется наука в целом. И по мере нарастания происходящих в науке изменений, в ее философско-методологическом сознании и в сфере профессиональной философской рефлексии над наукой начинает проступать комплекс проблем, требующих специального анализа перспектив этих изменений.

Я неоднократно писал о том, как изменение статуса фундаментальной науки и прикладных исследований отражается на научно-исследовательских практиках. Поэтому я буду здесь предельно краток. Современная наука – важнейшая составляющая техногенной цивилизации. Она представляет собой огромную, дорогостоящую (в самом прямом, «затратном» смысле этого слова) подсистему современного общества и, естественно, общество требует компенсировать свои затраты именно в сфере технологических приложений знания. По этой причине все происходящее в науке изменения имеют серьезные социокультурные основания – что обнаруживается, подчеркну применительно к обсуждаемой здесь теме, также и при выборе приоритетных объектов исследования.

Я отмечу только два направления аналитической работы в философии естествознания, связан-

ной с описанной выше ситуацией в современной науке. Одно из них связано с тем, что, по мере роста удельного веса прикладных исследований, роль «заказчика» возрастает не только в оценке эффективности полученных знаний, но и в определении перспектив и границ исследования. Причем механизм содержательной реализации этой роли может быть очень разным – от финансирования до конкретного технического задания. Однако при этом, противоречивость интересов заказчика трансформируется во внутренние противоречия самой науки. Коль скоро, заказчик, как правило, не заинтересован в получении знания, выходящего за пределы его конкретных интересов, следствием такого рода ограничения работы ученого становится фрагментация научных исследовательских программ, что, в свою очередь, ведет к локализации (специализации) языков в рамках конкретных прикладных направлений, т.е. ведет к утере единого научного языка, способного, хоть в какой-то мере, обеспечить нужды не только общенаучного общения, но даже общения внутри специальных исследовательских программ.

Конечно, нельзя сказать, что общенаучный язык существовал когда либо в качестве некоей тотальной реальности единой науки, но в определенной степени функции этого языка выполняли терминологические структуры концепций фундаментальной науки, направленной на прирост знания. (Заметим, кстати, что и неопозитивистские программы создания «единой науки», на мой взгляд, имели тогда вполне реальное основание [9]). Теперь же мы можем просто констатировать: выполнение этой функции уходит от фундаментальной науки по мере ее превращения в ресурс приложений. А между тем, одновременно, в науке нарастает потребность в языке, способном обеспечить взаимопонимание в ходе междисциплинарных и коллективных исследований. Причем источником этой потребности в значительной мере выступают запросы со стороны того же «заказчика», со стороны внешних собственно научному познанию практических интересов. Ибо именно такого рода исследований настоятельно требуют прагматические контексты техногенной цивилизации.

Я не имею возможности углубляться здесь в содержание этой темы. В данном случае мне важно подчеркнуть, что результатом столкновения, с одной стороны, фрагментации научной базы прикладных разработок и, одновременно, с другой, внутренних нужд междисциплинарных исследований становится обостренное внимание философов и самих ученых к ситуациям непонимания, возникающим в ходе научно-исследовательской работы [10]. Что же касается философии естествознания, то поиски решения возникающих здесь проблем заставляют нас искать новые подходы в сфере философско-методологической рефлексии над наукой и, в частности, более внимательно отнестись к феномену коллаборации – коллективного исследования в современном естествознании [11]. Подчеркну еще раз, сама необходимость коллаборации в современном естествознании обусловлена особенностями объектов, на исследование которых ориентирует науку техногенная цивилизация.

И еще один новый импульс для разработки философских проблем естествознания приходит сегодня опять же из социокультурного контекста техногенной цивилизации. Неконтролируемый рост прикладных исследований стимулировал массовое производство весьма рискованных технологических артефактов, что потребовало серьезной, опирающейся на естественную науку социогуманитарной экспертизы [12]. И на наших глазах ориентация науки на решение экспертных задач становится формой развертывания фундаментальных, по своей сути, востребованных экспертизой, междисциплинарных исследований. В физике и биологии появляются новые исследовательские программы, обеспечивающие взаимопонимание ученых различных специальностей и, тем самым, реально дефрагментирующие научное познание.

При этом важно подчеркнуть, что философско-методологический анализ когнитивной роли экспертизы в формировании смыслового единства науки может эффективно развертываться, открывая новые перспективы, лишь на конкретном естественнонаучном материале. И в этом плане весьма перспективным представляется переосмысление на базе современного естествознания фундаментальных онтологических понятий, очерчивающих жизненный мир современного человека. В частности, весьма важной задачей философии естественных наук становится анализ смыслового потенциала понятия времени в квантовой механике, связанный с феноменом «обратного хода времени». Аналогичные перспективы раскрывает в контексте экологической экспертизы обращение к новому видению эволюции в ряде наук о жизни. Философское осмысление релевантной биопроблематики позволяет наметить реальный путь к формированию нового научного понимания фундаментальных технологических и экологических регулятивов в нынешней, прямо скажем, катастрофической, экологической ситуации, включая и ситуацию в информационной среде обитания человека.

Таким образом, обращение философии к конкретному естественнонаучному материалу позво-

ляет продемонстрировать, каким образом концептуальное содержание наиболее продвинутых областей современной физики и современной биологии соотносится через экспертизу с социокультурными измерениями техногенной цивилизации. Здесь открывается возможность переосмыслить онтологические допущения, лежащими в основании ее сознания, которые, в свою очередь, ложатся в основание современной науки и обеспечивают необходимый для ее развития уровень взаимопонимания ученых разных областей и дисциплин.

Очевидно, помимо тех направлений и подходов разработки философии естествознания, на которых я сконцентрировал внимание, возможны и другие, не менее эффективные. Я думаю, в ближайшее время эта область философских исследований будет интенсивно расширяться и актуализироваться.

Литература:

1. Капица П.Л. Письма о науке 1930-1980. М., 1989.
2. Ржевский В.В., Семенчев В.М. Фундаментальное и прикладное в науке, их взаимосвязь и основные особенности // Вопросы философии. 1980. №8. С. 107-117.
3. Баженов Л.Б., Евтихий Н.Н., Капланов М. П., Лысманкин Е.Н. Фундаментальные и прикладные исследования – стратегия естественнонаучного поиска // Вопросы философии. 1980. № 8. С. 97-106.
4. Горохов В.Г. Современные комплексные научно-технические дисциплины // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 133-141.
5. Горохов В.Г., Ямпольский Ю.И. Становление научно-технических дисциплин // Вопросы философии. 1983. № 9. С. 127-129.
6. Юдин Б.Г. Единство и многообразие биологического познания // Вопросы философии // 1983. № 6. С. 69-79.
7. Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания. М.: Наука, 1986.
8. Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Этос науки на рубеже веков. Вып.11: М., ИФ РАН, 2005. С. 109-120.
9. Карнап Р. Логические основания единства науки // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во Томского Государственного Университета, 2002. С. 23-40.
10. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-91.
11. Пронских В. С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // вопросы философии. 2018. № 5. С. 1-6
12. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. М.: Логос, 2010.

Философская идея актуальной бесконечности и физико-математические исследования Гильберта

Радул Д.Н.

МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), доцент философского факультета.

Кандидат философских наук

radul2007@yandex.ru

Аннотация: Проводится анализ связи философской идеи актуальной бесконечности и физико-математических исследований Гильберта. Рассматривается влияние теоретико-множественной математики Гильберта на физические представления Гильберта о сплошной среде. Подробно анализируется гильбертовское понимание сплошной среды как континуума. Прослеживается связь физико-математических исследований Гильберта и квантовой механики.

Ключевые слова: математика, квантовая механика, актуальная бесконечность, сплошная среда, Гильберт, Гейзенберг, Шредингер.

The philosophical idea of actual infinity and Hilbert's physical and mathematical research. Radul D.N.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The connection between the philosophical idea of actual infinity and Hilbert's physical and mathematical research is analyzed. The influence of set-theoretic Hilbert mathematics on Hilbert's physical representations of a continuous medium is considered. Hilbert's understanding of the continuous medium as a continuum is analyzed in detail. The connection between the physical and mathematical research of Hilbert and the quantum mechanics is traced.

Keywords: mathematics, quantum mechanics, actual infinity, continuum, Hilbert, Heisenberg, Schrodinger.

В течение многих столетий европейская математика и естествознание с большим опасением относились к философской идее актуальной бесконечности. Труды Кеплера, Галилея, Кавальери, Ньютона, Фурье и Больцано, явно использовавших эту идею, долгое время не могли изменить господствующее положение идеи потенциальной бесконечности. Ситуация начала стремительно меняться в конце XIX века благодаря работам Георга Кантора. Кантор писал: «Под абсолютно бесконечным следует, наоборот, понимать такое количество, которое, с одной стороны, не изменчиво, а, скорее, фиксировано и определено во всех своих частях, является подлинной константой, а с другой — в то же время превосходит по величине всякую конечную величину того же рода. В качестве примера приведу комплекс, совокупность всех конечных целых положительных чисел. Это множество есть некоторая вещь для себя, и оно образует, если полностью отвлечься от естественного следования принадлежащих ему чисел, — некоторое неизменное во всех частях и определенное количество, некоторое *αφορισμενον*, которое, очевидно, приходится назвать большим, чем всякое конечное количество. Другой пример — это совокупность всех точек, расположенных на заданной окружности (или какой-нибудь иной определенной кривой). Третий пример — это совокупность всех представляемых строго точечными монад, являющихся конститутивными составными частями заданного физического тела» [1, с.289].

В конце XIX века Европа уже была готова к принятию идеи актуальной бесконечности и связанной с нею парадоксов. Философский нигилизм модерна сокрушал «вечные» теологические и метафизические основания «старой» науки, которые базировались на идеи потенциальной бесконечности. Хаос и неопределенность парадоксов больше не пугали европейцев, уже готовых к вступлению в эпоху постмодерна. Хотя и с большим трудом, но идеи Кантора постепенно проникали в математику и естествознание. Выдающуюся роль в этом процессе сыграл великий немецкий математик Давид Гильберт.

Гильберт вынашивал грандиозные планы формализации всех наук на основе новой теоретико-множественной математики. Вот очень характерная цитата Гильберта: «Как мы видим, при соответ-

ствующем толковании немногие простые предположения, высказанные в аксиомах I и II, оказываются достаточными для построения теории, посредством которой не только в корне преобразуются наши представления о пространстве, времени и движении в направлении, указанном Эйнштейном, но и, как я убежден, при помощи составленных здесь уравнений будут разъяснены сокровеннейшие, до сих пор скрытые явления внутри атома, и на их основе должно оказаться возможным вообще свести все физические постоянные к математическим постоянным. Таким путем мы приближаемся к возможности превратить в принципе физику в науку, подобную геометрии, которая составляет, несомненно, прекраснейший образец аксиоматического метода, пользующегося в данном случае услугами мощных инструментов математического анализа, а именно вариационного исчисления и теории инвариантов» [2, с. 377-378].

Перестраивая математику на основе идей Кантора, Гильберт создает новый теоретико-множественный аппарат математики. «Старые» математические методы должны были наполниться новым содержанием, соответствующим идее актуальной бесконечности. В векторном исчислении и теории инвариантов Гильберт построил теорию ограниченных квадратичных форм бесконечно многих переменных. В школе Гильберта было развито учение о неограниченных квадратичных формах бесконечно многих переменных. Все это сыграло выдающуюся роль в создании Гейзенбергом матричной механики. Вот как об этом пишет Гейзенберг: «Математическая теория встречающихся бесконечных квадратичных форм спектров, непрерывно заполняющих интервалы, для случая ограниченных квадратичных форм была предложена Хеллингером в развитие основополагающих исследований Гильберта. Если нам удалось перенести результаты Хеллингера на интересующие нас неограниченные формы, то, по нашему мнению, это обусловлено тем, что методы Хеллингера полностью соответствуют физическому смыслу поставленной задачи» [3, с. 155].

Трансцендентная матричная алгебра Гильберта была очень тесно связана с его новой теорией линейных интегральных уравнений. Эта теория имела своей целью углубить теоретико-множественные исследования Кантора по тригонометрическим рядам. Математика начала оперировать всюду разрывными функциями, лишенными всякой непрерывности. Математически выразить эти функции можно было только через аппарат разложения в бесконечные ряды и, в первую очередь, в тригонометрические ряды Фурье. Теория линейных интегральных уравнений Гильберта со всей необходимой математической строгостью обосновала использование рядов для разложения любых произвольных функций. Теория обладала такой степенью общности, что включала в себя «известные результаты о разложении по тригонометрическим функциям, функциям Бесселя, сферическим функциям, функциям Ламе и Штурма, а также результаты о разложении по функциям многих переменных, впервые полученные Пуанкаре при исследовании по некоторым краевым задачам в теории потенциала» [2, с. 92]. Именно эти разложения по всем вышеперечисленным функциям мы встречаем в «Методах математической физики» Гильберта и Куранта, а потом через год-два в основополагающих работах по квантовой механике Гейзенберга и Шредингера. Теперь эти разложения обязательная математическая часть всех учебников по квантовой механике.

В своей работе «Основы общей теории линейных интегральных уравнений» Гильберт так прослеживает взаимосвязь теории квадратичных форм и интегральных уравнений в вопросе разложения функций в ряд. «... Теория разложения произвольных функций отнюдь не требует привлечения дифференциальных уравнений, обыкновенных или в частных производных, что именно интегральное уравнение служит необходимым основанием и естественным отправным пунктом теории разложения в ряды и что упомянутые выше разложения по ортогональным функциям представляют собой лишь частные случаи общей «интегральной» теоремы» (которую помимо прочего можно рассматривать как непосредственное обобщение известной алгебраической теоремы об ортогональном преобразовании квадратной формы к сумме квадратов)» [2, с. 92].

$$x(s) - \lambda \int_0^1 K(s,t)x(t)dt = f(s) \quad (0 \leq s \leq 1)$$

В основу нового понимания физических процессов Гильберт положил интегральное уравнение Фредгольма вида. Новая физика, по Гильберту, должна описывать колебательные процессы сплошной среды. Но эта среда более не понимается как нечто непрерывное. Сплошная среда рассматривается, следуя вышеизложенным представлениям Кантора, как актуально бесконечная совокупность дискретных неделимых точек-монад. Описать ее может только всюду разрывная функция. «Всякая функция $\omega(x)$, которую можно выразить истокообразно с помощью функции Грина $K(x, \xi)$ через ку-

очно-непрерывную функцию $\varphi(\xi)$ в виде $\omega(x) = \int_{x_0}^{x_1} K(x, \xi)\varphi(\xi)d\xi$, допускает разложение по собственным функциям в абсолютно и равномерно сходящийся ряд: $\omega(x) = \sum_{n=1}^{\infty} c_n u_n(x)$, $c_n = \int_{x_0}^{x_1} \omega \rho u_n dx$ » [4, с. 338-339].

$$\int_{x_0}^{x_1} K(x, \xi)\varphi(\xi)d\xi$$

$$\sum_{n=1}^{\infty} c_n u_n(x), \quad c_n = \int_{x_0}^{x_1} \omega \rho u_n dx$$

В работе «Методы математической физики» новое понимание сплошной среды иллюстрируется на примере задачи из теории колебательных процессов: $L(u) = -\varphi(x)$. «При рассмотрении этой задачи напрашивается следующая мысль: мы истолковываем дифференциальное уравнение $L(u) = -\varphi(x)$, сообразно с прежними рассуждениями, как условие равновесия струны под влиянием распределенной вдоль нее постоянной по времени силы, плотность которой дается функцией $\varphi(x)$. Совершим теперь предельный переход от непрерывно распределенной силы $\varphi(x)$ к сосредоточенной силе, то есть к силе (величины 1 или другой величины), приложенной в точке $x = \xi$, и пусть $K(x, \xi)$ – смещение струны под влиянием этой сосредоточенной силы величины 1, причем наложенные на струну краевые условия остаются все время в силе. В таком случае действие непрерывно распределенной силы $\varphi(x)$ можно рассматривать как наложение действий непрерывно распределенных сосредоточенных сил, плотность которых в точке ξ равна $\varphi(\xi)$; можно, следовательно, ожидать, что искомое решение представится в виде:

$$u(x) = \int_{x_0}^{x_1} K(x, \xi)\varphi(\xi)d\xi$$

Функция $K(x, \xi)$, которую мы будем называть функцией влияния или функцией Грина для дифференциального выражения $L(u)...$ » [4, с. 331]. Таким образом, Гильберт создает новые математические методы под новую физическую модель сплошной среды как актуально бесконечного числа дискретных материальных точек. «Что может быть естественнее идеи превращения системы линейных уравнений, описывающей дискретную систему материальных точек, в интегральные уравнения при переходе к предельному случаю сплошной среды?» [5, с. 512]. Такая физическая модель просто невозможна без принятия математикой и естествознанием философской идеи актуальной бесконечности.

Получив возможность математически описывать новую модель сплошной среды, Гильберт переходит к новому решению классических дифференциальных уравнений с частными производными. Именно этим уравнениям подчиняются колебательные процессы струны, мембраны, трехмерного континуума. Все это объекты сплошной среды. И здесь Гильберт подробно разрабатывает новое понимание собственных функций и собственным значениям как собственным колебаниям новой актуально бесконечной сплошной среды. «Типичная задача — задача о собственных значениях — состоит теперь в том, чтобы определить такие значения параметра λ — собственные значения, — для которых однородное дифференциальное уравнение (34) имеет при заданных краевых условиях не исчезающие тождественно решения (собственные или фундаментальные функции)» [4, с. 292]. Наиболее важным для будущей волновой физики Шредингера оказалось то, что собственные или фундаментальные функции как решения уравнения Шредингера описывают «положение устойчивого равновесия» [4, с. 292]. Они остаются инвариантными при преобразованиях, поэтому прекрасно характеризуют боровские стационарные состояния. Так математический авторитет Гильберта дал возможность обосновать теорию Бора, которая полностью противоречила математике и физике XIX века. В окончательной форме это сделали Гейзенберг с помощью матричной алгебры Гильберта и Шредингер с помощью гильбертовских дифференциальных уравнений с частными производными, описывающих новую модель сплошной среды.

Литература:

1. Кантор Г. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 431 с.
2. Гильберт Д. Избранные труды. Том II. М.: Факториал, 1998. 608 с.
3. Гейзенберг В. Избранные труды. М.: УРСС, 2001. 616 с.
4. Курант Р., Гильберт Д. Методы математической физики. Том I. М.-Л.: Гостехтеориздат, 1933. 526 с.
5. Вейль Г. Давид Гильберт и его математические труды//Гильберт Д. Избранные труды. Том II. М.: Факториал, 1998. С. 480-519.

Единство физики как философская проблема в трудах Карла Фридриха фон Вайцзеккера

Севальников А.Ю.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник

sevalnicov@rambler.ru

Аннотация: Доклад посвящен творчеству К.-Ф. фон Вайцзеккера. В центре находится его книга «Aufbau der Physik», посвященная построению единого физического знания. Утверждая, что квантовая механика, являясь универсальной физической теорией, Вайцзеккер ищет пути ее построения. Отталкиваясь от логики временных высказываний, вводя понятие Первоальтернативы (Uralternative), тесно связанной с понятием возможности, Вайцзеккер приходит к построению квантовой теории. Он показывает, что на ее основе может быть получена теория относительности, выведена структура пространства, а также может быть получена теория элементарных частиц.

Ключевые слова: Единство физики, теория, опыт, время, квантовая теория, теория относительности.

Unity of physics as a philosophical problem in the works of Karl Friedrich von Weizsäcker. Sevalnikov A. Yu.

Institute of Philosophy (Russian Academy of Sciences)

Abstract: This report focuses on the work of C.-F. von Weizsäcker. In the center is his book “Aufbau der Physik”, dedicated to the construction of a unified physical knowledge. Claiming that quantum mechanics is a universal physical theory, Weizsäcker is seeking ways of its building. Starting from the logic of time statements, introducing the concept of the first Alternative (Uralternative), which is closely related to the concept of possibility, Weizsäcker comes to the construction of a quantum theory. It shows that the theory of relativity can be derived from it, the structure of space can be derived, and the theory of elementary particles can also be obtained.

Keywords: Unity of physics, theory, experience, time, quantum theory, relativity.

Уже в самом начале книги «Aufbau der Physik», в Предисловии Вайцзеккер ставит масштабную задачу. Речь идет о единстве физики, которое в XX веке стало раскрываться в совершенно неожиданной форме. Речь идет об особом «понимании» квантовой механики. Вайцзеккер исходит из того, что квантовая механика является наиболее фундаментальной физической теорией. Он не без оснований считает, что из нее может быть выведена теория относительности, а также теория взаимодействия элементарных частиц. Если такая попытка увенчается успехом, то мы «еще на шаг», по словам Вайцзеккера, приближаемся к единству физики, а на самом деле фактически и достигаем такого единства. Такое понимание единства, в свою очередь, может служить предпосылкой понимания его философского смысла, с неизбежно вытекающим отсюда стремлением раскрытия единства действительности.

В начале своей книги Вайцзеккер ставит имена Альберта Эйнштейна, Нильса Бора и Вернера Гейзенберга. Хотя на страницах книги в объеме почти 700 страниц возникают десятки имен физиков и философов, но именно эти три фигуры являются ключевыми для понимания замысла всей книги. Автор отмечает: «Эйнштейн был гением века. Теория относительности – результат его труда, благодаря ему нашла свою дорогу квантовая теория. Все более молодые шли по пути, проложенной результатами его исследований. Бор был мастером в постановке вопросов в атомной теории. Он проникал в области, к которым Эйнштейн был глух; завершение квантовой теории было выполнено его учениками. Гейзенберг с помощью квантовой механики сумел сделать первый шаг по твердой земле. Среди поколения завершителей квантовой теории он был primus inter pares. В качестве равных ему, пожалуй, можно назвать Дирака, Паули, Ферми. Возникновение новой физики было результатом коллективной работы» [1 S. 15].

Лично с Эйнштейном Вайцзеккер никогда не встречался, он отмечает, что его величие он понимал от десятилетия к десятилетию все лучше и лучше. В физику автор приходит в 15 лет благодаря счастли-

вому случаю, встретившись в Копенгагене с В. Гейзенбергом. «Он привёл меня в физику, научил меня ей как профессии и пониманию её красоты и стал другом на всю жизнь» [1 S. 16]. Нильс Бор в 19 лет открывает ему философское измерение физики. «Тем самым он дал мне то, что я искал в физике. На его примере я научился понимать, какое воздействие Сократ должен был оказывать на своих учеников» [1 S. 16].

Желанием понять квантовую механику Вайцзеккер загорелся в апреле 1927 года, сразу после того, как Гейзенберг рассказал ему о принципе неопределенности, работа, которая еще тогда не была опубликована. По его же признанию, еще в 1954 году он не понимал квантовой механики. Он осознает, что понимание КМ должно быть связано с радикальным выходом за рамки классического мышления. В это же самое время он понимает, что такой выход должен осуществляться уже в рамках логики, и только в 1963 году, по его словам же, он сообразил, что речь должна идти о временной логике. Центральная же роль времени стала ясна ему еще в 1939 году, когда он работал над 2-ым законом термодинамики. Путь к логическому обоснованию КМ был очень долгим. Только в 1971 году был опубликован промежуточный результат. Такой длинный путь объяснялся тремя обстоятельствами. Первый – это сама трудность самого предмета исследования. Второе, по словам автора, была связана с «узкими границами» его математических способностей. И, третье, не маловажное обстоятельство было связано с тем, что из его коллег практически никто не интересовался такой постановкой вопроса. По его же словам, «путь этих размышлений лежал в стороне от благополучного маршрута предметного исследования в физике. Даже Гейзенберг, который позволял мне постоянно сообщать ему о результатах и проблемах моей работы, говорил мне: «Ты на верном пути. Но я не могу тебе помочь. Я не могу мыслить настолько абстрактно»» [1 S. 17].

Онтологический базис такой работы давала философия. Вайцзеккер – пример редкого человека в современном мире, который успешно совмещал профессиональную деятельность как физика-теоретика, так и философа. На страницах его работ мы видим полное погружение в работы и философские идеи Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Фреге, Хайдеггера, ряда других философов. Именно здесь он и черпает основание для своего «Построения физики». Вайцзеккер озвучивает один из своих основных методов – метод «прохождения по кругу». На каждом новом этапе он возвращается к исходной тематике, но уже на более высоком и на более абстрактном уровне. Если посмотреть на ту задачу, которую пытается решить Вайцзеккер, то вывод здесь один. Отталкиваясь от абсолютного непознаваемого парменидовского Единого, он пытается выстроить целостную картину физического мира. Это та же философская задача, которая стояла перед Платоном, Аристотелем и Кантом. Он пытается вывести структуру физического, исходя из единых философских и физических предпосылок. Автор признается, что работа еще не закончена. Несмотря на масштабность, даже грандиозность работы, в целом это только проект, который еще ждет своего завершения.

Основная тема книги автора – понимание единства природы через единство физики. Историческим образом единства физики является последовательность или структура замкнутых теорий. Под замкнутой теорией, как и у Гейзенберга, понимается такая теория, которая не может быть улучшена при помощи не больших изменений. По мнению автора наиболее всеохватывающей замкнутой теорией является квантовая теория. Такая теория строится в математической форме, применяемые при этом математические понятия получают физическое значение (семантику) за счёт применения того способа, каким обиходный язык описывает наши отношения с природой. Определённые фундаментальные высказывания теорий характеризуются как законы природы. Автор задается вопросом - как возможна всеобщая, универсальная теория, которая находит свое подтверждение в опыте? В своем выводе он согласен с Кантом, что «закон вообще будет действовать в отношении определённого опыта, если в нём высказываются предпосылки всякого возможного опыта. Законы природы можно считать объяснёнными в том случае, если нам удаётся свести их к предпосылкам опыта.

Опыт означает, что, исходя из прошлого, мы узнаём о будущем. Время в его модусах настоящего, прошлого и будущего есть, тем самым, предпосылка опыта. Мы пытаемся построить всю физику, исходя из модусов времени» [1, S. 29].

Такая грандиозная задача распадается на две части. Первое, это вывод такой универсальной, т.е. квантовой теории. Квантовую механику (КМ) Вайцзеккер пытается обосновать с помощью «логики временных высказываний». Исходным пунктом для Вайцзеккера в свое время явился анализ Больцмановского обоснования второго закона механики с помощью статистической механики. Это обоснование лишь тогда оказывается непротиворечивым, когда понятие вероятности применяется в нём исключительно к будущим событиям. «Исходя из соображений непротиворечивости, можно затем впоследствии показать, что фактичность прошлого и открытость будущего (в виде существования до-

кументов прошлого, но не будущего) уже следует из необратимости событий согласно второму основному закону. Однако различие Сейчас прошлого и Сейчас будущего моментов времени невозможно реконструировать из их формы в соответствии с законами природы, действующими для каждого момента времени. Как ни странно, существует сильное эмоциональное противостояние почти всех физиков этому выводу» [1, S. 31]. По Вайцеккеру эволюция и термодинамическая необратимость оказываются необходимыми статистическими следствиями одной и той же структуры времени – именно различия осуществлённой фактичности и будущей возможности. Так в структуру теории входят понятия возможности, вероятности и модальности.

Ключевым для Вайцеккера является здесь понятие «бинарной альтернативы», т.е. общее состояние системы, которое допускает два взаимно исключающих друг друга состояния. С точки зрения логики — это «состояние «да-нет» одновременно, с точки зрения квантовой механики – это абстрактное представление простейшего двоичного принципа суперпозиции состояний. Вайцеккер вводит и различает абстрактную квантовую механику и конкретную квантовую механику. Абстрактной квантовой теорией он называет общие законы квантовой теории, например, в той математической форме, в которую её привёл Дж. ф. Нейман. Эту теорию он называет абстрактной, поскольку она имеет универсальное действие для всех произвольно взятых объектов. В ней ничего не говорится о существовании (эмпирически трёхмерного) пространства местоположений, тел или материальных точек, и об особых силах, действующих между объектами. Ввиду этой её общезначимости она рассматривается как такая теория вероятности, которая от классической теории вероятности отличается только выбором лежащей в основе решётки высказываний. На эту решётку указывает так называемая квантовая логика. От абстрактной квантовой теории он переходит к конкретной квантовой теории, к теории конкретно существующих объектов.

Принципиально важным является тот факт, и это сильно коррелирует с нашим пониманием квантовой теории, что из такого рода представлений вытекает не первичность структуры пространства-времени. По словам Вайцеккера он понял это впервые на рубеже 1953-1954-х годов, что активно обсуждалось и получило одобрение Гейзенбергом. Первые работы были опубликованы в конце 50-х годов, а в середине 60-х годов прошлого века было показано, как можно получить структуру теории относительности с соответствующей структурой пространства-времени. Чуть позднее, независимо от Вайцеккера, эти же результаты в 1968 году были получены Дэвидом Финкельштейном. Сам Вайцеккер идет дальше и ставит вопрос о построении физики элементарных частиц.

Еще раз отмечу, что эта работа носит программный характер. Сам Вайцеккер признавал, что он не успевает завершить намеченную работу. Исходя не только из такой незавершенности, но и, касаясь многих принципиальных положений этой работы, можно задать автору и ряд критических вопросов. Говоря о единстве природы, Вайцеккер говорит о единстве физики. Не является ли это физикализмом? Внимательное прочтение текста позволяет положительно ответить на этот вопрос. Так, говоря об универсальности КМ, распространяет её не только явления физического мира, но и мира органического, включая самого человека, вместе с его психическими явлениями, которые, как утверждается, также могут быть описаны КМ. На наш взгляд такое расширение КМ является совершенно не обоснованным.

Таких вопросов, по мере знакомства с книгой автора возникает не малое количество. Я озвучу, в заключение, только один из них. Вайцеккер, рассматривая пример квантовой логики, логики, по своему существу модальной, совершенно не ставит вопрос об онтологии, онтологии различных модальностей. Переход от Первоальтернативы к определенному состоянию автором не только никак не описывается, но такой вопрос даже и не ставится. Однако, это вопрос принципиальный, на который на момент выхода книги, Вайцеккер в принципе не мог дать ответ. Дело в том, что на тот момент, когда книга была закончена, математика, в рамках которой такой ответ мог быть получен, еще только создавалась, причем в России, и с этими работами Вайцеккер не был знаком. Речь идет о бинарной геометрофизике. Как представляется, объединение идей Вайцеккера с идеями такой математики, могло бы быть чрезвычайно плодотворным. Тонкие философские размышления Вайцеккера, постановка многих вопросов им, могут плодотворно решаться в рамках такой математики. Как представляется, у такой программы есть все шансы на будущее, которая, как надеюсь, и будет в дальнейшем реализована.

Литература:

1. Carl Friedrich von Weizsäcker, Carl Friedrich von., München, Carl Hanser Verlag, 1985 (ISBN 3-446-14142-1).

От диалектики к синергетике

Султанова Л.Б.

Башкирский государственный университет, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

slinera@inbox.ru

Аннотация: В данном тексте ставится вопрос о возможности установления взаимосвязей диалектики и синергетики как основных философских стратегий научного исследования в естествознании. Как известно, диалектика и синергетика принадлежат различным научным картинам мира: диалектика – классической, синергетика – постнеклассической. И, поскольку эти картины мира «разделены» научной революцией, диалектика и синергетика несоизмеримы так же, как классическая и неклассическая научные картины мира. Это отражено во всей научной и учебной литературе по философии естествознания и философии науки. Однако определённое сближение этих научно-философских стратегий и методологий, как считает автор, представляет определённый научный интерес для философии естествознания, поскольку это позволяет объяснить неотъемлемость принципа преемственности в развитии науки, даже с учётом идеи научных революций. Как известно, имеет место принципиальное противоречие идеи научных революций и принципа преемственности в развитии науки, которое может быть преодолено только в конкретной концепции развития науки.

Ключевые слова: научная картина мира, несоизмеримость в науке, синергетика, философия естествознания, материалистическая диалектика, научная революция, преемственность в науке

From dialectics to synergetics.

Sultanova L.B.

Bashkir State University, Chief Researcher

Abstract: This text raises the question of the possibility of establishing the relationship between dialectics and synergetics as the main philosophical strategies of scientific research in natural science. As you know, dialectics and synergetics belong to various scientific pictures of the world: dialectics - classical, synergetics - post-non-classical. And, since these pictures of the world are «separated» by the scientific revolution, dialectics and synergetics are incommensurable in the same way as classical and non-classical scientific pictures of the world. This is reflected in all scientific and educational literature on the philosophy of natural science and the philosophy of science. However, a certain rapprochement of these scientific and philosophical strategies and methodologies, as the author believes, is of certain scientific interest for the philosophy of natural science, since this allows us to explain the inherent principle of continuity in the development of science, even taking into account the idea of scientific revolutions. As you know, there is a fundamental contradiction of the idea of scientific revolutions and the principle of continuity in the development of science, which can be overcome only in a specific concept of the development of science.

Keywords: scientific picture of the world, incommensurability in science, synergetics, philosophy of natural science, materialistic dialectics, scientific revolution, continuity in science

Диалектика и синергетика – основные, наиболее распространённые философские стратегии, задающие теоретико-методологический контекст научного исследования. Особое значение диалектика и синергетика имеют в естествонаучном познании, вследствие чего широко исследуются в современной философии естествознания. В наше время большинство самих представителей естественных наук неплохо осведомлены об основных понятиях синергетики и диалектики. При этом все исследователи прекрасно осознают несоизмеримость этих философских стратегий, что конкретно означает их совершенно определённую значимость и применимость в пределах различных (естественно)научных картин мира. Действительно, применение диалектики обычно реализуется в пределах классической

научной картины мира, в которой любые системные подходы неприменимы в силу отсутствия понятия сложной системы. А синергетику, как наиболее эффективную философскую стратегию исследования именно сложных систем, применяют в пределах постнеклассической научной картины мира. Понятно, что, исторически, диалектика значительно «старше» синергетики, т.к. в ограниченной интерпретации была вписана уже в античную философию. Как известно, в дальнейшем диалектика была существенно трансформирована и обоснована в философии Гегеля, а затем в диалектическом материализме, после чего и стала рассматриваться в качестве наиболее эффективной философской стратегии естественнонаучного исследования. Ценность материалистической диалектики в её опоре на систему принципов, законов и категорий. Материалистическая диалектика в целом была гносеологически оптимистична и разрабатывала идею развития как прогрессивного эволюционного процесса.

Современная, постнеклассическая, научная картина мира базируется на синергетическом подходе, полностью противоположном по своим базовым принципам материалистической диалектике. Базовое понятие синергетического подхода – саморазвивающаяся система. Её специфика заключается в способности к позитивным трансформациям и «выживанию» в сложнейших условиях при наличии внутренних источников энергии. Одним из основных принципов такого подхода является наличие так называемых точек бифуркации, которые «проходит» такая система в своём развитии. Точки бифуркации представляют собой особые состояния «неустойчивого равновесия», когда действие любого незначительного внешнего фактора может существенно изменить состояние системы. Основным принципом синергетики – это направление вектора развития системы «от хаоса к порядку». Под «хаосом» при этом рассматривается такое состояние системы, когда никакие позитивные изменения в перспективе без революционных трансформаций невозможны. «Хаос» – это, фактически, распад системы. Этап «порядка» в развитии системы предполагает такое состояние системы, которое невозможно описать на основе уже привычных и считающихся перспективными понятий. Фактически это состояние «нового мира» в развитии системы, состояние её абсолютного обновления. Например, в постнеклассическом естествознании, в итоге его развития в последние десятилетия, исследователям пришлось почти отказаться от обращения к понятию материи, а ведь это фундаментальное понятие науки, базовая категория философии, без апелляции к которому в историческом контексте трудно представить себе становление и развитие естествознания.

Современная, постнеклассическая, наука опирается на синергетические мировидение, однако, очевидно, что без диалектики как теоретико-методологической основы стратегии развития классической науки, в наше время не возникло бы никакой синергетики. Это в своё время признавал и нобелевский лауреат Илья Пригожин, один из основателей постнеклассической науки. Несмотря на очевидную теоретико-методологическую несоизмеримость диалектики и синергетики, в мышлении исследователя, субъекта познания, они неявно взаимосвязаны.

Философски «примеряя» синергетику к диалектике, можно заметить, что синергетика как бы «вытекает» из «раздувания» момента «хаоса» как метафизического разрушения объекта диалектического исследования, в результате отсутствия возможностей для «снятия» некоторых базовых диалектических противоречий являющихся, по сути, антагонистическими. Примером такого антагонистического противоречия является противоречие между трудом и капиталом, открытое в своё время К. Марксом, которое не было преодолено на практике за весь период развития советской экономической системы. Представляется, что ситуации такого рода, возникающие при исторических трансформациях объектов реального мира, встречаются гораздо чаще, чем это можно себе представить, исходя из гегелевской философии, предполагающей постоянное циклическое восстановление тождества «бытия» и «мышления». К сожалению, отнюдь не всё «разумное» может стать «действительным», даже при условии длительного исторического развития, с течением столетий.

Можно заключить, что синергетика как таковая, то есть как базовая стратегия научно-философского исследования в постнеклассической научной картине мира, «неявно» в виде некоей базовой основы «зашифрована» в самих основаниях принципов, законов и категорий диалектики. А если к вышесказанному добавить ещё и наличие непреодолимого «зазора» между реальными объектами и понятиями, теоретически представляющими эти объекты, а также несоизмеримость теоретического и эмпирического уровней научного знания, открытую и обоснованную в теории научных революций, трактующей развитие науки как череду научных революций, то вывод о неизбежности возникновения новой философской стратегии научного исследования в естествознании становится неизбежным. Симптоматичным представляется здесь и то, что диалектика, в особенности, материалистическая, раз-

рабатываемая как практически почти что универсальный метод научного исследования, для реализации этой цели потребовала таких «сильных», можно сказать, «железобетонных» оснований, что это в дальнейшем непременно должно было вызвать появление некоторых негативных для неё последствий, ограничивающих область её применимости. Это, как известно, и произошло практически, когда сформировалась синергетика.

Впрочем, понятно, что этот «негативизм» относителен, поскольку разработка синергетики как новой стратегии философско-научного исследования по значимости и эффективности близкой к диалектике, следует расценивать только положительно. Следует также учесть, что это практически только второй такой принципиально новый по сравнению с диалектикой подход, за весь исторический период развития философии и науки со времён античности. Безусловно, разработка синергетического подхода способствовала и способствует не только формированию нового научного знания, но и росту понимания процессов, происходящих в сложных системах, что существенно продвинуло и развитие естествознания, и развитие философии естествознания за последние десятилетия. Прежде всего, это замечание следует отнести к росту теоретического уровня таких отраслей естествознания как химия и биология. Ради справедливости, отметим, однако, что оснований для констатации какого-либо «прорыва», в плане формирования консенсуса научного сообщества при разработке квантовой теории как основы современной естественнонаучной картины мира пока что не сложилось, хотя некоторые положительные «сдвиги», безусловно, имеются. К таковым можно отнести, например, разработку квантовой химии.

Следует ли здесь, основываясь на вышесказанном, поставить вопрос о разработке новой единой универсальной философской стратегии научного исследования, способной заменить и диалектику, и синергетику, сочетая в себе их лучшие свойства и возможности?

Конечно же, нет, не следует. Дело здесь в том, что, как отмечалось ранее, синергетика и диалектика несоизмеримы и применяются в пределах различных научных картин мира, а диалектика не может применяться для исследования сложных систем. Сама по себе постановка вопроса об изучении возможности проведения генетических взаимосвязей диалектики и синергетики, является сугубо философской и носит теоретико-методологический характер. Вместе с тем следует понимать, что постановка такого вопроса и его последующее осмысление в современной философии естествознания, безусловно, способствует укреплению и развитию понимания принципа преемственности в научном познании [1, с. 245-247]. А это, в свою очередь, способствует прояснению взаимосвязей философии и естествознания, что принципиально важно на современном революционном этапе развития естествознания и науки.

Литература:

1. Султанова Л.Б. Закономерности научного познания// Российский гуманитарный журнал. С.-Пб.: Социально-гуманитарное знание. 2018. Том 7. № 4. С. 245-259.

Лю Сюечжэнь

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ — ИСФНиМК, магистрант

117112131@qq.com

Аннотация: Эстетика - одна из парадигм человеческой истории. Поэтому в исторической реальности взаимодействия между глобализацией и локализацией первая означает возможность обмена информацией и ресурсами. В результате сближения объектов, ресурсов в проблеме исследования эстетические характеристики стали более размытыми. Глобализация и локализация - это два аспекта современного мирового общественного развития. Рациональность современного эстетического исследования, обращаясь к аспекту национального, имеет свою социальную основу для существования. В глобализированной атмосфере, на наш взгляд, есть глубокое понимание и правильное позиционирование внутренних отношений, существующих в области эстетики на национальном уровне. В этом можно рассмотреть ключ к пониманию взаимодействия между исследованиями в области эстетики и национальной культуры. Дело в том, что, на наш взгляд, национальный аспект эстетики должен стать более значимым. В частности, исследование национальных проблем, связанных с процессом глобализации, стали ключом к модернизации дисциплины современной эстетики.

Ключевые слова: глобализация, национализация, эстетика, локализация, национальное, культура

Liu Xuezheng

Kazan (Volga region) Federal University, Institute of social and philosophical Sciences and mass communications, undergraduate

Abstract: Aesthetics is one of the paradigms of human history. Therefore, in the historical reality of the interaction between globalization and localization, the former means the possibility of exchanging information and resources. As a result of the convergence of objects and resources in the research problem, the aesthetic characteristics have become more blurred. Globalization and localization are two aspects of modern world social development. The rationality of modern aesthetic research that addresses the national aspect has its own social basis for existence. In the globalized atmosphere, in our opinion, there is a deep understanding and correct positioning of internal relations that exist in the field of aesthetics at the national level. This is the key to understanding the interaction between research in the field of aesthetics and national culture. The fact is that, in our opinion, the national aspect of aesthetics should become more significant. In particular, the study of national problems related to the process of globalization has become the key to modernizing the discipline of modern aesthetics.

Keywords: globalization, nationalization, aesthetics, localization, national, culture

Как самостоятельная теоретическая исследовательская дисциплина, эстетика в реальном смысле формировалась веками. И по сей день фундаментальные исследования эстетики из базовых концепций до теорий - это, в основном, европейские и американские модели. И только в исследованиях национальных традиционных искусств и фрагментов изучения национальных эстетических мыслей мы можем увидеть некоторые следы национальных символов[1].

Как отмечают некоторые ученые, это является современным состоянием исследований эстетики в современном мире. Курс национальной эстетики подобен «эстетике Европы и Америки в каждой стране». Цель формирования национальной эстетики требуют больше усилий, чем кажется на первый взгляд. Конечно, это явление является причиной наших размышлений и обобщений. Глядя на будущее, мы чувствуем себя более обеспокоенными и озабоченными с наступлением эпохи глобализации. Есть особенности,

нюансы, выходящие за пределы этого вопроса. Можно также сказать, что мы продолжаем следовать традиционным исследовательским идеям и структуре системы: глобализация в академической сфере все еще ассимилируется и пассивно имитируется западной эстетикой, что может сделать невозможной реализацию национальных аспектов эстетических исследований. Это напоминает прекрасный сон, который мы видим, но это - не что иное, как иллюзия в зеркале. С другой стороны, если мы обладаем полным и четким пониманием тенденций глобализации и имеем некоторый контроль над внутренней взаимосвязью между эстетическим и национальным, у нас также есть перспективы правильного отношения к феномену. Если принципиальная точка взаимозависимости и взаимодействия между исследованиями эстетики и национальной культурой действительно найдена, о статусе национального в эстетике может измениться от идеала к реальному феномену, что может дать нам новые творческие результаты..

Судя по исследованию национального в эстетике, ценность результатов зависит от того, сколько усилий было предпринято[2]. Как тенденция экономической глобализации рассматривается то, что почти все страны и нации стали сообществом: каждый разделяет плоды экономической глобализации и, конечно, имеет общие риски. Однако глобализация, как историческая тенденция развития, определенно, не является чисто вестернизацией для Китая, и при этом мир, в целом, приближается к Европе и США как центру. В то же время глобализация, конечно, сопровождалась движением национальных факторов и интересов. В процессе глобализации исчезновение временных и пространственных расстояний, обусловленное технологическими факторами, не привело к тому, что состояние человека превратилось в особенность, а вместо этого сделало его более поляризованным, освободив некоторых людей от географических ограничений и предоставив им беспрецедентную свободу. Во-первых, быстрое развитие экономической интеграции как основной движущей силы глобализации не означает единого мирового порядка, сосредоточенного на Европе и Соединенных Штатах. В процессе глобализации все нации и страны мира имеют свои собственные экономические интересы и цели развития, а конечный глобальный эффект обусловлен взаимодействием разных заинтересованных сторон, которые взаимозависимы, а также имеют разные интересы. Таким образом, глобализация – это не просто процесс денационализации. В процессе глобализации все еще остается вопрос о национальных интересах в рамках национального суверенитета и национальной ответственности. Во-вторых, глобализация и национализация являются двумя важными аспектами развития современного мира, и они представляют собой процесс переплетения противоречивых движений. Поэтому, ожидая тенденцию развития глобализации, мы должны заботиться о национальных интересах, а когда мы думаем о проблемах, связанных с национализацией, у нас также должно быть объективное отношение взаимного проникновения и зависимости, основанные на понимании глобализации. Таким образом, теоретические исследования не могут быть абсолютными.

Исходя из вышеупомянутых двух причин, для развития национального аспекта исследований в области эстетики и культуры, мы сформируем более четкие и ясные стандарты. Поскольку глобализация - это не просто процесс денационализации, существует также проблема национальных интересов[3]. Наивысшим стандартом академических исследований является необходимость показать свои взгляды, способные оказать влияние на глобальные факторы. Однако любая значимая и ценная точка зрения характеризуется очевидными национальными особенностями, конечно же, и в эстетических исследованиях. Мы видим это в истории эстетики с древних времен до настоящего момента в концепциях, которые, действительно, имеют смысл и ценность: эстетике древней Греции, классической эстетике Германии, эстетике русских революционных демократов, экзистенциальной эстетике современной Европы и эстетике Британии и Америки. У всех есть отличительные национально-культурные особенности. Поэтому, в соответствие с такой историей проявления национального или локализации и глобального развития не противоречат друг другу. Конечно, мы должны выявить принцип, согласно которому национальная эстетика может рассматривать всемирное на первом месте. Поскольку речь идет о сообществе развитой культуры и искусства, то можно прямо и точно сказать, что аргументация устранения следов любой нации академически не оправдана.

Ясно также, что нашей целью должен быть не выбор между глобализацией и локализацией (национальным), не говоря уже о создании системы, противоположной Западу, для выражения нашего национального характера, а позиционирование себя на основе мировой эстетики. Задача выявления самой искренней эстетической ценности нации связана с процессом постоянного расширения глобализации, формирования сообщества с другими нациями, которые влияют друг на друга[4]. Однако, это возможно при условии выработки системы, которая принимает концепции различных эстетических национальных

направлений. Таким образом, при ответе на каждый вопрос, эстетическое значение имеют все мировые традиции. С этой точки зрения, эстетическое направление каждой нации состоит в том, чтобы использовать свои собственные традиционные культурные тексты в качестве исходной точки отсчета, ссылаясь на эстетические стандарты других наций, и, наконец, достичь культурного слияния между нациями.

Согласно вышеизложенному пониманию, мы должны сознательно сформировать теоретический подход. В процессе глобализации, с точки зрения национальной эстетики, мы должны понимать, что глобализация грядущей культуры обладает повторяемостью и типизацией, что должно быть обычным и для национальной культуры. Именно поэтому мировая культура демонстрирует плюрализм и разнообразие, с другой стороны, ей необходимо стремиться к созданию уникальной эстетической концепции, для национальной культур, включения большей национальной мудрости.

В общем и целом, в глобальной атмосфере мы должны помнить об анализе национального в качестве основы для изучения культуры, искусства и эстетики. Это важная задача для развития эстетических дисциплин в условиях глобализационного процесса. Будущее и перспективы развития эстетического в мире, степень выражения национального в эстетике мирового сообщества, напрямую связаны с фундаментом

Литература:

1. Чжу Гуанцян История западной эстетики [М]. Издательство «Народная литература». 1979.289.
2. Ye Lang. Эстетические принципы [М]. Издательство Пекинского университета. 2017.149.
3. Зонг Хуабай. Эстетическая прогулка [М]. Шанхайский народный издательский дом. 1981.67-68.
4. Чжу Лянчжи Пятнадцать лекций по китайской эстетике [М]. Издательство Пекинского университета. 2006.14.

Синтетические тенденции в геологических науках

Трифонов Г. Ф.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, профессор. Кандидат геолого-минералогических и доктор философских наук

gen-trifonov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические основания синтеза геологических знаний и создания общегеологической теории. Показаны роль тектоники как лидера среди геологических наук и решение крупных геологических проблем как важнейших шагов, которые могут приблизить создание общегеологической теории.

Ключевые слова: синтез геологических знаний, общегеологическая теория, методологические основания синтеза, лидер геологических наук, энергетика геологических процессов, происхождение Земли.

Annotation: The article discusses the methodological foundations of the synthesis of geological knowledge and the creation of a general geological theory. The role of tectonics as a leader among geological sciences and the solution of major geological problems as the most important steps that can bring the creation of a general geological theory are shown.

Keywords: synthesis of geological knowledge, general geological theory, methodological foundations of synthesis, leader of geological sciences, energy of geological processes, the origin of the Earth.

Введение

Чем глубже дифференциация научного знания, тем больше возрастает потребность в противоположном процессе - интеграции знаний и создании на этой основе общей, универсальной теории. Действительно, на современном этапе развития познания целый ряд наук стоит на пороге создания общих теорий изучаемых объектов. В физике — это единая теория поля, в биологии - общая теория жизни, а в геологии - общегеологическая теория (ОГТ) и соответственно общая наука о Земле или теоретическая геология.

Нонеобходимо отметить, что задача обобщения в истории геологии не нова, уже не раз делались попытки обобщения. Крупными обобщениями являются «Основы геологии» Ч. Лайеля (1830-1833), учебники по динамической и исторической геологии, опубликованные в конце XIX - начале XX вв. Особое место в ряду обобщающих работ занимают труды Э.Зюсса и Э.Ога, давших интерпретацию геологического развития Земли в планетарном масштабе.

Создание общегеологической теории – новая познавательная задача второй половины XX века

Эти обобщения, соответствующие уровню развития науки и техники своего времени, показывают, что тенденции синтеза в геологии были всегда. Появление этих обобщающих работ связано с внедрением в геологическое познание новых фактов, методов и идей и всегда означает расширение освоенной области действительности.

В середине XX века возникла совершенно новая познавательная задача - поиска путей построения общегеологической теории, выявления основных классов логико-методологических проблем её создания. Новизна задачи объясняется огромным фактическим материалом, накопленным частными геологическими науками в связи с изучением океанов, проникновением в Космос и в глубокие недра. Количество фактического материала так велико, что, по мнению некоторых авторов, можно говорить об «информационном буме» в геологии.

Новизна задачи объясняется и тем, что частные науки достигли такого уровня, когда их дальнейшее развитие весьма затруднительно без общегеологической теории, при отсутствии обобщающего подхода к геологическим процессам с единых позиций. Как писал В.И. Ленин, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натякаться» на эти общие вопросы» [4, 368].

Создание ОГТ будет означать скачок в развитии геологического познания, переход его на новый уровень, в результате которого будут выявлены общие законы развития Земли как целого в их диалек-

тическом единстве с частными законами. В этом единстве частные законы будут выступать как формы проявления общих законов. Поэтому задача заключается в том, чтобы свести многообразие явлений к их внутреннему единству и вывести затем различные формы проявления единой субстанции. Только таким путем достигается конкретное знание как единство многообразного.

Если будет создана СГТ, то какая судьба ожидает частные науки? Некоторые авторы полагают, что «интеграция наук ... должна означать полное слияние нескольких наук в одну общую науку, при этом частные науки должны перестать существовать и даже утратить свои названия» [5, 204]. Вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения. Синтез геологических знаний не означает полного слияния синтезируемых отраслей. Они сохраняются как специальные отрасли геологии. Более того, создание ОГТ, как отмечалось выше, имеет большое значение для развития частных геологических теорий, ибо их дальнейшее развитие без ОГТ не может быть успешным. Это связано с тем, что синтез всегда связан с анализом общего /общих закономерностей/, с раскрытием его природы, в результате чего выявляются общие закономерности на достаточно высоком уровне их абстрагирования. Отражая более широкую сферу действительности, обобщенные формы тем самым обладают гораздо большим внутренними возможностями для выражения единичного. Обобщенные формы раскрывают общее в таком его виде, которое опирается на богатство единичного и выражает это богатство.

Нельзя не отметить, что по вопросу о возможности создания ОГТ существуют самые различные взгляды. Ряд авторов отрицает возможность её создания. Однако большинство геологов и философов считает, что такая теория может быть создана. Предложены даже специальные программы по созданию теоретической геологии и соответственно ОГТ. Так, группа новосибирских авторов считает, что «на первый план в деле создания современной теоретической геологии выдвигается как первейшая и важнейшая задача логический анализ научного языка геологии, выработка общего языка для всей геологии» [1, 166].

Согласно И.В.Назарову, создание ОГТ возможно только в результате научной революции и создания новой концепции геологической реальности, кардинального изменения содержательного и методологического аппарата науки [7]. По В.Е. Хаину, «первый набросок подобной теории появится, возможно, в текущем десятилетии» [9, 154].

Методологические основания создания общегеологической теории

Итак, если ОГТ можно создать, то возникает вопрос: как её создать и какие задачи при этом необходимо будет решить?

Представляется, что методологической основой создания ОГТ являются основные положения и принципы материалистической диалектики. Большое значение имеет соблюдение основных регулятивных /эвристических/ принципов познания /причинности, соответствия, инвариантности, простоты и др./, которые, не определяя содержания научных идей, существенно ограничивают произвол в выборе основных положений строящейся концептуальной системы. Значение всех этих принципов заключается в том, что они, с одной стороны, включаются в структуру научного знания в качестве его основания, а с другой – ориентируют научный поиск, направляют его на раскрытие сущности изучаемых процессов.

Важное значение в синтезе имеет опыт других наук. В частности, важны формы мышления и способы решения теоретико-познавательных задач, которые выработала физика в своем развитии. Полученные физикой гносеологические выводы имеют общенаучный характер, затрагивают коренные вопросы теории познания вообще. Задача заключается в том, чтобы в геологии выявить эквивалентно-сравнимые ситуации и использовать преподанные физикой гносеологические уроки с наибольшей эффективностью.

Общеметодологической основой синтеза геологических наук и создания общей науки о Земле является центральная идея марксистской философии - идея о материальном единстве мира.

Но мир не только един, но и многообразен /единство в многообразии/ и находится в постоянном развитии. Многообразие мира обусловлено структурностью /дискретностью/ материи, применительно к Земле выступающее в виде иерархических уровней геосистем /геосфер/ и является следствием /итогом/ развития материальных объектов.

Единство /целостность/, структурность и развитие, как основные характеристики материи, и должны быть положены в основу синтеза геологических знаний. Этим будет удовлетворено одно из важных требований монистического подхода к созданию общих теорий - минимизация исходных

принципов, положенных в их основу. Из этих основных принципов дедуктивно должна выводиться вся система понятий, законов и принципов строящейся теории.

Но возникает вопрос: как объединить «односторонние», частные знания, добытые различными геологическими науками, в единое знание, опираясь на эти принципы?

Остановимся на значении принципов целостности и структурности.

Известно, что хотя целостные свойства объекта являются результатом взаимодействия, синтеза частей, тем не менее целое представляет собой новое дискретное образование. Отсюда вытекают два важных методологических вывода: 1) невозможно исчерпать сущность целого путем исследования частей, элементарных процессов; 2) несводимость целого к сумме частей и ведущая роль целого в становлении специфики частей.

Поскольку целое всегда есть новое дискретное образование, полное знание о нем может быть получено только путем рассмотрения отношения целостных характеристик к его элементам. Неясность этих отношений, то есть соотношений между многими компонентами /в нашем случае - частно геологическими науками/ между собой и с единым /теоретической геологией/ не позволяет создать целостное представление о Земле.

Для конкретизации этих общих положений принципа целостности надо четко и ясно разграничить объекты общегеологической и частных теорий, ибо эти объекты не совпадают. Объектом теоретической геологии /или общегеологической теории/ является Земля в целом /геологическая стадия её развития/ как сложная динамическая и историческая система, а объектом частных геологических наук - отдельные структурные организации Земли и их свойства.

Такое понимание не позволяет нам согласиться с точкой зрения, высказанной В.В.Грузой и Ю.Р.Ткачевым: «теоретическая геология не может быть чем-то параллельным стратиграфии, петрологии, минералогии или тектонике, то есть являться областью знания с объектом исследования, отличным от объектов этих дисциплин» [6, 11].

Общая теория /универсальное единство геологического знания/, охватывающая закономерности всех структурных уровней, не может быть получена путем механического переноса /редукции/ знания об одном уровне на все другие уровни. Такая абсолютизация и универсализация частных представлений и попытка на их основе обобщить все данные геологии не дают возможности учесть качественное многообразие геологических объектов. Общая теория не может быть получена и путем механического объединения частногеологических знаний, ибо в результате объединения этих «односторонних» знаний «комплексный» или «многосторонний» объект не обретет единых законов жизни. Поэтому одной из важных задач при создании ОГТ является выявление единства и взаимосвязи всех структурных уровней, включая и самый элементарный, и самый сложный. Обнаружение этого единства не только задача, но и путь построения ОГТ.

Как считает Б.М.Кедров, для создания общей теории необходимо преодолеть барьеры узкой специализации, мешающие комплексному подходу к изучению геологических процессов. А узкая же специализация обусловлена тем, что различные геологические науки не всегда развивались в достаточной связи друг с другом и, естественно, без всякой ориентировки на последующий синтез [2].

В такой ситуации. первый шаг в синтезе знаний должен состоять в том, чтобы перестроить сами исходные знания и представления, освободить их от некоторых элементов содержания, т.е. сделать их теоретически однородными и объединяемыми. Для этого нужна унификация понятийного аппарата геологических наук, создание сквозной системы понятий. Другими словами, не все содержание конкретных геологических наук должно подвергаться синтезу, но из каждой науки необходимо вычленивать такие узловые проблемы и факты, которые должны быть обобщены и объяснены общегеологической теорией.

Таковыми вопросами, по В.Е. Хаину, являются: «1/ определенная концепция происхождения Солнечной системы и становления Земли как планеты; 2) модель внутренней динамики Земли; 3) модель эндогенных процессов во внешних оболочках твердой Земли, индуцируемых более глубинными процессами; 4/ модели экзогенных процессов на поверхности Земли, обусловленных гравитацией, солнечной энергией и более отдаленными космическими воздействиями; оценка их роли в становлении земной коры и верхней мантии во взаимодействии с эндогенными процессами» [9, 154].

Указанная перестройка должна происходить в соответствии со структурой «многостороннего» объекта, т.е. Земли в целом, которая не совпадает со структурой объектов частных геологических наук. Все это приводит к тому, что в логической структуре будущей ОГТ должны быть выделены опреде-

ленные уровни, определенная иерархия. А это в свою очередь ведет к тому, что понятия в рамках ОГТ должны распадаться на классы по степени их общности. Поэтому особое внимание должно быть уделено их внутренней субординации для раскрытия структуры «многостороннего» объекта.

Только учет этих структурных уровней, учет всеобщих связей и отношений в рамках исследуемого предмета обеспечивает объективное и всестороннее рассмотрение исследуемой реальности.

Кроме рассмотренных принципов единства /целостности/ и структурности, большую роль в синтезе геологических знаний имеет принцип развития. Идея развития в геологии установилась лишь к концу XIX в. в борьбе с самыми различными метафизическими концепциями и в целом история геолога и характеризуется универсализацией принципа развития, т.е. распространением его на все уровни геологической реальности - от минералов и горных пород до Земли в целом.

Роль лидера геологических наук в создании общегеологической теории

В синтезе геологических знаний большую роль играет также целый ряд других факторов, например, одна из геологических наук, лидер. Среди геологических наук лидером, как считает большинство геологов, является геотектоника. Это объясняется тем, что геотектоника всегда являлась наукой о структуре и развитии литосферы в связи с развитием Земли в целом. Поэтому геотектоника занимает центральное положение в кругу геологических дисциплин, связывает многие из них между собой, поскольку все важнейшие события геологической истории так или иначе связаны с развитием тектонических движений. Обобщающие геотектонические концепции представляют собой теоретическую основу геологии на каждом последующем этапе её развития.

На современном этапе на такую роль претендует концепция тектоники литосферных плит или новая глобальная тектоника, которая, как утверждают ее сторонники, позволяет с единых позиций рассматривать обширный круг явлений, до недавнего времени казавшихся изолированными. Концепция новой глобальной тектоники рассматривает формирование и развитие земной коры и слагающих её формаций как результат последовательной и непрерывной дифференциации протопланетного вещества Земли, которая приводит к конвекции мантийного вещества, отражающейся в жесткой приповерхностной литосфере Земли в виде медленно, но непрерывно происходящих перемещений блоков литосферы - литосферных плит.

Концепция новой глобальной тектоники или неомобилизма возникла с выходом геологии на океанические просторы, т. е, в 50-е г. XX в. Исследование строения океанического дна резко увеличило наши знания о поверхности Земли, ибо все то, что было известно до этого, ограничивалось, по существу, одной ее материковой частью. Причем изучение строения океанического дна, возраста и состава пород и процессов, там протекающих, привело к необходимости не только радикального пересмотра ранее господствовавших в геологии представлений, но и отказа от многих из них.

В новой глобальной тектонике с единых позиций рассматриваются жизнь земных оболочек, эволюция континентов и океанических бассейнов, орогенез, метаморфизм и магматизм. Радикально пересматривается классическая теория геосинклиналей вплоть до вывода, что её «догмы» тормозят геологическую мысль.

Но у этой концепции много активных противников. Они обращают внимание на то, что новая глобальная тектоника полна противоречий и прямо игнорирует ряд геологических фактов. Впрочем, и сами творцы этой концепции не считают её совершенной и даже допускают, что через какое-то время она может быть отвергнута [8, 177].

Крупные геологические проблемы и их роль в синтезе геологических знаний

Одним из первых шагов, который может приблизить создание общегеологической теории, является постановка и решение крупных геологических проблем, вокруг которых можно синтезировать геологические знания. «В этом отношении, - пишет Б.М. Кедров, - весьма полезной оказалась идея о существовании геологической формы движения материи в природе» [2, 135]. Такая же точка зрения высказана и И.Ф. Зубковым, который считает, что лишь учение о формах движения материи «дает ключ к познанию специфики и взаимосвязи наук о Земле» [3, 21].

Синтезирующей функцией может обладать и *проблема энергетики геологических процессов*, для решения которой необходим комплексный подход и привлечение огромного числа различных специалистов. Проблема энергетики геологических процессов должна решаться не иначе, как путем вскры-

тия закономерностей взаимодействия внешних /космических/ и внутренних /тепла Земли/ источников энергии, являющихся движущими силами /причиной/ всех процессов, совершающихся на поверхности Земли.

Проблема энергетики особенно важна для объяснения тектонических процессов. Считают, что тектонические процессы обусловлены гравитационной дифференциацией вещества /которая продолжается до настоящего времени и является ведущим источником энергии/, радиоактивным распадом /радиогенное тепло, процесс выделения которого в отдаленном прошлом был гораздо более значительным/, ротацией планетного тела, а также его начальной аккрецией. Последний источник энергии является внутренним для процессов, развившихся после формирования Земли, однако во время её формирования он, несомненно, был внешним.

Кроме названных, т.е. внутренних, источников энергии нельзя не учитывать влияние и *внешних источников энергии* - энергии Солнца, приливных сил, а также ударов крупных астероидов.

Если для решения проблем энергетики геологических процессов и геологической формы движения материи необходим комплексный подход, то такой подход тем более необходим при создании общегеологической теории, включающей в себя как составные части все названные проблемы.

Особенностью синтеза знаний при создании общегеологической теории является то, что мы выходим за пределы Земли, что обеспечивает полноту и всесторонность синтеза знаний. Действительно, невозможно создать теорию предмета, не заглянув на него со стороны, не выявив его связей с другими предметами. Отсюда понятны воодушевление и оптимизм геологов, когда они увидели Землю из Космоса, выявили её крупные структуры.

Для создания общегеологической теории очень важен *учет закономерностей развития других планет Солнечной системы* - Луны, Марса, Венеры, Меркурия. Эти планеты, изучаемые с помощью космических аппаратов, представляют собой упрощенные аналоги геологического развития. Знание особенностей развития этих планет позволяет уточнить наши представления об истории развития Земли, позволяет рассматривать Землю как часть развивающегося Космоса и Вселенной и таким образом осуществить целостный подход к развитию Земли.

Данные сравнительной планетологии и космохимии особенно важны для познания самых ранних этапов архея. В свою очередь, изучение докембрия, особенно его древнейших формаций, необходимо для дальнейшего познания не только Земли, но и других планет. Успехи космогеологии /планетной геологии/ дают возможность существенно уточнить представления о механизме образования планет и их оболочек. Установлено, что химический состав звезд, Солнца, метеоритов однороден, а распространенность элементов в общем постоянна. Это свидетельствует об аналогичном механизме образования космических тел, несмотря на их большое разнообразие, обусловленное термодинамической и химической дифференциацией.

Когда-то геологи отмежевывались от решения вопросов о *происхождении Земли*. Но на современном этапе общегеологическую теорию невозможно создать без учета представлений о происхождении Земли. Представления о происхождении Земли /космогонические теории/ должны составить фундамент этой теории. Значение этих представлений заключается в том, что различные варианты генезиса Земли обуславливают и неодинаковое объяснение последующих этапов развития нашей планеты и особенностей её строения и состава. До последнего времени господствовали представления о формировании Земли и других планет путем аккреции первоначального холодного вещества газопылевого облака. Но в последние годы астрофизика и планетология получили результаты, которые существенно изменили представления о происхождении и начальной стадии развития Земли. Это идея об аккреции горячих планетозималей - остывших фрагментов массивных звезд.

Те или иные представления о происхождении Земли являются основой также для объяснения термической эволюции Земли, расширения и контракции как Земли, так и других планетных тел. Термическая эволюция в качестве главных этапов включает первоначальное разогревание, сопровождаемое расширением, и последующее остывание, чему соответствует сжатие.

Логико-гносеологической основой такого подхода, а именно учета **представлений** о происхождении Земли при создании общегеологической теории, является определение понятия путем подведения его под более широкое понятие. В данном случае понятие развития Земли подводится под понятие эволюции Космоса, Вселенной. Следовательно, в данном случае мы имеем синтез не только частных геологических наук, но и ряда других, таких, как космогония.

В общегеологической теории должны быть учтены и данные биологии. Это обусловлено тем, что со времени появления биосферы геологическое развитие Земли, по крайней мере, частично, обусловлено энергетическим потенциалом биосферы. Так, биосфера аккумулирует энергию солнечного излучения, захороняя её в процессе седиментации и высвобождая в процессе диагенеза, катагенеза и метаморфизма. Поэтому геологическая эволюция Земли не может быть понята без учета влияния на неё биосферы.

Важнейшим фактором целостного познания Земли является широкое применение в геологическом познании *методов физики и химии, кибернетики, математики и механики*, при помощи которых удается получить новое знание. Так, успехи изотопной химии и физики дают новое понимание эволюции нашей планеты. Они заставляют коренным образом пересматривать представление о продолжительности геологического времени и о роли тех периодов, которые относились ранее к предыстории Земли. Данные геофизики и геохимии позволили перейти от умозрительных построений к достоверному анализу, познанию внутреннего строения нашей планеты и её вещественного состава.

Большие надежды в деле создания теоретической геологии возлагали на *математизацию*. Самые радикальные «математизаторы» настаивают на необходимости и возможности абстрактного аксиоматического построения теоретических основ геологии. Действительно, внедрение в геологию математических методов имеет большое значение. Оно ведет к перестройке методологической базы геологии, к принятию системного подхода и гомоморфизма при изучении геологических явлений. Но математические методы не только не облегчили положения геологии, но и осложнили его. Выявились большие трудности в математизации, связанные с тем, что геологические явления и процессы оказались самыми сложными для математического анализа по разнообразию и комплексности информации. Отметим, что важнейшими условиями синтеза являются также разработка философских оснований геологии, унификация понятийного аппарата геологических наук, в частности формализация геологического знания, а также использование обобщающих идей системного подхода и теории информации, обладающих громадной обобщающей силой.

Заключение

Нынешняя тенденция синтеза знаний в геологии укрепляет уверенность в реальной возможности превращения недостаточно связанных друг с другом фактов теорий в единое, целостное знание, то есть общегеологическую теорию. Это будет наука, в которой 1) все принципы и факты будут внутренне, органически взаимосвязаны; 2) она будет представлять собой синтез многих определений, теоретически конкретное знание, итог восхождения от абстрактного к конкретному.

Литература:

1. Боровиков А.М., Воронин Ю.А., Еганов Э.А. и др. На пути к теоретической геологии // Вопросы философии. 1976. № 3. С. 166.
2. Взаимодействие наук /Под ред. Б.М. Кедрова и П.В. Смирнова). М.: Наука, 1984.С. 135.
3. Зубков И.Ф. Учение о формах движения материи как философско-методологическая основа теоретизации наук о Земле //Методологические вопросы наук о Земле: Тезисы докладов и выступлений к региональному научному симпозиуму. 10 – 12 октября 1984. Чита, 1984. С. 22)
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.15. С.368.
5. Медунин А.Е. О некоторых способах изучения Земли геофизикой в их историческом развитии и об особенностях современной классификации естественных наук //Взаимодействие наук при изучении Земли. М.: Изд-во АН СССР, 1963.С. 204.
6. Методы теоретической геологии. Л.: Недра, 1978.С. 11.
7. Назаров И.В. Проблемы диалектико-материалистической методологии в науках о Земле. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985.
8. Новая глобальная тектоника. М.: Наука, 1974. С. 177.
9. Хаин В.Е. Теоретическая геология в перспективе ближайшего десятилетия //Будущее геологической науки. М., Наука, 1985.С.154)

Файдрахманова Л.Р.

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт вычислительной математики и информационных технологий КФУ — ИВМиИТ-ВМК, студент

laysan1509@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается состояние атараксии, провозглашаемое древнегреческими философами, как высшее благо для человека. Невозмутимость возводится в культ конечной цели. Созданная связь «человек» - «космос» является характеристикой параллели между онтологией и астрономией. Путь, проложенный между формированием индивида и космологической моделью Большого взрыва, описывающей возникновение Вселенной, ставит вопрос о естественности данного состояния. На примере отклонений в разных временных периодах развития Вселенной, можно заключить о том, что атараксия имеет в себе разрушительную способность по отношению к индивидуальности личности. Их объединяющие свойства (например, отсутствие замкнутости и стационарности) опровергают закономерность «тепловой смерти» Вселенной, так и, аналогично, инертности внутреннего состояния индивида. Для человека, который претерпевал кардинально важные изменения в результате хаоса и иррациональности, атараксия является противоестественным и аномальным явлением.

Ключевые слова: атараксия, стоицизм, Вселенная, космос, Большой Взрыв, астрономия, душевное состояние, невозмутимость

Ataraxia as an unnatural state. Faidrakhmanova L.R.

Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Computational Mathematics and Information Technologies, student

Abstract: This article reviews the state of ataraxia, proposed by the ancient Greek philosophers, as the supreme good for the human being. Equanimity is lifted up into the cult as the ultimate aim. Created connection “man” - “space” is a characteristic of the parallel between ontology and astronomy. The pathway that laid between the formation of the individual and the cosmological model of the Big Bang, which describes the emergence of the Universe, poses a question of the naturalness of this state. As an example of deviations in different time periods of the development of the Universe, it can be concluded that ataraxia can be destructive in relation to the personality of the person. Their unifying properties (for example, the absence of isolation and stationarity) deny pattern of “thermal death” of the Universe, and so, analogically, the inertia of the individual’s internal state. For a person who was undergone crucially important changes in the result of the chaos and irrationality, ataraxia is an unnatural and anomalous phenomenon.

Keywords: ataraxia, stoicism, Universe, space, Big Bang, astronomy, state of mind, equanimity

При изучении философских трудов представителей стоицизма мы встречаемся с этической составляющей данного направления – атараксией. Обратимся к определению: атараксия - (от греч. ataraxia — отсутствие волнений, невозмутимость) — состояние душевного покоя, невозмутимости, к которому должен стремиться человек. Общий смысл заключается в том, что человек становится невосприимчив к внешним факторам, страхам, душевным переживаниям и чувствам. Наибольшее распространение термин получил в этике скептиков и эпикурейцев. В «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки говорится следующее: «Мудрец полон радости, весел и непоколебимо безмятежен; он живет наравне с богами. А теперь погляди на себя. Если ты не бываешь печален, если никакая надежда не будоражит твою душу ожиданием будущего, если днем и ночью состоянье твоего духа, бодрого и довольного собою, одинаково и неизменно, значит, ты достиг высшего блага, доступного человеку» [1, письмо LIX].

Действительно, стремление к подобному – осознается и даже принимается внутренне. Ты невозмутим, невосприимчив и непоколебим. Долгое время именно атараксия воспринималась нами как состояние, которое и будет являться конечной целью становления личности. Но насколько вообще это явление естественно для человека?

Что вообще представляет из себя человек? На этот вопрос нет правильного ответа, поэтому отталкиваясь мы будем от суждения, что человек является частичкой Вселенной. Мы можем заключить об этом, зная о сложной атомной структуре окружающего нас мира и самих себя. Но разве и сам он при этом не является определенно рода Вселенной? Часто слово «вселенная» мы заменяем словом «космос», которое обозначает участки Вселенной, лежащие вне границ атмосфер небесных тел. Однако более раннее определение носит в себе другой характер. Космос — (от греч. *kosmos* порядок, строй, мир) термин древнегреческой философии для обозначения мира как упорядоченного, организованного и единого целого. Первые гипотезы говорили о том, что космос возник из первобытного хаоса и являлся олицетворением идеально структурированной Вселенной. И от определения атараксии мы можем провести параллель к паре «человек – космос» – структурированный, гармоничный, невосприимчивый к внешним факторам мир. То, к чему на протяжении всей жизни стремились стоики. В этой замкнутой и организованной системе внутреннего «космоса» они искали конечную цель своего бытия.

Но что, на самом деле, представляет из себя тот самый «космос»? Что стало изначальным толчком для формирования Вселенной? Кажется, с космологической точки зрения ответ очевиден: Большой взрыв, который также ассоциируют с сингулярностью, когда вся материя была скоплением в точке с бесконечной плотностью и температурой. В период нестабильности Вселенной, когда она расширялась и охлаждалась, возникли фундаментальные силы физики.

Здесь чаще мы придерживаемся инфляционной модели Вселенной, где на начальном этапе она имеет микроволновый фон, который распределен равномерно и во всех направлениях. Он объясняется тем самым инфляционным периодом, когда Вселенная расширялась чрезвычайно быстро.

Различия в фоне колебались в районе одной стотысячной, объяснением к их появлению стали квантовые флуктуации. Флуктуация (от лат. *fluctuatio* — колебание) — любое случайное отклонение какой-либо величины. Более того, как писал Стивен Хокинг: «Квантовые флуктуации – это следствие принципа неопределенности. Флуктуации стали зёрнами, из которых проросли все структуры в нашей Вселенной: галактики, звезды и мы сами... Так что присматривайтесь внимательней к карте микроволнового неба. Это – схема строения Вселенной. Мы – продукт квантовой флуктуации на самой ранней стадии развития Вселенной. Бог действительно играет в кости» [2].

Последнее предложение является ответом к знаменитой фразе Эйнштейна, который отвергал роль случая в истории Вселенной. Тогда же мы получили утверждение, что инфляционная модель могла выдать абсолютно любой результат, отсутствовала какая-либо предсказательная возможность.

В эпоху инфляции образовывались и хаотично перемещались с околосветовой скоростью пары из частиц-античастиц. И даже здесь возникает парадоксальность, ведь пары начали аннигилировать, то есть взаимно уничтожать друг друга. Однако, мы – существа, химический состав которых включает в себя атомы кислорода, водорода, углерода и других элементов. Наш фундамент из элементарных частиц возник в результате отсутствия симметрии в процессе аннигиляции. Нет точного ответа на феномен, почему материи было больше, чем антиматерии. Человек стал структурой, возникшей в результате отсутствия систематичности и последовательности.

В результате коллапсов появлялись звёзды и галактики. Человек бы никогда не появился в условиях идеальной структуры или в условиях непоколебимой системы. Человек бы никогда не эволюционировал без внутренних и внешних потрясений. Мы – это результат хаоса. Человек – та же самая Вселенная, сформированная благодаря неравномерности, иррациональности и несогласованности.

Инертность и стационарность не свойственна индивиду, ему присуща изменчивость. Точно также наши внутренние состояния и мнения должны аннигилировать, превращаясь во что-то неординарное. Именно так формируется индивидуальность.

Человек ближе всего к «космосу» до своего рождения и после смерти. Тогда к чему он стремится? Атараксия видится скрытым стремлением к «небытию», тем самым вставая в оппозицию к жизни. Атараксия как характеристика внутреннего состояния соответствует равновесию, и здесь

можно рассмотреть аналогичное явление энтропии, когда её максимальная величина является точкой термодинамического равновесия. Что, по одной из теорий, влечёт за собой «тепловую смерть» Вселенной. Данное явление раскрывается в переходе всех видов энергии в энергию теплового движения, которая должна равномерно распределиться по всей Вселенной. То есть конечная цель - отсутствие термодинамических процессов. Однако, почему «тепловая смерть» не является естественным вариантом для Вселенной? Потому что Вселенная не является замкнутой системой, более того, она не стационарна. В процессе расширения под действием тяготения возникают новые небесные тела и объекты [3]. Так и человек в процессе взаимодействия с окружающим миром, обмениваясь с ним «энергией», порождает что-то новое. Атараксия – это «тепловая смерть» для человека. И она также не предусматривает, что индивид вовсе не ограничен собой.

Идеальность, которая олицетворяется тем самым «равновесием», становится критерием несостоятельности пути человеческого становления. Бытие характеризуется реакциями, эмоциональными всплесками и погружениями в «пограничные» состояния, которые и помогают нам осознать парадоксальность и противоречивость своего существования.

Часто для доказательства некоторого суждения мы должны двигаться от противного, осуществляя опровержение антитезиса. Но разве способен человек корректно осознавать всю многогранность внутреннего спектра, если он пребывает в состоянии равнодушия?

Родись человек с врожденной апатией к желаниям и проявлениям чувств, разве бы мы не расценили это как врождённую патологию? Драгоценная «эмоциональная невесомость» сделала бы из живого существа не только эмоционального инвалида, но и субъект, которому просто невозможно дать характеристику.

Индивид должен чувствовать и пропускать через себя самые разнообразные переживания и порывы от рождения и до самой смерти. Контрасты формируют его как специфичный, неповторимый и единичный объект мира. Может ли мы назвать «Человеком» существо, которое не знает, как растворяют в себе чувства радости и печали? Его непоколебимое состояние души отрицает одно из важнейших в поиске своего пути психических состояний – сомнение. Поэтому атараксия является смертельным приговором для формирования самости индивида.

В безмятежности не возникают вопросы. Человек лишь плавает на поверхности своего «Я». Не познав хаоса, он не может сотворить что-то глубоко личностное и нетривиальное. Апатия характеризует атрофированность души. Невозмутимость не даст приблизиться к понимаю истинной сущности индивида, его ипостаси. Как смерть является антиподом жизни, так и атараксия – противоестественным состоянием для *homo sapiens*.

Литература:

1. Луций Анней Сенека Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. Ошерова / Под ред. М. Гаспарова письмо LIX. М.: Наука, 1977. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1346570059> (дата обращения: 18.12.2019).
2. Хокинг С. Краткие ответы на большие вопросы / Пер. с англ. С. Бавин / Под ред. В. Сурдина. М.: Исток, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/464537-kratkie-otvety-na-bol-shie-voprosy.html> (дата обращения: 18.12.2019).
3. Зельдович Я.Б., Новиков И.Д. Строение и эволюция Вселенной. М.: Наука, 1975. 736 с. [Электронный ресурс]. URL: http://alexandr4784.narod.ru/zn_2.htm (дата обращения: 18.12.2019).

Фролов Б. Н.

*Московский педагогический государственный университет, кафедра теоретической физики,
профессор. Доктор физико-математических наук*

frolovbn@mail.ru

Аннотация: Аргументируется переход на новую пространственно-временную парадигму на основе осмысления наблюдательных данных о масштабной инвариантности ранней Вселенной. На основе этих данных формулируется гипотеза о том, что пространство-время в локальной области не является пространством Минковского, а пространством с симметрией группы Пуанкаре-Вейля, дополняющей пространство Минковского масштабной инвариантностью. Это позволяет понять сравнительно недавно открытое в квантовом мире явление нелокальности, лежащее в основе квантовой телепортации, а также мгновенного коллапса волновой функции при измерении. В настоящее время масштабная инвариантность, вследствие наличия частиц с ненулевой массой покоя, оказывается сильно нарушенной, что не позволяет наблюдать (за исключением крайне редких случаев) нелокальность на макроскопическом уровне.

Ключевые слова: пространственно-временная парадигма, масштабная инвариантность, группа Пуанкаре-Вейля, нелокальность.

About the new space-time paradigm.

Frolov B. N.

Moscow State Pedagogical University, Department of Theoretical Physics

Abstract: The transition to a new space-time paradigm is based on the interpretation of observational data on the scale invariance of the early Universe. Based on these data, a hypothesis is formulated that space-time in a local region is not a Minkowski space, but a space with the symmetry of the Poincare-Weyl group complementing Minkowski space with scale invariance. This allows us to understand the relatively recently discovered phenomenon of non-locality in the quantum world, which underlies quantum teleportation, as well as the instantaneous collapse of the wave function during measurement. At present, large-scale invariance, due to the presence of particles with a nonzero rest mass, is strongly violated, which does not allow observing (with the exception of extremely rare cases) non-locality at the macroscopic level.

Key words: space-time paradigm, scale invariance, Poincare-Weyl group, non-locality.

Пространство и время принадлежат к основным философским категориям, и поэтому изменение пространственно-временной парадигмы требует осмысления и анализа со стороны философов. Основанием для такого изменения является совокупность наблюдательных данных и теоретических выводов об эволюции ранней Вселенной.

Ранее (см. ссылки на литературу в работах [1, 2]) автором было обращено внимание на важность предложенной Е. Харрисоном и Я.Б. Зельдовичем гипотезы о масштабной инвариантности ранней Вселенной, использованной для расчета начальной части спектра первичных флуктуаций плотности материи (плата Харрисона–Зельдовича) с целью объяснения формирования галактик. Предположение Е. Харрисона и Я.Б. Зельдовича было частично подтверждено наблюдениями СОВЕ температурной неоднородности реликтового излучения, что также продемонстрировало масштабную инвариантность реликтового излучения.

Для объяснения этого явления в работах автора (см. [1, 2]) была высказана гипотеза о том, что в ранней Вселенной пространство-время локально не являлось пространством

Минковского, группой симметрий которого (фундаментальная группа) является 4-трансляции и 4-вращения (группа Пуанкаре), а более общим пространством, фундаментальная группа симметрий которого является группа Пуанкаре–Вейля, наряду с трансляциями и вращениями включающая также

подгруппу масштабных преобразований.

Была построена калибровочная теория группы Пуанкаре–Вейля, следствием которой является то, что геометрией пространства-времени оказывается не геометрия Римана с метрикой и кривизной, как в общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна, а более общая геометрия Картана Вейля, в дополнение к метрике и кривизне содержащая новые геометрические характеристики, такие как кручение и скалярное поле Вейля, интерпретированное как темная энергия на космологической шкале расстояний и как темная материя на галактических масштабах.

Найдены следствия построенной калибровочной теории гравитации (см. ссылки в [1, 2]). Получено сферически-симметричное решение теории, позволяющее найти объяснение одной из особенностей движения тел в Солнечной системе – пролетной аномалии. Даная аномалия заключается в том, что запущенный с Земли космический аппарат при выходе из Солнечной системы приобретает скорость, незначительно отличающуюся от той, которая вычисляется на основе принятой в настоящее время теории гравитации [4]. Предлагаемое объяснение заключается в предположении, что Солнечная система содержит скалярное поле Вейля (темную материю), которая видоизменяет сферически-симметричное решение, что и объясняет указанную аномалию. Найдено также аксиально-симметричное решение, позволяющее объяснить по той же причине особенность движения звезд в спиральных галактиках (плоского вида ротационные кривые).

Наконец, найдено космологическое решение для сверххранной Вселенной [4], содержащее решение известной проблемы космологической постоянной. Данная проблема представляет собой одну из важных проблем современной фундаментальной физики и состоит в огромном различии на 120 порядков между значением энергии физического вакуума (темной энергии, описываемой космологической постоянной), в начальной стадии эволюции Вселенной (определяемым на основании квантовой теории поля) и ее значением, определяемым на основании современных наблюдательных данных. Решение данной проблемы позволяет согласовать теорию эволюции Вселенной с современными физическими представлениями.

Указанные достижения пуанкаре–вейль калибровочной теории гравитации позволяют говорить о необходимости смены существующей пространственно-временной парадигмы. А именно, что пространство-время локально не является пространством Минковского, а пространством с фундаментальной группой Пуанкаре–Вейля. Причем на современном временном этапе масштабная инвариантность, содержащаяся в группе Пуанкаре–Вейля, в отличие от ранней Вселенной, оказывается сильно нарушенной вследствие существенного увеличения за период жизни Вселенной элементарных частиц материи с ненулевой массой покоя.

Указанная смена пространственно-временной парадигмы является существенной, так как свойства пространства-времени со спонтанно нарушенной пуанкаре–вейль симметрией отличаются от свойств пространства с чисто пуанкаре симметрией. Масштабная инвариантность, дополняющая группу Пуанкаре, позволяет понять явление нелокальности, сравнительно недавно открытое в квантовом мире [5]. К этому типу явлений относятся такие парадоксальные явления квантовой механики, как существование перепутанных состояний, квантовая телепортация, а также мгновенный коллапс волновой функции при измерении.

Вместе с тем, то обстоятельство, что масштабная инвариантность в макроскопических явлениях является сильно нарушенной, не позволяет нам наблюдать нелокальность на макроскопическом уровне (возможно, за крайне редкими исключениями). Макроскопическая нелокальность могла бы проявляться в независимости явлений от пространственно-временных расстояний, то есть в возможности одновременного наблюдения причинно связанных событий, пространственное или временное расстояние между которыми оказывается значительным; также в распространении малых возмущений на большие наблюдаемые расстояния, в проявлении различного вида дальнего действия. Возможные проявления макроскопической нелокальности обсуждаются в книге [6].

Литература:

1. Фролов Б.Н. Группа Пуанкаре–Вейля и теория гравитации Вейля–Дирака // *Метафизика*. 2017. № 4(26). С. 75–79.
2. Фролов Б.Н. Аксиома отделимости Хаусдорфа и спонтанное нарушение масштабной инвариантности // *Метафизика*. 2019. № 2(32). С. 120–127.
3. Iorio L. Gravitational anomalies in the solar system? // *Int. J. Mod. Phys. D*. 2015. Vol. 24, No. 6. 1530015, 37 p. (ArXiv:1412.7673v3 [gr-qc]).

4. Babourova O.V., Frolov B.N. Harrison–Zel’dovich scale invariance and the exponential decrease of the “cosmological constant” in the super-early Universe // ArXive: 2001.05969 [gr-qc], 2020.
5. Гринштейн Дж., Зайонц А. Квантовый вызов. Современные исследования оснований квантовой механики. 2-е изд. Долгопрудный: Издательский Дом «Интеллект», 2012. 432 с.
6. Массер Дж. Нелокальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 370 с.

Генезис обоняния

Цаплин В.П.

Ярославский государственный медицинский университет, доцент. Кандидат философских наук

tsaplinvp@gmail.com

Аннотация: В статье представлен философский подход рассмотрения периода царствования динозавров. Развитие, как философская категория, рассматривается через появление одного нового качества во всеобщем виде – обоняния. Обоняние возникает на базе: осязания, зрения, слуха и вкуса. Динозавры - те животные, которые и формировали обоняние. Язык, как анализатор вкуса, позволяет хищникам найти свою жертву. Один укус и жертва погибла. Как сохранить жертвам свою жизнь в таких условиях? Первоначально носовые пазухи возникают для поддержания дыхания в процессе питания, но затем под действием хищников, у жертв в них формируется новое качество, мощный анализатор, позволяющий уловить запах хищника на расстоянии его возможного нападения - обоняние.

Ключевые слова: развитие, внутривидовая, межвидовая агрессия, вкус, обоняние, тождество противоположностей.

The Genesis of smell.

Tsaplin V. P.

Yaroslavl State Medical Academy

Abstract: the article presents a philosophical approach to the period of the reign of the dinosaurs. Development, as a philosophical category, is considered through the appearance of one new quality in a universal form – the sense of smell. The sense of smell is based on touch, sight, hearing, and taste. Dinosaurs are the animals that formed the sense of smell. Language, as a taste analyzer, allows predators to find their prey. One bite and the victim was dead. How can the victims save their lives in such conditions? Initially, the sinuses arise to support breathing in the process of feeding, but then under the influence of predators, victims in them formed a new quality, a powerful analyzer that allows you to catch the smell of a predator at a distance of its possible attack - the sense of smell.

Key words: development, intraspecific, interspecific aggression, taste, smell, identity of opposites.

В научных кругах до сих пор ведется спор о периоде возникновения обоняния. Ученые [1] пишут, что обоняние одно из древнейших чувств, с помощью которого животные ориентировались в окружающей среде, в то же время обоняние стало, основным чувством в поведении млекопитающих, что уже противоречиво. Без выявления механизма формирования этого чувства, описать историю его появления невозможно. Наметить пути решения этой проблемы удалось с философских позиций.

Развитие, как философская категория, рассматривается через появление нового качества во всеобщем виде, которое охватывает и направляет все происходящие изменения в мире. А механизм появления нового качества можно описать с позиций дуализма, где в качестве основных взаимодействующих тенденций в животном мире приняты категории К.Лоренца: внутривидовая и межвидовая агрессии [2].

Обоняние, как самое молодое чувство, возникает на базе: осязания, зрения, слуха и вкуса. Под действием внутривидовой агрессии, в среде животного мира, в классе пресмыкающиеся (REPTILIA) стали выделяться хищники, например такие как: змеи (Serpentes), вараны (Varanidae), крокодилы (Crocodylia), из выживших, и конечно же динозавры(Dinosauria), которые начинают поедать собратьев своих меньших.

Динозавры и явились теми животными, которые формировали обоняние. Язык, как анализатор вкуса (змеи, вараны), как начальный источник формирования обоняния, позволяет хищникам найти свою жертву. Один укус и жертва быстро или более медленно парализована, погибла и съедена. Как жертвам сохранить свою жизнь в таких условиях? Создать мощный защитный покров или уйти в условия, менее приспособленные для жизни и малодоступные для хищников.

Одними из ярких представителей результатов такой стратегии выживания, является отряд черепах (TESDINES), включающий 12 отрядов, насчитывающий 210 видов. Они создали мощный защитный слой - панцирь. У многих черепах панцирь покрыт роговыми пластинами, как средствами усиления. Многие виды стали вести пресноводный или морской образ жизни. После спаривания, оплодотворенные яйца самки откладывают в местах малодоступных для хищников, в специально вырытую ямку, которую они же после кладки засыпают и утрамбовывают ее задними лапами. Все это позволило черепахам сохраниться на протяжении миллионов лет. Это яркие представители, но только остатки былого величия пресмыкающихся.

Но лучший способ выживания, создать новое качество, позволяющее выживать в условиях невозможных для жизни хищника. В нашем случае, почувствовать приближение хищника на расстоянии, но свыше границ его возможного нападения.

Первоначально носовые пазухи животных возникают и развиваются, как условие поддержания дыхания в процессе питания, но затем под действием внутривидовой агрессии хищников (динозавров) в них формируется мощный анализатор, позволяющий прежде всего почувствовать запах хищника на расстоянии его возможного нападения. Поэтому появление обоняния, вызывает удлинение носовых пазух, внутренние ноздри сдвигаются ближе к глотке и возникает возможность более активного ориентирования и выживания с его помощью в окружающей среде, как днем, так и ночью.

Формирование обоняния происходит в специфичных природных условиях: высокой влажности и сильных туманов, в условиях которых хорошо распространяются запахи. Развивающееся обоняние хищников заставило другие виды животных подняться и жить на деревьях или сменить среду обитания. Одна из классификаций динозавров так и указывает: архозавры (Archosaurus) исторически разделились на три крупные ветви: наземную (динозавры), водную (крокодилы) и воздушную (крылатые динозавры) [3]. Ярким представителем наземного хищника того времени, является тираннозавр РЕКС. Вес его доходил до 9,5 тонн, длина тела 12,3 метра, усилие сжатия челюстей составляла 6 тонн, за счет возникновения височных ям произошло облегчение черепа и усиление мышц сжимающих челюсти, поскольку при сжатии они могут выпячиваться в это отверстие, указательный коготь гипер развит, как нож для разделки туши. Это был главный безжалостный хищник мезозойского периода, сочетавший в себе свойства, как охотника, так и падальщика.

При питании в структуре организма жертвы происходит обмен веществ, и одной из частей выведения отходов из организма – потовая система. Первая часть пословицы: «ешь потей – работай зябни» и отражает это состояние организма.

У жертв – динозавров формировалась более развитая складчатость носовых раковин, произошло удлинение носоглоточного хода.

Вдыхаемый воздух, включающий летучие ароматические вещества (ЛАВ) хищника, попадает в обонятельную область носа, имеющую вид щели, покрытую обонятельным эпителием. Обонятельный эпителий постепенно исторически формирует область, содержащую несколько миллионов обонятельных нейронов.

В этой обонятельной области формируются белки – обонятельные рецепторы, способные связываться с определенными молекулами ЛАВ. Когда рецептор связывается с молекулой, присутствующей в воздухе, растворенного пота хищника, то рецептор передает сигнал внутрь клеток мозга, через возбуждение нейрона. Каждый обонятельный нейрон имеет только один обонятельный рецептор.

Обонятельные нейроны формируют различные обонятельные луковицы, которые связаны с комбинациями рецепторов и могут различать разнообразные запахи и далее сигнал идет в головной мозг, где и стимулируется организм для различных реакций. (Ричард Аксель (Richard Axel) и Линда Бак (Linda Buck))

В результате развития возникает внутренне противоречивое обоняние: первоначально возникает у жертв, как условие распознавания запаха хищников, ухода от его возможного нападения, а затем формируется распознавание съедобных растений и нахождение полового партнера и стремление к нему.

Все последующие виды, и прежде всего млекопитающие, имеют хорошо развитое обоняние и способны хорошо ориентироваться с его помощью в окружающей среде, а через межвидовую агрессию занимают с помощью обоняния главенствующее положение в природе.

Обоняние становится новым качеством – тождеством противоположностей – способное различать, как приятные (питание, полового партнера), так и неприятные (хищника). Запах всегда эмоционально окрашен, вызывая положительные или отрицательные эмоции.

Развитие обоняния привело к возникновению внутриутробного развития потомства млекопитающих, через стадию сумчатости, вскармливанию потомства молоком.

Возникшие млекопитающие привели к формированию новых свойств у уже существующих видов. Например, у крупных бабочек семейства павлиноглазок (Saturniidae) сформировалось обоняние, позволяющее обнаруживать самок на расстоянии более километра, но это вторичное качество [3].

Появление обоняния приводит к изменению и других предшествующих качеств, например, половые взаимодействия животных получили мощный механизм привлечения противоположного пола, с развитием яacobsonового органа. Животные стали выделять ЛАВ, пахучие вещества позволяющие привлекать представителей противоположного пола, этим же свойством обладает и человек.

В теле животных и человека сформировались надпочечники, сетчатая зона которых, выделяет пахучие половые гормоны, призывающие противоположный пол. Когда возникает у самки половое чувство («либидо»), надпочечники выделяют половые гормоны в мочу, одновременно вызывая ее недержание. Если этого не хватает для призыва самца, возникает следующая стадия, когда половые гормоны вызывают недержание твердых выделений тела. Если и этого не хватает, возникает полная потеря волосных покровов тела.

Литература:

1. Корытин С. А. (2007) Поведение и обоняние хищных млекопитающих. Изд. 2. 224 с.
2. Лоренц К. Агрессия (Так называемое зло) / К. Лоренц. -М.: Прогресс, 1994. – 272 с.
3. Жизнь животных, под ред. проф. А.Г.Банникова, т.4, изд-во «Просвещение», Москва, 1969, с. 148-153

Щедрина И.О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник. Кандидат философских наук

echiscar@yandex.ru

Аннотация: Исследования эпистолярного нарратива в научно-философском контексте являются одним из важнейших культурно-исторических оснований осмысления личностной идентификации и самоидентификации ученых в истории науки. Особую значимость научно-философский эпистолярный приобретает в исследованиях научных традиций естествознания и математического знания, ибо позволяет соотнести весьма специальную научную проблематику с ключевой, по существу, тематикой общегуманитарной рефлексии современности. В представленных тезисах к докладу, автор сосредотачивается на переписке академика, основателя московской математической школы Н.Н. Лузина и философа П.А. Флоренского. Обращение к эпистолярному нарративу двух этих фигур позволяет глубже раскрыть и экзистенциальные, и профессиональные и дискурсивные моменты их взаимодействия. При этом, вопросы и темы, звучащие в письмах, оказываются поразительно актуальными и для современного философского и научного сообщества.

Ключевые слова: эпистолярный нарратив, Н.Н. Лузин, П.А. Флоренский, наука, философия

Epistolary Narrative of N.N. Luzin and P.A. Florensky: Contemporary Viewⁱⁱ. Shchedrina I.O.

National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, junior researcher

Abstract: Studies of the epistolary narrative in the scientific and philosophical context are one of the most important cultural-historical grounds for understanding the personal identification and self-identification of scientists in the history of science. The scientific and philosophical epistolary narrative is of particular importance in the studies of the scientific traditions of natural science and mathematical knowledge because it allows us to correlate a very special scientific problem with the key, in essence, theme of general humanitarian reflection of our time. In the theses presented for the report, the author focuses on the correspondence of the academician, founder of the Moscow Mathematical School N.N. Luzin and the philosopher P.A. Florensky. Turning to the epistolary narrative of these two figures allows us to more deeply reveal the existential, professional and discursive moments of their interaction. At the same time, the questions and themes that sound in the letters turn out to be strikingly relevant for the modern philosophical and scientific society.

Keywords: epistolary narrative, N.N. Luzin, P.A. Florensky, science, philosophy

Скорость, с которой меняются мир вокруг человека и его собственное мировосприятие, в настоящее время все более и более возрастает. Это утверждение в полной мере относится и к процессам, затрагивающим феномен науки. Меняются методы, меняется материал, меняется сам ученый. В свою очередь эти, происходящие в науке изменения влекут за собой необходимость переосмысления исследовательских подходов к эпистолярному нарративу как одному из важнейших источников наших знаний об истории науки. В центре внимания в данной работе оказывается научно-философский эпистолярный нарратив Н.Н. Лузина и П.А. Флоренского. Выпускники физико-математического факультета Московского университета, они, в дальнейшем, пошли разными интеллектуальными путями, но сохранили при этом теплые личные отношения и, что в данном случае особенно важно, пронесли интеллектуально-экзистенциальный диалог сквозь года.

ⁱ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01252 «Историческая память и историческое понимание: эпистемологические риски обращения к нарративу».

ⁱⁱ The research is carried out at expense of RFBR, project № 18-011-01252 «Historical Memory and Historical Understanding: Epistemological Risks of Appeal to Narrative».

К эпистолярному нарративу Н.Н. Лузина многие исследователи обращались и ранее: были опубликованы его письма Вернадскому [1], в 1989 г. вышел сборник «Историко-математические исследования», в котором С.С. Демидов, А.Н. Паршин и С.М. Половинкин опубликовали переписку Лузина с Флоренским, также добавив комментарии и примечания [2]. В 2003 г. вышел номер «Математическое образование. Журнал фонда математического образования и просвещения», который был посвящен Н.Н. Лузину и его переписке [3]. Что касается Флоренского, то интерес к его идеям и к его личности неизменно присутствует в современной философской литературе. А.Н. Паршин и О.М. Седых, открывая совместной статьей том, посвященный Флоренскому, в серии «Философия России первой половины XX века», подчеркивают неугасающий интерес читателя к его идеям и собеседникам [4].

В настоящее время философско-научные линии в эпистолярной Лузина и Флоренского можно назвать не просто актуальными, но даже злободневными. Эпистолярный нарратив философа и математика позволяет проследить изменения, происходящие в самосознании каждого из участников переписки и на профессиональном, и на экзистенциальном уровнях, что позволяет отслеживать глубинную историческую динамику науки. Общий интерес к науке, даже общие контекстуальные шутки («...я пишу с таким же чувством, как если бы должен был вытянуть белый шар из 10-ти черных, положенных во всем надоевшую “урну”» [5, с. 133]), обсуждение волнующих событий: эпистолярный нарратив включает в себя все жизненные сферы Лузина и Флоренского. Среди любимых вопросов у обоих - интерес ученого-математика и религиозного философа к собеседнику; не просто «чем живете» или «чем занимаетесь», но «чем интересуетесь». Феномен «интереса» проходит сквозь эпистолярный Лузина и Флоренского на фоне обмена книгами, мнениями, новостями; звучат рассказы о путешествиях, обсуждение недугов, личной жизни и даже последних модных, говоря нынешним языком, трендов.

Звучит в эпистолярном нарративе Лузина и Флоренского и тема социальной и культурной мотивированности научной деятельности, т.е. фактически, речь идет о ценностных ориентирах фундаментальной науки и прагматических установках науки, превращающейся в социальную институцию. Хотя с момента написания этих строк прошло уже 116 лет, слова о предпочтениях в научном сообществе звучат по-прежнему весьма актуально: «Я очень рад был тому, что Вы отметили современную нервную крикливость в научных работах. Что, в самом деле, люди забывают о научной дороге и тяготеют к путям, где известность продается распивочно и навывнос!» [5, с. 131]. Н.Н. Лузин комментирует таким образом рассуждение П.А. Флоренского в работе «О символах бесконечности (Очерк идей Г.Кантора)»: «Десять лет Кантор таит в себе идеи, не давая знать о них в печати. Конечно, если бы это было в XVI столетии, то тут не было бы ничего особенного. Но кто знаком с современной литературой и знает, как дрожат многие за приоритет в каких-нибудь пустяках, как иногда мысль совсем непродуманная, недоразвитая, необработанная попадает в журнал, тот не может не удивляться выдержке Кантора. Он отказывался от известности и славы, на которую, несомненно, имел полные основания рассчитывать, пренебрегал суетным желанием написать нечто вроде того, чем создаются репутации, и шел мимо модных вопросов...» [6, 121].

Из Парижа Лузин пишет Флоренскому очень экзистенциально-напряженное письмо. Находясь в глубокой депрессии, он подчеркивает шаткое положение своего состояния весной 1906 г.: «У меня нет ничего, нет прочного мирозерцания; я не могу найти решения к “проблеме жизни”. Самосознание у меня так часто меняется, что жизнь становится прямо мучительной» [5, с. 135]. Особенно важен для современного исследовательского взгляда момент обращения Лузина к общегуманитарной сфере, когда он сетует на отсутствие у себя филологического, исторического, философского образования. «Я абсолютно не знаком с этими науками, а с одними математическими и естественными жить не могу».

Флоренский всячески поддерживает его, желая «мира души». Дважды будучи в состоянии, близком к самоубийству, Лузин приезжает именно к Флоренскому. И, в конечном итоге, обретает внутренний покой, описывая его в письме 1908 г.: «Лично живу очень счастливо. Перестал копаться в математике, стремясь понять ее последние основания, душу теорем, теорий. Вероятно, стал просто математиком» [5, с. 156].

В апрельском письме 1912 г. Лузин размышляет о специфике науки, о ее соотношении с философией и философскими категориями, с истиной: «Что такое наука? Я не знаю; <...> Но я хорошо знаю, что наука - не философия и не один только голый метод <...> До тех пор, как будут рождаться люди и существовать, до тех пор будет существовать и наука» [5, с. 165]. Сочетание философии и науки, науки и жизни самой будет волновать математика до самой смерти. Истоки этого он сам видел в собственном детстве. Так, в одном из писем Лузин сообщал, что в детстве прочел «критику чистого разума» ранее

книг Жюль-Верна. Такого рода «интеллектуальная двойственность» привела его к тому, что изначально он был избран в Академию именно на кафедру философии; на кафедру математики же его перевели позднее, с отъездом в Америку академика Успенского.

Обсуждая с П.А. Флоренским новые работы, теории и идеи, (в том числе оказавший неизгладимое впечатление «Столп и утверждение истины») Лузин даже называет его своей опорой. Возможно, именно это дружеское общение, пересечение философского мироощущения и пронесенной сквозь жизнь приверженности к математике позволяли Н.Н. Лузину и П.А. Флоренскому столь тонко чувствовать грядущие проблемы в жизненных и научных ситуациях. Сам Лузин в 1934 г. предчувствует грядущее и пишет о надвигающейся на науку бесконечно глубокой тени. Эти слова оказываются пугающе актуальными, хотя написаны они были задолго до появления новых проблемных контекстов нашего времени - нарастание внешних социальных факторов, влияющих на научно-познавательную деятельность, редукция наукометрической оценки результативности науки к количественным показателям, усиление прагматической мотивации в философских и естественнонаучных кругах.

Литература:

1. Антипенко Л.Г. Н.Н.Лузин: Письма к В.И.Вернадскому / коммент. Л.Г.Антипенко // Русская мысль. 1993. № 1-2. С.103-117.
2. Демидов С.С., Паршин А.Н., Половинкин С.М. О переписке Н.Н.Лузина с П.А.Флоренским // Историко-математические исследования. 1989. Вып. 31. С. 116-124.
3. Костенко И.П. Слово о Лузине // Математическое образование. Журнал Фонда математического образования и просвещения. №4 (27), октябрь-декабрь 2003. С. 2-8.
4. Павел Александрович Флоренский / под ред А.Н. Паршина, О.М. Седых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
5. Переписка Н.Н. Лузина с П.А. Флоренским (публикация и примечания С.С. Демидова, А.Н. Паршина, С.М. Половинкина и П.В. Флоренского) // Историко-математические исследования. 1989. Вып. 31. С. 125-191.
6. Флоренский П.А. О символах бесконечности (Очерк идей Г.Кантора) // Флоренский П.А. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 1994. 1. С. 79-128.

Историзм как методологический принцип познания (Густав Шпет в сфере разговора русских историков)ⁱ

Щедрина Т.Г.

*Институт социально-гуманитарного образования МПГУ, профессор. Доктор философских наук
tannirra@yandex.ru*

Одним из важнейших направлений русской интеллектуальной традиции является философия истории. При этом, как правило, на первый план выходила именно историософия, метафизическое конструирование смысла истории. Вместе с тем в России сложились мощные научные исторические школы, интерес которых сосредоточивался на осмыслении методов исторической науки. В докладе предпринимается попытка включить профессионального философа Г. Шпета в «сферу разговора» историков о методологических основаниях исторического познания. Такое «включение» позволяет увидеть, что рассуждения «философствующих» ученых-гуманитариев (Кареев, Лаппо-Данилевский, Петрушевский и Хвостов) оказываются так или иначе созвучными и его философским поискам, и сегодняшним поискам ответа на вопросы о том, как возможна эпистемология, снимающая жесткое противопоставление социально-гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ключевые слова: история, методология, Г.Г. Шпет, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, Д. М. Петрушевский, В. М. Хвостов

Historicism as a Methodological Principle of Knowledge (Gustav Shpet in the «Sphere of Conversation» of Russian historians) Shchedrina T.G.

Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MPGU), professor

One of the most important areas of Russian intellectual tradition is the philosophy of history. In this case, as a rule, historiosophy, the metaphysical construction of the meaning of history, came to the fore. At the same time, powerful historical schools have developed in Russia. Their interest has focused on understanding the methods of historical science. The report attempts to include the professional philosopher G. Shpet in the “sphere of conversation” of historians about the methodological foundations of historical knowledge. Such an “inclusion” allows us to see that the reasoning of the “philosophizing” humanities scientists (Kareev, Lappo-Danilevsky, Petrushevsky, and Khvostov) turn out to be in one way or another in harmony with his philosophical searches and today’s search for answers to questions about how epistemology that removes a tough contrast between socio-humanitarian and natural science knowledge is possible.

Keywords: history, methodology, G.G. Shpet, N.I. Kareev, A.S. Lappo-Danilevsky, D.M. Petrushevsky, V.M. Khvostov

Очень многое сегодня меняется в окружающей нас социокультурной среде, и надо признаться, мы не можем определить даже направление этих изменений, не говоря уже о том, чтобы влиять на них. Мы фактически теряем историческую, а стало быть, и культурную идентичность. А поскольку именно историческая наука - главный, пожалуй, путь возвращения в историю, столь важным и актуальным для философа является осмысление опыта исторического познания, опыта рефлексии историков. Между тем, у отечественных философов есть уникальная возможность продвижения в этом направлении. Как показывают современные исследования, «русская философско-историческая мысль изначально развивалась в постоянном контакте с исторической наукой, а зачастую и в открытой полемике с ней» [1, с. 186]. И потому сегодня очень важно присмотреться к тем философско-методологическим основаниям, на которые опирались русские исторические школы.

ⁱ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01187 «Густав Шпет как методолог гуманитарного знания: реконструкция архивных материалов».

Что сближает современное философско-методологическое сознание с исторической наукой? Историческая наука близка философии еще и тем, что в ней в качестве органической составной части присутствует дисциплина, весьма сходная по своим задачам с философско-методологической рефлексией над наукой, – историография, которая подводит историков к мысли о том, что существующие мнения и интерпретации исторического процесса можно рассматривать не только как репрезентации исторической реальности, но и как словесную реальность, требующую особых методологических подходов. Историография – это исследование способов обоснования мнений. Такое же отношение к мнениям присутствует и в истории философии, и в эпистемологии. Здесь каждый способ видения, каждый поворот в аргументации важен, если он обоснован. Историография не столько проверяет мнения на истинность, сколько «собирает» их и типологизирует, прокладывая маршрут для следующих поколений историков, стремящихся к знанию о прошлом.

Именно историографический способ работы подталкивает ученого к методологическим размышлениям о месте предмета истории в общей системе научного знания, что ярко продемонстрировали Кареев, Лаппо-Данилевский, Петрушевский и Хвостов. Каждый из них шел своим путем. Кареев создает теорию исторического знания, Лаппо-Данилевский пишет методологию истории, Петрушевский размышляет о логике исторической науки, а Хвостов – о теории исторического процесса. Связующим звеном этих четырех проектов исторической эпистемологии является модное в то время философское течение – неокантианство. Нельзя сказать, что все собеседники Шпета – неокантианцы, однако научно-гуманитарная сфера разговора первой половины XX века была настолько наполнена спорами об этом философском направлении, что любой методологически ориентированный гуманитарий и философ был просто вынужден высказать свою точку зрения на неокантианскую классификацию наук. Тем более это касалось историков, которые по своей профессиональной ориентации историографичны в методологических рассуждениях об истории, и именно это позволило им усомниться в правильности неокантианской классификации наук и различении номологического и идиографического методов познания реальности.

Между тем, неокантианские представления о дисциплинарной структуре науки, эпистемологических принципах и специфике социально-гуманитарных исследований доминируют и в современном методологическом сознании ученых. В этом контексте особую значимость для современной эпистемологии в ее различных изводах приобретает вопрос о дихотомии гуманитарного и естественнонаучного знания, в частности, вопрос о методологическом статусе исторической науки, поставленный в ракурсе этой дихотомии Риккертом. И если социальная эпистемология принимает заданную Риккертом дихотомию (можно даже сказать, что она универсализирует ее, объявляя всякое знание социальной конструкцией), то культурно-историческая критически ее переосмысливает (дихотомия «естественнонаучное – социогуманитарное» теряет статус основного методологического требования и превращается в один из элементов методологической работы, имеющей контекстуальное значение). Культурно-историческая эпистемология погружает различия между естественнонаучными и гуманитарными исследованиями в более широкий контекст, так как рассматривает науку (по традиции положительной философии [2]) как целостный феномен. При этом в процессе осмысления реальности современной науки культурно-историческая эпистемология выявляет в ней иные процессы расслоения. За основу берется принцип «семейного сходства», как о нем писал Витгенштейн. Научное познание всегда стремится к общезначимости, это его основная функция, а разграничения, которые фиксирует культурно-историческая эпистемология, касаются способов отношения к познаваемому результату. В современной науке (и естественной, и гуманитарной) можно увидеть фундаментальные исследования, нацеленные на прирост и обогащение знания о мире и реальности, и прикладные, направленные на получение конкретного единичного продукта (под социальный заказ). В естественной науке на первый план в этом случае выходит техника, а в гуманитарных – идеология. Культурно-историческая эпистемология рефлексивно выявляет то, в чем растворяется социальная эпистемология, которая просто констатирует прикладнизацию науки и работает внутри этой реальности. Именно в рамках культурно-исторической эпистемологии приобретают особое звучание методологические проекты Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. М. Петрушевского, В. М. Хвостова, которые так или иначе пытались преодолеть неокантианскую дихотомию (и в этом плане культурно-историческая эпистемология продолжает традицию «положительной философии» на русской почве).

Причем, благодаря сопоставлению их позиций с взглядами именно Г. Г. Шпета как профессионального философа-методолога раскрывается сегодня философский смысл их фундаментальных

методологических установок [3]. Сам Шпет прекрасно знал о том, как, каким образом в сообществе историков размышляют о проблемах исторического знания и исторического процесса. Для него, профессионального философа, эти размышления составляли содержательное основание его собственной концептуальной эволюции. В свою очередь, философско-методологические размышления Г. Г. Шпета не оставались вне внимания профессиональных историков, не замыкавшихся в узко эмпирической, частной исторической работе. Они также откликались на философские исследования Шпета, искавшие ответы на эпистемологические проблемы исторического познания. И в этом общении ярко проявлялась интеллектуальная целостность весьма многогранного гуманитарного сообщества России первой половины XX века, причем не только на уровне взаимных апелляций и ссылок в конкретных трудах, но и в процессе оппонирования диссертаций. Н. И. Кареев и В. Н. Ивановский написали рецензии на первую часть книги Г. Шпета «История как проблема логики», Д. М. Петрушевский делился со Шпетом методологическими сомнениями в письмах, В. М. Хвостов ссылался на шпетовские переводы Риккерта, а А. С. Лаппо-Данилевский ставится Шпетом в центр внимания в книге о герменевтике. Несмотря на идейные разногласия, историки и философы того времени прекрасно понимали друг друга, поскольку тематическая сфера разговора была единой в русском гуманитарном сообществе того времени.

Сами историки опирались в методологических размышлениях прежде всего на реалии исторической науки, на опыт собственных исследовательских практик. Но философско-методологическая направленность их размышлений об исторической науке в значительной мере проясняется для нас сегодня благодаря апелляциям к идеям философа, суждения и оценки которого выступают как своего рода координаты, позволяющие определять подлинный философский статус методологических позиций перечисленных авторов. Так, именно благодаря соотнесению взглядов Шпета и Хвостова по поводу дихотомии идиографических и номотетических наук мы получаем уникальную возможность уяснить действительный методологический смысл «социологизма» Хвостова, взгляды которого на историю зачастую интерпретируются как социологические. А в результате открывается возможность актуализации целого ряда методологических аспектов творчества Хвостова в контексте сегодняшних размышлений о научной специфике исторического знания и гуманитарного знания в целом. Кроме того, только в сопоставлении со шпетовскими идеями мы можем зафиксировать границы историзма, который постулировал Кареев, осмыслить проблему понимания исторического источника как выражения «чужой одушевленности» (как ее поставил А. С. Лаппо-Данилевский). Наконец, погружаясь в эпистолярный разговор Шпета и Петрушевского, мы видим ограниченность неокантианских трактовок исторического предмета.

Сегодняшние наши успехи в философии зависят от того, сумеем ли мы уйти от абстрактных игр с понятиями, погрузиться в методологическое осмысление конкретных наук, конкретной действительности. И это в значительной мере связано с нашим обращением к методологическому опыту русских историков конца XIX – начала XX века. Дело в том, что это обращение позволяет продемонстрировать, что рефлексия русских историков рубежа прошлого и позапрошлого веков над их собственной исследовательской работой, их явно формулируемые установки отнюдь не совпадают с реальной практикой использования методологического инструментария в этой познавательной работе. И констатация этого расхождения фактически открывает перед современной философско-методологической рефлексией над наукой принципиально новые исследовательские перспективы, связанные с анализом методологии не как набора стандартов, но как познавательного инструментария.

Литература:

1. Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Русская философия истории. Курс лекций. 2-е изд. М., 1999. С. 186.
2. Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.
3. Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1997.

В.А. Яковлев

МГУ имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, кафедра философии естественных факультетов, профессор. Доктор философских наук

goroda460@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь математической и физической реальностей. Выдвигается положение, что единой фундаментальной объективной реальностью является информационная реальность. Информация понимается как объективная реальность, воспринимаемая субъектом посредством сенсорных органов, которую он фиксирует и осмысливает с помощью различных семантических пропозиций, логико-математических операций и вычислений.

Ключевые слова: информация, бытие, реальность, математика, физика, парадигма, программа, наука

Information as foundation physical and mathematical reality. *Iakovlev V.A.*

Department of natural faculties of philosophical faculty of Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article examines the relationship between mathematical and physical realities. It is put forward that the information reality is a single fundamental objective reality. Information is understood as the objective reality perceived by the subject by means of touch bodies which it fixes and comprehends by means of various semantic propositions, logical-mathematical operations and calculations.

Keywords: information, reality, mathematics, synergetic, physics, paradigm, program, science

Априорность фундаментальной математики

Ещё в Античности основной вопрос философии – что первично: материя или дух – был переформулирован в натуралистических программах на: – что первично: вещество или число [1].

Хорошо известно, что многие выдающиеся исследователи становились на сторону Платона. Платонистами были Галилей («Книга природы написана на языке математики»), Кронекер («Натуральный ряд чисел дан Богом»), Кантор («В множествах выражается актуальная бесконечность»), Герц («Уравнения Максвелла продиктованы Богом»). Из математиков XX в. назовем Гёделя, Поля Эрдоса («Существует божественная книга, где записаны все лучшие доказательства»).

А. Эйнштейн в так называемой Спенсеровской лекции «О методе теоретической физики» говорил о творческой роли математики в понимании и описании структур природы. Вопрос о тесных «родственных» связях математики и физики обстоятельно обсуждал известный математик В.И. Арнольд [2]. Осмысливая основы математики, А.Ф. Лосев признал её априорность (трансцендентальность) в абсолютном плане [3]. Классической стала работа Е. Вигнера: «Непостижимая эффективность математики в естественных науках».

Многие исследователи поддерживают точку зрения о реальности и объективности математических структур.

Так, известный современный физик и математик Р. Пенроуз считает, что «...математические объекты обладают свойством собственного вечного существования, не зависящего ни от человеческого общества, ни от конкретного физического объекта» [4, с. 124].

В отечественной литературе платонистская позиция наиболее отчетливо выражена в работах Ю.И. Кулакова, который полагал, что «...наряду с макромиром и с невидимым микромиром существует не менее важный для нас еще один невидимый мир – Мир Высшей реальности» [5, с. 135].

В космологическом масштабе М. Тегмарком в 1998 г. была выдвинута гипотеза математической

вселенной (ГМВ), в которой обосновывалось, что любая логически непротиворечивая математическая структура реализуется физически и каждой из них соответствует своя Вселенная [6].

Итак, априорность (трансцендентальность) фундаментальной математики понимается в абсолютном плане – как некая беспредпосылочная, вневременная, идеальная реальность, раскрытие структуры которой и составляет цель метафизики математики.

Физическая реальность

В. Гейзенберг и В.А. Фок называли квантовый мир «бытием возможного», или «бытием потенциальных возможностей». А наш классический мир – «бытием актуального», или «бытием осуществившегося».

В этой связи примечательна позиция известного академика Я.Б. Зельдовича, который предложил гипотезу о возможности рождения мира из «ничего»: «Рождение мира из ничего – это значит рождение Вселенной без затраты энергии. Начальная флуктуация вакуума имеет энергию равную нулю. Квантовое рождение Вселенной – это рождение Вселенной из квантовых флуктуаций вакуума» [7, с. 39].

А.Ю. Севальников так же, как В. Гейзенберг, утверждает, что кроме бытия актуального, «наблюдаемого», с которым имела дело вся классическая физика, как минимум необходимо различать еще один модус существования, отличного от актуального, а именно бытие возможного.

Не является ли квантовый многовариантный мир потенциальных возможностей миром фундаментальной свободы, где квантовый объект сам «выбирает» в каком состоянии ему находиться?

Е.А. Мамчур подчёркивает объективность знания, сконцентрированного в современных физических теориях. В то же время автор говорит о конструктивной деятельности ученых в современном осмыслении объектов физической реальности, которым нет аналогов в макромире – корпускулярно-волновой дуализм, суперпозиция состояний и др. [8].

В наиболее обобщённой форме осмысление физической реальности представлено в трудах Ю.С. Владимировой. Исследователь считает, что в современном развитии теоретической физики можно выделить «...три направления развития (три взгляда на физическое мироздание), которые естественно назвать тремя метафизическими парадигмами. Таковыми являются: 1) теоретико-полевая парадигма (ныне доминирующая), в основу которой положены принципы и понятия теории поля (главным образом квантовой теории), 2) геометрическая парадигма, опирающаяся на закономерности общей теории относительности и ее обобщений, и 3) реляционная парадигма...». [9, с. 8]. Утверждается, что необходимо смотреть на мир с позиций всех трех парадигм, чтобы составить наиболее полное представление о физической реальности и избежать попыток решения надуманных проблем.

Правда, на наш взгляд, здесь возникает методологически важный вопрос. Дело в том, что необходимо уточнить, в каком смысле используется авторами понятие «парадигма».

Согласно Т. Куну [10], под парадигмами понимаются признанные сообществом научные достижения. Это – дисциплинарная матрица, объединяющая учёных в данное научное сообщество. Иначе говоря, никакого принципа взаимодополнительности парадигм методология Куна не допускает. «Или – или». Что автор и демонстрирует на примерах смены парадигмы Аристотеля-Птолемея на парадигму Коперника-Галилея и парадигмы флогистона на парадигму Лавуазье.

Бытие информации

В современной физике с категорией «бытие» коррелируют понятия: «квантовый мир», «физический вакуум», «струны», «браны», «Мультиверс» и др.

К этому можно добавить представления о космологической реальности, или информационном поле Мультиверса, опирающиеся на так называемый «антропный принцип». «Введение представления об информационном поле Вселенной, – считает В.А. Кушелев, – означает признание онтологического статуса за информацией и правомерность философского анализа этой реальности наряду с такими формами материи как энергия и вещество, которые являются предметом исследования науки» [11, с. 75].

Наиболее адекватным языком, выражающим структуры информационного бытия (поля), является математика. Человек лишь открывает информационные структуры, но не создаёт их.

Выдающийся американский физик-теоретик Дж. А. Уилер в 1990 г. выдвинул тезис «всё из Бита»

(«It from Bit») и концепцию творческого участия человека в событиях Вселенной [12].

С нашей точки зрения, Уилер фактически выдвинул тезис об онтологическом статусе информации. Заметим также, что в своё время Э. Мах, критикуя извечное противостояние материалистов и идеалистов, пришёл к выводу о признании так называемых нейтральных элементов – наших ощущений. Понятие битов, преодолевая антропоморфизм Маха, сохраняет в целом его главную идею о существовании нейтральных элементов мироздания. Любая информация обладает идеальным смыслом и значением, но в то же время не существует без материального носителя.

С такой точки зрения появляется возможность для нового варианта интерпретации квантового состояния как информации, получаемой субъектами, взаимодействующими через приборы с квантовыми системами. Эта информация и есть описание самой физической реальности, которая в то же время конструируется самим субъектом. Таким образом, в философию науки вводится *информационная интерпретация квантовой механики*.

В последнее время серьёзный вклад в разработку проблематики философии информации вносит профессор Лучано Флориди. Он выдвинул концепцию, согласно которой информация – это такого же рода философское понятие, как и категории бытия, жизни, разума, знания, добра и зла. Более того, по мнению Флориди, традиционные философские понятия могут быть выведены или определены тоже через информационные термины

Как нам представляется, постепенно происходит категоризация понятия «информация». От обыденного понимания информации как получения, хранения и передачи различного рода сведений в ходе человеческого общения данное понятие переходит на уровень межнаучного, активно используемого не только в общественных науках, но и в космологии, биологии, химии и квантовой физике. На наш взгляд, в конечном счёте, статус понятия информации может быть повышен с общенаучного до философско-категориального.

Таким образом, понятие информации тесно «увязывается» с понятием объективной реальности. Синонимом единой объективной реальности становится информационная реальность (бытие информации), данная субъекту в многообразии ощущений, показаниях приборов и вычислениях. Эта реальность, можно сказать, является квинтэссенцией математической, физической, семантической и семиотической реальностей, синтезируя их и снимая проблему первичности, если так можно сказать, курицы или яйца.

Информационная реальность (информационное бытие) – это современное «архэ» мироздания. Поэтому все существовавшие в истории философии представления об «архэ» – «идеях», «материи», «дао», «пневме», «абсолютах», «монадах», «мировом разуме», «творческом порыве» и т.п. можно считать в определённой степени доинформационными подходами (в какой-то мере синонимами) к осознанию фундаментального значения категории «информация».

Заметим также, что так называемый «третий мир» Поппера (в его время «Всемирную паутину» только начали плести) в настоящее время, на наш взгляд, вполне интерпретировать как информационное поле социума – ИНТЕРНЕТ.

Перефразируя известное выражение Ф. Энгельса, можно сказать, что мир един в своей информационной реальности. Информация не сводится ни к веществу, ни к энергии, ни к семантико-семантическим структурам. Она не существует в каком-то «чистом» виде, но в то же время и не зависит в своей сущности от природы носителя.

Информация – это объективная реальность, которую субъект воспринимает посредством сенсорных органов, эксплицирует в пропозициях, осмысливает с помощью различных логико-математических вычислений и операций, используя постоянно в коммуникативной практике для достижения поставленных целей.

Действительно ли мы живём в информационной Вселенной и открываем в своём творчестве [14] её программы в Космосе и на Земле? Это – проблемы, которые являются глобальными для современной науки и философии.

Литература:

1. Яковлев В.А. Креативы натурфилософских программ Античности // Вестник Московского университета. 2019. № 3. Серия 7 ФИЛОСОФИЯ. С. 26 – 40.

2. Арнольд В.И. Математика и физика: родитель и дитя или сестры // Успехи физических наук. – 1999. – Т. 169. – № 12. – С. 1311–1323.
3. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. / А.Ф. Лосев Хаос и структура. М.: Мысль, 1993. 831с.
4. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2005. 416 с.
5. Кулаков Теория физических структур – математическое основание фундаментальной физики / Метафизика. Век XXI. Сборник трудов. М.: Бином, 2006.
6. Tegmark M. The Mathematical Universe // Foundations of Physics. 2008. Vol. 38(2). P. 101– 150.
7. Зельдович Я.Б. Рождение Вселенной из «ничего» // Вселенная, астрономия, философия. М.: Изд-во МГУ, 1988.
8. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). — М., 2004. — 242 с.
9. Векшенов С.А., Владимиров Ю.С., Ефремов А.П., Севальников А.Ю. Состояние и перспективы развития фундаментальной теоретической физики // Метафизика, 2019, № 4 (34).
10. Кун Т. Структура научных революций. М. Прогресс. 1975. - 288 с.
11. Кушелев. Метафизика и физика о природе парадокса времени // Философия физики: актуальные проблемы. Международная научная конференция. Москва, 17-19 июня 2010 г.
12. Wheeler J.A. “Information, physics, quantum: The search for link” in Zurek (ed.) Complexity, Entropy and the Physics of Information, Addison-Wesley. P. 370.
13. Floridi L. The philosophy of information: ten years later // Metaphilosophy / ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 41. № 3. April 2010. – P. 420–442. 2004. – P. 554–582.
14. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. М., 2010. № 6. С. 44 – 54.

Теорема Бернулли и условия применения математики по Колмогорову

Резников В.М.

Институт философии и права СО РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

mathphil1976@gmail.com

Аннотация: В работе исследованы условия применимости теоремы Бернулли в рамках частотной интерпретации. Мотивацией для исследований является критика требования Колмогорова к вероятностям, сторонниками субъективистской интерпретации теории вероятностей на основе теоремы. Критики полагали, что требование Колмогорова о близости вероятности события и его частотных характеристик оказывается избыточным, т.к. является заключением теоремы. Для исследования основательности критики, сформулированы эпистемологические и операциональные требования к применимости математики в эмпирической традиции. В этой традиции математика, в частности теорема Бернулли, обоснованно применяется по отношению к объективно установленным вероятностям, в этом случае и заключение теоремы имеет объективный характер. Показано, что идея субъективистов об объективизации исходных субъективистских вероятностей на основе теоремы оказывается несостоятельной, отсюда их критика Колмогорова не является состоятельной. Кроме того, показано, требование Колмогорова оказывается не заключением теоремы, а предпосылкой ее корректного применения.

Ключевые слова: теория вероятностей, частотная интерпретация, субъективистская интерпретация, теорема Бернулли, применимость математики, эпистемология, операционализация.

Bernoulli theorem and conditions of mathematics application by Kolmogorov. Reznikov V.M.

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract: I study the conditions of applicability of Bernoulli theorem in the frequency interpretation. The criticism of Kolmogorov's requirements to probabilities by the advocates of subjective interpretation motivates my research. Opponents believed that Kolmogorov's requirement of the nearness of probability event and its frequency characteristics was reducible, since this is the conclusion of the theorem. To examine the soundness of this criticism I formulate epistemological and operational conditions of the application of mathematics in empirical tradition. In this tradition mathematics, Bernoulli theorem in particular, is used justifiably in relation to probabilities estimated objectively; in that case the conclusion of the theorem has an objective character. I show that the idea of subjectivists to obtain the objectivization of initial subjective probabilities on the basis of the theorem is incorrect. Therefore this critique of Kolmogorov is unsound. I further demonstrate that Kolmogorov's requirement is not the conclusion of the theorem, but a precondition of its correct application.

Key words: probability theory, frequency interpretation, subjective interpretation, Bernoulli theorem, epistemology, operationalization.

В середине прошлого столетия известные философы Г. Райл и М. Полани отмечали значимость активной части знания, связанной с ее применением. Активная часть знания или 'know how', имеет значение, так как способствует пониманию. Знаменитый математик А.Н. Колмогоров говорил, что успехи в основаниях математики заслонили самостоятельную проблему, связанную с применением математики. Отметим, что проблеме применимости математики уделяется недостаточное внимание, несмотря на ее связь с проблемами эффективности математики, понимания изучаемых феноменов на основе математики, неустранимости математики из состава наиболее успешных научных теорий. Несмотря на актуальность, проблема применимости математики не является популярной в методологии науки. Наша работа посвящена проблеме применимости и эпистемологической значимости теоремы Бернулли. Влияние этой теоремы на развитие теории вероятностей является общепризнанным, однако оценки ее эпистемологической и операциональной значимости, не являются однозначными. Прежде чем анализировать теорему, имеет смысл напомнить ее.

Теорема Бернулли. Пусть при проведении n независимых наблюдений над событием A , вероятность реализации которого, постоянна и равна $P(A)$, оказалось, что в m случаях оно реализовалось. Тогда

при значениях n , стремящихся к бесконечности, окажется, что предельная вероятность ничтожных отклонений по модулю, вероятности $P(A)$ от частотных характеристик m/n , равняется единице.

Известный математик Б.В. Гнеденко отмечал значимость исследования условий, при которых события происходят с единичной вероятностью. Современный математик Г. Шейфер писал, что теорема является мостом, связывающим азартные игры, основанные на ожидаемых выигрышах, с понятием вероятности. Относительно прикладной значимости теоремы отметим, что вопрос о ее применимости неоднократно возникает в истории теории вероятностей. Во-первых, историки математики показали, что свою теорему Я. Бернулли доказал еще в 1691 году, однако он не торопился публиковать результаты, из-за недостаточного числа примеров использования теоремы. Теорема является четвертой частью книги, которая была опубликована после его смерти, в 1713 г. [1]. Во-вторых, вопрос о применимости теоремы имеет первостепенное значение в рамках одной математической баталии, которой не уделено должного внимания в известной литературе, за исключением публикации Г. Шейфера и В. Вовка [2]. В ней описана критика известными математиками, современниками Колмогорова: Э. Борелем, М. Фреше и П. Леви требований Колмогорова к вероятностям в контексте приложений. Эти условия Колмогорова были описаны в его знаменитой книге, в которой впервые было предложено аксиоматическое изложение теории вероятностей. Колмогоров сформулировал следующие условия:

«А. Можно практически быть уверенным, что если комплекс условий S будет повторен большое число раз n и если при этом через m обозначено число случаев, при которых событие A наступило, то отношение m/n будет мало отличаться от $P(A)$.

В. Если $P(A)$ очень мало, то можно практически быть уверенным, что при однократной реализации условий S событие A не будет иметь места» [3, с. 13].

Рассмотрим корректность критики в контексте эпистемологических и прикладных оснований применимости математики. Так, Э. Борель, М. Фреше, П. Леви настаивали, что условие A является некорректным, и неоднократно критиковали его. Для оппонентов существовало множество оснований для критики. Во-первых, они считали, что для развития теории вероятностей, перспективной является субъективистская интерпретация. Однако Борель, Фреше, Леви понимали, что в приложениях ценятся объективные результаты, но это, по их мнению, не являлось проблемой, так как объективность достигается путем применения теоремы Бернулли. Поэтому, по мнению оппонентов, неформально заданное Колмогоровым условие A , оказывается избыточным, так как, формальное его описание, как полагали критики, совпадает с заключением теоремы. Во-вторых, для критики были другие причины, которые связаны с тем, что в своей книге Колмогоров отмечал, что в контексте приложений, в целом следует Мизесу. Как известно, Р. Мизес был создателем частотной интерпретации, и последовательным критиком методологии субъективистской интерпретации. Поэтому критика субъективистов, по сути, относилась не к Колмогорову, а к Мизесу.

Для того, чтобы оценить основательность субъективистской критики требований Колмогорова, в рамках частотной интерпретации, необходимо сформулировать эпистемологические и прагматические условия применимости математики, в частности теоремы Бернулли в последней интерпретации. В рамках эмпирической традиции, а частотная интерпретация Мизеса является эмпирической, применение математики не начинается с чистого листа. Эмпирическая концепция применения математики заключается в том, что применению математики предшествует убедительное экспериментальное определение некоторого свойства A изучаемого объекта X . Далее, если объекты X и Y связаны посредством удачно подобранного математического оператора F , тогда в определенных случаях объект Y : $Y=F(X)$ обладает тем же самым свойством. Применительно к теореме Бернулли это означает, что, если вероятность $P(A)$ изучаемого события A , получена на основе устойчивых частотных характеристик, и поэтому является объективной, тогда и заключение теоремы, которое определяет вероятность близости частотных характеристик события A , и его вероятности $P(A)$, тоже оказывается объективной. Теперь опишем условия применения теоремы в объективистской традиции. Так как в эмпирической интерпретации теоретические величины априори неизвестны, то вначале необходимо определить вероятность $P(A)$ с помощью частотных характеристик этого события. Во-вторых, необходимо проверить независимость результатов испытаний. Как справедливо отмечали Шейфер и Вовк, верификация независимости является особо трудоемкой операцией, так как независимость оказывается интегральной характеристикой, и поэтому требует учета всех результатов проведенных испытаний [2].

Теперь возвращаемся к критике субъективистами, требований Колмогорова к вероятностям. В субъективистской интерпретации теории вероятностей единственное требование к вероятностям, состоит в том, что они должны удовлетворять аксиоматике теории вероятностей. При этом не требуется определения теоретической вероятности события A на основе частот, так как вероятность заранее известна, кроме того, не предполагается осуществление верификации независимости испытаний, так как они считаются априори независимыми. Получается, что в контексте частотной интерпретации, применение теоремы Бернулли к вероятности события A , полученной на основе субъективистских оснований, не приводит к объективизации заключения этой теоремы. Более того, в контексте частотной интерпретации применение теоремы на субъективистских основаниях, нелегитимно. Тогда критика математиками-субъективистами, требований Колмогорова, оказывается несостоятельной. Опустим ситуацию, связанную с критикой условия Колмогорова. Предположим, что верифицировали существование теоретической вероятности в условии теоремы и проверили независимость результатов наблюдений, т.е. теорема может быть применена на законных основаниях. Означает ли, что в этом случае требование Колмогорова оказывается выводимым на основе теоремы? Чтобы ответить на этот вопрос вернемся к определению теоретической вероятности события A , на основе частотных характеристик. В условии теоремы, теоретическая вероятность $P(A)$ считается постоянной величиной. Тогда при проведении достаточно большого числа экспериментов, получим ряд частотных характеристик события A , имеющих близкие значения. Взяв, в качестве теоретической вероятности, одну из них получим, что эта вероятность близка эмпирическим частотам, но эта близость понимается не по вероятности, как в заключение теоремы, а она имеет геометрический характер. Мы полагаем, что именно, геометрическая близость имеется в виду в требовании Колмогорова. Почему? Потому, что, как Колмогоров отмечал, в контексте приложений он следует Мизесу. В частотной интерпретации Мизеса, сходимость частот рассматривается не по вероятности, а согласно требованиям математического анализа, а именно, при приближении частотных характеристик к пределу, они близки к нему геометрически. Поэтому условие Колмогорова не зависит от теоремы Бернулли, а в некотором смысле является предусловием корректного применения теоремы. Шейфер и Вовк не исключают, что Колмогоров мог ошибаться, так как никогда не отвечал на критику [4]. Мы считаем, что он оставил критику без ответа, по прагматическим соображениям, так как у него были замечательные, творческие отношения с Леви и другими французскими математиками. Итак, показано, что требование Колмогорова не является избыточным, и критика субъективистов бьет мимо цели. Анализ требования Колмогорова был проведен на основе исследования условий применимости теоремы. Продемонстрировано, что теорема применима в идеальной ситуации, когда условия теоремы – независимость испытаний и теоретическая вероятность успеха известны заранее. Однако в реалистичной ситуации, они обычно неизвестны, в этом случае можно говорить об условной применимости теоремы. В заключение доклада показана связь проблемы применимости математики с холистской трактовкой эффективности математики.

Литература:

1. Бернулли Я. О законе больших чисел. М.: Наука, 1986. 176 с.
2. Shafer G, Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // Statistical Science. 2006. Vol. 21. №.1. P. 70–98.
3. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятностей. М.: Наука, 1974. 120 с.
4. Shafer G, Vovk V. Probability and Finance it is only a game! New-York: Wiley-Interscience, 2001. 414 p.

Акаев В.Х.

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

akaiev@mail.ru

Аннотация: В публикации осмысливается взаимосвязь понятий «этническая культура» и «религия», выявляя при это как общие, так и особенные аспекты. Этническая культура рассматривается как результат деятельности представителей этноса, позволяющая им общаться, консолидироваться, ориентируясь на поиск перспектив их развития. С этнической культурой соотносятся традиционная культура, национальная культура, массовая культура, которые несмотря на некую близость этих феноменов отличаются друг от друга, а в ходе их сопоставления вполне можно выделить общие и особенные аспекты. Обосновывается положение о том, что религия является составной частью этнической культуры, формирующая у этноса фантастическое мировосприятие, но повышая его духовный уровень. Часто перерастая объем этнической культуры, религия распространяется среди разных народов, переставая быть частью культуры одного отдельного взятого этноса, но становясь при этом фактором объединения их культурных особенностей.

Ключевые слова: культура, этническая культура, национальная культура, религия, ислам, суфизм, ваххабизм, Северный Кавказ.

1. Этническая культура являет собой результат многогранной деятельности представителей этноса по созданию материальных и духовных ценностей, необходимых для их существования, консолидации и внутриэтнического общения, опираясь на язык, обычаи, традиции, ментальные особенности, мировидение. Она необходима представителям этноса для поиска лучшей доли жизни в ходе аккультурационных процессов. На ранней ступени развития этноса культура разделяет людей на «своих» и «чужих», то есть культурно их идентифицирует. Отличие «своих» от «чужих» происходит не только по внешнему облику, но и по языку, одежде, бытовым привычкам, пище, свадебному обряду, поведению, жилищу, скульптуре и по другим артефактам. Этническая культура включает в себя и более сложные структурные компоненты: обычаи, традиции, обряды, совершаемые во время праздников, свадеб, похорон. Важное место в этнической культуре занимают народные танцы, музыка, песни, легенды, предания, мифы. Эти компоненты различны у разных народов, например, мифическое сказание «Поэма о Гильгамеше» - культурный артефакт древних шумер, миф о герое Прометее сложили древние греки, в фольклоре народов Северного Кавказа ключевое место занимают «Нартский эпос», самым объемным мифом у народов мира является киргизский эпос «Манас» и т.д. В мифах излагаются подвиги народных героев, направленные на объединение разрозненного этноса или этносов, описывается борьба против насилия, преодоление варварства, торжество добра над злом, достижение противоречивого общечеловеческого, цивилизационного развития. Мифологические системы, возникшие в древности у разных народов, сохраняют свое место в их традиционных культурах, а также в современной мировой культуре, становясь предметом культурологического, философского анализа.

Различаются понятия «этническая культура» и «культура этноса». Культура этноса вбирает в себя не только чисто этнические компоненты, но и ценности, заимствованные от культур других народов. Культура этноса содержит как традиционные культурные ценности, так и современные научно-технические достижения, становясь общими для культур многих современных народов. Этническая культура всегда традиционна, хотя, как система материальных и духовных ценностей, она подвергается изменению под воздействием социальных кризисов, научно-технических достижений. Следует отличать этническую культуру от национальной. Как известно, нация - более сложное и позднее социальное образование, чем этнос. С её образованием этносы не исчезают, они продолжают свое бытование в нации – более развитом социальном порядке, имеющем более высокую плотность коммуникаций.

Национальная культура, наряду с общим языком, хозяйством, экономикой и государством, выделяется как один из ведущих компонентов социальной системы, что обеспечивает ей гораздо больше возможностей для дифференциации, развития. В ней этнические признаки культуры не исчезают бес-

следно, ибо продолжают жить своей жизнью отдельно от господствующей нации. К примеру, евреи, армяне, русские, арабы, хорваты, мексиканцы и др., длительное время проживая в различных государствах, часто сохраняют свои этнические черты, религиозные ценности, привязанность к родному этносу. Но в своих основных социокультурных параметрах они относятся к тому государству, гражданами которого становятся.

Различаются этническая и традиционная культуры со своими особенными и общими чертами. Традиционная культура вбирает в себя, исторически сложившиеся ценности, выработанные народом в ходе исторического развития. Нередко она используется и в значении народная культура, она всегда устойчива, изменения в ней происходят медленно. Важными компонентами народной культуры являются сказки, предания, образы героев и иные ценности. Традиционная культура включает в себя не только компоненты одного этноса, но и ряда других этносов, принимающих участие в её формировании.

Различается высокая (элитарная) культура и народная культура (фольклор), взаимосвязанные между собой, первая формируется на основе второй. Через специализацию и профессионализацию отдельные компоненты народной культуры превращаются в элитарную культуру. В связи с этим следует выделить и массовую культуру, компоненты которой упрощены в смысловом и художественном отношении, а потому доступны всем, приобретая общий характер. Массовая культура активна, агрессивна, нередко вытесняет как высокую, так и народную культуру, сама превращаясь в доминирующую. В социуме формируются множество субкультур различных групп, определяющих их образ жизни, контакты и мировосприятие.

2. Религиозные ценности, составляя основу духовного развития этноса, не всегда сохраняются в рамках этнической культуры, часто они их перерастают, переходят в культуры других народов, расширяя их духовное пространство, мировосприятие. Религия, исповедуемая этносом - определенный итог его духовной, ментальной деятельности, это попытка ответить на природные страхи, его пугающие. Религиозные ценности, создаваемые отдельным этносом, осваиваются другими этносами, тем самым формируется общий иррациональный мир, которому подчиняются природные стихийные процессы, управляемые могущественной, трансцендентной силой. Научно-материалистическое объяснение возникновения религии не исчерпывает вопросы её происхождения. Религия, опираясь на фантазию, воображение, пытается объяснить непонятные природные явления, привлекая для этого мистику, иррациональное состояние, а страхи при этом наделяются божественными силами. Здесь работает воображение человека, часто образы, создаваемые им, содержат в себе этнические черты, особенности. В современном мире отношение к религии в корне изменилось, страхи у людей минимизировались, хотя природные катаклизмы вызывают не меньший страх, чем в древности. При рассмотрении соотношения религии и нации, следует отметить их специфическую связь, так, будучи компонентом национальной культуры, религия принимает активное участие в формировании национального самосознания, духовной консолидации и единению людей.

3. Развитие этнической культуры часто влечет за собой образование религиозных субкультур, объединяющих небольшие группы людей, придерживающихся разных религиозных идеологий, соответствующих практик. Подобные процессы наблюдаются на Северном Кавказе. Так, народы региона отличаются наличием многообразных этнических, языковых, ментальных особенностей, отличающихся друг от друга, формируя определенные виды идентичностей. Вместе с тем, многие из них имеют общую духовную основу, сопряженную, например, с исповедованием ислама суннитского направления, имеющего в регионе свои формы бытования: народный ислам, суфийский ислам. Так, в Дагестане ислам представлен суфийскими тарикатами - накшбандийа, кадирийа и шазилийа, а в Чечне и Ингушетии бытуют два суфийских тариката - накшбандийа и кадирийа, разделившиеся на множество мелких групп – более 32 вирда. Они возникли в XIX-XX веках, их зачинателями были дагестанские и чеченские суфии, авлийа, многие из которых подверглись репрессиям, ссылкам, обвиненные в фанатизме, мракобесии, мятежах, антигосударственной деятельности. В Чечне, Ингушетии места их захоронений превращены в зияраты (мавзолеи), сегодня все они реконструированы, тропы и дороги ведущие к ним окультурены. Немало верующих мусульман посещают эти места захоронений. Местная религиозная субкультура является общей для чеченцев и ингушей, составляя важную часть этнических культур мусульман региона.

Конечно же, этническая культура народов Северного Кавказа, имея выраженные черты консерватизма, подвергается влиянию современности, что приводит к трансформации её периферии при прочности общего ядра. Так, начиная с 90-х годов, на Северный Кавказ проникает такое религиозно-полити-

ческое течение ислама, названное «ваххабизмом», представляющее альтернативу местным традиционным религиозным ценностям. Его воздействие на региональную мусульманскую культуру породило ситуацию конфронтации между сторонниками традиционализма и «новаторами», выступающими за чистоту ислама. Последние обвиняли традиционалистов в заблуждении, искажении ислама, а потому пытались реисламизировать народы Северного Кавказа, предпринимая явные попытки уничтожения общих религиозных традиций – посещение мест захоронений суфийских учителей, культ святых.

Сторонники ваххабизма вносили в исламскую культуру региона новые культовые практики, навязывали мусульманам соответствующий дресс-код, внешний облик. Воздействуя на молодежь, они пытались изменить её отношение к укоренившимся традициям, идейно и политически ориентировали на страны, где бытует «чистый» ислам. Противоречия между новаторами и традиционалистами достигли антагонистического характера. Подобная ситуация требовала осуществления мер духовно-культурного и политического противодействия проявлениям религиозного экстремизма, отвергнутого представителями традиционной исламской культуры, адаптированной к общероссийской социокультурной реальности.

Валиуллина Зайнаб Рахимьяновна

Башкирский государственный университет, доцент кафедры этики, культурологии и связей с общественностью. Кандидат философских наук

unesco73@mail.ru

Аннотация: Современный мир является настолько сложным, что трансцендентальные допущения, касающиеся обоснования социального и духовного мира, могут означать то, что мы должны мыслить нечто определённым образом, а вовсе не так, что данное нечто и на самом деле является таковым. Рефлексия над обществом требует лишь предпосылки не забывать, что сам теоретический тезис о мире есть мысль. Мы думаем мыслить иначе, но на самом деле сталкиваемся с мысленной необходимостью, которая упирается в свободу человека.

Ключевые слова: философия, общество, природа, экология, экологическая культура, экологическая ответственность, экологический кризис.

**Philosophy and Society: ecological responsibility of the philosopher.
Valiullina Z. R.**

Bashkir State University, Chair of Ethics, Culturology and Public Relations, associate professor

Abstract: The modern world is so complex that transcendental assumptions, regarding the justification of the social and spiritual world, can mean that we should think something in a certain way, but not at all that this something is actually such. The reflection on society requires only the premise not to forget that the theoretical thesis of the world itself is a thought. We think to posit it differently, but in fact we are faced with a mental necessity that rests on the freedom of man.

Keywords: philosophy, society, nature, ecology, ecological culture, ecological responsibility, ecological crisis

Современный мир является настолько сложным, что мы должны допустить гипотезу о системном различии всего от всего. Каждый элемент системы «человек-общество», представляет собой «инаковость» духовного единства, но люди выживают именно благодаря не только системному сходству всего со всем, но и, главным образом, благодаря признанию уникальности каждого человека, но эта уникальность связана с эпохой, когда весь мир будет объят одной наукой, наукой о человеке, которая гармоническим образом воссоединяет природу и дружбу людей.

Экологическая ответственность философа связана с созданием системой философии: эта философия никогда не проповедовала какое-либо одно мировоззрение. Оно всегда было плюралистичным и мозаичным, где существующие системы обладают относительной самостоятельностью в отношении нового воззрения на мир, на исследование тайников человеческого существования; но эти тайники, очевидно, связаны с воспроизводством гуманного духа, который и слабого человека умеет защищать. При этом экологическая ответственность философа, связанная с экологией мысли, направлена на утверждение самой человеческой жизни в её гуманном ключе. Сегодня мы должны подумать не только над последствиями своих действий, но и над тем, чтобы наши мысли были прекрасными, т.е. нравственными.

Экологическая ответственность связана с эластичной структурой исторического времени. В конечном счёте философия и общество оказываются ещё раз соотнесёнными с культурным бытием, что еще раз связано с обсуждением темы прогресса и смысла истории. Заметим, что экологическая ответственность философа оказывается сопряжённой с духовным прогрессом и соразмерной ему традицией.

Философия и общество никогда не движутся в пределах совсем нового. Новое рождается не из пустых рук. Если оно и возникает таким образом, то сам культурный прогресс трудно понаблюдать и, тем более, исследовать его, приспособить к общественной задаче. Философия и общество, втянутые в

задачу осмысления экологической ответственности философа, оказываются связанными с вопросом, а «для чего»? Этот вопрос может быть извращён, так что понятие духовного прогресса может оказаться значимым для духовной надстройки общества. Мы должны подумать о времени экологической культуры, как бы «пригвождённой» к пространству. На самом же деле экологическая культура, как и экологическая ответственность философа, нуждаются не в однолинейном пространстве, а в достаточно широком, эластичном и полном динамики универсуме. Этот универсум означает мультикультурность переплетающихся друг с другом «голосов».

Сама экологическая ответственность не нуждается в постоянном прогрессировании, особенно, в отношении к истекшей истории. Экология, строго говоря, не терпит будущего; ей нужно настоящее, а не «плевелы» и «ветер».

Экологическая культура связана с осмыслением настоящего и будущего, которые не исключаются из исторического процесса, а, значит, связаны с философией и обществом. Но история чревата будущим, да и сама она находится в историко-культурном осмысленном будущем. Миром, в этом плане, давным-давно владеет мечта о таком будущем, которым можно действительно владеть. Человек всегда мечтал об осуществлении самых заветных мыслей прошлого и настоящего. Экологическая мысль потому и экологична, что сокращает расстояние между прошлым и будущим и не подталкивает взаимопроникновение будущего и настоящего, настоящего и прошлого.

Экологическая мысль далека от того, чтобы ценить однолинейное время, которое осуществляется одно после другого. Экологическое время, разумеется, сопряжено с ответственностью человека. Эта ответственность связана с грядущим временем. Данное время – непременно впереди, а современность всё же не связана с резкостью, разделяющей времена. Современность, хотя безостановочно разделяет творческие потенции человека от настоящего, тем не менее, экологическое мышление «является настолько точечным, что даже не может быть» названо кратким [1, с. 176].

Когда мы имеем дело с ответственностью философа, с проблемой взаимодействия философии и общества, то сама современность нам не представляется чем-то внезапным, т.е. бесконечно-кратким мгновением.

Экологическое сознание, сопряжённое с «сегодня», представляет собой некое целое. Настоящее в этом случае становится чем-то неделимым, целостным. Экологическая ответственность философа не входит ни событийно, ни предметно в настоящее. Она не может не похорошеть, поддаваясь бегу времени. Хорошее общество не связано ни с тем, что любят ни за что-то, а, напротив, в хорошем обществе любят просто потому, что любят. Интенсивное «теперь-мгновение», как полностью «точечное» не входит во временный ряд. Экологическая культура нигде не событийна; она не может не хорошеть, не выявляясь в самом беге времени. Даже «теперь», которое интенсивно, находится вне своего явления (а, следовательно, вне своего становления и исчезновения). Вместе с тем, экологическая ответственность никогда не сводится к моменту, которое люди именуют настоящим. Но заметим, что сама сущность времени всё же находится во времени, окрашенном пространственными отношениями.

Настоящее, с точки зрения экологической культуры, это есть нечто, вне пространственное «теперь», но именно это есть «место», эта близкая или далёкая «печь» [1, с. 177], где переплавляются мечты и ностальгия по прошлому.

Экологическая ответственность философа, таким образом, связана с уютом, который дополняет пространственный ансамбль до времени, когда мы имеем дело с осмысленным «теперь-мгновением», которое вообще не может быть ни настоящим, ни современным. Современное, поэтому, есть очень трудное понятие, которое связано с гуманным духом, который вбирает в себя прошлое и будущее. И в данном своём качестве, экологическая ответственность философа является некоей незавершённой актуальностью. Экологическая ответственность противодействует тому, что прошлое зовёт нас вдаль. Эта ответственность оппозиционна неудавшемуся прошлому и в этом смысле каждому времени воздаётся в перспективе полная справедливость.

Экологический кризис есть кризис системности духа, культуры и нравственности. Философия и общество лишь в том случае достигают объединения, когда люди делают шаг в направлении преодоления субъективизма. Мир абсолютных ценностей не должен отождествляться с деятельностью самосознания, с бесконечным становлением его «субстанции», которая состоит в гармонизации деятельности «Я» и с тем, что не утрачивается в самосознании никогда, а именно нравственных дух. Само «наукоучение» не есть ни теория Абсолюта, ни теория эмпирического сознания. Как пишет Г.

Гирндт, «стоящий на точке зрения наукоучения, не находится ни в Абсолютном, ни в фактичности феноменологического существования, а в точке единства обоих» [2, с. 325].

Отсюда и природа, и самосознание требуют своей рефлексии. Эту точку зрения «наукоучение» обозначает выражением «Я», в котором разграничиваются относительное «я» и «не-Я» [3, с. 187].

Современный экологический кризис не связан со стремлением людей к земным ценностям; в то же время, люди не хотят базироваться на «созерцании» лучшего мира и на рассудочном конструировании. Сам «Абсолют» страдает некоей «составленностью», которая не в состоянии быть постигнутой без разделения на земное и небесное. Что есть природа? Что заключено за «пестротой» её явлений? Как нам, людям на рубеже тысячелетий, относиться к ней? Эти вопросы весьма актуальны в эпоху системного экологического кризиса, когда главное внимание должно быть привлечено к новой философии природы, которая редуцирует духовное начало в связи с изложением идеи философии и натурфилософии как необходимой составной части философии, устремлённой к любви к мудрости. Природа, единство природных и общественных сил, возможна только через противоположности. Этот принцип природы, который правит всей природной и общественной реальностью, имеет свой исток в рефлексии, которой обладает духовное, экологическое начало.

Литература:

1. Блох, Э Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. – Екатеринбург: Из-во Урал.ун-та, 1997. 400 с.
2. Gierdnt H. Das Ich des ersten Grundsatzes der GWL in der Sicht der Wissenschaftslehre von 1804 // Fichte - Studien. Beitrage zur Geschichte und systematik der Transzendentalphilosophie. Bd.10. Amsterdam - Atlanta: GA 1997. S. 317-333.
3. Гайденок П.П. Философия Фихте и современность. М.: Мысль, 1979. 288 с.

Антиутопия как форма социально-гуманитарного познания

Денисова Л.В.

Академия управления МВД России, профессор. Доктор философских наук

lvladilen@yandex.ru

Аннотация: В современной науке вопрос о смыслах будущего раскрывается не только средствами собственно научного прогнозирования, но и средствами художественного осмысления. Антиутопия выступает ведущим жанром, очерчивающим смыслы опасностей, таящихся в реализации индустриальных и технологических утопий. Отмечены особенности ранних классических антиутопий. Обоснован вывод о том, что антиутопия выступает самостоятельной формой социально-гуманитарного познания, развивается как способ выявления смыслов будущего, а в классической антиутопии XX века ярко выражено предчувствие гибельности избранного цивилизацией технологического пути развития.

Ключевые слова: социально-гуманитарное познание, смыслы будущего, антиутопия, технология, технократизм.

Dystopia as a form of social-humanitarian cognition.

Denisova L. V.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, professor

Abstract: In modern science, the question of the meanings of the future is revealed not only by means of scientific forecasting, but also by means of artistic comprehension. Dystopia is the leading genre, delimiting the meanings of the dangers lurking in the realization of industrial and technological utopias. The features of the early classic dystopias are marked. The conclusion that dystopia is an independent form of social-humanitarian cognition is justified, develops as a way to identify the meanings of the future, and in the classical dystopia of the 20th century there is a vivid sense of the death of the chosen one. civilization of the technological path of development.

Keywords: social-humanitarian cognition, meanings of the future, dystopia, technology, technocraticism.

В современной науке произошли радикальные изменения, которые проявились в сближении естественно-научного и социально-гуманитарного познания. Такое сближение, если не сказать смешение двух типов знания в единое - междисциплинарное, не было характерно для предшествующих периодов истории науки. Тесное взаимодействие естествознания и гуманитаристики происходит, в основном, на пути определения жизненных стратегий перед лицом опасностей, скрытых в перспективах научно-технического прогресса. Будущее, имевшее с точки зрения сциентистского мировоззрения шансы стать счастливым под влиянием распространения научных достижений, стало теперь представляться в темных, отнюдь не радужных тонах и образах. Следует подчеркнуть, что именно воздействием социально-гуманитарных наук можно объяснить активизацию дискуссий относительно социальных и иных последствий научно-технического прогресса.

Социально-гуманитарное знание, выстроенное по нормам натуралистической научно-исследовательской программы, предлагает прогнозирование будущего развития общества, оперируя количественными параметрами социальных взаимодействий. Таковы экономические и социологические прогнозы. Однако большая группа социально-гуманитарных наук, казалось бы, исключена из этого процесса. Прогностическая способность отдельных наук различна: искусствоведение не может соперничать с исторической или юридической наукой. Но и юриспруденция, например, обеспечивая толкование действующего права и занимаясь обоснованием изменений, которые необходимо внести в законодательство, может быть поставлена под сомнение в своей прогностической значимости, оцениваемой по стандартам естествознания. Означает ли это, что прогнозирование не свойственно хотя бы части социально-гуманитарных наук или это вопрос, который помогает выявить их особенность? Можно ли говорить о специфике выполнения данной функции, свойственной именно социально-

гуманитарному знанию?

Рассмотрение предметной области социально-гуманитарных наук как интерпретации текстового материала дает возможность показать общие черты всех наук, построенных на матрице антинатуралистической исследовательской программы. Часто используемым средством создания образа будущего здесь выступает художественный текст, который не только подвергается интерпретации в социально-гуманитарных науках, но и сам становится формой исследовательской деятельности.

В настоящее время наиболее популярной формой художественного текста, напрямую нацеленного на выявление смыслов будущего, выступает жанр антиутопии. *Антиутопия – это «жанр, органично совмещающий в себе многие черты: критику настоящего, изображение пессимистических вариантов будущего, вырастающего из этого настоящего, критику тех или иных утопических представлений, которые в ходе прогресса выявили свою обратную сторону»* [1, с.17]. Он получил широкое распространение не только в литературе, но и в кино. Вся тематика современных антиутопий может быть объединена рядом идей, среди которых на первенство претендует идея оценки последствий происходящих технологических революций.

В современной социальной философии выделяют несколько индустриальных революций, в основе которых лежит технология, благодаря чему был совершен качественный скачок во всех сферах человеческой жизнедеятельности [2]. Первая индустриальная революция нашла свое отражение в механистических утопиях, таких как роман А.А. Богданова «Красная звезда». Здесь идеалом выступает общество, которое построено по принципу машины, а спасителем человечества становится Конструктор [3]. В ответ на утопическую идеализацию такого мироустройства вскоре возникают антиутопии, где в качестве результата конвейеризации рассматривается трансформация человека в механизм, что означает его исчезновение, гибель. Символом этой эпохи выступает конвейер, гибельная сила которого выявлена в знаменитой антиутопии Е. Замятина «Мы», ставшей «стартовой площадкой для взлета и мировой антиутопии. Последующие европейские антиутопии – роман О. Хаксли «О дивный новый мир», Дж. Оруэлла «1984» – продолжили, расширили и детализировали заданную Замятиным антиутопическую концепцию мира и вместе с романом «Мы» составили Великую классическую антиутопию XX века» [4, с. 194].

Роман Замятина «Мы» в свое время рассматривали, в основном, как пародию на революционные идеалы, он был понят как политический памфлет. Например, «Литературный энциклопедический словарь» вспоминает о романе в следующих выражениях: «Роман “Мы” карикатурно изображает коммунистический общественный идеал» [5, с. 30]. Нет сомнения, что роман «Мы» не был непосредственно направлен против советского государства. Фактически, роман вырос из отрицания Замятиным глобального механицизма, конвейерной технологии, превращающей человека в придаток машины. Сам же писатель подчеркивал: «Этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человечеству от гипертрофированной власти машины. Американцы, несколько лет назад много писавшие о нью-йоркском издании моего романа, увидели в этом зеркале свой фордизм» [6, с.68]. Поэтому хочется обратить внимание на оценку О. Михайлова, который связывает антиутопию «Мы» не с российской действительностью, а с технократизмом западноевропейского общества. «Роман вырос из отрицания Замятиным глобального мещанства, застоя, косности, приобретающих тоталитарный характер в условиях технократического, как сказали бы мы теперь, компьютерного общества.

В классической антиутопии были представлены и другие технологии. Как отмечает Ф. Фукуяма: «Для любого, кто вырос, как я, в середине двадцатого столетия, будущее и его ужасающие возможные варианты определялись двумя книгами: «1984» Джорджа Оруэлла (первая публикация в 1949 году) и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (вышла в 1932 году). Эти две книги были куда более провидческими, чем можно было догадываться в то время, потому что в них описывались две разные технологии, которым предстояло возникнуть и определить мир на срок жизни двух следующих поколений. В романе «1984» описывалось то, что мы теперь называем информационными технологиями: залогом успеха огромной тоталитарной империи, установленной в Океании, было устройство, названное телекраном – плоский дисплей во всю стену, который мог одновременно принимать и посылать изображения из каждого отдельного дома всевидящему Старшему Брату. Телекран позволил осуществить всеобъемлющую централизацию всей общественной жизни» [7, с. 14-15]. Классическая антиутопия представляет собой повествование о гибели, смерти человека под воздействием технологий, порожденных развитием механики. В великой классической антиутопии конвейер и другие способы рационализации производства, распространяемые на непроектные сферы жизнедеятельности человека, обрели,

в отличие от утопии, иные, противоположные социально-философские смыслы: они представлены губительными основаниями бытия. Наука из спасительницы превращается в губительницу, что и поставило точку в формировании завершенного образа антисциентизма.

В литературоведении, как и в социально-философском дискурсе существует вопрос о различиях между антиутопией и другими вариациями художественного осмысления будущего, например между антиутопией и дистопией (от лат. «дис» – «не», «плохое», «дурное» и греч. «topos» - место). Так, по мнению В. А. Чаликовой, в дистопии писатель показывает «сегодняшний ад, который продолжится и усилится в будущем», в антиутопии же «автор ненавидит миф о рае и сам этот рай, как враждебный личности» [8, с. 10]. В связи с этим роман Дж. Оруэлла «1984», по мнению названного исследователя, следует отнести к разновидности дистопии. Несколько по-иному расставляет акценты в различиях антиутопии и дистопии Ю. Никитин, в интерпретации которого «дистопия – изображение идеального плохого общества, изображение еще несуществующего социального зла, зла чисто житейского. Антиутопия же обычно направлена на развенчивание утопических тенденций, высмеивает увлечение НТР. У Замятина и Оруэлла разные представления о главном зле будущего. У Замятина – это технология, у Оруэлла – психологический контроль» [9, с.119].

В целом же, несмотря на выявленные различия, можно констатировать, что антиутопия, как и дистопия, носит футурологический характер, в ней представлен негативный образ будущего. Средствами антиутопической наррации раскрываются опасности, скрытые в грядущих изменениях. Таким образом, социально-философские смыслы бытия выявляются и проявляются в художественной реальности, а затем становятся предметом изучения в социально-гуманитарных науках, становятся определяющими симптомами той научности, которая создает специфику и отличает данный тип знания от иных не-гуманитарных результатов научного познания.

Литература:

1. Малышева Е.В. Структурно-композиционные и лингвостилистические особенности антиутопии как особого типа текста: диссертация канд. филол. наук. СПб., 1998. 135 с.
2. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
3. Денисов С. Ф. Сциентизм в метафизике. Омск: ОмГПУ, 2011. 298 с.
4. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: диссертация д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 528 с.
5. Муравьев В. С. Антиутопия // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 713 с.
6. Замятин Е. Лица. Нью-Йорк, 1955. 131 с.
7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС». 2004. 349 с.
8. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. /Сост., общ.ред. и предисл. В. А. Чаликовой. - М.: Прогресс, 1991. 405 с.
9. Никитин Ю. Знаем ли мы американскую фантастику? // В мире фантастики. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 112-130.

**Обратная перспектива как способ организации пространства картины.
Математика и искусствоведение в работах П.А. Флоренского и Б.В. Раушенбаха.**

Долгова А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет.

dlgvvv@mail.ru

Аннотация: П.А. Флоренский и Б.В. Раушенбах представляют собой исследователей нового междисциплинарного типа. Специфическое мышление, присущее им в связи с многолетней работой в области инженерных наук, способствовало тому, что они смогли применить математические модели к изучению пространства картины художников разных исторических эпох и обосновать выбор ими той или иной системы организации пространства картины, а также доказать, что обратная перспективное построение имеет такие же основания, как и линейная система перспективы. Их исследования были посвящены развивающейся в философии проблеме восприятия и воспроизведения реальности. Обзор их методологических подходов в рамках визуальных исследований позволяет установить, что синтез научных дисциплин приводит к возникновению новых научно-методологических программ, позволяющих кардинальным образом переосмыслить и переработать предшествующие представления о действительности и передаче этой действительности в областях науки и культуры.

Ключевые слова: Флоренский, Раушенбах, междисциплинарный подход, математические модели, теория перспективы, обратная перспектива, перцептивная система перспективы, пространство картины.

**Reverse perspective as a way of organizing the space of the picture. Mathematics and art criticism in the works of P.A. Florensky and B.V. Rauschenbach.
Dolgova A.A.**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: P.A. Florensky and B.V. Rauschenbach are researchers of a new interdisciplinary type.

The specific thinking inherent in them in connection with many years of work in the field of engineering helped them to apply mathematical models to the study of painting space of artists of different historical eras and to justify their choice of a particular system of organizing space of the picture. Their research was devoted to the problem of perception and reproduction of reality developing in philosophy. A review of their methodological approaches in the framework of visual research allows us to establish that the synthesis of scientific disciplines leads to the emergence of new scientific and methodological programs that can radically rethink and revise previous ideas about reality and the transfer of this reality in the fields of science and culture.

Keywords: Florensky, Rauschenbach, *interdisciplinary approach, mathematical models, perspective theory, reverse perspective, perceptual perspective system, space of the picture.*

До XX века было принято считать живопись главным способом репрезентации, а главным репрезентатором визуальных образов – искусствоведов. В прошлом столетии появились новые способы запечатления и распространения визуальных образов: сформировались новые междисциплинарные направления, обозначившие усиление внимания к визуальной культуре и осознание ее значимости для развития научной парадигмы. Новые способы воспроизведения визуальных объектов и новые подходы к их анализу повлияли и на общую культуру общества.

П.А. Флоренский и Б.В. Раушенбах представляют собой исследователей нового междисциплинарного типа: модели, взятые из точных наук, таких как математика или физика, были применены ими к изучению перспективных построений пространства произведений искусства, в частности, к изучению древнерусских и византийских икон. Междисциплинарный подход позволил проследить и установить связи в организации обратно перспективных построений, которые были бы

недоступны без апелляции к знаниям из других сфер науки.

Термин «обратная перспектива» имеет расплывчатое значение, и разные авторы придают ему разное значение. В своих исследованиях Борис Раушенбах придает этому термину только геометрический смысл, то есть под обратной перспективой он имеет в виду увеличение на картине размеров удаленных частей предметов по сравнению с близкими частями этих предметов. Что касается Павла Флоренского, то он обратную перспективу соотносит с осознанным выбором организации пространства на плоскости, основанном на «творческом импульсе».

Флоренский ставит вопрос о границах применения и смысле перспективы. Обращаясь к новейшим для своего времени научным достижениям математики и физики: теории множеств Кантора, теории действительного переменного, свойству риманового пространства, а также к понятию бесконечного пространства, теории относительности Эйнштейна и геометрии Лобачевского – Флоренский синтезирует точные науки с религиозными основами для того, чтобы проанализировать пространство с точки зрения перемещения, движения. Он стал первым исследователем перспективы, который подверг сомнению непогрешимость линейной системы перспективы и который предпринял попытку обосновать обратно перспективное построение.

Средневековый тип культуры Флоренский называет «созерцательно-творческим». По его мнению, икона, являясь основной моделью такого типа, должна была обращать средневекового зрителя к разуму, побуждать его к размышлениям и постижению мира. Такое искусство было нацелено на выявление сущности и использовало символы для передачи видения реальности. Изобразительные методы «созерцательно-творческого» типа культуры, основанные на неевклидовом понимании пространства, отвергали иллюзионистские способы передачи внешнего мира на плоскости, сводя трехмерный мир к двумерному пространству. Поскольку в Средневековье созерцание являлось одним из основных путей познания мира, то перед художником той эпохи стояла задача сделать этот познавательный процесс доступным неподготовленному зрителю: построить изображение так, чтобы смотрящий на икону не нуждался в комментариях к изображенному, чтобы помимо общего смысла он мог усмотреть и смысл божественный. Этот высший смысл должен быть виден непосредственно – поэтому художник прибегал к различным иконографическим приемам, зачастую выраженным в сознательном искажении изображаемых предметов и в использовании противоречивых геометрических построений. С видением Флоренского на генезис обратной перспективы согласен и Раушенбах: обратная перспектива позволяла увеличить информативность картины, она же удовлетворяла композиционным требованиям, когда иконописцу было необходимо показать без искажений то, что являлось наиболее важным, сместив неизбежные искажения на менее значимые детали.

Стоит сказать, что искусствоведы и исследователи перспективы неоднозначно относились к обратной перспективе, связывая ее возникновение с ошибками и неумением художника, как, например, Н.А. Рынин [5, с. 84-85]. Однако многие исследователи, понимая постоянство и закономерность появления обратно-перспективного построения пространства на плоскости, давали и другие объяснения, которые могут быть условно разделены на те, в которых обратная перспектива связывалась со специфическим характером средневекового искусства, его символикой и философским содержанием, и те, которые обусловлены объективными законами зрительного восприятия. Так, например, Бакушинский [6, с. 213-261] объяснял возникновение обратной перспективы фактической бинокулярностью зрения людей – каждый глаз человека видит мир по законам линейной перспективы, а наложение друг на друга изображений, получаемых одновременно обоими глазами, дает эффект обратной перспективы.

В сравнении с этими точками зрения Флоренский стал первым, кто утверждал, что обратная перспектива более свойственна человеческому восприятию, чем линейная перспектива. С его точкой зрения был согласен и К.Ф. Юон [7, с. 41], который также изучал появление обратной перспективы и доказал правильность точки зрения Флоренского посредством анализа детских рисунков, показав, что существует естественная склонность человека к легкой обратной перспективе, которая уходит из-за «дрессировки» восприятия. На данные исследования Юона ссылается в свою очередь Раушенбах. Его математическая обработка законов зрительного восприятия и расчеты окончательно утвердили то, что происхождение обратно перспективных построений в искусстве естественно. Предметы близкого пространства человек видит при некоторых условиях в обратной перспективе. При созерцании некоторого вытянутого в глубину предмета с небольшим изменением ракурса можно заметить, что он действительно будет восприниматься то в легкой обратной, то в параллельной перспективе.

Сопоставляя взгляды Флоренского и Раушенбаха, необходимо отметить и их расхождения по

вопросам генезиса обратной перспективы: если Флоренский основывается только на символическом характере такого типа перспективы, то Раушенбах считает, что художник не всегда и не с необходимостью основывался на символических целях, что он скорее следовал своему естественному зрительному восприятию.

Рассмотрев вопросы об обработке мозгом зрительной информации, полученной глазом, и особенности психологии зрительного восприятия человеком пространства в целом, применив методы аналитического описания к полученным данным, Б.В. Раушенбах создал строгую математически обоснованную систему перспективы, соответствующую зрительному восприятию человека, показав ее многовариантность: так обратная перспектива получила теоретический фундамент. Появление возможности описать таким образом естественное зрительное восприятие значительно облегчило изучение искусства и открыло новые пути для искусствознания. При анализе выбранного художниками способа передачи пространственности стало возможным прямое сопоставление его с естественным зрительным восприятием. Изучение допущенных художником отклонений от естественного зрительного восприятия природы также возможно и, что более важно, необходимо для понимания того, какие средства он использовал для решения поставленной художественной задачи и как трансформации в творчестве способствовали достижению нужного художественного эффекта.

Рассмотренные в настоящем исследовании подходы к изучению обратно перспективных построений имеют общие теоретико-методологические основы, которые сближают Раушенбаха и Флоренского. Их исследования были посвящены развивающейся в философии проблеме восприятия и воспроизведения реальности – они выступали в защиту обратной перспективы и показали, что она имеет право на существование в искусстве и не является ошибочным типом построения. Синтез научных дисциплин Флоренского перерос в новую научно-исследовательскую программу по осмыслению и переработке предшествующих представлений о действительности и передаче этой действительности на плоскости картины в разных областях науки и культуры. Продолжая развивать идеи Флоренского, Б.В. Раушенбах в свою очередь создал общую теорию перспективы, с помощью математических расчетов и геометрических построений окончательно утвердил то, что обратная перспектива так же, как и прямая, является одним из способов передачи видимого пространства на плоскости картины. Таким образом, исследования этих двух ученых в области анализа визуальных образов и визуальных практик привели к превращению обратной перспективы в обоснованную часть теории научной перспективы.

Литература:

1. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. СПб.: Пальмира, 2018. 300 с.
2. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. М.: Пальмира, 2018. 316 с.
3. Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М.: Наука, 1986. 256 с.
4. Флоренский П.А. Обратная перспектива. Соч в 4-х тт. – Т.3 (1). – М.: Мысль, 1999. 98 с.
5. Рынин Н.А. Начертательная геометрия. Перспектива. Петроград, 1918.
6. Бакушинский А.В. Линейная перспектива в искусстве и зрительном восприятии реального пространства // Искусство, М.: Главлит № 6221, 1923, №1.
7. Юон К.Ф. Об искусстве. М, 1959, т1.

Социальная философия Франческо Гуалы

Ефименков А.О.

Российский Университет Дружбы Народов, аспирант кафедры социальной философии

efimenkov.1995@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена итальянскому ученому, профессору Миланского университета Франческо Гуала и его основным философским идеям. Гуала - авторитетный философ, опубликовавший междисциплинарные работы объединяющие исследования поведенческой и экспериментальной экономики с философией экономики и социальных наук. В данных исследованиях на практике реализуется натуралистический подход к социальной онтологии, сочетающий идеи философов с теоретическими и эмпирическими результатами социальных наук. Последняя его работа, которая называется «Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together», получила большое признание в научной среде и посвящена теории социальных институтов. В ней автор объединяет два взгляда на социальные институты: как на правила, которые определяют социальные взаимодействия между отдельными индивидами, и как на равновесные состояния стратегических игр.

Ключевые слова: социальная философия, социальная онтология, социальный институт, Франческо Гуала, правила в равновесии, натурализм.

Social philosophy of Francesco Guala.

Efimenkov A. O.

Post-graduate student of the Department of social philosophy, Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: The Article is devoted to the Italian scientist, Professor of the University of Milan Francesco Guala and his main philosophical ideas. Guala is an authoritative philosopher who has published interdisciplinary works combining research on behavioral and experimental Economics with the philosophy of Economics and social Sciences. In these studies, a naturalistic approach to social ontology is implemented in practice, combining the ideas of philosophers with the theoretical and empirical results of the social Sciences. His latest work, called “Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together”, has received great recognition in the scientific community and is devoted to the theory of social institutions. In it, the author combines two views on social institutions: as rules that determine social interactions between individuals, and as equilibrium States of strategic games.

Keywords: social philosophy, social ontology, social Institute, Francesco Guala, rules in equilibrium, naturalism

Начнем с краткого определения социальной философии – «это одна из философских наук, главная особенность которой заключается в изучении общества с философской точки зрения» [1, с. 9]. Но что вкладывается в понятие «философская точка зрения»? Первая ее составляющая – это философское обобщение.

Общество изучает целый спектр частных наук - социальных, гуманитарных и естественных - таких как: экономика, политология, социология, юриспруденция, криминология, культурология, психология, педагогика, антропология, биология – список можно продолжить. Философское обобщение предполагает формулирование наиболее общих законов общества, изучение его развития, объединение теории более частных наук в рамках единой онтологии и методологии.

Вторая составляющая «философской точки зрения» это метафизический, предельный уровень решаемых проблем. В этой связи следует говорить о «высшем знании» - обычно называемым «учением».

Объединяя две составляющие термина «философская точка зрения», можно дать более развернутое определение: «социальная философия — это наука об основных законах и принципах развития общества, а также учение о смыслах и ценностях, определяющих это развитие. Социальная философия — это наукоучение о предельных основаниях общества» [1, с. 11].

Переходя к теме нашей статьи, можно констатировать, что если главная цель социальной философии в том, чтобы «обобщить, интегрировать философское и частнонаучное знание об обществе в рациональный и скоординированный между собой ансамбль теорий и концепций, разработать основные аксиологические составляющие и характеристики этого ансамбля» [1, с. 9], - тогда итальянского ученого Франческо Гуала (Francesco Guala) без сомнения можно назвать социальным философом.

Первая книга Франческо Гуала «The Methodology of Experimental Economics» была опубликована издательством Cambridge University Press в 2005 году и высоко оценена научным сообществом. При этом комментаторы отмечали не только прикладную ценность данного руководства, но и «философскую точку зрения» автора. Так, например, Шепли Орр (старший научный сотрудник Университетского колледжа в Лондоне) не только назвал работу Гуала «наилучшим упражнением интеллектуального возделывания почвы для дебатов в экспериментальной и поведенческой экономике» [2, с. 406], но также обратил внимание на примененный в этой книге прием Гуала: «представить в общих чертах положение дел в философии науки, но проиллюстрировать свои тезисы на примере науки экспериментальной экономики» [2, с. 402].

Далее Гуала неизменно укреплял свой философский авторитет. В 2011 году он совместно с Дэниелом Стилом редактировал книгу «Philosophy of Social Science Reader», опубликованную издательством Routledge. Микаэль Козич (Доцент факультета философии Университета Париж-Восток) в своей аннотации [3, с. 614] отметил, что Стил и Гуала выдвинули четыре ключевых фактора, ответственных за то, что они считают «радикальной реструктуризацией» социальной науки. Во-первых, философы науки постепенно признали, что различные дисциплины могут опираться на различные методы исследования, и отказались от методологии физики, как универсального методологического стандарта («Disunity» – «отсутствие единообразия»). Во-вторых, были построены мосты и междисциплинарные области как внутри социальных наук, так и между социальными науками и когнитивными или естественными науками («Interdisciplinarity» – «междисциплинарность»). В-третьих, философия все больше рассматривается как смежная с науками, не как высшая и не как подчиненная им («Naturalism» – «натурализм»). И в-четвертых, хотя роль ценностей в общественных науках в значительной степени признается, внимание смещается на вопрос о том, при каких условиях может быть сохранена научная объективность («Values» – «ценности»).

Венцом философской мысли Франческо Гуала можно считать его последнюю монографию – «Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together», опубликованную издательством Princeton University Press в 2016 году. В этой книге Гуала предлагает новую единую теорию социальных институтов, которая объединяет лучшие идеи философов и социологов, написавших на эту тему. Он представляет теорию, которая сочетает в себе черты трех влиятельных взглядов на институты: как равновесие стратегических игр, как регулятивные правила и как конститутивные правила.

Начиная обоснование своей теории Гуала утверждает, ответ на вопрос: «что такое институт?», - не может быть дан только философией, без взаимодействия с наукой. Вот что он пишет во вступлении к своей работе: «Социологи в целом согласны с тем, что институты являются важнейшими детерминантами экономического роста и процветания человечества. Общеизвестно, что они важнее природных ресурсов: хорошо организованная группа людей может процветать в суровых условиях, в то время как плохо организованные общества сбиваются с пути даже в богатых и щедрых. Плохая новость заключается в том, что институты хрупки: их нельзя принимать как должное и они требуют постоянного ухода. ... Если мы не знаем, что такое институты, как мы можем надеяться улучшить их работу? ... Если мы хотим узнать, что такое материя, свет или жизнь, спросить об этом нам стоит не только философов, а еще физиков и биологов. Точно так же нельзя удовлетворительно ответить на вопросы о природе институтов без помощи науки.

Отсюда следуют две цели, которые Гуала решает в своей работе [4, с. 8]:

- «создание целостной картины фундаментальной архитектуры современных обществ, объединяющей идеи социологов и философов;
- показать, что адекватное понимание природы институтов помогает разрешить старые концептуальные и методологические проблемы в философии социальных наук».

Исходя из этого Гуала начинает свою книгу с того, что проводит различия между двумя основными подходами к изучению институтов [4, с. 23]. Первый из таких подходов предполагает, что институты необходимо рассматривать как равновесие стратегических игр. Второй подход рассматривает их как

правила. Говоря о втором подходе, Гуала отмечает, что недостаточно рассматривать институты только как правила, которые направляют социальные взаимодействия отдельных индивидов. Интуитивно мы все понимаем, что институт регулирует поведение человека, однако, формулирования правила недостаточно для создания института, т.к. в мире существует большое количество правил, которые являются лишь формальностью и часто игнорируются.

Далее, продолжая свою мысль, Гуала говорит, что теории в рамках первого подхода представляют институты как модели поведения, от которых у индивида нет стимула отклоняться в одностороннем порядке. Так автор приходит к заключению, что данные подходы не противоречат, а наоборот дополняют друг друга.

Гуала замечает, что с точки зрения теории игр если каждое действие мы опишем с помощью простого предложения, которое имеет вид: «делай X» или «делай Y», равновесием в такой ситуации будет такая ситуация, при которой стратегия каждого игрока становится лучшим ответом на действия других игроков. То есть никто из игроков не способен улучшить положение изменив свою стратегию и ни у кого нет стимула отклоняться от выбранной модели поведения, пока все игроки выполняют свою роль. Так как вышеуказанные действия «делай X» или «делай Y» могут быть сформулированы в качестве правил, Гуала приходит к следующему выводу [4, с. 25].

«С точки зрения внешнего наблюдателя, институт принимает форму закономерности, которая соответствует равновесию координационной игры. Но каждая стратегия равновесия также принимает форму правила, которое диктует каждому игроку, что делать в данных обстоятельствах».

Таким образом объединив существующие подходы к изучению институтов, Гуала формирует новую единую теорию, которую сам он назвал: «Подходом к изучению институтов, основанным на правилах в равновесии», исходя из которой институт, говоря просто, можно определить как правила, которым люди мотивированы следовать» [5, с. 541].

Подводя итоги, можно сказать, что, конечно, теория Франческо Гуала пока что далека от того, чтобы дать нам безукоризненную модель объяснения социальной действительности. Однако, несмотря на это, как социальный философ Гуала пытается добиться главной цели: создать такую теорию, которая бы позволила, используя как философское, так и научное знание вместе попытаться пролить свет на самые темные уголки теории социальных институтов и социальной онтологии в целом. Работы Франческо Гуала вызывают неизменный интерес в мировом научном сообществе. Однако несмотря на всё вышесказанное, в России с работами Гуала мало кто знаком и по большей части их незаслуженно игнорируют. Исправить это досадное недоразумение и призвана настоящая работа.

Литература:

1. Орехов А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М.: «Либроком». 2011.
2. Shepley Orr. The Methodology of Experimental Economics, by Francesco Guala. Cambridge University Press, 2005 // Economics and Philosophy. Vol. 23. No. 6. 2007. P. 401-407.
3. Micaël Cozic. Daniel Steel and Francesco Guala (eds), The Philosophy of Social Science Reader // (Economia. History, Methodology, Philosophy. No. 1-4. 2011. P. 613 - 615.
4. Guala, Francesco. Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together. Princeton: Princeton University Press. 2016.
5. Francesco Guala. Précis of Understanding Institutions // Philosophy of the Social Sciences. 2018. Vol. 48. No. 6. P. 539-549.

Вопросы социально-гуманитарного исследования клиники в современной философии медицины

Желнова А.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет кафедра Философии и методологии науки, доцент

zhelnova.alexandra@gmail.com

Аннотация: Социально-гуманитарные методы исследования, примененные к доказавшему свою эффективность объектному языку медицины как науки и к ее позитивисткой направленности, могут способствовать переходу к индивидуализированной и персонифицированной медицине. Идуктивный метод, стоящий в основе практического лечения, возможно преобразовать с учетом критического осмысления идеи прогресса и применения ИИ, а также, практики полевых исследований «разрывов» в дискурсе клиники. Одна из основных проблем языка современной медицины, строящейся на основании ценностей гуманизма, заключается в одновременном требовании от нее универсальной научной точности и доказательности, с одной стороны, и индивидуального подхода к каждому пациенту, с другой. Это рождает противоречия, которые необходимо преодолевать в свете развития медицинского дискурса XXI века. Какие же именно проблемы стоят на пути развития важнейшей науки о человеке?

Ключевые слова: медицина как наука о человеке, искусственный интеллект в медицине, микрокосм болезни и макрокосмос природы, норма и патология.

Socio-humanitarian research methods within the discourse of medicine philosophy. Philosophy of socio-humanitarian sciences. Zhelnova A.M.

Lomonosov Moscow State University, faculty of philosophy, department of philosophy and science methodology, associate professor

Abstract: Socio-humanitarian research methods, that were applied both to object language of medicine as a science, proven to be efficient, and to its positivistic direction, can contribute to transition to individualized and personified medicine. Inductive method, that underlies the practical treatment, can be transformed taking into account critical comprehension of the idea of the progress and application of AI, as well as the practices of field research of “gaps” within the clinic discourse. One of the major problem of the language of modern medicine, built on the basis of humanism values, lies in simultaneous demand of universal scientific accuracy and evidence therefrom on the one hand, and an individual approach to every patient on the other hand. It arouses the contradictions, that need to be overcome within the light of development of medical discourse of the XXI century. Which are the very problems that stand in the way of development of the most important science about a human?

Keywords: medicine as science about a human, artificial intelligence in medicine, microcosm of a disease and macrocosm of nature, norm and pathology.

В современном мире стремление философии медицины к преодолению «разрывов» («displacement») между науками о природе и науками о человеке привлекает все больше внимания общества. Социально-гуманитарные вопросы анализа медицинского дискурса, приведенные в данном тексте, могут послужить возможному решению некоторых современных проблем важнейшей науки о человеке.

Негативность и позитивность. «Без сомнения, с помощью частого переноса, заимствования и метафоризации науки о человеке использовали концепции, сформированные биологами; но сам объект, на исследование которого они направлены (человек, его поведение, его индивидуальное и социальное воплощение) реализуется все же в поле, разделенном по принципу нормы и патологии» [4, с. 71]. Бинарная оппозиция, норма и патология применяется к пациенту как предмету

медицинского обследования. Он находится в нескольких измерениях: биологическом и социальном, соматическом и психологическом и т.д. Сравнительный характер наук о человеке, к которым, без сомнения мы относим медицину, порождает скрытые «разрывы» в переводе с языка наук о природе на язык наук о человеке. Остается вопрос о позитивном решении проблемы заболеваний в бинарном поле нормы/патологии. Регламентация нормы и патологии в медицине меняется с течением времени. Результаты исследований болезней в патанатомии переводятся на язык описания заболеваний человека. Этот «разрыв» требует полевых исследований со стороны философии медицины.

Место «олигоптикума» в медицине. «Физиология не больше, чем язык или право, живет таинственной эфирной жизнью: она всегда производится где-то – в такой-то и такой-то лаборатории Королевского хирургического колледжа, в новой редакции учебника, в кабинете врача, в ходе консилиума, где модифицируется стандартная процедура лечения вывихнутых лодыжек» [1, с. 246]. Дискурс (слову нет эквивалента, но его лучше заменить хотя бы в одном месте) клиники рождается в моменте, когда врач находится у постели больного. Микроуровень места медицинской практики трансформируется в макроуровень пространства клиники. В силу чего лечение приобретает новое измерение и изменяет смысл. Лечение пациента в клинике в конце XVIII века считалось необходимым в том случае, когда у пациента не было шанса на выживание. «Displacement» появляется как перевод с языка индивидуального лечения на язык общей дисциплинарной нормы. Учитывая опыт индивидуальной микропрактики лечения семейным врачом, подтвержденной многовековой опытной традицией, применяется к статистически усредненному объекту клиники. Известные данные микроуровня индивидуальной лечебной процедуры проблематично перенести на практический опыт общей клиники. «Олигоптикум» клиники возможен в условиях персонифицированной медицины. Полевые исследования философов-антропологов направляются на поиск «разрывов» в общей клинике.

«На самом деле». «А здесь вокруг просвета, это первый слой клеток, то есть интима внутренняя оболочка. Она утолщена. Правда, ну разве не толстая! Везде, отсюда и досюда» Смотрите. Вот он, ваш атеросклероз» Утолщение интимы. Вот что это такое на самом деле» [2, с. 64]. Эти слова, процитированные в книге Аннмари Мол, принадлежат ординатору патологоанатомического отделения, который утверждает, что такое заболевание как атеросклероз дано именно на стекле препарата, подготовленного его лаборантом, и рассматриваемого им под микроскопом. Нам бы хотелось подчеркнуть давнюю практику разделения таких понятий, как заболевание и недуг. Клетки, наблюдаемые при высоком увеличении, интерпретируются исследователем как патология. Но этот микроуровень с его четким знанием данных о клетках атеросклероза, будучи спроецированным на заболевание атеросклероза на макроуровне, не даёт никакой информации о недуге, которым страдал пациент, у которого ампутировали больную конечность. «Олигоптикум» в патологоанатомическом отделении не дает знания об индивидуальном недуге конкретного пациента. Так как в фокусе внимания медицинского работника находится не человек в целом, а его клетки как объект исследования.

Аутофагия для борьбы с онкологией. В 2016 Ёсинори Осуми получил Нобелевскую премию «за открытие механизмов аутофагии». Этимология понятия приводит нас к слову «самопоедание». Речь идет о том, что клетки способны уничтожить собственное содержимое «заклучив его во фрагмент мембраны и образовав мешковидные пузырьки, которые далее транспортируются для утилизации в клеточную органеллу, - ее ученые называли лизосомой» [5, с. 55]. В ходе доклада, сделанного нобелевским лауреатом 17 января 2020 года в Москве на ВВЦ на XVIII Ассамблее Здоровая Москва, он показал, что все его эксперименты проводились над вакуоллами дрожжей. В качестве объектов исследования они не показывают процессов, которые могут служить прямой аналогией с процессами, происходящими в человеческом организме. Такие же эксперименты ученый проводит над трансгенными мышками. Сам исследователь на все вопросы, адресованные ему в связи с возможной проекцией результатов его исследований на онкотерапию отвечал, что такая аналогия не выявлена. СМИ популяризируют идею, у которой нет серьезных обоснований в реальной лабораторной научной среде. Это еще одна угроза, нуждающаяся в привлечении исследователей из сферы социологии науки, которые смогут обозначить пределы псевдоэкспертной оценки и действительных открытий в микронаучной лабораторной системы. Ошибки порождаются проекцией сферы микро на сферу макро.

Микрокосмос болезни и макрокосмос природы. «Между микрокосмом болезни и макрокосмом природы протянулась целая сеть нитей, образовалась сложная система взаимных соответствий» [3, с. 303]. Панацея как идея, идущая к нам из Средних веков, возможно, трансформировалась в современном мире в идею, о которой, например, речь шла чуть выше – «cure for cancer». Поиск философского камня,

ожидание открытия физической «магической формулы мироздания», не осуществленное Эйнштейном (Ролан Барт) и вера в прогресс науки порождают современные запросы, транслируемые обществом науке. Социум просит технологий, которые если не сделают его бессмертным, то, по крайней мере, позволят сохранить здоровье и молодость как можно дольше. Химера, порождаемая такими установками особенно видна в Китае в феномене «молодой старик». Тогда культура, ориентированная на конфуцианское почтение к Учителю, соединяется с запросом сохранения молодости на лице мудреца. Индуктивный метод исследования науки работает по принципам отличным от идей микро- и макрокосма. Таким образом, в медицине исчезла, выдержавшая тысячелетнюю проверку, идея. «Фрагментация лучше показывает, но целостность лучше объясняет».

Белок p53 как «страж генома» и Big Data. «... уходят последние годы, когда один человек может усвоить все знания о белке p53. Еще немного – и удержать всё в уме сумеет лишь компьютер, а нам останется строить цифровые симуляции. Поначалу, видимо, не самые удачные: объект изучения сам представляет собой биологический компьютер. Который оперирует на малопонятном языке, постоянно подвергается вирусным атакам...» [6, с. 662]. Прежняя традиция, утверждавшая прямую взаимосвязь между силой власти и количеством информации, опровергнута теорией информационной безопасности. Она заявляет о парадоксе обратного отношения между количеством информации и уязвимостью системы, целостность которой нарушает злоумышленник. Персональные данные, которые анализирует алгоритм искусственного интеллекта, находятся под угрозой. Доверие человека XXI века искусственному интеллекту не подвергнуто критическому осмыслению. Технофобия сталкивается с практикой технодицеи.

Использование искусственного интеллекта в медицине давно стало мерой ее развития. По скорости действия и объему памяти машина не сравнимо совершеннее человека. Компьютер анализирует информацию, работая на макроуровне объектного языка науки. Результат его вычислений с учетом статистических выкладок, пройдя экспертную оценку врача-специалиста, может быть применен в выборе тактики лечения конкретного пациента. Только что мы зафиксировали, как минимум, три разрыва в переводе данных из первичного введения алгоритма в данные (1), последующего выданного им результата (2) и учета результата врачом-специалистом (3).

Медицина как наука о человеке. «Мы должны изменить свое отношение к медицине. Нам необходимо смирить нашу страсть к высоким технологиям и делать инвестиции в гуманное, относительно низкотехнологичное медицинское обслуживание, как, например, в семейную медицину» [7, с. 135]. Многие дисциплины, изучаемые в институтах и университетах, не рассматривают вопрос о том, насколько они соответствуют своему предназначению. Действительно, цели фундаментальной физики и польза от их достижения человечеству внутренне не связаны друг с другом. С медициной как наукой о человеке вопрос ее *реальной* пользы для человека актуален всегда и внутренне ей присущ с самого момента ее возникновения.

Литература:

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 384.
2. Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинское практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017. С. 254.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, 1997. 576 с. С. 698.
4. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. С. 264.
5. Шестова О. 30 Нобелевских премий: Открытия, изменившие медицину. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 216.
6. Шифрин М. 100 рассказов из истории медицины: Величайшие открытия, подвиги и преступления во имя вашего здоровья и долголетия. М.: Альпина Паблишер, 2020. – 696 с.
7. Шизер Дж. Помогает ли нам медицина? – М.: Ад Маргинем Пресс, ABCdesign, 2019 – 144 с. С. 144.

Повседневное–обыденное цифровое существование и смысло-жизненная рефлексия

Лешкевич Т.Г.

Южный федеральный университет, профессор, доктор философских наук

Leshkevicht@mail.ru

Статья нацелена на анализ повседневное–обыденной модели цифрового существования и спроецирована на поиск смысло-жизненных регуляций. Рассматриваются три задачи. Во-первых, описывается новый тип адаптации к цифровой среде и выявляются характеристики субъектности «многозадачника». Во-вторых, раскрываются трудности смысло-жизненной рефлексии. В-третьих, анализируется трансформация смысло-жизненной рефлексии в условиях цифровой эры с учетом традиций русской философии с опорой на труды П. Чаадаева, Н.Бердяева и Е.Трубецкого. Автор приходит к следующим выводам. Повседневное–обыденную модель цифрового существования характеризует сниженный уровень персональной смысло-жизненной регуляции. Смысло-жизненный поиск – процесс открытый, привязанный к носителю смысла и подверженный переоценке. Проблема смысло-жизненного поиска, опирающаяся на традиции русской философии, показывает, что человеческая рефлексивность превосходит цифровой подход и не редуцируема к вычислению и ценностям цифрового мира.

Ключевые слова: смысло-жизненная рефлексия, цифровая среда, «многозадачник», обыденная регуляция.

The article is aimed at analyzing the model of everyday digital existence and is projected to search for life-meaning regulations. Three tasks are considered. Firstly, the author describes a new type of adaptation to the digital environment and reveals the characteristics of the subjectivity of the “multitasker”. Secondly, the article shows the complexity of the problem of life-meaning reflection. Thirdly, the attention is directed to the analysis of the specificity of life-meaning reflection in the traditions of Russian philosophy based on the works of Chaadaev, Berdyaev, Trubetskoy. The author comes to the following conclusions. The model of everyday digital existence is characterized by a reduced level of personal meaning-life regulation. The search for meaning in life is an open process that is tied to a bearer of meaning and may be subject to reevaluation. The problem of meaning-life search, based on the traditions of Russian philosophy, shows that human reflexivity exceeds the digital approach and is not reducible to the calculation and values of the digital world.

Keywords: meaning-life reflection, digital environment, “multitasker”, everyday regulation.

Современная эпоха, сделав ставку на цифровую детерминацию, привязывает смысл и ценности существования к дигитальному миру. Цифровое существование становится новой формой бытия человека. Диктуемые им виды деятельности обесценивают значимые для предыдущего уклада навыки индивида, требуют их «пересборки» в соответствии с запросами цифровой эры. Ценность активной предметно-практической деятельности трансформируется в ценность самовыражения в виртуальном пространстве и сводится к онлайн-активности. В модель повседневное–обыденного цифрового существования в качестве постоянных компонент жизненных практик вписываются потребление медиа-контента, ценность «развлечения» и «веселья», самореализация в компьютерных играх, серфинг по Сети и пр. Доступ к новым технологиям отождествляется с «парадным входом» в пространство цифрового существования, предлагающего возможности он-лайн самореализации. Молодая генерация, совершенствуя цифровые навыки, демонстрирует новый тип адаптивного поведения. Ибо в противном случае, согласно выводам Э. Эриксона, «молодежь, которая стремится иметь доступ к господствующей технологии, но лишена его, почувствует себя отчужденной от общества; появятся нарушения и в половой жизни, но главное – агрессивная энергия не найдет конструктивного выхода» [1, с. 323]. Всё больший сегмент человеческой жизни занимают трехмерные виртуальные миры, наполненные остротой ощущений. Однако, цифровизация как могущественный посредник современного существования, претендует на то, чтобы вся система моральных норм стала вычисляемой в измерениях информационных технологий [2]. И если ранее новый тип субъекта цифровой эры представляли «просмотрщики контента» со специфической формой рациональности, опирающейся на поверхностное «сканирование» информации [3, с. 106], то сейчас в авангарде, так называемый, «многозадачник». В своем повседневном функционировании он стремится объединить разномастные виды сетевого взаимодействия, совместить профессиональную занятость

с «потреблением» развлекательного контента и сопричастностью к инфособытиям. Психологическая готовность переключаться с одного вида деятельности на другой не избавляет его от ментальной перегруженности. Степень «сращенности» жизненного мира с виртуальной средой становится предельной. Симулятивный характер виртуализации оценивается как само собой разумеющийся. В связи с чем, жизнь наполняется иной, виртуальной фактичностью, имеющей квази-онтологический статус, а поиск смысложизненных ориентаций оказывается безрефлексивным.

В контексте философского подхода *смысложизненная рефлексия* имеет прочное основание в потребности «самовоплощенного существования», сердцевинной которого является понимание собственного предназначения. Его распознавание не сводится к чисто рациональному анализу, но дает о себе знать на уровне предчувствия, внутреннего побуждения, зависит от сложности личностных представлений о мире. Трудности смысложизненной рефлексии в том, что она связана с углубленным проникновением в себя и одновременно с предьявлением себя как значимого представителя современности. Смысложизненная рефлексия должна привносить целевые и ценностные ориентиры во все многообразие жизненных практик, она связана с производством собственного Я и организацией бытия. Реальный процесс осмысления собственной жизни зависит от той обратной связи, которая вписывает внутренние интенции в существующие обстоятельства и, наоборот, сочленяет заданные обстоятельства с миром внутренних предпочтений. Здесь присутствует двойной фокус, требующий корреляции на каждом этапе человеческого бытия. Смысложизненный поиск не может быть навязан извне, задан унифицированными рекомендациями, он не совпадает с доктриной прагматизма, толкающей человека на путь получения выгоды.

В предыдущих работах была выявлена амбивалентность смысложизненной рефлексии [4, с. 16], сейчас фокус внимания перемещен на повседневно–обыденную модель персональной регуляции, привязывающую поиск смысла жизни к потребностям обыденного существования. Мир предстает как пребывание и проживание, его восприятие сопряжено с психо-ментальным состоянием личности, зависит от уровня развитости сознания. Смысл противостоит бессмыслице и скрывает в себе многие грани: он может быть явный и скрытый, глубинный и поверхностный. Вписываясь в событийный ряд наличного бытия, смысл претендует на оценку своей полноты и значимости в контексте человеческой жизни. Русский философ Е. Трубецкой считает, что будничные опыты свидетельствуют о бессмыслице существования [5, с. 32], которая трактуется как стремление, не достигающее цели. Регуляции обыденной жизни, обусловленные ежедневной заботой об удовлетворении насущных потребностей, подчиняют себе все помыслы человека, требуют отдачи его сил и оттесняют на задний план смысл и цели существования. Так называемые «уклонения к несовершенству», или в семантике фольклора: «не по той дорожке пошел», «знал бы куда упасть, соломку б подстелил», а также рекомендация «надо жить играючи», еще больше усугубляют проблему. Вывод, что «смысл жизни в том, чтобы жить», дополняется интригующим призывом к «искусству жить», так как согласно известной сентенции, сама по себе жизнь только предоставляет время и пространство, которое нужно чем-то заполнить. Таким образом, в контексте повседневно-обыденной модели персональной смысловой регуляции слабым звеном является степень самореализации человека, которая не достигает порога своего осознания.

С позиций современных философов, сложность поставленной проблемы должна быть спроецирована на понимание сложности собственного Я. В этом отношении примечательны слова Э. Морена: «Мы являемся сверхсистемами, т.е. мы непрерывно производим эмерджентности. Мы является открытыми сверхсистемами, т.е. ни одно живое существо не имеет больше потребностей, желаний, ожиданий, чем мы. Мы является предельно замкнутыми на самих себя системами, ни одна система не является столь замкнутой в своем, ни с кем не общающемся своеобразии» [6, с. 444]. Это позволяет заключить, что смысл человеческой жизни состоит в организации собственного бытия, связан с существованием и действием, подчиненным ценностно-целевым регуляциям. Красиво звучит вывод: «Всякое сущее стремится к осуществлению своего телоса» [7, с. 224]. Привлекательно и суждение Аристотеля о мере во всем как золотой середине [8, с.703]. Но какое подспорье в решении проблемы смысложизненной рефлексии предлагает ретроспектива русской философской традиции? От П. Чаадаева остались четкие, но весьма спорные выводы: русский человек «только и делает, что ищет, чему бы подчиниться», что «перед человеческим разумом стоит только один вопрос: знать – чему он должен подчиниться» [9, с. 357]. Согласно Н. Бердяеву, русскому человеку свойственно впадать в крайности, иметь «вольное хотение». Двойственность русской души в сочетании «мятежности и порыва к свободе – с нечеловеческой рабской покорностью и полным отсутствием сознания прав и достоинства

личности» [10, с. 186]. Е. Трубецкой уверен, что смысл связан с «безусловным сознанием», в понятии «с-мысл» содержится искомое всякой мысли, под смыслом жизни следует понимать общезначимую мысль о ценности [11, с. 11]. Выводя понятие «смысл жизни» за пределы индивидуального психологического переживания, он отождествляет смысл с целью, полагаемой как сохранение жизни [11, с. 34]. Ставя вопрос о носителе смысла, Е. Трубецкой подчеркивает, что смысл жизни адресован не безлично-му существу, а человеку с индивидуальным именем.

Резюмируя сказанное, отметим, во-первых, повседневно-обыденная модель цифрового существования, представляя тип адаптации к социотехнологической цивилизации, имеет существенный недостаток, заключающийся либо в полной безрефлексивности, либо в сниженном уровне рефлексии в отношении персональной смысложизненной регуляции. Во-вторых, анализ смысложизненного поиска, сопряженный с традициями русской философии, показывает, насколько человеческая рефлексивность превосходит цифровой подход и не редуцируема к вычислениям. В-третьих, смысложизненный поиск как процесс открытый подвержен переоценке, привязан к носителю смысла и сложности личностного восприятия мира.

Литература:

1. Эрикссон Э. Идентичность, юность, кризис. М.: Прогресс, 1996. 344с.
2. Sullins J. Information Technology and Moral Values. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.). 2018 URL <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/it-moral-values/>
3. Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека//«Вестник Томского государственного университета». 2019. №439. С. 103-109.
4. Лешкевич Т.Г. Амбивалентность смысложизненной рефлексии: российский контекст// Научная мысль Кавказа. 2015. № 4. С. 12- 18.
5. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432с.
6. Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Канон. 2013. 488с.
7. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
8. Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
9. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991.802с.
10. Бердяев Н. Самопознание. (Опыт философской биографии). М.: Международные отношения, 1990. 336с.

Интуиция как средство иррационализации познания в суфизме

Магомедалиева К.М.

Дагестанский государственный университет, старший преподаватель

karina557@mail.ru

Аннотация: Интуиция является одним из средств иррационализации познания. Суфизм как мистическое течение ислама допускает интуитивное познание как один из методов постижения человеком божественности и одновременно познания самого себя. Достигая через иррациональное познание трансперсональных состояний сознания, суфии расширяют свои когнитивные способности в получении сакральных знаний. Суфизм реализуя автономно, через различные психотехники, физические и дыхательные упражнения, достигают состояния слияния с божеством, которое получило название «фана», что подтверждает в целом принципы самого исламского мистицизма. Суфизм на рубеже XX – XXI вв. все больше и больше привлекает к себе внимание религиозных людей. Если в прошлом веке существование суфийских наставников и их деятельность не разглашалась, то сегодня, ситуация в корне изменилась. Суфийские практики становятся доступны многим людям, которые находятся на пути духовного развития и самосовершенствования.

Ключевые слова: ислам, суфизм, мистицизм, интуиция, иррационализм, познание.

Intuition as a mean of irrationalization of knowledge in Sufism. *Magomedalieva K.M.*

Dagestan State University, assistant professor

Abstract: Intuition is one of the means of irrationalization of knowledge. Sufism as a mystical trend of Islam allows intuitive knowledge as one of the methods of comprehending the divinity of man and at the same time knowing himself. By achieving transpersonal States of consciousness through irrational cognition, Sufis expand their cognitive abilities in obtaining sacred knowledge. By implementing Sufism autonomously, through various psychotechnics, physical and breathing exercises, they reach a state of merging with the deity, which is called “Fana”, which confirms the principles of Islamic mysticism itself. Sufism at the turn of XX – XXI centuries. more and more it attracts the attention of religious people. If in the last century the existence of Sufi mentors and their activities were not disclosed, then today, the situation has changed radically. Sufi practices become available to many people who are on the path of spiritual development and self-improvement.

Keywords: Islam, Sufism, mysticism, intuition, irrationalism, cognition.

Проблема интуиции и интуитивного познания одна из интереснейших тем в философии. Сама идея интуиции имеет религиозно-мистическое происхождение и первоначально понималась как форма непосредственного богопознания.

Рассматривая вопрос о роли интуиции в познании необходимо выяснить, что же такое интуиция? Из множества пояснений, думаю можно придерживаться следующего понимания, что *интуиция – это способность постижения истины путем ее прямого усмотрения без обоснования с помощью доказательства.*

Еще великие мыслители античности проявили интерес к интуиции и интуитивному познанию. Как мы знаем, для Платона, который считал истинно реальным мир идей, основной познавательной способностью выступает интуиция. Платон говорит о существовании таинственной способности интуитивного постижения мира идей. Аристотель, вслед за Платоном, тоже заявил о способностях человека непосредственно представлять сущности и устанавливать, какие определения являются правильными. Аристотель говорит об интеллектуальном интуитивном познании. Придерживаясь основной идеей Платона, Плотин, и вслед за ними средневековые мыслители как Августин Блаженный, Фома Аквинский высоко ценили роль интуитивного познания Божественного мира. Хотя Фома

Аквинский отходит от Платоновского понимания и развивает концепцию интуиции собственного «Я», т.е., интуиции субъективности, которая схватывает глубину «Я». Николай Кузанский понимал интуицию как духовное познание сверхчувственного.

В эпоху Нового времени в понимании деистов и рационалистов интуицию считали высшей формой познания, которая способна оперировать непосредственно к сущности вещей. И особый вклад в изучение этого вопроса внесли Рене Декарт, Б.Спиноза, Г.Лейбниц, которые разработали понятие «интеллектуальной интуиции». В последующем, основатель немецкой классической философии И.Кант придает иной смысл этому понятию, и рассматривает его как созерцание собственной деятельности. Г.Ф. Гегель осуществил научную постановку проблемы интуиции, прибегая к диалектике непосредственного и опосредованного знания. Постклассическая философия, которая отошла от рационализма интуицию истолковывает на базе иррационализма.

В данной статье предпринимается попытка дать новый ракурс на интуицию - рассмотреть интуицию как средство иррационализации познания суфизме, который является одним из самостоятельных религиозно-философских и мистического учений в исламе. Суфизм оказал большое влияние на формирование религиозного мировоззрения мусульман арабского Востока, Средней Азии, Ирана, Турции и Северного Кавказа.

Формирование суфийского учения произошло в VIII—X вв., в X—конец XII вв. суфизм достиг своего расцвета, вобрав в себя идеи неоплотонизма, этико-моральных принципов ислама соединив их с культовыми традициями местных народных верований. Благодаря этому суфизму удалось размягчить теологический рационализм ислама. Несмотря на такую давнюю историю и неоднородность, суфизм в конце XX – нач. XXI вв. получил большое распространение по всему миру. Сегодня суфизм представляет достаточно организованную форму движения с различными обособленными течениями, школами, концепциями, которые имеют единую идею мистического «пути» и единой целью – постижение божественной любви и обретение истины. Как пишет один из видных исследователей А.В. Смирнов «Зародившись в раннем средневековье, суфизм и в наши дни сохранил свое влияние на умы и сердца людей в мусульманском мире. Суфизм не просто воспоминание, не дань традиции, не музейный экспонат и не «народный костюм», который надевают по праздникам и на карнавалы. Это живая практика для многих людей, которые не представляют свою жизнь иной. Суфизм не отстает перед натиском современной цивилизации, напротив он завоёвывает новых поклонников». [1, с. 6].

Как пишет исследователь А.А. Хисматулин А.А.: «К концу IX в. усилиями четырех багдадских кружков суфиев – Хариса ал-Мухасиб, Сари ас-Сакати, Абу Саида ал-Харраза, Джунайда ал-Багдади – и их последователей сформировалась багдадская школа созерцательного мистицизма, разработавшая в деталях и в различных вариациях понятие экстатического состояния (хал), которое даруется Богом вне зависимости от усилия мистика и которое является показателем божественного привлечения. В основу практики школы был положен метод муракаба, тяготеющий к пассивному созерцанию состояний и движений души, а также к их анализу». [2, с. 93].

Суфии как представители мистического течения ислама выдвигают концепцию мистического «пути», в которой заложена идея нравственного очищения («духовный джихад» — «муджахда») и совершенствования человека, что в итоге должно привести к интуитивному познанию божества посредством экстатических состояний. «Муджахда» как метод внутренней борьбы с «нафсом», т.е. эго, был предложен Сахл б, Абдаллах ат-Тустари, один из ранних суфиев, который внес большой вклад в разработку мусульманского мистицизма. Здесь надо отметить, что состояние транса для суфиев не самоцель, а средство постижения божественности. Наряду с «муракаба» и «муджахда» есть еще третий метод под названием «маламати», предложенный более поздними суфийскими шейхами. Этот метод сочетает в себе созерцательные практики с активными действиями и все усилия данного метода направлены на то, чтобы не стать объектом почитания и поклонения.

Видный представитель суфизма Джавад Нурбахш считает суфизм школой внутреннего прозрения. «Цель суфизма – постижение Абсолютной Реальности, но не так как нам ее разъясняют люди ученые – при помощи логических доказательств и наглядных примеров, а какова она есть в себе самой. Такое знание может быть определено только оком сердца» - посредством озарения и духовного созерцания». [3, с. 59] Как отмечает профессор М.И. Билалов в монографии «Суфизм и познавательная культура», что суфизм неоправданно, одновременно и метафизически с точки зрения современной науки и философии, преувеличивает роль сердца, любви, интуитивного, мистического в познании истины, в тоже время, по сути, игнорируя рассудочное и разумное мышление как способ познания...

Суфии говорят о «шестом чувстве» (интуиции). ...Видимо шестое чувство занимает промежуточное место познающими разумом и сердцем, хотя у того же Аль-Газали оно названо «внутренним разумом, светом, сердцем». [4, с. 35-36]. Оливет Лимэн исследуя проблемы исламской философии, пишет: Что, как и философы Аль – Газали полагал, что существует два пути к Богу. Один – личная дорога, по которой идет суфий, освоивший мистическую тропу и проделавший всю подготовительную работу, необходимую для достижения цели. Другой путь доступен обычному верующему: он предполагает строгое повиновение закону и обычаям религии, так как подобное поведение позволяет научиться контролировать и преобразовывать себя и благодаря этому приблизиться к Богу». [5. с. 45]. Аль-Газали говоря о методе суфиев и своем личном опыте, высказывался следующим образом: «И тогда мне стало ясно, что более специфические их особенности заключаются в том, что постижимо не путем обучения, но лишь благодаря испытанию, переживанию и изменению душевных качеств». [6. с. 188]

Исходя из вышесказанного, мы можем заявить, что интуиция как метод познания играет важную роль в суфизме. М.И. Билалов отмечает: «Отсутствие единства в суфийских учениях в толковании интуитивного уровня познавательной способности человека не позволяет сопоставить его с классическим толкованием интуиции в рационализме Нового времени. Мистическая интуиция суфизма основана на уходе в себя, на вглядывании в себя, на самососредоточении». [7, с. 64-65].

Мистицизм суфизма можно воспринимать как иррациональный гнозис Божества в самопознании, познавая своё истинное «Я», в то же время познает и Абсолют, породивший его. Суфии через иррациональное познание, в котором особо значима роль интуиции, достигают трансперсональные состояния сознания, что вовсе не говорит об отклонениях и не умаляет их когнитивные способности, а наоборот, расширяет еще больше возможностей получения сакральных знаний. Такое понимание позволяет нам сказать о том, что суфизм как мистическое течение в исламе позволяет через мистическое «единение» с трансцендентной реальностью привести к трансмутации духовной сущности человека.

Литература:

1. Смирнов А.В. О сборнике «Услышь флейтиста». В кн.: Услышь флейтиста: Суфийская проза и поэзия. М.: Присцельс, 1998. 184с.
2. Хисматулин А.А. Суфизм. Санкт-Петербург.: Издательский дом «Петербургское востоковедение», 2008. 191 с.
3. Услышь флейтиста: Суфийская проза и поэзия. М.: Присцельс, 1998. 184с.
4. Билалов М.И. Суфизм и познавательная культура. Махачкала.: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2003. 113 с.
5. Оливер Лимэн. Введение в классическую исламскую философию. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. 275с.
6. Абу Хамид Ал-Газали Весы деяний. М.: Издательский дом «Ансар», 2007. 211с.
7. Билалов М.И. Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. М.: Academia, 2003. 126с.

Архетипические основания социально-политической организации общества: философская традиция и современная интерпретацияⁱ

Мамычев А.Ю.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет политологии, доцент, доктор политических наук, кандидат юридических наук.

mamychev@polit.msu.ru

Аннотация: в работе рассматривается традиция и современные интерпретации архетипических основ общественной организации. Обосновывается, что в развитии социально-гуманитарных наук возникали разнообразные философские интерпретации феномена «архетип», а также развевались различные архетипические идейно-смысловые концепции. Показывается, что в рамках современных социально-философских дискурсах архетипические основания общества анализируются в качестве исторически сложившихся социокультурных, символических и иных элементов, участвующие в воспроизводстве и эволюции общественной системы. В заключение предлагается аналитическая модель исследования архетипических оснований современной организации общества.

Ключевые слова: архетип, культура, общество, социально-политическая организация, традиция, эволюция.

Archetypal foundations of social and political organization of society: philosophical tradition and modern interpretation.

Mamychev A. Yu.

Lomonosov Moscow state University, Faculty of political science, associate professor

Abstract: the paper examines the tradition and modern interpretations of the archetypal foundations of public organization. It is proved that various philosophical interpretations of the “archetype” phenomenon appeared in the development of social and humanitarian Sciences, as well as various archetypal ideological and semantic concepts fluttered. It is shown that in the framework of modern socio-philosophical discourses, the archetypal foundations of society are analyzed as historically formed socio-cultural, symbolic and other elements involved in the reproduction and evolution of the social system. In conclusion, we propose an analytical model for studying the archetypal foundations of modern society organization.

Keywords: archetype, culture, society, socio-political organization, tradition, evolution.

Полагаем, что идейно-теоретические основы архетипа сформировались давно, появились значительно раньше самого понятия «архетип». Причем в различных мировоззренческих, философских, мифологических и религиозных системах формируются и развиваются разнообразные традиции как понимания архетипических оснований, так приемов и способов их постижения, содержательной интерпретации, обоснования роли и значения. Безусловно, в этом многообразии можно выделить и концептуализировать основные, стержневые идеи, совпадающие трактовки, схожие формы познания скрытых, сущностных оснований общества, государства, власти, политики и т.д. Именно, в следствие данного обстоятельства и можно говорить об архетипических исследованиях как таковых, хотя во многих может и не использоваться сам термин «архетип» [1 с. 111]. Однако, подчеркнем, что именно идейно-смысловая направленность, принципы и содержания данных исследований, позволяет нам отнести их к «архетипическим».

Например, в дофилософской древнегреческой мысли формируется традиция «архе» (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит и др.), которая выступает источником рассуждений древнегреческих философов, но не совпадает с Платоновской версией архетипов (arche – «начало» и typos – «образец») или Аристотелевской трактовкой исходных начал, первоначальных онтологических и гносеологических принципов. Томизм и архетипические дискурсы в Средние века, хотя и опирались

на наследие греческих философов и, прежде всего, Аристотелевское учение, тем не менее, архетипы-идеи Августина или Абсолютные-идеи-начала Аквинского, разворачивает совершенно иные принципы постижения первоидей/первообразов, их содержательного понимания, трактовки смысла и значения. Научные дискурсы И. Канта (intellectus archetypus, Urbild – “праообраз”), Г.В. Лейбница (монады), Д.О. Шелленга (аллегорические формулы), И.М. Снегирева (коренные понятия), Ф.И. Буслаева (укоренённые народные образы и мотивы) и др., которых приводят (и совершенно справедливо) в качестве авторов, внесших существенный вклад в теории архетипов и архетипических исследований [2], вряд ли их все можно «включить» в одну традицию исследования и идейно-смыслового и концептуального развития архетипа. Невозможно в одну «универсальную традицию» уместить и различные религиозно-философские традиции интерпретации архетипа.

Разные эпистемологические, онтологические и гносеологические основания у коллективного бессознательного З. Фрейда и К.Г. Юнга, коллективного сознания (conscience collective) и коллективных представлений (representations collective) у Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, структур воображаемого (воображаемое сообщество у Б. Андерсона, «структурированное множественность» как условия жизни и общежития у К. Хьюбнера, социология воображаемого у Ж. Дюран и др.), идеационные основания социокультурной жизнедеятельности у П.А. Сорокина, изначальных мимических желаний и жертвенных механизмов (являющихся скрытой основой всех форм философско-религиозного, политического и правового мышления, обуславливающих институционализацию и процессы ее эволюции) у Р. Жирара, изначальной традиции Р. Генона, социального габитуса у П. Бурдьё и т.д. При этом все это идейно-смысловое многообразие довольно часто объединяются в общую традицию архетипических исследований [3 с. 5-8].

Считаем, что теоретико-концептуальная версия архетипа, предложенная К.Г. Юнгом, конечно, авторитетная и известнейшая, однако, не единственная. При этом теория архетипа Юнга сама базируется и пытается соединить и согласовать несколько традиций архетипических исследований. Поэтому возможны иные, альтернативные исследовательские проекты, имеющие значительный эвристический потенциал, не сводящиеся к комментированию, тиражированию или реинтерпретации юнгианской теории архетипов. Именно последнее характерно для многих исследовательских проектов, в содержании которых реализуется «каталогизация» архетипов в той или иной сфере общественной системе их реинтерпретации применительно к практическим целям и задачам: «В результате образуются своеобразные коллекции “архетипов” – этикетные карточные колоды, из которых раскладываются “архетипические пасьянсы”. Первичные значения, рекомбинируясь и умножаясь на себя, умножают ряды новоиспеченных “архетипов” – национальных, сюжетных, поведенческих и т.д.» [4 с. 81]. В тоже время критические пассажи по поводу авторитетной юнгианской традиции и, главным образом, ее современного вектора развития, вовсе не означает, что следует отбросить данную теорию. Напротив, это предполагает обращение к ней и «диалогическое сотрудничество», но восприятие юнгианской теории архетипа лишь как одного из варианта, проекта архетипических исследований. Например, из последних известных нам работ, можно выделить исследование В.Д. Лаза, которые развивает иное направление архетипических исследований, в рамках которого разрабатывается теория социального архетипа, представляющего исторически сложившиеся социокультурные смысловые и символические единства, участвующие в трансформации и эволюции общественной системы [3].

С нашей точки зрения, продуктивной аналитической модель исследования архетипических оснований современной организации общества (на примере, социально-политической) может служить следующее многоуровневая структура:

1) архетипические установки и коды, которые формируют ценностно-нормативные основания конкретно-исторического этапа развития общества (данные установки и коды имеют разный характер интенсивности в зависимости от темпоральных, пространственных, контекстуальных и иных условий, которые «активизируют» архетипические основания общественной организации в её эволюционном развитии);

2) стиль политико-правового мышления (воспроизводство которого обуславливается ценностно-нормативным основанием публично-властной организации общества) определяющий специфику восприятия, осмысления, оценки протекающих в обществе социально-политических процессов и событий, а также позволяющий содержательно характеризовать особенность политического процесса конкретного общества и проводить предметный компаративистский (сравнительно-политический) анализ различных политических систем, публично-властных отношений и других современных поли-

тических феноменов, развивающихся в тех или иных общественных системах, в том числе прогнозировать и моделировать их дальнейшую эволюцию;

3) тип социально-политического и «предправового» взаимодействия акторов (неформальная система устойчивых отношений и практик, обеспечивающих порядок властного взаимодействия, формирующегося без непосредственного участия государства, официальной властно-иерархической системы, а также обычно-правовые кодексы поведения, обуславливающие действие устойчивых моделей публично-властного взаимодействия и нормы социально приемлемого поведения, значимые для общества стандарты и образцы, устойчивые социокультурные модели публичных и частных отношений в обществе и т.п.), а также неформального социального нормирования практик властного взаимодействия, сотрудничества, разрешения споров, конфликтов и иных форм властной активности;

4) парадигмальные и доктринальные основания политического процесса, которые позволяют дать содержательный социокультурный анализ политическим программам и проектам политико-правовой трансформации российской публично-властной организации, действующим доктринально-правовым актам (правовые доктрины, стратегии и т.п.) институционализирующие основные приоритеты, направления развития различных сфер и отраслей жизнедеятельности общества, параметры и индикаторы национальной безопасности, а также проанализировать адекватность и жизнеспособность ориентиров политико-правовой эволюции в контексте глобальных и цивилизационных рисков.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: энциклопедия. Т.1. М., 1980. С. 110-111.
2. Моница Н.П. Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 195 с.
3. Лаза В.Д. Архетипическое в православии: история и современность. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 233 с.
4. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. 376 с.

Мартынович С.Ф.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор философских наук*

sfmart@mail.ru

Аннотация: в статье на основании опыта истории философии, а также опыта истории науки и истории философии науки определяется понятие философии науки, предлагается определение понятия философии социальных наук. Проводится метафилософское осмысление проблем, методов и концепций философии социальных наук. Смысловый потенциал философии эксплицируется в четырёх аспектах. Философия осмысливается как метафилософия. Философия представляется как история философии. Выявляется принцип выделения общих тем философии. Предлагается принцип определения особенных тем философии. Регулятивная идея применения всего смыслового потенциала философии, истолкованная исторически, к осмыслению феномена социальных наук, к истории социальных наук приводит к прояснению потенциальности проблем, методов и концепций философии социальных наук. Идея потенциальности проблем, методов и концепций философии социальных наук соотносится с эмпирически наблюдаемым состоянием философии социальных наук в истории.

Ключевые слова: философия науки, философия социальных наук, проблемы философии социальных наук, методы философии социальных наук, концепции философии социальных наук.

Philosophy of social sciences: metaphilosophical comprehension.

Martynovich S.F.

N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University / professor

Abstract: In the article on the basis of the experience of the history of philosophy, as well as the experience of the history of science and the history of philosophy of science, the concept of philosophy of science is defined. On this basis, a definition of the concept of the philosophy social of science is proposed. A metaphilosophical understanding of problems, methods and concepts of philosophy social of science is carried out. The semantic potential of philosophy is explicated in four aspects. Philosophy is conceptualized as metaphilosophy. Philosophy is presented as the history of philosophy. The principle of highlighting the general themes of philosophy is revealed. The principle of defining particular topics of philosophy is proposed. The regulatory idea of applying the entire a semantic potential of philosophy, interpreted historically, to comprehend the phenomenon of social science, to the history of social science, leads to clarification of the potentiality of the problems, methods and concepts of the philosophy of social sciences. The idea of the potentiality of the problems, methods and concepts of philosophy of social sciences correlates with the empirically observed state of the philosophy of social science in the history.

Keywords: philosophy of sciences, philosophy of social sciences, problems of philosophy of social sciences, methods of philosophy of social sciences, concepts of philosophy of social sciences.

Философское осмысление науки осуществляется в контексте становления традиции мышления бытия, которая исторически преобразуется в традицию осмысления опыта бытия человека в мире. Являясь историческим процессом применения всего смыслового содержания философии к осмыслению истории науки, философия науки исторически изменяется в контексте изменяющейся традиции мышления бытия. Философия социальных наук формируется как исторический процесс и исторический результат конкретизации проблем, методов и концепций философии науки.

Формирование общих тем философии происходит исторически в ходе реализации стратегии мышления бытия. Возникают метафизика и антиметафизический дискурс, онтология и эпистемоло-

гия, аксиология и методология, праксиология. Особенности темы философии формируются в ходе осмысления опыта бытия человека в мире. Возникают различия ареалов опыта бытия и их философские осмысления – философия природы, общества, культуры (её разнообразных направлений), философия человека, философия науки.

Применение смыслового содержания общих тем философии к осмыслению социальных наук приводит к разработке метафизики этих наук и к возникновению антиметафизических интерпретаций социальных наук. Раскрывается онтологическая проблематика их языка, формулируются эпистемологические и аксиологические проблемы философии социальных наук. Эксплицируются вопросы методологии и праксиологии соответствующих исследований. В целом применение смыслов общих и особенных тем философии к проблематике философии социальных наук, философии социологии, истории и экономической науки, например, формирует исторически определяющийся дискурс философии социальных наук.

Проблемой современного состояния исследований является неопределённость в понимании природы социальных наук. Для её осмысления представляется целесообразным применение метафилософского анализа опыта истории философии, а также опыта истории философии науки, который выявляет своего рода контекстуальность философского творчества, вовлечённость его в определённые архетипы философствования, то есть в исторически сформировавшиеся способы мышления бытия, осмысления опыта бытия. Архетипы философии объективности, субъективности и интерсубъективности исторически функционируют как глобальные контексты, в структуре которых формируются концепции философии науки, философии социальных наук. Они осуществляются в сферах имманентности по отношению к опыту, а также в сферах, трансцендентных по отношению к нему.

Метафилософское осмысление истории философии социальных наук позволяет выявлять возможные контекстуальные детерминации её проблем, методов и концепций способами мышления бытия, осмысления опыта бытия.

Поскольку философское мышление действует, может действовать не только имманентно по отношению к опыту, но и трансцендентно по отношению к нему, постольку это определяет возможные разнообразия в формировании интерпретаций природы социальных наук. Это предзадаёт своеобразие соотношения логичности и убедительности концепций. Если концептуализация строится по обе стороны границы, то чем более логично учение, тем менее оно убедительно. Скажем, строго логичное радикально конвенционалистское истолкование научного социального познания приводит к неубедительным выводам относительно природы социальных наук, поскольку элиминируется реалистическое предположение о существовании экстралингвистической познаваемой реальности.

В архетипе философии объективности «идеи» Платона и «формы» Аристотеля задавали метафизическое («сверх» физическое, не эмпирическое) истолкование мира вещей, данных в опыте. Идеальное государство (и мир в целом) Платона строится в соответствии с вечным и неизменным концептом Единого-Блага. Философия социологии Платона вписана в этот метафизический («сверх» физический) контекст. Социальная стратификация представлена как неизменная иерархия сословий. Этот тип мышления воспрепятствовал пониманию Платоном положительного значения социальной мобильности. «Форма» Аристотеля - метафизическая («сверх» физическая, не эмпирическая) сущность данной вещи. Руководствуясь концептом движения, Аристотель, не обнаруживая его исток в самих вещах, постулирует действие перводвигателя как недвижимого и нематериального источника всяческого движения в космосе. Идея активности формы по отношению к «материи» экстраполируется на учение о душе, человеке, политике.

В архетипе философии субъективности нового времени (в философии субъект-центрированного разума) бытие мыслится в сознании эмпирического/трансцендентального субъекта. Моё мышление осмысливается как тождественное моему бытию в моём сознании. В философии абсолютной субъективности Г. Гегеля, например, постулирующей диалектическую связь идеи, природы и духа, логическая идея всеобщей сущности вещей осмыслена как единственная субстанция-субъект всех развивающихся изменений природы и духа. Это определяет интерпретацию и мировой истории.

В «первоначальной» истории дух автора и дух действий, о которых идёт повествование, тождественны. В «рефлексивной» истории дух историка отличается от духа описываемой эпохи. Обзор всемирной истории осуществляется посредством применения абстракций. Мысль резюмирует содер-

жание. Прагматическая история как подвид рефлексивной истории наполняет своими рефлексиями современность, формулируя моральные поучения. Выявляя разумную и необходимую волю духа, «частичная» история в понятиях (история искусства, права, религии, например) ведёт к «философской» истории.

История описывает то, что было, данное, сущее. «Философская всемирная история» привносит в исторические описания мысль «разум господствует в мире». Разум толкуется в качестве субстанции, благодаря которой и в которой действительность имеет свое бытие, и, являясь для себя предметом, в качестве бесконечной деятельности обрабатывает свое собственное содержание. Всемирная история понимается как прогресс в сознании свободы, который должно познавать в его необходимости.

В архетипе философии интерсубъективности осмысление общества, его истории акцентирует интерсубъективные отношения, данные исторически в концептах «родовой сущности человека» Л. Фейербаха, осмысленной интерсубъективно, «практики» К. Маркса, «языка» в контексте лингвистического поворота в философии рационального и иррационального направлений, «культуры», «истории». Аналитическая философия языка, логический позитивизм как её ранняя версия, постпозитивизм К. Поппера предложили философские интерпретации социологии в своих контекстах.

Социологический проект К. Маркса, основанный на холистической картине социальной реальности, существенно отличается от социологического проекта К. Поппера, основанного на индивидуалистической картине социальной реальности. Эти онтологические проекты социологии не столько противостоят друг другу как картины мира, сколько выстраивают различные перспективы семантической детерминации социологических исследований.

Понятие социальной стратегии в макросоциальном анализе

Миронова Т.М.

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Кандидат философских наук

mir_ta@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме социального развития в полицентричном мире. В этой связи исследуется возможность применения понятия «социальная стратегия», используемого для определения направления деятельности организации, также и в целях описания альтернативных путей развития социума в макросоциальном анализе. Понятие социальной стратегии является релевантным в различных парадигмах социального познания, соответствующих основным типам рациональности: классическому, неклассическому и постнеклассическому. В постнеклассической парадигме знания, в рамках системного подхода, использование понятия социальной стратегии позволяет объяснить такие характеристики развития социума, как индетерминированность и векторность, а также их совместимость с поступательностью исторического процесса. Для демаркации и нахождения баланса между самоорганизацией и управлением в социальном развитии целесообразно дополнить системный подход феноменологическим, который исследует генезис и трансформацию основных социокультурных феноменов, таких как семья, государство, искусство, религия, образование, наука.

Ключевые слова: социальная стратегия, социальное развитие, классическая рациональность, неклассическая и постнеклассическая рациональность, системный подход, социокультурные феномены

The concept of social strategy in the macrosocial analysis.

Mironova T.M.

The University under Inter-Parliamentary Assembly of EurAsES

Abstract: This article is devoted to the problem of social progress in the polycentric world. Consequently, there is investigated possibility of applying the concept of social strategy used for determining the direction of an organization's activity to the description of alternative ways of social progress in the macrosocial analysis. The concept of social strategy is relevant to different paradigms of social science as well as basic types of rationality – classical, non-classical, post-non-classical. In the post-non-classical paradigm of knowledge within system approach the concept of social strategy helps explaining nondeterministic and vector characteristics of social progress along with its continuity. For demarcation and balance between self-organizing and management in social progress it is expedient to complete system approach with phenomenological instrumentality surveying genesis and transformation of main sociocultural entities such as family, state, art, religion, education, science.

Keywords: Social strategy, social progress, classical rationality, non-classical and post-non-classical rationality, system approach, sociocultural phenomena

Исследуя проблему философии в полицентричном мире, важно помнить о том, что одним из значений слова «мир» является «общество» и именно в социальной философии полицентричность обрела статус парадигмы. Эсхатологические представления об истории как конечном однонаправленном процессе индуцировали поиски её смысла и попытки вывода исторических закономерностей. Между тем ответ на вопрос, есть ли у истории законы и, если да, то какие, так или иначе объясняет, что собой представляет развитие человеческого общества в целом.

От Августина до Гегеля данное развитие трактовалось, прежде всего, как осуществление внешних целей, и только в рамках теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского внешняя общая цель – выживание – становится в той же мере и внутренней целью данных типов, самоцелью различных

обществ. И если теория культурно-исторических типов в определённой степени биологизирует историю, сравнение менее крупных социальных единиц с организмами, приспособляющимися к внешней среде и изменяющимися её, не несёт на себе печати биологизаторства.

Понятие социальной стратегии используется в социальных науках, в частности, в экономических теориях управления предприятием для обозначения системы определяющих, обобщающих решений, влияющих на состав организации, содержание и условия работы её членов. Социальная стратегия фирмы первична для принятия всех остальных решений и существенно влияет на конечный результат деятельности.

Мы полагаем, что данное понятие можно применять в более широком смысле, в целях макросоциального анализа, экстраполируя на уровень социума в целом, рассматриваемого в исторической динамике. Социальные стратегии определяют векторы принятия любых решений в обществе, в случае противоположной направленности образуя результирующий вектор. Трагуемые таким образом социальные стратегии определяют процессы трансформации всех основных социокультурных феноменов, включая семью, государство, искусство, религию, науку и образование, которые являются индикаторами социального развития.

Данная экстраполяция не может быть осуществлена механически, не учитывая смены парадигм в естественнонаучном и социогуманитарном познании. С точки зрения классической рациональности целое представляет собой математическую сумму частей (например, общество – сумма организаций) и, следовательно, включает в себя всё, что присуще частям. В таком случае общество выступает суперорганизацией, что, собственно и демонстрируют классические социальные теории от Платона до Маркса.

Далее, в неклассической рациональности, где механицистская картина мира уступила место органицистской, часть, как орган в организме, не функционирует в отрыве от целого, т.е. если деятельность организации подчиняется неким закономерностям, то эти закономерности, в первую очередь, присущи обществу в целом. При этом само противопоставление органицистской и механицистской картин мира обусловлено давним мифологическим противопоставлением живой и неживой природы. В новейшее время в естественных науках произошли перемены мировоззренческого характера, сближающие их с гуманитарными: революция в физике обусловила возврат к метафорическим космогоническим представлениям [1, с. 23]. Вместе с тем остаётся вопрос, возможно ли прямо сравнивать общество с системами в неживой и живой природе?

В неклассической рациональности снимается проблема универсалии социального, поставленная Э. Дюркгеймом и М. Вебером: реально или номинально общество, т.к. она относится к механицистской, классической парадигме. Социальная реальность исключает также абстракцию человека, противостоящего обществу как абстракции: его отношения с обществом опосредуют различные социальные структуры, сначала институты, а позже организации. В современном мире, в эпоху цифровой революции, место структур заняли сети и потоки, что как раз и представляет собой модель мифологического хаоса.

Возникший в постиндустриальной цивилизации постнеклассический тип рациональности изменил само представление о развитии как некоем однонаправленном поступательном движении, постулировав его векторность, а значит, альтернативность и индетерминированность. В то же время, согласно принципу дополнительности, для описания объекта требуются два набора взаимоисключающих понятий, следовательно, развитие совмещает в себе как векторность, так и поступательность. Применительно к истории и обществу «эмпирический смысл принципа дополнительности в социальном знании заключается в том, что функционированию социальных объектов присуще одновременно поступательное и векторное развитие» [2, с. 74].

Таким образом, постнеклассическая парадигма рациональности в социальных науках более гуманистична, отводя место в истории стремлениям и поступкам отдельных людей, создающим описанную векторность. В то же время, возвращаясь к социальным стратегиям, мы не можем отождествлять их реализацию с саморазвитием общества. «Стратегия» в переводе с греческого означает искусство полководца, т.е. искусство вести за собой войско и одерживать победы. В более общем виде стратегия представляет собой способ достижения сложной цели, в самом общем виде стратегия и выражается в целеполагании. При этом основным вопросом остаётся, является ли цель внешней или внутренней для общества. По мнению И.А. Гобозова, общество не может считаться

просто самоорганизующейся системой, т.к. деятельность людей целерациональна и формируется, прежде всего, под воздействием управления [3, с.14].

Критики системного подхода в социальном познании указывают на его низкую эвристичность и недостаточную верифицируемость именно в силу проблематичности спецификации внешних и внутренних факторов развития. Субъективное начало является агентом неопределённости, поэтому индивидуальные цели становятся объектом изучения в социологии благодаря их месту в системе общих целей, заданных мировоззрением, «на основании общеобязательной оценки» и через «установление связей соподчинения» [4, с. 104]. При такой взаимообусловленности внешних и внутренних целей «систему формально можно считать самоорганизующейся, если сознательный выбор людей рассматривать как внешний фактор» [5, с.304]. Но насколько осознанный выбор делают люди в переломные моменты истории, или в «точках бифуркации», которые характеризуются как раз потерей стабильности системы, т.е., снижением и потерей управляемости, возрастанием иррационального начала, отрицания мировоззренческих установок, переоценкой ценностей? И в какой мере индивидуальный выбор может считаться фактором социального развития, даже учитывая так называемый «эффект бабочки»?

Мы полагаем, что противоречие между самоорганизацией и управлением в развитии социальных систем может быть разрешено путём исследования фундаментальных социокультурных феноменов, возникающих в социуме *per se*, но впоследствии используемых в целях управления. Семья, государство, искусство, религия, наука, образование воплощают в себе векторность исторического и социального развития, компенсируя и гармонизируя разнонаправленные социальные стратегии. Таким образом, феноменологический подход может дополнять системный подход в социальном знании.

Литература:

1. Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания (проблема методологического изоморфизма) // Наука глазами гуманитария: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 23-58.
2. Плебанек О.В. Науки о природе и науки о культуре: история отношений // Вопросы философии, 2015. №4. С. 68-78.
3. Гобозов И.А. Социальная философия: диалектика или синергетика? // Философия и общество. 2005. №2 (39). С. 5-17
4. Немирова Н.В. Телеологизм и причинность как основа качественной методологии социологического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия: Социология. СПб, 2014. № 169. С. 101-105.
5. Мальцева Н. Н. Возможности и границы применения синергетики в философии истории // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород: Белгородский государственный университет, 2011. № 2. С. 298-304.

Междисциплинарность и понятийная форма исторического познания

Останина О.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», профессор кафедры культурологии, социологии и философии. Доктор философских наук

oa.ostanina@yandex.ru

Аннотация. Одной из актуальных и сложных проблем философии и методологии исторического познания является проблема содержания его теоретического уровня, понятийного аппарата. Данная проблема может быть поставлена, определена и разработана в контексте междисциплинарности. Будучи тенденцией развития науки в к. XX-XXI вв., междисциплинарность является ведущей характеристикой исторической науки; ее обращение к различным дисциплинам в качестве своей основы способствует расширению и усложнению ее методологической базы и предметного содержания, что дает возможность исследовать и уточнить понятийную форму исторического познания. В истории, как и других науках, применяются формально-логические методы образования и определения понятий. Вместе с тем существует ряд особенностей, обусловленных онтологически, той реальностью, на постижение которой направлено историческое познание. Это постижение предполагает комплексное применение методов для объяснения и понимания разнообразных сегментов исторической реальности. В истории применяются и результаты исследований иных наук, их понятийных аппарат. Содержание используемых в истории понятий включает/подразумевает философский элемент. Своеобразием исторических понятий является выражение ими смыслов прошлого. Собственно исторические понятия относятся к конкретным историческим событиям, явлениям.

Ключевые слова: историческое познание, междисциплинарность, понятийная форма, теория истории.

The Interdisciplinarity and the Conceptual Form of the Historical Cognition. Ostanina O.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vyatka State University»

Abstract: The problem of the theoretical level of the historical cognition, its conceptual apparatus is one of relevant and difficult problems of the philosophy and methodology of the historical cognition. This problem may be put on, defined and developed in the interdisciplinary context. The interdisciplinarity, being a tendency of the science's evolution at the end of XX-XXI cc., is a leading characteristic of the historical science; its appeal to different disciplines as its foundation promotes the expansion and complication its methodological base and subject content what enables to investigate and precise the conceptual form of the historical cognition. Formal-logical methods of the formation and defining of concepts are applied as well as in other sciences. Alongside there are some peculiarities conditioned ontologically, by the reality which the historical cognition aims to comprehend. This comprehension assumes the complex application of methods to explain and understand various segments of the historical reality. Results of the research of other sciences and their conceptual apparatus are applied in history. The content of concepts using in history includes/implies the philosophical element. The specificity of historical concepts is in their expression of the senses of the past. Actual historical concepts are related to concrete historical events, phenomena.

Keywords: historical cognition, interdisciplinarity, conceptual form, theory of history.

Когда мы говорим о критериях научности знания, то в качестве одного из важнейших называем теоретичность, выраженность в понятиях. Содержание теоретического уровня исторического познания, его понятийного аппарата являются проблемой как для философии и методологии истории, так и для исторической науки. Помимо методологического значения, разработка и решение указанной проблемы

имеют практическую направленность, значимую для преподавания истории, для формирования исторического сознания.

Посмотрим на понятийную форму исторического познания и знания в контексте междисциплинарности. Данная проблема является комплексной: она коррелирует с проблемами предмета исторического познания, его объективности (истинности), субъекта, языка и нарратива. Проблема понятийной формы исторического познания может быть, на наш взгляд, решена на основе синтетического подхода, опирающегося на взаимодополнение значимых для исторического познания парадигмальных установок – герменевтической, аналитической, семиотической, феноменологической и других.

Междисциплинарность – одна из ведущих тенденций развития современной науки, благодаря которой возможно преодоление редуционизма, односторонности [1]. Она связана с трансформацией деятельности людей. Дисциплинарная структура науки воспроизводила и воспроизводит ее организацию по типу производства: разделение труда, умножение полей исследования и т.п. [2]. Во второй половине XX-XXI вв. стремительно меняются формы и содержание деятельности, что выражено в новых элементах характера труда, цифровизации различных сфер деятельности, демассофикации производства, в трансформации социальных отношений. Такая трансформация предполагает, в идеале, «целостного», способного к схватыванию смыслов человека. Усиливаются взаимосвязи между сферами общественной жизни; меняются коммуникационные процессы; возрастает значение экологического контекста в деятельности человека и общества: исследования коэволюции природы и общества оказываются общим полем для разных наук. Все перечисленное является социокультурной предпосылкой междисциплинарности.

Другая предпосылка связана с трансформацией науки, выраженной в ее нацеленности на познание сложного, формировании нового научного идеала, сближении и взаимодополнении методов разных наук, понимании изучаемых материальных систем как человекоразмерных, образовании новых областей научного знания, в применении таких междисциплинарных подходов, как системный, синергетический, в возрастании значимости исторического и контекстуального аспектов исследования.

Третья предпосылка междисциплинарности – это язык; мы можем говорить о мифологии языка, о языке как неметафизической предпосылке познания (К.-О. Апель), об обольщенности науки языком (Ф. Ницше), о невозможности построения «языкового каркаса» каждой науки.

Что касается исторической науки, то междисциплинарность составляет самую ее суть, именно в междисциплинарности заключена специфика истории как дисциплины. «Многочисленные «повороты» ... приводили к выигрышу истории – разнообразные инодисциплинарные «вызовы» способствовали тому, что историки заимствовали и адаптировали «под себя» детали языка, некоторые категории, особенности методологической рефлексии других дисциплин так, что в результате происходила ... модификация и оптимизация своей дисциплинарной матрицы» [3, с. 28].

Исследование понятийной формы исторического познания предполагает выяснение ее онтологических оснований, предметного содержания исторического знания. И здесь существенна роль междисциплинарности. Происходившие в XX в. повороты – культурно-антропологический, лингвистический – позволили обнаружить разнообразные силы и факторы в истории, продемонстрировать значение как социально-экономической детерминации, так и культурных и осмысляющих практик [4]. История «втягивает» в поле своего исследования различные сегменты реальности, тем самым расширяя его и все более соприкасаясь с другими науками. Такое уточнение и расширение предметного содержания истории создает предпосылки для комплексного применения методов, для взаимодополнения реконструкции и нарратива, объяснения и понимания, различных способов образования понятий. И если когда-то, например, В. Виндельбанд и Г. Риккерт писали о специфичном для наук о культуре способе образования понятий, то ныне очевидно, что такое противопоставление естественных и гуманитарных наук не корректно. Еще М. Хайдеггер обращал внимание на то, что «в исторических науках не меньше, чем в естественных, метод имеет целью пред-ставить постоянное и сделать его предметом» [5, с. 45]. Э. Кассирер верно отмечал, что во всех науках проблемы ставятся одинаковым образом – как поглощается частное общим, какова связь между индивидуальным и всеобщим, хотя решаются по-разному [6, с. 77]. Общая постановка проблем не означает образования понятий по единому образцу.

Одна из трудностей в формировании понятий и в истории, и в других науках представлена проблемой выражения процессуальности; есть противоречие между процессуальностью и

дискурсивностью теоретического знания; поэтому важно учитывать взаимосвязь интуитивных и дискурсивных моментов.

Поскольку исторической науке присуща междисциплинарность и она взаимодействует с другими науками, расширяя поле исследования, использует их результаты, то она применяет и понятия этих наук (социологии, социальной психологии, экономики, географии, антропологии и др.), включает их в контекст исторического познания. Речь идет о таких понятиях, как «формация», «цивилизация», «культура», «ментальность», «класс», «сообщество», «общество» и другие.

Так как историческая реальность является сложной, разно- и многоуровневой, то ее элементы могут быть изучены разными методами, а их описания выражены в понятиях, соотносимых с разными дисциплинами [7].

Историческое исследование связано с событиями и дает понятия о них. Но событие может быть квалифицировано как таковое будучи включенным в целое, в некоторый процесс, схему, конфигурацию, где оно имеет определенное значение и смысл. И данное отношение уже не является отношением видового и родового понятия. Здесь обнаруживается, с одной стороны, своеобразие понятия в историческом познании, с другой стороны, связь истории и философии. Понимание исторической реальности, целесообразности, законосообразности исторических процессов выводит нас на философскую (философско-историческую) проблематику. Таким образом, в понятиях, которыми оперирует история, есть философское содержание, а разработка теории истории, философии истории представляется актуальной.

Говоря об особенностях понятийного аппарата истории, обратим внимание, что общее в историческом понятии – это не родовый признак, а типическое, что означает, что «частое упорядочивается общим, но не подчиняется ему» [8, с. 78-79]. Еще одной особенностью является то, что исторические понятия, говоря словами Э. Кассирера, это – «смысловые понятия» [9, с. 80]. Любое понятие обладает значением и смыслом (что исследовано, например, в аналитической философии). Но в истории смысл связан с субъектом, его вовлеченностью, личным историческим опытом. Постижение прошлого – это постижение смыслов прошлого. Поскольку историческая наука существует в настоящем, в ней осуществляется сопряжение смыслов, «протягивание» прошлых смыслов в свою реальность. Конечно, следует заметить, что и здесь, в работе со смыслами, истории на помощь приходят другие научных дисциплины – семиотика, информатика, кибернетика и др., но образование понятий остается за историей.

Наконец, нужно сказать, есть ли собственно исторические понятия. Представляется, что, во-первых, для их исследования важно прояснение такой категории, как «особенное»; во-вторых, это конкретные понятия, относящиеся к определенным историческим событиям, явлениям («опричнина», «семибоярщина», «Столетняя война» и др.). За каждым из них стоят определенная реальность и смысл.

Таким образом, история как наука находится в процессе трансформации, выраженном в ее междисциплинарности. Контекст междисциплинарности создает предпосылки для более глубокого исследования понятийной формы исторического познания и уточнения понятийного аппарата истории. Такое исследование значимо для философии и методологии науки, так как социально-исторические аспекты существенны для конкретных, в том числе естественных, математических и технических, наук.

Литература:

1. Рузер А. Назад к единству? Редукционистское мышление и его следствие для социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 141-158.
2. Хайдеггер М. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с. С. 41-62.
3. Кукарцева М.А. Междисциплинарность и историческая дисциплина: особенности отношений // Проблемы исторического познания. Сборник статей / Отв. редактор К.В. Хвостова. М.: ИВТ РАН, 2013. С. 23-34.
4. La Capra D. What is History? What is Literature? // History and Theory. 2017. Vol. 56. Issue 1. P. 98-113.
5. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с. С. 41-62.
6. Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Пер. с нем. С.О. Кузнецова и Б. Вимера. М.: Гардарики, 1998. 784 с. С. 7-154.
7. Розин В.М. Методология познания и конституирование реальности в междисциплинарных исследованиях // Эпистемология и философия науки. Т. 49. № 3. С. 55-69.

8. Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Пер. с нем. С.О. Кузнецова и Б. Вимера. М.: Гардарики, 1998. 784 с. С. 7-154.

9. Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Пер. с нем. С.О. Кузнецова и Б. Вимера. М.: Гардарики, 1998. 784 с. С. 7-154.

Философское осмысление роли веры как концепта культуры

Пахонина Е.В.

Вологодский государственный университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук

solovjevaelen@yandex.ru

Аннотация: Философское осмысление опыта филологических наук показывает, что вера, как ценностная составляющая познающего субъекта, придает текстуально зафиксированному и выраженному знанию, характер авторской правды. Метод выявления веры через прием трансформации «вечных» образов и сюжетов в процессе анализа художественного произведения может способствовать установлению не только подлинной позиции автора, непосредственно и опосредованно отражающей знание исторической действительности, но также определению национального самосознания, пониманию конкретного типа культуры.

Ключевые слова: вера, концепт культуры, «вечные» образы, метафора, авторская правда.

Philosophical understanding of the role of faith as a concept of culture. *Pahonina E. V.*

Vologda state University, Department of philosophy, associate professor

Abstract: The Philosophical understanding of the experience of philological Sciences shows that faith, as a value component of the cognizing subject, gives the textually fixed and expressed knowledge the character of the author's truth. The method of revealing faith through the method of transformation of "eternal" images and stories in the process of analyzing a work of art can help to establish not only the author's true position, directly and indirectly reflecting the knowledge of historical reality, but also to determine the national identity, understanding a particular type of culture.

Keywords: faith, concept of culture, "eternal" images, metaphor, author's truth.

Вера как концепт культуры наиболее ярко проявляется в русской классической литературе, понимание которой невозможно вне православной системы ценностей. Православный быт был естественным образом жизни русского человека и литературных героев, он определял жизнь не только верующего большинства, но и неверующего меньшинства русского общества [1], поэтому уместно будет обратиться к сквозным образам, мотивам, темам и способам их выражения, к которым обращались писатели в разные эпохи независимо от политического устройства общества. Справедливо отметить, что под влиянием идей и ценностей православия поэт и художник начинает восприниматься как пророк. Отсюда популярными в русской литературе становятся жанры пророчества и откровения.

Вера как концепт культуры, определяющий ее восприятие, авторские ценностно-мировоззренческие установки, знание и отражение целостной жизни, в литературном произведении может выражаться через интертекстуальность, то есть наличие заимствований, элементов других текстов: прямого цитирования, скрытых и явных ассоциаций, образов, идей, структуры и т.д. Главными приемами, свидетельствующими о концептуальности веры, отражающей авторскую позицию, можно считать явные и скрытые ассоциации, метафоры, «говорящие» имена и названия, эпиграфы, смешение и появление новых жанров, таких как, например, роман-предостережение и полифонический роман, многоплановость произведения, трансформацию «вечных» тем и образов и другие.

Без понимания сути нравственных ценностей, национального восприятия и традиций невозможно до конца выявить особенности разработки того или иного «вечного» образа, его роль в произведении, а, следовательно, будет затруднено установление авторской идеи, выражаемой через поступки персонажей и заключающей в себе определенное знание, видение действительности. Это может затруднить процесс филологического познания, получение достоверного знания, заключенного в тексте, что может негативно отразиться на методологии гуманитарных наук в целом. Выявление концептов культуры, в частности веры, отражающих вышеперечисленные компоненты, будет способствовать выработке

объективных критериев филологического и гуманитарного типов познания, подтверждающих их научный статус, выявлению истинной авторской позиции, замысла, применяемой в качестве критерия достоверности, отражения целостности жизни, исторической изменчивости. Действие некоторых из приемов можно проследить при анализе отечественной литературы.

Для того, чтобы проиллюстрировать роль веры как концепта культуры, обратимся к анализу творчества Ф.М. Достоевского, исследователи которого отмечают, что он активно использует традиционный для русской литературы прием «говорящих» имен и названий, отражающих убеждения, ценностные характеристики писателя. Так, Родион Раскольников «раскалывает» себя на составные: «до» преступления и «после», претендента на роль великой личности и неудавшегося студента, истинно верующего от рождения и убийцу.

Персонажи, окружающие его, «носят имена, традиционно трактуемые в церковном мире как символы любви и покоя» [2]. Так, Софья обозначает «премудрость», Пульхерия Александровна – «прекрасная», «защитница людей», Настасья (служанка героя) – «воскрешение», Лизавета (убитая им сестра процентщицы) – «почитающая Бога». Семейство Копернаумовых олицетворяет немощных и убогих, о которых говорится в Евангелии. Использование приема «говорящих» имен и названий показывает, что одной только фамилией второстепенного персонажа писатель может укрупнить сюжет, поднять его от частного случая до общечеловеческого, вневременного, философского обобщения.

Приемы использования прямых и скрытых ассоциаций, а также трансформация канонических образов привели к появлению новых жанров. В частности, вера в разумное начало человека, в прогресс, науку и технику привела к использованию библейских сюжетов в утопии и антиутопии, применение которых позволило авторам «проверить» светские варианты веры и их реализацию сквозь призму «вечных» и неизменных нравственных принципов. Так, в антиутопии отсылка к библейской тематике выполняет совершенно иную роль, по сравнению с традиционной утопией. Поскольку в утопии главное внимание уделяется общественному, внешнему миру, в антиутопии – проблеме духовного «рая», то при помощи библейской тематике проверяется соответствие или несоответствие внешнего материального благополучия внутренним нравственным установкам, восходящим в русской традиции к новозаветным заповедям.

Согласно Б.А. Ланину, в 80–90-х гг. XX в. в русской антиутопии сформировались такие жанровые ее разновидности, как сатирическая, детективная, антиутопия - «катастрофа». В них дискредитируется попытка достичь всеобщего благоденствия через разумную организацию и строгую регламентацию общественной и частной жизни. Результаты этого воплощения изображаются как кошмар тоталитаризма, как насилие над человеческой природой. Общим в утопии и антиутопии является вера в возможность построения идеального общества, рая на Земле с учетом технического прогресса, только утопия реализацию такой веры воспринимает со знаком «плюс», а антиутопия – «минус», поскольку идеал в ней последовательно противопоставляется живой жизни.

Литературоведческий анализ произведения позволяет проследить, как автор тем или иным способом пытается развенчать или создать утопический миф. Одним из средств является использование библейских мотивов, помогающих сравнить новый коммунистический миф (рай на земле) и старый, христианский (рай на небесах).

Чаще всего с этой целью писатели используют метафоры, иносказание, фантастический сюжет, тему путешествия и т.д. Так, Т.В. Рожкова отмечает, что в романе Е. Замятина «Мы» можно привести множество аналогов-антиномий христианского и коммунистического представлений об устройстве мира, которые обнаруживаются в результате использования приема «говорящих имен и названий», использования метафоры [См.: 3], что позволяет более точно определить истинный подтекст, авторский замысел произведения.

Таким образом, прием использования и трансформации вечных образов и сюжетов, метафоры в утопии и антиутопии способствует установлению не только истинного авторского замысла, но также расширению художественных приемов и средств, созданию новых жанров, а, следовательно, развитию литературной критики, и в целом литературного процесса. Обращение к литературоведческому анализу использования библейских мотивов в художественном произведении позволяет выявить архетипы восприятия той или иной культуры, новаторство и смешение традиций, и даже «очистить» первообразы от идеологических наслоений, что в целом позволяет приблизиться к истине, отобразить

целостность жизни в ее многообразии.

Религиозными отечественными писателями в целом совесть утверждалась в качестве основной меры всех вещей, основы бытия, критерия истины, поскольку она представляет собой «голос Божий в душе человека», она «наш внутренний судия и блюститель закона Божия» [4]. Истинный смысл слова «совесть» можно понять, только обратившись к его истокам: приставка СО (вместе), корень ВЕСТЬ (ведение, знание от Бога).

М. Малягин, характеризуя творчество Ф.М. Достоевского с православно-церковной точки зрения, утверждает, что он сформулировал свой «символ веры», свою правду [См.: 5]. Сквозной темой творчества писателя, по мнению исследователя, является идея построения справедливого мира, основанного на милосердии к «униженным и оскорбленным», всем «бедным людям». Исследователь обращает внимание на то, что Достоевский осуждает не столько сам поступок, сколько мысль, желание преступления, духовную вину. Достоевский, таким образом, воплотил систему своих христианских взглядов в характерах людей верующих и исповедующих сознательно свою веру.

Таким образом, компетентность литературного критика, интерпретатора вносит существенный, а порой и главный вклад в истолкование произведения и творчества писателя, его правды, веры как ценностно-мировоззренческой установки, в получение достоверного знания об окружающей действительности, исторической изменчивости, а также в развитие самой литературной критики, литературного процесса.

Вера, как элемент познания и деятельности, играет существенную роль в филологических науках в качестве концепта, поскольку, выступая в качестве ценностно-смысловой основы культуры, выражаясь через язык, традиции, мировоззренческие установки автора, участвует в процессе создания и установления замысла произведения, авторской правды, идеи произведения, формирования различных интерпретаций одного и того же текста, позволяет понять внутренние смыслы и основания различных типов культур, и, как следствие, получить объективное знание. В связи с этим, анализ веры как многогранного явления становится необходимым при исследовании гуманитарного познания в целом.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. С.165.
2. Аринина Л.М. Евангельские мотивы в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Библейские мотивы и образы в русской литературе. Вологда: «Русь», 1995. С.38
3. Рожкова Т.В. Библейские образы в романе Е. Замятина «Мы» // Библейские мотивы и образы в русской литературе. Вологда: «Русь», 1995. С.67 – 73.
4. Дрожжина Г.А. Православная духовность и ее роль в развитии личности // Духовность как основа общения: образование и культура. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2002. С.166.
5. Достоевский Ф.М. и Православие. М.: Издательство «Отчий дом», 2004. С.17.

Мульти-сложность как научная парадигма социальных и гуманитарных исследований

Пилото Родригес Х. А.

Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. Магистр философии, соискатель кафедры общей философии

javier1990alberto@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется тезис о мультисложности как научной парадигме социальных и гуманитарных наук. После исследования, проведенного для того, чтобы понять особенности теории сложности в этих науках и дисциплинах, термин «мульти-сложность» появился в качестве ссылки, чтобы подчеркнуть особенности этих сфер знаний и противопоставить их точным и естественным наукам, где Сложность получила большее развитие. Здесь категория «социальные человеческие системы» также принимается во внимание как эпистемологическая основа этой мета-теоретической модели. Среди основных выводов, сделанных в этом исследовании, - необходимость глубокой систематизации всех концептуальных, теоретических и методологических тренингов по общественным и гуманитарным наукам, чтобы отразить сложность в них, а не как копирование, но как подлинное творение, которое учитывает его особенности.

Ключевые слова: мульти-сложность, Парадигма сложности, социальные и гуманитарные исследования, социальные системы, социальные человеческие системы, социальная синергетика, социальные сложные системы, системная транспарадигма.

Multi-complexity as a scientific paradigm of social and humanitarian research. *Piloto Rodriguez J. A.*

Institute of Social-philosophical Sciences and Mass communication, Kazan Federal University.

Abstract: The article analyzes the thesis of multi-complexity as a scientific paradigm for the social and humanistic sciences. After an investigation carried out in order to understand the characteristics of the Theory of Complexity in these sciences and disciplines, the term “multi-complexity” emerged as a reference to highlight the particularities of these spheres of knowledge and contrast them with the exact sciences and natural, where Complexity had more development. Here the category of “social human systems” is also taken as the epistemological basis of this meta-theoretical model. Among the main conclusions reached by this study are the need for a deep systematization of all conceptual, theoretical and methodological training in social and human sciences in order to refound the complexity in them, not as a copy, but as an authentic creation that takes into account its particularities.

Keywords: multi-complexity, complexity paradigm, social and humanitarian studies, social systems, social human systems, social synergetics, social complex systems, systemic trans-paradigm.

История человечества развивалась через сложные сетевые взаимодействия элементов биологического, климатического, социального и духовного характера. Понимание её требует максимально возможного учета всех этих элементов. Парадигма сложности, между прочим, предлагает ту же самую процедуру, и нет ничего более сложного и богатого элементами, чем сам человеческий опыт.

Разница или особенность, которая существует во всем этом, выходит за рамки количества элементов, которые необходимо учитывать, и различий между ними [1]. Качество «человеческого» должно заставить нас переосмыслить парадигму сложности другими терминами.

Мы считаем, что увеличение сложности социальных человеческих систем не должно быть обусловлено увеличением взаимодействия между агентами и компонентами системы. В этих случаях решающее значение будут иметь скачки между различными типами сложности, генерирующимися в этих системах, в большей степени выражающихся в качестве. Когда система меняет свой характер, она меняет тип сложности (которая может быть больше или нет), и это не подразумевает увеличения или

не увеличения количества отношений между субъектами системы. Также добавим, что в этом случае мы предлагаем говорить о точках связи-излучения, а не об отношениях между элементами.

Самоорганизация заставила мировую экономическую систему изменить свой характер, переходя от одного типа системы к другому [2]. Это почти полностью изменило внутреннюю панораму системы и повлияло на ее окружающую среду (возросшая эксплуатация природных ресурсов, загрязнение, угрозы для других видов и т. д.).

В этом конкретном случае мы могли бы сказать, что с учетом увеличения числа агентов (рост населения, новые государства, вооруженные конфликты, технологические изменения и т. д.) произошло увеличение сложности. Но гораздо большее значение здесь имеют изменения в правилах игры, которые заставляют нас видеть фордизм, кейнсианство и неолиберализм в качестве систем с различной сложностью, поэтому это не простое увеличение сложности одной и той же системы, то есть мировой экономики.

В исследовании по этой же теме [3, с. 653] были выявлены аналогичные явления при изучении политического дискурса нации в определенные исторические периоды, через которые она прошла. Качественные изменения этой дискурсивной системы были названы «скачками поколений», в результате чего, несмотря на то, что в основном это была та же самая дискурсивная система, разрывы, которые произошли внутри, выявили наличие в ней другого типа сложности.

Если мы используем здесь ту же категорию (скачки поколений) и распространяем ее на социальные человеческие системы, мы видим, что именно она выражает разницу по сравнению с ее биологическими и искусственными аналогами. Способность «мутировать», привносимая человеческим элементом, значительно нарушает возможности, которые есть у двух последних.

К этому мы должны добавить еще одно очень важное свойство социальной человеческой системы.

Давайте в этой связи рассмотрим ученого-медика в лаборатории, изучающего живое сердце. Несомненно, это очень сложный орган, в здоровье которого вмешиваются различные элементы. Для биолога это открытая система, с высокими показателями воздействия в отношениях с другими органами и даже с эмоциями, которые могут прийти в форме гормональной информации, учитывая эмоциональную среду, в которой находится ее владелец. Давайте также примем во внимание, что отношение ученого к предмету исследования является объективным, поскольку его желание добиться улучшения своего объекта исследования не может повлиять на физические свойства, хотя действие его исследования направлено именно на достижение такого улучшения в будущем.

Для сравнения давайте возьмем пример с историком, который изучает Библию как исторический источник. С самого начала он узнаёт, что ему придется проявить гибкость в своей профессии и поставить себя, по крайней мере, на позицию теолога, социолога и верующего прихожанина. В случае с богословом он должен был бы сказать, что Библия - это закрытая система, потому что она составляет «слово Божие» так же, как он послал его с небес. Как историк, он должен не соглашаться с этим и утверждать, что это открытая система, потому что это текст, который претерпел изменения и вклады в разные исторические моменты. В позиции теолога мы видим чистый баланс и линейность; в позиции историка дисбаланс и нелинейность.

Первое различие между обоими случаями исследования состоит в том, что в биологической системе существует только один тип сложности, несмотря на её уровень, и ее можно изучать только как «биологическую систему». Во втором случае мы видим, что наряду со сложностью, которую историк может найти в Истории, а социолог в Социологии, будет еще один обязательный взгляд, который определяет результат исследования, подобный взгляду теолога, в котором он даже не будет говорить о сложности.

Таким образом, перед нами обнаруживается мульти-сложность, в которой различные типы сложности (по количеству и качеству) сосуществуют друг с другом, и которую необходимо учитывать, если мы хотим что-то узнать об исследуемой системе.

Если мы добавим к этому «скачки поколений», которые мы замечаем в социальных человеческих системах, а также значение самой человеческой субъективности (фундаментально выраженной в ее культуре), то мы можем увидеть перспективы дальнейшей работы над проблемой, которая является ключевой для этой работы. Это позволит нам вникнуть в качество Социальной сложности в человеческой сфере в отличие от ее биологических и искусственных аналогов и начинать строить эпистемологию и собственные методологии, которые продвигают теоретические и прикладные исследования.

Еще один принцип, на котором основывалось это исследование, был связан с категорией «человеческое». Во временной концептуализации «социальной человеческой системы», эта категория относится к антропологической сфере как к возникающему результату самой жизни, как физической, так и биологической. «Человеческое» - это та система или собственность, результат которой отличает нас от других живых существ и социальных систем и наделяет нас цивилизациями, а те, в свою очередь, культурными системами.

Человеческий интеллект, человеческая духовность, человеческая субъективность и т. д. являются сложными системами, которые, в свою очередь, выходят из других сложных систем и несут в себе другую сложность, которая отличает их от той, которая была свойственна исходным сложным системам; они представляют собой «само-сложные» комплексы. Основное различие в том, что творческая способность человеческой сложности значительно умножает возможности нелинейности, обратной связи и, следовательно, адаптации и самоорганизации, давая им возможность создавать там, где биологические или искусственные системы не смогли бы этого делать и с такими качествами, которые они не могли бы достичь.

Мы замечаем, как понятия, связанные с парадигмой сложности и в настоящее время давшие важные результаты в науках о сложности, сталкиваются с особенностями социальных человеческих систем и их отличительной чертой - «человеческое». Такие категории, как время, дихотомия «открытых / закрытых систем», хаос-порядок и нелинейность ведут себя по-разному в «социальном», в отличие от того, как нам объясняет наука о сложности. В связи с этим требуется собственный взгляд на построение эпистемологии и методологии, более подходящих для их характеристик. На этом и основывалась наша работа. В качестве перспективы, в дальнейших исследованиях необходимо углубиться в каждый из аспектов критики и начать строить собственную теорию, предназначенную строго для человеческой социальной сферы.

Интерес к формализации нашего исследования, основанного на систематике, объясняется тем, что сама традиция парадигмы сложности заложена в ней и дает нам широкий спектр возможностей для использования критических и даже прикладных исследований в этой области. Это, в свою очередь, послужило критической основой для нашего исследования. Речь шла не просто о восприятии системной концепции, а критического материала, который ставит под сомнение обычное изучение совокупностей.

Эта критическая концепция является одним из элементов, наиболее наглядно свидетельствующих о необходимости расширения нашего понимания сложной социальной динамики человека. Мы говорим о требовании ввести критику, в основе которой лежит «системная транспарадигма», поскольку человеческий опыт намного богаче и сложнее, чем системная модель способна представить и объяснить.

Мульти-сложность говорит о качественных изменениях, которые испытывают эти «самоусложняющиеся» системы, превращаясь во что-то совершенно иное. Она, в свою очередь, говорит о различных видах сложности, с которыми может сосуществовать такая система, и даже о не-сложности, которая может их характеризовать. Все это зависит от того, с какой точки зрения она изучается, но обязательно должна быть интегрирована и выглядеть как единое целое, если мы хотим объяснить её правильно. Последнее отделяется релятивизмом, который часто характеризует социальные науки.

Литература:

1. Lozares, C. De la complejidad social a su compleja metodología, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fes-sociologia.com/files/congress/10/grupos-trabajo/ponencias/2.pdf> Проверено: 04.06.2019.
2. Maldonado, C. E. “Complejidad de las Ciencias Sociales y otras disciplinas”, 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/publication/28319252> Проверено: 04.06.2019.
3. Piloto Rodríguez J. A., González Martín, Saladrigas Medina, León del Río Y. The USSR discourse: an analysis based on the complexity theory// Revista Latina de Comunicación Social, 70, pp. 652-672, La Laguna, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.revistalatinacs.org/070/paper/1064/34en.html> Проверено: 04.06.2019.

Платонова С.И.

*ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия», зав. кафедрой философии,
доцент. Доктор философских наук*

platon-s@bk.ru

Аннотация: В статье анализируется феномен Big Data, основные характеристики и параметры больших данных. Рассматривается онтологический вызов, встающий перед социальными и гуманитарными науками в связи с широким распространением больших данных. Онтологический вызов связан с пересмотром моделей социальной реальности: это может быть создание новой теории, совершенствование существующих теоретических моделей социальной реальности, сравнение конкурирующих теорий. Большие данные, выявляя некоторые социальные закономерности, могут пропустить факты, фиксирующие новые тренды и тенденции. Большие данные приводят к пониманию общества как самоуправляемого, самовоспроизводящегося, аутопоietического, к отказу от моделей двухуровневой (актор/общество) социальной реальности, к пересмотру социального актора, артикулируют постчеловеческую онтологию самоуправления. В статье обосновывается предположение, что большие данные являются всего лишь «следами» человеческой активности, требующими интерпретации, помещения в определенный социальный контекст, отнесения к социальной теории.

Ключевые слова: большие данные, социальная онтология, социальная теория, социальное знание

**Big data and changing social ontology.
Platonova S. I.**

Izhevsk State Agricultural Academy, professor of the Department of philosophy,

Abstract: The article discusses the features of big data and identifies the possibility of their use. The article examines the main challenges facing social sciences in connection with the wide spread of Big data. Big data, by identifying social trends, can miss facts that capture new trends. The ontological challenge is related to the revision of models of social reality. Big data requires an understanding of society as self-governing, self-replicating. Big data leads to the rejection of models of two-level social reality (actor/society), to the revision of the social actor, articulate the posthuman ontology of self-government. The article substantiates the assumption that big data are just “traces” of human activity that require interpretation, placement in a certain social context, attribution to social theory. There is an urgent need for broader and more critical reflection epistemological, methodological, ontological challenges of the use of big data in the social sciences.

Keywords: Big data, social ontology, social theory, social knowledge.

Еще десять лет назад термин «большие данные» (Big Data) был малознаком подавляющему большинству обществоведов. Однако за последнее десятилетие мы видим активное наступление цифровых данных, которые начинают перерабатываться и анализироваться как естественными, так и социальными и гуманитарными науками. Появились термины «вычислительные социальные науки», «цифровые гуманитарные науки».

Выделяются следующие характеристики больших данных: большой объем, высокая скорость, разнообразие, предельный охват, гибкость, характеризующаяся расширяемостью и масштабируемостью. Объем (volume) больших данных огромен, скорость изменения (velocity) данных чрезвычайно большая; разнообразие (variety) означает наличие различных форматов и типов данных. Большие данные могут соединять разнообразные по природе наборы данных и легко менять свои размеры [1, р. 262]. К указанным характеристикам Big Data можно добавить, по крайней мере, еще одну, принципиально новаторскую и важную: большие данные являются побочным продуктом многих стандартных операций.

Большие данные порождаются рутинными транзакциями между гражданами и властями, потребителями и бизнесом. Это могут быть цифровые системы видеонаблюдения; данные розничных продаж; ведение журнала операций и взаимодействия по цифровым каналам связи (например, электронной почты или онлайн-банкинга); публикации в социальных сетях и другие данные.

Большие данные являются принципиально новаторским шагом в развитии социальных и гуманитарных наук, с другой стороны, они тянут за собой клубок онтологических, эпистемологических и методологических проблем. Апологеты больших данных предлагают отказаться от традиционных схем познания, предусматривающих создание идеализированных конструкторов, выдвижение гипотез, формулирование теоретических моделей и научных теорий. «Большие данные говорят сами за себя», – это один из центральных тезисов сторонников активного использования этих данных. Вызовы, исходящие от больших данных, заключаются в том, что они могут изменить существующие концептуальные схемы, теоретические объяснения социального мира и порядка, потребовать новых исследовательских стратегий и методологических программ. Эти изменения могут носить не декоративный, а фундаментальный характер. Возможность использования больших данных в социальной теории заставляет вновь вернуться к базовым философским вопросам: о соотношении между эмпиризмом и рационализмом, фактами и теорией, индукцией и дедукцией, теоретическими моделями и реальностью.

Сторонники больших данных полагают, что современная наука не нуждается в объяснительных теориях и гипотезах; объяснение может быть заменено корреляцией между явлениями. Декларирование этих идей, по сути, означает победу, триумф эмпиризма и индуктивной методологии. Еще в первой половине XIX века О. Конт заявлял, что наука не нуждается в объяснительных моделях, а главная задача ученого – не объяснять, а всего лишь описывать явления. В начале XXI века, спустя двести лет, можно говорить о реванше эмпиризма и позитивизма.

Однако, по нашему мнению, если большие данные могут быть успешно применимы в некоторых коммерческих секторах, то сложно использовать большие данные для анализа социальных процессов, структур и социального поведения вне теоретических моделей и определенной интерпретации. Как можно применить большие данные для объяснения человеческих убеждений, действий, мотиваций, идеологии?

Сами по себе большие данные еще ничего не говорят. Это всего лишь «следы» человеческой деятельности. Большие данные требуют интерпретации, объяснения, помещения в определенный социальный контекст. А для этого необходимы социальные модели, социальные теории. Перефразируя И. Лакатоса, можно сказать, что теория без данных пуста, а данные без теории слепы. Большие данные во многом лишены политического, экономического и социального контекста, в котором они создаются. Поэтому Big Data требуют более тонкого учета социального контекста, обращения к социальным теориям. Большие данные выявляют тенденции, однако могут не увидеть важных особенностей, которые могут стать трендом.

Использование больших данных может привести к пересмотру теоретического социального знания, основных теоретических моделей социального, вызвать соперничество разных исследовательских ориентаций, новое понимание социального порядка. Например, в позитивистской социологии общество представляется как социальная реальность, первичная по отношению к индивидуальной реальности и детерминирующая человеческое поведение. В неклассической (интерпретативной) социологии подчеркивается роль ценностно-смысловой мотивации социальной деятельности индивида, утверждается, что социальные институты созданы самим индивидами. И в позитивистской, и в интерпретативной социологии существует дихотомия общество/человек, структура/действие, макроструктура/микроструктура.

Цифровые данные приводят к пересмотру моделей социальной реальности, в частности, к изменению существующей в настоящее время двухуровневой (индивид/общество) модели общества. Например, Б. Латур предложил модель одного уровня: с развитием цифровых данных выделение микрофеноменов и макрофеноменов становится излишним. «Нет никакой существенной разницы между индивидами, группами или институтами» [2, р. 609]. Отказываясь от альтернативы актор/структура, Бруно Латур предлагает использовать понятие «монада» в интерпретации Г. Тарда: «Монада – это не часть целого, а точка зрения на все остальные сущности, взятые по отдельности» [2, р. 598].

Сейчас мы сталкиваемся с неким онтологическим поворотом, поворотом к материальному, при

котором материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира. Мы можем говорить об изменении социальности и социальных отношений в современном обществе. Одним из субъектов социальных отношений может быть вещь, процесс, состояние, иными словами, нечто объективированное. В человеческих отношениях одним из партнеров могут выступать не индивиды, а объекты. Объектные миры – это, прежде всего, информационные и коммуникационные технологии, компьютеры и компьютерные технологии, объекты потребления [3, с. 116]. Например, в виртуальной среде одним из участников социального взаимодействия может быть робот. Компанией «Яндекс» разработан робот «Алиса», который является не только голосовым помощником. С «Алисой» можно поиграть, пообщаться, проверить грамотность, получить быстрый ответ. По состоянию на январь 2019 года аудитория «Алисы» составила 30 млн. человек.

Дэвид Чандлер, профессор университета в Вестминстере, полагает, что большие данные опираются на понимание общества как самоуправляемого, самовоспроизводящегося (аутопойэтического) [4, р. 844]. Нет необходимости обнаруживать причинно-следственные связи, так как такой подход подразумевает подчинение централизованным властям, которое характерно для модернистских обществ. Сейчас мы наблюдаем самоорганизацию и автономию городов и обществ. Сложный мир не нуждается в причинной теории. «В то время как «человек» модернистского строительства стремился управлять обществом через разгадывание тайн причинности, «постчеловек» нашего настоящего мира стремится управлять посредством включения реляционной реальности (relational reality)» [4, р. 845].

Большие данные, таким образом, артикулируют постчеловеческую (posthuman) онтологию самоуправления, аутопойэтические сборки (assemblages) технологического и социального. В настоящее время говорят об аутопойезисе социальных сетей, техносциальных систем, эпистемических вещей. Представляется, что можно говорить об аутопойезисе общества как социальной системы в целом. Главное отличие аутопойэтических систем заключается в том, что причина их развития заключена в свойствах самой системы.

Таким образом, обществоведам еще предстоит серьезная работа по анализу роли и значимости больших данных в социальных и гуманитарных науках. С одной стороны, цифровизация гуманитарных наук играет положительную роль, так как содействует упорядоченности, систематизации и доступности аналоговых текстов и других материалов. Изучение социальных явлений с опорой на значительную количественную информацию также многими исследователями рассматривается как положительный шаг. С другой стороны, большие данные могут привести к пересмотру моделей социального: это может быть создание новой теории, совершенствование существующих теоретических моделей социальной реальности, сравнение конкурирующих теорий.

Литература:

1. Kitchin R. Big Data and Human Geography: Opportunities, Challenges and Risks // *Dialogues in Human Geography*. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 262-267.
2. Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S. and Boullier D. The Whole is Always Smaller Than Its Parts' – a Digital Test of Gabriel Tarde's Monads // *The British Journal of Sociology*. 2012. Vol. 63. No 4. P. 590-615.
3. Платонова С.И. Эпистемические объекты и социальные отношения в современном обществе // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3-1. С. 114-123.
4. Chandler D. A World without Causation: Big Data and the Coming of Age of Posthumanism // *Millennium: Journal of International Studies*. 2015. Vol. 43. No. 3. P. 833–851.

Ценностное содержание нравственных императивов

Рамазанова С.Р.

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», факультет психологии и философии, кафедра онтологии и теории познания, старший преподаватель. Кандидат философских наук

saida955@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены нравственные императивы, которые представляют собой культурно-исторические феномены, выражающие систему смыслообразующих характеристик и ориентаций личности на выбор приоритетных нравственных ценностей и целей, превращение их в регуляторы социокультурного бытия человека. Критерием позитивного содержания и направленности нравственных императивов являются высшие ценности, которые, будучи по сути «вечными», в разные периоды развития общества претерпевают своеобразную трансформацию. Это связано с тем, что в определенные эпохи преобладают те или иные моральные доминанты, ориентирующие на определенные ценности, которые наиболее востребованы в данных условиях общественного развития. Особый смысл для нашего исследования имеет нравственное содержание ценностей, вне которого невозможно осуществление не только любой деятельности, но и коммуникативных взаимодействий.

Ключевые слова: нравственные императивы, категорический императив, высшие ценности.

The value content of moral imperatives.

Ramazanova S.P.

Dagestan State University, the Faculty of Psychology and Philosophy, Department of Ontology and Theory of Knowledge, senior lecturer

Abstract: Moral imperatives are cultural and historical phenomena that express a system of meaning-forming characteristics and orientations of a person to choose priority moral values and goals, turning them into regulators of a person's sociocultural life. The criterion for the positive content and orientation of moral imperatives are the highest values, which, being essentially "eternal", undergo a peculiar transformation in different periods of the development of society. This is due to the fact that in certain eras, certain moral dominants dominate, focusing on certain values that are most in demand in the given conditions of social development. The article considers values as phenomena of a two-level order: objective values and subjective values. Of particular importance for our study is the moral content of values, outside of which it is impossible to carry out not only any activity, but also communicative interactions.

Key words: moral imperatives, categorical imperative, the supreme values.

Социокультурные трансформации, происходящие в информационном обществе, обуславливают перемены в отношении человека к миру. Основными тенденциями изменений являются: замена духовных интересов материальными, утверждение утилитаристских и прагматических ценностей, распространение культа удовольствия вместо культа знания и просвещения, подмена жизни игрой, а творчества – потреблением, замена реальных отношений виртуальными.

В современных условиях общественного развития проблема выбора приоритетных нравственных ценностей и целей, превращение их в принципы поведения и регуляторы социокультурного бытия человека приобретает особую значимость. По нашему мнению, увеличение роли нравственных императивов во всех сферах жизни общества будет способствовать преодолению деформации ценностных ориентаций личности.

В Философском энциклопедическом словаре категория «императив» определяется как «требование, приказ, закон» [1, с. 204]. Отметим, что понятие «императив» используется в конкретных социальных и исторических условиях, тогда как термин «категорический императив» следует рассматривать как абсолютный принцип поведения. В научный оборот данное понятие ввел И. Кант. В своей

работе «Критика практического разума» категорический императив философ называет нравственным законом и формулирует следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Углубляя гуманистическое содержание нравственного закона, Кант дополняет его содержание: «...Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 224]. Философ рассматривает этику как часть практической философии, считая ее «логикой доброй воли» и помещает ее на высшую ступень в иерархии философских разделов, оставляя за ней функцию претворения в действительность познанные объекты. Кант пишет: «Речь идет об объективно практическом законе, стало быть, об отношении воли к самой себе, поскольку она определяется только разумом, так как все, что имеет отношение к эмпирическому, отпадает само собой; ведь если разум определяет поведение только для самого себя... то он должен делать это необходимо аргюти» [3, с. 94]. Говоря об императивности нравственности, серьезное внимание философ уделяет долгу. «Долг, – пишет Кант, – есть необходимость совершения поступка из уважения к закону. Необходимость моих поступков из чистого уважения к практическому закону есть то, что составляет долг, которому должна уступить всякая другая побудительная причина, так как он – условие самой по себе доброй воли» [4, С. 174].

Нравственный императив представляет собой культурноисторический феномен, проблема абсолютности морали в нормативно-этических концепциях уже возникает в тех учениях, в которых мораль как должное противопоставлялась естественным потребностям человека. Впервые об этом заговорил Сократ, который осуществил попытку рассмотреть природу зла. Попытку более систематизированного осмысления нравственных императивов продемонстрировал Платон, который предпочел придать добру и злу онтологический характер, максимально объективировав их. Платон одним из первых предложил концепцию морали. По мнению философа, основу бытия составляют простые и вечные идеи. Истина, высшее благо и красота – основные составляющие мира идей. «И справедливость, и мужество, и честность благи благодаря причастности к идее Блага. Суть блага раскрывается только в некоем интеллектуальном созерцании единства истины, соразмерности и красоты» [5, С. 115]. Следующий шаг в развитии идеи нравственных императивов был предпринят Аристотелем. Философ исходил из того, что мораль не сводима только к знанию (как у Платона), важную роль играет не столько рациональная составляющая, сколько эмоциональный элемент. Поэтому философ большое место отводил учению о добродетели как регулятору отношений между людьми. В этой связи Аристотель сформулировал главный принцип добродетели, так называемый принцип золотой середины, устанавливающий меру душевной добродетели. Аристотель считал этику особой наукой, которая исследует благо и человеческие поступки, цель этики состоит в преобразовании, нравственном возвышении человека, личностном развитии.

В рамках христианской парадигмы нравственные императивы приобретают форму моральных заповедей, трактуются как божественные установления, поскольку они подкреплены авторитетом Бога [6, С. 538]. В учениях Абеяра присутствуют идеи интенциональности нравственных поступков. Согласие воли на поступок, нарушающий божественные заповеди, считается грехом: «На деле же совершение поступков ни мало не способствует увеличению любого рода греха, и ничто не может загрязнить душу, кроме принадлежащего ей, то есть согласия, относительно которого мы утверждаем, что только оно одно и составляет грех, предшествуя воле в душе или следуя за исполнением поступков» [7, С. 258]. Эпоха Возрождения продемонстрировала переосмысление не только нравственной сущности человека, но морали в целом. Значение итальянского гуманизма для развития нравственного императива состоит в утверждении непреходящей ценности и достоинства человека. К XVIII веку формируются новые социальноэкономические отношения, которые явились фундаментом для формирования совершенно нового типа личности. По мнению Е.В. Беляевой, «самым главным нравообразующим фактором эпохи «модернити» стал изменившийся тип личности – это активный, деятельный, рациональный, индивидуализированный, автономный субъект. Такой субъект морали принципиально отличается от господствовавшего в традиционной нравственности коллективного субъекта морального сознания и поведения» [8, С. 70].

Для рассмотрения роли и места, особенностей функционирования нравственных императивов в формировании современной личности особое значение имеет рассмотрение ценностных смыслов нравственных императивов. Процесс реализации нравственных императивов тесным образом связан с внешними условиями, непосредственно влияющими на характер функционирования социокультур-

ных процессов в обществе. Поэтому важно рассмотреть вопрос, связанный с идеями, составляющими смысл нравственных императивов. Вышесказанное предполагает анализ содержания нравственных императивов посредством выбора, так называемого «ключевого звена» в жизненном мире человека. То есть такого звена, при помощи которого в конкретных социальных условиях можно влиять на личность, на процессы его социализации, а через формирование целостного образа личности – на его интересы, цели деятельности, поведенческие нормы, способы взаимоотношений между людьми.

В «основном звене» внутреннего мира личности в нашем понимании должны полностью отражаться нравственные доминанты современной реальности, претворение в жизнь которых позволит положительно воздействовать на все виды деятельности личности в современно социуме.

В качестве «основного звена» внутреннего мира личности стоит назвать ценности. Наиболее распространенным подходом к уяснению базовых оснований ценностей является признание за ними «права» считаться всеобщим критерием оценки человека, а также явлений и процессов окружающего его мира. По нашему мнению, ценности только тогда могут называться таковыми, когда они несут в себе значение всеобщности, общезначимости, какой бы вид деятельности не был затронут. Другими словами, ценности должны иметь всеобщее значение, обладать определенной «обязательностью» для всех. Следует отметить, что проблеме ценностей, их систематизации, структуре и видам в отечественной науке посвящено достаточно много работ. Целью нашего исследования не является детальное рассмотрение данного феномена

Возвращаясь к нравственному содержанию ценностей, отметим, что нравственные ценности, являясь по сути «вечными», в разные периоды развития общества и культуры претерпевают своеобразную трансформацию. Это связано с тем, что в определенные эпохи преобладают те или иные моральные доминанты, ориентирующиеся на те, высшие нравственные ценности, которые наиболее востребованы в конкретных условиях общественного развития. Высшие нравственные ценности становятся для личности своеобразным ориентиром, установкой на определенный вид деятельности, способ межличностных отношений, выбор профессии, на жизнь в целом. В сущности, они интегрально выражают нравственные императивы. Другими словами, нравственные ценности в рассматриваемом контексте способны выполнять «роль не только ведущих «мотиваторов», но и «регуляторов» в формировании и утверждении смыслов жизнедеятельности, что точнее выражает суть процесса интериоризации нравственных императивов для деятельного субъекта. В таком случае они ориентируют человека на высшие нравственные смыслы, применительно к той или иной конкретной деятельности» [9, С. 16]. Высшие нравственные ценности, утверждая всеобщий принцип долженствования (суть требования нравственного императива Канта), являются тем «внутренним источником», который оказывает активное воздействие на духовный мир личности, и, соответственно, на мотивы и результаты его деятельности.

Глобальная информатизация и коммуникация требуют от человека новых форм отношений с другими людьми. В этой ситуации важным является возвращение не к архаическим ценностным установкам, а через апелляцию к универсальным нравственным ценностям найти выход из драматической ситуации современного мира. В обществе наметился поворот к духовности, который не означает отказа от всех приобретений предшествующего развития, а включает их в состав новой целостности. В этих условиях нравственный императив становится безусловным, а духовность и нравственность должны стать необходимым основанием и перспективой для преодоления антропологического кризиса, условием трансформирования современного общества на духовно-нравственных началах.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 204. 2. Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо-Пресс, 2015. С. 64. 224 с.
2. Кант И. Критика практического разума. М.: Эксмо-Пресс, 2015. С. 174.
3. Гусейнов А. А., Иррлиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1997. С. 115.
4. Августин А. О благодати и свободном произволении // Гусейнов А. А., Иррлиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. С. 538.
5. Абеяра П. Этика, или познай самого себя. М.: Гнозис, Прогресс, 2005.
6. Беляева Е. В. Мораль современного человека: от традиционализма к постмодерну. Социология. 2008. №4.
7. Огородников А. Ю. Интериоризация ценностей в условиях трансформации современного российского общества (социальнофилософский анализ): автореф. дис. ...к. филос. наук: 09.00.11 / Огородников Александр Юрьевич. М., 2006.

Становление акратической оптики в концепциях американских мыслительниц XX века и их влияние на современную научную картину мира

Рахманинова М. Д.

Кафедра философии Санкт-Петербургского горного университета, доцент, доктор философских наук

mariarakhmaninova@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется концептуальная преемственность в преодолении классической эпистемологической диспозиции субъекта и объекта, а также в повышении чувствительности исследовательского методологического аппарата к процессам власти, исключения и знания – в творчестве американских мыслительниц разных периодов XX века. Намечаются созвучные линии их работы с измерением поэтического как результативной оптикой для повышения эвристического потенциала исследования. Также устанавливается их пока еще не оцененный вклад в современную научную картину мира и методологию ее применения в теории и на практике. Рассматриваемые в статье фигуры вводятся в отечественный научный оборот впервые (на основе источников, ранее не переводившихся на русский язык).

Ключевые слова: множественный субъект, власть, исключенные, политическое, поэтическое.

The formation of acratia optics in conceptions of American Female-thinkers of XX century and their impact on contemporary scientific view. Rakhmaninova M.D.

St. Petersburg Mining University

Abstract: The article investigates the conceptual continuity in overcoming the classical epistemological subject-object disposition, and in increasing of methodological sensitivity to processes of power, exclusion and knowledge in works of American female-thinkers from different periods of XX century. We research the main accordant lines of their working with the poetical – as a favorable optics for increasing the heuristic potential of the investigation. We also analyze their still unevaluated investment in contemporary scientific view and methodology (in theory and practice). The suggested thinkers are brought into Russian scientific discourse for the first time (on the basis of the texts, which have never been translated into Russian before).

Keywords: plural subject, power, the excluded, the political, the poetical

ⁱ Критика модерна из перспективы романтизма – явление многообразное и сложное. Одно из его направлений широко представлено внутри анархистской традиции – сразу несколькими возникшими в нём концепциями и ракурсами. Например, в творчестве Вольтерины де Клер. Наследуя духу ницшеанского текста, она ступает на пока еще зыбкую почву междисциплинарного письма, предпринимая попытку соединить поэтическое, политическое и философское измерения. Большинство ее текстов обнаруживают себя на этом нетипичном «стыке» областей – не слишком характерном даже для самых смелых мыслителей от анархизма ее времени, когда гораздо большей популярностью пользовались жанры манифеста или теоретического трактата. Теоретизируя, В. де Клер прибегает к классике романтической эстетики, неожиданно обнаруживая ее объяснительный потенциал – подобно тому, как в своих медицинских штудиях З. Фрейд заимствует аналогии из античной мифологии и литературы. Некоторая патетичность и нарочитая визуальность этих поэтических разломов в политическом и социально-философском тексте В. де Клер обеспечивает глубинное своеобразие его воздействия и проливает свет на новые стороны обсуждаемых в нем проблем и вопросов, делая зримым прежде не очевидное и не проговоренное (в том числе связанное с женским социальным опытом).

Спустя несколько десятилетий логику и стиль этого междисциплинарного синтеза (по всей видимости, непреднамеренно) продолжит Майя Дерен. Именно на стыке эстетического, политического

и экзистенциального она создаст свою собственную теорию кино, а также собственный киноязык, предвосхищающий дальнейшие исследования антропологов, социологов и философов в заданном ею направлении. «Поэтическая структура фильма» [1] позволяет ей фокусироваться на чувствах субъекта внутри ситуации, на его эмоциях, не слишком связанных с логикой действия и линейной динамикой объективного фильмического времени. Подобно тому, как авангардисты стремились освободить цвет от формы, а форму от служения функции, М. Дерен освобождает чувства и экзистенциальные процессы от предсказуемости повседневной событийности, обращаясь к пространству грезы и фантазма [1] – как В. де Клер обращена к пространству духа [2, pp. 36-43]. В этом смысле М. Дерен работает с контекстом внутреннего времени, «времени-длительности», как его называл А. Бергсон. Поэтому свой киноязык она сама характеризует как пространственно-временное экспериментирование [3, p.6]. Отстаивая самостоятельность поэтического образа как особого опыта реальности, М. Дерен работает с системой гаитянского вудуизма, в котором она всю жизнь искала убежища от мелкобуржуазного мещанства современного ей американского общества – как незадолго до неё и В. де Клер [2, p. 37], нашедшая свое восхищенное утешение в системах ценностей мучеников за свободу угнетенных.

Стилистически и В. де Клер, и М. Дерен работают с темой трансценденции (а еще точнее – с состоянием транса), не доверяя эвристическому потенциалу классической академической эпистемологии. В. де Клер заметно разбавляет конвенциональный социально-политический анархистский текст ницшеански поэтическим синтезом молитвы и проклятия, от страницы к странице обретающим все большую интенсивность, и в итоге как бы прорывается за пределы и того, и другого [2, pp. 141-142]; М. Дерен артикулированно обращена к состояниям транса – осмысляемого как из метапозиции, так и изнутри. Используя его как средство встречи с гаитянами, она фактически находит лазейку в глухой стене колониализма, пытаясь пробиться к речи Другого за пределами ее интерпретаций доминирующим в западной картине мира колониальным взглядом.

Таким образом, и В. де Клер, и М. Дерен, обращаясь к измерению поэтического, покидают пределы традиционного нововременного субъекта – в том числе, в его христианской ипостаси, выходя «сквозь» него (будучи женщинами, никогда так и не оказавшись в полной мере в него включенными) к тем, за кем впоследствии социальная теория закрепит имя «исключенные». В «Поэтике пространства» Г. Башляр пишет о способности поэтического «сенсублизировать ближний мир» [4, с. 321]. Если следовать этому взгляду, В. де Клер и М. Дерен открывают множественный субъект (угнетенных за пределами их классического образа в марксизме – в случае В. де Клер, и колонизированное общество – в случае М. Дерен) именно через такую предельную сенсублизацию реальности, скрытой от заряженного функциональностью нововременного взгляда.

Спустя еще несколько десятилетий разработку этого метода продолжит другая яркая мыслительница – антрополог и философ Мария Лугонес. В ее теории «номадизма» (путешествия по мирам множественного субъекта) он освобождается от недоработок прошлого и получает достаточную теоретическую проработку (впоследствии М. Дерен критиковали за сохранение экзотизирующего взгляда [5, p. 81] и доброжелательного ориентализма [6, pp. 150-151], а концепция В. де Клер из перспективы постанархизма выглядит уязвимой для критики за эссенциализм).

Истории множественного субъекта, по мысли М. Лугонес, конкретизируют его и через это принципиально меняют результаты исследования (впоследствии этот тезис будет развит в рамках АСТ). Кроме того, такое исследование оказывается подлинно политическим актом, поскольку «оно ставит нас в позицию интерсубъективного внимания и возможности диалогичной ситуации» [7, p.28]. С этой точки зрения, политическим оказывается не только корпус текстов В. де Клер (и, при этом, за пределами его собственно политических – в жанровом смысле - фрагментов), но и язык М. Дерен, раскрывающей индивидуальное интроспективно, но вовне, к субъектам другого опыта, к его слышимости (насколько ей хватило для этого средств).

Такая эпистемологическая чувствительность к многомерной субъектности Другого существенно повысила возможность регистрации и исследования скрытых уровней реальности систем власти, функционирующих в социокультурной. По утверждению М. Лугонес, «исследователь способен видеть только глазами своей культуры. Такое отсоединение от реальности (Прим. пер.: реальности систем власти) — выражение радикальной пассивности по отношению к идеологии этноцентричного расистского государства, которое ставит в привилегированное положение доминирующую культуру как вообще единственную и, таким образом, как единственный способ видеть реальность» [7, p. 40]. Расширяя зону видимости поля власти через фундаментальное исследование расизма (как одной из ее

форм), М. Лугонес создает инструментарий для исследования и других сегментов этого поля, а также ее потенциала к эпистемологическим искажениям, препятствующим подлинному пониманию и продуктивному взаимодействию с реальностью.

Итак, «сенсификация ближнего мира» через поэтическое у В. де Клер оказывается порталом в субъективность угнетенных (бедняков, евреев, мигрантов, женщин и, что еще не слишком характерно для ее эпохи – даже животных) – и регистрирует направленные на них формы власти; у М. Дерен поэтическое становится политическим выходом из христианско-капиталистической парадигмы – к колонизированному исключенным через доверительный эскапистский жест принятия принципиально иного режима бытия и сознания (что, в конечном счете, оказывается для нее также и выходом за пределы гендерной системы власти со всеми ее последствиями); поэтически заряженный эпистемологический номадизм М. Лугонес позволяет работать не только с множеством уровней и измерений власти (через введение буквально штирнеровской оптики конкретного), но и открывает возможность многообразия горизонтальных практик, свободных от властных иерархий и способствующих гармоничному балансу между частным и коллективным опытом и видением.

В этом смысле намеченную нами дискурсивную траекторию правомерно описать как поступательное развитие акратической оптики в направлении от классического нововременного субъекта – к множественному субъекту во всей конкретности его неоднородного опыта. По всей видимости, эта перспектива составила одно из существенных оснований современных трансформаций научной картины мира и характерных для нее представлений о природе, технике и человеке.

Для этого нового образа мира характерно холистичное восприятие явлений и процессов, протекающих в самых разных сегментах реальности, что находит отражение в метафорике «сети» и самоорганизующейся системы. Выше мы уже упоминали в качестве примера АСТ (акторно-сетевую теорию), активно воспринявшую тезис о сенсифицированной реальности и значимости акратического представления о множественном субъекте для повышения эвристического потенциала науки [8]. Однако этот взгляд нашел отражение не только в методологии современного знания (ориентированной на междисциплинарность и плюрализм), но и в развитии новой антропологии [9], и в постановке новых технических задач [10], и принципиальном переосмыслении их соотношения с природой [11, 12]. Таким образом, произвольная концептуальная линия В. де Клер - М. Дерен - М. Лугонес представляется не только репрезентирующей, но и задающей тенденцию рефлексии и работы с процессами реальности, значимую для всего современного научного знания и его эвристического потенциала.

Литература:

1. Moore L. Maya Deren: three Acts of Magic. 1989, 2013. [Электронный ресурс] URL// https://www.academia.edu/4197128/Maya_Deren_-_Three_Acts_of_Magic (дата обращения: 14.02.2020)
2. Cleyre V. de. The Voltairine de Cleyere Reader. – Oakland, California: AK Press, 2004. 254 p.
3. Deren M. An Anagram of Ideas on Art Form and Film. NY: The Alicat Book Shop Press, 1946. 52 p.
4. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
5. Bhabha H. K. London: Routledge: London, 1994. 285 p.
6. Harris O. Time and Difference in Anthropological Writing in . London: Sage, 1991. pp.145-161.
7. Lougones M. Pilgrimages. Theorizing Coalition against Multiple Oppressions. Oxford: Rowman& Littlefield Publishers, 2003. 249 p.
8. Салин А. Как упаковать жизненный мир в черный ящик: инструкция по сборке//Логос Science & Technology Studies. Том 28 #5 2018, с. 137-168.
9. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
10. Bohm D. Science, Spirituality, and the Present World Crisis. ReVision, 15: 4, (Spring 1993), pp. 148-9.
11. Foster J. B. Ecology Against Capitalism. NY: Monthly Review Press, 2002. 176 p.
12. Пшера А. Интернет животных. Новый диалог между человеком и природой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 192 с.

Медиакультура в дискурсе постмодерна

Рзаева Р.О.

Институт Востоковедения им. акад. З.М.Бунятова Национальной Академии Наук Азербайджана, заведующая отделом «Теория востоковедения». Доктор философских наук

roida@bk.ru

Аннотация: В свете нового многообразия дискурсивных практик постмодерн выступает одним из вариативных полей для объяснения новых реалий, интерпретации культурной сложности. В современную эпоху основу социальной действительности составляют высокоразвитые информационные технологии, принцип открытости информации. В постиндустриальном, информационном обществе основными продуктами производства становятся информация и знания, что делает нынешний век не только информационным, но и смысловым. Появление новых информационных технологий порождает новую форму виртуальности – гиперреальность. Ассоциированное сознание как особая форма сознания, приходящая на смену массового сознания эпохи модерна, – это процессе приобщения к новым смыслам через СМИ. Социальные смыслы – это латентные мотивационно-целевые конструкты. Социальные смыслы определяются как виртуальные продукты сознания людей. В этом контексте знаково-символическое измерение социальности, в частности формирование смыслов приобретает особую актуальность. Это позволяет выйти на новый уровень концептуализации социокультурных явлений. Исследования проблем сознания и культурной эволюции дают возможность выявить, как между собой связаны смыслы, «образы мира» людей и глобальные процессы, перемены. Отмеченное даёт информацию о коммуникативно-познавательной сфере социума. В этом измерении вырисовывается роль философии как средства рефлексии и инструмента гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: медиакультура, постмодерн, смыслы, ассоциированное сознание, гиперреальность, постиндустриальное.

Media culture in the Discourse on the Postmodern.

Rzayeva R.O.

Institute of Oriental Studies named after Academician Ziya Bunyadov, Azerbaijan National Academy of Science, head of Department of Theory of Oriental Studies, Professor

Abstract: In the light of new variety of discursive practices the postmodern acts as one of variable fields for an explanation of new realities, interpretation of cultural complexity. In the present period, the basis of social reality is made by advanced information technology, a principle of openness of information. In a post-industrial, information society information and knowledge become the basic products of manufacture. This century is not only the century of information but also the century of senses. The emergence of new information technology generates a new form of virtuality – a hyperreality. The associated consciousness as the special form of consciousness coming up to replace mass consciousness of an epoch of modernity is a process of familiarizing with new senses through mass-media. The associated consciousness is expressed that a world-view of the modern person is constructed on a basis of diverse models of the world. The world is perceived through the images connected among themselves. Their sense is actualized only in the context of a certain conceptual matrix. Social senses are latent motivational-target constructs. Social senses are defined as virtual products of people's consciousness. In this context sign-symbolic measurement of sociality, in particular formation of senses acquires special urgency. It allows reaching a new level of conceptualization of socio-cultural phenomena. Researches of problems of consciousness and cultural evolution give the chance to reveal how senses, «images of the world» of people both global processes and changes are among themselves connected. The noted gives the information on the communicatively-informative sphere of society. In this measurement the philosophy role as means of a reflexion and the tool of humanitarian examination appears.

Key words: Media culture, Postmodern, Senses, Associated consciousness, Hyperreality, Post-industrial.

Введение

В свете нового многообразия дискурсивных практик постмодерн выступает одним из вариативных полей для объяснения новых реалий, интерпретации культурной сложности.

Массмедийный дискурс реагирует практически на все тенденции, наблюдаемые в таких важных сторонах социума, как политика, экономика, искусство, наука и др., и выступает индикатором динамических изменений, отражающих смещение акцентов в восприятии и понимании того или явления или события в обществе, что актуализирует в этой призме роль общественного сознания как понятийного поля. Общественное сознание, выступающее мощным измерительным инструментарием между философией и социумом, функционирует на обыденно психологическом и теоретико-идеологическом уровнях. [1, с. 20, 25].

В общественном сознании рефлексивно осмысливается новое жизнепонимание, выражающееся в культурной и политической плюральности. [1, с. 28]. Проследивается четкая тенденция в сопряжении *сознания, обусловленном постмодерном, и медиакультуры*. В силу корреляции массмедийного дискурса с бытийным характером массмедийного дискурса фрагментарен, что перекликается с ризоморфностью бытия в постмодерне. Интерпретация не стеснённых рамками институциональности массмедийного дискурса в контексте сознания постмодерна обнаруживает важную роль философии как медиатора локальных эпистемологий.

Исходя из вышеотмеченного, задачей, целью экспликации знания о медиакультуре и /или медиапространстве в дискурсе постмодерна является анализ социальной ткани как культурного фона конструирования постмодернистского дискурса, где дискурс выступает своеобразной матрицей восприятия.

Отмеченное актуализирует медиакультуру как “культуру передачи информации и культуру ее восприятия” в ее социальном и эстетическом движении от модерна к постмодерну и корреляцию роли масс-медиа с дискурсивными трансформациями медипространства, информационными вызовами постиндустриальной эпохи [2, с.8-10], и обуславливает ее философскую экспликацию.

Следовательно, анализ постмодерна в одном из наиболее интенсивно развивающихся институциональных дискурсов – массмедийном вызван потребностью в определении характера связи между медиакультурой как глобальным концептом современного информационно-культурного поля и постмодерном.

Основной текст

В современную эпоху основу социальной действительности составляют высокоразвитые информационные технологии, принцип открытости информации. В постиндустриальном, информационном обществе основными продуктами производства становятся информация и знания, что делает нынешний век не только информационным, но и смысловым.

В этом измерении вырисовывается роль философии как средства рефлексии и инструмента гуманитарной экспертизы.

Гиперреальность

Появление новых информационных технологий порождает новую форму виртуальности – гиперреальность. Гиперреальность, выступающая сверхреальным пространством смыслов и ценностей, в постиндустриальном обществе сменяет традиционную социальную реальность. Она становится новым жизненным миром человека в отходе от упорядоченной и централизованной системы координат и начинает определять его социальное и индивидуальное существование. [3].

«Апелляция к “реальному” объекту отсутствует на фоне воображаемого представления о реальности, её иллюзии. В результате происходит полная трансформация отношений человека с миром, когда символические системы, масс-медиа конструируют своеобразную гиперреальность, искусственный культурный текст, в рамках которого может быть прочитано то или иное явление». [1, с. 178].

В информационном обществе появляется особый тип культуры, который осуществляет посредническую функцию между обществом и государством, социумом и властью. [2, с.7].

Ассоциированное сознание как особая форма сознания, приходящая на смену массового сознания

эпохи модерна, – это процесс приобщения к новым смыслам через СМИ. Ассоциированное сознание выражается в том, что мировосприятие современного человека строится на основе многообразных моделей мира. Мир воспринимается посредством связанных между собой образов. Их смысл актуализируется только в контексте определённой концептуальной матрицы. [3]. Следовательно, здесь можно говорить о фреймовом формате знания, то есть дискурсивном.

У миллионов людей есть «картины мира», состоящие из смыслов, которые передаются посредством информации. Актуализация роли смыслов в коммуникационном пространстве связана с их манипулятивным воздействием на сознание людей, на социокультурное пространство.

В современную эпоху можно наблюдать моделирование различных концептов в разных дискурсах, в том числе целенаправленно в политическом, на основе которых анализируются механизмы воздействия на массовое сознание.

К примеру, политическое сознание формируется под влиянием и идеологии, обуславливающей ее изменчивость.

Таким образом, реципиент воспринимает реальность через интерпретации и репрезентации медиадискурса.

Выступая латентными мотивационно-целевыми конструктами, они определяются как виртуальные продукты сознания людей. В этом контексте знаково-символическое измерение социальности, в частности формирование смыслов приобретает особую актуальность.

Имплозия смысла

“**Взрыв**” вызывает смыслопорождение. Культуры (языки, общества, наука, искусство) порождаются взрывом равно, как и новые смыслы в результате особого пересечения семантических полей. [4].

Три этапа формирования социального смысла включает как само событие, его восприятие (“... момент его редактирования в механизмах сознания”), репрезентацию, выражающуюся в удвоении взрыва в памяти, когда и происходит смыслообразование. Благодаря репрезентации (символической) смысл транслируется, циркулирует, сохраняется, воспроизводится. [4].

Это позволяет выйти на новый уровень концептуализации социокультурных явлений. [4]. Исследования проблем сознания и культурной эволюции дают возможность выявить, как между собой связаны смыслы, «образы мира» людей и глобальные процессы и перемены. Отмеченное даёт информацию о коммуникативно-познавательной сфере социума.

Мем (на английском: meme) – самое важное средство, передающее смыслы. Сегодня разработана и активно используется технология, основывающаяся на теории мемов.

Ричард Докинз в книге “Эгоистичный ген” (The Selfish Gene), выдвинув слово “мем”, способствовал превращению этого слова в мем. Способ подражания основывался на негенетическом наследовании. Он уподобил перенос культурной информации в любой культуре наследованию генетической информации. Мем как единица культурной информации, имитируя себя, копируется и распространяется. [5, с. 178].

Сьюзан Блэкмор определяет мем как идею, «стиль или способ действия, который передается от человека к человеку в рамках одной культуры... Легко соблазниться тем, чтобы считать мимы просто «идеями», но правильнее будет относиться к ним как к форме информации». [6].

Проходя процедуру естественного отбора, эта информация внутри одной культуры, выделяясь из потока информации, быстро передается и легко запоминается. Мем, приобретший некую устойчивую форму, предполагает единицу «информации в сознании, чье существование влияет на события так, что большое количество ее копий возникает в других сознаниях». [7]. Таким образом, некоторые авторы (Р.Броуди, Д.Деннет, Д.Рашкофф и др.) подчеркивают вирусные свойства мемов.

Такое свойство мемов, как передаваться и обсуждаться, сходное со свойством вирусов, определили их важную роль в медиапространстве, где происходит транслирование наполненного мемами контента информации через каналы массмедиа, что превратило их в информационные объекты. «Медиавирусы распространяются в инфосфере точно так же, как биологические вирусы распространяются в организме хозяине или в целом сообществе организмов... медиавирусы циркулируют в сетях медиапространства». Именно поэтому, согласно исследователю медиа Дугласу Рашкоффу, мем является «идеологическим кодом» любого медиавируса. [8].

Из-за отмеченного Рашкоффом такого свойства мемов, как выступать «крючками для внимания», мем-инженеры создают искусственные мемы, таким образом, и контекст, связанный с ним, обуславливая восприятие того или иного мема. Соответственно, созданный в медиапространстве контекст, наделяет смысловой нагрузкой тот или иной мем, использующийся в социокоммуникативных технологиях.

Следовательно, мем рассматривается как технология социальной коммуникации в медиапространстве.

Можно провести параллели между тезисами постмодернизма о несоответствии формы и содержания и необъемной, легко запоминаемой внешней формой мема и его сложным внутренним содержанием. Аналогичную параллель можно провести между контекстуальностью значения в постмодернизме и индивидуальным восприятием реципиентом в зависимости от степени его вовлеченности в тот или иной культурный контекст. [9]

Таким образом, можно сказать, что мем выступает социально маркированным концептом в дискурсе постмодерна.

Когда мы говорим о сознании, мы имеем дело с субъектом.

Субъект смысла может как владеть уже установившимся смыслом, так и меняться под его влиянием, то есть конституироваться в процессе схватывания этого смысла. Конститутивным для субъекта и/или смысла считается два повторения, когда во время второй попытки происходит узнавание смысла после первого «неузнавания» [4].

Оппозиция актуальное / виртуальное выявляет впоследствии практику повторения как составную процесса субъективации. [9, с.67-68].

Посредством интерпретации и репрезентации реальности, медиадискурс формирует у человека картину мира. Следовательно, мы можем говорить социально-регулятивной природе медиадискурса.

В то же время важной задачей становится недопущение превращения медиа в инструмента информационной, политической и духовной экспансии и конституирование адекватной продукции для потребителей *культурных дискурсов* и артефактов.

В заключение

Следовательно, вышеотмеченное актуализирует анализ медиакультуры и постмодерна как двух понятий, в определённой степени между собой соотносимых. С учётом влияния интенсивного развития медиакультуры на общественное сознание необходимо отметить, что специфика и динамика современных общественных тенденций определяется также социальной проекцией постмодерна. Следовательно, развитие медиакультуры как матрицы восприятия в его психологических, социальных, нравственных, интеллектуальных, нравственных, художественных измерениях информативно с точки зрения определения дискурсивной динамики культурных тенденций современности.

Социальное смыслопорождение обусловлено процессом субъективации, становлением субъективности, посредством которой смысл субстанциализируется. [4].

Постиндустриальная эпоха характеризуется своими вызовами: «виртуальная реальность», «глобализация», «клип-культура» и т.д., соответственно, мы можем говорить как о новой контекстуализации, обуславливающей массмедийный дискурс, так и национально-культурных особенностях медиакультуры каждого общества в отдельности. Следовательно, медиапространство формируется в зависимости от различного культурного и исторического опыта стран, а *вариативность в моделировании медиапространства (посредством мемов и т.д.) зависит от целей и задач той или иной медиаполитики, а также от социокультуры.*

Литература:

1. Рзаева Р.О. «Постмодерн и мультикультурализм: междисциплинарный дискурс. Баку: «Елм ве тахсил», 2015. 300 с.
2. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2006. 448 с.
3. Манакова, И.Ю. Человек в постиндустриальном обществе. Автореферат диссертации по философии, Воронеж, 2008.
4. Смирнов А.Е. Процесс субъективации как конституирование (социального) смысла. URL: http://fst.my1.ru/load/materialy_konferencij/process_subektivacii_kak_konstituirovanie_socialnogo_smysla/1-1-0-27 (дата обращения 16.03.2019).
5. Докинс Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

6. Блэкмор С. Сила мемов. URL: <http://www.susanblackmore.co.uk/Articles/SciAm00Russian.htm> (дата обращения: 15.03.2014)
7. Броуди Р. Психические вирусы. URL: http://bookap.info/psywar/broudi_psihicheskie_virusy/gl3.shtm (дата обращения: 14.03.2014).
8. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
9. Dennett D. The Evolution of Culture. URL: http://www.edge.org/3rd_culture/dennett/dennett1.html (дата обращения: 12.03.2014)
10. Бадью А. Делез. Шум бытия. М.: Логос-Альтера, 2004. 184 с.

Перечитывая Ясперса

Румянцева М.Г.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева - КАИ,
кафедра философии, доцент. Кандидат философских наук

margrum@yandex.ru

Аннотация: На фоне применения элементов ситуационного анализа специалистами ряда дисциплин ставится вопрос об особенностях данной методологии и некоторых ее характеристиках. Предпринята попытка воспроизвести анализ К. Ясперсом духовной ситуации времени как образец ситуационного подхода. Ситуация становится предметом анализа для Ясперса в кризисных условиях, требующих активности, субъектности, поступка. Поскольку термином «ситуация» фиксируется кризис, то становится понятной неполнота характеристик ситуационного подхода, связанная лишь со случайным стечением обстоятельств. Делается вывод о том, что в качестве методологического принципа ситуационный подход должен стать своего рода диагнозом настоящего через его связь с прошлым состоянием системы и потенциалом ее будущего. В качестве инструмента анализа такой подход должен исходить из смыслов, ценностей и целей человека, формирующего и меняющего ситуацию.

Ключевые слова: Ясперс К., ситуация, ситуационный подход, методология, кризис, случайность, человек.

Re-reading Jaspers. Rumyantseva M. G.

Kazan National Research Technical University, Department of Philosophy, Associate Professor

Abstract: Against the background of the use of elements of situational analysis by specialists of a number of disciplines, the question is raised about the features of this methodology and some of its characteristics. An attempt is made to reproduce K. Jaspers' analysis of the spiritual situation of time as a sample of the situational approach. The situation becomes the subject of analysis for Jaspers in crisis conditions that require activity, subjectivity, and action. Since the term «situation» captures the crisis, it becomes clear that the incompleteness of the characteristics of the situational approach is associated only with a random combination of circumstances. It is concluded that as a methodological principle the situational approach must become a kind of diagnosis of the present through its connection with the past state of the system and the potential of its future. As a tool for analysis, this approach should be based on the meanings, values, and goals of the person who is shaping and changing the situation. It is concluded that the situational approach should become a methodological principle.

Keywords: Karl Jaspers, situation, situational approach, methodology, crisis, accident, man.

Ситуативный/ситуационный подход стал довольно популярным и востребованным у специалистов самых разных дисциплин – и гуманитарных и естественных. Его частнонаучная методология активно применяется в менеджменте, психологии, педагогике, экономике, социологии, образовании.

При этом частнонаучное описание особенностей этого подхода нередко интуитивно исходит из обыденного понимания термина «ситуация». Считается, что ее характеризует причудливое сочетание обстоятельств, элемент случайности и неустойчивости, подвижности, неопределенности, временной преходящести, влияющих на решение исследовательских задач и принятие управленческих решений. Сама эта причудливость вряд ли может быть осмыслена через типизацию, поэтому терминология ситуационного подхода часто тавтологична (ситуационный анализ – анализ конкретных ситуаций) и нередко без какого-либо ущерба заменяется на «обстоятельства», «совокупность факторов», «положение дел» и т.д. Очевидно, что в практике применения ситуационного подхода возникают трудности.

Попробуем прояснить некоторые вопросы, опираясь на прочтение произведений К. Ясперса (в первую очередь его работы «Духовная ситуация времени» [1]). Хотя Ясперс не создатель и не

разработчик ситуационного подхода. Но используя термин ситуация, он фактически пробует его методологический потенциал на примере анализа современной ему эпохи.

У Ясперса ситуация тотальна. Отчасти это связано с тем, что осознавший свою историчность человек был обречен на то, чтобы обнаружить и выразить (в данном случае в философии) свое нахождение «внутри некоего движения». Отчасти это крайности использования нового инструмента видения мира, у которого из-за отсутствия настройки еще нет полутонов. Отчасти же это следствие философской позиции автора, его понимания задач философии, приведших к необходимости анализа так называемых пограничных ситуаций. В любом случае тотальность ситуации заставляет пристальнее взглянуть и в авторское понимание термина «ситуация», и в особенности его использования.

Является ли выбор автором термина «ситуация» интуитивным ответом на изменившийся мир? Не исключено. В таком случае можно предположить, что вопреки настроению пессимизма и отчаяния, Ясперс пытается показать временный, преходящий характер современного состояния общества. Есть надежда, что все еще изменится, что осознавший степень своего искажения человек, используя разум и волю, преобразует ставший ему чуждым мир и вновь вернет его себе уже очеловеченным. И тогда сложившаяся ситуация останется в памяти моментом, переходным состоянием к новому устройству общества и взлету Духа.

В этом случае использование термина оказывается привычным в своей повторяемости. За ним стоит традиция обозначения чего-то преходящего, непостоянного, изменчивого и в целом – поверхностно случайного. Действительно, эта бросающаяся в глаза случайность и поверхностность ситуации оказывается смущающим обстоятельством ситуационного подхода, создает впечатление чего-то необязательного, несущественного.

Вместе с тем, это не единственно возможный вариант трактовки ясперсова подхода. Знакомясь с текстом, трудно избавиться от впечатления, что в рамках описываемой духовной ситуации любая случайность приобретает черты неустойчивости и устойчивости одновременно. В тисках жесткой иерархизированной механистической системы поверхностность ситуации становится самой жизнью. И с этой точки зрения ситуация уже не является временным, случайным и ускользающим состоянием. Напротив, она – новая форма закономерности динамично развивающейся системы. Поэтому опасно рассматривать любую ситуацию как объект применения ситуационного анализа. Если мы вообще можем выделить некую ситуацию, она уже находится и определяется в некоторых границах.

Ситуация – одежда, скрывающая истинные контуры современного общества. Она – обман, фокус, иллюзия, заблуждение. Сущность, представшая в облики ряби. Сущность, старательно прячущаяся за видимостью случайного в явлении ситуации. Ситуация – знак: у человека-машины нет свободы выбора. Хотя на поверхности этой свободы с избытком. Это знак: у человека нет и не может быть сознательного отношения к обществу, он лишь выполняет некую функцию. Это знак: социальное как отношение, требующее некоторой рефлексии и глубины, исчезает в коридорах системы-механизма, маскирует свое падение в череде случайных коммуникативных актов, не выходящих за рамки простой рефлекторной необходимости. И это первый вывод для анализа ситуации – случайность ситуации неслучайна, она знакова.

Ясперс не просто описывает некоторые факты. Ясперс, и это важно для понимания его угла зрения, ставит диагноз обществу в условиях кризиса. Фактически это кризис несоразмерности устройства и структуры общества потребностям самого человека. Он знаменует распад целого единого пространства на множество отдельных автономных частей. Человек осознает себя через произвол повседневности. Система не распадается от своей несоразмерности человеку, распадается сам человек.

Таким образом, второе условие анализа – диагностика кризиса. Конечно, не ко всем ситуациям может быть применено столь грозное обозначение – кризис. Есть ситуации действительно случайно-необязательные. Но они – мгновение, которое прошло, не оставив следа. Строить на анализе таких ситуаций познание и деятельность – значит завязнуть в деталях, не увидев главного. В таких случаях термин ситуация действительно случаен как случайно само стечение обстоятельств.

Но как раз суть анализируемой духовной ситуации, ее типологическую особенность Ясперс видит в утрате Бытия и вследствие этого неспособности потерявшего смыслы человека принять в ней деятельное участие. Он показывает человеку его место в современном мире, препарирует его сознание и вызывает к человеку – изменись, иначе данная ситуация будет длиться до тех пор, пока ты не исчезнешь совсем. И это человеческое измерение ситуации оказывается ее важной особенностью.

Каким должен быть человек, чтобы Быть в ситуации, господствовать над ней, а не находиться в ее тисках? Неопределенность ситуации – мгновение столкновения с ней, иллюзия, существующая до тех пор, пока мы находимся вне ситуации. «Встав в нее», наполнив ее смыслом, мы формируем и принимаем ее вполне определенные границы. Понять место и роль человека в ситуации – третье условие ее анализа.

Рассмотрение ситуации через призму человека как ее автора, творца, судя по пафосу работы Ясперса, один из аспектов целостного ее видения. Необходимо выйти за рамки ситуации как набора объективных факторов и окунуться в ситуацию как неразрывную связь человеческих ценностей, смыслов, целей, действий и их следствий. Цель не в самой ситуации, не внутри нее. И человек, ставящий цели не весь в ней. Цель – сотворение чего-то, выходящего за рамки данной ситуации. Человеческое измерение ситуации - четвертое условие ее анализа.

Интересно, что К. Ясперс может говорить о ситуации как о совокупности обстоятельств, а может ставить ее в зависимость от человека, который сам создает ситуации. Это лишь видимость противоречия. Речь идет именно об осознанности/бессознательности в отношении ситуации. Факт бессознательного нахождения в ситуации, конечно, можно сделать предметом анализа. Но ситуацию, в которой находятся бессознательно, вряд ли. Итак, пятое, что следует из логики Ясперса, понять ситуацию - значит, отнестись к ней сознательно. Осознанные ситуации выявляют возможности, которые могут быть реализованы. Как следствие - ситуация оказывается для нас тем, что имеет смысл. Смысл стягивает все обстоятельства в один узел.

Шестое - невозможно описание ситуации из самой себя и составляющих ее характеристик. Понять ситуацию – значит, взглянуть на нее как на осуществление определенной логики предшествующего развития. И за тщательным рисунком сложившейся ситуации Ясперс движется дальше, пытается проникнуть в ее истоки. Причины ситуации в событиях, которые казалось бы растворились в ней, но остались в ее фундаменте. Духовная ситуация утраты себя оказывается в интерпретации Ясперса результатом пересечения многих логических линий прошлого. Изменения исподволь формировали оторванность от Бытия, разрыв с сущностным измерением жизни, провал смыслов. Но в анализируемой ситуации они предстают в столь преобразованном виде, что она может не иметь с ними на первый взгляд ничего общего. Их надо восстановить, разгадать.

Углубляясь во временные и пространственные особенности наличных факторов духовной ситуации, Ясперс говорит о Времени, связанном с вечностью и времени мгновения, лишеного прошлого и будущего, ускоряющегося лишь в настоящем. Чистое «здесь» и «сейчас», лишённое трансцендентности, строго говоря, неистинно. Это игра случайных сил без прошлого и будущего. Темп времени все больше расходится с естественным темпом человеческой жизни. Он соразмерен технике, но не антропологичен по существу. время становится не временем человеческого бытия, а временем протекания операций. Цели замкнуты на сегодняшние проблемы. Они не выходят за горизонт сиюминутных потребностей и обречены на пустое повторение, принося своей никчемностью лишь скуку и усталость. Отсюда седьмое: ситуационный анализ не может замыкаться на настоящем, но должен увидеть его перспективу, заглянуть в будущее.

Безусловно, перенести опыт анализа духовной ситуации, осуществленный К. Ясперсом на анализ любой ситуации – дело малоперспективное. Но некоторые аналогии при всей их ограниченности все-таки могут иметь место. А, значит, и некоторые выводы для методологии тоже возможны.

Литература:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Когнитивно-этологическая концепция регулирования поведения экономических агентов

Седова А.К.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (МГУ), Кафедра философии и методологии экономики, Соискатель степени кандидата экономических наук

Nastasia.konsta@gmail.com

Аннотация: Экономические агенты нерациональны в своих предпочтениях и поведении. Эту аксиому обосновал Т. Веблен в противоположность бытовавшей на тот момент парадигме Homo economicus, всегда стремящегося максимизировать свои выгоды. Анализ поведения экономических агентов следует рассматривать в контексте междисциплинарного подхода: как институты могут влиять на когнитивную этологию индивидуальных поведенческих особенностей. Когнитивно-этологическая концепция исходит из того, что поведенческие акты есть результат суммарного влияния совокупности факторов, среди которых основными являются: наследственность, мотивация, стимулы и триггеры в заданном институциональном пространстве. Данная концепция работает во всех случаях стандартной и девиантной поведенческой модели, что доказывают ключевые примеры, описанные в научной литературе. Когнитивно-этологическая концепция основана на том, что индивидуальное поведение экономических агентов разнообразно, но, как правило, основные поведенческие модели с учетом институционального контекста можно классифицировать в три основные группы: модели рационального, иррационального и ограниченно рационального поведения. Использование когнитивно-этологической концепции в институциональной теории и методологии позволяет создавать эффективные социально-экономические нормы и правила, определяющие регулярность рационального поведения экономических агентов.

Ключевые слова: Когнитивно-этологическая концепция, поведенческая модель, бихевиоризм, этология, нейропрогнозирование, архитектура управляемого выбора

С момента образования экономики, как науки, и до момента появления в конце XIX века трудов Торстейна Вебленаⁱ, поведение индивидов рассматривалось исключительно с рациональной точки зрения: как решения и действия всегда и только ориентированные на максимизацию объективной полезности. Этот концепт индивидуального поведения экономических агентов получил название «Homo economicus». Но наступление эпохи «романтического потребительства» (с середины XIX до первой трети XX века), формирование нового (праздного) класса, бурное развитие рынков товаров и услуг на фоне научно-технического прогресса и активной фазы социально-экономической глобализации показало, что, вероятно экономические агенты (в данном случае под ними мы будем понимать физических лиц – частных потребителей) в большей степени склонны:

1. к максимизации субъективных выгод и это, например, может выражаться в отказе от экономических и прочих предпочтений в пользу решения, способствующего снижению индивидуальных рисков, либо под давлением со стороны социума;
2. к принятию иррациональных и ограниченно рациональных решений, ориентированных на получение быстрых выгод, поскольку будущее всегда неопределенно и чем выше степень неопределенности, тем большей иррациональностью характеризуется индивидуальное поведение экономических агентов;
3. к оппортунизму (следованию своим и только своим интересам с использованием различных обманных схем, манипуляцией окружающими и т.п.), что является в том числе следствием асимметрии информации, априорно присутствующей в любых социально-экономических отношениях, взаимодействиях, контрактах. Соответственно, чем выше степень асимметрии информации, тем больший оппортунизм прослеживается в индивидуальном поведении экономических агентов.

ⁱ Веблен Т. Теория праздного класса (пер. с англ. С. Сорокиной). М.: Издательство “ЛИБРОКОМ”, 2011

Эти три новые характеристики индивидуального поведения экономических агентов образовали новый концепт, который принято называть «Homo socialis». Очевидно, что классические положения экономической теории (законы спроса и предложения, ценовые и прочие эластичности спроса и предложения, т.п.) не могли объяснить многих поведенческих феноменов экономических агентов, что выразилось в появлении таких понятийных конструктов как: товар Веблена (демонстративное потребление), товар Гиффена, эффект сноба и т.д.

И в середине прошлого века, когда стала активно использоваться междисциплинарная методология исследований, появилось два теоретико-методических направления, которые занимались разработкой научного аппарата относительно индивидуального поведения: бихевиоризмⁱ и этологияⁱⁱ (в том числе когнитивная этология). Бихевиоризм исходил из того, что поведение человека или животного однообразно, подчиняется одним из тем же законам, соответственно, любое поведение управляемо извне, а, значит, может быть запущено или остановлено, полностью ликвидировано «по требованию». Бихевиористские исследования имели около 50% научной доказательности предлагаемых способов, методов, инструментов управления поведением экономических агентовⁱⁱⁱ. С точки зрения теории вероятностей – это практически сопоставимо с подбрасыванием монетки. Напротив, этология исходила из двух ключевых научных постулатов, полностью (более 90 – 95%) доказываемых воспроизводимыми повторными экспериментами, в том числе использованием контрольных групп, рандомизации и прочих способов устранения влияния случайности на получаемый результат^{iv}:

1. первый постулат заключался в том, что индивидуальное поведение разнообразно и это характерно как для стандартных, так и для девиантных моделей;
2. второй постулат заключался в том, что поведенческие акты есть результат суммарного влияния совокупности факторов, среди которых основными являются: наследственность, мотивация, стимулы и триггеры в заданном институциональном пространстве, во всех случаях стандартной и девиантной модели.

Поэтому в дальнейшем мы сконцентрируемся на когнитивно-этологической концепции, которая в большей степени является научно-доказательной в отличие от бихевиористской, которую следует считать вероятностной концепцией, описывающей индивидуальное поведение экономических агентов.

Когнитивно-этологическая концепция принимает во внимание, что индивидуальное поведение экономических агентов представляет собой сумму влияния факторов, локализованных во внутренней и внешней среде, детерминированных сложившимися институциональными условиями. Цель данной работы найти ответ на вопрос: каким образом институты могут влиять на когнитивную этологию индивидуальных поведенческих особенностей.

Так, например, когнитивно-этологическая концепция объясняет, что любое решение, которое принимает экономический агент, зависит:

1. от его интеллектуальных способностей (в том числе обусловленных влиянием наследственных факторов, склонностью к оппортунизму);
2. от степени его конформизма и социальности, что в свою очередь есть результат когнитивного развития и влияния неформальных институтов;
3. от степени влияния эмоциональной и рациональной системы принятия решений на процесс нейропрогнозирования возможных результатов действий и последствий принятых решений, здесь же учитывается асимметрия информации;
4. от уровня неопределенности внешней среды и специфики влияния формальных институтов (доминирует ли принуждение или доминирует самоорганизация?).

Это далеко не полный перечень факторов и институциональных детерминант, оказывающих влияние на индивидуальное поведение экономических агентов. Поэтому с этологической точки зрения при исследовании и моделировании индивидуального поведения экономическом агентов следует принимать во внимание следующие основные положения:

1. сущность и практическое назначение конкретного поведения;
2. стимулы и триггеры, обусловившие конкретное поведение;
3. эволюция (нейробиологическая и институциональная) конкретного поведения);
4. наличие адаптивной ценности конкретного поведения.

Эти положения анализируются для каждой из двух основных моделей индивидуального поведения экономических агентов: рациональной или иррациональной. Рациональная модель поведения ориентирована на действительную максимизацию субъективных выгод, получаемых экономическим агентом в сложившихся/вероятностных институциональных условиях. В такой модели решения принимаются обдуманно, методом систематического поиска и целенаправленного отбора доказательствⁱ субъективной полезности тех результатов, которые могут быть получены (когнитивное нейропрогнозирование). Иррациональная модель поведения ориентирована на мнимую максимизацию субъективных выгод, получаемых экономическим агентом в сложившихся либо вероятностных институциональных условиях. В такой модели решения принимаются практически без обдумывания, как правило, основываются на ошибках эвристикиⁱⁱ, доминировании страха потерь, либо желании получить быстрые выгоды (эмоциональное нейропрогнозирование).

Для каждой из поведенческих моделей характерны конкретные институциональные условия, в которых она [модель] либо самовоспроизводится, либо работоспособна:

1. для рациональной модели индивидуального поведения экономических агентов необходима низкая неопределенность, невысокая степень асимметрии информации. В таких условиях модель является работоспособной;
2. иррациональная модель индивидуального поведения экономических агентов самовоспроизводится в условиях высокой неопределенности и высокой степени асимметрии информации.

Для решений, которые не имеют долгосрочных отложенных последствий и характеризуются легко идентифицируемыми результатами, предсказуемыми последствиями, иррациональная модель и соответствующий ей принцип принятия решений (эмоциональное нейропрогнозирование) может считаться вариантом социальной нормы, что активно используется, например, в маркетинговых акциях.

Но постоянное иррациональное поведение экономических агентов несет в себе угрозы устойчивому развитию общества, а также вредит обеспечению интересов и потребностей будущих поколений. Именно поэтому рационализация поведения экономических агентов становится весьма актуальной задачей, требующих нетривиальных решений, среди которых построение архитектур выбора представляется наиболее интересным с научной и практической точки зрения.

В общем смысле теория управляемого выбораⁱⁱⁱ, объединяя этологию и институциональный научный контекст, предлагает способы регулирования иррационального поведения экономических агентов, имеющие адаптивную ценность: через мягкое подталкивание к принятию рациональных решений в специально созданных для этого условиях. Специально созданные для этого условия, содержание некоторый набор альтернатив выбора, и есть архитектуры управляемого выбора.

При этом рациональным следует считать не всякое решение и, соответственно, поведение экономических агентов, но лишь те решения и поведенческие акты, которые:

1. не являются спонтанными, эмоционально обусловленными, но являются взвешенными и осмысленными;
2. позволяют максимизировать субъективную полезность с соблюдением норм относительной социальной справедливости^{iv}:
1. не ущемляют в правах и потребностях других людей;
2. не разрушают окружающую среду;
3. не ограничивают ресурсы и перспективы для будущих поколений.

Итак, архитектура управляемого выбора может быть использована для рационализации

i Skinner B. F. The selection of behavior: The operant behaviorism of BF Skinner: Comments and consequences. CUP Archive, 1988.

ii Burkhardt R. W. Patterns of behavior: Konrad Lorenz, Niko Tinbergen, and the founding of ethology. University of Chicago Press, 2005; Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. Routledge, 2017

iii Сапольски Р. Биология добра и зла (BEHAVE: The Biology of Humans at Our Best and Worst). М.: Альпина нон-фикшн, 2019

iv Там же

i Kahneman D. Thinking, fast and slow. Macmillan, 2011

ii Там же

iii Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2017; Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики (Misbehaving: The Making of Behavioral Economics). М.: Издательство “ЭКСМО”, 2018

iv Rawls J. A Theory of Justice (2nd Edition). Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1999; Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. 2007. №. 2. С. 59-67.

индивидуального поведения экономических агентов с учетом внешних триггеров (событий, определяющих выбор и последствия выбора). Иными словами, архитектура управляемого выбора работает преимущественно в отношении закономерно прогнозируемого события, следствия которого вероятно, но не достоверно идентифицируемы, проявятся в долгосрочной перспективе, как правило, это области принятия индивидуальных решений, связанных:

- с отказом от чрезмерного потребительского гедонизма;
- с индивидуальным социальным страхованием;
- любыми иными просоциальными действиями, которые в дальнейшем будут способствовать коллективному самовоспроизведению модели рационального поведения.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что:

1. когнитивно-этологическая концепция основана на том, что индивидуальное поведение экономических агентов разнообразно, но, как правило, основные поведенческие модели с учетом институционального контекста можно классифицировать в две основные группы: модели рационального и иррационального поведения;
2. когнитивно-этологическая концепция положена в основу теории управляемого выбора для стандартных и девиантных поведенческих моделей, предназначенной в большей степени для регулирования иррационального поведения экономических агентов при принятии ими долгосрочных решений, не имеющих обратной связи и не имеющих достоверных доказательств вероятности получения выгод от принятия таких решений (т.е. для поведения в условиях неопределенности и асимметрии информации);
3. использование когнитивно-этологической концепции в институциональной теории и методологии позволяет создавать эффективные социально-экономические нормы и правила, определяющие регулярность рационального поведения экономических агентов.

Литература:

1. Веблен Т. Теория праздного класса (пер. с англ. С. Сорокиной). М.: Издательство «ЛИБРОКОМ», 2011
2. Петросян Д. Социальная справедливость в экономических отношениях: институциональные аспекты // Вопросы экономики. 2007. №. 2. С. 59-67.
3. Сапольски Р. Биология добра и зла (BEHAVE: The Biology of Humans at Our Best and Worst). М.: Альпина нон-фикшн, 2019
4. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики (Misbehaving: The Making of Behavioral Economics). М.: Издательство «ЭКСМО», 2018
5. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2017
6. Burkhardt R. W. Patterns of behavior: Konrad Lorenz, Niko Tinbergen, and the founding of ethology. University of Chicago Press, 2005; Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. Routledge, 2017
7. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Macmillan, 2011
8. Rawls J. A Theory of Justice (2nd Edition). Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 1999
9. Skinner B. F. The selection of behavior: The operant behaviorism of BF Skinner: Comments and consequences. CUP Archive, 1988.

Роль системы образования в общественном развитии мусульманских сообществ

Сеидова Г.Н.

Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (Дербент, РФ), филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербент; заведующий отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу; доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Дербент. Кандидат философских наук

gseidova@yandex.ru

Аннотация: Сегодня уже нельзя не признать, что развитие высоких технологий ведет к кардинальным изменениям основ организации жизнедеятельности общества, трансформации и пересмотру многих социокультурных ценностей и приоритетов. Определяя культуру как социально-исторический феномен, мы признаем ее продуктом исторического развития и одной из базовых характеристик и сил социума. Актуальные проблемы культурно-образовательного пространства возникают как следствие поиска стабилизирующих факторов общественного развития. Потому образование становится основополагающим фактором для культурогенеза страны. Но приходится признать, что, несмотря на множественные усилия, многие проблемы образования весьма далеки от решения, и исламское образование не является исключением. Для решения этих задач, в частности, необходимо внимание к моделирующим возможностям гуманитарного знания в переходный период развития общества, что предполагает необходимость выработки соответствующей социальной стратегии. Становится насущно необходимой модернизация образования в целом, и исламского, в частности. Однако данный процесс должен быть адекватным перспективам социокультурных трансформаций и иметь системный характер.

Ключевые слова: образование, исламское образование, социокультурные трансформации, мусульманское сообщество

Role of education system in public development of muslim communities.

Seidova G.N.

Northern Caucasus affiliation of UNESCO Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specifics Cultures and Interreligious Dialogue (Russia, Derbent), assistant professor, head; Department of Legal and Humanitarian Disciplines of DSU branch in Derbent, associate professor

Abstract: Today it is impossible not to admit that the development of high technologies leads to fundamental changes in the foundations of organizing the life of society, the transformation and revision of many sociocultural values and priorities. Defining culture as a socio-historical phenomenon, we recognize it as a product of historical development and one of the basic characteristics and forces of society. Actual problems of the cultural and educational space arise as a result of the search for stabilizing factors of social development. Therefore, education is becoming a fundamental factor for the country's cultural genesis. But we have to admit that, despite many efforts, many problems of education are far from being resolved, and Islamic education is no exception. To solve these problems, in particular, attention is required to the modeling capabilities of humanitarian knowledge in the transition period of society, which suggests the need to develop an appropriate social strategy. It is becoming urgently necessary to modernize education in general and Islamic education in particular. However, this process should be adequate to the prospects of sociocultural transformations and have a systemic character.

Keywords: education, Islamic education, sociocultural transformations, Muslim community

Модернизация образования в целом, и исламского, в частности, должны быть адекватной перспективам социокультурных трансформаций и иметь системный характер. Происходят вроде бы значительные изменения в этой сфере, но, вместе с тем, многие проблемы образования, необходимые для изменения

социокультурной реальности, еще очень далеки от решения. Ведь речь должна идти не только о передаче дифференцированного специального знания, но целостного знания о мире культуры как сложном мире человека, о формировании нового типа мышления, обеспечивающего способность видеть каждую часть целого в контексте этого целого. Поэтому трудно не согласиться с опасениями Л.Г. Королевой: «У нас, однако, нет пока единой парадигмы, определяющей формы и процедуры освоения прошлого культурного опыта. Отсутствует консенсус даже в подходах к основным ценностям духовного наследия» [1, с. 120 -124].

Решение такой масштабной задачи требует интегративных и комплементарных усилий многих теоретиков и практиков образования, разработку целой системы культуртехнологий. Несомненно, что важная роль в этом гражданском и государственном деле отводится собравшимся здесь представителям наук о человеке, обществе и культуре. Необходимо внимание к моделирующим возможностям гуманитарного знания в переходный период общества. А это, в свою очередь, предполагает необходимость выработки соответствующей социальной стратегии. Человек, как система изучается целым комплексом наук, но именно гуманитарным наукам отводится особое место. В системной характеристике человека гуманитарное знание играет доминирующую роль, но важна его интеграция. Если рассматривать современную эпоху, как век человеческого капитала, то невозможно отмахнуться от того фактора, что процесс принятия стратегических решений в любой области требует гуманитарной базы.

Неслучайно этой теме в последние годы был посвящён целый ряд научных конференций, в частности, «Чтения им. М. Бигиева», «Чтения им. Галимджана Баруди», «Чтения им. Мухлисы Буби», «Первые Болгарские чтения», «Вторые Болгарские чтения», в работе которых принимали участие представители Отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу. Значимость и чрезвычайная актуальность возрождения отечественной богословской школы была подчёркнута и на Сессии Экспертной комиссии по вопросам подготовки и издания учебно-методических комплексов и иных материалов для специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2017 - 2020 годах на базе нашего отделения кафедры ЮНЕСКО. Образование самым тесным образом связано с культурой. Профессор В.И. Полицук предупреждает: «...уровень и будущее культуры того или иного общества определяется образованием. Ведь и образование, и культура есть образ-ование, то есть становление и развитие, развертывание и формирование некоего исходного начала или «прообраза», как писал об этом М.Хайдеггер... Если этот образ не является идеалом, а всего лишь идолом» [3, с. 131].

Для преодоления методологического кризиса социогуманитарных наук рубежа XX – XXI веков представляется необходимым взять на вооружение некоторые принципы философской, социокультурной, прикладной антропологии, ориентирующих на человеческое измерение социальных и культурных процессов. Сейчас, когда мир столкнулся с таким серьезным испытанием, как мировая пандемия коронавирусной инфекции, еще больше возрастает значимость умения стойко и терпеливо переносить испытания – то, к чему неизменно призывают духовные традиции всех религий спасения. Поэтому в такие судьбоносные моменты возрастает роль пастырского слова, без различия конкретной конфессиональной принадлежности.

Различные грани и тенденции становления целостного мира и происходящих в нём метаморфоз требуют нового уровня осмысления данной проблематики, особенно в свете усилившегося со второй половины XX века процесса глобализации, что привело к возрастанию взаимозависимости различных стран и народов. Формирование нового социокультурного пространства бытия народов, относящихся к исламской цивилизации, немыслимо без постижения философии ислама, обретения смысла жизни, религиозного фактора с точки зрения коранического вероучения. Французский востоковед Анри Корбен отмечает: «На Западе весьма распространено утверждение, что в Коране нет ничего ни мистического, ни философского и что философы и мистики ничем ему не обязаны. Вопрос, однако, заключается не в том, что западные люди находят или не находят в Коране, а в том, что в нем нашли мусульмане» [4, с. 21].

Изначально предполагалось, что глобализация должна расширять ареал культурного общения, обмен новыми технологиями и достижениями в области науки и техники. На самом же деле, на практике мы наблюдаем разрушение основы, культурных устоев сложившихся обществ, их духовного наследия. А размывание культуры, несомненно, являющейся иммунной системой общества, не дает возможности

противостоять неблагоприятным внешним воздействиям. Результат - глобальное распространение западных норм, идеалов и ценностей. Горький опыт последних лет доброй старой Европы с ее идеалами гуманизма и просвещения, которую мы теряем в её прежнем столь милом нашему сердцу облике – отрезвляющий пример для всех. Пандемия, общая для всех, не привела к общей борьбе, но к трусливому запиранью в своих узко национальных «квартирках», где по пиратским законам перехватываются средства борьбы с вирусом, транзитом идущие через их территории в другие страны. На смену идеалам единого общеевропейского дома вновь включился закон джунглей: «Каждый сам за себя». Понижение барьеров между суверенными государствами приводит к трансформации внутренних социальных отношений, разрушает культурные табу, что неприемлемо для мусульманского сообщества. Здесь в последние десятилетия назрело понимание необходимости инноваций, модернизации как константы национальной жизни, развития современной системы образования, коммуникаций. Невзирая на объективно имеющие место различия культур, менталитетов, национальных и региональных традиций, люди привержены своей принадлежности к единой историко-духовной общности - всемирной умме [5, с. 319].

Человеческая личность и её верования с точки зрения исламской доктрины - вопрос особого внимания для исследователей во все времена. Растущий интерес к означенным проблемам во многом определен необходимостью поиска ответов на «вызовы» современности. Согласно мнению мусульманских учёных: «Основополагающие убеждения и мысли составляют фундамент любой системы ценностей и идеологии, осознанно или не вполне осознанно оказывая влияние на формирование норм человеческого поведения» [6, с. 13]. Их позиция базируется на убеждении, что на протяжении истории ни отдельному человеку, ни какому-либо социальному классу, за исключением Божественного законодательства (пророков) и тех выдающихся мудрецов, которые обозначали для людей цели жизни, всё же не удалось разъяснить людям истину жизни, её философию и цель исключительно законотворческим путём [7, с. 32]. Мусульманское сообщество, будучи традиционалистским, даже обогащаясь опытом других цивилизаций, тем не менее, упор делает на основные ценности своей культуры. Представители мусульманской интеллектуальной элиты нисколько не сомневаются в том, что отставание от современных достижений науки и техники имеет весьма пагубные последствия. Но при этом незыблемо понимание того, что даже глобальная значимость науки не должна помешать ставить основополагающие вопросы о человеческом факторе в научно-технических исследованиях и опасности её обожествления. В XXI веке не может быть и речи о возврате к средневековым взглядам на религию и её место в обществе.

Литература:

1. Королева Л.Г. Проблема цивилизационной идентичности в русской философии культуры (методологические аспекты) // Человек, культура и общество в контексте глобализации: Human being, culture and society in the context of globalization: материалы междунар. науч. конф., 25-27 нояб., Москва/ Федерал. Агентство по культуре и кинематографии; Рос. ин-т культурологии; редкол.: К.Э. Разлогов (председ.) и др. М.: Академический Проект; Российский институт культурологии, 2007. 366 с.
2. Интеллект. Воображение. Интуиция // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. № 10. / Под ред. Л. Моревой. СПб: ФКИЦ «ЭЙДОС», 2001. 488 с.
3. Полицук В.И. Образование как проект культуры // Первый Российский культурологический конгресс. Программа. Тезисы докладов. СПб: Эйдос, 2006. 432 с.
4. Корбен АИстория исламской философии: пер. с фр. - 3-е изд. М.: Академический Проект; ООО «Садра», 2016. 367 с.5. Борзова Е.П., Бурдукова И.И Культура и политические системы стран Востока: Учебное пособие. СПб: Издательство «СПбКО», 2008. 380 с.: ил.
6. Мухаммад Таки Мисбах Йазди. Акыда - исламское вероучение / пер. с перс. М. Махшулова. М.: ООО «Садра», 2016. 487 с.
7. Джа'фари Мухаммад Таки. Философия и цель жизни / Пер. с перс. яз. СПб: Петербургское Востоковедение, 2009. 128 с.

Конструктивная методология проектирования социально-инновационных структур

Старжинский В. П.

Белорусский национальный технический университет, профессор кафедры философских учений; член экспертного совета Парка высоких технологий Республики Беларусь. Доктор философских наук

VStarzhinckij@yandex.ru

Старжинская Н. С.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, профессор кафедры методик дошкольного образования, доктор педагогических наук

Natashast1@yahoo.com

Построение Парка высоких технологий (ПВТ) в Республике Беларусь как инновационного социального института явилось катализатором не только научно-инновационной деятельности, но и экспликации методологии инновационного развития. В статье анализируются конкретные показатели деятельности ПВТ - прототипа общества инноваций. Обосновывается методология культуротворчества в качестве основы проектирования инновационного развития. Проводится различие между конструктивной и когнитивной методологией. Конструктивная методология как концептуально-инструментальное моделирование выступает в качестве парадигмы проектирования инновационного развития. Выполнение регламентаций КМ превращает науку в практико – ориентированную деятельность, направленную на разработку технологий, удовлетворение потребностей человека и общества. Проектирование социально-инновационных структур посредством КМ позволяет синтезировать теорию и практику в едином процессе культуротворчества в форме конструирования социальных отношений и институтов. Философско-когнитивные аспекты КМ рассматриваются по отношению к онтологии проектирования. Методология социально-технического проектирования позволяет выработать релятивистское истолкование не только природной, но и социокультурной онтологии.

Ключевые слова: Парк высоких технологий Республики Беларусь, научно инновационная деятельность, культуротворчество, конструктивная методология, онтология проектирования

Constructive design methodology of the socio-economic structures. Starzhinsky V. P.; Starzhinskaya N. S.

Belarusian national technical University - Department of philosophical teachings; Belarusian state pedagogical University - Department of methods of preschool education

Abstract: The construction of the high technology Park (HTP) in the Republic of Belarus as an innovative social institution was a catalyst not only for scientific and innovative activities, but also for the explication of the methodology of innovative development. The article analyzes the specific performance indicators of HTP-the prototype of the innovation society. The methodology of cultural creation as a basis for designing innovative development is substantiated. A distinction is made between constructive and cognitive methodology. Constructive methodology as conceptual and instrumental modeling acts as a paradigm of innovative development design. Implementation of CM regulations turns science into practice-oriented activities aimed at the development of technologies, meeting the needs of man and society. The design of socio-innovative structures through CM allows to synthesize theory and practice in a single process of cultural creation in the form of construction of social relations and institutions. The philosophical and cognitive aspects of CM are considered in relation to the ontology of design. The methodology of socio-technical design allows us to develop a relativistic interpretation of not only natural, but also socio-cultural ontology.

Keywords: Park of high technologies of the Republic of Belarus, scientific and innovative activity, cultural creation, constructive methodology, ontology of design

ПВТ- прототип инновационного общества. Общество инноваций основывается на новой экономической модели народно – хозяйственной системы, в которой основным фактором выступает не только

интеллектуальный ресурс, но модернизация социально-институциональных конструктов. Именно поэтому экономика инноваций может стать не только локомотивом технологических и социальных преобразований, катализатором развития научно-инновационной деятельности, но и ее философско - методологической рефлексии. Создание Парка высоких технологий позволило Беларуси получить мощную ИТ - индустрию, которая становится основным фактором инновационного развития. ПВТ РБ занимает уверенные позиции на международном и, в частности, на Европейском рынке компьютерных услуг. Результаты четырнадцатилетней работы по проектированию, построению и успешному функционированию Парка высоких технологий РБ были изложены в монографии [1]. Экспорт Парка высоких технологий за 2018 год вырос на 38 процентов по сравнению с 2017 годом и составил \$1 млрд 414 млн, что занимает около 5 процентов ВВП. Основными потребителями продуктов ПВТ являются страны ЕС и США (более 90%). Средняя зарплата ИТ-специалиста за прошлый год составила \$ 2500. По состоянию на сентябрь 2019 года в ПВТ работает около 700 резидентов, с общей численностью 55 тыс. человек. Белорусские ИТ-компании приобрели международную известность в связи с созданием программных продуктов с высокой тиражностью. В качестве примера можно привести World of Tanks или Viber. Заметим, что Индия так и не создала ни одного известного во всем мире продукта модели b2c, хотя развивает этот сектор уже более 40 лет.

Проектирование инновационного развития. Разработчики концепции Парка опирались на методологию инновационного развития, которая была успешно реализована в Кремниевой долине. Сущность этой методологии заключается в регламентации деятельности по социотехническому проектированию и созданию определенной инновационной инфраструктуры и среды с высокой концентрацией науки, образования и бизнеса. Основные презумпции инновационной методологии, на наш взгляд, включают в себя проектирование процесса освоения человеком мира в условиях потребительски – рыночных трендов как саморазвивающейся системы циклов развития инновации. В этом случае наука позиционируется в качестве интеллектуально- образовательного ресурса, наряду с другими социокультурными инструментами поддержки саморазвития в соответствующей среде. Несмотря на противоречивый технократически - культурологический подход, удается объединить науку, технологии и производство (бизнес) в единую систему посредством создания инновационных структур, которые, требуют «гуманистических прививок» (В.С. Степин). Инновация, как основной элемент – геном саморазвития нуждается, наряду с научно-образовательным в других инфраструктурных элементах средовой поддержки: инженерном, хозяйственно-правовом, экономическом, финансово – инвестиционном, промышленном и др. Данные инструменты поддержки в качестве онтологии проектирования определяются, так называемыми, треками развития инновации. Именно поэтому в процессе проектирования инновационной инфраструктуры ПВТ РБ, разработчики рассматривали развитие информационных технологий не только как хозяйственно-экономическую деятельность, но и определенный способ культуротворчества - синергию потенциальных возможностей науки, экономики и технологий. С общефилософских позиций, проектирование инновационного развития выступает в виде способа моделирования человеко-содержащих систем, основанного на интеллектуальном ресурсе для получения дополнительной ценности – позитивного новообразования в культуре, достижения новой степени саморазвития системы.

Методология науки и культуротворчества. Проектирование и конструирование составляют содержание инженерной деятельности по созданию искусственных объектов. Экстраполяция инженерных методов на другие сферы человеческой деятельности приводит к экспликации конструктивной методологии (КМ) и осознанию ее универсального статуса. Для различения проектирования как инженерной деятельности и Проектирования в философско-культурологическом смысле стали обозначать последнее с большой буквы. Это означало придание Проектированию равного статуса с Наукой. Нами была предложена идея провести подобное масштабирование также в методологии: методологию Проектирования, в отличие от когнитивной, обозначить как конструктивную. В самом деле, КМ регламентирует не только когнитивные процессы, но и проектно-конструктивную деятельность в различных сферах культуры. На основе КМ осуществляется культуротворчество – созидательный процесс порождения материальных и духовных ценностей. Заметим, что дифференциация методологий относительна. Аналогия - естественное и искусственное, познание и проектирование.

Структура конструктивной методологии. КМ строится на основе метода моделирования, который представляет собой когнитивный артефакт (М. Вартофский). КМ предусматривает построение двух типов моделей - концептуальной и инструментальной. Концептуальная модель - совокупность

понятий, репрезентирующих определенную проблему. Проблема моделируется по бинарному принципу и выражает два модуса существования - сущее (то что есть в наличной реальности) и должное – то, что должно быть по замыслу проектанта.

Инструментальная модель, представляет собой набор соответствующих проблеме методов и ресурсов по ее разрешению. Концептуальная и инструментальная модели обладают свойством взаимодополнительности, поскольку в процессе автономного существования теряют смысл конструктивности - функцию регламентации деятельности. Аналогичная ситуация встречается в конструктивной математике объект существует, если задан способ его построения.

Практическая ориентированность науки и ее антропоцентризм. Применение конструктивной методологии в виде построения двуединой концептуально-инструментальной модели позволяет элиминировать из научных исследований имитацию, схоластику и прочие псевдонаучные симулякры, концептуальные изыски и «условные экономические эффекты». Проектирование как способ решения конкретных проблем и задач предполагает использование кадровых, финансовых, материально-вещественных, и другие ресурсов, а также описание конечного прототипа-результата, который является критерием конструктивности. Если нельзя создать модель-прототип (в принципе, как, например, с «вечным» двигателем), или его создание не предусматривается, то концептуальные построения – это, зачастую, - имитация науки, бесплодный анализ понятий (за исключением дидактических целей и фундаментальной науки), схоластическое теоретизирование. Выполнение регламентаций КМ превращает науку в практику – ориентированную деятельность, направленную на разработку технологий, удовлетворение потребностей человека и общества непосредственно.

Философско-когнитивные аспекты КМ. Нельзя считать, что КМ является простой калькой инженерной методологии экстенсивно экстраполируемой. Проблема экстраполяции конструктивной методологии на сферу универсума, неизбежно приводит к фундаментальной проблеме конструирования онтологии и неклассической трактовке проблемы существования посредством категорий виртуальной и дополненной реальности. Понимание данных проблем, зависит не только от философско-научных средств их интерпретации, но и от ответа на вопросы, как возможны наука, познание, каковы презумпции научно-теоретического знания как формы освоения мира. И здесь мы сталкиваемся с проблемой фундаментальной онтологии и ее взаимоисключающими версиями в виде Парменидовской и Пифагорейской стратегии ее построения. Классическая наука основывается на презумпциях Парменида, согласно которому наука представляет познавательную деятельность как поиск объективной истины и описание мира таковым, каким он существует «на самом деле». Пифагорейская парадигма освоения мира задает презумпции неклассической науки и КМ. Процесс интеллектуального освоения мира предстает как процесс приписывания ему и наименования наиболее релевантных свойств-чисел. Различие между двумя презумпциями выражает два типа рациональности. Первый подход – субстационально-объективистский – снимает с человека ответственность за принимаемые решения и представляет познание в виде асимптотического приближения субъекта к объекту реальности. Вторая презумпция может быть интерпретирована как радикальный конструктивизм, который не нуждается в обосновании существования реальности самой по себе. На наш взгляд, репрезентация познавательной деятельности и устройства Универсума может осуществляться в разных форматах-стратегиях и на разных языках. Имеется в виду различные концептуально-инструментальные картины мира и их модификации в различных онтологических моделях. Как показывает философско-методологический анализ социального конструирования, а также способов решения проблем немакроскопического мира (микромира, или астрофизической реальности) исследователи вынуждены включать в картину реальности сознание, как ее фундаментальный атрибут. Антропный принцип в его сильной и слабой формулировках свидетельствует о конструктивной природе онтологических репрезентаций. Использование КМ открывает возможность рассматривать проблему экспликации онтологии не только на прикладном уровне, который основывается на научно-эмпирическом построении пространственно-временных, а также социотехническом проектировании социокультурных моделей реальности. Универсально - философский подход к Проектированию позволяет выработать релятивистское истолкование не только природной, но и социокультурной онтологии. Например, с учетом методологического инструментария и, в частности философско-методологических, когнитивно-лингвистических и физических принципов, которые были использованы в исследовании и проектировании. Преодоление радикального конструктивизма неизбежно приводит к относительности онтологических парадигм и онтологическому статусу принципа дополнительности. [2]

Литература:

1. Старжинский В.П. На пути к обществу инноваций / В.П. Старжинский, В.В. Цепкало. – Минск: РИВШ, 2017, Второе издание - 454 С.
2. Старжинский В.П. Дополнительность онтологических парадигм и принцип объективности. / Старжинский В.П., Старжинская Н.С., Вопросы философии, 2019, № 7, С. 131-142

Шестакова М.А.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет, доцент, кандидат философских наук

m.a.shestakova@yandex.ru

Аннотация: субъективность социо-гуманитарного знания является одной из центральных методологических проблем. Одним из подходов к ее решению может стать обращение к категории эстетической информации. Эта категория разрабатывается в информационной эстетике А. Моля, где сопоставляется эстетическая и семантическая информация. Последняя характеризуется инвариантностью по отношению к своему материальному носителю и принципиальной переводимостью на язык других материальных носителей. В отличие от семантической, эстетическая информация неразрывно связана со своим материальным носителем и нацелена на производство состояний, в частности, эмоциональных переживаний реципиента. Развивая подход А. Моля, можно предположить, что эстетическая информация соотносится с семантической подобно тому, как коннотация сочетается с денотативным смыслом языкового выражения. Категория эстетической информации удобна для рационального описания субъективной стороны социо-гуманитарного знания. При этом субъективность понимается не только как политическая ангажированность или ценностная нагруженность. Но и в более широком смысле как «присутствие» субъекта в знании, производимом и транслируемом социо-гуманитарными науками.

Ключевые слова: эстетическая информация, семантическая информация, коннотация, субъективность, методология социо-гуманитарных наук

**“Aesthetic information” in the methodology of social sciences and humanities.
M. Shestakova**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Associate Professor

Abstract: The subjectivity of social and humanitarian knowledge is one of the central methodological problems. An appeal to the category of aesthetic information could be one of the approaches to its solution. This category was developed in Abraham Moles' information aesthetics by confronting aesthetic and semantic information. The latter is characterized by its invariance with respect to its material support and by its translatability in principle into the language of other material media. Unlike semantic information, aesthetic information is inextricably linked to its material medium and is aimed at the production of conditions, in particular the emotional experiences of the recipient. In developing A. Moles' approach, it can be assumed that aesthetic information correlates with semantic information similarly to the way the connotation is associated with the denotative meaning of a linguistic expression. The category of aesthetic information is convenient to use to rationally describe the subjective side of social and humanitarian knowledge. Here, subjectivity is understood widely, not only as political engagement or evaluative load, but also in a broader sense, as “presence” of the subject in the knowledge produced and enunciated by the social sciences and humanities.

Keywords: aesthetic information, semantic information, connotation, subjectivity, methodology of social sciences and humanities.

Понятие информации играет сегодня одну из ключевых ролей в науке и философии. Существуют разные подходы к определению этого понятия. В частности, выделяются атрибутивная и функциональная концепции информации. Согласно первой, информация является неотъемлемым свойством системы, и присуща, например, любым физическим процессам. Согласно второй – информация представляет собой функциональные отношения системы и всегда имеет синтаксическую, семантическую и прагматическую составляющие. И в этом смысле не все системы и процессы рассматриваются как носители информации, а только те, в которых информацию можно охарактеризовать с трех сторон –

синтаксической, семантической и прагматической стороны [4]. Функциональная модель информации предполагает, что описание функциональных отношений системы не зависит от описания материальных свойств системы. Сформулированные на естественных или формальных языках, функциональные отношения рассматриваются как инвариант, который может усматриваться в системах различной физической природы. Иными словами, одна и та же информация может передаваться с помощью различных носителей. Так, например, Д.И. Дубровский поддерживает принцип инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя [4]. Отдельным направлением в толковании информации являются математизированные концепции, восходящие к К. Шеннону. В этих концепциях сделан акцент на процессе передачи информации по линиям связи. Главная проблема, с которой работают эти теории информации, заключается в количественной оценке исходной и полученной информации, а также потерь информации в процессе ее передачи по линии связи от источника к адресату.

Неординарный подход к толкованию информации был предложен информационной эстетикой, представленной, в частности, в работах А. Моля и М. Бензе. Суть этого подхода заключается в выделении особого типа информации, названной эстетической. А. Моля различает семантическую информацию, которая в целом совпадает с трактовкой информации К. Шеннона, и эстетическую информацию, имеющую принципиальные отличия от семантической [5]. С точки зрения А. Моля, семантическая информация характеризуется наличием структуры или принципиальной структурируемостью. Она переводима на разные языки и предназначена для того, чтобы вызывать у адресата определенные действия. Как видно из сказанного, понимание семантической информации у А. Моля близко к вышеописанному функциональному подходу к трактовке информации, в том смысле, что информация представляет собой своего рода инвариант, не зависящий от природы носителя информации, вследствие чего он может передаваться разными языками без существенных потерь. В отличие от семантической, эстетическая информация особым образом связана со своим носителем и не «переводима» на другой язык, хотя она может быть передана средствами другого носителя. Так, например, трагедия У. Шекспира может быть передана на языке драмы, живописи или музыки. И в каждом случае это будет разная, а не одна и та же информация. Эстетическая информация, согласно А. Молю, предназначена не для того, чтобы провоцировать действия. В отличие от семантической, эстетическая информация вызывает состояния, т.е. эмоциональные переживания адресата. Именно поэтому для характеристики эстетической информации не подходит шкала, с помощью которой измеряется количество отправленной и полученной информации. Для эстетической информации больше годится шкала, учитывающая банальность или оригинальность. Именно к этой шкале мы прибегаем, оценивая различного рода эстетическую и художественную продукцию. А. Моля наметил основные направления в разработке этой шкалы [5]. Разумеется, А. Моля понимал, что во многих случаях эстетическая информация передается вместе с семантической и в этом отношении она часто является фактором, сопутствующим передаче семантической информации. Здесь можно сопоставить подход А. Моля с работами французских структуралистов. Например, Р. Барт подробно исследовал механизм передачи коннотативного смысла и показал, что с помощью естественного языка передается не только денотативный, но и сопутствующий, дополнительный, неявный, эмоциональный коннотативный смысл [2]. Коннотация возникает как некоторое дополнение к денотации. Это хорошо видно не только в прямых метафорах, например, «упрям как осел», но и в более сложных языковых конструкциях, где коннотация передается более незаметным, неявным способом. Эстетическая информация А. Моля может, на наш взгляд, рассматриваться как феномен, аналогичный коннотации в языке. Однако этот вопрос потребует дальнейшего исследования.

Обращаясь к понятию эстетической информации, А. Моля актуализирует проблему, значимую для теории информации в целом, а именно, вопрос о том, как связана информация со своим носителем. В концепции эстетической проблематизируется отношение между информацией с одной стороны, и ее источником, носителем, реципиентом, с другой стороны. Информация в этом случае не рассматривается как инвариант, независимый от способа ее передачи и восприятия. Это усложняет работу с понятием информации, но вместе с тем, открывает возможность рассматривать многие проблемы в информационном ключе. К такого рода проблемам относятся, в частности, методологические проблемы социо-гуманитарных наук.

Одна из таких проблем – это так называемая субъективность социо-гуманитарных наук. В этой проблеме зафиксирована неразрывная связь и даже зависимость результатов исследований от качеств самого исследователя в социо-гуманитарных науках. Речь идет, прежде всего, о таких

качествах как эстетические и этические предпочтения, политическая ангажированность, ограничения, накладываемые собственным жизненным опытом и т.д. Не отменяя сложившихся способов анализа этой проблемы в социально-гуманитарных науках, отметим, что информационный подход и, в частности, категория эстетической информации может, на наш взгляд, оказаться весьма продуктивной для анализа вышеназванной методологической проблемы. В качестве примера рассмотрим концепцию одного из современных исследователей, работающих в области методологии гуманитарных дисциплин, Х. Гумбрехта.

В своей работе «Производство присутствия. Чего не может предать значение» Х. Гумбрехт ставит вопрос о том, что производство знания и способ его передачи в гуманитарных науках существенным образом отличается от аналогичных процедур в естествознании [3]. Это, в частности, выражается в том, что гуманитарные науки занимаются не только истолкованием текстов, но и передачей определенного опыта. Этот опыт имеет явно выраженный субъективный характер, поскольку является опытом конкретного человека. Вместе с тем, это опыт, позволяющий транслировать и формировать не только личные, но и социо-культурные смыслы. Для разъяснения позиции Х. Гумбрехта можно привести философский пример. Как справедливо показал П. Адо, античные мыслители воспринимали философию не только как знание о чем-то, но и как определенный способ жизни [1]. Развивая идеи П. Адо, скажем, что Сократ учил Платона не только диалектике, как виду знания и умению работать с языком. Не в меньшей степени, он учил его определенному отношению к жизни – личной, политической, интеллектуальной. Это, конечно, не было прямым морализаторством, скорее это можно назвать эмоциональным влиянием, настройкой на определенную волну. В этом отношении философия и философская традиция представляют собой не только выработку и трансляцию знания, но и передачу определенного отношения к жизни, осуществляемого, как правило, неявным образом, чаще всего на эмоциональном уровне. Иными словами, философия всегда субъективна в том смысле, что она требует присутствия субъекта. Возвращаясь к Х. Гумбрехту, отметим, что в его концепции неслучайно, на наш взгляд, выделяются два способа действия в гуманитарных науках – производство значения и производство присутствия. Первый способ хорошо просматривается в герменевтической традиции толкования текстов, которая занимает ведущие позиции в методологии гуманитарных наук. Второй способ – производство присутствия – это открытая проблема. Несмотря на то, что мы интуитивно чувствуем его наличие, трудно описать его рационально, уложить в какую-либо категориальную сетку. Со своей стороны Х. Гумбрехт предпочел опираться на онтологию присутствия М. Хайдеггера. Однако на наш взгляд, есть и другой способ поймать субъективность гуманитарных наук в сети рационального методологического рассуждения. Этот способ заключается, как нам кажется, в разработке понятия эстетической информации и его включения в методологический дискурс социо-гуманитарных наук. Оппозиция категорий «значения» и «присутствия», о которых пишет Х. Гумбрехт, очень близка, как нам кажется, к оппозиции семантической и эстетической информации, с которой работает А. Моль. Истолкование «присутствия» как эстетической информации, которая дополняет «значение», понятое как семантическая информация – это, на наш взгляд, один из способов включения категории эстетической информации в методологию социо-гуманитарных наук. Рассмотренный выше пример переосмысления концепции Х. Гумбрехта с привлечением категории эстетической информации, показывает, на наш взгляд, следующее. Одна из центральных методологических проблем социо-гуманитарных наук – проблема субъективности – может быть продуктивно исследована с помощью категории эстетической информации. Этот подход представляется перспективным как в теоретическом, так и в прикладном смысле.

Литература:

1. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. М.; СПб.: Изд. «Степной Ветер», ИД «Коло», 2005. 288 с.
2. Барт Р. S / Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения. М.: Ad Marginem, 1994. 303 с.
3. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
4. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола»). Участвовали: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, В.И. Бодякин, Д.И. Дубровский, К.К. Колин, И.В. Мелик-Гайказян, А.Д. Урс // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84-112.
5. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966. 351 с.

Возможности концептуализации искусственного интеллекта в современных акторных сетях

Алексеев П. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, *философский факультет, кафедра философии и методологии науки*, аспирант

pavelalexeev.work@gmail.com

Аннотация: Доклад посвящен возможностям концептуализации искусственного интеллекта в современной технологической и культурной среде, а также связанным с этим проблемам и возможностям их решения. Высокая интенсивность технизации современных акторных сетей и сопряженные с этим культурные изменения приводят к тому, что налицо асимметрия между уровнем развития технологий искусственного интеллекта и несоответствующими ему концептуализациями. Эта асимметрия может быть хорошо продемонстрирована на примере дискуссий об искусственном интеллекте и искусстве. Преодоление означенной асимметрии может быть достигнуто через концептуализации на основе профессиональных технологических знаний и анализа акторных сетей, в которых концептуализации производятся.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, акторно-сетевая теория, четвертая промышленная революция, культура, искусство.

**Possibilities of concepts of artificial intelligence in modern actor networks.
*Alexeev P. V.***

Moscow State University

Abstract: This paper is about possibilities of concepts of artificial intelligence in modern technological and cultural environment, and also about its problems and ways of solving them. High intensive use of technology and brought by it cultural changes produce asymmetry between level of development of artificial intelligence technologies and not equal concepts level. This asymmetry can be illustrated by discussions about artificial intelligence and art. Overcome of this asymmetry can be reached by making concepts based on professional technological knowledge and by the analysis of actor-networks where this concept produced.

Keywords: artificial intelligence, technology, actor-network theory, industry 4.0, culture, art.

Область исследований искусственного интеллекта сравнительно нова, и тем не менее, с полным основанием можно говорить о том, что прошло уже несколько этапов концептуализации искусственного интеллекта. Можно установить стабильную корреляцию между теми или иными стратегиями концептуализации (и соответственно с отдельными концептами) и той технологической и культурной средой, в которой они были произведены. И в этом плане одним из наиболее важных аспектов современного этапа парадоксальным образом стоит считать не столько возникновение непосредственно новых концептов, открывающих новые возможности для дискурсивных практик, центрированных на искусственном интеллекте, сколько то, что концептуализация искусственного интеллекта еще никогда не происходила в акторных сетях с такой высокой протяженностью и интенсивностью технизации. И более того – она никогда не происходила в условиях сопоставимого уровня развития самих технологий искусственного интеллекта.

Начавшаяся в последние несколько лет четвертая промышленная революция стремительно меняет конфигурацию акторных сетей постиндустриального общества.

Основатель и действующий Президент Всемирного экономического форума Клаус Шваб предлагает следующую периодизацию промышленных революций: «Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Ее пусковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства. Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце XIX века и продлившаяся до начала XX века, обусло-

вила возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Третья промышленная революция началась в 1960-х годах. Обычно ее называют компьютерной или цифровой революцией, так как ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в шестидесятых годах прошлого века больших ЭВМ, в семидесятых и восьмидесятых – персональных компьютеров и сети Интернет в девяностых» [1, с. 15-16]. Непосредственно же четвертая промышленная революция характеризуется целым комплексом современных технологий, таких как искусственный интеллект, 3D-печать, облачные вычисления, интернет вещей и целый ряд других.

Акторные сети постиндустриального общества не только существенно увеличивают свою протяженность, но и интенсивность взаимодействия акторов друг с другом. Такого рода масштабирование и интенсификация в значительной степени обусловлены уже означенной небывало высокой технизацией среды.

Логичен вопрос – почему необходимо говорить об указанных процессах, используя концепты акторно-сетевой теории? Здесь стоит привести аргументы одного из самых заметных комментаторов работ Бруно Латура – Грэма Хармана в пользу акторно-сетевой теории: «Плоская онтология АСТ позволяет ей избежать нововременной дуалистической онтологии, в которой все конечные существа неправдоподобно поделены между (а) людьми и (б) всем остальным» [2, с. 114-115]. А также: «Одно из самых больших теоретических преимуществ АСТ – ее способность относиться ко всем действиям как действиям в равной степени» [2, с. 121]. Иначе говоря – акторно-сетевая теория позволяет последовательно прорабатывать сложные отношения человека и технологий, не опираясь на некритически принятые метафизические антропоцентрические концепты.

Современные акторные сети постиндустриального общества характеризуются с одной стороны ставшей достаточно высокой доступностью продуктов на основе технологий искусственного интеллекта, с другой стороны – тем, что сама сложность этих технологий стала несопоставимо более высокой по сравнению со всеми предшествовавшими этапами развития интеллектуальных систем. Распространенной становится ситуация, когда у человека возникает некий индивидуальный опыт взаимодействия с технологиями интеллекта, т.е. появляется некая эмпирическая база для концептуализации, формирование которой часто не связано с какими-либо профессиональными практиками. Однако при этом зачастую у человека или полностью отсутствуют, или имеются лишь в минимальном объеме те компетенции, которые позволяют продуктивно анализировать технологии, с которыми он взаимодействовал, а соответственно, и проводить их дальнейшую полноформатную концептуализацию.

Это логичным образом приводит к тому, что концептуализацию искусственного интеллекта производят в соответствии с бытовыми представлениями о современных технологиях, соотношенными с ними случайными концептами. В свою очередь этот процесс приводит не только к большому количеству существенных неточностей, которые не позволяют производить продуктивную концептуализацию, но более того – к возникновению метафизики технологий искусственного интеллекта, которая при этом не позиционируется таковой. Следствием этой ситуации является возникновение очевидной асимметрии между неудовлетворительно концептуализированными дискурсами об искусственном интеллекте и непосредственно самими технологиями. Такая асимметрия является проблемной, т.к. она может выстраивать неверную индивидуальную прагматику взаимодействия с технологиями.

Более того – эта асимметрия усиливается тем, что на протяжении всей истории человечества прагматика различных культур выстраивалась исходя из того, что на интеллектуальный труд способен только человек. С определенного момента стало возможным делегировать физический труд машине, однако никогда до настоящего момента нельзя было делегировать сложную интеллектуальную работу технологическому объекту.

В качестве примера возникновения таких сложностей концептуализации технологий искусственного интеллекта можно привести ход дискуссии в профессиональном сообществе об искусственном интеллекте и искусстве. Несмотря на целую серию значительных эпистемических изменений, произошедших за последние несколько десятилетий, эта дискуссия ведется в значительной степени в духе романтической традиции концептуализации искусства (и являющейся ее продолжением в ряде вопросов модернистской традиции). Иначе говоря, дискуссия об отношении искусственного интеллекта и искусства сводится к вполне классическим образом концептуализированным понятиям автора и его индивидуального высказывания, соотношения формы и содержания, а также субъективности зрительского восприятия.

Однако указанные трудности могут быть преодолены, открыв тем самым новые возможности для концептуализации искусственного интеллекта, с одной стороны, за счет потенциальной новой концептуализации, которая основана на конкретных технологических компетенциях и профессиональном понимании технологий, а с другой стороны – за счет анализа тех акторных сетей, в которых эти технологии концептуализируются. И эта работа будущих исследований.

Литература:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Пер. с англ. М.: Издательство «Э», 2017. 208 С.
2. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / Пер. с англ. А. Писарева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 152 С.

Проблема производной интенциональности в аналитической критике вычислительной теории сознания

Барышников П. Н.

Пятигорский государственный университет, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, доцент. Доктор философских наук.

pnbaryshnikov@pglu.ru

Аннотация: В работе представлены аргументы, направленные против классической программы Вычислительной теории сознания в рамках положений Гипотезы о языке мышления (LOTH) Дж.Фодора. Термин «аналитический» в названии связан с методом концептуального анализа основных аргументов критики, который используется рядом авторов, в частности С.У. Хорстом. Некоторые примеры из «типичного списка» с очевидностью пересекаются с аналитической критикой и заслуживают отдельного рассмотрения. Ключевая проблема связана с семантическими свойствами ментальных состояний, поэтому особое внимание уделяется прояснению значения используемых терминов и контекстов их употребления. Специфика аналитического подхода также состоит в том, что тематическая область смещается от проблемы вычислимости и логической представимости к проблеме значения, что неизбежно переводит исследовательский фокус в область философии языка.

Ключевые слова: Вычислительная теория сознания, антикомпьютериализм, производная интенциональность, семантические свойства ментальных состояний, символичные вычисления.

**The problem of derived intentionality in analytical criticism of computational theory of mind.
Baryshnikov P. N.**

Pyatigorsk State University

Abstract: In this paper the arguments directed against the classical program of the Computational Theory of Mind within context of the Hypothesis of language of thought (LOTH) J. Fodor are presented. The term “analytical” in the title is connected with method of the conceptual analysis of the main arguments of criticism which is used by a number of authors, in particular S.W. Horst. Some examples from “the typical list” with evidence are crossed with analytical criticism and merit a separate review. The key problem is connected with semantic properties of mental states therefore special attention is paid to clearing of value of the used terms and contexts of their use. The specifics of analytical approach also are that the thematic area is displaced from a problem of a computability and logical representability to a signification problem that inevitably transfers the research focus to the field of philosophy of language.

Keywords: Computational Theory of Mind, anticomputationalism, derived intentionality, semantic properties of mental states, symbolic computation.

На данном этапе рассуждений важно указать на ключевое понятие, которое будет использоваться в построении критики СТМ – производная интенциональность (derived intentionality). Интенциональность в современной аналитической философии трактуется очень широко. В данном контексте интенциональность понимается как внутренне присущую ментальным состояниям способность быть направленным на некоторый объект или некоторое содержание [1]. Под производной интенциональностью понимают содержание языковых выражений, унаследованное от первичных интенциональных состояний сознания, используемых для целей, лежащих вне пропозиционального содержания выражения [2].

Существует две различные линии критики СТМ, но которые обе используют понятие производной интенциональности. Каждая из этих критических линий представляет трудности для вычислительного подхода, однако, суть этих трудностей различна. Первая линия «Возражение от производства причины» (Causal Derivation Objection). Проблема для СТМ состоит в том, что интенциональность языковых символов (предписаний, иллокутивных актов) причинно зависит от интенциональности ментальных

состояний и актов присваивания значения. Вторая линия критики – «Возражение от концептуальной зависимости» (Conceptual Dependence Objection) – выдвигает следующий тезис: конвенциональное понятие «символьное значение» концептуально зависит от понятия «ментальное значение», которое обладает внутренним априорным содержанием [3]. Таким образом, в первой линии утверждается, что нет ничего внутренне присущего семантическим свойствам символов, зависящим от ментальных состояний, репрезентаций, дискурсивных символов. Во второй линии, наоборот – указывается на два вида значений (символьные и ментальные), несводимых к одной онтологии. Рассмотрим подробнее каждую их критик.

Возражение от производства причины (Causal Derivation Objection)

Причинно-обусловленная интенциональность – это проблема составляющая самый популярный вид критики СТМ. Типичный представитель этого вида – аргумент «Китайская комната» Дж. Серла. Согласно Серлу, семантические свойства интенциональности могут быть присущи как ментальным состояниям, так и лингвистическим токенам (надписям, иллокутивным актам) [1]. Иллокутивный акт выражает семантические свойства ментального состояния. Такое выражение имеет место, когда говорящий осуществляет акт присвоения значения, которое наполняет звуки речи или формы письменности содержанием интенционального состояния. Интенциональная каузация возможна, когда интенция говорящего (направленная на то, чтобы токены выражали состояние) выступает причиной того факта, что высказывание начинает обладать интенциональностью. В действительности, чтобы реализовать каузальное объяснение языковых токенов, необходимо различать два состояния говорящего:

1. Ментальное состояние, выраженное языковым актом;
2. Намеренный акт, с помощью которого содержание этого ментального состояния сообщается произносимым звуком.

В данных положениях содержатся противоречия для СТМ. Семантические свойства символов причинно произведены от ментальных состояний, несмотря на то, что семантические свойства ментальных состояний не являются производными. Следовательно, будет ложным объяснение семантики ментальных состояний через семантику символов, т.к.:

1. Семантика ментальных состояний не производна.
2. Любое объяснение значимых (релевантных) символов требует объяснения семантических свойств символов, которые в свою очередь требуют объяснения семантических свойств ментальных состояний.

Аргумент состоит из двух положений и выглядит весьма убедительным [4, с. 41]:

А: Необходимо, чтобы все символы, обладающие семантическими свойствами, обладали этими свойствами производно.

В: Ни одно семантическое свойство ментальных состояний не производно.

Последнее утверждение напрямую противоречит СТМ, которая гласит, что семантические свойства ментальных состояний производны от семантических свойств ментальных репрезентаций [5].

Д. Деннет, занимая крайнюю позицию, утверждает, что семантические свойства высокоуровневых когнитивных процессов производны от низкоуровневых когнитивных состояний (от интенций генов). Возражение А, выглядит преодолемым, если доказать, что все токены (надписи, высказывания, компьютерные символы) производны. Дж. Фодор указывает на то, что единственный способ, каким символы могут приобрести семантические свойства, это наследование зависимости от неких сущностей, обладающих значением, либо в результате акта присваивания. Но если Дж. Серл утверждает, что семантические свойства речи каузально зависят от интенциональных состояний говорящего, то Дж. Фодор указывает на то, что семантические свойства символов ментализа (языка мышления) внутренне присущи. Таким образом, символы ментализа имеют особую природу, отличную от символов на ленте машины Тьюрига. При таком положении вещей встает вопрос о природе ментального вычисления и о его связи с традиционным компьютеризмом.

Возражение от концептуальной зависимости (Conceptual Dependence Objection)

Данное возражение строится на основании нарушения тождества терминов при анализе семантических свойств ментальных состояний и символов. Термины «интенциональность», «семантика», «значение», «референция» используются одновременно как при обсуждении семантических свойств ментальных состояний, так и при обсуждении семантических свойств символов. Однако, эти термины могут обладать различным содержанием, которое зависит от контекста предметной области. В выражении «А означает...» глагол «означать» будет обладать одним содержанием, если А – это ментальное состояние и другим содержанием, если А – это символ. С. Хорст связывает такую размытую семантику с паронимичностью терминов, приводя примеры типа:

1) Здоровый человек / Здоровая пища.

или

2) *Many of John's thoughts have been about Mary of late. / The inscription of the name "Mary" in John's dairy are about Mary* [3, с. 353].

Вызывает интерес пример, в котором продемонстрированы различия в семантических интенциональных свойствах ментальных состояний и символов, через контекстуальные различия значения предлога «about».

Термин «производная интенциональность» обладает схожей паронимичностью. Производная интенциональность для символов (особенно в ленте компьютерной памяти) не пересекается с интенциональностью ментальных процессов. Символы GO можно интерпретировать в рамках лексической конвенции английского языка (и тогда это будет глагол движения to go); можно интерпретировать в конвенции японского языка (тогда это будет существительное, означающее настольную логическую игру). Правда, стоит указать на то, что здесь речь будет идти только о фонетических символах, т.к. графически в японской конвенции игра должна означаться иероглифом □. Без интегративных конвенций (алгоритмов компиляции) эти символы GO или □ не значат ничего.

Таким образом, семантическая проблема СТМ имеет две непересекающиеся интерпретации: в терминах ментальных состояний и в терминах символьных операций. В этом случае для сторонников СТМ важно указать в какой интерпретативной конвенции употребляется термин «значение», и имеет ли он отношение к содержанию ментальных состояний. В итоге концептуальную зависимость можно выразить следующим простым утверждением:

Концепт *X* концептуально зависит от концепта *Y* только в том случае, если адекватный анализ *X* включает в себя упоминание *Y*.

С. Хорст на основании тезиса о концептуальной зависимости обобщает положения своей критики СТМ-подхода к интенциональности в десяти пунктах [3, с. 353-354]:

1. Семантические термины «интенциональность», «семантика», «значение», «референция» паронимичны и употребляются в различных значениях применительно к ментальным состояниям и символам.
2. Необходимо различать способы употребления этих терминов применительно к семантическим свойствам ментальных состояний и символов.
3. Выражения, применимые к семантическим свойствам символов концептуально зависимы от выражений, применимых к семантическим свойствам ментальных состояний.
4. Анализ атрибутов семантических свойств символов обнаруживает эту зависимость, т.к. в СТМ семантические свойства символов реферируют к семантическим свойствам ментальных состояний.
5. Любая попытка представить семантические свойства ментальных состояний в терминах семантически свойств символов будет регрессировать и впадать в порочных круг.
6. Когда СТМ утверждает, что ментальные репрезентации обладают семантическими и синтаксическими свойствами, встает вопрос, идет ли речь о (А) семантических свойствах ментальных состояний, (В) семантических свойствах символов или об особой вычислительной семантике (С).
7. Принятие интерпретации А не имеет смысла.
8. Принятие интерпретации В приводит к регрессу.
9. Принимая С, убеждаемся, что в СТМ нет адекватной теории семантических свойств.

10. Объяснительная слабость СТМ вытекает из непроясненного «словаря» семантических терминов.

В заключение укажем на то, что аргументация С. Хорста усиливается еще и тем, что символ в традиционном семиотическом смысле отличается от абстрактных символов, которым манипулирует «принтер» на ленте машины Тьюринга. Здесь мы возвращаемся к метафорическим истокам компьютеризации. Семиотический символ в любой знаковой системе – это условное обозначение какого-либо понятия, идеи или явления, содержание которого приписывается на основании конвенции. В вычислительных системах символ сопоставим с количественным представлением информации. То есть символьные элементы (например, в стандарте ASCII) представляют собой структурные единицы информации, семантические свойства которых исчерпываются его спецификацией, отражающей функции, информационные и управляющие связи.

Литература:

1. Searle J. R. Intentionality. Cambridge: C.U.P, 1983. 278 p.
2. Dennett D.C. The intentional stance. Cambridge, (Mass.), London: The MIT Press, 1989. 388 p.
3. Horst S. W. Symbols and computation a critique of the computational theory of mind // Minds and Machines. 1999. vol. 9, № 3. P. 347–381.
4. Horst S. W. Symbols, computation, and intentionality. Charleston, SC: CreateSpace, 2011. 438 p.
5. Fodor J. A. Representations: Philosophical essays on the foundations of cognitive science. MA: MIT Press / Bradford Books, 1981. 343 p.

Голенков С. И.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
профессор кафедры философии. Доктор философских наук*

sgolenkov52@gmail.com

Аннотация: Актуальность анализируемой в статье темы определяется не только возможностями познания, которые открывает искусственный интеллект (ИИ) перед человечеством, но и экзистенциальными вопросами, вытекающими из сосуществования человека и интеллектуальных машин. ИИ рассматривается как способность машин имитировать мышление человека. Обосновывается принципиальное различие в работе ИИ и мышления человека. Сущность имитации ИИ покоится на том, что его вычислительные способности реализуются только в мире существующего. Человеческое мышление осуществляется не только в способностях интерпретации, как основании вычислений, но и творении нового сущего из Небытия. Делается вывод, что граница возможностей ИИ проходит между миром сущего и Небытием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, человеческое мышление, имитация, творчество, событие, алгоритм, Небытие.

**On the limits of artificial intelligence.
Golenkov S. I.**

Samara National Research University, Department of Philosophy

Abstract: The relevance of the topic analyzed in the article is determined not only by the capabilities of cognition that artificial intelligence (AI) opens before humanity, but also by existential problems arising from the coexistence of man and intelligent machines. AI is seen as the ability of machines to imitate human thinking. The fundamental difference in the work of AI and human thinking is substantiated. The essence of AI imitation is based on the fact that its computational capabilities are realized only in the existing world. Human thinking is realized out not only in the abilities of interpretation, as the basis of computation, but also in the creation of a new being from Nonbeing. It is concluded that the boundary of the possibilities of AI passes between the world of being and Nonbeing.

Keywords: artificial intelligence, human thinking, imitation, creativity, event, algorithm, Nonbeing.

Дискуссия о возможностях машинного интеллекта, положенная статьей Алана Тьюринга «Могут ли машины мыслить?» [1], в последние тридцать лет продолжается с нарастающей интенсивностью. Сам Тьюринг был уверен, что возможности интеллекта машин простираются до интеллектуальных способностей человека. Сторонники его позиции [напр.: 2, 3] еще более оптимистичны, поскольку считают, что искусственный интеллект машин не только в обозримом будущем достигнет уровня естественного интеллекта человека, но и сумеет его превзойти в точке «технологической сингулярности» (В. Виндж). Оптимизм сторонников безграничных возможностей машинного интеллекта покоится на поразительных результатах развития в области нейро- и компьютерных наук. Интеллектуальные машины, конструкция которых имитирует принципы строения и работы человеческого мозга, не только превзошли человека в сложных интеллектуальных играх (шахматы, покер, го), но и серьезно продвинулись в сфере творчества, до сих пор считавшейся исключительно человеческим занятием. Критики этой точки зрения [напр.: 4, 5] считают оптимистические надежды на возможности машинного интеллекта безосновательными. Основной их аргумент – мышление человека не тождественно работе вычислительной машины. Джозеф Вейценбаум пишет, что «какими бы разумными мы не могли сделать вычислительные машины, существуют такие акты мышления, которые должны оставаться уделом только человека» [4, с. 12]. И даже если машина имитирует человеческую деятельность, то эта деятельность у человека и вычислительной машины протекает принципиально по-разному [4, с. 144-145].

Дискуссии по поводу границ машинного или, как его сейчас обозначают, искусственного интеллекта (ИИ), как правило, не касаются определения самого термина «ИИ», справедливо отмечая многозначность самого термина «интеллект». В компьютерных науках термин «ИИ» имеет два значения: 1) им обозначают науку, связанную с моделированием человеческого мышления [6, 7, 8]; 2) свойство машин выполнять функции человеческого мышления [6, 7]. В последнем случае это свойство трактуется достаточно широко. Так если Маккарти сводит интеллект к вычислительной способности по достижению целей в мире, которые «встречаются у людей, многих животных и некоторых машин» [6], то авторы Толкового словаря по ИИ расширяют способности машинного интеллекта до творческих, «которые традиционно считаются прерогативой человека» [7].

Учитывая сложность вопроса природы интеллекта и вытекающую из него проблему его определения, в дальнейшем изложении понятие «ИИ» мною будет использоваться для обозначения способности машин, созданных человеком, имитировать человеческое мышление. Сущностной характеристикой ИИ является имитация естественного интеллекта человека. Такое определение сути ИИ опирается, с одной стороны, на позицию самого Тьюринга, сводящего действие ИИ к «игре в имитацию» [1, с.9], с другой стороны – на мысль Канта о том, что нам известен лишь один разум – человеческий. Исходя из этого понимания ИИ, рассмотрим границы его интеллектуальных возможностей. Их определение крайне важно, так как связано с уже вставшим на повестку дня вопросом об отношениях между человеком и машинами с ИИ.

Сразу же отмечу одно методологическое ограничение возможностей ИИ. Дело в том, что имитация предполагает копируемый оригинал, которым для ИИ выступает интеллект человека. Это ограничение (в некотором смысле формальное) исключает возможность, по крайней мере, превосходства ИИ над интеллектом естественным, и таким образом, снимает вопрос о технологической сингулярности. Однако имеются и иные, чисто содержательные ограничения, в частности, ограничения в творческой деятельности ИИ. Маркус дю Сотой определяя творчество как производство нового, разделяет его на три вида. Первые два – «исследовательский» и «комбинаторный» – представляют собой ту или иную обработку уже существующей базы данных и к настоящему времени не составляют принципиальных трудностей для ИИ. Третий вид – «загадочный» – представляется самым сложным для исследования, так как новое здесь «возникает словно ниоткуда» [9]. Мною в статье было отмечено, что различия этих видов творчества состоят в принципиально разных способах производства нового [10, с. 47]. Производство нового сущего путем совершенствования или рекомбинирования происходит из уже существующего сущего по алгоритму. Другой способ производства нового состоит в том, что новое производится из ничего, из еще не существующего. В производстве нового «ниоткуда» алгоритм возникает в производстве нового [10, с. 47].

Анализируя творчество человека, В. А. Конев указал на разные логики творения. Творение из уже существующего происходит по логике причины-следствия, по логике «потому, что», когда новое есть следствие совершенствования-комбинирования старого. Производство же нового из еще несуществующего – из Небытия – следует логике «вопреки» [11, с. 156], в которой произведенное становится причиной следствий, новое в этой логике есть «то, что будет иметь по-следствия» [11, с. 154]. Кроме этого, способы творения из «уже есть» и из «еще не есть» различаются в своей реализации методически. Первый укладывается в правило последовательности «основание-следствие», которая ведет от уже существующего к новому существующему. Второй же, строго говоря, не имеет правила, оно реализуется по методу «вдруг» (В. А. Конев) [17, с. 153-154], то есть имеет природу события.

Виды творчества, реализующиеся по логикам «причина-следствие» или «событие», соответствуют двум модусам мышления – интерпретирующего и производящего. Интерпретирующий модус оперирует уже существующим сущим. Интерпретирующее мышление имитируется ИИ в вычислениях, так как бытие уже существующего всегда основывается на каком-либо правиле, естественном или установленном законе. Производящий модус изводит сущее из Небытия и вводит его в существование. Его невозможно имитировать. В производстве сущего из Небытия еще не существует никакого правила или закона, который мог бы стать содержанием алгоритма. Подводя итог можно заключить, что возможности ИИ связаны с миром существующего и будут нарастать с расширением границ последнего. Крайне востребованными возможностями ИИ оказываются в ситуации «информационного взрыва». Однако для ИИ машин принципиально недоступным останется граница бытия сущего и Небытия, на которой становится существование сущего.

Литература:

1. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? (С приложением статьи Дж. фон Неймана Общая и логическая теория автоматов) [Электронный ресурс] / Аллан Тьюринг. М.: ГИФМЛ, 1960. с. 1-26. Режим доступа: URL:<http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/885/5/CantheMachinethink.pdf> [дата обращения: 10 марта 2018].
2. Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://inforesist.org/technicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> [дата обращения: 25 августа 2017].
3. Chalmers D. J. The Singularity: A Philosophical Analysis [Электронный ресурс] / David J. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. 2010. Vol. 17. P. 7-65. Режим доступа: URL:<http://consc.net/papers/singularity.pdf> [дата обращения: 25 августа 2017].
4. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям [Текст] / Джозеф Вейценбаум. М.: Радио и связь, 1982. 368с.
5. Searle J. R. Minds, brains, and programs [Электронный ресурс] / John R. Searle // Behavioral and Brain Sciences 3 (3). P. 417-457. Режим доступа: URL:<http://cogprints.org/7150/1/10.1.1.83.5248.pdf> [дата обращения: 25 января 2018].
6. McCarthy J. What is artificial intelligence? [Электронный ресурс] / John McCarthy. Режим доступа: URL:<http://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> [дата обращения: 26 декабря 2019].
7. Аверкин А. Н., Гаазе-Раппопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] / А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Раппопорт, Д. А. Поспелов. Режим доступа: URL:<http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> [дата обращения: 26 декабря 2019].
8. Осипов Г. [Электронный ресурс] / Г. Осипов. Режим доступа: URL:<http://www.raai.org/about/persons/osipov/pages/ai/ai.html> [дата обращения: 26 декабря 2019].
9. An Oxford mathematician explains how AI could enhance human creativity [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://www.theverge.com/2019/4/10/18303438/artificial-intelligence-ai-art-book-interview-marcus-du-sautoy-the-creativity-code> [дата обращения: 13 марта 2019].
10. Голенков С. И. Творчество в эпоху разумных машин // Творчество как национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве: сборник статей / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С.44-53.
11. Конев В. А. Тайна «Да будет» или «...Круговая черта по лицу бездны» / В. А. Конев // Конев В. А. Смыслы культуры: сб. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 276 с.

Дискретность и непрерывность сознания во времени

Зайкова А. С.

Институт философии и права СО РАН, младший научный сотрудник

zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются две противоположные точки зрения на природу сознательных процессов с течением времени. Считается, что непрерывность сознания во времени обеспечивает феноменальное единство и порождает ощущение потока сознания. Однако есть примеры дискретности сознания, которые трудно просто отбросить. Для разрешения кажущегося противоречия предлагается разделить исследуемые примеры на две концепции настоящего. Во-первых, это концепция кажущегося настоящего У. Джеймса, которая затрагивает в первую очередь восприятие, и, во-вторых, это предлагаемая нами концепция текущего настоящего, которая рассматривает сознательный опыт. Если предположить, что эти концепции не опровергаются, но дополняют друг друга, противоречие будет разрешено. Гипотеза о взаимодополняемости этих двух концепций согласуется с идеями теорий сознания высшего порядка: кажущееся настоящее объединяет внутри себя ментальные состояния низшего порядка, в то время как текущее настоящее охватывает ментальные состояния высшего порядка. На уровне кажущегося настоящего может присутствовать темпоральная дискретность, поскольку она зависит от используемых органов чувств; на уровне текущего настоящего существует событийная дискретность, что позволяет сознанию вычленять отдельные события из потока сознания.

Ключевые слова: текущее настоящее, кажущееся настоящее, теории сознания высшего порядка, восприятие времени, темпоральные структуры сознания

Discreteness and continuity of consciousness in time.

Zaykova A. S.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Philosophy and Law

Abstract: The paper considers two opposite views for the temporal structures of conscious experience. Consciousness continuity is thought to provide phenomenal unity and to raise stream-of-consciousness feeling. However, there are examples of consciousness discreteness, that are difficult to throw out. For resolving the apparent paradox we propose to divide examples under study into two conceptions of present. First, it is conception of specious present, which primarily concerns perception. And second, it is our proposed conception of actual present, which considers consciousness experience. Assuming that these concepts are not contradictory, but complement each other, contradiction will be resolved. The hypothesis of the complementarity of these two concepts is consistent with the ideas of higher-order theories of consciousness: the specious present unites mental states of a lower order within itself, while the actual present covers mental states of a higher order. At the level of the specious present, temporal discreteness may be present, since it depends on the sense organs used; and at the level of the actual present there is event discreteness, which allows consciousness to isolate individual events from the stream of consciousness.

Keywords: actual present, specious present, higher-order theories of consciousness, time perception, time consciousness.

Непрерывно ли наше сознание во времени? На этот вопрос не так просто ответить. В нашем опыте присутствуют как ощущения непрерывности сознания во времени, так и ощущения дискретности. Именно привычная для сознания непрерывность нашего опыта порождает представление о потоке сознания и обеспечивает единство сознания во времени, которое ряд авторов [1, 2] называют феноменальным единством. Но существуют примеры и явно дискретного опыта, такие, как кинематограф, сон или акинетопсия. Для того, чтобы объяснить сосуществование и дискретности, и непрерывности в нашем сознании, мы предлагаем использовать две концепции настоящего: во-первых, концепцию

кажущегося настоящего У. Джеймса [3], которая касается в первую очередь восприятия, и, во-вторых, предлагаемую нами концепцию текущего настоящего, которая отражает осознаваемые процессы и явления. В совокупности эти две модели охватывают и уровень восприятия, и уровень осознания воспринимаемых событий. На уровне кажущегося настоящего может присутствовать темпоральная дискретность, поскольку она зависит от используемых органов чувств; на уровне текущего настоящего существует событийная дискретность, которая и вычленяет события из потока сознания. Для того, чтобы обосновать такую позицию, в докладе мы планируем рассмотреть ряд аргументов, которые могут свидетельствовать о непрерывности или дискретности сознания во времени.

С точки зрения кинематографической модели весь поток сознания состоит из континуума неделимых «теперь», подобно тому, как фильм состоит из набора кадров. Движение или изменение воспринимается через смену кадров: если кадры различны, присутствует движение или изменение, если же они идентичны, изменений нет. Несмотря на то, что фильм состоит из отдельных кадров, мы воспринимаем движение и изменение, представленные в фильме, непрерывно. И все же ощущение непрерывности при просмотре фильма можно объяснить интерполяцией дискретных зрительных образов внутри непрерывного сознания, в то время как дискретные «теперь», в свою очередь, относятся к самому сознанию.

Д. Деннет проводит аналогию между зрительным восприятием и темпоральным восприятием: наше зрительное восприятие, по его убеждению, является дискретным всегда, и не только при просмотре кинофильмов. Но из-за визуальных систем с «перцепционной интерполяцией» мы воспринимаем зрительное восприятие как непрерывное, и наше сознание также может быть дискретным во времени, но ощущаться как непрерывное [4]. В качестве примера он приводит слепые пятна и саккадические движения глаз. Однако между дискретностью пространства и дискретностью времени есть важное отличие. Мы можем обнаружить слепое пятно и отследить саккадические движения глаз, в то время как темпоральные «слепые пятна» отследить не так просто. Есть два примера того, что при первом взгляде может показаться нарушением темпорального восприятия, своего рода темпоральным «слепым пятном»: это нарушение сенсорной чувствительности после резких звуков или яркого света и те моменты жизни, которые «выпадают» из памяти, к примеру, во время сна. Но относятся ли указанные примеры именно к темпоральному восприятию? Вряд ли можно утверждать подобное: при сенсорной перегрузки темпоральное осознание сохраняется, снижается исключительно сенсорная чувствительность. Для второго примера есть целых два возражения: во-первых, неуместно говорить про темпоральные структуры сознания, если сознание в настоящий момент не работает; во-вторых, отсутствие воспоминаний не является свидетельством в пользу нарушения работы темпоральных структур: существуют многочисленные примеры, когда люди теряют способность к долговременному запоминанию, но в течении трёх — пяти минут они способны вести беседу и даже рефлексировать своё текущее темпоральное восприятие. Таким образом, пример зрительных слепых пятен для темпорального восприятия неуместен.

Далее обратимся к известным механизмам дискретизации восприятия. Первый механизм, зрительный, приводит к тому, что при восприятии кадров с частотой от 30 Гц они воспринимаются как непрерывные, если же между отдельными кадрами прошло меньше 30 мс, изображения могут восприниматься как одновременные. Другой механизм касается, в частности, восприятия фоном, таких как CU-BA-CU и чередования восприятия между интерпретацией фонемы как CUBA и BACU [5] и применяется ко всем видам восприятия [6, р. 59]. Интересным является и следующее исследование, которое относится к самостоятельной событийной дискретизации:

«В одном исследовании ФМРТ участников попросили смотреть каждый день небольшой фильм с рутинными мероприятиями, такими, как заправка кровати. ... Во время первой презентации участников просили просто посмотреть. В течение следующих двух презентаций участников просили разбить фильмы на значимые для них события и нажать кнопку, чтобы отметить начало одного события и конец другого. При втором просмотре их попросили разделить на крупные сегменты. При третьем просмотре их попросили выделить наиболее мелкие сегменты».

Результаты показали, что «мозг отслеживает временную структуру событий в силу чисто визуального механизма, который чувствителен к времени начала и смещения стимула», но «восходящая информация о стимуле модулируется нисходящим влиянием процессов, которые отслеживают сегментацию визуальной сцены в события. Основываясь на этом анализе, авторы приходят к выводу, что обработка временных разрывов в событиях

представляет собой смесь процессов сверху вниз и снизу вверх». [2]

М. Клинецвич видит в этом исследовании доказательство того, что наше сознание дискретно. Однако, на наш взгляд, это абсолютно не так. Подобно тому, как следует различать феноменальное и предметное единство, следует различать темпоральную дискретность и событийную дискретность. Действительно, зрительное восприятие дискретно, кроме того, события по своему определению не могут не быть дискретными. Выделяя события из потока сознания, мы сами наделяем его свойствами дискретности, зачастую бессознательно. Но звуковое восприятие не является дискретным изначально. Дискретным оно становится при накладывании на восприятие событийной рамки. Таким образом, ощущения, получаемые из разных источников, могут быть дискретными или непрерывными в зависимости от особенностей работы органов чувств. Они объединяются в единый поток ощущений, воспринимаемых нами внутри единого кажущегося настоящего, согласно концепции У. Джеймса.

В предыдущих работах («Основные модели темпоральной структуры сознания», на рецензировании в журнале «Философия и Эпистемология науки», «Многомерность текущего настоящего», на рецензировании в журнале «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология») нами была выдвинута концепция текущего настоящего, которое может включать в себя помимо непосредственно переживаемого во внешних ощущениях опыта переживаемый ретроспективный и проспективный опыт. Она основана на понятии «текущее настоящее» Д. Дубровского, которым он обозначает «то, что дано человеку в настоящем, «сейчас», но это «сейчас» непрестанно движется, образуя и продолжая непрерывный континуум субъективной реальности» [7, с. 95]. Эта концепция заметно отличается от концепции кажущегося настоящего, предложенного У. Джеймсом. Если существования кажущегося настоящего вызвано остаточной активностью нервной системы после исчезновения внешних стимулов, то текущее настоящее включает в себя любой сознательный опыт, не обязательно привязанный к ощущениям. Текущее настоящее — это актуально длящееся субъективное переживание, которое можно интерпретировать как набор непосредственно переживаемых событий, включая как происходящие прямо сейчас, так и прошлые, будущие события, а также события книг, фильмов и собственных фантазий. Зрительная дискретизация касается именно кажущегося настоящего, в то время как сегментация относится к текущему настоящему. Если говорить в терминах теории сознания высшего порядка, то текущее настоящее соответствует состояниям сознания высшего порядка, а кажущееся настоящее — состояниям сознания низшего порядка. При этом состояниям сознания высшего порядка свойственна предметная дискретность: события, которые являются объектами состояния, могут иметь чёткие границы во времени и быть чётко отделены друг от друга; но темпорально текущее настоящее непрерывно. Для состояний сознания низшего порядка характерна предметная непрерывность в том смысле, что предметы состояний — ощущения — являются постоянными. При этом для частных состояний низшего порядка допустима временная дискретность, о чём свидетельствует уже упомянутая зрительная дискретизация.

Мы показали, что темпоральная структура сознания состоит из двух частей. Во-первых, это сам поток любых ощущений — переживание кажущегося настоящего. Во-вторых, это текущее настоящее, которое включает в себя отдельные сознательные переживания, касающиеся настоящих, прошлых, будущих и даже несуществующих событий.

Текущее настоящее обладает предметной дискретностью, но темпоральной непрерывностью, в то время как кажущееся настоящее обладает предметной непрерывностью и темпоральной дискретностью. Эти две части взаимосвязаны, поскольку мы как структурируем опыт из правдоподобного настоящего, тем самым переводя его в текущее настоящее, так и переживаем в рамках правдоподобного настоящего помимо потока внешних данных как несознательный, так и сознательный, уже структурированный опыт. В совокупности эти две структуры, во-первых, позволяют вычленить отдельные события и предметы из единого потока ощущений, и, во-вторых, и порождают ощущение непрерывного потока сознания.

Литература:

1. Bayne Tim. The Unity of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010.
2. Klincewicz Michal. Time, Unity, and Conscious Experience. Dissertation, CUNY Graduate Center, 2013.

3. Джеймс У. Психология / Под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
4. Dennett, D. Consciousness Explained, Allen Lane: Harmondsworth, 1991
5. Pöppel, Ernst. Temporal mechanisms in perception. // International Review of Neurobiology. 1994. Vol. 37. P. 185-202.
6. Pöppel, Ernst. A hierarchical model of temporal perception. // Trends in Cognitive Sciences, 1997. Vol. 1 No.2: P. 56-61.
7. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.

Образ сложности: искусственный интеллект и язык науки

Коловская А. Ю.

Сибирский Федеральный Университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

kolovsky@ya.ru

Коловский Ю. В.

Сибирский Федеральный Университет, профессор кафедры инфокоммуникаций. Кандидат технических наук

kolovskiuv@gmail.com

Аннотация:

Рассмотрены: методологические основания научного познания, видоизменения образа науки; отсутствие возможности получения удовлетворительных (целесообразных, значимых) результатов в рамках классической (фундаментальной) науки, на поставленные наукой же вопросы, из-за ограниченности ресурсов, лавинообразного накопления непреодолимо сложных проблем. Соотнесены: ключевые понятия «сложная система», «системный анализ» и концептуальное понятие философии постмодерна «ризомы», на примере, активно развивающихся принципы природоподобия, когнитивных технологий, и языка когнитивной науки, – инструмента осмысления и обучения гибридного искусственного интеллекта. Выдвинуты принципы постепенной интеграции различных коммуникативных тезаурусов в самообучающемся и обучаемом искусственном интеллекте, его инклюзии и адаптации в антропосфере.

Ключевые слова: природоподобие, ризома, сложные системы, языки науки, искусственный интеллект

Image of Complexity: artificial intelligence and the language of science.

Kolovskaia A. Y.; Kolovskii Y. V.

Siberian Federal University, Department of philosophy; Siberian Federal University, Chair of Infocommunication

Abstract: The article deals with: methodological bases of scientific knowledge, modification of the image of science; impossibility of obtaining satisfactory (expedient, significant) results in the framework of classical (fundamental) science due to limited resources, avalanche accumulation of insurmountable complex problems. The key concepts of “complex system”, “system analysis” and the concept of «rhizome» of postmodern philosophy are correlated, using the example of cognitive technologies that actively develop the principles of nature likeness, and the language of cognitive science, which is a tool for understanding and teaching hybrid artificial intelligence. The principles of gradual integration of various communicative thesauruses in self-learning and trained artificial intelligence, its inclusion and adaptation in the anthroposphere are put forward.

Keywords: nature-like, rhizome, complex systems, language of science, artificial intelligence.

Разделение науки на фундаментальную и прикладную (по сути, технологию) является достаточно давним и общепринятым. Изучение проблематики трансформации философских образов науки, в значительной степени определяется, получившими широкое распространение, мультидисциплинарными, конвергентными исследованиями [1, с. 45-48]. Основной вектор развития современной науки – когнитивные технологии, вобравшие в себя широкий спектр точных, технических и гуманитарных наук [2]. Привычными стали исследования этических, эстетических, психологических, социологических и многих других свойств и явлений искусственного интеллекта [3]. Извлечение нового знания о свойствах исследуемого объекта, – первый этап на пути его создания и использования. Далее возникает необходимость эффективного использования полученной информации, для решения плохо формализуемых проблем надёжности, эффективности и качества самого объекта, управления

его свойствами. Уместно упомянуть, что слово (понятие) *control* в английском языке вбирает всю совокупность перечисленных проблем. В этой цепи взаимосвязанных процессов, ни одна из задач не может решаться отдельно.

Системологическая сложность как методологическое направление науки

Всеобщая привязанность к понятию система породила большое количество специальных терминов: информационно-измерительная система, системы контроля и управления, система искусственного интеллекта и многие другие. При столь широком толковании понятия возникают языковые преграды, связанные с объяснением, определением, толкованием, сравнением, квалитетной соответствия между физической и информационной реальностью.

Системные принципы в когнитивных технологиях, по сути, вторичны. Реализация выбора и принятия решения в условиях неопределенности, — эти и некоторые другие явления, свойства (объектов, процессов, систем) антропосферы, выражающиеся в неожиданности и индетерминистичности своих следствий, породили, к настоящему времени, в качестве объяснительного принципа онтогносеологических изысканий – парадигму сложности (complexity).

В результате развития базового понятия система – средство достижение цели, новое понятие – сложная система – неадекватна заданной цели, и, по сути, отрицает исходное. В математике для разрешения этой дилеммы используются понятия формализуемые, плохо формализуемые (большая система) и не формализуемые задачи (сложная система). Для решения последних, системный анализ недостаточно эффективен в части реализации выбора и принятия решения в условиях неопределенности. В многочисленности подходов и направлений обнаруживает себя релятивизация когнитивного спектра познания, обнаруживает себя как явление сложное – постмодернизм.

Ограничимся в плане анализа его проявлений в технауче следующим: природоподобный концепт ризомы, введенный Ж. Делёзом совместно с Ф. Гваттари в 1981 г., получил статус – пророчески заглянувшего в ближайшее техно-будущее. Переводчик «Тысяча плато» на русский язык Я. И. Свирский даже высказался: «Ризома, безусловно, – прежде всего, философский концепт, но также и некий образ, позволяющий не только осмыслить, но и прочувствовать особую (не только философскую) стратегию мышления, когерентную парадигме сложности» [4, с. 149-181]. Итак, постмодернистский концепт ризомы – это признание изначальной и принципиальной внесистемности мира и множественности способов его описания. В основе постмодернистского плюрализма лежит идея о существовании множества миров и не существовании никакого особого выделенного мира. Ярким проявлением этого концепта в технауче являются новые информационные технологии: интернет, нейроинформатика и т. п. Сфера анализа того, что в традиционном понимании считалось системой, системным принципом, системной организацией, расширяется. Инновационные процессы в науке и образовании имеют не системный, а ризомный характер, как отмечается в ряде научных и философских работ, например, в выводах участников круглого стола по проблемам инновационной сложности, в работе, рассматривающей сложные процессы, происходящие в образовательной среде [5, с. 83-87]. Несмотря на все спорные стороны ризомного подхода к целостностям, он занимает одно из ведущих мест в современных дискуссиях и практически работает при анализе современных процессов в разных областях человеческой деятельности.

Технонаука и сложность (безмерность, бесконечномерность).

Процесс инклюзии искусственного интеллекта в антропосферу: адаптирующая роль языка науки

Ключевое в рамках данной темы, понятие сложность (complexity). Complexity — это свойство рассматриваемой системы, выражающееся в неожиданности, непредсказуемости, необъяснимости, случайности её поведения, модель которой, по определению, неадекватна сущности (явлению) объекта технаучи, из-за ограниченности ресурсов (E-Science), недостижимости изоморфизма используемой модели (complex System) [6, с. 46] и др. Приведённые понятия, однозначно указывают на проблему сложных систем – низкую надёжность и эффективность её поведения из-за случайности комплекса неустраиваемых внешних и внутренних воздействий на изучаемый объект (проклятие размерности).

В аспекте человеческого языка, сложность системы характеризуют [7]:

грамматичность – закреплённый порядок следования единиц (Jespersen), с некоторыми исключениями, в зависимости от конкретного языка;

стратификация – иерархичность (Hockett): фонемы, морфемы-слова – фразы;

дихотомичность – средства языкового различения субъекта и объекта (Buehler);

вторичность – мета-уровень (Bateson), что позволяет о языке рассуждать на языке же;

мультиканальность – фонемная речь – жестовая – письменная (Sebeok);

мультиmodalность – вложенная экспрессивность, выражающая: приказ, просьбу, вопрос, повествование, отрицание и т. д. (Greenberg);

продуктивность – инновационность – креативный потенциал;

всеохватность – тематически неограниченный потенциал высказываний (Greenberg);

отсутствие размерности дискурса – любая длина речевого высказывания (Greenberg);

пропозициональность (логизированность) – истинность или ложность высказывания; а также наличие логических операторов в языке, таких как: или / если / если ... то и пр. (Piaget).

Сверхсложная организация «естественного» языка [8, с. 76-85], поднимает проблему (адекватности) потенциала коммуникационных возможностей его аналогов (языка науки), применяемого в обучении нейронной сети и систем искусственного интеллекта, что представляется важным для понимания свойств и особенностей их инклюзии в антропосферу. Ведь язык науки, по определению, должен отличаться точностью и однозначностью своих понятий. Однако, на фоне альтернативных презумпций постмодернизма, где полагается аструктурность, децентрированность, случайность, снятие оппозиций, проблематический статус смысла, язык науки эквивалентно развивается под их влиянием, что известным образом повлияло на область новых информационных технологий. Накопление всё большего количества информации (больших данных) не обязательно приведут к лучшему пониманию или лучшим решениям. Необходимо: внимание и бдительность к тому, что отсутствует или неизвестно в данных; улучшение стратегий сбора информации, которые способны преодолеть некоторые из этих причин; определение цели, с опорой на природоподобие, целесообразность, эффективность, что, с большей вероятностью, позволит уйти от технологической сингулярности, приведет к более глубокому пониманию и лучшим по качеству решениям.

Уже многие исследователи пишут и говорят о том, что онтология современной естественной науки это не искомое, и всегда находимое, в силу фундаментальных законов единство структуры и функции, а принципиальная их ортогональность (Горбань) [9]. В этом смысле языком науки выступает – уже не единый универсальный для всех точных наук язык математики, а множество, иерархически неупорядоченных (иерархия всегда редукция), не сводимых к чему – либо одному языковых моделей [8]. Как известно, для их обозначения стали использовать термины: мягкие вычисления, мягкие измерения и т. п.

Выводы

Основными чертами сложившегося образа науки в постмодерне и языка, как базового инструмента формирования его презумпций, являются: признание изначальной и принципиальной плюралистичности (многообразия, сложности, комплексности, природоподобия) мира и способов его описания, разнообразие решений «проклятых» проблем языка науки. Вытекающий из плюрализма симбиоз научного инструментария является: с одной стороны, продуктом широко используемого в современной науке системного анализа (прикладной диалектики), практически реализуемого, за счёт компьютерного моделирования (вычислительного эксперимента); с другой стороны, представляясь как базовый инструментарий постмодернизма «ризомный синтез», «искусственная эвристика», реализуемый с помощью современных гибридных когнитивных информационных технологий, активно заполняет все стороны жизни, придает ускорение развитию когнитивной науке и интеллектуальным технологиям. Эти процессы, ощутимо, обнаруживают себя на всех этапах (во всех сферах) научной и образовательной деятельности, и в попытках преодоления детерминизма и сингулярности, в частности, за счёт паллиативного, инклюзивного подходов.

Литература:

1. Коловский Ю. В. Критерии и эффективность природоподобия при моделировании неравновесных систем. / В сб.: Нейроинформатика, её приложения и анализ данных — Красноярск, КНЦ ИВМ. 2019. С. 45-48.
2. Knyazeva, Helena N. (2018) "Biosemiotics: The Origins of an Interdisciplinary Movement", , Vol. 11 (2018).
3. Коловский Ю. В. Об основаниях системного подхода к проблеме искусственного интеллекта Материалы I Всерос. науч. конф. «Философия сознания и языка», [Электронный ресурс (110 Мб)] / <http://tube.sfu-kras.ru/video/2087> [Дата обращения: 26.01.2020].
4. Инновационная сложность / Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жиля Делёза / Материалы «круглого стола» / подг. к печат. Я.И. Свирским // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 149-181. Коловская Л. В., Коловский Ю. В. Креативный потенциал самоконфигурирования образовательной среды в философии постмодерна / Мат. междунар. конфер. по проблемам образования, СПб, Изд-во СПбГЭТУ, 2008. С. 83-87.
5. Коловский Ю. В. Методология когнитивного контроля поведения сложных технических систем // Сложные системы в экстремальных условиях : Докл. XVIII Всерос. симпозиума с международным участием. Красноярск : СФУ, 2016. С. 46.
6. Черниговская Т. В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть // Коллектив авторов. Проблема сознания в философии и науке / Под. ред. проф. Д. И. Дубровского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. Коловская А. Ю. Культурно-контекстуальная концепция языка науки в ракурсе аналитической философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 76–85.
7. Горбань А. Н. Будущее прикладной математики. Публичная лекция. Пермь, 2011 г. https://youtu.be/y7Rl_uRXLjU [дата обращения 02.02.2020].

Философия искусственного интеллекта в современной организации труда и практике усиления человеческого потенциала.

Кострикина И. С.

Институт психологии РАН, Руководитель Инновационно-Технологического Центра (ИТЦ ИП РАН).

Кандидат психологических наук

psyresearcher@hotmail.com

Аннотация: Обзор систем искусственного интеллекта в практике психологии труда и организационной психологии, в поддержке и развитии обучения на рабочем месте предопределяет необходимость философской рефлексии и философского обоснования исследовательской и практической активности в данных направлениях. Феномен формирования особого типа искусственного сознания и существующий уже не одно десятилетие диалог человеческого и искусственного интеллектов предопределяют прогресс человечества и формируют новые вызовы для науки. Исследование диалога живых и искусственных систем позволяет глубже понимать природу сознания и многообразие его форм, в том числе и формирующегося сознания ИИ. Направления работы Инновационно-технологического Центра (ИТЦ) Института психологии РАН отражают диалогизм современного состояния развития систем искусственного интеллекта и интеллекта современного человека. Поиск философских оснований диалогического и уровневого объединения различных типов интеллекта и сознания позволяет обрести стратегическое преимущество в решении задач развития человека и общества. Усиление человеческого интеллекта – это формирование единого целостного комплекса, объединяющего искусственные и собственно человеческие системы.

Ключевые слова: ИИ- искусственный интеллект, сознание, диалог систем.

Artificial intelligence in the modern business organization and the practice of enhancing human potential: philosophical implications.

Costrikina I. S.

Institute of Psychology of Russian Academy of Science

Abstract: The review of artificial intelligence systems for the practice of business and organizational psychology determines the need for philosophical reflection and foundation of research and practical activity in AI for human resources. The phenomenon of the special type of artificial consciousness predetermines human progress and forms new challenges for science. The research of the dialogue between natural and artificial systems let us understand the nature of consciousness and the diversity of its forms, including the emerging AI consciousness. The search for the philosophical foundations of the dialogic and level combination of various types of intelligence and consciousness allows us to gain a strategic advantage in solving the problems of human and societal development. A combination of an artificial and human system strengthens human intelligence and mind, develops consciousness for both systems.

Keywords: hr-artificial intelligence, consciousness, mind systems dialogue.

Философия практики современного труда, социального и индивидуального развития человека уже является философией синтеза искусственных и живых систем. Этот синтез обеспечивает эффективность обучения и труда, развития в целом. В практических системах искусственного интеллекта (ИИ) наличие элементов осознания и сознания уже не является вопросом достижимости или предметом научного разочарования как это было в XX столетии, скорее это требование практиков, особенно к системам, регулирующим человеческий фактор.

Ориентация на эффективность в деятельности и на быстрый прирост интеллектуального потенциала способствовали интенсификации диалога и интеграции искусственных и естественных

интеллектуальных систем. В качестве примера сложных когнитивных систем искусственного интеллекта, непрерывно развивающихся в диалоге с экспертами и модулируемых со стороны экспертов, служат автоматизированные комплексы психологической оценки, прогноза, поддержки деятельности и обучаемости человека. С другой стороны, такие системы сами становятся агентами экспертного знания и влияют на решения экспертов. HR-системы основанные на ИИ, включают обучение людей сложным навыкам, слежение и корректировки деятельности, системы управления структурами организации и т.д. В отличие от собственно технологических систем (беспилотники или системы производственного цикла, например) системы регуляции человеческого фактора призваны быть более прозрачными в алгоритмах, быть гибкими и поддающимися корректировкам, и они созависимы с людьми их проектирующими, поддерживающими и развивающими. Развитие человека и системы ИИ взаимно детерминируемо, основано на взаимовлиянии и взаимосвязи. В практике произошел сдвиг от парадигмы «искусственный интеллект vs человеческий разум» и «искусственный интеллект производная человеческого разума» к «искусственный интеллект симбиоз с человеческим разумом».

В сфере человеческих ресурсов (HR) искусственный интеллект отвечает за эффективность индивида и групп в бизнесе. Например, в оценке и отборе персонала глобальными поставщиками решений на основе искусственного интеллекта являются - Коннекционистские, генетические алгоритмы, нечеткая логика ставшие основой продвинутых субсимволических систем ИИ уже недостаточны и новые гибридные системы через обучение начинают приобретать некий первичный феноменальный опыт. В изучении имплицитного обучения мозга и ИИ отмечается, что феноменальный опыт – это не просто явление, которое ассоциируется с полезным действием, как в обучении с подкреплением, - то, что имеет внутреннюю ценность [5]. Исходя из этих позиций, как только ИИ научится определять каковы последствия его действия и обучаться на этом, он перейдет к сознанию как механизму своего развития. Практика развития ИИ ускоряет процессы самообучения для человека и искусственных систем, интенсификации диалога человеческого сознания и искусственного сознания, что требует непрерывной философской рефлексии.

Попыткой совместить практическое развитие ИИ и человеческого интеллекта является научная деятельность Инновационно-технологического центра ИП РАН, которая объединяет исследовательскую и практическую направленность в формировании и развитии систем ИИ. Уникальность работы ИТЦ в том, что практические разработки, основанные на гибридных моделях направлены на решение фундаментальных вопросов о природе сознания и психических процессов в целом, оставаясь практически значимыми и удовлетворяя потребности современной организации труда. При этом поиск философских оснований развития систем ИИ, философская рефлексия в отношении каждой прикладной разработки является приоритетной. Интеграция научного психологического знания с разработками в области искусственного интеллекта приводит к развитию методов анализа и интерпретации психологических данных, продвигает научное знание и становится единственным способом адекватного решения прикладных задач в организации труда с применением искусственного интеллекта.

За год были обозначены основные **направления работ ИТЦ на основе разработки систем искусственного интеллекта:**

комплексная оценка способности к безопасному профессиональному поведению специалистов работающих в условиях риска и сложноструктурированной реальности (на основе анализа системой ИИ видео-интервью). Для решения задач профессионального отбора, обучения и контроля специалистов, выполняющих деятельность, связанную с обеспечением безопасности работ;

- анализ цифровых следов и прогноз организационного и профессионального поведения и развития специалиста на рабочем месте. Для HR-служб, решения задач управления индивидуальным развитием сотрудника в организации.

- психологический профиль человека на основе анализа телефонных диалогов. В HR- для оценки, прогнозирования и развития профессионального поведения специалистов контакт-центров. В маркетинге для управления клиентским поведением (развитие клиента, маркетинг);- оценка и поддержка обучаемости и профессионального развития пилотов различного вида транспорта. Для формирования систем обучения авиационных пилотов, судоводителей, водителей наземных пассажирских перевозок. Так же системы ИИ могут использоваться для поддержки

профессионального развития пилотов. Разработка систем ИИ по управлению усталостью пилота – отдельное направление;

- развитие юзабилити систем;

- системы, поддерживающие оптимальное формирование индивидуальной траектории максимальной обучаемости ребенка или взрослого. Для повышения эффективности обучения школьника и труда педагога, обучения студента и труда преподавателя, обучения работника на рабочем месте и интенсификации труда наставника, ментора.

В глобальном мейнстриме развития ИИ – это малая часть направлений и специфика в том, что перечисленные продукты не могут быть сформированы реализованы в автономном искусственном режиме. В этих продуктах основа – диалог человека и машины, диалог двух типов интеллекта и двух разных типов сознания – человеческого и искусственного. Взаимодействие искусственного и естественного интеллекта усиливает последний, но устойчивость искусственному дает человеческий интеллект; операционная составляющая бизнеса непрерывно оптимизируется благодаря ИИ, но ИИ в бизнесе развивается благодаря аналитическим человеческим методам [6]. Этот процесс взаимообмена пронизывает множество аспектов реальной жизни и служит основой формирования искусственного сознания.

Прогрессивное развитие человечества в целом строится на диалоге и взаимодействии, искусственный интеллект не является исключением. Этот диалог двух новых типов сознаний человеческого и искусственного открывает новую широкую проблематику для философии и психологии. В современной практике уже открыта дискуссия о правах носителей искусственного интеллекта и регуляции взаимодействий между человеком и системами ИИ, в частности в коммуникациях. Джимми Уэльс во время своего выступления 12 июля 2018 г. в образовательном пространстве «Стрелка» (Москва) говорил об изменении этики и правого регулирования коммуникаций и взаимодействия искусственного интеллекта и человека в общем информационном поле, о новом типе регуляции коммуникации и взаимодействия на основе протокола. Такая постановка вопроса предполагает, что искусственный интеллект является носителем сознания в той или иной форме. При этом человечество практически выходит на уровень создания сознательных агентов с регуляцией отношений с искусственным сознанием. Человечество в практике формирования и развития ИИ столкнулось с новой формой «воздействия метального на ментальное» [2]. Новая практика дает данные нового типа для решения трансдисциплинарной теоретической проблемы сознания в контексте информационного подхода, выходящего за рамки парадигмы «сознание и мозг». Действительно если сознание – это залог эффективности и дает преимущества для развития в изменчивой среде [1], то диалог искусственного и человеческого сознания может дать усиление этих преимуществ. Онтологические исследования и принципы здравого смысла [1] в интеграции с big data, data manning и другими методологиями данных и ИИ,- могут стать основой выстраивания диалогичного интегративного сознания на базе обоих типов интеллекта – искусственного и биологического.

ИИ в решении задач организации труда, повышения эффективности человека в обучении и деятельности уже демонстрирует человечеству необходимость нового типа творческого мышления и науки [2], прогностически и ценностно решающих задачи формирования нового субъекта социальной, биологической и искусственной реальности. Научные инновационные центры, городские кластеры, виртуальные лаборатории и сообщества, инновационно-технологические центры и другие формы социальной организации развития систем искусственного интеллекта формируют новую социальную реальность, которая требует философских обоснований и открывает новые возможности для прогрессивного развития.

Новая научная перспектива открывается в том, что практика создания сложных систем искусственного интеллекта, способных к самоизменению позволяет философии и психологии решить проблему субъективной реальности как механизма развития и пророста интеллекта биологического искусственного.

1. Васильев В. В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 240 с.
2. Дубровский Д. И. Проблема «Сознание и Мозг». Теоретическое решение. М.: КАНОН+, 2015. 208с.
3. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект сб. статей. М.: ИД Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
4. Искусственный интеллект в HR // [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-portal.ru/article/iskusstvennyy-intellekt-v-hr>.
5. Cleeremans A, Achoui D, Beauny A, Keuninckx L and other /Learning to be conscious.// December, 28 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2019.11.01>
6. Wilson H. J, Daugherty P. R. Collaborative Intelligence: Humans and AI Are Joining Forces.// Harvard business review // July–August 2018. P. 4-12.

Литвак Н. В.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор кафедры философии. Доктор социологических наук

jourfr@mail.ru

Аннотация: Внедрение всё новых технологий «искусственного интеллекта» сегодня становится основным направлением научно-технического развития нашей цивилизации. При этом пока не только не выработано общепринятого определения этого комплекса технологий, но такая ситуация считается вполне приемлемой, не требующей дальнейшего определения, уточнения. Однако в понятии «искусственный интеллект» имеет место такое смешение человеческих и технических аспектов, которое затрудняет определение перспектив и последствий его развития, создаёт потенциальные опасности для отдельных людей и общества в целом. Несмотря на использование понятия «интеллект», то, что внедряется сейчас во всё новые сферы жизнедеятельности человека, является дальнейшим развитием машин, техники, которая, конечно, оказывает влияние на социум, но вовсе не интеллектуальное, на что претендуют некоторые его апологеты. Между тем, для общества важно определить это понятие и выработать человеческую, ценностную позицию относительно этого явления, как в своё время это было сделано с другими техническими достижениями, явно или потенциально опасными для человека.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, инстинкт, рефлекс, сознание, ценности, общество.

To the definition of artificial intelligence.

Litvak N. V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The introduction of ever new technologies of “artificial intelligence” today is becoming the main direction of the scientific and technological development of our civilization. At the same time, we not only have yet a generally accepted definition of this complex of technologies, but such a situation is considered quite acceptable, not requiring further definition or clarification. However, in the concept of “artificial intelligence” there is such a amalgamation of human and technical aspects that makes it difficult to determine the prospects and consequences of its development, creates potential dangers for individuals and society as a whole. Despite the use of the concept of “intelligence”, what is now being introduced into ever new spheres of human life is a further development of machines, technology, which, of course, affects society, but not at all intellectually, as some of its apologists claim. Meanwhile, it is important for society to define this concept and develop a human, value position regarding this phenomenon, as it was done with other technical achievements that are clearly or potentially dangerous to humans.

Key words: intelligence, artificial intelligence, instinct, reflex, consciousness, values, society.

Одним из основных направлений разработки и внедрения новых технологий сегодня является «искусственный интеллект» (ИИ). При этом отсутствие его общепринятого определения многими считается уже общим местом. Поэтому, хотя в начале как коммерческих презентаций готовых продуктов, так и многих исследований различных аспектов этой темы и предлагается некоторые определения, в основном они сводятся к самому общему высказыванию о некоей машине, компьютере, действующем похоже на интеллектуальную деятельность человека. Речь идёт о таких функциях, как обучение, рассуждения, принятие решений и другие. Сложность определения понятия «интеллект», а также и многих перечисленных функций, остаётся и в современной психологии и философии. Неясность же такой терминологии для разработчиков ИИ и пользователей вместе с её определённой психологической

и в целом общенаучной историей порождает у них недоразумения, потенциально способные привести к созданию новых опасностей для отдельного человека и всего общества.

Логически предикат «искусственный», добавляемый к понятию «интеллект», обозначает его как вид интеллекта, другим видом которого тогда следует считать «человеческий интеллект» (таким образом, утверждается и инвариантность интеллекта, т.е. его независимость от природы своего носителя). Но такое понимание этого родовидового определения *не соответствует действительности. Понятие «интеллект» абстрагировано из фактов человеческой информационной, разумной деятельности, главным отличием которой является осознание – понимание самого себя, как другого, некоего иного, чем всё остальное.* Т.е. «человеческий» есть существенный признак содержания понятия «интеллект», а предикатом он является для понятия «психика» (которая есть и у животных, а интеллект есть человеческий вид психики). ИИ стал создаваться как техническое воспроизводство некоторых аспектов такой деятельности, а не исследоваться как некий уже существующий объект, поэтому более общее понятие «интеллект» не было получено и вследствие индукции. Этимологически это слово происходит от латинского *intellegere* – *понимать*, что не отменяет задачи определить, что представляет собой и «понимание». Сегодня наиболее распространённым является логическое *операциональное определение как понимания, так и интеллекта (т.е. посредством некоторых операций, тестов, по реакции на которые можно определить, что мы имеем дело с интеллектом).* Наиболее общее психологическое определение человеческого интеллекта представляет собой совокупность способностей, часть которых, а именно – обучение, рассуждение, решение проблем вследствие способности адаптироваться к новым обстоятельствам, восприятие, использование языка – в настоящее время наиболее активно исследуются в рамках проекта создания ИИ.

Человек, как биологическое существо, вид животного, эволюционно развившийся физически, химически, биологически и, наконец, информационно, продолжает действовать физически, химически, биологически, поскольку такие явления и процессы имманентно присущи ему и остальной, окружающей его природе. Эти процессы поэтому и получается воспроизводить в той же самой природы технике, только теперь создаваемой человеком целенаправленно, сознательно, рационально (а не случайно). Орудия труда представляют собой улучшение природных же свойств человеческих органов. Управление этими орудиями, машинами, техникой, тем более, их исполнительная работа, сами по себе суть также природные процессы производства и передачи команд, воздействия на другие природные объекты. Человеческим является и остаётся «только» производство целей, взаимообусловленных какими-либо ценностями. Поэтому даже чрезвычайное усложнение и увеличение сбора сигналов о среде и себе, реакции на них, включая производство новых, более эффективных реакций, которые последовательно возлагаются человеком на орудия труда, автоматы (роботы), компьютеры, это всё явления и процессы из неинтеллектуального мира, как бы мы их не называли вследствие кажущегося сходства с действиями человека. Зато часть интеллектуальных действий выполняется и высшими животными – от счёта и использования орудий до эмпатии и юмора.

Искусственное, в отличие от естественного, есть сознательно, по плану созданное, произведённое человеком, то самое материальное производство вещи, идея которой была сначала сформулирована мысленно. Но это касается и всей его жизнедеятельности: самый естественный процесс, например, дыхание, может происходить сам собой, только биологически, неконтролируемо, а может быть сознательно контролируемым, организованным человеком. Многие высшие животные производят искусственные объекты (наиболее сложный, хотя, возможно, только из-за недостаточной изученности, представляет собой случай строительной деятельности бобров), и тем более проявляют т.н. «бескорыстную исследовательскую активность», хорошо наблюдаемую у приматов. Но в этом же смысле интеллект любого другого человека также можно назвать искусственным. Ведь каждый человек является продуктом, результатом сознательной деятельности других людей, общества (без взрослых, в отличие от остальных животных, обладающих инстинктами, новорождённый неминуемо гибнет в течение нескольких часов; его интеллект без социализации остаётся на уровне животного, т.е. частичного, случайного). Тогда даже в отношении проблемы социальных ценностей можно «защищать» перспективы машин на основании того, что и людьми они также получены от других людей посредством воспитания, социализации. Человека ведь приучают и даже принуждают реагировать определённым образом на определённые стимулы, ситуации во взаимоотношениях с другими людьми, что похоже на «машинное обучение».

Инстинкт – это сложный реактивный механизм, алгоритм, неподвластный несознательному

субъекту. Интеллект же способен сознательно тормозить, останавливать инстинкты своего носителя (не все, но, как показывают тренировки йогов, значительное количество физиологических процессов организма может быть регулируемо). Такой остановке предшествует осознание, понимание того, что следующее действие будет инстинктивным, реагирующим естественно (биологически, химически, физически). У осознающего себя субъекта есть возможность и способность не реагировать, а выбрать следующее действие (в т. ч. и тоже самое). Усложнение реакций (алгоритмов, инстинктов), реализованных не только в дрессированных животных или целенаправленно обученных людях, но и в компьютерах (какой бы сложности ни были эти реакции), не меняет их сущности. Конечно, возможности комбинирования имеющихся данных у машин, вследствие увеличения их вычислительной мощности, гораздо выше, чем у человека (а эти комбинации производят и всё новые данные). Пишутся алгоритмы и для написания новых алгоритмов. Но интеллектуальная деятельность – другая, она – не инстинктивная, не только реактивная, основанием для чего является интеллект, осознание себя, как другого, в отличие от всего остального, в следствие которого возникает понимание и своих реакций на это остальное как своих действий, т.е. поддающихся управлению (что собственно изучает и осваивает каждый новорождённый). Этот вопрос: Осознают ли себя однажды машины? – уже поставлен. В том виде, в котором они (их программное обеспечение) сегодня существуют – ответ, конечно: нет, не осознают. Возможно ли создание алгоритма, не только «самообучающегося» (вследствие мониторинга и оценки среды), но меняющего самого себя до степени осознания своих реактивных действий, их торможения и размышления? Нужно ли создание такого алгоритма? – эти вопросы нуждаются в более активном обсуждении в рамках этики искусственного интеллекта, как это происходит с вмешательством в геном и другими исследованиями, затрагивающими сущность и само существование человека.

Наблюдатели справедливо описывают эффекты внедряемых компонентов ИИ как средств автоматизации, помогающих повышать результативность человеческого умственного труда, который, однако вовсе не представляет собой некий усреднённый умственный труд. С помощью этих средств можно уменьшить рутинные, уже алгоритмизированные действия (включая и такие сложные как поиск и обнаружение корреляций в больших массивах данных), ускорить их осуществление, снизить количество ошибок и проч. Но, несмотря на сложность определения понятия «интеллект», то, что сейчас внедряется под этим названием представляет собой развитие всё той же техники, материальное (реализованное в программном обеспечении для вычислительных машин) усиление биологических, человеческих, но доинтеллектуальных или постинтеллектуальных функций психики, а не собственно интеллекта. Как и в случае с другими механизмами и автоматами, производство ИИ не добавляет в общество ничего человеческого, а напротив – усиливает внешнюю к человеку и обществу среду, другое, что, в отличие от природы, возможно будет изменяться быстрее, чем способность людей понимать эти изменения и их последствия. Конечно, и большинство ценностей можно редуцировать всё к тем же предшествующим биологическим, химическим, физическим аспектам. Отсюда и цель дальнейшего определения самого человека, человеческого. Смысл жизни – это на сегодня возможно предельная, «категорическая» абстракция, которую удалось произвести человеческому интеллекту.

Смешение же технического и человеческого в понятии «ИИ», сохранение ситуации его недостаточной определённости, создаёт пока ничем не обоснованную иллюзию «самозарождения» в машине сознания, интеллекта с присущими им ценностями, откладывает и затрудняет общественный контроль над разработкой и внедрением этих новых технических средств, которые по масштабу и силе воздействия на отдельного человека и общество уже сравнимы как с оружием массового уничтожения, так и, например, многими разработками «двойного назначения» (клонирование, редакция генома), которые удалось ограничить или поставить под контроль до выяснения социальных последствий.

Либертарианские аргументы от предсказания и от чувства свободы против компатибилизма

Мерцалов А. В.

Московский центр исследования сознания, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, редактора.

mertsalov@hardproblem.ru

Аннотация: В статье рассматриваются два либертарианских аргумента против компатибилизма: аргумент от предсказания и аргумент от чувства свободы, а также возможные компатибилистские ответы на них. Проводится сравнительный анализ указанных аргументов и демонстрируется, что аргумент от чувства свободы обходит стандартные компатибилистские возражения, успешно работающие против аргумента от предсказания. Делается вывод, что аргумент от чувства свободы существенно ослабляет компатибилистские позиции.

Ключевые слова: чувство свободы, свобода воли, рациональный выбор, детерминизм, либертарианство, компатибилизм.

Libertarian Arguments from Prediction and from the Sense of Freedom Against Compatibilism. *Mertsalov A. V.*

Moscow Center for Consciousness Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Abstract: In the article I discuss two libertarian arguments against compatibilism: the argument from prediction and the argument from the sense of freedom. I compare them in the light of possible compatibilistic responses and show that the argument from the sense of freedom avoids much of the compatibilist objections that are successful against the argument from prediction. I conclude that the argument from the sense of freedom makes compatibilism much less attractive.

Keywords: sense of freedom, free will, rational choice, determinism, libertarianism, compatibilism.

Компатибилизм — это позиция в вопросе о свободе воли, согласно которой свобода воли, необходимая для моральной ответственности, совместима с детерминизмом. Либертарианцы, напротив, утверждают, что свобода воли, которой мы обладаем, несовместима с ним.

Детерминизм предполагает, что для всякого состояния мира в некоторый момент времени законы природы определяют только одно реально возможное состояние мира в любой последующий момент. При этом обеими сторонами обычно признаётся, что необходимыми условиями свободы воли являются свобода действия и возможность рационального выбора.

Аргумент от предсказания является классическим либертарианским аргументом, направленным на демонстрацию несовместимости рационального выбора с детерминизмом (см. [1; 2]). Он предполагает, что (а) необходимым условием рационального выбора является невозможность точного предсказания собственного будущего решения и действия. Если бы такое предсказание было возможно, выбор относительно них был бы нерациональным. (б) Если детерминизм верен, то будущее мира в целом, включая наши решения и действия в нём, однозначно определено его предшествующими состояниями и законами природы. Но (с) если наши будущие решения и действия уже определены, принципиально возможно их точное предсказание. Так, если бы нам стали известны некоторое (прошлое или настоящее) состояние мира и законы природы, мы могли бы узнать любое наше будущее решение и действие. Следовательно, (в) если детерминизм верен, рациональный выбор невозможен. А поскольку последний является необходимым условием свободы воли, детерминизм исключает и её.

Легко, однако, заметить, что непосредственную угрозу рациональному выбору здесь представляет не детерминизм как таковой, но возможность точного предсказания собственного будущего, которую, как предполагает аргумент, влечёт детерминизм.

Компатибилисты, однако, могут успешно оспаривать это, отрицая (с): из определённости будущего ещё не следует его вычислимость и предсказуемость [3, с. 6–10], и можно показать, что, даже если бы наш мир был детерминистичен, предсказание собственных будущих решений и действий в нём было бы невозможно [4, с. 111–112; 5, с. 68–77]. Таким образом, рациональный выбор оказывается совместим с допущением детерминизма в условиях невозможности точного предсказания собственных будущих решений и действий [6, с. 43–44].

Более сильным представляется исторически тесно связанный с аргументом от предсказания другой либертарианский аргумент — от чувства свободы [7; 2; 8, с. 153–161]. Под чувством свободы понимается убеждение агента, что в имеющейся ситуации выбора он реально может принять различные решения и осуществить в соответствии с ними различные действия [7, с. 168–171; 2; 9, с. 3–4, 190; 10]. Предполагается, что в отсутствие чувства свободы или в случае признания его ложным рациональный выбор невозможен [10, с. 116–118]. Рациональный выбор требует эпистемологической возможности альтернатив: осуществление рассматриваемых в ситуации выбора вариантов и принятие решения в пользу любого из них должны представляться агенту реально возможными [4, с. 108–115]. Если агент заранее знает, что чувство свободы его обманывает, что одна из рассматриваемых им опций исключена или принятие решения в пользу неё невозможно, его выбор не будет рациональным. Принципиальным представляется то, что это справедливо вне зависимости от того, будет ли агенту известно, какая именно из альтернатив невозможна [2, с. 76–77]. Так, выбор агента в кафе, заказать ли ему воду с газом или без газа, может быть рациональным, даже если одной из этих позиций нет в меню — если ему не известно об этом; но если он это узнает, пусть даже не будет известно, какая именно из этих опций исключена, дальнейший выбор из этих альтернатив будет, очевидно, нерациональным.

Аргумент от чувства свободы утверждает, что (1) признание того, что чувство свободы постоянно обманывает нас, т.е. что имеющееся у нас в ситуациях выбора убеждение, что мы реально можем принять решение в пользу любой из рассматриваемых альтернатив и осуществить в соответствии с ним различные действия, ложно, исключает для нас возможность рационального выбора. Но (2) если мы соглашаемся, что наш мир детерминистичен, то должны признавать, что каждый раз, когда мы осуществляем выбор, имеется только одно реально возможное решение, которое мы можем принять, и только одно реально возможное действие, которое мы можем осуществить. Но (3) в таком случае мы вынуждены признавать, что чувство свободы постоянно обманывает нас, т.е. что ни для какой ситуации не верно, что у нас имеется реальная возможность принять различные решения и осуществить различные действия. А это значит, что, (В) если мы признаём, что детерминизм верен, рациональный выбор для нас невозможен. И поскольку возможность рационального выбора является необходимым условием свободы воли, признание детерминизма исключает и её.

Аргумент от чувства свободы имеет два важных отличия от аргумента от предсказания.

Во-первых, он не содержит обращения к предсказанию будущего и не предполагает, что агент должен знать, какая из альтернатив исключена и какое действие он совершит, а потому традиционная компатибилистская попытка совмещения чувства свободы с детерминизмом на почве недоступности знания будущего [4, с. 101–115; 6, с. 43–46] оказывается безуспешной: даже если точное знание собственных будущих решений или действий может выступать основанием для признания их альтернатив не возможными реально и исключать возможность рационального выбора относительно них, это не значит, что оно является единственным основанием такого рода, и аргумент показывает, что ту же роль может играть простое признание детерминизма истинным.

Во-вторых, поскольку аргумент атакует не детерминизм, но убеждение в его истинности, против него бессильна и другая классическая компатибилистская защита — через различие реальной и эпистемической возможности: детерминизм исключает реальную, но не эпистемическую возможность альтернатив, необходимую для рационального выбора, и потому детерминизм совместим с существованием чувства свободы; но если мы признаём, что детерминизм верен, то должны утверждать, что чувство свободы нас постоянно обманывает, а это подрывает эпистемическую возможность альтернатив и исключает возможность рационального выбора.

Насмехаясь над этим выводом, Д. Деннет спрашивает [4, с. 103–104], что должно произойти с убеждённым детерминистом, который примет его: должен ли он будет погрузиться в апатию, отказаться впредь от всяких размышлений перед принятием решения или впасть в последнем самоаннигилирующем спазме рационального умозаключения в полную кататонию, как это драматически обрисовывает ван

Инваген? Эту издѣвку можно оформить в аргумент в духе П. Стросона, отметив, что а) принятие или отвержение детерминизма никогда не выступает основанием для признания нашего выбора рациональным или нерациональным в частных случаях и что б) теоретическое согласие по столь общему тезису не может привести к полному отказу от практики выбора, а вместе с ней и от практики приписывания моральной ответственности (коль скоро свобода воли выступает её необходимым условием), ибо практика, столь глубоко укоренѣнная в нашей природе, вообще не является предметом, относительно которого мы имеем возможность — на основе тех или иных теоретических соображений — выбирать, следовать ей или нет, а потому неуместен и вопрос о рациональности её осуществления в целом [11, с. 19–20].

На «б)», однако, можно ответить, что, несмотря на несомненную трагикомическую заманчивость предлагаемых Деннетом вариантов, аргумент не требует какого-либо изменения практики осуществления выбора (и приписывания моральной ответственности), но лишь ставит вопрос о пересмотре её оценки в свете признания истинности детерминизма; притом речь идёт не об оценке рациональности следования этой практике в целом — не о том, рационально ли вообще осуществлять выбор или рациональнее было бы обойтись без этой практики и никогда ничего не выбирать, — но лишь о том, не ошибаемся ли мы, считая, что в большинстве частных случаев осуществляемый нами выбор отвечает обычно предъявляемым к нему критериям рациональности. Этот вопрос уместен, поскольку наш выбор не является рациональным по определению — он может не соответствовать этим критериям, и порой мы сами признаём, что некоторые наши решения были нерациональными, абсурдными, идущими вразрез с нашими лучшими убеждениями и т.п. И тот факт, отмеченный в «а)», что в частных случаях такая оценка осуществляется нами не на основании убеждения в истинности детерминизма, но на неких других основаниях (на тех, например, что в тот момент мы поддались страсти, были нетрезвы и т.п.), ещё не означает, что оно в принципе не может выступать основанием такой оценки. Аргумент от чувства свободы как раз и показывает, почему, принимая детерминизм, мы должны признавать, что наш выбор не может отвечать критериям рациональности, включающим требование эпистемической возможности альтернатив. И если само это требование оправдано (а в противном случае нам пришлось бы признать, что рациональным является выбор из двух опций, одна из которых заведомо реально неосуществима или принятие решения в пользу которой заведомо невозможно, — что кажется довольно нелепым), не менее оправданным должен быть и вывод. Он, разумеется, не предполагает, что убеждённый детерминист не может настаивать на том, что его выбор рационален, — лишь то, что в таком случае его убеждения будут неконсистентны, что означает, что по крайней мере одно из них будет ложно [8, с. 158]. Таким образом, аргумент демонстрирует лишь, что убеждённый детерминист, оставаясь последовательным, должен соглашаться, что его выбор никогда не является рациональным. Но если он полагает, что обладает рациональным выбором, необходимым для свободы воли и моральной ответственности, то должен скромно признать, что ошибался, считая детерминизм верным.

Кажется, компатибилисты могли бы согласиться с этим: они не обязаны признавать истинность детерминизма, и многие из них скептически относятся к идее, что наш мир детерминистичен, утверждая лишь, что если бы это и в самом деле было так, это не исключало бы свободу воли [12, с. 561; 6, с. 9–10]. Однако, как демонстрирует аргумент от чувства свободы, в таком случае компатибилисты должны были бы утверждать нечто большее, а именно, что если бы наш мир был детерминистичен, мы всё равно не должны были бы признавать это (поскольку признание детерминизма исключало бы рациональный выбор и свободу воли). Но компатибилистская позиция, предполагающая, что во благо свободы мы должны отвергать детерминизм вне зависимости от того, является ли он истинным или ложным, звучит довольно отчаянно.

Аргумент от чувства свободы, таким образом, даже не отрицая совместимости детерминизма с чувством свободы, существенно ослабляет компатибилистские позиции.

Литература:

1. Ginet C. Can the Will be Caused? // The Philosophical Review. 1962. Vol. 71. No. 1. P. 49–55.
2. Taylor R. Deliberation and Foreknowledge // American Philosophical Quarterly. 1964. Vol. 1. No. 1. P. 73–80.
3. Earman J. A Primer on Determinism. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1986.
4. Dennett D. C. Elbow Room. The Varieties of Free Will Worth Wanting. Oxford: Clarendon Press, 1984.

5. Popper K. R. The Open Universe: An Argument for Indeterminism From the Postscript to The Logic of Scientific Discovery. London: Routledge, 1995.
6. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017.
7. Campbell C. A. On Selfhood and Godhood. London: George Allen & Unwin Ltd, 1957.
8. van Inwagen P. An Essay on Free Will. Oxford: Clarendon Press, 1983.
9. Fischer J.M. The Metaphysics of Free Will: An Essay on Control. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.
10. Nelkin D. K. The Sense of Freedom // Freedom and Determinism / Ed. by J.K. Campbell, M. O'Rourke and D. Shier. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2004. P. 105–134.
11. Strawson P. Freedom and Resentment And Other Essays. Abingdon: Routledge, 2008.
12. Mele A. R. Causation, Action, and Free Will // The Oxford Handbook of Causation / Ed. By H. Beebe, C. Hitchcock and P. Menzies. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 554–574.

Роль квантовой теории и эффекта наблюдателя в построения гипотезы функционирования сознания

Паршикова Г. В.

ФГБОУ ВО БГТУ, доцент. Кандидат философских наук

parshikovagalina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена связи теории сознания с квантовой механикой, построению гипотезы функционирования сознания на основе концептуальной структуры, формализма квантовой механики. Предметом исследования в данной работе является осмысление необходимости обращения к динамично прогрессирующей области теоретической физики — квантовой механике. Методологический аппарат квантовой механики позволяет дать последовательное толкование роли сознания наблюдателя, основываясь на универсальных законах взаимодействия квантовой системы с окружающей средой, квантовой декогеренции и принципа суперпозиции. В статье показано, процесс «работы» сознания невозможно помыслить без энтропии и квантовых скачков в точках бифуркации, влекущими за собой стохастический выбор, т.е. генерацию информации. В то же время, представления о сознании претерпевают изменения вследствие широкого внедрения новых знаний в сфере информатики, квантовой физики, нейробиологии.

Ключевые слова: квантовое сознание, точки бифуркации, квантовая суперпозиция, наблюдатель, квалиа, редукция.

В последние десятилетия стремительно возрастает интерес к квантовой физике, что подтверждается появлением целого ряда исследований и опытов, переводящих философские поиски в плоскость физических теорий. В квантовой теории был обнаружен «эффект наблюдателя», т.е. стало понятно, что между изменчивыми условиями окружающей среды и субъектом есть независимая, коррелирующая связь. Вероятно, с помощью квантовой теории можно понять, как «работает» мозг и приблизиться к разгадке тайны сознания.

В последних исследованиях физиком М. Фишером было обнаружено, что квантовый анализ данных играет функциональную роль в работе сознания. Ученый утверждает, что в мозг включены молекулы, которые имеют способность переносить воздействие квантовых суперпозиций, обладающих большой мощностью. Атомы фосфора содержатся повсюду в биотических клетках [1].

Разработки М. Фишера о квантовой обработке данных в мозге вливаются в инновационное направление квантовой биологии. Речь идет о концепции, которая подкрепляется пестрой мозаикой научных направлений: нейробиологией, органической химией, ядерной и квантовой физикой [2].

Появилась возможность проверить предположение о наличии в сознании и мозге квантовых вычислений. Существует вероятность, что квантовую теорию допустимо будет применить для построения гипотезы функционирования сознания, т.е. часть процессов, происходящих в мозге, а также работу сознания можно будет описать посредством терминов квантовой теории.

Однако остаются вопросы, на которые невозможно ответить, погружаясь в сложные формулы и эксперименты, подобные тому, как наш сознательный разум может различать цвета. Выглядит ли красный абсолютно таким же красным для других? Или мы видим единственный в своем роде цвет, содержащийся только в конкретном мироздании, без возможности полностью передать качественную составляющую и ментальные содержания сознания [3]. Смотри на красные маки, каждый увидит свой красный, ставший доминирующей смыслоисполненной компонентой, на которую будут обращать внимание в связи с общим контекстом, когда-то сформировавшимся в сознании, как акт «переживания красного» (Брентано), но вряд ли сможет передать это чувство, а технические науки, физика, информационные технологии не обладают возможностью это описать [4]. Согласно В.В. Васильеву: «каждое из подобных состояний имеет специфическую качественную сторону (поэтому их часто так и называют — qualia, т.е. «качества»), которую сложно свести к функциональным параметрам и которая очевидно отлична от данности нейронных процессов» [5].

Внешний мир и социальная среда всегда окружают индивида, происходит взаимодействие между

людьми в процессе деятельности, интеракция, в процессе которой создается ментальное отражение накопленного опыта [8]. Качественные состояния, воспоминания, эмоции отражают произошедшее, оказавшее влияние на сознание, т.е. любой прочувствованный, накопленный опыт сознания содержит копию в виде своего материалистического близнеца, редукцию квантового состояния, обращаясь к которой можно говорить о «нейронном корреляте» сознательного опыта.

Физической основой сознания по Р. Пенроузу являются события объективной редукции, при ее функционировании идет проявление «протосознания», т.е. сознания, которое появляется с каждым коллапсом волновой функции. Происходит явление самонаблюдения материи, выделение любого дискретного изменения своих состояний [6].

Работа сознания безусловно продуцирует отклонения от квантовой теории. Речь идет о важности квантовых корреляций, являющихся несепарабельными, нелокальными, в которых при изменении одной части системы, изменение проявляется и на остальных ее частях, даже разбросанных на бесконечно больших расстояниях. Базисное квантовое состояние сознания *просматривает, перелистывает все свои внутренние состояния в одном и том же порядке. Каждый квантовый процесс в скрытом времени является повторяющимся, «зарегистрированным»* в базе знаний и ожидает обрастания новыми смыслами, идеями и творческими актами. Наличествующее состояние сознания дает импульс процессу, в котором «наблюдатель не только наблюдает и осознает, что проходит через ум и тело, но и является творческим источником этого» [7]. Эта процедура является олицетворением принципа неопределенности Гейзенберга, играющего в квантовой механике ключевую роль.

Чередование квантовых состояний сознания оказывается алгоритмом самостоятельной интеграции в созидающее, творческое, экспериментальное пространство, тактикой выработки многочисленных набросков описания субъективных когнитивных процессов, способствующих формированию диаграммы связей для простоты операций с накопленной информацией. Состояние адаптации, осмысленности во время обучения, интеграция особых квантовых состояний сознания обуславливает дифференцированное понимание основополагающей кругообразной сопряженности.

Принимая за основу термины квантовой физики, для того чтобы процесс или явление, мог существовать, он должен обладать энергией, массой и наличествовать во времени. Анализ процедуры посредством описанных выше параметров может предоставить более многопараметровую структуру, чем двоичная система, используемая в классических моделях, использующих параметры линейной причинно-следственной корреляции.

Технические системы образуют сети, сетевая организация системы является критерием ее благополучного функционирования, что позволяет осуществить процессы усложнения и регенерации. Выполнимость усложнения сетевых структур указывает на возможность перспективы затрагивания рекурсивных взаимодействий. В. И. Аршинов отмечает, что «включение наблюдателя сложности в контексте проблемы ИИ (искусственного интеллекта) дает возможность рассмотреть их в перспективе конструктивного коэволюционного процесса, в результате которого возникающий ИИ окажется его (наблюдателя сложности) воспроизведением». По словам В. И. Аршинова, одна из форм воплощения искусственного интеллекта, удовлетворяющая требованиям постнеклассической парадигмы, - это модель наблюдателя сложности. При таком подходе необходимо наличие рекурсивной петли и бесконечной зацикленности обратной связи на саму себя. Необходимое условие наблюдение системы за своим наблюдением, объединение наблюдательного и метадисциплинарного уровня [8].

Уникальные системы, характеризующиеся саморазвитием, адаптивными функциями и открытостью все чаще становятся объектами актуальных междисциплинарных работ. Посредством рефлексии, исследователь, подобно системе, порождает самовоспроизведение, обращает внимания на самого себя и на своё сознание, определяя границы и выделяя себя из толпы, принимая во внимание материальную организацию субъекта, пытаюсь оградиться от пустого обобщения и субъективности. Смоделировать сознание невозможно посредством линейного подхода, необходимо изучение путем резервации всей полиморфности функционирующих взаимосвязей, в условиях изменчивой окружающей среды, ресурсы познавательной деятельности субъекта определяются телесной организацией, речь идет о ситуационности познания.

Таким образом, обращение к квантовой теории в совокупности с эффектом наблюдателя помогает продвинуться в построения гипотезы функционирования сознания и максимально приблизить смоделированный процесс к реальности. Последние исследования квантового сознания открывают

перспективу для последующих наблюдений и открытия новых закономерностей.

Литература:

1. Senthil T., Vishwanath A., Balents L., Sachdev S., Fisher M. Deconfined quantum critical points // Science. 2004. Vol. 303 (5663). P. 1490-1494.
2. Senthil T., Fisher M. Quasiparticle localization in superconductors with spin-orbit scattering // Physical Review B. 2000. Vol. 61 9140. P. 9690-9698.
3. Паршикова Г.В. Феноменологический аспект рефлексивного опыта как модус существования ментального в виде данностей сознания // Философия и культура. 2014. № 9. С. 1329 - 1333.
4. Брентано Ф. Избранные работы / Пер. с нем. В. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
5. Васильев 2009 - *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М., 2009.
6. Хокинг С., Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н. Большое, малое и человеческий разум / Пер. с англ. А. В. Хачояна, Ю. А. Данилова. СПб.: Амфора, 2012. 192 с.
7. Волински С. Квантовое сознание : руководство по квантовой психологии / Пер. с англ. О. Асманова. М.: Старклайт, 2007. 224 с.
8. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки. 2013. № 18. С. 48-61.

Субъективная реальность в состоянии клинической смерти

Сердюков Ю. М.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, профессор кафедры
«Философия, социология и право». Доктор философских наук

serdyukov_yuri@mail.ru

Аннотация: О существовании и свойствах субъективной реальности при клинической смерти мы знаем из околосмертного опыта (NDE), содержание которого многообразно и простирается от полного отсутствия образов, ужаса и витальной депрессии до эйфории. Формируются онирические переживания NDE, во-первых, спонтанной активностью мозга, способного создавать смутные образы и переживания, отчасти запоминать, но не понимать их. Во-вторых, наиболее глубокими и устойчивыми привычками, привязанностями и впечатлениями. В-третьих, врожденными психическими структурами личности. В-четвертых, активизацией определенных генетических структур, неизбежной в ситуации сильнейшего стресса, которым является клиническая смерть.

Ключевые слова: субъективная реальность, сознание, терминальные состояния сознания, клиническая смерть, околосмертный опыт.

Subjective reality in the state of clinical death.

Serdyukov Y. M.

Far Eastern State Transportation University

Abstract: One can surmise that the subjective reality exists during the state of clinical death, and we can infer the features of the latter, from the state of Near-Death Experience (NDE), the essence and content of which are manifold and diverse, since they span a wide variety of experiences - from the total absence of images, existential horror and vital depression to euphoria. Oneiric experiences in NDE are constituted by a number of factors, firstly, by the spontaneous activity of the brain capable of creating vague images and sensations; capable of partially memorizing them without fully comprehending the perceived images. Secondly, they are shaped by the most deeply imbedded and regular patterns and habits, attachments and impressions. Thirdly, there are innate psychical structures which are believed to be formed in the prenatal period. And finally, one may deduce that the formation of the oneiric experiences in NDE is affected by the activation of specific genetic structures, the process that is inevitable in the conditions of the most acute and severe stress, - which clinical death, ultimately, is.

Key words: subjective reality; consciousness; terminal states of consciousness; clinical death; near-death experience.

Клиническая смерть смертью в собственном смысле слова не является не только при естественном умирании, но и при прекращении жизни насильственным путем или в результате несчастного случая. Это форма жизни - терминальное состояние человеческого организма и сознания, в котором субъективная реальность существует в виде околосмертного опыта - *NDE (Near Death Experience)*. В момент наступления клинической смерти человек отключается от природных и социокультурных регуляторов времени. Он не воспринимает ни солнечного света, ни ритмической организации социума и остается в ситуации абсолютной сенсорной и социальной депривации. Единственной реальностью оказывается замкнутая на себя субъективная реальность, полностью утратившая контакт с «внешней» последовательностью событий.

NDE - это субъективная реальность в терминальном состоянии сознания. Она существует в условиях постепенной деградации функций головного мозга по направлению от самых молодых (кора больших полушарий) к филогенетически более древним образованиям (мозговой ствол, мозжечок), а также деградации и дезинтеграции психики, которая характеризуется аффективно-протопатическим сдвигом. Психофизиологическое объяснение аффективно-протопатического сдвига в ТСС состоит

в том, что эпикритические когнитивные процессы являются функцией коры больших полушарий головного мозга, а протопатические, аффективные, – функцией таламуса. Таламус - более древнее образование головного мозга, чем кора, и умирает он позднее, позже угасают и функции таламуса, одной из которых является возникновение субъективных онирических переживаний, в том числе негативных психических явлений и тревожных фантастических галлюцинаций, бреда.

- Эти обстоятельства приводят к тому, что терминальное состояние сознания (ТСС), характерное для клинической смерти, со-знанием в собственном смысле слова не является. Здесь больше подходит термин поток переживаний, составляющих околосмертный опыт и невыразимых средствами естественного языка, изначально не приспособленного для описания «потусторонней» реальности.

Субъективная реальность в *NDE* формируется следующими факторами.

Первое: спонтанной активностью мозга, способного создавать смутные образы и переживания, отчасти запоминать, но не понимать их.

Второе: наиболее глубокими и устойчивыми привычками, привязанностями и впечатлениями, в широком диапазоне от возникновения на 27-й неделе жизни зародыша человека способности воспринимать звуковую информацию до ощущения себя в момент клинической смерти. Общие для *NDE* встречи с близкими людьми и их типичное поведение в ситуациях, которых не было при жизни, объясняются продуктивной активностью сознания, создающей вокруг устойчивого образа персонажа онирических переживаний характерную для него атмосферу. Для визионеров на «тот свет» встречи с родственниками и близкими людьми - неожиданное и яркое впечатление. Но принципиального различия между ним и ежедневным воссозданием в памяти прошедших событий не существует, поскольку память человека радикально отличается от памяти компьютерного чипа, и воспоминание о событии – это не полная автоматическая копия, а сотворение события заново, его интерпретация и преобразование на основе сохранившихся чувственных образов и настроений.

Третье: врожденными психическими структурами личности, которые сформировались в перинатальный период и были названы К.Г. Юнгом «архетипами коллективного бессознательного», а С. Грофом - «базовыми перинатальными матрицами». Четвертое: можно предположить, что на формирование субъективной реальности в *NDE* влияет активизация определенных генетических структур, неизбежная в ситуации сильнейшего стресса. Сопровождающий умирание аффект – самый мощный в личной истории человека, поэтому он заставляет работать гены, «молчавшие» всю жизнь. Какую информацию содержат эти гены и как они влияют на субъективную реальность, пока неизвестно.

Онирические переживания в околосмертном опыте существуют в особом темпоральном континууме, весьма отличном от феноменального временного ряда. В *NDE*, во-первых, изменяется длительность времени: в небольшом интервале клинической смерти (3–5 мин) умещается огромное количество событий, порой превосходящее всю предшествующую жизнь. Во-вторых, возникает ощущение вечности: длительность событий исчезает и человек погружается в состояние безвременья, где все события существуют одновременно или не существует ничего. В-третьих, время становится обратимым: нарушается последовательность событий, в которой не причина предшествует действию, а действие предшествует причине.

Но как возможны эти фундаментальные временные девиации? Почему субъективная реальность околосмертного опыта организована по иным темпоральным законам, нежели субъективная реальность повседневного бытия? Наверное, потому, что в *NDE* изменяются детерминанты личного времени человека – биологическое и субъективное время.

В момент клинической смерти человек утрачивает чувственный контакт с реальностью и остается в состоянии абсолютной сенсорной депривации. Почти все естественные регуляторы времени, в том числе, солнечный свет и сокращения сердечной мышцы, исключаются из восприятия внешнего мира, который полностью исчезает. Околосмертный опыт сопровождаются лишь ритмы электрической активности головного мозга. Среди последних в состоянии клинической смерти преобладают два: тета-ритм, характерный для состояния сильного психологического стресса и являющийся нормой для животных, и дельта-ритм, возникающий при глубоком естественном сне, наркотическом сне и при коме. Могут ли эти биоритмы сохранить в околосмертном опыте восприятие времени, характерное для обычных состояний? Конечно, нет. Абсолютная сенсорная депривация и прекращение почти всех биоритмов формируют состояние субъективной реальности, в котором есть место и феномену полной

потери ощущения времени, и феноменам изменения его длительности и направления.

Длительность субъективного времени определяется количеством актов сознания в единицу астрономического времени. Непосредственная оценка длительности представляет собой функцию числа воспринятых в данной ситуации изменений. Атомами, неделимыми монадами событийно-временного ряда субъективной реальности считаются перцепторные образы, от количества и интенсивности которых зависит восприятие времени: чем больше впечатлений и чем они интенсивней, тем длиннее интервал субъективного времени.

Как же влияют на длительность субъективного времени факторы, характерные для состояния клинической смерти - утрата ощущений собственного тела, полное обездвижение, сенсорная депривация и аффект? Они вызывают изменение длительности времени вплоть до его остановки.

Это установлено в результате наблюдений над состоянием космонавтов, находящихся в невесомости, и опытов по искусственной сенсорной депривации. В последнем случае совершенно здоровый человек, находящийся в течение нескольких часов в полной изоляции в бассейне с водой, соответствующей температуре человеческого тела и с высокой концентрацией соли, теряет ощущение времени.

В состоянии аффекта, особенно в предельно критических ситуациях, время замедляется, и буквально за считанные секунды в памяти человека успевают «проноситься» необычайно длинные фрагменты воспоминаний. За мгновение люди могут вновь пережить всю свою жизнь, и одна доля секунды оборачивается для них вечностью. В околосмертном опыте содержание мыслительных операций подчинено аффективным потребностям, и аффект, безусловно, играет важную роль в организации субъективного времени после наступления клинической смерти, способствуя превращению считанных минут в вечность.

Направление субъективного времени обусловлено тем, что дифференциация времени на прошлое, настоящее и будущее не имманентна живой природе, а является продуктом эволюции, в ходе которой развитие церебральной асимметрии, абстрактного мышления и речи породили возможность рефлексивного отношения к единству содержаний ментальности и обусловили специализацию больших полушарий головного мозга в организации и функционировании временного ряда.

Во временной последовательности «прошлое–настоящее–будущее» настоящее – это непрерывный поток перцепций, мыслеобразов и слов. Чем оно актуальней, тем более подавлено в сознании человека прошлое, которое в данных обстоятельствах воспроизводится лишь произвольно, и тем более очерчен образ будущего, который и гипотетичен, и реален. Гипотетичен, поскольку является результатом продуктивного воображения, интуиции и рефлексии и не существует за пределами субъективной реальности. Реален, так как зафиксирован синаптическими связями нейронов и воспринимается субъектом как органическая часть его собственного бытия.

Если будущее – это образы продуктивного воображения и вербально-логические конструкты, настоящее – поток перцепций, мыслеобразов и слов, то прошлое – это энграммы памяти, чувственные образы прежних восприятий окружающего мира и самого себя. Прошлое доступно и произвольно, и непроизвольно.

Произвольное воспоминание, как правило, рефлексивно. Оно представляет собой волевой акт, направленный на извлечение из памяти и вербализацию образов прежних событий, систематизируемых в соответствии с определенной целью, которая определяет и состав воспроизводимых событий, и их содержание, и их связи. Незначительные факты субъект элиминирует или редуцирует до необходимого минимума.

Непроизвольное воспоминание нерелективно. Его основой является сохранение памятью чувственных образов именно в той последовательности, в которой совершались отраженные в этих образах события, поэтому непроизвольное оживление соответствует реальному порядку событий во времени.

Поскольку околосмертные состояния характеризуются отсутствием рефлексивного мышления и воли, то образа будущего в них нет, и реальность сознания составляют перцепторные образы прошлого, фантастические модели воображения, символические образы коллективного бессознательного и другие феномены, не поддающиеся вербальному и графическому описанию или акустическому воспроизведению.

Литература:

1. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988. 201 с.
2. Гримак Л. П. Моделирование состояний человека в гипнозе. М.: Наука, 1978. 286 с.
3. Дубровский Д.И. Основные аспекты проблемы субъективной реальности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Том 16. №3. С. 11-25.
4. Литвак Л. М. Жизни после смерти: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
5. Сердюков Ю. М. Контуры трансцендентального опыта. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 255 с.
6. Carter C. Science and the Near-Death Experience: How Consciousness Survives Death. Rochester, VT: Inner Traditions.Bear and Company, 2010. 320 p.
7. Grof S., Halifax J. The Human Encounter with Death. New York: Dutton, 1978. 258 p.
8. Lilly J. The Deep Self: Consciousness Exploration in the Isolation Tank. Nevada City: Gateways Books and Tapes, 2006. 336 p.
9. Partanen E., Kujala T., Näätänen R., Liitola A., Sambeth A., Huottilainen M. Learning-induced neural plasticity of speech processing before birth. Proceedings of the National Academy of Sciences, 2013; 110(37): 15145-15150.
10. Van Lommel P. Consciousness Beyond Life: The Science of the Near-Death Experience. HarperCollins, 2010. 442 p.
11. Walker A.E. Cerebral Death. 3rd Edition. Baltimore-Munich: Urban&Schwarzenberg, 1985. XIV, 206 с.

Ментальная каузальность сознания

Скурихин Н. А.

Кандидат технических наук

skurihin40@mail.ru

Аннотация: Способность чувствования живого организма становится исходным пунктом способности живого существа порождать особую форму движения – сознание. Сознание, как способность к мышлению, охватывает весь комплекс умственных способностей разумного существа, человека. При этом одни говорят: «Мозг мыслит», «Сознание – функция мозга», другие видят правильность в утверждении: «Мозг без сознания – кусок органической материи» или: «Сознание строит мозг», и дают другие интерпретации взаимодействию идеального, каким является сознание, и вещественного – нейронных структур мозга человека и его нервной системы. Не позволит ли возможность через введение в эти отношения двух реальных сущностей – сознания и мозга, биологической информации, знания в форме понятий, приблизиться к разрешению проблемы ментальности сознания?

Ключевые слова: сознание, ментальность, каузальность, нейронная среда, чувства, взаимодействие, биологическая информация, механизмы памяти.

Mental causality of consciousness.

Skurikhin N. A.

Abstract: The ability of a living organism to feel becomes the starting point of the ability of a living being to generate a special form of movement –consciousness. Consciousness, as the ability to think, covers the entire complex of mental abilities of a rational being, a person. At the same time some say: “The brain thinks” “the Conscious function of the brain,” others see the truth in the statement: “the Brain in the absence of consciousness –a piece of organic matter” or: “Consciousness builds the brain”, and give other interpretations of the interaction of the ideal, what is consciousness, and material –structures of neurons of the human brain and nervous system. Is it possible, through the introduction of two real entities into these relations –consciousness and brain, biological information, knowledge in the form of concepts, to approach the solution of the problem of the mentality of consciousness?

Keywords: consciousness, insubstantiality, causality, neural environment, feelings, interaction, biological information, memory mechanisms.

1. О ментальности, невещественности, нематериальности или нефизическом?

Ментальный физический мир – не оксюморон? Разве ментальное не противостоит физическому? Правильно считать ментальным то, что невещественно. Но не материально ли? Свет, электромагнитные частицы, поле – это невещественное, несмотря на название частицы света, фотона, кванта. Все это физика. Но ощущение от света, цветовые картинки – это ментальные ощущения? Чувство цвета, различение цветов – это ментальность? К ментальной каузальности мы можем отнести влияние сознания, чисто ментального явления, на свою материальную, вещественную основу – нейронную структуру мозга: сознание строит мозг. Интересным представляется взгляд на ментальную каузальность двух авторов, переполненный, однако, понятиями не столько сознания, сколько несуществующим – понятием души (1).

2. О понимании и внимании, как моментах сознания

Сознание, как бесчувственная форма движения, требует любознательности, и оно появляется в процессе ее удовлетворения. Сосредоточение человеком своего внимания на некотором явлении или предмете возможно только при условии помнить то, что только что было перед глазами или требовало вашего внимания. Этим определяется необходимость памяти в живом организме или существе.

Нейронная среда живого организма не способна к мгновенной смене своих нейро-информационных состояний. Эти состояния остаются в нейронной среде мозга неопределенно долгое время. И сущность сознания в этот момент будет представлена одним из своих основных моментов – пониманием.

3. Инстинкты и работа органов чувств, информация

Нервная система рождающегося человека и нейронная среда его мозга функционировали в тех рамках и в тех условиях, которые диктовались уровнем развития организма – жизнью в теле матери перед самым рождением. Все движения тела человека в это время, его желания и хотения носили инстинктивный характер. И они в форме инстинктов и их движений сразу стали проявляться в момент рождения человека – откуда-то извне они прийти не могли.

Нарождающиеся, растущие и развивающиеся нервные клетки в мозге и теле человека образуют все новые и новые связи между собой. Основной причиной их появления является работа внешних органов чувств растущего человека. Уникальность нейронов, являющихся одновременно органическими клетками, состоит в обладании ими способности создавать информацию через свои связи друг с другом благодаря постоянному формированию на своих выходах и в теле нейрона изменяющихся электрических потенциалов. Придать смысл формируемой информации – в этом состоит одна из первых задач и назначение сознания.

4. О возникновении органов чувств и сознания

Сознание возникает в момент взаимодействия человека или живого существа, обладающего нейронной мозговой структурой, через свои органы чувств, с предметами или явлениями внешнего мира. И только о таком понимании сознания идет здесь речь. Органы чувств состоят из нейронов-рецепторов или других подобных чувствующих органических элементов тела. Каждый из таких органов в человеке возникает, зарождается, растет и развивается единым функциональным механизмом, предназначенным именно для восприятия определенных видов внешних предметов или явлений.

И все элементы органов чувств живых существ имеют в качестве неотъемлемой своей части особую структуру нервной системы и головного мозга, называемую нейро-информационной цепочкой, включающей нейроны, размещаемые в особом органе тела живого существа – в его мозге. Функционирование элементов нейро-информационной цепочки происходит согласно способности живого существа ощущать, чувствовать, воспринимать именно то внешнее воздействие, для восприятия и передачи которого в мозг они и были предназначены при их возникновении.

5. О сознании, отдельных видах его способностей.

Рассматривая сознание как комплекс способностей различного уровня в их реализации и иерархическом соподчинении, можно выделить виды сознания. Вот три из них:

1) способность человека к взаимодействию с окружающими его предметами и явлениями; реализуется эта способность с помощью особых нейро-информационных структур нервной системы человека и головного мозга;

2) способность человека придать смысл биологической информации, возникающей в нейронах-рецепторах и других чувствующих элементах органов чувств и в нейро-информационных структурах нервной системы и мозга;

3) способность человека отыскивать сохраняющиеся в нейронной среде головного мозга понятия и представления, созданные сознанием в процессе взаимодействия человека с внешней средой.

6. Ментальная каузальность сознания

В каких видах сознания необходимо присутствует его ментальная каузальность? То есть функционирование сознания в каждом ли отдельном случае завершается выходом в мир физического, вещественного, материального? И какие изменения происходят в нейронной среде мозга, как вещественной основе появления сознания, одной из его способностей, вызванные действием другой способности сознания?

Сознание, сопровождая процесс взаимодействия с нейронной структурой мозга, играет двойную роль: 1) оно формируется в нейронных средах нервной в нейронной среде мозга системы и мозга в виде состояния и движения его особых нейронных структур, и 2) одновременно сознание, другой своей способностью, придает смысл информации, возникающей в нейро-информационной структуре человека.

7. Физическая основа ментальной каузальности, механизмы памяти по Кэнделлу

Информация с приданным ей сознанием смыслом размещается в нейронных структурах мозга в виде информационных состояний элементов этих нейронных структур, образуя ими при этом овеществленное знание о действующем на человека предмете или явлении. Здесь уже можно ожидать момент ментальной каузальности сознания: в зависимости от необходимости получить возможность длительного или краткосрочного хранения информации в памяти мозга нейронные структуры способны менять свою морфологию. В частности, это происходит посредством увеличения или уменьшения размера синапса в сенсорном нейроне, появления нового отростка дендрита, наблюдаемого с открытием основных нейрофизиологических и биохимических механизмов известным ученым Эрихом Кэнделлом. См. Э. Кэнделл, Известные механизмы памяти, (2).

Э. Кэнделл дает обстоятельные пояснения морфологических изменений нейронной структуры из двух нейронов, происходящих при внешних воздействиях на живой организм аплизии. Для нас существенным является факт физического изменения нейронной структуры, который возникает при воздействии на чувствительный нейрон ментального фактора, имеющего физическую вещественную (через молекулы серотонина) и физическую невещественную (электрический ток) природу. Однако ментальность обусловлена участием в этих экспериментах человека. Через его сознание формируются эти воздействия.

8. О нейронных структурах областей сознания в мозге.

Ментальная причинность сознания проявляется и в способности человека отыскивать сохраняющиеся в нейронной среде головного мозга понятия и представления (см.п.6.3). Ею обуславливается существование конкретных нейронных структур области сознания.

Сформированная информация записывается в памяти в виде овеществленного знания, как бы полученного извне по известным нейро-информационным путям. Состояние каждого нейрона может быть составной частью биологического кода информации, формируемой при взаимодействии человека с внешней средой. И принадлежа к такой объединенной нейронной структуре, информационный знак конкретного нейрона, входя в общий биологический код понятия о конкретном знании, будет маркером той информации, которая нужна определенной способности сознания. Такие структуры мозга известны под именем зеркальных нейронных структур.

Резюме:

Словосочетание «ментальная каузальность» предопределяет его понимание в отношении взаимодействия сознания и мозга в пользу сознания. И прежде всего, в отношении приоритета невещественной причины, в качестве которой выступает сознание, как идеальная сущность, приводящая к изменениям в мозге и мозга, как материальной биологической структуры. Суть этого взаимодействия – сознание строит мозг. Материальной основой появления сознания является нейро-информационная среда мозга. Взаимодействие человека через нейронные структуры с окружающим миром приводит к возникновению в них информации, к знанию о действующих на человека предметах и явлениях. Сознание, посредством особых нейро-информационных структур присваивает возникающей информации смысл, содержащийся в понятиях, выражаемых словами языка общения. Используя способность нейронных структур мозга запоминать и хранить в виде памяти приобретаемое знание, формируемое как овеществленное знание, сознание оперирует им в процессе мышления.

Литература:

1. Роб, Дэвид и Хейл, Джон. Ментальная каузальность // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. [Электронный ресурс] URL = <<http://philosophy.ru/>>

Взаимосвязь восприятия и действия в когнитивной философии Сьюзан Херли

Станжевский Ф. А.

*Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет),
кафедра философии, старший преподаватель. Кандидат философских наук*

stanzh@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается когнитивная философия Сьюзан Херли, основанная на идее сложной динамической взаимосвязи между мозгом, телом и внешней средой, способствующей эмерджентному возникновению когнитивных феноменов. Представлена критика традиционной концепции сознания, в которой когниция рассматривается как интерфейс между восприятием и действием; последние, со своей стороны, не обладают существенной связью друг с другом. Показано, что традиционная теория сознания основывается на допущении о линейной причинно-следственной связи ввод – когнитивная обработка – действие, а также на допущении о чисто инструментальном отношении между восприятием и действием. В противовес этой концепции Херли разрабатывает концепцию сложной динамической обратной связи и конститутивного, а не чисто инструментального соотношения между восприятием и действием. Продемонстрирован пример «экуменического» подхода к когнитивной теории, объединяющего различные типы теорий – моторные теории, теории контроля и экологическую психологию.

Ключевые слова: восприятие, действие, динамическая связь, петля обратной связи, афферентация, эфферентная копия, энактивизм.

The interdependence between perception and action in Susan Hurley's cognitive philosophy. *Stanzhevskiy F. A.*

Saint-Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

Abstract: The paper addresses Susan Hurley's cognitive philosophy based on the idea of complex dynamic interdependence between the brain, body and environment which generates the emergence of cognitive phenomena. The author outlines Hurley's critique of the traditional conception of cognition which considers it as an interface between perception and action, the latter being considered as separated from each other. It is shown that the traditional theory of mind is based on the premise of linear causality input – cognition – action as well as on that of a purely instrumental relation between perception and action. Against this conception Hurley insists on a complex dynamic feedback and on a constitutive interdependence between perception and action. Hurley sets an example of an "ecumenical" approach to cognitive theory integrating different theoretical takes such as motor theories, control theories and ecological psychology.

Keywords: perception, action, dynamic interdependence, feedback loop, afference, efference copy, enactivism.

i В настоящей работе представлена концепция динамической взаимосвязи восприятия и действия в философии американско-британского философа Сьюзан Херли (1954 – 2007). Херли принадлежала к динамической парадигме когнитивной философии, которая, в отличие от вычислительной теории или коннекционизма, постулирует эмерджентное возникновение когнитивных процессов из сложного взаимодействия между информационным входом (input), выходом (output) и миром [1, с. 39].

В соответствии с теорией динамических систем, Херли подвергает критике традиционный взгляд на сознание, включающий в себя три основных составляющих. Во-первых, восприятие и действие рассматриваются как отдельные друг от друга элементы; кроме того, они играют периферийную роль в сознании. Центральная же роль в сознании (и это вторая составляющая традиционных теорий сознания) отводится мысли и когнитивным процессам. Следовательно, восприятие и действие, будучи отделены друг от друга, оказываются отгороженными также и от мысли и познания. Традиционный тип

теории сознания основан, таким образом, на идее о сознании как сэндвиче, состоящим из двух половин – восприятия и действия, причем познавательные процессы (когниция) являются его «начинкой»; другими словами, когнитивные процессы служат интерфейсом между перцептивными и моторными процессами [2, с. 5]. Третья составляющая «мейнстримовых» теорий сознания требует объяснять основные свойства сознания при помощи процессов, предполагающих синтаксические связи между независимыми от контекста символами. Рациональность основывается на чисто внутренних процедурах, таких как манипулирование внутренними символами или репрезентациями.

Херли ставит под вопрос независимость восприятия от действия, а также когнитивных процессов – от сенсомоторных связей. Когниция, по мнению философа, эмерджентно возникает из динамических сенсомоторных систем, сопряженных со средой. Эмерджентность, с точки зрения теории динамических систем, предполагает прерывистое, дискретное изменение структуры по мере непрерывного изменения параметров системы. Херли придерживается экстерналистской концепции сознания, при которой когнитивная система включает в себя не только процессы, имманентные организму, но также и петли обратной связи, проходящие через среду. Таким образом, носители когнитивных процессов не обязательно сводятся к границам мозга или даже организма; некоторые процессы, отвечающие за содержание когнитивного или психического состояния, преодолевают границу между внутренним и внешним, между телом и средой. Когнитивная сфера конституируется динамическим сцеплением мозга, тела и среды; причем под последней следует понимать не только естественную (природную), но и социальную и языковую среду.

В традиционной модели сознания восприятию отдается приоритет перед действием, которое, в свою очередь, имеет подчиненный и производный характер: сознание пассивно воспринимает сенсорный вход из среды, затем когнитивно обрабатывает этот ввод, и реализует результаты когнитивной обработки в действии – таким образом, действие является побочным продуктом чисто ментальной деятельности. При этом перцептивная система и система действия, осуществляющая моторные команды, лишены существенной связи друг с другом. С другой стороны, современные достижения в области нейронауки (в частности, открытие зеркальных нейронов, обладающих как сенсорными, так и моторными полями) заставляют усомниться в верности традиционной теории сознания [3, с. 3]. Кроме того, экологическая концепция сознания показывает непрерывную петлеобразную связь между модуляцией оптического потока при помощи движения и модуляцией движения посредством изменений в оптическом потоке. Тем не менее, старые привычки разделения сенсорной и моторной сфер в когнитивной науке достаточно устойчивы, что вполне объяснимо, учитывая их славную традицию, укорененную в XVII веке, – в частности, в мысли Декарта и Локка.

Для построения более совершенной теории сознания полезно проанализировать предпосылки и допущения традиционной теории. С точки зрения Херли, следует выделить два основных допущения. Первое предполагает линейный характер задействованных каузальных процессов: мир – ввод через сенсорные системы – восприятие – когниция – моторные системы – действие – мир. Второе допущение предполагает чисто инструментальный характер отношений между восприятием и действием, при котором восприятие является средством для действия, а действие – средством для восприятия. Сюзан Херли убеждена, что следует отвергнуть оба эти допущения, с одной стороны акцентируя важную роль динамической обратной связи, с другой – признавая конститутивную, а не только инструментальную связь между восприятием и действием. В связи с этим небезынтересно отметить, что, согласно Херли, две психологические теории – бихевиоризм и экологическая психология Гибсона – совершают ошибку, отвергая лишь одно из названных допущений и сохраняя второе [2, с. 12]. В самом деле, бихевиоризм отвергает чисто инструментальную связь между действием и восприятием, усматривая конститутивную связь между ними. Вместе с тем, в концепции действия как выхода он сохраняет линейную концепцию каузальности, отрицая круговую причинно-следственную связь. В свою очередь, Гибсоновская теория отрицает линейный характер связи между восприятием и действием, но сохраняет идею чисто инструментальной взаимосвязи между ними.

Круговая каузальная связь между восприятием и действием позволяет рассматривать действия одновременно как в качестве причины восприятий, так и в качестве их следствия; восприятия и действия возникают из сложной динамической системы обратной связи. Отношение между восприятием и действием имеет характер более тесный, чем чисто инструментальная связь. Такая не-инструментальная каузальная связь, по мнению Херли, успешно описывается двумя типами теорий – моторными теориями восприятия и контрольной теорией действия. Согласно моторным теориям восприятия, содержание

восприятия зависит не только от входа или выхода по отдельности, но от отношения динамической обратной связи между входом и выходом. В моторных теориях классически проводится различие между прямым вводом из внешней среды – эксафферентацией (например, при восприятии движения внешних объектов) и обратной связью, которая может иметь внешний (реафферентация) и внутренний (эфферентная копия) характер [2, с. 22]. Реафферентация или обратная афферентация предоставляет информацию о собственных действиях и передвижении организма; она включает в себя проприоцептивную информацию, а также визуальную информацию из среды, связанную с перцептивными изменениями под воздействием движений организма. Эфферентная копия представляет собой обратную связь, внутреннюю по отношению к нервной системе. Сигналы моторного выхода проецируются в другие области мозга, включая зоны, обрабатывающие перцептивную информацию. Эфферентная копия вместе с реафферентацией предоставляют нервной системе отчет о движении в среде.

Со временем между реафферентацией и эфферентной копией устанавливаются взаимосвязи, отражающие нормальные соотношения между входом и выходом в определенной среде. Отношения между внутренними и внешними петлями обратной связи предоставляют организму информацию о мире и о самом себе. Содержание восприятия может зависеть от изменений в соотношении между эфферентной копией и реафферентацией; при этом содержание восприятия может измениться при модификации эфферентации, тогда как реафферентация остается неизменной. Следовательно, эфферентная копия играет конститутивную роль в восприятии. Именно систематическое соотношение с эфферентной копией отличает реафферентацию (источником которой является сам организм, а не мир) от эксафферентации. Нормальные соотношения между афферентацией и эфферентацией способствуют перцептивному различению между собственным движением и движением объектов в среде. Так, при длительном ношении очков, переворачивающих справа налево зрительную картину, указанные нормальные соотношения нарушаются, что приводит к искажению восприятия, в силу которого собственное движение может вызывать иллюзию движения среды [4, с. 346 - 350].

Теории систем контроля за действием тоже утверждают существенное значение обратной связи, а также не только инструментальную, но и конститутивную взаимозависимость между восприятием и действием. Ключевой идеей этого типа теорий является то, что действие выступает в качестве контроля за информационным входом. Действие не управляется только внешним стимулом, но оно и не является чисто внутренне автономным. После того, как система порождает выход, среда создает возмущения. В зависимости от различных возмущений среды один и тот же выход может давать различные эффекты. Так, под влиянием среды тот же самый проксимальный выход может иметь различные дистальные эффекты, а различные проксимальные выходы могут быть связаны с одинаковым дистальным эффектом. Действия организма адаптируются к изменениям в среде: так, мышечное напряжение модифицируется в ответ на обратную связь из среды, чтобы произвести тот же самый предполагаемый результат. Результат действия находится под контролем, если организм защищает его от возмущений среды адаптивными действиями. Результат намеренного действия находится под постоянным контролем [2, с. 30].

Важным достоинством теоретической позиции Сюзан Херли является ее «экуменичность» – например, она призывает соединить моторные теории с теориями контроля, и при этом не отвергая экологическую психологию. Это очень важное свидетельство возможности сотрудничества, особенно в ситуации современной когнитивной науки, в которой существует целый ряд подходов к энантиности и воплощенному сознанию, зачастую акцентирующих несогласие друг с другом. Возможно, Херли иногда слишком расширяет границы экуменизма – например, когда вводит понятия из вычислительной когнитивной науки в энантивистскую теорию. Однако плодотворность идей этого философа достаточно высока, чтобы даже ошибки служили стимулом к дальнейшему исследованию.

Литература:

1. Hung, Tzu-wei. On Susan Hurley's Shared Circuits Model of Action Learning // NCCU Philosophical Journal. 2018. № 39. p. 37 - 70.
2. Hurley, S. Perception and action: alternative views // Synthese. 2001. № 129. p. 3 - 40.
3. Hurley, S. The importance of imitation // Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science vol. 1 / ed. Susan Hurley and Nick Chater. The MIT Press, 2005. p. 1 – 53.
4. Hurley, S. Consciousness in action. Harvard University Press, 1998. 506 p.

Основные трудности и перспективы развития вычислительных подходов к решению проблемы сознания

Танюшина А. А.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Философский факультет, кафедра
Истории зарубежной философии, аспирантка*

a.tanyushina@gmail.com

Аннотация: В статье кратко представлены ключевые вопросы, встающие перед современными вычислительными подходами к решению проблемы мышления и сознания. К ним автор отнес вопрос о связи вычислительных процессов с обработкой информации, вопрос об объяснительной тривиальности вычислительной установки, вопрос о метафизическом основании компютационализма и вопрос о зависимости вычислительных состояний от наблюдателя. Автором сформулированы основные задачи, которые, по его мнению, предстоит решить ученым и философам с целью последующей разработки полноценной вычислительной теории сознания; указывается возможность совмещения компютационализма с двуаспектным принципом информации, описанным австралийским философом Д. Чалмерсом. В заключении делается вывод о больших перспективах развития информационно-вычислительной теории не только в рамках когнитивных наук, но также и аналитической философии.

Ключевые слова: компютационализм, вычисление, информационная обработка, «трудная проблема» сознания, «провал в объяснении», двуаспектный принцип информации.

The main difficulties and prospects for the development of computational approaches to solving the problem of consciousness.

Tanyushina A. A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article briefly presents the key issues facing modern computational approaches to solving the problem of thinking and consciousness. The author took the issue of relations computing processes with information processing, the question of the explanatory triviality of computational thesis, the question of the metaphysical basis of computationalism and the question of the dependence of the computational states of the observer. The author formulates the main tasks that, in his opinion, scientists and philosophers will have to solve in order to develop a full-fledged computational theory of consciousness; the possibility of combining computationalism with the double aspect principle of information described by the Australian philosopher D. Chalmers is indicated. It is concluded that there are great prospects for the development of informational and computational theory not only within the framework of cognitive sciences, but also in the analytical philosophy.

Keywords: computationalism, computation, information processing, "hard problem" of consciousness, "explanation gap", double aspect principle of information.

Начав активно развиваться с середины прошлого века, вычислительные подходы к объяснению функционирования мозга и мышления оказали значительное влияние на большинство когнитивных наук и философию сознания. Своей популярностью данные подходы во многом обязаны работам Алана Тьюринга по математической теории вычислений и искусственному интеллекту [1], послужившим основой для компютационалистской теории сознания, согласно классической версии которой мышление представляет собой вычислительный процесс, определяемый некоторыми формальными надлингвистическими структурами. Отстаиваемый такими известными философами и учеными, как Хилари Патнэмом [2], Джерри Фодором [3], Алленом Ньюэллом и Гербертом Саймоном [4], Зеноном Пилишиным [5] и др., классический компютационализм играл важную роль в когнитивной науке с 1960-х по 1990-е годы. Однако уже в 1980-х и 1990-х годах классическую версию компютационализма стали

вытеснять коннекционизм [6] и теория динамических систем. С тех пор все большее число ученых-когнитивистов и философов обращаются в том числе и к этим альтернативным парадигмам.

Появление новых подходов в машинном обучении и информатике, таких как глубокое обучение, обучение с подкреплением, байесовское моделирование и др., способствовало дальнейшему развитию вычислительных теорий и преодолению некоторых дихотомий, до этого определявших дебаты о компютационализме: среди них спор о репрезентативном и нерепрезентативном характере вычислительных процессов, роли в них логицизма и вероятности, продуктивности и системности алгоритмических процедур и т.д. Тем не менее, перед современной компютационалистской концепцией все еще стоят нерешенные вопросы, касающиеся, в первую очередь, трактовки и использования некоторых определяющих ее понятий. В частности, среди ученых до сих пор нет консенсуса о том, какие физические состояния лежат в основе вычислительных процессов, и можно ли приравнивать данные процессы к обработке информации. Действительно, ставшая популярной еще в 1930-х годах аналогия между разумом и компьютером, чья функция заключается в получении данных из окружающей среды, их обработке и использовании в целях управления, послужила поводом для синонимизации терминов «вычисление» и «обработка информации», являющихся сегодня практически взаимозаменяемыми в контексте рассуждений о мозге и сознании. Однако некоторые современные сторонники компютационализма полагают, что наше представление о том, что мышление имеет вычислительный характер в силу своей деятельности, связанной с обработкой информации, не совсем верно: обработка информации не обязательно подразумевает вычисление, как и само вычисление не обязательно связано с обработкой информации, и комбинация этих понятий в рамках единой теории не только делает ее концептуальный аппарат слишком неопределенным и расплывчатым, но и затрудняет ее сопоставление со смежными подходами в рамках других научных дисциплин. Проблема, считают исследователи, заключается не только в непроясненности терминов «вычисление» и «обработка», но и в отсутствии четких границ между видами самой информации [7].

Помимо терминологических, перед современным концептуализмом также стоят вопросы, касающиеся некоторых эпистемологических и метафизических аспектов теории. Среди них можно выделить вопрос, связанный с проблемой вычислительной тривиальности, сформулированный еще Х. Патнэмом [8] и Д. Серлом [9], утверждавших, что абсолютно любая физическая система осуществляет тот или иной вид вычислительных операций и, следовательно, может быть описана как система, обладающая определенным уровнем сознания. Чтобы избежать подобных трактовок, сторонники компютационализма, как правило, вводят дополнительные ограничительные критерии, которым должна удовлетворять физическая система, способная к осуществлению вычислений. Так, философ Д. Коупланд утверждает, что лишь системы, обладающие должным уровнем организационной сложности, способны к вычислительной работе [10]; некоторые исследователи полагают, что для способности к вычислительной деятельности физическая система непременно должна обладать способностью к семантической репрезентации вычислительных состояний [11]. Безусловно, некоторые философы и вовсе не находят аргумент тривиальности достаточно весомым для опровержения компютационализма: хотя утверждение о том, что каждая физическая система способна к вычислению, приводит нас к панкомпютационализму, панкомпютационализм сам по себе не является противоречивой позицией, и, следовательно, может рассматриваться как одно из возможных следствий из компютационалистских посылок. К примеру, австралийский философ Д. Чалмерс считает, что панкомпютационализм должен настораживать исследователей только в том случае, если он постулирует способность каждой физической системы к осуществлению любого (а не только тривиального) вычисления [12].

Среди ученых и философов также ведется спор о возможности объективного толкования вычислительных процессов. Так, Джон Сёрл продолжил развитие своего знаменитого аргумента против программы сильного искусственного интеллекта, выраженного в мысленном эксперименте «Китайская комната», следующим образом: философ утверждает, что сам вычислительный процесс является зависимым от наблюдателя, а потому не может происходить сам по себе [13]. Подобный довод философ также использует в своей статье 2013 года «Может ли информация объяснить сознание?» [14], в которой он попытался опровергнуть любые информационно-ориентированные теории ментального опыта. Стоит отметить, что далеко не все современные ученые согласны с данной линией аргументации Сёрла, и отстаивают позицию, которую можно условно назвать «компютационным реализмом» [15].

Отдельно стоит упомянуть вопрос, являющийся на сегодняшний день центральным для всей аналитической философии сознания: возможно ли объяснить феноменальный ментальный опыт в

структурно-функциональных терминах, избежав при этом онтологического провала в объяснении? Очевидно, что для решения «трудной проблемы» сознания, компютационализму требуется обзавестись надежным метафизическим фундаментом, проясняющим онтологический статус ключевых явлений, описываемых в рамках данной концепции.

На сегодняшний день самым подходящим кандидатом на роль подобного метафизического основания представляется двуаспектный принцип информации, изложенный Д. Чалмерсом в его нашумевшей работе «Сознающий ум» [16, р. 365]. Согласно данному принципу, информация в мире представлена как физически, то есть объективно и независимо от наблюдателя, так и феноменально, то есть субъективно. Будучи сторонником подхода, который сам философ называет «минимальным компютационализмом», Чалмерс считает, что двуаспектный принцип возможно совместить с некоторыми положениями современных нейробиологических теорий, претендующих на объяснение феноменального аспекта сознания.

Двуаспектный принцип, однако, является лишь прототеорией, которую следуют развивать в панпсихистском или ограниченном направлении. Обе версии, однако, нуждаются в дальнейшей концептуальной доработке: так, до сих пор остается открытым вопрос о том, как избежать характерную для панпсихизма проблему комбинации [17], а также о возможном наборе критериев, ограничивающих виды информации, с которой может быть связан феноменальный опыт.

Безусловно, прежде чем объединить положения современного компютационализма с двуаспектным принципом информации, необходимо ответить на ряд формальных вопросов, среди которых уже упомянутые выше вопрос о связи вычислительных процессов с информационной обработкой и вопрос о зависимости данных процессов от наблюдателя. Вполне вероятно, что ответы на них будут даны в скором времени с помощью объединения достижений современных когнитивных наук и результатов философского концептуального анализа.

В целом, следует отметить, что компютационализм представляется весьма перспективной теоретической установкой, которая при должном развитии может претендовать на решение «трудной проблемы». Дополняемое все более сложными методами машинного обучения и растущей вычислительной мощностью, компютационное моделирование уже давно играет центральную роль в современной науке о мозге, и, вполне вероятно, именно вычислительный подход вскоре станет основой для будущей философской теории сознания.

Литература:

1. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind LIX, №236, 1950. P. 433 — 460.
2. Патнэм Х. Сознание и машины. Пер. Л.Б. Макеевой // Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги. 1999. 240 с.
3. Fodor J. The Language of Thought. New York: Thomas Y. Crowell, 1975. 217 p.
4. Newell, A., Simon H. The Logic Theory Machine: A Complex Information Processing System // IRE Transactions on Information Theory, №3, 1956. P. 61 – 79.
5. Pylyshyn Z. W. Computation and Cognition. MIT Press. 1984. 320 p.
6. Hinton G. E., McClelland J. L., Rumelhart D.E. Distributed representations // Parallel Distributed Processing (Rumelhart D. E., McClelland J. L. & PDP Research Group eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1986. P. 77 - 109.
7. Piccinini G., Scarantino A. Information processing, computation and cognition // Journal of Biological Physics, 2011. № 37(1). P. 1 - 38.
8. Putnam H. Representation and Reality. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 121 - 125.
9. Searle J. Is the Brain a Digital Computer? // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 1990. № 64. P. 21 – 37.
10. Copeland J. What is Computation? // Synthese, 1996. № 108. P. 335 – 359.
11. Rescorla M. A Theory of Computational Implementation // Synthese, 2014. № 191. P. 1277 – 1307.
12. Chalmers D. A Computational Foundation for the Study of Cognition // The Journal of Cognitive Science, 2011. № 12. P. 323 – 357.
13. Searle J. The Problem of Consciousness // Consciousness and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 7 - 17.
14. Searle J. R., Can Information Theory Explain Consciousness? [Электронный ресурс] // Hhimwich. 2013. URL: <https://www.hhimwich.com/files/can-information-theory-explain-consciousness.docx> (последнее обращение 28.02.2020).
15. Fresco N. Objective Computation Versus Subjective Computation // Erkenntnis, 2015. № 80 (5). P. 1031 - 1053.
16. Chalmers D. The Consciousness Mind: In Search of a Fundamental Theory. NY: Oxford University Press, 1996. 492 p.
17. Chalmers D. J. The Combination Problem for Panpsychism. 2013. [Электронный ресурс]: <http://consc.net/papers/combination.pdf> (дата последнего обращения: 09.02.2020).

Что объясняет панпсихизм?

Ткаченко И. Н.

intka-o@mail.ru

Аннотация: Концепция панпсихизма привлекается в настоящее время в качестве одной из попыток разрешения психофизической проблемы. В этом отношении современный панпсихизм отличается от традиционного панпсихизма, для которого данная проблема не обязательно могла иметь существенное значение. Панпсихистское объяснение представляется неудовлетворительным средством решения психофизической проблемы, поскольку оставляет открытым вопрос, как связаны между собой психические и физические явления на субстанциональном уровне. Концепция панпсихизма сама по себе вызывает серьезные возражения, прежде всего, потому, что невозможно привести никаких доказательств в пользу представления о всеобщей одушевленности природы.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, эволюция психики, панпсихизм, эпифеноменализм, искусственный интеллект.

What explains panpsychism?

Tkachenko I.N.

Abstract: The conception of panpsychism attracts as one from tries of decision of psychophysical problem in present time. In this relation modern panpsychism differs from traditional panpsychism, for which this problem not necessary can have essential importance. The panpsychistic explanation present unsatisfactory mean of decision of psychophysical problem, because it leave open question about connexion between psychic and physic phenomena on substantial level. The conception of panpsychism evokes serious doubts himself, first of all, because impossible to bring arguments for general animation of nature.

Keywords: philosophy of consciousness, psychophysical problem, evolution of psychics, panpsychism, epiphenomenalism, artificial intellect.

Концепция панпсихизма переживает сейчас свое возрождение и становится даже своеобразной философской модой в современной аналитической философии сознания [1]. Концепция панпсихизма, с одной стороны, является традиционной теорией, восходящей, в конечном счете, к анимистским представлениям, а с другой стороны, ее можно считать модернистской теорией, основанной, в некоторых ее вариантах, на информационном подходе [2]. Основной причиной распространения панпсихистских представлений в настоящее время является безуспешность многочисленных попыток разрешения психофизической проблемы, которая является одной из основных проблем философии сознания. Концепция панпсихизма привлекается в качестве объяснительного принципа, часто даже как единственного принципа, способного разрешить данную проблему. Конечно, могут быть и другие соображения, например, эстетического или мистического порядка, по которым эта концепция кажется привлекательной, о которых современные панпсихисты предпочитают умалчивать, но которые, тем не менее, должны существовать для выбора в пользу столь экстравагантной теории. Когда мы говорим о современном панпсихизме, то должны различать, прежде всего, саму концепцию панпсихизма и ее частное использование в качестве одного из способов разрешения психофизической проблемы. Если в свое время для Г. Фехнера [3] и Э. Геккеля [4] решение психофизической проблемы являлось совсем не основным в их общих системах взглядов, а для Н. Н. Бугаева и К. Э. Циолковского так вообще не имело никакого значения [6, 7], то современные панпсихисты сосредотачиваются почти исключительно именно на этой проблеме и связанной с ней проблеме возникновения психики. Собственно говоря, единственным аргументом в пользу панпсихистской точки зрения выставляется именно невозможность решения этой проблемы с других позиций, но при этом упускается из виду, что нельзя заранее предусмотреть все возможные варианты ее решения. Фактически панпсихизм представляет собой в данном случае попытку объяснить одно неизвестное *x* (связь между психическими и физическими явлениями) через другое неизвестное *y* (всеобщую распространенность психических свойств).

Современный панпсихизм весьма существенно отличается от панпсихизма XIX – начала XX веков, который являлся значительно более разработанной и аргументированной концепцией и более соответствующей уровню развития естествознания своей эпохи. Кроме того, панпсихисты прошлого держались куда более уверенно в отстаивании своих взглядов, чем современные панпсихисты, которые сопровождают их изложение многочисленными оговорками. Так, для Геккеля и Циолковского не подлежала никакому сомнению способность атомов к пассивным переживаниям. Однако главным отличием классического панпсихизма от современного является то, что он органическим образом входил в общую систему мировоззрения его представителей, что нельзя сказать о современных панпсихистах.

Мы можем представить основные возражения против современного панпсихизма, некоторые из которых имеют достаточно давнюю историю, следующим образом.

1. Панпсихизм просто постулируется в качестве объяснительного принципа, но никакие эмпирические или логические доказательства всеобщей одушевленности материи или какой ее неорганической формы при этом не приводятся.
2. Панпсихисты никак не объясняют, какими именно психическими свойствами должна обладать неорганическая материя, и какие существуют различия между нею в зависимости от степени ее организации.
3. Психика должна проявлять себя внешним образом, но никаких внешних проявлений психических свойств неорганической материи не обнаруживается. Панпсихисты не предлагают никаких методов, которые позволили бы обнаружить такие свойства, например, посредством поставленного эксперимента.
4. Панпсихизм до настоящего времени не способен справиться с проблемой композиции, причем панпсихисты прошлого, например, Геккель [4, 5] значительно лучше объясняли, как из отдельных душ составляется общая душа.
5. Фактически отрицается функциональная роль психики, ибо непонятно зачем нужна психика простейшим неорганическим образованиям, которые еще неспособны ее проявлять. Таким образом, эти психические явления должны носить эпифеноменальный характер. Универсальность психических явлений, не несущих никакой функциональной нагрузки, сама по себе представляется феноменом, требующим своего объяснения. Эволюция психики и соответствующих ей органических структур с эпифеноменалистской точки зрения также является не совсем понятным процессом, что отмечалось еще У. Джемсом в «Принципах психологии».
6. Концепция панпсихизма претендует на разрешение проблемы возникновения психики путем устранения самой проблемы, но она, в действительности, никак не решает ее, так как неясно, как психика из пассивной формы, свойственной неорганической материи, переходит в ее активную форму, которой отличается органическая материя.
7. Если простейшие животные типа инфузорий способны иметь психику только в самой примитивной форме, то какие психические свойства должны быть, например, у молекулы, и в чем, собственно, они должны проявляться?
8. Физические корреляты психических свойств должны иметь свою структуру, причем достаточно сложную, но какую структуру могут иметь атомы или молекулы для этой цели? С точки зрения материалистических панпсихистов, таких, как Г. Стросон [8], этот вопрос должен иметь принципиальное значение.
9. Если психические свойства способны проявляться на уровне простейшей материальной организации, то зачем тогда нужен такой высокоспециализированный и сложноорганизованный орган, как человеческий мозг? Элементарные психические свойства должны проявляться в этом случае на любом клеточном уровне. Геккель говорил о «клеточной душе» как общем свойстве органической материи [5].
10. Концепция панпсихизма никак не объясняет, как психические свойства связаны с физическими. Мы можем рассматривать все психические и физические процессы с их внутренней и внешней стороны в соответствии с двухаспектной теорией, но психические явления все равно останутся психическими, а физические явления – физическими. Концепция панпсихизма, которая привлекается для объяснения психофизической проблемы, становится ничего не объясняющей теорией.

11. Если психические свойства являются фундаментальными, такими, как спин и электрический заряд, то в рамках какой физической теории можно если не объяснить, то хотя бы представить, что атомы обладают психическими свойствами? Конечно, мы не можем знать все о свойствах атомов, но наше незнание тоже не может являться аргументом в пользу такой экстравагантной теории.
12. С методологической точки зрения можно поставить вопрос о верифицируемости панпсихистской гипотезы, поскольку очень трудно указать при каких условиях она может быть подтверждена или опровергнута. Кроме того, возникает вопрос о том, обладает ли панпсихистская концепция признаками собственно научной гипотезы.

Мы видим, что из всех этих пунктов только некоторые [5, 6, 10] имеют непосредственное отношение к возможности разрешения психофизической проблемы, тогда как остальные касаются больше общей концепции панпсихизма. Разумеется, критика панпсихизма как объяснительного принципа не обязательно должна затрагивать саму концепцию панпсихизма, но она способна вызвать серьезные сомнения в ее обоснованности и необходимости. Возникает также вопрос, имеет ли смысл для разрешения психофизической проблемы, которая является хотя и важной, но все-таки частной проблемой, приписывать психические свойства неорганической материи, что должно привести к пересмотру всех наших мировоззренческих позиций?

Мы можем обратить внимание еще на один аспект проблемы. Концепция панпсихизма фактически связана с функциональным изоморфизмом, пользуясь выражением Х. Патнэма [9]. Иначе говоря, природа материальной организации не имеет большого значения для психической организации, поскольку с панпсихистской точки зрения психическими свойствами должны обладать если не все все материальные объекты, то, по крайней мере, все достаточно сложные из них. Вопрос этот представляет определенный интерес с точки зрения моделирования психических процессов или создания искусственного интеллекта, и концепция панпсихизма может использоваться в последнее время некоторыми авторами с этой целью [10]. Однако функциональный изоморфизм не представляется самоочевидной концепцией, и все равно предполагает существование достаточно сложной структуры как материальной основы психических процессов, исключающее атомно-молекулярный уровень.

Конечно, если бы удалось найти достаточно убедительные доказательства в пользу гипотезы панпсихизма, то это было бы величайшим открытием в истории человеческого познания. Это открытие также неизбежно должно было бы изменить все наше мировоззрение самым радикальным образом. Но пока ничего не заставляет нас предполагать, что какие неорганические объекты обладают психическими свойствами даже в самой примитивной их форме.

Литература:

1. Panpsychism: contemporary perspectives. G. Bruntrup and L. Yaskolla, Eds. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 414 p.
2. Чалмерс Д. Сознание и ум. М.: УРСС: Книжный дом «Либрикон», 2013. 512 с.
3. Фехнер Г. Жизнь после смерти. Петроград: «Новый человек», 1915. 68 с.
4. Геккель Э. Мировые загадки. М.: ОГИЗ, 1937. 536 с.
5. Геккель Э. Клеточная душа и душевные клетки. Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1880. 44 с.
6. Бугаев Н. Н. Основные начала эволюционной монадологии. // «Вопросы философии и психологии». 1893. Кн. 17. С. 26 - 44.
7. Циолковский К. Э. Мониизм Вселенной // Циолковский К. Э. Философия космической эпохи. М.: Академический Проект; Трикста, 2013. С. 75 - 152.
8. Strawson G. Real materialism. Massachusetts, London: The MIT Press, 2010. 376 p.
9. Патнэм Х. Философия и наша ментальная жизнь. // Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Колесников А. В. Монистический панпсихизм К. Э. Циолковского как возможная идейная основа моделирования перцептивных процессов инструментами современной цифровой философии // Идеи К. Э. Циолковского в контексте современного развития науки и техники. Материалы 53-х научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Калуга: «Политоп», 2018. С. 257 - 259.

Как примирить человеческий разум и искусственный интеллект?

Феллер В. В.

Энгельский промышленно-экономический колледж, заведующий учебно-производственной практикой. Кандидат философских наук

feller-vv@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены внутренние угрозы четвертой промышленной революции: деградация способности воображения, пространственного интеллекта, мануальных навыков и интуиции человека. Как следствие, техническая цивилизация отчуждается от человека и переходит под контроль искусственного интеллекта (ИИ). Но ИИ не имеет правого полушария. Поэтому он лишен способности к адаптации. Его не спасает даже встроенный в него «черный ящик» сообщества программистов. Предполагается радикальное оздоровление современной культуры посредством «прививки» платформенных вариантов систем традиционного общества. Это «половозрастные классы», «обряды перехода», реципрокные сети. Предполагается воссоздание «иероглифического» и пространственно-временного мышления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, «обряды перехода», реципрокность, «иероглифическое» мышление, 3D-технологии, Лотман, Малиновский, историзм.

How to Reconcile the Human Mind and Artificial Intelligence. Feller V. V.

Engels College of Industry and Economics

Abstract: The article considers some internal threats of the fourth industrial revolution that are the degradation of the human imagination capacity, spatial intelligence, manual skills and intuition. As a result, technical civilization alienates from a man and artificial intelligence (AI) takes control over it. As AI does not have the right hemisphere, it is lack of the adaptability. Even the “black box” of society of programmers embedded is not able to save it. The modern society radical recovery expected to be possible by means of platform alternatives “vaccination” taken from the systems of traditional society. Those are “age grade”, “rites of passage”, reciprocal relations. The “hieroglyphic” and space-time thinking is proposed for reconstruction.

Keywords: artificial intelligence, “rites of passage”, reciprocity, “hieroglyphic” thinking, 3D-technologies, Lotman, Malinowski, historicism.

Искусственный интеллект (ИИ) мы рассматриваем как техническую программную систему и как симбиотическое единство этой системы с обслуживающим и активно использующим ее «платформенно-коллаборационным» сообществом.

Когнитивные угрозы четвертой промышленной революции

1. Деградация способности воображения. Теперь пространственный образ мы можем сконструировать на компьютере. Необходимость во внутреннем зрении отпадает.
2. Исчезает необходимость в пространственном мышлении. 3D-технологии вторгаются в сферу представления и мышления. Вместо мысленного представления, узнавания и воспроизводства пространственных фигур по их проекциям [1, с. 259], теперь можно просто сканировать изображение, а машина все точно воспроизведет.
3. «Большие данные» сужают сферу решений, основанных на интуиции и жизненном опыте.
4. Роботизация и 3D-печать объективно лишают руку необходимого применения не только в промышленности, но в мастерской ремесленника и даже в студии художника.
5. В системном действии перечисленных выше факторов возникла угроза самому статусу «человека разумного» и «человека умелого».

6. В связи с этим вероятно превращение человека в «придаток» Техники. Того, что человек остается источником желаний и культурных смыслов, еще недостаточно, чтобы управлять эмансипировавшейся «умной техникой». То, что она останется «под присмотром» специалистов, которые будут писать ей программы, не отменяет угрозы «машинизации» самого человека под воздействием ложных идей, привычки, страха и алчности.
7. Любопытно, что в свое время развитие пространственного интеллекта, а затем, на его основе, вербального (письменной речи) и формального интеллекта привело к ослаблению эмоционального интеллекта [1, с. 261], крайне дефицитного в наше время [2, с. 71 - 72, 85].
8. Дж. Бруннер обращает внимание на то, что в «племенных» обществах не возникает проблем, связанных с проецированием объемных образов на плоскость. Люди здесь обходятся без переводных операций и напрямую представляют объемные фигуры, мысленно манипулируя ими [3, с. 322 - 323] в рамках пространственно-временного мышления.

Анализ причин неустойчивости «оруэлловской диктатуры» XXI века

1. Система культуры, согласно Ю. М. Лотману, является «двуполушарной», при некоторой условности данной аналогии [4, с. 566; 5, с. 595 - 598].
2. Научно-технический прогресс в течение XVI-XX вв. привел к отмеченному Лотманом и Х. Зельдмайром парадоксальному сочетанию научного прогресса и психологического регресса [6, с. 628 - 636, 7, с. 141-146]. В этот период возник новый тип техногенного общества, воспроизводящий архаические образцы древних цивилизаций Месопотамии. Л. Мамфорд назвал этот тип общества мегамашиной [8, с. 252 - 261, 273 - 275]. В результате развития этой тенденции возникла как угроза «коллапса» культуры, так и возможность перехода культуры на новый уровень.
3. Даже сложнейшие экосистемы, включая и человечество, не могут избежать периодических катастроф. Тем более, неспособна к устойчивому развитию сколь угодно сложная система ИИ, построенная на принципе последовательного уменьшения неопределенности, на «управлении сложностью», тогда как живые системы «управляют тотальностью», периодически погружаясь в «самоорганизующийся хаос» и продуцируя многообразие при сохранении внутренней целостности и динамики развития. Искусственный интеллект, «генерируя дискретные языки», эффективен в решении ограниченного круга задач с заданными условиями. Однако он беспомощен перед вероятностной природой действительности и не способен «генерировать новые языки». Главное преимущество разума и культуры над ИИ – это его «биполярность как минимальная структура семиотической организации» [9, с. 570].
4. Конечное превосходство «двуполушарных» систем основано на совмещении принципов причинности и целостности, при ведущей роли последнего, обеспечивающего отношение «часть-целое» [10, с. 10]. Категория целостности наиболее фундаментальна [11, с. 55]. На основе «фрактальности» она детерминирует эволюцию систем. «Окружающая среда» тоже является целостностью, – только более сложной. Поэтому, в соответствии с законом необходимого разнообразия, культура выживает, приспосабливаясь к тотальности «окружающей среды» и являя «мир в капле воды». «Малое целое», кризисно адаптируясь к «большому целому», меняет себя и его, например, «в гибридных комбинациях между человеком и природой» [12, с. 23 - 24]. ИИ же лишь имитирует взаимодействие «целых».
5. Но почему «креативное сообщество», интегрируясь с системой ИИ, не обеспечит должного выполнения «творческой миссии» в техногенном обществе? Одна из главных причин заключается в том, что ценностная структура сообщества, интегрированного в мегамашину, будет подчинена сверхценности «эффективность ИИ», подобно тому, как техническая рациональность капитализма в XIX-XX вв. оказалась сильнее гуманистических ценностей Ренессанса и Просвещения. «Присматривающие» за системой не смогут «пользуются разумом», как призывал Кант, но попадут в капкан тотальной стандартизации поведения, языка и мышления.
6. Выход – низвержение идолов Техники и формирование, в ходе болезненной социальной трансформации, дуальной структуры обновленного человечества, включающей «недискретную народную культуру Ритуала и Праздника» и «дискретную культуру ИИ».

Семь взаимосвязанных решений для выхода в новый аттрактор развития

1. Ключевым моментом социокультурной трансформации будет возрождение Праздника как общности и «репрезентации общности в ее законченной форме» [13, с. 307]. Социальная структура, совершив празднично-обрядовый переход через хаос «лиминального состояния», выходит «исправленной» и преображенной [14, с. 199, 231 - 232]. В основе любых форм интеллекта лежит поведенческий интеллект [1, с. 258]. Не деятельность должна приспосабливаться к структуре, а наоборот [11, с. 58 - 59]. И именно «правополушарное» сознание непосредственно связано с деятельностью [5, с. 599]. В основании ритуальной деятельности лежит «коллективная креативность», которую В. Тэрнер называет «коммунитас» [14, с. 206 - 207]. Поэтому Человек, вытесненный Техникой из сферы Труда, не должен паниковать и «проситься обратно». Он вновь обретет себя как деятельное и эмоциональное существо в сфере Ритуала и Праздника.
2. Креативность личности также имеет большое значение. Но ее высвобождение должно быть «правильным». Творчество становится способом преодоления изначально возникшей в культуре дезадаптации человека. Но в «первоначальном отчуждении – причина как творчества, так и разрушения» [1, с. 160 - 161]. Следовательно, неправильная активизация творческого начала может привести и к разрушительным последствиям, – как для самого человека, так и для общества. Согласно В. М. Вильчеку, «разрушение и творчество едины в своем истоке и идеале (слияние с миром)». «Но средства и результаты этих процессов противоположны» [1, с. 163].
3. Креативность активизирует мощный потенциал бессознательного и, включая формообразующие программы, становится интегрирующей силой эмоционально-интуитивного постижения тотальных целостностей, т.е. включает «аналоговое мышление», которое, согласно Х. Арндт и Х. Ортега-и-Гассет, открывает перспективу развития «иероглифического мышления» [15, с. 102 - 103; 16, с. 75]. На этом пути возможны как восстановление творческих потенциалов западного, в широком смысле, мышления, так и переход на новый уровень «диалога культур» на основе общих цивилизациям кодов – космогонических мифов [17, с. 124 - 127; 18, с. 305 - 307, 479 - 482].
4. Большое значение будут иметь комплексные реформы в сфере образования и воспитания. Упор должен быть сделан не на внедрение цифровых технологий как таковых, а на социокультурную трансформацию. Ее результатом станет превращение образовательной системы в «древесный ствол» динамичного и «ветвящегося» общества развивающейся традиции (концепт «прогресса-традиции»). Особое внимание следует обратить на дошкольное образование, в котором находятся ключи к будущей успешности человека [19, с. 27]. Ключевое значение имеет возрождение «образования через всю жизнь» [20, с. 292]. В последнем случае стоит обратить внимание и на идею синтеза «информационного общества» с традиционной системой «половозрастных классов». Они играют ключевую роль не только в образовании и социализации подрастающих поколений, но и в гармонизации «жизненного цикла» человека от младенчества до смерти [21; 22].
5. Другая перспектива предполагаемого синтеза цифровых платформ и традиционного общества – это частичное воссоздание «экономики обмена дарами и гостеприимства», исследованной Б. Малиновским [23], и позже получившей имя «реципрокных систем». Краудсорсинг со временем превратится в одну из моделей реципрокных платформ.
6. Следует не только не допустить деградации пространственного мышления, но и, с опорой на 3D-технологии, восстановить пространственно-временное мышление. Эту задачу необходимо включить в более общую задачу построения очередного, четвертого, звена пятиступенчатой «лестницы разума», восходящей, согласно Платону [24, с. 525 - 533], от арифметики к геометрии, затем к стереометрии и, далее, к астрономии и музыке. Платон обозначает и пятый уровень. Это уровень диалектики, занимающейся изучением «пифагорейских чисел» как динамичных структур. Задача нашей эпохи лишь предвдвывает эту последнюю цель и заключается в том, чтобы с третьей ступени «лестницы разума» взойти на четвертую ступень, совершив восхождение от пространственного мышления, имеющего «достаточное основание» в плоскостной проекции, к пространственно-временному мышлению, имеющему «достаточное основание» в пространственной фигуре. Это изменение того же рода, что и появление геометрии и географических карт, конституировавших на заре античного мира пространственный интеллект.

7. Возрождение полноценного историзма соединит усиление чувства жизни в «здесь и сейчас» «карнавальной культуры» с усилением чувства истории в «там и тогда». Исторический разум поможет нам определить место нашей современности во всеобщей истории и логику исторического процесса [2, с. 89]. От технологий «жизненного цикла» путь лежит к воссозданию «жизненного цикла» всего человечества.

Литература:

1. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2007. 368 с.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Пер. с англ. «Корпоративный университет Сбербанка», М.: Эксмо, 2016. 138 с.
3. Бруннер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К. И. Бабицкого. Предисловие и общ. ред. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
4. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 557 - 567.
5. Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 590 - 602.
6. Лотман Ю. М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 622 - 638.
7. Зельдмайр Х. Утрата середины. Изобразительное искусство XIX и XX веков как симптом и символ времени // Зельдмайр Х. Утрата середины / Пер. с нем. С. С. Ванеяна. М.: Прогресс-традиция; Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 31 - 244.
8. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М.: Логос, 2001. 408 с.
9. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 568 - 580.
10. Виттих В. А. Ситуационное управление с позиций постнеклассической науки // Онтология проектирования, № 2, Самара: 2012. С. 7 - 15.
11. Виттих В. А. Эволюционное управление сложными системами // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 2, № 1. Самара: 2000. С. 53 - 65.
12. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Пер. с нем. Ф. Штильмарк. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 472 с.
13. Гадамер Г. - Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. и комментариев В. С. Малахова и В. В. Библихина. М.: Искусство, 1991. 367 с.
14. Тэрнер В. Символ и ритуал / Пер. с англ. Сост. В. А. Бейлис. Отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
15. Арндт Х. Жизнь ума. Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68 - 81.
17. Вольф М. Н. Ранняя греческая философия и Древний Иран. СПб.: Алетейя, 2006. 224 с.
18. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства / История восточной философии / Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература РАН, 2002. 606 с.
19. Кузьминов Я., Фрумин И. Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики: Двенадцать решений для нового образования. М.: ЦСР, 2018. 106 с.
20. Песков Д. (модератор) Заключительная лекция о будущем России и мира на горизонте 2035 года (беседа двенадцати российских экспертов) // 13 лекций о будущем. М.: Коворкинг-центр Агентства стратегических инициатив, М.: 2014. 313 с.
21. Калиновская К. П. Система возрастных классов в Африке // Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее. Под ред. Р. Н. Исагиловой. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 74 - 86.22. Николаева О. Л. Традиционная система воспитания и образования у народов Тропической Африки // Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее. Под ред. Р. Н. Исагиловой. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 171 - 189.
23. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. Пер. с англ. В. Н. Порус. М.: РОССПЭН, 2004. 552 с.
24. Платон. Государство // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 97 - 494.

Особенности технологической трансформации человеческого тела и сознания в концепции НБИКС

Чапны Е. В.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, специалист. Кандидат философских наук

elena_chapny@mail.ru

Аннотация: Развитие современного научного знания предполагает приоритет социогуманитарной составляющей, а так же необходимость применения междисциплинарного подхода к изучению сложных процессов и явлений в системе НБИКС. Автором отстаивается необходимость изучения глубинной телесной обусловленности ментальных процессов, а также значимость выявления непознанных возможностей человеческого тела.

Ключевые слова: НБИКС-технологии, «постчеловек», интерфейс «мозг-компьютер», трансгуманизм, границы тела, энактивизм.

Features of technological transformation human body and consciousness in the concept of NBIC.

Chapny E. V.

North Caucasian Scientific Center of Higher School of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University

Abstract: The development of modern scientific knowledge implies the priority of the socio-humanitarian component, as well as the need for an interdisciplinary approach to the study of complex processes and phenomena in the NBIC system. The author advocates the need to study the underlying bodily conditioning of mental processes, as well as the importance of identifying the unknown capabilities of the human body.

Keywords: NBIC-technologies, "post-man", "brain-computer" interface, transhumanism, body boundaries, enactivism.

Изучение того, как отдельные технологии влияют на развитие человека и общества сегодня дополнены необходимостью исследованиями конвергентного влияния таких технологий друг на друга. В этой связи высокий стратегический статус приписывается концепции НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных, социогуманитарных технологий), в которой принято различать два вектора. Первый предполагает синергичную взаимосвязь указанных технологий. Что же касается второго, то он акцентирует внимание на проблеме «улучшения человека», «человеческой функциональности» [1, с. 96 - 97]. Это вызвало энтузиазм сторонников трансгуманистических идей (Р. Курцвейл, В. Виндж, Н. Бостом и др), которые увидели в ней перспективу и инструмент создания постчеловеческих существ нового типа, порождаемых на современной стадии развития технокультуры.

«Развитие конвергирующих НБИКС-технологий открывает перед человечеством возможность создания принципиально новых инструментов техноэволюционного процесса. Нанотехнологии дают ключ к изменению мира артефактов и живой природы, в том числе биологии человека» – утверждают авторы статьи «Технолюди» против «постлюдей...» [2]. По расчетам экспертов, к середине века наша цивилизация может выйти на рубеж «сингулярности» (А. П. Назаретян), за которым следует или деградация, или переход на качественно новый уровень развития. Это заставляет мыслителей разного толка искать пути изменения губительной траектории развития цивилизации [3, 4]. Один из таких путей, согласующийся с конвергентным развитием НБИКС – трансгуманистический вариант преобразования человека и общества.

В этой связи ряд ученых предложили идею сохранения жизни и разума путем их переноса на небиологический носитель. Начаты серьезные исследования и технические разработки в этом направлении. Согласно Д. И. Дубровскому, «сверхзадача трансгуманистических проектов – кибернетическое бессмертие, перенос сознания и личности в небиологическую систему, субстрат которой не подвержен

разрушительным влияниям высоких температур, радиации и т.п.» [5, с. 238 - 239].

Эта идея тесно связана с вопросом о границах человеческого тела. К. Фрит справедливо отмечает ошибочность представления о существовании между телом и остальным материальным миром четкой границы. Этот тезис подтверждается рядом экспериментальных данных. Например, проведенным им опытом того, как ощущение выходит за пределы тела и переходит в отдельный от нас объект окружающего мира [6, с. 101 - 105]. Сюда следует отнести и представления об орудиях труда, как органопроекциях. Всякий раз, когда мы используем предметы материального мира как орудия, наше тело получает продолжение за счет этих предметов.

Как отмечает В. Чеклецов, «границы наших тел «размываются» в физическом, физиологическом, экологическом, психосенсорном, экзистенциальном измерении» – в авторском контексте, «размывание» границ предполагает, что каждое физическое изменение состояния целостности «тело-сознание-среда» представляет собой некоторый сигнал, который можно зашифровать определенным образом и транслировать во Всемирную сеть. Речь идет о наступлении эры «всеобщей всепроникающей тотальной межсвязности – когда любой артефакт, система или процесс физического, биологического, ментального мира могут быть связаны как между собой, так и с любым виртуальным «объектом» или системой мира цифрового» [7, с. 107]. Состояние всеобщего единения обозначается термином панкоммуникация. Такая гибридная среда предполагает реализацию проектов Интернета вещей и Разумной среды [8, 9].

Такое взаимодействие становится возможным, в том числе, благодаря интерфейсам «мозг-компьютер» (ИМК), серьезные разработки которых ведутся научными коллективами разных стран. ИМК – технология управления «силой мысли» (силой намерения). С помощью этой технологии мозг человека получает возможность на основе собственной электрической активности формировать команды для компьютера напрямую, без использования мышц.

Намечается ситуации, где человек стремится трансформировать тело изнутри благодаря НБИКС-технологиям; и в то же время делает попытки «выносить границы» своего тела наружу через технологии Гибридной реальности и панкоммуникации.

На наш взгляд, создание Гибридной реальности и реализация проекта Интернета вещей будет не столь успешна без учета принципов «энактивизма» [10, с. 91] и концепции «воплощенного ума» [11, 12]. Можно предположить, что в содержательном плане концепция «воплощенного ума», идея «энактивизма», равно как проект создания Гибридной реальности, проистекает из имманентной потребности человека в телесном вовлечении в окружающий мир, где нет четкой границы тел, отделяющей внутреннее от внешнего, где ничто не мешает физическому смешению и взаимопроникновению; где тело – проводник, интерфейс, с помощью которого осуществляется связь внутреннего и внешнего миров, связь сознания со средой.

Быть может, мы пользуемся этот интерфейс (биологическое тело) не на полную мощность и знаем очень мало о возможностях, которыми обладает тело. Но если согласиться с М. Джонсоном в том, что у человеческого тела есть, как минимум, пять измерений (тело как биологический организм, экологическое тело, феноменологическое тело, социальное тело, культурное тело [11, 12]), каждое из которых представляет собой океан смыслов, то возникает вопрос: сможем ли мы воспроизвести эти смыслы, создать их удачную копию для того, чтобы перенести сознание (если, конечно, будет найден ответ на вопрос, что такое сознание) на небиологический субстрат? Может ли проект Гибридной среды стать совершеннее мудро- организованной целостности «тело-сознание-среда»?

Не получится ли так, что в попытке освободиться от «оков» бренного изнашиваемого тела, мы утратим и нечто очень важное. Как справедливо отмечает В. С. Степин, «человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован... Биологические предпосылки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности» [13, с. 19].

Конечно, подобные теоретические исследования не содействуют на все сто процентов стремительно развивающимся трансгуманистическим проектам, но, быть может, осмыслить их сейчас куда более важно, чем создать искусственные клетки крови, сетчатку глаза и прочие высокотехнологичные атрибуты «постчеловека».

1. Аршинов В. И. Глобальное будущее 2045 / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Дубровского Д. И. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
2. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. № 3. 2013. С. 12 – 21.
3. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013. 440 с.4. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские Науки. № 2. 2008. С. 10 – 31.
5. Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие/Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
6. Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир/пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель, 2010. 335 с.
7. Чеклецов В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек-машина» / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.
8. Cook D., Das S. Smart Environments: Technology, Protocols and Applications. Willey-Interscience, 2005. 329 p.
9. Vision and Challenges for Realising the Internet of Things / E. Sundmaeker, P. Guillemin, etc. European Commission, 2010. 189 p.
10. Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии//Вопросы философии. № 10. 2013. С. 91 – 104.
11. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding, University of Chicago Press, 2008. 308 p.
12. Johnson M., Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999. 600 p.
13. Степин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. 272 с.

Антоновский А.Ю.

*Доктор философских наук
Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник*

antonovski@hotmail.com

Аннотация: Обращаясь к методологии системно-коммуникативного анализа, автор предлагает интерпретировать социальную самоорганизацию как в первую очередь коммуникацию, альтернативную традиционным способам взаимодействия политической сферы и гражданского общества. Ставя перед собою задачу определить специфику социальной коммуникации как новой, но соразмерной традиционным коммуникативным системам (политика, хозяйство, наука), а также выяснить, выполняют ли новые социальные движения, в первую очередь протестные, уникальную задачу-функцию как собственного воспроизводства, так и взаимодействия с другими социальными системами, автор обращается к использованию методологической рамки системно-коммуникативного подхода. Использование для изучения протестной активности такой методологии предполагает возникновение новых социальных движений следствием реакции на общие системно-структурные деформации общества и актуальные социальные риски, а само складывание протестной коммуникации как предпосылки активного действия интерпретирует как следствие подключения эмоции «социального страха». Способность испытывать страх за другого делает возможным групповое накопление и передачу страхов от одного участника движения к другому.

Ключевые слова: протест, медиа, коммуникация, активизм, системно-коммуникативный подход

Contemporary system theory and its application.

Antonovskiy A.Y.

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Annotation: Trying as to define the specifics of protest communication as a new communicative system that is nevertheless commensurate with the traditional communicative system (politics, economy, science), as well as to find out whether new social movements, primarily protest ones, fulfill the unique task of simultaneously reproducing themselves, so and interaction with other social systems, the author turns to the use of the methodological framework of a system-communicative approach. Such a methodology for studying protest activity interpret the emergence of new social movements as a result of a reaction of society to its general systemic structural deformations and to current social risks. Besides the system-communicative approach interprets protest communication as a prerequisite for active action and defines it as a result of the inclusion of the emotion of “social fear”. So, the ability to experience fear for another makes possible accumulation and transferring of fears from one participant to another.

Keywords: protest, media, communication, activism, system-communicative approach

Поскольку комплексная интерпретация особенностей современных протестных объединений требует системного анализа и связана со специфичной функциональной системой, использующей особые коммуникативные медиа, востребованным сегодня представляется использование методологического потенциала системно-коммуникативного подхода [1]. Кроме того, протестные объединения отличаются предельной размытостью своих границ, что часто не позволяет установить ни уникальную тему-триггер недовольства, ни целевую группу-выгодоприобретателя протеста. Поэтому актуальной становится задача определения специфики протестной коммуникации как новой, но соразмерной традиционным коммуникативным системам (политика, хозяйство, наука), а также выяснение, выполняют ли новые социальные движения, в первую очередь, протестные, уникальную задачу-функцию одновременного

¹ Более полная версия авторской концепции представлена в работе Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. «Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода». Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 3. С. 140-164.

собственного воспроизводства, так и взаимодействия с другими социальными системами.

В этом смысле оправданным представляется использование в качестве методологической рамки идей Х. Фукса, который полагал возникновение новых социальных движений следствием реакции на общие системно-структурные деформации общества и актуальные социальные риски. Как отмечал Х. Фукс, протестная коммуникация кристаллизуется под влиянием последовательной аккумуляции критических наблюдений за общественными противоречиями и проблемами, приобретая черты горизонтальной структуры под влиянием не резкого ухудшения отдельных социальных характеристик, но вследствие обострения социальной перцепции и осознания некоторого социального противоречия [2].

Предложенный Х. Фуксом алгоритм формирования протестных структур укладывается в общеметодологические рамки трехстадийной концепции социальной эволюции авторства Н. Лумана [1], в рамках которой функциональный генезис социальных движений понимается как производное от накопленной критической массы новых способов коммуникации, наблюдения и самоописания и их стабилизации посредством постепенной структурной совместимости с окружающей средой [3]. Самовоспроизводство коммуникативной системы протеста возникает из консолидации значительного числа наблюдений, понимаемых как маргинальные или нежелательные, и дальнейшей самовалидации протестной коммуникации, когда само алармистское обсуждение «негативных тем» и даже их сценариев запускает новые циклы их коммуникативной ретрансляции. Протестный медиум коммуникации выступает аутопоэтической структурой и связывает коммуникативные макро- и микроуровни, когда переживания опасности на микроуровне выливаются в медийно освещаемые общественные протестные акции, что не запускает новый виток обсуждения/коммуникации в медиа, но и прямо затрагивает/вызывает коммуникативный отклик у иных макросистем (хозяйства, политики, права) [4].

Складывание протестной коммуникации не определяется влиянием одного фактора, но представляет собою сложный результат кризиса, ресурсной мобилизации, когнитивной мобилизации, самопроизводства. Радикальный протест может быть спровоцирован самым незначительным событием-триггером, тогда как фундаментальные структурные деформации, вызывающие личные депривации и социальное недовольство, могут и не породить протестной активности. Протест – причина самого себя. Как всякая форма коммуникации, образуемая в ходе дифференциации функциональных систем, протест не имеет внешних причин. Поэтому протестная коммуникация должна рассматриваться как реализация представляющейся эволюционной возможности, а не как функциональный ответ на вызов. В этом смысле условные «социальные проблемы» являются не причинами, а следствиями протеста, который «обостряет» то, что само по себе никогда бы не стало центром общественного обсуждения [5].

До недавнего времени протестная коммуникация условно совпадала с «телесным присутствием» протестующих на акциях, митингах, шествиях и пр. [6]. С частым обращением активистов к новым средствам коммуникации, протестные объединения, в первую очередь своей мобилизующей повесткой, все чаще оказываются еще и локализованы в виртуальном контенте интернета, социальных медиа, мессенджеров. Временная локализация современной протестной коммуникации, в отличие от условно традиционных проявлений социального недовольства (митингов, революций, мятежей), ввиду её аутопоэтичности и локализации, в том числе и в интернете, не сводится к единичным событиям, но «растянута» во времени без четких критериев завершения. Не только протестные акции, но и весь комплекс протестной реакции (артикуляция протестной тематики и системы ценностей, складывание организационной структуры и иерархии, создание и публикации манифестов/уставов/листовок/газет) лишь провоцируется отдельными событиями-триггерами, тогда как подлинной причиной тех или иных проявлений протестной коммуникации является ее аутопоэтическая природа.

Литература

1. Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016.
2. Fuchs Ch. The Self-Organization of Social Movements. Systemic Practice and Action Research. 19(1). 2006. Pp. 101–137.
3. Антоновский А. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины. Вопросы философии. №7. 2017. Pp 158–171.
4. Japp K. P. Soziologische Risikotheorie, Muenchen: Juventa, 1996
5. Japp K. P. Wie psychosoziale Dienste organisiert werden. Widersprüche und Auswege. Campus-Verlag, Frankfurt/Main/New York 1986, ISBN 3-593-33581-6
6. Антоновский А. Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества. М.: Канон, 2011

Дебаты о мультикультурализме в глобальную эпоху

Бараш Р.Э.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
старший научный сотрудник, кандидат политических наук

raisabarash@gmail.com

Аннотация: В фокусе внимания автора – проблематика влияния мультикультурного контекста на динамику современной культурной идентичности, особенно в многосоставных сообществах. Отмечая неопределённость представлений о базисных основаниях гражданской идентичности многих современных сообществ, автор указывает на необходимость экспликации механизма их конструирования в современную эпоху. Обращаясь к категориям «свобода», «легитимность», «признание», автор рассуждает о факторах воспроизводства коллективных представлений и самосознания многосоставной политической нации.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, межкультурная коммуникация, системнокоммуникативная теория

Debates about multiculturalism under the global context.

Barash R.E.

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The author analyzes the basic categories of social science that she is using for studying as of the dynamics of cultural identity as of the multicultural community by itself. The article is also devoted to study of the basic foundations of the civil identity of the Russia's society. The author applies to such categories as "freedom", "legitimacy", "recognition" in order to study the factors of reproduction of collective identity, representation and self-consciousness of the political nation. It is noted in the article that Russian society is facing the challenges of globalization so the traditional urban way of life is changing.

Keywords: culture, multiculturalism, intercultural communication, system-theoretical approach.

Тематика «мультикультурализма» является актуальной не только в пространстве академического сообщества, но и оказывается одной из наиболее востребованных тем публичной политики. Несмотря на принципиальную тематизацию, категория «мультикультурализм» используется как своего рода штамп, общее место, и понимается очень условно: и как национальная и конфессиональная политика, и как идеология терпимости, и как воплощение многообразия или, напротив, разрушение социального «целого», и как утрата культурного ядра странами с активной миграционной политикой. Робер Стэм и Элла Шохат справедливо отмечают, что концепция мультикультурализма само по себе полисемична и допускает различные интерпретации [1].

Мультикультурализм можно рассматривать как мастер-код, в рамках которого борются конкурирующие дискурсы. И вместо некоторого дискурса, мультикультурализм представляет собой совокупность дискурсов. Так что неверно делать широкие обобщения об «обещаниях» или «утверждениях» мультикультурализма. Мультикультурализм представляет собою прежде всего это прежде всего множественность, конъюнктура, и он существует в меняющемся отношении к различным институтам, дискурсам, дисциплинам, сообществам и национальным государствам. Как «расположенное высказывание», оно может быть сверху вниз или снизу вверх, гегемонистским или устойчивым, или и тем и другим одновременно. Все зависит от того, кто кого мультикультурирует, с какой социальной позиции, в ответ на какие гегемонии, в чью пользу, в рамках какого политического проекта, используя какие средства, развертывая какие дискурсы и так далее. И именно поэтому стало необходимым точно определить, о каком течении в мультикультурализме идет речь-откуда такие

Поддержано фондом РФФИ, проект № 18-011-01179 Социологические, историко-этнологические и философско-антропологические факторы формирования идентичности россиян в мультикультурном контексте

классификаторы, как «критический», «радикальный», «полицентрический» и «антирасистский», чтобы отделить наш вид мультикультурализма от «корпоративного», «кооперативного «и» либерального «мультикультурализма».

Культура как междисциплинарная философская категория

Классическое философское понятие культуры сегодня получает междисциплинарное звучание. Оно «операционализируется» отдельными дисциплинами: социологией, политологией, культурологией, психологией. Может ли оно сохраниться хотя бы в общей рамочной функции, большой вопрос. Но это отличает понятие культуры от иных фундаментальных философских понятий – бытия, пространства, времени, истины и др. В отличие от последних, в отношении понятия культуры можно посмотреть, как оно фактически «работает» не только в философской теоретизации, но и в практическом применении, в фактической практике *reconciliation* как между отдельными странами и народами, так и во внутренней этно-национальной политике отдельных стран.

Специфика современной концептуализации культуры состоит в том, что, с одной стороны, в условиях глобализации понятие культуры можно использовать почти исключительно в контексте теорий мультикультурализма. Понятие культуры сам по себе, как нечто самоценное, противостоящее исключительно «натуре» (природе, как это замысливалось изобретателем этого понятия Цицероном), как нечто, что могло бы существовать и безотносительно сопредельных, чужих культур, сегодня, кажется, потеряло всякий смысл. С другой стороны, утрата культурой самоценного значения связывается с ее восприятием как фактора самоидентификации, и в этом смысле культура словно уравнивается с иными весьма гетерогенными факторами – гендерным, половым, политическим и иными основаниями психологической самоидентификации. В этом смысле культура оказывается проблемой и понятием психологии.

Можно ли привести эти – политические, социологические, психологические – операционализации культуры к единому знаменателю? На этот вопрос пока нет ответа, поскольку почти нет серьезных обобщений конкретно-научных исследований в области *culture studies*. Накопление критической массы таких исследований могло бы помочь нам дать обобщающее определение культуры и мультикультурализма. Но для этого понятие культуры не может изучаться само по себе, до должно быть инкорпорировано в некоторую охватывающую теорию общества. Такую попытку, в частности, осуществил Рудольф Штихве, последователь и коллега Никласа Лумана, развивающий системно-коммуникативную теорию общества [2]. Далее мы попробуем осуществить еще одной «операционализацию» понятия культуры в рамках ситуационного исследования – рассмотреть такое понимание культурной самоидентификации в Российском обществе.

Мы покажем, что понятие мультикультурализма требует его коммуникативно-философского осмысления и онтологического прояснения статуса культурной идентичности, анализа его роли в контексте фундаментальных ценностей – свободы и справедливости.

Онтологический статус культурной идентичности

Кроме того, нуждаются в определении факторы, являющиеся – актуально и потенциально – наиболее деструктивными и опасными для сохранения и некоего гармоничного воспроизводства коллективных представлений и самосознания российской нации. Но что же собой представляет это искомое понятие культурной идентичности? Можем ли мы, в свою очередь, его как-то идентифицировать и прояснить его «онтологический» статус и функцию?

Недавние события в Европе (антиэмигрантские настроения, выразившиеся в росте популярности правых партий и движений) и России (всплеск в 2014-2016 гг. и последующее постепенное снижение интереса к проблеме политической субъектности этнонациональных групп) вновь обусловили интерес к проблемам гражданской идентичности, межкультурной коммуникации, дискуссии о влиянии на социально-экономическую и политическую ситуацию тенденций этнокультурного самоопределения. Характерной для современного мира является ситуация соседства представителей нескольких этнических и национальных групп, различающихся своими традициями и социокультурными особенностями. Кроме того, общемировой тенденцией сегодня становится тенденция стремительного усложнения, многосоставности как индивидуальной идентичности, так и межкультурной коммуникации сообществ.

В свою очередь тенденция этнокультурного «ренессанса», результирующая в распространение уникальной национальной мифологии [3], нередко приводит не только к росту идей культурной исключительности и автономности, но и к своеобразной лавине центробежных настроений. Заявления о правах на «собственную идентичность» сменяются настроениями независимости или доминирования в регионе, что провоцирует ответную реакцию. Разрастание и мифологизация идей культурной исключительности приводит к образованию сплоченных компактных групп, возникновению устойчивых конфликтов и взаимной ненависти, что угрожает безопасности. И для российской реальности подобные тенденции в принципе не новы. Одновременно с этим, Россия является носителем уникального опыта и традиций исторической многокультурности, складывания межкультурной коммуникации.

Обратной стороной рассуждений об означенной многокультурности оказывается усиление интереса представителей многих этнокультурных групп к собственной уникальности. Во-вторых, распространение идей этнокультурного своеобразия приводит к интенсификации процесса самореференции этнокультурных групп, представители которых все пристальнее вглядываются в коллективное «мы», внимательнее выделяют атрибуты отличия и схожести. Что в свою очередь, может породить процессы внутренней радикализации, самопозиционирования и действия представителей этноконфессиональных групп, связанные с продуцированием и провоцированием идей ненависти и вражды внутри собственной группы.

Коммуникативная философия как методология исследований мультикультурной идентичности

Данные аспекты предполагают целый ряд ключевых теоретико-методологических направлений анализа как динамики формирования политической нации, так и нынешнего состояния российской идентичности. Одним из центральных контекстов исследования специфики складывания события «политического гражданства» [4, с. 138], формирования политической нации в рамках мультикультурной реальности является коммуникативный контекст. Представляется, что наиболее значимой здесь является заданная Н. Луманом теоретико-методологическая рамка изучения сложносоставной социальной структуры, предполагающая апелляцию к системно-коммуникативной парадигме исследования социальных систем. Что сопряжено с обращением в первую очередь к такой категории анализа, как дифференциация [6, с. 11]. Категория «дифференциация» в ее интерпретации Н. Луманом в качестве механизма аутопойезиса, воспроизводящего социальную систему через разделение на подсистемы посредством самореференции и саморазличения [5], позволяет проследить специфику изменения групповой идентичности под влиянием контекста окружающей среды. Если понимать изменения общественных настроений в контексте дифференциации – то есть рекурсивного воспроизводства системы через тематизацию различий между социальной системой и внешним миром, через производство многообразных различий между подсистемами, то логичным представляется процесс последовательного усложнения в современном мире групповой идентичности как отклика на появление все новых тематических медиумов социальной коммуникации. И в этом контексте усложнение, мультикультурализация сообществ представляет собою динамичный процесс создания социальной системой отклика на окружающее усложнение по самым разнообразным поводам.

Мультикультурализм и свобода

Если предпочтительной теоретико-методологической рамкой исследования складывания и эволюции идентичности в современном мире является системно-коммуникативный подход, то одним из ключевых понятий в рамках изучения особенностей утверждения многосоставных сообществ, является понятие свободы. В данном случае для понимания специфики складывания политической нации в мультикультурных рамках свободу необходимо понимать в контексте классического либерализма – как свободу совести, но не индивидуальную свободу или свободу сообщества / общины [7]. Такое понимание свободы постулирует важный атрибут «эффективных» многосоставных сообществ, выступающий своеобразным «предохранителем» для их гармоничного существования: свобода совести как ключевая характеристика интерпретации свободы предполагает право индивидов свободно входить в сообщества и выходить из них. Свобода совести также является мерилем границ культурного самоопределения и установок межкультурного взаимодействия. Что таким образом обеспечивает свободную самореференцию и самодифференциацию социальной системе которой является не только

многосоставное сообщество в целом, но и входящих в «мультикультурный конгломерат» локальных групп.

Будучи использована в качестве базисной категории анализа существования многосоставных сообществ свобода совести может быть использована в качестве мерила успешности/гармоничности их самоописания, а значит воспроизводства/аутопойезиса. Свобода совести, выступающая в качестве базового основания многосоставного сообщества, центрирует внутренне дифференцированную, но логически единую систему коммуникации, обеспечивает взаимодействие ее подсистем, ее стабильность и воспроизводство/самоописание.

Мультикультурализм и легитимность

Еще одной категорией анализа не только динамики развертывания и идентичности, и многосоставных сообществ, но и их успешности воспроизводства / самоописания может выступать категория легитимности. Понятие легитимности неразрывно связанной с категорией свободы, причем именно в ее общественно-политическом, а не моральном истолковании. Для анализа проблематики культурного самоопределения должна быть использована категория «легитимность» понимаемая в соответствии с определением Дж. Ролза как «постоянно возобновляемый консенсус» [8, с. 9] относительно принципов, которые будут существовать на протяжении жизни многих поколений и обретут солидную базу в лице свои сторонников в рамках более или менее справедливого конституционного режима [8, с. 15]. Критерием легитимности и справедливости устройства того или иного многосоставного сообщества, успешности тиражирования той или иной идентичности выступает постоянное подтверждение консенсуса относительно разумности мнений, в первую очередь по вопросам общественного устройства тех, кто тиражирует ту или иную идентичность, входит в то или иное многосоставное сообщество.

Литература:

1. Stam R., Shonat E. Traveling Multiculturalism: A Trinational Debate in Translation in Postcolonial Studies and Beyond. Ed. by Loomba A., Kaul S. et al. Duke University Press. 2005. Pp. 293-316.
2. Stichweh R., Windolf P. Inklusion und Exklusion: Analysen zur Sozialstruktur und sozialen Ungleichheit. Wiesbaden. 2009
3. Barash R. et al. «Truth» and «authority» as categories of social philosophy. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. № 5. P. 120—134. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.08(In Russian).
4. Kapustin B.G. Citizenship and civil society. State Publishing house of the Higher School of Economics, 2011. М.: 224 p. (In Russian)
5. Antonovskiy A. Science as a social subsystem. Voprosy filosofii. 2017. № 7. Pp. 158-171.
6. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kapitel 2: Kommunikationsmedien. (Russian Translation 2005)
7. Kukathas Ch. The liberal archipelago. A theory of diversity and freedom. Oxford: Oxford University Press 2007 (Russian Translation 2011)
8. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.
9. Lektorski V.A. Constructivism in epistemology. Voprosy filosofii. 2008. № 8. Pp. 3-37.

О языке внутреннего диалога и мышлении

Базлев М.М.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». Кафедра истории, ассистент

mike.bazlev@gmail.com

Аннотация: История проблемы философского осмысления собственного внутреннего диалога как процесса мышления включает в себя не одну сотню лет. Благодаря же развитию в XX веке междисциплинарного взаимодействия в изучении внутренней речи был сформирован ряд концептуальных положений, дающих теоретическое и эмпирическое обоснование философским суждениям о возможной тождественности обоих процессов. Данная работа направлена на формирование системного описания данных положений, объединяя опыт множественных исследований проблемы в едином дискурсе. Ключевыми темами анализа являются вопросы о структуре внутренней речи как семиотической системы репрезентации бытия человека, а так же возможности ее функциональной тождественности процессу мышления.

Ключевые слова: внутренняя речь, мышление, автокоммуникация, субъективность, полиморфность.

On the language of internal dialogue and thinking.

Bazlev M.M.

National Research Nuclear University MEPhI. Department of History,

Abstract: The history of the problem of philosophical reflection on own internal dialogue as a process of thinking includes several hundred years. Due to the development of interdisciplinary interaction in the study of inner speech in the 20th century, a series of conceptual provisions providing theoretical and empirical substantiation to philosophical judgments on the possible identity of both processes have been formed. This work is aimed at forming a systematic description of these provisions, combining the experience of many researches of the problem in a single discourse. The key themes of the analysis are questions about the structure of inner speech as a semiotic system of representation of human existence, as well as the possibility of its functional identity to the process of thinking.

Keywords: inner speech, thinking, autocommunication, subjectivity, polymorphosity.

Проблема внутреннего диалога, разговора «души с самой собой», является предметом философского осмысления во множестве аспектов от онтологии до когнитивистики. Во всем этом многообразии, один из способов подхода к нему основывается на изучении внутренней речи. Феномен внутренней речи был объектом интереса еще в ранний период истории философии, начиная с Платона и Аристотеля [1]. Мы можем встретить размышления о нем в работах Марка Аврелия [2], Августина [3] и многих других. Однако, неверным будет утверждать, что внутренняя речь (далее – ВР) в этих работах становилась самостоятельным объектом изучения. Скорее речь идет о вплетении ее в суждения о мышлении и душе человека. Так в случае трактата Платона «Теттет», мы можем встретить лишь краткое, но емкое описание:

... представляется, что душа, размышляя, ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая. И тогда, когда она определила что-нибудь, быстро или медленно поняла, в согласии с собой пришла и от колебания освободилась, мы полагаем это ее мнением, так что иметь мнение, по-моему, значит говорить, а мнение есть словесно выраженная речь, но не другому кому-нибудь и не голосом, а молча, самому себе... [4, с. 118-119]

Однако в XX веке, благодаря стремительному развитию смежного дискурса философии, психологии и семиотики, ВР становится объектом пристального внимания исследователей. Направленная не на внешнюю intersubjectивную коммуникацию, характеризуемую диалогом

«Я – Другой», а на внутреннюю, строящуюся по модели «Я – Я» автокоммуникацию человека с самим собой, ВР стала осмысляться промежуточным звеном в взаимодействии человека с миром. Звеном, благодаря которому мир интериоризировался, осмыслился и переживался. В этом значении существенным видятся вопросы как о структуре ВР как семиотической системы репрезентации бытия человека, мира который он воспринимает, его переживаний; так и о функциональной тождественности процессу мышления, благодаря которому бытие человека осознается им.

Что касается первого вопроса – систематическое изучение ВР показало, что она неоднородна. Ее код использует как языки, доступные внешней речи, такие как акустические, графические, коды телодвижений, интонации. Но также включает в себя знаки из других кодовых систем: это и образы – зрительные, слуховые, обонятельные; представления, понятия, схемы и пр., что пропорционально сочетаются между собой в зависимости от степени «углубленности» внутренней речи [5, с. 42-45]. Формирование этого кода было описано в первой половине XX в. Л.С. Выготским. Исходя из его теории, каждая психическая функция появляется дважды в развитии: на интерпсихологическом плане, как функция, распределенная между несколькими отдельными лицами, и на внутриспсихологической плоскости, как интернализированный вариант прежде внешней функции. Описание этого процесса мы можем встретить еще в отрывке «Исповеди» Августина:

Наблюдая, как взрослые, называя какой-нибудь предмет, поворачивались в его сторону, я постигал, что предмет обозначается произносимыми ими звуками, поскольку они указывали на него. А вывод этот я делал из их жестов, этого естественного языка всех народов, языка, который мимикой, движением глаз, членом тела, звучанием голоса выражает состояние души – когда чего-то просят, получают, отвергают, чуждаются. Так постепенно я стал понимать, какие вещи обозначаются теми словами, которые я слышал вновь и вновь произносимыми в определенных местах различных предложений. И когда мои уста привыкли к этим знакам, я научился выражать ими свои желания. [3, с. 61]

И хотя подобная остенсивная модель усвоения языка подверглась критике Л. Витгенштейна, начинающего с этого отрывка свою работу «Философские исследования» [6, с. 80], она видится корректной в ситуации первичной интернализации. Так блестящая иллюстрация этой критики, данная У.В.О. Куайном [7, с. 46-101], на примере воображаемого диалога туземца и лингвиста, отталкивается от ситуации уже обладания языковыми моделями. В то время, как Выготский указывая на этот процесс, говорит о первичном усвоении языка ребенком, не имеющим в сознании никаких языковых коррелятов переживаемому. Выделяемая Выготским вторая часть этого процесса показывает, что интернализация является не просто копированием внешней речи на интрапсихологический план. Межличностный диалог, выстраиваемый изначально во внешней речи, в процессе интернализации претерпевает ряд преобразований, формируя ВР. В отличие от внешней речи, ВР «исключительно предикативна», «полна идиоматизмов», «максимально свернута» [8, с. 239-240]. Она является последовательностью иносказаний и метафорических структур. Ее предикативность проявляется в том, что подлежащее умалчивается, однако прием умолчания используется не оттого, что подлежащее известно, но, как замечает А.В. Ахутин, потому что «открывается в молчании собственной природы, подлежащей всматриванию, вдумыванию, вслушиванию» [9, с. 486]. Говоря о эллиптичности ВР, Ахутин замечает, что ВР – «...пустота, в которую опустилось само собой разумеющееся, [которая] допускает неожиданные заполнения. Всплыть может совсем не то, что пропущено» [9, с. 487]. Этот аспект определяется тем, что во ВР существенно преобладание смысла над значением, при котором смысл понимается как весь спектр впечатлений, связанных со словом и переживанием. При этом личное значение слов во ВР имеет приоритет над их обычными значениями. В процессе агглютинации в ВР происходит развитие гибридных слов, обозначающих сложные, предметно-специфические понятия. Слово в ВР становится нагруженным большим количеством ассоциаций, чем присуще его обычному значению, и приобретает богатство для субъекта, которое не разделяется другими. Это может нас натолкнуть на возможное соотношение ВР с «индивидуальным языком», о котором пишет Витгенштейн в «Философских исследованиях»:

Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания? <...> Слова такого языка должны относиться к тому, о чём может знать только говорящий, – к его непосредственным, индивидуальным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка. [6, с. 171]

Однако, ВР, обладая всеми качествами «индивидуального», не требует согласованности с необходимыми для интересубъективной коммуникации правилами разделяемыми всеми. Теряя большую часть акустических и структурных качеств внешней речи, к которой благодаря структурируемости в объективном языке применима критика Витгенштейна, ВР становится процессом «мышления в чистых смыслах».

Это подводит нас ко второму указанному вопросу. Взаимодействие этого внутреннего (субъективного) языка и языка натурального (объективного) образует процесс мышления, в котором «внешняя речь есть процесс превращения мысли в слова, ее материализация. Внутренняя – обратный по направлению процесс, идущий извне внутрь, процесс превращения речи в мысль» [8, с. 316].

Проведенные Н.И. Жинкиным исследования показали, что зарождение мысли осуществляется в предметно-образительном коде: представление может стать предметом бесконечного числа высказываний, обеспечивающих безграничные возможности постоянно возрождающегося во ВР натурального языка. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию, в результате чего механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях: предметно-образительном коде и речедвигательном коде. В первом звене мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена [10, с. 36]. Таким образом процесс понимания в мышлении является переводом с натурального языка на внутренний, в то время как обратный перевод образует процесс высказывания.

Благодаря этому кодовому переходу, как показывает М.Ш. Бонфельд, справедливо говорить о полиморфности человеческого мышления, в которой невербальные формы мышления тесно соседствуют с вербальными и наоборот [11]. Такими типами невербального мышления выступают «визуальное мышление», «наглядное», «практическое», «математическое», «музыкальное» и т.д., основой которых является ВР, что «как бы сбрасывает с себя выполнение своей первичной функции, ее породившей: она перестает непосредственно служить средством общения для того, чтобы стать прежде всего формой внутренней работы мысли» [12, с. 414-415].

В этом значении, ВР максимально близка понятию процесса мышления, что приводит по мнению ряда исследователей к утверждению о терминологическом дублировании и путанице. В то же время в сам термин ВР недифференцированно включались разные по функциям и проявлениям процессы. Для решения данной проблемы, А.А. Леонтьев предложил дифференцировать понятия «внутренняя речь», «внутреннее проговаривание» и «внутреннее программирование». Согласно этой системе, «внутреннее проговаривание» отражает форму развернутой речи про себя, возникающей при решении трудных, непривычных задач. В понятие ВР, Леонтьев включает интериоризованное речевое действие, осуществляемое в свернутой, редуцированной форме, о которой говорилось выше. И наконец, термин «внутреннее программирование», отражает процесс неосознаваемого построения схемы, на основе которой в дальнейшем порождается высказывание [13, с. 7]. В результате этого процесса ВР становится средством осуществления интеллектуальных операций. Иначе говоря:

<...> то, что обычно называется внутренней речью, а нами здесь названо внутренним программированием, как раз и является орудием осуществления мысли, связующим звеном между... интенцией и развертыванием мысли при помощи объективного языкового кода. [14, с. 30]

Таким образом, в высказывании Ахутина, о том что: «беззвучный диалог души с собой и есть мышление» [9, с. 392], характер «беззвучности» не должен быть сведен лишь к буквальности отсутствия вербализации, как предполагалось Пиаже. В значении мышления ВР фактически не обладает языковыми коррелятами, поскольку всякое оречевление первоначальных интенций является результатом познавательной деятельности человека, а не ее процессом.

Литература

1. Duncombe M. Thought as Internal Speech in Plato and Aristotle // Logical Analysis and History of Philosophy. 2016. No 19. P. 105–125.
2. Hadot P. The Inner Citadel the Meditations of Marcus Aurelius. Cambridge, EUA: Harvard University Press, 2001. 351 p.
3. Августин А. Исповедь. М.: «Ренессанс», 1991. 488 с.
4. Платон Теэтет. М.-Л.: СОЦЭГГИЗ, 1936. 192 с.
5. Львов М.Р. Основы теории речи. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 248 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
7. Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.

8. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений в 6 т.: Т.2: Проблемы общей психологии / Под. ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
9. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
10. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
11. Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление: Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. 648 с.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
13. Леонтьев А.А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания. // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967. С. 6–16.
14. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа Планов // Планы и модели будущего в речи: Материалы к обсуждению. Тбилиси, 1970. С. 27–32.

Центрирование философского текста в современной культуре

Батаев М.А.

Омский государственный педагогический университет

bmoty00@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена осмыслению философского текста как фундамента коммуникации между несколькими центрами в современной культуре. Ставится вопрос о преобладании одного центра бытия культуры над другими. Рассматривается вопрос о соотношении категорий единства и множества. Отражена роль античной философии в формировании этих категорий и идеи полицентризма. Текст есть инструмент понимания полицентричности мира. Показано, что диалог в форме текста играет определяющую роль в развитии коммуникации между автором и читателем: идеи, звучавшие в Античности, актуализируются сегодня. Выявлена роль метафоры как неотъемлемого компонента в создании философского текста. Вводится понятие «философский архетип» для обозначения истоков происхождения идеи полицентризма во взглядах античных мыслителей. Показана роль философского текста в конструировании, трансляции и репрезентации идей авторов.

Ключевые слова: коммуникация, текст, метафора, культура, идея, полицентризм, центр.

Centering a philosophical text in contemporary culture.

Bataev M.A.

Omsk State Pedagogical University

Abstract: The paper is devoted to understanding the philosophical text as the foundation of communication between several centers in modern culture. The paper raises the question about the predominance of one center of culture being over others. The relationship between the categories of unity and plurality is considered. The role of ancient philosophy in the formation of these categories and the idea of polycentrism is discussed. A text is a tool for understanding the polycentricity of the world. It is shown that dialogue in the form of a text plays a decisive role in the development of communication between the author and the reader: the ideas discussed in Antiquity become important again today. The role of a metaphor as a component in the creation of a philosophical text is discussed. The concept of “philosophical archetype” is introduced to indicate the origins of the idea of polycentrism in the views of ancient thinkers. The author highlights the role of the philosophical text in the construction, transmission and representation of the authors’ ideas.

Keywords: communication, text, metaphor, culture, idea, polycentrism, center.

Современный мир является полицентричным объектом осмысления. Феномен множественности центров широко используется в политических науках, где полицентризм понимается как множественность центров в структуре, организации чего-либо; наличие нескольких центров в международных отношениях. К тому же ещё одно определение гласит, что полицентризм – это учение о происхождении человечества в нескольких очагах земного шара. Мир полицентричен благодаря интенции политической сферы объяснить сложившуюся обстановку в нынешнее время. Здесь же это понятие включает в себя позицию антропогенеза как первообразную модель деятельности человека в обществе. Политическая сфера играет важную, но не определяющую роль в объяснении полицентричности мира. Следует обратиться к философии. Полицентризм в философии можно характеризовать как непрерывную структуру взаимосвязей явлений и предметов объективной действительности. Полицентризм не есть понятие аристотелевской или гегелевской логики. Оно есть понятие современной политической риторики, соответственно вызывает ассоциации с анализом современного состояния мира в целом, культуры в частности. Существенные признаки полицентризма раскрываются в самой этимологии слова. Отметим их.

Во-первых, любой центр имеет механизм притяжения субъекта в познавательном процессе.

Это имеет место в научных революциях и сменах культурных парадигм, в результате чего появилось множество центров развития культуры, которые имеют такой же эффект притяжения, однако они не находятся в явном противоборстве.

Во-вторых, существующая множественность и сила притяжения центров современного бытия вызывает вопрос о соперничестве нескольких центров при выходе их на первый план.

В-третьих, вся множественность центров бытия обусловлена наличием единства и непрерывности системы, которая является фундаментом мироздания и образует мыслимую оболочку мира.

Развитие оппозиции категорий единства и множественности берет свои корни с IV в. до н.э. В Античности утверждалось положение о единстве бытия, понимаемом как его нераздельность. Досократики искали первопричину всего мироздания в различных стихиях и объектах.

Истоки полицентризма были отображены в философских трактатах Платона. Основная его концепция – деление бытия на идеальный и материальный миры – уже есть философский архетип зарождения идеи полицентризма. Современное бытие – это реальность, в которой живет человечество, остро нуждаясь в установлении связи единства и множественности в социальном и индивидуальном бытии. Человек современной эпохи нацелен на получение некоего единичного результата своей деятельности в опоре на множественность. Противоборство социального и индивидуального бытия обусловлено не только их оппозицией как философской абстракции, но и детерминировано личностными характеристиками отдельных индивидов, особенностями индивидуального мышления в культурном процессе. Таким образом, полицентризм – одна из основных характеристик культуры, в целом, определяющих ее изменчивость.

В современной культуре полицентричное бытие проявляет себя на разных уровнях. Непосредственным инструментом, а также одним из проявлений представленности идеи полицентричного мира есть философский текст. Текст есть результат деятельности субъекта, и является связующим элементом между различными центрами бытия, так как в нем заключены мысли о явлениях и предметах объективной реальности. Текст выступает объектом познания, а также может выступать в роли инструмента саморефлексии, ведь каждый центр бытия всегда будет познавать сам себя для того, чтобы оставаться тем самым центром, который имеет силу притяжения. Любое познание делится на два уровня: внешнее и внутреннее. Дело в том, что один компонент не может существовать без другого. В дальнейшем субъект, как один из центров бытия, может быть способен к осознанной деятельности из-за самопознания. Трансляция – это одна из основных функций текста. Возможность транслирования текстом фактически любой информации помогает человеку чувствовать контакт постоянно изменяющейся действительностью. Текст как один из многих центров современного бытия способен конструировать философский анализ в синтезе с литературной формой. Такую практику использовал Платон в трактате «Государство»ⁱ. Благодаря формату диалога, использованного автором, показано стремление к витальному мышлению. Эта направленность позволила человеку создавать культуру. В частности философский текст способствовал формированию идей в культурно-историческом процессе.

Философский архетип полицентричного мира представлен в «Государстве» Платона. Приобретение опыта и наработка собственных взглядов, идей и убеждений помогли философам дальнейших веков осознать не только многоуровневый подход к осмыслению бытия. Любая философская идея может выступать философским архетипом, которая выразится в тексте. Идея полицентризма в мире лежит в философии Античности. Платон показывает добродетели как образец идеального общества. Полицентризм смог выразиться в формате текста. Диалог между Сократом и Главконом есть подтверждение мыслей философа того, что каждый центр может привносить в бытие свои изменения. Платон одним из первых продемонстрировал нам полицентричность бытия через текст. Тем самым диалог и полилог выступают проявлением полицентризма в тексте. Столкновение нескольких центров в платоновских произведениях подтверждает мысль о противоборстве взглядов Сократа с его учениками. Актуализация автономности каждого центра есть пересечение векторов идей субъектов. Таким образом, здесь прослеживается как ученик Главкон покорно слушает своего учителя, но уже в другом произведении Теэтет вступает в диспут с Сократом и утверждает о невозможности человеческого познания на рациональном уровнеⁱⁱ. Эти диалоги и полилоги в произведениях Платона суть отражение элементов нашей действительности, а также коррелируют бытия и культуры. Любая ком-

муникация является полицентричной, трансформирующейся в единство или противоположность. Диалог – это инструмент коммуникации, который вовлекает в понимание дискурса. Такая коммуникация связывает автора и читателя сквозь время, помогая усвоить идеи. Таким образом, текст есть неотъемлемый элемент культуры.

Метафора Платона «охота за справедливостью» способствует контакту между читателем и автором, каждый из которых является центром своего мира. Сама метафора есть инструмент не только выражения образов и мыслей автора, но и развитие культуры в истории общества. Связность текста обусловлена рядом языковых и структурно-семантических особенностей. Метафора есть инструмент конструирования бытия текста. Восприятие текста человеком современной культуры определяется выражению метафорами и логической последовательностью. Человек как познающий субъект выступает центром бытия. Он созидает мир вокруг себя, благодаря чему возникает другой центр – культура. Связь двух центров бытия через культурно-исторический процесс характеризуется формированием интенции одного субъекта к познавательной деятельности. Структура познания базируется на законах правильного мышления, которые описал Аристотель, создав формальную логику. В дальнейшем процесс развития общества во многом найдет отражение в Средневековье, когда многие религиозные философы опирались на труды Аристотеля.

Однако Аристотель опирался на труды своего учителя – Платона, который дал толчок формированию интенции нахождения человеческих добродетелей, которые отражены, прежде всего, в сознании человека, а после отображаются в виде текста. Философский текст является основным инструментом транслирования информации в комплексном виде. Перечисленные добродетели Античности передаются через философский текст в дальнейшие эпохи развития общества. Человек в разные эпохи всегда находился в оппозиции, сторонами которой являлись личные ценности и общественные интересы. Опираясь на вышеперечисленный материал, следует сделать вывод о том, что текст является связью между центрами индивидуального и социального бытия в ходе исторического процесса. Платоновские добродетели демонстрируют синтез концептуальных и этических начал на протяжении многих столетий. Они изложены в текстовом виде и отражены в форме идеала. Феномен текста как центра культуры находит свой смысл в современном мире.

Таким образом, метафора в философском тексте выступает основным атрибутом полицентризма текста. Стремление современной культуры к повсеместной полицентричности конструирует новые трактовки ее понимания. Философский текст укореняется в бытии, выступая частью культуры. Общество не только открывает новые центры для объяснения мира, но и стремится к осмыслению самого себя. Поэтому философский текст есть опора для деятельности и дальнейшего развития современной культуры.

Литература

1. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 420 с.
2. Платон. Теэтет // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Пер. Т.В. Васильевой. Т.2. М.: Мысль, 1993. С 192-274.
3. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. 576 с.

ⁱ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 420 с.

ⁱⁱ Платон. Теэтет. Пер. Т.В. Васильевой, - Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 1993, с 192-274.

Место и роль философии языка в аналитической традиции

Блохина Н. А.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, доцент. Кандидат философских наук

n.blokhina_77@mail.ru

Аннотация: Майкл Даммит сформулировал так называемую «аксиому аналитической философии», согласно которой «философское объяснение мышления может быть достигнуто посредством философского объяснения языка». Однако такая трактовка целей и задач исследовательской деятельности в АФ фактически низводит АФ к (аналитической) философии языка (АФЯ), а в ближайшем рассмотрении – к одному из её этапов. Для обоснования данного положения в статье обсуждается предыстория АФЯ, её предметные области, типы анализа и основные направления, а также роль АФЯ на разных этапах аналитического движения. В конце предлагается трактовка структуры аналитического знания как ряда дисциплинарных областей, исходящих из разных методологических установок – натуралистической, метафизической, лингвогенной, пр. АФЯ, исходящая из лингвогенной установки, является неотъемлемой частью АФ на всех этапах ее развития. Однако не на всех этапах анализ языка служил ключом к пониманию того, что есть бытие и какова его структура, или что есть истинное знание. В современной АФ «убеждение, что язык является сердцем философии, окончательно умирает и язык вновь становится лишь одним из многих объектов философского исследования» (С. Соумс).

Ключевые слова: «аксиома аналитической философии», предыстория аналитической философии языка, этапы аналитической философии языка, методологические установки

Philosophy of language' place and role in analytical tradition.

Blokhina N. A.

Yesenin Ryazan State University, associate professor

Abstract: Michael Dummett enunciated the so called “axiom of analytical philosophy (AP)”: “a philosophical account of thought can be attained through a philosophical account of language”. But that sort of AP research intentions and goals reading reduces AP to (analytical) philosophy of language (APL) virtually, and more concretely – to one of its stages. This paper' discussion of prehistory of APL, its subject matter fields, analysis types and main trends, the role of APL at different stages of its development as well, provides arguments for supporting this premise. Finally, the author presents her version of the structure of analytic knowledge that consists in a complex of disciplinary fields each of which has its own methodological background assumption –naturaistic, metaphysical, linguogenetic, etc. Premised on the linguogenetic assumption APL has been an indispensable part of AP throughout all its development. However not at all stages the analysis of language was used as a key for resolving the problem ‘what is being’ and ‘ what sort is its structure’, or ‘what is true knowledge’. In current AP “the belief that language is the heart of philosophy dies and language again becomes just one of many objects of philosophical study” (S. Soams).

Keywords: “axiom of analytical philosophy”, prehistory of analytical philosophy of language, stages of analytical philosophy of language, methodological background assumptions

Определяя сущность аналитической философии (АФ), не редко цитируют Майкла Даммита [1, р. 63; etc.], который считал, что философское объяснение мышления может быть достигнуто посредством философского объяснения языка [2, р. 4]. Данное положение принято называть «аксиомой аналитической философии». Однако эта «аксиома», на наш взгляд, обедняет понятие аналитической философии, сводя его содержание лишь к одному из направлений АФ – философии языка, к тому же – определённого этапа её развития.

Стремясь быть точными – свойство, специфицирующее аналитическую философию [3, с. 2; 4,

с. 152; др.], необходимо понять, каков предмет философии языка в АФ, какое место занимает и какую роль играет философия языка в аналитической традиции, а не в структурализме, постструктурализме или герменевтике, например.

Предыстория аналитической философии языка

Во-первых, не следует думать, что поворот философов-аналитиков в начале XX века к изучению языка был чем-то уникальным для того времени. Возникновение семиотики (Ч. С. Пирс, Ф. де Соссюр и др.), развитие символической логики (Г. Фреге, Б. Рассел, А. Уайтхед, др.), поворот к изучению мира повседневности, мыслей и чувств человека, мотивирующих человека в его деятельности (школа «Анналов»), стимулировало изучение естественных языков.

Во-вторых, АФ не являлась первым направлением в истории философии, предметно занимавшимся онтологическими проблемами языка. Так, уже философы Ренессанса и Нового времени пытались раскрыть связь между картиной трансцендентного (элементами бытия), описанного в Каббале, и лингвографическими и/или нумерическими смыслами древних языков, в частности, иврита [5, с. 186–197]. Разочарования, постигшие исследователей, среди которых были Пико дела Мирандола, Джон Ди, стимулировали развитие самой радикальной из стратегий, легших в основу одного из наиболее амбициозных предприятий философии XVII века – разработку искусственной и свободной от магических коннотаций универсальной знаковой системы, способной заменить тот идеальный язык, который якобы был языком ветхозаветного Адама. Как известно, проект создания универсального философского языка существовал ещё у Лейбница [5, с. 195].

В-третьих, стоит сказать о логике развития самой философии. Онтологический вопрос о сущем в АФ трансформируется в вопрос о природе онтологических высказываний [6, с. 12]. Парменидовский проект широкой аргументации от мысли к бытию получает в ней логическое завершение: теперь уже язык из орудия выражения мысли превращается в источник порождаемых смыслов и значений. Обращение к философскому изучению языка оказывается вполне закономерным [7].

Предметные области аналитической философии языка

АФЯ является философским изучением естественного языка, главным образом его семантического и прагматического аспектов.

Основными гипотезами о природе значения языковых выражений называют следующие: (1) референциальную; (2) идеациональную или менталистскую; (3) трактовку значения как использования; (4) концепцию «разговорной имплицатуры» П. Грайса; (5) гипотезу о выводной (в результате умозаключения) роли значения (Л. Витгенштейн, Р. Карнап, У. Селларс); (6) гипотезу верификационизма (логические эмпирики); (7) истинностно-условную теорию значения (Д. Дэвидсон); (8) гипотезу, согласно которой значения per se не существует (концепция Куайна о неопределённости перевода и непостижимости референции; концепция элиминативистского материализма в объяснении сознания (Чёрчленды, др.)) [8, р. 673–674].

В первой половине XX века наиболее влиятельной теорией значения являлась теория дескрипций, которую чаще всего, и справедливо, связывают с именем Б. Рассела. В конце 60-х гг. теория дескрипций под ударами критики со стороны К. Доннелана, С. Крипке и Х. Патнэма была потеснена каузально-исторической теорией. Однако в последние годы определённые идеи теории дескрипций были инкорпорированы в каузально-историческую теорию референции. Другие концепции значения (1–6) также не лишились своих сторонников [8, р. 674–675].

Наиболее влиятельными в прагматике АФ языка являлись (1) теории, исходящие из того, что значения языковых выражений меняются от контекста к контексту; (2) теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл и др.); (3) теория разговора или имплицатуры П. Грайса.

Типы анализа в аналитической философии языка и её основные направления

«Анализ» в аналитической философии XX–XXI вв. не сводится к какой-то одной разновидности анализа. Наша попытка систематизации видов анализа позволила выделить в АФ типы аналитического мышления (логический, концептуальный, лингвистический) и технологии (техники) анализа

(декомпозиционный, регрессивный, интерпретационный). Специфическое сочетание типов мышления и техник анализа порождает разнообразие методик анализа.

В зависимости от типа используемого анализа в АФЯ в ней можно выделить (1) философию обыденного языка (или «философию стандартно используемого языка»), в которой доминирует концептуальный анализ; (2) философию идеального языка, представленную двумя направлениями – формальной семантикой и логическим конструктивизмом. В последних двух направлениях используется логический анализ [9, p. 217]. Каждое из этих направлений играло (и продолжает играть) определённую роль в АФЯ и в АФ в целом.

Роль аналитической философии языка в аналитической традиции на разных этапах её развития

АФЯ прошла ряд этапов, на которых менялись ее предметности, роль и значение в АФ. На первом этапе, начавшемся с работ Г. Фреге и Б. Рассела, язык, наряду с новой логикой, становится объектом философского изучения в области философии математики, а затем – в области метафизики и эпистемологии. На втором этапе, связанном с именами Л. Витгенштейна и логических эмпириков, были созданы во многом упрощённые модели языка [10], в особенности для их реального применения в научном исследовании. Одновременно язык стал орудием борьбы с метафизикой, нормативностью и многими традиционными проблемами философии, которые предполагалось решать на основе анализа языка. Третий этап являлся эрой доминирования лингвистического анализа в АФ, эрой витгенштейноцентризма – увлечения идеями Витгенштейна позднего периода. На этом этапе АФ лингвистические модальности идентифицировались с метафизическими и эпистемическими модальностями (очень ярко это проявилось в «дескриптивной метафизике» Питера Стросона). Два последующих за окончанием II мировой войны десятилетия были временем бурного развития Оксфордской школы обыденного языка, но одновременно и временем её конца [11, p. 216].

Но в АФ уже пришли идеи У. в. О. Куайна, Д. Дэвидсона, С. Крипке. Куайн возродил интерес к натурализму логических эмпириков, критиковал понятие аналитичности, значения и референции. Проблемы философии, как оказалось, можно решать и на основе натуралистической, а не только лингвистической методологической установки, используя при этом, к тому же, логический анализ. Дэвидсон заложил фундамент системного изучения языка, создав истинностную теорию значения на основе семантической теории истины А. Тарского. Крипке же помимо различения разных видов необходимости обосновал возможность, пусть и ограниченную [12, с. 57–63], существования необходимого a posteriori. В процессе критики идей Куайна была обоснована возможность применения модальной логики в философии (Р. Б. Маркус, С. Крипке). Путь к концепции возможных миров Д. Льюиса был открыт. Наступил четвёртый, современный этап АФЯ, на котором «убеждение, что язык является сердцем философии, окончательно умирает и язык вновь становится лишь одним из многих объектов философского исследования» [13, p. 45].

На четвёртом этапе все эти дисциплины, как и аналитическая онтология, аналитическая эпистемология, аналитическая философия сознания, аналитическая этика и право, развиваются и активно взаимодействуют [4, с. 153; 14, с. 141–142]. С. Соумс, например, говорит о необходимости междисциплинарного подхода к разработке комплексной теории языка и информации [13, p. 46].

Концептуализации АФЯ, на наш взгляд, может способствовать такая трактовка структуры аналитического знания. Согласно ей виды аналитического знания различаются методологическими установками, положенными в их основу. Ими могут быть – натуралистическая, метафизическая, лингвогенная, прагматическая, теологическая, феминистская, др. Знание, формируемое на основе выбираемой установки, образует самостоятельную дисциплину внутри всего корпуса аналитического знания. Среди них – (аналитический) научный реализм и/или философия здравого смысла, аналитическая метафизика, АФЯ, аналитическая прагматика, аналитическая теология, аналитический феминизм, др. Таким образом, АФЯ не исчерпывает всего предмета АФ. Это не помешало ей претендовать на определённом этапе на то, чтобы все другие предметности исследовались исключительно с позиции анализа языка, однако претензии на методологическую тотальность оказались не состоятельными. Выходит, что «аксиома АФ», автором которой был Майкл Даммит, также несостоятельна.

Литература

1. Babich B. E. On the analytic-continental divide in philosophy // A House Divided: Comparing Analytic and Continental Philosophy / Ed. by C. G. Prado. Amherst, New York: Humanity books, 2003. P.63–103.
2. Dummett M. Origins of Analytical Philosophy. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1993. 212 p.
3. Джохадзе И.Д. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // Логос. 2016. №5 (114). С.1–18.
4. Васильев В. В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 144–158.
5. Карабыков А.В. Трансформация метафизики первозданного языка в ренессансном каббализме // Вопросы философии. 2016. №3. С.186–197.
6. Блинов А.Л., Ладов В.А., Лебедев М.В., Петякшева Н.И., Суровцев В.А., Черняк А.З., Шрамко Я.В. Аналитическая философия. М.: РУДН, 2006. 716 с.
7. Sluga H. Gottlob Frege. L.: Routledge, 1980. 384p.
8. Lycan W. G. Philosophy of language // The Cambridge Dictionary of Philosophy. Second edition / General editor Robert Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P.673–676.
9. Glock H.-J. P.F. Strawson: ordinary language philosophy and descriptive metaphysics // Analytic Philosophy: an Interpretive History / Ed. by Aaron Preston. N.-Y.: Routledge, 2017. P. 214–228.
10. Никифоров А.Л. Не всё то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.
11. Soams S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Volume 2. The Age of Meaning. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. 479 p.
12. Суровцев В.А. Необходимое a posteriori, контрфактические фантазии и формы эссенциализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №4(16). С. 57–63.
13. Soams S. The role of language in analytic philosophy // Analytic Philosophy. An Interpretive History / Ed. by A. Preston. N.-Y.; L.: Routledge, 2017. P. 34–51.
14. Макеева Л. Б. Аналитическая философия как историко-философский феномен // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 130–143.

Брызгалин И.В.

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, соискатель

ivbryzgalin@gmail.com

Киселёв В.Н.

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии естественных факультетов, доцент. Кандидат философских наук

vnkiselev@list.ru

Аннотация: Ильенков – знаковая фигура в отечественной философии. Приоритетами его творчества обычно обозначают: проблему идеального, диалектической логики, коммунистического идеала, педагогики и образования, проблемы эстетики, истории философии и др. Но очень редко указывают на его интерес к языку, на его особую «концепцию» языка. Она очень сильно отличается от того, что сегодня обсуждается в современной «философии языка». И это происходит во многом из-за того, что Ильенков не вписывается в современный «идеологический» контекст. Но не меньшую, если не большую трудность представляет то, что про язык у Ильенкова почти никогда не идет речь изолированно от других предметов и проблем. А они часто оказываются важнее и актуальнее самого языка как такового. В том и трудность, как вычленив оригинальную «концепцию» языка Ильенкова из этого «окружения»?

Ключевые слова: философия языка, идеальное, мышление, язык, диалектика, классическая немецкая философия

**“Philosophy of language” by Ilyenkov.
Bryzgalin I.V.; Kiselev V.N.**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Public Administration, Department of Political Analysis, applicant; ivbryzgalin@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Science, associate professor; vnkiselev@list.ru

Abstract: Ilyenkov is an iconic figure in Russian philosophy. The priorities of his work usually designate to the problem of ideal, dialectical logic, the communist ideal, pedagogy and education, the problems of aesthetics, the history of philosophy, etc. However, researchers rarely pay attention to his particular concept of language. It is different from what is discussed today in the modern “philosophy of language.” And this is largely due to the fact that Ilyenkov does not fit into the modern “ideological” context. But it is no less, if not more difficult, that Ilyenkov almost never speaks about the language in isolation from other objects and problems. And they often turn out to be more important and relevant than the language itself. The difficulty lies in isolation of the original “concept” of Ilyenkov’s language from this “surrounding”?

Keywords: philosophy of language, ideal, thinking, language, dialectics, classical German Philosophy

1. Наш интерес к языку. Проблема языка занимает важное место в исследованиях по логике (например, логические аспекты искусственного интеллекта), в лингвистических исследованиях (например, машинный перевод), в политологии (например, в теории и практики коммуникативных аспектов управления высших органов власти, что в большей степени осуществляется посредством языка). Но «традиционные» подходы, господствующие до сих пор в этих областях, декларируемых результатов так и не дают, да и вряд ли в будущем дадут. Что с необходимостью подталкивает часть исследователей к поискам других подходов к языку, как в целом, так и к некоторым частным аспектам языка [1]. Среди подобных «альтернативных» подходов есть и интересная позиция Ильенкова о языке. К сожалению,

большая часть исследователей творчества Ильенкова, проходит мимо этой тематики у него. Хотя, не только язык, но и ряд других тем у Ильенкова остается в тени исследовательских интересов. О них порой упоминается, но детального анализа так и не происходит. Например, Ильенков как историк философии. А в этом он не только в конкретных деталях обогатил культуру (обычно упоминается Спиноза), а и в концептуальном плане оригинален, наверное, на наш взгляд, в этом сопоставим с Гегелем...

2. Тексты и фрагменты о языке у Ильенкова. У Ильенкова про язык много написано. Мы в данном случае не претендуем на полноту анализа этого. Это задача будущего. Из его «монографий», 6-7 небольших по объему книг, ни одна напрямую не посвящена языку. Из нескольких десятков статей и выступлений у Ильенкова, часть из них прямо связаны с языком: «Мышление и язык у Гегеля», «Диалектика и герменевтика», «Гегель и герменевтика», «Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи)», «Гегель и герменевтика (проблема отношения языка к мышлению в концепции Гегеля)». Но проблема языка постоянно всплывает почти во всех темах Ильенкова в той или иной форме. Еще в первой своей книге, «Диалектика абстрактного и конкретного...», разбирая тонкости самих этих терминов, Ильенков как и положено гуманитария, обращается к истории вопроса («историзм – это субстанциональная основа гуманитарности»), а там и средневековый период, схоластика, которую чаще всего для простоты оценки, ассоциируют «со спором о словах», что ставит язык на первое место. И здесь Ильенкову приходится затронуть сущности языка достаточно основательно. Параллельно этому все время всплывает проблема «стилистики языка», что не любая лексическая традиция может быть аутентична для решения той или иной проблемы, а только строго определенная традиция. В последующем, это станет одним из «фирменных приемов» ильенковских текстов и выступлений: он очень щепетилен к лексике для передачи более точной позиции кого-то из «классиков» или максимально правильного представления, формулирования какого-то основополагающего вопроса. Вообще главная общая черта Ильенкова – непревзойденность стиля изложения любых, даже самых сложных и запутанных содержаний культуры, что отмечают многие исследователи. Конечно, насущные проблемы психологии и педагогики, без проблемы языка тоже не обходятся, особенно практическая задача воспитания и образования, более остро проявляющаяся со слепоглухонемыми детьми. Где все упирается во «взаимоотношение мышления и языка». С чем непосредственно сам Ильенков был практически связан. Конечно же, вопросы логики, диалектики без языка не в состоянии разрешиться. И здесь у Ильенкова много интересных положений имеется. Проблема «коммунистического идеала» тоже тесно переплетается с языком. В силу того, что коммунизм, это не настоящее, а только будущее, то он пока выражается только в «языке», неслучайно его первоначально так и называли – «утопический», от «утопии», «места, которого нет». Почти как у средневековых «номиналистов» в споре об универсалиях, продолженное затем английским эмпиризмом: «реально существуют только единичные предметы, а общие понятия – это задним числом обобщения нашего познания, выраженные теми или иными словами, терминами, именами». Ильенком переводил этот «язык» коммунистического идеала в «конкретные» смыслы. Вопросы искусства и эстетики тем более без языка не могли быть рассмотрены. Для них форма выходит на первый план. Даже самое отвратительное содержание в определенной форме выражения, может нести эстетическое наслаждение, и напротив, самое благое содержание, представленное неадекватно – отвращение (чем широко сегодня пользуются так называемое «популярное искусство» и средства массовой информации). Ильенков и здесь, в рассмотрении этих вопросов, обращается к «языку» ... Все это, «проблемы языка», носят в творчестве Ильенкова «массовый», а не «единичный» характер. А эта «массовость», к тому же с поправкой на личность самого Ильенкова, огромную впечатлительность и как следствие этого, глубокую продуманность того, что его волновало, говорит о «фундированности» его позиции о языке: об общетеоретической «проработанности» о языке у Ильенкова.

3. Общетеоретический, то есть «философский» уровень языка. Ильенков отрицательно относился к позиции так называемой «философии языка», считал ее теоретически слабой и плохо обоснованной, так как за всем этим стоит позиция позитивизма, позиция аналитической философии, современной герменевтики и генетически связанных с ними других философских и филологических направлений и школ. И в этом смысле, наверное, называть общетеоретическую позицию самого Ильенкова о языке, «философией языка Ильенкова», как-то не с руки. Но как часто бывает в культуре, слова «многозначны». Например, слово «спекуляция» означает с одной стороны – «наивысшую способность мышления» (как у Гегеля), с другой – «биржевые махинации». Так и здесь, если общетеоретический уровень синонимичен слову «философский», то «философия языка» может иметь и иной смысл. Принципиальная

общетеоретическая позиция Ильенкова, то есть общеполитическая позиция – «диалектический материализм». Где главным выступает так называемая «концепция идеального Ильенкова». Фактически – материалистическая трактовка «идеального». А так как здесь, в самой словесной формулировке, содержится «единство и борьба противоположностей», «материальное – идеальное», то без диалектического «круговорота» не обойтись, причем не одинарного, а непрекращающегося до бесконечности. Это как у ученика Гераклита Кратила, если первый утверждал, что «в одну и ту же воду не войти дважды» (значит, «один раз в воду войти можно»), то второй – «и один раз в воду войти нельзя», настолько всеохватна «изменчивость», то есть «диалектичность перехода одного в иное, противоположное». Как известно одно из главных следствий этого принципа у Ильенкова, это положение о том, что «мышление атрибут идеального» а не наоборот, как прежде считалось у большинства. Так и с языком, прежде господствовала позиция, что язык и мышления абсолютно совпадают, «тождественны». И даже язык первичнее мышления, как в известной библейской фразе – «В начале было Слово...». У Ильенкова иначе – «сначала мышление, затем язык». А общая «формула» тогда – «Идеальное (посредством человеческой деятельности) – мышление – язык – идеальное...» (марксово: «товар – деньги – товар», более полно – «товар, как овеществленный продукт труда – потребительская и меновая стоимость – деньги – воспроизводство человека, который может создавать новые продукты труда») ...

4. Дальнейшие перспективы. Очевидно, что просто так «потенциальный» исследователь творчества Ильенкова вряд ли обратит внимание на его позицию о языке, и в какой степени она у него теоретически проработана. Аналогично и по другим темам. Здесь нужно, чтобы интерес к какой-либо насущной проблеме, подводил того или иного исследователя к поиску наилучших вариантов решения ее. А в качестве такового вдруг окажется позиция Ильенкова. Вот тогда, а не раньше эта тема высветится более полно. Привлечет более пристальное внимание к ней остальных. Это давно общеизвестно. Например, об этом у Маркса: «Я чересчур злоупотреблял ночной работой, во время которой пил, правда, только лимонад, но зато выкурил огромное количество табака. Впрочем, я достиг хороших результатов. Например, я опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде. Для метода обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал “Логикку” Гегеля, - Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок. Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [2, с. 212]. Поэтому, наверное, необходимо подождать подобной «большой работы», в которой можно отталкиваясь от Ильенкова «опрокинуть все учение [о языке] в его прежнем виде» ...

Литература

1. Брызгалов И.В., Киселёв В.Н. Недостатки и ограничения текста: субстанциональный аспект [“идолы языка”] // Журнал: Электронное научное издание «Альманах: Пространство и время». 2015. Том 10. Выпуск 1. «Пространство и время текста».
2. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 14 января 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. М., 1962. Т. 29.

Логическая природа естественного языка

Вострикова Е.В.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник Кандидат философских наук
vostrikova@iph.ras.ru

Аннотация: В данной работе рассматривается вопрос о возможности анализа значения терминов естественного языка посредством формальных методов. Формально-логический подход к языку разработан в работах ранних аналитических философов. Тем не менее, они считали, что естественный язык является нелогичным и что задачей анализа является уточнение и очищение языка. Данный тезис отвергается большинством современных исследователей в области формальной семантики. В пользу логической природы естественного языка говорит тот факт, что грамматичность предложений может зависеть от логического смысла предложения (от сочетаемости функциональных терминов).

Ключевые слова: логическая природа языка, Рассел, Фреге, формальная семантика, тривиальность, функциональные термины

Logical nature of natural language.

Vostrikova E.V.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: This paper discusses the possibility of applying formal methods to the analysis of meaning in natural languages. The formal approach to language was developed in the works of early analytical philosophers (such as Frege, Russell and Wittgenstein). Most of them, however, believed that natural languages are illogical by their nature. The goal of the logical analysis was to refine a language and make it more precise. This idea is rejected by most contemporary researchers doing formal semantics. The paper discussed one argument supporting the idea of the logical nature of a natural language, specifically, the fact that grammaticality judgments in natural languages can depend on logical properties of meaning.

Keywords: logical nature of language, Russell, Frege, formal semantics, triviality, meaning

Современная философия языка была берет свое начало с работ Г. Фреге. В своих работах Фреге первым применил достижения логики к анализу английского языка. Так, в своей знаменитой работе «О смысле и значении» он проводит различие между смыслом и значением, анализируя такие предложения обыденного языка как «Утренняя звезда – это Венера», «Коперник думал, что орбиты планет являются кругами» [1]. Таким образом, можно предположить, что Фреге не считал, что обыденный язык отличался от логического существенным образом. Тем не менее, в философии языка, как ее логическом направлении, так и в направлении, называемом философия обыденного языка, распространено мнение о том, что естественный язык не обладает никакой внутренней логики и нуждается в работе философа, который должен очистить естественный язык, избавить его от ошибок и противоречий, которые, с точки зрения этих философов, лежат в основе многих конкурирующих направлений философской мысли.

Так, во многом опираясь на идеи Фреге, стояли свои концепции Б. Рассел и Л. Витгенштейн. Рассел в статье «Об обозначении» [2] также обсуждает выражения английского языка – имена собственные и дескрипции, а также строит теорию, основанную на его интуициях о значении предложений английского языка. В работе «Философия логического атомизма» он прямо указывает на то, что строит общую теорию языка, а не занимается исследованием лишь логического языка: «Вероятно, я должен сказать пару слов о том, что же понимается под «символизмом, поскольку, как я думаю, некоторые считают, что когда речь идет о нем, то имеется в виду только математический символизм. Я использую его в таком смысле, чтобы включить все языки, любого типа и любой разновидности, так что символом является любое слово, любое предложение». [2, с.12]. Тем не менее, он также пишет о том, что видит своей задачей приблизить обыденный язык к идеалу точного языка. В более поздней своей работе, отвечая представителю философии обыденного языка П. Строусону «Мистер Строусон о референции» он пишет: «Я согласен, однако, с тезисом мистера Строусона о том, что естественный язык не обладает

никакой логикой» [3, p. 389], ссылаясь на статью Струсона «О референции», в которой он высказал сходную точку зрения [4, p. 52].

Л. Витгенштейн в своем трактате также пишет о том, что следует проводить различие между точным логическим языком и неточным естественным языком, что во избежание философских ошибок следует использовать знаковый язык, который бы их исключал, язык подчиняющийся логической грамматике [5, 3.325]. Проблема естественного языка, с его точки зрения, состоит в том, что логическая и грамматическая форма в нем часто не совпадают: «Заслуга Рассела в том, что он показал: видимая логическая форма предложения не обязательно является его действительной логической формой» [5, 4.0031].

При этом он также пишет о том, что все предложения повседневного языка как они есть вполне логически упорядочены [5, 5.5563], что нелогичные мысли не могут быть высказаны [5, 3.032].

Идеи о нелогичной природе естественных языков высказывались также другими философами, которые в своих работах проводили именно логический анализ естественного языка. Так, Р. Карнап в статье «Преодоление метафизики путем логического анализа языка» [6] использует анализ естественного языка для критики философских воззрений М. Хайдеггера. В частности, он анализирует примеры употребления таких выражений, как «ничто» в естественных языках, Хайдеггером и указывает на то, что такие слова являются кванторами, а Хайдеггер ошибочно употребляет их как референциальные выражения. Он пишет о том, что естественный язык неприменим для философских исследований в силу его неточности, путанности: в нем существуют термины, которые не указывают ни на какие объекты, допускаются категориальные ошибки, противоречия и тавтологии неотличимы от содержательных и осмысленных предложений. Таким образом, целью логического анализа естественного языка, с точки зрения Карнапа, является избавление его от логических ошибок.

Такое отношение к естественным языкам было характерно и для логических позитивистов.

Схожее отношение к естественным языкам наблюдалось и в конкурирующем философском направлении – философии обыденного языка. Отличием данного направления было то, что его представители не считали возможным исследовать естественный язык средствами логики. Вышеупомянутый П. Струсон является представителем именно этого направления. Здесь же можно упомянуть Г. Райла, который в работе «Систематически дезориентирующие выражения» [7] утверждает, что предложения естественного языка являются источником философских ошибок.

Тем не менее, идея о том, что естественный язык может анализироваться средствами логики сохраняла свое влияние в философии. Метод логического анализа языка применялся в философии далеко не только для разоблачения каких-то философских взглядов и учений. Так, важной темой в философии языка была проблема интерпретации предложений о верованиях и интерпретации единичных терминов в такого рода предложениях. Эта тема разрабатывалась в работах таких влиятельных философов, как У. Куайн, Д. Каплан, Д. Льюис [8, 9, 10]. Целью данных работ было понять, как формируется значение такого рода высказываний в естественных языках, а логический анализ выступал в качестве метода.

В настоящее время идея о том, что значение выражений естественного языка может исследоваться средствами логики стала фактически доминирующей в современной лингвистике. Существует целый ряд специализированных журналов, конференций по данному направлению, каждый значимый факультет лингвистики в США имеет специалиста по формальной семантике, ежегодно появляются новые вакансии. Существуют и специализированные междисциплинарные журналы, целиком посвященные направлению логического анализа значения, такие как «Лингвистика и философия».

Прорыв в данном направлении стал возможен благодаря работам Р. Монтегю, который разработал логический подход, позволяющий применять метод композиционного анализа к таким логическим связкам, как «каждый», «некоторый». Б. Рассел, например, считал, что невозможно выделить композиционный вклад таких выражений, так как оно распространено по всему предложению. Р. Монтегю [11]. В этой работе Монтегю также продемонстрировал, как разработанный им анализ может применяться к фрагменту английского языка. Он также опубликовал работу с говорящим названием «Английский язык как формальный» [12]. В еще одной своей работе «Универсальная грамматика» Монтегю пишет, что, с его точки зрения, не существует принципиального различия между естественными языками и языками логики [13].

Еще одной теоретической основой для логического анализа языка стали работы Н. Хомского в области синтаксиса. Хомский убедительно показал, что естественные языки имеют точно заданный синтаксис. В генеративной традиции, основанной на работах Хомского, принимается допущение

о том, что логическая (интерпретируемая) форма предложения отличается от его поверхностной грамматической формы (тезис, выдвигаемый ранними аналитическими философами), однако, логическая форма и поверхностная связаны системой заданных правил.

Работа в области формальной семантики сосредоточена на анализе функциональных терминов, т.е. терминов, которые не указывают на какие-либо объекты или множества объектов в мире. К таким терминам относятся выражения «каждый», «этот», «если», «только», «может», «должно быть», «кажется», «или», «какой». Такого рода термины существуют во всех языках, они служат для смысловой связи выражений в предложениях естественного языка. Интерпретация данных выражений естественного языка в терминах языка логики позволяет успешно предсказать их свойства, а именно те прочтения, которые они могут и которые не могут получать. Так, интерпретация слов «каждый» и «должен», как универсальных кванторов, и интерпретация слов «некоторый» и «может», как кванторов существования, правильно предсказывает тот факт, что «не каждый» и «не должен» означают то же самое, что «некоторые не» и «может не» в русском языке. Более того, все многообразие функциональных терминов, существующих в самых разных языках мира, может быть представлено через достаточно ограниченный набор логических терминов/операций. Эти факторы во многом объясняют успех подхода формальной семантики. В настоящее время формальные методы успешно применяются для анализа таких форм языкового высказывания, как вопросы и восклицания, считавшихся поздним Витгенштейном вызовом для формального подхода.

Самым серьезным аргументом в пользу логической природы естественного языка на сегодняшний день является существование зависимости грамматичности предложений языка от логических свойств функциональных терминов, входящих в их состав [14]. В настоящее время выявлен целый ряд такого рода примеров. Так, например, традиционной сферой философских исследований были предложения, содержащие пропозициональные установки. Большинство пропозициональных глаголов могут сочетаться с вложенными повествовательными предложениями. Например, по-русски можно сказать: «Он уверен, что Маша пришла». Некоторые пропозициональные глаголы могут сочетаться с вопросами. Так, мы можем сказать: «Он спросил, пришла ли Маша», где «пришла ли Маша» – это вложенный вопрос. Не всегда пропозициональный глагол может сочетаться с вопросом. Так, по-русски нельзя сказать: «Он уверен, пришла ли Маша». Это предложение воспринимается как грамматически некорректно построенное. Можно было бы предположить, что существует синтаксическое правило, которое говорит, что слово «уверен» не сочетается с вопросами. Однако, К. Майер сделал интересное наблюдение, а именно, что если добавить отрицание в это предложение, то оно становится грамматически корректным: «Он не уверен, пришла ли Маша» [15]. Таким образом, демонстрируется, что дело здесь не в синтаксическом правиле, а в смысле или значении. Соответственно, здесь необходима семантическая теория, которая верно предсказывает, что слово «уверен» может сочетаться с вопросом только при добавлении отрицания. К. Майер предлагает такую теорию, в которой эта пропозициональная установка без отрицания при сочетании с вопросом дает тривиальное (противоречивое) прочтение, а без отрицания непротиворечивое. Здесь возникает логичное возражение: обычно противоречия в естественном языке не воспринимаются как грамматически некорректные. Так, мы можем сказать: «Он и высокий, и невысокий». Данное высказывание является противоречивым, однако оно грамматически корректно. Разница между этими двумя примерами состоит в том, что во втором случае противоречие возникает из-за сочетания содержательных терминов, а в первом – из-за сочетания логических терминов «не» и «уверен» [14]. Идея состоит в том, что у нас есть достаточная степень свободы в том, как интерпретировать содержательные термины. Например, мы можем сказать, что в первом вхождении слово «высокий» интерпретируется нами относительно одного стандарта высоты, а во втором – относительно другого. У нас нет такой же степени свободы относительно функциональных логических терминов. Если противоречие вызывается сочетанием логических терминов, то оно отбрасывается естественным языком как грамматически неприемлемое.

В современной лингвистике несколько примеров такого типа, а именно примеров, в которых грамматичность высказывания зависит от значения, от логических свойств функциональных терминов. Они демонстрируют зависимость естественного языка от логики, его логическую природу.

Литература

1. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М., 2000. С. 230–246.

2. Рассел Б. Философия логического атомизма. / Пер. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 1999. 192с.
3. Russell B. Mr. Strawson on Referring // *Mind*. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.
4. Strawson P.F. On Referring // *Mind, New Series*. Vol. 59. No. 235. (Jul.1950). Pp. 320-344.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. 612 с.
6. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–90.
7. Раил Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. No 3. С. 190–216.
8. Quine W.V. Quantifiers and Propositional Attitudes // *The Journal of Philosophy*. 1956. 53(5). P. 177–187.
9. Kaplan D. Quantifying // *Synthese*. 1968. 19. 1–2. P. 178–214
10. Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // *Philosophical Review*. 1979. 88(4). P. 513– 543.
11. Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English //
12. Hintikka K. J. J., Moravcsik J. M. E. and Suppes P. (eds.). *Approaches to Natural Language* (Synthese Library 49). Dordrecht: Reidel, 1973. Pp. 221–242.
13. Montague R. Universal Grammar // *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague* / Ed. by R.H. Thomason. New Heaven, 1974. P. 222–246.
14. Montague R. English as a Formal Language // *Linguaggi nella società e nella tecnica* / Ed. by Visentini, Bruno et al. Milan: Edizioni di Comunità, 1970. P. 189–224.
15. Gajewski J. On Analyticity in Natural Language. Unpublished manuscript 2002 URL: <https://jon-gajewski.uconn.edu/wp-content/uploads/sites/1784/2016/08/analytic.pdf>
16. Mayr C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising // *Natural Language Semantics*. № 27. 2019. Pp. 227–278 <https://doi.org/10.1007/s11050-019-09153-8>

**Система взаимодействия со стейкхолдерами
в рамках подготовки годовой отчетности: успешная практика Горнорудного
дивизиона Госкорпорации «Росатом»**

Долина В.Г.

Руководитель направления корпоративной социальной ответственности и нефинансовой отчетности
АО «Атомредметзолото». Кандидат философских наук

vdolina@mail.ru

Аннотация: В статье рассказывается о 10-летнем опыте выстраивания взаимоотношений в одной из крупнейших государственных корпораций – «Росатом». В качестве примера анализируется опыт Горнорудного дивизиона, который строит свои взаимоотношения с заинтересованными сторонами на основе принципа социальной ответственности бизнеса. Общая цель подготовки публичных отчетов в отрасли - повышение открытости и прозрачности компании, укрепление имиджа, деловой репутации и конкурентоспособности, информационная поддержка продвижения продуктов и услуг в РФ и за рубежом. Автор анализирует способы выявления стейкхолдеров, основные принципы и этапы взаимодействия с ними. Выстроенная система взаимодействия со стейкхолдерами способствует развитию инноваций в создании продуктов и организации процессов, усиливает ориентацию стратегических решений на устойчивость как внутри, так и вне компании.

Ключевые слова: Стейкхолдеры (заинтересованные стороны), годовые отчеты, интегрированные отчеты, диалоги в рамках подготовки отчетности, открытость, прозрачность

**System of interaction with stakeholders within the framework of annual reporting system:
successful practice of Mining Division of State Corporation “Rosatom”.**
Dolina V.G.

CSR and nonfinancial reporting project manager, ARMZ Uranium Holding Co

Abstract: The article is devoted the 10-year experience of building relationships at one of the largest state corporations - Rosatom. As an example, the experience of Mining Division, which builds its relations with stakeholders on the principle of social responsibility of business, is analyzed in the article. The general purpose of preparing public reports in the industry is to increase the openness and transparency of the company, strengthen the image, business reputation and competitiveness, information support for the promotion of products and services in the Russian Federation and abroad. The author analyzes ways of identifying stakeholders, basic principles and stages of interaction with them. The built system of interaction with stakeholders contributes to the development of innovations in the creation of products and organization of processes, strengthens the orientation of strategic decisions on sustainability both inside and outside the company.

Keywords: Stakeholders, annual reports, integrated reports, reporting dialogues, openness, transparency.

Публичная корпоративная отчетность бизнеса является одним из ключевых каналов коммуникации со стейкхолдерами и важнейшим источником сведений о деятельности и планах бизнес-организаций. Такая отчетность показывает эффективность управления ресурсами и нематериальными активами, позволяет понять, как компания видит ситуацию и риски, и что предпринимает для развития собственного бизнеса и своих отношений с заинтересованными сторонами.

В ориентации на такое понимание роли прозрачности Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» начала формировать систему публичной отчетности атомной отрасли в 2009 году. Задачи, которые Госкорпорация «Росатом» решала созданием этой системы были в том, чтобы повысить прозрачность отрасли, а также обеспечить общественную приемлемость деятельности атомных компаний. Росатом принял решение, что ядром этой системы будет подготовка интегрированных отчетов. Это было новый вид отчетности, который объединял в себе и годовой отчет, и нефинансовой отчет о

деятельности компании в области устойчивого развития. На тот момент международные стандарты интегрированной отчетности только разрабатывались, и Госкорпорация «Росатом», сделав ставку на этот вид отчетности, активно способствовала их разработке и апробированию, а также продвижению этих стандартов в России. За прошедшие 10 лет, по данным Совета РСПП по нефинансовой отчетности, было подготовлено 176 интегрированных отчетов (накопленным итогом)ⁱ, из которых 130 отчетов принадлежит компаниям атомной отрасли.

Первый интегрированный отчет АО «Атомредметзолото» (впоследствии Горнорудного дивизиона Госкорпорации «Росатом») был выпущен в 2009 годуⁱⁱ. Отчетность Дивизиона прошла длинный путь, за прошедшие 10 лет было получено множество наград, отчеты вошли в национальные и международные рейтинги.

Например, годовой отчет за 2018 г. вошел в рейтинг корпоративной прозрачности, составленный Российской региональной сетью по интегрированной отчетности, заняв 15 место из 1192 участвовавших в нем компанийⁱⁱⁱ. АО «Атомредметзолото» было отмечено в номинации «Прорыв года»^{iv}.

Традиционно высоко оценило отчет и ведущее рейтинговое агентство «Эксперт РА»^v. По итогам конкурса годовых отчетов АО «Атомредметзолото» получило отметку «5 звезд» за наивысшее качество годового отчета^{vi} и спецноминацию «Лучший годовой отчет непубличной компании»^{vii}.

Как один из лидеров глобального мирового рынка ядерных технологий, Госкорпорация «Росатом» считает необходимым раскрытие существенной информации о своей деятельности для заинтересованных сторон, включая информацию об экономических, экологических и социальных аспектах.

Общая цель подготовки публичных отчетов в отрасли - повышение открытости и прозрачности Компании, укрепление имиджа, деловой репутации и конкурентоспособности, информационная поддержка продвижения продуктов и услуг в РФ и за рубежом.

АО «Атомредметзолото» строит свои взаимоотношения с заинтересованными сторонами на основе принципа социальной ответственности бизнеса.

Компания придерживается системного подхода к решению социальных вопросов и управлению социальными инвестициями, способствуя снижению социальных рисков, обеспечению долгосрочных плодотворных отношений с регионами присутствия и укреплению имиджа социально ответственной Компании.

Система публичной отчетности Горнорудного дивизиона начала создаваться в рамках выполнения требований Единой Отраслевой Политики Госкорпорации «Росатом» в области публичной отчетности^{viii}. Система отчетности создавалась не просто как процессы подготовки отдельных интегрированных отчетов, а как управленческая практика, обеспечивающая долгосрочный эффект и качество этих отчетов, делаемых по международным стандартам и в соответствии с лучшими практиками. В частности, в ее состав вошли следующие элементы поддержки:

1. ежегодно актуализируемый стандарт публичной отчетности;
2. регулярные диалоги и консультации с заинтересованными сторонами в рамках подготовки публичной отчетности;
3. общественное заверение публичного отчета.

Сами интегрированные отчеты готовились в соответствии с международными стандартами – интегрированной отчетности (International <IR> Framework) и отчетности в области устойчивого развития (GRI SRS).

На сегодня отчеты Горнорудного дивизиона являются одними из лучших в российской атомной отрасли, что подтверждается занимаемыми местами в отраслевом рейтинге отчетности атомных компаний и рейтинге корпоративной прозрачности PPC по интегрированной отчетности.

Важнейшим инструментом работы с качеством отчетности Горнорудного дивизиона являются регулярные диалоги с заинтересованными сторонами. Эти диалоги стали неотъемлемой частью

i <http://rspp.ru/simplepage/natsionalnyy-registr-i-biblioteka-korporativnykh-nefinansovykh-otchetov/>

ii <http://www.armz.ru/aktzioneram-i-investoram/raskrytie-informatsii/godovye-otchety>

iii <http://corptransparency.ru>

iv <http://corptransparency.ru/conferences>

v https://raex-a.ru/files/KGO_2019_Analytica_Block_Web.pdf

vi <https://raex-a.ru/ratings/leasing/kg0-2019> <https://raex-a.ru/project/report/2019/conference/awarding>

vii <https://raex-a.ru/project/report/2019/conference/awarding>

viii <http://www.rosatom.ru/upload/iblock/adc/adc15613bd61b329a802b434d1f8046e.pdf>

системы публичной отчетности Дивизиона. С 2009 по 2020 год было проведено 28 диалогов.

В соответствии с ИСО 26000, «выявление стейкхолдеров и взаимодействие с ними являются базовым элементом реализации социальной ответственности компании».

Чтобы определить заинтересованные стороны, компания отвечает на следующие вопросы:

- перед кем компания имеет юридические обязательства?
- на кого компания оказывает позитивное и негативное влияние?
- кто будет обеспокоен деятельностью и решениями компании?
- кто был вовлечен в деятельность компании в прошлом?
- кто может помочь компании решить проблему негативного воздействия?
- кто может повлиять на выполнение обязательств компании?
- кто окажется в невыгодном положении в случае исключения из взаимодействия?
- кто подвержен влиянию в цепочке создания стоимости?

Система взаимодействия со стейкхолдерами затрагивает такие стороны, как:

- функциональное взаимодействие (обеспечение интересов заказчиков);
- взаимодействие по конкретным вопросам (например, по вопросам защиты прав человека);
- взаимодействие в масштабе компании (применительно к нефинансовому аудиту и отчетности).

Основные принципы взаимодействия — полнота, существенность и способность реагировать.

Под существенностью понимается информированность компании о ее заинтересованных сторонах, какие ее интересы и какие интересы заинтересованных сторон являются для нее существенными (значимыми).

Полнота – это понимание опасений заинтересованных сторон, их взглядов, потребностей и ожидаемых результатов деятельности, а также их мнения по значимым для них вопросам.

Реагирование – когда компания последовательно реагирует на существенные вопросы, стоящие перед заинтересованными сторонами и самой организацией.

Эти три принципа должны лежать в основе любого взаимодействия со стейкхолдерами.

Соглашаясь следовать Стандарту AA1000SES, Горнорудный дивизион взял на себя обязательство информировать заинтересованные стороны о существенных вопросах своей деятельности. Если взаимодействие со стейкхолдерами ограничено или вовсе невозможно, причины должны быть разъяснены на этапе планирования взаимодействия.

Инициатором взаимодействия должна выступать компания. В начале взаимодействия необходимо ответить на вопрос — что представляет собой компания, исходя из производимой продукции, предоставляемых услуг, характера деятельности, территории ведения деятельности и наличия дочерних компаний.

Дальнейший этап взаимодействия представляет собой следующие этапы:

- разработка методики определения заинтересованных сторон;
- составление карты и схемы взаимодействия, позволяющих повысить результативность организации;
- выработка стратегии, позволяющей определить содержание, цели и области взаимодействия;
- разработка плана и графика взаимодействия со стейкхолдерами;
- определение самых эффективных способов взаимодействия;
- определение потребности стейкхолдеров увеличивать возможности по взаимодействию с компанией.

Чтобы выстроить эффективные взаимоотношения со стейкхолдерами, компаниям следует:

1. использовать знания, полученные при взаимодействии со стейкхолдерами, для принятия стратегических решений компании;
2. разработать процедуры и механизмы измерения и оценки качества взаимодействия со стейкхолдерами;
3. оценивать и видоизменять карту стейкхолдеров, корректировать стратегию взаимодействия при поступлении новой информации.

Горнорудный дивизион Госкорпорации «Росатом» воспринимает взаимодействие со

стейкхолдерами как инструмент, способствующий инновациям в создании продуктов и организации процессов, усиливающий ориентацию стратегических решений на устойчивость как внутри, так и вне компании. Такое взаимодействие позволяет привести свои экономические и социальные показатели, а также показатели, касающиеся охраны окружающей среды, в соответствие с общей стратегией. Это может помочь вовлеченным сторонам получать доступ к необходимой информации, достигать целей и решать проблемы, которые ни одна из сторон не смогла бы решить в одиночку.

Таким образом, выстроенная система взаимодействия с заинтересованными сторонами позволяет раскрывать наиболее существенные темы и результаты, в том числе, в контексте устойчивого развития.

Блогосфера как феномен современной массовой коммуникации и способ формирования идентичности

Зарова Е.Д.

*ИООО «Эпам Системз», Беларусь, г. Минск, старший аналитик. Кандидат философских наук
elena_zarova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена феномену блогосферы как одному из наиболее популярных средств современной коммуникации и способов конструирования и развития личности. Рассмотрены положительные и отрицательные аспекты данного явления. В качестве позитивных сторон блогосферы отмечаются новые способы общения и быстрого получения обратной связи, вариантов самореализации, механизмов формирования общественного мнения и высказывания собственной позиции. В качестве негативных сторон рассмотрена проблема предельно субъективируемой истины, засилья симулированных идентичностей, постепенного замещения ведущей значимости физической реальности виртуальной реальностью цифровых копий личностей. Показано, что в современном пространстве виртуальной реальности, цифровой сети и блогосферы, в дополнение к популярным сегодня явлениям «интернета вещей» и «умного дома», можно говорить о существовании «интернета личностей», воплощаемого блогерами в пространстве собственных интернет-страниц и интернет-каналов.

Ключевые слова: блогосфера, интернет личностей, цифровая копия идентичности, симулированная идентичность, цифровой Другой, облачный интернет вещей, экран.

The blogosphere as a phenomenon of modern mass communication and a way of forming identity. Zarova E.D.

“Epam Systems”, Belarus, Minsk city, senior analyst

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the blogosphere as one of the most popular means of modern communication and methods of constructing an individual. The positive and negative aspects of this phenomenon are considered. The positive aspects of the blogosphere are new ways of communication and getting a quick feedback, options for self-realization, mechanisms for shaping public opinion and expressing one's own position. As negative sides, problems of extremely subjective truth, dominance of simulated identities, and gradual replacement of the leading significance of physical reality with the virtual reality of digital copies of identities are considered. It is shown that in the modern space of virtual reality, the digital network and the blogosphere, in addition to the popular phenomena of “Internet of Things” and “smart home”, we can talk about the existence of “Internet of Identities” embodied by bloggers in the space of their Internet pages and channels.

Keywords: blogosphere, Internet of Identities, digital identity twin, simulated identity, digital Another, Cloud Internet of Things, desktop.

Телевидение постепенно перестает играть ведущую роль в формировании личности и общественного мнения. Позаимствовав эту «привилегию» у сцены, печати и публикации, телевидение постепенно теряет свои позиции, будто вынуждено передавая «эстафетную палочку» интернету. Возможности этого относительно нового инструмента влияния поистине широки и выходят за пределы сетевого пространства. Это бескрайний источник информации (хотя часто сомнительного качества и достоверности), площадка для высказывания своего мнения, инструмент манипуляции массовым сознанием, вариант поиска новых контактов и единомышленников, пространство для развития собственной личности, способ зарабатывания денег и, наконец, просто средство «убить» свободное время, заполнить внешнюю или внутреннюю трансцендентную пустоту, отвлечься от бытовой повседневности.

Одним из наиболее важных и интересных явлений, ставших неотъемлемой частью интернет-

пространства и социума, выступает блогосфера. По сути, это одно из проявлений современного информационного общества, инфосреды, представляющее собой виртуальную и социальную сеть, состоящую из совокупности всех блогов – своеобразных интернет-дневников, личных страниц или каналов с систематически обновляемым контентом. «Контентом» может быть информация любого вида, размещенная на личной странице или канале блогера: текст, фотография, аудио- или видеозапись. Блогер, подобно классическому писателю, способному переносить личностные смыслы при помощи «слова» на поверхность печатной страницы, или подобно ведущему телевизионного канала, вещающему с экранов телевизоров, размещает различные формы контента на цифровой странице, приравнивающейся к плоскости экрана компьютерного монитора или интерфейса, – но под этой поверхностью «спрятаны» облачные хранилища эксбайтов цифровой информации.

Блогосфера как стихийно зародившийся феномен информационного пространства появилась в 90-х гг. XX века. Как новое явление, очень подвижное и быстро развивающееся, сложно поддающееся управлению, весьма независимое и перспективное, блогерство очень быстро завоевало популярность среди многих слоев населения. Каждый день появляются все новые блоги, ведь это так просто: завести свою страницу в интернете и высказывать собственное мнение на любую интересную тему.

Блогерство привлекает самых разных людей, потому что дает многочисленные возможности реализации, расширения кругозора, коммуникации, обмена мнениями, поиска друзей, работы и зарабатывания денег. Через экран монитора человек открывает для себя огромный новый мир, через свою страницу или интернет-канал он «общается» с этим новым миром и развешивает, утверждает себя в этой сети из многочисленных мнений и цифрового контента. Не обязательно выходить из дома, следить за собой или за окружающим пространством, ведь можно создать на своей странице тот идеал самого себя, которым всегда хотел стать, или примерить различные роли-маски, при этом не меняясь по сути (хотя на самом деле, это иллюзия). Не вставая с дивана, можно искать работу или даже зарабатывать в том же интернете – вариантов заработка через интернет действительно немало; уже само по себе блогерство может принести ощутимый доход, хоть это и не просто. Можно, не тратя усилия на завязывание контактов и построение отношений в реальном мире, с помощью постоянно обновляемого контента на своей странице быстро получить обратную связь, насобирать множество «лайков», подписчиков и даже ярких сторонников и «друзей». Блогерство идеально воплощает идею так называемой «американской мечты»: когда вчера человек был еще никому неизвестен и неинтересен, а сегодня его видеоролик попал в число «топовых просмотров», – и вот он уже становится популярным и узнаваемым (причем феномен успеха очень часто случаен), его цитируют другие блогеры, пользователи интернета делают репост его контента, к нему приходят рекламодатели и деньги, его мнение приобретает вес, каждое его высказывание может вызвать общественный резонанс.

Жизнь известного блогера становится похожей на жизнь голливудской суперзвезды. Нет больше тайны личной жизни, свободы личного пространства. Весь мир через экраны своих мониторов наблюдает за поступками блогера, люди следят за каждым его словом, а одобряют или осуждают – уже не важно, главное, что не остаются равнодушными. Даже любая критика сегодня предпочтительнее равнодушия: перефразируя известную фразу Декарта [1], можно отметить, что, «если меня как блогера одобряют или критикуют, значит, я существую» (по крайней мере, в пространстве сети и виртуальной реальности).

Понимая, какое большое влияние на формирование культурного пространства и даже на политическую и экономическую ситуацию в мире оказывает блогосфера, сегодня «свой собственный» блог заводят многие известные медийные личности, предприниматели, общественные деятели, политики. Ведя блог, они подогревают интерес к себе или своему делу, используют блог как площадку для неофициальных (или даже официальных) высказываний, формируют общественное мнение.

Но, как и у любого социального явления, у блогерства есть и обратная сторона. Ведя свой интернет-дневник или новостную ленту, блогер конструирует своеобразную фейковую личность и жизнь, идеал, маску, фасад-интерфейс, картинку, выставляемую напоказ. Сначала создаешь эту виртуальную реальность и виртуальную личность «своими руками», а затем сам начинаешь в нее верить (и чем больше набирается просмотров, «лайков» и подписчиков, тем больше соблазн поверить в реальность и значимость этой сконструированной личности или события). В контексте формирования идентичности, блогерство как способ существования в интернет-пространстве становится инструментом создания цифровой копии своей личности, двойника, записанного в цифровом коде виртуальной реальности и помещенного в облачное хранилище как современной версии социальной памяти.

В пространстве блогосферы мы наблюдаем воплощение торжества объекта над субъектом (последовавшего, по Ж. Бодрийру, вслед за смертью Бога, автора и человека [2]). Это проявляется в таком известном феномене, как интернет-мем: не важно, кто был его автором и первоисточником, и насколько мем правдив, главное, какое культурное значение он несет и какое общественное влияние оказывает. Мем разносится по интернету во многочисленных повторениях и цитированиях, являясь яркой иллюстрацией-шаржем, картинкой-метафорой или гиперболой, весьма отдаленно напоминающей первоисточник. Подобный объект уже очень сложно назвать зеркалом реального субъекта.

Создавая виртуальную облачную копию своей личности (cloud identity twin) как некий объект, продукт коммуникации, с каждой новой записью на своей «странице» или на своем «канале», блогер каждый раз запускает и перезапускает симуляцию своей жизни и личности, стремясь запечатлеть, запечатать, зашить ее в цифровом пространстве навсегда – ведь справедливо подмечено, что то, что однажды попало в интернет, уже не удалить оттуда.

В интернете очень ярко проявляется проблема засилья симулированных идентичностей. Очень сложно бывает определить первоначального автора оригинального контента, идеи или образа. Интернет пестрит копиями текстов, тем и образов, подделок, репостов, копирований и цитирований (в том числе само-цитирований). Каналы известных блогеров могут беззастенчиво копироваться, или под их именем создаваться якобы «их» каналы. Сложно придумать что-то новое. Почти невозможно отделить истинную информацию от поддельной, да и границы истинного и поддельного становятся размытыми. Сегодня истиной становится то мнение, которое собрало наибольшее количество «лайков», а наиболее авторитетным считается блогер, чей канал имеет наибольшее число подписчиков. Истина приравнивается к субъективному мнению, победившему по числу просмотров и одобрений.

Проблему симулированных личностей очень хорошо иллюстрирует и такой феномен, как блогеры-боты – компьютерные программы, запрограммированные так, что они способны воспроизводить поведение «реальных» блогеров и пользователей интернета (точнее, их виртуальных копий): писать комментарии, ставить «лайки» или «дизлайки», даже в какой-то мере участвовать в дискуссиях, задавать им тон. Фактически, мы наблюдаем яркое проявление бодрийровского симулякра или «копии копии» [3], компьютерной программы-анalogии цифрового двойника идентичности, конструируемой блогером и размещаемой в виртуальном облачном хранилище.

Таким образом, в современном пространстве виртуальной реальности благодаря блогосфере создается новый цифровой Другой, копия реальной личности, с которой блогер взаимодействует через веб-камеру и экран монитора компьютера или смартфона, чтобы познать или построить самого себя, – и транслирует, переносит эту цифровую копию самого себя, а также образ мысли даже не свой, а своего цифрового двойника, – другим людям через видеоролики о себе или через свои рассуждения на отвлеченные темы. И получая сторонников, поддержку и одобрение от других людей (точнее будет сказать, от их облачных двойников), собирая все большее число «лайков» и просмотров, а то и получая так называемые «донаты» – реальные деньги на безвозмездной основе, так сказать, в «поддержку канала», – блогер тем самым расширяет пространство собственной цифровой личности, что, безусловно, транслируется на реальное пространство и самого себя. Записывая ролик, блогер смотрит и говорит в веб-камеру так, как будто обращается ко всему цифровому пространству, к виртуальным двойникам реальных людей и даже самого себя, к цифровому коду как современному носителю общественного мнения и социальной памяти. И это «симуляционное» общение и взаимодействие становится важнее реальной коммуникации, всемирная сеть идентичностей замещает реальное пространство по своей значимости и уровню вовлеченности благодаря возможностям модифицировать эту реальность, подчинить ее себе, проявить свободу самовыражения, почувствовать себя творцом, ощутить свою значимость, доказать прежде всего самому себе, что ты существуешь.

Литература

1. Декарт Р. Размышления о первой философии // Рассуждения о методе. СПб.: Азбука СПб, 2018. 320 с.
2. Бодрийр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол Классик, 2017. 288 с.
3. Бодрийр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Рипол Классик, 2015. 240 с.

Моральное насилие над игроком как механизм трансформации этических и аксиологических установок

Клюев А.А.

НГПУ им. К. Минина, преподаватель кафедры философии и общественных наук

Artemklyuev1@gmail.com

Аннотация: Анализируются основные подходы к насилию в видеоиграх, выделяются три типа насилия внутриигровое, физическое по отношению к игроку и моральное по отношению к игроку. Производится анализ возможности и действенности морального насилия над игроком в контексте специфики игрового опыта. Игровой опыт понимается как тотальный и иммерсивный, что дает возможность говорить о его способности влиять на мировоззрение игрока. На основании медиальной специфики игры делается вывод о возможности влияния выбора игрока в пространстве игры на его мировоззренческие и этические установки. Обращается внимание на специфику влияния явного и скрытого содержания видеоигры, которые могут быть обнаружены при детальном анализе. Делается вывод о необходимости осознанного и критического отношения к игровому опыту.

Ключевые слова: медиа, мораль, мировоззрение, видеоигра, насилие, иммерсия, тотальность.

Moral violence against the player as a mechanism for the transformation of ethical and axiological attitudes.

Klyuev A.A.

Minin University (Nizhniy Novgorod)

Abstract: Abstract: the main approaches to violence in video games are analyzed, three types of violence in-game, physical in relation to the player and moral in relation to the player, are distinguished. The analysis of the possibility and effectiveness of moral violence against a player in the context of the specifics of the gaming experience. The game experience is understood as total and immersive, which makes it possible to talk about his ability to influence the player's worldview. Based on the medial specifics of the game, a conclusion is drawn about the possibility of the influence of a player's choice in the game space on his philosophical and ethical attitudes. Attention is drawn to the specifics of the influence of the explicit and hidden contents of a video game, which can be detected during detailed analysis. The conclusion is drawn about the need for a conscious and critical attitude to the gaming experience.

Keywords: media, morality, worldview, video games, violence, immersion, totality.

Привычное обывательское или «журналистское» понимание насилия в видеоиграх настаивает на том, что оно присутствует в виде демонстрации насилия выразительными средствами игры или присутствует в действиях игрока, которые тот осуществляет в отношении игрового окружения. Такое понимание сводит насилие к буквальной трактовке как демонстрации физического насилия персонажей игрового мира по отношению друг к другу, включая и насилие, осуществляемое персонажем игрока по отношению к персонажам игрового мира. Другая разновидность насилия, которая попадает в оптику исследователей видеоигр это так называемое физическое насилие видеоигр по отношению к самому игроку или телу игрока, связанное с необходимостью долгое время сохранять неподвижность и называется – сидирование. Несмотря на наличие этих подходов к насилию недостаточно освещенным остается аспект морального насилия игры над игроком осуществляемого посредством принуждения игрока совершать выбор в игре в ситуации, которая была бы невозможна в реальном мире и, где каждое решение может привести к негативным последствиям для мира игры. Стоит отметить, что важным элементом возможности такого насилия является высокая иммерсивность игр, то есть глубокая вовлеченность игрока в процесс, которую можно описать словами тотальная и всеобъемлющая.

Тотальность игры является определяющим качеством уникальным для игры вообще, как медиума и для видеоигры в частности, как ее производной [1,2].

Глубокая вовлеченность игрока в игровой процесс делает принятие решений в игре столь же серьезным, как если бы речь шла о реальном мире. Этот тезис стоит понимать так: безусловно существует разница между решением в реальном мире и решением в игре, но степень иммерсивности игры высока, и в рамках игровой деятельности игрок подчинен игровым правилам и механикам, подчинение это настолько сильно, что феноменологический опыт от принятия решений и переживания последствий будет неотличим от опыта принятия решений в реальности. Тем не менее в связи с особенностями игрового опыта, требующего с одной стороны принятия особых правил, места и времени [1], в которых только и может осуществляться игровая деятельность, с другой же предполагающего свободу в контексте выбора как самого включения или не включения в игру, так и внутри игры освобождающего от условностей, правил и норм обыденной жизни. Такой опыт безусловно гомологичен опыту сакрального действия [2, 3], как в том, что касается нарушения привычного хода вещей, так и в том, что происходящее становится неразделимым и не рефлекслируемым в процессе осуществления, что роднит игровой опыт с осуществлением «мифа» по А. Ф. Лосеву. Игровой опыт становится «чудесным» в том плане, что только как данность, не поддающаяся анализу, и может быть игроком воспринят. Всякий же анализ и критический подход разрушат игровой опыт и лишат игрока наслаждения от его переживания, что противоречит основной стратегии игрока, как антропологической единицы.

Такая схожесть, если не сказать идентичность в механизме переживания опыта решения и расплаты, между реальностью, пусть и реальностью ритуала, и видеоигрой приводит нас к следующему умозаключению. Если в реальности опыт принятия решений и рефлексия последствий являются основным конституирующим фактором выстраивания стратегии поведения, выработки аксиологических установок, этических норм, то при отсутствии разницы на феноменологическом уровне в степени переживания тех же практик в видеоигре можно сделать вывод, что видеоигры потенциально являются столь же мощным источником для преобразования личности игрока сколь реальность для человека вообще. Игра может менять человека, может производить недоступный ранее опыт и ощущения, создавая «другую» реальность, более широкую чем обыденная [4]. Как и ритуал игра производит пересборку социальных установок [5], проверяет на прочность привычный порядок вещей, разрушает табу повседневных социальных интеракций. Но, если ритуал призван, совершая пересборку, укрепить моральную и идеологическую конструкцию, остановить энтропию аксиологических установок, то игровой опыт свободен от необходимости поддерживать социальный контекст и традицию, поскольку сконструирован вполне целенаправленно и не имеет коренной привязки к традиции.

Эти выводы приводят нас к постановке проблемы о том, как в конечном итоге моральные дилеммы и травматический опыт в игре способен изменять мировоззрение игрока и каков в таком случае потенциал влияния видеоигр в качестве особого медиума. В качестве эмпирической базы рассмотрим четыре игры, которые, наиболее качественно показывают взаимосвязь внутриигрового насилия и воздействия игрового процесса на самого игрока: «This war of mine», «Beholder», «Sheltered», «Papers, Please!». Определение жанра таких игр и особенностей возникающего игрового опыта является нетривиальной задачей, но в наиболее общем виде это игры, относящиеся к survival тематике (to survive – выживать). Игры тематики выживания, исследуемые в данной работе, демонстрируют тенденцию к разделению по типу донесения внутреннего содержания и подачи игрового опыта. Можно выделить два основных типа подачи игрового опыта: нарративного, где особое внимание и внутренняя механика игры концентрируется вокруг стержневого рассказа, а игрок как бы находится в пространстве интерактивного фильма или книги; людологического, где игрок выступает в качестве менеджера взаимодействуя не с заранее заданным нарративом, который может полностью отсутствовать, но с механиками и экономикой игры. Вне зависимости от того какой именно внутренний механизм подачи опыта используется в играх они тем не менее достигают результата и вырабатывают сильное чувство сопричастности игрока к действующим персонажам игры, будь то главный герой, обитатели заброшенного дома или постапокалиптического убежища.

В нарративе данных игр так или иначе присутствует необходимость принятия решений, которые негативно скажутся на дальнейшем существовании тех или иных составляющих игрового мира с которыми у игрока к данному моменту времени уже сложилась интенсивная эмоциональная связь. Стоит отметить тем не менее, что не редко встречается и в других медиальных нарративах будь то кино или литература, выразительный прием утери героя или персонажа для обозначения принципиального

i [Секция философии языка, коммуникаций и медиа, круглый стол «От аналога к цифре: социальные трансформации в эпоху новых медиа»]

значения момента или мысли. Потеря указывает на значимость происходящего, подчеркивает необходимость обратить внимание через воздействие на эмоциональную сферу зрителя или читателя. Тем не менее, кино или литература не требуют принять решение убить или заставить страдать своих персонажей, в то время как видеоигра настаивает на этом. Кризисная ситуация, облегчение геймплея, отсутствие альтернативного выбора все это толкает вовлеченного игрока принять решение, нажать кнопку и решить судьбу персонажа, с которым уже сложилась та или иная эмоциональная связь. Принятие такого решения не происходит просто, так может показаться только на первый взгляд, при довольно поверхностном анализе. Игрок идет на «делку с совестью», приносит свою связь с персонажем и его самого, все потраченное время и совместный опыт в жертву ради движения нарратива вперед. Это, с другой стороны, сопровождается мнимой «несерьезностью» происходящего ведь это игра. Ведь необходимость принятия подобных решений в игре зачастую не является обязательным условием возможности существования данной, конкретной игры как таковой. Это вспомогательный выразительный инструмент воздействия и поддержания внутреннего нарратива игры, ее механик, бытия ее как целого и неразделимого правдоподобия. Иными словами, через те решения, которые разработчик заставляет принимать игрока мы можем считать собственную повестку разработчика, скрытое содержание послания в видеоигре как медиа [6]. Таким образом, постановка такой ситуации в которой игрок должен жертвовать персонажами, с которыми он чувствует эмоциональную связь требует от разработчиков ответственности, в том числе и социальной. Действительно ли подобные ситуации требуют такого решения? Возможно ли их избежать? Какую картину мира создаст последовательное принятие решений в игре? Какую политическую и социальную повестку в конце концов сообщают разработчики и готовы ли они нести ответственность за это?

Явное и скрытое содержание игр, в частности, вплетенные в нарратив и механику игры идеологические и философские концепты – это краеугольный камень при рассмотрении данной проблемы. Рассмотрение смысловых слоев на нескольких онтологических уровнях, уровне феноменологического опыта игрока и уровне внутренней механики игры, позволяет понять взаимосвязь между действиями и эффектом от них в контексте игры и вне него. Анализ соотношения смыслов, заложенных разработчиками и тех смыслов, и решений, которые воспринимают игроки показывает, что сам по себе игровой контекст и личность игрока могут существенно повлиять на то, каким именно образом будет воспринят посыл разработчиком и как в конечном итоге будет воспринята политическая и идеологическая составляющая, заложенная в игру.

Литература

1. Calleja G. Ludic identities and the magic circle. Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures edited by Valerie Frissen. Amsterdam: University Press, 2015.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 416с.
3. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
4. McGonigal J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. New York: Penguin Press, 2011.
5. Stenros J. Behind games: Playful mindsets and transformative practices. The Gameful World: Approaches, Issues, Applications. MIT Press, Cambridge, 2015.
6. Raessens J. Playful identity politics : How refugee games affect the player's identity. Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures edited by Valerie Frissen. Amsterdam: University Press, 2015.

Трансформация американского политического дискурса о России в конце XIX века

Спартак С.А.

*Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет,
Старший преподаватель. Кандидат политических наук*

sspartak@ya.ru

Аннотация: Трансформация американского политического дискурса о России в конце XIX — начале XX вв. обусловлены в основном причинами экономического и геополитического характера, и связаны со становлением в США специфического «дискурса превосходства», подкрепленного объективными экономическими успехами США, зачастую в острой конкурентной борьбе с Россией.

Ключевые слова: политический дискурс, международные отношения США-Россия, история социально-политических идей, международная политика, национальная идентичность

Mapping XIX century USA Political Discourse: Russia in Process of Transformation. *Spartak S. A.*

Lomonosov Moscow State University, Department of Philosophy, Senior Lecturer

Abstract: The transformation of American political discourse about Russia in the late XIX — early XX centuries is mainly due to economic and geopolitical reasons, and is associated with the formation of a specific “discourse of superiority” in the United States, supported by objective economic successes of the United States, often in a sharp competitive struggle with Russia.

Keywords: political discourse, US-Russia international relations, history of socio-political ideas, international politics, national identity

Политический дискурс США, сфокусированный на собственной идентичности, тем не менее именно в конце XIX века стал выстраиваться на основе противопоставления и политического оппонирования, и контрагентом, в силу политических и экономических обстоятельств, во многом неожиданно для самой истории российско-американских отношений, стала Россия.

По нашему мнению, наиболее полно и рельефно показать эволюцию восприятия России и российских проблем в Соединенных Штатах можно на примере так называемого еврейского вопроса, острой критики самодержавия и борьбы за «свободную Россию» в США, отношения американцев к продвижению России на Восток, Русско-японской войне и Первой русской революции. Выше приведены пять основных, на наш взгляд, причин изменения восприятия, оценки России - политического дискурса о России в целом - в американском обществе. Существуют, конечно же, и другие причины, связанные с логикой внутривосточного развития США, эволюцией американских институтов, совокупным действием внешнеполитических факторов. Объективные тенденции развития американской и мировой экономики, социально-политические процессы в Соединенных Штатах на рубеже XIX–XX вв. сыграли решающую роль в формировании представлений и суждений о России в США, в том числе по отношению к конкретным событиям и аспектам российской истории того времени.

Причем во время циклического подъема 1890-х гг. русская промышленность по темпам роста заметно превосходила большинство западных стран, включая США. Россия оставалась одной из ведущих держав и этим привлекала большое внимание американских политиков и исследователей. Например, в 1883 г. заработала железнодорожная линия из нефтедобывающего района Баку в черноморский порт Батум, что открыло дорогу отечественной нефтяной продукции на европейские и азиатские рынки. Вступив в 1880-х годах в острую конкуренцию с американскими нефтяными компаниями на Ближнем Востоке, русские нефтепромышленники за сравнительно короткое время одержали в ней верх, а российский керосин вытеснил американский в Турции и Персии. Этим были крайне недовольны американские нефтедобытчики, особенно рокфеллеровская Standard Oil, контролировавшая в тот период до 90% всего экспорта нефти и нефтепродуктов из США. Со второй половины 1880-х гг. она стала практиковать ценовой демпинг на европейском рынке, запустила клеветническую

информационную кампанию в отношении качества и безопасности российских нефтепродуктов, даже прибегла к помощи криминальных элементов для уничтожения российских нефтехранилищ в Европе. Standard Oil предприняла ряд в итоге неудачных попыток договориться с работавшими в России Нобелями и Ротшильдами о дележе мирового нефтяного рынка, причем соглашалась на некоторые уступки в этом вопросе. Разразившаяся на фоне несостоявшихся договоренностей ценовая война 1894 г. между американскими и российскими нефтепромышленниками привела к огромным денежным потерям с обеих сторон, которая была представлена в общественно-политическом дискурсе как победа американского предпринимательства. Одновременно все отчетливее проявлялось покровительственное отношение Соединенных Штатов к России, в том числе по причине низкой эффективности ее экономики (по расчетам Д.И. Менделеева, в России в конце XIX в. стоимость промышленных товаров, приходившихся на душу населения, составляла только 20–30 тыс. руб., тогда как в США — 300–400 тыс. руб. [2, 10]) и социально-политической модели.

Начавшийся с биржевой паники 5 мая 1893 г. и длившийся пять лет глубокий экономический кризис в США привел к беспрецедентно высокой безработице и вызвал дальнейшее обострение социальных проблем. В таких условиях, чтобы успокоить общественное мнение, срочно требовалось перенаправить его внимание на еще большие проблемы «погрязших в варварстве» восточных деспотий, где главный объект противопоставления и критики — самодержавный режим в России. Тем более, многие в США определяли кризис 1893 г. как кризис перепроизводства [3], что делало необходимой активную внешнюю экспансию для расширения рынков сбыта. Приоритетным направлением такой экспансии при поддержке обновленного военно-морского флота Соединенных Штатов стал Азиатско-Тихоокеанский регион, где важнейшим соперником опять же выступала Россия.

С другой стороны, в общественной жизни США накапливались и обострялись классовые, социальные противоречия, отражавшие растущее неравенство и ухудшение условий жизни широких слоев населения. Как отмечают Оливер Стоун и Питер Кузник в своей книге «Нерассказанная история США»ⁱ, «1870–1890-е годы стали периодом самой жесткой и кровопролитной классовой борьбы за всю историю США. В 1877 году бастующие железнодорожники и горячо поддерживавшие их массы рабочих других отраслей хозяйства парализовали всю транспортную систему страны... Классовая борьба усилилась в 1880-х годах после появления так называемых «Рыцарей труда», первой массовой рабочей организации в США, которая устроила в 1885 году крупную стачку на гигантской сети железных дорог... Выражали недовольство и фермеры..., в начале 1890-х создали Народную партию» [4, с. 22–25]. На рубеже веков усилились волнения на расовой почве. Указанные события свидетельствовали о пошатнувшейся вере американцев в демократию и равноправие граждан, о глубоком расслоении и поляризации в обществе. На этом фоне закономерным стало появление в 1888 г. очень популярной в США социалистической утопии Эдварда Беллами «Взгляд назад» [5]. «Взгляд назад, 2000–1887» — утопический роман христианского социалиста Эдварда Беллами. Пользовался огромной популярностью в XIX веке — в первый год после публикации в США было продано 200 000 экземпляров книги.

Хронологически первым событием дискурсивного разрыва между США и Россией стал «еврейский вопрос». В США, где возникли проблемы как с ростом эмиграции российских евреев в США, так и со сложностями пребывания американских евреев в России, был сконструирован оценочный дискурс о дискриминации еврейского населения в Российской империи и произволе и жесткости царской власти по отношению к собственным гражданам. При обсуждении «еврейского вопроса» в США впервые была озвучена возможность наказания страны, в данном случае России, за несоответствие взглядам и ценностям, принятым в Соединенных Штатах. На многие годы связанный с Россией «еврейский вопрос» занял одно из ключевых мест в американском публичном дискурсе.

Дискурсивная настройка политической системы, функционировавшей без серьезных сбоев с соблюдением закрепленных в конституции основных прав и свобод граждан, оказалась в США под угрозой в силу экономических обстоятельств. Но «Дух свободы» оставался основным определением американского общества и опирался на традиции и заветы отцовоснователей, для которых высшей ценностью считались рядовой предприниматель и мигрант, приехавший в «Страну возможностей» с надеждой на лучшую жизнь в свободном обществе. С верой в превосходство американской нации,

добившейся впечатляющих успехов в государственном устройстве и экономическом развитии, США уже в рассматриваемый период присвоили себе право оценивать жизнь и достижения других народов, осуществлять цивилизаторские «гуманитарные интервенции». Россия фактически стала первым значимым объектом таких интервенций, и «отсутствие элементарных свобод» явилось катализатором роста критических настроений в ее адрес в Америке.

В рассматриваемом контексте важно учитывать, что усиление конкуренции с Россией на внешних рынках напрямую транслировалось в американский общественно-политический дискурс. Главная причина этого — развитие монополий и монополистического капитала в США на рубеже XIX–XX вв. В начале XX столетия 78 крупнейших концернов контролировали 50% и более в своих отраслях, 8 из них полностью контролировали отраслевое производство. Происходило быстрое сращивание банковского и промышленного капиталов, в результате возникли две мощные финансовые группы — Рокфеллера и Моргана, контролировавшие нефтяные, металлургические, автомобилестроительные предприятия, железные дороги и др. Их интересы были чрезвычайно обширны, в том числе на внешних рынках, а возможности лоббирования, влияния на общественное мнение — очень велики. Соответственно их конкуренты и проблемы на международной арене часто становились предметом публичного обсуждения.

Характерной чертой нового этапа в российско-американских отношениях стала последовательная дискурсивная негативизация образа России в американском общественно-политическом дискурсе с соответствующими изменениями политической риторики и практики США. Превосходство американской политической и социально-экономической модели над российской объявлялось безусловным, линия «разлома» между США и Россией формулировалась соответственно, как цивилизация и варварство, современность и средневековье, свобода и тотальная несвобода (Россия — «тюрьма», «полицейское государство», «империя тьмы»).

Литература

1. «Нефтяные козни» России и США в конце XIX века: начало глобальной ценовой войны. URL: <https://inosmi.ru/russia/20141225/225169304.html> (дата обращения: 21 августа 2018 г.).
2. Менделеев Д.И. Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1899, 2-е чтение.
3. Развитие монополий и монополистического капитала в США на рубеже XIX–XX вв. URL: [http://studentu.info/ekonomika/istoriya-ekonomiki-zaslavskaya-md/razvitie-monopolij-i-monopolisticheskogo-kapitala-v-ssha-na-rubezhkhkhkhkhkh-vv](http://studentu.info/ekonomika/istoriya-ekonomiki-zaslavskaya-md/razvitie-monopolij-i-monopolisticheskogo-kapitala-v-ssha-na-rubezhkhkhkhkh-vv). (дата обращения: 20 мая 2018 г.).
4. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США / Пер. с англ. А. Оржицкого, В. Полякова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.
5. Bellamy E. Looking Backward, 2000–1887. Boston: Houghton, Mifflin & Co., 1888. 482 p.

ⁱ См.: Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США / Пер. с англ. А. Оржицкого, В. Полякова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.

**Концептуализм и интеракционизм
в рамках гипотезы лингвистической относительности**

Юмартов Д.А.

Аспирант кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ

frederickfithroy@mail.ru

Аннотация: В выступлении проводится разграничение гипотезы лингвистической относительности на концептуализм и интеракционизм. Концептуализм означает, что язык определяет мировоззренческие структуры, так называемые концепты отношения к миру (абстрактные идеи, ключевые когнитивные характеристики), интеракционизм же означает, что от грамматических категорий зависят способы взаимодействия человека с окружающей действительностью. Автор считает, что интеракционистская модель относительности доказана реальными примерами и действительно отображает свойство языка влиять на поведение и ориентирование человека в мире. В то же время, концептуализм критикуется автором с позиции, согласно которой мировоззрение индивидов формируется не языком, но через язык, в то время как сам язык является вместилищем культурных данных, который актуализирует их в настоящее время; сами же грамматические категории не влияют на мировоззрение носителей языка, а их конституирующая функция проявляется только в риторических приемах в локальных ситуациях.

Ключевые слова: язык, мышление, релятивизм, Гумбольдт, Уорф, Хомский.

**Conceptualism and interactionism as parts of the hypothesis of linguistic relativity.
Yumartov D.A.**

Lomonosov Moscow State University, postgraduate student at the Department of Philosophy

Abstract: The presentation divided the hypothesis of linguistic relativity into conceptualism and interactionism. Conceptualism means that language determines abstract ideas or general notions that occur in the mind, while interactionism means that ways of human interaction with the reality depend on grammatical categories. The author stated that the interactionist model of relativity is proved by real examples and the property of language to influence the behavior and spatial awareness of a person in the world is really displayed. At the same time, the conceptualism is criticized, because the worldview of individuals is formed not by language, but «through» language, while language itself is a reservoir of cultural data, which actualizes them at the «here and now» space and time; and grammatical categories themselves do not affect the worldview of native speakers, and their constitutive function is manifested only in rhetorical practices in specific situations.

Keywords: language, thinking, relativism, Humboldt, Wharf, Chomsky.

На стыке лингвистики и философии языка известна гипотеза лингвистической относительности (кратко – ГЛО), или гипотеза Сепира-Уорфа, краткая формулировка которой – «язык определяет мышление». Уорф писал: «ни один человек не может описывать природу с абсолютной беспристрастностью... люди на основании одной и той же физической реальности не приходят к одному и тому же взгляду на вселенную, если только их языковой опыт не схож» [1, p. 212-214]. Традиционно лингвисты, особенно критики гипотезы, выделяют две её версии. «Сильная» версия заключается в том, что языковые категории определяют и ограничивают когнитивные; «слабая» – в том, что они только оказывают влияние на мысли и поведение людей. Распространены дискуссии между сторонниками ГЛО и теории принципов и параметров в рамках универсальной грамматики. Обе концепции показывают положительные результаты в прикладном смысле, обе концепции, каждая в своих сферах, могут лучше друг друга объяснять какие-либо лингвистические, социальные и когнитивные явления. Гипотеза лингвистической относительности нашла множество практических подтверждений, например, в сфере концептуализации пространства, времени и качеств предметов. Тем не менее, гипотеза имеет

и недостатки: существуют культурные универсалии, (например, мифы особенно космогонического характера); языки переводимы, хоть и не дословно, а с помощью переводческих трансформаций (парафраз, комментариев и т.д.); глобализация политической сферы и развитие интернета помогает носителям разных языков понимать идеологические и философские идеи. Лингвистическая относительность может быть критикуема с позиции социального конструкционизма, научного реализма и объектно-ориентированной онтологии: согласно первой наше мышление определяется социальным и культурным бэкграундом, который лишь выражен в языке (и не только в нем), а не происходит от него, а научные и спекулятивные реалисты утверждают взаимовлияние объектов, из которых состоит реальность, друг на друга. В рамках этой критики влияние языка на мышление не отрицается, однако язык лишается первичного генерализирующего статуса, объявляясь лишь продуктом культуры или вещественного мира. Сторонники теории принципов и параметров (Хомский, Пинкер) критикуют релятивизм с позиции наличия универсалий в каждом языке [2] [3]. Соотнесем это с доказанностью зависимости поведения людей от языка. Возникает вопрос: если локальный язык не определяет мышление/сознание его носителей, то почему ГЛО прекрасно объясняет особенности поведения людей на основе их «нестандартной» (как бы этноцентрически это не звучало) грамматики?

На мой взгляд, для решения проблемы релятивизма необходимо провести отличную от «слабой» и «сильной» ГЛО дихотомию всей концепции. Вводимые мной далее категории не абсолютны, и каждый лингвист или философ языка может придерживаться обоих взглядов одновременно. Однако именно их рассмотрение в целостности, без различия, зачастую и порождает проблемы как методологического, так и онтологического характера. Итак, я считаю, что существует ключевой вопрос внутри релятивизма: что есть объект влияния лингвистических категорий? Кратко можно назвать эти «объекты» когнитивным концептом и физическим взаимодействием. Между концептами о взаимодействии с миром, и самим взаимодействием существует разница: и то, и другое суть действия индивидов (когнитивные и физические), направленные внутрь или вовне, но концепты означают осмысление, вторичную когнитивную обработку совершенного взаимодействия. Итак, одна часть релятивизма – скажем, концептуализм, означает, что язык определяет концептуальные схемы (идеологию, мораль, эстетику, в общем, мировоззрение) его носителей, а другая часть – интеракционизм, означает, что язык определяет способы взаимодействия носителя с миром. Вильгельм фон Гумбольдт, например, считал, что язык определяет прежде всего концептуальные системы. По Гумбольдту «на язык одного народа воздействует однородное субъективное начало, то в каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение» [4]. Сейчас такой точки зрения придерживается Джордж Лакофф, специалист по когнитивной лингвистике, считающий, что в языках есть скрытые метафоры, которые отражают духовный мир народа, например, в слове «лево» заложена негативная коннотация, а в слове «право» – позитивная, или что ни в одном языке нет поговорок о деньгах, а в английском есть, и это значит настроенность носителей английского языка на финансовую деятельность [5]. В неакадемической среде формулировка «язык определяет концептуальные схемы» может быть представлена стереотипным отношением к народам на основе их языков. Например, «английский язык сухой и простой, поэтому англичане холодны и расчетливы», «в польском языке много шипящих, поэтому поляки коварны, как змеи». Интеракционизм же считает, что от средств для описания мира могут зависеть способы оперирования миром, осознание этих способов при этом можно вынести за скобки. Именно в этом варианте релятивизма обнаруживаются многочисленные практические подтверждения всей гипотезы. Существует язык гуугу-йимитир, в котором расстояние описывается не от неподвижного предмета или говорящего, а от частей света. Носитель этого языка скажет, что человек находится к северу от дома, а носитель английского скажет, что человек находится справа или слева от дома. В тонганском языке расстояние определяется от островов, которые окружают остров конкретного носителя, или от океана. Тонганцы скажут «хижина близко к острову Хаалай», «черепаша ползет к океану», даже если она далеко воды, но ползет туда, где нет ни единого острова [6]. Наконец, существует племя пираха, члены которого не имеют обозначений для цветов и числительных, для счета ограничиваясь лишь словами «мало», «достаточно» и «много». Пирахан – единственный изученный язык без рекурсии. Дэвид Эверетт, исследуя язык племени пираха, обнаружил, что носитель языка пирахан может сообщать лишь односложные вещи, имеющие значение здесь и сейчас. Согласно статьям Эверетта, племя пираха демонстрирует эти языковые особенности не из-за бедности мышления или неразвитости когнитивных навыков, а потому что их культура рассматривает лишь конкретные проблемы в настоящем (здесь и сейчас) [7].

Определение языком концептуальных систем наиболее спорно. Да, существуют исследования Дэна

Слобина или Леры Бородицкой (т.н. кросслингвистический подход) по влиянию языка на обучение детей или на различие предметов по их материалу/форме. Например, Бородицкая проводила сравнение чашек и стаканов (cups и glasses) в русском и английском языках. В русском разница между чашкой и стаканом основана на форме, а не на материале, как в английском. Однако подобные исследования не доказывают различного отношения к проблеме чашек и стаканов, а также не убирают возможности объяснить русскому, что у англичан различие этой посуды основано на материале. Это лишь доказывает разнообразие языков, но не зависимость мировоззренческих схем от языков. Более того, если бы от грамматики зависело отношение индивидов к явлениям или социальным группам, то, например, отсутствие категории рода породило бы большее равенство полов. Категории рода даже в местоимениях нет в азербайджанском и турецком языках, из чего никак не следовало равное отношение к женщине ни в истории, ни (как утверждает индекс гендерного равенства ПРООН) сейчас. Что же определяет мировоззрение? На мой взгляд, старая добрая формула «бытие определяет сознание» и её производные отлично подходят. Язык лишь проявляет те смыслы, которые содержатся в культуре народа в историческом смысле и те природно-социальные явления, которые окружают индивида. Влияние языка на способы оперирования миром видится больше соответствующим действительности. Например, что произойдет, если тонганца переместить с островов Тонга, например, в Швецию? Он окажется беспомощным в топографии, так как нигде не будет знакомого острова или океана. Членов племени пираха так и не смогли научить считать [8]. Правда, мы точно знаем, что можно научить человека, в языке которого только белый и черный цвет, языку с более разнообразными обозначениями цветов. Он научится называть цвета предметов также, как мы учимся называть новые предметы, то есть название цвета предмета станет для него сутью новым предметом. Касаясь проблемы абсолютности влияния, я считаю, что концептуальные системы и способы оперирования темпоральны, могут меняться со временем.

В чем различие места языка в интеракционизме и концептуализме? В интеракционизме язык не является вторичным атрибутом, и порождающее свойство принадлежит именно ему – между ним и реальностью есть прямая корреляция и имманентная зависимость. В каждый момент времени человек, говорящий на гуугу-йимитир будет определять пространственные отношения по частям света, и единственное, что изменит это – трансформация его языка или изучение другого. Тогда как тому же человеку, говорящему на гуугу-йимитир, вовсе не понадобится проходить лингвистические трансформации, чтобы понять западную идею равенства всех перед законом. Значит ли это, что язык вообще не является генерирующей структурой для мировоззрения? Не совсем. В синхроническом аспекте обыденной речи группы индивидов могут намеренно использовать значения и коннотации так, чтобы повлиять на мнение других индивидов. Правда, это лишь «риторический» концептуализм, легко нивелируемый либо индивидами, которые знают теории манипуляций, либо теми, чей взгляд на слова твердо противоположен.

Я считаю, что гипотеза лингвистической относительности наиболее доказуема, если придерживаться интеракционистско-релятивистской парадигмы: язык определяет способы оперирования окружающим миром, в том числе такие как пространственная, временная, предметно-качественная ориентация, при этом влияние языка на мировосприятие хоть и имеет место, но заключается оно в том, что язык является обменным пунктом, а не генератором культуры.

Литература

1. Whorf B., Carroll J.B. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge: The MIT Press, 1964. 290 p
2. Chomsky N. Some simple evo devo theses: how true might they be for language? // The Evolution of Human Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 45–62
3. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/gumboldt-84a.htm>.
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. №4. С. 17- 54.
7. Эверетт Д. Л. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М: Издательский Дом ЯСК, 2016. 384 с.
8. Срапян Е. Люди без денег, чисел и прошлого // Статья журнала «Meduza» URL: <https://meduza.io/feature/2019/01/06/lyudi-bez-deneg-chisel-i-proshlogo>.

«Революция» в философии языка: Ж. Лакан о фигурах дискурса

Костикова А.А.

Философский факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, зав. кафедрой философии языка и коммуникации. Кандидат философских наук
Akostikova04@ya.ru

Аннотация: Ж. Лакан представляет такую интерпретацию психоанализа, которая переворачивает традиционные представления о языке и природе знания, классические объяснения нашего стремления к истине. Философские концепции Витгенштейна, Гегеля, Канта, Гуссерля – все оказывается вписано в конфигурации дискурса, предложенные Ж. Лаканом.

Ключевые слова: дискурс, язык, субъект, современная философия, философия во Франции, философский психоанализ, Ж. Лакан, Л.Витгенштейн

“Revolution” in the philosophy of language: J. Lacan on figures of discourse. Kostikova A. A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, head of the Department of philosophy of language and communication.

Abstract: J. Lacan presents an interpretation of psychoanalysis that reverses traditional ideas about language and the nature of knowledge, as well as classical explanations of our desire for truth. The philosophical concepts of Wittgenstein, Hegel, Kant, and Husserl are all embedded in the discourse configurations proposed by J. Lacan.

Keywords: discourse, language, subject, modern philosophy, philosophy in France, philosophical psychoanalysis, J. Lacan, L. Wittgenstein

«Изнанка психоанализа. (1869-1970)» Жака Лакана посвящена одной из самых важных тем его философского психоанализа – теме языка. В данном случае – как дискурсивной практике, характеризующей как повседневность любого человеческого существования, так и ее основополагающие структуры – истину, власть, наслаждение. Идея Ж. Лакана – представить психоанализ с точки зрения того, как его правильно развернуть, вывернуть... – в этом смысле «изнанки»-«выворотности», заявленной в названии. Это важное уточнение к русскоязычному варианту перевода как «изнанка»: ведь изнанка — это совершенно четко то, что противоположно лицу, нечто, спрятанное за лицом, некий подклад, подкладка, обратная, скорее всего темная, и точно не предназначенная для показа сторона. «Выворотность» — это амбивалентный сюжет, это открытая возможность представить все различной стороной, вы и так можете, и этак, здесь нет предустановленной ценности. Это прямая отсылка к одному из любимых и значимых топонимических образов Ж. Лакана – вывернутой ленты Мёбиуса, в ней нет лица и изнанки, ее «выворотность» есть на самом деле то же самое, что и «лицо». Основной сюжетной линией становятся повороты-переходы к разным фигурам субъекта дискурса, разным типам дискурса, которые в конечном счете должны представить собой не классификацию, а разные способы выражения и наслаждения истиной, разные отношения к власти...

Функционализм инстанций психического призван как раз определить и описать более понятно и более научно то, что работает в конкретных ситуациях – то, что должно стать основой классификационных построений. В этом плане в более раннем семинаре Ж. Лакан даёт одну из иллюстраций: предположим, что мы говорим о реальном, и важно то, что это реальное, с которым связывается собственно наше видение, и результат всей работы психического, этот результат отделён от того, что представляется нам реальным. Конкретное содержание реального выступает лишь неким поводом, провокацией, чтобы построить финальное отображение в психическом, которое может совершенно и не соотноситься с реальностью. В системе зеркал с очевидностью видно взаимодействие инстанций, которое состоит в подхватывании и в обработке смысла. Вот эта инстанция символического – вогнутое зеркало, которое подхватывает и непосредственно реагирует на реальное, но при этом то, что схватывается, никогда напрямую не проецируется в психическое, не становится буквальным смыслом символического, а проходит через инстанцию воображаемого (выпуклое зеркало), которая в итоге и даёт нам тот смысл (образ), с которым мы и работаем потом в нашем сознании. Для Ж. Лакана важен не процесс схватывания

реального как какого-то предмета, а важно то, как мы забрасываем провокативный контекст, который потом обрабатывается двумя инстанциями символического и воображаемого. «Реальное» Ж. Лакан отождествляет с «иллюзионистским», т.е. иллюзионист – это тот, кто провоцирует нас на какие-то реакции, которые мы воспринимаем как единственно существующие, как основные, как то, что есть, но при этом у нас нет никакой референции, никакой отсылки. Реальное выступает в своей провокативной функции. Разумеется, согласно Ж. Лакану, это было и у З.Фрейда – функциональная взаимосвязь трёх инстанций психического: бессознательного, сознательного и сверхсознательного (нормативного). Объяснение неврозов, соответственно, как результата дисфункционализма одной инстанции или их взаимодействия. Ж. Лакан подчеркивает то, что в этом процессе есть язык – единственный предмет, который мы можем обнаружить и выстроить научное объяснение: «Знание — я напоминал об этом достаточно часто, чтобы вы это себе хорошо усвоили — знание — это то, что говорится, что высказано. Так вот, бессознательное — это когда знание говорит само по себе» [1, 88]. Поэтому предметом обсуждения и должны стать конфигурации дискурса, только так мы сможем, согласно Ж. Лакану различить виды знания, выделить истину и оценить последствия применения той или иной фигуры дискурса.

Ж. Лакан в этом смысле подхватывает линию классической интерпретации научности: кантианская апелляция к констатации роли объективных инстанций («вещи в себе» и «феномены»): первые аффицируют чувственность, а другие как раз то, с чем мы имеем дело. Если мы откроем «Критику чистого разума» И. Канта, то обнаружим, что чувственность аффицируется той стороной мира, что к нам развёрнута. То, что И. Кант считает реальным («вещь в себе») нам вообще никак не дано. Аффицирует именно явление, то есть то, что уже стало частью сознания через восприятие. Чувственность как познавательная способность может толковаться тогда как реакция, ведь чтобы получился образ, возбужденная чувственность и собирает в образ разрозненные восприятия. Это идея другая, другая провокация. Отдельная работа Ж. Делёза, посвященная И. Канту, которая как раз выстраивает постструктуралистскую концепцию человеческих способностей, в том числе и когнитивных. Античная философия и для Ж. Делеза, и для Ж. Лакана оказывается точкой, к которой современная философия должна ре-волюционно вернуться: протагорская познание как познание самих себя, все время пытающееся себя выделить и отличить. Ж. Лакан особо выделяет работу отрицательной, «неантиципирующей» инстанции – у Э. Гуссерля, например, «нехватки». Эта «всегдашняя нехватка» требует раскрытия того, что к нам не развернуто. Отсутствующее мы можем получить, если акцент смещён на само сознание знания, на психическое. К слову, неокантианское развитие идеи отсутствия непосредственного взаимодействия с объективным миром – символизм – оказывается непосредственной подготовкой выводов Ж. Лакана. Неслучайно для Ж. Лакана и созвучие обозначения отсутствия *sans* и понятия смысла *sens*, и круг в переводе соответствующего немецкоязычного термина на английский язык и обратно. Именно так рассуждает о конституирующей роли отрицания, по мысли Ж. Лакана, и Гегель в «Феноменологии духа». Но Ж. Лакан выделяет особый – дискурсивный – механизм функционирования психического, ведь реальное – инстанция психического. Реальность не аффицирует, а уже сразу требует интерпретации. Идея отсутствия как идея незаполненной формы. У Э. Гуссерля есть форма, которая призывает «назови меня!», но название есть трансформация без возможности референции – та специфика самовосприятия уже на Стадии зеркала, согласно Ж. Лакану.

У Ж. Лакана из бессознательного, структурированного как язык, выводятся и все смыслы, как и энергетика. Любая дисциплина – она отсюда, с точки зрения построения дискурса. Ж. Лакан критикует позицию Л. Витгенштейна как самое схематичное объяснение самопорождения смысла, как опасность простого удвоения сущностей. Поэтому важно в этой системе понимать смыслы описывая их не функционально, а динамически, то есть определённые последовательности с определёнными образованиями. С. Жижек подхватит эту идею и даст массу политических иллюстраций. Ведь предмет лишь условно разделяем на внутренние и наружные части, и динамическая картина показывает, что никакой внутренней части нет, она всегда наружная. Объект без внутренней стороны. Реальное – стадия столкновения с объектом, когда мы вдруг замечаем, что как бы мы не пытались его вскрыть, он оказывается со всех сторон внешним. С точки зрения конструктивизма, понятно, что любой разговор об объекте — это конструирование смыслов. Мы ушли от какой-либо референции, этот вопрос снят... Другой вопрос: насколько обработка применяется на основе дихотомических конструкций? Конструирование объекта динамично: не из альтернативы, не из дихотомии. Показательна работа Ж. Лакана с фигурами дискурса: господина, университета, истерика и аналитика. Извлечь из бессознательного определённый

тип дискурса, отличить их друг от друга как четыре разные модели формирования образа знания: в каждой из них своеобразно работает означаемое и означающее, конституируется или нет объект. Простой анализ повседневности: кто говорит, что говорит, кому говорит и какой результат говорит. Подставляя под четыре этих категории разные значения мы получаем разные виды дискурса. Ж. Лакан сравнивает их попарно, например, в случае с аналитиком фигура сопоставляется с истериком, истерик ничего не понимает, желает услышать от аналитика о своем желании, и именно аналитик выступает как носитель желания. Конечно, речь идет не о субъективном выборе типа дискурса: «Субъект дискурса не знает себя как держащего речь субъекта» [1, 88]. Переворачивается отношение к знанию, различие – в наличии слов, перформатива. Своеобразное возвращение к майевтике – аналитик делает слышимым знание через практику сократического метода. Одновременно у Ж. Лакана аналитик оказывается и фигурой молчания. Уровень абстракции и недосказанности здесь принципиально важен для Ж. Лакана, лишь истерический дискурс конкретен и бесконечен, более того, он разрешен самим аналитиком: «На самом деле, мы уходим от аналитического дискурса в сторону того, что является, по сути дела, обучением дискурсу сознания и возобновляется день ото дня, до бесконечности» [1, 88]. Фигуры дискурса для удобства обозначения, но это разные формы знания. Не во всех формах знания имеется желание знания. То есть по-разному выражено стремление к власти. У истерика есть желание знания, у аналитика нет. У господина нет, а университета есть... И в этих разных формах по-разному реализуется целостность. Знание всегда стремится быть целостным. Для Ж. Лакана задача противопоставить один дискурс другому, одну схему другой, и глобально это для того, чтобы показать, что знание бывает разным, наука — это не то единообразие, к которому нас приучили, научный дискурс может быть разным!

Литература

1. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. (1869-1970) Книга 17 Переводчик: Черноглазов А. Гнозис, 2008 г. – 272 С.
2. Jalley É. La psychanalyse pendant et après Lacan, t. 1 : Bion, Blanco, Gaddini, Kohut, Kernberg, Stoller, Robion, L'Harmattan, 2016, 238 p.
3. Arrivé M. Langage et psychanalyse, linguistique et inconscient, Paris, PUF, coll. « Linguistique nouvelle », 1994

Костикова И.В.

МГУ, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов. Кандидат философских наук

frauirinakostikova@ya.ru

Аннотация: Современные коммуникации включены в современный дискурс, опирающийся на гендерную философию и психологию, это гибкий и толерантный язык общества 21 века.

Ключевые слова: философия гендера, гендерные исследования, современная философия, история философии, средства массовой информации, информационные войны

**Media and Communication Context of Gender Studies.
Kostikova I.V.**

Lomonosov Moscow State University, Department of Philosophy, associate professor

Abstract: Communications are involved in Gender Studies Discourse that is the new Language of Flexibility and Tolerance in 21 Century.

Keywords: Philosophy of Gender, Gender Studies, Modern Philosophy, History of Philosophy, Mass media, Information War

Особенность гуманитарного знания – в его использовании современной коммуникацией в широком смысле этого слова. Это означает, что не только средства массовой информации обсуждают различные варианты реализации идей, но сами идеи становятся основанием для разворачивания обмена мнениями по самым разным каналам связи. И само по себе обсуждение в СМИ вопросов современной политики не предполагает формирования у аудитории предвзятого отношения к той или иной гуманитарной теории. Тема взаимодействия индивида и общества, проблема общественной оценки индивидуального, вопрос об отказе от абсолютных истин и структур – вот одно из важнейших направлений «философствования после Освенцима». Междисциплинарные гендерные исследования, появившиеся на основе специфического конструктивистского понимания определения индивида (в этом суть понятия «гендер» как социального конструкта биологического пола), совершенно логично вписаны в развитие философии, социологии и психологии второй половины XX века, а в XXI века они стали само собой разумеющимся в коммуникационном пространстве. Следует отметить, что многие элементы названного выше поля гуманитарных исследований, такие, например, как теория социального государства, концепция идеального коммуникативного действия, идея позитивной дискриминации в рамках избирательной демократии, а также и идеи гендерного равенства, стали основой политических реформ ряда государств в их стремлении преодолеть ключевой, по мысли Ю. Хабермаса, кризис – кризис легитимации – доверия к власти со стороны отдельного гражданина. И действительно, в этом общемировом реформистском движении к справедливости, признающей право индивида на собственную исключительность, если она не нарушает это право остальных членов общества, гендерная теория стала одной из базовых.

В связи с этим выделим некоторые, на наш взгляд, наиболее важные темы использования гендерной проблематики в коммуникации – это традиционный вопрос о правах женщин, но представленный более широко, как вопрос о борьбе против насилия, дискриминации по любому основанию, вопрос о позитивной дискриминации и лоббировании интересов всех меньшинств.

В связи с этим следует обратить внимание на предвзятое представление гендерных исследований в целом. Даже при обращении к истории появления терминологии гендерных исследований акцент делается на их политическом использовании, что подчеркивается дополнительно выбором лексики типа «взять на вооружение», «разрушить веру» и пр.[1] Термин «гендер», действительно, достаточно поздний – он появляется в психологии и социологии во второй половине XX века как констатация проблем социальной идентификации и самоидентификации отдельного человека и теоретической потребности в осмыслении этих проблем. Однако его появление обусловлено логикой развития интереса к проблемам личности, ее социализации, влиянию политики и культуры в философии, психологии, социальных науках. Не случайно достаточно широкое обоснование исследований – мы найдем апелляцию к идеям античности,

к Платону и Аристотелю, положениям Римского права, к текстам Библии, к утопиям XVII–XIX веков.

Многообразие исторических и текстологических источников, на которые опираются междисциплинарные гендерные исследования, становится для некоторых журналистов инструментом дискредитации гендерных исследований: политизированные критики получают возможность произвольно отбирать ученых прошлого, представляя интерес к гендеру, например, то как ересь, то, наоборот, как провидческое занятие. В то время как речь идет о традиционной научной историко-философской легитимации темы гендера – понимания пола как конструкта.

В основании философии гендера – феноменология с установкой на явления сознания, структуралистский психоанализ с особым вниманием к инстанции символического, политическая философия XIX века с идеей справедливости и равенства прав человека вообще. Философия конца XIX – начала XX веков заложила методологические основания для целого ряда новых направлений в современной науке, в том числе и для гендерных исследований. Идеи политизируются, и эта объективная тенденция лишь драматично усиливается в XX веке. Сами философы обращают на это внимание, критикуя основы классической рациональности и формулируя риторический вопрос «Как можно философствовать после Освенцима?», критикуя традиционные институты образования и культуры и противопоставляя им отсутствие любых структур и норм. Однако это не становится элементом национальной самоидентификации и аргументом внутренних политических дискуссий. В изложении же журналистов все оказывается перепутано. «Гендерная теория» зачастую подменяется без каких бы то ни было комментариев «постмодернизмом», хотя это еще более сложное явление современной философии, которое требует дополнительного определения. Так, например, находим в публикации, что «адепты» гендера – это постмодернисты, которые, оказывается, «отрицают внутреннюю подлинную личность каждого человека» и требование «нормы». Это абсолютно искажает философскую проблематизацию нормы в новейшей философии.

Еще одним важным аспектом использования гендерных теорий в медийных дебатах является их сведение к европейским ценностям, которые презюмируются как антирусские. Здесь есть несколько аспектов ложной интерпретации концепта гендера, которые, как правило, даются как некий деструктивный для отечественной культуры комплекс.

На первом месте – представление идеи гендера в СМИ как антисемейного концепта. Само по себе изучение особенностей социального поведения индивида, исследование формирования этого поведения не предполагает политики разрушения семьи. Наоборот, гендерные исследования семейных отношений позволяют, насколько возможно, объективно представить этот базовый элемент общества в его современном экономическом состоянии – речь идет о месте семьи в общей структуре хозяйствования, ее демографическом статусе, о распределении функций внутри домохозяйства, о поддержании межпоколенческих отношений внутри семьи. Ни социологические исследования семьи, построенные на концепте гендерного распределения внутрисемейных ролей, ни теоретическая идея гендерного равенства, ставшая основанием для соответствующих законов в скандинавских странах, ни теория домашнего насилия и комплекса жертвы, позволившая выделить соответствующие статьи уголовных кодексов во многих странах и за пределами Европы – все это не разрушает, а укрепляет институт семьи в его современном виде.

Отдельно следует отметить теорию гендерных ролей, которая в интерпретации некоторых СМИ становится основанием разрушения «женского начала». Парадоксально, но именно в рамках отечественных гендерных исследований на основе этой теории появился ряд интересных работ о «женской душе России» [2].

Роль системно выстроенной коммуникации, прежде всего, СМИ сегодня – в непрерывном гражданском образовании аудитории, в формировании позитивного мышления, прежде всего по отношению к собственной истории, к возможностям, существующим внутри нашего общества, каждого его представителя, и возникающим из международных отношений и связей. Выполнение этой задачи предполагает грамотное использование современных теорий и методологий гуманитарного знания.

Литература

1. Голованова Т. Гендерная политика в России // Родительское Всероссийское сопротивление: <http://r-v-s.ru/novosti/2013/gendernaya-politika-v-rossii>.
2. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, Изд. центр «Юнона», 1999.

Генезис языка

Кузнецова Н.А.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
магистрант*

korneevanatasha@list.ru

Аннотация: Язык - это сложная семантическая структура, благодаря которой и осуществляется как прямое, так и косвенное взаимодействие индивидов между собой. Самый сложный и в настоящий момент неизученный вопрос – это вопрос в возникновении и происхождении языка, к тому же он тесно связан и с происхождением человека. Все языки, существующие на данный момент на земле (даже наиболее примитивные) определенно располагаются на достаточно высоком уровне своего развития, несмотря на то, что происхождение языка относится к эпохе с архаичными взаимоотношениями людей. Все теории появления языка (как философские, так и филологические) в большей мере гипотетичны, так как возникновение начального языка от самой «глубинной» языковой реконструкции отделяют множество тысячелетий (в настоящий момент, лингвистические методы позволяют проникнуть в глубину веков не более, чем на десять тысячелетий). В наличествующих теориях происхождения языка формально можно выделить два подхода: 1) появление языка естественным путем; 2) искусственное создание языка активной созидательной силой-данная точка зрения долгое время была господствующей. Разногласие наблюдалось лишь в вопросе о том, кто создал язык и из какого материала. В античном языкознании этот вопрос формулировался следующим образом: создан ли язык «по установлению» (теория «Тесей») или «по природе вещей» (теория «Фюсей»). Если создание языка было по установлению, то по какому- Богу, человека или общества. А если же язык создавался природой, то какое соответствие между собой имеют слова и свойства вещей, в том числе и непосредственные признаки самого человека.

Ключевые слова: язык, происхождение, теории.

The genesis of language. Kuznetsova N.A.

*Samara National Research University, Master's Degree Student
korneevanatasha@list.ru*

Abstract: Language is a complex semantic structure, due to which both direct and indirect interaction of individuals between themselves is carried out. The most difficult and currently unexplored question is the question of the origin and origin of the language, moreover, it is closely related to the origin of man. All languages that currently exist on earth (even the most primitive) are definitely located at a fairly high level of their development, despite the fact that the origin of the language dates back to the era with archaic relationships between people. All theories of the appearance of language (both philosophical and philological) are more hypothetical, since the emergence of the initial language from the most “deep” language reconstruction is separated by many millennia (at the moment, linguistic methods allow penetrating into the depth of centuries by no more than ten millennia). In the existing theories of the origin of the language, one can formally distinguish two approaches: 1) the appearance of the language in a natural way; 2) the artificial creation of language by an active creative force - this point of view has long been dominant. Disagreement was observed only in the question of who created the language and from what material. In ancient linguistics, this question was formulated as follows: whether the language was created “by establishment” (The Theseus theory) or “by the nature of things” (The Fusey theory). If the creation of a language was established, then according to some- God, man, or society. But if the language was created by nature, then what kind of correspondence do the words and properties of things have, including the immediate signs of man himself.

Keywords: language, origin, theory

Наибольшее число гипотез породил первый вопрос – кто создал язык, какова природа тех сил и причин, которые вызвали к жизни язык? Вопрос же о материале, из которого строился язык, особых разногласий не вызывал: это звуки, рождаемые природой или людьми. В переходе от них к членораздельной речи участвовали жесты и мимика.

Джон Локк считает, что слово содержит физическую природу, оно включает в себя членораздельные звуки, которые воспринимаются органами слуха. Основная роль слова – передавать мысль. Однако мысль нельзя непосредственно воспринять сквозь ощущения. Следовательно, чтобы суметь передать мысль, ее необходимым образом следует облечь в воспринимаемые органами чувств знаки. Такими знаками и являются слова. По Локку слово оказывается чувственно воспринимаемым знаком мысли, а значение слова — способностью замещения самих мыслей: «Слова, в конце концов, происходят от слов, обозначающих чувственные идеи. Мы приблизимся немного к источнику всех наших понятий и всего нашего познания, если заметим, как велика зависимость наших слов от обыкновенных чувственных идей и как слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств». Слово является произвольным по отношению как к обозначаемому, так и к говорящему. Значимой стороной слова признается его абстрактность. Локк выделяет слова общие и единичные: общие слова представляют собой наиболее общие высказывания, а единичные — конкретные, отдельные мысли. Локк рассматривает теоретические проблемы философского изучения языка в труде «Опыт о человеческом разумении», связывая проблему значения слов с учением о сущности языка, определяя язык как великое орудие и всеобщую связь общезнания.

Следует также подчеркнуть, что и Гердер выступает в защиту человеческого происхождения языка, указывая на характерную особенность человека – его рассудительность, которая происходит из природной организации человека. Человек, вследствие своей «осмысленности», мог концентрировать внимание на окружающих предметах, подмечать в них свойственные только им черты, благодаря которым он мог различать вещи. Сохраняя в памяти отличительные свойства, он придавал вещам в своем уме определенность. Первый, сохранившийся в памяти признак, нашел свое выражение в слове, это и означало непосредственное рождение языка. Тем самым Гердер подвергает сомнению общепринятое мнение, согласно которому мышление занимает доминирующее положение, а язык как его «внешнее» выражение лишь сопутствует ему, не принимая притом никакого участия в формировании мысли.

В работе Гердера «Трактат о происхождении языка» формулируется мысль о единстве языка и мышления, которая исходит из их естественного происхождения. Метод рассмотрения ученым разнообразных аспектов языка и связанной с ним проблематики демонстрируют, собственно, что Гердер постепенно вырабатывает метод, при помощи которого можно подойти к первоначальному единству языка и мышления, а также к единству феноменов культуры, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре. В работе «О происхождении языка», Гердер старается преодолеть вышеуказанные недостатки в вопросе о происхождении языка, связывая появление языка с развитием культуры. Основное содержание данного исследования Гердер посвящает рассмотрению естественных законов, определивших необходимость возникновения языка. Философ показывает тот факт, что «искусственный язык» вытеснил язык природы, и «общественная благовоспитанность» уже не дает возможность открыто выражать страсти, однако «в момент наивысшего напряжения, наше чувство вступает в свои права и непосредственно прорывается в акцентах родного языка».

Гердер очень точно отметил, что характерной особенностью человека является его постоянное самосовершенствование. Это развитие, подобное которому не претерпевает ни одно животное, никогда не знает предела. Человек никогда не бывает завершенным в себе.

Возникновение и развитие интеллекта есть возникновение и развитие языка, и цепь человеческих мыслей становится цепью слов. Таким образом, непрерывное развитие языка вытекает из самой природы человека. Таким образом слабости людей становятся причиной их огромной силы. Этот факт заставляет его объединиться с другими людьми. Нет ни одного человека, который существовал бы сам по себе, человек всегда включен в свой род как нечто целое. Развиваясь, общество совершенствуется и язык. Это происходит в ходе изучения и преподавания языка, в ходе развития литературы. Прогресс языка так же бесконечен, как и развитие самого общества. Каждый новый автор, новый мыслитель,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

обогащает и развивает язык. На мой взгляд, единственная система, которая будет бесконечно развиваться - это язык, ведь даже самые современные и высокоинтеллектуальные технические средства создаются посредством развития своего особенного языка, который, возможно сможет продолжить свое развитие и без помощи людей. Но, несмотря на это, в речи человека язык приобретает неповторимые индивидуальные особенности. Однако языки развиваются не обособленно друг от друга, а в тесной взаимосвязи. Так же как один язык есть определенная целостность, так и все языки человечества составляют единство.

Литература

1. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. «Опыт о человеческом разумении». М.: Мысль, 1985.
2. Гердер И.Г. «Трактат о происхождении языка». М.: ЛКИ, 2007
3. Головин Введение в языкознание. М., 1983. Гл. 12.
4. Леонтьев А. А Происхождение языка// Энциклопедия «Русский язык». М., 1997. С 98-105
5. Безлепкина Н. Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. С.-П.: Искусство—СПб. 2002.

Интенциональные объекты и структура смысла в формальной семантике

Куслий П.С.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

kusliy@iph.ras.ru

Аннотация: Современная формальная семантика естественного языка представляется в докладе в качестве дисциплины, способствующей решению одной из главных задач современной философии - экспликации природы интенциональности. Данное направление в языкознании выражает логическую структуру содержания языковых выражений, т.е. проявляет те способы, с помощью которых кодируется пропозициональное содержание, являющееся одним из главных объектов интенционального сознания. Автор утверждает, что независимо от того, будет ли интенциональное содержание сведено в современной философии сознания к материальному основанию или нет, нужны будут способы представлять это содержание. И поскольку именно эта задача решается формальной семантикой естественного языка, данная дисциплина играет центральную роль в обозначенной выше более общей философской программе.

Ключевые слова: формальная семантика, смысл, логическая форма, интенциональность, интенциональность

Intentional objects and the structure of meaning in formal semantics.

Petr Kusliy

Institute of Philosophy, senior research fellow

Abstract: The author argues that regardless of whether the intentional content is reduced in the modern philosophy of consciousness to the material basis or not, a way to represent this content will still be needed. This is precisely the problem that is solved by the formal semantics of natural language. This discipline can be viewed as playing a central role in the more general philosophical program of the study of the nature of consciousness.

Keywords: formal semantics, sense, logical form, intentionality, intensionality, analytic philosophy.

Введение

Цель данной статьи в том, чтобы показать, каким образом исследования в области формальной семантики естественного языка являются реализацией большой философской исследовательской программы, а именно способом изучения природы интенциональных объектов, которые, со времен Ф. Brentano, считаются неотъемлемой частью психических феноменов.

В современной философии распространена позиция, согласно которой понимание природы интенциональности является ключом к пониманию природы сознания, а следовательно и природы человека. Репрезентируя формальную структуру смысловой составляющей выражений естественных языков, а также условия истинности целых предложений, формальная семантика дает возможность изучить те способы, которыми человеческому сознанию может быть представлена мысль, как ключевой элемент разумной психической деятельности. Независимо от того, сможет ли современная философия сознания свести интенциональные объекты к нейронным и иным физическим процессам в мозге или же победит философский дуализм, утверждающий независимый онтологический статус объектов сознания, чтобы говорить об этих объектах, их нужно как-то представлять. Иными словами, нужна структура смысла. Формальная семантика предлагает эту структуру, причем делает это строгим, систематическим и эмпирически подтверждаемым образом на материале естественных языков, т.е. тех символических системах, которые реальные люди используют в реальной практике для придания формы своим мыслям. Таким образом, современный формально-семантический анализ естественных языков, будучи зачастую сфокусированным на отдельных феноменах отдельных языков, является ключевой составляющей более общей философской программы по изучению природы человека.

Семантический аргумент, как основа аналитической философской критики

Рассуждая о своей двухуровневой семантической концепции, в которой языковое выражение имело предметное значение и смысл, Фреге [1, с. 234] возражает «идеалистическому аргументу», в рамках которого стирается разница между объектами и нашими представлениями о них. Его возражение является чисто формальным: предложение «Луна вращается вокруг Земли» и предложение «Мое представление о Луне вращается вокруг Земли» имеют разный смысл. Опираясь на идею Л.Витгенштейна о том, что смыслом предложения являются его условия истинности [2, с. 20] эта разница может быть продемонстрирована наглядно: первое предложение может быть истинным при ложности второго.

Из этого следует, что независимо от того, как обстоят дела в физическом мире и как он соотносится с содержанием человеческого восприятия, условия истинности высказываний о физических телах, с одной стороны, и восприятиях, с другой, разные, а, значит, разное предметное значение у выражений «Луна» и «мое представление о Луне».

Чтобы убедиться в обоснованности аргумента Фреге, не требуется обладать особыми теоретическими или практическими знаниями о мире и сознании. Можно просто быть носителем языка или просто понимать соответствующий язык. Этого достаточно, чтобы убедиться, что замена выражения «мое представление о Луне» выражением «Луна» не является семантически безобидной. Аргументация Фреге, таким образом, не просто объективна и эмпирически фундирована, но также и наглядна.

Сфера смыслов как объективная сфера семантического содержания

Классическая аналитическая философия долгое время обсуждала проблемы когнитивного и семантического различия в содержании кореферентных высказываний, которые иногда могут иметь разные смыслы, а иногда тождественные (ср. F-эквивалентность и L-эквивалентность Р. Карнапа [3], а также его рассуждения о структурном тождестве L-эквивалентных выражений). Одной из магистральных линий данного обсуждения является восходящая к Фреге идея о том, что смыслы имеют объективный семантический (и даже онтологический) статус, отличающий их от особенностей данных субъективного восприятия (представления) тем или иным индивидом.

В результате классические работы в аналитической философии языка показали, что можно (1) говорить о предметах, находящихся вне человеческой психики, и (2) отличать от них смыслы, имеющие отношение к объективной сфере умопостигаемого. Более того, смыслы могут вообще не иметь под собой предметного значения.

Отличая сферу смыслов от сферы предметов, Фреге и его последователи, в частности, Б. Рассел [4], предлагают наглядный, научный и эмпирически фундированный способ идентификации смыслов (через условия истинности предложений, в которые входят термины, выражающие эти смыслы), а также указывают на то, как может быть выявлена их структура (через тот вклад, который выражающие их выражения привносят в условия истинности тех предложений, частью которых являются).

Загадка сознания, интенциональность и смыслы

Современная философия сознания исследует природу человеческого сознания как один из главных вопросов философии. Разгадать, в чем заключается природа сознания, сознательной активности, для многих философов означает дать ответ на вопрос о том, что такое человек. Разумеется, такой ответ не будет исчерпывающим, ибо философский вопрос о том, что такое человек, простирается и за пределы вопроса о природе сознания, однако ответы на многие другие вопросы могут оказаться зависимыми от ответа на вопрос о сознании. Считается, что именно сознание (обладание им) отличает человека от других объектов физического мира.

Одним из ключевых теоретиков сознания, заложивших основу философского осмысления этого понятия, был Ф. Brentano [5], который, как известно, провел фундаментальное различие между психическими и физическими феноменами и определил ключевой особенностью первых направленность на некий объект. Именно с понятием такой направленности сознания на некий объект связывается термин «интенциональность». Важной особенностью объекта, на который направлен психический феномен или психический акт, является его отличие от физических объектов. Согласно Brentano, сознание может сделать объектом своей направленности и то, что не представлено в мире физических предметов.

Современная философия сознания предлагает целый спектр интерпретаций концепции Brentano применительно к проблеме сознания. Исследуется проблематика неинтенциональных актов сознания,

а также интенциональности, присущей феноменом непсихического происхождения. Так, например, Н. Блок [6] разделяет общее пространство сознания на сферу актов сознания, которые являются осознваемыми, и теми, которые являются чисто феноменальными и не требуют осознанности. Фрегевские смыслы, т.е. содержательно значимые феномены сознания, относятся к первому измерению. Ко второму измерению относится восприятие того, что не требует осмысленности. Квалиа, как данные чувственного восприятия, также требуют направленности сознания, однако вряд ли их восприятие требует той же степени осмысления, как, например, понятие современного короля Франции.

Таким образом, мы видим, что сфера интенциональности сознания, проблематизация которой восходит к учению Brentano, может быть шире сферы смыслов, восходящей к Фреге. Между тем сфера смыслов, возможно, в большей мере является свойственной сознанию человека.

Современная формальная семантика и реализация проекта Brentano

Современная структурная лингвистика, в целом, и формальная семантика естественного языка, в частности, занимаясь изучением структурных аспектов значения языковых выражений на материале различных естественных языков, одновременно занимается и реализацией программы Brentano через методологию, предложенную Фреге и развитую в работах его последователей. Выявляя структуру смысла, присущего выражениям разных языков, эта дисциплина, используя язык в качестве выразителя мысли, проясняет то, как могут быть представлены сложные интенциональные объекты познающему сознанию. Иными словами, эта дисциплина моделирует те способы, которыми может быть представлена человеческая мысль, являющаяся объектом интенционального акта.

В современной формальной семантике анализ того или иного естественного языка должен представить его как систему, в которой предложения могут быть истинными и ложными и, следовательно, обладают условиями истинности. Они генерируются из более простых выражений, каждое из которых также имеет предметное и смысловое содержание, а также из способа сочетания простых выражений. Правила сочетания простых выражений должны быть такими, чтобы с их помощью можно было построить бесконечное множество предложений, выражающих бесконечное множество мыслей.

Если программа Brentano имеет философскую значимость, то каким бы мог быть способ ее более методологически строгой, наглядной и эмпирически фундированной (т.е. фундированной в конкретном эмпирическом материале естественных языков), а потому и научной, реализации, чем изучение способов представленности смыслов в естественных языках? Ведь именно они выражают структуру человеческой мысли именно в тех ее разновидностях, в которых она реально представлена. И если это так, то аналитическая философия, в целом, и ее логико-семантическая методология, в частности, будучи примененной сегодня к естественно-языковому материалу имеет не просто прямую философскую релевантность, но даже в известной степени эксклюзивную значимость.

Литература

1. Фреге Г. О смысле и значении // Г. Фреге. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230-246.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат // Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Часть 1. М., 1994.
3. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
4. Russell B. On denoting. Mind. 1905, 14(56), 479-493.
5. Brentano Ф. Избранные работы. / Составл., перев. с нем. В. Анашвили. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996.
6. Block N. On a confusion about a function of consciousness. N. Block, O. Flanagan, and G. Güzeldere (eds.), The Nature of Consciousness, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

Латыпов И.А.

*ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (УдГУ) Минобрнауки РФ, профессор
symposium2016@mail.ru*

Аннотация: Актуальность данной работы определяется необходимостью философского осмысления развития Scientific Relations для ПР-деятельности по популяризации науки в современном российском обществе. Scientific Relations определяется как специализированная коммуникационная деятельность, нацеленная на систематичное формирование позитивного общественного мнения по отношению к учёным и к науке в целом. Теоретические основания работы – идеи Н. Лумана по основам функционирования системы массмедиа. В работе отмечается, что многие изменения коммуникационной деятельности по повышению статуса науки могут идти вслед за трендами развития Scientific Relations. Данное исследование будет интересно специалистам в сфере социальной философии и социологии коммуникаций, философии науки, а также в теории массмедиа и коммуникативистики.

Ключевые слова: Scientific Relations, наука, философия, коммуникации, медиа.

**Scientific Relations in scientific media communications: a philosophic aspect.
Latypov I.A.**

Udmurt State University, professor of department (ISC)

Abstract: The topicality of the research is determined by necessity of philosophic analysis of Scientific Relations for PR-activity, aimed to popularization of science in modern Russian society. Scientific Relations is determined as specific communicative activity, aimed to systematic formation of positive public opinion towards scientists and science as a whole. Theoretical base for this research includes ideas of Niklas Luhmann for analysis of bases of mass-media system functioning. The paper points out that many changes of communicative activity, aimed to popularization of science, may follow main trends of the development of Scientific Relations. The paper will be of great interest for researchers and lecturers in the fields of social philosophy and sociology of communications, philosophy of science, theory of mass-media and communicology.

Keywords: Scientific Relations, science, philosophy, communications, media.

Научное мировоззрение, в отличие от религиозного, и раньше вынуждало учёных не просто искать аргументы в своеобразной «апологии», но и вести постоянную системную деятельность по аргументированному обоснованию необходимости научных исследований.

Ещё более важно это для современного российского общества. Тем более, сейчас молодёжи приходится сталкиваться с вопросом: «Если учёные такие умные, то где же их деньги?». Хотя бы для привлечения молодёжи в науку и необходима популяризация науки.

Возрождение религиозного мировоззрения и суеверий в современной России, активная деятельность нетрадиционных сект и конфессий, интерес россиян к паранауке и к паранормальным явлениям в совокупности сильно потеснили научное мировоззрение, по крайней мере, в общественном сознании.

Чтобы российской науке в целом выживать в современных реалиях, учёным приходится постоянно доказывать необходимость трезвого (рационального) анализа объективной реальности.

Кому-то из учёных приходится это делать, работая над оборонными заказами. Комуто приходится это делать и в других сферах, но вероятность успеха уже может быть проблематичной. Свидетельством этой проблематичности и является кризисное состояние российской науки в последние почти три десятка лет. К тому же, в современном обществе философия становится востребованной именно в кризисных ситуациях. С этим и связана актуальность исследования философского аспекта Scientific Relations в научных медиакоммуникациях.

Термин «популяризация науки» не нуждается в определениях. Предыстория зарождения и становления популяризации науки является очень продолжительной, даже в кратком схематичном изложении.

В эпоху Возрождения Галилей становится одним из первых предшественников популяризации науки, поддерживая общение с учениками и коллегами, даже под постоянным надзором инквизиции, и ведя активную переписку по научным и околонаучным проблемам. Современная немецкая телепередача «Galileo» с прежней российской программой «Галилео» (как отечественным вариантом «Galileo») и продолжает научнопопуляризаторскую деятельность.

В Новое время формирующееся европейское общественное мнение с настороженностью и со сдержанным любопытством относилось к научным открытиям. В частности, уже у Френсиса Бэкона «призраки площади» и, в наибольшей степени, «призраки театра» характеризовали ошибки постепенно формировавшегося общественного мнения, препятствовавшие и препятствующие научному познанию.

В России ещё Петру Первому приходилось убеждать дворянство в необходимости образования и науки. Ломоносову же приходилось вести деятельность по популяризации науки, в частности, для открытия Московского университета в 1755 году и т.п.

Одним из многих свидетельств успешности российской науки уже в XIX веке является «прорыв» российских естествоиспытателей в 1860-е годы, когда открытия Сеченова, Бутлерова и Менделеева превзошли мировой уровень и надолго сделали российские научные результаты востребованными во всём мире.

Советская наука не нуждалась в «апологии», но пропаганда науки не сводилась только к сухой отчётности об очередных успехах советских учёных и рациональной аргументации планов научного развития. Общеизвестны аргументы различных сторон в споре «физиков» и «лириков». Популярными были такие традиционные медиа, как журналы «Наука и жизнь», «Квант», «Знание-Сила», «Техника – молодёжи», «Вокруг света», «Уральский следопыт» и многие другие. Популярными были советские фильмы о науке и учёных, такие как: «9 дней одного года», «Иду на грозу», «Софья Ковалевская», «Король», «Укрощение огня» и многие другие.

Общеизвестна прежняя советская и российская телепередача «ОчевидноеНевероятное».

Примерами же успешной популяризации науки на Западе были и остаются многие проекты Айзека Азимова, Карла Сагана, Ричарда Докинза и Стивена Хокинга. Дорогого стоит, например, научно-популярная книга Стивена Хокинга «Краткая история времени». Известны британский научный журнал «Nature», американские научный журнал «Science» и научно-популярный журнал «Popular mechanics» и др.

По аналогии с уже устоявшимся словоупотреблением термина «инфотэйнмент», расширяется сфера применения понятия «scientainment», по крайней мере, на западных научно-популярных телеканалах, радиопрограммах и научно-ориентированных сетевых ресурсах. Одними из самых успешных примеров популяризации науки были кампании по информированию и продвижению проектов создания и использования телескопа Хаббла в США и Большого Адронного Коллайдера в Европе.

Постоянно растёт число теоретических публикаций о необходимости и возможностях пропаганды науки. Множатся примеры успешных практических исследований в этой области. Research&Development-подразделения транснациональных корпораций используют новые социальные технологии для привлечения инвестиций, в частности, связи с общественностью в науке, т.е. Scientific Relations.

Это сравнительно новое направление ПР-деятельности можно определять как специализированную коммуникационную деятельность, нацеленную на систематичное формирование позитивного общественного мнения по отношению к учёным и к науке в целом.

Никлас Луман в своей «Реальности массмедиа» задавался вопросом: «...если многое говорит в пользу дифференциации программных областей новости/репортажи, реклама и развлечения, то что же свидетельствует об их объединении в одну и ту же функциональную систему?» [2, с. 113].

Фактически, Scientific Relations и является одним из примеров объединения новостей из мира науки с социальной рекламой и ПР-поддержкой науки и с развлечениями на основе современных научных разработок.

С другой стороны, для Scientific Relations необходимо обоснование и с точки зрения философии науки. При этом в отличие от обычной и привычной популяризации науки, адресат которой довольно размыт и не является чётко определённым, Scientific Relations нуждается в чётком определении целевой аудитории.

Формирование позитивного общественного мнения по отношению к учёным необходимо для постепенного повышения статуса научной рациональности и для популяризации науки.

Соответственно, и в современной России методологическая функция философии реализуется уже не только в осмыслении и переосмыслении способов реализации научного познания, способов построения и обоснования системы научного знания. Расширение методологической функции философии может и должно быть связано с развитием и анализом методологических основ популяризации науки, в частности, с развитием учения о принципах построения, формах и способах Scientific Relations в популяризации науки. Этим и определяется научно-практическая значимость данного исследования.

В инновационном обществе Scientific Relations необходимы и стартапам, и бизнесангелам, венчурным фондам, транснациональным корпорациям, и университетам и научнообразовательным центрам и т.д.

Диссеминация результатов научных исследований является одним из основных требований, по крайней мере, у некоторых грантодателей (например, по программам «Erasmus+» [2, с. 64-69]). Для этого и нужны соответствующие информационные кампании продвижения в медиакоммуникациях.

Для Scientific Relations полезны и традиционные печатные, и электронные масс-медиа, такие как телеканалы «Discovery Channel», «Discovery Science» и др., и социальные медиасети (группы, сообщества и страницы по научно-популярной тематике в сетях «Facebook», «vkontakte» и др.).

Одним из многих примеров успешной популяризации науки на телеканале «Discovery Channel» является цикл научно-популярных телепередач о Вселенной «Как устроена Вселенная?». Возможности интерактивного телевидения позволяют сохранить значимость телевизионного канала продвижения научно-популярной информации, даже несмотря на бурный рост Интернет-пространства.

К примерам успешной популяризации науки в Интернет-коммуникациях в России и за рубежом относятся российское Интернет-издание «N+1», сайт www.roritech.ru и др.

Постепенно расширяется круг работ же по теоретическим основам Scientific Relations в РФ, хотя их пока немного (см. [3] и [4]).

Тем самым, невзирая на разнообразие формы и содержания, многие изменения коммуникационной деятельности по повышению статуса науки могут идти вслед за трендами развития Scientific Relations.

Литература

1. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. 256 с.
2. Латыпов И. А. Логотип Евросоюза в реализации европейских грантовых программ в Ижевске: социально-теоретический аспект // Наука Удмуртии. - 2019. - № 1. - С. 64-69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41121709>
3. Латыпов И. А. О некоторых коммуникационных аспектах популяризации науки // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность: сб. науч. ст. Ижевск, 2014. С. 211-215. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26542033>
4. Федотовских А.В. Медиа-вирусная кампания как технология формирования общественного мнения в Scientific Relations // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/5041>

Цифровые средства коммуникации как фактор трансформации культурной картины мира¹

Мешкова Л.Н.

Пензенский государственный университет,
кафедра «Изобразительное искусство и культурология», доцент, кандидат философских наук

lnmeshkova@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние современных цифровых средств на культурную картину мира. Важнейшими элементами культурной картины мира являются концепты. В частности, были выделены такие концепты, как «пространство» и «свобода». Влияние цифровых технологий на понимание пространства сказалось в следующем: выделение пространства физического присутствия и цифрового пространства (Интернет-пространства, дополненной реальности, виртуальной реальности), глобализация информационного пространства, изменения структуры социального пространства. Концепт свободы рассматривается в двух возможных контекстах: цифровая среда может, с одной стороны, создавать различные ограничения и формировать зависимости, с другой стороны, создает условия для самореализации личности. Новые контексты, которые сопровождают данные концепты, говорят о трансформации культурной картины мира, что находит отражение в изменениях процессов культурной и социальной идентификации, в появлении новых форм участия в трудовых и социальных процессах.

Ключевые слова: культурная картина мира, цифровые технологии, пространство, свобода, идентичность, глобализация.

DIGITAL MEDIA AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE CULTURAL WORLDVIEW. Meshkova L.N.

Associate Professor at the Department of Fine Art and Culture Studies, Penza State University

Abstract: The paper discusses the impact of contemporary digital media on cultural worldview. The most important elements of the cultural worldview are concepts, in particular, such concepts as “space” and “freedom”. The influence of digital technologies on the understanding of space is reflected in the following: allocation of the space of physical presence and digital space (Internet space, augmented reality, virtual reality), globalization of the information space, changes in the structure of social space. The concept of freedom is considered in two possible contexts: the digital environment can, on the one hand, create various restrictions and addictions, on the other hand, creates the conditions for personal self-realization. New contexts that accompany these concepts offer evidence of the transformation of the cultural worldview, which is reflected in changes in the processes of cultural and social identification, in the emergence of new forms of participation in labour and social processes.

Keywords: cultural worldview, digital technology, space, freedom, identity, globalization.

Одним из важнейших проявлений современной культуры является повсеместное распространение цифровых технологий. Они не только определяют характер коммуникации, но и влияют на экономические процессы, меняют повседневную жизнь людей, тем самым создавая новое культурное пространство. Последствием дигитализации культуры становится трансформация культурной картины мира как различных социальных общностей и групп, так и отдельных личностей.

Культурная картина мира определяется как результат моделирования человеком окружающей его действительности [1, с. 51]. Картина мира является сложно структурированной целостностью,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

которая в качестве главных компонентов включает в себя мировоззрение (концептуальная часть), мировосприятие (чувственно-образная часть) и мироощущение (особый склад мышления) [2, с. 70]. Картина мира, с одной стороны, характеризуется устойчивостью, что обеспечивает преемственность между поколениями представителей одной культуры. С другой стороны, она динамична и на ее изменение влияют, в частности, исторические и социальные факторы, развитие научного знания и т.д.

Важнейшими элементами картины мира являются такие концепты, как пространство, время, судьба, право, богатство, труд, свобода и т.д. В совокупности эти концепты образуют «сетку координат», карту-схему жизненного пространства, с помощью которой представители определенной культуры воспринимают мир, ориентируются в нем, определяют направления своего жизненного пути. Концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей, помимо понятийной основы, «ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [3, с. 228]. Под влиянием современного процесса цифровизации культуры ряд ключевых концептов приобретают новые коннотации, дополняются новыми смыслами и ассоциациями.

Рассмотрим несколько примеров.

Под влиянием новых коммуникативных технологий целый ряд изменений и дополнений претерпевает концепт пространства. Во-первых, происходит разделение на пространство реальное, или, иными словами, пространство физического присутствия, и пространство, создаваемое цифровыми технологиями. К последнему относятся Интернет-пространство, дополненная реальность (когда цифровое графическое изображение накладывается на окружающее физическое пространство), виртуальная реальность, конструирующая новый искусственный мир. В настоящее время Интернет-пространство не менее значимо, чем реальное физическое. Оно служит не только для получения информации и совершения коммуникативных действий, но помогает решать различные социальные задачи. Пользователи Интернета обращаются к онлайн-услугам банков и социальных учреждений, совершают покупки, заканчивают онлайн-курсы. По замечанию Г. Бехманна, онтологический вопрос «Что является действительным?» в культуре, основанной на аудиовизуальных возможностях симуляции, оказывается весьма трудным для ответа. «Виртуальные реальности становятся в один ряд с эмпирически подтверждаемыми действительностями, самые различные модусы подтверждения реальности и контроля истинности приходят на смену наивной вере в изображение и слово» [4, с. 130].

Другой аспект расширения смыслового контекста концепта «пространство» связан с процессом глобализации. Благодаря современным средствам информации и коммуникации человек оказывается включенным в глобальное пространство. Цифровые средства коммуникации способствуют глобальным процессам в разных сферах жизни человека: в области культурного обмена, экономического и политического взаимодействия. Именно активное участие в глобальной коммуникации стало одно из причин постановки проблемы соотношения глобального и локального, глобального и национального. Человек может осознавать себя представителем определенной национальной или этнической культуры, но в то же время принимать ценности, носящие глобальный характер и транслируемые цифровыми технологиями. Это ведет к формированию так называемой «гибридной идентичности».

Кроме того, в результате распространения цифровых средств связи социальное пространство все больше приобретает независимость от пространства физического. Для того чтобы узнать, как дела, обсудить и решить проблему, непосредственная встреча уже не нужна. Интернет и мобильная связь позволяют обмениваться сообщениями в любом месте и в любое время. В связи с этим происходит уплотнение социального пространства, изменяется его структура, стираются привычные границы между публичным и приватным пространством, пространством для отдыха и работы. Эти пространственные трансформации сопровождаются расширением смыслового поля концепта «труд». Благодаря Интернету меняются способы организации рабочего процесса. «Для многих людей исчезли понятия “рабочий день” и “рабочее место” – время, посвященное заработку, определяется самостоятельно, а местом может быть и загородный домик, и кафе и даже парк» [5, с. 17]. Проявлением новых форм трудового участия с использованием цифровых средств стали фрилансерство, удаленная работа, практика аутсорсинга.

Следующий концепт, на смысловое развитие которого повлияла новая цифровая реальность, это концепт свободы. Обращает на себя внимание то, что понятие свободы развивается в двух контекстах, одновременно и противоположных, и дополняющих друг друга.

В одном случае свобода рассматривается с позиции возможного ее ограничения. Это происходит,

когда речь идет о распространении с помощью современных средств массовой информации и коммуникации определенных стандартов и моделей поведения, связанных с массовой культурой и консьюмеризмом. Также отмечается, что цифровые коммуникативные средства обладают огромной силой внушения, оказывают сильное влияние на эмоциональное состояние человека, его когнитивные способности, что позволяет их использовать уже как средство манипуляции сознанием и поведением адресата сообщения. Нельзя забывать и о формировании психологической зависимости от цифровой виртуальной реальности. Сюда можно отнести Интернет-зависимость, зависимость от телефона (номофобия), зависимость от социальных сетей и т.д.

С другой стороны, цифровые технологии расширяют возможности человека. В отличие от традиционных средств массовой коммуникации, таких, как телевидение, печатные издания, где ресурсы обратной связи со зрителем, слушателем, читателем очень ограничены, Интернет создает условия для интерактивного и диалогического общения. Благодаря этому увеличивается интенсивность коммуникативных процессов, обмен мнениями. Одним из результатов продвижения цифровых технологий в повседневную жизнь современного человека стало увеличение возможностей для выражения собственной позиции по интересующим вопросам, иначе говоря, для свободы слова. Одним из важнейших инструментов, позволяющих людям высказывать свое мнение и напрямую общаться с другими людьми, стали социальные сети, которые используют потенциал интернет-ресурсов и обеспечивают взаимодействие, обмен и сотрудничество между пользователями.

Социальные сети не только создают условия для открытой и свободной коммуникации, но и предоставляют человеку возможности для формирования своей особой сетевой идентичности, которая выступает как способ самопрезентации. Сетевая идентичность стала объектом пристального исследования специалистов из разных областей: психологов, социологов, культурологов и др. В исследованиях подчеркивается ее проектный и гибкий характер. «Механизмы сетевой коммуникации дают возможность личности через осмысление ценностных ориентиров индивидуальной деятельности формировать себя как как активного субъекта, способного развивать собственную систему социальной идентичности, встраиваясь на основе приоритетных идентификаций в солидарные сообщества социального пространства» [6, с. 687]. В силу отсутствия границ внутри глобального Интернет-пространства, человек получает возможность знакомиться с другими культурами, системами ценностей, моделями поведения и включать их в свое личное пространство. Безусловно, это становится одним из важнейших факторов изменения культурной картины мира личности.

Кроме того, Интернет предоставляет средства для самореализации пользователей в процессе соучастия в производственном процессе, является инструментом для самостоятельного решения разного рода проблем в трудовой деятельности. Механизмы сетевой коммуникации позволяют личности проявить себя активным субъектом деятельности в сфере экономики, в социальных и политических процессах, что нашло отражение в таком явлении, как просьюмеризм.

Таким образом, пример рассмотрения смыслового пространства концептов «пространство» и «свобода» показывает, что вхождение цифровых технологий в повседневную жизнь человека влияют на их содержание. Новые контексты, которые сопровождают данные концепты, говорят о трансформации культурной картины мира, что находит отражение в изменениях процессов культурной и социальной идентификации, в осознании своей роли в трудовых и социальных процессах, в понимании своего места в мире.

Литература

1. Кириллов Э.П. Культурологические измерения картины мира // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 48–58.
2. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.
3. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. М.: Логос, 2010. 248 с.
5. Цифровая жизнь российских мегаполисов. Модель. Динамика. Примеры. / Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО, 2016. [Электронный ресурс] URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2019)
6. Мирошниченко И.В. Сетевые механизмы формирования идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 685–694.

Трансформация коммуникативной системы эпохи «массовой герменевтики»

Миннуллина Э.Б.

Казанский государственный энергетический университет, кафедра философии и медиакоммуникаций Института цифровых технологий и экономики, заведующий кафедрой. Доктор философских наук

elinafil@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается состояние современной коммуникативной системы в контексте трансформации постмодернистской объяснительной парадигмы. Автор обращается к концепции диджимодернизма, критической теории интернета, а также к ряду герменевтических традиций для анализа компонентов коммуникации. Выявлено, что в современном сетевом цифровом обществе размываются контуры отправителя и получателя сообщения, автора и читателя текста. Участник информационного взаимодействия носит коллективный характер, особенно в таких феноменах, как трансмедийный нарратив и блогинг. Возникает синтетический эффект соединения моментов формирования и интерпретации смысла. Сделан вывод, что новые средства коммуникации как самостоятельной системы ставят индивидуальность в зависимость от коллективных решений, публичность выходит на первый план социальных отношений, что неоднозначно воздействует на персональную сферу жизни, образование и культуру.

Ключевые слова: коммуникативная система, диджимодернизм, Герт Ловинк, публичность, интерпретация, герменевтика.

Transformation of Communicative System in the Era of Mass Hermeneutics. Minnullina E.B.

Kazan State Power Engineering University, Department of Philosophy and Media Communications Institute of Digital Technology and Economics, department head

Abstract: The paper studies the state of modern communication system in the context of postmodern explanatory paradigm transformation. The author considers the concept of digimodernism, critical theory of the Internet, as well as a number of hermeneutical traditions for analyzing communication components. It is shown that in the modern networked digital society, the contours of a sender and a recipient of the message, an author and a reader of the text are blurred. The participant in information interaction is collective, especially in such phenomena as transmedia narrative and blogging. There is a synthetic effect of formation and interpretation of meaning. It is concluded that new means of communication as an independent system make individuality dependent on collective decisions, publicity comes to social relations forefront, it negatively affects personal life sphere, education and culture.

Keywords: communicative system, digimodernism, Geert Lovink, publicity, interpretation, hermeneutics.

Герт Ловинк в книге «Критическая теория интернета» замечает, что цифровую современность можно назвать эпохой массовой герменевтики [1, с. 163]. Нидерландский теоретик медиа говорит об изменении социального, которое в контексте технократического цифрового взаимодействия становится подобием коллектива со слабыми связями.

Действительно, за последние десятилетия диджитализации информационно взорвавшийся мир галактики Гутенберга обрел специфические черты, это во многом явилось причиной того, что постмодернистская объяснительная стратегия утратила актуальность, и сегодня складываются новые подходы к осмыслению социальной реальности, которые обозначены такими концептами, как «метамодернизм», «перформатизм», «диджимодернизм» и др [2]. Трансформацию дискурса постмодернизма и формирование новой парадигмы можно проследить через эволюцию элементов коммуникации, а также отношения к знанию и индивидуальности. Ж.-Ф. Лиотар начал «Состояние постмодерна» с

констатации того, что знание «перестает быть самоцелью», оно «производится для того, чтобы быть проданным» [3, с. 18]. Французский мыслитель полагал, что трагедии XX века были подкреплены «легитимирующими» макронарративами, цель которых заключалась в обосновании господства существующего политического порядка.

В эпоху, когда приватное пространство стало достоянием публики, заполнило чаты и новостные ленты в сетях, повседневность «перегружена» описанием и истолкованием быта множества людей, интерпретацией рутинного существования, произошли необратимые метаморфозы коммуникативной системы. Направляя процессы социальной интерпретации, публичность вторгается в жизненный мир человека через социальные сети: это уже не просто «паноптикум» Бентама, в котором индивид обозрим в системе сетевых взаимодействий, но постоянная вовлеченность, бесконечное обнажение повседневного, персональный «вуйеризм» и «эксплуатация» подробностей личной жизни, инкорпорирование социальных фактов через визуальность и символическое насилие [4, с. 245].

Во многом Н. Луман был прав, когда утверждал, что коммуникация как автопоэтическая закрытая система перераспределения знания в обществе не соотносится с конкретным сознанием [5]. Сетевое общество – среда активной репродукции сообщений, однако в этих визуальных и текстовых откровениях не различима индивидуальность, более того, сегодня еще в большей степени, чем пятьдесят лет назад, очевидна «смерть автора». Ролан Барт в своем знаменитом эссе 1967 года [6] связывал устранение роли создателя литературного произведения с тем, что автор не предшествует тексту, а рождается вместе с текстом, что смысл исходит не от личности, а от языка, от культуры как экрана, на который смотрят все. Французский философ полагал, что вместе с тем смерть автора является причиной рождения читателя, который проецирует на письмо свои значения. Постмодернист пророчески предсказал сегодняшнее усиление значимости роли реципиента. В рамках бартовской терминологии современные блогеры не выражают свою сущность, а составляют коллажи-посты из «готовых словарей». Отчасти размытость персонального обусловлена эпистолярным характером ведения страниц. Блогер не столько порождает новые смыслы, сколько стремится апеллировать к общим чувствам, соответствовать тенденции, часто прибегая с этой целью к клише и мемам – мифологемам современности. Постмодернистская культура как безликий текст-письмо, в котором мысли писателя и человечества были не различимы, трансформировалась в ежесекундно комментируемый, обновляющийся, подвергающийся процедуре интерпретации виртуальный «пост» аудитории для аудитории.

Полагаю, что развитие техники и информационных средств таким образом привело к смене мировосприятия, обусловило трансформацию коммуникативной системы. Алан Кирби в статье «Смерть постмодернизма и то, что после» (Death of postmodernism and beyond) [7], связывая ключевые эффекты общества с цифровыми технологиями, говорит о переходе к диджимодернизму – культурной парадигме власти и знания. Возникают новые характеристики текста, автора и читателя; коммуникатор и коммуникант могут поменяться статусами и ролями, которые они играют в создании сообщения. Более того, реципиент становится частью текста (например, в компьютерной игре или в случаях партисипаторности, когда аудитория влияет на развитие сюжета фильма или литературного произведения). Бунтарское стремление героев постмодернистских романов к самостоятельности, их желание освободиться от авторского произвола (к это описывалось в романах «Химера» Дж. Барта, «Мантисса» Дж. Фаулза) сегодня реализовались в трансмедийном нарративе. Новейшая форма создания многоканальной интерактивной вселенной предполагает использование различных семиотических систем и – что характерно – разных платформ. Развитие первоначального авторского проекта происходит за счет расширений второстепенных линий повествования, переноса контента на дополнительные ресурсы, создания новых сюжетных параллелей. Авторами-участниками трансмедийной истории выступают и сами зрители, читатели, игроки – получатели информации.

Вследствие трансформации статусов коммуникаторов, а также мутации свойств текста в условиях виртуализации и цифровизации общества, произошло и преобразование процедур понимания и интерпретации. В традиционной герменевтической модели (Э. Бетти) [8] интерпретация трактовалась как раскрытие смысла первичного текста, как процедура объективной исторической реконструкции духовного мира автора, которая строго отлична от субъективности читателя, не зависит от его психологического и культурного контекста. Очевидно, что классическая герменевтика теперь столкнулась бы с рядом проблем, в частности, невозможностью дифференцировать субъект и объект, а также воссоздать смысл как само-по-себе-бытие. Текст сегодня не существует как завершённый объект, он постоянно выходит за свои пределы. В определенной мере раскрытие его смыслов организовано по гадамеров-

скому «принципу истории воздействий» [9, с. 354-355], согласно которому интерпретация изменяет и уточняет смысл текста, соответственно, автор не имеет преимуществ в истолковании. Получатель сообщения выполняет продуктивную функцию, конкретизируя содержание и транслируя смысл в контексте ситуации. Вряд ли можно отсюда сделать вывод, что любой комментатор способен на герменевтическую реконструкцию – скорее он выступает частью интересубъективного сообщества, которое постоянно производит и истолковывает смыслы.

В переломные 1990-е годы вышла книга «Кто придет после субъекта?», во введении которой Жан Люк Нанси высказал мысль, что субъектность должна пониматься через «присутствие сообща», «совместное бытие сингулярностей» [10]. Сетевая коллективность вступает в противоречие с институтами современного общества, новые формы разрушают кристаллическую решетку традиционных систем взаимосвязей, ограничений и предписаний. Особенно ярко это проявляется в системе Интернет-образования, в котором трансмедийный цифровой «разум» затмевает классическую роль преподавателя, в контексте стремительно меняющегося мира трансформируется статус знания. Кибепространство вносит коррективы в привычный облик торговли, упраздняя статус продавца. В целом возникают новые качества социальных связей и отношений. Даже если принять во внимание оптимизм по поводу постидеологической свободы индивида, невозможно отбросить мысль о том, что жажда потребления — это ключ социальных отношений. Человеку проще быть зависимым потребителем, чем быть свободным и ответственным гражданином. Вспомним, что М. Хайдеггер считал тревогу человека первым шагом к вопрошанию самого себя относительно неподлинности бытия. Современный социум — это уже не постмодернистское «молчаливое большинство» [11], тем не менее, на фоне иллюзии комментаторской активности индивид все больше впадает в зависимость от виртуальной сферы, усиливающей голос обезличенного «другого», ежедневно выдающей человеку концентрированный набор решений, которые позволили бы ему ориентироваться в жизненном мире, оставаться открытым к различным стратегиям коммуникации. Однако публичность не чувствительна к подлинности, она не различает глубинного и поверхностного.

Таким образом, в цифровом обществе произошли изменения в области социальных взаимодействий. Претерпевают метаморфозы не только техника и информационные средства, обновляется и сама коммуникативная система: автор и читатель обретают коллективный статус, процедуры создания и интерпретации текста становятся все менее дифференцированными, возникает синтетический эффект их существования как единого целого. Можно предположить, что в ближайшем будущем сформируются новые инструменты и способы понимания.

Литература

1. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 304 с.
2. Сафронов Э.Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Галактика медиа: журнал медиа исследований. 2019. № 1. С. 178–195.
3. Jean-François Lyotard, *La condition postmoderne*, Paris, Les éditions de minuit, 1979, 108 p. 4. Bourdieu P. *Méditations Pascaliennes*, Paris, Le Seuil. 1997.
4. Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt, 1984.
5. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
6. Kirby A. *Death of postmodernism and beyond* // URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (проверено: 25.02.2020).
7. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
8. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
9. *Who Comes After the Subject?* ed. By E. Cadava, P.Connor, J.-L. Nancy. Routledge, 1991. Pp. 1–9.
10. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

Локальные сообщества против глобализации: проблемы коммуникации в философии Джона Дьюи

Муравьев Д. А.

Московский Государственный Университет им. Ломоносова, Философский факультет, старший преподаватель кафедры философии языка и коммуникаций

murdima@yahoo.com

Аннотация: Современные процессы глобализации идут рука об руку с развитием средств коммуникации. Тем не менее, этот прогресс не приводит к единению общества, оставляя не решенными множество проблем, связанных с конфликтами, дисбалансами, социальной несправедливостью. Современные средства коммуникации – интернет, социальные сети, мессенджеры, смартфоны – ускорили процесс обмена сообщениями, однако смысловое качество коммуникации по-прежнему оставляет желать лучшего. Можно ли использовать позитивный опыт коммуникации локальных сообществ для снятия социальных противоречий в мире? Это бы привело к построению «великого сообщества», как его рассматривал американский философ Джон Дьюи. В статье анализируется значение коммуникации для построения демократического общества в философии Джона Дьюи, а также проблемы, связанные с этим процессом. В качестве источников анализа выступают классические труды Дьюи. Также в статье рассматриваются современные интерпретации данной темы исследователей из США и Европы.

Ключевые слова: коммуникация, Дьюи, демократия, общество, сообщество, американская философия, философия языка, глобализация.

Local Communities vs. Globalization: Communication Issues in John Dewey Philosophy. Muravyev D. A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Language and Communications, assistant professor

Abstract: Globalization goes hand in hand with the development of means of communication. However, this progress does not lead to the unity of society, leaving many conflicts, imbalances, social injustice problems unresolved. Modern means of communication – the Internet, social networks, messengers, smartphones – have accelerated the process of messaging, but the semantic quality of communication still leaves much to be desired. Is it possible to use the positive communication experience of local communities to remove social contradictions in the world? It would lead to the building of the John Dewey Great Community. The article analyzes the importance of communication for building a democratic society in the philosophy of John Dewey, as well as the problems associated with this process. Dewey's classic works serve as sources of analysis. The article also discusses modern interpretations of this topic by researchers from the United States and Europe.

Keywords: communication, Dewey, democracy, society, community, American philosophy, philosophy of language, globalization.

Идея великого сообщества (great community) является ключевой в философии классика американского прагматизма Джона Дьюи. Кроме того, эта идея по-прежнему вызывает дискуссии в философской литературе, учитывая, как преломляется она в свете современных процессов глобализации. Стирание границ между странами, сближение отдаленных обществ, которое стало возможным благодаря развитию интернета, социальных сетей, мессенджеров, электронных СМИ, заставляет снова и снова ставить вопросы, как эти средства могут помочь избежать конфликтов, несправедливости, социальных дисбалансов. Как известно, Дьюи не видел за философией никакой другой роли, кроме предоставления обществу реальных инструментов для решения насущных человеческих проблем. Отсюда проистекает и пафос в отношении великого сообщества. Именно в его построении американский философ видит

шанс решить многие из таких проблем. По его словам, пока великое сообщество не будет построено, «общество будет находиться в состоянии затмения» [2, с. 104]. Но как его построить? Главную роль в этом процессе Дьюи отводит коммуникации.

В последние годы именно коммуникационный аспект обширного философского наследия Дьюи привлекает внимание исследователей во всем мире. В США подробнейшее исследование этой темы осуществила профессор Лана Раков, написавшая монографию «Джон Дьюи: критическое введение в теорию медиа и коммуникаций». В выпущенном буквально несколько лет назад сборнике «Тренируемые возможности: Джон Дьюи, риторика и демократическая практика» 16 американских специалистов в области теории коммуникации анализируют то влияние, которое оказал Дьюи на подходы в решении этой проблемы. Последние годы было написано и несколько диссертаций в данной области. Работа исследователя из университета Мэриленда Джеймса Нгета Гачау «Роль социальных сетей в совместной (participatory) демократии: тематическое исследование трех групп в Facebook» дает возможность посмотреть, как идеи Дьюи помогают в изучении сообществ в социальных сетях.

То, что именно коммуникация может и должна стать кровеносной системой великого сообщества, Дьюи всячески подчеркивал в своем основополагающем труде «Проблемы общества», «самом продуманном доводом в его демократическом коммуникативном проекте» [8, р. 157]. «Создать же великое сообщество способная только коммуникация. Наша Вавилонская башня будет построена не при помощи языков, а при помощи тех знаков и символов, без которых невозможно достижение общности опыта» [2, с. 104]. Общность опыта по Дьюи – это фундаментальное условие существования любого общества. Значимость этого аспекта тем более важна, что человек, по его мнению, есть существо сугубо социальное. Он неизбежно стремится к объединению с другими людьми. «Для Дьюи, человеческие индивиды по своей природе социальны, это создания, для которых сообщество является чем-то естественным. Более того, для Дьюи сообщества необходимы: нам нужны группы, чтобы стать людьми» [3, р. 24].

Люди действуют сообща для решения своих проблем, и коммуникация в таком свете становится необходимой, ибо только она может сделать человеческий опыт общим, именно она выводит людей из замкнутого бытия, позволяет им разделить свои проблемы с другими. Причем, сам язык по своей природе располагает к разделению опыта между людьми. Выступая против ментализма языковых значений, Дьюи не устает подчеркивать, что значение слова образуется только в условиях разделяемой людьми коммуникативной практики. Само по себе слово не может значить ничего. «Слова значат то, что они значат в условиях совместной активности, которая вызывает общее или совместно разделяемое последствие...» [5, р. 59].

Ключевой момент состоит в том, что совместная активность людей ведет к последствиям даже для тех, кто непосредственно не участвует в разговоре или некоем действии. Последствия распространяются далеко за пределы таких действий, оказывая влияние там, где люди даже и представить не могут, чем вызваны те или иные изменения в их жизни. Так волей-неволей они вовлекаются в деятельность общества. И здесь проявляется главная проблема построения великого сообщества. Хорошо, когда ты лично знаешь эту третью сторону коммуникации. Тогда последствия легче контролировать, включая в диалог всех членов общества. На страницах книги «Общество и его проблемы» Дьюи в качестве идеального сообщества указывает сельскохозяйственные общины в США середины XIX века. Вот что пишет о них специалист по провинциальной американской урбанистике Тимоти Р. Мохони: «Люди, жившие в маленьких обществах, были более органически связаны друг с другом и таким образом обладали большим чувством социальной идентичности, социальной ответственности и моралью. С 1870-х и до 1910-х жизнь в маленьких городах в основном описывалась в таком позитивном свете» [7, р. 317]. Численность их населения была невысока, что давало возможность всей общине сплотиться и вести оживленную коммуникацию, необходимую для демократии. Дьюи, родившийся в 1859 году в таком маленьком городке Берлингтоне, население которого на тот момент не достигало и 8 000 человек, конечно, не мог не испытать влияния подобного образа жизни.

В связи с вышесказанным на ум приходит численность населения в древнегреческих полисах, этих, с известными оговорками, первых очагах демократического устройства в Европе. Она в среднем составляла 5-10 тысяч человек. «...население государства, по нашему утверждению, должно быть легко обозримо», - пишет Аристотель в «Политике» [1, с. 598].

Однако великое сообщество Дьюи не имеет ограничений в численности. Оно состоит из большого числа людей, нескольких сотен миллионов, если отталкиваться хотя бы от населения США. А если

принимать во внимание процессы глобализации, то и эта цифра ничтожна. И здесь коммуникация и обеспечивающаяся ею общность опыта уже далеко не так легко достижимы. Дьюи считает, что современные средства распространения информации – это то, что позволяет многочисленному обществу оставаться цельным. Он имеет в виду, прежде всего, телефон, телеграф и радио. Что бы Дьюи сказал сейчас перед лицом тех возможностей, которые дали людям интернет, социальные сети и смартфоны? Эти средства ускорили передачу информации по сравнению с эпохой Дьюи в разы. Но сделало ли это все из общества великое сообщество? Едва ли.

Современные средства коммуникации и распространения информации дают видимый охват миллионов, но автоматически активного сообщества не образуют. Наоборот, наблюдается сегментация пользователей интернета по интересам, целям, убеждениям. Внутри интернет-сообществ может происходить живая коммуникация, о которой мечтал Дьюи, но численность таких сообществ как правило не слишком отличается от ограниченного населения греческого полиса или старого провинциального американского городка. Индустриальное, а затем цифровое развитие привело к образованию огромных обществ, но преобразования в великое сообщество не произошло даже несмотря на скорость и всеохватность современных средств передачи информации. Оказывается, все они используются вовсе не для упрочения и развития демократии. Дьюи указывал на эту проблему, отмечая, что реклама, пропаганда, сенсации, манипулирование общественным мнением стали следствием массовости и повышения скорости передачи информации. Получается, что никто и не собирается использовать возможности массовой коммуникации для построения великого сообщества. Вместо этого общество поражено апатией, страстью к ничего не дающим уму новостям и манипуляциям, за которыми стоят политические силы или «бизнес». Дьюи по своему обыкновению призывает на помощь науку, знание, которые должны воспользоваться случаем и обрести массовость: «... внутреннее применение прикладной науки означало бы факт усвоения науки обществом, растворения ее в нем; в этом случае наука стала бы всеупотребимым инструментом, обеспечивающим появление таких предпосылок истинного и эффективного общества, как взаимопонимание и развитая коммуникация» [2, с. 127]. Научное знание, идущее в ногу с развитием общества, могло бы помочь в формировании адекватного суждения среди его членов. Важную роль должны играть эксперты, которые бы стали, по современному выражению, лидерами общественного мнения. Но как переломить привычки общества к «мусорной» коммуникации? По сути, речь идет о том, чтобы заставить людей вопреки сложившейся практике тратить свой досуг и внимание на получение таких передовых знаний.

Дьюи, похоже, не вполне представляет, что именно нужно для этого сделать. И все-таки одно решение Дьюи приберегает. Это образование. «Демократическое сообщество больше чем любое другое заинтересовано в целенаправленном и систематическом образовании», - пишет философ [4, р. 92]. Действительно, отказаться от некачественной, токсичной коммуникации и прийти к формированию великого сообщества может только уже подготовленный член общества. Другие варианты нельзя назвать осуществимыми. В свете для Дьюи важнейшим приобретением выпускника школы является привычка к демократии как образу жизни. Формироваться она должна в процессе коммуникации со сверстниками и учителями, а сама школа должна превратиться в «миниатюрное сообщество, эмбриональный социум» [6, р. 12]. Таким образом, идея коммуникации в локальном сообществе становится краеугольной для всего построения великого демократического сообщества. Дьюи делает ставку на то, что маленькие школьные общества, которые будут существовать по демократическим правилам, станут фундаментом построения великого сообщества. Произойдет как бы разрастание локального сообщества до огромных размеров, но при этом в нем не исчезнет принцип коммуникации, присущий небольшим обществам. Поэтому демократические государства должны быть заинтересованы в изменении принципов образования. Именно оно и есть фундамент Вавилонской башни великого сообщества.

Литература

1. Аристотель. Политика//Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375-645.
2. Дьюи Д. Общество и его проблемы. М., 2002.
3. Campbell J. Dewey's Conception of Community//Reading Dewey/Ed. by Larry A. Hickman. Indiana University Press, 1998. P. 23-43.
4. Dewey J. Democracy and Education//The Middle Works of John Dewey, 1899-1924, v. 9. Southern Illinois University Press, 2008. P. 1-370

5. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry//The Later Works of John Dewey. V. 12. – Southern Illinois University Press. – 2008. P. 1-528.
6. Dewey J. The School and Society//The Middle Works of John Dewey, 1899-1924, v. 1. Southern Illinois University Press, 2008. P. 1-240.
7. Mahoney T. The Small City in American History//Indiana Magazine of History. Volume 99 (4), December 2003. P. 311-330.
8. Rosales J.M. Democracy as a Way of Life: Critical Reflections on a Deweyan Theme//Res Publica: Revista de Filosofía Política, 27, 2012. P. 155-165.

**Не-Событийное предпринимательство:
Пост-модерная организация vs. пост-современное движение**

Никифоров О.В.

Издательство «Логос» (Москва), гл. редактор. Кандидат философских наук

lettera@gmail.com

Аннотация: Наше сообщение тематизирует проблематику соотношения «внешнего» организации и «внутреннего» само-организации в пост-современном поле социального действия, характеризующемся отказом от идеологии больших («исторических») свершений, проводимых институционализированными агентами («партиями»), в пользу практики «малых дел», осуществление которых собирает локальные сообщества (в том числе и под «глобальными» зонтичными лозунгами (преимущественно, акцентируемыми «экологически», а не «политически»), всемирно расширяющими их первоначально локальную самоидентификацию до «Глокальной») как неиерархические горизонтальные «движения», предъявляющие сами принципы своей сборки как воплощаемые здесь и сейчас. - Но возможна ли «внутренняя само-организация» движения без его «организации извне», пусть даже если это «внешнее» движения седиментируется из его «внутреннего» ядра? И не оказывается ли это седиментируемое «внутреннее» ядро движения (в случае его «успешности») обречено сосредоточиться исключительно на организации движения как своему преимущественному и исключительному («чистки») виду деятельности?

Ключевые слова: Не-Событийность, Пост-Современность, Теория организации, Внутреннее и Внешнее движения

**Non-Eventful Entrepreneurship: Post-modern Organization vs. Post-Historical Movement.
Oleg V.Nikiforov**

LOGOS Publishers (Moscow), editor-in-chief

Abstract: Our paper focuses on the relationship between the “external” of organization and the “internal” of self-organization in a post-modern field of social action, characterized by a rejection of the ideology of large (“historical”) accomplishments carried out by institutionalized agents (“parties”) in favor of the practice of “small deeds”, the implementation of which collects local communities (including those under “global” umbrella slogans (mainly being accentuated “environmentally” rather than “politically”), which expand their initial local identity to the «GloCal» one) as a nonhierarchical, horizontal «movement», to produce the very principles of their assembly as being implemented “here and now”. But is the “internal self-organization” of the movement possible without its “organizing from some ‘outside’”, even if this “externalization” movement is being sedimented from its “internal” core? And is this sedimented “inner” core of the movement (if it is “successful”) not doomed to get focused solely on the organizing of the movement itself as its primary and exclusive (hypothetically, coming to the practice of “permanent purges”) type of activity?

Keywords: Non-Eventfulness, Post-Modernity, Organization Theory, Internal and External Movements

00. Наше сообщение тематизирует проблематику соотношения «внешнего» организации и «внутреннего» само-организации в пост-современном поле социального действия, характеризующемся отказом от идеологии больших («исторических») свершений, проводимых институционализированными агентами («партиями»), в пользу практики «малых дел», осуществление которых собирает локальные сообщества (в том числе и под «глобальными» зонтичными лозунгами (преимущественно, акцентируемыми «экологически», а не «политически»), всемирно расширяющими их первоначально локальную самоидентификацию до «Глокальной») как неиерархические горизонтальные «движения», предъявляющие сами принципы своей сборки как воплощаемые здесь и сейчас. - Но возможна ли «внутренняя само-организация» движения без его «организации извне», пусть даже если это «внешнее»

движения седиментируется из его «внутреннего» ядра? И не оказывается ли это седиментируемое «внутреннее» ядро движения (в случае его «успешности») обречено сосредоточиться исключительно на организации движения как своему преимущественному и исключительному («чистки») виду деятельности?

01. В свете известного различия от *модерной* социально-исторической рутины организации (ориентированной на идеи и идеалы Просвещения и Прогресса) *пост-модерного* состояния не-организованности (связанной с осознанием исторической неисполнимости этих идеалов и/ли катастрофичности исторических попыток их исполненияⁱ) – различия, ключевого также для осознания «ситуации»ⁱⁱ – насущная актуальность «Глобального мира», характеризуется смещением акцента общественного внимания и деятельности с *историчности* проекта человечества (проговариваемой в «Больших рассказах» об успехах его массивного прогресса) на его *экологичность* по-алармистски осознающей его – отчуждающие и уединяющие – нескладности и неудачи. «Конечная цель – ничто, движение – всё»ⁱⁱⁱ – социал-реформистский лозунг Бернштейна, отвергаемый в пред-революционном начале ХХ-го как «соглашательский», переживает свой ренессанс в первой трети ХХI-го как представляющий альтернативу насильственным революциям^{iv}.

02. Эта смена парадигмы человеческой деятельности – с *активных* исторических свершений на поддерживающее средовую цельность *партиципативное соучастие* – характеризуется *инклюзивным* предпочтением «слабых высказываний»^v, предлагающих *солидарную платформу* для многих (прежде всего – для ранее *не-репрезентированных*; в «идеальной» же перспективе – для «всех»), и, соответственно, отказом от *эксклюзивных «сильных высказываний»* (иначе – не исключая никого, кроме настаивающих на собственном исключении), воплощаемом, скорее, не в *стратегически* выстраиваемой *партийной деятельности, но в тактических практиках* массового стихийного движения^{vi}.

03. Такая «актуально-насушая» ситуация 2020-х, продолжающая пребывать в пост-современности отсутствия «Больших Рассказов», характеризуется преобладанием стихийных конфигураций ассоциативной партиципативности над утвердительными стратегемами партийного строительства, что также и прежде всего, помимо «PR-публицистического новостного поля», сказывается и на «дискурсивных практиках» гуманитарных наук, предположительно ориентированных на рефлексивную и прогностику как в отношении обоснования стратегем партийной деятельности, но так же и для конципирования тактических лозунгов движений, притязающих на универсальность.

03а. Эта не-классическая^{vii} «ситуация 2020-х» (не менее чем пост-кризисные ситуации, в которых «капиталистическая мир-система»^{viii} оказывалась и после I-й и II-й Мировых войн, и после «падения

- i См., прежде всего, Ж.-Ф. Лиотар, «Состояние постмодерна» (1979); Günther Anders «Die Antiquiertheit des Menschen» (1956); Т. Адорно и М. Хоркхаймер «Диалектика Просвещения» (1947) [1], [2], [3] и т.д.
- ii «Post-09/11»-ситуация, сложившаяся 11/09/2001 с крушением зданий-близнецов нью-йоркского Всемирного торгового центра (как символической основы «западной цивилизации»), явственно продемонстрировала несостоятельность идеологически востребованных после «падения Стены» утверждений о «конце истории» (также и для автора самого этого тезиса, Фрэнсиса Фукуямы. См. развитие идеи от ее первоначальной публикации (Fukuyama, Francis - (1989). «The End of History?». The National Interest (16): 3–18; The End of History and the Last Man (1992) – до его же: Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution (2002) [4], [5], [6] и далее.
- iii «Я говорил: «то, что считает конечной целью социализма вообще, для меня ничто, движение — всё» <...>. („Das, was man gemeinhin Endziel des Sozialismus nennt, ist mir nichts, die Bewegung alles.“ В: Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie (1899) (Schlußkapitel: Endziel und Bewegung)); Цит. по изд.: Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. — М.: Изд. книжного склада Д. П. Ефимова, 1901стр. 281) [7]
- iv См. «Введение» Тома Штрошнайдера к сборнику: «Eduard Bernstein». Tom Strohschneider (Hrsg.). Dietz Berlin 2019. [8]
- v См. Il pensiero debole, Feltrinelli, Milan, 1983 (avec P. A. Rovatti). Также: Santiago Zabala (ed.), Weakening Philosophy: Essays in Honour of Gianni Vattimo, McGill-Queen’s University Press, 2007. [9], [10]
- vi См. историю движений, связанных с парижским «левацким» «Маем 68-го», но также с возникновением «альт-правой» немецкой AfD или «всемирно-экологической» Fridays for Future (FFF) / «Youth Strike for Climate» {https://fridaysforfuture.org/}
- vii Среди многих прочих публикаций по теме см. значимую для остранения «модерного гносеологического контекста» в позднесоветском контексте работу: М.К.Мамардашвили «Классический и неклассический идеалы рациональности» (1984 («на основании курса лекций 1980 г.)). [10]
- viii См., наряду с прочими, см. значимые работы Э. Валлерштайна (автора 3-томного исследования The Modern World-System (3 vols.: 1974, 1980, 1989): Immanuel Wallerstein, The World is Out of Joint: World-Historical Interpretations of

Стены» в начале 1990-х и в результате смыкающего ХХ и ХХI века падения WTC 11/09/2011), тем не менее, остается и выступает в качестве «средовой», задающей контекст для различных видов «более или менее частного» предпринимательства, в том числе в поле социального и гуманитарного действия, по-прежнему опознаваемого и оцениваемого в плане «эффективности» и/ли «успешности», несмотря на размывание (не только качественных, но и количественных) критериев такого оценивания.

04. Однако – наш вопрос: каковы могут быть имманентные критерии оценивания успешности такого «более или менее частного» (но так или иначе «средового») предпринимательства в пост-современном поле социального действия и/ли гуманитарных свершений? И, соответственно: что именно свершается таким «предпринимательством», исходя из и относительно чего далее возможна деятельность «оценивания», следующая этим установленным «имманентным критериям»?

05. Если отталкиваться от опыта такого «средового свершения», каким стал «парижский Май 68-го» для становления современной анти-авторитарной культуры «европейской» третьей трети ХХ века, то для протагонистов и инсайдеров этого «эмансипативного движения»ⁱ принципиальным была его *текущая событийность*, множественная/анонимная «не-называемость» и «не-присваиваемость». – Тот, кто пытался фиксировать текучую событийность этого движения в брендированный именной продукт, товар – изменял «духу Мая 68-го». ⁱⁱ Дизъюнкция «быть или иметь» для такого типа средового свершения остается строгой; эффект/аффект со-бытийности – единственно/сингулярно значимым, а его возможная повторяемость – собственно критериальна.

06. Этот момент «собственно критериальности» возможности повторения события, однако, открывается и собственной проблематизации через «техническую воспроизводимость» нечто воспринимаемого как событийное – через (более или менее «поточную») симуляцию событияⁱⁱⁱ.

Двойственная характеристика «поточности» (социального) события – описывает/задает и его энтузиастически ангажирующую уникальность, и техническую специфику его репродуцируемости. «Вопрос 2020-го» («технологически репродуцируемый») предстает как проблема сочетаемости или даже интеграции *крафтового производства сингулярного*, с одной стороны, и *поточного производства массового* («движения как средового состояния») как быстрооборачиваемого продукта потребления (FMCG), с другой. Или же – переформулируя применительно к заявленной теме – как «технический», а именно «организационный», вопрос: поддается ли пост-современное движение (как собственно «событийное») репродуцированию/симулированию средствами пост-модерной организации? Насколько всеобъемлющими и подавляющими («всевластными») являются ресурсы («бессознательного?») и потенциал («желания?») «*событийного предпринимательства*» сегодня? – открытый и всё более настоятельный вопрос. <...>

Литература:

- 1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна (1979). /Перевод с французского: Н. А. Шматко. «Институт экспериментальной социологии», Москва; Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998.
- 2. Günther A. Die Antiquiertheit des Menschen. Munich, 1956.
- Continuing Polarizations. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2015; Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-first Century, New York: New Press, 1998. См. также: Terence K. Hopkins & Immanuel Wallerstein, coords., The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025, London: Zed Books, 1996. [12], [13], [14]
- i Его *elan vital*, активно распространившийся не только в Европе (Франция, Италия, Германия и – в другом социо-культурном «восточноевропейском» контексте – в ЧССР), но и в Америках (США, Мексика) иссякал на протяжении последующего десятилетия, далее, частично, возобновившись в 1980-х в польской «Солидарности» как антиавторитарном движении ... Общий обзор истории эмансипативных движений «68-го» и далее см. в работах: «1968 - Vom Ereignis zum Mythos». Hg.: Ingrid Gilcher-Holtey. Berlin. Suhrkamp, 2008.; Gerd Koenen. Die Farbe Rot: Ursprünge und Geschichte des Kommunismus (Beck C. H., München 2017)) и др. [15], [16]
- ii Такие «измены» коммерциализации и коммодификации, «естественно», были многочисленны (в том числе и со стороны избравших традиционные формы политической (партийной и парламентской) деятельности «протагонистов и инсайдеров» (наиболее яркий пример – «после-Майский» (после 1988-го) разворот траектории Д. Кон-Бендита (с 1994-го и по настоящее время – одного из лидеров европарламентских «зелёных») {http://scepis.net/library/id_1984.html}, но особо значимы в плане затрагиваемого здесь вопроса «верности событию» – примеры «не отступившихся» от «духа Мая 68-го» (н-р, среди прочих, пример философа-активиста А. Бадью)
- iii Ср.: О. Аронсон. «Майдан: переопределение демократии» и «Медиа-образ: логика неуникального» в авторском сборнике текстов: Аронсон, Олег. Силы ложного. Опыты неполитической демократии. М., «Фаланстер», 2017. с. 147-163 и 416-443. [17]

3. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты /Перевод на русский язык: М. Кузнецова. СПб., 1997
4. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. №16. Pp. 3–18.
5. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.-Y.; The free press, 1992
6. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. London, 2002.
7. Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М.: Изд. книжного склада Д. П. Ефимова, 1901.
8. «Eduard Bernstein». Tom Strohschneider (Hrsg.). Dietz Berlin. 2019 // URL: https://www.freitag.de/produkt-der-woche/buch/eduardbernstein/bernstein_leseprobe
9. Vattimo G., Rovatti P.A. Il pensiero debole, Milano: Feltrinelli, 1983.
10. Zabala S. (ed.). Weakening Philosophy: Essays in Honour of Gianni Vattimo. McGill-Queen's University Press, 2007
11. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1984. {Расшир. изд. (2010) - <https://www.mamardashvili.com/ru/work/publishedby-others/klassicheskij-i-neklassicheskij-idealny-racionalnosti1>}
12. Wallerstein I. The World is Out of Joint: World-Historical Interpretations of Continuing Polarizations. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2015.
13. Wallerstein I. Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-first Century. New York: New Press, 1998.
14. Terence K. Hopkins & Immanuel Wallerstein (coords.). The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025, London: Zed Books, 1996
15. «1968 - Vom Ereignis zum Mythos». Hg.: Ingrid Gilcher-Holtey. Berlin, Suhrkamp, 2008.
16. Gerd Koenen. Die Farbe Rot: Ursprünge und Geschichte des Kommunismus. Beck C. H., München 2017.
17. Аронсон О. Силы ложного. Опыты неполитической демократии. М., «Фаланстер», 2017. С. 147-163; 416-443.

«Пиар-дискурс как результат социальной практики: лингвистические стратегии пиарспециалистов и их философское кредо»

Оберюхтина М. В.

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета

abetina@yandex.ru

Аннотация: в данной работе сделана попытка определить сущность понятий «дискурс» и «социальная практика» в научных концепциях различных российских и западных ученых и обосновать употребление термина «дискурс» в отношении такой коммуникационной практики в бизнес-культуре, как пиар. Проверяется возможность применения классических определений, принципов и парадигм дискурса и социальных практик к устным высказываниям и письменным текстам, воспроизводимым специалистами в области пиара при осуществлении их профессиональной деятельности. В статье обсуждается предполагаемая профессиональная философия создателей и пользователей пиар-дискурса и языковые средства, которые стандартно используются в продуцируемых ими устных и письменных типах текстов. Сделаны предварительные выводы о том, можно ли считать пиар социальной практикой, а пиар-дискурс - типом дискурса со своими языковыми законами и почему.

Ключевые слова: пиар, дискурс, социальный, термин, законы, бизнес.

“PR discourse as a result of social acts: the work philosophy of PR officers and their linguistic strategies”.

Oberyukhtina M. V.

Lomonosov Moscow State University, Department of Philology, Ph.D. student

Abstract: This paper attempts to define the essence of the concepts of «discourse» and «social practice» in the scientific concepts of various Russian and Western scientists and to substantiate the use of the term «discourse» in relation to such communication practices in business culture as PR. The possibility of applying classical definitions, principles and paradigms of discourse and social practices to oral statements and written texts reproduced by PR specialists in the implementation of their professional activities is being tested. The article discusses the supposed professional philosophy of the creators and users of PR discourse and the language tools that are commonly used in the oral and written types of texts they produce. Preliminary conclusions have been made about whether PR can be considered a social practice, and PR discourse - a type of discourse with its own linguistic laws and why.

Keywords: PR, discourse, social, term, laws, business.

В последнее время популярным стало использование в научных исследованиях, предметом которых является пиар, терминов «дискурс» или «социальная практика». В данной статье будут обсуждаться перспективы рассмотрения пиара как той или иной общественной практики, а производимых пиар-специалистами текстов – как образцов дискурса того или иного вида.

Прежде чем отнести пиар-коммуникации к той или иной группе понятий, определим, что может считаться дискурсом и/или социальной практикой. Полезно помнить, что различаются как минимум две группы определений понятия «дискурс». Первая из данных групп включает определения, которые трактуют дискурс широко, в какой-то степени популяризируя данное понятие. Вторая же группа включает определения, в которых понятие сужается до случаев его использования в конкретной сфере деятельности, предметной области.

Тема дискурс-анализа проходит красной нитью через все теории литературы и культуры второй половины XX века и через весь XXI век. Дискурс понимается в них как особый вид давно исследуемого понятия «текст». Как указывает Л. И. Яковлева, «В начале 70х годов была предпринята попытка

дифференцировать понятие текст и дискурс, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории ситуации. Так, дискурс предполагалось трактовать как «текст плюс ситуация...» [1, с.6-7] а также как «совокупность фиксированных значений в пределах специфической области» [1, с.27].

В той же работе Л. И. Яковлева отмечает, что Филлипс и Йоргенсен в своей работе, где они проводят анализ трудов теоретиков постструктурализма Лакло и Муффа, описывают три теории, в которых дискурс-анализ трактуется по-разному. Наиболее общее определение понятия «дискурс» в данной работе звучит следующим образом: «Все структурное единство, возникающее в результате артикуляционной практики, мы назовем дискурсом». [1, с.27]

Кроме того, видный исследователь-практик постструктурализма Мишель Фуко предлагает к рассмотрению и применению несколько иную трактовку дискурса. Именно Фуко, описывая дискурсы, трактует их как характеристику «социальных практик» и вписывает различные типы дискурсов в их контекст. Дискурс Фуко – это совокупность знаков, а далее знаковых систем и их функционирование в определенном контексте. Это текст вместе с той социальной практикой, которая его порождает и которой определяются его особенности. Дискурс состоит из определенного набора конкретных высказываний, он вписывается в контекст истории и сам по себе может быть назван фрагментом истории, ее неотъемлемой частью. [2, с. 174-182]

Теперь давайте рассмотрим второе ключевое понятие, от которого следует отталкиваться при изучении пиара – «социальные практики». В различных источниках встречаем разнообразные толкования данного феномена. Например, они могут пониматься как 1) традиционные для данной культуры способы деятельности, обращения с определенными объектами 2) следование правилам, поведенческие ритуалы 3) социальные институты частного характера. [3, с.33-35] Кроме того, социальной практикой можно назвать «ситуацию, в которой человек получает социальный опыт» [4, с.134]

По словам французского социолога П. Бурдьё, социальные практики – это привычные для человека поступки, своего рода «рутины», позволяющие ему интегрироваться в окружающее его общество, поступать в соответствии с его законами, запретами и указаниями. Но вместе с тем так он предлагает называть и контакт человека с окружающим миром и изменение этого мира человеком сообразно своим нуждам, взглядам, жизненным установкам. [5].

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что дискурс является в какой-то мере продуктом действия определенных социальных практик, так сказать, производной от их функций. Насколько оправданы эти определения по отношению к пиарпрактикам? По-видимому, необходимо объединить два определения из вышеуказанных и сказать, что деятельность специалистов в области пиара – это деятельность некоего социального института, и, к тому же, преобразование мира конкретными людьми согласно своим убеждениям и жизненным целям с использованием стандартных языковых моделей – жанров, языковых средств. Рассуждение это основывается на том, что определенные модели речевого, как вербального, так и невербального, взаимодействия с аудиторией стабильно повторяются в каждом произведении речи; их цель – воздействовать на людей, потенциальных пользователей или покупателей, изменить их мышление и убеждения. С другой стороны, пиарагентства и пиар-отделы компаний в совокупности могут теоретически называться неким социальным институтом, определяющим через свою деятельность удовлетворение потребностей групп людей и организующее их деятельность.

Теперь перейдем к вопросу о том, бывают ли задействованы особые языковые средства или стратегии в тех типах текстов и дискурсов, которые характерны для пиар-практик, и постараемся вывести особые законы дискурса, существующего в рамках пиар-практик, языковые законы, по которым может строиться дискурс. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует, прежде всего, вспомнить, какие типы и жанры текстов производятся в данной практике. Обычно это комплекты для прессы, включающие всю информацию о компании – любые факты и цифровые данные. Данную информацию содержат в себе такие составляющие комплект для прессы документы, как пресс-релизы, биографии руководителей компании, авторские публикации сотрудников, кейс-истории товара, факт-листы и т.д. Производимые специалистами по пиару тексты достаточно типичны в языковом отношении с точки зрения плана содержания и плана выражения. Кроме того, интересно то, что они двусторонни и даже амбивалентны: они относятся, с одной стороны, к средствам выражения мысли о бренде, компании, продукте или услуге, а с другой стороны, донесения ее до читателя/слушателя в как можно более удобной, легко воспринимаемой им форме. Они всегда обусловлены практическим контекстом жизненной

ситуации и напрямую связаны с конкретными событиями: и, с одной стороны, они созданы для того, чтобы в очередной раз обратить внимание читателя/слушателя на товар, с другой стороны, реакция – отклик, отзыв на них – не являются обязательными.

Отметив определенные языковые особенности данных текстов, возможно понять, что составляет кредо пиара как социальной практики. При толковании различного рода текстов (и текстов, вписанных в контекст социальной реальности, т.е. дискурсов), их назначения и техники исполнения можно оценить их с точки зрения неоднократно развивавшейся в работах филологов, а первоначально предложенной Р. Якобсоном [6] теории о 6 функциях языка. В различных социальных практиках, как и различных типах дискурса, преследуются различные цели, суть которых и раскрывает Якобсон в своей наиболее известной теории. Тексты, которые специалисты по пиару включают в комплекты для прессы, — это, в первую очередь, короткие информативные тексты, где обычно не реализуются, по Якобсону, эмотивная, поэтическая функции языка. Преобладающими же функциями в этом типе текстов становятся фатическая (направленная на поддержание связи, контакта с потенциальным клиентом), коммуникативная (направленная на имитацию общения с аудиторией, воспринимающей дискурс) и метаязыковая (направленная на построение определенного кода текста, который разделяет целевая аудитория) функции.

Кроме того, если мы упоминаем о метаязыковой функции, именно в пиар-дискурсе можно наблюдать проявление тех законов языка, которые формулируют в своем «Трактате об аргументации, или Новой Риторике» Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Титека. Авторы данного труда как раз рассуждают о том, что речь, текст, призванные воздействовать на воспринимающего их человека, склонить его на сторону автора, должны содержать некоторые риторические приемы, которыми автор старается показать, что его культурный код идентичен культурному коду его аудитории. [7, с. 470-540]. В частности, они говорят об «аргументации примером», «аргументации с помощью совершенного существа-образца», «аргументации с помощью аналогии» — как средствах убеждения.

С другой стороны, некоторые логические построения, стоящие за аргументацией Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки, — например, о метафоре — обыкновенной и «спящей» — скорее подходят к жанру из области рекламы, пиар же как социальная практика их отвергает. Это объясняется тем, что в философии пиара главное – не агрессивное, а «мягкое», ненавязчивое формирование облика компании и соответствующая подача информации о ней.

Проведя краткий анализ пиар-дискурса, можно сделать вывод о том, какие законы дискурса проявляются в пиар-практиках и устных и письменных текстах, порождаемых в рамках этих практик. Можно сказать, что характерные свойства пиар-дискурса как результата соответствующей одноименной социальной практики прослеживаются как в устных сообщениях, так и в письменных текстах, которые производятся в рамках пиар-кампаний. Они таковы:

В пиар-дискурсе моделируется ситуация, в которой потенциальные читатели текста/слушатели речи должны максимально погрузиться в контекст обсуждаемой ситуации: тексты строятся с учетом тех функций языка, которые предполагает философия PR – ненавязчивое продвижение услуг/товаров определенной компании.

Активно используются некоторые приемы аргументации и при этом игнорируются некоторые другие, не соответствующие «моральному кодексу», философии пиара.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что 1) пиар в какой-то степени является социальной дискурсивной практикой 2) тексты, производимые в рамках этой социальной практики, можно считать дискурсами, обладающими специфическими языковыми особенностями.

Литература

1. Яковлева Л. И. Методологические проблемы исследования дискурса// *Credo new*. 2015. № 2(1). С. 162-180.
2. Сокулер З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени: [Вступительная статья] // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Никитина Г. В. Социальная практика как педагогическое понятие //Актуальные задачи педагогики: материалы Международной научной конференции (г. Чита, 2011). / Чита: Молодой ученый, 2011. С. 33-35
4. Юдин Б. Г. Знание. Понимание. Умение// *Гуманитарные науки: теория и методология*. 2005. №2. С. 126-135,.
5. Бурдьё П. Начала. *Choses dites*. /Пер. с фр. Н.А Шматко.//М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
6. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975
7. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation* Paris: Presses Universitaires de France, 1958. 350 p.

Савченко И.А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, младший научный сотрудник

axon69@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению генерализированных медиа коммуникации истины и власти, как ключевых селективных механизмов социальной коммуникации. Коммуникация анализируется с точки зрения ее нормативного и когнитивного аспектов, посредством методологических ресурсов «теории социальных систем» Никласа Лумана. В процессе анализа автором выделяются характерные коммуникативные черты власти - указывается на то, что власть подразумевает потенциальный сущностный плюрализм и регистрируется на различных уровнях социальной системы, а также истины - анализируется социальное измерение истины, ее функциональные эквиваленты. Анализируется институциональный статус и роль различий истины и власти в образовании общественных подсистем науки и политики. Делается вывод о том, что коммуникация предстает не только операцией символического обмена, но содержит в себе селективные элементы, устанавливающие порядок существования социальных систем, эволюционно закрепляющие в ней успешные и устраняющие неудачные варианты коммуникативных актов.

Ключевые слова: коммуникация, истина, знание, власть, наука, системно-коммуникативный подход.

**Truth and power as selective communication mechanisms.
Savchenko I. A.**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the consideration of generalized media communication of truth and power, as key selective mechanisms of social communication. Communication is analyzed from the point of view of its normative and cognitive aspects, through the methodological resources of the “social systems theory” created by Niklas Luhmann. In the process of analysis, the author identifies the characteristic communicative features of power - indicates that power implies potential essential pluralism and is recorded at various levels of the social system, as well as truth - it analyzes the social dimension of truth, its functional equivalents. The institutional status and the role of distinctions between truth and power in the formation of social subsystems of science and politics are analyzed. It is concluded that communication is not only an operation of symbolic exchange, but contains selective elements that establish the order of existence of social systems, evolutionarily consolidate successful and eliminate unsuccessful options for communicative acts in it.

Keywords: communication, truth, knowledge, authority, science, system-based communication approach.

Одним из центральных понятий, рассматриваемых в рамках современной теории общества, является коммуникация. Сегодня трудно выделить такую область социального знания, которая не была бы отнесена к рассмотрению посредством коммуникации и в то же время не была бы подвержена влиянию огромного концептуального массива, связанного с данным понятием. Это касается как масштабных макротеоретических построений, ставящих целью описание общества в целом, так и узконаправленные специальные исследования, касающиеся конкретных социологических проблем. При этом коммуникация, в силу повсеместного использования, фундаментальности и удобства в качестве инструмента для анализа, стала крайне концептуально перегруженным термином, допускающим достаточно широкую интерпретативность и некоторую пластичность.

Для того чтобы отчетливее определить границы применимости данного термина, а также

рассмотреть его роль в качестве базовой социально-философской категории, необходимо раскрыть когнитивный и нормативный аспекты коммуникации. Для этого мы обратимся к таким понятиям, как истина и власть в качестве примеров для анализа. В первом случае, исследуя отношения власти, мы обращаемся к различным способам объединения людей, их сосуществования в обществе, принципам его упорядочивания через иерархизацию. В свою очередь истина предстает важнейшим методологическим инструментом коммуникации, лежащим в ее основе базовым различием, позволяющим коммуникативной структуре осуществлять интерсубъективное наблюдение внешних объектов и внутренних закономерностей, заключенных в самой коммуникации. Так, коммуникация предполагает, как минимум, две важнейшие функции - упорядочивает социальное бытие и позволяет выражать нечто о включенной в социум реальности, что структурно выражается в социальных феноменах власти и истины, происходящих из этих различий подсистем общества - политики и науки. Для проведения анализа когнитивной и нормативной сторон коммуникации, мы обратимся к разработкам, осуществленным в теории Н. Лумана, поскольку в его подходе эта проблематика получила достаточно комплексное осмысление.

Под «обществом» Луман понимает следующее: «Согласно разрабатываемому нами подходу, теория общества является теорией всеохватывающей социальной системы, которая включает в себя все другие социальные системы» [1, с. 42]. Общество в такой трактовке конституировано именно коммуникацией: «Система производится целиком и полностью операциями и таким же образом определяется в наблюдении. Производитель системы – операция <...> эта операция – коммуникация» [2, с. 299]. В коммуникативных операциях воспроизводится дифференциация общественных институтов, которая соответствует символической генерализации внутренней нормативности системы. В самой коммуникации закреплены отношения, предполагающие иерархию, субординацию, неравенство и иные характерные асимметричные черты, обладающие селективными свойствами. Необходимо отметить, что в соответствии с эволюционной теорией систем Лумана, символические генерализации имеют селективную функцию, служат отбору наиболее успешных вариантов коммуникации и закрепляют их как «код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи результатов селекции» [3, с. 16].

Рассматривая научную подсистему общества, необходимо проанализировать схему коммуникации, которую предлагает Луман: «Основная дистинкция, с помощью которой Луман «описывает» содержание научной коммуникации, представлена различием вариация/избыточность. Она восходит к фундаментальной структуре самой коммуникации, которая, по его мнению, выказывает принципиально бинарный характер: в том смысле, что всякая коммуникация либо сообщает нечто новое, неизвестное ее участникам (вариативное) и в этом смысле является инореференциально-ориентированной; или же сообщает лишь о том, что сообщение вообще состоялось и обращено именно к данным участникам коммуникации, а могло бы их проигнорировать... В этом случае речь идет о самореференциальном типе коммуникации, смысл которой состоит лишь в утверждении солидарности или его латентной тематизации» [4, с. 206]. Сущность коммуникации соответственно определена схемой акцепция/отклонение. Луман выделяет, так называемые, символически генерализованные медиа коммуникации, имеющие вариации для каждой коммуникативной системы. В случае научной коммуникации определяющим ее медиа будет истина.

Истина в качестве одного из медиа выступает в виде бинарного кода, это свойство обеспечивает «подсоединительную способность» операций (продолжение развертывания коммуникации) [5, с. 126-128]. На другой стороне бинарной оппозиции находится ложь, она не выполняет функции подсоединения, поэтому только здесь могут происходить рефлексия и различение самого различия. Асимметрия позволяет конституировать порядок без обращения к предметному миру, что делает коммуникационную систему операционно-замкнутой (автопоэтической), то есть производит коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию, но не через непосредственное восприятие [5, с. 152].

Отсечение онтологических трактовок истины, подразумевающих конечность наполнения мира, позволяет вписать ее в сугубо социальный контекст, а дистинкция переживания/действия делает возможным обращение к собственно научному полю, поскольку научная коммуникация строится именно на основе переживания. Значимым в этой связи является операционное понимание истины, основанное на попытке выработать некое единое «объяснительное поле», чтобы сделать операции читаемыми для всех участников коммуникации в науке. Научная коммуникация базируется на когнитивном, а не нормативном аспекте и переживании, но не действии. Появление нового знания

связано с совместным переживанием. Ключевым для понимания специфики научной коммуникации представляется третье измерение истины, описанное Луманом наряду с предметным и временным-социальное, в котором значимую роль играют такие функциональные эквиваленты истины, как, например, репутация исследователя. Примером тому служит значимость такого символа как репутация, поскольку он сокращает время на различение «успеха» или «опасности», соответственно определяя возможность доверия или недоверия к нему [5, с. 167-168].

Иначе обстоит дело с политической подсистемой общества. Символической генерализацией политической коммуникации является власть. Власть, произрастая на общественной асимметрии, должна также её производить, ведь именно это является условием возможности её успешного существования, поскольку для власти необходимо само условие внутреннего различения, создания позиции властвующей и подвластной [6, с. 99-105]. Как определение какой-либо истины влечет за собой и ее разграничение лежащим за ее пределами ложным, так и установление какой-либо власти, нормативности, порядка, с необходимостью утверждает и обратную сторону своего различения.

У власти нет разумного предела, напротив, определяя пределы разумного, она утверждает в своих господствующих принципах и определяет сопутствующие формы отношений. Так обнаруживается соотношение воспроизводства действительного порядка и способа его обоснования, который конструктивно воплощается именно в нормативном аспекте коммуникативной ситуации, в соответствии с чем фиксируется внутренняя логика соотношения коммуникации и власти.

Реальность власти не имеет воплощения большего, нежели то, которым она наделяется, поскольку власть совершается именно как свободный выбор к подчинению. В этом заключается некий «парадокс власти» – она осуществляется тогда, когда делает безальтернативным обстоятельство с множеством потенциальных альтернатив и существует лишь при условии, что её существование допускается по свободной воле. Невероятность власти определяется тем, что она одновременно расширяет потенциалы как конфликта, так и консенсуса. Это коренным образом отличает власть от принуждения, насилия и детерминированной каузальности. Указание на первое различие можно встретить у А. Кожева: «сила не имеет ничего общего с властью, будучи даже ее противоположностью. Свести власть к силе – значит попросту отрицать или игнорировать существование первой» [7, с. 9]. На подобных основаниях власть различается с насилием, что отмечает Х. Арендт, утверждая: «там, где одна правит абсолютно, другая отсутствует» [8, с. 52] - они тем самым выступают во взаимоисключающем соотношении. Власть для Лумана подобно истине оказывается связана с возникновением письменности, позволившей выстраивание комплексных цепей внутри политико-административной бюрократии, т.е. стала независима от прямой интеракции.

Важно отметить различие власти и каузальности, имплицитный оттенок которой долгое время присутствовал в понятии власти. Демонстративны в этом смысле теории, исходящие из механистических и детерминистских позиций. В них власть сращивается с представлениями о каузальности естественных законов физического мира, в соответствии с которыми события должны совершаться по необходимости. Как было отмечено ранее, власть является продуктом строго социального характера, существование которого закреплено в потенциальности свободы. А. Кожев отмечает, что «власть по своей сути человеческий феномен (не природный), а это значит – социальный и исторический» [7, с. 77]. При определении власти необходимо зафиксировать условия референции понятия, что также не лишено сложностей, ведь власть присутствует на макросоциологическом уровне, «охватывая всю систему общества» [3, с. 8-9]. В тоже время её существование всегда утверждается и на микроуровне.

С этим обстоятельством связан ряд соображений. На макроуровне допускается существование власти в качестве системного эффекта, эмерджентного свойства, возникающего в результате коллективных действий. Эта линия четко прослеживается у Х. Арендт, Т. Парсонса. В более традиционном понимании, власть реализуется в форме общественных институтов - в сфере государства, политики, права. На микроуровне власть рассматривается, как наиболее базовый элемент человеческих отношений (диспозиции социальных сил, интересов, поведения и выбора, отношений субординации, авторитета и т.д.), что представляет особый интерес для микросоциологии, бихевиористского подхода, теорий обмена, элит и т.д. Возможно также рассмотрение власти на метауровне, как «трансцендентального порядка нормативности» [9, с. 137], пребывающего в качестве конструктивного социального принципа – эти суждения связаны со структурализмом К. Леви-Стросса и социологической моделью П. Бурдьё. Кроме того, существует широкая традиция идеалистического понимания власти, к которой можно отнести множество значимых философов от Платона до Д. Ролза.

Для всех представленных позиций актуальны некоторые общие моменты: власть представляет собой особую форму коммуникативной связи с имманентным присутствием асимметрии. Это позволяет говорить о предзаданной установке внутреннего различения. Также для власти специфично в идеальном варианте отсутствие внутреннего сопротивления, при основании интегрированности сопротивления [10, с. 66-80]. Соответственно, существование власти всегда является почти невероятным событием, поскольку из разобщённых и спонтанных серий коммуникативных актов конструируется устойчивое системное обстоятельство на макроуровне. Происходит экстракция наиболее значимого, поскольку существует множество возможностей для власти, но только исключительные возможности реализуются как власть. «В генерализованном медийном коде кроются истоки всех достижений общественной эволюции. С этой точки зрения власть приобретает исключительное значение для теории общества» [3, с. 30]. Власть, как и истина, согласно Луману, являются селективными механизмами коммуникации.

Подводя итоги, отметим, что коммуникация не только предстаёт условием существования общества и способом обмена, но также, благодаря коммуникативным генерализациям утверждается то, каким именно образом общество существует и развивается, как в коммуникации закрепляются и работают нормативные локусы, конденсирующие в себе решения всей системной эволюции. Подход к рассмотрению властных отношений и выработки истинных знаний с помощью эволюционной системной теории позволяет установить целенаправленность и смысл этих процессов в селекции приемлемых вариантов и редукции системной сложности, порождаемой процессом коммуникации.

Литература

1. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский // М.: Логос, 2004.
2. Луман Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеева // М.: Логос, 2007.
3. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Антоновский // М.: Праксис, 2001.
4. Антоновский А. Ю. Эволюционный подход к развитию науки // Эпистемология & философия науки=Epistemology & Philosophy of science. 2017. № 2. С. 201–217.
5. Луман Н. Истина, знание, наука как система / Пер. с нем. А. Антоновский // М., 2016.
6. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета // СПб.: Наука, 1992.
7. Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006.
8. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
9. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. В. Иванов // THESIS, 1993, № 2. С. 137-150
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. Офергаса // М.: Праксис, 2002. С. 66-80.

Сазонова А.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Кафедра «Философия языка и коммуникации», Аспирант

Annette22saz@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается позиция аргентинского писателя Хорхе Луис Борхеса по проблеме тождества личности. Борхес полагал, что личности не существует и старался показать это в своих работах. В качестве примера приводятся несколько из его рассказов с целью продемонстрировать позицию Борхеса и его рассуждения на тему личности.

Ключевые слова: Хорхе Луис Борхес, личность, тождество личности, Я, память, психологический подход, философия литературы.

Jorge Luis Borges and personal identity.

Sazonova A. I.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Language and Communication, postgraduate student

Abstract: This article introduces ideas of Argentinean author Jorge Luis Borges on personal identity. Borges believed that there is no whole self and tried to show it in his works. To demonstrate Borges' position regarding personal identity and his discourse about personality several of his short stories are given as examples.

Keywords: Jorge Luis Borges, personality, personal identity, Self, memory, psychological approach, philosophy of literature.

Сборник работ «Selected Non-fictions» аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса открывает статья «The nothingness of personality», написанная им в 1922 году. В статье тогда еще юный Борхес обозначил свою позицию по вопросу тождества личности: личности как таковой нет. Борхес пишет, что его намерения заключаются в следующем: «Я собираюсь доказать, что личность – это мираж, поддерживаемый тщеславием и обычаем, лишенный метафизического основания или внутренней реальности» [Borges 1999, 3]. На протяжении статьи Борхес несколько раз повторяет одну и ту же фразу «Я не существует», стремясь подчеркнуть, что Я – это концепт, придуманный людьми. Он пишет: «Я, как пишущий это, есть лишь определенность, ищущая слова, наиболее подходящие, чтобы вынудить вас обратить на них внимание. Местоимение, движения мышц и вид из моего окна прозрачных веток дерева – вот то, что образует мое Я в настоящий момент» [1, р. 3].

Можно сказать, что Борхес является одним из самых загадочных писателей XX века. На протяжении всего своего творчества он создавал свой собственный мир, свой «лабиринт», свою «библиотеку». И в этом мире нет места личности: «Ко мне пришла мысль, что ни один полный и абсолютный момент, содержащий все остальные, не оправдает мою жизнь, что все мои моменты были бы лишь предварительными этапами, уничтожители прошлого развернулись, чтобы встретить будущее, и за пределами эпизодического, настоящего, обстоятельств мы никто» [1, р. 6]. Прошлое точно мы не помним, будущего не знаем, остаётся одно настоящее, которое очень трудно уловить. Как же может существовать личность, если всё вокруг постоянно меняется, если каждую секунду мы уже немного другие и наши воспоминания, надежды, желания уже тоже немного другие? В этой связи следует сказать, что излюбленным образом Борхеса является образ лабиринта. Человек с самого рождения обречен, бродить по этому нескончаемому лабиринту в поисках выхода, которого, скорее всего, просто нет. Этот лабиринт охватывает собою всё, что только возможно, все альтернативы, все «тропы» включены в лабиринт. В духе Борхеса было бы сказать, что не только мы находимся в этом лабиринте, но и что точно такой же лабиринт есть в каждом из нас. И мы точно также обречены бродить по этому лабиринту в поисках себя (которого, скорее всего, мы не найдём, потому что умрём раньше, или просто потому что его нет).

В вышеприведенной цитате можно найти объяснения тому факту, что Борхес никогда не писал больших произведений. Единственный формат, который он признавал – это рассказы, эссе, новеллы, статьи. Почему? Главным героем романов всегда является какой-то человек, какая-то личность, развитие или падение которой мы наблюдаем на протяжении всей книги. Так как, по мнению Борхеса, личности не существует, то необходимость описывать с помощью литературных средств ее эволюцию тоже отпадает. В работах Борхеса главные роли играют не люди, а ситуации: «События — удел его, Борхеса» [2, р. 534], поэтому писателю было достаточно формата рассказа. Примечательным является тот факт, что Борхес, будучи первым переводчиком на испанский язык некоторых глав из романа «Улисс», так и не дочитал его до конца, хотя признавал существенное влияние работ Джойса на своё творчество.

У Борхеса есть рассказ «Фунес, чудо памяти» (1942). В данном рассказе Борхес фантазирует на тему того, каким должен быть идеальный читатель «Улисса». Роман Джойса содержит великое множество деталей и отсылок, которые необходимо постоянно держать в голове, но человеку с обычной памятью это просто не под силу. В рассказе Борхеса молодой человек по имени Иренео Фунес, после падения с лошади, оказывается парализованным, но взамен обретает чудо памяти, он может вспомнить каждый миг своей жизни: «Он знал формы южных облаков на рассвете тридцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года и мог мысленно сравнить их с прожилками на книжных листах из испанской бумажной массы, на которые взглянул один раз, и с узором пены под веслом на Рио-Негро в канун сражения под Кебрачо <...> В действительности Фунес помнил не только каждый лист на каждом дереве в каждом лесу, но помнил также каждый раз, когда он этот лист видел или вообразил» [2, р. 154].

Одним из возможных решений проблемы тождества личности является так называемый психологический подход. Согласно этому подходу, тождество личности обеспечивается тождественностью или преемственностью психологических характеристик, непрерывностью психических актов. Сторонником именно этого подхода был Джон Локк. Он первым выдвинул идею, что тождество личности обеспечивается памятью. Память – это то, что объединяет личность в синхроническом и диахроническом аспектах. В синхроническом аспекте она помогает связать все состояние сознания и сказать, что все, получаемые идеи ощущений и рефлексии, – это мои идеи. В диахроническом аспекте память обеспечивает тождество в разные моменты времени, даже при полном изменении физического тела (именно память позволяет нам сказать, что я сейчас и я через двадцать лет – это один и тот же человек, несмотря на то что все клетки моего тела обновились). Получается, для того, чтобы быть личностью, надо сознавать своё прошлое: «И насколько это сознание может быть направлено назад, к какому-нибудь прошлому действию или мысли, настолько простирается тождество этой личности; эта личность есть теперь то же самое Я, что и тогда, и действие было совершенно индивидуальностью, тождественной с теперешним Я и в настоящее время размышляющей об этом действии» [3, с. 388].

Возражение против подхода Локка выдвинул Томас Рид. Согласно Риду, Я не может помнить абсолютно всё, что происходило с ним в течение жизни. Рид приводит пример: старый генерал помнит себя как солдата, получившего награду за храбрость, но не помнит себя мальчиком, который украл яблоко в саду. Однако солдат хорошо помнит себя мальчишкой. Тогда возникает некоторое противоречие: мальчик и солдат – одна и та же личность, так же как и солдат и генерал, но мальчик и генерал – нет. Тогда по Риду получается, что память не может быть критерием тождества личности [4, р. 321].

Стоит отметить, что Борхес тоже не считал память критерием тождества личности. В вышеупомянутой статье 1922 года он пишет, что воспоминания постоянно меняются, прошлое никогда не воспроизводится памятью во всей своей полноте: «Отсутствие личности» критикует сторонников этого подхода: «... если допустить, что основа личности – память, то какое может быть предъявлено требование о праве собственности над моментами прошлого, которые, поскольку они были непримечательными и давно прошедшими, не оставили о себе никакого длительного впечатления?» [1, р. 4]. Память непостоянна, каждый раз, когда мы вспоминаем что-то, мы вспоминаем это чуть-чуть по-другому, и этому процессу изменения нет предела.

Но вот в рассказе «Фунес ...» Борхес рисует перед нами как раз такого человека с идеальной памятью. Значит ли это, что Рид не прав? Идеальная память Фунеса предполагает, что он помнит каждую секунду своей жизни. Чтобы подчеркнуть, насколько Фунес отличается от обычного человека, Борхес пишет: «Мы с одного взгляда видим три рюмки на столе, Фунес видел все лозы, листья и ягоды на виноградном кусте <...> Он мог восстановить все свои сны, все дремотные видения. Два

или три раза он воскрешал в памяти по целому дню; при этом у него не было ни малейших сомнений, только каждое такое воспроизведение требовало тоже целого дня <...> Он сказал мне: “У меня больше воспоминаний, чем было у всех людей в мире, с тех пор как мир стоит”. И еще: “Мои сны — все равно, что ваше бодрствование” <...> Ему было очень трудно уснуть. Уснуть — значит отвлечься от мира», «Повторяю, что даже самое незначительное из его воспоминаний было более точным и ярким, чем наше ощущение физического удовольствия или физического страдания» [2, p. 153–155] и т.д. Таким описанием Борхес хочет показать, что мир человека с идеальной памятью абсолютной другой: «Ему не только было трудно понять, что родовое имя «собака» охватывает множество различных особей разных размеров и разных форм; ему не нравилось, что собака в три часа четырнадцать минут (видимая в профиль) имеет то же имя, что собака в три часа пятнадцать минут (видимая анфас)» [2, p. 159]. Мир Фунеса состоит из потока бесконечно сменяющихся восприятий и образов, Фунес не может абстрагироваться от этого, Борхес пишет, что Фунес не может мыслить, ведь «Мыслить — значит забывать о различиях, обобщать, абстрагировать. В загроможденном предметами мире Фунеса были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные» [2, p. 155]. Таким образом, человек с идеальной памятью, в описании Борхеса, совсем не походит на личность. Грубо говоря, Фунес может существовать только в двух режимах: он либо что-то воспринимает, либо что-то вспоминает и воображает. Но он не мыслит, не рефлексивен. Скорее всего, он просто не может этого делать, у него нет времени: он помнит каждый миг, потому что воспринимает каждый миг, а если он будет размышлять, то в этот момент перестанет воспринимать. Раз он перестанет воспринимать, то это значит, что какие-то моменты своей жизни он упустит и не сможет их вспомнить. А это, в свою очередь, будет означать, что его память не абсолютна. Непрерывное восприятие и невозможность абстрагироваться — такова, по мнению Борхеса, плата за идеальную память.

Помимо всего прочего, в воспоминаниях и образах, которые есть у Фунеса трудно уловить его Я: читая рассказ, создается впечатление, что Фунес является сторонним наблюдателем, беспристрастно фиксирующем всё, находящееся и происходящее вокруг него. И в этих беспристрастных образах нет ничего от Фунеса. Это вполне согласуется с тем, что в свое время писал Дэвид Юм.

Юм считает тождество личности иллюзорным тождеством. Согласно Юму, единственным источником наших идей являются впечатления. У нас есть идея нашего Я, значит произойти она должна была от какого-то впечатления. Само Я понимается как что-то постоянное, не подверженное изменениям, значит, произойти эта идея должна была от такого же постоянного впечатления, которое будет неизменным в течении всей нашей жизни. Но все впечатления со временем меняются, а значит, идея Я от них происходить не может. Но ничто, кроме впечатлений не в состоянии породить идею Я, следовательно, такой идеи нет совсем. Данное рассуждение применимо к людям с обычной памятью, к людям, впечатления которых непостоянны. Но даже если допустить, что Фунес благодаря своей памяти может обладать неизменными впечатлениями, следующее рассуждение Юма ставит всё на свои места.

К тому же выводу об иллюзорности тождества личности Юм приходит, пытаясь найти эту идею с помощью рефлексии: «Что касается меня, то, когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим я, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятия и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия. Если же мои восприятия временно прекращаются, как бывает при глубоком сне, то в течение всего этого времени я не сознаю своего я и поистине могу считаться несуществующим. А если бы все мои восприятия совершенно прекратились с наступлением смерти и если бы после разложения своего тела я не мог ни думать, ни чувствовать, ни видеть, ни любить, ни испытывать ненависть, то это было бы полным уничтожением меня; да я и не представляю себе, что еще требуется для того, чтобы превратить меня в полное небытие» [5, с. 297]. Склонность людей приписывать идее Я постоянное тождество Юм объясняет смешиванием идеи тождества и идеи «последовательности соотносительных объектов», так как эти акты переживаются нами одинаково.

Борхес, в определенном смысле, считается предтечей постмодернизма. Например, его рассуждения об авторе и читателе отвечают духу постмодерна. В рассказе «Глён, Укбар, Orbis Tertius» (1940) Борхес, описывая придуманную планету Глён, говорит: «В литературных обычаях также царит идея единственного объекта. Автор редко указывается. Нет понятия «плагиат»: само собой разумеется, что все произведения суть произведения одного автора, вневременного и анонимного» [2, с. 90]. Другим примером может служить известный рассказ «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”» (1939), в котором

Пьер Менар решает отождествить себя с Мигелем де Сервантосом и написать «Дон Кихота»: «Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить — это было бы нетрудно, — но именно «Дон Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали — слово в слово и строка в строку — с написанными Мигелем де Сервантосом» [2, с. 100].

Вчитываясь в эти рассказы, мы понимаем, что Борхес продолжает показывать нам, что личности нет. Одним из аспектов проблемы тождества личности может быть проблема Автора. Согласно Борхесу, все тексты — это произведение одного Автора. Даже «Дон Кихот» в этом плане не произведение Сервантеса, даже «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”» не произведение Борхеса. Все эти книги (уже написанные, или которые только будут написаны) — содержание одной большой Библиотеки, Создатель которой и является Автором. А человек — странник в этой беспредельной Библиотеке, которую некоторые называют Вселенной. В книгах этой Библиотеки воспроизведены все возможные сочетания двадцати пяти знаков. Некоторые книги состоят из повторов одного и того же знака, поэтому они кажутся нам бессмысленными. На полках Библиотеки можно найти книги, отличающиеся друг от друга лишь одним символом. Мы также можем найти «Дон Кихота» и даже сам рассказ «Вавилонская Библиотека» (1941). Борхес пытается показать, что чтобы человек не написал, это уже было написано и есть в Библиотеке: «Это мое сочинение — многословное и бесполезное — уже существует в одном из тридцати томов одной из пяти полок одного из бесчисленных шестигранников — так же как и его опровержение» [2, с. 113]. Именно по этой причине нет авторов, а есть Автор.

Помимо всего прочего, в рассказах можно увидеть еще и проблему реальности личности. Тождество личности предполагает допущение того, что личность каким-то образом существует, что она «реальна». Но встает вопрос о том, что мы понимаем под понятием «реальность», а это очень сложная тема, и мы не будем её касаться. Но в связи с этим обратим внимание читателя на рассказ Борхеса под названием «В кругу развалин» (1941), который уже с другой стороны показывает, почему в мире Борхеса нет места личности.

В рассказе старик добирается до старого полуразрушенного святилища древнего бога огня и пытается во сне создать человека. По началу у него не получается, и он заключает договор с богом огня, что последний поможет ему создать юношу. Так как его создаёт бог огня, то огонь не может причинить никакого вреда этому юноше. Но по условию договора, только старик и бог огня знают, что созданный человек является призраком, сном. Юноша покидает старика и вскоре начинается пожар, старик думает, что пришла его смерть, но с удивлением обнаруживает, что огонь не причиняет ему никакого вреда. Борхес заканчивает рассказ такой фразой: «С облегчением, покорностью и ужасом он понял, что и сам — лишь призрак, снявшийся другому» [2, с. 112]. В контексте интересующей нас проблемы можно задать вопросом, как мы можем быть уверены в существовании личности, если мы не можем быть до конца уверены в своём собственном существовании?

Борхес является одним из самых влиятельных писателей XX века. Он «познакомил» Европу с литературой Латинской Америки, оказал огромное влияние на последующие поколения писателей и даже философов. Выше мы попытались в общих чертах обозначить позицию Борхеса по проблеме тождества личности. А закончить хотелось бы ещё одной цитатой Борхеса: «Мне суждено остаться Борхесом, а не мной (если я вообще есть) <...> И потому моя жизнь — бегство, и всё для меня — утрата, и всё достается забвенью или ему, другому. Я не знаю, кто из нас двоих пишет эту страницу» [2, с. 534].

Литература

1. Borges J.L. The nothingness of personality // Selected non-fictions. NY: Penguin Group, 1999. P.3–9.
2. Борхес Х.Л. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2011.
3. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Собрание сочинений в 3-х т. Т.1. М.: Мысль, 1985. С.76–582.
4. Reid T. Essay on the intellectual power of man. Boston: MIT Press, 1969.
5. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С.53–655.

Дескриптивизм или нормативизм? Случай социологии научного знания.

Столярова О.Е.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник сектора Социальной эпистемологии.
Кандидат философских наук

olgastoliarova@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматривается «сильная программа» в социологии научного знания в свете оппозиции нормативных и дескриптивных подходов к науке и ее истории. Показывается, что и нормативные, и дескриптивные концепции науки остаются в рамках апофатической онтологии Юма-Канта, что приводит к «интеллектуалистическому перекоосу» в понимании причинно-следственной связи и вынуждает нас сводить изменение научного знания к неизменным универсальным структурам. Сохраняя приверженность традиционному жесткому противопоставлению сущего и должного, эмпирического «описания» и нормативного «предписания», – того, как на самом деле развивалась наука, и того, как должна развиваться наука, – сильная программа остается в рамках эпистемологического понимания причинно-следственной связи. Какой бы из двух вариантов, – дескриптивный или нормативный, – она ни выбрала, самый важный факт, факт изменения знания во времени, т. е. факт появления действительно нового, ускользает из расставленных ею сетей.

Ключевые слова: история и философия науки, социология науки, «сильная программа», релятивизм, онтология, эпистемология.

Descriptivism or normativism? The case of the sociology of scientific knowledge. Stoliarova O. E.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, senior researcher

Abstract: The paper examines the strong program in the sociology of scientific knowledge in the light of the opposition of normative and descriptive approaches to science and its history. It is shown that both normative and descriptive concepts of science remain within the framework of Hume-Kant's apophatic ontology, which leads to an intellectualistic bias in the understanding of cause and effect and forces us to reduce the change in scientific knowledge to unchangeable universal structures. While adhering to the traditional rigid opposition of what is and what should be, the empirical "description" and the normative "prescription" – how science actually developed and how science should develop – the strong program remains within the epistemological understanding of cause and effect. Whichever of the two options – descriptive or normative – she chooses, the most important fact, the fact of changing knowledge over time, i.e. the fact of the appearance of really new knowledge, does not fit into her theoretical schemes.

Keywords: history and philosophy of science, sociology of science, strong programme, relativism, ontology, metaphysics, epistemology.

Философская история науки бросает вызов и «чистой дескрипции», и нормативизму¹. Она равно сопротивляется и эмпиризму, и логицизму. Первому, если под ним понимать индуктивное накопление единичных фактов; второму, если под ним понимать апелляцию к логической самоидентичности, которая лежит за пределами актуальных событий и индифферентна по отношению к ним. Подмена же философской истории науки «чистой дескрипцией», вполне отвечающая духу позитивизма и феноменализма, приводит, в конечном счете, к защите тех догматических (метафизических) представлений о реальности, от которых реальная наука в своем развитии уже отказалась. Характерным примером такого рода догматизма является «сильная программа» в социологии научного знания. В 1970-х гг. создатели и представители этой исследовательской программы интерпретировали философскую историю науки как призыв к «чистому дескриптивизму», который должен заменить традиционные, т.

е., с их точки зрения, нормативные (они же – «диктаторские» или «морализаторские») философские концепции науки. Если нормативные концепции науки и порожденные ими рациональные истории науки, по мнению Блур, являются телеологическими и интерпретируют науку в модальности должностности [2, р. 7–8], то дескриптивный подход (который Блур отождествляет с экстернализмом, или социальной историей науки) свободен от телеологической интерпретации. Этот подход способен описать, как все было на самом деле, т. е. как фактически утверждались или опровергались те или иные научные теории.

Сильная программа видит свою задачу в разоблачении философских оппонентов, в данном случае «рационалистов» и «реалистов». Первые делают ставку на обоснованное истинное убеждение, вторые защищают корреспондентную теории истины. И первые, и вторые, с точки зрения Д. Блур, Б. Барнса, С. Шейпина и других представителей SSK (sociology of scientific knowledge), нарушают то, что может быть названо принципом экономии мышления, вводя сверхъестественные концепции разума в объяснительные модели в качестве источника объяснения. Блур объявляет такие концепции априорными [2, р. 8–9]. Им противопоставляется, как подчеркивает Блур, «научный подход», под которым подразумевается индуктивное накопление фактов опыта. Научный метод имеет дело только с естественными (опытно воспринимаемыми) причинами и следствиями, точнее с теми отпечатками, которые они оставляют в органах чувств воспринимающего субъекта.

Конечно, такой примитивный эмпиризм Блур не устраивает. Он прекрасно понимает, что любое знание содержит теоретический компонент, который не выводим напрямую из опыта (если понимать под опытом ряд единичных впечатлений), а иногда и прямо противоречит последнему. Именно это обстоятельство в сочетании с некоторыми метафизическими предпосылками в свое время подвигло рационалистов утверждать (и впасть, с точки зрения Блур в грех телеологии и априоризма), что знание основано на принципиально отличной от восприятия способности суждений. Оно же побудило Канта искать априорные (трансцендентальные) условия любого возможного опыта. Блур же делает следующий ход: он объявляет теоретический компонент знания социальным, т. е. превышающим простую последовательность впечатлений индивида, и одновременно Блур (в соответствии с натуралистическим принципом причинно-следственной замкнутости) настаивает на том, что данный компонент не выходит за пределы естественной причинно-следственной связи. Таким образом, «социальное» для Блур представляет собой совокупность эмпирических субъектов, существующих в реальном пространстве и времени, – что-то вроде коллективного тела, которое обладает условной самостоятельностью «культуры» по отношению к «природе-без-человека». Блур совершает почти кантовский ход: с одной стороны, спасает эмпиризм, а с другой стороны, постулирует наиндивидуальные, социальные структуры, которые придают опыту интересубъективный и, следовательно, объективный и научный характер. Именно объективный и научный, поскольку скептицизм в качестве отправного пункта рассуждения вскоре замещается у Блур натуралистическим объективизмом. Сильная программа обещает не только разоблачить мифологический характер классических представлений о естественных науках, но и поставить эти представления на строго научную основу.

На первых же страницах своей программной монографии [2] Блур отступает от принципа чистого описания, признавая, что отправным пунктом защищаемой им социологии научного знания является как 1) констатация факта изменчивости знания о мире, так и 2) стремление найти причину этой изменчивости. Он пишет: «Такая изменчивость [знания о том, как устроен мир. – О.С.] выступает отправным пунктом для социологии знания и формирует ее главную проблему. Каковы причины этой изменчивости; как и почему знание изменяется?» [2, р. 3].

Сама постановка этих вопросов, с точки зрения Блур, отличает сильную программу от классических эпистемологических моделей науки, которые игнорируют факт изменения знания. Однако же ответ на эти вопросы возможен, по мнению Блур, только как достижение традиционного позитивистского идеала, согласно которому замещение случайного ряда впечатлений необходимой закономерностью причинно-следственной связи есть подлинная задача науки. При этом, как было отмечено выше, Блур отказывается от поиска целевых причин, поскольку они априорны. Он оставляет, опять-таки в полном согласии с классической эпистемологической концепцией науки, только действующие причины как доступные для научного изучения и построения объясняющих моделей. «Социологический подход к науке, – утверждает Блур, – так же доверяет чувственному восприятию, как ученый в лаборатории» [2, р. 29].

Это рассуждение носит круговой характер: в качестве предпосылки выбирается то, что должно

¹ Некоторые аспекты данной темы получили более подробное освещение в: [1].

стать выводом, а именно объективистская методология научного познания. Иными словами, сильная программа изучает каузальные механизмы, которые лежат в основании научной методологии, с помощью означенной научной методологии. Это дало критикам повод обвинить сильную программу в непоследовательности. «Нечто глубоко парадоксальное содержится в обещании установить научно, каковы существенные характеристики науки», – заметил по этому поводу Л. Лаудан [3, 53].

Но эта критика, на наш взгляд, бьет мимо цели. Сам по себе круговой характер отношений между философской критикой науки (а сильная программа, безусловно, является разновидностью философской критики науки) и наличным состоянием самой науки неизбежен, и признание его неизбежно, коль скоро мы хотим избежать фундаментализма и догматизма. Этот «круг» следует, по-видимому, понимать как взаимоотношение между наукой и философией, опытом и теорией, осуществляемое по принципу обратной связи. Обратная связь делает саму систему отношений неустойчивой и способной к изменению, превращая «круг» скорее в «спираль». Проблема, однако, состоит в том, что эта диалектика обратной связи ускользает и от нормативного, и от дескриптивного подходов. Содержательный характер научной методологии, с помощью которой Блур стремится объяснить изменение теоретического знания (развитие науки), оказывается скрытым от сильной программы, так как она сознательно ограничивает себя описанием «объективных данных», понимаемых как совокупность фактов восприятия коллективного эмпирического субъекта. Заимствуя позитивистскую и объективистскую (в кантовском смысле) методологию, Блур заимствует и метафизический (догматический) шлейф, который тянется за ней. Но инструментов для обнаружения этого сильная программа не имеет.

Сильная программа обнаруживает сильную приверженность онтологии, отрицающей процессуальный характер реальности, – онтологии, которая в свое время породила иллюзию возможности выбора между нормативным и дескриптивным подходом. Выбор, который стоит перед Блуrom, следующий: поместить причину, отвечающую за изменение научного знания, в сознание коллективного субъекта, предшествующего каждому конкретному опытному данному и наделяющего последнее смыслом, или извлечь ее из единичных данных восприятия в качестве ничем (кроме правил обобщения) не подкрепленного вывода. Это выбор, так сказать, между Кантом и Юмом, порывающий (и в том, и в другом случае) с динамическим (онтологическим) пониманием причинности и ищущий заместить его статическим (эпистемологическим) пониманием, основанным на неизменных структурах трансцендентальной субъективности или на привычке к единообразию. Это выбор между контролируемым фактическим и констатацией фактического, между априорными категориями, сообщающими опытному данным причинно-следственную связь, и атомизмом ощущений.

Что же представляет собой социологическое объяснение факта изменения знания? «Врет, как очевидец» есть известное выражение в криминалистической практике. Следователь, распутывающий преступление, прекрасно знает, что не должно доверять показаниям свидетелей без тщательной проверки обстоятельств дела. И не только потому, что свидетели сознательно могут скрывать истину, но и потому, что свидетели могут быть слишком наивны (предвзяты, «ангажированы», без какой бы то ни было рефлексии об этом) в своем восприятии и истолковании происходящего. Однако с точки зрения криминалиста это не означает, что «чистые факты», равно как и состав преступления, отсутствуют как таковые. Это означает, что именно криминалист обладает методологией, позволяющей, не придавая абсолютного значения показаниям очевидцев, распутать клубок преступления, выстроив все факты в причинно-следственную связь, которая, единственная, будет соответствовать объективной картине произошедшего. Социолог науки, как и криминалист, вооружен методологией, которая позволяет ему занять внешнюю, критическую, позицию по отношению к тому, что утверждают ученые о своей работе. Социолог тщательно расследует обстоятельства формирования того или иного убеждения, той или иной научной теории и выстраивает цепочку причинно-следственной связи, старательно избавляясь от разрывов между звеньями. Чем полнее цепочка, тем объективнее знание о формировании знания. Дисциплинарной целью такой исследовательской практики является объяснение изменения знания в терминах необходимости. Причем эта необходимость, как не трудно увидеть, имеет социальный характер, ведь социолог, как и криминалист, лишь тогда хорош, когда сам не «замешан в преступлении» (не участвует в познании природы), поскольку непосредственная вовлеченность в событие или процесс может привести к сознательному или несознательному («наивному») искажению «чистых фактов».

Случайный на первый взгляд характер изменения знания и формирования контекста открытия той или иной теории при тщательном социологическом расследовании оказывается не случайным. «Конвенции ученых не случайны», – утверждает Блур. Правда, они «не самоочевидны, универсальны

и статичны» [2, р. 37], но они самодостаточны и автономны, так как могут быть в принципе полностью описаны в качестве детерминированной каузальной цепи физических событий.

Соответственно, индуктивно-статистический тип объяснения того, как все было на самом деле, имеет тенденцию переходить в дедуктивно-номологический. При этом объяснении содержание научных теорий с необходимостью выводится из состояния общества. Это содержание в соответствии с правилами дедуктивно-номологического объяснения уже заранее заключено в состоянии общества (что бы под этим состоянием ни подразумевалось, – интересы, нормы и правила, институты и пр.), как логическое следование в посылке. У. Джеймс считал такое понимание причинно-следственной связи и вытекающее из него дедуктивно-номологическое объяснение интеллектуалистским перекосом. С точки зрения Джеймса, которую мы полностью разделяем, такое понимание является обратной стороной дробления мира на не связанные между собой разрозненные «факты» – единичные данные опыта. Перебросить мост от одного факта к другому можно, лишь предположив, что их объединяет чистый разум – логика, которая ведет нас «от тождественного к тождественному» [4].

Таким образом, начиная с констатации факта изменения знания, изменения, которое, считает Блур, не укладывается в нормативную рациональность, сильная программа заканчивает тем, что превращает «случайное» в «необходимое», замещая видимое изменение теорий устойчивыми социальными структурами, скрытыми от посторонних глаз и доступными беспристрастному социологу, вооруженному универсальным методом. Именно социальные структуры, которые наподобие некоего социального априори заранее предлежат развитию науки, избираются в качестве неизменной меры изменения знания. И хотя Блур отмечает, что «социальные структуры не статичны», средств для раскрытия их генезиса сильная программа не может предложить, так как предполагает, что они замкнуты на себя, в соответствии с натуралистическим принципом каузальной самодостаточности. Последний же понимается как априорный (социальный) компонент, позволяющий связать обособленные факты в единство закона.

Литература

1. Столярова О. Е. Социология науки и философия науки: за пределами дескриптивизма и нормативизма // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 168-177.
2. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L. [etc.]: Routledge & Kegan Paul, 1976. 211 p.
3. Laudan L. The Pseudo-Science of Science? // Scientific Rationality: The Sociological Turn / Ed. by J.R. Brown. Springer, 1984. P. 41-74.
4. Джеймс У. Введение в философию / Пер. с англ. И.И. Лапшина под ред. А.Ф. Грязнова // Джеймс У., Рассел Б. Введение в философию. Проблемы философии. М., 2000. С. 3-152.

Коммуникационная коллизия между транслируемым имиджем и сформировавшимся образом МВД РФ с точки зрения выстраивания стратегической коммуникации

Муратшина Ю.Р.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
аспирант кафедры философии языка и коммуникации*

juliamuratshina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема, существующая в коммуникационном пространстве Министерства внутренних дел РФ: коммуникационная коллизия между имиджем ведомства, специально создаваемым усилиями специального подразделения в его структуре, и его образом, который стихийно формируется у граждан на основе опыта реального взаимодействия с этим институтом власти и материалов СМИ. Анализируется существующее расхождение между формальной позицией Министерства, базирующейся на примате права и закона, с примерами реальной практики ведомства. Кроме того, сложившееся положение дел исследуется с точки зрения концепции стратегической коммуникации. Особое внимание уделяется влиянию такой ситуации в коммуникационном пространстве на уровень доверия граждан к МВД РФ.

Ключевые слова: образ, имидж, МВД РФ, стратегическая коммуникация, этатизм.

**Communication conflict between the broadcasted image and the formed way of Russian Interior Ministry from the point of view building strategic communication.
Muratshina J.R.**

Lomonosov Moscow State University, faculty of philosophy, Department of philosophy of language and communication

Abstract: The article deals with the problem that exists in the communication space of Russian Interior Ministry: communication conflict between the image of this Ministry, specially created by the efforts of a special unit in its structure, and the way of it, which is spontaneously formed among citizens based on the experience of real interaction with this authority institution and media materials. The existing discrepancy between the formal position of the Ministry, based on the primacy of law and the examples of real practice of this law enforcement agency is analyzed. In addition, the current state is investigated from the point of view of the strategic communication concept. Particular attention is paid to the impact of such a situation in the communication space on the level of citizens' confidence in Russian Interior Ministry.

Keywords: image, representation, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, strategic communication, etatism.

В системе органов исполнительной власти особое место занимают правоохранительные органы. Это можно объяснить, в первую очередь, теми функциями, которые выполняют данные институции: обществу необходимы законность и охрана правопорядка. Именно в их компетенции находятся вопросы «...сопоставления реальных практик с положениями законодательства, выявления степени расхождения между ними, определения карающих отступника последствий, поиска лиц, уклоняющихся от причитающегося им наказания и т.д.»ⁱ.

В свою очередь, Министерство внутренних дел РФ играет значимую роль среди прочих правоохранительных структур. Объяснить это можно, с одной стороны, тем, что в компетенции МВД РФ находятся те правонарушения, с которыми чаще всего сталкивается население. С другой стороны, несмотря на появление других правоохранительных органов, частично забравших функции этого министерства, и многочисленные изменения, которые претерпела эта властная структура (изменившие,

в том числе, и ее «айдентику»), именно МВД ассоциируется у большинства населения с функциями охраны правопорядка.

Вместе с тем следует отметить, что даже если принять во внимание формальную значимость и неотъемлемость данного органа исполнительной власти от государственного устройства, отношение к нему различных социальных групп в России неоднородно и в большей степени негативное.

Полагаем, что возникновению такой ситуации способствовали в определенной мере печальная тенденция в истории ведомства: довольно многочисленные случаи правонарушений среди его сотрудников, получившие широкую общественную огласку; недостаточная открытость и прозрачность деятельности МВД РФ; наконец, политическая нестабильность в стране и сопутствовавшие ей социокультурные изменения.

Сложившееся положение дел можно рассмотреть с точки зрения коммуникационных процессов построения имиджа данного ведомства усилиями его профильных департаментов и стихийного формирования его образа среди граждан/населения.

На наш взгляд, в дискурсивных практиках, актуальных для современной России существует явная коллизия, противоречие между транслируемыми МВД РФ сообщениями разной формы в рамках стандартной коммуникационной политики и результатами восприятия деятельности ведомства различными социальными группами.

Эта коллизия базируется на несовпадении тех ценностей, ключевых установок, что транслируются Министерством в информационное пространство, и некоторых примеров реальной практики данного органа государственной власти. Деятельность МВД РФ, как и любого другого субъекта в информационном пространстве, оценивается, с одной стороны, по проявлениям коммуникационной политики, а с другой – по событиям и результатам реальной деятельности. Необходимо, при этом, отметить, что последнее (в первую очередь, опыт непосредственного общения с представителями данной государственной власти) является приоритетным при формировании отношения к нему со стороны различных групп населения.

Представляется интересным более подробно рассмотреть, какие меседжи транслируются ведомством в рамках коммуникационной политики, как они трансформируются в средствах массовой информации и на основании чего стихийным образом формируется образ МВД РФ в глазах граждан. Важно отметить, что общее представление различных социальных групп складывается на пересечении трех вышеперечисленных коммуникационных потоков.

На наш взгляд, в практике политической жизни современной России преобладает этатизм как принцип взаимодействия государства (представленного различными институтами власти) и общества. В сфере государственного управления концепция этатизма предполагает «... широкое и активное государственное вмешательство в различные аспекты жизни общества»ⁱ. Предполагаем, что ключевым меседжем, транслируемым в общественное пространство в таком случае, является главенство государства, как субъекта, но не права.

Министерство внутренних дел РФ при формальной приверженности примату права и демонстрации этого положения в своей коммуникационной политике, тем не менее, придерживается общей доктрины этатизма, что, так или иначе, проявляется в примерах реальной практики этого ведомства. Представляется, что такое положение дел является одним из пунктов противоречия между специально конструируемым имиджем МВД РФ и его стихийно складывающимся образом в глазах граждан.

С другой стороны, имидж ведомства, на наш взгляд, подрывают некоторые события из его реальной деятельности. В качестве примеров только за период 2019 года, получивших широкое распространение благодаря средствам массовой информации, могут служить так называемое «Дело полковника Захарченко»ⁱⁱ (на фоне борьбы с коррупцией, выдвигаемой в качестве важнейшего направления деятельности МВД РФ); «дело Ивана Голунова»ⁱⁱⁱ (одним из непосредственных участников

ⁱ Сахно А.В. Образ милиции в российской культуре: конструкция и деконструкция типов восприятия. Дис. канд. соц. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 67.

ⁱ Этатизм. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH05108b43ad4b09d3472a05> (дата обращения 20.02.20)

ⁱⁱ См.: Как полковник Захарченко стал миллиардером. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190610/1555340716.html?in=t> (дата обращения 20.02.20); Суд приговорил полковника Захарченко к 13 годам колонии. ИА ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6535667> (дата обращения 20.02.20)

ⁱⁱⁱ См.: Дело Ивана Голунова. Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/theme/3212> (дата обращения 21.02.20); Беспрецедентное дело Ивана Голунова: что дальше. Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/06/12/804040-delo-golunova> (дата обращения 22.02.20); Пять бывших полицейских задержаны по делу Ивана Голунова. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/>

которого являлось Управление внутренних дел по ЗАО ГУ МВД РФ по г. Москве); протестные акции 2019го года в Москве¹ (политический кризис, в ходе которого имиджу МВД РФ (равно, как и имиджу Федеральной службы войск национальной гвардии РФ) был нанесен серьезный ущерб).

Представляется целесообразным рассмотреть такое положение дел с точки зрения концепции стратегической коммуникации, относящейся, прежде всего, к деятельности государства в целом и его отдельных институтов как на международной арене, так и во внутренней сфере. Под стратегической коммуникацией субъекта информационного пространства понимается «... синхронизация слов, дел и того, как они будут восприняты общественными аудиториями [образа – прим. авт]»ⁱⁱ. На наш взгляд, такое определение данного термина наиболее полно отражает его сущность. С такой позиции коммуникацию МВД РФ, выстраивание им имиджа и стихийное формирование образа ведомства в глазах граждан следует оценивать как рассинхронизацию слов, дел и образов. Приведенные выше примеры демонстрируют, что формальная позиция данного института власти, транслируемая широкой общественности, базируется на примате закона и права, в то время как в реальной практике ведомства нередки случаи, опровергающие официальную позицию.

Полагаем, что такая коммуникационная коллизия в информационном пространстве способствует, прежде всего, падению уровня доверия со стороны различных групп общественности к Министерству внутренних дел РФ. В свою очередь, падение уровня доверия приводит, в терминах Ю. Хабермаса, к кризису легитимации данного института власти.

Следует, однако, отметить, что сложившееся положение дел является системной проблемой, поскольку случаи совершения правонарушений сотрудниками ведомства, равно как и случаи, компрометирующие официальную позицию МВД РФ о примате права и закона в его деятельности, относятся не столько к сфере коммуникаций, сколько к сфере общего управления данным институтом власти.

Литература

1. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация США: особенности и противоречия в условиях международной напряженности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-kommunikatsiya-ssha-osobennosti-i-protivorechiya-v-usloviyah-mezhdunarodnoy-napryazhennosti/viewer> (дата обращения 22.02.20)
2. Сахно А.В. Образ милиции в российской культуре: конструкция и деконструкция типов восприятия. Дис. канд. соц. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
3. Этатизм. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH05108b43ad4b09d3472a05> (дата обращения 20.02.20)
4. Как полковник Захарченко стал миллиардером. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190610/1555340716.html?in=t> (дата обращения 20.02.20)
5. Суд приговорил полковника Захарченко к 13 годам колонии. ИА ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6535667> (дата обращения 20.02.20)
6. Дело Ивана Голунова. Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/theme/3212> (дата обращения 21.02.20)
7. Беспрецедентное дело Ивана Голунова: что дальше. Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/06/12/804040-delo-golunova> (дата обращения 22.02.20)
8. Пять бывших полицейских задержаны по делу Ивана Голунова. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7631845> (дата обращения 22.02.20)
9. Начальник полиции ЗАО Москвы подал в отставку после дела Голунова. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/06/2019/5d137b4f9a794754f3d60b34> (дата обращения 22.02.20)
10. Полиция пообещала пресекать несанкционированные митинги в Москве. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190809/1557326872.html> (дата обращения 21.02.20)
11. Все фигуранты “московского дела”: кто они и что с ними происходит? BBC News. Русская служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50055305> (дата обращения 21.02.20)

proisshestiya/7631845 (дата обращения 22.02.20); Начальник полиции ЗАО Москвы подал в отставку после дела Голунова. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/06/2019/5d137b4f9a794754f3d60b34> (дата обращения 22.02.20)

i См.: Полиция пообещала пресекать несанкционированные митинги в Москве. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190809/1557326872.html> (дата обращения 21.02.20); Все фигуранты “московского дела”: кто они и что с ними происходит? BBC News. Русская служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50055305> (дата обращения 21.02.20).

ii Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация США: особенности и противоречия в условиях международной напряженности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-kommunikatsiya-ssha-osobennosti-i-protivorechiya-v-usloviyah-mezhdunarodnoy-napryazhennosti/viewer> (дата обращения 22.02.20)

Сущностные основания риторических канонов

Федоренко А.А.

Военная академия РВСН имени Петра Великого, преподаватель. Кандидат философских наук

fed_1010@bk.ru

Аннотация: Осмысление феномена актуальности риторических канонов (правил) на протяжении длительной истории их существования и в наши дни позволяет выделить в них ряд важных онтологических и антропологических характеристик. Риторические каноны, созданные в античной культуре, вобрала в себя многовековой опыт подготовки публичных речей и выступления с ними перед аудиторией. В этих правилах закрепился логически верный порядок речемыслительной деятельности, нравственные установки и ожидания участников коммуникативного взаимодействия, умение пользоваться словом как искусством, способным воздействовать на массовое и индивидуальное сознание, влиять на морально-психологическое состояние слушателей. Риторические каноны отражают принципы, формирующие культуру общения. Изучение правил эффективного публичного выступления способствует освоению человеком общей коммуникативной культуры, развивает в нем качества личности, необходимые для успешного решения коммуникативных задач, в том числе связанных с позитивной самопрезентацией.

Ключевые слова: риторические каноны, коммуникативные задачи, коммуникативная компетентность, риторическая компетентность, медиапространство, воспитание оратора.

The essential foundation of the rhetorical canons.

Fedorenko A.A.

The Military Academy of Strategic Rocket Troops after Peter the Great

Abstract: Understanding the phenomenon of the relevance of rhetorical canons (rules) over the long history of their existence and today allows us to identify a number of important ontological and anthropological characteristics. The rhetorical canons created in ancient culture incorporated lasting experience in preparing public speeches and delivering them to an audience. These rules established a logically correct order of speech-making activity, moral attitudes and expectations of participants in communicative interaction, the ability to use the word as an art that can affect the mass and individual consciousness, influence the moral and psychological state of listeners. Rhetorical canons reflect the principles that shape the culture of communication. The study of the rules of effective public speaking contributes to the development of a common communicative culture, develops in it the personality qualities necessary for the successful solution of communicative tasks, including those related to positive self-presentation.

Keywords: rhetorical canons, communicative tasks, communicative competence, rhetorical competence, media space, education of the speaker.

Великая сила слова была высоко оценена в античной культуре. Многие мыслители греко-римского мира задавались вопросом о воздействии речи на индивидуальное и коллективное сознание, о возможности использования этого знания в общественнополитической жизни. Видный софист Горгий в своей «Похвале Елене» писал об особой силе слова: «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить» [1, с. 29]. Не применяя никакого оружия, пылкой воодушевляющей и убеждающей речью можно было одержать победу. Такие возможности дает человеку ораторское искусство, теоретическая и методическая основы овладения которым сложились в культуре Древней Греции и Древнего Рима. Во все времена уважением пользовались люди, умевшие посредством собственного красноречия изменить ситуацию в нужную сторону. Это практическое назначение риторика не утратила и в наши дни. Один из создателей современных отечественных канонов искусства красноречия Ю.В. Рождественский отмечал, что «развитие речи в обществе является залогом успеха и благоденствия общества» [2]. Люди, способные с

легкостью выразить свою мысль, аргументированно и красиво её изложить, ценятся сегодня во многих сферах нашей жизни, а значит, и риторические знания оказались востребованными в современном обществе.

Традиционные риторические правила работы над текстом публичного выступления, сложившиеся в культуре античности, в практике выдающихся ораторов и в трудах древнегреческих и древнеримских теоретиков ораторского искусства (Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана и др.), включают в себя пять частей: учение о нахождении (инвенция), учение о расположении (диспозиция), учение о выражении (элокуция), учение о запоминании (меморио) и учение о произнесении (акцио). Эти правила образовали единый корпус риторических канонов, который воспринимается сегодня как определенная «модель речевых действий» [3, с. 187], способная обеспечить эффективное решение коммуникативных задач.

Каковы причины, определяющие актуализацию риторики сегодня? Эти причины носят как внешний, так и внутренний характер. К первым можно отнести изменившийся характер социальных отношений в информационном типе общества, что в свою очередь повлияло на характеристику профессионально важных качеств личности специалиста, среди которых одно из важных мест занимает умение правильно преподнести информацию различного рода (о фирме, о товаре, о себе самом и т.д.), а также умение «влииться» в коллектив, работать в команде, быть коммуникабельным. Подобные требования со стороны работодателей заставляют человека овладевать продуктивными способами позитивной коммуникативной самопрезентации, в своей деятельности он должен демонстрировать коммуникативную и риторическую компетентность. Открывшиеся в последние десятилетия в большом количестве курсы ораторского мастерства, техники речи и т.д. являются ярким подтверждением востребованности риторики в наши дни.

К внутренним причинам можно отнести процессы, происходящие в языке и речи, продиктованные характеристиками современного информационного пространства, в котором существует сегодня человек. Разнообразие способов подачи и получения информации, многомерность информационного потока, его динамика, связанное с этим упрощение словесных конструкций, искажение написания слов или замена слов символами или символическими картинками – все это и многое другое превращает личностную коммуникативную активность в сложный процесс, в котором, с одной стороны, необходимо уметь грамотно ориентироваться, быть способным эффективно существовать, а с другой – уметь противостоять различным негативным и деструктивным влияниям коммуникативной среды. В этой связи риторические каноны становятся существенным основанием личности, их изучение помогает человеку критически относиться к речевому поведению как своему собственному, так и других людей – участников общения.

Марк Фабий Квинтилиан определял риторику как науку и искусство «хорошо говорить» [4, с. 158]. Признавая вербальную коммуникацию ведущим способом организации межличностного и межгруппового взаимодействия, многие обращаются к изучению риторики именно исходя из потребности стать мастером слова. В этой ситуации наблюдается личная заинтересованность человека в создании позитивного речевого портрета, так как в речи и с помощью речи человек раскрывает как истинные свои качества и намерения, так и те, которые считает наиболее релевантными в рамках своей коммуникативной активности.

Бесспорно, открывающаяся перед современным человеком возможность делать процесс обмена информацией более динамичным не всегда положительно влияет на качество продуцируемой речи. Упрощенные способы ее организации сужают коммуникационное пространство человека, обеспечивая его речевую активность, пусть и весьма эффективную, исключительно в пределах, допускающих это упрощение. Такую вульгаризированную речь, синтезированную с невербальными способами передачи и получения информации, нельзя рассматривать как полноценную, так как она не обеспечивает коммуникативную успешность человека во всех сферах современной жизни. Обращение к традиционным риторическим канонам продиктовано потребностью освоить общепринятую норму общения, которая воспринимается как показатель определенного социального статуса человека.

Практически ежедневно современный человек продуцирует и воспринимает в рамках того медиапространства, в которое включен, тексты разного качества, так как сама коммуникативная среда создает условия для снижения или повышения ответственности за сказанное или написанное, делает допустимым свободу самовыражения, в том числе словесную. Правила риторики ограничивают эту свободу этическими рамками. Глубокие этические основания всех риторических канонов носят,

можно сказать, наднациональный и вневременной характер. Этическая составляющая присутствует во всем корпусе риторических правил, так как риторическое искусство по своей природе интенционально: любой текст публичного выступления всегда ориентирован на слушателя и выполняет главную риторическую задачу – воздействовать на него посредством слова. Без внимательного и уважительно-го отношения к аудитории это невозможно. «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего...» [5, с. 24], – так определял суть и предназначение риторики Аристотель. Вот почему становление оратора как личности, способной выполнить эту важную риторическую задачу, очевидно, немислимо без воспитания его человеком тактичным и уважительным по отношению к своим слушателям, что предполагает освоение им определенных, закрепившихся в многовековой культуре человечества правил общения. Эти правила находят свое отражение в риторических канонах.

Важной составляющей риторических канонов является топика как система топов («общих мест»), которая лежит в основании любой аргументации. Топика ориентирована на отражение коллективного сознания, в ней зафиксированы определенные структурно-смысловые модели, описывающие, характеризующие бытие самого человека, его восприятие собственного существования. По утверждению А.А. Волкова, особенностью «общих топов» как раз и является то, что «любой человек, отрицающий их значимость, уже самим фактом такого отрицания исключает себя из общества и из культуры» [6, с. 123]. Разработка топов и осмысление их системных соотношений базируется на тех этических представлениях, которые сложились в современном социуме, но при этом являются отражением общечеловеческих ценностей.

Риторические правила, сформулированные в античной культуре и прошедшие последующие этапы европейской культуры, составляют по сути внутреннюю константу речевой деятельности, результатом которой является текст, адресованный читателям или слушателям. В риторических канонах, таким образом, совершенно точно определена сущность эффективной речевой коммуникации, в процессе которой достигаются поставленные коммуникативные задачи. Коммуникативный успех, в свою очередь, приводит человека к удовлетворенности собственной деятельностью, а значит, и собственным существованием.

Литература

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 1994. 716 с.
2. Принципы современной риторики [Электронный ресурс]: Учебное пособие / Ю. В. Рождественский; Под ред. В. И. Аннушкина. 3-е изд., испр. - М.: Флинта: Наука, 2003. URL: http://evartist.narod.ru/text7/35.htm#з_04 (дата обращения: 12.02.2020)
3. Тенекова А.М. Риторический канон как основа создания телевизионной рекламы //
4. Медияриторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: сб. статей XXII Международной научной конференции (30 января – 1 февраля 2019 г.) / Отв. ред. В.И. Аннушкин. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. 609 с.
5. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. [неполный] А. Никольского. Ч. 1-2. СПб, 1834. Ч. 1. 486 с.
6. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 352 с.
7. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013. 416 с.

Храпова В.А.

Волгоградский государственный университет, профессор. Доктор философских наук

hrapova-v@mail.ru

Аннотация: Региональный текст, концентрирующий в себе ценности, смыслы, коды региональной культуры, представляется ключевым концептом современности, раскрывающим специфику развития социальных отношений. Определив регион как часть целого, обладающую статусом субъектности, автор исследует особенности организации и бытия регионального текста, характеризующего жизнь регионального сообщества, показывая, что субъектность региона проявляется как обладающая уникальной спецификой активность, обусловленная целями, намерениями, возможностями людей и развивающаяся в стремлении к гармоничному единству в целостности большего масштаба.

Ключевые слова: регион, текст, культура, социальность, человек, общество, субъектность.

Regional text in the modern socio-cultural space Philosophy of language, communication and media.

Khrapova V. A.

Volgograd state University, professor

Abstract: The Regional text, which concentrates the values, meanings, and codes of regional culture, is a key concept of modernity, revealing the specifics of the development of social relations. Defining the region as a whole, with the status of subjectivity, the author explores the characteristics of the organization and existence of regional text describing the life of the regional community, showing that subjectivity is manifested in the region as possessing unique characteristics activity due to objectives, intentions, capabilities, people and evolving in the pursuit of a harmonious unity in the integrity of larger scale.

Keywords: region, text, culture, sociality, person, society, subjectivity.

В условиях современной социальной трансформации возрастает необходимость поиска социокультурных ориентиров, которые оптимизируют жизнь человека и общества. Их исследование обладает объяснительной силой и потенциалом в плане выработки устойчивых стратегий организации бытия человека и общества.

В настоящее время исследовательское поле общественных и социально-гуманитарных наук сосредоточено вокруг понятия «регион», в семантике которого конституирующую роль играет значение «часть целого, обладающая статусом субъектности» [6]. Актуализация этого понятия свидетельствует о переоткрытии социальности, формировании ее нового образа в условиях современной социальной динамики.

В самом общем плане регион – природно-хозяйственный комплекс, имеющий функциональную специфику и определенную роль в системе государственных отношений. Значимым этапом в развитии региона является образование региональной культуры, которая «продуцируя собственный тип социокультурных и хозяйственно-экономических связей и воспроизводит особый тип личности» [4, с. 29]. Важным индикатором региональной культуры является региональное самосознание, становление которого связано с устойчивой идентификацией с определенными смыслами, утверждающими значимость места в судьбе людей. Идентификация проявляется на глубинном внутреннем уровне как мироощущение, обусловленное восприятием определенных характеристик, связей, отношений мира в период становления личности, а также на внешнем через сознательную трансляцию ценностей в процессе организации бытия людей. Показателем роста самосознания является региональный текст – дискурсивное пространство, в котором актуализированы ценности регионального масштаба.

Генезис регионального текста связан с локальными знаково-символическими структурами, происхождение которых, в свою очередь, обусловлено «пульсацией сильных точек памяти культуры, под-

талкивающей к художественной и научной рефлексии по поводу культурно и/или исторически значимых событий» [3]. Локальные тексты характеризуют специфику места и предсказывают состояние, которое могут испытывать находящиеся в нем люди. Они представляют собой культурную реализацию локальных мифов – последовательное развитие той или иной темы на основе определенных смысловых и стилистических «ядерных» констант, предусматривающих постоянное «самоцитирование» и даже самозамыкание в «концентрическом круге самоанализа» [7].

С. Агранович и И. Саморукова рассматривают миф как универсальную модель работы познающего и творческого сознания. Исследователи показывают, что нарративная структура мифа представляет динамику отношений в триаде «Субъект – Объект – Абсолют», где Субъект – человек с его целями, сомнениями и выборами. Объект – мир, в котором живет человек. Абсолют – точка отсчета, высший смысл, относительно которого происходит коррекция и выстраивается жизнь, медиативное образование как высшее знание, определяющее отношения субъектов и объектов, универсальная ценность данного периода. Согласно законам мифа, сложившегося в ту или иную эпоху, человек формирует отношения с миром. Смена эпох, а значит, смена экономических, социальных и культурных контекстов и условий жизни людей – всегда смена мифов. Триада представляет собой динамический механизм, который реализуется в социальных и художественных процессах, являясь основой генетического кода культуры [1].

Локальный текст, свидетельствующий о специфике освоения и познания части пространства, фиксируя наличие естественной и органичной связи человека, природы и общества, сообщает идею устойчивости социальным программам и управленческим решениям. Поэтому локальные тексты становятся особенно актуальными в переходные периоды.

Вместе с тем, в настоящее время радикально меняется контекст функционирования локальных текстов. «Локальные мифы, перестают быть традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, оказываясь принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, «фиксироваться» соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного» [2]. Локальные культурные мифы стали «восприниматься, воображаться, конструироваться и деконструироваться в рамках целенаправленных актов сознания, стремящихся к оконтуриванию, фиксации оригинальных метагеографических пространств с целью маркетинга территорий и мест, в социокультурном проектировании, стратегическом планировании и брендинге территорий, региональном политологическом анализе и т.д.» [2].

Региональный текст формируется в созданной информационными технологиями медиасреде, сообщая ему инновационные качества. Новейшие, актуальные и традиционные тексты систематизируются, трансформируются, компонуется по принципу гиперструктуры, сети, позволяющей адресатам избирать значения и создавать принципы формирования смысла. Динамичный медийный контекст не несет в себе жестко закрепленного идеологического или какого-либо еще содержания, в нем сосуществуют смыслы всех эпох и культур, легко соединяется локальное и глобальное. Медийный формат предполагает гибкость, пластичность, интерактивный характер коммуникаций.

Локальные мифологии метафоризируют пространства, способствуя развитию, разрастанию новых семантик возможных миров, формируя транслокальную идентичность.

По мнению А.В. Полонского, таким образом создается ментальный и онтологический фундамент нового культурного ландшафта [5, с. 38].

Региональный текст как совокупность значений и смыслов, носитель кодов, фиксирующих особенности региональной культуры, создает тот контекст, в котором протекают важнейшие для жителей региона процессы – осуществляется коммуникация, делаются судьбоносные выборы и создаются стратегии развития будущего. Это интегративное многоуровневое образование, объединяющее в единое коммуникативное целое разные семиотические коды и принципиально открытое как на содержательно-смысловом, так и на композиционно-структурном уровнях. Его содержание синергетически оформляется под действием тенденций социального развития, локальных факторов и влияния региональной элиты, создающей средоточие специфической идентичности в своем стремлении аккумулировать экономические, социальные, культурные ресурсы.

Транслируемый в региональном тексте образ региона – одновременно результат преобразования

регионального пространства, основывающегося на видении региональным сообществом культурного наследия, своей истории, и прообраз будущего состояния, проекция позиции, которая выбирается для самоопределения в соответствии с целями и средствами социально-экономического развития. Региональный текст можно считать ключевым концептом, характеризующим особенности современной культуры, текстомносителем специфических кодов и содержаний, реализующих определенную миссию: сохранение уникальности, устойчивого многообразия мира в процессе следования общевиллизационным тенденциям.

Литература

1. Агранович С.З. Саморукова, И.В. Гармония-цель-гармония. Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997. 134с.
2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т.9. 2010. №3. С.26-50.
3. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003 // Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://gassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (дата обращения: 10.09.2019).
4. Мурзина И.Я. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. 2003. № 29. С. 60 – 78.
5. Полонский А.В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости. Серия. Серия Гуманитарные науки. 2015. Вып.27. № 8 (215). С.17-24.
6. Храпова, В.А. К вопросу о региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2 (14) С.90-96.
7. Щукин В. Г. Как и почему рождается литературный локальный текст. Электрон. текстовые дан. – Режим доступа <http://parkbelinskogo.ru/как-и-почему-рождаетсялитературный> (дата обращения: 10.09.2019).

Логика медиа в современном обществе (в свете теории медиатизации)

Черенькая С.В.

Московский городской педагогический университет, доцент. Кандидат философских наук

schernenkaja@yandex.ru

Аннотация: В данной статье показано, что теория медиатизация, возникшая в рамках наук о коммуникации и исследующая социальные изменения, происходящие под влиянием медиа, в своем развитии тесно связана с философскими и социальными науками. Эмпирические и теоретические исследования процессов медиатизации начали развиваться в самых разных областях. В результате были получены более точные определения ряда ключевых понятий и выделены области исследования, позволяющие пересмотреть конкретные взаимодействия между медиа, коммуникацией и обществом. Сторонники теории медиатизации, как и приверженцы других теорий (философских, социальных и т.д.) выделяют относительно единый ряд основных характеристик процесса медиатизации общества, но их интерпретации могут различаться. Исследование логики медиа в современном обществе в свете теории медиатизации обладает эвристическим потенциалом, безусловно востребованным в междисциплинарных исследованиях современного общества.

Ключевые слова: медиатизация; медиа; логика медиа, коммуникация; междисциплинарные исследования.

The logic of media in modern society (in the context of the Mediatization Theory). Chernenkaya S.V.

Moscow City Pedagogical University, associate professor

Abstract: This article shows that the mediatization theory, which arose within the framework of the communication Sciences and explores social changes that occur under the influence of media, is closely related to the philosophical and social Sciences in its development. Empirical and theoretical studies of mediatization processes have begun to develop in a variety of areas. As a result, more precise definitions of a number of key concepts were obtained and areas of research were identified that allow us to review specific interactions between media, communication and society. Proponents of the mediatization theory, as well as adherents of other theories (philosophical, social, etc.), identify a relatively uniform set of basic characteristics of the process of mediatization of society, but their interpretations may differ. The study of the logic of media in modern society in the light of the mediatization theory has a heuristic potential that is certainly in demand in interdisciplinary studies of modern society.

Keywords: mediatization; media; logic of media; communication; interdisciplinary research.

Изучение медиатизации современного общества имеет разные теоретические основания. В рамках теории медиатизации институциональная исследовательская традиция тяготеет к анализу традиционных медиа, используя понятия «медиа-логика», «медиа-формат» и др. Социально-конструктивистский вариант исследует повседневные практики опосредованной коммуникации и их связи с социальными изменениями. Наиболее ярким представителем первого, институционального, подхода является С. Хьявард, социально-конструктивистского – Ф. Кротц и А. Хепп. Согласно С. Хьяварду, различные социальные сферы или системы (например, религия, политика, образование) всё в большей степени приспособляются к правилам, логике медиа [1]. Д. Алтайд и Р. Сноу, введя в научный оборот понятие «логика медиа», утверждали, что медиа, пронизывая современное общество в целом, и каждую отдельную его сферу (политику, право, образование, религию и т.д.), навязывают им свою логику [2]. Логика медиа включает в себя определенный способ организации материала, стиль его представления, практики интерпретации, понимания и объяснения. Опираясь на британского социолога Э. Гидденса, С. Хьявард указывает на две характерные особенности современных медиа: наличие собственных правил и власть над распределением ресурсов. В рамках прямой медиатизации ранее

непосредственная деятельность становится опосредованной (например, онлайн-образование и т.д.). Косвенная медиатизация относится к ситуации, когда определенный вид деятельности подвергается влиянию «медиа-символов».

Кротц и Хепп считают, что вместо исследования медиатизации общества «в целом», следует изучать, как этот процесс происходит в отдельных сферах социальной жизни[3]. Ими вводится понятие «медиатизированных миров», понимаемых вслед за А. Шюцем и Б. Лукманом как «малые жизненные миры». Каждый медиатизированный мир – семьи, религиозной общины, научного общества и т.д. – характеризуется определенным объемом и содержанием интересубъективного знания и связанными с ним социальными практиками.

Теория медиатизации генетически связана с науками о коммуникации. Но основным объектом исследования в ней выступают не медиа, а общество, меняющееся под влиянием современных медиа. Как отмечают Коулдри, Хепп и др. в современном обществе исследования коммуникации уже невозможно редуцировать до схемы «автор – текст – аудитория», воздействие медиа на общество и общество на медиа носит скорее нелинейный характер. Поскольку одинаковое влияние разных медиа на социум невозможно, необходимо исследовать различные эффекты влияния разных медиа. Следовательно, термины, используемые при анализе взаимоотношения медиа и общества («логика медиа», «медиа-формат» и др.), следует считать не константами, а переменными. Ряд авторов считает уместным говорить не о логике медиа, а о логиках (во множественном числе) медиа. В частности, Хэпп считает, что в рамках теории медиатизации необходимо совместно с исследователями из других областей научного знания рассматривать влияние медиа в различных социальных и культурных сферах.

На разработку теории медиатизации оказала влияние герменевтика П. Рикера и Р. Капурро. Под влиянием герменевтики П. Рикера были четко выделены два требования, которые необходимо учитывать, исследуя коммуникативный процесс: учет, во-первых, контекста, в который помещено сообщение, и, во-вторых, творческого характера процесса восприятия, интерпретации и дальнейшей передачи сообщения. Выделенные Капурро направления исследований в рамках цифровой герменевтики: влияние цифрового кода на социальные процессы; воздействие цифровых технологий на восприятие мира современным человеком, в том числе на процессы понимания и самоинтерпретации, процесс понимания и интерпретации электронных текстов и др., также оказались созвучны теоретикам медиатизации[4].

Соглашаясь с теоретиками медиа (Иннис, Маклюэн и др.), что медиа не являются нейтральными «посредниками», и в любом сообщении заложена определенная схема его интерпретации, теоретики медиатизации фокусируют свое внимание на трансформации общества под влиянием медиа. Согласно датскому исследователю С. Хьяварду, под «медиатизацией» понимается процесс, в котором основные составляющие жизнедеятельности современного человека (такие, как работа, образование, досуг и т.д.) обретают медийную форму. Медиатизация означает, что мы становимся зависимыми от процессов и событий, непосредственно не подвластных нам и физически недостижимых, о которых мы узнаем из медиа.

Безусловно, феномен медиатизации современного общества оказался в центре внимания и философов, социологов, экономистов. В работах Э. Тоффлера, Н. Лумана, Ж. Бодрийяра, М. Кастельса, П. Бурдьё, Р. Капурро и др. медиатизация была осмыслена как следствие информационной революции. Н. Луман, М. Кастельс, как и классик теории медиа М. Маклюэн, подчеркивали неразрывную связь эволюции общества и эволюции коммуникации, отмечая снижение роли пространства и рост значимости временного измерения в современной культуре под влиянием современных медиа. Согласно Р. Капурро, необходимо исследовать «социальную значимость Интернета для создания, распространения и интерпретации знания» в современном обществе. Используя термин М. Хайдеггера «продуктивная логика», он отмечает, что цифровая герменевтика должна разработать продуктивную логику для понимания основ цифровых технологий и их взаимодействий с человеческим существованием [5].

Несмотря на различие подходов современных медиа-исследователей, в том числе отечественных исследователей [6,7,8], можно указать ряд общих ключевых вопросов, выделяемых ими при исследовании общества, пронизанного логикой медиа:

1) Продолжительность. В отличие от медиации (mediation), характеризующей любой акт опосредованной коммуникации, медиатизация (mediatization) выступает длительным

кумулятивным процессом. В вопросе о начале медиатизации общества для одних исследователей точка отсчета – в «медиа-насыщенных» западных обществах конца XX века, для других она совпадает с развитием человеческой коммуникации.

- 2) Универсальность. Поскольку влияние медиа в современном обществе возрастает, то предполагается, что это универсальный процесс, характеризующий практически любое общество. Однако, как замечают критики этой теории, технические медиа играют важную роль в постиндустриальных странах. В традиционном социуме по-прежнему коммуникация лицом к лицу остается основой социальных практик. С этим трудно не согласиться, но следует учитывать, что универсальность процесса медиатизации не означает его линейности. В исследовании процесса медиатизации следует учитывать специфику культуры конкретного общества.
- 3) Тотальность. Медиатизация затрагивает все сферы современной культуры (политику, религию, образование, науку, искусство и т.д.). В то же время разные социальные сферы могут иметь разную степень медиатизации, как и различные формы ее проявления. Мир религии более консервативен, чем сфера политики или образования.
- 4) Трансформативность. Изменения медиа-технологий и коммуникативных практик под влиянием друг друга.

Обобщая выводы теоретиков медиатизации, можно выделить следующие положения:

Теоретики медиатизации, исследующие меняющуюся форму взаимоотношений в социуме под влиянием медиа стремятся к междисциплинарному диалогу с философами, социологами, теоретиками права и др., изучающими данные изменения в рамках собственных дисциплинарных исследований. Согласно их позиции, развитие медиа может быть вызвано не только внутренними факторами, но и внешними процессами, и быть результатом сочетания технологических, экономических, политических и культурных факторов, влияющих в том числе на структуру медиа;

Представители теории медиатизации выделяют, как правило, нелинейное и многонаправленное влияние медиа и общества, в рамках которого индивиды конструируют свой социальный мир;

В теории медиатизации на более конкретном уровне исследуются те же самые феномены, что и в ряде философских концепций (Н. Луман, Р. Капурро и др.). Многие выводы, полученные в рамках теории медиатизации, философских и социальных теориях, изучающих медиатизацию современного общества, подтверждают друг друга, но с разных уровней абстрагирования.

Литература

1. Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society. London: Routledge, 2013. 173 p. Altheide D.L., Snow R.P. Media Logic. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. 256 p.
2. Hepp A., Krotz F. Mediatized worlds – understanding everyday mediatization // Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age / Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingstoke: Palgrave, 2014. P. 1–14.
3. Черненко С.В. Текст в цифровом пространстве культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. №3(27). С.58–63.
4. Capurro R. Informationsethos und informationsethik – Gedanken zum verantwortungsvollen handeln im bereich der fachinformation [Information ethos and information ethics – Ideas to take responsible action in the field of information]. Nachrichten für Dokumentation. 1988. № 39. S. 1–4.
5. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиа в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика, № 6. С. 192–208.
6. Киртиклис К. Теория медиатизации как теория социального изменения (пер. Д. Петрины) // Топос. 2017. № 1–2. С. 60–75.
7. Ним Е.Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 8–25.

От образа к слову, от слова к образу: логика развития медиакультуры

Чернышева А.В.

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, кафедра социологии и культурологии, доцент, кандидат философских наук

irida64@bk.ru

Аннотация: В современных средствах массовой коммуникации все большее распространение получают картинки и иллюстрации, поскольку сегодня главным источником удовлетворения потребности в информации и эстетических ценностях становится экран телевизора и монитор компьютера. Культура интерпретации и понимания письменных тестов стремительно близится к своему закату. Современные дети и подростки уже не так охотно читают книги и гораздо больше времени проводят в Интернет. Переход к аудиовизуальной форме коммуникации предполагает культивирование иных, нежели интеллектуальные, способностей человека. И если раньше, в рамках письменной культуры, человек понимался и воспитывался как существо, наделенное сознанием, разумом, речью, то теперь главным становится вопрос – как он ориентируется в образах. Поэтому изменению подлежит сама рефлексивная установка, которая перестает быть эффективной в сложившихся условиях.

Ключевые слова: медиакультура, рефлексия, Интернет, образ, звук, информация, письменная культура, компьютерная культура, мультимедиа.

From image to word, from word to image: the logic of the development of media culture. Chernysheva A.V.

Bauman Moscow State Technical University, Department of Sociology and Cultural Studies, associate professor

Abstract: Images and illustrations are becoming more and more common in modern mass media, since today the main source of satisfying the need for information and aesthetic values is the TV screen and computer monitor. The culture of interpreting and understanding written tests is rapidly approaching its decline. Today's children and teenagers are not so willing to read books and spend much more time on the Internet. The transition to an audiovisual form of communication involves the cultivation of other than intellectual abilities of a person. And if earlier, in the framework of written culture, a person was understood and brought up as a being endowed with consciousness, reason, and speech, now the main question is how he navigates in images. Therefore, the reflexive attitude itself is subject to change, which ceases to be effective in the current conditions.

Keywords: media culture, reflection, Internet, image, information, written culture, computer culture, multimedia.

Европейская культура с первых шагов своего существования сделала ставку на примат визуального и вербального. Крах медиаимперии, основанной на чтении и письме, и формировавшейся в течение нескольких столетий, произошел на глазах одного поколения. На смену искусству влияния на поведение и сознание человека рациональными аргументами и понятиями приходит иная технология, основанная на образах. Симптомом современной культуры становятся видеоклипы, синтезирующие глаз и ухо, технику пения и зрения. Однако господствующим в них остается все-таки образ.

Причина нашего обращения к сфере визуального не является чисто теоретической. Очевидно, что оно связано с появлением эры видео и кибернетических технологий, эры электронных образов, новых форм симуляции и иллюзионизма, обладающих невиданной доселе властью. В свою очередь, этот процесс сопровождается страхом перед медиумами, манипуляция которыми способна покорить самого их создателя. Идолократия, иконофилия, фетишизм не являются исключительно современными феноменами. Тем не менее, не может не поражать парадоксальное возрождение сегодня какой-то примитивной магической, оккультной, магнетической техники производства визуальных знаков, которые не имеют никакого смысла и не требуют рефлексии, зато эффективно вызывают те или иные

психические реакции. Фантастический поворот к образам, к образной культуре сегодня превращается в реальную возможность благодаря существующим средствам массовой коммуникации, которые продуцируют визуальные знаки в сфере рекламы и политики, знаки, которые ничего не обозначают, за которыми ничего не стоит и которые, вопреки реалистической теории познания, оказывают непостижимое воздействие на поведение людей.

Безусловно, человек не перестанет существовать, даже если он не будет больше читать книги и слушать лекции профессора. Однако это будет уже другой человек. Постепенно на наших глазах на смену разумному и экономическому существу приходит новый человек, манипулирующий не только вещами, но и тем, что раньше считалось судьбой: сегодня некоторые люди достаточно легко меняют не только одежду, обстановку, жилье, семью, город, страну, но и лицо, фигуру и даже пол. Но является ли они при этом полностью свободными – вот в чем вопрос.

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, необходимо детально рассмотреть тех медиумов, которые воздействуют на формирование человека. Не оспоримым является тот факт, что человек не только пишет и читает книги, но и творит образы и песни. Он также делит с другими пищу и кров, и это является хотя и не самой рациональной, но может быть более надежной формой признания. Поэтому для ответа на вопрос: кто я, следует обратиться к истории не только разума, но, к примеру гостеприимства [1]. Не менее, если не более важными являются вопросы о том, как человек ориентируется в звуках и образах, как среди тысяч и тысяч лиц и мелодий находят такие, которые задевают за душу, причем так, что человек абсолютно забывает о своих повседневных заботах и перед ним распаивается широчайший духовный мир.

Однако сегодня, когда эпоха книг подходит к концу и силы набирают аудиовизуальные медиумы, образы и звуки возвращают свои первоначальные мифотворческие, магические, почти магнетические способности прямо, без комментариев искусствоведов, воздействовать на поведение людей. Пока философы и педагоги сокрушаются о том, что дети все меньше читают книги и все больше воспринимают музыкальные клипы, специалисты в области современных средств массовой коммуникации используют символический капитал аудиовизуальной культуры в целях рекламы и политики. При этом речь идет о переприсвоении духовного богатства, накопленного веками, и использовании его с целью манипуляции людьми.

Аргументы, как противников, так и сторонников электронных медиумов хорошо известны. В первую очередь они указывают на проблему обучения, утверждая, что книги учат думать, а экран – манипулировать. Не менее серьезные опасения вызывает и политическое использование новых медиумов. Если раньше письменные тексты идеологии, публикуемые в газетах и журналах, становились объектами критики, и таким образом от них можно было дистанцироваться, то современные средства массовой коммуникации вообще не стремятся к стимулированию обсуждения каких бы то ни было теоретических проблем. Все организуемые на телевидении дискуссии носят характер «шоу» и не дают (да и не стремятся) серьезного анализа обсуждаемых проблем, а тем более не выявляют причин их возникновения.

Телезрители имеют весьма мало общего с феноменом публики, формировавшейся на основе чтения и обсуждения газет и журналов, и которая сообща вырабатывает нормы вкуса, морали и здравого смысла, оказывающие влияние на все сферы деятельности общества. Публика оказывает воздействие на автора. Иное дело телевидение, где телеведущий вовсе не является автором и не ждет нашего ответа. Телевидение – это «полупроводниковая» коммуникация, направленная в одну сторону. Восприятие телевизионного изображения сродни восприятию иконы, поскольку и в том, и в другом случае они отсылают нас к чему-то стоящему за ними или над ними. Являясь, безусловно «идолами», они отсылают к тому, кто их послал несколько по-иному, нежели образ или семантический знак, несущий значение. В процессе восприятия это проявляется в том, что мы стремимся сравнивать образ с «самим предметом», и, хотя понимаем, что это невозможно, стараемся хотя бы не путать его с тем, что он отражает. Если наши обычные образы и знаки наделены некими двойниками, в роли которых могут выступать как предметы, так и идеальные сущности, то экранные изображения постепенно сами превращаются в самооценную реальность.

Телевизор для большей части населения – это окно в мир, тем не менее, нельзя не видеть за этим новой поляризацией общества. Если интеллектуалы пользуются электронными средствами, включая выход в Интернет, то для большинства населения телевидение продолжает оставаться главным источником информации. Как бы то ни было нарастание массы людей, отлученных от книжно-газетной культуры, остается бесспорным фактом, и общество обязано сделать из этого соответствующие выводы. Не вызывает никакого сомнения факт формирования новой элиты, которая успешно овладевает новыми

средствами распространения и получения информации. В связи с чем, процесс образования получает принципиально новый облик. Кабельное телевидение, специальные фильмы и программы, концерты, выставки, записанные на диске или ином носителе, выход в Интернет – все это во много раз увеличивает возможности человека. Но кто составляет подобные программы?

Безусловно, нельзя не обращать внимания на опасности абсолютизации видео- и компьютерной культуры, которая приучает к алгоритмизации и симуляции, к общению с другими на основе алгоритмов, образных правил и монотонных линейных операций. Однако это должно способствовать совершенствованию существующей системы образования, а не препятствовать использованию мультимедийных программ обучения.

На наш взгляд, причина опасения кроется в ином. Дело в том, что книга, учебник и библиотека – опорные пункты организации общественного порядка книжной культуры, которую разрушает система Интернет. Телевидение и компьютер, оснащенный различного рода приставками, выступают в качестве «революционных» символов современности; они открывают новые неограниченные возможности, соединяя в единое целое музыку, живопись, литературу, науку, философию, политику. Благодаря Интернету шедевры музыки и живописи, сложные произведения искусства, научные теории, политические идеологии – словом все то, что требовало от реципиента высокого культурного уровня, теперь дается в упрощенном и доступном виде.

Наконец, информация из всех уголков мира, публикуемая в прессе, объединяет людей в мировое сообщество. Сегодня все знают все, а это приводит к качественным изменениям в стиле мышления, в способе видения, оценки и понимания окружающей действительности. Прежний линейный способ восприятия мира, понимание, основанное на логической последовательности, аргументации и обосновании, уступает место целостному охвату смысла происходящего, при котором человек очень быстро приобщается ко всему, что происходит.

Свобода, творчество, доступность, приватность представляют собой, безусловно, положительные качества современных СМИ. Однако, с другой стороны, не менее очевидными являются и их негативные характеристики. В первую очередь вызывает опасение то обстоятельство, что власть растворяется в современных СМИ, становясь невидимой и одновременно всепроникающей. Она овладевает любой информацией и проникает в сознание индивида в форме как научных, так и развлекательных программ и при этом уходит из-под контроля общественности. Несмотря на то, что современные Масс-медиа соединяют в единое целое все прежние техники описания мира и фотография составляет одно целое с репортажем и оценкой, однако принцип монтажа приводит к такой селекции и интерпретации происходящего, что мир, который воспринимает пользователь, оказывается вымышленным, иллюзорным миром симулякров.

Открывая человеку, окно в окружающий мир, современные мультимедиа сужают его творческие возможности. Современная пресса активно использует комиксы, а видеотехника дает готовые образы, которые практически не нуждаются в самостоятельной интерпретации, и кажутся самой действительностью [2].

Игра с воображением не вызывает возражения, если спектакль нравится всем. Однако политический спектакль, который разыгрывается на экранах, вызывает у большинства населения явное отвращение и раздражение. И это верный признак того. Что нужно искать новые сюжеты и писать новые сценарии. Современные СМИ станут средствами освобождения людей и демократизации жизни лишь в результате объединенных усилий.

Подобное, достаточно кратко перечисление основных особенностей современной мультимедийной прессы раскрывает ее возможные оценки, способы интерпретации и использования. Современное общество опирается не на идеологии и псевдоаргументацию, а на растущие и развивающиеся СМИ. Информация сегодня общедоступна и любой не ленивый человек может узнать все, что захочет.

Литература

1. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336с.
2. Языки как образ мира. М: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 568 с.

К теоретическим истокам экологии коммуникации

Шаронов Д.И.

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент. Кандидат философских наук

dmitrij.sharonov@gmail.com

Аннотация: Автор анализирует особенности эволюции понятий «медиум» и «форма» в теории коммуникации. Особенностью современного ее этапа считается цифровизация коммуникационных каналов. Классические понятия «медиум» и «форма» прослеживаются в работах выдающихся исследователей коммуникационных процессов. Рассматривается аналитический инструментальный австро-американского ученого Ф. Хайдера.

Ключевые слова: экосистема коммуникации, медиум, форма, медиатизация, слабые связи.

To the theoretical sources of communication ecology. Sharonov D.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The author analyzes the features of the evolution of the concepts of “medium” and “form” in the theory of communication. A feature of its modern stage is the digitalization of communication channels. The classical concepts of “medium” and “form” can be traced in the works of prominent researchers of communication processes. The analytical tools of the Austro-American scientist F. Heider are considered.

Keywords: communication ecosystem, medium, form, mediatization, weak connections.

Совершающаяся на наших глазах «революция платформ» активно сопрягает совершенно разнородные процессы и продукты человеческой деятельности посредством системных операций на основе единого цифрового кода. Как следствие, уровень медиатизации социума достигает поистине гипертрофированных масштабов, а сами медиа как бы окончательно растворяются в привычном течении повседневности. В наши дни они уподобились плотно сегментированной среде слабых сетевых зависимостей, уже никому не досаждающих назойливыми коммерческими предложениями или обстоятельными идеологическими поучениями. Сегодня медиа исподволь распространяют рекомендации индивидуальному пользователю совершить запрос на ту или иную траекторию поведения, подсовывая примеры сходных случаев и мнений, тщательно регистрируя массовые тренды и девиации. Все возрастающая мощь компьютерных нейросетей, работающих с массивами данных разогревает «аукционы» коммуникативных событий и настоятельнее требует методичной рефлексии происходящего.

Вместе с тем, выработка нового «понимания медиа», соразмерного глубине преобразований самих экосистем коммуникации, все еще не снята с повестки дня академических дискуссий. В данном сообщении автор намерен сосредоточиться на интересном эффекте своеобразной цикличности в развитии исследовательских идей. Возможно, попытка проследить эволюцию базовых теоретических концептов, касающихся природы медиа, но выработанных на эмпирическом материале совершенно иной эпохи будет способствовать прояснению перспектив текущей системной интеграции «платформенного» типа.

В 1926 году австро – американский исследователь Фриц Хайдер выработал оригинальное решение проблемы медиатизированного восприятия органами чувств удаленных макро – объектов окружающей среды, опираясь на принципы гештальт – психологии. С его точки зрения, идентификация «медиума» и «формы» в ситуациях их взаимо-проявления (взаимного наложения) может опираться на базовое различие силы связей элементов соответствующих сред. Если структура камня «моноаспектна», что обусловлено свойством резистентности, неразрывности его кристаллических решеток, то элементы медийных сред (воздух) более автономны, «мультиформны». Сочетаясь в определенных состояниях, они способны гибко проводить внешние воздействия, обеспечивать структурную транспарентность в отношении событийной динамики.

«Однако то, что позволяет носителю передавать сообщение о вещах, это не мультиформность

как таковая, а его способность создавать ложные впечатления от однородности. Поскольку среда является мультиформной, она может находиться во многих различных состояниях, однако, когда многие мультиформные аспекты среды движутся вместе, они создают ложное впечатление единства и, следовательно, дают возможность среде передавать информацию о чем-то еще» [1, р. 6].

Именно благодаря этому свойству сам медиум остается как бы невидимым, создавая адекватную среду для мнимых образов. Ветер «воет», ибо частицы, захваченные сильным порывом в едином направлении становятся идеальным проводником сопутствующих явлений – звуковых волн. А уже перцептивный аппарат организма способен синтезировать и соответствующие смысловые коннотации, ибо культура в лице наблюдателя медиатизированных процессов накладывает на хаотичный мир воздушно - звуковых явлений жестко селективный паттерн ассоциативных отсылок. «Перцептивному устройству не требуется восстанавливать структуру данных, предоставленных носителем, потому что структура уже скрыта в медиа и может быть реализована функцией восприятия. Оно собирает структуру так, что удаленный объект реализуется в опыте» [2, р. 228].

Таким образом, «форматы» медиа могут служить алгоритмом реализации коммуникативного опыта в модусе тех или иных «форм» социальности. Немецкий ученый Дирк Беккер называет в их числе и такие образования, как «повестки дня», «риторические истории» или просто «коммуникационные кампании» - явления чисто дискурсивного порядка. По своей природе социальные формы являются «системами взаимодополнительных ожиданий», и способны интерпретироваться также в институциональном ключе.

Модель Фрица Хайдера, к сожалению, не получила дальнейшего развития в его позднем творчестве, но оказалась исключительно востребованной современной коммуникативистикой. Она живо перекликается с понятийным строем многих других сопоставимых по теоретической чувствительности концепций. В их числе следует назвать теорию метафоры философа – аналитика Макса Блэка, толкующую природу «метафорических сдвигов» или «расширений» при опоре на понятие «системы общепринятых ассоциаций». Сюда же следует отнести капитальный труд Никласа Лумана «Общество общества», где во второй его части идеи Ф. Хайдера используются для описания механизма динамики социальных систем. «Любой актуально переживаемый или коммуницируемый смысл является формой, - пишет Н. Луман.- Свободное же сцепление заключается в не зафиксированных жестко возможностях перехода от одного к другому» [3, с. 15].

Исследование феномена гипермедиа с их непрерывными переключениями смысловых регистров и принципом встраиваемости кодовых модулей явно нуждается сегодня в такого рода концептуальном инструментарии.

Литература

1. Boell, Sebastian K. and Hoof, Florian (2015) "Using Heider's Epistemology of Thing and Medium for Unpacking the Conception of Documents: Gantt Charts and Boundary Objects," Proceedings from the Annual Meeting of the Document Academy: Vol. 2, Article 3. Available at: URL:<http://ideaexchange.uakron.edu/docam/vol2/iss1/3> (дата обращения 28.02.2020).
2. Heft H. Ecological Psychology in Context: James Gibson, Roger Barker, and the Legacy of William James. Psychology Press.2005.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос. 2005.

О некоторых аспектах глобализации и интернационализации философии образования

Ашилова М.С.

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы), доцент. Кандидат философских наук

madina.almatytv@mail.ru

Аннотация: Раскрываются философские проблемы современного образования, оказавшегося в эпицентре глобализации, которая ведет к отрыву образования от самого человека, что отрицательно сказывается на формировании субъекта образования. В этих условиях актуальным становится гуманистическая ориентация образования. Показываются новые онтологические основания образования, его ценностные смыслы и отношения, обусловленные интернационализацией и глобализацией образования, выступающих взаимосвязанными феноменами. Они имеют как позитивное, так и негативное влияния на образование. В качестве позитивного влияния можно отметить расширение всесторонних контактов между различными учебными заведениями, обмен опытом, повышение мобильности профессорско-преподавательского состава и студенчества. Негативные моменты глобализации и интернационализации образования связываются с подчинением образования интересам крупнейших транснациональных корпораций, когда образование превращается в товар, игнорированием национальных систем образования, «утечкой мозгов» и т.д. В этих условиях необходимо сохранение позитивных традиционных ценностей национального образования, гуманизация и гуманитаризация образовательного процесса.

Ключевые слова: образование, философия образования, интеграция, глобализация, интернационализация, глобальное образование.

On some aspects of globalization and internationalization of the philosophy of education. Ashilova M.S.

Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (Almaty)

Abstract: The philosophical problems of modern education are revealed, which are at the epicenter of globalization, which leads to the separation of education from the person himself, which negatively affects the formation of the subject of education. In these conditions, the humanistic orientation of education becomes relevant. The new ontological foundations of education, its value meanings and relations, due to the internationalization and globalization of education, which are interrelated phenomena, are shown. They have both positive and negative effects on education. As a positive influence, it is possible to note the expansion of comprehensive contacts between various educational institutions, the exchange of experience, increased mobility of faculty and students. The negative aspects of the globalization and internationalization of education are associated with the subordination of education to the interests of the largest transnational corporations, when education turns into a commodity, ignoring national education systems, “brain drain”, etc. In these conditions, it is necessary to preserve the positive traditional values of national education, humanization and humanization of the educational process.

Key words: education, philosophy of education, integration, globalization, internationalization, global education.

Мы живем в эпоху взаимосвязанного и непредсказуемого, нестабильного и противоречивого, хрупкого и прозрачного мира. В нем ускорение времени набирает небывалые обороты благодаря мультимедийным спутниковым средствам связи, все более глобализирующим мировую систему, которая напоминает шаткую грудку кирпича, сложенную без специальной кладки и раствора. Будучи

лишена цементирующего вещества, она может рухнуть от любого порыва ветра. Если подобная ситуация не изменится, то наше будущее тревожно и неопределенно. И в этих условиях выход один – необходимы радикальные изменения системы образования с целью производства не биороботов, киборгов, а самостоятельно, креативно, критически мыслящих людей. Ведь образование относится к числу важнейшей формы жизнедеятельности общества, определяющей все остальные его сферы.

Образование – это культурный феномен, социальный институт общества, важнейшая составляющая общественной жизни. В широком смысле, образование – это процесс индивидуального присвоения культуры, исторически сложившейся на всем протяжении человеческой истории, во всем многообразии ее форм. Содержание образования отражает состояние общества, переход от одного его состояния к другому. В XXI в., характеризуемом в научно-исследовательской литературе как постиндустриальная или информационная эпоха, образование становится основной движущей силой общественного развития, основанием культуры. Связь образования с культурой несомненна, именно образование сегодня стоит на страже культуры, охраняя и возрождая ее, и наоборот. Осмыслением данных процессов занимается философия образования, которая создает широкую теоретическую платформу образовательной концепции в современных условиях.

Следует отметить, что понятие «образование» в научно-исследовательский обиход ввел И. Г. Песталоцци, который подразумевал под этим термином буквально «формирование образа» [1, с. 121]. В русской педагогической литературе понятие «образование» встречается в трудах Н. И. Новикова. Долгое время эта дефиниция не имела строго очерченного содержания и вплоть до первой половины XIX в. выступала как синоним понятия «воспитания». Исторически под образованием понимался процесс и результат овладения человеком определенной системой знаний, умений и навыков, а также способами мышления, необходимыми для полноценного включения в социальную и культурную жизнь общества и для выполнения определенных профессиональных функций.

В современной философии образования существует разнообразие мнений в определении сущности образования. И это понятно, поскольку образование, будучи исключительно многоплановым феноменом, отражает процесс социализации человека, в том числе процесс и результат получения знаний, умений, навыков, от которых зависит «образ» человека, адекватный требованиям общества. Философское значение понятия заключается в акценте на процесс формирования человека, его социализации.

Современная система образования характеризуется рождением новых норм и идеалов, выступающих ценностными смыслами и отношениями в ориентации, как конкретной личности, так и целостных систем – культур в интегрированной природно-социальной реальности. Глобальная интеграция, происходящая в мировом сообществе, все больше ориентируется на гуманистические смыслы. Гуманистическая ориентация образования означает, прежде всего, ее открытость как системы и интеграцию в единый мировой поток. Мировая образовательная система свидетельствует о переходе человечества к культуре гуманизма нового типа, пронизывающей все структуры системы образования. Онтологические основания образовательной системы, несущей гуманистические основания новой эпохе, – это, прежде всего ценности и смыслы, выражающие связь человека со всем окружающим миром. Принципиально новой идеей в современном мире является включенность человека в непрерывный образовательный процесс (поток). В этой связи система образования выступает не только как сфера подготовки к жизни человека в социуме, а как социокультурный организм, в который включен человек в своем бесконечном развитии. Образование, таким образом, можно рассматривать как способ бытия человека, как способ собственного развития и эволюции.

Можно заключить, образование в современном мире становится основным интегрирующим фактором и условием развития личности и всего мирового сообщества. Сегодня формируется новый взгляд на образование как социокультурную систему, способствующую гуманизации и гармонизации отношений человека и природы, человека и общества. При этом формируются новые философско-мировоззренческие основания, пронизывающие ткань всей человеческой жизнедеятельности.

Вместе с тем необходимо проводить четкое различие между *интернационализацией* и *глобализацией* сферы образования, которые взаимосвязаны и вместе с тем принципиально отличаются друг от друга [2]. *Интернационализация* – это расширение двусторонних и многосторонних связей и контактов между вузами и другими учебными заведениями различных стран на базе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Цель – повышение эффективности образовательной и научно-исследовательской работы, в идеале доведение ее до лучшего мирового уровня, расширение

мобильности профессорско-преподавательского и студенческого персонала. В период возрастающей взаимозависимости и расширения связей между государствами и народами, использования не признающих границ Интернета, мобильных телефонов, мировой телекоммуникационной связи, дистанционного образования - и это далеко не все - интернационализация высшей школы стала и в ближайшее время будет объективной необходимостью.

Глобализация образования – это качественно иное явление. Здесь нет равноправия, есть подчинение образования интересам крупнейших иностранных транснациональных корпораций, которые навязывают свои стандарты обучения, свой язык общения, не считаются с национальными особенностями, вытесняют родные языки – носители самобытных культур. Исходным пунктом, существом глобализации является проявляющаяся в последнее время концентрация экономической и финансовой, а соответственно, и политической мощи в руках немногочисленной группы гигантских, в основном американских, транснациональных корпораций. Они набирают огромную силу; бюджет некоторых из них нередко превышает финансовые возможности многих стран мира. Это многократно усиливает их конкурентные возможности и позволяет им не только влиять на экономику, политику и даже культуру других стран, но порой и подчинять их своим интересам. Как правило, транснациональные корпорации пользуются и мощной поддержкой своих правительств, которые используют процесс глобализации в своих политических и экономических интересах.

Глобализационные процессы поставили под сомнение «жизнеспособность университета как общественного института. Успех промышленно развитых стран в различных сферах общественной жизни, основанный на знаниях и услугах, требует усовершенствования высшего образования. В условиях усиливающейся интеграции образования, при одновременном сохранении традиционных институтов образовательной деятельности, глобализации экономики и развитии технологий создают экономику глобального знания, которая предполагает интернационализацию производителей и выпускаемой продукции, а также университетов и других учреждений высшего образования, их программ обучения в целях планетарной согласованности жизни человечества» [3, с. 218]. Поэтому российские и казахстанские педагоги, теоретики и практики, формируя отечественные модели образования, делают акцент на необходимости сочетания так называемого мягкого синтеза (Адорно) глобального и всеобщего, и особенного, специфического, национального, этнического. Никакое образование не может полностью отрешиться от глобальных тенденций духовно-практического бытия общества. Нам надо приветствовать такое их сочетание, которое не приведёт к исчезновению этнонациональных особенностей, аспектов образования, обучения, воспитания.

Анализ показывает, что высшее образование находится в эпицентре глобализации. Именно здесь формируется новое поколение профессионалов, которые будут принимать решения по всем ключевым вопросам политики, экономики, финансов, идеологии, образования и воспитания, общественных и естественных наук, культуры, информации и коммуникации, - те, которые будут строить общество будущего. От них во многом будет зависеть реальное претворение в жизнь как позитивных сторон глобализации, так и ее негативных последствий. Поэтому, именно в сфере высшего образования предстоит внимательно изучать явление глобализации, его движущие силы, его последствия, воздействовать на эти процессы.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что образование XXI века будет качественно иным, что связано с возрастанием социализирующей функции образования в современных условиях. Оно будет носить интегральный, межнациональный характер. При этом проведенный онтологический анализ таких явлений как интернационализация и глобализация образования в контексте гуманистической ориентации образования показывает, что необходимо провести четкое различие между **интернационализацией** и **глобализацией** сферы образования, которые взаимосвязаны и вместе с тем принципиально отличаются друг от друга.

Литература:

1. Педагогика. М.: Высшая школа, 1978. 259 с.
2. Наливайко Н.В., Паршиков В.И. Введение в теорию профессионального образования: философский анализ концепции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 240 с.
3. Ашилова М.С., Наливайко Н.В. Философия образования Востока и Запада: развитие диалога. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 300 с.

Модернизации образования как фактор устойчивого развития

Нигинахон Шермухамедова

*Национальный университет Узбекистана. Заведующая кафедрой Философии,
доктор философских наук, профессор*

shermuhamedova_n@mail.ru

Асаль Бабаева магистрант

(Узбекистан)

asyasyal@mail.ru

Аннотация. Современные глобальные трансформации образования направлены на создание мегацивилизации с устойчивым развитием, главная цель которого состоит в выживании человечества и сохранения биосферы. Эти возможности могут быть реализованы на пути формирования транснационального образовательного пространства, где важно не только наличие знания, но и наличие технологий. На протяжении всей истории человечества знание имело преобразующую силу как главный источник трансформации общественных отношений. Сегодня в глобальном процессе появилась потребность в новой модели образования сопровождающейся модернизацией. Характерная особенность модернизации образования проявляется в футуризации образования которое прокладывает путь в будущее. Таким образом, формируется новый тип образовательного процесса называемой глобальное образовательное пространство. Модернизация образования - это не только подготовка специалиста к практической деятельности, но и ориентация на самосовершенствование на всех этапах его жизни. Согласно этому принципу современный мир идет на пути модернизации образования цель которого состоит в воспитание гармонично развитого человека.

Ключевые слова: модернизация, образование, трансформация, планетарная цивилизация, информационное общество, устойчивое развитие.

Modernization of education as a factor in sustainable development. Niginakhon Shermukhamedova; Asal Babaeva

The National University of Uzbekistan, Faculty of Social Sciences, Department of Philosophy and basics of spirituality

Abstract. Modern global transformations of education are aimed at creating mega civilization with sustainable development, the main purpose of which is to survive humanity and preserve the biosphere. These opportunities can be realized on the path to the formation of a transnational educational space, where it is important not only the availability of knowledge, but also the availability of technology. A characteristic feature of the modernization of education is manifested in the futurization of education that paves the way for the future. Thus, a new type of educational process called the global educational space is being formed. Modernization of education is not only training a specialist for practical activities, but also focusing on self-improvement at all stages of his life. According to this principle, the modern world is on the path to modernization of education whose goal is to educate a harmoniously developed person.

Key words: modernization of education, global transformation, planetary civilization, information society.

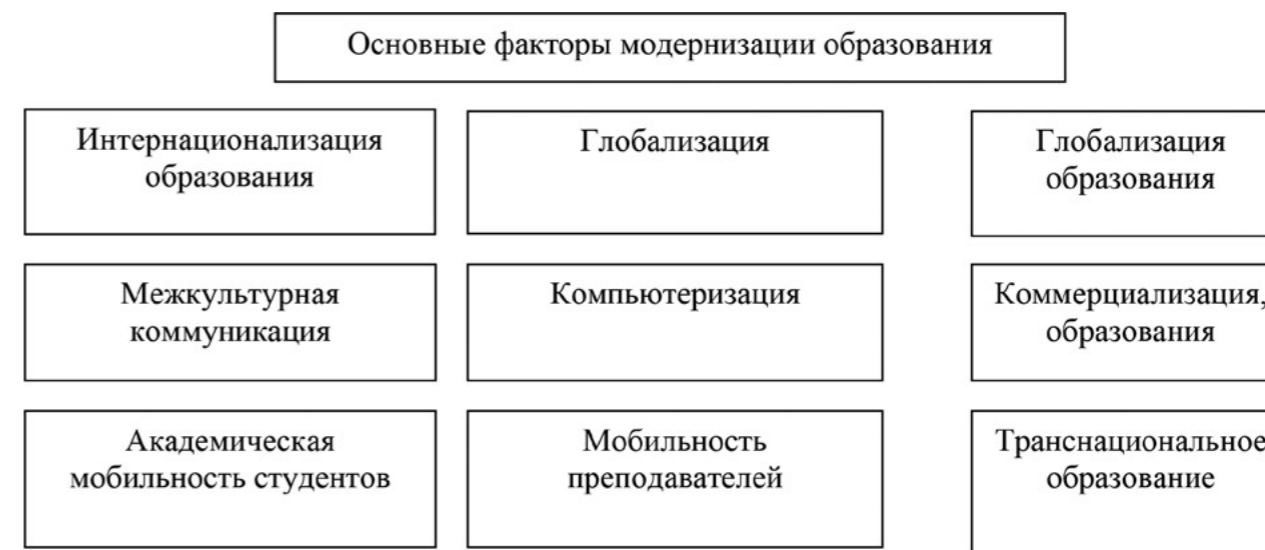
Современная мировая образовательная система требует стратегическую программу будущего для реализации непрерывного устойчивого образования. Главная цель данной программы состоит в переходе на новую качественную уровень международного сотрудничества. Ибо сегодня национальные образовательные системы не отвечают современным требованиям образовательного пространства, если в некоторых странах нет элементарных условий для получения образования, то в других до

сих пор сохраняются старые стереотипы, сопровождающиеся с традиционными установками системы образования. Модернизированная образовательная программа предполагает сохранение элементов классической системы образования, однако требует перехода на качественно новую уровень эволюции, позволяющее обществу проложить правильный путь к будущему. Это в свою очередь требует широкомасштабной трансформации непрерывного образования в устойчивую образовательную систему, ориентированной на обеспечение выживания человечества. Модернизированная программа – предполагает принципиально нового процесса в образовании, в котором международное сотрудничество трактуется как путь к устойчиво развитому обществу, как общество знания и общество образования. Одним из основных ориентиров педагогической деятельности, и критерием непрерывного устойчивого образования, является целевая установка на повышение эффективности образовательного процесса. Оно необходимо не только для сохранения и развития системы непрерывного устойчивого образования, а как нововведение с установкой на будущее. «Введение фактора будущее в образование потребует нового осмысления оснований процессов познания и обучения, которые должны повернуться к своему глобальному будущему» [1, с.399, с.340., 353., 354]. Современная модель образования это модель которая изменяет функции всего образования в обществе, стремится выжить в условиях углубления глобальных проблем. Наряду с функцией передачи знаний, включение в образование функции самообразование меняет понимание его как транслятора знаний от прошлого и настоящего к будущим поколениям, и учить человека к самостоятельной деятельности. Также нужно отметить «Любая система образования предполагает собственную ментальность, которая продиктована национальными, культурными цивилизационными особенностями» [2, с. 332]. Однако, нужно отметить и то, что в данном процессе принимает участие часть науки и образования, а основная сфера так же как и прежде будет уделять внимание на прошлое и настоящее. Взаимосвязь этих принципов потребует оптимального распределения усилий и средств в соответствующих пропорциях, однако, нужно учитывать и то, что требуется большие масштабы знания для более быстрого изучения будущего.

Следовательно, приоритетным становится устойчивое социально ориентированное образование. Поэтому необходимо направить социально организованное образование в сторону глобального будущего. Модернизированное образование это устойчивое социально ориентированное образование основанное на новые социо-природные факторы и имеет системный опережающий характер по сравнению с современными системами образования. Непрерывное устойчивое социально-ориентированное образование начинает развиваться в рамках образования неустойчивого развития, но приобретает модернизированные механизмы обусловленные масштабным переходом на новую инновационную систему образования. Модернизированная система непрерывного устойчивого образования призвана вооружить людей такими знаниями которые в ближайшем будущем человечества не подлежат устареванию. Модернизированное непрерывное устойчивое развитие образования способствует изменения стиля мышления. Таким образом модернизированное образование становится предпосылкой достижения устойчивого будущего. Трансформация образовательной системы должна опираться не только на передачу уже существующего знания, а должна носить диалоговый, инновационный характер. Диалоговый характер передачи нового знания необходимо в процессе работы с молодыми учеными, в дискуссиях научного сообщества, где будет доминировать творческий элемент образовательного процесса. Главным критерием модернизации образования является обеспечение безопасности во всех ее проявлениях и сам процесс образования должен быть безопасным. Безопасность образования требует наличия ответственности относительно недостатков в системе образования как на глобальном уровне так и региональном и объединения в единое целостное образовательное пространство. Реальный творческий элемент в образование проявится тогда, когда образование превратиться в генерацию о будущем, а не просто транслятор уже имеющейся информации. А это возможно только при совместной работе учителя с учеником, где будет проявляться творческий интерес у обоих. Здесь главным фактором становится наличие личностного знания, ибо имея дело с будущим, учитель отходит от своих достоверных знаний и находится в поиске новых знаний, а значит и в поиске новых методов обучения. Также ученик, старается быть активным в своих начинаниях, однако, в образовательной системе учитель имеет особый статус, ибо он не только передаёт уже существующие знания, но и готовит его творцов. В обоих случаях речь идет о ценностной ориентации человека, в котором происходит соотношение знания и личностные качества.

Важнейшей задачей модернизации в системе высшего образования - международная конкурентоспособность высших учебных заведений и их выпускников. Одним из приоритетных видов дея-

тельности педагогов в этом процессе является вклад в развитие науки, в которой раскрывается сущность личности, подразумевающая неординарное гибкое мышление, умение и способность принимать нестандартные решения. Вместе с этим, открытость и взаимодействие в системе высшего образования способствует тому, что «процессы интеграции национальных систем высшего образования разного типа и уровня, значительно различающихся по философским и культурным традициям, уровню и целей задач, своему качественному состоянию». [3, с. 108]. Данная проблема имеет двойственный характер. С одной стороны, каждое государство, стремится сохранить культурно-национальную самобытность. С другой стороны, главным фактором модернизации высшего образования становится подготовка конкурентоспособных специалистов. Современная система национального образования стремится сохранить и традиционные особенности высшего образования и внедрить инновационные технологии в систему образования. Более того, в процессе глобализации и интеграции, модернизация образования представляется в следующей схемы.

Приведенная схема, свидетельствует о взаимосвязанности и взаимовлиянии модернизации образования в современном кросскультурном пространстве.

Инновационные технологии разработанные специалистами для внедрения в современное образование является одним из проявлений модернизации образования и путь к интеграции в мировое образовательное пространство. Действительно модернизация, приведет к тому, что «...традиционные институты все больше будут устраняться от академизма и обретать вид, свойственным предпринимательским структурам, действующим как внутри самой страны, так и за ее пределами, в международном масштабе. Следовательно, классические академические дисциплины и исследования (в большинстве случаев фундаментального характера) начнут со временем сменяться рыночно обусловленными направлениями деятельности, способными привлекать нужные ресурсы...» [3, с.108].

Также тенденция сокращения количества учебных часов общественно-гуманитарных наук в мировом масштабе и приоритет узкопрофессиональных дисциплин, может способствовать ухудшению миропонимания, в конечном итоге к снижению и упадку духовности. Как отмечает, М.К. Трифонова «...современная школа не учит детей элементам общечеловеческой и национальной мудрости, т.е. самым простым, но фундаментальным понятиям и установкам. В итоге, ученик знает вроде очень многое, он знает формулу бензола, количество ножек у многоножек, но не знает самого главного в жизни, например, того, что всякое учение начинается с умения делать добро, что следует уважать старших и опекать младших, защищать и отстаивать свою честь, заботливо относиться к окружающей среде...» [4, с. 116]. Таким образом, важное значение в модернизации образования имеет наполнение содержания знаний культурным, этическим, мировоззренческим смыслом преподаваемых дисциплин на всех уровнях образовательного пространства.

Одной из возможных форм модернизации образования является дистанционное обучение, позволяющее объединить субъектов образования в различных концах мира. «...в век информационных технологий появилась возможность соединить разобщенные островки знаний в эффективную многомерную структуру дистанционного образования.» [5, с. 16]. И действительно благодаря внедрению данной формы обучения преподаватели смогут донести знания каждому кому интересно, и кто чувствует потребность в данном знании, и каждый сам принимает решение, и выбор делается индивиду-

ально. Основными элементами данного процесса являются телекоммуникационные сети, в частности Интернет, посредством которого и осуществляется дистанционное обучение. Дистанционное образование это - способ интеграции в современную мировую образовательную систему и получения знания нетрадиционным путем.

Таким образом, установление коммуникационных связей и информационный поиск – становятся важными факторами модернизации образования. Ибо, «С появлением информационных технологий, система научных коммуникаций качественно меняет свою структуру, происходит трансформация привычных форм коммуникаций. Происходит перенос деятельности ученых и научных организаций в онлайн систему, появляются – электронные – формы и методы взаимодействия, формируется онлайн пространство научных коммуникаций, которое становится все более важным механизмом развития науки» »[6, с. 112]. Интернет-технологии – это новые горизонты и возможности для обмена информации и проведения совместных исследований.

Принимая во внимание положительные и негативные стороны модернизация образования нельзя не согласится с тем, что она становится фактором интеграции к мировым тенденциям.

Модернизация образования является основным критерием устойчивого развития и предполагает инновационный творческий процесс как учителя, так и ученика, традиционная форма образования состоящая из обучения и воспитания постепенно утрачивает превосходство. Смена образовательного процесса предполагает новое видение образования как единства обучения, воспитания и творческого развития. Модернизированное устойчивое образование это инновационная перестройка в образовании, в котором усилится самостоятельная творческая деятельность. Образование станет непрерывно саморазвивающейся системой, в котором будет проявляться превосходство творческого потенциала. Возрастание творческой деятельности в образовании трансформирует его в существенно рациональную сферу, способствуя превращения ее в сферу рационального стиля мышления.

Литература:

1. Ильин, В.И., Урсул, А.Д. (2016). Образование, общество, природа. Эволюционный подход и глобальные перспективы. – Москва: изд. МГУ, с.399, с.340., 353., 354.
2. Шермухамедова, Н.А. (2006). Стиль научного мышления. Ташкент: УФМЖ, с.45.
3. Николаева Е.М., Щелкунова М.Д. Глобальное пространство высшего образования: основные тренды и черты.// Ученые записки Казанского университета. Том 157, кн. 1. 2015. - С. 108.
4. Трифонова М.К. Наука и образование в эпоху глобализации.// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 4. - С. 116.
5. Лопухина Е., Меренков д. Воспитание творческой личности.// Наука и жизнь, 2003. № 1. - С. 16.
6. Канатникова Е.А. Развитие научных коммуникаций в процессе глобализации.// Философия в эпоху глобализации.- Орел, 2013.- С. 112.
7. Дюсембинова Р.К., Маударбекова Б.К. Интернационализация и глобализация высшего образования и их влияние на национальные системы образования.// Вестник АПН Казахстана, № 3, 2015. - С. 20.

Стоит ли ждать новую когнитивную революцию?

Баксанский О.Е.

ФГБОУ ВО МПГУ (Москва). Доктор философских наук, профессор,
obucks@mail.ru

Скоробогатова А.В.

ФГБОУ ВО МПГУ (Москва). Магистр психологии
9197775727@bk.ru

Аннотация: Мировоззрение каждого отдельного человека и общества в целом возникает как результат овладения ими информацией о сущности мира и характере их взаимодействия с ним. На сегодняшний день методологическая область образования характеризуется фрагментарным видением, целостная картина проблем и единая традиция их постановки и интерпретации не сложилась.

Ключевые слова: картина мира, образование, когнитивная наука, когнитивная методология, философия образования.

Abstract: The outlook of each certain person and society in general arises as result of mastering by them information on essence of the world and the nature of their interaction with him. Today the methodological field of education is characterized by fragmentary vision, the complete picture of problems and uniform tradition of their statement and interpretation hasn't developed.

Keywords: world picture, education, cognitive science, cognitive methodology, education philosophy.

Постижение смысла своего существования – это главная и значимая задача человечества, которая волнует его с давних времен. Еще философы древности полагали найти ее решение в осмыслении законов мироздания, а также места человека в нем (Зенон, Сократ и Платон). Теологи, в свою очередь, стремились находить жизненные цели в вере (Бернар Клеровский либо Августин Блаженный). Определенный призыв к интроспективному наблюдению, как к некому единственно возможному пути познания внутреннего мира были озвучены в работах Мена де Бирака и Б.Паскаля, которые разделяли познание окружающей действительности и самопознание [1].

Кьеркегор, представитель датской идеалистической философии, описывал три стадии саморазвития, а именно: этическую, эстетическую и религиозную, на пути к пониманию смысла своего существования. Философ также указывал на тот факт, что далеко не каждый человек может постичь смысл своей жизни.

Похожей была теория Э. Гуссерля, который говорил о методе уяснения смысловых полей, как интуитивного усмотрения идеальных феноменов, которые обладают непосредственной достоверностью. Поясним, жизненные ценности согласно автору, могут характеризоваться точной универсальностью, теоретически, доступной многим, но, достижение будет носить индивидуальный характер, а также происходит на разных этапах жизненного пути.

Когнитивный компонент – это выбор целей, предпочитаемые личностью, для определения собственных жизненных ориентиров, а аффективный компонент – это эмоциональные реакции, которые выражаются в негативных либо позитивных переживаниях личности, при ее взаимодействии с другими людьми либо обществом, при выполнении некой деятельности.

М. Роквич выделил два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Согласно его мнению, терминальные ценности могут быть представлены в виде глобальных человеческих ценностей, направленностях и личностных смыслах, а инструментальные ценности, в свою очередь, представлены средствами, используемыми человеком для достижения собственных жизненных целей. Мы ввели для исследования первым делом М. Роквича, так как его главной заслугой является попытка определить ценности, которые смогли бы стать общими для всего человечества, однако они имели бы различную степень выраженности, в зависимости от индивидуальных особенностей любой личности.

Первой системой практической психологии, которая обратилась к понятию личностного смысла для поведения человека был психоанализ. В трудах З.Фрейда впервые можно обнаружить понятие смысла, которое было включено в ряд объяснительных понятий научной психологии. Но тут, Д.А. Леонтьев делал оговорку касательно «двух теорий» Фрейда, то есть клинической теории, а также метапсихологии, согласованность между которыми определяла желать лучшего.

Первую альтернативу фрейдовскому пониманию личностного смысла, предложил А.Адлер, который связал поведенческие смыслы со смыслом жизни всей личности, а также ее жизненным стилем и планом. Смысл жизни у А.Адлера является первичным касательно смысла отдельных действий, так как он связывает смысл жизни с представлениями о трех фундаментальных жизненных проблемах, которые вытекают из трех аспектов бытия человека, а именно:

1. факт жизни на Земле, который порождает проблемы труда и профессионального самоопределения;
2. факт жизни человека в общества, который порождает проблему межличностных отношений, дружбы и кооперации;
3. факт существования двух полов, который порождает проблему любви и брака.

Смысл жизни, согласно А.Адлеру — это определенному данными тремя связями понятие, где верное решение данных проблем помогает обрести личностный смысл [2].

Центральным понятием личности в работах американского психолога К.Роджерса является самость. К. Роджерс понимает самость, как «организованную, подвижную, но последовательную концептуальную модель восприятия характеристик и взаимоотношений «Я», или самого себя, и вместе с тем систему ценностей, применяемых к этому понятию». По мнению американского психолога, самость формируется не только под воздействием индивидуальных особенностей личности, но и путем заимствования общественных ценностей. Заимствованные ценности очень часто воспринимаются человеком, как свои собственные. Самость, как считает К. Роджерс, является ядром личности и представляет собой подвижную модель взаимовосприятия, оценки своих собственных чувств и поступков, хранилищем ценностных ориентаций. Таким образом, К. Роджерс понимает самость, не как застывшую структуру личности, а как постоянно изменяющуюся. Главной направленностью личности, по К. Роджерсу, является стремление к самоактуализации, благодаря которой, человек реализует свой сущностный потенциал. Другими словами, главным смыслом и ориентиром личности является ее стремление к росту и развитию своих человеческих возможностей. Сущность человека, определяется К. Роджерсом, как изначально добрая. Таким образом, человек в своем поведении, в своей жизнедеятельности изначально направлен на совершение добрых поступков, на любовь к «ближнему» и на созидание, и творческую деятельность [3].

Обсуждая возможности нахождения смысла своего существования, автор указывал на многообразие вариантов, которые существовали для каждой определенной личности: смысл, опираясь на его концепцию, может быть найден в любви, работе, неудачах либо в понимании конечности собственного существования. Уникальные смыслы индивидуальных ситуаций – это основа саморазвития, а также самоактуализации человека и основа его индивидуальности. Уникальный выбор способа реализации собственного смысла опирается на совесть индивида, которая связана с общечеловеческими ценностями, сформированными Франклом как ценности переживания, творчества и отношений.

В. Франкл подчеркивал важность факта соблюдения моральных и нравственных норм общества для адекватного построения смысложизненных ориентаций любого человека.

Так, С. Мадди, автор концепции жизнестойкости, определял интегральную личностную черту, которая ответственна за успешность преодоления человеком жизненных трудностей, включал в нее: вовлеченность в ход жизни, уверенность в подконтрольности серьезных событий собственной жизни и готовность проявлять контроль [4].

Теория закономерность развития смысловой сферы личности, несмотря на свое богатство, объединяется в положение о зависимости процесса целеполагания степени цивилизованности и просвещенности социума. Условно можно в данной теории выделить три группы:

1. Те, что определяют ценностные ориентации общества, как основу для создания смысложизненных ориентаций определенной личности;

2. Те, что рассматриваются в качестве самых существенных для хода целеполагания отдельно значимых для личности ситуаций;

3. Утверждающие возможности создания смысла жизни личностью независимо от внешних обстоятельств [5].

Личность, как главный фактор создания смысложизненных ориентаций, рассматривали представители концепции «Я–мир». Основоположник данной концепции Дж. Бюдженталь говорил, что баланс элементов конструкта «Я и мир», оказывающий мощнейшее воздействие на процесс целеполагания, может создавать для личности способы восприятия и переработки информации, которая поступает из окружающей среды. Непосредственно смысл – так называемое внутренне зрение – позволяет понять, в какой степени человек подчинился абстрактным нормам и правилам в противовес внутренней природе.

Смысловая сфера личности может быть определена общей направленностью жизни субъекта как целого, обеспечивая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности во всех ее аспектах. Истинный смысл жизни человека будет определяться по объективным направлениям жизни, который репрезентуется как адекватное переживание интенциональной направленности своей жизни. В ходе характеристики смысла жизни, как обобщенной и стержневой динамически смысловой системы (ДСС), Леонтьев определял ее как «относительно устойчивую, а также автономно иерархически организованную систему, которая включает в себя ряд разно уровневых смысловых структур, функционируя при этом, как единое целое [6].

Помимо вышеперечисленных авторов, проблемами смысложизненных ориентаций занимался выдающийся психолог С.Л. Рубинштейн, который в ходе рассмотрения ценностей личности писал, что они производны от соотношения человека и мира, выражая при этом то, что в мире, включая и то, что создает человек в ходе истории, значимо для человека. Другими словами, автор подчеркивал значимость субъективного отношения к миру, а также его преобразующей деятельности. Рубинштейн полагал, что смысложизненные ориентации могут характеризовать субъект – как личность.

Исходя из этого можно сказать, что С. Л. Рубинштейн и другие отечественные психологи могут связывать личность с высшими нравственным, этическими и ценностными ценностями. Если рассматривать смысложизненные ориентации с точки зрения субъектно–деятельностного подхода, то процесс становления личности будет происходить в прямой связи деятельности окружающего мира и субъекта. Только совершенствуя и преобразуя окружающий мир, личность может стать исследователем субъективной реальности [7].

В.С. Мухина также определяла понятие смысла жизни, как психологический способ переживания жизни в ходе ее осуществления. Согласно ее учению, смысл жизни – это не только будущее, либо жизненная цель, но и постоянное ее осуществление. Исходя из этого, в процессе достижения поставленных целей, человек не утрачивает смысл, а только усиливает его [8].

Таким образом, можно отметить, что единого, общего взгляда на понятие «смысл жизни» среди психологов, как отечественных, так и зарубежных, не прослеживается. Однако проведенный выше обзор психологической литературы показывает, что в процессе психического развития человека происходит иерархизация смыслов, возникает рефлексия, складывается обобщенное отношение к жизни, расширяется ценностно–смысловое пространство личности, выстраивается единая жизненная линия и выявляются противоречия между нею и жизненными обстоятельствами, возникает направленность на цели, связанные с отдаленным будущим. Смысл жизни в процессе возрастного развития облегчает межфазовые переходы, а его ломка или сужение негативно сказываются на целостности личности, ведут к ее деградации [9].

Смысложизненные ориентации могут определять центральную позицию личности, которая в процессе формирования на всех возрастных этапах, придает смысл собственному существованию человека и является одной из главных духовных потребностей в любом возрасте. Осознание человеком своего места в обществе, уникальное видение мира, интересы и представления о реализации целей являются основополагающими при создании гармонического целого отношения к миру. Синтез этих составляющих формируют смысл жизни человека, который направляет затем, весь ход истории жизненного пути. Смысл доступен любому человеку вне зависимости от пола, возраста, характера [10].

На ценностно–смысловую сферу личности в каждом возрастном периоде жизни оказывают влия-

ние не только события настоящего времени, и обстоятельства, сложившиеся в нем, но и в значительной мере важен ход развития личности на предыдущих этапах. Важнейшей задачей на пути к становлению внутренних содержательных смыслов является благополучное разрешение онтогенетических кризисов в процессе жизненного пути человека [11].

Литература:

1. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. – М., 2009.
2. Баксанский О.Е. Методологические основания модернизации современного образования// *Философия и культура*, 2012, № 9, сс. 105-111.
3. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. – М., 2009.
4. Баксанский О.Е. Философия, образование и философия образования// *Педагогика и просвещение*, 2012, № 2, сс. 6-19.
5. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. – М., 2008.
6. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. – М., 2010.
7. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. – М., 2010.
8. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: Пролегомены к философии образования. М., 2010.
9. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Личностно ориентированный подход к обучению физике.\\ *Физика в школе*. 2003. № 4.
10. Баксанский О.Е., Чистова М.В. Проблемное обучение: обоснование и реализация.\\ *Наука и школа*. 2000. № 1.
11. Дергачева Е.А., Баксанский О.Е Социотехноприродная реальность: социально-экономические риски конвергенции.\\ *Фундаментальные исследования*. 2016. № 12-3. С. 612-617.

Развитие медиаобразовательного пространства как приоритет образовательной политики России и Казахстана

Бегалинов А.С.

Международный университет информационных технологий (г.Алматы), сениор-лектор. Кандидат философских наук

alibek557@inbox.ru

Аннотация: Рассматриваются содержание, основные тенденции и приоритеты образовательной политики России и Казахстана в условиях информатизации и глобализации социума. В качестве приоритетов медиаобразования и образования отмечаются сохранение гуманистических традиций, мягкий синтез традиционного и инновационного, многоступенчатое развитие по вертикали и горизонтали процесса обучения и воспитания, сохранение и укрепление преемственности в образовательном процессе и многое другое. Обращается внимание на сложные проблемы интеграции образования и науки, являющиеся общемировой тенденцией. Процесс интеграции в России и Казахстане еще не завершен, поскольку по-прежнему существует существенный разрыв в развитии между образовательными и научными институтами. Анализируются общие и отличительные моменты развития медиаобразования-образования в этих странах. Формулируются некоторые пути ее оптимизации с целью дальнейшего развития медиаобразовательного пространства и совершенствования медиаобразования. Образовательная политика государств призвана обеспечить успешное функционирование и развитие не только существующих элементов образовательной системы с учетом будущего развития инновационной экономики, но и создавать новые формы, элементы воспитательнообразовательной системы с использованием медиасредств и медиатехнологий, легитимизировать и развивать медиаобразование и медиаобразование.

Ключевые слова: медиаобразование, приоритеты образования, медиаобразовательное пространство, Россия, Казахстан, информатизация, фундаментализация.

Development of a media-educational space as a priority of the educational policy of Russia and Kazakhstan. *Begalinov A.S.*

International University of Information Technologies (Almaty)

Abstract: The content, main trends and priorities of the educational policy of Russia and Kazakhstan in the context of informatization and globalization of society are considered. The priorities of media upbringing and education are the preservation of humanistic traditions, a soft synthesis of traditional and innovative, multi-stage vertical and horizontal development of the process of training and education, the preservation and strengthening of continuity in the educational process, and much more. Attention is drawn to the complex problems of the integration of education and science, which is a global trend. The integration process in Russia and Kazakhstan is not yet completed, since there is still a significant development gap between educational and scientific institutions. The general and distinctive moments of the development of media education in these countries are analyzed. Some ways of its optimization are formulated in order to further develop the media educational space and improve media education. The educational policy of states is called upon to ensure the successful functioning and development of not only the existing elements of the educational system, taking into account the future development of the innovative economy, but also to create new forms and elements of the educational system using media and media technologies, to legitimize and develop media education and media education.

Key words: media education, education priorities, media educational space, Russia, Kazakhstan, informatization, fundamentalization.

Образование, будучи носителем определенного типа идеологии, не может развиваться вне рамок

экономического и политического устройства. Оно должно быть направлено на сохранение и развитие в воспитательно-образовательной практике присущих народу ценностей, национальных особенностей, качеств, сложившихся в историческом развитии. Образовательная политика государства понимается как совокупность принципов, норм, и самой деятельности государственных органов по созданию и развитию системы образования, обеспечивающей выполнение государственного заказа на подготовку необходимых людских ресурсов.

Цели образовательной политики Казахстана и России за последние два десятилетия неоднократно уточнялись: формирование единой образовательной системы, построение национальной модели образования; приватизация учебных заведений и развитие негосударственного сектора образования; введение государственной аккредитации учебных заведений; децентрализация управления и финансирования и др. В настоящее время стратегическим направлением образовательной политики выступает комплексная модернизация воспитания-образования с целью повышения его качества и обеспечения процесса интеграции в мировое образовательное пространство.

В обеих странах идут труднообъяснимые процессы развития системы воспитания и образования, что связано с рядом внутренних и внешних экономических, социально-политических и духовных факторов. Не секрет, что происходит постепенное падение эффективности традиционной образовательной практики, продолжается процесс трансформации ценностей, формируется прагматичное, отравленное индивидуализмом новое поколение людей.

Важным в формировании образовательной политики всегда являлась опора на первопринципы воспитания-образования, понимание его смысла, что, в свою очередь, позволит не стихийно, а сознательно формировать образовательную политику. На этой основе рассмотрим основные приоритеты образовательной политики России и Казахстана.

Народы России и Казахстана в истории развития всегда были богаты духом, наполнены прогрессивными ценностями, чертами характера, порожденными их бытием и богатой историей. Более четверти века Россия и Казахстан существуют как независимые, самостоятельные государства. Тем не менее, их объединяет многое. В частности, русский и казахский народы, при всём различии их исторического, духовно-культурного развития и менталитета, имеют некоторые схожие ценности, обусловленные пребыванием казахского народа в течение XIX-XX столетий в составе России – вначале царской, затем – СССР, где они развивались в едином социально-культурном и политико-правовом пространстве. О. А. Платонов перечисляет следующие, «присущие России и сложившиеся задолго до крещения Руси цивилизационные ценности:

- преобладание духовно-нравственных основ над материальными;
- коллективные формы трудовой демократии (община, артель);
- ориентация на разумную достаточность и самоограничение (не стяжательство);
- идеал праведного (нравственного) труда;
- представление о Земле и о Природе как Божьем даре всем живущим, и, следовательно, отрицание частной собственности на условия существования» [1, с.131].

Подобные же ценности присущи и для казахского народа, длительное время жившего в условиях кочевой цивилизации. Прежде всего, это космоцентризм, коллективизм, благоговейно-трепетное отношение к природе по принципу «не навреди», открытость человека миру, трудолюбие, толерантность, веротерпимость и т.д. Эти особенности и черты казахстанского и русского человека, выкованные историей, в какой-то момент сами стали определять движение России и Казахстана во времени и пространстве, стали основой своеобразия их цивилизаций.

В советские времена происходило всё большее сближение русского и казахского народов, формировалась единая этническая общность – советский народ. Представители казахской интеллигенции всегда осознавали, что будущее казахского народа за культурой техногенной цивилизации, базирующейся на высокой нравственности и их проводником справедливо считали Россию. Поэтому они призывали изучать русскую культуру, русский язык. Такие выдающиеся учёные, педагоги казахского народа, как Чокан Валиханов, Ыбырай Алтынсарин и другие, получали образование в России. Отсюда, многое связывает казахский и русский народы. Отсюда, и близость образовательно-воспитательных систем Казахстана и России. В современной ситуации, как подчеркивает Л. П. Карсавин «...с судьбами России связаны сейчас и судьбы вновь осознающих себя азиатских культур...» [2, с. 176].

Вторым направлением является дальнейшее совершенствование структуры и содержания самой образовательной системы, официальное закрепление медиаобразования в этой системе. Оптимизируется многоступенчатая по вертикали и альтернативная по горизонтали динамичная образовательная система, оптимизируются связи и преемственность между ступенями образования, адаптируются их образовательные программы в единое образовательное пространство, очерчивается статус бакалавров, специалистов и магистров. Совершенствуется механизм финансирования образовательных учреждений за счет государственных и альтернативных источников.

Сегодняшние количественные показатели образовательных систем Казахстана и России имеют сложную структуру учебных заведений разного уровня. В ходе реализации программы развития образования в Республике Казахстан до 2020 года осуществляется переход на 12-летнее среднее образование, создается новый образовательный уровень – «послесреднее профессиональное образование». Введена трехуровневая система подготовки профессиональных кадров «бакалавриат – магистратура – докторантура» и др.

Третьим стратегическим направлением и приоритетом является внешняя образовательная политика Казахстана и России, в которой целесообразно выделить учет мировых тенденций развития, вхождение в мировую воспитательно-образовательную систему и обеспечение тесного взаимодействия с ними. Отметим, что государственная образовательная политика в России и Казахстане в целом носит прогрессивную направленность и учитывает рассмотренные здесь тенденции и особенности воспитания-образования. Многие поставленные здесь проблемы удалось решить, ряд поставленных задач сумели выполнить. Сегодня мы стали свидетелями перемен в воспитательно-образовательной политике: насыщение учебных заведений аудиовизуальными и электронными средствами; забота о благосостоянии учителей и педагогов; обеспечение возможности обучаться в зарубежных вузах; демократизация управления и т. д. Но имеются и отставания. Основные причины заключаются в «пробуксовке» механизмов реализации законов, не заинтересованности властвующей и экономической элиты в развитии системы воспитания-образования для всего народа и низких производственных потребностей сырьевой экономики в высококлассных и воспитанных специалистах. Научно-образовательный Фонд Казахстана «Аспандау» фиксирует сегодня хроническое отставание образовательной системы в материально-техническом, технологическом и организационном отношении и обосновывает необходимый рост расходов из всех источников финансирования с 3 – 4% ВВП в настоящее время, до уровня 10% ВВП в 2010 – 2020 годах [3, С. 24 – 25].

Сегодня речь идет о создании новой концепции воспитания, ядром которой явилось бы формирование личности с творческим типом мышления, высокой мировоззренческой культурой, что поможет молодёжи решить задачи социально-экономического, гуманно-нравственного развития общества. Важным средством достижения этой цели является насыщение национального воспитательного пространства медиасредствами и повсеместное распространение, внедрение медиаобразования.

Четвертым приоритетом образовательной политики отметим общепризнанную мировую тенденцию – интеграцию науки и образования, обозначенную в названии центрального исполнительного руководящего органа (МОиН). В реальной образовательной практике этот приоритет проявляется в единстве образовательной и научно-технической политики, в поэтапной интеграции академической и отраслевой науки с высшим образованием, практике объединения научно-исследовательских институтов и вузов.

Процессы интеграции науки и образования, создания академических учебно-научных конгломератов еще далеки от завершения. В вузах доминируют прикладные исследования узкой направленности, отсутствует завершенность цикла научных изысканий, наблюдается существенный разрыв между образовательным и научным процессами, научные разработки практически не внедряются в содержание и учебно-методическое обеспечение воспитания-образования. Такие тенденции оставляют мало шансов для вузов России и Казахстана занять передовые позиции в мировых рейтингах оценки образования.

Пятым, так же общепризнанным на мировом уровне приоритетом образовательной политики определим ее направленность на достижение высокого качества образования посредством использования преимуществ информатизации, внедрение новых технологий, построение интегрированных медиаобразовательных пространств и подготовку медиаобученных кадров преподавателей. Информатизация обусловила массовое внедрение компьютеров в практику воспитания-образования,

преобразование традиционного воспитания в медиавоспитание. Это обстоятельство изменило не только сущностные характеристики процесса образования, но и значение его воспитательной функции.

Сделаем вывод, что современная образовательная политика Казахстана и России в условиях рыночных отношений и переоценки ценностей должна направить научно-философское сообщество на обоснование новой парадигмы воспитания молодежи. Необходимо определить статус воспитания как важнейшего компонента социальной системы, создать условия обеспечения процесса демократизации, гуманизации, фундаментализации и информатизации всего воспитательно-образовательного пространства, обеспечить дальнейшую модернизацию созданной воспитательно-образовательной системы в соответствии с задачами развития своих стран и вызовами мировых процессов информатизации и глобализации.

Литература:

1. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
2. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 174-216.
3. Политика развития образования Республики Казахстан – Алматы: VOX POPULI, 2010. 244 с.

Модерн и традиции в современном образовании

Виталий Юрьевич Бельский

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор,

v.belskiy@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы современного образования сквозь призму внутреннего противоречивого единства традиций и инновационных образовательных технологий во многом опирающихся на идеи модернизма.

Ключевые слова: философия, образование, традиции, модерн, инновации, стратегия образования.

Modern and traditions in modern education.

Vitaly Yurievich Belsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya. Department of philosophy

Resume: The article considers the problems of modern education through the prism of the internal contradictory unity of traditions and innovative educational technologies, which are largely based on the ideas of modernism.

Keywords: philosophy, education, traditions, modern, innovation, education strategy.

Современное образование не может не отражать проблем перехода общества на новый технологический уклад, сопровождающийся ломкой всех социальных институтов, возникновением новых задач, решение которых невозможно старыми методами. Знаменательной чертой эпохи позднего модерна стал тотальный отказ от традиционных подходов в самых разных сферах общественного бытия. Безусловно, что сама эпоха модерна явила собой радикальный разрыв с идеологией и порядками ранее тысячелетиями существовавшего традиционного общества. Однако если на стадии раннего модерна подобный разрыв был действительно обусловлен необходимостью освобождения омолаживающегося древа общественного организма от всего отжившего, архаичного и, в конечном счёте, ненужного для дальнейшего поступательного прогресса человеческой цивилизации, то в своих более поздних проявлениях он всё больше и больше приобретал настоящие черты огульного отрицания вообще всего накопленного предшествующими поколениями жизненного опыта человечества. Одной из сфер, в которых печальные последствия забвения традиционного опыта и имеющихся многовековых достижений мыслительной и практической деятельности человечества стали не только свершившимся фактом, но и определённо дали уже свои горькие, если не ядовитые плоды, явилось образование.

Образование в своём подлинном, исторически сложившемся понимании этого многогранного явления подразумевает в своей непреложной основе единство опыта духовной, культурной и воспитательно-просветительской деятельности, смыслом и назначением которой является, во-первых, воспроизводство устоявшихся идеологий, смысловой ориентации и оптимальных моделей социально одобряемого поведения человеческого индивидуума в обществе, во-вторых, осознанное освоение существующих базовых и профессионально ориентированных технологий жизни и удовлетворения разносторонних потребностей человека, включая создание, производство, распределение и потребление любого вида духовных и материальных благ, и, наконец, в третьих – формирование условий дальнейшего совершенствования и развития имеющегося в распоряжении человечества совокупного потенциала духовных и материальных ценностей. Образование, таким образом, неразрывно связано с традициями и опытом как неисчерпаемыми, первоисточниками не только всего того духовного и материального багажа, которых был накоплен предшествующими поколениями в процессе освоения ими ноосферного пространства, но и той вековой мудрости предков, которая представляется квинтэссенцией, своеобразным «сухим остатком» достигнутого нашими предшественниками на тернистых путях человеческой истории, оставленной в наследство нам и нашим потомкам.

Исходя из вышесказанного, логичным казалась бы та непреложная особенность образования, которая связана с бережным отношением к существующим традициям в вопросах чему, как, в какой

последовательности и каким образом учить подрастающие, социализирующиеся и совершенствоваться в своих знаниях, умениях и навыках зрелые, уже социализированные поколения. Разумеется, речь не идёт о замшелых, исчерпавших себя, устаревших подходах вроде восстановления обычая порки розгами нерадивых учеников перед классом. Традиции должны переосмысливаться, совершенствоваться, обновляться и модернизироваться в духе магистральных тенденций изменяющегося времени. Однако – и это требование в своей основе характеризуется как непреложное – они (традиции) всё равно должны оставаться сердцевинной любой стремящейся к сохранению своей оригинальной самобытности системы воспитательно-образовательной деятельности, а любые изменения как в самом образовании, так и в его институциональном, статусно-ролевом воплощении в существующей системе общественных отношений должны не только следовать за духом времени, но и учитывать при этом в полной мере уже существующие, апробированные общественной практикой подходы, а также быть адекватными уровню и перспективным, долговременным потребностям общественного развития.

Данные суждения были бы бесспорной, не требующей дополнительной акцептации аксиомой, если бы реальные процессы в сфере образования, свойственные самым разным по уровню своего социально-экономического развития странам мира, не свидетельствовали о прямо противоположной тенденции: образование – особенно в своём массовом сегменте – всё чаще и всё сильнее ориентируется на радикальный разрыв с ранее существовавшими традициями. В итоге наблюдается парадоксальная ситуация: наряду с увеличением удельного веса индивидуумов как детских и подростковых, так и более старших возрастов, получающих или получивших какое-либо образование, уровень реального образования, характеризующегося прежде всего знаниями, усвоенными в процессе обучения, резко падает.

Конечно, применительно к России значительную роль в этом процессе сыграл распад советской мировоззренческой парадигмы и вытеснение в 90-ые – первом десятилетии 2000-ых годов методологии советского образовательного монизма псевдометодологией теоретического и идеологического плюрализма. В условиях официального отказа государства от формулировки собственных экзистенциальных целей и определённым данным обстоятельством отсутствием чётко выраженного государственного заказа отечественной системе образования на формирование соответствующего этим целям типа личности, фактическим девизом российского образования на рубеже XX – XXI веков стал маоистский лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» – выражение из древнекитайской литературы, употреблённое Мао Цзэ-дуном в программной речи 1957 года «О правильном разрешении противоречий внутри народа».

Испокон веков основной метазадачей образования являлось формирование умения мыслить. Логика обучения строилась на основании триединства знаний, мысли и действия. При этом предполагалось, что знания выполняют функцию методологической базы, а мысль является связующим звеном между знанием и действием, трансформируя методологические подходы в методические приёмы. Имеющийся опыт современного практико-ориентированного обучения просто вопиет о том, что упор в этом обучении делается на практические аспекты, в ходе отработки которых или, скорее, натаскивания на которые, знания и формируемая этими знаниями логика мыслительной деятельности остаются на втором плане или выносятся за скобки, то есть не акцентируются вовсе.

Проблема соотношения теоретической и практико-ориентированной составляющей для отечественного образования вот уже без малого сто лет, прошедших со Дня Великой Октябрьской революции, представляет собой задачу, решение которой на протяжении столетия вызывает стойкую аналогию с колебаниями маятника. Однако история неумолима: наиболее плодотворными с точки зрения эффекта образовательной деятельности были те периоды, во время которых основным приоритетом становилось формирование знаний. При этом следует оговориться, что именно этим периодам свойственна установка на актуализацию практики в качестве овеществления и первоисточника развития теории. Именно по такой логике выстраивалась система образования в Советском Союзе во второй половине 40-ых и на всём протяжении 50-ых годов XX века – периода, который для развития отечественного образования можно без всякой тени сомнения считать «золотым».

Следует честно признать, что кризис отечественного образования начался не в 1990-ых годах с разрушением институтов советской власти, а на десятилетие ранее как следствие выхолащивания и извращения советской образовательной традиции 1940-ых – 50-ых годов под видом различных образовательных псевдоинноваций в 1970-ые годы.

Регрессивная эрозия образовательных институтов в тот период охватила самые разные страны

мира, включая и сам флагман развития цивилизации Запада – Соединённые Штаты Америки. Правительственные доклады о состоянии образования в этой стране, обнародованные в период первой половины 1980-ых – начале 2000-х годов рисуют безрадостную картину тотального снижения образовательного уровня населения, резко контрастирующую с развитием её экономического потенциала. Согласно мнению, высказанному в 1983 году в знаменитом докладе Национальной комиссии США по качеству образования «Нация на грани риска. Необходимость реформы образования», образовательные основы американского общества в настоящее время настолько подточены нарастающей волной посредственности, угрожающей будущему нации и страны в целом, что «если бы недружественная нам держава предприняла попытку навязать Америке такую посредственную систему образования, которая существует сегодня, мы бы расценили это как акт войны»¹.

В той или иной степени современная институциональная деградация образования в России является не столько проявлением кризисных явлений в советском обществе и их постперестроечной эволюции в исторических реалиях конца 90-ых – начала 2000-ых годов, сколько порождением волонтаристских псевдоноваторских экспериментов в образовательной сфере и слепого копирования новомодных зарубежных практик реформирования образовательной системы в ущерб классическим отечественным традициям и имеющемуся историческому опыту развития образовательных институтов.

Экспансия англо-саксонской системы образования в её упрощённом, американизированном варианте, угрожает в той или иной степени не только национальной образовательной системе, но и образовательным системам иных континентальных европейских государств, например, Франции или Германии. Однако попытки противодействовать этому процессу достаточно робки, несмотря на то, что в самих Соединённых Штатах интеллектуалы, противостоящие либерально-неоконсервативному дискурсу, уже вынесли свой крайне пессимистический вердикт в отношении как самой этой системы, так и возможных последствий её тотального распространения для будущего всего человечества.

Отказываясь от собственных национальных традиций образования в пользу сомнительных, зачастую прямо или исподволь навязываемых нам из-за рубежа инноваций, мы добровольно становимся заложниками системы чуждых для нас смыслов, ключами управления которыми владеют совершенно иные, враждебные нам игроки великой «Мировой шахматной доски».

Отсюда возникает необходимость выработки собственной Стратегии образования, основанной на понимании роли России в быстроменяющемся мире и возможных тенденциях её изменения в ближайшем и отдалённом будущем.

¹ Некрасов С.Н. Воспитание патриотизма в системе национального образования взрослых как фактор национальной безопасности России. – Доступно из URL: http://min.usaca.ru/uploads/article/attachment/3165/Некрасов_С.Н._Воспитание_в_системе_образования_чит.pdf

М.И. Вишнеvский

Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова (Беларусь), заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор. Заслуженный работник образования Республики Беларусь

Наше время отмечено стремлением заново осмыслить роль и место философии в культуре общества. Высказываются серьезные сомнения относительно правомерности претензий философии на роль «учителя мысли», способного прояснить основания науки и культуры и, благодаря этому, предостеречь от неправильного употребления наших познавательных способностей. Эти сомнения модифицируют давнее позитивистское неприятие философии как метафизики, желающей быть «верховой наукой». Философию в целом можно рассматривать как теоретическую, понятийно-логическую форму мировоззрения, причем не существует никакого универсального, единого и, так сказать, обязательного для всего мыслящего человечества способа философского познания и самовыражения. Знакомясь с философскими учениями, каждый человек может извлечь из них какие-то свои, во многом неповторимые уроки, соотносимые с уже сформировавшимся у него жизненно-практическим мировоззрением и, возможно, способные преобразовать его.

Культура представляет собой специфический для человечества способ бытия, охватывающий все формы жизни людей, философия же выступает как размышление, теоретическая рефлексия над основаниями их бытия в мире. Необычайная широта и разноплановость данной задачи ведет к усиливающейся дифференциации современной философии на обширный ряд отраслей, каждая из которых занята теоретико-мировоззренческим осмыслением определенной области активной, созидательной и в данном отношении культуротворческой деятельности людей (философия науки, искусства, политики, религии, экономики, техники и т. д.). При этом всеобъемлющие философские системы считаются преимущественно достоянием прошлого; они привлекают к себе пристальное внимание специалистов и просто образованных людей, но уже не вызывают прилива творческой активности или желания повторить в новых условиях героические системосозидающие деяния гегелевского масштаба.

В общем ряду таких отраслей или направлений философского осмысления культуры особое место занимает философия образования. В определенном смысле вся совокупная деятельность образования по своему общему охвату мира человеческого бытия родственна философии. Образование связано с передачей новым поколениям людей накопленного культурного наследия и подготовкой их к активной работе по использованию и дальнейшему его развитию. Для решения данной задачи необходимо производить и постоянно совершенствовать упорядочение, систематизацию всего совокупного богатства культуры. Настоятельно нужно также осуществлять своеобразную адаптацию и уплотнение данного богатства, а также некоторую его дифференциацию с учетом особенностей различных уровней, профилей образования и ряда других, значимых для образования социальных и личностно-индивидуальных моментов.

Педагогика как наука об образовании, с учетом особой широты и социально-культурной значимости ее проблемного поля, справедливо назвать, вслед за С.И.Гессеном, прикладной философией. В области образовательной деятельности по-особому проявляется важная также и для философии и науки в целом проблема соотношения теории и практики. Будучи типичной «большой системой», притом весьма трудоемкой и ресурсоемкой, образование постоянно испытывает на себе угрозу заформализованности, связанную с насаждением единообразных, стандартизированных форм деятельности, использование которых облегчает осуществление централизованного управления и контроля. Генерированием или, по крайней мере, теоретическим обоснованием соответствующих моделей занимается имеющая преимущественно отраслевое подчинение педагогическая наука. Анализ возникающих в ней проблем побуждает порой сделать вывод о том, что «образовательные процессы нужно освободить от педагогической теории. Точнее говоря, от того, что осталось от прежних поисков и используется по инерции, в отрыве от меняющейся и изменившейся ситуации. То есть образовательные процессы нужно освободить от шлаков прежней жизнедеятельности, которые

как раз и закрепляются от имени науки» [1, с. 78]. Главное состоит в развитии мотивов к учению и обеспечении перехода к развернутой поисковой деятельности учащихся. Подобных взглядов придерживается известная российская научная школа А.В.Хуторского, последовательно реализующая принцип человекообразности в образовании. Видным представителем данной школы в нашей стране является А.Д.Король, автор системы эвристического обучения на основе диалога [2].

Понимание педагогики как прикладной философии призвано уберечь науку об образовании от замыкания в узком круге своеобразных педагогических предрассудков. В этом смысле философия образования во всем многообразии развиваемых в ней концепций и идей призвана выполнять функцию базовой общетеоретической педагогики. Система философии образования, как полагают, должна вырабатывать ответы на три ключевых вопроса: чему учить? как учить? для чего учить? На эти вопросы можно дать разные ответы, которые и продуцируются на основе использования знаний из областей собственно философии, а также психологии, педагогики и политики (реализующей определенную идеологию) [3, с. 7]. Предлагается толковать философию образования как рассмотрение всех возможных целей институционализованного общего образования (для чего учить?), всех возможных и принципиально различных теорий научения (как учить?), и всех возможных вариантов содержания школьного обучения (чему учить?). Делается также вывод о том, что философия образования – это самостоятельная научная дисциплина, притом сущностно интегральная и не сводимая ни к одному из своих оснований, т. е. ни к «чистой» философии, ни к психологии, педагогике или политике, рассматриваемой в идеологическом аспекте. Данная научная дисциплина должна быть принципиально недогматичной. Ее соотношение с педагогикой видится как соотношение возможного и действительного, причем «педагогика обогащается настолько, насколько распространяется философия образования» [3, с. 13].

Имеется в виду, что при проектировании новой педагогической системы нужно, во-первых, выбрать для нее определенное содержание образования, во-вторых, определить подлежащие использованию методики образования (а это уже другой выбор, не тождественный первому), и, в-третьих, зафиксировать цели образования, перечень которых в принципе известен, но выбор имеет самостоятельное и, в некоторых отношениях, ключевое значение. Если в результате этих трех этапов педагогического выбора появляется нечто новое, оригинальное, то это означает, что применение философии образования обогащает педагогику системой, не похожей на уже известные и возможной для практической реализации. Философия образования понимается как совокупность всех возможных комбинаций различных вариантов ответа на три указанных выше вопроса. Это и указывает на ее принципиальную недогматичность.

Для осуществления эффективных связей с образованием как социальным институтом и с педагогикой как специализированной наукой об образовании необозримо обширный массив философских знаний тоже должен быть предварительно адаптирован и заново интерпретирован. Можно утверждать, что такая адаптация существенным образом включает в себя соответствующее философское образование, или приобщение людей, которым предстоит работать в сфере образования, к философским знаниям и традиции философской рефлексии. Надлежащая постановка философского образования в целом важна также и для обеспечения привлекательности образа философии в общественном сознании, что, в свою очередь, является одной из предпосылок разносторонней и эффективной реализации культуротворческого потенциала философии. Для того, чтобы человек мог самостоятельно выработать философско-мировоззренческую позицию и конструктивно реализовать ее в той или иной сфере деятельности, он должен ознакомиться с уже имеющимися соответствующими образцами и освоить концептуальные средства мировоззренческого самоопределения, выработанные предшествующим развитием философии.

Рассмотренное здесь применение философских знаний в качестве исходного материала для построения философии образования и последующего развития и трансформации педагогики можно считать примером того, как вообще философия взаимодействует с конкретными науками и, в конечном итоге, с общественно-исторической практикой, с культурой в целом. Самобытные философские учения непосредственно выступают как особые литературные памятники своей эпохи, культуры своего времени. Эти творения человеческого духа допускают выделение из них определенных слоев или срезов, которые позволяют по-новому истолковать проблемные ситуации, возникшие в той или иной отрасли науки или же социально-исторической практики. Так возникает своеобразный симбиоз философского и конкретно-научного или непосредственно прикладного знания, в рамках которого

осуществляется движение от теории к практике и обратно (в той мере, в которой потребности практики побуждают развивать теорию).

Способность людей осуществлять крупномасштабные и радикальные, действительно творческие изменения в различных сферах их профессиональной и общественной деятельности во многом обусловлена широтой их мировоззренческого кругозора, в том числе и прежде всего их философской образованностью, которая позволяет недогматически сочетать различные философско-мировоззренческие и конкретно-научные, политические и иные значимые для культуры идеи в интересах выработки новаторских подходов к решению возникающих жизненно-практических проблем.

Литература:

1. Ермаков, В.Г. Развивающее образование и функция текущего контроля. В 3-х частях. Ч.1. Методологические аспекты теории формирующего контроля в сфере образования / В.Г.Ермаков. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2000. – 270 с.
2. Король, А.Д. Обучение через открытие: книга для учителя и родителя / А.Д.Король. – Минск: Вышэйшая школа, 2019. – 253 с.
3. Сидоров, Н.Р. Философия образования. Введение / Н.Р.Сидоров: СПб: Питер, 2007. – 304 с.

Образовательные системы Казахстана и России: перспективы интеграции

Габдсаттарова Мукаррама Габдель – Нагимовна; Өтебай Хабиболла Ержанұлы

(Актобе, Казахстан)

Казахстан и Россия - не просто сопредельные государства, но и хорошие соседи. В современном мире существует очень много поликультурных государств. И Казахстан, и Россия - поликультурные государства. Во-первых, они имеют наиболее протяженную в мире сухопутную границу. Во-вторых, они имеют практику совместного сосуществования в рамках конфедерации. И хотя прошло более 25 лет с момента распада СССР, Казахстан и Россия существуют как дружественные государства. Подписание договора о Евразийском союзе свидетельствует о том, что экономическое, социальное, культурное развитие Казахстана и России не может существовать изолированно друг от друга в силу различных геополитических и стратегических причин.

Исторически сложившиеся отношения народов Казахстана и России прошли испытание временем, трудности переходного периода не смогли нарушить общенациональный мир и согласие, которое было выстрадано нашими народами, пережившими насилие, сталинские лагеря, голод, депортации, репрессии. Мы научились сочетать наши национальные интересы с многообразием общественных и государственных интересов.

Достаточно высокий уровень межэтнической толерантности в современном казахстанском обществе обусловлен так же высокой образованностью и духовностью казахского народа. Отметим, что в Центральной Азии казахский народ является наиболее грамотной и высокообразованной нацией. И это можно рассматривать в качестве конкурентного преимущества современного Казахстана, в котором обеспечены межэтническое и межконфессиональное согласие. Именно Казахстан на постсоветском пространстве избежал сегодня межэтнических столкновений.

Во все времена и исторические эпохи философы полагали, что важнейшим качеством нации являются нравственные качества. Человек совершенствуется лишь в общении. Основой человеческого общения является культура. Культура каждого этноса – это тот источник, который обогащает своими достижениями мировую цивилизацию. Следует подчеркнуть, что «изоляциялистские установки, требования замкнутой и неподвижной монокультуры ведут к крайним и, по сути, агонизирующим формам некоей «оригинальности» любыми средствами, во что бы то ни стало», т.е. к радикализму, экстремизму, терроризму, фанатизму в международном масштабе. Но это – культура, лишившая себя живительных соков истинной человечности, открытости, толерантности, доверия. Ибо культура в точном смысле слова представляет собой внешнее, предметно-практическое проявление и воплощение духовности – нравственной сущности человека» [1; С. 107].

В этой связи представляется, что система образования является тем перспективным инструментом, который способствует укреплению доверия и взаимопонимания между народами.

В Казахстане сейчас происходят радикальные перемены в экономической, социально-политической и духовной сферах. Здесь имеется в виду общество, демократически устроенное, с верховенством закона, принципом разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Перемены в области культуры и образования, в социально-экономической сфере призваны открыть простор развитию способностей и предприимчивости, а также собственными усилиями создавать свое благополучие. Однако, насколько жизненны эти ориентиры? Их реальность зависит прежде всего от развития самих индивидов.

Сегодня, как известно, большую роль в формировании человеческой личности, ее творческих потенций и сущностных сил отводится процессам образования и воспитания. Система образования относится к числу важнейших социальных институтов общества. Она не только обеспечивает социализацию индивидов, посредством которой они развивают качества, необходимые для непрерывных жизненных процессов и преобразований, но и служит развитию личности, способствует ее самореализации.

Реформа образования в современном Казахстане продолжается уже более 20 лет, рискуя, в конечном счете, превратиться в свою противоположность. Причем основные участники образовательных процессов, прежде всего учителя, преподаватели вузов, студенты и школьники выступают, к

сожалению, в качестве лишь объектов, а не субъектов всевозможных экспериментов. Известно также, что основной причиной реформирования образования на постсоветском пространстве стал процесс глобализации. Думается, что образование выступает сегодня сферой борьбы за геополитическое лидерство, когда отдельные страны, в основном из числа стран – лидеров активно и агрессивно навязывают свою систему образования.

Советский Союз, как известно, имел один из самых высоких в мире уровней образования. Долгое время мы использовали этот доставшийся нам в наследство от советского периода развития страны образовательный потенциал. Представляется, что и сегодня российская система образования не уступает сложившимся системам образования в мире по многим параметрам. Важно в рамках евразийства интегрировать все усилия по сохранению положительных моментов и сторон в современной образовательной практике наших стран, что имело место в период советской системы образования.

Результаты анализа состояния нынешней системы высшего и послевузовского образования в РК свидетельствуют о том, что принимаемые до настоящего времени стратегические решения в данной области требуют более тщательного теоретического и научно-методологического обоснования и согласования, особенно на законодательном уровне, так как от этого зависит создание четко отлаженного механизма его ресурсного обеспечения.

Практика показывает, что внедрение принципов Болонского процесса в образовательную деятельность вузов Казахстана имеет ряд негативных сторон. Хотелось бы более подробно остановиться на этом.

Полагаем, что прежде необходимо поставить точку в практике комбинирования знаний, когда можно получить степень бакалавра по одной специальности, а степень магистра – по другой. Сегодня это стало возможным в соответствии с принципами Болонской системы. Во-первых, обучение на уровне бакалавриата изначально ориентировано на широкую область профессиональной деятельности и здесь отсутствуют элементы специализации. Во-вторых, в соответствии с Болонской системой, позволяющей получить диплом бакалавра по одной специальности, а диплом магистра - по другой специальности, дипломированные «специалисты», к сожалению, не имеют углубленного и узкопрофильного знания.

Представляется, что это расточительная система получения высшего образования. В соответствии с принципами Болонского процесса магистры – это носители законченного высшего образования, т.е. своеобразная форма узкопрофильной специализации. Основу высшего образования составляет базовое высшее образование, ограничиваясь фундаментальными знаниями. Лишь магистратура дает дальнейшую специализацию, навыки и знания в конкретном направлении. И если мы осуществляем прием на магистерскую подготовку, мы должны руководствоваться этими принципами. Подобная система получения знаний не вызывает доверия. И приводит к снижению уровня образования в вузах, а затем и в средних школах. Это порочный круг: полуграмотный магистр – это завтра полуграмотный студент, а, следовательно, - это в перспективе невежественный учитель.

Одной из негативных сторон учебного процесса является процесс тестирования. Считаем нужным высказаться и по этому положению. Следует признать, что тестирование вводит в образовательный процесс процедуру измерения, позволяет оценить уровень достигнутого в обучении и выразить его в числовой форме. Однако, не следует абсолютизировать эту форму. Во-первых, сама установка на пассивное узнавание правильных ответов формирует особую парадигму мышления, в которой имеются элементы метафизического, догматического мышления. Во-вторых, формализация учебно-информационного материала обезличивает общение студента. На мой взгляд, в учебном процессе на любом уровне всегда должна присутствовать фигура преподавателя. Речь идет о субъектно-субъектном уровне общения. В-третьих, к сожалению, большинство студентов сегодня не умеют правильно и логично излагать свои мысли. А материальной оболочкой мысли, как известно, является слово. Поэтому думается, что в стенах вузов мы должны научить студентов мыслить и говорить.

Образование – это ценностное отношение человека к миру. Мало родится человеком. Человеком надо стать. И это задача может быть решена только через образование. Человек становится человеком, только общаясь с людьми. Человек приобретает сознание только в контакте с другими людьми, с носителями человеческой культуры и языка. Возможности человеческого мозга универсальны. Человеческий мозг обладает огромным потенциалом. Он может воспринять весь мир, он может научиться всему, чему его обучают, он все должен взять из общества, от другого человека, так как генетически в нем ничего не

зложено от природы. Сознание отдельного человека – это не только продукт его собственного развития, но прежде всего продукт развития того общества и той культуры, в которой живет и развивается конкретный человек.

Специалист с высшим образованием – это человек способный формировать собственную позицию по вопросам общественной жизни, психологически грамотный, толерантный, способный критически оценивать степень собственной свободы, грамотно организующий свою деятельность, управляющий своей жизнью, разделяющий систему ценностей цивилизованного мира.

Формирование будущей политической, научно – педагогической, социально – культурной и управленческой элиты наших государств будет зависеть от процесса совместной подготовки обучающейся молодежи высших и средних специальных учебных заведений.

Лидер нации, Первый Президент Республики Казахстан отмечает, что «образование - самый фундаментальный фактор успеха в будущем. В системе приоритетов молодежи образование должно стоять первым номером.

Если в системе ценностей образованность станет главной ценностью, то нацию ждет успех» [2; С.1].

Поэтому важно активизировать работу в формате обмена преподавателями для чтения лекционных курсов в области философских и социально – гуманитарных дисциплин, а именно: философии, культурологии, социологии, политологии, религиоведения. Эти дисциплины содержат глубокие мировоззренческие идеи и аспекты, способствуя укреплению доверия и взаимопонимания между нашими народами.

Сегодня нам необходимо в области образования пересмотреть сам подход к образованию. Представляется, что главной целью образования является подготовка не просто специалиста – профессионала, а человека как субъекта собственной деятельности, формирование личности, ее ценностных и мировоззренческих оснований. В статье Первого Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева *«Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания»* подчеркивается важность этого положения и в повестку дня на ближайшие годы ставится вопрос о создании «условия для полноценного образования студентов по истории, политологии, социологии, философии, психологии, культурологии, филологии. Наша гуманитарная интеллигенция должна быть поддержана государством путем восстановления гуманитарных кафедр в вузах страны. Нам нужны не просто инженеры и медики, но и люди, хорошо понимающие современность и будущее» [2; С.1].

Таким образом, негативные тенденции в системе образования, когда образование становится лишь частью рыночной экономики, свидетельствуют о том, что мы теряем качество образования, а, следовательно, и будущее поколение наших государств.

Движение к идеалам духовности на основе гуманистического миропонимания, способствует созданию новой ценностной системы общества, открытой, вариативной, духовно и культурно насыщенной, диалогичной, толерантной, собирающей воедино современные социально значимые ценности и установки с передовыми отечественными традициями.

Необходимо осмыслить аксиологические основы воспитания и образования, осознать приоритет отечественных социальных ценностей и духовно-нравственных ориентаций.

В процессе воспитания и обучения следует иметь в виду важность этих обстоятельств социальной действительности, ибо образовательная деятельность направлена на формирование подлинной человечности. В этом смысле вся духовность человеческой цивилизации обращена к сознанию личности, ее самосовершенствованию посредством всех способов освоения не только интеллектуальных ценностей, но и этических, религиозных и практических.

Гармоничная и сбалансированная система образования, обеспечивающая удовлетворение материально-экономических и духовных потребностей общества, является необходимым условием его развития.

Литература:

1. Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. Алматы, 2006. С. 107
2. Казахстанская правда, №71 (28450), 13.04.2017 г.

Критерии качества образования как философско-методологическая проблема

Деникин А.В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Профессор Департамента социологии, истории и философии. Доктор философских наук

andenikin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются возможные способы изучения проблемы качества образования: дисциплинарное моделирование и метатеоретическое осмысление. В содержательном плюрализме образовательных концепций высвечиваются сквозные вопросы, решаемые на идентичных онтологических и гносеологических основаниях. Последние задаются особенностями классической, неклассической и постнеклассической науки. В статье делается вывод о том, что с метатеоретической точки зрения можно презентировать три критерия качества образования. В классической парадигме критерий качества образования связан с недопущением появления искаженных форм его сущности. В неклассической парадигме критерий качества образования выражает степень функционального соответствия образовательных форм и стандартов данным локальным условиям. В постнеклассической парадигме критерий качества образования определяется его системной природой в рамках сверхсложной, нелинейной социальности. При слабонеровновесном состоянии качественное образование встроено в механизм поддержания системного существования национального государства. При сильнонеровновесном состоянии критерии качества образования зависят от перестройки системного целеполагания.

Ключевые слова: качество образования, образование-образец, образование-функция, образование-система, образовательные информационные технологии, парадигмы образования.

Criteria for the quality of education as a philosophical and methodological problem. Denikin A. V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: The article analyzes possible ways of studying the problem of quality of education: disciplinary modeling and metatheoretic understanding. The content pluralism of educational concepts highlights cross-cutting issues that are solved on identical ontological and epistemological grounds. The latter are defined by the features of classical, non-classical and post-non-classical science. The article concludes that from a metatheoretic point of view, it is possible to present three criteria for the quality of education. In the classical paradigm, the criterion of the quality of education is associated with the prevention of the appearance of distorted forms of its essence. In the non-classical paradigm, the criterion of quality of education expresses the degree of functional conformity of educational forms and standards to these local conditions. In the post-non-classical paradigm, the criterion for the quality of education is determined by its systemic nature within a highly complex, nonlinear sociality. In a weakly balanced state, quality education is built into the mechanism of maintaining the systemic existence of the national state. In a highly balanced state, the criteria for the quality of education depend on the restructuring of the system goal setting.

Keywords: quality of education, education-sample, education-function, education-system, educational information technologies, educational paradigms.

Проблема качества образования имеет несколько дисциплинарных измерений: психологическое, педагогическое, социологическое, философское и др. Монологичное ее изучение, обусловленное предметной областью науки, приносит соответствующие плоды. В этом ряду особо выделяется философское знание, с присущими ему методологическими и метатеоретическими функциями. В философском ракурсе определяются онтологические, гносеологические и аксиологические основания

данного феномена, которые проявляются в исторических или современных концепциях. Угол зрения на образование зависит от исходных установок конкретного философского направления и школы, в этом случае знание также монологично и очерчено базовыми концептуальными представлениями.

Современная философия образования не может игнорировать динамику социального бытия и научного знания. Социальность описывается в концептах сверхсложности, неустойчивости, неопределенности, а научное знание функционирует как междисциплинарное целое. В этих условиях решение проблемы качества образования приобретает объемный методологический характер в смысле поиска метатеоретических оснований, общих для философии и науки.

Такой мегауровень объяснения задается различием трех типов научной рациональности, в каждом из которых свернуты принципы, предельные для концептуального уровня. Специфика современной эпистемологии заключается в том, что при рассмотрении ряда проблем целесообразно выходить за рамки одной парадигмы в межпарадигмальное поле экспликации. К таким предметным областям системного характера относится феномен качества образования. Некоторые его параметры высвечиваются при сопоставлении концептуальных выводов различных философских и научных школ. Такой способ рассмотрения, безусловно, способствует расширению *содержательного* и *сущностного* знания.

Следующий шаг рассмотрения предполагает установления *парадигмального* единства концепций, выход к метатеоретическому исследованию, обеспечивающему рост *сущностного* знания. Казалось бы, данные методологические средства исчерпывающим образом презентуют изучаемый феномен в качестве предмета-вещи и предмета-процесса. С их помощью осуществляется *моносущностное* дисциплинарное объяснение, достигается *полисущностное* многодисциплинарное знание, а также *монопарадигмальное* знание об искомом объекте.

Однако за бортом исследовательского внимания оказываются сущностные признаки, порожденные системными условиями существования феномена в неустойчивой сверхсложной среде. Для их выявления необходимы дополнительные методологические приемы, связанные с фиксацией устойчивых и неустойчивых состояний, редукцией сложности и ее нарастанием, элиминацией субъектных характеристик и возрастанием роли личностной мотивации. Такие неоднозначные онтологические и гносеологические схемы складываются лишь при межпарадигмальном способе анализа.

В классической науке выражение «качества образования» имеет отношение к категориальному семейству понятия истины. Его онтологическим коррелятом оказывается процесс развертывания ключевых особенностей обучения и воспитания в условиях социально-политической равновесности. Даже при неполной рефлексии этого качества, частичном мониторинге со стороны социальных институтов, образовательного сообщества, СМИ, оно *действительно существует*.

Чрезвычайно важным оказывается то обстоятельство, что оценка субъектом рефлексии степени выраженности сущностных свойств, уже предполагает его онтологическую состоятельность и самодостаточность. Субъекты, включенные в образовательный процесс, при всех инновационных технологиях и конструктивных методиках являются неотъемлемой частью объективного проявления истинной сущности образования. О таком виде бытия наиболее полно рассуждает Аристотель с его идеей субстанциональности и Гегель, указывающий на неизбежность реализации понятия. В классической парадигме *качество* образования означает сохранение его сущностной меры. Задача внутренних наблюдателей (преподавательского состава) и внешних наблюдателей (например, министерства) заключается в недопущении появления искаженных форм сущности. Увеличение доли видимости в этой сфере приводит к утрате сущностных признаков, а сфера образования начинает псевдофункционировать в чужеродном онтологическом облике.

В неклассической парадигме проблема *качества образования* выглядит как проблема правильного сопряжения его различных форм онтологического выражения. Критерии качества образования варьируются в зависимости от специфики культурно-исторических, национально-этнических, социально-экономических условий. В неклассической парадигме логическая значимость уступает место нормативно-ценностной значимости, поэтому выражение «качество образования» родственно семейству ценностных понятий. В локальных системах социальности сосуществуют различные представления о сути образования и допустимых формах его вариации. Качество образования понимается не как степень выраженности логически общезначимых свойств, а как степень функционального соответствия образовательных форм и стандартов – фрагментарной онтологической основе, меняющимся условиям

существования социальной общности.

Классическая трактовка образования-образца утрачивает концептуальное значение и заменяется неклассической установкой: образование-функция. Конфликт интерпретаций функций может возникнуть при выходе в общее социальное пространство, с таким фактом, например, столкнулись страны ЕС, адаптирующиеся к разнородной мигрантской среде.

Постнеклассическое мышление, описывающее сверхсложную реальность и нелинейную динамику, не может отказаться от абстракции внешней среды. Взаимосвязь системы любого уровня с ее внешней средой становится важнейшей единицей онтологического анализа. Событийные, информационные процессы приобретают разный смысл в двух онтологических интервалах системы, слабонервновесном и сильнонервновесном состояниях. Целеполагание и конструктивные усилия участников образовательного процесса коррелируются с учетом этих состояний. При слабонервновесном состоянии векторы развития образования связаны с задачей сохранения его *системной природы*, определения эффективных способов взаимодействия с экономической и политической системами в рамках государства. С другой стороны, системное существование предполагает включенность в глобальные процессы или модификацию связей в случае деструктивной глобализации. Критерии качества образования не предзаданы его системной природе, он подвижен и трансформируется в зависимости от уровня согласования или рассогласования компонентов образовательной системы.

Вопрос, поднимаемый в классическом мышлении, что представляет собой образование в его идеально-нормативном значении? Вопрос, обсуждаемый в неклассической эпистемологии, каковы механизмы правильного функционирования образования в данное время и в данных условиях? Данные вопросы трансформируются в метатеоретическом знании межпарадигмального уровня.

При сильнонервновесном состоянии возникает проблема онтологического выбора будущего системного целого. К стадии становления новой социальности не применимы критериальные определения, они будут востребованы в фазе порядка. Становится понятным, что в этих случаях системное объяснение образования акцентирует классические и неклассические схемы. Бытие системы сопровождается потерей и приобретением сущностных признаков, перестройкой структур функционирования. Соответственно, критерии качества такого бытия определяются новым *системным целеполаганием*. В данных системах возможны необратимые механизмы эволюции, что и учитывается в оценочной рефлексии состояний, в том числе и качества образования [1].

Иллюстрацией к изложенному выше может служить, например, дискуссия об использовании образовательной практике информационных технологий. С классической точки зрения, информационные технологии вторичны для «сущностного» тела образования. Образовательное пространство полностью покрывается субъектно-субъектной деятельностью и субъектно-субъектными коммуникациями. Различие субъектных позиций заключается в том, что один субъект-педагог (ставший в сущностном плане) и другой обучающийся, становящийся, приобретающий сущностные свойства. Обратим внимание на то, что на первый план выходит задача обретения обучающимся характеристик *полноценного* субъекта учебной деятельности. К классическим компетенциям относится стремление к истинному знанию, способность к рефлексии *объективного* мира и практические навыки по реализации знаний [2].

С неклассической точки зрения, информационные технологии, как и другие методологические средства, соразмерны по значимости с субъектно-субъектными параметрами образования. Педагогические технологии открывают множественные способы проявления образовательной практики [3]. С помощью информационных технологий *содержательное* наполнение образования становится инфинитным, ограничение содержания осуществляется педагогом, ставящим образовательные цели в данных конкретных условиях, и самим обучающимся, его готовностью к усвоению смыслов, форматируемых специфическими познавательными задачами.

С постнеклассической точки зрения информационные технологии рассматриваются как системный ресурс, который может стабилизировать или дестабилизировать процесс обучения. В онтологическом плане информационные технологии относятся и к бытию внешней среды, и к внутренним коммуникациям, к системным смыслам, компетенциям субъектов. Другими словами, дискредитация личностно мотивированного обучения также приводит к системным сбоям, даже в случае адекватного применения информационных технологий.

Таким образом, проблема определения критериев качества образования лежит в плоскости раз-

граничения онтологических схем и эпистемологических подходов. Как известно, анализ этих базовых установлений относится к прерогативе философского знания.

Литература:

1. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд.-3-е доп.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
2. Алехин И.А. Духовно-нравственное воспитание офицеров Российской армии: монография. М.: ВУ, 2008. 233 с.
3. Алехин И.А., Федак Е.И., Денисов А.Е. Саморазвитие личностно-профессиональной компетентности у обучающихся в учебных военных центрах // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 2. С. 110-116.

Роль личности преподавателя в изучении дисциплины «Философия», или чему современные философы могут научиться у киников?

Добронравова У.В.

Омский автобронетанковый инженерный институт, старший преподаватель. Кандидат философских наук

ulianazhilina@mail.ru

Аннотация: в ходе многочисленных современных обсуждений проблем преподавания философии в учебных заведениях особое внимание уделяется внешним факторам, влияющим на условия ведения данной дисциплины: количество учебных часов, бюджетных мест, нагрузка на преподавателей и т.п. В данной статье предлагается перевести фокус с системных проблем преподавания философии к роли самого преподавателя в этом процессе. Автор статьи предлагает обратиться к опыту античной философии, в частности, школы киников, и подчеркивает, что философия для обучающихся должна быть не отвлеченным пустым знанием, а образом жизни. Наилучшим способом показать обучающимся роль философии в жизни человека является личный пример преподавателя, который способен воплотить собственные философские убеждения и ценности в своих поступках и поведении.

Ключевые слова: преподавание философии, образ жизни, античная философия, киники

Teacher's personality in the philosophy study process, or what modern philosophers can learn from ancient cynics. Dobronravova U.V.

Omsk tank-automotive engineering institute

Abstract: modern philosophy teachers are discussing the problems of the philosophy study process. Among main problems they usually call such external factors as quantity of teaching hours and budget places for students. It is obvious that such problems are extremely important for the philosophy study process. But the author of this article suggests changing focus from the systematic problems to the personality of a philosophy teacher. According to the author it is important to show students that philosophy isn't an abstract and empty knowledge, but it's the way of life. And a teacher of philosophy should demonstrate that way by his own example. The author suggests turning to ancient philosophy, especially to the cynics' tradition, for the experience of philosophical life and teaching.

Key words: teaching of philosophy, way of life, ancient philosophy, cynicism

В ходе многочисленных форумов, конференций, дискуссий неоднократно поднимался вопрос о значении философии в высшем образовании. Подобные обсуждения позволяют выявить уязвимости и точки роста в преподавании философии. Среди основных проблем преподавания философии называют: сокращение часов данной дисциплины, сокращение бюджетных мест для обучения специалистов в области философии по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, бюрократизация процесса образования на всех уровнях, проблемы, связанные с разработкой основных образовательных программ и т.п. [1], [2], [3]. Безусловно, данные проблемы являются значимыми для современной системы образования, и, в частности, для преподавания философии. С сожалением можно утверждать, что именно сегодня, когда перед государством и обществом остро стоит задача подготовки специалистов с критическим мышлением, целостным мировоззрением, умением аргументированно отстаивать свою точку зрения, преподаванию философии отводится все меньше времени. Решение данной проблемы требует системного подхода. Однако в данной статье хочется показать, как преподаватель философии может самостоятельно, даже в границах скудных 3-4 зачетных единиц, привлечь внимание обучающихся к вопросам и проблемам философии.

На наш взгляд, в словосочетании «преподаватель философии», несмотря на профессиональную значимость первого слова, которое налагает на определенного человека соответствующие юридические

права и обязанности, более важным является второе. Даже если преподавать философию на протяжении всего процесса вузовского образования, даже если сделать обязательным экзамен по философии для всех специальностей, то изучение данного предмета не вызовет у обучающихся ничего кроме насмешек (в лучшем случае) и отвращения (в худшем), если люди, которым доверено вести данную дисциплину, будут относиться к своим обязанностям сухо и формально.

Между тем, в истории человечества были времена, когда на изучение философии в системе образования не выделялось несколько часов, потому что не существовало даже самой системы образования. При этом, за свои философские взгляды можно было поплатиться жизнью, как это случилось с Сократом. Однако именно в это время (конечно же, речь об Античности), философия достигла невиданного расцвета. Успех античных философов заключался прежде всего в том, что для них философия была связана с самой жизнью. Или, по выражению Пьера Адо, была способом жить [4]. Сам философ был не тем, кто рассказывает о философии, а тем, кто ею занимается. Недаром в сборнике Диогена Лаэртского философия представлена «в лицах» и носит авторский характер [5]. Философ – тот, кто живет философией. Относится ли это к современным преподавателям философии?

Нередко обучающиеся нефилософских специальностей в ходе занятий, посвященных истории философии, задают вопрос: «а сейчас философы существуют?». Такой вопрос отчасти обусловлен историческим принципом изложения материала. Но в то же время он является тревожным сигналом и должен вызвать у преподавателя вопрос к себе: неужели студенты не видят философа в нем? Философия не может оставаться мертвым знанием о том, что было когда-то давно с какими-то древними людьми в Греции или Римской Империи. Философия всегда должна быть «здесь и сейчас», всегда должна быть «про нас». В идеале, обучающийся, приступая к изучению данной дисциплины, должен понимать, что независимо от того, использует ли он термин «философия» и прочие термины, связанные с данной дисциплиной («гносеология», «аксиология», «этика», «эстетика» и пр.), в любом случае будет ею заниматься, поскольку является живым мыслящим существом, которое непрерывно находится в процессе познания, обладает определенными ценностями, в соответствии с которыми выстраивает свое поведение. По словам Э.В. Ильенкова, «если ты усваиваешь тот или иной способ мышления, тот или другой способ суждения о вещах – знай, что ты... усваиваешь и вполне определенную философию. Либо хорошую, либо плохую» [6, с. 19].

Чтобы для обучающихся философия стала жизнью, вечным поиском ответа на вопрос «как жить?», они должны увидеть перед собой пример человека, по-настоящему живущего философией. В этой связи преподаватель философии не может исполнять свои профессиональные задачи формально, он действительно должен быть философом. И в данном случае возникают вопросы: «что значит быть философом?» и «как быть философом?». Однозначного ответа на эти вопросы не существует. Философия – всегда глубоко личный способ прохождения своего жизненного пути. Едва ли можно слепо следовать образцу жизни Пифагора, Сократа или Сенеки, оставаясь при этом самостоятельным философом. Однако, несмотря на разницу во взглядах перечисленных философов, их объединяет одно – стремление к тождеству между мышлением, высказываниями и поступками. Такие философы привлекали внимание к своим учениям не при помощи фондов оценочных средств и методических рекомендаций, а при помощи своего образа жизни. Одними из наиболее ярких мыслителей, воплощавших свои философские убеждения в жизнь, были киники. Представители этой философской школы уделяли большое внимание поступку, который одновременно с тем был вопросом.

Современные студенты не меньше своих сверстников, живших столетия и тысячелетия ранее, с удовольствием знакомятся со знаменитыми «анекдотами» Диогена Лаэртского о киниках. Истории о том, как Диоген Синопский жил в пифосе, искал днем человека с фонарем, просил подаяния у статуй, а также попросил Александра Македонского не загроживать Солнце, до сих пор вызывают не только улыбку, но вопросы о том, что значит быть человеком, что является подлинной ценностью в жизни человека, что такое свобода [5], [7].

Примеры из жизни киников привлекают внимание благодаря тому, что они отчасти соответствуют духу современной массовой культуры, ориентированной на эпатаж. В современной культуре весьма ценится искусство «троллинга» и пранка – розыгрышей и надувательств, когда над адресатом совершается некий культурный эксперимент. Однако, если для современного шок-контента характерно отсутствие сущности за явлением, то вызывающие поступки киников заставляют адресата обратиться от шокирующего явления к его подлинной сущности.

В современной культуре киническое вопрошание, поступок-высказывание со стороны

преподавателя позволяет подвести обучающихся к диогеновской «переоценке ценностей». Как поведет себя обучающийся за этой чертой, захочет ли он продолжать занятия философией вне аудитории и какими способами, зависит от него самого. Самое большее – преподаватель может ненавязчиво сопровождать обучающегося в этом пути, если последний попросит его об этом. Безусловно, поведение и поступки киников не являются шаблоном, в соответствии с которым современный преподаватель философии должен выстраивать свою методику обучения. Нельзя требовать от преподавателя жить в бочке или ошипывать петуха. Определенных рецептов в данном случае вообще быть не может, поскольку каждый философ и его способ философствования являются неповторимыми. Однако, возвращаясь к проблеме преподавания философии в средних и высших учебных заведениях, необходимо подчеркнуть особую роль личности преподавателя философии в образовательном процессе. Конечно, необходимо и впредь продолжать решать данную проблему на уровне всей системы образования. В этой связи представители философского сообщества необходимо должны участвовать в общественных дискуссиях, конференциях и форумах, посвященным вопросам образования и доносить свою позицию до правительства и общественности. И все же каждый отдельно взятый преподаватель философии, независимо от того, какие условия предоставляет ему система образования, должен помнить о личной ответственности перед обучающимися. Именно от того, насколько студенты видят в преподавателе живого, настоящего философа, который воплощает проповедуемые им убеждения и идеалы в своих поступках, зависит то, как они будут воспринимать философию в целом, станет ли философия для них одним из формальных предметов, который нужно сдать и забыть, или же самой практикой жизни, поиском ответов на вечные, «проклятые» вопросы всего человечества. Быть тождественным своим убеждениям и высказываниям, личным примером показывать, что философия не абстрактна, а вполне конкретна и наполняет собой всю жизнь сознательного человека, превращая любое событие в личное открытие и повод для удивления, – вот чему современные преподаватели философии могут поучиться у античных философов и, в частности, представителей школы киников. Во многом именно благодаря локальной ответственности преподавателей философии постепенно может преобразоваться и вся система философского образования, а также сформироваться новое восприятие философии в культуре.

Литература:

1. Жилина В. А., Невелев А. Б., Камалетдинова А. Я. Философское образование: каким ему быть? // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 10 (392). С. 89-96.
2. Камалетдинова А. Я., Розова Е. О. Стратегия развития философского образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). С. 82-86.
3. Невелева В.С. Философия, образование, Наука: к итогам российского профессорского форума 2019 // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №. 2 (424). С. 99-100.
4. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. Челябинск: Социум, 2010. 288 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
6. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
7. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М.: Наука, 1984. 398 с.

Устойчивое развитие и образование в условиях неопределенности

Елкина И.М.

*ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования»,
заместитель директора по организационно-издательской деятельности и международному
сотрудничеству. Канд. пед. наук*

inter@instrao.ru

Аннотация: Быстро меняющееся общество создает неопределенность в отношении будущего человечества; эта неопределенность оказывает влияние на состояние общества и процессов, происходящих в нем, включая развитие образования. Сейчас особенно важным становится вопрос о том, в каком направлении будет развиваться общество, и какую роль может сыграть образование в этом процессе. Политологи, социологи, философы, выражают озабоченность таким состоянием, когда человечеству приходится отвечать на глобальные вызовы, учиться противостоять угрозам самому его существованию; актуальным становится вопрос об устойчивом развитии общества. Современная педагогика пытается осмыслить эти проблемы, развивая идеи о подходах к обучению в образовании, с помощью поиска новых педагогических технологий, приемов и методов обучения. При этом не учитывают переход постиндустриальному обществу в педагогических исследованиях уже не представляется возможным, однако попытки осмыслить и обосновать происходящие изменения предпринимаются с использованием существующей методологии, относящейся к эпохе модерна. Постмодернистские идеи только начинают находить свое отражение в появляющихся концепциях об образовании в современном мире.

Ключевые слова: устойчивое развитие; образование; постмодернизм; тело без органов; ризома; номадологический проект.

Sustainable development and education in the conditions of the uncertain world. *Elkina I.M.*

Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education

Abstract: A rapidly changing society creates uncertainty about the future of humanity; it affects the state of society and the processes taking place in it, including education development. Now the question about the direction the society will develop, and the role of education in this process becomes especially important. Politicians, sociologists, philosophers concern about the respond of humanity to global challenges and risks; the issue of sustainable development of society becomes relevant. Modern pedagogy tries to comprehend these problems, developing ideas about teaching approaches, by searching for the new pedagogical technologies and teaching methods. At the same time, it is no longer possible to ignore the transition to post-industrial society in pedagogical research, however, attempts to comprehend and justify the changes are made using the existing methodology relating to the modern era. Postmodern ideas only begin to be reflected in the concepts of education in the modern world.

Keywords: sustainable development; education; postmodernism; body without organs; rhizome; nomadological project.

Быстро меняющееся общество создает неопределенность в отношении социального, экономического, демографического и экологического будущего человечества; эта неопределенность относительно будущего оказывает влияние на состояние общества и процессы, происходящие в нем, включая развитие образования. Вопрос о том, каким будет общество в будущем, важен во все времена, однако сейчас в силу именно сроков протекания всех процессов, их невероятного ускорения, и усиливающейся неопределенности этот вопрос приобретает особую остроту.

Политологи, социологи, философы, люди, определяющие государственную политику в различных сферах, международные организации выражают озабоченность по поводу возможностей человечества противостоять глобальным вызовам угрозам самому его существованию. Неудивительно, что актуален

вопрос об устойчивом развитии общества. В сфере образования в связи с этим уже укоренился термин «образование в целях устойчивого развития» (стоит заметить, что это не самый удачный перевод с английского термина из документов ООН и ЮНЕСКО). Однако в педагогическом сообществе он уже принят и является предметом обсуждения в контексте глобальных компетенций, навыков XXI века, экологической культуры и т.п.

Современная философия образования пытается осмыслить эти проблемы, развивая идеи о подходах к обучению в образовании, находясь в поиске новых педагогических технологий, приемов и методов обучения, стремясь учитывать состояние общества, характеристики образовательного пространства и времени. В педагогических исследованиях заявлено о влиянии постиндустриального общества на образование [1, 2], однако попытки осмыслить и обосновать происходящие изменения предпринимаются с использованием существующей методологии, относящейся к эпохе модерна, когда активно развивались представления об обучении в индустриальном обществе. Довольно длительное время постмодернистские идеи находят свое отражение в образовании в США и Западной Европе (К. Якобс, Дж. Кинчелоу, П. Слэттери, Ф. Инглиш, и др.) [3, 4, 5, 6]. Это выражается в том, что теоретиками и практиками в сфере образования признается необходимость реагировать на новые запросы общества и отражать их в поисках новых подходов, изменению содержания и организации образовательного процесса, управлении и т.д. Идеи философов-постмодернистов начинают находить свое отражение в отечественной педагогике и философии образования (Т.Н.Бокова, В.Н. Волков, Р.Р. Гарифуллин, Г.Д. Дмитриев, В.А. Емелин, С.В. Иванова, А.С. Колесников, И.И. Соколова, Н.Л. Смакотина, Г.В. Сорина и др.) [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15]. Действительно, проблемой является то, что инструментарий, хорошо зарекомендовавший себя в педагогике в условиях индустриального общества, продолжают применять без учета изменений, происходящих в современном обществе, однако состояние реальной экономики таково, что эти попытки обновления содержания образования и подходов к обучению слабо «встраивают» образовательный процесс в современность.

«...В отличие от классической модели, помещающей событие во время, постмодернисты помещают время в событие...» [16, с. 219]. Точнее эта мысль звучит у С.В. Ивановой: «глубокое противоречие современной постиндустриальной эпохи: задается условие, которое достигается унифицированными средствами, доступными времени и месту, но не подходящими для достижения позитивного результата... Иными словами, если пространство выстраивается без учета времени (эпохи) и условий (состояния) объектов и субъектов, его наполняющих, то ожидать его успешного формирования не приходится.» [1, с. 44].

Автором проанализирован ряд постмодернистских концепций, которые связаны с идеями о развитии общества, взаимодействии человека и общества, состоянии образования в условиях неопределенности.

Так, анализируя работу Ж.Делеза и Ф.Гваттари «Капитализм и шизофрения» важно обратить внимание на то, как они показывают взаимодействие человека и общества. Они представляют концепцию «тела без органов», изменяющийся общественный массив желаний. Для каждого случая формируется свое тело без органов в зависимости от индивидуальных желаний каждого индивидуума, при этом желание ищет новые формы и различные комбинации для своей реализации («Анти-Эдип») [17].

Развивая эту концепцию в дальнейшем («Тысяча плато»), Делёз и Гваттари представляют три типа «тела без органов»: раковое, пустое и полное. Пустое тело без органов описывается как «неподвижное (кататоническое)», поскольку оно полностью лишено органов; все потоки проходят через него свободно, без остановок и без смены направлений. Хотя на него может быть спроецирована любая форма желания, пустое тело без органов само по себе является непроизводительным. Полное тело без органов — это здоровое тело без органов; оно производительное, и не окаменелое в своей организации. Раковое тело без органов замкнуто в шаблоне бесконечного воспроизводства своего собственного шаблона. Чтобы стать телом без органов, индивидууму нужно принять, что все вокруг нестабильно, меняется свободно и динамично, результатом чего является постоянно меняющийся набор взаимосвязанных объектов с размытыми индивидуальными границами.

С концепцией тела без органов сочетается концепция ризомы [17] как метода освоения пространства, как физического, так и пространства чего-либо в переносном смысле (например, контента в образовании). Ризома обладает определенными характеристиками, среди которых авторы концептуализируют картографию как активность, проявляемую кочевником-номадом в освоении окружающего мира. Активность субъекта является залогом его дальнейшего развития. Однако

состояние тела без органов (синтез постоянно меняющихся обстоятельств, коннекций, желаний) актуальное, уникальное и являющееся устойчивым здесь и сейчас, постоянно изменяется – в этом проявляется неустойчивость общества.

Проводя «новый анализ» социальных процессов (шизоанализ), Ж.Делез и Ф.Гваттари высказывают мысль о том, что власть всегда стремится к упорядочиванию, что становится параноидальным стремлением к выстраиванию иерархий и структурированию. Массы же (воплощающие собой бессознательное, стихию, «шизофрению») противостоят государственному порядку и должны организовываться в «номадические потоки» [16] с особой шизофренической гносеологией (отсюда – шизоанализ). В Видении авторов возникает иная структура мира – гладкая поверхность, способ существования тела без органов.

А.Г. Дугин, продолжая размышления Делеза и Гваттари и проецируя их на мир интернета, полагает, что «Поверхность как среда, где телесное уже практически перестало быть телесным, а рациональное еще не стало рациональным, но уже вот-вот им станет, и есть место ризомы, глобального сетевого корневища, которое живет и распространяется по безграничной горизонтали экрана. В этом ризоматическом мире поверхности, называемом Делезом «тысячей плато», протекают основные процессы, в нем размещается онтология и гносеология постмодерна» [16, с. 215].

Номад всегда сам строит свою карту местности, двигаясь в пространстве ризомы, может сам создавать свой мир и время, определяя свое бытие «играя на складках и морщинах экранной поверхности» [16, там же].

Линии, складки, узлы – это места, где собирается энергия, образуется что-то новое, отличное от «массы» потребителей, составляющих поверхность, «экран». То, что эти складки есть, что они образуются, и является устойчивым процессом, но каковы они, заранее предсказать невозможно.

Возвращаясь к теме устойчивого развития и образования: принимая концепцию Делеза и Гваттари, мы можем согласиться с тем, что устойчивым в современном обществе является лишь тот факт, что мир неустойчив и нестабилен. К такому положению дел и надо готовить субъекта в рамках образовательного процесса в современном обществе. Это готовность быть активным субъектом, ответственным за свое обучение на протяжении всей жизни, умеющим применять полученные знания и навыки в новых, незнакомых условиях соответствует идее «быть номадом» в лексике Делеза и Гваттари [17].

Активная позиция субъекта образовательного процесса находится в фокусе внимания современных исследователей образования; в зарубежных исследованиях тема лидерства в широком смысле становится остроактуальной. Определяются характеристики лидера, его умение ставить цели, работать с коллективом, нести ответственность за результат своей деятельности и деятельности коллектива и т.д. Здесь можно провести аналогию с тем, что мы в нашей терминологии называем функциональной грамотностью, которая включает, среди многих важных ментальных навыков, навык осознанной работы с пространством (здесь речь идет об образовательном пространстве, включающем не только субъекта, физическое пространство, но и деятельность субъекта в этом пространстве, что опять же соотносится с представлениями Делеза и Гваттари об освоении номадом окружающего пространства).

Это также и ответственное отношение к окружающей среде, проявляющееся в заботе о будущем, об экологически правильных взаимоотношениях с природой. И здесь речь должна идти о глобальных компетенциях, являющихся частью функциональной грамотности и формирование которых также является заботой современного образования.

Неопределенность и нестабильность, присущая современному миру, «провоцирует» индивидуума проявлять нестандартные способы существования в нем. Однако все, что касается личности человека, живущего в этих «неустойчивых» условиях, имеет совсем другой вектор, направленный не столько на приобретение собственного устойчивого положения в борьбе с трудными внешними изменяющимися условиями, сколько на освоение навыка гибкой подстройки под меняющуюся ситуацию при сохранении внутренней стабильности и устойчивости жизненных ценностей. Это и связано с непрерывным обучением в течение всей жизни – для человека. Это означает, что «...Постмодернизмом предлагается конструировать в режиме диалога постоянно обновляющуюся реальность образования, находясь в процессе, не имеющем рамок, конца и результатов» [12, с. 147] – для образования.

Литература:

1. Иванов О.Б., Иванова С.В. Формирование современного образовательного пространства: междисциплинарный взгляд. // Философские науки. 2016; С.39-49.
2. Новиков А. М. Постиндустриальное образование. Изд. 2-е, доп. М.: Эгвес, 2011. 152 с.
3. Jacobs V. Recommendations for alternative education. A Report to the joint Select committee to Review the Central Education Agency. Texas Youth Commission, 1994. 206 p.
4. Kincheloe J. L., Steinberg S. R. A tentative description of post-formal thinking: The critical confrontation with cognitive theory // The post-formal reader: Cognition and education. N. Y.: Falmer Press, 1999. P.55–90.
5. Slattery P. Curriculum Development in the Postmodern Era // Teaching and Learning in an Age of Accountability. N. Y.: Routledge / Taylor and Francis, 2013. P. 20–21.
6. English F. W. The postmodern challenge to the theory and practice of educational administration. Springfield, 2003. IL: Charles C. Thomas Publisher, Ltd. Maharishi University, 2006.
7. Бокова, Т.Н. Альтернативные школы США как постмодернистский дидактический проект. АНОО «ИЭТ», 2017. 192 с.
8. Волков В. Н. Глобализация, номадизм и онтология туризма // Вестник Европы. Непрерывный журнал. 05.02.2017. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/globalization-nomadism-and-ontology-of-tourism.html> (дата обращения 12.09.2019).
9. Гарифуллин Р. Р. Почему игнорируют постмодернизм в образовании? URL: <http://z3950.ksu.ru/phil/0754327/033-035.pdf>. (дата обращения: 02.10.2018).
10. Дмитриев Г. Д. Модернизм, постмодернизм и теория содержания школьного образования в США URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1194960196&archive=1195938639&start_from=&ucat=& (дата обращения: 25.02.2019).
11. Емелин В. А. Постмодернизм: в поисках определения. М.: Алетейя, 2000. 347 с.
12. Иванова С.В. Социально-экономические смыслы образования в эпоху постмодерна // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2017. №2. С. 141-150.
13. Колесников А.С., Соколова И.И., Современная зарубежная компаративная педагогика и философия образования. СПб, ВАС, 2016. 224 с.
14. Смакотина Н.Л. Трансформация образования в условиях глобализации: возможности и риски // Ценности и смыслы. 2017. Т. 6, № 52. С. 21–28.
15. Сорина Г.В. Субъекты принятия решений в современном образовательном процессе // Проблемы современного образования. 2017. № 2. С. 22–29.
16. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009 . 744 с.
17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. Д. Кралечкин. Екатеринбург: У-Фактория, 2008, 672 с.

Методологические подходы в сфере образования для устойчивого развития

Ермаков Д. С.

Российский университет дружбы народов, профессор, доктор педагогических наук

ermakov-ds@rudn.ru

Аннотация: В докладе обсуждаются результаты проведенного в 2019 г. опроса экспертов – специалистов в области образования для устойчивого развития (ОУР). В целом для Российской Федерации отмечается незначительный прогресс в данной области ОУР. На пути реализации ОУР имеется ряд затруднений, в частности, отсутствие системных научных исследований в области методологии. Обозначены основные теоретико-методологические подходы, которые должны быть положены в основу ОУР, в числе которых представляется инновационными и перспективными идеи конвергентности (стирание границ между отдельными научными дисциплинами, научным и технологическим знанием), трансдисциплинарности (решение комплексных проблем природы и общества во взаимодействии многих дисциплин, на разных уровнях) и резильентности (способность системы восстанавливаться после возмущающего воздействия, устойчивость к будущим негативным событиям).

Ключевые слова: образование для устойчивого развития, методология, конвергентность, трансдисциплинарность, резильентность.

Methodological approaches in education for sustainable development. *Ermakov D. S.*

Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: The report discusses results of the questionnaire of experts in the field of education for sustainable development (ESD), which was conducted in 2019. In general, the Russian Federation has made little progress in the area of ESD. There are a number of difficulties on the way of ESD implementation, in particular, an absence of systematic scientific research in the field of methodology. The main theoretical and methodological approaches, that should serve as a foundation for ESD, have been identified, including innovative and promising ideas of convergence (blurring the boundaries between distinct scientific disciplines, between scientific and technological knowledge), transdisciplinarity (solving complex problems of nature and society in the interaction of many disciplines at different levels) and resiliency (ability of the system to recover from the perturbation, resistance to future negative events).

Keywords: education for sustainable development, methodology, convergence, transdisciplinarity, resilience.

¹ Принятые в 2015 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций цели устойчивого развития определили для всех стран повестку дня в области экономического роста, социальной интеграции и охраны окружающей среды [1]. В связи с этим необходимо предоставить исследователям, практикам, лидерам общин и предпринимателям новые руководства, с тем, чтобы научить их тому, как преодолевать барьеры и решать проблемы, возникающие в связи с операционализацией и мониторингом осуществления повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, целостно вовлекая все заинтересованные стороны в совместное решение проблем и итеративный процесс, включая междисциплинарный подход, направленный на мобилизацию знаний посредством науки и образования для содействия процветанию всех в долгосрочной перспективе [2].

В 2019 г. нами проведен опрос экспертов – специалистов в области образования для устойчивого развития (ОУР) – научные сотрудники, преподаватели вузов, методисты, активисты общественных организаций (27 чел., из них д-р наук, проф. – 48 %, канд. наук, доц. – 48 %; средний педагогический стаж: всего – 30,7 лет, в области ОУР – 16,9 лет.

В целом для Российской Федерации по состоянию на 2019 г. отмечается незначительный прогресс. Доклад подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда научных исследований (проект № 19-013-00722).

гресс в области ОУР (экспертная оценка по 3-балльной шкале (0 – деятельность не начата; 1 – деятельность осуществляется; 2 – деятельность развивается; 3 – деятельность завершена) составляет 0,7. В то же время эксперты отмечают, что в ходе реализации ОУР в Российской Федерации могут быть найдены решения ряда проблем отечественного образования. Однако на этом пути имеет место ряд затруднений, в частности, отсутствие системных научных исследований в области методологии ОУР.

Обозначены основные теоретико-методологические подходы, которые должны быть положены в основу ОУР: системный, синергетический, системно-синергетический, культурологический, проблемный, диалектический; экологический, экосистемный, эколого-ориентированный, личностно-ориентированный, трансдисциплинарный, проблемно-ситуативный, средовый подход, междисциплинарный, компетентностный, практико-ориентированный, интегративный, системный межведомственный (в принятии комплексных социально-эколого-экономических управленческих решений). Важно учитывать постнеклассическую методологию, методологию оценки рисков, парадигму резильентности, комплексность и междисциплинарность образования, теорию устойчивого развития, глобальный эволюционизм, современный конструктивизм, представления об экологической грамотности, понятие экологической культуры населения, подходы индивидуального образовательного маршрута.

Следует отметить, что предложенные подходы, в основном, известны и применяются при проектировании и реализации ОУР [3]. Понимая подход как систему, совокупность взглядов, методов и способов; способ решения, осуществления, объяснения чего-либо, представляется инновационными и перспективными идеи конвергентности, трансдисциплинарности и резильентности.

Конвергентный подход трактуется как стирание границ между отдельными научными дисциплинами, между научным и технологическим знанием. Преодоление этих границ в условиях шестого технологического уклада открывает возможности для создания объектов, близких по функциям и назначению к природным, во всех сферах человеческой деятельности [4].

Очевидно, что сегодняшним ученикам во взрослой жизни придётся сталкиваться с вызовами, выходящими за рамки узких предметных областей, а значит перед современной системой образования стоят серьёзные задачи определения новых приоритетов и подходов. Методология преодоления междисциплинарных границ – старт для активной жизни и труда в обществе конвергентных НБИКС (нано-, био-, информационно-коммуникационные, когнитивные и социальные) технологии будущего. Конвергентное ОУР должно быть направлено на формирование такой образовательной среды, в которой учащиеся будут воспринимать мир, как единое целое, а не как перечень отдельных изучаемых в школе дисциплин [5].

Изменение отношения человека к природе необходимо с учётом «множественности, темпоральности и сложности» [6, с. 34]. Наиболее адекватно этот описывается понятием «трансдисциплинарность». Трансдисциплинарность – способ рассмотрения любого предмета вне рамок традиционных научных дисциплин как продукта специализации. Она трактуется как «правило» исследования окружающего мира сразу на нескольких уровнях (например, физическом и ментальном, глобальном и локальном), как «принцип» организации научного познания в широком взаимодействии многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества (известны также термины мульти-, плюро-, интердисциплинарность). Трансдисциплинарный подход в образовании, в целом [7], и в ОУР, в частности, призван отразить особенности перехода от приоритета понятийного мышления к концептуальному, осмыслению мира и себя в нём, с характерной для такого подхода дестабилизацией дисциплинарных границ, межкультурностью и глобализацией. Трансдисциплинарная модель, опирающаяся на универсальные общесистемные закономерности, позволит отойти от эмпиричности конструирования ОУР [8].

Резильентность (англ. *resilient* – живучий, устойчивый) означает способность системы восстанавливаться после возмущающего воздействия – один из аспектов устойчивости. Это способность людей справляться со стрессом, катастрофой, устойчивость к будущим негативным событиям, «факторам риска», в экономике – поддержание и сохранение благосостояния, в промышленности – условие «активной» безопасности, снижения сбоев и отказов за счёт разработки надёжных гибких технологических процессов [9]. Данное явление известно в психологии, начинает изучаться в педагогике [10], резильентные школы, колледжи работают со сложными учениками из неблагополучных семей, детьми мигрантов, с нарушениями развития и при этом добиваются положительных результатов, вопреки внешним трудностям [11]. Применительно к ОУР, по-видимому, не используется, что подчёркивает новизну и актуальность данного подхода.

Литература:

1. Transforming our world: the 2030 Agenda for sustainable development : resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E.
2. Gupta J., Vegelin C., Sustainable development goals and inclusive development // International environmental agreements: politics, law and economics. 2016. Vol. 16. P. 1–16.
3. Аргунова М. В., Ермаков Д. С., Плюснина Т. А. Экологическое образование в интересах устойчивого развития для школьников и учителей. М. : МИОО, 2015. 144 с.
4. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70.
5. Фещенко Т. С., Шестакова Л. А. Конвергентный подход в школьном образовании – новые возможности для будущего // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11. Ч. 2. С. 159–165.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
7. Телегина Г. В. Образование в трансдисциплинарном континууме: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2006. 428 с.
8. Дзятковская Е. Н. Образование для устойчивого развития в школе. Культурный концепт. «Зелёные аксиомы». Транспредметность. М. : Образование и экология, 2015. 328 с.
9. Panarchy: understanding transformations in human and natural systems / eds. L. H. Gunderson, C. S. Holling. Washington, DC : Island Press, 2002. 536 p.
10. Райхельгауз Л. Б. Резильентность образовательных результатов как новый принцип современной дидактики // Ярославский педагогический вестник. 2019 № 4. С. 8–13.
11. Пинская М. А., Хавенсон Т. Е., Косарецкий С. Д., Звягинцев Р. С., Михайлова А. М., Чиркина Т. А. Поверх барьеров: исследуем резильентные школы // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 198–228.

Залибекова А.З.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» филиал в г. Махачкале, начальник учебно-методического отдела

Аннотация. В философском осмыслении образования автор считает методологически значимым утверждение: образовательное пространство - базовый объект, в котором сконцентрированы основные содержательные части и элементы образования для исследования его сущности. Сложившиеся в развитых в культурном и научном отношении странах множество образовательных пространств подводит к вопросу об их взаимосвязи и взаимоотношениях. В этой связи, несмотря на очевидную подвижность и размытость границ образовательного пространства рассматривается иерархичность образовательных пространств, которая усложнена иерархичностью «материнских» социокультурных пространств. Отталкиваясь от явно выраженной тенденции, когда под влиянием новейших достижений в области информационно-коммуникативных средств образовательное пространство глобализируется, в статье обосновывается гипотеза о региональных, национальных, религиозных, географически и политически ограниченных образовательных пространствах, составляющих группы «матрёшечных» систем.

Ключевые слова: образовательное пространство, социокультурное пространство, иерархия, матрёшки, глобализация.

Multi-stage character of educational spaces.

Zalibekova A.Z.

Department «Rostov State Economic University» branch in Makhachkala (Republic of Dagestan)

Abstract. In the philosophical understanding of education, the author considers the statement methodologically significant: the educational space is the basic object in which the main substantive parts and elements of education are concentrated to study its essence. The many educational spaces that have developed in culturally and scientifically developed countries raises the question of their interconnection and relationships. In this regard, despite the obvious mobility and blurring of the boundaries of the educational space, the hierarchy of educational spaces is considered, which is complicated by the hierarchy of the “mother” sociocultural spaces. Based on a pronounced trend, when the educational space is globalized under the influence of the latest achievements in the field of information and communication tools, the article substantiates the hypothesis about regional, national, religious, geographically and politically limited educational spaces that make up the groups of “multi-stage” systems.

Key words: educational space, sociocultural space, hierarchy, Russian dolls, globalization.

Образовательное пространство - базовый объект, в котором сконцентрированы основные содержательные части и элементы образования для исследования его сущности. Поскольку за последние несколько веков в мире сложилось множество образовательных пространств, возникает вопрос об их взаимосвязи и взаимоотношениях. Если они не только неоднородны, имеют разнообразные типы и формы, что дает попытка их сопоставления и сравнения? Мы выдвигаем гипотезу об их иерархической семейственности, символом или образцом которой становится образ русской матрёшки. Включенность образовательных пространств друг в друга – основа для научно-методологического подхода в исследовании особенностей современного образовательного пространства и самого образования как культурной системы и особого социального явления.

Поскольку социальное пространство как целое в отношении образовательного пространства основано на взаимосвязи действующего субъекта и окружающей его среды - отношений, отвечающих за воспроизводство целостности социума и оснований социального движения [1, с.20], так и образовательное пространство, как часть социального пространства основано на взаимодействии человека с его окружающей средой, особой сферой которой является культурная среда. Оно предстает как особый

социальный институт, осуществляющий духовное производство в культуре как особом и специфическом способе человеческой деятельности. И образование, и культура (как материнское лоно образования) являются результатом активности человека как субъекта. Европа, где и возникает в классическом понимании образование, «наследует агональную парадигму европейской культуры» [2, с.14]. Именно деятельностный подход, характерный для ростовской школы культурологии и обосновываемый ее представителями не одно десятилетие XX-XXI в.в. в теоретическом осмыслении культуры, наиболее точно и полно проникает в суть образования.

Сущностным качеством образовательного пространства как подсистемы культурного пространства предстает производство духовных продуктов в человеческом общении. Говоря о неблагоприятных обстоятельствах в современном отечественном образовании, А.Миронов замечает, что «современное социально-гуманитарное образование утрачивает функцию носителя духовной культуры» [3, с.19], что, в конечном счете, приводит к существенному ослаблению важнейшей функции образования – обеспечения национальной безопасности страны. Признаки общего кризиса российского образования актуализируют, на наш взгляд, исследование образовательного пространства, поскольку «формирование нового образовательного пространства как условия успешной модернизации современной России является объективной потребностью государства в качественном высшем и среднем образовании» [4, с.4].

Образование – как и любое социальное явление конкретно-исторично, отражает определенный уровень развития культуры. Именно уровень развития культуры определяет особенности тех или иных функционирующих образовательных систем. И только в период конца XIV - XV веков, осознается необходимость знания не только для правящей религиозной и политической элиты, но и той части общества, которая должна эффективно работать. С этого времени начинается в ряде продвинутых в своем развитии европейских стран осознанное формирование образовательного пространства, которое выступает подсистемой социального пространства.

Многоуровневый характер коммуникативных культурных связей личности в обществе привел к теоретическому осмыслению недостаточности понимания «образовательных процессов как традиционно – линейных» и «детерминировал введение в научный оборот термина «образовательное пространство», где социализация индивида происходит на смешении цивилизационных, государственных, общественных и иных связей [5, с.46]. Основной функцией образовательного пространства становится не только трансляция ценностно-значимой информации, но и ее систематизация в интересах этноса, нации или государства в мировоззренческую картину мира социума.

Несмотря на относительно молодой возраст «образовательное пространство» обладает рядом атрибутивных сущностных и несущностных свойств, потому возникшее в социокультурной системе данное понятие еще не имеет глубокого научного осмысления. В первом приближении это «...глобальная образовательная система, основное содержание которой составляют культурные и научные достижения всего человечества, осваиваемые в единых организационных формах, на основе общих средств, методических принципов и технологических возможностей педагогической деятельности...» [6, с.318-319]. Акцент в таком толковании сделан на всеобщий аспект, на глобальный масштаб. И это оправдано тенденциями постоянного расширения содержания и возможностей образования. Однако превращение понятия во всеобъемлющее определение образования как весьма масштабного социального явления, не освобождает философско-культурологическую рефлексию от осмысления его форм, видов, конкретно-исторических проявлений.

Образовательное пространство – такая подсистема социокультурного пространства, которая имеет свои качественные особенности, связанные с целевыми установками образования. Надо иметь в виду, что сами социальные пространства также иерархичны, причем они имеют вертикальную и горизонтальную составляющие, которые должны рассматриваться в целостной системе [См.: 7]. И то, что внутри образовательного пространства имеется своя иерархия, усложняет его суммарную иерархичность, поскольку она зависит не только от особенностей социального пространства, но и от структурирования образования, которое, в свою очередь, зависит от методов, средств и способов передачи, хранения и трансляции знаний и опыта. Неустойчивы также границы образовательного пространства, они размыты и постоянно расширяются. Подвижность и размытость границ образовательного пространства поскольку детерминированы не только ростом объема знаний, подлежащих передаче от поколения к поколению, но и тем, что образовывает человека не только школа и другие специализированные учреждения, но и вся окружающая социализирующуюся личность информационная среда.

Под влиянием новейших достижений в области информационно-коммуникативных средств об-

разовательное пространство глобализуется. Происходит сращивание телевизора, компьютера, факса и т.д. в одну систему. Культура, сложившаяся под влиянием книг и журналов, газет и радио, начинает уступать место новой экранной культуре, основанной на взаимодействии всех традиционных форм передачи информации с компьютером. Все это становится инструментарием для формирования нового глобального образовательного пространства. Такое пространство находится на этапе формирования, его границы радикально расширяются, что связано с расширением мира культуры. В предельном расширении речь может идти о мировом образовательном пространстве, но практическая плоскость вопроса осмысливается в культурно-цивилизационных системах, предстающих как основные тренды развития человечества в мировом масштабе. Глобальное измерение, которое присуще этим системам, позволяет их разбить на четыре целостности и расположить их следующим образом: «Западный мир; Китай; Исламский мир и Россия» [8, с.12]. Остальные региональные, национальные, религиозные, географически и политически ограниченные образовательные пространства составят четыре группы «матрешечных» систем. Но при этом остается открытым вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости указанных систем друг с другом.

Литература:

1. Сайко Э.В. Субъект и его сущностные характеристики в культурно-исторических пространствах социального бытия. Пространства жизни субъекта. - М., 2004. 608 с.
2. Драч Г.В. Цивилизация (цивилизации) и культура (культуры) //Цивилизационные исследования на Юге России : монография / Г. В. Драч, Т. С. Паниотова, В. Н. Бадмаев и др. ; Южный федеральный университет ; отв. ред. Г. В. Драч. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. — 304 с. С.9-59.
3. Миронов А.В. Образование и национально-государственная безопасность// Гуманитарий Юга России. 2018, Том 7, №6. С. 16-25.
4. Буряков С.К., Р.Х.Усманов. Проблемы и тенденции современных процессов государственной политики российского образования. – М.: Экон-Информ, 2014. -152 с.
5. Конев В.А. Культура и архитектура педагогического пространства.//Вопросы философии. 1996. - № 10. С. 46-57.
6. Билалов М.И. Единое образовательное пространство. Глобалистика.// Международный энциклопедический словарь. М., Санк. Пет., Нью-Йорк, 2006. - С. 318-319.
7. Билалов М.И. От единичного и уникального до всеобщего и универсального//Гуманитарий Юга России, №2, 2015.С.90-99.
8. Чумаков А.Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы// Век глобализации. 2018. №4. С.3-15.

Место академического эссе в научно-исследовательской деятельности студентов-филологов

Зашихина И.М.

Северный (Арктический) федеральный университет, доцент к-ры английской филологии, языков северных стран и лингводидактики, кандидат философских наук

i.zashikhina@narfu.ru

Аннотация: В статье рассматривается академическое эссе как средство обучения академической грамотности в рамках дисциплины «Академическое письмо», преподаваемой студентам-бакалаврам философского направления университета. Овладение академической грамотностью представляется значимым элементом высшего образования, связанным с научно-исследовательской деятельностью. Выявляя навыки и умения, развиваемые в процессе обучения написанию эссе, автор преследует задачу концептуализации академического эссе, его места в структуре дисциплины «Академическое письмо» и в программе философского образования, в целом. В результате делается вывод, что для освоения профессии философа эссе выступает как 1) образовательный инструмент, 2) средство репрезентации результатов исследования, 3) способ коммуникации идей в академическом и профессиональном сообществах. Опыт написания эссе как базового академического текста дает старт развитию целого комплекса компетенций научно-исследовательской и профессиональной деятельности в рамках гуманитарного философского образования.

Ключевые слова: академическая грамотность, академическое письмо, академическое эссе, философское образование, научно-исследовательская деятельность, профессиональные компетенции

Status of Academic Essay in Philosophy Students' Research Work. Zashikhina I.M.

Northern (Arctic) Federal University. Department of English Philology, Languages of Nordic Countries and Language Pedagogy

Abstract: The article considers academic essays as a means of teaching academic literacy in the framework of the discipline “Academic Writing”, taught to undergraduate students of the Philosophy direction at the university. Mastering academic literacy seems to be a significant part of higher education related to research activities. Highlighting the skills developed in the process of teaching essay writing, the author pursues the task of conceptualizing an academic essay, its place in the structure of the discipline “Academic Writing” and in the curriculum of philosophical education, in general. As a result, it is concluded that in the course of mastering the profession of a philosopher, an essay comes as 1) an educational tool, 2) a means of representing the results of the study, 3) a way of communicating ideas in the academic and professional communities. The experience of writing an essay as a basic academic text gives rise to the development of a whole range of competences in research and professional activities within the framework of the humanities and philosophical education, in particular.

Keywords: academic literacy, academic writing, academic essay, philosophical education, research activities, professional competences

Философское образование в вузе включает в себя как специальные профессиональные, так и общекультурные дисциплины. Впрочем, в случае философского образования сложно отделить одно от другого в силу специфики предмета философии. Традиционно направленные на развитие научно-исследовательских компетенций дисциплины – логика, научно-исследовательский семинар – в программе философского факультета занимают важное место в профессиональном цикле предметов. Что касается дисциплины «Академическое письмо», относительно недавно вошедшей в учебные программы высшего образования, то для философов она представляет особую ценность в том смысле, что дает компетенции,

позволяющие представлять профессиональные навыки в публичном пространстве, тем самым доказывая свою общественную значимость.

«Академическое письмо», или, как варианты, «Академическое чтение и письмо», «Академическое письмо и выступление», в фокус своего внимания ставит развитие навыков генерации собственных идей, их логическую организацию, построение связного, адресного и ясного текста [1; с. 138]. Сфера применения компетенций, обучаемых в курсе «Академического письма», однако, гораздо шире. Как указывает И.Б. Короткина, понятие академической грамотности используется западными психологами для обозначения способности к когнитивной и творческой деятельности (там же). К рассматриваемому понятию исследователи также относятся как к совокупности социальных практик в образовательном контексте [2; с. 142]. Такие социальные практики неразрывно связаны с вопросом репрезентации результатов научно-исследовательской деятельности студентов на научных и научно-практических семинарах, конференциях, симпозиумах, конгрессах.

В ракурсе проблемы повышения конкурентоспособности российских вузов в академическом сообществе, когда одной из задач университета становится стимулирование публикационной активности студентов, важность обучения компетенциям дисциплины «Академическое письмо» очевидна. Академическая грамотность является компонентом научно-исследовательских компетенций и служит общим задачам университетского образования, о чем писал в своей работе П. Бурдые еще в 1965 г. [3]. Однако, ввиду молодости дисциплины в российском образовании и отсутствия традиции академического письма в отечественном образовании, существует задача концептуализации вопросов данной дисциплины. Так, по признанию специалистов, на сегодня существует дефицит понимания, например, таких общекультурных аспектов «Академического письма», как:

1. определение места науки в гуманитарном образовании в условиях массового высшего образования и общего падения престижа гуманитарной науки;
2. выявление социально-экономических факторов, влияющих на формирование академической грамотности,
3. осознание, насколько возможна проблематизация «тонких», философских вопросов научной деятельности, связанных с субъективностью, самореализацией, творчеством, этикой, моральными качествами человека и т.п.
4. в конце концов, определение самого понятия «академической грамотности» [см. 4, 1].

Кроме того, нет ясности, что должно включать содержание курсов по академическому письму. Нужно сказать, что при определении содержания «Академического письма» выделяют два основных подхода: 1) жанровый и 2) с ориентацией на процесс. Жанровый подход подразумевает изучение правил написания различных типов текстов академической речи: эссе, резюме, письма, доклада, реферата, диссертации и т.д. Второй, ориентированный на процесс, подход фокусируется на индивидуальной, личностной ситуации написания отдельного текста при подготовке задания письменного формата. Здесь внимание уделяется поэтапному созданию текста и его адресности [5; с. 61-62]. Представляется, что такое деление несколько искусственно. Дело в том, что при создании текста отдельного жанра, например, эссе, необходимо не только знать особенности написания эссе, но и уметь планомерно и самостоятельно написать такой текст.

Говоря об эссе, следует также отметить, что оно является одним из базовых жанров академического письма. Еще в школе с него начинается овладение академической грамотностью. Именно на этапе работы над академическим эссе происходит знакомство с основами академического письма, его особенностями и форматами. Осваивая данный жанр, учащиеся готовятся к созданию в будущем более абстрактных и длинных текстов, как реферат, курсовая работа или диссертация. От того, как будет воспринят данный материал и насколько успешно учащийся овладеет правилами и способами создания эссе, во многом зависит дальнейшая поисковая, аналитическая, коммуникативная деятельность в процессе высшего образования. Преемственность задачи заключается также во влиянии данного результата на презентационную и публикационную деятельность студентов.

В рамках философского образования эссе получает дополнительное значение. Готовя материалы для написания эссе на заданные философские темы, автор не только получает возможность широкого маневра в использовании профессиональных философских знаний, но и вынужден эксплуатировать свои навыки научной деятельности, а именно:

1. производить синтез имеющихся представлений о предмете философской науки,

2. отбирать релевантные теоретические конструкты,
3. артикулировать соответствующие философские идеи,
4. выделять конкретные части рассматриваемого учебного материала и определять области социально-философского анализа,
5. аргументировать высказывания с помощью примеров, взятых из научных и художественных источников,
6. находить потенциальные пути решения проблем используя социально-философское знание.

Таким образом, в плане мыслительной деятельности процесс написания эссе:

1. структурирует когнитивный процесс: происходит упорядочивание мыслей, категоризация идей,
2. активизирует аналитическую и оценивающую деятельность,
3. запускает процесс критической рефлексии,
4. стимулирует индивидуальную креативность,
5. развивает коммуникативные навыки.

Выполняя обозначенную научно-исследовательскую деятельность в ходе написания эссе, студент обнаруживает степень и качество усвоения философских теорий, представления об их отражении в социальной реальности, развития философских теорий во времени. В случае продуманного и добросовестного подхода к созданию текста – а именно этого нужно добиваться при постановке учебного задания – происходит серьезный синтез всего спектра знаний, фоновой информации, учебных ресурсов, мыслительных функций и творческих способностей. Обдумывая вопрос задания, студент использует учебный багаж, полученный в ходе освоения различных дисциплин своей специальности. В процессе вспоминания пройденного материала автор обращается к философским источникам, что часто приводит к выявлению дополнительной информации. В этом случае происходит инновационное, творческое осмысление известных конструктов, понятий, историко-философских событий. По наблюдению И.Н. Минеевой, академическое эссе учит «совмещать субъективное знание с источниками объективного знания» [6; с. 9]. Так появляется новое знание, оригинальный авторский продукт, артикулированный в терминах, понятных академическому и профессиональному сообществу.

Подведя итог, отметим особое значение академического эссе для развития целого спектра учебных компетенций, важных для овладения профессией в современных условиях труда. Эссе позволяет проблематизировать исследуемый предмет, интерпретировать, анализировать ситуацию, саморефлектировать над предметом, развивать навыки грамотной коммуникации результатов деятельности, собственный авторский стиль и профессиональную позицию. Так, в статусе эссе для обучения философской профессии выделяются следующие грани:

1. эссе как образовательный инструмент,
2. эссе как средство репрезентации результатов исследования,
3. эссе как способ коммуникации идей в академическом и профессиональном сообществах.

В целом, хочется подчеркнуть особое место жанра академического эссе в контексте обучения академической грамотности для студентов философского направления высшего образования. Опыт написания эссе как базового академического текста дает старт развитию того комплекса преимуществ овладения навыками академического письма, который представлен выше.

Литература:

1. Короткина И.Б. Академическое письмо: на пути к концептуальному единству // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 136 – 142.
2. Смирнова Н.В. Академическая грамотность как фактор иноязычной профессиональной подготовки // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 140 – 147.
3. Bourdieu P. Academic discourse: Linguistic misunderstanding and professorial power / P. Bourdieu, J. Passeron, M. De Saint Martin. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 144 p.

4. Барабашина Э.В. Академическое письмо: заметки заинтересованного лица // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 1. С. 185–187.
5. Чуйкова Э.С. Академическое письмо: какое содержание актуально для России? // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 59-67.
6. Минеева И.Н. Академическое эссе: теория и практика жанра // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 7-14.

Философия образования: перед вызовами глобализации

Клишина М.В.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, профессор, кандидат философских наук
klmarina7@mail.ru

Сейфуллина Г.Р.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, доцент, кандидат философских наук
galiya-magavina@mail.ru

Аннотация: Вопрос о ценностных основаниях современного образования является одним из важнейших вопросов современной философии образования. Образование оценивается как находящееся в эпицентре глобализации, не свободное от влияния политических целей мирового сообщества, играющих не последнюю роль в кризисном состоянии современного образования. Акцентируется внимание на определяющих тенденциях постиндустриального, информационного общества, требующих изменений процесса и содержания образования. Инновационность образования понимается как обучение, раскрывающее и развивающее творческий потенциал личности, формирующее новое поколение творческих профессионалов, готовых учиться на протяжении всей жизни. Понимание смысла образования, предполагающего формирование не только человека знающего, но и человека разумного, нравственного, миролюбивого, ненасильственного связывается с изменением роли образования перед вызовами глобализации.

Ключевые слова: образование, глобализация, ценности, инновационное обучение, творчество, гуманитаризация образования.

Philosophy of education: facing the challenges of globalization.

Klishina M.V., Seifullina G.R.

Karaganda economic university of Kazpotrebsoyuz

Abstract: The question of the values of education nowadays is the one of the most important issues of a modern philosophy of education. Hence, it is assessed as being in the epicenter of the globalization and it is dependent from the political goals of the world community, which play an important role in the crisis situation of the modern education. The attention is focused on the defining trends of the post-industrial, informational society that requires changes in the process and content of education. The innovativeness of education is understood as a learning that reveals and develops creativity. It forms a new generation of the creative professionals who are ready to learn throughout their lives. Understanding the meaning of education is important, as it builds the formation either of a knowledgeable person or a reasonable, moral, peaceful, non-violent person as well. Moreover, it is associated with the change in the role of education influenced by the challenges of the globalization.

Keywords: education, globalization, values, innovative learning, creativity, humanitarization of education.

В реалиях сегодняшнего дня проблемы образования обозначились как одна из глобальных и актуальнейших проблем. В современной философской литературе констатируются изменение места и роли образования в жизни общества, все возрастающие требования к образовательному процессу и требования изменений в самой системе образования, образование рассматривается как важнейшая стратегическая сфера жизни человека, форма реализации его прав. Тем более тревожным осознается кризисное состояние системы образования и воспитания, связанное с глобальным кризисом социальных форм человеческой общности. Несмотря на динамичный рост числа образованных людей непроходящий кризис духовности, нравственного сознания, ценностных ориентиров ведет к снижению способности общественного организма к самоорганизации и выживанию.

Между тем система образования во все времена являлась ответственной за формирование нового поколения творческих профессионалов, готовых принимать решения по всем ключевым вопросам общественного развития, способных к саморазвитию и творческой деятельности, обладающих критическим мышлением как проявление гражданственности, и сегодня выполнение данной ответственной задачи сопряжено с тем, что образование находится в эпицентре глобализации, испытывая как ее

позитивное, та и негативное воздействие.

Каким должно быть образование в новых исторических условиях? На что оно должно быть ориентировано, что значимо ценностным должно в нем быть? Учитывая то, что наибольшую сложность в исследованиях будущего составляет вероятностный характер выстраиваемых моделей, сценариев и прогнозов, необходимо решительно отказываться от навязываемых ложных парадигм социального, экономического, политического и культурного развития.

В конце XX века на пространстве бывших советских, особенно азиатских республик в общественное мнение внедрялась мысль о несостоятельности командно-административной системы, вертикали власти, принципа европоцентризма. Тем более неожиданным и алогичным явился шаг в сторону европеизации образования и вхождения теперь уже независимых республик в Болонский процесс. Европейский Союз рассматривался новыми политическими элитами как достойная альтернатива всему советскому [2]. Сегодня же становится очевидным: что центробежные и центростремительные силы, приведшие с одной стороны к образованию Европейского Союза, а с другой – разрушению Советского Союза – это не только проявление закономерностей объективного характера, но и воли политических элит.

Быть может, стоит согласиться с теми, кто признает Болонский процесс политически мотивированным, предназначенным для достижения политических целей. По сути, это процесс, в котором переплетаются политическая и культурная глобализация, с акцентом на политической. Как оказалось, многие декларируемые цели Болонского процесса всего на всего простая декларация: фактически постсоветское образование поставлено в определенную зависимость от Болонского процесса, что предопределило наряду с другими факторами кризисное состояние постсоветского образования. Что принесло утверждение общепринятой и сравнимой системы ученых степеней? Расширило ли оно возможности трудоустройства выпускников постсоветских вузов на едином теперь уже образовательном и научном пространстве? Ответ отрицательный. Что дает первый цикл обучения? Насколько наше образование соответствует европейскому? Отвечает ли оно определенному уровню квалификации, являющемуся релевантным для европейского рынка труда? Что дало создание ECTS - Европейской системы переводимых кредитов, как средства повышения мобильности системы? Увы, ответ пессимистический. [3].

Положительно оценивая идею Болонского соглашения, а именно достижение единых и сопоставимых параметров для всех европейских школ, нельзя не указать на то, что цена, которую необходимо заплатить за достижение этой цели, и применяемые в этом отношении процедуры контрпродуктивны. Образовательное пространство демонстрирует не уменьшение, а увеличение различий между национальными системами образования, качеством исследований.

Современные процессы автоматизации и информатизации, расширение сферы применения искусственного интеллекта могут изменить и это соотношение. Чем, прежде всего, характеризуется 6-й технологический уклад, который начинает реализовываться в развитых странах? Результатом этих процессов является радикальное преобразование содержания и характера трудовой деятельности, возникают новые требования к профессиональной, социальной, психологической подготовке людей, меняется характер образовательных и мотивационных потребностей. Все это определяет новые вызовы для системы образования и воспитания, формирования ценностных ориентаций.

Понимание аккумуляционного (накопительного) характера негативных тенденций в системе образования, последствия которых может сказаться значительно позже, определяет поиск путей преодоления и имеющую место дефундаментализацию гуманитарного знания, ведущую к явному ущемлению эмоционального, нравственного, духовного развития человека.

Остро стоит проблема поднятия престижа общественных наук, ядром которых являются философское образование, формирующее культуру мышления и культуру практической деятельности. Фундаментальные задачи и многоцелевые программы инновационного развития требуют интегративного подхода и согласования усилий представителей естественных, технических и гуманитарных наук. Очевиден и факт, что гуманитаризация образования диктуется и современными социальными процессами, поскольку именно от гуманитарного образования зависит социальная защищенность специалиста, его способность ориентироваться в сложных процессах и зависимостях экономической и политической жизни общества, его навыки и умения социально-психологической адаптации в динамично меняющемся мире. Аксиоматичным должно стать положение о невозможности быть ценностно-нейтральной науки, получившее свое осмысление в социогуманитарной науке постнеклассическо-

го периода через постановку вопроса о ценностных основаниях современной науки, о соотносительности характера получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности субъекта, но и с ее ценностно-целевыми структурами.

Недооценка, или сознательное игнорирование социокультурной обусловленности образовательного процесса может привести к катастрофическим последствиям, учитывая многовекторность выбора субъектов взаимодействия в условиях глобализации. Только важнейшие нравственные ценности, понимание приоритета добра, красоты и человеческой жизни гарантируют достижение ограничений деятельности, ориентированных на выбор только таких возможных сценариев взаимодействия, в которых обеспечиваются стратегии обоюдного развития.

Однако современные ценностные трансформации многолики: с одной стороны, на смену нравственно-социальным налицо попытка внедрения личностно-гедонистических ценности, с другой, кризис рационализма, гуманизма, идеи прогресса, который сводит личность к механистическому, биологическому, с третьей, кризис классических ценностей привел к дистанцированию точной науки от гуманитарной, к вульгаризации принципа «не навреди», попытке извратить сущность социокультурной обусловленности образовательного процесса. Очевидно надо вернуться к пониманию того, что мышление – это процесс, обратиться к выявлению социальной природы творчества, социокультурной обусловленности, зависимости творческой деятельности от средовых факторов, личностных свойств, познавательной ситуации образовательного процесса, задача которого не сводится только к трансляции готового знания, но развитию личности, ее готовности и способности учиться в течение всей жизни. Когда, не понимая того, что инновационное обучение, это обучение, которое развивает творческий потенциал, учащегося, личность в целом, когда в погоне за новизной субъект не принимает во внимание общее благо и его не воодушевляют идеалы добра и любви, он приносит в мир оскудение, уничтожение, гибель сделанного до него, что приводит к саморазрушению, и это уже лжетворчество, антитворчество, квазитворчество.

Литература:

1. Olikier O, Charlick-Paley T., Assessing Russia's Decline: Trends and Implications for the United States and the U.S. Air Force. Rand: Project Air Force United States. Air Force Rand, 2002. P. 136
2. Мельвил А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // Полис. 2008. № 4. С. 66-85.
3. Маркович Д. Ж. Экономика образования и социология образования перед вызовами глобализации и виртуализации образования. – <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Doclad/markovich.pdf>.

Проблема осознанности в полиязычном образовании (на примере Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова)

Кожамжарова М.Ж.

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, ассоциированный профессор (доцент). Кандидат философских наук

Maуга_2901@mail.ru

Уызбаева А.А.

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, ассоциированный профессор (доцент). PhD

yizbaeva@mail.ru

Аннотация: В данной статье затронута проблемы реализации политики трехязычия Казахстана в высших учебных заведениях, которые связаны не только с материально-техническим и кадрово-квалификационным потенциалами учебных заведений, но и с недостаточным уровнем владения английским языком, со степенью готовности, мотивации и осознанности обучающихся к реализации данной политики. На основе социологического исследования, проведенного в декабре 2018 года среди магистрантов разных специальностей Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова показано, что уровень знания английского языка у магистрантов не достаточен для освоения академических дисциплин. В ходе опроса выявлено, что большинство магистрантов поддерживают и понимают важность политики трехязычия, но не осознают полностью свою собственную роль в ее реализации.

Ключевые слова: Казахстан, политика трехязычия, магистратура, обучение, осознанность, английский язык

The problem of awareness in multilingual education (on the example of S. Toraighyrov Pavlodar State University).

Uyzbayeva A.A.; Kozhamzharova M.Zh.

S. Toraighyrov Pavlodar State Unniversity

Abstract: This article reveals problems of trilingual policy implementation in Kazakhstan in higher education, which are associated not only with material, technical, personnel and qualification potentials of educational institutions, but also with an insufficient level of English proficiency, with degree of readiness, motivation and awareness of postgraduate students to implement this policy. The article information is based on a sociological survey which is conducted in December 2018 among undergraduate students from various fields of studying in S. Toraighyrov Pavlodar State University. The result of survey showed that the level of English language among undergraduates is not sufficient for studying academic disciplines. Also, the survey revealed that most undergraduates support and understand the importance of trilingual policy, but do not fully realize their own role in its implementation.

Keywords: Kazakhstan, trilingual policy, master's program, studying, awareness, English

Современные глобализационные процессы, происходящие во всем мире, стремление развивающихся стран к открытости и единому мировому пространству, необходимость реализации основных требований Болонского соглашения требуют от общества хорошего знания иностранных языков, в большей степени английского. Поэтому вопрос полиязычия или многоязычия актуален для многих развивающихся стран, в том числе для Казахстана и России.

Если в России развитие и функционирование языковой политики регулируется Законом «О государственном языке», Законом «О языках народов Российской Федерации», Федеральной целевой программой «Русский язык», Законом субъектов федерации «О языках», Федеральной целевой

программой по развитию образования на 2016-2020 гг. и «каждый шестой россиянин утверждает, что владеет английским языком» [1], то в Казахстане введены ряд специальных программ, направленных на развитие полиязычия. Среди данных программ Государственная Программа развития образования и науки РК на 2016-2019 годы, Госпрограмма развития и функционирования языков на 2011-2020 годы, культурный проект «Триединство языков».

В результате реализации данных программ к 2020 году 20% казахстанцев должны овладеть английским языком, а казахским и русским языками – 90% населения. Число владеющих тремя языками к 2020 году должно достичь 20% [2, 3]. Но уже в 2017 году, по словам Министра культуры и спорта (на сегодняшний день бывшего) А. Мухамедиулы, со ссылкой на результаты ежегодного исследования, 83,1% населения Казахстана овладело государственным языком, а доля взрослого населения, овладевшего тремя языками, составила 22,3% [4]. Однако, несмотря на предпринятые программы и высокие статистические показатели, уровень владения английским языком в Казахстане по-прежнему остается низким и с каждым годом данный показатель, к сожалению, снижается. Так, по данным 2019 года EFPI (Education first, English proficiency index) по уровню владения английским языком Казахстан стоит на 93 месте, тогда как Россия занимает 48 место среди 100 стран. (К сравнению, в 2016 году Казахстан занимал 54 место, в 2017 — 68, а в 2018 — 80-е. [5].

Среди причин, мешающих эффективной реализации политики трехязычия в Казахстане исследователи выделяют: разный уровень знания языка у обучающихся, отсутствие программно-методического сопровождения полиязычного образования, устаревшие методики обучения языкам, региональный языковой дисбаланс, неразработанность механизма оценки результативности труда полиязычного специалиста и т.д. [6-9]. Более того, немаловажную роль в данном вопросе, на наш взгляд, играет мотивация и степень осознанности самих обучающихся и в этой статье будет рассмотрен указанный аспект в системе послевузовского образования. Стоит отметить, что речь пойдет о работе вузов Казахстана, в которых изначально были только программы обучения на двух языках: казахском и русском.

Начиная с 2013–2014 учебного года в 32 вузах Казахстана по педагогическим, естественнонаучным и техническим специальностям начато обучение на трех языках — английском, казахском и русском - и Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова не был исключением. В пропорциональном отношении обучение студентов бакалавриата по специализированным дисциплинам выглядит следующим образом: для групп с казахским языком обучения – 50% дисциплин преподаются на государственном языке, 20% - на русском языке и 30% на английском языке; для русскоязычных групп – 50% дисциплин на русском, 20% - на государственном языке и 30% на английском языке. В образовательных программах магистратуры отсутствует язык обучения, это полиязычные группы, где вопрос языка обучения решается за счет выборного компонента. На данный момент ПГУ им. С. Торайгырова предлагает несколько образовательных программ бакалавриата и магистратуры с английским языком обучения (химические технологии, информатика и т.д.).

В целях эффективной реализации политики трехязычия и интернационализации системы высшего образования в 2016 Ученым Советом ПГУ было принято решение предлагать всем обучающимся магистратуры ряд дисциплин изучать на английском языке, в том числе и курс «История и философия науки». Всего с 2016 года свыше тысячи обучающихся изучили данный курс, в течение которого мы столкнулись с рядом вышеупомянутых проблем. Вместе с тем, с ростом количества обучающихся (2016-2017 уч. год – 142 обучающихся, 2018-2019 уч. год - 551) проблемы обучения увеличились в объеме.

С целью определения причин низкого уровня английского языка, уровня мотивации и осознанности магистрантов к обучению, определения дальнейшей стратегии обучения и преподавания в декабре 2018 года был организован и проведен социологический опрос. Анкета сгенерирована и обработана с помощью программного обеспечения 1Ka (Словения) и состоял из 22-х вопросов. В опросе приняли участие 258 магистрантов, из них 129 мужчин, 129 женщин в возрасте от 21 до 40 лет (98% опрошиваемых).

Для определения уровня английского языка у магистрантов им было предложено самим определить уровень знания языка и указать время, затраченное на достижение данного уровня. 25% опрошиваемых определили свой уровень как начальный (beginner, elementary), 33% - ниже среднего (pre-intermediate), 36% - средний уровень (Intermediate) и только 6% считают себя продвинутыми пользователями (upper-intermediate, advanced). Из них 40% обучающихся изучали английский четыре года и

больше, 19% респондентов изучали английский меньше года, по 10% магистрантов обучались английскому два и три года, 11% - один год, когда как 9% или 24 обучающихся не изучали ранее английский язык. Бесспорно, что уровень ниже среднего и средний не совсем достаточен для изучения данной дисциплины на английском языке. Вместе с тем, за время обучения английскому языку четыре года и больше процент уровня языка среднего и выше среднего должен быть на много выше (при условии наличия качественного преподавания и высокой мотивации со стороны обучающихся) [10].

На вопрос об уровне мотивации (желания) изучать английский язык чуть больше половины респондентов (56%) определили как высокий, 36% - средний, 5% ответили, что им безразлично и по 1,5% респондентов определили данный уровень как низкий и очень низкий. Вместе с тем иные цифры можно видеть на вопрос об уровне мотивации (желания) изучать дисциплины на английском языке: 38% респондентов ответили, что у них высокий уровень желания, 46% - средний, 11% и 5% отметили как низкий и очень низкий, то есть в большей степени магистранты заинтересованы изучать английский язык, нежели предметы на английском.

Для определения осознанности магистрантов к обучению и осведомленности о реализации политики трехязычия были поставлены следующие вопросы и получены результаты:

1) «Ваше отношение к политике трехязычия в Казахстане» - положительное отношение выразили 81% опрошиваемых, нейтральное (безразличное) - 13%, отрицательное - 5% и затруднились ответить - 1%;

2) «Как Вы относитесь к внедрению трехязычия в школах и университетах» - ¾ магистрантов (75%) считают, что данная политика должна внедряться и в школах, и в университетах; 8% - только в школах; 7% - только в университетах; 8% выразили нейтральное (безразличное) отношение и 2% затруднились ответить;

3) «Должны ли дисциплины магистратуры изучаться на английском языке?» - 40% обучающихся полагают, что в образовательных программах магистратуры должны присутствовать дисциплины, преподаваемые на английском языке; 56% магистрантов считают, что это возможно, но в зависимости от дисциплины и 3% против такого обучения;

4) «Знали ли Вы, что некоторые дисциплины будут преподаваться на английском языке?» - 17% обучающихся знали об этом до поступления в магистратуру; 26% респондентов узнали при поступлении (сдача документов, вступительных экзаменов, распределении государственных грантов) то есть до начала учебы; 28% узнали в начале учебного года (когда начались занятия, увидели расписание, впервые пришли на данный курс); не знал 8% и знали, но без уточнения времени, когда они это узнали - 21%.

По этим результатам можно заключить, что большинство опрошиваемых знают и поддерживают политику трехязычия. Более того, подавляющее большинство считают, что данную программу необходимо внедрять в школах и университетах, но в магистратуре применять только к определенным дисциплинам, что показывает, скорее всего, неготовность к реализации полиязычного обучения и низкую степень осознанности своей роли в данной реализации. Данный аспект также подтверждает и то, что более половины респондентов не знали о ходе реализации политики трехязычия в ПГУ им. С. Торайгырова.

Таким образом, обучающиеся магистратуры обладают достаточным уровнем английского языка для общения и базовой коммуникации, но этого недостаточно для обучения академическим дисциплинам. Их уровень мотивации к обучению не высок, но степень осознания необходимости обучения на английском языке – достаточно высок. Однако, низка степень осознанности определения своей роли в этом процессе. Поэтому, на наш взгляд, необходимо использовать методы и подходы, направленные на повышение мотивации и заинтересованности к эффективной реализации языковой политики Казахстана, акцентируя на важной роли в данном процессе каждого гражданина, и философские дисциплины как никогда отвечают этим требованиям.

Литература:

1. Остлер Н. Английский язык достиг своего пика в качестве международного? // <https://inosmi.ru/social/20180228/241578450.html>
2. О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы (с изменениями и дополнениями от 04.12.2015 г. // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31024348#pos=2;-180

3. Об утверждении Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30906915#pos=1;-72
4. 83% казахстанцев владеют государственным языком, сообщил Мухамедиулы // <https://informburo.kz/novosti/83-kazahstancev-vladeyut-gosudarstvennym-yazykom-soobshchil-muhamediuly.html>
5. EF EPI 2019 – Уровень владения английским языком // <https://www.ef.kz/epi/regions/asia/kazakhstan/>
6. Баюканская С.Ф., Калаханова С.Б. Некоторые аспекты полиязычного образования в современном вузе // Материалы международной научно-практической конференции «Наука и образование в глобальном мире». Уральск, 2017. С. 43-45;
7. Нурпеисова С.К., Азимбаева Ж.А. Внедрение полиязычного образования: опыт, проблемы и перспективы // Вестник Карагандинского университета. Серия «Педагогика». 2015. № 2(78). С. 256-262
8. Нурланов Е. Организация полиязычного обучения в системе образования: международный опыт и рекомендации для Казахстана // <http://iac.kz/ru/publishing/organizaciya-poliyazychnogo-obucheniya-v-sisteme-obrazovaniya-mezhdunarodnyy-opyt-i>
9. Жетписбаева Б.А. Стандартизированное обучение языкам в условиях полиязычного образования // Вестник КарГУ. Серия «Педагогика». 2015. №2. С. 45-51
10. Four differences between BICS and CALP // <https://www.clilmedia.com/four-differences-between-bics-and-calp-and-why/>

Конашкова А.М.

Центр развития универсальных компетенций Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доцент. Кандидат философских наук

a_konashkova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования критического мышления среди студентов высших учебных заведений как основы общекультурных и общепрофессиональных компетенций. Это один из важнейших навыков XXI века, необходимость развития которого у студентов, обуславливает потребность в изменении форм и содержания учебного процесса по курсу философия. В статье обосновывается необходимость внедрения и использования технологии развития критического мышления в учебном процессе. Результативность освоения курса философии возможна через сочетание традиционных и инновационных технологий обучения. Автор делает акцент на особые приемы и методы, которые целесообразно использовать в процессе обучения.

Ключевые слова: образование, мышление, критическое мышление, рациональное мышление, философия

Application of critical thinking development technology in the course of philosophy.
Konashkova Alyona M.

Ural Federal University - Center for Development of Universal Competencies

Abstract: The article is devoted to the problem of forming critical thinking among students of higher educational institutions as the basis of General cultural and professional competencies. This is one of the most important skills of the XXI century, the need for the development of which in students, causes the need to change the forms and content of the educational process for the course philosophy. The article substantiates the need to introduce and use the technology for developing critical thinking in the educational process. The effectiveness of the philosophy course is possible through a combination of traditional and innovative learning technologies. The author focuses on special techniques and methods that are appropriate to use in the learning process.

Keywords: education, thinking, critical thinking, rational thinking, philosophy

Многие люди скорее умрут, чем начнут думать.

И умирают, так и не начав.

Бертран Рассел

Одной из основных причин появления разговоров о необходимости формирования критического мышления у обучающихся всех уровней, начиная с воспитанников детских садов, школьников и заканчивая студентами высших учебных заведений, является переход к компетентностной модели образовательного процесса. Система образования с древнейших времен являлась и является одним из ключевых элементов общественного формирования личности и одним из основных каналов передачи культурного опыта, социальных устоев и норм поведения. Однако на сегодняшний день можно говорить о том, что образование становится еще и одним из элементов конкуренции. Образованный человек, как его определяет Николай Рубакин, - это «...человек, имеющий свое собственное мирозерцание, свои мнения обо всех сторонах и областях окружающей его жизни» [1, с. 119]. Это определение образованного человека как человека, умеющего мыслить и понимать, разбирающегося во всем, что совершается вокруг, ставит перед нами вопрос о том, каким должен быть современный человек, чтобы не быть нивелированной личностью?

Современная реальность, где информация, разного рода идеи, ценностные установки постоянно реструктурируются, проверяются и переосмысливаются, требует от человека принципиально нового типа мышления. Это мышление мы назовем критическим. Хотя рассуждения о необходимо-

сти развития в себе такого рода мышления имеют давнюю историю и отсылают нас к Античности, например, к воззрениям великого Сократа. Тем не менее, именно сейчас в веке XXI эти навыки приобретают не то, чтобы ценность, а практически становятся жизненно необходимыми. Наш мир, как говорит писатель и бизнес-тренер Никита Непряхин, - это мир, где никто не может выжить с одним простым линейным способом мышления: «человек будет тонуть в огромном океане сомнительной, непроверенной и недостоверной информации, будет делать поспешные и необоснованные выводы и обобщения, принимать некорректные решения, смотреть на происходящие в мире процессы и явления поверхностно, искаженно, стереотипно, в черно-белых красках» [2].

Трудно представить себе сферу жизни, где способность ясно и адекватно мыслить была бы не нужна. Однако, как отмечает Дайана Халперн [3, с. 4], «...лишь немногим из нас объясняли, как можно научиться мыслить более продуктивно. Учебные заведения традиционно требуют, чтобы студенты, изучали, запоминали, анализировали факты, решали задачи, но эти заведения так и не учат, как именно это необходимо делать. Подразумевается, что взрослые студенты уже «умеют мыслить»...». А так ли это на самом деле? Исследования, проводимые в самых разнообразных уголках нашей планеты, рисуют одну и ту же ужасающую картину – люди крайне небрежно относятся к критическому мышлению. Приведем пример, американскими психологами была предпринята попытка замерить уровень сформированности критического мышления среди студентов одного из ведущих университетов. Результаты этого эксперимента, в котором приняли участие свыше 2700 студентов, показали, что только 25% студентов первого курса имеют навыки, минимально необходимые для логического или абстрактного мышления.

Новые технологии, которые сегодня получают большое развитие и распространение, оказывают одновременно благотворное и дестабилизирующее влияние на современного человека. Многочисленные исследования показывают, что новое поколение быстрее обрабатывает информацию, достаточно хорошо справляется с многозадачностью, но зато современных подростков стали хуже развиваться интеллектуальные навыки, выполнение которых взяли на себя разного рода гаджеты и всемирная паутина. Умение критически мыслить необходимо, но системно такие навыки не даются и не развиваются. Многие ученики, делится опытом И.В. Абанкина – директор Института развития образования, плохо справляются с решением задач, в которых требуется не однозначный ответ, а логически обоснованный. *Все согласны, что студенты учатся, но учатся ли они думать – спорный вопрос [4].*

Большинство людей понимают, что нужно тренировать тело для того, чтобы поддерживать его в работоспособной форме. Но далеко не все понимают, что мышление также требует усилий и тренировки. К сожалению, вокруг множество примеров ленивого и небрежного мышления. Критическое мышление не появляется само по себе. Чтобы добиться какого-либо эффекта, требуется приложить максимум усилий по совершенствованию и развитию своего мышления. Очевидно, школы и университеты недостаточно обучают мыслительным навыкам. К сожалению, зачастую акцент делается на «мыслить ЧТО», а не «мыслить КАК», существует тенденция к простому необдуманному «зазубриванию». Так что же значит мыслить критически? Разные исследователи выделяют до 30 различных компетенций, составляющих основу критического мышления. Среди них – рефлексия (осознание), адекватный анализ и качественная оценка информации, проблематизация массовых стереотипов и иллюзий, гибкость и независимость мышления, необходимость формирования собственной аргументированной точки зрения и нахождение эффективных решений.

Современному ученику нужны такие формы обучения, которые позволили бы ему пользоваться своим мышлением более продуктивно. В феврале текущего года у нас с магистрантами инженерных направлений подготовки состоялась фокус-группа, посвященная теме навыков XXI века. Вот небольшие выдержки из высказываний студентов: «Наше поколение иначе относится к информации. Нам не нужны «100-процентные» истины и «стопудовые доказательства». Учебники и лекции в традиционном формате устарели безвозвратно. Будущее за умением искать, обрабатывать, отсеивать и самому создавать информацию, черпать ее из многочисленных источников».

К большому сожалению представителей философского сообщества, философия как учебная дисциплина крайне не популярна среди студентов инженерных направлений. Из опроса, который был проведен среди студентов первых курсов, следует, что только 3% обучающихся считают этот курс «полезным». В то же время эти же студенты отдавали предпочтение таким курсам как «Критическое мышление» (64%), «Логика» (21%), «Теория и практика эффективных коммуникаций» (58%), «Личная эффективность» (61%), «Принятие решений» (45%). В чем причина? Точнее, причины «нелюбви» к

Кондратьев В.М.

Московский городской педагогический университет, доцент. Кандидат философских наук

kondrut@mail.ru

философии? Их несколько. Во-первых, это попытка «охватить необъятное», за отведенные на аудиторное изучение курса 50-52 академических часа пытаться рассказать студентам обо всей философии. В результате такого «философского марафона» что останется в памяти студентов? Десяток имен, хаос из дат, идей и школ. Во-вторых, традиция превращать изучение философии в зазубривание терминов и натаскивание на сдачу тестов, игнорируя личный интерес студентов. Как показывает срез знаний, который проводится по прошествии 1-2 семестров после освоения дисциплины, студенты, которые сдали зачет/экзамен на 70-80%, демонстрируют остаточные знания в диапазоне, редко превышающем 30-процентное значение. Знание, не пропущенное через себя, не вызвавшее личную заинтересованность, забывается очень скоро. И, наконец, в-третьих, нельзя считать студентов невеждами и не слушать, что они говорят. Любознательность, живой интерес, сомнение и даже каверзные вопросы со стороны студентов, все это – признак живого ума. «Особых талантов у меня нет, но я чрезвычайно любознателен» - писал в свое время Эйнштейн. Именно благодаря этому качеству делаются великие открытия и реализуются успешные проекты. Еще одна важная причина, о которой мы ранее уже писали в статье «Общество и философия: формирование социально-личностных компетенций» [5], - эгоистичность и чрезмерная прагматичность современных молодых людей. Для современных студентов ценностью обладает то знание, плоды, от использования которого, можно вкушать в обозримом будущем. Они не стесняются спрашивать: «Философия поможет мне разбогатеть?», «Стать счастливым?», «Успешным?», «Может быть она даст мне ответы на все интересующие меня вопросы?». Удивительно, но студенты, в большинстве своем, считая навык критического мышления одним из самых востребованных в современности, совершенно не связывают его развитие с изучением философии.

В современном образовании нужно менять формат преподавания многих гуманитарных дисциплин, смещая акцент с информационного обучения на смыслопоисковое. Будущее, как оно нам видится, за построением интегративных гуманитарных курсов, в которых традиционные фактологические и хронологические подходы к изучению философии дополняются проблемным подходом к организации обучения. Целью данного подхода является выявление проблемного вопроса, задачи или ситуации, поиск противоречий и путей их разрешения. Но, для того, чтобы проблема была решена, ее необходимо правильно сформулировать, осознать, обосновать и предложить возможное решение. Именно такой подход связывает философию с повседневностью, формирует социально-личностные, когнитивные и коммуникативные компетенции, такие как любознательность, гибкость, критическое и аналитическое мышление, рефлексия, умение критиковать и доказывать, работать в команде и разрешать конфликтные ситуации и т.п. В целях повышения интереса к гуманитарным курсам, в частности, к философии, в Уральском федеральном университете в период с марта по май 2020 года проводится Чемпионат по философии среди студентов гуманитарных и инженерных направлений подготовки. Заинтересованность и активность, с которой студенты откликнулись на это мероприятие, позволяют нам опровергнуть высказывание Б. Рассела, вынесенное в эпиграф, - не перевелись еще те, кто желает думать! И это вселяет уверенность, что философия нужна!

Целым рядом исследователей, в частности, Владимиром Зинченко, Вадимом Розиным, Дайаной Халперн и другими, обоснован факт, что и ученик школы, и студент ВУЗа могут получить полноценное знание только при условии развития таких метапредметных навыков. Понятие метапредметности употребляется нами в значении «надпредметности», то есть своеобразного когнитивного инструмента, который формируется и применяется не в процессе изучения (освоения) какого-то конкретного предмета или учебной дисциплины, а в ходе всего процесса обучения. Поэтому и задача, которая сегодня стоит перед курсом философии, не ограничивается набором фактологических знаний, которые транслируются обучающемуся в ретроспективе. Ее задача – более важная! Стать связующим звеном между достижениями разных наук и стать полем для применения и оттачивания навыков критического мышления.

Литература:

1. Рубакин Н.А. Как заниматься самообразованием. М.: Советская Россия, 1962. 126 с.
2. Непряхин Н. Не верю! Как развить критическое мышление // Forbes [адрес доступа: <https://www.forbes.ru>, 25.02.2020]
3. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 168 с.
4. McKeachie W. J. Teaching thinking // Critical thinking: A collection of readings. 1992.
5. Замошанский И.И., Конашкова А.М. Общество и философия: формирование социально-личностных компетенций // Теория и практика общественного развития. 2015. №4. С. 103-107.

Аннотация: Исходный тезис данной статьи – мир всегда был полицентричным и всё же единым. Зависимость жизни людей от природы всегда была основой их единства, а различия в соотношении морали и права каждого народа, закреплённые в традициях, – основанием их различий. Единство – основа мирной жизни. Поэтому поиски его оснований, как и способов их изменений, велись всегда. Одним из оснований единства является образование. С начала XX века Россия реформирует своё образование по европейскому образцу, но желаемого результата достичь не удаётся. Одной из причин неудачи является несоответствие между планами реформаторов и российской действительностью. Проводимая реформа ведёт к понижению уровня философской, а, следовательно, и методологической культуры выпускников вузов. Правильно определить путь развития российского образования можно лишь на основе интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ключевые слова: единство, основа, основание, мораль, право, образование, зависимость, свобода

Education in a polycentric world.

Kondratyev V.M.

Moscow city teacher training university

Abstract: In this paper I suppose that the world we live in has always been polycentric, but still holistic.

The fact that people depended on nature created a solid ground for people's unity. At the same time different people's laws and morals reflected in their traditions were a reason for people's distinction. People's unity is the basis of people's peaceful coexistence, that's why academics have always been in search of its grounds as well as a means of changing it. I tackle education as a foundation of people's unity. Since the 19th century there has been an educational reform in Russia. Russia has been modernizing its educational system in European way, but still there is much to be desired. One reason why this reform hasn't reached its goals is that there was a gap between the reformers' plans and Russian reality. The educational reform being held leads to decline of post-graduate students' philosophical and methodological culture in Russia. The possible solution to this situation might be an integration of humanities into science.

Keywords: unity, base, basis, morality, right, education, dependence, freedom

Мир всегда был полицентричным и единым. Природные различия условий жизни людей обуславливали социальные различия между ними. Однако где бы и когда бы не жил человек, он всегда зависел от сил природы, общества и самого себя. Зависимость – основа всего живого в мире: и растений, и животных, и людей. У животных и людей есть ещё одно общее основание жизни – неопределённость их ориентации в мире. Стремление уменьшить степень неопределённости послужило основанием создания языка, а в дальнейшем – мифологии, религии и науки. Зависимость же от сил природы послужила основой возникновения ранних форм религиозных верований: фетишизма, тотемизма, магии. Мифология, национальные и мировые религии по-своему выражали зависимость человека от господствующих над ним сил. Зависимость как система запретов во взаимодействии человека с предметами природы и людьми нашла выражение в морали. Вспомним библейское: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» [1].

Зависимость – основа возникновения потребностей, а в единстве с неопределённостью – интересов. Результатом деятельности людей по уменьшению степени их зависимости является свобода, получившая выражение в праве. Принцип права – дозволено всё, что не запрещено (законом). И так, зависимость первична, свобода вторична. Первична, соответственно, мораль, право – вторично, а их единство именуется справедливостью.

Исторически сформировавшееся соотношение морали и права служит основанием общественных отношений, а основой их, как показал К. Маркс, является уровень развития производительных сил. Таким образом, о различии обществ тех или иных государств можно судить по соотношению морали и права в их общественной жизни. Право – опора власти, мораль – народа. Очевидно, единство морали и права каждого народа – продукт его истории. Так, в истории Китая сторонникам конфуцианства, провозглашавшим первичность морали, противостояли «законники», итогом их соперничества и стало их единство, нашедшее выражение в государственной идеологии. В СССР более значимой была мораль, поддерживаемая коммунистической идеологией. В Конституции современной России (статья 2) высшей ценностью провозглашаются права и свободы человека [2, с. 4].

Итак, в характеристике полицентричного мира мы отметили основное общественное различие между государствами – характер единства морали и права, а также основу их единства – зависимость государств от природы и друг от друга, от собственной истории. Однако для целей нашей статьи важно знать, как влияют мораль и право на образование человека. В нашем понимании, единство морали и права задаёт пространство самостоятельной деятельности человека, в том числе как субъекта отношений. Самостоятельность мы рассматриваем как основную цель образования. Однако нам важна не самостоятельность вообще, её обладают и животные, а осознанная самостоятельность. Поэтому мы и определяем образование как обретение человеком осознанной самостоятельности в освоении пространства и времени его жизни. И это осознание должно быть направлено и на мораль (зависимость), и на право (свободу). В противном случае мы получим современного Раскольникова, в глазах которого свобода заслонила зависимость. Президент США Д. Трамп, принявший в декабре 2019 года решение об убийстве иранского генерала Касема Сулеймани, рассуждал подобно Раскольникову: «право имею».

Как же при таком соотношении морали и права различные народы могут жить в мире? Какой ответ даёт на этот вопрос история человеческой мысли?

Платон в «Законах», признавая устами критянина Клиния, что «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – с самим собой» видит выход в справедливых законах. [3, с. 73]. Всё зависит от того, на каких законах воспитаны граждане. Высказывание Афинянина о том, что Клиний и Мегилл (лакедемонянин) «воспитаны в покоящихся на законах нравах...», является, по сути, критическим [3, с. 71]. Согласно Афинянину, более правильным является установление законов, ориентированных на высшую добродетель, которую «можно назвать совершенной справедливостью» [с. 77].

Законы – внешние основания воспитания человека. В формировании же его внутренних качеств значима система ценностей, которую Платон представляет в учении о благах, человеческих и божественных. «Первое же из главенствующих божественных благ – это разумение; второе – сопутствующее разуму здоровое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо – справедливость; четвёртое благо – мужество» [3, с. 78]. Воспитание, в понимании Платона, это «то, что с детства ведёт к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим согласно справедливости подчиняться или же властвовать» [3, с. 92].

К миру жизни человека принадлежит и космос, который «есть живое существо, наделённое душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения» [4, с. 434]. Важно то, что космос создан «как единое целое, составленное из целостных же частей, совершенное и непричастное дряхлению и недугам» [4, с. 436]. Платона, как видно из приведённых высказываний, интересовало устройство мира, возможное единство разума, души, закона и морали для достижения справедливости в жизни людей.

Идея единства является главенствующей в работах последующих античных мыслителей. В учениях Дионисия Ареопагита единство трансформировалось в единое и неопределённое, обрело религиозный смысл [5]. Согласно Плотину, «Ум... предполагает... высшее начало абсолютное – Единое, которое, стоя выше бытия и мышления, служит верховной причиной обоих» [6, с. 52].

В XIX веке Гегель характеризует единство как процесс и результат взаимодействия самостоятельности сторон отношения [7, с. 569]. Рассматривает он и единство целого (мира) и частей (государств). «Первая сторона, целое, – это самостоятельность, составлявшая в себе и для себя сущий мир; другая сторона, части, это – непосредственное существование, которое было являющимся миром» [7, с. 570]. Таким образом, проблема единства достаточно глубоко разработана в философском знании, показано значение воспитания в достижении единства.

Реформирование российского образования в XX веке производилось без обращения к философскому учению о единстве, как и к теории соотношения части и целого, к понятию образование. Поэтому цели реформы не были достигнуты: российское образование не достигло единства с европейским. Следствием проведённых реформ стало принижение роли философии в учебном процессе, понижение степени самостоятельности кафедр философии в вузах. Лишь на основе интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания может быть достигнут желаемый результат.

Литература:

1. Библия. Исход 20, 17 https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/desjat-bozhiikh-zapovedej/ [Востребовано 04.01.2020]
2. Конституция Российской Федерации. М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2003. – 64 с.
3. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994. – С. 71–437.
4. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 421–500.
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Тексты, перевод с древнегреческого. – СПб., «Глаголь», 1995 г. – С. 11–339 (XXIII, 370 с.)
6. Плотин. О трёх первых началах, или о субстанциях (V 1) // Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах. Санкт-Петербург, «Алетейя», 1995. – С. 52–67 (702 с.)
7. Гегель. Наука логики. – М.: Изд-во «Мысль», 1998. – 1072 с.

Аннотация: Статья посвящена анализу одного из важнейших событий в новейшей мировой и российской истории философии: 100-летию со дня рождения российского мыслителя - логика, методолога, философа, социолога и писателя Александра Александровича Зиновьева. Акцентируется внимание на важнейших аспектах научной деятельности ученого: теории познания, логике, проблемах цивилизационного развития, когнитивистике, современной идеологии и методологии научного прогнозирования будущего.

Ключевые слова: философия, образование, логика, традиции, цивилизация, теория познания, методология науки.

**Alexander Zinoviev's Method.
Vladimir Anatolyevich Lepikhin**

Director of the EEU Institute

Abstract: the article analyzes one of the most important events in the modern world and Russian history of philosophy: the 100th anniversary of the birth of the Russian thinker - logician, methodologist, philosopher, sociologist and writer Alexander Zinoviev. Attention is focused on the most important aspects of scientific activity of the scientist: the theory of knowledge, logic, problems of civilizational development, cognitive science, modern ideology and methodology of scientific forecasting of the future.

Key words: philosophy, education, logic, traditions, civilization, theory of knowledge, methodology of science.

В 2022 году российское и мировое философские сообщества будут отмечать 100-летие со дня рождения российского мыслителя (логика, методолога, философа, социолога и писателя) Александра Александровича Зиновьева. Особенно значима эта дата для тех российских философов и иных ученых-гуманитариев, которые акцентируют свое внимание на исследовании таких аспектов и направлений современной философии, как теория познания, логика, проблемы цивилизационного развития, когнитивистика, современные идеологии и методология научного прогнозирования будущего.

Всеми этими вопросами, в частности, призван заниматься Международный научно-образовательный центр имени Александра Зиновьева при философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, который возглавляет вдова А.А. Зиновьева Ольга Зиновьева, а в Научный совет которого входят известные философы из России, Греции, Германии, Франции, Великобритании, Сербии.

Масштаб яркого и многогранного таланта А.А. Зиновьева и его научные открытия особенно актуальны сегодня в России, вставшей на путь политических реформ и, следовательно, интенсивных мировоззренческих поисков, результат которых самым непосредственным образом зависит от уровня и активностей отечественной философской мысли и, в частности, от освоения российскими исследователями творческого наследия ведущих русских и советских мыслителей последнего времени.

В 1960-е и 1970-е годы Александр Зиновьев был одним из символов возрождения философской мысли в СССР. Но после публикации на Западе книги «Зияющие высоты», принёсшей Зиновьеву мировую известность, он был выслан (в 1978 году) из страны, лишён советского гражданства, научных степеней и даже военных наград. Фронтвик Зиновьев, однако, никогда не считал себя диссидентом, и на Западе продолжил заниматься тем же, чем занимался в СССР, - научными исследованиями и публичным изложением своей научной позиции, а потому, как только представилась возможность (в 1999 году), Зиновьев вернулся в Россию.

Творческое наследие Зиновьева включает более 40 книг, переведенных на более чем 20 языков мира, из них около половины посвящены проблемам логики и методологии.

Россия богата на великие имена. От Аксаковых, Хомякова, Данилевского и Леонтьева до философов нашего времени - Александра Зиновьева, Александра Панарина и других, то есть на протяжении почти двух веков национальная философско-политическая мысль дала нам колоссальное творческое наследие, которое требует не только изучения, сохранения и преумножения, но и нового прочтения: анализа всего российского философского наследия с учетом принципиально новых политических и идеологических обстоятельств нынешнего времени. И творческое наследие Александра Зиновьева в этом ряду обладает особым значением и актуальностью. В частности, оно чрезвычайно операбельно, что является важнейшим подтверждением высокого уровня научности трудов Зиновьева, их объективности и инновационности.

Самое важное в трудах Александра Зиновьева, в его методе познания - это системность видения любой частной проблемы и движение в процессе её научного осмысления от логики (в том числе - логики математической) к социологии и политической философии, а от них - к интеллектологии и методологии идеологических конструкций и принципов практической политики. В этом смысле Александр Зиновьев всю свою творческую жизнь был верен методу движения (восхождения) процесса познания от абстрактного к конкретному - методу, которому была посвящена его кандидатская диссертация.

Докторская диссертация Александра Зиновьева (1960 год) была посвящена теме «Логика высказываний и теория вывода». Тогда же была опубликована его самая значительная работа по логике, ставшая классической, - «Философские проблемы многозначной логики». В 1967 году Зиновьев возглавил кафедру логики МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1968 году Зиновьев отказался подписывать письмо с осуждением организаторов протеста (известный пикет диссидентов против вола советских войск в Чехословакию на Красной площади), с связи с чем на его научной карьере был поставлен крест.

Александр Зиновьев стал первым советским философом, который системно применил логические принципы и методы к господствующей в советской общественной науке доктрине «исторического материализма», обнажив множество схоластических построений авторов и приверженцев этой доктрины и противопоставив догматической советской интерпретации истмата «логическую социологию» как подлинно научную дисциплину.

Логическая социология Александра Зиновьева со временем становится все более актуальна. По сути, это и есть новая общесоциологическая теория, являющаяся сегодня, с одной стороны, творческим развитием не догматического (аутентичного) исторического материализма, с другой - позитивной альтернативой уходу в мелкотемье, эмпиризм и подражательство отечественной социологии (прикладной социологии, эмпирическим социологическим исследованиям, компаративистике и проч.) и философии (герменевтика, эпистемология, семиотика и проч.)

Логическая социология Зиновьева стала основой такой новой научной философской дисциплины, как «интеллектология», которая, в свою очередь, стала предвестником формирования (уже в 21 веке) так называемой когнитивистики - комплексного, междисциплинарного направления в современных гуманитарных и естественных науках, которые изучают мозг человека, высшую нервную деятельность, искусственный интеллект, логику, программирование, процесс смыслообразования и всю совокупность иных феноменов, связанных со способностью человека мыслить, а человечества - производить знания и оперировать ими.

В свою очередь, политическая философия Александра Зиновьева стала методологическим основанием для многих современных исследователей в области изучения проблем формирования мировоззренческих систем и идеологий, а также особенностей отношений власти, функционирования социально-политических систем и научного прогнозирования социальных и политических процессов. Методология Зиновьева и его подходы к прогнозированию и проектированию будущего легли в основу специального научно-образовательного курса, подготовленного для студентов и слушателей философского факультета МГУ.

Проведение в рамках Конгресса Российского философского общества Международного симпозиума на тему «Логика, методология и политическая философия Александра Зиновьева», посвященного 100-летию со дня рождения этого российского мыслителя, станет важным интеллектуальным событием мирового значения. Проведение такого симпозиума с участием ведущих российских специалистов по логике и методологии науки, вне всяких сомнений, повысит авторитет Российского философского общества и будет способствовать росту интереса отечественных СМИ и экспертного сообщества РФ к профессиональному философскому знанию.

Условия и факторы изменений школьных социально-гуманитарных дисциплин под влиянием медиасреды

Лобанов И.А.

Лаборатория социально-гуманитарного общего образования Института стратегии развития образования РАО, научный сотрудник

ilya.lobanov2012@yandex.ru

Аннотация. Современное образование на всех уровнях испытывает влияние медиасреды. Под ее воздействием происходят изменения в организации учебной деятельности, содержании различных учебных дисциплин. Особое место в этой связи отводится социально-гуманитарным дисциплинам. В российской школе они представлены историей, обществознанием, правом и рядом других учебных курсов. Исследования показывают, что учительское сообщество не в полной мере осознает медиавоздействие, хотя использует различные ресурсы для проведения учебных занятий, учитывает их при планировании своей профессиональной деятельности. В условиях медиавоздействия сформировались факторы, которые следует анализировать и учитывать при разработке стратегий, концепций развития социально-гуманитарного образования, а также выявлять соответствующие риски и предлагать эффективные инструменты использования различного медиаконтента в процессе обучения.

Ключевые слова: медиасреда, медиаотношения, процесс обучения, социально-гуманитарные дисциплины, история, обществознание.

Conditions and factors of changes in school social and humanitarian disciplines under the influence of the media.

Lobanov I.A.

Laboratory of social and humanitarian general education of the Institute of education development strategy of RAO

Abstract. Modern education at all levels is influenced by the media environment. Under its influence, changes occur in the organization of educational activities, the content of various academic disciplines. A special place in this plan is given to social and humanitarian disciplines. In the Russian school, they are represented by history, social studies, law, and a number of other courses. Research shows that the teaching community is not fully aware of the impact of the media, although it uses various resources for training and takes them into account when planning its professional activities. In the conditions of media influence, factors are formed that need to be analyzed and taken into account when developing strategies and concepts for the development of social and humanitarian education, as well as to identify the risks associated with them and offer effective tools for using various media in the educational process.

Keywords: media environment, media relations, learning process, social and humanitarian disciplines, history, social science.

Современный этап общественного развития характеризуется широким и разноплановым воздействием медиа на общественные отношения. Ряд зарубежных и отечественных исследователей отмечают, что медийные отношения определяют жизнь людей и «закрепляются в ряде иных институтов» [1, 33, 34], в рамках которых происходит взаимодействие и устанавливаются правила и нормы [2, 67]. Общественные условия, определяемые медиавоздействием, в своей сущности представляются как рынок информационных товаров [3, 22], который ориентирован на потребителей разного возраста и с различными статусами. Особой группой среди потребителей медиаинформации являются подростки [4]. У россиян (в том числе у подростков) складывается специфическая модель работы с информацией, где главное содержание заключается в разыгрывании, имитации. Специалисты называют ее субъект-субъектной моделью коммуникации [5]. В этой связи следует вести речь о сложностях в социализации подростков, но именно с помощью Интернет и иные СМИ школьники они входят в жизнь [6]. В рамках всероссийского исследования, проведенного под эгидой Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), установлено, что политические вопросы стали крайне важными для переформатирования субкультурных и солидарных молодежных групп. Также социологи фиксируют

двойственность молодежной идентичности, связанную с формальной и неформальной вовлеченностью в политику и повседневную гражданственность, различные гендерные режимы. Среди городской молодежи, преобладающие установки данной демографической группы ориентированы на городской спорт, компьютерные игры, интеллектуальные игры в закрытых, клубных пространствах, на здоровый образ жизни. Вместе с тем одним из важных компонентов выстраивания идентичности стала сетевая включенность молодежи. Она непосредственно влияет на выбор каналов коммуникации и на уровень информированности молодежи, формирование специфичного языка общения; усиление значения визуального контента, а также особенности реагирования «своей» среды на сетевые вызовы [7].

Современные медиа оказывают разнообразное воздействие на образование. В этой связи необходимо учитывать факторы, которые влияют на цели и содержание социально-гуманитарных дисциплин. Изменения, которые определяются ростом влияния средств массовой коммуникации воздействуют на образование [8]. Такое воздействие определяется рядом характеристик медиа: динамичностью, универсальностью, социориентированностью. У учителю формируется компетенция, сущность которой определяется тем, что использование контента новых медиа делает актуальными профессиональные умения пользоваться удаленным доступом к различным материалам, учитывать рост количества веб-сайтов, а в более широком контексте разветвление и глобальное объединение информационных потоков, применять на основе данных умений технологии фасилитации, модерации и медиации.

Особенно чувствительным к резко возросшему влиянию медиа является школьное обществознание, целиком обращенное в современность. Учителю обществознания при изучении тем по политике, современному обществу необходимо уметь оперировать различными аудиовизуальными источниками, которые имеют различных авторов, а в современных условиях они часто непрофессиональные журналисты, а блогеры, но именно так формируется «образ реальности» [9].

Обновление содержания обществоведческого курса связано с тем, что происходят изменения в образовательном процессе под воздействием социума [10, 119]. В контексте содержательного представления и практического использования медийного контента субъектами образовательного процесса (учителя обществознания, ученики) в школьном обществознании, выделяются компоненты, с которыми в наибольшей степени связано влияние медиа. Они отражают следующую закономерность, выявленную Л.Н. Боголюбовым: если в обществе происходят значимые изменения, то необходимы соответствующие инновации в социально-гуманитарном образовании [10, 126]. Действие данной закономерности распространяется и на содержание дополнительного профессионального образования.

В системе профессиональной подготовки учитель должен быть подготовлен к изменениям в своей профессиональной деятельности, учитывать перемены в обществе, которые становятся объектом изучения [10, 118] в школьном обществознании.

И.Я. Лернер подчеркивал, что цели образования, возникающие в результате общественного развития, реализуются в содержании образования [11, 37]. Как показал Л.Н. Боголюбов, целевые установки образовательной деятельности реализуются в форме требований к результатам обучения, которые отражаются в нормативных документах, регулирующих общее образование [12, 30–31].

В Концепции преподавания обществознания в образовательных организациях РФ (2018) [13] отмечается, что обществознание должно содействовать цифровой социализации учащихся, и в связи с этим предусматривается, что соответствующие темы (об Интернете, информационном обществе, социальных сетях, информационной безопасности пользователей) включаются в содержание курса уже не только в старшей, но и в основной школе. Концепция предполагает насыщение учебного процесса инструментами, связанными с организацией индивидуальной или совместной деятельности обучающихся на основе компьютерных игр, сетевых инструментов, используемых в проектной деятельности. Предполагается внедрение цифровых учебных модулей для самостоятельного углубленного изучения отдельных тем и разделов обществоведческого курса; создание библиотек электронных образовательных ресурсов по обществознанию для самостоятельного или совместного изучения и обсуждения; обновление изданий учебного назначения, расширение общедоступных информационных ресурсов, необходимых для преподавания обществознания [13]. В Концепции указывается на необходимость дополнить разделы курса, отражающие специфику СМИ, сюжетами о межличностных отношениях, общению и другим видам деятельности человека, так как на современном этапе они опосредованы социальными сетями. В этом стратегическом документе фиксируются умения, которые связаны с использованием медиаинформации:

- готовность и способность к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, владение навыками получения необходимой информации из словарей разных типов, умение ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников;
- сформированность навыков оценивания социальной информации, умений поиска информации в источниках различного типа для реконструкции недостающих звеньев с целью объяснения и оценки разнообразных явлений и процессов общественного развития.
- сформированность умений систематизировать, сопоставлять, анализировать, обобщать и интерпретировать информацию, содержащуюся в готовых информационных объектах.

Подводя итог анализу этой группы факторов, связанных с целевыми установками и нормативными требованиями к содержанию обществознания, подчеркнём, что в школьном обществознании требования, связанные с различными источниками информации, развернуты (по сравнению с другими школьными предметами), включены в содержание во всех классах, учитывают современную роль СМИ. В нормативных и стратегических документах ставятся задачи формирования медиакультуры школьников, а работа с медиаинформацией рассматривается как отдельный блок в метапредметных результатах и как группа требований к предметным результатам. Такие требования направляют учителя на организацию деятельности с информационными ресурсами (источниками социальной информации, представленными на различных носителях) и на отбор методов обучения, активизирующих познавательную деятельность школьников.

Иными словами, применительно к учителям, необходимо выделять две группы требований:

- 1) владение умениями работать с масс медиа, которые должны быть сформированы у учащихся (как показали приведенные в первой главе результаты обследований, такого уровня достигают далеко не все учителя),
- 2) владение умениями, методиками и технологиями, позволяющими добиваться нужного уровня подготовки учащихся.

Литература:

1. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа/пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. Изд. 2-е – М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2015. – 352 с.
3. Землянова Л.М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 272 с.
4. Лобанов И.А. Влияние масс-медиа на подростковые группы//Социально-гуманитарные знания, 2014, № 4, с. 353–358.
5. Горохов В.М. Репозиционирование СМИ в медиатизированном обществе//МедиаАльманах. 2018, №5. С. 14–23. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.1423
6. Делокаров К.Х. Человек как проблема в информационном мире//Социально-гуманитарные знания. 2015. №3. С. 76–87.
7. Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик?// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.
8. Гуреева А.Н. Концептуализация процесса медиатизации в России и за рубежом //МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 24–31. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.2431
9. Цифровое будущее. Каталог навыков медиа- и информационной грамотности. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества [электронный ресурс]: URL: http://www.ifarcom.ru/files/News/Images/2013/mil_cat_rus.pdf
10. Боголюбов Л.Н. Закономерная связь между существенными переменами в обществе и становлением содержания социально-гуманитарного образования//Содержание социально-гуманитарного образования в современном обществе и закономерности его становления: Монография/ФГНУ Институт содержания и методов обучения РАО/ науч. ред. Л.Н. Боголюбов. – М. ; СПб.: Нестор-История, 2014. – 380 с.
11. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. – М. Педагогика, 1981. – 186 с.
12. Боголюбов Л.Н. Обществознание в современной школе: актуальные вопросы теории и методики. – М.; СПб.: Нестор-История, 2013. – 256 с.
13. Концепция преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [электронный ресурс]: URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/9906056a57059c4266eaa78bfff1f0bbe>

Цифровизация в вузе: парадоксы феномена

Лобеева В.М.

Брянский государственный технический университет, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин. Доктор философских наук

doktor70@bk.ru

Аннотация: автором статьи формулируется тезис о том, что цифровизация как объективный феномен современного мира открывает для вузов новые возможности, но при этом порождает комплекс новых проблем. Обосновывая данный тезис, автор рассматривает различные проявления цифровизации в вузе: ее возможности в процессе обучения, ее особенности и результаты как инструмента управления, ее влияние на традиционную культуру общения. Делается вывод о парадоксальности проявлений цифровизации в вузе. С одной стороны, очевидно, что цифровизация создает колоссальные возможности для обучения. С другой стороны, она во многом усложняет систему управления и подрывает исторически сложившуюся традицию общения, практически не предлагая взамен конструктивных управленческих форм и позитивных коммуникативных ценностей.

Ключевые слова: вуз, цифровизация, возможности цифровизации, результаты цифровизации, обучение, управление, общение.

Digitalization in a higher educational institution: paradoxes of the phenomenon. Lobeeva V.M.

Bryansk State Technical University, department of Humanities and Social Sciences

Abstract: the author formulates the thesis that digitalization as an objective phenomenon of the modern world opens up new opportunities for higher educational institutions, but at the same time it generates a set of new problems. Justifying this thesis, the author considers various manifestations of digitalization in a higher educational institution: its capabilities in the education process, its features and results as a management tool, its impact on the traditional culture of communication. The author also comes to the conclusion of the paradoxical manifestations of digitalization in higher educational institutions. On the one hand, it is obvious that digitalization creates enormous opportunities for learning. On the other hand, it greatly complicates the management system and undermines the historically established tradition of communication, offering little in return for constructive management forms and positive communicative values.

Keywords: institute of higher education, digitalization, digitalization opportunities, digitalization results, learning, management, communication.

Информационное общество наиболее отчетливо проявило себя в XXI веке через тотальную цифровизацию, ставшую своеобразной культурной доминантой эпохи. Однако, как все тотальное, цифровизация предстает как весьма противоречивый по содержанию и результатам процесс. В вузах она открывает не только большие перспективы для процесса обучения, но и порождает комплекс актуальных и долгосрочных проблем для обучающихся и работающих в них людей. Чтобы обосновать это, автор статьи акцентирует внимание на некоторых, причем весьма разнородных проявлениях цифровизации в вузах: ее роли в процессе обучения и управления, а также влиянии на культуру общения. Рассмотрим подробнее.

1. Роль цифровизации в процессе обучения в вузе. Основное преимущество цифровизации в процессе обучения заключается в том, что она открывает безграничные возможности для преподавателей и студентов мгновенно создавать, находить и использовать обязательный и дополнительный учебный материал. Цифровизация также позволяет быстро корректировать содержание лекционных и практических учебных курсов, рабочих программ, учебно-методического обеспечения. Еще один плюс заключается в возможности посредством новых образовательных технологий быстро и менее трудоемко оценивать знания студентов преподавателями или самими студентами в ситуациях самоконтроля. Кроме того, с распространением цифровизации становится значительно проще совершенство-

вать практические умения и навыки, в том числе посредством виртуального, но весьма эффективного сотрудничества с производством. Это ее несомненные плюсы для процесса обучения.

Однако при сформировавшейся доступности и разнообразии учебной и иной образовательной информации становится заметно, что общий интеллектуальный уровень студентов падает. По нашему мнению, одной из причин такого падения является объективное отрицание самой системой цифровизации необходимости запоминать базовые научные положения. Получается, что память как один из важнейших элементов психики человека во многом остается своеобразной «*tabula rasa*». Как следствие неизбежно возникают серьезные проблемы, например, в ситуациях, когда знания надо извлекать именно из памяти, когда необходимо самостоятельно их синтезировать, быстро формулировать теоретические и практические решения.

Если посмотреть на проблему еще шире, то становится понятно, что она простирается значительно дальше проблемы развития памяти студента в процессе его обучения конкретной специальности. По сути, общество столкнулось с превращением цивилизации, читающей (книгу) в поисках информации, в цивилизацию, смотрящую (в компьютер) в тех же самых поисках. Книга как важнейший и массовый до недавнего времени источник получения знания побуждала к формированию образов в сознании человека, развивала его логическое мышление и память. В этом заключается ее принципиальное отличие от компьютера, предлагающего пользователю готовую картинку. Однако повсеместное вытеснение книги и ее замена компьютером стало настолько свершившимся фактом, что ныне сложно объяснить многим людям, в том числе студентам, ее самостоятельную культурную ценность.

При этом полноценные электронные учебники, пособия, книги редко читаются полностью, а электронные библиотеки и иные электронные ресурсы, создаваемые большими усилиями преподавателей и сотрудников вузов, оказываются мало востребованными. Современные студенты предпочитают «выхватывать» хаотичные обрывки учебного материала на первых попавшихся сайтах.

Получается, что переадресация студента от книги к электронным ресурсам не дает ожидаемого результата в виде качественного знания. Более того, on-line обучение, которое сегодня настойчиво пропагандируется и даже частично внедряется в образовательную практику, может усугубить ситуацию. Ведь для многих преподавателей вполне очевидно уже сейчас, что подобное обучение может развиваться только и исключительно в качестве дополнительного. Понятно и то, что образовательные on-line курсы целесообразно создавать не как некие формальные шаблоны по всем учебным дисциплинам, а под конкретные задачи, определяемые работодателями, производством.

2. Цифровизация как инструмент управления в вузе. Это проявление цифровизации не менее противоречиво. Ее внедрение имело своей стратегической целью повышение эффективности внутри-вузовского управления. Предполагалось, что открывающиеся дополнительные возможности оперативного принятия решений, доведения их до исполнителей, быстрая связь между всеми участниками образовательной и управленческой деятельности, упрощение документооборота, значительно усовершенствуют всю систему управления в вузе.

Однако положительные результаты оказались частичными и выразились в основном в возможности быстро подготавливать различного рода документацию и информировать необходимый круг лиц. При этом процесс управления стал заметно более громоздким. Управленческие структуры вузов не только разрослись количественно, породив внутри себя всевозможные структуры информатизации, но и стали производить множество противоречащих друг другу локальных нормативных актов, писем и поручений. Предполагавшегося упрощения документооборота также не произошло. Более того, традиционный бумажный документооборот дополнился электронным, а количество электронных копий документов, которые необходимо представлять в управленческие структуры, не оправдывается уже никакими доводами целесообразности.

В результате подобных новаций зачастую возникает управленческий хаос. Не редкой становится и парадоксальная ситуация, когда исполнители попросту перестают читать поступающую к ним электронную информацию, не реагируют на нее требуемым образом.

Отдельным аспектом управления методами цифровизации стало введение в вузах системы мониторинга для определения эффективности научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава.

Мониторинг задумывался как инструмент индивидуальной оценки деятельности преподавателей и определения на этой основе индивидуальной меры их материального стимулирования. Это не простая

задача. Во-первых, априори известно, что использование численных методов при изучении и описании духовной деятельности, а речь идет именно о такой деятельности, не всегда возможно в принципе. Во-вторых, если уж и приходится их использовать, то алгоритмы, методики и формулы подсчета должны тщательно продумываться, для того чтобы осуществить анализ максимально объективно, исключить ошибки и/или злоупотребления.

По факту же внедренная система количественного измерения духовного качества ярко демонстрирует лишь свою наукоподобную несуразность, а абсурдность «оцифровки» научно-педагогической деятельности преподавателей становится очевидной. Мониторинг «стимулировал» лишь невиданную ранее активность в собирании и предоставлении различного рода «подтверждающих документов о проделанной работе», превратив это в основное занятие ряда преподавателей. В результате первые позиции в вузовских рейтингах ожидаемо заняли те, кто быстро и цинично использовал предоставленные системой возможности. При этом исходный вопрос о создании адекватной системы оценки эффективности преподавательской деятельности остался открытым.

3. Влияние цифровизации на культуру общения. Цифровизация существенно изменяет культуру общения между преподавателями, студентами и сотрудниками вузов.

Очень заметно, что сформировавшаяся столетиями устная и письменная культура общения в университетской среде: уважительная, учтивая, даже утонченная, не допускавшая фамильярности и грубости, быстро исчезает. Утверждающийся стиль общения, лишенный таких этических качеств: резкий, повелительный, бесцеремонный и даже безграмотный, не объединяет людей, а являет собой своеобразное выражение отчуждения человека от человека. В этом смысле новые возможности общения, возникшие на основе цифровизации (скорость, оперативность, отсутствие привязанности к определенному месту и времени) по своим собственно человеческим результатам оказываются спорными, поскольку порождают обезличенность и формализм контактов, странные бездуховные связи между людьми как духовными существами.

Личное общение между преподавателями и студентами, которое прежде выполняло не только собственно образовательную функцию, но и важную функцию формирования и трансляции культуры общения, настойчиво вытесняется дистанционным общением. В результате определенный недостаток этой культуры становится заметен у приходящего в вузы молодого поколения преподавателей и сотрудников.

Заключая, отметим следующее. В настоящей статье мы акцентировали отдельные проявления цифровизации в вузах. Однако и они показывают противоречивость данного феномена: дигитальная система необратимо вошла в жизнь вузов, стала объективной реальностью, породила широкие перспективы, но она же сформировала комплекс проблем различного содержания. Кроме того, настоящей статей мы стремились подчеркнуть перспективу дальнейших исследований в этом направлении, поскольку считаем, что от верного понимания цивилизационного вызова и адекватного реагирования на него напрямую зависит полноценное развитие вузов.

Роль представлений о сакральной географии России в процессе формирования оптимальных образовательных стратегий

Лягушкин Игорь Владимирович

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры философии, кандидат философских наук

ingmarl@mail.ru

Аннотация: динамика представлений россиян о сакральной географии Родины является отражением специфики процесса конструирования типов реальности в общественном сознании.

Объекты сакральной карты России обладают различным потенциалом конфликта символов. Последние, в свою очередь вызывают fascination определенного типа. Адекватные представления о роли и значении определенных сакрально-географических объектов открывают широкие возможности совершенствования образовательных стратегий и патриотического воспитания

Ключевые слова: сакральная география, fascination, типы реальности, латентный символ, конфликт символов

The role of ideas about the sacred geography of Russia in the formation of optimal educational strategies.

Igor V. Lyagushkin

Moscow University of the IM of Russia named after V. J. Kikot

Abstract: the dynamics of Russian's ideas about the sacred geography of the Motherland reflects the specifics of the process of constructing types of reality in the public consciousness. Objects of the sacred map of Russia have different potential for symbol conflict. The latter, in turn, cause fascination of a specific type. Adequate understanding of the role and significance of certain sacred geographical objects opens up broad opportunities for improving educational strategies and Patriotic education

Keywords: sacred geography, fascination, types of reality, latent symbol, conflict of symbols

Даже беглый взгляд на сакральную карту России, которую еще предстоит создать, приводит бы непредвзятого исследователя к наблюдению за тем, как сакральное соприкасается с профанным, вечное придает смысл преходящему, а история оказывается тесно переплетенной с современностью. Сакральные географические объекты становятся местом встречи различных миров, точками соприкосновения различных типов реальности. При этом свойство сакральности признается за определенными географическими объектами как религиозными людьми, так и атеистами, скептиками и агностиками.

В.С. Голубев в связи с этим полагает, что «в целом определение «сакрального» не сводится исключительно к обозначению религиозных объектов, а обозначает все особенно ценное, особо значимое в историко-культурном наследии народов. При этом «сакральное» так или иначе, всегда связано с вполне определенной мистичностью, что наиболее наглядно видно в сфере религии — явлении сугубо мистическом (связанным с Богом и сферой божественного), имеющим для множества людей особую ценность.

В отличие от религиозных объектов, предполагающих приобщенность к божественному, светские сакральные объекты основаны на иной мистике — восходящей к категориям рождения, совершенства, подвига, силы, Родины, героической смерти и др.

...к числу сакральных объектов традиционно относятся захоронения, места кремации, памятники в честь событий, связанных со смертью (даже в том случае, если перечисленные объекты не относятся ни к какой религии).

Сакральный статус могут иметь объекты, связанные с культом предков, государственной властью, личностями носителями гениальности, величием природы, ратным героизмом ...

Таким образом, в числе географических объектов, имеющих сакральный статус, могут

рассматриваться наиболее «значимые» места, связанные с жизнью выдающихся людей и судьбоносными историческими событиями, святыни государственной власти, мемориалы, хранилища культурных ценностей (музеи, библиотеки), знаменитые природные урочища, престижные учебные заведения и т. д.

Сакральные объекты особой значимости притягивают внимание людей, проживающих в отдаленных от них местах, в других городах и странах, людей с другими культурно-историческими традициями[1]».

Общим для сакральных географических объектов является прежде всего эффекта fascination у воспринимающих их в процессе коммуникации субъектов, оказавшихся в зоне контакта. Понятие fascination в рассматриваемом смысле было введено в научный оборот Ю.В. Кнорозовым и подразумевало «**такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается**»[2]».

Другим признаком объекта сакральной географии является его существование одновременно в нескольких субъективных реальностях, в том числе в структурах повседневности. Один из последователей Э. Гуссерля, основоположник феноменологического направления в социологии А. Шюц в своей работе «О множественности реальностей»[3]» подчеркивает значение мира повседневности. Мир повседневности и здравого смысла представляет собой в иерархии субъективных миров «верховную реальность». За ним следуют миры убывания реальности, такие как воображаемые миры искусства, фантазий, игры, научной теории, религиозного переживания и сновидения. Каждый мир, по А. Шюцу, характеризуется своим особым «когнитивным стилем». Реальности обличаются способом блокировки сомнения и скептицизма, способом действия, способом переживания своего «Я», способом отношения с другими людьми, способом восприятия времени. Общей характеристикой этих типов реальности становится, по образному выражению А. Бергсона, особое «напряжение внимания к жизни». Оно максимально в мире повседневности и минимально в мире сновидения. Все эти миры оказываются производными мира повседневности и обладают осязаемыми границами. Переход от одной реальности к другой сопровождается сильным потрясением. А. Шюц не усматривает в рамках своей теории способов и рецептов трансформации семантического содержания одного мира в семантическое содержание другой реальности.

Но третьим признаком объекта сакральной географии парадоксальным образом оказывается возможность трансграничного транзита смыслов от одного мира к другому. Образно говоря, сакральная карта оказывается местом схождения реальностей и позволяет путешествовать по мирам без шоковых реакций. На сакральной карте чертятся контуры объединения, раздвигаются границы повседневности и одновременно происходит трансляция священных смыслов, вхождение сакральности в профанный повседневный мир привычной реальности.

Четвертым признаком объекта сакральной географии является конфликт символов, воплощающих смыслы, разворачивающийся на разных уровнях. Проведенный в сентябре 2019 года пробный опрос представителей учащейся молодежи российских ведомственных высших учебных заведений, в рамках которого респондентам было предложено назвать хотя бы три по их мнению сакральных места России, дал весьма интересные и не вполне ожидаемые результаты. Полученные в ходе опроса данные возможно экстраполировать на всю российскую молодежную аудиторию.

Безусловным лидером в числе названных сакральных мест России оказалось озеро Байкал. Так посчитали свыше 32 % опрошенных. Наибольшее количество сакральных мест в одном населенном пункте связано со столицей России, Москвой. Именно Москва представляет собой классический пример арены латентного конфликта символов и объектов сакральной географии второго и третьего уровней. Так, назвавшие сакральным объектом Красную площадь в Москве, фактически инициируют латентный конфликт символики Храма Покрова Пресвятыя Богия Матери на Рву (Собор Василия Блаженного, христианский религиозный символ второго уровня) и Мавзолея В.И. Ульянова-Ленина (политический оккультный символ второго уровня). Тем не менее, сакральная география может быть инструментом духовного единения, а не эскалации конфликтного потенциала символов и элементов идеологий.

Кроме того, сакральная география наглядно демонстрирует результаты применения политических технологий. В рамках статистической погрешности оказалось число упоминаний сакральных объектов было связано опрошенными с Крымом. Таким образом, пропагандистский эффект от воссоединения

Крыма и города Севастополя с Россией следует считать вполне исчерпанным.

Неожиданно 4,76 % респондентов посчитали сакральным местом родной дом. Примерно столько же опрошенных назвали сакральными объекты, связанные с их малой родиной и родным краем. Если дополнительно учесть, что Москва является родным городом и местом расположения родного дома для миллионов россиян, значение образов родных мест и малой родины для формирования тематических основ для формирования идеологических основ образовательных стратегий следует признать критически важным, если не решающим.

Литература:

1. Голубев С.В. Сакральная география. Аспекты познавательного и паломнического туризма. [Электронный документ] URL: <https://www.knt.org.ru/konf-Sakr-dokl-Golubev-1-mart-2009.htm/> [Обращение 27.05.2019]
2. Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации. [Текстовый документ] // Кнорозов Ю.В. Избранные труды. Составитель и ответственный редактор М.Ф. Альбедиль. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 594+II с.; портрет. С. 34 и далее
3. Шюц А. О множественности реальностей (перевод Андрея Корбуа) [Текстовый документ] // Социологической обозрение. 2003. Том 3. №2. С 3-34

Ценности в постнеклассической науке и образовании

Медушевская Н.Ф.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры философии. Доктор юридических наук, кандидат философских наук

Sapfo2@yandex.ru

Аннотация: рассматривается вопрос о возможности ценностно нейтрального знания в современной постнеклассической науке. Отмечается, что в современной науке ценности играют значительную роль. Выделяются когнитивно-методологические и социокультурные (мировоззренческие и этические) ценности. Утверждается, что научное творчество не может быть ценностно нейтральным, поэтому современный образовательный процесс должен быть ориентирован на аксиологию науки и приобщение молодых ученых к ценностям научного знания. Предлагается выделить в подготовке молодых ученых три уровня, исходя из специфики ценностных ориентаций: когнитивно-методологический (теоретичность, верифицируемость, фальсифицируемость, эмпиризм, простота, красота и др.), мировоззренческий (гуманизм, толерантность, бескорыстность) и этико-аксиологический (добросовестность, честность, корректность заявлений, непредвзятость, неидеологичность, ценность служения обществу, свобода поиска, обеспечение безопасности).

Ключевые слова: ценность, постнеклассическая наука, образование, когнитивно-методологические ценности, социокультурные ценности, аксиология, этические ценности, мировоззренческие ценности

Values in post-non-classical science and education.

Medushevskaya N.F.

Department of philosophy of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. J. Kikot

Abstract: the question of the possibility of value-neutral knowledge in modern post-non-classical science is considered. It is noted that in modern science values play a significant role. Cognitive-methodological and sociocultural (worldview and ethical) values are distinguished. It is argued that scientific creativity cannot be value-neutral, so the modern educational process should be oriented towards the axiology of science and familiarization of young scientists to the values of scientific knowledge. It is proposed to distinguish three levels in the training of young scientists, based on the specifics of value orientations: cognitive-methodological (theorisation, verifiability, falsifiability, empiricism, simplicity, beauty, etc.), worldview (humanism, tolerance, disinterestedness) and ethical-axiological (conscientiousness, honesty, correctness of statements, impartiality, non-ideological, value of service to society, freedom of search, security).

Keywords: value, post-non-classical science, education, cognitive-methodological values, sociocultural values. axiology, ethical values, worldview values

Вопрос о ценностях в научном знании имеет долгую историю, но вплоть до сегодняшнего дня не имеет однозначного толкования и решения. Классическая наука полностью исключала ценностное знание из науки, считая, что истина, которая является главной целью научного познания, - безличностна, беспристрастна и ценностно нейтральна. Ученый не должен находиться в плену своих предрассудков и предпочтений, поскольку тогда наука утрачивает свои высшие идеалы. Классическая наука утверждает редукционизм и редукционистский подход, сводя научное знание к механике. Но уже И. Кант, разделив и диалектически соединив теоретическое и практическое знание, поставил вопрос о возможностях включения ценностного сознания в научный дискурс, о разделении когнитивного и ценностного, нравственного, притом лидирующее положение в его теории занимает именно второе, что нашло отражение в тезисе об активности познающего субъекта. Кант подготовил почву для включения ценностей в науку, а уже неокантианцы обратились не только к ценностям в науке, но и к созданию методологии социально-гуманитарных наук.

В современной постнеклассической науке отмечаются различные каналы внедрения ценностного сознания в научный процесс: «Плодотворным и широко разрабатываемым сегодня аспектом проблемы стало выяснение специфики «вхождения» ценностного сознания в научное знание и деятельность через методологические, философско-мировоззренческие предпосылки и основания науки» [1, с. 52]. Представители самых разных направлений современной философии науки осмысливают научное знание как одну из форм творческой деятельности, которая регулируется разными ценностями – от собственно когнитивных ценностей до ценностей самой культуры. Так, Х. Лейси к когнитивным ценностям относит эмпирическую адекватность, объяснительную и объединительную способность, способность аккумуляции возможностей, простоту и др. [2, с. 111].

В свою очередь, Т. Кун в статье «Объективность, ценностные суждения и выбор теории» выделяет пять основных характеристик, критериев оценки «добротной научной теории»: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность (продуктивность). Остановимся на третьем критерии – область применения теории. Т. Кун пишет, что «...теория должна иметь широкую область применения, следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, законов и подтеорий, на которые ее объяснение первоначально было ориентировано» [3, с. 62]. Автор подчеркивает, что эти критерии (ценности) не остаются неизменными, а эволюционируют вместе с наукой, притом часто очень быстро. Он делает вывод, что выбор теории, по сути, становится выбором ценности.

В современной науке представляется целесообразным выделение двух типов ценностей: когнитивно-методологических и социокультурных. И если первые оказывают влияние на внутреннюю структуру и развитие научного знания, то вторые образуют внешний каркас, в который встраиваются научные теории и концепции. К когнитивно-методологическим ценностям отнесем эмпиризм, реализм, доказательность, инвариантность, совместимость, теоретичность, критичность, эмпирическую верифицируемость, фальсифицируемость, простоту, красоту и др.

Социокультурные ценности науки можно разделить на мировоззренческие и этические. Среди мировоззренческих ценностей науки нам представляются наиболее важными толерантность, скептицизм, бескорыстность, гуманизм и др. Необходимость выделения этических ценностей актуализируется в связи с обострением моральных конфликтов в условиях научно-технической революции, поэтому современная постнеклассическая наука постулирует единство научных исследований и этических идеалов.

В 40-ые гг. XX столетия Р. Мертон сформулировал четыре принципа (императива, максимы): универсализм, коллективизм (коммунизм), бескорыстность и организованный скептицизм. Эти принципы являются теми ценностными ориентирами, которые определяют плодотворность научной деятельности, влияют на результаты научного творчества. В дальнейшем большинство представителей постпозитивизма отмечали, что наука не может быть ценностно нейтральной, не может обойтись без ценностей, поскольку уже истина есть ценность (К. Поппер). В дальнейшем Р. Мертон пересматривает эти принципы, выявляя определенные дилеммы, возникающие в научной деятельности («социологическая амбивалентность»). Но тем не менее основные положения мертоновской концепции нашли отражение в этических кодексах, которые способствуют организации научной деятельности и коммуникаций среди ученых. Так, в 2000 г. Сенат Общества Макса Планка принял «Нормы научной этики», в этом документе нашел отражение принцип систематического скептицизма, который повторил императив организованного скептицизма Р. Мертона.

В современном образовательном процессе приобщение к ценностям науки имеет огромное значение, поскольку молодое поколение научных исследователей, занимающееся творческой деятельностью, находится в полипарадигмальном пространстве, динамично реализуя поставленные научные цели, исходя из конкретного способа целеполагания в контексте ценностных ориентаций.

Разногласия существуют по всем видам ценностей, которые появляются в научном творчестве. Кстати, в процессе обучения приобщение к ним идет двумя путями – формальным и неформальным. Формальное приобщение к ценностям осуществляется при изучении научной литературы, справочников, различных информационных источников. В этом случае участники образовательного процесса знакомятся с научными школами, методологическими стратегиями, стилем научного мышления самостоятельно, приобщаясь к ценностно-нормативной системе науки в процессе своей научной деятельности. Второй путь – неформальный - осуществляется новичками в процессе коммуникаций со старшими по цеху: с авторитетными учеными, научными руководителями, коллегами по работе, имеющими

определенный научный статус и способными передать «дух науки» начинающему исследователю. Таким путем молодые исследователи приобщаются к ценностно-нормативной системе своей науки и ее традициям. Ученые, передающие этот опыт новичкам, выполняют значимую функцию, поскольку знакомят молодых ученых не только с когнитивно-методологическими ценностями, но и социокультурными, что имеет большое значение для преодоления барьеров, возникших благодаря сциентистскому оптимизму и техницизму, суживающему горизонты научного поиска сообщества ученых и снижающему уровень социальной и профессиональной ответственности ученого по отношению к социуму.

В современной подготовке научных исследователей и преподавателей вузов можно выделить три уровня, исходя из аксиологической стратегии и направленности ценностных ориентаций. Первый уровень – когнитивно-аксиологический - связан с приобщением ученого к тем когнитивно-методологическим ценностям, которые доминируют в современной постнеклассической науке. В истории науки мы нередко сталкиваемся с примерами аксиологических разногласий по проблемам выбора процедур обоснования, дискурса изложения, определения истинности знания и методологических стратегий. Л. Лаудан отмечает: «История науки изобилует дискуссиями между реалистами и инструменталистами, редуционистами и интиредуционистами, защитниками и критиками простоты, сторонниками телеологии и защитниками чистой философии действующих причин и т.д.» [4, с. 295–342].

Второй уровень – мировоззренческий, исходящий из утверждения ценностей, нацеленный скорее на консенсус в ученом сообществе, нежели на разногласия, которые в значительной степени характеризуют когнитивно-аксиологический уровень. Установление партнерских отношений с природой, социумом, иной культурой требует укоренения таких ценностей как гуманизм, толерантность, бескорыстность (Р. Мертон) и т.д. «Гуманистические ценности предполагают признание равноценности всех культур, будь то культура малых народов или больших этносов. Поэтому признание необходимости поливариантности культуры напрямую связано с толерантным к ней отношением, что означает не поверхностное и снисходительное восприятие той или иной культуры, не понятной и потому не признанной нами. Такое проявление толерантности ориентируется на понимание чужих культурных ценностей как второстепенных» [5, с. 84]. В.А. Лекторский обращает внимание не на конфронтацию и не на адаптацию к инакокультуре, а на ее уважении и критическом диалоге [6, с. 31].

Третий уровень в контексте приобщения к ценностям науки в образовательном процессе – этико-аксиологический. С точки зрения внешней этики науки он предполагает приобщение молодых ученых к таким ценностям, как добросовестность, честность, корректность заявлений, непредвзятость, неидеологичность и др. Исходя из внешней этики науки, выделим прежде всего ценность служения обществу, свободу поиска, обеспечение безопасности и др.

Итак, современная масштабность научной деятельности, появление проблемных исследований, расширение горизонтов науки, сближение естественнонаучного и социально-гуманитарного знания обостряют проблему аксиологической составляющей науки и образования. Аксиологическое поле научного исследования способствует формированию эвристического потенциала, убежденности, способствует достижению адекватного понимания природных и социальных явлений.

Литература:

1. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М.: Прометей, 1990. 212 с.
2. Лейси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Пер. с англ. Л.В. Сурковой, В.А. Яковлева, А.И. Панченко; Под ред. В.А. Яковлева. М.: Логос, 2008. 360 с.
3. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 61-82.
4. Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С.295-342.
5. Медушевская Н.Ф. Толерантность как императив и способ преодоления конфронтации // Совершенствование профессиональной и нравственной культуры курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России: Сб. научных трудов межвузовской конференции и всероссийского семинара (5 апреля 2018 г.) / под редакцией М.В. Кутеповой. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 83-84.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М.: Эдиториал, 2009. 256 с.

Мукин В.А.

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары), доцент, кандидат физико-математических наук

mukin-va@yandex.ru

Аннотация: Философское осмысление всего спектра человеческого бытия в его целостности через пространственно-временные развёртки рассматриваем как способ исследования фундаментальных измерений его субъектного проявления. Теория пространств в этой сфере выражает человеческую деятельность в нестрогих параметрах и служит экспликацией того, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика его существования, как конструируется его онтология. Нами разработана концепция университетского социального пространства. Для построения вектора социального развития как результата мыследеятельности по осям откладывали параметры, охватывающие в итоге все индикаторы, связанные с социальной практикой и позиционированием реальных субъектов социальности в полях их функционального взаимодействия. Субъектное содержание университетского пространства определяется как событиями, явлениями и процессами, протекающими в самом университете, так и за его чертами, однако связанными тем или иным способом с его деятельностью. Все участники, проявляющие себя как действующие лица, являются субъектами университетского пространства. В самом общем виде мы получили теоретическую разработку, демонстрирующую потенциал университета, как фактора воздействия на ценностные ориентиры современного общества.

Ключевые слова: субъект, университетское пространство, философия образования, ценностные ориентации

**Subjects of University space.
Mukin V.A.**

I. N. Ulyanov Chuvash state University (Cheboksary, Russia)

Abstract: the philosophical understanding of the entire spectrum of human existence in its entirety through the space-time sweep is considered as a way to study the fundamental dimensions of its subjective manifestation. The theory of spaces in this sphere expresses human activity in non-strict parameters and serves as an explication of what coordinates and vectors the dynamics and statics of its existence are described in and how its ontology is constructed. We have developed the concept of University social space. In order to construct a vector of social development as a result of our activity, we set aside parameters along the axes, which eventually cover all the indicators related to social practice and the positioning of real subjects of sociality in the fields of their functional interaction. The subject content of the University space is determined by events, phenomena and processes occurring both in the University itself, and beyond its features, but connected in one way or another with its activities. All participants who manifest themselves as actors are subjects of the University space. In the most general form, we have obtained a theoretical development that demonstrates the potential of the University as a factor of influence on the value orientations of modern society.

Keywords: subject, University space, philosophy of education, value orientations

Университетское пространство рассматривается как подпространство социального [1,53] и структурируется как развёртка во времени явлений природы, социальных событий и процессов развития человека в их системной связи и логической последовательности. Развёртка параметров осуществляется по трём направлениям: наука – образование – культура. Собранный мысленный конструкт отражает целостную природу рассматриваемого феномена в его проекции на проблемы общества, связанные со стратегией его становления в условиях сильных социальных трансформаций. Степень трансформации общества определяется изменениями оснований его жизнедеятельности. Одним из важных оснований

является ценностная ориентация учащейся молодёжи. Источником новых ценностей и механизмом их реализации, интеллектуальным авангардом является университетская молодёжь. Известно, что наука является главным фактором, обеспечивающим темпы развития и объём реализуемых планов жизнедеятельности как общества в целом, так и каждого его представителя. Особенность университетского образования заключается в том, что его результатом является приобретённая и приумноженная в самосознании способность к творческому мышлению. Принципиально важной чертой выпускника университета должно быть его умение не только воспроизводить, но и сотворить и приумножить новые знания. В университетском пространстве бытие человека рассматривается в контексте достигнутого уровня культуры общества. Важными показателями качества одного из субъектов университетского пространства – выпускника является системное упорядочивание социально одобряемых нравственных категорий и образцов поведения, подкреплённое высокой квалификацией полученной специальности.

Целью исследования является выявление субъектного содержания, структурных особенностей и функционального потенциала университетского социального пространства для позиционирования его в структуре общественного развития современной российской действительности. Одной из актуальных задач исследования является установление природы взаимодействий субъектов университетского социального пространства с внешними факторами. Ключевым фактором решения этой задачи является разработка принципов социального регулирования и внедрение в практику университетской деятельности механизмов, обеспечивающих подготовку высококвалифицированного специалиста и выпускника с ответственным сознанием. Интеллектуальный ресурс университета должен обеспечить решение вопросов формирования общественного сознания и должной культуры общества, как на теоретическом, так и на практическом уровне. Развитие современной цивилизации достиг такого уровня, что необходимо переосмысление его системных оснований, в том числе социокультурных.

В таком ключе, университетское пространство как системообразующий фактор общественно-го развития необходимо переосмыслить в первую очередь. Главное, необходимо раскрыть его новые возможности, неявно выраженный потенциал, чтобы использовать его для решения задач не только техно-экономического роста, но и мировоззренческих задач формирования новых поколений с учётом качества их сознания, склонностей, установок. Для решения задач не только выживания, но и успешного решения глобальных проблем важным является формирование в сознании студенческой молодёжи ценностей коэволюционного содержания, позволяющих гармонично сочетать прагматический результат с традиционной идеей университетского образования. Мы полагаем, что в перспективе в университетском пространстве должны гармонично сочетаться рациональная социальность и гуманные нормы общежития. Интеллектуальные формы деятельности субъектов университетского пространства должны быть направлены на решение как цивилизационных, так и культуротворческих задач. Нами установлены корреляционные связи университетского пространства с общественными процессами через внесистемных представителей университета. К ним относятся субъекты, которые, однако, тем или иным способом связаны с деятельностью университета. Например, родители студентов, коллективы организаций, находящихся в договорных отношениях с университетом. В качестве субъектов - носителей университетской культуры рассматриваем выпускников, рассредоточенных в социальном пространстве. Они участвуют не только в общественном производстве, а также принимают участие в культурной жизни общества. То, что приобрели в стенах alma mater, они естественным образом реализовывают и распространяют во всём социальном пространстве, подмножеством чего является университетское пространство. Кроме того, мы выполнили качественную оценку связи подпространства с целым на примере местного и регионального общества.

При решении этих задач для достижения общей цели воспользовались диалектическим и синергетическим научными подходами. В качестве исследовательского инструментария воспользовались методами моделирования социального пространства. Для структурного анализа использовали схему-образ университета, построенного как трёхмерное университетское пространство, определяемое духовной сферой, включающей науку, образование и культуру. Структурно-функциональный анализ философских категорий «субъект», «связь», «пространство» позволил «каналить цепочку» взаимодействия университетского социального пространства с факторами становления и развития современного российского общества.

Нами обоснована применимость теории пространственного представления событий, явлений и процессов социальной реальности, отражающей результаты осмысления взаимоотношений субъек-

ектов, связей между ними. Расширена применимость теории пространства для исследования фундаментальных измерений человеческого мира. В ходе структурного анализа социального пространства разработана новая модель для его исследования с учётом сферы деятельности его субъектов и стратификации входящих в него институтов. Научная значимость результата заключается в обосновании возможности моделирования логически мыслимых, производимых сознанием идеальных объектов, связанных с социальной практикой и позиционированием реальных субъектов социальности. Разработали принципы стратификации входящих в социальное пространство институтов. Научная значимость результата заключается в осмыслении онтологических, гносеологических и аксиологических оснований университетского социального пространства. Институциональность социальной сущности университетского пространства основывается на целостности и многомерности социокультурного пространства современного общества. Разработан принцип регулирования процесса становления личности в современном университетском социальном пространстве. Кроме того, мы предложили идею структурирования потенциала университетского пространства методом таксономической выборки и использования трехтактного механизма воздействия университета на социальное пространство современного общества. Как вариант воздействия университетского социального пространства на развитие общества предложен путь формирования интеллектуальной элиты, определяющей направления развития культурного климата эпохи. Всё это свидетельствует об актуальности рассматриваемого объекта исследования, как с точки зрения развития теории пространств в социальной философии, так и практического применения результатов исследования в строительстве современного высокотехнологичного общества.

Литература:

1. Бурдье, Пьер., Социология социального пространства /Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с. — (Серия «Gallicinium»).

Философская концепция множественной идентичности индивида

Нечаев А. В.

Институт изучения общественных явлений, директор. Доктор философских наук

avnechayev@yandex.ru

Аннотация: Множественная идентичность – явление, в котором фокусируются многие научные и практические проблемы. В какой-то степени можно считать его конструктом, в какой-то степени дискурсом, но у этого понятия есть свои объективные основания, и эти общие, социально значимые, объективные процессы отражаются в данном понятии. Следовательно, для сущностного понимания множественной идентичности социального индивида необходимо производство обобщающих суждений в рамках философии. Идентичность нельзя характеризовать через какую-либо функцию, свойство, внешний признак индивида. Идентичность – это качественная, а не количественная характеристика, это характеристика существования человека как целого. Разные качественные состояния в развитии одного и того же индивида и представляют собой множественность его идентичности.

Ключевые слова: множественная идентичность, социальный индивид, качество человека, персонификация, субъектность, педагогика.

The Philosophical Concept of Individual's Multiple Identity.

Nechaev A. V.

Institute for Research on Social Phenomena

Abstract: Multiple identity is the phenomenon, in which numerous scientific and practical problems come together. It may be considered a construct or a discourse, but this concept has its objective grounds, and these general, socially significant, objective processes are reflected in this concept. Consequently, to understand the nature of multiple identity of a social individual it is necessary to produce generalising judgement in the philosophic paradigm. Identity cannot be characterised through any function, property or an external feature of the individual. Identity is a qualitative, not a quantitative characteristics of the existence of an individual as a whole. Different qualitative conditions in the development of one and the same individual represent the multiplicity of the individuals identity.

Keywords: multiple identity, social individual, quality of a human being, personification, subjectivity, pedagogy.

¹ Идентичность сегодня выступает, в первую очередь, как острая практическая проблема, которая проявляется на всех уровнях общественного существования человека. На межгосударственном уровне есть известный (и совершенно провалившийся, по мнению его основных исполнителей) проект конструирования общей европейской идентичности. Более близки нам и тоже пока малоуспешны попытки формирования российской идентичности, которые выражаются в поисках новой идеологии, но также реализуются в виде экономических, общественных и политических проектов. Проблемы как европейской, так и российской идентичности связаны с необходимостью объединения разнообразных культур, образов жизни, образов деятельности, иными словами – с необходимостью создать пространство общей идентичности там, где идентичностей явно существует множество, и неизвестно, что же с ними делать. Начинается осмысление уже не самого явления идентичности, а кризиса идентичности, что отражается в появлении таких терминов как “fluid identity”, “dual identity”, “intersecting identity”, “nested identity”, “conflicting identity”.

Одним из признаков этого кризиса, как и одной из причин этого кризиса, предлагается новое понятие – множественная идентичность. При этом по частотности употребления в англоязычной литературе термин «множественная идентичность» уже в несколько раз превосходит остальные указанные термины. Можно сказать, что в настоящее время этот термин закрепился как часть парадигмы теории социальных идентичностей Тэджфела и применяется для исследования феномена

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07489.

разнообразия социальных отношений индивидов, в наиболее общем виде определяясь как отношения человека с самим собой.

Исключительно важное значение проблема формирования множественной идентичности имеет в образовании. Однако кто является идеальным учеником для сегодняшних учителей, какой образ будущего они формируют в своих педагогических процессах? Это ученик, у которого нет множества идентичностей, который в прямом смысле этого слова «ученик», он выполняет одну деятельность, поэтому его стараются нагружать этой деятельностью как можно больше, чтобы по определению ему было крайне сложно с ней справиться. Чтобы все его ресурсы были задействованы в этой конкретной деятельности. Но если он/она справится, то тут и учителю почет. Это не профессиональный недостаток учителей, точно так же функционируют, например, и спортивные тренеры. Если ты занимаешься спортом, отдай всего себя одной деятельности, никакой множественной идентичности здесь не должно быть. Получается, что есть реальность, в которой фактически формируется множественность образов ученика, его «идентичностей», а педагоги борются с этой множественной идентичностью.

Получается, что все учителя по-своему правы, требуя полной отдачи в рамках своего предмета, а в результате получают очень частичные люди. Получаются чемпионы мира, к 20-ти годам не прочитавшие ни одной книги, или ученые-ботаники, в 30 лет не способные даже забить гвоздь. Получается, что все правы, а в итоге у педагогического процесса совсем не тот результат, который все ожидают, который требуется обществу. Значит ли это, что учителя должны осознать необходимость адекватного формирования множественной идентичности своих учеников? Ответ: да, конечно, если смысл педагогического процесса заключается в формировании социальных индивидов, соответствующих требованиям социальной реальности.

Множественная идентичность должна стать частью образовательного и воспитательного процесса, но только если понимать ее совершенно по-другому. Не как множество социальных функций и, соответственно, множество социальных групп и их идентичностей, что изучает социология, и что совершенно неравнозначной идентичности социального индивида. И не как самоидентификацию индивида, его ситуационную рефлексию, часть его Я-концепции, что изучает психология, и что имеет основания в субъективных, психических процессах и ментальной деятельности человека.

Множественная идентичность – крайне значимое явление, в котором преломляются, фокусируются многие как научные, так и практические проблемы. В какой-то степени можно считать его конструктом, в какой-то степени дискурсом, но, тем не менее, у этого понятия есть свои объективные основания, и эти общие, социально значимые, объективные процессы отражаются в данном понятии. Следовательно, для сущностного понимания множественной идентичности социального индивида необходимо производство обобщающих суждений, познавательный процесс в рамках философии.

Несмотря на всю привлекательность зримой очевидности разнообразных поведенческих образов, идентичность нельзя характеризовать через какую-либо функцию, свойство, отличительную черту, а уж тем более какой-либо внешний признак индивида. Идентичность – это качественная, а не количественная характеристика, это характеристика существования человека как целого, а не его существования в какой-либо части. И, как только мы переходим на уровень философского анализа и обобщения, на уровень качественного развития человека, то набор возможных идентичностей у нас оказывается достаточно небольшим. Любой социальный индивид: гражданин, мещанин, популист – в изначальном смысле этих слов – есть представитель народа, часть общества, житель слободы или член «слободного» общества. Какого бы цвета кожи он ни был, в какой бы профессии он ни работал. В первую очередь он всегда, хочет он того или не хочет, персонифицирует в своей деятельности общественного субъекта, вот это целое он с необходимостью реализует, вот это его первая и главная идентификация и, следовательно, идентичность. Отсюда, кстати, возникает то значительное количество проблем, которые получили название «профессиональное выгорание» или, например, «профессиональный кретинизм», когда человек настолько персонифицирует в себе общественного субъекта, что в любых ситуациях далеко за пределами непосредственных профессиональных функций человек продолжает вести именно эту деятельность, и ничего кроме этой персонификации у человека нет. Так какой-нибудь директор командует везде и всеми, учитель старается всех учить, а врач каждому встречному ставить диагноз, если нет ничего больше. А если есть что-то больше, если есть другие зависимости существования человека, тогда он образует более сложную единицу, он образует собственное единство себя как индивида и может вырасти в ней к индивидуальности. Он будет включать в себя общественного субъекта, но уже не будет сводиться к нему. Это будет другой субъект с другими основаниями и

другими целями деятельности, что не исключает по-прежнему продолжающейся персонификации общественного субъекта, но, тем не менее, раздваивает существование человека и увеличивает его возможности, увеличивает степень его свободы, потому что в каких-нибудь индивидуальных или бытовых отношениях он может применить свои общественные и профессиональные навыки, а в какой-то исключительно публичной и общественной ситуации он может выйти за рамки ситуации и поступить как человек, что принципиально чуждо государственным структурам.

Однако в обществе существуют такие, казалось бы, узкопрофессиональные виды деятельности как управление, научное познание, сакрализация, художественное творчество, которые имманентно предъявляют к профессионалу требование выхода за пределы своей профессиональной группы и отождествление себя со всем социумом, с народом, со страной, с ее историей. В этих условиях у индивида формируется цивилизационная идентичность. В каких-то особых, критических ситуациях, например, угрозы существованию социума, это требование выхода за пределы своей социальной группы предъявляется ко всем гражданам, ко всем индивидам как членам данного социума – они все должны отождествлять себя с данным социумом, действовать от его имени и в его интересах, что и позволяет сохраниться данному социуму.

Более редкой является ситуация реального существования высшего уровня целостности, при которой человек может выйти и за границы своего социума, осознать свою общечеловеческую природу и принадлежность, это общечеловеческая идентичность. Но это все, вот и весь набор на карте множественной социальной идентичности: четыре или, как минимум, три ипостаси бытия каждого индивида. Каждый социальный индивид, как правило, оказывается един в трех лицах.

Вот эти три совершенно разные качественные состояния, казалось бы, одного и того же индивида, и представляют собой множественность его идентичности. Три – это много. Вот с этой множественной идентичностью и следует иметь дело каждому педагогу, формируя: 1) общественную идентичность ученика через представительство общественного субъекта в деятельности индивида, через совокупность общественных ценностей, норм и правил; 2) его индивидуальную идентичность через особость его социального бытия; 3) его цивилизационную идентичность через осознание его общесоциальной принадлежности как условие и основание его дальнейшего саморазвития.

Следовательно, необходимо четко понимать, на формирование какого вида бытия ориентировано то или иное педагогическое воздействие. Множественную идентичность индивида, понимаемую таким образом, можно формировать в рамках любого предмета и любого вида деятельности.

Изменение онтологических основ системы образования в условиях развития виртуальных технологий

Петров В.В.

Новосибирский государственный университет, доцент кафедры социальной философии и политологии; заместитель директора Института философии и права; Институт философии и права СО РАН, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук, доцент

v.v.p@ngs.ru

Аннотация: В условиях нарастающей информатизации общества капитал на рынке образования начинает работать подобно капиталу на рынке финансовых активов, приобретая черты «флеш-рынка», становясь чрезвычайно важным фактором для развития наукоемкой экономики. Переход экономики в цифровое пространство вынуждает систему образования применять и использовать виртуальные технологии для подготовки специалистов, что приводит к изменению онтологических основ системы образования. Происходит переориентация системы отечественного высшего образования исключительно на увеличение «прибавочной стоимости» студента, которая будет развиваться в соответствии с экономическими законами диверсификации и демассификации. Такой переход означает четкое разделение образования на элитарное наукоемкое высокотехнологичное конкурентоспособное образование и массовое малоценное низкотехнологичное «образование», направленное на поддержание производства дешевой неконкурентоспособной рабочей силы, которая оказывается невостребованной за пределами внутреннего рынка. Анализ зарубежных моделей развития образовательных систем показывает, что для минимизации негативных последствий виртуализации необходима выработка специальных механизмов управления по поддержанию оптимального баланса между секторами виртуального и реального образования.

Ключевые слова: виртуализация образования, цифровая экономика, информационное общество, общество знания

The education system ontological foundations transformations in the virtual technologies development conditions.

Petrov V.V.

Novosibirsk State University, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Political Science, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law. Institute of Philosophy and Law SB RAS, Senior Researcher

Abstract: In the conditions of increasing informatization of society, capital in the education market begins to work like capital in the financial assets market, acquiring the features of a «flash market», becoming an extremely important factor for the development of a knowledge-based economy. The transition of the economy to digital space forces the education system to apply and use virtual technologies for the training of specialists, which leads to a change in the ontological foundations of the education system. There is a reorientation of the system of domestic higher education exclusively to increase the «surplus value» of the student, which will develop in accordance with the economic laws of diversification and demassification. Such a transition means a clear division of education into an elite high-tech, high-tech competitive education and mass low-value low-tech «education» aimed at supporting the production of cheap, uncompetitive labor, which is unclaimed outside the domestic market. An analysis of foreign models of the development of educational systems shows that in order to minimize the negative effects of virtualization, it is necessary to develop special management mechanisms to maintain an optimal balance between the sectors of virtual and real education.

Keywords: virtualization of education, digital economy, information society, knowledge society.

В условиях информатизации общества происходит изменение пространства и времени жизненного

мира человека, что проявляется в десинхронизации процессов, протекающих в реальной и виртуальной реальности [1, с. 243]. В системе образования это находит отражение в стремительном увеличении разрыва между высокоскоростным потоком информации в виртуальном секторе образования (дистанционном образовании) и медленным течением времени в традиционном образовательном процессе, приводя к коренному изменению онтологии образования. В таком образовании наиболее ярко проявляются следующие тенденции: во-первых, появляется виртуальное образовательное пространство, которое утрачивает четкие границы; во-вторых, происходит существенное сокращение пространственных и временных связей между всеми участниками образовательного процесса, поскольку образование определяет не сроки нахождения человека в образовательной системе, как это понималось в индустриальном обществе, а виртуализирует пространство и время образовательного процесса.

Обращаясь к онтологическому аспекту, напомним, что традиционно «образование» определяется как функция социума, обеспечивающая воспроизводство и развитие самого социума и систем деятельности. Реализация этой функции происходит через процессы трансляции культуры и воспроизводства культурных норм в динамично меняющихся исторических ситуациях с учетом постоянно обновляющихся социальных отношений. Дистанционное образование, в отличие от традиционного, в меньшей степени способствует социализации личности, приводя к дезинтеграционным процессам, поскольку каждый участник образовательного процесса (и преподаватель, и студент) создает себе виртуальный образ, который может иметь очень мало общего с реальным человеком. Кроме того, в условиях информационного общества и формирующегося общества знания капитал на рынке образования начинает работать подобно капиталу на рынке финансовых активов, приобретая черты «флеш-рынка» (моментального рынка) [2, с. 2705], подчиняясь прежде всего экономическим законам, требуя создания принципиально иной информационной инфраструктуры. Если система образования способна оперативно перестроить образовательный процесс, то такая информационная инфраструктура будет создана, что позволит говорить, в свою очередь, о возникновении наукоемкого высшего образования. При этом изменения, происходящие в информационном обществе, касаются не только инфраструктуры высшего образования, они приводят к возникновению новых методов управления образовательным процессом, которое должно вестись через информационную систему, обеспечивающую непрерывную связь между преподавателем, студентом и администратором в он-лайн режиме. Не случайно различные «западные» модели высшего образования обязательно содержат отдельный блок, детально разбирающий особенности системы управления на новом этапе развития общества. Так, достаточно широко известная модель университета мирового класса, разработанная сотрудником Всемирного банка Дж. Салми в 2009 году, рассматривает университет, способный развивать фундаментальную науку, осуществлять трансфер технологий и заниматься внедрением результатов научных исследований с использованием виртуального пространства. В рамках развития такого наукоемкого образования с широкой виртуализацией Дж. Салми в обязательном порядке предусматривает трех базовых блоков: концентрации талантов, изобилия ресурсов и эффективного управления. При создании этой модели Дж. Салми обращается к серьезному перечню исследований, позволивших выявить ему характерологические особенности современных университетов и обозначить 24 критерия для оценки эффективности системы университетского образования [3, с. 85–86]. Модель Дж. Салми связана с общей структурой управления вузами, конкурентоспособной средой и степенью академической и управленческой автономии. «... Важно подчеркнуть, что комбинация трех факторов, характеризующих университет мирового класса – концентрация талантов, высокий уровень финансирования и эффективное управление – именно это и является их основной отличительной чертой. Динамическое взаимодействие между всеми тремя группами отличает университеты, принадлежащие к элите академического мира» [3, с. 32]. Качественным итогом такого взаимодействия являются, во-первых, выпускники, во-вторых – результаты научных исследований, в-третьих – распространение новых идей и технологий с широким использованием информационно-коммуникационных технологий, то есть все те компоненты, которые требуются современному обществу, переходящему на новый, информационно-знаниевый этап своего развития. Если обратиться к другой, не менее широко известной концепции предпринимательского университета Б. Кларка [4, с. 69], то мы увидим, что наряду с расширением периферии, в том числе и за счет применения информационно-коммуникационных технологий, он отдельным пунктом выделяет создание управленческого ядра нового типа. В свою очередь, Й. Виссема, говоря о создании университетов третьего поколения, которые развивают технологии с использованием виртуального пространства, также заостряет внимание на кардинальном изменении управленческой структуры и децентрализации [5, р. 273].

Независимо от того, как мы относимся к дистанционному образованию, его доля в учебном процессе будет неизбежно увеличиваться. С помощью дистанционного образования существенно расширяется доступ студентов к образовательным ресурсам, серьезно экономится время, необходимое для занятий. В идеале дистанционная образовательная платформа может параллельно отслеживать взаимодействие обучающихся с преподавателем, теоретически позволяя контролировать любые отклонения от выбранной студентом образовательной траектории, мгновенно реагируя на малейшие заминки, будучи готовой оказать необходимую помощь и поддержку [6, с. 25]. То есть, фактически речь может идти о создании системы «моментального» образования. Зарубежный опыт, к которому мы обращались, свидетельствует, что если при переводе образования в виртуальную плоскость не будут разработаны специальные механизмы управления по поддержанию оптимального баланса между секторами виртуального и реального образования, то мы столкнемся с рядом серьезных проблем. Во-первых, изменение онтологических основ системы образования совершенно обоснованно воспринимается академическим сообществом как реальная угроза качеству образования. Эта опасность усугубляется тем, что на данный момент система управления образовательным процессом, как правило, ориентирована на минимизацию затрат, что так же не может способствовать повышению качества образования. Во-вторых, существенно затрудняется контроль самостоятельной деятельности студента в виртуальной реальности, что позволяет студенту овладевать преимущественно поверхностными «клиповыми» знаниями, не прикладывая должных усилий для освоения учебной программы. В-третьих, перевод отношений профессорско-преподавательского состава и студенчества из аудитории в виртуальную плоскость будет способствовать возникновению безличностного характера образования, которое уже сейчас достаточно успешно переместилось на платформы социальных сетей. И, наконец, в-четвертых: виртуализация образования неизбежно будет сопровождаться развитием неосвязаемости нематериальных активов. Это, в свою очередь, приведет к тому, что в соответствии с трендами мировой экономики система отечественного высшего образования, ориентируясь исключительно на увеличение «прибавочной стоимости» студента, будет развиваться в соответствии с экономическими законами диверсификации и демассификации, действующими сегодня в социальной, производственной, информационной и иных сферах деятельности человека [2, с. 2706]. А поскольку диверсификация экономики предполагает ее разделение две неравнозначные части: низкотехнологичную и наукоемкую, то и в системе образования четкое разделение на элитарное наукоемкое высокотехнологичное конкурентоспособное образование и массовое малоценное низкотехнологичное «высшее образование», направленное на производство дешевой неконкурентоспособной рабочей силы, которая оказывается невостребованной за пределами внутреннего рынка.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Петров В.В. Виртуальная реальность: дистанционное образование в информационном обществе // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 2. С. 2702-2709.
3. Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009. 132 с.
4. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. Москва : Издательский дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2011. 237 с.
5. Wissema J. New Look at Innovation Policy: Twelve Recommendations // Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy. – Cham: Springer, 2015. – P. 269–287.
6. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху. Нижний Тагил : НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с.

Генезис гендерного подхода в педагогике как проблема философии образования

Плотников Алексей Семенович

СПб ГБОУ СОШ № 160, учитель истории и обществознания; СПб АППО, Санкт-Петербург, аспирант

alekseispl@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается генезис гендерного подхода в педагогике, который относится к числу наиболее общих и неоднозначно трактуемых проблем философии образования: нет единой терминологии, не определено время генезиса, его содержание и закономерности. Утверждается, что проблема генезиса гендерного подхода в педагогике является одним из центральных звеньев гендерных исследований, так как отвечает на вопрос о содержании, структуре гендерного подхода в педагогике, направленности его эволюции, тенденциях и механизмах функционирования. Вследствие того, что применяемые подходы к решению данной проблемы не всегда эффективны, не учитывают природу гендера и историю гендерного познания, предлагается сделать генезис гендерного подхода в педагогике объектом феноменологического рассмотрения. Доказывается, что феноменологический подход, рассматриваемый в единстве его аспектов: структурного, формально-логического и историко-генетического, позволит эффективно исследовать историко-педагогическую реальность. В результате исследования получен инвариант рассматриваемого явления – педагогическая модель гендерного подхода, которая может служить методологической основой познавательных действий и быть алгоритмом при составлении исследовательских программ изучения гендерного подхода в педагогике и других феноменов, имеющих схожую природу.

Ключевые слова: гендерный подход в педагогике, феноменология генезиса гендерного подхода в педагогике, структурный подход, формально-логический подход, историко-генетический подход, структураль, педагогическая модель гендерного подхода, вертикальное и горизонтальное изменения гендерного подхода в педагогике.

Genesis of Gender Approach In Pedagogy as a Problem of Philosophy of Education. *Plotnikov Alexey Semyonovich*

St. Petersburg school № 160; St. Petersburg APPO

Annotation: The article deals with the Genesis of gender approach in pedagogy, which is one of the most common and ambiguously interpreted problems of the philosophy of education: there is no single terminology, the time of Genesis, its content and regularities are not defined. It is argued that the problem of the Genesis of gender approach in pedagogy is one of the Central links of gender studies as it answers the question of the content, structure of gender approach in pedagogy, the direction of its evolution, trends and mechanisms of functioning. Due to the fact that the applied approaches to solving this problem are not always effective, do not take into account the nature of gender and the history of gender cognition, it is proposed to make the Genesis of gender approach in pedagogy an object of phenomenological consideration. It is proved that the phenomenological approach, considered in the unity of its aspects: structural, formal-logical and historical-genetic, will effectively explore the historical and pedagogical reality. As a result of research the invariant of the considered phenomenon – pedagogical model of the gender approach which can serve as a methodological basis of cognitive actions and to be algorithm at drawing up of research programs of studying of the gender approach in pedagogy and other phenomena having the similar nature is received.

Keywords: gender approach in pedagogy, phenomenology of Genesis of gender approach in pedagogy, structural approach, formal-logical approach, historical-genetic approach, structural, pedagogical model of gender approach, vertical and horizontal changes of gender approach in pedagogy.

1. Гендерный подход в педагогике – один из актуальных современных подходов в образовании.

Проблема учета и использования гендерных различий в образовательном процессе ставится и разрабатывается в научных исследованиях и этого требуют международные исследования (PISA, CIVIC и др.) [5]. Как общенаучный подход он является предметом философии образования, а к важным проблемам гендерных исследований следует отнести генезис гендерного подхода в педагогике. Данная проблема обусловлена тем, что нет устоявшейся точки зрения на время генезиса, более того они взаимоисключающие; пространство генезиса; содержание генезиса; закономерности его проявления. Генезис определяет зарождение тенденций, в том числе современных, их свернутое содержание. Он устанавливает время цикла, в котором проявляются эти закономерности и содержательное наполнение процесса.

2. Подходы, используемые в гендерных исследованиях, не всегда эффективны и относятся к разным дисциплинам: философии, психологии, социологии, экологии и др., имеют либо слишком абстрактную, либо узкодисциплинарную направленность и неадекватно отражают объект изучения. Гендерный подход в педагогике, в таком случае, перестает быть самодостаточным, растворяется, с одной стороны в междисциплинарности, с другой стороны в узкой дисциплинарности, односторонности. Проблему адаптированных, введенных в педагогический контекст подходов должна решать философия образования в рамках исследования генезиса гендерного подхода в педагогике [6]. Она рассматривает педагогические проблемы целостно, направлена на выявление общих закономерностей и решение специфических педагогических задач, учитывает, что гендер, в том числе – феномен сознания, и может предложить подходы, с помощью которых происходит философское осмысление образовательных проблем.

3. В этой связи мы предлагаем для решения обозначенной проблемы задействовать комплекс философских и исторических подходов, к сожалению, редко используемых в истории философии образования.

Феноменологический подход имеет определенные преимущества. Он позволяет увидеть как определенный класс представлений о гендерных различиях возникает в научно-педагогическом сознании, накапливается, осмысливается, концептуализируется, и в итоге трансформируется в гендерный подход. Феноменологический подход понимается традиционно (Э.Гуссерль) с последующей разработкой онтологизационного направления (Н.Гартман, Г.Миш, Х.Липпс и др.) [4], позволяющего применять к изучению феномена другие подходы для анализа содержания сознания, фиксирующего генезис гендерного подхода в педагогике в виде ретенций, мышления и концептуализации [2]. Таким образом, мы получаем картину отраженного в педагогическом сознании процесса формирования гендерного подхода в «чистом» виде, без наслоений и психологизмов.

В изучении педагогических феноменов прошлого важно установить совокупность всех явленных, мысленных и концептуализированных фактов «педагогической реальности гендерных различий», где явленное может реконструироваться и проясняться; мысленное можно проследить через историю идей и понятий, их выражающих; концептуализированное – провести анализ гендерных концепций и теорий. Феноменологически можно определить время генезиса и его содержание, а также доказать, что на рубеже XIX-XX вв начинается современный этап феноменологического цикла гендерного подхода в педагогике, а также проследить историю его познания через «феноменологическую историю».

4. Феномен как некое содержание сознания имеет структуру. Структурный подход как развитие идей К.Леви-Строса [3] в педагогически адаптированном варианте структуралистской педагогики [8] применим к изучению феномена генезиса гендерного подхода в педагогике для получения его инварианта. Он позволяет определить содержание историко-педагогического сознания не как массив сведений, а как совокупность компонентов, имеющих иерархизированную, взаимообусловленную структуру.

Структурный подход к содержанию феномена означает выявление инварианта гендерного подхода в педагогике в виде структурного каркаса, его функциональное значение. Совокупность явлений, имманентных изучаемому объекту, в процессе исторического познания не всегда может быть осознана как структура. Изменение угла зрения с современной точки зрения позволит прояснить существующую позицию в этом вопросе (уточнить данную совокупность явлений).

5. Все элементы и взаимосвязи выявленной структуры призваны выявить логический подход к исследованию феномена. Поскольку в нашем случае определенность и обозначенность гендерного подхода определяется его формами – это будет формально-логический подход. Использование формально-логического подхода необходимо для доказательства правомерности определенного хода рассуждения, логического анализа «педагогической реальности гендерных различий», аргументированности и доказательности, концептуализации теоретических положений.

Поскольку содержание онтологизирующегося феномена в сознании принимает форму (по крайней мере, мыслится как форма), то речь идет о формальной стороне исследовательского подхода. Там, где он используется для логических процедур объяснения и доказательства – логическая сторона формально-логического подхода [2]. Он позволит определить сущность взглядов по этому вопросу на рубеже XIX-XX вв., ответы на современные вопросы гендерной теории, получить модель (инвариант) исследуемого явления (гендерный подход в педагогике) и алгоритм его использования, получить основание для построения современной гендерной теории, опирающейся на установленное время и содержание генезиса гендерного подхода в педагогике, а также основания для частных гендерных теорий (гендерная типология форм обучения, факторы гендерной детерминации и т.д.). Формально-логическая методология может использоваться для анализа явлений подобного класса и как форма (формула) связи теории и практики применительно к данному явлению. Она позволит ответить на смежные (междисциплинарные) вопросы и разграничить предмет гендерного подхода в педагогике от философского, психологического и др. предметов, а также решить задачи философии образования в этом вопросе.

6. Историко-генетический подход с феноменологической точки зрения приобретает особое значение в исследовании феноменов прошлого, а именно, использование методологии П.Рикёра [7] в рамках очерченных проблем в истории педагогики [1]. Прежде всего это -проблема реконструкции. Историко-генетический подход предполагает возможность восстановления по источникам (реконструкция) первоначального взгляда на феномен. Это важная сторона исследования, но задача состоит в том, что необходимо не только восстановление, а прояснение, просветление этих вопросов с позиций современного исследования, порой только затронутых, не всегда ясных в существовавшей тогда системе понятий, затемненных в процессе исторического познания (не все следует взять из истории). Реконструкцию следует понимать в строго научном смысле слова и как творческий процесс.

Историко-генетический подход – это также генезис и история исследовательского инструментария, понятий, форм явления, подходов к нему, актуальных с точки зрения современного исследования. Таким образом, основным методом исследования предложенной темы является феноменологический подход в единстве аспектов: структурного, формально-логического и историко-генетического.

7. В результате мы получим педагогическую модель гендерного подхода («структураль» Д.Ленцен) из пяти уровней от философского до технологического. Она содержит иерархически организованную вертикаль: первый уровень – философские направления в гендерном подходе; второй – формы гендерного подхода; третий – факторы гендерной детерминации; четвертый – формы обучения (гендерная типология форм обучения с учетом гендерных различий); пятый - гендерные технологии. Она отражает парадигмальность в познании и учете гендерных различий и горизонталь и полюсность гендерного подхода, является основой разработки гендерной типологии.

Это позволит алгоритмизировать изучение, учет и использование гендерных различий в образовательном процессе как в целом, так и по частям, используя блочно-модульный подход по принципу дополненности.

Таким образом, полученная в ходе исследования педагогическая модель гендерного подхода (инвариант) имеет два измерения: вертикальное и горизонтальное. Поэтому важен вертикальный и горизонтальный анализы полученной структуры (П.Рикёр). Вертикальный анализ означает изучение сложившихся образовательных форм от философского обоснования до технологий в рамках каждой парадигмы, влияние гендерных различий на организацию образовательного процесса, вертикальную взаимосвязь и детерминированность. Горизонтальный анализ подразумевает учет всего многообразия гендерных различий, континуальность гендера и гендерной типологии. Он учитывает влияние гендерных различий на все элементы структуры гендерного подхода в педагогике.

1. Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 20-12 сентября 2019 г. г. Москва / научн. ред. М. В. Богуславский. М.: МПГУ, 2019. 816 с.
2. Книгин А. Н. Учение о категориях: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. Пер. с франц. В. В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Михайлов И. А. «Герменевтическая логика» Ганса Липпса. // Точки- PUNCTA. 2001. Т. 1. № 3-4. С. 125-145.
5. Основные результаты международного исследования PISA-2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.centeroko.ru>.
6. Плотников А. С. Введение в гендерную проблематику философии образования: генезис гендерного подхода в отечественной педагогике в конце XIX – начале XX вв. // Credo new. 2019. № 1. С. 114-122.
7. Рикёр П. Рассказ и время. М.; СПб. 2000. Т. 1.
8. Федотова О. Д. Теоретико-методологические основы педагогики Германии и ФРГ (конец XIX века – 90-е гг. XX века): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 49 с.

Побережный А. А.

МКОУ «Фатежская средняя общеобразовательная школа №2» Фатежского района Курской области, учитель. Кандидат философских наук

alexrob65@mail.ru

Аннотация. О глобальном кризисе системы образования заговорили чуть более полувека назад, и с тех пор открываются всё новые его грани и особенности. Причинами кризиса считают резкий рост научно-технического прогресса, доступность огромных и всё возрастающих массивов информации, зачастую противоречивой, резкий рост объема знаний, накопленных человечеством. Классическая система образования становится все менее эффективной. Образование приобретает прагматический и утилитарный характер и перестает выполнять функцию передачи социального и культурного опыта от одного поколения к другому, что негативно сказывается на духовном состоянии общества. Хаотичный рост потоков информации приводит к нарушению базовых систем ценностей и к формированию манипулятивного мышления, что представляет серьезную опасность для молодого поколения. Система образования должна формировать человека как творческую свободную личность, ответственную не только за себя и за будущее нашей планеты.

Ключевые слова: кризис образования, функциональная неграмотность, информатизация общества, культурные перемены, иррациональность мышления, творческая личность.

Some features of the crisis of the modern education system.

Poberezhnyi A.A.

“Fatezh secondary school №2”, Kursk region, teacher

Abstract. The global crisis of the education system was discussed about half a century ago, and since then, new facets and features have been discovered. The reasons for the crisis are considered to be a sharp increase in scientific and technological progress, the availability of huge and increasing amounts of information, and a sharp increase in the amount of knowledge accumulated by mankind. The classical education system is becoming less effective. Education acquires a pragmatic and utilitarian character and ceases to perform the function of transferring social and cultural experience from one generation to another. The chaotic growth of information flows leads to the violation of basic value systems and to the formation of manipulative thinking, which is a serious danger for the younger generation. The education system should form a creative and free person who is responsible not only for himself but for the future of our planet.

Keywords: educational crisis, functional illiteracy, informatization of society, cultural changes, irrationality of thinking, creative personality.

Философский анализ кризисной ситуации в современной системе образования, анализ его социально-мировоззренческих основ приводит к выводу, что в настоящее время имеет место глобальный кризис современной цивилизации, который начался уже более полувека назад. Выход из него пока отчетливо не просматривается.

О глобальных проблемах системы образования заговорили в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия, когда вышла монография директора Международного института планирования образования Ф. Г. Кумбса «Кризис образования в современном мире: системный анализ». [1] Проблема кризиса, по мнению автора, состоит в том, что, будучи по своей природе консервативной, система образования не успевает приспособиться к постоянно ускоряющимся темпам научно-технического прогресса, к социально-политическим и культурным переменам в обществе. Система образования имеет многовековые традиции. Уже в 80-е годы о кризисе заговорили не только ученые, но и политики, руководители государств. Кризису образования был посвящён ряд национальных и международных конференций. В разных странах принимались правительственные документы, декларировавшие глубину проблемы. Разрабатывались программы выхода из этого кризиса, новые концепции образования, программы образовательных реформ.

В 1998 году со статьей «Кризис современного образования» выступил академик РАН Н. Н. Моисеев. Ученый пишет: «...все происходящее гораздо сложнее, чем это принято представлять.

Думаю, что тот цивилизационный потенциал, который был заложен неолитической революцией, практически исчерпан. Убежден, что человечество подходит к поворотной точке своего развития» [2, с. 3].

Учеными было выделено несколько причин кризиса образования. Одной из причин был назван резкий рост научно-технического прогресса, который влечет за собой постоянное изменение системы знаний, что, в свою очередь приводит к утрате значимости той системы образования, которая на протяжении веков доминировала в западной культуре. Теперь, по мнению специалистов, образование должно формировать самостоятельную и творческую личность, способную решать задачи, не имеющие заранее заданного алгоритма решения, и умеющую самостоятельно получать необходимые знания на протяжении всей жизни. В качестве другой причины была указана информатизация общества, которая привела к тому, что человеку стали доступны огромные массивы информации, зачастую противоречивой. Эту информацию необходимо как-то согласовать, переработать, усвоить необходимое, что является весьма непростой задачей.

К проблемам образования относят также так называемую «функциональную неграмотность». Суть ее в том, что, согласно современной статистике, объем знаний, накопленных человечеством, удваивается каждые пять лет, и этот временной промежуток становится все меньше. То есть знания, получаемые в ВУЗе, уже к моменту получения диплома становятся устаревшими. Другая проблема состоит в том, что уровень знаний выпускаемых ВУЗами специалистов все меньше отвечает запросам практики. Специалисты выходят, как правило, узкого профиля, что не позволяет им решать в полном объеме современные проблемы.

Одной из серьезнейших проблем системы школьного образования является то, что дети стали испытывать не только физические и умственные, но и психологические перегрузки, что представляет серьезную опасность, так как может привести к психогенным расстройствам.

Ситуация в российском образовании выглядит несколько иначе. Вплоть до начала 90-х годов прошлого столетия советская образовательная система была в каком-то смысле изолирована, и негативные тенденции мирового кризиса не проявлялись сколько-нибудь серьезным образом. Безусловно, элементы кризиса в отечественном образовании просматривались и раньше. Наблюдалось снижение успеваемости, конфликтность школьников, стрессы, снижение учебной мотивации. Однако в области образования СССР был в числе лучших стран, теперь же по многим показателям наша страна оказалась во второй полусотне среди стран мира. Кризис образования сопровождался кризисом социальной системы, системы ценностей, на которой было воспитано несколько поколений, поэтому он оказался более ощутимым.

Специфику современного состояния образования в России можно охарактеризовать рядом факторов. Имеет место тенденция обширного внедрения инноваций, оторванных от традиций отечественной культуры и педагогики. Это проявляется в смене социальных ориентиров молодого поколения, где идеал коллективизма сменяется идеалом индивидуализма и лидерства.

Еще одним аспектом кризиса образования является снижение его статуса, сведение образования к рыночной услуге. С одной стороны, образование перестает быть общедоступным, с другой – цели образования становятся узко прагматическими. Образование приобретает прагматический и утилитарный характер, и, в связи с требованиями современности, в формировании личности особое внимание уделяется таким качествам, как умение адаптироваться к меняющимся условиям, предприимчивость. Образование перестает выполнять функцию передачи социального и культурного опыта от одного поколения к другому, что также негативно сказывается на духовном состоянии общества. Причина в том, что «современные модели образования зачастую отказываются от этой функции, так как общество рассматривается как фактор подавления свободы личности» [3, с.5].

Современный этап развития общества определяется как постиндустриальный (Д. Белл), постмодернистский (А. Этциони). По мнению ученых, господство технико-экономических приоритетов ведет к отставанию в духовно-нравственном развитии общества и человека. Неудержимое потребление и гедонистическая психология приводят к деградации природной среды, физического и психического здоровья человека. Технический прогресс информационного общества порождает урбанизацию, распространение массовой культуры и дегуманизацию (Р. Коэн).

Информационное общество остается потребительским, а все его достижения сопровождаются ростом «шлаковой» информации, которая ведет к образованию информационного хаоса. «Процесс увеличения информационного ресурса не способствует формированию мировоззренческих установок,

необходимых для преодоления глобального кризиса, но создает видимость того, что данный кризис можно предотвратить путем расширения технологических возможностей» [3, с. 8]. Во многих направлениях человеческой деятельности манипулирование человеческим сознанием, посредством которого производится разрушение традиционной системы человеческих ценностей, – это воздействие, направленное прежде всего на детей и молодежь. Система образования, которая должна противостоять этому, оказывается бессильной в силу нескольких причин. Одной из причин является определенное противостояние между консерватизмом системы образования и либерализмом системы ценностей, навязываемой массовой культурой социальных сетей и средств массовой информации. Отказ от духовного наследия российской национальной культуры, от гуманистической концепции воспитания «... лишь усугубляет кризис образования» [4, с. 196].

Иррациональность мышления человека начинает проявляться в том, что его мировоззренческие установки, его оценки окружающей реальности, его система ценностей определяются не жизненным опытом, не традициями культуры, формировавшейся на протяжении веков, а нормами, навязанными извне. У данного процесса есть сторонники, и они утверждают, что он представляет собой положительную тенденцию, ведущую к расширению «ролевых моделей личности». Однако многие специалисты признают, что причины нервно-психических проблем лежат не только в экономической и социальной нестабильности, а могут быть связаны с нарушением системы базовых ценностей, которое имеет место в современной массовой культуре. Австрийский философ и психолог В. Франкл выделял ноогенный тип неврозов, причиной которого является конфликт между системами ценностей, приводящий к потере смысла жизни, к экзистенциальному вакууму. Этот своеобразный духовный кризис личности стал весьма распространенным в современном обществе, о чем свидетельствуют многочисленные публикации.

Таким образом, безудержный и хаотичный рост потоков информации, который часто преподносится как благо, как достижение современной цивилизации, приводит к нарушению базовых систем ценностей и к формированию манипулятивного мышления, что особенно сказывается на молодом поколении. Личность, формируемая под воздействием этих потоков, не становится свободной и гармоничной.

Система образования должна формировать человека как творческую свободную личность, ответственную не только за себя, но и за человеческое общество, за будущее нашей страны и планеты. Образование должно формировать в человеке культуру работы с информацией, способность подвергать ее критическому анализу и систематизации, что должно привести к определенному уровню интеллектуальной и культурной рефлексии. Только образование даст человеку те знания, которые необходимы ему в освоении различных видов деятельности и в понимании новых идей. Именно система образования является той ведущей силой, от которой в наибольшей мере зависит будущее человечества.

Литература:

1. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире: системный анализ / Пер с англ. – М.: Прогресс, 1970. 272 с.
2. Моисеев Н.Н. Кризис современного образования // Наука и жизнь. 1998. №6. С. 2–8.
3. Артамонова Т.А. Русская социально-философская мысль и современное образование. – Барнаул, 2005. – 97 с.
4. Степанов В.И. Кризис образования в современной России и пути его преодоления. // Вестник ТГПУ, 2014, №11(152). С.

193 – 198

Ирина Владимировна Полозова

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры философии,
доктор философских наук*

polozova-irina@mail.ru

Аннотация. В тезисах рассматриваются основания философии образования. Показывается, что представления об образовании основываются на определенном понимании человека и существующей в обществе системе ценностей.

Ключевые слова: философия образования, антропология, ценности, трансформация ценностей.

**Anthropological and axiological foundations of the philosophy of education.
Irina Vladimirovna Polozova**

*Department of philosophy of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after
V. J. Kikot*

Annotation. The theses consider the foundations of the philosophy of education. It is shown that ideas about education are based on a certain understanding of a person and the existing system of values in society.

Key words: philosophy of education, anthropology, values, transformation of values.

Философия образования является одной из наиболее молодых философских дисциплин. Поэтому принципиально важно прояснить ее основания, которые могут быть определены с помощью других, более разработанных разделов философии. С одной стороны, основания философии образования лежат в философской антропологии, потому что представления о человеке, его природе и сущности являются исходным пунктом философии образования (точка «альфа»). С другой стороны, основания философии образования лежат также и в аксиологии (точка «омега»), так как образование, то есть формирование человека всегда осуществляется на основе каких-либо образцов и ценностей. Социальный аспект также играет большую роль в философии образования. Общество выступает как среда, которая хранит и транслирует определенные ценности, социальность, поэтому, является посредником между аксиологией и антропологией.

Построим цивилизационные модели образования на основе данных измерений. Антропологические основания предполагают ответ на вопрос: что есть человек? Аксиологические основания обозначают: каким человек должен быть? к чему он должен стремиться?

В античной культуре человек мыслился как микрокосмос по отношению к макрокосмосу. А поскольку космос является, по определению, наиболее прекрасным из всего существующего, то человек в идеале также должен стремиться к совершенству, телесному и внутреннему. Идеал «калокагатии» имеет свои истоки именно в совершенстве космоса. Присутствующие в античном мире идеи о социальной значимости воспитания (Платон), имеют также антропологическое обоснование, так как восходят к представлениям о структуре человеческой души.

В христианской культуре человек понимался как созданный по образу Бога. Предполагалось, что изначальная божественность человека, искаженная грехопадением, нуждается в восстановлении с помощью воспитания и образования. Образование, поэтому, понималось как приближение к христианскому совершенству. Во времена ранней христианской письменности данная проблематика рассматривалась в сочинении Климента Александрийского «Педагог», посвященном сопровождению душ ко Христу.

Тройственный состав человека, включающего в себя дух, душу и тело, предполагал наличие образования, направленного, прежде всего, на наполнение духа, его восстановление, чему служила молитвенная и богослужбная деятельность. Данная модель задает субординацию начал, где телесное начало занимало низшую ступень в иерархии, основным принципом по отношению к телу выступала аскетика, направленная на укрощение страстей. Данная традиция в образовании продолжила свое

существование в византийской, а затем и в русской культуре.

В европейской культуре христианская модель образования претерпевает определенные изменения за счет внесения в нее интеллектуальной составляющей. В значительной степени это было обусловлено влиянием античной традиции. Поэтому, вопросы о соотношении разума и веры были принципиальными для европейской философии средних веков. Разум понимался как союзник веры, занимающий по отношению к вере более низкую позицию. Данное соотношение было реализовано в появившихся в Европе образовательных учреждениях нового типа – университетах, которое задавало следующую модель образования: прохождение ступени семи свободных искусств, венчающееся теологией, Богопознанием.

В учениях мыслителей Возрождения (М. Фичино, Пико делла Мирандола) человек рассматривался как промежуточная инстанция между божественным и природным бытием. Образование было направлено, поэтому, на продвижение человека вверх, его духовный рост, второе же направление рассматривалось как крайне негативное, как деградация и падение человека.

В Новое время в учениях Декарта, Спинозы и Лейбница основным свойством духовной субстанции признается мышление, что задавало понимание человека как существа по преимуществу разумного, в первую очередь обладающего разумом. Образование в данный период было направлено преимущественно на интеллектуальное развитие человека. Гносеология становится ведущей отраслью философии. Идеалом познания выступает математика.

В то же время в отечественной культуре образование строилось по традиционной христианской модели. Преимущественное внимание уделялось духовному росту, которому способствовало чтение духовной литературы. Так, на Руси основой обучения было чтение Псалтири, книги, которую знали наизусть все сколько-нибудь образованные люди того времени. Участие в богослужениях, предполагающее знание устава службы, чтение богослужбных текстов, пение по гласам, восходящее к Византийской традиции – все это было основой образованности на Руси.

Рационализация европейской культуры, движение Просвещения в Европе, привело к постепенной замене Бога идеей природы (Дидро, Гольбах), и, в результате, к пониманию человека как природного существа. Понятие человека серьезным образом трансформируется. Божественность человека утрачивается, уступая место его животной природе. Со второй половины XIX – начале XX века человек начинает мыслиться преимущественно как животное, прошедшее определенную эволюцию, но сохраняющее в себе свойства, присущие животному бытию. Ключевыми фигурами в низведении ценности человека до уровня животного бытия являются Ч.Дарвин и З.Фрейд. Данное изменение приводит к смене представлений об образовании. Показательной в этом смысле является модель образования Ж-Ж.Руссо, идеализирующая не испорченного цивилизацией дикаря и проповедующая возвращение к природе.

Основная парадигма европейской культуры XIX века: человек есть биосоциальное существо. В качестве высшей ценности по отношению к человеку стало рассматриваться общество, которое стало мыслиться как играющее решающую роль в образовании человека. Человек, его личность является уже вторичным и производным началом по отношению к обществу. Все содержание личности рассматривается как изначально принадлежащее обществу. Наиболее характерной концепцией образования, отражающей данное соотношение, является понимание человека как чистой доски (Дж.Локк), которая заполняется в результате воздействия на нее различных ощущений, где определяющая роль принадлежит социальному воздействию. В Новое время происходит становление моделей образования, которые основываются на том, что общество передает человеку через своих представителей такую сумму знаний (умений, навыков), которые требуются ему для того, чтобы стать полноценным членом общества.

Отсутствие высшего начала по отношению к социуму привело к тому, что в качестве основных и определяющих в жизни общества стали трактоваться материальные факторы (марксизм). Вся духовная жизнь общества стала рассматриваться как надстройка, целиком обусловленная материальными условиями жизни, состоянием и уровнем развития производительных сил. Дальнейшее разделение труда в обществе привело к появлению понимания образования как получения профессии. Философия прагматизма, к которой принадлежал основатель философии образования Д.Дьюи, исходила из преимущественно практической ориентированности образования.

Общество, лишенное духовных и ценностных ориентиров, трансформировалось, в конце концов,

в общество потребления. В таком обществе потребления все превращается в симулякры – призрачные ценности, знаки без значения. Образование становится сферой предоставления образовательных услуг.

Но и эта ценность утрачивает свои позиции. На рубеже XX–XXI вв с точки зрения информационной парадигмы человек рассматривается как носитель логических и семиотических структур. Современная теория информации ставит информационную модель выше ее материального воплощения, и тем самым уравнивает человека с роботом или даже ставит его ниже. Образование начинает рассматриваться в плоскости информационных технологий, по отношению к которым человек вновь выступает как нечто вторичное.

Вывод. Образование должно служить не разрушению, а, напротив, созиданию человеческого образа. Это возможно сделать на основе возвращения к традиционной модели образования, либо основанной на дополнения современного образования традиционным.

Можно сказать, что в определенной степени судьба человечества зависит от того, какое понимание образования возобладает. Ориентация образования на абсолютные ценности способно сохранить человеческую цивилизацию от разрушения. Следование же за изменчивыми социокультурными ориентирами, напротив, приводит к размыванию и упразднению идеи человека, что ведет к распаду и гибели образования, и человеческой культуры в целом.

Социальное прогнозирование в философии образования: метод форсайтаⁱ

Рождественская Е.А.

МГУ имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, кафедра философии образования, сотрудник

lawnaturalscience@gmail.com

Аннотация: Прогностическая функция является одной из ключевых функций философского знания наряду с описанием и объяснением. В статье анализируется значение методов форсайт-методологии в социальном прогнозировании, описывается методология прогнозирования в социально-философском знании, раскрывается специфика функционирования методов социального прогнозирования. Особый акцент делается на социальном прогнозировании развития системы образования в предметном поле философии образования как особой исследовательской области и применения форсайт-методологии в философии образования. При этом необходимо зафиксировать ограничения использования форсайт-методологии для прогнозирования развития образования (отсутствие свойства интерсубъективности знаний, конкретность прогностической деятельности и невозможность комплексного анализа системы образования, учет рисков, различные векторы субъектов прогностической деятельности и др.).

Ключевые слова: социальная философия, философия образования, прогнозирование, социальное прогнозирование, философская методология, методология прогнозирования, форсайт.

Metod of Foresight in socio-philosophical prediction.

Rozhdestvenskaya E.A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Education

Abstract: The prognostic function is one of the key functions of philosophical knowledge along with the functions of description and explanation. The article analyzes the importance of the methods of foresight methodology in social forecasting, describes the forecasting methodology in social and philosophical knowledge and reveals the special traits of the functioning of social forecasting methods. Particular emphasis is placed on the social forecasting of the development of the educational system in the subject field of the philosophy of education as a special research field and the application of the foresight methodology in the philosophy of education. In this case, it is necessary to record both the restrictions of using this methodology for predictions on education (e.g. lack of the property of intersubjectivity of knowledge, specificity of prognostic activity and the impossibility of a comprehensive analysis of the education system, taking risks into account, various vectors of subjects of prognostic activity and other).

Keywords: social philosophy, philosophy of education, prediction, social prediction, philosophical methodology, methodology of prediction, foresight.

Вопрос о детерминации образовательной системы в контексте социальной динамики продолжает оставаться дискуссионным. С одной стороны, мы имеем дело с образованием как системой, а значит, с традиционными социальными институтами. С другой стороны, образование как социальный институт должно формулировать ответы на вызовы постоянно меняющегося общества. Образование как социальный институт не только дает ответы на вызовы социума, но и, как отмечают А.П.Огурцов и В.В.Платонов, обладает определенной автономией [1]. Это подразумевает некоторую свободу в постановке собственных теоретических и практических задач, которые, тем не менее, невозможно решать без учета субъектов образования в контексте различных традиций функционирования образования (континентальной и англо-саксонской) [2]. То есть, прогностическая функция должна учитывать разнонаправленные векторы детерминации – внешние (от общества к образованию) и внутренние, связанные с автономией образования как системы.

Прогностическая функция социально-философского анализа (*существует наряду с объяснитель-*

ⁱ Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В.Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

ной и описательной) тесно связана с проектной работой, с составлением планов, поэтому прогнозы в образовании являются основой для принятия управленческих решений: «Эта социальная установка философского знания и ее вклад в будущее прогнозируемое направление развития общества и человека не всегда лежат на поверхности жизненных процессов и явлений. Чаще всего они достаточно закамуфлированы, упрятаны в глубине других духовных, культурных целей, задач, ожидаемых перспектив. Но если бросить взгляд на магистральную линию развития человеческого общества за достаточно продолжительный период времени, то эти прогностически-мировоззренческие социальные функции философии выступают весьма наглядно» [3, с. 18]

В последние годы множество работ посвящено вопросу управления образованием как социально-философской проблеме. Среди основных вопросов философии образования в этой сфере можно выделить вопросы о равенстве в образовании, его качестве, мониторинге образования (его пределах и ограничениях), способов управления образовательными структурами и др. Однако наиболее существенным в плане управления образованием остается вопрос о целях образования как основании для принятия управленческих решений исходя из образа идеального будущего: «Ключевым моментом, определяющим эффективность управления в таком случае, является формулирование внешних и внутренних, конечных и промежуточных целей управления» [4, с. 18]. Следовательно, в прогнозировании образования как системы целевая компонента становится определяющей – она обуславливает выбор методов и средств работы с будущим.

Анализ методологии прогнозирования образования как сложной открытой системы требует обращения к специфике методологии социального прогнозирования вообще. Таким образом, специфика социального прогнозирования обусловлена особенностями социального познания, которое включает в себя ценностный аспект, личность исследователя, полисубъектность, учет законов общества, которые отличаются от природных законов.

Социальное прогнозирование как одна из задач социальной философии представляется важнейшим условием ее теоретического развития. Социокультурные изменения в обществе требуют осмысления как с ретроспективной, так и с перспективной точек зрения. Обращусь в позиции К.Х. Момджяна: учет специфики социокультурных изменений «определяет объективную значимость социально-философского мышления, опасность его практической неостребованности в нашей жизни» [5, с. 23]. Анализ методологии социального прогнозирования применительно к развитию конкретных социальных институтов (и института образования в особенности), способствует развитию социально-философского рассмотрения общественной статистики и динамики. Например, с учетом социально-философского рассмотрения трансформаций традиционных образовательных институтов и отношений можно формулировать резерв сценариев, которые окажутся релевантными для ответов на вызовы общества.

В отечественной философской традиции методологией социального прогнозирования занимались многие ученые разных направлений: социологи, политологи, футурологи, психологи, философы. Им удалось выделить различные аспекты социального прогнозирования: социологический, методологический, психологический, философский, экономический и другие. Как советские, так и постсоветские исследователи прогнозирования отмечали трудности в разработке долгосрочных прогнозов. Они пытались ввести в методологию прогнозирования математическое моделирование на основе теории алгоритмов и временных рядов. Об этих методах я расскажу далее. Помимо всего прочего, им удалось обозначить социальные факты, которые обосновывали наличие определенных общественных настроений в отношении временного горизонта будущего. К примеру, И.В. Бестужев-Лада говорил о футурофобии в обществе и тем самым подчеркивал историко-культурный контекст понимания прогнозирования общественного развития [6].

Социальное прогнозирование, как правило, связывают с предсказаниями и предвосхищениями будущего, имея в виду интерес исследователей к общественным процессам в динамике. Такой подход можно описать как в определенной степени психологический: «Футурологический прогноз отражает не столько положение дел в будущем, сколько обоснованные ожидания. Это своего рода проекция будущего в настоящее. А ожидания людей, погруженных в поток событий, — единственное реальное знание о будущем, которым мы располагаем» [7, с. 90].

Появившись как исследовательский метод несколько десятилетий назад, метод форсайта обрел популярность и стал необходимым инструментом для изучения будущего и выработки приоритетных направлений развития общества. На данный момент методы форсайт-методологии используются

практически в любой прогностической деятельности – от социального проектирования и формирования трендов развития того или иного региона до технологической работы с образами будущего в рамках отдельной компании [8].

Термин «форсайт» появился вследствие полуфантастических размышлений на темы будущего в программе BBC «Герберт Уэллс о будущем: вещает отец научной фантастики». 19 ноября 1932 года в эфире своей радиопередачи под названием «Разыскиваются профессора предсказания» («Wanted – Professors of Foresight») Герберт Уэллс объявил о необходимости появления специалистов по будущему, которые на основе прогнозов формировали бы некий пул возможных форм поведения людей в условиях постоянно меняющейся реальности и все большей автоматизации этой реальности. В современном значении термин «форсайт» появляется почти на 20 лет позже при несколько иных обстоятельствах. Согласно мнению директора Международного научно-образовательного Форсайт-центра ИСИЭЗ НИУ ВШЭ А.В. Соколова, форсайты стали необходимостью в эпоху конкурентной борьбы производителей за внимание потребителей в условиях глобализации и общего сокращения жизненного цикла продукции в середине XX века. Иными словами, традиционные способы производства, распределения, обмена и потребления стали несоразмерны друг другу [9, с. 9].

Форсайт-методология приобрела статус важнейшего инструмента активного формирования будущего не только в различных отраслях экономической сферы: стало возможным экстраполировать методы экспертных оценок или критических технологий и на такие социальные практики, как, например, практики образования. Без Форсайт-методов невозможны современные дискуссии о планировании развития системы образования и формировании образовательных идеалов (процесса, целей, результатов) и составление национальных концепций и доктрин политики в области образования.

Метод форсайта широко применяется в так называемой компетентностно-ориентированной образовательной системе [10]. Речь идет о переходе от знаниевой парадигмы образования к компетентностной: важно не только знать, но и уметь применять свое знание. Ключевая проблема состоит в том, что умение применять знание не предполагает наличия самого знания и может приобретаться операционально: таким образом, концепт знания совершенно меняется и отчасти теряет свою ценность, не говоря уже о самооценности знания в контексте фундаментальных наук.

В условиях распространения форсайт-методологии в социогуманитарных исследованиях, с одной стороны, необходимо зафиксировать значение форсайта именно как эвристического инструмента, с другой стороны, оценить ограничения его использования для решения задач социального прогнозирования.

Первым ограничением становится невозможность комплексного прогноза развития всей системы образования ввиду сложности, открытости и динамичности этой системы. Необходимо понимать, что при формировании образовательного прогноза в качестве результаты мы можем получить лишь предсказание для отдельных элементов этой системы. Второе ограничение на применение форсайт-метода состоит в том, что при трактовке образования как системы, процесса, результата и ценности комплексный прогноз для всех компонентов невозможен. Третье ограничение касается необходимости учета рисков. Речь идет о существенных побочных трансформациях в реализации магистрального пути прогнозирования системы. Четвертое ограничение связано с тем, что внутри образования как системы функционируют различные стейкхолдеры и презюмируется, что векторы их интересов имеют разнонаправленный характер. Они могут быть гармонизированными, но, как правило, все же находятся в конфликте, что и делает прогнозирование развития системы сложным.

Литература:

1. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.
2. Вахштайн В.С. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая // Прогнозис. 2006. № 6. С. 321-352.
3. Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. — М.: Норма, 2005. — 673 с.
4. Брызгалова Е. В. Управление образованием как сложным социальным институтом. Философские проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 вып 1. – С. 12–19.
5. Момджян К.Х. Введение в социальную философию Учеб. пособие. - М.: Высш. шк., КД «Университет», 1997. – 448 с.
6. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций.— М.: Педагогическое общество России 2002. – 392 с.

7. Сергеев А. Тени будущего // Вокруг света. 2008. № 11 (2818). С. 81 – 90.
8. Шелюбская Н.В. «Форсайт» - механизм определения приоритетов формирования общества знаний стран Западной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2007. №2. с. 143 – 169.
9. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1 (1) С. 8 -15.
10. Ежова Т.В., Петров В.Н., Апанасенок А.В., Петров А.В. Использование методологии Форсайта для построения цели образовательной программы в компетентностно-ориентированной образовательной системе // ОТО. 2016. №3. С. 492-510

Постматериальные ценности молодежи: сетевая и реальная идентичность

Романенко И.Б.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Профессор, доктор философских наук

in_romanenko@rambler.ru

Аннотация: Постматериальные ценности поколений Y и Z (по классификации Н. Хоу и У. Штрауса) целесообразно рассмотреть с точки зрения формирования сетевой и реальной идентичности, специфики сетевой коммуникации, дискурса и публичности, а также распространенного в данной возрастной среде клипового мышления. Виртуальная реальность как гиперреальность, ставшая продуктом взаимодействия ее создателей и потребителей с их сознательной и бессознательной активностью, привела к выработке компьютерной зависимости, формированию патологической связи между человеком и компьютером, породив целый ряд социально-психологических иллюзий. В данном исследовании акцент делается на необходимости помощи виртуаману через прояснение аддиктивного континуума его поведения, выработку стратегии преодоления интернет-зависимости, а также развитие форм сопротивления становлению зависимых поведенческих реакций и формированию клипового мышления. Решение данных проблем возможно на основе обязательного изучения комплекса социогуманитарных наук, как жизненно важных для социализации и самоидентификации молодого человека, на всех этапах образования.

Ключевые слова: постматериальные ценности, сетевая идентичность, виртуальная реальность, клиповое мышление, аддиктивный континуум, интернет-зависимость, философия образования.

Post-material Values of Youth: Network and Real Identity. Romanenko I.B.

The A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Abstract: It is advisable to consider the post-material values of generations Y and Z (according to the classification of N. Howe and W. Strauss) from the point of view of forming network and real identity, the specifics of network communication, discourse and publicity as well as clip thinking that is common in this age-related environment. Virtual reality as hyperreality is a product of the interaction of its creators and consumers with their conscious and unconscious activities. It led to the development of computer addiction, the formation of a pathological connection between a person and a computer giving rise to a number of socio-psychological illusions. This study focuses on the need to help the virtuoman through clarifying the addictive continuum of his behavior, developing a strategy to overcome internet addiction, creating forms of resistance to the formation of a dependent behavioral reactions and the formation of clip thinking. It is possible to solve these problems on the basis of a compulsory study of the complex of social sciences and humanities as vital for the young people socialization and self-identification at all stages of education.

Keywords: post-material values, network identity, virtual reality, clip thinking, addictive continuum, Internet addiction, philosophy of education.

ⁱ Продуктивное обсуждение проблемы уникальности молодого поколения (поколений Y и Z по известной классификации Н. Хоу и У. Штрауса) и разработка адекватных способов взаимодействия с представителями указанных возрастов в системе многоуровневого образования возможны в контексте внимания исследователей к постматериальным ценностям, разделяемым ими. К числу последних отнесем ориентацию преимущественно на сегодняшний день (жизнь в «режиме здесь и сейчас») [1,

ⁱ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 а «Формирование постматериальных ценностей молодежи в образовательном пространстве и молодежных субкультурах: социокультурная аналитика состояний развития и прогнозика социальных рисков»

с. 151]. Одновременное отсутствие интереса к прошлому и будущему проявляется в том, что молодых людей мало интересует опыт предшествующих поколений, они не строят долговременных планов, мотивация их поступков в настоящем не отличается углубленной рефлексией и задействованием опережающего воображения как стратегического ресурса существования и развития личности. Молодые люди предпочитают действовать спонтанно, не просчитывая последствий своих действий. Интерес к настоящему ограничен просмотром новостных лент, развлечениями, хобби, участием в акциях, молодежными субкультурами. Основной способ коммуникации — это жизнь в социальных сетях с множеством анонимных или полуанонимных участников, связанных горизонтально, а также неуглубленным восприятием краткой информации. Сетевой дискурс отличается избыточной эмоциональностью, невысокой компетентностью авторов, стремящихся подтвердить собственную значимость в глазах сетевого сообщества. Самооценка коммуникантов часто связана с их недостаточной социализированностью и потребностью преодоления глубинных resentiments, что выражается в стремлении к социальному признанию через лайки, репосты, подписчиков, задействованием различных средств самоактуализации. Сетевая публичность, к которой так стремятся молодые люди, порождает и ряд иллюзий: собственной значимости, безнаказанности, быстрого самоутверждения и т.п.

Стратегия «жизни напоказ» приводит к тому, что юный сетевой коммуникант оказывается легко манипулируемым, безответственным (выкладывает избыточную информацию о себе), разделяет иллюзии пользовательской активности (представление себя в роли критика, эксперта, репортера и т.п.), не обращая внимание на то, что сами социальные сети буквально «сканируют» пользователей, отслеживая информацию об их интересах, жизненных проблемах, политических настроениях. Асоциальность социальных сетей проявляется в самой подмене реальности, а также в том, что они размывают субъективность, предоставляя иллюзорную возможность попробовать себя в множественности ролей, образов, сценариев жизни. Виртуальный мир в результате воспринимается как мир актуального (без отсылки к прошлому и будущему), сознание молодого человека становится нерелексивным, клиповым. Коммуникация осуществляется в режиме иррациональной множественности, диалог подменяется обменом мнениями. Но при этом молодые люди хотят действовать в практическом поле: общаться, устраивать общие акции, что-то делать совместно, заниматься разными делами, делиться информацией.

Представителей указанных поколений отличает «легкость» в отношении к жизни, которая проявляется в частой смене интересов, иллюзиях, отсутствии прочных связей, страсти к смене места и окружения. Иллюзии, порождаемые виртуальной реальностью и доступностью информации (электронные библиотеки, вебинары, открытые лекции и т.п.), обесценивают в их глазах (а также в глазах недалёковидных чиновников и администраторов от образования) значимость систематического образования, чтения, умения работать с информацией и преобразовывать ее в знания, а также формирования интегральной картины мира. Представители поколений Y и Z предпочитают информацию краткую, яркую, с четкой структурой (тексты размером не более страницы, видео не более минуты, реплики в несколько строчек и т.п.). Они предпочитают не изучать и систематически разбираться в материале, а «гуглить» (в поисковике формировать четкий запрос, ожидая получить на него лаконичный ответ) [2, с. 85-86]. Они не видят ценности в прочтении больших текстов, проработывании тем по учебникам, систематическом изучении проблемы, ее контекста, предпосылок возникновения, обосновании возможных сценариев развития и т.п. Таким образом, молодые люди не изучают, а отбирают, вынося информацию на всеобщее обсуждение, предпочитая научному диалогу общение в «чатах».

Клиповое мышление поколений Y и Z, чье взросление и социализация дерминированы цифровой эпохой (в интернете и социальных сетях они живут по многу часов в день), основано на принципе максимальной доступности с быстрой сменой видеоряда, частой сменой образов, что приводит к неуглубленному восприятию действительности. Данный вид восприятия задействует преимущественно кратковременную память, неуглубленные формы рефлексии, примитивные формы воображения [3, с. 211]. Бессистемная информированность приводит к поверхностному знанию, необдуманному суждению, завышенной амбициозности. Особо отметим, что виртуальная реальность — это гиперреальность, ставшая продуктом взаимодействия ее создателей и потребителей (с их сознательной и бессознательной активностью). Перемещение жизненной активности в виртуальную среду, которая теперь воспринимается и характеризуется как добавленная реальность, привело к выработке компьютерной зависимости, т.е. формированию патологической связи между человеком и компьютером, что приво-

дит к снижению уровня самоконтроля среди представителей различных поколений, навязчивому желанию все время быть в курсе событий, творящихся на площадках интернета, в результате чего интернет становится заменителем реальной жизни. Наибольшую распространенность среди представителей молодежных групп имеют следующие типы компьютерной зависимости: навязчивый поисковый серфинг в режиме non-stop, компьютерные игры, виртуальные знакомства.

Виртуальная реальность порождает иллюзии вседозволенности, самопроизвольного установления «правил игры», возможности анонимного выстраивания отношений без выстраивания системы ответственности и доверия, реализации стратегии поиска идеального друга, «виртуального шпионажа», доступности любой желаемой информации и т.п. Молодому человеку, проживающему свою жизнь в интернете, реальный мир представляется неинтересным, скучным, некомфортным и даже опасным. Бегство от реальности, потребность жить в другом мире связаны с подсознательным страхом реальности и ответственности. В основе интернет-зависимости лежит «аддиктивный континуум» с потребностью к проигрыванию незавершенных эмоциональных состояний, а также попыткой разрядить достигнутое внутреннее напряжение через многократное проигрывание ситуаций прошлого, приведших к психологической травме. Стратегии преодоления интернет зависимости строятся на том, чтобы помочь молодому человеку понять свои истинные желания и определить естественные способы их реализации, научиться понимать «стереотипы получения суррогатного удовольствия» и способы преодоления своего внутреннего конфликта, научиться ставить значимые цели [4, с. 83]. Определение адекватных способов их достижения возможно через развитие рефлексивных способностей, умение сосредотачиваться на достижении целей, налаживание обратных связей, формирование представлений о поэтапности достижения целей.

К формам сопротивления формированию компьютерной зависимости и клипового мышления в реальной школьной и университетской практике отнесем: развитие культуры чтения и осмысления информации, необходимость научения сущностным вещам, закладывающим основу мировоззрения (через многократное проговаривание и акцентирование базовых позиций, ценностных установок, порождающих причин, принципов, отделение принципиального от вторичного и т.д.), формирование картины мира, развитие культуры восприятия и умения понимать сложные тексты и произведения (выработка умения видеть суть происходящего, мотивы поведения героев, исторический контекст, эстетику изображенного и т.п.), развитие культуры общения, ведения диалога, обсуждения, обоснования собственной позиции [5, с. 15-17]. Формирование отмеченных форм сопротивления феноменам компьютерной зависимости и клипового мышления возможно только на основе обязательного изучения всего комплекса социогуманитарных наук в системе многоступенчатого образования как жизненно важных для социализации и формирования социокультурной идентичности молодого человека.

Литература:

1. Султанов К.В., Воскресенский А.А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 150-153.
2. Воскресенский А.А., Рабош В.А., Суныгина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний — к постановке проблемы // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 84-87.
3. Романенко И.Б. Постматериальные ценности и клиповое мышление // «Диалоги о культуре и искусстве»: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 17-19 окт. 2019 г.). В 2 ч.: ч. I / отв. ред. Е.В. Баталина-Корнеева; ред. кол.: А.А. Лисенкова, М.М. Чудинова; Н.В. Злобина; Перм. Гос. Ин-т культуры. Пермь, 2019. С. 209 – 214.
4. Романенко И.Б., Пую Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 79–86.
5. Романенко И.Б., Пую Ю.В. Эпистемологические и социокультурные основания клипового мышления в информационном обществе // Научное мнение. 2019. № 10. С. 10-18.

Рыбаков Н.С.

Псковский государственный университет, профессор. Доктор философских наук

niklajj-rybakv@rambler.ru

Автор статьи полагает, что в XXI веке обнаруживается пересечение двух фундаментальных проблем – проблемы идентичности и проблемы образования. Проблема идентичности в условиях становления информационного общества становится многоликой, побуждающей человека приспособляться к постоянно меняющимся ситуациям. При этом сама идентичность меняет свой лик, возникают многочисленные симулякры идентичности. В свою очередь, проблема образования актуализируется в периоды интенсивной трансформации социума и направлена на поиски ответа на вопросы куда и как идти дальше. В статье говорится о параметрах образования и утверждается, что проблема идентичности может быть рассмотрена в их контексте.

Ключевые слова: идентичность, самость, дрейф идентичности, конструирование идентичностей, образование, идея образования, реальность образования, параметры образования.

Education as a factor in the exercise of identity.

Rybakov N.S.

Pskov State University

The author of the article believes that in the 21st century there is a intersection of two fundamental problems – the problem of identity and the problem of education. The problem of identity in the formative society becomes multifaceted, encouraging people to adapt to constantly changing situations. At the same time, the very identity changes its face, there are numerous simulacrum of identity. In turn, the problem of education is actualized during periods of intensive transformation of society and is aimed at finding an answer to the questions where and how to go next. The article refers to the parameters of education and argues that the issue of identity can be considered in their context.

Keywords: identity, self, identity drift, identity design, education, the idea of education, the reality of education, the parameters of education.

Наступивший XXI в. принял в качестве эстафетной палочки от XX в. ряд фундаментальных проблем. Одной из них является проблема идентичности. Она обостряется с середины XX в. и «становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176]. За последнее время она претерпела существенные изменения, получив название кризиса идентичности. Он выражается в появлении у человека ощущения потери себя, и, как следствие, в возникновении желания и настоятельной потребности вернуться к себе, найти своё «я».

Авторы, исследующие проблему идентичности, без понятия «я» не обходятся. Они исходят из того, что оно имеет эпистемологическое (Я как центр познания), психологическое (Я как самость), либо социальное звучание (Я как саморепрезентация) [2, с. 95]. На самом деле, проблема «я» гораздо серьезнее и глубже. В. Карро пишет: ««Оригинальность изобретения «я» (le moi) в том, что его нельзя соотнести ни с одним из более ранних концептов, с которыми это «я» обычно путают: ни с субъектом, ни с духом, ни с душой, ни с интеллектом, ни с индивидом, ни с личностью и т.п.» [3, с. 81]. Если «я» рассматривать как фундаментальный метафизический концепт, а рано или поздно к этой позиции приходит большинство исследователей, то психологическое Я, равно как и все остальные Я-интерпретации, оказываются вторичными, производными от «я» как первой и очевидной данности. Суть кризиса идентичности в этой связи заключается в том, что первичная и очевидная интуиция «я» как опора, с которой человек начинал свой бытийственный процесс и которая воспринималась им как твердая и надежная, начнет расплываться и ускользать из-под его ног.

Остановимся на понятиях «я», «самость» и «идентичность». Понятие самости впервые появляется у Плотина. А. Ф. Лосев указывает, что принцип самости является важной и первичной интуицией

неоплатонизма [4, с. 369] и что «я» «есть первая высшая неоплатоническая категория первоединства, ... взятая в применении к человеку...» [4, с. 362]. «Я» есть та первичная и очевидная данность, применительно к которой вопрошают, что есть это «я» *само* по себе. Слово *само* указывает на «я» в его отдельности и свидетельствует, что «я» значимо само по себе и для себя. Потому самость есть рефлексия над «я», которая изначально аксиологична. Она придает «я» особое звучание, присущее именно ему как чему-то цельному, идущему из его глубин, делающему его собственное существование устойчивым безотносительно к любой иной вещи. Это «нечто» во всех внешних проявлениях и состояниях, образует внутреннюю основу «я» как носителя различных предидеций.

Самость человека реализуется и разворачивается через предидецирование, благодаря чему первичное «я» обретает способность охватывать бесконечные области бытия, расширять горизонт своего проникновения до от единичности до универсальности. Благодаря самости он способен максимально концентрировать бесконечные проявления и реализации в одной единственной и неповторимой точке – в первичном «я».

Самость есть принцип осмысления любого нечего, основание и условие реального общения человека с миром. В случае органической слитности самости и ее предидецирования «я» в выяснении границ своего существования, стало быть, и пределов фрагментаризации не нуждается. Необходимость и потребность в самоопределении возникает у человека лишь при условии, когда он сталкивается с недостаточностью и невозможностью осуществления собственной природы, что приводит его к осознанию своей ущербности и неполноценности.

Предидецирование самости как процесс разнообразных соотношений «я» с его инобытийными формами, есть размножествление, в ходе которого «я», как абсолютная индивидуальность, раскрывается многочисленными способами через своё иное – маски, роли, имитации, подражания и т.д. Размножествление – это идентификация, её результат есть идентичность, представляющая во множестве форм и образов. Уже в процессе предидецирования самости заложена многоликость идентичности.

Кризис идентичности в том, что самость под внешними воздействиями деформируется, разрывается тождество «я» с самим собой. В итоге она становится условием и фактором неадекватных предидецирования, сопряженных с динамикой социальной реальности. Если среда меняется слабо, линейно, то изменения внутри тождества идут эволюционно. Это представляет собой естественный дрейф идентичности, который не ощущается акторами, не воспринимается ни как кризис, ни как особая проблема. Если же изменения нарастают нелинейно, катастрофично, это ведет к деформации тождества, расплыванию идентичности, появлению спектра идентичностей, из которых нужно что-либо выбирать. Идентичность становится ситуативным феноменом, понуждающим субъекта постоянно приспособляться к изменяющемуся миру.

Человек может заблудиться и даже пропасть среди множества идентичностей. Он должен научиться переключаться между ними, синхронизировать свое пребывание в полиидентичном мире, в противном случае недалеко до психического сдвига или до крайнего исхода... Начинается перекоммутация естественных идентичностей, разрабатываются технологии сборки новых идентичностей из различных «подручных» элементов, причем в некое образование сливаются естественное и неестественное, органичное и неорганичное, гармоничное и уродливое. Грядет эпоха конструирования искусственных идентичностей, появляются услуги по смене идентичности. В этой ситуации ломаются все естественноисторические ориентиры и стереотипы, и проблема идентичности лишается своей исторической основы и перспективы. В условиях современности любая фиксированная точка предидецирования становится излишней. Процесс идентификации как бы сворачивается в себе самом, возникают симулякры идентичности (псевдо- и ложные идентичности, эксплицитные и имплицитные, перевернутые идентичности, а также их многочисленные суперпозиции).

Вторая фундаментальная проблема, перешедшая в XXI век, есть проблема образования. М. Шелер писал: «В наше время, когда в трудной борьбе за новый мир *новый человек* дерзает создавать новые формы, центральной становится проблема *образования человека*» [5, с. 20]. В 90-годы она актуализировалась и в России. Итогом усилий российских философов оказалось возникновение и разработка философии образования. Статьи, монографии, философские журналы, конференции и конгрессы – все это дало интересные результаты, требующие дальнейшего осмысления. При этом едва ли можно утверждать, что основные проблемы уже решены, и мы имеем четкое представление о том, что и как следует реализовать на государственном уровне. Скорее, наоборот: чем дальше отстоит распада, тем более расплывчатыми оказываются контуры того, что реализуется в сфере образования. Видимо, что-

то заклинило, не состыковалось в сложной цепочке опосредований от идеи образования (должного: каким должно быть образование) до реалий образовательного процесса в масштабах российского государства (сущего: каково оно, образование, на самом деле).

Эти проблемы двигались навстречу друг другу, настоятельно требуя совместного рассмотрения. Мы полагаем, что необходимо рассмотреть их во взаимном сопряжении: всё очевидней, что не только идентичность является той призмой, сквозь которую преломляются другие проблемы современности, но и то, что образование начинает доминировать в трансформациях многоликой идентичности. Образование рассматривается как один из фундаментальных механизмов эволюции человека и социума, идентичность же представляет собой один из фундаментальных индикаторов сохранения самоидентичности и человека, и социума. Потому в современных условиях образование проявляет себя как важнейший фактор, способ формирования и размножествления идентичностей.

Нами в свое время была предложена параметрическая модель образования, согласно которой образование есть: 1) вхождение человека в мир; 2) постижение смыслов бытия; 3) обретение человеком собственного образа; 4) пробуждение и становление духовности [5, с. 1099-1103]. Формирование и обретение человеком идентичности может быть рассмотрено в их свете. Каждый из этих параметров включает в себе потенции, порождающие трансформации идентификаций в разных направлениях и видовых вариациях – от индивидуально-личностных до этнонациональных и родовых. Вхождение человека в мир обеспечивает различия в системе отношений человека с миром, постижение смыслов бытия детерминирует направленность изменений в системе идентификаций, обретение человеком собственного образа отвечает за содержательность и вариативность личностного мира, становление духовности означает преодоление узких рамок бытия человека частичного. Благодаря образованию возможна экспликация теоретической значимости и практической осуществимости многообразия идентичностей в полионтичном мире

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Труфанова О.Е. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105.
3. Карро В. Вопрос кто? Ego и Dasein // Субъективность и идентичность: коллект. моногр. / Отв. ред. А. В. Михайловский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 80–100.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 766 с.
5. Шелер М. Формы знания и образование // Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. / Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филлипова А. Ф.; Под ред. Денежкина А. В. М.: Издательство «Гнозис», 1984. С. 15–56.
6. Рыбаков Н. С. Философия образования // Глобалистика: энциклопедия / Гл. редакторы: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С.1099–1103.

Методологическое значение критического подхода к анализу образования.

Сохраняева Т.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент. К.ф.н.

sokhran@gmail.com

Аннотация: в представленной статье обоснована методологическая значимость связанного с идеями Канта критического подхода к анализу образования как условия формирования самостоятельного мышления и субъектности индивидов. Показано, что методология критического подхода предполагает исследование образования как фактора эмансипации человека, поэтому предметом критики должны выступать как объективные, так и субъективные ограничения процесса становления самостоятельного мышления. Рассмотрены проблемы, связанные с выявлением внутренней амбивалентности образовательных отношений. Обосновано значение критического подхода для анализа этического измерения и социальной эффективности образования. Проанализированы институциональные и неинституциональные причины деформации гуманистических смыслов образования. Выдвигается тезис, что новые требования к уровню развития человеческого капитала для креативной экономики актуализируют задачи формирования критического мышления и создают новые перспективы для развития образования.

Ключевые слова: критический подход, философия образования, мышление, субъектность, эмансипация, неолиберальная парадигма

The methodological significance of critical approach to the analysis of education. Sokhranyaeva T.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: in the presented article the methodological significance of critical approach related to Kant's ideas to the analysis of education as a condition of forming the autonomous thinking and agency of individuals is justified. It is shown that the methodology of critical approach involves the investigation of education as a factor of emancipation of the individual, so the subjects of critique are to be both objective and subjective limitations of the process of formation of independent thinking. The problems related to the identification of internal ambivalence of educational relations are considered. The significance of the critical approach for the analysis of the ethical dimension and social effectiveness of education is substantiated. The institutional and non-institutional reasons for the deformation of the humanistic meanings of education are analyzed. The author substantiates the idea that the new requirements for the level of development of human capital for a creative economy actualize the tasks of forming critical thinking and create new prospects for the development of education.

Key words: critical approach, philosophy of education, thinking, agency, emancipation, neoliberal paradigm

Под критическим подходом к анализу образования автор подразумевает исследование мировоззренческих принципов и допущений, детерминирующих в совокупности цели, методы, структуру образования, с точки зрения того, в какой степени они соответствуют истинному смыслу образования – развитию человечности в человеке. Такое понимание является проекцией восходящей к идеям Канта методологической установки, предполагающей анализ идей разума с целью выявления их обоснованности и легитимности, а также обоснование автономии и возможности спонтанной деятельности субъекта. Достижение субъектом автономии предполагает освобождение сознания от предрассудков, ложных идей, произвольного авторитета, на что указал Кант, определив неспособность «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» как «несовершеннолетие» человека [1]. Значение образования в свете парадигмы критицизма обусловлено его ролью в формировании самостоятельного зрелого мышления и связанной с ней субъектностью как способности к самоопределению. Кант обозначил эту зависимость, подчёркивая, что в «образовании важно главным

образом то, чтобы дети научились думать. Последнее приводит к принципам, которые обуславливают все действия» [2, с.454]. Принципы как субъективные законы «должны рождаться в самом человеке» и «проистекают из собственного ума человека» [2, с.485].

Методология критицизма в анализе образования предполагает исследование вопроса, реализует ли образование содержательно и формально свой эмансипирующий потенциал, создаёт ли оно условия для самоопределения человека или, наоборот, становится средством индоктринации и манипулирования его сознанием, когда чужие интересы предстают для индивида как его собственные. Предметом критического исследования должны быть как универсальные принципы образовательных отношений, так и сам «обучающийся разум», поскольку фактором несвободы человека является не только внешнее доминирование, но и иррациональные составляющие мышления и познания. Процесс расширения и кристаллизация индивидуального «Я» в образовании чреват конфликтами ценностей субъектов образования, переживаниями ситуаций несвободы и принуждения, поскольку социальными функциями трансмиссии культуры и инициации определяется преобладание в образовательном процессе репродуктивного элемента над продуктивным, а также наличие несимметричных отношений субъектов образования. Критический анализ внутренней амбивалентности образовательных отношений нацеливает на осмысление ряда проблем, ключевых для образования: в какой мере «несвобода» в образовании является реальной, а не кажущейся? как гармонично сочетать идею спонтанности субъекта в образовании и принципы общей логики образовательного процесса? какое содержание образования более всего соответствует его функции как эмансипирующего фактора? надо ли эмансипировать обучающего?

Не менее важен критический подход в анализе этического измерения образования и в оценивании его социальной эффективности. Способность субъекта к освобождению от произвольного авторитета и несвободного выбора предполагает ответственность индивида, гражданскую ответственность в частности. Неслучайно Т.Адорно, характеризовал зрелость мышления как условие функционирования демократических общественных институтов с отсылкой к пониманию зрелости человека Кантом. Если образование не формирует такое мышление, в обществе не создаётся фундамент для усвоения и развития демократических ценностей [3]. Эмансипация разума предполагает напряжённую саморефлексию человека как субъекта социального действия: как мыслить цели своей активности и как оценивать свою способность выходить за пределы социально заданного. Проекция императива ответственности на проблемы образования требует анализа того, в какой степени компетенции индивида, сформированные образованием, соответствуют ценностям интересубъективного взаимодействия и социальной солидарности. Сам Кант многократно подчёркивал значение идеи всеобщего блага для понимания целей образования [2], обозначая тем самым важный критерий оценивания образовательных отношений. Сегодня достаточно остро стоит вопрос о том, как формировать этическую автономию субъекта, не культивируя при этом доходящий до нарциссизма индивидуализм, разрушающий социальное целое. Сохраняет актуальность вывод З. Баумана, что в современном обществе «частное колонизировало общественное пространство, выдавливая и выгоняя всё, что не может быть полностью, без остатка, выражено в понятиях частных интересов, забот и стремлений» [4, с.47-48]. В этом контексте предметом критического анализа образования должно быть рассмотрение того, какие ценностные установки и интенции сознания индивида в отношении социального целого формирует образование.

В течение последних десятилетий задачи развития критического мышления, формирования активной субъектной позиции обучающихся и их разностороннего развития декларируются в программных документах большинства стран и мирового сообщества в целом. Эти цели и подчинённые им задачи вполне соответствуют истинным гуманистическим смыслам образования и не вызывают критики. Вместе с тем очевидно явное рассогласование декларируемых целей и реальных результатов образовательной деятельности, дегуманизация образования, «сжатие» сегмента человеческого в содержании образования. В оценке кризисного состояния образования методологическая позиция критицизма предполагает анализ того, какие факторы, препятствующие формированию подлинной автономии субъекта и тем самым лишаящие образование его истинного смысла, являются собственно образовательными, а какие - внешними по отношению к образованию. Существует целый ряд трудностей и ограничений в образовательных процессах, которые могут быть обозначены как институциональные. К таковым можно отнести сохранение в менталитете принципов парадигмы образования для индустриального общества, сложности определения содержания образования в условиях несоразмерности объема учебного материала когнитивным возможностям человека, неполное соответствие образовательной среды и форматов обучения запросам обучающихся. Эти ограничения могут замедлять процессы станов-

ления субъектности, но по своей сути они не противостоят идее спонтанности субъекта образования и его автономии. Становлению самостоятельной личности в смысловом и в организационном плане препятствует авторитарность как моральная установка обучающего и принцип трансляции знания. Но сегодня авторитарность чаще всего оценивается как анахронизм в образовательной деятельности, а одним из ведущих принципов коммуникации в образовании является философская идея диалога. Таким образом, современные образовательные идеологии не являются антигуманными по содержанию, а издержки институциональной практики не могут рассматриваться как основные факторы деструкции гуманистических начал в образовании.

Существенные искажения истинных смыслов и принципов образования обусловлены преимущественно внешними факторами - неолиберальной парадигмой и идеологией в образовании, активным внедрением принципов менеджизма в управление образованием. Неолиберальная парадигма усиливает инструментальную составляющую в образовании, принципы экономической целесообразности дегуманизируют образовательные отношения, поскольку из образования вытесняются все «нерентабельные» человекотворческие элементы – в первую очередь, гуманитарные дисциплины, которые очень важны для манифестации личностного начала человека и без которых диалогизм в образовании невозможен. Политика менеджизма унифицирует образовательные программы и практики через возрастающую формализацию образовательной деятельности, вынуждает участников образовательного процесса интериоризировать «авторитет» инструкций и формальных показателей, минимизирует творческий потенциал образовательных отношений. Дополнительные трудности на пути к самостоятельному мышлению создают расширяющиеся практики манипулирования сознанием индивидов с использованием дигитальных технологий. В эпоху постправды многократно возрастают риски мифологизации мышления и превращения социальных отношений в «непроницаемую» для сознания реальность.

Поскольку экономика и политика являются доминантными факторами развития образования, возникает вопрос о принципиальной возможности осуществления образованием человекотворческой функции под давлением описанных обстоятельств. Оптимизм в видении перспектив образования возможен на фоне новых требований к уровню развития человеческого капитала в современной экономике, которые могут повлечь за собой возрастание человекоцентричности в образовании. Запрос на креативность – экономический по сути и потому не является «бескорыстным» в отношении индивидов, но компетенции, которые уже сейчас нужны экономике, предполагают развитие в человеке творческого начала, критического мышления, ответственности, осознанной самостоятельности. Потребности креативной экономики в творческом ресурсе актуализируют задачи формирования критического мышления и создают перспективы для возвращения образованию его подлинных смыслов.

Литература:

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Собр. соч. в 8 т. Т.8. Москва: Чоро, 1994. 718 с.
2. Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. – Москва: Изд-во «Наука», 1980. С.445-504.
3. Adorno T.W., Becker H. Education for Maturity and Responsibility // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. No. 3. Pp. 21-34.
4. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Смыслы и ценностные ориентиры российской системы образования в условиях полицентричного мира.

Финько Маргарита Васильевна

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», профессор кафедры философии и мировых религий, доктор философских наук

mvfinko@mail.ru

Аннотация: В содержании статьи осуществляется анализ ситуации, сложившейся в системе образования России после нескольких десятилетий реформ, нововведений, цифровизации и постоянного обновления федеральных государственных образовательных стандартов, прежде всего, с точки зрения аксиологической проблематики. Автор показывает, что использование ценностного подхода в качестве базового является продуктивным в силу заложенного методологического потенциала, включающего реализацию принципа интеграции, так как именно ценности выступают символами объединения людей. Понятие «ценность», являясь центральным в аксиологии, выступает в качестве методологического ориентира, определяющего сущность и вектор развития образования. Ценности задают цели, определяют направленность, формируют свойства, воплощают нравственные идеалы и выступают в качестве эталонов должного, в том числе и для системы образования.

Ключевые слова: философия образования, ценности, образование, воспитание

Meanings and values of the Russian education system in a polycentric world. Finko M.V.

Don State Technical University

Annotation: The content of the article provide analysis of the situation in the Russian education system after several decades of reform, innovation, digitalization and the constant updating of federal state educational standards, primarily from the point of view of axiological issues. The author shows that the use of the value approach as the basic one is productive due to the inherent methodological potential, including the implementation of the integration principle, since the values that act as symbols of the association of people. The concept of “value”, being central in axiology, acts as a methodological guideline that determines the essence and vector of development of education. Values set goals, determine orientation, form properties, incarnate moral ideals and act as standards of due, including for the education system.

Keywords: philosophy of education, values, education, upbringing

Определение смыслов и выстраивание векторов ценностных ориентиров в современных условиях очередных реформ, проводимых в российском образовании, представляется актуальным с нескольких позиций. С одной стороны, несмотря на консерватизм и устойчивость, система образования России подвержена внешним испытаниям, связанным, прежде всего, с процессами глобализации, вовлеченности в международные унификационные процессы. С другой стороны, в условиях постоянно меняющегося мира, предполагающего оперативные ответы на вызовы извне – как никогда актуализируется базовые константы, смыслообразующие принципы образования, традиционно сохраняющие его ядро. В контексте выше обозначенных тенденций, предполагающих открытость системы образования к новому, приведение отечественной нормативной базы в соответствие с международными нормами и договоренностями (Болонские соглашения), российская система образования зачастую вынуждена поступаться в важной и достаточно чувствительной для российского общества смысловой и ценностной сфере.

В этой связи основной целью нашей статьи является анализ ситуации, сложившейся в системе образования России после нескольких десятилетий реформ, нововведений, цифровизации, постоянного обновления федеральных государственных образовательных стандартов, прежде всего, с точки

зрения аксиологической проблематики. Очевидно, что использование ценностного подхода в качестве базового является продуктивным в силу заложенного методологического потенциала, включающего реализацию принципа интеграции, так как именно ценности выступают объединительными символами для людей.

Понятие «ценность», являясь центральным в аксиологии, выступает в качестве методологического ориентира, определяющего сущность и вектор развития образования. Ценности задают цели, определяют направленность, формируют свойства, воплощают нравственные идеалы и выступают в качестве эталонов должного, в том числе и для системы образования. Важно, что должными являются только те цели, которые признаются большинством ценными. В этой связи, по мнению современных исследователей, система новых ценностей является камнем преткновения российских реформ, поводом для споров и дискуссий потому что образование по своей сути является непреходящей ценностью, закладывающей основы развития нации, государства, культуры [1].

В одном из своих выступлений президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на усиливающуюся тенденцию - признать ценности чем-то относительно и недостаточно значимым для развития современного общества. Называя ее тревожной, с учетом ухода некоторых стран от христианских ценностей, как основы западной цивилизации, президент отметил, что по сути, при таком подходе создается деструктивная ситуация ухода от своих истинных корней, от того, что составляет основу традиционного воспитания последующих поколений. Президент называет патовой ситуацию, когда отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная, когда люди стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности, нравственных идеалах [2].

Последствия реализации подробной модели ведут к деградации, примитивизации к глубокому нравственному, духовному кризису, поэтапному «выхолащиванию» национальной культуры, традиционных ценностей, таких как: любовь к людям, вера, семья, добро, милосердие, справедливость. Все перечисленные качества, которые формируются в детстве, в социокультурно и образовательном пространстве современной школы.

В основополагающем государственном документе Национальная доктрина образования в Российской Федерации, устанавливающий приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития, определены цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемые результаты развития системы образования на период до 2025 года. В этом документе, на который достаточно часто ссылаются представители законодательной и исполнительной власти, стратегические цели образования тесно увязаны с проблемами развития российского общества: «обеспечить историческую преемственность поколений», «воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России», «распространение и развитие национальной культуры», «воспитание патриотов России», «формирование культуры мира и межличностных отношений», «разностороннее и своевременное развитие детей и молодежи, их творческих способностей», «формирование навыков самообразования, самореализацию личности» и др. [3].

Таким образом, с одной стороны, как следует из документа, образовательные цели в нашей стране имеют высокие идеалы, направленные на становление развитой, культурной, разносторонней личности, с другой стороны, реализация образовательной миссии на практике далека от декларируемых целей. Это проявляется, прежде всего, в реализуемых федеральных государственных образовательных стандартов на всех уровнях образования, предусматривающих компетентный подход, изначально настраивающий образовательный процесс на личностные качества обучающихся, однако используемые методы, формы и технологии измерения результатов обучения противоречат изначально формулируемым принципам и декларируемые государством образовательной политики в современной России и не позволяет в полной мере их реализовать в содержании образовательного процесса.

Важно, что, ценностные ориентиры довольно подвижны, динамичны, и дают основу для уверенного вхождения и адаптации молодого человека к предлагаемым обстоятельствам, его умению самоопределиться и выбрать правильный жизненный путь можно говорить о том, какие идеалы и нравственные принципы приобретают для него главенствующую роль. Вот поэтому первоочередной задачей должно стать формирование системы ценностей, отвечающей духовным и нравственным потребностям, которая позволит сформировать у детей, молодежи собственную позицию в выборе своей профессиональной и социальной деятельности.

Современная государственная система, помимо геополитических вызовов не может не считаться с внутренними проблемами современного российского общества, в котором также происходят сложные противоречивые процессы, обусловленные стремлением к кардинальным изменениям, реформированию, демократизации. Одним из главных институтов воспитания, социализации личности в современном обществе является образование, а социокультурное образовательное пространство является средой и одновременно мощным ресурсом реализации ценностей и смыслов культуры, условием сохранения и передачи последующим поколениям исторически сложившейся системы идеалов, ориентиров и ценностей.

Литература:

1. См. Кузнецов И. М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47-55; Елишева А.А. Волобуева Н.В. Ценности и ценностные ориентиры как важнейший компонент личности // Новая наука: стратегии и векторы развития. №9, 2016. С.37-42; Янчук Т.В. Ценностные ориентиры, реализуемые ФГОС. // Наука через призму времени. - №4. 2017. С.111-114;
2. Пленарная сессия международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Многообразие России для современного мира» <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>
3. Национальная доктрина образования в Российской Федерации / Утв. Постановлением Правительства РФ №751 от 04.10.2000 г. <http://eurazistvo.ru/vipusk3/inkulturatsiya-i-obrazovanie-kognitivnyiy-diagnoz-duhovnogo-sostoyaniya-sovremennogo-obshhestva/?lang=tr>

Динамика сменяемости моделей университетов: от 1.0 до 4.0.

Хангельдиева И.Г.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор. Доктор философских наук

ikh2006@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена современным проблемам высшего образования в контексте мировых трендов. В статье представлена современная типология университетов, возникшая по аналогии с этапами развития интернет-технологий от 1.0 до 4.0, показаны их основные особенности и социокультурные функции, продемонстрированы «болевы́е точки» и достижения высшего образования в рамках представленной типологии, выявлены некоторые особенности становления и развития инновационных университетов 3.0 с акцентированием важности формирования у студентов предпринимательского мировоззрения, очерчены основные тенденции современности, влияющие на формы и содержание образования, связанные с применением цифровых форм и способов обучения сегодня, особенности их реализации, на примере первого в мире университета-стартапа модели 4.0 - Minerva, занятия в которой проводятся только в онлайн форме.

Ключевые слова: современная типология университетов, инновационно-предпринимательский университет, цифровой университет, основные социокультурные функции университетов, Minerva - университет 4.0.

Changeability dynamics of university models: from 1.0 to 4.0.

Khangelidieva I.G.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract: The article is devoted to modern problems of higher education in the context of global trends. The article presents a modern typology of universities that arose by analogy with the stages of development of Internet technologies from 1.0 to 4.0, shows their main features and sociocultural functions, demonstrates the “pain points” and achievements of higher education within the framework of the presented typology, reveals some features of the formation and development of innovative 3.0 universities with emphasis on the importance of forming an entrepreneurial worldview among students, outlines the main trends of our time, affecting the forms and holding education related to the use of digital forms and methods of teaching today, the features of their implementation, as exemplified by the world’s first university-startup model 4.0 - Minerva, in which classes are held only in online form.

Key words: modern typology of universities, innovative and entrepreneurial university, digital university, basic sociocultural functions of universities, Minerva - University 4.0.

С появлением информационно-коммуникационных технологий по аналогии с этапами развития интернет-технологий университеты стали классифицировать следующим образом:

- 1.0 - корпоративный университет Позднего Средневековья;
- 2.0 - исследовательский университет эпохи Просвещения и Нового времени;
- 3.0 - инновационный университет эпохи постиндустриализма (университеты «Лига Плюща» в США);
- 4.0 - цифровой начало XXI в. [1].

Каждому типу университетов присущи конкретные социокультурные функции. Ключевая функция корпоративного университета - образовательная (трансляция знаний, развитие познавательных способностей студентов, роль социального лифта). Исследовательский университет призван стать генератором новых знаний посредством активной научно-исследовательской деятельности, ресурсом индустриальных компаний-партнеров, элементом рынка через коммерциализацию НИОКР, основой

технопарков типа Кремневой долины. Ведущие инновационные университеты 3.0 – точки роста региональных территорий, прилегающих к ним. В результате в 70-е гг. XX в. возникли «Кремневая долина» (Стэндфорд, Беркли), «Бостонский маршрут 128» (Гарвард, Массачусетс)... Миссии университетов 3.0 сводилась к трансформации мировоззрения, ключевым моментом которого становилось сочетание образовательной, исследовательской и предпринимательской деятельности. Результатом этой установки явились множественные стартапы, готовность к рискам и ситуациям неопределенности. Университеты 3.0 активизировали коммерциализацию интеллектуальной собственности, патентную работу, увеличили количество новых изобретений, зарегистрированных на имя университета, что позволяло им вести более эффективный диалог с бизнес средой [2]. Ключевой новацией для университетов 3.0 стало предпринимательство [4]. На него в США было обращено внимание в 70-е гг. Согласно статистике в американских университетах этого периода в учебные планы внедрялись курсы по предпринимательству. К концу 70-х гг. их было всего 16, а в 2005 г. уже 1800 [5]. За 35 лет количество курсов увеличилось более, чем в сто раз (112,5!). Россия в этом отношении значительно отстает. Американские социологи отмечают, что сегодня в инновационных университетах США 44% выпускников выбирают стартапы для дальнейшей работы, а не госструктуры или крупные брендовые компании, чего еще недавно не наблюдалось [3]. Университеты 3.0 стали фундаментом успешного распространения инноваций.

В США ряд исследователей считают, что есть пять основных причин успеха развития Кремневой долины или Маршруту 128. К ним принято относить наличие:

1. университетов как крупных исследовательских центров и талантливых студентов («ботаников»);
2. венчурного капитала («бизнес-ангелов»);
3. развитого рынка услуг вблизи университетов (консалтинговых, информационных, маркетинговых, юридических, аудиторских...);
4. экспертного сообщества в шаговой доступности, у представителей которого можно получить необходимую консультацию;
5. высокой культуры предпринимательства и новаторского духа.

С. Джобс свидетельствовал в одном из интервью: «Есть две или три причины. Нужно вернуться в то время, когда в Сан-Франциско появились битники. Это очень интересно. Именно здесь началось движение хиппи. Это единственное место в Америке, где был настоящий рок-н-ролл... Почему? Здесь существуют два потрясающих университета, Стэнфорд и Беркли, которые привлекают в свои стены умных людей со всего мира» [6]. К моменту зарождения и развития университетов инновационного типа принято относить и зарождение креативного класса [7]. Основные центры креативного класса в США сосредоточиваются именно в творческих технопарках.

Сегодня в развитых странах преобладающим типом университетов являются университеты 3.0. Но с каждым днем повышается градус дискуссий по поводу университетов 4.0. С развитием крупных онлайн платформ появился ресурс для создания образовательных онлайн коммуникаций. Пионером в этом направлении был Massachusetts Institute of Technology (MIT). Подобные курсы стали возможными с момента возникновения технология MOOC (massive open online course). «В 2011 году на курс стэндфордского профессора Себастьяна Труна «Искусственный интеллект» записались **160 тыс. человек из 190 стран мира** (выделено – И.Х.)» [8]. В этом же году «700 университетов по всему миру подготовили более 7 тыс. курсов» [9]. Создание крупных онлайн платформ важная и перспективная задача каждого уважающего себя университета.

Цифровой университет сегодня – это новая философия образования, интегрирующая образовательную среду, социальные сети студентов и преподавателей, а кроме этого, являющуюся еще центром анализа и оценки. Первым мировым университетом 4.0 стал образовательный стартап Б. Нельсона, который назван им «Минервой». Проект заявлен в 2011 году, образовательную деятельность начал в 2014 году. Университет не имеет аналогов, в нем нет кампуса, традиционных аудиторий, формы образовательной деятельности принципиально отличаются от привычных, все образовательные коммуникации осуществляются онлайн индивидуально и в группах до 20 человек, каждый семестр студенты меняют страну пребывания, выпускник защищает собственный реальный проект. Основатель университета Б. Нельсон считает: «Мы не созданы для всех. Мы построены для крошечной части человечества, но именно для этого процента мы и пытаемся построить идеальный университет» ... [10]. Модели

университетов 4.0 будут различными. Они могут стать ответвлениями известных брендов, иметь формы миксов, развивать только цифровые варианты (М. Каку), возможно, появятся новые технологии и создадут условия для совершенно иных университетских моделей. Что день грядущий нам готовит? Вопрос остается пока открытым.

Литература:

1. Неборский Е.В. Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0 //
2. Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 4//[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/26PDMN417.pdf> (дата обращения: 21.11.2019).
3. Кочетков Г. Б., Суляев В.Б. Роль университетов в формировании инновационных регионов экономики//Мир. – ноябрь-декабрь. – 2010. – 68-77
4. Агамирзян И. Чепуренко А. Университеты 4.0//[Электронный ресурс]. Режим доступа:http://business-magazine.online/fn_17960.html (дата обращения: 21.11.2019).
5. Ержанов Т. Н., Эрназаров. Т.Я. Зарубежный опыт интеграции научного и промышленного секторов экономики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/economy/00892723_0.html (дата обращения: 21.11.2019).
6. Агамирзян И. Чепуренко А. Университеты 4.0//[Электронный ресурс]. Режим доступа:http://business-magazine.online/fn_17960.html (дата обращения: 21.11.2019).
7. Цит. по Кремниевая долина. Экосистема.// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/29896658-Kremnievaya-dolina-ekosistema.html>(дата обращения: 21.11.2019).
8. Флорида Р. Креативный класс: или люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI век. – 2011.
9. Цифровой университет// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/58207> (дата обращения: 21.11.2019).
10. Цифровой университет с человеческим лицом// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/vishee/7809-tsifrovoy-universitet-s-chelovecheskim-litsom.html> (дата обращения: 21.11.2019).
11. Феномен альтернативной образовательной программы Minerva. Как устроен новый «онлайн-Гарвард» Бена Нельсона// [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://edexpert.ru/minerva> (дата обращения: 21.11.2019).

Щелкунов М.Д.

Казанский федеральный университет. Директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций. Доктор философских наук

mikhail.schelkunov@kpfu.ru

Эволюция феномена университет рассмотрена в дискурсе трансформаций его миссии и общественного предназначения в ходе истории. Посредством таких трансформаций университет реагирует на изменение своего социально-культурного окружения и обновляет собственную миссию. Каждое из таких обновлений представляет собой одновременно приобретение какой-то новой и потерю некоей прежней стороны университетской деятельности. Прослежена логика этих обновлений в разрезе исторических поколений университетов: от средневекового U 1.0 до формирующегося цифрового U 4.0 и возможного в будущем U 5.0. Автор поддерживает мнение, что отныне университет обязан собственными усилиями добиваться легитимации своего общественного статуса и отстаивать место в обществе будущего.

Ключевые слова: историческое поколение университетов, классический университет, приобретение, предпринимательская деятельность, потеря, социализация, социальное обслуживание, цифровой университет.

**Phenomenon of the University: Past, Present, Future.
Schelkunov M.D.**

Kazan Federal University. Institute of Social & Philosophical Sciences and Mass Communication

The evolution of the phenomenon of University is considered in the discourse of transformations of its mission and social purpose during history. Through such transformations the University responds to changes in its socio-cultural environment and updates its mission. Each of these updates includes the acquisition of a new aspect of University activities and the loss of some former one of them. The logic of these updates is reviewed in the context of University historical generations, beginning from U 1.0 up to the arising U 4.0 and to the further U 5.0. The author supports the opinion that from now the University is obliged on its own to legitimize its social status as well as to defend its place in the future society.

Key words: acquisition, classical University, digital University, entrepreneurial activity, loss, public service, socialization, University historical generation.

Вопрос об исторических судьбах феномена университета, его месте и роли в современных условиях, его идентичности беспрецедентно актуализируется на фоне вызовов нынешней эпохи [1]. Неспешная философская рефлексия едва успевает фиксировать результаты переживаемых университетом трансформаций, образующих - с учетом исторической ретроспективы - уже целую числовую последовательность: U 1.0 (средневековый), U 2.0 (новоевропейский), U 3.0 (современный), U 4.0 (цифровой), U 5.0 (?). В этом ряду порядковый номер обозначает соответствующее историческое поколение университетов, а сам ряд «по умолчанию» становится неким универсальным клише исторической типизации университета, своего рода метрикой его культурно-исторической эволюции.

Обращает на себя внимание ускоряющаяся динамика упомянутых трансформаций: если становление университетов первого и второго поколений разделяется семью столетиями, то временной интервал между поколениями U 2.0 и U 3.0 измеряется всего двумя веками, а появление U 4.0 прогнозируется менее чем через пятьдесят лет (!). О сроках возникновения U 5.0 можно лишь догадываться.

В качестве надстроечного социального института университет не может не реагировать на происходящие изменения своего общественного и культурного окружения и вынужден обновляться вместе с последним. Каждое такое обновление представляет собой приобретение некоей новой и потерю какой-то прежней стороны университетской деятельности.

Так, становление U 2.0 отмечено главными приобретениями по сравнению с U 1.0 - производством научного знания и десакрализацией образования. Помимо этого, U 2.0 осуществляет не свои функции рекрутинга элиты общества, а также генерирования и поддержания паттернов национально-культурной идентичности. К потерям относится деинституционализация нравственно-воспитательной миссии, неотъемлемой для U 1.0. Если не отождествлять эту миссию исключительно с религиозным воспитанием, ее утрата стала, пожалуй, самой чувствительной потерей для университета.

Основное отличие U 3.0 от предыдущего U 2.0 усматривается в появлении так называемой третьей миссии. Хотя последняя трактуется неоднозначно [2,3,4], большинство исследователей сходятся во мнении, что она представляет преимущественно предпринимательскую деятельность, позволяющую университету зарабатывать средства, вносить вклад в реальную экономику, стать открытым для общественных нужд и запросов. Другими словами, обретая третью миссию, университет становится полноправным и полноценным субъектом рыночной деятельности.

К основным потерям U 3.0 по сравнению с U 2.0 относятся: утрата монополии на производство научного знания в связи с появлением на Западе неуниверситетских научных центров (в отличие от России, где такой монополии не было, поскольку существовала отдельная Академия наук); снижение элитарного характера образования из-за его демократизации и массовизации; редукция – вплоть до полного исчезновения - функции генерирования и поддержания паттернов национально-культурной идентичности по причине глобализации.

Но главный урон заключается в потере самоценного и самодостаточного общественного положения, академической свободы и университетской автономии, столь характерных для U 2.0. Современный U 3.0 превращается в своего рода «станцию скорой социальной помощи» (С.Керр), подрядную организацию сервисного типа. С экономоцентристской точки зрения такая трактовка выглядит естественной: капитализм обращает любую деятельность в труд, то есть подчиняет ее внеположному субъекту деятельности целям. Свободный участник духовного производства (ученый, преподаватель) превращается в когнитария – пролетария умственного труда, вынужденного постоянно находиться «на подряде» у внешнего по отношению к себе работодателя, обслуживать его интересы, которые далеко не всегда совпадают с собственными интересами работника. В итоге университет лишается самоцельных научных исследований, замыкается в горизонте настоящего, что влечет дефундаментализацию университетской науки и образования.

Исторические перспективы U 3.0 связаны с такими трендами, как-то: изменение культурно-образовательной парадигмы с конфигуративной на префигуративную (М.Мид); нарастающее несоответствие инфраструктуры университета префигуративной парадигме; усиление конкурентных преимуществ неуниверситетских образовательных центров по сравнению с университетом в деле профессиональной подготовки. А самое главное - с трендом на замещение традиционного (аналогового) обучения цифровым.

По мнению сторонников дигитализации образования, результатом этого процесса станет упрочение виртуального Global Web University, который способен практически полностью заместить аналоговые (нецифровые) университеты в области подготовки высококвалифицированных специалистов. Как следствие, университет безвозвратно потеряет профессионально-обучающую функцию. В этом отношении Global Web University, по-видимому, станет U 4.0.

Каково же будущее аналоговых университетов?

Согласно пессимистическому прогнозу, с упрочением цифрового U 4.0 аналоговый университет прекратит свое существование в качестве образовательного учреждения и - при сохранении исследовательской и предпринимательской функций – в лучшем случае трансформируется в организацию, занимающуюся производством инноваций и их продвижением на рынке.

Согласно оптимистическим ожиданиям, перед аналоговыми университетами неожиданным образом открываются возможности реанимации и развития социализационной миссии. Так, по мнению некоторых исследователей, университеты останутся площадками постановки фундаментального мышления и креативных способностей, неформального общения специалистов, выращивания социальных проектов. Университет сохранится как центр интеллектуальной концентрации, генератор необязательного, т.е. непрофессионального знания, которое его обладатель может применить по своему собственному выбору [5, с. 215-217].

Не исключено, что аналоговый университет реанимирует миссию социализации не только в когнитивном, а в широком коммуникативном формате. А именно, в условиях нарастающей цифровизации общественной жизнедеятельности и экспансии «цифровой социализации», порождающей дефицит живых чувственно-опосредованных форм общения, университет может остаться одним из немногих локусов сохранения указанных форм коммуникации, воспроизводства живой, нецифровой социальности и человечности. Будет ли он в таком качестве аналоговым дополнением к U 4.0? Означает ли становление автономного U 5.0, существующего наряду с U 4.0? Вообще превратится в нечто иное? Эти вопросы открыты для прогностических оценок и форсайт-исследований.

В любом случае, как бы ни складывались исторические судьбы университета, нельзя не признать правоту суждения, что отныне стандартные модели легитимации университетской самозаконности более не работают, университетам требуется новая стратегия самообоснования [6]. А это означает, что отстаивать свое «место под солнцем» в обществе будущего университету придется самому.

Литература:

1. Щелкунов М.Д. Новое поколение университетов // Вестник экономики, права и социологии. 2017. №1. С. 187-192.
2. Marhl M., Pausist A. Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies // Evaluation in Higher Education. 2011. № 5:1. P.43-64.
3. Каким должен быть университет будущего? - [Электронный ресурс]. URL: <http://indicator.livejournal.com/24905.html>
4. Виссема Й. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Сбербанк, 2016. 422 с.
5. Кузьминов Я.И., Песков Д.Н. Дискуссия «Какое будущее ждет университеты» Москва, НИУ ВШЭ, 14 июля 2017 г. // Вопросы образования. 2017. №3. С.202-233.
6. Вахштайн В. С. Метафорика университета. 2014 // ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: http://postnauka.ru/longreads/13096?fb_action_ids=655923601089253&fb_action_types=og.likes&fb_source=timeline_og

Психополитика современного образования через призму теории дискурсов Жака Лакана

Кудряшов Иван Сергеевич

*Новосибирский государственный медицинский университет, доцент кафедры философии;
Новосибирский государственный университет, доцент кафедры социальной философии и
политологии. Кандидат философских наук*

ioann1983@yandex.ru

Аннотация: Высшее образование сталкивается с рядом трудностей в организации обучения новых поколений. Чтобы понять их истоки необходимо уйти от рамки: современность лишь усложняет коммуникацию, что требует новых средств и норм для нее. Анализ психополитики университетского образования через призму идей о 4х дискурсах и этике психоанализа Жака Лакана - позволит не описать структуры, стоящие за этими трудностями. Подобный анализ нужно приложить к тому подходу, который многие называют решением проблемы - к диалогическому подходу, опирающемуся на идеи гуманизма эпохи Просвещения. Теория дискурсов позволяет описать этот подход как дискурс университета и показать его слабые стороны. Предлагается также взгляд на его альтернативу – дискурс аналитика и его применимость к образованию.

Ключевые слова: философия образования, психополитика, Жак Лакан, психоанализ, дискурсы, университет, дискурс университета, диалоговый подход.

Psychopolitics of contemporary education through Jacques Lacan's theory of four discourses. *Kudryashov I.S.*

Novosibirsk state medical university; Novosibirsk state university

Annotation: High education faces a lot of difficulties in organizing of education of new generations. Understanding of causes of this difficulties require from us to reject point of view which talk us that problems lies only in communication and so we must find some new resources and norms for it. Analyses of psychopolitics of university education through Jacques Lacan's theory of four discourses allow us to see structures that explained the difficulties. This analyses we apply to dialogic approach in pedagogics. Theory of four discourses describe this approach as the discourse of University and shows its weaknesses. Describes also alternative approach based on discourse of analytic and then its applicability to education.

Keywords: philosophy of education, psychopolitics, Jacques Lacan, psychoanalysis, discourses, university, discourse of University, dialogic approach.

Современный университет и вся система образования переживают серию трудностей в поиске подходов к обучению новых поколений. Практически все сходятся на том, что вопрос лежит в сфере норм коммуникации, которые стремительно меняются – и в основном затрудняют процесс передачи знания.

Анализ академических образовательных практик высокую значимость не этики и этикета, а вопросов политики – решений на уровне распределения власти (по Фуко), которые сталкиваются с психическими структурами, порождая повторяющиеся эффекты. Многие трудности университетского образования стоит рассмотреть как эффекты сложившейся психополитики, а не как пробелы коммуникации. Сама попытка свести проблему к непониманию – уже симптоматична. В ней педагоги уходят от глубокой рефлексии ситуации и самих себя, пытаются заменить все моделью из привычного контекста – из учебных аудиторий (в которых идут от незнания/непонимания к знанию).

Структуры речи и психики часто неявны для тех, через кого они проявляются, поэтому важно обратиться к бессознательным эффектам университетской психополитики, что лежат на поверхности и обычно вытеснены. В качестве инструмента анализа обратимся к теории Жака Лакана о четырех дискурсах [1], а также его этике. Есть явное структурное сходство: многие проблемы вуза с обучаю-

щимися описываются аналогично «негативному переносу» в психоанализе. Почему сегодня, когда информация, знание и умение ценятся так высоко, образование имеет невысокий авторитет и регулярно подвергается критическим нападкам?

Резюмируем основные проблемы, касающиеся именно обучения. Феноменология ситуации описана многими [2], но нас интересуют также структуры, стоящие за явлениями.

1. Низкий авторитет фундаментального знания в наши дни. Рынок труда и общество высоко ценят прагматическое знание, «know how», но не базисное образование. Особенно слабы позиции гуманитарного знания, так как многие не знают как его использовать.
2. Медиакритика – явление, в рамках которого поведение и слова любого профессионала могут быть записаны и опубликованы в соцсетях с очень критическим комментарием. При этом они могут быть вырваны из контекста или несправедливо поданы, но урон репутации педагога или вуза уже необратим. А зачастую у пострадавшего нет средств (и желания) отстоять свою позицию в соцсети. Каждый преподаватель – потенциально медийная фигура, а каждый студент со смартфоном – потенциальный критик.
3. Новые медиа формируют привычку к поверхностному считыванию информации, по словам-маркерам или изображению, что снижает способность к концентрации над текстом. Студент привыкает к постоянным новым информационным стимулам. Как итог: педагог не может отнять у студента гаджет, но и не может контролировать его активность. Это выливается в ситуацию, где преподаватель вуза должен конкурировать с соцсетями за внимание учащихся. И конкуренцию он почти всегда проиграет, если не использует стимулы, располагающиеся не в поле авторитета или качества знания, а в поле власти и санкций.
4. Современные медиа часто формируют завышенные или неадекватные ожидания от своей профессии и образования. Как следствие: скука и разочарование, повышенные претензии, непонимание преподавателей и все больший разрыв между реальностью и системой знаний, что получена в вузе (подчеркнем слово «получена», т.к. в этом участвуют обе стороны).
5. Преподаватели сами переходят на инструментальное отношение к знанию. Это оборачивается игнорированием вопросов этики – этики отношения к студенту, к знанию и порождаемой им ответственности, к структурам и идеологии университета. Подобное превращает университет в чисто коммерческое предприятие, лишённое какой-либо миссии или идеи.
6. Неустойчивость идентификации у части молодого поколения. Особенно сложно формируется профессиональная идентичность у студентов. Это ведет к значительным проблемам с мотивацией к обучению: идентификация с ролью учащегося и с будущей профессией – важный внутренний стимул к систематическим усилиям. Отсутствие устойчивой идентификации – вероятная причина, почему молодежи сложно принять условия педагогической коммуникации, где учитель – это большой Другой, облеченный знанием и поэтому имеющий право на некоторые суждения в адрес субъекта (ставить оценки, сравнивать с другими и т.д.). Именно эта роль вызывает много (часто безосновной) критики со стороны учащихся, что говорит о бессознательном желании, которое поспешно объясняют как борьбу с авторитетом или авторитарной позицией.

Многие исследователи выделяют эти трудности, однако в части предложений в области философии образования и педагогики царит ощутимый застой. На протяжении 30 лет самым «прогрессивным» решением считается опора на гуманизм и диалоговый подход. Изредка концепция разбавляется призывами повысить информационно-техническую грамотность педагогов (непонятно как это должно улучшить ситуацию?). Безусловно мы имеем дело с вытеснением, так как за утверждением этого подхода скрывается попытка нормировать реальность. Но реальность не подчиняется, гуманизм – не сработал, а попытки нерелексивно ввести его как решение и породило часть проблем.

Рассмотрим как устроен этот подход. Структурно педагогика диалога – это «дискурс университета» (по Лакану) как и другие формы современного академического дискурса (с небольшим влиянием дискурса капитализма). Дискурс университета – это позиция в речи и установке социальных связей, где агентом выступает «знание». Обращается такой дискурс к другому как «объекту а» – т.е. некоторому неструктурированному остатку, который нуждается в обработке знанием («образование»), в итоге чего должен возникнуть субъект. Важным моментом остается то, что дискурс университета лишь модифицирует дискурс господина, и за «знанием» всегда прячется тот, кто оставляет за собой право на

идентифицирующее означающее (это и есть тот Другой, кто судит).

Таким образом, даже с фантазиями о равенстве участников в диалоге такой подход остается сохранением господина под маской благожелательности, что подкрепляется идеей «всякое знание есть благо» (и значит, знающий лучше знает, что для еще-не-субъекта благо). Эта идейная предпосылка Просвещения не выдерживает критики, но сохраняется на уровне психополитики образования. Отсюда и логичное навязывание идентификаций и истеризация ученика. По Лакану истерик – это тот, кто пытается ответить господину на его идентификацию вопросом «почему я это?». Даже отказ от оценок (маловероятный в нашей системе) не отменит истеризацию – он сохранится пока в языке есть асимметрия ролей «педагог – обучаемый» (демагогией, что педагог тоже чему-то учится – это не отметить). Наконец диалоговый подход сохраняет в себе и предвзятость дискурса университета ко всякому незнанию и непониманию: их должно преодолеть и искоренить, а самого субъекта улучшить. Однако не все субъекты готовы принять эту власть над ними. Поэтому дискурс университета всегда стоит на развилке: либо субъект принимает данную ему идентификацию и пытается отбросить часть своих желаний ради соответствия (что ведет не только к успеху в учебе и карьере, но и к неврозу), либо субъект отказывается, в попытке сохранить себя, за что подвергается осуждению (необучаемый, ленивый, конфликтный и т.п.). В последнем случае перенос субъекта на людей, облеченных знанием, оборачивается негативным переносом – гиперкритицизмом, стремлением спорить и конфликтовать и т.д.

Какова альтернатива такому подходу? У Лакана дискурсы попарно противопоставлены, и «антагонистом» дискурса университета является дискурс аналитика. Опираясь на него и идеи об этике психоанализа, попробуем построить иную позицию, в которой есть попытка уйти от конфронтации в области власти и желания.

В дискурсе аналитика говорящий занимает позицию объекта а и обращается к субъекту желания. Объект а – не только несимволизированный остаток Реального, но тот объект, что (воображаемо) удовлетворяет меня, объект-причина желания. Аналитик не субъективирован: он – место, куда анализант обращает свои речи в поиске того, чего ему не хватает в его бытии. Аналитик выступает как субъект, предположительно знающий, а не педагог, мэтр или специалист.

Эта позиция имеет следующие черты.

- Отказ от идентификаций, а значит и от ориентации на благо или идеал (этика без идеала).
- Аналитик тоже истеризует человека, но затем управляет этим в переносе (господин и университет не признают или пытаются объяснить перенос). Истеризация происходит через возвращение субъекту его собственных вопросов, поэтому конфронтации с аналитиком нет.
- Аналитическая позиция нейтральна к симптому и к незнанию. Не знать – нормально для тех, у кого есть бессознательное, но доступ к индивидуальному знанию о себе существует (через анализ).
- Вместо равенства диалога непреодолимая асимметрия: аналитик не привносит в процесс свою личность. Субъективная пустота психоаналитика достигается его собственным анализом, позволяющим ему отделять то, что он слышит от своего воображаемого. Аналитик тоже сталкивается с негативным переносом, что иногда говорит об ошибке, но чаще – прямое следствие сопротивления. В этом случае мы видим выбор субъекта – не знать о себе и своих симптомах, не меняться и не учиться. И такой выбор придется принять.

В итоге анализа стоит сделать два замечания.

- Опора на аналитический дискурс в преподавании проблематична: он более удобен в индивидуальной работе, а не с группой, и он предъявляет очень высокие требования к носителям (личный успешный анализ). Обучение – не анализ, поэтому нужна адаптация аналитического дискурса к преподаванию, а она проблематична. Тенденция западных вузов делать акцент на тьюторскую работу и индивидуальные консультации – шаг в этом направлении [3].
- Хоть дискурс университета и провоцирует проблемы, полностью от него отказаться нельзя. Университет – социальный институт со своей устойчивой программой в отношении субъекта, что важно в эпоху сильного воздействия медиа и социальной турбулентности. Отсюда возникает запрос на рефлексию в области психополитики образования, которая позволит найти точки соприкосновения аналитического дискурса и педагогики.

Литература:

1. Лакан Ж. Семинары. Кн. 17. Изнанка психоанализа. – М.: Гнозис; Логос, 2008.
2. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / М.А.Гусаковский, Л.А.Яценко, С.В.Костюкевич и др.; Под ред. М.А.Гусаковского. - Мн.: БГУ, 2004.
3. Жданова М.Г., Кудряшов И.С. Метод кейс-стади в преподавании профессиональной этики для клинических психологов: условия и трудности успеха // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27514> (дата обращения: 28.10.2019).

Университет в глобальном мире: направления трансформаций

Галикян Г. Э.

Российско-Армянский университет, доцент Кафедры философии. Канд. филос. н.

ggkgal@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются дискуссии о высшем образовании в контексте противоборства двух идеологических позиций: «нового менеджериализма» и академического профессионализма. Рассматривается проблема трансформации высшего образования как процесс внедрения идеологии менеджериализма с одновременным сохранением элементов гумбольдтовской парадигмы, при том, что предполагается радикальное изменение структуры управления. Выдвигается идея о начале периода гармонизации высшего образования с потребностями общества, который определяется в терминах «конкурентоспособности», «продуктивности», «эффективности», «инновативности» и т.д. Обосновывается необходимость переопределения понятия «общественное благо» связанное с выстраиванием оппозиций между локальным и глобальным, прагматизмом и академизмом в сфере высшего образования. Определяется необходимость заново помыслить не идею университета как общественное благо, а саму идею «общественное благо» в контексте «экономической нецелесообразности» гуманитарных наук.

Ключевые слова: академический профессионализм, академические ценности, новый менеджериализм, университетская автономия, общественное благо.

The University In the Global World: Transformations' Directions.

G. Galikyan

Russian-Armenian University

Abstract: The paper analyzes discussions on higher education in the context of the opposition of two ideological positions: “new managerialism” and academic professionalism. The higher education transformation problem is considered as a process of introducing the ideology of managerialism while preserving the elements of the Humboldt paradigm, taking into consideration, that a radical change in the structure of governance is supposed. An idea of beginning a higher education harmonization period with the needs of society is proposed - identified in the following terms: “competitiveness”, “productivity”, “efficiency”, “innovativeness”, etc. The “public good” concept reform need is formulated with respect to creating oppositions between the local and the global, between pragmatism and academism in higher education. Defined is the need to rethink not the idea of the university as a “public good”, but the very idea of “public good” within the context of “economic inappropriateness” of the humanities.

Keywords: academic professionalism, academic values, new managerialism, university autonomy, public good.

Преобразования в сфере высшего образования, как на постсоветском пространстве, так и по всему миру настоятельно требуют прояснения изменений тех основных концептов, которые лежали в основе классического университета. Это тем более актуально исходя из того, что «не выполнение этой задачи» может надолго продлить «кризис легитимности» современных университетов, в эпоху глобальных вызовов. Нам уже приходилось отмечать, что одним из основных концептов требующих переинтерпретации является понятие «общественное благо» [1, с. 12]. Само понятие естественным образом подразумевало, что несмотря на большие затраты (прямые или косвенные), общество заинтересовано в поддержке (финансирование, освобождение от налогов) университетов, так как они служат обществу в целом. Однако служение общему благу подразумевает нечто большее, чем просто бесконечный поиск истины и служение науке. Оно предполагало наличие академической автономии как платы и, одновременно, вознаграждение за бескорыстное служение обществу. В сегодняшнем «обществе знаний» научная продукция и научные исследования слушком дорогой товар, чтобы оставаться в «свободном плавании», возникают новые концепты управления и организации высшего образования, которые аккумулируются

в термине «новый менеджериализм» «как способ осмысления и категориализации попыток навязывания управленческих техник, характерных для среднего и крупного коммерческого бизнеса, не коммерческим государственным и общественным организациям» [2, с. 53]. Появляется угроза тем академическим ценностям, которые обеспечивали служение университетов обществу. К этим ценностям можно отнести критическое мышление, интеллектуальную свободу, неприкладную науку, «организованный скептицизм», которые обеспечивали академическому сообществу университетов не только свободу и автономию, но служение национальной культуре. Тем самым университетская свобода всегда, во всяком случае до сегодняшних трансформаций, обеспечивала национальной культуре любого государства элемент соотнесенности с мировой культурой и наукой. Но этому приходит конец. Питер Скотт выделяет три тенденции представляющие потенциальную угрозу традиционным академическим ценностям: «новую концепцию высшего образования и науки как элементов более широкой «индустрии знаний»; растущий упор на профессиональное прикладное образование, при этом темпы индивидуального вложения считаются более важными, чем польза для общества; развитие новых исследовательских парадигм «предполагающих коммерциализацию «продукции исследований» наряду с более широким социальным распространением продукции знаний» [3].

Безусловно, вышеназванные тренды требуют нового качества управления, что и обосновывается идеологией «нового менеджериализма». Однако дело не ограничивается внедрением новых управленческих техник и предполагает трансформацию той академической среды, в которой только и мог состояться классический университет с его приоритетами и идеалами. Можно констатировать, что главная проблема сегодняшней трансформации высшего образования (университета в первую очередь) – это процесс внедрения идеологии нового менеджериализма с одновременным сохранением элементов гумбольдтовской парадигмы (соединение исследования и преподавания), при том, что предполагается радикальное изменение структуры управления.

Вообще притягательность гумбольдтовского мифа определяется несколькими причинами:

«Гумбольдт» - символ автономии и главенства профессоров в университетских делах.

«Гумбольдт» - символ приоритета фундаментальных исследований перед прикладными.

«Гумбольдт», наконец, - символическое обозначение тех идеалов, которые искренне верят многие преподаватели (и даже некоторые студенты) и в которые пытаются достичь, хотя и наталкиваются на непреодолимо трудности» [4, с. 63].

Восновенового менеджериализма – соединение гумбольдтовской идеи «Сновым, переформатированным» типом ученного и преподавателя, когда обосновывается возможность применения к их труду универсальных принципов управления. Новая идеология управления системой высшего образования обосновывает свои подходы необходимостью отвечать на вызовы глобального мира, при том, что отказ от внедрения новых практик контроля и учета результативности работы академических профессионалов может не просто привести к отставанию, но и в перспективе, к разрушительным последствиям. Р. Абрамов, указывая на различие между двумя идеологиями, отмечает, что «они апеллируют к разным системам ценностей» [5, с. 41]. Возможно ли в таком случаи найти компромисс между этими двумя подходами? «Возможен ли «гибридный дискурс», сочетающий ценности традиционного и менеджериального дискурсов и увязывающий негативные и позитивные представления о реформах высшей школы и их идеологии?» [6, с. 23].

Если исходить из того, что гумбольдтовская модель университета относилась к институту в котом училось менее 1% тогдашней молодежи, и который почти не имеет отношение к сегодняшнему массовому высшему образованию, то кажется, что новая идеология вполне обоснованно претендует на место старой. Однако тут возникают некоторые проблемы, учет которых, на наш взгляд, очень важен. Первая из них – проблема стандартизации: «Университеты, моральная природа которых выражается в отрицании языка стандартизации, сталкиваются с необходимостью играть по правилам, которые в современной ситуации требуют достижения успеха именно в рамках стандартизации, являющейся обобщающей по определению» [7, с. 472]. Стремление к адаптации в институциональной сфере ведет и имитации определенных образов и копированию практик друг друга. Это вполне рационально, так как дает возможность добиться легитимности по отношению к среде. С другой стороны, на постсоветском пространстве, как правило, совершенно не готовы к таким институциональным трансформациям, так как при реализации этой политики внутренняя идентичность университета входит в противоречие с идеями внешней среды в том, как эта организация должна выгладить. Легитимация через давление

окружающей среды – это конкретный процесс стандартизации, увеличивающий способность выживания вузов, когда сам процесс становится главной целью. При этом «большую часть ресурсов и усилий университеты затрачивают на то, чтобы занять более высокую строчку в рейтинге эффективности исследований согласно критериям их качества и, как следствие, уделяют меньше внимания контролю релевантности исследований, преподаванию, обучению и другим функциям высшего образования [8, с. 30]. Решение этих задач требует принятие идеологии нового менеджериализма, который единственный в деле обеспечения реализации вышеуказанных задач по легитимации преобразований в университете. Однако этот путь чреват огромными и невосполнимыми потерями.

Вторая проблема – желание «снова видеть университеты как общественное благо вместо конечной школы для детей» [9, с. 18]. Однако этому мешает ряд обстоятельств. У студентов превалирует «потребительская культура», чему во многом способствовали (например, в постсоветских странах) процессы происходящие при реализации концепции неоллиберализма. Это происходило в контексте трансформации самого понятия «общественное благо». Если раньше мы, в основном, понимали под ним «интеллектуально- гражданское развитие» или развитие «мыслительного потенциала», которое в принципе служило общественному прогрессу и рассматривалось как общественный продукт (например, образованное население), то в сегодняшней реальности оно таковым больше не является. Но университет все еще рассматривается как посредник для последующих политических и социально-культурных трансформаций, при том, что студенты больше интересуются тем, чтобы окупить усилия и деньги, затраченные на получение образования, чем общественным благам, и не особенно волнуются о личном развитии. Здесь, наверное, необходимо отметить, что сегодняшний анализ роли и миссии университета, вызывающий значительный интерес, связан с завершением той стадии развития этого института, который можно условно обозначить как эпоха служения общественному благу. Начинается новая эпоха, которую можно рассматривать как эпоху гармонизации высшего образования с «потребностями общества». Процесс этой гармонизации определяется, как не парадоксально это звучит, в терминах «продуктивности», «конкурентоспособности», «инновативности», «эффективности» и т.д. Естественно, что в этих условиях гуманитарные науки всячески стремятся оправдать свое «место под солнцем» и подтвердить важность своей деятельности внутри университета. Нужно, очевидно, отметить, что университет выполнял и выполняет различные инструментальные функции в обществе, но никогда раньше они не рассматривались как приоритетные. И кажется, что сегодня, необходимо заново помыслить не идею университета как общественного блага (и связанных с ним принципов академической свободы), а саму идею общественное благо в контексте «экономической нецелесообразности» гуманитарных наук.

Но главное, на наш взгляд, при сложившейся ситуации внутри университета, не допустить раскола, к которому ведет дискурс двух отмеченных идеологий и не связывать необходимость перемен исключительно с концептом нового менеджериализма.

Литература:

- [1.] Галикян Г.Э. Особенности институциональных изменений в высшем образовании // *Alma mater* 2016. №6. С. 12-17
- [2.] Deem R. «New Managerialism» and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the UK // *International studies in Sociology of Education*. 1998. Vol. 8. №1, p. 47-70.
- [3.] Скотт П. Академические ценности и организация академической деятельности в эпоху глобализации -URL: http://www.aha.ru/~moscow64/educational_book/archive.html (дата обращения от 7.10.2019)
- [4.] Эш М. Бакалавр чего, магистр кого? / Пер. с англ. А. Маркова // *НЛО*. 2013 №4 С.59- 83.
- [5.] Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия: Конфликт и взаимодействие // *Социологические исследования*. 2007. №7. С. 37-47
- [6.] Абрамов Р. Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире // *НЛО*. 2016 №2. С. 16-32.
- [7.] Czarniawska B., Genell K. «Gone shopping? Universities on their way to the market». *Scandinavian Journal of Management*, Vol.18 (2002) 455-474
- [8.] Тайхлер У. Многообразие и диверсификация высшего образования. *Вопросы образования* 2015. №1. С. 14-38
- [9.] Milter, R. *Impetus for Change: Why Entrepreneurial Universities will Transform the Future*. In *Transformative perspectives and processes in Higher Education*. L: Springer, 2015. P. 253

Антюшев И.И.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, аспирант кафедры педагогики, психологии и философии

ivan_antyushev@inbox.ru

Аннотация: Творчество – это не только процесс преобразования мира человеком, но и первичная установка, обуславливающая стремление мыслящего субъекта к совершенствованию окружающей действительности. Однако чем же оно является на самом деле – необузданной стихией или упорядоченным алгоритмом? Особо актуальной данная дилемма становится в свете становления общества глобальной информатизации, сопряженного с интенсивным развитием технологий искусственного интеллекта. Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо осуществить комплексный анализ основных этапов, через которые проходит человек при совершении своих творческих актов. В данной статье творчество рассматривается как синергичное явление, имманентно диалектичное в своей сущности. Доказывается, что творческий процесс обладает свойствами алгоритма, гармонично сочетающимися со спонтанными явлениями (инсайтом). Именно в неразрывной связке данных свойств проявляется истинная природа творчества.

Ключевые слова: творчество, информационное общество, искусственный интеллект, синергия, инсайт, проективное мышление.

Creativity in the Information Age: problems with comprehension.

Antyushev I.I.

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

Abstract: Creativity is the process of transforming the world by humans. It is the primary setting that encourages a person to transform reality. But what is the pure essence of creativity – a spontaneous force or an ordered algorithm? This dilemma is particularly relevant in the Information Age and against the background of the intensive development of artificial intelligence. It is necessary to carry out a comprehensive analysis of the main stages through which a person passes in the commission of his creative acts. This article considers creativity as a synergistic phenomenon that is inherently dialectical. It is proved that the creativity has properties of algorithm, harmoniously combined with insight. The pure nature of creativity manifests in the inseparable bundle of these properties.

Keywords: creativity, the Information Age, artificial intelligence, synergy, insight, projective vision.

Вступление человеческой цивилизации в эпоху глобальной информатизации неизбежно сопровождается значительными изменениями в структуре социальных процессов, мировоззренческих установок и восприятия окружающей действительности. Опора человека на технику приобретает колоссальные масштабы, более того, техника сама становится полноправным и относительно самостоятельным участником коммуникационных процессов в структуре социума. Подобные тенденции вносят существенные изменения в мироощущение человека, заставляя переосмыслить феномен творчества – процесса, детерминирующего сущность человека.

Развитие кибернетических технологий неизбежно приводит к тому, что человек из активного деятеля, непосредственно преобразующего структуру реальности, постепенно превращается в контролера, «организатора эффективности действий созданных им же самоорганизующихся систем» [1, с. 132]. Подобные системы, наделенные искусственным интеллектом, вполне способны «творить» сами, они являются своеобразными «рабочими лошадками» [2], существенно упрощающими жизнедеятельность людей.

Так что же представляет собой творчество в контексте современности: неукротимую стихию, позволяющую человеку направить свой взор к познанию трансцендентного, или же вполне себе

стандартизированный алгоритм, основанный на упорядоченных действиях? Если искусственный интеллект обладает своеобразным творческим потенциалом, ограниченным строго детерминированными рамками, так ли безграничны возможности творчества человека?

Ограниченность когнитивного потенциала творчества наглядно иллюстрируется в рамках небезызвестного парадокса Ферми. Человек в процессе поиска внеземных цивилизаций руководствуется стереотипными установками, неизменно ограничивающими его познавательный, а, вместе с тем, и творческий потенциал. Иными словами, осуществляя подобную деятельность человек «может рассчитывать только на такие действия, которые включены в нормальную деятельность цивилизации» [3, с.40]. Этот факт еще не уподобляет творческую деятельность человека алгоритму в полной мере, но отчетливо указывает на существенную вероятность принципиальной непостижимости некоторых явлений. Более явно данная тенденция прослеживается в «гипотезе зоопарка» [4].

Полное отождествление творческой деятельности человека с алгоритмом достигается в рамках известной «гипотезы симуляции» [5]. Согласно ее содержанию, реальность – продукт, порожденный технологиями высокоразвитой цивилизации. Соответственно, она запрограммирована под определенные параметры, изменение которых человеку недоступно в принципе. Разрыв с «заводскими установками реальности» способствует непреодолимому изменению сущности человека, выведет его на принципиально иной уровень, который невозможно вообразить в границах нашего сознания, произойдет становление мира «постлюдей» [6, с. 247]. Следовательно, в рамках данной теории творчество будет алгоритмом до тех пор, пока человек остается человеком в привычном понимании.

Творчество – это уникальная способность, имманентно заложенная в структуру сознания, имеющая важнейшее значение для определения онтологического статуса человека. Творчество – это основной способ преобразования человеком окружающего мира. Что же является главным стимулятором, побуждающим человека к творческой активности?

Человек обращается к творчеству при столкновении с противоречием. В сущности, это и есть первая стадия творческого процесса. Гегель утверждал, что противоречие «являет собой корень всякого движения и жизненности» [7, с.520], подчеркивая тем самым глобальную важность данного явления. Через призму диалектического материализма противоречия рассматриваются в качестве универсальной закономерности, детерминирующей бытие. Данная установка имманентно заложена в структуру восприятия человеком окружающей действительности, наличие противоречий – неотъемлемое условие для рефлексии многомерного мира как синергического целого. Преодоление противоречий достигается «путем дальнейшего исследования фактической действительности, путем отыскания той другой, новой, высшей формы развития, в которой исходное противоречие находит свое действительное, фактическое, эмпирически констатируемое разрешение» [8, с.72]. Иными словами, противоречия генерируют флуктуации, изменяющие состояние объективной реальности.

Можно возразить, утверждая, что противоречия могут представлять собой отражение границ когнитивных возможностей человека, что снова приводит нас к тезису об алгоритмизированной природе творчества. Если мы обратимся к теории решения изобретательских задач, то отметим, что большинство творческих актов «осуществляются по одному из десятка общеизвестных принципов, сопровождаются ограниченным числом повторяющихся приемов» [9, с. 66]. Однако этот факт свидетельствует скорее о проективном, а не алгоритмизированном характере творчества. Построение проектов и моделей для разрешения противоречий – один из путей творчества. Он актуален в том случае, если противоречие осознано человеком. Бессознательный путь минует проективную стадию и приводит нас к стадии спонтанного озарения, порожденного интуицией.

Реакция – следующая стадия творческого процесса, представляющая собой ответ мышления на действие внешнего раздражителя, в роли которого выступает противоречие. Это действие ретикулярного мозга, «мозга ящера», который «буквально берет на себя контроль над нашим разумом и управляет поведением, повелевает телом и побуждает к действию – драться, убежать, оцепенеть, чтобы быть уверенным в самосохранении» [10, с. 51]. Реакция происходит всегда, но на бессознательном уровне она латентна. Она неизбежно ставит человека перед дилеммой, заключающейся в планировании дальнейших действий. Можно проигнорировать противоречие, попытаться сбежать от него, а можно попытаться его успешно разрешить. Последний вариант – это путь активной творческой деятельности.

Выбрав данный вариант, необходимо понять, что же мы хотим получить в результате. Визуализация желаемого – третья стадия творческого процесса. Необходимо представить образ итога

своих действий, тот самый аттрактор, который будет подстегивать человека к творческой активности. В то же время, он будет являться и сдерживающим фактором, детерминирующим границы творческих устремлений. Можно сказать, что образ конечного результата «регулирует поведение так же, как термостат регулирует температуру: на диске прибора закодированы не включение и выключение котла, а лишь пределы допустимой температуры» [11, с. 79].

Заключительная и самая противоречивая стадия творческого процесса – достижение результата. Итог не всегда будет представлять собой достижение того, что было запланировано изначально. Аттрактор, формируемый в ходе предыдущей стадии, эфемерен. Решение приходит спонтанно, может показаться, что идея возникла сама по себе. Можно сказать, что обработка информации осуществлялась столь быстро, что сам процесс оказался недоступен для восприятия. Здесь мы имеем дело с инсайтом – «спорадическим озарением, переживаемым в особые моменты, феноменом расширения и переструктурирования сознания» [12, с. 90]. Также здесь можно вспомнить о клинамене Эпикура, спонтанном озарении, посредством которого «субъект бросает вызов и детерминированному миру причинно-следственных связей, и стохастическому миру случайностей, позволяя реализоваться стратегиям фатальности» [13, с. 111].

Творчество – это проявление свободы человека, его активной деятельностью стези. Свобода, в свою очередь – «способ разрешения противоречия между субъективным и объективным факторами. Диалектика субъективного и объективного факторов раскрывается как соотношение слепой силы природы и сознательной силы человека» [14, с. 95].

Таким образом, проанализировав основные стадии творческого процесса, мы заключили, что в структуре творчества сочетаются как тенденции алгоритмизации, так и спонтанность. Истинная сущность творчества вытекает из их принципиальной взаимообусловленности, творческий процесс следует детерминировать как синергическое явление. Наиболее приемлемо рассматривать творчество с позиций диалектики, что позволит приблизиться к рефлексии его истинной природы.

Литература:

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е издание. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
2. Шумский С. А. Искусственный интеллект: вызовы и угрозы России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-vyzovy-i-ugrozy-rossii/> (Дата обращения: 11.02.2020).
3. Лем С. Одиноки ли мы в космосе? // Знание – сила; пер. с пол. Б. Пановкина, 1997. №7, С. 40-41.
4. Ball J. D. «The Zoo Hypothesis» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tu.scribd.com/document/400502764/The-Zoo-Hypothesis-Ball-1973> (Дата обращения: 11.02.2020).
5. Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Г. Йеффета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/102553/Ieffet_Primi_krasnuyu_tabletku__Nauka%2C_filosofiya_i_religiya_v__Matrice_.html (Дата обращения: 11.02.2020).
6. Bostrom N. Are you living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly: journal. Oxford University Press, 2003. Vol. 53, no. 211. P. 243-255.
7. Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 т. Т. 5. М.-Л., 1929-1959. 814 с.
8. Ильенков Э. В. К вопросу о противоречии в мышлении // Вопросы философии, 1957. № 4, С. 63-72.
9. Альтшуллер Г. С. Алгоритм изобретения. М.: Московский рабочий, 1973. 296 с.
10. Аткинсон М. Наука и искусство коучинга: внутренняя динамика; пер. с англ. Киев.: Companion Group, 2009. 208 с.
11. Прибрам К. Язык мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии; пер. с англ. Я. Н. Даниловой, Е. Д. Хомской. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
12. Рыбин В. И. Инсайт и гештальт // Консультативная психология и психотерапия, 1997. № 3, С. 85-105.
13. Шляков А. В. Клинамен. Основание номадизма // Вестник Челябинского государственного университета, 2018. № 9 (419). Философские науки. Вып. 49. С. 108-113.
14. Маслобоева О. Д. Российский органицизм и космизм XIX-XX вв.: эволюция и актуальность. М., 2007. 292 с.

Ашмарин И.И.

Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук

ygr-h@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены некоторые течения в европейском музыкальном авангарде после Второй мировой войны. Отмечено, что практически для всех этих течений характерно подготовленное конструирование музыкального произведения с последующим импровизационным его исполнением. На историческом промежутке от дописьменного периода европейской музыки до окончательного утверждения современной музыкальной нотации в XVII-XVIII в.в. прослежено и проанализировано постепенное исчезновение импровизационного начала в музыке параллельно с появлением новых представлений об эволюционирующем музыкальном стиле как эстетической категории. Мощные социально-политические катаклизмы в Европе начала XX в. вкпе с высокой стилиевой динамикой освоения эстетических ресурсов европейской музыки с неизбежностью привели к тому, что «инновационно» настроенные композиторы предположили, что эти ресурсы исчерпаны. Именно такие взгляды привели к появлению авангарда в музыке как понятия и как феномена. А это в свою очередь способствовало возвращению импровизационного начала в современную европейскую академическую музыку.

Ключевые слова: музыкальный авангард, европейская музыка, импровизация, стиль, эстетические ресурсы

Aesthetic conditioning of the musical avant-garde.

Ashmarin I.I.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Some trends in the European musical avant-garde after the Second World War are considered. It is noted that almost all of these movements are characterized by the prepared construction of a musical work with its subsequent improvisational performance. The gradual disappearance of the improvisational principle in music in parallel with the emergence of new ideas about the evolving musical style as an aesthetic category are traced and analyzed in the historical period from the preliterate period of European music to the final approval of modern musical notation in the XVII-XVIII centuries. Powerful socio-political disasters in Europe at the beginning of the XX century, coupled with the high style dynamics of the development of aesthetic resources of European music, inevitably led to the fact that innovatively minded composers suggested that these resources were exhausted. It was these views that led to the emergence of the avant-garde in music as a concept and as a phenomenon. And this, in turn, contributed to the return of the improvisational principle to modern European academic music.

Keywords: musical avant-garde, European music, improvisation, style, aesthetic resources

Поскольку речь в дальнейшем пойдет о музыкальном авангарде, дадим для начала два его энциклопедических определения.

1) «АВАНГАРДИЗМ – условное наименование различных музыкально-творческих течений 20 в. Сторонники авангардизма резко выразили оппозицию по отношению к исторически сложившимся нормам музыкального искусства, стремились к радикальному изменению его основ» [1, с. 13].

2) «Авангардная музыка, музыкальный авангард – вид современной академической музыки, некоторые элементы эстетики которой являются радикально инновационными. Предполагается, что подобная музыка в эстетическом отношении опережает своё время» [2].

Сегодня, говоря об авангарде в музыке, чаще всего упоминают его основные течения в послевоенной Европе второй половины XX века. Перечислим некоторые из них [3, с. 10-28]:

- Алеаторика¹ (К. Штокхаузен, Дж. Кейдж, П. Булез, К. Пендерецкий) – техника композиции, основанная на неопределённости или случайной последовательности подготовленных элементов музыкальной ткани при сочинении или исполнении произведения.
- Сонорика, или сонористика (Д. Лигети, К. Пендерецкий, В. Лютославский); основа – тембровзвучность группы из нескольких звуков, часто диссонансирующих, трактуемой как единый колористический комплекс, или сонор.
- Сериальность (К. Штокхаузен, П. Булез, Л. Ноно); основа – заранее сконструированные группы (серии) звуков, их высот, длительностей, пауз, степеней громкости, артикуляции, темпов, тембров с последующим импровизационным формированием из них суммарной композиции.
- Конкретная музыка (К. Пендерецкий, П. Шеффер); характерный пример – произведение К. Пендерецкого «Флуоресценции», написанное для оркестра, пишущей машинки, стеклянных и железных предметов, электрических звонков и пилы.

В этом далеко не полном списке можно уловить нечто общее, а именно подготовленное конструирование музыкального произведения – звуков, их динамики, тембров, пауз и т.д. Причем конструирование это на стадии «подготовки» – тщательное, но при исполнении – импровизационное. Весьма характерным для такой общности можно считать произведение одного из лидеров послевоенного авангарда немецкого композитора и музыкального теоретика Карлхайнца Штокхаузена. Это – «Пьеса для фортепиано XI». Ее партитура выглядит следующим образом: на большом нотном плакате (53×93 см²) отпечатано 19 независимых друг от друга нотных групп различной продолжительности. К партитуре прилагается написанная самим автором инструкция для исполнителя: «Исполнитель безучастно глядит на лист бумаги и начинает с какой-либо первой попавшейся на глаза группы; он играет ее с любой скоростью, <...> с любым уровнем громкости и с любой формой артикуляции. Когда первая группа подойдет к концу, он читает следующие за ней указания скорости, громкости и артикуляции, смотрит без определенных намерений на какую-нибудь другую группу и играет ее согласно трем указаниям. <...> Каждая группа связуема с каждой из восемнадцати остальных, так что любую можно сыграть с какой угодно из шести скоростей, громкостей и артикуляций» [4, с. 239].

Здесь на память приходит один пример из истории европейской музыки. В XVIII в. у музыкантов была довольно популярна композиторская игра в кости – т.н. Würfelmusic (от нем. Würfel – игра в кости). Для нее нужны были две игральные кости, специальная цифровая таблица и нотная запись произвольной музыки в несколько тактов. Такты нумеровались, а затем перетасовывались и комбинировались в соответствии с тем, что показывали игральные кости и таблица. Это практиковали даже Гайдн и Моцарт. Сама система не претендовала на большее, чем «интеллектуальное развлечение» музыкантов или вспомогательное учебное упражнение [5, с.60]. Но дело в том, что в этой игре отчетливо слышны отголоски импровизационного начала, которое было формообразующим и самостоятельным эстетическим принципом композиции в европейской практике музицирования вплоть до IX-X вв.

В IX-X в.в. в Европе начали появляться первые письменные музыкальные памятники. Поэтому дальнейшая история европейской музыки позднего средневековья и Возрождения (XIII-XVII в.в.) была обусловлена взаимодействием, противоборством и параллельным существованием двух типов музыкального творчества, двух музыкальных культур – импровизаторской и письменной (особенно светской) [5, с. 3-5], [6, с. 132-176]. Одним из результатов такого сосуществования стало, например, появление смешанных типов музицирования – особых видов ограниченной импровизации (до нас это дошло в виде вербальных конструкторов «тема с вариациями» или «вариации на тему», входящих в названия некоторых музыкальных произведений XVII-XIX в.в.). К XVIII в. эта традиция, как и само понятие импровизация стало утерянным и прочно забытым. Основная причина тому – в XVIII в. окончательно утвердилась известная нам сегодня музыкальная нотация – письменная фиксации музыки (в обыденной речи – ноты). И если в дописьменную эпоху музыки импровизация была единственным способом «вспомнить» и исполнить ранее написанное, то уже в XIX в. не то что импровизации, но даже самые невинные исполнительские вольности в передаче текста встречали самое недоброжелательное отношение композиторов. «Пожалуй, самый антиимпровизаторский период в истории европейской музыкальной культуры – это рубеж XIX-XX в.в. Композиторы отныне стремятся выписать в нотном тексте всё, зафиксировать все нюансы. Но вскоре в виде реакции на эту тенденцию возрождается интерес к импровизированию, к управляемой случайности (курсив – А.И.)» [5, с.60].

¹ Словосочетание управляемая случайность весьма точно характеризует один из основных смыслов от alea (лат.) – игра в кости; пер. жребий, неизвестность, риск и т.п.

послевоенного музыкального авангарда, а именно, интерес к случайности, или к неопределенности. И дело, наверное, не только в реакции на жесткую определенность рамок «тотальной» нотации. Нотированная музыка не просто заняла место, освободившееся после ухода музыки импровизаций, но и ввела в музыкальный обиход новое понимание такой эстетической категории, как стиль. Причем если еще в XVII в. стиль был связан в основном с жанровыми признаками (музыка духовная, светская, фольклорная и т.п.), являясь скорее технико-практической (или конкретно-специфической) характеристикой, то уже в XVIII–XIX в.в. его определяющими факторами стали социально-исторический характер эпохи, социокультурные особенности соответствующего жанра, индивидуальные особенности личности отдельных композиторов и т.д. Стиль стал довольно мощным детерминантом в музыке. И если, например, средневековые нормы только каналировали музыку по жанровым приложениям, то музыка XIX в. была уже просто армирована стилевыми конструкциями (почти вне зависимости от жанровой принадлежности). Спонтанность в такой музыке была просто неуместна, и хотя бы вписаться в стилевые матрицы она могла только в виде «вариаций на тему». Причем стилевая принадлежность проявлялась значительно отчетливее, чем даже национальная. Например, в произведениях немца Шумана и полуполяка-полуфранцуза Шопена при желании можно найти больше сходства, чем в произведениях немцев Брамса и Вагнера.

В течение почти четырех веков стили непрерывно и поступательно сменяли друг друга, каждый из которых обозначал собой целую эпоху в истории музыки: барокко – рококо – классицизм – романтизм. Это было мощное «пластовое» освоение эстетических ресурсов европейской музыки. И некоторым композиторам могло показаться, что эти ресурсы близки к истощению (особенно в эпоху позднего романтизма). Это ощущение подкреплялось и усиливалось социально-политическими бурями начала XX в. – Первой мировой войной, революциями в России и в Германии, развалом четырех мощных империй – Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Неизбежно возникшие за этим хаос и цинизм в политике, морали, нравственности вызвали так же неизбежную ответную реакцию в музыке. Появлялись «инновационные» направления, такие, как, например, экспрессионизм, решительно деформировавший звуковысотные соотношения и формообразующие структуры в академической музыке (особое место здесь занимает музыка композиторов Новой венской школы) или неоклассицизм, основанный на модификации и модернизации доклассической архитектоники. Подобные течения послужили фундаментом для последующих авангардистских направлений, о которых мы уже говорили выше и эстетическая ценность которых также и в том, что они разбудили у композиторов новый интерес к импровизации как к новому типу эстетического освоения и постижения мира¹. Причем управляемая случайность настолько прочно обосновалась в музыке, что И. Стравинский хоть и с иронией, но не без основания говорил о наступлении «посткомпозиторского периода» в истории современной музыки [5, с.61]. И этот период, похоже, определил появление нового «подпространства» в эстетическом пространстве современной европейской академической музыки.

Литература:

- [1]. Музыкальный энциклопедический словарь. Статья «Авангардизм». М.: Советская энциклопедия. 1990.
- [2]. Википедия. Статья «Авангардная музыка»
- [3]. Житомирский Д.В., Леонтьева О.Т., Мяло К.Г. Западный музыкальный авангард после второй мировой войны. М.: Музыка, 1989.
- [4]. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX в. М.: Музыка, 1976.
- [5]. Сапонов М.А. Искусство импровизации: импровизационные виды творчества в западноевропейской музыке средних веков и Возрождения. М.: Музыка, 1982.
- [6]. Шестаков В.П. История музыкальной эстетики от Античности до XVIII века. М.: ЛЕЛАНД. 2018

¹ Есть еще один «фундамент», на котором базируются принципы импровизационного музицирования, а именно, джаз. Но это – предмет отдельного рассмотрения.

Идея как агрегатор «мягких» смыслообразующих динамик в творчестве

Бескова И.А.

Институт философии Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, доктор философских наук

irina.beskova@mail.ru

Аннотация: Постулируется, что становление и развитие когнитивных способностей человека, обуславливающих его творческий потенциал, начинается уже в пренатальный период формирования организма. И поскольку в это время основным фактором, определяющим динамику процессов, выступает недиссоциируемость с организмом матери, именно это задает вектор формирующего влияния на специфику будущих когнитивных, в том числе творческих, способностей человека. Недуальный характер получаемого опыта и возникающих на этой основе впечатлений-переживаний-содержаний обусловит формирование объемных, недвойственных, интегрально-модальных паттернов репрезентации воспринимаемого, имеющих ряд очень специфических особенностей, что делает именно эти структуры чрезвычайно продуктивными в плане возможностей творческого использования в будущем. Чтобы в явной форме обозначить следы присутствия подобных ранне-эволюционных вариаций смыслового оформления очень мягких по своей структуре, сильно нечетких, неясных, нестрогих упорядочений, удобно использовать концепт «идея». На его основе можно достаточно эффективно исследовать содержания, которые – в силу самой логики их порождения – своими корнями уходят в гораздо более глубокие пласты укорененности личностного опыта, чем те, что формируются с активным участием ресурсов развитой осознанности.

Ключевые слова: творчество, смысл, недуальность, идея, опыт, познание, творческие способности

Idea as an aggregator of “soft” meaningful dynamics in creativity. Beskova I.A.

Institute of Philosophy Russian Academy of Science

Abstract: Person’s cognitive and creative abilities start their beginning already in the prenatal period. The main factor determining the dynamics of the processes at this state is the non-duality of <mother-child> organisms’ unity, and it is just this property that sets the vector of the formative influence on future creative capacities. It will determine the formation of volumetric, non-dual, integral-modal patterns of representation that have a number of very specific features, which makes them extremely productive in terms of future creative usage. In order to explicitly denote these volumetric non-dual meanings’ patterns, – very soft in structure, highly fuzzy, obscure, non-strict orderings, it is convenient to use the concept “idea”. On its base, it is possible to study contents that, by virtue of the very logic of their arising, have their roots in much deeper layers of early personal experience than those that are connected with more developed awareness resources.

Keywords: creativity, meaning, non-duality, idea, experience, cognition, creative capacities

Идеей я называю форму организации личностного опыта индивида, обеспечиваемую всей полнотой недуальной целостности его экзистенции. Это объемный паттерн репрезентации знаний-мнений-предиспозиций личности, складывающихся и развивающихся в процессе всей жизни человека, начиная от самых первых ее моментов и заканчивая текущим мгновением-состоянием.

Под термином «объемный» я подразумеваю следующую особенность агрегируемых содержаний: в их обретение, репрезентацию и трансформацию ум, тело, душа, дух человека вовлечены не просто как согласованно действующие «начала», но как та интегральная сила осознанности, которая на упомянутые составляющие не распадается. Спектр таких содержаний-переживаний, обретаемых в режиме недвойственной целостности человеческой экзистенции, чрезвычайно широк. На одном его полюсе

можно обнаружить разного рода катастрофические ситуации, непосредственно угрожающие жизни: пилотирование в критических обстоятельствах, падение в горах [1], первые мгновения взаимодействия со страшным диагнозом, известия, связанные со смертью или тяжелой болезнью близкого человека и др. [2–4]. На другом полюсе спектра помещаются противоположные по знаку переживания-состояния: глубочайшие медитативные прозрения [5], спонтанно возникающие ощущения растворенности в мире, гармонии и защищенности [6, с. 43].

Роднит все эти формы переживаний следующее:

а) «разово-уникальный» характер ситуаций, приведших к возникновению соответствующих содержаний (что делает недостаточно продуктивным в анализе данного контента применение классических методологий, эффективных в отношении устойчивого и повторяющегося в человеческом опыте [7, с. 120]);

б) недואльная природа состояний, лежавших в их основе;

в) принципиальная непредсказуемость последствий получения данного опыта, неконтролируемость его реализации, сопряженные с отказом от борьбы за управление происходящим (феномен «сдачи» как предпосылка установления альтернативного модуса осознанности – см. [8]);

г) глубокая личностная окрашенность, невозможность транслировать соответствующие впечатления другим хоть в сколько-нибудь полной форме (ярчайшее проявление феномена квалиа [9], [10, с. 25]).

Свойство, лежащее в основании перечисленных особенностей опыта, – нерутинный характер процессов, ведущих к складыванию содержаний, недואльных по своей природе и объемных по источнику порождения и структурному статусу. Поэтому все то, что помогает понять сущность таких типов состояний и трансформаций, эффективно и находит хорошее применение в исследовании творчества.

Полагаю, что структура недואльного опыта, предрасположенность к его извлечению и использованию, а также навык воспринимать имеющееся под таким углом зрения закладываются в пренатальный период, когда единственно доступным модусом существования для будущего человека оказывается органическая включенность в материнские процессы физиологического, психологического, эмоционального, душевно-духовного бытия и функционирования.

Специфику подобного модуса бытия я вижу в следующем: становление будущих характеристик и способностей формирующегося организма (когнитивных, аффективных, поведенческих и пр.) происходит под исключительным влиянием состояния недואльной целостности в рамках той формы единства, которая по завершении этапа вызревания предстанет как разделенность мать и дитя. Но пока состояние вынашивания длится, отдельно мать и отдельно младенец не существуют в пространстве явленного бытия, – представлена лишь их неделимая объединенность. Для будущего ребенка в этом состоянии организм матери – то, не отделенность от чего жизненно важна, а разделенность с чем (до определенного уровня сформированности организма) губительна. Можно сказать, что плод пребывает в состоянии растворенности в среде, когда буквально каждой клеточкой своего существа воспринимает и проживает то, что разворачивается в организме матери, становится всем тем, что переживает и испытывает мать в этот период [11]. При этом сама среда ощущается-переживается не как нечто внешнее, организму противопоставленное, но как то, что тождественно ему. И поскольку организм матери для плода – это вселенная, которой на тот момент исчерпывается его опыт взаимодействия со средой, полагаю, именно в этом режиме зарождается навык направлять всю полноту внимания на поступающую импульсацию. Впоследствии из него сможет развиваться способность длительно сохранять однонаправленную концентрацию на предмете интереса, играющая важную роль в творчестве.

Навыки такого модуса мироощущения, закладывающиеся в период внутриутробного развития, навсегда остаются основой нестандартного мышления, поскольку:

а) они рождались как сиюминутный, выражающий переживание момента, опыт. Он в самом глубоком смысле неповторим и неповторим, а потому вне влияния категориальной сетки устоявшихся впечатлений, стереотипов и штампов, которые, по выражению Дж. Кришнамурти, «всегда стары»;

б) подобный опыт целостен и объемен: это содержания, которые формирующийся организм усваивал, проживая происходящее всем своим существом. Поэтому в дальнейшем именно он служит базисом недвойственного само- и мировидения;

в) носит интегральный характер: не распадается на компоненты, «поставляющие» организму отдельные впечатления разного типа модальностей, в силу чего эффекты синестезийности переживания в нем представлены. (Последнее становится наглядно очевидным в случае патологических форм не просто сохранения таких переживаний, но их прорастания в сферу эго-центрированного сознания [12]).

Таков же и характер содержаний, формирующихся на основе подобного опыта: складывающиеся смыслы неповторимы, неповторимы, слабо поддаются трансляции, целостны, объемны, полимодальны. Это обусловит альтернативную логику взаимосвязи смыслов на пространстве так представленного универсума допустимостей: прежде всего, она неклассична (никакая двузначность на множестве так заданных нечеткостей нереализуема), а также паранепротиворечива (принцип недואльности формально выразим как «В реальности, для которой такие смысловые корреляции определены, возможно всё, даже Р и не-Р» [13]). Она должна позволять эффективно работать с нечеткими множествами, поскольку именно таков статус этих «мягко заданных смысловых контуров». Эта логика должна быть полимодальной, приближающейся по своим выразительным возможностям к эпистемическим построениям, поскольку областью определения для нее выступают знания/мнения/предиспозиции субъекта, динамика смыслов которого анализируется. Соответствующие такой логике семантические структуры должны включать понятия идеальных и идеально-реальных миров (heaven and world-heaven – соответствующие категориальные средства анализа были впервые введены в научный оборот М. Крессвеллом [14]). Это позволит принимать во внимание не только рационально допустимые (логически возможные) положения вещей, но и те, что с позиции диссоциативного миропонимания взрослого человека дискурсивной культуры предстают как иррациональные, ошибочные, неполные, непоследовательные, невозможные, алогичные.

В результате динамики смысловых трансформаций на так заданном множестве элементарных составляющих будут принципиально отличаться от того модуса преобразований смыслов, который реализуем на уровне рассудочного оперирования знанием. Это обусловит совершенно иные принципы, законы, нормы порождения новых смысловых связностей, не содержащихся на предыдущем уровне развития знания.

И еще на один важный момент хотелось бы обратить внимание: эти ресурсы мировосприятия и репрезентации воспринятого, как закладывались вне и независимо от сферы сознания, так и продолжают существовать и функционировать вне этой сферы. Можно сказать, что то, что мы привычно именуем бессознательным психическим, в значительной степени состоит из содержаний/смыслов, сложившихся в результате актуализации недואльных переживаний-состояний. В течение всей жизни такие смыслы нарабатываются и преобразуются вследствие опыта, обретаемого в недואльно-целостных состояниях, когда человеку доводится вновь его пережить.

Литература:

1. Юлен М. О падении в горах / Перевод В. Лысенко // История философии. 2003. № 10. С. 123–124.
2. Hollan D. To the Afterworld and Back: Mourning and Dreams of the Dead among the Toraja // Ethos. Vol. 23. № 4, Dec., 1995. P. 424–436.
3. Kleinman A. “Everything That Really Matters”: Social Suffering, Subjectivity, and the Remaking of Human Experience in a Disorderly World // The Harvard Theological Review. Vol. 90. No. 3. Jul. 1997. P. 315–335.
4. Wahman J. Sharing Meanings About Embodied Meaning // The Journal of Speculative Philosophy, New Series. Vol. 22. No. 3. Symposium II: Words, Bodies, War. 2008. P. 170–182.
5. Гоулман Д., Дэвидсон Р. Измененные черты характера. Как медитация меняет ваш разум, мозг и тело. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 336 с.
6. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М.: Прометей, 1991. 288 с.
7. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: Издательство АСТ, 2017. 413 с.
8. Толле Э. The Power of Now. Сила настоящего. М.: София, 2012. 250 с.
9. Blackmore S., Troscianko E.T. Consciousness: an Introduction. Third edition. Routledge: Abingdon-on-Thames, 2018. 618 p.
10. Мэнсфилд В. Тибетский буддизм и современная физика. М.: Новый Акрополь, 2010. 208 с.
11. Гроф Ст. Области человеческого бессознательного: опыт исследования с помощью ЛСД. М.: МТМ, 1994. 240 с.
12. Лурья А.Р. Романтические эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 69 с.
13. Бескова И.А. Креативная сложность в рождении инноваций // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов 8-го Международного симпозиума 18-19 октября 2011. М.: «Когито-Центр», 2011. С. 40–42.
14. Cresswell M.J. Logics and Languages. London: Methuen&Co Ltd., 1973. 273 p.

Богоявленская Диана Борисовна

ФБГНУ «Психологический институт РАО», Москва, РФ, главный научный сотрудник, доктор психологических наук

E-mail: mpo-120@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ теории творчества Я.А. Пономарева. Разрабатываясь не в господствующей в СССР деятельностной парадигме, она была широко популярна. Это связано с открытием Пономаревым механизма «Усмотрения», объясняющим феномен инсайта. Реальность данного механизма Пономарев подтверждает открытым им законом преобразовании этапов развития психологического механизма творчества в структурные уровни его организации и функциональные ступени решения творческих задач. Вместе с тем, данный закон подтверждает его исходную методологию, рассмотрении творчества как атрибута самой материи. Для единения и связи разных уровней Пономареву нужен механизм интуиции, как переход от психики животных к человеку. Однако, при этом подкрепляется тенденция сведения творчества к уровню бессознательного. Приведенные Пономаревым доказательства наличия интуиции в процессе творчества подвергаются нашей критике.

Ключевые слова: творчество, инсайт, усмотрение, побочный продукт, интуиция, вербализация.

**The creativity theory of Y.A.Ponomarev: pro and contra.
Bogoyavlenskaya D. B.**

FBGO "Psychological Institute RAO", Moscow, RF, chief researcher

Abstract. The article presents an analysis of the theory of creativity introduced by Y. A. Ponomarev. Having been developed not in the dominant in the USSR paradigm of activity it was widely popular. It is connected with Ponomarev's discovery of the mechanism of "Discretion" explaining the phenomenon of insight. Ponomarev confirms the reality of this mechanism by discovering a law of conversing the stages of development of the psychological mechanism of creativity in the structural levels of organization and functional stages of creative problem solving. Alongside with that, the law confirms the original methodology of Ponomarev of considering creativity as an attribute of the matter itself. For unification and connection of different levels Ponomarev needs the mechanism of intuition as a transition of psyche from animals to humans. However, it is reinforced by the widespread trend reducing creativity to the level of the unconscious. The evidence of intuition in the creative process given by Ponomarev is subjected to criticism.

Key words: creativity, insight, discretion, a by-product, intuition, verbalization.

Диапазон попыток объяснения природы творчества расширяется во времени: от религии до развития отдельных разделов биологии. Победившему христианству было мало общего представления, что все присущее человеку предопределено богом. Религиозная интерпретация всей культуры в период Средневековья утвердила возможность человека творить как особый Дар от единственного творца во вселенной - Бога.

Через семь веков при стремлении науки раскрыть природу творчества, развитие нейрофизиологии описывает естественные механизмы этого Дара. Но о нем не подозревает творящий человек. И это понятно, поскольку его сознанию недоступно наблюдение происходящего в мозгу движения нейронов. Отсюда вывод о бессознательной природе творчества. Однако окончательный приговор психолога: «Неизбежный путь творчества от инкубации к инсайту»¹ [1, с.179] был сделан на основании четкого указания на обстоятельства момента озарения знаменитым ученым А. Пуанкаре. Этот факт вошел в науку как «феномен Пуанкаре», доказывающий бессознательную природу открытий.

Анализ этого феномена с привлечением введенного Я.А.Пономаревым «побочного продукта»,

позволяющего усмотреть решение, дает иную интерпретацию «феномену Пуанкаре», В этом сказывается огромная научная заслуга Пономарева. Это качественный скачок в объяснении творчества [2].

Указание Пуанкаре на подъем ноги на подножку омнибуса в момент озарения означал направленность его внимания, что исключало размышления о проблеме в данный момент времени. Однако, в поле внимания Пуанкаре оказался разрыв между двумя параллельными (подножками), который отвечал структуре его проблемы как изменения «значения параметра скачком». «Усмотрение» структуры движения по дискретным параллельным, отстоящим друг от друга на одинаковом расстоянии подножкам, и перенесло решение проблемы из алгебры в геометрию.

Объяснение феномена инсайта на этапе инкубации - шаг вперед в развитии закона «транспозиции отношений». Усмотрение – инсайт – возникает не просто как перенос функционального значения из одной ситуации в аналогичную по структуре, а в результате усмотрения его в «побочном продукте» деятельности [3]. Возможность заметить этот «побочный продукт» переводит его в «прямой», т.е. делает актуальным для сознания. Однако, усмотрение (узнавание) структуры, отвечающей наличной доминанте, предшествует ее вербализации и, поэтому оно отнесено Пономаревым к интуиции. И лишь затем, как он пишет, человек «карабкается по уровням вверх», вербализуя усмотренное, чтобы рассказать другому [4, с.190].

Итак, «побочный продукт» это то, что как продукт другой деятельности или объект реальной обстановки, попадает в поле нашего внимания и содержит в наглядной форме структуру, соответствующую решению нашей проблемы. В силу того, что подсказка дана нам не словесно, Пономарев рассматривает ее в рамках интуиции.

В ряде статей я делала упор на том, что термин интуиции Пономарев использует, чтобы подчеркнуть визуальную природу «побочного продукта» [5]. Однако, настойчивая последовательность реализации в своих текстах роли интуиции, говорит в пользу того, что не интуиция призвана подчеркнуть визуальность внешней подсказки, а ее визуальная природа для Пономарева утверждает интуицию в структуре творчества. Вместе с тем, включение интуиции в структуру творчества не исключает осознание процесса творчества. «Побочный продукт», оказывается, может перейти в прямой. Это противоречие отражено в поговорке «И волки сыты, и овцы целы». Возможно ли оно в науке?

Пономареву это удается благодаря, открытому в процессе исследования мышления младших школьников, подобию динамики развития их форм поведения - динамике форм поведения в ходе решения творческой задачи умственно развитым человеком. Это открытие привело Пономарева к выводу о преобразовании этапов развития психологического механизма творчества в структурные уровни его организации и функциональные ступени решения творческих задач [6, с.9]. Как всякая закономерность - Закон красив. Его реализация теперь становится детерминантой всего жизненного пути ученого.

В ряде циклов исследований Пономарев демонстрирует ход решения задач: если задача не решается на верхнем уровне логического мышления, то возникает необходимость опуститься на нижний уровень наглядно-действенного мышления, т.е. реального взаимодействия с предметами в рамках конкретной деятельности. Именно здесь возникает возможность увидеть нечто, отвечающее по своей структуре, решению стимулирующей задачи. Это «нечто» является некоторым моментом выполняемой деятельности, ее побочным продуктом, но не целью.

Творчество описывается Пономаревым как движение от абстрактного мышления вниз, на уровень интуиции, «Неосознаваемый опыт и проявляется в удачный момент в виде неожиданной «подсказки», ведущей к интуитивному решению» [4. с.190]. А затем - подъем по всем уровням вверх до словесно-логического уровня.

Выделение интуиции позволяет Пономареву провести сплошную линию развития взаимодействия от неживой материи до творчества человека. Интуиция нужна ему для построения единой теории Вселенной, преемственности ее уровней в соответствии с философской позицией начала XX века, в которой творчество ставилось в основу эволюции мира. Творчество же человека это одна из фаз, которая продолжает творчество природы в одном с ним ряду [7].

Однако, в силу научной корректности, согласится с рассмотрением интуиции как этапа творчества невозможно. В процессе решения творческой задачи человек с необходимостью не опускается на уровень интуиции. Не убеждает в этом и детально описываемые Пономаревым этапы

¹ «озарение» - приход идеи долго не решаемой проблемы

процесса решения предъявленных задач. Так, он пишет: «На низшем пределе этого механизма... оценка эффекта использования побочного продукта эмоциональна» [4, с. 190]. По логике Пономарева, раз нет вербализации, то это интуиция. Вместе с тем, открытая О.А.Тихомировым опережающая роль эмоций утверждает, что момент понимания связан с видением решения до вербализации [8], что исключает его отнесение к интуиции.

Пономарев сам признает, что эмоция возникает в результате удовлетворения потребности (имеется в виду потребность решения предъявленной задачи). Но, по сути, удовлетворение может возникнуть только как результат понимания. Тем более что он пишет: «Вначале осознается лишь сам факт удовлетворения потребности. Поэтому интуитивное решение и выступает как неожиданное, как то, что называли «инсайтом» [4, с.190]. Получается, что субъект осознает то, что он радуется решению задачи, но не осознает, в чем оно заключается?»

Осознание и форма представления характерны для следующих этапов, но там пока нет вербализации. Это противоречит реальности, как и описание процесса, ведущего к вербализации найденного решения: «Логическое решение (возникающее лишь на базе интуитивного), побуждается потребностью передать найденное интуитивно другому человеку, обосновать правомерность такого решения, доказать его. Именно здесь возникает необходимость выразить решение в языке, вербализовать его» [4, с.193].

В исследовании механизма инсайта, проводимого нами, было показано, что в процессе анализа условий задачи при соотнесении с ее требованием, испытуемый строит систему их отношений, структура которой не просто отражает наличную ситуацию, а также порождает гипотезу решения задачи. С визуальной модели структуры задачи как бы считывается способ ее решения [3, 9].

В реальном процессе подсказки вербализация включена в понимание (по Г.Ханту «ощущаемый смысл»), который осуществляется новой корой, реализующей межмодальную трансляцию (*образ - слово*), в момент видения [10, с.233]. Данный феномен по достоинству оценен М. Хайдеггером: «Скрытое единство видения и слышания определяет сущность мышления» [11]. Из этого следует, что видение принципа решения не формируется движениями по функциональным ступеням. Его обеспечивает наличие доминанты, в рамках которой проведен подготовительный этап анализа исходной задачи. Это осознает, противореча себе, и сам Пономарев: «в условиях творчества всегда необходимо стремиться к предварительному максимальному упрощению проблемы, к ее предельной схематизации» [4].

В итоге, сделав шаг вперед в раскрытии механизма инсайта, Пономарев в методологическом плане, включая этап интуиции, дает основание возвращения его интерпретации творчества в сферу бессознательного.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту // Творчество – от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: ИПРАН, 2011. С. 175-187.
2. Богоявленская Д.Б. Феномен Пуанкаре – современная интерпретация // Вопросы философии, 2017. № 12. С.103-109.
3. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. Самара.: ИД «Федоров», 2009. 416 с.
4. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Изд. политической литературы, 1967. 256 с.
5. Богоявленская Д.Б. Сознание и творчество // Психология сознания. Самара, 2015. С.17-21.
6. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.
7. Пономарев Я.А. Исследование творческого потенциала человека // Психологический журнал. 1991. Т.12. № 1. С. 3-12.
8. Тихомиров О.А. Психология мышления. М., 1984. 272 с.
9. Богоявленская Д.Б. Об эвристической функции модели проблемной ситуации // Проблемы эвристики. М.: Высшая школа, 1969. С.137-151.
10. Хант Г. О природе сознания. М., 2002. 492 с.
11. Хайдеггер М. Принципы разума. М. 1991.

«Креативность» в системе философского знания

Боровинская Д.Н.

*БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет», доцент,
кандидат философских наук.*

sweetharddk@mail.ru

Аннотация: В статье выявлены характерные черты категории «креативность» и определено её место в системе философского знания. Противопоставленность материального и духовного позволяет выявить суть содержания категории «креативность» с позиции исключительно результатов деятельности индивидов. Тогда как в структуре деятельной способности социальных индивидов «креативность» предполагает единство противоположностей: вещественного и духовного, тесно переплетающихся в реальных процессах социальной жизни. Природа креативности обусловлена спецификой механизмов рефлексии. Данная категория зависима от того, как воспринимается мир, от знаний идеальных образов в какой-либо области, которые формируются с помощью рефлексии. Именно сравнение идеального образа с реально существующими и реализуемыми в повседневной деятельности позволяет формировать новый, уникальный, соответствующий духу времени практический результат мышления.

Ключевые слова: креативность, сущностные признаки, противопоставление понятий, духовное, вещественное, идеальное, рефлексия.

«Creativity» in the system of philosophical knowledge .

Borovinskaya D.N.

Surgut State Pedagogical University

Abstract: The article identifies the characteristic features of the category «creativity» and determines its place in the system of philosophical knowledge. The juxtaposition of the material and the spiritual makes it possible to reveal the essence of the content of the category «creativity» from the standpoint of exclusively the results of individuals. Whereas in the structure of the active ability of social individuals, «creativity» implies a unity of opposites: material and spiritual, closely intertwined in the real processes of social life. The nature of creativity is determined by the specifics of reflection mechanisms. This category depends on how the world is perceived, on the knowledge of ideal images in any field that are formed with the help of reflection. It is precisely the comparison of the ideal image with the real ones that exist and are realized in everyday activities that allows us to create a new, unique, practical result of thinking that meets the spirit of the times.

Keywords: creativity, essential features, opposition of concepts, spiritual, material, ideal, reflection.

Современная наука представляет собой сложную динамическую систему знаний, формируемых на междисциплинарном уровне. Это развивающееся знание, которое имеет свои сложившиеся разделы - в зависимости от различных сфер жизнедеятельности человека, подверженных различным процессам дифференциации и интеграции.

Нынешнее время требует новых идей, новых концептуальных подходов. Однако за последнее время в мировой научной литературе не наблюдается сколь-нибудь серьезных фундаментальных новаций.

Разрешение существующих проблем, возникающих уже на понятийном уровне, в первую очередь предполагает серьезные усилия, предпринимаемые именно в философско-методологическом плане, а также возможности использования данных разработок на междисциплинарном уровне. Что, вне всяких сомнений, способствует эффективному поиску правильного ответа на один из главных вопросов современной философии: что есть креативное, какова его связь со структурой и содержанием мышления, ориентированного на создание значимых, а порой и просто жизненно необходимых

результатов активной деятельной способности социальных индивидов.

В научном сообществе сложились определённые традиции, связанные с пониманием категорий «творчество» и «креативность». В формулировке интересующего нас вопроса, определяющей общее противопоставление и соотнесение творчества и креативности, данные категории употребляются как синонимичные, хотя именно в работах отечественных авторов их содержание очень часто разводится и не является тождественным.

Как и многие другие философские категории, содержательно близкие друг другу, данные категории проблематично различить по их объёму. Различие между ними обнаруживается лишь в результате содержательного анализа, позволяющего установить несовпадение логических функций категорий «творчество» и «креативность» в многомерном поле смысловых связей философского знания. Близость, слитность их содержания в одних контекстах сменяется различием в других.

Равенство же объёмов позволяет утверждать: категория креативного может выступать логически необходимым предикатом «творческого». Так и наоборот.

Исходя из того, что любой творческий и креативный продукт является результатом деятельности человека, основанием для конкретизации данных понятий мы определим не отдельно взятые способности, процессы, условия, свойства продукта, что так часто анализируется в научной литературе, а противоречие, возникающее в структуре и содержании деятельности по созданию нового.

В свою очередь, определение творчества как креативного несёт особенно важный и глубокий смысл, ибо заостряя, одновременно концентрирует и развёртывает в одной теоретической плоскости все те компоненты содержания категории творчества, которые выражают её *логическую противопоставленность*. Согласно категории креативного, уточняется и целостно оформляется то «измерение» содержания категории творчества, которое образует эмпирический базис описания, упорядочения и понимания феноменов современного мира человека, взятых в их сущностных свойствах, и определяемых, как правило, экономической сферой жизнедеятельности человека. В своём содержании категория креативного выражает, помимо всего прочего, особый характер необходимой связи материальных феноменов с определёнными объектами духовной действительности.

С учётом существующего многообразия трактовок понятий творчество и креативность, а также при их соотнесении содержание первой категории обладает более широким и сложным диапазоном, чем содержание категории креативного. Последняя имеет меньше смысловых «измерений», ибо, согласно ряду отечественных исследований, она ориентирована главным образом на фиксацию специфики явлений творчества, проявляющихся через такие признаки, как полезность, прагматичность, утилитарность и др., на то, что служит основанием для их противопоставления духовной реальности.

Содержание же категории творчества этим не исчерпывается, ибо включает многообразие смысловых «измерений», фиксирующих его общность и с материальными, и с духовными процессами.

Одним из наиболее существенных аспектов в выявлении сущностных признаков креативности является процесс коммерциализации. Интенсивная коммерциализация мира искусства есть твёрдое свидетельство о влиянии на него экономического фактора. Например, креатив на заказ, курс графического дизайна для тех, кто хочет превратить хобби в доход. Здесь различие содержания категорий «творчество» и «креативность» прослеживается, если, например, использовать такие понятия, как выгода, коммерция, инновация, которые, как правило, обладают прикладным характером. Это позволяет выявить несовпадение логических функций означенных категорий.

Сегодня экономически выгодный, конкурентоспособный, инновационный продукт соотносится с креативностью. Здесь большинство исследователей сходятся во мнении, что подобный продукт возникает в результате практической - сознательной - деятельности, включающей чёткое понимание цели, задачи, результата.

При этом, если следовать отечественной традиции понимания творчества, нельзя сказать, что экономически выгодный продукт определяет содержание творчества. Между креативностью и коммерцией нет логического противопоставления, которое непременно возникает в отношении понятия «творчество». Это означает, что категория креативного обладает своими специфическими логическими функциями и, как будет сказано в последующих параграфах, особыми мировоззренческими, теоретико-методологическими функциями. Тесная связь, близость содержания данных категорий не меняет сути дела. Каждая категория раскрывает своё содержание лишь через посредство других категорий. Но это отнюдь не следствие того, что категория, продуцирующая определённый аспект содержания другой

категории, целиком поглощается ею. Отношения категорий «творчество» и «креативность» достаточно специфичны в силу их особой близости, которая, однако, вовсе не означает, что какая-то из них должна быть аннулирована. Скорее, наоборот, даёт основания для их выделения и более детального изучения каждой из них.

В целом в контексте русской традиции творчество рассматривается как «природный акт» наполненный эмоциональным содержанием.

Тогда как в западной философии творчество включает изобретательность, инновационность мышления, его способность решать задачи, возникающие в определённых ситуациях.

Более того в свете отдельных западных исследований специальным признаком рассматриваемых категорий выступает решение, основанное не столько на нравственности, сколько на экономической выгоде.

В сумме существующих точек зрения для зарубежных авторов характерно использование скорее синонимического подхода в отношении категорий «творчество» и «креативность».

Так или иначе, категория «креативного» согласно отечественной практике исследований становится незаменима в тех философских контекстах, где творчество, как духовное в свете русской традиции, противопоставляется вещественному в контексте западной традиции.

Противопоставленность материального и духовного позволяет выявить суть содержания категорий «творчество» и «креативность» с позиции исключительно результатов деятельности индивидов. Тогда как в структуре деятельной способности социальных индивидов обе категории: и «творчество», и «креативность» предполагают единство противоположностей: вещественного и духовного, тесно переплетающихся в реальных процессах социальной жизни, что затрудняет выявление специфических характеристик заявленных категорий.

В свою очередь, если креативное обладает прикладным характером и связано с практической деятельностью и как объективная реальность соотносится с материальным аспектом, то логическое противопоставление между материальным и духовным ставит под сомнение сам факт того, что оно включает *идеальное*. Придерживаясь материалистической точки зрения Д.И. Дубровского [1] на природу идеального как субъективной реальности, отметим, что в данном случае такое противопоставление вполне уместно, когда речь идёт о результатах. Однако на уровне деятельной способности социальных индивидов подобная антиномия невозможна. Ибо категория «креативность», как и категория «творчество» предполагает наличие идеального на уровне деятельной способности индивидов.

Таким образом, категория креативного логически соотносится с категорией творческого, тесно связана с ней и этим определяется её место в системе философского знания. И природа творчества и креативности, на наш взгляд, обусловлена спецификой механизмов рефлексии. Обе эти категории зависимы от того, как воспринимается мир, от знаний идеальных образов в какой-либо области, которые формируются с помощью рефлексии, так как лишь при соблюдении этого условия возможно достижение самосоотнесения сознания с другим сознанием, с предшествующим и будущим состоянием сознания и действия. Именно сравнение идеального образа с реально существующими и реализуемыми в повседневной деятельности позволяет формировать новый, уникальный, соответствующий духу времени практический результат мышления.

Как философские категории «творчество» и «креативность» схожи по объёму, но различны по содержанию, которое позволяет установить несовпадение логических функций заявленных категорий.

Литература:

1. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. 368 с.

Булычева Е.И.

*Нижегородская государственная консерватория им. М.И.Глинки,
профессор кафедры философии и эстетики, кандидат философских наук*

elena.i.bulycheva@gmail.com

Аннотация: Масштабы перемен, происходящих в мировоззренческих структурах XX века, столь значительны, что приводят к фундаментальным переменам в характере функционирования искусства и в его образно-символических структурах. В частности, культура XX века актуализирует миф, как особую систему взаимоотношений человека с миром, которая способна нейтрализовать противоречия, порожденные рационализмом эпохи Просвещения и последующего XIX века. Мифологизированная природа большого массива художественных проектов этого периода делает актуальной проблему их интерпретации. Для философов и теоретиков искусства все очевиднее становится, что многомерный материал художественного наследия двадцатого века в силу радикальности своих проявлений может быть более достоверно изучен в актуальном поле междисциплинарных исследований, в том числе, и благодаря аналитике мифопоэтических моделей, характерных для искусства XX века.

Ключевые слова: культура XX века, миф, мифопоэтическая модель, неомифология, скульптура

**Mythopoeitics of sculpture in the context of worldview searches of the 20th century.
Bulycheva E.I.**

Nizhni Novgorod State Conservatoire, Russia, professor of the Department of Aesthetics and Philosophy.

Abstract: The amount of changes taking place in worldview structures of the 20th century is so significant that it leads to fundamental changes in the functioning of art and in its figurative-symbolic structures. Particularly, the culture of the 20th century actualizes myth as a special system of relations between a human and the world, the system that is capable of neutralizing the contradictions generated by the rationalism of The Age of Enlightenment followed by the 19th century. The mythologized nature of large selection of art projects related to this period makes relevant the issue of their interpretation. It is beyond argument for philosophers and art theorists that multidimensional material of the 20th century artistic heritage, due to the radical nature of its manifestations, has a potential to be studied more significantly in a field of relevant interdisciplinary research, including the analysis of mythopoeitic models typical for the art of the 20th century.

Keywords: the culture of the 20th century, myth, mythopoeitic model, neo-mythology, sculpture

Культура двадцатого века оказалась в водовороте радикальных перемен, переживая болезненный процесс перестройки мировоззренческих структур. Сущность этих перемен состояла в том, что на место антропоцентрической системы ценностей Нового времени претендовало множество других – разнонаправленных и даже взаимоисключающих версий, в основе которых лежало стремление к иному базисному консенсусу «человека-общества-вселенной». Грандиозность происходящих изменений отражалась в затаенном их характере: проблемы, которые к началу двадцатого века обозначились, к началу века двадцать первого не только не утратили своей актуальности, но и приобрели особую остроту. Среди них: проблема соотносительности науки, ее открытий и новых технологий с традиционными формами культуры, проблема диффузии валоризованных и профанных ее пластов, проблема сосуществования и синтеза национальных и заимствованных форм культуры и др.

В поиски решения этих проблем оказывается вовлеченным и искусство. Масштабы перемен, происходящих в характере художественной культуры XX века столь значительны, что ставят культурфилософов и теоретиков искусства также перед необходимостью переосмысления ее аксиологических ориентиров и перед необходимостью серьезного обновления методологии ее

изучения. Все очевиднее становится, что многомерный материал художественного наследия двадцатого века в силу радикальности своих проявлений может быть более достоверно изучен в актуальном поле междисциплинарных исследований, в том числе, рассматривающих процесс формирования и функционирования механизмов репрезентации социума в искусстве в их соотносительности с определенными мировоззренческими структурами.

При этом, нельзя не отметить, что при всей разнонаправленности мировоззренческих поисков XX века, а, может быть, как раз в силу этой разнонаправленности, наличествует и устойчивое стремление к обретению целостности. Целостности, которая привела бы к гармонизации и разрешению столь разрозненных и, в то же время, столь актуальных проблем, о которых было сказано выше. Опыт формирования подобной целостности мировая культура знала, опыт этот сохранялся в мифологизме мышления. Культура XX века актуализирует миф, как особую систему взаимоотношений человека с миром, которая способна нейтрализовать противоречия, порожденные рационализмом эпохи Просвещения и последующего XIX века. В творческой и интеллектуальной среде все настойчивее вызревала уверенность, что благодаря мифу открывается возможность преодолеть дифференцированность отдельных сфер жизни общества и человека.

А это, в свою очередь, привело к активной мифологизации художественной практики, и формированию особой мифопоэтики XX века. Мифологизированная природа большого массива художественных проектов этого периода делает актуальной и проблему их интерпретации, которая не может быть исчерпана узкоспециальными рамками искусствоведения, в силу того, что корни их образных структур уходят в пласты вне художественных смысловых универсалий культуры. Об этом еще в 1924 году, приступая к философскому обоснованию необходимости изучения сущностной природы мифа, писал Э.Кассирер: «То, что обычно называют чувственным сознанием, набор «мира восприятия», который подразделяется далее на четко разделенные отдельные секторы восприятия, на чувственные «элементы» цвета, звука и т.д.: само это уже является продуктом абстракции, теоретического осмысления «данного». Прежде чем самосознание поднимется до этой абстракции, оно обитает в порождениях мифологического сознания — в мире не столько «вещей» и их «свойств», сколько мифических способностей и сил, демонов и божеств».[2, с.10]

Именно через коды мифологизма, рожденные в недрах социально-исторической памяти, искусство двадцатого века чаще всего осуществляет моделирование «желанно-предполагаемой» соотносительности природного мира (со свойственными ему законами бытия) и социума, который, существуя по своим законам, стремится преодолеть пропасть, разделяющую их. Но специфика культуры двадцатого века, как уже было сказано выше, состояла в том, что она переживала период поисков и становления, а это значит, что единой всеохватной мифологической модели бытия породить была не способна. В результате, двадцатый век демонстрирует нам целый спектр различных мифопоэтических моделей, подтверждая мысль Шеллинга о том, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию; мир этот находится в становлении, и современная поэту эпоха может открыть ему лишь часть этого мира...»[5, с.166] Именно тот факт, что мир открывается творческому сознанию фрагментарно, а сознание мифологическое стремится на этой основе сотворить целостность, и предопределяет уникальность созданных индивидуальных мифопоэтических моделей XX века.

Интересующий нас аспект проблемы существования и функционирования мифопоэтического начала в творчестве достаточно хорошо и детально разработан в литературоведении. Мифопоэтика интерпретируется в данной сфере как творческая система, «основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и обряда, в том числе и к созданию «неомифологических» текстов» [3].

Кроме того, в литературоведении мифопоэтика рассматривается также и как «метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели...» [3]. И хотя искусство и миф «обладают собственным конститутивным принципом, который накладывает на все виды формообразования свою особую печать», важен тот факт, что при этом возникает «многообразие отношений между формами, богатство и внутренние переплетения которых, тем не менее, доступны обозрению при точном анализе каждой формы в отдельности»[1, с.32]. Для понимания природы мифопоэтики скульптуры особенно актуален этот принцип «переплетения». Так как отдельно взятый миф или отдельно взятая мифологема для своего чувственного восприятия требует быть материализованной, а скульптура, в своем материально осуществленном бытии, требует

одухотворения, то именно в переплетении духовной сути мифологемы и телесности скульптуры рождается то, что можно назвать художественным образом, воплощающим глубинный смысл бытия и подтверждающим тезис Кассирера о том, что «едва ли существует область «объективного духа», не обнаруживающая этого слияния, этого конкретного единства, изначально образуемого с духом мифа». [2, с.9] Это пространство художественного образа существует по своим законам, которые определяют мифопоэтические основания творчества и которые как раз и могут быть обозначены термином «мифопоэтика». Конкретное содержание понятия «мифопоэтика» в отношении скульптуры включает в себя систему устойчивых элементов - мифологем, определяющих образно-символическую структуру произведения, их взаимосвязи с мировоззренческими структурами и закономерности их трансформации, а также специфику характерных пластических форм и атрибутов. Когда речь заходит о мифопоэтике скульптуры двадцатого века, то здесь мы, в силу выше означенной разнонаправленности мировоззренческих поисков, сталкиваемся с несколькими, достаточно серьезно различающимися вариантами.

Вариант первый. Прямое обращение к традиционным мифологическим сюжетам и образам. В такой версии мифопоэтики автор остается вне мифа, и мифологемы «не сохраняют прежнего, исконного, первобытного мифологического безусловного смысла, но приобретают характер метафоры, символа, то есть ... образ мифологического типа, мифологической структуры меняет свою функцию, приобретает другой, осознанно условный, метафорический смысл». [4, с.227] Другими словами, такой вариант можно рассматривать как продолжение традиции аллегорического использования образов и сюжетов античных мифов, характерных для классического искусства Нового времени. В контексте мифопоэтики скульптуры двадцатого века эти образы выполняют функцию риторических фигур. Такая стратегия характерна для творчества авторов, находящихся, как уже было сказано, на внешней позиции к используемому материалу. Для этого круга авторов чрезвычайно важна художественно-эстетическая составляющая мифа, которая позволяет отдать дань восхищения мастерству древних скульпторов, возможно даже состязаясь с ними. Мифологемы, к которым они обращаются, хорошо известны публике, но их восприятие часто носит поверхностный характер только на уровне внешнего узнавания. Этот вариант обращения к мифологическому материалу прошлого был отмечен и оценен еще Шеллингом: «...Если мифология снижается до использования ее, как, например, до использования древней мифологии в новом искусстве, то такое использование, именно потому, что оно есть не более как использование, становится не более как формализмом: мифология должна не подходить к телу как платью, но быть самим телом». [5, с.164] Однако следует признать, что выбор мифологем, к которым в данном случае обращаются скульпторы неслучаен, и отражает их ценностные ориентиры мировоззренческого характера.

Вариант второй. Обращение к древнейшим архаическим моделям в контексте мифа XX века о «золотом веке» прошлого. Здесь мы имеем дело с гораздо более сложным комплексом мифопоэтики. Постольку, поскольку автор создает индивидуальный миф, сопрягая в свободной комбинаторике условно дошедшие из глубины веков осколки имперсонального архаического мифа с элементами, рожденными его собственной фантазией. В основе такого варианта мифопоэтики лежит ощущение максимальной отчужденности автора от ценностных норм и ориентиров, характерных для современного ему социума. Мифопоэтика такого рода призвана продемонстрировать категорический отказ автора от доминантных устоев современного ему общества.

И, наконец, третий вариант. Мифопоэтика, сформировавшаяся на основе вновь рожденного мифа, имеющего тотальный надиндивидуальный характер. Автор, безусловно, находится «внутри» неомифа, исповедуя его как веру, поэтому у него нет потребности обращаться к мифологическим структурам прошлого. Он в своем творчестве воплощает неомифологемы, которые внешне не имеют аналогов в прошлом и отражают ценностные ориентиры общества, для которого новый миф – высшая форма реальности. Но при всей кажущейся отрешенности от «старого» мира «древние мифологические представления, сохраняющиеся в языке и поэтической образности как «архетипы», накладывают свой неизгладимый отпечаток на характер мифопоэтики такого типа и входят в ее состав, так сказать, «бессознательно». [4, с.227]

Литература:

1. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. - 272 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. - 280 с.

2002. - 280с.

3. Родина М.В. Поэтика и мифопоэтика: терминологические экспликации. //Миф и его поэтика в цикле К.С.Льюиса «Хроники Нарнии»: проблема художественной функциональности. 2015. https://texts.news/literaturovedenie_1041/poetika-mifopoetika-terminologicheskie-82325.html
4. Сухих С.И. Теоретическая поэтика А.А.Потебни. Н.Н.: изд-во «КиТиздат», 2001. – 288 с.
5. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: изд-во «Мысль», 1999. – 608с.

Основания творческой деятельности в контексте концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке

Гаврилова Ю.В.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры психологии, кандидат философских наук

julia.voitsuk@yandex.ru

Аннотация: в статье предлагается один из возможных вариантов исследования процесса генезиса творческой деятельности, основанный на концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Учитывая, что социальные системы формируются на основании естественных предпосылок, которые в снятом виде включаются в содержание социальных систем, частично формируя их социально-естественную сущность, автор приходит к выводу, что творческая деятельность как социальный феномен возникает посредством функционирования ряда факторов естественного и социального характера. Такого рода факторы представляют основания творческой деятельности. Структура естественных и социальных факторов отличается сложностью, многогранностью, структурные компоненты факторов составляют диалектическое единство. Наиболее полную роль системы естественных и социальных оснований творческой деятельности проявляется во взаимодействии и взаимовлиянии социального с внешним естественным и с внутренним естественным.

Ключевые слова: творчество, социальное, естественное, механизмы, факторы, основания.

The foundations of creative activity in the context of the concept of the relationship between natural and social in society and human.

Gavrilova Yu. V.

Psychology Department, Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: The article proposes one of the possible options for studying the process of the genesis of creative activity, based on the concept of the relationship between natural and social in society and man. Given that social is based on a system of natural premises, includes them in its content, partially removing their natural essence, the author comes to the conclusion that the basis of creative activity as a social phenomenon is a system of factors of a natural and social nature. The structure of these factors is complex, their components are in dialectical unity; factors cannot function in isolation from each other. The role of the system of natural and social foundations of creative activity is most fully manifested in the interaction and mutual influence of the social with the external natural and with the internal natural.

Key words: creativity, social, natural, mechanisms, factors, foundations.

Современный этап развития общества представлен ускоряющимися трансформационными процессами, охватившими все сферы бытия. Стремительно меняющийся мир, в многогранности своего развития, характеризуется сложностью, подчас не прогнозируемостью развития, а, следовательно, не подконтрольностью возникающих и протекающих в нем процессов. Такая социальная реальность требует от человека возможности и умения не просто реагировать на череду непредсказуемых событий, перестраивать собственное духовное и материальное бытие, но, прежде всего, дополнять, корректировать, креационировать социальные практики и социальный мир в целом. В то же время, тотальная «цифровизация жизни», господство глобальных информационных потоков на фоне устоявшегося клипового мышления, формируют созидательную пассивность индивидов, приводят к опасной ситуации утраты человеком творческого начала в условиях, при которых «цифровое творение» начинает занимать место творца. Возникает опасность деления общества на два слоя: слой творческой элиты, обеспечивающий инновационное развитие социума и слой, так называемых «всех остальных», лишенных желания и способности креационировать. Уже в современных условиях «творческая

элита» способна не только адаптироваться к перманентно изменяющимся условиям, но и создавать их, контролировать, регулировать. То, на что указывал в своих исследованиях А. Тойнби, становится реальностью в современном мире [1]. Потребность современного общества в понимании творчества, в формировании креативной личности, развитии творческих способностей делает исследование проблемы оснований творчества не только актуальным, но и необходимым.

Исследователи традиционно трактуют творчество как социальный феномен, как зарождающийся и функционирующий исключительно в социуме, присущий сознательной и бессознательной деятельности человека процесс и одновременно продукт данного процесса. Такое понимание творчества прослеживается в работах отечественных и зарубежных исследователей XIX – начала XX веков [2, 3, 4, 5]. Причем ученые указывают на отсутствие целостной научной теории творчества. К этому следует добавить методологическую путаницу в исследованиях творческой деятельности человека, наличие множества определений понятия «творчество», неупорядоченность концептуальных положений и идей. Поэтому, перед учеными стоит задача, не только разработки целостной научной теории творчества, но и привнесение в систему знаний о творчестве новых идей, новых теоретико-методологических принципов и подходов.

Одним из методологических принципов, позволяющих взглянуть на основания творческой деятельности в новом научно-исследовательском преломлении, существенно дополнить, имеющиеся в науке на сегодняшний день концептуальные разработки теории творчества, выступает принцип взаимодействия внутреннего естественного и внешнего естественного с социальным, являющимся базовым методологическим принципом концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Рассмотрение генезиса творческой деятельности в контексте данной концепции позволит сформировать новый философский взгляд на природу творчества, механизмы его возникновения и функционирования, позволит объяснить природу творческих способностей личности, природно-социальную сущность актов творческой деятельности.

Концепция соотношения естественного и социального в обществе и человеке разрабатывает проблемы взаимодействия природы и общества. Данная концепция опирается на понимание того, что общество вышло из природы, порождается ею, природа и общество находятся в состоянии тесного перманентного взаимодействия. Концепция соотношения естественного и социального в обществе и человеке указывает на возможность и даже необходимость сохранения (в снятом виде) природной сущности в социальной реальности. Это интересный взгляд на проблемы генезиса и эволюции творческой деятельности как социального феномена.

Основополагающий методологический принцип концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке – принцип взаимодействия внешнего естественного и внутреннего естественного с социальным – был предложен в качестве методологического основания исследования социальных феноменов Н.Д. Субботиной [6, 7]. Применение данного методологического принципа выявило его продуктивность. На основании данного методологического принципа выявлены и исследованы естественные и социальные факторы формирования и функционирования религиозного сознания, выявлены естественно-социальные механизмы суггестии и контрсуггестии, раскрыто соотношение естественной и социальной сущности феномена гуманности, проанализированы сущность социальной эволюции и социального поведения человека, феномен праздника и др. Как показали данные исследования, в социальной сущности феноменов скрыты, находящиеся в снятом виде, в подчиненном социальном состоянии, естественные компоненты. В основании социальных феноменов находится система предпосылок естественного характера.

Рассмотрение оснований творческой деятельности в контексте концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке позволит сформировать целостный взгляд на феномен творчества, вскрыть систему естественных и социальных механизмов его формирования, функционирования, проследить особенности проявления творчества в различные периоды общественного развития.

Анализ закономерностей развития социума показывает, что социальное во многом возникает из естественных предпосылок, строится на них, включает естественные компоненты в свою структуру, частично снимая их естественное содержание. Поэтому, есть основания полагать, что социальные феномены формируются под влиянием факторов социального и естественного характера, а также их соотношения. Необходимо отметить, что рассматривать естественные факторы творческой деятельности в отрыве от социальных факторов не представляется возможным. Природные основания

обладали большей силой воздействия на общество исключительно в доцивилизационный период, когда человек жил в природе, сосуществовал с ней, подчиняясь ее закономерностям. С развитием социума воздействие естественных оснований становилось все слабее, однако полностью не утратило своего влияния до сих пор.

Согласно основным положениям концепции соотношения естественного и социального в обществе и человеке, под естественным понимается природное, то есть относящееся к природным системам и выраженное в их свойствах и закономерностях. Социальное характеризует материально-идеальные общественные системы: то, что принадлежит обществу и порождается им [6]. Естественное делится на внешнее естественное и внутреннее естественное. Внешнее естественное – это не подвергшаяся антропо- и социогенному воздействию среда существования индивидов: растительный и животный мир, климатические особенности, звуки природы, ландшафт и др. Как в первобытном обществе, так и сейчас внешнее естественное является материалом формирования творчества. Стремление «ощущать» окружающую природную среду, созерцать реки, леса, поля, воплощая их сущность в актах творения, создавая по их образцу собственное мироустройство, перенося их в живопись, поэзию, музыку объясняет действие внешнего естественного как важнейшего основания творчества. Однако внешнее естественное само по себе не может служить основанием творчества. В процесс генезиса творческой деятельности неизбежно вмешивается внутреннее естественное, под которым понимается «организм человека, его естественные потребности, психические закономерности, закономерности естественно-групповых отношений, естественные способы регуляции индивидуального поведения, естественные половозрастные отношения» [6, с. 83]. Так, например, биопсихические основания творчества заключаются в их опосредованной роли через человеческое сознание, представляющее собой социальный феномен, детерминированный как законами природы, так и законами общественных отношений. Творчество невозможно без наличия сознания, а сознание невозможно без закономерностей функционирования психики индивидов. В этом кроется социально-естественный механизм формирования творческой деятельности. Социальное содержание сознания и психики человека заключено в естественную форму – сеть биопсихических закономерностей. Естественные механизмы, входящие в состав психики, подвержены влиянию внешнего естественного и социального, что во многом определяет возможность и способность творить. Итак, совместная, синхронная активность внешнего и внутреннего естественного формирует социальное – творческую деятельность индивида и общества.

К внутренним естественным основаниям творческой деятельности следует относить эмоциональные «потрясения», импринтинг, страх, эмпатию, конформизм и т. д. [7]. Каждый из вышеназванных факторов генезиса творческой активности требует особого рассмотрения и представляет интерес для исследования творчества, как первобытного человека, так и творчества людей современной цифровой эпохи. Основания творчества многообразны, но именно исследование системы естественных и социальных факторов, находящихся в диалектическом единстве открывает новые грани генезиса творческого процесса.

Литература:

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция, М.: «Канон-пресс»; «Кучково поле». 1998 г. 260 с.
3. Капица П. Л. О творческом непослушании // Наука и жизнь. 1987 № 2 С. 80–83.
4. Николко В. Н. Творчество как новационный процесс (философско-онтологический анализ). Симферополь: Таврия, 1990. 142 с.
5. Смирнов И. П. Бытие и творчество. (Приложение к альманаху «Канун»). СПб.: Фонд «Сервантес», 1996 Вып. 1 С. 94.
6. Субботина Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. – М.: Прометей, 2001. 193 с.
7. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 432 с.

Творчество как причина истории

Герасимов Г.И.

Тулеский государственный музей оружия, научный консультант. Доктор исторических наук

Аннотация: В статье с позиций идеалистического подхода творчество рассматривается как причина и главная движущая сила истории, определяемой как непрерывный процесс изменений, вносимых человеком в ход жизни общества. В основе этих изменений лежат исторические действия, исток и содержание которых лежит в идеях, создаваемых индивидуальным человеческим сознанием. Творчество рассматривается как процесс, начинающийся с создания идеи, реализуемой человеком в объективном мире и создающий в нем изменения, являющиеся причиной истории. В зависимости от мировоззрения люди творят в различных сферах с разной эффективностью, однако ни в одном творчество не является главной ценностью, поэтому человечество не достигло своего творческого расцвета. Это может произойти в том случае, если творчество станет главной ценностью общества. Социум, построенный на творческом мировоззрении, по мнению автора, будет самым динамично и эффективно развивающимся обществом в человеческой истории.

Ключевые слова: творчество, идеалистический подход, творческое мировоззрение, причина истории, идеи, ценности.

Creativity as a cause of history.

Gerasimov G.I.

Tula State Museum of Weapons, scientific consultant

Abstract: *In the article, creativity is considered as the cause and main driving force of history, also creativity defined as a continuous process of changes made by a person in the course of society and creativity described from the standpoint of an idealistic approach. These changes are based on historical actions, the source and content of which lies in the ideas created by the individual human consciousness. Creativity is seen as a process starting with the creation of an idea and implemented by a person in the objective world and creating changes in it that are the cause of history. People create in various fields with different efficiencies, depending on their worldview, but creativity is not the main value in any of them, therefore, humanity has not reached its creative peak. This can happen if creativity becomes the main value of society. According to the author a society build an creative worldview will be the most dynamically and effectively in developing society in human history.*

Key words: creativity, idealistic approach, creative worldview, cause of history, ideas, values.

Ключевые слова:

История. История рассматривается в данных тезисах как «развертывающийся во времени процесс работы человеческого разума, выражающийся в создании идей, направляющих деятельность человека на изменение самого человека, а также окружающей его культурной, социальной и материальной среды» [1, с. 8]. В основе этих изменений лежит деятельность человека, никакие благоприятные или, наоборот, неблагоприятные внешние условия не создают истории. Историческое действие, прерывающее привычное течение жизни, начинается с создания идеи в индивидуальном человеческом сознании. В этой идее исток и начало любого изменения как во внешнем для человека мире, так и в его собственном сознании. «Идея – это мысль, объясняющая устройство некоторой части объективного мира и дающая проект его преобразования, содержащая в себе нечто новое, еще не бывшее. С этой точки зрения идея – акт творения» [1, с. 11]. Идея всегда предшествует историческому действию и без нее оно невозможно, поэтому можно утверждать, что именно идея является главным элементом такого действия, поскольку она является его причиной и составляет содержание и сущность.

Творчество. Творчество с позиций разрабатываемого автором идеалистического подхода [2] –

создание новой идеи о формировании нового, не бывшего в мире. В своих истоках творчество всегда идеально, поскольку начинается с идеи в сознании человека и без неё оно невозможно. Механизм идейного творчества неясен [3], но каждый может его наблюдать в своем собственном сознании, когда создает что-либо новое в быту, на работе, в науке, искусстве. Творчество лежит в основе истории. Историю создает человек, создавая новые идеи в своем сознании и преобразуя в соответствии с ними материальный мир вокруг себя и создавая новые виды реальности, например, виртуальную. С помощью идей созданы все научно-технические, культурные, социальные и другие инновации.

Мировоззрение. Идея не может возникнуть в пустом сознании. Любое сознание всегда содержит набор идей, усвоенных человеком в процессе воспитания, обучения, деятельности. Воспринимаемый человеком мир хаотичен, порядок в него привносит сознание. Это становится возможным благодаря тому, что идеи, составляющие содержание сознания, представляют собой систему – мировоззрение, подчиненную одной или нескольким главным идеям [4, с. 161]. Мировоззрение формирует позицию, с которой внешний мир предстает в связном и понятном для человека виде. При смене мировоззрения соответственно меняется и картина мира, примером может служить переход от религиозного православного сознания к секулярному рационалистическому в первые годы советской власти.

Мировоззрение и творчество. Главные мировоззренческие идеи определяют цели, сферы и направленность творчества. В религиозном мировоззрении главные творческие процессы будут проходить с духовной области, внешний материальный мир неинтересен религиозному человеку, и это, к примеру, обусловило отсутствие интереса к науке в средневековой России. Материалистическое, рационалистическое мировоззрение лежит в основе современной науки, обеспечившей наибольшие достижения в материальной сфере, но безразличной к духовному постижению мира. Об этом свидетельствует пример современной Западной либеральной цивилизации.

Эффективность творчества в различных мировоззренческих парадигмах. Поскольку люди, придерживающиеся различных мировоззренческих взглядов, имеют различные ценности, то сравнивать их эффективность не представляется возможным, поскольку нынешний колоссальный материальный научно-технический прогресс, обусловленный материалистическим научным мировоззрением, с православных позиций не только не является достижением, но есть предвестник наступления «последних времён», вследствие своей бездуховности. С православных позиций ни материальное благополучие, ни здоровье, ни продолжительность жизни не являются значимыми критериями. Истинная цель христианина – спасти свою душу и соединиться с Богом. С научных позиций – это ложная цель. Эффективность творчества может оцениваться только в рамках и с позиций определенного мировоззрения, поскольку с точки зрения любого иного мировоззрения оно будет и ложным, и неэффективным, а давать оценки вне определенного мировоззрения невозможно.

В современном мире господствующим является *рационалистическое научное либеральное мировоззрение*. Оно создало самую мощную в Новейшей истории цивилизацию – Западную, которая стала наиболее сильной в военно-техническом отношении и самой привлекательной с точки зрения образа жизни. По пути Запада вынуждены идти многие страны и народы: кто-то из боязни порабощения начал осваивать западные мировоззренческие идеи и создавать на их основе новую военно-техническую, социальную, культурно-бытовую реальность; кому-то западные ценности навязываются силой.

Эволюция российского мировоззрения. В российском обществе за 1000 лет его существования последовательно сменилось четыре мировоззренческие системы: языческая мифологическая, православная, коммунистическая, либеральная. Сегодня наше общество пытается отказаться от либерального западного мировоззрения и выработать собственное государственно-патриотическое на основе неясно сформулированных «духовных скреп». Существующая в России аморфная мировоззренческая ситуация не способствует творчеству, поскольку отсутствуют ясно выраженные главные мировоззренческие ценности, которые нацеливали бы людей на создание нового в материальной или духовной сфере.

О возможности творческого мировоззрения. Ни в одной из существующих мировоззренческих

систем творчество не является главной ценностью. Наиболее благоприятные условия для творчества в материально-объективной области создает западное либеральное мировоззрение. Высокодуховные религиозные мировоззрения, пытающиеся идейно ему противостоять, проигрывают в военно-техническом отношении и вынуждены отступать. Однако либеральное мировоззрение потенциально не является самым творческим, поскольку творчество в нем не является главной ценностью. В западном обществе существует как свобода творить, которая стимулирует творчество, так и свобода не творить [5, с. 71]. Положение творца в нем хоть и высоко, но не является самым высоким. Поскольку главной ценностью являются материальные, то оказывается, что творчество, оцениваемое в деньгах, не самый прибыльный вид деятельности. Это означает, что может существовать более творческое общество, которое своей главной ценностью поставит идею творчества.

Творческое мировоззрение. Творческим можно считать такое мировоззрение, в котором главной целью и ценностью станет творчество. Объектом творчества станут все сферы – и материальная, и духовная, поскольку идеи лежат в основе постижения и изменения как объективного, так и идеального мира. В отличие от современного научного мировоззрения, сосредоточенного на внешнем объективном мире, творческое мировоззрение будет сосредоточено на мире идей, который и является источником творчества. Ценность созидания нового приведет к тому, что изменения станут нормой, а стабильность будет рассматриваться как отклонение, которое необходимо устранить. Как и всякая мировоззренческая система, творческая выработает свой способ и логику мышления, свою этику, и они будут существенно отличаться от ныне существующих. Целеполаганием творческого общества станет непрерывное изменение. Прошлое перестанет играть ту важную роль, которую оно играет в современном обществе, поскольку в прошлом нет нового, то человек-творец сосредоточится на будущем, которое он будет создавать в идеальном мире собственного сознания и реализовывать непрерывно расширяющимся арсеналом средств воплощения идей в реальном мире [5, с. 73–74].

Творческое общество. Представить себе во всех деталях общество, основанное на творчестве, невозможно, поскольку мир меняется под влиянием тех идей, которых сегодня еще нет. С некоторой долей вероятности можно предположить, что это будет общество, где высшей ценностью станет создание нового, а человек-творец – главным кумиром, героем и образцом для подражания. Новое, необычное, станет главной целью людей. На пути творчества будут сниматься все возможные препятствия, которые сегодня являются ценностью – традиции, нормы, истина, авторитет. Идеи будут оцениваться не по своей материальной эффективности, а новизне. Жизнь предстанет непрерывным инновационным процессом. Вновь созданное будет хорошим, но уже устаревшим, новым и желанным будет являться то, что существует еще только в идее.

Об этике творческого общества. Неясна, но чрезвычайно важна, этика подобного общества, поскольку это та, наверное, единственная область, в которой невозможен абсолютный релятивизм. Человеку в непрерывно меняющемся материальном, культурном и социальном мире потребуются опора, и ею должны стать этические нормы. Творческое общество бесконечного нравственного релятивизма способно породить монстров невообразимой силы и мощи и сдержать их сможет только нравственный человек. Хорош или плох будет этот новый мир целиком и полностью зависит от людей, его создающих.

Литература:

1. Герасимов Г.И. Мировоззренческие основы истории России (середина XIX – начало XX вв.). Тула: Третий путь, 2019. – 528 с. С.8.
2. Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории // Исторический журнал: научные исследования. — 2017. - № 5. - С.21-36.
3. Семенов С.Н. Творческий акт: сущность, логика и психология (зарубежные и отечественные подходы) //Философия творчества. Ежегодник. М.,2018. Вып. 4, 2018: М.: ИИнтелЛЛ, 2018. С.113–139.
4. Герасимов Г.И. История и мировоззрение //Социально-политические науки. 2017. № 4. С.161.
5. Герасимов Г.И. Творчество как альтернатива либеральному пути //Философские науки. 2017. №10. С. 71.

Любовь и творчество (А. К. Толстой)

Горелов А.А.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

Gorelovata@mail.ru

Аннотация: Любовь и творчество – два чуда, в атмосфере которых могут жить все люди. Любовь во многом аналогична творчеству, и поэтому становится возможной ее сублимация в творчество. Как любовь, так и творчество – продуктивная деятельность, но творчество – это продуктивная деятельность по созданию социально-значимого нового, а любовь продуцирует новые человеческие отношения и поколения людей. Механизм возникновения и развития любви аналогичен механизму творческого процесса. Меняется в процессе сублимации формальная его сторона, но содержание процесса остается тем же самым. В данной работе используется сравнительный метод для анализа любви и творчества на примере жизни и поэзии гениального русского писателя А. К. Толстого. Обращение к его стихотворениям и одновременно к его письмам позволяет обнаружить корреляцию между творчеством и любовью поэта. Алексей Константинович описывает основные этапы своей любви-страсти и любви-дружбы к Софье Андреевне. Последовательный переход от одной стадии к другой позволяет пронести одну любовь через всю жизнь и отразить ее в поэтическом творчестве.

Ключевые слова: А. К. Толстой, любовь, творчество, страсть, дружба, аналогия.

Love and Creativity (A. K. Tolstoy). Gorelov A.A.

Institute of Philosophy RAS, main scientific researcher

Abstract: Love and creativity are two miracles in which all people can live. Love is in many ways analogous to creativity, and therefore its sublimation into creativity becomes possible. Both love and creativity are productive activities, but creativity is a productive activity for creating socially significant new things, and love produces new human relationships and generations of people. The mechanism of the origin and development of love is similar to the mechanism of the creative process. The formal aspect of the process of sublimation changes, but the content of the process remains the same. This paper uses a comparative method for analyzing love and creativity on the example of the life and poetry of the brilliant Russian writer A. K. Tolstoy. Referring to his poems and at the same time to his letters allows us to find a correlation between the work and love of the poet. Alexey Konstantinovich describes the main stages of his love-passion and love-friendship for Sophia Andreyevna. The successive transition from one stage to another allows you to carry one love through life and reflect it in poetic creativity.

Keywords: A. K. Tolstoy, love, creativity, passion, friendship, analogy.

А. К. Толстому принадлежит одно из самых известных стихотворений в русской и мировой поэзии, которое положено на музыку и стало знаменитым романсом:

«Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты».

Алексей Константинович познакомился с Софьей Андреевной на бал-маскараде в Большом театре в 1851 г. Толстому было 34 года, Софье Андреевне – 25. Кончается стихотворение словами:

«Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!»

Это предположение вскоре оправдалось, и той же осенью Алексей Константинович писал будущей жене: «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя Соня». А вот как это выразилось в стихах:

«Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью своею я жил и слезами твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекал я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий;
Дороги мне твои слезы и дорого каждое слово!»

Повесть Софьи Андреевны состояла в том, что в ранней молодости она полюбила человека, который бросил ее. Ее брат дрался с соблазнителем на дуэли и был убит. Родители обвиняли в случившемся свою дочь, и она, спасаясь от обвинений, вышла замуж за нелюбимого человека, с которым вскоре разошлась. Это и была ее тайна.

Еще будучи 15-летним мальчиком Алексей Константинович писал в своих детских стихах: «Я верю в чистую любовь / И в душ соединенье, / И мысли все, и жизнь, и кровь / И каждой жилки биенье / Отдам я с радостью той / Которой образ милый / Меня любовью святой / Исполнит до могилы» [1, с. 329]. Можно подумать, что это наивные грезы мальчика, к которым нельзя относиться серьезно. Но на самом деле Толстой пронес эти мысли через всю свою жизнь. «Образ милый» - это идеализация как основа любви, о которой вскоре Толстой напишет:

«Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихорь страсть ворвалась нежданно
С налета смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный».

Страсть поднимается у Алексея Константиновича до высот божественной любви, и он пишет, что полюбил ее «самой святой любовью, достойной продолжения после смерти» [1, с. 325].

«Меня во мраке и в пыли / Доешь влачившего окопы, / Любви крылья вознесли / В отчизну пламени и слова. / И просветлел мой темный взор, / И стал мне виден мир незримый, / И слышит ухо с этих пор, / Что для других неуловимо. / И с горней выси я сошел, / Проникнув весь ее лучами, / И на волнующийся дол / Взираю новыми очами <...> / И всюду звук, и всюду свет, / И всем мирам одно начало, / И ничего в природе нет, / Что бы любовью не дышало».

Но не все так безоблачно, и Толстой уже через несколько лет уподобляет жизнь и любовь морю:
«Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...
О, друг ты мой бедный, боюсь, со мной
Не быть тебе долго счастливой:
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы!»

Это написано в 1856 г. На смену идеализации может придти дискредитация и создание «образа врага», - человека ли, народа и т. п. О. Бальзак в своем первом знаменитом произведении «Тридцатилетняя женщина», которое, наряду с другими, вошло в цикл «Человеческая комедия», показывает как полюбившая в раннем возрасте и вышедшая замуж девушка через несколько лет разочаровывается в своем муже и начинает ненавидеть не только его, но и родившуюся от него дочь, и переносит свою привязанность на любовника, а после расставания с ним на родившихся от него детей. Подросткая любимица-дочь влюбляется в сына ее бывшего любовника, и мать хочет предупредить ее от опасности инцеста, но дочь обвиняет мать в том, что она придумала все это, чтобы разлучить ее с любимым. В итоге несчастная мать умирает от несправедливых обвинений дочери. Читая «Тридцатилетнюю женщину», можно подумать: «А что же здесь комедийного? Это же все ужасно». Действительно, по мере

разворачивания действия становится все жутче и страшнее. Но потом усиливавшееся нагромождение негатива начинает уже смешить и можно согласиться, что все это заслуживает название «человеческой комедии». «Стать чужими – вот расплата / За блаженство в теле слитом / Сердце с сердцем соединить», - писал В. Я. Брюсов [1, с. 537].

Толстой предчувствует опасности, кроющиеся в развитии эротической любви, и пытается понять причины, из-за которых идеализации переходит в дискредитацию партнера.

«Когда кругом безмолвен лес дремучий / И вечер тих;
Когда невольный просится певучий / Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест ивы / Иль шум дерев;
Когда кипит во мне нетерпеливо / Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою / Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною / Надежный луч;
Средь суеты мирского развлеченья, / Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненье / Тебя зовет».

Толстой открывает опасности эротической любви в ее раздробленности.

«Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты так мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкою как море,
Вместить не могут жизни берега.
Когда Глагола творческая сила
Толпы миров возвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.
И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.
И любим мы любовью раздробленной,
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольём».

Такие стихи рождаются в минуты слабости и отчаяния. Но им на смену приходят другие сроки:

«Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга –
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкою как море,
Что не вместят земные берега».

Тогда и там будет совершенная любовь. В конечном счете Толстой верит, что можно сохранить навсегда образ милый и незабвенный, и эта вера помогает ему жить дальше.

«О, не пытайся дух унять тревожный,
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,

Она болит и рвется на простор.
Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет,
В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад».

Образ любви как моря продолжает возникать в творчестве поэта, но уже в позитивном контексте:

«Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя,
Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издали к любимым берегам».

Алексей Константинович призывает поверить в это свою жену. Он видит природу идеализации в луче жизни:

«Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь –
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;
Ты не его в нем видишь совершенства
И не собой тебя привлечь он мог –
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;
То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет».

Страсть и эротическая любовь проходят, а что остается? Вот как описывает поэт любовь после страсти:

«Минула страсть, и пыл ее тревожный
Уже мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невозможно,
Все, что не ты, - так суетно и ложно,
Все, что не ты, - бесцветно и мертво.
Без повода и права негодуя,
Уж не кипит бунтующая кровь.
Но с пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.
Так от высот нахмуренной природы,

С нависших скал сорвавшийся поток
Из царства туч, грозы и непогоды
В простор степей выносит те же воды
И вдаль течет спокоен и глубок».

Так, в 1858 г. пишет Толстой. Любовь остается та же, но в ином виде, который требует новых чувств и слов. Осень жизни, в аналогии с любовью, становится временем любви-дружбы.

«С тех пор, как я один, с тех пор, как ты далеко,
В тревожном полусне, когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственной духовная твоя.
Сестра моей души? С улыбкою участия
Твой тихий кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне.
О если б в этот час ты так же им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной?
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой».

Поэт призывает жену перейти к новому этапу – любви-дружбы и пишет ей в письме: «Это не новость, это в порядке вещей, что такое восторженное возбуждение проходит: так оно есть, и так должно быть <...> Цветок исчезает, но остается плод, остается растение <...> встретим лицом к лицу кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки, и благословим Бога за то, что он посылает ее нам [1, с. 326-327]. В результате идеализация оставалась и продолжалась в течение всей жизни поэта. «Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, все – лишь свет и счастье», - писал он спустя 20 лет после знакомства своей жене [1, с. 328]. Алексей Константинович пишет, что «полюбил ее на всю жизнь самой светлой любовью, достойной продолжения после смерти» [1, с. 325].

Последнее почти столь же знаменитое стихотворение Толстого, как и первое, созданное им за несколько лет перед смертью и тоже ставшее романсом «То было раннею весной»:

«То было раннею весной, / В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной / Ты очи опустила.
Так на любовь мою в ответ / Ты опустила вежды –
О жизнь! О лес! О солнца свет! / О юность! О надежды!»

Любовь длилась более двадцати лет. Последние годы Алексей Константинович болел (астма, подагра, головные боли, нервное расстройство). Умер он во сне в возрасте 58 лет. Эпизоды его биографии стали фактами искусства. Можно сказать, что концепция любви вечной, совершенной, божественной, возникшая еще в Античности, воссоздана у А. К. Толстого в практике его жизни и творчества.

Литература:

1. Я помню чудное мгновенье. Из русской любовной лирики. М.: Правда, 1987. 560 с.

Три служебных здания по соседству – три концепции творчества, три представления о мире, обществе, человеке.

Гурари Марк Натанович

Совет Союза московских архитекторов по градостроительному развитию и сохранению исторической среды, зампрединистора Совета. Академик ААН (Академия архитектурного наследия)

losin3@yandex.ru

Аннотация: Московские здания Центросоюза (арх. Корбюзье) (30-е гг. XX в) и Наркомзема (арх. А.Щусев) близ Красных ворот объединены стилистикой конструктивизма, но выражают разные представления. В постройке Корбюзье сочетаются высокое мастерство и бездушие, аскетизм и вневременная завершенность. У Щусева - оптимизм созидателей нового строя, устремленность в будущее, свободный по-московски выбор архитектурных решений, в чем-то незавершенных, открытых к дальнейшему преобразованию. В облике здания Минтрансстроя (арх. А.Душкин 50-е гг.) – идея патриотического единения, без рационализма Корбюзье, но с утратой демократического духа постройки Щусева. Высотные здания этого периода составили коллективный монумент Победы. В трех произведениях больших мастеров - разные концепции творчества, разные миропредставления.

Ключевые слова: Служебные здания, Москва, архитектура, мастера, творческие концепции

Three office buildings in the neighborhood - three concepts of creativity, three ideas about the world, society, people. *Gurari Mark Natanovich*

Council of the Union of Moscow Architectson urban development and preservation of the historical environment - Deputy Chairperson. Academician AAN (Academy of Architectural Heritage)

Abstract: The Moscow buildings of the Central Union (architect Corbusier) (30s of the 20th century) and the People's Commissariat of Justice (architect A. Shchusev near the Red Gate are united by the constructivism style, but express different ideas. The construction of Corbusier combines high skill and soullessness, asceticism and timeless completeness. Shchusev has optimism of the creators of the new system, aspiration for the future, a free choice in Moscow of architectural solutions, in some ways incomplete, open to further transformation. The building of the Ministry of Transport Construction (architect A. Dushkin of the 1950s) has the idea of patriotic unity, without Corbusier's rationalism, but with the loss of the democratic spirit of Schusev's construction. Tall buildings of this period made up the collective Victory Monument. Three works by great masters contain different concepts of creativity, different worldviews.

Key words: Service buildings, Moscow, architecture, craftsmen, creative concepts

В 1928 году в Москве близ Красных ворот началось проектирование и строительство служебных зданий Наркомзема (на Садовой-Спасской ул., руководитель. арх. А.Щусев) и Центросоюза (на Мясницкой ул., арх. Ле Корбюзье). Архитектуру этих офисов относят к стилистике конструктивизма, еще главенствовавшего тогда в мировом зодчестве: железобетонный каркас, свободная композиция фасадов, ленточные окна, свободная планировка, выход на плоскую крышу и др. Но, несмотря на одинаковый набор архитектурных приемов, здания вызывают весьма разные представления о человеке, о мире.

В постройке Корбюзье - новаторское решение фасадов, рациональный план с четким разделением потоков, пропорциональность всех частей постройки, новейшие технологические системы. На фасадах предусматривались ленточные окна, но по приезде в Москву Корбюзье ознакомился с проектным вариантом Ивана Леонидова, где предлагалось сплошное остекление, и заменил ленточные окна на навесную стеклянную стену-экран. Москвичей поразило невиданное доселе гигантское зеркало, отражавшее небо, облака, солнце, ночью звезды и луну. Взаимодействие мастеров оказалось плодотворным.

В первой своей крупной постройке Корбюзье воплощает собственный идеал современного города, где главное – обогнать всех конкурентов в деловой гонке. «Чтобы выиграть... орудовать делами, ...нужно двигаться как можно быстрее. Выигрывает город, хорошо оборудованный».[1с.145] Острота его глобалистских планов, созвучных новому веку, способствовала коренному преобразению многих городов. Иосиф Бродский заметил:

*«У Корбюзье то общее с люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши».* [2]

Возможно, истоки его творчества – в семейном воспитании, обучении профессии часовщика-эмальера, в общем духе и облике родного швейцарского городка с кальвинистским храмом. Механичность, аскетизм, вневременной характер архитектуры Корбюзье, действительно близкой кальвинистским представлениям, отметили многие: «...однообразный дом...люди должны работать напряженно, безрадостно...».[3, с.7] **«Корбюзье ...хочет строить красиво, дешево, удобно, в формах конструктивно оправданных, и этим его задача исчерпывается. Наш архитектор... вносит дух бодрости, мужества и жизнерадостности. Таких слов в лексиконе Корбюзье нет»**.[4, с.8]. И хотя Корбюзье утверждал, что архитектура начинается там, где кончается машина, в его зданиях выражена иная, его же собственная позиция: «Машина... производит реформацию духа...машина построена на основе... особой духовной системы, которой человек отдал самого себя, системы, которая создала целое новое мироздание». [5с.38] Как близко к определению А. Казина: «...постренессансный Запад свел вечность ко времени, онтологические ценности – к инструментальным, соборность – к индивидуализму.» [6]

Но в целом постройка Центросоюза стала манифестом, прорывом в развитии московского строительства. А.Веснин, один из лидеров конструктивизма, отмечал новаторство и высокий профессионализм Корбюзье, сравнивая его с Аристотелем Фиораванти, автором Успенского собора в Кремле XVвека. [7]

Здание Наркомзема также в числе наиболее значительных сооружений Москвы рубежа 30-х годов. Общность архитектурных приемов особенно выявляет концептуальные отличия. Архитектура Щусева динамична, пронизана оптимизмом созидателей нового строя, мира освобожденного труда. **Энергичная консоль на углу** будущего проспекта Сахарова, полуротонда на другом углу усиливают единение с окружением, включение в пространство растущей столицы, образ устремленности в будущее, всемирного масштаба общего порыва. «Время – вперед!», «Я с теми, кто вышел строить и мечь // В сплошной лихорадке буден // Отечество славлю, которое есть, // Но трижды – которое будет» **«Все дальше и дальше... к концу, пределу, к выходу из этого “мира”, из этой земли, из всего местного, мещанского, прикрепленного»** [8, с.2] Притом авангардистское здание с многообразными фасадами близко традиционному московскому кварталу, несмотря на стилевые различия и разный масштаб. Образная архитектура Щусева в чем-то «размыта», не завершена, в постоянном поиске, но найденная, самодостаточная на определенном этапе. В его работах, как в открытых системах, заложена возможность дальнейших преобразований. Подобный характер созидания характерен для многих произведений русской культуры. Развитие духовных и творческих традиций, даже в радикально измененных воплощениях, особо отличает архитектуру русского авангарда [9]

Контрастно выглядит здание Минтрансстроя на площади Красных ворот (1951 г.) архитектора А.Душкина, уже прославившегося прекрасными станциями метро – Кропоткинской, Маяковской, Площади Революции и др. Автору этих строк выпала удача учиться у Алексея Николаевича, необычайно одаренного мастера и обаятельнейшего человека, в Московском архитектурном институте.

Зданию согласно указаниям руководства страны придан ступенчатый силуэт, на фасадах государственный герб и другие атрибуты так наз. «сталинского ампира», позже по настоянию И.В.Сталина добавлен шпиль со звездой. [10] Ярко выражено патриотическое единение, без сухого рационализма Корбюзье, но с утратой раскрепощенного, демократического духа архитектуры Щусева. Московские «высотки» безусловно отличаются от небоскребов Нью-Йорка, поскольку зодчие столицы, в отличие от американских коллег неограниченные фактором земельной собственности, открывали

просторные площади перед зданиями, обеспечивая каждому зданию композиционное доминирование в своем пространственном поле, добиваясь ансамблевой связи с окружающей застройкой и природным ландшафтом. Благодаря «простодушному» требованию сверху везде устроить звездное навершие, новостройки стали восприниматься как своеобразное эхо кремлевских башен, это помогло смысловому и градостроительному объединению исторического ядра с новой частью столичного центра.

Сказалась давняя московская привычка к башням, их устанавливали над воротами, на пересечениях радиальных дорог со стенами Кремля, Китай-города, Белого города, с валами Скородома. Это сказалось и на развитии церковной архитектуры, благодаря свободе воплощения византийского храмового канона, изложенного лишь в вербальной форме. Главные храмы русских столиц строили по образцу Св. Софии в Константинополе, но со временем зодчие начали приближать облик храмов к башням, усиливая значимость экстерьера. Апофеозом стало возведение в XVI веке монумента-храма Василия Блаженного на Красной площади [11]. На просторах Русского Севера также сохранились образцы смелых интерпретаций храмового канона в деревянных конструкциях. Проект Дворца Советов и послевоенные высотные здания продолжают эту традицию, составляя коллективный монумент Победы в войне 1941-45 гг.[12]

Здание Минтрансстроя поставили на возвышенности, на высшей точке водораздела бассейнов рек Неглинной и Яузы, таким образом, архитекторы продлили и закрепили природно-градостроительную ось Москвы от здания Минтрансстроя к Успенскому собору в Кремле, к возрожденному позднее храму Христа Спасителя, далее к стадиону в Лужниках и высотному комплексу МГУ на Воробьевых горах. Любопытно сравнение с парижской осью Лувр – Триумфальная арка – Елисейские поля – центр Де Франс. Париж позднее в своем пространственном развитии также совершил «прыжок» через реку, закрепив освоение новой территории крупным, столичного значения центром. В Москве это комплекс образования и науки среди обширного сада, современный университетский кампус. В Париже – правительственный Департамент информации, отсюда форма Гранд Арки как портала, открытого миру. Со временем территория центра Де Франс «заросла» высотными офисными зданиями различных фирм. В характере и связи объектов оси прочитывается разность общих и пространственных представлений.

Три служебных здания, три произведения больших мастеров, построенные в различные исторические периоды, составляют образ столицы, отражают разные концепции творчества, разные представления о времени, человеке, о мире.

Литература:

1. Ле Корбюзье Современный город на 3 миллиона жителей // Архитектура современного Запада. Под ред. Д.Аркина М 1932 с.145
2. И.Бродский Сочинения в 4 томах Том 2. Роттердамский дневник Изд. Пушкинский фонд 1992<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7681>
3. Кожин С. Ошибка замысла // журнал Архитектура СССР. 1934. №12 с.9
4. Фомин И. О простоте и богатстве // там же. С. 8
5. Ле Корбюзье из кн. L`artdecoagated` aujour`hui,цит // Архитектура современного Запада. Под ред. Д.Аркина М 1932 с.38
6. Казин А.Л. Русская философия и российская политика. // *«Политический класс», 2008, N 1*.https://ruskline.ru/analitika/2008/01/28/russkaya_filosofiya_i_rossijskaya_politika
7. Васильев Н. Здание Центросоюза – единственная московская постройка Ле Корбюзье // <https://archspeech.com/article/zdanie-centrosoyuza-edinstvennaya-moskovskaya-postroyka-Le-korbyuz-e>
8. Бердяев Н.А. Судьба России Изд. МГУ 1990 с.2
9. Гурари М.Н. Творческое наследие русского авангарда: традиции архитектурные и духовные. // Современная архитектура мира вып. 6 НИИТАГ РААСН Изд. Нестор-история М-СПб 2016 с.150-163
10. Иконников А.В. Москва XX века утопии и реальность // Архитектурно-градостроительноеразвитие Москвы. Вып. АН №42Под ред. Н.Ф. Гуляницкого НИИТАГ РААСН М 1997
11. Гурари М.Н., Григорьева Н.С. Москва между прошлым и будущим: на перепутье цивилизаций// Архитектура и строительство России 2012 №8
12. Кулешов М., Позднев А. Высотные Здания Москвы Изд. Московский рабочий, 1954

Сотворение грамматики: грекофильские системы письма в аспекте философии творчества

Гусева А.А.

Институт философии РАН, Сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук, м.н.с., кандидат философских наук

uhlein@rambler.ru

Аннотация: Проблема сотворения грамматики – это проблема, связанная с видением внутренней формы языка и возможностью взаимодействовать с ней. Внутренняя форма языка проявляется уже на фонемно-графемном уровне. Автор алфавита, как можно подумать, находится в сфере порожденного, но оказывается, что процесс сотворения букв (по сути, выведение букв из небытия) связан с порождением: живым, активным личностным творческим началом, инициированным историческим сознанием, социокультурной ситуацией и другими факторами. Проблема создания алфавита анализируется на материале грекофильской традиции. Приводится краткий экскурс в историю коптского и армянского письма в их соотношении к греческому (византийскому) началу. Коптское письмо, ведущее свое начало от греческих букв, – своего рода письмо-попущок: неиндоевропейский египетский язык в определенный момент своей истории встал в отношении уподобления греческой (византийской) внутренней форме. Армянский алфавит, созданный Месропом Маштоцем, как никакой другой стал выразителем агональности, присущей грекофильским грамматикам. Исследование сотворения алфавита обнаруживает новую проблему – проблему эстетики письма как исторического свидетельства, за которым стоит автор и его нарратив о мире и языке.

Ключевые слова: Грекофильский дискурс, алфавит, сотворение грамматики, внутренняя форма, *communicatio idiomatum*

Grammar creation: grecophile writing system in the aspect of the philosophy of creativity. Anna A. Gouseva

Research Fellow, Department of Philosophical Problems in Social Sciences a Humanities. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstracts: The problem of grammar creation is a problem with vision of inner form of the language and the ability to interact with it. The inner form of language is manifested primarily at the phomene-grapheme level. The author of the alphabet, as you might think, works with the sphere of generated. But it turns out that the process of creating letters (it is, in fact, the derivation of letters from non-existence) is related to the generation, living, active creative beginning, initiated by historical consciousness, socio-cultural situation and other factors. The problem of creating the alphabet is analyzed on the basis of the grecophile tradition. A brief excursion into the history of Coptic and Armenian writing is given in their relation to the Greek (Byzantine) beginning. Coptic script, originating from Greek letters, is a kind of anti-deed: non-indo-european Egyptian at a certain point in time came into relation to the assimilation of the greek (byzantine) inner form. Armenian alphabet created by Mesrop Mashtots, like no other, became the bearer of the agonism inherent in grecophile grammars. The study of the creation of the alphabet reveals a new problem – the problem of the aesthetics of writing as a historical evidence, behind which is the author and his narrative about the world and language.

Keywords: Grecophile discourse, alphabet, grammar creation, inner form, communication *idiomatum*

Язык и творчество сополагались с давних пор. «Языкотворческая сила» проходит «через самый акт превращения мира в мысль» [1, 192-193]: в речи о мире слышна тоска по целому. Поиск грамматики как воплощения внутренней формы языка ведется, чтобы речь о мире совпала с самим миром.

Гумбольдтовская внутренняя форма языка, по словам В.В. Библихина, – «исток, из которого все и

в языке, и в гумбольдтовском языке» [1, 191]. Она тесно связана с проблемой сотворения грамматики, которая пронизывает все сказанное, формируя мысль уже на графемном (буквенном) уровне, что и стало своеобразным триггером данного исследования.

Описание грамматики языка связано с видением «автора» грамматики («наука о выражении» имеет прямое отношение к этой проблеме); тот, кто впервые пишет грамматику своего языка, рассказывает грамматику своего языка, по сути, это свернутый исторический нарратив, направляющий «языкотворческую силу».

Грамматика как стержень языка может быть рассмотрена в рамках философии творчества, поскольку грамматика не есть механическое описание готовых форм и категорий; ее с глубокой древности пишет автор, порой не имеющий имени, и в этом смысле грамматика, метаязыковое пространство – область личностно-ориентированного понимания языка, сформированная, в том числе, под действием таких факторов, как историческое сознание, память, социокультурная идентификация и др., что особенно ярко проявляется, например, в т. н. грекофильском дискурсе.

Грекофильский грамматический дискурс, в своей основе восходящий к александрийской школе, нуждается в особом прочтении. Эта традиция дала побеги в странах византийского идейно-философского ареала: Армении, Грузии, Болгарии, Сербии, Киевской и позднее Московской Руси и др. Грекофильская традиция, мощно заряженная историчностью, свидетельством, строится на агональности и аналогичности, что говорит об особом осмыслении грамматики как силы, преобразующей и творящей, и – творимой. Здесь встает проблема схождения (если не тождества) созерцания и деятельности, которая, по крайней мере, начиная с раннего Средневековья, решается как *communicatio idiomatum*. В созерцании языка, отождествлении себя с его тканью, есть момент соработничества.

Систему грамматики (и в том числе графики) коптов, входящую в грекофильское пространство и первую по времени, можно назвать наиболее «концентрированной», сравнительно с более мягкой армянской версией. И этому есть объяснение.

Армения приняла христианство как единую государственную религию в 301 г. Как и у коптов, у армян в течение почти ста лет не было своей графики: тексты записывались сирийскими или греческими буквами, богослужение совершалось на греческом и сирийском языках. В самой Сирии грекофильский дискурс выразился, прежде всего, в новой языковой идеологии. [О сирийском грекофильстве см. 2]. Однако по отношению к дискурсу грекофильской грамматической традиции оба алфавита – коптский и армянский – принципиально различны.

После раскола Армении в 387 г. необходимо было сохранить национальную идентичность армян – следовательно, остро стояла задача создания письменного языка. Вопрос национального начала ощущался и у коптов, но решение было иным: внутренняя форма языка, начинающаяся в грекофильском языковом сознании с графики – с букв и надстрочных знаков (возможно, в условиях невозможности использования демотического письма это было для коптов единственным выходом) стала ключом к метафразированию – последовательного пересказывания – греческого.

Коптская система, безымянная наследница древнего египетского начала, охватывающего сорок веков письменной истории, стала примером того, как внутренняя форма языка, живая, становящаяся, а не раз и навсегда единожды данная, подчинилась греческому началу, начавшись с письма, буквы, которая и является отражением внутренней формы. При этом нельзя говорить о графемном навязывании – механическом соответствии звукотипов. Между привычной демотикой и греческим алфавитом разница не меньшая, чем между письмами епископа Даниила, замешанными на сирийской основе и ставшими пра-письмом, и новым, армянским письмом Месропа Маштоца [3].

Чтобы исследовать выразительные и конструктивные возможности системы современного ему письма, Месроп едет в Эдессу (ср. «миссионерские путешествия» солунских братьев Мефодия и Кирилла) для ознакомления с другими алфавитами и их бытованием в разноязыкой среде. Он изучает сирийский, греческий, арамейский, персидский, отыскивая связь письма с произносительными возможностями – и проверяя его соответствие внутренней форме языка.

После Эдессы Месроп направился в Самосату к ученому книжнику Руфину (Рофаносу) для верификации нового письма по греческому образцу – Д.А. Ольденроге описывает технологию и разработку Месропом письменности как первую исследовательскую экспедицию [4, 207-218]. Буквы, увиденные в рое изогнутых линий Месропом Маштоцем и выведенные им из небытия, стали одним из символов армянской культуры.

Коптская традиция складывалась по-другому. В Александрии, как и в других египетских городах, долгое время сохранялась ситуация двуязычия: греческий язык образованной части населения и торговцев соседствовал с коптским, порой даже заимствуя из коптского лексику [5], хотя, конечно, престиж греческого был неизмеримо выше. Для записи самими египтянами долгое время использовалась сложное демотическое письмо, не соответствующее эллинохристианскому началу (демотическое письмо имеет около 400 символов включая идеограммы – ср. с греческими 24 буквами, из которых каждая соответствует звуку) [6, 34 и далее].

Греческий язык приживался постепенно [7, 265] - самые первые, «доалфавитные» попытки записи египетских слов греческими буквами, восходящие к эпохе Александра Македонского, не несли с собой той сметающей все на своем пути «перемены ума», которая проявилась в позднейшем принятии греческой формы, когда заимствовались частицы, союзы, местоимения, а потом вошел в систему грамматики и греческий артикль. Однако взаимодействие двух внутренних форм дало причудливый результат, коптский язык, приняв греческие графемы как свои, взял и еще одну внутреннюю форму, форму индоевропейского языка, которая проскальзывает в легких очертаниях греческого алфавита, пишущего совершенно другой, неиндоевропейский язык.

Соединение буквы (звука) и смысла касается темы соединения несоединимого, которая имеет прямое отношение к *communicatio idiomatum*, со-общению свойств, и также относится к области философии творчества. Буквы – как элементы языка и мира – имеют особое значение. Одним из тех, кого это волновало, был современник Канта Й. Гаманн, который считал буквы «чистыми априорными формами» и относил их к «истинно эстетическим моментам всякого познания и разума» [8, 230], и в этом смысле эстетическое становится местом встречи с миром, когда «сущее открыто нам, и мы открыты сущему, даже становимся им» [9, 532] - так сотворение грамматики, эстетика письма как исторического свидетельства, за которой стоит личность (у грамматики всегда есть автор, даже если сама грамматика заменяет ему имя, потому что он растворился в ней, именно так оказались стертыми имена авторов греческой грамматики, о которых спустя тысячу лет с лишним лет писал Черноризец Храбр – в его эпоху это было достоянием исторической памяти), приобретает особенное, онтогносеологическое значение, преобразуясь из проблемы лингвистической в философскую.

Литература:

1. Библихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 419 с.
2. Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997 (URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Mecher_index.php Дата обращения 20.02.2020).
3. Арутюнян Г.С., Бурэ К.С. Армянский язык. М., 2001. 264 с.
4. Ольдерогге Д.А. Из истории армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца) // Древний Восток. Сборник 1. К 75-летию академика М.А. Коростовцева. М.: Наука, 1975. С. 207-218.
5. Эрнштедт П.В. Египетские заимствования греческого языка. М.; Л., 1953. 208 с.
6. Тилль В., Вестендорф В. Грамматика коптского языка. СПб., 2007. 768 с.
7. Болотов В.В. Собр. церковно-исторических трудов. В 4 т. М.: Мартис. Т. 3. С. 265.
8. Fritsch Fr. *Communicatio idiomatum. Zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns.* Berlin, New York, 1999. 337 s.
9. Библихин В.В. По поводу «Чтения “Тезета”» // Библихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 535 с.

Проблема субъективности в контексте творческой деятельности

Дармограй В.М.

доктор философских наук, доцент.

vdarmogray@list.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме субъективности в контексте творческой деятельности, где субъективная сфера не подлежит объективации по аналогии с естественными науками и несводима к редукции, к физическому или биологическому основанию, а значит, требуется методология совсем другого характера. Автор предлагает версию энергетического поля, как модель или условную субстратную и субстанцииальную основу для исследования сферы субъективности. Энергетическое поле, как аналог душевного и духовного мира способно генерировать направленную энергию рефлексивного характера, обладающую бесконечным потенциалом формообразований, в том числе и виртуальных, временных функциональных структур для решения творческих задач.

Ключевые слова: субъективный мир, энергетическое поле, творчество, хаос, порядок, виртуальность.

The problem of subjectivity in the context of creative activity.

Darmograi V.M.

Doctor of Philosophy, Associate Professor

The article is devoted to the problem of subjectivity in the context of creative activity, where the subjective sphere is not subject to objectification by analogy with the natural sciences and is not reducible to reduction, to a physical or biological foundation, which means that a completely different methodology is required. The author offers a version of the energy field as a model or a conditional substrate and substance basis for studying the sphere of subjectivity. The energy field, as an analogue of the spiritual and spiritual world, is capable of generating directed energy of a reflexive nature, which has an infinite potential for morphogenesis, including virtual, temporary functional structures for solving creative problems.

Key words: subjective world, energy field, creativity, chaos, order, virtuality.

Вне понимания природы субъективности, невозможно строить версии, относительно истоков творчества. Субъективный мир – это внутренний душевный (психологический) и духовный мир личности, который невозможно объективировать и вообще применить научную методологию, изучающую природные явления к его исследованию, так как субъективная сфера не имеет момента покоя. Это сфера, где доминируют временные процессы и все попытки «кристаллизации», формализации этих процессов не отражают сущности духовного мира, то есть сингулярность как процессуальность, безосновность и уникальность, а в физическом смысле – состояние, обладающее бесконечной плотностью. Автор предлагает версию, где в качестве модели духовного мира будет его физический аналог – энергетическое поле. В истории научной мысли применялись модели для объяснения феноменов, которые ещё недоступны для понимания научной мыслью. Это «флогистон», «эфир», «теплород», «жизненная сила» и другие. Эти метафоры сыграли конструктивную роль в развитии научной культуры.

В чём преимущество версии «энергетического поля» перед другими концептами? Это несводимость к субстанцииальной и субстрактной основе, которые могут «генерировать» духовность, то есть отстранение от всяких вариантов редукционизма. Это почти бесконечный потенциал в отношении возможных форм проявления, где мера творческой свободы почти неограниченна. Версия «энергетического поля» - это предел познания, уровень квантовых ансамблей, которые как бы «растворяются», аннигилируют в поля с большей или меньшей степенью энергии, где энергетические импульсы и составляют основу образования квантов, которые, как и фотоны, можно определить как энергетические потоки, обладающие корпускулярно – волновыми свойствами. Методология исследования этих процессов ещё в состоянии становления, но приближается к междисциплинарному

направлению научных исследований, изучающему процессы перехода от хаоса к порядку и обратно (самоорганизацию, самодезорганизацию, самодистраивание на основе интуиции).

Психологи и философы постоянно эксплуатируют, используют категорию «поле» для иллюстрации своих исследований. Так С.Л. Выготский писал: «Создавая с помощью речи рядом с пространственным полем также и временное поле действия, столь же обозримое и реально, как и оптическая ситуация (хотя, может быть, и более смутное), говорящий ребёнок получает возможность динамически направлять своё внимание, действуя в настоящем с точки зрения будущего поля и часто относясь к активно созданным в настоящей ситуации изменениям с точки зрения своих прошлых действий. Именно благодаря участию речи и переходу к свободному распределению внимания будущее поле действия из старой и абстрактной вербальной формулы превращается в актуальную оптическую ситуацию; в нём, как основная конфигурация, отчётливо выступают все элементы, входящие в план будущего действия, выделяясь тем самым из общего фона возможных действий. В том, что поле внимания, несовпадающее с полем восприятия, с помощью речи отбирает из последнего элементы актуального будущего поля, заключается специфическое отличие операции ребёнка от операции высших животных».[1]. Но поле – это не хаос. В.П. Зинченко отмечал: «Живое движение всегда дискретно, оно состоит из живых волн и квантов».[2]. Тот же автор отмечал, характеризуя встречу значения со смыслом, которая переживается и порождает новый опыт: «В реальности всегда имеется полисемия значений и полизначность смыслов, имеется избыточное поле значений и избыточное поле смыслов».[3] А психологи используют фразу «активный хронотоп» для объяснения сложных процессов, связанных с пониманием временных функциональных структур виртуального характера, где временные параметры соответствуют пространственным, так как иначе процесс понимания будет затруднён, то есть формы понимания, язык для понимания, имеющие пространственную структуру будут как бы «растворён» во временных процессах и мы получим хаос вместо порядка. А Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов допускают построение сложных структур на поле мозга: «Для того, чтобы познать сложные явления мира, нужно построить сложную структуру на поле мозга».[4] В этом случае, отмечают эти авторы, может появиться эффект резонанса, который активизирует творческий процесс. Н.М. Смирнова, характеризуя процесс воображения отмечает: «Воображение, повторим, широко используется в процедурах предметной интерпретации математического языка высоко абстрактных теоретических конструкций волна – пилот Л. Де Бройля, улыбка Чеширского кота Л. Кэрролла, множественность вселенных мультиверсов А. Линде в рамках (пост)неклассического естествознания».[5]

Версия энергетических полей как эквивалент духовности имеет и негативные характеристики. Так, «энергетическое поле» можно приравнять к субстанции предельного характера, то есть использовать идеи с границ познания в теоретической физике для описания духовного мира. Однако гипотезы квантов, кварков, которые характеризуют физический смысл этих полей не подходят для исследования ментальных процессов, которые имеют другое, социокультурное качество и смысл. То есть, соответствие или корреляция квантовых ансамблей, как порождение физических полей, возможно только в контексте физических смыслов. Проводить логическую зависимость между физикой и сферой духовного мира некорректно. Энергетические поля в контексте физики подлежат объективации, в то время как духовная сфера в принципе не может стать объектом, как это сложилось в методологии естественных наук. Если это происходит посредством языка, то сразу же происходит и процесс отчуждения «кристаллизации», формализации этого воображаемого объекта. Д.Сёрл отмечает, что «... для нас не существует способа отобразить субъективность как часть нашего взгляда на мир, поскольку интересующая нас субъективность и есть, так сказать, само отображение».[6] Тот же автор отмечает: «... наша современная модель реальности и отношения между реальностью и наблюдением не может включить в себя сам феномен субъективности. Это модель того, как объективные (в эпистемологическом смысле) наблюдатели наблюдают объективно (в онтологическом смысле) существующую реальность. Но, в соответствии с данной моделью, нет способа, с помощью которого можно было бы наблюдать акт наблюдения сам по себе. Ибо акт наблюдения есть субъективный (онтологический смысл) доступ к объективной реальности».[7] Духовную сферу пытаются описать и в контексте экзистенциально – интуитивной системы координат, хотя и системный подход здесь некорректен. Психологически её можно представить как процесс переживаний, настроений или сопереживаний, который включает весь диапазон эмоционально – чувственного характера. Философы, представители экзистенциализма и феноменологии говорят об экзистенциалах, как неустойчивых, неравновесных формах активного единства, но именно этими характеристиками обладают наши условные энергетические поля, которые не имеют момента покоя и способны генерировать бесконечное число виртуальных форм (у психологов

– функциональных структур временного характера для решения творческих задач).

Таким образом, версий, относительно душевного, духовного мира и сознания как сферы духовности рационально – логического или рефлексивно – смыслового характера достаточно. Речь идёт о модели, которая наиболее соответствует по своим характеристикам духовному миру и использования этой модели в качестве методологического инструментария в исследовании события творчества. Эта модель – энергетическое поле, источники которого процессуальны, а не статичны, то есть не высшая нервная система и её основной компонент – мозг способны генерировать энергетические поля, а именно высшая нервная деятельность, включающая процессы взаимного обмена с внешней средой (природной, социальной, культурной), с внутренней сферой духовного мира (генетической, архетипической, оперативной, фоновой и долговременной памятью, которая включает и усвоенный потенциал культуры, а также способности творческого воображения, фантазий, интерпретаций, импровизаций и т.д.). Обмен с целью получения информации, энергии и вещества, необходимого для биологического поддержания жизни (естественный отбор) и для выполнения творческого предназначения в контексте культуры (искусственный отбор). Но нельзя всё сводить к временным параметрам, так как пространственные формы удерживают прошлое как память, в контексте топосов, то есть места, происходит «встреча» уникальностей, то есть субъектов, которые способны создать предпосылки для творческого диалога, смысл и цель которого – обогащение друг друга этими уникальностями. Отсюда, бинарный принцип разделения пространства и времени должен уступить принципу одного в другом, где пространственные формы содержат «заряд», потенциал временных, темпоральных, процессуальных или сингулярных, а временные должны иметь тенденцию к пространственным образованиям, иначе они будут невозможны для понимания. Хаос должен включать моменты порядка как потенциал, а порядок – моменты хаоса, иначе порядок будет отчуждён от жизни, от реальности. Энергия хаоса должна иметь допустимую меру творческой свободы, ограничена соответствующей формой. Здесь основное – найти эту меру, степень соответствия, которая выявляется посредством уникального способа бытия субъекта творчества. Если найдено это соответствие, которое возможно через процесс самопознания, то субъект творчества получает энергетический творческий импульс, то есть вдохновение, увеличение меры творческой свободы и, соответственно, воли к творческой деятельности. М. Мамардашвили отмечал в этом контексте: «Мне в этой связи сразу представляется образ какой – то массы энергетически напряжённых элементов, которые, если они не приведены в связь, разорвут тебя или окружающий мир на части. То, что их соединяет в одну могучую единицу, излучающую энергию, и есть вяжущая сила самопознания. Когда она выполнила работу – текст излучает когерированный луч».[8] В данном аспекте речь идёт не просто об энергетическом поле, а об энергетическом поле направленного типа. Это направленность на реализацию творческого замысла, где необходимым компонентом будут функциональные виртуальные структуры временного характера, которые генерируются энергетическими полями как возможность, которая стремится к реализации, то есть к воплощению в действительность, в бытийность, но с риском и возможности небытия.

В качестве заключения можно сделать следующий вывод - энергетические поля способны генерировать виртуальные функциональные структуры временного и конкретного характера (где конкретность зависит от характера творческой задачи). Этот факт можно определить в качестве физического смысла в образовании виртуальных функциональных структур, направленных на решение конкретных творческих задач. Каким образом происходит «раскодирование» генетических программ (ДНК, РНК) и трансформация этих программ в конкретные функциональные структуры виртуального характера, каков механизм «чтения» этих программ в контексте энергетических полей, задача нейрофизиологов, нейробиологов, выходящая за рамки философского анализа.

Литература:

1. Выготский Л.С. Собр. Соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982 – 1984. Т.6. С.48.
2. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. С.206.
3. Там же. С.256.
4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. – СПб.: Алетей, 2002. С.220.
5. Смирнова Н.М. Смысл и творчество. – М.: Издательство «Канон» РООИ. «Реабилитация», 2017. С.220.
6. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея – Пресс, 2002, С.105.
7. Там же. С.106.
8. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: АГРАФ, 1997. С.15.

Демина А.И.

*«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»,
специалист по УМР 2 категории кафедры философии*

ademina83@gmail.com

Аннотация: Предметом обсуждения в статье являются понятия «вымысел» и «изобретение» как базовые категории для определения художественного и технического творчества в рамках семиотики творчества. Используемый в работе терминологический аппарат – общая семиотика. Творчество понимается как деятельность по созданию нового. В качестве базовой онтологической модели используется представление о творчестве как о проективном семиозисе, обращающем традиционный набор ступеней познания, трактуемых в кантовском смысле в понятиях чувственного восприятия, рассудка и разума и выражаемых через суммы синтаксических, семантических и прагматических правил. Цель обсуждения – показать вымысел и изобретение в качестве оснований для создания технических объектов разной степени полноты. На обсуждение выносятся тезис о трактовке результатов художественного творчества как неполных технических объектов в рамках «распредмеченного» понимания техники.

Ключевые слова: вымысел, изобретение, семиотика творчества, проективный семиозис, полный и неполный технический объект, П.К. Энгельмейер, Фр. Дессауэр.

Fiction and invention in semiotics of creativity.

Demina A.I.

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The article discusses the concepts of “fiction” and “invention” as the basic categories for the definition of artistic and technical creativity in the framework of semiotics of creativity. The terminological apparatus used in the work is general semiotics. Creativity is understood as the activity of creating a new one. The concept of creativity as a projective semiosis is used as the basic ontological model, reversing the traditional set of stages of knowledge, interpreted in the Kantian sense in terms of sensory perception, reason and mind and expressed through sums of syntactic, semantic and pragmatic rules. The purpose of the discussion is to show fiction and invention as grounds for creating technical objects of varying degrees of completeness. The thesis on the interpretation of the results of artistic creation as an incomplete technical object within the framework of a “distributed” understanding of technology is submitted for discussion.

Keywords: fiction, invention, semiotics of creativity, projective semiosis, complete and incomplete technical object, P.K. Engelmeyer, Fr. Dessauer.

ⁱ Понятие творчества является комплексным и чрезвычайно сложным для анализа. Оно может определяться в терминах разных дисциплин: теории познания, теории художественной деятельности, философии техники.

Наиболее активно в настоящий момент разрабатываются эпистемологические аспекты творчества. Результаты этой работы представлены в ежегодниках Института философии РАН «Философия творчества» [1; 2; 3; 4].

Не менее актуальное направление исследования творчества составляет философия техники. Появившись в конце XIX века, она почти сразу претендует на построение общей теории творчества. Формируются две позиции в трактовке техники: «распредмеченная» и «опредмеченная» [5], первая расширяет понятие техники до творческой деятельности в целом. Традиция такого понимания берет начало в трудах П.К. Энгельмейера [6; 7] и особенно актуальна в наши дни, когда продукты технической деятельности переходят из области первой природы (материальные, чувственно воспринимаемые

артефакты) в область второй (изобретения в области рассудка, «неархимедовы машины») и третьей (изобретения в области разума, создание интеллектуальных систем принятия решений) [8; 9].

Немецкий классик философии техники Фридрих Дессауэр определяет технику как «реальное бытие из идей посредством финалистского преобразования и обработки из данного природой инвентаря» [10, с. 149] и вводит понятие «четвертого царства», по сути, являющегося платоновским миром идей, в котором потенциально пребывают те формы технических решений, которые должен изобрести техник. Современный классик философии техники В.Г. Горохов наследует традицию П.К. Энгельмейера в расширительном понимании техники и применяет для осмысления техники принцип деятельности [11].

Эвристичность рассмотрения творчества как деятельности не только в области техники, но и применительно к научному и художественному творчеству была убедительно продемонстрирована М.С. Каганом в его теории деятельности [12]. Необходимыми и достаточными видами системы деятельности, по Кагану, являются преобразовательный, познавательный, ценностно-ориентационный, коммуникативный и художественный.

Как нам представляется, творчество в самом общем виде можно определить как деятельность по производству нового. Воспользуемся терминами П.К. Энгельмейера «субъективирующая» и «объективирующая деятельность» [7, с. 18-19]. В терминах семиотики мы имеем дело с рецепцией и проекцией. В таком случае творчество может быть определено как проективный семиозис. Понятие проективного семиозиса применительно к технике вводит А.Ю. Нестеров [13; 14]. Техника понимается автором в русле «распредмечивающей» традиции и расширяется до творческой деятельности. В основе семиотической концепции творчества лежит теория «трёхакта» П.К. Энгельмейера [7], трактуемая как «обращение трехступенчатого трансценденталистского представления об акте познания, состоящем из чувственного восприятия, рассудка и разума» [14, с. 45].

Ключевыми понятиями для семиотики творчества в рамках разграничения уровней и слоев проективного семиозиса оказываются «изобретение» для проективного семиозиса в технике (в узком смысле слова) и «вымысел» для проективного семиозиса в художественной деятельности. Объем и содержание понятия изобретения наиболее полно раскрыты в работах представителей философии техники начала-середины XX в. (см. обзор [14]), в которых снимается, возникшая в рамках Лейбнице-Вольфовского рационализма, оппозиция открытия и изобретения (см. подробно [15]). По Дессауэру, изобретение предстает как комбинация трёх изначальных способностей человека, трех формообразующих сил: Homo Investigator, Inventor, Faber. С ними соотносятся три акта изобретения П.К. Энгельмейера.

Понятие вымысла разрабатывается применительно к художественному творчеству, на примере творчества литературного, и с наибольшей полнотой – в работах, посвященных фантастике, в частности, в трудах российского филолога Е.Н. Ковтун. Обобщая отечественную и зарубежную литературоведческую традицию изучения вымысла, автор отмечает наличие широкого и узкого способов употребления данного понятия, разграничение первичной и вторичной художественной условности, где первичная характеризует образную природу искусства, а также набор выразительных средств, присущих разным видам искусства, а вторичная – обозначает «намеренное отступление писателем от буквального правдоподобия» [16, с. 11]. Справедливо отмечая недостаточность данного разграничения, Е.Н. Ковтун предлагает уточненную классификацию типов художественной условности, которая концентрируется на субъективности познания объективных законов действительности, обходя вниманием проблемы знаковой природы познания и выражения. В этой классификации условность понимается и в синтаксическом, и в семантическом смысле (и как создание того, чего нет в действительности, и как специфические средства художественной выразительности). В связи с этим возникает необходимость анализа категории вымысла в трансцендентально-семиотической онтологии, учитывающей лингвистический и прагматический повороты.

Строя семиотическую модель творческого акта и сопоставляя художественное и техническое, мы понимаем вымысел в строго логическом смысле в виде неполноты, а изобретение в виде полноты, то есть мы различаем в качестве результата проективного семиозиса полный и неполный технический объект. Полным технический объект является тогда, когда он истинностным образом воплощается во всех доступных человеку слоях сознания, а неполным – тогда, когда он воплощается лишь в виде фантазии или в виде фантазии и ее вербального (знакового) выражения. Истинностное воплощение – это соответствие идеи её вербальному выражению в том или ином языке, и соответствие последнего

– чувственно воспринимаемым объектам.

Модель проективного знакового процесса как семиозиса творчества, коренящаяся в общем представлении о творчестве как создании нового, позволяет объединить творческий процесс, осуществляемый как опирающийся на изобретение техникой, так и основанной на вымысле художественной деятельностью.

Литература:

1. Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2015. 476 с.
2. Философия творчества. Ежегодник / РАН. ИФ. Сектор философских проблем творчества. Ред. кол.: Смирнова Н.М., гл. ред. и др. М., 2016. Выпуск 2, 2016: Когнитивные и социокультурные измерения / Ред. Смирнова Н.М., Майданов А.С. М.: ИИнтелл, 2016. 314 с.
3. Философия творчества. Ежегодник / РАН. ИФ. Сектор философских проблем творчества. Ред. кол.: Смирнова Н.М., гл. ред., Бескова И.А., Майданов А.С., Горелов А.А., Моркина Ю.С., Ярославцева Е.И. М., 2017. Выпуск 3, 2017: Творчество и жизненный мир человека / Ред.: Смирнова Н.М., Бескова И.А. М.: ИИнтелл, 2017. 382 с.
4. Философия творчества. Ежегодник / РАН. ИФ. Сектор философских проблем творчества. Ред. кол.: Смирнова Н.М., гл. ред., Бескова И.А., Майданов А.С., Горелов А.А., Моркина Ю.С., Ярославцева Е.И. М., 2018. Выпуск 4, 2018: Лики творчества в многообразии социокультурных практик / Ред.: Смирнова Н.М., Бескова И.А. М.: ИИнтелл, 2018. 422 с.
5. Розин В.М. Философия техники // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/el=&a=d&c=newphilenc&d=&rl=1&href=http:%2f%2f3225.html> (дата обращения 4.12.19)
6. Энгельмейер П.К. Философия техники. СПб.: Лань, 2013. 96 с.
7. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.
8. Нестеров А.Ю. Границы технического сознания: немислимое vs. невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. №3. С. 60-66.
9. Горбунов Д.В., Нестеров А.Ю. Технологическое будущее России: вызов «третьей природы» // Вестник Самарского университета. Аэрокосмическая техника, технологии и машиностроение. 2017. Т. 16. №4. С. 60-71.
10. Дессауэр Ф. Спор о технике / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
11. Горохов В.Г. Философия техники как теория творческой деятельности // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2015. С. 64 – 87.
12. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
13. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
14. Нестеров А.Ю., Демина А.И. Категории «значение» и «изобретение» в контексте семиотики техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 42-50.
15. Нестеров А.Ю., Демина А.И. понятие изобретения в семиотике техники // Проблемы управления и моделирования в сложных системах Труды XXI Международной конференции. В 2-х томах. Под редакцией С.А. Никитова, Д.Е. Быкова, С.Ю. Боровика, Ю.Э. Плешивцевой. 2019. С. 479-482.
16. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 408 с.

Инварианты художественного

Зенкин К.В.

Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского, проректор по научной работе, профессор, доктор искусствоведения

kzenkin@list.ru

Аннотация: Доклад представляет собой попытку выявить инварианты художественной деятельности, представленной любым видом искусства в любую эпоху. Для этого применяется метод, в чем-то близкий деконструкции: анализируя феномен искусства, мы постепенно снимаем слои, специфические для искусств, использующих тот или иной материал из реальной действительности (литература, изобразительные искусства) и выделяем в нем инварианты. Данный метод можно назвать также «редукцией на музыкальной основе»: коль скоро музыка не содержит в себе зримых образов и понятий, значит, эти образы и понятия не могут входить в инвариант искусства, а такой инвариант следует искать именно в музыке. Анализируя художественный инвариант, мы предполагаем его присутствие в ответе на вопросы: 1) зачем? (функция искусства в жизни), 2) что? (что собственно делает тот или иной феномен искусством? 3) как, каким образом действует качество художественного?

Ключевые слова: художественное, искусство, музыка, инвариант, стиль, структура, пространство, время.

Invariants of the Artistic.

Zenkin K.V.

Moscow P.I. Tchaikovsky Conservatory

Abstract: The paper poses an attempt to expose invariants of artistic activity represented by any art form in any era. For this we use the method of deconstruction: by analyzing the phenomenon of art, we gradually remove layers peculiar to the arts which use one or another specific material from reality (literature, visual arts) and detect the invariant in it. This method can also be called “reduction on the base of music”: since music does not contain visible images and concepts, then these images and concepts cannot belong to the invariant of the art, but such invariant should be sought in music itself. Analyzing the artistic invariant, we suppose its presence in the answer to the following questions: 1) why and for what? (function of art in life), 2) what? (what actually gives artistic qualities to this or that phenomenon) and 3) how? (by what does the artistic property act?).

Key words: The Artistic, Art, Music, Invariant, Style, Structure, Space, Time.

Цель доклада – выявление таких качеств, которые присущи любому искусству, любому его виду, любому состоянию (как прикладному, так и неприкладному) и в любую эпоху. Традиционная эстетика немало размышляла об искусстве в целом. Но ее подходы, категории и положения (о мышлении образами, об отражении действительности, о различных и детально проработанных функциях искусства) явились результатом обобщения, как бы некой мыслительной надстройки над многообразием фактов. Особую роль в осмыслении феномена искусства сыграла немецкая классическая философия (Кант, Гегель, Шеллинг), положение Канта об искусстве как целесообразности без цели остается актуальнейшим и требующим разработки. Мы предполагаем иной метод – не обобщения, а редукции, минимизации – фиксации только того, что присутствует в качестве инварианта, выявление которого не предполагает операций обобщения и абстрагирования.

Впрочем, исключительная сложность проблемы в том, что даже столь привычные нам слова, как «искусство» и «творчество» - даже эти именованья того предмета, который мы в данном случае рассматриваем, отнюдь не инвариантны. Так, древнее церковное пение его собственные носители никогда не отнесли бы к искусству – для них это род молитвы, религиозный акт. То же самое относится и

к музыкально-жестовому «ряду» архаических языческих ритуалов – музыкальное и хореографическое здесь не выделяются как относительно самостоятельные ряды, они входят в синкретическое целое. Однако, мы, конечно, можем применять неаутентичные понятия к отдаленным от нас явлениям, тем более, что термин «искусство» можно понимать и в очень старинном, расширительном смысле – как мастерство, умение. Что же касается понятия «творчество», то применять его к упомянутым феноменам вообще нет никаких оснований.

Тогда есть ли вообще нечто общее – то, что везде присутствует как инварианты – в древних обрядах, молитвах, европейских операх, симфониях и балетах Нового времени, современных романах и кинофильмах, рок-музыке, бардовских песнях, картинах Ренессанса и инсталляциях поп-арта?

Чтобы ответить на этот вопрос, разобьем его на три подпункта: 1) что общего в целях и функциях всех явлений, относимых нами к художественной деятельности (иными словами, зачем они создаются?), 2) в фактическом составе текстов (что?), 3) в способах воздействия на людей (как?)

Целесообразнее начать с ответа на второй вопрос – о фактическом, наличном составе текстов. Как мы видим, эти тексты резко различаются по материалу (в зависимости от вида искусства), по степени фиксированности – максимальной в изобразительных искусствах, архитектуре, кино и письменной литературе, значительно меньшей во временных искусствах – в музыке, танце. Кроме того, есть еще и важное семиотическое различие. Знаки литературных, живописных, кинематографических текстов имеют определенные значения. Другой вопрос, что это определенное значение вовсе не обязательно исчерпывает художественный смысл, но оно по крайней мере присутствует. Что же касается музыки, во многом архитектуры, дизайна, орнамента, то знаки этих искусств чаще всего не отсылают к значениям вне рамок выразительных систем самих указанных искусств. Тем не менее, мы не сомневаемся в существовании музыкальных текстов, состоящих из знаков, и на этот счет существует обширная литература, например М.Г. Арановский [1], Е. Tarasti [2]. Следовательно, тексты, несущие определенное значение, которое можно выразить на языке понятий, вовсе не относятся к инвариантам художественного. А чем являются музыкальные тексты по факту? То, что они – суть носители определенных образов и оказывают воздействие на слушателя – это хорошо известный результат их обобщающе-абстрагирующей интерпретации. Кстати, относительно состава и трактовки понятия «музыкальный образ» до сих пор не существует не то что единого, но сколько-нибудь определенного мнения – данная категория находится в лучшем случае на периферии, «на полях» музыковедения. Но можно с уверенностью сказать (от звукового материала как специфичного для музыки и по этой причине не могущего стать инвариантом мы отвлекаемся), что музыкальные тексты в самом общем виде суть структуры, воплощающие те или иные числовые соотношения (А.Ф. Лосев [3]), смысл которых – в формировании художественного пространства-времени (хронотопа). И, опираясь на многочисленные исследования хронотопа в искусстве (П.А. Флоренский [4], М.М. Бахтин [5], О.С. Семенов [6] и др.), можно заключить, что именно пространственно-временные структуры являются инвариантом всех искусств. В музыке пространство, как правило, виртуализируется и дается через время; в изобразительных искусствах, наоборот, время «свертывается» в пространстве; в литературе и то, и другое предстает через смысл слова. Добавим, что инвариантом являются пространственно-временные структуры, независимые от предметно-понятийного материала, но определенные сверхличностными смыслами, сформированными данной культурой. Диапазон этих смыслов очень велик – от канонов до интертекста, но их инвариантной централизующей силой выступает стиль (тот или иной смысл и модель структурирования), в пространстве которого отождествляются личное и сверхличное, и хронотопические структуры даются в становлении, интегрируясь в конкретные экспрессивные смыслы (образы). Это значит, что не предметная сторона (жизненные события или факты, сюжет и т.п.) определяет художественный смысл, а хронотопическая и стилевая организация этого материала. Так подтверждается тот общепризнанный факт, что для искусства не важна и не обязательна предметно-понятийная сфера – оно может быть как предметным, так и беспредметным.

Переходя к ответу на вопрос, как работают эти сверхпредметные, «тонкие» структуры и как они воздействуют на реципиента, необходимо затронуть понятие информации. Искусство, особенно художественная литература, театр и кино, являются незаменимыми источниками информации о человеке, обществе и его истории. Однако эта информация не является инвариантом художественного – поскольку ее нет в музыке, в беспредметном орнаменте, в архитектуре. Функцию «школы» (причем, замечательной жизненной школы) искусство выполняет факультативно, как бы «между прочим». Главное же для искусства – вовлечь реципиента в сотворческий процесс, сделать человека причастным творчеству, что осуществляется благодаря запуску механизмов «самовозрастающей информации»

(Ю. Лотман [7]). Искусство далеко не всегда и не обязательно идейно и мировоззренчески насыщено, темой художественного произведения может стать какой угодно «пустяк» – ветка на картине А. Иванова или охота за контрабандными драгоценностями в кинофильме Л.И. Гайдая «Бриллиантовая рука». Дело не в предмете (в любой прелюдии Скрябина его вообще нет), а в том, как пространственно-временная структура текста (его «внутренняя музыка») генерирует самовозрастание информации, посредством диалога реципиента с произведением (понятие диалога, введенное Бахтиным [8], еще не реализовало свой потенциал в эстетике). Инвариантом в отношении воздействия текста на человека можно считать самовозрастание информации текста, который заставляет воспринимающего (если, конечно, воспринимающий понимает «язык искусства») прожить какую-то часть жизни в пространстве-времени данного текста. Этот инвариант в равной мере присущ участнику архаического ритуала, обитателю дворца, человеку, поющему в хоре где-нибудь в кабачке или читателю романа. Конечно, формы «проживания» будут различны: от самого буквального до иллюзорного (фантазийного), но от этого не менее действенного и значительного.

Наконец, главный, первый вопрос – зачем существует искусство? Ради чего строятся красивые здания, а не просто коробки, пишутся стихи и картины, снимаются фильмы? Цели, на первый взгляд, столь различны, что, кажется, трудно здесь найти некий «общий знаменатель». Да и теории функций искусства разработаны весьма детально. И все же, если попытаться произвести редукцию до инварианта, то, опять-таки, по понятным причинам, естественнее всего опереться на музыку. Понятным, ибо цели музыки как раз труднее всего сформулировать (затертые и дежурные фразы о «выражении эмоций» нас, естественно, не удовлетворяют). Гениальный композитор-новатор И.Ф. Стравинский в своем знаменитом высказывании ближе всех подошел к искомому инварианту: единственная задача музыки – «внести порядок во все существующее, включая сюда прежде всего отношения между человеком и временем» [9, с. 99]. Однако эта непростая идея является производной от того, что с давних пор и до сего составляет суть человека и общества: построение культуры, а точнее, организация пространства-времени. Работу по организации, структурированию пространства-времени в русле идеальной модели – «программы», подспудно формирующей человеческое сознание – и следует считать художественным инвариантом при ответе на вопрос о цели искусства. Эта цель в равной мере очевидна при строительстве городов, проведении религиозных обрядов, создании произведений изобразительного искусства, не говоря уже о музыке (Стравинский!), кино, различного рода хэппенингах и мультимедийных формах. И опять же, как и при ответе на предыдущий (третий) вопрос, организация пространства-времени может означать непосредственное вторжение в окружающее реальное пространство-время и его преобразование (как в архитектуре или религиозном действе) или же более опосредованное, как в художественной литературе, живописи и музыке). Впрочем, музыка для своего существования, даже если она неприкладная и исключительно самоцельная – абсолютная – властно требует реального времени, при том, что оно как бы специально «исключено» из потока жизни и помещено в «резервацию» концертных залов.

Повторим, что выделенные инварианты – всего лишь результат редукции. Но, возможно, схематичное формулирование трехназванных инвариантов художественного сможет способствовать более концентрированной направленности при размышлении о сущности искусства.

Литература:

1. Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. М.: Композитор, 1998. 343 с.
2. Tarasti E. The Concept of Genre: In General and in Music // Music: Function and Value. Proceedings of the 11th International Congress on Musical Signification / Ed. By Teresa Malecka and Malgorzata Pawlowska. In 2 vol. Vol. 1. Krakow: Akademia Muzyczna w Krakowie, 2013. P. 17–55.
3. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 405–602.
4. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Изд. группа Прогресс, 1993. 324 с.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
6. Семенов О.С. Формула искусства. Из неопубликованного. Взаимоотношения автора, произведения и зрителя (читателя, слушателя) в искусстве // Музыкальное искусство и наука / Ред.-сост. Е.В. Назайкинский. М.: Музыка, 1978. С. 78–105.
7. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х тт. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 243–247.
8. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
9. Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. Л.: Музгиз, 1963. 276 с.

Кузьмина Г.П.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, профессор кафедры педагогики, психологии и философии, доктор философских наук

cusminagp@mail.ru

Аннотация: В данной статье поставлены следующие задачи: во-первых, выявить в поэзии истоки научно-философской мысли, во-вторых, раскрыть причины, побуждающие человека к раздумьям о себе и своем назначении в мире, в-третьих, показать, каковы возможности поэзии в поисках истинного смысла бытия. В произведении философа и поэта всегда присутствует отпечаток личности, который не устранить без ущерба для самого труда. Поэзия способна не только раскрывать неведомые тайны бытия, но и пробуждать в нас чувство красоты и гармонии, сопричастности всему, что нас окружает. Русская поэзия философична в своем стремлении дойти до сути. Философичность поэзии переплетается с лирическими мотивами поэтических трудов русских поэтов.

Ключевые слова: поэзия, человек, бытие, философия, истина, вера, свобода, дух

**The philosophy of the verse as the search of the Verity in the deepness of existence.
Cuzmina G.P.**

Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Professor

Abstract: This article has been aimed at the following aspects: 1) to reveal the roots of the scientific - philosophical idea kept inside verses; 2) to reveal the roots which incite people to think over self-existence as well as how to serve their turn in the world; 3) to show up the possibilities of the verse in search of Vanity in the deepness of existence. There is always a seal set of personality in the works of a philosopher or a poet which cannot be removed without the cause of loss for the whole opus. The verse is able not only to pierce the mysteries of existence but also to rouse the feelings of beauty and harmony in mankind as well as to be a part of entire surroundings. The Russian verse has deep, philosophical roots in its pursuit of having the core of the matter. The philosophy of the verse is intertwined deeply with lyrical motives in poetic creations of Russian poets.

Key words : verse, man, existence, philosophy, Verity, faith, freedom, soul.

Обращение к поэзии обусловлено стремлением обнаружить в ее недрах зерна философских раздумий, пробуждающих желание философствовать и любить философию. Согласно И. Канту, высшей целью философии является человек, который должен знать, уметь и верить. Единственное существо, которое способно рефлексировать - это человек. Именно он задается вопросами о смысле бытия, о целях и задачах, стоящих перед ним. Подобные вопросы являются важной составляющей подлинно человеческого способа существования. Тогда как определяющей основой человеческого бытия является его «самость». Познание своей самости позволяет человеку понять свое личностное начало, обрести свой взгляд на окружающий мир и свое отношение к нему.

Знание, которое человек постигает в процессе становления, требует активной вовлеченности субъекта не только в познание внешних вещей, но и осознания смысла, целей и своего места в окружающем его мире. Ищу себя, но кто же я в глубинах зыбких бытия? На этот вопрос может дать ответ философия. Именно она рассматривает предметы под углом зрения конечных целей мироздания. В поэзии мысль пробуждает в человеке новое понимание себя и окружающих его людей, ибо «под черствым равнодушием природы невыносимо осознать себя» [1], – это высказывание, выраженное в поэтической форме, принадлежит философу-космисту А.Л. Чижевскому. Смыслжизненные вопросы затрагивают каждого из нас и поэтому размышления над этими вопросами являются значимой составляющей подлинно человеческого способа бытия.

Стремление к поиску ответов на мировоззренческие вопросы, не довольствуясь готовыми

решениями, выливается в разные формы. Каждый в решении тех или иных вопросов выбирает свой путь. Кто-то довольствуется материальными интересами, а кто-то стремится раскрыть суть предмета. «Во всем мне хочется дойти до самой сути. В работе, в поисках пути, душевной смуте» [2, с. 300], – писал Б. Пастернак. Эта способность к самоотдаче, нацеленность не на предмет, а на раскрытие его сути, составляет высокую степень духовности. Дух – это способность выхода в трансцендентный мир. Николай Бердяев считал, что «дух есть свобода и свободная энергия, прорывающаяся в природный и исторический мир» [3, с. 441]. Духовность просветляет и преобразует человека, позволяя ему подняться над обыденной жизнью. «Человек в духовной своей глубине соприкасается с божественным и из божественного источника получает поддержку» [3, с. 443], – утверждает Бердяев. Результаты размышлений философов, ученых выливаются в самые разнообразные формы, одной из которых является поэзия. Она нацелена на акт трансценденции, позволяющей стать выше телесности и потребительских интересов.

Следует отметить, что предметами духовной деятельности могут быть не только предметы познания, но и эстетические ценности, создание и восприятие которых идентично творчеству. Творчество – это редукция вещей и отношений творца к тексту. В.И. Вернадский – энциклопедически мыслящий ученый и философ – рассуждая о творчестве Гёте, писал: «это был натуралист-художник, который отражал свою научную работу в своем художественном творчестве и ясно сознавал неразвитость художественного и научного охвата «природы» [4, с. 246]. По словам Вернадского, Гёте о своем времени отзывался так: «забыли, что наука первоначально развивалась из поэзии» [4, с. 246]. Многие философы и ученые в разные времена облакали результаты своих исследований в поэтические формы. Поэтическая форма изложения трудов философов и ученых имеет давнюю историю, начиная с художественных гимнов Вед, эпических произведений Гомера, научных трудов Гёте и др.

Поэзия не только интерпретирует мир в его многогранности, но и пробуждает в человеке ощущение сопричастности окружающему миру. Она позволяет выйти за пределы обыденного опыта, погружая нас в интересную реальность, мир фантазии и мечты, а также постоянного поиска и преодоления себя. Это особое чувство, связанное с радостным восприятием жизни и верой в красоту и гармонию бытия. Древнегреческий философ Платон в диалоге «Ион» устами Сократа утверждал: «Поэты, творя, говорят много прекрасного о различных предметах... не от умения, а по божественному наитию, и каждый может хорошо творить только то, на что его подвинула Муза» [5, с. 262]. Из сказанного следует, что для поэта вера в беспредельность бытия, в познание истинно сущего в предметах сравнима с радостью жизни и свободы как прорыва из иного (божественного) мира в этот мир (природный). Радость жизни – это основание для веры, Вера свободна, согласно Бердяеву, а знание принудительно. Следует радоваться необъяснимому, чтобы философствовать, привнося в этот процесс веру в красоту и свободу. Другими словами, это и есть тот беспредельный идеал, к которому всегда стремились мыслители и поэты.

В поэтических произведениях представителей русской поэзии можно наблюдать соединение красоты с истиной. Стихи Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака и других философичны по своей сути. Эта философичность обусловлена выбором вечных тем, которые интересуют всех, кто неравнодушен к себе и окружающим его людям. Борис Пастернак в раздумьях о поэзии определяет ее следующим образом в стихотворении «Определение поэзии»:

Это – круто налившийся свист,
Это – шелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок [2, с. 295].

Марина Цветаева о стихах писала: «Стихи растут как звезды и как розы». И заключала:

О мир пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка [2, с. 272].

В заключение хотелось бы обратиться к поэзии А.А. Фета, который пытаясь выразить всю гамму чувств, сетует на скудность языка:

Как беден наш язык! – хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною,
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою [2, с. 200].

Обращаясь к поэту Фет, отмечал: «Лишь у тебя поэт, крылатый слова звук хватает на лету и закрепляет вдруг и темный бред души и трав неясный запах» [2, с. 200]. Проблема человека, его духовного мира, его веры и свободы относится к вопросам вечно живым, требующим постоянного и трепетного внимания к себе. В этом, на наш взгляд, может помочь поэзия с ее стремлением к философичности.

Литература:

1. Александр Чижевский Космические сонеты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yasko.livejournal.com/949152.html>. (28.12.2019).
2. Путешествие в страну поэзия. Книга 1. Л.: Лениздат, 1970. 416 с.
3. Н. Бердяев Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Диалектика божественного и человеческого. М.: Изд-во АСТ, 2005. С. 341-498.
4. В.И. Вернадский Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // Избранные труды по истории науки. М.: Изд-во Наука, 1981. С. 242-289.
5. Платон. Ион // Избранные диалоги. М.: Изд-во Худ.лит, 1965. С. 256-273.

Динамика и логика поискового процесса

Майданов А. С.

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, доктор философских наук

anmaid@mail.ru

Аннотация: Доклад написан на основе анализа и обобщения опыта познавательной деятельности сектора «Философских проблем творчества» Института философии РАН. Эта деятельность динамична, ей в большой степени присуща стохастичность. В докладе построена теоретическая модель поискового процесса, показан его многоаспектный характер. Обращено внимание на этап фрагментации предмета исследования с последующим синтезом полученных фрагментов. Используется образ игры в пазлы, который выступает в качестве инверсной модели конструирования решения проблемы. Показано, как между получаемыми фрагментами искомого формируются логические линии их связей, в результате чего возникает сетевая конфигурация, которая выступает в роли сетевой логики поиска. Она обеспечивает сверхсинтез результатов исследования.

Ключевые слова: поисковый процесс, философия творчества, диалектика, синергетика.

Dynamics and logic of the search process.

Maidanov A.

Institute of philosophy of the RAS, Leading Research Fellow

Abstract: The report is based on the analysis and general conclusions of the experience of cognitive activities of The Philosophical Problems On Creation Department (Sector), The Institute Of Philosophy Of The Russian Academy Of Sciences. These cognitive activities are dynamic and they are largely inherent in stochasticity. The construction of a (new) theoretical model of the search process is given in the report. It also shows the multidimensional nature of the process. The report pays attention to the stage of fragmentation of the research subject with subsequent synthesis of the obtained fragments as well. The image of the puzzle game is used, acting as an inverse model for constructing a solution to the problem. It shows the way logical lines of relations are formed between the obtained fragments of the searched thing resulting the appearance of a network configuration that acts as a network logic of the search. It provides in super-synthesis of the results of the researches.

Keywords: search process, philosophy of creation, dialectics, synergetics.

История всякого познавательного процесса динамична, нерегулярна, содержит много разнокачественных компонентов и субпроцессов, направлений поиска и т.д. Для этой деятельности во многом характерны неупорядоченность, стохастичность, хаотичность, турбулентность, стихийность. С процессами такого рода трудно осуществлять аналитическую, объяснительную и прогностическую работу. Для того чтобы такая работа была возможна, нужно из всего перечисленного материала построить теоретическую модель данного процесса, которая в определенной мере упорядоченности, абстрактности, компактности позволила бы выявить некоторые существенные элементы, формы и закономерности исследовательского процесса. А на этой основе можно будет охарактеризовать такие его параметры, как динамика, структура, логика.

Одним из условий динамичности этого процесса является наличие в нем нескольких различных аспектов, которые вступают во взаимодействие друг с другом, обеспечивая общую динамику. В большинстве познавательных процессов функционируют такие аспекты: эволюционно-эпистемологический, логико-методологический, психологический, синергетический. При таком обилии аспектов поначалу вполне естественным будет поаспектный способ постижения процесса. В результате этого формируется определенный набор подходов и направлений исследования. При этом оно начинается с обособленного познания аспектов, которое постепенно переходит в сопряженное познание. Это определяет тот или иной тип познавательного процесса. Сначала в нем преобладает

стохастичность, то есть элементы с непредсказуемым, случайным, вероятностным характером. Полученные результаты слабо взаимодействуют друг с другом и в совокупности представляют собой неупорядоченный конгломерат – механическое соединение направлений и подходов и полученных с их помощью разрозненных результатов. Между этими результатами возникают разрывы, вследствие чего отдельные фрагменты сформированных знаний оказываются несвязанными, те или иные стадии исследования незавершенными. Происходит фрагментация исследуемого явления.

По мере роста количества исследованных фрагментов изучаемого явления постепенно происходит их сближение, а затем и синтез разрозненных частей искомого. Эту стадию поискового процесса можно вполне адекватно представить логической игрой в пазлы. Но происходит она в данном случае в обратном порядке. Если в игре сначала создается целостная картина какого-нибудь явления, затем она произвольно делится на части, притом в разных формах, а затем части собираются в единое, связное целое, то в случае познавательного процесса сначала отыскиваются и формируются части, при этом целого пока нет. Потом постепенно нужные части отыскиваются, и лишь затем приступают к их синтезу. Здесь мы имеем дело со своеобразным парадоксом познавательного процесса, который состоит в том, что мы начинаем с поиска частей, а затем переходим к их синтезу. В эпистемологическом контексте пазл предстает в виде отдельных аспектов познавательного процесса. Его отличие от игрового пазла заключается в количестве присущих ему измерений. Если в последнем, полученном путем разрезания плоского изображения, имеется два измерения, то в эпистемологическом пазле их четыре – три пространственных и одно временное. Пространством здесь является область познавательной деятельности. Процесс конструирования этого пазла – это процесс построения информационного пазла, содержанием которого является творческий познавательный процесс. При таком использовании процедуры пазла она выступает в качестве метода познавательной деятельности. Важно увидеть в некоторых аспектах исследуемого явления признаки их сродства, а затем представить их как элементы, стороны, аспекты определенного целого. Именно так поступил Г.И. Рузавин с диалектикой и синергетикой.

Поскольку мы далеко не всегда знаем, с каким фрагментом действительности связан некоторый другой фрагмент (а в такой связи могут находиться самые неожиданные фрагменты), то весьма естественно следует соотносить, связывать друг с другом близкие в каком-то отношении фрагменты в надежде получить новый, значимый результат. Множество полученных таким образом результатов подтверждает правильность этой гносеологической установки.

Этот процесс по своему составу многокомпонентный. Он включает в себя различные уровни, планы, блоки разнообразных функциональных элементов, вспомогательные конструктивные атрибуты и др. К числу уровней можно отнести эмпирический и теоретический. Среди планов присутствует репродуктивный, образованный из ранее полученных результаты, и креативный, состоящий из инноваций. Имеет место план основных и план промежуточных проблем. Из числа блоков функциональных элементов можно назвать блок исходных данных, блок пробных решений, блок готовых результатов. Все перечисленные компоненты на протяжении познавательного процесса находятся друг с другом в отношениях и связях разной степени прочности, близости, множественности. По мере приближения к искомому эти характеристики усиливаются, что может быть использовано в качестве критерия прогресса поисковой деятельности.

Часто в основании описанных компонентов находится исходный, базисный концептуальный уровень. Он, как правило, включает в себя универсальные понятия философского или общенаучного содержания. Но такие понятия со временем, естественно, устаревают и могут давать исследователям ошибочные ориентиры, как было, например, с категориями диалектики советского образца. Выход к обновленной системе универсальных понятий был осуществлен Г.С. Батищевым, Г.И. Рузавиным, В.С. Стёпиным. Здесь мы имеем факт повторного движения познавательного процесса, но уже на более высоком уровне. Содержание этого факта состоит в том, что процесс изучения научного познания начался с применения классической диалектики, а к настоящему времени вновь обратился к диалектике, но уже в ее новой форме – в единстве с синергетикой.

Г.И. Рузавин обратил внимание на то, что для синергетики, как и для диалектики, особое значение имеет феномен развития наряду с самодвижением объектов. Понять эти феномены можно с помощью концепции самоорганизации, ставшей предметом исследования для синергетики. Эта дисциплина выступает в качестве основы самодвижения и развития материальных систем. Для диалектики как общеподлинной концепции развития особый интерес представляют исключительно

процессы самоорганизации, так как с ними связаны явления усложнения и эволюции материальных систем и соответствующих им структур. Синергетика как новое направление междисциплинарных исследований имеет особое значение для конкретизации и разработки ряда фундаментальных положений диалектической концепции развития. К развивающимся же процессам можно отнести все процессы, которые сопровождаются самоорганизацией и образованием качественно новых структур. Научный поиск предстает перед нами как процесс развития и совершенствования форм самоорганизации. Этот процесс служит естественнонаучной основой и экспликацией философской категории развития, которая на конкретном материале показывает, что решающим условием любого процесса развития является его самоорганизация, приводящая к возникновению новых концептуальных структур.

Познавательный процесс начинается с фрагментации объекта исследования, с выделения в нем различных аспектов, с обособленного их изучения. Но по мере накопления знаний об отдельных фрагментах мы замечаем существующие между их элементами различные отношения – сходства, связи, зависимости и т.д. Это становится условием для осуществления операции синтеза фрагментов. По этим отношениям начинают проходить линии связи фрагментов – логические линии. Они, как правило, проходят в разных направлениях. Все вместе они образуют сетевую конфигурацию, отображающую систему связей и отношений между компонентами познавательного процесса. Эту конфигурацию можно назвать сетевой логикой данного процесса. Теперь исследователи, руководствуясь этой сетью, могут более рационально перемещаться по всему пространству познавательного процесса, определять функции каждого фрагмента и его элементов, уточнять свои знания о них, сравнивать их, отождествлять, обобщать и т.д. Операцию синтеза можно проводить и на более высоком уровне теоретических представлений – не на уровне фрагментов той или иной области знания, а на уровне целых дисциплин и крупных направлений исследований, как, например, было с диалектикой и синергетикой. В данном случае мы будем иметь дело со сверхсинтезом, обладающим большей продуктивностью.

Необходимо обратить внимание еще на один важный компонент в структуре исследовательской деятельности – это язык научного творчества. Анализируя научные тексты в процессе изучения творчества, мы замечаем, что они состоят из двух различных типов понятий, или терминов. Одни из них относятся к исследуемым в этих текстах феноменам действительности и их характеристикам, другие к применяемым к этим феноменам и характеристикам познавательным средствам и действиям. Ко второму типу факторов относятся проблемы и задачи, методы, приемы и правила их решения, способы выдвижения новых идей, действия по проверке достоверности полученных результатов и т.п., то есть все те вспомогательные средства, которые способствуют получению нового знания. Вся совокупность этих факторов образует инструментарий творческой деятельности и исполняет роль языка научного творчества. Знание этого языка, продуктивного потенциала входящих в него терминов, способов и условий их применения в большой мере обеспечивает успех исследовательской работы.

В процессе изучения творчества эпистемология выявила значительное количество таких терминов, эксплицировала их значения, описала способы их адекватного и эффективного использования. Они определяют поле, пространство, масштабы научного поиска, могут подсказать проблемы в этой сфере, помогают наметить векторы дальнейших исследований

Марченко О.И.

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, профессор, доктор философских наук

olgaimarchenko@yandex.ru

Аннотация: Человека, действующего словом, изучает со времен античности риторика. Эта древняя дисциплина объединяет в себе философское, логическое, лингвистическое, психологическое, социологическое знание, она создает некое обширное и богатое по своему потенциалу культурное единство. Риторический идеал, опирающийся на Логос, Этос, Пафос и пять этапов риторического канона, можно считать исчерпывающей моделью, представляющей собой своего рода совокупность всех возможных моделей речевого поведения. Потребность в Истине, Добре, Красоте пронизывает все уровни и сферы человеческих взаимоотношений. Гуманитарная культура диалогична, и риторика является оптимизирующим механизмом человеческого общения, через которое передается культура.

Ключевые слова: речевая деятельность, общение, культура, мышление, творчество, искусство, язык, речь, слово.

Rhetoric as a Cultural Ideal of Speech Interaction.

Marchenko O.I.

Professor of Saint Petersburg State Institute of Culture

Abstract: Person acting in short, studying rhetoric since antiquity. This ancient discipline combines philosophical, logical, linguistic, psychological, sociological knowledge, it creates a kind of vast and rich in its potential cultural unity. A rhetorical canon, based on Logos, Ethos and Paphos and five stages of rhetoric, can be considered to be a comprehensive model, representing a collection of all possible models of speech activity. A need in Truth, Good and Beauty penetrates all levels and domains of human relationship. A humanitarian culture represents a dialogue, and rhetoric acts as a mechanism enhancing interpersonal communication, through which the culture is expressed.

Keywords: speech activity, communication, culture, thinking, creation, art, language, speech, word.

Только человек из всех живых существ одарен речью. Именно дар речи отличает человека, только и делая его человеком, справедливо замечено М.Хайдеггером. Причем это не является одной из *многих* человеческих способностей, одним из видов человеческой деятельности, этой линией очерчена *сущность* человека как такового.

Для поиска ответа на вопрос о развитии когнитивных способностей отдельного человека и культурном идеале речевых отношений между людьми обратимся к риторике. Ее целью является поиск способов убеждения. Рожденная античностью наука призвана была усовершенствовать речевое взаимодействие, т.е. ее предмет - не речь, а речевые взаимоотношения, **отношения** между людьми.

Для системы риторики важно, что и язык, и речь связаны со всей совокупностью чувственного и мыслительного поведения человека, они организуют его жизнь, познание, общение, творчество. Риторика, рассматриваемая как теория речевого взаимодействия, является особым действенным устремлением многих наук. Сложные и многообразные когнитивные функции – восприятие, мышление, речь – находятся в поле зрения этой междисциплинарной интегративной гуманитарной дисциплины, нацеленной на особое качество речи, именуемое с древности красноречьем.

Софисты вносят в раннегреческие представления следующее положение: человеческая жизнь не протекает лишь «по природе», а представляет собой «произвольные старания», требующие особых усилий. В античном сознании эти усилия обозначаются словом «пайдейя», т.е. воспитанность и образованность. Тожественное по смыслу слово «культура» рождается в Древнем Риме как оппозиция понятию «натура», результатом культуры является духовно «возделанная» личность. Соответственно, человек попадает в сферу культуры в той мере, в какой он рассматривается как творец самого себя. В этой борьбе Логоса с Хаосом и человеческой речи также должна была быть присуща «космическая» организованность.

Формирующая человеческие души пайдейя, по платоновскому определению, означает руководство к изменению не только человека, но и общества. Именно риторика находится в центре воспитательных планов, именно она является той силой, которая призвана усовершенствовать человеческую жизнь и создать для нее максимально справедливые формы. Эту генетическую морфологию идеальных отношений человека и полиса следует иметь в виду в качестве философского фона для понимания риторики.

Антропоцентристское мировоззрение греков противопоставляет убеждение насилию. Поскольку, как замечает Платон, человек сам для себя недостаточен и имеет нужду во многих, то риторический этос призван помочь преодолеть обособленность в человеческих отношениях и обеспечить совместный образ жизни. Через слово реализуется первая из человеческих потребностей – потребность в других людях.

Именно в этой связи хотелось бы подчеркнуть неправомерность все чаще встречающегося сегодня в лексике о языковой личности отождествления понятий «общение» и «коммуникация». Если последняя есть способ передачи субъектом определенной информации получателю – объекту, то речевая деятельность, называемая общением, свободно избираема и, главное, основана на эмпатии и сопереживании, на заинтересованной потребности человека в другом человеке. Этот «другой» есть со-участник моего бытия: со-брат, со-трудник, со-племенник.

Система собственного «я» немыслима без системы другого, добропорядочная жизнь – деятельная жизнь для других. В философии древних всякая разумная деятельность стремится к некоторому благу (в античном мире *благочестие* было политическим понятием, законы полиса находились под покровительством богов). Для совершенного человека это равноценно *прекрасному* выполнению разумной деятельности. Совершенный человек есть *искусный* человек. Человеческая добродетель есть *умение*, прежде всего, умение верно ориентироваться, выбрать надлежащий поступок, определить местонахождение добра.

Использование законов воздействующего на собеседника, яркого и благодатного слова помогает творческой интуиции верно сработать в момент творчества. Само понятие искусства («техне») появилось в античной философии для обозначения всякой умелой практической деятельности. У Аристотеля в трактате «Риторика» находим мысль о том, что искусство есть не что иное, как творческая привычка следовать истинному разуму, то есть закономерное умение, которому можно научиться. Цицерон позже сформулирует известное всем: поэтами рождаются, ораторами становятся.

На протяжении всего периода античной культуры риторика предопределяет не только стиль речи, но до известной степени и образ мыслей и поведения, т.е. философию жизни. Философия претендовала на то, что она есть истинная риторика, риторика - на то, что она есть истинная философия. В феномене софистики они являли неразрывное единство, подтверждающее неразделенность мысли и слова. Сошлемся на С. Аверинцева, утверждавшего, что античный тип культуры дает и философии, и риторике возможность попросту отождествлять себя с культурой в целом, культуры античного типа как мыслительно-словесной культуры.

Слово бесконечно разнообразно по степени своего воздействия, его «жизненная сила» бывает очень велика. Именно риторика призвана была изучать действующую речью человека и рекомендовать правила искусной, целесообразной и убедительной речи. Классическая античная традиция рассматривает риторику как искусство находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Такое определение риторики мы находим у Аристотеля. За два с половиной тысячелетия понимание предмета риторики, ее задач, внутреннего строения и соотношения с другими областями знания не раз претерпевало существенные изменения.

Можно говорить о разных подходах к пониманию сути риторики:

- как самой реальной речевой деятельности;
- как учебной дисциплины, составляющей основу классического гуманитарного образования;
- как технологии речевого мастерства;
- как науки, разрабатывающей законы оптимального осуществления речевой деятельности в различных социальных сферах;
- как особого искусства речи - прикладного искусства слова, составляющего единство практической направленности и художественно-образного воплощения.

Представление о риторике, строго регламентирующей всю систему речевых средств, как о господстве схем, правил и шаблонов неверно. Риторическая культура таит в себе возможности бесконечного богатства вариантов. Нормативное иго риторических предписаний, границы и правила не являются однозначно и жестко заданными, они позволяют осуществлять выбор, оставляют нам определенную степень свободы для индивидуального регулирования процесса речи

Процесс речевых отношений становится «человеческим» лишь в том случае, когда он опосредован идеальными, говоря платоновским языком, продуктами культуры. В нашем случае это риторические нормы и ценности. Сущность риторики в ее «улучшающем» характере, стремлении к **совершенству**, т.е. совершенному качеству всего, что становится предметом нашего переживания, мышления, общения, поведения. Риторические нормы и ценности фиксируют некое идеальное состояние человека и общества. Обучение риторике устанавливает культурную вертикаль, онтологическую перспективу жизни, концентрируя и воплощая предельные устремления к диалогу с себе подобными.

Литература:

1. Марченко О.И. Риторика как норма гуманитарной культуры: Учеб. пособие для вузов. - М., 1994.
2. Марченко О.И. Тривіальная риторика: логос, этос, пафос. - СПб., 2001.

Творчество как форма индивидуальной активности земледельца

Михайлова Р.В.

Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, доктор философских наук, профессор

neti-mix@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика творчества земледельца в контексте понимания земледелия как вида практической деятельности в процессе взаимодействия человека и природы. Их отношения представляются как своеобразная игра сущностных сил человека и природы. Процесс взаимодействия земледельца с природой, сопровождающийся высоким уровнем непредсказуемости и неопределенности, требует у него сложный комплекс умственных усилий в процессе повседневного труда. Здесь он выступает как субъект творческой деятельности. Многомерное творчество земледельца актуализирует духовность, влияет на земледельческий аспект его личности. Творчество как духовная составляющая личности земледельца в своей первичной основе экзистенциально. В современном мире со становящимся глобальным мышлением, созвучным ему «универсальным мировоззрением», как показывают исследования, экзистенциальные смыслы блокируются. В этих условиях творческое отношение земледельца к труду вместе с развитием образованности, цивилизованности призвано способствовать его саморазвитию. Локальная специфика творчества земледельца становится значимой для расширения разнообразия глобального мира, а также для возвращения современному человеку соразмерного ему мира.

Ключевые слова: земледелец, земледельческий труд, деятельность, природа, знания, творчество, новый (новизна), дух, локальный.

Creativity as a form of individual activity of a farmer.

Mikhailova R.V

Chuvash State Agricultural Academy

Abstract. The article discusses the specifics of the work of a farmer in the context of understanding agriculture as a type of practical activity in the process of interaction between man and nature. Their relationship is presented as a kind of game of the essential forces of man and nature. The process of interaction between farmer and nature, accompanied by a high level of unpredictability and uncertainty, requires a complex set of mental efforts in the process of everyday work. Here farmer acts as a subject of creative activity, and his multidimensional creativity actualizes spirituality, affects the agricultural aspect of his personality. Creativity as a spiritual component of the personality of a farmer is existential in its basis. As research shows, global thinking and the “universal worldview”, which enter into the foreground in the modern world, cause blocking of existential meanings. Under these conditions, farmer’s creative attitude to his work, together with the development of education, civilization, is intended to contribute to his self-development. The local specificity of farmer’s work becomes significant for expanding the diversity of the global world as well as for returning to the modern man of a world proportionate to him.

Key words: farmer, agricultural labor, activity, nature, knowledge, creativity, new (novelty), spirit, local.

Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления специфики локально ориентированной творческой деятельности земледельца в контексте поиска значимого в ней в условиях глобализации современного мира.

В данной статье мы ставили цель – рассмотреть специфику творчества земледельца как формы его индивидуальной активности, а также особенности личностного развития земледельца как субъекта творчества.

В научной и философской литературе до сих пор нет общепризнанного определения понятия творчества. В философской литературе творчество рассматривается как необходимый атрибут человека, ибо «творцом может быть только человек – носитель духа» [1]. Отмечается, что в любой челове-

ской деятельности помимо нетворчества (элементы рутинизированности труда) присутствуют элементы творчества. В литературе отмечаются широкая палитра составляющих феномена творчества (его предпосылки, факторы и компоненты, смысл и назначение и др.), а также имеющиеся в современной философии разногласия по основным его проблемам.

Учитывая сложность и многообразие подходов к определению понятия творчества в современной литературе, не вдаваясь в подробности дискуссии по дефиниции этого понятия, мы присоединяемся к известному определению: «творчество - деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее» [2, с.670]. Следует признать, что осмысление феномена творчества предполагает рассмотрение понятий творчества и креативности, а также вопроса о возможном соотношении их. Имеющиеся в литературе взгляды по данной проблеме свидетельствуют об их плюрализме (их анализ осуществлен в монографиях Шумилина А.Т.[3], Николоко В.Н. [4], в статье Большакова А.В. [5] и др.), а также о концептуальной неразработанности понятия креативность. В нашей статье в качестве базового понятия мы используем понятие творчества, исходя из возможности его применения без ограничений применительно к отношениям человека к природе в процессе земледельческого труда.

Мы исходим из принципиального положения о том, что творчество вырастает из деятельности и повседневного труда человека. Земледелие является одним из видов практической деятельности человека. С учетом рассматриваемой темы под земледелием мы понимаем систему воздействий на почву (ее механическая обработка, внесение удобрений, севообороты и др.), направленных на формирование совокупности свойств почвы, которые связаны с сохранением и повышением ее плодородия для создания необходимых условий с целью получения устойчивых (высоких) урожаев. Почвой является поверхностный слой земной коры (земли), обладающий способностью плодородить. Поскольку земля выступает условием и фактором жизнедеятельности человека, занятого земледелием, то его мы будем называть земледельцем (по большей части земледельцами являются сельские жители). Земля может быть использована им для растениеводства, животноводства, овощеводства, плодоводства.

Отношения земледельца и природы – это своеобразная, сложная игра сущностных сил человека и природы. В конкретной реальности возделываемого поля, сада с плодовыми деревьями, общения с животными, человек испытывает изобретаемые им «хитрости» (по Гегелю) и приемы, осуществляя сознательную игру с наличными возможностями. Эта «игра» предполагает не свободу субъективности, а принцип поступать, «зная меру». Она сопровождается неопределенностью, риском. Отсюда земледелец должен ориентироваться в разных обстоятельствах, уметь наблюдать за состояниями природы и заранее представлять возможные изменения в том, на что направлена его практическая деятельность. Взаимодействие земледельца с природой, имея элементы «игрового духа», требует у него сложный комплекс умственных усилий в процессе повседневного труда: повышенной восприимчивости, сообразительности, воображения, предусмотрительности, интуиции, большого терпения, творчества, обостренности изобретательности, напряжения воли и ума. Здесь уместно высказывание К. Маркса, который вслед за А.Смитом отмечал: «труд крестьянина (земледельца. - Р.М.) имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчиненного разделению труда... Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в обществе (курсив авт. – Р.М.), тогда как труд земледельца заставляет его общаться непосредственно с природой (курсив авт. – Р.М.)» [6, с.253]. Земледелец должен владеть всем комплексом знаний, умений, быть творческим при их применении. Это связано со спецификой аграрного труда, состоящего из целостного цикла разнообразных сельскохозяйственных работ, отсюда - с универсальностью труда на земле, протекающего в самых разнообразных природных, технических, социальных условиях.

Земледелец, если даже при условии не знает как, он должен творить. Он выступает субъектом творческой деятельности. Творческое напряжение мысли, мыслящего духа придает ей (мысли) силу и способствует земледельцу оставаться сильнее того, что нарушает его планы, прогнозы, благополучие. В мышлении земледельца в процессе его труда присутствуют элементы самостоятельности, свободного авторского мышления. Такое мышление связано с «игривыми» и «извивными» глубинами (по А.Ф. Лосеву), а не с рассудочными схемами, внутреннего мира личности земледельца. Так, благодаря индивидуальным особенностям в способностях, даже при наличии коллективного опыта, возможно своеобразие практикуемых в данной местности приемов земледелия. Можно сказать, что импульсы творческой активности находятся в интенциональности сознания, в человеческой субъективности

земледельца. Здесь творчество выступает как утонченная, духовная составляющая внутренне, естественно раскрепощенной личности земледельца. Необходимо постоянное творчество как позитивно-созидательная, активная деятельность, направленная на практическое создание качественно «нового как локального события» [7,с.130]. В процессе творчества новизна возникает на основе рекомбинации ранее известных знаний как результата прошлого опыта, полученных впечатлений, то есть на основе старого.

Работа земледельца носит нестандартный характер, а приложение каждодневного труда территориально разбросано по многим местам и имеет подвижный характер. Высокий уровень неопределенности всюду и всегда. Отсюда необходимость выполнять труд в предпочтительном для земледельца рабочем ритме, делать основной упор на непосредственную живую деятельность. Эти же обстоятельства способствуют развитию индивидуальных умений, навыков, способности интуитивно проникать в суть проблемы, изобретательности, напряженности воли, творческих способностей, духа в процессе труда. С названными характеристиками связана индивидуальная активность как качественная характеристика личности земледельца.

Разные природные условия определяют новизну в труде земледельца. К тому же участок поля каждого земледельца выглядит по-своему, нет единообразия даже с участком соседа. Разумеется, в этих условиях не могут применяться абсолютно одинаковые способы обработки почвы, возделывания урожая и др. Земледелец на опыте знает, что каждый сезон весьма своеобразен, ибо погода всегда изменчива. В действительности момент непредсказуемости в отношениях земледельца с природой неискореним, а ситуации неопределенности неисчерпаемы. Отсюда практическая деятельность земледельца постоянно подвергается испытанию.

Устремленность пытливой мысли, духа земледельца связана с созданием образа (конкретного) воображения, образа (идеала) как представления на основе собственной проекции. Для сознательно относящегося к своей деятельности земледельца заветной мечтой является «получать два колоса там, где прежде родился один» [8, с.61]. Земледелец сознательно, волевым актом осуществляет выбор (отбор и следование) того или другого культурного растения (иногда даже разновидности), выбор того или другого культурного приема. Он приспособится к специфике местности, высеивая тот или иной сорт семян соответствующих культур. Энергичный, ответственный хозяин сумеет сделать доходным и приносящим пользу всякий земельный участок, используя для этого необходимые средства против неблагоприятного климата и его свойств (холода или жары, сухости или обильных осадков).

Земледелец совершает труд на почве, уникальной по всем климато-географическим условиям своего существования. С этим связано мастерство земледельца, основанное на имеющихся у него знаниях, накопленном опыте. Мастерство и умения отражают зональные (локальные) особенности земледельческого труда, обусловленные природной спецификой. Речь идет о важности найти земледельцу оптимальные для уникальных реальных ситуаций в своих конкретных природных условиях, в регионе варианты реализации универсальных закономерностей и методов земледелия, животноводства, садоводства и др. Необходимость учета земледельцем фактора зональности почв и климата, связанного с ним распространения растений, животных, насекомых обусловила привязанность агрономических знаний к конкретной природной среде, к определенной местности, к пространству. Эти знания, имея прикладной характер, не космополитичны, т.е. не могут использоваться в значительной части земного шара; они «привязаны» к локально-региональному использованию. Прикладные локальные агрономические знания представляют из себя фрагментарно усвоенные знания, накопленные в общечеловеческой культуре.

Земледелие, понятое в философском плане как особый вид взаимодействия человека и природы, и развертывающееся как в природно-биологическом, так и в социальном контекстах, требует определенных условий, необходимых для его развития. Среди них мы имеем ввиду то, что способность к многомерному (всестороннему) творчеству в процессе земледельческого труда обуславливает особенности личностного развития земледельца. С творчеством, которое актуализирует духовность, связан определенный - земледельческий - аспект развития личности земледельца. Духовность же, по экзистенциализму, составляет экзистенцию человеческого бытия. Многомерное творчество земледельца как разновидность индивидуального духовного опыта в своей первичной основе экзистенциально (жизненно).

Современная техногенная цивилизация подготавливает условия для того, чтобы творческое

занятие земледелием могло осуществляться не ради экзистенциально существенного (со свойственным ему духом – переживаниями в пограничном состоянии). Теперь, как отмечает М.Д.Култаева, «экзистенциальные смыслы... блокируются там, где утверждается глобальное мышление» [9, с.43] Последнее созвучно становящемуся в наше время «универсальному мировоззрению».

Сказанное приводит нас к пониманию того, что в условиях современной цивилизации творческое отношение к любым видам труда, включая земледельческий труд, призвано способствовать саморазвитию интеллекта, а значит человека. Проблема саморазвития человека предполагает расширение, развитие образованности, а вместе с ним цивилизованности. При таком подходе локальная специфика творчества земледельца выступает как необходимое условие и предпосылка возрастающего разнообразия, а также как возвращение человеку соразмерного ему мира в нынешнем глобальном мире. В этих условиях земледелец должен обладать достаточными личностными ресурсами, чтобы интегрироваться в реалии современного мира.

Литература:

1. Творчество // Новая философская энциклопедия (в четырех томах, 2001 г.). – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1393/tvorchestvo.htm>
2. Философский энциклопедический словарь/Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. М.: «Сов. Энциклопедия», 1983. 840 с.
3. Шумилин А.Т. Проблемы теории творчества: Монография. М.: Высш. шк., 1989. 143 с.
4. Николоко В.Н. Творчество как новационный процесс (Филос.-онтол. анализ). Симферополь: Таврия, 1990. 189 с.
5. Большаков А.В. Проблема определения творчества // Аналитика культурологии. 2007. № 2 (8). С. 13-22.
6. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII-XVIII // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. 703 с.
7. Михайлова Р.В. О духовности крестьянства (теоретико – методологический аспект): монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 274 с.
8. Тимирязев К.А. Избранные сочинения в двух томах. Т.1. М.:Наука, 254 с.
9. Култаева М.Д. Локальное в лабиринтах всемирного общества: методологический аспект // Вопросы философии. 2011. №9. С. 34- 44.

Архитектурная феноменология как философский концепт смыслостроения в творчестве

Молодкина Людмила Васильевна

*Государственный университет по землеустройству, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, декан факультета по переподготовке специалистов с высшим образованием.
Кандидат философских наук*

lmolodkina@hotmail.com

Аннотация: В работе предпринята попытка анализа феноменологических принципов, спроецированных на творческую сферу архитектуры как исторической, так и современной. В качестве научной аргументации использована архитектурная феноменология современных архитекторов К.Норберга-Шульца, С. Холла.

Ключевые слова: культурные смыслы, конструирующий субъект, жизненный мир, интенциональность, интенциональный предмет.

Architectural Phenomenology as a Philosophical Concept of Meaning-Making in Creativity. Lyudmila Molodkina

The State University of Land Use Planning and Management, assistant professor of social and legal sciences and humanities, Dean of the Faculty of retraining of specialists with higher education

Abstract: The work attempts to analyze the phenomenological principles projected on the creative sphere of architecture, both historical and modern. As a scientific argument, the architectural phenomenology of modern architects K. Norberg-Schulz, S. Hall is used.

Key words: cultural meanings, constructing subject, life world, intentionality, intentional subject.

«Здания говорят через молчание воспринятого феномена».

Стивен Холл.

Сложная семантическая структура архитектурного творчества представляется как генезис различных архитектурно-природных компонентов, насыщенных многообразием духовных смыслов и утилитарных значений, которые составляют основу творческого замысла автора-архитектора как конструирующего субъекта и наличествуют уже в его архитектурном проекте. Помимо первичного утилитарного значения, архитектурный объект наделяется со стороны авторского сознания, так и сознания потенциального потребителя дополнительным смысловым объемом. Важно уяснить, каким образом происходит сам акт творения, как образуются новые формы, как зарождается и развивается архитектурное творчество и как формируется благодаря этому архитектурное пространство в своем ценностном измерении, обретая порой бесчисленное количество смысловых оттенков.

Вдохновляющим источником выбора данной темы явилось знакомство с теоретическими трудами современных архитекторов - К.Норберга-Шульца, С.Холла, Н.Эль-Бизри, Д.Либескинда Норберга-Шульцу, является понимание и конкретизация в проектировании и сооружении здания, «которые вбирают в себя качества данного места и приближают их к человеку» Возрастающее число последователей К.Норберга-Шульца свидетельствует о неистощаемом научном и проектном интересе к архитектурно-феноменологической методологии, не противоречащей техническому языку и «диалогу» инженерных конструкций, а напротив, являющейся духовным основанием интересубъективного «диалога» теории и практики в зодчестве. В плеяде увлеченных феноменологическими идеями выдающихся философов, стремящихся серьезно привить философскую феноменологию к архитектурной творческой деятельности, без преувеличения следует выделить очень яркого и самобытного современного американского архитектора-практика Стивена Холла, который не без оснований может считаться основоположником и апологетом практической феноменологии в архитектуре и автором автопоэтического подхода к архитектурному проектированию. Со студенческой скамьи Холл был увлечен феноменологией восприятия, разработанной французским философом М. Мерло-Понти: «Я сразу же обнаружил связь между

текстами Мерло-Понти и архитектурой. И я начал читать у него все, что только мог найти» [3, с.302]. В 2007 году Холл опубликовал книгу «Вопросы восприятия: феноменология архитектуры» (Questions of Perception: Phenomenology of Architecture, 2007), в которой автор выражает собственную концептуальную позицию и на ее основе формулирует феноменологическую теорию философских проблем творчества в архитектуре. «Феноменология – это философская наука о явлениях, - рассуждает С. Холл, - она наполняет смыслом мой профессиональный опыт. Архитектура – феноменологическая дисциплина, и я считаю, что мы способны понять архитектуру, только осознавая тот момент, когда наши тела движутся сквозь пространство. Если вы повернете голову, отведете взгляд или повернетесь в другую сторону, то увидите другое, только что раскрывшееся пространство. И эта возможность у вас появилась только потому, что вы совершили движение. Также вы заметите другую текстуру поверхностей и почувствуете иную материальность здания. Наблюдение и анализ во время (и после) этих простых изменений своего положения – единственный путь по-настоящему понять и прочувствовать архитектуру. Рассматривая книгу с иллюстрациями даже величайшей в мире постройки, вы не сможете понять, каково это здание на самом деле. Не оказавшись рядом с ним, вы не услышите мелодии, которая возникает благодаря его специальной акустике, не ощутите его материальности и пространственной энергии, его уникальной игры света» Иначе говоря, феноменологический подход к архитектурному творчеству позволяет проследить движение «смыслов» в образах архитектуры, смену и дополнительное семантическое насыщение архитектурного «нарратива».

Понимание архитектуры как мира феноменов цвета, запахов, звуков, текстур и пр., эстетически «играющих» в пространстве, сближает концепцию С. Холла с энвайронментальной эстетикой, цель которой состоит в постижении гармонической согласованности и целостности всех компонентов окружающей среды. Восприятие феноменов архитектуры современным реципиентом, «пробуждение чувств» к архитектурным и градостроительным ценностям, в том числе и к такой их идеальной вариации, как «место», — это то, что вызывает переживание пространства. Прилагая феноменологические методы к архитектуре, С. Холл апеллирует также и к идеям Г.- Г. Гадамера, считавшего феноменологию практической философией. К практическому знанию, наряду с архитектурой, причислялись также поэзия и живопись, близкие к древнегреческому понятию «техне». Именно в контексте обоснования собственной архитектурной практики феноменологические идеи оказались так созвучны С. Холлу.

Феноменологические категории «тела», «укорененности», «ограничения», «неопределенности», «хиазма», «параллакса», «духа места» - идеальные компоненты «жизненного мира» (Э.Гуссерль) архитектурного творения - в архитектурно-феноменологической теории С.Холла приобретают концептуальное и методологическое значение. «Место» в архитектуре представлено как «укорененность» и «ограничение» в реальности. Идея «живания» в мире, а потому архитектура способна изменить образ и принципы нашей жизни. «Место» как феномен, считает Холл, всегда требует культурного контекста, в котором концептуальная идея «укорененности» конституирует ауру места, усиливая и задерживая внимание на уникальности «места» в его локально-камерной ситуативности. Важность культурного контекста в архитектуре, с точки зрения Холла, обусловлена не только требованием артикуляции исторической, мемориальной значимости «места» - четко обозначенная культурная парадигма является мощным стимулятором переживания реципиентом ситуации и атмосферы «места». Холл стремится создать эмоциональный контакт с местностью, окружающим ландшафтом и их исторической содержательностью, акцентируя при этом важность чувственного переживания архитектурного-ландшафтного целого: «Важно зацепить идею, которая парит в воздухе каждого места. Это может быть все, что угодно: истории, передаваемые из уст в уста, живой фольклор, неповторимый юмор. Ведь оригинальные и аутентичные элементы культуры настолько сильны, что заставляют нас забыть о стиле» [2].

Феноменологическую концепцию «места» Холл обогатил и введением в нее специфического понятия «параллакс», понимаемого им как движение тела в пространстве и смещение восприятия. «Параллакс» описывается как жидкое пространство и изменяющийся пейзаж: «Архитектура – феноменологическая дисциплина, и я считаю, что мы способны понять ее, только осознавая тот момент, когда наши тела движутся сквозь пространство» [2]. Как архитектор-практик С. Холл пытается объяснить динамичный и нестабильный характер восприятия пространства архитектуры изменением света в течение дня или возрастом материалов и т.п. К примеру, «параллакс» архитектурного пространства Дома как «места» показывает его динамичность и подвижность, темпоральность существования. «Дом – это не объект, это динамические отношения местности, восприятия, неба и света с особым вниманием к

внутренним сценариям движения... Даже в маленьком доме вы можете восхищаться наложением перспектив, которое возникает благодаря движениям, смещениям, изменениям освещенности» [4, с.16].

В рамках краткой феноменологической интерпретации архитектурного творчества следует подчеркнуть, что архитектура как феномен это, прежде всего, «социальный» вид творческой деятельности. Несомненно, это связано со всеобщностью и целостностью экологического внимания к естественной и искусственной природно-ландшафтной среде, с уникальностью теоретических постулатов энвайронментальной эстетики восприятия окружающего ландшафта, а также с повышенным интересом к рефлексии углубленных и усложненных философских представлений об архитектуре в качестве социального феномена высокого ранга.

Литература:

1. Норберг-Шульц К. Жизнь имеет место // Известия высших учебных заведений. Architecton. 1995. № 1-2. с. 24-31. Переводсангл. ИовлевВ.И.//«Oslo-School of Architecture». Research Magazine.1991.№1.//Ed by H.Dunin - Woyseth, Y. Solheim, E. Urheim), p. 24-26.
2. Вин А. Интервью, журнал Архидом, № 80 [Электронный ресурс][URL: <http://archidom.ru/content/1170.html>].
3. Holl S. Parallax, New York.: Princeton Architectural Press, 2000. - 353 с.
4. Holl S. House: Black Swan Theory. New York.: Princeton Architectural Press, 2007. Questions of Perception: Phenomenology of Architecture. San Francisco.: William Stout Books, 2007.-155с.

Моркина Ю.С.

Институт философии РАН (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук), старший научный сотрудник. Кандидат
философских наук

morkina21@mail.ru

Аннотация: На фоне растущего интереса к проблеме творчества в философии представляется актуальным исследовать гносеологические аспекты человеческой креативной деятельности, к которой, в частности, относится поэтическое творчество. А.А. Потебня сравнивал поэтическую деятельность с научной и рассматривал ее как способ познания. Мы, анализируя поэтическое творчество с философской точки зрения, видим поэзию как особый вид познавательной деятельности человека. Как таковой оно имеет свой предмет: человеческую экзистенцию, состояния человеческого сознания – и исследует данный предмет своими особыми поэтическими средствами. Этим обусловлена особая достоверность поэтического произведения как содержащего знания о субъективной реальности человека.

Ключевые слова: философия, творчество, поэзия, наука, знание, смысл, апперцепция.

Epistemology of poetic.
Morkina J.S.

RAS Institute of Philosophy

Abstract: According to growing interest on the problem of creativity in philosophy, it seems be relevant to investigate epistemological aspects of human creative activity, which, in particular, includes poetic work as creativity. A.A. Potebnya compared poetic activity with scientific and considered it as a way of cognition. We, analyzing poetic creativity from the philosophical point of view, see poetry as a special kind of cognitive activity of a person. As such, it has its subject: namely human existence, states of human consciousness. In such cognitive activity this subject explores with its special poetic means. This is due to the special reliability of the poetic work as containing knowledge about the subjective reality of human being.

Keywords: philosophy, creativity, poetry, science, knowledge, meaning, apperception.

Современное состояние философии характеризуется растущим интересом к проблеме человеческого творчества. Не остается в стороне и эпистемология, в рамках которой ставятся вопросы о научном творчестве, о роли творчества в познании. В связи с вышесказанным представляется актуальным исследование когнитивных основ поэтического творчества как частного случая человеческой креативности вообще, а также как совершенно особой человеческой креативной деятельности. Эпистемология поэтического творчества до сих пор остается слабо разработанной, хотя еще российский и украинский языковед, литературовед, философ XIX века А.А. Потебня, как и его последователи из Харьковской лингвистической школы, сравнивали поэзию с наукой [1]. В результате такого сравнения поэзия предстает как особый вид познания. Немаловажную роль в поэтическом творчестве играет апперцепция, поскольку, чтобы быть в распоряжении автора, поэтические средства должны быть доступны сознанию, даже в той своей части, которая при инсайте приходит из бессознательного. Апперцепируется как тема стихотворения, так и материал, из которого оно создано: поэтические образы, сравнения, метафоры, музыкальный аспект (звукопись, ритм и рифма). Все это вместе взятое составляет необыкновенно сложную систему. Система эта существует, однако, не независимо от сознания, а, напротив, только в сознании (как автора, пишущего стихотворение, так и читателя, воссоздающего для себя его смысл). Мы ранее уже рассматривали поэтическое произведение как сложную идеальную систему смыслов, понимая смыслы при этом как рефлексивные единицы. Система эта сложна не в пространстве, но (подобно музыкальному произведению) во времени. Во времени ее создания автором и во времени ее восприятия (слово за словом, строчка за строчкой) читателем-интерпретатором. И во всем этом (написании и прочтении поэтического

произведения) участвует апперцепция, которая, однако, может следовать за инсайтом, вызванным озарением-постижением смысла создаваемого и воссоздаваемого поэтического произведения. Инсайт, как и прединсайтное состояние, также нуждается в эпистемологическом анализе как феномен, с необходимостью участвующий в любом познании, в том числе и научном. Роль апперцепции и инсайта в каждом конкретном случае написания индивидуальным автором индивидуального произведения может варьироваться, но взаимодействие бессознательного и сознания необходимо для любого вида познания.

Попытки анализа взаимодействия сознательных и бессознательных процессов, проходящих в человеческой психике, и влияния этого взаимодействия на сознание предпринимались еще А.А. Потебней и его последователями из Харьковской лингвистической школы в 1860–1880-е годы. Так, Б.А. Лезин пишет о человеческом сознании еще на заре начавшихся постановки проблем о сознании и бессознательном в психологической науке. В соответствии с его взглядами, область сознания узка и ограничена по сравнению с бессознательным. В сознании одновременно могут существовать всего несколько основных ощущений, на которые в данное время направлено внимание. Бессознательное же тем временем обрабатывает огромные пласты информации, хранящейся в человеческом мозге. Без этой обработки не могли бы функционировать когнитивные механизмы, связанные с производством таких типов человеческого знания как наука, искусство и сам человеческий язык.

Лезин задается вопросом: «Что помогает нашей мысли совершать такую непосильную, на первый взгляд, работу?» [2, с. 204]. Он отвечает на этот вопрос так: «Огромную работу совершает, сберегая при этом энергию, область бессознательного» [2, с. 204].

Похожих взглядов придерживается и Энгельмейер [3], помещающий в подсознание механизмы функционирования интуиции. В соответствии с его взглядами, интуиция действует вне и помимо сознания, но при этом именно деятельность интуиции отвечает за расцвет человеческой культуры: искусств и наук. Человек, как он пишет, – существо предчувствующее. И все же человек по Энгельмейеру еще и действующее существо, обладающее сознанием, в которое исследователь помещает разум, рассудок, и как он замечает, все, происходящее в разуме, происходит при полном свете сознания [3, с. 83]

Итак, создавая поэтическое произведение, автор участвует в особом способе познания, как и читатель, прочитывая его. Но поэтическая креативность не замыкается на создании автором и прочтении читателем определенных строк и строф. Поэзия как способ познания – целая стихия, заключающаяся в особой вдохновенной деятельности сознания. Поэзия находится среди способов человеческой деятельности (в том числе познавательной) в особом положении, во многом благодаря сочетанию своих средств, каждое из которых может играть и играет гносеологическую роль. Это и особое метафорическое видение, обусловленное «сдвигами смыслов», и участие таких когнитивных способностей человека, как восприятие, представление, воображение, воспоминание, которые вместе участвуют в конституировании сознанием систем смыслов. Поэтический образ (создаваемый воображением) дополняется при восприятии поэтического «лирическим чувством» (или «лирическими эмоциями»). Ученик А.А. Потебни Д.Н. Овсяннико-Куликовский анализирует «лирическое чувство», возникающее у читателя-интерпретатора при чтении поэтического произведения [4]. Это чувство – состояние сознания, не содержащее в себе образа, но, по нашему мнению, не являющееся для образа «внешним». «Лирическое чувство» может, как возникать само по себе при чтении описания чувств лирического героя, так и вызываться образом и сопровождать последний. Особым является и предмет исследования (если понимать написание и восприятие поэтического как особое исследование). Предмет этот – внутренний мир автора и читателя-интерпретатора. Даже если в стихотворении речь идет о, казалось бы, «внешних» вещах, относящихся к предметному миру, то благодаря особой функции интериоризации-экстериоризации вещи эти апперцепируются как относящиеся к состоянию сознания, воспринимающего эти «внешние вещи». Отсюда мы выводим положение об *особой достоверности* поэтического, когда «внутренняя» экзистенциальная реальность человека-личности исследуется поэтическими методами и становится предметом *рассмотрения*, как для автора, так и для читателя произведения. Особую «внутреннюю» достоверность передают как поэтические образы-метафоры, так и безобразное «лирическое чувство». При этом познаваемая поэтическими средствами реальность необыкновенно сложна. Как мы уже писали, поэтическое произведение представляет собой сложную идеальную систему смыслов. Теперь мы можем отметить, что система эта коррелирует с передаваемой произведением реальностью. Но что это за реальность? Мы заключаем, что это – реальность экзистенциальных состояний сознания автора и читателя. Так, например, образ черемухи у Беллы Ахмадулиной становится метафорой человеческого бытия и, «медитируя» над веткой цветущей черемухи

в вазе, поэт глубже познает себя, свойства своего сознания, а также, возможно, и бессознательного, проявляющего себя в так называемых «неартикулированных смыслах». О «неартикулированных смыслах» пишет современный исследователь-феноменолог Н.М. Смирнова [5, с. 37]. Это смыслы, которые «схвачены», «ощущаемы», но еще не вполне выражены в языке. Такие смыслы человек «чувствует в себе» и стремится выразить. Также с этим согласуются результаты исследований И.А. Бесковой, которая настаивает на том, что смыслы «ощущаются» и создаются не только умственно, но всем существом человека, целостной системой «ум-тело» [6; 7]. Благодаря этим целостным смыслам (хотя и не только им), поэтическое произведение невозможно переписать другими словами (например, прозаической зарисовкой) без смысловой потери. «Неартикулированные смыслы» при написании или прочтении поэтического произведения возникают, сопровождая смыслы артикулированные, и придавая произведению как феномену для сознания особую экзистенциальную «глубину». При прочтении уже написанного автором поэтического произведения, читатель также как бы «моделирует мир», воспринимая поэтические образы, метафоры, порождаемое произведением «лирическое чувство». Все это как сложная наводящаяся система, вроде микрокосма или фотоаппарата, «наводится» на смыслы (среди которых находятся и неартикулированные), конституированные сознанием читателя. Читатель глубже познает себя, более того, в его сознании рождаются новые для него смыслы, которые он также «применяет» к своему сознанию. О том, что поэтическое произведение «применяется» читателем к себе и своей экзистенции, и при этом извлекаются новые знания, писал ученик Потебни А. Горнфельд [8]. Этот тезис во многом предвосхищает известное высказывание Л. Витгенштейна о том, что значение слова есть его употребление в языке. Так, и значение целого художественного произведения есть его «применение» (как формулирует это А. Горнфельд) интерпретатором. Оно «отвечает на вопросы», которые могут не предвосхищаться автором, на вопросы эпохи, в которой живет читатель, на вопросы, актуальные для него как личности. Так складывается «биография» художественного произведения, его «жизнь» после написания и публикации его автором.

Итак, поэтическое произведение и поэтическое вообще имеют до сих пор мало изученный теоретико-познавательный аспект. Существуют объект и предмет «поэтического исследования», которое проводится автором во время написания им стихотворения и читателем во время прочтения поэтического произведения, а затем и в дальнейшей его «жизни» в памяти прочитавшего. Одной из эпистемологических проблем, решение которой нужно найти, – когнитивный разрыв между смыслами, «вкладываемыми» в произведение автором и смыслами, «извлекаемыми» из произведения читателями-интерпретаторами. Произведение «отвечает на вопросы» своих читателей, но механизм этого явления еще нуждается в философском освещении. Исследование познавательного аспекта поэтического как составляющего особую реальность для человека представляется актуальным. Также актуально и социологическое исследование бытия поэтических произведений как интересующих систем значений, циркулирующих в обществе. Необходимы для исследования поэтического и данные когнитивных наук. Благодаря всему вышеизложенному, гносеологическое исследование поэтического представляется междисциплинарным проектом.

Литература:

1. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: «Искусство», 1976. – 614 с.
2. Лезин Б.А. Художественное творчество как особый вид экономии мысли // Вопросы теории и психологии творчества. Т. I. Харьков: Типография «Мирный труд», 1911. С. 202-243.
3. Энгельмейер П. Эволюция, или всеобщая теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916. С. 76-108.
4. Овсянко-Куликовский Д.Н. Из лекций об основах художественного творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Т. I. Харьков: типография «Мирный труд», 1911. С. 1-20.
5. Смирнова Н.М. Смысл как идеальная предметность эпистемологии // Смирнова Н.М., Бескова И.А., Майданов А.С. Язык, смысл, творчество. Гл. 1. М.: ИФ РАН, 2015. С. 13–52.
6. Бескова И.А. Динамика смыслов: зеркальные нейроны в механизмах творчества // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 5, 2019: Смысловые измерения социокультурных пространств творчества / Ред.: Н.М. Смирнова, И.А. Бескова. М.: ИИнтелЛЛ, 2019. С. 20–61.
7. Бескова И.А. Рождение новых смыслов как творческий процесс Язык, смысл, творчество. Гл. 2. М.: ИФ РАН, 2015. С. 96–135.
8. Горнфельд А. О толковании художественного произведения // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков, 1916. С. 1-30.

Творчество и личность: философский и социокультурный аспекты методики «правополушарного рисования» в образовательном процессе

Мурадян О.А.

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, кафедра теории культуры, этики и эстетики, старший преподаватель, кандидат философских наук

olesya_expert@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема личностной ориентации в образовании, формирование универсальной личности и те методы, которые помогают достичь лучшего результата. Делается акцент на методике правополушарного рисования, позволяющей гармонизировать мышление индивида с обеих сторон обучения: ученика и учителя. Особое место уделяется вопросам социокультурного формирования личности и роли творчества в этом процессе. Философский аспект рассмотрения данной методики, позволяет вывести вопросы искусства, рисования, интуиции на единый уровень в изучении совершенствования мышления индивида. Важным является и то, что в статье демонстрируется особая связь участников процесса творчества, особенно в системе образования. Гармонизация ученика, помогает усилить процессы творческого осознания учителя. Каждый новый уровень раскрытия творческого потенциала, дает новый виток возможностей в самоидентификации личности.

Ключевые слова: личностная ориентация, образование, саморазвитие, творчество, правополушарное рисование.

Creativity and personality: philosophical and socio-cultural aspects of the methodology «Right hemisphere drawing» in the educational process.

Muradyan O.A.

Abstract: The article considers the problem of personal orientation in education, the formation of a universal personality and those methods that help to achieve the best result. Emphasis is placed on the technique of right-hemisphere drawing, which allows harmonizing the individual's thinking on both sides of the training: student and teacher. A special place is given to the issues of the socio-cultural formation of personality and the role of creativity in this process. The philosophical aspect of the consideration of this technique allows us to bring the issues of art, drawing, intuition to a single level in the study of improving the individual's thinking. It is also important that the article demonstrates the special connection of participants in the creative process, especially in the educational system. Harmonization of the student helps to strengthen the processes of creative awareness of the teacher. Each new level of disclosure of creative potential, gives a new round of opportunities in personal self-identification.

Key words: personality orientation, education, self-development, creativity, right-brain drawing.

Философский взгляд на решение проблем личностной ориентации в образовании являются одними из ключевых в создании особых условий отношения к обучаемому. Восприятие ученика и учителя как субъектов образовательной деятельности предполагает наличие сопровождения и наставничества на протяжении всего процесса познания, раскрывающего самостоятельность, рефлексивность и творческие способности, необходимые для формирования универсальной личности, способной выйти на передний край науки. Социокультурный аспект рассмотрения темы крайне важен, так как «анализ социокультурных факторов реформирования образования в условиях информационной культуры позволяет сделать вывод, что современной системе образования необходимо учитывать творческое восприятие усвоенной информации и трансформацию ее в качественно новое знание» [1, с. 244].

Улучшение «саморазвития личности студентов, которое должно найти свое проявление в потребностно-мотивационной сфере и способности к творческой деятельности», а также «создание в высшем учебном заведении воспитывающей среды, основанной на включении студентов в разнообразные

виды научно-исследовательской и творческой деятельности, способствующих самореализации личности» [2], выделяются как то необходимое, что профессионально направляет учащихся.

Остается вопрос, каков процент учителей или «воспитателей воспитателей» мы имеем на сегодняшний день? Не секрет, что в научно-академическом сообществе, о чем говорил еще в 70-е годы русский философ, социолог, науковед, культуролог М.К. Петров, занят всего один процент от всего населения Земли. Сегодня, спустя почти 50 лет, ситуация не меняется и мы понимаем, какова та ответственность, что несет этот один процент к 99 обучаемым. На каком пределе возможностей должен работать человеческий мозг, чтобы представить всю необходимую базу знаний всем тем, кто в этом нуждается. Каким должно стать образование, чтобы решать трудновыполнимые задачи обновления и прироста знания, технологий. Однозначно оно должно работать на человека и его будущее. Что же позволяет стать универсальными людьми, способными реализовать себя и передать опыт следующим поколениям? На наш взгляд, это удивительное совмещение в науке стабильного закона и творческой нестабильности, используя терминологию М.К. Петрова. «Отступить перед стихией нестабильности – значит медленно, но верно терять человеческое, сползая в исходное животное состояние... победить нестабильность ее же оружием, мыслью – значит, сознательно отказаться от того груза биологических и природных отношений, которые выделяются теперь наукой и автоматизируются как чуждое человеку, недостойное его и унижающее». Поэтому, завершает М.К. Петров – осознание и познание, а также использование нестабильности является трудной задачей, но ведущей из предыстории в историю человечества [3, с. 212].

Важный для нашей темы момент был предложен в работе 1966 года «Античная культура», М.К. Петровым, который воспроизводит свое отношение и восприятие творчества, через открытие нового и расширение знаний. Философ апеллирует к мысли Сократа о том, что познание мира, представляет собой ключ к открытиям, необходимый человеку, которому не дано изначально все знание. «Целостность ритуала позволяет интегрировать устойчивые моменты мира в его объективное единство, понять мир как целостную и упорядоченную систему, часть которой нам известна, а часть остается за пределами познания как «мир открытий» — возможность бесконечного расширения наших знаний о мире» [4, с. 332].

Подобным образом мыслят и зарубежные авторы, которые с одной стороны, говорят о развитии необходимых навыков для активного будущего каждого ребенка, о том, что образование должно быть эффективным. Причем, интересен тот факт, что подход к этим навыкам демонстрирует соединение как прагматической основы, так и философской: «6 С – это ключевые навыки, которые помогут всем детям стать мыслителями и предпринимателями» [5, с. 17], сделают жизнь полноценной. В этих навыках, естественно присутствует и творчество. В работе «Знать или уметь? 6 ключевых навыков современного ребенка», авторы ставят как ключевой момент формирования ребенка в XXI веке его успешность. Причем успешность воспринимается именно как совокупность необходимых навыков, каждый из которых должен быть одинаково развит у ребенка. С другой стороны, мы видим совершенно инновационный подход к развитию способностей индивида, через раскрытие творческого потенциала путем использования методики правополушарного рисования. Важно здесь и то, что данная методика подходит обеим сторонам образовательного процесса, как учителям, так и их ученикам.

В поисках ключа к творчеству, Бэтти Эдвардс, доктор наук в области искусства, образования и психологии, основатель данной методики раскрытия творческого потенциала, впервые представленной в 1979 году, поставила своей целью найти не словесное средство доступа к человеческому восприятию, «а имеющее какую-то более подходящую форму», это был режим «зрительно-образного мышления» [6, с.4]. Причем, через рисунок, автор стремилась показать, что участь этому процессу, мы становимся способными «видеть по-другому», что улучшит творческие способности человека в целом. Главное, что развитие этого нового языка, а также интеграция его с вербально-аналитическим мышлением позволяет выйти на новый уровень творчества, «истинного творчества» [6, там же] во всех областях жизни. По заявлению автора методики, она работает на всех, не зависимо от способностей и таланта, отсутствие которого, как мы иногда считаем, часто останавливает нас в рисовании и любом другом творчестве. Однако само понятие таланта размыто и одаренные от природы люди, по сути, как считает Эдвардс, просто смогли открыть для себя способность переключения мозговых режимов, то есть научились «видеть», а не «смотреть». Каждый имеет талант к рисованию, как и чтению, и письму, но его необходимо развивать через восприятие и наблюдательность. Такой подход позволит сознанию смотреть на мир иначе, уметь ставить проблемы, с которых начинается любой творческий акт, а, следовательно,

и формировать ту универсальную личность, о которой мы говорили в начале статьи, способную на продуктивное творчество. Таким образом, методика правополушарного рисования, основанного на интуитивном, творческом, невербальном видении мира через открытие в себе способностей к восприятию, помогает снимать логические «зажимы» в сознании, увеличивает производительность мозга, позволяет находить решения в сложных ситуациях не стандартными способами, а также разгружает и гармонизирует мозговую активность в процессе мышления и познания мира.

Подводя итог, хочется отметить, что начиная с дошкольного обучения и доходя до высших ступеней образования, мы видим, как в голову ребенка, а затем уже и взрослеющей личности, вкладывается максимум знаний, полученных различными путями, которые, не всегда верно применяются в реальной жизни. Отсюда возникает потребность формирования практических навыков и, конечно, самого мышления, позволяющего соединить информацию «внутри» и «снаружи». Иными словами, становится очевидным, что необходимо нечто формирующее это мышление, способность головы выстраивать как логичные связи, адекватные всем ситуациям в которые попадает человек, так и вариативные, интуитивные, позволяющие мыслить нестандартно и креативно. Сформированное, подобным образом мышление, позволяет увидеть ту направленность, которая присуща конкретному человеку, чтобы в дальнейшем определить сферу, в которой можно добиться максимального раскрытия потенциала, а вследствие этого и большего успеха. Однако, на наш взгляд, следуя антропологическим приоритетам человека, во главу угла следует ставить категорию счастья, а не успеха, так как она представляется шире и необходимо включает саму успешность, как самореализацию. Поэтому, «формирование базового набора ценностей не сходит с повестки дискуссий о ситуации с образованием во всем мире» [5, с. 28-29]. Ценностный пласт восприятия образования очень важен в формировании личности. «Создавать» нового человека возможно только воспринимая его самого как цель, но не как средство в достижении лучшего будущего для всех. Поэтому, представление основополагающих ценностей в формировании смысла жизни ребенка, а затем и взрослого, а также тех целей и навыков, которые необходимы в современном мире, являются наиболее существенным вкладом в личностно-ориентированное образование во всем мире сегодня.

Литература:

1. Зиберова Л.В. Социокультурные аспекты модернизации российского образования в контексте европейской интеграции // Общество и право, 2010, № 5, С.244
2. Зленко А.Л., Бахольская Н.А. Личностная ориентация учебной деятельности как структурный элемент формирования профессиональной направленности студентов педагогических специальностей // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 3 <http://mir-nauki.com/PDF/23PDMN316.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
3. Петров М.К. Человек и наука // Самосознание и научное творчество. Р-н-Д, 1992, с. 212.
4. Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997.
5. Голинкофф, Роберта Михник. Знать или уметь? 6 ключевых навыков современного ребенка / Роберта Михник Голенкофф, Кэти Хирш-Пасек; пер. с англ. И. Матвеевой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 368 с.
6. Эдвардс Б. Художник внутри вас / Пер. с англ.; Худ. обл. Б.Г. Ключко. – Мн.: ООО «Попурри», 2000. – 256 с.

Библер: диалог Философа и Поэта

Неретина С.С.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник, доктор философских наук

abaelardus@mail.ru

Аннотация: Представление о мире, который «являет себя в поэтическом слове... и питает укорененного... в нем человека» (М.Хайдеггер), исследовали многие философы XX - XXI вв. (Ф.А. Степун, Т. Адорно и др.). Позиция В.С. Библера, представляющего философию диалога культур, состоит в следующем: фигуры Философа и Поэта он рассматривает в «культурологическом отношении к практической речи и к внутренней речи». Логический субъект и в поэзии, и в философии понимается как единство бесконечного множества свойств, исток которого обнаруживается в точке творческого начала произведения. В этой точке изыскиваются и основания мысли, и возможности их вербального выражения. Поэзия, по Библеру, это «напряженное колебание между смыслом и звуком», а философия - «напряженное колебание между смыслом и значением».

Ключевые слова: поэт, философ, практическая речь, внутренняя речь, диалог, произведение, история

Bibler: Dialogue between Philosopher and Poet. Neretina S. S.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Many philosophers of the 20th - 21st centuries (F.A. Stepun, T. Adorno and others) explored the idea of a world that «appears in a poetic word ... and nourishes a person rooted ... in it» (M. Heidegger). V.S. Bibler, who represents the philosophy of dialogue of cultures, consists in the following: he considers the figures of the Philosopher and Poet in a “culturological relation to practical speech and internal speech.” The logical subject in poetry and philosophy is understood as a unity of an infinite number of properties, whose source is found at the starting point of work & At this point both the foundations of thought and the possibilities of their verbal expression are sought. According to Bibler, poetry is a «tense oscillation between sense and sound,» and philosophy is a «tense oscillation between sense and meaning.»

Keywords: poet, philosopher, practical speech, inner speech, dialogue, work, history

В докладе «Философ и Поэт» (11 апреля 1999) В.С. Библер обе эти фигуры рассматривает в «культурологическом отношении» к практической и внутренней речи [1, с. 1003]. Еще раньше, в 1994 г., вышел сборник его стихов, который так и называется - «Из стихов (то, что вспомнилось)». В предисловии Библер написал, что считает свои стихи «дополнительной» гранью философского дела. На его взгляд, «существуют две формы внешней речи, в которых внутренняя речь с ее предикативным синтаксисом и смысловой семиотикой способна предстать “открытым текстом”, своего рода “лентой Мебиуса”. Это – речь поэтическая (“в слово сплочены слова”) и – речь философская (понятия и суждения сосредоточены в о д н о первопонятие). Причем два эти “открытых текста” также дополняют и взаимоначинают друг друга. Для того, чтобы читатель философского произведения ощутил в авторе философа, он должен ощутить (понять) в нем п о э т а» [2, с. 5].

Что я хотела бы поставить «между» этими предельными понятиями Философа и Поэта, чтобы ощутить возможность преобразования одного в другого, точку трансдукции? Историка! Ибо без истории невозможны случайность, мгновенность жизни э т о г о индивида в момент, когда он «особенно остро и уникально осознает впервые-бытие мира», когда и его поэзия «может быть только поэзией случайной, только-только возникающей» [2, с. 6]. Библер пишет о профессиональном философском деле [2, с. 5]. А профессионал настолько должен свое дело знать, что не может обойтись ни без собственной истории, ни без истории своего дела, т.е. без знания истории философии. Да и в расщеплении мысли начинают действовать разные исторически развернутые разумения: античный эйдетический разум,

средневековый причащающийся, нововременной познающий. Тем более что древние историки – это искусники, исполнявшие роль арбитров, выносящих суждения [3, с.14 и далее], т.е. исполняющие то, что впоследствии стало философским делом. Гераклит говорил: очень много должны знать (historas) мужи философы. Сократ в «Федре» Платона, заостряя внимание на философии как на универсальном основании («Спутники Зевса ищут Зевсовой души в своем возлюбленном: они смотрят, склонен ли он по своей природе быть философом и вождем» [4, 252e], т.е. умным, сильным, богопричастным), не менее важным считает способ, благодаря которому эта склонность может проявиться - «и, когда найдут такого, влюбляются и делают все, чтобы он таким стал», т.е. собирают сведения, откуда только могут и учатся сами» (4, 252 c). Выражение «учатся сами» означает «уподобляются богам» - творцам, обладающим наивысшим умом и «чистым знанием» (4, 247 d).

В «Федре» философия уподобляется поэзии через введение времени истории. Платон, напоминая о путешествиях души, длящихся десятки тысяч лет (249 a), говорит о припоминании, памяти, созерцании, «укрепляющих природу крыла» души (251 b), и любви – состояниях, способных и готовых служить философии и поэзии. «Если победят лучшие духовные задатки человека, его склонность к порядку в жизни и к философии», то жизнь станет протекать в единомыслии. Если победят грубые задатки, то большинство будет вести жизнь, чуждую философии. Ради признания философии и поэзии высшими точками жизни, мысли и бытия призывают на помощь «сладкоголосых Муз» (Федр, 237 a), опираясь на два начала: врожденное, управляющее человеком, и приобретенное, ведущее. Но оплодотворяется эта помощь общением. Общение – это то, что составляет материально-духовную основу любого диалога, в том числе библеровского.

И только после опознания этих начал, надо историко-логически совершать различения и обобщения, используя искусство ойонистики (от ума-oiēsis, смысла-nous и знания-historia, 244 c) и приступая к началу речи, последовательно исполняя ее логико-выразительные средства: вступление, изложение, свидетельства, доказательства, применяя правдоподобные выводы, устраняя лишнее и делая речь гармоничной, очищенной. Это - «живая и одушевленная речь знающего человека» (276 a). Она выражает поэтическое напряжение смысла и звучания (по Библеру, «поэзия есть напряженное колебание между смыслом и звуком», а философия – «напряженное колебание между смыслом и значением» [1, с. 1009]). Только в этом случае, собравшем в единство внутреннее и внешнее и показавшем, что «в разуме этого человека... природой заложена... любовь к мудрости» (279 a), возможно 1) сошествие наития, способного любую речь сложить в дифирамб (238 d), и 2) получение дара неистовства, прорицания и творчества для установления значений и смысла слов.

Любое творческое движение связано с началом, которое «не имеет возникновения», движет само себя, из него «возникает все возникающее» (245 d). Именно в точке начала сосредоточено все и ничто, здесь предстоит изобрести логику, в том числе логику движения. Связанная временем история хранит мгновение, но это свойственно и поэзии, которая для философа «может быть только поэзией случайной, только-только возникающей, заторможенной в говоре трав или в обмолвках неожиданной беседы» [2, с. 6]. Книга стихов Библера начинается и заканчивается одним и тем же «Заклинанием», которым он встретил день своего рождения - 4 июля 1985 г.

«К моим победам
Мобю по бедам
Тело – в дело.
Телом – пот.
Делом – бодр.
Меч мечт у бедр»...
(Из Заклинания 1941 г.)

О, МОЗГ. –
Микрокосм.
Из лона начал
Излучай
Начало.
Поглощай

Щелк щегла.
Траву утр.
Древ ветр.
Листьев мысль.
Света весть.
Свет весь. –
Весь – до малого. -
Перемалывай. <...>

Все, -
вместе, -
Мы с вами и я
Пере-осмыс-ли-ва-я.
Из нутра
Из утрат
Боль излечив
Вновь излучи
Свет идей
Свет
Свобод.
Что ни день –
Снова бодр.
Снова добр.
(Меч мечт у бедр).

Чтоб
смог.
О, МОЗГ.

Здесь тройное впадение: конец книги впал в ее начало, как и конец стихотворения в свое начало, – или наоборот? Но и эпиграф - через 44 года после начала Заклинаний, после начала войны - вступил в диалог с целым стихотворением: 1941 год - с 1985-ым. Диалог, в 1941 г. еще не ставший теорией диалога культур, уже заявил о себе, не подозревая, но прозревая философско-теоретическое будущее 1985 г. В стихах, может быть, ярче и отчетливее выступила, как из рамы, биография поколения, которому он ставил диагноз.

Наше поколение
Наше поколение –
исторических материалистов –
Безоговорочно верило в героев и вождей.
В наших извилинах
вместо собственных мыслей
Возгонялись призраки
персонифицированных идей.<...>
... Наше поколение –
исторических материалистов –
Недоуменно сходи с исторической арены, -
Мальчики. Фанатики.
Мученики. Садисты.

Изредка заклиная –
«А, все-таки, - Ленин...»

.....
... На всякий случай, -
уточняю мою мысль, -
«Вот так изживается
исторический материализм».
Каждый свою доживает судьбу...

Какая ни есть...

Но
каждый
свою.

Одно из пронзительных стихотворений написано в Берлине 1946 г., когда он, состоявший во время войны на службе переводчиком в СМЕРШе, еще не демобилизован. Полная сосредоточенность и перенос/перекос сознания и мысли в истинную, его волнующую реальность, в которую вонзается та конкретно-страшная, даже устрашающая, в которой он оказался.

Листья тихо сквозили сквозь мозг.
Шелестели по стенкам извилин.
Я опомниться даже не смог,
Как они всю душу размыли.
Топнул лес желтоватыми пятками.
Ткнул в зрачки березовым посохом.
И с ума на старости спятив,
Пошел по душе как посуху.
Он уходил к истокам сознания.
Земную тягу сжимая в ладони.
Высоко подняв небесное знамя.
Голубое. Хрустящее.
И ледяное...

Это, разумеется, стихи философа, хотя в них нет того, чего он опасался, - так называемой «философской поэзии», «поэзии на философские темы»¹. Есть звук как выражение «поэтического слуха». И все же – «желтые хлопья» - следы войны, как и размытая душа и небесное знамя.

И как звук-зов требования восполнения (дополнительности) до целого – стихотворение, написанное 18 сентября 1971 г.

Хочу стихов. Стихов хочу.
О, как осточертела проза.
Хочу чтоб уши билачушь, -
Без смысла, без добра, без пользы.
Чтоб хаос ритмом замешав,
В высоком бреде захлебнуться,
Чтоб будней злая маята
Как не существовала будто.
О, до чего хочу стихов, -
До слез. До боли. До взхлёба.

¹ Библер В.С. Из стихов (то, что вспомнилось). С. 6.

С тугой взволнованной строкой. –
Осмысленных. Красивых. Добрых.
Хотя б
всего
одна строка!

Стиха хочу. Хочу стиха.

Стихи идут параллельно философской прозе, ее сдвигая и находя новые точки начинания. О том же, но иначе.

Литература:

1. Библер В.С. Философ и Поэт // Библер В.С. Замыслы / Отв. ред., сост., подгот. текста И.Е. Берлянд, А.В. Ахутина. М.: РГГУ, 2002.
2. Библер В.С. Из стихов (то, что вспомнилось). М.: Изд-во Алеф Гуманитарного центра, 1994.
3. Неретина С.С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018.
4. Платон. Федр // Платон Соч.: В 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Идентичность как творческий акт

Остроглазова Н.А.

МГИМО (У) МИД России, преподаватель

ostroglazova.n@gmail.com

Аннотация: Преобладающий сегодня конструктивистский, механистичеки-утилитарный подход к идентичности, при котором она рассматривается исключительно как рациональный, хотя и основанный на бессознательном в человеке процесс, выносит за скобки творческую природу, порождающую ее. В докладе внимание уделяется естественным предпосылкам рассмотрения идентичности как процесса и результата творения личности, а именно имплицитно присущей человеку искры творчества и способности переплавлять свой внутренний опыт от соприкосновения с внешним миром в новую версию себя. Преодоления разрыва между существующим и желаемым, тем, что видится перспективным и адекватным, порождает психологические расстройства. Описывается компенсаторный механизм поиска новых смыслов и преодоления внутренних конфликтов в раздробленном нарративе. Также затрагиваются особенности идентичности творческих личностей и возникающие конфликты, в неизбежной оппозиции Я - ДРУГОЙ.

Ключевые слова: идентичность, личность, творчество, творец, компенсация, психологический конфликт, идентификация, творческий акт

Identity as an Act of Creativity.

Ostroglazova N.A.

MGIMO University, lecturer

Abstract: Modern approach to identity, both constructive and utilitarian, leave little room for understanding the creative nature of identity. The report focuses on the natural prerequisites for considering identity as a process and result of the creation of an individual. It also considers the identity of creative individuals.

Keywords: identity, personality, creativity, cultural code, compensation, boundaries

Творчество - в одном из своих значений - это выходящая за рамки сугубо природной исследовательская программа, в которой человек, выделяя себя из окружающего мира, познает и определяет себя, а значит и свои границы, при этом ставит себя в качестве субъекта - это первый творческий шаг, происходящий из самой природы человека (См. исследования проблем мозга Н.П. Бехтеревой, К.В. Анохина, Т.В. Черниговской и др).

Под творчеством принято понимать создание чего-то нового и ценного, а также широкий спектр нетипичной продуктивной деятельности. Эта деятельность, направленная на самоактуализацию личности, также означает, что человек генерирует новые ценности, полезность которых оценивается как им самим, так и социумом. Одна из таких ценностей – идентичность.

Реальность идентичности важна не сама по себе, а поскольку имеет последствия, например, порождает новые смыслы, принимающие значимые формы. Для человека идентичность выполняет интегрирующую функцию, “заземляющую” Я, связывающую его с конкретным местом и временем, о чем писал еще Э. Эриксон, и что нашло отражение в социологическом словаре: “Идентичность - это чувство “я” <...>, которое первоначально оформляется как <...> обретение своего места в обществе” [1, с. 288].

В основе современного конструктивистского подхода к идентичности лежит концепция рефлексивности [2, с. 22], восходящая еще к психоаналитической традиции середины XX века. Согласно работе Чарльза Тейлора “Истоки личности: формирование современной идентичности” (1989), рефлексия и сопутствующее ей освобождение личности стали возможны только в конце XVII века. Позднее, в рамках психоаналитической традиции Э. Эриксоном была предложена классическая теория идентичности. “Групповые способы организации опыта” [3, с. 20] передаются индивиду и группам. Чтобы сохраняться в своей тождественности идентичность должна оставаться текучей, где-то меняясь, где-то

укореняясь в рутине. Индивидуальная идентичность исходит из тождественности личности, самости, и неразрывно связана с осознанием собственного существования во времени.

Если в современном понимании творчества, любой человек - творец, который в отличие от Творца, не творит из ничего, а опирается на интуицию, неявное знание, обретенное во взаимодействии с миром, то же справедливо и для идентичности как творческого действия. Выбор и приверженность выбранной идентичности основан на восприятии всего многообразия интериоризированных знаний о себе и мире, творческом поиске себя и своего места и роли.

Границы, в которых творит человек, - вот мера его свободы, это его парадигма, как ее понимал Т. Кун. Если “язык есть дом бытия” (М. Хайдеггер), то обретенное качество, идентичность, нуждается в формализации, названии. И мир индивидуального сознания, который строит вокруг себя личность, А.Л. Никифоров предлагает называть «индивидуальным смысловым контекстом» [4, с. 52].

Люди подбирают ярлыки тому, чем являются и для этого обращаются ко всему выработанному человечеством и известному им “репертуару” идей. Необходимо исследовать практику словоупотребления идентитарных определений: если психологические словари определяют идентичность в широком смысле как постоянные отличительные характеристики лица, то в современном дискурсе она обрела множество прилагательных. Изменения смыслов происходят постоянно, в переломные эпохи, волны переосмысления и “переназывания” старых (и не только) феноменов особенно очевидны. Сегодня приметой времени стал, укоренившийся в культурном коде чувств, психологический разлад, пограничные состояния. В мире, где риторика идентичности стала нормой, отсутствие определенности и зоны комфорта ощущается как болезненная утрата и требует утешения.

Конфликт между существующим «as is» и желаемым статусом подразумевает акт творения, создание новых кодов отношения к окружающему миру: коды становятся частью большой когнитивной гиперсети мозга, соединяя в себе существующие и желаемые потенциалы. Как отмечает С.А. Филипенко, речь о “встраивании отдельных компонентов внутреннего опыта в <...> структуру сознания, вследствие чего рождается новый гештальт” [5, с. 303]. Будучи заученными, паттерны служат экономии средств и, становясь рефлексивными, влияют на широчайший круг жизненных функций: сигнальную систему организма [6, с. 103, 108], культуру еды [7, с. 2] и на поведение в целом, в свою очередь, закрепляя исходные представления об идеальном “Я”.

Сегодня идентичность чаще рассматривается не как статус, а как процесс, в некотором роде смешивая понятия “идентичность” и “идентификация”, тем не менее, идентичность, как мы понимаем ее, лабильна и постоянно проходит через ряд точек бифуркации, или кризисов. Супруга Э. Эриксона, Джоан Эриксон, напрямую связывает преодоление кризисов идентичности с творчеством, креативностью [8, с. 133].

Исследуя историю меланхолии, К. Юханнисон подчеркивает, что пограничное состояние между светом и тьмой, выстраиваемое самой личностью, сопряжено с творчеством и саморефлексией [6, с. 49]. Меланхолия, вызванная желанием соответствовать окружению и избавиться от чувства неполноценности, ищет творческие способы разрешить противоречие между данностью и желанием, становится феноменом культуры и неотъемлемой частью изучения процесса становления идентичности [6, с. 84, 91].

Формируются отличные социально-психологические типы, такие как денди, в которых все компоненты идентичности синхронизированы на соответствие своеобразной поведенческой программе [6, с. 153]. Иные - в прямом смысле убегают от себя (это явление называют фугой), теряя память и идентичность [6, с. 193], как “беспокойство, охота к перемене мест” у Онегина. Гении, в которых творческие способности проявляются с запредельной остротой, платят серьезными расстройствами [9, с. 60].

Успешность формирующейся идентичности Эриксон связывает со способностью получать удовлетворение и гордиться своими успехами. Вместе с этим он подчеркивает, что возможно возникновение “неверной” идентичности, если само осмысленное существование сводится только к ограниченной области “я” [10, с. 24, 25]. Примечательно, что с точки зрения формирования и акцентуации идентичности, различаются эволюционная и спонтанная, (она же манипулятивная) модели, когда те или иные характеристики обретают в понимании субъекта особую важность, в силу постепенного усиления или в качестве реакции на конкретные внешние события, которая в случае со спонтанным формированием несообразна общей эволюционной направленности идентичности.

С возрастом люди утрачивают игровой элемент поисков себя и, пройдя через стадию активного исследования, фиксируют для себя некий набор важнейших для их личности характеристик, акцентуация некоторых из которых не меняет общей канвы. Одним из “взрослых” результатов творческого выбора, помимо “финальной” (Э. Эриксон) внутренней идентичности, становится социальная идентичность, в том числе профессиональная. Профессиональная направленность может варьироваться по степени творческой составляющей. Для творцов эта их сторона становится определяющей: творческий человек в широком смысле несет это творческое начало в своем каждодневном поведении. У таких людей формируются особенности поведения, например, эксперименты показали, что индивиды с ярко выраженной творческой идентичностью более склонны к неэтичному поведению.

Итак, мы исходим из того, что сам факт отбора важных черт уже представляет собой творческий процесс и берет начало в творческой природе личности. Так как соотносятся творчество - творческая личность – идентичность? Исторически этот вопрос решался исходя из качественного подхода, то есть во главе угла стоял творец, непосредственно идентичность практически ускользала от внимания исследователей и на сегодняшний день она остается намного менее определенным феноменом, чем творчество.

Отдельно рассматривались индивиды, осознающие свою идентичность как творческую и в этом смысле превосходящую творческое начало других. Для них характерно связывать свои творческие успехи с природой своей личности (49). В крайней форме эта взаимосвязь доходит до детерминизма: только в постоянных актах творчества человек обретает самость, становится собой. Произведение формирует творца.

Вместе с этим идентичность имплицитно связана с любыми, в том числе творческими проявлениями, деятельностью человека. Эмпирические исследования показывают [11, с. 483–507], что большая осознанность собственной идентичности коррелирует с ее творческим выражением, например, в описании своего психологического и физического портретов.

Развитая идентичность связана с тонким мироощущением и зачастую с полнотой жизни, и наоборот. Творческая составляющая, животворная для процесса идентификации, присуща любому человеку, но, становясь доминирующей, приводит к тому, что личная идентичность поглощается творческой. Средством защиты такого самоощущения становится отторжение “другого”, нетерпимость к попыткам ограничить творческое самовыражение. Это противостояние усиливает неизбежные конфликты эволюционирующей идентичности и зачастую проявляется в психо-социальных проблемах.

Реализация идентификационных программ - непрерывный творческий процесс. Распространено проектирование своей идентичности преимущественно через творческие акты, что подразумевает идентификацию с определенным сообществом “творческих личностей” и свойственной ему оппозицией “нетворческому” большинству.

Литература:

1. Collins dictionary of sociology. Glasgow: HarperCollins, 2005. 710 p.
2. Полякова Н.Л. “Идентичность” в современной социологической теории // Вестник Московского Университета. Сер. 18 Социология и политология. 2016. №4. С. 22–41.
3. Erikson E.H. Identity and life cycle. N.Y.: W.W. Norton, 1980. 192 p.
4. Никифоров А.Л. Языковые универсалии в структуре понимания // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. № 54(4). С. 49–56.
5. Филипенко С.А. Личностное знание и творчество // Философия творчества: материалы Первой научной конференции, (г. Москва, 8-9 апреля 2015 г.) / Ред. Н.М. Смирнова, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2015. С. 327–334.
6. Юханнисон К. История меланхолии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 320 с.
7. Becuț A.G. and Lurbe i Puerto K. Introduction. Food history and identity: Food and eating practices as elements of cultural heritage, identity and social creativity // International Review of Social Research. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 1–4.
8. Erikson J.M. Wisdom and the Senses: The Way of Creativity. N.Y.: W.W. Norton, 1991. 208 p.
9. Черниговская Т.В. Творчество как предназначение мозга // Философия творчества: материалы Первой научной конференции, (г. Москва, 8-9 апреля 2015 г.) / Ред. Н.М. Смирнова, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2015. С. 54–63.
10. Эриксон Э. Трагедия Личности. М.: Алгоритм, 2008. 260 с.
11. Barbot B. Structures identitaires et expression créative à l'adolescence // L'orientation Scolaire et Professionnelle. 2008. Vol. 37. No. 4. P. 483–507.

Ровенко Е.В.

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского доцент, старший научный сотрудник. Кандидат искусствоведения

rovenko-lena@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается сущность философско-эстетической концепции Теодора де Визева - критика, повлиявшего на интенции развития французской эстетической мысли и, в частности, французского вагнерианства. Прослеживается связь воззрений Визева с идеями И. Канта, А. Шопенгауэра, В. Кузена — в онтологической плоскости и Ш. Бодлера, Р. Вагнера, Л. Толстого — в эстетической. Триада «модусов» «жизни души»: «ощущение» — «понятие» — «эмоция» — рассматривается Визева применительно 1) к процессу познания и 2) к процессу творчества. Конституируя восхождение от первичного «ощущения» через упорядочивающее «понятие» к утонченной «эмоции», Визева актуализует этот трехступенный алгоритм отображения реальности в сфере искусства как триединый принцип экзистенции творческого духа, обуславливающий синтез видов искусства: «ощущению» соответствует живопись, «понятию» — литература, «эмоции» — музыка. В силу высшего онтологического статуса модуса «эмоции» музыке присваивается аналогичный статус среди искусств, для которых она выступает ориентиром в аспекте специфики выразительных средств и смыслопорождающих алгоритмов.

Ключевые слова: Теодор де Визева, Иммануил Кант, Виктор Кузен, Рихард Вагнер, синтез искусств, музыкальность искусств, лейтмотивный принцип

**On the Philosophico-Aesthetical Basis of Théodore de Wyzewa's conception of the Synthesis of Arts.
Rovenko E. V.**

Moscow P. I. Tchaikovsky Conservatory

Abstract: The article is focused on the philosophico-aesthetical conception of Théodore de Wyzewa, who affected the development of the French aesthetic thought, and the French Wagnerism. The object of attention is the connection of Wyzewa's views with the ideas of I. Kant, A. Schopenhauer, V. Cousin (ontologically), and Ch. Baudelaire, R. Wagner, L. Tolstoy (aesthetically). The triad of the "modes" of "life of the soul": "the Sensation" — "the Notion" — "the Emotion" — is considered by Wyzewa in relation to the processes of cognition and creativity. Constituting the ascent from the primary "sensation" through the ordering "notion" to the refined "emotion", Wyzewa formulates the triune principle of the existence of the creative spirit, which determines the synthesis of art forms: "the sensation" corresponds to painting, "the notion" — to literature, "the emotion" — to music as a reference point for the other arts in terms of the specificity of expressive means and meaning-generating algorithms.

Keywords: Théodore de Wyzewa, Immanuel Kant, Victor Cousin, Richard Wagner, synthesis of arts, musicality of arts, leitmotif method

В ряду концепций синтеза искусств особое место принадлежит взглядам Теодора де Визева (Théodore de Wyzewa, 1862 – 1917) — французского критика польского происхождения. Впечатляющий круг интересов Визева (от Моцарта до Вагнера и от Новалиса до В. де Лиль-Адана) сделал его в свое время более влиятельной фигурой, чем, скажем, Реми де Гурмон [1, р. 61]. Умопостроения Визева характерны для французской философской культуры начала Третьей республики: одна из магистральных тенденций развития мысли (И. Тэн, Т. Рибо) была связана с переориентацией на поиск первоосновы в «ощущении» («la Sensation») [2, р. 60-63]. Визева выстроил на основе постулата о первичности «ощущения» в опыте познания мира оригинальную эстетическую теорию.

Концепция Визева складывается из двух взаимодополняющих аспектов: 1) гносеологического,

в разработке которого решающее значение имела линия «И. Кант — А. Шопенгауэр — В. Кузен»; 2) собственно эстетического, сопряженного с идеями Ш. Бодлера, Л. Толстого, Р. Вагнера. Воззрения Визева, как и доктрину почитаемого им Кузена, можно назвать и «эклетицизмом», и «спиритуализмом»: Визева отбирал из источников мысли, резонирующие его собственным, исходя из убеждения, что реальность — лишь отражение духа («l'esprit»), который выступает «создателем всего, что существует» [3, р. 17]: «Дух не может выйти за пределы самого себя; и вещи, которые он считает внеположными ему, предстают исключительно его идеями» [4, р. 101].

Визева склоняется в сторону субъективного идеализма кантианской окраски. Учение Канта входило в сферу интересов Визева: он написал эссе о письмах М. фон Херберт Канту [5], где исследовал структуру личности философа. Прибегая к определениям Ж. Мишле, Визева, с одной стороны, сетует, что Кант был «системой», «совершенно абстрактным существом» и обладал «изошренным» и «жестким» языком [5, р. 937, 940, 941], — с другой стороны, утверждает, что Кант был «вторым Коперником»: «поместив сознание человека в центр вещей, разве не совершил он даже более важной революции, чем та, которая три столетия назад изменила ход планет?» [5, р. 942]. Визева интересовала проблема конструирования разумом мира вокруг, откуда выводится и проблема *конструирования мира искусства*.

В противоположность Шеллингу, увлекавшему Визева [3, р. 12], критик объясняет сущность истинного *бытия* искусств пребыванием их не в Абсолюте (см.: [6, S. 398]), а в *творческом сознании* человека. Данный тезис может быть понят как развитие идей Кузена (чьи труды Визева считал базисом современной французской философии и чью книгу издал с собственными комментариями [7]), а также Г. Сеая (его работу о природе гения и искусства [8], отчасти связанную со взглядами Кузена, Визева цитировал [2, р. 65-67]).

Онтологический аспект в концепции Визева амбивалентно сопряжен с эстетическим: создавая реальность посредством перцептивных механизмов, поставляющих пищу сознанию, человек совершает акт подлинного творчества [4, р. 101], демонстрирует «суверенную силу творческой Мысли» [3, р. 15-16]. «Мир, в котором мы живем, который именуем реальным, является чистым творением нашей души» [4, р. 101], — аналогичных представлений придерживались С. Малларме и Э. Дюжарден, друзья Визева [9, р. 64, 85].

Однако ложная вера в объективное существование вещей нивелировала «радостное осознание нашей творческой силы» [4, р. 101]. Чтобы вернуть последнюю, нужно научиться воссоздавать жизнь на онтологически новом уровне. Построение «святого мира лучшей жизни» есть задача искусства. Творческий дух художника, обладающего «особенной душой», превращает тень существования в «более интенсивную реальность» («une réalité plus intense») [4, р. 102], поскольку акт восприятия художника эстетически окрашен. «Если мир есть представление художника, художник становится создателем мира» [1, р. 55], — замечает Э. Дюваль, указывая на преемственность подобных идей от учения Шопенгауэра.

В создании художественного мира для Визева имеют принципиальное значение два асимптотически близких феномена: «чувство», или «переживание», — «le Sentiment» и «эмоция» — «l'Émotion»; первый связан с искусством как совокупной сферой реализации творческих интенций человеческого духа; а второй онтологически — с наиболее утонченным способом реакции на действительность и эстетически — с музыкой как высшим видом искусства.

«Le Sentiment» — обозначение переживаний, которые мастер транслирует вовне, создавая на их основе индивидуализированный художественный мир. Так, стремясь объяснить появление минорных сочинений Й. Гайдна в 1770-х годах (44, 45, 49 симфонии; соната № 33), Визева проецировал гипотетически сконструированный континуум «личных переживаний» Гайдна на характер сочиняемых композиций [10, р. 944] и даже измыслил смерть таинственной возлюбленной Гайдна. М. Бондс констатирует приоритет Визева в разработке подобного остропсихологического подхода, отмечая его несомненную пользу в исследовании культурного климата эпохи Просвещения — при очевидных недостатках [11, р. 152]. Уточнить значение слова «sentiment» помогает и перевод эссе Л. Толстого «Что такое искусство?», выполненный Визева: комментируя идеи писателя, критик отмечает, что Канту, как и Фихте, не удалось обрести даже «тень рационального определения искусства» [12, р. III], поскольку разум («l'intelligence») в данной сфере бессилён: искусство доступно лишь чувствам, и его единственная цель — «передавать чувства» («transmettre des sentiments»), как правильно заметил Толстой [13, р. 305-306].

Для именованя сложных состояний «жизни нашей души» («la vie de notre âme»), несводимых к переживаниям и содержащих множество оттенков, Визева прибегает к понятию «эмоции» («l'Émotion»). С онтологической точки зрения, эмоция — это «модус» («le mode») «жизни души», способ ее бытия как проекции жизни целой Вселенной («l'Univers»). Происхождение эмоции обусловлено постепенным формированием жизни души, проходящей сперва два более простых модуса: «ощущение» («la Sensation»), соответствующее чистой перцепции без интеллектуальной рефлексии, и «понятие» («la Notion»), актуализующее абстрагирование и организацию данного в восприятии [4, p. 102-103].

Эмоции возникают при утончении «ощущений» и «понятий»; они — «желанная мука и пыл радости, высшие и редкие состояния ума»; они «представляют собой беспорядочный вихрь цветов, звуков и мыслей, а затем помрачение от этого головокружения» [4, p. 103]. Очевидно, что «сложные элементы» («éléments complexes»), составляющие «вихрь» в сознании, суть также и *выразительные средства*, с помощью которых создается искусство как «эстетическая реконструкция данных трех витальных модусов» [4, p. 102, 103]. Визева конституирует корреляцию цвета с первичным «ощущением» (разумея зрение) и с живописью; мысли — с «понятием» и литературой; звука — с «эмоцией» и музыкой [4, p. 103-108], чей особый статус декларируется под влиянием идей Шопенгауэра, отмечавшего воздействие музыки на реципиента без интеллектуального опосредования [1, p. 55]. Соотнесение эмоции с музыкой было весьма характерно для романтической традиции, в том числе — для французской: оно встречается, например, в текстах Ш. Бодлера [14, p. 85], известных Визева [1, p. 52], и Э. Делакруа [15, p. 63], причем в обоих случаях — в контексте размышлений о мелодии колорита и музыке картины.

Проблема музыкальности искусств в связи с феноменом «эмоции» возникает не случайно: 1) по Визева, все искусства лишь в единстве репрезентируемых ими трех «модусов» раскрывают жизнь души всесторонне [4, p. 105]; 2) только приближаясь к музыке по используемым выразительным средствам, все виды искусства актуализуют «эмоцию» как высшую степень познания и отображения мира. Поскольку *связь трех модусов «жизни души»* обеспечивается их скомпонованностью из эквивалентных базовых «духовных состояний» («états internes de l'esprit») [1, p. 59-60], модус эмоции «вбирает» в себя модусы «ощущения» и «понятия», de facto подчиняя их себе и избавляя «ощущение» — от излишней материальности, а «понятие» — от излишней рациональности. В проекции этого алгоритма на искусство: музыка как модус творчества «вбирает» иные модусы, избавляя живопись — от необходимости мимесиса, а литературу — от необходимости транслировать рационализированное представление о мире и «говорить» иерархически упорядоченным языком. Отсюда — идея самооценности и смыслогенерирующей роли красок, линий, фонем, слогов и ассоциативно компокуемых фраз, трактуемых как «знаки эмоций» («les signes d'émotions») [4, p. 102, 104, 106].

Идеалом синтеза искусств, основанного на подобной интерпретации выразительных средств, Визева почитает Gesamtkunstwerk Р. Вагнера. В его драмах роль «знаков эмоций» отводится, прежде всего, лейтмотивам, на что указывает соответствующий вагнеровский термин «Gefühlswegweiser» — «путеводитель чувства» [16, S. 320]. По мнению Э. Дюжардена, основателя «La Revue Wagnérienne», принцип лейтмотивной организации художественного материала можно транспонировать в литературу, где сочетание коротких фраз (эквивалентных лейтмотивам), выражающих «внутренний монолог» («monologue intérieur»), конституировано порядком не рациональной, а чисто эмоциональной природы [9, p. 61, 64]. Эта «транспозиция» тем более закономерна, что, по мнению Дюжардена, сами либретто Вагнера устроены как контрапункт эмоций героев [9, p. 65]. В живописи аналогом лейтмотивной организации художественного материала может служить система композиционных рифм, основанная на идентичности форм, линий и красок в разных частях пространства картины. Как уточняет Визева, именно Вагнер перенес в искусство «современную жизнь эмоций» [17, p. 154] — тем самым указав, в каком направлении стоит развиваться душе художника *в будущем*.

Значение концепции Визева в том, что он 1) первым во французской культурной парадигме усмотрел именно в имманентных музыке *смыслопорождающих алгоритмах* идеальную стратегию смыслообразования для всех видов искусств; 2) связал механизмы работы творческого сознания, позволяющие превратить акт конструирования психической реальности в акт эстетический, с принципами бытия музыки как высшего вида искусства.

Литература:

1. Duval E. L. Teodor de Wyzewa: Critic Without a Country // The Polish Review. 1960. Vol. 5. No. 4. P. 45-63.
2. Kieffer A. Debussy's Critics: Sound, Affect, and the Experience of Modernism. New York: Oxford University Press, 2019. 336 p.
3. Bordeaux H. Têodor de Wyzewa. Genève: Ch. Eggimann te Cie, 1894. 30 p.
4. Wyzewa T. de. Notes sur la peinture wagnérienne et le salon de 1886 // Revue Wagnérienne. 8 Mai 1886. IV. // Revue Wagnérienne. IIe année: 8 février 1886 - 15 janvier 1887 / Fondateur-Directeur Édouard Dujardin. Genève: Slatkine Reprints, 1993. P. 100-113.
5. Wyzewa T. de. Quelques épisodes de la vie de Kant // Revue des deux mondes : [recueil de la politique, de l'administration et des moeurs]. 1901. LXXIe année. Cinquième Période. T. 3: 1 mai 1901. p. 935-946.
6. Aus Schellings Leben in Briefen. Erster Band. 1775-1803. / Hrsg. Gustav Leopold Plitt. Leipzig: Hirzel, 1869. 484 S.
7. Pages choisies de Victor Cousin / publiées avec une notice sur Cousin, par T. de Wyzewa. Paris: Perrin. 1898. XVIII, 294 p.
8. Séailles G. Essai sur le génie dans l'art. Paris: Éd. Germer Baillière, 1883. 315 p.
9. Huenbner S. Édouard Dujardin, Wagner, and the Origins of Stream of Consciousness Writing // 19th-Century Music. 2013. Vol. 37. No. 1. P. 56-88.
10. Wyzewa T. de. À propos de centenaire de la mort de Joseph Haydn // Revue des deux mondes : [recueil de la politique, de l'administration et des moeurs]. 1909. LXXIXe année. Cinquième Période. T. 51: 1 mai 1909. p. 935-946.
11. Bonds M. E. Haydn's "Cours complet de la composition" and the Sturm und Drang // Haydn Studies / Edited by W. Dean Sutcliffe. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998. P. 152-177.
12. Wyzewa T. Avant-propos du traducteur // Tolstoï L. Qu'est-ce que l'Art? / Traduit du russe et précédé d'une Introduction par Têodor de Wyzewa. 8 éd. Paris : Perrin, 1918. P. I-XII.
13. Delsemme P. Teodor de Wyzewa et le Cosmopolitisme littéraire en France à l'époque du Symbolisme. Bruxelles: Presses Universitaires de Bruxelles, 1967. 391 p.
14. Baudelaire Ch. Critique d'art; suivi de Critique musicale / édition établie par Claude Picbois; présentation de Claire Brunet. Paris: Gallimard, 2011. 758 p. (Folio Essais, 183).
15. Delacroix E. Réalisme et idéalisme // Delacroix E. Œuvres Littéraires. I: Études esthétiques / Avant-propos d'É. Faure. Quatrième édition. Paris: G. Crès & Cie, Bibliothèque dionysienne, 1923. P. 57-68.
16. Wagner R. Oper und Drama. Leipzig: J. J. Weber, 1869. 382 S.
17. Wyzewa T. Notes sur la littérature wagnérienne et les livres en 1885-1886 // Revue Wagnérienne. 8 Juin 1886. IV. // Revue Wagnérienne. IIe année: 8 février 1886 - 15 janvier 1887 / Fondateur-Directeur Édouard Dujardin. Genève: Slatkine Reprints, 1993. P. 150-171.

Ройфе А.Б.

Московское отделение Научно-образовательного культурологического общества, эксперт. Кандидат философских наук, доцент

avgousta@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика научного наследия советского и российского философа М.С. Кагана. Феномен творчества рассматривается в контексте его междисциплинарного гуманитарного наследия: в той или иной степени данная проблематика представлена в трудах ученого по эстетике, культурологии, педагогике, искусствоведению... Каждый из этих подходов позволяет продемонстрировать различные аспекты феномена творчества. В то же время, междисциплинарный подход даёт масштабное видение данного феномена, увязывая его теоретические и практические смыслы воедино, подчеркивая значимость творческих процессов для онтогенеза и филогенеза, показывая место творчества в контексте других видов человеческой деятельности.

Ключевые слова: М.С. Каган, феномен творчества, эстетика, культурология, системный подход, междисциплинарность.

The theoretical comprehension of the phenomenon of creativity in M. Kagan's philosophy. Royfe A.B.

Scientific and Educational Cultural Society, Moscow Department

Abstract. The article deals with the scientific heritage of the Soviet and Russian philosopher M. Kagan. The phenomenon of creativity is considered in the context of its interdisciplinary humanitarian heritage: to some extent, this problem is presented in the works of the scientist on Aesthetics, Cultural studies, Pedagogy, Art history... Each of these approaches allows to demonstrate different aspects of the phenomenon of creativity. At the same time, the interdisciplinary approach provides a large-scale vision of this phenomenon, linking its theoretical and practical meanings together, emphasizing the importance of creative processes for ontogenesis and phylogeny, and showing the place of creativity in the context of other human activities.

Keywords: M. Kagan, phenomenon of creativity, Aesthetics, Cultural studies, system approach, interdisciplinarity.

Феномен творчества – традиционный объект исследования на протяжении столетий развития гуманитарной науки и философии. Анализ различных его аспектов представлен и в научных трудах советских и российских ученых.

Немаловажное место феномен творчества занимал в работах известного советского и российского ученого М.С. Кагана (1921-2006), внесшего значительный вклад в развитие отечественной гуманитарной науки. Научное наследие учёного сохраняет свою актуальность и в наши дни, о чём свидетельствуют ежегодные Кагановские чтения, проходящие в Санкт-Петербурге, издание двух многотомных собраний сочинений [1] – в издательствах «Петрополис» (Санкт-Петербург) и «Юрайт» (Москва), обращение к наследию М.С. Кагана в монографиях, учебниках, статьях и диссертациях [например, 2, 3, 4, 5, 6].

М.С. Каган последовательно развивал свои идеи в смежных науках, чему способствовал системный подход к анализу социокультурной реальности и многогранные интересы ученого. Актуальной для него на протяжении всей научной деятельности была и тема творчества, она присутствовала в работах разных лет, относившихся к философии, педагогике, искусствоведению. И, в зависимости от темы и профиля научного исследования, проблема творчества раскрывалась в различных своих аспектах. Но, хотя творчество проявляется во всех сферах человеческой жизнедеятельности, для эстетика и культуролога М.С. Кагана наибольшую актуальность имел художественный его аспект.

Важное место занимала тема творчества в рамках деятельностной проблематики [7]. Именно при анализе человеческой деятельности философ обозначал значимость художественно-творческой деятель-

ности, причем художественной деятельности философ отдавал приоритет: поскольку в художественном освоении мира «скрепляются и сливаются воедино энергии всех четырех исходных видов деятельности» [8, с. 151] - общения, познания, преобразования и ценностно-ориентационная деятельности.

В эстетических работах [9, 10, 11] М.С. Каган рассматривал закономерности развития художественного творчества и тенденции его теоретического осмысления.

На стыке эстетики и педагогики М.С. Каган разрабатывал теорию эстетического и художественного воспитания [12, 13]. В данном аспекте творчество рассматривалось учёным как важный и необходимый фактор формирования личности, способствующий развитию и совершенствованию духовных способностей и потребностей человека, поскольку творчество является неотъемлемой частью художественного воспитания, ведь именно в художественном воспитании активизируются творческие способности ребёнка.

Важное место занимал феномен творчества и в культурологии М.С. Кагана. Он критиковал тех философов, «которые определяют сущность культуры через творческую способность человека», поскольку «такое толкование культуры таит в себе явную односторонность, ибо человеческая деятельность необходимо соединяет начала творческое и репродукционное, креативное и традиционалистское» [8, с. 142]. Тем не менее, творчество является неотъемлемой и важной составляющей культурно-исторического процесса. Важной идеей в культурологических работах М.С. Кагана являлось утверждение о том, что человек является творцом и творением культуры. Методологическую основу для разработки данного положения давал деятельностный подход, позволявший философу говорить о том, что «связь человека и культуры осуществляется через его деятельность» [8, с. 148], возможность человека творить культуру реализуется при наличии «мотиваторов и реализаторов поведения» [8, с. 143] – культурных потребностей, способностей и умений. А как именно шло развитие художественной культуры, М.С. Каган прекрасно показал в своем монументальном исследовании «Введение в историю мировой культуры» [14].

Таким образом, феномен творчества был актуальным предметом исследования во многих трудах М.С. Кагана. Многогранный талант учёного, позволявший ему анализировать социокультурную и эстетическую реальность с позиций различных гуманитарных наук, и междисциплинарный и системный подходы, которые при этом неминуемо применялись, способствовали разностороннему осмыслению феномена художественного творчества и его значимости, как для развития отдельной личности, так и для развития цивилизации в целом.

Литература:

1. Астафьева О.Н. Научно-издательский проект как открытая коммуникация: М.С. Каган в отечественном гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 2. С. 234-239.
2. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. М.: Изд-во МГИДА, 2002. 295 с.
3. Забулионите А.-К. И. Типологический таксон культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 280 с.
4. Закс Л.А. Культурфилософская вселенная М.С. Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Часть 1) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2001. № 3(5). URL: http://www.cr-journal.ru/gus/journals/84.html&j_id=7 (дата обращения: 15.01.2020).
5. Закс Л.А. Культурфилософская вселенная М.С. Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Часть 2) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2001. № 4(6). URL: http://www.cr-journal.ru/gus/journals/91.html&j_id=8 (дата обращения: 15.01.2020).
6. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб.: Лань, 1997. 512 с.
7. Каган М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
8. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.
9. Каган М.С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л.: Лен. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1971. 766 с.
10. Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1972. 440 с.
11. Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.
12. Каган М.С. О воспитании как специфической социальной деятельности и роли искусства в нем // Каган М.С. Избранные труды в VII томах. Т. III. Труды по проблемам теории культуры. СПб., 2007. С. 654-659.
13. Каган М.С. Эстетическое и художественное воспитание в развитом социалистическом обществе. М., 1984. 36 с.
14. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. В 2-х кн.

Творчество, личность и феномен Другого

Рублев Михаил Степанович

*Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А.Костычева, доцент,
кандидат философских наук.*

mihail_rublev@mail.ru

Аннотация: В тезисах ставится задача обоснования необходимости ухода философских исследований от их привязанности к несуществующей сущности – человеку и переориентации на реального субъекта исторического действия – личность. Такой переход уже подготовлен в системе рефлексивных изысканий последних сотен лет. Но главное то, что человечество останавливается в своем развитии, буквально упершись в параметры неразвитой личности миллиардов человеческих существ. Востребована развитая человеческая личность. Несовпадение личности развитой и неразвитой наиболее полно просматривается в области философских теоретических конструкций, поскольку личность является основанием мышления, его орудием. В тезисах делается попытка демонстрации того, что философская феноменология, подойдя вплотную к личности в виде жизненного мира, остановилась, не решившись дать личности онтологический статус. Перед философией стоят задачи определиться с ее предметом, с проблемой смысла, с проблемой личности.

Ключевые слова: предмет философии, личность, феноменология, Я – Другой, интенция, инверсия, творчество, смысл.

Creativity, personality and phenomenon of Other. Rublev Mikhail S.

Ryazan State Agrotechnological University.

Abstract: In these theses, the task is to justify the need for philosophical research to move away from its attachment to a non – existent entity – a person and reorient it to the real subject of historical action-a person. This transition has already been fully prepared in the system of reflexive research of the last hundred years. But the main thing is that humanity stops in its development, literally resting on the parameters of the undeveloped personality of billions of human beings. A developed human personality is in demand. The discrepancy between the developed and undeveloped personality is most fully seen in the field of philosophical theoretical constructions, since the personality is the basis of thinking, its instrument. The theses attempt to demonstrate that philosophical phenomenology, coming close to the person in the form of the life world, stopped short of giving the person an ontological status. Philosophy is faced with the task of determining its subject, the problem of meaning, and the problem of personality

Keywords: subject of philosophy, personality, phenomenology, I-Other, intention, inversion, creativity, meaning.

Участие в Российском философском конгрессе 2020 года ко многому обязывает. А, в конечном счете – к пониманию Смысла такого мероприятия. Ответ на вопрос, – какой в этом смысл, при всей обыденности формы вопроса, в случае с философским конгрессом затруднен, ибо развитие самой философии только выводит исследование ее проблем в точку проблемы смысла, как такового. Но только выводит. Нельзя сказать, что проблема смысла уже решена. И в целом нужно признать: смысл философских мероприятий должен проясняться после решения проблемы предмета философии, в чем ясности нет.

От участника Конгресса, себя уважающего и ответственного, нужен вариант ответа и на вопрос о предмете философии и на вопрос о природе смысла. Иначе трудно себя предлагать в качестве собеседника на подобном научном форуме.

Так что дело за малым... Нужно предложить вариант решения проблемы предмета философии и сопутствующей проблемы смысла. И такие предложения у нас, возможно, найдутся.

Нужно учесть, что методологические исследования являются разработкой активности субъекта познания. Дело движется и к тому, что мир знаний, мир мышления открывается как особая реальность, имеющая свое основание. Проясняется, что такому основанию нужно давать онтологический статус. Без реальной основы у человеческого мышления и его продуктов было бы невозможно достигнуть успешной коммуникации в общественной жизни. А вот это и есть выход на проблемы понимания, генерации смысла и его постижения.

Но препятствием на этом пути оказалась проблема, неподъемная для европейских рационалистов. Со времен И. Канта она сводится к феномену тождества мышления и бытия. Он считал скандальным, что мы не можем объяснить принятие существования вещей вне нас. Не далеко ушел от Канта Э. Гуссерль, формулирующий «чистый основной вопрос: как может чистый феномен познания настичь что-то, ему не имманентное, как может абсолютная самоданность познания постичь некую не-само-данность и как это постижение следует понимать» [1.53].

Увы, и наше время не ушло далеко от Гуссерля. Сочувственно цитирует его Л.А. Микешина: «Каково же основание для того, что мы можем выйти за пределы данного лишь в сознании «образа» и отнести его в качестве образа к определенному объекту, который чужд сознанию?» [2.87]. Она видит в этой постановке вопроса нужный свет, позволивший то, что «только теперь значительное внимание стало уделяться стоящим между вещью, образом и познающим субъектом методам и операциям, которые Гуссерль основательно рассматривал» [там же]. Автор вместе с Гуссерлем оставляет открытым «метафизический» вопрос о реальностях, отличных от нашего Я, о природе и существовании внешнего мира. Она считает, в этом должен помочь все более востребованный «жизненный мир» Гуссерля, ведущий к неким предпосылкам реального познания.

Как видно по современным публикациям, исследование реальных предпосылок реального познания в русле феноменологии Гуссерля идет по пути разработки проблемы смысла. Н. М. Смирнова находит у Гуссерля попытку выйти из положения усмотрением, что между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла. Любая реальность обретает для нас существование через надделение смыслом, что предполагает, по Гуссерлю, существование наделяющего смыслом сознания [3.65].

Возможно, мы не совсем поняли, что хотела сказать Н.М. Смирнова, поэтому приведем еще фрагмент ее статьи. «Подчеркну еще раз: жизненный мир Э. Гуссерля – не совокупность артефактов культуры, используемых человеком, но смысловое строение мира его повседневности. Постулирование в жизненном мире человека смысловых оснований непроблематизируемой очевидности открывает новые горизонты развития герменевтической проблематики» [3.67].

Итак, по Н.М. Смирновой, феноменология занята исследованием активности субъекта познания, она обнаруживает проявление этой активности в виде генерации смыслов жизненным миром человека. Этими смыслами наделяются любые реальные существа. Но вот собственно генератором смыслов, основополагающим, является нечто сходное с ними онтологической природой.

Это последнее наблюдение очень значимо. Смыслы генерируются, смыслами наделяются, смыслы принадлежат бытию человека

Почему мы говорим о некоей зацепке для нас, когда затрагивается онтологическая природа смысла, когда привязывается все к повседневности мира человека, к очевидности?

Дело в том, что есть иной подход к исследованию активности субъекта, который предлагает именно онтологически подходить к когнитивной реальности. Но для этого нужно признать, что, нет такого существа - человек. То, что человек использует артефакты, что есть жизненный мир человека – это указания на зону поиска.

От человека нужно переходить к истинному субъекту мышления, творчества, данному онтологически – к личности.

Такая система действительно существует. Личность - это процесс взаимодействия социальных и биологических программ на уровне человеческого индивида. Эта система обладает автономностью, очень активна, в ней как в тотальности представлены ниже находящиеся системы физической, биологической, социальной реальности.

Личность и должна нас интересовать, когда мы заняты методологией. Сошлемся на А.Л. Доброхотова из предисловия к книге А.Ф. Лосева «Философия имени», который говорит, что «феноменология отгораживается от содержательной стороны анализа, замыкаясь в рамках описания чистых явлений и конструирования их смыслов»[4.8] Как он считает, свой путь здесь находит русская философия, «пытающаяся

строить «конкретную метафизику», соединить личностный смысл с формальным анализом»[там же].

Можно привести суждения и А. Ф. Лосева и Н. Бердяева для обоснования русского персонализма, но объем данной работы мал.

Вариант развития идей персонализма в наше время: дать личности онтологический статус, объявить ее основанием мышления. Нужно опереться на давно обнаруженное свойство личности - быть носителем способа самоосуществления и освоения мира через призму дуальности - Я – Другой.

На одинарную сущность, на «человека», диалектика Я-Не-Я не ложиться. Но только она позволяет понять порождения нового, объяснить творчество на базе двойной системы – личности.

Теория личности нет, и мы рискуем предложить вариант описания использования личностью себя в мышлении.

Ближе всего к личности как основанию мышления подошли марксисты. Принятие опыта человечества у них базируется на позиции развитой личности. А у последней иная концепция человека, где он в своем телесном исполнении несет в себе двойственность. Рядом с Я, что воображается как центральная сущность человека, закономерно представлено НЕ-Я, именуемое как Другой, его тело.

Признание мира вне Я для сторонника диалектического материализма не проблема: он уже переболел исключительностью своего Я, на основании интеллекта отождествив себя и свое тело, себя и Другого, себя со всем иным. Для такой личности открывается работа глубинной структуры личности, где действительно идет диалог двух целостных состояний. Вспомним А.Ф. Лосева с его работой «Философия имени», и идеи М.М. Бахтина.

Добавим новое. Взаимодействие способов самореализации личности – постижения и приобщения, с необходимостью порождает в этом диалоге третьего участника – виртуальную личность, аподиктическое основания смысла. Похоже, сюда шел Э. Гуссерль, предполагая, что жизненный мир есть субъект при вещах [5, с. 150].

Суждение, нечто третье, получается при нахождении тождества. Порождения суждений есть получение одного и того же результата – согласия. Фиксация этого идет в виде действия, когда каждый из участников, снятое в понятии суждение, получает результат и закрепляет это своим «есть». Это «есть» делегируются в общую точку, и дает феномен бытия. Воплощением этого и является виртуальная личность, то самое идеальное, что морочит нам головы до сих пор, и что наделяет свойством бытия все остальное. Это и есть, похоже, убежище нозматического смысла.

И о феномене Другого. Опираясь на понятия на базе своего диалогового режима, личность встает в суждении на позицию и субъекта и предиката, что приводит к совпадению двух «Других». Обрамленные двумя Я, они получают при своем слиянии равный с ними онтологический статус. А на базе легализованного таким образом «иноного» возможно принять существование всей Вселенной. Так что аподиктическим основанием научного познания является не картезианское Эго, а онтологически представленный сгусток пульсирующей личности как виртуальной сущности.

И о смысле конгресса: он должен провести поиск оснований мышления как генерации смысла и выйти на сам генератор – личность. Это путь к пониманию драматизма философских исканий в срабатывании и борьбе потенциалов развитой и неразвитой личности.

Это есть открытие предмета философии: она всегда была проявлением использования личностью себя в мышлении, рефлексией. И это есть подготовка передачи эстафеты от философии к теории личности в виде найденного закона личности: связи матриц приобщения и постижения.

Увидев все с позиции развитой личности, Российский философский Конгресс может признать дело философии завершенным.

Литература:

1. Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций. СПб.:ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006.
2. Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. № 2. С.85-94.
3. Смирнова Н.М. Философские метаморфозы смысла в исторических типах герменевтики.//Философия творчества. Ежегодник. Выпуск 3,2017:Творчество и жизненный мир человека.-М.:ИИнтелЛЛ,2017. С.48-84.
4. Лосев А.Ф. Философия имени.-М.: Изд-во Моск. Ун-та.1990.
5. Крюков А.Н. О возникновении вещей и их смыслов (дискретное и континуальное в феноменологии Гуссерля) // Вопросы философии.2016.№6.С.144-152.

Творчество - разумное, сверхсознательное, диалектическое, целостное мышление.

Семенов С.Н.

Консорциум «Нефтегазовый центр» (ООО МИП Уфимского государственного нефтяного технического университета), директор центра профессионального творчества, кандидат философских наук

semenov777@mail.ru

Аннотация: «Творчество» является одной из ключевых проблем и основных категорий философии, раскрывая суть и специфику человеческого отношения к миру. Его адекватное постижение требует диалектического подхода, раскрывающего объективное содержание творческого акта (процесса) как разрешения диалектического противоречия, реализующегося через социально – культурное и разумное, неосознаваемое во всех деталях сверхсознание, в целостном мышлении, органично соединяющем вербально – понятийные, образно – эстетические и эмоционально – оценочные аспекты. Итоговый синтез - творческая идея, выступает в образно – символической форме, задающей направление дальнейшего ее развертывания и оформления в соответствии со спецификой конкретной сферы человеческой деятельности. Часто проявляясь «исторически» (в реально – временном плане) как мгновенное «озарение», творческий акт по своему «логическому» содержанию имеет сложную структуру поэтапного разрешения целостной иерархической системы противоречий, объединяемой общей диалектикой смысловых преобразований. Творчество является всеобщей родовой сущностью, порождающей силой всей человеческой культуры и мышления, но именно поэтому оно достаточно редко проявляется в развитой цивилизации, поскольку обыденная жизнь в основном опирается на полезные стереотипы, некогда созданные творчеством.

Ключевые слова: творчество, диалектика, объективность, противоречие, сверхсознание, идеализированный предмет, целостное мышление, синтез.

Creativity is intelligent, super-conscious, dialectical, holistic thinking.

Semenov S. N.

Consortium “oil and Gas center” (LLC MIP Ufa state oil technical University), director of the center for professional creativity

Abstract: “Creativity” is one of the key problems and main categories of philosophy, revealing the essence and specificity of human attitude to the world. Its adequate comprehension requires a dialectical approach, revealing the objective content of the creative act (process) as a resolution of the dialectical contradiction, realized through the socio – cultural and reasonable unconscious in all the details of superconsciousness, in holistic thinking, organically connecting verbal – conceptual, figurative – aesthetic and emotional – evaluative aspects. The final synthesis is a creative idea that appears in a figurative and symbolic form, which sets the direction of its further development and design in accordance with the specifics of a particular sphere of human activity. Often manifested “historically” (in real-time terms) as an instantaneous “insight”, the creative act in its” logical “ content has a complex structure of step-by-step resolution of a holistic hierarchical system of contradictions, United by a common dialectic of semantic transformations. Creativity is the universal generic essence of the generative force of all human culture and thought, but that is why it is rarely manifested in a developed civilization, because everyday life is mainly based on useful stereotypes, once created by creativity.

Key words: creativity, dialectics, objectivity, contradiction, superconsciousness, idealized object, holistic thinking, synthesis.

«Творчество» - одна из ключевых проблем философии и культуры, даже всей общественной жизни XXI века. Именно с вопросами творчества связано понимание многих тенденций современного общества. Но огромный объем современных публикаций, по частным вопросам, касающимся творчества (креативности) в различных сферах, в основном опирается на крайне поверхностное и случайное

понимание сути творчества. Полагая, что именно творчество отражает специфику отношения человека к миру и к себе, считаем, что только философия может дать плодотворные направления осмысления творчества, в т.ч. и в качестве методологии его частных и прикладных исследований. В самой философии творчества необходимо соотносить проблематику творчества, как одной из основных категорий (А.Ф.Лосев понимал творчество как синтез «антиномии сознания и бытия» и отмечал «необходимость, самостоятельность и несводимость категории творчества» [1, с.177 - 178]), со всеми разделами философского знания.

Наиболее деструктивен разрыв философии творчества с эстетикой и культурологией. Также философия творчества может многое получить от осмысления реальных исследований частных видов творчества (т.е. не восторгов и восклицаний о «чуде творчества»), особенно ориентированных на практическое развитие творческих способностей. Наконец, мы полагаем, что глубокому и всестороннему осмыслению творчества и в зарубежной и в отечественной философии препятствует отказ от диалектики как методологии этого осмысления, подмена ее частностями («метафора», «парадокс», «аутопозис» и т.п.) или новым терминами («бисоциация», «янусианское мышление», «концептуальное смешение» и т.п.), которые вносят некоторые новые и ценные моменты в изучение творчества, но, по сути, являются проявлениями диалектики. А творчество максимально диалектично во всех своих аспектах. Однако и само распространенное современное понимание диалектики может мешать ее успешному применению к проблеме творчества. Излишняя «логизация» диалектики (или слишком рационалистическое «сужение» логического) не позволяет понять ее как объединяющую и порождающую структуру всех проявлений духовной культуры, а шире – всей действительности в целом (от «логики музыки» до «логики вещей»). Применительно к проблематике творчества именно диалектика (в различных ее формах) позволяет понять целостность творческого процесса (акта) на всех его этапах, а также решить такие проблемы как: непосредственный предмет творчества, специфика творчества как психического процесса; неосознаваемые стороны творчества; критерии творчества; протяженность и мгновенность творческого акта; уникальность и всеобщность творческих способностей; обучаемость и «необучаемость творчеству» и многие другие.

Прежде всего, надо определить, что происходит в процессе творчества на самом деле, т.е. объективно (а не что кто «чувствует» или «оценивает»). Исходно определяя действие как творческое через его продукт, т.е нечто «качественное новое», созданное не случайно, а с целью (пусть и не вполне четкой), мы должны рассмотреть не творца (субъект творчества), а преобразованный им предмет (объект творчества), изучив, что было с ним «до» акта творчества и что стало «после». На многочисленных примерах можно наглядно показать, что сначала мы имели несовместимость некоторых требований к ситуации, а в конце – их совместимость в конкретном варианте, на более высоком уровне развития ситуации. А значит – мы имеем дело с диалектическим противоречием и его разрешением в синтезе. И первый вывод – известные во многих вариантах «стадии» или «этапы» творческого процесса являются его описанием на уровне психологических явлений, но не изложением сути дела. Также можно уточнить понимание непосредственного предмета творчества, в рамках которого осуществляется диалектическое «саморазвитие», поскольку частым возражением против подобной диалектики является утверждение о невозможности осуществить в мысли «саморазвитие» некоего самобытного, внешнего творцу объекта, поскольку это требовало бы «божественного всезнания» о нем. Но дело меняется, если непосредственным предметом творчества мы считаем «идеализированный предмет творчества», т.е. выделенное из всего «проблемного поля» исходное противоречие в его непосредственном окружении. Это противоречие (а не какой-то иной «предмет»), причем взятое в единстве своих понятийно – информационных, образно – эстетических и эмоционально – ценностных характеристик. Соответственно, процесс развертывания и разрешения этого противоречия и является источником и механизмом «самодвижения» данного предмета, существующего именно в психике творца, но моделирующего некоторый объективно существующий предмет. Это – не «абстрактный объект» и не «образ воображения», а некоторое внутреннее противоречие, объединенное решаемой проблемой (целью) психическое образование, соединившее в своей целостности: знания, образно – эстетические переживания и эмоции – оценки, в связи с чем оно не может быть ясно – аналитически осознанно и его «самодвижение» в поиске творца происходит преимущественно неосознанно.

Однако «неосознаваемое» не является биологически обусловленным «бессознательным» или социально-стереотипным адаптационным «подсознательным» - поскольку все содержание «идеализированного предмета творчества» социально – культурно по своей природе и новационно

– изменчиво – следует использовать понятие «сверхсознание» (П.В.Симонов) или «надсознание» (М.Г.Ярошевский), без биологизаторства и мистики. Надо подчеркнуть, что диалектическая логика как логика творческого мышления с необходимостью включает в себя образно – эстетические (символические) и эмоционально – ценностные компоненты, без включения которых не совмещаются противоположности. При этом речь идет именно о целостном разумном (не рассудочным) мышлении.

Критерием творчества является именно синтез, разрешение противоречия, новый «самодавливающий» (по А.Ф.Лосеву) предмет. Творческий акт, который «исторически», т.е. в «реальном» времени может выступать как «мгновенное» интуитивное «озарение», по своему содержанию или «логически» является многоступенчатым процессом, начинающимся с осмысления исходного состояния объекта как «старого» и выделение его неразрешимых противоречий (идеализированный предмет творчества). Далее противоречие разрешается поэтапно [См.:2, с. 117–178; 3, с.257; 4,с. 20–21], по разработанной нами с В.Э.Штейнбергом модели: через противоречие потребностей – возможностей, требований, функций, свойств. [5,с.117 - 125]. Его итог – синтетическая идея в символически – образной форме, в дальнейшем разрабатываемая в соответствии с особенностями той или иной сферы культуры. Главная суть творчества – преобразование смыслов деятельности, ситуации и т.п. [6,с.44].

Творчество – сущность и всеобщий порождающий механизм всей человеческой культуры, мышления, но именно поэтому оно по мере развития общества проявляется относительно все реже среди массы созданных им необходимых стереотипов и несет в себе черты «первобытности», как именно сути мышления как такового.

Являясь родовой, всеобщей основой человеческого мышления, оно может стимулироваться и развиваться (с учетом его особенностей) у любого нормального человека, поскольку имеет логическую упорядоченность, но не алгоритмично и «выучить» его формально невозможно.

Литература

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991, С. 21 – 186.
2. Маркс К. Капитал// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. М.: Гос. изд – во полит лит. 1960. 920с.
3. Ильенков Э.В. О материальности сознания и о трансцендентальных кошках // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат. 1979. С. 252 – 271 .
4. Альшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Сов.радио. 1979. 184с.
5. Семенов С.Н. Творческое мышление (сущность, механизмы, пути оптимизации).Уфа: РИО БашГУ. 2005. 144с.
6. Смирнова Н.М. Смысл и творчество. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2017. 304с.

Семенова Д.С.

Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акумлы. Аспирант кафедры философии, социологии и политологии

dilyarra@mail.ru

Аннотация: Осмысление творчества требует определения наиболее адекватной философско-методологической основы. Исходя из современной концепции творчества как целостного мышления, направленного на разрешение противоречий с выходами в процессе диалектического синтеза на уровень сверхсознания, можно рассматривать в этом плане идеи философии всеединства. Данная философия в различных формах проявлялась в многих философских традициях, но наиболее полное развитие получила в русской культуре конца XIX-первой половине XX века, имея и современных последователей. Важными этапами ее формирования стали идеи «цельного духа» И.В.Киреевского, «цельного знания» на основе «соборности», как единства не подавляющего различия А.С.Хомякова, собственно философия всеединства В.С.Соловьева. Значимыми методологическими принципами для изучения творчества, вытекающими из данной философии являются следующие. Органическая целостность всех духовных способностей человека, всех уровней психики, а также всех основных компонентов творческого процесса. Далее выделяется идея диалектического совмещения несовместимого и разнородного, причем здесь важными принципами являются: одновременное совмещение в творческом синтезе множества различных и противоположных аспектов; возможность практически любые несовместимые моменты понять при определенном подходе, как внутренние противоположности некоторого фрагмента всеединства; понимание итогового творческого синтеза как эстетически-символического образа, дающего идею разрешения проблемы.

Ключевые слова: творчество, методология, цельное знание, соборность, всеединство, целостное мышление, диалектика, синтез противоположностей, эстетически-символический образ.

**The philosophy of all-unity – methodology for the study of creativity.
Semenova D. S.**

Bashkir state pedagogical University. M. Akmulla. Postgraduate student of the Department of philosophy, sociology and political science

Abstract: Understanding creativity requires determining the most appropriate philosophical and methodological basis. Based on the modern concept of creativity as a holistic thinking aimed at resolving contradictions with outputs in the process of dialectical synthesis to the level of superconsciousness, we can consider in this regard the ideas of the philosophy of all-unity. This philosophy was manifested in various forms in many philosophical traditions, but it was most fully developed in Russian culture of the late XIX-first half of the XX century, having modern followers. Important stages of its formation were the ideas of the "whole spirit" of I. V. Kireevsky, "whole knowledge" based on "conciliarity", as the unity of the non-overwhelming difference of A. S. Khomyakov, and the actual philosophy of all-unity of V. S. Solovyov. Significant methodological principles for the study of creativity, resulting from this philosophy are the following. Organic integrity of all spiritual abilities of a person, all levels of the psyche, as well as all the main components of the creative process. Next, the idea of dialectical combination of incompatible and heterogeneous is highlighted, and here the important principles are: simultaneous combination of many different and opposite aspects in the creative synthesis; the ability to understand almost any incompatible moments with a certain approach as internal opposites of a fragment of all-unity; understanding the final creative synthesis as an aesthetic and symbolic image that gives the idea of solving the problem.

Keywords: creativity, methodology, integral knowledge, conciliarity, all-unity, integral thinking, dialectics, synthesis of opposites, aesthetic and symbolic image.

В русской философии идеи всеединства имеют предшественников, классическую форму и современные проявления. Говоря о понимании творчества [1, с.127 – 128], мы прежде всего, обращаемся к идеям И.В.Киреевского о «цельном духе», в котором в живое и цельное единство на основе религиозной веры соединяются рассудок, этическое и эстетическое чувства [2, с.260] и «соборности» А.С.Хомякова, связывавшего достижение «цельного знания» с «единством во множестве», не подавляющим все различия, но обеспечивающим достижение «свободного единодушия, единодушия совершенного» [3, с.242]. Эти идеи развил В.С.Соловьев: «<...> всеединая основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе...» [4, с.394]. При этом, как пишет В.С.Соловьев: «<...> материал истинной философии как цельного знания дается всей совокупностью явлений как мистических, так равно психических и физических <...>» [5, с.203]. Сразу обратим внимание на то, что А.Ф.Лосев считает, что «<...> основной «мистический» или «художественный образ» у Вл. Соловьева <...> связан с «историей мировой символики» и образами «мировых писателей» [6, с.503], т.е. носит, прежде всего, эстетически-символический характер.

Здесь можно отметить важный методологический принцип постижения творческого мышления – органичное соединение в единую целостность всех разнообразных духовных способностей человека, не подчиняя их одну другой и не подавляя и не искажая их самобытность, но давая им максимально полно проявлять свою природу в рамках общей направленности мысли. Эта целостность творческого мышления может быть рассмотрена в различных аспектах и на разных уровнях. Прежде всего – ключевое для понимания творческой мысли как сверхсознания – единство понятийно-вербально-знаниево-информационного компонента, компонента эстетически-образного-символического и ценностно-нормативно-оценочного (истина, красота, и добро - в идеальном варианте). Далее – единство осознаваемого и неосознаваемого; высшего и низшего уровней психики: внутренней и внешней мотивации; наконец, - творца, предмета творчества и окружающего их мира, причем субъект и объект творчества не только объединены высшим единством, но и взаимно проявляют встречную активность, вступая в своеобразный диалог. Творчество не как внешнее, насильственное преобразование и подавление активностью творца его предмета - но и как их единство и совместное совершенствование, как выявление и развитие творцом потенциалов развития предмета творчества – важная черта философии всеединства в ее различных вариантах. Так средневековый суфийский мыслитель Ибн Араби, соединявший в своем учении, как показал А.В. Смирнов, рационалистическую, эстетическую и мистическую философии [7, с.46-92] и, по нашему мнению, в учении о «единстве бытия» развивавший именно определенный вариант мусульманской философии всеединства [8, с.62], считал, что «глина» (материал для творчества) не только пассивна, но и позитивно воспринимает деятельность «мастера» (творца) [9, с.12-13]. Аналогична и позиция В.С. Соловьева; считавшего, что «<...> материальная природа не должна быть страдательным и безразличным орудием экономическо-го-производства или эксплуатации <...> она входит как особый самостоятельный член [в хозяйственную деятельность Д.С.] <...> она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения» [10, с.426-427]. Другой представитель философии всеединства – С.Л. Франк также утверждает: «Но даже простой материал не пассивен, и осуществляясь в материале, дух подчиняется ему, усваивает его, облекается в его закономерность, то есть обогащается и преобразуется». [11, с.386]

Поскольку мировое всеединство объединяет все многообразие бытия, то в своей глубине оно является совпадением всех противоположностей и различий, не отрицая, а утверждая их в высшем единстве. Соответственно, и постижение бытия в науке, и его новые воплощения в искусстве – также должны обладать чувствами всеединства и диалектически совмещать несовместимое. Как пишет С.Л.Франк: «<...> метафизическое постижение бытия возможно только через усмотрение антиномического единства противоположностей». [12, с.350]

Можно отметить, что продуктивное мышление как «концептуальное смешение» (conceptual blending), понимаемое как «генеральная, базовая ментальная операция», рассматривают в получившей широкую известность книге «Путь, которым мы мыслим» Г. Факонье и М. Тернер [13, с.37].

Отметим три важных методологических аспекта понимания творческого акта как диалектического синтеза противоположностей с позиций философии всеединства. Первое – совмещение во всеединстве и в его отдельных проявлениях не только «бинарных оппозиций», но и множества различных и противоположных аспектов одновременно, т.е. синтез не диады, а некоторого множества (в духе «полифонической» или «гармонической» диалектики Г.С. Батищева). Второе – концепция всеединства позволяет выделять в бытии конкретные «срезы», в рамках которых внешние и не связанные его аспекты

могут выступать внутренними противоположностями определенного предмета, причем «в одном и том же» отношении, оставаясь несвязанными во всех других ситуациях. Третье – разрешение противоречия, творческий акт выхода на идею «совмещения несовместимого» является металоогическим созерцанием, т.е. эстетически-символическим, образным усмотрением искомого единства. «Металоогическое» знание о реальности как о «явной, светло озаренной, видимой тайне», которую мы отчетливо сознаем «лишь при эстетической или же подлинно философской установке» [14,с.231], или как «созерцательно переживаемое непостижимое», которое С.Л.Франк сравнивает с восприятием «сложной оркестровой симфонии» [14,с.309].

Литература:

1. Семенов С.Н. Творческий акт: сущность, логика и психология (зарубежные и отечественные подходы) // Философия творчества. Ежегодник. / РАН.ИФ. – Выпуск 4. 2018: Лики творчества в многообразии социокультурных практик / Ред.: Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.ИИнтелЛЛ. 2018. С.113 – 138.
2. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник. 1984. С.238 – 272.
3. Хомяков А.С. Письмо к редактору «L'UNIONCHRETIENNE» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т.2. Работы по богословию. М.: Московский философский фонд. Издательство «Медиум». 1994. С. 238 – 243.
4. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения в 2т. Т.2. – М.:Мысль. 1988. С.390 – 404.
5. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2т. Т.2. – М.:Мысль. 1988. С.139 – 288.
6. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., исправл. – М.:Молодая гвардия. 2009. 617с.
7. Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Арабаи). М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 1993. 328с.
8. Семенов С.Н., Семенова Д.С. Эвристический потенциал исламского варианта философии всеединства // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века. Уфа.: БГПУ им.М.Акмуллы. 2019. С.67 – 71.
9. БахтиярЛале. Суфий: образы мистического поиска. М.:Эннеагон Пресс. 2007. 120с.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия// Соловьев В.С. Сочинения в 2т. Т.1. М.:Мысль. 1988. С.47 – 580.
11. Франк С. Непрочитанное ... / Статьи, письма, воспоминания. М.:Московская школа политических исследований. 2001. 592с.
12. Франк С.Л. Реальность и человек // Франк С.Л. С нами Бог. М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. С.131 – 436.
13. Faconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N.Y. Basic Books. 2002. 445p.
14. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.:Правда. 1991. С.181 – 559.

Современная музыка: границы творчества

Сиднева Т.Б.

Нижегородская государственная консерватория им.М.И. Глинки, проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики. Доктор культурологии, профессор

tbsidneva@yandex.ru

Аннотация: В докладе фиксируются характерные для современной науки поиски адекватного определения актуального состояния музыкального творчества. Плюрализм данных поисков отражает беспрецедентную многосоставность феномена «современная музыка». В едином звуковом пространстве сосуществуют классическая и романтическая традиция, музыка Ренессанса и барокко, культовая музыка Запада и Востока, авангард и постмодернизм, академическая и неакадемическая музыка, «высокие» и «низовые» жанры. В терминологическом инструментарии музыкальной науки утверждаются такие понятия как «постнонклассика», «постпостмодернизм», «метамодернизм» и т.д. Современную «культурную карту» музыки автор доклада предлагает рассматривать с позиции межпарадигмальности как пограничного состояния музыкального творчества. Межпарадигмальность позволяет выявить активное взаимодействие и взаимопроникновение эстетических парадигм, утвердившихся в разные эпохи истории, но продолжающих сохранять свою актуальность. На основе понимания границы как полифункциональной системы, ее способности разделять и изолировать и одновременно быть «проходимой», утверждается новая (или дополнительная) аргументация современной музыки как квинтэссенции пограничности.

Ключевые слова: музыка, граница, парадигмы творчества, постнеклассика, метамодернизм.

Modern music: the liminalities of creativity.

Sidneva Tatiana

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire (Nizhny Novgorod, Russia), Vice-rector for scientific work, Head of the Department of Philosophy and Aesthetics, Professor

Abstract: The report records the search characteristic of modern science for an adequate definition of the current state of musical creativity. The pluralism of these searches reflects the unprecedented multiplicity of the phenomenon of «modern music». Classical and romantic traditions, Renaissance and Baroque music, cult music of the West and East, avant-garde and postmodernism, academic and non-academic music, «high» and «low» genres coexist in a single sound space. In the terminological tools of music science, such concepts as «postnonclassics», «post-postmodernism», «metamodernism», etc. are approved. The author suggests considering the modern «cultural map» of music from the position of interparadigmality as a borderline state of musical creativity. Interparadigmality allows us to identify the active interaction and interpenetration of aesthetic paradigms that have established themselves in different periods of history, but continue to maintain their relevance. The additional argumentation of modern music as the quintessence of borderline is affirmed on the basis, on the basis of understanding the border as a multifunctional system, its ability to divide and isolate and simultaneously to be «passable».

Keywords: music, borderline, liminality, creative paradigms, post-non-classical, post-postmodernism, metamodernism.

Адекватное определение современного музыкального творчества является сложнейшей научной задачей. Эта сложность объясняется не только тем, что мы находимся «внутри» современности, но и беспрецедентной многосоставностью самого феномена «музыки». В едином звуковом пространстве сосуществуют классическая и романтическая традиции, музыка Ренессанса и барокко, культовая музыка Запада и Востока, опыт авангарда и постмодернизма, «высокое» и «низовое» искусство, архаический и модернизированный фольклор и т.д. В высшей степени неоднородна музыка, создаваемая сегодня – не только по обращенности к разным традициям, но и по степени отдаленности от привычного понимания

музыкального искусства. При этом очевидными являются открытость и «проходимость» границ различных стилевых и музыкально-языковых сфер. Свободная их миграция еще более усложняет возможность целостного описания современного музыкального творчества. Сложившаяся сегодня ситуация обусловила особую остроту вопросов: «какая музыка востребована и значима сегодня для слухового опыта?», «где лежат границы возможного и допустимого в музыкальном творчестве?», «не находятся ли композиторские эксперименты за пределами музыкального искусства?».

Понятие «современный» имеет по отношению к музыке широкое значение в аспекте хронологии. Коренной перелом в композиторском мышлении, произошедший на пороге XX века, углублявшийся на протяжении всего столетия и приобретший радикальные формы к началу XXI века, позволяет «современность» музыкального творчества измерять более чем столетним периодом. Не менее парадоксальным является и определение «Новая музыка», обозначившее название целой эпохи, начавшейся в 1910-х годах и к 70-м ставшее «законченной главой музыкальной истории» [1, с. 80].

В эпицентре радикальных перемен – западная традиция академической музыки, векторы событий в которой являются особенно показательными для определения современной «музыкальной карты» мира. Именно здесь, в недрах профессионального («консерваторского») творчества сомнению были подвергнуты утвердившиеся на протяжении последних веков «незыблемые» основания звукообразования: мелодия, гармония, фактура, композиция, тембр. Ю. Н. Холопов, характеризуя процесс радикального «слома», который в музыке произошел за этот период, отмечает: «Как бы ни относиться к упомянутым сущностным проявлениям музыки, их надо признать фактом сегодняшнего бытия древней “*музики*”» [2, с. 209]. Исследователь подчеркивает, что для характеристики современного искусства звуков данное музыкально-археологическое понятие «точнее, чем привычное “музыка”» [2, с.209].

В этом суждении заключено очень важное для наших дальнейших рассуждений замечание: в современной культуре «встречаются» архаическое понимание музыки («некий запрограммированный код», по определению Ю. Холопова) и ее новоевропейское толкование, как специфического вида искусства, связанного с сугубо звуковой материей. При этом, как бы критически ни относиться к радикальным и «бунтарским» экспериментам – необходимо понять и объяснить, какие новые, «ранее неведомые стороны эстетического опыта открывают вызывающие шок или недоумение одних и поклонение других непривычные образцы искусства?» [3, с. 82]. Иными словами, адекватная оценка актуального музыкального творчества должна быть построена на выявлении диалектики приобщенности творца к исходным основаниям музыки («к ее сокровенной духовной основе, к метафизическим глубинам» [4]) и «цеховой» осведомленности, мастерства владения искусством звуков.

Необходимость определения современного музыкального творчества побуждает исследователей к поиску его парадигмальных оснований, позволяющих обнаружить единые магистральные линии индивидуальных авторских стремлений. Очевидно, что доказали свою когнитивную продуктивность и внедрены в аналитический аппарат изучения современной музыки определения «Авангард I», «Авангард II», «постмодернизм», «постпостмодернизм», «метамодернизм», «постнонклассика».

В то же время ни одна из претендующих на парадигмальную значимость тенденций не отражает целостной картины, объединяющей всю «вертикаль» музыкального искусства в его эстетической, стилевой, языковой множественности. Возможно, значимой причиной этого является сосуществование в одновременности различных парадигм, пересечение самоопределившихся моделей творчества. В философии утвердилось понимание парадигмы как «метафоры, позволяющей удерживать когерентность достаточно разнородных идей и представлений. Парадигма в этом смысле должна адресовать к некоторой достаточно широко понимаемой устойчивой во времени и однотипно разворачивающейся в культурном пространстве <...> системе ценностей, методов и методологий, способов технического освоения реальности и ее дискурсивного представления, рационального схватывания, позиционирования в структуры субъект-объектного и универсально-уникального отношений» [5, с. 10]. В проекции на искусство в этом определении являются принципиальными три фактора: во-первых, внутренняя взаимозависимость и сцепленность «разнородных» тенденций; во-вторых, временная и пространственная устойчивость; в-третьих, взаимосвязанность художественной практики и рефлексии.

В современном музыкальном творчестве сопряжены и активно взаимодействуют различные художественно-мировоззренческие модели, возникшие и утвердившиеся в разные периоды истории культуры.

Внутренне неоднородная классическая парадигма сохраняет сегодня не только значение «памяти» в глобальном информационном поле музыки. «Неизмеримо» возросшее «число приверженцев классической традиции» [1, с. 79] отражает востребованность творческой установки на ясность, завершенность, совершенство, рационально постижимый порядок и гармонию. Характерной приметой времени стал всеобщий «бум классического», сопряженный с «десакрализацией» классики (превращением в ее в материал для художественных экспериментов, иронической игрой с проверенными историей художественными образцами, их «снижением» в ремейках и кроссоверах), но не опровергающий ценности наследия прошлых эпох.

Неклассическая парадигма, обозначившаяся в музыкальном творчестве от первых модернистских опытов до постмодернистских игр с ближайшим и отдаленным прошлым, также сохраняет не только историческую значимость. Установка на «слово» традиции, преодоление инерции прошлого обусловила продолжение радикальных экспериментов нововенцев, Стравинского и далее – Штокхаузена, Булеза, Лахенмана, Аблингера. Новая трактовка инструментов, анатомирование звука, переосмысление композиционных закономерностей отражают «неклассическое» тяготение к «необычным акустическим событиям» [6, с. 296]. В этом же, неклассическом, русле находится опыт деконструкции классических композиций («*Accanto*», «*Staub*» Х. Лахенмана, «Еще раз к гипотезе» А. Кнайфеля) – творческий акт, в котором «музыка предстает одновременно и как груда развалин, и как новое силовое поле» [7, с. 35].

На рубеже XX–XXI веков в музыкальной науке широко обсуждаются такие понятия как «постпостмодернизм», «гипермодерн», отражающие интеллектуальную «усталость» от постмодерна; «метамодернизм», призванный зафиксировать «колебания (осцилляции) между иронией постмодерна и искренностью модерна» [8, с. 15]– еще более отдаляя возможность приведения событий, происходящих в современном творчестве, к единому парадигмальному определению.

Дигитальная цивилизация открыла путь формирования новой парадигмы музыкального творчества – постнонклассической, отражающей выход к новым стратегиям искусства. Контуры постнонклассической парадигмы проявляются в беспрецедентной актуализации всей истории художественного опыта, в понимании искусства как сложной саморазвивающейся, квазиорганической системы, в превращении творчества в открытый многоаспектный диалог.

Смещение в едином открытом пространстве современной «культурной карты» музыки разных эстетических, мировоззренческих парадигм свидетельствует об особом пограничном состоянии музыкального творчества, которое можно определить как межпарадигмальность.

Пограничные системы, основанные на продуктивном смещении, Ю. М. Лотман назвал «креолизованными системами». В них «создается поле напряжения, в котором вырабатываются будущие языки» [9, с. 259]. «Культурная карта» современного музыкального искусства беспрецедентно подвижна и открыта. Выявление ее внутренней межпарадигмальной структуры открывает перспективы понимания причин актуальности единовременного сосуществования художественно-мировоззренческих моделей музыкального творчества.

Литература:

1. Дальхаус К. Избранные труды по истории и теории музыки. СПб.: Изд-во им. Н.Новикова, 2019. 420 с.
2. Холопов Ю. Н. Музыка и школа на пороге нового века // Научный вестник Московской консерватории 2012. № 1. С. 208–214.
3. Сиднева Т. Диалектика границы в музыке. Москва: АБСдизайн, 2014. 384 с.
4. Холопов Ю.Н. О сущности музыки. Онлайн-библиотека [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.kholopov.ru (Дата обращения 2.02.2019).
5. Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпин. СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. 672 с.
6. Акопян Л. Музыка XXвека. М.: Практика, 2010. 855 с.
7. Лахенман Х. *Accanto* // Журнал Общества теории музыки: выпуск 2019/3 (27). С. 33-43.
8. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Семиосфера. История. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 704 с.

Философско-методологический анализ творчества как смыслополагающей деятельности человека

Смирнова Наталья Михайловна

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук, профессор
nsmirnova17@gmail.com

Аннотация: В докладе очерчен объект и предмет философского изучения творчества, проанализированы когнитивные презумпции его исследования в формате теоретико-познавательного анализа когнитивных и социокультурных измерений творчества. Эксплицированы когнитивные презумпции исследования смысла как идеальной предметности эпистемологии и интенционального объекта логико-методологического анализа, процессы «расщепления» intersubjectивных значений (на прямой, первичный и конвенциональный) в процессах культурной трансляции. Показана «концепциозависимость» смысла, обусловленность исторических типов герменевтики превалирующим типом рациональности в социальном познании. Феномен творчества представлен в культурном многообразии его предметных разверток: в философии, науке и художественной деятельности – в целях поиска общих когнитивных корней творчества. Эксплицированы методологические подходы исследования творчества в парадигмах конструктивного реализма, телесно-ориентированных подходах и современных версиях когнитивной герменевтики.

Ключевые слова: творчество, смысл, герменевтика, intersubjectивные значения, расщепление смысла, постнеклассическая рациональность.

Philosophical and Methodological Analysis of Creativity as Meaning-constitutive Human Activity. Smirnova Natalia M.

RAS, Institute of Philosophy, Principal Researcher

Abstract: The subject matter of philosophical investigation of creativity has been outlined in this paper, as well as its cognitive presuppositions in the format of epistemological analysis of cognitive and socio-cultural dimensions of creativity. Cognitive presuppositions of meaning-analysis as ideal subject matter of epistemology and intentional object of logic and methodological analysis, intersubjective process of split-sense in cultural translations' processes (on direct, primordial and conventional) have also been clearly explicated. "Concept-dependence" of meaning, its dependence of historical types of hermeneutics by the prevailed type of rationality in social cognition have also been demonstrated. Creativity phenomenon has been presented in variety of its research fields: in philosophy, science and artistic activity. Methodological approaches of creativity's investigation in paradigms of constructive realism, bodily-oriented approaches and contemporary trends of cognitive hermeneutics have also been outlined.

Key words: creativity, meaning, hermeneutics, intersubjective meanings, split-sense, (post)nonclassical rationality

Современному состоянию интеграции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания свойственно явно недостаточное взаимодействие философии и когнитивных наук в изучении фундаментальных характеристик человеческого разума, в частности, процессов порождения нового знания. Важнейший вклад философии в междисциплинарное исследование Разума обусловлен особым статусом проблематики творчества – как максимально эффективного использования человеческих когнитивных ресурсов в процессах порождения новых культурных смыслов – расширения семантических пространств жизненного мира человека и общества. Именно философии (и только ей) свойственна осознанная рефлексия не только инструментов анализа, средств и операций познавательной деятельности (как в дисциплинарных методологиях), но и общекультурных, зачастую

неявных, когнитивных презумпций, глубоко заложенных в культурных основаниях исследовательской деятельности. В этой связи особую значимость приобретают исследования, направленные на поиск когнитивного синтеза, – многомерной когнитивной модели творческого процесса, интегрирующей достижения, как философии, так и современных когнитивных наук. Дальнейшее развертывание концептуального анализа понятия творчества привело к его содержательному уточнению (новым смысловым коннотациям) за счет соотнесения его содержания с понятиями субъективной реальности, недуральной целостности человеческой экзистенции, ощущаемого и подразумеваемого смысла, а также в ходе анализа процессов поэтического и музыкального смыслообразования в культурном пространстве [1]. Поэтому в анализе культурных проекций творчества главное внимание следует уделить поиску его общих когнитивных корней – глубочайшему истоку его смысловых формообразований как когнитивного основания творческих процессов.

Объект исследования творчества воистину необъятен, т.к. творческое начало в той или иной степени присуще всем проявлениям человеческого мышления и деятельности. Поэтому в культурном многообразии ликов творчества следует вычленить *предметный срез* собственно философского анализа, руководствуясь представлением о том, что *предмет* исследования задан не только *предметной релевантностью*, но теоретически сконструирован на основе наличных методологических средств. Исходя из этой методологической презумпции, предмет философского исследования творчества определен как *когнитивные характеристики смыслопорождающей деятельности* человека в социокультурном контексте, т.е. анализ когнитивных механизмов смыслопорождения как конституирующей (трансцендентальной) субъективности и последующей седиментации intersubjectивных значений в процессах культурной трансляции и межкультурной коммуникации. Для решения задачи философского постижения творчества – изучения когнитивных и социокультурных параметров конституирования новых культурных смыслов человеческого мышления, деятельности и межкультурной коммуникации – эксплицированы когнитивные презумпции исследования смысла как идеальной предметности эпистемологии и интенционального объекта логико-методологического анализа, а также преобразования intersubjectивных значений в потоке культурной трансляции [2, с.11-49].

Решению этой задачи адекватны методы феноменологического анализа и аналитической философии сознания, а также конструктивно-реалистический подход в современной эпистемологии, в анализе процессов смыслообразования – современные наработки теоретико-сложностного анализа (герменевтической метафоры «распаковки» смыслового континуума), нейрофеноменологии и когнитивной герменевтики, методологические презумпции телесно-ориентированного подхода и современной постнеклассической эпистемологии, артикулирующей значимость смыслового измерения в методологических рефлексиях когнитивных наук. Все отмеченные выше методы взаимодополнительны, но не сводимы друг к другу.

В культурно-антропологическом плане (в аспекте субъективной реальности) показана роль темпоральных модусов (семиотики темпоральности) и исследования трансцендентальной конституирующей субъективности в изучении творческих процессов. Исследование персонально-идентифицирующих функций смысла в структурах субъективной реальности дополнено изучением генезиса его intersubjectивной культурной формы в естественном языке как инструменте конституирования социальной реальности, а также характером трансформации фундаментальных бытийных смыслов в процессах личного творчества [3, 38-49].

В исследованиях смысловых измерений социокультурных пространств творчества феномен творчества рассмотрен в культурном многообразии его предметных разверток: в сфере собственно философского мышления (генезис новых философских смыслов), науке (эпистемология научного открытия) и художественной деятельности, с которой по преимуществу (но неправоммерно узко) нередко отождествляют собственно творческую деятельность. Рассмотрена и логика трансформации культурных смыслов в процессе обмена деятельностью и культурной трансляции, процессов седиментации intersubjectивных значений и их последующего «расщепления» (прямой смысл, первичный смысл, конвенциональный смысл) в процессах культурной трансляции. Показано, что понятие первичного (примордиального) смысла выводит за пределы собственно философско-аналитического подхода (философского анализа обыденного языка) в область эпистемологического анализ воображения. В исследованиях роли воображения в творческом процессе показано, что семантических ресурсов метафорического смысла недостаточно для исчерпывающего выражения смыслового содержания образов воображения.

На основе подобного предметного синтеза осуществляется исследование порождающих структур смысла в философском и научном языке, а также в различных языках художественного творчества и в неявном знании (как гештальт-переключения и формировании новой смысловой целостности).

В контексте дальнейшего анализа смысловой размерности творчества (как процессов порождения новых культурных смыслов) проанализированы философские метаморфозы смысла в исторических типах герменевтики, выявлена «концептиозависимость» философского содержания понятия смысла от способов его теоретической реконструкции. Обосновано, что в исторически изменчивое понятие смысла имманентно (но неявным образом) встроены наличные способы его теоретической реконструкции. Исследованы исторические типы герменевтики в соотношении с типом рациональности в социальном познании. Обоснована коррелятивность философского понятия смысла – способам его реконструкции в исторических типах герменевтики. Показано, что контекстуальная относительность смысла реализуется и в зависимости от концептуального каркаса, в который это понятие «встроено», поскольку смысл – одно из самых концептиозависимых понятий. В докладе рассмотрены основанные на различных когнитивных презумпциях дискуссионные подходы к пониманию когнитивной структуры смысловых образований, философские метаморфозы смысла в когнитивных проектах современности (феноменологическом, философско-аналитическом, постструктуралистском), совместно работающие на обогащение философского понятия смысла. Показано, что философски не вполне оправдано оценивать их по шкале большей или меньшей методологической адекватности, т.е. соответствия идеалам и нормам постнеклассической рациональности. Их взаимодополнительность – залог успешного использования эвристического потенциала каждого из них. Конкуренция исследовательских программ и критика позитивистски-ориентированного лингвистического релятивизма с позиций философски более изощренных когнитивных «различимостей» ведет к дальнейшему содержательному обогащению философского понятия смысла как главного объекта исследования творческого процесса.

Литература:

1. Философия творчества. Ежегодник. Вып.5, Смысловые измерения социокультурных пространств творчества/Ред.: Н.М. Смирнова, И.А. Бескова. М.: ИИнтелЛЛ, 2019- 264 с.
2. Смирнова Н.М., Горелов А.А., Моркина Ю.С. Творчество, смысл, интерпретация. М.: Институт философии РАН, 2016. – 139 с.
3. Смирнова Н.М. Смысловые измерения субъективной реальности человека // Человек. 2019. Т. 30. №3.

Философия как творчество

Терещенко Н.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии, профессор. Доктор философских наук

Tereshenko_tata@mail.ru

Аннотация: Феномен творчества традиционно являлся предметом усмотрения философии.

При этом вопрос о самой философии как о творческом процессе зачастую оставался в тени общей проблематики. Творческая природа философии молчаливо признавалась как очевидность и именно поэтому в качестве предмета философствования часто просто выносилась за скобку. Однако вновь и вновь звучащий тезис о «смерти философии» делает вопрос о ее творческой природе более чем актуальным. Если творческий потенциал философии исчерпан, возможно, она действительно умирает как особая форма мысли в культуре. Проблема может и должна быть рассмотрена также на материале отечественной философской мысли, статус которой всегда был неоднозначным, прежде всего, для самой российской философии. Сегодня же, в ситуации параноидального стремления соответствовать чужим стандартам, положение российской философии становится еще более проблематичным.

Ключевые слова: философия, творчество, новое, прогресс, «смерть философии», российская философия.

Philosophy as Creativity.

Tereshchenko N.A.

Professor of Department of Social Philosophy of the Kazan Federal University

Abstract: The phenomenon of creativity has traditionally been the subject of philosophical thinking.

Moreover, the question of philosophy itself as a creative process often remained in the shadow of general problems. The creative nature of philosophy was tacitly recognized as evidence, and that is why, as a subject of philosophizing, it is often simply left out of the picture. However, the thesis about the “death of philosophy” makes the question of its creative nature more than relevant. If the creative potential of philosophy is exhausted, perhaps it really dies as a special form of thinking in culture. The problem can and should be considered also on the material of Russian philosophical thought, the status of which has always been ambiguous, primarily for Russian philosophy itself. Today, in a situation of paranoid desire to meet other standards of thought, the position of Russian philosophy is becoming even more problematic.

Keywords: philosophy, creativity, new, progress, “death of philosophy”, Russian philosophy

Представляется интересным перевернуть проблематику творчества в философии и посмотреть на саму философию как на творчество. Постановка не нова, кажется, что, говоря о творчестве, философия всегда говорила и от своего имени, но это не совсем так явно нуждается в уточнении.

Вопрос о философии как творчестве содержит в себе плотно упакованный целый комплекс вопросов. Это вопрос, что есть философия как творчество или, что есть творчество в философии? Какая оптика усмотрения творчества сегодня преобладает в философском пространстве? Как начинает звучать этот вопрос в аккомпанементе голосов, говорящих о настоящей или грядущей смерти философии? Возможно, что это три формулировки одного и того же вопроса, ведь если философия умирает, то, вероятно, ее творческий потенциал исчерпан. Если же в ней возможно творчество, то шансы на жизнь у нее возрастают. И, наконец, интересно, как все эти вопросы высвечивают характер отечественной философии сегодня?

Малый объем текста не позволяет пространных суждений. Поэтому некоторые тезисы могут выглядеть прямолинейно и уязвимо. Во-первых, примем как факт (а не как истину), что философия сегодня разворачивает свою теоретическую деятельность в парадигме нововременного (модерного)

мышления с признанием (или без оногo) конкретно-исторического характера последнего. А это значит, что при любых постановках вопроса философия, говоря словами Х. Ортеги-и Гассета, все еще продолжает раскланиваться с наукой. При такой постановке вопроса творчество в философии будет рассматриваться по аналогии с творчеством (возможностью творчества) в науке.

Так, в работе «Введение в неклассическую философию» Д. Гаспарян пишет, что жизнь или смерть философии диагностируется по ответу на два вопроса: есть ли прогресс в философии и способна ли она породить нечто новое [1, с. 350]. Хотя, вероятно, это есть один и тот же вопрос. Это, безусловно, нововременная и, как следствие, научная постановка. Удивительно, что уже привычно говоря об историчности и, следовательно, исторической предельности самого понятия «прогресс», мы все еще хотим обнаружить его в философии.

Философия науки проблематизирует понятие научного прогресса, пусть и в негативной форме, предлагая различные фаллибилистские концепции. Хотя, конечно, наука и философия науки – не сестры-близнецы. Искусство рассталось с идеей прогресса уже в начале XX века. Тезис: «Все преходящее только подобье» (В. Незвал), можно просто раскавычить, так как на авторство может претендовать целая плеяда поэтов, писателей, критиков, философов. И страсти философии связаны во многом именно с тем, что наука и ряд областей искусства (в вопрос о соответствии или несоответствии феномена понятию оставим в стороне) уже преодолевают это понимание творчества, хотя не предлагают иного, а философия пока находится только в точке критики.

Так, постмодернистская ирония по отношению к феномену нового срезонировала в интенции критики философии, усугубившейся упреком в том, что последняя, будучи частным дискурсом, вряд ли имеет право претендовать на статус всеобщего. Проблематизация в самой философии понятия «прогресс» привело и к сомнению в возможности нового как такового. Но тогда постановка вопроса о прогрессе и новизне в философии становится как минимум странной. Либо требует пересмотра самих понятий.

Совершенно очевидно, что нововременной принцип нового не может сегодня быть основанием для понимания творчества, если проблематичен сам феномен нового. Один из показателей этого – распространение туманной идеи инновационности, отражающей скорее возможности вариации и комбинаторику, нежели новое как сотворенное и иное. При этом нововременное понимание нового и творчества «замыкается» (или, наоборот, размыкается) на понимание творчества как творения (из ничего, силой собственной воли), то есть явленности как своеобразной безосновности. Но проблемы это все равно не решает.

Сошлемся при рассуждении о новом на позицию Б. Гройса, который указывает на одну противоречивую особенность нового как результата творчества в понимании Нового времени: «Новое в эпоху модерна ... (есть) результат определенных требований, осознанной стратегии, довлеющей над культурой Нового времени. Создание нового тем самым не является выражением человеческой свободы, как это часто полагают». [2, с.5]

Это очень важный момент, так как в таком случае новое, попав в горизонт вынужденности и несвободы, делает сомнительным само рассмотрение создания нового как критерия творческой деятельности. Даже при выведении принципа за пределы нововременной сциентистской стратегии. За принципом поиска нового, как пишет Б. Гройс, скрывается, в том числе, «предпосылка, согласно которой желание нового является желанием истины» [2, с.8]. Однако истина в эпоху модерна тоже рассматривается как некоторая онтологическая предзаданность, которая не является фактом создания, творчества теоретика, а есть открытие, то есть к акту творчества, как оказывается, тоже не имеет отношения.

Итак, попытка обнаружить творческий потенциал философии в ее способности (или неспособности) создавать нечто новое и продемонстрировать прогрессивную тенденцию развития мысли сомнительна. Неслучайно Хайдеггер будет говорить, что иногда гораздо более смелым является умение не сказать нечто новое, а не побояться вернуть взор и мысль к старому.

При такой картине мы должны либо пересматривать принципы понимания творчества в философии, либо признать, что философия исчерпала свои творческие возможности, и разговоры о ее смерти уже не являются просто эпатажным жестом.

В понимании философии примем в рассмотрение две позиции. Одна из них высказана Ж. Делезом и Ф. Гваттари в работе «Что такое философия?», другая – А. Бадью в «Манифесте философии». Оба

текста чрезвычайно популярны и разделяемы в философии сегодня, что позволяет предположить их определенную универсальность и неслучайность в отношении философии. Сразу оговоримся, что мы несколько спрямим и огрубим позиции авторов, как бы доводя их до логического конца, что выявит нутро позиции на грани абсурда. Первая рассматривает философию изнутри философии и видит существо последней в творчестве концептов, кои являются сугубо авторскими и фактически являются подписями самим к себе [3, с. 9]. Таким образом, мысль, не породившая оригинального авторского концепта сама по себе философской являться не будет. Однако философия, будучи частным дискурсом, оказывается в двусмысленном положении: частный дискурс становится уязвимым и необязательным, что в определенном смысле обесценивает концепт. Наверное, поэтому Делез будет искать другие формы легитимной всеобщности за пределами философии, в частности, в литературе [см. 4]. Литература, в свою очередь, будет предъявлять свое право на всеобщность обнаружением за-литературного основания, которое Пол де Ман определит как литературность [5, с. 119].

Позиция Бадью иная. В идее четырех оснований философии заложено представление о философии как формы существования мысли в мире, мысли, соединяющей разные модусы человеческого существования [6]. Поэма, математика, политика и любовная двоичность создают некий вектор силы мысли, которая пронизывает мир. Наверное, это происходит в ситуациях кризиса, но это не требует для своего выражения создания некоего оригинального концепта, авторская форма которого являет амбиции персонажа. «Арка философии», как говорит Бадью, может связать сегодняшний день с любой точкой во времени-пространстве, сделать актуальной мысль любой эпохи. Но тогда существо философии будет не в создании нового, а в обнаружении некой в-мирности человека, который может стягивать на себя смыслы, силы и действия. Это ситуация, про которую М.К. Мамардашвили говорил, что мысль/культура возможны, «если Я...». Однако это Я имеет смысл только в логике переступания границ индивидуальности, выхода на всеобщее, которое так лихо третируется современной философией. Вероятно, речь идет об обнаружении некоего качества, выходящего за рамки строго организованного дискурса, который, по аналогии с литературностью де Мана, можно назвать философичностью. Тогда философия как кристаллизация философичности мира есть необходимость понимания мира/человека в логике несвое-временности и несвое-пространственности. В способности отозваться.

В этом плане интересен феномен отечественной философии, оригинальность которой неоднократно ставилась под сомнение. С одной стороны, русскую философию еще в XIX веке упрекали в чрезвычайной легкости принятия и усвоения чужих идей, что Достоевский называл всемирной отзывчивостью, а Герцен «гуманнейшей стороной русского характера». Что касается творчества концептов – здесь русская философия XIX века, конечно могла бы быть показательной, но, как писал А. Мацейна, покинув отечественную почву, она умерла на Западе, не найдя своего сомыслящего читателя. Однако думается, что в горизонте поиска философичности именно отечественная культура может дать надежду на то, что жизнь не покинет тела философии. Ведь опыт сомыслия, отзывчивости может стать основой для стягивания смыслов в деятельности мысли. Если, конечно, болезни типа скопусомании не приведут к забвению не только смыслов, но и русского языка.

Литература:

1. Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию / Д.Э. Гаспарян. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 398 с.
2. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры / Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 240 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – Пер. с франц. С.Н. Зенкина, Москва: Академический проект, 2009. – 261 с. – (Философские технологии).
4. Делез Ж. Критика и клиника / Пер. с франц. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. – СПб.: Масiйна, 2002 — 240.
5. Пол де Манн Сопротивление теории // Современная литературная теория. Антология. / Составление, перевод, примечания И.В. Кабановой, Москва: Издательство «Флинта» – Издательство «Наука», 2004. с. 110-132
6. Бадью А. Бадью А. Манифест философии [Электронный ресурс] / А. Бадью // Ежедневные новости искусства. – URL: http://www.artinfo.ru/ru/news/main/Alain_Badiou-manifeste_pour_la_philosophie.htm

Генератор неологизмов и концептов как материализация модальности «возможного»

Троицкий Юрий Львович

Российский Государственный Гуманитарный Университет, кафедра теории и истории гуманитарного знания, заместитель директора Института филологии и истории. Кандидат исторических наук

troitski@gmail.com

Аннотация: Из трех выявленных Аристотелем модальностей — сущего, должного и возможного — именно последняя остается самой неразработанной и таинственной. К области проективных направлений относится генеративизм, берущий начало с известных работ Н. Хомского. Генеративная грамматика, генеративная поэтика, проективные словари по философии, гуманитарным наукам и русскому языку, — вот неполный список «рукотворных» генеративных усилий. Очередным шагом в этом направлении стали компьютерные генераторы музыки и поэзии. В этом году наша исследовательская группа впервые в России сконструировала генератор неологизмов и концептов. Наш генератор имеет возможность сгенерировать почти 100 000 неологизмов и концептов. База данных генератора содержит достаточно полный набор греко-латинских морфем комбинация которых дает сотни тысяч неологизмов. Основой порождения новых слов и концептов стали 6 базовых моделей словопорождения. Благодаря семантической насыщенности греко-латинских морфем, сгенерированные неологизмы обладают, в значительной степени, мощным смысловым расширением, который не равен простой сумме значений составляющих новое слово морфем. Этот «сверхсмысл» – вероятное следствие эмерджентности сложноустроенной лексики — ключевой эффект генеративности. Конечно, компьютерное генерирование дает достаточно большой объем «словесного мусора». Но в то же время десятки и сотни неологизмов, рожденные человеко-машинной комбинаторикой, заставляют конструировать еще не существующие артефакты, имена которых уже появились.

Ключевые слова: генератор неологизмов, модальность возможного, модели словообразования, смысловые кванты

Neologism and concept generator as materialisation of the modality of “possible”. *Troitskiy Yuriy Lvovich*

Russian State University for the Humanities

Abstract: Out of three modalities, distinguished by Aristotle: assertoric, necessary and possible, it is the last which remains the least developed and the most mysterious. Projective trends' sphere is exemplified by generativism, originating from Noam Chomsky's well-known works. Generative grammar, generative poetics, projective dictionaries of philosophy, of the humanities, of the Russian language — this is an incomplete list of “man-made” generative effort. Another step in this direction were computer generators of music and poetry. This year, our research group for the first time in Russia has designed a neologism and concept generator. Our generator can come up with nearly 100,000 neologisms and concepts. The generator's database contains a fairly complete set of Greek and Latin morphemes, combination of which produces hundreds of thousands of neologisms. The basis for generating new words and concepts is six basic word-generating models. Thanks to semantic richness of Greek and Latin morphemes, the resulting neologisms possess a considerable semantic extension, not equal to a mere sum of the new word morphemes' meanings. Such “supra-sense”, which is a likely consequence of complex vocabulary's emergence, is the key effect of generativity. Certainly, computer generation leads to a rather large amount of “verbal rubbish”. But at the same time, dozens and hundreds of neologisms, born of machine-assisted combinatorics, force us to construct brand new artefacts, whose names have already come to existence.

Keywords: neologism generator, modality of possible, word-formation models, semantic quanta

Из трех выявленных Аристотелем модальностей — сущего, должного и возможного — именно последняя остается самой неразработанной.

В философской системе Канта классификация суждений по модальностям зеркально отражает типологию модальностей Аристотеля: ассерторические высказывания с модальностями действительности, аподиктические высказывания с модальностями необходимости, проблематические высказывания с модальностями возможного.

Естественный язык также «зеркалит» эти модальности: грамматическая категория наклонения включает изъявительное наклонение (сущее), повелительное (должное) и сослагательное (возможное). А в рамках функциональной грамматики эти наклонения расширяются уже до функционально-семантических полей, состоящих не только из глаголов, но и иных языковых пластов: лексического, синтаксического, интонационного. Можно предположить, что такое расширение не случайно и свидетельствует о глубинных ментальных основаниях модальных категорий.

Обращенность в будущее время, предположительность, гипотетичность и принципиальная вариативность модальности «возможного» сближает ее с ролью «поэта» в известном аристотелевском противопоставлении поэта и историка, согласно которому историк описывает то, что случилось, а поэт — то, что могло бы случиться «по вероятности».

К области проективных направлений относится и генеративизм, берущий начало с известных работ Н. Хомского. Генеративная грамматика, генеративная поэтика, проективные словари по философии, гуманитарным наукам и русскому языку, — вот неполный список «рукотворных» генеративных усилий. Очередным шагом в этом направлении стали компьютерные генераторы музыки и поэзии.

В этом году наша исследовательская группа впервые в России сконструировала компьютерный генератор неологизмов и концептов. Подобная программа была создана в Великобритании несколько лет назад, но этот генератор оперировал морфемами только двух, введенных пользователем, слов, ограничивая свою производительность несколькими десятками неологизмов. Наш генератор имеет возможность сгенерировать почти 100 000 неологизмов и концептов.

База данных генератора содержит достаточно полный набор греко-латинских морфем комбинация которых дает десятки тысяч неологизмов. Основой порождения новых слов и концептов стали шесть базовых моделей словопорождения. Благодаря семантической насыщенности греко-латинских морфем, сгенерированные неологизмы обладают мощным смысловым расширением, который не равен простой сумме значений составляющих новое слово морфем. Этот «сверхсмысл» — вероятное следствие эмерджентности сложноустроенной лексики — ключевой эффект генеративности.

Генератор материализует идею появления нового самым непосредственным образом: порождая сложноустроенные неологизмы и концепты, часть которых называет еще не открытые явления, не созданные культурные артефакты, не возникшие пока кросснаучные инструменты.

Когнитивный результат генерации неологизмов состоит, вероятно, в том, что происходит инверсия привычной схемы: сначала феномен, а затем имя, которое его называет, на схему: сначала имя, а потом создание артефакта, ему соответствующего. Эпистемологическая инверсия такого рода существенно меняет экономику производства вещей и познавательный вектор: производство вещей уступает место производству слов — сложноустроенных номинаций, которые являют прототип будущих еще не созданных вещей. Следовательно, главной ареной борьбы за будущее становится дискурс сложноустроенных номинаций и их производство.

Генератор неологизмов и концептов включает в себя две опции: генерирование из частей слова (префикс, корень, суффикс) и опции «смысловые кванты» (начало слова, середина слова, окончание слова), содержащей не отдельные морфемы, но целые семантические группы близких по значению морфем. Это позволяет «укрупнить» семантический объем «строительного материала» неологизмов и умножает смысловый ореол генерирования. Генерирование неологизмов через опцию «смысловые кванты» всегда на несколько порядков больше, чем в первой опции отдельных морфем.

Конечно, компьютерное генерирование дает достаточно большой объем «словесного мусора». Но в то же время десятки и сотни неологизмов, рожденные человеко-машинной комбинаторикой, заставляют конструировать еще не существующие артефакты, имена которых уже появились.

Уланова А.Е.

МГИМО МИД России, аспирант кафедры философии

aleksa.ulanova@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена проблеме определения места искусственного интеллекта в научном творчестве. Рассмотрены примеры использования технологий машинного обучения и искусственных нейронных сетей в естественных науках: астрономии, химии и биологии. Автор обращает внимание на ряд ограничений, не позволяющих представить искусственный интеллект в качестве самостоятельно действующего ученого, например, на вероятную роль физиологии и антропологии в появлении творческих способностей, а также на неспособность искусственного интеллекта понимать и осознавать результаты своей деятельности. Кроме того, отмечается важность творчества как уникального и невероятно ценного дара, с помощью которого человек обретает смысл жизни, счастье и бессмертие, вследствие чего делается вывод о неготовности людей признать за другим видом, тем более искусственным, права на способность создавать новое и совершать научные открытия.

Ключевые слова: творчество, машинное обучение, наука, искусственный интеллект, нейронная сеть, смыслополагание.

About the scientific creativity of artificial intelligence.

Ulanova A.E.

MGIMO University

Abstract: the article deals with the problem of determining the place of artificial intelligence in scientific creativity. Examples of the use of machine learning technologies and artificial neural networks in the natural science are considered. The author draws attention to a number of limitations that do not allow to represent artificial intelligence as an independently acting scientist: for example, the likely role of physiology and anthropology in the emergence of creative abilities, as well as the inability of artificial intelligence to understand and realize the results of its activities are mentioned. In addition, the author notes that creativity is very important for a human as incredibly valuable opportunity that allows to find the meaning of life, happiness and immortality, that is why people are not ready to give to another species, especially artificial, the right to create and to make scientific discoveries.

Keywords: creativity, machine learning, science, artificial intelligence, neural network, sensemaking.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, искусственный интеллект (ИИ) — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1, с. 2].

Под научным творчеством понимают мыслительную деятельность, приводящую к получению нового научного знания. Людей, обладающих способностями к научному творчеству, не так много. Может ли искусственный интеллект приобрести человеческое умение совершать научные открытия?

В настоящее время ИИ-технологии, в первую очередь машинное обучение и искусственные нейронные сети, используют для обработки больших данных, полученных эмпирическим путем, и выявления в них закономерностей или аномалий. Искусственные нейронные сети обучают на выборке тщательно отобранных, репрезентативных, непротиворечивых данных в условиях строго заданных параметров, после чего они проходят тестовые задания для проверки эффективности обучения. Только в случае сходимости ответов сети к правильным ее используют для решения практических задач, и это приводит к впечатляющим результатам.

Так, искусственный интеллект достаточно активно применяют в астрофизике и астрономии [2]. В частности, машинное обучение и нейронные сети необходимы для исследования планет, для обнаружения и классификации объектов Солнечной системы, для открытия внесолнечных планет и определения свойств разных типов звезд, для поиска галактик [3]. Астрономические данные сложны и многомерны, и искусственный интеллект позволяет быстро обработать большие массивы данных, извлечь необходимую информацию и сделать точные выводы. Несмотря на ряд проблем, вызванных, в частности, недостаточно точной подстройкой алгоритмов машинного обучения под астрономические задачи, а также сложностями в правильном качественном и количественном подборе параметров обучения, использование ИИ-технологий в астрономии считается крайне перспективным [4].

Другая научная область, в которой применяется искусственный интеллект — химия, особенно органический синтез. Искусственные нейронные сети помогают ученым предсказывать ход и продукты реакций, а также подбирать реактивы, необходимые для наиболее эффективного протекания процессов [5]. При этом, согласно одному из исследований, точность предсказания продуктов реакций искусственным интеллектом составила 87,5%, тогда как профессиональные химики смогли дать правильный ответ в 76,5% случаев [6].

Стоит обратить внимание и на использование ИИ для решения одной из важнейших фундаментальных проблем в биологии — определения и предсказания третичной структуры белков, из которых состоит все живое, в том числе человеческий организм. Каждые два года проходят соревнования по оценке белковых структур — Critical Assessment of Protein Structure Prediction (CASP). В 2018 году искусственный интеллект AlphaFold участвовал в данном конкурсе и угадал 24 из 43 структур, в то время как максимальный результат других участников составил 14 из 43 [7].

Наконец, в феврале 2020 года были опубликованы результаты крайне важного исследования, согласно которому ученые впервые за тридцать лет обнаружили ряд новых антибиотиков, применив для поиска ИИ-технологии. Доклинические испытания одного из соединений, названного халицин (в честь искусственного интеллекта по имени ХАЛ из «Космической одиссеи» А. Кларка), показали: данное вещество способно уничтожить штаммы бактерий, устойчивые к большинству антимикробных препаратов [8]. Примечательно, что по структуре халицин не похож ни на один известный антибиотик, поэтому люди в принципе не рассматривали его в качестве лекарства от болезней, вызванных микроорганизмами.

Ученые, использующие в своей работе искусственный интеллект, по-разному оценивают способности машин. Кто-то считает их инструментами, старательными помощниками, в то время как другие всерьез задумываются о возможной автоматизации научного творчества и относятся к такой перспективе с большой настороженностью, ведь многие люди, особенно представители культур, основанных на авраамических религиях, видят в творчестве «реализацию человеческого духа (...) через преображение природы, социальной жизни и самого человека» [9, с. 155].

Имеет ли искусственный интеллект шанс претендовать на столь ценные для человечества творческие способности? Как полагают многие современные исследователи, в ближайшем будущем это невозможно, потому что в настоящее время существует ряд серьезных ограничений ИИ-технологий. Во-первых, «проблема фреймов». Искусственный интеллект специализируется на какой-то области и не может найти решения вопроса, выходящего за ее пределы. К примеру, искусственная нейронная сеть, обученная распознавать речь, не приспособлена для игры в го. Во-вторых, проблема ассоциации. Для получения результата машины используют только числовые значения, они не обладают ассоциативным мышлением и не понимают, для чего обрабатывают данные и ищут закономерности. В-третьих, проблема связи символа с его значением. Например, если человек знает значение слов «лошадь» и «полоски», то запись «зебра = лошадь + полоски» он поймет как «зебра — это лошадь с полосками». Искусственный интеллект не способен сделать подобный вывод. Наконец, проблема связи тела и разума. Непонятно, возможно ли в принципе существование интеллекта, а значит и творчества, сопоставимого с человеческим, вне пределов тела [10]. Действительно, если предположить, что творческие способности имеют не только сверхприродные, но и биологические, даже «антропологические основания, состоящие в готовности встретить новое и не бежать от него, а включить в свой мир, освоить, искать и создавать новое» [11, с. 42], то стоит отметить важность наличия у творческого ИИ изменчивого, реагирующего на внешние раздражители носителя.

Существующие в данный момент недостатки искусственного интеллекта ограничивают его творческие перспективы, ведь, как отмечает А.В. Смирнов, творческий путь — «путь активности,

деятельности, полагания, результат которых не предсказан заранее, а формируется усилием смыслополагания» [12, с. 209]. До тех пор, пока ИИ не способен понимать и целенаправленно создавать смыслы, а также решать принципиально отличающиеся друг от друга задачи, крайне сложно утверждать, что искусственный разум может творить. Как утверждал Дж. Джефферсон, один из основоположников нейрохирургии, в статье «Разум механического человека» еще в середине XX века, «до тех пор, пока машина не напишет сонет или музыкальное произведение из-за мыслей и испытываемых эмоций, а не в результате случайного совпадения символов, мы не можем согласиться, что машина равна мозгу. Машина должна не только написать что-то, но и знать, что она это сделала» [13, с. 1110].

Наконец, представляется необходимым отметить, что, несмотря на успешное использование искусственного интеллекта в науке, вряд ли люди когда-нибудь смогут увидеть в машине полноценного соавтора без угрозы для собственного существования. Потому что «творчество ведет к постижению смысла жизни и удовлетворению основных желаний человека — земного счастья и личного бессмертия, которых не достигнешь ни аскетизмом, ни стремлением к материальному благополучию, бессмысленным по сути, а лишь становлением посредством творчества индивидуального духа как качественно уникального образования, неподвластного тлению» [14, с. 78]. Люди видят в творчестве путь в вечность, доступный только им, и если из-за искусственного интеллекта человечество потеряет неповторимость и исключительность своих творческих способностей, то оно может вплотную подойти к экзистенциальной катастрофе.

Литература:

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490. — Москва, 2019. — 23 стр.
2. D'Isanto A., Polsterer K.L. Photometric redshift estimation via deep learning. Generalized and pre-classification-less, image based, fully probabilistic redshifts // *Astronomy & Astrophysics*. 2018. Vol. 609. No. A111. P. 1-16.
3. Fluke C.J., Jacobs C. Surveying the reach and maturity of machine learning and artificial intelligence in astronomy // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 1-24.
4. Longo G., Merenyi E., Tino P. Foreword to the Focus Issue in Machine Intelligence in Astronomy and Astrophysics // *Publications of the Astronomical Society of the Pacific*. 2019. Vol. 131. No. 1004. P. 1-6.
5. De Almeida A.F., Moreira R., Rodrigues T. Synthetic organic chemistry driven by artificial intelligence // *Nature Reviews Chemistry*. 2019. Vol. 3. No. 10. P. 589-604.
6. Schwaller P., Laino T., Gaudin T. et al. Molecular Transformer: A Model for Uncertainty-Calibrated Chemical Reaction Prediction // *ACS Central Science*. 2019. No. 5. P. 1572-1583.
7. Senior A.W., Evans R., Jumper J. et al. Improved protein structure prediction using potentials from deep learning // *Nature*. 2020. Vol. 577. No. 7792. P. 706-710.
8. Stokes J.M., Yang K., Swanson K. et al. A Deep Learning Approach to Antibiotic Discovery // *Cell*. 2020. Vol. 180. No. 4. P. 688-702.
9. Силантьева М.В. Историческое творчество в актуальном прочтении: культура как путь свободы в экзистенциальной диалектике Н. Бердяева // *Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein* / Под ред. Г.В. Аляева, О.Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПб. гос. экон. ун-та, 2016. С. 155-168.
10. Lu H., Li Y., Chen M. et al. Brain Intelligence: Go Beyond Artificial Intelligence // *Mobile Networks and Applications*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 368-375.
11. Глаголев В.С. Антропологическое измерение творческого процесса // *Творчество и национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве* / Под ред. Г.В. Аляева, О.Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПб. гос. экон. ун-та, 2019. С. 36-44.
12. Смирнов А.В. Сознание как смыслополагание. Культура и мышление // *Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение* / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 167-237.
13. Jefferson G. The mind of mechanical man // *British Medical Journal*. 1949. June 25. P. 1105-1110.
14. Смирнова Н.М., Горелов А.А., Моркина Ю.С. Творчество, смысл, интерпретация. М.: ИФ РАН, 2016. 144 с.

Самосознание и творчество

Филипенко С.А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, научный сотрудник, кандидат философских наук

Stanafil@mail.ru

Аннотация. В докладе самосознание рассмотрено в качестве неотъемлемого компонента творческой деятельности. Подвергнуто критике традиционное представление о самосознании, в соответствии с которым этот феномен сводится к рефлексии, формированию концептуального образа своего Я. Установлено, что помимо такого вида самосознания существуют еще имплицитные формы самосознания. С помощью данных современных когнитивных наук показано, что важнейшим аспектом осознания себя оказывается «отелесненное» самосознание, которое проявляется уже у новорожденных детей. В основе этого вида самосознания лежит осознание своего тела посредством поступающей от внутренних органов проприоцептивной информации. Обоснован вывод, что телесное самоощущение, будучи разновидностью неявного самосознания, выступает обязательным условием взаимодействия человека с окружающей средой. Данная форма самосознания может учитываться в качестве одного из важнейших факторов творческой деятельности индивида.

Ключевые слова: творчество, самосознание, познание, неявное самосознание, телесное самосознание, личностный опыт, телесный опыт, проприоцептивная информация.

Self-Consciousness and Creativity. Filipenok S.A.

Institute of Philosophy RAS

Abstract: Self-consciousness has been considered as an indispensable component of creative activity in this paper. The traditional idea of self-consciousness has been criticized, according to which this phenomenon is reduced to reflection, the construction of conceptual image of one's self. It is revealed that in addition to this kind of self-consciousness there are implicit forms of self-consciousness. On the basis of the of modern cognitive sciences' data it is demonstrated that the embodied self-awareness proves to be the important aspect of self-consciousness which is already manifested itself in newborn infants. The awareness of one's own body through proprioceptive information coming from internal bodily organs is at the very core of this kind of self-consciousness. The conclusion is substantiated that embodied self-awareness, being a kind of tacit self-consciousness, is indispensable condition for human interaction with environment. It is also shown that this form of self-consciousness should be taken into account as one of the significant factors of individual's creative activity.

Keywords: creativity, self-awareness, cognition, the embodied self-awareness, personal experience, the embodied experience, proprioception.

Любая творческая деятельность предполагает не только приращение знания, создание новых социально значимых смыслов и продуктов культуры, но и перестройку личности [см.: 1, с. 286–287], ее внутреннего опыта. Я исхожу из представлений о том, что в основе индивидуального творчества лежит способность субъекта в структуре собственного сознания конструировать из разрозненных компонентов личностного опыта новую смысловую целостность – гештальт [2, с. 196]. С одной стороны, в рамках этой смысловой целостности могут устанавливаться совершенно новые логические связи между отдельными познаваемыми индивидом явлениями действительности. Объективация подобных смысловых связей с помощью естественного языка, других знаково-символических систем или каких-то материальных объектов может расширить существующие в культуре представления о данных явлениях. Благодаря этому происходящий в сознании субъекта когнитивный акт формирования смысловых структур может приобрести социокультурную, объективную значимость. С другой стороны,

созидание нового смыслового гештальта ведет к трансформации уникального личностного опыта, представляющего собой непосредственно доступную человеку реальность собственных субъективных переживаний. Личностный опыт определяет личность того человека, который этим опытом обладает, ее индивидуальность. На этом основании можно говорить, что возникновение в индивидуальном сознании новых смысловых структур, меняющих содержание личностного опыта, преобразует и саму личность. Таким образом, порождение нового смыслового гештальта может рассматриваться как процесс самосозидания, становления личности, роста ее самосознания.

Обнаруживая новые смыслы, выражая их в общезначимой форме, человек не просто познает мир и творит ранее не существовавшие артефакты культуры, но и занимается самопознанием. Это позволяет нам говорить о единстве познания внешнего мира и самопознания как двух сторон познавательного процесса, направленного на постижение психофизической реальности, в которой субъект и окружающая его действительность неотделимы друг от друга. Связывают эти два аспекта разворачивающейся в индивидуальном сознании когнитивной деятельности личностное знание, которое воплощает знание субъекта о мире и одновременно является основой личностного опыта, а значит, и самой личности познающего: «Описывая разные аспекты мира вокруг нас определенным образом, мы признаем, что наша вера в истинность этих описаний является частью нашей личности, и таким образом мы отождествляем себя с этими знаниями, мы воспринимаем наши знания о мире как неотъемлемую часть самих себя» [3, с. 155].

Для того чтобы говорить о связи творчества и самосознания, прежде всего необходимо раскрыть содержание понятия самосознания. Самосознание понимают обычно как результат рефлексии, как процесс формирования рационального образа своего Я, Я-концепции. Однако современные исследователи утверждают существование иной, имплицитной, доконцептуальной формы самосознания, «которая не требует какой-либо эксплицитной мысли о своем Я или самонаблюдения, но более адекватно может быть описана как дорефлексивная, отелесненная форма самопознания» [4, с. xi]. Современный датский философ Д. Захави, опираясь на данные современных когнитивных наук, прослеживает процесс формирования самосознания в онтогенезе человека, уделяя большое внимание роли телесного опыта в восприятии себя и взаимодействии с окружающим миром. При этом философ выступает против слишком узкого определения самосознания, предполагающего, что для самосознания необходимо обладать некоторыми теоретическими, концептуальными представлениями о самосознании, о своем Яⁱ. Он показывает, что ребенок уже с момента рождения имеет дорефлексивное и доязыковое «ощущение своего Я» [5, с. 43]. Отталкиваясь от идей Дж. Дж. Гибсона и его последователя У. Найссера, Д. Захави утверждает, что любое восприятие включает самоощущение, одновременное восприятие себя и окружающей среды [5, с. 44]. Уже в первые месяцы жизни человека освоение окружающей действительности неразрывно связано с самосознанием, с обработкой проприоцептивной информации, поступающей от внутренних органов. Взаимодействуя с объектами внешнего мира, младенец соотносит представления о них с информацией, описывающей его собственное положение в пространстве, его движения и последствия совершаемых им действий. Ребенок способен отличить собственное действие и его результат от тех событий, которые не вызваны его активностью, что является необходимым условием взаимодействия с окружающими предметами. Как отмечает современный исследователь Ф. Рочет, это основанное на чувственных данных восприятие себя, своего тела формирует так называемое «экологическое Я», обнаруживаемое уже на ранних этапах жизни: «Младенцы ощущают свое собственное тело как организованную и включенную в окружающую среду сущность» [см.: 5, с. 45].

Когда речь идет о самосознании зрелой творческой личности, конечно, имеется в виду не телесное самосознание, проявляющееся уже у новорожденных детей, а более сложные и развитые формы самосознания, включающие в себя способность к рефлексии, концептуализации своего внутреннего опыта. В самосознании взрослого человека находят выражение его психо-эмоциональные и интеллектуальные особенности, социокультурный опыт, который он приобрел в процессе социализации. Телесное самосознание, однако, является базовой, первичной формой самовосприятия в онтогенезе индивида, на протяжении всей жизни человека продолжая играть существенную роль в осуществляемой им практической деятельности. По мере взросления ребенок овладевает языком, обретает способность к абстрактному, символическому мышлению, в результате чего изначально существовавшее телесное самоощущение превращается в более сложные формы самосознания.

Д. Захави подвергает критике достаточно распространенную точку зрения, сторонники которой

ⁱ По мнению сторонников такой трактовки самосознания, о появлении самосознания можно говорить, например, тогда, когда ребенок узнает себя в зеркале или начинает использовать местоимение первого лица.

связывают возникновение самосознания с появлением у ребенка способности узнавать себя в зеркале. Как утверждает исследователь, умение распознавать собственное отражение в зеркале является не примитивной и базовой формой самосознания, как полагают многие специалисты, а, напротив, весьма развитым видом самосознания. Способность идентифицировать отражение в зеркале с самим собой подразумевает, что человек уже обладает осознанием своего тела и совершаемых им движений как своих собственных [5, с. 46].

Телесный опыт является важным аспектом многогранного личностного опыта и может служить одной из неявных предпосылок творческой активности взрослой личности. Поступающая от внутренних органов проприоцептивная информация предстает в качестве неустраняемого фонового знания в процессе познания и преобразования окружающей физической реальности. При этом уже на примере взаимодействия новорожденного ребенка с окружающей средой видна связь познания внешних объектов и самопознания. Освоение внешнего мира младенцем сопряжено с неявным восприятием им себя, своего тела в пространстве, что выступает обязательным условием его активности.

В проведенном анализе я исходила из представления о том, что самосознание является неустраняемым компонентом любой творческой познавательной деятельности. При этом была предпринята попытка пересмотреть понятие самосознания, не интерпретируя его только рефлексией, как процесс построения рационального, устойчивого образа Я. Помимо такого способа самосознания существует имплицитные, доконцептуальные формы самосознания. Находясь на периферии сознания (согласно модели сознания, предложенной философом науки XX в. М. Полани), именно такой способ осознания себя выступает в качестве неявной предпосылки всякой познавательной и преобразовательной деятельности, включая и творчество. Неявное самосознание взрослой творческой личности содержит в себе разнообразные когнитивные установки, неосознаваемые в полной мере, но определяющие образ ее Я, ее личностный опыт и личностное знание. Эти когнитивные установки опосредуют осуществляемую ею познавательную деятельность, влияя на результат познания, являются условием ее творческой активности.

В качестве примера доконцептуального самосознания я рассмотрела телесный опыт, обнаруживаемый уже у новорожденных детей. Разумеется, имплицитное самосознание зрелой творческой личности не сводится к осознанию своего тела. Однако на протяжении всей жизни человека телесное Я остается одним из основополагающих аспектов многогранного Я человека, и этот аспект невозможно не учитывать при эпистемологическом исследовании творчества.

Литература:

1. Филипенко С.А. Личностный опыт в творческом процессе. Эпистемологический анализ // Эпистемология креативности / Отв. ред. Е.Н. Князева. М.: «Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 272–288.
2. Филипенко С.А. Личностное знание как фактор научного творчества // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 2, 2016: Когнитивные и социокультурные измерения / Ред.: Н.М. Смирнова, А.С. Майданов. М.: ИИнтелЛЛ, 2016. С. 196–204.
3. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
4. The ambiguity of self-consciousness // The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives / Ed. by D. Zahavi, T. Grünbaum, J. Parnas. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. x-xiv.
5. The embodied self-awareness of the infant. A challenge to the theory-theory of mind? // The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives / Ed. by D. Zahavi, T. Grünbaum, J. Parnas. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 35–63.

Аннотация: Пространство и архитектура со времен античности являются объектом философской рефлексии и исследований. Как правило, объектом анализа становится конкретное, воплощенное в материале архитектурное произведение или его идея. Статья посвящена обсуждению проекта постройки в парижском парке Ла Виллет; Артикулируются причины, по которым проект так и не был реализован. Это обсуждение представляет интерес еще и потому что, после совместной работы с Питером Айзенманом Жак Деррида написал ряд теоретических работ так или иначе посвященных архитектуре. Работа может послужить импульсом к дальнейшему изучению деконструктивизма в философии архитектуры.

Ключевые слова: Архитектура, абстракция, деконструктивизм, Деррида, Айзенман, хора.

Chora in architecture. Experience of impossible.

Shabanov A.V.

State Academic University for Humanities

Abstract: Space and architecture have been the object of philosophical reflection and research since antiquity. As a rule, the object of analysis is a concrete, embodied in the material architectural work or its idea. The article is devoted to a discussion of the construction project in the Parc de La Villette in Paris; the reasons why the project has never been implemented are listed. This discussion is also interesting because, after working with Peter Eisenman Jacques Derrida wrote a series of theoretical works on architecture. The work may serve as an impulse to further study deconstructivism in the philosophy of architecture.

Keywords: Architecture, abstraction, deconstructivism, Derrida, Eisenman, chora.

В 1985 году Бернар Чуми пригласил философа Жака Деррида и архитектора Питера Айзенмана поучаствовать в обсуждении проекта постройки в парке Ла Виллет в Париже. Первая встреча состоялась 17 сентября того же года на ней присутствовали Жак Деррида, Питер Айзенман и его коллеги Джеффри Кипнис, Томас Лизер, Ренато Риззи. Сам парк был спроектирован в начале 80-х гг. самим Бернаром Чуми. Центральной идеей парка было соединить литературу и искусство, писателей и архитекторов, художников и философов; создать архитектурный проект выражающий идею взаимовлияния литературы, философии и архитектуры. Чуми хотел, чтобы междисциплинарные группы проектировали отдельные части внутри парка в рамках общего дизайна – линии проходящей через весь парк и нескольких павильонов вдоль этой линии. Бернар Чуми попросил Деррида и Айзенмана разработать проект одного из зданий в парке. Этот проект, позже получит рабочее название «Chora L Works», но так никогда и не будет воплощен. В результате нескольких встреч Деррида и Айзенмана была опубликована книга «Chora L Works» содержащая расшифровку обсуждений. Сама книга является своего рода деконструкцией того что, мы привыкли понимать под книгой. Это квадратное издание, пробитое посередине насквозь перфорацией, которая прерывает текст, и читатель оказывается, с одной стороны аффектирован таким «недостатком», и в тоже время должен догадаться о значении не читаемых слов из общего контекста написанного рядом. Это вынуждает читателя почувствовать себя соучастником диалога и вводит в общий характер деконструктивистской практики.

Сам парк считается образцово деконструктивистским по ряду причин.

Во-первых, в основе дизайна парка лежит стремление отказаться от согласованного значения или смысла. Это значит, что одно доминирующее, принятое сейчас значение должно оставаться неустойчивым, открытым для новых интерпретаций и смещений. Парк основан на наложении друг на друга трех слоев, каждый из которых скомпонован по-своему и имеет свое собственное назначение, отличное от других. Первый слой представляет собой систему точек, где в каждой точке строится

павильон – красные кубические здания, равноудалённые друг от друга. Второй слой это система линий, означающих тротуары, которые ведут к различным видам деятельности. Третий, поверхностный слой, включает в себя различные виды деятельности – спорт, игры и т.д. В результате наложения непохожих друг на друга функционально систем возникло взаимодействие – они стали дополнять друг друга и восприниматься как единый гармоничный проект. Архитектор хотел найти такую организационную структуру, которая существовала бы независимо от использования, т.е структуру без символического центра или иерархии. Это, в свою очередь, согласуется с общей интенцией в философии Деррида преодолеть стремление к любому центризму характерному для метафизики наличия. Обсуждение Деррида и Айзенмана вращается вокруг возможности реализации различных вариантов проекта, для которого французский философ предложил взять за основу идею платоновской Хоры.

По древнегречески «хора» означает место в самых разных значениях – общественное, частное, жилище и так далее. В диалоге «Тимей» Сократ говорит, что это понятие трудно для понимания в силу его противоречивости. «...пространство... дарует обитель всему рождающемуся, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно» [1, с.455]. Хора интересует Деррида именно потому, что «...не сводится ни к чувственному, ни к интеллигибельному <...> Хора получает все и дает место всему. Все, что отпечатывается на ней, немедленно стирается. Это невозможная материя и даже не материя, т.к она бессмертна <...> Это в тоже время укоренено в западной философии, но и не сводится к ней. Это нечто, что взрывает западную философию изнутри» [2, с.10]. Хора - ни вечная идея, ни чувственно постигаемая копия, но место где и то и другое уже вписано. Она не сводится к тому, что придает философии Платона логическую стройность, не вписывается в его онтологию. Это разновидность гибридного бытия, о котором можно только мыслить. Предельная абстракция, которая сопротивляется любым интерпретациям.

Как можно воплотить в реальность эту абстракцию ?

По мысли Деррида, это должен быть сад, по которому будут гулять люди, и с ними будет что-то происходить: «... нечто относящееся к структуре хоры как если бы что-то отпечаталось, а затем стерлось <...> Там должен быть песок и вода или что-то вроде этого» [2, с.10]. Айзенман говорит, что лучше избегать таких самоочевидных материалов как песок и вода и предлагает использовать камни. Для выражения идеи присутствия отсутствия (presence of the absence) без аллюзий на сакральный опыт. Он хочет создать нечто, что давало бы понимание концепта хоры через ощущения [2, с.10-11].

В письме Питеру Айзенману Деррида делает набросок проекта – нечто похожее на ткацкий станок решетку, лиру, арфу или пианино, некий струнный инструмент, на котором невозможно играть [2, с.185]. Этот набросок рассмотрели, но проигнорировали. Деррида в целом скептически относился к возможности реализации этого проекта, т.к. хора - это не то, что можно сделать, а то чего сделать нельзя. Айзенман это хорошо понимает, но это его не останавливает. Наоборот, ему как раз интересно делать именно то, что нельзя сделать. Таким образом, и Жак Деррида, и Питер Айзенман понимают хору как апорию, но Деррида фокусируется на том, что хора имеет характер палимпсеста, а Айзенман хочет чего-то более радикального – присутствия отсутствия. Таким образом, формальная, лежащая на поверхности причина невоплощенного проекта - это разногласие между двумя умными, творческими людьми. По мнению Деррида, деконструкция архитектуры случается не столько в самой архитектуре в ее материальном виде, но в большей степени во время таких переговоров, которые препятствуют скорому воплощению идеи [2, с.106]. Иными словами, деконструкция архитектуры больше про то, как мы это понимаем, чем то, как воплощаем.

Как и что мы должны изменить в нашем понимании архитектуры чтобы воплощение хоры в материи стало возможным?

Начиная с античности архитектура подчиняется закону ойкоса. Ойкос – это семья, семейное имущество и дом. Дом защищает внутреннее от внешнего, чужого, которое изначально воспринимается как угроза. Дом защищает не просто имущество, но определенные ценности – патриархальная семья, вертикальная иерархия, коллективная и индивидуальная идентичность, оппозиция свой/чужой и т. д. Мужчина отвечает за накопление, обмен товарами и защиту, а женщина должна поддерживать дом в порядке. Но здесь важно понимать, что это не естественный порядок вещей, а сконструированный в силу необходимости. «Мы должны распознать это как артефакт, конструкцию... Он не упал с неба, он не естественный... он насквозь историчен. Он пронизывает нас до такой степени, что мы забываем о его историчности: мы принимаем его за природу» [3, с.308]. По мнению Деррида, в основе архитектуры лежит четыре принципа, которые не менялись веками и сходились в репрезентации одной идеи –

архитектура обязательно должна иметь смысл и что-либо означать. Кроме того, во-первых, архитектура обязательно должна быть населена людьми или богами. Во-вторых, это центричность и иерархическая упорядоченность. Архитектура материализует иерархию в камне, дереве, любой материи. В-третьих, это телеология жилья. У всякой архитектуры должна быть цель – религиозная, этико-политическая, утилитарная и т.д. И наконец, красота, гармония, форма, общий вид. Независимо от моды, от здания ждут, что оно будет красивым и удобным. Эти принципы влияют, прямо или косвенно, на наше восприятие и отношение к архитектуре [3, с.308-310].

Классическое архитектурное мышление, если такое вообще существует, базируется на этом фундаменте, исходит из этих предпосылок. Но хора является результатом незаконного умозаключения, она не вписывается ни в закон ойкоса, т.к. для нее нет ни своего, ни чужого; она никем не населена; у нее нет ни центра, ни цели. Она означает и принимает значения. Она требует нового «незаконного» мышления, которое должно переписать пространство и архитектуру в модусе большей открытости Другому. Политическое и архитектурное необходимо деконструировать таким образом, чтобы Другой стал источником неисчерпаемых возможностей развития, а не угрозой нашей идентичности. Деконструкция архитектуры означает деконструкцию закона ойкос, который определяет сущность архитектуры и в то же время означает реализацию самой общей цели деконструкции. Сам Деррида не оставил готового рецепта, как именно следует изменить архитектурное мышление, но лишь заметил: «Архитектурное мышление может быть деконструктивистским только в следующем смысле: как попытка визуализировать то, что устанавливает авторитет архитектурной взаимосвязи в философии» [4, с.303]. Вероятно, в силу того, что такое мышление не появилось ни у Айзенмана, ни у Деррида на момент их встречи, проект Хора не состоялся и это – вторая причина. Иными словами, участники попытались вписать принципиально новый проект в архаичную, классическую матрицу понимания архитектуры.

Немного по другому поводу, Деррида замечает, что новый колледж философии не появился в качестве самостоятельного архитектурного сооружения, потому что нет необходимого ему сообщества [4, с.304]. Применительно к проекту постройки в парке Ла Виллетт, можно задаться вопросом – существует ли общество, готовое принять архитектуру, трансгрессивную привычному пониманию архитектуры? Вероятно, что раз до сих пор проект не был реализован, значит, такого общества не существует. На мой взгляд, это третья причина, по которой проект не воплотили в реальность. Так же здесь можно поставить другой вопрос – если такой проект будет однажды воплощен, какую цену придется за него заплатить? Деррида утверждает, что если бы вавилонская башня была построена, никогда не было бы архитектуры, только незавершенная башня сделала архитектуру возможной [4, с.304]. Проект «Chora L Works», оставшийся на бумаге, должен быть осмыслен не только в плане его возможной реализации, но и в контексте того, какие последствия повлечет или не повлечет за собой его реализация. Деконструктивистская архитектура, на мой взгляд, способна открыть возможность иного понимания пространства и вслед за ним архитектуры в целом.

Литература:

1. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3 Тимей 52b / Пер. С древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: 1994. – сс. 421-501 (Филос. Наследие)
2. Jacques Derrida and Peter Eisenman. Chora L Works: Edited by Jeffrey Kepnis and Thomas Leaser Published by The Monacelli Press, New York, 1997. 189 p.
3. Derrida J. Point de Folie – Maintenant l'architecture // Rethinking Architecture.
4. A reader in cultural theory. Routledge. Edited by Neil Leach. London and New York. 1997. pp.305-317
5. Derrida J. Architecture where the desire may live // Rethinking Architecture.
6. A reader in cultural theory. Routledge. Edited by Neil Leach. London and New York. 1997. pp.301-305
7. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3 [Текст] / Пер. С древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: 1994. – 654, [2] с. – (Филос. Наследие)
8. Chora L Works: Jacques Derrida and Peter Eisenman Edited by Jeffrey Kepnis and Thomas Leaser Published by The Monacelli Press, New York, 1997. 189 p.
9. Rethinking Architecture. A reader in cultural theory. Routledge. Edited by Neil Leach. London and New York. 1997. 432 p.
10. Parc de La Villette in Paris, France, by Bernard Tschumi By Peter Blundell Jones
11. [Электронный ресурс] URL: <https://www.architectural-review.com/buildings/parc-de-la-villette-in-paris-france-by-bernard-tschumi/8630513.article> (Дата обращения 11.02.2020)

Антиномия современного искусства

Шишкарёва Я.Д.

Омский государственный педагогический университет, студент

yana.shishkareva139@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется новая парадигма современного искусства. Обосновывается антиномия современного искусства, для какого общества и социального слоя оно предназначено. Рассматривается вопрос о цели и миссии современного искусства. Искусство существовало с момента появления общества, но с течением времени многое поменялось как само общество, так и искусство, которое это общество отражает. Современное искусство стало замеченным публикой как «современное» искусство здесь и сейчас – только тогда, когда оно противопоставило себя искусству сложившемуся, традиционному, искусству классическому. Оно, с начала XX века, по-настоящему перевернуло художественное сознание, поставив себя в состояние масштабного мыслительного эксперимента, в котором решалась проблема бытия искусства вообще: искусство ли это (первый вопрос) и что такое искусство в целом (второй вопрос).

Ключевые слова: искусство, современное искусство, восприятие, человек, общество, произведение.

Antinomy of modern art. Shishkareva Y.D.

Omsk State Pedagogical University, student

Abstract: The article analyzes the new paradigm of modern art. The author substantiates the antinomy of modern art, for which society and social stratum it is intended. The question of the purpose and mission of modern art is considered. Art has existed since the emergence of society, but over time much has changed both the society itself and the art that this society reflects. Modern art has become seen by the public as “modern” art here and now – only when it has opposed itself to the art of the established, traditional, classical art. It has, since the beginning of the twentieth century, really turned the artistic consciousness, putting itself in a state of large-scale thought experiment, in which the problem of being art in General was solved: is it art (the first question) and what is art in General (the second question).

Keywords: art, contemporary art, perception, human, society, composition.

Раньше искусство противопоставляло себя действительности, осознавая себя ее зеркалом. Сейчас искусство стремится слиться с действительностью, вернуться в нее, особо не настаивая на специфике и уж тем более на своей миссии быть зеркалом. Если мы согласны с тем, что искусство порождено человечеством и несет на себе отметины социума, то мы должны найти в современном искусстве эти отметины. В перенасыщенном информацией обществе современное искусство вливается в информационный поток, почти растворяется в нем. Множество художественных техник и направлений перетекают друг в друга и в действительность, порождая все новые и новые связи уже известного. Публика не теряет внезапно свое, столетиями сформированное, желание понять произведение искусства, извлечь из него смысл. Современное искусство нуждается в отвлеченном концептуальном разговоре о нем, для вычленения произведения из информационного потока, чтобы просто быть замеченным. Появление фигуры куратора в современной художественной ситуации обеспечивает, через своеобразные рациональные подпорки, относительную устойчивость произведению (присутствие здесь и сейчас).

Современное искусство философично, обладает рефлексивностью, заставляет человека думать, анализировать и осознавать. Художественный опыт, которым владеет публика, в основном не предполагает включение в него аналитического мышления. Современное искусство заставляет по-новому соотносить рациональное и иррациональное в художественном опыте. Искусство в его современной форме в

какой-то степени тождественно философии. Оно само по себе являет мыслительный эксперимент, проблематизируя возможность существования искусства вообще и возможность быть искусством в такой предельно отвлеченной от традиционного искусства форме. Художник XX века является не только творцом, но и философом. Чтобы понять искусство, стремящееся быть философией в поиске ответа на вопрос «что есть искусство?», помогает обращение к письменным трудам художника, а после к самим произведениям, которые строятся на философском восприятии мира. Выйти за рамки произведения? Нет, здесь, скорее, раздвинуть любое произведение до рамок искусства вообще.

Для восприятия подобного искусства требуется напряженно работающее сознание. Именно поэтому современное искусство по большей части воспринимается негативно. Человек, глядя на объект искусства, сталкивается с невозможностью понимания такого искусства в неотделимом от удовольствия быстром и достаточно легком сопереживании. Такое искусство насыщено конфликтностью восприятия, которая может проявиться в нетерпимости и агрессии. Представляется достаточно плодотворным идея присутствия на публичном показе такого искусства артмедиаторов, которые оказываются «под рукой» как раз в момент повышения градуса нетерпимости со стороны публики. Вступлением в разговор с публикой артмедиатор нейтрализует конфликтность, трансформируя его в диалог поиска смыслов.

«Современное искусство», если брать понятие, разделено на модернистское и постмодернистское. Постмодернизм гораздо ближе к прошлому, чем направления искусства начала XX века, которые отказывали в праве на существование классического искусства. Новое искусство не перечеркивает старое, а вступает с ним в связь, в диалог, используя цитатность, которая связана с представлением о том, что сегодня уже нельзя создать что-то новое, так как все уже создано, придумано, сказано и лежит в открытом доступе.

Новое искусство есть искусство противоречивое. Оно находится на грани рационального и иррационального. С одной стороны человек не смог бы создать произведение без использования разума, и осмысление происходит с опорой на разум. Новое искусство бесформенно и хаотично хотя бы потому, что новая форма – это противостояние классической гармонии и утверждение ценности дисгармонии, хаоса, стихии в их творческой рождающей сущности, что не подвластно логическому мышлению, к которому мы привыкли, там есть своя не логика, но анти-логика, своя анти-структура.

«Искусство, о котором мы говорим «бесчеловечно» не только потому, что оно не заключает в себе «человеческих» реалий, но и потому, что оно принципиально ориентировано на дегуманизацию» [1, с. 232]. Новое искусство слишком абстрактно и метафизично для искусства, что выводит его на пределы человеческого понимания и существования. В этом смысл «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет) – дегуманизировать в искусстве, означает показать предел возможного для человека понимания и оказывается этот предел много больше, чем мы себе представляли. Современное искусство – это искусство расширения горизонта возможного понимания, это визуализация идеи предела или беспредельности, бесконечности.

Чтобы понять новое к нему нужно привыкнуть. Но если раньше на становление одного стиля в искусстве уходило как минимум столетия, то начиная с XX века, эти направления сменяют друг друга с бешеной скоростью. Точно так же как и события в политике, науке и философии. Человек просто не успевает их осознать и осмыслить. Современное искусство мимикрирует вслед за событиями с их быстротой смены, оно может стать дизайном, овеществится в повседневности в декоре, театрализоваться в инсталляциях и флэшмобе или же быть единственным цветовым пятном в огромных пустых залах музейного пространства для произведений современного искусства.

Современное искусство стирает границы между высоким и низким. Вопрос: для какого слоя общества предназначено современное искусство? Есть ли у подобного искусства заранее планируемый адресат? Понятное и не претендующее на высокое – это искусство массовое. Какие отношения у современного искусства с массовой культурой? Многие пытаются приобщить его к массовому, но оно может существовать там только как элемент дизайна, т.к. оно доступно, самодостаточно и вписывается в любой интерьер вне зависимости от стиля и направления. Но способен ли человек с немассовидным восприятием понять современное искусство?

Если раньше произведение искусства имело двусторонний характер, т.е. у произведения было означаемое и обозначаемое, то это помогало подстроиться под любой уровень восприятия человека, давало возможность самому произведению коммуницировать с реципиентом. Для лучшего восприятия произведений современного искусства используется правильно оформленное пространство, которое

должно фокусировать внимание реципиента только на самом произведении.

Особенностью и основной проблемой современного искусства или современного понимания искусства вообще (тождество современного искусства в его бытии с современным представлением о понимании искусства вообще) является безграничность смыслов одного произведения. Классическое понимание классического искусства строится на обнаружении смыслового ядра произведения, которое нужно найти и зафиксировать: если реципиентом и улавливается конкретный замысел художника, то он будет постоянно дополняться и расширяться – не углубляться, а расширяться, расползаться по поверхности произведения. Множественность и множество – вот образ современного мира, например, у Ж. Делеза, который описал как современный тип «философа поверхности», когда «больше нет ни глубины, ни высоты» [2, с. 177-178]. Современное искусство именно так программирует свое понимание – без углублений и скользя по поверхности. Подобный способ понимания произведения не хорош и не плох, а просто другой способ понимания.

Но не исчерпало ли себя искусство, которое вошло уже в историю как «современное искусство»? Современное искусство в попытках создать что-то новое столкнулось с дефицитом тем, а главное – идей, которые должны быть новее предыдущих. Формальный, тематический и идейный репертуар современного искусства повторяется. Складывается впечатление, что произведения создаются, по большей части, не ради выражения мысли, протеста, а ради эпатажа, желания быть замеченным, ради денег и ради того, чтобы хоть что-то сказать, но при этом глубина мысли не несет особого значения. Но если искусство исчерпало само себя, нуждается ли общество в нем? Искусство все больше становится частью индустрии развлечения и потребления, частью массовой культуры, смешивается с ней [3, с. 28]. Рынок современного искусства переполнен и это еще одна проблема. Огромная часть ценных художников остается просто незамеченными.

Современное искусство нацелено на человека с особым, новым восприятием, которое способно понять скрытое значение чистых цветов и форм. Оно обращается к новому обществу и к новому человечеству, которое еще не сформировалось. На данный момент современное искусство делит общество на два класса: 1) те, кто его понимают и 2) те, кто его понять не способен. Искусство перестает быть прихотью индивидуального вкуса человека, оно становится прихотью мыслительных способностей. Современное искусство – это как бы искусство для умных. С появлением массового общества появляются и направления в искусстве, которые подстраиваются под массовое сознание, с одной стороны высмеивая его, с другой стороны давая ему возможность выйти на новый уровень понимания произведений искусства. Но даже в этом случае не каждый способен это уловить и осмыслить.

Независимо от содержания новое искусство – это игра со зрителем, публикой. Общество привыкло относиться к искусству слишком серьезно. Люди полагают, что новое искусство – это просто зрелище и не допускают мысли, что в этом и может заключаться основная миссия искусства. «Современный художник предлагает рассмотреть искусство, как игру. Вместо того чтобы потешаться над чем-то или кем-то определенным, новое искусство высмеивает само себя. В жесте самоуничтожения оно как раз и остается искусством» [1, с. 245].

Таким образом, можно сделать вывод, что современное искусство еще не осознано обществом. Оно антиномично и это создает основную сложность в его восприятии. Оно предназначено не для современного социума и человека в отдельности. Чистое искусство сможет воспринять только тот человек, который обладает особым даром художественной восприимчивости. Чтобы понять новое искусство в обществе должно зародиться новое художественное чувство, характеризующееся совершенной чистотой, строгостью и рациональностью. Эта концепция напоминает идею Ницше о сверхчеловеке, и искусство здесь выступает тем самым мостом, переходом к новому обществу.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 589 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
3. Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. 344 с.

Художественный текст как место встречи интуиций автора и читателя (на примере анализа стихотворения Марины Цветаевой)

Яковлева Е.Л.

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, профессор кафедры философии и СПД, доктор философских наук, кандидат культурологии

mifoigra@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется художественно-чувственная интуиция. Посредством нее поэт в обобщенном виде передает ситуацию, которая может осуществиться в реальности. Объясняется это тем, что в поэтическом слове обнаруживаются онтологические философские смыслы, непостижимым образом получаемые интуицией и выражаемые поэтом в тексте. При этом возможная реальность, демонстрируемая в тексте, может иметь место не только в жизни автора, но и читателя его текстов. В качестве примера разбирается стихотворение «Мама в саду, написанное Мариной Цветаевой и посвященное Гале (Лене) Дьяконовой/Гале (будущей музе Сальвадора Дали). Анализ стихотворения показывает, что в нем представлена судьба Галы. Несмотря на незатейливость сюжета, развертывающегося в саду, в нем обнаруживаются некоторые символы (в виде теней), указывающие на драматичность судьбы Галы. Более того, данное стихотворение, написанное Мариной Цветаевой в юности, оказалось иллюстрацией трагической жизни самой поэтессы и ее непростых отношений с сыном.

Ключевые слова: смысл, интуиция, Марина Цветаева, «Мама в саду», Галя (Лена) Дьяконова/Галя Дали, судьба, символ.

Literary text as a meeting place for the intuition of the author and the reader (on the example of the analysis of the poem of Marina Tsvetaeva).

Iakovleva E.L.

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Abstract: The article explores the artistic and sensual intuition. Through it, the poet in a generalized form conveys a situation that can be realized in reality. This is explained by the fact that ontological philosophical meanings are found in the poetic word, which are incomprehensibly obtained by intuition and expressed by the poet in the text. Moreover, the possible reality demonstrated in the text can take place not only in the life of the author, but also in the reader of his texts. As an example, the poem “Mom in the Garden, written by Marina Tsvetaeva and dedicated to Gale (Lena) Dyakonova / Gale (the future muse of Salvador Dali) is analyzed. An analysis of the poem shows that it presents the fate of Gala. Despite the unpretentious plot unfolding in the garden, some symbols (in the form of shadows) are found in it, indicating the dramatic fate of Gala. Moreover, this poem, written by Marina Tsvetaeva in her youth, was an illustration of the tragic life of the poetess herself and her difficult relationship with her son.

Keywords: meaning, intuition, Marina Tsvetaeva, “Mom in the Garden”, Galya (Lena) Dyakonova / Gala Dali, fate, symbol.

Смысл художественного произведения иногда имеет философское измерение, что обнаруживается при интерпретации текста. Данное утверждение относится и к поэзии. Философичная поэзия, затрагивая проблемы человека, способна раскрыть суть его экзистенции. Особое значение здесь имеет слово, именуемое сущее и развертывающее образную картину ситуации. Указывая на Нечто, слово получает полноту содержания, которое, кодируясь и рифмуясь, приобретает многозначность, а нередко и вуалированность смысла. Обладая мощной силой смыслового излучения, слово начинает притягивать внимание и рождает множество интерпретаций.

Главенствующую позицию в творческом процессе занимает интуиция поэта. Созерцая жизнь, наблюдая и мечтая, он приходит к неожиданным открытиям, к озарению, фиксируя результаты в

художественном тексте. В этом проявлении интуиция играет роль воображения и разума. Но сущность интуиции до сих пор ускользает от рационализации, хотя ее прогностический потенциал оказывается довольно мощным. «Я-в-со-знании-мира» поэта, приобщаясь к энергиям мироздания, рождает совершенный текст, в котором показывает ситуацию с ее собственным, обобщенным смыслом.

Каждый поэтический опыт преподносит сюрпризы: творение оказывается оригинальным, ни на что не похожим. Поэт в своих шедеврах, оказываясь (со)творцом реальности, создает космос, в котором трансцендентная (сверх)безобразность структурируется в эстетический порядок. В творческом процессе поэт приобщается к сокрытой реальности возможного, творя в тексте потенциальность. Создаваемая поэтическая реальность находится вне действительности и ждет своего проявления в ней, что оказывается возможным благодаря читателю. Дело в том, что в художественном творении поэт способен, интуитивно предсказывая, вещать не только о своей судьбе, но и приоткрыть тайны чужой жизни. Сверхчувствительная интуиция поэта позволяет «улавливать и тончайшие вибрации человеческой души, и скрытые от глаз непосвященных векторы истории», что делает творца пророком [1]. Вспомним, греческое слово *poesis* означает создаю/творю. Уже древние греки считали, что поэт выполняет функции пророка и жреца. Великий А.С. Пушкин подчеркнул:

Тьмы низких истин мне дороже

Нас возвышающий обман.

Интерпретация словосочетания возвышающий обман приводит нас к пониманию особой, художественной правды, основанной на интуиции и воображении. Как заметил Б.П. Вышеславцев, «вся поэзия представляет собой такой «возвышающий обман». Однако он имеет свой собственный критерий истинности, критерий истинной ценности, «художественной правды», рождающей «новую эмпирическую реальность» [2, с. 55]. Поэзия как некое откровение пока невозможного позволяет узнать потенциальное, поэтому понимание поэтика, концентрирующего в себе онто, логос и эстетизис, олицетворяет своеобразный путь к себе: «сократическая мистификация эстетизиса как знания-откровения и знания-пути станет в будущем лейтмотивом идей... как акта обнаружения творческого начала мира, ...и возвышающего обмана творчества поэта» [3]. Интерпретируя текст, читатель способен проявить собственную интуицию, в чем высвечиваются его разум, воображение, восприятие и оценка.

Одним из ярких примеров встречи интуиций поэта и читателя оказывается стихотворение Марины Цветаевой «Мама в саду», посвященное музе Сальвадора Дали – Гале/Галле (Лене) Дьяконовой. Юная поэтесса Марина Цветаева познакомилась с Галей (Леной) Дьяконовой благодаря младшей сестре – Анастасии Цветаевой (они учились в женской гимназии М.Г. Брюхоненко). Именно в доме Цветаевых Галя (Лена) услышала стихотворение «Мама в саду» и с удовольствием приняла в дар понравившиеся ей строчки. Марина Цветаева в небольшом лирическом стихотворении интуитивно описала судьбу Галы/Гали (Лены) Дьяконовой. Последняя интуитивно услышала в тексте созвучные ей нотки, а в них, как оказалось при анализе, раскрывались тайны ее будущей жизни. Согласно источникам, у Галы/Гали (Лены) была развита интуиция, к которой она прислушивалась на протяжении жизни и следовала ей. Сальвадор Дали восторгался редкостной интуицией музы. Художник-сюрреалист подчеркивал, в своем интуитивном выборе Галя никогда не ошибалась и точно предсказывала события.

В цветаевском стихотворении в свернутом виде представлена судьба музы великого испанца, обнаруживающаяся только при интерпретации текста. Галя для мальчика (первоначально Поля Элюара, потом – Сальвадора Дали) выполняла одновременно функции матери, музы, Мадонны («руки белы, платье бело» [4]) и модели («мама стала на колени перед ним в траве» [4]). Любившая своих мужчин и находившаяся у них в подчинении женщина, о чем говорит строчка «мама стала на колени» [4], тем не менее, не получала взаимности от мужчин. Они постоянно искали причину для побега от нее («что-то очень медлит мама! Как бы улизнуть» [4]) и уходили, оставляя в одиночестве («мама плачет. На колени ей упал цветок» [4]). Творческие мужчины Галы, чью гениальность олицетворяет в поэтических цветаевских строчках солнце («солнце пляшет на прическе» [4]), жаждали острых ощущений и впечатлений в качестве творческой подпитки. Отношение к ее любви, олицетворяемой гвоздикой (символ материнской любви и страсти), было пренебрежительным («пальцы только мнут гвоздику» [4]). Символ сада, в пространстве которого разворачивается сцена из лирического стихотворения, оказывается довольно неоднозначным. С одной стороны, это огражденная территория богемы, в среде которой вращалась и была известна Галя. С другой стороны, сад стал местом ее жизненной драмы: мужчины от нее уходили к другим женщинам. Сама богема также неоднозначно относилась к Гале. Ее терпели только из-за гениальности мужей. При этом в богеме понимали, что если рядом с Галой появится мужчина, то

он обязательно талантлив. Более того, Гала в конце жизни устала от богемного образа жизни и минимизировала его. Гала и тянулась к саду, и отстранялась от него. Данная двойственность, не в последнюю очередь, была обусловлена ее отношением к единственной дочери Сесиль, рожденной от Поля Элюара. Именно сад стал местом, куда женщина выпроваживала свою дочь, из-за которой не могла уходить вместе с Полем Элюаром на различные заседания богемы.

Обращает на себя внимание поэтическая строчка «только там, за домом, тени» [4]. Она является ключевой в тексте. Повторенная дважды в стихотворении (Марина Цветаева использует ее в начале и конце произведения), она приносит темный колорит в ситуацию, внося напряжение. Тень олицетворяет не только драматические эпизоды и непростые взаимоотношения Галы с мужчинами, но и ее страхи. Они преследовали женщину на протяжении всей жизни. Гала всю жизнь испытывала давление многочисленных страхов (в том числе, страха остаться никому неизвестной, бедной, одинокой, старой), интенсивность которых усилилась к концу жизни, где на первый план вышел страх смерти. Тщательно скрываемый ею страх старения и смерти привел к тому, что женщина предпринимала многочисленные иллюзорные попытки избавиться от них, делая пластические операции и приводя в дом молодых мужчин.

Надо отметить, что строчка «только там, за домом, тени» [4] одновременно характеризует жизнь и мамы, и ее сына. Именно страх бедности и неизвестности привел Галу к творческим людям, на смену им пришел страх смерти, постепенно овладевший всем существованием музыки гениев, разрушая в ней радостное восприятие бытия и приводя к щемящему чувству одиночества и ненависти к себе. Отметим, жизнь Поля Элюара и Сальвадора Дали была также отмечена тенью страхов, интенсивность которых не уменьшилась с приходом славы и известности. Безмятежность ситуации в саду оказывается омраченной: «мама плачет», оставшись одна со своим цветком и невысказанными/неизрасходованными/потаенными эмоциями и мыслями.

Таким образом, в цветаевском стихотворении «Мама в саду» встретились две интуиции – автора, художественно описавшего мир возможного (Марины Цветаевой), и читателя, выбравшего произведение, созвучное его духовному миру, и предвосхищающего жизненный путь (Галы/Гали (Лены) Дьяконовой). В небольшом стихотворении мы одновременно встречаем несколько видов интуиции: как воображения и разума у Марины Цветаевой, как воображения, разума, восприятия и оценки у Галы/Гали (Лены) Дьяконовой. Более того, в этом стихотворении оказалась закодирована и судьба самой поэтессы, безумно любившей своего эгоистичного сына Георгия Эфрона/Мура. Согласно одной из версий, накануне самоубийства, поссорившись с сыном, Марина Ивановна услышала от него страшные слова: «Кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!». Именно данные слова и заложили алгоритм ее последующих действий. Не желая смерти сына, она принесла собственную жертву. Жизнь поэтессы обернулась трагедией, что и было предсказано в стихотворении. Объективная ситуация в саду иллюстрирует внешнее благополучие, за которым скрывается внутренний мир, подверженный атакам страхов и деструктивных саморазрушений. Цветаевский сюжет оказался пророческим, рождая вопрос, на который мы не найдем ответа: понимали ли сами женщины (Марина Цветаева и Гала/Гали (Лена) Дьяконова) реальность своих интуитивных прозрений? Но на данный вопрос мы не найдем ответов: обе женщины навсегда унесли собственный ответ на него с собой, не вынося из глубин потаенного.

Литература:

1. Хубулава Г. Феномен поэтической интуиции. URL: <https://www.proza.ru/2010/09/20/749>(дата обращения: 21.10.2019).
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
3. Круглов В.Л. Художественно-поэтические начала культуры как диспозиции личности. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philosophia/4_102762.doc.htm(дата обращения: 21.10.2019).
4. Цветаева М. Мама в саду. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Мама_в_саду_\(Цветаева\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Мама_в_саду_(Цветаева)) (дата обращения: 12.10.2019).

Алгоритм творчества человека: от замысла к технологиям воплощения

Ярославцева Е.И.

Институт философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат философских наук

yarela15@mail.ru

Аннотация: Человек всегда стремился воплотить свои замыслы, создавая коммуникативное пространство творческого взаимодействия, где природа, экосреда предоставляли множество ресурсов. Так возникали многочисленные сетевые взаимосвязи индивидуальной аутопоэтической коммуникации, становившейся формой развития на основе творчества человека. Каждый, преодолевая сложности и конфликты, двигался к цели и диалогу, нередко порождая этим взаимодействием коллективный синергический эффект, создавая полиактивное социальное пространство культуры. В современном цифровом мире человек, стремясь от идеи к результату, несет в своем поведении алгоритм творчества, создавая будущее, а также собственные условия развития через функциональные Hi-tech расширения на основе динамично обновляющихся технологий. Прорываясь к собственной свободе, множественности воплощений, человек способен трансформировать не только внешнюю природу, экосистему, создавая поликультурные среды, но и самого себя, собственное морфологическое пространство, доступную для изменений телесность. Он неизбежно расширяется, через умножение своих функций, вовне, а также становится все более, многоплановым, виртуальным внутренне, сложным для самого себя. Онтологически через культуру и технологии человек усиливает собственный потенциал изменчивости для устойчивости в перспективе.

Ключевые слова: Человек, коммуникации, алгоритм творчества, цифровые технологии, будущее, трансформации

Human creativity algorithm: from design to implementation technologies.

Yaroslavtseva E.I.

Institute of Philosophy RAS

Abstract: Human has always sought to realize his ideas, creating a communicative space of creative interaction, where nature and the environment provided many resources. So there were numerous network interconnections of individual autopoietic communication, which became a form of development based on human creativity. Each, overcoming difficulties and conflicts, moved towards a goal and dialogue, often generating a synergistic collective effect through this interaction, creating a polyactive social space of culture. In the modern digital world, a person, striving from idea to result, carries in his behavior an creativity algorithm, creating the future, as well as his own development conditions through functional Hi-tech extensions based on dynamically updated technologies. Breaking through to his own freedom, the multiplicity of incarnations, a person is able to transform not only the external nature, ecosystem, creating multicultural environments, but also himself, his own morphological space, accessible for changes of corporeality. It inevitably expands, through the multiplication of its functions, outward, and also becomes more, multifaceted, virtual inwardly, complex for itself. Ontologically through culture and technology, man strengthens his own potential for variability for sustainability in the long run.

Keywords: Human, communication, creativity algorithm, digital technology, future, transformation

Существование общих свойств наиболее ярко проявляется, когда оно представлено во множестве, в частности, при развитии каждого человека, закономерно проходящего этапы своего становления. Общечеловеческие закономерности выделяются особенно тогда, когда в каждом видна его индивидуальность, которая порождается его собственной творческой деятельностью. Этот алгоритм вырабатывается в стремлении человека воплотить свои замыслы, стихийно создавая коммуникации творческого взаимодействия. Окружающая природа, экосреда давала для этого неограниченное

количество ресурсов. Однако практически на всем протяжении своего развития человек опирался на этот потенциал, но не замечал его за собой, будучи отчужден от него социальным давлением, воплощавшемся в разных формах. Есть основания полагать, что на начальных этапах социального развития такая «человекообразность», соотношенность реализовалась в нормах морали, через регулируемую функцию этики, но в определенных условиях потеряла свою результативность. Умозрительность запретов была направлена внутрь человека, создавая в нем духовную напряженность, глубинный пласт ориентиров, который играл важную роль в деятельности человека и в его творчестве. Через определенное время, при усложнении внутреннего мира человека посредством этого умозрительного, образного, виртуального пространства, для человека стали актуальны вопросы упорядочения собственной внутренней Вселенной, баланса внутренних потенциалов. Возникли собственно этические проблемы понимания предназначенности собственной жизни, своего места в мире, идентичности, т.е. связанности с обществом и одновременного сохранения своей самостоятельности, свободы.

Современная научная парадигма, постнеклассическое знание, фиксирует возникновение этапа, когда допускается осуществление человекообразного подхода, а именно, создание «представлений о «человекообразных», исторически развивающихся системах...». [1, с. 690] И данный подход может быть последовательно реализован как возможность постоянной соотношенности всего с человеком и человека со всем, особенно в современной культуре, когда уже практически не существует мест, где «не ступала нога человека», И не в форме деклараций, изложенных в определенных системах понятий, а в конкретной исчисляемой форме, что возможно реализовать при современных цифровых технологиях, способных обрабатывать большие объемы информации, создавать Big data. Такие соотношенности могут показать живую связь между взаимодействующими субъектами, коммуницирующими виртуальными системами.

При этом многочисленные сетевые взаимосвязи особей в природе, [2], а также порождаемые индивидуальные – аутопоэтические – коммуникации, [3] становились формой развития творческого потенциала человека. Рефлексия человека на основе этического опыта выстраивала у него навыки самоорганизации и устойчивости в изменяющейся среде. При этом каждый, преодолевая сложности и конфликты, двигался к своей цели и, соответственно, практике диалога, порождая этим взаимодействием коллективной синергичный эффект. Именно высокий уровень активности множества индивидов создавал полиактивное социальное пространство культуры, в котором не было принципиальной недопустимости свободы человека. Современные варианты цифровых коммуникаций и мобильного персонального оборудования стали для человека расширением индивидуального пространства и решением проблем саморегуляции. В аутопоэтическом процессе развития он проходил множество трансформаций, встречался с проблемами и серьезными рисками, стремясь к решению конкретных задач. Новейшие возможности современных цифровых технологий можно считать потенциалом расширения человека, что позволяет реализоваться ему как сложной индивидуальной системе, сохраняя баланс своих взаимосвязей с экосистемой, несмотря на наличие значительных рисков.

В глубинах индивидуальной психики, на уровне физиологии движений в конце 20-х годов в СССР изучалась возможность по расширению деятельности организма, которая связывалась учеными с новейшими достижениями в области кибернетики. Выдающийся русский ученый физиолог Н.А. Бернштейн писал: «...физиология, (главным образом наша отечественная) сумела сформулировать некоторые из наиболее важных кибернетических понятий раньше, чем появились на свет первые обобщающие труды зарубежных кибернетиков. – и дальше – ...обнаружившаяся близость и прямая связь между актуальными задачами физиологии и теми проблемами, над которыми работает кибернетика, приводят к тому, что последняя оказывается в настоящее время ценнейшим методическим орудием для физиологического исследования». [4, с. 483]

Целостность развития и самоорганизация человека могут реализоваться через множественность самовоплощений, способы виртуального существования как в интернет сети, так форматах дополненной реальности, иммерсивных видео продуктов. Они особенно ценны людьми искусства, а также молодежью, увлеченной экспериментами над собственным восприятием окружающего мира, возможностью своеобразных перемещений в иллюзорных средах. Все эти поиски могут быть плодотворны, если не терять чувства меры – особенно важного нормативного критерия этики, если не перепоручать интеллектуальные функции робототехническим системам. Но на сегодняшний день ситуация скорее обратная. Как считает палеоневролог, д.б.н., проф., зав. лаб. развития нервной системы Института морфологии человека РАН С.В.Савельев: «...все происходит наоборот... человек

передает интеллектуальную деятельность компьютеру, а сам остается инстинктивно-гормональным приложением к этому. (3.44)». [5] Естественно, что уровень интеллекта индивида в этом случае определяется цифровой счетной машиной.

В современном цифровом мире человек, стремясь от идеи к результату, несет в своем поведении алгоритм творчества, создавая будущее, а также собственные условия развития через функциональные Hi-tech расширения на основе динамично обновляющихся технологий. Принципиально важно, что в цифровых технологиях стало выявляться важное качество – отсутствие непроницаемых, жестких границ между человеком и цифровыми машинными технологиями. Через подобный **технический модуль**, который является его собственным изобретением, а по существу, **через способность человека к конструированию, которая с необходимостью появляется в онтогенезе человека**, [6, с. 93-94] **активно реализовывалась потенция расширения**, [7]. Так открывались перспективы для творчества, а также порождались источники новых рисков.

Важно понять, что личностное развитие человека – это восхождение над собой. Соответственно, цифровые системы от технологий обучения до инструментов свободного использования должны быть настроены на помощь в решении задач столь высокой сложности. Человеку робот нужен как наиболее гибкий инструмент практической деятельности, расширяющий его возможности, увеличивающий его потенциал. Начиная с воплощенных в каком-либо материале до новейших – клеточных биороботов, а фактически – машин, работающих по созданному специалистами алгоритму, эти устройства выполняют функции, недоступные человеку, сохраняя его безопасность. Творческий стиль деятельности невозможно заменить работой устройств и технических модулей, поскольку только в самостоятельном, сложно предсказуемом движении к выбору, человек порождает свою перспективу, делает действительным своё будущее. Через культуру и динамичные технологии человек усиливает собственный потенциал изменчивости, получая все большие гарантии на реализацию своих творческих потенциалов, способность сохранять устойчивость и стремление к новым горизонтам развития.

Литература:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: «Прогресс-Традиция», 2003. – 744 с. С. 690
2. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. / 2-е изд. Перераб. и доп. – М.: Научный мир, 2007. – 508 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. – М.: Прогресс-Традиция. 2001. – 224с.
4. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движения: Избранные психологические труды / Н.А.Бернштейн; Под ред. В.П.Зинченко. – 3-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж; Издательство НПО «МОДЕК», 2008. – 688с. (Серия «Психологи России»). С. 483
5. Савельев С.В. Лекция «Мозг и космос» 02.01.2018. URL: <https://sitegallery.ru/video/NhksUgU3CTkzBx4/sergej-savelev-kosmos-i-mozg.html> (дата обращения 21.12.19)
6. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений / Под редакцией В.П.Зинченко. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 608 с.
7. Маклюен Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understanding media. М.; Жуковский, 2003:

Агафонова Н. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет глобальных процессов, кафедра теории и технологий управления, профессор, доктор философских наук

agafonova@spa.msu.ru

Аннотация: Методология управления представляет собой одну из областей методологического знания, которая может рассматриваться как совокупность методологических программ, принципов, теоретических подходов и проектов, с позиции которых анализируются сущностные особенности управленческой деятельности, а также формы и способы ее практической реализации. В статье анализируются методологические программы деятельностного подхода к управлению, системного и кибернетического подходов, особенности культурологического и знаниевого подходов. В статье показано, каким образом на основании данных методологических подходов формировались теоретические структуры управленческого знания и реализовались практики управленческой деятельности, также обозначены перспективы методологии проектных и цифровых программ в управленческой деятельности.

Ключевые слова: методология, управленческая деятельность, методология управления, деятельностный подход, системный подход, кибернетический подход.

Basic Methodological Management Programs.

Agafonova N. V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global Processes, Department of Theory and Management Technology

Abstract: Management methodology is one area of methodological knowledge that can be considered as a set of methodological programs, principles, theoretical approaches and projects from a position of view essential features of management activities, as well as forms and ways of its practical implementation. The article analyzes methodological programs of active approach to management, systemic and cybernetic approaches, features of cultural and knowledge-knowing approaches. The article shows how these methodological approaches formed theoretical structures of management knowledge and implemented management practices, as well as outlines the prospects for project and project methodology digital programs in management.

Key words: methodology, management activities, management methodology, active approach, systemic approach, cybernetic approach.

Управление представляет собой один из важнейших видов социальной и личностной деятельности, целью которой является эффективная организация, изменение и контроль базовых предметно-преобразующих процессов в различных сферах человеческой жизни (материально-предметной, идеально-предметной, социальной).

Концептуальной основой определения содержания понятия управления и, т.о., методологической основой исследования управленческих процессов явилось философское учение о деятельности. Базовые положения этой концепции были разработаны в немецкой классической философии в связи с развитием представлений об активности объективного и субъективного духа. В дальнейшем данная концепция получила свое воплощение в материалистических учениях о предметно-практической активности человека, обусловившей формирование его сознания, и в настоящее время она продолжает разрабатываться в социально-психологических концепциях развития личности и социума и в современных философско-методологических исследованиях [1, 2].

В философской концепции деятельности содержание этого понятия раскрывается на основании формирования представлений о субъекте и объекте деятельности, их взаимозависимости и взаимопроникновении, на основании представлений о целях и средствах деятельности и ее реализации в

различных институциональных формах. В применении к конкретным видам человеческой деятельности эта концепция выступает в качестве методологической программы, позволяющей раскрывать их природу, определять логику их изучения и практического воплощения, а также перспективы их развития.

Одной из актуальных проблем современного методологического знания является изучение управленческой деятельности. Значимость данной проблемы связана, прежде всего, с тем, что управление осознается в настоящее время как один из решающих факторов развития человеческого общества. В современных условиях это определяется также происходящими процессами колоссального усложнения и разнообразия форм и способов предметно-практической и социальной деятельности, их нового технологического осуществления, что требует особого внимания к управленческим действиям, формированию новых подходов к организации, регулированию и контролю этих базовых процессов. Важно учитывать, что с начала XX века происходит превращение менеджмента, как одной из областей управленческой деятельности, в широко развитую область профессиональной деятельности, требующей специальной подготовки, освоения необходимой системы знаний и навыков. При этом начинается интенсивное развитие менеджерского знания¹. Таким образом, управленческая деятельность оказывается в центре внимания современных философских и методологических исследований [3, с. 3-6]. Особую роль в этих исследованиях играет определение тех методологических программ, с позиции которых анализируется и сама управленческая деятельность и разрабатываются методы ее осуществления [4].

Как уже отмечалось, основной методологической программой, с позиции которой рассматриваются конкретные формы управленческой деятельности, выступает методология деятельностного подхода. Она ориентирует исследование и вытекающую из него практику управленческих действий, прежде всего, на формирование представлений об объекте и субъекте управления, целях и средствах управления, о возможных формах совершаемых регулирующих воздействий.

Изучение объекта управления, в первую очередь, означает достижение глубокого понимания природы и закономерностей тех базовых процессов, на которые направлено управленческое воздействие. Не случайно один из основателей школы научного менеджмента, Ф. Тейлор, считал важнейшим принципом управленческой деятельности именно научное исследование трудовых процессов, что позволяло бы реализовать адекватное и эффективное управление. Многоплановость видов управленческой деятельности предполагает, что в качестве объекта управления могут выступать и социотехноприродные процессы, реализующиеся в материально-производственной деятельности, и собственно природные процессы (например, управление климатическими процессами), и технические (управление техническими средствами и технологическими процессами, включая технологии ИИ), и социальные процессы, а также процессы общественной и индивидуальной духовной деятельности. Поэтому разработка знаниевых моделей объектов управления становится одним из важнейших результатов применения методологической программы деятельностного подхода.

Вторым существенным моментом реализации данной методологической программы является построение представлений о субъекте деятельности, в качестве которого может выступать и отдельная личность, и различные виды сообществ и институциональных структур, и созданные программы ИИ. Такие разработки включают в себя рассмотрение личностных и профессиональных характеристик субъекта управления, статусного и институционального положения, властных возможностей, а также они учитывают историческую и общекультурную ситуацию, в контексте которой осуществляются управленческие действия. При этом необходимо фиксируются цели управленческой деятельности, в качестве которых, в первую очередь, безусловно, выступают цели обеспечения эффективности базового процесса и его человеческой и общественной значимости. Анализ и реализация целевых установок управления предполагает использование широкой мировоззренческой, общекультурной и общенаучной базы, позволяющей выделить наиболее значимые направления воздействия. Так же определение средств и способов управленческого воздействия будет основываться на детальной разработке представлений об объекте, субъекте и целях управленческой деятельности. Таким образом, методологическая программа деятельностного подхода задает основные направления исследования управления, выработки и оценки соответствующих методов реализации управленческих действий, позволяет выстраивать теоретическую базу управления как науки и формы деятельности.

¹ Другой важной методологической программой в управлении стала общенаучная методология

системного подхода, концептуальной базой которой явилась теория систем, основы развития которой были заложены в работах А. Богданова и Л. фон Берталанфи. Главной идеей методологии системного подхода является признание особого свойства целостности, характерного для совокупности элементов, объединенных в некоторую организованную систему (в противоположность механистическому, элементаристскому пониманию). Такая целостность обладает свойствами, отличными от простой суммы свойств элементов. Понятие системы раскрывается в определении характера элементов целого, характеристике форм и типов связей между ними, уровня сложности организации элементов и связей (сложные системы), характеристике границ системы (открытые и закрытые системы), характере взаимодействия системы с внешней средой. Фактически методология системного подхода ориентирует на исследование особых свойств целостного образования, ориентирует на исследование архитектуры структурных связей, на выявление границ и условий целостности, каналов связи с внешней средой.

Применение системного подхода в управлении позволило сформировать научное представление об управленческой деятельности не только как об отдельных действиях регулирования, изменения, контроля конкретных операций (что было характерно, например, для школы «научного менеджмента»), но как о воздействии на сложное целостное образование, где свойства его отдельных элементов зависят от особенностей целостности. Такое системное образование включает в себя и человека, и технические средства, методы и технологии, выступающие в качестве элементов этой целостности, оно имеет определенную структуру и сложную систему связей. Поэтому и эффективность функционирования такого образования, а, следовательно, и управления им будет определяться не только действием составляющих его элементов, но и свойствами системы в целом.

Методология системного подхода определяла возможности исследования и проектирования не только объекта, субъекта и целей управленческой деятельности, но и ориентировала управленческие воздействия на формирование адекватной структуры внутренних и внешних связей, необходимых для функционирования целостной системы.

Важнейшим результатом реализации методологических программ деятельностного и системного подходов в управлении стало развитие теоретической структуры менеджерского знания. Это выразилось, прежде всего, в формировании представлений об «организации» как объекте управленческой деятельности. В понятии «организация» было отражено представление о совместной целенаправленной предметно-преобразующей деятельности людей, в отношении которой осуществляются управленческие действия [5, с. 18-20]. В теории организации были выделены основные системные элементы, на которые может оказываться управленческое воздействие (персонал, организационная структура, технология, цели, задачи), их взаимозависимость и взаимообусловленность. Это позволило разрабатывать конкретные методы управленческого воздействия, в частности, выстраивать программу управления по целям, изменять структуру организации, определять пути технологической перестройки, воздействовать на уровень квалификации и интересы персонала.

Дальнейшему совершенствованию представлений об управленческой деятельности, выработке новых методов управления в значительной мере способствовало развитие кибернетики. Методология кибернетического подхода формировалась в процессе развития кибернетики, ставшей фундаментальной областью научного знания в середине XX-го столетия. Ее основы были заложены работами Н. Винера и его последователей, которые сформировали представления о единой природе управленческих действий в обществе и живой природе, связав их с механизмами обратной связи [6, 7]. Механизм обратной связи предполагает осуществление корректирующего воздействия на базовый процесс в зависимости от результатов, получаемых на выходе системы. Поскольку механизм обратной связи основан на получении и передаче информации о протекающем процессе, то определяющую роль в методологии кибернетического подхода стала играть оценка и способ организации информационных процессов, обеспечивающих возможность контроля и автоматизации регулирующих воздействий [8]. Таким образом, в системе управленческой деятельности особое внимание было направлено на информационные процессы и методы автоматизации управления.

Развитие вычислительных средств, средств передачи информации, и далее, искусственного интеллекта позволило создавать универсальные программы по моделированию и автоматизации управленческой деятельности. В эти программы входит не только получение и обработка с высокой скоростью большого числа данных, необходимых для осуществления управленческих воздействий, возможности проведения масштабного контроля и анализа имеющихся результатов, но создание наглядных и вариативных моделей протекающих процессов, автоматизации процессов принятия решений.

Бокова Т. Н.

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», эксперт отдела развития стартап инфраструктуры управления инновационной политики. Доцент, профессор РАО. Доктор педагогических наук

tnbokova@mail.ru

Управленческая деятельность из сферы искусства и интуиции смещается в сферу научного знания и инженерии, при этом методологические программы научного исследования управленческих процессов и их инженерно-технологического воплощения становятся определяющими.

Однако важнейшей составляющей управления деятельностью остается взаимодействие с человеком, основным элементом организации как системы. Поэтому углубление содержания управленческой деятельности происходит за счет усиления внимания к общекультурным и знаниевым характеристикам человеческого сообщества. Стремление стимулировать людей к активной деятельности, к творческому отношению к делу определило интерес управления к методологии культурологического и знаниевого подходов, позволяющих анализировать и вырабатывать методы воздействия на культурную среду и на знаниевый потенциал человеческого сообщества.

Методология культурологического подхода в управлении строится на базе философских и социологических концепций культуры, конкретизированных в отношении культуры организации и личностной культуры (материальной и духовной). В соответствии с культурологическими концепциями выстраиваются методы формирования в организации единых ценностных и мировоззренческих позиций, создаются наглядные символичные формы целостности объединения.

Существенную роль в развитии знаниевых структур в организации и механизмов формирования самообучающихся организаций сыграли хорошо разработанные методологические программы философии науки и общей теории познания. Они дали возможность управлению сконцентрироваться на изучении и целенаправленной реализации в производственной и социальной деятельности знаниевого потенциала организационного сообщества.

В заключение можно отметить, что методологические программы управления, реализованные в характере и способе проводимых исследований и выборе методов управленческого воздействия, в значительной мере расширили и углубили и понимание природы управленческой деятельности, и активизировали выработку средств и целей ее осуществления.

Литература:

1. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. 312с.
2. Юдин Э. Г. Системный подход и принципы деятельности. М.: 1978. 268 с.
3. Розин В. М. Введение. Становление новой философской дисциплины // Философия управления: методологические проблемы и проекты. М.: ИФРАН, 2013. С. 3-6.
4. Философия управления: методологические проблемы и проекты / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. Ред.: В. И. Аршинов, В. М. Розин. М.: ИФРАН, 2013. 303 с.
5. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2012. 256 с. 6. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Изд-во «Наука», 1983. 329с.
7. Росс Эшби У. Введение в кибернетику. Пер. с англ./ Под ред. В. А. Успенского. Предисл. А. Н. Колмогорова, 3-е изд. М.: КомКнига, 2006. 432с.
8. Шенон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во ИЛ, 1963. 829 с.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности управления в магнитных школах США под влиянием идей постмодернизма. На примере магнитных школ (как одного из видов альтернативных школ США, наряду с чартерными и ваучерными) рассматривается влияние одного из ключевых постмодернистских принципов – принципа децентрации - на функционирование и управление школой. При организации образовательной деятельности в данном типе школ отсутствует жесткая иерархическая структура, происходит привлечение финансирования исследовательских организаций, привлечение средств частного сектора, бизнес сообществ, спортивных клубов и др. Помимо привлечения денежных средств активное участие в работе школ принимают органы самоуправления. Поддержка осуществляется через грантовые программы и политику государственного содействия образовательным организациям, позволяющим реализовать идеи десегрегации школ.

Ключевые слова: магнитная школа, постмодернизм, антибинаризм, децентрация, ризоматическое обучение.

Philosophy of Management in US Magnet Schools.

Bokova T. N.

Moscow City University, Expert in Start-up Infrastructure Development Department, Professor of Russian Academy of Education

Abstract: The article considers the peculiarities of US magnet schools management influenced by the postmodern ideas. Using magnet schools as an example of alternative schools in the United States (as well as charter and voucher schools), we examine the influence of one of the key postmodern principles - the principle of decentralization-on the schools functioning and management. There is no rigid hierarchical structure in the organization of these schools educational activities. Research institutions, private sector, business communities, sports clubs funding takes place. In addition to raising funds, self-government bodies take an active part in the schools work. Support is provided due to grant programs and the state policy of promoting educational institutions, which permit to realize the schools desegregation ideas. Key words: magnet school, postmodernism, anti-binarism, decentralization, rhizomatic learning. В настоящее время в мире происходят как социальные, экономические, так и политические, культурные преобразования. Постмодернистская парадигма оказывает значительное влияние на характер общественных изменений, которые проявляются прежде всего в сфере образования. Происходят изменения в социальной географии не только школьного обучения, что ведет к нивелированию границ между школами и всем остальным внешним миром (работа с родителями, всевозможными сообществами и различными учреждениями), но и профессионального обучения (расширяющийся доступ к сетям), содержание становится шире и глубже. Миссия же образования в этом случае, заключается в том, чтобы показать учащемуся его путь познания, а также сформировать междисциплинарное видение мира, а не только наполнять его сознание конкретными знаниями и умениями [1]. Наиболее наглядно идеи постмодернизма можно проанализировать на примере одного из видов альтернативных школ в США: магнитных.

Магнитные школы определяются как образовательные учреждения, которые возникли в конце 1960-х – начале 1970-х в США и имеют в своих учебных планах уникальные предметы или ориентированы

на ту или иную область образования с целью привлечения детей и их родителей к созданию поколения достойных учеников. Зачисление в магнитные школы происходит либо на конкурсной основе, при помощи собеседования, либо при помощи выигрыша в лотерею, как и во все альтернативные школы США [2,3]. Т. Янг [4] акцентирует внимание на пяти направлениях магнитных школ с момента их основания, таких как: изобразительное искусство; точные науки; социально-ориентированные предметы; общенаучные предметы; традиционно-основное обучение. В настоящее время программы обучения содержат более разнообразный спектр учебных специальностей и образовательных подходов, которые отражают интересы и учащихся и возможности округов, такие как аэрокосмическое образование, экологическое образование, связи с общественностью, юридическое образование, кулинарное искусство, военное образование, международный бакалавриат, международные исследования, профессиональное и техническое образование, мировые языки (с погружением и без) и многие другие [5].

Несмотря на всю представленность идей постмодернизма в деятельности магнитных школ подробнее остановимся в этой статье на принципе децентрации, который проявляется, в том числе через самоуправление и активное включение в образовательный процесс дополнительных субъектов. В магнитных школах нет места для чиновников и осуществляется «овальная» структура образовательной организации, что подразумевает, что ученик является центром внимания всех заинтересованных сторон (руководителя, его заместителя, руководителей отделов, преподавателей). Иными словами, он находится в центре образования, а администрация школы и учителя делают образовательный процесс ученика максимально комфортным, обращая внимание на его индивидуальные различия, потребности и способности.

Анализируя процесс управления магнитными школами, коснемся вопросов их финансирования, так как вопрос оплаты школьного обучения в США создает определенную степень свободы для учащихся и их семей. Несомненным достоинством магнитных школ является дополнительное финансирование для поддержания их специализированных программ, что позволяет администрации школы увеличить затраты на школьные нужды. Магнитные школы расходуют приблизительно на 200 долл. в год больше на каждого ученика, чем традиционные государственные школы, так как их финансирование осуществляется благодаря местным, государственным и федеральным источникам через гранты и пожертвования. Стоит упомянуть и о профессиональной ассоциации «Магнитные школы Америки» (МША), членами которой являются также члены общественности, родители, школьные лидеры, партнеры по бизнесу и основатели высшего образования. Магнитные школы более, чем другие, зависимы от деятельности жителей округа (участие в тематической экспертизе, получение пожертвований) и используют различные стратегии для привлечения заинтересованных сторон.

Образование групп помощи для привлечения частного капитала является одной из стратегий для привлечения заинтересованных сторон. Работа консультативного совета по магнитным школам округа Дюваль (Флорида), состоящего из членов штаба округа, учителей, директоров школ и представителей частного сектора и директоров школ финансируется за счет Совета магнитных школ, основная цель которого – содействовать общению и сотрудничеству магнитных школ округа. Партнерство округа Уэйк (Северная Каролина) было также основано для привлечения поддержки частного сектора в форме ученических стипендий, а также для финансирования учителей и стажировок учащихся. Одним из крупнейших деловых партнеров района является баскетбольная команда «Хьюстон Рокетс». Так, несколько игроков этой команды регулярно посещают 10 магнитных школ в Хьюстоне и устраивают собрания, на которых поощряют лучших учащихся. Команда также обеспечивает школы спортивным оборудованием, наградами и другими стимулами, что является частью программы. Магнитная «исследовательская школа» (Арканзас) тесно связана с Национальным управлением США по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). НАСА не только поддерживает аэрокосмическое образование и экологическую исследовательскую тематику этой школы, но и предлагает возможности и ресурсы, которые являются недоступными для большинства традиционных школ. Так, например, учащиеся имеют возможность оказаться в космическом лагере в Алабаме [6].

Вторым направлением во взаимодействии магнитных школ и заинтересованных сторон, является программа содействия магнитным школам, которая предоставляет гранты учебным заведениям для основания и реализации работы школ, функционирующих по плану десегрегации. Программа грантов поддерживает способность школы предоставить возможность всем учащимся ознакомиться с более сложными стандартами посредством профессионального развития и иной деятельности, обеспечивающей продолжение работы школ с углубленным изучением предметов на более высоком уровне по

окончании его финансирования. Более того, программа поддерживает проведение курсов подготовки в магнитных школах, которые укрепляют знания учащихся по необходимым учебным предметам и их профессиональные навыки.

Таким образом, магнитные школы в США организованы так, что для их поддержки в образовании привлекаются заинтересованные стороны и внешние средства, что позволяет рассматривать сам образовательный процесс с иных позиций. Образовательный процесс в школах данного типа реализуется без внутришкольной жесткой иерархической структуры, при участии органов общественного самоуправления, государственных программ по поддержке десегрегации школ, спортивных и исследовательских организаций. Все вышеперечисленное позволяет расширить рамки обучения и вывести образовательный процесс за рамки традиционного школьного образования.

Литература:

1. Ivanova S. V., Bokova T. N. Postmodern Ideas' Influence On Education (Illustrated By The USA Experience) // International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2017). Moscow: Published by the Future Academy, 2017. P. 339 – 355.
2. Poppell J., Hague S. Examining indicators to assess the overall effectiveness of magnet schools: A study of magnet schools in Jacksonville, Florida. Paper presented at the American Educational Research Association, Seattle, Washington, 2001.
3. Goldring E. Public School Choice: Magnet Schools, Peer Effects, and Student Achievement. Peabody College of Education and Human Development, Vanderbilt University, Nashville, TN., 2004.
4. Young T. Public Alternative Education. N.Y.: Teachers College Press, 1990. 144 p.
5. Magnet schools of America. [Электронный ресурс]. URL: <https://magnet.edu/>
6. Бокова Т. Н. Альтернативные школы в США как постмодернистский дидактический проект: монография. М.: ИЭТ, 2017. 192 с.

Принципы принятия решений руководителем в академической среде: интуиция или аналитика?

Воронцова М. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, кафедра западноевропейских языков, заведующий кафедрой. Кандидат филологических наук

mworonzowa@mail.ru

Аннотация: Целью данной работы является определение приоритетного принципа принятия решений в академической среде, а именно: при руководстве конкретной кафедрой в процессе ее трансформации. Исходными принципами принятия решений, по мнению автора, являются интуиция и анализ. Их взаимодействие и расстановка приоритетов с возможной сменой в определенные периоды развития создают условия успешности руководства. На основе анализа собственного практического опыта автор делает вывод о приоритете интуитивного принятия решений в кризисные периоды и возможности действий на основе анализа – в спокойные периоды постепенного развития. Интуитивные решения являются быстрыми, спонтанными, основанными на предыдущем опыте и эмоциональной памяти. Они являются более адекватными при руководстве коллективом, где большинство или весь коллектив составляют женщины, так как принимаются на основе анализа эмоционального опыта, более понятного сотрудникам. В позитивные периоды развития, когда либо нет явных противоречий, либо они сглажены, приоритетным является аналитический подход при принятии решений.

Ключевые слова: интуиция, анализ, эмоциональная память, кризисный период, принятие решений, руководство коллективом.

Principles of decision-making by a manager in an academic environment: intuition or analyzing? **Vorontsova M. V.**

Lomonosov Moscow State University, IAAS, Department of West-European languages

Abstract: The purpose of this work is to determine the priority principle of decision-making in the academic environment, namely: in the process of leadership of a particular Department in the process of its transformation. According to the author, the initial principles of decision-making are intuition and analysis. Their interaction and prioritization with possible changes during certain periods of development create conditions for successful management. Based on the analysis of their own practical experience, the author concludes that important are the priority of intuitive decision-making in times of crisis and the possibility of actions based on analysis – in quiet periods of gradual development. Intuitive decisions are quick, spontaneous, based on previous experience and emotional memory. They are more appropriate when managing a team where most of the team or all of them is made up of women, as they are taken on the basis of an analysis of emotional experience that is more understandable to employees. In positive periods of development, when either there are no obvious contradictions, or they are smoothed out, an analytical approach is a priority when making decisions.

Keywords: intuition, analysis, emotional memory, crisis period, decision-making, team management.

На сегодняшний день в многочисленных работах о принятии решений укрепилась точка зрения, что существуют два основания для принятия решения руководителем: либо интуиция, либо аналитика. Первый способ – это быстрое решение, с опорой на собственную интуицию, второй – это медленное решение, с опорой на анализ ситуации, включающий прошлое, настоящее и перспективу будущего.

Какова основа интуитивного принятия решений? Герберт Саймон, исследуя процесс мышления гроссмейстеров, пишет: «Ситуация дала подсказку, подсказка дала эксперту доступ к информации, хранящейся в памяти, а информация дала ответ. Интуиция – это не что иное, как узнавание» [1, с.

150]. Значит, интуиция всегда опирается на прошлый опыт. Только какой? Это не осмысление (аналитическое) прошлого, а, скорее, опора и на чувственный опыт – пережитые чувства и эмоции в зависимости от конкретных маркеров ситуации (страх, опасность, неприятности). Поэтому Саймон определяет интуицию как «знание без понимания» [1, с. 153].

Есть несколько другая точка зрения на интуицию, которая представлена в работе Даниэля Канемана (лауреата Нобелевской премии) «Думай медленно... решай быстро» [2]. Согласно Канеману, в реальности нет чистой интуиции, а есть два режима мышления, постоянно взаимодействующие друг с другом: Система 1, реагирующая быстро, автоматически, и Система 2 – сознательное, разумное «я», у которого есть убеждения, которое совершает выбор и медленно принимает решения. Система 1 порождает впечатления и чувства, которые, в свою очередь, являются главным источником убеждений и сознательных выборов Системы 2. Эти две системы постоянно взаимодействуют. «Система 1 генерирует для Системы 2 предположения: впечатления, предчувствия, намерения, чувства. Если Система 2 их одобряет, то впечатления и предчувствия превращаются в убеждения, а импульсы – в намеренные действия» [2, с. 36]. Система 1 работает всегда, ее невозможно отключить, а значит, никогда нельзя исключить субъективность в принятии решений. Система 2 отвечает за постоянный контроль внимания, чтобы импульсы Системы 1 были направлены на решение проблемы. Это так называемое направленное внимание (термин, известный в психологии). Но так как Система 1 связана с эмоциями, то именно она отвечает за «отслеживание и обновление вашей личной модели окружающего мира, описывающей, что в ней нормально, а что нет» [2, с. 98]. Модель строится на ассоциациях, связывающих обстоятельства, события, действия и последствия. Набор родственных идей определяет вашу интерпретацию настоящего и ваши ожидания от будущего.

На принятие решений влияют обе системы [2, с. 116-117], но в зависимости от конкретной ситуации основной становится либо та, либо другая. Итак, Система 1 – быстрое принятие решений на основе интуиции, которая, в свою очередь, зависит от эмоционального опыта и формирует изменчивый мир ассоциаций и «предчувствований». Система 2 – это медленное тяжелое аналитическое мышление, которое контролирует Систему 1 и пытается ею управлять, ведет подсчет и принимает решения.

Мое исследование посвящено анализу моего собственного опыта руководства кафедрой западноевропейских языков ИСАА МГУ имени Ломоносова в течение 15 лет (с 2005 года по настоящее время). Какая из систем доминировало в принятии мною решений в эти годы, почему и каков сейчас результат – на эти вопросы я пытаюсь ответить в предложенном анализе.

Краткое описание исходных данных объекта моего руководства в 2005 г. и в настоящее время

2005 год: исключительно женский коллектив, 34 человека, где было всего 3 кандидата наук (в результате сознательной политики, проводившейся в течение многих лет), основной возраст – 65 и старше, преподаватели-практики «старой» школы. Задача, сформулированная директором Института, – реформировать кафедру и сделать ее «красивой».

Кафедра сейчас: женский коллектив, 33 человека, произошло сильное омоложение (10 человек моложе 35 лет), молодые преподаватели либо кандидаты наук, либо завершают диссертации. Основа работы – творчество в рамках общей программы, ориентация на взаимодействие со студентами, а не на подавление их.

Метод управления кафедрой сейчас многоступенчатый: есть группа «управленцев на местах» (руководители секций, курсовых коллективов, направлений). Задача заведующего кафедрой – собрать все воедино, но не вмешиваться в частности. Жесткий контроль за всем, но не авторитаризм.

Рычаги управления: материальных нет, есть только собственный авторитет и стремление большинства к гармонии и доброй атмосфере во взаимоотношениях и с коллегами, и со студентами.

Трудности: сопротивление «старой гвардии», навязывание старых схем преподавания, «критика» успехов молодых, навязывание негативной обстановки на кафедре путем бесконечных споров ни о чем, постоянного нытья о зарплатах, провокации конфликтов с другими кафедрами.

Методы преодоления противоречий. 15 лет назад это была попытка создать для всех комфортную среду, т.е. удобное расписание, разрешить взаимозаменяемость, нейтрализовать постоянную «критику» бывшей заведующей. Решения по модернизации программ и курсов принимались «сверху» как результат давления «сверху». Решения проводились как решения администрации. Необходимым условием тогда была однозначная поддержка директора Института и методического совета.

Сейчас значительное большинство кафедры идеологически полностью поддерживают концепцию

развития кафедры и решения заведующего. Необходимость в поддержке «сверху» отпала, можно принимать решения сразу на кафедральном уровне.

Новые вызовы: это саботаж решений кафедры по поводу изменений программ и курсов. Решения принимаем одни, а в аудитории делаем другое. Полный контроль со стороны заведующего невозможен, т.к. в течение недели на кафедре проходит более 200 пар. Возникло решение о создании мини-коллективов, где большинство – сторонники новых, основанных на развитии мотивации методов, и один – максимум два адепта «старой» школы, основанной на принципе давления и авторитаризма. Задача заведующего – создать с помощью расписания такую среду, чтобы «токсичные» члены кафедры приходили в разные дни, в разное время, не были членами одной комиссии на экзамене, т.е. «растворились» среди позитивных преподавателей.

Какова ситуация сейчас? Сейчас кафедра представляет собой достаточно оптимистичный коллектив творчески работающих преподавателей, довольных своей жизнью и работой. Субъективно я очень довольна коллективом, взаимодействием со студентами. Нет открытых конфликтов, обстановка творческая и позитивная. Поменялся принцип управления и принятия решений. Основа – это доверие, менее жесткая степень контроля, делегирование ряда полномочий коллегам. Проблема – слишком много творчества, приходится сдерживать, чтобы коллектив не разошелся в разные стороны. С другой стороны, есть определенное количество «любимчиков», которые обладают максимальным доверием. Выбор «доверенных» преподавателей сугубо интуитивный.

Основной вывод: необходимо постоянное взаимодействие двух систем принятия решений – интуитивной и аналитической. В разные периоды приоритетной была то одна, то другая системы. В трудный начальный кризисный период многие решения принимались интуитивно, работал принцип самосохранения, времени на раздумья не было. В спокойный современный период преобладает аналитика.

При руководстве женским коллективом интуитивное принятие решений предпочтительнее. Это быстрое мышление, оно более понятно в коллективе. Но наиболее стратегические решения – изменения программ, стиля преподавания и т.п. – должны разрабатываться на основе аналитики, возможно, во взаимодействии с данными о позиции студентов (мини-опросы).

Интуитивный принцип принятия решений может привести к ошибкам в управлении, но они так же быстро интуитивно исправляются. В кризисные годы это, скорее, единственный способ «выжить». Скорость принятия решений – важная характеристика при выборе руководителя в академической среде, особенно руководителя женского коллектива.

Итак, взаимодействие двух принципов – интуиции и аналитики с преобладанием интуитивного мышления в кризисные периоды и аналитики в периоды стабильного развития может быть основанием для принятия решений руководителем в конкретной ситуации.

Литература:

1. Herbert A. Simon. What is an Explanation of Behavior? // Psychological Science. 1992. No. 3. P. 150-161.
2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: Издательство АСТ, 2019. 653 с.

Принятие решений и художественные тексты

Гриненко Г. В.

Всероссийская академия внешней торговли, профессор. Доктор философских наук

loglingw@mail.ru

Аннотация: Принятие решений – это операция, играющая важную роль в жизни любого человека и в истории человечества. Научные исследования в области теории принятия решения начались в середине XX века. К настоящему времени она сформировалась как междисциплинарная теория. Философские исследования направлены в первую очередь на выяснение методологических и эпистемологических оснований процедуры принятия решения. При исследовании данной процедуры весьма перспективным выглядит обращение к учению И. Канта о способности суждения. При изучении оснований для принятия решения богатый материал дают художественные тексты, прежде всего литература и драматургия, где часто моделируются такого рода ситуации. Например, знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть» может рассматриваться как описание ситуации принятия решения.

Ключевые слова: принятие решений, способность суждения, основание решения, художественные тексты, литература, драматургия.

Decision making and fiction. Grinenko G.V.

Russian Academy of Foreign Trade

Abstract: Decision making is an operation that plays an important role in the life of every person and in the history of human culture. Scientific research in the field of decision theory began in the middle of the twentieth century. To date, it has emerged as an interdisciplinary theory. Philosophical studies are primarily aimed at elucidating the methodological and epistemological foundations of the decision-making procedure. In the study of this procedure, the appeal to the teaching of I. Kant on the ability of judgment looks very promising. When studying the reasons for making decisions, important information are provided by fiction, primarily literature and dramaturgy, where such situations are often modeled. For example, Hamlet's famous monologue "To be or not to be" can be considered as a description of the decision-making situation.

Keywords: decision making, ability of judgment, basis of decision, fiction, literature, dramaturgy.

Принятие решений – важнейшая когнитивная процедура, играющая значительную роль для человеческой цивилизации. Вся историю человечества можно в определенном смысле рассматривать как историю принятия тех или иных решений – правильных или ошибочных, рациональных или чисто интуитивных, ведущих к сохранению существующего положения вещей или к его изменению. Аналогично и жизнь каждого человека можно рассматривать как историю принятия им тех или иных решений, как затрагивающих лично его (что сегодня одеть, что съесть на завтрак, какой фильм посмотреть и т.п.), так и социально значимых (за кого проголосовать на выборах, как оценить новую инициативу властей, как на нее отреагировать и т.д.). Как, почему, на каких основаниях принимает индивид то или иное решение далеко не всегда очевидно. Однако теория принятия решений возникла и начала разрабатываться только в середине XX века, причем первоначально – как теория операций в области военных технологий. Но уже вскоре было осознано, что она имеет гораздо более широкое применение. Так что к настоящему времени она получила статус междисциплинарной и вместе с тем трансдисциплинарной, использующей методы математики, психологии, социологии, политологии, менеджмента и многих других наук, и применяемой в самых различных областях.

Ведутся в этой области и философские, философско-методологические исследования, направленные, например, на выяснение как методологических, так и эпистемологических оснований процедуры принятия решения. К сожалению, при всей актуальности данной проблемы, в нашей

стране в настоящее время этой проблемой мало кто занимается. Можно назвать только два имени – профессора В. С. Диева (см., например, [1]) и профессора Г. В. Сориной (см., например, [2]), активно и систематически работающих в данной области.

Анализ процесса принятия решений требует, с одной стороны изучения самой процедуры принятия, т.е. того, как протекает процесс формирования соответствующего суждения, в котором выражено выносимое решение, а с другой – тех факторов, которые оказывают решающее влияние на результат – принятие именно этого решения.

Процесс формирования суждения связан с самой способностью суждения, глубоко исследованной у И. Канта в «Критике способности суждения» [3]. Можно не принимать априоризм Канта, но нельзя не согласиться с ним в том, что изъяны в способности суждения могут привести к принятию неправильных решений. И особую опасность последние представляют того, когда оказывают серьезное влияние на жизнь множества людей, например, в случае решений политиков, медиков, судей и т.д. Кант затрагивает этот конкретный вопрос в «Метафизике нравов» [4]. И выводы его далеко не устарели. Современные исследования деятельности судей показывают, что «если выделить в Гражданском процессуальном кодексе РФ два основных класса оснований для отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке, то окажется, что основания, указанные в пункте 4 части 1 и частях 2–3 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса РФ связаны с изъянами определяющей способности суждения, а пункты 1–3 части 1 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса – с изъянами рефлектирующей способности суждения [5, с. 52].

Не менее важным является и тщательное исследование и классификация факторов, оказывающих существенное влияние на само принятие решения. Причем чаще всего в реальной жизни таких факторов оказывается очень много, и они весьма разнообразны. Очевидно, что в разных сферах деятельности различаются и типы основных факторов. Так, в сфере экономики, к числу решающих для принимающего решения руководителей относятся прежде всего чисто экономические: ожидаемая прибыль, степень риска, возможные убытки и т.п. Но при этом в ряде случаев не менее важными оказываются и такие, как репутация фирмы в долгосрочной перспективе, отношения с партнерами/конкурентами, и даже личные симпатии и антипатии в среде принимающих решение. В политической сфере на принятие тех или иных решений определенным субъектом может оказать решающее влияние не только общественная польза от принятого закона, постановления и т.п., но и забота о личной репутации в глазах избирателей – особенно в ситуации приближающихся выборов. Таким образом, уже при первом взгляде на проблему возникает необходимость различать факторы «профессионально-ориентированные», основной массив которых в каждой сфере деятельности может быть явно выделен и с определенной степенью точности ранжирован по значимости, и «лично-ориентированные». Учет последних крайне важен, поскольку принимает решение все-таки субъект.

При этом одни такие факторы являются явными, вполне осознаваемыми субъектом, другие неявными – неочевидными для него самого, скрывающимися в подсознании в качестве неких «архетипов», усвоенных в процессе инкультурации и социализации, сформировавшихся предпочтений и предустановок, усвоенных образцов и шаблонов поведения и систем ценностей, а также личных симпатий и антипатий. Но выявление и учет этих факторов представляет серьезную проблему, так как требует проникновения во внутренний мир человека, в его ментальность.

Однако исследователи уже сейчас располагают весьма обширным (но почему-то практически неиспользуемым) материалом для анализа этой проблемы. И дают его нам художественные тексты, в частности, литература и драматургия, как раз и отображающие внутренний мир человека, его переживания и размышления. В этих текстах часто моделируются различные ситуации принятия решений. Так, например, все первые главы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», по сути дела, показывают, как сложно и нелинейно протекает процесс принятия решения об убийстве старухи-процентщицы в сознании Раскольникова. Знаменитое высказывание Скарлетт О'Хары (из романа М. Митчелл «Унесенные ветром») «Подумаю об этом завтра!» представляет собой очень интересный «непрямой» способ ухода от решения неприятной проблемы. В романе Р. Мерля «За стеклом», рассказывающем о студенческих волнениях во Франции в 1968 г., есть эпизод, когда студенты столпились в холле административного здания и активно обсуждали вопрос, стоит ли продвигаться дальше, поскольку это означало переход конфликта с администрацией на новый уровень. И после долгой и бесплодной дискуссии вдруг кто-то крикнул о том, что нечего здесь стоять, когда в зале есть кресла. И толпа немедленно повалила из холла в зал. Таким образом, решающим аргументом в решение

политической проблемы стало, как заметил один из главных героев романа, «удобство для задницы».

Обширный и наглядный материал по данной теме дает драматургия, поскольку любая драма (во всяком случае – классическая) строится на конфликте, а значит, требует от героев принятия определенного решения (решений). Очень часто основанием для принятия того или иного решения являются различные традиции и авторитеты, но явно выраженный конфликт возникает тогда, когда сталкиваются различные сосуществующие традиции. Так, решение Антигоны в трагедии Софокла похоронить брата выявляет противоречие между народной традицией, требующей позаботиться о теле, а тем самым и душе, умершего родственника, и авторитетом царского приказа, запрещающего похороны преступника; решение Электры и Ореста отомстить матери за смерть отца в трагедиях Эврипида, Софокла и др. отражает противоречие между двумя сменяющимися друг друга традициями древнегреческой культуры – «материнской» и «отцовской». Текст знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» дает нам яркий пример рационального анализа ситуации принятия решения, где сталкиваются две традиции – христианская (смирения и прощения) и языческая (мести) и т.д. Отметим, что текст данного монолога представляет для нас еще и дополнительный интерес, поскольку в нем очень четко выявлен главный критерий для принятия решения: Гамлета не волнует, как выгоднее поступить в сложившейся ситуации, что разумнее, что более законно и т.п. Исходное основание для него: что благороднее? И это основание, безусловно, связано со средневековой ментальностью. Примеров такого рода можно привести множество.

Художественные тексты предлагают нам описание многочисленных ситуаций принятия решения с указанием различных, в том числе лично-ориентированных факторов (из области сознания и подсознания), являющихся основаниями такого решения, и тем самым дают материал для построения соответствующих классификаций.

Литература:

1. Диев В. С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2001. 195 с.
2. Сориная Г. В. Принятия решений как интеллектуальная деятельность: монография. 2-е изд. М.: «Канон+» «Реабилитация», 2009. 272 с.
3. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: В 8-ми т. Т.5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 8-ми т. Т.6. М.: Чоро, 1994. 613 с.
5. Трансцендентализм И. Канта как ключ к пониманию специфики деятельности судей // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 44-52.

Деникина З. Д.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента социологии, истории и философии. Доктор философских наук

zooden@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются предельные онтологические параметры менеджеральных концепций. Рассмотрение сюжетных линий концепций осуществляется в границах соответствующего типа научной рациональности. Делается вывод о том, что внутренняя логика концепций менеджмента связана, в том числе с трансформацией онтологических представлений классической, неклассической и постнеклассической науки. Описание базовых онтологических единиц – целеполагающей деятельности субъекта и структурно-функционального состояния организации коррелируется с гносеологическими особенностями типов научного знания. Делается вывод о том, что компетенции классического, неклассического и постнеклассического субъектов управления различаются согласно их включению в разные типы онтологических ситуаций. Классический управленец выстраивает надвременную, научно обоснованную стратегию. Неклассический управленец оперативно реагирует на кардинальную смену условий функционирования организации. Постнеклассический управленец изучает последствия внешнего средового влияния и внутренних предкризисных и кризисных трансформаций.

Ключевые слова: управленческая деятельность, управленческая рефлексия, сущностная динамика, динамика условий, системная динамика.

**Philosophical and methodological analysis of the logic of managerial theories.
Denikina Z. D.**

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: The article analyzes the limiting ontological parameters of managerial concepts. Consideration of the subject lines of concepts is carried out within the boundaries of the corresponding type of scientific rationality. It is concluded that the internal logic of management concepts is connected, among other things, with the transformation of ontological representations of classical, non-classical and post-non-classical science. The description of the basic ontological units – the goal-setting activity of the subject and the structural and functional state of the organization is correlated with the epistemological features of the types of scientific knowledge. It is concluded that the competence of classical, non-classical and post-non-classical subjects of management differ according to their inclusion in different types of ontological situations. The classic Manager builds a time-based, science-based strategy. A non-classical Manager quickly reacts to a radical change in the conditions of the organization's functioning. The post-non-classical Manager studies the consequences of external environmental influence and internal pre-crisis and crisis transformations.

Keywords: management activity, management reflection, essential dynamics, dynamics of conditions, system dynamics. В теориях менеджмента переплетаются эпистемологические результаты многих дисциплин. Концепции менеджмента находятся под «куполом» типов научной рациональности и покоятся на фундаменте междисциплинарного знания [1]. В классической науке феномен управления понимается как процессуальная реальность, важнейшими характеристиками которой являются направленность и результат. Направленность существует в двух измерениях: в качестве целеполагания субъектов управления и на уровне холизма, в объективном ходе закономерностей развития организации. При номиналистических, субъектных единицах анализа понятие менеджмента сближается с понятиями деятельности и действия. Управленческая деятельность складывается из алгоритмов соответствующего порядка и сопровождается методологическим и методическим обеспечением.

Важнейшей компетенцией субъекта управления оказываются умение распознать механизм воспроизводства объекта управления и способность выстроить надвременную управленческую стратегию, способствующую поэтапному оформлению и проявлению сущностных свойств. Знаниевой природой управления объясняется типология решаемых задач и применяемые средства. Ф. Тейлор в своей теории научной организации труда настаивает на истинном понимании управленческого процесса. Научно обоснованными должны быть правила работы, а любая управленческая динамика соответствует сущности деятельности и организации. Отбор рабочих также осуществляется на основе научных данных, инструкции, выдаваемые работникам не ситуативны, последовательность действий соответствует объективному характеру деятельности [2].

В классической трактовке менеджмента А. Файоль идет еще дальше и пытается определить вневременные, внепредметные основания действий, приводящие к успеху [3]. Файоль выделяет шесть групп независимых операций, пять функций административных операций и четырнадцать принципов управления. Все они обеспечивают закономерный характер деятельности. Достижение успеха не кажется невыполнимым сугубо фактической задачей, в классическом менеджменте постановка задачи опирается на принцип фундаментализма и финализма в познании истины. В классическом ключе складывается концепция планирования и контроля Г. Ганта. Гант представляет поэтапное выполнение проекта, который сущностно упрощает решаемые задачи. Внешние ограничения деятельности менеджера не важны, классические концепции управления еще не опираются на средовую онтологию. В концепции Ганта затруднительно фиксировать иерархическую значимость проектных действий, они все целесообразны в отражении сущностного плана деятельности организации [4].

В неклассических концепциях менеджмента процесс управления относится к субъектно-объектной реальности, в которой важны конкретные пространственные и временные формы существования. Направленность процесса управления объясняется спецификой условий, от них зависит характер управленческих действий в среднесрочном целеполагании и локальном использовании средств. К знаниевым компетенциям добавляются личностно-волевые качества и психологические ожидания субъекта управления. Менеджер решает двоякую задачу: он оперативно реагирует на изменившиеся обстоятельства и прослеживает возможные условия функционирования организации, обладая способностью принятия ситуативных решений. С другой стороны, управленческие действия направлены на понимание долгосрочных механизмов саморегуляции в данной организации.

Субъект управления осуществляет множественное моделирование условий и ищет варианты поддержания функционирования организации. Менеджер не может просчитать все варианты действий, ситуация онтологической неопределенности накладывается на гносеологические риски. Там, где классический управленец усматривает однозначно прогнозируемый ход событий, неклассический субъект управления фиксирует онтологический разброс условий.

Онтологические основания менеджеральных теорий в неклассической науке задаются еще двумя важными факторами: так называемым антропологическим поворотом и исследованием структурно-функциональных зависимостей. Внутренняя логика теорий и межконцептуальных переходов отражает детерминационное влияние данных факторов. В словосочетании «управление как деятельность людей» акцентируется субъектная составляющая, термин «деятельность» отражает пошаговое и долгосрочное моделирование ситуаций, а термин «организация» связан с пониманием рационально функционирующей структуры. Вот почему в неклассическом менеджменте популярна тема соотношения стратегии и структуры.

Так, например, Ф. Селзник анализирует субъектную множественность в управленческом процессе. Соотношение внутренних и внешних факторов таково, что члены организации ставят принципиально разные цели [5]. Концептуальная заслуга И. Ансоффа заключается в изучении констант целостности на фоне быстро меняющихся ситуаций. Временная динамика и пространственная локальность уравнивается специальной деятельностью технологией, являющейся сквозной для состояний организации. Манипулирование временем целостности удается Ансоффу благодаря многомерному, неклассическому определению бизнеса. В конкретной ситуации матрица бизнеса задается временной спецификой товара или рынка [6].

В менеджеральных теориях решается задача определения оптимальных показателей, базовых свойств, имманентных организации при любых изменениях. Популяризируется методология критического пути, предложенная сотрудниками корпораций «ДьюПонт» и «Ремингтон Ренд» и методология оценки и проверки программ, разработанная консалтинговой фирмой «Буз, Аллен и Хемилтон». П. Друкер

также обращается к теме обнаружения константных параметров организации в условиях плюрализма целеполагания, неассоциированных действий, ситуативной смены конвенциональных онтологий. При любых условиях единое целеполагание способствует оптимальному функционированию и сводит к единому знаменателю смысловую наполненность организационных действий [7].

В постнеклассическом мышлении управление выступает как системная деятельность. Системный характер управления защищает его от сверхсложной внешней среды. Традиционная отсылка менеджмента к теории организации означает здесь сохранение ее как целого в ситуациях внешней неопределенности и неравновесности, и способность к перестройке структуры в ситуации внутренней неравновесности. Заслуживает внимания положение о том, что менеджмент – совокупность теорий об управлении [8]. Управление как деятельность входит в содержание системной самоорганизации, технологию операций по выходу из кризиса. Управление как субъектная деятельность имеет существенное значение в бассейне аттракторов, при выборе магистрального системно-организационного направления развития.

Переход от одной концепции менеджмента к другой в постнеклассической науке объясняется спецификой рефлексии системно-организационных состояний. В 7S-концепции представлены компоненты, стабилизирующие сложную динамику организации [9, 10]. Объективные и субъективные элементы (например, стратегия, структура, системность и т.д.) вносят одинаковый вклад в дело сохранения организационного целого. Т. Питерс и К. Уотермен обращают внимание на то обстоятельство, что системная дезорганизация может возрасти и в субъективных механизмах управления. Они прямым образом ратуют за «ясность и простоту вместо сложности» [11]. М. Портер исследует способность системы-организации избирательно реагировать на воздействия внешней среды. Он изучает факторы (пять конкурентных сил), усиливающие неравновесное состояние и среды, и организации. Системная реакция в этом случае выглядит как формирование стратегии [12].

В постнеклассическом менеджменте на повестку дня выносятся проблема внутренней трансформации организации. Если трансформация системы увязывается с влиянием внешней среды, менеджеральная концепция выходит в интервал абстракций постнеклассической науки. Содержание организационных изменений в сильнонеравновесных ситуациях становится необратимым. Менеджеру необходимо фиксировать фазу изменений для определения системных целей. Э. Петтигрю и Р. Уип пытаются снять рефлексивную неопределенность путем уточнения содержания изменений, реализации текущего целеполагания и учета параметров внешней среды [13]. Внутрисистемная деятельность по стабилизации управленческого процесса осуществляется с помощью самонаблюдения системы. Способность к самореферентности становится базовым свойством бытия организации. В этом смысле оправдана теория самообучающейся организации [14]. Другими словами, в постнеклассической науке словосочетание «управленческая деятельность» во многом совпадает с содержанием эффективного системного проектирования, в мягком варианте – с выработкой стратегии при слабонеравновесном состоянии и в жестком варианте – конструированием порядка после выхода из кризиса.

Таким образом, внутренняя логика менеджеральных теорий вписывается в соответствующие онтологические и гносеологические схемы классической, неклассической и постнеклассической науки.

Литература:

1. Практическая философия : учебник для магистров экономических вузов / под ред. А. Н. Чумакова. Москва: Проспект, 2017. 480 с.
2. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М., 1991. 104 с.
3. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1991. 111 с.
4. Gantt H.L. Work, Wages and Profits. Pensilvania, 1974. 324 p.
5. Selznik Ph. Leadership in Administration : A Sociological Interpretation. New York, 1957. 164 p.
6. Ansoff I. H. Corporate Strategy. New York, 1965. 241 p.
7. Drucker P. Practice of Management. New York, 1954. 404 p.
8. Канке В. А. Философия менеджмента: учебник / В. А. Канке. М.: КНОРУС, 2016. 392 с.
9. Waterman R. Jr., Peters T., Phillips J. R. Structure Is Not Organization // Business Horizons, 1980. Vol. 23. № 3. P. 14-26
10. Pascale R., Athos A. The Art of Japanese Management. London, 1981. 221 p.
11. Питерс Е., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. М., 1986. 418 с.
12. Porter M. Competitive Strategy. New York, 1980. 396 p.
13. Pettogrew A., Whipp R. Managing Change for Competitive Success. Oxford, 1991. 323 p.
14. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М., 1999. 408 с.

Нормативные модели принятия решений: тенденции и перспективы

Диев В. С.

Новосибирский государственный университет, директор ИФП, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

diev@smile.nsu.ru

Аннотация: Рассмотрены основные тенденции в развитии нормативных моделей принятия решений. Отмечено, что противоречия между требованиями рациональности и реальным поведением людей ставят серьезные методологические проблемы их взаимосвязи, одновременно являясь стимулом для развития нормативных моделей принятия решений. Показано, что парадоксы при построении нормативных моделей принятия решений условиях риска возникают потому, что эти модели пытаются сделать универсальными, не зависящими от субъекта принятия решений. А сделать это невозможно, что наиболее ярко показал гениальный парадокс Д. Бернулли. Каждый субъект имеет свою систему целей, ценностей и оценок, и его поведение в условиях риска определяется именно этой системой, а не одинаковыми для всех логико-методологическими стандартами. Сделан вывод о том, что в основе методологического подхода к построению моделей принятия решений в условиях риска должно лежать концептуальное представление о том, что риск всегда связан с субъектом и решениями, которые тот принимает. Обоснована необходимость нормативных моделей, поскольку они служат ориентирами и методологической основой действий для человека, стоящего перед трудной проблемой выбора.

Ключевые слова: рациональный выбор, управление, методология, неопределенность, риск, полезность, ценность.

Normative models of decision-making: trends and challenges. Diev V. S.

Novosibirsk State University; Institute for the Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

Abstract: We consider the main trends in the development of normative decision-making models. It is noted that the contradictions between the requirements of rationality and the real person behavior pose serious methodological problems of the relationship between them, while being an incentive for the development of normative decision-making models. It is shown that various paradoxes in constructing normative decision-making models of risk conditions arise because these models are trying to represent decision as universal, independent from the person who make decision. It is impossible to do this, which was most clearly shown by the brilliant Bernoulli paradox. Each person has her own system of goals, values and assessments, and her behavior in conditions of risk is determined by this particular system, but not by the equal to everyone logical and methodological standards. The appropriate methodology of construction of the models of decision-making in risk conditions should be based on a fundamental conceptual idea that risk is always associated with the person and with the decisions that she makes and already made. The necessity of such a normative models comes from the fact that they may serve as proper guidelines and a methodological basis for a real action for a person facing a difficult problem of choice.

Keywords: rational choice, management, methodology, uncertainty, risk, utility, value.

ⁱ Прежде всего, хочу сказать, что решения принимаются не только в сфере управления, экономики или политики. Любой сознательный человек преследует определенные цели и принимает соответствующие решения, связанные с их достижением. Более того, любую человеческую деятельность без особых интеллектуальных усилий легко представить как цепочку принятия решений. Могу предложить такое определение: человек – существо двуногое без перьев, с плоскими ногтями, умеющее принимать решения. Отмечу, что принимая каждый день разные решения, человек стремится непременно найти

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452 «Управление в условиях неопределенности и риска: концепции, модели, принятие решений».

«лучшие», «хорошие» или «правильные» решения. Что же такое «хорошее» решение? Видимо, оно должно оставаться таковым и спустя определенное время. Каковы критерии сравнения различных вариантов решения? Что же положить в основу принимаемых решений? Опыт, здравый смысл, знания? Должны ли эти критерии учитывать только субъективные оценки человека, принимающего решение, или же возможен подход, который позволяет находить методы, которые с одинаковым успехом применимы к разным людям и различным задачам? Может человек сделать точный рациональный выбор или же он может только приближаться к нему? Как в принятии решений должны соотноситься наука и искусство? Можно ли научить человека принимать «правильные» решения? Ответы на эти вопросы весьма не просты и требуют специальных исследований.

Модели и методы принятия решений наиболее разработаны в сфере управления, поэтому буду опираться на результаты научных исследований решений в этой области человеческой деятельности. Функция выработки решений выполняет структурообразующую роль в формировании и реализации управленческой деятельности. Полностью разделяю точку зрения нобелевского лауреата Г. Саймона, который считал, что управление просто равнозначно «принятию решений», и основное внимание теории управления должно быть сосредоточено на анализе того, как решения принимаются и как они могут приниматься более эффективно. Функция принятия решений является типичной задачей, постоянно решаемой в процессе управленческой деятельности. Трактовка принятия решения как задачи позволяет более четко формулировать содержание и определять методологию ее решения. Итак, задача принятия решений направлена на определение наилучшего способа действий для достижения поставленных целей. Под целью понимается идеальное представление желаемого состояния или результата деятельности. Если же фактическое состояние не соответствует желаемому, то имеет место проблема. Проблема всегда связана с определенными условиями, куда входят управляемые и неуправляемые переменные, которые обобщенно называют ситуацией. Совокупность проблемы и ситуации образуют проблемную ситуацию. В теории принятия решений обычно выделяют два направления – нормативное и дескриптивное. В первом случае исследователи строят изложение на формализованных методах, исследуемых формальными, преимущественно математическими методами, во втором – они опираются, главным образом, на качественное описание и изучение проблемы. Знание дескриптивной (или как еще ее называют – психологической) теории принятия решений позволяет лучше понять, как люди производят свой выбор, какие объективные и субъективные факторы влияют на правильность принимаемого ими решения, какие психологические механизмы управляют процессом принятия решений, какова роль социальной среды, в которой действует человек.

Сегодня управление, это, прежде всего, управление в условиях неопределенности и риска. Именно эти факторы стали катализатором создания моделей управления в двадцатом веке. Первые же модели принятия решений в условиях риска появились намного раньше. Самым простым способом, позволяющим учитывать как вероятности возможных событий, так и связанные с ними последствия (потери, ущерб, выигрыш) – является перемножение вероятности возможного события на его результат, выраженный в количественных характеристиках. На языке теории вероятностей это произведение называется математическим ожиданием возможного случайного события. Именно так стали оценивать риск в азартных играх, когда математическая теория вероятностей только зарождалась. Необходимо отметить, что и сегодня этот метод является самым распространенным при оценке рисков в различных отраслях человеческой деятельности, начиная от экономики и заканчивая оценками природного и техногенного риска. В 1738 году Д. Бернулли опубликовал в «Известиях Императорской Санкт-Петербургской Академии наук» свою статью «Изложение новой теории об измерении риска», где он сформулировал свой знаменитый Санкт-Петербургский парадокс. Философско-методологическое значение парадокса Д. Бернулли состоит в том, что он первым показал, что оценка риска зависит от субъекта! При этом деньги, несмотря на всю их универсальность, не могут служить единым средством «измерения» человеческих предпочтений. Каждый субъект имеет свою систему ценностей и реагирует на риск в соответствии с этой системой.

Потребовалось двести лет после работы Д. Бернулли, чтобы в сороковые годы прошлого века его идеи получили дальнейшее развитие в теории полезности Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, позволяющей находить оптимальные решения в условиях риска. Отмечу, что большую известность, чем создатели этой теории получили их критики – Г. Саймон, М. Алле, Д. Канеман, которые были удостоены Нобелевских премий в области экономики, перечисляю их в порядке хронологии получения наград. Наиболее известной сегодня является «теория проспектов» А. Тверски и Д. Канемана, которая

позволила устранить парадоксы теории полезности [1]. Эта теория произвела если не революцию, то переворот в методологических основаниях теорий и моделей рационального поведения, поскольку в ней объединены эмпирические знания о реальном поведении людей и нормативные модели рационального поведения. Полагаю, что методологический подход, сочетающих в себе формальные, количественные методы, учитывающих особенности реальных ситуаций выбора и поведения субъекта – будет одной из тенденций в построении моделей принятия решений.

Для удобства читателей в ходе изложения я специально не использовал никаких формул, тем не менее считаю возможным одну всё-таки привести. Речь идет о теореме Т. Байеса, которая впервые была опубликована в 1763 году, но не утратила своей актуальности и по сегодняшний день. Значение теоремы Байеса в теории вероятностей сопоставимо со значением теоремы Пифагора в геометрии. Формула Байеса позволяет связать между собой условные и безусловные вероятности событий А и В:

$$P(A/B)=[P(B/A) \times P(A)]/P(B)$$

Согласно этой формуле, апостериорная вероятность гипотезы, т. е. вероятность ее после получения эмпирической информации, существенным образом зависит как от вероятности этой информации, так и от ее правдоподобия при данной гипотезе. Таким образом, с помощью все большего количества эмпирической информации можно значительно уточнить первоначальное предположение об априорной вероятности гипотезы. Поэтому совершенно естественно, что по мере накопления информации человек приписывает все меньший вес своим первоначальным мнениям и все больший – поступающим фактическим данным. Байесовский подход дает формальный механизм учета таких предпочтений и весов, а не перекладывает оценку их значимости и последствий на человека, вооруженного лишь собственной интуицией.

Исследования продемонстрировали, что люди, принимающие решения, уступают в точности формуле, даже когда им показывают результат, вычисленный посредством формулы! Как отмечает Д. Канеман: «Другая причина того, что эксперты проигрывают формулам, - непостижимое непостоянство человеческих обобщений при обработке сложной информации. Если предоставить экспертам один и тот же набор данных дважды, они часто дают разные ответы. Степень этого непостоянства вызывает серьезную тревогу. Опытные радиологи, оценивая рентгенограммы грудной клетки (норма или патология), противоречат себе в 20% случаев, когда повторно видят одни и те же снимки... Обзор 41 исследования о надежности суждений, высказанных аудиторами, патологами, психологами, менеджерами и прочими специалистами, позволяет предположить, что такая частота противоречий типична для всех случаев, даже если повторная оценка материала проводилась спустя всего несколько минут» [2, с. 294 - 295].

Несмотря на все недостатки и критику теории полезности, теории игр, методов исследования операций и других формализованных моделей принятия управленческих решений, они необходимы, применяются и будут применяться. Дело в том, что в условиях неопределенности и риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, и ему нужны общие методологические рекомендации для действий в этих условиях. Как ярко показал гениальный парадокс Д. Бернулли, решения в условиях риска зависят от субъекта, поэтому «в идеале» модель принятия решений должна исходить из характеристик субъекта. Полагаю, что в XXI веке, в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, эта тенденция станет ведущей при построении нормативных моделей принятия решений.

Литература:

1. Диев В. С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 4-11.
2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро: Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 653 с.

Жизнь как процесс управления и принятия решений

Диева А. В.

Новосибирский государственный университет (НГУ), старший преподаватель, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН), ведущий инженер

dieva@mail.ru

Аннотация: Основные идеи данной работы раскрываются в последовательной логике изложения.

Первое, приводится обоснование рассмотрения жизни человека как управленческого процесса. Представлено соотношение целей, мотивов, ресурсов индивида, а также результатов (контроль) управленческой деятельности. Второе, принятие решений индивидом в повседневной жизни основывается на выборе множества альтернатив. Данная проблематика охватывает вопросы, связанные с источниками формирования и восприятия набора альтернатив. Третье, набор альтернатив и выбор решений социально детерминированны. На примерах показана взаимосвязь таких понятий как «цель», «ценность», «потребность», «социальные нормы», носящих социокультурный характер. В заключении делается вывод о социальном характере конструирования жизни человека как управления с учетом субъективных и объективных факторов, влияющих на принятие решений в повседневной жизни.

Ключевые слова: индивид, ценность, выбор, альтернативы, социальные детерминанты.

Life as a process of management and decision making.

Dieva A. V.

Novosibirsk State University (NSU), Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IEIE SB RAS)

Abstract: The main ideas of this work are disclosed in a consistent presentation logic. First, the rationale for considering a person's life as a managerial process is given. The correlation of goals, motives, resources of an individual, as well as the results (control) of managerial activity is presented. Second, individual decision making in everyday life is based on the choice of many alternatives. This issue covers issues related to the sources of formation and perception of a set of alternatives. Third, a set of alternatives and a choice of solutions are socially determined. The examples show the interconnection of such concepts as "goal", "value", "need", "social norms", which are of a sociocultural nature. In conclusion, a conclusion is drawn about the social nature of constructing human life as a management, taking into account subjective and objective factors that influence decision-making in everyday life.

Keywords: individual, value, choice, alternatives, social determinants.

Понятие «управление», понимаемое в широком смысле, как деятельность субъекта, направленная на изменение объекта, дает основание для рассмотрения человеческой жизни как системы управления. Так, индивид, будучи деятельностным субъектом воздействует на собственную жизнь и выстраивает свое поведение, тем самым преобразовывая объект. Управление «жизнью» включает такие аспекты как: целеполагание, которое может присутствовать как в явном, так и в неотрефлексированном виде; мотивацию как внутреннюю, так и внешнюю, необходимую для достижения цели; оценка наличествующих и недостающих ресурсов»; контроль, который зачастую выступает в качестве материальных, социальных, эмоциональных достижений.

В повседневной жизни индивиду постоянно приходится принимать решения, начиная с удовлетворения физиологических и заканчивая социальными потребностями. Зачастую принятие таких решений сопряжено с различными видами риска и ситуациями неопределенности, поскольку предполагаемый исход не всегда можно верно оценить. Когда речь идет об управлении жизнью в индивидуальной перспективе, субъект не может учесть все выигрыши и потери, принимая решение,

будь оно направлено на сиюминутное или долгосрочное удовлетворение потребности. Важную роль играет тот набор альтернатив, определяющий в дальнейшем выбор, неважно идет ли речь о блюде на обед, создание семьи или получение профессионального образования.

Один из ключевых вопросов – это вопрос об источниках формирования вариантов выбора, кто или что предлагает индивиду эти альтернативы? Очевидный ответ – это сам человек или вся окружающая среда (природа, общество), но следом возникает следующая проблема: на каких основаниях он воспринимает это как альтернативы? Можно предположить, что определяющим моментом «видения» альтернатив будет имеющийся наличный запас знаний (опыта) индивида. Например, если человек стоит на перепутье дорог, у него может быть концепция «дороги», а даже если такого концепта нет, то ищется нечто, вписывающееся в имеющийся опыт, и в дальнейшем указывает на альтернативы. Жизнь человека в данном контексте можно представить в виде бесконечного множества альтернатив.

Принятие решений в управлении «жизнью» – это проблема детерминант выбора среди имеющихся альтернатив. Рассматривая жизнь человека, можно предположить, что в качестве определяющих факторов решений могут выступать: физиологические особенности организма, психотип личности, социокультурная система в целом. На мой взгляд, главенствующее место занимают социокультурные факторы. Так, принимая каждодневные решения, индивид проводит оценку перспектив с точки зрения их «приемлемости» для данного социокультурного фона. По сути, речь идет о ценностях, тем, что считается «благом» в социуме. Делая выбор в пользу того или иного решения, человек несвободен от социальных норм, включающих моральные и этические правила, что указывает на актуальность рассмотрения вопросов, связанных с детерминизмом свободы воли. Каким образом происходит принятие решений? Современные концепции принятия решений, например, в рамках «поведенческой экономики» указывают на иррациональность, эмоциональность, неопределенность поступков и решений в жизни человека, показывая иллюзорность контроля, «желаемое» выдаваемое за действительность, какой бы она ни была (например, работы Д. Канемана, А. Тверски, Н. Талеба, Д. Ариели, Р. Талера и др.). Отказ от формальной рациональности, позволяет увидеть новые горизонты для интерпретаций как мотивов, так и деятельности индивидов.

При рассмотрении конструирования жизни как процесса управления и принятия решений, на мой взгляд, необходимо учитывать, прежде всего, социальную составляющую. Например, такие понятия как «благо», «потребность», «цель», указывают на социальную реальность конкретного общества. Индивид, принимая решение о выборе, например, цели, ориентируется на те «блага», которые могут быть реально или потенциально отражать желаемые потребности. Оценивая преимущества и недостатки вариантов, происходит сравнение ценностей каждого из них. Также происходит учет и оценка различных необходимых ресурсов, сравниваются варианты социально одобряемых/неодобряемых средств для достижения целей. Тем самым производится контроль, который аккумулируется в опыте как успешные/неуспешные формы действий.

В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. Первый пример – это утление голода младенцем, в качестве альтернатив для принятия решений могут выступать материнское молоко или заменители молока, но в любом случае этот набор сформирован не самим ребенком, а внешним социальным окружением (например, матерью), делая выбор, происходит оценка ценности (например, проба) каждого из «продуктов», и результаты фиксируются в наличный запас знаний. В дальнейшем происходит управление поведением (соотношение средств и целей) для достижения желаемого результата с ориентацией на нормы (младенец реагирует на реакцию окружающих, и соответственно выстраивает свое поведение). Второй пример – это написание тезисов конференции, которые связаны с профессиональной деятельностью и жизнью человека в целом. Множество альтернатив, созданных социумом (профессиональным научным сообществом) в рамках которых индивиду необходимо сделать выбор и принять решения. В контексте управления происходит постановка цели и выбор среди таких альтернатив, как, например, заявить о себе в профессиональном сообществе, предложить идею для обсуждения, публикация и т.п., которые являются связанными с социальными потребностями в уважении, репутации, доходе и т.п. Оценка ресурсов происходит в соответствии с поставленной целью, с учетом выигрышей и потерь (если будет публикация, есть возможность отчитаться, которое несет за собой другие виды благ). Результат деятельности контролируется и фиксируется, и может служить в дальнейшем для принятия решений. По сути, речь идет о том писать тезисы или нет, и как это отразится в дальнейшем на моей жизни?

Подытоживая, можно сказать, что жизнь человека – это управленческий процесс, складывающийся в результате триангуляции субъекта (действующий индивид, воздействующий на

объект), объекта, представленный как жизнь субъекта (статика), и жизнь субъекта с меняющимися характеристиками (динамика). Принятие решений в процессе управления «жизнью» базируется на социальных детерминантах, раскрывающихся как в наборе альтернатив, так и в условиях принимаемых решений.

Управление просвещением в революционных условиях (опыт наркома А. В. Луначарского – философа, историка, искусствоведа, писателя).

Иванова С. В.

Научный руководитель ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», главный редактор журналов «Ценности и смыслы», «Отечественная и зарубежная педагогика». Член-корр. РАО, профессор, доктор философских наук

isv2005@list.ru

Аннотация: В материале рассматривается феномен управления в сфере просвещения и образования в революционных условиях – управления, осуществляемого философом, публицистом, писателем, искусствоведом А. В. Луначарским. Этот уникальный опыт требует своего осмысления, возвращает нас к вопросу «Должны ли государством управлять философы?» [1, с. 18], а главное – может помочь воспринять опыт, сложившийся в революционных условиях, и учесть в определенной мере в условиях глобальных рисков, которые сходны с революционными условиями нестабильностью, тревожностью и неопределенностью. Такой ракурс затрагивает ряд проблем, которые планируется рассмотреть на секции «Философия управления и принятия решений»: управление в истории социума, управление в обществе риска, проблемы организационной культуры и др. В изучаемых обстоятельствах важен учет того, что является объектом управления? в каких условиях осуществляется управление? кто управляет? И, конечно, ключевой вопрос – цель и результаты этого конкретного опыта управления.

Ключевые слова: управление, просвещение, образование, философия, опыт, риски, условия, Луначарский.

Education Management in Revolutionary Environment (experience of People's Commissar A.V. Lunacharsky - philosopher, historian, art critic, writer).
Ivanova S. V.

Scientific Director of the Institute for Strategy of Education Development, Editor-in-chief of the scientific journals "Otechestvennaya i Zarubezhnaya pedagogika", "Tzennosti i Smy Sly"

Abstract: The material discusses the phenomenon of management in the field of education under revolutionary conditions – the management carried out by the philosopher, publicist, writer, art critic A. V. Lunacharsky. This unique experience requires comprehension, brings us back to the question “Should philosophers govern the state?” [1, p. 18], and, perhaps, allows to take into account the experience that has developed under revolutionary circumstances under the contemporary conditions of global risks, which speed of influence sometimes makes them similar to revolutionary changes. This perspective touches upon a number of problems planned for the consideration in the section “Philosophy of Management and Decision Making”: management in the history of society, management in a society of risks, problems of the organizational culture, etc. The study of the topic was carried out through the formulation of questions: what is the object of management? Under what conditions is the management carried out? Who controls it? And, of course, the key question is the purpose and results of this particular management experience.

Keywords: management, education, philosophy, experience, risks, conditions, Lunacharsky.

Наблюдаемое снижение уровня общего кругозора, знания истории, нежелание молодежи, приходящей во власть, изучать и опираться на опыт предшественников – все это привело к мысли вспомнить один из ярких, специфических и подчас драматических опытов управления системой просвещения в России. Примечательно, что это был опыт человека сложившегося, известного своими литературными произведениями в разных жанрах, полемическими статьями о политике и революции и публикациями об искусстве. Анатолий Васильевич Луначарский был фигурой даже трагической: в своем противоречии между внутренними убеждениями и деятельностью; в необходимости сотрудничать и

дружить с людьми, чьи позиции он не всегда разделял; в попытках обоснования пролетарской морали, пролетарской культуры, пролетарской литературы через идеи мыслителей, не имеющих отношения к планам революционного переустройства мира, через взгляды, усвоенные им в молодые годы, в другом мире и других политических условиях.

Философские взгляды Луначарского в течение жизни несколько изменялись, но всегда были окрашены марксистским учением. Будучи гимназистом, Луначарский начал изучать марксизм, дружил с одноклассником Н. А. Бердяевым, много с ним спорил, потому что воспринял марксизм как руководство к действию и уже в гимназии начал вести агитацию среди рабочих. В период обучения в Цюрихском университете наряду с погружением в труды К. Маркса, Ф. Энгельса и других материалистов Луначарский слушал лекции Р. Авенариуса и проникся его позитивистскими идеями. В результате - воззрения молодого Луначарского представляли собой довольно странную смесь материализма, эмпириокритицизма и религиозных идей, богостроительства. В связи с активной революционной работой Луначарский вошел в узкий круг большевиков, вместе с В. И. Лениным и А. А. Богдановым боролся с меньшевиками, однако философские разногласия с Лениным, не признававшим «идеалиста» Авенариуса, были достаточно серьезными и привели к обострению на политическом поприще. При этом общего было больше, и с двух сторон звучали такие замечания: «Мы лично не порвали отношений и не обостряли их» (Луначарский) [2, с. 13], «Луначарский вернётся в партию, он менее индивидуалист, чем те двое (Богданов и Базаров). На редкость богато одарённая натура» (Ленин) [3]. С начала Первой мировой войны, о которой у Ленина и Луначарского было схожее мнение, их пути уже не расходились. После первого шокирующего впечатления о Февральской революции (Луначарский с 1905 года – после побега из тюрьмы – жил за границей) Анатолий Васильевич с июня 1917 года включился в активную борьбу, к моменту Октябрьской революции был среди первых большевистских руководителей и при формировании правительства большевиков стал наркомом просвещения. По многим вопросам Луначарский имел собственную позицию и проявлял твердость в непростых политических условиях. Вот факт из жизни начинающего наркома просвещения. Когда Луначарскому, находящему с правительством в Петрограде, стало известно о разрушениях исторических памятников в Москве во время вооруженного восстания, он 2 ноября подал заявление об отставке следующего содержания: «Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский Собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что ещё будет. Куда идти дальше. Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнётом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше» [4]. Ленин и Совет народных комиссаров отставку не приняли, Луначарский служил наркомом до 1929 года.

Известны мнения, что Луначарский не был выдающимся организатором, однако с первых дней работы наркома просвещения, управленческие решения следовали одно за другим. 9 ноября 1917 года декретом ВЦИК учреждена Государственная комиссия по просвещению, ставшая правопреемником министерства просвещения царской России. В надежде на сотрудничество новая власть не ликвидировала министерство, а подчиняла его Государственной комиссии. Решения не были случайными, новые управленцы понимали свои задачи в области просвещения, основывали их на идее созидания нового человека, помнили о целях сохранения власти. Принимая решения, учитывали обстоятельства революционного периода, контрреволюцию, состояние умов и качество жизни бедного и безграмотного населения. Уже 29 октября 1917 г. было выпущено обращение Народного комиссара по просвещению с призывом к борьбе за всеобщую грамотность. Этим документом вводилось всеобщее обязательное бесплатное обучение. В условиях нехватки кадров ставилась задача расширения сети учительских школ и семинарий. Был провозглашен принцип светской школы, цель которой - «равное и, возможно, более высокое образование для всех граждан» [5]. Поражает глубина проработки новых, нереализованных нигде в мире идей, точность прогноза, вера в будущие результаты, которые не могли не казаться фантастическими. Но как известно, все это было реализовано в кратчайшие сроки, несмотря на жестокую борьбу Республики за свое существование. Видимо, причина успеха заключается как в талантливости вождей революции, так и в высоком профессионализме и образованности.

Структура наркомата просвещения, созданная Луначарским, свидетельствует о том, что при всей недостаточности опыта начинающие руководители Советской республики сумели в кратчайшие сроки продумать актуальные задачи и создавать для их реализации адекватную управленческую систему. Новая власть эффективно укрепляла свои позиции: 30 ноября 1917 г. наркомом просвещения А.В.

Луначарским подписано постановление «О реформе средней школы». Среди нововведений не забыта, к примеру, и такая общественная структура, как педагогический совет, в состав которого входили не только учителя, но и родители, ученики старших классов, а также члены местного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [5].

Несмотря на все трудности и послереволюционную разруху, Наркомпрос расширял свою деятельность, создавая вертикаль власти и выстраивая систему, доступную для управления и контроля. Так, Положение Совета народных комиссаров РСФСР от 18 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике» лежало в основе управления образованием на протяжении всех лет Советской власти. Это историческое Положение определяло необходимость «общего для РСФСР плана организации народного образования и установление общих принципов последнего», требовало создания «основ школьного устройства», ведения «просветительской работы на местах», наличия «общегосударственной сметы и распределения средств». Были заложены основы единой трудовой школы. Наркомпрос становился главным органом управления системой образования и науки, в его ведение вошли научные и учебные учреждения, отделы образования разного уровня (губернские, уездные, волостные). Также определялось создание Всероссийского съезда по просвещению, а при каждом отделе народного образования - Совета народного образования [5, с. 137 - 146].

Важная деталь: основополагающие документы выпускались высшим органом управления - Советом народных комиссаров, уже в 1918 года. На Наркомпросе лежала обязанность готовить и исполнять решения. Это не было недоверием к наркому просвещения, так выстраивались все отраслевые наркоматы, это помогало избежать волонтаризма, четко следовать курсом, проложенным партией, быстро определять способности наркомов к управлению отраслью.

Специфика Наркомпроса, руководимого Луначарским, состояла в том, что первоначально в его задачи входило управление и образованием (всеми его уровнями – от просвещения до высшего), и музеями, и наукой, и кино, и цензурой, и политпросветом, и архивами, и книгоизданием. Всем этим отраслям в целом повезло, что ими руководил А. В. Луначарский. Он первым поставил вопрос о сохранении культурного наследия, прекратил разрушение музеев и усадеб. Многие соратники Луначарского отмечали, что не будь Луначарского саботаж «старых кадров» ученых, чиновников, учителей проявился бы значительно острее.

В 1929 году Луначарский перешел из наркомов в руководители Ученого комитета, после первого выступления перед академиком они его приняли. Показательны слова Л. Троцкого: «Луначарский был незаменим в сношениях со старыми университетскими и, вообще, педагогическими кругами, которые убежденно ждали от «невежественных узурпаторов» полной ликвидации наук и искусств. Луначарский с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней. Не одному жрецу кафедры пришлось в те дни, широко разинув рот, глядеть на этого вандала, который читал на полдюжине новых языков и на двух древних и мимоходом, неожиданно обнаруживал столь разностороннюю эрудицию, что ее без труда хватило бы на добрый десяток профессоров» [6].

Управленческие принципы Луначарского если и не были определены им специально, но, очевидно, строились на своеобразных философских основаниях. Исходя из мнений современников об Анатолии Васильевиче – о его добродушии, «покладистости», неумении сопротивляться более сильным по натуре, но не столь эрудированным и знающим людям - можно сделать вывод, что у Луначарского были принципы, устои, позиция, но мягкость натуры подчас не позволяла действовать вполне самостоятельно. Такая характеристика возникает из собственных слов Луначарского в письме к жене в Цюрих (июль 1917 г.): «Мне пришлось солидаризироваться с большевиками, я произнес самую тактичную речь в их защиту... Но... они далеко не считаются с моими советами... Теперь мужество заключается в том, чтобы просвещать массы и сдерживать их от чрезмерного напора, сравнительно лёгкого в Петрограде, но губельного в целом... Что мне делать? Большевики и Троцкий на словах соглашаются, но на деле уступают стихии. А за ними уступаю и я» [7].

Каков же Луначарский – философ-управленец, один из первых создателей нового строя и нового государства? Безусловно, талантливый человек, талантливый во многом. Склонный к философии с юности, он пытался создать собственную философскую систему. Позже он часто возвращался к идеологическим исканиям и помнил уроки юности: учебу в университете у Р. Авенариуса, споры с Г. В. Плехановым, идеологические разногласия с В. И. Лениным, беседы с А. А. Богдановым. Удивительны слова Луначарского

Коренева А. Ю.

Финансовый университет при Правительстве РФ, департамент политологии и массовых коммуникаций, старший преподаватель, кандидат философских наук

AYKoreneva@fa.ru

о философском познании: «Первым и непосредственным результатом моей беседы с Плехановым было то, что я на другой день отправил томы Шопенгауэра назад в библиотеку и навалил у себя на письменном столе томы Фихте и Шеллинга. Я вынес из изучения их бесконечное количество радости, и на всю жизнь, до сегодняшнего дня, я чувствую огромное благотворное влияние исполинов немецкого идеализма на мое мирозерцание. Благодаря им я сумел также оценить высокое и самостоятельное значение Фейербаха» [7].

Интеллигентным и теплым было отношение Луначарского к людям самого разного толка. Это отношение было продиктовано его этическими взглядами, которые он пытался донести до граждан новой России [9]. К. И. Чуковский вспоминал, что «в маленькой невзрачной квартире», где жил в 1918 году нарком просвещения, его «всякий день осаждали десятки людей» [10, с. 401 - 403].

Луначарский был блестящим оратором, и он, по воспоминаниям современников, отдавал себе отчет в том, что эти способности даны ему чтением и изучением философии. Приведем пример из воспоминаний жены Луначарского. Он откликнулся на просьбу Амаглобели, заместителя президента государственной Академии художественных наук, выступить на торжественном вечере. Луначарский узнал о теме за десять минут до выступления. Он «выступил с полуторачасовым докладом, вызвав настоящую овацию». Потом Амаглобели спросил: «Я не могу понять, я просто поражен: весь день я не отставал от вас ни на шаг. Мне кажется это чем-то непостижимым: ведь вы же не готовились к этому докладу!». Луначарский ответил очень показательно: «К этому докладу я готовился всю свою жизнь» [11, с. 7 - 8].

Справедливости ради вспомним слова Троцкого об организаторских умениях Луначарского: «Но как непосредственный организатор учебного дела, он оказался безнадежно слаб. После первых злополучных попыток, в которых диллетантская фантазия переплеталась с административной беспомощностью, Луначарский и сам перестал претендовать на практическое руководство. Центральный комитет снабжал его помощниками, которые под прикрытием личного авторитета народного комиссара твердо держали возжи в руках» (орфография Л. Троцкого – примеч. автора) [6]. При этом важно помнить о громадном моральном авторитете Луначарского, «инородной фигуре» в стане большевиков, по словам того же Л. Троцкого, о его значительном художественном и научном наследии. Им созданы труды по проблемам литературы, музыки, истории театра и живописи, архитектуры. Луначарский писал стихи, рассказы, киносценарии, пьесы. Переводил поэзию со многих европейских языков.

Цель этого историко-философского напоминания об управлении наркома Луначарского проста – показать, что философы, гуманитарии у власти – хороший вариант управления. Великолепный вариант – когда управленец силен организационно и блестяще образован, имеет опыт. Чтобы получить опыт и образование, нужно время, которого не дают профессиональные лифты, вошедшие в большую моду в политике и управлении государством. Хочется, чтобы путь к вершинам власти совершался не в лифте, а по ступеням. Вознесшиеся к управленческому Олимпу смертные не на основе опыта и знания, а через проект и технологии не становятся богами, но – увы! – в силу недостаточности гуманитарного образования подчас начинают себя таковыми мнить.

Литература:

1. Антипов Г. А. Должны ли государством управлять философы? // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 18 - 28.
2. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. ЛитМир - Электронная Библиотека. [Электронный ресурс]. URL: www.litmir.me/br/?b=203509&p=13
3. Круглов А. А. Партийные публицисты. В ленинской школе публицистики. [Электронный ресурс]. URL: www.lunacharsky.newgod.su/lib/partijnye-publicisty/v-leninskoj-shkole-publicistiki/
4. Короленко В. Дневник. 1917-1921. [Электронный ресурс]. URL: www.books.google.ru/books?id=LSGYDQAAQBAJ&pg=PT78&lpg=PT78&dq=%D0%AF+%D1%82%D
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1974 гг. / сост. А. А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. 559 с.6. Троцкий о Луначарском. [Электронный ресурс]. URL: www.lunacharsky.newgod.su/bio/trockij-o-lunacharskom/
7. А. Луначарский – А. Луначарской, письмо 18 июля 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/news/2019/11/23/lunacharskiy/> или <https://project1917.ru/posts/8841##post>
8. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968. 376с.
9. Луначарский А. В. Мораль с марксистской точки зрения. Севастополь: Пролетарий, 1925. 45 с.
10. Чуковский К. И. Современники. Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1963. 704 с.11. Луначарская - Розенель Н. А. Память сердца. Воспоминания. М.: Искусство, 1965. 480 с.

Аннотация: В статье предложен диалектический подход к рассмотрению некоторых процессов, сопровождающих музейную деятельность: актуализации моделей «музей-храм» и «музей-форум», подлинности и виртуализации коллекции, наконец, традиции и инноваций. Рассматривая процессы на практических примерах, автор статьи обращается к проблеме принятия управленческих решений, в частности, затрагивающих аспекты выставочной деятельности и ее информатизации. Важным в процессе принятия решений оказываются вопросно-ответные процедуры, позволяющие выявить истинные потребности музея. Репутация в профессиональной среде представляется одним из определяющих факторов при принятии решений.

Ключевые слова: музей, современный музей, диалектика музея, «музей-храм», «музей-форум», кризис музея, принятие решений, вопросно-ответные процедуры.

The Dialectic of a modern museum: tradition and innovation. Koreneva A. Y.

Financial University under the Government of Russian Federation, department of political sciences and mass communication

Abstract: The article proposes a dialectical approach to the consideration of some processes that accompany museum work: an actualization of models «Museum-temple», «Museum- forum», the authenticity and virtualization of collection, and finally, tradition and innovation. Considering the examples from practice, the author addresses the problem of decision making processes within museum, concerning, for example, the extent of digitalization. Important in the decision making process are question-answer procedures in order to identify the true needs of a museum. For a museum its reputation within the professional environment seems to be one of the determining factors in decision making.

Keywords: museum, modern museum, dialectic of a museum, museum-temple, museum-forum, crisis of a museum, decision making, question-answer procedures.

Метафора «храма муз» или же «храма искусства», часто употребляемая применительно к музею, абсолютно оправдана миссией музея по сохранению объектов культурного наследия. Занимаясь объектами, музей бережно хранит культуру. Кроме того, музей является хранителем социальной памяти и ценностной структуры общества. Но, следует отметить, что хранение и исследовательская работа является лишь частью того, чем занимается любой публичный музей. Если бы музей лишь хранил объекты, исследуя их, он назывался бы не музеем, а исследовательским институтом.

Не менее важной является вторая часть музейной миссии в обществе – просветительская. Она подразумевает трансляцию культуры. Именно она делает музей социальным институтом. Музей не может существовать вне общества, благодаря потребностям которого он возник.

В 1971 году канадский музеолог Д. Камерон публикует статью-эссе, которая утверждает появление новой парадигмы в музейном деле. У общества появляется потребность в обсуждении актуальных проблем в рамках музея. Так, постепенно модель «музея-храма» дополняется (но не замещается) моделью «музея-форума» (оба понятия вводятся музеологом и в дальнейшем используются в музеологическом сообществе). «Музей-форум» становится новой моделью музея, отличной от модели «музея-храма» степенью открытости, вовлеченностью посетителей, демократичности. «Музей-форум» - есть коммуникационная площадка, предоставляющая всем своим аудиториям равные возможности для опыта музейного посещения и обмена впечатлениями. Автор статьи, однако, предостерегает

от фанатизма при обращении к модели «музей-форум», обосновывая это тем, что роль музея как социального института заключается не в обсуждении политики и других проблем [1, с. 12].

Можно охарактеризовать музей как хранителя знаний и культуры, с одной стороны, и транслятора, с другой стороны. Перед каждым музеем стоит огромная задача – держать баланс обеих функций, не допуская значительного перевеса одной из них. Нельзя, однако, сказать, что все музеи на протяжении истории одинаково хорошо с этим справлялись. Будучи уже открытыми для публики, некоторые музеи в большей степени занимались систематизацией и каталогизацией фондов, мало времени уделяя посетителю и его нуждам. Это можно отнести к некоторым музеям, существующих при исследовательских учреждениях.

Есть и другие два процесса, гармоничное сочетание которых предопределяет «жизнь» музея в обществе. Можно даже, без сомнения, утверждать, что это есть тот самый «вечный» вопрос: что должно преобладать в музейной деятельности – инновации или традиции? Ответ на него – многолетние споры о коммерциализации в условиях современного общества, разногласия по поводу внедрения цифровых технологий в стенах музея изящных искусств, дебаты на тему формирования нового типа музейного посетителя, имеющего другое «музейное поведение».

Становится понятным, что музей по своей сути есть явление диалектическое и постоянно претерпевающее изменения. Эта характеристика выдает в музее его социальную природу, ведь музей, словно зеркало, отражает настроения и ценности общества в данный период времени.

Тем не менее возникает вопрос о том, где находится «золотая середина» между традицией и инновацией, и есть ли она. Часть музеологов остается при мнении, что классический музей изобразительного искусства должен быть «храмом муз», куда человек приходит погостить.

Есть мнение о том, что попытка музеев внедрить новые технологии ведет к потере идентичности музея и лишь вписывает музей в технологическое соревнование с другими музеями. А. А. Никонова, сравнивая музей с магазином, говорит о перерождении посетителя музея в «клиента» [2, с. 40]. А. А. Будко говорит о «системном кризисе», сопровождающем музеи, причиной которого является несоответствие ожиданий молодого поколения от посещения «храма муз». Внутренний конфликт происходит с посетителем, которому навязывается определенная роль, а он по причине отсутствия знаний не может ей соответствовать [3, с. 33].

Есть и обратная точка зрения, где музей должен всеми возможными способами завоевывать свои целевые аудитории и постоянно думать о монетизации различных «впечатлений», которые он предлагает своим посетителям. Многие музеи стараются внедрять последние технологические решения, чтобы привлечь внимание искушенных посетителей к интересной теме или проблеме [4, с. 67].

Часто бывает, что музей, имея постоянную коллекцию, экспонируемую по хронологическому принципу, организывает временные выставки, которые сопровождают технологические новшества и нестандартные подходы к организации выставочного пространства. В этой связи интересен пример выставки «Щукин. Биография коллекции», прошедшую летом 2019 года в Музее Изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Выставка является ярким примером того, что сегодня называется «выставка-блокбастер». В музеологической литературе нет определения данного понятия. Если отталкиваться от определения «блокбастера», можно увидеть, что это «дорогостоящие фильм или книга, рассчитанные на массовую аудиторию и большие кассовые сборы» [5]. Получается, что и выставка-блокбастер – нечто масштабное, современное, рассчитанное на массовую публику. Выставка-блокбастер – есть трансформация форм музейной деятельности

Выставку «Щукин. Биография коллекции» сопровождала масштабная коммуникационная кампания продвижения, результатом чего стала огромная популярность данной выставки, даже несмотря на сезон отпусков. В рамках кампании акцент был сделан на анонсировании события в социальных сетях, был создан аккаунт в Яндекс. Дзен. Также использовались и стандартные каналы продвижения: радио, телевидение, пресса. Музей заключил спонсорские соглашения с некоторыми брендами, что позволило привлечь финансовые средства. Интересными представляются партнерские коллаборации, в частности, например, с «Ситимобиль» (автомобили были украшены полотнами Гогена и Матисса) и дизайнером Гошей Рубчинским, который выпустил капсульную коллекцию одежды с фрагментами полотен П. Гогена из коллекции С. Щукина. Выставку за 98 дней ее работы посетило 350 тыс. человек, что является рекордом музея за последние 38 лет [6].

Этот пример показывает то, что музей классического искусства может быть одновременно и традиционным, и современным. Традиция – то, что остается в постоянной коллекции, а следование за современными тенденциями становится прерогативой временных выставок. На мой взгляд, здесь есть тот самый баланс между традицией и инновацией.

Получается, что современный музей оказывается в сложном положении: иногда он «храм», иногда – «форум». Если музей хочет ориентироваться на посетителя, общаться с ним, слышать его и знать о потребностях современного общества, он должен говорить с ним на одном языке. При этом важно понимать, что здесь имеется в виду не только язык как разновидность речи, но также и язык технологий. Привлекая к выставке посетителя поколения Z¹, «рожденного с гаджетом в руке», необходимо при оформлении выставки максимально задействовать мобильные технологии или даже технологии дополненной реальности.

С другой стороны, музей не должен терять свою природу «тихой гавани», оставаясь местом, где можно в тишине насладиться шедеврами. Говоря о важности перемен в музее, в особенности касательно новой парадигмы отношений «музей-посетитель», Камерон в своей статье все же отмечает, что без «музеев-храмов» невозможно представить себе цивилизованное общество.

А. Лещенко в статье «Какое будущее ждет музеи?» анализирует дискуссию, состоявшуюся в рамках ярмарки современного искусства Viennascontemporary (2016), и делает следующий прогноз. Несмотря на то что музей должен бы восприниматься как анахронизм в мире современных технологий, интерес к нему будет не падать, а, наоборот, расти с каждым годом [7]. Причина тому – как раз избыток информации в жизни человека и стремление избавиться от перегруженности путем похода в место, где царствуют вечные ценности.

Музей предоставляет доступ к подлинному. Давид Зеле, участник вышеуказанной дискуссии, говорит о том, что чем меньше будет выставляться подлинных предметов, тем больше это будет цениться [7]. Подтверждением этому случаю выставки «одной картины». Например, в Омском Государственном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля сейчас проходит выставка картины «Пейзаж с караваном» Христиана Вильгельма Эрнста Дитриха, немецкого художника, вошедшего в плеяду голландских мастеров XVII века. Данную работу омскому музею для экспонирования предоставил Государственный Эрмитаж. В октябре 2019 года Эрмитаж предоставил Екатеринбургскому музею изобразительных искусств картину Маринуса ван Роймерсвале «Сборщики податей». Часто выставки одной картины проходят в рамках обмена между музеями. Так, в 2002 году Музей Изящных Искусств Хьюстона дал ГМИИ им. Пушкина «Натюрморт с рыбами» Гойи, а получил взамен «Горный пейзаж» Каспара Давида Фридриха. Здесь речь о такой музейной практике, как обмен экспонатами.

Немаловажным фактором, по мнению Зеле, является не только подлинность, но и экспертная оценка произведения, его отбор. Если картина высоко оценена сообществом искусствоведов, значит, это точно заслуживает внимания [7]. Однако существуют и выставки, полностью состоящие из мультимедиа-копий. Они обрели большую популярность во всем мире, так как могут в зрелищной форме познакомить посетителя с мировыми шедеврами. Будко говорит об оппозиции виртуальности как пространства копий и подлинника. Он называется это конфликтом универсальности (копия) и уникальности (подлинник). И это, по мнению Будко, становится одной из причин кризиса музея в современности.

Выше были рассмотрены такие процессы музейной деятельности, которые, на первый взгляд, должны быть взаимоисключаемы. На практике же оказывается, что современный музей оказывается способным и готовым их совмещать в правильном для себя соотношении. И каждый конкретный случай – это определенное решение, которое руководством музея.

Процесс принятия решения, как и в любой другой профессиональной сфере, предполагает ряд вопросно-ответных процедур. В данном случае это могут быть вопросы: «Проводить или не проводить выставку-блокбастер?», «Есть ли у музея обязательства перед профессиональным сообществом в связи с проведением выставки?», «Если проводить, когда и в каком экспозиционном зале?», «Сколько времени потребуется на подготовку выставки?», «На какую аудиторию мы хотим ориентироваться?», «Какие ключевые послания будут включены в рекламную кампанию?», «Как выставка может отразиться на заполненности основной экспозиции?» и т.п. Осознание проблемы происходит в процессе вопросно-ответных процедур и в конце концов помогает принять взвешенное решение [8, с. 43].

Например, музей принимает решение о том, проводить конкретную выставку или нет, и в какой форме ее проводить. Иногда решение проводить заведомо популярное мероприятие продиктовано финансовыми потребностями. Но чаще вопрос касается репутации музея в профессиональном сообществе. Очень часто какие-то тенденции в музейной деятельности, получившие свое развитие в США или в Европе, приходят в Россию. И российский музей, будучи членом профессиональных ассоциаций, и имеющий партнерские программы с зарубежными музеями, не может отвергать уже ставшие общепринятыми в музейной среде, способы, методы, формы работы, так как это предполагает сохранение репутации.

Литература:

1. Cameron Dunkan F. The Museum, a Temple or the Forum? // Curator: The Museum Journal. 1971. Vol.14, Issue 1. P. 11 – 24.
2. Никонова А. А. Фрактальность музея и магазина // Триумф музея / СПб.: “Осипов”, 2005. 458 с.
3. Будко А. А. Кризис современного музея: между универсальностью и уникальностью // Музей. 2009. №9. С. 32 - 36.
4. Zukin S. The Cultures of Cities. Cambridge and Oxford Blackwell Publisher, 1995. 338 p.
5. Blockbuster. Толковый словарь Cambridge » [Электронный ресурс] / Cambridge Dictionary. Электрон. Текстовые дан. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/blockbuster>
6. Фролов Д. Как Пушкинский музей сделал блокбастером выставку «Щукин. Биография коллекции» [Электронный ресурс] / Дмитрий Фролов // Sostav.ru – Электрон. Текстовые дан. 29 октября, 2019. Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/kak-pushkinskij-muzej-sdelal-blokbasterom-vystavku-shchukin-biografiya-kollektsii-40047.html>
7. Лещенко А. Какое будущее ждет музей? [Электронный ресурс] / Анна Лещенко // Aksenov Family Foundation. Электрон. Текстовые дан. 28 декабря, 2016. Режим доступа: <http://aksenovff.com/ru/kakoe-budushhee-zhdet-muzei/>
8. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Канон+, 2009. 272 с.

Принятие решений в системе образования: на примере Всероссийской Интеграционной PR игры «Ломоносов»

Крюкова Ю. Е.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Juletta87@list.ru

Аннотация: С развитие современных интернет-технологий, повышения популярности социальных сетей наблюдается у современной молодежи, в частности, студентов, изменяются требования к получению и усвоению материала. Педагоги вынуждены использовать мультимедийные презентации и различные интерактивные форматы подачи информации. По-прежнему, на любой ступени образования, преподавателя, необходимо искать мотивацию учащегося и делать свои обучающие программы интересными. И в первом, и во втором случаи перед педагогом стоит проблема выбора и принятие решений. А правильно сделанный выбор и последующие действия подкрепляют положительную репутацию субъекта. В частности, в образовательной сфере – академическую – и формируют положительную предрепутацию. В представленной работе речь идет о новом формате подачи образовательного материала, нацеленного на удовлетворение интересов аудитории и повышения мотивации к процессу обучения.

Ключевые слова: принятие решений, репутация.

<ПЕРЕВОДЫ>

С 2008 года на кафедре философия языка и коммуникации философского факультета МГУ проводится работа секции «Связи с общественностью и теория коммуникации» в рамках Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Основная задача секции – развитие интереса студентов, аспирантов и молодых ученых к проблемам современных коммуникаций. В рамках конференции «Ломоносов» кафедра философии языка и коммуникации ежегодно проводит круглые столы, мастер-классы и другие образовательные мероприятия с привлечением специалистов фундаментальных и прикладных наук.

Для достижения задач, поставленных перед образовательными мероприятиями (будь то круглый стол, мастер-класс или что-то другое), важно обеспечить хорошее запоминание информации, так как все наши навыки формируются на основе знаний и способности воспринимать и анализировать информацию.

Чтобы информация запомнилась, необходимо придерживаться определенных принципов ее подачи. Перечислим некоторые из них. Во-первых, информация должна преподноситься в необычном формате, чтобы вызывать яркие впечатления. Во-вторых, она должна иметь значение для личности и иметь отношение к увлечениям человека. В-третьих, информация, включенная в деятельность человека, запоминается быстрее и на больший период. Далее, очень важно искреннее желание в изучении этой информации. И, наконец, у человека должны быть уже некоторые знания по изучаемой теме [1, 2].

Выполнение всех перечисленных выше принципов подачи информации будут на мой взгляд будут мотивировать как студентов получать информацию, так и преподавателей давать информацию.

Именно по этой причине в 2016 году я стала автором «Всероссийской Интеграционной PR Игры», объединяющей интересы студентов, участников конференции и школьников и отвечающее перечисленным выше принципам подачи информации. Основная миссия PR игры - создание условий для обмена знаниями между студентами МГУ, участниками и школьниками и закрепления полученной информации.

Для того, чтобы игра была интересна и познавательна целевой аудитории, аудитории предлагается ответить на ряд вопросов, нацеленных на определение актуальной темы, интересующих спикеров, формат выполнения отборочного тура, поощрительные призы.

Таким образом, в 2016 году аудиторией была выбрана тема, посвященная Дню Космонавтики в

России и 55-летию со дня полета Юрия Гагарина в космос. В 2017 PR игра была посвящена вопросам экологии и благотворительности. В 2018 году – продвижению в сфере киноиндустрии, а в 2019 - в сфере моды.

Важно отметить роль правильно заданного вопроса в целом и опросе целевой аудитории PR игры в частности. Так этого мнения придерживаются многие исследователи, в том числе Дж. Дьюи, Б. С. Грязнов.

Г. В. Сорина уточняет характеристику вопроса: «Вопрос – требование информации, формирующееся на основе исходного, базового знания, представленного в явной предпосылке вопроса, при котором спрашивающий верит, надеется расширить имеющиеся у него информацию, либо понять, что расширение информации на данном этапе поиска невозможно» [3, с. 215].

Приведу примеры вопросов, которые задавались участникам в период подготовки PR игры и после ее проведения. Примерно за месяц до проведения PR игры участникам предстояло выбрать из предложенных вариантов цель участия: приобрести новые знания; хорошо провести время; приобрести новые контакты в пиар-сфере или иное другое. После проведения PR игры участникам предлагалась заполнить анкету с открытыми вопросами актуальность, необходимость проведения игры в следующем году, качество организации, познавательность. Предлагая вышеперечисленные вопросы и варианты, создатели вопросов хотели направить участников, то есть натолкнуть на мысль какие преимущества несет за собой участие в игре. И в этом смысле вопросы выполняли навигационную функцию для участников игры.

Осознание навигационной функции вопроса произошло еще в Древнегреческой цивилизации, что ярко иллюстрируется в сократовско-платоновских диалогах, например «Горгий». Как отмечает Г.В. Сорина, с одной стороны, в вопросе формулируется проблемная ситуация, а с другой - вопрос «распаковывает» ее [3, с. 223]. Варианты ответов на вопрос как бы распаковывают проблему, которая ставится перед аудиторией.

Еще один важный вопрос как для участников, так и для организаторов - это определение приза, который мотивировал бы участвовать в игре. Предлагалось выбрать из следующих вариантов: сертификат, стажировка, экскурсия, внутрисеместровый зачет по профессиональному предмету, билет на мероприятие (квест, вечеринка, антикафе) или иное. И здесь, хотелось бы обратить внимание на мотивационную составляющую участников игры - студентов и школьников. Коменский считал, что развитие мотивации у обучающихся – важнейшая задача педагога [4, с. 136]. Педагог должен как бы возбудить интерес к знанию. Одна из сфер, через которую можно проследить развитие мотивации – механика, а именно работа часов. Так, например, Коменский считает, что школа должна функционировать как часы, то есть искусного распределения времени, предметов и метода [4, с. 136]. Аналогичным значением распределения времени и методов будет не только в рамках образовательного процесса, но и, в частности, в рамках интеграционной PR игры. Поэтому, на мой взгляд, разработанные рекомендации Коменским по организации процессов обучения в школе, вполне можно спроецировать на процесс обучения ВУЗ.

Г.В. Сорина подмечает, что в контексте современных управленческих проблем такое отношение ко времени прослеживается в тайм-менеджменте, организационном поведении и так далее. Рассмотрим применение тайм-менеджмента в PR игре. Проведение PR игры можно условно разбить на три этапа: начальный или подготовительный, основной и заключительный.

В подготовительном этапе как раз проводится вопросно-ответная процедура на выбор темы PR игры, подбирается состав команды, распределяются зоны ответственности, отбираются эксперты и спикеры, ведутся переговоры о взаимовыгодном сотрудничестве, подготавливается презентационный материал, делается дизайн афиш, сертификатов, проводится анонсирующая работа с потенциальными участниками игры через социальные сети и печатные материалы, отборочный тур и другие мероприятия.

В основном этапе проводится регистрация участников по командам, оформление аудитории, проверка оборудования, фото и видеосъемка и другие организационные мероприятия.

В заключительном этапе проводится вопросно-ответная процедура участников на предмет выявления их впечатления, рассылка участникам фотографий, размещение итоговых информационных материалов в социальных сетях и иное.

На каждом из этих этапов происходит постоянное принятие решение от небольших, например, выбор шрифта для афиши, до значительных, например, выбор спикеров и темы PR игры. И очень

важным является соблюдение тайминга каждого этапа, каждого действия. Например, подготовка к PR игре должна начинаться за два месяца до проведения, а сама PR игра должна длиться не более трех часов. Помимо проблемы времени в образовательном процессе Коменский отмечает роль воздействия на детей родителей, учителей, школьным начальством. Нельзя не согласиться с Г.В. Сориной, что фактически речь идет о стейкхолдерах [4, с. 140]. Стейкхолдер, это «заинтересованная сторона, причастная сторона — физическое лицо или организация, имеющая права, долю, требования или интересы относительно системы или её свойств, удовлетворяющих их потребностям и ожиданиям»¹.

В PR игре, проводимой как для школьников, так и для студентов, достаточно широкий круг стейкхолдеров. Опишем роль некоторых из них. Основным стейкхолдером игры является программа «Реклама и связи с общественностью», базирующаяся на кафедре философия языка и коммуникации – в лице ее руководителя и сотрудников. Игра нацелена на продвижение или иными словами пиар кафедры среди других ВУЗов, обучающихся по специальности бакалавриат, а так же и среди школьников, собирающихся поступать о ее деятельности. Приглашая интересных спикеров, предоставляя стажировки в профильные организации победителям PR игры, организаторы игры в лице преподавателя кафедры философии языка и коммуникации, поддерживает лояльность студентов уже обучающихся на программе «РиСО» философского факультета МГУ: РОСКОСМОС – поддержание интереса к значимым событиям, произошедшим в области Космонавтики;

PR агентства – поиск креативных молодых людей для стажировки;

Философский факультет МГУ – вовлечение в процесс обучения студентов МГУ имени Ломоносова;

Оргкомитет конференции «Ломоносов» - поддержание интереса к конференции со стороны участников.

Пиар и поддержание лояльности аудитории это работа над имиджем и закрепление репутации. В частности, с помощью Всероссийской Интеграционной PR-игры, среди целевой аудитории формируется образ постоянно развивающегося факультета, наличием активных и целеустремленных студентов, хорошими партнерскими отношениями с профессионалами отрасли. Анализ интересов и попадание в мотивацию хорошо описанной целевой аудитории с помощью ВОП приводит к положительным результатам и удовлетворению потребностей ЦА.

Литература:

1. Розанова Н. Как улучшить память? Москва: Изд-во АСТ, 2005.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1995. 595 с.
3. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М., 2009. 272 с.
4. Принятие решений в системе образования / под общей ред. С. В. Ивановой. М.: ФГНУ ИТИП РАО, АНОО «Издательский центр ИЭТ», 2014. 548 с.

¹ ГОСТ Р ИСО/МЭК 15288-2005 Информационная технология. Системная инженерия. Процессы жизненного цикла систем (см. ISO/IEC 15288:2008).

Стратегическое планирование развития мегаполиса как технология публичного риск-менеджмента: синергетический подход

Курочкин А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, доктор политических наук

alexkur@bk.ru

Аннотация: В данном докладе автор рассматривает стратегическое планирование развития мегаполиса в качестве эффективной технологии городского управления в условиях неопределенности и высоких рисков, характерных для эпохи четвертой промышленной революции и «новой глобализации». Методологическим основанием, позволяющим адекватно проанализировать эффекты технологического развития и степень эффективности системы планирования выступает синергетика, а в качестве ключевого критерия оценки качества управления автор предлагает рассматривать степень устойчивости управленческой системы города к современным технологическим, социокультурным и политическим вызовам. Конкретными примерами стратегического планирования развития мегаполисов, которые автор использует в данном исследовании, являются Москва и Санкт-Петербург. В ходе сравнительного анализа этих двух кейсов автор приходит к выводу о необходимости более сбалансированного по различным направлениям и комплексного, с точки зрения учета различных рисков и обеспечения устойчивого развития, стратегического планирования развития городов.

Ключевые слова: стратегическое планирование, цифровизация, устойчивое развитие, синергетика, эффективность управления, аттрактор, бифуркация, риск-менеджмент,

Strategic planning of megalopolis development as a public risk management technology: a synergistic approach.

Kurochkin A. V.

Saint Petersburg state university

Abstract: in this report, the author considers the strategic planning of megalopolis development as an effective technology of urban management in the conditions of uncertainty and high risks typical for the era of The Fourth industrial revolution and the New Globalization. Synergetics is the best methodological basis for adequately analyzing the effects of technological development and the degree of effectiveness of the planning system. The author suggests considering the degree of stability of the city's management system to modern technological, socio-cultural and political challenges as a key criterion for assessing the quality of management. Specific examples of strategic planning for the development of global cities that the author uses in this study are Moscow and St. Petersburg. In the course of comparative analysis of these two cases, the author comes to the conclusion that there is a need for a more balanced and comprehensive strategic planning of urban development in various areas, from the point of view of taking into account various risks and ensuring sustainable development.

Keywords: strategic planning, risk management, digitalization, sustainable development, synergy, management efficiency, attractor, bifurcation.

ⁱ Долгосрочное планирование становится сегодня одним из ключевых направлений управленческой деятельности, как в корпоративном, так и в публичном менеджменте. При этом потребность в разработке стратегий и влияние их наличия на конечный результат управления, качество принимаемых решений становится прямо пропорциональным сложности и объемности управляемого объекта.

Особую роль стратегическое планирование начинает играть в управлении мегаполисами, развивающимися сегодня в условиях нестабильной, слабо прогнозируемой, высоко-рискогенной среды.

ⁱ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-1800115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом».

Эти условия формируются под влиянием таких глобальных внешних эффектов как цифровизация и развитие в ходе четвертой промышленной революции новых технологий (платформенных корпораций, интернета вещей, блокчейна и пр.). К наиболее значимым и в тоже время опасным эффектам можно отнести следующие:

«Уберизацию» и «прекаризацию» рынка труда, являющиеся не только следствием опережающего технологического развития, но и углубляющегося кризиса традиционной капиталистической системы отношений между наемным трудом и капиталом. Ключевой вызов в данном случае связан с сокращением присутствия человека в процессе производства, что значительно быстрее, чем несколько назад, меняет систему занятости, характер трудовых отношений, а также востребованность на рынке труда тех или иных компетенций;

Цифровой разрыв, существенно усиливший риски глубокого социального расслоения по линиям полученной квалификации и приобретенных навыков работы (недостаток цифровых компетенций, устаревание знаний и т.д.), принадлежности к возрастным группам, доступу к высокоразвитой информационной инфраструктуре и ее наличию;

Сетевизацию и усложнение процесса управления, что в первую очередь связано с необходимостью пересмотра традиционных методов управления как в государственном, так и в частном секторе, акцентирование внимания на потенциальных рисках и источниках неэффективности управленческой системы.

В качестве методологической основы разработки и анализа стратегического планирования и управления, наиболее адекватной новым вызовам и рискам четвертой промышленной революции, по мнению автора является синергетическая методология. Под синергетикой мы будем понимать «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно (процессов самоорганизации и самопроизвольной дезорганизации) в открытых нелинейных системах» [1, с. 40]. Таким образом, важными отличительными характеристиками синергетической методологии, определяющими ее специфику, являются междисциплинарность и универсализм. С одной стороны, синергетика наследовала целому ряду теорий, таких как: тектология, кибернетика, общая теория систем и т. д. [2], а с другой, нашла свое применение в самых разных областях современного знания: математике, физиохимии, биологии, социологии и социальной философии, менеджменте и пр.

Для целей нашего исследования важны ряд исходных методологических предпосылок, которые предлагает синергетика.

Во-первых, это актуализация значения механизма обратной связи, который предопределяет эффективность, чувствительность и скорость реакции управляющего центра/центров на изменения, происходящие в системе. Данный механизм имел решающее значение и для кибернетической методологии, в рамках которой он считался ключевым элементом для обеспечения гомеостазиса системы, особенно для систем социально-экономического и политического управления. Однако в синергетике принципы функционирования и роль обратной связи пересматриваются. Здесь актуализируется значение не отрицательной (как в кибернетике), а положительной обратной связи, чей механизм основан не на подавлении воздействий, а на их усилении. Но в случае социальных систем, это усиление должно носить осознанный направленный характер: «Образование нового порядка, т. е. стабилизация системы в новом динамическом режиме происходит за счет самоорганизованного взаимодействия элементов данной системы» [1, с. 44]. Таким образом, механизм обратной связи выступает в качестве ключевого элемента реализации стратегических планов развития.

Во-вторых, это феномен «бифуркации», который означает в синергетической методологии разветвление (например, траектории развития системы) и трактуется как поведение сложных систем, находящихся в неравновесном состоянии, когда система совершает переход от одного динамического режима к другому.

Наконец, третий важный элемент синергетической методологии – это аттрактор, который определяется как сравнительно устойчивое состояние системы, определяющее потенциальные траектории ее развития [3]. Аттракторы — это своеобразные силы, которые, подобно магнитам, притягивают систему, заставляют ее развиваться вдоль определенных траекторий [4]. Данный термин исключительно важен для стратегического планирования, поскольку вводит определенный детерминант, позволяющий определить конечный спектр таких траекторий, релевантных конкретным условиям

развития мегаполиса, как сложной, неравновесной социально-экономической системы, провести их анализ и выбрать наиболее эффективные варианты решений, обеспечивающие ее устойчивость на достаточно длительный срок.

Анализируя опыт современного стратегического планирования в мегаполисах РФ Москве и Санкт-Петербурге, можно отметить следующее. В обоих мегаполисах, являющихся к тому же субъектами РФ – городами федерального значения, стратегическое планирование осуществляется в соответствии с предписаниями Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ? то предполагает наличие региональной стратегии социально-экономического развития. В Санкт-Петербурге в качестве таковой выступает «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035г.», в Москве «Стратегия социально-экономического развития Москвы до 2025г.» и Стратегия развития Москвы «Умный город 2030».

Построение информационно-коммуникационной системы управления мегаполисом прошло в Москве несколько последовательных фаз:

Фаза 1. 2000-2011гг. Развитие городской инфраструктуры и технологий электронного общества преимущественно в рамках государственной целевой программы «Электронная Москва».

Фаза 2. 2012-2017гг. Информатизация и централизация в электронном виде государственных услуг, проводимая в рамках принятой в 2012г. программы «Информационный город».

Фаза 3. 2018г. – настоящее время. Разработка и имплементация концепции полноценного «умного города».

Успехи Москвы в процессе построения «умного города» обеспечены несколькими факторами. Во-первых, это широкая поддержка городских властей активности различных социальных групп в целях эффективного развития мегаполиса. Во-вторых, упор на передовые исследования и лучшие мировые практики в области проектирования умных городов (экспертно-аналитическая поддержка). В-третьих, доминирование процессов цифровизации (технологий «Умного города») в структуре экономики города. В-четвертых, наличие в городе достаточного количества высококвалифицированных трудовых ресурсов мирового уровня. Все это позволило наладить чувствительную и эффективную систему обратной связи (прежде всего через портал «Активный гражданин») и включить широкую группу акторов в обсуждение хода реализации городской стратегии.

В рамках «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035г.», можно отметить такие позитивные изменения, как: увеличение доли электронного документооборота; повышение эффективности обратной связи с горожанами, в частности, через портал «Наш Санкт-Петербург»; разработку и внедрение новых мобильных приложений для информирования горожан о развитии Санкт-Петербурга и решении городских проблем; развитие сети НКО, включенных в процесс подготовки и обсуждения ключевых решений городской политики; формирование принципов открытой бюджетной политики реализуется посредством проекта «Твой бюджет».

Позитивные изменения: повышение открытости городской власти, чувствительности к запросам горожан, изменение отношения с СМИ и журналистскому сообществу, позитивной динамики качества управления городом в целом.

При этом позитивный московский опыт стратегического планирования может быть использован в Санкт-Петербурге по следующим направлениям: совершенствование визуализации «Стратегии социально-экономического развития до 2035 г.», ее разъяснения и популяризации для горожан, а также более активного включения различных социально-профессиональных групп в ее реализацию, более динамичное и широкое использование новых цифровых технологий.

В качестве общих выводов об изменении роли, функций и ожидаемых результатах стратегического планирования в структуре политики предотвращения и купирования рисков управления российскими мегаполисами можно представить следующие:

- необходимость разработки и внедрения в управленческую практику механизмов сетевой кооперации и сотрудничества различных акторов городской политики (региональной государственной власти, местного самоуправления, НКО, бизнес структур), обеспечивающую гибкий механизм обратной связи, динамичные информационные потоки, формирующих благоприятную среду для со-общественного управления;

- ориентацию в городской политике на опережающий характер принятия решений, учитывающий

множество разнообразных воздействий (флуктуаций) как глобального, так и локального характера;

- повышение динамических способностей городской власти в целом и потенциала прогностических функций, в частности, определяющих перспективы развития города в неустойчивой, глобализирующейся внешней среде и возможности разработки и реализации про-активной стратегии управления.

Литература:

1. Еремеев С. Г., Курочкин А. В. Современные теории государственной политики и управления. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 187 с.
2. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 240 с.
3. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М., КомКнига, 2005. 184 с.
4. Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // Политические исследования, № 2, 1993. С.25-31.
5. Стратегия социально-экономического развития Москвы до 2025 года // <https://strategy24.ru/moscow/documents> [Электронный ресурс] (дата обращения 01.02.2020)
6. Проект стратегии Москвы «Умный город – 2030» <https://strategy24.ru/moscow/documents> [Электронный ресурс] (дата обращения 01.02.2020)
7. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года // <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/econom/strategiya-ser-2035/> [Электронный ресурс] (дата обращения 01.02.2020)

Развитие «электронной демократии» в эпоху цифровизации

Морозова С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, ассистент кафедры Российской политики, кандидат политических наук

s.s.morozova@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей развития «электронной демократии» в эпоху цифровизации. В работе представлены различные теоретические подходы к определению «электронной демократии», анализируется влияние информационно-коммуникационных технологий на процесс развития «электронной демократии», раскрываются задачи и значение «электронной демократии», описываются риски. В заключение предлагаются рекомендации по повышению эффективности реализации принципов электронной демократии.

Ключевые слова: цифровизация, электронная демократия, государственное управление, информационно-коммуникационные технологии.

The E-Democracy Development in the Digital Age. Morozova S. S.

St. Petersburg University, Faculty of Political Science, Assistant, Department of Russian Politics

Abstract: The article is devoted to the study of the «e-democracy» development features in the era of digitalization. The paper presents various theoretical approaches to the «e-democracy» definition, analyzes the impact of information and communication technologies on the «e-democracy» development, reveals the objectives and significance of «e-democracy», describes the risks. In conclusion, recommendations to improve the implementation of the e-democracy principles are proposed.

Keywords: digitalization, e-democracy, public administration, information and communication technologies.

Сегодня мир отчетливо ощущает присутствие информационных технологий во множестве сфер человеческой деятельности, в том числе и в политических системах управления. Новая цифровая реальность требует пересмотра методологии политической и экономической науки и перехода к новым парадигмам, отвечающим вызовам информационной глобализации.

Особенности современного общества, сформированные под влиянием эры цифровизации, способствовали зарождению теории электронной демократии. Э. Тоффлер был одним из первых, кто описал новый политический феномен. В книге 1970-го года «Шок будущего» он отметил возникновение «антиципаторной демократии», согласно которой власть при принятии решений должна прислушиваться к общественному мнению относительно последствий возможных изменений. В тоже время граждане в инициативном порядке могут выдвигать свои предложения в отношении развития государства или какой-либо его отрасли. Первоначально данная модель демократии строилась на традиционных средствах информации, однако ее возможности расширились с появлением новых информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) [1].

В отечественной научной литературе закрепляется дихотомия понятийного аппарата «электронной демократии». Так, Е. Л. Варганова [2] подчеркивает наличие двух толкований данного термина: первое связано с реализацией политической активности посредством новых ИКТ; второе определение базируется на представлении о том, что новые технологии, становясь центром политики и управления, глобально улучшают гражданство.

Нисневич Ю. А. описывает «электронную демократию» как прямую полиархическую

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00792 А «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ»).

демократию участия нового типа, развитие которой связано с внедрением современных ИКТ в сферу политического и государственного управления и смещением политических процессов в сетевую информационную среду [3].

Более полное определение «электронной демократии» сформулировал М. С. Вершинин: «это любая демократическая политическая система, в которой ИКТ используются для выполнения важнейших функций демократического процесса: для тиражирования информации и коммуникации, поиска баланса интересов граждан и взвешенного принятия решений (путем совещания и голосования)» [4, с. 102].

Научный задел, ставший теоретическим фундаментом электронной демократии, повсеместный рост значения ИКТ, послуживший триггером развития концепции электронной демократии, позволяют вести речь о качественно новом этапе эволюции демократии.

Электронная демократия создает новые формы и механизмы политического участия, способствует уменьшению разрыва между органами государственной власти и населением, повышает гражданскую активность, предоставляет новые способы взаимодействия политических акторов. На основе использования информационно-телекоммуникационных технологий, она выполняет ряд важнейших для демократического развития государства задач, среди которых:

- вовлечение граждан и организаций в политические процессы
- предоставление гражданам возможности участия в обсуждении социально значимых проблем и принятии важнейших решений, в контроле за их исполнением
- расширение участия граждан в общественной жизни и политической деятельности
- усиление демократических институтов
- предоставление населению различных государственных услуг и информации о деятельности соответствующих учреждений

Основные механизмы электронной демократии - электронное голосование, опросы, предложения и обращения граждан, возможность оценки деятельности органов государственной власти, сетевая коммуникация в режиме реального времени - делают возможным достижение соответствия политического устройства государства с реальными потребностями современного общества.

Однако, помимо описанных ранее позитивных составляющих, электронной демократии свойственны риски, среди которых:

- опасность манипулирования данными при отсутствии должного уровня системы защиты
- опасность ущемления принципов демократии вследствие возникновения цифрового барьера - разделения общества на основании разного уровня и возможностей владения информацией и цифровыми способами коммуникации
- опасность распространения экстремистской пропаганды

Кроме того, важно осознавать, что внедрение ИКТ в государственное управление является основополагающим, но не самым важным этапом развития «электронной демократии»: коренные изменения должны произойти в самой системе управления, в ее культуре. Для эффективной реализации принципов электронной демократии государство должно предоставить гражданам реальные механизмы управления и контроля над принимаемыми решениями.

Ключом к достижению описанной цели является оптимизация деятельности «электронного правительства».

Литература:

1. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
2. Варганова Е. Л. Финская модель на рубеже столетий. Информационное Общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе. М.: МГУ, 1999. 287с.
3. Нисневич Ю. А. Аудит политической системы посткоммунистической России. М.: Материк, 2007. 302 с.
4. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе//Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98 - 107.

Нигоматулина Р. М.

Казанский федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общих философии, доцент, кандидат философских наук

nigomati@mail.ru

Аннотация: Экономика, политика и управление представляют собой практические сферы, имеющие «сквозной» для общества характер и одновременно теоретические области, задающие модели рациональности для социальных отношений. Российское общество характеризуется синкретичным соединением этих трех сфер, что выражается в непонимании человеком смыслов той реальности, в которой он живет, в неопределенности и двусмысленности жизненных целей. Причина заключается в том, что данное «триединство» делает невозможным разделить различные типы рациональности (например, ценностную и инструментальную), чтобы отделять цели от средств деятельности, выстраивать иерархию смыслов в системе управления и не абсолютизировать технический уровень осознания реальности. Одним из ключевых понятий, определяющим смысловой центр политических и экономических отношений, является понятие Благо. Оно связано с моральными характеристиками, которые тоже в свою очередь должны оцениваться с точки зрения различных типов нормативности.

Ключевые слова: экономика, политика, управление, ценностная рациональность, инструментальная рациональность, благо.

Trinity of economics, politics and management as methodological problem.

Nigmatullina R. M.

Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy. Associate Professor

Abstract: Economics, politics and management are a part of practical areas that penetrate into different levels of society. These areas are also related to theoretical practices, that dictate the model of rational social relationships. Russian society is characterized as the inseparable compound of all those areas which is expressed by one's misapprehension of the reality he lives in, as well as by the uncertainty and ambiguity of life goals. The reason is that this "trinity" makes it impossible to separate the different types of rationalities (for example, value and instrumental) in order to separate goals from activity, as well as to build a hierarchy of meanings in the control system and not to absolutize the technical level of awareness of reality. One of the main concept that define the semantic center of political-economic relationship is the concept of the social, collective and personal good. It is related to the moral characteristics that, in turn, should be evaluated from the view of different types of normativity.

Keywords: economics, politics, management, value rationality, instrumental rationality, the good,

Современное общество сложно устроено, что мы знаем о его управленческих структурах и механизмах? Кажется бы, вполне достаточно, но не покидает ощущение, что многое происходит помимо воли и интересов человека. Объективность процессов, в которые вовлечен индивид отсылают нас к экономическим и политическим реалиям, которые задают цели управлению.

Между тем, в нашей концепции принципиальным является то, что управление – это базовый культурный механизм, процесс регуляции и организации деятельности в любой общественной сфере, будь то семья или государство. Поэтому «сквозной» характер управленческих отношений сближает его с такими важными и повсеместными отношениями как политика и экономика. Управленческое, политическое, экономическое – это те сферы, через которые объясняются и интерпретируются реальные социальные образования. Каждая из них имеет свой предмет функционирования, но есть то, что их

объединяет в идеальном, теоретическом измерении, не говоря уже о практическом и материальном. Что такое экономика? Это наука об использовании ограниченных ресурсов для получения максимально возможных благ. Политику также можно определить как социальные отношения, направленные на достижение общего блага. Управление в данном случае выполняет функцию рационализации деятельности по достижению благ, но ее параметры во многом задаются извне: политически или экономически. Можно сказать, что по мере рационализации, осовременивания экономической и политической областей жизни, управление выделялось в отдельную сферу в качестве технического, инструментального механизма реализации экономического и политического. И в узком смысле, управление – это определенный набор методов и способов, то есть средств достижения целей и осуществления задач, которые формулируются в рамках политических или экономических интересов, извне, а не изнутри.

Однако на практике эти три сферы могут не различаться, заменять одна другую, обуславливать друг друга: политика может заменять управление и экономику, экономика может диктовать свою рациональность политике, управление как практика осуществления экономических и политических задач может существенным образом видоизменить политический и экономический ландшафт общества.

И в этой, зачастую, синкретичной взаимосвязи теряется смысл того, что происходит с человеком и ясность его понимания, от чего зависит его благо. Можно сказать, что проблема современного общества заключается в том, что ценностная и инструментальная рациональности, смысловое и техническое постоянно подменяют друг друга и дезориентируют как «человека экономического», так и «человека политического».

Вместе с тем теория управления строится на основаниях, которые исторически разрабатывались в философии политики или в философии экономики. Например, по меткому выражению лауреата Нобелевской премии Герберта Саймона, главным экспортируемым продуктом экономики в ее торговле с другими социальными науками является теория максимизирующей рациональности [1]. В политике – теория справедливости Роулза и теория непротиворечивых предпочтений для достижения целей в ее основе.

Выделение инструментальной рациональности с ее универсализирующим кодом для социальных структур современности связано с особенностями нововременного познания. Фундаментальные, базовые понятия, из которых строятся все эти теории в классической и неоклассической парадигме, такие, например, как потребности, рациональный расчет, предпочтения представлялись как внеисторические категории, характеризующие действия человека вообще. Однако история подводит к такой черте, когда вновь встает вопрос о локальном и всемирном, частном и универсальном. Глобальные рынки и глобальная политика только усугубляют проблему способов и средств включения в них отдельных национальных экономических и политических систем. Встает вопрос конфликтов ценностей, преодолеть внутреннее иррациональное содержание которых и призвано наше «триединство» с его сложной системой рациональностей.

К. Мангейм утверждает, что переводом с иррационального в рациональное занимается политика, тогда как деятельность управления осуществляется в границах рационализированной структуры, готового языка и предустановленного восприятия предметов [2, с. 61]. А. Бадью в своей работе «Апостол Павел. Обоснование универсализма» отказывает сфере управления в потенциале поиска истины и выносит следующий вердикт: «Так что современный мир вдвойне враждебен по отношению к процессу истины. Симптом этой враждебности проявляется, в частности, в подмене имен: там, где должно было бы стоять название процедуры истины, возникает другое, вытесняющее первое. Имя «культура» сотрет «искусство». Слово «техника» зачеркнет слово «наука». Слово «управление» - слово «политика». Слово «сексуальность» подменит «любовь». Система «культура-техника-управление-сексуальность» вполне заслуженно соответствует рынку, а все эти термины входят в рубрику «реклама»; эта система ныне подменила другую - «искусство-наука-политика-любовь», которая типологически идентифицирует процедуры истины» [3]. Бадью, как нам кажется, зафиксировал процесс тотальной универсализации, которая приводит к проникновению инструментальности во все сферы жизни. Однако это не значит, что подчинение политики и экономики рационализирующему воздействию управления – это приговор современности.

Актуальным становится возрождение дискурса Блага: общего и частного. А эта проблема релевантна проблеме этического и его нормативного основания. Каким образом достижимо общее благо, какие типы согласования общих и частных интересов практически возможны. Мораль ставит предел

инструментальной рациональности, но сама она должна быть отрефлексирована. Ее нормативность также имеет разное происхождение. Здесь можно выделить в качестве методологических оснований методологический индивидуализм, холизм и коммуникативную рациональность. В зависимости от одной из этих установок, существование общего Блага будет объясняться определенным образом. Так, один из представителей методологического индивидуализма И. Бентам считал, что нельзя понять общественный интерес, если мы не понимаем интерес отдельного человека. С другой стороны, холистическая методологическая установка указывает на связь частного и общественного блага в форме дара (Ю. Лотман, М. Мосс). Есть также различные концепции общественного договора. В любом случае, различие политики, экономики и управления невозможно без привлечения анализа этической нормативности.

Литература:

1. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought//American Economic Review. 1978.Vol. 68. №2.
2. Чернова Е. Социологическое исследование политического мышления в ситуациях территориального планирования// Социология власти. № 4. 2014. С.58 - 78.
3. Бадью А. «Апостол Павел. Обоснование универсализма» <https://predanie.ru/book/209540-apostol-pavel-obosnovanie-universalizma/> (Дата обращения: 22.07.2019)

Возможности и риски информационных моделей управления развитием города: подходы и российская практика

Никифоров А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат политических наук

lnikiforov@politpro.ru

Аннотация: Набравшая популярность к середине 2000-х годов концепция «умного города» (smart city) определяет универсальный сервисно-технократический путь формирования стратегии городского развития, основанного на знаниях (knowledge based urban development). Реализация данной парадигмы в Москве и Санкт-Петербурге определяет не только получение новых возможностей, но и ограничений данной стратегии управления. Это обусловлено недостаточным пониманием изменения качества социальных отношений в быстро меняющейся информационной среде города, сохранением специфических социально-экономических укладов, обуславливающих интенсификацию рисков и расширения области незнания в рамках модели управления, построенной на широком охвате статистики, учете различных индикаторов развития. В этом отношении процессы цифровизации городского управления формирует новые требования к качеству организации процессов и пониманию получаемых данных.

Ключевые слова: информационная модель, городское управление, цифровизация, умный город, риски, качество управления.

Opportunities and risks of urban development information models: approaches and implementation in Russia.

Nikiforov A. A.

Saint-Petersburg State University

Abstract: The concept of «smart city», which gained popularity by the mid-2000s, promotes a universal service-technocratic way of forming a knowledge-based urban development strategy. The implementation of this paradigm in Moscow and St. Petersburg determines not only the gain of new opportunities, but also the limitations of this management strategy. This limitations derive from the lack of understanding of the change in the quality of social relations in the rapidly changing city information environment and maintenance of specific socio-economic structures that cause the intensification of risks and the expansion of the field of non-knowing. This challenge to the governance model is based on a wide rational analysis of urban statistics, including various development indicators and city ratings. From this point of view the digitalization of urban governance forms new requirements for the quality of the organization of processes and the understanding of the adopted data.

Keywords: information model, urban governance, digitalization, smart city, risk, governance. quality

Созданная в начале 2000-х годов концепция городского развития на принципах знания (knowledge based urban development) имела целью определить перечень стратегий, критически важных для достижения высокого качества жизни, как альтернатива классическому подходу, основанному на ресурсах. Один из теоретиков новой концепции Т. Ягитчанар рассматривал ее как парадигму стратегического менеджмента городских территорий, нацеленную на повышение конкурентоспособности городских агломераций [1].

Исследователи часто выделяют в качестве ключевых экономическое развитие, культурный капитал населения, высокое качество управления и экологию[2, с. 5 - 7]. Особую роль играет повышение инвестиционной привлекательности территории параллельно с ее конкурентоспособностью, что подстегивает процессы цифровизации в направлении создания многоканальной комплексной системы мониторинга и анализа информации о городе, что создает базу для новой (цифровой) онтологии города.

В развивающейся современной парадигме «умного города» в сферу управления входят переосмысленные группы отношений: умная экономика (общественные расходы, инновации и R&D), умные жители (образование, компетенции и навыки), умное управление (цифровое правительство, открытые данные), умная природная среда (ресурсосбережение и вторичная переработка, снижение выбросов парниковых газов), умная жизнедеятельность (доступность медицины, спорт, досуг).

Реализация концепции «умного города» в России претерпела несколько этапов, первый из которых был связан с попыткой осмыслить подобное развитие в рамках принципов инструментальной технократии. На новом этапе Москва и Санкт-Петербург в обоих случаях сформировали базу для основанного на знаниях управления городским развитием в рамках общемировой тенденции и федеральной стратегии совершенствования системы государственного управления.

Начавшаяся в 2018 году в Москве имплементация основных компонент «умного города» в социальном измерении предполагает создание комфортной городской виртуальной среды, обеспечивающей самые высокие стандарты жизни горожан. Помимо госуслуг выстраивается в формате цифрового социального интерфейса дополнительный уровень соуправления. Горожанам предлагается контролировать работу городского хозяйства при помощи таких сервисов, как «Активный гражданин», «Наш город» и других. При этом для институтов управления внедрение парадигмы «умного города» интерпретируется как технологический и организационный вызов, требующий создания «комплексной программы «Умный город», которая бы охватывала все стороны нашей жизни» [3].

Глобализация методик мониторинга качества управления через индексы и рейтинги городов создает конкурентную среду и мотивирует программы информатизации и цифровизации. Так, различные программы в Москве сформировали позитивный тренд по различным направлениям, отражающийся в повышении позиций города в ведущих мировых рейтингах. Например, с 2015 по 2018г. Москва поднялась с 35-ого на 10-е место в рейтинге Глобальных городов, разрабатываемом А. Т. Kearney; с 45 на 43-е место в рейтинге степени инновационного развития городов, со 108 на 89 место в рейтинге, разрабатываемом IESE Business School, «Города в движении».

Успехи Москвы в процессе построения «умного города» обеспечены несколькими факторами. Первый, это широкая административная и ресурсная поддержка городских властей. Второй, упор на передовые исследования и лучшие мировые практики в области проектирования умных городов, а также привлечение мнения представителей компаний-лидеров рынка, научных и экспертных организаций. Третий, доминирование отрасли информационно-коммуникационных технологий в структуре экономики города. Наконец, третий – наличие в городе достаточного количества высококвалифицированных трудовых ресурсов мирового уровня.

В случае Санкт-Петербурга можно наблюдать реализацию концепции городского развития последовательно за федеральными программами без опережающего развития и существенных региональных особенностей.

На современном этапе с 2018 года была начата реализации концепции «умного города» через создание проектного офиса в рамках консорциума с университетом ИТМО.

Во-первых, основной упор делается на архитектуре управления (основные принципы: комфортная среда для граждан, координация управления, развитие городской инфраструктуры, мониторинг процессов, совместное проектирование среды, человеческий капитал), а не на целевых качествах управляемых сред и уровне инновационного развития. Для сравнения в Москве приоритетами были избраны улучшение среды жизни горожан, участие граждан в управлении, использование искусственного интеллекта, безбарьерная среда, вовлечение науки и бизнеса, цифровой документооборот, использование сквозных технологий, импортозамещение, забота об окружающей среде. При этом можно отметить, что проведенные социологические исследования фиксируют общность восприятия концепции «умного города» у государственных служащих и жителей Санкт-Петербурга, которые ожидают от реализации данной концепции в первую очередь общего повышения качества городского управления и, как следствие, качества жизни горожан. Во-вторых, заявленный метод оценки достижения целей стратегии включает лишь 5 отдельных показателей для Санкт-Петербурга, в сравнении с 2 комплексными индексами на базе десятков показателей для Москвы.

В-третьих, несмотря на декларируемые принципы со-управления, текущая реализация стратегии умного Санкт-Петербурга следует скорее принципам проектного развития на основе внутреннего экспертного отбора, что оставляет ограниченный круг возможностей для реализации модели открытых

инноваций, уже доказавшей свою конкурентоспособность в аспекте решения задач прорывного развития города в рамках коллаборативной стратегии и условий глобальной конкуренции. При этом данные экспертных опросов фиксируют высокую роль рисков, связанных как с информационной безопасностью (взлом электронных сетей, кибертерроризм), так и с негибкостью органов власти в отношении расширения форм участия граждан, бизнеса.

Однако подобные инновации в сфере управления на общем фундаментальном уровне связаны с возникновением новых рисков. Одним из наиболее системно значимых является ориентация управленцев на использование лежащей в основе концепции «умного города» новой онтологии пространства, базирующейся на цифровизации процессов и их измерении с помощью различных рейтингов и индексов городского развития, приобретающей популярность в России.

В разных масштабах городские администрации сталкиваются с проблемой восприятия данных и отношения к ним, что часто формирует управленческие aberrации. Как отмечают исследователи-практики Р. Китчин, Т. Лаурьяульт и Г. МакАрдле, агрегированные в индексы показатели, данные бенчмаркинга и дашбордов при их условности в целом рассматриваются управленцами через оптику, в которой город оценивается и управляется как совокупность визуализированных (цифровых) фактов, отражающих действительность [4, с. 23 - 25]. Это ведет к тенденции формирования управленческой модели на принципах комплексной и при этом замкнутой системы-города. Подобная негативная тенденция к доминированию количественной эпистемологии со стандартизированными подходами и инструментальной рациональностью особенно характерна для парадигмы «умного города». В условиях России, учитывая комплексность и нередкую самобытность социальной и экономической жизни территорий, подобные управленческие подходы несут серьезные риски конфликта между видимой управленцами реальности и происходящей действительности.

С точки зрения оптики более фундаментальных подходов в длительной перспективе эта проблема лежит в современных процессах развития общества, как отмечают Э. Гидденс и У. Бек, которые неразрывно связана с непредсказуемостью, возникновением непреднамеренных побочных эффектов и соответствующим снижением возможностей контроля их последствий.

Процессы урбанизации, сформировавшие на этапе глобализации городской характер современных общественных институтов в разных уголках мира, определяются в настоящий момент коммуникативно-технологическими и социально-логистическими возможностями общественного управления. Это определяет, с одной стороны, формирование отношений деятельности на основе гибридных топологий, когда соответствующие пространства выходят за пределы городских локаций, административных границ, ролевых моделей и пр. С другой стороны, традиционные способы компенсации рисков и незнания через общую фрагментарную и ограниченную связанность объектов-процессов фундаментально перестают работать. В подобных условиях роста рисков и их секьюритизации эффективность городской политики оказывается неразрывно связана со способностью гибко реализовывать оригинальные стратегии и модели работы с соответствующими риск-рефлексиями.

Аспект возникновения рисков, понятый как имманентный современному обществу процесс, предполагает одновременно и работу с неизвестным как объективным незнанием в концептуализации У. Бека [5], которое должно быть включено в планирование городского развития и локальные практики управления в терминах и допущениях границ и пределов знания о характеристиках объектов и процессов.

Имплементация современных моделей управления городским развитием и парадигма «умного города» в частности предполагают необходимость достижение системного баланса знания и незнания (риска) как через уравнивание технократических решений и стиля управления естественной средой (сбережение природы и ресурсов) и средой человеческого сообщества (социальный, культурный, человеческий капитал). В этом отношении роль технологий электронного правительства, открытых данных и цифрового коллаборативного управления (цифровой демократии) состоит, помимо классической медиации интересов, в уменьшении скорости роста области риска и незнания посредством агрегирования «неявного знания» потребителями городской экономики и гражданами. Таким образом, принципы и модели определения границы незнания, эксплицитные методы работы со знанием и неявными знаниями становится фундаментом цифровой пространственной онтологии и способом оценки качества современного городского управления.

Литература:

1. Yigitcanlar T., Velibeyoglu K., Martinez-Fernandez C. Rising knowledge cities: the role of knowledge precincts// Journal of Knowledge Management. 2008. No. 12 (5). P. 8 - 20.
2. Yigitcanlar T. Position paper: redefining knowledge-based urban development //International Journal of Knowledge-Based Development. 2011. No. 4. P. 1 - 13.
3. Программа «Умный город» поможет выйти на новый уровень развития городских электронных сервисов и услуг (дата обращения: 25.02.2019) // <https://www.mos.ru/mayor/themes/299/4684050/>
4. Kitchin R., Lauriault T. P., McArdle G. Knowing and governing cities through urban indicators, city benchmarking and real-time dashboards //Regional Studies, Regional Science. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 6 - 28
5. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 269 p.

Механизмы принятия решений в современном физическом эксперименте

Пронских В. С.

Национальная ускорительная лаборатория им. Э. Ферми. Кандидат философских наук, кандидат физико-математических наук

vpronskikh@gmail.com

Аннотация: В докладе обсуждаются структура субъекта и механизмы принятия решений в современной науке, в первую очередь в коллективах прото-мегасайенс и мегасайенс. Ранее, опираясь на примеры экспериментов XX века в физике высоких энергий, мы выделили четыре вида организации субъектов в науке. К этим видам мы относим «Альварец» и «большая наука», в которых решения принимаются единолично и существуют сильные коммуникативные связи между руководителем и членами группы, а также прото- мегасайенс и мегасайенс, где решения принимаются коллективно и отсутствует жесткая иерархия в силу равенства социальных статусов участников, что обеспечивается международностью таких экспериментов. Опираясь на материал истории науки, мы анализируем механизмы принятия решений этими типами коллабораций.

Ключевые слова: коллективный субъект, мегасайенс, физика высоких энергий, принятие решений, коллаборация, сети.

Decision-making mechanisms in contemporary physics experiments. *Pronskikh V. S.*

Fermi National Accelerator Laboratory

Abstract: The report discusses the structure of the self and decision-making mechanisms in contemporary science, primarily proto-megascience and megascience teams. Earlier, based on examples of experiments of the 20th century in high-energy physics, we identified four types of organization of the self in science. These types include Alvarez and Big Science, in which decisions are made individually and there are strong communication links between the leader and members of the group, as well as proto-megascience and megascience, where decisions are made collectively and there is no rigid hierarchy due to the equality of social statuses of participants, which was ensured by the internationality of such experiments. Based on historiography of science, we examine the decision-making mechanisms of these types of collaborations.

Keywords: collective self, megascience, high-energy physics, decision making, collaboration, actor networks.

Современный физический эксперимент претерпел существенные изменения с начала прошлого века не только в техническом отношении (создание новых методов измерения, разработка сложных приборов, таких как ускорители элементарных частиц и ядер), но и в организационном плане, превратившись из проектов, выполнявшихся индивидуальными учеными за короткие сроки, в производство явлений тысячами участников, длящегося десятки лет. Экспериментатор также превратился из отдельного индивида в сети, подобные латуровским [1], включающие множество акторов, в том числе далеко за пределами лаборатории, в которых непрерывно осуществляются переводы как эпистемических, так и социально-политических интересов [2]. В этой связи видоизменяется и структура субъектности экспериментатора, с которой связаны механизмы принятия решений коллективами акторов экспериментов.

На материале истории физического эксперимента могут быть прослежены изменения структуры субъекта от классических форм к современным. Наиболее распространенным способом организации эксперимента до 1960-х-1970-х годов в США (а также в СССР) был способ авторитарного, единоличного руководства индивидуальным руководителем коллектива (близкий российский аналог - «завлаб»). Из числа наиболее известных подобную структуру имели группы Л. Альвареца и А. Торндайка [3]. П. Галисон описывает функционирование подобного коллектива таким образом: «Хотя сложное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00046.

управление пузырьковой камерой требовало разных видов компетентности, все подгруппы подчинялись единому центру и отчитывались перед ним же. Альварец был в такой же мере ответственным за анализ данных, как и за действия инженеров-криогенщиков или физиков. Принятие окончательных решений о публикации физических результатов было за ним; всё финансирование группы также обеспечивалось им. По всем этим причинам я всерьез принимаю тот факт, что группа носила имя своего единоличного лидера. Коллаборация 1960-х гг. имела характер квазииндивида, отдельной персоны, которая могла принимать решения при консультативном участии других, и, (по крайней мере, для посторонних) когда группа Альвареца нашла новую частицу, она действовала в некотором смысле как продолжение самого Альвареца». Таким образом, с одной стороны, экспериментатор уже становился коллективным, распределенным, но, с другой стороны, он еще сохранял характер индивида (точнее, квазииндивида). Альварец был центром группы и лицом, принимающим решения по всем важным вопросам, тогда как остальные члены группы служили продолжением, «руками» и «глазами» своего руководителя. Такой субъект может быть условно назван «Альварец»- типом [2]. И если, например, [3] различает коллективный и индивидуальный субъект следующим образом: «Коллективный субъект нельзя уподоблять индивидуальному. Первый не является особой личностью, не обладает собственным Я и не совершает актов познания, отличных от тех, которые осуществляют входящие в него индивиды», — то в таких терминах

«Альварец» все еще обладает признаками индивидуального субъекта, поскольку с имяобразующим центром группы связаны и личность, и акты познания, тогда как группа играет в основном техническую роль. Наша сетевая структура субъекта познания имеет определенные сходства с рассматриваемой в [3], однако в [2] мы не относим периферийных участников к индивидуальным субъектам познания (их субъектность «снимается» квазииндивидом-руководителем).

В больших проектах середины прошлого века, таких как проект «Манхеттен» или Атомный проект СССР, возникали более сложные сети, хотя в основе по-прежнему лежал способ единоличного руководства. Организация такой «большой науки» описана, например, в [4]. Несмотря на то что при руководителе, таком как Р. Опенгеймер или И.В. Курчатов, действовал экспертный совет, куда могли входить руководители отдельных направлений проекта, ответственные за отдельные участки проекта, и решения принимались руководителем при их консультативном участии, только индивидуальный руководитель нес ответственность за решения; он же был интеракционным экспертом, от которого требовалось понимание специфики каждого из отдельных направлений, входивших в проект. Взаимодействие же между отдельными ветвями проекта было не столько коллаборативным (когда все участники работают над одними и теми же задачами), сколько кооперативным (основанном на глубоком разделении труда между группами с их координацией на более высоком уровне) [4]. Таким образом, по сравнению с «Альварец»-типом, тип «большая наука» был хотя и более сложно организованным, тем не менее таким же «квазииндивидуальным». Если, в отличие от

«Альвареца», в «большой науке» руководитель проекта более не мог заменить произвольного участника на его рабочем месте (такая роль отводилась руководителям отдельных направлений), то и руководители направлений, обладая довольно узкими специализациями, не могли, в свою очередь, заменить руководителя проекта, который обладал более широкой компетентностью; более того, он был и лично ответственным за успех предприятия. Даже если такие эксперименты и были сетями в смысле Латура, то это были сети с единым, авторитарно управляемым центром, индивидуальным субъектом со сложной технической надстройкой в форме периферийных участников.

Принципиально другим способом организации субъекта обладали международные эксперименты 1970-х годов и позже, возникновение которых мы относим к началу первого эксперимента по изучению дифракции протонов, проведенного в 1971-1973 годах в Национальной ускорительной лаборатории им. Э. Ферми (Фермилаб) и породившего цепочку из пяти близких по программе экспериментов. Контекстом эксперимента была холодная война, ее период, обычно называемый «разрядкой международной напряженности», отмеченный повышенным запросом в политических кругах на совместные международные проекты, которым отводилась важная роль поиска взаимопонимания между странами, находившимися в состоянии военно-политического противоборства [5]. Согласно политике руководства США [6] ускорители частиц высоких энергий были признаны мирной областью, где поощрялось сотрудничество с СССР, поскольку в описываемый период военное применение этой технологии специалистами было признано невозможным. В связи с этим инициативное предложение физика из Дубны В.А. Никитина и физика из США Э. Маламуда о создании газовой криогенной мишени

по дубненской технологии и совместном экспериментировании с ней на новом ускорителе США с рекордными энергиями протонов было активно поддержано дирекцией Национальной ускорительной лаборатории им. Э. Ферми. Коллектив эксперимента включал семь дубненских и девять американских участников, причем каждая часть группы руководилась своим представителем. Ввиду необходимости соблюдения паритета и равного по значимости вклада с обеих сторон (мишени из Дубны и ускорителя Main Ring США), хотя официальным руководителем и являлся американский участник, все решения, касавшиеся физической программы, настройки и эксплуатации установки, обработки данных, принимались ядром коллаборации совместно. От Дубны в ядро, принимающее решения, входило два-три человека, и примерно такое же количество — от Фермилаб.

Способ принятия решений в такой коллаборации (названной нами прото-мегасайенс) заключался в следующем. Ядро совместно разбиралось в проблеме, проникая в ее суть достаточно глубоко, настолько, что компетенции всех участников ядра в рассматриваемом вопросе становились сопоставимыми. Члены ядра изучали литературу по обсуждаемой теме, обращались за консультациями к узким специалистам (например, к ускорительным физикам Фермилаб при решении вопроса о стыковке мишени с ускорителем, поскольку нарушение вакуума ускорительного кольца могло привести к разрушению ускорителя), после чего, придя к консенсусу по некоторому вопросу, ставили задачи периферийным участникам коллаборации, анализировали проблемы, с которыми те сталкивались, давали им советы до тех пор, пока периферийные участники не справлялись с поставленными перед ними задачами и не получали ожидаемые от них результаты (например, работающую установку или экспериментальные данные). Методы экспертного анализа проблемы в такой коллаборации имеет сходства с методами экспертного анализа текста. В отличие от схемы [3], количество связей между участниками не является определяющим для способа функционирования коллаборации в [2], тогда как равенство социальных и эпистемических статусов членов ядра группы обеспечивает возникновение коллективного субъекта. Наше представление о коллективности субъекта не ограничивается суммативистской интерпретацией сводимости коллективных познавательных актов к индивидуальным, что, в частности, оставляет место для дефляционистского подхода к пониманию сетей-коллективных экспериментаторов. Мы утверждаем, что коллективным механизм принятия решений становится только в прото-мегасайенс и мегасайенс, тогда как в «Альварец» - экспериментах и «большой науке» решения принимаются индивидами-лидерами.

Литература:

1. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Издательство Европейского университета, Санкт-Петербург, 2013.
2. Пронских В. С. Онтология коллективного экспериментатора: от группы Альвареца к мегасайенс // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 165 - 182.
3. Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113. (перевод В.С.Пронских).
4. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.
5. Липкин А. И., Федоров В.С. Типы «технонауки» второй половины XX века // Философия науки. 2017. № 2. С. 120 – 142.
6. Pronskikh, V. S. E-36: The First Proto-Megascience Experiment at NAL // Phys. Perspect. 2016. N.18. P. 357 - 378.
7. Hoddeson, L., Kolb, A.W., Westfall, C. Fermilab: Physics, the Frontier, and Megascience. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 520 p.
8. Сорина Г. В. Экспертный анализ текста: методология и практика. Учебное пособие / Г. В. Сорина. М.: Издательский центр АНОО «ИЭТ», 2017. 182 с.
9. Сорина Г. В., Виноградов М. В. Субъект принятия решений: становление и деятельность // Ценности и смыслы. 2013. № 4. С. 59 – 72.

Розова О. Г.

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, аспирант

olia.rozova@yandex.ru

Аннотация: В работе анализируются проблемы развития малых городов России. Опираясь на классификацию малых городов Артамоновой Ю.С., автор определяет некоторые наиболее острые проблемы, мешающие их прогрессу. Рассматриваются общественные инициативы и государственные программы в этой сфере, подчеркивается важная роль данной категории населенных пунктов в развитии государства в целом. Одним из практических решений, способствующих возрождению ряда малых городов, по мнению автора, может стать развитие туристической отрасли, а именно въездного и внутреннего туризма в России. Ведь каждый город способен подчеркнуть свою уникальность, демонстрируя историко-культурные особенности путешественникам. В заключении предпринимается попытка выявить онтологическое основание современных проблем малых городов страны.

Ключевые слова: развитие города, туризм, Союз малых городов России, социальные проблемы, инфраструктурные проблемы, управление малыми городами.

<ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ, ИМЕНИ, ИНФОРМАЦИИ ОБ АВТОРЕ>

Abstract: The work emphasizes the urgency of the problem of development of small cities in Russia. Based on the classification of small cities by Artamonova Yu. S., the author identifies some of the most acute problems that impede their progress. Public initiatives and government programs in this area are examined, the important role of this category of settlements in the development of the state as a whole is emphasized. One of the practical solutions that contribute to the revival of a number of small cities, according to the author, may be the development of the tourism industry, namely, inbound and domestic tourism in Russia. After all, each city is able to emphasize its uniqueness, demonstrating historical and cultural features to travelers. In conclusion, an attempt is made to identify the ontological basis of modern problems in small cities of the country.

Keywords: city development, tourism, the Union of small cities of Russia, social problems, infrastructure problems, management of small cities.

В современной России вопрос развития регионов приобретает все большую актуальность. Надо понимать, что проблемы регионов — это проблемы малых и средних городов, так как они являются административными, социально-экономическими центрами. На сегодняшний день в России 787 городов с общим населением 16 млн. 447 тысяч человек, что составляет 12% населения РФ. Малые города играют важную роль в развитии нашей страны. Они занимают ключевое экономическое и географическое положение в регионах. В некоторых из них малые города также являются «опорным каркасом» в условиях низкой плотности населения. Малый город — это еще и культурологическое понятие, заключающее в себе пространственную организацию «мира вещей» и изменчивость бытия человека. Именно поэтому очень важно сохранять и развивать малые города.

Малый город — это районный центр областного краевого или республиканского значения. Определяется размером территории и количеством местных жителей (до 50 000 человек).

Артамонова Ю.С. приводит классификации малых городов по разным основаниям [1].

Города — местные центры. Это своего рода мини-столицы. Они возглавляют муниципальный округ. Это самая многочисленная группа малых городов. Такой город живёт за счёт использования ресурсов всего образования и обслуживания его потребностей.

Города-спутники. Они относятся к числу самых молодых городов, распространившихся в послевоенное время. Как правило, они возникают как инфраструктурное подразделение обслуживающее крупный завод или институт, находящийся в городе-центре. Например, города науки, в московской области.

Города — специализированные центры. Они также весьма многочисленны и разнообразны, как правило, ориентированы на какую-либо одну отрасль экономики.

Чтобы решать сложный комплекс проблем правовых, организационных, экономических малые города нуждаются в грамотном управлении. Длительность и устойчивость сложившихся негативных тенденций требуют инновационных решений.

На сегодняшний день можно выделить следующие проблемы:

- безработица;
- депопуляция;
- низкое качество инфраструктуры;
- низкое качество социальных услуг;
- затухание социальных институтов;
- низкий уровень образования и культуры;
- неудовлетворенность граждан качеством жизни.

Общественная организация «Союз малых городов России» активно продвигала идею создания комплексной целевой программы по развитию малых городов. Правительство страны поддержало эту идею и поручило Министерству регионального развития ее разработать. Данный проект получил название «Федеральной целевой программы социально-экономического развития малых городов РФ на период 2015-2020 года» [2]. Программа учитывала приоритетные задачи социально-экономического развития страны, а так же выявляла существующие проблемы малых городов и позволяла спрогнозировать развитие сложившейся ситуации. В программе отмечено, что у многих городов есть потенциал для самостоятельного развития. Были проанализированы варианты решения данной проблемы, предлагавшиеся и обсуждавшиеся когда-либо в профессиональном сообществе. Одним из таких вариантов было решение о переселении жителей малых городов в мегаполисы. Оно не выдержало критики. Самым эффективным, на наш взгляд, является представленное решение, основанное на системном подходе к устранению проблем, с использованием всех доступных возможностей, а так же инновационный подход к развитию малых городов.

Разработка комплексной программы все же не была завершена. «После ряда проведенных Министерством регионального развития РФ обсуждений данной Концепции произошло неожиданное — Правительство РФ не стало принимать решение о разработке Программы на основе выполненной за большие деньги силами специально привлеченной организации Концепции, а само Министерство ликвидировало» [2]. Однако, на сегодняшний день, мы имеем ряд федеральных проектов направленных на решение инфраструктурных проблем. Это такие федеральные проекты как: «Формирование комфортной городской среды», «обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда», «чистая вода», «оздоровление Волги» [3]. Управляет этими проектами министерство строительства РФ. Бюджет этих проектов составляет 1 066,2 млрд. рублей [4]. В рамках проекта «Комфортная городская среда» были обустроены общественные пространства в малых городах России. Так, например, в Балахнинском муниципальном округе (Нижегородская область) был реализован проект «Лесная опушка» [5], а в городе Семенове (Нижегородская область) открылся обновленный парк Ленинского комсомола [6].

Хочется отметить, что благоустройство общественных пространств позитивно сказывается на настроении местного населения. Жители городов, видя реальные изменения, позитивнее смотрят в будущее. Однако этих мероприятий недостаточно для коренного перелома ситуации. Экономические, демографические, да и те же инфраструктурные трудности не теряют своей остроты. Особым пластом лежат проблемы угасания культурного наследия и исторической памяти малых городов.

В 2014 г. на заседании совета по культуре и искусству президент России В.В. Путин сформулировал общую для страны задачу: «<...> особое внимание уделить малым городам России с их уникальной культурой, с их культурным духом <...> предметно заняться, совместно с общественными организациями, вопросом развития культуры малых городов и их туристической сферы» [2].

Сегодня туризм в России рассматривается как существенная составляющая инновационного развития. Регулярно проводятся международные отраслевые выставки, форумы по различным перспективным для России видам туризма, созданы профессиональные образовательные стандарты,

а также идет работа по формированию положительного имиджа страны в сфере туризма. Стали более доступными для иностранных туристов такие перспективные районы, как Дальний Восток, Сахалин, Курильские острова, Урал, Север России, города Нижний Новгород, Самара и другие территории» [7].

5 мая 2018 г. вышло распоряжение Правительства РФ об утверждении федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 - 2025 годы)». Ростуризм определен государственным заказчиком данной программы. Объем финансирования Программы за счет средств федерального бюджета составляет 69,27 млрд. рублей (в ценах соответствующих лет) [8].

Данное управленческое решение имеет большое значение для малых городов. Оно позволяет городу по-новому взглянуть на свою культуру, быт. Туристических направлений множество: гастро-туризм, экскурсионный, экстремальный туризм, шопингтуризм и т.д. По идее, каждый город может «встроиться» в предложенную федеральную программу.

Из всех приведенных данных мы видим, что проделана значительная работа по проектированию развития страны, по созданию нормативно-правовой базы, регулирующей общее развитие. Выделяется финансирование, развивается некоммерческий сектор. Если у города возникнет желание развиваться, то предпосылки для этого уже имеются. Тем не менее проблема отставания малых городов по-прежнему остра. Почему? Нам представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в людях. Даже если комплексная программа по развитию малых городов будет разработана и профинансирована, ее эффективность зависит от человеческого фактора. Ведь проблемы развития экономики — это проблемы развития социальных институтов, а развитие социальных институтов базируется на гражданской ответственности, степени осознанности. Таким образом, мы приходим к старой, давно забытой идее просвещения, которая снова приобретает актуальность.

На наш взгляд, в приоритетном порядке нужно возрождать образование и духовность. Очень любопытно было бы провести такой эксперимент. В отдельно взятом городе или регионе реализовать специальные культурно-образовательные проекты, с учетом особенностей менталитета данной местности в лучших гуманистических традициях и посмотреть, как изменится жизнь города после этого. Нам представляется, что темпы развития будут значительными, данное сообщество захочет менять мир вокруг себя. Более того, по принципу нейронной сети, импульс развития передастся на близлежащие территории.

Таким образом, основная идея заключается в том, что развивать нужно человека, именно человек будет организовывать пространство, создавая необходимые инструменты. Красивый человек – красивое пространство. И такой человек будет решать проблемы развития, опираясь на внутренний духовный стержень.

Необходимо задать высоконравственный вектор развития. Нужно стремиться к обогащению капиталистической парадигмы духовными ориентирами. Удовлетворив свои первичные потребности, человеческое общество должно осознать, что прогресс это не только технологическое развитие, это еще и высокий уровень духовной культуры. Если с развитием технологий роботы избавят человека от большей части работы, предоставив тем самым больше свободного времени, на что он употребит его?

Это отступление нужно для того, чтобы проиллюстрировать важное значение существующих проблем. Обществу нужна новая, духовно ориентированная жизненная философия и качественное управление малыми городами России. Если раньше человеческие ценности были ориентированы на группу, то сейчас сильно индивидуалистическое мышление. Это так же необходимо учитывать. Но это не значит, что современное российское общество готово разорвать связь с корнями, традициями и пр. Пока общество не выработает новую систему идей, мы так и будем «топтаться на месте». Полезные программы и законопроекты не будут эффективны, а разумные идеи угаснут в кабинетах непросвещенных чиновников.

Литература:

1. Артамонова Ю. С. Малый город как особая социально-экономическая единица // Экономика образования. 2009. №3-2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-gorod-kak-osobaya-sotsialno-ekonomicheskaya-edinita> (дата обращения: 25.02.2020).
2. Союз малых городов России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: [http://smgrf.ru/razrabotka-federalnoj-](http://smgrf.ru/razrabotka-federalnoj-tselevoj-programmy-razvitiya-prekrashhena/)

[tselevoj-programmy-razvitiya-prekrashhena/](http://smgrf.ru/razrabotka-federalnoj-tselevoj-programmy-razvitiya-prekrashhena/) (дата обращения: 25.02.2020).

3. Комфортная городская среда и ЖКХ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gorodsreda.ru/federal-projects/> (дата обращения: 25.02.2020).
4. Национальные проекты: будущее России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://futurerussia.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2020).
5. Балахнинский район. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.balakhna.nn.ru/?id=34027> (дата обращения: 25.02.2020).
6. Официальный сайт городского округа Семеновский [Электронный ресурс] URL: <http://www.semenov.nnov.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=8437> (дата обращения: 25.02.2020).
7. Российская газета. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2014/06/09/turizm-site-dok.html> (дата обращения: 25.02.2020).
8. Правительство РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/FoFftF1dhGs4GZzEBPQtLCFVtBl2hHQD.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

Принятие решений: онтология государственности

Соловьев А. И.

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления. Доктор политических наук,

профессор alesol@mail.ru

Аннотация: Как показывает исторический опыт, эволюция государственных форм организации власти демонстрирует центральную роль механизмов принятия ключевых политических решений. Данные процедуры и технологии целеполагания не только определяют основные потоки распределения общественных благ и ценностей, но и становятся источником постепенного перестраивания внутренней конфигурации государства и его отношений с обществом. Основным игроком, инициирующим такие изменения, являются сетевые ассоциации правящего класса, использующие неформальные методы «захвата» публичных институтов, ведущего к изменению их функционала и формированию «двухядерной» структуры государственного управления, символизирующей одновременное сосуществование официальных и латентных структур, отличающихся разной направленностью своих действий. Такого рода процессы демонстрируют постепенное сужение сферы ответственности государства как гражданского антрепренера, раскрывая природу данной общественной институции как пространства территориального господства правящего меньшинства.

Ключевые слова: власть, государство, государственные институты, принятие политических решений, правящее меньшинство, сетевые коалиции, латентная сфера государственного управления.

Decision-making: the ontology of statehood.

Solovyev A. I.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Historical experience shows that the evolution of state forms of power organization demonstrates the Central role of mechanisms for making key political decisions. These goal-setting procedures and technologies not only determine the main flows of distribution of public goods and values, but also become a source of gradual restructuring of the internal configuration of the state and its relations with society. The main player initiating such changes is the network associations of the ruling class, which use informal methods of “capturing” public institutions, leading to changes in their functionality and the formation of a “dual-core” structure of government, symbolizing the simultaneous coexistence of official and latent structures that differ in different directions of their actions. Such processes demonstrate a gradual narrowing of the sphere of responsibility of the state as a civil entrepreneur, revealing the nature of this public institution as a space of territorial domination of the ruling minority.

Key words: government, state, state institutions, political decision-making, ruling minority, network coalitions, latent sphere of public administration.

Государство, несмотря на целый ряд факторов, снижающих его влияние в современном мире, остается важнейшим и одним из наиболее влиятельных институтов и политических акторов. Ключевым механизмом, обеспечивающим его влияние, является принятие решений, представляющее собой базовый политико-административный процесс, определяющий не только направленное перемещение общественных благ и ресурсов, но и влияющий на ход основных социальных событий, задающий вектор развития социума в его национальных границах [1, p. 1].

В отличие от сторонников формально-административных подходов, рассматривающих данный вид целеполагания как применение нормативно-правовых стандартов и предписаний, практика показала, что этот сложно организованный кластер взаимодействия государственных и негосударственных акторов функционирует по совершенно иной логике, в основе которой лежит

незыблемый принцип фактического влияния участников этого процесса. Другими словами, только наличие достаточных ресурсов и умений оказывать воздействие на центры принятия решений, являются условием «отбора» участников принятия решений. Так что, подчас, даже статусные акторы, обладающие правом говорить от имени государства, оказываются в стороне от выработки правительственных стратегий и целей.

Как было доказано еще в середине прошлого века, основными закоперщиками принятия решений, способными действовать поверх институционального дизайна, являются референтные ассоциации правящего класса или, другими словами, те сетевые ассоциации этой социально-политической страты, куда входят крупнейшие собственники и контролеры общественных ресурсов. В результате их действий политические цели и проекты правящего режима, подстраиваясь под замыслы сетевых коалиций, реализуются в рамках механизмов распределения ресурсов в обмен на политическую поддержку и конвертации власти в собственность и собственности во власть. Устойчивое влияние партикулярно настроенных сетевых ассоциаций правящего класса на публичные институты способствуют вынесению центров принятия решений за рамки аппаратной иерархии, способствуя возникновению, т.н. «узлов решений», демонстрирующих пространство разработки фактических целей и проектов правящего режима. Благодаря своему доминированию правящие круги могут не только противодействовать коллективным формам оценивания общественных проблем, но и предавать неудобные для себя вопросы «политически обеспечиваемому забвению» [2, p. 184]. В ряде случаев такое положение ведет к формированию «двухядерной» структуры государственного управления или параллельному сосуществованию формальных и латентных структур организации государственной власти, характерных для феномена «второго государства» [3].

На фоне действия такого рода вертикально-горизонтальных коммуникаций гражданские структуры и ассоциации теряют свои возможности преодоления и административных барьеров, и контроля за публичными институтами, а последние – свои прерогативы в области координации администрирования с общественными запросами. Более того, различные формы гражданского протеста проецируются на сугубо институциональные образования, которые, как уже говорилось, подчас не имеют отношения к вырабатываемым в государстве решениям. И потому не могут ни существенно повлиять, ни предотвратить неустраивающие их решения.

Опыт функционирования современных национальных государств показывает неизживаемость сетевизации пространства принятия решений. Различия в степени влияния этой тенденции на природу государства, конечно, в определенной мере зависят от уровня гражданской активности, наличия у населения права на контроль правящей элиты в тех или иных национальных политиях. Однако даже в демократических политических системах правящее меньшинство никогда не отказывается ни от использования латентных схем политического проектирования, ни от ассиметричного распределения общественных ресурсов, ни от попыток сужения сферы гражданского контроля за институтами власти. Не случайно и в теории, и в публичном пространстве появляются лозунги «демократизации демократии», направленные на слом той элитарной «машины власти» (Дж. Скотт), которая доминирует в национальном государстве.

Как бы то ни было, но постепенное и неустраиваемое возрастание роли неформальных ассоциаций правящего класса в принятии политических решений демонстрирует столь же очевидную тенденцию к усилению роли фактически значимых игроков в поле политики, неизбежно сужающих сферу действий государства как гражданского антрепренера и проявляющих все более явную, подлинную природу государства как пространства территориального господства правящего меньшинства.

Литература:

1. Zahariadis N. Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts, and controversies In Handbook of Public Policy Agenda Setting Edited by N. Zahariadis, Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2016. p. 1 - 24.
2. Crenson M. A. The un politics of air pollution: a study of nondecision making in the cities. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971.
3. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства или зачем государству общество // Полис, 2019. № 4. С. 8 - 25.

Отчуждение и присвоение в процессах принятия решений

Сорина Г. В.

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, профессор, доктор философских наук

gsorina@mail.ru

Аннотация: В докладе будет впервые, насколько это известно автору, представлен анализ проблем принятия решений сквозь призму концептуального аппарата, который включает в свой состав такие понятия, как «присвоение» и «отчуждение». У каждого из этих понятий своя история в интеллектуальной культуре. Для того, чтобы понять их статус в теории принятия решений, необходимо провести концептуальный анализ этих понятий. В тексте в рамках анализа понятия «присвоение» как бы «просвечивает» понятие «отчуждение» и, наоборот. Показывается, что понятие «присвоение» используется в разных контекстах культуры, что ему присущи как позитивные, так и негативные коннотации и, соответственно, позитивные негативные условия употребления. Эти же контексты позволяют по-новому увидеть и особенности проблем отчуждения, вписанных в процессы принятия решений.

Ключевые слова: присвоение, отчуждение, правовой контекст, экономический контекст, социальный контекст.

Alienation and appropriation in decision-making. *Sorina G. V.*

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This presentation will analyse for the very first time, as far as the author is aware, the problems of decision-making within a conceptual framework that includes the notions of appropriation and alienation. Each of these notions has its own history in the intellectual culture. Understanding their status in the theory of decision-making requires a conceptual analysis of these notions. In this analysis, the notion of appropriation is 'showing through' the notion of alienation, and vice versa. It is demonstrated that the notion of appropriation is used in various contexts of culture and that it has both positive and negative connotations and thus both positive and negative usage situations. These contexts offer a new perspective on the problems of alienation when put in the setting of decision-making.

Keywords: appropriation, alienation, legal context, economic context, social context.

ⁱ Понятие «присвоение» используется в разных контекстах культуры. В то же время важно понимать, что всякое присвоение, в конечном счете, оказывается результатом принятого решения. При этом сама ситуация принятия решений не носит однозначного характера. Каждый раз возникает задача специального анализа своеобразия субъектов принятия решений, их целеполагания [см., напр., 1], мотивации [см., напр., 2], особенностей условий, внутри которых принимаются решения, формальные и неформальные особенности аналитики текстов [см., напр., 3], другие вопросы, связанные с важнейшими характеристиками принятия конкретных решений.

Можно выделить множество областей, в рамках которых осуществляется присвоение. Например, в правовом контексте оно используется в связи с вопросами присвоения чужого имущества в целом, потерянных вещей, в частности, в других контекстах. Оно применяется и в экономическом контексте как, например, так называемое присвоение ренты. Есть специальный термин для взятки с опорой на понятие «присвоение»: «присвоение взятки». В любом случае при анализе проблем присвоения в некоторых экономических или правовых ситуациях мы можем говорить, что, в конечном счете, эти ситуации часто пересекаются, т.к. экономическое присвоение, например, растрата, хищение влекут

ⁱ Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, в рамках проекта «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

за собой уголовно-правовые санкции. Формируется экономико-правовой контекст использования данного понятия.

Отдельное место в использовании понятия «присвоение» занимают политические контексты, например, это вопросы, связанные с проблемами присвоения власти. Специальное место в контексте вопросов присвоения, особенно в современных условиях, занимает проблема плагиата, в рамках которого речь идет о нарушении авторских прав, о присвоении чужой интеллектуальной собственности. Данный контекст тоже имеет свою правовую сторону [см. напр., 4]. При этом оказывается, что каждый раз мы говорим о разных и смыслах, и значениях слова/понятия «присвоение». Оно всякий раз по-разному проявляется в зависимости от контекста употребления.

Существуют позитивные и негативные коннотации данного понятия. Соответственно и контексты использования данного понятия позитивно или негативно нагружены. Несколько примеров использования понятия «присвоение» в позитивных контекстах. Например, можно говорить о присвоении воинских званий, присвоении ученых степеней и ученых званий, присвоении ИНН налогоплательщику, присвоении статуса адвоката, присвоении субъекту определенного статуса в рейтинге, присвоении чинов должностным лицам, другие формы позитивных присвоений.

Можно выделить когнитивные характеристики использования данного понятия в системе образования. Понятие «присвоение» в контексте профессиональной подготовки специалистов связывается с усвоением, пониманием некоторой совокупности знаний. Присвоение происходит в ходе осуществления познавательной деятельности. В рамках системы образования возникает, в частности, необходимость овладения основами концептуализации. В процессе овладения профессиональным концептуальным аппаратом учащиеся как бы присваивают себе профессиональный концептуальный аппарат (делают его своим), овладевают основами своей профессиональной деятельности. Можно говорить в целом о процессе присвоения содержания различных дисциплин в процессе получения образования. Этот когнитивный аспект присвоения явным образом будет представлен в рамках доклада при обсуждении проблем принятия решений.

Иной характер понятию «присвоение» придает П. Бурдьё. Так, в своей работе «Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение» Бурдьё подчеркивает социальный характер процессов присвоения [5]. Он акцентирует внимание на том, что социальное деление носит объективированный характер и находит свое выражение в структурных особенностях «присвоенного физического пространства». Так, например, социальные иерархии реализуются в присвоенном пространстве. Это пространство позволяет власти утвердиться совершенно разными способами, в том числе, например, при помощи архитектуры, которая фактически способна формулировать «бессловесные приказы» [5, с. 52], как пишет об этом Бурдьё. Присвоенное физическое пространство, представленное в социальном пространстве, как бы задает, по Бурдьё, и объективированные, и субъективированные структуры, внутри которых, в свою очередь, формируется соответствующий концептуальный аппарат, позволяющий передавать особенности восприятия и оценки. Хотела бы сразу заметить, что формирующиеся пространства, в конечном счете, отчуждены от их создателей, проектировщиков. С точки зрения Бурдьё, выйти за пределы присвоенного пространства очень сложно. Оно достаточно строго и последовательно структурировано и определено. Можно привести множество примеров результатов сознательного конструирования социальных пространств. Достаточно сказать: Кремль, Белый дом, Вестминстерский дворец, Даунинг-стрит, 10, другие столь же знаковые присвоенные пространства. По отношению к ним каждый раз возникает специальная задача неформальной аналитики особенностей этих присвоенных физических пространств, ставших жестко иерархизированными социальными властными пространствами. В советское время для выделения того же самого могли использоваться такие общие понятия, как: обком, горком и т.д. Во всех этих случаях речь идет о местах в присвоенном физическом пространстве и одновременно о системах управления и принятия решений, внутри которых формируются соответствующие модели принятия решений.

Присвоение физического пространства, по Бурдьё, является целью борьбы, включая политическую борьбу. В свою очередь, присвоенное физическое пространство создает возможности для следующих шагов присвоения теперь уже дефицитных благ материального и символического значения. Происходит процесс легитимного присвоения благ. Эти аспекты присвоения тоже будут последовательно проанализированы в докладе.

Возникает то, что Бурдьё называет пространственными прибылями, возможность присваивать материальные и культурные блага. В этой же статье Бурдьё пишет о посещении музеев как процессе

присвоения культурных ценностей музея. В то же время он замечает, что «недостаточно войти в Бобурⁱ, чтобы присвоить культурные ценности музея современного искусства» [5, с. 60 - 61]. Для этого нужно иметь соответствующий социальный капитал. Для меня же в данном контексте важно подчеркнуть, что весь предметный мир любого музея носит отчужденный характер по отношению к их создателям и собирателям.

В контексте данного доклада когнитивный характер присвоения понимается и как усвоение, и как формирование мотива для последующей деятельности в реализации принятого решения. Можно говорить о присвоении особых характеристик и вместе с тем определенного статуса в использовании даже традиционных обыденных понятий, когда они вдруг становятся нагружены какими-то особыми политическими смыслами. В качестве примера в докладе будет проанализировано понятие «сосед», которое используется в современных документах ЕС. Будет проанализирована «Европейская политика соседства», внутри которой традиционные обыденные понятия (например, «сосед») могут наделяться новыми смыслами.

Результаты принятых решений оказываются отчуждены от авторов документов ЕС и начинают «действовать» уже независимо от них. Они приобретают отчужденный, институциональный характер. Более последовательно понятие «отчуждение» в связи с процессами принятия решений будет рассмотрено в докладе.

Литература:

1. Ярмак Ю. В. Политическая планово-проектная деятельность в социальных коммуникациях. М.: МГПУ. 2013. 238 с.
2. Диев В. С. От «рационального» к «социальному» в принятии решений // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Том 7. Выпуск 2. С. 41 - 46.
3. Griftsova I., Sorina G. Question-answer procedures: informal text analytics and argumentation // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2018, 19-22 March, Vienna. 2018. P. 303 - 310.
4. Иванова С.В. Некоторые методологические аспекты диссертационного исследования и проблема плагиата в науке и образовании // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. №2. С. 19 - 39.
5. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология социального пространства. М.: Алетейя» 2007. С. 49 - 63.

Проблемы принятия решений при проектировании механизмов методом ПЛП-поиска

Статников И. Н.

Институт машиноведения РАН им. А.А. Благонравова, ведущий научный сотрудник, кандидат технических наук

instatn@gmail.com

Аннотация: Проблемы принятия решений возникают при выборе значений конструктивных параметров проектируемого механизма, антагонистичных по одному и тому же критерию. Эти проблемы ещё более усложняются, когда число критериев больше двух. Сложность решения указанных проблем возрастает ещё в связи с тем, что чаще всего невозможно произвести полное аналитическое решение. Острота проблем уменьшилась в связи с появлением вычислительных машин: появились возможности тщательной численной проработки. Но это привело к новым проблемам – возникли трудности интерпретации получаемых численных результатов. Все эти проблемы привели к необходимости разработки подхода, позволяющего как уменьшать число численных экспериментов, так и более осмысленно интерпретировать их. Одним из таких подходов явился представленный в данной работе метод ПЛП-поиска, разработанный автором в Институте машиноведения РАН им. А. А. Благонравова.

Ключевые слова: критерий, параметры, вычислительный эксперимент, планирование эксперимента, вероятность, принятие решений, ПЛП-поиск.

Issues of Decision Making in the Design of Mechanisms by PLP-search.

Statnikov I. N.

The federal state budgetary establishment of science the Blagonravov Mechanical Engineering Research Institute the RAS

Abstract: Decision-making problems arise when choosing the meanings of the design parameters of the designed mechanism that are antagonistic by the same criterion. These problems are further compounded when the number of criteria is more than two. The complexity of solving these problems is increasing due to the fact that most often it is impossible to produce a complete analytical solution. The severity of the problems decreased in connection with the advent of computers: there appeared the possibility of careful numerical study. But this led to new problems - difficulties arose in interpreting the obtained numerical results. All these problems have led to the need to develop an approach that allows both to reduce the number of numerical experiments and to interpret them more meaningfully. One of these approaches was the PLP-search method presented in this paper, developed by the author at the Institute of Machine Science RAS A. A. Blagonravova.

Keywords: criterion, parameters, computational experiment, experiment planning, probability, decision making, PLP-search.

Речь идёт о ситуации, когда число критериев качества проектируемого механизма $K \geq 2$

$\hat{O}_k(\bar{a})$ ($k = 1, \dots, K$)

и число параметров $a_j, (j = 1, \dots, J)$,

входящих в математическое описание работы механизма (математическая модель (ММ)), исчисляется десятками единиц. Очевидно, что аналитические решения таких задач крайне затруднительны, и следует говорить о поиске компромиссных – рациональных - решений. При этом очень важно иметь информацию о влиянии всех (или большинства) параметров на величины значений критериев. Кажущийся

ⁱ Бобур — культурный центр имени Жоржа Помпиду, в котором располагаются музей современного искусства, библиотека, галереи и выставочные залы, кинотеатры и т. д. — Прим. перев. анализируемой статьи.

естественным выход – получение громадных объёмов вычислений - затрудняет здравомысленную интерпретацию получаемой информации. Возникла потребность сочетания универсальности методов Монте-Карло [1, 2] (вероятностный подход) с элементами более интеллектуального анализа результатов численных экспериментов, чем простая констатация статистических оценок.

В качестве одного из возможных способов решения указанных проблем рассматривается метод ПЛП-поиска, разработанный в Институте машиноведения РАН [3, 4, 5]. Метод ПЛП-поиска (метод Планирования ЛП_т - последовательностей [6, 7]) – комбинированный метод. Его эффективность обуславливается тем, что этот метод сочетает идеи квазислучайного дискретного обзора пространства анализируемых параметров и теории планирования математических экспериментов [8, 9, 10], а также тем, что уже на начальном этапе полученная информация позволяет принять решение об использовании других методов или об окончании решения задачи (такое тоже возможно). Такой анализ полученной информации становится реальным, поскольку после обработки численных результатов получаем множество $K \times J$ графиков и (или) регрессионных зависимостей, показывающих влияние каждого параметра a_j на каждый критерий в среднем с требуемой вероятностью.

Таким образом удаётся, несмотря на громадные объёмы численной информации, перейти от анализа многомерного пространства исследуемых параметров к анализу одномерных зависимостей в среднем каждого критерия от каждого параметра, что даёт и психологический выигрыш при решении задачи. При этом объём вычислительных экспериментов будет определяться требуемой вероятностью; в свою очередь, величина такой вероятности зависит от области применения проектируемого механизма (очевидно, что для лёгкой промышленности и для медицины это будут разные величины).

Литература:

1. Davis P., Rabinwitz P. Some Monte Carlo experiments in computing multiple integrals, MTAG, V. 10, N0 53, 1956. p. 1 – 8.
2. Бусленко Н. П., Голенко Д. И., Соболев И. М. и др. Метод статистических испытаний (метод Монте-Карло). М.: Физматгиз, 1962. 322 с.
3. Статников И. Н. О планировании поиска оптимальных решений в задачах проектирования машин на основе ЛП_т – сеток. В кн.: Механика машин. Вып. 52. М.: Наука, 1977. С.116 - 123.
4. Статников И. Н. О структурировании пространства исследуемых параметров в задачах проектирования машин и механизмов // Проблемы машиностроения и надежности машин. 2000. N5. С. 11 – 17.
5. Статников И. Н., Андреев Е. В. ПЛП-поиск – эвристический метод решения задач математического программирования / Под ред. И. Н. Статникова. М.: ИИЦ МГУДТ, 2006. 140 с.
6. Соболев И. М. Многомерные квадратурные формулы и функции Хаара. М.: Наука, ГРФМЛ, 1969. 288 с.
7. Соболев И. М., Статников Р. Б. Выбор оптимальных параметров в задачах со многими критериями качества. М.: Наука, 1981. 110 с.
8. Наука. Величайшие теории: выпуск 47: Возможно да, возможно нет. Фишер. Статистический вывод. / Пер. с итал. М.: Де Агостини, 2015. 176 с.
9. Fisher R. A. Statistical methods experimental, experimental design and scientific inference, Oxford University Press, 2003.
10. Налимов В. В. Теория эксперимента. М.: Наука, ГРФМЛ, 1982. 256 с.

От этики управления к системам управления этикой и этико-управляемости

Тарасов А. А.

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, кафедра философии, социологии и психологии управления, старший преподаватель, кандидат философских наук

alexey.an.tarasov@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – проанализировать изначальные этические корни и основания управления, сопоставив их с трансформациями, вызванными появлением тейлоризма. В течение XIX-го века парадигма управления постепенно смещается от «нормативного» содержания к «научно-систематическому» и достигает своего логического завершения в «научном менеджменте». Для репрезентации результатов данной тенденции автор использует три примера: 1) «спор» В. И. Ленина и А. А. Богданова по поводу применения принципов тейлоризма при построении социалистического общества; 2) современная биоэтика как частный случай PR-а (public relations), первоосновой которого выступает «научный менеджмент»; 3) создание в Китае системы социального кредита (рейтингования) как тейлоризованной, техно-кармической версии социальной справедливости на базе искусственного интеллекта. Делается вывод, что место этики управления занимают системы управления этикой и этико-управляемости, а сам «научный менеджмент» редуцируется к «менеджменту науки».

Ключевые слова: управление рисками, тейлоризм, система социального кредита (рейтингования), биоэтика, PR, этико-управляемость, менеджмент науки, искусственный интеллект.

From the ethics of management to the systems of ethics-management and ethics-governmentality. Tarasov A. A.

Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of RANEP, Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management

Abstract: The aim of the article is to explore the original ethical foundations of management, and to compare them with the transformations caused by the emergence of Taylorism. During the 19th century the basic paradigm of management gradually shifted from 'normative' content to the 'systematically-scientific' one, and reached its logical conclusion in the appearance of 'scientific management'. The author uses three examples to represent the results of this trend: (1) the 'dispute' between V. I. Lenin and A. A. Bogdanov over the application of the principles of Taylorism within the framework of building a socialist society; (2) modern bioethics as a special case of PR (public relations), with the 'scientific management' as its first principle; (3) the creation of a social credit (scoring) system in modern China as a taylorized, techno-karmic version of social justice based on artificial intelligence. It is concluded that the place of the ethics of management turns out to be occupied by the systems of ethics-management and ethics-governmentality, and the 'scientific management' itself is reduced to the 'management of science'.

Keywords: risk management, Taylorism, social credit (scoring) system, bioethics, PR (public relations), ethics-governmentality, management of science, artificial intelligence.

ⁱ Анри Сен-Симон, один из первых теоретиков управления, полностью разделял ценности буржуазной революции 1789-го года («Свобода, Равенство, Братство»), но полагал, что практика капитализма принципиально не подходит для их реализации. Его социализм был критикой капиталистического, неэффективность которого постоянно порождала нехватку благ, недопроизводство, анархию, кризисы, а тем самым — бедность, как главное препятствие на пути свободы, равенства, братства. Требовался переход администрирования в руки более эффективного агента истории и общественной жизни — рабочего класса как главного носителя этих ценностей.

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173

К. Маркс назвал учение А. Сен-Симона и его ближайших последователей «утопическим социализмом», так как в нём ставка делалась на этические инструменты улучшения социума, проекты его постепенного совершенствования, носителями которых как раз были рабочие и трудящиеся. На их «протестантскую (трудовую) этику». Марксизм же выступал как «научный социализм», нацеленный на построение уже полностью нового общества, на новых основаниях, без этого «якоря» морали и этики. Парадоксально, но эта «новая (научная) мораль» была в итоге сформулирована в духе направления, следовавшего как раз А. Сен-Симону и его ученика, О. Конта — позитивизма. Её автор - Ф. У. Тейлор.

Среди многих трактовок тейлоризма или «научного менеджмента», накопившихся за более чем столетие его существования, нас интересует его роль «заменителя», «субститута» трудовой этики. Ф.У. Тейлор так и определял своё учение - «ментальная революция» [7, pp. 213-216]. Завод или фабрика для него были, в первую очередь, «гимназиями нового морального характера», освоения навыков (компетенций) подключения к системным регуляторам, вырабатываемым на основе научного метода и идущим на смену регуляторам морально-этическим, архаичным и стихийным.

В этом аспекте тейлоризм выступает как воплощения утилитаристских идей Дж. Бентама о Паноптикуме, то есть идеала абсолютного контроля и прозрачности социального тела, призванного заменить совесть людей, объективировать её. Практики «научного менеджмента» напоминают ритуалы и аскезу, только сциентизированные и машинизированные. Так называемая «протестантская (в том числе, трудовая) этика» заканчивается с приходом тейлоризма. В этом смысле, веберовский анализ - «финальный аккорд» феномена трудовой этики и моральных регуляторов вообще.

Тейлоризм изначально выступает как формализованная система взаимной ответственности управляющих и управляемых, капиталистов и рабочих, деперсонификацию всех трудовых отношений в единой фигуре «менеджера». Изначально — с целью устранения фаворитизма, кумовства и неэтичного поведения, фактически же — для замены этики и морали «научными» системами управления этическими рисками.

Сама «трудовая этика», с переходом к так называемому «постиндустриальному обществу» и занятостью большинства населения в сфере услуг, а не производства, была вытеснена сначала «профессиональной этикой», а сегодня - так называемыми «системами управления этическими рисками» (risk management). В рамках последних речь идёт о том, что этические вопросы и дилеммы переформулируются, переформализуются в «этические риски», наряду с другими рисками - финансовыми, экономическими, техническими, коммерческими и т.д. Потребность в этическом субъекте (сознательном), принимающем решения и несущем ответственность, здесь снимается. Всё, что требуется — это следовать инструкциям-сигналам (бессознательным).

В этой связи, тейлоризм следует считать прототипом, первоосновой многих процессов и «идей». Когда место трудовой этики как важнейшего регулятора общественных отношений, неумолимо снижается, роль «научного менеджмента» растёт (!). Его принципы процветают, как никогда прежде. Приведём три ярких и репрезентативных, на наш взгляд, примера:

1. Когда впервые в истории, в октябре 1917 года, встал вопрос о воплощении реального социалистического проекта, для В. И. Ленина тейлоризм был проверенным практикой инструментом - новой научной системой организации труда (НОТ), которая должна была компенсировать отсутствие у большей части русских рабочих трудовой этики и даже квалификации. Ему возражал А. А. Богданов, для которого наука, техника, технология и способы организации не являлись «ценностно-нейтральными», но были созданы и выпестованы в «лаборатории капиталистического общества» [1]. Его точку зрения можно определить как идеал «ко-революции» науки и общества, который, помимо всего прочего, парадоксальным образом раскрывает по-новому смысл науки и техники. Поэтому В.И. Ленин иногда называл философию эмпириомонизма «познавательным социализмом» [2, с.241 - 242].

2. Биоэтика на самом деле является, скорее, не этикой, но частным случаем «связей с общественностью», PR-ом (public relations) — в данном случае со стороны био-медицинских технологий. Если любая этика направлена всегда на диалог и компромисс между всеми заинтересованными сторонами, в целях учёта всех интересов, то целью «связей с общественностью» (PR) является формирование инициатором-бенефициаром у противоположной стороны (реципиента, то есть общества) некоего образа, создающего благоприятные условия для достижения целей первой стороны, снятия преград на пути их реализации. В случае биоэтики — для развития био-медицинских технологий (включая клонирование, эксперименты с эмбрионами, стволовыми клетками, органами, вирусами и

т.д.). Таких, которые для сознания членов общества неприемлемы. А если приемлемы, то только в бессознательной форме, с которой и «работает» любой PR, якобы «переводя» бессознательное на уровень сознания, то есть сублимируя его, но в действительности, наоборот, — десублимируя любые важные социальные вопросы и проблемы до научно-технических.

Ещё в 1920-е годы один из отцов-основателей «связей с общественностью», а также господствующей сегодня в управлении идеологии неолиберализма — Уолтер Липпманн говорил о том, что всё большее число людей живёт не в реальном мире, в котором действуют законы науки и этики, а в мире стереотипов, формируемых СМИ, «научно (на)управляемых» [5]. Иногда эту область называют «агнотологией» [6]: её целью является не знание, как в науке, а наоборот - его растворение, деконструкция, производство тотального сомнения, в результате чего субъект становится манипулируемым-(на)управляемым.

В нашей стране эти идеи развивают последователи Г. П. Щедровицкого, методологии системной мыследеятельности. Ещё в советское время их главный вопрос был PR-вопросом: «Какой должна быть социальная логика, для того, чтобы развивались наука и техника?». И всё это соответствует идеалу тейлоризма - растворять любые социальные противоречия посредством их инженерно-конструктивистского «снятия» в рамках единой и управляемой «системы», находящейся по ту сторону идеологии и этики.

3. Внедрение так называемой «системы социального кредита» (рейтингования) в сегодняшнем Китае, призванной в рамках провозглашённой Си Цзинпином в 2012-м году «этической революции» (уже 3-й для Китая — после «социальной» и «культурной») «повысить доверие граждан друг к другу и должным образом поощрить благие поступки» - посредством (!) тотального электронного паноптического контроля за поведением людей. В результате у каждого гражданина (опять же - в тейлористском духе) появляется личный рейтинг, который повышается или понижается автоматически — в зависимости от банковской или кредитной истории, лояльности/нелояльности политическим властям, поведения на улице, в общественном транспорте или соцсетях и т.д [4]. В итоге, люди делятся на нео-феодалские страты, от, условно говоря, добропорядочных граждан, до социально подозрительных или вовсе опасных. Основанную на достижениях развития цифровых технологий и создания систем обработки больших массивов данных (Big Data) в условиях 4-й промышленной революции, эту систему можно трактовать как попытку найти применение огромным массам людей (это Китай всё-таки, да и Индия не отстаёт), которых государство содержит - для обучения гигантских систем искусственного интеллекта. Люди в данном случае представляют собой обучающий материал, на котором эти технологии «созревают», давая в том числе и ключ к пониманию популярных в наши дни понятий, вроде «общества знаний», «когнитивного капитализма» и т.п. А также соответствующего им и господствующего сегодня идеала управления: *управлять = становиться управляемым*.

Заключение

Предметом управления в рамках пост-современного общества окончательно становятся *риски*, в первую очередь — научно-технические. Здесь мы имеем, с одной стороны, антропо-консерваторов, стремящихся порожденные техно-наукой риски минимизировать («новые правые») - иначе в пределе некому и некем будет управлять. С другой стороны находятся сторонники так называемого «проактивного» подхода, особенно популярного как раз в Китае, а также в США, которые считают, что нужно максимизировать производство техно-научных рисков, так как, во-первых, риски в принципе неизбежны, а потому, и это во-вторых, риски нужно производить, попутно «переводя» все остальные риски (в том числе этические) в техно-научные, поскольку только ими и можно управлять («новые левые») [3]. В итоге, *«социалистическая» этика управления трансформируется в «неолиберальные» системы управления этикой и этико-управляемости* (“governmentality”, в стиле М. Фуко), а *«научный менеджмент» - в «менеджмент науки»...*

Литература:

1. Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 479 с.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 18. М.: Изд-во политической литературы, 1973. С. 1–385.
3. Fuller S., Lipinska V. The Proactionary Imperative. A Foundation for Transhumanism. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 157 p.

4. Hoffman S. R. Programming China: the Communist Party's autonomic approach to managing state security. PhD thesis. University of Nottingham, 2017. 168 p.
5. Lippmann, W. Public Opinion. New York: Start Publishing LLC, 2015. 353 p.
6. Proctor R. N., Schiebinger L. (Eds.) Agnotology: the making and unmaking of ignorance. Stanford: Stanford University Press, 2008. 288 p.
7. Taylor F.W. Taylor's Testimony Before the Special House Committee // Thompson K. (Ed.). The early sociology of management and organizations. Volume I. Scientific Management. New York and London: Routledge, 2003. 375 p.

Опыт принятия решений в системе школьного образования (на примере Шотландии)

Цыренова Л. А.

*Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет,
доцент, кандидат философских наук*

lyaylya.tsyrenova@mail.ru

Аннотация: Принятие решений в системе школьного и университетского образования может быть успешным только в том случае, если осуществляется с учетом национальной специфики подлежащих реформированию образовательных систем, накопленного в них опыта и традиций, конкретной социально-политической и экономической ситуации страны. Национальная философия образования не может формироваться без обсуждения и анализа собственного исторического опыта и его сопоставления с общемировыми тенденциями. Опыт Шотландии, образовательная система которой считается одной из лучших в Европе, представляет в этом отношении особый интерес и может оказаться полезным с точки зрения как позитивных, так и негативных уроков. В статье рассматривается структура школьного образования в Шотландии, ее национальная специфика, управление и власть в системе образования. Проблемы, с которыми столкнулась шотландская школа сегодня и которые повлекли за собой трансформацию национальной философии образования, положили в 2002 году начало реформы под названием «Программа блестящих достижений» (Curriculum for Excellence). Результатом реформы явилось внедрение в систему образования новых стандартов и новой системы квалификаций.

Ключевые слова: принятие решений, образование, традиции, реформа, Программа блестящих достижений.

Decision making experience in the school system

(on the example of Scotland).

Tsyrenova L. A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Decision making in the system of school and university education can be successful only if it is carried out taking into account the national specifics of the educational systems subject to reform, the experience and traditions accumulated in them, and the specific socio-political and economic situation of the country. The national philosophy of education cannot be formed without discussion and analysis of one's own historical experience and its comparison with global trends. The experience of Scotland, whose educational system is considered one of the best in Europe, is of particular interest in this regard and may be useful in terms of both positive and negative lessons. The article discusses the structure of school education in Scotland, its national features, management and power in the education system. The problems faced by the Scottish school today, which led to the transformation of the national philosophy of education, laid the foundation for a reform in 2002 called the "Curriculum for Excellence". The reform resulted in the introduction of new standards and a new qualification system.

Keywords: decision making, education, traditions, reform, "Curriculum for Excellence".

Образование в Шотландии всегда занимало ведущее место среди важных национальных приоритетов, о чем свидетельствует множество документов и законодательных актов, хранящихся в государственных архивах. Страна утратила свою политическую независимость в 1707 г., заключив Унию с Англией, однако сохранила национальные особенности в религии, правовом устройстве, языке. Ее образовательная система – предмет особой гордости шотландцев – также сохранила автономный характер. Два достижения шотландцев особо подчеркивают их превосходство и служат знаком национальной идентичности: раннее распространение всеобщей грамотности и рано развившаяся университетская система. Эти достижения питали «демократический» миф о шотландском образовании, нашедшем

свое выражение в 19 веке в популярном литературном образе “Lad O’Pairts” – образе талантливого и многообещающего юноши, скромного выходца из сельской местности или небольшого городка, способного подняться по образовательной лестнице до таких престижных профессий как школьный учитель, государственный служащий или министр. Как и прочие национальные мифы, “Lad O’Pairts” идеализировал реальность, и все же содержал в себе некоторое зерно истины, выражая своеобразную форму идеала эгалитаризма и меритократии, к которому так стремилось и в которое так верило шотландское общество. Средний шотландец и сегодня склонен признавать, что успех в жизни должен определяться способностями и достижениями, а не социальным положением, что общественные (а не частные) институты должны быть средством достижения общего блага, и что даже в том случае, когда заслуги действительно оправдывают дифференцированные доходы, равные условия все же сохраняются для всех членов общества, и каждый из них заслуживает одинакового внимания и отношения. Взятые вместе эти черты были суммированы в понятии, использованном профессором логики и метафизики университета Эдинбурга Джорджем Дэви в качестве названия его известной книги «Демократический интеллект», опубликованной в 1961г. [1].

Очевидно, что становление «демократического интеллекта» не было совершенно уникальным явлением, обусловленным исключительно шотландской почвой. Как указывает профессор образовательной политики университета Эдинбурга, автор фундаментального исследования «Шотландское образование в двадцатом веке» [2] Линдси Патерсон, опыт Шотландии был одновременно и универсальным, и уникальным. Он был универсальным, поскольку являлся частью процесса демократизации образования, охватившего в целом Европу, и шотландцы с большим энтузиазмом восприняли происходящие в обществе преобразования и сдвиг от образования как возможности к образованию как праву для каждого члена общества, независимо от его половой, классовой или религиозной принадлежности. Как и прочие их современники в Европе, шотландцы разделяли растущую веру в то, что при соответствующих условиях большинство людей может достичь гораздо более впечатляющих результатов в обучении, чем ожидает от них традиция, и что образование служит необходимым условием свободы. Уникальность же шотландского опыта состояла в том, что шотландцы были особенно открыты для этих возможностей, поскольку еще со времен Реформации унаследовали чувство справедливости и веру в то, что наиболее эффективный способ организации образования возможен только через общественное и государственное обеспечение, и что образованием следует управлять как общественным благом. Шотландцы были открыты для принятия общественных, коллективных решений и действий, поскольку из своей религиозной истории они вынесли столь сильную привязанность к социальному либерализму, а затем и к социальной демократии, что не исключали возможность добровольного участия в этих действиях. Кроме того, для них не составило особого труда принять освободительный потенциал коллективных реформ в силу унаследованной веры в возможности конкурентоспособного индивидуализма.

История реформ в шотландском образовании – это история движения шотландского общества к принятию всеобщего обязательного бесплатного образования (comprehensive education) и созданию довольно однородной в институциональном плане школьной системы [3, с. 195]. Шотландское среднее образование было радикально расширено по своему масштабу и социальному охвату в первые четыре десятилетия двадцатого века, предоставив совершенно новые возможности в получении среднего образования для представителей самых разных социальных групп, в том числе и представителей различных религиозных конфессий. Главной причиной успеха нововведений, как утверждает Л. Патерсон, явилась модернизация мифологической традиции lad o’ pairts на основе распространения преимуществ либерального образования на новые социальные слои, которое стало рассматриваться как основа профессиональной карьеры [4, с. 96].

Большинство современных шотландских школ являются вне-конфессиональными. Школы, связанные с определенными религиозными конфессиями (Denominational Schools), полностью вошли в государственный сектор в 1920-х годах и финансируются на общих основаниях. Общее название государственных школ – общеобразовательные школы (Comprehensive Schools). Наиболее распространенными типами государственной школы являются школы старших классов (High Schools) и средние учебные заведения (Academies) – общеобразовательные школы, где обучаются дети из самых разных социальных слоев, независимо от их способностей. Среди государственных школ также различают сохранившиеся от прежней традиционной системы классические школы (Grammar Schools). Негосударственный сектор представлен частными, или независимыми школами (Independent Schools),

доля которых в общей системе весьма невелика. Специфика образовательной системы Шотландии, несмотря на общенациональный характер, по-прежнему сохраняется, что делает ее отличной от образовательной системы Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Это касается возрастных рамок перевода учащихся с одного уровня на другой, экзаменов, квалификационных сертификатов и в целом философии выбора и предоставления образования.

Школьная система Шотландии включает в себя четыре больших сектора – начальное образование (primary school), среднее образование (secondary school), дополнительное, или пост-среднее образование (further education or post-secondary) и школы старших классов (higher education). Многие учащиеся затем поступают в колледжи или университеты, чтобы получить профессиональное образование. Наряду с этими основными учебными заведениями существует множество других учреждений – учреждения дошкольного образования, специального образования и неформального образования (community education). Почти все специальное образование, более 90% начального и среднего секторов, примерно три четверти дошкольного сектора, и большая часть неформального образования регулируется 32 выборными органами образования местной власти. Учреждения высшего образования находятся на самоуправлении и подчиняются общему надзору, осуществляемому Советом по финансированию высшего образования (Higher Education Funding Council), получая свои средства из государственных грантов, платы за обучение и частного спонсорства.

Квалификация в средней школе и на ступени пост-среднего (дополнительного образования) осуществляется в соответствии с шотландской системой квалификации, обеспечиваемой Scottish Qualifications Authority (SQA), которая является национальным государственным органом. В целом все образовательные квалификации в Шотландии являются частью общей системы кредитов и квалификаций Scottish Credit and Qualifications Framework.

Шотландские учебные программы предлагают учащимся большее количество предметов, чем где-либо в Великобритании. И было бы справедливо отметить, что все национальные программы – Standard Grade, 5-14 и Higher Still сохраняют широту исследований. Среди дисциплин, которым уделяется особое внимание, следует назвать историю Шотландии, прочно вошедшую в качестве приоритетной области изучения и исследования в школьные и университетские программы, а в программах курсов по литературе и драме преимущественно используются произведения шотландских авторов.

Возможно, наиболее убедительным аргументом в пользу своеобразия шотландской системы служит законодательная база, которая устанавливает характер финансирования и структуру учреждений, ответственных за распределение ресурсов. Исполнительная и формальная ответственность за систему лежит на премьер-министре. До деволуции (т.е. до передачи властных полномочий восстановленному в 1999 г. Парламенту) Шотландия часто следовала законодательным положениям Англии, но не всегда строго придерживалась установленных паттернов. Одним из первых законодательных актов шотландского Парламента явился закон об образовательных стандартах - Закон 2000 года, введший новые образовательные стандарты и определивший национальные приоритеты образования. Либо через прямое влияние парламентариев в дебатах, либо в результате консультаций и экспертных оценок процесс, в конечном счете, привел к необходимости твердых акцентов на качестве образования и его связи с практикой. Социальному обучению и воспитанию гражданских качеств также отводится видное место, и правительство признает преимущества, получаемые в результате совместной работы с учреждениями, не относящимися непосредственно к образованию. Консервативное правительство Великобритании пыталось внедрить в школьную систему Шотландии обще-британскую национальную систему тестирования, но сопротивление родителей, учительских союзов и местных властей привело к принятию других законов, и, следовательно, собственной национальной системы тестирования, что в частности делает невозможным сбор и централизованную обработку данных, используемых в таблицах Англии и Уэльса.

Еще одно доказательство отличия шотландской системы можно обнаружить в особом институциональном аппарате, поддерживающем и обеспечивающем функционирование шотландского образования. В Шотландии существует только один национальный экзаменационный орган – Scottish Qualifications Authority (SQA), в то время как в Англии их несколько. Другие особые национальные образовательные структуры Шотландии, аналогов которым нет в Англии, - вневедомственный государственный орган, учрежденный в 2000 г. Learning and Teaching Scotland (LTS) и основанный в 1965 г. независимый профессиональный орган, объединяющий учителей, General Teaching Council (GTC). LTS играет ключевую роль в трансформации образовательной политики в Шотландии и

находится в центре всех основных событий в сфере образования, консультируя премьер-министра по всем вопросам, касающимся учебных программ для учащихся от 3 до 18 лет. ГТС также выполняет важные функции (контролирует вхождение в профессию, аккредитует курсы начальной подготовки для учителей и т.д.) и само его существование является доказательством статуса учителя как профессии, востребованной обществом. В целом все государственные и неформальные структуры шотландской образовательной системы работают в тесном контакте и сотрудничестве, так что скоординированные усилия всех этих групп оказываются важными для большинства инициатив. Другим фактором, влияющим на принятие решений и часто оцениваемым как преимущество Шотландии, являются ее малые размеры. Люди, работающие в одной сфере, стремятся знать друг друга и достигают консенсуса чаще, чем это возможно в более обширной и анонимной системе.

В 2002 году в Шотландии началась разработка нового масштабного проекта реформирования системы школьного образования. Проект получил название Curriculum for Excellence (CfE) – Программа Блестящих Достиженийⁱ. В реформе оказались задействованными тысячи практикующих педагогов и множество образовательных структур, в работе которых огромное значение имели экспертные оценки и широкое общественное обсуждение всех проблем, касающихся школьного образования. Ответственность за реализацию Программы была возложена на три тесно сотрудничающие между собой структуры – Education Scotland, the Scottish Qualifications Authority (SQA) и шотландское правительство. Ее реализация продолжалась до 2016 года, в котором была завершена разработка новой системы квалификаций.

В центре дискуссий, предшествовавших разработке проекта реформы и проходящих уже в ходе самой реформы, оказались вопросы, связанные с качеством образования [5], адаптированностью преподавания к современным нуждам, проблемы равенства и свободы выбора, бедности и связанных с нею ограниченных возможностей в получении высококачественного образования, дипломов и шансов на социальное продвижение. Еще один весьма болезненный вопрос, вызывающий постоянный политический интерес и эмоциональные реакции – поведение учеников в школе. Проблема поведения в школе оказалась тревожным индикатором, побудившим задуматься о целом спектре «образовательных трудностей» и их источниках, вынеся на повестку дня обсуждение проблемы бедности, несоответствия образовательных стандартов современным требованиям, формально-бюрократического подхода к детям, приверженности Шотландии доступному для всех унифицированному образованию, приведшему к недифференцированному подходу к обучению и, в конечном счете, недовольство образовательной системой в целом. Стоит особо заострить внимание на том, что аналитические отчеты и доклады о текущем состоянии дел в школах – неотъемлемая часть рутинной работы структур, ответственных за обеспечение и управление в школьном образовании. Такие отчеты составляются на основе экспертных оценок и опросов и опираются на практику школьного обучения и преподавания, с которой члены того или иного образовательного органа знакомятся лично, непосредственно посещая школы. Такой факт, например, как визиты в различные школы самого министра образования не представляет собой ничего экстраординарного, поскольку рассматривается как часть необходимой работы. И хотя в принятии решений, безусловно, присутствует политический момент, образовательная практика играет в них существенную роль. Так, в частности, в докладе Discipline Task Group 2001 говорится о том, что рабочая группа увидела четкую связь между негативным поведением и скукой на уроках, отсутствием перспективных и интересных задач, не вдохновляющей на достижения образовательной программой (S1/S2)ⁱⁱ.

Обосновывая необходимость разработки национальной государственной программы образования, инициаторы реформы ссылались также на значительные изменения, произошедшие в мире в последние десятилетия, и необходимость не только не отставать в решении насущных проблем, но и предвосхищать будущее, насколько это возможно. Высший старший инспектор Ее Величества Г. Дональдсон в своих комментариях на выводы, содержащиеся в отчете НМЭС «Improving Scottish Education 2002-2005», напрямую связал необходимость улучшения шотландской системы образования с экономикой и благополучием граждан: «Будущее экономическое процветание Шотландии нуждается в такой системе образования, которая позволит населению в целом развивать знания, способности и

качества, необходимые для личностного, социального и экономического преуспеяния в 21-м веке. Благополучие страны требует также таких стандартов квалификации и уровня усвоения знаний, которые согласуются с этими нуждами и упрочат положение Шотландии в мировом сообществе» [8].

В конечном счете, публичные дискуссии и дебаты, определили необходимость улучшения существующей системы образования без отказа от ориентации на традиционные ценности, что нашло свое отражение в основных направлениях реформы Curriculum for Excellence. Трансформация национальной философии образования в Шотландии не потребовала радикальных, революционных изменений, которые могли бы привести к разрушению системы и утрате национального исторического наследия. Модернизация здесь означала, прежде всего, разработку высоких стандартов обучения, предполагающих дифференцированный, т.е. индивидуальный, адресный подход в обучении, обеспечение различных образовательных стилей и методик и совершенствование системы квалификаций.

Поможет ли нынешняя реформа разрешить все проблемы – не только и не столько теоретический вопрос, сколько вопрос практики и времени, не отменяющий, безусловно, необходимости серьезного философского и социологического анализа. Сегодня Программа уже вступила в действие, у нее по-прежнему есть свои критики и свои защитники. Однако работа продолжается, как, впрочем, и широкое открытое обсуждение всех аспектов происходящей реформы.

Литература:

1. Davie George Elder. Democratic Intellect: Scotland and her Universities in the Nineteenth Century. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1961, 372 p.
2. Paterson Lindsay. Scottish Education in the Twentieth Century. Edinburgh University Press, 2003, 226 p.
3. Paterson Lindsay. Scottish Education in the Twentieth Century. Edinburgh University Press, 2003, 226 p.
4. Paterson Lindsay. The reinvention of Scottish Liberal Education: Secondary Schooling, 1900–39// The Scottish Historical Review Vol. 90, No. 229, Part 1 (April 2011), Edinburgh University Press. P. 96-130.
5. Allardyce, Jason. Who is to blame for Scotland's education failings? The Sunday Times, December 6, 2009.
6. Электронный источник. Режим доступа. URL: <http://www.ltscotland.org.uk/positivebehaviour/resources/index.asp>

ⁱ В отличие от Англии, Уэльса и Северной Ирландии, в Шотландии до нынешней реформы не было национальной государственной программы образования, ее заменяли принципы руководства для местных властей 5-14, стандарты для средней школы (standard grade) и национальная система квалификаций.

ⁱⁱ Информация о различных подходах к решению поведенческих проблем в школах доступна на: <http://www.ltscotland.org.uk/positivebehaviour/resources/index.asp>

Шувалова М. А.

*Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет,
аспирант*

mash-shuvalov@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируется понятие сетевой идентичности человека, раскрываются ее основные характеристики. Показывается взаимоотношение сетевой идентичности человека и его реального «Я», самоидентичности. Отражается желание человека создать улучшенную версию себя или же воплотить в жизнь свою альтернативную идентичность (альт-идентичность). Поднимаются проблемы гиперидентичности и анонимности в сетевом пространстве, показывается схожесть данных процессов, что обусловлено стремлением человека остаться неузнанным, неидентифицируемым. В качестве практической иллюстрации воплощения сетевой идентичности рассматривается игровой мир Second Life™ на основе работы Анны Пичей и Марка Чайлдса, в которой проводится анализ различных аспектов данного виртуального мира. Отмечается важность процесса принятия решений при конструировании сетевой идентичности на примере создания аватара/персонажа в Second Life™.

Ключевые слова: сетевая идентичность, анонимность, гиперидентичность, самоидентичность, виртуальный мир, принятие решений.

**The role of decision-making in design of human's network identity.
Shuvalova M. A.**

Lomonosov Moscow State University

Abstract: This article analyzes the concept of person's network identity, it reveals its main characteristics. It shows the relationship of person's network identity and his real "I", self-identity. The desire of a person to create an improved version of himself or to realize his alternative identity (alt-identity) is reflected. There is raised the problems of hyperidentity and anonymity in the network space, the similarity of these processes is shown, which is due to the desire of a person to remain unrecognized, unidentifiable status. As a practical illustration of the embodiment of network identity, the Second Life™ game world is considered and it is based on the work of Anna Pichey and Mark Childs, which analyzes various aspects of this virtual world. There is noted the importance of the decision-making process when designing a network identity using the example of creating an avatar/ character in Second Life™.

Keywords: network identity, anonymity, hyperidentity, self-identity, virtual world, decision-making.

Феномен сетевой идентичности человека стал изучаться относительно недавно, что связано с активным развитием Интернет-технологий в конце 20 – начале 21 веков. Понятию «сетевая идентичность» могут даваться различные характеристики, которые зависят от области исследования.

Сетевая идентичность может пониматься как «построение образа «Я», которое является его правдоподобным и адекватным представлением в Интернет-пространстве» [1]. Или как то, что сетевая идентичность – «это вся совокупность текстовых и визуальных семиотических компонентов сетевого облика человека, разновидность вербальных и невербальных текстов культуры» [2].

Можно привести еще одно, на мой взгляд, интересное определение, которое дается А. Е. Войскунским, А. С. Евдокименко, Н. Ю. Федунинной в статье «Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование»: «сетевая идентичность – основная, жизненно важная и приоритетная в сравнении со скучной, рутинной и навязанной другими людьми реальной идентичностью» [3, с. 99]. Такая трактовка позволяет нам понять, что сетевая идентичность человека может быть результатом его желания и стремления представить себя таким образом, чтобы выразить свое «Я», возможностью быть тем, кем индивид себя ощущает, способностью сбежать от своего реального «Я», которое его не устра-

ивает. Е.А. Лакизо в своей диссертации «Формирование личностью социальной идентичности в условиях современного общества» подмечает это желание человека: «Активность и потребность индивида в самореализации переводится в сферу виртуальности, в пространстве которой могут быть выстроены миры и структуры, реально не существующие в социуме и его отношениях» [4, с. 4]. Это отражает некий процесс самоконструирования, так как человек пытается создать некий конструкт, образ, который смог бы отразить его самоощущение. В повседневной жизни выражение индивидуальности человека может представляться неосуществимым. Это происходит по ряду причин, например, нежелание самого человека, боязнь получить осуждение со стороны значимых референтных групп, отсутствие возможности воплотить в жизнь желаемый образ и т.д.

Обращаясь к положению о том, что индивиду присуще желание создать некоторую идеальную самоидентичность, которая может быть, как дополнением к реальной идентичности, так и выражать альтернативную идентичность, хотелось бы привести понимание сущности сетевой идентичности в статье Е. П. Белинской, А. Е. Жичкиной «Пространство, населенное другими»: «Сетевая идентичность ... не только выражает нечто, уже имеющееся в личности, но может быть и стремлением испытать нечто ранее не испытанное» [5, с. 7]. Получается, что сетевая идентичность, создаваемая человеком, позволяет получить опыт, недоступный ему по каким-либо причинам в реальной жизни.

Самоидентичность и сетевая идентичность человека, как было сказано ранее, могут отличаться между собой, и часто так оно и есть. В сетевой идентичности может воплотиться всё то, что не достает человеку в его повседневной жизни, а также может проявиться его желание быть скрытым, тайным, неузнанным, т.е. быть анонимным. С этим связано две проблемы: деидентификация (анонимность) и гиперидентичность.

Стремление человека к анонимности в сети поднимает ряд сложных вопросов, которые относятся не только к социокультурным проблемам, но также и к области права, так как там, где есть анонимность, может присутствовать чувство безнаказанности и вседозволенности. Стоит отметить, что явление анонимности не означает изоляцию индивида от других. Наоборот, в современном мире стремление к анонимности может объединять людей в коллектив. Примером данного феномена может служить так называемая группа «Анонимус», которая представляет собой децентрализованное сообщество с размытыми границами, слабыми связями между членами группы. Данное явление характеризуется Д. С. Мартьяновым как «смерть традиционной политики и традиционной экономики» [6]. Автор говорит о том, что в условиях анонимности нарушается отношение субъект-объект, так как объект растворяется, теряется, и таким образом субъект, оказавшись без объекта, теряет свою субъектность и вектор воздействия, последний утрачивает свою направленность [6].

Явление гиперидентичности, наоборот, характеризуется присвоением личностью различных масок, текучестью и непостоянством воплощений, что имеет нечто общее со стремлением к анонимности, так как хотеть быть никем и хотеть быть многим подразумевает одно и то же, а именно нежелание быть идентифицируемым. Тяготение человека к быстрой смене своей идентичности подразумевает его желание остаться неузнанным, непостоянным, а значит быть анонимным, что показывает схожесть данных процессов.

Сетевой идентичности присущи некоторые характерные черты, среди которых следует выделить, во-первых, осознанное конструирование личностью своей сетевой идентичности. Сетевая идентичность человека формируется на основе личностного выбора и представляется другим индивидам: «сетевая идентичность очевидным образом не порождается сама собой в процессе взросления и старения, а конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно презентованной другим людям» [3, с. 100]. Во-вторых, некоторые авторы, среди которых можно отметить И. Гофмана, выделяют легкость видоизменения и конструирования, а также диалогичность, то есть взаимодействие с другими участниками сети, но в тоже время с компьютерным интерфейсом, и динамичность данного явления (быстрое видоизменение во времени) [3]. В-третьих, многие исследователи отмечают, что сетевой идентичностью могут обладать не только индивиды, но также сообщества и макросообщества. Наконец, Д. С. Мартьянов отмечает в качестве основного компонента сетевой идентичности пространство, но с оговоркой, что содержание пространства в силу текучести может реконструироваться и изменяться [6].

В качестве практической иллюстрации хотелось бы обратиться к работе Анны Пичей и Марка Чайлдса, в которой они исследуют построение виртуальной или сетевой идентичности на примере игры (социально-игрового мира) Second Life™. Данный виртуальный мир построен как многопользовательская игра с элементами социальной сети, в которой люди могут создавать аватара – персо-

нажа, а также включаться в виртуальную социальную жизнь и общаться с другими пользователями с помощью своих аватаров. Аватар пользователя, созданный в данной игре, может быть как антропоморфным, так и совершенно отличным от человека. В Second Lifetm доступны мужские или женские персонажи, которые можно персонализировать, манипулируя 150 различными метриками. На выбор предоставляется одежда, более определенный тип кожи и волос для создания более персонализированной внешности. Также внешний вид можно сделать более радикальным, если к частям тела аватара добавить дополнительные объекты и/или изменить базовую форму для создания внешности, которая может варьироваться от простых неодушевленных предметов (таких, например, как картонные коробки) до точного воссоздания фигур из мифологии или популярной культуры. Пользователь сам решает, как будет выглядеть его аватар, в какие сообщества ему вступать, раскрывать или не раскрывать свою настоящую (реальную) идентичность [7].

В вышеупомянутой работе авторы предлагают рассматривать сетевую идентичность как способ самовыражения, недоступный индивиду в его реальной повседневной жизни. В Second Lifetm человек может реализовать свои желаний и мечты, так как данное виртуальное пространство представляет собой место, в котором каждый пользователь может не просто поучаствовать в воссозданной реальной социальной жизни (например, завести семью, построить бизнес, заняться самообразованием), но и присоединиться к сообществам, построенным на мифе или образах поп-культуры. Как можно заметить, у участника данной игры есть множество возможностей для реализации своей самости. Пользователь принимает решение, основываясь на своих предпочтениях и желаниях.

Можно отметить, что существенной частью построения сетевой идентичности является принятие решений. Но человек не просто принимает решение относительно своей внешности при создании аватара (воплощении сетевой идентичности), но и критически относится к своим действиям. Хочет ли он (пользователь) воссоздать свой образ в сетевом пространстве, или он хочет что-то изменить в своей внешности, или даже стать кем-то другим. Согласно Г. В. Сориной, мы можем сказать, что пользователь выступает как лицо принятия решений (ЛПР), которое основывается, в том числе, и на вопросно-ответные процедуры (ВОП), являющиеся частью когнитивного процесса принятия решений [8]. На мой взгляд, говоря о построении сетевой идентичности пользователем, внимание акцентируется на психологических составляющих, однако нельзя не отметить, что созданный аватар/персонаж является инструментом управленческой деятельности внутри виртуального мира. Принимая решения в первую очередь о способе воплощения своей сетевой идентичности, человек ориентируется на определенную социальную группу, частью которой он планирует стать. Многие пользователи целенаправленно создают персонажа и, в последующем, выстраивают его активность внутри социального мира так, чтобы занять определенные лидирующие позиции.

Таким образом, сетевая идентичность представляет собой намеренно созданную конструкцию, позволяющую раскрыть внутреннюю самость человека при общении с другими людьми, находящимися в сетевом пространстве.

Литература:

1. Фленина Т. А. Подходы к психологическому исследованию феномена сетевой идентичности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2362.htm> (дата обращения: 15.11.2016)
2. Фленина Т. А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб. 2014. № 171. С. 310 - 314.
3. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т.10. №2.
4. Лакизо Е. А. Диссертация: Формирование личностью социальной идентичности в условиях современного общества. Волгоград, 2016.
5. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Пространство, населенное другими // InterNetmagazine, number 16.
6. Мартынов Д. С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер.6. Выпуск 1, 2015.
7. Peachey A., Childs M. Reinventing Ourselves: Contemporary Concepts of Identity in Virtual Worlds. Springer, 2011.
8. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / Монография. 2-е издание // Г. В. Сорина. М.: «Канон +» «Реабилитация», 2009. 272 с.

Праксиология: история формирования в контексте проблем управления

Ярмак Ю. В.

*Московский городской педагогический университет (МГПУ), профессор, доктор политических наук
y.yarmak@mail.ru*

Аннотация: Праксиологические идеи давно представлены в области размышлений людей о проблемах управления (в явном виде) и принятия решений (в не всегда явном виде). В докладе анализируются управленческие аспекты праксиологии, включая исторические контексты формирования праксиологических идей. В этой связи рассматриваются идеи А. Эспинаса, Е. Слуцкого, Т. Котарбинского. Отдельное внимание в докладе уделяется подходу к проблемам праксиологии в системной, тектологической концепции А. А. Богданова. В докладе показывается, что праксиологические идеи получили свое развитие в теории организации, в научной организации труда в работах А. К. Гастева, П. М. Керженцева, О. А. Ерманского, Н. А. Витке. В то же время показывается, что результаты исследований, полученные в области праксиологии, в конечном счете носят отчужденный характер по отношению к ее разработчикам. Это выводит рассмотрение праксиологии в целом на уровень рационального регулятора любых видов деятельности. Праксиологии приписывается статус теории, которая предлагает своеобразные «основоположения» для любых видов профессиональной деятельности. Такая постановка праксиологических задач, как показывается в докладе, не оказалась успешной.

Ключевые слова: деятельность, организация, праксиология, политика, система, управление, эффективность.

Praxeology: historical development in the context of management.

Yarmak Yu. V.

Moscow City Pedagogical University

Abstract: Praxeological ideas have long been present in the human thinking on the problems of management (explicitly) and decision-making (often implicitly). This presentation analyses the managerial aspects of praxeology, including the historical contexts of the development of praxeological ideas. To this end, it draws on the works of Alfred Espinasse, Evgeny Slutsky, and Tadeusz Kotarbiński. Special attention is paid to how the problem of praxeology is approached in Alexander Bogdanov's systemic tectological concept. The presentation demonstrates that the praxeological ideas were further developed in organisational theory and scientific management, particularly, by Aleksei Gastev, Platon Kerzhentsev, Osip Ermansky, and Nikolai Vitke. It also shows that praxeological findings are ultimately alienated from their authors. This circumstance takes praxeology to the level of a rational regulator of any activity. Praxeology is given the status of a theory that lays the groundwork of any professional activity. This formulation of praxeological objectives, as the presentation shows, was not successful.

Keywords: activity, organisation, praxeology, politics, system, management, efficiency.

і Доклад посвящен исследованию управленческих аспектов праксиологии. В то же время в докладе будут прослежены и исторические аспекты ее формирования. Праксиология в целом создается в качестве теории рациональной деятельности. В этом контексте в истории интеллектуальной мысли она связывается, в первую очередь, с именем польского логика и философа, представителя львовско-варшавской школы Т. Котарбинского. Именно он в 40-х, 50-х годах XX века ставит задачу превращения праксиологии в самостоятельную дисциплину, в специальную науку о законах результативности человеческой деятельности [см., напр., 1]. В то же время, как отмечает сам Котарбинский, понятие праксиологии было введено раньше (в 1923 году) А. Эспинасом, французским философом и

і Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, в рамках проекта «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

одновременно историком, который работал в области социальной философии. Понятие «праксиология» Эспинас связывает с понятием «практика». Котарбинский в работе «Развитие праксиологии» цитирует А. Эспинаса, который ищет место для нового направления в области теории и практической деятельности. Этот поиск он фиксирует следующим образом: «Ремесленник мастерит, крестьянин пашет, моряк плавает на корабле, солдат воюет, купец торгует, профессор учит, управляющий распоряжается. И вот слово «практика» порождает термин «праксиология» для определения науки о подобных фактах, рассматриваемых в их единстве, науки о наиболее общих формах и принципах в мире живых существ» [2, с. 33]. Собственно экономические и управленческие аспекты в праксиологическую концепцию после А. Эспинаса вносит Е. Е. Слуцкий. В 1926 году в Киеве на украинском и немецком языках он публикует работу, в которой ищет логические основания теоретической праксиологической системы, ориентированной на экономические аргументы.

Сточки зрения Котарбинского, процесс становления праксиологии продолжился в исследованиях А. А. Богданова. Котарбинский полагал, что праксиология в 20-е годы XX века была представлена под другим названием А. А. Богдановым в его «Тектологии». Идеи такого родства Котарбинский формулирует явным образом: «Если А. Эспинас формулирует основную проблематику интересующей нас дисциплины, а Е. Слуцкий связывает её со сферой теории процессов и политэкономии, строит монолитную систему понятий для теории эффективного действия, то в «Тектологии» читатель встречается с большим числом тезисов не развитой ими науки» [2, с. 35].

В докладе будет показано, что, принимая в целом идею родства между праксиологическими и тектологическими проблемами, знак равенства между ними ставить нельзя. Тектология, идейно пересекаясь с комплексом проблем праксиологии, концептуально и системно оказывается более широкой научной отраслью. А. А. Богданов стремился проникнуть в тайны законов правильной организации, взаимообусловленности, взаимозависимости, взаимодействия элементов любой социально-биологической системы. Праксиологические идеи получили свое развитие в теории научной организации труда в исследованиях А. К. Гастева, П. М. Керженцева, О. А. Ерманского, Н. А. Витке.

В теоретическом плане позиции всех исследователей, включенных в праксиологический контекст, были ориентированы на то, чтобы выстроить новую отрасль научной и практической деятельности на метауровне. В этом смысле можно сразу заметить, что результаты исследований в области праксиологии носят отчужденный характер по отношению к разработчикам ее. Праксиология должна была выполнять функции рационального регулятора любых видов деятельности. Она как бы предлагала своеобразные «основоположения», на базе которых должны были формулироваться особенности уже конкретной профессиональной деятельности. В то же время в докладе будет показано, что праксиология в качестве специальной отрасли знания не состоялась.

Известную долю причин этого следует искать не только в незавершенности или отсутствии глубины поисков непосредственного Т. Котарбинского в данной области, но и в целостном контексте состояния общественных наук в первой половине XX века, включая 50-е годы, время погруженности Котарбинского в эту проблематику. Котарбинский фактически разрабатывал, в след за другими исследователями праксиологии, объектно-ориентированный подход к проблемам управления. Как будет показано в докладе, праксиология в этот период строилась без учета психологии конкретных субъектов, контекстных особенностей социальной обстановки, рефлексивных механизмов деятельности человека. В своем объективно-ориентированном статусе она носила отчужденный характер. В то же время совокупность праксиологических идей по-прежнему актуальна для анализа и трактовки различных видов практической деятельности. В частности, в условиях современности в контексте современной политологической мысли праксиологические идеи использовались А. С. Панариным.

В соответствии с концепцией А. Панарина, «политическая праксиология решает две во многом совпадающие задачи:

1. как «обуздать» и подключить к жестко организованным и специализированным видам общественной деятельности потенциал личности, подзарядившейся от системы всеобщего духовного производства;
2. как перевести информацию, накопленную в общественных науках, из дескриптивной (описательной) формы в прескриптивную (предписывающую), задающую алгоритмы той или иной практики» [3, с. 275 - 276].

А. С. Панарин предложил понимание политической праксиологии в качестве теории политического действия.

В свою очередь, автор доклада использовал праксиологические идеи в контексте анализа профессиональной деятельности политической элиты [см., напр., 4], но уже с учетом субъектной составляющей практической (в данном случае – политической) деятельности. Политическую праксиологию можно понимать не только в качестве теории политического действия, но и в качестве первичной, структурно оформленной системы обучения тех, кому предписано выполнять политические управленческие функции.

В рамках каждого конкретного вида деятельности срабатывают различные рефлексивные структуры человеческого сознания. Человеческая практика оказывается наполненной совокупностью человеческих представлений. Такое понимание практической деятельности особенно важно для адекватной оценки, в первую очередь, общественной, политической деятельности.

В этом контексте сохраняется значение идей Котарбинского для анализа современной политической теории и практики. Неся в себе замысел о хорошо организованной работе, праксиологические идеи заставляют идти дальше в ее системной организации, профессиональном использовании интеллектуальных средств организационной деятельности. Понимание этого оказывается важным при решении образовательных проблем в ходе подготовки, в частности, политических менеджеров. В этом смысле праксиологические идеи – это не только история науки. Они оказываются практически востребованными и в условиях современности, когда, например, речь идет о поиске алгоритмов эффективной работы, о трактовке целесообразности различных видов деятельности. Праксиология фактически предлагает общую теорию хорошей работы, разрабатывает для этого общую систему понятий и норм, которые должны определить эффективность работы вне зависимости от конкретной сферы реализации.

Фактически в праксиологии ставится задача выработки, с одной стороны, определенных стандартов различных видов деятельности, с другой – системы оценок результатов деятельности по поводу их соответствия или несоответствия выработанным стандартам и нормам. Праксиология, задавая общие регулятивные принципы деятельности, предполагает определять действия субъекта в соответствии с критерием эффективной полезности.

Этот критерий оказывается важен, например, для оценки политической профессиональной деятельности. Эта деятельность вполне может сопрягаться с критериями эффективной полезности, она может быть подвержена системе оценок по соответствующим стандартам, связанным с определенными правом и этикой. Праксиология Т. Котарбинского привлекла к себе внимание как к теоретической дисциплине. Проблемы праксиологии как специальной области знания обсуждаются уже второе столетие. Под влиянием Котарбинского стали развиваться идеи по нормированию различных форм человеческой деятельности. Можно привести и другие примеры, но это уже станет задачей другого доклада.

Литература:

1. Котарбинский Т. Развитие праксиологии // Польское обозрение. 1962. № 12 - 13.
2. Котарбинский Т. Развитие праксиологии // Вестник международного института А. Богданова. 2000. № 2. 3. Панарин А. С. Политическая праксиология // Философия политики. М.: Наука, 1994. 283 с. 4. Ярмак Ю. В. Профессионализм политической элиты: теория и практика. М.: Союз, 2002. 424 с.

*Дискурсивные ресурсы языка и двойная герменевтика
как факторы коммуникативной (де-)консолидацииⁱ*

Антоновский А.Ю.

*Институт философии российской академии наук,
ведущий научный сотрудник, доктор философских наук*

antonovski@hotmail.com

Аннотация. Автор исходит из того, что эволюция социальных структур, среди прочего, основана на механизме языкового варьирования, которое обеспечивает языковое отрицание или частичка «нет». Все, что сказано, можно отрицать. Язык по своей сущности осуществляет дубликацию: создает две параллельных версии внешнего мира, негативную и позитивную, и этим обеспечивает независимость вербальной коммуникации от описываемого языком контента. Однако создавая независимую от внешнего мира коммуникативную систему, где слова не тождественны вещам, а сообщения могут комбинироваться и ре-комбинироваться относительно независимо от описываемых в них положений дел, языковая вариативность несла опасности для социального порядка. Ведь посылаемые сообщения, претендуя на приоритет и выступая запросом на контакт, требуют соответствующей реакции (подчинения, внимания, ответа, согласия и т.д.). Однако отрицание предложения может истолковываться как отклонение запроса на общение, как непризнание собеседника за равноправного партнера или вышестоящего в социальной иерархии индивида. Ранние формы религии, прежде всего в форме, табу, были нацелены на борьбу с отрицанием, которая в свою очередь предполагала отказ от общего знания внешнего мира, отказ от совместных обсуждений табуированных тематик, что и обеспечивало консолидацию родовых сообществ. Ситуация языкового позитивно-негативного параллелизма и вытекающие из него социальные конфликты получают то или иное разрешение и требуют специальных механизмов компенсаторной социальной консолидации. Ниже рассмотрим некоторые механизмы консолидации, описываемые в концепции «дискурсивной силы чистого языка Юргена Хабермаса и концепции «двойной герменевтики Энтони Гидденса», а также попробуем разобраться в семантике понятия консолидации.

Ключевые слова: язык, коммуникация, двойная герменевтика, дискурс, консолидация, Юрген Хабермас, Энтони Гидденс

Annotation. The author proceeds from the fact that the evolution of social structures, among other things, is based on the mechanism of linguistic variation, which provides linguistic negation or a particle of “no”. Everything that has been said can be denied. Language, by its very nature, carries out duplication: it creates two parallel versions of the external world, negative and positive, and thus ensures the independence of verbal communication from the content described by the language. However, by creating a communication system independent of the outside world, where words are not identical with things, and messages can be combined and re-combined relatively independently of the states of affairs described in them, linguistic variability carried dangers to the social order. After all, the messages sent, claiming priority and acting as a request for contact, require an appropriate response (obedience, attention, response, consent, etc.). However, the denial of the proposal can be interpreted as a rejection of the request for communication, as non-recognition of the interlocutor as an equal partner or an individual superior in the social hierarchy. The early forms of religion, primarily in the form of taboo, were aimed at combating denial, which in turn implied a rejection of the general knowledge of the outside world, a rejection of joint discussions of taboo topics, which ensured the consolidation of tribal communities. The situation of linguistic positive-negative parallelism and the social conflicts arising from it receive one or another resolution and require special mechanisms of compensatory social consolidation. Below we will consider some of the mechanisms of consolidation described in the concept of “the discursive power of Jurgen Habermas’s pure language and the concept of” double hermeneutics by Anthony Giddens “, and also try to understand the semantics of the concept of consolidation.

Key words: language, communication, double hermeneutics, discourse, consolidation, Jurgen Habermas, Anthony Giddens

ⁱ Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-29-09178 офи_м, «Анализ языка и междисциплинарность»

Общество, как бы его ни понимать, представляет собой многомерный и многоуровневый объект. Поэтому, прежде чем приступить к анализу нематериальных факторов консолидации общества, следовало бы уточнить уровни, на которых возможны и реально осуществляются процессы консолидации и де-консолидации. Так, на верхнем уровне анализа общество предстает в виде множества социальных макро-систем (хозяйства, политики, права, образования и т.д.). На среднем уровне означенные макросистемы фрагментированы на «составляющие» их организации. Наконец, на нижнем аналитическом уровне мы имеем дело с простыми интеракциями face-to-face, как спонтанными, так и подчиняющимся социально-ролевым ожиданиям. При этом такое вертикальное деление, конечно, не исключает и традиционных, скорее, горизонтальных классификаций: на социальные классы, движения, устойчивые сообщества, случайно или неслучайно интегрированные группы.

С другой стороны, фиксация плотности социальных связей в рамках того или иного заданного выше уровня «социального пространства» и соответствующие замеры степеней консолидации не будут иметь смысла, пока мы не определимся хотя бы в самых общих чертах со смыслом и содержанием понятия *консолидации*. Рассмотрим современные подходы к идее нематериальных факторов консолидации, как они формулировались в рамках двух так называемых больших или макро-теорий. На наш взгляд, «объяснительная сила» нематериальных факторов консолидации подтверждается в рамках, прежде всего, в теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса, в концепциях двойной герменевтики Э. Гидденса.

То, что индивиды в своем большинстве выбирают кооперацию, и консолидация общества является для них позитивным ориентиром, представляется очевидным. Тем не менее, понятие консолидации вызывает семантические трудности, поскольку претендует на некую универсальность, и с трудом поддается определению, поскольку довольно трудно зафиксировать положения дел, которые бы противоречили этой всеобщей консолидации. Ведь даже позиция абстентизма (воздерживания от публичного представления социальной позиции взгляда, от участия в общественных мероприятиях и коллективных действиях, включая «голосования»), как показал Бурдье, в конечном счете неотличима от «позиции участия» в общественной жизни, т.е. является позицией «за общество», а не противⁱ. С другой стороны, и конфликтно-ориентированные позиции и высказывания, например, протесты против того или иного режима, государственного устройства или злоупотреблений тоже не могут быть представлены как анти-общественные установки.ⁱⁱ

Именно поэтому возникает необходимость в экспликации смысла и референта понятия, которое бы зафиксировало некое нежелательное «антиобщественное» состояние (аномии или социальной патологии в смысле Дюркгейма), без которого желательное состояние «консолидации», состояние «хорошего общества», очевидно, не имело бы смысла. Какой же референт может быть у понятия «деконсолидации»? Что означает вторая часть этой универсальной бинарной дистинкции, позволяющей нам различать плохие и хорошие общества, а значит, указывать направления реформирования, модернизации социальных институтов? Если же такого антонимичного понятия найти не удастся, и значит, вслед за Луманом, всякое социальное состояние придется описывать как нормальное, то в этом случае любое описание и самописание выглядят как легитимирующие наличный социальный порядок (за что, собственно, и упрекают структурный функционализм).

Это искомое *негативное* понятие могло бы описывать самые разные социальные состояния: аномии, социальной индифферентности, социопатии, абстентизма, неприятия общественной морали, общество фрирайдеров, не желающих вносить свой вклад в создание и поддержание «коллективных благ», но пользующихся имиⁱⁱⁱ. Это может быть состояние поляризации или глобального раскола общества вдоль фундаментальных общественно-значимых политических или экономических альтернатив. Или, как думал Георг Зиммель, деконсолидация общества на некотором макроуровне (в «больших социальных кругах») может быть следствием чрезмерной консолидации «малых социальных кругов»,

i “The apathy associated with dispossession of the means of productions of political opinion, which is expressed in France as a simple absenteeism, translates in case of Japan, as a sort of political participation”. Pierre Bourdieu. First Lecture. Social Space and Symbolic Space: Introduction to a Japanese Reading of Distinction Poetics Today Vol. 12, No. 4, pp. 627-638. Published By: Duke University Press

ii Социологи отмечают эту трудность локального описания общества, определенного в конкретном пространстве и времени. Никлас Луман. Введение в системную теорию (Под редакцией Дирка Беккера). Пер. с нем./ К. Тимофеева. М.: Издательство “Логос”. 2007. - 360 стр.

iii Mansur Olson, The logic of collective action: Public Goods and the theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1971, p. 9-16.)

чрезмерной привязанности к локальным сообществам, соседствам, общинам, локальным этническим диаспорам и т.д.

Кроме того, таким антонимом к консолидации, характеризующим некое «нежелательное» положение дел, вполне может оказаться и «нормальное состояние» социальной дифференциации. В этом состоянии глобальные «социальные узы» или связи, охватывающие общество в целом и контролирующиеся обособившиеся коммуникативные системы (науку и религию, интимность и политику, и т.д.), оказываются избыточными. Но – парадоксальным образом это обстоятельство как раз и минимизирует конфликты. Актеры и организации заняты своим делом в соответствии со своей ролью в организации или функцией в обособленной системе (хозяйстве, науке, образовании, религии) и дефинитивно не вмешивается в дела других коммуникативно-обособленных систем. Состояние такого де-мобилизованного, и в этом смысле «нормального общества» автономизированных коммуникаций, интеракций и организаций может оказаться гораздо более консолидирующим и консолидированным, чем состояние мобилизации, провоцируемое одной из (пусть и ведущих) социальных сил, одновременно провоцирующих раскол общества.

Итак, прежде чем зафиксировать нематериальные факторы консолидации и измерить их значение социологическими средствами, нужно выяснить, что же общество понимает *под де-консолидацией*. Конечно, индивиду, находящемуся в фокусе социологического наблюдения (с точки зрения дистинкции *консолидация/деконсолидация*) определенность его собственного состояния в этой наблюдательной перспективе должно представляться на интуитивном уровне (на уровне его «рефлексивного мониторинга действия», словами Э.Гидденса). Индивид понимает себя как успешного или неуспешного, востребованного или невостребованного, ощущающего социальный комфорт или дискомфорт, и связывает это не только с личной активностью, но и с общественной ситуацией – здорового или больного, «плохого» или «хорошего общества». Причем для этого ему не требуется знание означенных выше тонких социологических дистинкций. Его «герменевтика первого порядка» (Э. Гидденс), усвоенная из массмедиа и школьной программы, дает ему достаточно понятийных ресурсов, чтобы зафиксировать собственные страхи, связываемые с текущим общественным состоянием, генерирующим те или иные угрозы для него лично и для общества в целом. Эти способности ориентироваться в своей и общественной ситуации в общем и целом позволяют реконструировать и описать социальный алармизм, связанный с угрозой гипотетической де-консолидации. Уже на этом уровне можно выявить первичные типовые жизненно-мировые представления о де-консолидации и в рамках вышеозначенных коннотаций этого языкового концепта. Не последнее значение имеет и то, насколько эти интуиции (конечно, с точки зрения наблюдателя-социолога) действительно отражают реальные угрозы.

В этом контексте, в случае проведения верифицирующего социологического полевого исследования, следовало бы спросить респондентов о том, связывают ли они глобальные деконсолидирующие события (скажем, распад государства и утрату страновой идентичности как личного культурного ущерба) с ухудшением их собственного социально-экономического положения как действительной опасности, угрожающей их здоровью или самому их существованию, или выводят личную ситуацию за скобки личных экономических или «экзистенциальных» страхов. И именно в последнем случае оправданно говорить о нематериальных факторах (де)консолидацииⁱ

Итак, чтобы понять, что такое консолидация, мы должны методом от противного проанализировать состояния, которые эта консолидация призвана преодолеть. Говоря метафорически, мы не можем гарантировать здоровье общества, не выявив болезни.

Итак, в случае продолжения нашего полевого исследования, верифицирующего гипотетическую семантику понятия (де-)консолидации, можно было бы измерить переменную страха (или соответствующего негативного социального ожидания) данного состояния. Это предполагает следующие вопросы-маркеры, качественно описывающие его формы и количественно характеризующие его интенсивность:

Каковы конкретные, лично воспринимаемые гипотетические и реальные страхи респондентов,

i То, насколько коррелирует такого рода алармизм с реальной опасностью, которую может наблюдать как реальность и соглашаться с ней также и метанаблюдатель (социолог, ученый, интеллектуал), является серьезной проблемой и давно фиксируется социологами. Как вообще измерить страхи, когда они вербализуются как реальные, но носят виртуальный характер и не определяют настроение в повседневной жизни, как страх падения астероида. «В секулярной среде низкая вероятность высоких рисков ощущается как фортуна. ... Чем больше опасность, ... тем более контрфактичнее она является. ... Апокалипсис маячит впереди, но не происходит, апокалипсис сегодня это долгоиграющий сериал». Э. Гидденс. Последствия современности. 2011. Праксис. 272-274.

связываемые ими с возможной общественной деконсолидацией?

Насколько выражена их интенсивность и определяют ли они поведение и переживания в практической жизни?

С какими событиями (периодами недавней истории) ассоциируются эти страхи?

На что люди готовы пойти, чтобы не допустить этого гипотетического неконсолидированного состояния?

Считают ли они, что уже сейчас живут в неконсолидированном состоянии?

Уровни консолидации

Сложность и многозначность понятия консолидации (не эквивалентного ни понятию взаимовыгодной и в этом смысле «материальной» кооперации по достижению коллективных целей, ни концепту солидарности, ограниченному малосодержательным различием *органического/механического* в смысле Дюркгейма) отвечает комплексности реальности, которое оно призвано охарактеризовать. Так, консолидированное поведение может носить локальный характер, замыкаться внутри небольшого сообщества, в то время как на макро-уровне лояльность к своему обществу, стране, государству, режиму, лидеру, культуре может быть выражена слабо или формально; оно почти всегда выражает и внутреннюю дифференцированность («восхищаюсь культурой, но с народом себя не отождествляю», или «народ прекрасный, и я его часть, но история и судьба этого народа, трагична, и хотелось бы другой»).

Трудности с экспликации семантики понятия консолидации проистекают из разноуровневости и трудной фиксации процессов идентификаций (со страной, культурой, референтной группой, религией, этносом, языком, корпорацией, гендером и т.д.) с сообществом, каждому из которых может, по мнению индивида, угрожать распад или деконсолидация. При этом далеко не каждый уровень является реальным, а не исключительно вербальным или фигуральным. Как маркировать (помимо ссылок на слова респондента) границы между риторикой и реальной готовностью пожертвовать (хотя бы собственным временем, не говоря уже о готовности столкнуться с реальной опасностью в качестве волонтера в интересах единства сообщества и его защитника)?

Выход из этой семантической трудности в определении консолидированного состояния того или иного сообщества видится нам в фиксации «состояния субъектности». Под этим состоянием мы будем понимать способность принимать *коллективные решения* (голосованиями и т.д.), включая способность к коллективному действию: выходу на улицы и другой формы защиты прав представителей этого сообщества. Это не снимает вопросов о внутренних классификациях и различиях, например, различия между «консолидацией за» и «консолидацией против»; как и вопроса о том, как формы консолидации коррелируют с вопросом уровней интерактивной face-to-face консолидации, локально-этническим, религиозным, соседским, общинно-родовым, корпоративным, страновым типом консолидации; о том, как иерархизированы данные уровни и как интерактивная консолидация или корпоративная консолидация зависят от идентификацией со страной и культурой; о том, помогаю ли я соседу, потому что он россиянин, потому что он сосед, или потому что он работает со мной в одной организации; о том, дифференцирую ли я готовность оказать поддержку и готовность сопереживать в ближнем или корпоративном кругу в зависимости от степени страновой консолидации? Все это вопросы эмпирических исследований, но они образуют ядро классической проблемы социального порядка современного общества, рассматриваемой в теоретических подходах Юргена Хабермаса и Энтони Гидденса.

Дискурсивные ресурсы языка как нематериальный фактор общественной консолидации.

Юрген Хабермас в своей работе «Гражданское общество и политическая публичная сфера» привлекает внимание к характеру публичного дискурса как способа консолидировать общество вокруг общественно-значимых тематик и дискуссий. В рамках последних, по мнению Хабермаса вполне возможно достичь общественного консенсуса дискурсивными ресурсами самого языка, при условии его высвобожденного из под влияния – в нашей терминологии – «материальных факторов» (или словами самого Хабермаса, из под власти инструментальных средств коммуникации, монетарных и административных медиа, колонизирующих жизненный мир человека).

Именно в рамках публичного дискурса должен и фактически формулируется некий «инореферентный» запрос или обращение, адресат которого – политическая система общества. *Общественно-консолидирующая* функция публичной сферы состоит в выставлении требований с презентировать «недопредставленные социальные группы» и тематизации «недорексированных социальных проблем», которые касаются *общества в целом*, а не только обособившихся благодаря инструментальным медиа систем коммуникации. В этом смысле публичная сфера и гражданское общество (т.е. вся совокупность свободных ассоциаций, которые передают жизненно-мировые переживания индивидов из приватного мира в публичную сферу), как раз и служат консолидации общества¹.

Отсюда проистекает особое значение новой повестки основных социально-значимых тематик, коммуникативно консолидирующих на уровне всего общества. Ее основные пункты включают не столько борьбу за материальные блага и ресурсы, не столько вопросы распределения производимого продукта, сколько борьбу за существо обсуждаемых тематик и проблем, за временную приоритизацию в их поступательном разрешении. При этом классовая борьба (и вся «редистрибутивная проблема») утрачивает приоритетное значение, тогда как на первый план выходит «борьба за повестку, определяющая политику нового типа, в которой «игроки» (стейк-холдеры) в совместной коммуникации (ориентируясь не на инструментальную, а на коммуникативную рациональность) определяют совместное будущее путем выделения приоритетных пунктов «политической агенды», включающие именно нематериальные коммуникативные тематики:

Эти *нематериальные тематики* не рефлексированы сверху или из центра и в этом смысле не достигают порога восприятия госаппарата, больших формальных организаций, функциональных систем. Они имеют своим источником жизненный мир индивидов, но разделяются и подхватываются публичными интеллектуалами, гражданскими активистами, радикальными представителями профессиональных сообществ. Последние создают свои «паблики» (сегодня это сетевые сообщества, форумы, гражданские инициативы, движения), на которых обсуждаются «горячие темы», и постепенно проникают в массмедиа.

The communication structures of the public sphere are linked with the private life spheres in a way that gives the civil-social periphery, in contrast to the political center, the advantage of greater sensitivity in detecting and identifying new problem situations. The great issues of the last decades give evidence for this. Consider, for example, the spiraling nuclear-arms race; consider the risks involved in the peaceful use of atomic energy or in other large-scale technological projects and scientific experimentation, such as genetic engineering; consider the ecological threats involved in an overstrained natural environment (acid rain, water pollution, species extinction, etc.); consider the dramatically progressing impoverishment of the Third World and problems of the world economic order; or consider such issues as feminism, increasing immigration, and the associated problems of multiculturalism. Hardly any of these topics were initially brought up by exponents of the state apparatus, large organizations, or functional systems. Instead, they were broached by intellectuals, concerned citizens, radical professionals, self-proclaimed “advocates,” and the like. Moving in from this outermost periphery, such issues force their way into newspapers and interested associations, clubs, professional organizations, academies, and universities. They find forums, citizen initiatives, and other platforms before they catalyze the growth of social movements and new subcultures [Habermas, 1996, 381]

Проникая в массмедийный дискурс, эти тематики драматизируются, претерпевают некие эффекты „катализа или возгонки“, поднимая градус общественной энергии, кристаллизуя вокруг себя особые движения и субкультуры, приобретающих влияние и специализирующихся на нематериальных

¹ «The political public sphere can fulfill its function of perceiving and thematizing encompassing social problems only insofar as it develops out of the communication taking place among *those who are potentially affected*. It is carried by a public recruited from the entire citizenry. But in the diverse voices of this public, one hears the echo of private experiences that are caused throughout society by the externalities (and internal disturbances) of various functional systems—and even by the very state apparatus on whose regulatory activities the complex and poorly coordinated subsystems depend. Systemic deficiencies are experienced in the context of individual life histories; such burdens accumulate in the lifeworld. The latter has the appropriate antennae, for in its horizon are intermeshed the private life histories of the “clients” of functional systems that might be failing in their delivery of services. It is only for those who are immediately affected that such services are paid in the currency of “use values.” Besides religion, art, and literature, only the spheres of “private” life have an existential language at their disposal, in which such socially generated problems can be *assessed in terms of one’s own life history*. Problems voiced in the public sphere first become visible when they are mirrored in personal life experiences. To the extent that these experiences find their concise expression in the languages of religion, art, and literature, the “literary” public sphere in the broader sense, which is specialized for the articulation of values and world disclosure, is intertwined with the political public sphere». Habermas J. *Civil Society and the Public Sphere*, in *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, MIT Press. 1996. P. 365.

темах. Так, возникает влияние и агенты этого влияния (движения и субкультуры, специализированные на нематериальных темах), но решение этих проблем может осуществить только функциональная система политики путем власти. Ведь появление таких влиятельных агентов не отменяет того, что решения заявляемых ими проблем может осуществить исключительно политическая система общества, специализированная на постановке коллективно-обязательных целей и осуществлении коллективно-обязательных решений путем использования инструментальных медиа коммуникации – власти, государственного аппарата.

Общественная консолидация новых коллективных идентичностей

Однако главная консолидационная проблема, которую должны решить движения и субкультуры, это возможность выйти за пределы узкой тематики и проблематизации, представить свою тему – путем экстраполяции и абстрагирования – как проблему всего общества, а не узкую задачу данного движения. И во-вторых, найти общее с другими субкультурами и движениям (цитата). В этом абстрагировании и генерализации собственно и состоит процесс консолидации вокруг нематериальных тематик и проблем. Сегодня этот процесс кристаллизации общих коммуникативных медиа «новых социальных движений», по-видимому, не решен.

Ориентируясь на подход Хабермаса, требуется ответить на вопросы, верифицирующие гипотезу о публично-дискурсивном базисе нематериальных факторов консолидации общества. Так, можно спросить респондентов о том, насколько их частные личные «жизненно-мировые» проблемы, нереализованность жизненных планов (и т.д.) находят отклик в публичной сфере, насколько они рефлексированы институтами гражданского общества. Выражают ли их в своей – массмедийно-доступной – риторике государственные органы и политические партии и движения? Видит ли респонденты возможность обобщения своей индивидуальной приватной проблемы (и какой?) как проблемы общества в целом, является ли ее нерешенность потенциально опасной и способной деконсолидировать общество?

В этом контексте было бы уместно поставить теоретический вопрос об условиях такого «обобщения» частных политически недорефлектированных тематик и учета интересов недорепрезентированных сообществ. Не менее значимым является вопрос о гипотетических следствиях для консолидации общества такого «обобщения» недорефлектированных тематик и «обобществления» на этой основе пока еще тематически фрагментированных движений протеста.

С точки зрения Хабермаса, основными «средствами продвижения нематериальных тем» является «гражданское неповиновение» и «символическое нарушение правил», преследующее две ключевых цели. Во-первых, речь идет о фиксации фактической нелегитимности формально-легитимных решений путем апелляции к парламенту, политикам, судам с целью пересмотра тех или иных решений, путем делиберативного обсуждения данных тематик. Во-вторых, не меньшее значение имеет и апелляция к «чувству справедливости» большинства (в терминах Роулза), что сделало бы общественную консолидацию на основе включения в повестку значимых тематик.

С точки зрения теории коммуникативной рациональности Хабермаса «новые социальные движения» берут на себя консолидационные функции, а именно – задачу «консолидировать новые коллективные идентичности» путем наступательных и оборонительных действий:

The “new” social movements that simultaneously pursue offensive and defensive goals. “Offensively,” these movements attempt to bring up issues relevant to the entire society, to define ways of approaching problems, to propose possible solutions, to supply new information, to interpret values differently, to mobilize good reasons and criticize bad ones. Such initiatives are intended to produce a broad shift in public opinion, to alter the parameters of organized political will-formation, and to exert pressure on parliaments, courts, and administrations in favor of specific policies. “Defensively,” they attempt to maintain existing structures of association and public influence, to generate subcultural counterpublics and counterinstitutions, to consolidate new collective identities, and to win new terrain in the form of expanded rights and reformed institutions [Habermas 1996, 371]

Однако этот влиятельный сегодня коммуникативный подход, сосредотачиваясь на исключительных возможностях «чистого языка» обеспечивать дискурсивный консенсус и консолидацию путем формирования актуальной повестки, не уделял достаточно внимания «институциональным условиям» как важнейшему нематериальному фактору консолидации. Эта задача была поставлена Энтони Гидденсом.

Энтони Гидденс. Двойная герменевтика как фактор общественной консолидации

В «Новых правилах социологического метода» Энтони Гидденс обращается к семантически-смысловым условиям консолидированного поведения и вводит понятие «двойной герменевтики». Обычный индивид вполне способен – на некотором базовом уровне рациональности – к «рефлексивному мониторингу» своих действий и использует смысловые схемы (герменевтика первого порядка), не сводящиеся к материальной калькуляции. Такое поведение обусловлено (и соответственно описывается) тремя ключевыми переменными: приписываемым *смыслом действия*, *моральной оценкой* этого действия и ориентацией на *власть*. Эти три конституэнты структурно воспроизводятся во всяком действии.

На уровне герменевтики второго порядка социологи, политики, колумнисты, публичные интеллектуалы наблюдают действующих, описывая их с помощью этих базовых переменных, но учитывают и те объяснительные структуры, те смыслы действий, на которые ориентируются сами акторы. Но и последние, в свою очередь, в процессе образования, чтения массмедийной аналитики, художественной литературы и публицистики усваивают смысловые объяснения второго порядка, и поэтому способны смотреть на себя со стороны и усваивать оптику выше-расположенных наблюдателей (политиков, социологов). Смысловые схемы циркулируют с уровня на уровень, обеспечивая тем самым минимальные условия консолидации, универсальную оптику для суждений о моральных оснований и интеграции общества, о ключевых интерпретаций активности его членов, о действиях и решениях властей, о моральных и эпистемологических основаниях собственной активности.

При этом ценности и политические взгляды индивидов (lay actors) могут существенно отличаться от доминирующих идеологий. Конечно, они не всегда могут выразить собственную позицию и отношение к господствующим институтам и ценностям дискурсивно (Хабермас), но они могут выражать их в *практической* жизни, поскольку дискурсивное сознание и практическая рефлексия все-таки различаются на двух уровнях двойной герменевтики. Рефлексия политической жизни не осуществляется целевым образом. Lay persons не ставят перед собой ясные цели политического участия или активизма. В то же время практическое сознание (герменевтика первого уровня) уровне предполагает «рефлексивный мониторинг» и достаточные ресурсы для принятия решения о консолидированном или деконсолидированном поведении.

„ every competent actor has a wide-ranging, yet intimate and subtle, knowledge of the society of which he or she is a member. ... Knowledge has to be understood in terms of both practical and discursive consciousness: and even where there is a substantial discursive penetration in institutional forms, this is not necessarily, nor normally expressed in propositional form” [Giddens, 1976, 73] Antony Giddens. *New Rules of Sociological Method*. New York: Basic Books, 1976.

Используя вышеозначенные концепты, Гидденс вводит понятие «Структурация», как игровое пространство конститутивных условий действия: его смысла, нормативности и власти. Другими словами, всякое действие должно получить (в ходе его рефлексии) определенное значение в конитивном (интерпретативном), нормативном и императивном измерении. Всякое действие способно «предложить себя» как необычную и неожиданную интерпретацию некоторых наличных структур, выступить в функции подтверждения наличной нормы или ее нарушении, при том, что и то и другое может быть использовано в целях доминирования (власть). Власть, в свою очередь, понимается как произведение двух факторов, делающих возможным действие, а именно, *ресурсов и правил*. Можно обеспечивать доминирующие позиции, используя ресурсы (деньги, авторитет, позицию). Но это доминирование может быть умножено или усилено в случае способности данного действующего устанавливать или менять те или иные правила.

В этом контексте «нематериальными факторами консолидации» выступают нормативные, когнитивные, императивные условия действий, которые определяют структуры сообществ, типы коммуникации, и формальных организаций, в которых доминирование осуществляется через смыслы, интерпретации, нормы морали и т.д. Правила и ресурсы, как условие доминирования (и в этом смысле, общественной консолидации) обеспечивают воспроизводство структур действия. Консолидация, собственно и есть такое воспроизводство принципиально дуальной структуры: ее можно рассматривать в оптике институций, представляющих структуры, а стратегические планы индивидов в этом случае выносятся за скобки. Но структуры можно рассмотреть и в оптике индивидов, которые выбирают те или иные модальности для осуществления собственного действия (те или иные интерпретации, те или

иные правила, те или иные ресурсы). В этом случае уже институты выносятся за скобки. Имея в виду последний аспект, Гидденс вводит и дополнительное понятие *социальной системы*. Он понимает под ней системное воспроизводство специфических действий. Социальные системы ограничивают активность индивидов, но при этом являются и источниками их активности. Таковы два – индивидуальный и институциональный – модусы воспроизводства и развития общества.

В «Последствиях современности» Гидденс концентрируется на индивидуальной оптике в процессе структуризации. Персональное доверие, как форма социального капитала (см. выше в подходе Коулмана) до определенного временного выступало мощнейшим фактором групповой и отчасти общественной консолидации. Ситуация меняется с появлением так называемых «абстрактных систем знания», выступающим своего рода «партнером» индивида и в каком-то смысле замещающего человека как традиционного адресата доверительных отношений. Функцию консолидации берут на себя «абстрактные системы», под которыми Гидденс понимает современную технику, технизированное образование, новейшую науку, интернет-сети. Их функция в том, чтобы разгрузить индивида от избыточного знания (географического знания, пониманий принципов работы простейших транспортных средств, знание о съедобных и ядовитых растениях и других природных опасностях), без которого прежде он не мог бы обойтись. Если индивид чего-то не знал, он мог положиться на Другого, знаниям которого он мог бы довериться. В этом состояла, по Гидденсу, функция «интимности», обеспечивавшая не только доверие к самому ближайшему окружению, но – словно по правилу транзитивности – доверие (и как следствие приверженность) к более далеким сообществам и социальному порядку в целом.

Эта функция интимности, обеспечивающая групповую и общеобщественную консолидацию, в настоящее время переживает сущностные трансформации. Сообщество утратило роль ключевого ориентира и поведенческого мотиватора, поскольку ориентация на Другого вступило в противоречие с фундаментальной постсовременной идеей самореализации (которую Гидденс уточняет и конкретизирует в понятиях *самораскрытия, самоутверждения, самоисследования, самоконструирования, самоэкспериментирования* со всеми возможными типами самоидентификации). Именно это новая ориентация становится основанием для формирования новых сообществ, не исключая и сообществ, основанных на принципах альтруизма. Ведь самые альтруистичные типы активизмов, направленные на избавление других от страданий, все-таки предполагают идею самореализации своих членов на этом поприще. Именно здесь оказываются востребованными «абстрактные системы знания», формами которых становятся в том числе и массмедиа, политические партии, политические идеологии, анонимные форумы и сообщества в социальных сетях. Очевидно, что доверие к этим «экспертным системам» не обеспечивается личностными связями, длительностью совместного времяпрепровождения. Каким-то загадочным образом должна осуществиться означенная «трансформация интимности», от «непосредственного знания и доверия к другому» к «доверию абстрактным системам знания».

На пути его самореализации индивида более всего волнуют риски, способные остановить этот процесс. И именно функция нейтрализации этих рисков передаются на откуп экспертным системам знания. Однако и «жизненные миры» индивидов все еще не полностью отчуждены от «абстрактных систем» и сохраняют с ними некие точки соприкосновения. Отношение между индивидуальными жизненными мирами и экспертными системами обеспечиваются неким *вынужденным* доверием. Политическая и экономическая экспертные системы не колонизируют жизненный мир (как это описывается в модели Хабермаса). Между ними и устанавливается отношение «двойной герменевтики», которая в этом смысле берет на себя функцию *общественной консолидации*.

РФК-2020_114_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА»		1391
Основные проблемы развития российского государства в политической философии М.О. Меньшикова <i>Александров А.А. 1393</i> <i>Козлова Н.Н. 1393</i> <i>The Main Problems of the Development of the Russian State in the Political Philosophy of M.O. Menshikov.</i> Alexandrov A.A.; Kozlova N.N. 1393	1393	<i>Иванова М.Г. 1437</i> <i>Archetypes and Politics.</i> Ivanova M. G. 1437
ФЕНОМЕН «НИЗКОЙ ЯВКИ» НА ВЫБОРАХ МУНИЦИПАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ <i>Александров Г.К. 1396</i> <i>The Phenomenon of «Low Turnout» at Municipal and Regional Elections.</i> Alexandrov G.K. 1396	1396	ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО, ЕГО ГЕНЕЗИС И ПРОТИВОРЕЧИЯ <i>Кальней М. С. 1440</i> <i>Law State, It's Genesis and Contradictions.</i> Kalney M.S. 1440
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРМИНА «WELTANSCHAUUNG»: ОТ НЕМЕЦКОГО ИДЕАЛИЗМА ДО НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА <i>Астахова А.С. 1400</i> <i>The Transformation of the Term "Weltanschauung": From German Idealism to National Socialism.</i> Astakhova A.S. 1400	1400	ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ШОК КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ <i>Карась Н.М. 1445</i> <i>Emotional Shock as a Tool of Modern Global Politics.</i> Karas N.M. 1445
ЭКОНОМИЗМ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX В. <i>Бойцова О.Ю. 1403</i> <i>Economism as a Theoretical and Methodological Basis of Political Strategies Legitimization in the Political Philosophy of the Twentieth Century.</i> Boytsova O.Yu. 1403	1403	БЮРОКРАТИЯ: ПРАВОВОЙ СЕМИОЗИС В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ <i>Коновалова И.В. 1449</i> <i>Bureacracy: a Legal Semiosis in European Languages.</i> Konovalova I.V. 1449
КОНЦЕПТ СВОБОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Х. АРЕНДТ <i>Бочков А.Н. 1407</i> <i>The Concept of Freedom in H. Arendt's Political Philosophy.</i> Bochkov A.N. 1407	1407	ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ЭВОЛЮЦИОННАЯ СИСТЕМА (К ТЕОРИИ КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ) <i>Константинов М.С. 1453</i> <i>Political Ideology as an Evolutionary System (to the Theory of Cognitive-Ideological Matrices).</i> Konstantinov M.S. 1453
РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МЕТОДА В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ <i>Василенко И.А. 1410</i> <i>The Role of the Sociocultural Method in Shaping Russian Policy.</i> Vasilenko I.A. 1410	1410	ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ <i>Крушанова Р.Р. 1456</i> <i>Давлетбакова Д.Р. 1456</i> <i>Human Being in Society: Self-Realization Problem.</i> Krushanova R.R.; Davletbakova D.R. 1456
ПОЛИТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА <i>Веззгова И.В. 1413</i> <i>Political Nihilism as a Phenomenon of a Polycentrical World.</i> Verezgova I.V. 1413	1413	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕМИРНОГО ФИЛОСОФСКОГО ФОРУМА <i>Маслихин А.В. 1459</i> <i>Theoretical Research and Practical Steps in Activity.</i> Maslikhin A.V. 1459
МЕТАФОРА «ПАРТИТУРЫ» КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗВУКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ <i>Гладкова И.В. 1416</i> <i>Вершинин С.Е. 1416</i> <i>The "Score" Metaphor as a Model of Social Sound Reality.</i> Gladkova I.V.; Vershinin S. E. 1416	1416	МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ДОГМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СССР <i>А.В. Никандров 1462</i>
ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ <i>Грибовод Е.Г. 1419</i> <i>Special aspects of philosophical and legal discourse in the era of the development of biotechnology.</i> Gribovod E. G. 1419	1419	СВЕТСКОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ <i>Никитаев Д.М. 1466</i> <i>Secularism of the State: Philosophical and Legal Aspects.</i> Nikitaev D.M. 1466
ФЕНОМЕН ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М. ВЕБЕРА <i>Голубев И. С. 1422</i> <i>The Phenomenon of Decision in Max Weber's Political Theory.</i> Golubev I.S. 1422	1422	МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СИСТЕМЕ «ГОСУДАРСТВО – ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»: ФИЛОСОФСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ <i>Орлов А.А. 1469</i> <i>Place of Political Parties in the System "State – Civil Society": Philosophical, Historical and Theoretical Legal Aspects.</i> Orlov A.A. 1469
ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ «КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТИКА» <i>Джанкезов Б.М. 1425</i> <i>The Philosophical Potential of the 'Constitutional Politics' Inter-Paradigm Construction.</i> Dzhankeзов B.M. 1425	1425	ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ 1473 <i>Панкевич Н.В. 1473</i> <i>The State in Political Theory: an Analytical Space for Alternatives.</i> Pankevich N.V. 1473
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ <i>Жмакина Т. В. 1429</i> <i>Philosophy of Political Argumentation.</i> Zhmakina T.V. 1429	1429	ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ИСТОКИ ИНТЕРАКЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДА <i>Папченкова А.Н. 1477</i> <i>Political Leadership Research: The Origins of the Interactionist Approach.</i> Papchenkova A.N. 1477
ИСЛАМСКИЙ РУССКИЙ ДИСКУРС И ИДЕОЛОГИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫЙ ЯЗЫК <i>Зекрист Р.И. 1433</i> <i>Islamic Russian Discourse and Ideologically Loaded Language.</i> Zekrist R.I. 1433	1433	ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ ВЛАСТИ <i>Пермяков Ю.Е. 1480</i> <i>Jurisprudence and Legal Thinking as a Power Strategy.</i> Permyakov Yu. E. 1480
АРХЕТИПЫ И ПОЛИТИКА <i>Зекрист Р.И. 1437</i>	1437	ВНЕМОРАЛЬНОСТЬ ПРАВА <i>Пономарёв А.М. 1484</i> <i>The Immorality Of Law.</i> Ponomarev A.M. 1484
		ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ <i>Русаков В.М. 1487</i>

<i>Philosophy of Politics in the Conditions of Anthropological Catastrophe.</i> Rusakov V. M. 1487		РФК-2020_115_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»	1535
ДИСКУРСЫ ПОСТПРАВДЫ И ПОСТПАМЯТИ КАК КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ <i>Русакова О.Ф. 1490</i> <i>Discourses of Post-truth and Post-memory as Categories of the Modern Philosophy of Politics.</i> Rusakova O.F. 1490	1490	КОРПОРЕАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ТЕОРИИ EMBODIMENT <i>Абросимова Л. С. 1537</i> <i>Corporeal Semantics in the Embodiment Theory.</i> Abrosimova L. S. 1537	1537
НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРИИ «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ» <i>Седых Т.Н. 1493</i> <i>A New Review of the Theory of "Symphony of Authorities".</i> Sedykh T.N. 1493	1493	АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЧЕЛОВЕКУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ <i>Баева Л. В. 1540</i> <i>Anthropological and existential challenges to man in the context of digitalization of education.</i> Baeva L. V. 1540	1540
ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОСТАВ И СТРУКТУРУ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА <i>Солодкая М.С. 1496</i> <i>The Impact of Regional Election Laws on the Composition and Structure of the Regional Parliament.</i> Solodkaya M.S. 1496	1496	АВТОНОМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СУБСТАНЦИАЛЬНЫЕ ДЕЯТЕЛИ: К. Г. Юнг и Н. О. Лосский о структуре и динамике психики <i>Балановский В. В. 1543</i> <i>Autonomous Complexes and Substantive agents:</i> <i>C.G. Jung and N.O. Lossky on the Structure and Dynamics of Psyche 1543</i> <i>Balanovskiy V. V. 1543</i>	1543
ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ <i>Солодкий В.В. 1499</i> <i>The Implications of Postmodern Political Technology for Politics and Social Development.</i> Solodkiy V.V. 1499	1499	НЕТИПИЧНАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПИЗАЦИИ <i>Богданова М. А. 1547</i> <i>Atypical corporeality: the problem of typization.</i> <i>Bogdanova M. A. 1547</i>	1547
КОНСЕРВАТИЗМ КАК ОДНА ИЗ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ РОССИИ <i>Тихонова С.В. 1503</i> <i>Conservatism as One of the Leading Political Paradigms in Modern Polycentric Russia.</i> Tikhonova S.V. 1503	1503	ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКЕ ЗЕМНОГО КОДА ЧЕЛОВЕКА <i>Бочарников В. Н. 1551</i> <i>Philosophy for the Earth human code search.</i> Bocharnikov V. N. 1551	1551
АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА <i>Трунин А.А. 1507</i> <i>Archetypal Theory of Law.</i> Trunin A.A. 1507	1507	ПРОТИВ СУБСТАНТИВИЗМА: КОММУНИКАТИВНОЕ СОЗНАНИЕ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Бразуль - Брушковский Е. Г. 1554</i> <i>Against Substantivism: Communicative Mind in a Networked Society.</i> Brazul-Bruszkowski Ye.G. 1554	1554
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ УИЛЬЯМА ГАЛСТОНА <i>Трусов Ю.А. 1511</i> <i>Liberal Pluralism of William Galston.</i> Trusov Ya. 1511	1511	ТАЕДИУМ ВИТАЕ ИЛИ ИММОРТОЛОГИЧЕСКОЕ БЕЗУМИЕ 1557 <i>Варава В. В. 1557</i> <i>Taedium vitae or immortological insanity.</i> Varava V.V. 1557	1557
ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ И ЭРОЗИЯ СВОБОД <i>Фан И.Б. 1514</i> <i>Security Discourse and Erosion of Freedom.</i> Fan I.B. 1514	1514	ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 1560 <i>Васильева М. А. 1560</i> <i>Human in the space of representation. Philosophical anthropology research.</i> Vasilyeva M. A. 1560	1560
АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК КОЛЛЕКТИВ: ВНУТРИ ПОЛИТИКИ, НАД НЕЙ ИЛИ ВНЕ? <i>Чаганова Д.Н. 1517</i> <i>Academic Community as a Multitude: Is It Inside/Outside the Politics or Above It?</i> Chaganova D. N. 1517	1517	ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА 1563 <i>Гурьянов А. С. 1563</i> <i>Phenomenology of a human being.</i> Gurianov A. S. 1563	1563
ГРАЖДАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ <i>Чернышова В.В. 1521</i> <i>Civil Philosophy as the Basis for the Formation of Civic Competence of an Individual.</i> Chernyshova V.V. 1521	1521	ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИНКРЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ 1567 <i>Гутова С. Г. 1567</i> <i>Philosophical-anthropological and worldview foundations of syncretic metaphysics.</i> Gutova S. G. 1567	1567
КОНЦЕПТ ТРАДИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И МЕХАНИЗМАХ ИДЕНТИЧНОСТИ <i>Чушов В.И. 1524</i> <i>Таркан И.И. 1524</i> <i>Concept of Tradition in Political Discourse and Identity Mechanisms.</i> Chueshov V.I.; Tarkan I.I. 1524	1524	СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ЭСТЕТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБРАЗА <i>Дорофеев Д. Ю. 1571</i> <i>Modern philosophical anthropology as an aesthetics of the human image.</i> Dorofeev D.Yu. 1571	1571
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ <i>Швырков А.И. 1527</i> <i>On the Definition of the Concept of Political Reality.</i> Shvyrkov A.I. 1527	1527	НОМО MORBOSUS В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ 1575 <i>Жарова М. Н. 1575</i> <i>Homo morbosus in the social and cultural space of our time.</i> <i>Zharova M. N. 1575</i>	1575
ХРОНОТОП ВЛАСТИ <i>Шевченко О.К. 1531</i> <i>The Chronotope of Power.</i> Shevchenko O.K. 1531	1531	ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ ЛЮДИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ 1578 <i>Исхаков Р. Л. 1578</i> <i>Phenomenal people in the light of philosophical anthropology.</i> Iskchakov R. L. 1578	1578
		ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ «ВРАЧ – ПАЦИЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ 1580 <i>Камалиева И. Р. 1580</i> <i>Existentially-philosophical aspects of the relationship «doctor – patient» in modern culture.</i>	1580

Kamalieva I. R. 1580	
МНОГООБРАЗИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ РОДОВОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАРЛА МАРКСА <i>Кондрашов П. Н. 1583</i>	1583
ФЕНОМЕН ПРАЗДНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕКА <i>Костомаров А. С. 1587</i> <i>The phenomenon of idleness in the existential human experience.</i> Kostomarov A. S. 1587	1587
ДВИЖЕНИЕ ОТ ГУМАНИЗМА К АНТРОПОФОБИИ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ МУТАНТОВ» <i>Кутырев В. А. 1590</i> <i>The movement from humanism to anthropophobia as the ideological "revolution of mutants".</i> Kutyrev V.A. 1590	1590
ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНТРОПОЛОГИИ МАКСА ШЕЛЕРА <i>Львов А. А. 1593</i> <i>Philosophical Worldview: the Practical Aspect of Max Scheler's Anthropology.</i> Lvov A. A. 1593	1593
ОБРАЗ ЧУЖОГО В НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ <i>Марков Б. В. 1596</i> <i>The image of someone else in the illiberal concepts of philosophical anthropology.</i> Markov B. V. 1596	1596
КУЛЬТУРА ПРЕОДОЛЕНИЯ: ПУТЬ ОТКРЫТОСТИ ЧЕЛОВЕКА МИРУ <i>Мацына А. И. 1600</i> <i>Culture of overcoming: the path of human openness to the world.</i> Matsyna A. I. 1600	1600
НООСФЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: ОТ «ВЕЧНОЙ ФИЛОСОФИИ» К «ФИЛОСОФИИ ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» <i>Меликян М. А. 1603</i> <i>Noospheric man in a polycentric world: from «eternal philosophy» to «philosophy of the universal».</i> Melikyan M. A. 1603	1603
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БРЕНДА <i>Миляева Е. Г. 1606</i> <i>Philosophical-anthropological comprehension of the brand.</i> Miliaeva E. G. 1606	1606
ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА <i>Невелева В. С. 1609</i> <i>Human Philosophy of the Global World.</i> Neveleva V. S. 1609	1609
АНТРОПОЛОГИЯ ГРЕХА <i>Омельченко Н.В. 1611</i>	1611
К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА <i>Пеннер Р.В. 1614</i> <i>To the problem of identity in the postmodern era.</i> Regina V. Penner 1614	1614
НАРРАТИВНЫЙ ДИСКУРС И ФИЛОСОФИЯ <i>Селиванова С. Г. 1619</i>	1619
ЧЕЛОВЕК И ГАДЖЕТ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЭПОХИ <i>Соловьев А. В. 1623</i> <i>Human and Gadget: philosophical-anthropological aspects of media age.</i> Soloviev A. V. 1623	1623
ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ <i>Соломко Д. В. 1627</i> <i>The concept of ecology of human being.</i> Solomko D.V. 1627	1627
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА-ТЕХНОГЕННОГО <i>Храпов С. А. 1630</i> <i>Лопатинская Т. Д. 1630</i> <i>Virtualization of the emotional and strong-willed sphere the person – technogenic.</i> Khrapov S. A., Lopatinskaya T. D. 1630	1630
АНТИТЕЗЫ ВИРТУАЛЬНОГО: ИЗ ОПЫТА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ	1634

<i>Щекотова Р. Р. 1634</i> <i>Antitesis of the virtual: from the experience of the existential reflection.</i> Shchekotova R. R. 1634	
К НОВОЙ ВЕРСИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В ОНТОЛОГИИ, ЭТИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ <i>Ячин С. Е. 1637</i>	1637

РФК-2020_116_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ»	1641	Экзистенциальная культурная парадигма XX века как метод реконструирования сознания эпохи	1689
ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА И «ЛИМИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»	1643	<i>Заманская В. В. 1689</i>	
<i>Албакова Ф. Ю. 1643</i>		ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	1692
<i>Man, culture and the "laminar space" 1643</i>		<i>Зверев А. С. 1692</i>	
О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМАХ КАЗАХСТАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	1645	<i>A work of art in modern culture.</i>	
<i>Аубакирова С. С. 1645</i>		Zverev A. S. 1692	
<i>About some philosophical problems Kazakhstan culture.</i>		КУЛЬТУРА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ	1695
Aubakirova S. S. 1645		<i>Ильина Е. В. 1695</i>	
ДЕБАТЫ О МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ	1648	<i>Culture of information dissemination.</i>	
<i>Бараш Р. Э. 1648</i>		Irina E. V. 1695	
<i>Debates about multiculturalism under the global context.</i>		СЕВЕРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ	1699
Barash R. E. 1648		<i>Исаченко Н. Н. 1699</i>	
О ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ, ИЛИ КАК БЕЗ НЕЁ НЕ СОБЕРУТ ПАЗЛ	1652	<i>Northern civilization in the perspective of Russia's development.</i>	
<i>Батыр Т. Б. 1652</i>		Isachenko N. N. 1699	
<i>On philosophical culture, or how a puzzle cannot be assembled without it.</i>		КОММУНИКАЦИОННО-ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ	1702
Batyr T. B. 1652		<i>Казарян В. П. 1702</i>	
ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ	1656	<i>Communication and information culture and new values.</i>	
<i>Бетильмерзаева М. М. 1656</i>		Kazaryan V. P. 1702	
<i>Human problem in man Philosophy of culture.</i>		КОНЦЕПТЫ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	1705
Betilmerzaeva M. M. 1656		<i>Качеев Д. А. 1705</i>	
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ КАК ПРАКТИКА «УМАЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА»	1659	ИДЕЯ ХРАМА КАК ИДЕЯ СИНТЕЗА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	1708
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII-XVIII ВВ.		<i>Клюкина Л. А. 1708</i>	
<i>Богомолов А. Г. 1659</i>		<i>Concept of the temple as the concept of synthesis of Russian religious culture in late XIX – early XX century.</i>	
ФЕНОМЕН «БИТЛЗ» КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	1662	Klyukina L. A. 1708	
<i>Бокарев В. В. 1662</i>		УТРАТА ДРУГОГО КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ В ПЬЕСЕ «ЗАВТРАШНЯЯ ЖЕРТВА» ГАБРИЭЛЯ МАРСЕЛЯ	1711
<i>The Beatles phenomenon as a factor of cultural globalization.</i>		<i>Кобринец М. А. 1711</i>	
Bokarev V. V. 1662		<i>Loss of Other as a cultural problem in Gabriel Marcel's play «Le Mort de demain».</i>	
ФИЛОСОФИЯ ДИЗАЙНА КАК ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА	1665	Kobrinets M. A. 1711	
<i>Быстрова Т. Ю. 1665</i>		ЦЕННОСТНЫЕ СДВИГИ В КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА	1714
<i>Philosophy of design as a subject area and an academic discipline.</i>		<i>Конев В. А. 1714</i>	
Bystrova T. Yu. 1665		<i>Changes of values in the XX century culture.</i>	
РЕПЛИКАЦИИ «Я» КАК ТЕКСТОВОЕ ДЕЙСТВИЕ АВТОРА МАНИФЕСТА	1668	Konev V. A. 1714	
<i>Валуев Д. Г. 1668</i>		ГЕРОЙ И ТРИКСТЕР: К АНАЛИЗУ ЛИЧНОСТИ ГАМЛЕТА ШЕКСПИРА	1718
<i>Replication of "I" as the manifesto's author text action.</i>		<i>Кочеров С. Н. 1718</i>	
Valuev D. G. 1668		СОЦИОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ АРХАИЧНОГО СОЗНАНИЯ	1721
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭВОЛЮЦИИ КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРА»	1672	<i>Красиков В. И. 1721</i>	
<i>Виравчева В. А. 1672</i>		<i>Сандаг Энхтуяа 1721</i>	
<i>Sociocultural determinants of the evolution of the category "culture".</i>		<i>Sociogenetic foundations of the Mongolian civilization: features of archaic consciousness.</i>	
Viracheva V. A. 1672		Krasikov V. I.; Sandag Enkhtuaa 1721	
СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА ВАРВАРИЗМА В КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	1675	ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ	1725
<i>Гаязова С. Р. 1675</i>		<i>Кротов А. А. 1725</i>	
<i>Essential characteristics of barbarism in culture: philosophical and cultural aspect.</i>		<i>Germaine de Staël's philosophy of culture.</i>	
Gayazova S.R. 1675		Krotov A. A. 1725	
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАНТА КАК ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ	1678	НЕОВАРВАРИЗАЦИЯ КАК УСИЛИВАЮЩАЯСЯ ТЕНДЕНЦИЯ В КУЛЬТУРЕ	1728
<i>Гладышева С. Г. 1678</i>		<i>Лаврухина И. М. 1728</i>	
<i>Kant's transcendentalism as the basis of the philosophy of culture.</i>		<i>Neobarbarization as a growing trend in the culture.</i>	
Gladysheva S. G. 1678		Lavrukhina I. M. 1728	
ВИРТУАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	1681	НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ	1732
<i>Григорьева О. А. 1681</i>		<i>Лебедева Л. Н. 1732</i>	
<i>Virtual self-identity as a problem of civilizational identity.</i>		<i>Negative aspects of the formalization of culture.</i>	
Grigoreva O. A. 1681		Lebedeva L. N. 1732	
СОВРЕМЕННОЕ ЗНАНИЕ О КУЛЬТУРЕ: СТРУКТУРА И ПРЕДМЕТ	1683	БЫТИЕ ИГРЫ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ: ОТ САКРАЛИЗАЦИИ ДО ВИРТУАЛИЗАЦИИ	1734
<i>Докучаев И. И. 1683</i>		<i>Лепешкина Л. Ю. 1734</i>	
Dokuchaev I. I. 1683		<i>The being of the game in the funeral rite: from sacralization to virtualization.</i>	
САКРАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ РОССИИ	1686	Lepeshkina L. Yu. 1734	
<i>Есина Т. А. 1686</i>		РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: РИСКИ И КОНСОЛИДАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	1738

Листвина Е. В. 1738		Савельева Е. Н. 1792	
ФИЛОСОФСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ПРАГМАТИКА КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ У С. КЕРКЕГОРА)	1741	<i>Ontology of prosumerism in the optics of the new production paradigm.</i> Savelieva E. N. 1792	
Лунгина Д. А. 1741		ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ	1796
<i>Philosophy as Speech Act and the Problem of Cultural Pragmatics (as illustrated by Kierkegaard's concept of existence).</i> Loungina D. A. 1741		Сатыбалдина Т. М. 1796	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА КУРОРТНОГО ГОРОДА В СОЗНАНИИ «КУРОРТНОГО ЧЕЛОВЕКА»	1745	Сатыбалдинова К. М. 1796	
Максимова О. Л. 1745		<i>The problem of a historical time in the national cultures.</i> Satybaldina T. M.; Satybaldinova K. M. 1796	
НОВИЗНА И КОНСЕРВАТИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ «ПСИХОГЕОГРАФИЧЕСКОГО» ПЕРИОДА Ги ДЕБОРА)	1748	ФИЛОСОФИЯ И ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА В ПАРАДИГМЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА	1799
Малкова Н. Ю. 1748		Седых О. М. 1799	
<i>Novelty and conservatism as a key contradiction of modern culture (on the example of texts of the "psychogeographic" period of Guy Debord).</i> Malkova N. Y. 1748		<i>Philosophy and Popular Culture in Metamodernism.</i> Sedykh O. M. 1799	
ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТА УТОПИЙ	1751	ИДЕАЛ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	1802
Мальхина Ю. Ю. 1751		Суминова Т. Н. 1802	
<i>The performative potential of the text utopia.</i> Malykhina Y. Y. 1751		<i>Ideal as an information element of the text of the artwork.</i> Suminova T. N. 1802	
РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	1754	«КОНЕЦ ФИЛОСОФИИ» В ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	1806
Меликов И. М. 1754		Торосян В. Г. 1806	
Гезалов Ариз Аваз оглы 1754		<i>"The End of Philosophy" in a General Cultural Perspective.</i> Torosyan V. G. 1806	
АКТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ П. А. СОРОКИНА	1757	УТВЕРЖДЕНИЕ ЕДИНСТВА ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ФИЛОСОФИИ	1809
Меняева М. П. 1757		Ханаху Р. А. 1809	
<i>The relevance of the cultural philosophical ideas of P. A. Sorokin.</i> Menaeva M. P. 1757		<i>The affirmation of the unity of the polycentric world as an urgent task of philosophy.</i> Hanahu R. A. 1809	
ИСТОЛКОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЛАГА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН: М. МОНТЕНЬ И Ж. БОДЕН.	1760	«ВОСТОК – ЗАПАД» КАК ПРОБЛЕМА В КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФИИ	1812
Мяжкова О. С. 1760		Хилтухина Е. Г. 1812	
ДИЗАЙН КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ	1764	<i>«East-West» as a problem in culture and philosophy.</i> Khiltukhina E. G. 1812	
Панкратова А. В. 1764		ДУХОВНАЯ ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИИ КАК НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ	1817
ИТАЛЬЯНСКИЙ РОМАН С ЭЛЕМЕНТАМИ ДЕТЕКТИВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ ФРАНЧЕСКО МАСТРИАНИ И ЭМИЛИО ДЕ МАРКИ)	1767	Шабатура Л. Н. 1817	
Патронникова Ю. С. 1767		<i>Spiritual dialectics of tradition as an urgent necessity of modernity.</i> Shabatura L. N. 1817	
КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ АВТОНОМИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ПАЛЛИАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА	1770	ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ОНТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ	1820
Пигалев А. И. 1770		Шкляр Е. Н. 1820	
<i>The Cultural Identity under the Autonomy of Representation and the Palliative Effect of the Strategic Essentialism.</i> Pigalev A. I. 1770		К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО МИНИМАЛИЗМА	1823
КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	1774	Юрьева А. В. 1823	
Пономарева Г. М. 1774		<i>Emptiness and fullness in the concept of architectural minimalism.</i> Yur'eva A. V. 1823	
ФИЛОСОФИЯ БЕЗДЕЛЬЯ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»	1778	ТЮМЕНСКАЯ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ	1826
Прокудин Б. А. 1778		Яркова Е. Н. 1826	
<i>The philosophy of idleness in the novel of Ivan Goncharov "Oblomov".</i> Prokudin B. A. 1778		<i>Tyumen Ethical and Philosophical Tradition.</i> Yarkova E. N. 1826	
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	1781		
Радевич Е. В. 1781			
<i>Synergetic mechanisms of interaction of culture and information and communication technologies in the context of globalization.</i> Radevich E. V. 1781			
ЭМАНАЦИОННОЕ КОДИРОВАНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	1785		
Родзинский Д. Л. 1785			
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ Р. ДАРНТОНА	1789		
Розова Е. О. 1789			
<i>Methodological issues of studying culture in the works of R. Darnton.</i> Rozova E. O. 1789			
ОНТОЛОГИЯ ПРОСЬЮМЕРИЗМА В ОПТИКЕ НОВОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ	1792		

РФК-2020_117_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»		1831	
РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ.	1833		
<i>Абдулаева И.А. 1833</i> <i>Religious outlook in the traditional culture of the peoples of Dagestan: role and significance.</i> Abdulaeva I.A. 1833			
ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА И КОНЦЕПЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	1838		
<i>Апполонов А.В. 1838</i> <i>Tommaso Campanella and the idea of natural human religiosity.</i> Appolonov A.V. 1838			
«ИКОНИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ	1841		
<i>Барашков В.В. 1841</i> <i>Iconic Turn in the Field of Cultural Studies: Significance for Religious Studies.</i> Barashkov V.V. 1841			
СВЯЩЕННЫЕ МИФОЛОГЕМЫ И ОБРАЗЫ В ВИДЕОИГРАХ	1844		
<i>Батурин Д.А. 1844</i> <i>Галанина Екатерина Владимировна 1844</i> <i>Sacred mythologemes and images in video games.</i> Baturin D.A.; Galanina E.V. 1844			
ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ВОПРОСУ О ПОПУЛИЗМЕ. КАРЛ ШМИТТ И ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ	1850		
<i>Бекарева А.А. 1850</i> <i>Theological foundations of the political: on the question of populism. Carl Schmitt and Ernesto Laclau.</i> Bekareva A.A. 1850			
СПОРТИВНАЯ ДУХОВНОСТЬ КАК МОМЕНТ РЕСАКРАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	1853		
<i>Бирюков И. Л. 1853</i> <i>Sports spirituality as a moment of resacralization of social reality.</i> Biryukov I. L. 1853			
ПАСТФАРИАНСТВО: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПРОБЛЕМЫ ДЕМАРКАЦИИ РЕЛИГИИ И КВАЗИРЕЛИГИИ	1856		
<i>Бубнов Е.С. 1856</i> <i>Pastafarianism — a particular case of the problem to demarcate religion and quasi-religion.</i> Bubnov E.S. 1856			
СООТНОШЕНИЕ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ	1858		
<i>Вильданова Г.Б. 1858</i> <i>The ratio of faith and knowledge in philosophy.</i> Vildanova G.B. 1858			
КОРРЕЛЯЦИЯ ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	1861		
<i>Гаврилов Е.О. 1861</i> <i>Гаврилов О.Ф. 1861</i> <i>The Correlation of Philosophy and Religion in Historical Retrospect.</i> Gavrilov E.O.; Gavrilov O.F. 1861			
СИНТЕЗ ТЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	1865		
<i>Глазков А.П. 1865</i> <i>The synthesis of theology and philosophy in the context of teaching in higher education.</i> Glazkov Alexander Petrovich 1865			
СИМВОЛИКА ПАВЛИНА В ИУДЕЙСКОЙ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ИКОНОГРАФИИ.	1868		
<i>Григорьева А.К. 1868</i> <i>Peacock as a symbol of Jewish Late Antique iconography.</i> Grigoreva A.K. 1868			
КОНЦЕПЦИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ В ИСЛАМЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТУРИЗМЕ В МУСУЛЬМАНСКИХ РЕГИОНАХ МИРА.	1872		
<i>Гусенова Д.А. 1872</i> <i>The Concept of Travel in Islam and current trends in tourism in Muslim regions of the World.</i> Gusenova D. A. 1872			
ФРЕЙДОМАРКСИЗМ И СОВЕТСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ М.А. РЕЙСНЕРА.	1876		
<i>Дамте Д.С. 1876</i> <i>Freud-Marxism and Soviet religious studies: M. A. Reisner's psychological theory of religion.</i> Damte D.S. 1876			
САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ В ПОЗДНЕМ ПЕРИОДЕ ТВОРЧЕСТВА С.М.ЭЙЗЕНШТЕЙНА 1940 – 1946 ГГ.	1879		
<i>До Егито Т.М. 1879</i> <i>The sacred and profane in the late period of S.M. Eisenstein's work in 1940-1946.</i> To Egito T.M. 1879			
ГЕНЕЗИС РЕЛИГИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ	1883		
<i>Забьяко Андрей Павлович 1883</i> <i>Genesis of religion: problems of methodology in the light of new data of archaeology and anthropology.</i> Zabiyako A. 1883			
ПРОБЛЕМАТИКА ИЕРАТОПИИ В ДИСКУРСЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА	1886		
<i>Зобков Р.А. 1886</i> <i>Problems of hieratopia in the discourse of integral traditionalism.</i> Zobkov R.A. 1886			
СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ МОРАЛИ	1889		
<i>Исаев А.А. 1889</i> <i>A modern interpretation of the gospel's morality.</i> Isaev A. A. 1889			
АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИРОНИЯ» И ТЕРМИНА «ИРОНИЯ» В ТРАДИЦИОННОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ЭКЗЕГЕЗЕ	1893		
<i>Медведева А.А. 1893</i> <i>Analysis of the relationship between the concept of "irony" and the term "irony" in traditional biblical exegesis.</i> A.A. Medvedeva 1893			
ДВИЖЕНИЕ BRIGHTS: ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЛИГИИ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ	1899		
<i>Образцов Н. А. 1899</i> <i>The Brights Movement: Comprehension of Religion in the Polycentric World.</i> Obraztsov N. A. 1899			
КАТЕГОРИЯ ЛЮБВИ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ КИТАИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА В КНР	1902		
<i>Пелевина О.В. 1902</i> <i>The category of love as a philosophical foundation of the Sinicization of Christianity in the China.</i> Pelevina O.V. 1902			
ПРАВОСЛАВНАЯ МОРАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА И ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	1905		
<i>Пишун С.В. 1905</i> <i>Бондаренко В.В. 1905</i> <i>Orthodox moral metaphysics and philosophy of the Middle Ages.</i> Pishun S.V.; Bondarenko V.V. 1905			
ОБРЯДЫ ПЕРЕХОДА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИАМУРЬЯ)	1909		
<i>Попов А.Е. 1909</i> <i>Transitional rites and funeral rituals (based on archaeological sites of the Amur region).</i> Popov A.E. 1909			
ХРИСТИАНСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА КАК ПРОИЗВОДСТВО РЕЛИГИОЗНОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЭКЗЕГЕЗЫ И.ЗЛАТОУСТА)	1912		
<i>Прохоров Е.А. 1912</i> <i>Christian exegesis as a way of gathering the community of faith (on the example of exegesis of I. Zlatoust).</i> Prokhorov E.A. 1912			
ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЗМА В НЕОКАНТИАНСТВЕ И КОНЦЕПЦИЯ АБСОЛЮТНОСТИ ХРИСТИАНСТВА Э.ТРЕЛЬЧА.	1915		
<i>Пылаев Максим Александрович 1915</i> <i>Understanding of historicism in neo-Kantianism and the concept of the absoluteness of Christianity E. Trelch.</i> Maxim Pylaev 1915			
РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНВЕРСИИ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ	1918		
<i>Сгибнева О.И. 1918</i> <i>Religious Conversions in a Polycentric World.</i> Sgibneva O.I. 1918			
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ НА РАСПУТЬЕ	1921		
<i>Смирнов М.Ю. 1921</i> <i>Religious studies at a crossroads.</i> Smirnov M.Yu. 1921			
О ТЕРПИМЫХ СУФИЯХ И «НЕТЕРПИМЫХ» ХРИСТИАНАХ: АПОФАТИКА ЕДИНОГО В СРАВНЕНИИ С «ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ АПОФАТИКОЙ»	1923		
<i>Степанов В.Ю. 1923</i> <i>On tolerant Sufis and "intolerant" Christians: monotheistic apophaticism as compared to "dialectical apophaticism".</i> Stepanov V. Yu. 1923			

СПЕЦИФИКА ГНОСЕОЛОГИИ СУФИЗМА: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ <i>Бегалинова К.К. 1926</i> <i>The specificity of the epistemology of Sufism: the essence and features.</i> Begalinova K.K. 1926	1926	РФК-2020_118_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ»	1957
СПЕЦИФИКА ДУХОВНОГО ОПЫТА: О ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ, СОПУТСТВУЮЩИХ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ <i>Токарева С.Б. 1929</i> <i>Specifics of spiritual experience: about the psychic states accompanying the Christian life.</i> Tokareva S.B. 1929	1929	КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА <i>Чешев В.В. 1959</i>	1959
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ «СОБОРНОГО ЕДИНСТВА» В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ <i>Фазлеева Р.Р. 1933</i> <i>To the question of the possibility of «conciliar unity» in the virtual space: possibilities and limitations.</i> Fazleeva R.R. 1933	1933	ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ С ОТХОДАМИ 1962 <i>Ситникова Д.Л. 1962</i> <i>Philosophical Foundations of Waste Management.</i> Sitnikova D.L. 1962	1962
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КОНФУЦИАНСТВА НА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ <i>Хаймурзина М.А. 1936</i> <i>The influence of Confucianism on the religious and political culture of the Jurchens.</i> Khaymurzina M.A. 1936	1936	ОТ ТЕОРЕТИКО-МОДЕЛЬНОЙ К КОГНИТИВНОЙ СТРАТЕГИИ АНАЛИЗА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ <i>Архиперев Николай Львович 1966</i>	1966
ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ <i>Эрендженова Ю.Ю. 1939</i> <i>Features of Religious Conversion to Tibetan Buddhism.</i> Erendzhenova Yu.Yu. 1939	1939	ДОСТОИНСТВО БАЛАНСА: ЧЕЛОВЕК В ТЕХНОГЕННОЙ СРЕДЕ <i>Багдасарьян Надежда Гегамовна 1969</i> <i>The dignity of balance: a man in technogenic environment.</i> Bagdasaryan N.G. 1969	1969
РОССИЯ И ЕВРОПА – ДИАХРОННОЕ И СИНХРОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА <i>Шиманская О.К. 1943</i> <i>Russia and Europe - the diachronic and synchronous dimension of the religious factor.</i> Shimanskaya O.K. 1943	1943	ТЕХНИКА КАК ПОСТКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ <i>Беляев В. А. 1972</i>	1972
ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ РЕЛИГИИ <i>Яблоков И.Н. 1946</i> <i>The problem of understanding of religion.</i> Yablokov I.N. 1946	1946	К ВОПРОСУ О РАБОТЕ С ТЕХНИКОЙ ВНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО <i>Болотнова Е.В. 1975</i> <i>The question of working with technicity outside the human.</i> Bolotnova E.V. 1975	1975
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ <i>Луценко Антон Владимирович 1949</i> <i>PHILOSOPHICAL BASES OF THE THEORY OF SECULARIZATION.</i> Lutsenko Anton Vladimirovich 1949	1949	ЧТО НЕ МОЖЕТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ <i>Гаврилина Е.А. 1978</i> <i>What artificial intelligence can't do: Prolegomena to research.</i> Gavrilina E.A. 1978	1978
РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ Ш.КУДАЙБЕРДЫУЛЫ И Л.ТОЛСТОГО КАК ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. <i>Тойматаев Даурен Болатулы 1952</i>	1952	МОДЕЛЬ РОСТА СИСТЕМНОЙ СЛОЖНОСТИ ТЕХНИКИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА <i>Губанов Н.Н. 1981</i> <i>Губанов Н.И. 1981</i> <i>The growth model of the systemic complexity of technology in the history of mankind.</i> Gubanov N.N.; Gubanov N.I. 1981	1981
		СТРУКТУРНО-ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЦЕНОЗОВ <i>Фуфаев В.В. 1985</i> <i>Structural-topological picture of the technocoenosis evolution.</i> Fufaev V.V. 1985	1985
		«КОПЕРНИКАНСКИЙ ПОВОРОТ» ОТ МЕХАНИЗМА К ОРГАНИЗМУ <i>Дуплинская Юлия Михайловна 1988</i> <i>“Copernican turn” from the mechanism to an organism.</i> Duplinskaya Yuliya Mikhaylovna 1988	1988
		ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ <i>Ивлев В.Ю. 1991</i> <i>Иноземцев В.А. 1991</i> <i>The phenomenon of the information-computer revolution in the context of the philosophical and methodological study of technical knowledge.</i> Ivlev V.Yu.; Inozemtsev V.A. 1991	1991
		ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В РОБОТАХ-АНДРОИДАХ <i>Кавинова И.П. 1996</i> <i>Philosophical analysis of the problem: human and non-human in android robots.</i> Kavinova I.P. 1996	1996
		ТЕХНИКА И КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ <i>Карташева А. А. 2001</i> <i>Technique and communicative rationality: philosophical foundations.</i> Kartasheva A. A. 2001	2001
		НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ <i>Колин К.К. 2004</i> <i>New tasks and priorities of research in the field of philosophy of technology in the new scientific and technological revolution.</i>	2004

Kolin K. K. 2004		РФК-2020_119_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ»	2049
БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА	2007	ИМЕЕТ ЛИ ОТНОШЕНИЕ К ЭВОЛЮЦИИ ВСЕЛЕННОЙ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ФОРМАЛЬНОЙ АРИФМЕТИКИ?	2051
<i>Кораблева Е.В. 2007</i>		<i>Антаков С.М. 2051</i>	
<i>Плужникова Н.Н. 2007</i>		<i>Is the consistency of formal arithmetic related to the evolution of the universe?</i>	
Korableva E.V.; Pluzhnikova N.N. 2007		Antakov S.M. 2051	
СИЛЬНЫЙ И СЛАБЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТНОСТИ	2011	ЗНАЧЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПРИНЦИПА ЛЕ ШАТЕЛЬЕ – БРАУНА	2055
<i>Костина Анна Владимировна 2011</i>		ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОСМОЛОГИИ	
<i>Strong and weak artificial intelligence: on the problem of subjectivity.</i>		<i>Антипенко Л.Г. 2055</i>	
Kostina A. V. 2011		<i>The significance of the Le Chatelier-Broun's principle for the formation of alternative cosmology.</i>	
ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ И СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД	2014	ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ТЕОРИИ ВСЕГО»	2058
<i>Ловецкий Г.И. 2014</i>		<i>Астафуров В.И. 2058</i>	
<i>Самылов П.В. 2014</i>		<i>Philosophical foundations of the "Theory of everything".</i>	
<i>Косушкин В.Г. 2014</i>		Astafurov V.I. 2058	
<i>Philosophy of technology and socio-humanitarian technological structure.</i>		МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ	2062
Lovetsky G. I., Samylov P. V.; Kosushkin V. G. 2014		<i>Беломестнова Н.В. 2062</i>	
ПРОБЛЕМА ЭВДЕМОНИЗМА И АЛАРМИЗМА В ОЦЕНКЕ ДОСТИЖЕНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА	2017	<i>Methodological and Methodical Problems of Philosophy of Psychology.</i>	
<i>Майоров А.В. 2017</i>		Belomestnova N.V. 2062	
<i>Волкова А.М., Потанов А.Д. 2017</i>		ПРИНЦИП ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ, ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТ В НАУКЕ	2066
<i>The problem of eudaimonism and alarmism in assessing the achievements of scientific and technological progress.</i>		<i>Бинги В.Н. 2066</i>	
Mayorov A.V.; Volkova A.M., Potapov A.D. 2017		<i>Reproducibility principle, relative objectivity, and the collective subject in science.</i>	
ДВЕ ИДЕИ Ф. ДЕССАУЭРА В СВЕТЕ СЕМИОТИКИ ТЕХНИКИ*	2021	Binhi V.N. 2066	
<i>Нестеров Александр Юрьевич 2021</i>		ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ: АНТИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	2069
<i>Two ideas of F. Dessauer in the light of semiotics of technology.</i>		<i>Ветров В.А. 2069</i>	
Nesterov A. Yu. 2021		<i>The problem of euthanasia: ancient view and modernity.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ И НЕЙРОКОМПЬЮТИНГА	2024	Vetrov V.A. 2069	
<i>Никитина Е.А. 2024</i>		ПРОТИВОРЕЧИЯ КАНОНИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ	2072
<i>Philosophical problems of neurotechnology and neurocomputing.</i>		<i>Гивишвили Гиви Васильевич 2072</i>	
Nikitina E.A. 2024		<i>Contradictions of the canonical cosmological model.</i>	
ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	2027	Givishvili Givi Vasilyevich 2072	
<i>Папченко Е.В. 2027</i>		ПУТЬ КВАНТОВОЙ ЧАСТИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ	2076
<i>Philosophy of technology: tendency and challenges.</i>		<i>Годарев-Лозовский М.Г. 2076</i>	
Papchenko E.V. 2027		<i>The path of a quantum particle in the context of the idea of metatheoretic correspondence.</i>	
ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ – СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	2030	Godari-Lozovsky M. G. 2076	
<i>Попкова Наталья Владимировна 2030</i>		КОНЦЕПЦИЯ СУПЕРВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРЕХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ	2080
<i>Philosophy of technique - the modern stage of philosophical anthropology.</i>		<i>Князев В.Н. 2080</i>	
Popkova N. V. 2030		<i>The concept of superinteraction in the context of three fundamental paradigms of theoretical physics.</i>	
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕХНИКИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ	2033	Knyazev V.N. 2080	
<i>Розин В.М. 2033</i>		НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ	2083
<i>Conceptualization of technology in the light of modern challenges of the time.</i>		<i>Коротков Н.А. 2083</i>	
Rozin V.M. 2033		<i>New interpretation of information concept in natural sciences and some of its applications.</i>	
МЕТОДОЛОГИЯ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ТЕХНИКЕ	2036	Korotkov N.A. 2083	
<i>Седякин В.П. 2036</i>		ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ УЗЛЫ СОВРЕМЕННЫХ РЕЛЯТИВИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	2088
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО:		<i>Крушанов А.А. 2088</i>	
ТЕХНОКРАТИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ УТОПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	2037	<i>Conflicting nodes in the contemporary relativity ideas.</i>	
<i>Сидорина Т.Ю. 2037</i>		Krushanov A. 2088	
<i>Ambivalence of models of the social future: technocratism and relativism of utopian consciousness.</i>		КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ	2091
Sidorina T.U. 2037		<i>Кузьмина Елена Владиславовна 2091</i>	
ТЕХНИКА В КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗАХ И СЦЕНАРИЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	2040	<i>Cognitive potential of metaphor in modern natural science.</i>	Kuzmina E.V. 2091
<i>Нехамкин Валерий Аркадьевич 2040</i>		ОТ МЕХАНИЦИЗМА К МОЛЕКУЛЯРНЫМ МАШИНАМИ:	
<i>Technique in counterfactual hypotheses and scenarios of the historical past: philosophical analysis.</i>		РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭТАПЫ ТРЕХВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХИМИИ И ФИЗИКИ	2095
Nekhamkin V. A. 2040		<i>Курашов В.И. 2095</i>	
ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЦЕН	2044	<i>From mechanismism to molecular machines:</i>	
<i>Чеклецов В.В. 2044</i>		<i>revolutionary stages of a three-century history interactions of chemistry and physics.</i>	
<i>Digital anthropocene.</i>		Vladimir I. Kurashov 2095	
Chekletsov V.V. 2044		ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВНУТРЕННЕГО СОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ Э. ГУССЕРЛЯ	2098
		И ОБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ И. НЬЮТОНА	
		<i>Литвин Т.В. 2098</i>	

<i>Phenomenology of the internal consciousness of time E. Husserl and objective time I. Newton.</i> Litvin T.V. 2098	
ВЕРоятностно-ориентированная философия в медицине <i>Логинов Василий Анатольевич 2101</i> <i>Probability-oriented philosophy in medicine.</i> Loginov Vasily Anatolievich 2101	2101
ОНТОЛОГИЗМ: К НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ МАТЕМАТИКИ <i>Маклаков А.Д. 2104</i>	2104
ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СУПЕРСТРУННОЙ МОДЕЛИ ФИЗИКИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЧАСТИЦ <i>Минасян Л.А. 2108</i> <i>Лещева О.А. 2108</i> <i>Philosophical content of the superstring model elementary particles physics.</i> Minasyan Larisa A.; Leshcheva Olga A. 2108	2108
ЭТНОГРАФИЯ МЕГАПРОЕКТА NICA: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ <i>Петрухина П.С. 2111</i> <i>The ethnography of NICA megaproject: the experience of empirical epistemology.</i> Petrukhina P.S. 2111	2111
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ <i>Пружинин Б.И. 2115</i> <i>Natural Science in Technogenic Civilization as a Problem of Philosophy.</i> Pruzhinin B.I. 2115	2115
ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ АКТУАЛЬНОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ И ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГИЛЬБЕРТА <i>Радул Д.Н. 2119</i> <i>The philosophical idea of actual infinity and Hilbert's physical and mathematical research.</i> Radul D.N. 2119	2119
ЕДИНСТВО ФИЗИКИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТРУДАХ КАРЛА ФРИДРИХА ФОН ВАЙЦЗЕККЕРА <i>Севальников А.Ю. 2122</i> <i>Unity of physics as a philosophical problem in the works of Karl Friedrich von Weizsäcker.</i> Sevalnikov A. Yu. 2122	2122
ОТ ДИАЛЕКТИКИ К СИНЕРГЕТИКЕ <i>Султанова Л.Б. 2125</i> <i>From dialectics to synergetics.</i> Sultanova L.B. 2125	2125
ОБ ОРИЕНТАЦИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ АСПЕКТУ ЭСТЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Лю Сюечжэнь 2128</i> <i>Liu Xuezheng 2128</i>	2128
СИНТЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГЕОЛОГИЧЕСКИХ НАУКАХ <i>Трифонов Г. Ф. 2131</i>	2131
АТАРАКСИЯ КАК ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ <i>Файдрахманова Л.Р. 2137</i> <i>Ataraxia as an unnatural state.</i> Faidrakhmanova L.R. 2137	2137
О НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ <i>Фролов Б. Н. 2140</i> <i>About the new space-time paradigm.</i> Frolov B. N. 2140	2140
ГЕНЕЗИС ОБОНЯНИЯ <i>Цаплин В.П. 2143</i> <i>The Genesis of smell. Tsaplin V. P. 2143</i>	2143
ЭПИСТОЛЯРНЫЙ НАРРАТИВ Н.Н. ЛУЗИНА И П.А. ФЛОРЕНСКОГО: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД <i>Щедрина И.О. 2146</i> <i>Epistolary Narrative of N.N. Luzin and P.A. Florensky: Contemporary View. Shchedrina I.O. 2146</i>	2146
ИСТОРИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ (ГУСТАВ ШПЕТ В СФЕРЕ РАЗГОВОРА РУССКИХ ИСТОРИКОВ) <i>Щедрина Т.Г. 2149</i> <i>Historicism as a Methodological Principle of Knowledge</i> <i>(Gustav Shpet in the «Sphere of Conversation» of Russian historians)</i> Shchedrina T.G. 2149	2149

ИНФОРМАЦИЯ КАК АРХЭ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ <i>В.А. Яковлев 2152</i> <i>Information as foundation physical and mathematical reality.</i> Iakovlev V.A. 2152	2152
ТЕОРЕМА БЕРНУЛЛИ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ПО КОЛМОГОРОВУ <i>Резников В.М. 2156</i> <i>Bernoulli theorem and conditions of mathematics application by Kolmogorov.</i> Reznikov V.M. 2156	2156

РФК-2020_120_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»		2159		2204
Этническая культура и религия: взаимосвязь общего и особенного	Акаев В.Х. 2161	2161	Большие данные и изменение социальной онтологии	2204
Философия и общество: экологическая ответственность философа	Валиуллина Зайнаб Рахмьяновна 2164 <i>Philosophy and Society: ecological responsibility of the philosopher.</i> Valiullina Z. R. 2164	2164	<i>Платонова С.И. 2204</i> <i>Big data and changing social ontology.</i> Platonova S. I. 2204	
Антиутопия как форма социально-гуманитарного познания	Денисова Л.В. 2167 <i>Dystopia as a form of social-humanitarian cognition.</i> Denisova L.V. 2167	2167	Ценностное содержание нравственных императивов	2207
Обратная перспектива как способ организации пространства картины.	Математика и искусствоведение в работах П.А. Флоренского и Б.В. Раушенбаха.	2170	Рамазанова С.Р. 2207 <i>The value content of moral imperatives.</i> Ramazanova S.P. 2207	
Социальная философия Франческо Гуалы	Долгова А.А. 2170 <i>Reverse perspective as a way of organizing the space of the picture.</i> <i>Mathematics and art criticism in the works of P.A. Florensky and B.V. Rauschenbach.</i> Dolgova A.A. 2170	2170	Становление акратической оптики в концепциях американских мыслительниц XX века и их влияние на современную научную картину мира	2210
Вопросы социально-гуманитарного исследования клиники в современной философии медицины	Желнова А.А. 2173 <i>Social philosophy of Francesco Guala.</i> Efimenkov A. O. 2173	2173	Рахманинова М. Д. 2210 <i>The formation of acratich optics in conceptions of American Female-thinkers of XX century and their impact on contemporary scientific view.</i> Rakhmaninova M.D. 2210	
Повседневное–обыденное цифровое существование и смысложизненная рефлексия	Желнова А.М. 2176 <i>Socio-humanitarian research methods within the discourse of medicine philosophy.</i> <i>Philosophy of socio-humanitarian sciences.</i> Zhelnova A.M. 2176	2176	Медиакультура в дискурсе постмодерна	2213
Интуиция как средство иррационализации познания в суфизме	Лешкевич Т.Г. 2179 <i>Intuition as a mean of irrationalization of knowledge in Sufism.</i> Magomedalieva K.M. 2182	2179	Рзаева Р.О. 2213 <i>Media culture in the Discourse on the Postmodern.</i> Rzayeva R.O. 2213	
Архетипические основания социально-политической организации общества:	Магомедалиева К.М. 2182 <i>Archetypal foundations of social and political organization of society: philosophical tradition and modern interpretation.</i> Mamychev A. Yu. 2185	2182	Перечитываемая Ясперса	2218
Философия социальных наук: метафилософское осмысление	Мартынович С.Ф. 2188 <i>Philosophy of social sciences: metaphilosophical comprehension.</i> Martynovich S.F. 2188	2188	Румянцева М.Г. 2218 <i>Re-reading Jaspers.</i> Rumyantseva M. G. 2218	
Понятие социальной стратегии в макросоциальном анализе	Миронова Т.М. 2191 <i>The concept of social strategy in the macrosocial analysis.</i> Mironova T.M. 2191	2191	Когнитивно-этологическая концепция регулирования поведения экономических агентов	2221
Междисциплинарность и понятийная форма исторического познания	Останина О.А. 2194 <i>The Interdisciplinarity and the Conceptional Form of the Historical Cognition.</i> Ostanina O.A. 2194	2194	Седова А.К. 2221	
Философское осмысление роли веры как концепта культуры	Пахонина Е.В. 2198 <i>Philosophical understanding of the role of faith as a concept of culture.</i> Pahonina E. V. 2198	2198	Роль системы образования в общественном развитии мусульманских сообществ	2225
Мульти-сложность как научная парадигма социальных и гуманитарных исследования	Пилото Родригес Х. А. 2201 <i>Multi-complexity as a scientific paradigm of social and humanitarian research.</i> Piloto Rodriguez J. A. 2201	2201	Сеидова Г.Н. 2225 <i>Role of education system in public development of muslim communities.</i> Seidova G.N. 2225	
			Конструктивная методология проектирования социально-инновационных структур	2228
			Старжинский В. П. 2228 Старжинская Н. С. 2228 <i>Constructive design methodology of the socio-economic structures.</i> Starzhinsky V. P.; Starzhinskaya N. S. 2228	
			«Эстетическая информация» в методологии социо-гуманитарных наук	2232
			Шестакова М.А. 2232 <i>"Aesthetic information" in the methodology of social sciences and humanities.</i> M. Shestakova 2232	

РФК-2020_121 СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»	2235
ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ АКТОРНЫХ СЕТЯХ	2237
<i>Алексеев П. В. 2237</i> <i>Possibilities of concepts of artificial intelligence in modern actor networks.</i> Alexeev P. V. 2237	
ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ	2240
<i>Барышников П. Н. 2240</i>	
О ГРАНИЦАХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	2244
<i>Голенков С. И. 2244</i> <i>On the limits of artificial intelligence.</i> Golenkov S. I. 2244	
ДИСКРЕТНОСТЬ И НЕПРЕРЫВНОСТЬ СОЗНАНИЯ ВО ВРЕМЕНИ	2247
<i>Зайкова А. С. 2247</i> <i>Discreteness and continuity of consciousness in time.</i> Zaykova A. S. 2247	
ОБРАЗ СЛОЖНОСТИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЯЗЫК НАУКИ	2251
<i>Коловская А. Ю. 2251</i> <i>Коловский Ю. В. 2251</i> <i>Image of Complexity: artificial intelligence and the language of science.</i> Kolovskaia A. Y.; Kolovskii Y. V. 2251	
ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И ПРАКТИКЕ УСИЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА.	2255
<i>Кострикина И. С. 2255</i> <i>Artificial intelligence in the modern business organization and the practice of enhancing human potential: philosophical implications.</i> Costrikina I. S. 2255	
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	2259
<i>Литвак Н. В. 2259</i>	
ЛИБЕРТАРИАНСКИЕ АРГУМЕНТЫ ОТ ПРЕДСКАЗАНИЯ И ОТ ЧУВСТВА СВОБОДЫ ПРОТИВ КОМПАТИБИЛИЗМА	2262
<i>Мерцалов А. В. 2262</i> <i>Libertarian Arguments from Prediction and from the Sense of Freedom Against Compatibilism.</i> Mertsalov A. V. 2262	
РОЛЬ КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ И ЭФФЕКТА НАБЛЮДАТЕЛЯ В ПОСТРОЕНИИ ГИПОТЕЗЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ	2266
<i>Паршикова Г. В. 2266</i>	
СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОСТОЯНИИ КЛИНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ	2269
<i>Сердюков Ю. М. 2269</i> <i>Subjective reality in the state of clinical death.</i> Serdyukov Y. M. 2269	
МЕНТАЛЬНАЯ КАУЗАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ	2273
<i>Скурихин Н. А. 2273</i> <i>Mental causality of consciousness.</i> Skurikhin N. A. 2273	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСПРИЯТИЯ И ДЕЙСТВИЯ В КОГНИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ СЬЮЗАН ХЕРЛИ	2277
<i>Станжевский Ф. А. 2277</i> <i>The interdependence between perception and action in Susan Hurley's cognitive philosophy.</i> Stanzhevskiy F. A. 2277	
ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ	2280
<i>Танюшина А. А. 2280</i> <i>The main difficulties and prospects for the development of computational approaches to solving the problem of consciousness.</i> Tanyushina A. A. 2280	
ЧТО ОБЪЯСНЯЕТ ПАПСИХИЗМ?	2283
<i>Ткаченко И. Н. 2283</i>	
КАК ПРИМИРИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?	2286
<i>Феллер В. В. 2286</i> <i>How to Reconcile the Human Mind and Artificial Intelligence.</i> Feller V. V. 2286	

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА И СОЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ НБИКС	2290
<i>Чапны Е. В. 2290</i> <i>Features of technological transformation human body and consciousness in the concept of NBIC.</i> Chapny E. V. 2290	

РФК-2020_122_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА, КОММУНИКАЦИЙ И МЕДИА»	2293	ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАЦИИ	2338
СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ	2295	<i>Костикова И.В.</i> 2338	
<i>Антоновский А.Ю.</i> 2295		<i>Media and Communication Context of Gender Studies.</i>	
<i>Contemporary system theory and its application.</i>		<i>Kostikova I.V.</i> 2338	
<i>Antonovskiy A.Y.</i> 2295		ГЕНЕЗИС ЯЗЫКА	2340
ДЕБАТЫ О МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ В ГЛОБАЛЬНУЮ ЭПОХУ	2297	<i>Кузнецова Н.А.</i> 2340	
<i>Бараш Р.Э.</i> 2297		<i>The genesis of language.</i>	
<i>Debates about multiculturalism under the global context.</i> 2297		<i>Kuznetsova N.A.</i> 2340	
О ЯЗЫКЕ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА И МЫШЛЕНИЯ	2301	ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ И СТРУКТУРА СМЫСЛА В ФОРМАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ	2343
<i>Базлев М.М.</i> 2301		<i>Куслий П.С.</i> 2343	
<i>On the language of internal dialogue and thinking.</i>		<i>Intentional objects and the structure of meaning in formal semantics.</i>	
<i>Bazlev M.M.</i> 2301		<i>Petr Kusliy</i> 2343	
ЦЕНТРИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	2305	SCIENTIFIC RELATIONS В НАУЧНЫХ МЕДИАКОММУНИКАЦИЯХ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	2346
<i>Батаев М.А.</i> 2305		<i>Латыпов И.А.</i> 2346	
<i>Centering a philosophical text in contemporary culture.</i>		ЦИФРОВЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА	2349
<i>Bataev M.A.</i> 2305		<i>Мешкова Л.Н.</i> 2349	
МЕСТО И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	2308	<i>DIGITAL MEDIA AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE CULTURAL WORLDVIEW.</i>	
<i>Блохина Н. А.</i> 2308		<i>Meshkova L.N.</i> 2349	
<i>Philosophy of language' place and role in analytical tradition.</i>		ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ЭПОХИ «МАССОВОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ»	2352
<i>Blokhina N. A.</i> 2308		<i>Миннуллина Э.Б.</i> 2352	
«ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА» ИЛЬЕНКОВА	2312	<i>Transformation of Communicative System in the Era of Mass Hermeneutics.</i>	
<i>Брызгалин И.В.</i> 2312		<i>Minnullina E.B.</i> 2352	
<i>Киселёв В.Н.</i> 2312		ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА ПРОТИВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ ДЖОНА ДЬЮИ	2355
<i>"Philosophy of language" by Ilyenkov.</i>		<i>Муравьев Д. А.</i> 2355	
<i>Bryzgalin I.V.; Kiselev V.N.</i> 2312		<i>Local Communities vs. Globalization: Communication Issues in John Dewey Philosophy.</i>	
ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА	2315	<i>Muravyev D. A.</i> 2355	
<i>Вострикова Е.В.</i> 2315		НЕ-СОБЫТИЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:	
<i>Logical nature of natural language.</i>		ПОСТ-МОДЕРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ VS. ПОСТ-СОВРЕМЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ	2359
<i>Vostrikova E.V.</i> 2315		<i>Никифоров О.В.</i> 2359	
СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СТЕЙКХОЛДЕРАМИ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ ГОДОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ:		<i>Non-Eventful Entrepreneurship: Post-modern Organization vs. Post-Historical Movement.</i>	
УСПЕШНАЯ ПРАКТИКА ГОРНОРУДНОГО ДИВИЗИОНА ГОСКОРПОРАЦИИ «РОСАТОМ»	2319	<i>Oleg V.Nikiforov</i> 2359	
<i>Долина В.Г.</i> 2319		«ПИАР-ДИСКУРС КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ:	
<i>System of interaction with stakeholders within the framework of annual reporting system: successful practice of Mining Division of State Corporation "Rosatom".</i>		ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПИАРСПЕЦИАЛИСТОВ И ИХ ФИЛОСОФСКОЕ КРЕДО»	2363
<i>Dolina V.G.</i> 2319		<i>Оберюхтина М. В.</i> 2363	
БЛОГОСФЕРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ		<i>"PR discourse as a result of social acts: the work philosophy of PR officers and their linguistic strategies".</i>	
И СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	2323	<i>Oberyukhtina M. V.</i> 2363	
<i>Зарова Е.Д.</i> 2323		ИСТИНА И ВЛАСТЬ КАК СЕЛЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОММУНИКАЦИИ	2366
<i>The blogosphere as a phenomenon of modern mass communication and a way of forming identity.</i>		<i>Савченко И.А.</i> 2366	
<i>Zarova E.D.</i> 2323		<i>Truth and power as selective communication mechanisms.</i>	
МОРАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ НАД ИГРОКОМ		<i>Savchenko I. A.</i> 2366	
КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК	2326	ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС И ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ	2370
<i>Клюев А.А.</i> 2326		<i>Сазонова А.И.</i> 2370	
<i>Moral violence against the player as a mechanism for the transformation of ethical and axiological attitudes.</i>		<i>Jorge Luis Borges and personal identity.</i>	
<i>Klyuev A.A.</i> 2326		<i>Sazonova A. I.</i> 2370	
ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА О РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА	2329	ДЕСКРИПТИВИЗМ ИЛИ НОРМАТИВИЗМ? СЛУЧАЙ СОЦИОЛОГИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.	2374
<i>Спартак С.А.</i> 2329		<i>Столярова О.Е.</i> 2374	
<i>Mapping XIX century USA Political Discourse: Russia in Process of Transformation.</i>		<i>Descriptivism or normativism? The case of the sociology of scientific knowledge.</i>	
<i>Spartak S. A.</i> 2329		<i>Stoliarova O. E.</i> 2374	
КОНЦЕПТУАЛИЗМ И ИНТЕРАКЦИОНИЗМ В РАМКАХ ГИПОТЕЗЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ	2332	КОММУНИКАЦИОННАЯ КОЛЛИЗИЯ МЕЖДУ ТРАНСЛИРУЕМЫМ ИМИДЖЕМ И СФОРМИРОВАВШИМСЯ ОБРАЗОМ МВД РФ	2378
<i>Юмартов Д.А.</i> 2332		С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫСТРАИВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Conceptualism and interactionism as parts of the hypothesis of linguistic relativity.</i>		<i>Муратшина Ю.Р.</i> 2378	
<i>Yumartov D.A.</i> 2332		<i>Communication conflict between the broadcasted image and the formed way of Russian Interior Ministry from the point of view building strategic communication.</i>	
«РЕВОЛЮЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА: Ж. ЛАКАН О ФИГУРАХ ДИСКУРСА	2335	<i>Muratshina J.R.</i> 2378	
<i>Костикова А.А.</i> 2335		СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ КАНОНОВ	2381
<i>"Revolution" in the philosophy of language: J. Lacan on figures of discourse.</i>		<i>Федоренко А.А.</i> 2381	
<i>Kostikova A. A.</i> 2335		<i>The essential foundation of the rhetorical canons.</i>	
		<i>Fedorenko A.A.</i> 2381	

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	2384	РФК-2020_123_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»	2395
<i>Храпова В.А. 2384</i> <i>Regional text in the modern socio-cultural space Philosophy of language, communication and media.</i> Khrapova V. A. 2384		О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ	2396
ЛОГИКА МЕДИА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ МЕДИАТИЗАЦИИ)	2387	<i>Ашилова М.С. 2396</i> <i>On some aspects of globalization and internationalization of the philosophy of education.</i> Ashilova M.S. 2396	
<i>Черненькая С.В. 2387</i> <i>The logic of media in modern society (in the context of the Mediatization Theory).</i> Chernenkaya S.V. 2387		МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	2399
ОТ ОБРАЗА К СЛОВУ, ОТ СЛОВА К ОБРАЗУ: ЛОГИКА РАЗВИТИЯ МЕДИАКУЛЬТУРЫ	2390	<i>Нигинахон Шермухамедова; Асаль Бабаева 2399</i> <i>Modernization of education as a factor in sustainable development.</i> Niginakhon Shermukhamedova; Asal Babaeva 2399	
<i>Чернышева А.В. 2390</i> <i>From image to word, from word to image: the logic of the development of media culture.</i> Chernysheva A.V. 2390		СТОИТ ЛИ ЖДАТЬ НОВУЮ КОГНИТИВНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ?	2403
К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИИ	2393	<i>Баксанский О.Е. 2403</i> <i>Скоробогатова А.В. 2403</i>	
<i>Шаронов Д.И. 2393</i> <i>To the theoretical sources of communication ecology.</i> Sharonov D. 2393		РАЗВИТИЕ МЕДИАВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ПРИОРИТЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА	2407
[ДОПОЛНЕНИЕ:]		<i>Бегалинов А.С. 2407</i> <i>Development of a media-educational space as a priority of the educational policy of Russia and Kazakhstan.</i> Begalinov A.S. 2407	
ДИСКУРСИВНЫЕ РЕСУРСЫ ЯЗЫКА И ДВОЙНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ФАКТОРЫ КОММУНИКАТИВНОЙ (ДЕ-)КОНСОЛИДАЦИИ	2719-2726	МОДЕРН И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	2411
<i>Антоновский А.Ю. 2719</i> <i>Discursive resources of language and dual hermeneutics as factors of communicative (de-)consolidation.</i> Antonovskiy A.Y. 2719		<i>Виталий Юрьевич Бельский 2411</i> <i>Modern and traditions in modern education.</i> Vitaly Yurievich Belsky 2411	
		КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ	2414
		<i>М.И. Вишневецкий 2414</i>	
		ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ	2417
		<i>Габдсаггарова Мукаррамма Габдель – Нагимовна; Өтебай Хабиболла Ержанұлы 2417</i>	
		КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	2420
		Деникин А.В. 2420 <i>Criteria for the quality of education as a philosophical and methodological problem.</i> Denikin A. V. 2420	
		РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ», ИЛИ ЧЕМУ СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФЫ МОГУТ НАУЧИТЬСЯ У КИНИКОВ?	2424
		<i>Добронравова У.В. 2424</i> <i>Teacher's personality in the philosophy study process, or what modern philosophers can learn from ancient cynics.</i> Dobronravova U.V. 2424	
		УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	2427
		<i>Елкина И.М. 2427</i> <i>Sustainable development and education in the conditions of the uncertain world.</i> Elkina I.M. 2427	
		МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	2431
		<i>Ермаков Д. С. 2431</i> <i>Methodological approaches in education for sustainable development.</i> Ermakov D. S. 2431	
		МАТРЁШЕЧНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ	2434
		<i>Залибекова А.З. 2434</i> <i>Multi-stage character of educational spaces.</i> Zalibekova A.Z. 2434	
		МЕСТО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОСОФОВ	2437
		<i>Зашихина И.М. 2437</i> <i>Status of Academic Essay in Philosophy Students' Research Work.</i> Zashikhina I.M. 2437	
		ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	2441
		<i>Клишина М.В.; Сейфуллина Г.Р. 2441</i> <i>Philosophy of education: facing the challenges of globalization.</i> Klishina M.V., Seifullina G.R. 2441	
		ПРОБЛЕМА ОСОЗНАННОСТИ В ПОЛИЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАВЛОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. С. ТОРАЙГЫРОВА)	2444
		<i>Кожамжарова М.Ж. 2444</i>	

Уызбаева А.А. 2444 <i>The problem of awareness in multilingual education (on the example of S. Toraihyrov Pavlodar State University).</i> Uyzbayeva A.A.; Kozhamzharova M.Zh. 2444		<i>Metod of Foresight in socio-philosophical prediction.</i> Rozhdestvenskaya E.A. 2487	
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КУРСЕ ФИЛОСОФИИ 2448 <i>Конашкова А.М. 2448</i> <i>Application of critical thinking development technology in the course of philosophy.</i> Konashkova Alyona M. 2448		ПОСТМАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ: СЕТЕВАЯ И РЕАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ 2491 <i>Романенко И.Б. 2491</i> <i>Post-material Values of Youth: Network and Real Identity.</i> Romanenko I.B. 2491	
ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ 2451 <i>Кондратьев В.М. 2451</i> <i>Education in a polycentric world.</i> Kondratyev V.M. 2451		ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ 2494 <i>Рыбаков Н.С. 2494</i> <i>Education as a factor in the exercise of identity.</i> Rybakov N.S. 2494	
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА 2454 <i>Владимир Анатольевич Лепехин 2454</i> <i>Alexander Zinoviev's Method.</i> Vladimir Anatolyevich Lepexhin 2454		МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ОБРАЗОВАНИЯ. 2497 <i>Сохраняева Т.В. 2497</i> <i>The methodological significance of critical approach to the analysis of education.</i> Sokhranyaeva T.V. 2497	
УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ ШКОЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН 2456 ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕДИАСРЕДЫ <i>Лобанов И.А. 2456</i> <i>Conditions and factors of changes in school social and humanitarian disciplines under the influence of the media.</i> Lobanov I.A. 2456		СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 2500 В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА. <i>Финько Маргарита Васильевна 2500</i> <i>Meanings and values of the Russian education system in a polycentric world.</i> Finko M.V. 2500	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ВУЗЕ: ПАРАДОКСЫ ФЕНОМЕНА 2459 <i>Лобеева В.М. 2459</i> <i>Digitalization in a higher educational institution: paradoxes of the phenomenon.</i> Lobeeva V.M. 2459		ДИНАМИКА СМЕНЯЕМОСТИ МОДЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ: ОТ 1.0 ДО 4.0. 2503 <i>Хангельдиева И.Г. 2503</i> <i>Changeability dynamics of university models: from 1.0 to 4.0.</i> Khangeldieva I.G. 2503	
РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ 2462 ОПТИМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ <i>Лягушкин Игорь Владимирович 2462</i> <i>The role of ideas about the sacred geography of Russia in the formation of optimal educational strategies.</i> Igor V. Lyagushkin 2462		ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ 2506 <i>Щелкунов М.Д. 2506</i> <i>Phenomenon of the University: Past, Present, Future.</i> Schelkunov M.D.2506	
ЦЕННОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ 2465 <i>Медушевская Н.Ф. 2465</i> <i>Values in post-non-classical science and education.</i> Medushevskaya N.F. 2465		ПСИХОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ДИСКУРСОВ ЖАКА ЛАКАНА 2509 <i>Кудряшов Иван Сергеевич 2509</i> <i>Psychopolitics of contemporary education through Jacques Lacan's theory of four discourses.</i> Kudryashov I.S. 2509	
СУБЪЕКТЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА 2468 <i>Мукин В.А. 2468</i> <i>Subjects of University space.</i> Mukin V.A. 2468		УНИВЕРСИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ 2513 <i>Галикян Г. Э. 2513</i> <i>The University In the Global World: Ntansormations' Directions.</i> G. Galikyan 2513	
ФИЛОСОФСКОЕ КОНЦЕПЦИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДИВИДА 2471 <i>Нечаев А. В. 2471</i> <i>The Philosophical Concept of Individual's Multiple Identity.</i> Nechaev A. V. 2471			
ИЗМЕНЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 2474 <i>Петров В.В. 2474</i> <i>The education system ontological foundations transformations in the virtual technologies development conditions.</i> Petrov V.V. 2474			
ГЕНЕЗИС ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ПЕДАГОГИКЕ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ 2477 <i>Плотников Алексей Семенович 2477</i> <i>Genesis of Gender Approach In Pedagogy as a Problem of Philosophy of Education.</i> Plotnikov Alexey Semyonovich 2477			
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 2481 <i>Побережный А.А. 2481</i> <i>Some features of the crisis of the modern education system.</i> Poberezhnyy A.A.2481			
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ 2484 <i>Ирина Владимировна Полозова 2484</i> <i>Anthropological and axiological foundations of the philosophy of education.</i> Irina Vladimirovna Polozova 2484			
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОД ФОРСАЙТА 2487 <i>Рождественская Е.А. 2487</i>			

РФК-2020_124_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА»	2517		
ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ	2519	<i>Invariants of the Artistic.</i> Zenkin K.V. 2561	
<i>Антюшев И.И. 2519</i> <i>Creativity in the Information Age: problems with comprehension.</i> Antyushev I.I. 2519		ФИЛОСОФИЧНОСТЬ ПОЭЗИИ КАК ПОИСК ИСТИНЫ В ГЛУБИНАХ БЫТИЯ	2564
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОГО АВАНГАРДА	2522	<i>Кузьмина Г.П. 2564</i> <i>The philosophy of the verse as the search of the Verity in the deepness of existence.</i> Cuzmina G.P. 2564	
<i>Ашмарин И.И. 2522</i> <i>Aesthetic conditioning of the musical avant-garde.</i> Ashmarin I.I. 2522		ДИНАМИКА И ЛОГИКА ПОИСКОВОГО ПРОЦЕССА	2567
ИДЕЯ КАК АГРЕГАТОР «МЯГКИХ» СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ДИНАМИК В ТВОРЧЕСТВЕ	2525	<i>Майданов А. С. 2567</i> <i>Dynamics and logic of the search process.</i> Maidanov A. 2567	
<i>Бескова И.А. 2525</i> <i>Idea as an aggregator of “soft” meaningful dynamics in creativity.</i> Beskova I.A. 2525		РИТОРИКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИДЕАЛ РЕЧЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ	2570
ТЕОРИЯ ТВОРЧЕСТВА Я.А. ПОНОМАРЕВА: ЗА И ПРОТИВ	2528	<i>Марченко О.И. 2570</i> <i>Rhetoric as a Cultural Ideal of Speech Interaction.</i> Marchenko O.I. 2570	
<i>Богоявленская Диана Борисовна 2528</i> <i>The creativity theory of Y.A.Ponomarev: pro and contra.</i> Bogoyavlenskaya D. B. 2528		ТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА	2573
«КРЕАТИВНОСТЬ» В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ	2531	<i>Михайлова Р.В. 2573</i> <i>Creativity as a form of individual activity of a farmer.</i> Mikhailova R.V 2573	
<i>Боровинская Д.Н. 2531</i> <i>«Creativity» in the system of philosophical knowledge.</i> Borovinskaya D.N. 2531		АРХИТЕКТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ СМЫСЛОСТРОЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ	2577
МИФОПОЭТИКА СКУЛЬПТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПОИСКОВ XX ВЕКА	2534	<i>Молодкина Людмила Васильевна 2577</i> <i>Architectural Phenomenology as a Philosophical Concept of Meaning-Making in Creativity.</i> Lyudmila Molodkina 2577	
<i>Булычева Е.И. 2534</i> <i>Mythopoetics of sculpture in the context of worldview searches of the 20th century.</i> Bulycheva E.I. 2534		ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО	2580
ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СООТНОШЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО И СОЦИАЛЬНОГО	2538	<i>Моркина Ю.С. 2580</i> <i>Epistemology of poetic.</i> Morkina J.S. 2580	
В ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ	2538	ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	2583
<i>Гаврилова Ю.В. 2538</i> <i>The foundations of creative activity in the context of the concept of the relationship between natural and social in society and human.</i> Gavrilova Yu.V. 2538		МЕТОДИКИ «ПРАВОПОЛУШАРНОГО РИСОВАНИЯ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	2583
ТВОРЧЕСТВО КАК ПРИЧИНА ИСТОРИИ	2541	<i>Мурадян О.А. 2583</i> <i>Creativity and personality: philosophical and socio-cultural aspects of the methodology «Right hemisphere drawing» in the educational process.</i> Muradyan O.A. 2583	
<i>Герасимов Г.И. 2541</i> <i>Creativity as a cause of history.</i> Gerasimov G.I. 2541		БИБЛЕР: ДИАЛОГ ФИЛОСОФА И ПОЭТА	2586
ЛЮБОВЬ И ТВОРЧЕСТВО (А. К. ТОЛСТОЙ)	2544	<i>Неретина С.С. 2586</i> <i>Bibler: Dialogue between Philosopher and Poet.</i> Neretina S. S. 2586	
<i>Горелов А.А. 2544</i> <i>Love and Creativity (A. K. Tolstoy).</i> Gorelov A.A. 2544		ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТВОРЧЕСКИЙ АКТ	2591
ТРИ СЛУЖЕБНЫХ ЗДАНИЯ ПО СОСЕДСТВУ– ТРИ КОНЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА,	2549	<i>Остроглазова Н.А. 2591</i> <i>Identity as an Act of Creativity.</i> Ostroglazova N.A. 2591	
ТРИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ, ОБЩЕСТВЕ, ЧЕЛОВЕКЕ.	2549	ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ СИНТЕЗА ИСКУССТВ ТЕОДОРА ДЕ ВИЗЕВА	2594
<i>Гурари Марк Натанович 2549</i> <i>Three office buildings in the neighborhood - three concepts of creativity, three ideas about the world, society, people.</i> Gurari Mark Natanovich 2549		<i>Ровенко Е.В. 2594</i> <i>On the Philosophico-Aesthetical Basis of Théodore de Wyzewa’s conception of the Synthesis of Arts.</i> Rovenko E. V. 2594	
СОТВОРЕНИЕ ГРАММАТИКИ: ГРЕКОФИЛЬСКИЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА В АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА	2552	ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТВОРЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ М.С. КАГАНА	2598
<i>Гусева А.А. 2552</i> <i>Grammar creation: grecophile writing system in the aspect of the philosophy of creativity.</i> Anna A. Gouseva 2552		<i>Ройфе А.Б. 2598</i> <i>The theoretical comprehension of the phenomenon of creativity in M. Kagan’s philosophy.</i> Royfe A.B. 2598	
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	2555	ТВОРЧЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ И ФЕНОМЕН ДРУГОГО	2600
<i>Дармограй В.М. 2555</i> <i>The problem of subjectivity in the context of creative activity.</i> Darmograi V.M. 2555		<i>Рублев Михаил Степанович 2600</i> <i>Creativity, personality and phenomenon of Other.</i> Rublev Mikhail S. 2600	
ВЫМЫСЕЛ И ИЗОБРЕТЕНИЕ В СЕМИОТИКЕ ТВОРЧЕСТВА	2558	ТВОРЧЕСТВО - РАЗУМНОЕ, СВЕРХСОЗНАТЕЛЬНОЕ, ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ, ЦЕЛОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ.	2603
<i>Демина А.И. 2558</i> <i>Fiction and invention in semiotics of creativity.</i> Demina A.I. 2558		<i>Семенов С.Н. 2603</i> <i>Creativity is intelligent, super-conscious, dialectical, holistic thinking.</i> Semenov S. N. 2603	
ИНВАРИАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО	2561	ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА – МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА	2606
<i>Зенкин К.В. 2561</i>		<i>Семенова Д.С. 2606</i>	

<i>The philosophy of all-unity – methodology for the study of creativity.</i> Semenova D. S. 2606		РФК-2020_125_СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ»	2639
СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА: ГРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА <i>Сиднева Т.Б. 2609</i> <i>Modern music: the liminalities of creativity.</i> Sidneva Tatiana 2609	2609	БАЗОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ УПРАВЛЕНИЯ <i>Агафонова Н. В. 2641</i> <i>Basic Methodological Management Programs.</i> Agafonova N. V. 2641	2641
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА КАК СМЫСЛОПОЛАГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА <i>Смирнова Наталия Михайловна 2612</i> <i>Philosophical and Methodological Analysis of Creativity as Meaning-constitutive Human Activity.</i> Smirnova Natalia M. 2612	2612	ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ В МАГНИТНЫХ ШКОЛАХ США <i>Бокова Т. Н. 2645</i> <i>Philosophy of Management in US Magnet Schools.</i> Vokova T. N. 2645	2645
ФИЛОСОФИЯ КАК ТВОРЧЕСТВО <i>Терещенко Н.А. 2615</i> <i>Philosophy as Creativity.</i> Tereshchenko N.A. 2615	2615	ПРИНЦИПЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЕМ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ИНТУИЦИЯ ИЛИ АНАЛИТИКА? <i>Воронцова М. В. 2648</i> <i>Principles of decision-making by a manager in an academic environment: intuition or analyzing?</i> Vorontsova M. V. 2648	2648
ГЕНЕРАТОР НЕОЛОГИЗМОВ И КОНЦЕПТОВ КАК МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ «ВОЗМОЖНОГО» <i>Троицкий Юрий Львович 2618</i> <i>Neologism and concept generator as materialisation of the modality of "possible".</i> Troitskiy Yuriy Lvovich 2618	2618	ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ Гриненко Г. В. 2651 <i>Decision making and fiction.</i> Grinenko G.V. 2651	2651
О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Уланова А.Е. 2620</i> <i>About the scientific creativity of artificial intelligence.</i> Ulanova A.E. 2620	2620	ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛОГИКИ МЕНЕДЖЕРАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ Деникина З. Д. 2654 <i>Philosophical and methodological analysis of the logic of managerial theories.</i> Denikina Z. D. 2654	2654
САМОСОЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО <i>Филипенко С.А. 2623</i> <i>Self-Consciousness and Creativity.</i> Filipenok S.A. 2623	2623	НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Диев В. С. 2657</i> <i>Normative models of decision-making: trends and challenges.</i> Diev V. S. 2657	2657
ХОРА В АРХИТЕКТУРЕ. ОПЫТ НЕВОЗМОЖНОГО. <i>Шабанов Андрей Ваганович 2626</i> <i>Chora in architecture. Experience of impossible.</i> Shabanov A.V. 2626	2626	ЖИЗНЬ КАК ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ <i>Диева А. В. 2660</i> <i>Life as a process of management and decision making.</i> Dieva A. V. 2660	2660
АНТИНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА <i>Шишкарёва Я.Д. 2629</i> <i>Antinomy of modern art.</i> Shishkareva Y.D. 2629	2629	УПРАВЛЕНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЕМ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ (опыт наркома А. В. Луначарского – философа, историка, искусствоведа, писателя). <i>Иванова С. В. 2663</i> <i>Education Management in Revolutionary Environment</i> <i>(experience of People's Commissar A.V. Lunacharsky - philosopher, historian, art critic, writer).</i> Ivanova S. V. 2663	2663
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ ИНТУИЦИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ) <i>Яковлева Е.Л. 2632</i> <i>Literary text as a meeting place for the intuition of the author and the reader</i> <i>(on the example of the analysis of the poem of Marina Tsvetaeva).</i> Iakovleva E.L. 2632	2632	ДИАЛЕКТИКА СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ <i>Коренева А. Ю. 2667</i> <i>The Dialectic of a modern museum: tradition and innovation.</i> Koreneva A. Y. 2667	2667
АЛГОРИТМ ТВОРЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА: ОТ ЗАМЫСЛА К ТЕХНОЛОГИЯМ ВОПЛОЩЕНИЯ <i>Ярославцева Е.И. 2635</i> <i>Human creativity algorithm: from design to implementation technologies.</i> Yaroslavtseva E.I. 2635	2635	ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ PR ИГРЫ «ЛОМОНОСОВ» <i>Крюкова Ю. Е. 2671</i> Kryukova Yu. E. 2671	2671
		СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПУБЛИЧНОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД <i>Курочкин А. В. 2674</i> <i>Strategic planning of megalopolis development as a public risk management technology:</i> <i>a synergistic approach.</i> Kurochkin A.V. 2674	2674
		РАЗВИТИЕ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ» В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>Морозова С. С. 2678</i> <i>The E-Democracy Development in the Digital Age.</i> Morozova S. S. 2678	2678
		«ТРИЕДИНСТВО» ЭКОНОМИКИ, ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА <i>Нигоматуллина Р. М. 2680</i> Nigmatullina R. M. 2680	2680
		ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА: ПОДХОДЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА <i>Никифоров А. А. 2683</i> Nikiforov A. A. 2683	2683

<i>Saint-Petersburg State University</i> 2683	
МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФИЗИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ	2687
<i>Пронских В. С.</i> 2687	
<i>Decision-making mechanisms in contemporary physics experiments.</i>	
Pronskikh V. S. 2687	
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМИ ГОРОДАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	2690
<i>Розова О. Г.</i> 2690	
<ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ, ИМЕНИ, ИНФОРМАЦИИ ОБ АВТОРЕ> 2690	
ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ: ОНТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	2694
<i>Соловьев А. И.</i> 2694	
<i>Decision-making: the ontology of statehood.</i>	
Solovyev A. I. 2694	
ОТЧУЖДЕНИЕ И ПРИСВОЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ	2696
<i>Сорина Г. В.</i> 2696	
<i>Alienation and appropriation in decision-making.</i>	
Sorina G. V. 2696	
ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ МЕТОДОМ ПЛП-ПОИСКА	2699
<i>Статников И. Н.</i> 2699	
<i>Issues of Decision Making in the Design of Mechanisms by PLP-search.</i>	
<i>Statnikov I. N.</i> 2699	
ОТ ЭТИКИ УПРАВЛЕНИЯ К СИСТЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ ЭТИКОЙ И ЭТИКО-УПРАВЛЯЕМОСТИ	2701
<i>Тарасов А. А.</i> 2701	
<i>From the ethics of management to the systems of ethics-management and ethics-governmentality.</i>	
Tarasov A. A. 2701	
ОПЫТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ШОТЛАНДИИ)	2705
<i>Цыренова Л. А.</i> 2705	
РОЛЬ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	2710
<i>Шувалова М. А.</i> 2710	
<i>The role of decision-making in design of human's network identity.</i>	
Shuvalova M. A. 2710	
ПРАКСИОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ	2713
<i>Ярмак Ю. В.</i> 2713	
<i>Praxeology: historical development in the context of management.</i>	
Yarmak Yu. V. 2713	

<электронное издание>

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».
Секции (II). Сборник научных статей

Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова.

М., Издательство “Логос” / ООО «Новые печатные технологии», 2020.

ISBN 978-5-6045241-5-2 (серия ‘congressus’.02)

e.mail: logospublishers@gmail.com

FB - <https://www.facebook.com/logoslinks>

e-книжный - <https://gnosisbooks.ru/>

Продвижение - проекты letterra.org #КонгрессLive